

Артур Конан-Дойл

ШЕРЛОК ХОЛМС

Все повести
и рассказы
о сыщике
№ 1

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Артур Конан Дойл

**Шерлок Холмс. Все повести
и рассказы о сыщике № 1**

«Алисторус»

1887-1927

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Дойл А.

Шерлок Холмс. Все повести и рассказы о сыщике № 1 /
А. Дойл — «Алисторус», 1887-1927 — (Подарочные издания.
Иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-907120-60-0

Шерлок Холмс – литературный персонаж, созданный талантом английского писателя Артура Конан Дойла (1859–1930). Его произведения, посвященные приключениям знаменитого лондонского частного сыщика, по праву считаются классикой детективного жанра. Общества поклонников дедуктивного метода Холмса распространились по всему миру. Вы тоже можете присоединиться к Всемирному клубу почитателей Шерлока Холмса и его верного друга Ватсона, прочитав эту книгу. В книге использованы тексты лучших переводчиков XIX и XX вв. и иллюстрации британских художников, современников Конан Дойла.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-907120-60-0

© Дойл А., 1887-1927
© Алисторус, 1887-1927

Содержание

Конан Дойл и Шерлок Холмс	8
Красное по белому	15
Часть первая	16
I. Шерлок Холмс	16
II. Глава, из которой читатель увидит, что дедукция может сделаться настоящей наукой	23
III. Тайна Лористонского Сада	34
IV. Сведения, добытые через Джона Ранса	43
V. Объявление привлекает посетителя	50
VI. Тобиас Грегсон показывает, на что он способен	55
VII. Свет во тьме	64
Часть вторая	71
I. В соляной пустыне	71
II. Цветок Утаха	81
III. Пророк у Джона Ферье	88
IV. Бегство	92
V. Ангелы-мстители	100
VI. Продолжение воспоминаний доктора Ватсона	106
VII. Эпилог	115
Знак четырех	122
Глава I. Дедуктивный метод	123
Глава II. Изложение дела	130
Глава III. В поисках решения задачи	135
Глава IV. История лысого человека	138
Глава V. Убийство	145
Глава VI. Расследование дела Холмсом	150
Глава VII. Эпизод с бочкой	157
Глава VIII. Иррегулярная армия Бейкер-стрит	166
Глава IX. Недостающие звенья	176
Глава X. Конец островитянина	182
Глава XI. Клад в Агре	189
Глава XII. Странная история Джонатана Смолля	194
Приключения Шерлока Холмса	209
Скандальная история в Богемии	210
I	210
II	218
III	224
Лига красноволосых	229
Хитрая выдумка	247
Преступление в Боскомской долине	259
Пять апельсинных зернышек	280
Человек с уродливой губой	291
История голубого алмаза	311
Пестрая лента	323
Палец инженера	340
Аристократ-холостяк	357

Берилловая корона	375
Усадьба «Под буками»	393
Записки о Шерлоке Холмсе	411
Исчезновение Сильвера Блэза	411
Желтое лицо	433
Приключение клерка	448
Роковая тайна	467
Обряд рода Масгрейвов	483
Рейгэтские помещики	502
Увечный человек	521
Пациент доктора Тревелэна	538
Грек-переводчик	555
Морской договор	573
Последнее дело	602
Собака Баскервильей	620
I. Мистер Шерлок Холмс	621
II. Проклятие над Баскервилями	627
III. Задача	637
IV. Сэр Генри Баскервиль	644
V. Три порванные нити	653
VI. Баскервиль-холл	663
VII. Стэплтоны из Меррипит-гауза	671
VIII. Первое донесение доктора Ватсона	683
IX. Второе донесение доктора Ватсона. Свет на болоте	689
X. Извлечение из дневника доктора Ватсона	702
XI. Человек на горе	711
XII. Смерть на болоте	724
XIII. Сети стягиваются	734
XIV. Собака Баскервильей	743
XV. Взгляд назад	753
Возвращение Шерлока Холмса	759
В пустом доме	759
Норвудский подрядчик	776
Пляшущие фигурки	794
Одинокая велосипедистка	816
Пансионат для мальчиков	833
Черный Питер	860
Конец Чарльза Огустуса Мильвертона	879
Шесть Наполеонов	894
Три студента	915
Золотое пенсне	931
Пропавший футболист	949
Красный шнурок	968
Кровавое пятно	987
Долина Ужаса	1010
Часть первая	1011
Глава I. Предупреждение	1011
Глава II. Шерлок Холмс и Макдональд	1017
Глава III. Бирльстонская трагедия	1023

Глава IV. Потемки	1029
Глава V. Свидетели драмы	1037
Глава VI. Проблески света	1045
Глава VII. Разгадка	1054
Часть вторая	1065
Глава I. Действующее лицо	1065
Глава II. Глава ложи Вермисы	1070
Глава III. Ложа 341	1081
Глава IV. Долина Ужаса	1091
Глава V. Самый темный час	1096
Глава VI. Опасность	1102
Глава VII. Бэрди Эдвардс в западне	1108
Эпилог	1113
Его прощальный поклон	1115
Убийство в Окзотте	1115
I. Загадка ночи	1115
II. Тигр из Сан-Педро	1124
Страшная посылка	1137
Приключение «Красного Круга»	1151
Часть I	1151
Часть II	1158
Чертежи Брюса Партингтона	1166
Детектив на смертном одре	1187
Несостоявшееся погребение	1201
Нога дьявола	1216
Новое дело Шерлока Холмса	1234
Архив Шерлока Холмса	1247
Архив Шерлока Холмса	1248
Высокородный клиент	1248
Человек с побелевшим лицом	1267
Камень Мазарини	1281
Дом с тремя башенками	1293
Вампир в Суссексе	1307
Три Гарридеба	1320
Загадка Торского моста	1336
Человек на четвереньках	1357
Тайна «Львиной гривы»	1374
Старый фабрикант красок	1385
Женщина с закутанным лицом	1394
Загадка Шоскомбской усадьбы	1403

Артур Конан Дойл Шерлок Холмс. Все повести и рассказы о сыщике № 1

© ООО «Агентство Алгоритм», 2019

© Н. Либерман, перевод, 2019

© И. Лаукарт, перевод, 2019

© Б. Акимов, перевод, 2019

© А. Горский, перевод, наследники, 2019

© И. Гурова, перевод, наследники, 2019

© Н. Дехтерева, перевод, наследники, 2019

Конан Дойл и Шерлок Холмс

Традиционно «викторианской эпохой» называют долгий период правления королевы Виктории (1837–1901). К концу XIX века Великобритания практически владела третью всей пригодной для жизни человека суши. Происходили колоссальные перемены в повседневной жизни англичан, начался быстрый рост научно-технического прогресса и промышленного производства, резко возросло число городского населения, в Лондоне и его окрестностях царила нищета и процветала преступность. Столичная полиция не пользовалась у населения популярностью, попадавшие в опасные истории горожане все чаще обращались к частным детективам. От них требовалось, в первую очередь, – хладнокровие, рассудительность и порядочность. Этими качествами и обладал Шерлок Холмс, за них его и полюбили читатели.

Писатель Артур Конан Дойл родился в 1859 году, Шерлок Холмс предположительно в 1854 году, Джон Ватсон (Уотсон) – в 1852 году. Все трое жили в эпоху позднего викторианства, когда облик «доброй старой Англии» отошел в прошлое. Героям писателя пришлось увидеть непростые времена изменения привычной жизни. Выдерживать давление стремительного движения вперед им помогал неизменный моральный кодекс – вера в добро и справедливость. Холмс неотделим от Лондона конца XIX века с его кедами и газовыми фонарями, тускло святищами в туманные вечера.

Английское слово «детекшин» по-русски означает – открытие, обнаружение. Конан Дойл стал признанным мастером детективной литературы. Частные сыщики появились в Лондоне раньше официальной полиции, но англичане вначале относились к ним недоверчиво, так как за ними не было никакого контроля, их деятельность держалась лишь на собственной репутации, зачастую очень шаткой. Но со временем им стали доверять больше, чем официальной полиции, что и отразил Конан Дойл в образе своего героя.

Впервые появляется Холмс в повести «Красное по белому» (переводилась также на русский язык под названием «Этюд в багровых тонах»). Он знакомится с Ватсоном, и они условились вместе снимать квартиру по адресу, который стал самым знаменитым в английской литературе: Бейкер-стрит, 221б. Так было положено начало долгой нерушимой дружбе. Хотя трудно представить себе двух более разных людей. Холмс – женоненавистник, умный и расчетливый аскет; Ватсон – любитель хорошеньких женщин, простодушный и немного безалаберный лондонский обыватель. Повесть впервые вышла в свет в декабре 1887 году в периодическом сборнике «Рождественский еженедельник Битона» вместе с рассказами других авторов. Литературные тексты были разбавлены рекламными вставками, вроде: «Паста от паразитов, надежное средство от крыс, тараканов, мышей и клопов!» Повесть получила положительные отзывы. Журнал «Скотчмен» отмечал: «Это самый замечательный рассказ о хитроумном преступлении со времен Эдгара Аллана По! У автора несомненный талант. Он не идет проторенной дорогой, а показывает, как должен работать настоящий сыщик, пользуясь дедукцией и наблюдательностью. Книга обретет много поклонников».

Дойл становится известен как прозаик детективного жанра. Он указывал на двух писателей, чье творчество повлияло на его детективные истории: Эдгар Аллан По и Эмиль Габорио. Первый из них создал образ частного сыщика Огюста Дюпена, второй – полицейского детектива Лекока. Но у Холмса появились доброта и сострадание – чувства, которых были лишены Дюпен и Лекок.

В повестях и рассказах о Шерлоке Холмсе Конан Дойл описал многие методы криминалистики, которые в то время были неизвестны полиции. После выхода его произведений в свет дедуктивный метод стал использоваться криминалистами по всему миру. В начале XX века

криминальная полиция некоторых стран даже ввела произведения писателя в обязательную программу экзамена для следователя.

В 1893 году, получив очередной внушительный гонорар, Конан Дойл с семьей отправился отдохнуть в Швейцарию. Во время одной из прогулок в Альпах он привел жену Луизу к Райхенбахскому водопаду.

– Дорогая, как ты думаешь, может ли выжить человек, упавший в эту пропасть?

– Нет, совершенно невозможно, – ответила Луиза.

Внимательно посмотрев на мужа, она встревожилась:

– Что ты собираешься написать?

– Очень скоро мистер Холмс либо подтвердит, либо опровергнет твоё утверждение. Ему предстоит прыгнуть в эту бездну.

Вскоре в журнале «The Strand», где многие годы печатались новые рассказы и повести о похождениях знаменитого лондонского сыщика, появляется новелла, в финале которой Холмс погибает в схватке с главой преступного мира профессором Мориарти. После этой «новости» двадцать тысяч читателей отказались от подписки на журнал. Более того, огромные толпы народа с лозунгами «Верните нам Холмса!» ежедневно собирались вокруг офиса редакции. Даже мать Дойла обратилась к сыну-писателю с этой просьбой. На лондонских улицах появилось множество прохожих с черной повязкой на рукаве – почитатели Холмса носили траур.

– Я слышал, что многие даже рыдали, – говорил по этому поводу писатель. – Сам же я, боюсь, остался абсолютно холоден, и лишь радовался возможности проявить себя в иных областях фантазии.

Дойлу стали звонить неизвестные с прямыми угрозами, что если Шерлок Холмс не будет воскрешен из мертвых, его бессердечный создатель в ближайшее время отправится вслед за ним. По слухам, даже королева Виктория написала Дойлу и намекнула, что надо «воскресить» Шерлока Холмса. Писателю не оставалось выбора, и в апреле 1894 года в рассказе «Пустой дом» вновь появился живой легендарный сыщик.

Конан Дойл время от времени и в реальной жизни использовал способности, которыми наделил своего сыщика. Он безвозмездно принял на себя ряд мер по пересмотру судебного дела некоего Джорджа Эдалжи, осужденного по ложному обвинению полиции. Писатель опубликовал в газете «Дейли телеграф» несколько статей, после которых множество общественных деятелей встало на защиту Эдалжи. Дело слушалось повторно, и обвиняемого оправдали.

В 1929 году на торжественном заседании, посвященном 70-летию Конан Дойла, с большой речью выступил писатель Эдгар Уоллес, автор детективных произведений, причисляющий себя к последователям юбиляра. Он назвал главной заслугой Дойла создание образа Шерлока Холмса. Юбиляр по окончании речи отвел Уоллеса в сторону.

– Зачем вы это сказали? – с упреком прошептал он. – Разве вы не знаете, что не я создатель образа Шерлока Холмса? Это читатели создали его в своем воображении.

Артур Конан Дойл был женат дважды. Первый раз женился в 1885 году на 27-летней Луизе Хоукинс. Она не отличалась здоровьем, долго страдала туберкулезом и скончалась в 1906 году. Еще в 1897 году 37-летний Дойл полюбил другую женщину – 24-летнюю Джин Элизабет Лекки, дочь богатых шотландцев из древнего рода, восходящих своими корнями к знаменитому Робу Рою. Но лишь став вдовцом, в 1907 году он сделал ей предложение. Еще до свадьбы они купили в Кроуборо усадьбу под названием «Литтл Уинделмаш» – в живописном уголке графства Сассекс. Перед фасадом Джин разбила розарий, из кабинета Артура открывался красивый вид за зеленые долины, ведущие к проливу. Они прожили в счастливом браке более двадцати лет, до его кончины. У супругов оказалось множество общих интересов, в том числе увлечение спиритизмом. Рано утром 7 июля 1930 года 71-летний Дойл попросил усадить его в кресло. Джин держала мужа за руку.

– Я отправляюсь в самое захватывающее и славное путешествие, каких еще не было в моей полной приключений жизни, – прошептал он, с трудом шевеля губами. – Джин, ты была великолепна.

С этими словами он умер.

На могильном камне Конан Дойла, похоронного в саду своего дома в Уинделшаме, выгравирована эпитафия, написанная им самим:

Я выполнил свою простую задачу,
Если дал хотя бы час радости
Мальчику, который уже наполовину мужчина,
Или мужчине – еще наполовину мальчику.

Шерлок Холмс испытывал ужас перед уничтожением каких-либо документов. Его бумаги копились многими годами и заполнили всю квартиру на Бейкер-стрит. Так же и сам Дойл хранил большинство своих рукописей и прочих бумагах, и после его смерти понадобилось 16 лет, чтобы разобрать литературное наследство писателя. На протяжении более семидесяти лет потомки и наследники писателя отказывались публиковать значительную часть его архива, в частности, записные книжки и письма.

Шерлок Холмс и его несчастный пленник Артур Конан Дойл. Рисунок Бернарда Парtridge. 1926

Обширная коллекция рукописей и личных вещей Конан Дойла многие годы считалась утерянной. Ее случайно обнаружили в офисе одной из юридических фирм, и она 19 мая 2004 года была выставлена на аукционе «Кристис» в Лондоне. Среди них более трех тысяч писем, заметок и рукописей произведений, многие из которых никогда не издавались. Основную часть из наследия писателя была продана более чем за полтора миллиона долларов библиотеке Британского музея. Впрочем, это не так уж дорого, если учитывать повальное увлечение в мире историями о Шерлоке Холмсе.

Существует научное общество, которое было основано на утверждении, что Шерлок Холмс и доктор Ватсон – реальные люди, а их расследования – не выдумка, а подлинные собы-

тия, записанные Ватсоном, а затем изданные под именем его друга и агента Артура Конан Дойла. «Большая игра» – под таким названием объединяются все работы по изучению Холмса как реального человека. Больше половины современных британских подростков верят, что знаменитый сыщик-любитель действительно существовал и жил на Бейкер-стрит.

Артур Конан Дойл писал в своих воспоминаниях: «Видимо, я никогда полностью не осознавал, до какой степени мои доверчивые читатели уверовали в реальность Холмса, пока не услышал очень польстившую мне историю о французских школьниках, приехавших в Лондон на экскурсию. Когда их спросили, что они хотят видеть прежде всего, они в один голос ответили: квартиру мистера Холмса на Бейкер-стрит».

Писатель Роберт Льюис Стивенсон пересказывал некоторые истории Холмса жителям островов Самоа в Тихом океане. Ему приходилось многое объяснять туземцам: что такое железная дорога, кто такой инженер. Но сам образ Холмса был им понятен, рассказы о нем они воспринимали, как историю реально существующего человека. Стивенсон писал Дойлу: «Если бы вы видели горящие нетерпеливые глаза самоанцев, вы ощутили бы вкус славы».

Истории о знаменитом сыщике, куrivшем трубку, без конца переиздаются, фильмов и телевизионных сериалов о нем создано больше, чем о ком-либо другом. Многие английские почитатели великого детектива утверждают, что у них есть доказательства того, что Шерлок Холмс действительно существовал, а вот жил ли когда-нибудь на свете писатель Конан Дойл – это, по их мнению, довольно спорный вопрос.

В 1975 году Холмсу было присвоено звание почетного доктора Колорадского государственного университета, а в 2002 году он был принят в члены Британского королевского общества химии...

Михаил Вострышев

**Красное по белому
(Этюд в багровых тонах)
Повесть**

Часть первая

Личные воспоминания Джона Ватсона, отставного старшего врача английской армии

I. Шерлок Холмс

Это было в 1878 году, когда я защитил при Лондонском университете свою диссертацию на степень доктора медицины. Пополнив мои познания в Нетлей (что необходимо для желающих делать карьеру военного врача), я поступил старшим помощником военного врача в пятый стрелковый Нортумберлендский полк. Полк этот находился в то время в Индии, и прежде, нежели я успел присоединиться к нему, началась вторая война с Афганистаном. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой полк уже перешел границу и находится в самом сердце неприятельской страны. Я присоединился к нескольким офицерам, которые были в таком же положении, как и я, и мы вскоре благополучно достигли города Кандагара. Там я нашел мой полк и немедленно же приступил к исполнению своих обязанностей. Для большинства участников кампа-

нии война представлялась в виде повышений и чинов, а на мою долю выпадали одни горести и болезни. Перемена должности заставила меня отправиться в Беркширский полк, с которым я и принял участие в роковой схватке при Мэйванде. Я был ранен в плечо осколком ядра. У меня раздробило ключицу, повредило соседние артерии, и, истекая кровью, я неминуемо попал бы в руки жестоких врагов, если бы не самоотвержение моего денщика Мюррая. Он подхватил меня на руки, затем перекинул поперек седла пойманной им свободной лошади и доставил на английский перевязочный пункт.

Измученный невыносимой болью, сильно ослабевший от различного рода лишений и неудобств военной жизни, я был отправлен в поезде для раненых в госпиталь в Пешавэре. Здесь я почувствовал себя значительно лучше и даже вскоре был в состоянии не только прогуливаться по палате, но и выходить на солнышко, на веранду. Но меня постигло новое горе. Я схватил болотную лихорадку, этот бич индийских владений. Несколько месяцев я провел между жизнью и смертью. Наконец я почувствовал себя несколько лучше, и доктора решили отправить меня на родину в Англию. Я взял место на транспортном судне «Оронто» и спустя месяц уже высаживался в Портсмуте. Здоровье мое было навсегда подорвано. Благодаря отеческому отношению ко мне моего правительства я получил девятимесячный отпуск и в течение этого времени мог заняться восстановлением потерянных сил.

Не имея ни пристанища, ни дела, я был свободен как воздух, или, вернее, я был свободен, как тот, кто имеет всего-навсего пять рублей семьдесят пять копеек дохода ежедневно. И конечно, меня потянуло в Лондон, в это обширнейшее вместилище, куда несутся бесчисленные волны людские со всех сторон Англии, куда стремится всякий, не имеющий ни определенного занятия, ни намеченной цели.

На первых порах я нанял себе комнату в маленькой гостинице на Странде и некоторое время жил там, ведя совершенно бездеятельную и однообразную жизнь, стараясь экономить изо всех сил. Вскоре состояние моих финансов начало беспокоить меня. Я встал перед выбором: или уехать куда-нибудь в глухую провинцию и там прозябать и скучать, или совершенно изменить образ жизни. Я выбрал второе и для начала решил перебраться из гостиницы на квартиру.

В тот день, когда я принял такое решение, проходя по улице, я вдруг почувствовал, как чья-то рука легла мне на плечо. Обернувшись, я увидел юного Стэмфорда – моего помощника, когда я еще служил в госпитале в Барте. Для человека, находящегося в оглушительном водовороте Лондона, считающего себя совершенно беспомощным и одиноким, один вид знакомого лица действует уже ободряюще. Прежде мои отношения к Стэмфорду никогда не были особенно близки, я не мог его назвать своим другом, но теперь я приветствовал его как брата, и он со своей стороны также казался в восхищении от встречи со мною. В порыве радостного чувства я пригласил его позавтракать к Гольборну, и через секунду мы уже усаживались с ним в нанятый мною фиакр¹.

В то время когда мы катили к ресторану, Стэмфорд всматривался в мое лицо и не мог скрыть изумления.

– Что за чертову жизнь вы вели за последнее время, Ватсон? – спросил он меня наконец. – Вы исхудали, точно Кощей Бессметный, и черны, как галка.

Я передал ему в нескольких словах последние события моей жизни. Как раз в это время экипаж остановился у дверей ресторана.

– Бедный малый! – сочувственно произнес Стэмфорд. – Ну, а теперь вы что делаете?

– В настоящее время я ищу квартиру, то есть стараюсь разрешить трудную загадку, а именно: мне надо более-менее комфортабельное помещение за недорогую плату.

¹ Фиакр (франц. fiacre) – наемный городской экипаж на конной тяге, использовавшийся в странах Западной Европы как такси до изобретения автомобиля.

– Странно, – пробормотал мой собеседник, – вот уже второй раз сегодня я слышу совершенно одни и те же слова от двух разных лиц.

– Кто же другое лицо?

– Молодой человек, занимающийся изучением химии в лаборатории. Сегодня он жаловался мне, что не может найти товарища, чтобы снять вместе хорошенькую квартиру, которую он высмотрел и слишком дорогую для него одного.

– Господи! – воскликнул я. – Если он ищет кого-нибудь, кто пожелал бы разделить с ним квартиру и плату за нее, то я к его услугам. Я предпочитаю жить с товарищем, нежели один.

Стэмфорд поднял глаза от своего стакана и посмотрел на меня странным взглядом.

– Вы еще не знаете Шерлока Холмса. Может быть, вы не пожелаете иметь его постоянным своим товарищем?

– Почему нет? Разве его можно в чем-нибудь упрекнуть?

– О, я не хотел сказать ничего подобного. Но только он небольшой чудаковатый, страшный фанатик по части некоторых явлений и наук. Но, насколько я его знаю, это прекрасный парень.

– Студент-медик, без сомнения?

– Нет, и я даже не имею ни малейшего понятия о том, что он из себя представляет. Говорят, он очень силен в анатомии и химии, но я прекрасно знаю, что он никогда не проходил медицинского курса. Он занимался науками крайне нескладно, даже, можно сказать, эксцентрично. Не обращая внимания на те науки, которые большинство людей старается изучить, он изучает совершенно другие и изучает так, что мог бы удивить профессоров.

– Вы никогда не спрашивали его, к какой карьере он себя готовит?

– Конечно нет, потому что это не такой человек, которого можно заставить говорить о себе. Хотя бывают случаи, когда ему приходит фантазия быть очень экспансивным и разговорчивым.

– Я был бы очень рад встретиться с ним, – сказал я, – если мне приходится жить с кем-нибудь, я предпочитаю, чтобы это был человек занятой и спокойный в своих привычках. Я, как видите сами, еще не настолько окреп здоровьем, чтобы легко переносить шум и волнения. Всего этого я имел достаточно в Афганистане, на мой век хватит. Когда же я могу познакомиться с вашим другом?

– Он, вероятно, находится в лаборатории, – ответил Стэмфорд. – Бывает, что он там работает целые дни и ночи, но бывает и так, что он туда носа не кажет в течение нескольких недель. Если хотите, то мы после завтрака найдем экипаж и отправимся туда.

– Отлично, – ответил я.

И мы заговорили о другом. По дороге в госпиталь Стэмфорд сообщил мне еще некоторые сведения о моем будущем сожителе.

– Не будьте на меня в претензии, – сказал он, – если не сойдется с ним. Я его мало знаю и встречал только несколько раз в лаборатории. Идея поселиться с ним вместе пришла ведь вам, и вы поэтому не делайте меня ответственным за последствия.

– Если мы с ним не уживемся, – ответил я, – то нам будет нетрудно расстаться. Но, Стэмфорд, – прибавил я, пристально глядя на него, – мне кажется, что у вас есть особенные причины, что вы умываете руки наперед. Скажите, в характере моего будущего товарища действительно есть нечто, чего следует опасаться? Говорите откровенно, не будьте таким скрытным!

Стэмфорд расхохотался.

– Дело в том, что чрезвычайно трудно объяснить необъяснимую вещь, – сказал он. – Холмс, на мой взгляд, уж слишком тождествен с самой наукой, он сливается с нею, и вследствие этого, быть может, он и относится совершенно равнодушно ко всему остальному. И я думаю, что он был бы в состоянии испробовать на своем друге какой-нибудь только что открытый им яд не по злобе, а попросту, чтобы проследить его действие. Но, чтобы быть справедливым, я должен прибавить, – и это мое искреннее убеждение, – что он совершенно так же способен

и сам подвергнуться добровольному подобному же испытанию. Он с каким-то бешенством старается углубить науку, за которую принимается, и свои познания заключить в известные, математические точные формулы.

– Я нахожу, что он прав.

– Согласен, но таким образом можно прийти и до крайностей. Может, например, показаться очень странным, если кто-нибудь возьмет палку и начнет колотить препарированные части, находящиеся на анатомическом столе.

– Что вы говорите!

– Чистую правду. Он сделал подобную вещь однажды. Я видел собственными глазами. Кажется, он хотел знать, как действуют на труп удары палкой.

– Но ведь вы говорите, что он студент-медик?

– Нет. Один Бог знает цель его занятий и изучений... Но вот мы и прибыли, и вы можете сами составить о нем какое угодно мнение.

Беседуя таким образом, мы повернули в переулок и прошли в маленькую дверь, находившуюся в боковом корпусе госпиталя.

Обстановка госпиталя не была чужда мне, и я не нуждался в проводнике, чтобы ориентироваться и найти дорогу. Я поднялся по широким каменным ступеням, от которых веяло холодом, и пошел по коридору с белыми стенами и открывающимися налево и направо дверями, покрашенными в темную краску. К коридору примыкал низенький сводчатый проход, ведущий в лабораторию. Это была громадная и очень высокая комната, сверху донизу заставленная флаконами и бутылками внушительных размеров. Широкие и низкие столы были расставлены по всей комнате там и сям, без всякого порядка. Реторты, ступки и бензиновые лампочки, на которых вспыхивало голубоватое пламя, сплошь загромождали все столы.

В глубине зала, наклонившись над столом и весь углубленный в свои занятия, сидел молодой человек. При шуме наших шагов он быстро поднял голову и бросился к нам, испустив восклицание триумфа и подсовывая под нос моего спутника стеклянную ступку.

– Вот он, вот он, единственный во всем мире реактив, который осаждает гемоглобин! Я нашел его! – воскликнул он.

И если бы он открыл залежи золотого песку, то вряд ли был бы более счастлив, нежели в настоящую минуту.

– Доктор Ватсон, Шерлок Холмс, – произнес Стэмфорд, представляя нас друг другу.

– Как поживаете? – приветливо сказал мне Шерлок Холмс, пожимая мою руку с силой, которой нельзя было подозревать в нем на первый взгляд. – Вы, я вижу, возвращаетесь из Афганистана.

– Каким образом вы можете знать? – совершенно ошеломленный, воскликнул я.

– Ну, это все равно! – ответил он, улыбаясь своим мыслям. – В настоящую минуту меня более всего занимает гемоглобин и его реактив. Надеюсь, что вы понимаете все громадное значение моего открытия?

– Несомненно, что это открытие очень полезно и важно в области химии, но с практической точки зрения...

– Как! Да ведь это именно такое открытие, которое принесет громадную пользу в практической жизни! Подобного ему не было сделано в течение уже многих, многих лет. Разве вы не понимаете, что при помощи этого реактива мы будем безошибочно распознавать пятна, сделанные человеческой кровью? Подите-ка сюда! – и в порыве радости и нетерпения он схватил меня за рукав и потащил к столу, за которым занимался. – Добудем сначала немного свежей крови...

Проговорив это, он сделал ланцетом разрез на своем пальце и взял каплю крови в тоненькую стеклянную трубку.

– А теперь я опущу эту каплю крови в литр воды, – продолжал он. – Заметьте, что вода сохранила совершенно такой же вид, какой имела и раньше. Кровь не составляет и миллионной части ее, и все-таки я не сомневаюсь, что при помощи моего реактива мы получим осадок.

Говоря таким образом, он опустил сначала в сосуд несколько прозрачных кристалликов, а затем влил туда же немного какой-то бесцветной жидкости. В один момент вся вода приняла цвет потемневшего красного дерева, а на дне сосуда появился коричневатый осадок.

– Ха! Ха! – восклицал Холмс, хлопая в ладоши с видом ребенка, которому предложили новую игрушку. – Что вы думаете об этом?

– Думаю, что этот реактив редкой чувствительности, – заметил я.

– Чудесный реактив! Прямо чудесный! Получали и прежде осадок при помощи бакаута, но он очень слабый и несовершенный. Точно такой же слабый результат получался и от исследований кровавой капли под микроскопом, потому что состав крови сильно изменялся уже через несколько часов. А мое средство производит реакцию одинаково хорошо как свежей, так и старой, запекшейся крови. О! Если бы это открытие было сделано раньше, многие и многие сотни людей, совершивших преступления и спокойно разгуливающих теперь по белу свету, понесли бы заслуженное наказание.

– Вероятно, – пробормотал я.

– Ну да, конечно. Мы подошли к главной точке, на которую опирается в большинстве случаев искусство юридических расследований. Бывает так: человек совершил преступление, и только по истечении нескольких месяцев после его совершения на него падает подозрение. Осматривают его платье, белье, находят на них темные пятна. Откуда они? Суть ли это пятна

грязи, крови, ржавчины или попросту фруктового сока? На этом срезался не один эксперт, а почему? Потому что мы не имели в руках реактива, который бы действовал безошибочно. Но теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и неизвестности нет более места.

Он говорил это с глазами, сверкающими, как уголь, а затем, окончив свою маленькую речь, приложил руку к сердцу и поклонился, как будто стоял перед многочисленной публикой и благодарил за аплодисменты.

– Поздравляю вас, – сказал я, невольно поддаваясь его искреннему восторгу.

– Не имели ли мы в прошлом году замечательного дела Ришоф де Франфора? Его повесили бы непременно, если бы мой реактив был открыт в то время. А Массон из Брандфорда? А знаменитый Мюллер, а Лефевр и Монпелье? А Самсон из Нового Орлеана?.. Да я мог бы вам перечислить еще с двадцать совершенно аналогичных случаев.

– Вы точно живой список всех преступлений! – смеясь, воскликнул Стэмфорд. – Отчего вы не отпечатаете справочный календарь под названием «Альманах преступлений»?

– Это было бы очень интересно, – пробормотал Шерлок Холмс, заклеивая кусочком пластыря то место на своем пальце, где он сделал разрез ланцетом.

– Я должен принимать меры предосторожности, – смеясь, сказал он мне, – потому что мне приходится постоянно возиться с ядами.

Я взглянул на его руки и увидел, что пальцы во многих местах были покрыты такими же кусочками пластыря и обожжены ядовитыми кислотами.

– Но дело не в этом, – сказал Стэмфорд, садясь на скамейку и подталкивая меня другой ногой. – Мы пришли сюда, чтобы поговорить о серьезном деле. Мой друг, стоящий перед вами, ищет квартиру. Я слышал от вас, что вы не можете найти товарища для совместного жительства, и думаю, что сделаю благо вам обоим, сведя вас.

Шерлок Холмс казался очень обрадованным возможностью поселиться со мною вместе и воскликнул:

– У меня есть квартирка в виду, на Бейкер-стрит, которая нам подошла бы как раз впору! Надеюсь, что вы переносите запах очень крепкого табаку?

– Я сам курю матросскую махорку, – ответил я.

– Отлично. Предупреждаю вас еще, что я вечно окружен химическими веществами и по временам произвожу опыты. Подходит вам это?

– Совершенно.

– Постойте, я подумаю еще, какие у меня недостатки... Да! Мне случается впадать в мрачную хандру, которая длится по нескольку дней, в течение которых я не раскрываю рта. Поэтому не следует думать в это время, что я дуюсь на вас. Меня надо только оставить в покое на это время, и я быстро возвращаюсь к обычному состоянию. Ну, а теперь ваша очередь делать признания. Гораздо лучше для людей, собирающихся жить вместе, чтобы они знали привычки и недостатки друг друга.

Я невольно улыбнулся.

– У меня есть маленькая собачка, – начал я мою исповедь, – потом я был очень болен недавно, вследствие чего нервы у меня расстроены, и я не выношу шума и гама. Встаю я очень поздно, до смешного поздно, и ленив чертовски. Когда я буду совершенно здоров, у меня появятся, конечно, другие недостатки, но в настоящее время их у меня больше того, что я уже сказал, нет.

– Говоря, что вы не выносите гама, вы не хотите сказать, что не выносите игры на скрипке? – с беспокойством спросил Холмс.

– Это зависит от исполнения, – ответил я. – Хорошая игра на скрипке доставляет мне громадное удовольствие, но если вместо игры я слышу пиликанье...

– В таком случае отлично! – весело воскликнул он. – Наше дело в шляпе, если квартира вам понравится, конечно.

– Когда мы можем ее осмотреть?
– Приходите за мной сюда завтра после двенадцати часов, и мы отправимся вместе.
– Согласен. Итак, до свидания. Завтра в указанное время я буду здесь, – сказал я, пожмая его руку.

Шерлок Холмс отошел от нас и снова погрузился в свои занятия, а мы вышли из госпиталя и пошли по направлению к моей гостинице.

– Кстати, – сказал я, обращаясь к Стэмфорду, – какой черт мог ему сказать, что я вернулся недавно из Афганистана?

Стэмфорд загадочно улыбнулся.

– Это одна из его странностей, – сказал он. – Многие удивляются его способности угадывать массу вещей с первого же взгляда.

– О! Тут, значит, кроется тайна! – воскликнул я, с удовольствием потирая руки. – Это становится интересным. Я вам бесконечно благодарен за знакомство с подобным субъектом. Кто желает знать человечество, тот должен постепенно изучать разные личности отдельно.

– Ну, и поизучайте эту личность, – сказал Стэмфорд, прощаясь со мною. – Но я должен вас предупредить, что в лице Шерлока Холмса вы натолкнетесь на загадку, которую вам трудно будет разобрать. И я готов поддержать пари, что он, пока вы только еще приступите к изучению его характера, будет знать вас вдоль и поперек... А затем – до свиданья.

– До свиданья! – ответил я и пошел снова прогуливаться по улицам Лондона, сильно заинтересованный своим новым знакомством.

II. Глава, из которой читатель увидит, что дедукция может сделаться настоящей наукой

На другой день, в указанное время, я и Шерлок Холмс отправились на Бейкер-стрит, чтобы осмотреть намеченную квартиру. Она состояла из двух небольших комнат, но очень комфортабельных, и из большой гостиной – высокой, с массой света, льющегося через два широкие окна, и обставленной прекрасной мебелью. Общее впечатление было такое приятное и цена, принимая во внимание, что мы платили пополам, такая подходящая, что мы тотчас же порешили дело. В тот же вечер я, сгорая от нетерпения поместиться покомфортабельнее, перевез в новое жилище из гостиницы все свои вещи, а на другой день утром явился и Шерлок Холмс в сопровождении довольно большого числа ящиков и сундуков. Два или три дня мы были заняты тем, что расставляли и развешивали все имеющиеся у нас вещи и украшения, стараясь поместить каждую вещь таким образом, чтобы она выигрывала как можно больше.

После этих предварительных хлопот мы почувствовали, что находимся дома, и начали понемногу осваиваться со своим новым помещением.

Холмс оказался действительно очень покладистым человеком, ужиться с которым не представляло никакого труда. Он был очень покоен в своих привычках и крайне аккуратен. Ложился он редко позже десяти часов, и когда я на другой день поднимался с постели, то никогда уже не заставал его дома. Он завтракал один и тотчас же куда-то исчезал. Иногда он проводил целые дни то в лаборатории, то в анатомическом зале, иногда совершал длинные прогулки, причем неизменно выбирал самые отдаленные, самые бедные улицы. Никакими словами невозможно было описать его необычайную деятельность и энергию, когда он находился в возбужденном состоянии. Но после нескольких таких дней наступала реакция, и он целую неделю с утра до ночи лежал, растянувшись на диване, и буквально не произносил ни одного слова, ни двигая ни одним членом. В эти дни выражение его глаз было до такой степени мечтательным и как бы не от мира сего, что я мог бы заподозрить, что он употребляет какие-нибудь сильные наркотические средства. Но, зная его трезвые привычки и совершенно порядочный образ жизни, я не решался допустить ничего подобного.

Недели шли за неделями, и мое любопытство возросло до крайних пределов. Особенно меня интриговали его занятия и цель, которую он преследует в своей жизни. Самая наружность Холмса была такова, что невольно останавливала внимание даже самого ненаблюдательного человека. Он был очень высок ростом и так худ, что это еще более увеличивало его рост. Его глаза были блестящи и проницательны, за исключением дней столбняка, о которых я говорил выше. Нос его, тонкий и сильно горбатый, придавал ему вид хищной птицы. Все его лицо носило выражение решительности и необычайной проницательности. Широкий подбородок также свидетельствовал о необыкновенной силе воли и настойчивости. Его руки были вечно покрыты чернильными пятнами и обожжены химическими кислотами, что было очень странно при той ловкости, с какой он обращался с хрупкими принадлежностями химической лаборатории.

Рискуя показаться читателю любопытным, как старая баба, я все-таки должен сознаться, что Шерлок Холмс возбуждал мое любопытство до крайних пределов. Многократно, но и бесплодно пытался я проникнуть в тайну, которой он окружал себя. Как единственное оправдание себе, я должен привести тот факт, что в то время моя собственная жизнь была лишена всякого интереса. К тому же состояние моего здоровья позволяло мне выходить на прогулку только в исключительно благоприятную погоду. У меня не было ни друзей, ни знакомых, которые могли бы прийти навестить меня и оживить таким образом однообразное течение дней и часов, становившееся для меня все тягостнее и тягостнее. И поэтому нет ничего удивительного в том, что я с жадностью набросился на возможность приподнять завесу таинственности, за которой скрывался мой новый товарищ.

Белл

Профессор Джозеф Белл

Шерлок Холмс создан писателем по реальному прототипу – преподавателю Эдинбургского университета, известному хирургу Джозефу Беллу (1837–1911). Его образ послужил основой характера сыщика, выдуманного Артуром Конан Дойлом. Изобретение Беллом во врачебной практике дедуктивного метода было введено в следственную практику. Профессор Белл взял молодого врача Артура к себе в ассистенты

в Эдинбургской клинике и поставлял ему сюжеты будущих произведений. Дойл писал своему наставнику в 1892 году: «Не думаю, что аналитическая работа Холмса хоть как-то может превзойти то, что вы проделывали во время приема пациентов. Я собрал самое выдающееся из тех исследований, наблюдений, опытов и выводов, свидетелем которых мне посчастливилось стать. Я постарался создать человека, который сможет продвинуть это дальше».

Когда на 74-м году жизни Белл скончался, вся Англия знала его не только как выдающегося врача, но и как первообраз Шерлока Холмса.

Эдинбургский университет. XIX в.

Вот пример занятий, которые проводил со студентами медицинского факультета Эдинбургского университета доктор Белл. Перед собравшимися предстал, хромая, пациент, даже не снявший пальто перед входом в аудиторию.

– Скажите, используя только зрение, – обратился доктор, к одному из студентов, – почему хромает пациент?

– Заболевание тазобедренного сустава, сэр!

Белл откинулся на спинку стула и скрестил длинные тонкие пальцы под подбородком.

– Никакой тазобедренный сустав у него не болит! – насмешливо фыркнул он. – Он хромает, потому что у него болят ноги, а точнее, ступни ног. Если бы вы внимательно понаблюдали, то увидели бы, что у него на башмаках сделаны надрезы в тех местах, где обувь сильнее всего давит на ступни... Этот человек страдает от мозолей, господа! А с тазобедренными суставами у него все в порядке.

Несомненно для меня было одно: он не изучал медицины. Однажды даже я прямо спросил его самого об этом, и он подтвердил мои заключения. Да и вообще его чтение и занятия носили крайне беспорядочный характер. Работал он без системы, порывами, и трудно было

заклЮчить, какую из отраслей знаний он изучает. Но усидчивость и усердие, с которыми он занимался некоторыми предметами, были поистине велики. Его замечания в области той или другой отрасли знаний поражали меня своей глубиной и верностью. «Конечно, – думал я, – никто не станет таким образом изучать специальные науки, не имея ввиду определенной цели. Многие много читают, изучают, всем интересуются, но, в конце концов, бывают не в состоянии даже приблизительно резюмировать прочитанное. К тому же кому охота отягощать свой мозг такой массой второстепенных знаний, не рассчитывая утилизировать их впоследствии?»

Удивительнее всего было то, что в некоторых вещах он был положительный невежда. Его знакомство с отечественной литературой, политикой и философией сводилось к нулю. Однажды я при нем процитировал что-то из Карлейля. Шерлок самым искренним тоном спросил меня, кто такой Карлейль и чем он занимается. Но изумление мое достигло крайних пределов, когда однажды совершенно случайно я открыл, что он совершенно не знаком с теорией Коперника и не имеет ни малейшего понятия о Солнечной системе. Я совершенно не мог понять того, каким образом в середине девятнадцатого века мог существовать человек, не знающий, что Земля вращается вокруг Солнца.

– Вы удивлены? – спросил он меня с улыбкой. – Но будьте покойны, теперь, когда я знаю теорию Коперника, я постараюсь забыть про нее как можно скорее.

– Забыть?

– Вы сейчас поймете почему. В первые годы существования мира человеческий ум представляется мне в виде пустой мансарды, которую всякий может меблировать по своему вкусу и усмотрению. И если владелец мансарды окажется глупцом, то он загородит ее массой вещей совершенно лишних, а те, которые ему могли бы понадобиться, окажутся в куче за дверью. Или, даже если он и найдет возможность втащить их внутрь, то он до такой степени перепутает их с разным хламом, что никогда не найдет в нужную минуту. Если хозяином окажется умный человек и ремесленник вдобавок, то он отнесется к этому делу с большим старанием. Он не оставит в комнате ничего, кроме вещей, которые ему необходимы в его ремесле. И эти-то необходимые ему вещи он разместит в строгом порядке и каждую в надлежащем месте. Ошибочно думают, что маленькая мансарда, о которой я говорю, обладает эластичными стенами, которые могут растягиваться по желанию. Верьте мне, что наступит, наконец, такое время, когда для того, чтобы запомнить одно, вы должны будете выбросить из памяти другое. Поэтому крайне необходимо не загромождать бесполезно ваш чердак, чтобы не стеснять его в то время, когда он должен будет вам послужить.

– Но Солнечная система... – запротестовал было я.

– На кой черт она мне нужна! – воскликнул он с нетерпением. – Вы говорите, что Земля вертится вокруг Солнца; пусть она вертится и вокруг Луны, если это ей доставит удовольствие. А мне наплевать на нее! Мои занятия нисколько не пострадают от этого.

Чуть-чуть я не спросил его, в чем же, собственно, состоят его занятия, но, взглянув на него, я понял, что мой вопрос будет несвоевременным. Но этот разговор заставил меня все-таки размышлять и сделать несколько заключений. Ведь он сказал, что избегает всяких знаний, которые не могут служить ему для достижения намеченной цели. Я перечислил в памяти те отрасли знаний, в которых он казался мне особенно сильным, и даже, взявши карандаш, составил следующий список:

Список знаний Шерлока Холмса

- 1. Литература – полное незнание.*
- 2. Философия – тоже.*
- 3. Астрономия – тоже.*

4. Политика. Знания крайне ограниченные.

5. Ботаника. Знания колеблющиеся. Он очень силен во всем, что касается белладонны, опия и сильных ядов вообще. Совершенный невежда в знании хлебных злаков и овощей.

6. Геология. Знания заключены в строгую систему. Прекрасно различает с первого взгляда земляные наслоения. Часто показывает мне после своих прогулок различные пятна грязи на своем платье и объясняет, каким образом он распознает по цвету этих пятен, в какой части Лондона они были сделаны.

7. Химия. Знания очень глубокие.

8. Анатомия. Знания обширны и серьезные, но без всякой системы.

9. Психология. Знания необычайные. Ни одно преступление в течение почти целого текущего столетия, не неизвестно ему.

10. Прекрасно играет на скрипке.

11. Очень силен в боксе и хорошо дерется на рапирах.

12. Прекрасно знает английское законодательство, но только в применении его на практике.

Окончивши этот список, я перечел его и с досадой бросил в огонь. «Не лучше ли вместо того, чтобы угадывать по этой куче разнообразных знаний цель, к которой стремится этот человек, бросить все?»

Я упомянул в своем списке, между прочим, тот факт, что Холмс прекрасно играет на скрипке. Он, действительно, играл на этом инструменте поразительно хорошо. Но и тут он был крайне оригинален. Я знал, что он был в состоянии исполнить самые трудные пьесы, но часто, сидя в кресле, он брал скрипку и, закрыв глаза, принимался, если можно так выразиться, царапать смычком по струнам. По временам он извлекал из них таким образом грустную и сладкую мелодию, в другое время звуки быстро следовали друг за другом, порывисто, весело, без всякого такта. Эта фантастическая музыка была как бы ответом на его собственные мысли.

Я мог бы с полным правом восстать против этих оригинальных концертов, но Шерлок Холмс, прежде, нежели приступить к вариациям собственного творчества, играл мне всегда массу самых излюбленных моих пьес и этим задабривал меня.

В течение первой недели никто не посетил нас. Я начал уже думать, что Холмс, равно как и я, не имеет ни родных, ни знакомых, но мало-помалу заметил, что у него, напротив, масса связей и знакомств в различных слоях общества. Между другими посетителями я обратил внимание на одного сухоощавого субъекта с черными и пронзительными глазами и формой головы, страшно напоминающей крысу. Он приходил по два и даже по три раза в неделю и был мне представлен под именем Лестрейда.

Однажды утром я увидел входившую к нам молодую, очень элегантную даму, которая беседовала с Холмсом более получаса наедине. В другой раз предо мною промелькнуло немолдое, морщинистое лицо какого-то седовласого еврея, по-видимому, торговца подержанными вещами, который находился в сильнейшем волнении. Почти вслед за ним явилась старушка в деревянных башмаках и крайне бедно одетая. Приходил и пожилой господин с длинными усами, очень respectable вида, и чиновник с железной дороги, которого я узнал по мундиру с бархатными выпушками.

Всякий раз, когда появлялись эти странные посетители, Холмс просил меня предоставить в его распоряжение гостиную, и я уходил в свою комнату. При этом он ужасно извинялся предо мною за беспокойство, причиняемое мне этим.

– Но ничего не поделаешь, – говорил он, – эти люди мои клиенты, и я должен говорить с ними без свидетелей.

И тут опять у меня вертелся на языке вопрос о роде его занятий, но мне показалось непорочным врываться таким образом в его интимный мир. В конце концов, я уже было совсем порешил, что он скрывается передо мною по очень важным причинам, как в один прекрасный день он сам затронул так сильно интриговавший меня вопрос.

Это было четвертого мая, – я имею серьезные основания запомнить это число точно, – когда однажды, проснувшись немного ранее обыкновенного, я встал и присоединился к Холмсу, который завтракал в гостиной. Наша хозяйка так уже привыкла к тому, что я встаю поздно, что не приготовила мне завтрак ко времени. Я с раздражением, свойственным всем капризным людям, позвонил и сухо отдал приказание поторопиться с завтраком.

Товарищ мой молчаливо поглощал один бутерброд за другим, а я, увидев на столе газету, принялся ее перелистывать. Одна статья, отмеченная красным карандашом, привлекла мое внимание, и я принялся читать ее. Заглавие статьи «Книга жизни» показалось мне несколько напыщенным. Автор старался доказать великую пользу, какую может извлечь всякий мало-мальски наблюдательный человек из наблюдений над фактами повседневной жизни, если он отнесется к ним критически и будет производить свои наблюдения по известной системе. Все то, что он приводил для подтверждения своей мысли, показалось мне странной смесью утонченности и глупости. Несмотря на сжатость рассуждений, выводы казались мне до того натянутыми, что производили впечатление полной нелепости. Мгновенное выражение изумления на лице, небольшая спазма мускула, легонькое прищуривание глаз, по словам автора, являлись совершенно достаточными для того, чтобы проникнуть в сокровеннейшие мысли человека. И если кто владеет даром наблюдения и анализа, никогда не ошибется в своих выводах, которые окажутся математически верными.

«Пусть дадут, – говорил автор, – человеку, в совершенстве владеющему логическим аппаратом, одну каплю воды, и он по ней, следуя дедуктивному методу изучения, составит себе точное и ясное понятие об Атлантическом океане, о Ниагарском водопаде, не имея до сих пор ни малейшего понятия о том и другом. Жизнь каждого человека точно так же представляет из себя не что иное, как длинную цепь. Достаточно знать одно только ее звено для того, чтобы суметь восстановить и всю цепь. Дар анализа и дедукции существует наравне с другими научными способностями. Можно приобрести этот дар только путем многолетнего терпеливого и глубокого изучения. Но и тогда даже ум человеческий не в состоянии будет достигнуть в этой области высших пределов знания. Предмет этот до такой степени сложен и необъятен, что, приступая к его изучению, самое лучшее начинать с самых простых вещей. Когда мы встречаемся с незнакомым человеком, мы должны с первого же взгляда угадать историю его жизни, его профессию и характер. Подобные упражнения необходимы, и, как бы ребяческим и пустым нам это ни показалось, это единственный способ изошрить нашу наблюдательность. Это научит нас впоследствии, куда и на что мы должны обращать прежде всего свои взгляды. Поэтому обратите внимание на ногти, на рукава платья, на обувь, на выпуклые места, которые производятся коленями и изменяют форму брюк, на мозоли указательного и большого пальцев. Следите за выражением лица, за манжетами у кистей рук, и вы можете сделать из этих наблюдений такие следствия, которые безошибочно откроют перед вами всего человека».

– Что за бессмыслица! – воскликнул я, бросая газету на стол. – Никогда еще мне не приходилось читать ничего более идиотичного.

– Что это с вами? – спросил Холмс.

– Это вина вон той статьи, – ответил я, указывая на газету и приступая к своему завтраку. – Впрочем, вы ее, вероятно, прочли, потому что отметили ее карандашом. Она остроумна, с этим надо согласиться, но все-таки раздражает меня до крайности. Я как будто вижу перед собой этого автора-теоретика, который забавляется измышлением подобных парадоксов,

как он сидит себе, развалившись преудобнейшим образом в кресле, в своем рабочем кабинете. В конце концов, какой же практический вывод из его прекрасной теории? Посадить бы этого господчика в третий класс подземной железной дороги и заставить его перечислить род занятий всех его спутников. Пари держу, что он оказался бы несостоятельным.

– И проиграли бы пари, – смеясь, сказал Холмс. – Что касается статьи, о которой идет речь, то ее автор – я сам.

– Вы?

– Да, я. У меня природное влечение к наблюдениям и анализу. Теория, которую я излагаю в этой статье, и которая кажется вам такой утопической, на самом деле как нельзя лучше применима в практической жизни. И применима настолько, что она одна и доставляет мне средства существования.

– Каким образом? – невольно воскликнул я.

– Ну, да потому что я занимаюсь известным ремеслом и полагаю, что я единственный в своем роде. Я, если можно так выразиться, присяжный советник полицейских агентов. Здесь, в Лондоне, полиция разделяется на две части: одна правительственная, другая частная. И когда господа полицейские находятся в затруднении, то приходят ко мне за советом, а я распутываю дела. Они рассказывают мне дело во всех подробностях, и обыкновенно, благодаря тому, что я долго и пристально изучал всякие преступления, я очень быстро направляю их на надлежащий путь. Все преступления имеют в себе массу общего, и если вы хорошенько изучили тысячу преступлений, вам не доставит никакого труда разобраться и в тысяча первом преступлении. Лестрейд, которого вы видели у меня, в настоящее время очень известный полицейский. Недавно он сел в лужу с одним делом о поддельвателе денег и обратился за помощью ко мне.

– А те другие субъекты, которые ходят к вам?

– Большинство из них посылаются ко мне частными агентствами полиции. Все это люди, попавшие в затруднительное положение и спрашивающие, как из него выйти. Я выслушиваю их маленькие истории, они выслушивают мои комментарии и советы, и я кладу в карман свой гонорар.

– И вы утверждаете, что, сидя здесь, в своей комнате, вы можете яснее и безошибочнее разобраться в деле, нежели люди, проследившие его вблизи и по горячим следам?

– Да, я именно это и утверждаю. Я от природы обладаю известным как бы духовным чутьем. Правда, время от времени мне приходится встречаться с преступлениями несколько более запутанным и сложным. Тогда я принужден немного пошевелиться и проследить дело собственными глазами. Вы заметили, может быть, что я обладаю большим запасом специальных знаний. Вот я и прилагаю их для решения различных загадочных дел, и знания эти оказывают мне неоценимые услуги. Метод, который я излагаю в своей статье и который возбудил ваше негодование, на самом деле необходим для меня при решении дел, которые я веду лично. Впрочем, наблюдательность у меня стала уже второй природой. Вы ведь были удивлены немного, когда я при первом знакомстве с вами сказал, что вы возвращаетесь из Афганистана?

– Ну, вероятно, вы слышали что-нибудь об этом раньше.

– Нисколько. Я видел, что вы возвращаетесь оттуда. Благодаря долгой привычке, цепь моих мыслей составляется так быстро, что я вывожу окончательное заключение, даже не отдавая себе отчета в том, что существуют отдельные звенья этой цепи. На самом же деле они существуют. Возьмем для примера хоть случай с вами. Я сказал про себя: вот господин с видом врача, и именно врача военного. Он возвращается из тропических стран, потому что цвет лица у него очень темный. Но это не природный цвет его кожи, потому что кисти его рук очень белы. Выражение его лица ясно доказывает, что он подвергался многим лишениям и был болен. Затем он был ранен в левое плечо, потому что рука его не сгибается, и он не свободно владеет ею. В какой же тропической стране английский военный врач мог подвергнуться лишениям, болезни и получить рану? Конечно же, в Афганистане. Все эти наблюдения промелькнули в

моем мозгу не более чем в секунду. И я сказал вам, что вы возвращаетесь из Афганистана, а вы удивились.

– Благодаря вашим объяснениям теперь это мне кажется очень естественным, – улыбаясь, сказал я. – Вы напоминаете мне Дюпэна у Эдгара По. Но я думал, что подобные люди существуют только в романах.

Шерлок встал и закурил трубку.

– Сравнивая меня с Дюпэном, вы, вероятно, хотели сделать мне комплимент, – сказал он. – А, по-моему, Дюпэн был очень обыкновенный человек. Все его искусство заключалось в том, что он задавал неожиданные вопросы после нескольких минут молчания, и таким образом улавливал мысли собеседника, затем он умел вставлять замечания очень кстати и вызывать реплики. Но этот метод допроса уж очень бесхитростен, и против него всегда можно быть настороже. Дюпэн действительно обладал некоторым даром наблюдения и анализа, но он далек от типа выдающегося феномена, каким его хотел изобразить Эдгар По.

– Читали ли вы сочинения Габорио? – спросил я. – Если да, то считаете ли вы его Лекока совершенным сыщиком?

Шерлок иронически засмеялся.

– Лекок был просто грязный сплетник! – с досадою воскликнул он. – У него только и было, что необыкновенная энергия. Знаете ли, я прямо был болен после чтения этой книги. Для того, чтобы установить личность какого-нибудь неизвестного преступника, я обыкновенно употребляю двадцать четыре часов, а Лекоку понадобилось бы не менее шести месяцев. Я придерживаюсь того мнения, что эту книжку надо обязательно вручать для прочтения каждому полицейскому для того, чтобы они могли научиться, чего не надо делать в их профессии.

Мне было очень досадно слушать его. Я видел, что оба мои излюбленные типы, которым я удивлялся, низвержены с их пьедесталов. Я встал и, подойдя к окну, стал бесцельно смотреть в него, желая скрыть свое неудовольствие и волнение. «Может быть, – думал я, – этот молодой человек очень ловок и искусен, но он слишком уж много думает о себе».

– Увы, – сказал Шерлок Холмс, как бы говоря сам с собою, – в наше время нет больше преступлений, нет больше преступников! Зачем теперь иметь хорошо устроенную голову? Я, например, сознаю, что способен был бы прославить и обессмертить свое имя. До сих пор еще не было, да и никогда не будет человека, который бы подобно мне изучил так много различных специальных отраслей знания только для того, чтобы раскрывать преступления. А зачем все это? Нет более преступлений, а если есть, то они так мизерны и так неискусно совершаются, что самый последний из скотланд-ярдовских полицейских в состоянии распутать их сразу.

Окончательно шокированный его словами, я постарался переменить разговор.

– Хотел бы я знать, чего надобно этому субъекту? – сказал я, указывая в окно на человека, который медленно шел по противоположной стороне улицы и внимательно прочитывал номера домов. Он был высок ростом, широк в плечах и одет самым обыкновенным образом. Очевидно, он был послан с каким-нибудь поручением, потому что держал в руке большой синий конверт.

– Вы говорите об этом морском унтер-офицере в отставке? – спросил Холмс.

«Черт бы побрал это хвастливое животное! – подумал я. – Он отлично знает, что я не могу проверить точности его заключений».

Едва успела эта мысль промелькнуть в моей голове, как человек, о котором шла речь, прочтя номер нашего дома, быстро перешел улицу. Послышался сильный стук молотка в дверь, затем низкий голос, говоривший что-то, и вслед за этим по лестнице раздались тяжелые шаги.

– Мистеру Шерлоку Холмсу, – произнес человек, входя в комнату и протягивая конверт моему другу.

Для меня представлялся очень удобный случай зажать рот моему хвастливому сожителю. Вероятно, он ни одной минуты не подозревал, что я могу проверить его утверждение.

– Скажите мне, мой друг, – сказал я самым любезным тоном, обращаясь к вошедшему незнакомцу, – чем вы занимаетесь?

– Я комиссионер, – резко ответил он, – одет я так потому, что мой костюм в починке.

– А раньше этого, – продолжал я, бросая на Холмса лукавый взгляд, – где вы служили?

– Я был унтер-офицером в королевской морской инфантерии. Ответа не будет? Честь имею кланяться.

Он стукнул каблуками, приложил руки к козырьку, повернулся и вышел вон.

III. Тайна Лористонского Сада

Я должен сознаться, что такое неопровержимое подтверждение выводов моего друга глубоко взволновало меня. И раньше я был очень высокого мнения о его таланте, а теперь мое уважение к нему возросло еще более. Но не был ли случай с комиссионером подстроен заранее, чтобы одурачить и ослепить меня? Эта мысль невольно пришла мне в голову, и я спрашивал себя, что за цель была у него поступать таким образом со мною. Я оглянулся и начал внимательно рассматривать Шерлока Холмса. Он только что окончил чтение письма, и его лицо приняло задумчивое выражение, доказывавшее, что его мысли блуждали далеко.

– Каким образом вы угадали так безошибочно? – спросил я.

– Что угадал? – быстро ответил он.

– Да что этот человек был некогда морским унтер-офицером?

– Мне некогда заниматься пустяками! – с гневом воскликнул он, затем улыбнулся и продолжал: – Простите меня за грубый ответ, но разве вы сами не видели, что это отставной моряк и унтер-офицер?

– Конечно нет.

– А между тем угадать это несравненно легче и скорее, нежели объяснить, как сделал это я. Если вас заставят доказать, что дважды два – четыре, вы думаете, это будет легко? А между тем вы совершенно убеждены в том, что дважды два – четыре. Но возвращаясь к нашему субъекту. Когда он находился еще на той стороне улицы, я заметил большой голубой якорь, выжженный на верхней части его руки. Это пахнет морем. Затем у него фигура военного человека и его баки подстрижены так же, как у военного. В его манерах, наконец, было нечто, что указывало на привычку командовать, и он держал себя с сознанием собственного достоинства. Разве вы не заметили, как он держал голову и как постукивал своей тросточкой? И так как он был не особенно молод и имел в своей фигуре нечто «респектабельное», то я заключил, что он был унтер-офицером.

– Великолепно! – воскликнул я.

– Все это очень просто, – ответил Холмс, но по его лицу я прекрасно видел, что он был очень доволен моим восторженным восклицанием.

– Только сейчас я говорил вам, что нет более преступников, – продолжал он. – Я ошибся: прочтите это.

И он протянул мне письмо, которое принес комиссионер.

– Но это ужасно! – воскликнул я, пробежав быстро письмо.

– Да, это как будто выходит из обычного шаблона, – спокойно заметил он. – Не будете ли вы так любезны прочесть мне это письмо еще раз вслух.

Вот что говорилось в письме:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс! Нынешней ночью в доме номер 3-й в Лористонском Саду, возле Брикстонской дороги произошел несчастный случай. Полицейский агент, проходя около двух часов ночи мимо этого дома, заметил в нем свет. Так как в доме никто не жил, то присутствие огня показалось ему очень подозрительным, и он подошел к дому поближе. Дверь оказалась открытой настежь; в первой комнате, совершенно пустой, лежал на полу труп человека, одетого в платье, показывающее, что покойный принадлежал к высшему обществу. В карманах платья убитого оказались карточки с именем Эноха И. Дреббер, Кливленд, Огайо, США. Очевидно, он был убит не с целью грабежа, и совершенно невозможно даже предположить, что было причиной его смерти. По всей комнате заметны явные следы крови, но на теле покойного нет ни малейшей царапины. Каким образом проник этот человек в необитаемый дом? Здесь начало тайны, да и все это дело сначала до конца таинственно и загадочно.

Если вы пожелаете побывать на месте преступления еще до полудня, то вы найдете меня там. Я оставил все так, как нашел, до тех пор, пока вы не скажете мне, что думаете обо всем этом и что рассчитываете делать дальше. В случае если вы не можете побывать там лично, я постараюсь дать вам более точный и подробный отчет и буду чрезвычайно счастлив услышать ваше мнение. Преданный вам *Тобиас Грегсон*».

– Грегсон – самый тонкий и искусный сыщик Скотланд-Ярда, – заметил мой друг. – Он да Лестрейд – вот и все избранные из этого мало уважаемого учреждения. Оба они горячи, полны энергии и усердия, но всегда действуют по предубеждению. А еще хуже то, что они между собою на ножах. И тот и другой ревнуют к славе друг друга, точно известные красавцы. И если они оба занимаются этим делом, то мы будем присутствовать при забавных сценах.

Я был поражен спокойствию, с которым он говорил все это.

– Но вы не должны терять ни одной минуты! – воскликнул я. – Хотите, я сбегая за фиакром?

– Я еще не решил, пойду ли туда; я принадлежу к разряду самых неисправимых лентяев, какие когда-либо существовали. Но бывает это не всегда, а только приступами. По временам, напротив, я умею быть очень деятельным.

– Но ведь вам представляется случай, о котором вы так мечтали.

– Но, мой друг, рассудите, мне-то что будет из всего этого дела? Предположим, что я распутал дело; вы можете быть уверены, что всю прибыль от этого получают Грегсон, Лестрейд и К°. Вот что значит быть вне всякого официального положения, в каком нахожусь я.

– Но ведь вас просят помочь!

– Да. Грегсон знает отлично, что я хитрее его, и со мною вместе он легче сделает дело. Но он ни за что не сознается в этом перед другими, скорее он позволит себе отрезать язык. Во всяком случае, мы можем пойти посмотреть, что там происходит. Я буду действовать по своему усмотрению и, если не получу ничего другого, то по крайней мере посмеюсь над всеми этими куклами. Итак – в путь.

Говоря это, он торопливо одевался. Ни малейшего признака лени не было в его движениях. Начинался период деятельности.

- Живо берите вашу шляпу, – сказал он.
- Вы хотите, чтобы я сопровождал вас?
- Да, если у вас нет ничего более интересного.

Минуту спустя мы уже сидели в фиакре и во весь дух мчались по направлению к Брикс-тон-Рэду. Утро было туманное, мрачное. Небо сплошь затянули серые облака. Вся неприглядная серая грязь улиц, казалось, отражалась в них и нависла над домами.

Холмс находился в восхитительном настроении духа и всю дорогу с большим оживлением болтал, сравнивая достоинства знаменитых скрипок Страдивари и Амати. Что касается меня, то я хранил упорное молчание. Пасмурное утро и это ужасное убийство, в которое нас впутали, тяжело действовали на мои нервы.

– Вы, кажется, не очень-то серьезно обдумываете, как приняться за дело, – сказал я наконец, прерывая поток музыкального красноречия моего спутника.

– У меня еще нет никаких точных данных, – ответил он. – Большая ошибка – строить какую-нибудь теорию прежде, нежели собран весь необходимый материал. Это только сбивает с надлежащего пути.

– Вам недолго осталось ждать, – ответил я, выглядывая в окно. – Мы приехали в Брикс-тон-Рэд, и, если не ошибаюсь, вон и дом, о котором шла речь в письме.

– Вы правы. Стой! – воскликнул он.

Несмотря на то, что мы находились еще, по меньшей мере, в сотне метров от дома, Холмс приказал кучеру остановиться, и мы вышли из экипажа. Дом под № 3 производил внушительное и мрачное впечатление. Это был собственно не один, а четыре соединенных дома, построенные несколько вглубь от улицы. В двух домах жили, два остальных пустовали. Эти последние были в три этажа. Три ряда темных окон, мрачных и запущенных, глядели на улицу. Там и сям наклеенные на стекла билетики о сдаче квартир производили впечатление бельма на глазу. Маленькие палисадники отделяли каждый дом от улицы. В данный момент вследствие дождя, непрерывно шедшего всю ночь, палисадники эти представляли собой одно сплошное болото. Между палисадниками шла узкая аллея, по бокам которой чахли жиденькие и редкие деревца. Желтоватая глина проглядывала местами сквозь жидкий слой песка и гравия. Вокруг всех домов тянулась деревянная решетка на каменном низеньком фундаменте высотой всего один метр.

В тот момент, когда мы подходили, возле этой решетки стоял, опершись на нее, полицейский агент. Довольно многочисленная толпа прохожих зевая стояла тут же, вытягивая шеи и тараща глаза, в тщетной надежде проникнуть в таинственную драму, разыгравшуюся за этими стенами. Я думал, что Шерлок Холмс, не теряя ни одной минуты, бросится в дом и сразу начнет работать над разгадкой печальной истории, но я ошибся. К моему величайшему удивлению, его манера действовать была совершенно иная. С видом полнейшего равнодушия он начал прогуливаться взад и вперед по тротуару. Он передвигался маленькими шагами, бросая по временам рассеянные взгляды то на землю, то на дома на противоположной стороне улицы, то на решетку, окружающую дом № 3. Закончив этот странный осмотр, он медленно направился в аллею между палисадниками, стараясь ступать по траве, окаймлявшей дорожку, и внимательно устремив глаза вниз. Два раза он останавливался, и я видел на его лице улыбку, в то время как с его губ срывались легкие восклицания удовольствия. На влажной, мягкой земле дорожки виднелись многочисленные следы; но, принимая во внимание, что множество полицейских проходило взад и вперед здесь, я не мог понять, какой толк мог выйти из такого внимательного разглядывания следов. Но, зная его способность замечать малейшие подробности, я был уверен, что он откроет массу интересных вещей там, где, по моему мнению, нечего было и открывать. У дверей дома мы увидели высокого человека с бледным лицом и светлыми волосами, который поспешил к нам навстречу. В руках он держал большую записную книжку.

– Как это мило с вашей стороны, что вы пришли, – сказал он, горячо пожимая руку моего товарища. – Я велел все оставить неприкосновенным и в том виде, как сам застал.

– За исключением этого, – сказал Холмс, указывая пальцем на аллею. – Если бы целое стадо буйволов прошло здесь, то, наверное, не произвело бы большего беспорядка. Но я надеюсь, Грегсон, что вы все хорошенько осмотрели еще прежде.

– У меня было слишком много дел внутри дома, – ответил он уклончиво, – но мой коллега, мистер Лестрейд, находится здесь. Именно ему-то я и поручил наблюдение надо всем, что происходит вокруг дома и в саду.

Холмс бросил на меня украдкой насмешливый взгляд.

– С такими помощниками, как вы и Лестрейд, не думаю, что на мою долю остались хоть какие-то дела во всем этом происшествии, – сказал он любезно.

Грегсон от удовольствия начал потирать руки.

– Я думаю, – сказал он, – что мы сделали решительно все, что только было возможно. Но это очень любопытное дело; тем не менее, зная ваше пристрастие ко всему, что выходит за пределы обыкновенного, я...

– Вы, конечно, прибыли сюда не в экипаже? – перебил его Шерлок Холмс.

– Нет, сэр.

– А Лестрейд?

– И Лестрейд тоже.

– В таком случае пойдем, осмотрим комнату.

После этого замечания, казавшегося совершенно неуместным, он вошел дом. Грегсон следовал за ним с лицом, выражавшим полнейшее недоумение. Маленький коридорчик, пол которого был покрыт густым слоем пыли, вел в кухню и комнаты для прислуги. Налево и направо были две двери; одна из них, по-видимому, уже давным-давно не отворялась, другая вела в столовую, где и разыгралась кровавая драма. Холмс вошел в столовую; я последовал за ним, охваченный тяжелым чувством, которое мы всегда испытываем в присутствии смерти. Это была большая четырехугольная комната, казавшаяся еще больше вследствие совершенного отсутствия мебели. Стены были обиты гладкими, самыми обыкновенными обоями. На стенах местами виднелись пятна от сырости. Кое-где обои совершенно отстали и висели большими полосами, открывая старые, плачевно выглядывавшие стены. Против двери, на камине, сделанном под белый мрамор, виднелся огарок восковой красной свечи. Стекла в окнах были до такой степени грязны, что, казалось, они как бы с сожалением пропускают немного сомни-

тельного света в комнату. Вследствие этого в комнате стоял неприятный, серый полумрак, еще более усилившийся от толстого слоя пыли, лежавшей на всем.

Все это я вспомнил только уже некоторое время спустя. Тогда же все мое внимание целиком привлекло ужасное зрелище труп. Он лежал перед нами вытянувшийся, застывший, с широко открытыми глазами, безжизненный взгляд которых был устремлен в потолок. Убитому казалось не более сорока лет на вид. Он был среднего роста и широк в плечах. Волосы у него были черные и курчавые, а борода редкая и коротко подстриженная. Одет он был в сюртук из толстого сукна и светлые брюки. Воротничок и манжеты блестели свежей белизной. Высокая, блестящая, как зеркало, совершенно новая шляпа валялась на полу рядом. Руки мертвеца были широко раскинута, и пальцы скорчены, как будто мучения, перенесенные в момент смерти, были невыносимы. Я читал на его неподвижном лице выражение такого ужаса и ненависти, каких мне еще никогда в жизни не приходилось видеть на человеческом лице. Весь вид несчастного, его низкий лоб, слегка сплюснутый нос, его широкие челюсти и более всего его скрюченные пальцы и ступни делали его ужасно похожим на гориллу.

Мне случалось видеть смерть в различных видах и формах, но никогда в таком ужасном виде, как здесь, в этой мрачной комнате, в двух шагах от главной артерии окраинного Лондона.

Лестрейд, стоящий возле двери, со свойственным ему видом ищейки поклонился нам.

– Это дело подымет шум, сэр, – сказал он. – Я занимаюсь своим ремеслом не со вчерашнего дня и немало видел, но это дело превосходит все, что я видел до сих пор.

– Ни малейших улик и следов! – сказал Грегсон.

– Ни малейших! – подтвердил Лестрейд.

Шерлок Холмс подошел к трупу и, став перед ним на колени, с величайшим вниманием принялся осматривать его.

– Вы уверены, что на теле нет никаких ран? – спросил он, указывая на многочисленные пятна и брызги крови, видневшиеся вокруг тела на полу.

– Совершенно уверены! – в один голос воскликнули оба агента.

– В таком случае эта кровь принадлежит кому-то другому, по всей вероятности убийце, если только мы имеем дело с убийством. Это мне ужасно напоминает обстоятельства, связанные со смертью Ван Жансена из Утрехта в 1834 году. Помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэр.

– Вы поступили бы очень разумно, если бы прочли его, уверяю вас: ничего нет нового под луной. Все, что случается, уже было раньше.

В то время, пока он говорил, его ловкие пальцы скользили по всем направлениям, ощупывая, пожимая, расстегивая, исследуя все, до мельчайших подробностей. Но в выражении его лица стало проглядываться безразличие и рассеянность, о которых я уже упоминал раньше. Осмотр трупа длился такое короткое время, что никто не поверил бы, что он был тщательным.

Затем Шерлок Холмс наклонился к губам мертвого и начал нюхать, вдыхать и в конце концов внимательнейшим образом осмотрел каблуки у башмаков убитого, по-видимому купленных в очень хорошем магазине.

– Никто не трогал труп? – спросил он.

– Никто, если не считать нас, поскольку это было необходимо в ходе сделанного нами осмотра.

– Можете отослать его теперь в морг. Он ничего более не скажет нам.

Грегсон заранее побеспокоился и привел с собой четырех рабочих с носилками. На его зов они явились в комнату и подняли мертвое тело. В момент, когда они клали его на носилки, откуда-то выпало кольцо и покатилося по полу. Грегсон схватил его и начал рассматривать с величайшим изумлением.

– Здесь была женщина! – воскликнул он, показывая находку. – Это обручальное кольцо.

Мы окружили Грегсона и принялись разглядывать кольцо. Сомнений не было: оно когда-то было надето на палец новобрачной.

– Это еще более осложняет дело, – пробормотал Грегсон, – и одному только Богу известно, насколько оно уже было запутано до этого.

– Вы не уверены в том, что это обстоятельство, наоборот, упрощает дело? – заметил Холмс. – Но мы ничего не узнаем более, созерцая это колечко. Что вы нашли в карманах убитого?

– Здесь находится все, – указал Грегсон на кучку различных предметов, сложенную на одной из ступеней лестницы. – Золотые часы № 97163, купленные у Барро в Лондоне; золотая цепь, известная под названием «Альберт», очень крепкая и тяжелая; золотое кольцо с выгравированным на нем масонским девизом; булавка в виде головы бульдога с рубиновыми глазами; портфель из русской кожи, в котором лежат визитные карточки с именем Эноха И. Дреббер, Кливленд. На белье имеются такие же инициалы Э. И. Д. Портмоне не оказалось, деньги лежали прямо в кармане; их было 75 шиллингов; маленькое карманное издание Боккаччо «Декамерон», на первой странице которого стоит имя Джозефа Стангерсона; два письма, одно на имя Э. И. Дреббера, другое – Д. Стангерсона.

– Адрес этих писем?

– Американский банк, Странд, до востребования. Оба письма имеют отношение к отплытию пароходов компании Гион из Ливерпуля. Очевидно, этот несчастный должен был отплыть в Америку, Нью-Йорк.

– Вы навели справки о Стангерсоне?

– Я с этого и начал, – ответил Грегсон, – я напечатал объявления во всех журналах и отправил одного из моих помощников в Американский банк. Но Стангерсон еще не вернулся.

– Телеграфировали вы в Кливленд?

– Еще утром.

– Как вы составили телеграмму?

– Я попросту изложил все обстоятельства дела и просил дать мне необходимые сведения для его выяснения.

– Потребовали ли вы сведения относительно одного пункта, который мог показаться вам чрезвычайно важным?

– Я только навел справки о Стангерсоне.

– И все тут? Не кажется ли вам, что в этом деле существует один стержень, на котором все держится? Может быть, вы найдете нужным послать другую телеграмму?

– Я сделал все, что было нужно, – ответил Грегсон обиженным тоном.

Шерлок Холмс пробормотал что-то сквозь зубы и уже готов был сделать какое-то замечание Грегсону, когда Лестрейд, находившийся в первой комнате пока мы разговаривали в прихожей, вдруг появился перед нами, потирая с торжествующим видом руки.

– Мистер Грегсон, – сказал он, – я только что сделал открытие чрезвычайной важности. Открытие это могло легко ускользнуть от внимания всех, если бы мне не пришла счастливая идея осмотреть хорошенько стены.

Глаза маленького сыщика блистали, и он не мог скрыть удовольствия, что ему удалось сделать «подножку» своему товарищу.

– Идите сюда, – сказал он озабоченно, проходя обратно в большую комнату.

Мы последовали за ним, и эта большая комната теперь показалась мне уже не такой мрачной, потому что в ней не было ужасного скорченного трупа.

– Теперь смотрите хорошенько, – сказал Лестрейд.

Он чиркнул о свою подошву спичкой и поднял ее вверх, освещая стену.

– Глядите, – торжествующе сказал он.

Я уже говорил выше, что обои отстали в некоторых местах. В одном из самых темных углов большая полоса бумаги оторвалась совсем и висела, открывая пожелтевшую штукатурку-

ренную стену. И на этой-то обнаженной части стены грубыми каракулями было написано чем-то красным одно только слово «Rache».

– Ну, дорогие сэры, что вы думаете об этом? – спросил Лестрейд, становясь в позу, делающую его похожим на индюка. – Никто не заметил этой надписи, потому что она находилась в темном углу, который никому в голову не пришлось осмотреть. Убийца, женщина или мужчина, сделал эту надпись своей собственной кровью. Смотрите, кровь текла здесь, вдоль стены. Значит, нет более места предположению, что мы имеем перед собой самоубийство. Но почему убийца избрал именно это место для надписи? Я сейчас вам объясню. Видите ли вы свечку, поставленную на камине? В момент убийства она, конечно, была зажжена, и этот угол был освещен полосой света, тогда как теперь он остается более всего в тени.

– Ну, хорошо. Сделав такое важное открытие, не будете ли вы так любезны объяснить нам, какое заключение вы делаете из этой надписи? – иронически спросил Грегсон.

– Какое заключение? Да очень простое: кто-то хотел написать имя Рашель, но ему помешали, и слово осталось неоконченным. Запомните хорошенько то, что я вам говорю, и увидите, что, когда дело это будет распутано, окажется, что в нем участвовала женщина, которую зовут Рашель. Смеяться очень легко, мистер Холмс, смейтесь. Вы, спора нет, очень ловки и хитры, но увидите, что последнее слово будет принадлежать мне, старой охотничьей ищейке!

– Прошу вас извинить меня, – сказал мой товарищ, не удержавшийся от взрыва невольного смеха, раздражавшего маленького полицейского. – Вам, бесспорно, принадлежит честь открытия на стене этой надписи, которая, как вы совершенно справедливо заметили, сделана вторым действующим лицом вчерашней кровавой драмы. Я не успел еще хорошенько осмотреть эту комнату, но, если позволите, я сделаю это сейчас.

Говоря это, Шерлок Холмс вытащил из кармана сантиметр и большую круглую лупу. Вооруженный таким образом, он принялся бесшумно бродить по комнате, то останавливаясь, то опускаясь на колени и временами даже растягиваясь по полу на животе. Эти занятия, очевидно, до такой степени поглотили его внимание, что он, казалось, совершенно позабыл о нашем присутствии. Непрерывно слышалось то его бормотание сквозь зубы, то вздохи или посвистывание, перемежающиеся время от времени восклицаниями, в которых сквозило торжество и надежда. Глядя на него, я находил в нем поразительное сходство с хорошей охотничьей собакой, ищущей след. Она бросается то направо, то налево, издавая по временам громкий нетерпеливый лай, пока, наконец, не нападет на настоящий путь.

Манипуляция Шерлока Холмса продолжалась около получаса. Мы глядели, как он с необыкновенной тщательностью измерял расстояние между двумя невидимыми нам следами на полу. Точно таким же образом он измерял что-то на стене. Все эти измерения казались мне крайне непонятными. Затем он старательно собрал с полу небольшое количество сероатой пыли и положил ее в конверт; а в конце он с помощью лупы приступил к исследованию надписи на стене. Он долго и внимательно водил лупой по контурам каждой буквы и затем, считая, вероятно, свое дело оконченным, положил сантиметр и лупу обратно в карман.

– Недаром говорится, что гений должен бесконечно страдать, – заметил Холмс с улыбкой. – Это совсем неверно, но иногда это можно сказать по отношению к хорошему полицейскому.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за всеми действиями коллеги-любителя не только с величайшим любопытством, но также и с оттенком некоторого скептицизма. Они не видели того, что я начинал уже подозревать понемногу, а именно, что все действия и вопросы Холмса неминуемо вели к одной практической цели, уже намеченной им окончательно и бесповоротно.

– Каково ваше мнение, сэры? – спросили в один голос оба полицейских агента.

– Я с удовольствием украл бы у вас честь распутывания этого дела, если бы имел столько наглости думать, что могу помочь вам, – ответил Холмс, – но вы так прекрасно ведете сами

все это дело, что вам было бы крайне неприятно видеть третье лицо, вмешивающееся в ваши действия.

Я уловил в этих словах явные ноты тонкой и ядовитой иронии.

– Но если вы будете так любезны и дадите мне возможность также участвовать в ваших расследованиях, то я буду счастлив помочь вам по мере моих сил и возможностей. В ожидании вашего решения я хотел бы поговорить с полицейским, который первым увидел труп. У вас записаны его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в свою записную книжку.

– Джон Ранс, – сказал он, – в настоящее время его дежурство кончилось. Вы можете найти его в Одли Корте, Кенингтон-Парк-Гат; № 46.

Холмс записал адрес.

– Идемте, доктор, – сказал он, – отправимся на поиски этого человека.

Затем, обернувшись к Грегсону и Лестрейду, прибавил:

– Позвольте мне сказать несколько слов, которые могут пригодиться вам. Перед нами действительно убийство, и совершил его мужчина. Рост этого человека достигает, по меньшей мере, одного метра восьмидесяти сантиметров, и сам он в полном расцвете сил. Ноги его малы, принимая во внимание его рост; обувь его обыкновенного фасона, с прямоугольными носами; он курит трихинопольские сигары; он прибыл сюда со своей жертвой в фиакре на четырех колесах, запряженном в одну лошадь. Три подковы у последней порядочно потерты, между тем как одна передняя совершенно новая. Думаю, что не ошибусь, сказав, что лицо убийцы очень красное. Наконец, ногти на правой его руке необыкновенно длинны. Я даю вам лишь несколько очень небольших указаний, но они могут быть вам полезны.

Полицейские переглянулись, недоверчиво улыбаясь.

– Какова причина смерти этого человека? – спросил Лестрейд.

– Яд, – сухо и коротко ответил Шерлок, поворачиваясь, чтобы уйти.

На пороге двери он остановился и прибавил:

– Еще одно только слово, Лестрейд: «Rache» – немецкое слово, означающее месть. Поэтому советую вам не терять понапрасну времени в поисках мистрис Рашель.

И, выпустив эту поистине парфянскую стрелу, он, наконец, вышел, в то время как два соперничающих друг с другом полицейских остались стоять с разинутыми от изумления ртами, провожая его взглядом.

IV. Сведения, добытые через Джона Ранса

Был первый час пополудни, когда мы вышли из дома № 3 в Лористонском Саду. Шерлок Холмс направился на ближайший телеграф и составил длинную телеграмму. Затем, окликнув экипаж, приказал кучеру везти нас по адресу, указанному Лестрейдом.

– Сведения, добытые на месте, не стоят ровно ничего, – заметил Шерлок. – Судя по фактам, я составил для себя уже окончательное решение и сделал вывод из этого дела, но все-таки будет правильным, если мы постараемся не упустить из виду ни одной самой мельчайшей подробности.

– Вы удивительный человек, Холмс, – сказал я ему, – неужели вы надеетесь, что я поверю, что все сказанное вами им в самом деле правда, и что вы сами в этом убеждены?

– Для меня тут нет ни малейшего сомнения, и я не ошибаюсь, – ответил он. – Первое, что я заметил, когда мы прибыли на место преступления, были двойные следы от колес фиакра, ведущие к аллее. Против решетки палисадника экипаж, по-видимому, остановился. Колес очень глубоки и отчетливы, потому что всю прошлую ночь шел дождь, а так как до этого уже давно стояла сухая погода, то я делаю заключение, что эти следы сделаны именно прошедшей ночью, то есть в ночь убийства. Я заметил также ясные отпечатки лошадиных подков; один из

этих отпечатков несравненно яснее и глубже остальных трех: следовательно, одна из четырех подков новая. Обратите внимание: я видел, что в то время, когда шел дождь, то есть прошлой ночью, какой-то экипаж останавливался у решетки дома. Но это не был экипаж ни Грегсона, ни Лестрейда. Вы слышали, как я спрашивал их об этом. Из этого я и заключаю, что экипаж, подъезжавший к дому № 3 прошлой ночью, привозил убийцу и его жертву.

– Все это кажется довольно логичным, но каким образом могли вы измерить рост убийцы?

– А вот каким образом: в девяти случаях из десяти можно угадать рост всякого человека, измерив ширину его шагов. Это делается при помощи математических вычислений, но я не хочу утомлять вас ими. Удовлетворитесь тем, что я дважды измерил ширину шагов убийцы, один раз на глиняном грунте аллеи, а другой – на пыльном полу комнаты. Но у меня был еще один способ проверить эти вычисления. Когда кто-нибудь пишет на стене, то инстинктивно он делает это на уровне своих глаз. А надпись, которую мы видели на стене, находится от пола на высоте одного метра восьмидесяти двух сантиметров. Теперь вы сами видите, что это детская игра, а не серьезная задача.

– А как вы узнали его возраст? – спросил я.

– Если человек делает прыжок шириной в один метр двадцать сантиметров, то отсюда можно легко сделать вывод, что он не стар и не хил. А именно такой ширины была лужа воды, которую он перепрыгнул при входе в садик. Я заметил следы легкой обуви, которые вели в обход лужи, в то время как человек в более грубых сапогах, имеющих прямоугольные носы, легко перепрыгнул ее. Право, тут нет ничего таинственного. Я только применяю к самым обыкновенным фактам тот дедуктивный метод исследования, о котором я трактовал в моей статье. Нет ли еще чего-нибудь, что кажется вам непонятным?

– Да! Длина ногтей на руке убийцы и трихинопольские сигары, – ответил я.

– Надпись на стене была сделана указательным пальцем, обмакнутым в кровь. Моя лупа открыла мне, что штукатурка вдоль букв была слегка оцарапана. А этого не случилось бы, будь у нашего незнакомца короткие ногти. Что касается сигар, то я собрал щепотку пепла с полу. Зола была черна и компактна, что бывает только у трихинопольских сигар. Надо вам знать, что я специально изучал пепел различных сортов сигар и даже издал об этом предмете небольшую брошюрку. Тешу себя надеждой, что могу безошибочно с первого же взгляда различить по остатку пепла, происходит ли он от сигары, или от какого другого табака. Вот по таким-то именно мелочам хороший полицейский и отличается от Грегсонов и Лестрейдов.

– Вы сказали также, что лицо убийцы должно быть очень красно, – заметил я.

– А! Это предположение несколько смелое, хотя я убежден, что оно верное. Но относительно этого пункта пока не спрашивайте меня ничего.

Я провел рукой по лбу.

– У меня все спуталось в голове, – заметил я, – и чем больше я думаю обо всем этом, тем больше оно кажется мне таинственным и непроницаемым. Каким образом двое людей, если только их было действительно двое, могли проникнуть в этот необитаемый дом? Куда девался кучер, привезший их туда? Каким образом один человек может заставить другого отравиться? Откуда кровь, которую мы видели? Какая могла быть цель убийства, раз оно совершено не ради грабежа? Откуда взялось возле трупа женское кольцо? И потом, зачем понадобилось убийце вместо того, чтобы поспешно скрыться, написать на стене слово «Rache»? Признаюсь, что мне чрезвычайно трудно осознать все это.

Мой товарищ одобрительно кивнул.

– Вы с необыкновенной ясностью и точностью перечисляете все затруднительные пункты в этом деле, – сказал он. – Да, действительно множество мелких подробностей остаются еще не выясненными, хотя главный пункт я уже решил окончательно. Что касается открытия бедного Лестрейда, то это обыкновенная хитрая уловка, чтобы сбить с толку полицию, направив

ее на ложный путь, заставив ее поверить, что тут замешано немецкое тайное социалистическое общество. Но слово «Rache» написано не немцем. Вы, может быть, заметили, что буква «а» написана так, как пишется в немецкой азбуке, между тем как настоящий немец всегда употребляет латинское «а». Отсюда мы легко можем заключить, что надпись сделана не немцем, а каким-то разиней, который перемудрил, желая спрятать концы в воду. Итак повторяю, что это обыкновенная хитрость в целях сбить с толку следствие. Но не буду более подробно объяснять вам все это, доктор. Вы хорошо знаете, что всякий фокусник теряет обаяние с того момента, когда раскрывает свои секреты. Так и я; если я вам полностью открою тот способ, которым я достигаю цели, вы будете считать меня за самого обыкновенного человека.

– Никогда я не подумаю ничего подобного! – горячо воскликнул я. – Вы, в пределах возможного, подняли ремесло сыщика до степени точной науки.

Эти слова и еще более искренний тон, которым они были произнесены, заставили моего спутника покраснеть от удовольствия. Я еще раньше замечал, что он так же чувствителен ко всякой похвале, касающейся его таланта, как хорошенькая женщина, когда хвалят ее красоту.

– Я должен сказать вам еще одну вещь, – продолжал он. – Человек, обутый в тонкие башмаки, и другой, на котором были надеты сапоги с прямоугольными носами, приехали вместе, в одном экипаже. В то время, пока они шли по аллее, они, по-видимому, были в прекраснейших, почти дружеских отношениях. Возможно, что они даже шли под руку. Войдя в комнату, они принялись ходить по ней взад и вперед, или, вернее сказать, человек с тонкими башмаками остался стоять на месте, в то время как другой шагал вдоль и поперек. Все это я прочел на пыльном полу комнаты. Даже более: я узнал, что чем дольше тот человек ходил по комнате, тем становился все более и более взволнованным. Это я узнал по его все увеличивающимся шагам. Он говорил на ходу, и, по-видимому, его гнев достиг апогея. Это был момент, когда наступила развязка трагедии. Теперь я сказал вам все, что знаю сам, а остальное уже суть только предположения и вероятности. Во всяком случае, мы имеем великолепную основу, на которой построен весь фундамент. Но я должен поторопиться, потому что хотел бы после обеда пойти на концерт послушать Нормана Неруду.

Пока мы беседовали, наш экипаж катился по длинным грязным улицам и кривым переулкам. В одном из самых грязных и темных переулков кучер остановился.

– Одли Корт здесь, – сказал он, указывая рукояткой кнута на узкий проход между двумя стенами из кирпича. – Я подожду вас.

Одли Корт не представлял собой ровно ничего привлекательного. Миновав узкий проход, мы очутились перед целым рядом мрачных конур, стоящих четырехугольником и образующих собой большой, грубо вымощенный двор. Мы шли по двору, где кишели в большом количестве плохо вымытые дети, и висело сомнительной чистоты белье. На одной из дверей, под № 46, была прибита медная дощечка, на которой мы прочли «Ранс». На наш вопрос нам ответили, что он лежит в постели, пригласили войти в маленькую приемную и подождать. Вскоре к нам вышел сам хозяин, видимо недовольный тем, что его сон был прерван.

– Я уже дал показание в участке, – сказал он хмуро.

Холмс вынул из кармана золотую монету и начал небрежно играть ею.

– Я буду очень счастлив сообщить вам все, что сам знаю, – ответил полицейский, не спуская глаз с золотой монеты.

– Так расскажите же нам, как все это произошло.

Ранс сел на диванчик и, нахмутив брови от усилий не пропустить ничего в своем рассказе, начал так:

– Я вам расскажу все, с начала и до конца. Мое дежурство обыкновенно начинается с десяти часов вечера и кончается в семь часов утра. В этот день на моем участке все было спокойно, если не считать небольшой драки, имевшей место в «Золотом сердце». В час ночи пошел дождь. Я встретил своего товарища Гарро Мюршера, полицейского из Голландского участка, и

мы постояли, беседуя, минут пять на углу Генриетской улицы. Затем мне пришло в голову, что хорошо бы пройти по Брикстон-Рэду и посмотреть, нет ли там чего нового. Было около двух часов утра или, может быть, ровно два. Брикстон-Рэд – самый пустынный и самый грязный угол на моем участке. Пока я шел вдоль улицы, мне не встретилось ни одной живой души, хотя один или два фиакра проехали мимо меня. Я тихонько двигался вперед, раздумывая о том, как было бы хорошо выпить немного горячего джина, как вдруг заметил свет, падавший из окон дома № 3. Я знал, что в двух домах в Лористонском Саду никто не жил, потому что домовладелец не хотел чинить водопроводные трубы и даже один из последних жильцов умер, заразившись, вследствие неисправности труб, тифозной горячкой. Поэтому я остановился, крайне изумленный, и, глядя на свет, падавший из окна, тотчас же подумал, что тут происходит нечто неладное. Я подошел к двери...

– И остановились; затем вы вернулись опять к решетке, – перебил его мой друг. – Зачем вы это сделали?

Ранс вскочил и с недоумением взглянул на Шерлока Холмса.

– Но вы рассказываете именно то, что было на самом деле, сэр! – воскликнул он. – Разве только один дьявол мог сказать вам это. Дело в том, что, подойдя к этому мрачному и молча-

ливому дому, я подумал: не лучше ли мне пригласить с собой товарища? Знаете, я не боюсь людей и вообще не боюсь ничего. Что они могут со мной сделать? Но тут я невольно подумал, что не умерший ли это от тифа бедняк пришел снова в свою квартиру, чтобы осмотреть проклятые трубы? Эта мысль до того испугала меня, что я почувствовал, как холодная дрожь пробежала по всему моему телу, и я вернулся к решетке в надежде увидеть хоть издали огонек от фонаря Мюршера. Но на улице не было ни души.

– На улице не было никого?

– Решительно никого, не было даже собаки, сэр. Тогда я пересилил свой страх, подошел снова к двери, отворил ее и вошел. Все было тихо вокруг. Тогда я проник в комнату, откуда исходил свет. На камине стояла зажженная свечка из красного воска, и при ее свете я увидел...

– Да, я знаю, что увидели... Вы несколько раз обошли комнату, потом вы стали на колени перед трупом, потом вы прошли через комнату и попытались отпереть кухонную дверь; потом...

Джон Ранс вскочил одним прыжком с места. На его лице были написаны ужас и недоумение.

– Где вы прятались, чтобы все это видеть? – спросил он. – Вы знаете не меньше моего!..

Холмс разразился хохотом и бросил на стол перед полицейским свою визитную карточку.

– Не вздумайте меня арестовать по подозрению, – сказал он. – Я принадлежу к вашей стае, а не зверь, которого преследуют. Мистеры Грегсон и Лестрейд могут вам подтвердить это. Но продолжайте ваш рассказ. Что вы сделали затем?

Ранс сел на прежнее место, сохраняя некоторое беспокойство на лице.

– Я вышел на улицу и принялся свистеть. На этот призыв прибежал Мюршер и два других полицейских агента.

– Улица была по-прежнему пуста? – осведомился Шерлок.

– Да, или, вернее сказать, была почти пуста.

– Что вы хотите этим сказать?

Полицейский сделал гримасу.

– На своем веку я видел много пьяниц, но никогда, решительно никогда не встречал пьяного до такой степени, каким был неизвестный прохожий, стоявший на улице в тот момент, когда я вышел из дома. Он стоял, ухватившись обеими руками за решетку палисадника, и во все горло орал песни. Кажется, он пел «Коломбину» или что-то в этом роде. Он не мог быть нам ни в чем полезным, так как с трудом держался на ногах.

– Каков он был на вид? – спросил Шерлок Холмс.

Джон Ранс казался обиженным той настойчивостью, с которой мой друг расспрашивал его о таких не имеющих к делу вещах.

– Это был человек отвратительно пьяный, во-первых. И вернее верно, что он проснулся бы сегодня утром в участке, если бы мы в то время не были заняты более серьезным делом.

– Его лицо, одежда? Разве вы не разглядели ничего? – с нетерпением воскликнул Холмс.

– Полакаю, что отлично рассмотрел, потому что должен был поддержать его некоторое время. Я и Мюршер: он с одной, я с другой стороны. Это был высокий парень с красным лицом и...

– Достаточно, – перебил Холмс: – что с ним было далее?

– У нас было слишком много забот и без него, – ответил полицейский уже ворчливо, – но я бысь об заклад, что он все-таки смог сам отыскать дорогу к дому.

– Как он был одет?

– В коричневое пальто.

– Не было ли у него кнута в руке?

– Кнута? Нет, не было.

– Значит, он его оставил в экипаже, – пробормотал мой друг. – Не слышали ли вы немного спустя после этого стука отъезжающего экипажа?

– Нет, не слышал.

– Вот, возьмите себе, – сказал Холмс, опуская монету в руку полицейского. Затем он взял шляпу и встал. – Боюсь, Ранс, что вы никогда не достигнете высоких степеней в вашей профессии. Нельзя смотреть на свою голову, как на придаток к телу, а нужно сделать из нее полезную машину. Вы могли бы прошлой ночью сразу заслужить погоны бригадира. Человек, которого вы держали в руках ночью, есть именно тот, который обладает ключом к разгадке. Одним словом, это человек, которого мы разыскиваем. Не возражайте, это бесполезно. Я говорю вам, что это так. Идем, доктор.

И мы вышли, оставив полицейского в полном недоумении.

– Четырежды идиот! – с горечью вырвалось из уст Холмса, пока мы катили по направлению к нашему дому. – Подумать только, что у него в руках была такая выгодная находка, а он не воспользовался ею!

– Я еще не совсем ясно понимаю все это, – сказал я. – Правда, описание наружности этого человека как раз подходит к тому, о ком вы нам рассказали как о втором действующем лице драмы. Но почему ему понадобилось вернуться на место преступления? Преступники, сколько я знаю, не делают ничего подобного.

– А кольцо, мой друг, кольцо? Вот почему он вернулся. Если у нас не будет другого способа поймать его, у нас остается это кольцо, которым мы всегда приманим его. Но я найду способ, доктор, держу какое угодно пари, что я его найду. И я буду обязан этим вам, потому что, не будь вас, я, вероятно, не поднялся бы с места и лишился бы таким образом возможности сделать лично интереснейшие наблюдения. Я потерял бы возможность изучить дело, какого я еще не встречал, изучить красное, как выразились бы художники. Какой прекрасный цвет на самом деле имеет эта нить, окрашенная человеческой кровью и теряющаяся в клубке человеческих жизней! Нашей задачей будет проследить эту красную нить, отделить от других, изучить ее волокно за волокном. А пока позавтракаем, и я отправляюсь слушать Нормана Неруду. Его манера извлекать тоны и удар его смычка поистине замечательна. Как это, я забыл, начинается та небольшая пьеска Шопена, которую он исполняет так превосходно? Вы не припомните ли, дорогой Ватсон? Тра-ла-ла-ли-ла-ли!

И, откинувшись вглубь экипажа, этот любитель-сыщик запел, как птица, а я принялся размышлять о странностях, которые представляет ум человеческий.

V. Объявление привлекает посетителя

Волнения этого утра оказались настолько сильными для моих нервов, еще не успевших окрепнуть, что я почувствовал себя страшно утомленным. После того как Холмс уехал в концерт, я растянулся на диване в надежде поспать часок или два. Но надежда моя оказалась тщетной. Я был слишком взволнован всем виденным и слышанным, и самые фантастические идеи, самые невероятные предположения вихрем кружились в моей голове. Как только я закрыл глаза, мне тотчас же представлялся этот ужасный труп с лицом гориллы и скрюченными руками. Его лицо было до того ужасно, что я был почти благодарен убийце, потому что если когда-либо на лице смертного читались до такой степени отталкивающие пороки и дурные наклонности, то это было именно на лице Эноха Дреббера. Но я должен был сознаться, да и трудно было сделать иначе, что, как бы ни была мало привлекательна жертва, правосудие должно идти своим путем, и закон не в силах найти смягчающих вину обстоятельств, находясь перед таким зверским злодеянием.

Чем более я размышлял над этим делом, тем более удивлялся той уверенности, с которой мой товарищ утверждал, что Энох Дреббер был отравлен. Я видел, как Холмс наклонялся над ртом мертвого и нюхал, и решил, что он в это-то время и напал на какие-нибудь признаки яда. И если не яд повлек смерть, то что же именно, – потому что на теле покойного не было найдено ни малейшей раны, ни малейшего следа удушения? А в то же время откуда взялась кровь, пролитая на полу в таком большом количестве? Вокруг не было заметно никаких признаков борьбы, ничто не наводило на мысль, что в руках жертвы было какое-нибудь орудие защиты. Все это было крайне загадочно и таинственно, и я чувствовал, что до тех пор, пока все это дело не будет прояснено, ни я, ни Холмс не заснем спокойно. Что касается Холмса, то он был так спокоен и так уверен в правильности своих действий, что уже составил себе совершенно определенную теорию, объясняющую все факты. Но какую именно? Этого я никак не мог угадать.

Холмс вернулся очень поздно, так поздно, что мне стало очевидным, что он побывал не на одном только концерте. Наш обед был уже подан, когда он вошел в комнату.

– Концерт был великолепен, – сказал он, усаживаясь за стол. – Помните ли вы, что сказал о музыке Дарвин? Он утверждает, что человек создал гармонические тоны еще прежде, чем научился говорить. И может быть, вследствие этого музыка так сильно действует на нас. Мы продолжаем сохранять в себе неясное воспоминание этого прошлого времени, когда мир переживал еще период детства.

– Эта концепция слишком широка, – заметил я.

– Концепции и должны быть широки, как мир, когда они призваны к истолкованию чего-либо, – ответил он. – Но что с вами, доктор? Вы что-то совершенно не в своей тарелке. Не происшествие ли в Брикстон-Рэде так расстроило вас?

– Да, сознаюсь, хотя я должен быть более закаленным после моей афганской экспедиции. В Майванде я видел моих несчастных товарищей, рассеченных на части, и это ужасное зрелище никогда не волновало меня до такой степени, как сегодняшний день.

– Я вас очень хорошо понимаю. В нашем деле много таинственного, а это будоражит вашу фантазию. А если бы фантазии не от чего было разыгрываться, вы не чувствовали бы ужаса. Читали вы сегодняшние газеты?

– Нет.

– Они дают довольно точный отчет об убийстве, но не упоминают о кольце, найденном в то время, когда поднимали труп. И лучше, что не упоминают.

– Почему?

– Прочтите это объявление, – сказал он. – Когда мы вернулись сегодня домой, я отправил такое же объявление во все газеты.

Он подал мне газету и указал место. Объявление было помещено первым в столбце, где печатаются пропавшие вещи. Оно было составлено следующим образом:

«Найдено сегодня утром в Брикстон-Рэде, на половине дороги между «Золотым сердцем» и Голланд-Грувом, обручальное кольцо червонного золота. Обращаться в Бейкер-стрит, № 221, от восьми до девяти вечера, к доктору Ватсону».

– Простите, что я воспользовался вашим именем, – сказал он, – но если бы я это сделал от своего имени, то кто-нибудь из этих идиотов заметил бы это и впутался в дело.

– Вы правы, – ответил я. – Но предположим, что кто-нибудь явится за кольцом, которого у меня нет.

– Вот оно, – оказал Холмс, протягивая мне золотое кольцо, – оно прекрасно исполнит свою роль. Это почти тождественный двойник того, другого кольца.

– Кто, по вашему мнению, откликнется на объявление?

– Человек в коричневом пальто, наш друг с красным лицом и прямоугольными носами у сапог. А если он не пожелает явиться лично, то пришлет сообщника.

– Не сочтет ли он такой поступок слишком опасным?

– Нисколько, если, разумеется, мои предположения правильны, а я имею основания думать, что это так. Этот человек способен пренебречь всякой опасностью, лишь бы только вернуть кольцо обратно. По моему мнению, он уронил его, наклонившись над трупом Дреббера, и в ту минуту не обратил на это внимания. Отойдя от дома, он заметил потерю и поспешил вернуться. Но он уже совершил ошибку раньше, оставив на камине горящую свечу, вследствие чего, вернувшись, застал уже полицию на месте преступления. И чтобы отвести от себя всякие подозрения, он вынужден был прикинуться пьяным. А теперь войдите на минуту в его положение: раздумывая о своей потере, он мог прийти к заключению, что, может быть, обронил кольцо уже выйдя на улицу. Как он должен поступить в этом случае? Конечно, он прочтет внимательнейшим образом объявления о найденных вещах во всех вечерних газетах. Наше объявление бросится ему в глаза, и он будет в восторге. Почему он может заподозрить ловушку? У него нет ни малейшего основания думать, что находка кольца связана с убийством. И он придет, должен прийти. Не более как через час вы его увидите здесь.

– И тогда?

– О, тогда предоставьте действовать мне. У вас есть оружие?

– У меня есть мой походный револьвер и несколько патронов.

– Было бы хорошо, если бы вы привели его в порядок и зарядили. Мы будем иметь дело с человеком, который будет бороться с отчаянием. И поэтому, несмотря на то, что я надеюсь схватить его в то время, когда он этого будет менее всего ожидать, лучше принять все меры и быть настороже.

Я отправился в свою комнату, чтобы последовать совету Холмса. Когда я вернулся обратно, держа револьвер в руках, со стола было уже все убрано, а Холмс, погрузившись в глубокое кресло, предавался излюбленному занятию, то есть легонько водил смычком по струнам своей скрипки.

– Круг сужается, – произнес он при виде меня, – я только что получил телеграмму из Америки в ответ на мою. Все мои предположения полностью оправдываются.

– Какие предположения? – спросил я.

– Моя скрипка нуждается в новых струнах, – просто заметил он. – Спрячьте револьвер в карман. Когда субъект будет здесь, говорите с ним самым естественным тоном, а все остальное предоставьте мне. В особенности постарайтесь не слишком пристально глядеть на него, чтобы не испугать.

– Теперь ровно восемь часов, – сказал я, вынув часы.

– Да. Он будет здесь, по всей вероятности, через несколько минут. Приотворите немного дверь, вот так. А теперь переложите ключ внутрь... Спасибо. Посмотрите, какую интересную книжицу я выудил вчера в одной книжной лавчонке: *De Jure inter Gentes*². Книжка издана по-латыни в Льеже в 1642 году Голова Карла I еще крепко сидела на его плечах, когда эта книжонка в коричневом переплете вышла в свет.

– Кто издал ее?

– Некий Филипп Декруа. На первой странице написано пожелтевшими чернилами: «Из книг Вильгельма Вита». Я спрашиваю себя, кто мог быть этот Вильгельм Вит? Какой-нибудь усердный судейский сановник XVII века, без сомнения. По его почерку видно, что он принадлежит к законникам... Но вот, кажется, и наш субъект, если не ошибаюсь.

В ту же минуту мы услышали порывистый звон колокольчика. Шерлок Холмс тихонько поднялся с места и повернул свое кресло к двери. Мы слышали, как в переднюю прошла служанка и отодвинула засов.

– Здесь живет доктор Ватсон? – спросил звонкий, хотя несколько грубоватый голос.

² О международном праве (лат.).

Мы не расслышали ответа служанки, но дверь захлопнулась, и кто-то начал подниматься по лестнице неверными и нерешительными шагами. Мой товарищ прислушивался к звуку этих шагов, и величайшее изумление отобразилось на его лице.

Шаги приблизились, и раздался робкий стук в дверь.

– Войдите! – закричал я.

Вместо человека с грубым видом, которого мы поджидали, в комнату на мое приглашение вошла, прихрамывая и ковыляя, совсем сморщенная и очень старая женщина. Выйдя из темноты на яркий свет, она казалась ошеломленной и, сделав нечто вроде реверанса, остановилась у двери, застенчиво шаря правой рукой в своем кармане.

Я взглянул на Холмса и прочел на его лице такое обескураженное выражение, что мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не расхохотаться.

Старая колдунья вытащила, наконец, из кармана газету и указала нам на объявление.

– Вот зачем я пришла, мои добрые господа, – сказала она, снова делая реверанс, – золотое обручальное кольцо, найденное в Брикстон-Рэде. Это, наверное, кольцо моей дочери Салли, которая вышла замуж как раз год тому назад, и муж которой служит буфетчиком на одном из пароходов Компании. Я не могу без страха подумать, что он способен сделать, вернувшись домой и узнав о потере кольца. Он, видите ли, очень прыток на руку, но бывает еще хуже, когда он выпьет! Итак, мои добрые господа, с вашего позволения, Салли вчера вечером отправилась в цирк с...

– Это ваше кольцо? – спросил я.

– Слава богу! – воскликнула она. – Вот Салли-то обрадуется сегодня вечером! Это именно ее кольцо.

– Скажите мне ваш адрес, – спросил я, взявши в руки карандаш.

– Дункан-стрит, 13, Ундсдич. Как видите, это очень далеко отсюда.

– Мне кажется, что Брикстон-Рэд вовсе не находится по пути между Ундсдичем и парком? – сухо заметил Холмс.

Старуха быстро оглянулась и бросила на моего друга проницательный взгляд из-под своих покрасневших век.

– Господин доктор спрашивал у меня мой адрес, – ответила она. – Салли живет на Майфельдовской площади, № 3, в Пекгаме.

– Ваше имя? – спросил я.

– Меня зовут Савьер, а Салли – Денисс. Муж ее очень красивый малый, Том Денисс. Когда он находится в море, то нельзя найти ему подобного в ловкости и умении исполнять обязанности буфетчика. Его за это очень высоко ценит Компания и дорожит им. Но когда он сойдет на берег, среди женщин и виноторговцев...

– Вот ваше кольцо, мистрис Савьер, – сказал я, перебивая по знаку Холмса старуху, – вероятно, оно принадлежит вашей дочери, и я очень счастлив, что мог услужить вам.

Старая мегера сунула кольцо в карман, бормоча сквозь зубы слова благодарности и признательности. Затем она вышла, и мы слышали, как она спускалась по лестнице своими неверными и ковыляющими шагами.

Едва она вышла, Шерлок Холмс вскочил как ошпаренный со своего места и бросился в спальню. Через несколько секунд он появился снова, одетый в пальто с воротником, закрывавшим его лицо вплоть до самых глаз.

– Я прослежу за ней, – быстро сказал он, – она должна быть сообщницей и приведет меня к нашему субъекту. До свидания, подождите меня.

И Холмс выскочил на лестницу как раз в тот момент, когда дверь внизу захлопнулась за нашей посетительницей.

Подойдя к окну, я увидел старуху, с трудом волочившую ноги по противоположному тротуару, в то время как ее преследователь шел за нею в нескольких шагах.

«Или вся его история оказалась неверной, или он проникнет таким образом в самое сердце тайны», – подумал я.

Холмсу не надо было просить меня подождать его возвращения, потому что я чувствовал, что ни за что не засну, пока не узнаю, чем кончится его новое похождение.

Было почти десять часов, когда Холмс ушел. Не зная, как долго может продлиться его отсутствие, я растянулся с комфортом в кресле и принялся курить трубку, перелистывая книжку Генри Мюрже «Сцены из жизни богемы».

Прошло десять часов, и я услышал за дверью шаги служанки, которая прошла к себе в комнату спать. В одиннадцать часов снова раздались шаги, на этот раз более тяжелые. Это сама хозяйка проплыла также на покой. Наконец, около 12 часов ночи я услышал звук ключа, которым Холмс отпирал входную дверь. Как только он вошел, я сразу по выражению лица дога-

дался, что его постигла неудача. Он был одновременно и весел, и раздосадован. В конце концов, он не вытерпел и разразился неистовым хохотом, откинувшись на спинку своего кресла.

– Ни за что в мире не пожелал бы я, чтобы эти господа из Скотланд-Ярда видели то, что произошло. Я столько раз осмеивал их, что они, в свою очередь, не преминули бы и меня поднять на смех и дразнить до конца моих дней. Но я могу хохотать над собою, потому что все-таки уверен в успехе, – сказал он сквозь смех.

– Что же случилось? – спросил я.

– О, я расскажу вам, как меня одурачили, провели! Эта старая почтенная женщина шла несколько времени впереди меня и вдруг начала хромать так сильно, как будто у нее заболела нога. Она остановилась и окликнула фиакр. Я подошел поближе, чтобы не пропустить, какой она назовет адрес. Но это была напрасная предосторожность, потому что она прокричала свой адрес так громко, что его слышали бы на другом конце улицы.

– Дункан-стрит, Ундсдич, № 13!

И я поверил, слыша это, что она сказала нам правду. Как только она уселась в экипаж, я немедленно прицепился сзади. Я обладаю и этим маленьким талантом, который должен бы был иметь всякий полицейский. Мы тронулись в путь и покатали по данному адресу. Немного не доезжая до места, я спрыгнул наземь и с самым равнодушным видом принялся прохаживаться по тротуару. Фиакр остановился. Кучер слез, открыл дверцу и ждет. Никто не выходит из экипажа. Я искоса глядел на все происходившее. Не вытерпев, я подошел ближе и увидел, что кучер влез внутрь фиакра и шарил в нем, заглядывая даже под сиденье и откидывая подушки. Вид его был совершенно взбешенный, и он сыпал отборнейшими ругательствами, каких я в жизни не слыхивал. Седока и след простыл, и у меня есть все основания думать, что он долго не заплатит кучеру за проезд. В доме № 13 нам сказали, что дом принадлежит почтенному и уважаемому торговцу обоями, которого зовут Кесвик, и что имена Савьер и Денисс им совершенно неизвестны.

– Ну! – воскликнул я в крайнем изумлении. – Вы не заставите меня поверить, что эта добрая старушка, едва передвигавшая ноги, была способна выскочить из экипажа на ходу таким образом, что ни вы, ни кучер не заметили этого!

– К черту добрую старушку! – с горечью ответил Холмс. – Это мы с вами «добрые старушки» за то, что так глупо попались впросак. Это был молодой человек и даже очень сильный и ловкий, не считая того, что он несравненный актер. Его гримировка прямо бесподобна. Вероятно, он заметил, что за ним следят, и схитрил, чтобы выскользнуть у меня из рук. Все это доказывает, что тот человек, которого мы разыскиваем, не один, а имеет друзей, готовых идти ради него на серьезный риск. Но у вас измученный вид, доктор, идите-ка спать.

Я последовал его совету, так как действительно чувствовал себя страшно утомленным. Холмс остался сидеть перед камином, и долго еще в ночной темноте я слышал тихие звуки его скрипки, служившие доказательством того, что он продолжает размышлять над страшной проблемой, которую он поклялся разгадать.

VI. Тобиас Грегсон показывает, на что он способен

На другой день во всех газетах только и было речи, что об убийстве в Брикстон-Рэде. Каждая газета высказывала свое мнение о «Брикстонской тайне», как они называли эту печальную драму, и посвящали ей целые статьи. Я узнал из этих статей несколько новых подробностей, ранее мне неизвестных. Так как я записывал в свою записную книжку все, что касалось этого дела, то и из газетных статей я занес туда же нечто вроде конспекта. Вот он:

«Дейли телеграф» замечает, что ему еще не приходилось встречать преступлений, подобных Брикстонской тайне. Немецкое имя жертвы, видимое отсутствие мотивов преступления, мрачная надпись кровью на стене – все это невольно заставляло думать, что тут замешаны

политические партии и революционеры. Общество социалистов широко распространилось и по Америке, и возможно, что они-то и преследовали свою жертву, преступившую какой-нибудь их тайный закон, и настигли ее в Лондоне. Коснувшись слегка дарвинизма, теории Мальтуса, преступлений, совершенных на большой дороге грабителями, описанными у Ратклифа, автор оканчивал свою статью обращением к правительству, которое он умолял приложить все старания к обеспечению личной безопасности иностранцев, проживающих в Лондоне.

«Стандарт» объяснил все таким образом: дескать, чаще всего происходят подобные выходящие из ряда вон преступления тогда, когда либеральная партия берет перевес и занимает видные государственные должности. Вот к чему приводят либеральные идеи, насаждающие в народной массе смятение и стремление попирать все нравственные принципы и уважение к авторитету! Жертвой пал американец, только несколько недель как прибывший в Англию. Он нанял себе помещение в Торквай-Террасе, в меблированных комнатах мистрис Шарпантье в квартале Камбервель. При нем находился его личный секретарь – некто Стангерсон.

В четверг 4-го числа текущего месяца оба джентльмена распростились с хозяйкой, объяснив ей, что они уезжают в этот же день в Ливерпуль, и направились на Эустонскую станцию. Действительно, их видели в пассажирском зале названной станции. Но с этого момента никто

ничего не знал о них до тех пор, пока мертвое тело Эноха Дреббера не было найдено в пустом доме в Брикстон-Рэде. Кто привел его туда? Кто был его убийцей? Все это покрыто мраком неизвестности. Неизвестно также, куда девался секретарь Стангерсон.

К счастью, мы узнали, что дело поручено Грегсону и Лестрейду из Скотланд-Ярда. Они-то призваны возглавить розыски и провести расследование, и мы можем с уверенностью сказать, что эти два агента, известные своим усердием и ловкостью, не замедлят пролить яркий свет на это темное и мрачное злодеяние.

«Дейли ньюис» не сомневалась ни одной минуты, что имеет дело с политическим убийством. Ненависть ко всякому проявлению свободы и деспотизм континентального правительства заставляют многих и многих эмигрировать в Англию. Эти эмигранты могли бы быть прекраснейшими гражданами, если бы они не были так истерзаны различными гонениями, которые им пришлось претерпеть на родине. Людей этих связывают суровые законы чести, карающие смертью всякое нарушение их.

«Все старания должны быть направлены на розыски Стангерсона, чтобы расспросить его до малейших подробностей о привычках и характере убитого. Кстати сказать, следствие сделало уже серьезный шаг вперед, найдя квартиру последнего, чем оно обязано единственно лишь усердию и расторопности мистера Грегсона из Скотланд-Ярда».

Мы с Шерлоком читали эти статьи за завтраком, и моего друга они очень позабавили.

– Я же вам говорил, что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон пожнут лавры успеха.

– Все будет зависеть от оборота, какой примет дело, – ответил я.

– О, оставьте, пожалуйста! Им от этого ни тепло ни холодно. Если субъекта поймают, то это будет благодаря их усилиям, если он ускользнет из их рук, то это случится, несмотря на их усилия. Они играют наверняка. Что бы они ни сделали, они сделают хорошо. Глупец всегда найдет другого глупца, который его похвалит.

– Господи! Кто это такой идет к нам? – воскликнул я, прислушавшись.

В самом деле, на лестнице слышались многочисленные шаги ног, обутых в деревянные башмаки, и крики неудовольствия нашей хозяйки.

– Это маленький отряд Бейкер-стритской полиции, – серьезно ответил мой товарищ.

В ту же минуту в комнату ввалились с полдюжины уличных мальчишек, до того оборванных и грязных, что я почувствовал к ним прямое отвращение.

– Смирно! – сурово воскликнул Холмс, и тотчас же все шестеро оборванцев выстроились в ряд и стали как вкопанные у двери, наподобие шести статуй.

– На будущее время, Виджинс, вы один только будете входить сюда для доклада, а остальные пусть подождут на улице. Что нового?

– Ничего нет, сэр, – ответил мальчишка.

– Я так и думал. Но вы должны продолжать ваши розыски до тех пор, пока не нападете на след. Вот ваше жалованье. А теперь уходите и постарайтесь в следующий раз принести более приятные известия.

Говоря это, Шерлок сунул каждому из оборванцев по шиллингу, после чего махнул рукой, и все они мгновенно исчезли за дверью, подобно стае крыс. Через минуту мы услышали их пронзительные голоса уже на улице.

– Иногда один из этих маленьких человечков бывает более осведомлен и приносит лучшие известия, чем целый десяток полицейских, – заметил Холмс. – Один вид официального лица способен сделать людей немыми и глухими, в то время как эти маленькие пройдохи все высмотрят и всюду проникнут. Кроме того, они очень хитры и догадливы, и им только недостает хорошей организации.

– Вы ими пользуетесь для раскрытия Брикстонской тайны? – спросил я.

– Да, там есть один пункт, который я бы хотел прояснить. Впрочем, это дело только времени. Ага! Мы сейчас узнаем, как Грегсон превзошел соперника. Вот он идет по улице с лицом, на котором написано блаженство. Вероятно, он направляется к нам. Да, вот он и остановился.

Грегсон сильно дернул звонок, затем взбежал по лестнице в три прыжка и ворвался в комнату.

– Дорогой сэр! – воскликнул он, схватив руку Холмса, которую тот и не думал протягивать ему. – Поздравьте меня! Я раскрыл дело.

Мне показалось, что легкая тень беспокойства пробежала по выразительному лицу Шерлока Холмса.

– Вы пришли нам сказать, что напали на верный след? – спросил он.

– Верный след! Но, дорогой друг, мы схватили злодея! Он находится уже в тюрьме.

– Его имя?

– Мистер Артур Шарпантье, лейтенант королевского морского училища, – патетически произнес Грегсон, потирая руки и надув от удовольствия щеки.

Шерлок Холмс вздохнул с облегчением, и лицо его тотчас же стало веселое, улыбающееся.

– Сядьте и попробуйте вот эту сигару, – сказал он. – Мы горим от нетерпения узнать, как вы все это устроили. Хотите виски с водой?

– Не откажусь, – ответил полицейский агент. – Невозможная работа, которую я навалил на себя в течение этих двух последних дней, измучила меня совершенно. И это не столько был физический труд, сколько труд умственный. Страшное напряжение ума! Вы, мистер Холмс, должны меня понять лучше, нежели кто другой, потому что мы с вами принадлежим к числу людей, часто подвергающих свой мозг тяжелым испытаниям.

– Вы мне делаете слишком много чести, – ответил наисерьезнейшим образом Холмс. – Но расскажите же нам, каким образом вы добились таких блестящих результатов?

Грегсон развалился в кресле, принял самую удобную позу и начал не без удовольствия любоваться колечками дыма, которые выпускал изо рта. Вдруг он хлопнул себя по коленке с самым веселым видом.

– Забавнее всего то, что этот глупец Лестрейд, мнящий себя таким проницательным, пустился во всю прыть по фальшивым следам. Он сейчас разыскивает Стангерсона, который так же непричастен к этому убийству, как новорожденный младенец. И может статься, что в настоящую минуту Лестрейд уже арестовал его.

Эта мысль до такой степени развеселила Грегсона, что он чуть не задохнулся от приступа хохота.

– Что вас навело на след? – спросил Холмс.

– Ах! Я вам сейчас все расскажу. Но, доктор Ватсон, вы понимаете, все это должно остаться между нами. С самого начала в этом деле для меня была сложность в том, что я не

знал никаких подробностей, ни обстоятельств, окружающих этого американца. Другие стали бы ждать ответа на объявления, помещенные в газетах, или на случайные известия со стороны, но Тобиас Грегсон так не работает никогда! Помните ли вы шляпку, которая валялась возле трупа?

– Да, – ответил Холмс, – шляпа была куплена у Джона Ундервуда в Камбервель-Рэде, № 129.

В голосе Грегсона почувствовалась досада.

– Я бы не подумал, что вы заметили все это. Вы ходили туда?

– Нет.

– А! – произнес Грегсон с облегчением. – Видите ли, никогда не следует ничего упускать из виду, даже если вещь была самая пустяковая.

– Для великого ума нет пустяковых вещей, – сентенциозно произнес Холмс.

– Итак, я отправился лично к этому Ундервуду и спросил его, кому он продал шляпу такого-то сорта и такого-то размера. Он посмотрел свои записные книги и отыскал то, что мне было нужно. Шляпу, о которой шла речь, он отправил некоему мистеру Дребберу, живущему в меблированных комнатах Шарпантье на Торквей-Террасе. Итак у меня появился адрес.

– Сильно, очень сильно! – пробормотал Холмс.

– А затем, – продолжал рассказчик, – я отправился к Шарпантье и сразу же заметил, что она была очень бледна и расстроена. Здесь же находилась и ее дочь, очень хорошенькая, сказать кстати, девушка. Глаза девушки были красны и губы дрожали. Конечно, все это не ускользнуло от моего взгляда, и я подумал сейчас же, что тут что-то есть. Наверное, вы и на себе испытывали, мистер Холмс, ощущения как бы дрожи, когда вам случалось напасть на верный след?

Тогда я спросил у них:

– Известно ли вам, что ваш бывший жилец, мистер Энох Дреббер из Кливленда, убит?

Мать кивнула головой, будучи не в состоянии произнести ни одного слова, – до того она была взволнована. Что касается дочери, то она разразилась рыданиями. И я еще более убедился в том, что эти люди замешаны в деле.

– В котором часу мистер Дреббер ушел от вас, чтобы отправиться на поезд?

– В восемь часов, – ответила мать, стараясь овладеть собою. – Его секретарь Стангерсон говорил, что есть два поезда: в 9 и 11 часов. Они порешили ехать первым.

– И с тех пор вы его больше не видели?

При этом вопросе лицо ее из бледного сделалось синеватым. Прошла целая минута, в течение которой она, видимо, боролась с волнением, и, наконец, сказала «нет», но слабым и хриплым голосом. Наступило молчание, и вдруг дочь произнесла ясным и ровным голосом:

– Мама, ложь никогда никому не принесла ничего доброго. Будем искренни с этим господином. Да, мы видели еще раз мистера Дреббера.

– Господь да простит тебя! – воскликнула мать, поднимая руки к небу и падая на кресло. – Ты убила своего брата!

– Артур сам бы был за то, чтобы говорить правду, – решительно ответила дочь.

– Вам будет лучше, если расскажете мне все по порядку, – заметил я, – потому что эти полупризнания хуже всего. Тем более, что вы и понятия не имеете, до какой степени нам все известно.

– Так пусть же все ложится на тебя, Алиса, – воскликнула мать, и затем, повернувшись ко мне, продолжила: – Я вам все расскажу, сэр. Но вы не думайте, что мое волнение от страха, так как я не имею повода бояться чего-нибудь. Я слишком уверена, что мой сын не играл никакой роли в этой ужасной истории. Я только очень боюсь, что, несмотря на его полную невинность, он может оказаться скомпрометированным. Но, к счастью, он известен безукоризненным поведением и положением в обществе.

– Самое лучшее, если вы будете совершенно откровенны со мною, – настаивал я. – Будьте покойны, если ваш сын невиновен, то с ним не случится ничего худого.

– Алиса, оставь нас вдвоем с этим господином, – обратилась она к дочери.

Та встала и вышла из комнаты.

– Да, сэр, я не хотела говорить вам об этом, но так как моя дочь настаивает, то я буду откровенна с вами и все расскажу, не пропуская ни малейшей подробности.

– И сделаете правильно, – заметил я.

– Мистер Дреббер прожил у нас около трех недель. Он и его секретарь Стангерсон только что вернулись из путешествия на континент. Я заметила, что на каждом из их чемоданов была наклеена бумажка с надписью «Копенгаген», значит это был последний город, где они были до этого. Мистер Стангерсон был смирный, сдержанный человек, но его патрон, я должна это сказать с крайним сожалением, был совершенно другого характера. Это был грубый, дерзкий человек. Даже в первый день своего пребывания у нас он напился, да и вообще каждый день после полудня он всегда был уже в неприличном виде. Со служанками он обращался так свободно и распушенно, что вызывал у меня отвращение. Но случилось нечто худшее: он очень скоро начал позволять себе различные вольности и по отношению к моей дочери. Несколько раз он заводил с ней разговор на тему, которой она по своей невинности не могла, к счастью, даже понять хорошенько. Однажды он схватил ее за талию и поцеловал! Даже его секретарь возмутился таким недостойным поступком своего патрона и уговаривал его опомниться и вести себя приличнее.

– Но почему вы все это терпели? – спросил, я. – Полагаю, что вы совершенно свободно могли избавиться от неприятных жильцов?

Мистрис Шарпантье даже покраснела, до того мое замечание было логично.

– Бог мне свидетель, как я сожалею теперь, что не выставила его за дверь в первый же день, как он поселился у нас, – ответила она, – но соблазн был слишком велик. Они платили очень хорошо, а у нас, квартирохозяек, теперь мертвый сезон. Я – вдова; сын мой, который находится на морской службе, стоит мне очень дорого. И я не нашла в себе силы воли, чтобы отказаться от этих денег, и думала, что поступаю хорошо. Но последняя наглая выходка Дреббера перешла всякие границы, и я отказала ему в квартире, объяснив и причину отказа. Вот почему они и порешили уехать из Лондона.

– Прекрасно. Продолжайте.

– Я почувствовала большое облегчение, когда мои жильцы уехали. Я должна вам сказать, что мой сын в настоящее время в отпуске, и я побоялась рассказать ему все из опасения его вспыльчивого характера. Он так сильно любит свою сестру! Поэтому, когда дверь за этими господами затворилась, страшная тяжесть спала у меня с души. Увы! Менее чем через час раздался звонок. Это был мистер Дреббер, который казался чем-то взволнованным и, очевидно, сильно выпил. Он ворвался в комнату, что-то бормоча и пытаясь объяснить, из чего я поняла, что он опоздал на поезд. Затем повернулся к Алисе и на моих глазах, в моем присутствии начал уговаривать ее бежать с ним вместе.

– Вы совершеннолетняя, – говорил он, – и никакой закон не может помешать вам сделать это. У меня денег больше, нежели я в состоянии израсходовать. Не слушайте старуху, идемте со мною сию минуту. Вы будете жить как царица.

Бедная Алиса, сильно напуганная, отступила от него подальше, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала, и в тот же момент на пороге появился мой сын Артур. То, что произошло затем, не поддается описанию. Я слышала проклятия, шум борьбы, но от ужаса не смела даже поднять глаз. Когда я пришла несколько в себя, то увидела Артура, который стоял с тростью в руке возле двери и неистово хохотал.

– Не думаю, что этому джентльмену снова придет желание досаждать вам, – сказал он, – но я пойду за ним и посмотрю, что с ним будет.

Сказав это, он взял шляпу и пошел вниз. А на другой день мы узнали, что Дреббер умер загадочной смертью.

Ее рассказ часто прерывался вздохами и слезами. По временам мистрис Шарпантье говорила так тихо, что я едва улавливал ее слова. Я сделал несколько пометок в своей записной книжке.

– Это поразительно, – заметил Шерлок, зевая, – а затем?

– Когда она кончила свой рассказ, – продолжал Грегсон, – я понял, что все сосредоточилось на одном пункте. Потому, устремив на нее пронзительный взгляд, который, как знаю по опыту, производит большое впечатление на женщин, я спросил, в котором часу вернулся ее сын домой.

– Не знаю, – ответила она.

– Вы не знаете, когда?

– Нет, не знаю. У него был с собой ключ от входной двери.

– Вы уже легли, когда он вернулся?

– Да.

– В котором часу вы легли?

– Около одиннадцати.

– Значит, ваш сын находился в отлучке, по крайней мере, два часа?

– Да.

– Может быть, даже пять часов?

– Может быть.

– Что он делал в продолжение этого времени?

– Не знаю.

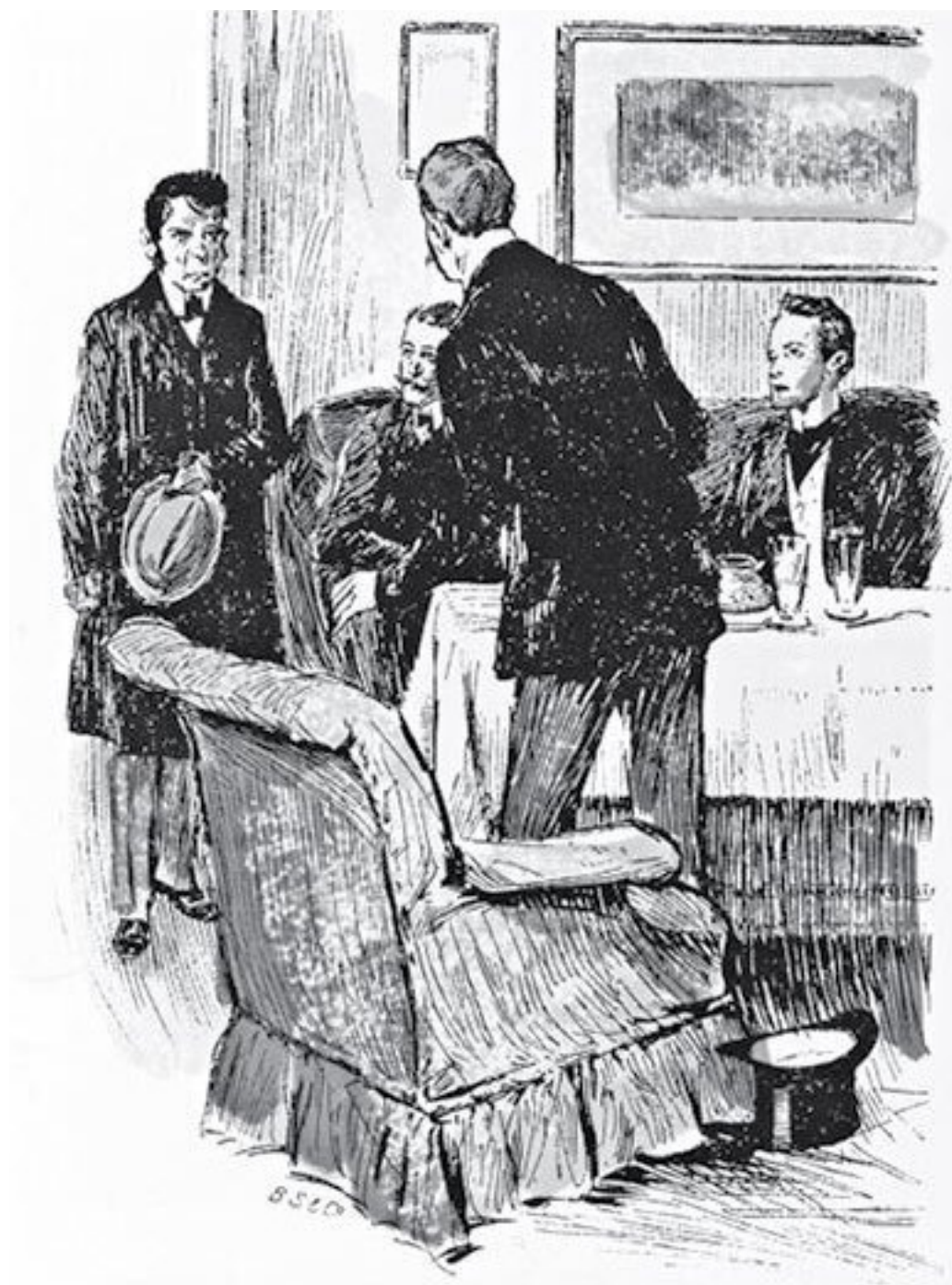
– Конечно, я-то знал. Расспросив, где находится лейтенант Шарпантье, я взял с собой двух агентов и арестовал его. Когда я коснулся его плеча и попросил его следовать за мной, он спросил меня с наглостью: «Вероятно, по делу этого мерзавца Дреббера?» Так как я не объявлял ему причины его ареста, то это восклицание показалось мне в высшей степени подозрительным.

– В высшей степени, – подтвердил Холмс.

– В руках он еще держал толстую трость, которую взял, по словам его матери, когда отправлялся провожать мистера Дреббера. Толстуя палка из цельного дуба.

– Так какое же ваше мнение? – спросил Холмс.

– Такое, что он последовал за Дреббером до самого Брикстон-Рэда. Здесь между ними снова разгорелась ссора, и Дреббер получил удар палки, может быть, под ложечку, что и причинило моментальную смерть, не оставив ни малейшего знака насилия. Ночь была дождливая, на улице ни собаки, и Шарпантье преспокойно мог втащить труп своей жертвы в необитаемый дом. Что касается до свечки, крови и надписи на стене, то все это сделано с хитрой целью отвлечь внимание полиции.

– Сработано чисто, – произнес одобительно Холмс, – действительно, Грегсон, вы идете вперед. Из вас выйдет толк.

– Лыщу себя надеждой, что я действительно вел дело довольно чисто, – снисходительно ответил полицейский. – Молодой человек объяснил, что некоторое время он шел за Дреббером, когда последний, обернувшись, увидел его и поторопился удрать, сев в наемный фиакр. Затем он уверяет, что, возвращаясь домой, встретил товарища, с которым и прогулял более часа по улицам. Когда у него спросили адрес этого товарища, он не был в состоянии дать удовлетворительного ответа. Итак, все идет отлично. Но что меня забавляет более всего, так это то, что Лестрейд катит по ложному следу. Боюсь, что ничего путного из этого для него не выйдет. Но, черт возьми, вот и он сам собственной персоной.

Действительно, Лестрейд быстро взбежал по лестнице и вошел в комнату. Он был непохож на самого себя. Лицо его было расстроено, платье в беспорядке. По-видимому, он пришел, чтобы посоветоваться с Шерлоком, потому что, увидев своего коллегу, он ужасно сконфузился и, остановившись посреди комнаты, безжалостно стал мять в руках свою фуражку, не зная, что сказать.

– Это выходящий из ряда вон случай, – сказал он, наконец, – совершенно непонятное дело...

– Вы так полагаете, мистер Лестрейд? – торжествующе воскликнул Грегсон. – Я так и думал, что вы ничего не сделаете. Отыскали ли вы, в конце концов, этого секретаря, мистера Стангерсона?

– Этот секретарь, этот Джозеф Стангерсон убит нынче утром, около шести часов, в гостинице «Холидей», – серьезно произнес Лестрейд.

VII. Свет во тьме

Известие, которое нам принес Лестрейд, было так неожиданно и так важно, что все мы были прямо ошеломлены и невольно умолкли. Грегсон в первую минуту порывисто вскочил с места, опрокинув стакан с виски. Я ограничился тем, что молча наблюдал за Шерлоком Холмсом, который стиснул губы и нахмурил брови.

– И Стангерсона также! – прошептал он. – Дело осложняется.

– Оно и без того было очень запутано, – заворчал Лестрейд, опускаясь на стул. – Но я вижу, что попал на настоящий военный совет.

– Вы... вы уверены, что это правда? – пролепетал Грегсон.

– Я был в его комнате, – ответил Лестрейд. – Я первый открыл преступление.

– Мы только что выслушали мнение Грегсона об этом деле, – заметил Холмс, – не будете ли вы так добры рассказать нам теперь все то, что видели и слышали?

– Охотно, – ответил Лестрейд. – Я должен сознаться вам, что был почти убежден в причастности Стангерсона к убийству Дреббера. Но последнее событие доказало мне мою ошибку. С этой идеей я принялся разыскивать Стангерсона. Его видели в последний раз вместе с патроном на Эустонской станции вечером 3-го числа. В два часа ночи Дреббер был найден мертвым в Брикстон-Рэде. Следовательно, первейшей важностью было узнать, как провел время Стангерсон от восьми часов до момента, когда было совершено преступление, и куда он делся. Я телеграфировал в Ливерпуль, описав приметы Стангерсона и поручив внимательно следить за всеми отплывающими на американских пароходах. Со своей стороны я принялся обшаривать все гостиницы и меблированные комнаты поблизости Эустонской станции. Потому что я подумал, что, если Стангерсон и Дреббер почему-либо расстались в роковой вечер, первый должен был переночевать где-нибудь поблизости, чтобы, наутро явившись на станцию, подождать своего компаньона.

– По всей вероятности, они условились о месте свидания, расставаясь вечером, – заметил Холмс.

– Я также подумал об этом и провел вчера весь вечер в поисках, к сожалению не увенчавшихся никаким успехом. Сегодня рано утром я продолжал свои поиски и к пяти часам очутился в гостинице «Холидей» в Литтл-Джордж. На мой вопрос, не здесь ли остановился мистер Стангерсон, я получил утвердительный ответ.

– Вы, вероятно, тот самый господин, которого он ищет вот уже второй день, – сказал мне слуга.

– Где он в настоящее время? – спросил я.

– У себя наверху. Он приказал не входить к нему раньше девяти часов.

– Мне нужно повидать его сию минуту, – сказал я, подумав про себя, что при моем неожиданном появлении он растеряется и чем-нибудь выдаст себя.

Привратник вызвался проводить меня наверх. Комната, которую занял Стангерсон, находилась во втором этаже, и в нее нужно было идти через небольшой коридорчик. Человек указал мне дверь и собирался уже спускаться вниз, как вдруг моим глазам представилось такое ужасное зрелище, что сердце мое дрогнуло, несмотря на мою многолетнюю полицейскую практику. Из-под двери вытекала тоненькая струйка крови, образовавшая целую громадную лужу на противоположной стороне коридора. Я невольно вскрикнул, что заставило привратника вернуться назад. Ему сделалось дурно при виде такой массы крови. Дверь в комнату была заперта изнутри ключом, но мы совместными усилиями вышибли ее плечами и кулаками. Возле открытого настежь окна, лицом вниз, лежал труп человека, одетого в одну ночную сорочку. Смерть наступила, по-видимому, некоторое время тому назад, потому что тело уже окоченело. Привратник перевернул труп вверх лицом и узнал в нем жильца, который под именем Стангерсона сиял комнату два дня тому назад. Смерть последовала от удара кинжалом в левую сторону груди. Удар был нанесен с такой силой, что проколол сердце насквозь. И странное дело, как вы думаете, что мы нашли возле трупа?

Я почувствовал, как дрожь пробежала по моему телу, как бы в предчувствии чего-то мрачного и дикого.

– Слово Rache, написанное кровью, – ответил Холмс.

– Именно, – произнес дрогнувшим голосом Лестрейд.

Мы все переглянулись в молчании. Этот неизвестный убийца действовал так методически и непонятно, что его преступление вследствие этого делалось еще более ужасным. Мои нервы напрягались до крайности перед этой тайной.

– Убийцу видели, – продолжал Лестрейд. – Мальчик-молочник, отправляясь в свою молочную, пробирался узким проходом, отделяющим гостиницу от конюшен. Он заметил, что деревянная лестница, обыкновенно валявшаяся на земле, была приставлена к широко открытому окну второго этажа. Пройдя мимо, мальчик оглянулся и увидел какого-то человека, который спускался по лестнице. Человек спускался так медленно и так естественно, что мальчик принял его за слесаря или за какого-нибудь другого ремесленника, работающего в гостинице. Поэтому он не обратил на этот инцидент внимания и только подумал, что этот субъект начинает работать что-то уж очень рано. Мальчик припомнил, что человек этот был высок, красен лицом и одет в длинное пальто. Он, вероятно, некоторое время оставался после совершения преступления в комнате, потому что я нашел кровь в рукомойнике, где он мыл руки, и кровь на углу простыни, о которую он обтер кинжал.

Я бросил быстрый взгляд на Холмса, услышав описание наружности убийцы, совершенно тождественное тому, какое он дал мне. Но на его лице я не заметил ни малейшего признака торжества, ни даже удовлетворенности.

– Не нашли ли вы какого-либо следа в комнате, который указал бы на убийцу? – спросил он.

– Никакого. В кармане Стангерсона мы нашли кошелек Дреббера, что было, очевидно, привычной вещью, так как первый всегда заведовал расходами в пути. В кошельке было что-то около двухсот фунтов.

Какие бы ни были мотивы этих преступлений, ясно до очевидности, что они совершены не ради грабежа. Кроме кошелька, в карманах убитого мы нашли телеграмму из Кливленда, посланную уже с месяц тому назад. Вот что было в ней. «Д. Г. уехал в Европу». Подписи не было.

– И больше ничего?

– Ничего особенного. Книжка, которую несчастный читал перед тем как заснуть, и трубка валялись на стуле возле постели. На столике стоял стакан с водой, а на подоконнике деревянная коробочка, в которой находились две пилюли.

Вдруг Шерлок Холмс вскочил, испустив крик восторга.

– Вот мое последнее звено! – воскликнул он. – Все теперь ясно.

Оба полицейские с удивлением поглядели на него.

– Видите ли, – продолжал мой друг конфиденциальным тоном, – теперь я держу в руках все нити этой запутанной истории. Конечно, мне недостает еще нескольких деталей. Но я так же уверен в истинности происшествий, случившихся с момента, когда Стангерсон и Дреббер расстались, и до момента, когда труп последнего был найден, как если бы я лично присутствовал при этом. Вы взяли пилюли с собой?

– Вот они, – ответил Лестрейд, показывая маленькую белую коробочку. – Я их взял вместе с кошельком и телеграммой, чтобы передать их суду в числе вещественных доказательств. Но я чуть не оставил пилюль на месте, потому что, признаюсь, придал им мало значения.

– Дайте их мне, – сказал Холмс. – А теперь, доктор, – продолжал он, обращаясь ко мне, – скажите нам, имеют ли эти пилюли обычный вид лекарственных?

Конечно, это не были лекарственные пилюли. Жемчужно-белого цвета, они были маленькие, круглые и почти совершенно прозрачные.

– Они так легки и прозрачны, – заметил я, – что должны растворяться в воде.

– Именно, – ответил Холмс, – а теперь пойдите, принесите сюда этого несчастного старого терьера, который болен уже давно и которого вчера хозяйка вас просила отравить, чтобы положить конец его мучениям.

Я вышел и вернулся с собачкой на руках. Ее тяжелое дыхание и стеклянные глаза показывали, что конец ее близок. И в самом деле, его белая как снег мордочка доказывала, что он давно уже перешел предел, положенный природой долговечности собак. Я положил собачку на подушку возле камина.

– Теперь я разрежу надвое одну из этих пилюль, – сказал Холмс, взяв перочинный нож и сопровождая слова действием. – Одну половинку я снова уберу в коробку, чтобы воспользоваться ею впоследствии, а другую опускаю в стакан, в котором находится немного воды. Вы видите, что наш друг доктор Ватсон прав и что пилюли растворяются в воде совершенно.

– Все, что вы делаете, может быть, и очень интересно, но я не вижу связи между всем этим и смертью Джозефа Стангерсона, – сказал Лестрейд обиженно, подозревая, не смеются ли над ним.

– Терпение, мой друг, терпение. Вы сами скоро убедитесь, насколько это касается нашего дела. Теперь я прибавлю в воду немного молока, чтобы сделать питье более вкусным.

Говоря это, Шерлок вылил содержимое стакана в полоскательную чашку и поставил ее перед собакой, которая проглотила питье в несколько глотков. Серьезный вид, с которым Шерлок проделывал все эти манипуляции, сильно подействовал на нас, и мы все стояли молча, ожидая каких-то удивительных результатов. Но ничего не произошло. Собачка лежала, растянувшись на подушке, по-прежнему с усилием дыша, но, очевидно, не ощущая ни ухудшения, ни улучшения, приняв небольшую дозу лекарства Шерлока. Последний вынул часы, но минуты проходили за минутами, не принося никакой перемены. Выражение скуки и разочарования возникло на подвижном лице Холмса. Он кусал губы, постукивал пальцами по столу, проявляя явную раздраженность. Его волнение было так сильно, что я почувствовал себя обиженным за него, в то время как два полицейских агента, довольные его явной неудачей, иронически улыбались.

– Невозможно, чтобы это было простое совпадение, – воскликнул Холмс, порывисто вскакивая и бегая по комнате, – это невозможно! Пилюли, которые я заподозрил в деле Дреббера, снова появляются на сцену в деле Стангерсона. Однако они совершенно безвредны...

Что все это значит? Нет, вся цепь моих подозрений и заключений не может быть ошибочной! Это немыслимо! Но эта проклятая собака чувствует себя как ни в чем не бывало... Ах! Нашел! Нашел!

С криком радости Холмс бросился к коробочке с пилюлями, вынул вторую пилюльку, разрезал ее пополам, развел в воде с молоком и предложил выпить собачке. Едва только несчастное животное обмочило язык в питье, как конвульсивная дрожь пробежала по его телу, лапки свела сильная судорога, и оно упало на подушку мертвое, точно сраженное громом.

Холмс испустил глубокий вздох облегчения и отер пот, обильно выступивший на лбу.

– Мне нужно было быть более доверчивым к себе, – сказал он – Я должен был знать, что если один какой-нибудь факт идет вразрез целой серии фактов, добытых по методу дедукции, то это значит, что надо искать другое объяснение этому факту. Из двух пилюль, лежавших в коробочке, одна заключала в себе смертельный яд, другая была совершенно безвредна. Я должен был знать это, даже не видя коробочки в глаза.

Это его утверждение показалось мне до такой степени удивительным и выходящим из ряда вон, что я подумал, не сошел ли мой друг с ума. Но как неопровержимое подтверждение его слов, перед нами лежала мертвая собака. Мне казалось, что туман, окутывавший мой ум, рассеивается понемногу, и я начинаю познавать истину.

– Вам все это кажется странным, – продолжал Холмс, – потому что вы не обратили внимания на единственный верный факт с самого начала. Мне посчастливилось заметить его, а все последующее только подтверждало мои предположения, составляя длинную логическую цепь. То, что мешало вам и сбивало с толку, для меня было логическим следствием и светом впотьмах. Напрасно думают, что все странное и непонятное – уже тайна. Иногда самое обыкновенное преступление бывает окружено непроницаемой тайной, потому что не обставлено подробностями, за которые могла бы уцепиться дедукция. Убийство, которым мы заняты в настоящее время, было бы несравненно труднее для расследования, если бы тело жертвы было найдено где-нибудь на большой дороге, где его не окружали бы никакие характерные подробности. Но мы нашли его в доме, в странной загадочной обстановке, которая, вместо того чтобы запутать дело, облегчила нам задачу.

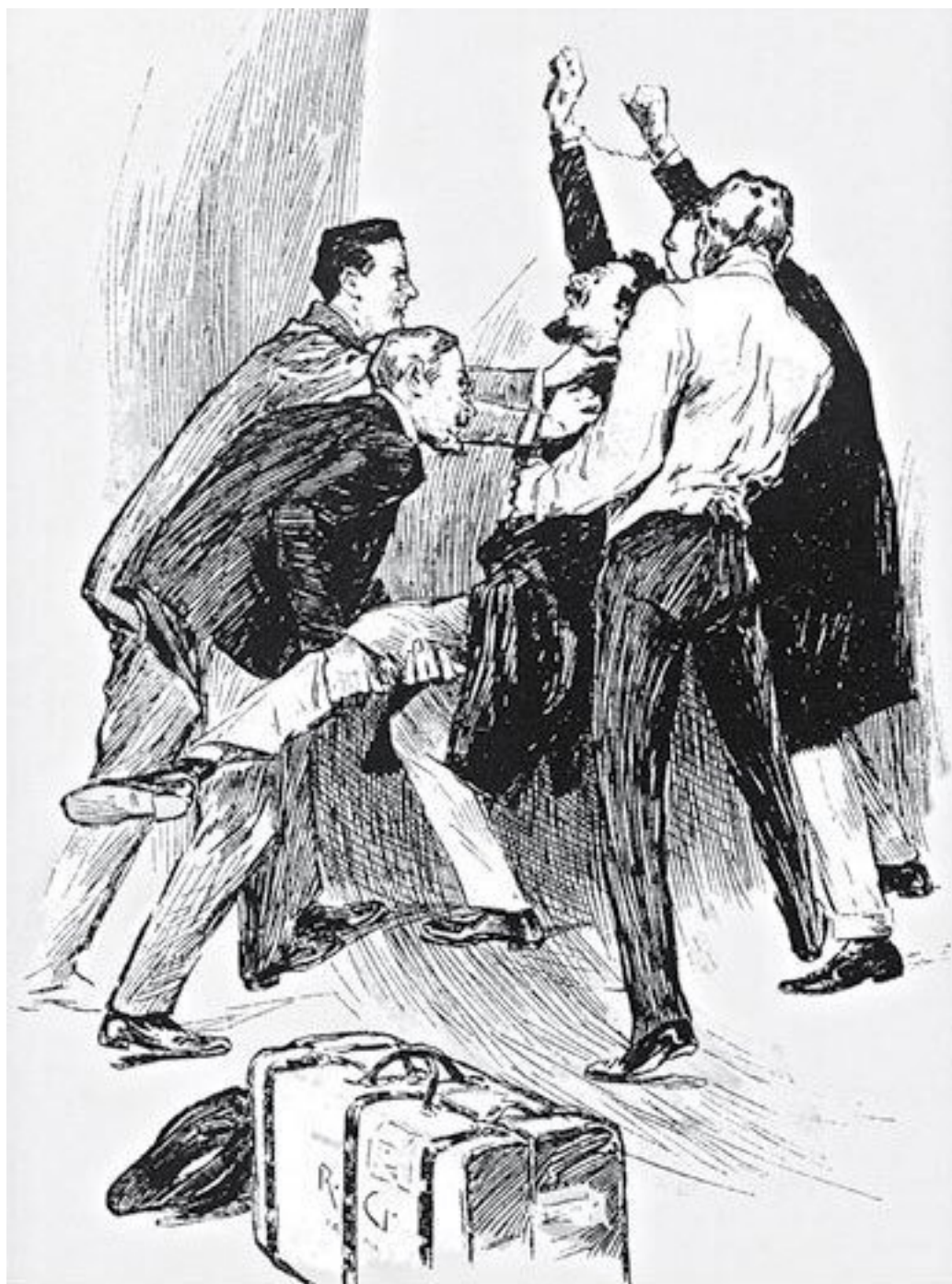
Грегсон слушая слова Шерлока с плохо скрываемым нетерпением, воскликнул:

– Слушайте, Шерлок Холмс, мы все готовы признать вас за очень умного человека, готовы признать, что вы изобрели единственный надежный метод следствия. Но в настоящее время мы нуждаемся в кое-чем большем, нежели теории и красивая речь. Надо арестовать преступника. Я действовал так, как считал самым верным, но мне кажется, что я шел по ложной дороге. Юный Шарпантье не может быть замешан в этой истории. С другой стороны, и Лестрейд, охотившийся за Стангерсоном, зашел, в конце концов, в тупик. Вы временами делали намеки, из которых можно было понять, что вы знаете больше нас. И мы имеем теперь право спросить вас: известно ли вам имя убийцы?

– Я должен заметить, что Грегсон прав, – сказал Лестрейд. – Мы оба делали все, что могли, и оба сели в лужу. С того момента, как я вошел сюда, я слышал несколько раз, как вы говорили, что имеете все улики в руках. Надеюсь, вы не станете хранить долее вашу тайну?

– Всякая задержка с арестом преступника может иметь печальные последствия, – добавил я, – можно ожидать новых убийств.

Понукаемый таким образом со всех сторон, Шерлок Холмс, казалось, колебался. Он продолжал шагать по комнате из угла в угол, склонив голову на грудь и нахмутив брови, как он всегда делал, когда раздумывал.

– Больше не будет преступлений, – сказал он наконец, внезапно останавливаясь и глядя на нас, – можете в этом быть уверены. Вы спрашиваете меня, знаю ли я имя убийцы? Да, я его знаю. Узнать его имя было, однако, несравненно легче, чем задержать его. Но я надеюсь сделать это и очень скоро, благодаря некоторым совершенно особым мерам, которые я использовал. Эта вещь требует очень много такта, потому что мы имеем дело с человеком хитрым и способным на все. К тому же он не один и пользуется услугами друга, такого же ловкого, как и он сам. До тех пор, пока этот человек будет уверен, что никто не гонится по его следам, мы имеем некоторые шансы поймать его. Но при первом же подозрении он немедленно переменит имя и затеряется в четырехмиллионном населении Лондона. Не желая сделать вам неприятного, я все-таки принужден сказать, что в этом деле полиция очутилась лицом к лицу с людьми более сильными, чем она. И поэтому-то я и не просил вашей помощи при следствии. Если я

провалюсь, вся вина падет на меня одного, но я подготовился уже к этому. Обещаю вам: как только увижу, что могу открыться без вреда для дела, тотчас же сообщу вам все, что знаю сам.

Грегсон и Лестрейд, казалось, не совсем были довольны его словами, особенно же обидным намеком на полицию. Грегсон покраснел до корней своих волос, в то время как выпученные глаза Лестрейда заблестели гневом и любопытством. Но ни тот ни другой не успели еще и рта разинуть для ответа, как раздался стук в дверь, и на пороге комнаты появился предводитель уличных мальчишек – юный Виджинс, все такой же грязный и отталкивающий.

– Извините, сэр, – произнес он, почесывая затылок, – я привел вам фиакр. Он ждет внизу.

– Ты молодец, мальчик, – просто ответил Холмс. – Смотрите, – продолжал он, показывая нам пару стальных наручников, которые он вынул из ящика комода, – вы должны завести такого же образца и у себя, в Скотланд-Ярде. Механизм устроен так ловко, что в одно мгновение сковывает преступника.

– И старые образцы хороши, – недовольно пробормотал Лестрейд, – было бы только кого заковывать.

– Это правда, – ответил Холмс, улыбаясь. – Но я думаю, что кучер мог бы подняться сюда и помочь мне управиться с чемоданом. Позови его, Виджинс.

Я очень удивился, услышав, что мой друг говорит об отъезде, о чем раньше не проронил мне ни полслова. В одном из углов комнаты лежал старый кожаный чемодан. Шерлок Холмс вытащил его и принялся укладывать. Он был весь углублен в это занятие, когда в комнату вошел кучер фиакра.

– Помогите же стянуть ремень, – произнес Холмс, не поворачивая головы.

Кучер с мрачным и недоверчивым видом подошел к нему и протянул руки к чемодану. В тот же момент послышался какой-то сухой металлический лязг, щелканье замка, и Шерлок Холмс быстро вскочил на ноги.

– Господа! – воскликнул он, блестя глазами. – Позвольте мне представить вам мистера Джеферсона Гоппа, убийцу Эноха Дреббера и Джозефа Стангерсона!

Все это произошло так быстро, что произвело впечатление сверкнувшей молнии. Но я никогда в жизни не забуду этого момента, не забуду торжествующего выражения лица Шерлока Холмса, вибрирующего звука его голоса и дикого отчаяния, изобразившегося на лице кучера, с каким он глядел на блестящие стальные браслеты, точно волшебством обвившиеся вокруг его кистей. В течение первых двух минут мы стояли молча, точно каменные статуи. Затем, испустив глухой крик ярости, кучер вырвался из рук Холмса и бросился к окну. Рама и стекла разбились вдребезги, но, прежде чем он успел высунуться в окно, Грегсон, Лестрейд и Холмс вцепились в него, точно охотничьи собаки в добычу. Им удалось опрокинуть его назад, повалить на пол, и тогда завязалась ужасная, отчаянная борьба. Этот человек был так силен и так дик, что стряхивал нас всех четверых, как только мы налегали на него, желая усмирить. Вид его был ужасен: он походил на эпилептика во время припадка. Его лицо и руки были сильно изранены стеклами, но лившая из ран ручьем кровь несколько не ослабляла силы его сопротивления, и, только когда Лестрейду удалось просунуть руку за его воротник и наполовину удушить его, он понял бесполезность своих усилий. Но мы не успокоились до тех пор, пока не скрутили ему ноги полотенцем. После этого мы встали с полу утомленные и тяжело дыша.

– Его фиакр внизу, – произнес Холмс, – мы можем его доставить в нем в Скотланд-Ярд. А теперь, господа, – сказал он, любезно улыбаясь, – вот мы и пришли к решению нашей маленькой проблемы. Вы можете теперь спрашивать меня о чем угодно, и я буду счастлив отвечать на ваши вопросы.

Часть вторая В Стране Святых

I. В соляной пустыне

В центральной части Северной Америки находится бесплодная, унылая пустыня. Она являлась границей, за которую не смела проникать цивилизация. Окаймленная с одной стороны горами Сьерра-Невады, с другой – горами Небраски, с северной стороны – рекой Йеллоустоун и с запада – рекой Колорадо, пустыня эта кажется местом уединения и молчания. Но она не имеет однообразного, ровного вида. Высокие темные горы, покрытые снегом, сменяются обширными мрачными равнинами. Местами извилистые, быстрые речки пробивают себе путь в бесплодной каменистой почве. Громадные равнины раскинулись в бесконечную даль, в зимнее время занесенные снегом, точно окутанные белым саваном, а летом – серые от пыли, толстым слоем покрывающей их. Но зимой и летом на горах и равнинах повсюду царит одинаковый негостеприимный, заброшенный и бесплодный вид. Это – земля отчаяния, в которой не живет никто. Время от времени по ней проносятся шайки павнов краснокожих, которые забредают сюда в поисках дичи, но и самые храбрые из храбрых только тогда чувствуют себя в безопасности, когда, поохотившись, покидают эти молчаливые равнины и возвращаются в свои жилища. Ящерица, скрывающаяся в низких кустарниках, ястреб, парящий в воздухе, медведь-гризли, который ковыляет своей тяжелой походкой, пробираясь между скалами, отыскивая себе пищу, – вот постоянные и единственные гости этой пустыни.

Во всем мире нет более грустного места, чем южный склон Сьерра-Бланки. Докуда хватает глаз, без малейших возвышений, тянется бесконечная равнина, усеянная местами сероватыми пятнами соляной пыли. А на горизонте равнина эта окаймляется длинной цепью серых неприветливых гор, поднимающих к небу белые от покрывающего их снега вершины. Здесь незаметно никаких признаков живых существ. Никогда птица не прорежет быстрым полетом темную лазурь неба, никогда ни одно животное не пробежит по этой серой земле. Одна тишина царит здесь, тишина ненарушаемая, абсолютная. Прислушайтесь: ни один звук не прерывает тишины этой дикой пустыни, и такая тишина приведет вас в отчаяние, охватит холодом сердце.

Ватсон

Майор Альфред Вуд

Прототипом доктора Джона Ватсона (Уотсона) можно назвать самого Дойла. Их общая профессия – врач. Был и второй прототип, которого назвал сам писатель, – майор Альфред Вуд, отставной военный медик, выпускник Эдинбургского университета. С ним писатель познакомился в середине 1880-х годов. В 1886 году Вуд стал добровольным литературным секретарем Дойла, прослужив в этой должности почти 40 лет. Называют еще несколько человек из

среды врачей, знакомых писателей, похожих на Ватсона своим характером. И хотя этот персонаж уступает своему другу в наблюдательности и умении делать выводы, он незаменим, как верный оруженосец Санчо Панса у Дон Кихота.

Примечательно, что биография Ватсона имеет больше деталей, нежели описание загадочного Шерлока Холмса. Он окончил Лондонский университет, затем оперировал в больнице Святого Варфоломея, служил военным врачом в Индии и Афганистане. Добрый и чуткий Ватсон олицетворяет собой среднестатистического законопослушного гражданина своей страны.

Доктор Ватсон. 1881

И все-таки нельзя сказать, что здесь нет хоть каких-нибудь следов, напоминающих о живых существах. Если вы с вершины Сьерра-Бланки внимательно рассмотрите равнину, то заметите узенькую дорожку, извивающуюся по пустыне и теряющуюся вдаль. Множество колес оставили на ней свои следы, множество бродяг рыскали по ней. Здесь и там виднеются белые пятна, резко выделяющиеся на серой почве. Подойдите ближе и разглядите их. Это – кости. Одни крупные и грубые, другие тонкие и маленькие. Это кости животных и людей. Эти кости наметили, таким образом, дорогу на всем ее протяжении, по которому проходили караваны.

Четвертого мая 1847 года одинокий путешественник созерцал с вершины горы этот унылый пейзаж. Кто был он: добрый ли гений или злой демон этих мест? Глядя на него, трудно было определить его возраст. Ему могло быть сорок, могло быть и шестьдесят лет. Лицо его было худо и вытянуто. Желтая кожа, наподобие старого пергамента, обтягивала его кости. Белые нити проглядывали в его темных волосах и в густой всклокоченной бороде; глубоко впавшие глаза сверкали странным огнем, а рука, сжимавшая дуло ружья, была совершенно лишена мягких частей и напоминала руку скелета. Он опирался на ружье, и, несмотря на страшную худобу, все в его фигуре говорило о силе и мужественности. Его лицо, его платье, свободно висевшее на нем, красноречиво объясняли причину его теперешнего несчастного вида: человек этот умирал от жажды и голода.

Тяжелой поступью спустился он вниз, в равнину. Еще с большим трудом поднялся он снова на соседнюю скалу, в надежде – увы, тщетной! – заметить хоть какой-нибудь признак воды, столь желанной! Но куда ни достигал его взгляд, нигде не было заметно ни одного деревца или какого-нибудь другого растения, свидетельствующего о присутствии источника или хотя бы болота. Всюду одна безбрежная соляная пустыня, окруженная цепью темных, неприветливых гор. В этой пустыне должна была погибнуть всякая надежда на спасение. И путешественник понял, что настал его конец, что путь его свершен и что здесь, на этом голом камне, ему остается только умереть...

– А почему и не так? – прошептал он, опускаясь на землю в тени под гигантской скалой. Здесь или дома в своей постели, не все ли равно?

Он бросил ружье и тяжелую ношу, которую таскал с собой до сих пор. Ноша эта состояла из большого свертка, обернутого в серую ткань и слишком тяжелого для его слабых сил. При падении на землю сверток издал жалобный крик, и из серой ткани выглянуло детское личико с большими испуганными глазами. Две маленькие ручки конвульсивно сжимали одна другую.

– Вы мне сделали больно, – произнес детский голосок тоном упрека.

– Правда? – спросил сконфуженно незнакомец. – Я это сделал не нарочно.

Говоря это, он распутал серую шаль, в которую была закутана девочка, и откинул ее в сторону. Ребенку могло быть около пяти лет. Судя по изящным башмачкам, розовому нарядному платьицу и белому фартучку, можно было заключить, что мать ее была состоятельной. Девочка была очень бледна, но ее полные ручки и твердая устойчивость доказывали, что она страдала не так сильно, как ее товарищ.

– Все еще больно? – с беспокойством спросил он, видя, что девочка продолжает потирать головку, покрытую светлыми шелковистыми кудрями.

– Поцелуйте меня, и тогда все пройдет, – серьезно ответила она. – Мама всегда так делала. Где мама?

– Мама уехала, – ответил он, – но я думаю, что ты скоро последуешь за ней.

– Уехала? Вот странно! Она не попрощалась со мной. Она всегда прощалась, когда шла к тете пить чай, а теперь вот уже прошло три дня и ее нет! Но мне хочется пить. Скажите, разве нет здесь воды и чего-нибудь поесть?

– Увы, нет, моя дорогая! Еще немного терпения, и ты скоро не будешь нуждаться ни в чем. Положи головку ко мне сюда, вот так; тебе будет лучше. Хотя трудно разговаривать, когда

губы пересохли и горло сжимается, но я думаю, что будет лучше, если я тебе скажу, в чем дело. Но что это у тебя в руке?

– О, это прелестные вещички! – воскликнуло дитя, весело показывая два обломка слюды, сверкавшей на солнце, как алмазы. – Когда мы вернемся домой, я их подарю маленькому брату Бобу.

– Подожди немного, и ты увидишь вещи гораздо лучше этого, – пробормотал человек, – но позволь мне говорить. Ты помнишь, когда мы покинули речку?

– О, да.

– Ну, вот мы надеялись найти другой источник, но сделали ошибку. Не знаю, что было этому виной: компас ли, карта ли, но я знаю точно, что мы не нашли этого источника. Наша вода, которую мы несли с собой, вся вышла, если не считать остающихся еще нескольких капель, которые я берегу для тебя. А затем... затем...

– Затем, – перебила девочка, устремив серьезные глаза на запыленное лицо своего спутника, – вам нечем будет умыться.

– Да, но и нечего также пить. Первым умер от жажды Бендер, затем настала очередь индийца Тэта, потом – мистрис Макгрегор и Дженни Гопп и, наконец, дорогая, твоей матери...

– Как! Мама также умерла! – вскрикнула девочка и, закрыв личико передником, разразилась рыданиями.

– Да, все они умерли, кроме нас с тобой. Я подумал, что, может быть, найду воду здесь. Я взял тебя на руки и пустился вперед наудачу. Но я убедился теперь, что это было бесполезно и нам не остается никакой надежды.

– Вы хотите сказать, что и мы также умрем? – спросил ребенок, поднимая на своего спутника лицо, залитое слезами.

– Я думаю, что только это и ожидает нас.

– Почему же вы мне не сказали этого раньше? – весело улыбнувшись, сказала она. – Вы напугали меня! Но раз мы умрем, значит, перенесемся к маме, правда?

– Да, моя дорогая, ты будешь с ней.

– И вы также. И я скажу ей, как вы были добры ко мне. Я уверена, что она выйдет к нам навстречу на порог рая и принесет большую чашку чистой воды и много, много пирожков, сладких и поджаренных с двух сторон, как мы любили с Бобом. А мы долго будем еще ждать?

– Не знаю, вероятно, недолго.

Незнакомец устремил взор к горизонту, по направлению к северу. На ясной лазури неба он различил три темные точки, быстро росшие и постепенно приближавшиеся. То были три громадные птицы темного цвета, которые начали описывать круги над головами путешественников и, наконец, сели неподалеку на скалу. Это были коршуны, предвестники смерти.

– Ах! Петух и куры! – воскликнула девочка радостно, увидев птиц, хлопая руками, чтобы спугнуть их. – Скажите, кто создал эту пустыню? Бог?

– Конечно, Бог, – ответил он, несколько ошеломленный этим вопросом.

– Нет, нет, – продолжал ребенок. – Он создал Иллинойс и Миссури, но я уверена, что кто-нибудь другой создал страну, в которой мы сейчас находимся. Она и в половину не так хороша, как те. Здесь забыли сделать деревья и воду.

– Что, если бы ты прочла маленькую молитву? – робко заметил ее спутник. – Как думаешь?

– Но ведь ночь еще не настала, – возразила девочка.

– Нужды нет. Если еще и не время для молитвы, я уверен, что добрый Бог не обратит на это внимания. Прочти те молитвы, которые ты читала каждый вечер в нашей повозке, когда мы еще находились там, в долине.

– Почему же вы сами не можете прочесть молитвы? – спросил ребенок, с удивлением глядя на него.

– Я позабыл их, – ответил он, – Когда я был ростом вот с это ружье, я уже бросил привычку молиться, но я думаю, что никогда не поздно делать хорошее. Молись ты, а я буду повторять за тобою.

– Тогда надо вам стать на колени рядом со мною, – сказала она, расстелив шаль по земле, – затем вы должны сложить руки вот так, и вам будет сразу легче.

Странная картина, которую созерцали одни только коршуны! Резвое дитя и старый бродяга стояли на коленях рядом на разостланной серой шали. Полное, жизнерадостное личико ребенка повернулось к небу одновременно с другим лицом, изможденным и худым. Эти два такие различные по виду существа чувствовали, как их сердца в согласном порыве стремились вверх, к Тому, с Кем они теперь говорили лицом к лицу. Два голоса – один серебристый и ясный, другой грубый и сдавленный – соединились вместе, взывая к божественному милосердию.

Окончив молитву, оба уселись снова на прежнее место и сидели тихо до тех пор, пока ребенок не заснул, прижавшись к широкой груди своего покровителя. Последний сидел еще некоторое время, сторожа сон девочки, но вскоре заснул и сам. Уже три дня и три ночи он ни на одну минуту не давал себе покоя и отдыха, и поэтому теперь веки его невольно сомкнулись над уставшими глазами, голова опустилась на грудь, и темные пряди его седеющей бороды смешались с шелковистыми кудрями ребенка. Оба погрузились в одинаковый тяжелый сон без сновидений.

Если бы наш путешественник бодрствовал еще несколько минут, то был бы свидетелем необыкновенного зрелища. На горизонте соляной пустыни, далеко, очень далеко, показалось небольшое облачко пыли. Легкое, едва заметное сначала, оно постепенно увеличивалось и наконец выросло в большое густое облако, медленно приближавшееся. Отчего произошло это облако? Если бы это было в более плодородной стране, то его могло образовать пробегавшее стадо диких бизонов, но в таком бесплодном и унылом месте, как эта пустыня, подобное предположение было лишено всякого основания. Когда облако приблизилось к скале, на которой отдыхали наши путешественники, можно было различить рядом с большими крытыми повозками силуэты вооруженных всадников. Это был караван, направляющийся к востоку. Но какой это был громадный, многочисленный караван! Первые ряды его уже подошли к скале, в то время как последние еще не были даже заметны на горизонте. Вся эта толпа всадников и пешеходов, фургонов и повозок высыпала широкой лентой с одного конца пустыни до другого. Женщины пошатывались под непосильной ношей, дети шли неуверенными шагами или с любопытством выглядывали из-под полотна повозок. Было очевидно, что это не обыкновенный караван, а кочующий народ, которого какие-то зловещие заставили бросить насиженные места и искать новые пастбища для своего скота. Воздух наполнился смешанным гулом голосов, заглушаемых скрипением колес и ржанием лошадей. Но этот шум не достиг ушей двух несчастных существ, спавших тяжелым сном на вершине скалы.

Во главе каравана ехали двадцать всадников, вооруженных ружьями. Их лица были суровы и цветом напоминали их темные платья. Подъехав к утесам, они остановились и начали совещаться о чем-то.

– Колодцы находятся вправо от нас, братья, – произнес один из них.

Это был человек с острым, стальным взглядом и тонкими губами. Его подбородок был гладко выбрит, а волосы пестрели сединой.

– Направо от Сьерра-Бланки мы попадем на Рио-Гранде, – возразил другой.

– Не будем бояться того, что останемся без воды. Тот, Кто источил воду из скалы, не оставит своего избранного народа и ныне! – воскликнул третий.

– Аминь! – ответили все.

Они уже хотели снова двинуться в путь, когда один из них, самый юный, обладающий острым зрением, вдруг издал удивленное восклицание, указывая на голый утес, возвышавшийся над их головами. Высоко над скалой весело колыхался от ветра маленький уголок розовой материи, производя странный контраст с общим серым тоном пустыни.

Караван мгновенно остановился, мужчины схватились за оружие, в то время как другие всадники быстро приблизились к передовому отряду, чтобы поддержать его. Страшное слово «краснокожие» было у всех на устах.

– Их здесь не должно быть много, – сказал старик, который имел вид начальника. – Мы уже вышли из областей павнов и не можем встретить другие племена, пока не перевалим за эту горную цепь.

– Если вы позволите, брат Стангерсон, то я пойду на разведку? – спросил один из всадников.

– И я, и я! – воскликнуло с полдюжины голосов.

– Оставьте лошадей здесь, мы подождем вас, – сказал начальник.

В одно мгновение молодежь сошла с коней, спутала им ноги и начала проворно взбираться по отвесной скале, на вершине которой мотался по ветру кусочек розовой тряпки, так заинтриговавший всех. Они карабкались по голым камням с ловкостью и проворством людей, бывавших в опасных переделках. Оставшиеся внизу следили за тем, как они отважно прыгали с камня на камень, взбираясь все выше и выше, пока не исчезли за последним выступом, ярко вырисовывавшимся на лазури неба. Молодой человек, который первым вызвался идти на разведку, шел впереди во главе других. Шедшие за ним товарищи увидели, как он, достигнув вершины, вдруг остановился и с удивлением поднял руку вверх. Они поспешно подбежали к нему и в свою очередь остановились как вкопанные при виде зрелища, возникшего перед их глазами.

На маленькой площадке, которой оканчивалась скала, находился громадный камень. Под защитой этого камня лежал, растянувшись, какой-то человек крепкого сложения, несмотря на ужасающую худобу, с густой всклокоченной бородой. Его спокойное лицо и ровное дыхание свидетельствовали о глубоком сне. Вокруг его морщинистой и мускулистой шеи обвились две полные беленькие ручки ребенка, который спал, плотно прижав свою золотистую головку к груди пожилого человека. Розовые губки ребенка, полуоткрывшись в сонной улыбке, показывали ряд ровных молочных зубов. Ножки, полные и маленькие, были обуты в короткие белые чулочки и башмачки с блестящими пряжками. Нежное личико спящего ребенка представляло странный контраст с лицом незнакомца. Недалеко от них, на остром выступе соседней скалы, важно сидели три громадные птицы. Увидев приближающуюся группу людей, они начали испускать резкие крики досады и, наконец, тяжело поднявшись с места, улетели прочь. Крик этих птиц разбудил спящих. Они быстро вскочили, бросая испуганные взгляды, и в ошеломлении уставились на окружавших их людей.

Незнакомец окинул быстрым взглядом равнину, такую тихую и пустынную несколько времени тому назад, а теперь наполненную шумом и громадной толпой людей и повозок. На лице его промелькнуло выражение недоверия, и он провел костистой рукой по своим глазам.

– Вот и галлюцинации уже начались, – прошептал он.

Маленькая девочка стояла возле него и, держась рукой за полу его платья, смотрела на все происходившее глазами, полными наивного любопытства.

Прибывшие люди, с которыми пришла помощь двум бедным странникам, вскоре убедили их, что они – вовсе не плод их воображения. Один из них взял девочку и посадил ее себе на плечо, в то время как двое других подхватили под руки ее спутника, чтобы помочь ему сойти к повозкам.

– Меня зовут Джон Ферье, – произнес последний. – Нас было двадцать человек эмигрантов. Я и этот ребенок остались в живых, а остальные все погибли от голода и жажды там, на севере.

– Это ваша дочь? – спросил один из всадников.

– Я полагаю, что вполне приобрел право называть ее так, – тоном вызова ответил он. – Она моя, потому что я ее спас, и никто не придет за нею. С этого дня ее зовут Люси Ферье. Но кто же вы? – прибавил он, с любопытством разглядывая своих спасителей, энергичные лица которых густо загорели от солнца. – Как вас много!

– Нас около десяти тысяч, – ответил один из них, самый младший. – Мы – гонимые Богом дети, избранные ангела Мерона.

– Я никогда не слыхал о нем, – сказал странник, – но мне кажется, глядя на вашу многочисленность, что он себе на уме.

– Не смейтесь над тем, что священно, – возразил другой сурово. – Мы принадлежим к людям, верующим в священные писмена, которые начертаны египетскими буквами на кованых золотых досках, врученных святому Иосифу Смиту в Пальмире. Мы идем из Нову в Иллинойсе, где мы выстроим наш храм. Мы бежим от несправедливого человека и от клеветы и найдем себе убежище, даже если для этого придется поселиться в пустыне.

Слово Нову, по-видимому, что-то напоминало Джону Ферье и показалось ему знакомым.

– Я знаю теперь, кто вы: вы – мормоны.

– Да, мы мормоны – в один голос ответили все его спутники.

– Куда же вы идете?

– Мы не знаем. Бог рукою нашего пророка ведет нас. Вы должны будете предстать пред его очи, потому что один только он может решить вашу судьбу.

В эту минуту они как раз достигли подошвы горы. Их окружили женщины с бледными лицами и сосредоточенными глазами, смеющиеся, здоровые дети и мужчины, на лицах которых были написаны недоверие и суровость. Со всех сторон послышались восклицания жалости и удивления при виде этих двух скитальцев, одного – такого юного, другого – несчастного на вид. Окруженные таким образом громадной толпой мормонов, Ферье и Люси двинулись дальше. Наконец их подвели к повозке необыкновенных размеров и чрезвычайно роскошно отделанной. Запряжена она была шестеркой лошадей, в то время как остальные повозки имели только по две, в редких случаях по четыре лошади. Рядом с человеком, управлявшим лошадьми, сидел другой, которому на вид было не более тридцати лет. Но его гордая голова, могучее сложение и повелительное выражение лица ясно свидетельствовали о том, что он был здесь начальником. Увидев подошедшую толпу, он закрыл небольшую в кожаном переплете книгу, которую читал, отложил ее в сторону и внимательно выслушал рассказ о случившемся. Затем он повернулся к двум путешественникам:

– Мы можем взять вас с собой только при условии, что вы примкнете к нам совсем, то есть примете веру, которой живем мы. Не нужно пускать волков в овчарню. И лучше было бы, если бы кости ваши остались здесь, в этой пустыне, и белели при дороге, нежели быть гнилым плодом, который заразит и испортит всю корзину. Принимаете ли вы эти условия, чтобы остаться при нас?

– Вы сами знаете, что ради этого я согласен на все! – воскликнул Ферье с таким убеждением в голосе и взгляде, что старцы, несмотря на свою суровость и сдержанность, не могли скрыть улыбок. Один только начальник продолжал оставаться серьезным и суровым.

– Возьмите его, брат Стангерсон, – сказал он, – дайте ему пить и есть, также и ребенку, а затем я поручаю вам посвятить его в догматы нашей веры. А теперь двинемся в путь к Сиону!

– Идем к Сиону! – воскликнула вся толпа мормонов, и слово это, переходя из уст в уста вдоль всего каравана, напоминало рокочущую волну, шум которой, удаляясь, становился все тише и тише, пока не замер совсем вдалеке. Раздалось щелканье бичей, скрип колес, и все множество людей и животных двинулось в путь снова, подобно гигантской змее, развертывающей свои кольца вдоль пустыни.

Человек, которому поручили двух несчастных заблудившихся, повел их к своей повозке, где их ждали уже приготовленный им обед и питье.

– Вы устройтесь в этой повозке, – сказал им ее хозяин. – Через несколько дней вы отдохнете и восстановите утраченные силы. В течение этого времени помните только, что вы навсегда примкнули к нам. Бригем Янг сказал это: он говорил голосом святого Джозефа Смита, а голос последнего – глас Божий.

II. Цветок Утаха

Не станем описывать в подробностях все трудности и лишения, которые пришлось испытать мормонам в пути, пока они не достигли цели. От берегов Миссисипи до Скалистых гор они трудились и боролись с препятствиями с энергией, которой мало примеров в истории. Благодаря этой-то энергии и выносливости, которая является отличительной чертой англосаксонской расы, они все преодолели: голод, жажду, болезни, усталость, – одним словом, все препятствия, которые природа, казалось, умышленно воздвигала на их пути. Но все-таки эти бесконечные лишения и труды поколебали и самые твердые сердца. Поэтому все от мала до велика в порыве горячей благодарственной молитвы бросились на камни, увидев, наконец, расстилающуюся у их ног залитую солнцем и сверкающую изумрудной зеленью громадную равнину

Утаха. Именно сюда вел их начальник каравана, называя ее обетованной землей, девственная почва которой отныне принадлежала им навсегда.

Янг скоро доказал, что он такой же отличный администратор, как и решительный вожак. Быстро были нарисованы карты и планы, намечено место нового города, вокруг которого должны были раскинуться фермы, которыми он наделил каждого в соответствии с его рангом и имуществом. Купцы могли приступить к торговле, ремесленники – к своему ремеслу. В городе точно по волшебству появились площади и улицы. В деревнях воздвигались заборы, выкорчевывались пни, распахивались поля с такой быстротой, что на следующее лето вся долина запестрела уже полями, на которых колыхался созревающий хлеб. Все удавалось и поспевало в этой странной колонии. В середине города был заложен громадный храм, стены которого с каждым днем поднимались все выше и выше. С восхода солнца и до поздней ночи ни на одну минуту не переставали раздаваться удары молотка и скрип пилы вокруг памятника, который воздвигался Тому, Кто привел их здоровыми и невредимыми чрез такое множество опасностей.

Двое наших путешественников, Джон Ферье и Люси, которую все начали считать его дочерью, сопровождали мормонов до самого конца их экспедиции. Маленькую Люси поместили в удобной повозке Стангерсона в обществе трех женщин и его сына, мальчика около двенадцати лет, но уже отважного и ловкого, как взрослый. Девочка скоро оправилась от удара, который ей нанесла смерть матери, – в эти годы так легко забывать! – и стала балованным ребенком женщин. С необыкновенной легкостью привыкла девочка к этому движущемуся дому, покрытому полотном вместо крыши. Со своей стороны, Ферье быстро оправился и оказался очень полезным товарищем и неутомимым, метким стрелком. Этим он снискал себе большое уважение и любовь со стороны мормонов, и когда они прибыли, наконец, в свою обетованную землю, Ферье, с общего согласия, дали один из самых больших и плодородных участков земли, не многим меньше, чем те, которые получили, после Янга, четыре главных старца: Стангерсон, Кембаль, Джонстон и Дреббер.

На новой земле Джон Ферье выстроил сначала простую, маленькую, но очень крепкую избушку. Затем, из года в год увеличивая и украшая ее, он преобразовал избушку в восхитительную виллу. Он был человек крайне практичный, предусмотрительный и ловкий. Его железное телосложение позволяло ему работать с утра до вечера. И он обрабатывал свой участок земли с такой тщательностью и знанием дела, что ему все удавалось точно по мановению волшебного жезла. Через три года он во многом стал отличаться от своих соседей; через шесть лет он сделался богачом, а через двенадцать во всем Соляном городе было не более пяти-шести таких богатых людей, как он. От берегов громадного моря до отдаленнейших гор Вагзата его имя было известно и всеми почитаемо.

Но был все-таки один-единственный очень щекотливый пункт в его отношениях к новым единоверцам. Ни убеждения, ни советы не могли поколебать его упрямства, и он ни за что не соглашался завести себе гарем. При этом он не давал никаких объяснений и продолжал с непоколебимой твердостью стоять на своем.

Одни обвиняли его в неправильном толковании новой религии, другие в скупости, – будто бы он не заводит жен из боязни лишних расходов, третьи, наконец, рассказывали какую-то старую историю его любви к белокурой девушке, жившей на берегах далекого моря, которая умерла от отчаяния, когда их разлучили. Но что бы они ни говорили, Ферье так и остался старым холостяком. Впрочем, что касается других пунктов, указанных в религии мормонов, то он исполнял их все точно и добросовестно и скоро даже прослыл за человека очень стойкого и фанатичного в этом смысле.

Люси Ферье выросла в хижине своего приемного отца, присутствуя при всех его работах и предприятиях. Живительный горный воздух и бальзамический запах сосен заменили ей нежные ласки и уход матери. С каждым годом она росла и развивалась все более и более, щеки ее делались все свежее и миловиднее, а походка легче и эластичнее. Нередко прохожий, идя

мимо фермы ее отца и увидев Люси, чувствовал, как его старое сердце вздрагивало от наплыва чувств, которые он почитал уже давно угасшими. С одинаковой грацией ее прелестный силуэт вырисовывался то среди полей, куда она уходила для прогулок, то на резвой, едва выезженной лошади, которою девушка управляла с ловкостью истинной дочери Запада. Она была похожа на чудный, едва распустившийся цветок, и ко времени, когда ее отец стал считаться одним из богатейших фермеров страны, она превратилась в самую восхитительную и соблазнительную американку-невесту, подобную которой редко можно встретить.

Старый Ферье был далеко не первым, кто заметил красоту девушки, превратившейся из ребенка в женщину. Впрочем, это участь всех отцов. Такую перемену трудно заметить вдруг, в какой-нибудь определенный момент, потому что рост и развитие женщины совершаются постепенно и неуловимо. Даже сами девушки никогда не замечают этого до тех пор, пока чей-нибудь взволнованный голос или дрожащая рука, пожимающая руку, не откроют им, что наступила пора, когда более сильные ощущения готовы пробудиться в юном сердце. Это сначала пугает их немного, но какую сладостную гордость ощущают они в то же время! Почти всякая женщина с точностью может назвать вам число, когда какой-нибудь, иногда незначительный, случай зажигает перед их глазами лучи новой зари.

Точно так же и в жизни Люси Ферье настал такой день, повлекший, впрочем, за собою тяжкие для нее самой и для многих других последствия.

В теплый июльский день люди, называвшие себя «работниками, вышедшими на работу в последний час», были заняты трудом, подобно пчелам. На полях и на улицах царили неумолкаемый шум и грохот, которые производят трудящиеся люди. По пыльным дорогам тянулись длинные ряды тяжело нагруженных мулов. Они направлялись к западу, так как золотая лихорадка тогда уже охватила Калифорнию. Временами по дороге проходили стада баранов или быков, которых перегоняли с одного пастбища на другое; иногда по ней тянулись караваны. Люди и лошади в этих караванах, измученные дальним путешествием, казались жалкими и истощенными до последней степени.

Однажды Люси Ферье верхом пробиравась сквозь такую разнородную толпу, с большой ловкостью лавируя между повозками и людьми. Лицо ее слегка зарумянилось от быстрой езды, а длинные шелковистые волосы свободно развевались по ветру. Отец послал ее, как это случилось довольно часто, с поручением в город, и она торопилась со всей беззаботностью юности, думая только о поручении и о том, чтобы хорошо исполнить его.

Конные и пешие путешественники с удивлением провожали ее глазами, и даже вечно равнодушные и невозмутимые индейцы на минуту оживлялись, любуясь этой прелестной дочерью бледнолицых.

При самом въезде в городское предместье Люси увидела, что дорога перед нею загорожена громадным стадом, которое сопровождали несколько погонщиков очень дикого вида. В нетерпении поскорее достигнуть цели она решила проехать сквозь стадо быков и смело направила лошадь в узкий просвет, который образовали животные посередине дороги. Но в ту же минуту быки стеснились, и молодая девушка почувствовала себя сжатой со всех сторон и уносимой вперед этим живым рогатым потоком. Привыкшая иметь дело с различного рода скотом, она не смутилась, попав в такое неприятное положение. Как только она замечала небольшой промежуток между быками, тотчас направляла в него лошадь, надеясь таким образом постепенно проехать сквозь все стадо. Но к несчастью, случайно ли или в припадке ярости, один из быков всадил свои острые рога в бок ее лошади. Последняя, обезумев от испуга и боли, взвилась на дыбы и принялась прыгать и вертеться с такой силой, что только ловкость девушки и привычка ездить верхом помогли ей удержаться в седле.

Но положение ее было все-таки очень критическое. При каждом новом прыжке лошадь наталкивалась на рога быков, и боль от этих новых уколов заставляла ее беситься все более и более. Молодая девушка с величайшими усилиями держалась в седле, хорошо сознавая, что

ее падение будет равносильно смерти, и какой смерти! Быть раздавленной, истоптанной этими ужасными животными!.. Она начала терять голову; руки ее слабее держали поводья, а острый запах, исходящий от потных и грязных быков, вызывал спазм в ее горле, в то время как клубы дорожной пыли совершенно ослепляли ее. В отчаянии она уже готова была предаться своей судьбе, когда вдруг услышала неподалеку ободряющий голос, и в то же мгновение чья-то загорелая рука, схватив лошадь под уздцы, усмирила ее и вскоре вывела из стада.

– Надеюсь, что вы не ранены? – спросил ее спаситель почтительно.

Она с минуту глядела на его бронзовое от загара и энергичное лицо и засмеялась.

– О, я ужасно перепугалась! И подумать только, что несколько десятков коров могут показаться такими страшными!

– Благодарение Небу, что вы не упали с лошади, – серьезно сказал ее спутник.

Это был молодой, высокого роста человек с несколько диким видом. Он сидел верхом на сильном коне и был одет в грубое платье охотника. В руках он держал длинное ружье в чехле.

– Пари держу, что вы дочь Джона Ферье, – сказал он. – Я видел, как вы выехали верхом из его ворот. Вернувшись домой, спросите его, помнит ли он Джеферсона Гоппа из Сен-Луи. Его отец и мой были некогда в большой дружбе.

– Не хотите ли лучше спросить его об этом лично? – поинтересовалась молодая девушка.

Юноша был в восторге от ее слов, и в глазах его вспыхнул огонек.

– С удовольствием, – ответил он, – но мы путешествуем в горах вот уже два месяца и одеты совсем не для визитов. Пусть уж Ферье примет меня таким, каков я есть.

– О, конечно, – воскликнула Люси, – ведь он обожает меня. Не будь вас, эти проклятые коровы раздавили бы меня насмерть, и Ферье никогда бы не утешился.

– И я точно так же, – ответил он.

– Вы! Не знаю, чем бы это могло огорчить вас, когда вы даже не принадлежите к числу наших друзей.

Лицо путешественника при этих словах девушки омрачилось до такой степени, что Люси расхохоталась.

– Ну-ну, я не то хотела сказать. Конечно, вы наш друг. Приходите к нам, а теперь я должна ехать дальше, в город, иначе мой отец никогда больше не даст мне никаких поручений. До свиданья!

– До свиданья! – ответил он, приподнимая свою широкую шляпу и наклоняясь над маленькой ручкой, которую ему подала девушка.

Затем Люси повернула лошадь, ударила ее хлыстиком и скрылась как молния, поднимая за собой целое облако пыли.

Юный Джеферсон продолжал с другими товарищами путь, но стал вдруг мрачным и молчаливым. Все они занимались в горах Невады разработкой золотых приисков, но не имея достаточно средств для дальнейшей работы, отправились в Соляной город, надеясь найти там

необходимый капитал для разработки золотых жил. До этого дня Джеферсон Гопп проявлял необычайную целеустремленность в золотодобыче, но только что происшедший случай заставил его задуматься совсем о других делах.

Вид этой девушки, свежей и здоровой, как ветерок, ласкающий верхушки Сьерры, до глубины взволновал это дикое и страстное сердце. Глядя ей вслед, он понял, что жизнь его должна измениться в чем-то и что отныне ни золотые прииски, ни что другое в мире не в силах соперничать с новым и сильным ощущением, охватившим так внезапно его душу. Он не был мальчиком, способным поддаться первому же любовному впечатлению, это был человек с сильной волей и ярким характером. Он любил повелевать, умел преодолевать все преграды на жизненном пути, и чувство, которое он испытывал теперь, было чувством бурной, глубокой и неистовой страсти. Все, что он предпринимал до сих пор, удавалось ему вполне. И теперь в глубине души он поклялся преодолеть все препятствия, которые возникнут перед ним при достижении этой новой, прелестной цели. Он поклялся отдать для этого все свои силы.

В тот же вечер Джеферсон Гопп сделал первый визит Джону Ферье. С этого дня посещения его были все чаще и чаще, и, наконец, он стал одним из самых близких людей на ферме.

Джон Ферье в течение всех последних двенадцати лет мало интересовался жизнью других стран, и Джеферсон Гопп покорила его всевозможными рассказами из жизни внешнего мира. Люси разделяла любопытство и внимание отца к рассказчику. Они узнали, что их гость был сначала землекопом в Калифорнии и знал много историй быстрого обогащения и затем разорения в этой стране, полной неожиданностей и приключений. Затем последовательно он был охотником за дикими зверями, охотником за индейцами, укротителем зверей. Всюду, где только пахло опасностью и приключением, являлся Джеферсон Гопп.

Вскоре он стал любимцем Джона Ферье, без устали восхвалявшего его достоинства и качества. Юная Люси больше молчала, но ее раскрасневшиеся слегка щеки и блестящие глаза ясно свидетельствовали о том, что сердце ее уже перестало принадлежать ей. Ее добряк-отец мог и не заметить этих красноречивых симптомов, но избранник ее сердца отлично все видел и понимал.

В один прекрасный летний вечер Джеферсон подскочил на своей лошади к решетке сада старого Ферье. Привязав ее к железному кольцу, он двинулся по аллее к Люси, которая еще издали заметила всадника и вышла его встретить.

– Я уезжаю, Люси, – сказал он, взяв ее ручки в свои и с нежностью заглядывая в ее глаза. – Я не прошу вас следовать за мной теперь, но, когда я вернусь, будете ли вы готовы уехать со мною?

– А когда вы вернетесь? – спросила она, слегка покраснев и улыбаясь.

– Я вернусь самое позднее через два месяца, моя дорогая, и тогда заберу вас, как мое собственное сокровище. Кто может разлучить нас?

– А мой отец?

– Он дал мне свое согласие, но при условии, чтобы мои дела на приисках пошли хорошо. На этот счет я совершенно спокоен.

– О! Если вы и мой отец все уже устроили, мне нечего сказать более, – произнесла она, прислонив головку к широкой груди своего друга.

– Слава Богу! – воскликнул он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее. – Итак, дело улажено. Но чем дольше я буду оставаться здесь, тем труднее мне будет уйти. Мои товарищи ждут меня на дороге в ущелье. Прощай, моя любовь, через два месяца мы увидимся снова!..

Он вырвался из ее объятий и, вскочив на лошадь, усакал, как вихрь, не смея даже оглянуться из боязни, что одного взгляда на любимую девушку будет достаточно, чтобы поколебать его решимость.

Молодая девушка облокотилась на решетку и не спускала с него глаз до тех пор, пока он не скрылся из виду. Затем она медленно вошла в дом. В этот час она была самым счастливым человеком Утаха.

III. Пророк у Джона Ферье

Прошли три недели с того дня, как уехал Джеферсон Гопп. Джон Ферье с болью в сердце думал о возвращении его снова, так как этот день – увы! – должен был стать днем отъезда Люси из родительского дома. Но при виде веселого и счастливого личика Люси старик сдерживал свое горе и старался найти свое счастье в ее счастье. Давно еще он поклялся самому себе, что ни за какие блага мира не допустит, чтобы его дочь вступила в брак с каким-нибудь мормоном. Подобный союз он считал не за настоящий брак, а за позор и несчастье. Но он тщательно таил эти мысли в самом дальнем уголке своего сердца, потому что в этой Стране Святых в то время было чрезвычайно опасно высказывать что-либо против религии.

Да, это было опасно. Так опасно, что самые благочестивые не осмеливались даже шепотом высказывать свои религиозные мнения. Они боялись, что случайно сказанное слово будет ложно истолковано и их постигнет наказание. С другой стороны, и жертвы стали теперь преследователями, да еще какими! Севильская инквизиция и тайные общества Италии с их мрачными интригами не навели на Европу такого ужаса, какой теперь царил над Утахой.

Эта организация была невидима и таинственна, но тем больше она была и страшна. Она обладала всезнанием и всемогуществом, несмотря на то, что была невидима. Человек, пытавшийся завязать борьбу с их законом, в один прекрасный день исчезал, и исчезал навеки. Никто более никогда не слышал о нем. Напрасно жена и дети ожидали его возвращения, – он не приходил и не мог никому рассказать, что произошло с ним на тайном суде.

За одно легкомысленное слово, за один необдуманный поступок могло постигнуть это наказание. Человек уничтожался ужасной, невидимой силой, уничтожался непонятным для всех образом. Чего же после этого удивляться, если люди, жившие под непрерывным страхом, опасались даже шептаться о томивших их душу сомнениях.

Вначале эта темная и ужасная власть преследовала только бунтовщиков, – тех, которые, приняв мормонство, делали попытки его исказить или даже совсем оставить. Но потом число жертв возросло. Дело в том, что число взрослых женщин в колонии уменьшилось, а из-за их недостатка стало невозможным многоженство, которое по мормонской религии обязательно. И вот начали ходить странные слухи.

В местностях, где индейцев не было и в помине, неизвестные злодеи грабили целые поселения, убивая мужчин. Зато в гаремах старцев появлялись новые женщины, разбитые скорбью и слезами, на лицах которых читался пережитый ими ужас.

Побывавшие в горах путешественники рассказывали, что они видели в ночном мраке силуэты вооруженных людей в масках. Эти рассказы и многие другие догадки постепенно проясняли дело, и все поняли то, что происходит. И если сегодня даже произнести в какой-нибудь далекой, уединенной ферме слово о шайке «бандитов» или «ангелов-мстителей», – имена эти вызовут в сердцах слушателей чувство неудержимого ужаса. Когда люди поняли, наконец, силу этой организации, проявления которой были так ужасны, то страх среди них, вместо того чтобы уменьшаться, усиливался все более и более, потому что никто не знал, кто были члены этого неумолимого общества. Их имена, число, их сообщники, помогающие им совершать преступления, убийства, были покрыты глубокой тайной. Если кто имел друга, то не знал, можно ли довериться ему, высказав свои сомнения или страх относительно пророка и о его миссии, потому что друг мог оказаться причастным к тайному обществу и исполнителем высших велений. Он мог прийти под покровом ночи, вооруженный железом и огнем, судить вас самым ужасным, самым беспощадным судом. Никто не доверял соседу и никогда не обменивался с ним ни единым словом относительно этого интересующего всех, но опасного вопроса.

В один прекрасный день, рано утром, Джон Ферье собирался выходить из дому, чтобы сделать обычный обход полей. Вдруг он услышал скрип засова у своей калитки и увидел средних лет человека с золотистыми волосами и внушительным видом, который шел по аллее к дому. Сердце Джона дрогнуло в груди, когда он узнал в идущем знаменитого Янга Бригема.

Полный тяжелого предчувствия, – ибо подобный визит не мог предвещать ничего хорошего, – Ферье пошел гостю навстречу и почтительно поклонился ему в пояс. Но великий предводитель мормонов чрезвычайно холодно принял эти знаки почитания и последовал за хозяином в комнату, продолжая хранить на лице суровое и неприветливое выражение.

– Брат Ферье, – сказал он, садясь на стул и сверкая сквозь длинные, бесцветные ресницы острым взглядом, – истинно верующие, я надеюсь, были добры к вам. Мы подобрали вас умирающего от голода и жажды в пустыне, мы поделились с вами хлебом, мы привели вас здоровым и невредимым в обетованную землю, наделили вас хорошей землей и позволили вам нажить состояние, охраняя вашу безопасность. Все это так или нет?

– Все это так, – отвечал Джон Ферье.

– Что же мы требовали от вас взамен этого? Одну только вещь, а именно – чтобы вы приняли нашу веру со всеми ее законами и предписаниями. Вы обещали это, однако, если слухи, дошедшие до меня, верны, вы не исполнили обещания.

– Но чего же я не исполнил? – воскликнул Ферье, поднимая руки к небу. – Не вложил ли я свою часть в общую кассу? Не хожу ли я аккуратно в храм? Не...

– Где ваши жены? – перебил его Янг, бросая кругом вопросительный взгляд. – Позовите их, чтобы я мог их приветствовать.

– Это правда, я не женился, – ответил Ферье, – но число женщин у нас очень ограничено, и многие из братьев имеют больше прав на них, нежели я, потому что я все-таки не один. У меня есть дочь.

– О ней-то я и хочу поговорить с вами, – продолжал начальник мормонов. – Она возросла в силе и красоте и сделалась лучшим цветком Утаха. Многие и лучшие из нас бросили взор свой на нее.

Джон Ферье заглушил вздох.

– Про нее ходят слухи, которым я бы не хотел верить. Говорят, что она помолвлена с каким-то язычником. Но я надеюсь, что это только обычные сплетни, потому что девятнадцатая заповедь в законе блаженного Иосифа Смита гласит: «Всякая дочь правой веры должна сделаться женою одного из избранных, ибо если она избирает себе мужем язычника, на ней будет лежать незамолимый грех». Итак, вы видите, что вам, который принадлежит к правой вере, немыслимо допустить собственную дочь до такого греха.

Джон Ферье ничего не ответил, а только нервно сжимал рукоятку своего длинного охотничьего кнута.

– Вот и представляется случай подвергнуть испытанию вашу веру. Так было решено на священном Совете Четырех. Ваша дочь молода, и мы не хотим, чтобы она соединилась с каким-нибудь седовласым старцем; точно так же мы решили предоставить ей известную свободу выбора. У каждого из старцев уже есть порядочное «стадо», но дети наши также должны быть обеспечены. У Стангерсона и Дреббера есть по взрослому сыну. У очага первого ваша дочь будет так же счастлива, как и у очага второго. Пусть она выберет одного из двух. Оба они молоды, богаты, оба истинно верующие... Что вы ответите на это?

Сдвинув брови, Ферье молчал в течение нескольких минут.

– Дайте нам немного времени, чтобы подумать, – сказал он наконец. – Моя дочь так молода... Я еще и не думал о браке для нее.

– Даю вам месяц на размышление, – произнес Янг, вставая, – но как только минет назначенное время, пусть она даст нам ответ.

Он был уже на пороге двери, говоря это, как вдруг остановился и оглянулся; лицо его приняло свирепое выражение и глаза засверкали.

– Если вы, Ферье, и ваша дочь станете, несмотря на ваше бессилие, бороться с волей Четырех Святых, лучше бы вам было, если бы кости ваши остались белеть при дороге в Соляной пустыне!

И, потрясая угрожающе рукой, он удалился. Мелкий гравий, которым была усыпана аллея, резко скрипел под его тяжелыми шагами.

Ферье так и остался сидеть на месте, сжав голову руками и думая, как бы поосторожнее рассказать о всем случившемся дочери. Вдруг он почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу и, подняв глаза, увидел Люси, которая стояла перед ним. По ужасу, написанному на ее бледном лице, он понял, что она все слышала.

– Я сделала это неумышленно, – ответила она на его вопросительный взгляд. – Голос его был слышен по всему дому. О, мой отец, мой отец, что нам делать?

– Не огорчайся, дитя мое, – сказал он, притягивая ее к себе и лаская своей широкой и узловатой рукой шелковистые локоны девушки. – Мы найдем способ увернуться. Твоя симпатия к нашему отсутствующему путешественнику ведь не уменьшилась, не так ли?

Рыдание было ему ответом.

– Да, да, я знаю, что нет, – продолжал он, – я очень этому рад. Он славный мальчик и добрый христианин, чего нельзя сказать про здешних, несмотря на их длинные проповеди и молитвенные кривляния... Слушай: завтра поезд отходит в Неваду. Я устрою так, что к нему отправится посланец, который расскажет, в какой капкан мы попали. И если я не ошибаюсь в нем, то наш друг будет здесь так быстро, как депеша.

При этих словах Люси улыбнулась сквозь слезы.

– Когда он будет здесь, то укажет нам самый лучший выход, – сказала она. – Но я дрожу за тебя, мой дорогой отец. Они так ужасны, эти истории, которые рассказывают про людей, пытавшихся противиться великому пророку! Всегда с ними приключались какие-то тяжелые несчастья.

– Но ведь мы еще не начинали противиться им! – ответил отец. – Мы еще имеем время, чтобы миновать бурю: у нас целый месяц впереди. Правда, по истечении его будет, пожалуй, лучше исчезнуть из прекрасной страны Утаха.

– Покинуть Утаху?

– Это мое желание.

– А как же ферма?

– Постараемся собрать в наш дом сколько возможно больше денег, а затем убежим и бросим все остальное. Если говорить правду, Люси, то я уже не в первый раз помышляю об этом. Я не очень-то люблю, чтобы из меня делали игрушку, как делает это со всеми здешними людьми этот несчастный пророк. Я вольный сын свободной Америки, и все это крайне стесняет меня. В мои годы поздно уже учиться кривляниям, и, если этот старец еще вздумает заглянуть сюда ко мне, он рискует получить добрый заряд картечи.

– Но нам не дадут уехать, – заметила молодая девушка.

– Подождем, когда приедет Джеферсон. Он что-нибудь придумает. А пока не унывай, моя крошка, чтобы твои глазки не были красны, когда он вернется. А то я боюсь, как бы мне не пришлось отвечать перед ним за это. Ничего ужасного пока еще не случилось, и нам не грозит никакая опасность.

Но, несмотря на эти ободряющие слова, сказанные, по-видимому, спокойным тоном, девушка не могла не заметить, с какой тщательностью в этот день запирает на замок двери ее отец, ложась спать. Не удовольствовавшись этим, он основательно вычистил сначала, а затем зарядил свое старое ружье, висевшее в его комнате.

IV. Бегство

Утром на другой день после визита пророка Джон Ферье отправился в Соляной городок и передал одному своему другу, который собирался в Неваду, письмо для Джеферсона Гоппа. В нем он описывал молодому человеку, какая ужасная опасность угрожает им и как необходимо

его присутствие. Исполнив это, Ферье почувствовал, как часть тяготы спала с его груди, и он уже с более легким сердцем вернулся домой.

Подходя к дому, он был чрезвычайно удивлен, увидев двух лошадей, привязанных к решетке его забора. Удивление его увеличилось еще более, когда, войдя в комнату, он нашел двух молодых людей, которые его ожидали. Один из них, с бледным и длинным лицом, лежал развалившись в кресле и положив ноги на решетку очага. Другой, грубые черты которого прекрасно гармонировали с бычьей шеей, сидел на окне, засунув руки в карманы и посвистывая. Оба приветствовали Ферье кивком головы, и тот, который лежал в кресле, начал следующий разговор:

– Вы, может быть, не знаете нас? Мой товарищ – сын старца Дреббера, а я – Джозеф Стангерсон. Оба мы путешествовали вместе с вами в пустыне, когда Господу угодно было протянуть вам руку помощи, причислив вас к избранному стаду верных овец.

– Точно так же он может сделать с народом всех наций и соединить их в одно стадо! – сказал другой несколько гнусавым голосом. – Мельница мелет тихо, но мелет хорошо.

Джон Ферье холодно поклонился. Теперь он знал, с кем имеет дело и чего ему ожидать от этого визита.

– Мы явились к вам, – продолжал Стангерсон, – с согласия наших родителей, чтобы просить у вас руки вашей дочери. Выбирайте, она и вы, между нами двумя. Но так как у меня только четыре жены, в то время как Дреббер имеет их семь, мне кажется, право на моей стороне, и мое предложение будет принято более благосклонно.

– Нет, нет, брат Стангерсон! – воскликнул другой. – Дело не в том, сколько женщин мы имеем, а в том, сколько их можем содержать. Мой отец передал мне свои мельницы, и я богаче моего соперника.

– Но у меня более блестящее будущее, нежели у вас, – с жаром возразил Стангерсон. – Когда Господь позовет моего отца к Себе, мне достанутся его кожевенная фабрика и его жилище. И затем я старше вас и занимаю в церкви более высокое положение.

– Пусть решит сама молодая девушка, – сказал Дреббер, рассматривая себя с видимым удовольствием в зеркало. – Подождем ее решения.

Во время этого диалога Джон Ферье, сдерживая бешеную ярость, стоял у порога, с невероятными усилиями удерживаясь от желания обломать свой кнут о спины гостей.

– Слушайте меня хорошенько, – сказал он, наконец, делая два шага к ним. – Когда моя дочь пригласит вас сама, я соглашусь принять вас в своем доме, но до тех пор поворачивайте лопатки назад, и чтобы я не видел вас более!

Оба молодых мормона вскочили, пораженные услышанным. Они были убеждены, что приносят и отцу и дочери величайшую честь своим соперничеством, ради которого и явились сюда сегодня.

– Есть два способа выйти отсюда, – воскликнул Ферье, – через окно или через дверь. Выбирайте сами!

Его загорелое лицо было ужасно, его костистые руки – так угрожающе, что визитеры сочли правильным быстро отступить. Старый фермер последовал за ними до самой калитки.

– Когда вы окончите споры и придете к какому-нибудь соглашению, то оповестите меня, кто из вас двоих должен стать моим зятем, – насмешливо сказал он им.

– Достанется вам за все это, так жарко будет! – вскрикнул бледный от ярости Стангерсон. – Вы бросили вызов пророку и Совету Четырех. И вы покаетесь в этом, до конца ваших дней покаетесь!

– Рука Господа тяжело ляжет на вас, – сказал Дреббер. – Он восстанет, чтобы наказать вас.

– Так я сначала возьму свое вперед! – крикнул Ферье, взбешенный окончательно, и бросился за ружьем. Но из дома выбежала Люси, схватила его за руку и увела в комнату. Старик

вырвался из ее рук, но в ту же минуту послышался галоп отъезжающих мормонов, и он понял, что они ушли от его выстрела.

– Мерзавцы! Ханжи! – воскликнул Джон, вытирая обильно струившийся по лбу пот. – Лучше мне видеть тебя мертвой, дитя мое, нежели женою одного из них.

– И я того же мнения, – спокойно ответила она. – Но теперь Джеферсон скоро вернется.

– Да, я надеюсь, и чем скорее, тем лучше, потому что мы не знаем даже, что способны они придумать теперь.

И действительно, пора было, чтобы кто-нибудь, способный дать добрый совет и поддержку, быстро явился на помощь старику-фермеру и его дочери. С самого первого дня возникновения здесь города Святых еще никто ни разу не отваживался так резко идти против ясно выраженной воли Старцев. Если они жестоко карали самые малейшие провинности против их авторитета, то что же они сделают теперь, ввиду такого явного бунта? Ни богатство, ни положение, ни общее уважение не могли спасти виновного. Много других еще более богатых и уважаемых лиц в один прекрасный день исчезали с лица земли самым таинственным образом, а община святых вступала во владение всем их имуществом. Поэтому, несмотря на всю храбрость, опасность, которую Ферье чувствовал над своею головою, наполняла его ужасом. Он готов был стать лицом к лицу перед опасностью явной, видимой, но неизвестность сводила его с ума. Не желая пугать Люси, он в ее присутствии принимал спокойный, равнодушный вид и старался показать ей, что не обращает особого внимания на все случившееся. Но девушка с проницательностью любящей дочери прекрасно понимала его беспокойство и ужас.

Ферье ожидал от Янга или какого-нибудь посланца, или же письмо, и он не ошибся в своих ожиданиях, хотя ни за что не догадался бы относительно способа, который использует для этого Пророк. Проснувшись утром на другой день, он, к величайшему изумлению, нашел приколотым к одеялу, как раз у своей груди, маленький лоскуток бумаги, на котором крупными буквами было написано:

«29 дней остается вам еще, чтобы принять решение, а затем...»

Подобное предостережение было ужаснее всякой угрозы. Каким образом эта бумага очутилась приколотой на его груди, в запертом отовсюду доме? Это более всего волновало и интриговало Ферье. Его слуги ночевали в отдельных помещениях, а все двери и окна в доме были снабжены крепкими засовами.

Он разорвал бумажку в мелкие клочки и ничего не сказал о ней дочери, но это происшествие охватило холодом его сердце. Двадцать девять дней, о которых говорилось в записке, был, очевидно, месяц, данный Янгом ему на размышление. Какая сила, какая храбрость устоит в борьбе с таким могущественным врагом, который пользуется подобными таинственными средствами? Рука, прикалывавшая записку, могла точно так же поразить его насмерть в самое сердце, и никто бы никогда не узнал, чья это рука.

На следующий день он получил новый, еще более чувствительный удар. Он и Люси только что уселись за стол обедать, как вдруг молодая девушка вскрикнула, указывая рукой на потолок: в самой середине потолка углем было начертано число 28. Люси не понимала значения этой цифры, но Ферье не спал всю эту ночь и сидел на страже, сжимая руками дуло ружья. Но, несмотря на то что он ничего не видал и не слышал, утром громадное «27» появилось на внутренней стороне двери. Каждый день происходило одно и то же; каждое утро Ферье мог констатировать, что его невидимые враги аккуратно с неумолимой настойчивостью вели счет дням, данным ему на размышление. По временам роковые цифры оказывались начерченными на стене или на полу, либо он находил небольшие записочки на крыльце или приклеенными к решетке сада. И, несмотря на всю свою бдительность и тщательную слежку, старик никогда не мог понять, откуда появлялись эти ежедневные предостережения. При виде их он стал крайне нервным и беспокойным, и в его глазах мелькало выражение затравленного оленя.

Единственной оставшейся ему надеждой было ожидание молодого охотника из Невады.

Двадцать дней превратились в пятнадцать, последние в десять, и никакого ободряющего слуха о нем до сих пор еще не было получено на ферме. Каждый раз, когда по дороге проезжал какой-нибудь всадник верхом, старый фермер бросался к своей калитке, надеясь, что его мольбы услышаны.

И когда число 5 превратилось на его глазах в 4, затем в 3, он упал духом и совершенно перестал надеяться. Предоставленный только своим собственным силам и совершенно незнакомый с окружающими равнину горами, он понял свое бессилие. К тому же он знал, что все дороги были всегда очень строго охраняемы и никто не мог пройти по ним без письменного приказа, подписанного рукою Пророка.

Как ни осмысливал все это Ферье, одно только казалось ему верным и неминуемым, а именно, что ему не избежать катастрофы, нависшей над его головой. Но решимость старика не поколебалась, и он готов был лучше встретить смерть, нежели видеть свою дорогую Люси женою одного из этих ханжей.

Ферье сидел вечером на пороге своего жилища и думал над ужасным положением, в котором он очутился с дочерью, и еще раз пытался изобрести какой-нибудь способ выйти из него. На рассвете этого дня на стене он прочел цифру 2. Значит, завтра наступает последний день отсрочки, данной ему. Что же он должен делать затем?

Тяжелые и сбивчивые мысли кружились в его голове. Что станет с его дочерью, когда его самого не будет? Неужели нет никаких средств, чтобы вырваться из сети, которая, он чувствовал, стягивается над его головой? И, поняв всю безвыходность своего положения, Ферье уронил голову на руки и зарыдал.

Но вдруг какой-то шум привлек его внимание. Что это такое? За дверью послышалось легкое царапанье, все-таки ясно различаемое в ночной тишине. Ферье проскользнул в прихожую и прислушался. Шум на минутку затих, но затем повторился снова. Было очевидно, что кто-то тихонько стучался в дверь.

Был ли это убийца, посланный кровавым советом, или какой-нибудь агент, чтобы начертить роковую цифру последнего дня? Эти мысли до такой степени взволновали старика, что он задрожал с головы до ног и, предпочитая верную смерть неизвестности, бросился к двери, отодвинул засов и открыл ее настежь.

Снаружи все было тихо. Ночь сверкала тысячью блестящих звезд. Взор свободно различал дорожку сада, решетку, но ни на дороге, ни поблизости от дома не было заметно ни малейшего следа присутствия человека. Со вздохом облегчения Ферье осматривался вокруг, и, случайно бросив взгляд на землю у своих ног, он к своему крайнему изумлению увидел там растянувшегося во всю длину человека, который лежал ничком. Вид этого человека произвел на Ферье такое сильное впечатление, что он чуть не вскрикнул, вообразив, что это какой-нибудь раненый или умирающий, который дотащился до его порога. Но вдруг лежащий человек быстро пополз и проскользнул в прихожую с быстротою змеи. Затем он проворно вскочил на ноги, запер дверь, и изумленный фермер увидел перед собой гордое и решительное лицо Джеферсона Гоппа.

– Царь Небесный! – воскликнул Ферье. – Как же вы меня напугали! Но почему вы входите в мой дом таким образом?

– Дайте мне поесть, – ответил тот глухим голосом, – я не имел крошки во рту в течение сорока восьми часов.

Он накинута на холодное мясо и хлеб, оставшиеся после ужина.

– Как поживает Люси? – спросил он, утолив первый голод. – Она здорова?

– Да, – ответил отец, – и она не подозревает о той опасности, какой мы подвергаемся.

– Это хорошо. Дом окружен, и его стерегут со всех сторон. Вот почему я должен был пробираться ползком. Они могут хитрить сколько им угодно, но никогда они не перехитрят охотника за антилопами.

С момента прибытия такого сильного союзника Джон Ферье почувствовал себя совсем другим человеком. Он схватил загорелую руку молодого человека и сердечно пожал ее.

– Вами можно гордиться, – сказал он, – немногие согласились бы, подобно вам, прийти разделить наши несчастья и опасности в данную минуту.

– Вы правы, отец, – ответил молодой охотник, – я очень уважаю вас, но если бы в опасности находились одни только вы, то я подумал бы, прежде чем сунуться в такое осиное гнездо. Ради одной только Люси я приехал сюда, и, прежде чем с нею случится какое-нибудь несчастье, одним Джеферсоном Гоппом будет меньше в прекрасной стране Утаха.

– Что нам делать?

– Завтра последний день отсрочки, которую вам дали, и, если мы не начнем действовать сегодня же, все погибнет. У меня один мул и две лошади, которые ждут нас в долине Орла. Сколько у вас денег?

– Две тысячи долларов золотом и пять тысяч в билетах.

– Достаточно. У меня столько же приблизительно. Нам надо достичь города Гарсона через горы. Но вы правильно сделаете, если разбудите немедленно Люси. Очень хорошо то, что прислуга спит не в доме.

Когда Джон Ферье удалился, чтобы подготовить дочь к предстоящему путешествию, Джеферсон собрал сколько мог провизии в узелок, а также наполнил водой большой каменный кувшин. Он знал по опыту, как редки в горах колодцы. Едва он успел закончить эти приготовления, как фермер и его дочь появились в комнате полностью одетые для путешествия. Свидание возлюбленных было нежное, но поневоле они должны были сдерживать свои чувства, ибо минуты были дороги, а им предстояло много трудностей.

– Надо идти, не медля ни минуты, – проговорил тихим, но твердым голосом Джеферсон. Он отлично сознавал, что идет на опасный подвиг, но сердце его было спокойно и твердо.

– Передние и задние ворота окружены, и их стерегут, но, соблюдая большую осторожность, мы можем ускользнуть через окно сбоку дома и затем перебежать поле. А как только мы очутимся на дороге, до лошадки, где нас ждут лошади, не более двух тысяч шагов. При благоприятном исходе мы к восходу солнца успеем сделать почти половину пути в горах.

– А если нас задержат? – спросил Ферье.

Гопп коснулся рукой револьвера, который носил всегда за поясом.

– Если их будет слишком много, мы все-таки успеем уложить нескольких, прежде чем ляжем сами, – сказал он, мрачно усмехнувшись.

Огни в доме были потушены, и сквозь потемневшие окна Ферье бросил последний взгляд на сад и поля, в которые он вложил столько труда и которые ему приходилось теперь покидать. Но он уже давно решил принести эту жертву. Честь и будущее дорогой дочери он ставил несравненно выше своего благосостояния.

Все было спокойно, начиная с тихо трепещущих в полумраке деревьев и кончая громадными распаханнами полями, с которых не доносился ни малейший звук. Трудно было поверить, чтобы над этим мирным, прекрасным пейзажем носился призрак смерти. Но бледность

молодого охотника и суровое выражение его лица ясно свидетельствовали о том, что он видел эти призраки, когда подходил к дому.

Ферье взял в руки мешок с золотом и банковскими билетами; Джеферсон Гопп захватил провизию и воду, а Люси держала в руках небольшой сверток вещей, с которыми ей не хотелось расстаться. С величайшими предосторожностями они открыли окно и, выждав, когда густые облака заволокли небо, по очереди вылезли в сад. Спотыкаясь, ползком, удерживая в груди дыхание, они кое-как добрались до забора, намереваясь идти вдоль него до небольшого пролома, выходявшего в поле. Они уже приближались к этому пролому, когда молодой человек вдруг схватил своих спутников и с силой оттолкнул их снова в тень, где они все трое притаились, дрожа от страха. Воспитанный в степи и долго ведя бродячую жизнь, Джеферсон Гопп обладал необыкновенно чутким слухом. И это было счастьем для беглецов, потому что едва они успели прильнуть к забору, как услышали совсем близко возле них меланхоличное завывание горной совы, на которое тотчас же ответили таким же. В ту же минуту в проломе забора появился человеческий силуэт, который продолжал повторять печальный сигнал до тех пор, пока из темноты сада не вынырнул другой силуэт.

– Завтра в полночь, когда сова прокричит три раза, – произнес первый, который был, по-видимому, начальником.

– Хорошо, – ответил другой, – надо предупредить брата Дреббера?

– Предупредите их, а также и остальных... от девяти до семи...

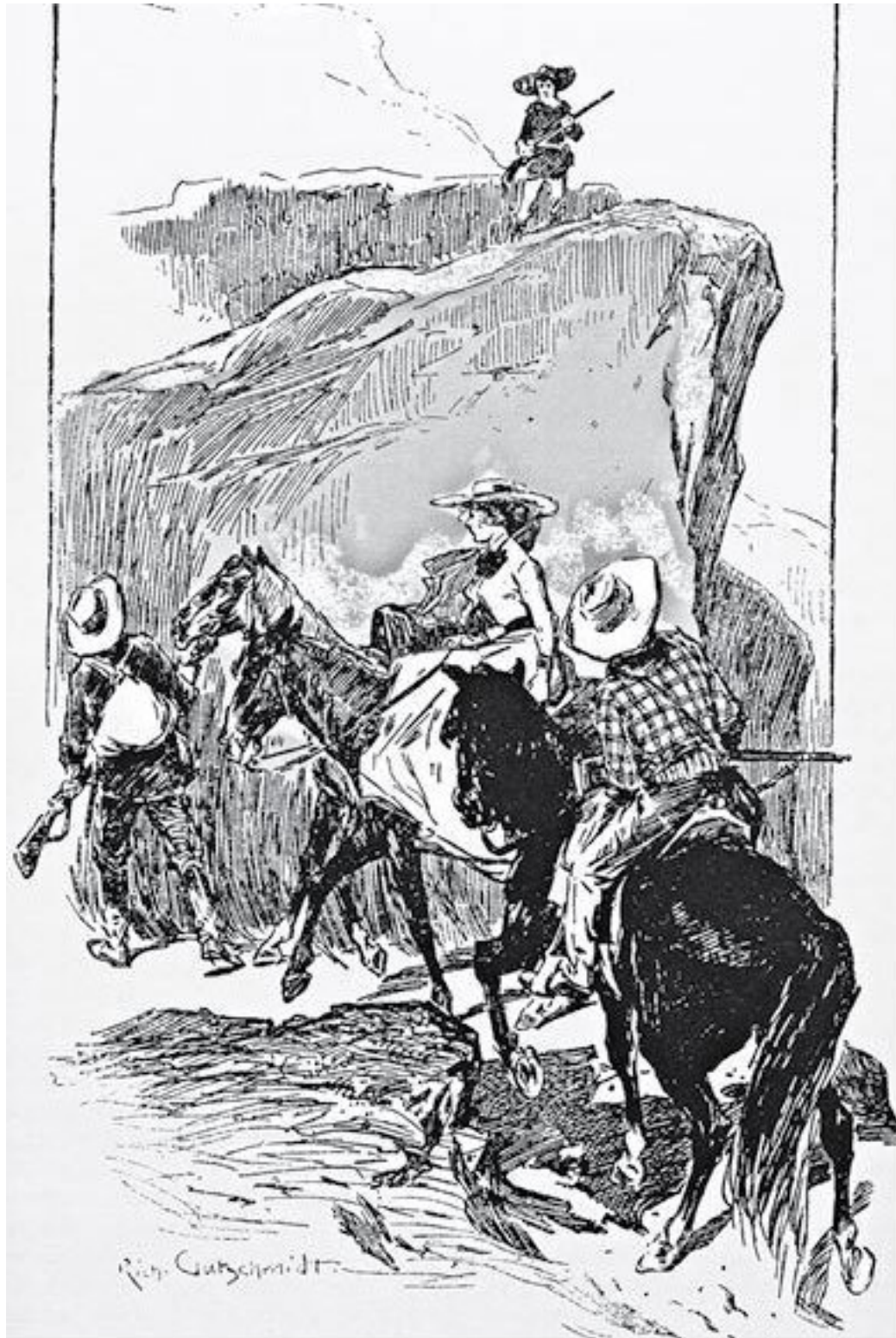
– От семи до пяти, – ответил второй, и оба силуэта после этого удалились в разные стороны.

Последние слова, которыми они обменивались, были, очевидно, паролем, данным на эту ночь. Как только их шаги замерли вдали, Джеферсон Гопп поднялся и помог своим спутникам пролезть в пролом. Затем он скомандовал, и все двинулись в путь напрямик по полю, причем Гопп временами, когда силы оставляли молодую девушку, поддерживал ее или почти нес на руках.

– Скорее, скорее, – шептал он время от времени, – мы находимся как раз на высоте сторожевых будок, и все зависит от нашей быстроты.

Очутившись на большой дороге, они пошли еще быстрее. Им повезло, они только один раз встретились с каким-то человеком, причем были вынуждены скрыться в поле. Возле города молодой охотник свернул в сторону и направился по узкой и крутой тропинке, ведущей в горы. Два острых зазубренных горных ребра вырисовывались в темноте. Между этими выступами и находился небольшой проход, названный долиной Орла, где спутников ожидали лошади.

С тонким инстинктом, который никогда не обманывал его, Джеферсон Гопп шел вперед, пробираясь между камней, или по высохшему ложу горного ручья. Наконец они достигли отдаленного уголка между скалами, где за огромным выступом камня были привязаны верные животные. Молодая девушка села на мула, ее отец, сжимавший мешок с деньгами, вскочил на одну лошадь, а Джеферсон Гопп на другую. После этого все трое направились в горы по тропинке, ведущей мимо глубоких, ужасных пропастей. Вид этих пропастей был так страшен, что заставлял леденить ужасом сердце всякого, не привыкшего к суровым видам горной природы. С другой стороны отвесно поднималась на тысячу с лишком метров громадная, черная и мрачная скала, которая, казалось, угрожала окрестностям. Широкие полосы базальта бороздили красноватую поверхность скалы, придавая ей вид какого-то чудовища с выдающимися боками. С другой стороны невообразимый хаос скал и обломков камня загораживал проход. Посередине этих обломков и скал проложена была тропинка, но такая узкая и неудобная, что по ней могли проехать только очень опытные и привычные к горным поездкам всадники.

Несмотря на эти опасности и препятствия, беглецы ощущали большую легкость на сердце, ибо каждый шаг удалял их все более и более от страшного могущества, от которого они бежали. Но они все еще находились в пределах наблюдения Святых, в чем и не замедлили убедиться очень скоро. Когда они достигли самой далекой, самой уединенной части прохода, Люси вдруг издала восклицание, указывая на вершину горы. На скале, нависшей над ними, ясно обрисовался силуэт часового.

– Кто идет? – воскликнул он в тот момент, как беглецы поравнялись с ним.

– Путешественники, идущие в Неваду, – ответил Джеферсон Гопп, опуская руку на ружье, привязанное к седлу.

Часовой зарядил ружье и начал рассматривать проезжавших, так как их ответ показался ему недостаточным.

– С чьего разрешения? – спросил он снова.

– С разрешения Четырех Святых, – ответил Ферье.

Он по опыту знал, что это был самый могущественный авторитет для мормонов.

– От девяти до семи! – воскликнул часовой.

– От семи до пяти! – подхватил тотчас же Джеферсон Гопп, вспомнив слова, подслушанные им в саду.

– Проезжайте с Богом! – произнес голос сверху.

Немного далее дорога стала удобнее, и беглецы пустили лошадей рысью. Оглянувшись назад, они увидели часового, который стоял на своей вышке, опершись на ружье. Фигура этого часового была для них как бы границей, отделявшей их от страны избранных, и они подумали, что зря свободы уже заблестела впереди них.

V. Ангелы-мстители

В течение всей ночи они следовали безостановочно, между крутых скал, по дорожке, стесненной отовсюду крупными обломками камня. Несколько раз они сбивались с пути, но Гопп был так хорошо знаком с горами, что очень быстро опять находил верный путь.

На рассвете их глазам представилось грандиозное зрелище. На громадном протяжении возвышались многочисленные высокие горные пики, покрытые снегом. Ряд этих пиков примыкал к высокой отвесной горе, на вершине которой росли лиственницы и буки, нависшие вниз, на дорожку, как будто собираясь задавить всякого, кто отважится пройти по ней. И это могло быть на самом деле, потому что местами на тропинке виднелись громадные упавшие деревья.

В ту минуту, когда беглецы вступили на эту тропинку, сверху оторвался большой кусок скалы с растущим на нем деревом и покатился вниз с глухим рокотом, который эхо повторило тысячу раз. Испуганные лошади бросились скакать галопом, несмотря на крайнюю утомленность.

Солнце всходило. По мере того как оно поднималось над горизонтом, снежные вершины одна за другой зажигались розовым светом, подобно блестящим факелам в день торжества. Чудные переливы света и вид ясного, ободряющего дня оттаили сердца беглецов и придали им новые силы.

Они сделали короткий привал на берегу ручейка, вытекавшего из-за выступа скалы. В то время пока лошади переводили дух, путешественники быстро закусывали. Люси и ее отец, очень утомленные, охотно отдохнули бы подольше, но Джеферсон Гопп воспротивился этому.

– В настоящую минуту они идут, наверное, по нашим следам, – сказал он, – поэтому все зависит от быстроты нашего бегства. Как только мы здоровыми и невредимыми достигнем Карсона, мы можем отдыхать всю нашу жизнь.

Весь этот день они не сходили с лошадей и к вечеру подсчитали, что не менее тридцати миль отделяют их от преследователей. С наступлением ночи они выбрали небольшое углубление в расщелине скалы и, прижавшись друг к другу, чтобы лучше укрыться от холода, несколько часов провели в крепком сне.

Было еще далеко до восхода солнца, когда они снова пустились в путь. До этого момента решительно ничего не указывало на то, что их преследуют, и Джеферсон Гопп начал надеяться, что они, наконец, вырвались из власти своих ужасных врагов. Но он еще не знал, как велика и всемогуща власть этого общества, как неумолима рука, которая вскоре должна была их схватить и уничтожить...

К полудню второго дня их провизия подошла к концу. Но охотник, который привык рассчитывать на свое ружье и знал, сколько дичи водилось в этих горах, не мог огорчаться такими пустяками. Джеферсон Гопп сначала отыскал укромный уголок между скалами, куда натаскал сухого хворосту и развел костер, возле которого все трое с удовольствием отогрели озябшее тело. Теперь они находились на высоте более пяти тысяч футов, и холодный воздух давал о себе знать. Спутав лошадей и поцеловав Люси, Джеферсон вскинул ружье на плечо и отправился на охоту, веря в свою счастливую звезду, которая ему должна помочь встретить дичь. Пройдя некоторое расстояние, он обернулся. Молодая девушка и старый Ферье сидели перед огнем, а возле них рисовались неподвижные силуэты лошадей. Охотник продолжал свой путь, и скоро острый выступ скалы скрыл его спутников. Он прошел более двух миль, зорко осматриваясь по сторонам, но не встретил ни малейшего следа какой бы то ни было дичи. Наконец ему стали попадаться отпечатки медвежьих лап на снегу, а кора на некоторых деревьях была обглодана. Прошло еще два или три часа в бесплодных поисках, и Гопп, отчаявшись в успехе, стал уже помышлять о возвращении к оставленным товарищам, когда, подняв глаза вверх, он вдруг вздрогнул от неожиданности. На выступе громадной скалы, в трех– или четырехстах футов над его головой стояло большое животное, по виду походившее на барана, но голову которого венчали два больших ветвистых рога. Это был муфлон, вожак невидимого отсюда стада. Животное, к счастью, стояло, обернувшись в другую сторону, и не почуяло присутствия охотника. Джеферсон Гопп лег на живот и, положив дуло ружья на камень, прицелился и выстрелил. Животное сделало отчаянный прыжок, зашаталось на мгновение на самом краю пропасти и затем упало вниз на камни.

Дичь была слишком велика, чтобы ее взять с собой целиком. Поэтому молодой человек удовлетворился тем, что вырезал заднюю ногу и весь филей. Взяв добычу на плечо, он поспешил в обратный путь, так как день уже клонился к вечеру. Но тут ждали его новые затруднения. Сгоряча он зашел слишком далеко, очутился в местах совершенно ему незнакомых и теперь заметил, что ему невозможно отыскать дорогу, по которой шел сюда. Долина, на которой он находился, прорезалась вдоль горными кряжами совершенно одинаковой величины и формы, так что их немыслимо было различить одну от другой. Между этими кряжами находились узкие проходы. Он выбрал наудачу один, шел им целую милю и, в конце концов, дошел до шумящего ручья, мимо которого, – он хорошо помнит, – не шел по пути на охоту. Тогда он повернул назад и пошел другой тропинкой. Результат получился тот же: тропинка вывела его к ручью.

Ночь уже наступила, когда он наконец напал на ту самую тропинку, по которой шел утром. Но теперь ему было очень трудно подвигаться вперед, ибо луна еще не взошла, а со всех сторон надвинувшиеся скалы еще более затемняли путь. Сгибаясь под тяжестью ноши, изнемогая от усталости, он спотыкался на каждом шагу. Но радость при мысли, что он сейчас увидит Люси и что он несет с собой запас провизии, достаточный для остального пути, придавала ему нечеловеческие силы.

Наконец он дотащился до конца прохода, в начале которого, несмотря на сумерки, на фоне неба ярко были видны два пика скал. Тут ему пришло в голову, что его спутники должны быть очень обеспокоенными, потому что его отсутствие продолжалось более пяти часов. И, желая сообщить им поскорее о своем возвращении, он приложил руку ко рту и испустил радостный возглас. На минуту приостановившись, он прислушался, не раздастся ли ответный крик. Но только одно эхо, гулко пронесшееся по диким скалам, многократно повторило его призыв. Тогда снова, еще громче, он прокричал, но и на этот раз никто не ответил ему. Ни один звук не раздался в ответ, и ничто не говорило о близости присутствия дорогих ему лиц, которых он совсем недавно покинул. Ужас неопределенности, которому нет имени, охватил его, и в безумном страхе он бросился бежать вперед, уронив на камни свою драгоценную ношу.

Завернув за угол скалы, он вдруг очутился перед догорающим костром. Огонь в нем уже потухал, и легко можно было заметить, что костер не поддерживался со времени его ухода отсюда. Мертвое молчание царило кругом. Его опасения превратились в уверенность: он ринулся вперед, но не увидел ничего, кроме догорающих углей. Отец, дочь, даже лошади, исчезли бесследно. Было до очевидности ясно, что во время его отсутствия здесь произошла какая-то ужасающая катастрофа, поглотившая их.

Сраженный этим тяжким ударом, Джеферсон Гопп почувствовал, что голова у него пошла кругом, и он должен был опереться на ружье, чтобы не упасть. Но он был слишком деятелен и энергичен, чтобы поддаваться мимолетной слабости, и быстро овладел собой. Выхватив из костра еще дымящуюся головню, он начал раздувать ее до тех пор, пока она снова не вспыхнула огнем, а затем принялся внимательно осматриваться. Кругом вся земля была истоптана многочисленными следами лошадиных копыт. Значит, здесь побывало множество верховых, которые, судя по следам и их направлению, повернули затем в сторону Соляного города. Захватили они с собою и его спутников? Джеферсон Гопп начинал уже думать, что да, когда вдруг его охватила ужасная дрожь. Он заметил в сторонке довольно большой холмик свежей красноватой земли, которого не было здесь раньше. Ошибиться было невозможно: это была свежеврытая и засыпанная затем могила. Подойдя поближе, молодой охотник заметил клочок бумаги, надетый на заостренную тонкую палку, воткнутую в могилу, а на бумаге была сделана лаконичная, но, увы, слишком многозначительная надпись:

Джон Ферье.

При жизни гражданин Соляного города.

Умер 4 авг. 1860 года.

Крепкий старик, которого он всего только несколько часов тому назад оставил здесь, не существовал более. О нем напоминал только этот маленький клочок бумаги! Бледный как смерть от ужаса, Гопп дико озирался, думая увидеть другую могилу, но ее не было нигде.

Люси была увезена своими преследователями, ибо она предназначалась ими для другого и должна была окончить жизнь в гареме сына одного из старцев!

Убедившись, таким образом, в постигшем его несчастье и собственной беспомощности перед ним, Джеферсон Гопп горько пожалел, что не может в эту минуту разделить со стариком Ферье его последнего жилища, где он нашел бы верный покой.

Природная энергия вскоре вновь восторжествовала над отчаянием, в которое он было погрузился. Если все потеряно, по крайней мере, он может посвятить всю свою жизнь мести. Кроме неслыханной выносливости и умения долго и много терпеть, Джеферсон Гопп умел еще ненавидеть и помнить зло, причиненное ему. В этом отношении он нисколько не уступал индейцам, среди которых ему пришлось жить долгое время.

Усевшись перед угасшим костром, он подумал, что одна-единственная вещь в мире может теперь хоть немного облегчить его страдания, а именно: он должен сам собственными руками жестоко наказать своих врагов. И, устремив глаза на могилу старика Ферье, он поклялся посвятить всю свою жизнь, все свои силы этой цели. Бледный как смерть, с искаженными от страдания чертами лица, он пошел отыскивать оброненную им часть дичи, нашел ее, раздул костер и изжарил мясо, которое должно было служить ему пищей на несколько дней.

Затем он тщательно завернул мясо в мешок и, невзирая на страшную усталость, пустился в путь по следам тех, кто сами себя называли ангелами мести.

На протяжении пяти дней он, изнуренный, с окровавленными ногами, шел пешком обратно по той тропинке, которую только что перед этим проехал на лошади. Вечером он падал на землю где-нибудь в углублении камней и спал несколько часов, но утренняя заря уже заставляла его на ногах, и он снова пускался в дорогу.

Наконец на шестой день он достиг узкой долины Орла, той самой, откуда они отправились в роковое путешествие несколько дней тому назад. Отсюда можно было уже видеть город «Святых».

Разбитый морально и физически, опершись на ружье, чтобы не упасть, он потрясал кулаком в пространство, грозя большому городу, расстилавшемуся перед его глазами. Присмотревшись внимательнее, он заметил множество развевающихся в честь праздника разноцветных флагов. Гопп начал размышлять, что бы это могло означать, когда вдруг услышал топот лошадиных ног и увидел всадника, двигавшегося ему навстречу. В этом всаднике он узнал некоего Кровпера, мормона, которому ему пришлось оказать несколько услуг. И он, не колеблясь ни минуты, подошел к нему, в надежде узнать что-нибудь о судьбе несчастной Люси.

– Разве вы не узнаете меня? – спросил он. – Я Джеферсон Гопп.

Всадник в ошеломлении глядел на него. Действительно, в этом несчастном бродяге, покрытом лохмотьями вместо одежды, в этом человеке с худым и диким лицом, на котором сверкали блуждающие глаза, трудно было узнать изящного молодого охотника, каким он был некогда. Но когда мормон наконец все-таки узнал Гоппа, то удивление его сменилось жалостью.

– Вы с ума сошли, что решаетесь появляться здесь! – воскликнул он. – Одно то, что я разговариваю с вами, может мне стоить жизни. Разве вы не знаете, что Четверо Святых вынесли вам роковой приговор за то, что вы помогали бежать Ферье и его дочери.

– Я не боюсь их и их приговора, – холодно ответил Джеферсон. – Вы, Кровпер, без сомнения, осведомлены обо всем случившемся, и я умоляю вас всем, что для вас свято и дорого в мире, ответить мне на несколько вопросов. Ведь мы были всегда добрыми друзьями, не правда ли? Ради Неба, не откажите мне в моей просьбе.

– Что вы хотите знать? – спросил мормон, несколько смешавшись. – Спрашивайте скорее, потому что здесь скалы имеют уши и деревья – глаза.

– Что случилось с Люси Ферье?

– Она вчера обвенчалась с молодым Дреббером... Но что с вами? Будьте мужественней, мой друг, а то вы упадете в обморок.

– Нужды нет! – слабым голосом проговорил Гопп.

Действительно, бледность его перешла в синеву, и он упал на землю у подножия скалы, на которую опирался до сих пор.

– Она замужем, говорите вы?

– Замужем со вчерашнего дня. Вот почему развеваются в городе флаги, которые вы видите отсюда. Из-за нее был большой спор между Дреббером и Стангерсоном. Оба они участвовали в погоне за вами, и так как Стангерсон своей рукой убил Ферье, то он и думал, что поэтому имеет больше прав на его дочь. Но когда дело поступило на рассмотрение Совета Четырех, то старцы высказались за Дреббера, и великий Пророк отдал ему Люси Ферье в жены. Но я думаю, что она скоро будет уже ничьей, потому что вчера я явственно различил тень смерти на ее лице. Она походила больше на призрак, нежели на живое человеческое существо. А вы теперь куда? Уходите?

– Да, я ухожу отсюда, – сказал Джеферсон Гопп, поднимаясь с земли.

Лицо его было страшно и походило на мраморное изваяние, – до того черты этого лица сделались жестки и неподвижны. Одни глаза сверкали мрачным огнем.

– Куда вы пойдете? – спросил его мормон.

– Не все ли равно! – ответил охотник.

Затем он вскинул ружье на плечо, спустился вниз по тропинке и исчез за серыми скалами, в которых одни только дикие звери находили себе логовище и пищу. В эту минуту убитый горем охотник был несравненно более опасным и жестоким, чем все те дикие звери, среди которых он хотел жить.

Предсказание мормона сбылось очень скоро. Убитая сначала горем при виде ужасной смерти своего отца, а потом ненавистным браком, к которому ее принудили ее мучители, Люси Ферье не поднимала головы с подушки с самого дня своей свадьбы. Она угасала в течение месяца и к концу его умерла.

Варвар-муж, который женился на ней силой, главным образом, из-за имущества и денег ее отца, не выразил ни малейшего огорчения, узнав о ее кончине. Но зато остальные его жены искренно плакали над телом несчастной Люси и, согласно с обычаями мормонов, пожелали стеречь ее тело ночью, предшествующей похоронам. На рассвете, когда они все сидели вокруг гроба, к их неописуемому ужасу, дверь вдруг с силой отворилась и в комнату ворвался какой-то дикого вида, весь оборванный незнакомый человек.

Не сказав ни слова расступившимся перед ним женщинам, он направился прямо к белому неподвижному телу Люси Ферье, которое уже покинула ее чистая душа. Наклонившись над умершей, незнакомец благоговейно прикоснулся губами к ее чистому лбу и затем, взяв ее за руку, сдернул с нее обручальное кольцо.

– По крайней мере, хоть в могилу она не понесет этого! – воскликнул он с угрозой.

И прежде чем женщины успели поднять тревогу, он сбежал с лестницы и исчез. Все это произошло так быстро и так неожиданно, что свидетели этой сцены сами могли бы подумать, что находились во власти грез, если бы не было одного факта, подтверждающего действительность происшедшего: с руки умершей исчезло обручальное кольцо.

В течение нескольких месяцев Джеферсон Гопп бродил по окрестным горам, ведя жизнь настоящего дикаря. В сердце своем он питал ненасытную жажду мести, жажду, поглотившую все его мысли и желания.

Вскоре по городу начали ходить странные слухи. Рассказывали о каком-то привидении, которое видели то ползущим где-нибудь на краю предместья, то блуждающим по уединенным горным тропинкам и обрывистым склонам гор. Однажды Стангерсон услышал свист пули, пролетевшей в разбитое стекло мимо его уха и ударившейся позади него в стену. В другой раз, когда Дреббер проходил по тропинке мимо высокой каменной стены у подошвы гор, сверху оторвался громадный кусок скалы и, падая вниз, едва не увлек его за собой в бездонную пропасть. Дреббер спасся только тем, что бросился в сторону и лег на землю.

Молодые мормоны скоро догадались, кто был виновником этих покушений на их жизнь. В надежде изловить или застрелить врага, они в обществе других вооруженных людей устроили несколько экспедиций в горы, но все было напрасно. Тогда они решили не выходить никуда в одиночку и без оружия, особенно вечером, а вокруг своих домов расставили стражу. Но прошло несколько времени, и они стали понемногу пренебрегать этими предосторожностями в надежде, что время уже успело утолить жажду мести их невидимого врага. К тому же никто его более не встречал ни в горах, ни в окрестностях города, и мало-помалу рассказы об охотнике-мстителе прекратились совершенно.

Но они ошиблись. Ненависть Гоппа не только не утихла с течением времени, но возрастала все более и более. Его горячая натура была вся охвачена, как огнем, жаждой мести, и в его сердце не было места ни для какого другого чувства. Но это был человек, который легче переносил всевозможные физические лишения, нежели душевные муки. Смерть Люси точно в самом корне подкосила силы молодого охотника. Он вскоре понял, что его железное здоровье сломано навсегда и что он быстро теряет силы. Это открытие опечалило его, потому что, если он должен скоро умереть, что станет с его мстью? Кто отомстит за смерть Люси и ее отца?

Он сознавал, что если будет продолжать вести образ жизни, полный лишений и невзгод, как теперь, то его неминуемо ждет скорый конец, и он подохнет в горах, как бездомная собака. Взвесив и обдумав все это, он опустошенный и мрачный вернулся в Неваду, к своим приискам, с целью отдохнуть немного, собрать, сколько возможно, денег и затем уже снова приняться за дело мести с тем, чтобы довести его до конца.

Джеферсон Гопп думал сначала, что для этого ему будет достаточно одного года. Но обстоятельства сложились так, что он провел на своих приисках в Неваде около пяти лет. И, несмотря на это, воспоминание о пережитых страданиях и жажда мести были так же живы в его сердце, как и в ту незабываемую ночь, когда он произнес свою клятву над могилой Джона Ферье. Он переменял платье, прическу, назвался фальшивым именем и вернулся в Соляной город, нисколько не заботясь о том, что рискует своей жизнью, а лишь помышляя о возжеланном часе мщения.

Но в Соляном городе он узнал дурные новости. Общество Святых разделилось вследствие возникшего среди них конфликта.

Несколько молодых членов общества восстали против власти Старцев. В результате произошел разрыв общества, и многие ушли из Утаха, чтобы сделаться «язычниками». Среди них находились также Стангерсон и Дреббер, но никто не знал, куда именно отправились эти последние. Ходили слухи, что Дреббер, распродав все свое имущество, оказался обладателем громадного состояния, в то время как Стангерсон выехал из Утаха совершенно разоренным. Они уехали оба, не оставив никаких следов за собой, по которым их можно бы было разыскать.

Ввиду таких вновь возникших затруднений другой человек бросил бы всякую мысль о мести, но Джеферсон Гопп не поколебался ни на одну минуту. Имея небольшие средства и громадную способность всюду находить себе заработок, он начал переезжать из одного города Соединенных Штатов в другой, повсюду отыскивая своих врагов.

Годы шли за годами, седые волосы на его голове все прибавлялись и прибавлялись, а Джеферсон Гопп упорно продолжал идти избранным путем к намеченной цели, которой он посвятил всю свою жизнь. Он походил на хорошую охотничью собаку, жадную до дичи и неуклонно бегущую по ее следам. И это упорное постоянство было, наконец, вознаграждено. Однажды, находясь в Кливленде в Огайо, он, идя по улице, заметил, как за одним из окон мелькнул знакомый профиль. Это было только одно мгновение, но Гопп узнал человека и когда вернулся в этот вечер домой в свою хижину, то план мести был уже совсем готов.

Но, к несчастью, Дреббер из окна также узнал своего врага в этом бродяге, в глазах которого он прочел себе приговор. Вместе со Стангерсоном, который у него жил в качестве секретаря, Дреббер бросился к одному из судей в городе и объяснил ему, что он преследуем своим прежним соперником и находится в опасности. В тот же вечер Джеферсон Гопп был арестован, а так как он не мог представить за себя поручителя, то и просидел в заточении три недели.

Когда же он был, наконец, выпущен на свободу, дом Дреббера уже опустел, а он и его секретарь отплыли на пароходе в Европу.

Еще раз не удалась, таким образом, планы мести Джеферсона Гоппа, но он слишком сильно ненавидел, чтобы прекратить преследование. К этому времени опустел в значительной степени и его кошелек, и он вынужден был некоторое время посвятить труду, экономя и собирая грош к грошу ввиду предстоящего путешествия. Собрав достаточное количество денег, он решился отправиться в путь.

В Европе ему посчастливилось, и он скоро напал на след своих врагов.

Он следовал за ними из города в город, временами останавливаясь ненадолго, чтобы заработать что-нибудь, но никак не мог их настичь. Приехав в Петербург, он узнал, что они только что отправились в Париж, и, когда он последовал за ними туда, они были уже по пути в Копенгаген. Едва только он высадился в столице Дании, как узнал, что они отплыли в Лондон. Но здесь, наконец, час их пробил!

Проследить дальнейшие события в их строгой последовательности мы можем по рассказу об этом самого Гоппа. Этот рассказ точно и подробно записал в своих воспоминаниях доктор Ватсон.

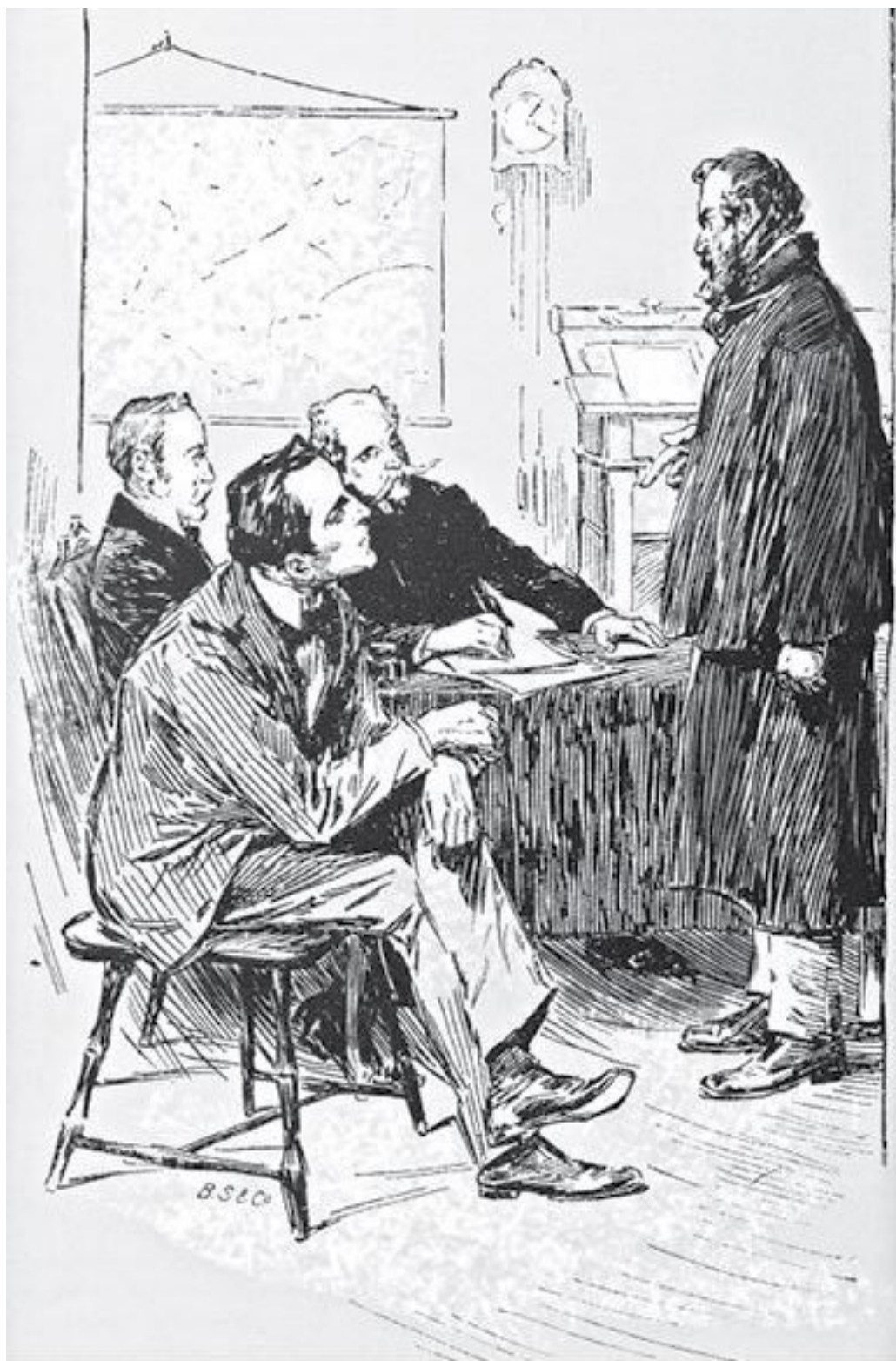
VI. Продолжение воспоминаний доктора Ватсона

Отчаянное сопротивление нашего узника, однако, ничем не угрожало лично нам, потому что, как только он почувствовал себя связанным, то посмотрел на всех нас по очереди ласковыми глазами и улыбнулся самым любезным образом. Затем он осведомился, не ранил ли кого-либо из нас в борьбе.

– Полагаю, что вы отвезете меня в полицейский участок, – сказал он, обращаясь к Шерлоку Холмсу. – Мой фиакр стоит у подъезда, и если вы будете так любезны и освободите мне чуточку ноги, то я сойду вниз. Я в настоящее время немного тяжелее, нежели был в дни моей юности, и нести меня будет слишком трудно.

Грегсон и Лестрейд обменялись быстрыми взглядами, удивляясь подобной дерзкой просьбе. Но Шерлок Холмс, полагаясь на слово узника, тотчас же развязал полотенце, которым были скручены щиколотки Гоппа. Тот встал и пошевелил ногами, как бы для того, чтобы убедиться, что снова владеет ими. Я разглядывал его фигуру и должен признать, что мне очень редко случалось встречать человека более крепкого сложения. Лицо его, все обожженное солнцем, дышало силой и энергией и придавало еще большую внушительность всей его колоссальной фигуре.

– Если должность начальника полиции свободна, то вы более, чем кто другой достойны занять ее, – сказал он, глядя с восхищением на Холмса. – Способ, каким вы выследили меня, поистине гениален.

– Надеюсь, что вы будете сопровождать меня, – сказал Холмс, обращаясь к двум полицейским.

– Я умею править лошадью, – сказал Лестрейд.

– Отлично! Грегсон сядет в карету со мною... и с вами, доктор. Так как вы принимали участие в этом деле, то, надеюсь, что теперь уже вы не оставите нас?

Я более не заставил себя просить, и все мы сошли вниз. Наш узник, не делая ни малейших попыток к бегству, спокойно уселся в свой фиакр, а мы поместились по обе стороны от него.

Лестрейд взобрался на козлы, стегнул лошадь, и в несколько минут мы уже были на месте. Нас ввели в маленькую комнату, где один из инспекторов полиции записал имя арестованного рядом с именами других людей, обвиняемых в убийстве.

Инспектор был человек с бледным лицом и неподвижными чертами. Свои обязанности он исполнял четко, но как-то машинально, словно во сне.

– Арестованный предстанет перед судом присяжных на будущей неделе, – произнес он, – а в ожидании этого, Джеферсон Гопп, может быть, вы хотите что-то сказать? Но я должен предупредить вас, что каждое ваше слово будет записано и впоследствии может свидетельствовать против вас.

– Разумеется, у меня есть что рассказать, – спокойно ответил наш узник. – Я желаю это сделать в присутствии данных господ.

– Не лучше ли отложить это до того дня, когда вы появитесь перед судом? – спросил инспектор.

– Быть может, я не предстану перед ним совсем, – ответил он. – О, не пугайтесь! Я и не подумаю кончать самоубийством. Ведь вы доктор, не правда ли? – обратился он ко мне, глядя на меня своими черными и проницательными глазами.

– Действительно, – ответил я.

– Тогда будьте так добры, приложите вашу руку вот сюда, – продолжал он, поднимая к своей груди скованные руки.

Я исполнил его просьбу. Под моей рукой я тотчас же почувствовал сильнейшее внутреннее сотрясение, сопровождавшееся ускоренным сердцебиением. Стенки грудной клетки вздрагивали наподобие тонкой перегородки какого-нибудь строения, сотрясаемого гигантской машиной, помещающейся внутри его. В наступившей тишине я явственно различил глухое хлокотанье, происходившее, конечно, по той же причине.

– Как! – воскликнул я, – У вас аневризма аорты?

– Именно так называли другие доктора мою болезнь, – ответил он без малейшего волнения. – Недели тому назад я ходил к доктору, прося его совета. И мне кажется, что разрыв должен произойти очень скоро. Ведь прошло уже столько лет, как эта болезнь прогрессирует! Лишения и непомерные труды, которые я перенес, живя в горах Соляного города, были причиной моего недуга. Но теперь мое дело окончено, я готов умереть. Я хотел бы только рассказать всю мою историю, чтобы не оставлять о себе воспоминания как об убийце.

Инспектор и оба полицейских чиновника начали быстро совещаться, не зная, должны ли они соглашаться с просьбой арестанта.

– По вашему мнению, доктор, этот человек находится в непосредственной опасности? – спросил меня первый.

– Несомненно, – ответил я.

– В таком случае в интересах правосудия мы обязаны выслушать его. Итак, вы можете рассказать нам все, мистер Гопп, но я повторяю еще раз, что каждое ваше слово будет записано.

– Позвольте мне только сесть, – сказал последний, – моя аневризма очень утомляет меня. К тому же борьба, которую мне пришлось выдержать, также не принесла мне пользы. Я стою на краю могилы, поэтому можете мне верить, что я скажу правду. Каждое мое слово будет правдиво, а какие выводы вы сделаете из моей истории, меня это не касается и не интересует.

Произнеся это, Джеферсон Гопп откинулся на спинку стула и начал рассказывать свою страшную историю спокойным и ровным голосом, как будто говорил о самых обыкновенных вещах. Лестрейд записывал каждое его слово в свою записную книжку, и из этой-то книжки я впоследствии точно и верно списал то, что повествовал нам наш узник.

– Причины моей ненависти к этим двум людям не могут очень интересовать вас, – начал он. – Достаточно вам будет знать, что они убили два человеческих существа – отца и дочь, – этим самым заслужили себе смерть. С момента этого убийства прошло столько уже лет, что

я не мог обратиться ни к какому суду с просьбой судить их, но я, зная об их преступлении, решился быть их обвинителем, судьей и палачом одновременно. Ни один человек на всем земном шаре, слышите, ни один человек не поступил бы иначе на моем месте. Двадцать лет уже прошло с той поры, когда молодая девушка, о которой я упомянул сейчас, должна была сделаться моей женой. Но ее силой принудили выйти замуж за Дреббера, и она умерла с разбитым от горя сердцем. И в то время, когда она находилась на смертном одре, я снял кольцо с ее пальца и поклялся, что в момент, когда виновник ее гибели будет умирать от моей руки, я покажу ему это кольцо, чтобы он лучше вспомнил свою вину, за которую понес заслуженное наказание.

С этого дня я ни на минуту не расставался с кольцом и преследовал по всему свету своих врагов до тех пор, пока не настиг их наконец. Они, вероятно, надеялись утомить меня, переезжая с места на место, но как они ошибались! Если я скоро умру, как и надеюсь на это, то я умру, по крайней мере, зная, что моя задача в этом мире окончена и окончена хорошо. Да, я могу похвалиться тем, что она окончена хорошо. Оба убиты моей рукой! После этого что еще остается мне делать здесь?

Они были богаты, а я беден, поэтому мне нелегко было гоняться за ними. Когда я приехал в Лондон, мой кошелек был пуст, и я вынужден был искать себе работу, чтобы жить. Править лошадьми, ездить верхом было делом для меня привычным, поэтому я и обратился к одному содержателю извозчиков, который тотчас же нанял меня. Я должен был, по условию, выплачивать еженедельно моему хозяину известную сумму денег, а весь излишек поступал в мою пользу. Но это все была мелочь, и я быстро постиг искусство увеличивать мой скудный заработок. Самое трудное для меня было изучить улицы Лондона, потому что никогда в жизни я еще не встречал нигде такого путаного лабиринта улиц и переулков, как в вашем городе. Я приобрел себе план Лондона и, взявши за исходный пункт самые большие гостиницы, вскоре ориентировался довольно удовлетворительно в своем новом положении.

Прошло довольно много времени, прежде нежели мне удалось открыть место проживания моих врагов. Они поселились в меблированных комнатах в Камбервеле, по ту сторону реки. С того момента, как я отыскал их жилище, они оказались в моей власти. Я отрастил бороду, и меня трудно было узнать. Я решился следить за ними до тех пор, пока мне не представится удобный случай для нападения. Теперь я уже твердо решил, что они не уйдут от моего возмездия. Они не могли никуда ступить и шагу, как я уже следовал за ними по пятам. Иногда я ехал вслед за ними в своем фиакре, иногда же шел пешком. Первое было гораздо удобнее. Но при этой системе я мог зарабатывать деньги только в течение нескольких часов утром и поздно вечером и вскоре заметил, что оказался в большом долгу у своего хозяина. Но я нисколько не беспокоился об этом и старался только не потерять следа своих врагов.

Они были очень хитры и, очевидно, боялись преследования, так как вечером никогда не выходили из дому, а если выходили, то днем и всегда вместе. Целые две недели я с высоты моих козел видел, как они появлялись в разных местах, то там, то сям, но никогда один без другого. Дреббер был неизменно пьян, а вот Стангерсон постоянно держался и был настороже. И, несмотря на то, что день проходил за днем, не представляя мне удобного случая, я не падал духом, потому что чувствовал, что час возмездия близок. Единственно, что меня беспокоило, была моя аневризма. Я боялся, что мое сердце разорвется слишком рано, и я не успею завершить начатое дело.

Наконец, однажды вечером, когда я проезжал взад и вперед по Торквай-Террасе, – так называлась улица, на которой они жили, – я увидел, как перед их дверью остановилась карета. Затем из дома начали выносить чемоданы и корзины и уложили их наверх кареты. После этого Дреббер и Стангерсон вышли из подъезда и уселись в карету. Как только она тронулась с места, я стегнул свою лошадь и пустился следом. Я был страшно обеспокоен, подозревая, не собираются ли они уехать из Лондона совсем. Они сошли на Эустонской станции. Я поручил свою

лошадь какому-то мальчишке и вошел следом за ними в вокзал. Здесь я услышал, как они спрашивали у одного чиновника о времени отхода поезда в Ливерпуль. Чиновник ответил им, что один поезд в Ливерпуль только что отошел, а следующий пойдет лишь через несколько часов. Стангерсон казался раздосадованным этой неудачей, а Дреббер, напротив, как будто был доволен.

Смешавшись с толпой, я подошел близко к ним и мог отлично слышать все, о чем они говорили между собой. Дреббер объявил, что у него есть небольшое личное дело, по которому он должен ненадолго отлучиться, и требовал, чтобы Стангерсон подождал его здесь, на станции. Но его товарищ возразил, напомнив, что они условились не расставаться никогда. На это Дреббер сказал, что его дело очень щекотливого характера, и он может его исполнить только в одиночку. Я не расслышал ответа Стангерсона, но Дреббер начал кричать и ругаться, говоря, что он, Стангерсон, простой секретарь и, не имеет права давать советы и приказывать хозяину.

После этого Стангерсон перестал с ним спорить и только сказал, что в случае, если Дреббер опоздает на последний поезд, то пусть придет в гостиницу «Холидей», где он займет номер. На это Дреббер ответил, что непременно придет не позже одиннадцати часов на станцию, и затем ушел. Случай, которого я так долго и так жадно ждал, настал наконец. Мои враги были теперь в моей власти. Вместе они могли защищать друг друга, порознь они вполне зависели от меня. Но я решил действовать без спешки.

Ибо я хотел, чтобы моя жертва, прежде чем умереть, узнала и руку, которая ее поражает, и то, за что она ее карает. Несколько дней тому назад один из моих седоков, а именно управляющий домами в Брикстон-Рэде, обронил в моем экипаже ключ от одного из этих домов. В тот же вечер я возвратил ключ хозяину, но сначала сделал с него слепок и заказал другой точно такой же. Сделал я это с той целью, чтобы на всякий случай иметь в громадном городе укромный уголок, где меня никто бы не мог потревожить. Затруднение было теперь в том, чтобы заманить Дреббера в этот дом.

Последний вышел со станции пешком. По пути он заходил в несколько кабаков, и в одном из них даже просидел более получаса. Когда он вышел, наконец, на улицу, то было заметно, что он сильно пошатывается. Впереди меня стоял фиакр. Дреббер махнул кучеру и уселся в экипаж. Я, конечно, последовал за ним. Мы проехали мост Ватерлоо, затем двинулись по бесконечно длинным улицам и, наконец, повернули к прежнему жилищу Дреббера. Что он намеревался делать здесь? Я остановился неподалеку от дома и наблюдал. Дреббер вышел из экипажа и вошел в дом, а фиакр медленно удалился... Но будьте добры, дайте мне стакан воды, я очень устал от этого длинного рассказа.

Я протянул ему стакан воды, которую он с жадностью выпил.

– Теперь мне лучше, – продолжал он. – Прошло с четверть часа, когда я вдруг услышал шум внутри дома, точно там происходила борьба. Дверь с силой отворилась, и я увидел двух мужчин: Дреббера и молодого человека, которого я еще ни разу не видел. Последний вел Дреббера за воротник и, стоя на верхних ступенях крыльца, сильно толкнул его вниз, отвесив ему при этом полновесный удар ногой. Дреббер полетел на середину улицы.

– Грязное животное! – воскликнул молодой человек, грозя ему вслед своей тростью. – Я тебя научу, как быть вежливым с порядочными девушками!

Он был так взбешен, что непременно попотчевал бы Дреббера палкой, если бы последний не бросился изо всех сил наутек. Пробегая мимо меня, он вскочил в мой фиакр и крикнул:

– В гостиницу «Холидей»!

Наконец-то я держу его в руках! Эта мысль наполнила меня такой радостью, сердце мое так сильно забилося в груди, что я испугался, как бы оно не разорвалось тут же. Я, не торопясь, двинулся по улице, соображая, как поступить лучше. Мне пришла в голову мысль завезти его за город и в каком-нибудь укромном местечке поговорить с ним. Я уже повернул было лошадь в другую сторону, как вдруг Дреббер, уступая своему желанию выпить, приказал мне остановиться перед дверьми одного кабака. Он вошел туда и пробыл там до закрытия. Когда он вышел, наконец, снова на улицу, где я поджидал его, то находился уже в состоянии полной невменяемости и всецело очутился в моей власти.

Не подумайте, однако, что я хотел попросту убить его, как собаку, совершенно хладнокровно, со спокойным сердцем. Нет, хотя я должен сказать, что он вполне заслужил подобную смерть. Еще давно я решил ему предоставить некоторый шанс спасения, если только он примет мои условия. Во время моих многолетних тяжелых скитаний по белу свету я жил одно время при Нью-Йоркской университетской лаборатории в качестве сторожа. Однажды профессор читал лекции о ядах. Во время лекции он показывал ученикам один алкалоид, который дикари Северной Америки употребляют для отравления своих стрел. Яд этот был так силен, что малейшая его крупинка, введенная в организм человека, влечет за собой моментальную смерть. Я сделал заметку на пузырьке с этим алкалоидом и, когда зал опустел, взял оттуда немного яду. Так как я умел приготавливать некоторые простые химические препараты, то я и сработал себе из этого алкалоида известное количество пилюль. Затем я взял несколько пустых коробочек и в каждую из них положил по две пилюли: одну безвредную, другую с ядом. Я намеревался сделать так, что, когда настигну своих врагов, предложу им выбрать одну пилюлю, а сам проглочу другую. Этот способ был более удобен, нежели дуэль с двумя пистолетами,

из которых один только заряжен, потому что бесшумен. С этого дня я носил пилюли всегда с собой в кармане.

Было уже далеко за полночь. Ночь была темная и холодная, шел дождь, потоки которого гнал сильный холодный ветер. Но, несмотря на это, я был в необычайно приподнятом настроении и готов был даже петь на всю улицу.

Меня может понять только тот, кому приходилось желать чего-нибудь всей душой, в течение двадцати лет питать надежду, что это желание исполнится, и наконец получить желаемое. Я закурил сигару, чтобы успокоиться, но руки мои дрожали, и в темноте ночи я явственно слышал биение моего сердца.

Проезжая из улицы в улицу, я точно видел перед собой неясные очертания Джона Ферье и дорогой Люси, выступающие из тумана. Так доехал я до дома в Брикстон-Рэде. На улице не было видно ни живой души, не слышалось ни малейшего звука, кроме плеска дождевых потоков по трубам. Заглянув внутрь фиакра, я увидел Дреббера, который погрузился в тяжелый, пьяный сон. Я взял его за плечо и встряхнул.

– Мы приехали, – сказал я.

– Отлично, мой друг, – ответил он.

Очевидно, он воображал, что приехал в указанную им гостиницу. Поэтому, не говоря ни слова, он вышел из экипажа и пошел за мною через сад. Но я должен был пойти с ним рядом и поддерживать его под руку, до того он был пьян. Подойдя к двери дома, я отпер ее и ввел моего спутника в первую комнату. И здесь, клянусь вам Небом, я явственно увидел перед собой лица убитых некогда старого фермера и его дочери.

– Здесь темно, точно в печке! – воскликнул Дреббер, гневно топая ногой.

– Сейчас будет светло, – ответил я, чиркая спичкой и зажигая огарок восковой свечи, которую я носил в кармане, – А теперь, Энох Дреббер, – продолжал я, поворачиваясь к нему лицом и освещая его огарком, – узнаете меня?

Он молча глядел на меня пьяными глазами в течение нескольких секунд. Затем глаза негодая широко раскрылись от безумного страха, исказившего его лицо. Он знал, что ждет его, и поэтому отпрянул от меня назад. Обильный пот выступил на его лбу, а зубы застучали. Я прислонился к двери и от души расхохотался. Я всегда думал, что месть для меня будет сладка, но никогда не предполагал, чтобы она будет сладостной до такой степени.

– Несчастный, – сказал я, – я гонялся за тобой по всему миру, и ты все время ускользал из моих рук. Но теперь настал конец: один из нас не увидит завтра восхода солнца.

Он продолжал пятиться от меня в то время, пока я говорил, и по его глазам я видел, что он считает меня сумасшедшим. О! Я действительно был им в этот момент. Кровь бурно kloкотала в моих жилах и молотом стучала в висках. Я близок был к припадку, как вдруг сильное кровотечение из носа принесло мне облегчение.

– Помнишь ли ты Люси Ферье? – воскликнул я, затворив дверь и показывая ему ключ. – День твоей казни откладывался очень долго, но он настал, наконец!

Негодяй дрожал, как в лихорадке, и готов был умолять меня о пощаде, если бы не понял сразу, что это было бесполезно.

– Вы хотите убить меня? – пролепетал он.

– Кто говорит об убийстве? Разве можно называть убийством; когда подстреливают бешеную собаку? Имел ли ты жалость в сердце, когда оторвал дорогую мне девушку от трупа ее отца и подверг ее поруганию в твоём проклятом гареме?

– Не я убил ее отца! – оправдывался несчастный.

– Но ты разбил ее невинное сердце! – закричал я, вынимая из кармана одну коробочку с пилюлями. – Пусть Бог правосудный судит между нами: выбирай одну из этих пилюль. Одна из них содержит смерть, другая безвредна; я возьму ту, которая останется. И мы увидим, действительно ли существует Бог на небесах или же один лишь случай руководит нами.

Он бросился на колени, унижаясь и моля о пощаде. Но я вынул из кармана нож и поднес к его горлу. Тогда он решился и выбрал пилюлю, а я проглотил другую. Несколько секунд мы молча глядели друг на друга. Кто из нас должен умереть? Никогда в жизни я не забуду выра-

жения его лица, когда первые муки известили его, что яд начал совершать свое дело. Я захохотал и показал ему тогда обручальное кольцо Люси. Но действие яда было точно громовой удар. Сильная судорога свела черты его лица, он протянул руки вперед, зашатался и с глухим криком упал к моим ногам. Я перевернул его ногой на другой бок и, приложив руку к его сердцу, почувствовал, что он мертв. Не помню как, но мне в голову пришла мысль воспользоваться моим кровотечением из носа, чтобы сделать надпись на стене. Мне хотелось сбить с толку полицию и направить ее по ложному следу. В эту минуту я был так счастлив и весел! Я вспомнил, как в Нью-Йорке произошло однажды убийство какого-то немца и на его трупе нашли приколотый клочок бумаги с надписью «Rache», и как все газеты, комментируя этот факт, объясняли убийство политической мстью. Я и подумал, что если жители Нью-Йорка заинтересовались этой надписью, то жители Лондона сделают также. И я, обмакивая палец в собственную кровь, написал на стене, на самом виду, слово «Rache».

После этого я вернулся к своей лошади. Погода была отвратительная. Хотя дождь перестал, на улице по-прежнему не было ни души. Отъехав уже на порядочное расстояние от дома, я заметил, что кольцо Люси исчезло из моего кармана. Это обстоятельство меня очень огорчило, так как это колечко было единственной оставшейся мне от Люси памятью. Решив, что я его, вероятно, выронил, когда наклонялся над телом Дреббера, я повернул лошадь назад. На углу улицы я оставил ее и смело направился к дому. Я готов был подвергнуться какой угодно опасности, лишь бы вернуть это кольцо обратно. Но у входа в сад я наскочил на полицию и спасся от ее внимания только тем, что притворился мертвецки пьяным.

Так умер Энох Дреббер. Мне оставалось еще покончить со Стангерсоном, чтобы расквитаться за Джона Ферье. Я знал, что он поселился в гостинице «Холидей», но напрасно ездил перед нею взад и вперед в течение целого дня: он не показывал носу на улицу. Думаю, что его охватили дурные предчувствия, когда он не дождался возвращения Дреббера. Стангерсон был чрезвычайно хитер, и его трудно было захватить врасплох.

Тогда я узнал случайно, какое было его окно, и на другой день утром, с помощью лестницы, которую я нашел в проходе между стеной и забором во дворе, проник в его комнату. Я разбудил его, напомнив, что настал час расплаты за его старые дела. Затем я предложил ему коробку с пилюлями, как и Дребберу. Вместо того чтобы ухватиться за последнюю надежду спасенья, которую я предлагал ему, он вскочил с постели и схватил меня за горло. Тогда-то я, на законном основании самозащиты, вонзил ему в сердце кинжал. Впрочем, он все равно должен был умереть, ибо я совершенно не верю в то, что Провидение позволило бы ему выбрать безвредную пилюлю.

Мне осталось немного прибавить к сказанному, и я этому очень рад, потому что страшно устал. Совершив свое дело, я продолжал заниматься извозом, рассчитывая вернуться в Америку, как только мне удастся собрать некоторое количество денег.

Я находился во дворе у моего хозяина, когда туда явился совершенно обтрепанный уличный мальчишка, который спросил, нет ли тут извозчика Джеферсона Гоппа.

Когда ему сказали, что есть, то он нанял меня отвезти седока с вещами на станцию, к поезду. Ровно ничего не подозревая, я отправился тотчас же с моим фиакром на Бейкер-стрит, и через несколько минут молодой человек, присутствующий здесь, самым любезным образом опутал меня парой вот этих миленьких браслетов. Вот, мистер, и вся история. Вы можете меня считать убийцей, но я в моих собственных глазах только судья, карающий за преступление. Вы можете быть точно такими же судьями.

Рассказ Джеферсона Гоппа до того захватил нас, а выражение его лица и голоса было так выразительно, что в течение нескольких минут мы все сидели, глубоко задумавшись. Даже оба полицейских агента, несмотря на многолетнюю привычку ко всякого рода преступлениям, были заинтересованы до высшей степени. В наступившей тишине только и слышался скрип карандаша Лестрейда, который торопился окончить запись.

– Мне остается еще только один пункт, который я хотел бы отметить, – сказал наконец Шерлок Холмс. – Кто был этот ваш сообщник, который явился ко мне за кольцом после того, как я напечатал объявление в газетах?

Арестованный лукаво подмигнул.

– Я могу раскрывать свои личные тайны, но не желаю впутывать в затруднения из-за меня других, – сказал он. – Я прочел ваше объявление и подумал, что оно могло быть простой ловушкой. Но в то же время мне хотелось получить обратно мое кольцо. Тогда один друг вызвался мне помочь и исполнил свою задачу довольно чисто, не правда ли?

– Без сомнения, – искренно ответил Шерлок Холмс.

– А теперь, мистеры, – произнес торжественно инспектор, – предоставим правосудию исполнять свое дело. Через несколько дней подсудимый предстанет перед судом, и ваше присутствие там будет необходимо. А до тех пор я один отвечаю за узника.

Сказав это, он позвонил в колокольчик. Тотчас же появились двое конвойных солдат, которые и увели Джеферсона Гоппа. Шерлок Холмс и я вышли из полицейского участка и, наняв фиакр, направились домой, на Бейкер-стрит.

VII. Эпилог

В следующий четверг мы должны были явиться в качестве свидетелей на суд. Но в назначенный день наши показания уже были излишни. Более могущественный и справедливый Судья принял на себя разбор дела Джеферсона Гоппа. В ночь, последовавшую за его арестом, ему стало хуже, а утром его нашли лежащим на полу камеры без признаков жизни. Лицо его было покойно, счастливая улыбка застыла на губах, как будто в последнее мгновение своей полной деятельности и труда жизни он ясно осознал, что намеченная им цель достигнута.

– Лестрейд и Грегсон будут очень огорчены его смертью, – заметил Холмс, когда мы на другой день рассуждали об этом. – Теперь пропала их самая лучшая реклама.

– Но я не думаю, что они принимали уж очень-то большое участие в расследовании этого дела, – ответил я.

– Людям нужды нет до того, что вы делаете, – с горечью продолжал Холмс, – главное заключается в том, что вы будто бы делали. Но как бы то ни было, пропустить это дело для меня было бы большим огорчением. Я еще не встречал до сих пор ни разу дела более интересного и поучительного, несмотря на его простоту.

– На его простоту! – воскликнул я невольно.

– Господи Боже мой, ну разумеется, это дело было совершенно простым! Я не могу выразиться иначе, – смеясь над моим изумлением, сказал Холмс. – Это доказывается тем, что благодаря небольшой цепи очень простых рассуждений мне посчастливилось накрыть преступника уже на третий день после совершения преступления.

– Да, это правда, – подтвердил я.

– Мне уже приходилось объяснять вам, что если какая-нибудь задача не укладывается в обычные рамки, то от этого она не становится труднее, а, напротив, гораздо легче к разрешению. Но в случаях подобного рода нам необходимо исходить из противоречивости. Кажется, что это так просто и ясно, и однако никто не хочет этого понять. Это происходит оттого, что люди как-то уж привыкли делать быстрые заключения и не понимают других. Из пятидесяти человек, умеющих строить синтетические выводы, вы найдете только одного, который идет к цели путем анализа.

– Откровенно говоря, я не совсем вас понимаю, – произнес я.

– Я так и думал. Попробую объяснить свою мысль более ясно. Представьте себе кого-нибудь, кому вы излагаете целый ряд фактов; он непременно скажет вам, что, в конце концов, было следствием этих фактов. Но если вы ему представите только результат этих фактов, то вряд ли найдется много людей, которые будут в состоянии восстановить все факты, предше-

ствовавшие результату, в их строгой последовательности. А именно последний метод я и называю ретроспективным рассуждением, или, иначе говоря, рассуждением аналитическим.

– Теперь я понял, – сказал я.

– Вот, например, в нашем последнем деле: вы узнали только результат, а вам нужно было на основании его угадать все предыдущие факты. Теперь постарайтесь постигнуть мой метод исследования; вернемся к самому началу. Помните ли вы, что, когда я пешком подходил к роковому дому, у меня не было никаких предвзятых мыслей. Я сначала только озабочился тщательно исследовать дорогу, на которой, как я уже говорил вам и тогда, я явственно заметил следы колес от фиакра. Точно так же я тогда объяснил вам, что этот фиакр мог проехать там только в ту ночь. Почему я узнал, что это был наемный экипаж? Да потому, что фиакры-собственники имеют ход гораздо шире. Обыкновенный наемный фиакр оставляет на земле колею много уже, нежели какая-нибудь элегантная карета собственника. Ну, вот вам первый добытый из наблюдений факт. Затем я осторожно направился по аллее, глинистая почва которой явственно сохранила отпечатки множества следов. Вы видели только одну смешанную ногами грязь там, где мой опытный глаз нашел множество ценных вещей. Для сыщика чрезвычайно важно умение читать по оставленным на земле следам, а между тем эта отрасль полицейского знания находится в большом небрежении. Но я всегда придавал ей главное значение, а продолжительная практика обогатила меня знаниями о различного рода и вида следов. И вот благодаря своему опытному глазу я легко различил шаги полицейских по дорожке. Но тут же рядом я заметил другие следы, следы двух людей, которые пришли в сад раньше. Это я узнал потому, что в некоторых местах дорожек следы эти совершенно были затерты и затоптаны шагами полицейских. Итак, в моих руках было уже два звена этой таинственной цепи. Я знал, что ночью здесь прошли двое незнакомых посетителей, что один из них был высок ростом, доказательством чему служила ширина его шагов, и что другой был изящно одет. Об этом я мог судить по узкому и элегантному отпечатку его следов. Войдя в дом, я увидел подтверждение моей догадки; человек изящно одетый и обутый в щегольские ботинки лежал, распростертый на полу. Значит, тот, другой, высокого роста, совершил убийство, если только это было убийство. И действительно, на теле убитого не было найдено ни малейшей раны, но выражение ужаса, застывшее на его лице, ясно свидетельствовало о том, что прежде, чем умереть, он понял, какой его ожидает конец. Люди, умирающие от разрыва сердца или от какой-либо другой внезапной, но естественной причины, никогда не имеют такого выражения. Мне пришла в голову мысль понюхать губы мертвого, и терпкий запах их тотчас же убедил меня, что этого человека заставили силой выпить какой-то ужасный яд. Выражение ужаса и ненависти, разлитое по лицу покойника, подтверждали мою догадку, что он выпил яд именно против воли. Вот к каким выводам пришел я путем исключения, – так как никакая другая гипотеза не могла быть объяснена данными фактами. Не подумайте, что такое предположение могло быть недопустимо. Мысль заставить кого-нибудь проглотить яд насильно не часто приходит в голову людям, но она не нова в истории преступлений. Те, кто занимался изучением ядов, хорошо помнят случай с Дольским в Одессе, а также подобный ему с Летюрелем в Монпелье.

Для меня самое важное было узнать причину преступления. Ясно до очевидности, что незнакомец был убит не с целью грабежа, так как его не ограбили.

Не была ли тут замешана какая-нибудь женщина или он пал жертвой политической мести? Я размышлял над этим, склоняясь, впрочем, не в пользу последнего предположения. И в самом деле: политические убийцы, совершив свое дело, помышляют только о бегстве. А здесь убийца действовал не спеша и с редким хладнокровием. Он надолго задержался в комнате, оставляя повсюду следы за собою. Такие действия показывают, что причиной убийства могла быть месть за какую-нибудь личную обиду, а никак не политическая месть.

Надпись на стене только укрепила меня в моем мнении: она была сделана лишь для того, чтобы ввести в заблуждение полицейских, что подтвердилось находкой кольца. Разве вам не

очевидно также, что жертве поднесли к глазам кольцо, чтобы напомнить ей о женщине, которую они знали оба? Тогда-то вот я и спросил у Грегсона, не справлялся ли он, телеграфируя в Клевеленд относительно каких-нибудь особенностей, касающихся частной жизни Дреббера? Если вы помните мой вопрос, то помните также и то, что Грегсон ответил на него отрицательно.

Тогда я начал внимательно рассматривать комнату. Из этих расследований я убедился в том, что не ошибся относительно роста незнакомца. Ширина его шагов доказывала это и здесь. Кроме того я собрал еще некоторые данные, как, например, трихинопольскую сигару и необычайную длину ногтей преступника. Затем, в виду полного отсутствия каких бы то ни было признаков борьбы, я пришел к заключению, что кровь, покрывавшая пол, это следствие сильного кровотечения из носа, из-за возбужденного состояния преступника. Что это была его кровь, я понял из того, что капли сопровождали именно его следы. Отсюда ясно, что человек, с которым приключился такой случай, непременно должен быть сангвинического темперамента. И я взял на себя смелость забежать немного вперед, объявив, что преступник был человек с красным лицом.

Выйдя из дома, где было совершено преступление, я использовал все свои возможности для того, чтобы исправить упущения, сделанные Грегсоном. Я телеграфировал начальнику сыскной полиции в Кливленде, попросив его сообщить мне все, что он знает о женитьбе Эноха Дреббера. Ответ получился чрезвычайно убедительный: Дреббер обращался в полицию с просьбой защитить его от преследования старинного соперника, которого зовут Джеферсон Гопп, и что последний находится в настоящее время в Европе.

Вы видите, что я собрал таким образом все нити этой интриги и держал их в руках. Мне оставалось только схватить убийцу.

Одно было мне совершенно ясно, что человек, в ночь убийства вошедший вместе с Дреббером в дом, мог быть только кучером фиакра. Следы, оставленные лошастью на улице, показывали, что она была там оставлена без присмотра, и воспользовавшись этим, немножко побродила по улице. Сделать иное предположение немыслимо, потому что какой же сумасшедший человек решится совершить преступление, на глазах свидетелей, каким мог быть наемный кучер? Вот и выходит, что кучер, привезший Дреббера, вошел с ним вместе в дом. К тому же, для человека, разыскивающего и преследующего своего врага в таком большом центре, как Лондон, ремесло кучера самое подходящее. И я твердо решил искать Джеферсона Гоппа среди извозчиков.

Я решил также, что он не мог оставить свое занятие после совершения убийства. Этого он не сделал бы уже только потому, чтобы не привлечь к себе внимание внезапной переменной образа жизни. И поэтому, для соблюдения тайны, он должен был хоть еще некоторое время заниматься прежним делом. Я не опасался также и того, что он переменит имя. Это ему было ни к чему, так как его все равно никто не знает. Вот тут-то мне в голову и пришла идея набрать уличных мальчишек и сформировать из них настоящий полицейский отряд. Я приказал им обходить по очереди все дворы извозчиков и разыскать Джеферсона Гоппа. Как блестяще выполнили они возложенное на них поручение вы, конечно, помните. Относительно Стангерсона, должен вам откровенно сказать, что я не предвидел этой смерти, которой помешать было невозможно. Но благодаря убийству Стангерсона я овладел пилюлями, о существовании которых только подозревал. Теперь вы сами видите, что все эти факты образуют одну цепь, непрерывную и строго-логичную.

Спорт

Первый биограф Конан Дойла Хаскет Пирсон писал: «Мало кто из читателей видит в Холмсе спортсмена, но именно это место он занимает в

народном воображении: он – следопыт, охотник, сочетание ищейки, пойнера и бульдога, который также гоняется за людьми, как гончая – за лисой; короче он – сыщик».

Конан Дойл и Луиза Хокинс в Давосе

Дойл любил спорт, как и большинство британских джентльменов, он был высоким человеком с мощными мышцами и невероятной силой. Еще в детстве, живя в бедной семье, он приобрел боксерские навыки, чтобы побеждать в драках. Позже говорил о британском боксе: «Уж лучше пусть наш спорт будет груб, чем мы станем женоподобны». В университете он полюбил футбол, был лидером студенческой сборной по регби, увлекался крикетом и гольфом. Дойл – один из основателей любительской футбольной команды «Портсмут», где сначала стал вратарем, а потом защитником. Выступал за «Портсмут» под псевдонимом Смит, так как для профессионального врача считалось зазорным играть в футбол, в то время имевшего репутацию хулиганского занятия. На курорте в Альпах в 1894 году Дойл увлекся лыжами и написал несколько очерков, восхвалявших горнолыжный спорт. В 1896 году неугомонный Артур в Германии испытал себя в боулинге. Да и его многочисленные путешествия по миру на протяжении всей жизни и постоянное участие на старости лет в авторалли тоже отчасти можно причислить к занятиям спортом. Неугомонный Дойл стал одним из организаторов Олимпийских игр 1912 года в Стокгольме, а четырьмя годами раньше как журналист освещал Олимпийские игры в Лондоне.

Конан Дойл играет в гольф

– Превосходно! – воскликнул я в восторге. – Вы не должны таить свой талант, который заслуживает широкой известности. Я скажу вам прямо: если вы сами не хотите, то я непременно опубликую подробный отчет об этом деле.

– Как вам угодно. Но только сначала прочтите вот эту статью, – сказал Шерлок Холмс, протягивая мне газету.

Это был последний номер газеты «Эхо». Вся статья была посвящена делу об убийстве Дреббера и Стангерсона. Содержание ее было следующее: «Неожиданная смерть преступника лишила общество чрезвычайно сенсационного уголовного процесса. Возможно, что подробности этого интересного дела так и останутся неизвестными публике. Мы знаем лишь из достоверных источников, что преступление было совершено из мести, возникшей двадцать лет тому назад по весьма романтической причине. Тут и любовь, и мормонизм слились воедино. Обе жертвы преступления некогда принадлежали к религиозной секте, равно как и убийца, Дже-

ферсон Гопп, родившийся в городе Соляного озера. И судя по тому, как быстро было закрыто это дело, оно ярко продемонстрировало блестящие способности нашей полиции. Пусть это дело послужит уроком для иностранцев и научит их сводить свои счета у себя на родине, а не избирать местом действия нашу столицу. Всем известно, что главная заслуга в этом деле принадлежит двум полицейским агентам Скотланд-Ярда, мистерам Грегсону и Лестрейду. Джефферсон Гопп был арестован в квартире некоего Шерлока Холмса, который в качестве сыщика-любителя временами демонстрировал известное чутье. Мы не сомневаемся, что, имея таких учителей, и он впоследствии сравняется с ними в таланте. Смеем выразить надежду, что оба названных агента получат вполне заслуженную награду за свои блестящие труды».

– Ведь я предсказал подобный исход еще тогда, когда мы только собирались с вами ввязаться в это дело! – воскликнул Шерлок Холмс, смеясь. – Вот вам и результат нашего изучения «Красного по белому!». Мы только выхлопотали этим господам аттестат ловкости и искусства.

– Это все равно, – заметил я. – Я уже записал это дело подробно и помещу его в журнале, так что общество узнает его. А пока что удовольствуетесь сознанием, что вы блестяще выполнили труднейшую задачу, и воскликните вместе со скупцом древнего Рима:

*Populus me sibilat, at mihi plaudo.
Ipse domi simul ac nummos contemplar in area.*³

³ Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуюсь. [Гораций. Сатиры, I, строки 66–67.]

Знак четырех Повесть

Глава I. Дедуктивный метод

Шерлок Холмс снял с камина бутылку и вынул из изящного сафьянового футляра шприц, для подкожного впрыскивания. Длинными, белыми нервными пальцами он вставил тонкую иглу и отвернул левый рукав рубашки. На несколько минут глаза его задумчиво остановились на мускулистой руке и запястье, испещренных бесчисленными знаками уколов. Наконец он воткнул острую иглу, нажал крошечный поршень и откинулся на бархатное кресло с облегченным вздохом.

В продолжение нескольких месяцев я три раза в день наблюдал эту церемонию, но все еще не мог привыкнуть к ней. Напротив, с каждым днем она раздражала меня все сильнее и сильнее, и каждую ночь совесть упрекала меня в недостатке мужества. Я постоянно давал себе слово, что выскажу откровенно свое мнение, но небрежные спокойные манеры моего приятеля не допускали фамильярности. Его талант, властность, необыкновенные способности – все это вместе делало меня робким и застенчивым в его присутствии.

Но в этот раз, благодаря ли выпитому за закуской вину, или особенному раздражению, вызванному его решительным образом действий, я не в силах был сдержаться дольше.

– Что это? – спросил я. – Морфий или кокаин?

Шерлок лениво поднял глаза от книги, которую только что открыл.

– Кокаин, – ответил он, – семипроцентный раствор. Желаете попробовать?

– Ну, нет, – резко ответил я. – Мой организм еще не вполне оправился после Афганской кампании. Я не могу слишком напрягать его.

Он улыбнулся моей горячности.

– Может быть, вы правы, Ватсон, – сказал он. – Я думаю, что это вредно для тела. Но зато мысль так сильно возбуждается, так просветляется, что все другое не имеет значения.

– Но подумайте хорошенько! – серьезно проговорил я. – Рассчитайте, стоит ли игра свеч! Может быть, как вы говорите, разум ваш и возбуждается, и просветляется, но это нездоровый патологический процесс, требующий усиленного обмена веществ, и может, в конце концов, вызвать постоянную слабость. Вы знаете, какие страшные припадки реакции бывают у вас. Право, игра не стоит свеч. К чему ради скоропроходящего удовольствия рисковать потерей тех великих талантов, которыми вы одарены? Помните, что я говорю не только как товарищ товарищу, но и как медик человеку, за здоровье которого он отвечает в известной степени.

Холмс, казалось, не обиделся на мои слова. Он скрестил пальцы и положил локти на ручки кресла, как будто готовясь к продолжительному разговору.

– Мой разум противится застою, – сказал он. – Дайте мне загадки, дайте работу, дайте разобрать самый трудный шифр или сделать самый сложный анализ, – я буду в присущей мне атмосфере и могу обойтись без искусственного возбуждения. Но я ненавижу скучную рутину жизни. Я жажду умственного возбуждения. Вот почему я и избрал мою профессию – или, вернее, создал ее, так как я единственный в своем роде.

– Единственный неофициальный сыщик? – сказал я, поднимая брови.

– Единственный неофициальный сыщик, с которым советуются, – ответил он. – Я – последняя и высшая инстанция в делах сыска. Когда Грегсон, или Лестрад, или Этелни Джонс теряются – что, между прочим, постоянно случается с ними, – дело передается мне. Я рассматриваю данные, как эксперт, и даю заключение как специалист. Мое имя не встречается в газетах. Работа сама по себе, удовольствие применить свои дарования – вот высшая моя награда. Но вы и сами несколько познакомились с моим методом в деле Джеферсона Гоппа.

– Да, – чистосердечно сказал я, – никогда в жизни не бывал я так поражен, как тогда. Я даже описал это дело в маленькой брошюре под несколько фантастическим названием «Красное по белому».

Он печально покачал головой.

– Я просмотрел ее, – сказал он, – и по правде сказать, не поздравляю вас. Искусство сыска – точная наука, или, по крайней мере, должно быть такой, а потому о ней следует говорить в таком же холодном, равнодушном тоне. Вы же пытаетесь придать делу романтическую окраску, что все равно, как если бы вы вставили любовную историю или побег в теорему Эвклида.

– Но дело-то было романтическое, – возразил я. – Не мог же я изменить факты.

– Некоторые из них можно было бы и пропустить или, по крайней мере, сохранить должное соответствие при описании их. Единственное, о чем стоило упомянуть, это любопытный анализ причин и следствий, благодаря которому мне удалось раскрыть это дело.

Это критическое отношение к произведению, которое я написал в надежде, что оно понравится Холмсу, неприятно подействовало на меня. Признаюсь, что меня раздражал и эгоизм, с которым мой приятель требовал, чтобы каждая строчка моего памфлета относилась исключительно к его личным подвигам. В продолжение многих лет, что я жил с ним на Бейкер-стрит, я не раз замечал, что немалая доля тщеславия скрывается под его спокойным, нравоучительным тоном. Но я ничего не ответил и продолжал сидеть, поглаживая раненую ногу. У меня в ней застряла пуля, и, хотя это не мешало мне ходить, но нога сильно болела при каждой перемене погоды.

– В последнее время мне пришлось побывать на континенте, – сказал Холмс после короткого молчания, набивая свою старую трубку. – У меня попросил совета Франсуа де Вильяр. Как вы знаете, он выделился среди французских сыщиков. Он вполне обладает способностью кельтов быстро схватывать данные, но у него нет обширных знаний, необходимых для высшего развития искусства. Дело шло о завещании и представляло собой некоторый интерес. Я мог указать ему на два подобных события, одно – в Риге в 1857 году, другое – в Сант-Луи в 1871 году, и таким образом навел на верное решение задачи. Вот письмо, которое я получил от него сегодня утром, где он благодарит меня за помощь.

Он бросил мне смятое письмо на заграничной бумаге. Я пробежал его глазами и увидел массу восторженных восклицаний, расточаемых французом.
– Он пишет, словно ученик учителю, – заметил я.

– О, он слишком преувеличивает мою помощь, – небрежно проговорил Холмс. – Он сам достаточно талантлив. Он обладает двумя из трех качеств, необходимых для идеального сыщика. У него есть наблюдательность и способность к дедукции. Ему не хватало только знаний, но и это придет со временем. Теперь он переводит на французский язык мои сочинения.

– Ваши сочинения?

– О, разве вы не знали? – смеясь, спросил он. – Да, каюсь, написал несколько монографий. Все они касаются технических вопросов. Вот например: «О различии золы разных сортов табака». Тут я перечисляю сто сорок сортов табака, употребляемого для сигар, папирос и трубок, и рисунками иллюстрирую разницу в их золе. Этот пункт постоянно встречается в уголовных преступлениях и иногда играет важную роль в поимке преступника. Если, например, вы можете наверняка сказать, что убийство совершено человеком, который курит индейский табак, то таким образом естественно ограничивается поле исследований: опытный глаз сейчас же различает пепел различных сортов табака.

– У вас гениальная способность отыскивать мельчайшие подробности.

– Я придаю им большое значение. Вот моя монография насчет отыскивания следов ног с примечаниями о том, что гипс хорошо сохраняет отпечатки следов. Вот маленькая брошюра о влиянии ремесел на форму руки, с фотографиями рук кровельщиков, моряков, рабочих, делающих пробки, композиторов, ткачей и шлифовальщиков. Все это вопросы практического интереса для ученого сыщика, особенно в случаях неопознанных трупов или для ознакомления с преступлениями, сходными с настоящими. Но я надоедаю вам с моим коньком.

– Нисколько, – серьезно ответил я. – Все это чрезвычайно интересует меня, особенно с тех пор, как мне пришлось видеть на практике применение ваших рассуждений. Но сейчас вы говорили о наблюдательности и способности к выводам. Одна из этих особенностей до известной степени предполагает и другую.

– Ну, не совсем, – сказал он, с наслаждением откидываясь на спинку кресла и выпуская из трубки клубы голубого дыма. – Вот, например, наблюдательность доказывает мне, что сегодня утром вы были в почтовом отделении на улице Вигмор, а способность к выводам дает уверенность, что вы отправляли там телеграмму.

– Верно! – сказал я. – Верно и то, и другое. Но признаюсь, не вижу, каким образом вы узнали это. Я сделал это по внезапному побуждению и никому не сказал ни слова.

– Дело самое простое, – заметил Холмс, усмехаясь при виде моего изумления, – до смешного простое, не требующее объяснений; а между тем, оно может служить для объяснения границ между наблюдательностью и способностью к выводам. Наблюдательность заставляет меня заметить комочек красноватой земли, прилипшей к подошве вашего сапога. Как раз напротив улицы Вигмор поднят тротуар и разрыта земля, так что трудно не наступить на нее. Земля эта особого красноватого оттенка, и, насколько я знаю, встречается только в этом месте. Вот все, что касается наблюдательности. Остальное – способность сделать выводы.

– Но каким образом вы пришли к выводу, что я посылал телеграмму?

– Ну, ведь я знаю, что вы не писали письма, потому что сидел с вами все утро. В открытом ящике вашего стола я вижу много почтовых марок и открытых писем. Зачем же вам было идти в почтовое отделение, как не за тем, чтобы дать телеграмму? Откиньте все другие факты – и останется истина.

– В этом случае вы действительно правы, – сказал я после короткого молчания. – Как вы сказали, дело совершенно простое. Вы не сочтете меня дерзким, если я применю к вашему методу более строгий критерий?

– Напротив, – отвечал Холмс. – Это только заставит меня отказаться от второй дозы кокаина. Буду очень рад заняться всякой задачей, которую вы предложите мне.

– Я слышал, как вы говорили, что трудно допустить, чтобы человек, постоянно пользующийся какой-нибудь вещью, не оставил на ней следов своей личности, своей индивидуальности.

сти. Вот часы, которые мне недавно достались в наследство. Скажите, что можете вы по ним заключить о их прежнем владельце?

Я подал ему часы, надеясь несколько позабавиться, так как думал, что задаю ему невозможную задачу, и рассчитывал дать ему урок в наказание за принимаемый им иногда догматический тон. Он некоторое время раскачивал часы в руке, посмотрел на циферблат сначала простым глазом, а затем в сильную лупу. Я еле сдерживал улыбку при виде его лица, когда он наконец захлопнул крышку и возвратил мне часы.

– Нет почти никаких данных, – проговорил он. – Часы были недавно в чистке, так что самые важные факты остаются неизвестными.

– Вы правы, – ответил я. – Часы были в чистке перед тем, как их послали ко мне.

В глубине души я обвинял приятеля в том, что он выдумал самую неудачную причину для объяснения своего неуспеха. Каких данных мог ожидать он от нечищенных часов?

– Хотя исследования мои и не вполне удовлетворительны, но все же не бесплодны, – заметил Холмс, смотря на потолок задумчивыми, тусклыми глазами. – Если не ошибаюсь, часы эти принадлежали вашему брату, который получил их в наследство от своего отца.

– Без сомнения, вы заключаете это из инициалов Г. В. на крышке?

– Совершенно верно. В – это начальная буква вашей фамилии. Часы сделаны лет пятьдесят тому назад, и инициалы того же времени; следовательно, они принадлежали человеку прошлого поколения. Драгоценности обыкновенно переходят к старшему сыну, и он часто носит одно имя с отцом. Если я не ошибаюсь, ваш отец умер много лет тому назад. Следовательно, часы были в руках вашего брата.

– До сих пор все верно, – сказал я. – Что дальше?

– Он был человек неаккуратный – очень неаккуратный и небрежный. У него были хорошие средства, но он не воспользовался представлявшимися ему шансами, жил в бедности, нарушаемой иногда короткими периодами процветания, наконец стал пить и умер. Вот все, что я мог узнать.

Я вскочил с кресла и с нетерпением, хромая, стал ходить по комнате, ощущая чувство горечи в душе.

– Это недостойно вас, Холмс, – сказал я. – Никогда бы не поверил, что вы снизойдете до этого. Вы справлялись о жизни моего несчастного брата и теперь представляетесь, что узнали его историю по каким-то фантастическим данным. Ведь не думаете же вы, что я поверю, что вы узнали все это благодаря его старым часам! Это нехорошо с вашей стороны, и, говоря по правде, смахивает на шарлатанство.

– Примите мои извинения, милый доктор, – ласково сказал он. – Смотря на дело с отвлеченной точки зрения, я совершенно забыл, что это может быть тяжело для вас. Но уверяю вас, я не знал о существовании вашего брата, пока вы не дали мне эти часы.

– Как же, во имя всего святого, вы узнали все эти факты? Они совершенно верны во всех подробностях.

– Ах, это просто удача. Я говорил только в пределах вероятностей и никак не ожидал, что все замеченное мною окажется настолько верным.

– Но ведь это не простая догадка?

– Нет-нет; я никогда не прибегаю к догадкам, это отвратительная привычка, разрушительно действующая на логические способности. Вам это кажется странным, потому что вы следуете ходу моих мыслей и не замечаете мелочей, от которых зависят важные заключения. Например, я начал с заявления о небрежности вашего брата. Если вы обратите внимание на футляр часов, то заметите, что он не только поцарапан в двух местах, но весь избит вследствие привычки держать в кармане другие жесткие предметы, как, например, монеты и ключи. Право, вовсе уж не так трудно предположить, что человек, так легкомысленно обращающийся с часами ценой пятьдесят гиней, должен быть небрежным. Нет также ничего мудреного и в пред-

положении, что человек, получающий в наследство такую дорогую вещь, обеспечен недурно и в других отношениях.

Я кивнул головой в знак того, что слежу за ним.

– Английские закладчики часто имеют обыкновение выцарапывать булавкой номер квитанции на внутренней стороне крышки. Это удобнее, чем бумажная квитанция, которая может затеряться. На крышке я увидел в лупу четыре таких номера. Заключение первое – ваш брат часто бывал в стесненных обстоятельствах. Заключение второе – у него иногда бывали и средства, иначе он не мог бы выкупать часы. Теперь я попрошу вас взглянуть на внутреннюю пластинку, где находится дырочка для ключа. Посмотрите на тысячи царапин вокруг дырочки, указывающих места, по которым скользит ключ. Мог ли трезвый человек провести ключом такие бороздки? Зато их всегда можно видеть на часах пьяницы. Он заводит часы ночью и оставляет следы неверной руки. Где же тут таинственность?

– Все ясно, как Божий день, – ответил я. – Сожалею, что был несправедлив к вам. Мне следовало бы верить больше в ваш удивительный дар. Что, у вас есть какое-нибудь профессиональное дело в настоящее время?

– Никакого. Оттого и появляется на сцене кокаин. Я не могу жить без умственной работы. Чего ради стоит жить? Встаньте к окну. Что за ужасный, печальный, бесполезный мир! Посмотрите, как желтый туман кружится по улице и несется вдоль мрачных домов. Может ли быть что-либо более безнадежно прозаическое и обыденное? Что в том, доктор, что у человека есть талант, когда не к чему применить его? Банальные преступления, пошлая жизнь – тут и способности-то нужны обыденные.

Я открыл рот, чтобы ответить на эту тираду, как вдруг кто-то постучался в дверь. Вошла хозяйка с визитной карточкой на медном подносе.

– К вам барышня. – сказала она, обращаясь к моему приятелю.

– Мисс Мэри Морстэн, – прочел Холмс. – Гм! Не помню такой фамилии. Попросите барышню войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Мне хочется, чтоб вы остались.

Глава II. Изложение дела

Мисс Морстэн, наружно спокойная, вошла в комнату твердой походкой. Это была белокурая, изящная молодая девушка небольшого роста, одетая с большим вкусом. Простота ее костюма указывала на ограниченность ее средств. Платье ее было из темно-серого бежа без всякой отделки; шляпа того же цвета оттенялась только белым крылышком. Лицо ее не отличалось ни правильностью черт, ни цветом, но выражение было очень мило и привлекательно, а большие голубые глаза сверкали умом и добротой. Я видел много женщин разных национальностей на трех материках, но никогда не случалось мне видеть лица, в котором отражалось бы столько утонченности и выразительности. Я не мог не заметить, что, когда она села на стул, предложенный ей Шерлоком Холмсом, губы у нее дрожали так же, как и руки. Вся она была, очевидно, охвачена сильнейшим волнением.

– Я пришла к вам, мистер Холмс, – начала она, – потому что вы помогли как-то миссис Сесиль Форрестер, у которой я занималась, распутать одно сложное домашнее дело. Вы произвели на нее большое впечатление своей добротой и искусством.

– Миссис Сесиль Форрестер, – задумчиво повторил он. – Помнится, мне удалось сделать ей кое-что. Дело, кажется, было совсем простое.

– Она так не думала. Но про мое дело вы не можете сказать этого. Я не могу представить себе более странного, более необъяснимого положения, чем то, в котором я нахожусь в настоящее время.

Холмс потер руки, и глаза его заблестели. Он нагнулся и сидел с выражением сосредоточенного внимания на резко очерченном ястребином лице.

– Расскажите ваше дело. – сказал он отрывистым, деловым тоном.

Я почувствовал себя в неловком положении.

– Извините, пожалуйста, – сказал я, вставая со стула.

К моему удивлению, молодая девушка протянула затянутую в перчатку руку, чтобы удержать меня.

– Если ваш друг будет так добр, что останется здесь, он окажет мне громадную услугу, – проговорила она.

Я снова опустился на место.

– Вот в общих чертах все факты, – сказала она. – Отец мой служил офицером в одном из индийских полков и отослал меня ребенком в Европу. Мать у меня умерла, и в Англии не было родных. Меня поместили в хороший пансион в Эдинбурге, и я пробыла там до семнадцати лет. В 1878 году мой отец – старший капитан в своем полку – получил годовой отпуск и приехал домой. Он телеграфировал мне из Лондона о своем благополучном прибытии и просил приехать немедленно, причем прибавлял, что остановится в отеле «Лэнгхэм». Телеграмма, насколько я помню, была составлена в очень ласковых выражениях. Приехав в Лондон, я тотчас же отправилась по данному адресу и узнала, что капитан Морстэн остановился в отеле, но накануне вечером вышел и не возвращался более. Весь день я ожидала его, но об отце не было никаких вестей. Вечером, по совету управляющего гостиницей, я дала знать полиции, а на следующее утро мы поместили объявление в газетах. Наши розыски не привели ни к какому результату, и с тех пор о моем несчастном отце не было ни слуху ни духу. Он вернулся домой с сердцем, полным надежды, чтобы найти мир, покой, и вместо того...

Она подняла руку к горлу, и голос ее прервался от рыданий.

– Число? – спросил Холмс, открывая записную книжку.

– Он исчез 3 декабря 1878 года – почти десять лет тому назад.

– Багаж?

– Остался в гостинице. Там не было ничего, что могло бы послужить указанием... платье, несколько книг и много редкостей с Андаманских островов. Он там служил, и ему был поручен надзор за ссыльными.

– Были у него друзья в городе?

– Мы знаем только одного... Майор Шольто из одного полка с ним, 34-го пехотного, Бомбейского. Майор незадолго перед тем вышел в отставку и поселился в Верхнем Норвуде. Понятно, мы обратились к нему, но он даже не слышал, что его товарищ приехал в Англию.

– Странный случай, – сказал Холмс.

– Я еще не сказала о самом странном в этом деле. Лет шесть тому назад – именно 4 мая 1882 года – в «Таймсе» появилось объявление, в котором мисс Мэри Морстэн просили указать ее адрес для сообщения благоприятных для нее сведений. В объявлении не было ни адреса, ни фамилии. В то время я только что поступила гувернанткой в семью миссис Сесиль Форрестер. По ее совету я напечатала свой адрес в столбце объявлений. В тот же день я получила по почте маленький картонный ящичек, в котором оказалась очень большая и блестящая жемчужина. Кроме этого не было ни строчки. С тех пор, ежегодно в то же самое время, появлялся такой же ящичек с жемчужиной, без обозначения обратного адреса; знатоки говорят, что жемчужины удивительно разнообразны и дорогой цены. Вы сами можете видеть, как они хороши.

Она открыла плоский ящичек и показала нам шесть лучших жемчужин, какие я видал когда-либо.

– Ваше показание очень интересно, – сказал Шерлок Холмс. – Случилось с вами еще что-нибудь?

– Да, и именно сегодня. Поэтому-то я и пришла к вам. Сегодня утром я получила вот это письмо. Может быть, вы прочтете его сами.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Позвольте и конверт. Штемпель Лондон, Ю. З. Число 7 июля. Гм! Отпечаток большого пальца мужской руки – должно быть, почтальона. Бумага

лучшего сорта. Конверты по шести пенсов за пачку. Человек разборчивый насчет письменных принадлежностей. Адреса нет.

«Будьте у третьей колонны с левой стороны от входа в театре «Лицеум» сегодня в семь часов вечера. Если опасаетесь чего-либо, приведите с собой двух друзей. Вы – жертва обмана. Не приводите полицию. В противном случае все будет напрасно. Незвестный друг».

Право, премиленькая тайна! Что же вы намереваетесь делать, мисс Морстэн?

– Вот это-то я и хотела спросить вас.

– Тогда мы непременно отправимся... вы, я и... да вот мистер Ватсон, самый подходящий человек. Ваш корреспондент пишет о двух друзьях. Доктору и прежде случалось работать со мной.

– Но согласится ли он? – спросила она с умоляющим выражением в лице и голосе.

– Буду очень польщен и счастлив, – горячо ответил я, – если могу быть полезен вам.

– Вы оба очень добры, – ответила она. – Я вела очень уединенную жизнь, и мне не к кому обратиться. Я думаю, мне следует быть здесь к шести часам?

– Только не опоздайте, – сказал Холмс. – Еще один вопрос. Это тот же почерк, что на адресах полученных вами ящичков с жемчужинами?

– Я принесла все эти адреса, – ответила мисс Морстэн, вынимая из кармана шесть клочков бумаги.

– Вы – примерная клиентка. Вы чувствуете, что необходимо. Ну-с, посмотрим. – Он разложил на столе бумажки и быстро, внимательно просмотрел их. – Почерк изменен везде, за исключением письма, – сказал он спустя несколько минут, – но нет сомнения, автор один и тот же. Взгляните на буквы *e* и *s*. Несмотря на все старания, они имеют везде одинаковую форму. Несомненно, они написаны одним и тем же ладом. Мне бы не хотелось возбуждать обманчивых надежд, мисс Морстэн, но нет ли сходства между этим почерком и почерком вашего отца?

– Ни малейшего.

– Я ждал, что вы это скажете. Итак, мы будем ожидать вас в шесть часов. Пожалуйста, оставьте мне эти бумаги. Я хорошенько рассмотрю их. Теперь еще только половина четвертого. А сейчас до свиданья.

– До свиданья, – повторила наша посетительница. Она взглянула на нас обоих ясным, ласковым взглядом, спрятала футляр с жемчужинами и поспешно вышла из комнаты.

Стоя у окна, я следил, как она быстро шла по улице, пока серая шляпа с белым пером не исчезла в темной толпе.

– Что за очаровательная женщина! – сказал я, оборачиваясь к моему приятелю.

Он уже опять закурил трубку и с опущенными глазами откинулся на спинку кресла.

– В самом деле? – небрежно проговорил он. – Я не заметил.

– Вы действительно какой-то автомат... счетная машина! – крикнул я. – Иногда в вас чувствуется что-то нечеловеческое.

Он улыбнулся.

– Самое главное – это не допускать влияния личных качеств клиента на рассудок. Клиент – не более, чем единица, фактор в проблеме. Способность к чувствительности противоречит ясному рассуждению. Уверяю вас, что самая привлекательная женщина, которую я знал, была повешена за отравление трех детей с целью получения страховой премии, а самый отвратительный по наружности из моих знакомых – филантроп, истративший около четверти миллиона на лондонских бедняков.

– Но в данном случае...

– Я никогда не делаю исключений. Исключение подтверждает правило. Случалось вам когда-нибудь изучать характер человека по его почерку? Что скажете о почерке этого человека?

– Он ясен и легко читается, – ответил я. – Это человек дела и не лишенный силы воли.

Холмс покачал головой.

– Взгляните на его надстрочные буквы. Они еле возвышаются над другими. Это *d* похоже на *a*, *l* на *e*. Люди с характером всегда отличают надстрочные буквы, как бы ни был неясен их почерк. В букве *k* заметна неустойчивость, а в заглавных буквах чувствуется самоуважение. Я иду теперь. Нужно навести некоторые справки. Рекомендую вам эту книгу – одна из самых замечательных из когда-либо написанных книг. Это – «Мученичество человека» Винвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сел к окну с книгой в руке, но мысли мои были далеки от смелых предположений писателя. Они были заняты нашей недавней посетительницей – ее улыбкой, глубоким, звучным тоном ее голоса, странной тайной, омрачившей ее жизнь. Если во время исчезновения отца ей было семнадцать лет, то теперь ей двадцать семь... Славный возраст, когда молодость теряет свою самонадеянность, а опыт делает ее более рассудительной. Так я сидел и мечтал, пока в голову мне не пришли такие опасные мысли, что я бросился к своему столу и яростно углубился в последнее сочинение по патологии. Как смел я, бедный армейский лекарь с больной ногой, с незначительными средствами, думать о подобного рода вещах? Она – только единица, фактор, – ничего более. Если будущее мое мрачно, лучше мужественно смотреть на него, чем пробовать украсить его блуждающими огоньками фантазий.

Глава III. В поисках решения задачи

Холмс вернулся в половине шестого. Он был сильно возбужден, весел и в превосходном настроении, что всегда чередовалось у него с припадками мрачного уныния.

– В этом деле нет ничего особенно таинственного, – сказал он, беря чашку чая, которую я налил ему. – Факты допускают только одно толкование.

– Как! Вы уже узнали все?

– Ну, это слишком много. Я напал только на важный след. Вот и все. Но, правда, очень важный. Придется узнать подробности. Я только что нашел, просмотрев объявления в «Таймсе», что майор Шольто из Верхнего Норвуда, служивший в 34-м пехотном Бомбейском полку, умер 28 апреля 1882 года.

– Вероятно, я очень туп, Холмс, потому что не понимаю, какое значение имеет этот факт.

– Неужели! Вы удивляете меня. Ну, так прислушайтесь. Капитан Морстэн исчезает. Майор Шольто – единственное лицо, знакомое ему в Лондоне. Майор Шольто отрицает, что знал о приезде мистера Морстэна. Спустя четыре года майор Шольто умирает. Через неделю после его смерти дочь капитана Морстэна получает дорогой подарок, что повторяется ежегодно и заканчивается письмом, где говорится о том, что она обманута. Что это за обман? И почему эти подарки начинаются сразу после смерти Шольто? Вероятно, наследник Шольто знает истину и хочет вознаградить пострадавшую. Есть у вас какая-нибудь теория, которую вы можете противопоставить этим фактам?

– Но что за странное вознаграждение! И как необычно оно выражается! И почему он пишет только теперь, а не шесть лет тому назад? Затем тут говорится об обмане. Ведь не может быть, чтобы ее отец не умер. Другого же обмана, насколько известно, нет в этом деле.

– Конечно, тут есть затруднения, большие затруднения, – задумчиво проговорил Шерлок Холмс, – но сегодняшняя наша экспедиция рассеет их... А! вот и карета, и в ней мисс Морстэн. Готовы ли вы? Так идемте, так как уже немногим больше шести часов.

Я схватил шляпу и самую толстую палку, но заметил, что Холмс вынул из ящика револьвер и сунул его в карман. Очевидно, он ожидал, что дело нам предстоит серьезное.

Мисс Морстэн была укутана в темный плащ. Ее выразительное лицо было спокойно, но бледно. Нужно было быть более чем женщиной, чтобы не чувствовать беспокойства от предпринимаемого нами странного шага, но она вполне владела собой и охотно отвечала на несколько дополнительных вопросов, которые предложил ей Шерлок Холмс.

– Майор Шольто был закадычный друг папы, – сказала она. – В письмах отца постоянно упоминалось имя майора. Он и отец командовали войсками на Андаманских островах, так что им приходилось постоянно иметь дело друг с другом. Между прочим, в столе папы оказалась любопытная бумага, которой никто не мог понять. Не думаю, чтобы она могла иметь какое-нибудь значение, но захватила ее с собой на случай, если бы вы захотели просмотреть ее. Вот эта бумага.

Холмс осторожно раскрыл бумагу и расправил ее у себя на коленях. Потом методически стал рассматривать ее в лупу.

– Эта бумага местного индийского производства, – заметил он. – Некоторое время она была пришпилена к доске. На ней изображен план части большого здания с многочисленными пристройками, коридорами и проходами. В одном месте маленький крест, сделанный красными чернилами, а над ним написано: «3,37 слева», еле видно, карандашом. В левом углу странный иероглиф вроде четырех крестов подряд, соприкасающихся концами. Рядом написано грубым, нескладным почерком: «Знак четырех – Джонатан Смоль, Магомет Синг, Абдулла-Хан, Дост-Акбар». Да, признаюсь, не вижу, какое отношение это может иметь к

нашему делу. Но, очевидно, это важный документ – и тщательно сохранялся в бумажнике, так как обе стороны его одинаково чисты.

– Мы нашли его в бумажнике отца.

– Так сберегите его, мисс Морстэн, потому что он может быть полезен нам. Я начинаю подозревать, что дело это вовсе не так просто, как мне показалось сначала. Придется обдумать его еще раз.

Он откинулся на подушку экипажа, и по его нахмуренному лбу и рассеянному взгляду я увидел, что он погрузился в глубокое раздумье. Мисс Морстэн и я болтали вполголоса о нашей поездке и возможном исходе ее, но наш спутник хранил непроницаемое молчание, пока мы не доехали до цели нашего путешествия.

Стоял сентябрьский вечер, и не было еще семи часов, но день был холодный, и густой туман окутывал громадный город. Темные тучи печально нависли над грязными улицами. Фонари на Странде казались неясными пятнами рассеянного света, бросавшими слабый отблеск на скользкие тротуары. Желтый блеск из окон магазинов вливался в сырой, насыщенный парами воздух и бросал неверный свет на многолюдную улицу. Что-то странное, фантастическое чудилось мне в непрерывной процессии лиц, мелькавших в этих слабых полосах света, – лица печальные и счастливые, бледные и веселые. Как и все человечество, они то выходили из мрака на свет, то снова исчезали во мраке. Я вообще не склонен к впечатлительности, но скучный, мрачный вечер в соединении с ожидавшим нас странным свиданием расстроили мои нервы и нагнали тоску. Я видел, что и мисс Морстэн страдала от того же чувства. Один Холмс был выше всякой мелочной впечатлительности. На коленях у него лежала открытая записная книжка, в которую он временами заносил какие-то цифры и заметки при свете фонаря, который был у него в кармане.

Толпы народа уже стояли у боковых входов в театр. Перед главным входом непрерывный поток двухместных и четырехместных карет подкатывал к подъезду, высаживая мужчин в крахмальных рубашках и женщин в накидках и бриллиантах. Мы только что дошли до третьей колонны, – назначенного нам места свидания, – как к нам подошел проворный смуглый человек небольшого роста в кучерской одежде.

– Вы приехали с мисс Морстэн? – спросил он.

– Я – мисс Морстэн, а эти господа – мои друзья, – сказала она.

Незнакомец устремил на нас свой удивительно проницательный и вопросительный взгляд.

– Извините меня, мисс, – сказал он несколько упрямо, – но мне приказано просить вас дать слово, что с вами нет полицейского.

– Даю вам слово, – ответила она.

Он резко свистнул, и тотчас какой-то бродяга позвал кеб и открыл дверцу. Говоривший с нами взобрался на козлы, а мы сели внутрь, возница ударил лошадь, и мы понеслись бешеным галопом по туманным улицам.

Положение было любопытное. Мы ехали в неизвестное место, по неизвестному делу. Но полученное нами приглашение было или мистификацией, – что казалось непонятной гипотезой, – или нам приходилось думать, что наша поездка будет иметь важные последствия. Поведение мисс Морстэн было все так же решительно и спокойно. Я пробовал занять ее и развлечь воспоминаниями о моих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, я сам был так возбужден нашим положением и так заинтересован тем, куда нас везут, что рассказы мои были вряд ли занимательны. По сей день она уверяет, что я рассказал ей трогательный анекдот о том, как в глубокую ночь в палатку ко мне заглянул мушкет и как я выстрелил в него двумя зарядами из детеныша тигра. Сначала я еще отдавал себе отчет о направлении, в котором нас везут, но скоро от быстроты движения, тумана, малого знакомства с Лондоном я совершенно потерял ориентацию и понимал только, что мы, как казалось, ехали очень далеко. Но Шерлок

Холмс нисколько не потерялся и бормотал названия скверов и переулков, по которым с треском проезжал наш кеб.

– Рочестор-Роуд, – говорил он. – Теперь Винцентский сквер. Теперь мы выехали на дорогу к Вокзальному мосту. Очевидно, мы едем в сторону Серрея. Да, так я и думал. Вот мы и на мосту. Можно видеть реку.

Действительно, мы мельком увидели Темзу и фонари, горевшие на широком, безмолвном водяном пространстве. Кеб наш продолжал мчаться, и скоро мы очутились в лабиринте улиц противоположной стороны реки.

– Дорога в Вандверт, – продолжал мой приятель. – В Приорат. Площадь Стоквель. Улица Роберт... Однако нам приходится ехать не по очень фешенебельным местам.

Действительно, мы очутились в сомнительной и угрожающего вида местности. Длинные линии кирпичных домов прерывались только грубым блеском ярко освещенных питейных заведений на углах улиц. Затем пошли двухэтажные виллы, с миниатюрными садиками впереди, и снова бесконечный ряд новых кирпичных зданий – чудовищных шупалец, которые гигантский город выбрасывает в деревню. Наконец кеб остановился у третьего дома на новой террасе. Другие дома были необитаемы, да и в том, перед которым мы остановились, только в кухне виднелся слабый свет. На наш стук дверь сейчас же отворил слуга-индус в желтом тюрбане, в белой одежде со свободными складками и желтом кушаке. Странной казалась эта восточная фигура в рамке банальной двери старого пригородного дома.

– Саиб ожидает вас, – сказал он, и в то же время из внутренней комнаты раздался громкий пронзительный голос.

– Введи их! – кричал этот голос. – Введи прямо ко мне!

Глава IV. История лысого человека

Мы шли за индусом вдоль грязного, плохо освещенного и скудно меблированного коридора, пока он не остановился перед одной из дверей направо и отворил ее. На нас хлынул поток яркого желтого света, в центре которого стоял человек маленького роста, с очень большой головой, обрамленной бахромой щетинистых рыжих волос, окружавших лысый, блестящий череп, который подымался среди них как вершина горы среди сосен. Разговаривая, он постоянно жестикулировал, а лицо его ни на одно мгновение не оставалось спокойным и постоянно делалось то улыбающимся, то сердитым. Природа дала ему отвисшую губу и слишком видный ряд желтых, неправильных зубов, что он старался скрыть, беспрестанно проводя рукой по нижней части лица. Несмотря на отсутствие волос, он производил впечатление человека молодого. Действительно, ему только что исполнилось тридцать лет.

– Ваш покорнейший слуга, мисс Морстэн, – несколько раз повторил он своим тонким, высоким голосом. – Пожалуйста, войдите в мое маленькое святилище. Маленькое убежище, мисс, но убранное по моему вкусу. Оазис искусства в ужасной пустыне южного Лондона.

Все мы были удивлены видом комнаты, в которую он пригласил нас. В этом жалком доме она походила на неподходящий к месту бриллиант чистейшей воды в медной оправе. Богатейшие, блестящие вышивки украшали стены; среди них местами виднелись картины в драгоценных рамах или восточные вазы. Ковер желтого и черного цветов был так мягок и пушист, что нога утопала в нем, как во мху. Брошенные на нем две тигровые шкуры увеличивали впечатление восточной роскоши, так же, как и кальян, стоявший на циновке в одном из углов комнаты. В центре комнаты на золотой проволоке висела лампа в виде серебряного голубя, наполнявшая воздух тонким, ароматным запахом.

– Мистер Таддеуш Шольто, – сказал человек, весь подергиваясь и улыбаясь. – Вот моя фамилия. Конечно, вы мисс Морстэн. А эти господа...

– Мистер Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

– Что, доктор, а?! – крикнул он возбужденным тоном. – С вами ваш стетоскоп? Могу я попросить вас... Не будете ли вы так добры? Я сильно опасаюсь насчет одного из клапанов моего сердца. Один-то, я знаю, в порядке, а вот как другой...

По его желанию я выслушал его сердце, но не нашел ничего, хотя он, очевидно, испытывал панический страх, так как дрожал с головы до ног.

– Оно вполне нормально, – сказал я, – и у вас нет повода к беспокойству.

– Извините мою тревогу, мисс Морстэн, – весело заметил мистер Шольто. – Я сильно страдаю и давно уже боялся за этот клапан. Я в восторге, что мои подозрения оказались неосновательными. Если бы ваш отец, мисс Морстэн, не так напрягал свое сердце, он был бы жив до сих пор.

Я был в состоянии дать пощечину этому человеку, так я рассердился на него за бестактное и грубое отношение к такому деликатному вопросу. Мисс Морстэн села, лицо ее страшно побледнело.

– Сердце говорило мне, что он умер, – проговорила она.

– Я могу сообщить вам все подробности, – сказал он, – и более того, могу исправить причиненную вам несправедливость и сделаю это, что бы ни сказал брат Бартоломео. Я так рад, что вижу у себя ваших друзей – не только в качестве вашей свиты, но и как свидетелей того, что я намереваюсь делать и говорить. Втроем мы сумеем устоять против брата Бартоломео. Но, пожалуйста, без посторонних, без полицейских и чиновников. Мы можем все устроить между нами, без чужого вмешательства. Публичность более всего оскорбит брата Бартоломео.

Он сел на низкую кушетку и, мигая, вопросительно смотрел на нас своими слабыми, водянистыми глазами.

– Что касается меня, – сказал Холмс, – все, что вы расскажете, останется при мне.

Я кивнул головой в подтверждение его слов.

– Это хорошо! Очень хорошо! – сказал он. – Могу я предложить вам стакан кианти, мисс Морстэн? Или токайского? Я не держу других вин. Откупорить бутылку? Нет? Ну, так наде-

юсь, вы ничего не имеете против табачного дыма, против бальзамического запаха восточного табака. Я несколько нервничаю, и трубка несказанно успокаивает меня.

Он приложил спичку к большой чаше, и дым стал весело пробираться сквозь розовую воду. Мы, все трое, сидели полукругом, вытянув вперед головы и подпирая рукой подбородок, а странный, весь подергивающийся человечек с высокой блестящей головой, беспокойно курил в центре круга.

– Когда я решился вызвать вас на свидание, – начал он, – я мог бы дать вам мой адрес; но я боялся, что вы не обратите внимания на мою просьбу и приведете с собой неприятных людей. Поэтому я взял на себя смелость назначить вам свидание так, чтоб мой слуга Вильямс мог бы сначала видеть вас. Я вполне уверен в его скромности и потому дал ему приказание в случае, если наблюдения его будут неблагоприятны, не делать никаких дальнейших шагов. Извините меня за эти предосторожности, но я человек застенчивый, могу даже сказать, утонченных вкусов, а нет ничего более неэстетичного, чем полицейские. У меня природное отвращение ко всем формам грубого материализма. Я редко прихожу в соприкосновение с грубой толпой. Я живу, как видите, до известной степени в атмосфере изящества. Могу назвать себя покровителем искусств. Это моя слабость. Этот пейзаж – действительно Коро, и если знаток, может быть, несколько усомнится в этом Сальваторе Розе, то относительно Бугеро не может быть и тени сомнения. Я чувствую пристрастие к современной французской школе.

– Извините меня, мистер Шольто, – сказала мисс Морстэн, – но я явилась сюда, чтобы узнать то, что вы желаете сказать мне. Уже очень поздно, и я желаю, чтобы наше свидание было как можно короче.

– Во всяком случае, оно займет немного времени, – ответил он, – потому что нам непременно нужно отправиться в Новруд и повидаться с братом Бартоломео. Он очень сердит на меня за то, что я избрал путь, который показался мне справедливым. Вчера вечером я даже побранился с ним. Вы не можете себе представить, как он ужасен в гневе.

– Если нам ехать в Новруд, то не лучше ли отправиться сейчас же, – осмелился заметить я. Шольто рассмеялся так, что уши у него покраснели.

– Это не годится! – крикнул он. – Не знаю, что бы он сказал, если бы я привез вас неожиданно-негаданно. Нет, прежде всего, я должен приготовить вас, рассказав, в каком отношении друг к другу мы все находимся. Прежде всего, я должен сказать вам, что в этой истории есть много непонятного для меня самого. Я могу изложить факты, насколько они известны мне.

Отец мой – как вы уже, вероятно, догадались – был майор Джон Шольто, служивший некогда в индийской армии. Лет одиннадцать тому назад он вышел в отставку и поселился в Пондишерри-Лодж в Верхнем Норвуде. Он разбогател в Индии и привез оттуда значительную сумму денег, большую коллекцию ценных редкостей и штат туземных слуг. На родине он купил большой дом и жил роскошно. Мы с братом Бартоломеом близнецы и его единственные дети.

Я очень хорошо помню впечатление, произведенное исчезновением капитана Морстэна. Мы читали подробности этого происшествия в газетах и, зная, что он был другом отца, свободно обсуждали прочитанное в его присутствии. Он вместе с нами делал предположения о том, что случилось с его приятелем. Ни одно мгновение мы не подозревали, какая тайна была сокрыта в глубине его сердца, что ему одному из всех людей была известна судьба Артура Морстэна.

Но мы знали, что какая-то тайна, какая-то опасность висела над нашим отцом. Он боялся один выходить из дома и нанимал постоянно в привратники двух известных кулачных бойцов Пондишерри-Лоджа. Вильямс, который вез вас сегодня, – один из них. Одно время он был чемпионом Англии. Отец никогда не говорил нам, чего он боялся, но у него было сильное отвращение к людям с деревянными ногами. Один раз он выстрелил из револьвера в человека на деревяшке, который оказался самым безвредным торговцем, желавшим получить заказ. Нам

пришлось уплатить крупную сумму, чтобы замять это дело. Мы с братом считали это просто чудачеством со стороны отца, но последующие события заставили нас изменить это мнение.

В начале 1882 года отец получил письмо из Индии, которое страшно потрясло его. Когда он вскрыл его за завтраком, то почти лишился чувств, и с этого дня хворал до самой смерти. Мы так и не узнали, что это было за письмо, но я успел заметить, что оно было коротко и написано плохим почерком. В продолжение нескольких лет он страдал сильным сплином, но с этих пор здоровье его стало быстро ухудшаться и в конце апреля мы узнали, что он безнадежен и желает сказать нам нечто перед смертью. Когда мы вошли в комнату, он сидел, подерживаемый подушками, и тяжело дышал. Он велел нам запереть дверь и подойти к нему. Потом, схватив наши руки, он сделал нам замечательное признание голосом, прерывающимся от волнения и горя. Постараюсь передать все его словами.

– В эту последнюю торжественную минуту только одна мысль тяготит мой ум, – сказал он. – Это мое отношение к бедной сироте – дочери Морстэна. Проклятая алчность, главный грех моей жизни, заставила меня удерживать драгоценности, половина которых, по крайней мере, должна была бы принадлежать ей. А между тем, и я сам не воспользовался ими, – скупость – такая слепая и глупая привычка. Одно сознание обладания было так дорого мне, что я не выносил мысли поделиться им с кем бы то ни было. Видите эту диадему с жемчужинами, четки около склянки с хинином? Даже с ними я не мог расстаться, хотя и приобрел их с намерением послать ей. Вы, дети мои, дадите ей хорошую долю сокровищ Агры. Но не посылайте ей ничего – даже этой диадемы, пока я не умру. Ведь бывали же примеры, что и такие больные, как я, поправлялись.

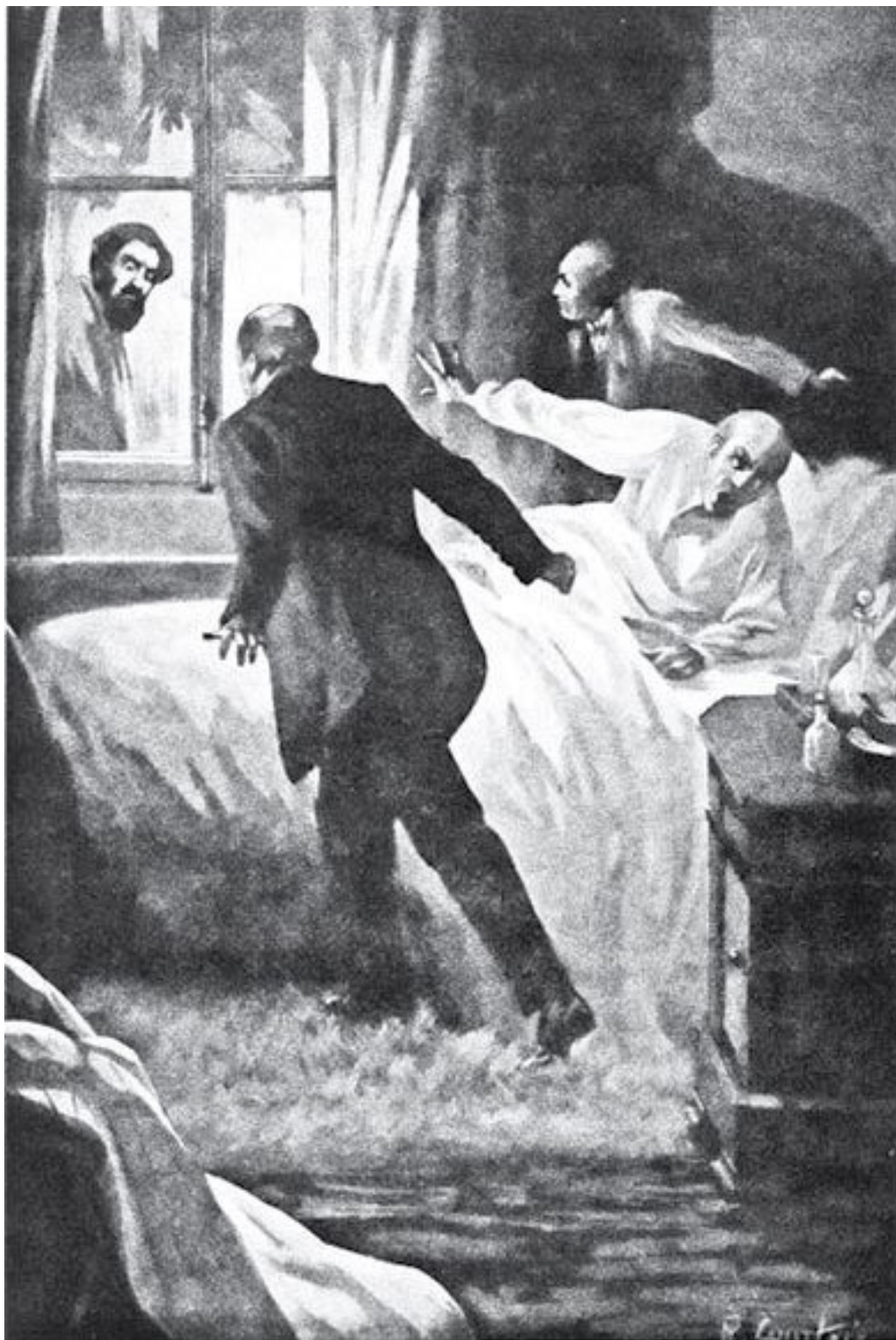
– Расскажу вам, как умер Морстэн, – продолжал он. – У него уже давно было слабое сердце, но он скрывал это от всех, кроме меня. В Индии мы с ним, благодаря замечательному стечению обстоятельств, стали обладателями значительного богатства. Я привез его в Лондон, и Морстэн вечером того же дня, как приехал в Лондон, явился ко мне за своей частью. Он пришел со станции, и мой верный старик Лаль Хоудар, теперь уже умерший, впустил его в дом. Морстэн и я не могли прийти к соглашению относительно раздела сокровищ, и оба горячились. В припадке гнева Морстэн вскочил со стула; вдруг он приложил руку к сердцу, лицо его потемнело, и он упал навзничь, ударившись головой об угол ящика с драгоценностями. Когда я нагнулся над ним, то с ужасом увидел, что он уже был мертв.

Долго я сидел, как безумный раздумывая о том, что мне следовало сделать. Первым моим порывом было позвать кого-нибудь на помощь, но я не мог не признать, что, по всей вероятности, буду обвинен в его убийстве. Смерть его во время ссоры и рана на голове явно свидетельствовали против меня. К тому же при официальном следствии непременно обнаружились бы некоторые факты насчет драгоценностей, которые я особенно хотел скрыть. Морстэн сказал мне, что ни одна душа на свете не знала, куда он ушел. Зачем же было какой-нибудь душе знать и это?

Я все еще обдумывал мое положение, когда, нечаянно подняв глаза, увидел в дверях моего слугу, Лаль Хоудара. Он неслышно вошел в комнату и запер за собой дверь на задвижку.

– Не бойтесь, Сагиб, – сказал он, – никто не должен знать, что вы убили его. Спрячем его, и кому какое дело?

– Я не убивал его, – возразил я.

Лаль Хоудар, улыбаясь, покачал головой.

– Я слышал все, Сагиб, – сказал он. – Слышал и ссору, и удар. Но уста мои закрыты. Все в доме спят. Вынесем его отсюда.

Его слова разрешили мои сомнения. Если мой собственный слуга не верит в мою невиновность, то как я могу надеяться оправдаться перед двенадцатью глупыми торговцами, сидящими на скамье присяжных? Лаль Хоудар и я в ту же ночь убрали труп, а через несколько дней все лондонские газеты были наполнены известиями о таинственном исчезновении капитана

Морстэна. Из моих слов вы можете видеть, что меня вряд ли можно обвинить в его смерти. Вина моя заключается в том, что мы скрыли не только труп, но и драгоценности, и что я завладел долей Морстэна, равно как и своей. Поэтому я хочу, чтобы вы возвратили взятое мною. Наклонитесь поближе ко мне. Драгоценности спрятаны в...

В это мгновение выражение его лица страшно изменилось: глаза его уставились в пространство с безумным взглядом, нижняя челюсть отвисла, и он закричал голосом, которого я не могу забыть до сих пор: «Не пускайте его! Ради Бога, не пускайте!» Мы оба повернулись к окну позади нас, с которого он не спускал пристального взгляда. Из темноты оттуда на нас смотрело чье-то лицо. Мы видели прижавшийся к окну белый нос. Бородатое, волосатое лицо с дикими, жестокими глазами было полно сосредоточенной злобы. Мы с братом бросились к окну, но видение исчезло. Голова отца упала на грудь и пульс перестал биться.

Ночью мы обыскали весь сад, но не нашли и следов незнакомца, за исключением отпечатка ноги на одной из цветочных гряд. Если бы не этот след, то мы могли бы приписать обману зрения появление этого дикого, гневного лица. Но скоро у нас явилось еще более поразительное доказательство, что какие-то таинственные силы окружают нас. Утром окно комнаты отца оказалось открытым, все комоды и ящики обысканы, а к груди его был приколот клочок бумаги с нацарапанными на нем словами: «Знак четырех». Мы так и не узнали ни значения этой фразы, ни того, что за таинственный посетитель пробрался в комнату отца. Насколько мы могли судить, из имущества отца ничего не было похищено, хотя все было перерыто. Мы с братом, понятно, связали этот страшный случай со страхом, преследовавшим нашего отца в продолжение всей его жизни; но тайна так и осталась тайной для нас...

Рассказчик остановился, чтобы раскурить трубку, и задумчиво курил несколько минут. Мы все сосредоточенно слушали его необыкновенный рассказ. При кратком описании смерти отца мисс Морстэн смертельно побледнела, и одно мгновение я боялся, что она упадет в обморок. Однако она оправилась, выпив стакан воды, который я молча налил ей из графина венецианского стекла, стоявшего на боковом столике. Шерлок Холмс сидел, откинувшись на спинку кресла, с рассеянным выражением лица и низко опущенными веками над горевшими глазами. Смотря на него, я невольно вспомнил, как еще сегодня утром он горько жаловался на обыденность жизни. Вот теперь перед ним задача, требующая полного напряжения ума. Мистер Таддеуш Шольто посмотрел то на одного, то на другого из нас, очевидно, гордясь эффектом, произведенным его рассказом, и затем продолжал:

– Вы можете себе представить, как нас с братом взволновали слова отца о кладе, – сказал он. – Целыми неделями и месяцами мы копали и рылись повсюду в саду, но ничего не нашли. Мысль о том, что отец готов был произнести название места, где скрыт клад, сводила нас с ума. Мы могли судить о пропавшем богатстве по вынутой им диадеме. Мы с братом Бартоломеем поспорили относительно нее. Жемчужины были, очевидно, большой ценности, и ему не хотелось расставаться с ними, потому что, говоря между нами, мой брат унаследовал порок нашего отца. К тому же он думал, что если мы расстанемся с диадемой, это может возбудить толки и навлечь на нас неприятности. Мне еле удалось убедить его дать мне узнать адрес мисс Морстэн и посылать ей по жемчужине, чтобы ей не пришлось испытать нужды.

– Это была хорошая, чрезвычайно добрая мысль с вашей стороны, – серьезно заметила наша спутница.

Маленький человек сделал жест отрицания.

– Мы являлись вашими доверенными лицами, – сказал он, – так я смотрел на это дело, хотя брат Бартоломей и не разделял моего взгляда. У нас самих было много денег, и я не желал большего. К тому же обращаться таким презренным образом с молодой барышней было бы признаком дурного вкуса. *Le mauvais gout mene au crime*⁴. Французы умеют так мило выражать

⁴ Дурной вкус ведет к преступлению.

подобные вещи. Разница в наших взглядах на этот предмет дошла до того, что я решил взять себе отдельную квартиру, и потому покинул Пондишерри-Лодж, взяв с собой старого индуса и Вильямса. Но вчера я узнал о событии величайшей важности. Клад найден. Я сейчас же написал мисс Морстэн, и теперь нам остается только отправиться в Норвуд и спросить нашу долю. Вчера вечером я высказал свое мнение брату Бартоломею, так что мы будем хотя и не желанными, но жданными гостями.

Мистер Таддеуш Шольто сидел, подергиваясь, на своей роскошной кушетке; мы все молчали, размышляя о новой стадии развития этого таинственного дела. Холмс первый вскочил на ноги.

– Сначала до конца вы поступили хорошо, сэр, – сказал он. – Может быть, и мы сумеем хоть немного отплатить вам, объяснив немного то, что еще темно для вас. Но, как заметила мисс Морстэн, уже поздно и надо безотлагательно заняться этим делом.

Наш новый знакомый очень решительно свернул длинную трубку своего кальяна и вынул из-за занавеси очень длинное пальто с пуговицами, с каракулевым воротником и такими же обшлагами. Он надел и застегнул пальто.

– Здоровье у меня довольно слабое, – заметил он, ведя нас по коридору.

На улице нас ожидал кеб, и, очевидно, все делалось по заготовленной ранее программе, так как кучер сразу пустил лошадей рысью. Таддеуш Шольто говорил непрерывно, заглушая шум колес.

– Бартоломей умный малый, – говорил он. – Как, вы думаете, он нашел место, где был спрятан клад? Он пришел к заключению, что клад находится в доме; поэтому Бартоломей высчитал объем всего дома и вымерял каждый дюйм. Между прочим, он нашел, что высота здания равняется семидесяти четырем футам, но сложив высоту комнат всех этажей и приняв в расчет расстояние между ними, в чем он убедился, пробуравив потолки, он получил сумму только в семьдесят футов. Откуда же явились лишние четыре фута? Они должны были находиться в верхней части дома. Тогда он проделал дыру в штукатурке потолка верхней комнаты и наткнулся на маленький запертый чердак, никому не известный. В центре его на двух стропилах стоял ящик с драгоценностями. Он был опущен через отверстие и стоит теперь там. Брат оценивает его содержимое в полмиллиона фунтов стерлингов.

Мы вытаращили глаза, услышав эту громадную сумму, и поглядели друг на друга. Если нам удастся восстановить в правах мисс Морстэн, то из бедной гувернантки она превратится в богатейшую наследницу в Англии! Истинному другу следовало бы только порадоваться такому известию, но, стыдно признаться, эгоизм охватил мою душу, и на сердце у меня стало тяжело. Я, заикаясь, пробормотал несколько поздравительных слов и затем, печально опустив голову, сидел, слушая болтовню нашего нового знакомого. Очевидно, он был настоящий ипохондрик, и я как сквозь сон сознавал, что он перечисляет бесконечный ряд симптомов болезней и умоляет объяснить ему состав и действия разных шарлатанских снадобий, которые были у него в кармане в кожаном футляре. Надеюсь, что он не запомнил моих ответов. Холмс уверяет, что слышал, как я предостерегал его от опасности принимать более двух капель касторового масла и в то же время рекомендовал большие дозы стрихнина, как успокоительное средство. Как бы то ни было, я почувствовал сильное облегчение, когда наш кеб внезапно остановился и кучер соскочил, чтобы открыть нам дверку.

– Вот Пондишерри-Лодж, мисс Морстэн, – сказал мистер Таддеуш Шольто, высаживая ее.

Глава V. Убийство

Было около одиннадцати часов вечера, когда мы достигли места нашего назначения. Сырой туман большого города остался за нами, и ночь была очень хороша. С запада дул теплый

ветер; тяжелые тучи медленно двигались по небу; временами они разрывались, и тогда между ними проглядывал полумесяц. Было еще достаточно светло, но Таддеуш Шольто снял один из фонарей экипажа, чтобы лучше осветить наш путь.

Дом стоял на собственной земле и был окружен высокой каменной стеной. Узкая, обитая железом калитка служила единственным входом. Наш проводник постучал в нее особенным образом, напомнившим стук почтальона.

– Кто там? – крикнул чей-то грубый голос.

– Это я, Мак-Мердо. Пора бы вам узнавать меня по стуку.

Раздалось ворчанье и бряцанье ключей. Дверь медленно отворилась, и в ней показался коренастый человек небольшого роста. Свет фонаря падал на его вытянутое лицо с блестящими, недоверчивыми глазами.

– Это вы, мистер Таддеуш?.. Но кто же другие? У меня нет никаких приказаний от господина насчет них.

– В самом деле, Мак-Мердо? Вы удивляете меня. Вчера вечером я сказал брату, что приеду с несколькими друзьями.

– Он не выходил из своей комнаты сегодня, мистер Таддеуш, и я не получал никаких приказаний. Вы очень хорошо знаете, что я должен придерживаться положенных правил. Вас я могу впустить, но друзья ваши должны остаться там, где стоят.

Вот неожиданное происшествие! Таддеуш Шольто оглянулся вокруг со смущенным и беспомощным видом.

– Это нехорошо с вашей стороны, Мак-Мердо! – сказал он. – Если я ручаюсь за них – этого достаточно для вас. К тому же с нами молодая барышня. Она не может ждать на дороге в такой поздний час.

– Очень жаль, мистер Таддеуш, – неумолимо проговорил привратник. – Ваши друзья могут быть недругами хозяина. Он хорошо платит мне за то, чтобы я исполнял свои обязанности, и я исполняю их. Я не знаю никого из ваших друзей.

– О, нет, знаете, Мак-Мердо, – весело крикнул Шерлок Холмс. – Не думаю, чтобы вы забыли меня. Помните любителя, который боролся с вами в ночь вашего бенефиса четыре года тому назад?

– Неужели мистер Шерлок Холмс! – проревел борец. – Господи, Боже мой! Как это я не узнал вас? Если бы вместо того, чтоб стоять смирно, вы вышли бы вперед да поддали мне под челюсть, как тогда, я сразу бы узнал вас. Ах, вы попусту тратите свой талант, право! Вы далеко бы пошли, если бы занялись этим делом.

– Видите, Ватсон, в крайнем случае, у меня еще остается она научная профессия, – смеясь сказал Холмс. – Теперь я уверен, наш приятель не захочет держать нас на воздухе.

– Входите, сэр, входите и вы, и ваши друзья, – ответил привратник. – Очень сожалею, мистер Таддеуш, но приказания очень строгие. Должен был удостовериться, кто ваши друзья, прежде чем впустить вас.

Внутри песчаная дорожка шла среди унылой местности к большому четырехугольному, ничем не примечательному дому, погруженному во мрак. Луч луны падал только на один угол его и блестел в окне на чердаке. При виде громадного мрачного здания, окруженного мертвым молчанием, холод проникал в сердце. Даже Таддеушу Шольто, казалось, было не по себе, и фонарь, поскрипывая, дрожал в его руке.

– Не могу понять этого, – говорил он. – Тут, наверно, какая-нибудь ошибка. Я ясно сказал Бартоломею, что мы приедем сюда, а между тем в его окне нет огня. Не знаю, что и подумать.

– Он всегда так охраняет свои владения? – спросил Холмс.

– Да, он последовал примеру отца. Видите, он был любимцем отца, и иногда мне приходит на ум, что отец рассказал ему многое, чего не говорил мне. Вот то окно, на которое падает

лунный свет, находится в комнате Бартоломея. Освещено снаружи, но внутри, мне кажется, темно.

– Совершенно темно, – сказал Холмс. – Но я вижу свет в маленьком окне у двери.

– А, это комната экономки. Там сидит старая миссис Бернстон. Вот кто может все рассказать нам. Но, может быть, вы согласитесь подождать здесь минутку-другую, потому что она может испугаться, если мы войдем все сразу, а она ничего не знает о нашем приезде. Но тс! Это что такое?

Он поднял фонарь кверху, и рука его так дрожала, что круги света мелькали вокруг нас. Мисс Морстэн схватила меня за руку, и мы все стояли, насторожив слух, с сильно бьющимися сердцами. Из большого темного дома в безмолвии ночи раздался самый жалкий и печальный из звуков – пронзительный, прерывистый плач испуганной женщины.

– Это миссис Бернстон, – сказал Шольто. – Она единственная женщина в доме. Погодите здесь. Я сейчас вернусь.

Он бросился к двери и постучал особенным образом. Мы видели, как ему отворила дверь высокая старая женщина, задрожавшая от радости при виде его.

– О, мистер Таддеуш, сэр, как я рада, что вы приехали, мистер Таддеуш, сэр!

Мы слышали ее радостные восклицания, пока дверь не захлопнулась за ней и голос ее не умолк.

Наш проводник оставил нам фонарь. Холмс медленно обвел им все вокруг и пристально взглянул на дом и на огромные мусорные кучи на дворе. Мисс Морстэн и я стояли рядом; рука ее лежала в моей. Удивительно сложная штука любовь. Мы двое до сегодняшнего дня никогда не видели друг друга, никогда не обменялись ни словом, ни даже нежным взглядом, а между тем, в час опасности руки наши инстинктивно искали одна другую. Впоследствии я часто удивлялся этому, но в то время мне казалось вполне естественным подойти к ней ближе, и она, как часто рассказывала мне потом, со своей стороны, инстинктивно обратилась ко мне за успокоением и покровительством. Так мы стояли рука в руке, словно двое детей, и на душе у нас было спокойно, несмотря на все мрачное, что окружало нас.

– Что за странное место. – сказала она, оглядываясь вокруг.

– Оно имеет вид, как будто здесь собрались все кроты в Англии. Я видел нечто подобное на склоне одной горы, вблизи Балларата, где делались какие-то изыскания.

– И с той же целью, – сказал Холмс. – Это следы искателей клада. Вспомните, что они искали его в продолжение шести лет. Неудивительно, что двор походит на песчаную яму.

В эту минуту дверь дома поспешно распахнулась, и из нее выбежал Таддеуш Шольто, с протянутыми руками и с ужасом в глазах.

– С Бартоломео что-то случилось! – крикнул он. – Я боюсь. Мои нервы не выдержат.

Он, действительно, почти плакал от страха, а его подергивающееся, безвольное лицо, выглядывавшее из большого мехового воротника, имело беспомощное, умоляющее выражение испуганного ребенка.

– Пойдемте в дом, – сказал Холмс своим резким решительным тоном.

– Да, пожалуйста! – умолял Таддеуш Шольто. – Я не чувствую себя в силах распорядиться.

Мы все пошли за ним в комнату экономки, находившуюся по левой стороне коридора. Старуха расхаживала взад и вперед с испуганным лицом, ломая пальцы, но появление мисс Морстэн, очевидно, произвело на нее успокоительное действие.

– Да благословит Бог ваше милое спокойное лицо! – крикнула она с истерическим рыданием. – Мне приятно видеть вас. О, что я перенесла сегодня!

Наша спутница погладила худую, изнуренную работой руку миссис Бернстон и прошептала несколько ласковых теплых слов, которые вызвали краску на ее бескровных щеках.

– Хозяин заперся у себя и не отвечает мне, – сказала она. – Целый день я ожидала, что он позовет меня; он любит часто бывать один, но час тому назад я подумала, что дело неладно, пошла наверх и заглянула в замочную щель. Идите наверх, мистер Таддеуш... Идите наверх и посмотрите сами. В продолжение долгих десяти лет мне приходилось видеть мистера Бартоломея Шольто и в радости, и в горе, но такого лица я никогда не видела у него.

Шерлок Холмс взял лампу и пошел вперед, так как у Таддеуша Шольто от страха стучали зубы. Он был так потрясен, что я взял его под руку, когда мы поднимались по лестнице. Колени у него подгибались. Два раза Холмс вынимал из кармана лупу и внимательно разглядывал то, что казалось мне бесформенными пятнышками пыли на кокосовых циновках, покрывавших лестницу вместо ковров. Он медленно шел со ступеньки на ступеньку, низко держа лампу и зорко оглядываясь по сторонам. Мисс Морстэн осталась внизу с испуганной экономкой.

Третья площадка лестницы оканчивалась прямым коридором, довольно длинным, с большой вышитой индийской картиной направо и тремя дверьми слева. Холмс продолжал идти все тем же медленным методическим шагом; мы шли за ним; наши длинные темные тени тянулись за нами. Дойдя до третьей двери, Холмс постучался, но не получил ответа; тогда он попробовал отворить дверь, взявшись за ручку. Она была крепко заперта изнутри на задвижку, как мы увидели, приставив к ней лампу. Хотя ключ был повернут в замке, но в двери была заметна щель. Шерлок Холмс нагнулся к ней и сейчас же встал.

– Тут какая-то чертовщина, Ватсон, – проговорил он задыхаясь. Я никогда не видал его таким взволнованным. – Что вы скажете об этом?

Я нагнулся к щели и отступил в ужасе. Лучи лунного света падали в комнату и освещали ее неясным, переменчивым сиянием. Прямо передо мной, как бы вися в воздухе, так как внизу все было в тени, вырисовывалось чье-то лицо – лицо нашего спутника Таддеуша. Та же высокая, блестящая голова, те же щетинистые рыжие волосы, то же бескровное лицо. Но черты его застыли в ужасной, неестественной, насмешливой улыбке, которая, в этой тихой, освещенной светом луны комнате, более действовала на нервы, чем какая бы то ни была судорога. Лицо этого человека было так похоже на лицо нашего маленького друга, что я огляделся вокруг, тут ли он. Потом я вспомнил его рассказ о том, что они близнецы.

– Это ужасно! – сказал я. – Что делать?

– Сломать дверь, – ответил Холмс и изо всех сил нажал на нее.

Она затрещала и заскрипела, но не поддавалась. Тогда мы вдвоем нажали на нее: она внезапно с треском открылась, и мы очутились в комнате Бартоломео Шольто.

Комната эта походила на химическую лабораторию. Двойной ряд склянок со стеклянными пробками стоял на полке на противоположной стене, а стол был усеян спиртовыми лампочками, пробирками и ретортами; по углам в плетеных корзинах виднелись сосуды с жидкостями. Один из них или лопнул или был разбит, так как из него текла какая-то темная жидкость, а воздух был наполнен особенно вонючим запахом, напоминавшим запах дегтя. С одной стороны комнаты, среди кучи дранок и штукатурки, стояла небольшая лестница, а в потолке над ней было отверстие, через которое легко мог пройти человек. Внизу лестницы лежал небрежно брошенный моток веревок.

У стола, на деревянном кресле, сидел хозяин дома, с головой, опущенной на левое плечо, со страшной, загадочной улыбкой на устах. Он уже окоченел и, очевидно, умер несколько часов тому назад. Мне показалось, что не только его лицо, но и все члены имели какое-то неестественное положение. На столе рядом с его рукой лежал какой-то особенный инструмент – темная, узловатая трость с каменным набалдашником вроде молотка, привязанным толстой веревкой. Рядом с ней – клочок бумаги, вырванный из записной книжки, с несколькими нацарапанными словами. Холмс взглянул на бумагу и подал ее мне.

– Видите, – сказал он, многозначительно поднимая брови.

С дрожью ужаса при свете фонаря я прочел: «Знак четырех».

– Ради Бога, что значит все это? – спросил я.

– Это значит – убийство, – сказал Холмс, наклоняясь над мертвецом. – А! Я ожидал этого! Взгляните сюда.

Он показал мне на нечто, похожее на длинную, темную иглу, торчавшую как раз над ухом убитого.

– Похоже на иглу или колючку, – сказал я.

– Она и есть. Вы можете вынуть ее. Но будьте осторожны, потому что она отравлена.

Я взял иглу большим и указательным пальцами. Она так легко вышла из кожи, что не осталось почти никакого следа. Только крошечное пятнышко крови указывало на место укола.

– Все это – неразрешимая тайна для меня, – сказал я. – Дело становится все темнее вместо того, чтобы разъясняться.

– Напротив, оно становится яснее с каждой минутой, – ответил он. – Мне не хватает только нескольких звеньев для полного объяснения дела.

Мы почти забыли о нашем спутнике с тех пор, как вошли в комнату. Он все еще стоял в дверях как олицетворение ужаса, ломал руки и тихо стонал. Но внезапно он вскрикнул пронзительным, жалобным голосом.

– Клад унесен! – сказал он. – У него украли клад. Вот отверстие, через которое мы спустили его. Я помогал ему! Я видел его последним! Я ушел от него вчера вечером и слышал, как он запер дверь на замок, когда я спускался вниз.

– В котором часу?

– В десять! А теперь он умер, позовут полицию и меня станут подозревать в убийстве. О, я уверен, что это будет так. Но вы ведь не думаете этого, господа? Наверное, не думаете, что я сделал это? Привез ли бы я вас сюда, если бы я был убийцей? О, Боже мой, Боже мой, я знаю, что сойду с ума!

Он размахивал руками и топал ногами, словно в припадке безумия.

– Вам нечего бояться, мистер Шольто, – ласково сказал Холмс, кладя ему на плечо руку. – Послушайтесь моего совета и поезжайте на станцию дать знать полиции. Предложите свою помощь. Мы подождем здесь вашего возвращения.

Шольто послушался и полубессознательно, спотыкаясь в темноте, сошел с лестницы.

Глава VI. Расследование дела Холмсом

– Ну, Ватсон, теперь у нас с вами полчаса свободных, – сказал Холмс, потирая руки. – Воспользуемся же этим временем. Как я уже говорил вам, для меня дело почти решено, но не будем слишком самоуверенны. Как ни просто кажется это дело, но, может быть, в нем скрывается что-нибудь более глубокое.

– Просто! – вскрикнул я.

– Конечно, – сказал он с видом профессора, объясняющего болезнь своим студентам. – Сядьте вот там в углу, чтобы ваши следы не усложнили дела. Ну, за работу! Во-первых, как пришли сюда эти люди и как ушли отсюда? Дверь не отпиралась со вчерашнего вечера. Как окно? – Он подошел к окну с лампой в руках, все время бормоча вслух замечания, но обращаясь скорее к себе, чем ко мне. – Окно открывается изнутри. Рама прочная. Сбоку нет петель. Откроем его. Вблизи нет желоба. До крыши не добраться. Но кто-то поднялся в окно. Вчера вечером шел небольшой дождь. На подоконнике след грязной ноги. А вот круглое грязное пятно, вот еще на полу и еще у стола. Взгляните, Ватсон! Это, право, хорошие доказательства.

Я взглянул на круглые, ясно очерченные пятна грязи.

– Это не след ноги, – сказал я.

– Это нечто гораздо более драгоценное для нас. Это отпечаток деревяшки. Вот видите, здесь на подоконнике след большого, тяжелого сапога с металлическим каблуком, а рядом след деревянного носка.

– Это человек с деревянной ногой...

– Вот именно. Но был еще кто-то другой... Очень искусный и важный помощник. Можете вы подняться на эту стену, доктор?

Я выглянул в открытое окно. Месяц по-прежнему ярко освещал этот угол дома. Мы были на добрых шестьдесят футов от земли, и сколько я ни смотрел – в кирпичной стене не было ни щели, ничего такого, за что могла бы зацепиться нога.

– Совершенно невозможно, – ответил я.

– Без помощи – да. Но предположим, что у вас здесь был бы приятель, который спустил бы вам вот ту хорошую толстую веревку, что я вижу в углу, прикрепив один конец к этому большому крюку в стене. В таком случае, будь вы ловкий человек, вы могли бы подняться наверх, несмотря на деревянную ногу. Тем же самым способом вы ушли бы прочь, а ваш сообщник втянул бы веревку, отвязал ее от крюка, запер окно и ушел бы так же, как пришел... Как на одну из мелких подробностей, – продолжал он, перебирая веревку, – можно указать на то, что наш друг с деревянной ногой, хотя и умеет хорошо лазать, все же не профессиональный матрос. Руки у него далеко не мозолистые. В лупу видно на веревке, особенно на конце, несколько пятен крови, из чего я заключаю, что он спустился так быстро, что сорвал себе кожу на руках.

– Все это очень хорошо, – сказал я, – но дело все более запутывается. Кто этот таинственный сообщник? Как он попал в комнату?

– Да, сообщник! – задумчиво повторил Холмс. – Этот сообщник – чрезвычайно любопытный тип. Его участие выдвигает это дело из ряда обыкновенных. Мне кажется, этот сообщник вносит новую струю в анналы преступлений нашей страны... хотя подобного рода случаи встречаются в Индии и, если не ошибаюсь, в Сенегамбии.

– Как же он попал сюда? – повторил я. – Дверь заперта, до окна не добраться. Не через камин ли?

– Труба слишком узка, – ответил он. – Я уже думал об этом.

– Ну, так как же?

– Вы не хотите применить мой способ, – сказал он, покачивая головой. – Сколько раз говорил я вам, что если вы исключите невозможное, все остальное, хотя бы и невероятное, должно быть правдой. Мы знаем, что он не вошел ни в дверь, ни в окно, ни через камин. Знаем, что он не мог скрываться в комнате, так как здесь невозможно скрыться. Откуда же он явился?

– Через отверстие в крыше! – крикнул я.

– Конечно. Он вышел оттуда. Будьте так добры, подержите лампу; мы займемся теперь исследованиями в комнате наверху – в потайной комнате, где был найден клад.

Он поднялся по ступенькам, ухватился обеими руками за стропила и очутился на чердаке. Потом он лег ничком, взял от меня лампу и держал ее в руках, пока я следовал его примеру.

Комната, в которой мы находились, имела около десяти футов в одну сторону и шести в другую. Полом для нее служили балки с промежутками из тонких слоев дранки и штукатурки, так что приходилось переходить с балки на балку. Мебели вовсе не было, и пыль, накопившаяся годами, лежала на полу толстыми слоями.

– Вот видите, – сказал Шерлок Холмс, прислоняясь рукой к покатою стене. – Это подъемная дверь, ведущая на крышу. Я мог поднять ее, а вот и крыша, покатая под небольшим углом. Этим путем и прошел номер первый. Посмотрим, не найдется ли каких-нибудь других примет его личности.

Он опустил лампу к полу, и во второй раз за этот вечер я увидел выражение изумления на его лице. Дрожь пробежала по моему телу, когда я посмотрел по направлению его взгляда. Пол был покрыт бесчисленными отпечатками босых ног. Следы были ясны, вполне определенны, но нога, оставлявшая их, была чуть ли не вполовину меньше ноги обыкновенного человека.

– Холмс, – шепотом проговорил я, – тот, кто сотворил это ужасное дело, еще ребенок.

В одно мгновение он овладел собой.

– Сначала я был сбит, – сказал он, – но все это вполне естественно. Мне изменила память, не то я мог бы предсказать это. Ну, теперь здесь нечего делать. Пойдемте вниз.

– Какая же у вас мысль насчет этих следов? – поспешно спросил я, когда мы снова очутились в комнате.

– Мой милый Ватсон, попробуйте анализировать сами, – несколько нетерпеливо ответил Холмс. – Вы знаете мой метод. Воспользуйтесь им. Будет чрезвычайно полезно сравнить наши выводы.

– Я не могу придумать ничего, что подтверждалось бы фактами, – сказал я.

– Скоро все станет ясным для вас, – резко сказал он, – я думаю, здесь нет ничего важного, но посмотреть все же следует.

Он вынул лупу и сантиметр и стал быстро ползать на коленях по комнате, измеряя, сравнивая, разглядывая. Его тонкий, длинный нос почти касался досок; похожие на бисер, его глубоко посаженные, как у птицы, глаза ярко блестели. Его быстрые, бесшумные, тихие движения, словно у опытной гончей, ищущей след, заставили меня невольно подумать, каким бы он был страшным преступником, если бы обратил свою энергию и ум на борьбу с законом вместо того, чтобы защищать его. В продолжение всего этого времени он постоянно бормотал что-то про себя и, наконец, громко вскрикнул от восторга.

– Нам действительно везет, – сказал он. – Теперь нам остается немного работы. Номер первый имел несчастье наступить на креозот. Видите очертания края его маленькой ноги рядом с этим скверно пахнущим месивом? Сосуд лопнул, как видите, и жидкость вытекла.

– Ну, так что же?

– Только то, что мы поймали его, – ответил Холмс, – вот и все. Я знаю собаку, которая пойдет по этому следу на край света. Если свора собак может бежать по запаху селедки на рас-

стоянии целого графства, то как далеко может специально обученная собака бежать по следам с таким сильным запахом? Теперь все это стало как арифметическая задача. Ответ даст нам... Ага! Вот и аккредитованные представители закона.

Снизу доносились тяжелые шаги и звуки громких голосов, и входная дверь закрылась с сильным стуком.

– Прежде чем они придут, – сказал Холмс, – дотроньтесь рукой до руки бедняги вот здесь, а тут до его ноги. Что вы чувствуете?

– Мускулы тверды, как доска, – ответил я.

– Вот именно. Они находятся в состоянии чрезвычайного сокращения, сильно превосходящего обыкновенные «*rigor mortis*». В соединении с этой судорогой лица, с гиппократовской улыбкой, или «*risus sardonicus*», как называли ее древние писатели, какое предположение приходит вам на ум?

– Смерть от какого-нибудь сильного растительного алкалоида, – ответил я, – от какого-нибудь вещества вроде стрихнина, вызывающего столбняк.

– Эта идея сразу пришла мне в голову при виде его искаженного лица. Войдя в комнату, я тотчас же стал искать, каким образом яд мог попасть внутрь. Как вы видели, я нашел иглу

или колючку из терна, которая была воткнута или брошена в голову покойного. Вы замечаете, что пораженное место приходится как раз в стороне отверстия в потолке, если покойный сидел в своем кресле. Теперь поглядите на эту иглу.

Я осторожно взял ее и осветил фонарем. Игла была длинная, острая, из темного терна, на кончике ее как будто засохло какое-то смолистое вещество. Тупой конец был обточен ножом.

– Это английский терн? – спросил Холмс.

– Нет, наверно нет.

– Из этих данных вы можете вывести какое-нибудь верное заключение. Но вот являются регулярные войска; вспомогательные должны удалиться.

Как раз в это время шаги, которые все приближались, громко раздались в коридоре, и в комнату вошел очень толстый полнокровный, дородный человек в серой одежде, с красным лицом, очень маленькими, мигающими глазами, зорко выглядывавшими из-под опухших век. За ним шел полицейский инспектор в форме и все еще продолжавший дрожать Таддеуш Шольто.

– Вот так история! – крикнул вновь пришедший глухим голосом. – Славная история. Но кто эти люди? Дом, кажется, переполнен, как кроличий садок!

– Я думаю, вы должны помнить меня, мистер Этелни Джонс, – спокойно проговорил Холмс.

– Конечно, помню, – просопел он. – Вы – мистер Шерлок Холмс, теоретик. Помню ли я вас! Никогда не забуду, как вы читали нам лекцию о причинах, следствиях и результатах в деле драгоценностей Бишопгэта. Правда, вы навели нас на верный след, но сознайтесь, что это скорее благодаря удаче, чем хорошему руководству.

– Это было очень простое рассуждение.

– Ну вот! Перестаньте, пожалуйста. Никогда не стыдитесь сознаться. А что это здесь? Плохое дело! Плохое дело! Тут строгие факты – теориям нет места. Какое счастье, что я случайно попал в Норвуд по другому делу! Я был на станции, когда получил это известие. От чего, вы думаете, умер этот человек?

– О, это дело, в котором нет места моим теориям, – сухо сказал Холмс.

– Да, да. Впрочем, нельзя отрицать, что иногда вы попадали в точку. Боже мой! Как кажется, дверь была заперта. Пропало драгоценностей на пол миллиона. Как окно?

– Заперто, но на подоконнике есть следы.

– Ну-ну, если окно заперто, то следы не имеют никакого значения. Здравый смысл говорит это. Покойник мог умереть от припадка; но драгоценности-то исчезли. Ага! У меня есть своя теория. Временами на меня находит вдохновение. Пожалуйста, сержант и мистер Шольто, выйдите прочь. Ваш друг может остаться. Что вы думаете об этом, Холмс? Шольто, по собственному его признанию, был вчера вечером у брата. Брат умер от припадка, а Шольто ушел, унеся с собой драгоценности. Как вы находите это?

– После чего покойный чрезвычайно предупредительно встал и запер дверь изнутри.

– Гм! Да, тут в моем рассуждении изъян. Ну-с, взглянем здраво на дело. Этот Таддеуш Шольто был у своего брата; они поссорились – это нам хорошо известно. Брат умер, а драгоценности пропали. И это известно нам. Никто не видел брата после того, как Таддеуш ушел от него. Кровать его не смята. Таддеуш очевидно сильно расстроен. Вид его... ну, скажем, непривлекателен. Вы видите, что я начинаю расставлять сети вокруг Таддеуша. Сети начинают сходиться над ним. Подходит ли это к вашей теории?

– Вы еще не знаете всех фактов, – сказал Холмс. – Эта колючка, которую я имею все основания считать отравленной, была в черепе убитого; вы можете видеть след ее; этот исписанный клочок бумаги лежал на столе, а рядом с ним этот довольно интересный предмет с каменным набалдашником.

– Все это только подтверждает мои предположения, – торжественно сказал толстый сыщик. – Дом полон индийских редкостей. Таддеуш принес эту вещь, и если заноза ядовита, Таддеуш мог точно так, как и всякий другой, воспользоваться ею для убийства. Бумага – не что иное, как фокус-покус, ширма для отвода глаз. Весь вопрос в том, как он вышел отсюда? А, конечно, в крыше есть отверстие!

С быстротой, удивительной при его полноте, он поднялся по ступеням и втиснулся на чердак. Немедленно вслед за тем мы слышали, как он с восторгом кричал, что нашел подъемную дверь.

– Он может сделать кое-что, – заметил Холмс, пожимая плечами, – у него бывают иногда проблески мысли. «Il n'y a pas des sots si incommodes que ceux qui ont de l'esprit»⁵.

– Видите! – сказал Этелни Джонс, снова появляясь на лестнице, – факты-то лучше всяких теорий. Мой взгляд на дело нашел себе подтверждение. Оказывается, есть подъемная дверь, выходящая на крышу, и она не совсем прикрыта.

– Я открыл ее.

– О, в самом деле! Значит, вы заметили ее.

Казалось, это открытие неприятно подействовало на него.

– Ну, кто бы ни заметил эту дверь, во всяком случае, теперь видно, как ушел наш молодец. Инспектор!

– Здесь, сэр! – ответил тот из коридора.

– Попросите мистера Шольто прийти сюда... Мистер Шольто, я должен предупредить вас, что все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Именем королевы я арестую вас, как замешанного в убийстве вашего брата.

– Ну вот. Не говорил ли я вам! – крикнул бедный человечек, всплескивая руками и смотря то на одного, то на другого из нас.

– Не тревожьтесь, мистер Шольто, – сказал Холмс. – Мне кажется, я могу поручиться, что сниму с вас это обвинение.

– Эй, не обещайте слишком многого, господин теоретик, не обещайте! – резко проговорил сыщик. – Это дело может оказаться гораздо труднее, чем вы ожидаете.

– Я не только сниму с него подозрение, мистер Джонс, но еще сделаю вам подарок, сказав фамилию и приметы одного из лиц, бывших вчера ночью в этой комнате. У меня есть все причины предполагать, что этого человека зовут Джонатан Смолль. Он плохо воспитанный, живой человек маленького роста, без правой ноги, на деревяшке, износившейся с внутренней стороны. На левой ноге у него грубый сапог с квадратным носком, с каблуком, обитым железом. Он человек средних лет, очень загорелый и бывший каторжник. Эти указания в соединении с фактом, что у него на ладони сильно содрана кожа, могут несколько помочь вам. Что касается другого...

– А! Другого? – проговорил Этелни Джонс насмешливым тоном, но я видел, что уверенность Холмса произвела на него сильное впечатление.

– Это довольно странная личность, – сказал Шерлок Холмс, поворачиваясь на каблуках. – Надеюсь, что мне довольно скоро удастся представить вам обоих. На одно слово, Ватсон.

Он вышел со мной на площадку лестницы.

– Этот неожиданный случай заставил нас забыть первоначальную причину нашей поездки, – сказал он.

– Я только что думал об этом, – ответил я. – Мисс Морстэн не следует оставаться в доме, где произошло такое страшное событие.

⁵ Нет более несносных дураков, чем те, которые обладают умом.

– Да. Вы должны проводить ее домой. Она живет с миссис Сесиль Форрестер, в Нижнем Кембервелле, так что это не очень далеко отсюда. Я подожду вас здесь, если хотите. Или, может быть, вы слишком устали?

– Нисколько. Мне кажется, я не успокоюсь, пока не узнаю что-нибудь об этом загадочном деле. Многое мне пришлось видеть в жизни, но даю вам слово, эти страшные сюрпризы, так быстро следующие друг за другом, сильно взволновали меня. Но мне бы все-таки хотелось посмотреть вместе с вами, как окончится это дело.

– Ваше присутствие будет очень полезно мне, – ответил Холмс. – Мы с вами займемся отдельно, а Джонс пускай придумывает себе, что угодно, и приходит в восторг от своих выдумок. Мне хочется, чтобы вы после того, как отвезете мисс Морстэн, заехали в дом № 3 в переулке Пинчин, на берегу у Ламбета. Третий дом справа принадлежит продавцу чулеч по фамилии Шерман. Вы увидите в окне ласочку, держащую молодого кролика. Постучитесь к старику Шерману, кланяйтесь ему от меня и скажите, что мне нужен сейчас Тоби. Привезите Тоби с собой в кебе.

– Это, вероятно, собака?

– Да, странный ублюдок с удивительным чутьем. Помощь Тоби я предпочитаю всем сыщикам Лондона.

– Ну, так я привезу его, – сказал я. – Теперь час. Я должен вернуться до трех, если попадется свежая лошадь.

– А я посмотрю, нельзя ли узнать что-нибудь от миссис Бернстон и слуги-индуса, который, как говорил мне мистер Таддеуш, спит рядом на чердаке, – сказал Холмс. – Потом я стану изучать метод великого Джонса и выслушивать его не слишком деликатные сарказмы. “Wir sind gewöhnt dass die Menschen verhöhnen was sie nicht verstehen”⁶. Гете всегда выразителен.

⁶ Мы привыкли, что люди насмеются над тем, чего не понимают.

Глава VII. Эпизод с бочкой

Полицейские приехали в кебе, и я проводил в нем мисс Морстэн до ее жилища. Со свойственной женщинам ангельской манерой она переносила тревогу со спокойным лицом, пока нужно было поддержать более слабого, чем она, и я увидел ее сидевшей веселой и тихой рядом с испуганной экономкой. Но в кебе с ней сначала сделался обморок, а потом она разразилась потоком слез, – так сильно на нее подействовали происшествия этой ночи. После она говорила мне, что я казался ей холодным и далеким во время этой поездки. Она и не подозревала, какая борьба шла в моем сердце, и как мне нужно было сдерживаться, чтобы не выдать себя. Моя симпатия, моя любовь стремилась к ней, как моя рука устремилась к ее руке в саду. Я чувствовал, что целые годы условной светской жизни не дали бы мне возможности узнать ее кроткую, смелую натуру, как я узнал ее за этот день, полный странных событий. Но две мысли заставляли меня хранить молчание. Она была слаба и беспомощна, потрясена телесно и душевно. Не следовало пользоваться этим, чтобы говорить о любви в такое время. Хуже того, она была богата. Если поиски Холмса окажутся удачными, она будет богачкой. Хорошо ли, честно ли со стороны лекаря в отставке воспользоваться интимностью, явившейся вполне случайно? Ведь она могла бы взглянуть на меня просто как на человека, охотящегося за приданым! Я не мог допустить, чтоб у нее могла появиться подобного рода мысль. Сокровища Агры стояли между нами непреодолимой стеной.

Было почти два часа, когда мы доехали до дома миссис Сесиль Форрестер. Слуги давно уже легли спать, но миссис Форрестер, заинтересованная странным посланием, которое получила мисс, ожидала ее возвращения. Она сама отперла дверь. Это была грациозная женщина средних лет, и я с радостью увидел, как она обняла молодую девушку; поистине материнское чувство звучало в ее голосе. Очевидно, мисс Морстэн была для нее не наемной подчиненной, а уважаемой подругой. Меня представили, и миссис Форрестер горячо упрашивала меня войти в дом. Но я объяснил, что должен ехать дальше по важному делу, и обещал приходить и сообщать о ходе следствия. Уходя, я бросил взгляд назад и до сих пор вижу маленькую группу на лестнице — две женские, грациозно обнявшиеся фигуры, полуоткрытую дверь, свет из коридора, падающий через цветное стекло, барометр и блестящие пруты, придерживающие ковер. Приятно было даже мельком взглянуть на спокойный английский очаг в разгар ужасного, мрачного дела, поглощавшего наше внимание.

А чем больше я думал, тем мрачнее и ужаснее казалось мне это событие. Проезжая по безмолвным, освещенным газом улицам, я мысленно перебирал всю цепь необычайных происшествий. Первые загадки в настоящее время уже объяснились. Смерть капитана Морстэна, присылка жемчужин, объявление, письмо – все стало ясным нам, но все повело нас к еще более глубокой и трагической тайне. Индийский клад, странный план, найденный в багаже Морстэна, странная сцена у смертного одра майора Шольто, вторичная находка клада, за которой немедленно последовало убийство нашедшего его, очень странные явления, сопровождавшие преступление, следы ног, замечательные орудия убийства, слова на клочке бумаги, соответствующие словам на записке капитана Морстэна, – вот целый лабиринт, из которого всякий менее талантливый человек, чем мой сожитель, отчаялся бы выбраться.

Переулок Пинчин состоял из ряда жалких двухэтажных кирпичных домов в нижней части Ламбета. Я несколько раз безуспешно стучался в дом № 3. Наконец за шторой мелькнул свет свечи, и чье-то лицо выглянуло из окна верхнего этажа.

– Убирайся, пьяный бродяга, – сказал неизвестный. – Если ты еще раз подымешь шум, я открою конуры и выпущу на тебя сорок три собаки.

– Выпустите одну, – ответил я, – затем я и пришел.

– Убирайся! – проревел тот же голос. – Вот здесь в мешке у меня змея, и я брошу ее тебе на голову, если ты не уберешься.

– Но мне нужна собака, – крикнул я.

– Не стану разговаривать с тобой! – крикнул мистер Шерман. – Ну, отходи, не то как скажу три, так и брошу змею.

– Мистер Шерлок Холмс... – начал я, но эти слова произвели магическое действие: окно немедленно захлопнулось, а через минуту открылась дверь. Мистер Шерман оказался тощим, худым, сутуловатым стариком, с морщинистой шеей и в синих очках.

– Всякий друг мистера Шерлока Холмса – всегда желанный гость! – сказал он. – Войдите, сэр. Подальше от барсука, потому что он кусается. Ах, злючка, злючка, уж не хочешь ли ты броситься на джентльмена? – проговорил он, обращаясь к кунице, которая просунула свою злую мордочку с красными глазами между прутьев клетки. – Не пугайтесь, сэр, это просто ящерица. Не сердитесь на меня, что я был немного резок с вами: ребятишки надоедают мне и часто прибегают сюда, чтобы постучать в дверь. Что нужно мистеру Шерлоку Холмсу, сэр?

– Ему нужна ваша собака.

– А! Вероятно, Тоби?

– Да, Тоби.

– Тоби живет налево в № 7.

Со свечой в руках он медленно двигался среди странной семьи животных, которых он собрал вокруг себя. При неверном, неясном свете я еле видел блестящие глаза, устремленные на меня из каждой щели, из каждого уголка. Даже стропила над нами были усеяны важными птицами, лениво переступавшими с ноги на ногу, когда наши голоса нарушили их сон.

Тоби оказался некрасивым созданием с длинной шерстью коричневатого и белого цвета и висячими ушами, с неуклюжей, переваливающейся походкой, помесью болонки с охотничьей собакой. После короткого колебания он принял от меня кусок сахара, который дал мне старый натуралист. Заключив таким образом союз, Тоби пошел за мной к кебу и без затруднений последовал за мной дальше. На дворцовых часах только что пробило три, когда я снова очутился в Пондишерри-Лодж. Тут я услышал, что экс-борец Мак-Мердо арестован как сообщник и вместе с мистером Шольто отправлен на станцию. У узкой калитки стояли два констебля; они позволили мне пройти с собакой, когда я назвал фамилию сыщика.

Холмс стоял внизу у лестницы и курил, засунув руки в карманы.

– А, вы привели его! – сказал он. – Славная собака! Этелни Джонс ушел. После вашего отъезда он проявил громадную энергию. Он арестовал не только нашего приятеля Таддеуша,

но и привратника, экономку и слугу-индуса. Весь дом к нашим услугам; только сержант остался наверху. Оставьте собаку здесь и пойдем наверх.

Мы привязали Тоби к столу в передней и поднялись по лестнице наверх. Комната была в том же виде, в каком мы оставили ее, только труп был покрыт простыней. Полицейский с усталым видом сидел в углу.

– Одолжите мне ваш фонарь, сержант, – сказал мой приятель. – Теперь привяжите вот этот кусок картона к моей шее так, чтобы он висел у меня на груди. Благодарю вас. Теперь я сброшу сапоги и чулки. Снесите их вниз, Ватсон. Мне придется немного поползать. И опустите мой платок в креозот. Вот так. Пойдемте со мной на чердак.

Мы влезли через отверстие. Холмс направил свет фонаря на следы.

– Я хочу, чтобы вы обратили особое внимание на эти следы, – сказал он. – Вы не замечаете в них ничего особенного?

– Это следы ребенка или женщины маленького роста, – сказал я.

– А ничего другого, кроме величины?

– Следы как следы.

– Вовсе нет. Посмотрите-ка! Вот тут в пыли – след правой ноги. Вот я оставляю рядом след моей голой ноги. Какая разница между этими следами?

– Ваши пальцы – все вместе. Пальцы другого следа – каждый отдельно.

– Вот именно. Запомните это хорошенько. Теперь подойдите пожалуйста к этому окну и понюхайте край деревянной рамы. Я останусь здесь, так как у меня платок в руке.

Я исполнил его приказание и немедленно почувствовал сильный запах дегтя.

– Вот куда он поставил ногу при выходе. Уж если вы сумели напасть на его след, то для Тоби, я думаю, это не составит ни малейшего затруднения. Ну, теперь бегите вниз, отпустите собаку и ожидайте подвигов Блондена.

К тому времени, как я вышел во двор, Шерлок Холмс был уже на крыше, и я видел, как он, словно громадный светлячок, медленно полз вдоль края. Я потерял его из виду за трубами, но затем он появился и снова исчез на противоположной стороне. Когда я обошел вокруг, я увидел его сидящим на карнизе у угла крыши.

– Это вы, Ватсон? – крикнул он.

– Да.

– Вот место, откуда он спустился. Что это чернеет там внизу?

– Бочка для воды.

– С крышкой?

– Да.

– Ни признака лестницы?

– Нет.

– Черт побери этого молодца! Тут можно голову сломать. Придется мне спуститься вниз, раз он сумел подняться. Ну, вперед.

Послышался шорох, и фонарь стал постепенно опускаться вдоль стены. Потом легким прыжком Холмс соскочил на бочку, а оттуда на землю.

– Легко было идти по его следам, – сказал он, надевая чулки и сапоги. – На всем пути черепицы расшатаны, а впопыхах он обронил вот эту штуку, которая подтверждает мой диагноз, как выражаетесь вы, доктор.

Он подал мне маленький мешок или кошель из плетеных разноцветных трав, украшенный поверху яркими бусами. По форме и величине он несколько напоминал портсигар. Внутри его было с полдюжины игл из темного дерева, заостренных с одного конца и округленных с другого, как та, которой был убит Бартоломей Шольто.

– Это адские штуки, – сказал он. – Берегитесь, чтобы не уколоться. Я в восторге, что они попались мне, так как, по всей вероятности, других у него нет. Нам с вами нечего бояться, что одна из них очутится у нас в коже. Я скорее согласен бы был иметь дело с пулей Мартини. Что, вы в состоянии пройти шесть миль, Ватсон?

– Конечно, – ответил я.

– Вынесет ли это ваша нога?

– О, да.

– Эй, собачка! Милый старый Тоби! Понюхай, Тоби, понюхай.

Он поднес к носу собаки платок, пропитанный креозотом. Животное стояло, расставив мохнатые лапы и комично склонив голову набок, словно знаток, нюхающий букет знаменитой виноградной лозы. Затем Холмс отбросил платок, привязал толстую веревку к ошейнику собаки и подвел ее к бочке с водой.

Тоби разразился громким дрожащим лаем, опустил нос к земле, поднял хвост и побежал по следу так быстро, что натянул веревку, а нам пришлось бежать изо всех сил.

Восток постепенно белел, и теперь мы могли видеть немного вдаль при холодном, сером свете. Квадратный массивный дом с его темными, пустыми окнами и высокими обнаженными стенами остался позади нас, грустный и заброшенный.

Наш путь шел по парку, между ямами и канавами, пересекавшими его. Вся местность с разбросанными кучами мусора и жалкими кустарниками носила зловещий вид, вполне гармонизировавшийся с мрачной трагедией, нависшей над домом. Достигнув стены, Тоби побежал вдоль, под ее тенью, и, наконец, остановился на углу, осененном молодым буком. В месте соединения двух стен оказалось несколько вынутых кирпичей, а образовавшиеся уступы были так стоптаны, как будто ими постоянно пользовались, как лестницей. Холмс взобрался на стену и, взяв от меня собаку, перебросил ее на другую сторону.

– Вот отпечаток руки человека с деревянной ногой, – сказал он. – Видите маленькое пятно крови на белой штукатурке? Какое счастье, что со вчерашнего дня не было сильного дождя! След останется на земле, несмотря на то, что они убежали двадцать восемь часов тому назад.

Признаюсь, я сомневался, чтобы это было возможно ввиду большого потока экипажей на Лондонской дороге. Но мои страхи скоро рассеялись. Тоби, ни минуты не колеблясь, шел вперед своей развалистой походкой. Очевидно, острый запах креозота был сильнее всех остальных запахов.

– Не воображайте, – сказал Холмс, – что мой успех в этом деле зависит только от той случайности, что один из молодцев наступил ногой на химический препарат. У меня есть теперь много различных данных, которые могут мне помочь найти преступников. Эта случайность одна из самых легких и так как, по счастью, она далась нам в руки, то я был бы не прав, если бы не воспользовался ею. Но благодаря этому дело перестает быть интересной умственной проблемой, как можно было предполагать раньше. Не будь этого слишком легкого способа разрешения задачи – оно могло бы приобрести известность.

– Известность-то будет, и большая, – сказал я. – Уверяю вас, Холмс, я поражаюсь вашим способам добывать данные, и в этом деле еще более, чем в деле Джефферсона Гоппа. Для меня лично все кажется таинственнее и необъяснимее. Ну как, например, вы могли так подробно описать человека с деревянной ногой?

– Ба, мой милый мальчик! Да нет ничего проще. Я вовсе не желаю пользоваться театральными эффектами. У меня все начистоту. Два офицера, осуществляющие надзор над каторжниками, узнают важный секрет насчет спрятанного клада. Один англичанин, по имени Джонатан Смолль, чертит для них план. Вы помните – мы видели эту фамилию на плане, принадлежавшем капитану Морстэну. Он подписал ее за себя и за своих сообщников – дав этой бумаге драматическое название «Знак четырех». При помощи этого плана офицеры, или один из них, добывает клад и привозит его в Англию, причем следует предположить, что не выполняет какого-то условия. Но почему же сам Джонатан Смолль не добыл клада? Ответ ясен. План помечен тем временем, когда Морстэну приходилось входить в близкие отношения с каторжниками. Джонатан Смолль не добыл клада, потому что он и его сообщники были каторжники.

– Но ведь это только предположение, – сказал я.

– Больше, чем простое предположение. Это единственная гипотеза, объясняющая факты. Посмотрим теперь, насколько она может быть верна. Майор Шольто остается в покое несколько лет счастливым обладателем драгоценностей. Потом он получает письмо из Индии, сильно испугавшее его. Что могло быть в этом письме?

– Известие, что человек, которого он обидел, стал свободным.

– Или бежал. Это правдоподобнее, так как он должен был знать срок отбывания наказания, и в этом случае известие не поразило бы его. Что же он делает тогда? Он охраняет себя от человека с деревянной ногой – заметьте, белого, потому что он принимает за него белого торговца и стреляет в него. На плане фамилия только одного белого. Остальные – индусы или магометане. Другого белого нет. Поэтому мы с уверенностью можем сказать, что человек с деревянной ногой и есть Джонатан Смолль. Находите вы какую-нибудь ошибку в этом рассуждении?

– Нет. Оно вполне ясно и точно.

– Хорошо. Теперь поставим себя на место Джонатана Смолля. Взглянем на дело с его точки зрения. Он возвращается в Англию с мыслью вступить, как он полагает, в свои права, и в то же время отомстить тому, кто обидел его. Он узнал, где живет Шольто, и, весьма вероятно, завел сношения с кем-нибудь из его слуг. Мы не видели дворецкого Лаль Рао. Миссис Бернстон одобрительно отзывается о нем. Однако Смолль не мог бы сам открыть клада, так как это было известно только майору и верному слуге его, который уже умер. Внезапно Смолль узнает, что майор при смерти. При мысли, что тайна клада умрет вместе с ним, Смолль пробирается к окну комнаты умирающего, и только присутствие сыновей майора мешает ему войти туда. Но ночью, обезумев от ненависти к умершему, он входит в его комнату, роется в его бумагах, надеясь найти какие-нибудь указания насчет клада, и наконец оставляет метку о своем посещении в виде короткой надписи на куске папки. Он, без сомнения, решил заранее, что в случае, если убьет майора, оставит подобного рода записку в знак того, что это не обыкновенное убийство, но (с точки зрения четырех сообщников) в некотором роде акт правосудия. Подобного рода загадочные и странные причуды довольно часто встречаются в анналах преступлений и обыкновенно дают ценные указания насчет личности преступника. Вы понимаете меня?

– Вполне.

– Но что же мог сделать Джонатан Смоль? Он мог только исподтишка наблюдать за усилиями тех, кто искал клад. Может быть, он покидает Англию и возвращается только изредка. Затем следует находка чердака, о чем его уведомляют немедленно. Опять все указывает на то, что в доме есть сообщник. Джонатан на своей деревяшке не в состоянии добраться до верхней комнаты Бартоломея Шольто. Он берет с собой довольно странного помощника, который преодолевает эту опасность, но попадает голой ногой в креозот, благодаря чему приходится употребить в дело Тоби и заставить прихрамывающего офицера в отставке прогуляться целых шесть миль.

– Но преступление совершено сообщником, а не Джонатаном.

– Совершенно верно. И даже к полному негодованию Джонатана, что видно из того, как он ступил ногой, войдя в комнату. Он ничего не имел против Бартоломея Шольто и удовольствовался бы тем, чтоб связать его и заткнуть ему рот. Но делать было нечего: дикие инстинкты его товарища вырвались наружу, и яд оказал свое действие. Итак, Джонатан Смоль оставил на память записку, спустил ящик с драгоценностями и затем спустился сам. Таков ход дела, как он представляется мне. Что касается внешнего вида преступника, то это, должно быть, человек средних лет и сильно загорелый после стольких лет работы в таком пекле, как Андаманские острова. Рост его легко узнать по длине его шагов; мы знаем, что у него борода. Обилие волос более всего поразило Таддеуша Шольто, когда он увидел лицо в окне. Кажется, ничего больше.

– А сообщник?

– А, ну тут нет никакой особой таинственности. Но вы скоро узнаете все остальное. Как хорош утренний воздух! Посмотрите, как плывет это облачко, словно розовое перышко какого-то громадного фламинго. Вот красный край солнца подымается над туманным Лондоном. Он светит многим людям, но, готов держать пари, между ними нет ни одного, кто отправлялся бы по более странному делу, чем мы. Как ничтожны мы с нашим незначительным мелким

честолюбием и стремлениями в присутствии великих стихийных сил природы! Ну, как идет ваше изучение Жан Поля?

– Ничего себе. Я обратился к нему после изучения Карлейля.

– Это все равно что пройти по ручью к озеру, из которого он вытекает. Он делает одно любопытное, но глубокое замечание, а именно, что доказательство действительного величия человека состоит в его сознании своего ничтожества. Видите ли, для этого требуется сила сравнения и анализа, которая сама по себе является доказательством благородства. Да, у Рихтера есть над чем подумать... У вас нет пистолета?

– Со мной палка.

– Очень возможно, что это пригодится нам, когда мы попадем в их берлогу. Джонатана я предоставляю вам, но если другой станет сопротивляться – я застрелю его.

Говоря это, он вынул из кармана револьвер и, вложив два заряда, положил его в правый карман жакетки.

Все это время мы шли под предводительством Тоби к столице по полудеревенской дороге; с обеих сторон виднелись виллы. Теперь же мы вышли на бесконечные улицы, по которым уже двигались рабочие и матросы; неопрятно одетые женщины снимали ставни и подмывали лестницы. На углах, в кабачках, начиналась дневная жизнь, и люди грубого вида выходили оттуда, утирая рукавом бороды после утренней выпивки. Странные собаки бродили по улицам, с удивлением смотря на нас, но наш несравненный Тоби не смотрел ни направо, ни налево, а шел, опустив нос к земле, и только изредка взвизгивал, когда нападал на горячий след.

Мы прошли Стрэттем, Брикстон, Кембервелль и очутились в переулке Кеннингтон. Те, кого мы преследовали, казалось, избрали самый запутанный путь, вероятно, для того, чтобы избежать лишних свидетелей. Они ни разу не шли главной улицей, если можно было найти параллельную ей. У начала Кеннингстонского переулочка они уклонились налево через улицы Бонд и Майльс. Там, где последняя сворачивает на Рыцарскую площадь, Тоби перестал идти вперед и начал бросаться то в одну, то в другую сторону, подняв одно ухо и опустив другое, как истое олицетворение собачьего недоумения. Потом он стал ходить кругами вокруг нас, смотря иногда так, словно прося сочувствия к своему затруднению.

– Черт знает что такое с собакой? – проворчал Холмс. – Ведь не взяли же они кеб и не поднялись на воздушном шаре.

– Может быть, они стояли здесь некоторое время, – подсказал я.

– А! Вот он опять бросился вперед! – сказал с облегчением мой приятель.

Действительно, Тоби опять побежал вперед, обнюхав все и как будто придя к какому-то решению, и побежал с такой энергией и решительностью, какой не выказывал раньше. След, казалось, был горячее, чем когда-либо, потому что Тоби даже не опускал носа к земле, но дергал веревку и порывался бежать изо всех сил. По блеску глаз Холмса я видел, что он думал, что мы приближаемся к цели нашего путешествия.

Путь наш шел теперь мимо «Девяти вязов», и скоро мы добрались до большого дровяного двора, пройдя таверну «Орел». Тут собака, обезумевшая от возбуждения, пробежала через боковую калитку во двор, где работали уже пыльщики. Собака бежала среди опилок и стружек по аллее, между двумя рядами соломенных дров, и наконец с торжествующим лаем вскочила на громадную бочку.

С высунутым языком, мигающими глазами Тоби смотрел попеременно то на одного из нас, то на другого, очевидно, в ожидании одобрения; доски, бочки и колеса тачки были покрыты темной жидкостью, а воздух весь пропитан креозотом.

Шерлок Холмс и я смущенно переглянулись, а затем разразились неудержимым смехом.

Глава VIII. Иррегулярная армия Бейкер-стрит

– Как же теперь быть? – спросил я. – Тоби потерял свою безупречную репутацию.

– Он действовал сообразно своему пониманию, – сказал Холмс; он снял собаку с бочки и повел ее со двора. – Если вы поразмыслите, сколько креозота привозится в Лондоне ежедневно, то не удивитесь, что наши следы перепутались. Креозот теперь в большом ходу, особенно при обработке дерева. Бедный Тоби не виноват.

– Я думаю, нам придется начать сначала.

– Да. И, к счастью, нам недалеко идти. Очевидно, собака оттого так растерялась на углу Рыцарской площади, что там шли следы в двух противоположных направлениях. Мы пошли по ложному следу. Теперь надо идти по-другому.

Это было вовсе нетрудно. Как только мы привели Тоби к месту его ошибки, он описал несколько широких кругов и бросился в другом направлении.

– Только бы он не привел нас к тому месту, откуда привезена бочка, – заметил я.

– Я уже думал об этом. Но вы видите, он бежит по тротуару, тогда как бочка ехала по мостовой. Нет, теперь мы на верном пути.

Мы шли вниз к реке, мимо площади Бельмонт и улицы Принца. В конце Широкой улицы след шел прямо к берегу, где виднелась деревянная пристань. Тоби подвел нас к краю пристани и завыл, смотря вниз на темную реку.

– Не везет нам, – сказал Холмс. – Тут они сели в лодку.

Несколько маленьких яликов и лодок виднелось на воде и у пристани. Мы подводили Тоби поочередно к каждой из них, но хотя он весьма добросовестно обнюхал все, однако, очевидно, ничего не узнал.

Рядом с грубой пристанью стоял кирпичный дом, над вторым окном которого красовалась деревянная вывеска. На ней большими буквами было напечатано: «Мардохей Смит», а внизу: «Лодки внаем на час и поденно». Другая вывеска, над дверью, извещала, что здесь имеется и паровой баркас, что подтверждалось громадной кучей кокса на дамбе.

Знак четырех

Ватсон и Мэри Морстен

Редактор популярного американского журнала Джозеф Маршал Стоддарт приехал в Лондон в августе 1889 года и пригласил на обед в отеле «Ленгем» двух писателей – Оскара Уайльда и Артура Конан Дойла. Биографы отмечают контраст между двумя гостями в тот вечер: «Томный изящный денди Уайльд и громадный Дойл, облаченный в свой лучший костюм, в котором он выглядел как морж в воскресных одеждах». Стоддарт предложил им за хороший гонорар написать что-нибудь для британского издания своего журнала. Они согласились, Уайльд создал интеллектуальный роман «Портрет Дориана Грея», Дойл – детективную повесть «Знак четырех».

Повесть была впервые опубликована в 1890 году под более длинным названием «Знак четырех, или загадка Шопто». В том же году ее переиздали с современным названием и иллюстрациями английского художника Чарльза Керра (1858–1907).

Оскар Уайльд поздравил Конан Дойла с выходом «Знака четырех»: «Я сознаю, что мои вещи лишены двух превосходных качеств, которые в ваших присутствуют в полной мере, – это сила и искренность. Между мною и жизнью всегда пелена слов: я вышвыриваю достоверность в окно ради удачной фразы и готов пренебречь правдой ради случайной эпиграммы».

Артур Конан Дойл

Действие повести происходит в 1888 году. Рассказ ее героя Джонатана Смолла переносит читателя из Лондона в индийский город Агру времен восстания сипаев, а потом на Андаманские острова на севере Индийского океана и вновь возвращает в Лондон. Как и предыдущая повесть «Этюды в багровых тонах», «Знак четырех» поначалу не обрел много поклонников. Лишь последующие рассказы из цикла «Приключения Шерлока Холмса» принесли писателю всемирную славу.

Любопытный факт повести – именно здесь Ватсон влюбляется в свою будущую жену, пришедшую за советом к его другу голубоглазую блондинку Мэри Морстен. Ватсону она понравилась сразу же, что подметил знаменитый сыщик и отнесся к увлечению друга весьма неодобрительно. Вскоре Ватсон женился и съехал с квартиры на Бейкер-стрит. Это был уже второй брак биографа Шерлока Холмса.

В рассказ «Скандальная история в Богемии», где действие происходит в марте 1888 года, Ватсон упоминает о своей недавней женитьбе. Однако, судя по повести «Знак четырех», он познакомился с Мэри Морстен лишь в сентябре 1888 года.

Шерлок Холмс медленно оглянулся вокруг, лицо его приняло зловещее выражение.

– Дело плохо, – сказал он. – Эти молодцы хитрее, чем я ожидал. Они, как кажется, замели следы. Боюсь, что тут был уговор.

Он подходил к дому как раз в ту минуту, когда распахнулась дверь, и маленький кудрявый мальчик лет шести выбежал оттуда; за ним показалась толстая женщина с красным лицом, с большой губкой в руке.

– Иди мыться, Джэк! – крикнула она. – Иди сюда, постреленок. Вернется отец, увидит тебя в таком виде и задаст обоим нам.

– Милый малютка! – сказал Холмс, преследуя свои стратегические цели. – Что за прелестный розовый бездельник! Ну, Джэк, чего ты хочешь?

Ребенок задумался на минуту.

– Шиллинг, – сказал он.

– Ничего больше?

– Лучше два шиллинга, – ответил после небольшого раздумья удивительный ребенок.

– Ну, вот они! Лови! Славный ребенок, миссис Смит.

– Да, сэр, да благословит вас Господь. И умница... Трудненько мне справляться с ним, особенно когда мужа не бывает дома по целым дням.

– Нет дома и теперь? – спросил Холмс разочарованным тоном. – Как жаль! Мне нужно было поговорить с мистером Смитом.

– Его нет дома со вчерашнего утра, сэр, и по правде сказать, я начинаю тревожиться о нем. Но если вам нужна лодка, сэр, то я могу дать вам ее.

– Я хотел нанять баркас.

– Он как раз и поехал в нем, сэр. Вот то-то и удивляет меня, потому что я знаю, что угля хватит только на то, чтобы доехать до Вульвича и обратно. Если бы он уехал на барже, я и не подумала бы о том, что он не возвратился, так как он часто ездит по делам в Грэвэнд и мог бы остаться там в случае нужды. Но на что годится баркас без угля?

– Может быть, он купил уголь где-нибудь на пристани.

– Может быть, сэр, но это на него не похоже. Много раз я слышала, как он ужасался ценам, которые берут за несколько жалких мешков. К тому же не нравится мне этот человек с деревянной ногой, с его некрасивым лицом и иностранным говором. Что ему было нужно? Чего он постоянно околачивался тут?

– Человек с деревянной ногой? – с любезным изумлением спросил Холмс.

– Да, сэр, смуглый человек с лицом похожим на мартышку, часто приходил к моему старику. Он разбудил мужа вчера ночью; да муж и знал, что он придет, потому что развел пары на баркасе. Говорю вам откровенно, сэр, все это очень тревожит меня.

– Но, дорогая миссис Смит, – сказал Холмс, пожимая плечами, – вы тревожитесь из-за пустяков. Как можете вы быть уверены, что именно этот человек приходил сегодня ночью? Не понимаю, откуда у вас такая уверенность.

– Я узнала его по голосу, сэр. У него голос такой густой и словно пропитанный туманом. Он постучался в окно... Это было около трех часов. «Выходи-ка, приятель, пора!» – сказал он. Мой старик разбудил Джеймса, – это наш старший, – и оба ушли, ни слова не сказав мне. Я слышала, как деревяшка стучала по камням.

– А человек на деревянной ноге приходил один?

– Не могу сказать наверно, сэр. Я не слышала другого голоса.

– Очень сожалею, миссис Смит; мне нужен был баркас, и мне очень хвалили... Позвольте, как бишь его название?..

– «Аврора», сэр.

– А! Это не старый зеленый баркас с желтой полосой, очень широкой.

– О, нет. Это самая изящная штучка на реке. Он заново выкрашен в черный цвет с двумя красными полосами.

– Спасибо. Надеюсь, вы скоро узнаете что-нибудь о мистере Смите. Я отправляюсь вниз по реке и, если увижу «Аврору», то дам ему знать о вашем беспокойстве. Вы говорите – труба черная?

– Нет, сэр. Черная с белой полосой.

– Ах, конечно. Бока черные. Доброго утра, миссис Смит. Вот лодочник с яликом, Ватсон. Мы возьмем его и переедем через реку.

– Главное в делах с подобного рода людьми, – сказал Холмс, когда мы уселись в ялик, – это никогда не давать им понять, что сообщаемые ими сведения имеют какое-либо значение. Дайте только это понять, и они уйдут как улитки в свою раковину. Если же вы слушаете их как будто нехотя, вы, по всей вероятности, получите все желаемые сведения.

– Теперь наш путь совершенно ясен, – сказал я.

– Что же вы сделали бы?

– Я нанял бы баркас и отправился по следам «Авроры».

– Милый мой, это была бы колоссальная задача. «Аврора» могла остановиться на любой пристани отсюда до Гринвича. Ниже моста – целый лабиринт пристаней тянется на целые мили. Вам пришлось бы употребить на это целые дни, если бы вы отправились один.

– Ну, так пригласите полицию.

– Нет. Я, вероятно, призову Этелни Джонса в последнюю минуту. Он недурной малый, и я не хотел бы повредить ему в его профессиональной деятельности. Но мне хочется самому заняться этим делом, раз мы уже зашли так далеко.

– Не можем ли мы тогда сделать публикации, обратиться к владельцам пристаней?

– Еще хуже! Наши молодцы сейчас бы догадались, что их преследуют по горячим следам, и убрались бы из Англии. Они и так уедут, но не будут торопиться, пока чувствуют себя в безопасности. Тут энергия Джонса послужит нам на пользу, так как его взгляд на дело наверняка попадет в прессу, и беглецы узнают, что поиски идут по ложному следу.

– Что же нам тогда делать? – спросил я, когда мы причалили.

– Возьмите кеб, поезжайте домой, позавтракайте и поспите часок. Весьма вероятно, что нам придется провести на ногах и эту ночь... Остановись у телеграфной станции, извозчик!.. Мы оставим Тоби, так как он может еще пригодиться нам.

Мы остановились у почтового отделения, и Холмс отправил телеграмму.

– Как вы думаете, кому я телеграфировал? – спросил он, когда мы поехали дальше.

– Право, не знаю.

– Помните, отделение сыскной полиции с Бейкер-стрит, которым я пользовался в деле Джефферсона Гоппа?

– Ну? – со смехом проговорил я.

– Здесь услуги их могут оказаться неоценимыми. Не удастся им, попробую другие способы, но сначала воспользуюсь ими. Телеграфировал я моему грязному маленькому адъютанту Виджинсу и ожидаю, что он со своей шайкой будет у нас, прежде чем мы окончим свой завтрак.

Было уже около девяти часов, и я почувствовал сильную реакцию после различных волнений этой ночи. Я устал и захромал; мысли у меня путались, тело утомилось. У меня не было профессионального энтузиазма, поддерживавшего моего друга, а на дело я не мог смотреть только отвлеченно. Что касалось смерти Бартоломея Шольто – я слышал о нем мало хорошего и не мог чувствовать сильной антипатии к его убийцам. Но клад – иное дело. Он, или часть его, принадлежала по праву мисс Морстэн. Пока был хоть какой-нибудь шанс найти его, я готов был посвятить жизнь поискам. Правда, если бы мне удалось найти его, то, по всей вероятности, пришлось бы навеки отказаться от нее. Но подобного рода мысль могла бы повлиять только на мелочную, эгоистичную любовь. Если Холмс так хлопотал о том, чтоб найти виновных, то

у меня была причина в десять раз более сильная, чтобы стремиться найти пропавшие драгоценности.

Ванна на Бейкер-стрит и перемена белья и костюма действовали на меня замечательно освежающим образом. Когда я сошел в нашу столовую, я увидел на столе завтрак, а Холмс наливал кофе.

– Вот оно, – сказал он, со смехом указывая на только что развернутую газету. – Энергичный Джонс и вездесущий репортер обо всем договорились. Но с вас уже довольно этого дела. Займитесь-ка лучше ветчиной и яйцами.

Я взял от него газету и прочел короткую заметку, озаглавленную: «Таинственное происшествие в Верхнем Норвуде».

«Прошлой ночью, около двенадцати часов, – говорилось в «Standard», – мистер Бартоломей Шольто, из Пондишерри-Лодж, в Верхнем Норвуде, был найден мертвым в своей комнате при обстоятельствах, заставляющих предполагать преступление. Насколько нам известно, на теле мистера Шольто не найдено было никаких знаков насилия, но унесена ценная коллекция индийских драгоценностей, которую покойный унаследовал от своего отца. Открытие было сделано мистером Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном, которые прибыли в дом вместе с Таддеушом Шольто, братом покойного. По странной счастливой случайности мистер Этелни Джонс, хорошо известный член сыскной полиции, находился на полицейской станции в Норвуде и через полчаса после полученного известия был уже на месте преступления. Он сразу направил свои знания и опыт на задержание преступников, следствием чего явился арест брата покойного, Таддеуша Шольто, а также экономки, миссис Бернстон, индуса-дворецкого по имени Лаль Рао и швейцара, или привратника, по имени Мак-Мердо. Вполне удостоверено, что вор, или воры, были хорошо знакомы с домом, так как хорошо известные технические знания и замечательная наблюдательность мистера Джонса дали ему возможность окончательно доказать, что преступники не могли войти ни в дверь, ни в окно, но пробрались, должно быть, по крыше и через подъемную дверь проникли в комнату, в которой обнаружен труп. Этот факт – чрезвычайно точно установленный – окончательно доказывает, что это не случайный грабеж. Быстрые и энергичные действия блюстителей закона доказывают, как важно в подобных случаях, чтобы во главе расследования стоял один человек, обладающий недюжинным умом. Мы убеждены, что данное обстоятельство может служить аргументом для тех, кто желал бы видеть силы наших сыщиков более децентрализованными и таким образом приведенными к более тесному и деятельному соприкосновению с делами, которые им приходится исследовать».

– Ну, разве не великолепно? – сказал Холмс, усмехаясь. – Что вы на это скажете?

– Скажу, что мы сами едва избежали ареста.

– И я скажу то же самое. Я не отвечаю за нашу безопасность и теперь, если у него случится новый прилив энергии.

В эту минуту раздался громкий звонок и я услышал голос миссис Гедеон, нашей хозяйки, доказывавшей что-то тоном, полным отчаяния.

– Клянусь небом, Холмс, – заметил я, приподымаясь с места, – пришли за нами.

– Ну, дело еще не так плохо. Это не официальные силы, а иррегулярные войска Бейкер-стрит.

При этих словах на лестнице послышались поспешные шаги голых ног, гул детских голосов, и в комнату влетела толпа грязных и оборванных маленьких уличных бродяг. Несмотря на бурное вторжение, между ними была, очевидно, некоторого рода дисциплина, так как все они мгновенно встали в ряд и смотрели на нас с выражением ожидания на лицах. Один из них, постарше и повыше, вышел вперед с видом превосходства, чрезвычайно смешным в таком оборванце.

– Получил ваше приказание, – сказал он, – и сейчас же привез их. Три с половиною за билеты.

– Вот тебе, – сказал Холмс, вынимая несколько серебряных монет. – Впоследствии они могут докладывать тебе, Виджинс, а ты мне. Я не могу допустить, чтобы так врывались ко мне. Но теперь, пожалуй, хорошо, если все выслушают мои распоряжения. Я хочу узнать, где находится баркас «Аврора», владелец Мардохей Смит; баркас черный с двумя красными полосами, труба черная с белой полосой. Мне нужно, чтобы один мальчик караулил у пристани, где останавливается Мардохей Смит, напротив Милльбенка, для того, чтобы сообщить, если вернется баркас. Вы должны поделить труд между собой и сторожить оба берега. Дайте мне немедленно знать, если узнаете что-нибудь. Понятно ли вам?

– Да, сэр, – сказал Виджинс.

– Плата прежняя, а тому, кто найдет баркас, – гиней. Вот за день вперед и убирайтесь!

Он подал каждому по шиллингу; мальчишки шумно сбежали с лестницы, и минуту спустя я увидел их уже на улице.

– Если только лодка на воде, они найдут ее, – сказал Холмс, вставая из-за стола и закуривая трубку. – Они могут идти всюду, все видеть, все слышать. Я ожидаю, что они до вечера откроют ее местопребывание. А пока мы можем только дожидаться результатов их поисков. Мы не можем найти прерванного следа, пока не найдем «Авроры» или мистера Мардохея Смита.

– Я думаю, Тоби может доесть остатки. Вы ляжете спать, Холмс?

– Нет, я не устал. У меня необыкновенная натура. Не помню, чтобы когда-нибудь уставал от работы, но безделье доводит меня до изнеможения. Я стану курить и обдумывать странное дело, с которым познакомила нас моя прекрасная клиентка. Если когда-либо было легкое дело, то именно это. Люди на деревяшке встречаются не так часто, а другой участник, я думаю, единственный в своем роде.

– Да, вот еще этот другой!

– Во всяком случае, я не хочу делать из него тайны для вас. Но вы, должно быть, и сами составили свое мнение о нем. Ну, обратите внимание на данные следы маленьких ног, пальцы ног, никогда не сдавливаемые сапогами, голые ноги, палка с каменным набалдашником, замечательная ловкость, отравленные стрелы. Что скажете на все это?

– Дикарь! – воскликнул я. – Может быть, один из индусов-товарищей Джонатана Смолля.

– Вряд ли, – сказал он. – Когда я в первый раз увидел странные орудия, я готов был думать это, но особые характерные черты следов заставили меня изменить мой взгляд. Некоторые из обитателей индийского полуострова – люди небольшого роста, но ни у кого из них не может быть таких маленьких ног. У настоящего индуса длинные, тонкие ноги. У магометанина, носящего сандалии, большой палец хорошо отделен от других, потому что между ними проходит ремень. Затем, эти маленькие стрелы могут быть пущены только одним способом – только выдуванием из трубки. Ну, где же нам искать нашего дикаря?

– В Южной Америке, – сказал я наугад.

Холмс протянул руку и взял с этажерки толстый том.

– Это первый том издающегося нового географического словаря, который можно считать последним авторитетом в своей области. Что у нас здесь? Андаманские острова, расположенные в 340 милях к северу от Суматры, в Бенгальском заливе. Гм, гм! Это что? Влажный климат, коралловые рифы, акулы, порт Блэр, казармы каторжников, остров Рутлэнд, леса Виргинских тополей... А, вот оно! «Туземцы Андаманских островов имеют право считаться самым низкорослым племенем на земле, хотя некоторые антропологи отдают пальму первенства бушменам Африки. Средняя высота их роста менее четырех футов, но встречается много взрослых, которые гораздо ниже. Это свирепые, угрюмые, упрямые люди, хотя способные к самой преданной дружбе, если удастся приобрести их доверие...» Заметьте это, Ватсон. Теперь слушайте дальше: «Они обыкновенно бывают отвратительной наружности с громадными, уродливыми головами, маленькими свирепыми глазами и безобразными чертами лица. Но ноги и

руки у них очень малы. Они так упрямы и свирепы, что все усилия английских чиновников привлечь их на свою сторону оказались бесплодными. Они всегда служили предметом ужаса для потерпевших крушение моряков, так как они убивают оставшихся в живых, ударяя по голове дубинами с каменными набалдашниками или пуская в них отравленные стрелы. Эти убийства обыкновенно оканчиваются каннибальским пиром...» Милый, любезный народ, Ватсон! Если бы этому малому предоставили поступать по-своему, это дело могло принять еще более ужасный оборот. Я думаю, что даже и теперь Джонатан Смолль дорого дал бы за то, чтобы не воспользоваться его услугами.

– Но откуда у него такой странный товарищ?

– Ну, это больше, чем я могу сказать. Однако, так как мы уже решили, что Смолль явился с Андаманских островов, то нет ничего особенно удивительного в том, что с ним находится этот островитянин. Без сомнения, в свое время мы узнаем все. Но, Ватсон, вы совершенно измучились. Ложитесь-ка на софу, и посмотрим, не сумею ли я усыпить вас.

Он вынул скрипку из футляра и, когда я растянулся на софе, заиграл какую-то тихую, задумчивую, мелодическую песнь, без сомнения, своего сочинения, так как он обладает замечательным импровизаторским даром. У меня осталось воспоминание о его неуклюжей фигуре, серьезном лице и то поднимающемся, то опускающемся смычке. Потом я мирно понесся по морю нежных звуков и, наконец, очутился в мире сновидений, где увидел милое лицо мисс Морстэн.

Глава IX. Недостающие звенья

Было уже поздно, когда я проснулся, подкрепленный и освеженный сном. Шерлок Холмс сидел на том же месте, только вместо скрипки у него в руках была книга, и он казался погруженным в чтение. Он взглянул на меня, когда я пошевелился, и я заметил мрачное и взволнованное выражение его лица.

– Крепко же вы спали, – сказал он. – Я боялся, что наш разговор разбудит вас.

– Я ничего не слышал, – ответил я. – Есть у вас новости?

– К несчастью, нет. Сознаюсь, я удивлен и разочарован. Я ожидал чего-нибудь определенного к этому времени. Виджинс только что приходил с докладом. Он говорит, что нет никаких следов баркаса. Это досадная задержка, так как каждый час имеет важное значение.

– Не могу ли я что-нибудь сделать? Я совершенно свеж теперь и готов не спать всю ночь.

– Нет, мы ничего не можем сделать. Мы можем только ждать. Если мы выйдем из дома, какое-нибудь известие может прийти во время нашего отсутствия и таким образом дело затянется. Вы можете поступать, как желаете, но я буду сторожить.

– Ну, так я слетаю в Кембервелль и навещу миссис Сесиль Форрестер. Она приглашала меня вчера.

– Навестите миссис Сесиль Форрестер? – спросил Холмс и лукавая усмешка блеснула у него в глазах.

– Ну, конечно, и мисс Морстэн. Они очень беспокоились и хотели узнать, нет ли чего нового.

– Я бы не говорил им слишком много, – сказал Холмс. – Женщинам никогда нельзя доверять вполне, даже самым хорошим.

Я не стал оспаривать это возмутительное предположение.

– Я вернусь через час или два, – заметил я.

– Отлично! Желаю счастья! Но, знаете, если вы поедете на ту сторону реки, то можете завезти обратно Тоби, так как, по всей вероятности, он не будет больше нужен нам.

Я взял с собой нашу собаку и оставил ее у старого натуралиста, отдав ему в придачу полсоверена. В Кембервелле я застал мисс Морстэн несколько усталой после ночных приключений, но очень интересующейся привезенными мною новостями. Миссис Форрестер также была полна любопытства. Я рассказал им все, что мы сделали, опустив только страшные подробности трагедии. Так, например, передавая им о смерти мистера Шольто, я ни слова не сказал о том, при каких обстоятельствах она произошла. Но несмотря на то, что я о многом умолчал, история эта сильно потрясла и изумила их.

– Это настоящий роман! – вскрикнула миссис Форрестер. – Обманутая барышня, клад в полмиллиона, черный людоед и негодяй с деревянной ногой. Последние занимают место пресловутого драгуна или графа-злодея.

– А на помощь два рыцаря, – прибавила мисс Морстэн, бросая на меня светлый взгляд.

– Ну, Мэри, от исхода дела зависит ваше богатство. По-моему, вы недостаточно взволнованы. Только представьте себе, что значит быть богатой и иметь весь свет у своих ног!

Сердце у меня дрогнуло от радости, когда я заметил, что эта перспектива не вызвала особого восторга в мисс Морстэн. Напротив, она вздернула свою гордую голову, как будто этот вопрос мало интересовал ее.

– Я беспокоюсь за мистера Таддеуша Шольто, – сказала она. – Все остальное не имеет никакого значения, но я думаю, что он поступил чрезвычайно добро и честно. Наш долг – освободить его от этого ужасного и ни на чем не основанного подозрения.

Был уже вечер, когда я покинул Кембервелль, и совершенно стемнело к тому времени, как я вернулся домой. Книга моего приятеля и его трубка лежали около кресла, но сам он исчез. Я оглянулся в надежде найти записку, но ее не было.

– Вероятно, господин Шерлок Холмс вышел из дома? – сказал я миссис Гедеон, когда она пришла спустить шторы.

– Нет, сэр. Он ушел к себе в комнату. Знаете, сэр, – прибавила хозяйка, понизив голос, – я боюсь за его здоровье.

– Почему, миссис Гедеон?

– Очень уж он странный, сэр. После того, как вы ушли, он стал ходить взад и вперед, так что мне надоел звук его шагов. Потом я слышала, как он бормотал что-то про себя; при каждом звонке он выбегал на лестницу и спрашивал: «Что это, миссис Гедсон?» А теперь он захлопнул за собой дверь, но я слышу, что он продолжает рассказывать по-прежнему. Надеюсь, он не захворает, сэр. Я попробовала было предложить ему охлаждающее лекарство, но он повернулся ко мне с таким взглядом, сэр, что я сама не знаю, как выбралась из комнаты.

– Мне кажется, вам нечего беспокоиться, миссис Гедеон, – ответил я. – Я видел его таким и прежде. У него есть что-то на душе.

Я старался легко отнестись к словам нашей достойной хозяйки, но сам испытывал немалое беспокойство в продолжение длинной ночи, когда слышал порой шум его шагов и думал, как его подвижная натура бесится от этой невольной задержки. За завтраком у него был усталый вид; на бледном лице горели лихорадочные пятна.

– Вы убиваете себя, друг мой, – заметил я. – Я слышал, как вы расхаживали ночью.

– Да, я не мог заснуть, – ответил он. – Это дьявольское дело сжигает меня. Обидно, что помешало такое ничтожное препятствие, когда все остальные устранены. Я знаю людей, баркас, все – и не могу получить известий о них. Я пустил в ход другие средства, других агентов. Обыскали оба берега реки, но нет никаких известий, и миссис Смит тоже ничего не знает о муже. Я приду к заключению, что они уничтожили экипаж судна. Но против этого можно привести возражения.

– Может быть, миссис Смит навела нас на ложный след?

– Нет, я не думаю этого. Я навел справки, и описанный ею баркас действительно существует.

– Не мог ли он подняться вверх по реке?

– Я предположил и эту возможность, и поиски будут произведены до самого Ричмонда. Если и сегодня не будет никаких известий, я сам отправлюсь завтра и буду искать виновных, а не лодку. Но мы наверно услышим что-нибудь о ней.

Однако мы ничего не услышали. Ни слова от Виджинса, ни от кого-либо из других агентов. В большинстве газет появились заметки о трагедии в Норвуде. Все они были неблагоприятны для несчастного Таддеуша Шольто, но в них не было никаких новых подробностей, за исключением того, что следствие должно быть продолжено на следующий день. Вечером я отправился в Кембервелль, чтобы сообщить дамам о неудаче поисков, и по возвращении застал Холмса в печальном и несколько угрюмом настроении. Он почти не отвечал на мои вопросы и целый вечер занимался каким-то химическим анализом, требовавшим постоянного нагревания реторт и дистиллировки паров, в конце чего в комнате распространился такой запах, что я чуть не ушел прочь. До самого утра я слышал звон его пробирок, говоривший мне, что он все еще занят своим зловонным опытом.

Рано на заре я внезапно проснулся и с удивлением увидел его, стоящим у моей кровати в грубой матросской одежде с красным шерстяным шарфом на шее.

– Я отправляюсь вниз по реке, Ватсон, – сказал он. – Я обдумал вопрос со всех сторон и вижу только один выход. Во всяком случае, его следует испробовать.

– Ведь я, конечно, могу поехать с вами? – спросил я.

– Нет, вы будете гораздо полезнее мне, если останетесь здесь как мой представитель. Я уйду из дома чрезвычайно неохотно, так как весьма вероятно, что днем может прийти какое-нибудь известие, хотя Виджинс отчаивался вчера вечером. Я хочу, чтобы вы вскрывали все письма и телеграммы, и действовали, как найдете нужным, в случае чего-нибудь нового. Могу я положиться на вас?

– Конечно.

– Боюсь, что вам нельзя будет телеграфировать мне, так как сам не знаю, где могу очутиться. Если посчастливится – скоро вернусь домой, но прежде надо добыть какие-нибудь известия.

К завтраку он не явился. Развернув «Standard», я нашел новую версию этого дела. «Относительно трагедии в Верхнем Норвуде, – гласила заметка, – мы имеем основание думать, что эта история является еще более сложной и таинственной, чем предполагали прежде. Новые данные показывают, что участие мистера Таддеуша в этом деле практически невозможно. Он и экономка, миссис Бернстон, оба выпущены из-под ареста вчера вечером. Есть вероятность, что полиция нашла след настоящих виновных; все следствие ведется мистером Этелни Джонсом из Скотланд-Ярда со свойственной ему энергией и проницательностью. Каждую минуту можно ожидать дальнейших арестов».

– Пока сведения удовлетворительные, – подумал я. – По крайней мере, Шольто в безопасности. Интересно знать, что это за новый след, хотя, кажется, это стереотипная форма выражений в тех случаях, когда полиция сделает ошибку.

Я бросил газету на стол, но в эту минуту взгляд мой упал на столбец объявлений о смерти.

Вот что прочел я:

«Исчезновение. Мардохей Смит, лодочник, и его сын отправились с пристани Смита в три часа или около трех часов утра в прошлый вторник на паровом баркасе «Аврора», черном с двумя красными полосами, с черной трубой с белой полосой. Сумма в пять фунтов будет выдана на пристани Смита или в доме № 22 на Бейкер-стрит всякому, могущему дать сведения о местонахождении вышеуказанного Мардохея Смита».

Очевидно, это было дело рук Холмса. Чтобы увериться в этом, достаточно было прочесть указанный адрес. Выдумка показалась мне довольно остроумной, так как беглецы, прочтя объявление, могли увидеть в них только вполне естественное беспокойство жены о пропавшем муже.

День тянулся очень долго. При каждом ударе в дверь, при звуке решительных шагов я думал, что вернулся Холмс, или что принесли ответ на его объявление. Я пробовал читать, но мысли мои постоянно возвращались к нашим странным поискам и к паре преследуемых нами негодяев. Неужели, с удивлением размышлял я, в рассуждении моего приятеля оказался какой-нибудь существенный недостаток? Неужели он является жертвой какого-нибудь громадного самообмана? Разве возможно, что его тонкий и изощренный ум построил всю эту безумную теорию на ошибочных предположениях? Я никогда не видел, чтобы он ошибался, но самый проницательный, рассудительный человек может иногда обмануться. Он мог, думал я, совершить ошибку вследствие слишком большой утонченности своей логики, мог предпочесть более тонкое и странное объяснение более простому и обыкновенному, которое было у него в руках. Но, с другой стороны, я сам видел данные и слышал основания его выводов. Когда я оглядывался на длинную цепь странных обстоятельств, мелочных самих по себе, но направленных в одну сторону, я не мог скрыть от себя, что если объяснение Холмса и неправильно, то действительность должна все же быть поразительной.

В три часа пополудни раздался громкий звонок, послышался повелительный голос и, к моему великому изумлению, никто иной, как мистер Этелни Джонс, вошел в комнату. Но он совершенно не походил на того резкого и властного проповедника здравого смысла, который

в Верхнем Норвуде так самоуверенно взялся за дело. Выражение его лица было уныло, вид кроток; казалось, он извинялся в чем-то.

– Добрый день, сэр, добрый день, – сказал он. – Я слышал, мистера Шерлока Холмса нет дома.

– Да, и я не знаю, когда он вернется. Но, может быть, вы потрудитесь подождать его? Присядьте и попробуйте эту сигару.

– Благодарю, я не прочь, – сказал он, отирая лицо красным шелковым платком.

– А виски с содовой?

– Пожалуй, полстакана. Очень жарко для теперешнего времени года, а у меня много тревог и хлопот. Вы знаете мою теорию насчет происшествий в Норвуде?

– Я помню, что вы высказывали свое мнение.

– Ну, мне пришлось изменить его. Я крепко затянул мою сеть вокруг мистера Шольто, как вдруг – бац – он ушел через дырочку в ней. Он представил неопровержимые доказательства, что он не был там в данное время. С того времени, как он вышел из комнаты брата, его постоянно видел то тот, то другой. Поэтому он не мог взобраться на крышу и проникнуть через дверь с чердака. Дело очень темное, и моя профессиональная честь сильно задета. Я был бы очень рад, если бы мне помогли немного.

– Мы все нуждаемся иногда в помощи, – сказал я.

– Ваш друг мистер Шерлок Холмс – удивительный человек, – сказал он хриплым и конфиденциальным тоном. – Это человек, которого не провести. Я много раз видел этого молодого человека в деле, и никогда мне не приходилось видеть, чтобы он не разобрался в нем. Метод у него неправильный, и он, может быть, слишком легко приходит к быстрым выводам, но, в общем, я думаю, что из него вышел бы отличный сыщик, и не скрываю своего мнения. Сегодня утром я получаю от него телеграмму, из которой я заключаю, что он напал на какие-то следы дела Шольто. Вот его послание.

Он вынул из кармана телеграмму и передал ее мне. Она была помечена двенадцатью часами. «Отправляйтесь немедленно на Бейкер-стрит, – стояло там. – Если я еще не вернусь – подождите. Я напал на след шайки Шольто. Вы можете быть с нами сегодня вечером, если желаете присутствовать при финале».

– Хорошие известия. Он, вероятно, нашел потерянный было след, – сказал я.

– А, значит, и он ошибался! – вскрикнул Джонс с очевидным удовольствием. – Даже лучшие из нас иногда заблуждаются. Конечно, это, может быть, напрасная тревога, но как служитель долга я должен не упускать ни малейшего шанса. Но кто это стоит за дверью? Может быть, это он?

На лестнице послышались тяжелые шаги. Кто-то сморкался и тяжело вздыхал. Раза два неизвестный останавливался, как будто ему трудно было взбираться по лестнице, наконец, он подошел к двери и вошел в комнату. Его наружность соответствовала слышанным нами звукам. Это был старик в одежде моряка, в гороховой куртке, застегнутой у горла. Спина у него была сторбленная, колени дрожали, дышал он с большим трудом. Он оперся на большую дубовую палку, и плечи его вздрагивали от усилий втянуть воздух в легкие. Вокруг шеи у него красовался красный шарф; на лице его я мог только разглядеть пару пронизательных серых глаз, над которыми нависли густые седые брови да длинные седые бакенбарды. В общем, он произвел на меня впечатление почтенного моряка, удрученного годами и бедностью.

– Что вам, мой милый? – спросил я.

Он оглянулся вокруг с методичной манерой пожилых людей.

– Здесь мистер Шерлок Холмс? – спросил он.

– Нет, его нет, но я заменяю его. Вы можете сказать мне все, что желаете передать ему.

– Я должен был сказать ему самому.

– Но, говорю же вам, я заменяю его. Это что-нибудь насчет лодки Мардохея Смита?

- Да. Я знаю, где она... И знаю, где люди, которых он ищет. Знаю, и где клад. Я знаю все.
- Ну, так скажите мне, а я передам ему.
- Я должен сказать ему самому, – повторил он со вспыльчивостью очень старого человека.
- Ну, так вам придется подождать его.
- Нет-нет, я вовсе не желаю потерять целый день ради кого бы то ни было. Если мистера Холмса нет здесь, то пусть уж он и делает все сам. Мне до вас нет никакого дела, и я не скажу вам ни слова.
- Он подошел было к двери, но Этелни Джонс загородил ему дорогу.
- Подождите немного, приятель, – сказал он. – У вас есть важные сведения, и вам нельзя уйти так. Волей или неволей мы не выпустим вас до возвращения нашего друга.

- Старик бросился к двери, но Этелни Джонс прислонился к ней своей широкой спиной, и старик понял, что противиться бесполезно.
- Славное обращение! – крикнул он, стуча палкой. – Я прихожу сюда повидаться с джентльменом, а двое неизвестных, которых я никогда не видел в жизни, накидываются на меня и обращаются со мной таким образом!
- Вы ничего не проиграете, – сказал я. – Мы вознаградим вас за потерянное время. Присядьте сюда на софу; вам недолго придется ждать.

Он подошел к креслу очень неохотно и сел, закрыв лицо руками. Мы с Джонсоном возобновили наш разговор и принялись за сигары. Внезапно мы услышали голос.

– Я думаю, вы могли бы предложить сигару и мне, – сказал он.

Мы оба привстали со стульев. Рядом с нами сидел Холмс и спокойно смотрел на нас, забавляясь нашим смущением.

– Холмс! – крикнул я. – А где же старик?

– Вот он, – сказал Холмс, протягивая мне кучу седых волос. – Вот он – парик, бакенбарды, брови и все остальное. Я предполагал, что переодевание мое удачно, но все же не ожидал такого успеха.

– Ах, вы тут! – с восторгом проговорил Джонс. – Из вас вышел бы актер – и чудесный. Вы кашляли, как старик из богадельни, а ваши слабые ноги стоят десять фунтов в неделю. Вот только блеск ваших глаз показался мне несколько знакомым. Видите, вам не так-то легко было провести нас.

– Я работал целый день в этом виде, – сказал Холмс, зажигая сигару. – Видите ли, многие из подонков общества начали узнавать меня – особенно с тех пор, как вот этот приятель стал описывать некоторые из моих дел, – так что мне приходится идти в бой в каком-нибудь одеянии вроде этого. Вы получили мою телеграмму?

– Да, потому-то я и явился сюда.

– Ну, как идет ваше дело?

– Кончилось ничем. Мне пришлось выпустить из-под ареста двух заключенных, а против двух других нет никаких улик.

– Не беда. Я дам вам двух других вместо них. Но вам придется отдать себя в мое распоряжение. Официально вся честь может принадлежать вам, но вы должны поступать по моим указаниям. Согласны?

– Вполне, если вы поможете мне найти преступников.

– Ну, хорошо. Во-первых, мне нужно полицейское судно – паровой баркас, который должен быть у Вестминстера в семь часов.

– Это легко исполнить. Там всегда бывает лодка; но, чтобы быть вполне спокойным, я могу перейти через дорогу и вызвать судно по телефону.

– Потом нужны двое сильных людей на случай сопротивления.

– Их будет двое или трое. Что еще?

– Когда мы схватим преступников, мы завладеем и кладом. Я думаю, что моему другу было бы приятно отвезти ящик той молодой барышне, которой он принадлежит по праву. Пусть она первая откроет его. Так, Ватсон?

– Не совсем правильный поступок, – сказал Джонс, покачивая головой. – Но и все дело вообще идет неправильно, а потому можно закрыть глаза и на это. Клад потом должен быть передан властям до официального следствия.

– Конечно, это легко устроить. Еще один пункт. Мне бы очень хотелось услышать некоторые подробности из уст самого Джонатана Смолля. Вы знаете, я люблю подробности. Ведь вы не можете ничего возразить против того, чтобы я имел неофициальное свидание с ним здесь или где-нибудь в другом месте, если над ним будет надзор?

– Ну, вы господин положения. У меня еще нет доказательств существования этого Джонатана Смолля. Но если вы сможете поймать его, я не вижу, как я могу отказать вам.

– Так, значит, решено?

– Да. Что еще?

– Только то, что я настаиваю на том, чтобы вы отобедали с нами. Обед будет готов через полчаса. У меня есть устрицы и пара тетеревов и недурное белое вино. Ватсон, вы никогда еще не признавали во мне достоинства хозяина!

Глава X. Конец островитянина

Обед наш вышел очень веселым. Холмс мог, когда хотел, говорить замечательно хорошо, и в этот вечер он охотно проявил свое умение. Он казался в состоянии нервной экзальтации. Никогда я не видал его таким блестящим. Он быстро переходил от одного предмета разговора к другому – мистерии, средневековая глиняная посуда, скрипки Страдивариуса, буддизм на Цейлоне, войны будущего – и обо всем говорил так, как будто специально изучал данный предмет. Его веселое настроение показывало, что в нем наступила реакция после черной меланхолии последних дней. Этелни Джонс вне службы оказался душой-человеком и относился к обеду как *bon vivant*. Что касается меня, то я был в восторге, что мы приближаемся к концу нашего расследования, и веселость Холмса заразительно подействовала на меня. Во время обеда никто из нас не упоминал о причине, заставившей нас собраться.

Когда сняли скатерть, Холмс взглянул на часы и наполнил три стакана портвейном.

– Выпьем за успех нашей экспедиции, – сказал он, – а потом пора и отправляться. Есть у вас пистолет, Ватсон?

– У меня в столе есть старый служебный револьвер.

– Так возьмите его. Лучше быть наготове. Я вижу кеб у подъезда. Я велел приехать за нами в половине седьмого.

Было немного позже половины седьмого, когда мы добрались до Вестминстерской пристани и нашли ожидавший нас баркас. Холмс оглядел его критическим взглядом.

– Нет ли чего-либо указывающего на то, что этот пароход принадлежит полиции?

– Есть, зеленый фонарь сбоку.

– Снимите его.

Маленькая перемена была сделана, и мы поднялись на борт; отдали концы. Джонс, Холмс и я сидели на корме. Один человек стоял у руля, другой у машины. Впереди стояли двое плотных полицейских.

– Куда? – спросил Джонс.

– К Тауэру. Скажите, чтобы остановились против «Jacobson's Yard».

Наше судно оказалось очень быстроходным. Мы пронеслись мимо длинного ряда барж. Холмс довольно улыбнулся, когда мы догнали речной пароход и перегнали его.

– Хорошо, если бы мы были в состоянии догнать всякое судно, как бы быстро оно ни шло.

– Ну, это едва ли. Но немного паровых баркасов, которые могли бы перегнать нас.

– Нам придется догонять «Аврору», а она известна быстротой своего хода. Я расскажу вам, в чем дело, Ватсон. Вы помните, как мне было досадно, что мне помешал пустяк?

– Да.

– Ну, я дал полный отдых уму и погрузился в химический анализ. Один из наших самых великих государственных людей сказал, что перемена работы – лучший отдых. И это так. После того, как мне удалось растворить углеводород, я опять вернулся к делу Шольто и обдумал все снова. Мои мальчики безуспешно обыскали всю реку сверху донизу. Баркас не останавливался ни у какой пристани и не возвращался назад. Однако не могли его похитить для того, чтобы скрыть следы, хотя все же эта гипотеза оставалась вероятной в случае, если бы все другие оказались неверными. Я знал, что этот Смолль обладает известной долей неизменной хитрости, но я не считал его способным к утонченному расчету. Это обыкновенно является продуктом более высокого образования. Затем я подумал, что так как он, очевидно, пробыл некоторое время в Лондоне, – у нас есть данные, что он постоянно наблюдал за Пондишерри-Лодж, – то не мог уехать внезапно. Потребовался бы, по крайней мере, один день, чтобы устроить дела. Во всяком случае, на это были основания.

– По-моему, очень слабые, – сказал я, – вернее, что он устроил свои дела, прежде чем отправился на похождения.

– Нет, не думаю. Его берлога была слишком драгоценным убежищем в случае нужды для того, чтобы он отказался от нее без крайней необходимости. Но затем мне пришло на ум другое соображение: Джонатан Смоль должен был чувствовать, что странная наружность его товарища, как бы он ни одевал и не укутывал его, возбудит разговоры и может быть связана с трагедией в Норвуде. Он достаточно смыслен, чтобы понять это. Они отправились из своей

главной квартиры под покровом ночи, и он хотел вернуться назад до тех пор, пока не станет совсем светло. По словам миссис Смит, было около трех, когда они добыли баркас. Значит, было уже совсем светло и скоро должны были проснуться люди. Поэтому, рассуждал я, они не уехали очень далеко. Они хорошо заплатили Смиту за то, чтобы он молчал, приберегли баркас для последнего бегства и поспешили с ящиком к себе на квартиру. Дня через два, когда они увидели бы, какого мнения держатся газеты и падает ли на них какое-нибудь подозрение, они пробрались бы ночью в Грэвзэнд или какое-нибудь иное место, где взяли бы себе на корабле место для проезда в Америку или в колонии.

– А баркас? Не могли же они взять его К себе на квартиру?

– Совершенно верно. Я рассудил, что он не может быть далеко, несмотря на то, что он невидим. Тогда я поставил себя на место Смолля и взглянул на дело с точки зрения человека его способностей. Он, наверно, рассчитал, что послать баркас назад или держать его у какой-нибудь пристани – значит облегчить поиски полиции, если она случайно нападет на его след. Как же ему скрыть баркас и в то же время держать его наготове? Я подумал, что бы я сделал, если бы был на его месте. Был только один выход. Я мог бы отдать баркас в мелкий ремонт какому-нибудь судостроителю и приказать сделать ничтожные поправки. Таким образом, баркас взяли бы в сарай или во двор и он был бы спрятан, а вместе с тем я мог получить его обратно через несколько часов.

– Это довольно просто.

– А между тем, чрезвычайно легко проглядеть подобного рода простые вещи. Но я решился действовать на основании пришедшей мне в голову мысли. Я отправился в лодке ничего не подозревавшего моряка и осведомлялся во всех мастерских по реке. В пятнадцати я осведомлялся безуспешно, но в шестнадцатой – Джейкобсона – узнал, что «Аврора» была передана два дня тому назад человеком на деревянной ноге для каких-то пустяковых исправлений руля. «Руль у него совсем в порядке, – сказал приказчик. – Вот там он лежит, тот, что с красными полосами». В этот момент я увидел – кого бы вы думали – самого Мардохея Смита, пропавшего владельца баркаса. Он был сильно навеселе. Конечно, я не знал бы, кто он, если бы он не прогремел своего имени и названия баркаса. «Мне он нужен сегодня вечером в восемь часов, – сказал он, – ровно в восемь часов, заметьте, потому что со мной два джентльмена, которые не станут ждать». Вероятно, ему хорошо заплатили, потому что у него было много денег, и он швырял шиллинги рабочим. Некоторое время я шел следом за ним, но затем он засел в пивной; тогда я вернулся к складу и, встретив случайно одного из моих мальчиков, поставил его сторожить баркас. Он должен стоять у самой воды и махнуть платком, когда они отправятся в путь. Мы будем поджидать на реке, и будет уже совсем странно, если мы не захватим и людей, и клад.

– Вы составили очень хороший план, все равно, те ли эти люди или нет, – сказал Джонс, – но если бы дело было в моих руках, я послал бы полицейский отряд к складу Джейкобсона и арестовал бы их при появлении там.

– Чего вы никогда бы не дождались. Этот Смолль довольно-таки смысленный парень. Он выслал бы вперед шпиона и в случае чего притаился бы еще на неделю.

– Но вы могли бы выследить Мардохея Смита и таким образом добраться до их убежища.

– Тогда я напрасно потерял бы день. Я готов поставить сто против одного, что Смит не знает, где они живут. Пока у него есть водка, пока ему хорошо платят, зачем ему задавать вопросы? Они присылают приказания. Нет, я обдумал все и решил, что это самый лучший путь.

Во время этого разговора мы миновали уже ряд мостов, перекинутых через Темзу. Когда мы проходили мимо Сити, последние лучи солнца золотили крест на куполе собора святого Павла. Были уже сумерки, когда мы добрались до Тауэра.

– Вот и склад Джейкобсона, – сказал Холмс, показывая на целый лес мачт и снастей в стороне Сержея. – Подойдите тихонько под прикрытием грузовых судов. – Он вынул из кар-

мана ночной бинокль и некоторое время смотрел на берег. – Я вижу моего часового на посту, – заметил он, – но платка и сигнала нет.

– Что, если бы мы спустились немного вниз по реке и подождали их там? – торопливо проговорил Джонс.

Мы все были взволнованы, даже полицейские и кочегары, которые мало представляли, что происходило перед ними.

– Нельзя ни на что рассчитывать вполне, – ответил Холмс. – Можно держать пари десять против одного, что они спустятся вниз по течению, но нельзя быть уверенными в этом. Отсюда нам виден вход на склад, а им едва ли видно нас. Ночь будет светлая. Мы должны остаться здесь. Посмотрите, сколько народу выходит оттуда при свете газовых рожков.

– Они идут с работы в складе.

– Грязные с виду молодцы; но, думаю, в каждом из них таится хоть маленькая небесная искра. А нельзя этого подумать, смотря на них. Человек – странная загадка!

– Некоторые называют его душой, скрытой в животном, – заметил я.

– Хорошо сказано у Винвуда Рида, – сказал Холмс. – Он замечает, что если индивидуум представляет собой неразрешимую загадку, то в общем он становится математической аксиомой. Например, никогда нельзя предсказать, что сделает один какой-нибудь человек, но можно с точностью сказать, что сделает неизвестное число людей. Индивидуумы изменяются, но процент остается неизменным. Так говорит статистика. Но не платок ли это? Я вижу что-то белое, колышющееся в воздухе.

– Да, это мальчик! – крикнул я. – Я ясно вижу его.

– А вот и «Аврора»! – также крикнул Холмс. – И несется, как черт! Полным ходом, машинист! Догоняйте баркас с желтым фонарем. Праведное небо! Никогда не прощу себе, если он уйдет от нас!

Баркас незаметно проскользнул от берега и прошел за двумя или тремя маленькими судами так, что уже шел полным ходом, когда мы увидели его. Теперь он летел с поразительной быстротой вниз по реке, вдоль берега.

Джонс серьезно посмотрел вслед баркасу и покачал головой.

– Он идет очень быстро, – сказал он. – Сомневаюсь, чтобы нам удалось догнать его.

– Мы должны догнать! – крикнул Холмс сквозь сжатые губы. – Прибавьте угля, кочегары. Дайте полный ход! Мы должны поймать их, хотя бы для того пришлось сжечь баркас!

Мы полетели вслед за баркасом. Пар со свистом вырывался из парового котла; могучие машины гремели, словно большое металлическое сердце. Острый крутой нос разрезал тихую речную воду и оставлял после себя две катящиеся направо и налево волны. С каждым порывом машин баркас подпрыгивал и трепетал, как живой. Большой желтый фонарь на носу бросал длинную полосу света. Прямо перед нами темное пятно на воде указывало на местонахождение «Авроры», а белая пена, крутившаяся за ней, говорила о скорости ее хода.

Мы летели мимо барж, пароходов, коммерческих судов то огляывая их, то проходя мимо. Чьи-то голоса окликали нас в темноте; «Аврора» все продолжала лететь, а мы следом за ней.

– Прибавьте угля, прибавьте! – кричал Холмс, смотря вниз в машинное отделение; яркое пламя освещало снизу полные тревоги орлиные черты его лица. – Разводите все пары!

– Кажется, мы немного приблизились, – сказал Джонс, не отрывая глаз от «Авроры».

– Я уверен, что мы догоним ее через несколько минут, – сказал я.

Но как раз в эту минуту волею злого рока между нами очутился буксирный пароход, тянувший за собой три баржи. Только благодаря тому, что рулевой налег на руль, нам удалось обойти его, а когда мы снова пустились в путь, «Аврора» уже обогнала нас на добрых двести ярдов. Однако она еще хорошо была видна нам, а неясные сумерки перешли в светлую звездную ночь. Наши паровые котлы работали на пределе, и хрупкая посуда дрожала и трещала от страшной силы, уносившей нас вперед. Мы пронесли мимо «вест-индских

доков» и все продолжали лететь вперед. Темное пятно впереди теперь превратилось в изящную «Аврору». Джонс направил на нее свет нашего фонаря, так что мы ясно могли различить фигуры на палубе. На корме сидел человек, наклонившийся над каким-то черным предметом, находившимся между его ног. Рядом с ним лежала черная масса, похожая на ньюфаундлендскую собаку. Мальчик держал румпель, и при красном пламени печки я ясно разглядел старого Смита, обнаженного до пояса и яростно подбрасывавшего угли.

Сначала они, может быть, сомневались, преследуем ли мы их, но теперь, когда мы следовали за ними по пятам, у них не могло остаться никакого сомнения. У Гринвича мы отставали от них на триста футов. В Блэкуэлле расстояние между нами было не более двухсот пятидесяти. Мне приходилось преследовать различную дичь в различных странах, но ни в каком спорте не испытывал я такого дикого волнения, как в этой безумной охоте за людьми на Темзе. Упорно, ярд за ярдом, приближались мы к «Авроре». В тиши ночи нам слышно было, как дрожала и трещала ее машина. Человек на корме, по-прежнему скорчившись, сидел на палубе и руки его двигались, как будто он был занят каким-то делом; временами он подымал глаза и как бы измерял взглядом разделявшее нас пространство. Мы приближались все больше и больше, и Джонс крикнул, чтобы они остановились. Мы были уже недалеко, и оба судна летели с ужасающей быстротой по чистому водному пространству.

При нашем оклике человек на корме вскочил на ноги и, потрясая кулаками, стал осыпать нас проклятиями высоким, надтреснутым голосом. Это был человек высокого роста, могучего сложения. Он стоял, широко раздвинув ноги, и я увидел, что правая его нога была из дерева от самого бедра. При звуке его пронзительного, сердитого голоса находившаяся на палубе куча зашевелилась. Она выпрямилась и оказалась человеком – самым маленьким из когда-либо виденных мною – с большой, уродливой головой и с массой спутанных, растрепанных волос. Холмс уже вынул револьвер, и я также приготовил свой при виде этого безобразного дикаря. Он был завернут в какой-то темный плащ или одеяло так, что на виду оставалось только одно лицо; но лица этого было достаточно, чтобы заставить человека провести бессонную ночь. Никогда не приходилось мне видеть такого злого и жестокого лица. Его маленькие глаза горели мрачным огнем, а толстые губы оттопыривались над зубами, которые дрожали от полуживотного бешенства.

– Стреляйте, если он подымет руку, – спокойно проговорил Холмс.

В это время мы были уже совсем близко от нашей цели. Я как теперь вижу этих двух людей – белого с широко расставленными ногами, посылающего нам проклятия, и безобразного карлика с отвратительным лицом, скрежещущего крепкими желтыми зубами при виде нас и освещенного нашим фонарем.

Хорошо, что мы так ясно видели его. В то время, как мы смотрели на него, он вдруг выхватил из-под своего одеяния короткий, круглый кусок дерева, похожий на линейку, и приложил его к губам. Мы выстрелили одновременно. Он повернулся, всплеснул руками и со звуком, похожим на удушливый кашель, упал в реку. Я поймал ядовитый, угрожающий взгляд его глаз среди белой пены воды. В то же мгновение белый налег так сильно на руль, что судно его направилось прямо к южному берегу, а мы пронеслись мимо его кормы в нескольких футах от него. Мы сейчас же повернули обратно, но «Аврора» была уже близко от берега. Местность была дикая и пустынная; луна освещала громадное болотистое пространство, с лужами стоячей воды и залежами гниющей растительности. Баркас с глухим шумом взлетел на грязный берег с высунувшимся носом и с кормой, наполнившейся водой. Беглец выскочил из судна, но его деревяшка сейчас же увязла во всю длину в илистой почве. Напрасно он боролся и извивался – он не в состоянии был сделать ни шагу ни взад, ни вперед. Он ревел от бешенства и яростно стучал по грязи другой ногой, но от этого усилия сосновая деревяшка только глубже уходила в болото. Когда мы подвели к нему баркас, незнакомец так глубоко ушел в ил и тину, что только набросив ему на плечи веревочную петлю, нам удалось вытащить его на берег, как какую-нибудь зловредную рыбу. Оба Смита, отец и сын, сидели, насупившись, на баркасе, но покорно перешли к нам, когда это было приказано им. «Аврору» мы взяли на буксир и привязали к корме нашего баркаса. На палубе стоял солидный железный ящик индийской работы. Несомненно, в нем хранился злополучный клад Шольто. Ящик был достаточно тяжел, и мы бережно перенесли его в нашу маленькую каюту. Мы стали медленно подыматься вверх по реке, наводя фонарь во все стороны, но дикаря и следа не было. Где-то там, в темной тине, на дне Темзы, лежат кости этого странного гостя наших берегов.

– Взгляните сюда, – сказал Холмс, указывая на деревянный решетчатый люк. – Мы еле поспели с нашими пистолетами. – Действительно, как раз за нами торчала одна из хорошо знакомых нам убийственных стрел. Должно быть, она пролетела между нами в ту минуту, как мы выстрелили. Холмс улыбнулся и равнодушно пожал плечами, но, сознаюсь, у меня замерло сердце при мысли об ужасной смерти, прошедшей так близко от нас.

Глава XI. Клад в Агре

Наш пленник сидел у нас в каюте напротив железного ящика, которого он так добивался, и ради которого так много сделал. Это был загорелый малый с беспокойными глазами с целой сетью линий и морщин на темном лице, говорившем о тяжелой жизни на открытом воздухе. Его заросший подбородок резко выдавался вперед, указывая, что этого человека нелегко заставить отказаться от раз принятого намерения. Ему могло быть около пятидесяти лет, так как в густых черных волосах виднелась сильная седина. Лицо в спокойном состоянии было скорее приятно, но в гневе нахмуренные брови и упрямый подбородок придавали ему, как мне уже довелось видеть, страшное выражение. Теперь он сидел с закованными в кандалы руками, с опущенной на грудь головой, смотря своими зоркими блестящими глазами на ящик – цель и объяснение всех его желаний и действий. Мне казалось, что на его суровом, сдержанном лице выражалась скорее печаль, чем гнев. Один раз он взглянул на меня, и что-то вроде иронии мелькнуло в его взгляде.

– Ну, Джонатан Смолль, – сказал Холмс, закуривая сигару, – сожалею, что дело дошло до этого.

– И я так же, сэр, – откровенно ответил он. – Не думаю, чтобы мне удалось выпутаться. Клянусь Библией, я не поднимал руки на мистера Шольто. Этот маленький адский пес Тонга бросил в него одну из своих проклятых стрел. Я не принимал никакого участия, сэр. Мне было жаль его, как родного. Я ударил чертенка веревкой, но дело было сделано, я ничего не мог поделать.

– Возьмите сигару, – сказал Холмс, – и выпейте-ка глоток из моей фляжки, так как вы очень промокли. Как могли вы ожидать, что такой слабый, маленький черный человечек может держать мистера Шольто, пока вы спускались по веревке!

– Вы знаете все, как будто сами были там, сэр. Правду сказать, я надеялся, что в комнате никого не будет. Я знал довольно хорошо обычаи дома, а в это время мистер Шольто обыкновенно отправлялся ужинать вниз. Я не стану делать тайны из этого дела. Лучшей защитой для меня будет чистая правда. Будь это старый майор, я пошел бы с легким сердцем на виселицу. Я так же задумался бы убить ножом, как выкурить эту сигару. Но чертовски тяжело, что придется болтаться из-за молодого Шольто, с которым у меня не было никакой ссоры.

– Вы находитесь под надзором мистера Этелни Джонса из Скотланд-Ярда. Он привезет вас ко мне на квартиру, и я попрошу вас рассказать всю правду, и тогда я надеюсь, что могу быть полезным вам. Мне кажется, я могу доказать, что этот яд действует так быстро, что покойный умер прежде, чем вы добрались до комнаты.

– Это правда, сэр. Никогда в жизни я не пугался так, как когда влез в окно и увидел его улыбающимся мне, опустив голову на плечо. Это страшно потрясло меня. Я чуть не убил Тонгу, да и убил бы, если б он не увернулся. Потому что он, по его словам, оставил дубину и несколько стрел, которые, вероятно, и помогли вам напасть на наш след, хотя я не понимаю, как вам удалось поймать нас. Я не чувствую злобы против вас. Но, право же, странно, – прибавил он с горькой улыбкой, – что я, имеющий полное право на полмиллиона, должен был провести

одну половину жизни, строя волнорез на Андаманских островах, и другую, роя канавы для осушения почвы в Дартморе. Дурной был тот день, когда я в первый раз увидел купца Ахмета и узнал о кладе в Агре, который всегда приносил с собой проклятие своему владельцу. Ему он принес смерть, майору Шольто страх и угрызения совести, мне – рабство на всю жизнь.

В эту минуту Этелни Джонс просунул голову и плечи в крошечную каюту.

– Чисто семейное собрание, – заметил он. – Я думаю, не выпить ли глоток из этой фляжки, Холмс? Ну, я полагаю, мы можем взаимно поздравить друг друга. Жаль, что мы не взяли живьем того молодца, хотя нечего было делать. Нам еле удалось догнать их.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – сказал Холмс. – Но, конечно, я не знал, что у «Авроры» такой хороший ход.

– Смит говорит, что она – одно из самых быстроходных судов на реке, и что если бы у него был помощник, нам бы не догнать ее, – пояснил Этелни Джонс. – Он клянется, что ничего не знал о деле в Норвуде.

– Да, не знал! – крикнул наш пленник. – Я выбрал его баркас, потому что знал, что у него самый быстрый ход. Мы ничего не говорили ему, а только хорошо платили и обещали еще больше, если доберемся до нашего корабля «Эсмеральда», в Гревзэнде, отправляющегося в Бразилию.

– Ну, если он ничего не сделал дурного, то мы позаботимся, чтобы и с ним не произошло ничего дурного. Хотя мы быстро ловим, кого следует, но не торопимся осуждать.

Смешно было видеть, как самонадеянный Джонс напустил на себя важность по случаю поимки преступника. По легкой улыбке на лице Шерлока Холмса я увидел, что он не пропустил мимо ушей слов полицейского.

– Мы сейчас будем у Вокзального моста, – сказал Джонс, – и высадим вас вместе с кладом, доктор Ватсон. Нечего вам говорить, что я беру на себя большую ответственность. Это не вполне правильно, но договор есть договор. Однако я должен, по долгу службы, послать с вами полицейского, так как у вас такая драгоценная поклажа. Вы, конечно, поедете в кебе?

– Да.

– Как жаль, что нет ключа. Вам придется взломать ящик. Где ключ, мой милый?

– На дне реки, – кратко проговорил Смолль.

– Гм! Напрасно вы это сделали. И так у нас достаточно дела благодаря вам. Однако, доктор, я думаю, нечего предупреждать вас, чтобы вы были осторожны. Привезите ящик обратно на Бейкер-стрит. Вы найдете нас по дороге на станцию.

Меня высадили у вокзала, вместе с тяжелым железным ящиком и с толстым, добродушным полицейским инспектором.

Через четверть часа мы были у миссис Сесиль Форрестер. Служанка, казалось, удивилась такому позднему посетителю. Миссис Форрестер уехала в гости, объяснила она мне, и, вероятно, вернется очень поздно. Но мисс Морстэн была в гостиной, и потому я отправился в гостиную с ящиком в руках, оставив любезного инспектора в кебе.

Она сидела у открытого окна в платье из белой прозрачной материи с красной отделкой у ворота, рукавов и у пояса. Мягкий свет от лампы под абажуром падал на откинувшуюся в кресле фигуру, играл на ее милом, серьезном лице и окрашивал тусклым металлическим светом пряди густых волос. Одна белая рука безжизненно упала с кресла, и вся ее поза и фигура были полны меланхолии. При звуке моих шагов она вскочила с кресла, и яркий румянец удовольствия и удивления залил ее бледные щеки.

– Я слышала, как подъехал кеб, – сказала она, – и подумала, что, может быть, миссис Форрестер вернулась так рано, но никак не воображала, что это вы. Какие новости привезли вы мне?

– Я привез вам нечто лучшее, чем новости, – сказал я, ставя на стол ящик и говоря весело и громко, хотя на сердце у меня было тяжело. – Я привез вам нечто, стоящее всех новостей в мире. Я привез вам богатство.

Она взглянула на железный ящик.

– Это и есть клад? – спросила она довольно хладнокровно.

– Да, великий клад Агры. Половина его принадлежит вам, другая Таддеушу Шольто. Обоим вам придется на долю по двести тысяч! Подумать только! Годовой доход в десять тысяч фунтов. Мало найдется в Англии более богатых людей. Ну, не чудно ли это?

Я думаю, что я переиграл, и что она подметила неискренность моего восторга и поздравления, так как заметил, что она немного приподняла брови и странно посмотрела на меня.

– Если я получила богатство, то обязана этим вам, – сказала она.

– Нет-нет, – ответил я, – не мне, а моему другу Шерлоку Холмсу. При всем добром желании я не мог бы разрешить загадки, трудной даже для его аналитического ума. И то, одно время мы чуть было не потеряли след.

– Пожалуйста, сядьте и расскажите мне все, доктор Ватсон, – проговорила она.

Кратко я рассказал ей все, что произошло с тех пор, как я видел ее в последний раз: оригинальный метод Холмса, находку «Авроры», появление Этелни Джонса, нашу вечернюю экспедицию и дику охоту на Темзе. Она слушала мой рассказ с горевшими глазами и полуоткрытым ртом. Когда я говорил о стреле, пролетевшей так близко от нас, мисс Морстэн так побледнела, что я испугался, что она упадет в обморок.

– Это ничего, – сказала она, когда я поспешно налил ей воды в стакан. – Прошло. Мне тяжело было услышать, что я подвергала моих друзей такой опасности.

– Дело прошлое, – ответил я. – Я не буду больше рассказывать вам мрачных подробностей. Обратимся к более приятному, светлому. Вот клад. Что может быть приятнее? Я выпросил позволение привезти его с собой, думая, что вам будет интересно первой взглянуть на него.

– Какой хорошенький ящик! – сказала она, наклонясь над ним. – Это, вероятно, индийская работа?

– Да, работа бенаресского мастера.

– А какой тяжелый! – вскрикнула она, пробуя поднять ящик. – Ящик сам по себе, должно быть, имеет значительную ценность. Где ключ?

– Смольь бросил его в Темзу, – ответил я. – Придется взять кочергу миссис Форрестер.

В передней части ящика была задвижка в виде изображения сидящего Будды. Я всунул под нее кочергу и поднял ее как рычагом. Задвижка открылась с шумом. Дрожащими пальцами я откинул крышку, и оба мы замерли от удивления. Ящик был пуст!

Нисколько не удивительно, что он был так тяжел. Внутри он был обложен железом на две трети дюйма. Ящик был массивный, основательно и прочно сделанный, каким и должен быть ящик для перевозки дорогих вещей, но внутри не было и признака золота или драгоценностей. Он был пуст.

– Драгоценности пропали, – спокойно сказала мисс Морстэн.

Словно камень упал у меня с души, когда я выслушал эти слова и понял их значение. Я и не подозревал, как меня угнетал этот клад из Агры. Без сомнения, это было эгоистичное, нехорошее чувство, но я сознавал только, что золотая преграда между нами пала.

– Слава Богу! – от всей души произнес я.

Она взглянула на меня с мимолетной, вопросительной улыбкой.

– Почему вы говорите это?

– Потому что теперь вы стали доступной для меня, – сказал я, беря ее за руку, которой она не отняла. – Потому что я люблю вас, Мэри, так сильно, как когда-либо любил мужчина. Потому что этот клад, это богатство налагало печать молчания на мои уста. Теперь, когда все это пропало, я могу сказать, как я люблю вас. Поэтому-то я и сказал: слава Богу!

– И я говорю: слава Богу, – прошептала она, когда я обнял ее.
Кто бы там ни потерял клад, но я знаю, что в этот вечер я нашел свое сокровище.

Глава XII. Странная история Джонатана Смолля

Очень терпелив был полицейский, сидевший в кебе, так как прошло много времени, прежде чем я вернулся к нему. Лицо его затуманилось, когда я показал ему пустой ящик.

– Вот те и награда! – мрачно проговорил он. – Нет денег – нет и платы. За сегодняшнее дело мы с Сэмом Броуном получили бы по десяти фунтов, если бы тут оказался клад.

– Мистер Таддеуш Шольто богатый человек, – сказал я, – он, во всяком случае, отблагодарит вас.

Но инспектор уныло покачал головой.

– Плохое дело, – повторил он, – и мистер Этелни Джонс будет того же мнения.

Его предположения оказались справедливыми: сыщик стал очень мрачен, когда, добравшись до Бейкер-стрит, я показал ему пустой ящик. Холмс, арестант и Этелни Джонс только что приехали, так как по дороге заезжали в участок. Мой приятель сидел в кресле с обычным рассеянным видом, а Смолль сидел против него, положив деревянную ногу на здоровую. Когда я показал пустой ящик, он откинулся на спинку кресла и громко расхохотался.

– Это дело ваших рук, Смолль, – сердито проговорил Этелни Джонс.

– Да, я спрятал клад туда, откуда вам его никогда не добыть, – с торжеством воскликнул он. – Это мой клад, и я позабочусь, черт возьми, чтобы он никому не достался! Говорю вам, никто не имеет права на него, кроме трех людей, живущих в казармах для ссыльных на Андаманских островах, да меня. Я знаю теперь, что ни я, ни они не могут воспользоваться этим кладом. Я хлопотал столько же за них, сколько за себя. «Знак четырех» был нашим общим девизом. Ну, я знаю, что и они сделали бы то же самое, и также скорее бросили бы драгоценности в Темзу, чем отдали бы их родным и близким Шольто или Морстэна. Ведь мы работали для Ахмета, а не для того, чтобы обогатить их. Вы найдете клад там же, где находится ключ и маленький Тонга. Когда я увидел, что вы догоняете нас, я спрятал его в безопасное место. Вам не получить на этот раз рупий.

– Вы обманываете нас, Смолль, – строго сказал Этелни Джонс. – Если вы желали бросить клад в Темзу, то вам легче было бы выбросить его вместе с ящиком.

– Мне было бы легче выбросить, а вам найти, – ответил он, искоса взглянув на нас хитрым взглядом. – Человек, у которого хватило ума выследить и поймать меня, сумел бы и вытащить из реки железный ящик. Ну, а теперь, когда драгоценности рассеяны миль на пять, это будет потруднее. Хотя тяжело мне было сделать такую штуку. Я чуть с ума не сошел, когда вы догнали нас. Однако не стоит убиваться. Мало ли что случалось со мной в жизни, но зато я научился, сняв голову, по волосам не плакать.

– Дело очень серьезное, Смолль, – заметил сыщик. – Если бы вы, вместо того, чтобы мешать правосудию, помогли ему, ваше положение было бы лучше, когда начнется процесс.

– Правосудие! – с насмешкой проговорил бывший каторжник. – Славное правосудие! Чей был клад, как не наш? В чем было бы правосудие, если бы я отдал его тем, кто не добывал его? Послушайте, сколько я сил отдал, чтобы добыть его. Двадцать лет в болоте, гнезде лихорадок, целый день в работе под манговым деревом, всю ночь в цепях в грязных хижинах каторжников, пожираемый москитами, дрожащий от лихорадки, оскорбляемый каждым проклятым черномазым полицейским, всегда готовым покуражиться над белым! Вот как я добывал клад Агры, а вы толкуете мне о правосудии, суде! Я не могу вынести мысли, что я заплатил такой ценой за то, чем может воспользоваться другой. Я предпочел бы скорей качаться на виселице или получить одну из стрел Тонги, чем жить в камере каторжника и чувствовать, что другой спокойно живет во дворце, распоряжаясь деньгами, которые должны были принадлежать мне.

Смолль сбросил маску стоицизма, и слова вырывались у него бешеным вихрем, тогда как глаза его горели, а кандалы звенели при страстных движениях его рук. При виде его ярости

и пылкого возбуждения я понял, что ужас майора Шольто, когда он узнал, что обманутый им каторжник напал на его след, имел вполне естественное основание.

– Вы забываете, что мы ничего не знаем, – спокойно проговорил Холмс. – Мы не слышали вашей истории и не можем знать, насколько правосудие могло быть на вашей стороне.

– Ну, сэр, вы ласково разговариваете со мной, хотя я и вижу, что именно вам я обязан этими наручниками. Но я не сержусь на вас. Дело сделано начистоту. Если вы желаете выслушать мою историю, я не имею причины умалчивать о ней. То, что я расскажу вам, – чистая правда, до единого слова... Благодарю вас, вы можете поставить стакан рядом со мной и я буду отхлебывать из него, если пересохнут губы.

Я сам из Ворчестера; родился вблизи Першора. Я думаю, и теперь, если заглянуть туда, там найдется куча Смоллей. Я часто думал побывать там, на родине, но дело в том, что я делаю мало чести нашему имени и сомневаюсь, чтобы родные очень обрадовались при виде меня. Все они были богобоязненные люди, мелкие фермеры, хорошо известные и уважаемые во всей округе, а я всегда был немного бродягой. Наконец, когда мне перевалило за восемнадцать, я перестал беспокоить их, так как попал в историю с одной девушкой, и мне осталось только пойти в солдаты и поступить в 3-й пехотный полк, отправлявшийся в Индию.

Однако мне недолго пришлось пробывать в солдатах. Я только научился маршировать и управляться с мушкетом, как возымел глупость поплавать в Ганге. К счастью для меня, сержант моего полка, Джон Хольдер, был в это время в воде, а он считался одним из лучших пловцов на службе. На самой середине реки на меня бросился крокодил и отнял мою правую ногу как раз над коленом так чисто, словно хирург. От испуга и потери крови я потерял сознание и утонул бы, если бы Хольдер не подхватил меня и не доплыл со мной до берега. Я пробыл в госпитале пять месяцев, и когда, наконец, вышел с этой деревяшкой, привязанной к обрубку ноги, то очутился в отставке и негодным ни к какой деятельности.

Вы легко можете представить себе мое положение: стать бесполезным калекой на двадцатом году! Но вскоре оказалось, что мое несчастье принесло мне счастье. Некто Авель Уайт, имевший плантации индиго, нуждался в надсмотрщике над своими рабочими. Случайно он оказался другом нашего полковника, который принял во мне участие. Короче говоря, полковник дал мне хорошую рекомендацию, а так как приходилось больше ездить верхом, то моя деревянная нога не служила препятствием, потому что я все же мог держаться в седле. Дело мое состояло в том, чтобы объезжать плантацию, смотреть за работниками и докладывать о лентях. Плата была хорошая, у меня было удобное помещение, и я готов был бы провести всю свою жизнь за разведением индиго. Мистер Авель Уайт был добрый человек и часто заходил в мою хижину, чтобы выкурить трубку. На чужбине белые люди относятся друг к другу дружелюбнее, чем дома.

Но и тут недолго везло мне. Внезапно, как гром среди ясного неба, разразился сильный мятеж. За месяц до этого Индия казалась спокойной и мирной, но вдруг в ней оказалось две-сти тысяч черных дьяволов, выпущенных на волю, и страна превратилась в настоящий ад. Вы, конечно, знаете все это, господа, вероятно, гораздо больше меня, потому что чтение не моего ума дело. Я знаю только то, что видел собственными глазами. Наша плантация находилась в местности, называемой Муттра, вблизи границы северо-западных провинций. Ночь за ночью все небо освещалось заревом горевших бунгалов, и день за днем через наше имение проходили маленькие кучки европейцев с женами и детьми на пути в Агру, где находились ближайшие войска. Мистер Авель Уайт был упрямый человек. Он решил, что вся эта история преувеличена и пройдет так же быстро, как и возникла. Он сидел себе на веранде, потягивая виски и покуривая трубку, когда вся страна кипела вокруг. Конечно, мы стояли за него, я и Доусон, который вел книги Уайта, а жена его управляла домом. Ну, в одно прекрасное утро нас постиг страшный удар. Я был на отдаленной плантации и вечером медленно возвращался домой, как вдруг взор мой упал на какую-то кучу на крутом пригорке. Я подъехал посмотреть, что это,

и помертвел от ужаса, когда увидел жену Доусона, разрезанную на куски и полусъеденную шакалами и собаками. Немного дальше на дороге лежал сам Доусон, мертвый, с разряженным револьвером в руке, а перед ним лежали четыре сипая. Я остановил лошадь, раздумывая, куда мне ехать, но в это мгновение я заметил густой дым, поднимавшийся из бунгало Авеля Уайта, и пламя, пробивавшееся сквозь крышу. Я знал, что не мог ничем помочь моему хозяину, и только погубил бы собственную жизнь, вмешиваясь в это дело. Оттуда, где я стоял, мне были видны сотни черных дьяволов, еще облаченных в красные мундиры. Они с воем плясали вокруг горящего дома. Некоторые из них указали на меня, и пара пуль просвистела над моей головой. Я поскакал по полям и ночью очутился в безопасности в стенах Агры.

Но, как оказалось, и здесь не было полной безопасности. Вся страна походила на рой пчел. Где только англичане могли собраться в маленькие отряды, они удерживали за собой местность, доступную обстрелу с их стороны. В других же местах они оказывались беспомощными беглецами. То была битва миллионов против сотен; и самое жестокое во всем было то, что те, с кем нам приходилось сражаться – пехота, конница, артиллерия – были наши собственные войска, обученные нами, употреблявшие в дело наши орудия и наши сигналы. В Агре был 3-й Бенгальский стрелковый полк, несколько отрядов сейков, два конных отряда и одна артиллерийская батарея. Волонтеры из клерков и купцов образовали отдельный полк, в который поступил и я, несмотря на мою деревянную ногу. Мы сделали вылазку против мятежников в начале июля, и некоторое время удерживали их напор, но порох у нас вышел, и нам пришлось вернуться в город.

Со всех сторон приходили самые плохие вести – да этому нечего было и удивляться; если взглянуть на карту, то ясно видно, что мы были в самом центре мятежа: Лукнау более чем в ста милях к востоку, а Каунпур почти настолько же к югу. Отовсюду только и доносились вести о пытках, убийствах, насилиях.

Город Агра обширен и кипит фанатиками и всевозможными свирепыми поклонниками дьявола. Горсточка наших терялась среди узких извилистых улиц. Поэтому наш предводитель перешел через реку и занял позицию в старой крепости Агры. Не знаю, слышал ли или читал кто-либо из вас об этой старой крепости. Это очень странное место – самое странное из виденных мною, а много странных уголков довелось мне видеть на своем веку. Во-первых, она громадных размеров. Я думаю, что внутренность ее занимает множество акров. Есть и новая часть, где и поместился весь наш гарнизон, все женщины, дети, запасы и все прочее, причем осталось еще много места. Но новая часть ничтожна по величине в сравнении со старой, которая представлена скорпионам и сороконожкам. Там много больших пустых зал, извилистых проходов и длинных, запутанных коридоров, в которых легко заблудиться. Поэтому-то мало кто ходил туда. Только иногда отправлялись любопытные с зажженными факелами.

Река омывает фасад крепости и служит защитой ей, но по бокам и сзади много дверей, которые, конечно, приходилось охранять как в старой части здания, так и в занятой нашими войсками. У нас было мало рук; людей еле хватало на то, чтобы охранять углы здания и заряжать ружья. Поэтому невозможно было поставить сильную стражу у каждого из бесчисленных ворот. Мы устроили центральную кордегардию в середине крепости, а при каждом воротах ставили по одному белому и по два-три туземца. Меня назначили охранять в продолжение нескольких часов маленькую уединенную дверь на юго-западе крепости. Два туземных солдата были отданы мне под команду, и мне было приказано в случае чего-либо стрелять из мушкета, причем ко мне немедленно должна была явиться помощь из кордегардии. Но так как она была в добрых двухстах шагах от ворот, а пространство между нами изрезано лабиринтом проходов и коридоров, я сильно сомневался, успеют ли солдаты вовремя в случае атаки.

Ну, я очень гордился тем, что командовал своим маленьким отрядом, я – простой рекрут, и к тому же с одной ногой. Две ночи подряд дежурил я с туземцами. Это были высокие малые свирепого вида, по имени Магомет Синг и Абдулла-Хан, оба старые вояки, сражавшиеся некогда против нас. Они порядочно говорили по-английски, но я не мог заставить их разговаривать. Они предпочитали стоять вместе и болтать всю ночь на своем странном наречии. Что касается меня, то я стоял за воротами, смотря на длинную извилистую реку и на сверкающие огни большого города. Бой барабанов, звук гонгов, завывания и крики мятежников, упоенных опиумом и шумом, – все это напоминало нам об опасных соседях на противоположной стороне реки. Через каждые два часа дежурный офицер обходил все посты, чтобы удостовериться, что все в порядке.

На третью ночь погода была мрачная и сырая. Шел мелкий, пронизывающий дождь. Тяжело было стоять час за часом у ворот в такую погоду. Я снова попробовал было заставить разговариваться моих сотоварищей, но без особенного успеха. В два часа утра обход на несколько минут прервал скуку ночи. Видя, что разговор не вяжется, я вынул трубку и положил мушкет на землю, чтобы зажечь спичку. В одно мгновение оба набросились на меня. Один из них схватил мое ружье и прицелился мне в голову, другой приставил мне к горлу большой нож и с проклятиями проговорил сквозь зубы, что всадит его при малейшем моем движении.

Первой моей мыслью было, что эти люди в заговоре с мятежниками, и что это начало нападения. Если наши ворота очутятся во власти сипаев, крепость должна пасть, а женщин и детей ждет та же участь, что и пленников в Каунпоре. Может быть, вы, господа, подумаете, что я хочу защитить себя, но даю вам слово, что при мысли об этом, несмотря на приставленный к горлу нож, я открыл рот, чтобы позвать на помощь, хотя бы это и стоило мне жизни. Державший меня человек, должно быть, угадал мои мысли, так как в ту минуту, как я решился, он шепнул мне: «Не делайте шума. Крепость в безопасности. На этой стороне реки нет собак-мятежников». Правдивость звучала в его голосе, и я знал, что я погиб, если произнесу хоть слово. Я прочел это в карих глазах туземца. Поэтому я молча ждал, чего они хотят от меня.

– Выслушай меня, сагиб, – сказал более высокий и свирепый из двух, тот, кого называли Абдулла-Хан. – Ты должен или быть с нами заодно, или умолкнуть навеки. Дело слишком важное для того, чтобы кому-нибудь из нас можно было колебаться. Или ты телом и душой будешь с нами и поклянешься в этом на кресте христиан, или в эту ночь твое тело будет брошено в пропасть, а мы перейдем к нашим братьям в армию мятежников. Середины нет. Что решил – смерть или жизнь? Мы можем дать тебе только три минуты на решение, потому что время проходит, а все должно быть готово до следующего обхода.

– Как я могу решить? – сказал я. – Вы не сказали, чего хотите от меня. Но предупреждаю вас, что если дело идет о гибели крепости, я не хочу иметь ничего общего с вами, так что можете, если угодно, зарезать меня.

– Крепости это не касается, – сказал он. – Мы попросим тебя сделать только то, для чего выезжают сюда все твои земляки. Мы хотим, чтобы ты разбогател. Если ты согласишься быть заодно с нами в эту ночь, мы поклянемся на лезвии ножа тройной клятвой, которой никогда не нарушал ни один из наших, что ты получишь всю твою долю клада. Четвертая часть драгоценностей будет принадлежать тебе. Лучшего нельзя обещать.

– Но что это за клад? – спросил я. – Я так же, как и вы, готов разбогатеть, если вы покажете мне, как это сделать.

– Так поклянись, – сказал он, – костями твоего отца, честью твоей матери, крестом твоей веры, не подымать руки и ничего не говорить против нас ни теперь, ни позже.

– Я поклянусь в том случае, если крепость не будет в опасности, – ответил я.

– Ну, тогда я и мой товарищ клянемся, что ты получишь четвертую часть клада, который будет поровну разделен между нами четверьмя.

– Но нас только трое, – сказал я.

– Нет, Дост-Акбар должен также получить свою часть. Мы можем в ожидании его рассказать тебе всю историю. Постой у ворот, Магомет Синг, и дай нам знать, когда он придет. Вот как обстоит дело. Я расскажу все, так как знаю, что клятва связывает, и что мы можем довериться тебе. Будь ты лживый индус, хотя бы ты и поклялся всеми благами в их лживых храмах, кровь твоя обагрила бы нож, а тело очутилось бы в воде. Но сейк знает англичанина, а англичанин знает сейка. И потому слушай, что я расскажу тебе.

– В северных провинциях есть раджа, очень богатый, хотя владения у него небольшие. Много он получил от отца и еще более сберег сам, потому что он низкий человек и любит более припрятывать свое золото, чем тратить его. Когда начались волнения, он вздумал дружить и со львом, и с тигром – с сипаями и с райями Компании. Но скоро ему показалось, что наступил

день гибели белых людей, так как со всех концов страны он только и слышал, что о смерти и изгнании их. Будучи осторожным человеком, он составил план, чтобы, во всяком случае, ему осталась половина его богатства. Все золото и серебро он удержал у себя, в подвалах дворца, но самые драгоценные камни и лучшие жемчужины положил в железный ящик и отослал его с верным слугой, который, под видом купца, должен был привезти клад в крепость Агры и спрятать его там, пока в стране не наступит успокоение. Таким образом, в случае если победу одержат мятежники, у него должны остаться деньги; в случае же победы Компании будут спасены его драгоценности. Разделив таким образом накопленное им богатство, он принял сторону сипаев, так как они были сильны на границах его владений.

Мнимый купец, путешествующий под именем Ахмета, находится теперь в городе Агре и желает пробраться в крепость. С ним вместе приехал мой молочный брат, Дост-Акбар, который знает его тайну. Дост-Акбар обещал Ахмету проводить его сегодня ночью к каким-нибудь боковым воротам крепости и избрал те, у которых стоим мы. Он сейчас придет сюда и найдет здесь Магомета Синга и меня, поджидающих его. Место уединенное, и никто не узнает о его приходе. Свет не услышит более о купце Ахмете, а клад раджи будет разделен между нами. Что скажешь на это, сагиб?..

В Ворчестере человеческая жизнь кажется великой и священной вещью, но все сильно изменяется, когда вокруг идет пальба и льется кровь и человек привык каждую минуту стоять лицом к лицу со смертью. Мне было решительно все равно, будет ли купец Ахмет жить или умрет, но при разговоре о кладе сердце у меня забилося, и я подумал, сколько я могу, получив его, сделать на родине, и как родные с удивлением будут смотреть на бездельника, вернувшегося домой с набитыми золотом карманами. Поэтому я уже принял решение. Но Абдулла-Хан подумал, что я колеблюсь, и стал уговаривать меня.

– Подумай, сагиб, – сказал он, – если комендант поймает этого человека, его повесят или расстреляют, и никому из нас не достанется ни одной рупии. Ну, а если мы заберем его, то почему же нам не сделать и остальных? Драгоценностям будет у нас так же хорошо, как и в сундуках Компании. Их достаточно, чтобы каждый из нас мог стать богатым человеком. Никто не узнает об этом, так как мы тут отрезаны от всех. Более удобного положения и не выдумать. Скажи же, сагиб, желаешь быть одним из нас или мы должны смотреть на тебя как на врага?

– Я ваш душой и телом, – сказал я.

– Это хорошо, – ответил он, возвращая мне мой мушкет. – Ты видишь, мы верим тебе, потому что твое слово нерушимо, как наше. Теперь нам остается только ждать моего брата и купца.

– А ваш брат все знает? – спросил я.

– Это его план. Мы пойдем к воротам и будем дежурить вместе с Магометом Сингом.

Дождь продолжал идти, так как дождливое время только что начиналось. Тяжелые, темные тучи проносились по небу, и на расстоянии нескольких шагов не было ничего видно. Глубокий ров лежал перед нашими воротами, но вода высохла во многих местах, и его легко было перейти. Мне было страшно стоять с двумя дикими туземцами в ожидании человека, который шел на смерть.

Внезапно мне бросилось в глаза мерцание прикрываемого фонаря по другую сторону рва. Свет исчез среди насыпей и снова появился, медленно подвигаясь в нашем направлении.

– Вот они! – вскрикнул я.

– Ты окликнешь его как обычно, сагиб, – шепнул Абдулла. – Не испугай его. Пошли его в крепость вместе с нами, и мы устроим все, а ты останешься сторожить. Приготовь фонарь, чтобы мы могли убедиться, что это он.

Свет продолжал мелькать, то останавливаясь, то приближаясь, и наконец я увидел две черные фигуры на другой стороне рва. Я дал им спуститься по крутому берегу, пробраться по грязи и взобраться на пол дороги к воротам и тогда окликнул их.

– Кто идет? – тихо спросил я.

– Друзья, – послышался ответ.

Я открыл фонарь и направил на них поток света. Первый из незнакомцев был громадный сейк с черной бородой, ниспадавшей почти до пояса. Я редко видел таких высоких людей. Другой был маленький, толстый, круглый человек в желтом тюрбане с узлом в руке. Он, казалось, весь дрожал от страха, потому что руки его лихорадочно подергивались, а голова с маленькими блестящими глазками поворачивалась из стороны в сторону, как у мыши, выглядывающей из норки. Дрожь пробежала у меня по телу при мысли, что он будет убит, но я подумал о кладе, и сердце у меня ожесточилось. Когда он увидел мое белое лицо, он тихо вскрикнул от радости и побежал ко мне.

– Покровительства, сагиб, – задыхаясь, проговорил он, – покровительства несчастному купцу Ахмету. Я проехал по Раджпутане, чтобы найти приют в крепости Агра. Меня обворовали, били и оскорбляли за то, что я был другом Компании. Да будет благословенна эта ночь, в которой я снова в безопасности... я и мои скромные пожитки.

– Что это у вас в узле? – спросил я.

– Железный ящик, – ответил он, – в котором находится несколько фамильных вещей, ничего не стоящих для других, но которые мне жаль было бы потерять. Но я все же не нищий и награду и тебя, молодой сагиб, и твоего начальника, если он даст мне приют.

Я не мог дальше разговаривать с этим человеком. Чем более я смотрел на его толстое, испуганное лицо, тем ужаснее казалось мне хладнокровно убить его. Лучше было скорее покончить с этим.

– Возьмите его в кордегардию, – сказал я.

Оба стали по бокам, а гигант за ними, и все вошли в мрачные ворота. Никогда еще смерть не окружала человека таким тесным кольцом. Я остался у ворот с фонарем в руке.

Я слышал звук их равномерных шагов в пустынных коридорах. Внезапно он замолк, и до меня донесся гул голосов и звук ударов. Мгновение спустя, к моему ужасу, раздались поспешные шаги, приближавшиеся по направлению ко мне, и тяжелое дыхание бежавшего человека. Я направил свет фонаря вдоль длинного прямого коридора и увидел толстяка, несшегося как ветер с кровавым шрамом на лице. За ним по пятам, припрыгивая, как тигр, бежал высокий чернобородый сейк со сверкающим ножом в руке. Никогда не видел я, чтобы человек бежал так быстро, как этот маленький купец. Вдруг он сильно опередил своего преследователя, и я видел, что он мог бы еще спастись, если бы ему удалось пробежать мимо меня из ворот. Сердце мое смягчилось было на одно мгновение, но мысль о кладе снова ожесточила его. Я бросил ему мушкет между ног, и он упал, перекувырнувшись два раза, словно подстреленный кролик. Прежде чем он успел подняться, я бросился на него и дважды всадил ему нож в бок. Купец упал, не испустив ни стоны, не двинув ни одним мускулом. Я сам думаю, что он мог сломать себе шею при падении. Вы видите, господа, что я сдержал свое обещание: я говорю вам все, как было, благоприятны для меня эти показания или нет.

Смолль остановился и протянул связанные руки к виски с содовой водой, приготовленные Холмсом. Что касается меня, то, сознаюсь, я чувствовал величайшее отвращение к этому человеку не только потому, что он так хладнокровно выполнил план убийства, но еще более потому, что тон его рассказа был легкомыслен и равнодушен. Какого бы рода наказание ни ожидало его, я чувствовал, что он не может рассчитывать на сочувствие с моей стороны. Шерлок Холмс и Джонс сидели, положив на колени руки. Они казались серьезно заинтересованными, но то же выражение отвращения отражалось на их лицах. Должно быть, он заметил это, потому что в голосе и манерах его почувствовалось что-то вызывающее.

– Без сомнения, все это было очень дурно, – сказал он. – Хотел бы я знать, многие ли на моем месте отказались бы от части этого клада, если бы знали, что за это им грозит опасность быть зарезанными. Потом вопрос состоял в том, кому оставаться в живых, мне или ему, если

он уже попал в крепость. Если бы он вышел оттуда, все дело выплыло бы на свет Божий, и меня призвали бы к суду и, по всей вероятности, приговорили к расстрелу, потому что в то время люди не были снисходительны.

– Продолжайте ваш рассказ, – коротко сказал Холмс.

– Ну, мы внесли его в крепость, Абдулла, Акбар и я. И тяжел же он был, несмотря на небольшой рост. Магомет Синг остался сторожить дверь. Мы пронесли его к уже приготовленному месту. Оно было несколько в стороне, там, где извилистый коридор ведет к большой пустой зале, кирпичные стены которой почти совсем обвалились. Земляной пол опустился в одном месте, образовав естественную могилу; там мы и оставили купца Ахмета, прикрыв его обвалившимися кирпичами. Покончив с этим, мы отправились назад к ящику.

Он лежал там, где бросил его Ахмет при первом нападении. Ключ спускался на шелковом шнурке с ручки шкатулки.

Мы открыли ящик, и свет фонаря упал на такое собрание драгоценностей, о котором я читал и мечтал, лишь когда был маленьким мальчиком в Першоре. Блеск их ослеплял глаза. Налюбовавшись вдоволь, мы вынули их и переписали. Тут было сто сорок три бриллианта чистейшей воды, и между ними один, как кажется, называемый «Великим Магометом» – как говорят, второй по величине бриллиант на свете. Затем девяносто семь очень хороших изумрудов и сто семьдесят рубинов, из них некоторые очень маленькие, сорок карбункулов, двести десять сапфиров, шестьдесят один агат и большое количество бериллов, ониксов, кошачьего глаза, бирюзы и других камней, название которых я узнал только впоследствии. Кроме того, тут было около трехсот прекрасных жемчужин, из которых двенадцать украшали собой золотую диадему. Между прочим, этих жемчужин не оказалось в ящике, когда я снова нашел его.

Пересчитав наши драгоценности, мы положили их обратно в ящик и отнесли к воротам, чтобы показать Сингу. Затем мы снова торжественно поклялись стоять друг за друга и хранить нашу тайну. Мы согласились спрятать нашу добычу в безопасное место, пока страна не успокоится, и затем разделить ее поровну. В настоящее время не стоило делить камни, так как появление у нас таких драгоценностей вызвало бы подозрения, а в крепости не было места, где мы могли бы держать их в тайне. Поэтому мы отнесли ящик в ту же залу, где мы спрятали тело, и там под кирпичами в сохранившейся стене мы проделали отверстие и положили туда наш клад. Мы крепко запомнили это место, и на следующий день я начертил четыре плана для каждого из нас, а внизу поставил знак четырех, так как мы поклялись, что всегда будем действовать один за другого, чтобы никто не имел преимущества. Эту клятву я сдержал, в чем могу поклясться, положив руку на сердце.

Мне нечего говорить вам, господа, чем кончилось индийское восстание. После того как Вильсон взял Дели, а сэр Колин освободил Лукнау, дело было проиграно. Свежие войска прибывали постоянно, и Нана Сагиб бежал за границу. Летучий отряд под начальством полковника Гритхэда явился в Агру и очистил город от мятежников. Спокойствие, казалось, водворилось в стране, и мы четверо стали надеяться, что приближается время, когда нам можно будет безопасно уйти с нашей добычей. Но все наши надежды рассеялись в одно мгновение: нас арестовали как убийц Ахмета.

Вот как это случилось. Когда раджа отдал свои драгоценности в руки Ахмета, он сделал это потому, что знал его как верного человека. Но восточные люди очень подозрительны; поэтому что же сделал раджа? Он взял другого, еще более верного, слугу и заставил его шпионить за первым. Второму слуге было приказано никогда не выпускать Ахмета из виду, и он следил за купцом, как тень. И в ту ночь он пошел за ним и видел, как он вошел в ворота. Конечно, он подумал, что Ахмет нашел приют в крепости, и сам попросился туда на следующий день, но не нашел и следа Ахмета. Это показалось таким странным слуге, что он рассказал одному из сержантов, а тот довел это до сведения коменданта. Быстро сделали обыск и нашли труп. Таким образом, как раз в то время, когда мы считали себя в безопасности, мы все четверо были схвачены и привлечены к суду за убийство – трое из нас обвинялись потому, что стояли на часах у ворот, а четвертый на том основании, что его видели в обществе убитого. На суде ничего не упоминалось о драгоценностях, потому что раджа был свергнут и изгнан из Индии, так что о них некому было заботиться. Убийство же было очевидно, так же, как и то, что мы были причастны к нему. Трое сейков были приговорены к каторжным работам, а я – к смерти, но потом приговор был смягчен, и меня приговорили к такому же наказанию, как и товарищей.

В странном мы очутились положении. Мы были прикованы цепями друг к другу. У нас было мало вероятности выбраться на свободу, а между тем, каждый из нас обладал тайной, воспользовавшись которой, мы могли бы жить во дворцах. Этого сознания было достаточно для того, чтобы грызть сердце человека, принужденного выносить пинки и побои всякого надсмотрщика, есть рис и пить воду, когда ему стоило протянуть руку, чтобы получить громадное

состояние. Было от чего сойти с ума, но я всегда был очень упрям и потому молчал и поджидал удобного времени.

Наконец оно, казалось, наступило. Меня перевели из Агры в Мадрас, а оттуда на остров Блэр, один из Андаманских островов. В этом поселке бывает мало белых ссыльных, а так как я с самого начала хорошо вел себя, то скоро очутился в несколько привилегированном положении. Мне дали хижину в Хоптауне, маленьком местечке на склоне горы Гарриэт, и я часто оставался один. Это была печальная местность, грозившая лихорадками и кишевшая, за нашими просеками, дикими туземцами-людоедами, всегда готовыми бросить ядовитую стрелу. Приходилось копать землю и заниматься другими работами, так что дела хватало на целый день, но по вечерам у нас бывало немного свободного времени. Между прочим я научился у хирурга составлять микстуры и несколько познакомился с его искусством. Все это время я искал удобного случая для бегства; но место это лежит в тысячах миль от всякого другого, а ветры на море дуют или очень слабо или их вовсе не бывает, так что выбраться оттуда очень трудно.

Хирург, доктор Сомертон, был веселый молодой человек, спортсмен. Другие молодые офицеры собирались у него по вечерам и играли в карты. Комната, служившая аптекой, была рядом с гостиной доктора, куда выходило маленькое окно. Часто, чувствуя себя одиноким, я тушил лампу в комнате и, стоя там, слушал разговор офицеров и смотрел на их игру. Я сам люблю играть в карты, и наблюдать за ними было почти так же приятно, как играть. Тут были майор Шольто, капитан Морстэн и лейтенант Брумлей Броун – командиры туземных войск, сам доктор и два или три тюремных надзирателя, опытные игроки, ведущие осторожную, хитрую игру. Славная была партия.

Скоро меня поразила одна странность: офицеры всегда проигрывали, а штатские выигрывали. Заметьте, я не говорю, что игра велась нечисто, но как-то постоянно случалось так. Эти тюремщики только и делали, что играли с тех пор, как поселились на Андаманских островах, и каждый из них отлично знал манеру игры другого, а офицеры играли только для того, чтобы убить время, и бросали карты как попало. Вечер за вечером офицеры становились все беднее, и чем беднее они становились, тем более они играли. Хуже всех дела шли у майора Шольто. Сначала он расплачивался бумажками и золотом, а скоро стал давать векселя на большую сумму. Иногда он выигрывал немного, и это подбадривало его, а затем счастье снова, упорнее прежнего, отворачивалось от него. Целыми днями он ходил, словно мрачная туча, и стал пить более, чем следовало.

Однажды он проиграл больше обыкновенного. Я сидел в своей хижине, когда мимо нее, спотыкаясь, прошел майор Шольто с капитаном Морстэном по дороге к себе. Они были неразлучные друзья. Майор горячо говорил о своем проигрыше.

– Все кончено, Морстэн, – проговорил он в ту минуту, как они поравнялись с моей хижинкой. – Мне придется подать в отставку. Я – погибший человек.

– Глупости, дружище! – ответил капитан, ударяя его по плечу. – И у меня дела плохи, но...

Вот все, что я слышал, но эти слова заставили меня задуматься.

Дня через два майор Шольто прогуливался по берегу; я воспользовался случаем и подошел к нему.

– Я хочу спросить вашего совета, майор, – сказал я.

– Ну, что такое, Смоль? – проговорил он, вынимая изо рта трубку.

– Я хотел спросить вас, сэр, – сказал я, – кому, собственно, надлежит передать спрятанный клад. Я знаю, где находится добра на полмиллиона, и так как не могу сам воспользоваться им, то и подумал, что, может быть, лучше всего передать его надлежащим властям, тогда, может быть, мне смягчат наказание.

– Полмиллиона, Смоль? – задыхаясь проговорил он и пристально посмотрел на меня, как будто желая убедиться, не шучу ли я.

– Да, сэр... в драгоценных камнях и жемчужинах. Они лежат так, что всякий может их взять. И самое-то странное во всем этом, что настоящий владелец осужден на изгнание и не имеет прав на имущество, так что оно принадлежит первому встречному.

– Правительству, Смолль, – пробормотал он, – правительству. – Но он сказал эти слова заикаясь, и я понял, что поймал его.

– Так вы думаете, сэр, что я должен уведомить главного губернатора? – спокойно спросил я.

– Ну-ну, не делайте ничего необдуманного, а то придется раскаться. Я выслушаю вас, Смолль. Сообщите мне все факты.

Я рассказал ему всю историю, только немного изменив ее, чтобы он не мог найти места, где зарыт клад. Когда я окончил свой рассказ, он остановился как вкопанный и задумался. По судороге, сводившей его губы, я видел, что в нем происходит сильная борьба.

– Это очень важное дело, Смолль, – наконец проговорил он. – Никому не говорите ни слова, а скоро я снова повидаясь с вами.

Через два дня он пришел ко мне в глухую ночь со своим другом, капитаном Морстэном.

– Я хочу, чтобы капитан Морстэн выслушал эту историю от вас самих, Смолль, – сказал он.

Я повторил сказанное мной раньше.

– Как кажется, правда, а? – сказал майор. – Можно начать дело?

Капитан Морстэн утвердительно кивнул головой.

– Слушайте, Смолль, – сказал майор. – Мы с приятелем переговорили и пришли к заключению, что ваша тайна вряд ли касается правительства, а скорее ваше личное дело, которым вы, конечно, можете распорядиться как считаете нужным. Ну, теперь вопрос, какую цену просите вы за нее? Мы могли бы принять участие в этом деле или, по крайней мере, ознакомиться с ним, если бы нам удалось сговориться.

Он пытался говорить хладнокровным, беспечным тоном, но глаза его горели от волнения и алчности.

– Ну, что касается этого, господа, – отвечал я, также стараясь прикинуться хладнокровным, но чувствуя себя сильно взволнованным, – человек в моем положении может предложить только одно условие. Я хочу, чтобы вы помогли освободиться мне и моим трем товарищам. Тогда мы возьмем вас в компаньоны и дадим вам пятую часть, которую вы и разделите между собой.

– Гм! – сказал он. – Пятую часть! Это не очень соблазнительно.

– Придется по пятидесяти тысяч на каждого, – сказал я.

– Но как вам освободиться? Вы знаете, что просите невозможного.

– Нисколько, – ответил я. – Я обдумал все до мельчайших подробностей. Единственное препятствие состоит в том, что у нас нет лодки для путешествия и провизии на долгое время. В Калькутте или Мадрасе множество маленьких яхт и яликов. Привезите оттуда лодку. Мы сядем на нее ночью, и если вы высадите нас где-нибудь на берегу Индии, вы выполните свою часть условия.

– Если бы вы были один, – сказал он.

– Никто или все, – ответил я. – Мы поклялись в этом. Все четверо должны действовать заодно.

– Видите, Морстэн, – сказал майор, – Смолль – человек, умеющий держать слово. Он не покидает своих друзей. Я думаю, мы можем поверить ему.

– Это грязное дело, – ответил капитан. – Но, как вы говорите, эти деньги помогут нам избежать отставки.

– Ну, Смолль, – сказал майор, – я думаю, мы можем попробовать принять ваши условия. Сначала, конечно, нужно убедиться в истине рассказанной вами истории. Скажите мне, где

спрятан ящик, и я возьму отпуск и поеду в Индию на лодке, которая каждый месяц отправляется за сменой, и разузнаю все дело.

– Не так скоро, – сказал я, становясь холоднее по мере того, как он распалялся. – Я должен получить согласие моих товарищей. Говорю вам, что у нас четверых все заодно.

– Глупости! – крикнул он. – Что за дело трем черным до нашего договора?

– Черные или синие, – сказал я, – я с ними, и мы все заодно.

Ну, дело окончилось вторым свиданием, на котором присутствовали Магомет Синг, Абдулла-Хан и Дост-Акбар. Мы переговорили обо всем и наконец пришли к соглашению. Мы должны были дать офицерам план известной части крепости Агры и отметить место в стене, где был скрыт клад. Майор Шольто должен был поехать в Индию, чтобы убедиться в правдивости нашей истории. Если бы он нашел ящик, то должен был оставить его на месте и выслать маленькую яхту и провизии для путешествия к острову Рутлэнд, куда мы пробрались бы, а затем вернуться на службу. Затем попросит отпуск капитан Морстэн, встретит нас в Агре, и там мы произведем окончательный раздел драгоценностей, причем он возьмет и долю, принадлежащую майору. Все это было закреплено самыми торжественными клятвами. Я просидел целую ночь за бумагой и чернилами, и к утру у меня были готовы два плана, подписанные «Знаком четырех» – то есть Абдуллой, Акбаром, Магометом и мною.

Ну, господа, я надоел вам с моей длинной историей, и знаю, что мой приятель, мистер Джонс, жаждет упрятать меня за решетку. Буду краток, насколько возможно. Негодяй Шольто уехал в Индию и не возвратился оттуда. Капитан Морстэн показал мне вскоре его фамилию в списке пассажиров одного из почтовых пароходов. У него умер дядя, оставивший ему состояние, и он вышел в отставку. Несмотря на это, он не побрезговал так обойтись с нами пятерыми.

Морстэн вскоре после того отправился в Агру и, как мы и ожидали, увидел, что клад исчез. Подлец украл все, не выполнив ни одного из условий, ради которых мы открыли ему нашу тайну. С этого дня я жил только для мщения. Месть стала моей всепоглощающей страстью. Я не думал ни о законе, ни о виселице. Бежать, напасть на след Шольто, схватить его за горло – было моей единственной мыслью. Даже клад потерял для меня свое значение перед желанием убить Шольто.

Много я принимал решений в жизни, и не было ни одного, которого бы я не исполнил. Но прошло много томительных лет, пока мне удалось исполнить это решение. Я уже говорил вам, что приобрел некоторые познания в медицине. Однажды, когда доктор Сомертон лежал в лихорадке, группа каторжников подняла в лесу маленького обитателя Андаманских островов. Он был при смерти и забрался в уединенное место, чтобы умереть там. Я стал ухаживать за ним, хотя он походил на ядовитую змею, и через два месяца вылечил его настолько, что он стал ходить. Он привязался ко мне и не хотел уйти в свои леса, а постоянно бродил вокруг моей хижины. Я выучился от него немного его наречию, и это еще более привязало его ко мне.

Тонга – так его звали – хорошо умел править лодкой, и у него была своя собственная большая пирога. Когда я заметил, что он готов на все, чтобы услужить мне, я подумал о возможности бегства и переговорил с ним. Он должен был привести свою лодку к старой пристани, где не было часовых, и там взять меня. Я приказал ему взять несколько фляжек с водой, большое количество кокосовых орехов и бермудского картофеля.

Он был храбр и верен, маленький Тонга. Никогда у человека не было более верного товарища. В назначенную ночь лодка его стояла у пристани. Но как раз там оказался один из тюремщиков, дрянной человек, никогда не пропускавший случая унижить и выругать меня. Я давно поклялся отомстить ему, и теперь мне представился случай исполнить свою клятву. Судьба как будто нарочно поставила его на моем пути, чтобы я мог уплатить свой долг до отъезда. Он стоял на берегу, спиной ко мне, с карабином на плече. Я оглянулся, нет ли камня, чтобы разmozжить ему голову, но камня не было.

Тогда мне пришла в голову странная мысль – я нашел удивительное оружие. Я присел в темноте и отвязал свою деревянную ногу. В три скачка я очутился около него. Он прицелился, но я ударил его изо всех сил деревяшкой и снес всю переднюю часть черепа. Вы можете видеть трещину в дереве в том месте, которым я ударил его. Мы оба свалились на землю, так как я не мог удержать равновесие, но когда я поднялся – он лежал совершенно спокойно. Я направился к лодке, и через час мы были уже далеко в море. Тонга привез с собой все свое имущество, оружие и богов. Между прочим, у него было и несколько андаманских циновок из кокоса, из которых я устроил нечто вроде паруса. Десять дней мы носились по морю, надеясь на счастье, а на одиннадцатый нас взял купеческий корабль, шедший из Сингапура в Думдда с малайскими пилигримами. Странная это была толпа; Тонга и я устроились между ними. У этих людей было одно очень хорошее качество: они оставили нас в покое и ни о чем не расспрашивали.

Если бы я стал вам рассказывать все наши приключения, вы не поблагодарили бы меня, так как я задержал бы вас до восхода солнца. Мы скитались по всему свету, но постоянно что-нибудь мешало нам попасть в Лондон. Однако все это время я не забывал моей цели. По ночам я видел Шольто. Сто раз я убивал его во сне. Наконец, года три или четыре тому назад, мы очутились в Англии. Мне было не трудно узнать местожительство Шольто, и тогда я стал узнавать, реализовал ли он свой клад или он все еще у него? Я познакомился с одним человеком, который мог помочь мне, – не называю имен, потому что не хочу никого подводить, – и скоро узнал, что драгоценности находятся еще у майора. Потом я много раз пробовал пробраться к нему, но он был очень хитер и держал при себе всегда двух борцов, кроме сыновей и телохранителя.

Но однажды я получил известие, что он умирает. Я поспешил в сад при его доме, вне себя от бешенства, что он уходит из моих рук, и, заглянув в окно, увидел его в постели, по краям которой стояли оба его сына. Я пробрался бы туда и сумел бы управиться со всеми тремя, но сразу заметил, как у него вдруг отвисла челюсть, и понял, что он умер. Ночью я все-таки забрался в его комнату и перерыл бумаги в надежде найти указания о месте, где он спрятал свои сокровища. Однако об этом не оказалось ни строчки, и я ушел страшно огорченным и взбешенным. Прежде чем покинуть комнату, я вспомнил, что если когда-либо мне придется встретиться с моими друзьями-сейками, им будет приятно узнать, что я оставил знак нашего мщения; поэтому я нацарапал «Знак четырех» в том виде, каким он был на плане, и приколот его к груди мертвеца. Было бы уж слишком, если бы его опустили в могилу без какого-нибудь знака от людей, которых он обобрал и провел.

Все это время мы добывали себе пропитание, показывая бедного Тонгу на ярмарках и подобного рода местах, как черного каннибала. Он ел сырое мясо и танцевал военный танец, и к концу вечера у нас набиралась целая шляпа медных монет. Я получал все новости из Пондишерри, но несколько лет ничего не было слышно, за исключением того, что там продолжают искать клад. Наконец произошло давно ожидаемое нами событие: нашли клад. Он оказался на чердаке дома, где была химическая лаборатория мистера Бартоломея Шольто. Я сейчас же явился туда, чтобы взглянуть на место, но не знал, как взобраться с моей деревяшкой на крышу. Однако я узнал, что в крыше есть подъемная дверь, узнал также и час ужина мистера Шольто. Мне казалось, что Тонга легко может справиться с этим делом. Я привел его с собой и обвязал его длинной веревкой вокруг пояса. Тонга умел лазать, как кошка, и скоро спустился с крыши в комнату, но, на свое несчастье, Бартоломей Шольто был еще там. Тонга думал, что, убив его, он поступит чрезвычайно умно, и потому, когда я поднялся вверх по веревке, то нашел его гордо расхаживающим, как павлин. Он очень удивился, когда я ударил его концом веревки и проклял его, назвав кровожадным чертенком. Я взял ящик с драгоценностями и спустил его вниз, а затем и сам спустился на землю, оставив на столе «Знак четырех», чтобы показать, что клад достался, наконец, тем, кому он принадлежит по праву. Тонга тогда втянул вверх веревку, запер окно и ушел тем же путем, каким пришел.

Мне, кажется, нечего больше рассказывать вам. Я слышал, как один лодочник говорил о быстроте хода баркаса Смита «Аврора», и подумал, что он пригодится нам для бегства. Я сговорился со стариком Смитом и должен был дать ему хорошую плату в случае, если он в целости доставит нас на корабль. Он, без сомнения, догадывался, что дело нечистое, но не знал нашей тайны. Все это чистая правда, и говорю ее вам, господа, не для того, чтобы позабавить вас, – ведь нельзя сказать, чтобы вы оказали мне хорошую услугу, – но потому, что считаю, что лучшей защитой для меня будет, если я ничего не скрою; пусть весь свет знает, как дурно поступил со мной майор Шольто, и пусть знает, что я не повинен в смерти его сына.

– Замечательный рассказ, – сказал Шерлок Холмс. – Подходящее окончание чрезвычайно интересного дела. В последней части вашего рассказа нет ничего нового для меня за исключением того, что вы принесли веревку. Этого я не знал. Между прочим, я надеялся, что Тонга потерял свои стрелы, однако он бросил одну в нас, когда мы были на баркасе.

– Он потерял их все, сэр, за исключением одной, которая была у него в той трубке, из которой он ими стрелял.

– Ах, конечно, – сказал Холмс. – Я и не подумал об этом.

– Хотите ли вы задать мне еще вопросы? – любезно осведомился каторжник.

– Кажется, нет, благодарю вас, – ответил мой приятель.

– Ну, Холмс, – сказал Этелни Джонс, – вы человек, которого следует ублажать, и все мы знаем, что вы знаток преступлений, но долг остается долгом, и я зашел, несколько дальше, исполнив желание вашего друга. Я буду чувствовать себя спокойно, когда наш рассказчик будет под замком. Кеб все еще ожидает нас внизу, а также и два инспектора. Очень обязан вам обоим за помощь. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, господа, – сказал Джонатан Смолль.

– Вот и конец нашей маленькой драмы, – заметил я после короткого молчания, во время которого мы продолжали курить наши трубки. – Боюсь, что это мой последний опыт изучения вашего метода. Мисс Морстэн сделала мне честь принять меня как будущего своего супруга.

Холмс испустил печальный вздох.

– Я боялся этого, – сказал он. – Право, не могу поздравить вас.

– Есть у вас причина быть разочарованным моим выбором? – спросил я, несколько обиженный этим.

– Ровно никакой. Я нахожу ее одной из самых очаровательных барышень, каких я когда-либо встречал. Но любовь – чувство, а всякое чувство противоположно чистому, холодному рассудку, который я ставлю выше всего на свете. Я сам никогда бы не женился, чтобы не затемнить рассудка.

– Надеюсь, что мой рассудок переживет это испытание, – со смехом ответил я. – Но у вас утомленный вид.

– Да, реакция уже началась. Я буду настоящей тряпкой, по крайней мере, неделю.

– Странно, – сказал я, – как периоды того, что я назвал бы леностью в другом человеке, чередуются у вас с припадками блестящей энергии и силы.

– Да, – ответил он, – во мне есть все задатки бродяги и в то же время доброго малого. Я часто думаю о словах старика Гете: «Жаль, что природа сотворила из тебя только одного человека; материала хватило бы и на достойного человека, и на мошенника». Кстати, по поводу этого Норвудского дела, видите, вышло, как я предполагал, в доме был сообщник, некто иной, как дворецкий Лаль Рао, так что Джонс может похвалиться, что один поймал в сети большую рыбу.

– Как, однако, несправедливо для вас окончилось дело, – заметил я. – Я приобрел себе жену, Джонс – почет. Скажите, что же остается вам?

– Мне остается еще склянка кокаина, – сказал Шерлок Холмс, протягивая к ней свою длинную белую руку.

Приключения Шерлока Холмса Рассказы

Скандалная история в Богемии

I

Я только что женился и поэтому за последнее время редко виделся с моим другом Шерлоком Холмсом.

Мое собственное счастье и домашние интересы всецело завладели мной, как это обыкновенно бывает с человеком, который обзаводится собственной семьей, тогда как Шерлок Холмс по своей цыганской натуре не питал ни малейшей склонности к семейной жизни. Он продолжал жить в нашей старой квартире на Бейкер-стрит, был по-прежнему завален старыми фолиантами, и по-прежнему приступы полнейшей апатии сменялись в нем вспышками энергии. Он все еще продолжал изучать преступления и, благодаря своим выдающимся способностям и необыкновенной наблюдательности, ему удавалось разгадывать такие преступления, которые полиция давным-давно уже причислила к разряду безнадежных. Время от времени до меня доносились смутные слухи о его деятельности: я слышал о его командировке в Одессу для раскрытия одного политического убийства, о его поездке в Тримонали, и, наконец, о миссии, принятой им по поручению голландского двора, и выполненной им с таким тактом и успехом.

А затем о деятельности моего старого друга и сожителя я знал не более остальных подписчиков газет, читавших подробности о его похождениях.

Однажды вечером – это было 20 марта 1888 года – я проходил по Бейкер-стрит. Я возвращался с консилиума, так как, надо сказать, снова занялся докторской практикой. Когда я подошел к столь знакомой мне двери, мною овладело страстное желание навестить Холмса, чтобы узнать, какому делу он в настоящее время посвящает свой необыкновенный талант. Его комнаты были ярко освещены, и я увидел тень его высокой худощавой фигуры. Опустив на грудь голову, и заложив за спину руки, он быстро шагнул назад и вперед по своей комнате. Я слишком хорошо знал все его привычки, чтоб сразу не понять, что он снова что-то замышляет. Я позвонил и вошел в комнату, в которой некогда жил вместе с ним.

Нельзя сказать, чтобы он меня встретил очень приветливо. Он вообще нежностью никогда не отличался; и все-таки я чувствовал, что он очень рад моему приходу. Он пяти слов не выговорил, радушно улыбаясь, усадил меня в кресло, протянул мне ящик с сигарами и указал мне на стоявший в углу шкафчик с ликерами. Затем он стал спиной к камину и начал меня разглядывать своим испытующим, пронизывающим взглядом.

– Брак принес тебе пользу, Ватсон, – заметил он. – Я думаю, в тебе прибавилось семь с половиной фунтов весу, с тех пор, как я виделся с тобою в последний раз.

– Семь фунтов.

– Неужели? А ты снова практикуешь, как я вижу. Ты мне раньше ничего не говорил о своем желании снова заняться практикой.

– Откуда ты это знаешь?

– Вижу. Я знаю также, что ты недавно был в непогоду на улице, и что у тебя, должно быть, очень неумелая, небрежная горничная.

– Мой дорогой Холмс, перестань. Несколько столетий тому назад тебя, наверное, сожгли за колдовство. Действительно, я в четверг попал под дождь и вернулся домой весь мокрый и в грязи, но откуда ты это узнал, не могу понять, так как, вернувшись домой, я тотчас же переоделся. А прислуга моя, Мари, действительно из рук вон плоха, и жена моя уже отказала ей. Но скажи мне на милость, откуда ты все это знаешь?

Он ухмыльнулся и начал потирать свои узкие нервные руки.

– Это очень просто! – ответил он. – Я вижу, что на коже твоего левого сапога находится несколько царапин, которые могли произойти только оттого, что с сапог счищали грязь без всякой осторожности. Отсюда я вывел мои оба заключения о непогоде и о твоей скверной прислуге. Ну, а что касается твоей практики, я должен был бы быть дураком, если бы сразу не принял за практикующего врача человека, от которого пахнет йодоформом, на указательном пальце правой руки которого черное пятно от ляписа, и в боковом кармане которого оттопыривается, очевидно, стетоскоп.

Я расхохотался, слушая, с какой неопровержимой логикой он развивал свои умозаключения.

– Когда я слушаю твои логические выводы, мне это прямо кажется смешным, – заметил я, – и все-таки каждое новое доказательство твоей проницательности меня всегда поражает. А ведь я вижу всегда тоже, что и ты. Почему же мне никогда не удастся ничего разгадать?

– Очень просто, – ответил он, закуривая папироску и усаживаясь в кресло. – Ты видишь, но ты не понимаешь – вот в чем различие. Например, скажи мне, пожалуйста, ты часто видел ступени, ведущие из передней в эту комнату?

– Да, очень часто.

– А как часто?

– Вероятно, несколько сот раз.

– В таком случае, ты, конечно, можешь мне сказать, сколько всех ступеней?

– Сколько? Не имею ни малейшего понятия.

– Видишь ли, и в данном случае ты видел, но не наблюдал. Вот это-то я и хочу сказать. Я знаю отлично, что эта лестница имеет семнадцать ступеней, и знаю, потому что не только видел, но и наблюдал. А прогос⁷, так как я знаю, что ты интересуешься моими уголовными приключениями, ты был даже так любезен, что напечатал два или три рассказа о них, так я думаю, что тебе это будет крайне интересно.

Он показал мне на лист толстой розовой почтовой бумаги, лежавший на письменном столе.

– Это письмо пришло с последней почтой. Прочитай его, пожалуйста.

Письмо без подписи, на котором не было обозначено ни числа, ни адреса отправителя, гласило следующее:

«К Вам сегодня вечером в три четверти восьмого явится господин, которому необходимо переговорить с Вами по очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из царствующих европейских домов, доказывают, что Вам можно доверять самые откровенные и важные тайны. Поэтому прошу вас быть дома в указанное время и не сердиться, если Ваш гость будет в маске».

– Тут кроется какая-то тайна, – заметил я. – Ты что-нибудь понимаешь?

– А ты что можешь заключить из самого письма?

Я тщательно исследовал почерк и самую бумагу.

– По-видимому, автор этого письма довольно богатый человек, – заметил я, стараясь как можно вернее копировать метод моего друга. – Эта почтовая бумага, наверное, недешево стоит.

– Совершенно верно, – проговорил Холмс. – Но это ни в каком случае не английская бумага. Подержи ее против света.

Я это исполнил и увидел, что на левой ее стороне были водяные инициалы «Е. К.», а на правой был отпечатан какой-то иностранный герб.

– Ну, что ты из этого заключаешь? – спросил Холмс.

– Налево инициалы фабриканта.

– Хорошо, а направо?

⁷ Кстати (фр.)

– Вероятно, фабричная марка. А чья именно – не знаю.

– Благодаря моим геральдическим познаниям могу с уверенностью сказать, что это герб княжества О... – ответил Холмс.

– В таком случае, фабрикант, наверное, придворный поставщик, – заметил я.

– Да, это так. Во всяком случае, автор этого письма – немец. Разве тебе не бросилось в глаза странное построение первой фразы? Ни француз, ни русский не написал бы так. Только немец способен обращаться так неделикатно с глаголами. Ха-ха, мой милый, что ты на это скажешь? – глаза его блестели, и он с торжеством смотрел на меня. – Теперь нам остается узнать, что нужно этому немцу, который пишет письма на столь странной бумаге, и является ко мне под маской. Если я не ошибаюсь, вот и он. Надеюсь, он нам раскроет тайну.

Раздался топот копыт, и к дому Холмса подкатил экипаж. Затем послышался звонок. Холмс засвистал.

– Эге, да это, кажется, пара лошадей, – проговорил он и выглянул в окно. – Совершенно верно, изящный экипаж, запряженный парой чудных коней ценой не менее полтора гиней каждый. Ну, Ватсон, во всяком случае, можно много денег заработать.

Афоризмы Артура Конан Дойла

Большой жизненный опыт и таинственность всегда пробуждают у женщины интерес и, в конце концов, любовь.

В искусстве раскрытия преступлений первостепенное значение имеет способность выделить из огромного количества фактов существенные и отбросить случайные.

В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны.

В собаках как бы отражается дух, который царит в семье. У злобный людей – злые собаки, опасен хозяин – опасен и пес. Даже смена их настроений может отражать смену настроений у людей.

Во всем надо искать логику. Где ее недостает, надо подозревать обман.

Возьмите себе за правило: никогда не оглядывайтесь назад, всегда смотрите только вперед, где вас ждет великий подвиг.

Вся моя жизнь – сплошное усилие избежать тоскливого однообразия будней.

Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница.

Где нет пищи воображению, там нет и страха.

Гений – это бесконечная выносливость.

Героем можно быть везде.

Глупец глупцу всегда внушает восхищение.

Голова предназначена не только для украшения, ею иногда надо думать.

Дружба между мужчиной и женщиной не делает чести мужчине и лишает чести женщину.

Если вы исключите невозможное, то, что останется, и будет правдой, сколь бы невероятным оно не казалось.

Если опасность можно предвидеть, то ее не нужно страшиться.

Жажда власти над душой человека бывает не менее сильной, чем стремление к физическому обладанию.

Жан-Поль как-то очень тонко и глубоко заметил, что истинное величие человека заключается в понимании собственной ничтожности. Это подразумевает, что умение сравнивать и оценивать само по себе является доказательством внутреннего благородства.

Женские глаза говорят лучше слов.

Женщин вообще трудно понять. За самым обычным поведением женщины может крыться очень многое, а ее замешательство иногда зависит от шпильки или щипцов для завивки волос.

Жизнь несравненно причудливее, чем все, что способно создать человеческое воображение.

Заставлять мозг работать, когда для этой работы нет достаточного материала, – все равно, что перегревать мотор. Он разлетится вдребезги.

Знаемое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Истинный мыслитель, увидев один-единственный факт во всей полноте, может вынести из него не только всю цепь событий, приведшим к нему, но также и все последствия, истекающие из него.

Какими ничтожными кажемся мы с нашими жалкими амбициями и желаниями по сравнению с силами, управляющими мирозданием!

Любовь – это вещь эмоциональная, и, будучи таковой, она противоположна чистому и холодному разуму.

Месть не принесет удовлетворения, если твой враг не знает, кто сразил его.

Мы не вольны в нашей любви, но управлять своими поступками в нашей власти.

Не важно, сколько вы сделали. Главное – суметь убедить людей, что вы сделали много.

Незаметно для себя человек подгонять факты к своей теории, вместо того, чтобы строить теорию на фактах.

– Я теперь лучше уйду?

– Я тебя отсюда ни в коем случае не выпущу, доктор. Ты мне нужен. Да и кроме того, дело само по себе, по-видимому, очень интересное. Я не понимаю, зачем ты хочешь уйти.

– Но твой клиент...

– О нем не беспокойся. Быть может, нам обоим пригодится твоя помощь. Он идет. Садись в кресло и наблюдай внимательно за всем.

На лестнице послышались тяжелые, размеренные шаги, а затем раздался громкий стук в дверь.

– Войдите! – проговорил Холмс.

В комнату вошел господин более шести футов ростом, сложением настоящий Геркулес. Одет он был очень богато, но ни один англичанин не сказал бы, что он одет изящно и со вкусом. Отвороты его рукавов и воротник пальто были барашковые, и сверху пальто на плечи его был наброшен плащ на ярко-красной подкладке, захваченный у шеи аграфом из драгоценного камня. Он был в высоких сапогах, отделанных богатым мехом, и они дополняли впечатление экзотической роскоши, производимой всей личностью этого человека. В руках у него была шляпа с широкими полями; он, видимо, при входе только что надел черную полумаску, покрывавшую верхнюю часть его лица. Толстая, немного выдававшаяся вперед нижняя губа и длинный, прямой подбородок указывали на решительность, или, вернее, упрямство.

– Вы получили мое письмо? – спросил он звучным, резким голосом. – Я уведомил вас о моем посещении. – Он не знал, к кому обратиться, и поэтому взор его переходил от меня к Холмсу.

– Пожалуйста, садитесь – проговорил Холмс. – Это мой друг и коллега, доктор Ватсон, который иногда из любезности помогает мне в розыске. С кем я имею честь?

– Называйте меня графом фон Крамм, – проговорил незнакомец, произношение которого выдавало немца. – Я полагаю, что ваш друг, – вполне честный и благородный человек, которому можно доверить тайну высшей важности? В противном случае, я предпочел бы вести дело с вами наедине.

Я тотчас же поднялся, чтобы выйти из комнаты, но Холмс схватил меня за руку и усадил на место.

– Нет, – объявил он с твердостью, – этот господин отсюда не уйдет. Он может и должен слышать то, что вы намерены мне объявить.

Граф пожал плечами.

– В таком случае, я потребую от вас обоих, чтобы вы обязались хранить молчание в течение двух лет. Через два года все это происшествие не будет иметь никакого значения. Я нисколько не преувеличиваю, если заявлю вам, что в настоящее время дело, по которому я пришел к вам, может иметь историческое значение.

– Я обязуюсь молчать, – проговорил Холмс.

– И я тоже.

– Вы простите, что я пришел к вам в маске, – продолжал наш странный посетитель, – но таково желание высокопоставленного лица, по поручению которого я взял на себя ведение всего дела. Вместе с тем я должен вам объявить, что я назвался вымышленным именем.

– Я это знал, – ответил сухо Холмс.

– Обстоятельства требуют величайшей осторожности. Нужно во что бы то ни стало избавить одну царствующую династию от скандала, который мог бы ее серьезно скомпрометировать. Признаюсь откровенно, что речь идет династии, царствующей в княжестве О...

Холмс откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Я это тоже знал, – пробормотал он.

По-видимому, пораженный этими словами, незнакомец с удивлением взглянул на довольно небрежно сидевшего перед ним самого знаменитого и искусного сыщика Европы. Холмс медленно открыл глаза и бросил нетерпеливый взгляд на своего клиента.

– Если вашему высочеству будет угодно рассказать мне все в подробностях, – заметил он, – я попробую дать надлежащий совет.

Незнакомец вскочил с кресла и начал шагать взад и вперед по комнате. Затем он с жестом отчаяния сорвал маску со своего лица и бросил ее на пол.

– Вы правы, – воскликнул он, – я – князь! К чему это скрывать?

– Не понимаю, к чему? – пробормотал Холмс. – Прежде чем ваше высочество еще слово сказали, мне было известно, с кем я имею счастье вести дело.

Наш странный посетитель снова сел и провел рукой по своему высокому белому лбу.

– Но вы поймете, вы должны понять, что я не привык лично вести подобные дела! И все-таки я в этом щекотливом деле не мог довериться третьему лицу, так как я этим самым всецело отдавал бы себя в его руки. Я приехал инкогнито в Лондон в надежде получить от вас надлежащий совет.

– В таком случае, я слушаю, ваше высочество, – проговорил Холмс, снова закрывая глаза.

– Вот в чем дело. Пять лет тому назад я познакомился во время моего продолжительного пребывания в Варшаве с известной авантюристкой Ирэн Адлер. Вам это имя, вероятно, не совсем незнакомо?

– Будь так любезен, доктор, взгляни в моем списке, – проговорил Холмс, не открывая глаз.

Несколько лет тому назад он начал систематически записывать все то, что казалось ему важным, так что почти нельзя было найти человека, о котором у него не было бы каких-нибудь сведений. На этот раз я нашел касающиеся ее сведения между биографиями еврейского раввина и одного контр-адмирала, автора труда о морских рыбах.

– Ну, посмотрим-ка, – проговорил Холмс. – Хм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Альт, хм... Ла Скала, хм... Примадонна Варшавской императорской оперы, да! Бросила сцену. Ага! Живет в Лондоне... Совершенно верно! Ваше высочество завязали знакомство с этой молодой особой и написали ей несколько компрометирующих вас писем, обратное получение которых в настоящее время было крайне бы желательно. Так ли это?

– Совершенно верно. Но каким образом вы?..

– Тайного брака нет?

– Нет.

– Никаких письменных обещаний жениться на ней не существует?

– Нет.

– В таком случае, я не понимаю, ваше высочество. Если бы эта молодая особа воспользовалась для своих целей письмами вашего высочества, каким образом она могла бы доказать, что они исходят от вашего высочества?

– Но почерк!

– Подделан.

– Моя почтовая бумага.

– Украдена.

– Моя печать.

– Подделана.

– Моя фотографическая карточка.

– Куплена.

– Но ведь мы на ней вместе сняты!

– О-о, это очень плохо! Подобной неосторожности ваше высочество не должны были допустить. Ваше высочество себя серьезно скомпрометировали.

- Я тогда был еще очень молод и не занимал престола. Мне теперь только тридцать лет.
- Нужно во что бы то ни стало добыть карточку.
- До сих пор все мои попытки были напрасны.
- Предлагали вы ей деньги?
- Она не идет ни на какие уступки.
- В таком случае, эти письма нужно украсть.
- Я уже пробовал это сделать, целых пять раз, и все напрасно. Два раза я велел обыскать всю ее квартиру. Один раз в дороге весь ее багаж был перерыт, и два раза ее саму обыскали.
- И писем не нашли?
- Ни одного.
- Холмс расхохотался.
- История эта становится очень забавной.
- Я ее забавной ничуть не нахожу! – заметил с упреком князь.
- Отлично. Что она намерена сделать с этой фотографией?
- Она хочет причинить мне неприятности.
- Каким образом?
- Я намереваюсь скоро вступить в брак.
- Я об этом слышал.
- С принцессой Клотильдой, второй дочерью ***ского короля. Вам, конечно, известны строгие принципы этой династии. Сама принцесса – воплощенная чистота. Если бы на меня упало хоть малейшее подозрение, она тотчас же отказала бы мне.
- А Ирэн Адлер?
- Она грозит послать им карточку. Она так и сделает, я знаю. Она способна на это. Вы ее не знаете. У нее железная воля. Она готова на все, чтобы помешать моему браку, решительно на все!
- Вы уверены, что карточка еще у нее?
- Уверен.
- Откуда вам это известно?
- Она дала клятву отослать ее туда в тот день, когда будет объявлено о моей свадьбе. А это последует в будущий понедельник.
- О, в таком случае, у нас целых три дня! – проговорил Холмс, видимо, очень обрадованный. – Ваше высочество остаетесь в Лондоне?
- Конечно. Вы найдете меня в гостинице Лангхам под именем графа фон Крамма.
- Я извещу вас о результатах моего предприятия.
- Пожалуйста! Вы можете себе представить, как я волнуюсь!
- Теперь остается только покончить с вопросом о гонораре.
- Я вам даю карт-бланш. Я готов отдать за эту фотографию один из моих замков!
- А текущие расходы?
- Князь вынул толстый бумажник и положил его на стол.
- Здесь триста фунтов золотом и семьсот кредитными билетами, – проговорил он.
- Холмс нацарапал расписку на листке своей записной книжки и передал ее князю.
- Адрес дамы?
- Бриони-Лодж, Серпентин-Авеню, Сент-Джонс-Вуд.
- Холмс записал адрес.
- Еще один вопрос. У нее кабинетная карточка?
- Да.
- Отлично. Покойной ночи, ваше высочество. Я надеюсь вполне, что скоро пришлю вам благоприятные известия...

– Покойной ночи, Ватсон, – обратился он ко мне, когда княжеский экипаж отъехал от нашего дома. – Я буду очень рад, если ты зайдешь ко мне завтра в три часа дня. Мне будет очень приятно поболтать с тобой об этом деле.

II

Ровно в три часа я явился к Холмсу, но его еще не было дома. Хозяйка передала мне, что не было еще восьми часов утра, когда он вышел из дому. Я сел у камина с твердым намерением дожидаться его во что бы то ни стало. Поручение, принятое на себя Холмсом достать фотографическую карточку меня крайне интересовало, и хотя вся эта история не имела того мрачного, ужасного характера, как описанные мною раньше преступления, тем не менее, она приобретала выдающийся интерес ввиду самой личности клиента. Вместе с тем, мне было крайне любопытно снова проследить ясную, разительную логику моего друга и мастерское умение распутывать самые запутанные обстоятельства. Я уже так привык к его постоянным удачам, что мне и в голову не приходила возможность неудачи.

Около четырех часов в комнату вошел какой-то, по-видимому, пьяный конюх с нечесаными волосами и бородой, раскрасневшееся от вина лицо которого и засаленная одежда производили неприятное впечатление. Хотя я знал удивительное искусство Холмса переодеваться, тем не менее, я не сразу догадался, кто стоит передо мною. Он кивнул мне головой и исчез в спальне; и явился пять минут спустя таким же элегантно одетым и безупречным джентльменом, как всегда. Заложив руки в карманы, он уселся перед камином и начал хохотать от всей души.

– Это великолепно! – воскликнул он и продолжал снова хохотать, пока, наконец, у него не захватило дыхание.

– Что случилось?

– Нет, право, это слишком смешно. Ты ни за что не отгадаешь, чем я сегодня занимался, и чего я сегодня добился.

– Не имею понятия. Ты, наверное, знакомился с домом и привычками мисс Ирэн.

– Совершенно верно, и мне пришлось увидеть много интересного. Я тебе все расскажу по порядку. Итак, я вышел сегодня утром из дома переодетый грумом. Знаешь, между этими конюхами существует замечательная дружба. Они готовы друг другу во всем помочь. Я скоро нашел занимаемый ею дом. Двухэтажная вилла, в которой она живет – настоящая игрушка. Позади ее расположен сад, а фасадом своим она выходит прямо на улицу. На улицу же выходят окна большой, роскошно обставленной гостиной. Окна эти очень высоки, почти во всю высоту комнаты, и снабжены теми глупыми английскими оконными запорами, которые может отворить любой ребенок. Я начал бродить по улице и не ошибся в расчетах: в переулке, примыкавшем к саду, находилась конюшня. Я помог конюху вычистить лошадей и заработал благодаря этому на кружку пива и получил самые точные сведения об Ирэн Адлер.

– Ну, и что же?

– О, оказывается, она вскружила головы всем мужчинам этого квартала. Она самая восхитительная женщина в мире. Все конюхи и кучера Серпентин-Авеню утверждают это в один голос. Она живет очень уединенно, поет в концертах, выезжает ежедневно в пять часов и возвращается в семь часов к обеду. Очень редко выезжает из дому в другое время. Ее часто навещает молодой человек необыкновенной красоты. Он бывает у нее по нескольку раз в день. И зовут его мистер Годфри Нортон. Ты видишь, как выгодно иметь знакомых кучеров! Они отвозили его домой, по крайней мере, раз двадцать, и поэтому дали мне о нем самые подробные сведения. Когда я узнал от них все, что мне было нужно, я начал тихо прогуливаться близ виллы и составлять план кампании.

Очевидно, этот мистер Нортон играл не последнюю роль во всем этом деле. Он, как я узнал, юрист. Какие отношения существовали между ним и Ирэн Адлер? Ради чего посещал

он ее так часто? Кем была она для него – клиенткой, другом или возлюбленной? В первом случае, она, конечно, отдала бы ему на хранение карточку. В последнем – пожалуй, что нет. От решения этого вопроса зависело, где я должен продолжать свои розыски: на вилле Адлер или на квартире этого господина. Это было очень важное обстоятельство, и оно запутывало все дело. Я боюсь, что эти подробности тебе не интересны, но они необходимы для уразумения истинного положения вещей.

– Я слушаю тебя очень внимательно, – ответил я.

– Я еще не пришел к окончательному решению, как перед виллой остановился кеб, и из него выскочил чрезвычайно красивый господин с орлиным носом и большой бородой. Очевидно, тот самый, которого мне описали. Он, по-видимому, очень торопился, приказал кучеру ждать и прошел мимо отворившей ему дверь девушки, с видом человека, чувствующего себя дома.

В вилле он пробыл около получаса; время от времени показывался у окна, и я видел, как, жестикулируя и возбужденно разговаривая, он ходил взад и вперед по комнате. Ее не было и следа. Вдруг он выскочил из виллы в сильнейшем возбуждении. Прежде чем сесть на извозчика, посмотрел на часы. «Поезжайте во весь дух! – проговорил он. – Сначала к Гроссу и Ганкею, в Риджент-стрит, а затем в церковь святой Моники. Вы получите полгинеи, если привезете меня туда в двадцать минут!»

Они помчались, и я только что раздумывал, следовать ли мне за ними, как вдруг увидел, что по переулку едет нарядное маленькое ландо. Едва только кучер успел подъехать к подъезду и застегнуть пуговицы своей ливреи, как Адлер выскочила из подъезда и сама распахнула дверцы экипажа. «В церковь святой Моники, Джон! – крикнула она. – Получишь полсоверена, если будешь там через двадцать минут!» Я только мельком увидел ее, но этого было вполне достаточно, чтобы понять, что ради такой женщины мужчина способен на всякую глупость.

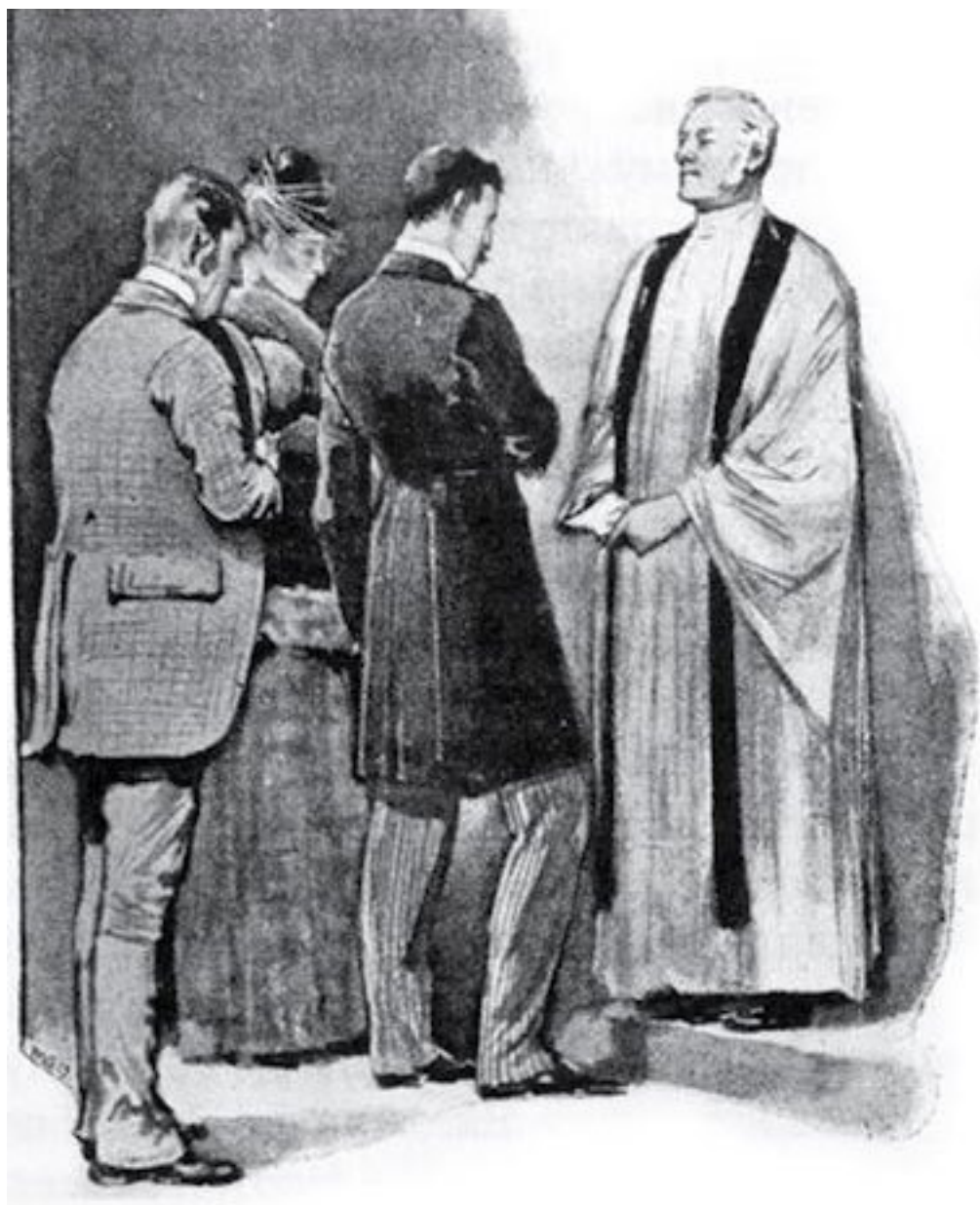
Такого удобного случая я не должен был упускать, Ватсон. К счастью, вблизи я нашел извозчика, и, прежде чем он успел оглянуться, я уже сидел в его экипаже. «Получите полсоверена, если довезете в церковь святой Моники в двадцать минут!» Было без двадцати пяти минут двенадцать, и я отлично понимал, что должно было произойти.

Мой извозчик ехал очень скоро, но те все-таки меня опередили. Я расплатился и поспешно вошел в церковь. Кроме преследуемых мною и одного, по-видимому, весьма смущенного священника, в церкви никого не было. Священник, видимо, убеждал их в чем-то, и все они стояли перед алтарем. Я вошел в боковой придел с видом совершенно случайно зашедшего в церковь. К моему величайшему удивлению, все трое вдруг обратили внимание на меня, и Годфри Нортон быстро подошел ко мне.

«Слава Богу! – воскликнул он. – Вы можете оказать нам очень большую услугу. Идемте! Скорее, скорее!»

«Куда идти?» – спросил я.

«Идемте, идемте, остается еще три минуты!»

Меня потащили к алтарю, и, прежде чем я успел понять происходившее, я стал давать ответы, которые мне подсказывали, и удостоверить вещи, о которых я не имел ни малейшего понятия. Короче сказать, я явился свидетелем торжественного брака Ирэн Адлер с Годфри Нортоном.

Через несколько минут все было кончено; справа меня благодарил господин, слева – дама, а спереди священник выражал мне свое удовольствие. Я никогда не был в таком глупом положении, и вот теперь-то, вспомнив о нем, я невольно и расхохотался. Очевидно, священник отказывался венчать без свидетелей. Если бы я там случайно не очутился, жениху пришлось бы брать свидетеля с улицы. Невеста подарила мне сверток, который я повешу на память к моей часовой цепочке.

– Это совершенно неожиданный оборот дела, – проговорил я.

– Да, моим планам грозила полная неудача. Молодая парочка собиралась, по-видимому, куда-то уезжать, и потому я должен был, со своей стороны, принять быстрые и энергические меры. Но на церковной паперти они расстались: он направился в Темпл, она – к себе. «В пять

часов поеду я, по обыкновению, в парк», – крикнула она ему. Они отправились в разные стороны, а я решил заняться делом.

– Каким же?

– Съесть холодного ростбифа и выпить стакан пива, – ответил он, позвонив в колокольчик. – До сих пор у меня не было времени думать о еде. А вечером я буду еще более занят. Впрочем, я хотел бы просить о твоей помощи, доктор.

– С удовольствием.

– Я тебе все расскажу, когда хозяйка принесет ростбиф.

– Прости, – проговорил он затем, с аппетитом набросившись на поданное блюдо. – Я должен тебе все объяснить за едой, так как у меня очень мало свободного времени. Через два часа мы должны быть на театре военных действий, так как мадемуазель или, вернее, мадам Ирэн вернется в семь часов со своей прогулки. Я уже составил план наших действий. Но вот что: ты должен дать мне слово ни во что не вмешиваться. Понял?

– Значит, я должен сохранить нейтралитет?

– Да. Должно быть, дело дойдет до столкновения. Ты на это не обращай внимания. Когда я, что самое главное, попаду в дом, все успокоится. Через четыре или пять минут откроется окно гостиной. И ты должен стать подле этого открытого окна.

– Хорошо.

– Ты увидишь меня с улицы, и не должен меня выпускать из виду.

– Хорошо.

– Как только я подниму руку, ты бросишь в комнату предмет, который я тебе дам, и одновременно с этим крикнешь: «Пожар!» Ты все запомнил?

– Конечно.

– В этом ничего опасного нет, – проговорил он и вынул из кармана длинный сигарообразный сверток. – Это обыкновенная самовоспламеняющаяся ракета. Этим ограничится вся твоя задача. Крикнув «Пожар!», ты спокойно пойдешь вниз по улице, и минут через десять минут я тебя, вероятно, догоню. Надеюсь, ты меня понял?

– Я должен сохранять нейтралитет, подойти к окну, наблюдать за тобой, бросить это по твоему знаку в комнату, крикнуть: «Пожар!» и ждать тебя на углу улицы.

– Совершенно верно.

– Ты можешь вполне положиться на меня.

– Отлично! Но теперь уже мне пора подготовиться к моей роли.

Он направился в спальню и вернулся через несколько минут в образе любезного, скромного методистского проповедника. Широкая черная шляпа, широкие брюки, белый парик, умильная улыбка и благосклонный, любезный взор как нельзя лучше характеризовали методистского священника. Но Холмс изменил не только свой наряд. Его черты, его манеры, все его существо изменилось до неузнаваемости.

Без десяти семь мы были в Серпентин-Авеню. Уже смеркалось, и только что начали зажигать фонари; мы начали ходить перед виллой в ожидании ее хозяйки. Вилла была совершенно такой, какой я себе ее представлял по рассказам Холмса, но окружающую местность я себе воображал гораздо более пустынной. На одном углу болтала группа веселых курящих зевак, невдалеке стоял точильщик со своим колесом, и два солдата любезничали с няней. Несколько хорошо одетых молодых людей медленно прохаживались взад и вперед с сигарой во рту.

– Видишь ли, – заметил Холмс, – эта свадьба чрезвычайно упрощает дело. Теперь фотография является обоюдоострым оружием. Я не думаю, чтоб ей было очень желательно показать карточку мистеру Нортону, точно так же, как нашему клиенту не очень приятно, если бы она попала в руки принцессы. Вопрос в том, где найти карточку.

– Да, где?

– Маловероятно, чтобы она ее всегда носила при себе. Кабинетная карточка слишком велика, чтобы ее можно было легко скрыть в дамском платье. Поэтому, очевидно, что она ее с собой не носит.

– Где же она?

– Может быть, у ее банкира или нотариуса, но это предположение маловероятно. К чему ей передавать другому такую важную вещь? На себя-то она может положиться, но ведь она не знает, в силах ли воспротивиться ее деловой человек политическому или косвенному влиянию. Кроме того, она намерена воспользоваться карточкой в ближайшие дни. Поэтому она должна у нее быть всегда под рукой. Поэтому она, наверное, хранится у нее на квартире.

– Но ведь у нее делали два раза обыск.

– Они не умели искать.

– А что ты намерен делать?

– Я совсем не буду искать.

– Как так?

– Она сама мне ее покажет.

– Ну, не думаю.

– Посмотрим. Тс, экипаж подъезжает. Теперь следуй в точности моим предписаниям.

Маленькое, элегантное ландо, фонари которого были зажжены, подъехало к вилле; едва оно успело остановиться, как к нему подбежал один из прогуливающихся людей для того, чтобы открыть дверцу экипажа и получить за это на чай. Другой бросился с тем же намерением и оттолкнул его в сторону. Между ними произошло спор; вмешались оба солдата и приняли сторону первого, тогда как точильщик заступился за второго. Дело дошло до форменной потасовки, и в одно мгновение вышедшая из экипажа дама стала центром возбужденных, дерущихся людей, пускавших в ход и палки, и кулаки. Холмс бросился в середину свалки защищать даму. Но он еще не успел добраться до нее, как вскрикнул и упал с окровавленным лицом. Тотчас же все дерущиеся разбежались в разные стороны, и только тогда несколько человек, более прилично одетых, бывших дотоле безучастными зрителями этой сцены, бросились на помощь даме и раненому. Ирэн Адлер вбежала в подъезд; на пороге она остановилась, видимо, не зная, что делать, и великолепная ее фигура резко выделялась на ярко освещенном заднем фоне.

– Он тяжело ранен? – спросила она.

– Он умер! – воскликнуло несколько человек.

– Нет, он еще жив, – проговорил кто-то. – Но он умрет прежде, чем вы его успеют довести в больницу.

– Славный, отважный человек! – проговорила какая-то женщина. – Не вмешайся он, эти негодяи стащили бы с дамы и цепочку, и часы. Он еще двигается.

– Здесь его нельзя оставить. Позвольте его снести в ваш дом, сударыня?

– Конечно, внесите его в гостиную. Там удобная софа. Пожалуйста, сюда!

Медленно и торжественно внесли его в гостиную; мне все это было видно в окно. Я видел лежащего на софе Холмса, так как комната была освещена, а шторы не задернуты. Не явились ли у него в эту минуту укоры совести? Что касается до меня, то я чувствовал себя сильно смущенным тем, что принимаю участие в махинациях против этой прелестной женщины, ухаживающей с такой нежностью и грацией за раненым. И все-таки он теперь уже не мог отступить, и поэтому я постарался отогнать от себя укоры совести и вынул из пальто ракету. Я успокаивал себя тем, что ведь ей не будет нанесено никакого вреда, и что мы только стремимся воспрепятствовать ей нанести вред другим.

Холмс приподнялся; он сделал движение, как будто задыхается. Горничная бросилась открыть окно. В ту же самую минуту он поднял руку; я бросил в комнату ракету и крикнул во все горло: «Пожар!» В одну минуту у виллы собралась целая толпа народу. Густое облако дыма

выбивалось из открытого окна. Передо мною мелькали тени бегущих взад и вперед людей, и я услышал голос Холмса, уверявшего, что опасности никакой нет.

Я выбрался из толпы и не прождал на углу и десять минут, как явился Холмс, и мы двинулись в путь с облегченным сердцем.

Несколько минут он быстро и молча шел рядом со мной.

– Ты это сделал очень искусно, доктор, – заметил он. – Теперь все в порядке.

– Ты, значит, достал фотографию?

– Нет, но зато знаю, где она находится.

– Каким образом ты это узнал?

– Она мне, как я тебе предсказывал, сама же и указала.

– Мне это совершенно непонятно.

– Ну, я из этого не буду делать тайны, – проговорил он со смехом. – Вся история проста до чрезвычайности. Ты, конечно, догадался, что на улице все было подстроено. Все участвующие лица были ангажированы на один вечер.

– Я так и думал.

– Когда разыгрался скандал, я держал на ладони своей руки кусок сыровой красной материи. Перед тем, как упасть на землю, я прижал его к лицу, и поэтому получилось впечатление, что у меня лицо разбито в кровь. Это старый кунштюк.

– Я так и предполагал.

– Меня внесли в ее виллу, и как раз в ту гостиную, на которую я обратил раньше все свое внимание. Она примыкает к спальне, и от меня, следовательно, ничего не могло укрыться. Они меня положили на софу, я начал как бы задыхаться, горничная распахнула окно, и тогда начал действовать ты.

– Но каким образом я мог тебе оказать содействие?

– Если женщина думает, что горит ее дом, она, несомненно, инстинктивно схватится за предмет, который ей дороже всего. Это вполне естественно, и я этим пользовался не раз для своих целей. Замужняя женщина и мать хватается своего ребенка, незамужняя женщина хватается за свои драгоценности. Для нашей дамы самой драгоценной вещью является предмет, который я стремлюсь достать. Сцена пожара была проведена великолепно. Дым и крик могли бы потрясти и стальные нервы. Поэтому я узнал все. Фотография помещается в нише, в потайном шкафчике, вделанном в стену. При первой тревоге она бросилась туда, и я увидел, что она держала в руках карточку. Когда я крикнул, что опасности никакой нет, она положила карточку обратно, но затем увидела ракету и бросилась из комнаты. После этого я ее уже не видал. Я колебался, не овладеть ли карточкой, но в эту минуту вошел ее кучер, и тогда решил повременить, так как малейшая оплошность могла испортить все дело.

– А теперь что?

– Собственно говоря, остается сделать пустяки. Завтра утром я с князем сделаю ей визит. Если ты хочешь, можешь идти с нами. Нас попросят обождать в гостиной, и дело будет сделано. Может быть, его высочеству доставит особенное удовольствие взять эту карточку собственноручно.

– В котором часу вы сделаете визит?

– В восемь часов утра. Дама наша будет еще, конечно, спать, и мы будем хозяевами положения. Конечно, мы должны быть очень аккуратны, так как неизвестно, какие изменения произвел в ее жизни и привычках этот брак. Я тотчас же извещу князя.

Разговаривая, мы дошли до улицы Бейкер. Холмс стал искать в кармане ключ от входной двери; вдруг какой-то прохожий крикнул ему:

– Спокойной ночи, мистер Холмс!

Слова эти были, по-видимому, произнесены молодым человеком в широком пальто, быстро пробежавшим мимо нас.

– Я где-то слышал этот голос, – проговорил Холмс. – Кто бы это мог быть, черт возьми?

III

Я провел эту ночь у Холмса. На следующее утро мы только что принялись за завтрак, как вбежал князь.

– Вы добились своего? – воскликнул он, хватая Холмса за плечи и с волнением ожидая его ответа.

– Пока еще нет.

– Но вы имеете надежду?

– Конечно.

– В таком случае, едемте! Я сгораю от нетерпения.

– Я еще должен послать за извозчиком.

– Мой экипаж у вашего подъезда.

– Тем лучше.

Мы сели в экипаж и поехали.

– Ирэн Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.

– Замуж? Когда же?

– Вчера.

– И за кого же?

– За английского адвоката, по имени Нортон.

– Правда? Но любить его она, во всяком случае, не может.

– И все-таки, в интересах вашего высочества было бы желать этого.

– Почему так?

– Потому что это обезопасит ваше величество от дальнейших неприятностей. Если она любит своего мужа, она не любит ваше высочество, а если она не любит ваше высочество, к чему же ей нарушать ваш покой?

– Совершенно верно. И все-таки... Ах, как бы я желал, чтобы она была мне равна по рождению! Какая бы она была княгиня!

Он задумался и молчал до самого дома Адлер.

Двери виллы была открыта настежь, и на пороге ее стояла пожилая женщина, смотревшая с сардонической улыбкой, как мы выходили из экипажа.

– Мистер Шерлок Холмс? – спросила она.

Мой друг бросил на нее удивленный взгляд.

– Да, я мистер Холмс.

– Барыня предупредила меня о вашем приезде. Она уехала сегодня с утренним пятичасовым поездом на континент.

– Что?! – Шерлок Холмс побледнел как полотно. – Вы хотите этим сказать, что она покинула Англию?

– Да. Навсегда.

– А бумаги? – спросил хриплым голосом князь. – Значит, все пропало!

– Мы должны удостовериться, – Холмс оттолкнул служанку и бросился в комнату.

Князь и я последовали за ним. Мебель в комнате стояла в беспорядке, открытые настежь шкафы указывали на поспешность отъезда. Холмс бросился к тайнику, открыл его и вытащил фотографическую карточку и письмо. На карточке была изображена Ирэн Адлер в вечернем туалете, а письмо было адресовано мистеру Шерлоку Холмсу.

Мой друг разорвал конверт, и мы все трое одновременно прочли это письмо. Оно было написано накануне, около двенадцати часов ночи и гласило следующее:

«Мой дорогой мистер Холмс, Вы, действительно, бесподобно провели вашу роль, и Вам вполне удалось овладеть моим доверием. До самой суматохи по поводу мнимого пожара я не имела ни малейшего подозрения. Но затем я поняла, что я себя выдала, и задумалась о будущем. Несколько месяцев тому назад меня уже предостерегали и указывали на Вас, как на единственного человека, к посредству которого прибегнет князь. Сначала мне было стыдно

за недоверие к такому милому старому священнику. Но вы знаете, что я сама была актрисой, и поэтому сама не раз прибегала к переодеванию. Поэтому я послала своего кучера Джона наблюдать за Вами, а сама отправилась к себе наверх переодеться. Я успела последовать за Вами до вашего дома и убедилась, что мною интересуется знаменитый мистер Холмс. Я даже сделала неосторожность – пожелала Вам спокойной ночи, – и поспешила обратно к мужу.

Мы с мужем сочли за самое лучшее спастись от такого опасного врага бегством. Поэтому завтра Вы найдете гнездышко пустым. Пусть ваш клиент успокоится насчет карточки: я люблю и любима человеком, гораздо более благородным, чем князь. Я предоставляю князю полную свободу действий и, несмотря на его тяжелую вину, не буду стоять поперек его дороги. Я оставляю фотографическую карточку, обладание которой может быть желательно князю, и остаюсь навсегда преданная Вам

Ирэн Нортон, урожденная Адлер».

– Какая женщина, нет, какая женщина! – воскликнул князь. – Не говорил ли я вам, как она быстро и решительно действует? Какая бы из нее вышла великолепная княгиня! Как жалко, что она не стоит на одной ступени со мной!

– Судя по всему, что мне о ней известно, она смотрит на это с совершенно другой точки зрения, – ответил на это холодно Холмс.

– Скажите мне, чем я могу вас вознаградить? Это кольцо...

Он снял со своего пальца кольцо с изумрудом и протянул его Холмсу.

– Ваше высочество обладает тем, что имеет для меня гораздо бóльшую ценность.

– Что же это?

– Фотографическая карточка.

Князь взглянул на него с удивлением.

– Карточка Ирэн?! В таком случае, возьмите ее, пожалуйста.

– Очень благодарен, ваше высочество. Честь имею кланяться.

Он сделал поклон и удалился, сделав вид, что не замечает протянутой ему князем руки.

Таким образом, был счастливо избегнут угрожающий князю К. скандал, и самые остроумные планы Шерлока Холмса были разрушены благодаря хитрости женщины. Холмс всегда насмехался над хитроумием женщин; с того времени я не слышал от него больше ни одного насмешливого слова на этот счет.

Лига красноволосых

Однажды, прошлую осенью, я зашел к своему другу мистеру Шерлоку Холмсу и застал его в оживленном разговоре с каким-то очень толстым цветущим пожилым господином с ярко-рыжими волосами. Я извинился за свое вторжение и хотел уйти, но Холмс решительно втащил меня в комнату и запер дверь.

– Вы пришли как нельзя больше вовремя, милый Ватсон, – ласково проговорил он.

– Я боялся помешать вам, видя, что вы заняты.

– Да, занят. И даже очень.

– Ну, так я могу подождать в другой комнате.

– Незачем... Этот господин был партнером и помощником в самых моих удачных делах, мистер Вилсон, и я не сомневаюсь, что он может быть очень полезен и для вас.

Толстый господин приподнялся с кресла, кивнул головой в знак приветствия и вопросительно взглянул на меня своими пронизательными, заплывшими жиром глазками.

– Присядьте на канapé, – проговорил Холмс, опускаясь в свое кресло и перебирая кончиками пальцев, что он всегда делал во время рассуждений. – Я знаю, милый Ватсон, что вы разделяете мою любовь ко всему странному и выходящему из пределов обыденной серенькой жизни. Вы обнаружили ваше пристрастие тем энтузиазмом, который побудил вас записывать и, простите за выражение, несколько разукрашивать многие из моих маленьких приключений.

– Действительно, ваши дела всегда чрезвычайно интересовали меня, – заметил я.

– Помните, недавно, прежде чем мы занялись очень простой проблемой, представившейся нам в лице мисс Мэри Сазерленд, я говорил, что в жизни встречаются такие странные положения и необыкновенно сложные случайности, какие не может выдумать никакое воображение?

– И я осмелился высказать свои сомнения насчет этого предположения.

– Да, вы высказали ваши сомнения, но, тем не менее, вам придется согласиться с моей точкой зрения; иначе я буду громоздить перед вами факт за фактом до тех пор, пока ваш разум не сломится под тяжестью их, и вам придется признать правоту моего взгляда. Вот мистер Джейбз Вилсон был так добр, что навел на меня сегодня утром и начал рассказ, который обещает быть одним из самых странных, слышанных мною за последнее время. Вы слышали мое замечание, что большинство самых странных и необыкновенных явлений очень часто связано не с важными, а, скорее, с более мелкими преступлениями, а иногда даже и с теми случаями, в которых является сомнение в наличии преступления. То, что я слышал в данном случае, не позволяет мне сказать, есть ли тут преступление или нет, но события, рассказанные мне, принадлежат к числу самых странных. Может быть, мистер Вилсон, вы будете так добры, что повторите ваш рассказ. Прошу вас не только для того, чтобы дать моему другу доктору Ватсону возможность выслушать все сначала, но и для того, чтобы услышать из ваших уст малейшие подробности этой необыкновенной истории. Обыкновенно при малейшем указании на ход событий я начинаю вспоминать о множестве подобных случаев. Но здесь я должен признаться, что имею, по моему мнению, дело с фактами, единственными в своем роде.

Толстый клиент выпятил грудь с несколько гордым видом и вытащил из внутреннего кармана пальто грязную смятую газету. Пока он просматривал объявления, вытянув шею и разглаживая рукой лежавшую у него на коленях газету, я смотрел на него, стараясь, по примеру моего товарища, вывести какие-либо заключения из одежды и вида этого человека.

Наблюдения мои не были особенно успешны. Посетитель оказался самым обыкновенным британским торговцем, толстым, напыщенным и неповоротливым. На нем были несколько мешковатые серые брюки, не очень чистый черный сюртук, расстегнутый на груди, и темный жилет, на котором виднелась тяжелая бронзовая цепочка с привешенным к ней, в виде укра-

шения, четырехугольным кусочком какого-то металла. Рядом с ним на стуле лежали поношенный цилиндр и выцветшее коричневое пальто со смятым бархатным воротником. Вообще, несмотря на все мои старания, я не мог найти в этом человеке ничего замечательного, за исключением разве огненных волос и выражения сильного горя и недовольства на его лице.

Шерлок Холмс зорко взглянул на меня и, улыбаясь, покачал головой на мой вопросительный взгляд.

– Из моих наблюдений я не могу вывести ничего, кроме очевидных фактов, что он был несколько времени чернорабочим, нюхает табак, принадлежит к масонам, побывал в Китае и очень много писал в последнее время, – сказал он.

Мистер Джейбз Вилсон привскочил на стуле и устремил глаза на моего друга, не снимая пальца с газеты.

– Скажите, ради бога, как вы узнали все это, мистер Холмс? – спросил он. – Как вы, например, узнали, что я был чернорабочим? А ведь это сушая правда, я был корабельным плотником.

– Узнал по вашим рукам, сэр. Ваша правая рука значительно больше левой. Вы много работали ею, и потому мускулы на ней развиты гораздо больше, чем на левой.

– Ну, а почему же вы узнали, что я нюхаю табак и принадлежу к франкмасонам?

– Не стоит даже затруднять вас объяснениями по этому поводу, тем более, что вы несколько даже нарушаете строгие правила вашего ордена, нося булавку с изображением циркуля и наугольника⁸.

– Ах, да, я и забыл об этом. Ну, а насчет того, что я много писал за это время?

– Отчего же у вас правый рукав так блестит на протяжении пяти дюймов, а на левом видно вытертое пятно, как раз в том месте, где вы опираетесь локтем об стол?

– А Китай?

– На правой руке, выше кисти, у вас имеется изображение рыбы. Такая татуировка делается только в Китае. Одно время я немного занимался изучением татуировок и даже писал об этом. Нежная розовая раскраска чешуи рыбы свойственна только Китаю. К тому же на цепочке у вас висит китайская монета, что еще более упрощает дело.

Мистер Джейбз Вилсон громко расхохотался.

– Ну, вот уж не ожидал! – проговорил он. – Сначала-то я подумал, что вы действительно определили что-то необычайно умное, а теперь вижу, что ничего тут особенного нет.

– Я начинаю думать, что напрасно объясняю все мои выводы, Ватсон, – заметил Холмс. – Вы знаете: «*Omne ignotum pro magnifico est*»⁹, и моя бедная репутация, как бы незначительна она ни была, может пострадать от излишней откровенности с моей стороны. Вы все еще не нашли объявления, мистер Вилсон?

– Вот оно, – ответил Вилсон, тыкая в столбец газеты своим толстым красным пальцем. – Нашел. Все дело и началось с этого. Прочтите сами, сэр.

Я взял от него газету и прочел следующее:

«Для Лиги рыжих. В силу завещания покойного Иезекии Хопкинса из Лебанона в Пенсильвании (Северо-Американские Штаты) открывается новая вакансия члена Лиги, который может получать четыре фунта стерлингов в неделю за необременительные услуги. Кандидатами могут явиться все здоровые духом и телом люди с рыжими волосами, старше двадцати одного года. Обращаться лично в понедельник, в одиннадцать часов к Дункану Россу, в конторе Лиги, Попс-корт, 7, Флит-стрит».

– Что бы это могло означать? – заметил я, дважды прочитав это необыкновенное объявление.

Холмс усмехнулся и заворочался в кресле, как бывало с ним в минуты удовольствия.

– Это несколько выходит из обычной колеи, не правда ли? – сказал он. – Ну, а теперь, мистер Вилсон, расскажите-ка нам про себя, про ваших родных и про влияние, которое это объявление имело на вашу судьбу. А вы, доктор, взгляните, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

– Это «Монинг кроникл» от 27 апреля 1890 года, ровно два месяца тому назад.

– Очень хорошо. Ну-с, господин Вилсон.

– Ну, вот, дело было так, как я уже рассказывал вам, мистер Шерлок Холмс, – сказал Джейбз Вилсон, утирая лоб. – У меня небольшая ссудная касса на Кобург-сквер, вблизи Сити. Дело у меня всегда шло неважно, а в последние годы я еле добывал себе пропитание. Прежде я держал двух помощников, а теперь у меня только один, да и тому мне было бы трудно платить, если бы он не согласился на половинную плату ради изучения дела.

– Как зовут этого любезного юношу? – спросил Шерлок Холмс.

– Его зовут Винсент Спаулдинг, и он уже далеко не юноша. Трудно определить его возраст. Лучшего помощника трудно найти, мистер Холмс; и я отлично знаю, что он мог бы иметь лучшее место и получать вдвое больше жалованья, чем у меня. Но если он доволен, то не мне же наводить его на иные мысли, не так ли?

⁸ Самый узнаваемый символ масонства.

⁹ Все неизвестное представляется величественным (лат.).

– В самом деле, зачем? Это везение, что вам удалось достать хорошего работника за дешевую плату. В наше время это не часто случается. Мне кажется, ваш помощник так же замечателен в своем роде, как и это объявление.

– О, у него есть и недостатки, – заметил мистер Вилсон. – Он страшно увлекается фотографией. Щелкает камерой вместо того, чтобы развивать свой ум, и бросается, словно кролик, в свою нору, в погреб, чтоб проявлять снимки. Это его главный недостаток, но вообще он хороший работник, пороков у него нет.

– Он еще у вас?

– Да, сэр. У меня в доме только он да четырнадцатилетняя девочка, которая стряпает мне простые кушанья и прибирает квартиру. Я – вдовец, детей у меня никогда не было. Мы втроем ведем очень тихую жизнь, сэр, поддерживаем кое-как дом и платим долги. Это объявление нарушило наш покой. Ровно неделю тому назад Спаулдинг сошел вниз с этой газетой в руках и сказал:

– Как бы я хотел быть рыжим, мистер Вилсон.

– Это почему? – говорю я.

– А потому что вот открылась вакансия в Лиге рыжих. Ведь это целое богатство для того, кто получит ее; как кажется, вакансий больше, чем людей, и душеприказчики не знают, что делать с деньгами. Вот если бы у меня изменился цвет волос, поместился бы я в это самое гнездышко.

– Почему? В чем дело? – спросил его я.

– Видите, мистер Холмс, я страшный домосед, а так как дело само приходит ко мне, а не мне приходится бегать за ним, то я иногда по неделям не выхожу за порог дома. Таким образом, я немного знаю о том, что делается на свете, и всегда рад всякой новости.

– Вы никогда не слыхали об этой Лиге? – проговорил Винсент, широко раскрыв глаза.

– Никогда.

– Ну, удивляюсь, потому что вы-то могли бы быть кандидатом на одну из вакансий.

– А что даст мне это?

– О, сотни две в год, а работа легкая, и для нее не придется бросать других занятий.

Вы можете себе представить, как я насторожил уши при этих словах: дело шло не слишком хорошо за последние годы, и лишние сотни две в год были бы очень кстати.

– Расскажите мне все подробно, – говорю я.

– Вот, посмотрите сами, – говорит он, указывая мне объявление, – в Лиге рыжих есть вакансия, а вот и адрес конторы, где вы можете узнать все подробности. Насколько я понимаю, Лига была основана американским миллионером Иезекией Хопкинсом, должно быть, каким-то чудачком. У него самого были рыжие волосы, и потому он питал особую симпатию ко всем рыжим, так что после его смерти оказалось, что он оставил все свое громадное состояние в руках душеприказчиков, завещав им употреблять проценты на обеспечение людей с волосами одного с ним цвета. Из всего, что мне удалось слышать, я заключаю, что плата отличная, а работа очень легкая.

– Но ведь явятся миллионы рыжих. – говорю я.

– Вовсе не так много, как вы думаете, – отвечает он. – Видите, ведь приняты могут быть только лондонцы и взрослые люди. Этот американец в молодости уехал из Англии и хотел сделать добро родному городу. Потом я слышал, что волосы должны быть не просто светло- или темно-рыжего цвета, а непременно яркого, огненного. Ну, вот если бы вы обратились туда, мистер Вилсон, то вы, наверно, подошли бы подо все условия. Но, может быть, вы не найдете нужным тревожить себя из-за нескольких сот фунтов.

Вы сами можете видеть, господа, что волосы мои славного, роскошного оттенка, и потому поймете, почему мне показалось, что в этом отношении я могу потягаться с кем угодно. Повидимому, Винсент Спаулдинг хорошо знал это дело и мог оказаться полезным для меня.

Поэтому я велел ему закрыть ставни и идти со мной. Он очень охотно согласился бросить работу, мы закрыли лавочку и отправились по адресу, указанному в объявлении.

Никогда в жизни не увижу я больше ничего подобного, мистер Холмс. С севера, юга, запада и востока шли в Сити рыжие всех оттенков. Улица была набита рыжими, а Попс-корт имел вид целого моря апельсинов. Я думаю, что и во всей Англии не найдется столько рыжих, сколько их собралось здесь по одному объявлению. Тут были все оттенки рыжего цвета – оттенки соломы, лимона, апельсина, кирпича, желчи, глины, шерсти ирландского сеттера, – но, как говорил Спаулдинг, мало было волос такого яркого огненного цвета, как мои. Когда я увидел массу собравшихся, то в отчаянии хотел было отказаться от попытки, но Спаулдинг и слышать не хотел об этом. Не могу себе представить, как он это сделал, но он растолкал толпу, протиснулся со мной и втолкнул меня прямо к лестнице, которая вела в контору. На лестнице виднелся двойной поток людей: одни шли наверх и лица их сияли надеждой, другие спускались вниз с огорченным видом. Мы кое-как протиснулись и очутились в конторе.

– Занимательное было похождение, – заметил Холмс, когда его клиент остановился и сильно нюхнул табаку, чтобы освежить память. – Пожалуйста, продолжайте ваш интересный рассказ.

– В конторе стояло только два деревянных стула да стол, за которым сидел маленький человек с волосами еще более яркого рыжего цвета, чем мои. Каждому кандидату, входившему в комнату, он говорил несколько слов и во всех находил какой-нибудь недостаток, который делал его непригодным для нужного дела. Получить вакансию оказывалось вовсе нелегко. Однако, когда наступила наша очередь, человек отнесся ко мне любезнее, чем ко всем остальным, и запер за нами дверь, чтобы поговорить наедине.

– Это мистер Джейбз Вилсон, – сказал мой помощник, – и он желал бы поступить на вакансию, открывшуюся в Лиге.

– Он замечательно подходит под все условия, – ответил человек. – Не помню, чтобы мне когда-либо случалось встречать что-либо прекраснее. – Он отступил на шаг назад, надвинул шляпу на ухо и стал так пристально смотреть на мои волосы, что я положительно сконфузился. Затем он внезапно кинулся ко мне, сильно потряс мою руку и горячо поздравил меня с успехом.

– Всякие дальнейшие колебания были бы несправедливостью, – сказал он. – Но вы, наверно, извините меня за то, что я должен принять необходимые предосторожности.

С этими словами он схватил меня обеими руками за волосы и так дернул их, что я закричал от боли.

– У вас слезы на глазах, – сказал он, отпуская меня, – значит, все как следует. Нам приходится соблюдать осторожность, так как два раза нас обманывали париком и раз краской. Я мог бы рассказать вам целые истории про различные мошеннические проделки, которые заставили бы вас почувствовать отвращение к человеческой природе.

Он подошел к окну и крикнул изо всех сил, что вакансия замещена. Снизу донесся стон разочарования, и собравшиеся там люди разошлись по разным направлениям, так что остались только двое рыжих – я и управляющий конторы.

– Мое имя – Дункан Росс, – сказал он, – и я сам один из тех, кто получает пенсию из фонда, основанного нашим благородным благодетелем. Вы женаты, мистер Вилсон? Есть у вас семья?

Я ответил, что у меня нет семьи.

Лицо его сразу вытянулось.

– Вот как! Дело-то очень серьезное, – проговорил он. – С сожалением слышу от вас. Фонд был основан, само собой разумеется, столько же для распространения людей с рыжими волосами, сколько для поддержания их. Какое несчастье, что вы холостяк.

У меня также вытянулось лицо, мистер Холмс, так как я подумал, что вакансии мне не получить. Однако после нескольких минут размышления мой собеседник сказал, что все можно устроить.

– Будь на вашем месте кто-нибудь другой, это препятствие могло бы оказаться роковым, – проговорил он, – но для человека с такими волосами можно сделать снисхождение. Когда вы можете вступить в исполнение ваших новых обязанностей?

– Видите ли, может быть неудобно, так как у меня уже есть дело. – сказал я.

– О, об этом не думайте, мистер Вилсон, – говорит Винсент Спаулдинг. – Я могу заменить вас.

– А в какие часы? – спросил я.

– От десяти до двух.

В кассе ссуд дела, в основном, по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и пятницам накануне полочки, так что по утрам я был очень не прочь заработать лишнее. К тому же я знал, что помощник у меня хороший и приглядит за делом, если нужно.

– Мне это очень удобно, – сказал я. – А какая плата?

– Четыре фунта в неделю.

– А работа?

– Только номинальная.

– Что это значит – номинальная?

– Ну, видите, вам нужно только быть в конторе или в этом доме в продолжение условленного времени. Если уйдете в эти часы, то навсегда потеряете свое положение. В завещании это выражено очень ясно. Вы не выполните условий, если уйдете из конторы в эти часы.

– Раз это только четыре часа в день, то я вполне могу не выходить отсюда, – ответил я.

– Не принимается во внимание никаких причин неисполнения условия, – продолжал мистер Дункан Росс, – нельзя отговариваться ни болезнью, ни делом, ни чем бы то ни было. Вы должны или сидеть здесь, или отказаться совсем.

– А что же я должен делать?

– Списывать «Британскую энциклопедию». Вон там, в шкафу лежит первый том. Вы должны приносить свои собственные чернила, перья, промокательную бумагу, мы же даем стол и стул. Вы можете начать завтра?

– Конечно. – ответил я.

– В таком случае прощайте, мистер Джейбз Вилсон, и позвольте мне еще раз поздравить вас с приобретенным вами важным положением.

Он с поклоном проводил меня из комнаты, и я пошел домой с моим помощником. От радости я положительно не знал, что делать, что говорить.

Весь день обдумывал я это дело и к вечеру пришел опять в уныние, потому что вполне уверил себя в том, что это или мистификация, или мошенничество, цель которого я не мог себе представить. Невероятным казалось, чтобы кто-нибудь мог оставить подобного рода завещание, или чтобы стали давать такие деньги только за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Спаулдинг употреблял все усилия, чтобы развеселить меня, но к тому времени, как я лег в постель, я убедил себя бросить это дело. На следующее утро я, однако, решил посмотреть, что из этого выйдет, купил бутылочку чернил, взял гусиное перо, семь небольших листов бумаги и отправился в контору Лиги.

К великому моему изумлению и восторгу, все оказалось в надлежащем виде. Для меня был изготовлен стол, а мистер Дункан Росс был уже на месте, чтобы наблюдать, как я примусь за дело. Он указал мне, что надо начать с буквы «А», и ушел из комнаты, но заходил время от времени, чтобы узнать, как у меня идет дело. В два часа он простился со мной, наговорил комплиментов по поводу того, что я столько написал, и запер за мной дверь конторы.

Так продолжалось изо дня в день, мистер Холмс, а в субботу пришел управляющий и выложил мне четыре золотых соверена за неделю. Так было и в следующие две недели. Каждое утро в десять часов я приходил в контору, а в два уходил оттуда. Мало-помалу мистер Дункан Росс стал заходить только раз в утро, а потом перестал и вовсе бывать в конторе. Но, само собой разумеется, я не смел выйти ни на одно мгновение из комнаты, так как не был уверен, что он не зайдет ко мне, а дельце-то было слишком хорошее для того, чтобы рисковать.

Так прошло два месяца, и я переписал великое множество сведений об «Аббатах», «Архитектуре», «Аттике» и т. п. и надеялся, что при прилежании смогу скоро перейти к «Б». Я извел порядочно денег на бумагу, а исписанными мною листами заполнил почти целую полку. И вдруг это дело сразу кончилось.

– Кончилось?

– Да, сэр. И не позже как сегодня утром. Как всегда, я пошел сегодня на работу к десяти часам; но дверь конторы была заперта на замок, а посередине красовался прибитый гвоздиками небольшой четырехугольный кусок картона. Вот он, можете сами прочесть то, что написано тут.

Он подал кусок картона, величиной с лист из записной книжки. Вот что было написано там: «Лига рыжих распалась 9 октября 1890 г.».

Шерлок Холмс и я взглянули на это краткое объявление, а затем на печальное лицо человека, передавшего его нам, и комическая сторона приключения заставила нас забыть все остальное. Мы разразились громким смехом.

– Не вижу, что тут такого смешного! – крикнул наш клиент, вспыхивая до корней своих огненных волос. – Если вы не можете придумать ничего лучшего, как смеяться надо мной, я могу пойти куда-нибудь в другое место.

– Нет-нет! – крикнул Холмс, толкая его обратно на стул, с которого он приподнялся. – Ни за что на свете не согласился бы я упустить ваше дело. Оно представляет собой совсем особый интерес. Но, извините, пожалуйста, в нем есть нечто смешное! Скажите, что же вы сделали, увидев на двери это объявление?

– Я был поражен, сэр, и не знал, что делать. Потом я обошел все соседние конторы, но, как оказалось, никто ничего не знал о том, что я спрашивал. Наконец я пошел к хозяину дома, счетоводу, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что случилось с Лигой рыжих. Он ответил, что не слышал о подобном обществе. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он ответил, что в первый раз слышит это имя.

– Ну, как же, – говорю я, – ведь это джентльмен из четвертого номера.

– Как, рыжий?

– Да.

– О, – говорит он, – так ведь это Вильям Моррис. Он адвокат и нанял у меня комнату на время, пока будет готово его помещение. Он переехал вчера.

– Где я могу найти его?

– О, в его новой квартире.

Он сказал мне адрес. Да, вот он: Кинг Эдуард-стрит, 17, близ собора святого Павла.

Я отправился по адресу, мистер Холмс, но там оказалась фабрика протезов, и никто и не слышал ни о мистере Вильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

– Ну, что же вы сделали? – спросил Холмс.

– Я пошел домой на Кобург-сквер и посоветовался с моим помощником. И он не мог ничем помочь мне. Сказал только, что если подожду, то получу объяснение по почте. Но этого недостаточно для меня, мистер Холмс. Мне не хотелось потерять без борьбы такое место, и так как я слышал, будто вы так добры, что даете советы бедным людям, нуждающимся в них, то и пришел прямо к вам.

– И поступили очень умно, – сказал Холмс. – Ваше дело чрезвычайно замечательно, и я рад заняться им. На основании того, что вы сказали мне, я думаю, что оно важнее, чем может показаться с первого взгляда.

– Еще бы не важно! – сказал мистер Джейбз Вилсон. – Ведь я потерял четыре фунта в неделю.

– Что касается вас лично, то, мне кажется, вам нечего жаловаться на эту необыкновенную Лигу, – заметил Холмс. – Напротив, насколько я понимаю, вы стали богаче на тридцать фунтов, не говоря уже о тех подробных сведениях, которые вы приобрели о всех предметах, начищающихся с буквы «А». Вы ничего не потеряли от приобретения этих знаний.

– Нет, сэр. Но мне хотелось бы узнать, кто были эти люди, и почему они сыграли со мной такую шутку. Дорогая это была для них шутка, так как обошлась в тридцать два фунта.

– Мы постараемся выяснить для вас эти вопросы. А сначала позвольте предложить вам два вопроса, мистер Вилсон. Как долго служил у вас помощник, который первый указал вам на объявление?

– До того времени он служил около месяца.

– Как он попал к вам?

– По объявлению.

– По этому объявлению явился только он один?

– Нет, желающих была целая дюжина.

– Почему же вы выбрали его?

– Потому что он ловок и соглашался на меньшее жалованье.

– На половинное, в сущности?

– Да.

– Какого он вида, этот Винсент Спаулдинг?

– Маленького роста, коренастый, очень живой; ни усов, ни бороды, хотя ему около тридцати лет. На лбу белый шрам.

Холмс приподнялся с кресла в сильном возбуждении.

– Я так и думал, – проговорил он. – Вы не замечали, что в ушах у него дырочки для серег?

– Да, сэр. Он рассказывал мне, что какая-то цыганка сделала это, когда он был еще мальчиком.

– Гм! – сказал Холмс в глубоком раздумье, снова опускаясь в кресло. – Он еще у вас?

– О да, сэр, я только что расстался с ним.

– А как шло дело во время ваших отлучек?

– Не могу пожаловаться, сэр. По утрам вообще не бывает много работы.

– Довольно, мистер Вилсон. Денька через два, а может быть, и раньше я буду иметь счастье сообщить вам мое мнение насчет вашего дела. Сегодня суббота; надеюсь, что к понедельнику я приду к какому-либо заключению.

– Ну-с, Ватсон, – заметил Холмс, когда ушел наш посетитель, – что вы думаете насчет этого?

– Ничего не думаю, – откровенно ответил я. – Это очень таинственное дело.

– Общее правило, что чем страннее случай, тем менее таинственным оказывается он на самом деле. Труднее всего распутать самые обыкновенные преступления, точно так же, как труднее всего установить личность обычного человеческого лица. Однако надо поторопиться с этим делом.

– Что же вы намерены делать? – спросил я.

– Во-первых, покурю, – ответил он. – Эта проблема стоит целых трех трубок, и прошу вас не говорить со мной в течение пятидесяти минут.

Он свернулся в кресле, подняв худые колени к ястребиному носу, и закрыл глаза. Его черная глиняная трубка казалась клювом какой-то странной птицы. Я думал, что он заснул, и сам начал было клевать носом, как вдруг он вскочил с кресла с жестом человека, принявшего решение, и положил трубку на каменную доску.

– Сарасате¹⁰ играет сегодня в Сент-Джеймс-холле, – заметил он. – Как думаете, Ватсон, могли бы вы оставить ваших пациентов на несколько часов?

– Сегодня мне нечего делать. Практика не отнимает у меня много времени.

– Ну, так надевайте шляпу, и отправимся. Сначала я пройду по Сити, и дорогой мы можем где-нибудь поесть. Замечу, что в программе много немецкой музыки, которая мне больше по вкусу, чем итальянская или французская. Она невольно заставляет человека погружаться в себя, а это необходимо мне в данную минуту. Ну-с, отправляемся!

Мы проехали по подземной дороге до Олдерстейта и после недолгой ходьбы очутились на Саксен-Кобург-сквер – месте действия странной истории, которую мы слышали утром. Это – маленькое, тесное местечко, с жалкими потугами на приличия. Четыре ряда грязных двухэтажных кирпичных домов выходят на маленькое, обнесенное решеткой пространство, где виднеется поросшая сорной травой лужайка и несколько групп увядших лавровых кустов, ведущих тяжелую борьбу с неподходящей для них атмосферой, насквозь пропитанной запахом табака. Три позолоченных шара и темная вывеска с именем «Джейбз Вилсон», написанным белыми буквами, красовавшаяся на угловом доме, указали нам место занятий нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед домом и стал внимательно осматривать его, наклонив голову набок. Глаза его сверкали между прищуренными веками. Он медленно прошелся взад и вперед по улице, все время пристально смотря на дома. Наконец он вернулся к дому закладчика¹¹, сильно стукнул раза два-три палкой по тротуару, подошел к двери и постучался. Дверь сейчас же отпер молодой парень с чисто выбритым веселым лицом и попросил его войти.

– Благодарю вас, – сказал Холмс, – я хотел только спросить, как пройти отсюда к Стрэнду.

– Третья улица направо, четвертая налево, – быстро ответил помощник закладчика и запер дверь.

– Ловкий малый, – заметил Холмс, когда мы отошли от дома. – По моему мнению, он четвертый по счету ловкий человек в Лондоне, а по смелости, пожалуй, и третий. Мне он несколько знаком.

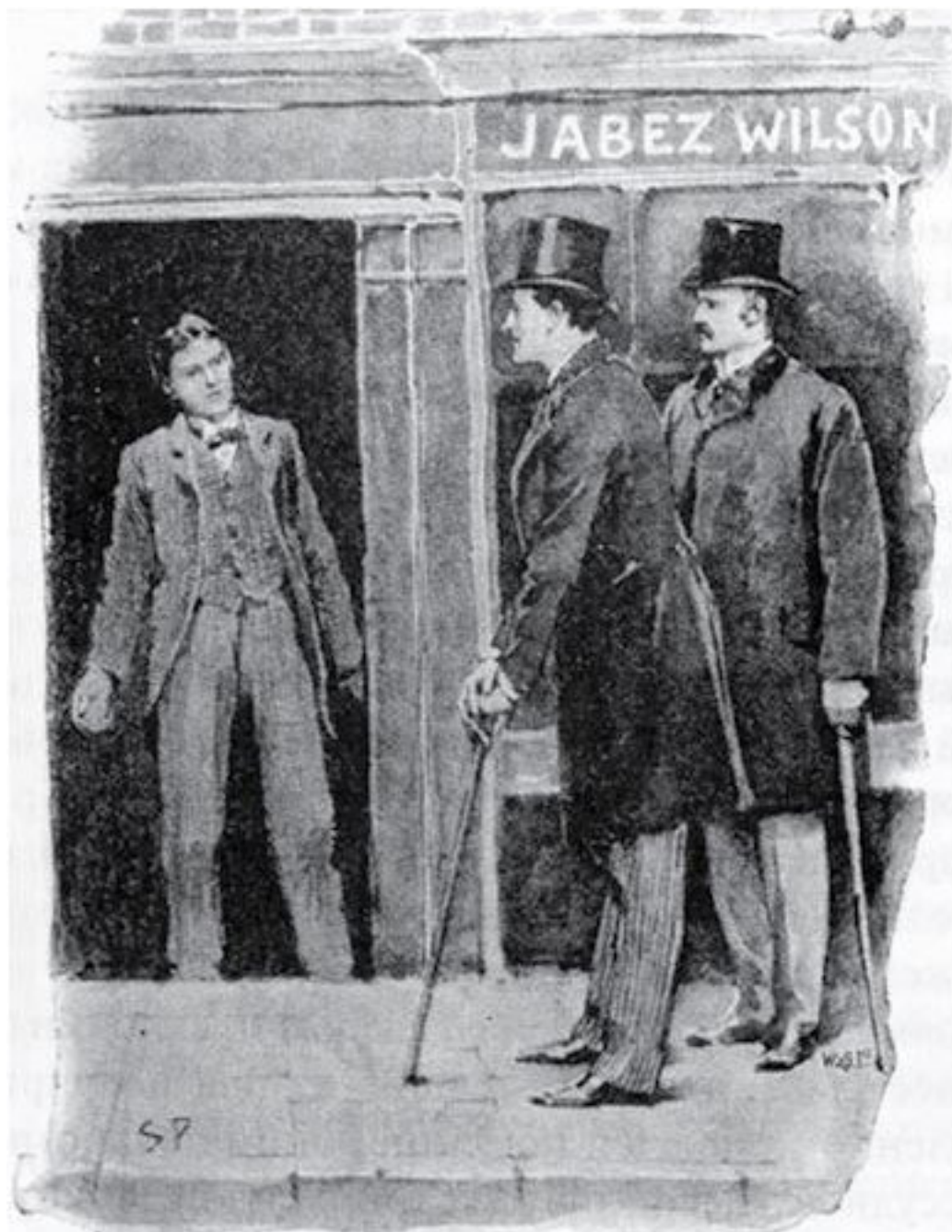
– Очевидно, помощник мистера Вилсона играет большую роль в тайне Лиги рыжих. Я уверен, что вы зашли спросить дорогу только для того, чтобы повидать его.

– Не его самого.

¹⁰ Испанский скрипач и композитор.

¹¹ Ростовщик.

- А что же?
- Колени его брюк.
- Ну, и что же вы увидели?
- То, что ожидал.
- Зачем вы стучали палкой по тротуару?
- Милый мой доктор, теперь надо заниматься наблюдениями, а не разговорами. Мы – шпионы в неприятельской стране. В настоящее время мы получили некоторое понятие о Саксен-Кобург-сквер. Остается заняться исследованием ее окрестностей.

Когда мы повернули с площади, то нам представилось зрелище настолько противоположное ей, насколько задняя часть картины противоположна самой картине. Перед нами была одна из главных артерий Сити, ведущая с севера на запад города. По мостовой непрерывно двигались длинные ряды всяких экипажей и фур, а тротуары чернели от роя пешеходов, торопливо

шедших в обе стороны. Трудно было представить себе, глядя на ряды прекрасных магазинов и величавых банков, что с другой стороны они примыкают к поблекшей неподвижной площади, которую мы только что покинули.

– Дайте-ка посмотреть, – сказал Холмс, останавливаясь на углу и окидывая взглядом всю улицу. – Мне хочется хорошенько запомнить расположение домов. Знать хорошенько Лондон – мой конек. Вот дом Мортимера, табачная лавочка, где продают газеты, кобургское отделение «Городского и пригородного банка», вегетарианский ресторан и депо экипажной фабрики Макфарлейна. Таким образом доходим до конца. А теперь, доктор, мы сделали свое дело и можем развлечься. Съедем по сандвичу, выпьем по чашке кофе, а потом отправимся в страну скрипки, где все – прелесть, нежность, гармония, где нет рыжих клиентов, надоедающих своими загадками.

Мой друг был страстный любитель музыки; он не только очень хорошо играл, но и принадлежал к числу композиторов. Все время концерта он просидел в полном блаженстве, по временам тихо двигая своими длинными худыми пальцами в такт музыке, а нежная улыбка на лице и мечтательный взгляд глаз нисколько не напоминали выражение лица и глаз Холмса-ищейки, беспощадного, умного, ловкого агента по уголовным делам. Двойственность его натуры постоянно проявлялась в его странном характере, и мне часто казалось, что его чрезвычайная логичность и проницательность представляют собой реакцию против охватывавшего его иногда поэтического и задумчивого настроения. Размах его натуры заставлял его переходить от полной бездеятельности ко все пожирающей энергии; я отлично знал, что он бывает всего более в ударе после нескольких дней, проведенных в кресле, среди импровизаций и старинных книг. После таких дней страсть к поискам внезапно охватывала его, и блестящая способность анализа доходила до такой высоты, что люди, не знакомые с его методом, с удивлением смотрели на него как на человека, знания которого превосходят знания простых смертных. Видя его так увлеченным музыкой, я чувствовал, что плохо придется тем, которых он собирается преследовать.

– Вам, наверно, хочется домой, доктор, – заметил Холмс при выходе с концерта.

– Да, хотелось бы.

– А мне нужно будет позаняться несколько часов. Дело Кобург-сквер серьезно.

– Неужели серьезное?

– Задумано большое преступление. Но у меня есть основания предполагать, что нам удастся предотвратить его. Жаль только, что сегодня суббота: это осложняет дело. Сегодня вечером мне нужна ваша помощь.

– В какое время?

– Часов в десять.

– В десять часов я буду у вас.

– Отлично. И знаете что, доктор? Дело-то может выйти несколько опасное, и потому запаситесь вашим револьвером.

Он махнул рукой в знак приветствия, повернулся и мгновенно исчез среди толпы.

Надеюсь, я не тупее моих ближних, но чувство моей глупости угнетает меня всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом. Вот и теперь: я слышал то же, что слышал он, видел, что он видел, а между тем из его слов очевидно, что он ясно понимает не только то, что уже случилось, но и то, что будет впереди, тогда как для меня все кажется смутным и нелепым. Пока я ехал домой в Кенсингтон, я обдумывал все, начиная от необыкновенной истории рыжего переписчика «Энциклопедии» до посещения Кобург-сквер и многозначительных слов Холмса при прощании. Что это за ночная экспедиция, и почему я должен быть вооружен? Куда мы пойдем, и что будем делать? Холмс намекнул мне, что безбородый помощник закладчика – опасный человек, человек, который может вести опасную игру. Я пробовал найти разгадку этих слов, но оказался в отчаянии и решил не думать до вечера, когда все объяснится.

Было четверть десятого, когда я вышел из дома и прошел парком и Оксфорд-стрит до Бейкер-стрит. У подъезда стояло два кабриолета. В коридоре я услышал доносившийся сверху шум голосов. Войдя в комнату Холмса, я застал его в оживленном разговоре с двумя людьми, в одном из которых я узнал Питера Джонса, полицейского агента; другой был длинный худой человек с печальным лицом. На нем была сияющая шляпа и удручающе респектабельный фрак.

– Ага! Вот мы и все в сборе, – сказал Холмс, застегивая свою матросскую куртку и беря со стены охотничий хлыст.

– Ватсон, вы, я думаю, знаете мистера Джонса? Позвольте мне представить вас мистеру Мерривезеру, который примет участие в нашем ночном походе.

– Как видите, мы опять охотимся вместе, доктор, – сказал Джонс свойственным ему многозначительным тоном. – Наш друг удивительно умеет устраивать охоту. Ему нужна только старая опытная собака, чтобы загнать зверя.

– Только бы наша охота не кончилась какими-нибудь пустяками, – угрюмо заметил Мерривезер.

– Можете положиться на мистера Холмса, сэр, – свысока сказал полицейский агент. – У него, если мне позволено будет сказать, свои методы, по-моему, несколько слишком теоретичные и фантастические, но вообще он обладает всеми данными для сыщика. Можно по справедливости сказать, что в одном-двух делах он, в отличие от официальной полиции, оказывался прав.

– Ну, уж если вы говорите это, мистер Джонс, так значит правда! – почтительно проговорил незнакомец. – Но, признаюсь, мне недостает роббера. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, что я сегодня без роббера.

– Я думаю, вы убедитесь, что сегодня ваша ставка будет гораздо выше всех ваших ставок за всю жизнь, а игра предстоит азартная, – заметил Шерлок Холмс. – Для вас, мистер Мерривезер, ставка будет тысяч тридцать фунтов, а для вас, Джонс, она будет заключаться в человеке, которого вам так хочется поймать.

– Джон Клэй – убийца, вор, укрыватель краденого, подделыватель векселей, – стал перечислять полицейский агент. – Он – молодой человек, мистер Мерривезер, но он стоит во главе людей своей профессии, и я охотнее надену мои браслеты на него, чем на всякого другого преступника в Лондоне. Молодой Джон Клэй – замечательный человек. Его дедушка был герцог королевской крови, а сам он учился и в Итоне, и в Оксфорде. Он так же изворотлив, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу встречаем его следы, но никогда не можем найти его самого. На одной неделе он отколет какую-нибудь штуку в Шотландии, а на следующей неделе собирает в Корнуолле деньги для постройки сиротского дома. Я годами слежу за ним и никогда еще не видел его в глаза.

– Надеюсь, что буду иметь удовольствие представить вас ему сегодня вечером. Мне также приходилось раза два иметь дело с мистером Джоном Клэем, и я вполне согласен с вашим мнением, что он самый выдающийся человек своей профессии. Однако уже одиннадцатый час, и нам пора отправляться. Вы двое садитесь в первый кеб, а Ватсон и я поедem во втором.

Шерлок Холмс мало разговаривал во время нашей продолжительной поездки и, откинувшись в угол, напевал сквозь зубы услышанные им в этот день мотивы. Мы проехали через бесчисленное множество освещенных газом улиц и, наконец, очутились на Фаррингтон-стрит.

– Теперь мы близко к развязке, – заметил мой друг. – Мерривезер – директор одного из банков и лично заинтересован в этом деле. Я счел нужным взять с собой и Джонса. Он недурной малый, хотя полный дурак в своем деле. У него есть одна добродетель: храбр, как бульдог, а если уж поймает кого, то вцепится, словно рак клешнями. Вот мы и пришли, и здесь ждут нас.

Мы снова очутились на той оживленной улице, где были уже сегодня утром. Мы отпустили кебы и, вслед за мистером Мерривезером, дошли по узкому проходу до боковой двери, которую он открыл для нас. Мы вошли в маленький коридор, заканчивавшийся массивной

железной решеткой. Решетка отворилась, и по ступеням витой каменной лестницы мы спустились к другой такой же решетке. Мистер Мерривезер остановился, зажег фонарь, потом повел нас вниз по темному коридору, пропитанному запахом сырой земли, к третьей двери и отпер ее. Мы очутились в громадном подвале или погребе, уставленном плетеными корзинами и массивными ящиками и сундуками.

– Ну, сверху-то вы неуязвимы, – заметил Холмс, поднимая фонарь и оглядывая все вокруг.

– Да и снизу также, – ответил мистер Мерривезер, ударяя палкой по плитам пола. – Но что же это! Что за глухой звук? – внезапно проговорил он, с удивлением взглянув на нас.

– Прошу вас быть поспокойнее, – сурово сказал Холмс. – Вы и так уже подвергли опасности успех нашей экспедиции. Будьте так добры, присядьте на один из сундуков и не вмешивайтесь ни во что.

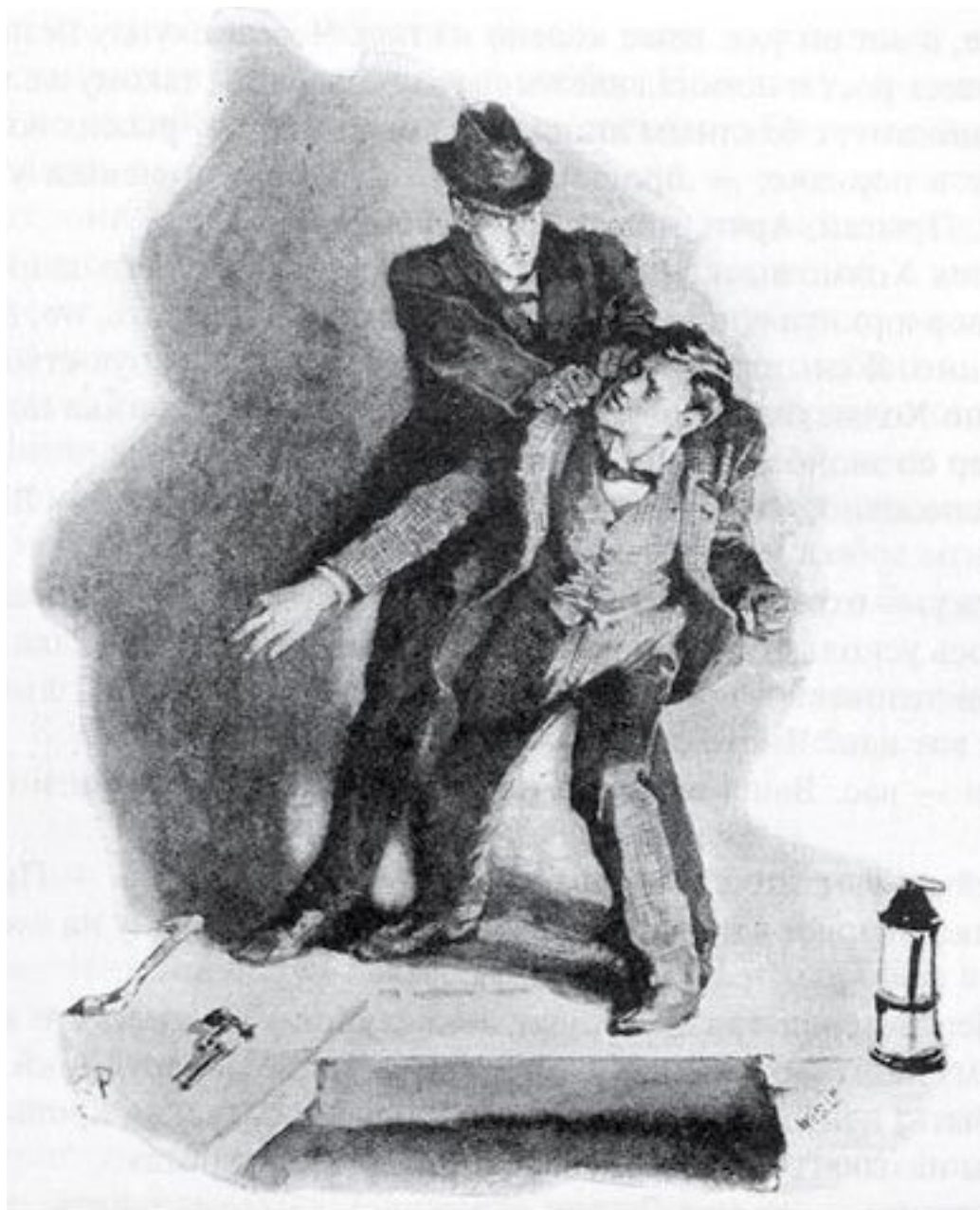
Важный мистер Мерривезер с весьма обиженным выражением лица уселся на плетеной корзине, а Холмс стал на колени и при свете фонаря принялся рассматривать в увеличительное стекло трещины между плитами. Через несколько секунд он вскочил на ноги и положил в карман стекло.

– У нас целый час времени, – заметил он, – так как они не могут приняться за дело раньше, чем наш простодушный закладчик не заснет спокойно на своей кровати. Тогда они не станут терять ни минуты, потому что чем скорее они покончат со своим делом, тем больше им будет времени на то, чтоб убраться вон. Вы, вероятно, уже догадались, доктор, что в настоящее время мы находимся в подвале отделения одного из главных лондонских банков, находящегося в Сити. Мистер Мерривезер – председатель директоров этого банка, он объяснит вам причину, по которой этот погреб представляет в данную минуту особый интерес в глазах самых смелых преступников Лондона.

– Дело касается нашего французского золота, – шепнул мне директор. – Мы получали уже несколько предупреждений насчет покушений на него...

– Ваше французское золото?

– Да. Несколько месяцев тому назад нам оказалось необходимо усилить наши денежные средства, и потому мы сделали во французском банке заем в тридцать тысяч наполеондоров. Между тем, нам не пришлось пустить в дело этих денег, и они остались не распакованными в этом погребе. В корзине, на которой я сижу, лежит две тысячи наполеондоров, упакованных между листами свинцовой бумаги. Обыкновенно мы не держим такого количества слитков в отделениях, а потому директора беспокоятся на этот счет.

– И имеют основательный повод к этому, – заметил Холмс. – Ну, а теперь пора приступить к составлению наших планов. Я думаю, что через час наступит разрешение вопроса. А пока, мистер Мерривезер, придется прикрыть фонарь.

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что так. Я захватил с собой карты, думал, что нас четверо, и вы можете не пропустить вашего роббера, но теперь вижу, что приготовления врага зашли так далеко, что мы не должны рисковать, дав ему заметить свет. Это люди смелые, и хотя мы нападём на них врасплох, все-таки следует остерегаться их. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь вон за теми. Когда я вдруг наведу на них свет фонаря, немедленно окружайте их. Если они станут стрелять, Ватсон, то, пожалуйста, не стесняйтесь убить их.

Я взвел курок моего револьвера и положил его сверху деревянного ящика, за которым притаился. Холмс закрыл фонарь, и мы очутились в такой темноте, какой мне никогда еще не приходилось испытывать. Только по запаху горячего металла можно было чувствовать, что свет не вовсе потух и может засиять в любое мгновение. Нервы мои были страшно напряжены,

и я испытывал какое-то особенное чувство подавленности среди этого внезапного мрака и в холодном сыром воздухе подвала.

– У них только один выход, – шепнул Холмс. – Через дом в Саксен-Кобург-сквер. Надеюсь, вы исполнили мою просьбу, Джонс.

– У входной двери дежурят инспектор с двумя полицейскими.

– Ну, так все щели заткнуты. А теперь будем молчать и ждать.

Как долго тянулось время! Впоследствии оказалось, что мы ждали только час с четвертью, но тогда мне казалось, что ночь уже приходит к концу и скоро должна занять заря. Все члены у меня окоченели, потому что я боялся изменить мою позу, а нервы дошли до высшей точки напряжения и слух так обострился, что я не только слышал, как дышали мои товарищи, но мог даже различить глубокое, тяжелое дыхание Джонса от тихого, со вздохами дыхания директора банка. С моего места, за корзиной, мне были видны плиты пола. Внезапно я заметил на них луч света.

Сначала словно мелькнула бледная искра. Потом она стала длиннее и превратилась в желтую полосу. Затем в образовавшемся вдруг отверстии бесшумно показалась белая, почти женская рука, которая стала ощупывать плиты вокруг того места, куда падал слабый свет. Минуты две рука эта торчала из-под пола и затем исчезла так же внезапно, как появилась, и кругом воцарилась прежняя тьма. Только между щелями плит продолжал мерцать слабый свет.

Однако рука исчезла только на одно мгновение. Одна из больших белых плит вдруг перевернулась с резким шумом и образовала громадную четырехугольную дыру, через которую прорвался яркий свет от фонаря. Из щели выглянуло чисто выбритое мальчишеское лицо. Человек этот внимательно огляделся, поднялся на руках и стал на колени у края отверстия. Через мгновение он был уже на полу и помогал подниматься товарищу с бледным лицом и массой ярко-рыжих волос, такому же маленькому и ловкому, как он сам.

– Путь свободен, – прошептал он. – У тебя долото и мешки?.. О, черт возьми! Прыгай назад, Арчи! Прыгай скорее, а я уж отвечу!

Шерлок Холмс выскочил из своей западни и схватил его за шиворот. Сообщник пойманного бросился назад в отверстие, и я услышал, как треснуло сукно его одежды, когда Джонс схватил его за фалды сюртука. Луч света осветил револьвер в руке преступника, но Холмс ударил его хлыстом по руке, и револьвер с шумом упал на каменный пол.

– Все напрасно, Джон Клэй, – любезно проговорил Холмс, – вам не повезло.

– Вижу, что не повезло, – с величайшим хладнокровием ответил молодой человек. – Кажется, мой товарищ спасся, хотя у вас в руках остались фалды его сюртука.

– У дверей его ждут трое людей. – сказал Холмс.

– О, вот как! Оказывается, вы все отлично устроили. Остается только поздравить вас.

– Со своей стороны, позвольте и мне поздравить вас, – ответил Холмс. – Ваша идея насчет рыжих очень оригинальна и блестяща.

– Сейчас увидите своего приятеля. – сказал Джонс. – Он лучше меня умеет спускаться в дыры. Погодите только, пока я надену наручники.

– Пожалуйста, не трогайте меня вашими грязными руками, – заметил наш пленник, когда наручники зазвенели на его руках. – Вы, может быть, не знаете, что в моих жилах течет королевская кровь. Потрудитесь называть меня «сэр» и прибавлять «пожалуйста», когда будете разговаривать со мной.

– Отлично, – насмешливо ответил Джонс, пристально смотря на него. – Итак, сэр, неужгодно ли вам подняться наверх; там мы можем найти кеб для того, чтобы отвезти ваше высочество в полицейский участок.

– Вот так-то лучше, – спокойно заметил Джон Клэй. Он вежливо, с достоинством поклонился нам и спокойно вышел с Джонсом.

– Не знаю, как и чем может банк достаточно отблагодарить вас, мистер Холмс, – сказал мистер Мерривезер, когда мы вслед за ними вышли из погреба. – Нет сомнения, что вам удалось открыть и предотвратить одну из самых смелых попыток обокрасть банк.

– У меня были свои маленькие счета с мистером Джоном Клэем, – сказал Холмс. – Были у меня небольшие затраты, которые, надеюсь, банк возместит мне, но, во всяком случае, я щедро вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательный рассказ о Лиге рыжих.

– Видите, Ватсон, – говорил Холмс мне, когда рано утром мы сидели с ним на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, – с самого начала было ясно видно, что целью этого несколько фантастического объявления насчет Лиги могло быть только желание удалить на несколько дней из дома этого, не слишком-то умного закладчика. Это была странная манера, но, право, трудно было бы выдумать что-либо лучше. Изобретательному Клэю, наверно, пришлось на ум воспользоваться цветом волос своего сообщника. Четыре фунта в неделю была достаточная приманка, чтобы привлечь Вилсона, а что значит эта сумма для тех, кто играет на тысячи? Они поместили объявление; один мошенник основал временную контору, другой посоветовал Вилсону обратиться по объявлению, и таким образом им удалось удалять его ежедневно на несколько часов. Как только я услышал, что помощник согласился служить на половинном жалованье, мне стало ясно, что у этого человека должен быть какой-нибудь очень важный повод, чтобы желать получить это место.

– Но как вы могли угадать этот повод?

– Будь в доме женщина, я заподозрил бы простую любовную интригу. Но здесь не могло быть и речи об этом. Дела у Вилсона незначительные, и в доме у него нет ничего такого, что могло бы вызвать подобные тщательные приготовления и значительные расходы. Значит, надо искать вне дома. Что же это могло быть? Я подумал о страсти помощника к фотографии, о том, что он часто исчезает в погребе. Погреб! Вот нить к запутанной загадке. Тогда я навел справки о таинственном незнакомце и узнал, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Он делает что-то в погребе ежедневно, в продолжение нескольких часов, и это длится целые месяцы. Еще раз, что бы это могло быть? Я только и мог думать, что он роет подкоп под какое-нибудь здание.

Вот до каких выводов дошел я, когда мы пришли на место действия. Я удивил вас тем, что стал стучать палкой по мостовой. Мне хотелось убедиться, где идет подкоп – впереди дома или сзади. Оказалось, что впереди его не было. Тогда я позвонил, и, как я надеялся, приказчик Вилсона отпер дверь. Между нами бывали и прежде стычки, но мы никогда не видали в глаза друг друга. Я почти не взглянул ему в лицо. Мне нужно было видеть его брюки. Вероятно, вы и сами заметили, как они были изношены, смяты и грязны на коленях. Они так и говорили о целых часах, проведенных за рытьем земли. Оставалось только узнать, зачем они это делают. Я зашел за угол, увидел, что здание «Городского и пригородного банка» выходит к дому нашего приятеля, и убедился, что нашел разгадку тайны. Когда вы поехали домой после концерта, я зашел в полицию и к директору банка. Результат этого вы видели.

– А почему вы подумали, что они произведут покушение сегодня ночью? – спросил я.

– Если они закрыли свою контору Лиги, то, очевидно, уже не нуждались в отсутствии мистера Джеймса Вилсона, другими словами, им удалось провести свой тоннель. Но им было необходимо воспользоваться им как можно скорее, так как его могли открыть или банк мог взять деньги из подвала. Суббота – самый удобный для этого день, потому что впереди были два дня, во время которых они могли уехать далеко от Лондона. Поэтому-то я и ожидал покушения именно в эту ночь.

– Ваше рассуждение великолепно! – вскрикнул я в непритворном восторге. – Такая длинная цепь, и вместе с тем каждое звено ее прочно.

– Это было развлечением для меня, – проговорил он, зевая. – Увы! Я чувствую, как скука начинает одолевать меня. Вся моя жизнь – усилие избавиться от пошлости земного существования. Подобного рода маленькие проблемы помогают осуществлению этих усилий.

– И вместе с тем вы – благодетель человеческого рода, – сказал я.

Он пожал плечами.

– Может быть, и в самом деле приношу кое-какую пользу, – заметил он. – «L’Homme estrien – l’oeuvre esttout»¹², как Густав Флобер писал к Жорж Санд.

¹² Человек – ничто, произведение – все (фр.).

Хитрая выдумка

– Дорогой мой, – сказал мне один раз Шерлок Холмс, когда мы сидели у камина в его квартире на Бейкер-стрит, – жизнь несравненно разнообразнее всего того, что может придумать человеческий ум. Нам бы и в голову не пришло то, что сплошь и рядом встречается в действительности. Если бы мы с вами могли вылететь из этого окна, полететь над этим громадным городом, тихонько приподнять крыши с домов и взглянуть внутрь на все происходящее там, мы увидели бы такие удивительные вещи, такие странные совпадения обстоятельств, такие планы, такие неожиданные результаты событий, что все романы с их условностью, с их заранее известными заключениями оказались бы скучными и банальными.

– Ну, я не согласен с этим, – ответил я. – Случаи, попадающие в газеты, достаточно вульгарны. Реализм полицейских отчетов доходит до крайних пределов, а между тем, нельзя же их назвать интересными и изящными.

– Для того, чтобы произвести впечатление в реалистическом духе, необходимо известное умение, нужен тщательный выбор, – заметил Холмс. – Вот этого-то и нет в судебных отчетах, может быть потому, что там обращается больше внимания на формальную сторону дела, а не на детали, которые составляют его главную сущность в глазах наблюдателя. Поверьте, нет ничего неестественнее всего обыденного.

Я улыбнулся и покачал головой.

– Я понимаю вас, – сказал я. – Конечно, вам, как неофициальному советчику, к которому прибегают за помощью в загадочных делах обитатели трех континентов, приходится иметь дело с действительно редкими, странными приключениями. Но вот возьмем на пробу, – прибавил я, поднимая с пола утреннюю газету. – Вот первая попавшаяся статья: «Жестокое обращение мужа с женой». Тут целых полстолбца, но я наперед знаю содержание отчета. Конечно, другая женщина, пьянство, побои, сострадательная сестра или хозяйка. Самому бездарному писателю не выдумать ничего банальнее.

– Но вы выбрали как раз неудачный пример, – сказал Холмс, взяв газету и пробежав ее глазами. – Это дело о разводе супругов Дандес, и мне как раз пришлось выяснить некоторые подробности его. Супруг – член общества трезвости, никакой другой женщины не было, а вот он имел привычку после еды швырять в жену своими вставными зубами. Согласитесь, что подобного рода штука придет в голову не всякому писателю. Возьмите-ка табачку, доктор, и сознайтесь, что мне удалось побить вас вашим же оружием.

Он протянул мне золотую табакерку с большим аметистом на крышке. Эта роскошная вещица представляла такой контраст с обстановкой квартиры Холмса и его скромным образом, что я не мог не выразить своего удивления.

– Ах, я и забыл, что не виделся с вами несколько недель, – проговорил он. – Это я получил в благодарность за участие в деле Ирэны Адлер.

– А кольцо? – спросил я, смотря на великолепный брильянт, сверкавший у него на пальце.

– От голландской королевской фамилии. Это дело такое щекотливое, что я не могу рассказывать его даже вам, так мило описавшему некоторые из моих приключений.

– А есть у вас теперь дела? – спросил я.

– Есть дел десять-двенадцать, но ни одного особенно интересного. Понимаете – важные, но несколько не интересные. Я давно уже пришел к заключению, что именно в маловажных делах открывается более обширное поле для наблюдений и для того анализа причин и следствий, который и составляет прелесть исследования. Чем крупнее преступление, тем оно проще, тем мотив его очевиднее. В настоящее время среди моих дел нет ни одного интересного, за исключением разве запутанной истории, о которой мне писали из Марселя. Может быть, сейчас будет что-нибудь получше; если не ошибаюсь, вот одна из моих будущих клиенток.

Он встал со стула, подошел к окну и, раздвинув занавеси, стал смотреть на скучную однообразную лондонскую улицу. Я заглянул через его плечо и увидел на противоположной стороне высокую женщину с тяжелым меховым боа на шее и в шляпе с большим красным пером и с широкими полями фасона «Герцогиня Девонширская», кокетливо надетой на бок. Из-под этого сооружения она смущенно и тревожно поглядывала на наши окна, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону и нервно теребя пуговицы перчатки. Внезапно, словно пловец, бросающийся в воду, она поспешно перешла улицу, и мы услышали сильный звонок.

– Эти симптомы знакомы мне, – сказал Холмс, бросая папиросу в огонь. – Эти колебания, войти или нет, всегда указывают на то, что дело идет о каком-нибудь «affaire du coeur»¹³. Ей нужен совет, а, между тем, она думает, что данный вопрос слишком деликатного свойства, чтобы обсуждать его с кем бы то ни было. Но и тут бывает различие. Если женщина серьезно оскорблена мужчиной, то обычным симптомом является оборванный колокольчик. В настоящую минуту можно предположить любовную историю, но барышня не так разгневана, как поражена или огорчена. Но вот и она сама является, чтоб разрешить наши сомнения.

Раздался стук в дверь, и мальчик, прислуживавший Холмсу, доложил о мисс Мэри Сазерленд. Вслед за ним выплыла и сама барышня, словно большое грузовое судно за крошечным катером. Шерлок Холмс приветствовал ее со свойственной ему спокойной вежливостью, запер дверь, предложил ей сесть в кресло и оглядел ее своим особым пристальным и в то же время как бы небрежным взглядом.

– Разве вам не трудно так много писать на машинке при вашей близорукости? – спросил он.

– Сначала было трудно, но теперь я умею находить буквы и работать не глядя, – ответила она.

Внезапно, как будто только что поняв значение слов Холмса, она вздрогнула, и выражение страха и изумления показалось на ее широком добродушном лице.

– Вы уже слышали обо мне, мистер Холмс! – вскрикнула она. – Иначе как бы вы могли узнать это?

– Не обращайтесь на это внимания, – смеясь, проговорил Холмс, – ведь в мои обязанности входит знать то, что не замечают другие. Иначе, зачем бы вы пришли посоветоваться со мною?

– Я пришла к вам, сэр, потому что слышала о вас от миссис Этередж. Вы так скоро нашли ее мужа, когда и полиция, и все остальные считали его мертвым. О, мистер Холмс, если бы вы могли сделать то же для меня! Я не богата, но все же имею сто фунтов дохода в год и, кроме того, зарабатываю перепиской на пишущей машинке. Я охотно отдала бы все, лишь бы узнать, что случилось с мистером Госмером Энджелом.

– Отчего вы так спешили ко мне? – спросил Шерлок Холмс, сложив вместе концы пальцев и смотря в потолок.

На растерянном лице мисс Мэри Сазерленд вновь появилось испуганное выражение.

– Да, я просто вылетела из дому, – проговорила она. – Я рассердилась на мистера Виндибэнка – это мой отец – за то, что он так легко относится к этому делу. Он не хотел идти ни в полицию, ни к вам. Ну, наконец, так как он ничего не хотел делать и доказывал мне, что ничего дурного не случилось, я и взбесилась, оделась и пошла прямо к вам.

– Отец, говорите вы? Наверно, отчим, так как у вас разные фамилии, – заметил мистер Холмс.

– Да, отчим, но я называю его отцом, хотя это смешно, так как он только на пять лет и два месяца старше меня.

– А жива ваша матушка?

¹³ Сердечное дело (фр.).

– О, да! Она жива и здорова. Я не очень-то была довольна, мистер Холмс, когда она вышла замуж так скоро после смерти отца и за человека почти на пятнадцать лет моложе ее. Отец вел торговлю свинцом на Тоттенхэм-Корт-роуд и оставил после смерти прибыльное дело, которое мать продолжала с помощью нашего старшего приказчика, мистера Харди. Но мистер Виндибэнк заставил мать продать это дело. Он слишком горд для этого, так как состоит агентом по продажам. Они выручили за продажу четыре тысячи семьсот фунтов стерлингов. Будь жив отец, наверно, он продал бы дороже.

Я думал, что этот бессвязный рассказ должен надоест Шерлоку Холмсу. Наоборот, он слушал его с напряженным вниманием.

– А ваш доход получается с этого выреченного капитала? – спросил он.

– О, нет, сэр! Я получаю его с наследства, оставленного мне дядей Нэдом из Окленда. Он оставил мне две тысячи пятьсот фунтов в 4,5-процентных новозеландских облигациях с тем, что я получаю только проценты.

– Все, что вы рассказываете, чрезвычайно интересно, – сказал Холмс. – Получая такой доход, и к тому же зарабатывая дополнительно, вы, конечно, можете и путешествовать, и позволять себе все что угодно. Я думаю, что одинокая дама может отлично прожить и на шестьдесят фунтов в год.

– Я могла бы прожить и на меньшее, мистер Холмс. Но, понимаете, пока я живу дома, я не желаю быть в тягость родным, и потому они пользуются моим доходом. Понятно, это только на время. Мистер Виндибэнк получает каждую четверть года проценты за меня и передает их матери, а мне хватает и того, что я зарабатываю перепиской на машинке. Я получаю по два пенса за лист и могу переписывать в день от пятнадцати до двадцати листов.

– Вы очень ясно обрисовали мне свое положение, – сказал Холмс. – Это – мой друг, доктор Ватсон. Вы можете говорить при нем так же откровенно, как наедине со мной. Пожалуйста, расскажите нам про ваши отношения с мистером Госмером Энджелом.

Румянец вспыхнул на лице мисс Сазерленд. Она нервно стала обдергивать бахрому своей кофточки.

– Я встретила его в первый раз на балу служащих газового завода, – сказала она. – Когда был жив отец, они всегда присылали ему билеты, и тут также вспомнили о нас и прислали билеты. Мистер Виндибэнк не хотел, чтобы мы ехали на бал. Он вообще не любит, чтобы мы выезжали. Он бесился, если я собиралась даже на какой-нибудь школьный праздник. Но на этот раз я решила ехать во что бы то ни стало. Какое право имел он удерживать меня? Он говорил, что нам не следует знаться с такими людьми, тогда как там должны были быть все друзья отца.

Потом он сказал, что мне нечего надеть, а у меня в шкафу было ненадеванное красное плюшевое платье. Наконец, когда он увидел, что ничего не может сделать, то уехал по делам фирмы во Францию, а мы с матерью в сопровождении нашего приказчика мистера Харди отправились на бал, где я и встретила мистера Госмера Энджела.

– Я полагаю, что мистер Виндибэнк был очень недоволен, когда он вернулся из Франции и узнал, что вы все-таки были на балу? – спросил Холмс.

– О, нет, он очень хорошо отнесся к этому. Я помню, он засмеялся, пожал плечами и сказал, что напрасно запрещать что-либо женщине, так как она непременно настоит на своем.

– Понимаю. Итак, на этом балу вы встретились с одним джентльменом, фамилия которого была Энджел.

– Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер; на следующий день он зашел к нам, чтобы узнать, благополучно ли мы возвратились домой, а потом мы, то есть я хочу сказать, я, мистер Холмс, встречала его два раза на прогулке. Но потом вернулся отец, и мистер Госмер Энджел уже не мог приходить к нам.

– Не мог?

– Ну, знаете, отец не любил подобного рода вещей. Он бы хотел, чтобы у нас и совсем не бывало гостей. Он говорит, что женщина должна быть счастлива в своем семейном кругу. Но я всегда говорила матери, что женщина, прежде всего, должна составить себе этот круг, а у меня его еще не было.

– Ну, а что же мистер Госмер Энджел? Он так и не пробовал повидаться с вами?

– Отец должен был через неделю опять уехать во Францию, и Госмер написал мне, что для нас безопаснее и лучше не видаться до его отъезда, а переписываться все время. Он писал ежедневно, и я получала письма по утрам так, что отец не знал о нашей переписке.

– Вы уже дали ему слово?

– О, да, мистер Холмс. Я дала ему слово после первой нашей прогулки. Госмер, то есть мистер Энджел... был кассиром в одной конторе на Леденхолл-стрит...

– В какой конторе?

– Вот в том-то и дело, мистер Холмс, что я не знаю, в какой.

– Но где же он жил?

– Он ночевал в конторе.

– И вы не знаете его адреса?

– Нет, знаю только, что он жил на Леденхолл-стрит...

– Куда же вы адресовали ему письма?

– В почтовое отделение на Леденхолл-стрит, до востребования. Он говорил, что если я буду посылать ему письма в контору, то товарищи станут поддразнивать его, что он получает дамские записочки. Я предлагала ему, что буду писать на машинке, как он писал мне, но он отказался и сказал, что если он будет получать такие письма, ему все будет казаться, будто между нами машинка. Даже по этим мелочам вы можете видеть, как он любил меня, мистер Холмс.

– Это очень важно, – заметил Холмс. – Для меня уже давно стало аксиомой, что мелочи гораздо важнее более значительных фактов. Не можете ли вы припомнить еще каких-либо мелочей насчет мистера Госмера Энджела?

– Это был очень застенчивый человек, мистер Холмс. Он предпочитал гулять со мной по вечерам, говоря, что не любит обращать внимание на себя. Очень скромный и приличный молодой человек. Голос у него был очень слабый. Он говорил мне, что в детстве был болен жабой, и с тех пор у него часто болело горло. Он всегда был хорошо одет, чисто и скромно, а глаза у него были слабые, так же, как и у меня, и он носил темные очки для защиты от света.

– Хорошо. Ну, а что же произошло, когда ваш отчим, мистер Виндибэнк, вновь уехал во Францию?

– Мистер Госмер Энджел опять пришел к нам и предложил мне обвенчаться с ним до возвращения отца. Он говорил страшно серьезно и заставил меня поклясться на Библии, что я навсегда останусь верна ему. Мать сказала, что он совершенно прав, и что это показывает силу его страсти. Мать была с самого начала очень хорошо расположена к нему и любила его даже больше, чем я. Потом они стали говорить о том, чтоб нам венчаться на этой же неделе. Я предложила было подождать приезда отца, но они оба сказали, что на это не стоит обращать внимания, можно сказать ему после. Мать бралась уладить все. Мне это было не по душе, мистер Холмс. Конечно, смешно было спрашивать позволения у человека только на несколько лет старше меня, но я не хотела ничего делать потихоньку, и потому написала отцу в Бордо, где есть отделение того общества, где он служит, но получила это письмо обратно как раз утром в день моей свадьбы.

– Так он не получил письма?

– Да, сэр, потому что выехал в Англию как раз перед тем, как оно пришло в Бордо.

– А! Какая несчастная случайность. Итак, ваша свадьба была назначена на пятницу в церкви Спасителя?

– Да, сэр, мы должны были самым скромным образом венчаться в церкви Спасителя, а потом завтракать в отеле «Сент-Панкрас». Госмер приехал за нами в кебе, и так как я была с матерью, он посадил нас туда, а сам сел в карету, случайно стоявшую на улице. Мы приехали к церкви первые, а когда подъехала карета, мы ожидали, что он выйдет; но он не выходил так долго, что кучер слез с козел и заглянул в карету – там никого не оказалось. Кучер говорил, что понять не может, куда он девался, так как собственными глазами видел, как он вошел в карету. Это было в последнюю пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я не слышала о нем и не видала его.

– По-моему, с вами сыграли постыдную штуку, – сказал Холмс.

– О, нет, сэр. Он слишком хорош и добр, чтобы бросить меня так. Ведь все утро он говорил мне, чтоб я оставалась ему верной; во всяком случае, если бы даже случилось что-нибудь совершенно непредвиденное, и нам пришлось бы расстаться, я никогда не должна забывать, что я дала ему слово и он, рано или поздно, явится требовать исполнения этого слова. Конечно, это был странный разговор для дня свадьбы, но после того, что случилось, я понимаю его смысл.

– Да, смысл этого разговора вполне понятен. Так вы лично приписываете все какой-нибудь катастрофе?

– Да, сэр. Я думаю, что он предвидел опасность, иначе он не говорил бы так. Ну, а потом и случилось то, что он предвидел.

– Вы не имеете ни малейшего понятия о том, что это могло быть?

– Ни малейшего.

– Еще один вопрос. Как отнеслась ваша мать к этому случаю?

– Она рассердилась и сказала, чтобы я никогда не упоминала о нем.

– А ваш отец? Вы рассказали ему все?

– Да, и он, кажется, тоже думал, что произошло что-то неожиданное, и я услышу еще о Госмере. Зачем ему было, говорил он, довести меня до дверей церкви и бросить там? Если бы он занял у меня денег или женился бы и перевел на себя мои деньги, ну, тогда другое дело. Но Госмер был человек, не нуждающийся в средствах, и не взял бы ни шиллинга из моих денег. Однако, что же могло случиться? Отчего он не написал мне? О, я с ума схожу от этих мыслей и не сплю целыми ночами.

Она вынула из муфты платок и, приложив его к лицу, тяжело зарыдала.

– Я займусь вашим делом и не сомневаюсь, что мы добьемся успешных результатов, – проговорил Холмс, вставая с места. – Предоставьте его мне и не слишком много думайте об этом. А главное – постарайтесь, чтобы мистер Госмер Энджел так же исчез из вашей памяти, как он уже исчез из вашей жизни.

– Так вы думаете, что я не увижу его?

– Боюсь, что так.

– Но что же случилось с ним?

– Предоставьте мне разрешение этого вопроса. Мне бы хотелось иметь подробное описание мистера Энджела. Нет ли у вас также его писем, которые вы могли бы дать мне.

– В прошлую субботу я поместила объявление в «Кроникл», – ответила мисс Мэри Сазерленд. – И вот вырезка и четыре письма ко мне.

– Благодарю вас. Как ваш адрес?

– 31, Лайон-плейс, Кэмбервелл.

– Насколько я знаю, адрес мистера Энджела неизвестен вам. Где контора вашего отца?

– Он служит у «Вестхауза и Мэрбэнка», оптовых торговцев кларетом, на Фенчерч-стрит.

– Благодарю вас. Вы очень ясно объяснили ваше дело. Оставьте ваши бумаги здесь и помните мой совет: хорошенько забудьте весь этот случай, и пусть он не имеет никакого влияния на вашу жизнь.

– Вы очень добры, мистер Холмс. Но я не могу этого сделать. Я останусь верной Госмеру и буду ждать, когда он вернется.

Несмотря на смешную шляпу и невыразительное лицо нашей посетительницы, в ее наивной вере было что-то благородное, так что мы невольно почувствовали уважение к ней. Она положила на стол маленькую связку бумаг и ушла, дав обещание, что придет, если ее вызовут.

Шерлок Холмс несколько времени сидел молча, сложив вместе кончики пальцев, вытянув ноги и устремив глаза в потолок, потом он взял старую глиняную трубку, служащую ему советницей, и откинулся на кресле. Густые голубоватые облака дыма окутали его лицо, на котором появилось выражение бесконечной усталости.

– Преинтересная особа для изучения, эта барышня, – проговорил он. – Она интереснее ее дела, которое, между прочим, принадлежит к числу довольно обыкновенных. Подобного рода случай вы найдете в моей записной книжке, в 1877 году в Андовере; нечто похожее произошло в прошлом году в Гааге. Тут есть несколько новых подробностей, но интереснее всего сама барышня.

– Вы, кажется, нашли в ней много такого, что осталось совершенно неизвестным мне, – заметил я.

– Вернее, просто незамеченным, Ватсон. Вы не знали, на что смотреть, и потому проглядели многое. Я никак не могу научить вас понимать, какое огромное значение имеют рукава, как много могут объяснить ногти и какие важные заключения можно вывести из шнуровки сапога. Ну-с, опишите, что вы вывели из осмотра этой женщины?

– На ней была серая соломенная шляпа с большими полями и пером кирпично-красного цвета. Кофточка черная, вышитая черным бисером, с черной стеклярусной бахромой. Платье темно-коричневого цвета, отделанное на вороте и рукавах красным плюшем. Перчатки сероватого цвета, порванные на правом указательном пальце. Ботинок я не разглядел. Серьги малень-

кие, круглые, золотые. Вообще, вид девицы из зажиточного круга, вульгарной и небрежной в привычках.

Шерлок Холмс тихо захлопал в ладоши и засмеялся.

– Честное слово, Ватсон, вы делаете удивительные успехи. Правда, вы упустили из виду все важное, но зато усвоили себе метод, и умеете хорошо различать цвета. Никогда не доверяйте общим впечатлениям, мой милый, но обращайтесь все свое внимание на детали. У женщины я, прежде всего, смотрю на рукава. У мужчины, пожалуй, лучше исследовать колени его брюк. Как вы заметили, рукава платья у этой женщины обшиты плюшем – материей, на которой ясно сохраняются следы. Двойная полоса, немного выше кисти, в том месте, где пишущий на машинке надавливает на стол, прекрасно обрисована. Ручная швейная машинка оставляет такой же след, но на левой руке и подальше от большого пальца, тогда как здесь полоса проходит по самой широкой части. Потом я взглянул на ее лицо и заметил по обеим сторонам носа следы пенсне. Я и решился высказать предположение о ее близорукости и о переписке на машинке, что, кажется, удивило ее.

– Да и меня также.

– Но ведь это было совершенно ясно. Потом меня очень удивило и заинтересовало, что на ней были, очевидно, разные ботинки; у одного носок был с украшениями, а у другого – гладкий. Один был застегнут только на две нижние пуговицы из пяти, а другой только на первую, третью и пятую. Ну, вот видите ли, если молодая девушка, вообще прилично одетая, выходит из дома в разных, наполовину застегнутых башмаках, то нетрудно вывести заключение, что она очень торопилась.

– Что же дальше? – спросил я, как всегда, сильно заинтересованный остроумными умозаключениями моего друга.

– Между прочим, я заметил, что перед выходом она, уже одетая, написала записку. Вы заметили, что на одной перчатке был разорван палец, но, очевидно, не обратили внимания на то, что перчатка и палец выпачканы фиолетовыми чернилами. Она очень спешила и слишком глубоко обмакнула перо. Вероятно, это случилось сегодня утром, иначе пятно не было бы так заметно. Все это занимательно, но уж очень элементарно, а я должен заняться делом, Ватсон. Не прочтете ли вы мне описание господина Госмера Энджела.

Я поднес к свету маленькую вырезку. Там говорилось:

«Утром четырнадцатого числа исчез господин Госмер Энджел. Ростом около пяти футов семи дюймов; крепкого сложения, с бледным лицом, темными волосами, несколько поредевшими на макушке, с густыми мерными бакенбардами и усами. Носит темные очки, несколько шепелявит. В последний раз, когда его видели, был одет в черный сюртук, подбитый шелком, мерный жилет, серые брюки и коричневые гамашы поверх сапог. На нем была золотая цепочка. Известно, что служил в какой-то конторе на Леденхолл-стрит. Всякий, кто доставит и т. д.»

– Довольно, – проговорил Холмс. – Что же касается писем, то они самые обыкновенные, – сказал он, пробежав их глазами. – Из них ничего не узнаешь о мистере Энджеле, кроме того, что один раз он приводил слова Бальзака. Однако тут есть одно обстоятельство, которое, наверно, поразит вас.

– Это то, что письма написаны на машинке, – заметил я.

– Не только письма, но и подпись. Посмотрите, как аккуратно внизу написано «Госмер Энджел». Видите, проставлено число, но больше ничего, кроме адреса «Леденхолл-стрит» – это довольно-таки неопределенно. Эта подпись имеет важное, можно даже сказать, решающее значение.

– Какое?

– Дорогой мой, да неужели же вы не видите, как это влияет на дело?

– Должен признаться, не вижу. Разве только в том отношении, что он может отречься от своей подписи в случае, если к нему будет предъявлен иск о нарушении обещания.

– Нет, дело не в этом. Ну, я напишу сейчас два письма: одно – торговому дому в Сити, другое – отчиму барышни, господину Виндибэнку, чтоб попросить его прийти сюда завтра в шесть часов вечера. Лучше иметь дело с мужской родней. А теперь, доктор, мы ничего не можем сделать до тех пор, пока не получим ответов на эти письма, и потому постараемся забыть об этой загадке.

Я так привык полагаться на удивительное умение и поразительную энергию моего друга, что понял: он имеет основание говорить так уверенно о занимавшей его тайне. Должно быть, он уже разгадал ее. Только раз видел я, что он потерпел неудачу – в деле с карточкой Ирэны Адлер, но зато когда я вспоминал о делах, при которых мне приходилось участвовать, то чувствовал, что загадка, которую не может разрешить Холмс, действительно не разрешима.

Я оставил его курящим свою старую трубку, с уверенностью, что, придя к нему завтра вечером, узнаю, что в его руках находятся уже все данные для разыскания пропавшего жениха мисс Мэри Сазерленд.

В то время у меня на руках был тяжелый больной, и я провел у его постели весь день. Было уже почти шесть часов, когда я наконец освободился, вскочил в кеб и велел ехать на Бейкер-стрит. Я боялся, что, пожалуй, опоздаю к развязке этой таинственной истории. Однако Шерлок Холмс был один в своей комнате и дремал в кресле, свернувшись всем своим длинным худым телом. Перед ним стояла целая батарея бутылей и пробирок. В комнате стоял едкий запах хлора. Ясно было, что Холмс весь день провел в занятиях своей любимой химией.

– Ну, что, узнали? – спросил я.

– Да. Это был сернистый барий.

– Да нет же, нет; я спрашиваю вас, разгадали ли вы тайну?

– Ах, вот что! А я думал, что вы спрашиваете меня насчет соли, над которой я производил опыт. Что касается того дела, то ведь еще вчера я сказал вам, что тут нет никакой тайны, есть только несколько интересных подробностей. Одно только жаль: кажется, нет закона, по которому можно было бы заставить отвечать этого негодяя.

– Кто же он, и почему он бросил мисс Сазерленд?

Я только что успел предложить этот вопрос, а Холмс не успел еще открыть рта, чтобы ответить на него, как чьи-то тяжелые шаги послышались в коридоре и раздался стук в дверь.

– Это – отчим барышни, мистер Джеймс Виндибэнк, – сказал Холмс. – Он написал мне, что будет и шесть часов. Войдите!

Вошел человек среднего роста, крепкого сложения, лет тридцати, с гладко выбритым бледным лицом, с мягкими вкрадчивыми манерами и удивительно проницательными серыми глазами. Он окинул нас вопросительным взглядом, поставил на столик свой блестящий цилиндр, слегка поклонился и сел на ближайшее кресло.

– Добрый вечер, мистер Виндибэнк, – сказал Холмс. – Я думаю, что полученное мною письмо, написанное на машинке, с извещением, что вы будете у меня в шесть часов, прислано вами.

– Да, сэр. Я, кажется, немного опоздал, но, видите ли, я человек не вполне свободный. Очень сожалею, что мисс Сазерленд обратилась к вам с подобного рода делом, так как думаю, что не следует перемывать грязное белье на виду у всех. Она пошла к вам совершенно против моей воли, но, как вы, вероятно, заметили, это девица раздражительная, легко поддающаяся впечатлению, и ее не легко удержать, раз она решила что-либо сделать. Конечно, вы не имеете отношения к полиции, но все же, знаете, неприятно, чтобы пошли слухи о подобного рода семейном несчастье. Кроме того, это только напрасный расход, так как вы, конечно, не можете найти этого Госмера Энджела.

– Напротив, – спокойно сказал Холмс, – я вполне уверен, что мне удастся найти мистера Госмера Энджела.

Мистер Виндибэнк сильно вздрогнул и уронил перчатки.

– Рад это слышать, – проговорил он.

– Любопытно, что письмо на машинке имеет такие же особенности, как и человеческий почерк, – продолжал Холмс. – Если машинки не новы, то не найдется и двух, которые писали бы одинаково. Некоторые буквы стираются больше других; другие стираются лишь с одной стороны. Вот обратите внимание на ваше письмо, мистер Виндибэнк: буква «е» всегда выходит неясно, есть недостаток и в букве «ч». Есть еще четырнадцать других характеристических особенностей, но эти больше бросаются в глаза.

– Мы все наши корреспонденции пишем в конторе на машинке, и потому, без сомнения, она несколько попортилась, – ответил наш посетитель, пристально смотря на Холмса своими блестящими глазками.

– А теперь я вам покажу действительно интересную штучку, мистер Виндибэнк, – продолжал Холмс. – В скором времени я намереваюсь написать маленькую статейку о пишущей машинке и ее роли в преступлениях. Я внимательно занялся этим вопросом. Вот четыре письма, полученные от пропавшего жениха. Все они написаны на машине. Во всех них неясно отпечатаны буквы «е» и «ч», и если вы возьмете увеличительное стекло, то найдете и те четырнадцать особенностей, о которых я говорил.

Мистер Виндибэнк вскочил с места и схватил шляпу.

– Мне некогда терять время на такие пустяки, мистер Холмс, – сказал он. – Если вы можете изловить его, поймайте и дайте мне знать, когда это случится.

– Конечно, – проговорил Холмс, подходя к двери и запирая ее на ключ. – Вот я и даю вам знать, что он пойман.

– Когда? Где? – вскрикнул мистер Виндибэнк.

Он страшно побледнел и оглядывался, словно крыса, попавшаяся в западню.

– О, право, не стоит так волноваться, – любезно сказал Холмс. – Вам никак не вывернуться, мистер Виндибэнк. Дело совершенно ясное, и вы сделали мне плохой комплимент, сказав, что я не смогу решить такого простого вопроса. Сядьте-ка лучше, да поговорим хорошенько.

Виндибэнк упал на стул. Он был смертельно бледен, и на лбу у него выступали капли пота.

– За это... нельзя привлечь к суду, – пробормотал он.

– Очень боюсь, что вы правы в этом отношении. Но, говоря между нами, Виндибэнк, мне никогда в жизни не случалось иметь дела с подобного рода жестокой, эгоистичной и бессердечной проделкой. Ну, теперь я расскажу вам, как все произошло, а вы возражайте, если я ошибусь.

Виндибэнк сидел на стуле, опустив голову на грудь, с видом совершенно пришибленного человека. Холмс протянул ноги к камину и, откинувшись в кресло и засунув руки в карманы, заговорил, казалось, скорее сам с собою, чем с нами.

– Человек женился из-за денег на женщине гораздо старше его, – сказал он, – и мог распоряжаться также и деньгами ее дочери, пока она жила с ними. Для людей их круга это была значительная сумма, и потеря ее отразилась бы на их бюджете. Следовало сделать что-нибудь, чтобы удержать эти деньги. Дочь была милая добрая девушка и с ее приятною внешностью и небольшим приданым могла найти жениха в недалеком будущем. Но с ее замужеством родные теряли сто фунтов в год. Что же делает отчим для избежания такого случая? Сначала он держит ее постоянно дома и запрещает ей бывать в обществе молодых людей. Но скоро он увидел, что это не может продолжаться. Девушка стала упрямиться, настаивать на своих правах и, наконец, решительно заявила о своем намерении отправиться на бал. Что же делает ее мудрый отчим? У него является идея, делающая более чести его уму, чем сердцу. С согласия своей жены и с ее помощью он переодевается, прикрывает свои проницательные глаза темными очками, приклеивает усы и густые баки, меняет свой звонкий голос на вкрадчивый шепот и, вполне рассчитывая на близорукость девушки, является в виде мистера Госмера Энджела, устраняя таким образом всех других ухаживателей.

– Сначала это было сделано в шутку, – пробормотал наш посетитель. – Мы никак не думали, что она увлечется так сильно.

Очень возможно. Как бы то ни было, барышня увлеклась очень сильно, и так как была уверена, что ее отчим уехал во Францию, то мысль об обмане не могла прийти ей в голову. Ухаживание молодого человека льстило ее самолюбию, а нескрываемое восхищение матери еще более усиливало ее чувство к жениху. Затем мистер Госмер Энджел стал ходить в дом: ясно, что это требовалось для произведения пущего эффекта. Молодые люди виделись несколько раз и дали друг другу слово: надо же было предохранить девушку от увлечения кем-нибудь

другим. Однако нельзя же было вечно поддерживать обман. Постоянные поездки во Францию становились все более затруднительными. Оставалось привести дело к концу и таким драматическим способом, чтобы произвести сильное впечатление на молодую девушку и заставить ее на некоторое время отказывать новым женихам. Вот причина требования клятв в верности, произнесенных над Библией, и намеков на возможность каких-то случайностей, высказанных в самый день свадьбы. Джеймс Виндибэнк хотел связать мисс Сазерленд с Госмером Энджелом настолько, чтобы она лет десять не знала, что случилось с ее женихом, и не обращала внимания ни на кого другого. Он довел ее до дверей церкви, и так как не мог войти туда за ней, то преспокойно исчез, употребив в дело старый прием: вошел в одну дверцу кареты и вышел в другую. Вот каков был ход событий, мистер Виндибэнк!

Пока Холмс говорил, наш посетитель успел несколько оправиться. Теперь он поднялся со стула с холодной усмешкой на бледном лице.

– Все это может быть, а может и не быть, мистер Холмс, – сказал он. – Но если вы такой проницательный, всезнающий господин, то должны бы были знать, что вы, а не я, нарушаете закон. Я не подлежу суду, а вот вас так можно судить за то, что вы совершаете насилие, запирая дверь и не выпуская меня отсюда.

– Закон, действительно, бессилен против вас, – сказал Холмс, отпирая дверь и распахивая ее, – но редко кто заслуживал наказания больше вас. Если бы у барышни был брат или друг, он отхлестал бы вас. Черт возьми! – прибавил он, увидев усмешку на лице Виндибэнка. – Хотя это и не входит в мои обязанности, но я доставлю себе удовольствие...

Он быстро подошел к стене, на которой висел хлыст, но прежде, чем успел взять его, на лестнице послышался отчаянный топот ног, стук захлопнувшейся входной двери, а из окна мы увидели мистера Виндибэнка, изо всех сил бежавшего по улице.

– Что за негодяй! – смеясь, проговорил Холмс. Он снова опустился в свое кресло. – От преступления к преступлению этот малый непременно дойдет до виселицы. Дело-то вышло довольно интересное.

– Я все-таки еще не вполне уяснил себе ход ваших рассуждений, – заметил я.

– Ну, ведь с самого начала можно было предположить, что Госмер Энджел имеет основание вести себя так странно. Ясно было также, что это дело могло быть выгодно только отчиму. Имело значение и то обстоятельство, что Госмер и Виндибэнк никогда не встречались, и один бывал всегда, когда другого не было дома. Темные очки, странный голос, густые баки, – все указывало на переодевание. Все мои подозрения подтвердились, когда я увидел подпись, писаную на машинке. Очевидно, что почерк отчима был так хорошо знаком барышне, что она сейчас же узнала бы его. Вы видите, все эти отдельные факты, имеете с другими, менее важными, подтверждали мои подозрения.

– А как вы проверили эти факты?

– Ну, это было уже нетрудно. Я знал торговый дом, в котором он служит. Я взял объявление, выбросил оттуда все, что могло быть употреблено для того, чтоб изменить свой наружный вид – баки, очки, голос, – и послал в контору торгового дома с просьбой уведомить меня, есть ли у них агент по продаже вина, к которому подошли бы эти приметы. Я заметил особенности машинки, на которой были написаны письма Госмера, и написал Виндибэнку в контору, прося его прийти сюда. Как я и ожидал, он ответил также на машинке и с теми же самыми недостатками. С той же почтой я получил письмо от фирмы «Вестхауз и Мэрбэнк» на Фенчерч-стрит, в котором меня уведомляли, что все присланные мной приметы вполне подходят к одному из их служащих, Джеймсу Виндибэнку. *Voila tout*¹⁴.

– А мисс Сазерленд?

– Она не поверит, если я расскажу ей все. Помните старую персидскую поговорку: «Горе укравшему детеныша у тигрицы, горе отнявшему иллюзию у женщины». Хафиз¹⁵ был так же умен, как Гораций, и так же хорошо знал людей.

¹⁴ Вот и все (фр.).

¹⁵ Хафиз Ширази (ок. 1325–1389/1390) – знаменитый персидский поэт и суфийский шейх, один из величайших лириков мировой литературы.

Преступление в Боскомской долине

В один из дней во время завтрака горничная принесла мне телеграмму от Шерлока Холмса:

«Приглашен расследование преступления в Боскомской долине на западе Англии. Не сможете ли вы присоединиться ко мне на пару дней? Природа и воздух великолепны. Выезжаем с Паддингтона 11.15».

– Что же ты ему ответишь, дорогой? Поедешь? – поинтересовалась жена, взглянув на меня.

– Даже и не знаю, что делать. У меня в эти дни очень много пациентов.

– Анструзер подменит тебя. В последнее время ты очень переутомился, и перемена обстановки пошла бы на пользу. Тем более, что тебе всегда интересно работать с мистером Шерлоком Холмсом.

– Было бы неблагодарностью с моей стороны не откликаться на его просьбы, – ответил я. – Но если ехать, то надо срочно собираться, в моем распоряжении только полчаса.

Годы службы в лагерях в Афганистане сделали меня не только закаленным, но и легким на подъем. Я неприхотлив, как правило, обхожусь немногими вещами, и потому, собрав в несколько минут саквояж, я помчался на Паддингтонский вокзал.

В ожидании поезда Шерлок Холмс ходил по платформе. На нем был серый дорожный плащ и небольшая суконная кепка, которые делали его еще более худым и высоким.

– Это очень хорошо, что вы согласились поехать со мной, Ватсон, – сказал он. – Чувствуешь себя гораздо спокойнее, если с тобой человек, на которого можно полностью положиться. Особенно, когда местная полиция пассивна или оказывает давление на ход расследования. Займите, пожалуйста, два угловых места, а я тем временем схожу за билетами.

Холмс возвратился с целой кипой газет, которые заполнили все купе. Просматривая их, он делал какие-то записи. Когда мы доехали до Рединга, он быстро смял все газеты и опустил их в багажную сетку.

– Ватсон, вам что-нибудь известно об этом деле? – спросил Холмс.

– Нет, чрезмерная загрузка по работе не позволяла мне в последние дни заглядывать в газеты.

– Лондонская печать не давала подробной информации. А вот из просмотренных только что последних газет я получил некоторые подробности. И они говорят о том, что это один из тех несложных, на первый взгляд, случаев, которые на деле оказываются чрезвычайно запутанными.

– Простите, Холмс, это звучит несколько странно.

– И, тем не менее, это абсолютная правда. Довольно часто именно в необычности – ключ к разгадке тайны. И потому, чем обыденнее и проще казалось бы преступление, тем сложнее найти эту необычность и труднее докопаться до истины. Ну, а теперь по существу. В нашем случае очень серьезные обвинения предъявлены сыну убитого.

– Вы считаете, что это убийство?

– Есть такие предположения. Я не могу с этим согласиться, пока подробно не изучу дело. Ну, а пока кратко обрисую вам ситуацию, какой я ее представляю. Боскомская долина – это сельская местность вблизи Росса, в Хирвордшире. Самый крупный землевладелец здесь – мистер Джон Тэнер. Несколько лет назад он вернулся на родину из Австралии, где заработал солидный капитал. Одну из своих ферм, Хезарлей, он сдал в аренду мистеру Чарльзу Маккарти, тоже прибывшему из Австралии. Они были давнишние знакомые и, возвратившись домой, поселились поблизости. Тэнер был более состоятельным, чем Маккарти, но разница в положении не мешала им поддерживать дружеские отношения и нередко вместе проводить

время. У Маккарти был восемнадцатилетний сын, а у Тэнера – дочь такого же возраста. Оба были вдовцами. Обе семьи жили уединенно и каких-то знакомств со здешними жителями практически не поддерживали. При этом оба Маккарти не были абсолютными затворниками, интересовались спортом и нередко посещали местные скачки. А в хозяйстве им помогали слуга и горничная. У Тэнеров было более крупное хозяйство, и потому они держали с полдюжины слуг. Вот, пожалуй, и все, что я смог разузнать об этих семействах. Ну а теперь непосредственно о самом происшествии.

Художник

Из первого издания «Этюда в багровых тонах». Рисунок Чарльза Дойла. 1888

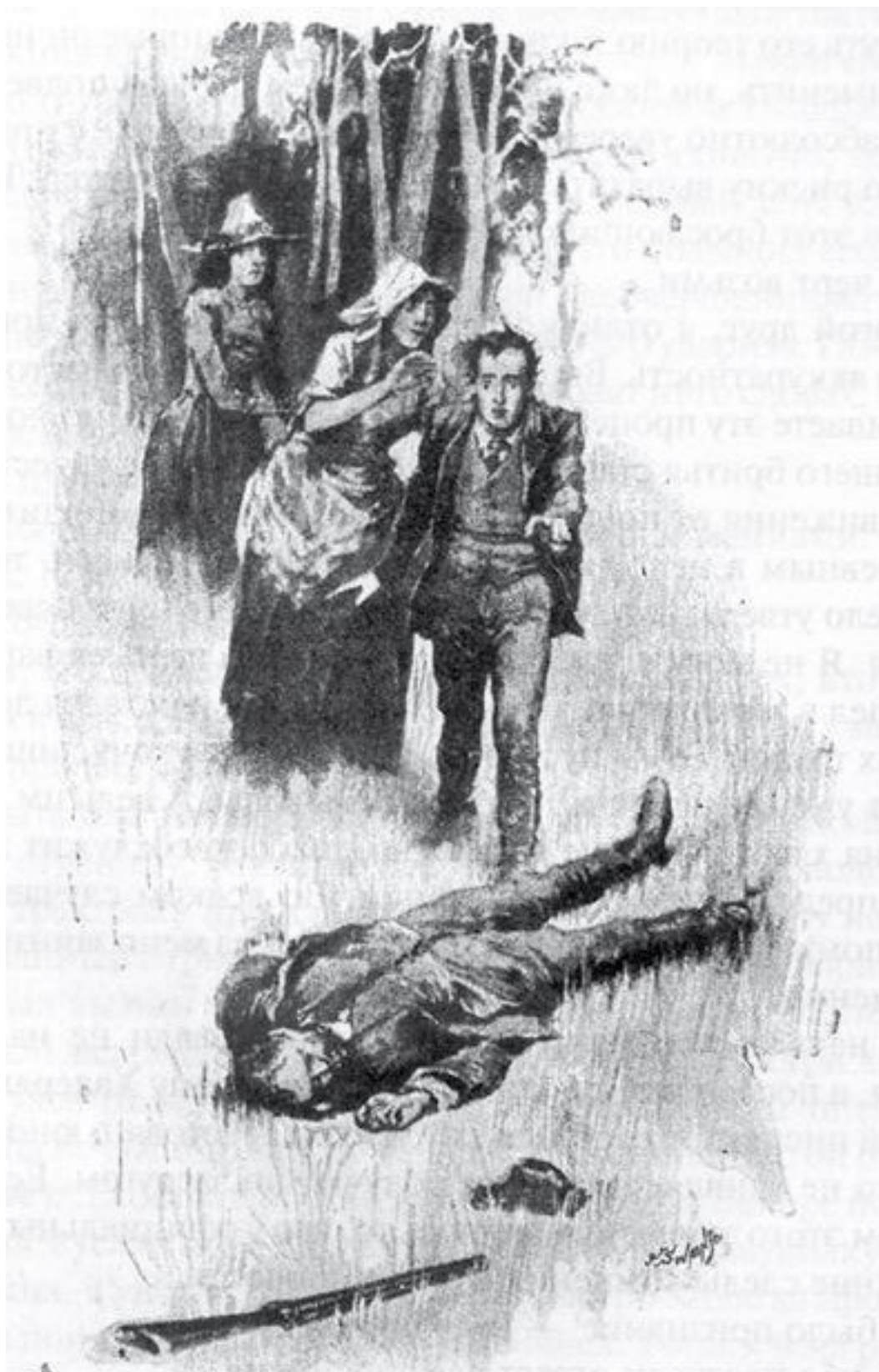
Художник Сидни Эдвард Пэджет (1860–1908) был одним из первых и наиболее популярных иллюстраторов Конан Дойла. В качестве модели для Шерлока Холмса он выбрал своего брата Уолтера – худощавого, высокого, красивого мужчину. До этого Холмса изображали и другие художники, в их числе Дэвид Генри Фристон. Знаменитый сыщик у него выглядел

далеко не интеллектуалом, скорее растолстевшим буржуа. Иллюстрировал первые произведения Конан Дойла и его отец – Чарльз Олтемонт (Алтамонт) Дойл (1832–1893). Отец писателя, привлекательный внешне и духовно, был художником и архитектором. Он писал акварели, выполнил иллюстрации к произведениям Л. Кэрролла и Д. Дефо, создал витражи в кафедральном соборе в Глазго. Но из-за своей непрактичности, приступам эпилепсии и страсти к спиртным напиткам стал неудачником, работал простым клерком. Сын Артур всегда считал отца незаурядным живописцем и мечтал собрать рассеянные повсюду его картины и устроить выставку. Отчасти ему это удалось в 1924 году. Выставка вызвала хвалебные отзывы многих искусствоведов.

Шерлок Холмс. Рисунок Сидни Пэджета

Читателям, особенно женщинам, пришелся по душе образ неотразимого скуластого мужчины, созданный Сидни Пэджетом.

В прошлый понедельник третьего июня в три часа дня Маккарти направился из своего дома в Хезарлей к Боскомскому омуту. Местные жители так называют небольшое озеро,

которое образовалось от разлившегося ручья, протекающего по Боскомской долине. Утром во время поездки в Росс он поторапливал слугу, ссылаясь на предстоящую у него в три часа важную встречу. Именно с этого свидания он и не вернулся.

На пути от фермы Хезарлей до Боскомского омута, а это примерно с четверть мили, его видели два человека. Старуха, имя которой ни в одной из газет не упомянуто, и Уильям Краудер, лесник мистера Тэнера. По утверждению обоих свидетелей, мистер Маккарти был один. Правда, лесник добавил, что некоторое время спустя в том же направлении проследовал сын мистера Маккарти, у которого на плече висело ружье. Он не придал бы этому никакого значения, если бы вечером не услышал о случившейся трагедии.

Немногим позже обоих Маккарти видел еще один свидетель – дочь привратника имения Тэнера, девочка лет четырнадцати, Пэшенс Морван. Она собирала в лесу цветы и видела у озера мистера Маккарти и его сына, которые очень серьезно ссорились. Девочка слышала, как старший Маккарти кричал на сына, а тот в ответ пытался поднять руку на своего отца. Эта неприятная сцена так напугала ее, что она в страхе убежала оттуда. Примчавшись домой, она рассказала матери, что отец и сын Маккарти затеяли в лесу ссору, которая может дойти до драки.

Не успела она закончить рассказ, как к ним вбежал молодой Маккарти. С ужасом на лице он сообщил, что обнаружил в лесу мертвым своего отца, и попросил помощи у привратника. Молодой человек был в сильнейшем возбуждении, без ружья и шляпы. На правой руке и на рукаве у него были свежие пятна крови. Вдвоем они поспешили к убитому. Тело мистера Маккарти было распростерто в траве у кромки воды, череп покойного размозжен каким-то тяжелым предметом. Это вполне мог быть приклад ружья, которое валялось рядом с убитым. Это было ружье сына мистера Маккарти. Все улики настолько очевидно указывали на молодого человека, что того сразу же арестовали. Уже во вторник следствие вынесло предварительное заключение: «преднамеренное убийство». А на следующий день Джеймс Маккарти предстал перед мировым судьей Росса, и тот направил дело на рассмотрение суда присяжных. Вот основные факты, которыми располагает сегодня следствие.

– Более мерзкого дела невозможно даже представить, – заметил я. – И все имеющиеся доказательства полностью изобличают преступника.

– На первый взгляд это так, но косвенные доказательства обманчивы, – задумчиво проговорил Холмс. – Вроде бы они совершенно точно указывают – истина здесь, но в то же время уводят в противоположную от истины сторону. Да, обстоятельства сложились явно не в пользу молодого человека, я даже допускаю вероятность того, что он и есть преступник. Но, дорогой Ватсон, немало людей, которые не верят в его виновность. Одна из них мисс Тэнер, дочь соседа-землевладельца. Именно она пригласила Лестрейда для того, чтобы он разобрался в этом преступлении. Вы, надеюсь, помните его по «Этюду в багровых тонах»? Но Лестрейд посчитал это дело слишком сложным и передал его мне. И вот мы, два джентльмена средних лет, вместо того чтобы спокойно завтракать в уютной домашней обстановке, мчимся на запад со скоростью пятьдесят миль в час.

– Боюсь, что улики слишком убедительны, – сказал я, – вряд ли вы сумеете что-то здесь исправить.

– Очевидные факты нередко бывают обманчивы, – ответил Холмс с усмешкой. – Кроме того, в ходе расследования мы вполне можем отыскать какие-то другие столь же очевидные факты, которые будут в пользу обвиняемого, и которые были совершенно не очевидны для мистера Лестрейда. Вы достаточно хорошо меня знаете и, надеюсь, не станете обвинять в хвастовстве. Я или соглашаюсь с имеющимися предположениями, или опровергаю их. Причем я это сделаю такими методами, которые Лестрейд не только не способен применять, но даже понимать. Могу подтвердить это таким вот примером: мне совершенно ясно, что зеркало в

вашей спальне расположено с левой стороны от окна. Не уверен, что для мистера Лестрейда этот факт будет столь же очевиден.

– Но позвольте, Холмс, как вы...

– Милый мой друг, я знаю вас уже многие годы, вашу военную аккуратность, вашу неизменную привычку тщательно бриться каждое утро, несмотря ни на что. Однако, сегодня ваша левая щека выбрита значительно хуже правой, слева выше уха видна щетина. Отчего это? Потому что, несмотря на солнечную ясную погоду, левая часть вашего лица была освещена хуже, чем правая. А если бы вы брились перед зеркалом при ровном освещении, вас, повторяю, очень аккуратного человека, вряд ли удовлетворили бы подобные результаты.

Это только один элементарный пример наблюдательности и умения делать выводы из таких наблюдений. В этом и состоит мое «*metier*»¹⁶, которое, я надеюсь, поможет нам в предстоящем расследовании. Есть пара незначительных деталей, зафиксированных следствием. Но на них необходимо обратить внимание.

– И что же это за детали?

– Выяснилось, что молодого Маккарти арестовали не сразу, а только после возвращения его на ферму Хезарлей. При этом, когда полицейский инспектор сообщил ему об аресте, он принял это безропотно, обреченно признав, что заслуживает подобной меры. Его слова фактически рассеяли у следствия последние сомнения в виновности Джеймса.

– Выходит, что он признался? – воскликнул я.

– Не только не признался, а тут же заявил о полной своей непричастности к убийству.

– При имеющихся у следствия уликах это заявление молодого Маккарти не вызывает доверия.

– Напротив, – сказал Холмс, – это единственный лучик надежды в сгустившихся тучах. Молодой человек может быть невиновен, но он не глуп и должен осознавать, что обстоятельства не на его стороне. Если бы он высказал негодование, возмущение при аресте, у меня это вызвало бы подозрение, потому что подобное поведение, при данных обстоятельствах, не может быть искренним. И это изобличило бы его. Но беспомощность и обреченность в момент ареста может говорить либо о его полной невиновности, либо о редкостной выдержке и самообладании. Ну, а его слова о том, что он заслуживает наказания, вполне объяснимы. Он только что стоял над телом убитого отца, с которым в день смерти обошелся совсем не как сын, нагрубил и даже, по утверждению свидетельницы, – а эти показания очень важны, – пытался применить к нему физическое воздействие. И эта фраза, на мой взгляд, скорее говорит о раскаянии и сожалении о своей несдержанности при общении с отцом, и она является доказательством его совестливости и не испорченности, но никак не вины.

– Немало было вздернуто на виселице и с меньшими уликами, – заметил я.

– Вы правы, Ватсон. И среди них было немало невиновных.

– А молодой человек что приводит в свое оправдание?

– Практически ничего утешительного для его защиты, не считая одной-двух деталей.

Почитайте, они есть в газетах.

Холмс достал местную газету и указал несколько абзацев с показаниями молодого Маккарти. Я присел на свое место и углубился в чтение. В газетной статье рассказывалось:

«Следствие вызвало мистера Джеймса Маккарти, сына покойного, который показал:

– Меня не было дома три дня, я уезжал в Бристоль и вернулся утром в прошлый понедельник, третьего числа. Отца к моему приезду не было дома, и горничная сообщила, что он поехал с конюхом Джоном Коббом в Росс. Прошло совсем немного времени, я услышал, как во двор въехала

¹⁶ Ремесло (*фр.*).

его двуколка. Выглянув из окна, я увидел, что он быстро куда-то уходит со двора. Я решил осмотреть пустырь, где мы держим кроликов. Взяв ружье, я направился на противоположный берег Боскомского омута на пустырь. По пути мне действительно встретился лесничий Уильям Краудер, о чем он сообщил в своих показаниях. Однако он ошибается, утверждая, что я шел за отцом. Я не знал, что отец идет этим же путем впереди меня. Примерно в ста шагах от омута я вдруг услышал крик «Коу!», которым мы с отцом окликали обычно друг друга. Я сразу побежал на крик и увидел его у омута. Мое появление, как мне показалось, было для него полной неожиданностью, и он довольно резко спросил, что я здесь делаю. Слово за слово, дальше разговор пошел на повышенных тонах, и чуть было не закончился дракой. Отец всегда был очень вспыльчивым. И потому, опасаясь, что он не сможет сдержаться, я предпочел прекратить ссору и направился к ферме Хезарлей. Но, не пройдя и двух сотен ярдов, я услышал душераздирающий крик и бросился назад. Отец лежал навзничь, там, где мы расстались: голова была вся в крови, жизнь покидала его. Откинув ружье, я кинулся к отцу, приподнял ему голову, но он тут же скончался. Как в тумане, я несколько минут стоял на коленях возле убитого, потом пошел за помощью к сторожу мистера Тэнера. Его дом был ближе других. Признаюсь, что я никого не видел возле отца и даже не представляю, кто мог его убить. Он не заводил здесь никаких знакомств, потому что всегда был необщительным и неприветливым человеком. Но и о его недругах мне ничего неизвестно. Это все, что я могу вам сообщить.

Следователь. Ваш отец успел что-то сказать перед смертью?

Свидетель. Да. Он прошептал несколько непонятных слов, одно из них что-то вроде «крысы».

Следователь. И что это, по-вашему, может значить?

Свидетель. Не представляю. Может, просто он бредил.

Следователь. А что стало причиной вашего последнего конфликта с отцом?

Свидетель. Мне не хотелось бы говорить об этом.

Следователь. Сожалею, но я вынужден настаивать на ответе.

Свидетель. Повторяю, я не могу ответить на этот вопрос. Уверяю, что наша ссора с отцом не имела никакого отношения к той трагедии, которая последовала за ней.

Следователь. Это решать суду. Думаю, нет необходимости подробно пересказывать вам все последствия отказа отвечать на вопросы, когда вы предстанете перед судом.

Свидетель. И все-таки я не буду отвечать.

Следователь. Если я правильно понял крик «Коу!», вы с отцом так окликали друг друга?

Свидетель. Да.

Следователь. А как вы объясните то, что отец не только не видел вас, но даже и не знал о вашем возвращении из Бристоля, и, тем не менее, подал условный знак, предназначенный именно для вас?

Свидетель (очень смущенно). Не знаю.

Присяжный заседатель. Не заметили вы что-нибудь необычное, когда прибежали на крик отца и нашли его смертельно раненым?

Свидетель (неуверенно). Ничего особенного.

Следователь. Вы что-то недоговариваете.

Свидетель. Меня напугал крик отца. Когда я выбежал из леса, то думал только о нем, ни на что другое я просто не обратил внимания. Правда, я смутно вспоминаю – что-то лежало недалеко от тела отца. Это была какая-то серая одежда, может быть, плащ. Когда я пришел в себя и поднялся с колен, эта вещь куда-то исчезла.

Следователь. То есть вещь исчезла еще до того, как вы отправились за помощью?

Свидетель. Да.

Следователь. Вы и сейчас не предполагаете, что это было?

Свидетель. Нет, у меня просто какое-то смутное представление, что там что-то лежало.

Следователь. Как далеко от убитого?

Свидетель. В десятке шагов.

Следователь. А на каком расстоянии от опушки леса?

Свидетель. Примерно на таком же.

Следователь. Выходит, вещь, которая находилась в десяти шагах от вас, исчезла, а как это произошло, вы даже не заметили?

Свидетель. Да, но я как в тумане стоял на коленях перед телом отца, причем спиной к этой вещи.

На этом предварительный допрос свидетеля был окончен».

– Обратите внимание, Холмс, в конце допроса следователь был просто безжалостен к молодому Маккарти, – сказал я. – Он указал, и для того были веские основания, на целый ряд противоречий и неточностей в показаниях подозреваемого. Отец будто бы позвал сына, хотя и не мог знать о его присутствии в лесу; умирая, произносит какие-то странные слова; далее, сын категорически отказался раскрыть причину конфликта с отцом; рассказывает о какой-то вещи недалеко от тела отца, которая якобы вдруг исчезла. Все это, как обратил внимание следователь, явно не в пользу молодого человека.

Холмс устроился поудобнее на диване и снисходительно улыбнулся:

– Вы столь же предвзяты, как и следователь: отмечаете все детали из показаний молодого человека, что в его пользу. Неужели вы не видите собственную непоследовательность: то считаете, что он слишком много фантазирует, то полностью отказываете ему в этих фантазиях. Да, отказываете – если думаете, что он не смог бы привести какую-то убедительную причину ссоры, которая помогла бы ему склонить на свою сторону присяжных. И одновременно приписываете слишком большое воображение, предполагая абсолютным вымыслом упоминание якобы умирающим о крысе и исчезновении непонятной одежды. Нет, сэр, по-моему, рассказ молодого человека абсолютно правдивый. Посмотрим, к чему приведет нас этот вывод. А теперь я хочу на время забыть об этом деле и почитать Петрарку, пока мы не прибудем на место происшествия. Наш второй завтрак в Суиндоне. Мы должны быть там минут через двадцать.

* * *

Около четырех часов дня мы пересекли живописную Страудскую долину, широкий сверкающий Северн и очутились, наконец, в очень симпатичном небольшом городке Росссе. На платформе нас ожидал аккуратный, собранный, похожий на хорька человечек с хитрыми глазками. Хотя своим коричневым плащом и сапогами он больше напоминал сельского жителя, я легко узнал в нем Лестрейда из Скотланд-Ярда. Вместе мы доехали до гостиницы «Хирфорд Армз», где для нас с Холмсом были оставлены комнаты.

– Я хорошо знаю вашу деятельную натуру, – сказал Лестрейд за чашкой чая. – Вы только тогда успокоитесь, когда окажетесь на месте преступления, поэтому я заказал экипаж.

– Это очень мило с вашей стороны, – ответил Холмс. – Но дальнейшие мои действия будут зависеть от показаний барометра.

Это чрезвычайно удивило Лестрейда.

– Я вас не совсем понимаю, – сказал он.

– Что показывает барометр? Двадцать девять, насколько я вижу, безветренно, на небе ни облачка. Можно и покурить. А какой здесь удобный диван, не в пример другим деревенским гостиницам! Поэтому сегодня вечером мне не понадобится никакой экипаж.

– Вы, конечно, уже сделали вполне определенные выводы, прочитав газетные отчеты, – снисходительно улыбнулся Лестрейд. – Дело это абсолютно ясное, и чем глубже вникаешь в него, тем оно становится очевиднее. Но невозможно было отказать в просьбе женщине, да еще такой, как Алиса Тэнер. Она много слышала о вас и пожелала, чтобы именно вы взялись за расследование, несмотря на мои настойчивые попытки убедить ее, что это ничего не изменит. А вот подъехал ее экипаж!

Он едва произнес эти слова, как в комнату впорхнула обаятельная молодая женщина. Это была редкая красавица. Ее лицо заливал нежный румянец, голубые глаза сверкали, ярко очерченные губы были слегка приоткрыты. Видно было, что она настолько взвинчена, что даже утратила необходимую сдержанность.

– О, мистер Шерлок Холмс! – воскликнула она, с безошибочной женской интуицией обратившись именно к моему другу. – Я очень рада, что вы откликнулись на мою просьбу. Я уверена в невиновности Джеймса. Я это знаю, и мне хочется, чтобы и вы в это поверили. Мы с ним дружим с раннего детства, и поэтому я лучше других знаю все его недостатки и достоинства. Он удивительно добр и не обидит и мухи. Все, даже те, кто лишь немного с ним знаком, считают обвинение совершенно безосновательным.

– Я рассчитываю, что нам удастся снять с него эти обвинения, мисс Тэнер, – сказал Шерлок Холмс. – Поверьте, я постараюсь сделать все для этого.

– Так вы уже читали отчеты, и у вас сложилось какое-то мнение? У вас есть факты, подтверждающие его невиновность?

– Я допускаю это.

– Вы слышали?! – воскликнула она, гордо поднимая голову, и с вызовом посмотрела на Лестрейда. – Теперь у меня появилась надежда, что он будет признан невиновным.

– Боюсь, что мой коллега несколько поспешил, делая подобное заявление, – скептически произнес Лестрейд.

– А я уверена, что мистер Холмс прав! Джеймс не способен на преступление. Мне известна причина его ссоры с отцом. Он отказался назвать ее, чтобы оградить меня от неприятностей.

– И каким образом? – спросил Холмс.

– Ситуация не позволяет мне что-либо скрывать. Дело в том, что у Джеймса были серьезные разногласия с отцом, который очень хотел, чтобы мы поженились. Да, мы с Джеймсом всегда любили друг друга, но как брат и сестра. Он еще очень молод, не знает жизни и... Ну, словом, он пока не готов был к тому, чтобы жениться на мне. Поэтому у него постоянно возникали конфликты с отцом, я уверена, что последняя ссора произошла по этой же причине.

– А ваш отец хотел этого союза? – спросил Холмс.

– Он был категорически против. Этого не хотел никто, кроме отца Джеймса.

Яркий румянец еще больше залил ее лицо, когда Холмс внимательно и испытующе взглянул на девушку.

– Благодарю вас, мисс Тэнер, за эти сведения, – сказал он. – Я хотел бы завтра увидеться с вашим отцом.

– Боюсь, этого не позволит доктор.

– Какой доктор?

– Доктор Уиллоуз. Последние годы бедный папа и так очень часто и серьезно болел, а это несчастье окончательно сломило его. Он совсем слег, как говорит доктор, у него сильное нервное потрясение. Это неудивительно, ведь мистер Маккарти был самым давним его приятелем, еще со времен работы на золотых приисках Австралии.

– О, это очень интересно! Как я понимаю, именно там мистер Тэнер и заработал свой капитал?

– Да, конечно.

– Благодарю вас, мисс Тэнер. Ваша информация очень важна для расследования.

– Мистер Холмс, я вас очень прошу, дайте мне знать, пожалуйста, если у вас появятся какие-нибудь новости. А если вы навестите Джеймса в тюрьме, то передайте ему, что я убеждена в его невиновности.

– Непременно передам, мисс Тэнер.

Мисс Тэнер поднялась.

– Мне необходимо поскорее быть дома. Папа болен, и без меня ему очень тяжело. Прощайте, да поможет вам Бог!

Она столь же поспешно вышла из комнаты, как и вошла, и за окном послышались звуки отъезжающего экипажа.

– Мне было неловко за вас, Холмс, – с упреком сказал Лестрейд после минутного молчания. – Зачем обнадеживать девушку, не имея для этого достаточно веских оснований? Я не страдаю излишней сентиментальностью, но должен сказать, что вы поступили жестоко в отношении мисс Тэнер.

Холмс оставил без ответа слова Лестрейда.

– Кажется, я нашел путь к спасению Джеймса, – сказал он. – У вас имеется разрешение на его посещение в тюрьме?

– Да, но только для нас двоих.

– Ну что же, я отказываюсь от своих первоначальных планов остаться в гостинице, и мы отправляемся в Хирфорд, чтобы уже сегодня увидеться с заключенным. Вы согласны?

– Вполне.

– В таком случае едем. Ватсон, боюсь, что вам придется посидеть пару часов одному.

Проводив их до станции, я прогулялся по улицам города, а вернувшись в гостиницу, взял в руки бульварный роман и прилег на кушетку. Однако сюжет был абсолютно серым и безыскусным по сравнению со страшной трагедией, разыгравшейся перед нами. Только она одна занимала все мои мысли. Поэтому я бросил книжку и стал размышлять над сегодняшними событиями. Если исходить из того, что показания несчастного молодого человека были абсолютно правдивы, то совершенно непонятно, кто же стоит за тем ужасным дьявольским преступлением, которое произошло в то короткое время, на которое он оставил отца? Это что-то невероятное, кошмарное. Может быть, мне удастся разобраться в этом как врачу, если я подробно познакоюсь с характером повреждений? Я позвонил администратору гостиницы и попросил принести мне последние номера местной газеты с материалами следствия.

Мое внимание привлекло заключение хирурга, в котором говорилось, что задняя часть теменной кости и левая половина затылка разможены мощным ударом, нанесенным тупым предметом. Я определил это место на своей собственной голове. Было очевидно, такой удар можно нанести только сзади. В таком случае, это в некоторой степени снимало подозрения с обвиняемого, так как свидетель утверждает, что отец и сын ссорились, стоя лицом к лицу. Правда, это не дает полного алиби подозреваемому потому, что мистер Маккарти мог повернуться к сыну спиной и получить удар сзади. И все-таки об этом факте нужно будет сообщить Холмсу. И еще очень непонятно упоминание о какой-то крысе. Это не должно быть бредом,

человек, получивший внезапный удар, не бредит. Скорее, он пытался объяснить или что-то сказать об убийце. Но что именно? Как я не бился, так и не смог отыскать этому хоть какое-то объяснение. И потом, что произошло с той одеждой, которую заметил молодой Маккарти, и которая затем исчезла. Если это правда, может быть, убийца ее обронил, когда убегал. При этом у него хватило решительности вернуться и взять эту вещь за спиной у сына, который буквально в десяти шагах от него стоял на коленях перед убитым. Какое сплетение таинственного и необъяснимого в этом происшествии! Я не очень доверял Лестрейду, а вот в дальновидность Холмса я верил, и пока он находил новые детали, подтверждающие невиновность молодого Маккарти, мои надежды на благоприятный исход этого дела росли.

Холмс вернулся очень поздно. Он приехал один, потому как Лестрейд остановился в городе.

– Барометр все еще не падает? – поинтересовался он, присаживаясь. – Лишь бы не было дождя до того времени, как мы доберемся к месту происшествия! Дело очень интересное, и для его раскрытия необходимо использовать весь интеллектуальный потенциал. По правде сказать, мне не очень хотелось сегодня работать – слишком утомила дорога. Знаете, мне удалось поведаться с молодым Маккарти.

– И что же вы получили от этой встречи?

– Ничего.

– Абсолютно ничего нового?

– Если не считать незначительной поправки к моим предположениям. Я был склонен думать, что он знает имя преступника, но по какой-то причине скрывает его. Однако теперь я уверен, что и для него это такая же загадка, как и для всех других. Я не сказал бы, что молодой Маккарти очень умен, но человек он неиспорченный, вызывающий симпатию.

– Но он совершенно лишен вкуса, – сказал я с улыбкой, – если отказывается жениться на столь обаятельной молодой девушке, как мисс Тэнер.

– Здесь не так все просто. За этим кроется не очень приятная история! Он давно и страстно любит ее. Но пару лет назад, будучи подростком, когда мисс Тэнер училась в пансионе, он по глупости попался в сети одной уже немолодой бристольской буфетчицы и зарегистрировал с ней брак. Об этом никто не знал, но можете себе представить, как его расстраивали постоянные упреки за то, что он отказывается жениться на девушке, которую на самом деле любит больше всех на свете! Это и есть главная причина, по которой он противился требованию отца сделать предложение мисс Тэнер. А кроме того, он не имел средств к существованию. Отец, как все утверждают, человек крутого нрава, просто выгнал бы его из дому, если бы до него дошла история женитьбы его сына на буфетчице. Последние три дня юноша провел в Бристоле у своей жены, а отец не знал, где он был. Запомните этот факт, он очень важен для объяснения дальнейших эпизодов этого дела. Однако, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Когда буфетчица узнала, что ее мужа обвиняют в тяжком преступлении и ему грозит виселица, сразу же решила порвать с Джеймсом. Она отправила ему письмо, что отказывается от него, потому что замужем за другим мужчиной, живущим в Бермуд-Док-Ярде. Я уверен, это письмо значительно облегчило переживания молодого Маккарти.

– Но если Джеймс невиновен, тогда кто совершил убийство?

– Этот вопрос по-прежнему остается открытым. Я хочу, чтобы вы обратили внимание на следующие два обстоятельства. Во-первых, покойный должен был встретиться с кем-то у омута, но, по моему мнению, только не со своим сыном, потому что Маккарти находился в отъезде, и отец не знал о его возвращении. Во-вторых, отец крикнул «Кой!», а ведь он не мог знать о возвращении сына. Это главные факты, на которых я основываюсь при расследовании. А теперь давайте оставим все эти проблемы до завтра, а лучше поговорим о чем-нибудь более возвышенном, пусть это будет творчество Джорджа Мередита.

Предсказания Холмса сбылись, дождя не было; утро выдалось солнечное. В девять часов за нами приехал Лестрейд, и мы отправились в экипаже на ферму Хезарлей и к Боскомскому омуту.

– Грустные вести, – сказал Лестрейд, – говорят, что мистер Тэнер настолько плох, что может умереть в любую минуту.

– Он, вероятно, очень стар? – спросил Холмс.

– Ему нет еще и шестидесяти, но он потерял здоровье в колониях и многие годы серьезно болел, а эта трагедия еще больше подкосила его. Он был старым другом Маккарти и щедрым благодетелем. Как говорят, он даже отказывался брать арендную плату за ферму Хезарлей, которую сдавал Маккарти.

– Очень интересно! – воскликнул Холмс.

– Он во всем поддерживал его. Многие подчеркивают, что мистер Тэнер был очень добр к покойному.

– Это удивительно! А вам не показалось несколько необычным то, что этот Маккарти, человек очень небогатый и к тому же многим обязанный мистеру Тэнеру, слишком уж настойчиво добивался женитьбы своего сына на дочери соседа, наследнице внушительного состояния? Причем считая это почти решенным вопросом, будто достаточно сыну сделать предложение – и брак будет заключен! По-моему, это очень странно, особенно если еще учесть то, что Тэнер не хотел даже слушать о подобном браке. Как вы помните, об этом нам рассказывала его дочь. Какие логические выводы, Лестрейд, вы могли бы сделать из того, что я сказал, методом дедукции?

– И о дедукции, и о логике мы, конечно же, слышали, – сказал Лестрейд, подмигивая мне. – Но, знаете ли, Холмс, в этом сложном деле даже факты и так чрезмерно запутаны, а вы еще предлагаете какие-то теории и фантазии.

– Да, это верно, – иронически заметил Холмс. – Вам, действительно, тяжело оперировать фактами.

– И все-таки, что бы вы ни говорили, я установил один неоспоримый факт, на который вы упорно не хотите обратить внимания, Холмс, – язвительно возразил Лестрейд.

– И что же это за факт?

– То, что Маккарти-старший убит Маккарти-младшим, и что все ваши логические выводы, отмечающие этот очевидный факт, изменчивы как молодая луна.

– Ну, от луны, по крайней мере, больше света, чем от вашего тумана, – ответил Холмс. – Если я не ошибаюсь, мы подъезжаем к ферме Хезарлей.

– Да, это она.

Перед нами широко раскинулся добротный, крытый черепицей двухэтажный дом, фасад которого был покрыт пятнами лишайника. Шторы на окнах были опущены, трубы не дымились, что дополнительно придавало ему мрачный, унылый вид, словно на нем лежал отпечаток пережитой трагедии.

На наш звонок вышла горничная, и по просьбе Холмса показала нам ботинки хозяина, в которых он был, когда его убили, и обувь сына, хотя и не ту, в которой он был в тот день. Холмс тщательно измерил подметки, и мы направились по узкой извилистой тропинке к Боскомскому омуту.

Когда мы стали подходить к месту преступления, Шерлок Холмс весь преобразился. Люди, знающие бесстрастного логика и аналитика с Бейкер-стрит, ни за что не узнали бы его сейчас. С каждым шагом выражение его лица становилось все более сосредоточенным и напряженным. Брови сошлись на переносице, из-под них стальным блеском сверкали глаза. Опущенная вниз голова, ссутуленные плечи, плотно сжатые губы, вздутые на мускулистой шее

от напряжения вены: все выдавало в нем человека, охваченного охотничьим азартом. В такие минуты он был настолько сконцентрирован на деле, которым он занимался, что его лучше было не трогать: он или совсем не реагировал на вопросы, или раздраженно перебивал любого, кто отвлекал его от размышлений.

А сейчас он молча спешил к Боскомскому омуту. Как и вся долина, это было безлюдное болотистое место. На едва заметной тропинке и на растущей рядом низкорослой траве было видно множество следов. Холмс то ускорял, то замедлял шаги, а временами останавливался как вкопанный, вглядываясь в эти следы. Периодически он начинал кружить на одном месте или делал по лужайке несколько шагов назад. Мы с Лестрейдом не отставали от него ни на шаг. Сыщик – с подчеркнуто равнодушным и даже пренебрежительным видом, тогда как я наблюдал за моим другом с неослабеваемым интересом, потому что знал, что, как всегда, все его действия глубоко осмысленны.

Боскомский омут – небольшой водоем, шириной ярдов пятьдесят, окруженный зарослями камыша. Он расположен на границе фермы Хезарлей и парка мистера Тэнера. Красные шпильки, венчающие крышу дома землевладельца, хорошо видны над деревьями, подступающими вплотную к дальнему берегу. Со стороны фермы лес очень густой; и от заросшего камышом берега его отделяет узкая полоска влажной травы шириной шагов двадцать. Лестрейд точно указал место, где нашли тело. Земля здесь была такая сырая, что можно было отчетливо увидеть, где лежал убитый. По выражению лица Холмса я понял, что примятая трава и следы на ней рассказали ему о многом. После тщательного изучения этого участка он обратился к нашему спутнику.

– А что вы делали в пруду? – спросил он.

– Поработал немного граблями. Надеялся найти какие-то улики. Но как вам удалось...

– Право же, у меня нет времени для разъяснений. Но если коротко – при ходьбе вы выворачиваете левую ногу, и эти следы видны на всем пути. Вас даже слепой крот выследит. А в камышах следы прерываются. О, насколько бы упростилась задача, если бы я оказался здесь раньше, чем здесь прошло это стадо буйволов. Они уничтожили почти все следы вокруг убитого на шесть-семь футов. Но я вижу, что один человек прошел здесь трижды.

Чтобы еще более внимательно рассмотреть этот участок, он достал лупу и склонился к самой земле.

– Это следы молодого Маккарти, – рассуждал Холмс, ни к кому не обращаясь. – Он дважды прошел здесь и один раз быстро пробежал, потому следы каблуков почти отсутствуют,

а вот носки видны отчетливо. Это подтверждает правдивость его показаний. Он бежал к отцу, когда увидел его лежащим на земле. А вот следы отца – он ходил взад и вперед. А тут что? След от приклада: сын опирался на ружье, когда стоял и слушал отца. А это что такое? Короткие шажки, кто-то крался на цыпочках в каких-то необычных ботинках с квадратными носами. Вот этот человек пришел, ушел и снова вернулся, чтобы забрать свое пальто. И откуда же он пришел сюда?

Холмс направился по следу, то теряя, то вновь находя его, пока мы не оказались у кромки леса под большой старой березой. Холмс вновь обнаружил квадратные следы под этим деревом и припал к земле, заметно довольный увиденным. Он долго изучал их, сдвигая опавшие листья и сухие сучья, осмотрел через лупу почву и кору дерева на высоте человеческого роста, затем собрал с земли в конверт какой-то сор. Его заинтересовал лежащий на мху камень с неровными краями, он поднял и внимательно осмотрел его.

– А этот камень заслуживает внимания, – промолвил Холмс задумчиво, когда мы направились по тропинке в сторону дороги. – Я зайду в сторожку к Морану, мне необходимо кое-что уточнить и оставить небольшую записку. Мы еще успеем в гостиницу к завтраку. Ступайте к экипажу, я скоро присоединюсь к вам.

Через десять минут мы уже ехали в экипаже к Россу. Холмс по-прежнему не выпускал из рук камень, который он обнаружил в лесу.

– Вас может заинтересовать это, – сказал он, протягивая Лестрейду камень. – По-моему, именно им убили Маккарти.

– Но я не вижу тут никаких следов, – возразил Лестрейд.

– Да, их нет.

– Но на чем же тогда основаны ваши выводы?

– Вы не обратили внимание, что под ним росла трава? Значит, он появился здесь совсем недавно. Откуда он мог здесь взяться?.. Это вещественное доказательство. Никаких других орудий убийства нет.

– А кто, по-вашему, убийца?

– Это высокий человек, хромающий на правую ногу, который носит обувь на толстой подошве и серое пальто, курит индийские сигары с мундштуком и носит с собой тупой перочинный нож. И еще – он левша. Я мог бы назвать и другие приметы, но и этого вполне достаточно, чтобы помочь нам в поисках убийцы.

Лестрейда это только развеселило.

– Я по-прежнему не испытываю доверия к вашим умозаключениям, – сказал он, усмехаясь. – Ваши теории, может быть, и хороши, но, к сожалению, приговор будут выносить твердолобые британские присяжные.

– *Nous verrons*¹⁷, – ответил спокойно Холмс. – У нас с вами разные подходы. Днем мне еще необходимо завершить некоторые дела, но с вечерним поездом я надеюсь вернуться в Лондон.

– Вы оставите это дело незаконченным?

– Почему? Я его закончил.

– А тайна?

– Она раскрыта.

– Но кто преступник?

– Человек, которого я только что описал.

– И кто же он?

– Это можно легко определить, территория здесь малонаселенная.

¹⁷ Посмотрим (*фр.*).

– Холмс, я человек действия, – заявил Лестрейд, – и меня поднимут на смех в Скотланд-Ярде, если я займусь поисками некоего джентльмена, о котором известно только то, что он хромой левша.

– Как вам угодно, – спокойно ответил Холмс. – Я вам дал шанс раскрыть преступление, но вы не хотите этим воспользоваться. Вот мы и прибыли. Перед отъездом в Лондон я вам напишу. Прощайте.

Мы оставили Лестрейда в его апартаментах и направились в отель, где нас ждал завтрак.

Холмс вновь замкнулся в себе, погруженный в какие-то размышления. По его мрачному виду было понятно, что он опять попал в затруднительное положение.

– Выслушайте меня, Ватсон, – сказал он, когда убрали со стола, – присядьте в это кресло, я расскажу обо всех имеющихся у меня деталях дела. Мне нужен ваш совет, так как я пока не знаю, что предпринять дальше.

– Я слушаю вас, Холмс.

– Я напому вам две детали из рассказа молодого Маккарти, которые меня заставили усомниться в его виновности, а вас восстановили против него. Во-первых, то, что отец окликнул «Коу!», не видя его. Во-вторых, он пробормотал несколько слов, из которых сын уловил лишь одно «крыса». Начнем наше расследование с этих двух деталей. Предположим, что все, о чем рассказал юноша, абсолютная правда.

– А что такое «коу»?

– Старший Маккарти считал, что сын в Бристоле. И потому адресовалось это не ему, а Джеймс совершенно случайно услышал этот оклик. Очевидно, криком «Коу!» он звал того, с кем было назначено свидание. Но «коу» – австралийское слово, оно распространено только между австралийцами. А это говорит о том, что Маккарти должен был встретиться у Боскомского омута именно с австралийцем.

– А причем тут крыса?

Достав из кармана какой-то сложенный лист бумаги, Шерлок Холмс расправил его на столе.

– Взгляните, Ватсон. Это карта штата Виктория в Австралии, – сказал он. – Прошлой ночью я телеграфировал в Бристоль и попросил прислать мне ее. – Он прикрыл ладонью часть карты и попросил: – Прочтите-ка.

– Рэт¹⁸, – прочитал я.

– А так? – Он убрал руку.

– Балларэт!

– Абсолютно верно. Умиравший, по моему предположению, произнес именно это слово, но сын уловил только последний слог. Он пытался сообщить, что убийца из Балларэта.

– Удивительно! – воскликнул я.

– Как видите, мы смогли еще более сузить круг поиска. А вот третья деталь в показаниях сына о серой одежде преступника требует дополнительной проверки. Если подтвердятся мои предположения, мы непременно выйдем на некоего австралийца в сером пальто из Балларэта.

– Гениально!

– Одновременно он к тому же местный житель, потому что вблизи места преступления находятся только фермы и усадьбы и вряд ли сюда забредет какой-то посторонний.

– Согласен с вами, Холмс.

– А теперь о нашей сегодняшней работе на месте преступления. Исследуя почву, я обнаружил некоторые улики, которые имеют прямое отношение к преступнику. Однако вы слышали, как отреагировал на мои выводы этот недалекий Лестрейд.

– Но что это за улики?

¹⁸ Рэт – крыса (англ.).

– Ватсон, вы же знаете, что я не оставляю без внимания никакие мелочи.

– Понятно, что рост убийцы вы могли приблизительно определить исходя из длины шага, а о его обуви можно было догадаться по следам.

– Да, у него была необычная обувь.

– Но вот почему вы решили, что он хромой?

– Это просто. Следы правого ботинка менее отчетливы, чем левого. Значит, он мягче ступал на правую ногу, потому что прихрамывал.

– Но с чего вы заключили, что он левша?

– Вы сами удивились тому, как была описана рана хирургом. Удар был, по-видимому, нанесен неожиданно для убитого сзади с левой стороны. И это мог сделать конечно же только левша! Во время ссоры отца с сыном убийца стоял за деревом и курил. Я нашел пепел и поскольку неплохо разбираюсь в сортах табака, то легко установил, что он курил с мундштуком индийскую сигару. Я в недавнем прошлом интересовался этим вопросом и даже написал небольшую монографию об особенностях пепла полутора сотен различных сортов трубочного, сигарного и папиросного табака. Обнаружив пепел, я стал искать и саму сигару, которая оказалась недалеко. Это была индийская сигара, изготовленная в Роттердаме.

– А мундштук?

– Видно было, что он не брал ее непосредственно в рот. Следовательно, использовал мундштук. Причем кончик сигары был обрезан не очень ровно, из чего я и решил, что он пользовался тупым ножом.

– Вы расставили для преступника такие надежные сети, Холмс, из которых он уже не сможет вырваться, – сказал я. – А главное, что вы спасли жизнь ни в чем не повинному юноше, просто вытащили его из петли. И имя убийцы, к которому ведут все следы...

– Мистер Джон Тэнер, – доложил портье. Он открыл дверь и впустил в нашу гостиную посетителя.

У вошедшего была странная, я бы сказал, малопривлекательная внешность. Медленная, прихрамывающая походка и ссутуленные плечи выдавали в нем довольно старого человека. У него было резко очерченное, волевое лицо и огромные руки, что говорило о том, что он обладает решительным характером и необыкновенной физической силой. Густая борода, седеющие волосы и широкие, нависшие над глазами брови усиливали и без того его мрачный и властный вид. По пепельно-серому лицу и синеватому оттенку губ я сразу понял, что он страдает какой-то тяжелой, неизлечимой болезнью.

– Присядьте, пожалуйста, – спокойно предложил Холмс. – Вы пришли, получив мою записку?

– Да. Вы написали, что хотите видеть меня во избежание скандала.

– Это так. Если я выступлю в суде по известному вам делу, будут серьезные последствия.

– Ну, а для чего вам понадобился я?

Старик взглянул на моего приятеля. По отчаянию, которое читалось в его взгляде, было видно, что ему хорошо известен ответ на свой вопрос свой вопрос.

– Совершенно верно, – промолвил Холмс, отвечая скорее на этот взгляд, чем на слова. – Это так. Я все знаю о Маккарти.

– Помогите мне, Господи! – воскликнул старик, закрыв лицо руками. – Я никогда не допустил бы гибели молодого человека! Поверьте, я не стал бы скрывать правду, если бы дело дошло до суда присяжных...

– Я верю в это, – сухо сказал Холмс.

– Я уже давно бы во всем признался, если бы не боялся навредить своей дорогой девочке. Это разбило бы ее сердце, она просто не смогла бы пережить моего ареста.

– Но можно и не доводить дело до ареста, – ответил Холмс.

– Что для этого необходимо сделать? Ведь я скоро умру, – сказал Тэнер, – я многие годы болен диабетом, по мнению моего доктора, мне осталось жить месяц. И все-таки, мне хотелось бы умереть не в тюрьме, а под крышей собственного дома.

Холмс подошел к письменному столу, взял перо и бумагу:

– Я лицо неофициальное и действую в интересах вашей дочери, которая пригласила меня. Но с другой стороны, как вы сами понимаете, молодой Маккарти должен быть освобожден. Поэтому рассказывайте всю правду, – предложил он, – а я кратко запишу. Вы это подпишете, а мой друг Ватсон засвидетельствует. Ваше признание я обещаю представить суду только в крайнем случае, если под угрозу будет поставлена жизнь молодого Маккарти. Если же удастся доказать его невиновность, я не стану прибегать к этому признанию.

– Согласен, – ответил старик. – Нет уверенности, что я доживу до суда, так что это практически не имеет для меня никакого значения. В первую очередь, я хочу избавить Алису от потрясения. А теперь слушайте. История эта долгая, но я постараюсь изложить вам ее очень коротко.

Вы не представляете, кем был покойный Маккарти, законченный негодяй, поверьте мне. Последние двадцать лет я был полностью в его власти, он сделал мою жизнь просто невыносимой. Вначале я расскажу о том, как я попал в его тиски. Произошло это в начале шестидесятых годов, в Австралии на золотых приисках. На участке, который я застолбил, не оказалось никакого золота, и я вынужден был бродяжничать. А так как я был молодой, горячий и безрассудный и меня окружали скверные друзья, то довольно быстро я стал, как говорится, рыцарем с большой дороги. Наша банда из шести человек вела дикую, разбойную жизнь, совершая налеты на фермы, грабя почтовые фургоны на дорогах и прииски. Меня прозвали Черным Джеком из Балларэта. В колонии и сегодня помнят нас как банду Балларэта.

Однажды мы узнали, что из Балларэта в Мельбурн под охраной из шести человек отправлено золото. Мы устроили засаду, это была настоящая бойня. Мы убили четверых, но и нас осталось только трое, когда мы добрались до добычи. На козлах сидел кучер – это был Маккарти. Я приставил револьвер к его голове, но и сегодня не могу понять, почему пощадил его. Ведь я прекрасно видел, с какой ненавистью он смотрит на меня своими маленькими злыми глазами, стараясь запомнить каждую черточку моего лица. Я должен был прикончить его! Мы захватили золото, благодаря которому стали богатыми людьми. Когда мы перебрались в Англию, я навсегда порвал со своими бывшими приятелями и начал жить как вполне обеспеченный и добропорядочный человек. Я купил это имение и стал работать, чтобы дело, которое я вел, и мои деньги принесли людям хотя бы небольшую пользу и помогли в какой-то мере искупить мои преступления. Я женился. К сожалению, жена моя умерла молодой, но оставила мне милую дочку – маленькую Алису. С первой минуты ее жизни я всегда чувствовал, что одно ее существование как ничто другое направляло меня по праведному пути. Жизнь моя получила совершенно новый смысл, и я все сделал, чтобы навсегда вычеркнуть из памяти прошлое. И мы были счастливы, пока не появился Маккарти.

Однажды я поехал в город по финансовым делам и на Риджент-стрит встретил Маккарти. Он выглядел бродягой.

«Наконец-то мы встретились, Джек, – сказал он вкрадчиво, взяв меня за руку. – Я предлагаю мирно уладить наши дела. Я не один; у меня маленький сынишка, и надеюсь, ты возьмешь на себя заботу о нас. Ну, а если нет, то ты знаешь, что Англия та страна, где чтут законы. А полиция всегда готова встать на защиту этих законов».

Так они и поселились здесь, и я вынужден был смириться с тем, что они за мои деньги живут на лучшем участке моей же земли. Они не давали мне ни минуты покоя, превратив жизнь в постоянную пытку. Всюду, куда бы я ни шел, везде натывался на его мерзкую ухмыляющуюся рожу. Но еще тяжелее стало, когда Алиса подросла. Он заметил, что свое темное прошлое я даже больше скрываю от нее, чем от полиции. Он все получал по первому же требо-

ванию: землю, постройки, деньги. Но ему всего было мало, и тогда он потребовал невозможного – Алису.

Видите ли, сын его подрос, моя дочь тоже стала вполне взрослой, а так как все знали о моей болезни, то он решил, что его сын может стать владельцем всего моего состояния. Но вот этого я уже никак не мог допустить. Никогда его проклятый род не должен соединиться с моим, – считал я. Не скажу, что мне не нравился его сын, но одного того, что в его жилах текла кровь его мерзкого отца, было достаточно. Мое упорство совершенно вывело Маккарти из себя, и он стал мне угрожать. Мы договорились встретиться с ним на полпути между нашими домами у омута и все обсудить.

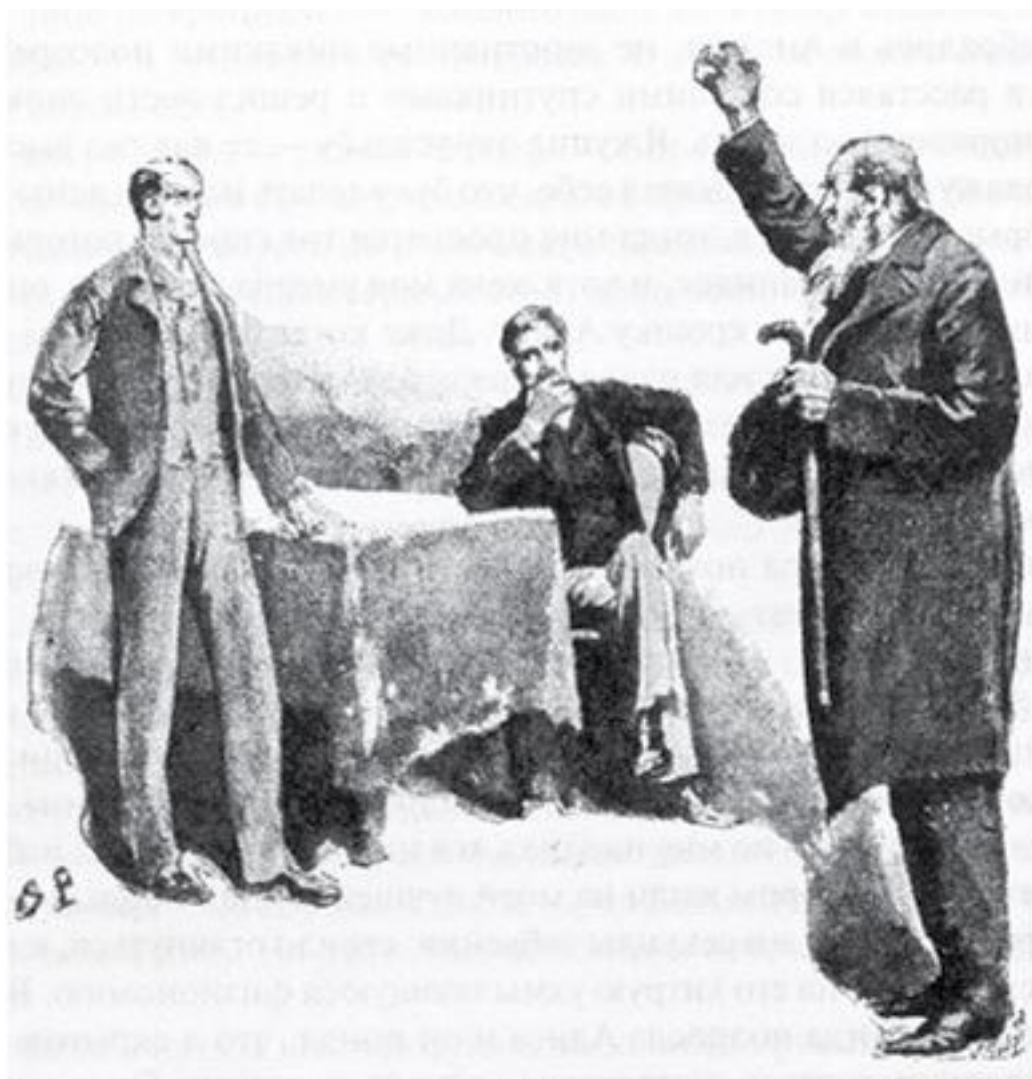
Когда я пришел туда, то увидел, что он очень эмоционально обсуждает что-то со своим сыном. Я решил переждать, пока он останется один, и закурил сигару. Но когда вслушался в их разговор, то пришел в ярость. Этот мерзавец принуждал сына к женитьбе на моей дочери, даже не пытаясь узнать ее мнение, как будто речь шла о какой-то уличной девке. У меня помутился разум, когда осознал – все, что мне дорого, навсегда оказалось во власти этого негодяя. Но эти оковы можно разрубить. Сам я безнадежно больной человек и хотя в здравом рассудке и у меня еще есть силы – мои дни сочтены. Но мое имя и судьба моей дочери! То и другое будет всегда под угрозой, пока я не вырву язык у этой подлой твари. И я убил его, мистер Холмс. И не жалею об этом. Да, это тяжкий грех. Но если ты обречен навечно жить в страданиях и муках, разве это не искупает вины? Я готов был все стерпеть, но смириться с мыслью, что и мою дочь ждет столь же невыносимая судьба, я просто не мог. Я убил этого мерзавца без малейших колебаний. Когда на его крик прибежал сын, мне уже удалось скрыться в лесу. Правда, увидев, что обронил пальто, я осторожно вернулся и подобрал его. Я сказал абсолютную правду, джентльмены, все было именно так.

– Мне сложно вас судить, – промолвил Холмс, когда старик поставил подпись под своими показаниями. – Не дай Бог никому попасть в подобный кошмар.

– Благодарю за понимание. Но что вы намерены теперь предпринять? – спросил Тэнер.

– Учитывая ваше здоровье, ничего. Совсем скоро вы предстанете перед судом Всевышнего, и этот суд праведнее земного. Я обещаю вам, что этими признаниями воспользуюсь только в крайнем случае, если молодой Маккарти будет осужден. Если же нам удастся добиться его оправдания, никто на этой земле не узнает о вашей тайне даже после вашей смерти.

– Спасибо, сэр, и прощайте, – торжественно сказал старик. – И пусть, когда наступит ваш смертный час, вам принесет успокоение воспоминание о том, насколько вы были добры к моей мятежной душе.

Сгорбившись и тяжело припадая на правую ногу, он медленно вышел из комнаты.

– Да поможет нам Бог! – проговорил Холмс после затянувшейся паузы. – Почему судьба бывает столь жестока к несчастным, беспомощным созданиям? На основании многочисленных доказательств, представленных Холмсом, суд присяжных оправдал Джеймса Маккарти. Во многом благодаря этому старый Тэнер прожил еще более полгода после нашей встречи. Сегодня его уже нет в живых. И, несомненно, Джеймс и Алиса будут счастливы вместе, не зная о темном прошлом своих отцов и позабыв те мрачные трагические события, которые омрачали их прошлое.

Пять апельсиновых зернышек

Когда я просматриваю свои заметки о Шерлоке Холмсе за период от 1882 до 1890 года, я нахожу столько странных и интересных случаев, что положительно затрудняюсь, который из них выбрать, чтобы рассказать читателям. Некоторые из них уже известны из газет, а другие не дали возможности моему другу проявить тех особенных свойств его таланта, которые я отмечаю в моих заметках. Были и такие случаи, в которых его искусный анализ не приводил к окончательным результатам, так что рассказ об этих событиях является чем-то вроде рассказа без конца; случалось ему открывать только часть истины и то, скорее, по догадкам и предположениям, чем по дорогим ему логическим выводам. Между записанными мною рассказами встречается один настолько замечательный по деталям и по результатам, что мне хочется передать его, несмотря на то, что в нем есть некоторые обстоятельства, невыясненные до сих пор, и которым, вероятно, суждено навеки остаться невыясненными.

В 1887 году у Холмса было много более или менее интересных дел, отмеченных в моих записках. Между прочим, я нахожу отчеты о деле «Парадол Чэмбер», общества нищих-любителей, имевших роскошный клуб в подвале одного мебельного магазина, о расследовании фактов, связанных с пропажей судна «Софи Андерсон», о странных приключениях Патерсонов на острове Уффа и, наконец, дело об отравлении Кэмбервелла. Не мешает припомнить, что в этом деле Шерлоку Холмсу удалось доказать, что часы покойного были заведены за два часа до смерти и что, следовательно, он лег спать в это время – заключение, имевшее громадное значение для разьяснения дела. Но ни одно из дел не представляет таких странных особенностей, как то, которое я собираюсь рассказать.

Стоял конец сентября, и экваториальный шторм отличался особой свирепостью. Весь день ветер ревел непрерывно, а дождь стучал в окна так, что даже здесь, в самом сердце громадного, сотворенного руками человека Лондона люди невольно, хотя на мгновение, отрывались от обычной рутины жизни и признавали величие сил природы, которые грозят человечеству, словно дикие звери, заключенные в клетку. С наступлением вечера буря еще усилилась, ветер завывал в камине и стонал, как дитя. Шерлок Холмс угрюмо сидел у камина, перелистывая свои записки. Я же совершенно углубился в чтение романа Кларка Рассела из морской жизни. Завывание бури как бы смешивалось с текстом, а шум дождя переходил в шум воли. Моя жена гостила у тетки, и я поселился на несколько дней в старой квартире на Бейкер-стрит.

– Что это? Как будто звонят? – сказал я, взглянув на Холмса. – Кто может прийти в такую погоду? Кто-нибудь из ваших приятелей?

– Вы мой единственный приятель, – ответил он. – Гостей я не люблю.

– Ну, так, может быть, клиент?

– Если так, то по очень серьезному делу. Кому иначе охота выходить из дома так поздно и в такую погоду? Вернее всего, это какая-нибудь приятельница хозяйки.

Шерлок Холмс, однако, ошибся, так как в коридоре послышались шаги и кто-то постучался в дверь. Он переставил лампу так, чтоб свет падал на кресло, предназначенное для посетителя.

– Войдите! – сказал Холмс.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, хорошо одетый, изящный и, видимо, из порядочного круга. Мокрый зонтик, с которого лились потоки воды, и длинный, блестящий от сырости дождевой плащ давали ясное представление о том, что делалось на улице. Вошедший беспокойно огляделся вокруг. Я заметил, что лицо его было бледно, а в глазах выражалась душевная тревога.

– Прощу извинения, – сказал он, надевая золотое пенсне. – Надеюсь, что не помешал вам. Боюсь, что принес следы бури и дождя в вашу уютную комнату.

– Дайте ваш плащ и зонтик, – сказал Холмс. – Их можно повесить на вешалку, и они скоро высохнут. Вы пришли из юго-западной части Лондона?

– Да, из Хоршэма.

– Это ясно видно по глине, приставшей к вашим сапогам.

– Я пришел за советом.

– Готов дать его.

– И за помощью...

– Это не так легко.

– Я слышал о вас, мистер Холмс, от майора Прендергаста. Он рассказал мне, как вы спасли его от скандала в Тэнкервиллском клубе.

– А! Да! Его несправедливо обвинили в шулерстве.

– Он сказал, что вы все можете сделать.

– Ну, уж это слишком много.

– Что вас нельзя провести.

– Меня провели четыре раза: три раза мужчины и один раз женщина.

– Но что это значит в сравнении с вашими многочисленными успехами?

– В общем, действительно, многое удастся мне.

– Может быть, вам удастся помочь и мне.

– Пожалуйста, пододвиньте кресло к камину и расскажите ваше дело.

– Дело совсем необычайное.

– У меня не бывает других. Я представляю собой высшую апелляционную инстанцию.

– А между тем, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам приходилось слышать что-либо более таинственное и необъяснимое, чем то, что произошло в нашей семье.

– Вы заинтересовали меня, – сказал Холмс. – Пожалуйста, расскажите нам сначала главные факты, а потом я попрошу вас указать подробности, которые вообще имеют большую важность в моих глазах.

Молодой человек пододвинул кресло к камину и протянул ноги к огню.

– Меня зовут Джон Опеншоу, – начал он, – но, насколько я понимаю, личные мои дела не имеют никакого отношения к ужасным событиям. Это наследственное дело. Для того, чтобы вы могли составить себе ясное понятие об этом, я начну по порядку.

У моего деда было два сына: мой дядя Элиас и мой отец Джозеф. У отца была небольшая фабрика в Ковентри, которую он расширил, когда появились велосипеды. Он изобрел новые шины Опеншоу, и дела его пошли настолько удачно, что ему удалось выгодно продать свое предприятие и обеспечить себе хорошую ренту.

Дядя Элиас эмигрировал в Америку еще в молодости и сделался плантатором во Флориде. Говорили, что дела его шли очень хорошо. Во время войны он сражался в армии Джексона, потом под начальством Худа и получил чин полковника. Когда Ли сложил оружие, дядя вернулся к себе на плантации и прожил там три или четыре года. Между 1869 и 1870 годами он вернулся в Европу и купил маленькое поместье в Сассексе, вблизи Хоршэма. Он составил себе очень большое состояние в Штатах, покинул же Америку вследствие отвращения к неграм и недовольства республиканским правительством, освободившим их от рабства. Дядя был странный человек, суровый, вспыльчивый, не стеснявшийся в выражениях, когда сердился, и очень нелюдимый. Сомневаюсь, чтоб он хоть раз побывал в городе за все время, что прожил в Хоршэме. Он прогуливался только в саду и в полях вблизи дома и очень часто по целым неделям не выходил из комнаты. Он пил и курил очень много, но не любил общества и не приглашал к себе ни друзей, ни своего родного брата.

Мне было около двенадцати лет, когда дядя в первый раз увидел меня. Это было спустя лет восемь или девять после того, как он переселился в Англию, в 1878 году. Я сразу понравился дяде, он попросил отца отпустить меня жить с ним и был по-своему очень добр ко мне.

В трезвом состоянии он любил играть со мной в карты и шахматы, приказывал прислуге слушаться меня, как его самого. Я вел за него переговоры с торговцами и в шестнадцать лет стал полным хозяином в доме. У меня были все ключи, я мог делать, что мне угодно, и расхаживать всюду, с одним только условием – не нарушать уединения дяди. Впрочем, было и исключение: даже мне, не говоря уже о других, не позволялось входить в одну постоянно запертую комнату на чердаке. С любопытством, свойственным мальчику, я несколько раз заглядывал туда сквозь замочную скважину, но не видел ничего, кроме старых чемоданов и узлов.

Однажды – это было в марте 1883 года – полковник, сядя за завтрак, увидел лежащее на столе письмо. Это было необычное для него явление, так как счета он всегда оплачивал наличными деньгами, а друзей, от которых он мог бы получать письма, у него не было. «Из Индии! – сказал он, – из Пондишерри! Что бы это могло быть?» Он поспешно вскрыл конверт, и оттуда на тарелку выпало пять сухих апельсиновых зернышек. Я рассмеялся, но смех замер у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Нижняя губа у него отвисла, лицо было смертельно бледно. Широко раскрытыми глазами он смотрел на конверт, который держал в дрожащей руке.

– К. К. К! – крикнул он и прибавил: – Боже мой, Боже мой, вот оно, наказание за мои грехи!

– Да что же это такое, дядя? – спросил я.

– Смерть, – ответил он и ушел к себе в комнату, оставив меня в полном ужасе. Я взял конверт и увидел, что внутри его красными чернилами была написана три раза буква «К». Кроме пяти апельсиновых зернышек там ничего не было. Что за причина безумного ужаса дяди? Я вышел из-за стола и пошел наверх.

На лестнице я встретил дядю. В одной руке у него был заржавленный старый ключ – должно быть, от чердака, в другой – маленькая шкатулка, вроде кассы.

– Пусть их делают, что хотят, я еще поборюсь с ними, – с ругательством проговорил он. – Скажи Мэри, чтобы она затопила камин у меня в комнате, и пошли в Хоршэм за адвокатом Фордхэмом.

Я исполнил его приказания, и, когда приехал адвокат, меня позвали в комнату дяди. Огонь ярко пылал в камине, где виднелась масса пепла, как бы от сожженной бумаги. Вблизи стояла пустая медная шкатулка. Я заглянул в нее и невольно вздрогнул, увидев на крышке такие же три буквы «К», какие я видел на конверте.

– Я хочу, чтобы ты был свидетелем при составлении моего завещания, Джон, – сказал дядя. – Я оставляю мое имение, со всеми его выгодами и невыгодами, моему брату, твоему отцу, от которого оно, без сомнения, перейдет к тебе. Если можешь мирно наслаждаться им – отлично! Если же окажется, что это невозможно – прими совет, мой мальчик, и отдай его своему смертному врагу. Очень жалею, что приходится оставлять тебе такое наследство, но не могу сказать, какой оборот примут дела. Подпиши, пожалуйста, бумагу там, где тебе укажет мистер Фордхэм.

Я подписал завещание, и мистер Фордхэм взял его с собой. Этот странный случай, понятно, произвел глубокое впечатление на меня; я постоянно думал о нем, но не мог прийти к какому-либо заключению и не мог избавиться от смутного чувства страха. Однако, по мере того, как шло время, и жизнь наша продолжала идти своим чередом, я начал мало-помалу успокаиваться. Но в дяде я заметил большую перемену. Он пил больше прежнего и стал еще нелюдимее. Большую часть времени он проводил, запершись у себя в комнате, но по временам бегал, словно бешеный, по дому и саду с револьвером в руке и кричал, что он никого не боится, и не позволит ни человеку, ни дьяволу зарезать его, как овцу в овчарне. Когда эти приступы бешенства проходили, он с тревогой бежал к двери своей комнаты и запирался там, как человек, который не может совладать с охватившим его ужасом. В такие минуты я видел, как на лице его выступал пот, хотя на дворе бывало холодно.

Ну, не стану больше злоупотреблять вашим терпением, мистер Холмс, и скажу вам только, что в одну прекрасную ночь он выбежал из дома в припадке пьяного бешенства и не возвратился больше домой. Мы нашли его вниз лицом в маленьком, поросшем тиной пруде в конце сада. Знаков насилия на теле не оказалось, пруд всего в два фута глубины, и присяжные, приняв во внимание известные странности покойного, признали факт самоубийства. Я знал, как он боялся даже мысли о смерти, и потому никак не мог допустить этого предположения. Мой отец вступил во владение поместьем и получил еще четырнадцать тысяч фунтов наличными деньгами...

– Извините, – прервал Холмс. – Ваш рассказ один из самых интересных, какие мне когда-либо доводилось слышать. Скажите мне, пожалуйста, когда ваш дядя получил письмо и когда он умер?

– Письмо было получено 10 марта 1883 года. Умер он через семь недель после этого, в ночь на второе мая.

– Благодарю вас. Продолжайте, пожалуйста.

– Когда отец вступил во владение хоршэмским поместьем, он, по моей просьбе, тщательно обыскал комнату на чердаке, которая была всегда заперта при жизни дяди. Мы нашли там медную шкатулку, но внутри ее ничего не было. На внутренней стороне крышки была приклеена бумажка с тремя буквами «К» и с надписью: «Письма, счета, квитанции и реестр».

Вероятно, это и были бумаги, уничтоженные полковником Опеншоу. Но вообще в комнате не оказалось ничего особенно важного, за исключением записных книжек и разбросанных бумаг, касавшихся жизни дяди в Америке. Некоторые из этих бумаг относились ко времени войны и доказывали, что дядя хорошо исполнял свой долг и пользовался репутацией храброго воина. Другие относились к преобразованию южных штатов и касались, по большей части, политических вопросов, так как дядя, очевидно, принимал большое участие в оппозиции против политиков, приехавших с севера.

Ну, так вот, отец мой поселился в Хоршэме в начале 1884 года, и до января 1885 года у нас все шло как нельзя лучше. На четвертый день после Нового года мы сидели за завтраком, когда отец внезапно вскрикнул от удивления. В одной руке у него был вскрытый конверт, а на ладони другой лежали пять сухих апельсиновых зернышек. Он всегда смеялся над тем, что я рассказывал о письме, полученном полковником, называя это чепухой. Теперь он казался очень смущенным и испуганным.

– Что бы это могло значить, Джон? – пробормотал он.

Сердце у меня упало.

– Это «К. К. К.» – ответил я.

Отец взглянул внутрь конверта.

– Верно! – вскрикнул он. – Вот эти буквы. А что написано наверху?

– «Положите бумаги на солнечные часы», – прочитал я из-за плеча отца.

– Какие бумаги? Какие солнечные часы? – спросил он.

– Солнечные часы в саду. Других нет, – ответил я. – А бумаги, должно быть, те, которые сжег дядя.

– Фу! – сказал отец, собравшись с духом. – Мы живем в цивилизованной стране и не можем допускать подобного рода чепухи. Откуда прислано это письмо?

– Из Данди, – ответил я, взглянув на штемпель.

– Какая-нибудь глупая шутка, – сказал отец. – Что мне за дело до каких-то бумаг и солнечных часов? Не стоит обращать внимания на такую чепуху.

– На вашем месте я заявил бы полиции, – заметил я.

– Чтобы там посмеялись надо мной? Ни за что.

– Так позвольте мне сделать это.

– Нет, я запрещаю тебе. Я не хочу подымать шума из-за таких пустяков.

Спорить дальше было напрасно, так как отец был очень упрямый человек, но сердце у меня ныло от предчувствия чего-то недоброго.

На третий день после получения письма отец отправился навестить своего старинного друга, майора Фрибоди, командующего одним из фортов на Портсдаун-Хилл. Я был рад, что он уехал, так как мне казалось, что там он подвергается меньшей опасности, чем дома. Оказалось, однако, что я ошибся. На второй день после его отъезда я получил телеграмму от майора, в которой он умолял меня приехать немедленно. Отец мой упал в одну из ям, которых очень много в той местности, и лежал без памяти с разбитым черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. По-видимому, он возвращался в Фордхэм в сумерки. Так как он ехал по незнакомой ему местности, и яма не была огорожена, то суд признал, что смерть последовала от несчастного случая. Я тщательно исследовал все факты, но не мог найти ничего, что указывало бы на убийство. На теле отца не найдено никаких знаков насилия, вещи его были все в целости; на дороге не было никаких следов, не было замечено и появления посторонних личностей. И все же – как вы сами можете понять, – я был почти уверен, что отец попал в коварно расставленные сети.

При таких печальных условиях я вступил во владение моим поместьем. Отчего же я не отказался от него – спросите вы. Да потому, что был уверен, что обрушивающиеся на нас несчастья являются следствием какого-то поступка дяди, и что опасность угрожает нам, где бы мы ни жили.

Мой бедный отец умер в январе 1885 года, и с тех пор прошло два года восемь месяцев. В продолжение этого времени я счастливо жил в Хоршэме и начал надеяться, что проклятие снято с нашей семьи, исчезло с последним поколением. Однако я напрасно успокоился. Вчера утром меня постиг такой же удар, как и отца.

Молодой человек вынул из кармана жилета скомканный конверт и высыпал из него на стол пять сухих апельсиновых зернышек.

– Вот конверт, – продолжал он. – Почтовый штемпель – «Лондон – восточное отделение». Внутри написано тоже, что в письме отца: «К. К. К.» и «Положите бумаги на солнечные часы».

– Что же вы сделали? – спросил Холмс.

– Ничего.

– Ничего?

– Сказать правду, – проговорил молодой человек, закрывая лицо тонкими белыми руками, – я почувствовал себя вполне беспомощным. Я очутился в положении кролика, к которому приближается змея. Мне кажется, что я во власти какого-то злого рока, и ничто не может спасти меня от него.

– Вот еще! – крикнул Шерлок Холмс. – Надо действовать, а не то вы пропали. Только энергичный образ действия может спасти вас. Теперь не время отчаиваться.

– Я заявил полиции.

– Ну?

– Меня выслушали, улыбаясь. Я уверен, что инспектор решил, будто письма не что иное, как шутка, а смерть моих родственников – случайность, как признал суд, не имеющая никакого отношения к этим письмам.

Холмс погрозил кому-то кулаком в воздухе.

– Невероятная глупость! – крикнул он.

– Впрочем, мне дали полицейского, который может остаться у меня дома.

– Он пришел теперь с вами?

– Нет. Ему приказано оставаться дома.

Холмс повторил свой угрожающий жест.

– Почему вы не пришли ко мне сразу?

– Я не знал. Только сегодня я рассказал майору Прендергасту о моем отчаянном положении, и он посоветовал мне обратиться к вам.

– С тех пор, как вы получили письмо, прошло уже два дня. Следовало начать действовать раньше. У вас нет никаких указаний, кроме этих писем, ничего, что могло бы помочь нам?

– Есть одна вещичка, – сказал Джон Опеншоу.

Он порылся в кармане сюртука и, вынув оттуда кусочек полинялой синей бумаги, положил его на стол.

– Я помню, – продолжал он, – когда дядя сжег бумаги, я заметил, что не обгоревшие края бумаг, лежавших среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу комнаты дяди и думаю, что он случайно выпал и не попал в камин. Я думаю, что это страница из дневника. Почерк несомненно дядин.

Холмс подвинул лампу, и мы оба наклонились над листом, очевидно, вырванным из записной книжки.

Наверху была надпись: «Март, 1869», а внизу стояли следующие загадочные слова:

«4-го. Хадсон прибыл. Прежние убеждения.

7-го. Зерньики посланы Маккали, Парамору и Джону Свэйну из Сент-Августина.

9-го. Маккали устранился.

10-го. Джон Свэйн устранился.

12-го. Навестили Парамора. Все благополучно».

– Благодарю вас, – сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю. – А теперь вам нельзя терять ни одной секунды. Нам некогда даже поговорить о том, что вы рассказали мне. Отправляйтесь сейчас же домой и действуйте.

– Что я должен делать?

– Сделайте только одно немедленно. Положите бумагу, которую вы только что показали нам, в описанную вами медную шкатулку. Положите туда же записку, где скажете, что все остальные бумаги сожжены вашим дядей, и это единственная, оставшаяся целой. Надо написать так, чтобы слова внушили доверие. Сделав это, поставьте сейчас же шкатулку на солнечные часы. Вы понимаете?

– Да.

– В настоящую минуту не помышляйте о мести. Я думаю, что суд поможет нам в этом отношении, а теперь нам надо плести сеть, тогда как их сеть сплетена уже давно. Прежде всего, надо удалить угрожающую вам опасность, а потом уже открыть тайну и наказать виновных.

– Благодарю вас, – сказал молодой человек, вставая и накидывая на себя плащ. – Вы влили в меня новую жизнь и возбудили надежду. Я поступлю по вашему совету.

– Не теряйте ни минуты. И, главное, будьте осторожны, так как я не сомневаюсь, что вам грозит большая опасность. Как вы едете обратно?

– По железной дороге с вокзала Ватерлоо.

– Еще нет девяти часов. На улицах много народа, так что, надеюсь, вы в безопасности. Но все-таки будьте как можно осторожнее.

– Со мной револьвер.

– Это хорошо; завтра я займусь вашим делом.

– Так, значит, вы приедете в Хоршэм?

– Нет. Тайна вашего дела кроется в Лондоне. Я буду искать ее здесь.

– Так я зайду к вам денька через два и расскажу про шкатулку и бумаги. Я последую всем вашим советам.

Он пожал нам руки и вышел из комнаты. На улице ветер завывал по-прежнему, и дождь хлестал в окна. Дикий, страшный рассказ словно был занесен к нам разъяренной стихией, которая снова поглотила его.

Шерлок Холмс несколько времени сидел молча, опустив голову на грудь и устремив взгляд на пламя и камине. Затем он зажег трубку и, опершись локтями на колени, стал следить за голубыми кольцами табачного дыма, поднимавшимися к потолку.

– Мне кажется, Ватсон, – сказал он, – что это самое фантастическое дело изо всех, за которые нам приходилось браться.

– За исключением разве «Знака четырех».

– Пожалуй! Но, по-моему, этому Джону Опеншоу угрожает большая опасность.

– А составили вы уже себе какое-нибудь мнение относительно угрожающей опасности?

– Да тут и вопроса быть не может.

– В чем же состоит эта опасность? Кто этот «К. К. К.»? Почему он преследует эту несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза, облокотился на спинку стула и сложил вместе кончики пальцев.

– Идеальный мыслитель, – сказал он, – на основании одного факта выводит не только всю цепь предшествовавших ему событий, но и последующие результаты. Как Кювье мог вполне правильно описать животное по одной его кости, так и мыслитель, вполне уяснив себе одно звено в цепи явлений, должен уметь выяснить все то, что предшествовало им, и что следует за ними. Но для достижения полного успеха мыслителю необходимо воспользоваться всеми представляющимися ему фактами; для этого, согласитесь, надо знать все, а это даже в наши дни энциклопедического образования встречается очень редко. Однако человек может знать все то, что полезно для его дела, и я всегда стремился достичь этого. Насколько я помню, вы в начале нашей дружбы определили очень точно сумму моих знаний.

– Да, – ответил я, смеясь. – Свидетельство вышло довольно странное. Философия, астрономия и политика – ноль. Ботаника – посредственно, геология – отлично во всем, что касается грязи на расстоянии пятидесяти миль от Лондона; химия – много знаний, но без всякой системы; анатомия – отсутствие систематических знаний; поразительное знание сенсационной литературы и криминальной хроники; скрипач, боксер, фехтовальщик, юрист и самоотравитель кокаином и табаком. Вот, кажется, главные результаты моего анализа.

Холмс рассмеялся.

– Ну, и теперь, как тогда, я скажу, что человеку следует держать на своем умственном чердаке всю нужную ему мебель, а остальное можно спрятать в кладовую – библиотеку, откуда он может достать, что понадобится. Для выслушанного нами сейчас дела придется пустить в ход все ресурсы. Пожалуйста, передайте мне американский энциклопедический словарь на букву «К», который стоит на полке. Благодарю вас. Теперь посмотрим, не удастся ли нам вывести какое-нибудь заключение. Во-первых, у нас есть много оснований предполагать, что полковник Опеншоу имел серьезный повод уехать из Америки. Люди его возраста не любят менять своих привычек и не так охотно переселяются из чудного климата Флориды в английский провинциальный городок. Его стремление к уединению заставляет предполагать, что он боялся кого-то или чего-то. Приняв эту гипотезу, мы можем утверждать, что эта боязнь и была причиной его отъезда из Америки. Узнать, чего именно он боялся, мы можем путем исследования ужасных писем, полученных им и его наследниками. Обратили вы внимание на штемпеля писем?

– Первое было из Пондишерри, второе – из Данди, а третье – из Лондона.

– Из восточной окраины Лондона. Какое вы выводите заключение из этого?

– Все приморские места. Написаны эти письма на борту судна.

– Превосходно. Вот у нас есть уже ключ. По всем вероятностям, автор письма находился на борту судна. Теперь обсудим другие обстоятельства. Между получением письма с угрозой из

Пондишерри и смертью адресата прошло семь недель; после письма, присланного из Данди, до смерти получившего его – три или четыре дня. Что это может означать?

– Разница расстояний.

– Но ведь и письмо шло дольше.

– Тогда отказываюсь понять.

– Можно предположить, что судно, на котором находились авторы или автор писем, парусное. Они отсылали свое странное предостережение прежде, чем отправлялись сами для выполнения своей миссии. Видите, как быстро последовало исполнение угрозы, содержащейся в письме из Данди. Если бы они ехали из Пондишерри на пароходе, то приехали бы почти одновременно с письмом. Однако прошло семь недель. Мне кажется, эти семь недель указывают на то, что письмо было привезено пароходом, а автор письма прибыл на парусном судне.

– Очень возможно.

– Не только возможно, но вероятно. Теперь вы можете судить, почему я так торопил молодого Опеншоу и уговаривал его быть как можно осторожнее. Удар всегда разражался по истечении того времени, которое было нужно для переезда. На этот раз письмо получено из Лондона, и потому нельзя рассчитывать на отсрочку.

– Боже милостивый! – вскричал я. – Что может значить это беспощадное преследование?

– Бумаги, находившиеся у Опеншоу, очевидно, имеют громадное значение для того или тех, кто прибыл на парусном судне. Мне кажется очевидным, что их несколько человек. Один человек не мог подстроить двух смертей так, чтобы обмануть следователя. Их несколько, и это люди предприимчивые и смелые. Они во что бы то ни стало решили завладеть нужными бумагами, кому бы они ни принадлежали. Таким образом, вы видите, что «К. К. К.» – вовсе не инициалы какой-нибудь отдельной личности, а эмблема целого общества.

– Какого общества?

– Вам никогда не приходилось слышать, – сказал Шерлок Холмс, наклоняясь ко мне и понижая голос, – о Ку-Клукс-Клане?

– Никогда.

Холмс стал перелистывать лежавшую у него на коленях книгу.

– Вот, – проговорил он, – «Ку-Клукс-Клан». Название, данное вследствие некоторого сходства со звуком, слышимым при разряжении ружья. Это ужасное тайное общество было основано после гражданской войны бывшими военными-конфедератами в южных штатах и имело отдельные комитеты в различных местностях страны – в Теннесси, Луизиане, обеих Каролинах, Джорджии и Флориде. Общество преследовало политические цели, терроризируя сторонников освобождения негров, убивая и изгоняя своих противников. Члены общества предупреждали намеченных ими жертв, посылали им фантастические, но уже ставшие известными предупреждения в виде дубовых листьев, дынных семечек или апельсиновых зернышек. Человек, получивший это предостережение, должен был или открыто отказаться от своих воззрений, или бежать из страны. Если он решался сопротивляться, то его постигала неминуемая смерть, наступавшая обыкновенно странным и непредвиденным образом. Организовано общество было превосходно, так что едва ли найдется хоть один случай, когда жертве удалось спастись, а полиции найти убийц. Общество процветало в продолжении нескольких лет, несмотря на все усилия правительства Соединенных Штатов и лучших классов населения юга к искоренению его. Наконец это движение внезапно прекратилось в 1869 году, хотя эпизодически давало о себе знать и после этого времени...

– Заметьте, – сказал Холмс, откладывая книгу, – внезапное прекращение действий общества совпадает как раз с отъездом из Америки Опеншоу. Он увез бумаги, и потому нет ничего удивительного в том, что он и его семья находятся во власти неумолимых врагов. Вы понимаете, что в этих бумагах могут быть упомянуты некоторые из высокопоставленных людей, и, может быть, многие не уснут спокойно, пока не получат этих документов.

– Так, значит, виденная нами страничка...

– Именно такая, какой следовало ожидать. Если я не ошибаюсь, там было написано: «Зернышки посланы А, В и С», то есть им послано предостережение от общества. Потом сказано, что «А» и «В» «устраились», то есть уехали, а «С» «навестили»; по всем вероятностям, дело кончилось для него плохо. Ну, я думаю, доктор, нам удастся пролить свет на это темное дело, а молодой Опеншоу может спастись, только исполнив мой совет. Теперь же нам нечего больше делать, а потому передайте мне скрипку и постараемся хоть на полчаса забыть об отвратительной погоде и еще более отвратительных действиях наших ближних.

К утру погода прояснилась, и лучи солнца прорывались сквозь туман, окутывавший громадный город. Шерлок Холмс сидел за завтраком, когда я спустился вниз.

– Извините, что не дождался вас, – сказал он. – Полагаю, что мне придется много поработать по делу Опеншоу.

– Что вы думаете предпринять? – спросил я.

– Все будет зависеть от того, что мне удастся узнать. Может быть, придется ехать в Хоршэм.

– Вы не сразу поедете туда?

– Нет, сначала попробую узнать что-нибудь в Сити. Позвоните, пожалуйста, чтобы горничная принесла кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал просматривать ее. Вдруг взгляд мой упал на одну из заметок, и кровь застыла у меня в жилах.

– Холмс! Вы опоздали! – крикнул я.

– А! – сказал он, ставя чашку на стол. – Я опасался этого. Как было дело?

Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

– Мне бросилась в глаза фамилия Опеншоу и название заметки: «Трагический случай у моста Ватерлоо». Вот что пишут: «Вчера вечером, между девятью и десятью часами, констебль Кук, стоявший на посту у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск тела, упавшего в воду. Ночь была чрезвычайно темная и бурная, так что, несмотря на старания некоторых из прохожих, все попытки спасти утопавшего оказались напрасными. С помощью речной полиции удалось, однако, вытащить тело из воды. Утопленник оказался, судя по найденному у него в кармане конверту, Джоном Опеншоу, жившим в Хоршэме. Предполагают, что, торопясь к последнему поезду, отходящему от станции Ватерлоо, молодой человек и темноте сбился с пути и попал на одну из речных пристаней. На теле не оказалось знаков насилия, так что нет никакого сомнения в том, что покойный стал жертвой несчастного случая. Властям следовало бы обратить внимание на состояние речных пристаней».

Несколько времени мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса так сильно потрясенным.

– Это задевает мое самолюбие, Ватсон, – наконец проговорил он. – Конечно, это мелкое, низменное чувство, но все же я чувствую себя оскорбленным. Теперь это становится моим личным делом и, если Бог даст мне здоровья, я поймаю эту шайку. Он пришел ко мне за помощью, а я послал его на смерть...

Холмс вскочил с места и в сильном волнении стал расхаживать по комнате. Он нервно сжимал свои длинные тонкие руки.

– Хитрые черти! – крикнул он. – Как это им удалось завести его туда? Набережная не по дороге на станцию. На мосту, даже в такую ночь, конечно, было слишком много людей для исполнения их замысла. Ну, Ватсон, посмотрим еще, на чьей стороне будет победа. Я уйду.

– В полицию?

– Нет. Я сам себе полиция. Я сотку сначала паутину, а потом полицейские могут ловить мух, если желают. Не раньше.

Весь день я был занят и только поздно вечером вернулся на Бейкер-стрит. Шерлока Холмса еще не было дома. Около десяти часов он, бледный и усталый, вошел в комнату, подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, жадно съел его, запив водой.

– Вы голодны? – спросил я.

– До смерти. Я совсем забыл, что ничего не ел с утра...

– Ничего?

– Ни крошки. Времени не было.

– А как дело? Удачно?

– Да.

– Вы нашли ключ?

– Я держу их всех в руках. Молодой Опеншоу не долго останется неотомщенным. Знаете что, Ватсон, мы пошлем им предостережение их же дьявольским способом.

Он вынул из буфета апельсин, разделил его на части, вынул зернышки, отобрал из них пять штук и положил в конверт. Внутри конверта он написал: «Ш. Х. за Дж. О.»; потом запечатал конверт и надписал: «Капитану Джеймсу Калхуну, судно «Одинокая звезда», Саванна, Джорджия».

– Это будет ожидать его в порту, – смеясь, проговорил он. – Пожалуй, придется ему провести бессонную ночь. Убедиться, что его ждет та же судьба, что и Опеншоу.

– А кто такой этот капитан Калхун?

– Предводитель шайки. Сначала разделаюсь с ним, а потом доберусь и до других.

– Как вам удалось открыть шайку?

Шерлок Холмс вынул из кармана большой лист бумаги, весь испещренный числами и именами.

– Я целый день просматривал отчеты «Ллойда» и старые газеты, следя за всеми судами, которые приходили в Пондишерри и уходили оттуда в январе и феврале 1883 года. Упомянуто было тридцать шесть судов. Одно из них – «Одинокая звезда» – сразу привлекло мое внимание: помечено оно было вышедшим из Лондона, а такое прозвище дается одному из американских штатов.

– Кажется, Техасу.

– Не знаю наверно, но только я решил, что судно американское.

– Ну, и что же?

– Я стал просматривать сведения о движении судов в Данди, и когда увидел, что судно «Одинокая звезда» было там в 1885 году, мое подозрение обратилось в уверенность. Тогда я осведомился насчет судов, находящихся в настоящее время в Лондоне.

– Ну?

– «Одинокая звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я спустился к Альберт-доку и узнал, что сегодня утром судно вышло назад в Саванну. Я телеграфировал в Грейвсенд и узнал, что оно прошло там; так как ветер попутный, то, наверно, они находятся теперь вблизи острова Уайт.

– Что же вы теперь будете делать?

– О, он у меня в руках! Он и два штурмана – единственные американцы на судне. Остальные – финны и немцы. Знаю, что всех троих не было на судне в прошлую ночь. Это сказал мне портовый грузчик. К тому времени, как их парусное судно доплывет до Саванны, почтовый пароход доставит это письмо, а телеграф сообщит полиции Саванны, что троих джентльменов требуют сюда по обвинению в убийстве!

Но лучшие человеческие планы могут расстроиться, и убийцам Джона Опеншоу не пришлось получить апельсиновых зернышек, которые должны были доказать им, что они будут иметь дело с человеком таким же хитрым и энергичным, как они сами. В тот год экваториальные штормы отличались особой продолжительностью и силой. Долго мы ожидали известий об «Одинокой звезде», но так и не дождались их. Наконец до нас дошли слухи, что где-то далеко в Атлантическом океане на волнах был виден обломок кормы судна с буквами «О. З.» – и это все, что мы знаем о судьбе «Одинокой звезды».

Человек с уродливой губой

Айза Уитни, брат покойного Элиаса Уитни, директора колледжа Святого Георгия, был страстным курильщиком опиума. Курить он начал еще в колледже, когда прочитал описание грез и впечатлений Де Куинси под влиянием опиума¹⁹ и решился испытать их собственным опытом. Как и многие другие, он убедился, что приобрести какую-либо привычку гораздо легче, чем бросить ее, и в продолжение многих лет был рабом своей страсти, предметом ужаса и сожаления для всех своих друзей и родных. Я так и вижу перед собой его желтое одутловатое лицо с опущенными веками, с сузившимися зрачками. Он казался развалиной некогда красивого человека.

Однажды вечером – дело было в июне 1889 года – в моей квартире внезапно раздался звонок, как раз в то время, когда начинаешь уже зевать и поглядывать на часы. Я приподнялся на стуле; жена опустила работу на колени, и выражение неудовольствия показалось на лице ее.

– Верно, пришли звать к больному! – сказала она. – Тебе придется выйти из дома.

В ответ я только простонал, потому что недавно вернулся домой после целого дня утомительной работы.

До нас донесся стук отпираемой входной двери, перешептывание и чьи-то быстрые шаги. Дверь в нашу комнату поспешно отворилась. Вошла дама в темной одежде, под черной вуалью.

– Извините меня, что пришла так поздно, – начала она, потом, внезапно теряя всякое самообладание, быстро бросилась к моей жене, обняла ее и зарыдала у нее на плече.

– Ах, у меня такое горе! – проговорила она. – Помогите мне!

– Как, это ты, Кейт Уитни! – сказала моя жена, поднимая вуаль гостьи. – Как ты испугала меня, Кейт! Я не узнала тебя.

– Я не знала, что сделать, и потому пришла к тебе, – ответила Кейт.

Это обычное явление: все, у кого есть горе, приходят к моей жене, словно птицы, слетающие на огонь маяка.

– И очень хорошо сделала. Ну, присядь же, выпей вина с водой и расскажи нам все как следует. Может быть, ты хочешь, чтобы я отослала Джеймса спать?

– О, нет, нет. Мне нужен также совет доктора и его помощь. Дело идет об Айзе. Вот уже два дня, что его нет дома. Я так боюсь за него!

Не в первый раз она говорила нам о своих тревогах насчет мужа, – мне как доктору, жене как старинной подруге по школе. И теперь, насколько было можно, мы старались успокоить и утешить ее. Знает она, где может быть ее муж? Можем ли мы вернуть его ей?

Оказалось, что это вполне возможно. Кейт знала, что в последнее время он курил опиум в одной из отдаленнейших трущоб Сити. Обыкновенно его отсутствие продолжалось только один день, и к вечеру он возвращался домой усталым и разбитым. Но теперь прошло уже двое суток, и он, без сомнения, лежит в «Золотом слитке», на Апер-Суондем-лейн, среди подонков столицы, упиваясь ядом или высыпаясь после курения. Но что может она сделать, она – молодая, застенчивая женщина? Как пробраться туда и вырвать из притона мужа, окруженного разными негодьями?

Оставался только один исход: мне следовало идти с ней. А впрочем, зачем идти ей? Я лечил Айзу Уитни и мог иметь на него влияние как доктор. Без нее я лучше сумею управиться с ним. Я дал ей слово, что пришлю ее мужа домой в кебе через два часа, если найду его по данному ею адресу. Через десять минут я покинул удобное кресло и уютную комнату и ехал по делу, казавшемуся мне довольно странным, однако не настолько, насколько это оказалось в действительности.

¹⁹ Английский эссеист и опийный наркоман XIX века Томас Де Куинси.

Сначала все шло благополучно. Апер-Суондем-лейн – грязный переулок, идущий вдоль высокой набережной северного берега реки на восток, к Лондонскому мосту. Я нашел разыскиваемый мной притон между какой-то грязной лавчонкой и кабаком. Спускаться в нее пришлось по крутой лестнице. Я велел кучеру подождать меня и спустился по ступенькам, вытоптаным посередине ногами курильщиков опиума. При свете мигающей масляной лампочки, висевшей над дверью, я нащупал ручку двери и вошел в длинную низкую комнату, насквозь пропитанную густым дымом и уставленную деревянными койками наподобие эмигрантского судна.

Во мраке еле можно было рассмотреть людей, лежавших в самых фантастических позах, с приподнятыми коленями, закинутыми головами, торчащими вверх подбородками. Там и сям взгляд темных потухших глаз устремлялся на нового посетителя. В темноте видно было, как вспыхивали маленькие красные огоньки, то разгораясь, то потухая, смотря по тому, увеличивалось или уменьшалось количество яда в металлических трубках. Большинство курильщиков молчало, но некоторые бормотали что-то про себя, а иные разговаривали между собой странным, тихим, монотонным голосом, то порывисто, то внезапно умолкая, причем каждый бормотал свое, не обращая внимания на слова соседа. В дальнем углу комнаты стояла маленькая жаровня с горящими угольями. Перед ней на деревянном стуле с тремя ножками сидел высокий худощавый старик и, подперев руками голову, смотрел в огонь.

Когда я вошел, смуглый малаец подскочил ко мне с трубкой и опиумом и указал мне свободную койку.

– Благодарю, я не останусь здесь, – сказал я. – Тут у вас мой друг, мистер Айза Уитни. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня послышались восклицания, я всмотрелся во мраке и увидел Уитни, бледного, угрюмого, с нечесаными волосами.

– Боже мой! Это Ватсон, – сказал он. В настоящую минуту он испытывал реакцию, и нервы у него были страшно разбиты. – Который теперь час, Ватсон?

– Скоро одиннадцать.

– А число?

– Пятница, 19 июня.

– Боже мой! Я думал, сегодня среда. Да и наверно среда. Зачем вы пугаете меня?

Он закрыл лицо руками и зарыдал беспомощно.

– Говорю вам, сегодня пятница. Ваша жена ждет вас целых два дня. Как вам не стыдно!

– Да мне и стыдно. Но только вы все перепутали, Ватсон. Я тут несколько часов, три-четыре трубки... уж, право, не помню сколько. Но я пойду домой с вами. Я не хочу пугать Кейт... мою бедную маленькую Кейт. Дайте мне руку. У вас есть кеб?

– Да, ждет меня.

– Ну, так я поеду с вами. Но надо заплатить. Узнайте, сколько я должен, Ватсон. Я совсем размяк. Ничего не могу делать.

Я пошел по узкому проходу среди двойного ряда спящих, задерживая дыхание, чтобы не вдыхать одуряющих ядовитых паров, и стал отыскивать хозяина. Проходя мимо высокого человека, сидевшего у жаровни, я почувствовал, что меня дернули за платье и кто-то шепнул мне: «Пройдите мимо и потом обернитесь».

Я отчетливо расслышал эти слова и оглянулся. Сказать их мог только старик, но он сидел по-прежнему, сгорбленный, весь в морщинах. Трубка с опиумом повисла у него между колен, как бы вывалившись из его обессиленных рук. Я сделал два шага вперед, снова обернулся и еле удержался, чтобы не вскрикнуть от изумления. Старик повернулся ко мне так, что только я один мог видеть его. Стан его выпрямился, морщины исчезли, потухшие глаза засверкали – перед огнем сидел никто иной, как Шерлок Холмс и посмеивался над моим удивлением. Он сделал мне украдкой знак, чтобы я подошел к нему, и лицо его опять приняло старческий вид.

– Холмс, – шепнул я, – что вы делаете в этой трущобе?

– Говорите как можно тише, – ответил он. – Слух у меня отличный. Освободитесь, пожалуйста, от вашего пьянчуги. Мне очень бы хотелось поговорить с вами.

– У меня есть кеб.

– Так пошлите домой вашего друга в этом кебе. С ним ничего не случится. Пошлите с кучером записку вашей жене, что вы со мной. Подождите меня на улице, я выйду через пять минут.

Трудно отказать Шерлоку Холмсу в чем бы то ни было: требования его всегда выражены так определено и решительно. К тому же я чувствовал, что, усадив Уитни в кеб, я выполню свою миссию, а ничего я так не люблю, как принимать участие в странных приключениях моего друга, составлявших обыкновенное его времяпрепровождение. В несколько минут я написал записку, заплатил за Уитни, посадил его в кеб, который сразу скрылся в темноте. Вскоре из притона появилась дряхлая фигура старика, и я пошел с Шерлоком Холмсом. Несколько времени он шел сгорбившись, неверными шагами, но потом, быстро оглядевшись вокруг, вдруг выпрямился и разразился веселым смехом.

– Вероятно, вы думаете, Ватсон, что, вдобавок к впрыскиваниям кокаина и к другим моим слабостям, осуждаемым вами с медицинской точки зрения, я стал еще курить опиум?

– Действительно, я был удивлен, увидя вас в этом притоне.

– Не больше меня, когда я увидел вас.

– Я пришел искать друга.

– А я врага.

– Врага?

– Да, одного из моих естественных врагов, или, вернее сказать, мою естественную задачу.

Короче сказать, Ватсон, я занят чрезвычайно интересным делом и надеялся узнать кое-что из бессвязной болтовни этих пьяниц, что я делал и прежде. Если бы меня узнали в этой трущобе, я мог бы поплатиться жизнью, так как я не раз пользовался этим способом, и негодяй малаец поклялся отомстить мне. В задней стене этого здания есть потайная дверь вблизи пристани Святого Павла, которая могла бы порассказать многое о тех странных предметах, которые «выходят» через нее в безлунные ночи.

– Что вы говорите! Неужели трупы?

– Да, трупы, Ватсон. Мы с вами стали бы богачами, если бы получали по тысяче фунтов за каждого несчастного, погибающего в этой трущобе. Это самый ужасный притон на всем берегу реки. Боюсь, что Невилл Сент-Клер не выйдет отсюда никогда.

Он приложил ко рту два пальца и свистнул. В ответ послышался такой же резкий свист, а затем шум колес и топот лошадиных копыт.

– Ну, что же, Ватсон, – сказал Холмс, когда к нам подъехал экипаж с двумя фонарями, отбрасывавшими яркие полосы света. – Поедете вы со мной?

– Если могу быть полезен вам.

– О, верный товарищ всегда может пригодиться. А летописец тем более. В моей комнате в «Кедрах» две постели.

– В «Кедрах»?

– Да, это дом мистера Сент-Клера. Я живу там в настоящее время.

– Где же это?

– Близ Ли, в Кенте. Нам придется ехать семь миль.

– Ничего не понимаю.

– Конечно. Я объясню вам сейчас все. Садитесь! Ну, Джон, нам вас не нужно. Вот вам полкроны. Ждите меня завтра около одиннадцати. Отпустите вожжи! Вот так.

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным темным пустынным улицам, постепенно расширявшимся, пока не очутились на широком мосту с перилами, под которым медленно текла мутная река. За мостом лежали такие же улицы с каменными и кирпичными домами. Царившая в них тишина нарушалась только тяжелыми, размеренными шагами полицейских да песнями и криками запоздавших гуляк. По небу медленно позли черные тучи, по временам несколько звезд слабо мерцали между ними. Холмс правил молча, опустив голову на грудь. Он казался погруженным в глубокое раздумье. Я сидел рядом с ним, думая о том, какое дело так занимает его, и в то же время не желая нарушать течение его мыслей. Мы проехали

несколько миль и приближались к пригородным особнякам, когда он вдруг встряхнулся, пожал плечами и зажег трубку с видом человека, убедившегося, что он поступает как следует.

– Вы одарены замечательным умением молчать, Ватсон, – сказал он, – и прямо незаменимы в этом отношении. Даю вам слово, для меня очень важно иметь вблизи человека, с которым можно поговорить, а то в голове у меня бродят не очень приятные мысли. Я придумывал, что бы сказать этой милой молодой женщине, когда она встретит меня сегодня вечером.

– Вы забываете, что я ничего не знаю.

– У меня как раз хватит времени рассказать вам все, пока мы доедем до Ли... Дело кажется до смешного простым, а между тем, не знаю, как за него взяться. Нитей очень много, но я не могу ухватиться ни за одну из них. Ну, расскажу вам подробно все дело, Ватсон. Может, вам удастся набрести на огонек в окружающем меня мраке.

– Рассказывайте.

– Несколько лет тому назад – а именно в мае 1884 года – в Ли появился джентльмен, очевидно с большими средствами – Невилл Сент-Клер. Он нанял большую виллу, развел красивый сад и вообще зажил отлично. Постепенно он приобрел много друзей и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой имеет теперь двух детей. Определенных занятий у него нет, но он принимает участие в нескольких предприятиях и каждый день ездит в город, возвращаясь с поездом в 5:14 из Кэннон-стрит. Мистеру Сент-Клеру теперь 37 лет. Он ведет скромный образ жизни, хороший муж, любящий отец, очень популярен среди знающих его. Могу еще прибавить, что долгов у него всего на 88 фунтов 10 шиллингов, а в банке на текущем счету – 220 фунтов стерлингов. Поэтому нет никакого основания предполагать каких-либо денежных затруднений.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клер отправился в город раньше обыкновенного. Перед отъездом он сказал, что у него два важных дела в городе, и обещал привезти кубики своему маленькому сыну. Случайно в тот же день жена его получила телеграмму, что на ее имя в Абердинской судоходной компании получена небольшая, очень ценная посылка, которую она ожидала уже давно. Если вы хорошо знакомы с Лондоном, то, наверное, знаете, что контора этой судоходной компании находится на Фресно-стрит, которая выходит к Апер-Суондем-лейн, где вы нашли меня сегодня. Мисс Сент-Клер отправилась после завтрака в Сити, сделала несколько покупок, зашла в контору судоходной компании, получила посылку и в 4 часа 35 минут шла к станции железной дороги по Суондем-лейн. Вы следите за моим рассказом?

– Да, пока все вполне ясно.

– Если помните, в понедельник было очень жарко. Миссис Сент-Клер шла медленно, оглядываясь, нет ли вблизи кеба, так как местность не нравилась ей. Внезапно она услышала крик и вся похолодела, увидев мужа, смотревшего на нее из окна второго этажа какого-то дома и, как ей показалось, манявшего ее рукой к себе. Окно было открыто, и она ясно разглядела лицо мужа, показавшееся ей чрезвычайно взволнованным. Он отчаянно жестикулировал, затем исчез так внезапно, как будто его насильно оттащили от окна. Одно обстоятельство не ускользнуло от ее зоркого женского глаза: хотя на муже был темный сюртук, в котором он уехал из дома, но не видно было ни крахмального воротничка, ни галстука.

Уверенная в том, что с мужем случилось что-то неладное, миссис Сент-Клер бросилась вниз по лестнице – так как дом этот был не что иное, как притон, в котором вы видели меня сегодня, – и, пробежав через комнату, выходящую на улицу, хотела подняться в первый этаж.

Но внизу лестницы ее встретил негодяй малаец, о котором я говорил вам, и с помощью слуги-датчанина вытолкнул ее на улицу. Охваченная безумным ужасом, она бросилась бежать по аллее и, к величайшему счастью, на Фресно-стрит встретила несколько констеблей, совершавших обход под начальством инспектора. Последний, с двумя полицейскими, пошел с миссис Сент-Клер, и, несмотря на упорное сопротивление хозяина, все они вошли в комнату, из окна которой она видела мужа. Но там не оказалось и следа его. Во всем этаже нашли только какого-то калеку ужасного вида, который, как кажется, живет тут. И он, и малаец клялись, что в передней комнате никого не было в этот день. Они говорили так уверенно, что инспектор стал сомневаться, не ошиблась ли миссис Сент-Клер, как вдруг она с криком бросилась к небольшому деревянному ящику, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Оттуда выпали кубики, – игрушка, которую ее муж обещал привезти сыну из города.

Это открытие и смущение, выказанное при этом калекой, убедили инспектора в серьезности дела. Комнаты были тщательно обысканы, и результатом явилось предположение об ужасном преступлении.

Передняя комната, обставленная как гостиная, вела в маленькую спальню, выходившую на задворки одной из верфей. Между верфью и окном спальни есть узкий канал, сухой во время отлива, но наполняющийся водой в прилив, по крайней мере на четыре с половиною фута. Окно в спальне широкое и открывается снизу. При осмотре на подоконнике оказались следы крови; капли крови виднелись также и на деревянном полу комнаты. За занавеской, в передней комнате, была свалена одежда мистера Невилла Сент-Клера: сапоги, носки, шляпа, часы, – все за исключением сюртука. На одежде не было заметно никаких следов преступления. Что же касается самого мистера Невилла, то остается предполагать, что он мог исчезнуть только через окно, причем кровавые пятна на подоконнике указывают на то, что вряд ли он мог спастись вплавь, так как в то время должен был быть сильный прилив.

Теперь обратимся к негодяям, на которых может пасть подозрение. Малаец известен как человек самой плохой репутации, но из рассказа миссис Сент-Клер мы знаем, что он был внизу лестницы через несколько секунд после появления ее мужа у окна, так что он является разве только соучастником преступления. Он говорит, что ничего не знает ни о преступлении, ни о Хью Буне и не может объяснить появления одежды Сент-Клера в квартире своего жильца.

Вот все, что известно о малайце. Что же касается до страшного калеки, Хью Буна, то он живет над притоном и, несомненно, последний видел Сент-Клера. Его отвратительное лицо известно всем бывающим в Сити. Он профессиональный нищий, хотя торгует восковыми свечками, чтоб избежать преследований полиции. Как вы знаете, на улице Треднидл-стрит в стене есть ниша. Бун ежедневно сидит там, поджав ноги, и предлагает прохожим свой небольшой запас спичек. Его жалкий вид вызывает сострадание добрых людей, и монеты так и сыплются в засаленную шапку, лежащую около него на мостовой. Я часто наблюдал за этим малым, когда еще не думал, что придется иметь дело с ним, и всегда удивлялся, сколько денег набирал он в короткое время. Его наружность невольно бросается в глаза. Целая шапка ярко-рыжих волос, бледное лицо, обезображенное ужасным шрамом, захватывающим верхнюю губу, подбородок как у бульдога и пронизательные темные глаза, составляющие странный контраст с цветом волос, – все это выделяет его из общего уровня нищих, равно как и его остроумные ответы на шуточки прохожих. Таков человек, который живет в известном нам притоне и последним видел Сент-Клера.

– Но что же мог сделать калека с человеком в полном расцвете сил? – заметил я.

– Он калека только в том отношении, что хром на одну ногу; в общем же это, кажется, сильный, хорошо развитый человек. Вы, Ватсон, как врач, конечно, знаете, как часто слабость одного члена вознаграждается необычайной силой других.

– Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

– При виде крови миссис Сент-Клер лишилась чувств, и полиция отправила ее домой в кебе, так как ее присутствие не могло помочь розыскам. Инспектор Бартон тщательно обыскал все помещение, но ничего не выяснил. Сделали ошибку, что не сразу арестовали Буна и дали ему возможность переговорить с малайцем. Однако скоро спохватились и исправили эту ошибку. Бун арестовали и обыскали, но не нашли никаких улик против него. Правда, на правом рукаве рубашки у него оказались следы крови, но он показал палец, на котором виднелся порез, и объяснил, что, по всем вероятностям, следы крови на подоконнике являются следствием этого пореза, так как он подходил к окну, когда у него шла кровь из пореза. Он упорно утверждал, что никогда не видел мистера Сент-Клера, и клялся, что совершенно не знает, каким образом платье этого джентльмена попало в его комнату. Что же касается до слов миссис Сент-Клер о появлении у окна ее мужа, то это или почудилось ей, или она просто помешалась. Его увели, причем он громко протестовал против насилия, а инспектор остался ожидать отлива в надежде открыть что-либо.

Ожидания его увенчались успехом, хотя он нашел не то, что ожидал.

В канале нашли не самого Невилла Сент-Клера, а его сюртук. И как вы думаете, что было в кармане сюртука?

– Представить себе не могу.

– Да, трудно угадать. Карманы были набиты пенсами и полу пенсами – 421 пенс и 271 полу пенс. Неудивительно, что прилив не унес сюртука. Человеческое тело – дело иное. Между верфью и домом сильное течение. Понятно, что тяжелый сюртук остался на дне, а тело унесено течением в реку.

– Но ведь другие вещи остались в комнате. Неужели же на теле был только сюртук?

– Нет, сэр, но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил из окна Невилла Сент-Клера так, что никто не видел этого. Что же дальше? Наверно, ему пришла в голову мысль, что надо отделаться от улик в виде платья. Он схватывает сюртук и уже готов выбросить его в окно, как вдруг вспоминает, что сюртук не опустится на дно, а всплывет наверх. Времени у него мало, так как он слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена Сент-Клера требует, чтобы ее пустили к мужу, а может быть, и малаец, сообщник его, успел предупредить его о приближении полиции. Нельзя терять ни одного мгновения. Он бросается в укромный уголок, где спрятаны его сбережения, и набивает карманы сюртука попавшимися ему под руку монетами. Затем он выбрасывает сюртук и хочет сделать то же с остальными вещами, но слышит шум шагов на лестнице и еле успевает захлопнуть окно до появления полиции.

– Это правдоподобно.

– Примем эту гипотезу за неимением лучшей. Бун, как я уже говорил вам, был арестован и приведен в полицейское управление, но против него нельзя ничего было сказать. В продолжение нескольких лет он известен как профессиональный нищий, но ведет жизнь очень скромную. Так обстоит дело в настоящее время. Вопросы о том, что делал Невилл Сент-Клер в этой трущобе, что случилось с ним там, где он теперь, и какую роль играет в его исчезновении Кью Бун – остаются по-прежнему неразрешенными...

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этого странного приключения, мы проехали мимо последних домов предместья громадного города и выехали на дорогу, тянувшуюся между двумя рядами заборов. Как раз в ту минуту, когда он окончил свой рассказ, мы увидели огоньки в домах двух деревень, лежавших по сторонам дороги.

– Мы въезжаем в Ли, – сказал Холмс. – За нашу короткую поездку мы проехали по трем английским графствам: начав с Миддлсекса, мы проехали частью по Суррей и заканчиваем в Кенте. Вот «Кедры». Там, под лампой, сидит женщина, которая, наверно, тревожно прислушивается к шуму копыт наших лошадей.

– Но отчего вы не ведете дела, сидя у себя на Бейкер-стрит? – спросил я.

– Потому что много справок приходится наводить здесь. Миссис Сент-Клер чрезвычайно любезно предоставила в мое распоряжение две комнаты, и можете быть уверены, что она радушно встретит моего друга и помощника. Очень неприятно мне встретиться с ней, не имея вестей о ее муже, Ватсон. Вот мы приехали. Тпру! Стой.

Мы остановились перед большой виллой, окруженной лугами. Конюх подбежал, чтобы взять лошадь, а мы с Холмсом пошли по усыпанной песком дорожке к дому. При нашем приближении дверь открылась, и на пороге показалась маленькая блондинка в светлом легком платье с отделкой из розового шифона на рукавах и вороте. Фигура ее ясно выделялась в потоке света, падавшего из дома, и вся она, одной рукой держась за дверь, другую приподняв от нетерпения, с наклоненным туловищем, с жадно устремленными вперед глазами и раскрытыми губами, казалась олицетворенным вопросом.

– Ну, что? Как? – спросила она.

Увидав, что нас двое, она радостно вскрикнула, но восклицание это перешло в стон, когда она заметила, что мой товарищ покачал головой и пожал плечами.

– Нет хороших вестей?

– Нет.

– А дурных?

– Тоже нет.

– И то слава Богу. Но входите же. Ведь вы, наверно, устали.

– Вот мой друг доктор Ватсон. Он был чрезвычайно полезен мне во многих важных делах, и, по счастливой случайности, мне удалось привезти его сюда и уговорить помочь мне в наших поисках.

– Очень рада вас видеть, – сказала она, горячо пожимая мне руку. – Надеюсь, вы извините, если найдете какие-нибудь беспорядки в доме, и примете во внимание неожиданно постигший нас удар.

– Сударыня, я отставной солдат, – ответил я, – да к тому же вам нечего извиняться. Я буду очень счастлив, если могу помочь вам и моему другу.

– Мистер Шерлок Холмс, – сказала она, вводя нас в ярко освещенную столовую, где на столе был приготовлен холодный ужин, – я хочу предложить вам несколько откровенных вопросов, на которые прошу вас дать такие же прямые и откровенные ответы.

– Извольте, сударыня.

– Не щадите моих чувств. Со мной не бывает ни истерик, ни обмороков. Я хочу выслушать ваше откровенное мнение.

– Насчет чего?

– Скажите, думаете ли вы в глубине души, что Невилл жив?

Шерлок Холмс, казалось, смутился.

– Говорите откровенно! – повторила миссис Сент-Клер, стоя перед Шерлоком Холмсом, сидевшим на стуле, и пристально смотря ему в глаза.

– Откровенно говоря, сударыня, я не думаю, чтобы он был жив.

– Вы думаете, что он умер?

– Да.

– Убит?

– Я не говорю этого. Может быть.

– Когда же он умер?

– В понедельник.

– Тогда, может быть, вы объясните мне, мистер Шерлок Холмс, каким образом я могла получить от него сегодня это письмо?

Шерлок Холмс вскочил со стула, словно от электрического удара.

– Что такое?! – закричал он.

– Да, сегодня.

Она, улыбаясь, показала ему клочок бумаги.

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста.

Холмс поспешно схватил записку, положил ее на стол, разгладил и стал пристально рассматривать ее при свете лампы. Я встал с места и заглянул ему через плечо. Конверт был очень грубым, с грейвсендским штемпелем и помечен сегодняшним, вернее, вчерашним днем, так как было уже позже полуночи.

– Грубый почерк! – пробормотал Холмс. – Наверно, это не почерк вашего мужа, сударыня?

– Не его – на конверте, но письмо написано им.

– Я замечаю, что тому, кто подписывал конверт, пришлось справляться об адресе.

– Почему вы так думаете?

– Как видите, имя и фамилия написаны черными чернилами, которые высохли сами собой. Остальной адрес – какого-то серого цвета. Очевидно, тут прикладывали промокательную бумагу. Если бы весь адрес был написан сразу и промокательная бумага была приложена к нему, то часть его не была бы так черна. Кто-то написал сначала имя и фамилию и только через несколько времени прибавил адрес, которого не знал раньше. Конечно, это пустяк, но пустяки имеют важное значение. Дайте мне взглянуть на письмо. Ага! Здесь было вложено что-то.

– Да, кольцо. Его кольцо с печатью.

– Вы уверены, что это почерк вашего мужа?

– Да, один из его почерков.

– Как, один из его почерков?

– Он пишет так, когда торопится. В другое время его почерк совсем иной.

– «Не беспокойтесь, дорогая. Все кончится благополучно. Очевидно, тут вышло какое-то большое недоразумение, для выяснения которого придется потратить немало времени. Имейте терпение. Невилл», – написано карандашом на листке, вырванном из книги формата *in octavo*²⁰. Гм! Отправлено сегодня в Грейвсенде человеком с грязным большим пальцем. Ага! Лицо, которое заклеивало конверт, если не ошибаюсь, жует табак. Вы не сомневаетесь, сударыня, что это почерк вашего мужа?

– Нисколько. Эти слова написаны Невиллом.

– А письмо послано сегодня из Грейвсенда! Ну, миссис Сент-Клер, тучи начинают расходиться, хотя не могу сказать, что опасность уже вполне прошла.

– Но ведь он жив, мистер Холмс?

– Если только это не ловкая подделка, чтобы направить нас на ложный след. Кольцо еще ничего не рассказывает. Его могли отнять.

– Нет-нет, письмо написано им.

– Хорошо. Но ведь оно могло бы быть написано в понедельник, а послано сегодня.

– Это возможно.

– Ну, а за этот промежуток многое могло случиться.

– О, не разочаровывайте меня, мистер Холмс. Я знаю, что с ним ничего не случилось. При той симпатии, которая существует между нами, я бы почувствовала, если бы с ним произошло что-либо дурное. В тот самый день, когда я видела его в последний раз, он порезал себе палец в спальне. Я была в это время в столовой и бросилась наверх, так как была уверена, что с ним случилось что-то. Неужели вы думаете, что я не чувствовала бы его смерти, когда даже такой пустяк влияет на меня!

²⁰ Книжный формат *in octavo* – размер, при котором на типографском листе размещаются 16 страниц книги размером 20–25 см в высоту.

– Я видел на своем веку слишком много для того, чтобы не знать, насколько женская впечатлительность может быть иногда ценнее логического размышления. И это письмо, конечно, служит важным подтверждением вашего мнения. Но если ваш муж и в состоянии писать письма, то отчего он не с вами?

– Не знаю и не могу придумать.

– В понедельник, при отъезде, он не говорил ничего особенного?

– Нет.

– Вы очень удивились, увидя его на Суондем-лейн?

– Очень.

– Окно было открыто?

– Да.

– Так что он мог крикнуть вам?

– Да, мог.

– А между тем, насколько я помню, у него вырвалось только какое-то бессвязное восклицание?

– Да.

– Вы подумали, что он зовет на помощь?

– Да. Он взмахнул руками.

– Но, может быть, это был возглас удивления. Он мог всплеснуть руками от изумления, неожиданно увидев вас.

– Это возможно.

– Вам показалось, что его оттащили от окна?

– Он исчез так внезапно...

– Может быть, он просто отскочил от окна. Вы не видели, чтобы в комнате был еще кто-нибудь?

– Нет, но ведь отвратительный нищий признался, что был там, а малаец стоял внизу лестницы.

– Совершенно верно. Насколько вы могли разглядеть, ваш муж был одет как всегда?

– Да, но без воротничка и галстука. Я ясно видела, что шея у него была обнажена.

– Говорил он когда-нибудь с вами о Суондем-лейн?

– Никогда.

– Не было ли признаков, указывавших на то, что он курил опиум?

– Не было.

– Благодарю вас, миссис Сент-Клер. Это главные вопросы, требовавшие выяснения. Теперь мы поужинаем и затем удалимся в свои комнаты, так как завтра нам, быть может, предстоит много работы.

Нам была отведена большая комната с двумя кроватями. Я тотчас же разделся, чтобы заснуть, так как устал от вечерних приключений. Что же касается Шерлока Холмса, то когда у него бывало какое-нибудь загадочное дело, он мог не спать целыми сутками и даже неделями, обдумывая загадку, сопоставляя факты, обсуждая их со всех сторон и взвешивая данные. Я сейчас же понял, что и теперь он намеревается просидеть всю ночь. Он снял сюртук и жилет, надел синий халат и принялся ходить по комнате, собирая подушки с постели, диванов и кресел. С помощью этих подушек он устроил себе нечто вроде восточного дивана, сел на него, поджав ноги, и поставил перед собой пачку табаку и коробочку спичек.

При слабом свете лампы я видел его сидящим со старой глиняной трубкой во рту, с глазами, рассеянно устремленными в потолок, окруженным облаками голубого дыма, безмолвным, неподвижным. Свет лампы падал на его резко обозначенные черты. Таким я оставил его, засыпая, и таким же нашел, когда проснулся от вырвавшегося у него восклицания. Лучи летнего солнца заливали комнату. Холмс сидел по-прежнему, с дымящейся трубкой во рту. В

комнате стоял густой табачный дым, но от кучи табака, виденной мною вечером, ничего не осталось.

– Проснулись, Ватсон? – спросил он.

– Да.

– Хотите прокатиться?

– С удовольствием.

– Ну, так одевайтесь. В доме еще все спят, но я знаю, где живет конюх, и нам скоро подадут экипаж.

Он усмехался, глаза его блестели. Это был совсем иной человек, чем тот мрачный мыслитель, с которым я расстался вечером.

Одеваясь, я взглянул на часы и несколько не удивился, что в доме все спали: было только двадцать пять минут четвертого. Я только что оделся, как Холмс пришел сказать, что лошадь уже запрягают.

– Хочу испытать одну из своих теорий, – сказал он, надевая сапоги. – Знаете ли вы, Ватсон, что пред вами в настоящее время один из величайших дураков в Европе. Стоило бы задать мне хорошую встряску. Но теперь, кажется, ключ к загадке найден.

– А где он? – улыбаясь, спросил я.

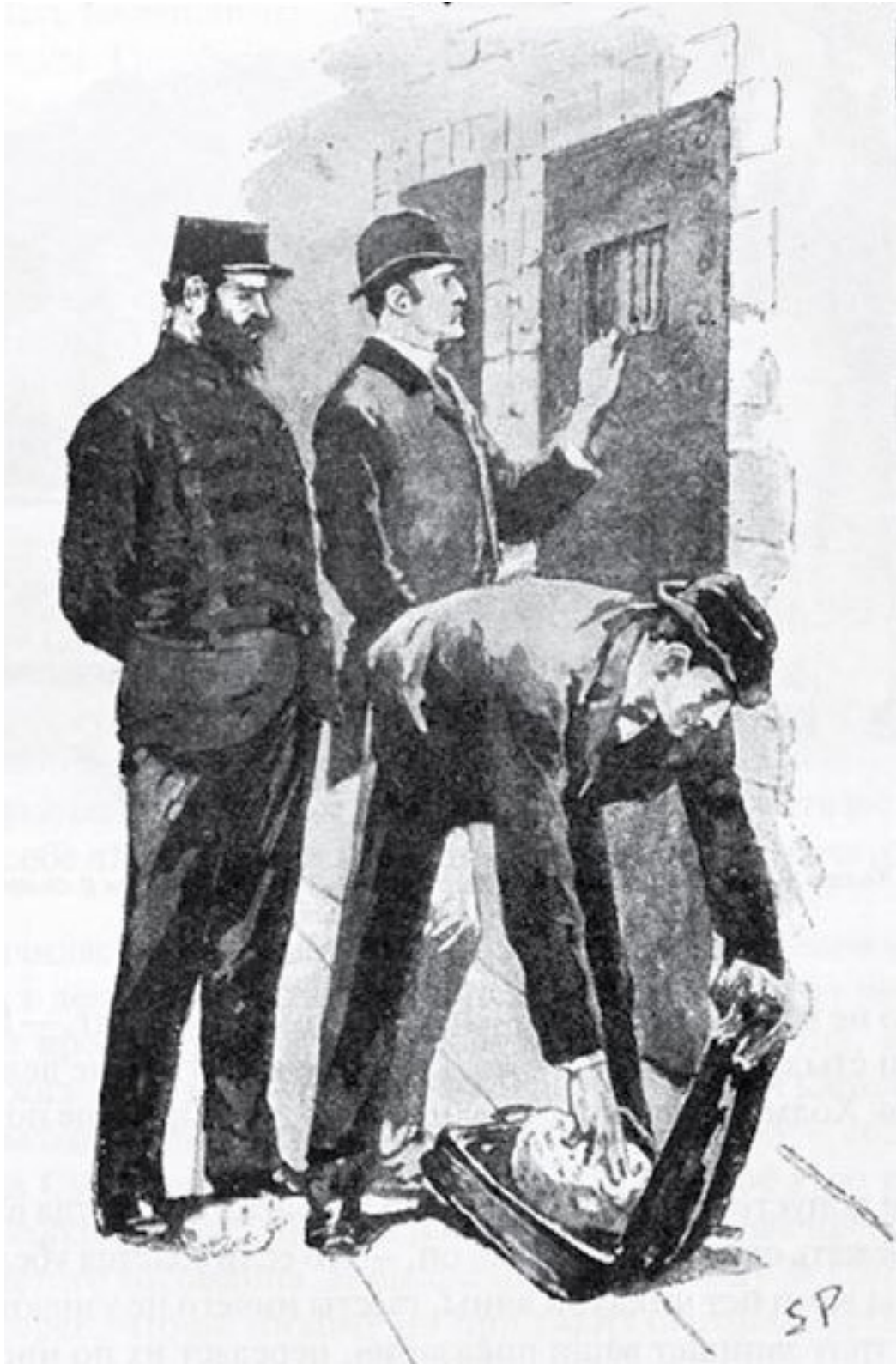
– В ванне, – ответил он. – О, я вовсе не шучу, – прибавил он, заметив мой недоверчивый взгляд. – Я только что был там, нашел ключ и положил в кожаный саквояж. Поедем, мой милый, и посмотрим, подойдет ли он к замку.

Мы тихонько спустились с лестницы и вышли во двор, залитый солнечным светом. Тут нас ожидал экипаж с лошадью, которую держал под уздцы полуодетый конюх. Мы вскочили в экипаж и быстро поехали в Лондон.

Несколько телег, нагруженных овощами, тянулись по дороге к столице, но в особняках царил полное безмолвие: все обитатели покоились в глубоком сне.

– В некоторых отношениях замечательный случай, – проговорил Холмс, пуская лошадь в галоп. – Сознаюсь, что я был слеп, как крот, но лучше научиться уму-разуму хотя бы поздно, чем никогда.

Когда мы въехали в город со стороны Суррея, там все еще спало; лишь изредка заспанные лица людей, привыкших вставать рано, виднелись в окнах. Мы проехали по Веллингтон-стрит и, круто повернув направо, очутились на Боу-стрит. Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и два констебля, стоявшие у подъезда, отдали ему честь. Один из них взял под уздцы лошадь, другой повел нас внутрь.

– Кто дежурный? – спросил Холмс.

– Инспектор Брэд-стрит, сэр.

Из устланного каменными плитами коридора навстречу нам вышел высокий полный полицейский в форменной фуражке и тужурке.

– Мне нужно сказать вам несколько слов, Брэд-стрит.

– Пожалуйста, мистер Холмс. Войдите в мою комнату.

Мы вошли в небольшую комнату. На столе лежала громадная книга для записей, а на стене висел телефон. Инспектор сел за стол.

– Чем могу служить, мистер Холмс?

– Я хочу узнать о нищем Буне, который замешан в деле исчезновения мистера Невилла Сент-Клера, из Ли.

– Да. Его привезли сюда для снятия допроса.

– Слышал. Он здесь и теперь?

– В камере.

– Спокойный малый?

– О, да, совершенно. Но грязен поразительно.

– Грязен?

– Да. Еле-еле заставили его вымыть руки, а лицо у него черно, как у трубочиста. Ну, когда окончится следствие, мы уже посадим его в ванну. Если бы вы его видели, то наверно согласились бы со мной, что ему нужна ванна.

– Мне бы очень хотелось повидать его.

– В самом деле? Так ведь это очень легко устроить. Пойдемте со мной. Саквояж можете оставить здесь.

– Нет, я возьму его с собой.

– Отлично. Пожалуйста сюда.

Он провел нас по коридору, открыл запертую дверь и спустился по винтовой лестнице. Мы очутились в коридоре с выкрашенными белой краской стенами и рядом дверей по обе стороны.

– Третья дверь направо, – сказал инспектор. – Вот здесь!

Он отодвинул дощечку в верхней части двери и заглянул в отверстие.

– Он спит, – сказал он. – Вы можете хорошо рассмотреть его теперь.

Мы оба приложились к окошку. Арестант лежал лицом к нам. Он крепко спал и дышал медленно и тяжело. Это был человек среднего роста, одетый, как и подобало, в грубую одежду; сквозь прорехи его изодранного сюртука проглядывала цветная рубашка. Он был действительно ужасно грязен и к тому же отталкивающе безобразен. Широкий шрам шел от глаза до подбородка, захватывал верхнюю часть губы так, что обнажал три зуба; масса ярко-рыжих волос обрамляла лоб и спускалась на глаза.

– Красавец, не правда ли? – сказал инспектор.

– Несомненно, ему следует умыться, – заметил Холмс. – Я предполагал это, и потому позволил себе принести все необходимое для мытья.

Говоря это, он раскрыл свой саквояж и, к великому моему удивлению, вынул оттуда большую губку.

– Хи-хи! И комик же вы! – со смехом проговорил инспектор.

– Если вы будете так добры, откроете тихонько дверь, то мы скоро придадим ему гораздо более приличный вид.

– Пожалуй! – сказал инспектор. – Во всяком случае, он не делает чести тюрьме на Боу-стрит.

Он повернул ключ, и мы тихо вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сейчас же погрузился в глубокий сон. Холмс подошел к рукомоюнику, намочил губку и два раза сильно провел ею по лицу арестанта.

– Позвольте вам представить мистера Невилла Сент-Клера из Ли в графстве Кент! – крикнул он.

Никогда в жизни не приходилось мне видеть ничего подобного. Безобразная маска спала под губкой с лица арестанта, как древесная кора. Пропал грубый темный цвет кожи! Пропал ужасный шрам и изуродованная губа, придававшая такое отталкивающее выражение этому

лицу. Лохматые рыжие волосы исчезли от одного взмаха руки Холмса – и перед нами, на постели, очутился изящный человек с бледным печальным лицом, черными волосами, нежной кожей. Он протирал глаза и в недоумении оглядывался вокруг, еще не очнувшись от сна. Внезапно он понял все и с криком отчаяния зарылся головой в подушку.

– Боже мой! – вскрикнул инспектор. – Ведь это действительно тот, кого разыскивают. Я знаю это по фотографической карточке.

Арестант поднял голову с видом человека, решившегося отдаться на волю судьбы.

– Ну, хорошо, – проговорил он. – В чем же меня обвиняют?

– В убийстве мистера Невилла Сент... Ну, нельзя же вас судить за это, – с усмешкой проговорил инспектор, – в крайнем случае, вас можно только обвинить в покушении на самоубийство. Двадцать семь лет служу в полиции, но не помню подобного рода дела.

– Если я – Невилл Сент-Клер, то, очевидно, не может быть и разговора о преступлении, и я незаконно посажен в тюрьму.

– Преступления нет, но совершена большая ошибка, – сказал Холмс. – Вам следовало бы довериться жене.

– Дело не в жене, а в детях, – простонал арестант. – Я не хотел, чтобы им было стыдно за отца. Боже мой, Боже мой! Какой позор! Что делать мне?..

Шерлок Холмс присел к нему на кровать и ласково погладил его по плечу.

– Если вы предоставите суду разъяснить ваше дело, то, конечно, оно не может избежать огласки, – проговорил он. – Но если вам удастся убедить полицию, что вас нельзя привлечь к ответственности, то не думаю, чтобы газеты заговорили о вашем деле. Инспектор Брэд-стрит может записать ваши показания и передать их надлежащим властям. Таким образом, дело не дойдет до суда.

– Да благословит вас Бог! – страстно вскрикнул арестант. – Я охотнее перенес бы заточение, даже смертную казнь, лишь бы не опозорить детей раскрытием моей тайны. Вы первые

услышите мою историю. Мой отец был школьным учителем в Честерфилде. Я получил превосходное образование, в молодости много путешествовал, пристрастился к сцене, сделался актером и, наконец, сотрудником одной из лондонских вечерних газет. Однажды моему издателю вздумалось напечатать ряд статей о нищенстве в столице, и я предложил ему свои услуги. С этого и начались все мои приключения. Чтобы хорошенько ознакомиться с делом и писать статьи, я оделся нищим-любителем. Будучи актером, я, конечно, изучал грим и славился своим искусством в этом отношении. Теперь это умение пригодилось мне. Я загримировал себе лицо, придав как можно более жалкий вид, сделал большой шрам и с помощью пластыря телесного цвета изуродовал губу, приподняв ее с одной стороны. Затем, надев на голову рыжий парик и облекшись в подходящую одежду, я стал на самом оживленном месте Сити и принялся продавать спички, в действительности же просил милостыню. Когда я вернулся домой вечером, после семичасовой «работы», то, к великому своему удивлению, увидел, что набрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Скотланд-Ярд

Лондонский полицейский конца XIX в.

Лондонская полиция была основана в 1829 году, и ее штаб-квартира получила название Скотланд-Ярд (Скотленд-Ярд), то есть – Шотландский двор. Полиция Лондона не имела никакого отношения ни к Шотландии, ни к королевскому двору. Считается, что название пошло от первоначального расположения штаб-квартиры, окна которой выходили во двор резиденции, принадлежавшей в Средние века шотландской королевской семье.

Скотланд-Ярд появился после принятия парламентского акта, инициатором которого был министр внутренних дел Роберт Пил. С тех пор лондонских полицейских стали называть «бобби» – сокращение от имени Роберт. Со временем полиция доказала свою эффективность в наведении порядка на улицах английской столицы. Уровень преступности с ее помощью был значительно снижен. Зародилась криминалистика. Нужен был супергерой, благородный рыцарь, способный вырвать криминальное сердце из груди города. И он появился... Шерлок Холмс.

Лондонский полицейский 1850-х годов

Чтобы сгладить враждебное отношение лондонцев к своей полиции, руководство Скотланд-Ярда придумало для констеблей и сержантов полиции форму, которая имитировала костюм джентльмена: синий однобортный фрак с восемью позолоченными пуговицами и синие (летом белые) брюки. Голову полицейского венчал цилиндр, в руке он держал короткую дубинку.

В 1864 году вместо фрака был введен однобортный мундир с армейским воротником-стойкой и с теми же восемью пуговицами. На воротнике желтой и белой краской наносили номер дивизиона и личный номер владельца мундира. Скрывать номер от глаз прохожих не разрешалось. Позже место цилиндра занял высокий шлем военного образца. Снимать его, стоя на посту, было строго запрещено. В таком виде полицейская форма просуществовала до конца викторианской эпохи.

Я написал статьи и забыл обо всем до тех пор, пока мне не предъявили векселя, по которому я поручился уплатить за приятеля 25 фунтов. Я положительно не знал, откуда добыть деньги. Внезапная идея вдруг осенила меня. Я попросил редактора отпустить меня на две недели и провел это время, выпрашивал милостыню в Сити. Через десять дней я уплатил мой долг.

Вы можете себе представить, как трудно было работать за два фунта в неделю, когда можно достать столько же в день! Надо было лишь раскрасить лицо, положить на землю шапку и сидеть смирно. Долго длилась борьба между гордостью и стремлением к легкой наживе. Наконец последнее одержало верх, и я стал сидеть изо дня в день на своем излюбленном местечке, вызывая сожаление моим ужасным видом и набивая карманы медяками. Только один человек знал мою тайну – это хозяин притона, в котором я жил и откуда выходил по утрам в виде жалкого нищего, а по вечерам – хорошо одетым джентльменом. Я хорошо платил хозяину-малайцу за комнату и потому знал, что он сохранит мою тайну.

Скоро у меня оказалось много денег. Конечно, не всякий нищий в Лондоне может зарабатывать по семисот фунтов в год и даже более. Я обладал особыми преимуществами и умел остроумно отвечать на всякое, мимоходом сделанное замечание, так что стал своего рода известностью в Сити... Целый день в мою шапку сыпались пенсы, и я считал очень плохим тот день, в который не набирал двух фунтов.

Я богател, стал честолобивым, нанял себе дом за городом и, наконец, женился. Никто не знал, чем я занимался. Жена знала только, что у меня есть какие-то дела в Сити, но не подозревала, какие.

В прошлый понедельник я переодевался в своей комнате и, взглянув в окно, к величайшему удивлению и ужасу увидел жену, стоявшую на улице и пристально смотревшую на меня. Я вскрикнул от изумления, закрыл лицо руками и выбежал к моему поверенному-малайцу. Я умолял его не пускать никого ко мне. Снизу до меня доносился голос жены, но я знал, что ее не допустят ко мне. Я быстро сбросил сюртук, надел свое нищенское рубище, разрисовал себе лицо и натянул парик. Даже глаз жены не мог бы признать меня в этом виде. Но вдруг я вспомнил, что при обыске комнаты платье может выдать меня. Я раскрыл окно, причем нечаянно задел палец, и ранка от пореза, сделанного утром, раскрылась. Потом я схватил сюртук с карманами, полными медяками, которые я переложил из мешка, и выбросил его из окна. Он исчез в Темзе. Я хотел швырнуть туда же и остальную одежду, но в эту минуту в комнату вбежали констебли, и через несколько мгновений – должен признаться, к немалому моему облегчению, – я был арестован не как Невилл Сент-Клер, а как его убийца.

Больше мне нечего прибавить. Я решился скрывать как можно дольше мое настоящее имя и положение и потому не хотел мыться. Зная, что жена будет страшно тревожиться обо мне, я украдкой от полицейских снял с пальца кольцо и передал его малайцу вместе с наскоро написанной запиской, в которой я писал ей, что мне не угрожает никакая опасность.

– Она только вчера получила эту записку, – сказал Холмс.

– Боже мой! Какую неделю провела она!

– За малайцем следила полиция, – заметил инспектор Брэд-стрит, – и потому вполне понятно, что он не мог переслать письма. Вероятно, он передал его кому-нибудь из своих посетителей-матросов, а тот забыл о письме и отправил его только через несколько дней.

– Совершенно верно, – сказал Шерлок Холмс, одобрительно покачивая головой. – Но неужели вас никогда не судили за собирание милостыни? – прибавил он, обращаясь к Сент-Клеру.

– Много раз, но что значил для меня штраф.

– Теперь вам придется прекратить это ремесло, – сказал Брэд-стрит. – Если вы желаете, чтобы полиция замяла это дело, то Хью Буи должен перестать существовать на свете.

– Я уже дал себе торжественную клятву.

– В таком случае, я думаю, все будет забыто. Но если возвратитесь к прежнему ремеслу, дело выйдет наружу. Очень благодарен вам за выяснение этого случая, мистер Холмс. Хотел бы я знать, как вы достигаете подобного рода результатов?

– В данном случае я достиг разьяснения тайны, посидев на пяти подушках и выкурив пачку табаку... Я думаю, Ватсон, что если мы сейчас поедem на Бейкер-стрит, то поспеем как раз к завтраку.

История голубого алмаза

На второй день Рождества я зашел поздравить моего друга Шерлока Холмса. Он лежал в ярко-красном халате на софе, курил трубку, весь закрытый целой кучей утренних газет. Рядом с софой стоял деревянный стул, на спинке которого была повешена грязная, оборванная шляпа. Увеличительное стекло и щипчики на стуле указывали на то, что Шерлок Холмс рассматривал шляпу.

– Ты занят? – сказал я. – Я, может быть, тебе помешаю?

– Вовсе нет, напротив, мне очень приятно поговорить со своим добрым знакомым о результатах моего исследования. Это совершенно обыденный предмет, – при этом он указал на старую шляпу, – но дальнейшие обстоятельства, связанные с ним, небезынтересны, даже, некоторым образом, поучительны.

Я сел к камину и начал себе греть руки, так как на дворе было очень холодно и окна были покрыты толстой ледяной корой.

– Наверное, с этой вещью связана какая-нибудь преступная история, и она является для тебя исходной точкой для раскрытия преступления и наказания преступников?

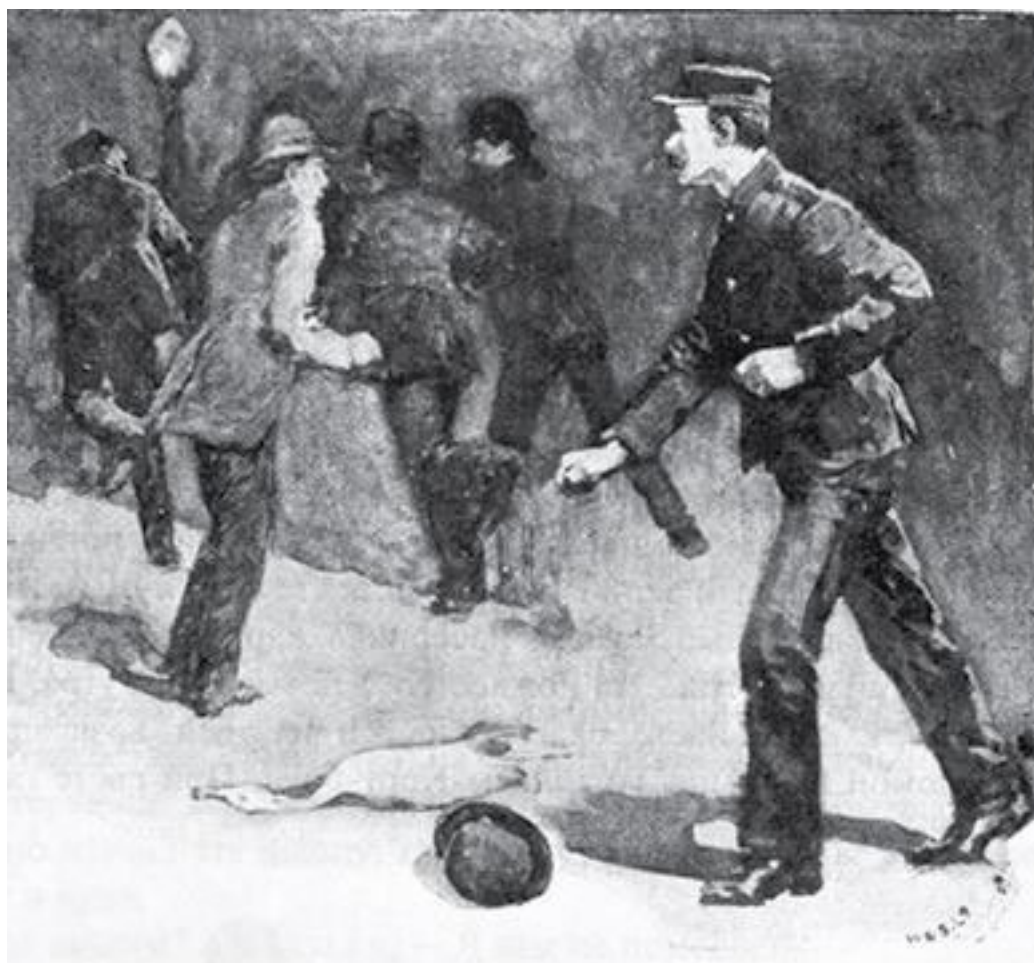
– Нет, нет, о преступлении тут нет и речи, – ответил со смехом Холмс. – Мы имеем дело с незначительным происшествием, скрывающим за собой, вероятно, что-нибудь очень интересное. Ты знаешь комиссионера Петерсона?

– Да.

– Этот трофей принадлежит ему.

– Это его шляпа?

– Нет, он ее нашел. Собственник ее неизвестен. Я теперь попрошу тебя видеть в этой вещи не старую выцветшую шляпу, а пробный камень для нашей дальновидности. Слушай, каким образом все это произошло. В первый день Рождества, около четырех часов утра Петерсон, – ты знаешь, он очень приличный человек, – возвращался из гостей домой, причем шел по улице Тоттенгам. Впереди него шел, как он рассмотрел при свете газовых фонарей, пошатываясь, высокий человек, несший на плече белого гуся. На углу улицы Гудж он вступил в ссору с двумя уличными мальчишками. Один из них сбил с него шляпу, после чего он поднял свою палку для защиты и при этом разбил магазинное окно. Петерсон поспешил к нему на помощь, но он, вероятно испугавшись бежавшего к нему комиссионера, форма которого похожа на полицейскую форму, бросил гуся и пустился бежать. Мальчишки последовали его примеру, так что на поле сражения остался один Петерсон, причем ему в добычу достался рождественский гусь и помятая старая шляпа.

– Которую он, конечно, вернул собственнику?

– Мой дорогой, вот в этом-то и загадка. Правда, к левой ноге гуся была прикреплена карточка, на которой было написано «Для м-ра Генри Бейкера», и на подкладке шляпы стояли инициалы Г. Б., но так как в Лондоне несколько тысяч Бейкеров, и несколько сотен Генри Бейкеров, то нелегко найти собственника этих вещей.

– Что же сделал Петерсон?

– Он передал мне шляпу и гуся, так как он знает, что я интересуюсь самыми незначительными загадочными случаями. Гуся я сохранил до сегодняшнего утра, но заметил, что, несмотря на холод, он скоро начнет портиться. Поэтому я отдал его Петерсону, а шляпу оставил у себя.

– Собственник ее не заявлял о себе?

– Нет.

– Каким путем можешь ты вывести заключение о его личности?

– Вот моя лупа, посмотри-ка сам, что тебе скажет шляпа о личности человека, обладавшего ею.

Я взял в руки старую измятую шляпу и начал ее рассматривать. Это была обыкновенная черная круглая шляпа на красной шелковой подкладке, теперь уже выцветшей. Фамилии фабриканта на ней не было, и, как совершенно верно заметил Холмс, на ней нацарапаны были инициалы «Г. Б.». На борту было отверстие для резинового шнура, самый шнурок отсутствовал. Шляпа была покрыта пылью и запачкана в нескольких местах. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что пятна старались скрыть, и что они были замазаны чернилами.

– Я ничего не замечаю, – сказал я, возвращая шляпу моему другу.

– Напротив, Ватсон, ты замечаешь, но не можешь вывести заключение.

– В таком случае, скажи, пожалуйста, что ты можешь заключить по этой шляпе?

Он взял ее в руки и стал рассматривать.

– Можно установить вполне определенно два факта и предположить с большей или меньшей вероятностью два другие факта. Сразу видно, что обладатель этой шляпы очень умный человек, и что он в течение трех последних лет находился в благоприятных материальных обстоятельствах, хотя за последнее время они ухудшились. Раньше он обращал большое внимание на свою наружность, теперь же с некоторого времени он морально расстроен и ввиду этого предается пьянству, а может быть также ввиду того, что жена его больше к нему любви не чувствует.

– Но, дорогой Холмс...

– Тем не менее, он еще сохранил долю уважения к самому себе. Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит на улицу, не привык к движению. Он средних лет, у него волосы с проседью, он недавно их стриг и мажет их помадой. Вот факты, которые можно вывести вполне определенно.

– Ты, конечно, шутишь, Холмс?

– Нисколько. Неужели ты не можешь понять, каким путем я дошел до этих предположений?

– Я, без сомнения, очень глуп, так как я положительно ничего не понимаю. Например, из чего ты заключил, что обладатель этой шляпы очень умный человек?

Вместо ответа Холмс одел шляпу, которая покрыла чуть ли не всю его голову.

– У кого такая большая голова, тот, несомненно, умен.

– Ну, а его материальные обстоятельства?

– Этой шляпе три года – это видно по фасону. Шляпа эта первого сорта, взгляни только на шелковую ленту и подкладку. Если этот человек три года тому назад был в состоянии покупать такую дорогую шляпу, и с того времени не приобретал себе новой, значит, материальные обстоятельства его пошатнулись.

– Ну, ладно, это достаточно ясно. Но из чего ты заключил, что он раньше обращал внимание на свою наружность, а теперь опустил?

Холмс засмеялся.

– Он приделал к шляпе резиновый шнурок, так как шляпы продают без шнурка, но затем, когда он оборвался, он не дал себе труда пришить новый. С другой стороны, он старался замазывать пятна чернилами, что указывает на то, что он не потерял к себе всякое уважение.

– Против этого ничего нельзя возразить.

– Остальные пункты, а именно то, что он средних лет, что волосы у него с проседью, что он их недавно стриг, что он мажет их помадой, можно установить при рассмотрении подкладки. В лупу видно массу остриженных волосков, пахнущих помадой. Пыль, покрывающая шляпу, не уличная, а комнатная пыль, что доказывает, что шляпа большей частью висит дома, а следы пота указывают с достоверностью на то, что этот человек не привык много ходить.

– Но его жена? Ты ведь говорил, что она его больше не любит.

– Шляпу эту уже давно не чистили, значит, о нем не заботятся.

– Но он, может быть, холостяк.

– Нет, он нес гуся домой, значит, дома была жена и...

Холмс хотел продолжать, как вдруг дверь распахнулась, и вбежал весь раскрасневшийся Петерсон, видимо, сильно взволнованный.

– Гусь, мистер Холмс, гусь! – пролепетал он.

– Ну? Что с ним? Он ожил и вылетел в окно? – Холмс повернулся на софе, чтобы лучше рассмотреть его лицо.

– Посмотрите, вот что нашла моя жена в его в зобу!

При этом он протянул ладонь, на которой лежал чудный, блестящий голубой камень такой чистой воды, что он сиял как бы электрическим светом. Холмс вскочил.

– Вы нашли целое сокровище, Петерсон! Я полагаю, вы знаете, что вы нашли?

– Брильянт! Драгоценный камень!

– Не драгоценный, а самый драгоценный камень...

– Неужели это голубой алмаз графини Моркар? – воскликнул я.

– Конечно, это он! Я отлично знаю, как он выглядит, так как каждый день о нем пишут в «Таймс». Ценность его колоссальна. Тысяча фунтов стерлингов вознаграждения, предназначенных возвратившему этот брильянт его владелице, не представляет и двадцатой части его ценности.

– Тысяча фунтов! Всемогуший Боже!

Петерсон опустился на стул и уставился на нас.

– Если я не ошибаюсь, кража эта была совершена в «Космополитен отеле», – заметил я.

– Совершенно верно, двадцать второго декабря, пять дней тому назад. Да вот подробно.

Он отыскал номер газеты и громко прочел:

«КРАЖА В «КОСМОПОЛИТЕН ОТЕЛЕ»

Жестянщик Джон Горнер, 26 лет, обвиняется в том, что 22 украл из шкатулки графини Моркар драгоценный камень, известный под названием «Голубой алмаз». Джеймс Ридер, главный лакей гостиницы, заявил, что он вместе с Горнером 22-го числа был в туалетном кабинете графини, где нужно было поправить каминную решетку. Через некоторое время его вызвали по делу, а когда же он вернулся в кабинет, то Горнера там уже не было, письменный стол оказался взломанным, и находившийся в нем ящичек, в котором находились драгоценности графини, оказался пустым. Ридер тотчас же поднял тревогу, и Горнера арестовали в тот же вечер, но у него не нашли камня. Полицейский инспектор Брэд-стрит, арестовавший Горнера, заявил, что он отчаянно защищался и уверял в своей невинности. Так как Горнер уже раз был осужден за кражу, то следователь направил его дело в суд, где оно будет разбираться присяжными заседателями. Горнер, выказывавший сильное волнение во время следствия, при объявлении резолюции следователя упал в обморок, так что его вынесли из залы».

– Теперь наша задача состоит в том, чтоб найти нить, ведущую от взломанной шкатулки к гусиному zobу. Поэтому мы должны теперь определить роль, которую играл Генри Бейкер в этой таинственной истории. Попробуем самое простое средство и дадим объявление в газеты. Например, такое: «Найдены на углу Гудж-стрит гусь и черная мягкая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить эти вещи сегодня вечером в половине седьмого в доме номер 221 по улице Бейкер». Это коротко и ясно.

– Но попадется ли ему на глаза это объявление?

– Он, наверное, внимательно будет читать газеты, так как это для него немаловажная потеря. Сбегайте-ка, Петерсон, в газетную контору и сдайте это объявление во все вечерние газеты. Затем на обратном пути купите гуся. Мы должны его отдать вместо того гуся, который жарится теперь у вас на кухне.

Когда Петерсон ушел, Холмс взял камень и поднес его к огню.

– Прелестная вещь! Хотя этому камню всего двадцать лет, за ним есть очень печальные истории, два убийства, одно самоубийство и несколько краж. Я его спрячу и напишу графине, что алмаз у нас.

– Считаешь Горнера невинным?

– Не могу этого сказать. Всего вероятнее, что Генри Бейкер, который не знал ценности гуся, тут совершенно не причем. Я это установлю только тогда, когда мы получим ответ на наше объявление.

Я распрощался с ним, и мы условились, что зайду к шести часам вечера после обхода моих пациентов. Я немного запоздал, и была половина седьмого, когда я подходил к дому Холмса. У дома стоял какой-то высокого роста человек в шотландской шапке. Когда отворили входную дверь, мы оба одновременно вошли в комнату Холмса.

– Вы, вероятно, мистер Генри Бейкер? – проговорил Шерлок с необычайной любезностью. – Садитесь, пожалуйста, к камину, мистер Бейкер. Сегодня холодный день, и мне кажется, что вы жару переносите легче холода... А, Ватсон, ты как раз пришел вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

– Да, несомненно, это моя шляпа.

Бейкер был высокого роста, широкоплечий мужчина. Легкая краснота носа и щек и дрожание рук доказывали справедливость предположения относительно его пристрастия к вину. Его сальный черный сюртук был застегнут доверху, и воротник его был приподнят. Манжет на нем не было, и не было видно следов рубашки. Он говорил медленно, видимо, обдумывая слова, и производил впечатление образованного, но впавшего в бедность человека.

– Мы несколько дней держали у себя вещи, – проговорил Холмс. – Так как думали, что вы заявите о себе.

Посетитель смущенно рассмеялся.

– Я был уверен, что мальчишки стадили и гуся, и шляпу, и не хотел... и признаться откровенно, не мог рисковать деньгами на объявление.

– Я вас понимаю. Что касается гуся, то мы его съели.

– Съели? – при этом он в волнении приподнялся.

– Да, ведь он скоро испортился бы. Но я думаю, что вот этот гусь, такой же свежий и жирный, вполне вас удовлетворит.

– О да, конечно! – ответил со вздохом облегчения мистер Бейкер.

– Конечно, мы сохранили перья, ноги, голову вашего гуся, и если вы желаете...

Бейкер расхохотался.

– Что я буду с ними делать? Нет, с вашего позволения я обращу все свое внимание на этот превосходный экземпляр.

Холмс бросил на меня взгляд и при этом едва заметно пожал плечами.

– Вот ваша шляпа и гусь. Не можете ли вы мне сказать, где вы достали этого гуся? Мне никогда не приходилось видеть такой чудной птицы.

– Видите ли, – ответил Бейкер, поднявшись и взяв под мышку гуся. – Я обычный клиент трактира «Альфа», у музея. В этом году наш славный хозяин Виндигер ввел такое нововведение, что при уплате нескольких пенсов в неделю каждый из постоянных гостей получает к Рождеству гуся. Я аккуратно производил свои взносы, а остальное вы сами знаете. Я очень рад, что нашел свою шляпу, ибо шотландская шапка моим годам совсем не подходит.

С комической важностью нахлобучил он свою шляпу, сделал нам торжественный поклон и удалился.

– Ясно, что он тут не причем, – проговорил Холмс, притворив за ним дверь. – Ты голоден, Ватсон?

– Не очень.

– В таком случае, я тебе предлагаю отложить ужин. А теперь направимся по свежим следам.

– Ладно.

Вечер был очень холодный. Через четверть часа мы были в трактирчике «Альфа». Холмс заказал две кружки пива и обратился к краснощекому хозяину.

– Если ваше пиво так же вкусно, как и ваши гуси, то оно должно быть превосходно.

– Мои гуси? – хозяин был, видимо, удивлен.

– Да. Полчаса тому назад я говорил с мистером Генри Бейкером, который принадлежит к вашему «гусяному клубу».

– Ах, да, теперь я понимаю. Но это были не мои гуси.

– А чьи же?

– Я купил две дюжины у Брекенриджа, в Ковент-Гарден.

– А, вот как! За ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего дома! До свидания.

– А теперь к Брекенриджу, – проговорил он, выходя на улицу и застегивая пальто.

Когда мы подошли к магазину Брекенриджа, то застали хозяина, как раз закрывавшего ставни с помощью приказчика.

– Добрый вечер! Холодная погодка, – проговорил Холмс.

Торговец кивнул головой и бросил вопросительный взгляд на моего спутника.

– Как я вижу, вы продали всех ваших гусей? – продолжал Холмс, указывая на пустые мраморные столы.

– Можете получить завтра утром пятьсот штук.

– Мне нужно сейчас.

– Зайдите в лавку напротив, там еще найдете несколько штук.

– Совершенно верно. Но мне вас рекомендовали.

– Кто же?

– Хозяин «Альфа».

– Ах, да! Я ему продал две дюжины.

– Это были чудные гуси! Где вы их купили?

К моему удивлению, вопрос этот привел в ярость торговца.

– К чему вы клоните?! – крикнул он, уставившись руками в бока. – Говорите прямо, без обиняков.

– Да я прямо и говорю. Я бы хотел знать, кто вам продал гусей, поставленных вами в «Альфа».

– Ну, а я вам это не скажу. Вот и все!

– Я не понимаю, почему вы кипятитесь из-за такого пустяка?

– Кипячусь? Вы бы сами кипятились на моем месте! Я заплатил деньги за товар, и кончено дело. А то: «где гуси?», «кому вы продали гусей?», «что вы хотите за гусей?» Можно подумать, что других гусей не существует!

– Я не имею ничего общего с теми людьми, которые расспрашивали вас о гусях! – заметил как бы мимоходом Холмс. – Видите ли, если вы не хотите отвечать, то мое пари не состоится. Я знаток в живности и держал пари на пять шиллингов, что гусь доставлен из деревни.

– Но, в таком случае, вы проиграли пять шиллингов, – ответил торговец. – Гусь был городской!

– Ах, не может быть.

– А вам я говорю, что это так.

– А я этому не верю! Я слишком большой знаток.

– Хотите держать пари?

– Ведь я знаю, что вы проиграете, так как я прав. Все равно, я ставлю соверен, только чтоб проучить вас.

Торговец злобно ухмыльнулся.

– Принеси мне книги, Билл, – крикнул он.

Мальчишка принес маленькую тетрадку и толстую книгу, переплет которой был весь в жирных пятнах.

– Вот смотрите, упрямец, в этой тетради имена моих поставщиков. Вот, прочтите это имя.

– «Мистрис Окшотт, 117-тая улица, Брикстон, 249», – прочел Холмс.

– Так. А теперь откройте 249-ю страницу. Вы видите?

«Мистрис Окшотт, поставщица яиц и живности».

– Какая последняя поставка?

– «Двадцать четвертого декабря. Двадцать четыре гуся по семь с половиной шиллингов».

– Так. А что написано под этим?

– «Продано мистеру Виндигеру, хозяину «Альфа», по двенадцать шиллингов».

– Ну, что вы теперь скажете?

Холмс выглядел совершенно смущенным. Он вынул соверен, бросил его на стол и вышел с недовольным видом. Отойдя некоторое расстояние от магазина, он от души расхохотался.

– Ну, Ватсон, теперь загадка должна скоро разрешиться. Вопрос в том, пойдем ли мы сейчас к мистрис Окшотт или отложим это до завтрашнего дня. Из слов этого грубияна ясно видно, что кроме меня, гусями интересовались и другие. И я бы...

Вдруг громкий крик донесся из только что оставленного нами магазина. Мы вернулись и увидели у магазина какого-то маленького человека, ругавшегося с хозяином, потрясавшим кулаками.

– Убирайтесь вы к черту с вашими гусями! Если ты еще раз вернешься, я натравлю на тебя собак. Пускай придет сама мистрис Окшотт, я ей дам ответ. А тебя это не касается!

– Ведь один гусь был мой, – пищал человек.

– Обратись к мистрис Окшотт!

– Она послала меня к вам.

– Обращайся к кому хочешь, мне до этого дела нет! Вон отсюда!

Он сделал угрожающее движение, и человечек удалился.

– Вероятно, нам не придется быть у этой торговки, – шепнул Холмс. – Пойдем-ка. Может быть, этот человек будет нам полезен.

Он быстро догнал человека и хлопнул его по плечу. Тот быстро обернулся, и я увидел при свете фонаря, что краска сошла с его лица.

– Кто вы такой? Что вам нужно? – спросил он нетвердым голосом.

– Извините, – ответил вежливо Холмс, – но я случайно был свидетелем вашего разговора с торговцем и, пожалуй, могу вам оказать пользу.

– Вы? Кто вы такой? Как вы можете знать об этом?

– Меня зовут Шерлок Холмс. Моя специальность – знать то, чего не знают другие.

– Но об этом вы ничего не можете знать.

– Прошу извинения, но я знаю все. Вы бы хотели найти пару гусей, проданных мистрис Окшотт с улицы Брикстон торговцу Брекенриджу, а этим последним хозяину трактира «Альфа» Виндигеру, а Виндигером – нескольким клиентам, к числу которых принадлежит мистер Генри Бейкер.

– О, мистер, вы не можете представить, какое значение имеет для меня все это! – воскликнул маленький человек.

Холмс позвал проезжавшего извозчика.

– В таком случае, самое лучше будет, если мы это обсудим в уютной комнате, а не на улице, – сказал он. – Но прежде всего скажите мне, пожалуйста, с кем я имею удовольствие говорить?

Человек замялся.

– Меня зовут Джон Робинсон, – ответил он затем, бросив взгляд в сторону.

– Нет, нет, ваше настоящее имя, – проговорил вежливо Холмс.

Краска залила бледное лицо незнакомца.

– Хорошо, мое настоящее имя Джеймс Ридер.

– Ага, главный лакей в гостинице «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, я вам дам все необходимые справки.

Маленький человек остановился, бросая на нас полу испуганные, полу недоумевающие взгляды. Затем он сел на извозчика, и через полчаса мы очутились в квартире моего друга.

В дороге мы не обменялись ни одним словом; только порывистое дыхание моего спутника и нервное подергивание его рук выдавали его волнение.

– Вот и приехали! – проговорил весело Холмс, входя в комнату. – В камине горит огонь. Вы замерзли, мистер Ридер. Садитесь, пожалуйста, к камину. Позвольте мне только надеть туфли. Вот так! Значит, вы хотели бы знать, какая участь постигла гусей?

– Вот именно.

– Или, вернее, одного гуся? Ведь вы интересуетесь одним гусем – белым, с черными полосами.

Ридер задрожал от волнения.

– Ах! – воскликнул он. – Можете вы мне сказать, куда он попал?

– Он попал сюда.

– Сюда?

– Да, это был чудный гусь. То есть, вернее, гусыня. Я нисколько не удивляюсь, что вы так интересуетесь. После того, как ее зарезали, она снесла голубое яйцо. Чудное яичко, вот оно.

Наш гость приподнялся и схватился правой рукой за край камина. Холмс открыл свою шкатулку и вынул голубой алмаз, сверкавший чудным огнем.

– Игра кончена, Ридер, – проговорил спокойно Холмс. – Помогите ему сестра, Ватсон. У него недостаточно нервов, чтоб быть мазуриком. Дай ему глоток коньяку. Вот так! У меня все козыри в руках, так что вам скрывать нечего. Вы слышали об этом голубом алмазе графини Моркар, Ридер?

– Да, горничная графини рассказывала мне о нем, – ответил он хриплым голосом.

– Ага, искушение стать сразу богатым человеком было слишком велико, и вы несколько не постеснялись в выборе средств. Вы знали, что этот Горнер уже раз попался в подобной проделке, и что поэтому подозрение падает на него. Что же вы сделали? Вы устроили с вашей сообщницей – горничной графини – так, что для исправления каминной решетки был позван Горнер. После его ухода вы взломали шкатулку, подняли шум и указали на Горнера, которого арестовали. Затем...

Ридер бросился перед моим другом на колени.

– Ради самого Создателя, сжальтесь! – воскликнул он. – Подумайте о моем отце, о моей матери. Ведь они умрут с горя. Я еще никогда не совершал преступления! И клянусь вам, я всегда буду честным! Клянусь вам всем, что для меня свято! О, только ради Создателя, не предавайте меня суду!

– Садитесь, – ответил строго Холмс. – Расскажите мне, как было дальше дело. Каким образом в гусе оказался камень, и как этот гусь попал на рынок? Говорите нам одну только правду, в этом все ваше спасение.

Ридер повел языком по своим засохшим губам.

– Я вам расскажу, как все произошло, – начал он. – Когда Горнера арестовали, я решил, что надо немедленно спрятать камень, так как полиции может прийти мысль обыскать меня и мою комнату. Поэтому я отправился к своей сестре. Она замужем за Окшоттом, и торгует живностью. Я был в страшном волнении. По дороге каждого встречного я принимал за полицейского, и холодный пот выступал на моем лбу. Сестра спросила меня, что случилось, и почему я так бледен. Я ей сказал, что у нас в гостинице случилась кража. Затем я вышел на двор и начал за трубкой размышлять о том, что мне теперь делать.

У меня был раньше друг по имени Моцли, свихнувшийся с пути и только что теперь вышедший из тюрьмы. Он мне не раз рассказывал об уловках воров, прячущих украденные вещи. Я знал, что он меня не выдаст, так как я кое-что знал о нем, и поэтому я решил довериться ему. Он, наверное, укажет мне средство превратить камень в деньги. Но каким образом попасть к нему? На улице меня могли каждую минуту арестовать, обыскать, и тогда я пропал. Я прислонился к стене, передо мной плескались гуси; вдруг мне пришла в голову блестящая мысль. Сестра обещала мне подарить к Рождеству самого жирного гуся. Я решил взять его теперь и скрыть камень в его зобу. Я поймал одного гуся, раскрыл ему клюв и протолкнул ему в горло драгоценный камень. Но он начал так гоготать, что моя сестра вышла и спросила, что случилось. Только что я ей собирался ответить, как гусь вырвался из моих рук и смешался с другими.

«Что ты делаешь, Джеймс?» – спросила она.

«Ведь ты же обещала подарить мне на Рождество гуся. Вот я и смотрел, какой из них жирнее».

«Для тебя мы уже отложили гусыню, вон ту большую, белую. У нас их двадцать шесть штук – одна для тебя, другая для нас, и двадцать четыре для продажи».

«Благодарю тебя, Маджи, – сказал я. – Но я предпочитаю взять ту, которая только что была у меня в руках».

«Как хочешь. Какую же ты выбрал?»

«Вот ту белую, с черными полосами».

«Отлично, возьми ее».

Я взял гуся и отправился к Моцли. Я рассказал ему свою выдумку, и он чуть не лопнул от хохота. Когда же мы разрезали гуся, камня в нем не оказалось. Очевидно, произошла страшная ошибка. Я тотчас же бросился к сестре, но на птичьем дворе гусей больше не оказалось. Они были проданы Брекенриджу, в Ковент-Гарден. Я сейчас же бросился к нему, но он уже продал всю партию и ни за что не хотел мне сказать, кому именно. Вы его сегодня сами слышали.

Сестра говорит, что я схожу с ума. Иногда мне это самому кажется. Теперь я обеспечен на всю жизнь! Господи, спаси меня!

Он закрыл лицо руками и разразился рыданиями.

Наступило молчание, прерываемое только тяжелым дыханием несчастного и стуком пальцев Шерлока Холмса по столу. Наконец Холмс встал и открыл дверь.

– Уходите! – проговорил он.

– Что? О, Господь вас за это вознаградит!

– Ни слова! Ступайте!

Ридер не заставил себя просить дважды, и через несколько секунд донесся звук захлопываемой двери.

– В сущности, Ватсон, – проговорил Холмс, принимаясь за трубку, – я вовсе не обязан помогать полиции. Может быть, я должен был бы донести на Ридера, но я думаю, что молчанием спасаю от гибели человеческую душу. Он больше преступления не совершит. Горнер, конечно же, завтра же будет освобожден.

Пестрая лента

Просматривая записанные мною многочисленные приключения, которые я наблюдал в продолжение тех восьми лет, что следил за похождениями моего друга Шерлока Холмса, я нахожу между ними много трагических, несколько комических и большинство странных, но ни одного банального. Это происходит оттого, что он занимался своим делом из любви к искусству, а не из-за денег, и потому отказывался от всяких розысков, не имевших в себе чего-либо особенного или даже фантастического. Из всех записанных мною случаев едва ли не самым интересным является история с Ройлоттами из Сток Морана. Происшествие это случилось в первые годы моего знакомства с Шерлоком Холмсом, когда я был еще холост, и мы жили вместе на Бейкер-стрит. Я описал бы этот случай и раньше, если бы не дал одной даме обещания хранить его в тайне. Только ее преждевременная смерть несколько месяцев тому назад освободила меня от этого обязательства. Пожалуй, и хорошо, что можно, наконец, разъяснить эту историю, так как слухи, ходящие о смерти доктора Гримсби Ройлотта, представляют дело еще ужаснее, чем оно было на самом деле.

Проснувшись в одно прекрасное апрельское утро 1883 года, я увидел Шерлока Холмса, стоявшего совершенно одетым у моей постели. Я невольно удивился, так как было четверть восьмого, а Холмс вообще вставал поздно; я взглянул на него с изумлением и даже с неудовольствием, так как не любил, чтобы нарушали мои привычки.

– Очень жалею, что приходится будить вас, Ватсон, – сказал Холмс, – но так уже суждено сегодня всем нам. Разбудили миссис Хадсон, она меня, а я вас.

– Что же случилось? Пожар, что ли?

– Нет, клиент. Явилась какая-то барышня, чрезвычайно взволнованная, и непременно желает видеть меня. Она – в гостиной. Знаете, если молодые барышни в такой ранний час бродят по столице и будят спящих, то, вероятно, хотят сообщить что-нибудь особенно важное. Если дело окажется интересное, вы, наверно, захотите принять в нем участие. Поэтому-то я и решил разбудить вас.

– Благодарю вас, мой друг. Мне было бы жаль пропустить интересный случай.

Ничто в жизни не доставляло мне такого удовольствия, как возможность наблюдать за Шерлоком и восхищаться его быстрыми выводами, всегда основанными на логике. Я быстро оделся, и через несколько минут мы входили в гостиную. Сидевшая у окна дама, в черном платье и под густой вуалью, встала, увидев нас.

– Доброго утра, сударыня, – весело сказал Холмс. – Я – Шерлок Холмс. Это мой друг и компаньон доктор Ватсон. Вы можете все рассказывать при нем так же свободно, как и при мне... Ага, я рад, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Пожалуйста, сядьте поближе к огню, я велю подать вам чашку горячего кофе. Вы дрожите.

– Я дрожу не от холода, – тихо проговорила дама, садясь к камину.

– От чего же?

– От страха, от ужаса, мистер Холмс.

При этих словах она подняла вуаль, и мы увидели взволнованное бледное лицо с беспокойными испуганными глазами, похожими на глаза животного, которого преследуют охотники. По лицу и фигуре ей было лет тридцать, но в волосах пробивалась седина, а вся она казалась усталой и изможденной. Холмс окинул ее своим пронизательным взглядом.

– Не бойтесь, – проговорил он, наклонясь и ласково потрепав ее по руке. – Мы поправим все дело, я уверен в этом. Вы приехали с утренним поездом.

– Разве вы знаете меня?

– Нет, но я вижу у вас обратный билет в левой перчатке. Вы рано выехали, и вам пришлось ехать до станции в тарантасе по тяжелой дороге.

Барышня вздрогнула и с изумлением взглянула на моего приятеля.

– Тут нет ничего таинственного, – улыбаясь, проговорил он. – На левом рукаве вашей кофточки, по крайней мере, семь пятен от грязи. Пятна совсем свежие. Так забрызгаться можно только сидя в тарантасе, и то по левую сторону кучера.

– Вы правы, – сказала барышня. – Я выехала из дома раньше шести часов, в Летерхеде была в двадцать минут седьмого и отправилась с первым поездом в Ватерлоо. Сэр, я не могу больше вынести этого, я с ума сойду. Мне не к кому обратиться... Есть один человек, который любит меня, но он, бедный, немного может сделать для меня. Я слышала о вас от миссис Фаринтош, которой вы помогли в тяжком горе. Она дала мне ваш адрес. О, сэр! Не можете ли вы помочь мне или, по крайней мере, пролить хоть немного света в окружающий меня густой мрак? В настоящее время я ничем не могу вознаградить вас, но через месяц-полтора я выйду замуж, тогда я могу располагать своим состоянием, и вы увидите, что я не окажусь неблагодарной.

Холмс подошел к письменному столу, открыл его и вынул оттуда маленькую записную книжку.

– Фаринтош, – проговорил он. – Ах, да, помню этот случай; дело шло о диадеме из опалов. Кажется, это было раньше нашего знакомства, Ватсон. Что же касается вознаграждения, то сама моя деятельность служит мне вознаграждением; но вы можете возместить расходы, когда это будет удобно вам. А теперь прошу вас рассказать все, что может служить для выяснения дела.

– Увы, – ответила наша посетительница. – Весь ужас моего положения состоит именно в том, что мои страхи так неопределенны, а подозрения основаны на таких мелочах, которые кажутся ничтожными всем другим. Даже тот, от кого я могу ожидать помощи и совета, смотрит

на то, что я рассказываю ему, как на фантазию нервной женщины. Он не говорит ничего, но я читаю это в его успокоительных ответах и во взгляде, которым он смотрит на меня во время моего рассказа. Но я слышала, мистер Холмс, что вы умеете заглянуть в глубину души всякого злого человека. Вы можете посоветовать, что делать мне среди окружающих меня опасностей.

– Я весь внимание, сударыня.

– Меня зовут Элен Стоунер. Я живу с отчимом, последним представителем одной из старейших саксонских фамилий в Англии – Ройлоттов из Сток Морана, на западной границе графства Суррей.

Холмс кивнул головой.

– Я слышал эту фамилию, – сказал он.

– В былое время Ройлотты были одними из богатейших людей Англии, имения их простирались до Беркшира на север и Хэмпшира на запад. Но в прошлом столетии четыре поколения вели расточительный, распутный образ жизни, а во время регентства фамилия окончательно разорилась благодаря страсти к игре одного из ее членов. Остались только несколько акров земли да старинный двухсотлетний дом, заложенный и перезаложенный. Последний владелец влачил там жалкую жизнь нищего аристократа. Его единственный сын, мой отчим, видя необходимость примениться к новым условиям, занял денег у одного из своих родственников, выдержал экзамен на доктора и уехал в Калькутту. Благодаря своему искусству и силе характера он составил себе там большую практику. В припадке гнева, вызванного какой-то кражей в доме, он избил до смерти своего слугу-туземца и едва избежал смертной казни за убийство. Ему долго пришлось сидеть в тюрьме. В Англию он возвратился угрюмым разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора бенгальской артиллерии; сестра моя Джулия и я были близнецами. Нам было лишь по два года, когда мать вышла замуж во второй раз. У нее было значительное состояние, около тысячи фунтов дохода. Весь этот доход она отказала доктору Ройлотту с условием, что он будет получать его полностью, пока мы живем с ним; в случае же замужества которой-либо из нас он должен выдавать нам ежегодно известную сумму. Мать умерла вскоре после нашего возвращения в Англию: она погибла восемь лет тому назад при крушении поезда вблизи Кру. Доктор Ройлотт отказался от намерения составить себе практику в Лондоне и уехал с нами в свое родовое поместье – Сток Моран. Денег, оставленных матерью, хватало на все наши нужды, и, казалось, мы могли жить счастливо.

Но как раз в это время страшная перемена произошла в отчине. Вместо того чтобы завести знакомство с соседями, которые в первое время были очень довольны возвращением последнего из Ройлоттов в его родовое имение, он заперся у себя в доме и редко выходил оттуда, а если и выезжал, то сейчас же затеивал крупную ссору с кем ни попадя. Вспыльчивость, доходившая почти до мании, была в характере всех Ройлоттов; в отчине же, я думаю, она еще усилилась вследствие долговременного пребывания в тропическом климате. Произошло множество безобразных столкновений, два из которых закончились разбирательством в суде. Наконец он навел такой ужас на деревенских жителей, что все разбежались при его появлении, так как он – человек страшной силы и необузданной вспыльчивости.

На прошлой неделе он сбросил местного кузнеца с моста в реку, и мне едва удалось замять дело, отдав деньги, какие были у меня. Единственные его друзья – бродячие цыгане. Им он позволяет раскидывать шатры на своей земле, и иногда живет у них в шатрах и даже уходит с ними на несколько недель. Он очень любит индийских животных, которых присылают ему из Индии. В настоящее время у него есть павиан и пантера, которые бегают повсюду, наводя на поселян страх, какой наводит на них их хозяин.

Из моих слов вы можете заключить, что нам с Джулией жилось невесело. Прислуга не хотела жить у нас, и долгое время мы принуждены были делать все сами. Сестре было только тридцать лет, когда она умерла, но волосы у нее начинали седеть, как теперь у меня.

– Так ваша сестра умерла?

– Она умерла два года тому назад. Вот о ее смерти я и хочу поговорить с вами. Вы понимаете, что при том образе жизни, который мы вели, нам не приходилось встречаться с людьми наших лет и нашего положения. Но у нас есть тетка, незамужняя сестра моей матери, мисс Гонория Уэстфайл, и мы иногда гостили у нее. Она живет вблизи Харроу. Джулия была у нее два года тому назад на Рождество, познакомилась там с одним отставным морским офицером и обручилась с ним. Когда она вернулась, то сказала об этом отчиму; он не был против ее замужества; но за две недели до свадьбы случилось ужасное происшествие, лишившее меня моей единственной подруги.

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и опустив глаза. Теперь он открыл их и взглянул на посетительницу.

– Пожалуйста, расскажите все подробности.

– Мне легко это сделать, так как все, что произошло в это ужасное время, запечатлелось в моей памяти. Дом, как я уже говорила вам, очень стар, и для жилья годен только один флигель. Спальни находятся в нижнем этаже, остальные комнаты – в центре здания. Первая – спальня доктора Ройлотта, вторая – моей сестры, третья – моя. Между этими комнатами нет сообщения, но все они выходят в один коридор. Ясно ли я выражаюсь?

– Вполне.

– Окна всех трех комнат выходят на лужайку. В эту роковую ночь доктор Ройлотт рано ушел к себе, хотя мы знали, что он еще не ложился, так как до сестры доносился запах крепких индийских сигар, которые он обыкновенно курил. Она пришла ко мне и просидела несколько времени, болтая о предстоящей свадьбе. В одиннадцать часов она встала и пошла к двери, но вдруг остановилась и спросила меня:

– Элен, ты никогда ночью не слышишь свиста?

– Никогда, – ответила я.

– Не может быть, чтобы ты свистела во сне, не правда ли?

– Конечно, нет. Почему ты спрашиваешь это?

– Потому что вот уже несколько дней около трех часов утра я слышу тихий свист. Я сплю очень чутко и просыпаюсь от этого свиста. Не знаю, откуда он доносится – из соседней комнаты или с лужайки. Я хотела спросить тебя, не слышала ли и ты его?

– Нет. Должно быть, это свистят противные цыгане.

– Очень вероятно. Но удивляюсь, как это ты не слышала.

– Я сплю крепче тебя.

– Ну, во всяком случае, это пустяки, – с улыбкой проговорила она, заперла мою дверь, и вскоре я услышала, как щелкнул ключ в замке ее комнаты.

– Вы всегда запираетесь на ночь? – спросил Холмс.

– Всегда.

– Почему?

– Я, кажется, уже говорила вам, что доктор держит павиана и пантеру. Мы чувствовали себя в безопасности только тогда, когда запирались на ключ.

– Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

– В эту ночь я не могла заснуть. Смутное предчувствие несчастья охватило мою душу. Сестра и я были близнецы, а вы знаете, какие тонкие нити связывают таких близких друг другу существ. Ночь была бурная. Ветер завывал в саду, а дождь хлестал в окна. Вдруг среди шума бури раздался отчаянный женский крик, полный ужаса. Я узнала голос сестры, вскочила с постели, закуталась в шаль и выбежала в коридор.

Когда я открыла дверь, я услышала тихий свист, про который говорила мне сестра, и затем звук как будто от падения какого-то металлического предмета. Я побежала по коридору. Дверь комнаты моей сестры была не заперта и медленно колыхалась на петлях. Я с ужасом смотрела на нее, не зная, что будет. При свете лампы я увидела на пороге сестру, с бледным от ужаса лицом, с протянутыми руками; она качалась, как пьяная. Я бросилась к ней и охватила ее руками, но в это мгновение у нее подкосились колени, и она упала на пол, корчась как бы от невыносимой боли. Сначала я подумала, что она не узнала меня, но когда я нагнулась над ней, она вскрикнула голосом, которого я никогда не забуду: «О, боже мой, Элен! Это была лента! Пестрая лента!» Она хотела еще что-то сказать, указывая но направлению к комнате доктора, но с ней сделались конвульсии, и она не могла проговорить ни слова. Я бросилась по коридору, стала звать отчима. Он уже поспешно выходил в халате из своей комнаты. Когда отчим подошел к сестре, она была уже в бессознательном состоянии. Он дал ей бренди, послал за доктором, но все было напрасно: она умерла, не приходя в сознание. Так скончалась моя дорогая сестра.

– Одно мгновение, – сказал Холмс, – вы уверены в том, что слышали свист и металлический звук? Можете поклясться в этом?

– То же самое спросил меня и следователь при допросе. У меня осталось сильное впечатление, что я слышала эти звуки, но, может быть, я и ошиблась, так как в то время была страшная буря.

– Ваша сестра была одета?

– Нет, на ней была ночная рубашка. В правой руке у нее была обуглившаяся спичка, а в левой коробочка спичек.

– Это показывает, что она зажгла огонь, когда услышала шум. Это очень важно. Ну, а что сказал следователь?

– Он внимательно исследовал это дело, так как характер и образ жизни доктора Ройлотта были хорошо известны во всем графстве, но не мог открыть причины смерти сестры. Я показала, что дверь была заперта изнутри, а окна закрыты старинными ставнями с болтами. Тщательно исследовали стены и пол, они оказались вполне прочными. Печная труба широка, но в ней есть решетка. Очевидно, сестра была совершенно одна, когда ее постигла смерть. К тому же на теле не оказалось никаких признаков насилия.

- А как насчет яда?
- Доктора осматривали ее, но ничего не нашли.
- От чего же, по-вашему, умерла несчастная?
- Я уверена, что она умерла от страха и нервного потрясения, но не могу представить себе, что так напугало ее.
- Были в то время цыгане вблизи дома?
- Да, они почти всегда бывают в окрестностях.
- А как вы думаете, что могли означать слова о «ленте», «пестрой ленте»?
- Иногда мне это кажется просто бредом, иногда я думаю, что это лично относится к шайке людей, может быть, тех же цыган. Не знаю только, чем объяснить странное прилагательное «пестрая», если это относилось к цыганам; разве тем, что их женщины носят пестрые платки на голове.

Холмс покачал головой с видом человека, далеко не согласного с заключением мисс Стоунер.

– Это дело очень темное, – проговорил он. – Продолжайте, пожалуйста.

– С тех пор прошло два года, и жизнь моя стала еще однообразнее и скучнее. Месяц тому назад один добрый друг, которого я знаю уже несколько лет, сделал мне предложение. Это Перси Армитаж, второй сын мистера Армитажа из Крейн Уотер, вблизи Рединга. Отчим ничего не имеет против моего замужества, и мы должны обвенчаться весной. Два дня тому назад в западном флигеле нашего дома началась перестройка; в моей спальне просверлили стену так, что мне пришлось перейти в ту комнату, где умерла сестра, и спать на ее кровати.

Представьте же себе мой ужас, когда вчера ночью, в то время как я лежала на постели, размышляя об ужасной участи сестры, я вдруг услышала тот тихий свист, который был предвестником ее смерти. Я вскочила с кровати, зажгла лампу, но в комнате ничего не было. Я была слишком потрясена для того, чтобы лечь спать. Я оделась и, как только рассвело, тихонько сошла вниз, наняла себе тарантас в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, и отправилась в Летерхед, откуда приехала сюда с единственной целью: повидать вас и посоветоваться с вами.

– И умно поступили, – сказал мой друг. – Но все ли вы рассказали мне?

– Да, все.

– Мисс Стоунер, вы рассказали не все. Вы щадите своего отчима.

– Что вы хотите сказать?

Вместо ответа он отвернул черные кружева, пришитые к рукаву платья мисс Стоунер. На белой руке виднелись пять синих пятен – следы пяти пальцев.

– С вами обращаются очень жестоко, – сказал Холмс.

Мисс Стоунер сильно покраснела и спустила кружева.

– Он жестокий человек, – сказала она, – и, может быть, сам не сознает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс, опустив голову на руки, пристально смотрел в огонь.

– Это очень темное дело, – наконец проговорил он. – Мне нужно знать множество подробностей, прежде чем решить, что предпринять. А между тем, нельзя терять ни одной минуты. Если бы мы поехали сегодня в Сток Моран, можно ли нам осмотреть эти комнаты без ведома вашего отчима?

– Он говорил, что сегодня поедет в город по какому-то важному делу. По всей вероятности, его не будет дома целый день. Экономка у нас старая и глупая. Я легко могу удалить ее.

– Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Ватсон?

– Ровно ничего.

– Так мы приедем оба. А вы что намерены делать?

– Я хочу воспользоваться тем, что приехала в город, и исполнить несколько дел. Но я возвращусь домой с двенадцатичасовым поездом, чтобы встретить вас.

– Ждите нас вскоре после полудня. У меня самого есть дела. Не останетесь ли вы позавтракать?

– Нет, мне надо идти. У меня на душе стало легче после того, как я все рассказала вам. Буду ожидать вас после полудня.

Она опустила свою густую черную вуаль и вышла из комнаты.

– Что вы думаете обо всем этом, Ватсон? – спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку стула.

– По-моему, это темное, страшное дело.

– Да, достаточно темное и страшное.

– Но если мисс Стоунер не ошибается, говоря, что пол и стены крепкие, а через дверь, окно и печную трубу невозможно проникнуть в комнату, то, несомненно, ее сестра была одна, когда с ней случилось что-то таинственное, бывшее причиной ее смерти.

– Что же означают эти ночные свистки и странные слова умирающей?

– Представить себе не могу.

– Если сопоставить все: свист по ночам, присутствие табора цыган, пользовавшихся особым расположением старого доктора, тот факт, что доктор был заинтересован в том, чтоб его падчерица не выходила замуж, ее последние слова о «шайке» и, наконец, рассказ мисс Элен Стоунер о слышанном ею металлическом звуке (быть может, то был шум от болта, которым запирались ставни), – то есть большое основание предполагать, что тут именно надо искать разгадку тайны.

– Но что же сделали цыгане?

– Не могу себе представить.

– Многое можно возразить против этой теории.

– Я знаю. Поэтому-то мы и едем сегодня в Сток Моран. Я хочу узнать, насколько верны эти предположения. Что это, черт возьми?

Дверь нашей комнаты внезапно распахнулась, и на пороге показался человек огромного роста. Костюм его представлял собой какую-то странную смесь: черный цилиндр, длинный сюртук, высокие гамашы и хлыст в руках. Он был так высок ростом, что задел шляпой при толку, и так широк в плечах, что занял всю дверь. Его толстое лицо было все изборозжено морщинами, загорело от горячего солнца Индии. Он смотрел то на одного, то на другого из нас своими впалыми, налитыми желчью глазами. Эти глаза и тонкий нос придавали ему вид старой хищной птицы.

– Который из вас Холмс? – спросил неожиданный посетитель.

– Я, сэр. Вы имеете преимущество предо мной, так как я не знаю вашей фамилии, – спокойно ответил мой приятель.

– Я – доктор Гримсби Ройлотт из Сток Морана.

– Ага! Садитесь, пожалуйста, доктор, – любезно сказал Холмс.

– И не подумаю. Здесь была моя падчерица. Я проследил ее. Что говорила она вам?

– Погода немного холодна для теперешнего времени года, – заметил Холмс.

– Что говорила она вам?! – бешено крикнул старик.

– Но я слышал, что крокусы уже начинают расцветать, – невозмутимо продолжал Холмс.

– А! Вы хотите отделаться от меня, да? – сказал посетитель, делая шаг вперед и размахивая хлыстом. – Я знаю вас, негодяй! Слышал много! Вы – Холмс-проныра.

Мой приятель улыбнулся.

– Холмс-смутьян.

Улыбка так и расплылась по лицу Холмса.

– Холмс-сыщик.

Холмс громко расхохотался.

– Ваш разговор замечательно интересен. – проговорил он. – Пожалуйста, закройте дверь, когда будете уходить, а то очень сквозит.

– Уйду, когда скажу то, для чего пришел. Не смейте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь... Я следил за ней! Со мной шутки плохи! Так и знайте.

Он сделал шаг вперед, схватил кочергу и согнул ее своими громадными загорелыми руками.

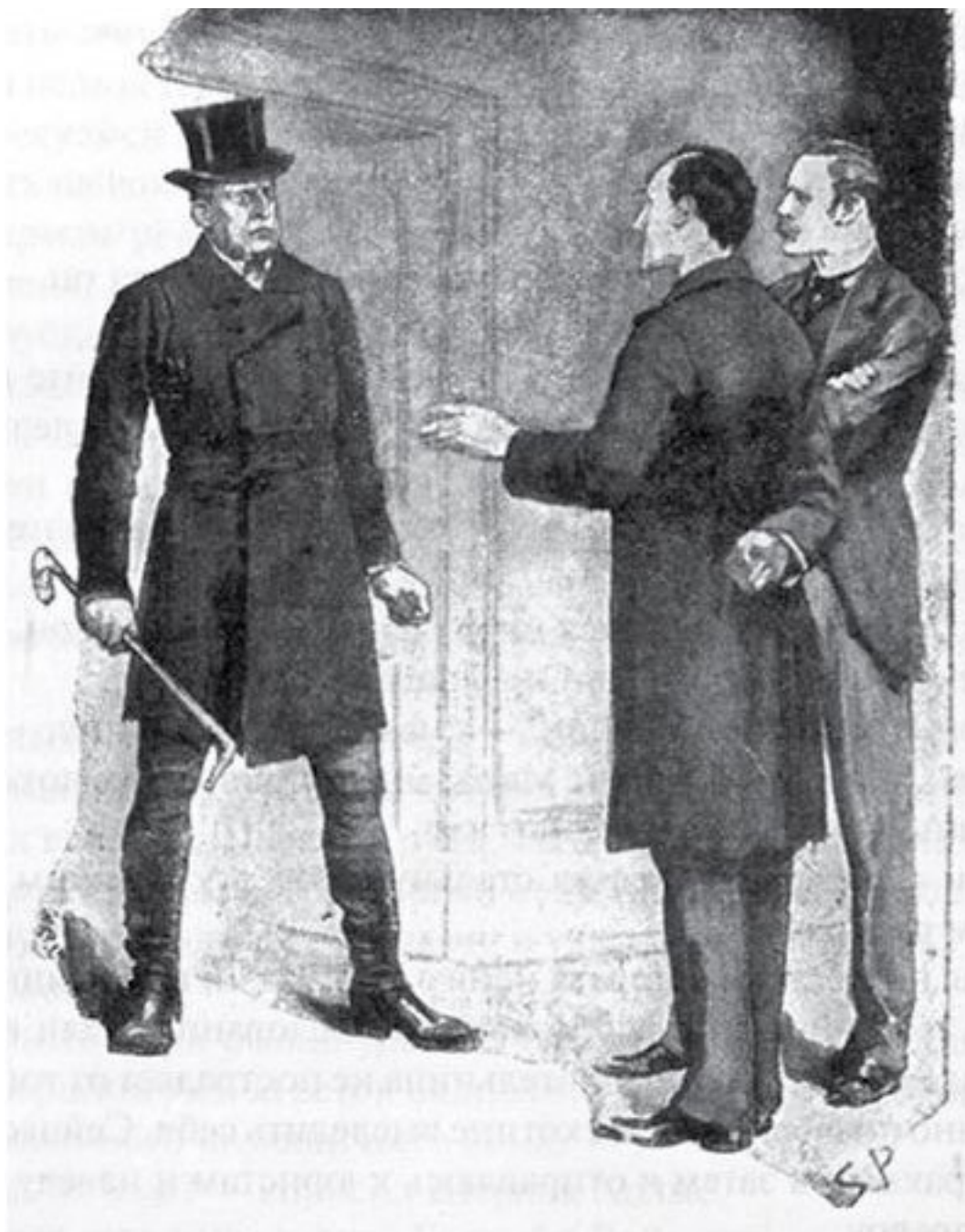
– Смотрите, не попадайтесь мне, – проговорил он, бросив согнутую кочергу, и вышел из комнаты.

– Очень любезный и милый господин, – со смехом сказал Холмс. – Я не сравнюсь с ним в объеме, но если бы он остался, я бы показал, что немногим уступаю ему в силе.

Он поднял согнутую кочергу и сразу выпрямил ее.

– Представьте себе, какая дерзость! Смешивает меня с полицией! Впрочем, этот случай только прибавит нам рвения. Надеюсь, что маленькая мисс не пострадает от своей неосторожности. Теперь, Ватсон, мы позавтракаем, а потом я пойду навести несколько справок.

Шерлок Холмс вернулся домой около часа после полудня. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

– Я видел завещание покойной жены его, – сказал он. – Чтоб определить его значение, мне пришлось справляться о нынешних ценах бумаг, в которых помещено имущество покойной. Общий доход во время смерти покойной доходил почти до 1100 фунтов стерлингов, теперь же, вследствие падения цен на сельскохозяйственные припасы, упал до 750 фунтов стерлингов. При выходе замуж каждая дочь имеет право на 250 фунтов стерлингов дохода. Очевидно, что если бы обе они вышли замуж, то нашему милому знакомому остались бы крохи; ему пришлось бы плохо даже и в том случае, если бы хоть одна из дочерей вышла замуж. Я не напрасно потерял утро, так как убедился, что у него самые серьезные мотивы препятствовать браку падчериц. Медлить нельзя, Ватсон, тем более, что старик узнал, что мы заинтересованы в этом деле. Если вы готовы, пошлем за кебом и поедем на вокзал. Возьмите, пожалуйста, револьвер – это превосходный аргумент для человека, который может завязывать узлы из кочерги. Револьвер и патроны – я думаю, больше нам ничего не нужно.

Поезд в Летерхед отходил, как раз когда мы приехали на вокзал. Приехав на место, мы наняли в гостинице экипаж и проехали четыре-пять миль по живописной местности. День был чудный, солнце ярко сияло, на небе виднелось лишь несколько прозрачных облачков. На деревьях и кустарниках показывались первые зеленые почки, в воздухе стоял приятный запах влажной земли. Это пробуждение весны составляло странный контраст с ужасным делом, по которому мы ехали. Холмс сидел, сложив руки и надвинув шляпу, очевидно, в глубоком раздумье. Вдруг он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал на луга.

– Посмотрите! – сказал он.

Густой парк шел по склону холма. Из-за ветвей деревьев виднелись очертания очень старого дома.

– Сток Моран? – спросил Холмс.

– Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотта, – ответил кучер.

– Кажется, теперь там, куда мы едем, идет какая-то постройка, – продолжал Холмс.

– Там деревня, – сказал кучер, указывая на видневшиеся налево крыши домов. – А если вам нужно в дом, то вам ближе пройти туда этой дорогой, а потом по тропинке через поле. Вот там, где идет барышня.

– Это, должно быть, мисс Стоунер, – сказал Холмс, прикрывая глаза рукой. – Да, нам лучше пойти так.

Мы вышли из тарантаса, расплатившись с кучером, который поехал обратно в Летерхед.

– Пусть этот малый думает, что мы архитекторы или приехали по какому-нибудь другому делу, – сказал Холмс. – Не станем болтать лишнего... Здравствуйте, мисс Стоунер! Как видите, мы сдержали слово.

Наша клиентка бросилась к нам навстречу с сияющим от радости лицом.

– Я с нетерпением ожидала вас, – сказала она, горячо пожимая нам руки. – Все устроилось чудесно. Доктор Ройлотт уехал в город и, по всем вероятностям, не вернется домой до вечера.

– Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, – сказал Холмс и в коротких словах рассказал о посещении доктора Ройлотта.

Мисс Стоунер побледнела, как смерть.

– Боже мой! Значит, он следил за мной.

– Очевидно.

– Он так хитер, что не знаешь, как и скрыться от него. Что он скажет, когда вернется!

– Пусть остережется: могут найтись люди и похитрее его. На ночь вы должны запереться у себя в комнате. Если он будет угрожать вам, мы отправим вас к тетке, в Харроу. А теперь нам нужно воспользоваться удобным временем, и потому проведите нас, пожалуйста, в комнаты.

Дом был выстроен из серого, поросшего мхом камня, с флигелями по обеим сторонам, напоминавшими клешни краба. В одном из флигелей окна были разбиты и заколочены досками, крыша местами обрушилась. Средняя часть дома была в несколько лучшем состоянии. Правый флигель казался сравнительно новее, на окнах висели шторы, из труб шел голубой дым. Все показывало, что тут жили люди. У стены виднелись леса, но рабочих не было и следа. Холмс медленно расхаживал по нерасчищенной лужайке и внимательно разглядывал окна.

– Вероятно, это окно комнаты, в которой вы спали прежде, – сказал он, – среднее – спальни вашей сестры, а следующее – доктора Ройлотта?

– Совершенно верно. Теперь я сплю в средней комнате.

– Ну, да, из-за ремонта. Между прочим, эта стена, кажется, не особенно нуждается в ремонте.

– Вовсе не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы заставить меня переселиться в другую комнату.

– А! Это имеет большое значение. В этом флигеле есть коридор, в который выходят все три комнаты. Есть там окна?

– Да, но очень маленькие и слишком узкие для того, чтобы пролезть в них.

– Так как вы обе запирались на ночь, то с этой стороны невозможно было пробраться в ваши комнаты. Будьте так добры, войдите в вашу комнату и закройте ставни.

Мисс Стоунер исполнила его желание. Холмс употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно. Не было даже щели, в которую можно было бы просунуть ножик и приподнять засов. Он осмотрел в увеличительное стекло все петли: они оказались вполне целыми.

– Гм! – проговорил он, в недоумении почесывая подбородок, – гипотеза-то моя не оправдывается. Невозможно пролезть в окно, когда ставни закрыты. Ну, посмотрим, не увидим ли что-нибудь внутри дома.

Маленькая боковая дверь вела в окрашенный белым коридор, в который выходили все три спальни. Холмс отказался осматривать третью комнату, и мы прямо вошли во вторую, где спала теперь мисс Стоунер, и где умерла ее сестра. Это была маленькая комнатка с низким потолком и камином, такая, какие встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод, в другом – узкая кровать, покрытая белым одеялом, налево у окна – туалетный столик. Два стула и вильтонский ковер посреди комнаты довершали ее скромную обстановку. Карнизы стен были из темного дерева, такого старого и выцветшего, что, вероятно, они существовали тут с самого основания. Холмс поставил стул в угол и сел, внимательно оглядывая все вокруг.

– Куда ведет этот звонок? – проговорил он, указывая на толстый шур, висевший над самой постелью, так что конец его лежал на подушке.

– В комнату экономки.

– Он новее всех остальных вещей в этой комнате.

– Да, этот звонок провели только два года тому назад.

– Вероятно, ваша сестра просила об этом?

– Нет, она никогда не употребляла его. Мы привыкли все делать сами.

– Вот как? Зачем же было проводить этот звонок?.. Позвольте мне осмотреть пол.

Он бросился на пол и стал быстро ползать взад и вперед, внимательно рассматривая через увеличительное стекло трещины между досками. Он исследовал также плинтуса, затем подошел к кровати и тщательно оглядел ее и стену. Наконец он сильно дернул шнур.

– Не звонит, – проговорил он.

– Как не звонит?

– Он даже не соединен со шнуром. Это крайне интересно. Видите, он прикреплен наверху к крючочку над отверстием вентилятора.

– Как глупо! Я и не заметила этого.

– Очень странно! – бормотал Холмс, дергая шнурок. – В этой комнате вообще есть странности. Например, что за дурак тот, кто ставил вентилятор! Зачем было проводить его из одной комнаты в другую, когда можно было устроить так, чтобы он выходил наружу?

– Вентилятор также устроен не так давно, – сказала мисс Стоунер.

– В то же время, что и звонок, – заметил Холмс.

– Да, в то время было вообще несколько переделок.

– Удивительно интересно! Звонки, которые не звонят, вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стоунер, мы перейдем теперь в следующую комнату.

Спальня доктора Гримсби Ройлотта была больше комнаты его падчерицы, но так же просто убрана. Походная кровать, маленькая деревянная этажерка с книгами преимущественно технического содержания, кресло у кровати, простой деревянный стол у стены, круглый стул и большой железный шкаф – вот и все, что бросилось нам в глаза. Холмс обошел комнату, внимательно, с величайшим интересом осматривая все вещи.

– Что здесь? – спросил он, постучав по шкафу.

- Деловые бумаги отчима.
- Так вы видели, что находится там?
- Только раз, несколько лет тому назад. Я помню, что там было много бумаг.
- А кошки там нет?
- Нет. Что за странная идея!
- Посмотрите!

Он снял со шкафа стоявшее на нем блюдечко с молоком.

- Нет, мы не держим кошки. Но у нас есть пантера и павиан.
- Ах, да! Конечно, пантера не что иное, как большая кошка, но сомневаюсь, чтобы она удовольствовалась блюдечком молока. Мне очень хочется выяснить одно обстоятельство.

Он присел на корточки перед деревянным стулом и внимательно осмотрел его сиденье.

- Благодарю вас. Этого достаточно, – сказал он, поднимаясь и пряча лупу в карман. – Ага! Вот нечто весьма интересное!

Предмет, привлечший его внимание, была свернутая в петлю плетка, лежавшая на постели.

- Что скажете, Ватсон?
- Плетка самая обыкновенная. Не понимаю только, зачем из нее сделана петля.
- Не совсем обыкновенная. Ах! Сколько зла на свете, и хуже всего, когда умный человек совершает преступление. С меня достаточно того, что я видел, мисс Стоунер. С вашего дозволения, мы выйдем теперь на лужайку.

Мне никогда не приходилось видеть Холмса таким угрюмым и мрачным. Мы несколько раз молча прошли по дорожке. Ни мисс Стоунер, ни я не решались прервать молчание, пока сам Холмс не нарушил его.

- Мисс Стоунер, – сказал он, – необходимо, чтобы вы безусловно поступили так, как я посоветую вам.

- Я исполню все беспрекословно.
- Дело слишком серьезное для того, чтобы колебаться. От вашего согласия зависит, может быть, сама ваша жизнь.

- Я отдаю себя в ваши руки.
 - Во-первых, мы оба, мой друг и я, должны провести ночь в вашей комнате.
- Мисс Стоунер и я с удивлением взглянули на него.

- Так должно быть. Я объясню вам все. Что там через дорогу? Кажется, деревенская гостиница?

- Да. Это «Корона».
- Оттуда видны ваши окна?
- Конечно.
- Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, и уйдите в свою комнату. Когда услышите, что он пошел спать, откройте ставни, поставьте на окно лампу – это будет сигналом для нас, – заберите все, что вам нужно, и уходите в вашу бывшую спальню. Без сомнения, вы можете устроиться там на одну ночь, несмотря на ремонт.

- О, да, вполне!
- Остальное предоставьте нам.
- Что же вы сделаете?
- Проведем ночь в комнате и разузнаем причину напугавшего вас шума.
- Мне кажется, вы уже составили себе мнение об этом деле, мистер Холмс, – сказала мисс Стоунер, беря его за руку.
- Может быть.
- Так, ради Бога, скажите, отчего умерла моя сестра?
- Я хотел бы сначала собрать более ясные улики.

– По крайней мере, скажите, верно ли мое предположение, что она умерла от страха?

– Нет, не думаю. Предполагаю, была другая причина. А теперь, мисс Стоунер, мы должны покинуть вас, потому что если доктор Ройлотт вернется и увидит нас здесь, наша поездка окажется совершенно бесполезной. Прощайте! Мужайтесь: если вы исполните то, что я сказал вам, можете быть спокойны, что мы скоро отклоним угрожающую вам опасность.

Шерлок Холмс и я без труда нашли себе две комнаты в «Короне». Они были в нижнем этаже. Из окна видны были ворота и обитаемый флигель Сток Морана. В сумерки мимо нас проехал доктор Гримсби Ройлотт. Его громадная фигура виднелась рядом с мальчиком, который правил лошадей. Мальчик несколько времени возился, открывая ворота, и мы слышали, как доктор кричал хриплым голосом, и видели, как он бешено грозил кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут мы увидели свет от лампы, зажженной в одной из гостиных.

– Знаете, Ватсон, – сказал Холмс, – уж, право, не знаю, брать ли вас сегодня ночью. Дело то опасное.

– Могу я быть полезен вам?

– Ваше присутствие было бы незаменимо.

– Ну, так я пойду с вами.

– Очень мило с вашей стороны.

– Вы говорите об опасности. Наверно, вы заметили в этих комнатах то, на что я не обратил внимания.

– Нет, вы видели то же, что я, только я сделал больше выводов.

– Я не видел ничего особенного, за исключением шнура от звонка, и не могу себе представить, для чего устроен этот звонок.

– Вы видели и вентилятор?

– Да, но не вижу в этом ничего особенного. Отверстие такое маленькое, что едва ли даже мышь могла пролезть в него.

– Я знал, что есть вентилятор, прежде чем мы приехали в Сток Моран.

– О, милый Холмс!

– Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигары доктора Ройлотта. Это, конечно, сразу навело меня на мысль, что между комнатами должно быть какое-нибудь сообщение. Отверстие это маленькое, иначе его заметил бы следователь. Я решил, что это должен быть вентилятор.

– Но что же в этом дурного?

– Ну, по крайней мере, странное совпадение. Устраивается вентилятор, вешается шнур, и спящая в кровати девушка умирает.

– Не вижу никакой связи.

– Вы ничего не заметили особенного в кровати?

– Нет.

– Она привинчена к полу. Случалось вам видеть такую кровать?

– Нет.

– Девушка не могла отодвинуть кровать. Та должна быть всегда в одинаковом положении относительно вентилятора и веревки. ... Приходится так назвать этот шнур, потому что он вовсе не предназначался для звонка.

– Холмс! – вскрикнул я, – я смутно догадываюсь, на что вы намекаете. Мы поспели как раз вовремя для того, чтобы предотвратить какое-то ужасное, тонко задуманное преступление.

– Да, ужасное и тонко задуманное. Если врач идет на злодеяние, то нет преступника хуже его. У него сильные нервы и знание. Палмер и Причард²¹ стояли во главе своей профессии.

²¹ Английские врачи-убийцы.

Этот человек перешеголял их, но я думаю, нам удастся перехитрить его. Много Ужаса придется нам видеть сегодня ночью. Ради бога, покурим спокойно и подумаем о более веселых вещах.

Около девяти часов свет, мелькавший среди деревьев, погас, и в доме стало совершенно темно. Часы тянулись медленно, как вдруг, как раз когда пробило одиннадцать часов, прямо перед нами вспыхнул яркий свет.

– Это сигнал из среднего окна, – сказал Холмс, вскакивая на ноги.

Выходя из гостиницы, он сказал хозяину, что мы идем к знакомому и, может быть, останемся ночевать у него. Через минуту мы уже шли по темной дороге, холодный ветер дул нам прямо в лицо, и только желтый свет указывал нам путь в царившей вокруг мгле.

Попасть в парк было нетрудно, так как стена, окружавшая его, местами обрушилась. Пробираясь между деревьями, мы дошли до лужайки, перешли через нее и только что собрались влезть в окно, как из-за группы лавровых кустов выскочило какое-то существо, похожее на отвратительного уродливого ребенка, бросилось на лужайку, словно в конвульсиях, и затем быстро исчезло во тьме.

– Боже мой! – прошептал я. – Вы видели?

Холмс на одно мгновение испугался так же, как и я, и в волнении сильно сжал мне руку, но затем тихо рассмеялся и на ухо сказал мне.

– Миленький дом. Это – павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора Ройлотта. Может, и пантера очутится скоро у нас на плечах. Сознаюсь, что я почувствовал облегчение, когда, сняв по примеру Холмса сапоги, пробрался вслед за ним в комнату. Мой приятель бесшумно закрыл ставни, перенес лампу на стол и окинул взглядом всю комнату. Потом он прокрался ко мне и, приложив руку ко рту, прошептал еле слышно:

– Малейший шум разрушит все наши планы.

Я утвердительно кивнул головой.

– Придется сидеть без огня. Он может увидеть свет в вентилятор.

Я снова кивнул головой.

– Смотрите, не засните: дело идет, быть может, о нашей жизни. Приготовьте револьвер на всякий случай. Я сяду на кровать, а вы на стул.

Я вынул револьвер и положил его на стол.

Холмс принес с собой длинную тонкую трость и положил ее возле себя на кровать вместе с коробочкой спичек и огарком свечи. Потом он потушил лампу, и мы остались во тьме.

Никогда не забуду этой страшной ночи! Я не слышал ни одного звука, ни даже дыхания, а между тем знал, что Холмс находится в нескольких шагах от меня и испытывает такое же нервное возбуждение, как и я. Ни малейший луч света не проникал через закрытые ставни, мы сидели в полнейшей тьме. Снаружи доносился по временам крик ночной птицы; раз около нашего окна послышался какой-то вой, напоминавший мяуканье кошки: очевидно, пантера разгуливала на свободе. Издалека доносился протяжный бой церковных часов, отбивавших четверти. Как тянулось время между этими ударами! Пробило двенадцать, затем час, два, три, а мы все продолжали сидеть безмолвно, ожидая, что будет дальше.

Внезапно у вентилятора появился свет. Он сейчас же исчез, но в комнате распространился сильный запах горящего масла и раскаленного металла. В соседней комнате кто-то зажег огонь. До моего слуха донесся тихий шум, и потом все опять замолкло, только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, прислушиваясь. Вдруг раздался какой-то звук, тихий, равномерный, напоминавший струю пара, выходящую из котла. В то же мгновение Холмс вскочил с кровати, зажег спичку и начал неистово колотить тростью по шнуру.

– Вы видите ее, Ватсон!? – кричал он. – Видите!?

Но я ничего не видел. В ту минуту, как Холмс зажег свет, я услышал тихий свист, но глаза мои привыкли к темноте, и потому неожиданный свет ослепил меня, и я не мог понять, почему Холмс так ожесточенно колотит по шнуру. Однако я успел рассмотреть, что лицо его было смертельно бледно и выражало ужас и отвращение.

Он перестал колотить по шнуру и смотрел на вентилятор, когда внезапно в безмолвии ночи раздался ужасный крик. Он становился все громче и громче. Страдание, страх и гнев, – все чувства смешались в этом крике. Говорят, что его слышали в деревне и даже в отдаленном доме священника. Мы похолодели от ужаса и молча смотрели друг на друга, пока не замерли последние крики и прежняя тишина водворилась в комнате.

– Что это значит? – задыхаясь, проговорил я.

– Значит, что все кончено, – ответил Холмс... – И, может быть, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было серьезно. Он зажег лампу и пошел по коридору. Он дважды постучался в дверь.

Ответа не было. Тогда он повернул ручку двери и вошел, – я за ним, с револьвером в руках.

Страшное зрелище представилось нашим глазам. На столе стоял потайной фонарь с полуоткрытой дверцей. Свет от него падал на железный шкаф, раскрытый настежь. У стола на деревянном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого выглядывали босые ноги в красных турецких туфлях без задников. На коленях у него лежала плетка, которую мы видели утром. Он сидел, подняв вверх голову и устремив страшный, неподвижный взгляд в потолок. На лбу у него была странная желтая лента с коричневыми пятнами, плотно охватывавшая голову. Он не шевельнулся, когда мы вошли в комнату.

– Лента, пестрая лента! – прошептал Холмс.

Я подошел ближе. Внезапно странный головной убор доктора зашевелился, и из волос поднялась голова змеи.

– Это болотная гадюка, самая ядовитая змея в Индии! – сказал Холмс. – Он умер через десять секунд после укушения. Возмездие постигло жестокого человека. Кто роет другому яму, сам в нее попадет. Посадим эту тварь в ее логовище, а потом отправим мисс Стоунер в безопасное место и дадим знать полиции.

Он быстро взял арапник с колен мертвеца, накинул петлю на шею змеи и, вытянув руку, бросил ее в железный шкаф и запер его.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток Морана. Не буду подробно рассказывать о том, как мы сообщили эту новость испуганной девушке. Мы отправили ее с утренним поездом в Харроу к тетке. Официальное следствие установило, что доктор умер от неосторожного обращения со своей опасной любимицей. Когда мы ехали назад из Сток Морана, Шерлок Холмс рассказал мне остальное.

– Я пришел было к совершенно ложному выводу, милый Ватсон, – сказал он. – Видите, как опасно строить гипотезы, когда нет основательных данных. Присутствие цыган вблизи дома и слово «лента», сказанное несчастной молодой девушкой и понятое мной иначе, навели меня на ложный след. Очевидно, она успела разглядеть что-то, показавшееся ей лентой, когда зажгла спичку. В свое оправдание могу сказать только, что отказался от своего первоначального предположения, как только увидел, что обитателю средней комнаты опасность не может угрожать ни со стороны окна, ни со стороны двери. Вентилятор и шнур от звонка сразу привлекли мое внимание. Открытие, что звонок не звонит, а кровать привинчена к полу, возбудило во мне подозрение, что шнур служит мостом для чего-то, что переходит в отверстие и попадает на кровать. Мысль о змее сразу пришла мне в голову, в особенности, когда я вспомнил, что доктор привез с собой из Индии всяких животных и гадюк. Идея употребить в дело яд, недоступный химическому исследованию, могла прийти в голову именно такому умному, бессердечному человеку, долго жившему на Востоке. Быстрота действия подобного рода яда имела также свое преимущество. Только очень проницательный следователь мог бы заметить две маленькие черные точки в том месте, где ужалила змея. Потом я вспомнил свист. Это он звал назад змею до рассвета, чтобы ее не увидели.

Вероятно, он приучил ее возвращаться к нему, давая ей молоко. Змею он направлял к вентилятору, когда находил это удобным, и был уверен, что она спустится по шнуру на кровать. Может быть, целая неделя прошла бы прежде, чем змея ужалила молодую девушку, но рано или поздно она должна была стать жертвой ужасного замысла. Я пришел ко всем этим выводам раньше, чем вошел в комнату доктора Ройлотта. Осмотрев его стул, я убедился, что он часто становился на него, очевидно, с целью достать до вентилятора. Шкаф, блюдечко с молоком и петля на плетке окончательно рассеяли все мои сомнения. Металлический звук, который слышала мисс Стоунер, очевидно, происходил оттого, что ее отчим захлопывал шкаф. Вы знаете,

что я предпринял дальше, когда убедился в верности моих выводов. Я, как, без сомнения, и вы, услышал шипение змеи, зажег спичку и напал на нее.

– И прогнали ее назад в вентилятор.

– А она бросилась на своего хозяина. Некоторые из моих ударов попали в цель, пробудили ее злобу, и она кинулась на первого встречного. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Ройлотта, но не скажу, чтобы моя совесть сильно страдала от этого.

Палец инженера

Изо всех дел, которыми занимался мой друг Шерлок Холмс в период нашего знакомства, только два были начаты им по моей инициативе: дело о пальце мистера Хадерли и о сумасшествии полковника Уорбертона. Последнее представляло более обширное поле для наблюдательности, но первое так странно само по себе, и так драматично по подробностям, что следует упомянуть о нем, хотя оно и не дало моему другу возможности показать свои дедуктивные способности в полном блеске. История эта много раз рассказывалась в газетах, но, как и все подобные случаи, она произвела мало впечатления на столбцах периодических изданий. Зато она сильно заинтересовала тех, перед глазами которых проходили все факты, и тайна раскрывалась постепенно, шаг за шагом. В свое время этот случай произвел на меня глубокое впечатление, которое не ослабело и теперь, спустя два года.

Дело происходило в 1889 году, вскоре после моей свадьбы. Я вернулся к частной практике и покинул квартиру на Бейкер-стрит, где жил прежде с Холмсом, но продолжал навещать его. Иногда мне удавалось даже уговорить его зайти к нам. Практика моя расширялась, и так как я жил вблизи вокзала Паддингтон, то у меня были пациенты между тамошними служащими. Один из них, которого я вылечил от тяжелой хронической болезни, постоянно восхвалял меня и посылал ко мне всех знакомых больных.

Однажды утром, около семи часов, горничная постучала ко мне в дверь и сказала, что в приемной меня ожидают двое людей из Паддингтона. Я быстро оделся, так как знал по опыту, что случаи на железной дороге редко бывают пустячными, и пошел вниз. Проводник, мой старый приятель, вышел из приемной и притворил за собой дверь.

— Я доставил его сюда, — шепнул он, указывая пальцем на дверь. — Все обстоит благополучно.

– Кого вы доставили ко мне? – спросил я, удивленный таинственностью моего посетителя.

– Пациента, – все так же шепотом отвечал он. – Я подумал, что приведу его сам, чтобы он не утек, и доставил его в надлежащем виде. Я должен идти, доктор, у меня так же, как и у вас, есть свои обязанности.

И он ушел так поспешно, что я не успел поблагодарить его.

Я вошел в кабинет и увидел господина, сидевшего у стола. На нем была темная одежда, мягкая кепка валялась на моих книгах, одна рука была обвязана платком, на котором виднелись пятна крови. На вид ему было не более двадцати пяти лет. Его мужественное лицо было смертельно бледно. Казалось, он испытывал сильнейшее волнение и употреблял всю свою силу воли, чтобы сдержать его.

– Очень сожалею, доктор, что пришлось разбудить вас так рано, – оказал он. – Но сегодня ночью со мной случилось несчастье. Я приехал с утренним поездом и на вокзале Паддингтон попросил указать мне врача. Какой-то добрый малый привел меня сюда. Я дал горничной свою визитную карточку, но вижу, что она оставила ее на столе.

Я взял карточку и взглянул на нее. «Виктор Хадерли, инженер-механик, 16А, Виктория-стрит (третий этаж)» – вот имя и местожительство моего раннего посетителя.

– Сожалею, что заставил вас ждать, – проговорил я, садясь на стул. – Вы ехали всю ночь, а это уже само по себе довольно скучно.

– О, едва ли можно сказать, что я скучно провел эту ночь, – со смехом сказал инженер-механик.

Он смеялся очень громко и резко, откинувшись на спинку и весь трясаясь. Как врач, я восстал против этого смеха.

– Перестаньте! – крикнул я. – Придите в себя, – прибавил я, наливая воды из графина.

Все мои увещания были напрасны. С ним сделался один из тех истерических припадков, которые случаются с сильными натурами, когда приходит кризис. Но вскоре он пришел в себя и проговорил, краснея и задыхаясь:

– Я веду себя глупо!

– Ничего. Выпейте-ка лучше вот это.

Я добавил немного бренди в стакан с водой, он выпил, и румянец вернулся на его бледные щеки.

– Так-то лучше! – сказал он. – А теперь, доктор, вы, может быть, взглянете на мой палец или, вернее сказать, на то место, где был мой палец.

Он развязал платок и протянул мне руку. Даже мои привычные нервы не выдержали этого зрелища. На руке было четыре пальца, а вместо большого виднелась страшная окровавленная масса. Палец был отрублен или вырван из сочленения.

– Боже мой! – вскрикнул я. – Это ужасно. Должно быть, кровь шла очень сильно.

– Да, очень сильно. Когда это случилось, я потерял сознание и, должно быть, долго был без чувств. Очнувшись, я увидел, что кровь все еще продолжает идти; поэтому я забинтовал руку с помощью платка и прутика.

– Превосходно. Вам следовало бы быть хирургом.

– Это имеет некоторое отношение к гидравлике, а я специалист по этому делу.

– Рана нанесена каким-то очень тяжелым орудием, – сказал я, осмотрев руку.

– Чем-то вроде ножа мясника.

– Вероятно, случайность?

– Нисколько.

– Неужели покушение на убийство?

– Совершенно верно.

– Вы пугаете меня.

Я омыл рану, дезинфицировал ее, потом закрыл ватой и забинтовал. Он сидел, откинувшись в кресле, и не сморгнул, только по временам кусал губы.

– Как вы себя теперь чувствуете? – спросил я.

– Превосходно! После бренди и перевязки я чувствую себя совсем другим человеком. Я очень ослаб, но ведь в эту ночь мне пришлось много пережить.

– Может быть, вам лучше ничего не рассказывать. Это вас расстраивает.

– О, нет, теперь ничего! Придется же рассказывать полиции. Но, между нами, не будь у меня такого важного доказательства, как эта рана, я сам бы удивился, если бы поверили моему рассказу. Очень уж необыкновенное происшествие, а данных, чтобы доказать его, у меня слишком мало. А если мне и поверят, то у меня так мало улик, что еще большой вопрос, будут ли виновные наказаны.

– А! – сказал я. – Если это дело загадочное, то вам следует обратиться к моему другу Шерлоку Холмсу, прежде чем заявить полиции.

– О, я много слышал о нем, – ответил мой клиент, – и был бы очень рад, если бы он взялся за это дело, хотя, конечно, заявлю полиции. Можете вы дать мне карточку к нему?

– Я сделаю больше: сам свезу вас к нему.

– Вы несказанно обяжете меня.

– Мы пошлем за кебом, отправимся вместе и поспеем как раз к завтраку. Хватит ли у вас сил, чтоб ехать?

– Да. Я успокоюсь только тогда, когда расскажу всю историю.

– Итак, я посылаю за кебом и через минуту вернусь к вам.

Я вбежал наверх, в коротких словах объяснил все жене и через пять минут уже ехал с моим новым знакомым на Бейкер-стрит.

Как я и думал, Шерлок Холмс лежал в гостиной, просматривая объявления в «Таймсе». Он был в халате и курил утреннюю трубку, которую набивал остатками выкуренного накануне табака, тщательно высушенного и собранного на каминной доске. Он принял нас, как всегда, спокойно и приветливо и велел подать еще ветчины и яиц. Покончив с завтраком, он усадил нашего нового знакомого на диван и предложил ему стакан бренди с водой.

– Очевидно, вы испытали нечто совсем необычайное, мистер Хадерли, – сказал он. – Пожалуйста, прилягте и будьте как дома. Расскажите нам, что можете, и не говорите, когда устанете, а поддержите свои силы этим подкрепляющим средством.

– Благодарю вас, – ответил мой пациент, – я чувствую себя гораздо лучше после того, как доктор сделал мне перевязку, а ваш завтрак dokonчил дело. Я отниму у вас как можно меньше вашего драгоценного времени, и потому сразу начну рассказ о моем необыкновенном приключении.

Холмс сел в кресло, и лицо его приняло то усталое, равнодушное выражение, которым он прикрывался обыкновенно, когда бывал заинтересован чем-либо. Я сел напротив него, и мы вместе выслушали странную историю, которую рассказал нам инженер-механик.

– Надо сказать, что я сирота, холостяк и живу один в меблированных комнатах в Лондоне. По профессии я инженер-механик, специальность моя – гидравлика; имел большую практику в продолжении семи лет, когда я был в обучении у Беннера и Мэтисона, владельцев большой фирмы в Гринвиче. Два года тому назад, окончив образование и получив наследство от отца, поселился на Виктория-стрит и решил работать самостоятельно.

Полагаю, что всякое дело вначале идет плохо. Мне же особенно не повезло. В продолжение двух лет меня приглашали три раза на консультации да раз была небольшая работа. Заработок мой за все это время равнялся двадцати семи фунтам десяти шиллингам. Каждый день я сидел в моей маленькой берлоге от девяти часов утра до четырех пополудни и, наконец, потерял всякую надежду.

Но вчера, когда я уже собирался уходить из конторы, клерк доложил мне, что пришел какой-то господин по делу. Он передал мне карточку, на которой стояло: «Полковник Лисандр Старк». Вслед за клерком вошел и сам полковник, человек выше среднего роста, необычайной худобы. Мне никогда не приходилось видеть такого худого человека. На лице его выделялись нос и подбородок, а кожа так и натянулась на выдавшихся скулах. Однако худоба эта казалась обычным состоянием, а не следствием болезни. У него были блестящие глаза, твердая походка, уверенные манеры. Он был одет просто, но опрятно. На вид ему казалось около сорока лет.

– Мистер Хадерли? – спросил он с немецким акцентом. – Мне рекомендовали вас, мистер Хадерли, как человека, не только являющегося специалистом в своей профессии, но и умеющего хранить тайну.

Я поклонился, польщенный этими словами, как и всякий молодой человек, которого бы так хвалили.

– Могу узнать, кто дал мне такую хорошую аттестацию? – спросил я.

– Ну, может быть, лучше не говорить этого вам теперь. Из того же источника я знаю, что вы сирота, не женаты и живете в Лондоне один.

– Все это совершенно верно, – ответил я. – Но извините, я не понимаю, какое отношение это может иметь к моим профессиональным качествам. Ведь вы желаете говорить со мной по делу?

– Несомненно. Но вы сами увидите, что это имеет отношение к тому, о чем я буду говорить. У меня к вам профессиональное дело, но при этом требуется полная тайна, понимаете, абсолютная тайна, а этого скорее можно ожидать от одинокого человека.

– Если я дам вам обещание сохранить вашу тайну, то можете быть уверены, что сдержу слово, – сказал я.

Он пристально взглянул на меня. Никогда не случалось мне видеть более вопросительного и подозрительного взгляда.

– Так вы даете обещание? – наконец проговорил он.

– Да, даю.

– Полное молчание до визита к нам, во время его и после? Ни слова о деле, ни устно, ни письменно?

– Я уже дал вам слово.

– Отлично.

Он вдруг вскочил с места, пролетел, как молния, через комнату и распахнул дверь. Коридор был совершенно пуст.

– Все в порядке, – сказал он, возвращаясь на место. – Клерки очень часто интересуются делами своих начальников. Теперь мы можем беседовать спокойно.

Он придвинул свой стул к моему и опять устремил на меня свой пронизательный и задумчивый взгляд.

Чувство отвращения и даже страха охватило меня при странном поведении этого тощего господина. При всей боязни потерять клиента я не мог удержаться от нетерпеливого жеста.

– Потрудитесь изложить мне ваше дело, сэр, – сказал я, – время дорого.

Да простит мне Бог эти слова, но они невольно сорвались у меня с губ.

– Желали бы вы получить пятьдесят гиней за работу в течение одной ночи? – спросил он.

– И даже очень.

– Я говорю – ночи, но, вернее, работа продолжится только один час. Я просто хочу узнать ваше мнение насчет нашего гидравлического прессы. Он что-то испортился; если вы укажете нам, в чем дело, мы сами сможем починить его. Что вы думаете об этом предложении?

– Работа, кажется, легкая, а плата превосходная.

– Совершенно верно. Так приезжайте ночью с последним поездом.

– Куда?

– В Эйфорд, в Беркшире. Это маленькое местечко на границе Оксфордшира и в семи милях от Рединга. С вокзала Паддингтон отходит поезд, который приходит в Эйфорд около четверти двенадцатого ночи.

– Отлично.

– Я приеду за вами.

– Разве придется ехать на лошадях?

– Да, наше местечко в стороне от станции на добрых семь миль.

– Тогда мы вряд ли приедем туда раньше полуночи. Я думаю, обратного поезда не будет. Мне придется остаться на ночь.

– Да. Мы можем устроить вас.

– Это очень неудобно. Нельзя ли приехать в другое время?

– Мы решили, что вам лучше приехать поздно. Именно для того, чтобы вознаградить вас за неудобства, мы и даем вам, молодому неизвестному человеку, такую плату, от которой не отказались бы знатоки вашей профессии. Впрочем, если желаете отказаться, то еще не поздно.

Я подумал о пятидесяти гинейх, о том, как полезны будут для меня эти деньги.

– И не думаю, – сказал я. – С удовольствием исполню ваше желание. Только мне хотелось бы уяснить себе, что я должен делать.

– Вполне естественно, что взятое с вас обещание хранить тайну возбудило ваше любопытство. Я не хочу вас поймать на слове и потому объясню вам все... Я надеюсь, что нас не могут подслушать?

– Никто не подслушивает вас.

– Ну, так вот в чем дело. Вам, вероятно, известно, что сукновальная глина²² – ценный продукт, и что в Англии ее добывают только в одном или двух местах?

– Да, я слышал об этом.

– Некоторое время тому назад я купил землю – очень маленький клочок – в десяти милях от Рединга. Мне посчастливилось найти сукновальную глину на одном из моих полей. При исследовании я увидел, что пласт этот сравнительно мал и соединяет два гораздо больших месторождения справа и слева, находящихся на землях моих соседей. Эти добрые люди и не подозревают, что земля их может принести им столько же денег, сколько любые золотые рудники. Понятно, что в моем интересе купить землю прежде, чем они узнают ее настоящую ценность. К несчастью, у меня нет достаточно денег для покупки. Я поверил мою тайну нескольким друзьям, и они посоветовали мне потихоньку эксплуатировать открытое месторождение и, таким образом, приобрести денег для покупки соседних имений. Это мы и делаем теперь. Завели также гидравлический пресс, который, как я уже говорил вам, испортился в настоящее время. Мы строго храним нашу тайну, а если бы стало известным, что мы приглашаем специалиста по гидравлике, то пошли бы расспросы. Тогда прощай всякая надежда на получение этих земель и на исполнение наших планов. Потому-то я и просил вас не говорить никому о том, что вы едете сегодня в Эйфорд. Надеюсь, вы поняли меня?

– Вполне, – ответил я. – Единственно, чего я не понимаю, это зачем вам понадобился гидравлический пресс при добывании глины. Насколько я понимаю, приходится просто рыть землю, чтобы добывать ее.

– Ах! – небрежно проговорил полковник. – У нас, видите ли, свой способ. Мы прессуем глину в кирпичи, чтобы не догадались, что это такое в действительности. Но это лишь детали. Я рассказал вам все, мистер Хадерли; вы сами видите, насколько я доверяю вам.

Говоря эти слова, он встал и прибавил:

– Итак, жду вас в Эйфорде в 11:15.

– Буду непременно.

– И никому ни слова.

Он посмотрел на меня долгим пронизательным взглядом, потом пожал мне руку и поспешно вышел из комнаты.

Когда я стал хладнокровно обдумывать его предложение, удивление мое возросло еще больше. С одной стороны, я, понятно, был очень рад, так как вознаграждение было в десять раз больше того, которое я спросил бы сам, да и очень возможно, что успешное исполнение этого дела повлекло бы за собой новые предложения. С другой стороны, лицо и манеры моего патрона произвели на меня неприятное впечатление, и мне казалось, что для добывания глины совсем не нужно являться в полночь. К тому же меня удивляло его опасение, чтобы я не рассказал кому-нибудь о моей поездке. Но я решил отбросить все страхи, плотно поужинал, поехал на вокзал Паддингтон и отправился по железной дороге, исполнив обещание держать язык за зубами.

В Рединге была пересадка. Я попал как раз к последнему поезду, идущему на Эйфорд, и немного позже одиннадцати часов был уже на маленькой, плохо освещенной станции. Я был единственным пассажиром. На станции стоял только сонный сторож с фонарем в руках. При выходе меня ожидал мой утренний знакомец. Он молча схватил меня за руку и поспешно уса-

²² Глина, обладающая свойствами очищать шерсть от жиров, всяких масел растительного и животного происхождения.

дил в карету, дверца которой была уже открыта, затем спустил шторы на окнах, и мы помчались так быстро, как только могла бежать лошадь.

– Одна лошадь? – перебил его Холмс.

– Да, только одна.

– А вы не заметили, какой она была масти?

– Заметил при свете фонарей, когда садился в карету: гнедая.

– Усталая или свежая?

– О! Свежая, хорошо вычищенная.

– Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте рассказ. Он чрезвычайно интересен.

– Мы ехали, по крайней мере, час. Полковник Лисандр Старк говорил, что до его имения только семь миль, но судя по времени и по скорости, с которой мы ехали, мы проехали миль двенадцать. Полковник сидел все время молча. Всякий раз, когда я смотрел в его сторону, я чувствовал на себе пристальный взгляд. Дороги в этой местности не особенно хороши, и нас страшно трясло. Я старался разглядеть места, по которым мы проезжали, но окна кареты были матовые, и только по временам я видел мелькающие огоньки. Я делал иногда замечания, чтобы хотя бы несколько рассеять однообразие поездки, но полковник отвечал только односложными словами, и я поневоле умолкал. Наконец нас перестало встряхивать, и мы поехали по ровной песчаной дороге. Карета остановилась. Полковник выпрыгнул из экипажа и быстро втащил меня в переднюю. Прямо из кареты мы очутились в коридоре, так что я не мог бросить даже мимолетного взгляда на фасад дома. Лишь только я переступил порог, дверь тяжело захлопнулась за мной, и я услышал слабый шум колес отъезжающего экипажа.

В доме было совершенно темно. Полковник стал искать спичек, бормоча что-то себе под нос. Внезапно в конце коридора распахнулась дверь и показалась золотистая полоса света. Полоса становилась все шире и шире. Появилась женщина. Она держала над головой лампу и, вытянув шею, посмотрела на нас. Я заметил, что она хороша собой, и при свете лампы разглядел, что платье на ней из дорогой материи. Она сказала несколько слов на иностранном языке вопросительным тоном. Когда мой спутник ответил односложно и угрюмо, она вздрогнула так, что лампа чуть не выпала у нее из рук. Полковник Старк подошел к ней, шепнул ей что-то на ухо, потом втолкнул ее обратно в комнату и подошел ко мне с лампой в руках.

– Будьте так добры, подождите здесь минуточку. – сказал он, отворяя другую дверь.

Это была маленькая, просто убранная комнатка. Посредине стоял круглый стол, на котором валялось несколько немецких книг. Полковник поставил лампу на фисгармонию у двери.

– Я не задержу вас, – проговорил он и исчез в темном коридоре.

Я заглянул в книги. Несмотря на мое плохое знание немецкого языка, я разобрал, что две из них научного содержания, остальные – стихотворения. Потом подошел к окну, надеясь разглядеть местность, но окно было закрыто тяжелыми дубовыми ставнями с крепкими засовами. В доме царил мертвое безмолвие, только из коридора доносилось громкое тиканье старинных часов. Смутное чувство беспокойства овладело мной. Что это за немцы? Что делают они в этой странной глухой местности? И где я? Я знал, что нахожусь приблизительно в десяти милях от Эйфорда, но не мог себе представить, лежит эта местность к северу, югу, востоку или западу от Эйфорда. Быть может, она вблизи Рединга или какого-нибудь другого города и вовсе не так уединена, как кажется мне. По царившей вокруг тишине стало ясно, что это какое-нибудь поместье. Я расхаживал по комнате, напевая себе под нос, чтоб ободрить себя, и чувствовал, что даром получаю пятьдесят фунтов.

Внезапно дверь в комнату бесшумно отворилась, и на пороге показалась женщина. Желтый свет моей лампы осветил темный коридор и упал на ее прекрасное, полное тревоги лицо. Я сразу заметил, что она дрожит от страха, и сердце у меня также похолодело. Она приложила палец к губам, чтобы я молчал, и шепнула на ломаном английском языке несколько слов, все время испуганно оглядываясь назад.

– Я бы ушла. – сказала она, видимо стараясь говорить спокойно. – Я бы ушла. Я бы не осталась здесь. Здесь нет для вас ничего хорошего.

– Но, сударыня, я еще не исполнил того, для чего приехал, и не могу уехать, не взглянув на машину.

– Не стоит ждать, – продолжала она. – Вы можете выйти в дверь, никто не помешает.

Я, улыбаясь, отрицательно покачал головой. Внезапно, отбросив всякую сдержанность, она подошла ко мне, сжимая руки.

– Ради Бога, – шепнула она, – уходите, пока еще не поздно!

Я упрям по природе, к тому же препятствия только возбуждают меня. Я подумал о пятидесяти фунтах вознаграждения, об утомительном путешествии, о предстоящей неприятной ночи. Неужели все это должно пропасть даром, и я сбегу, не исполнив взятого на себя дела и не получив вознаграждения? Быть может, эта женщина сумасшедшая. Ей удалось напугать меня, но я овладел собой, снова покачал головой и заявил, что намерен остаться тут. Она хотела еще что-то сказать, но в это время наверху хлопнула дверь и послышались шаги нескольких людей. Она прислушалась, всплеснула с отчаянием руками и исчезла так же внезапно и бесшумно, как и появилась.

В комнату вошел полковник Лисандр Старк и низенький толстый господин с седоватой бородой и двойным подбородком. Полковник представил мне его под именем мистера Фергюсона.

– Это мой секретарь и управляющий. – сказал Старк. – Между прочим, мне казалось, что я запер дверь, уходя из комнаты. Боюсь, не надуло ли вам?

– Напротив, – ответил я. – Я сам отпер дверь, потому что здесь слишком душно.

Он бросил на меня подозрительный взгляд.

– Может быть, нам лучше сейчас же приступить к делу, – сказал он. – Мы с мистером Фергюсоном покажем вам пресс.

– Нужно надеть шляпу?

– О, нет, он внутри дома!

– Как? Вы добываете глину внутри дома?

– Нет-нет. Мы только прессуем ее тут. Но это пустяки! Нам только нужно, чтобы вы осмотрели пресс и сказали, что в нем испортилось.

Мы пошли наверх. Впереди шел полковник с лампой, сзади толстый управляющий и я. Старый дом представлял из себя целый лабиринт коридоров, проходов, узких винтовых лестниц; всюду виднелись низкие дверцы, пороги которых были оббиты многими поколениями жильцов. Нигде не было видно ни мебели, ни ковров; штукатурка валилась со стен, на которых виднелись зеленые пятна от сырости. Я старался казаться спокойным, но не забывал предостережений молодой женщины, хотя и считал их излишними, и зорко наблюдал за моими спутниками. Фергюсон был угрюмый молчаливый человек, но из немногих сказанных им слов я убедился, что он мой соотечественник.

Полковник Старк остановился, наконец, перед одной из маленьких дверей и отпер ее. Он ввел меня в маленькую комнатку, в которой с трудом могло поместиться три человека зараз. Фергюсон остался в коридоре.

– Мы, собственно, находимся теперь под гидравлическим прессом, – сказал он, – и вышла бы пренеприятная штука, если бы кто-нибудь вздумал пустить его в ход. Потолок этой комнатки в сущности – поршень, опускающийся с силою нескольких тонн на металлический пол. Снаружи есть несколько боковых труб, которые принимают воду и разносят ее известным вам образом. Машина работает, но не так хорошо, как обыкновенно. Может быть, вы потрудитесь осмотреть ее и показать, что надо исправить?

Я взял у него лампу и тщательно осмотрел пресс. Он был очень велик и рассчитан на громадное давление. Я нажал рычаги и по шипящему звуку сразу сообразил, что в одном из боковых цилиндров образовалась течь. При дальнейшем исследовании оказалось, что одна из резиновых полос, обхватывавших верхний конец поршня, соскочила с места.

Это и было причиной ослабления деятельности пресса, и я объяснил все это полковнику и Фергюсону. Они внимательно выслушали мои замечания и сделали несколько практических вопросов насчет того, как исправлять впредь подобного рода повреждения. Затем я вернулся

из коридора в комнатку, где был пресс, и еще раз внимательно осмотрел его, чтоб удовлетворить свое любопытство. Одного взгляда было достаточно, чтоб убедиться, что вся история с глиной – явный вымысел; глупо было предполагать, чтобы такой огромный пресс был устроен для этого дела. Стены комнатки были деревянные, но пол железный и, как мне показалось, покрыт каким-то металлическим нагаром. Я нагнулся, чтобы пощупать его, как вдруг услышал подавленное восклицание на немецком языке и увидел, что полковник смотрит на меня.

– Что вы там делаете? – спросил он.

Сознание, что меня обманули, вывело меня из себя.

– Любуюсь на вашу глину и думаю, что мог бы дать вам лучшие советы, если бы знал истинное назначение этой машины, – ответил я и тотчас же раскаялся в этих словах.

Лицо полковника приняло жестокое выражение, и в глазах его мелькнул злобный огонек.

– Отлично, – проговорил он, – вы ознакомитесь вполне с этим прессом.

Он отошел назад, захлопнул дверцу и повернул ключ в замке. Я бросился вперед и схватился за ручку, но все мои усилия были напрасны – дверь не отворялась.

– Эй, полковник! – крикнул я. – Эй! Выпустите меня!

Внезапно в окружавшем меня безмолвии я услышал звук, от которого у меня замерло сердце. То стучали рычаги, и шипел цилиндр, в котором появилась течь. Полковник пустил в ход пресс!.. Лампа стояла на том же месте, где я поставил ее, осматривая машину. При свете ее я увидел, что черный потолок спускается на меня медленно, но, как я отлично знал, с такой силой, что через минуту от меня должна была остаться только бесформенная масса. Я с криком набросился на дверь, царапал ногтями замок, умолял полковника выпустить меня, но безжалостный шум рычагов заглушал мои крики. Потолок был уже на расстоянии двух футов от моей

головы, так что я мог дотронуться рукой до его жесткой поверхности. В голове у меня мелькнула мысль, что смерть может быть более болезненна или менее, смотря по положению моего тела в тот момент, когда надвинется поршень. Если я лягу лицом вниз – поршень опустится мне на спину. Я вздрогнул при одной мысли об этом. Может быть, лучше лечь навзничь? Но хватит ли у меня силы лежать и смотреть, как будет опускаться эта страшная черная масса? Я уже не мог стоять прямо, когда вдруг заметил нечто, и луч надежды вспыхнул у меня в сердце.

Я уже говорил, что пол и потолок комнаты были железные, а стены – деревянные. Бросив поспешный взгляд вокруг, я увидел узенькую полоску желтого света между двумя досками. Полоска становилась все шире и шире по мере того, как отодвигалась маленькая доска. Одно мгновение я не верил, что передо мной дверь, в которую я могу спастись. В следующее мгно-

вание я бросился к ней и упал на пол по ту сторону, почти в бессознательном состоянии. Дверь закрылась за мной, и через несколько секунд треск раздавленной лампы и звук металла доказали, какой опасности я избежал...

Я очнулся оттого, что кто-то сильно дергал меня за рукав, и увидел, что лежу на каменном полу узкого коридора. Надо мной наклонилась какая-то женщина. Левой рукой она трясла меня за рукав, а в правой у нее была свеча. Я разглядел, что это та же добрая женщина, советом которой я так глупо пренебрег.

Но теперь я не повторил своей ошибки. Шатаясь, я поднялся с полу и побежал за ней по винтовой лестнице, которая вела в широкий коридор. В это мгновение мы услышали чьи-то поспешные шаги и два голоса, переключавшиеся между собой. Моя спутница остановилась и в отчаянии оглянулась кругом, потом растворила дверь в спальню. Луна ярко светила в окно комнаты.

– Это единственный шанс на спасение, – проговорила она. – Тут высоко, но, может быть, вам удастся прыгнуть благополучно.

При последних словах в конце коридора показался свет, и я увидел тощую фигуру полковника Старка. Он бежал с фонарем в одной руке и с каким-то орудием вроде большого ножа, какой бывает у мясников, в другой. Я поспешно подбежал к окну, открыл его и взглянул вниз. Как красив был сад при лунном сиянии! Как спокойно все вокруг! До земли было не более тридцати футов. Я взлез на подоконник, но не решался прыгнуть: мне хотелось знать, что произойдет между моей спасительницей и преследовавшим меня негодяем. Если бы он осмелился сделать ей что-либо, я готов был рискнуть своей жизнью, чтобы спасти ее. Я едва успел подумать это, как он уже оттолкнул ее от двери и вбежал в комнату. Она схватила его руками, стараясь удержать.

– Фриц! Фриц! – кричала она по-английски. – Помните, что вы обещали мне в последний раз. Вы говорили, что это никогда не повторится. Он будет молчать! О, он будет молчать!

– Вы с ума сошли, Эльза! – крикнул он, стараясь вырваться от нее. – Вы погубите нас. Он слишком много видел. Пустите меня!

Он отбросил ее в сторону и, подбежав к окну, замахнулся на меня своим большим ножом. Я уже спустился с подоконника и, держась за него рукою, висел в воздухе, когда он ударил меня. Я почувствовал глухую боль, отпустил руку и упал в сад.

Я не ушибся при падении, а потому сейчас же вскочил на ноги и бросился изо всех сил бежать между кустарниками, так как отлично понимал, что еще не вышел из сферы опасности. Внезапно я почувствовал страшную слабость, взглянул на руку, которая сильно болела, и только тут заметил, что у меня отрублен большой палец, и кровь струится из раны. Я попробовал обвязать руку платком, но в ушах у меня зашумело, и я упал без сознания среди кустов роз.

Не знаю, сколько времени я пробыл в этом состоянии. Должно быть, долго, потому что, когда я очнулся, луна уже зашла, наступило светлое утро. Платье у меня было все пропитано росой, а рукав сюртука залит кровью. Боль в пальце напомнила мне о том, что произошло, и я вскочил на ноги, чувствуя себя не в безопасности от преследования. Но, к великому моему удивлению, когда я оглянулся вокруг, я не увидел ни дома, ни сада. Я лежал у изгороди, вблизи железной дороги. Немного дальше виднелось большое здание. Когда я подошел к нему, оно оказалось той самой станцией, на которую я приехал накануне. Если бы не ужасная рана, все это могло бы показаться мне каким-то страшным сном.

Я пошел на станцию и спросил, когда отходит утренний поезд. Мне сказали, что поезд в Рединг отходит через час. Дежурил тот же сторож, которого я видел накануне. Я спросил его, знает ли он полковника Лисандра Старка. Он никогда не слышал этой фамилии. Видел ли он вчера поджидавшую меня карету? Нет, не видел. Есть ли вблизи полицейский пост? Да, в трех милях.

Я чувствовал себя слишком слабым и больным, чтобы идти так далеко, и потому решил подождать, пока приеду в Лондон, и там уже обратиться в полицию. Я приехал немного позже шести часов и, прежде всего, зашел к доктору; он перевязал рану и был так добр, что привез меня сюда. Я отдаю мое дело в ваши руки и исполню все, что вы посоветуете.

По окончании этого необыкновенного рассказа мы несколько времени сидели молча. Потом Шерлок Холмс снял с полки одну из громадных книг, в которых он собирал газетные вырезки.

– Вот объявление, интересное для вас, – сказал он. – Около года тому назад оно появилось во всех газетах. Прислушайтесь: исчез 9-го числа текущего месяца мистер Джереми Хэйлинг, 26 лет, инженер-механик по гидравлике. Из дома вышел в 10 часов вечера и с тех пор не возвращался. Одет был... и т. д., и т. д. А! Вероятно, это было в тот последний раз, когда полковнику нужно было починить пресс.

– Боже мой! – вскрикнул мой пациент. – Так вот что значили слова этой женщины!

– Без сомнения. Ясно, что полковник хладнокровный, отчаянный человек, решившийся уничтожить все препятствия на своем пути, подобно тем пиратам, которые истребляют всех до последнего человека на захваченном ими судне. Ну, нечего терять драгоценное время. Если вы в состоянии ехать, то отправимся, прежде всего, в сыскное отделение, а затем в Эйфорд.

Через три часа мы все уже сидели в поезде по дороге из Рединга в маленькую беркширскую деревню: Шерлок Холмс, Хадерли, инспектор Брэд-стрит, еще какой-то господин в партикулярном платье и я. Брэд-стрит разложил на коленях карту графства и проводил по ней циркулем круг, избрав центром Эйфорд.

– Вот, – проговорил он. – Этот круг описан радиусом в десять миль от деревни. Место, которое мы ищем, должно находиться где-нибудь в этом круге. Кажется, вы говорили – в десяти милях?

– Час езды.

– И вы думаете, что они несли вас все это расстояние, пока вы были без сознания?

– Должно быть. К тому же я смутно помню, что меня подняли и понесли.

– Я не могу понять одного: почему они пощадили вас, когда нашли лежащим без чувств в саду. – сказал я. – Может быть, той женщине удалось умолить негодяя?

– Вряд ли. Никогда мне не приходилось видеть более свирепого лица.

– О! Мы скоро выясним все это, – сказал Брэд-стрит. – Ну, вот я и начертал круг. Хотелось бы мне знать, в какой точке находятся те люди, которых мы ищем.

– Я думаю, что могу указать вам эту точку, – спокойно проговорил Холмс.

– В самом деле? – сказал инспектор. – Вы уже составили себе определенное мнение? Посмотрим, кто согласен с вами. Я говорю, что дом находится к югу, потому что местность там более пустынна.

– А я думаю, он на востоке. – сказал мой пациент.

– По-моему – на западе, – заметил человек в партикулярном платье. – Там есть несколько тихих деревушек.

– Я стою за север, – сказал я. – Там нет холмов, а наш друг говорит, что экипаж ехал все время по ровной дороге.

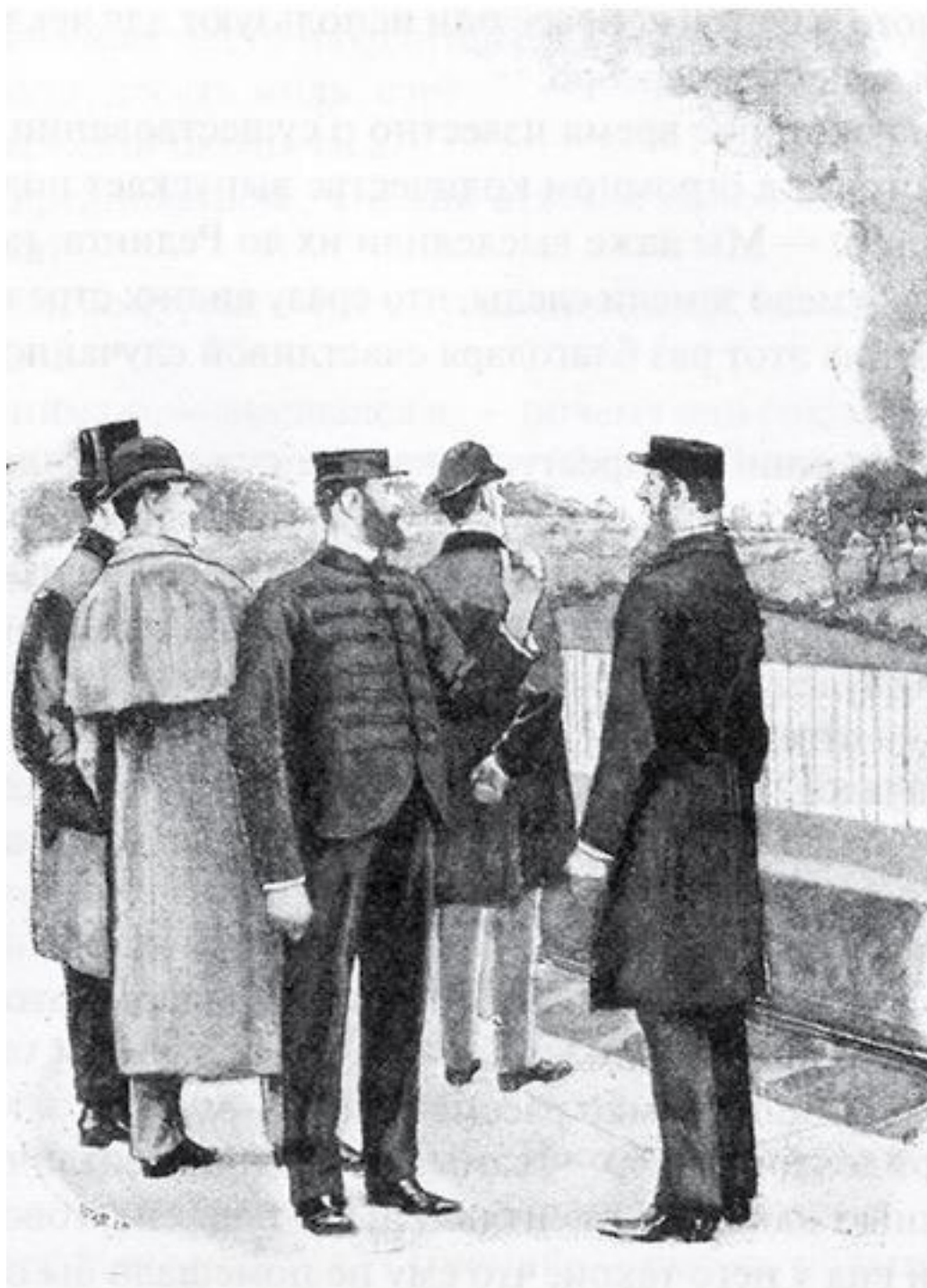
– Что за разногласие мнений! – смеясь, заметил инспектор. – Мы разобрали все страны света. Ну, к кому из нас присоединяетесь вы? – спросил он Холмса.

– Вы все неправы.

– Как же можем мы все быть неправы?

– Можете. Вот где мы найдем их, – сказал Холмс, указывая на центр круга.

– А двенадцать миль езды? – волнуясь, проговорил Хадерли.

– Шесть миль туда и шесть обратно. Очень просто. Вы сами же говорите, что лошадь была совершенно свежа, когда вы сидели в экипаже. Разве это могло бы быть, если бы она пробежала двенадцать миль по тяжелой дороге?

– Да, это могла бы быть хитрость с их стороны, – вдумчиво проговорил Брэд-стрит. – Нет сомнения, что это отчаянная шайка.

– Еще бы, – сказал Холмс. – Это – фальшивомонетчики. Машина им нужна для производства амальгамы, которую они употребляют вместо серебра.

– Нам известно о существовании шайки ловких фальшивомонетчиков, – сказал инспектор. – Они выпускали полукроны тысячами. Мы даже проследили их до Рединга, но дальше

не могли. Они так умело скрыли следы, что нам стало ясно: мы имеем дело со своего рода виртуозами. Но теперь, я думаю, благодаря счастливой случайности они попадутся нам в руки.

Но инспектор ошибся: преступники не попали в руки правосудия. Подъезжая к станции Эйфорд, мы увидели огромный столб дыма, который подымался из-за небольшой группы деревьев и разлетался в воздухе, словно страусовое перо.

– Горит какой-нибудь дом? – спросил Брэд-стрит, когда поезд, пыхтя, отошел от станции.

– Да, сэр, – ответил начальник станции.

– Чей это дом?

– Доктора Бичера.

– Скажите, пожалуйста, – вмешался Хадерли, – доктор Бичер – немец, очень худой, с длинным тонким носом?

Начальник станции расхохотался.

– Нет, сэр, доктор Бичер англичанин, и здесь в округе нет человека с более круглым брюшком. Но у него жил какой-то иностранец, кажется пациент. Вот тому, пожалуй, не повредил бы хороший беркширский бифштекс.

Начальник еще не договорил, как все мы бросились к месту пожара. Наверху низенького холма стояло большое здание, из окон которого вырывалось пламя; три пожарных насоса, стоявших в саду, напрасно пытались потушить огонь.

– Это оно! – в сильном волнении крикнул Хадерли. – Вот усыпанная гравием аллея, а вот и розовые кусты, где я лежал. А вот и окно второго этажа, из которого я выскочил.

– Ну, по крайней мере, вы отомщены, – сказал Холмс. – Нет сомнения, что деревянные стены загорелись от оставленной вами лампы, которая разлетелась, когда опустился потолок. Преследуя вас, они не заметили этого. Теперь хорошенько взгляните в эту толпу: не окажется ли в ней ваших ночных друзей, хотя я сильно опасаюсь, что в настоящее время они уже за сотни миль отсюда.

Опасения Холмса сбылись. С тех пор никто не слышал о прекрасной женщине, свирепом немце и угрюмом англичанине. Рано поутру какой-то крестьянин встретил по дороге в Рединг телегу с людьми, натруженную громадными ящиками. Но затем все следы исчезли, и даже Холмсу не удалось найти их, несмотря на все его уменье.

Пожарные были очень удивлены странным устройством дома и еще более удивились, когда на подоконнике второго этажа нашли человеческий палец. К закату солнца усилия их, наконец, увенчались успехом, и огонь был потушен, но крыша обрушилась, и дом обратился в груды развалин. За исключением нескольких цилиндров и железных труб, ничего не осталось от пресса, осмотр которого обошелся так дорого нашему новому знакомому. В складе нашли много никеля и олова, но никаких монет. Вероятно, беглецы увезли их в тех больших ящиках, о которых говорил крестьянин.

Мы так бы и не знали, каким образом Хадерли очутился не в саду, а в том месте, где он пришел в себя, если бы на дороге не осталось следов ног. Его, очевидно, несли двое людей; у одного из них были замечательно маленькие ноги, у другого – необыкновенно большие. По всем вероятностям, молчаливый англичанин – или менее смелый, чем немец, или более мягкий, чем он – помог молодой женщине вынести лишившегося чувств Хадерли.

– Нечего сказать, хорошенькое дело! – печально проговорил последний, садясь в поезд. – Потерял палец и пятьдесят гиней, а что выиграл?

– Опыт, – смеясь, ответил Холмс. – Конечно, вы ничего не выиграли, но если станете рассказывать об этом случае, то можете на всю оставшуюся жизнь приобрести репутацию превосходного собеседника.

Аристократ-холостяк

Брак лорда Сен-Симона и странное окончание брачной церемонии давно уже перестали интересовать высшие круги общества, в которых вращается несчастный жених. Новые скандалы затмили это происшествие, а их пикантные подробности отвлекли внимание от драмы, происшедшей четыре года тому назад. Я имею основание предполагать, что не все факты, связанные с этим случаем, известны публике, а так как мой друг Шерлок Холмс принимал деятельное участие в выяснении их, то думаю, что мои воспоминания о нем были бы неполны, если бы я не упомянул об этом интересном эпизоде.

Дело было за несколько недель до моей свадьбы, когда я еще жил у Шерлока Холмса в его квартире, на Бейкер-стрит. Однажды, днем, вернувшись с прогулки, он нашел у себя на столе письмо. Я просидел целый день дома, так как погода стояла сырая; дул осенний холодный ветер. Пуля, оставшаяся у меня в ноге на память об афганской кампании, напоминала мне о своем присутствии глухой болью. Я уселся в кресло, вытянул ноги на стул и окружил себя газетами. Но чтение надоело мне, я швырнул газеты и продолжал лежать, рассматривая герб и монограмму на конверте и размышляя о том, от какого аристократа может быть это письмо.

– Вам письмо от какого-то знатного господина, – заметил я, когда Холмс вошел в комнату. – Если не ошибаюсь, утром вы получили письма от рыбного торговца и таможенного офицера.

– Да, моя корреспонденция носит прелесть разнообразия, – улыбаясь, ответил Холмс. – И чем ниже по положению корреспонденты, тем интереснее их письма. А вот это имеет вид тех приглашений. Не люблю я бывать в обществе: или скучно, или врать надо.

Он распечатал письмо и пробежал его содержание.

– О, да это нечто интересное!

– Не приглашение?

– Нет, профессиональное дело.

– И клиент – аристократ?

– Член одной из лучших фамилий Англии.

– Поздравляю вас, дорогой друг.

– Говорю вам совершенно искренне, Ватсон, общественное положение клиента играет в моих глазах меньшую роль, чем его дела. А в данном случае дело может оказаться интересным. Вы внимательно читали газеты?

– Как видите, – меланхолически проговорил я, указывая на ворох газет. – Больше мне нечего было делать.

– Вот это отлично: вы можете помочь мне. Сам я читаю только уголовные процессы и объявления об умерших. Последнее чтение весьма поучительно. Ну, если вы внимательно следили за происшествиями, то, вероятно, читали о лорде Сен-Симоне и его свадьбе?

– О, да, читал с величайшим интересом!

– Отлично. Письмо, которое у меня в руке, от лорда Сен-Симона. Я прочту его вам, а вы за то отыщите в газетах все, что написано про этот случай. Вот что он пишет:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, лорд Бакуотер говорит мне, что я могу вполне положиться на вас, Поэтому я решаюсь зайти к вам, чтоб посоветоваться с вами насчет печального обстоятельства, имеющего отношение к моей свадьбе. Мистер Лестрейд уже ведет это дело, но он уверяет меня, что он ничего не имеет против вашего сотрудничества, и думает даже, что вы можете принести известную пользу. Я зайду к вам в четыре часа;

если у вас назначено какое-нибудь другое деловое свидание, очень прошу вас, отложить его, так как мое дело чрезвычайно серьезно.

С почтением Роберт Сен-Симон».

Науки

Конан Дойл в своей библиотеке. 1925

Последняя треть XIX века стала периодом искренней веры большинства англичан в силу науки. Шерлок Холмс разделяет это убеждение, он отмечает книгу своего современника Уинвуда Рида «Мученичество человечества», где помещены следующие горделивые слова: «Когда мы установим средствами науки способы управлять природой, мы сможем занять ее место... Люди станут повелителями сил природы, зодчими солнечных систем, созидателями миров. Человек тогда будет совершенным, будет творцом и, следовательно, станет тем, кого всеобщее поклонение зовет богом»

Среди естественных наук химия была безусловной фавориткой Холмса. В квартире на Бейкер-стрит он по несколько дней подряд ставил опыты и проводил эксперименты. Также среди его любимых наук числилась ботаника, особенно, если дело касалось белладонны и других растений, вызывающих возбуждение или отравление. При этом он был невежественен в литературе, философии, астрономии и многих других науках.

Шерлок Холмс занят химическими опытами

В отличие от своего любимейшего всему миру персонажу, Конан Дойл был весьма образованным джентльменом. Он учился в Стоуниерстском колледже, закончил Эдинбургский университет по факультету медицина, после аспирантуры практиковался в офтальмологической области. Открыл миру множество идей, в том числе стал одним из инициаторов строительства Ла-Манша, участвовал в изобретении плавучих мин, бронежилетов, сконструировал надувную лодку для спасения людей при кораблекрушении...

– Написано в Гросвеноре гусиным пером; благородный лорд имел несчастье выпачкать мизинец на правой руке, – заметил Холмс, складывая письмо.

– Он пишет, что придет в четыре часа. Теперь три. Еще целый час до его прихода.

– Я воспользуюсь этим временем, чтобы, с вашей помощью, ознакомиться с делом. Поищите-ка отчеты в газетах и положите по порядку, а я покуда посмотрю, кто такой наш клиент.

Он снял с полки справочный календарь в красной обложке.

– Вот оно, – сказал он, садясь и раскрывая книгу. – Роберт Вальсингэм де-Вэр, второй сын герцога Бальмораль». Гм! «Герб – лазоревое поле и подметные каракули на черном щите. Родился в 1846 году...» Значит, теперь ему сорок один год. Зрелый возраст для брака. «Был младшим секретарем в Министерстве колоний. Герцог, его отец, был одно время министром иностранных дел. Они прямые потомки Плантагенетов, с одной стороны, и в родстве с Тюдорами, с другой...» Гм! Ничего нельзя заключить из этих сведений. Может быть, ваши будут интереснее, Ватсон.

– Мне не трудно найти желаемые сведения, так как это событие произошло очень недавно и произвело на меня сильное впечатление. Я не рассказывал вам о нем, потому что у вас было другое дело, и вы не любите мешать одно с другим.

– О, вы говорите об истории с мебельным магазином на Гросвенерской площади. Она совершенно выяснена, да впрочем и сначала было видно, в чем дело. Ну-с, расскажите, что вы нашли в газетах.

– Вот первая заметка в «Morning Post», написанная несколько недель тому назад. «По слухам в скором времени предстоит бракосочетание лорда Роберта Сен-Симона, второго сына герцога Бальмораль, с мисс Гэтти Дорэн, единственной дочерью Алоизия Дорэн, эсквайра из Сан-Франциско, Калифорния, С.-А. С. Ш.»

– Коротко и ясно, – заметил Холмс, протягивая к огню свои длинные, тощие ноги.

– Более подробная заметка появилась на той же неделе в одной из фешенебельных газет: «Национальное производство на брачном рынке сильно страдает от применения принципа свободной торговли. Необходимо принять охранительные меры. Аристократические дома Великобритании один за другим переходят в руки наших прекрасных заатлантических родственников. На прошлой неделе список завоеваний очаровательных похитительниц увеличился ценным приобретением. Лорд Сен-Симон, в продолжение двадцати лет противостоявший стрелам маленького божка, объявил о предстоящем своем браке с мисс Гэтти Дорэн, прелестной дочерью калифорнийского миллионера. Мисс Дорэн, грациозная фигура и редкая красота которой обращала на себя общее внимание на балах, – единственная дочь. Говорят, что цифра ее приданого превышает шестизначное число, помимо надежд на будущее. Так как всем известно, что герцогу Бальмораль пришлось за последние годы распродать свои картины, а у лорда Сен-Симона нет своего имущества, за исключением маленького Бирзмурского поместья, то ясно, что счастье не только на стороне калифорнийской красавицы, которая так легко переходит из гражданок республики в ряды британской титулованной аристократии.»

– Есть еще что-нибудь? – спросил, зевая, Холмс.

– О, да, множество заметок. Вот, например, в «Morning-Post» говорится, что свадьба будет очень тихая в церкви святого Георгия на Ганноверской площади; приглашено только несколько близких друзей; после бракосочетания все присутствующие отправятся в Ланкастер, где мистер Алоизий Дорэн устроил помещение для молодых. Два дня позже – то есть в прошлую среду – появилась короткая заметка о том, что свадьба состоялась, и молодые проведут медовый месяц в имении лорда Бакуотера, вблизи Питерсфильда... Вот все, что появилось в газетах до исчезновения новобрачной.

– До чего? – переспросил Холмс, приподнимаясь в кресле.

– До исчезновения новобрачной.

– Когда же она исчезла?

– Во время свадебного завтрака.

– Вот как. Дело-то, оказывается, интереснее, чем я ожидал. Драматическое происшествие.

– Да, и мне оно показалось не совсем обыкновенным.

– Невесты часто исчезают перед свадьбой, новобрачные сбегают иногда во время медового месяца, но подобного случая я не запомню. Пожалуйста, расскажите мне все подробности.

– Предупреждаю, что подробностей мало.

– Может быть, мы можем выяснить многое сами.

– Я прочту вам заметку одной утренней газеты от вчерашнего дня. Вот ее название: «Странное происшествие на великосветской свадьбе».

«Семья лорда Роберта Сен-Симона неприятно поражена странным происшествием, случившимся после его бракосочетания. Венчание, как было сообщено в газетах, состоялось вчера утром, но только сегодня оказывается возможным подтвердить странные слухи, ходившие в городе. Несмотря на все старания друзей замять дело, о нем говорят так много, что и мы не видим больше повода умалчивать о нем.

Венчание происходило в церкви св. Георгия, на Ганноверской площади. Кроме отца невесты, м-ра Алоизия Дорэн, присутствовали только герцогиня Бальмораль, лорд Бакуотер, лорд Юстэс и леди Клара Сен-Симон (младший брат и сестра жениха) и леди Алисия Виттингтон. После венчания все общество отправилось в дом м-ра Алоизия Дорэна, у Ланкастерских ворот, где был приготовлен завтрак. Оказывается, что вслед за новобрачными пыталась проникнуть в дом какая-то неизвестная женщина, предъявлявшая права на лорда Сен-Симона. После продолжительной тяжелой сцены она была выведена дворецким и лакеем. Новобрачная, к счастью вошедшая в домик до этого неприятного случая, села за завтрак, но вдруг почувствовала себя дурно и ушла в свою комнату. Она не возвращалась довольно долго, и отец пошел за ней; горничная сказала ему, что новобрачная зашла в комнату, накинула мантию, надела шляпу и побежала по коридору. Один из лакеев показал, что видел, как какая-то дама выходила из дома, но ему и в голову не пришло, что это могла быть его госпожа. Убедившись в исчезновении дочери, м-р Алоизий Дорэн, вместе с новобрачным, заявил о случившемся полиции. Приняты энергичные меры и, по всем вероятностям, это странное происшествие будет вскоре выяснено. Однако, вчера вечером не было еще ничего известно о пропавшей леди. Как говорят, полиция арестовала женщину, производшую скандал, предполагая, что она замешана в исчезновении новобрачной. Предполагается преступление из ревности или какого-нибудь другого мотива».

– И это все?

– Есть еще одна маленькая, но не лишенная значения заметка в другой утренней газете.

– Какая?

– Арестована мисс Флора Миллар, производшая скандал. Оказывается, что она была прежде танцовщицей в «Аллегро» и уже несколько лет знает новобрачного. Вот и все, что известно об этом деле по газетам.

— Замечательно интересный случай. Ни за что на свете не отказался бы исследовать его... Звонят, Ватсон. Недавно пробило четыре часа, и потому я не сомневаюсь, что это наш высококоротный клиент. Не думайте уходить, Ватсон; я предпочитаю иметь свидетеля, хотя бы на случай, если мне изменит память.

— Лорд Сен-Симон, — доложил мальчик, открывая дверь.

Вошел господин с приятным, утонченным лицом, орлиным носом, бледный и с глазами человека, на долю которого выпала приятная участь повелевать другими. Он вошел бодро, но казался старше своих лет, так как сгибал колени и слегка наклонялся вперед. Волосы у него начинали седеть, а на макушке была лысина. Костюм у него был щегольской: высокий

воротник, черный сюртук, белый жилет, желтые перчатки, лайковые сапоги и светлые брюки. Войдя в комнату, он оглянулся, играя шнурком от золотого пенсне.

– Здравствуйте, лорд Сен-Симон, – сказал Холмс, вставая и кланяясь. – Пожалуйста, садитесь. Это мой друг и коллега, мистер Ватсон. Присядьте поближе к огню и потолкуем о деле.

– Дело очень неприятное, мистер Холмс, как вы сами понимаете. Я слышал, сэр, что вам приходилось заниматься подобного рода щекотливыми делами, хотя вряд ли ваши клиенты принадлежали к тому классу общества, как я.

– Ну, в настоящее время я спускаюсь вниз.

– Что вы хотите сказать?

– Мой последний клиент был король.

– О, в самом деле! Я не знал этого. А у него также пропала жена?

– Вы понимаете, что мои другие клиенты в праве так же рассчитывать на мою скромность, как и вы, – вежливо заметил Холмс.

– Конечно! Вы правы, вполне правы! Что касается моего дела, то я готов дать все сведения, которые потребуются вам.

– Благодарю вас. Я знаю только то, что напечатано в газетах. Например, верно это известие об исчезновении новобрачной?

Лорд Сен-Симон пробежал глазами заметку.

– Да, все это верно.

– Прежде чем я могу составить себе какое-либо мнение об этом случае, мне нужно узнать еще многое. Я думаю, лучше всего будет, если я стану задавать вам вопросы.

– Пожалуйста.

– Когда вы познакомились с мисс Гэтти Дорэн?

– Год тому назад, в Сан-Франциско.

– Вы путешествовали по Соединенным Штатам?

– Да.

– И тогда же обручились с ней?

– Нет.

– Но вы были в дружеских отношениях с ней?

– Мне нравилось ее общество, и она видела это.

– Ее отец очень богат?

– Он считается самым богатым человеком на всем тихоокеанском побережье.

– А как он нажил деньги?

– На рудниках. Несколько лет тому назад у него ничего не было. Потом он нашел золото и разбогател.

– А теперь скажите мне ваше мнение о вашей жене. Что она за человек?

Лорд стал сильнее раскачивать пенсне и уставился на огонь в камине.

– Видите ли, мистер Холмс, моей жене было уже двадцать лет, когда разбогател ее отец. До этого времени она свободно бегала среди рудокопов, гуляла по лесам и горам, так что воспитала ее скорее природа, чем школа. Она, что называется, сорванец с большой силой воли, свободная от всяких предрассудков. Она очень порывиста и вспыльчива, настоящий вулкан, решительна и, не задумываясь, приводит в исполнение свои решения. Но я не дал бы ей имени, которое я имею честь носить, – тут он внушительно кашлянул, – если бы не считал ее, в сущности, благородной женщиной. Я считаю ее способной на героическое самопожертвование и думаю, что она с отвращением относится ко всему бесчестному.

– У вас есть ее фотографическая карточка?

– Я принес с собой ее портрет.

Он открыл медальон и показал нам портрет очень красивой женщины. Это была миниатюра на слоновой кости, и художник чудесно изобразил блестящие черные волосы, большие темные глаза и очаровательный ротик мисс Дорэн. Холмс долго и внимательно всматривался в изображенное на портрете лицо, потом закрыл медальон и отдал его лорду.

– Барышня приехала в Лондон, и вы возобновили знакомство с ней?

– Да, отец привез ее сюда. Мы встречались с ней во время сезона, потом я сделал ей предложение и женился на ней.

– Кажется, она принесла вам большое приданое?

– Хорошее, но не больше того, какое приносят обыкновенно жены в нашем роде.

– И оно остается за вами, раз брак состоялся?

– Я, право, не справлялся об этом.

– Вполне естественно. Вы видели мисс Дорэн накануне вашей свадьбы?

– Да.

– Была она в хорошем настроении духа?

– Наилучшем. Она все время говорила о нашей будущей жизни.

– В самом деле? Это очень интересно. А утром в день свадьбы?

– Все время до окончания венчания была весела как всегда.

– А потом вы заметили в ней какую-нибудь перемену?

– Сказать по правде, я в первый раз заметил, что характер у нее не очень мягкий. Но случай, наведший меня на это размышление, так ничтожен, что я не счел нужным упомянуть о нем, и к тому же он не имеет никакого отношения к нашему делу.

– Все-таки расскажите нам этот случай.

– О, сущий пустяк! Она уронила букет, когда мы шли в ризницу. Он упал на одну из скамей. Какой-то джентльмен, сидевший на скамье, подал ей букет после минутного замедления. Когда я заговорил с ней об этом случае, она ответила мне резко и все время, пока мы ехали домой, сильно волновалась из-за такого пустяка.

– Вот как. Вы говорите, что какой-то господин сидел на скамье. Значит, в церкви была посторонняя публика?

– О, да. Этого невозможно избежать, когда отперта церковь.

– Он не из числа друзей вашей жены?

– Нет-нет, я назвал его джентльменом только из вежливости, но, на самом деле, он простой человек. Я не обратил особого внимания на него. Но право, мне кажется, мы уклоняемся в сторону.

– Итак, леди Сен-Симон вернулась из церкви в менее веселом расположении духа, чем была раньше. Что она сделала, когда вошла в дом отца?

– Я видел, что она разговаривала со своей горничной.

– А кто такая ее горничная?

– Ее зовут Алиса. Она американка и приехала из Калифорнии вместе с своей барышней.

– Пользуется ее доверием?

– Даже слишком. Мне казалось, что мисс Дорэн позволяет ей слишком много. Но, конечно, в Америке смотрят на это совершенно иначе.

– Долго она разговаривала с Алисой?

– О, только несколько минут.

– Вы не слышали, что они говорили?

– Леди Сен-Симон сказала что-то на американском жаргоне, который употребляет очень часто. Я не понял ее слов.

– Американский жаргон бывает иногда очень выразителен. А что сделала ваша жена, окончив разговор с горничной?

– Она вошла в столовую.

– Под руку с вами?

– Нет, одна. Она очень независима в подобного рода мелочах. Посидев минут десять, она вдруг встала, пробормотала несколько слов извинения, вышла из комнаты и не возвращалась более.

– Но, насколько я знаю, горничная Алиса показала, что леди Сен-Симон вошла в свою комнату, накинула манто на подвенечное платье, надела шляпу и ушла.

– Совершенно верно. Потом ее видели в Гайд-парке с Флорой Миллар, арестованной в настоящее время, пытавшейся утром устроить скандал в доме мистера Дорэна.

– Ах, да. Я бы желал знать некоторые подробности об этой молодой леди и ваших отношениях с ней.

Лорд Сен-Симон пожал плечами и поднял брови.

– Мы были с ней несколько лет в близких, очень близких отношениях. Она служила в «Аллегро». Я не обидел ее, и у нее нет повода жаловаться на меня, но вы знаете женщин, мистер Холмс. Флора очень милое создание, но чрезвычайно вспыльчива и очень любит меня. Она писала мне ужасные письма, когда узнала, что я женюсь. Правду сказать, я потому и хотел венчаться скромно, что боялся скандала в церкви. Она подбежала к подъезду дома мистера Дорэна, когда мы вернулись из церкви, и хотела ворваться в переднюю, осыпая мою жену страшною бранью и угрозами, но я предвидел возможность этого случая и отдал приказания

прислуге, которая вывела ее вон. Она успокоилась, когда увидела, что поднятый ею шум ни к чему не повел.

– А ваша жена слышала все это?

– К счастью, нет,

– А потом ее видели в обществе этой самой женщины?

– Да. Мистер Лестрейд отнесся к этому факту очень серьезно. Предполагают, что Флора вызвала мою жену и устроила ей какую-нибудь ужасную западню.

– Что же, это весьма возможно.

– Вы того же мнения?

– Я не утверждаю этого. А вы сами считаете это правдоподобным?

– Флора не обидит и мухи.

– Но ревность может совершенно изменить характер человека. Пожалуйста, скажите, что вы сами думаете об этом?

– Видите ли, я пришел спросить ваше мнение, потому что сам ничего не могу понять. Я рассказал вам все факты. Но если вы все-таки желаете знать мое мнение, то мне представляется возможным, что возбуждение, сознание достигнутого ею высокого положения подействовало на нервную систему моей жены.

– Одним словом, – внезапное помешательство.

– Видите ли, когда я думаю, что она отвернулась не скажу лично от меня, но ото всего, чего безуспешно добиваются другие, то мне невольно приходит в голову это предположение.

– Что же, это также возможная гипотеза, – улыбаясь, сказал Холмс. – Ну, лорд Сен-Симон, теперь, кажется, все данные у меня в руках. Скажите, пожалуйста, когда вы сидели за столом во время завтрака, вы могли видеть, что делается на улице?

– Из окна видна противоположная сторона улицы и парк.

– Так мне нечего задерживать вас. Я сообщу вам, что узнаю.

– В том случае, если вам удастся разрешить эту задачу... – сказал наш клиент, вставая со стула.

– Я уже разрешил ее.

– Э? Что такое?

– Я говорю, что уже разрешил эту задачу.

– Так где же моя жена?

– Это – подробность, которую я скоро узнаю.

Лорд Сен-Симон покачал головой.

– Боюсь, что это решение не под силу нашим головам, – заметил он, сделал величественный старомодный поклон и вышел из комнаты.

– Очень мило со стороны лорда удостоить сравнить мою голову со своею, – со смехом сказал Шерлок Холмс. – Я думаю, после этого допроса можно выпить виски с содовой и выкурить сигару. Я сделал выводы, прежде чем лорд вошел в комнату.

– О, Холмс!

– У меня записаны подобного рода случаи, хотя, как я уже говорил вам, исчезновение не происходило так скоро после венчания. Допрос только подтвердил мои предположения. И пустые по виду показания играют иногда очень важную роль.

– Но ведь я слышал все тоже, что слышали вы.

– Да, но вы не знакомы с предыдущими случаями; а они-то и помогли мне решить эту задачу. То же самое произошло несколько лет тому назад в Абердине, и нечто подобное в Мюнхене через год после франко-прусской войны. Ах, вот Лестрейд! Здравствуйтесь, Лестрейд! Вот там лишний стакан, а сигары в ящике.

На сыщике был пиджак горохового цвета и галстук, что придавало ему вид моряка. В руках у него был черный холщевый мешок. Он поздоровался, сел и закурил предложенную ему сигару.

- Что случилось? – спросил Холмс, подмигивая мне. – Вы чем-то недовольны?
- Действительно, недоволен. Это проклятое дело Сен-Симона. Ничего понять не могу.
- В самом деле? Вы удивляете меня.
- Что за запутанная история! Работал целый день, и в результате – ничего.
- А и промокли же вы, – сказал Холмс, ощупывая рукав пиджака Лестрейда.
- Да, я исследовал дно Серпантина.
- Господи, Боже мой? Для чего же?
- Искал тело леди Сен-Симон.

Шерлок Холмс откинулся на спинку кресла и громко расхохотался.

– А вы не пробовали исследовать дно фонтана на Трафальгарской площади? – спросил он.

- Зачем? Что вы хотите этим сказать?
- Столько же шансов найти ее в этом месте, как в другом.

Лестрейд бросил на моего приятеля сердитый взгляд.

- А вам, вероятно, уже все известно, – проговорил он насмешливым тоном.
- Я только что узнал факты, но уже составил себе определенное мнение.

– В самом деле? Так вы думаете, что Серпантин не играет никакой роли в этом происшествии?

- Считаю это вполне вероятным.
- Так не потрудитесь ли вы объяснить, что значит эта находка?

Он развязал мешок и выбросил на нас шелковое подвенечное платье, белые атласные туфли, венок и фату – все подмоченное водой.

– Вот еще, – сказал он, кладя на эту кучу новое обручальное кольцо. – Раскусите-ка этот орешек, мистер Холмс.

– Вот как. И все это вы достали со дна Серпантина? – спросил мой приятель, пуская кольца голубого дыма.

– Нет. Их нашел сторож парка плавающими по воде. Вещи признаны принадлежащими ей. Ну, я и подумал, что и тело ее недалеко от них.

– По блестящему выводу, что тело человека должно быть всегда близко к его гардеробу. Скажите, пожалуйста, чего вы хотели добиться?

– Какого-нибудь доказательства виновности Флоры Миллар.

– Боюсь, что трудно будет его найти...

– В самом деле? – с горечью вскрикнул Лестрейд, – Боюсь, Холмс, что все ваши выводы и умозаключения ни к чему не годны на практике. В две минуты вы сделали две ошибки. В этом платье есть улика против мисс Флоры Миллар.

– Какая?

– В платье есть карман. В кармане – футляр для визитных карточек, а в нем записка. Вот она. Слушайте: «Увидите меня, когда все будет готово. Идите сейчас. Ф. Г. М.». Ну-с, я и полагаю, что Флора Миллар заманила леди Сен-Симон и упрятала ее куда-нибудь с помощью сообщников. Эта записка подписана ее инициалами. Вероятно, она сунула ее ей в руки у подъезда.

– Отлично, Лестрейд, – со смехом сказал Холмс. – Вы хитро повели дело. Дайте-ка мне взглянуть.

Он небрежно взял бумажку, но вдруг внимательно взглянул на нее и сказал с довольным видом:

– Да, действительно, это очень важно.

– Ага, вы находите?

– Чрезвычайно важно. Поздравляю вас.

Лестрейд поднялся с места, весь сияя торжеством, и наклонился, чтобы взглянуть на записку.

– Да вы смотрите не с той стороны! – вскрикнул он.

– Напротив, именно с той, с которой следует.

– С которой следует? Вы с ума сошли. Там написано карандашом несколько слов.

– А здесь клочок счета гостиницы, который чрезвычайно интересует меня.

– Тут ничего нет. Я уже смотрел, – сказал Лестрейд. – «Окт. 4, за комнату. – 8 шилл., завтрак – 2 шилл. 6 пенсов, дичь – 1 шилл., закуска – 2 шилл. 6 пенсов, стакан хереса – 8 пенсов». Ничего тут не вижу.

– Весьма вероятно. А между тем, это очень важно. Что же касается записки, она, или, по крайней мере, подпись на ней, также имеет важное значение, и потому еще раз поздравляю вас.

– Я уж потерял достаточно много времени, – сказал, вставая, Лестрейд. – Я считаю, что следует действовать, а не разводить разные теории, сидя у камина. Прощайте, мистер Холмс. Увидим, кто первый разрешит загадку!

Он собрал все вещи, сунул их обратно в мешок и собрался уходить.

– Я скажу вам только несколько слов относительно этого дела, Лестрейд, – протяжно проговорил Холмс вслед своему сопернику. – Леди Сен-Симон – миф. Нет ее, и никогда не было.

Лестрейд с грустью посмотрел на моего друга. Потом повернулся ко мне, хлопнул себя три раза по лбу, многозначительно покачал головой и поспешно вышел из комнаты.

Он еле успел закрыть дверь, как Холмс встал и надел пальто.

– Он прав относительно того, что следует действовать, а потому я должен вас покинуть на некоторое время, Ватсон.

Шерлок Холмс ушел в шестом часу, а час спустя явился приказчик из гастрономического магазина с большим ящиком. С помощью пришедшего с ним мальчика он открыл ящик и, к великому моему удивлению, стал выкладывать роскошный холодный ужин на мой простой деревянный стол. Тут были куропатки, фазан, страсбургский пирог и несколько бутылок старого вина. Выложив все это, мои гости исчезли, как духи в сказках, объяснив, что деньги они получили, и принесли все вещи по указанному адресу.

Около девяти часов Шерлок Холмс быстро вошел в комнату. Выражение лица его было серьезно, но в глазах светился огонек. Я заключил, что предположения его оправдались.

– Ага! Ужин готов, – сказал он, потирая руки.

– Вы ждете гостей? Накрыто на пять персон.

– Да, я думаю, к нам соберется кое-кто, – сказал он. – Удивляюсь, что нет еще лорда Сен-Симона. Ага! Кажется, это его шаги на лестнице.

Вошел наш утренний гость. Смущение выражалось на его аристократическом лице. Усиленное, чем когда-либо, он теребил шнурок своего пенсне.

– Мой посыльный застал вас? – спросил Холмс.

– Да... Сознаюсь, что содержание вашего письма поразило меня. Уверены ли вы в том, что говорите?

– Безусловно.

Лорд Сен-Симон упал в кресло и провел рукой по лбу.

– Что скажет герцог, когда узнает, что один из членов его семьи подвергся такому унижению? – прошептал он.

– Это чистая случайность. Нет никакого унижения.

– Ах! Вы смотрите на эти вещи с другой точки зрения.

– Тут некого винить. Она не могла поступить иначе. Жаль, конечно, что это вышло несколько резко, но ведь у нее нет матери, которая могла бы дать совет в таком случае.

– Это оскорбление, сэр, публичное оскорбление, – сказал лорд Сен-Симон, постукивая пальцами по столу.

– Вы должны отнестись снисходительно к бедной девушке, очутившейся в таком неслыханном положении.

– Никакого снисхождения! Я страшно зол, со мной поступили отвратительно!

– Кажется, позвонили, – сказал Холмс. – Да, на лестнице слышны шаги. Если я не в состоянии убедить вас, лорд Сен-Симон, то я пригласил адвоката, который, может быть, окажется счастливее меня.

Он отворил дверь и ввел в комнату какого-то господина с дамой.

– Лорд Сен-Симон, – сказал он, – позвольте мне представить вас господину Фрэнсису Гаю Молтону. С госпожой Молтон вы, кажется, встречались?

При виде вошедших наш клиент вскочил с места и выпрямился, опустив глаза и заложив руку за борт сюртука с видом оскорбленного достоинства. Дама быстро подошла к нему и протянула руку. Он не поднял глаз. И, пожалуй, хорошо сделал, так как трудно было бы устоять перед умоляющим выражением ее прелестного личика.

– Вы сердитесь, Роберт, – сказала она. – И имеете полное право сердиться.

– Пожалуйста, не извиняйтесь, не извиняйтесь, – с горечью ответил лорд Сен-Симон.

– О, я знаю, что отвратительно поступила с вами, и должна была сказать вам все раньше. Но я была словно безумная с тех пор, как увидала Франка, и не знала, что делала и говорила. Удивляюсь, как я не упала в обморок у алтаря.

– Сударыня, вы, может быть, желаете, чтобы мой друг и я ушли из комнаты, пока вы будете объясняться? – спросил Холмс.

– Если мне можно выразить мое мнение, – заметил незнакомец, – то, по-моему, в этом деле и так было слишком много тайны. Что касается меня, я ничего не имею против того, чтобы и Европа, и Америка узнали всю правду.

Мистер Молтон был живой, маленький, сухой человек с резкими чертами загорелого лица.

– Ну, так я расскажу всю нашу историю, – сказала миссис Молтон. – Мы с Франком познакомились в 1881 году, в лагере Мак-Квира, вблизи Скалистых гор, где папа искал золото. Мы обручились, но папа вдруг напал на золотоносную жилу, а у Франка дело прогорело. Папа становился все богаче и богаче, а Франк все беднее и беднее. Папа и слушать не хотел о том, чтоб мы поженились, и увез меня в Сан-Франциско. Франк не хотел отказаться от меня и поехал за нами. Мы виделись без ведома папы. Он взбесился бы, если бы узнал это. Поэтому мы сами порешили дело. Франк сказал, что он вернется на россыпи и возвратится только тогда, когда будет так же богат, как папа. Тогда я обещалась ему ждать его и не выходить замуж, пока он жив. «Отчего бы нам не пожениться теперь? – сказал Франк. – Я буду спокойнее. Я никому не скажу, что ты моя жена, пока не вернусь». Ну, мы переговорили, и он устроил все так отлично, что мы сейчас же и повенчались. После этого Франк отправился искать счастья, а я вернулась к папе.

Я слышала, что Франк был в Монтане, а затем переехал в Аризону и, наконец, в Новую Мексику. Потом в газетах появилось известие о нападении индейцев на лагерь золотоискателей. В числе убитых стояло имя моего Франка. Я упала в обморок и была больна несколько месяцев. Папа думал, что у меня чахотка, и возил меня чуть ли не ко всем докторам в Сан-Франциско. Более года ничего не было слышно о Франке, так что я не сомневалась уже в его смерти. Потом лорд Сен-Симон приехал в Сан-Франциско, затем мы отправились в Лондон, где он сделал мне предложение. Папа был очень доволен, но я все время чувствовала, что ни один человек в мире не заменит мне моего бедного Франка.

Но все же, если бы я вышла за лорда Сен-Симона, я исполняла бы свой долг по отношению к нему. Любовью нельзя управлять, но своими поступками можно. Я пошла с ним к алтарю с намерением быть ему хорошей женой. Но можете себе представить, что я почувствовала, когда, оглянувшись, увидела Франка. В первую минуту я подумала, что это его призрак, но, оглянувшись во второй раз, заметила, что он стоит на том же месте и вопросительно смотрит на меня, как будто желая узнать, рада я или не рада его видеть. Удивляюсь, как я не упала в обморок. Голова у меня кружилась, слова священника звучали в ушах, словно жужжание пчелы. Я не знала, что делать, Остановить венчание и сделать сцену в церкви? Я опять взглянула на Франка. Он, должно быть, понял мои мысли, потому что приложил палец к губам в знак молчания. Потом я увидела, что он пишет что-то на клочке бумаги – очевидно мне. Проходя мимо него, я уронила букет. Он поднял его и, вместе с цветами, сунул мне в руку записку. Он просил меня сойти к нему, когда он подаст мне знак. Понятно, я ни минуты не сомневалась в том, что мой долг обязывает меня следовать его указаниям.

Вернувшись из церкви, я рассказала все моей горничной, которая знала Франка в Калифорнии и очень любила его. Я велела ей молчать, упаковать несколько вещей и приготовить манто. Я знаю, что нужно было объясниться с лордом Сен-Симоном, но это было ужасно страшно в присутствии его матери и всех этих важных господ. Я решилась убежать и потом уже объяснить все. Мы сидели за столом не более десяти минут, как вдруг я увидела Франка, стоявшего на противоположной стороне улицы. Он сделал мне знак и пошел по направлению к парку. Я вышла из комнаты, оделась и пошла вслед за ним. Ко мне подошла какая-то женщина, говорила что-то о лорде Сен-Симоне – оказывается, что и у него было что-то до брака, – но мне удалось отделаться от нее, и я догнала Франка. Мы сели в кэб и поехали в квартиру, нанятую им на Гордонской площади. Таким образом, после многих лет ожидания, я соединилась, наконец, с Франком.

Франк был взят в плен индейцами, бежал от них в Сан-Франциско, узнал, что я считала его умершим, отправился в Англию и отыскал меня здесь как раз в день венчания...

– Я прочел в газетах, – объяснил американец. – Там была упомянута фамилия невесты и церковь, где ее будут венчать, но не сказано, где она живет...

– Мы стали толковать о том, что нам следует делать. Франк стоял за откровенное объяснение, но мне было так стыдно, что хотелось исчезнуть и никогда больше никого не видеть. Я решила только написать папе, что я жива. Мне страшно было подумать, что все эти лорды и леди сидят за столом в ожидании меня. Франк взял мое подвенечное платье и все вещи, связал их в узел и бросил его куда-то, чтобы меня не могли проследить. По всей вероятности, мы завтра же уехали бы в Париж, если бы к нам не пришел вот этот любезный господин – мистер Холмс... Хотя я не понимаю, как он нас нашел... Он очень добро и ясно доказал мне, что я неправа, а Франк прав и, что если мы будем скрываться, то все обвинят нас. Потом он предложил нам поговорить с лордом Сен-Симоном наедине, и мы сейчас же приехали к нему... Ну, Роберт, теперь вы все знаете. Мне очень жаль, что я причинила вам огорчение. Надеюсь, что вы не очень дурно думаете обо мне...

Во время ее продолжительного рассказа лорд стоял в прежней позе, с нахмуренными бровями и крепко сжатыми губами.

– Извините, – проговорил он, – я не привык обсуждать публично мои интимные дела.

– Так вы не прощаете меня? Не хотите пожать мне руку на прощанье?

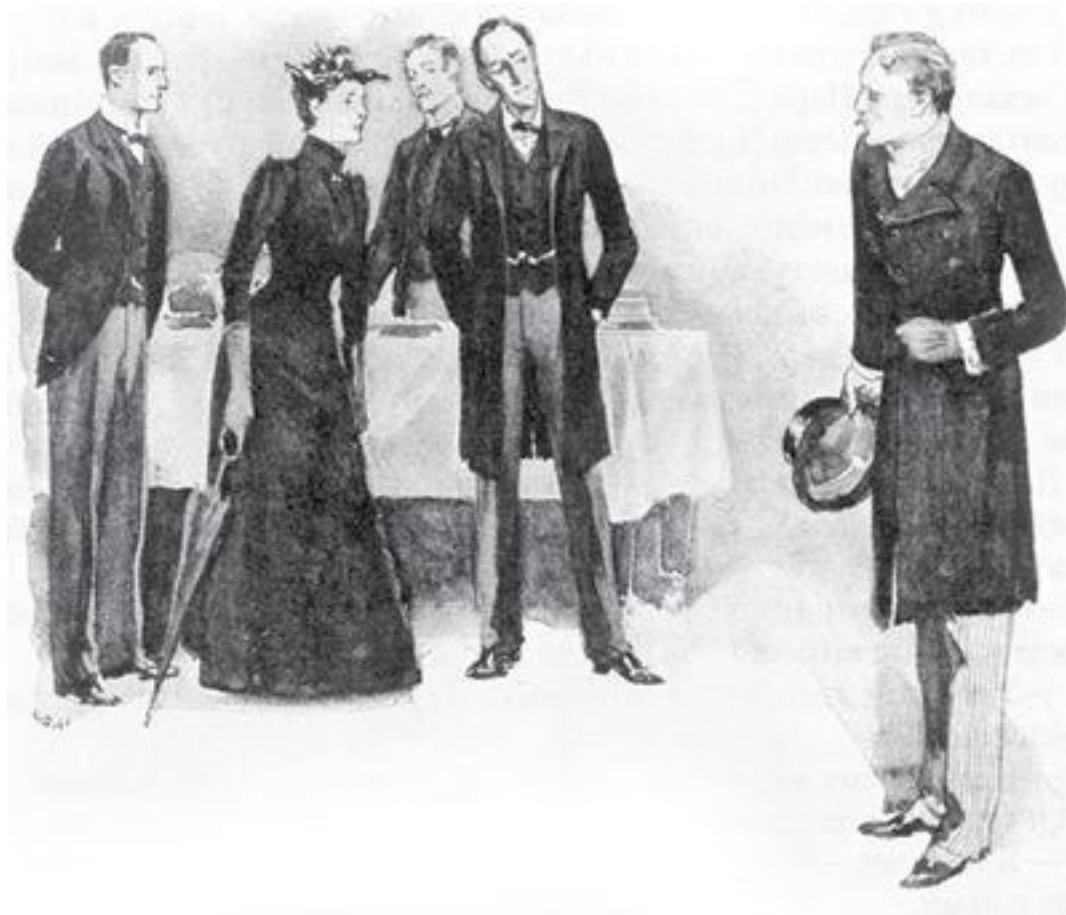
– О, отчего же нет, если это может доставить вам удовольствие.

Он холодно пожал протянутую ему руку.

– Я надеялся, что вы запросто поужинаете с нами, – сказал Холмс.

– Это уж слишком, – ответил лорд. – Я вынужден покориться обстоятельствам, но не вижу причины радоваться. Позвольте пожелать вам всем доброй ночи.

Он сделал общий поклон и величественно вышел из комнаты.

– Надеюсь, что, по крайней мере, вы не откажетесь сделать мне честь поужинать с нами, – сказал Шерлок Холмс. – Я всегда рад видеть американца, мистер Молтон, потому что я из тех людей, которые думают, что ошибки правительства в былые годы не помешают нашим детям стать со временем гражданами огромного государства под соединенным флагом Великобритании и Соединенных Штатов...

– А дело-то вышло очень интересное, – заметил Холмс по уходе наших гостей. – Оно показало, как просто объясняется иногда дело, кажущееся необъяснимым. На что уж казался загадочным данный случай. А между тем, нет ничего более естественного того хода событий, о котором рассказала нам миссис Молтон. А с другой стороны, какой странный результат, если взглянуть на дело с точки зрения мистера Лестрейда.

– Так, значит, вы не ошиблись?

– С первой же минуты мне стало ясно, что невеста охотно согласилась на брак, а затем раскаялась в своем согласии за несколько минут до возвращения домой. Очевидно, утром произошло что-то, вызвавшее в ней перемену настроения. Что бы это могло быть? Она не могла говорить с кем-нибудь наедине, потому что все время была с женихом. Не видела ли она кого-нибудь? Если видела, то, несомненно, американца, так как она в Англии недавно и вряд ли кто-нибудь мог приобрести над ней такое влияние, чтобы при виде его она могла изменить все свои планы. Как видите, с помощью метода исключения, мы пришли к выводу, что она видела американца. Кто же этот американец, и почему он имеет на нее такое влияние? Это или любовник, или муж. Я знал, что она провела юность в грубой обстановке и в странных условиях. Я дошел до этих выводов еще раньше посещения лорда Сен-Симона. Когда же он рассказал нам про господина, который сидел на скамье, про внезапную перемену в настроении невесты, про то, как она уронила букет (самый обыкновенный способ передачи записки), про

разговор с горничной, знавшей все ее дела, на жаргоне, – все стало вполне ясным для меня. Она бежала с мужчиной – любовником или мужем, вероятнее с мужем.

– А как вы их нашли?

– Это было бы трудно, но в руках у нашего друга Лестрейда было драгоценное сведение, значение которого он не понял. Конечно, инициалы играли важную роль, но еще важнее было узнать, что он прожил неделю в одной из лучших английских гостиниц.

– Как вы это узнали?

– По ценам. Восемь шиллингов за постель и восемь пенсов за стакан хереса – такие цены бывают только в самых шикарных гостиницах, каких не много в Лондоне. Во второй из тех, в которые я заходил, находящейся в Нортумберленд-авеню, я узнал в бюро, что Фрэнсис Г. Молтон, американец, выехал накануне. Я попросил взглянуть в приходную книгу и увидел те же цифры, что и на счете. Письма он велел адресовать на площадь Гордона, 226. Я отправился туда и, к счастью, застал влюбленную парочку дома. Я взял на себя смелость дать им отеческий совет, доказал, что им лучше выяснить свое положение перед светом вообще, и перед лордом Сен-Симоном в частности, и пригласил их сюда, чтоб поговорить с ним. Как видите, он явился.

– Да, но результат свидания нельзя назвать удачным. Нельзя сказать, чтоб лорд был очень любезен,

– Ах, Ватсон! – с улыбкой сказал Холмс. – Может быть, и вы не стали бы любезны, если бы после всех ухаживаний и свадьбы вам пришлось бы внезапно отказаться и от жены, и от денег. Я думаю, нам следует отнестись к лорду Сен-Симону снисходительно и возблагодарить небо за то, что мы никогда не очутимся в подобном положении. Придвиньте-ка свой стул и дайте мне скрипку. Единственная задача, которую нам предстоит разрешить теперь – это как убить эти мрачные осенние дни.

Берилловая корона

– Холмс, – проговорил я, стоя однажды утром у окна и смотря на улицу, – вот бежит сумасшедший. Как это родственники пускают его одного!

Мой приятель лениво поднялся с места и, засунув руки в карманы халата, заглянул через мое плечо на улицу. Стояло светлое, морозное февральское утро. Выпавший накануне снег покрывал землю плотным слоем и сверкал при лучах зимнего солнца. Посередине улицы он почернел от езды, но ближе к тротуарам был точно только что выпавший. Тротуар был подметен и вычищен, но было очень скользко, так что прохожих было меньше, чем обыкновенно. Со стороны станции метрополитена никого не было видно, за исключением господина, привлечшего мое внимание своим странным видом.

Это был человек около пятидесяти лет, высокий, плотный, внушительного вида с резко очерченными чертами лица. Он был скромно, но хорошо одет. На нем был черный сюртук, блестящий цилиндр, коричневые гетры и отлично сшитые серые брюки. Но поведение его странно противоречило его лицу и всему внешнему виду: он бежал изо всех сил, по временам подскакивая, как человек, не привыкший много ходить. На ходу он размахивал руками, качал голову и делал какие-то необыкновенные гримасы лицом.

– Что это с ним? – сказал я. – Он смотрит на номера домов.

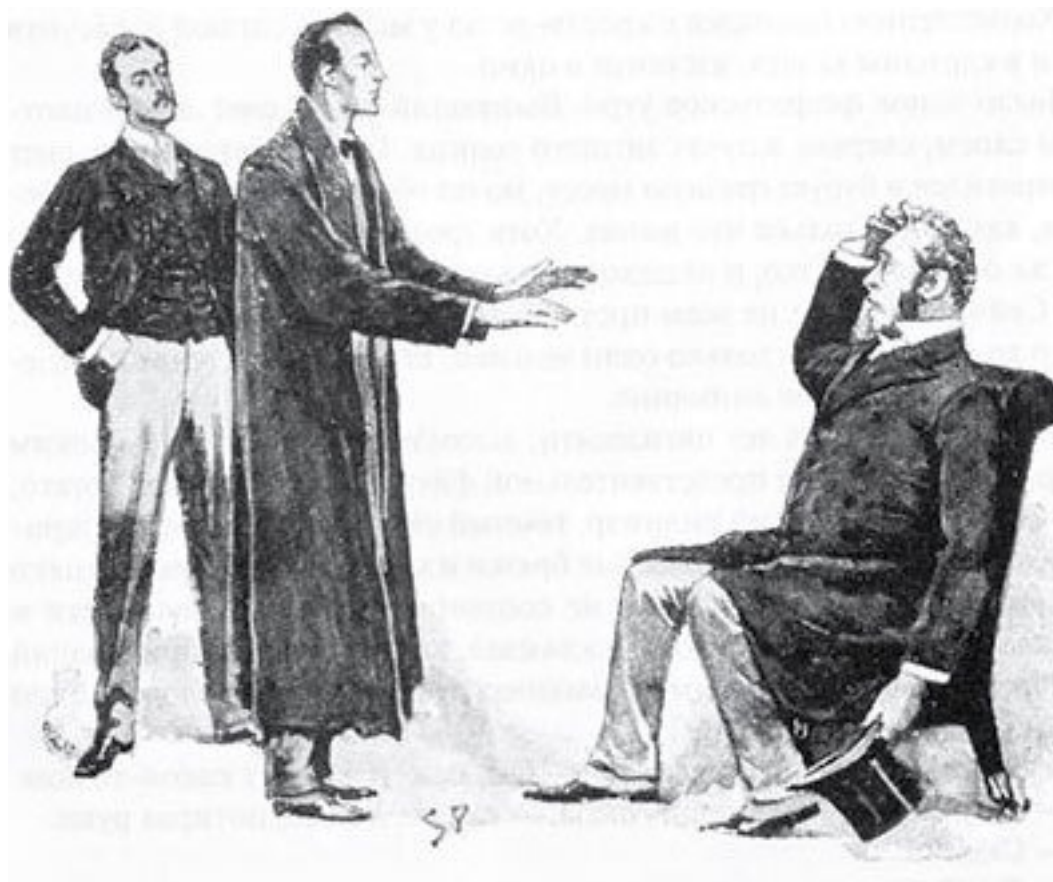
– Я думаю, он идет сюда, – сказал Холмс, потирая руки.

– Сюда?

– Да. Я думаю, он идет посоветоваться со мной. Мне несколько знакомы эти симптомы. Ага! Что я говорил вам?

Незнакомец, задыхаясь, подбежал к нашему подъезду и дернул колокольчик так сильно, что звон раздался по всему дому.

Через несколько мгновений он стоял уже перед нами, все так же задыхаясь и размахивая руками, но во взгляде его глаз было столько горя и отчаяния, что мы перестали улыбаться и с ужасом и сожалением смотрели на него. Сначала он не мог выговорить ни слова и только раскачивался из стороны в сторону и хватал себя за волосы, как человек, потерявший рассудок; затем внезапно бросился к стенке принялся биться о нее головой с такой силой, что нам, вдвоем, еле удалось оттащить его на середину комнаты. Шерлок Холмс усадил его в кресло и стал говорить с ним свойственным ему ласковым ободряющим тоном.

– Вы, вероятно, пришли рассказать мне, что с вами случилось, и просить совета, не правда ли? – сказал он. – Вы устали, потому что очень торопились. Пожалуйста, успокойтесь, а потом я буду очень рад выслушать вас.

Незнакомец сидел несколько времени молча, видимо, стараясь овладеть собой. Грудь его тяжело вздымалась. Наконец, он провел платком по лицу, крепко сжал губы и обернулся к нам.

– Вы, конечно, считаете меня сумасшедшим? – спросил он,

– Я вижу, что вы сильно взволнованы, что у вас большое горе, – ответил Холмс.

– Да, горе! Страшное, неожиданное горе, от которого можно с ума сойти! Я мог бы перенести позор, если бы это касалось моего положения в обществе, хотя я человек незапятнанной репутации. В частной жизни каждого человека могут быть также огорчения, но то и другое вместе... Это потрясло мне всю душу! К тому же пострадаю не я один; если нельзя будет найти выхода из этого ужасного дела, пострадают самые высокопоставленные личности страны.

– Пожалуйста, успокойтесь, сэр, – сказал Холмс, – и скажите мне, кто вы и что случилось с вами.

– Вам, вероятно, приходилось слышать мою фамилию, – ответил наш посетитель. – Я – Александр Гольдер, один из владельцев банкирского дома «Гольдер и Стивенсон» на улице Треднидль.

Фамилия эта была, действительно, была известна нам. Гольдеру и Стивенсону принадлежало второе по своим размерам частное банковское предприятие в Сити. Что же могло случиться с одним из самых выдающихся граждан Лондона, что довело его до такого печального состояния? Мы с нетерпением ожидали его рассказа. Он сделал над собой усилие и заговорил:

– Я чувствую, что нельзя терять ни минуты, – сказал он, – поэтому-то я и бросился сюда, как только полицейский инспектор посоветовал мне обратиться к вам. Я приехал подземной дорогой и пошел пешком, так как кебы ездят по снегу очень медленно. Оттого-то я так запы-

хался, так как не привык много ходить. Теперь мне лучше, и я расскажу вам все, насколько возможно коротко и ясно.

Конечно, вам хорошо известно, что успешное ведение банковских операций зависит не только от выгодного помещения капиталов, но и от увеличения числа вкладчиков. Одной из самых выгодных операций является выдача ссуд под верное обеспечение. В последние годы эта отрасль нашего дела сильно развилась, и мы давали ссуды многим знатным людям под залог картин, библиотек и серебра.

Вчера утром, когда я, по обыкновению, сидел у себя в конторе, клерк подал мне визитную карточку. Я изумился, когда прочитал стоявшее на ней имя. Это был не кто иной как... Ну, пожалуй, даже вам не назову его, скажу только, что это – личность, известная всему миру, представитель одной из известнейших, благороднейших фамилий Англии. Я был поражен оказанной мне честью и хотел выразить это, когда вошел посетитель, но он сразу приступил к делу с видом человека, желающего поскорее отделаться от неприятной обязанности.

– Мистер Гольдер, – сказал он, – мне сказали, что вы выдаете ссуды.

– Под хорошее обеспечение, – ответил я.

– Мне необходимо немедленно иметь пятьдесят тысяч фунтов, – сказал он. – Конечно, я мог бы занять такую пустяжную сумму у любого из моих друзей, но я предпочитаю устроить дело сам. Вы понимаете, что в моем положении не следует обзывать кому бы то ни было.

– Позвольте узнать, на какой срок вам нужна эта сумма? – спросил я.

– В следующий понедельник я должен получить большую сумму денег и тогда, конечно, отдам вам всю ссуду с процентами, которые вы назначите. Но мне необходимо получить эти деньги сейчас.

– Я был бы счастлив выдать вам без дальнейших разговоров эти пятьдесят тысяч фунтов из моих личных денег, – сказал я, – если бы это не было несколько затруднительно для меня. Если же сумма будет выдана от имени фирмы, то, даже по отношению к вам, я должен соблюсти все установленные у нас правила.

– Так, пожалуй, и лучше будет, – проговорил он, подымая черный кожаный футляр со стула, куда он положил его при входе. – Вам, вероятно, приходилось слышать о берилловой короне?

– Это одно из самых драгоценных сокровищ Англии, – сказал я.

– Совершенно верно.

Он открыл футляр. На мягком, розоватом бархате покоилась великолепная корона.

– Тут тридцать девять громадных бериллов, – продолжал он, – а золотая оправа не имеет цены. По самой дешевой оценке эта вещь стоит вдвое более той суммы, которую я спрашиваю. Я готов оставить вам ее в залог.

Я взял в руки футляр с драгоценной короной и, в смущении, смотрел то на нее, то на моего знатного клиента.

– Вы сомневаетесь в ее стоимости? – спросил он.

– Нисколько. Я только сомневаюсь...

– В том, могу ли я оставить ее вам. Можете успокоиться. Я бы и не подумал сделать это, если бы не был вполне уверен, что могу взять ее обратно через четыре дня. Это простая формальность. Итак, залог достаточен?

– С избытком.

– Вы понимаете, мистер Гольдер, что я даю вам серьезное доказательство доверия, так как много слышал о вас. Я надеюсь, что вы не только не станете рассказывать об этом деле, но и возвратите корону в полной сохранности. Мне нечего говорить вам, какой выйдет скандал, если что-нибудь приключится с этой вещью. Всякое повреждение имеет почти тоже значение, что пропажа, так как во всем мире нет подобных бериллов, и их нельзя будет заменить. Но я спокойно оставляю вам корону и зайду за ней сам в понедельник утром.

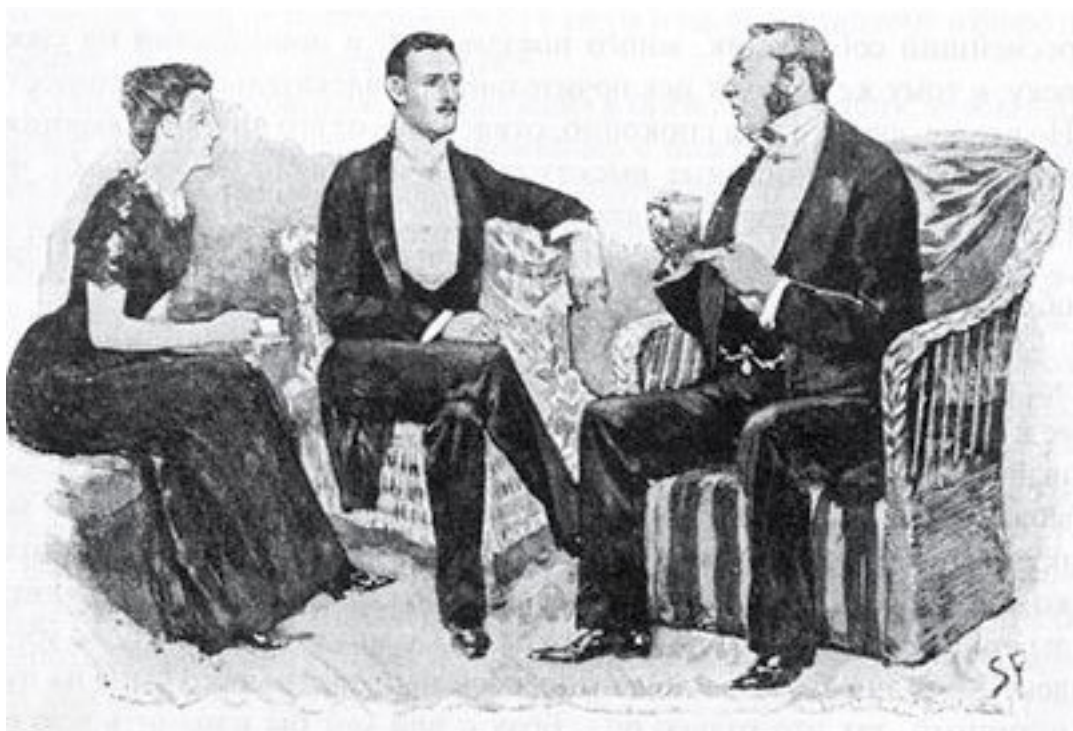
Видя, что мой клиент очень торопится, я позвал кассира и велел ему выдать пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Когда я остался один и взглянул на лежавший передо мной кожаный футляр, меня охватило невольное чувство смущения при мысли о принятой на себя ответственности. Как бы то ни было, это достояние нации, и в случае какого-либо несчастья произойдет страшный скандал. Я сожалел, что согласился принять такой залог. Однако дела нельзя уже было поправить, и потому я запер драгоценный футляр в железный шкаф и принялся за работу.

Наступил вечер. Я подумал, что неблагоприятно оставлять в конторе такую драгоценную вещь. В банках часто бывают кражи со взломом. А в каком ужасном положении очутился бы я в подобном случае! Поэтому я решил, что буду брать с собой футляр домой и привозить обратно в течение нескольких дней так, чтобы он всегда был при мне. Я позвал извозчика, поехал к себе в Стритгэм и вздохнул свободно только тогда, когда принес корону к себе наверх и запер ее в бюро...

Теперь расскажу вам о моих домашних, мистер Холмс, для того, чтобы вы могли составить себе ясное понятие о всех окружающих меня. Грум и лакей спят вне дома, так что о них и говорить нечего. У меня три горничные, которые живут в доме много лет; девушки честные, стоящие выше всяких подозрений. Люси Парр поступила недавно, но у нее отличный аттестат, и я ею доволен. Она очень хороша собой, и у нее много поклонников, которые торчат вокруг дома. За исключением этого недостатка, мы считали ее очень хорошей девушкой.

Такова моя прислуга. Семья же моя такая маленькая, что описать ее недолго. Я вдовец; у меня единственный сын Артур. Он страшно огорчает меня, мистер Холмс. Не сомневаюсь, что во всем виноват я сам. Говорят, я избаловал его. Весьма вероятно, что это правда. Когда умерла моя дорогая жена, я перенес всю свою любовь на этого мальчика. Мне хотелось, чтобы улыбка никогда не сходила с его лица. Я исполнял все его желания. Может быть, для обоих нас было бы лучше, если бы я строже относился к нему, но, во всяком случае, я поступал так, желая ему добра.

Весьма естественно, что мне хотелось, чтоб он унаследовал мое дело, но у него не было ни малейшего желания заниматься им. Он человек необузданный, упрямый, и, откровенно говоря, я не могу доверять ему больших денег. Он сделался членом аристократического клуба. Благодаря своим очаровательным манерам, он скоро близко сошелся с богатыми людьми, привыкшими широко жить. Он стал вести азартную игру, тратить деньги на скачках и часто приходил ко мне просить денег в счет получаемого им от меня содержания. Он много раз пытался бросить эту опасную компанию, но всякий раз влияние его друга, сэра Джорджа Бернвиля, удерживало его от этого намерения. Я несколько не удивляюсь тому, что такой человек, как Джордж Бернвиль, имеет влияние на Артура. Сын часто приводил его к нам, и я сам не мог устоять против его обаяния. Он старше Артура, вполне светский человек, много путешествовавший, много видевший, блестящий собеседник и очень красивый мужчина. Когда я разбираю его хладнокровно, не поддаваясь чарам его присутствия, припоминаю его циничные речи и выражение, появляющееся иногда в его глазах, я чувствую, что этому человеку нельзя доверяться. То же самое думает и моя маленькая Мэри, умеющая определять характеры с инстинктом женщины.

Теперь остается описать только ее. Она – моя племянница, но пять лет тому назад, когда умер мой брат, я удочерил ее. Это – луч солнца в моем доме. Милая, любящая, прекрасная, чудесная хозяйка, нежная спокойная девушка. Она – моя правая рука. Я не знаю, что бы я делал без нее. Только в одном она идет против моего желания. Артур два раза делал ей предложение, он горячо любит ее, и оба раза она отказала ему. Я думаю, она одна могла бы поворотить его на путь истинный. Этот брак совершенно изменил бы его жизнь. Теперь это – увы! – уже слишком поздно!

Итак, я рассказал вам про всех моих домашних, мистер Холмс, и буду продолжать мою грустную историю.

Вечером, когда мы пили после обеда кофе, я рассказал Артуру и Мэри о странном случае и драгоценной короне, которую привез домой. Я не назвал только имени моего знатного клиента. Я знаю, наверно, что Люси Парр, подав кофе, ушла из комнаты, но не могу поручиться, была ли заперта дверь. Мой рассказ очень заинтересовал Мэри и Артура. Им захотелось взглянуть на знаменитую корону, но я решил лучше не трогать ее.

– Куда вы ее положили? – спросил Артур.

– В бюро.

– Надеюсь, что воры не проберутся ночью в дом, – сказал Артур.

– Бюро заперто, – ответил я.

– О, всякий старый ключ подойдет к этому замку. Когда я был маленьким, я открывал бюро ключом от буфета.

Он часто говорил всякий вздор, и потому я не обратил внимания на его слова. Вечером он вошел ко мне в комнату с очень серьезным лицом.

– Папа, – проговорил он, опуская глаза, – не можешь ли ты дать мне двести фунтов?

– Нет, не могу, – резко ответил я. – Я и так передал тебе слишком много денег.

– Вы были очень добры ко мне, но мне необходимы эти деньги. Иначе я не могу показаться в клуб.

– И отлично! – крикнул я.

– Да, но не думаю, чтобы вам было приятно, если я выйду оттуда обесчещенным, – сказал он. – Я не вынесу позора. Мне нужно достать эти деньги во что бы то ни стало. Не дадите вы, придется употребить другие средства.

Я был страшно сердит: в третий раз в этом месяце он обращался ко мне за деньгами.

– Не видать тебе от меня ни одного фартинга! – крикнул я.

Он поклонился и молча вышел из комнаты.

– Когда он ушел, я открыл бюро, убедился, что корона на месте, и снова запер ее на замок. Потом обошел весь дом, чтоб убедиться, все ли двери заперты. Обыкновенно это делает Мэри, но в эту ночь я решил исполнить сам эту обязанность. Спускаясь с лестницы, я увидел Мэри у бокового окна передней. Когда я подошел к ней, она закрыла ставни и окно.

– Скажите, папа, – проговорила она, несколько смущенно, – вы отпустили на сегодня Люси?

– Конечно, нет.

– Она только что вернулась домой. Я не сомневалась в том, что она выходила только поболтать с кем-нибудь за воротами, но, во всяком случае, это не годится.

– Поговори с ней об этом завтра утром, или я сам поговорю, если пожелаешь. Ну, что, все везде заперто?

– Да, папа.

– Спокойной ночи.

Я поцеловал ее, пошел в спальню и вскоре уснул...

Я стараюсь рассказать вам все, что имеет отношение к делу. Пожалуйста, мистер Холмс, предлагайте мне вопросы, если я говорю недостаточно ясно.

– Напротив, ваше показание отличается замечательною ясностью.

– Я перехожу к той части моего рассказа, которая требует особой точности. Я сплю довольно чутко, а в эту ночь мой сон был тревожнее обыкновенного. Около двух часов меня разбудил какой-то шум. Он затих раньше, чем я вполне очнулся, но мне показалось, будто где-то тихо закрылось окно. Я насторожил уши. Вдруг я с ужасом услышал в соседней комнате чьи-то тихие шаги. Я встал с кровати, дрожа от страха, и заглянул в свою уборную.

– Артур! – вскрикнул я. – Негодяй! Вор! Как смеешь ты трогать эту корону!

При свете газового рожка я увидел моего несчастного мальчика. Он был в рубашке и брюках и держал в руке корону. Он, казалось, сгибал или выпрямлял ее изо всех сил. При моем восклицании он уронил ее и побледнел, как смерть. Я поднял корону и осмотрел ее. Не хватало одного угла с тремя бериллами.

– Негодяй! – кричал я вне себя от бешенства. – Ты испортил ее! Ты опозорил меня навеки! Где бериллы, которые ты украл?

– Украл?! – вскрикнул он.

– Да, украл! Вор! – продолжал кричать я, тряся его за плечи.

– Камни все тут. Не может быть, чтоб не хватало, – возразил Артур.

– Не хватает трех, и ты знаешь, где они. Вор и к тому же лжец! Разве я не видел, как ты ломал корону.

– Довольно ругани, – проговорил он, – я не намерен дальше терпеть и не скажу ни слова. Утром я покину ваш дом и буду жить самостоятельно.

– Я отдам тебя в руки полиции! – кричал я, не помня себя от горя и бешенства. – Я потребую, что бы это дело было расследовано!

– Вы ничего от меня не узнаете, – отвечал он со страстью, которой я не ожидал от него. – Если призовете полицию, пусть ищет!

Мой крик поднял на ноги всех в доме. Первой в комнату вбежала Мэри. При виде лица Артура и короны у меня в руках, она сразу догадалась, в чем дело, громко вскрикнула и упала без чувств. Я послал за полицией и объяснил все. Когда инспектора и констебли вошли в дом,

Артур, стоявший с упрямым видом, сложив на груди руки, спросил меня, намерен ли я обвинять его в краже. Я ответил ему, что теперь это уже не частное, а общественное дело, так как испорченная корона – достояние нации, и потому я предоставляю закону вступить в свои права.

– По крайней мере, не допускайте, чтобы меня арестовали немедленно, – сказал он. – И вам, и мне будет лучше, если бы я мог на пять минут выйти из дома.

– Чтобы убежать или спрятать украденное, – возразил я.

Сознание ужасного положения, в котором я очутился, охватило меня с новой силой. Я умолял его подумать, что дело идет не только о моей чести, но и о чести личности, стоящей гораздо выше меня. Подобного рода скандал может вызвать взрыв народного негодования. Но можно еще предупредить несчастье, если только он сознается, куда девались недостающие три камня.

– Все равно ты попался на месте преступления, – говорил я. – Признание не ухудшит дела. Если ты скажешь, где находятся бериллы, все будет прощено и забыто.

– Прощайте тех, которые нуждаются в прощении, – отворачиваясь от меня, насмешливо ответил Артур.

Я увидел, что никакие слова не могут повлиять на него. Делать было нечего, я позвал полицейского и инспектора и велел арестовать моего сына. Немедленно обыскали и его самого, и его комнату, и все места в доме, куда он мог спрятать бериллы, но нигде не оказалось и следа их, а мой несчастный сын молчал в ответ на все наши уговаривания и угрозы. Сегодня утром его отвезли в тюрьму, а я, выполнив все формальности, бросился к вам, чтобы молить вас помочь в раскрытии тайны. В полиции открыто сознаются, что ничего не понимают в этом деле. Не стесняйтесь никакими расходами. Я уже объявил, что даю тысячу фунтов награды. Боже мой, что я буду делать! В одну ночь я потерял честь, бериллы и сына. О, что делать мне?!

Он схватился обеими руками за голову и начал раскачиваться из стороны в сторону, бормоча что-то, словно ребенок, горе которого слишком велико для того, чтоб выразить его словами. Шерлок Холмс сидел молча, нахмутив брови и устремив глаза на огонь в камине.

– Бывает у вас много гостей? – спросил он.

– Никого, за исключением моего партнера и его семьи. Иногда заходит кто-нибудь из друзей Артура. В последнее время часто бывал сэр Джордж Бернвиль.

– А сами вы часто бываете в обществе?

– Артур – да. Мэри и я предпочитаем оставаться дома. Мы с ней не любим выездов.

– Со стороны молодой девушки это удивительно,

– Она очень тихого нрава и к тому же не очень молода. Ей двадцать четыре года.
– По вашим словам, это событие страшно подействовало на нее?
– Ужасно! Она расстроена даже сильнее меня.
– И никто из вас не сомневается в виновности вашего сына?
– Как можем мы сомневаться, когда я собственными глазами видел корону в его руках.
– Я не считаю это достаточно убедительным доказательством. А вообще корона попорчена?

– Да, она помята.
– А вы не думаете, что он хотел расправиться с ней?
– Да благословит вас Бог! Вы стараетесь сделать все, что можно, для него и меня. Но это слишком трудная задача. Зачем же корона была у него в руках? Если с невинной целью, то почему он не сказал этого?

– Вот именно. А если он виновен, то почему не выдумал какого-нибудь оправдания? Молчание его носит обоюдоострый характер. Вообще, в этом деле много странного. Что говорят в полиции насчет шума, от которого вы проснулись?

– Там думают, что это Артур хлопнул дверь своей спальни, запирая ее.
– Удивительно правдоподобно! Неужели человек, идущий красть, хлопнет дверь так громко, что разбудит всех в доме? А что же говорят о пропаже камней?

– Продолжают еще обыскивать пол, стены и мебель в надежде найти их.
– А искали вне дома?
– Да. Поиски ведутся с необычайной энергией. Весь сад тщательно обыскан.
– Ну, сэр, – сказал Холмс, – очевидно, что дело-то гораздо серьезнее, чем думаете и вы, и полиция. Вам оно кажется простым, мне же чрезвычайно сложным. Подумайте, что можно вывести из вашей гипотезы. Вы предполагаете, что ваш сын встал с постели, сильно рискуя попасться, вошел в вашу уборную, открыл бюро, вынул корону, отломал небольшую часть ее, пошел куда-то в другое место, где спрятал три берилла из общего числа тридцати девяти так искусно, что их не могут найти, потом вернулся с остальными в уборную, пренебрегая опасностью быть пойманным. Скажите, пожалуйста, выдерживает ли подобного рода гипотеза критику?

– А другая какая?! – крикнул банкир с жестом отчаяния. – Если он не виновен, то почему не объяснит нам всего?

– Эта задача выпадает на нашу долю, – ответил Холмс. – Мистер Гольдер, мы с вами отправимся в Стритхэм и займемся часок-другой изучением некоторых подробностей.

Холмс настаивал, чтобы я отправился с ними. Я охотно согласился на его желание. Слышанная мной история возбудила во мне сильное любопытство. Сознаюсь, что виновность сына банкира казалась мне столько же очевидной, как и его несчастному отцу, но я настолько верил в ясность суждений Холмса, что чувствовал, что не вся надежда потеряна, раз он недоволен данным ему объяснением. Он не сказал ни слова, пока мы ехали в южную часть Лондона, и сидел, опустив голову на грудь и надвинув шляпу на глаза, очевидно, весь погруженный в свои мысли. Наш клиент, очевидно, несколько ободрился от мелькнувшего ему слабого луча надежды и даже стал болтать со мной о своих делах. После непродолжительной поездки по железной дороге и по шоссе, мы скоро очутились в Форбанке, скромном жилище великого финансиста.

Форбанк, большой квадратный дом из белого камня, стоял несколько в стороне от дороги. Со стороны фасада две широкие аллеи, покрытые снегом, вели к двум железным воротам. Справа маленькая деревянная калитка вела на узенькую дорожку между двумя хорошенькими изгородями, по которой ходили торговцы. К кухне слева шла тропинка к конюшням, стоявшим на большой, но глухой проезжей дороге. Холмс покинул нас у подъезда, медленно обошел кругом всего дома, по дорожке к кухне, по саду и вышел к конюшням. Мистер Голь-

дер и я вошли в столовую и сели у камина, ожидая его. Вдруг дверь отворилась, и в комнату бесшумно вошла молодая барышня. Она была несколько выше среднего роста, тонкая, с темными волосами и глазами, казавшимися еще темнее от необыкновенной бледности ее лица. Мне, кажется, никогда не приходилось видеть такого смертельно бледного женского лица. Губы были также совершенно бескровны, а глаза воспалены от слез. На меня она произвела впечатление женщины, сильно удрученной горем, страдающей даже более отца предполагаемого преступника.

Это было тем удивительнее, что она казалась женщиной сильного характера, умеющей замечательно владеть собой. Не обратив на меня ни малейшего внимания, она прямо подошла к дяде и нежно погладила его по голове.

– Ты ведь распорядился, чтобы Артура выпустили из тюрьмы, не правда ли, папочка? – спросила она.

– Нет-нет, деточка, надо довести дело до конца.

– Но я уверена, что он невинен. Вы знаете, что значит женский инстинкт, Я знаю, что он ничего не сделал. Вы раскаетесь, что поступили так жестоко.

– Зачем же он молчит, если невиновен?

– Как знать? Может быть, оттого, что ваши подозрения оскорбили его?

– Как же я мог не заподозрить его, когда собственными глазами видел в его руках корону?

– О, он взял ее только для того, чтоб посмотреть на нее. О, поверьте моему слову, поверьте, что он невинен. Замните это дело. Так тяжело думать, что наш милый Артур сидит в тюрьме.

– Я не брошу этого дела, пока не найдутся камни... Ни за что, Мэри! Я не только не хочу замять этого дела, но, напротив, пригласил сюда одного господина из Лондона, чтобы он хорошенько занялся им,

– Этого господина? – спросила она, оборачиваясь ко мне,

– Нет, его друга, который попросил нас оставить его одного. В настоящее время он остался у конюшен.

– У конюшен? – она с удивлением подняла свои черные брови. – Что же он надеется найти там? А! Вероятно, это он входит... Надеюсь, сэр, вам удастся доказать невинность кузена Артура, в которой я глубоко убеждена.

– Вполне разделяю ваше убеждение и надеюсь, что нам удастся достичь нашей цели, – ответил Холмс, отряхивая снег с сапог. – Вероятно, я имею честь говорить с мисс Мэри Гольдер? Могу я предложить вам несколько вопросов?

– Пожалуйста, сэр, если это может помочь разъяснению этого ужасного дела.

– Вы ничего не слышали прошлой ночью?

– Ничего. Я сошла вниз только тогда, когда услышала громкий голос дяди.

– Вы запирали в эту ночь окна и ставни. Вы заперли все окна?

– Да.

– А утром все окна были закрыты?

– Да.

– У вашей горничной есть возлюбленный? Насколько я помню, вы говорили вашему дяде, что она выходила на свидание с ним,

– Да. Она могла слышать рассказ дяди о короне, когда прислуживала в гостиной.

– Понимаю. Вы хотите сказать, что она могла передать эти сведения своему возлюбленному, и потом они вдвоем составили план покражи.

– Ну, к чему все эти смутные гипотезы! – с нетерпением крикнул банкир. – Ведь я же сказал вам, что видел корону в руках Артура!

– Погодите немного, мистер Гольдер. Мы еще вернемся к этому вопросу. Итак, мисс Гольдер, вы, как я предполагаю, видели ее, когда она возвращалась домой в кухонную дверь?

– Да, когда я пошла посмотреть, заперта ли дверь, я видела, как она проскользнула в нее. В темноте я заметила тоже и мужчину.

– Вы знаете его?

– О, да. Это зеленщик, который носит нам провизию. Его зовут Фрэнсис Проспер.

– Он стоял налево, на дорожке, на таком расстоянии от двери, что не мог войти в дом? – спросил Холмс.

– Да.

– У него одна нога деревянная?

Тень испуга мелькнула в выразительных черных глазах молодой девушки.

– Да вы настоящий волшебник!.. – проговорила она. – Как вы это узнали?

Она улыбнулась, но эта улыбка не нашла себе ответа на тонком умном лице Холмса.

– Мне бы хотелось подняться теперь наверх, – сказал он, – а потом надо будет опять обойти кругом всего дома. Впрочем, сначала я осматриваю окна вниз.

Он быстро переходил от одного окна к другому и остановился у большого окна, из которого были видны конюшни. Холмс открыл его и тщательно осмотрел подоконник в увеличительное стекло.

– Теперь пойдем наверх, – наконец, проговорил он.

Кабинет банкира – маленькая комната, устланная серым ковром, с большим бюро и длинным зеркалом. Холмс подошел прямо к бюро и пристально оглядел замок.

– Каким ключом оно было отперто? – спросил он.

– Тем, о котором говорил мой сын, ключом от буфета в кладовой.

– Где он?

– Здесь на туалетном столе.

Шерлок Холмс взял ключ и отпер бюро.

– Замок открывается бесшумно, – сказал он. – Неудивительно, что вы не проснулись. Корона, вероятно, в этом футляре. Надо взглянуть на нее.

Он открыл футляр, вынул оттуда диадему и положил ее на стол. Это было редкое произведение ювелирного искусства, а таких чудных бериллов мне никогда не приходилось видеть. Один угол с тремя камнями был отломан.

– Ну, мистер Гольдер, – сказал Холмс, – вот с другой стороны совершенно такой же угол, как пропавший. Не попробуете ли сломать его?

Банкир в ужасе отшатнулся.

– Ни за что на свете! – сказал он.

– Тогда я попробую, – сказал Холмс и, пустив в дело всю свою силу, попробовал отломить угол, но безуспешно.

– Чувствую, что он поддается немного, но, несмотря на то, что обладаю замечательной силой пальцев, я не в состоянии сломать его; тем менее это может делать человек обыкновенной силы. А как вы думаете, мистер Гольдер, что бы случилось, если бы мне удалось отломить этот кусок? Нечто вроде выстрела. Могло ли это случиться в нескольких шагах от вашей постели, и вы бы ничего не слышали?

– Не знаю, что и думать. Все так туманно для меня.

– Может быть, постепенно и выяснится. А вы как думаете, мисс Гольдер?

– Сознаюсь, что разделяю недоумение дяди.

– У вашего сына, когда вы увидели его, не было на ногах ни сапог, ни туфель?

– Кроме брюк и сорочки на нем ничего не было.

– Благодарю вас. В этом деле счастье замечательно благоприятствует нам, и мы сами будем виноваты, если дело не выяснится. Если позволите, мистер Гольдер, я буду продолжать свои наблюдения вне дома.

Он ушел один, объяснив, что все лишние следы затруднят ему дело. Он вернулся через час с кучей снега на ногах. Лицо его носило все тоже непроницаемое выражение.

– Кажется, я видел все, что следует, мистер Гольдер, – сказал Холмс, – и потому отправлюсь домой, где могу быть полезнее для вас.

– А камни, мистер Холмс? Где они?

– Не могу сказать.

Банкир заломил в отчаянии руки.

– Значит, мне не видать их больше! – вскрикнул он. – А сын мой... Вы можете дать мне надежду?

– Мое мнение остается неизменным,

– Так скажите же, ради Бога, что за темное дело разыгралось вчера в моем доме?

– Если вы загляните ко мне завтра утром между девятью и десятью часами, я буду рад объяснить его, насколько могу. Ведь вы даете мне *carte blanche*, не правда ли? Вы желаете, чтобы я добыл обратно камни во чтобы то ни стало и даете мне неограниченный кредит?

– Я готов отдать все свое состояние, чтобы только получить их обратно.

– Отлично. Я займусь этим делом. Прощайте; очень возможно, что я загляну еще сюда до вечера.

Я видел, что мой друг уже составил себе определенное мнение насчет этого происшествия, хотя я даже смутно не мог себе представить, к каким выводам он пришел. Я несколько раз, в то время как мы ехали домой, пробовал выведать у него что-нибудь, но он всякий раз уклонялся от этого разговора, так что я бросил бесполезные попытки и молчал всю остальную дорогу. Еще не было трех часов, когда мы снова очутились в нашей квартире. Холмс поспешно прошел к себе в комнату и вскоре вышел оттуда в одежде самого обыкновенного бродяги. В оборванном пальто с поднятым воротником, в красном галстуке, в стоптанных сапогах, он казался типичным представителем этого класса людей.

– Кажется, ничего, – проговорил он, смотрясь в зеркало. – Очень бы мне хотелось, Ватсон, чтобы вы пошли со мною, но боюсь, что не следует этого делать. Может быть, я и попал на след, а может быть, все окажется вздором. Во всяком случае, я скоро узнаю это и через несколько часов вернусь домой.

Он отрезал кусок мяса, вложил его между двумя ломтиками хлеба и, сунув бутерброд в карман, вышел из комнаты.

Я только что кончил пить чай, как он вернулся, очевидно, в превосходнейшем настроении духа, с каким-то старым сапогом в руках. Он швырнул сапог в угол и налил себе чашку чая.

– Я зашел только мимоходом и сейчас уйду опять, – сказал он.

– Куда?

– О, в сторону Вест-Энда. Пожалуйста, не дожидайтесь меня. Я, может быть, приду поздно.

– Ну, как идут дела?

– Ничего. Нельзя пожаловаться. Я побывал в Стритхэме с тех пор, что мы не видались с вами, но не заходил в дом. Дело-то выходит славное, я ни за что не согласился бы упустить его. Однако нечего рассиживать тут и болтать; надо поскорее снять эти отвратительные лохмотья и принять свойственный мне приличный вид.

Я видел по всему, что он довольнее, чем можно было заключить по его словам, Глаза его горели, а на бледных щеках появился легкий румянец. Он быстро поднялся вверх, а через несколько минут я услышал, как входная дверь захлопнулась за ним.

Я ждал его до полуночи и, не дождавшись, ушел к себе в комнату. Случалось, что он пропадал целыми днями и ночами, когда бывал занят каким-нибудь интересным делом, и потому его отсутствие несколько не встревожило меня. Не знаю, когда он вернулся, но когда на следу-

ющее утро я спустился в столовую, он сидел за чашкой чая с газетой в руках, свежий и опрятный.

– Извините, что не дождался вас, Ватсон, – сказал он, – но наш клиент должен прийти сюда рано утром.

– А теперь уже больше девяти, – ответил я. – Да вот и звонят. Вероятно, это он.

Действительно, это был наш приятель банкир. Я ужаснулся перемене, которую увидел в нем. Его широкое лицо осунулось и побледнело, волосы поседел. Он вошел с усталым апатичным видом, производившим еще более печальное впечатление, чем волнение предыдущего утра, и тяжело опустился в кресло, которое я подставил ему.

– Не знаю, за что судьба преследует меня так жестоко, – проговорил он. – Два дня тому назад я был счастливым обеспеченным человеком. Теперь меня ожидает одинокая, опозоренная старость. Одна беда приходит за другой. Моя племянница Мэри покинула меня.

– Покинула вас?

– Да. Сегодня утром ее постель оказалась нетронутой; спальня ее была пуста, а на столе в передней лежала записка. Вчера вечером в порыве горя, но не гнева, я сказал ей, что ничего бы этого не было, если бы она вышла замуж за моего мальчика. Может быть, мне не следовало говорить этого. Она намекает на эти слова в своей записке. Вот она: «Дорогой дядя, я чувствую, что причинила вам горе, и знаю, что если бы я поступила иначе, не произошло бы этого ужасного несчастья. Я не могу быть счастлива под вашей кровлей с этой ужасной мыслью и потому решила навеки покинуть вас. Не тревожьтесь о моей судьбе и, главное, не ищите меня, потому что это будет совершенно бесполезно... Вечно вас любящая Мэри». Что значат эти слова, мистер Холмс? Неужели она решила на самоубийство?

– О, нет-нет! Быть может, это наилучшее разрешение вопроса. Я думаю, мистер Гольдер, что ваши испытания близятся к концу.

– Что вы говорите, мистер Холмс? Вы слышали что-нибудь, узнали что-нибудь? Где камни?

– Вы согласны заплатить по тысяче фунтов за каждый камень? Это не покажется вам слишком дорого?

– Я согласен заплатить десять.

– Это уж лишнее. Трех тысяч достаточно. Ну, конечно, вознаграждение. С вами есть чековая книжка? Вот перо. Пишите чек на четыре тысячи фунтов.

Ошеломленный банкир написал чек. Холмс подошел к письменному столу, вынул из ящика треугольный кусок золота с тремя бериллами и бросил его на стол.

Банкир схватил его с криком радости

– Вы добыли камни! Я спасен, спасен! – задыхаясь, проговорил он.

Радость его выражалась так же бурно, как и горе. Страстным движением он прижал камни к груди.

– За вами еще один долг, мистер Гольдер, – сказал Холмс несколько строгим голосом.

– Долг! – Он схватил перо. – Назовите сумму, и я заплачу ее.

– Нет, это долг не мне, и совсем другого рода. Вы должны извиниться перед благородным юношей – вашим сыном. Если бы у меня был такой сын, я гордился бы им.

– Так Артур не брал камней?

– Я говорил вам это вчера и повторяю сегодня.

– Вы уверены в этом? Так поедemте скорей к нему и скажем ему, что истина открыта.

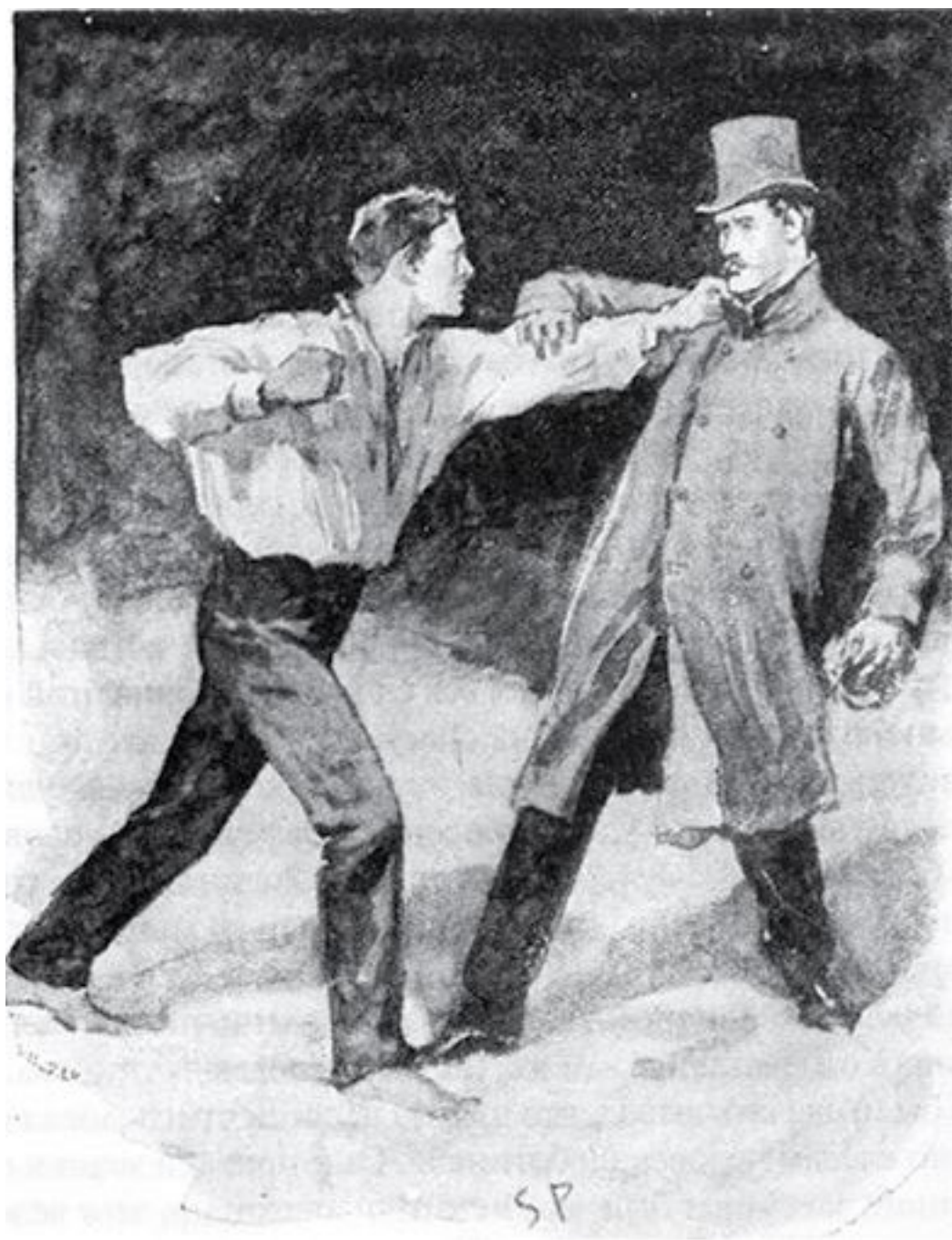
– Он уже знает это. Когда я узнал все, я увиделся с ним. Видя, что он не хочет говорить мне правды, я сам рассказал ему всю историю, так что он должен был признаться, что я прав, и прибавил только несколько подробностей, не вполне ясных для меня. Сегодняшняя новость может развязать ему язык.

– Ради Бога, скажите, что это за тайна?

– Я расскажу вам все и расскажу, каким образом я дошел до объяснения тайны. И прежде всего, скажу то, что мне труднее всего говорить, а вам слышать. Сэр Джордж Бернвиль и ваша племянница сговорились бежать и исполнили свое намерение.

– Моя Мэри? Это невозможно!

– К сожалению, это совершенно верно. Ни вы, ни ваш сын не знали человека, которого ввели в свою семью. Это один из опаснейших людей в Англии – разорившийся игрок, отчаянный негодяй, человек без сердца и совести. Ваша племянница не имела понятия о людях такого сорта. Когда он стал нашептывать ей слова любви, как это он делал сотням женщин, она вообразила, что только она одна заставила биться его сердце. Черт знает, что он наговорил ей, только она превратилась в игрушку в его руках и имела свидания с ним почти каждый вечер.

– Не верю и никогда не поверю этому! – крикнул банкир. Лицо его было смертельно бледно.

– Ну, так я расскажу, что случилось вчера вечером у вас в доме. Когда вы ушли к себе в комнату, как думала ваша племянница, она сошла вниз и разговаривала со своим возлюбленным у окна, которое выходит к конюшням. Он, должно быть, долго стоял на снегу, так как следы его ног ясно отпечатались там. Она рассказала ему про корону. Алчность проснулась в нем, и он подчинил мисс Мэри своей воле. Не сомневаюсь, что она любит вас, но, я думаю, она из тех женщин, в которых любовь к любовнику заглушает все другие чувства. Едва она успела захлопнуть окно, когда увидела, что вы сходите с лестницы, и принялась рассказывать вам о свидании одной из горничных с возлюбленным на деревянной ноге, что действительно верно.

Ваш сын Артур, после разговора с вами, ушел к себе в спальню, но спал плохо, так как мысль о долгах в клубе тревожила его. В полночь он услышал чьи-то легкие шаги около своей двери. Он встал и, выглянув в коридор, с изумлением увидел свою кузину, которая тихо шла к вашему кабинету. Пораженный юноша надел брюки и ждал в темноте, чем окончится это странное дело. Наконец, она вышла из вашей комнаты и при свете лампы, висящей в коридоре, ваш сын увидел у нее в руках берилловую корону. Она спустилась с лестницы. Он, в ужасе, сбежал за нею и спрятался за занавеской у вашей двери, откуда мог видеть, что делается в передней. Он увидел, как мисс Мэри осторожно открыла окно, передала кому-то корону, потом закрыла окно и быстро прошла мимо него к себе в комнату.

Пока она была тут, Артур не мог ничего сделать из опасения выдать любимую женщину. Но как только она ушла, он сразу сообразил, какое ужасное несчастье грозит вам, и как важно предупредить его. Он бросился вниз, как был, босиком, открыл окно, выпрыгнул в снег и побежал по дорожке, где увидел темную фигуру, облитую лунным сиянием. Сэр Джордж Бернвиль хотел бежать, но Артур нагнал его, и между ними началась борьба. Ваш сын старался вырвать корону из рук Бернвиля, причем ударил его в глаз. Вдруг что-то треснуло, и корона осталась в руках Артура. Он бросился в дом, закрыл окно, поднялся в вашу уборную, заметил, что корона помята в борьбе, и старался выпрямить ее, когда вы вошли в комнату.

– Неужели все это правда? – задыхаясь, прошептал банкир.

– Вы рассердили его тем, что стали осыпать его бранью как раз в то время, когда он чувствовал, что заслуживает самой горячей благодарности. Он не мог объяснить дела, не выдавая той, которая, конечно, не заслуживала его снисхождения. Он поступил по-рыцарски и сохранил ее тайну.

– Так вот почему она вскрикнула и упала в обморок, когда увидела корону, – сказал мистер Гольдер. – О, Боже мой! Как я был глуп и слеп! А он просил у меня позволения выйти на пять минут! Бедный дорогой мальчик хотел посмотреть, не найдется ли отломанный кусок на месте борьбы. Как я был жесток и несправедлив к нему!

– Когда я приехал к вам, – продолжал Холмс, – я сразу тщательно осмотрел все вокруг – не найду ли каких-нибудь следов на снегу. Я знал, что с вечера не было нового снега, а мороз был достаточно сильный для того, чтоб сохранить отпечатки. Я прошел по дорожке к кухне; она оказалась совершенно истоптанной. Но у входа кухни, очевидно, стояла женщина, разговаривая с мужчиной; круглый след указывал, что одна нога у него деревянная. Я мог даже сказать, что разговору их помешали, потому что женщина быстро побежала к двери, что было видно по глубокому следу каблуков и мелкому носков, а человек с деревянной ногой подождал немного и потом ушел. Я подумал, что это, должно быть, была та горничная и ее возлюбленный, о которых вы говорили мне, и расспросы подтвердили мое предположение. Я обошел весь сад и не видел ничего, кроме нескольких случайных следов, очевидно, принадлежавших полицейским, но когда пришел на дорожку у конюшен, то прочел на снегу длинную сложную историю. Тут тянулся двойной ряд следов. Один из них принадлежал человеку в сапогах, другой, к моему восторгу, босому. Судя по вашим словам, я сразу же вывел заключение, что последний

– вашего сына. Первый шел к дому и обратно, второй бежал за ним. Я пошел по этим следам и увидел, что они вели к окну передней, причем человек в сапогах истоптал весь снег, очевидно, в ожидании кого-то. Тогда я пошел обратно к другому концу, ярдах в ста от окна. Я увидел место, где человек в сапогах остановился; там снег был разбросан, как будто происходила борьба. Несколько капель крови, замеченных мною на снегу, доказали мне, что я не ошибся.

Затем «сапоги» побежали по переулку у конюшни, и новые следы крови показали мне, что ранен именно обладатель их. Когда я вышел по его следам на большую дорогу, то увидел, что мостовая подметена, так что идти дальше было бесполезно.

Если припомните, войдя в дом, я рассматривал в увеличительное стекло раму и подоконник окна. Я сразу убедился, что кто-то влез в него. Я разглядел след мокрой ноги и мог составить себе некоторое понятие о том, что произошло. За окном стоял какой-то человек; кто-то принес ему корону. Ваш сын видел это, бросился за вором, боролся с ним; они тянули корону каждый к себе и сломали ее соединенными силами, чего никак бы не мог достигнуть один из них. Ваш сын вернулся с драгоценной короной, но часть ее осталась в руках его противника. До сих пор все было ясно мне. Теперь весь вопрос заключался в том, кто этот человек и кто принес ему корону?

Я издавна придерживаюсь одного правила: исключите все невозможное, и все, что останется, окажется истиной, несмотря на всю кажущуюся неправдоподобность. Я знал, что это не могли быть вы. Оставалась, значит, ваша племянница и горничные. Если виновны горничные, то почему ваш сын позволяет, чтоб его обвиняли вместо них? Очевидно, это предположение не выносило критики. Но Артур любил свою кузину, и это вполне объясняет, почему он не хотел открыть ее тайны, тем более такой позорной. Когда я припомнил, как вы говорили, что видели ее у окна, как рассказывали о том, что она упала в обморок, увидя корону, мои предположения подтвердились.

Но кто же ее сообщник? Очевидно, любовник. Кого иного она могла любить настолько, чтобы забыть чувство любви и благодарности к вам? Я узнал, что вы мало выезжаете, и круг ваших друзей очень ограничен. Но среди них был сэр Джордж Бернвиль. Я еще раньше слышал об его дурной репутации по отношению к женщинам. Должно быть, он и был человек в сапогах, и камни находятся у него. Если он и подозревает, что Артур узнал его, он все же мог считать себя в безопасности, так как молодой человек промолчит, чтобы не скомпрометировать своей семьи.

Ну, теперь вы сами можете предположить, какие меры я принял. В виде нищего бродяги я отправился в дом сэра Джорджа, свел знакомство с его лакеем, узнал, что его барин разбил ночью голову, купил за шесть шиллингов его старые сапоги, отправился с ними в Стритгэм и увидел, что они приходятся вполне к следам...

– Вчера вечером я видел вблизи дома какого-то оборванца, – заметил мистер Гольдер.

– Это был я. Я убедился, что нашел виновного, потому вернулся домой и переоделся. Мне предстояла очень трудная роль, так как нужно было избежать скандала, а я знал, что такой ловкий негодяй отлично понимает, что у нас связаны руки. Я отправился к нему. Сначала он, конечно, отрекся от всякого участия в этом деле. Но когда я рассказал ему все подробности, он стал угрожать мне и снял со стены револьвер. Я, однако, предвидел это и первым приставил ему к голове дуло пистолета. Тогда он стал поблагодарнее.

Я сказал ему, что мы заплатим по тысяче фунтов за каждый камень. Тут, в первый раз, я подметил в нем признаки горя. «Ах, чорт возьми! – проговорил он, – а я-то продал все три за шестьсот фунтов!» Я скоро узнал от него адрес покупателя, успокоив сэра Джорджа, что ему не угрожает преследование. Я отправился к ювелиру, которому он продал камни, долго торговался и, наконец, купил камни по тысяче фунтов за штуку. Тогда я заглянул к вашему сыну, сказал, что все окончилось благополучно, и в два часа ночи лег спать после довольно-таки утомительного трудового дня.

– Дня, который избавил Англию от большого публичного скандала... – сказал банкир, вставая с места. – Сэр, не нахожу слов, чтобы поблагодари вас, но вы увидите, что я человек благодарный. Ваше искусство, действительно, превосходит все, что я слышал о нем. А теперь лечу к моему дорогому мальчику, чтоб извиниться перед ним. То, что вы рассказали мне о бедной Мэри, сильно огорчает меня. Даже ваше искусство не может помочь вам сказать мне, где она?

– Я думаю, можно наверно сказать, что она там, где сэр Джордж Бернвиль, – ответил Холмс. – Верно также и то, что она скоро будет наказана за все свои прегрешения.

Усадьба «Под буками»

– Для человека любящего искусство ради искусства, – заметил Шерлок Холмс, откладывая в сторону лист объявлений газеты «Daily Telegraph», – очень часто самое большое удовольствие доставляют именно маловажные случаи. Мне очень приятно заметить, что вы, Ватсон, поняли эту истину, и в отчетах о наших делах (должен сказать, иногда несколько приукрашенных) отдали преимущество не «causes celebres» и не сенсационным процессам, в которых мне доводилось принимать участие, но случаям, быть может, ничтожным, но давшим мне возможность воспользоваться моими способностями к выводам и логическому синтезу.

– А все же, – с улыбкой ответил я, – я не могу считать себя вполне свободным от обвинений в сенсационности, в которых укоряют мои воспоминания.

– Вы, может быть, ошибались, – заметил Холмс, вынимая щипцами горящую головню и зажигая ею длинную черешневую трубку, которой он заменял обычную глиняную, когда бывал более склонен спорить, чем углубляться в размышления. – Ошибались в том, что хотели придать краски и жизнь вашим рассказам вместо того, чтобы передавать только строгий последовательный ход моих заключений от причины к следствию. А это самое главное.

– Мне кажется, я всегда отдавал вам должное в этом отношении, – заметил я несколько холодно, так как меня отталкивал не раз уже замечаемый мною эгоизм, игравший большую роль в странном характере моего друга.

– Нет, это не эгоизм и не самомнение, – ответил он, как это часто случалось с ним скорее на мою мысль, чем на слова. – Если я требую полной справедливости к моему искусству, то только потому, что считаю его безличным: оно вне меня. Преступление – явление обыкновенное. Логика – редкое. Поэтому-то вам следует обращать более внимания на логику, чем на преступление. Вы низвели лекции на степень простых рассказов...

Было холодное весеннее утро. Мы сидели на квартире на Бейкер-стрит после завтрака у огня, который весело трещал в камине. Густой туман навис над темными домами и в желтых тяжелых его клубках окна противоположных домов казались черными бесформенными пятнами... Газовый рожок бросал свет на белую скатерть стола, на серебро и посуду, стоявшую на нем. Шерлок Холмс все утро молча просматривал столбцы газетных объявлений. Не найдя в них ничего интересного, он пришел в дурное настроение и принялся отчитывать меня за мои литературные промахи.

– А между тем, – проговорил он после долгого молчания, во время которого он курил свою длинную трубку и смотрел в огонь, – вас, в сущности, нельзя обвинить в стремлении к сенсационным темам, так как в большинстве случаев дела, которыми вы интересовались, не заключают в себе состава преступления. Дело короля Богемии, странный случай с мисс Мэри Соутерленд, тайна человека с изуродованной губой и происшествие с аристократом-холостяком, – все это не имело противозаконного характера. Но зато, быть может, избегая всего сенсационного, вы обращали свое внимание на слишком обыденные случаи.

– Может быть, это и правда, – ответил я, – но зато мои заметки интересны и носят печать новизны.

– О, мой милый, какое дело публике, широкой публике, не умеющей отличить ткача по зубам, а композитора по большему пальцу на левой руке, какое ей дело до тонкостей анализа и дедукции. Впрочем, я и не виню вас, что вы интересуетесь тривиальными делами: время интересных процессов прошло. Люди – или, по крайней мере, преступники – потеряли всякую оригинальность, всякую энергию. Что касается до меня лично, то моя профессия вырождается в искусство отыскивания потерянных карандашей и советов пансионерам. Кажется, в этом отношении, я дошел до последнего предела. Прочтите-ка письмо, которое я получил сегодня утром!

Он бросил мне смятое письмо. Оно было помечено предыдущим днем и отправлено с площади Монтэгу.

«Дорогой мистер Холмс! Мне необходимо посоветоваться с вами, принимать ли мне предлагаемое место гувернантки, или нет. Если позволите, я приду завтра в половине одиннадцатого.

С почтением *Виолетта Гентер*».

– Вы знаете эту барышню? – спросил я.

– Нет.

– Теперь как раз половина одиннадцатого.

– Да. А вот и звонят. Наверно, это она.

– Может быть, происшествие будет интересное. Помните, история с голубым карбункулом казалась сущим пустяком, а потом дело-то вышло серьезное. А что если и теперь будет так!

– Будем надеяться! Наши сомнения скоро рассеются. Если не ошибаюсь, это она.

Дверь в комнату отворилась. Вошла молодая девушка. Она была просто, но опрятно одета. Умное, подвижное лицо, все усеянное веснушками, и уверенные манеры обличали в ней женщину, которой приходилось самой пробивать путь к жизни.

– Извините, что беспокоила вас, – сказала она Холмсу. – Со мной произошел странный случай, и так как у меня нет ни родных, ни друзей, то я решилась обратиться к вам, надеясь, что вы будете так добры – посоветуете мне, как поступить.

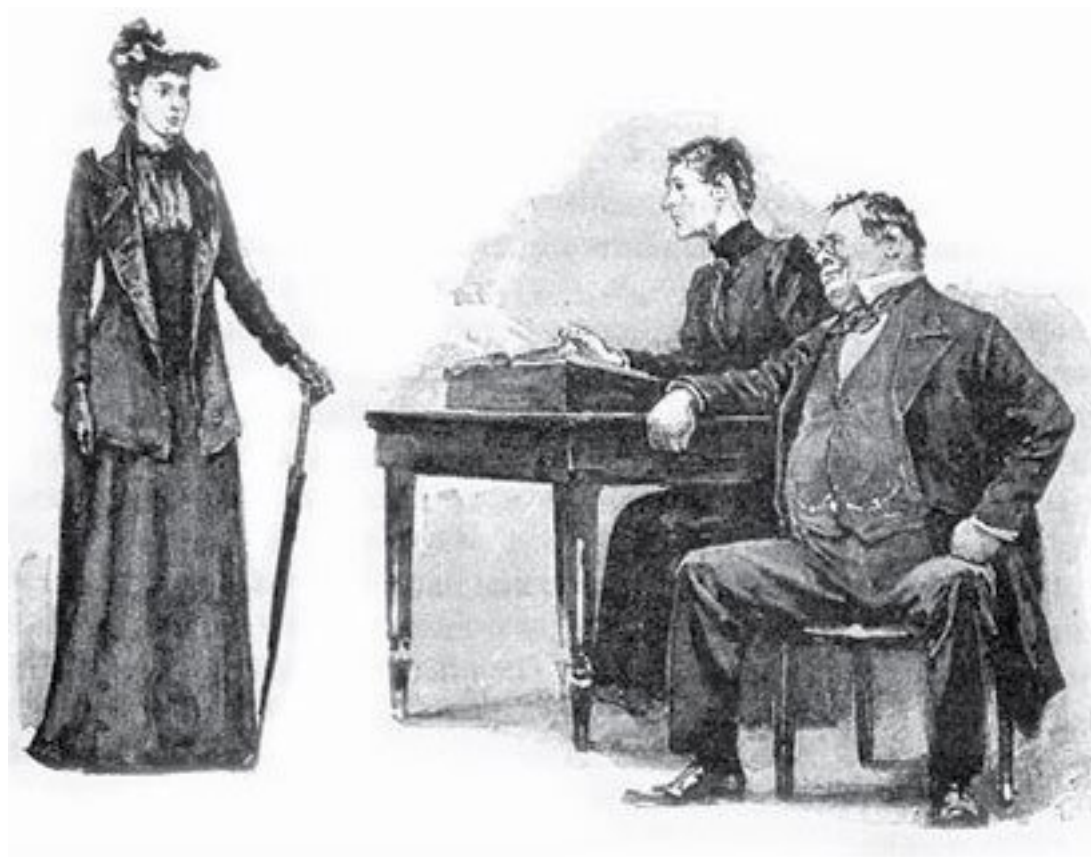
– Пожалуйста, садитесь, мисс Гентер. Рад служить вам.

Я заметил, что новая клиентка произвела на Холмса благоприятное впечатление. Он оглядел ее своим испытующим взглядом, потом опустил глаза, сложил пальцы и приготовился слушать ее рассказ.

– Пять лет я пробыла гувернанткой в семье полковника Сесиля Мунро, – начала свой рассказ мисс Гситер. – Два месяца тому назад полковник получил назначение в Галифакс, в Новой Шотландии, и увез детей в Америку. Я осталась без места. Я стала помещать объявления в газетах, ходила по объявлениям – все безуспешно. Наконец, небольшой запас накопленных мною денег стал приходить к концу, и я положительно не знала, что делать.

В Вест-Энде есть известная контора для приискания мест гувернанткам. Я заходила туда каждую неделю осведомляться, не найдется ли подходящего места. Основателем этого бюро был мистер Вествэй, но ведет дело мисс Стоунер. Она сидит у себя в конторе, а желающих получить место впускают поочередно.

На прошлой неделе, когда я, по обыкновению, вошла в комнату мисс Стоунер, она была не одна. Рядом с ней сидел страшно толстый человек с улыбающимся лицом, толстым подбородком, спускавшимся на шею, и с очками на носу. При виде меня он привскочил на стуле и поспешно обернулся к мисс Стоунер.

– Вот это именно то, что нужно, – сказал он. – Лучше и быть не может. Чудесно!

Он, казалось, был в полном восторге и весело потирал руки. На меня он произвел хорошее впечатление.

– Вы ищете места, мисс? – спросил он.

– Да, сэр.

– Гувернантки?

– Да, сэр.

– А ваши условия?

– На моем последнем месте у полковника Спенса Мунро я получала четыре фунта в месяц,

– О! Безобразие, чистое безобразие! – вскрикнул он, всплескивая руками, как бы в порыве горячего гнева. – Как можно было предложить такую жалкую сумму такой милой барышне, обладающей такими талантами.

– Может быть, вы ошибаетесь насчет моей талантливости, сэр, – сказала я. – Я знаю немножко французский и немецкий языки, музыку, рисование...

– Тс, тс! – крикнул он. – Все это не имеет никакого отношения к делу. Главное в том, чтобы вы умели вести себя и держаться, как истая леди. Не сумеете – не годитесь для воспитания ребенка, которому со временем придется играть большую роль в истории страны. Сумеете – как можно вам предложить менее ста фунтов. Для начала я предлагаю вам, сударыня, сто фунтов жалованья.

Вы можете себе представить, мистер Холмс, как заманчиво было подобного рода предложение для меня, у которой нет ни гроша в кармане. Джентльмен, должно быть, заметил мой недоверчивый взгляд, вынул бумажник и открыл его.

– У меня в обычае, – проговорил он, улыбаясь так, что глаза его казались двумя блестящими линиями среди его пухлого лица, – давать вперед молодым барышням половину их жалованья, чтобы им было, на что одеться.

Никогда в жизни, казалось мне, я не встречала такого очаровательного и внимательного человека. Деньги мне были очень нужны, так как я задолжала лавочникам. Но, несмотря на это, предложение показалось мне несколько странным, и я решила узнать хоть что-нибудь прежде, чем согласиться взять место.

– Позвольте спросить, где вы живете, сэр? – спросила я.

– В Гемпшире. Очаровательное местечко. Называется усадьба «Под буками» и находится в пяти милях от Винчестера. Красивая местность, милая барышня, и прелестный старинный дом.

– Я желала бы узнать, сэр, в чем будут состоять мои обязанности?

– Один ребенок... Славный, живой, шестилетний ребенок... О, если бы вы видели, как он убивает тараканов туфлей! Хлоп! хлоп! хлоп! Не успеешь оглянуться, как трех уж не бывало!

Он откинулся на спинку кресла, и глаза его опять исчезли среди морщин.

Меня несколько удивило подобного рода развлечение ребенка, но, видя, что отец смеется, я подумала, что он просто шутит.

– Значит, мне придется заниматься только с одним ребенком? – спросила я.

– Нет-нет, милая барышня, – сказал он, – вам придется исполнять также приказания моей жены. Понятно такие, какие приличны для барышни. Вы ничего не имеете против этого?

– Буду рада, если могу быть полезной.

– Отлично. Вот, например, относительно одежды. Мы, знаете, люди со странностями, но с добрым сердцем. Так вот, если мы попросим вас носить то платье, которое дадим вам, вы ничего не будете иметь против этой маленькой причуды? А?

– Ничего, – ответила я, сильно удивленная его словами.

– Не будете обижаться, если будем просить вас сидеть тут или там?

– О, нет!

– А если мы попросим вас остричь волосы?

Я еле поверила ушам. Как видите, мистер Холмс, волосы у меня густые и довольно редкого оттенка каштанового цвета. Мне было бы жаль пожертвовать ими.

– К сожалению, это невозможно, – ответила я.

Он пристально взглянул на меня, и я заметила, как тень пробежала по лицу его.

– А я считаю это необходимым, – сказал он. – Это маленькая причуда моей жены, а как вы знаете, сударыня, с женскими причудами приходится считаться. Итак, вы не соглашаетесь остричься?

– Нет, сэр, – твердо ответила я.

– А, отлично... Значит, дело кончено. А жаль, потому что в других отношениях вы совершенно подходите к нашим условиям. В таком случае, мне нужно повидать других барышень, мисс Стоунер.

Хозяйка сидела все время молча, перебирая бумаги. При последних словах незнакомца она взглянула на меня таким недовольным взглядом, что я невольно заподозрила, что мой отказ заставляет ее терять хорошие деньги.

– Вы желаете оставаться в списке? – спросила она.

– Да, мисс Стоунер.

– Но, право, это кажется вполне бесполезным, раз вы отказываетесь от таких превосходных предложений, – резко проговорила она. – Вряд ли вам дождаться другого подобного. Прощайте, мисс Гентер.

Когда я вернулась домой, мистер Холмс, и увидела, что в буфете у меня ничего нет, а на столе лежат неуплаченные счета, то невольно спросила себя, не сделала ли я глупости. Ну,

если у этих господ какие-то странные причуды, если они требуют необычайного повиновения, то зато они и готовы давать хорошую плату за свои эксцентричности. В Англии гувернантки редко получают сто фунтов в год. Да и к чему мне длинные волосы? Многим очень идут короткие, может быть, пойдут и мне. Через два дня я была вполне уверена, что я сделала большую глупость и подумывала уже переломить свою гордость, пойти в контору и узнать, не свободно ли еще это место, как вдруг получаю письмо. Оно со мной, и я прочту его вам.

«Под буками», вблизи Винчестера.

«Дорогая мисс Гентер. Мисс Стоунер была так добра, что дала мне ваш адрес. Пишу, чтобы спросить вас, не переменили ли вы своего решения. Моей жене хочется, чтобы вы согласились жить у нас, так как вы очень понравились ей по моему описанию. Мы согласны давать вам по тридцати фунтов за три месяца – т. е. 120 ф. в год, чтобы вознаградить вас за мелкие неприятности, причиняемые нашими причудами. Да вообще в них нет ничего затруднительного. Жена любит особый оттенок синего цвета – *bleu électrique* – и желает, чтобы вы носили платье этого цвета по утрам. Вам не придется тратиться, так как у нас осталось такое платье от нашей дорогой дочери Алисы (которая живет теперь в Филадельфии); оно будет, я думаю, как раз впору вам. Не думаю также, чтобы вам было особенно неприятно сидеть где-либо в указанном месте или заниматься, чем вас попросят. Что же касается волос, то, как ни жаль обрезать такие чудесные волосы, я должен настоять на этом; однако, надеюсь, что увеличение жалованья вознаградит вас за потерю. Ваши обязанности относительно ребенка очень легкие, приезжайте же, я буду ждать вас в Винчестере с экипажем. Дайте знать, с каким поездом приедете.

С почтением Джеффри Рюкенсталь».

Вот, мистер Холмс, письмо, только что полученное мной. Я решилась принять это место. Однако, прежде чем сделать решительный шаг, я обращаюсь к вам за советом.

– Раз вы решились, то нам не о чем и говорить, мисс Гентер, – улыбаясь, проговорил Холмс.

– А вы посоветовали бы мне отказаться?

– Признаюсь, я не желал бы видеть свою сестру на таком месте.

– Что это значит, мистер Холмс?

– Ах, у меня нет никаких данных. Я не могу ничего сказать. Может быть, вы сами составили себе какое-нибудь мнение?

– По-моему, возможно только одно предположение. Мистер Рюкенсталь показался мне очень добрым человеком. Может быть, жена его сумасшедшая, и он желает скрыть это, чтобы ее не засадили в лечебницу; он исполняет все ее капризы, чтобы предотвращать приступы бешенства.

– Конечно, это возможное, даже очень возможное предположение. Но, во всяком случае, это не очень-то приятное место для молодой барышни.

– Но деньги, мистер Холмс, деньги!

– Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишком хорошее. Вот это-то и тревожит меня. Отчего они дают вам 120 фунтов, когда любая пойдет за 40? Наверно, есть какая-нибудь основательная причина.

– Я думала, что надо вам рассказать все, чтобы вы поняли, если понадобится потом ваша помощь. Я буду чувствовать себя сильнее, зная, что вы стоите за моей спиной.

– Можете быть спокойны в этом отношении. Дело обещает быть одним из самых интересных за последние месяцы. Тут встречаются совершенно новые черты. Если вы будете в недоумении или опасности...

– Опасности?! Какого рода опасности?

Холмс серьезно покачал головой.

– Опасности не будет, если мы сумеем определить, в чем она состоит, – сказал он. – Дайте мне телеграмму, и я приеду к вам во всякое время дня или ночи.

– Этого достаточно, – проговорила она, вставая.

Всякое выражение тревоги исчезло с ее лица.

– Теперь я совершенно спокойно уеду в Гемпшир. Сейчас же напишу мистеру Рюкэстало, принесу в жертву мои бедные волосы, а завтра отправлюсь в Винчестер.

Она в кратких словах поблагодарила Холмса, простилась с нами и поспешно вышла из комнаты.

– Ну, эта барышня сумеет постоять за себя, – проговорил я, прислушиваясь к ее быстрым, решительным шагам.

– И отлично, так как, я думаю, ей скоро придется позвать нас, – серьезно сказал Холмс.

Вскоре предсказание моего приятеля оправдалось. В продолжение двух недель я часто думал о мисс Гентер. Необыкновенно большое жалованье, странные условия, легкие обязанности – все было ненормально, все указывало на нечто особенное. Я не мог решить, что это – причуда или преступный замысел, не мог решить, что за человек, пригласивший мисс Гентер – филантроп или негодяй. Я заметил, что Холмс часто сидел, нахмутив брови, весь погруженный в раздумье, но когда я заговорил о мисс Гентер, он только махал рукой.

– Данных, данных! – кричал он. – Без глины не сделать кирпичей, – и заканчивал словами, что не желал бы своей сестре подобного места.

Наконец, поздней ночью мы получили телеграмму. Я только что собирался уйти спать, а Холмс принялся за свои химические опыты. Я часто оставлял его вечером среди реторт и пробирок и находил его утром в том же положении. Он вскрыл желтый конверт, пробежал телеграмму глазами и бросил ее мне.

– Посмотрите в путеводителе, как идут поезда, – проговорил он, возвращаясь к своим химическим опытам.

Телеграмма была короткая и ясная: «Пожалуйста, будьте завтра в полдень в гостинице «Черный Лебедь», в Винчестере. Приезжайте. Я ничего не понимаю. Гентер».

– Поедете со мной? – спросил Холмс, поднимая глаза.

– Очень бы хотелось.

– Так посмотрите расписание.

– Есть поезд в половине десятого. В Винчестер приходит в 12 часов 30 минут, – сказал я, просмотрев расписание.

– Отлично. Пожалуй, лучше отложить анализ ацетонов, так как завтра нужно быть вполне свежим.

На следующий день мы подъехали к древней английской столице. Все время в дороге Холмс рылся в газетах, но после того, как мы въехали в Гемпшир, он отбросил их и стал восхищаться окружающим нас видом. Стоял идеальный весенний день. По светло-голубому небу с востока на запад неслись легкие белые облачка. Солнце ярко светило, но в воздухе чувствовалась живительная свежесть, вливавшая энергию в душу человека. Повсюду среди свежей зеленой листвы мелькали красные и серые крыши ферм.

– Ну, разве это не прекрасно?! – вскрикнул я с энтузиазмом человека, только что покинувшего туманы Бейкер-стрит.

Холмс покачал головой с серьезным видом.

– Знаете, Ватсон, на людях, подобных мне, лежит проклятие: на все смотришь с точки зрения своей специальности, – сказал он. – Вот вы смотрите на эти разбросанные домики и восхищаетесь их красотой. Смотрю я – и единственно, что приходит мне на мысль: как удивительно они стоят и как легко тут совершить преступление.

– Господи! – вскрикнул я. – Ну, кому придет в голову мысль о преступлении, когда смотришь на эти милые, старые жилища?

– Они всегда наполняют мою душу ужасом. Я глубоко верю, Ватсон, на основании опыта, что самые глухие и скверные улицы Лондона не хранят в себе столько ужасных воспоминаний о грехе, сколько улыбающиеся, красивые деревни.

– Вы пугаете меня.

– Но ведь это же вполне ясно. В городе общественное мнение может играть роль закона. В самой жалкой улице крик истязуемого ребенка или звук побоев, наносимых каким-нибудь пьяницей, вызывает сострадание или негодование соседей, да и все органы правосудия под рукой, так что всегда можно принести жалобу, и наказание следует за преступлением. Но взгляните на эти маленькие уединенные домики, наполненные, в большинстве случаев, бедными невежественными людьми, не имеющими ни малейшего понятия о законе, Подумайте о дьявольски жестоких, ужасных вещах, которые могут совершаться здесь из года в год, и никто не будет ничего знать. Если бы барышня, которая обращается к нам за помощью, жила в Винчестере, я нисколько бы не боялся за нее. Опасность в том, что она живет в пяти милях от города. Однако, ясно, что ничто лично ей не грозит.

– Если она приезжает в Винчестер, чтобы повидаться с нами, то, значит, может и вообще уехать оттуда.

– Очевидно. Она свободна.

– Так в чем же дело? Как объясняете вы это?

– Я придумал семь объяснений известных нам фактов. Которое из них верное – узнаем из новых сведений, которые, без сомнения, ожидают нас. Вот и колокольня собора. Скоро мы услышим, что расскажет нам мисс Гентер.

«Черный Лебедь» – известная гостиница на Гай-стрит, вблизи станции. Мисс Гентер ожидала нас там. Завтрак был приготовлен в отдельной комнате.

– Я так рада, что вы приехали, – сказала она серьезным тоном. – Это чрезвычайно мило со стороны вас. Я, право, не знаю, что мне делать. Ваши советы будут иметь громадное значение.

– Расскажите, пожалуйста, что случилось с вами.

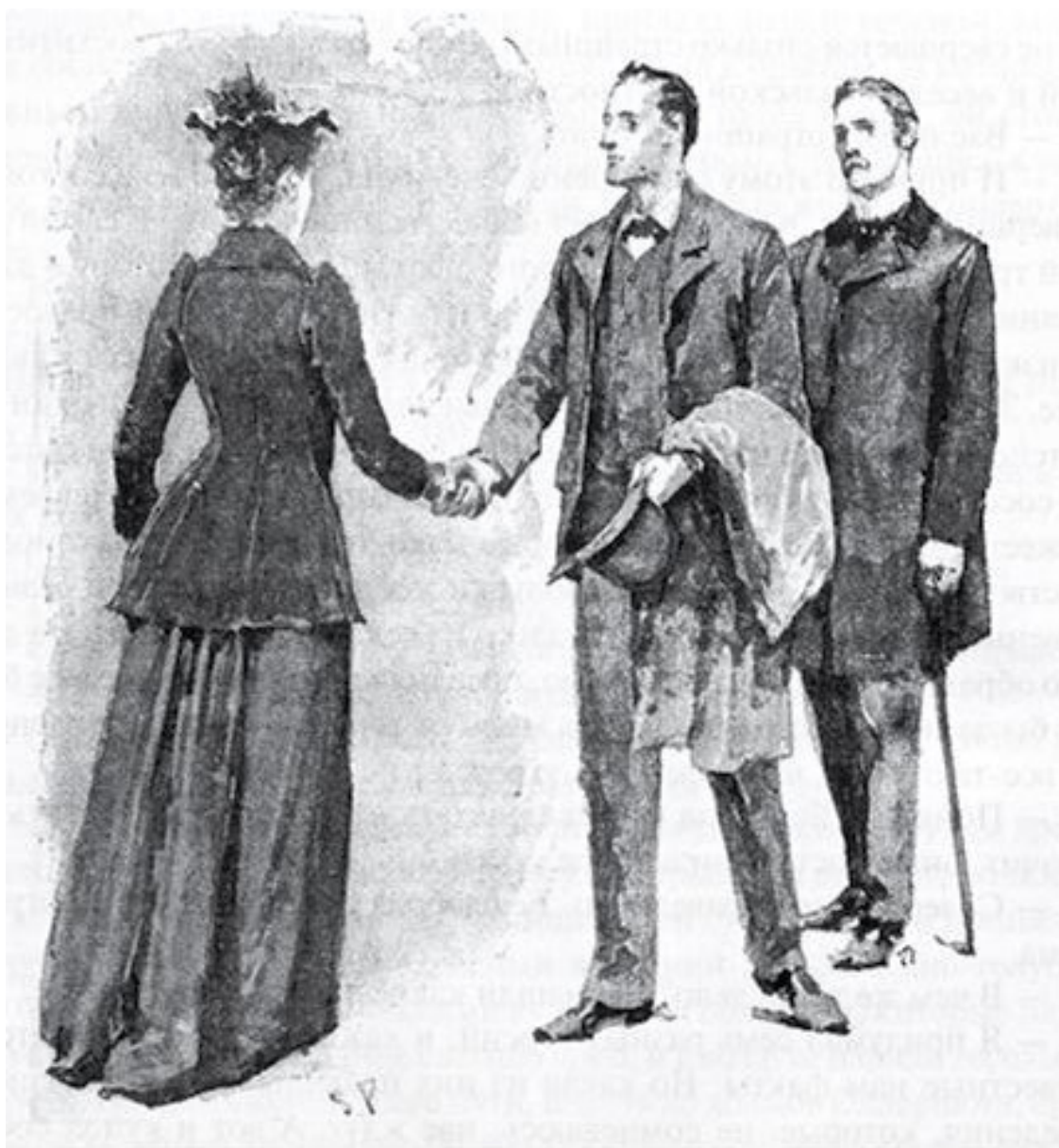
– Непременно. Но мне нужно поторопиться, так как я обещала мистеру Рюкенсталь, что вернусь к трем часам. Я получила от него позволение отправиться в город, хотя он и не подозревает зачем.

– Ну-с, говорите все по порядку, – сказал Холмс, вытягивая к камину свои длинные ноги и приготовившись слушать.

– Во-первых, не могу, по справедливости, сказать, чтобы мистер или миссис Рюкенсталь дурно обращались со мной. Но я не понимаю их, и многое тревожит меня.

– Чего вы не понимаете?

– Их поведения. Но я расскажу вам все. Когда я приехала, мистер Рюкенсталь встретил меня на станции и отвез меня в экипаже в «Под буками». Местность, как он говорил, действительно красивая, но сам дом некрасив. Это – большое, четырехугольное, квадратное здание, выкрашенное в белую краску, на которой видны пятна от сырости и дурной погоды. Вокруг дома разведен сад; с трех сторон он окружен лесами, с четвертой идет поле, которое спускается к Соутгэмптонской большой дороге, извивающейся ярдах в ста от подъезда. Поле принадлежит мистеру Рюкенсталь, а леса – лорду Соутертону. Несколько буков перед домом дала название усадьбе.

Любезный хозяин познакомил с женой и ребенком. Наше предположение насчет миссис Рюкенсталь оказалось неверным, мистер Холмс. Она вовсе не сумасшедшая. Это – молчаливая, бледная женщина лет тридцати. Она гораздо моложе мужа, которому, по-моему, не менее сорока пяти лет. Из их разговора я узнала, что они женаты около семи лет, что он вдовец, и его единственная дочь от первого брака уехала в Филадельфию. Мистер Рюкенсталь сказал мне по секрету, что причиной ее отъезда было непобедимое отвращение к мачехе. Так как дочери должно быть не менее двадцати лет, то, понятно, ее положение в доме при молодой мачехе могло быть неприятным.

Миссис Рюкенсталь показалась мне такой же бесцветной по уму и характеру, как и по наружности. Она не произвела на меня никакого впечатления. Это – полная ничтожность. Очевидно, она страстно любит своего мужа и ребенка. Она все время смотрела то на одного, то на другого своими светло-серыми глазами и предупреждала каждое их желание. Муж также, по-своему, был добр с ней, и, вообще, они казались счастливыми супругами. И все же у этой женщины есть какое-то затаенное горе. По временам она погружается в глубокое раздумье, и тогда на лице ее появляется печальное выражение. Несколько раз я заставляла ее в слезах. Иногда я думала, что ее беспокоит характер сына, так как мне никогда не случалось встречать такого

избалованного и злого мальчика. Он мал для своих лет; голова непропорционально велика. Вся жизнь его, по-видимому, проходит в смене припадков дикого бешенства промежутками угрюмого расположения духа. Единственное его развлечение – это причинять боль всякому слабейшему существу. Он выказывает замечательную изобретательность в ловле мышей, птиц и насекомых. Но мне не хочется говорить о нем, мистер Холмс, и к тому же он имеет мало отношения к моему рассказу...

– Я рад всякой подробности, – заметил Холмс, – какой бы пустячной она ни казалась вам.

– Постараюсь не пропустить ничего важного. Единственное, что сразу неприятно подействовало на меня – это вид и поведение прислуги. Слуг только двое – муж и жена. Толлер – так зовут мужа – грубый, неуклюжий человек с седыми волосами и бакенбардами и постоянным запахом водки. С тех пор, как я живу в доме, он два раза был совершенно пьян, но мистер Рюкенсталь, кажется, не обратил внимания на это. Его жена очень высокая, сильная женщина, с кислым лицом, молчаливая, как миссис Рюкенсталь, но не такая любезная, как она. Это очень неприятная пара, но, к счастью, я провожу большую часть дня в детской и в моей комнате, которые находятся в углу дома.

В продолжение двух дней по моем приезде жизнь моя шла совершенно спокойно; на третий день миссис Рюкенсталь после завтрака подошла к мужу и шепнула ему что-то.

– О, да, – проговорил он, оборачиваясь ко мне.

– Мы чрезвычайно обязаны вам, мисс Гентер, что вы согласились исполнить наш каприз и обрезать свои волосы. Уверяю вас, что вы несколько не подурнели от этого. Теперь посмотрим, как вам пойдет платье цвета «blue electric». Оно лежит на постели у вас в комнате. Не будете ли вы так добры надеть его.

Платье оказалось особенного голубого цвета из отличной материи, в роде бежа, но, несомненно, поношенное. Сшито оно было как будто по моей мерке. При виде меня в нем супруги Рюкенсталь пришли в какой-то неестественный восторг. Они дожидались меня в гостиной, очень большой комнате с тремя окнами, доходящими до полу. У среднего окна, спиной к нему, стоял стул, на который меня попросили сесть. Мистер Рюкенсталь ходил по комнате, рассказывая мне самые смешные истории. Вы не можете себе представить, как он был комичен. Я хохотала до слез. Миссис Рюкенсталь, очевидно, не понимает юмора; она не улыбнулась ни разу и все время сидела, сложив руки на коленях, с печальным, тревожным выражением на лице. Приблизительно через час мистер Рюкенсталь вдруг заметил, что пора приниматься за дела, и что я могу переменить платье и идти в детскую к Эдуарду.

Через два дня повторилась та же церемония – снова я переменила платье, снова села у окна и ото всей души смеялась над смешными историями, которые рассказывал мне мистер Рюкенсталь. Репертуар у него был обширный, и рассказывал он неподражаемо. Потом он дал мне роман в желтой обложке, повернул немного мой стул так, чтобы моя тень не падала на книгу, и попросил меня почитать ему. Я читала минут десять, начав с середины главы. Внезапно он прервал меня на половине фразы, сказав, чтобы я переделалась.

Можете себе представить, мистер Холмс, как все это возбудило мое любопытство. Я заметила, что они всегда старались посадить меня спиной к окну. Понятно, что меня охватило страстное желание узнать, что делается у меня за спиной. Сначала это казалось невозможным, но скоро счастливая мысль пришла мне в голову. У меня было сломанное ручное зеркальце. На следующий раз я спрятала кусочек стекла в платке, поднесла его во время взрыва смеха к глазам и принаровилась так, чтобы видеть, что делалось сзади меня. Признаюсь, меня ожидало разочарование – там ничего не оказалось.

По крайней мере, таково было мое первое впечатление. При втором взгляде я заметила, что на Соутгэмптонской дороге стоит маленький бородатый человек в серой одежде и смотрит в мою сторону. Эта большая проезжая дорога, и на ней обыкновенно бывает много народа. Но этот человек стоял, облокотившись на изгородь, и пристально смотрел на дом. Я опустила

платок и, взглянув на миссис Рюкенсталь, увидела, что она смотрит на меня проницательным взглядом. Она ничего не сказала, но, я уверена, что она догадалась, что у меня в руке было зеркало, в котором я видела, что происходило за моей спиной. Она поднялась со стула.

– Джефри, – сказала она, – какой-то нахал смотрит с улицы на мисс Гентер.

– Кто-нибудь из ваших друзей, мисс Гентер?

– Нет; у меня нет здесь знакомых.

– Что за дерзость? Пожалуйста, обернитесь и махните рукой, чтобы он ушел.

– Не лучше ли не обращать внимания?

– Нет-нет, он станет, пожалуй, постоянно шататься тут. Пожалуйста, обернитесь и махните ему рукой.

Я исполнила его желание, и миссис Рюкенсталь тотчас же спустила штору. Это было неделю тому назад, и с тех пор я не сидела больше у окна, не надевала голубого платья и не видала этого человека на дороге...

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал Холмс. – Ваш рассказ обещает быть чрезвычайно интересным.

– Боюсь, что вы найдете его несколько бессвязным. В первый же день моего пребывания в усадьбе, мистер Рюкенсталь свел меня в маленький амбар у кухни. Подходя к нему, я услышала громкий лязг цепи и какой-то шум, как будто там двигалось большое животное,

– Взгляните сюда! – сказал мистер Рюкенсталь, раздвигая доски. – Ну, разве он не красавец?

Я взглянула в щель и увидела в темноте два горящих глаза и смутное очертание какой-то фигуры.

– Не бойтесь, – сказал мистер Рюкенсталь, заметив, что я вздрогнула. – Это Карло, моя большая дворовая собака. Я называю ее моей, но, в действительности, только старый Толлер, мой грум, умеет справляться с ней. Мы кормим ее только раз в день, да и то понемногу, так что она всегда бывает голодной. Толлер выпускает ее по ночам, и не поздоровится тому, кто попадется ей на клыки.

Предостережение было не напрасно: через два дня я случайно выглянула из окна около двух часов ночи. Стояла чудная лунная ночь; на лужайке перед домом было светло почти как днем. Я стояла у окна, очарованная тихой красотой расстилавшегося передо мной вида, как вдруг заметила, что какое-то существо движется в тени буков. Когда оно вышло на свет, то оказалось громадной собакой, величиной почти с теленка. Она была страшно худая, коричневого цвета, с черной мордой и опущенным хвостом. Она медленно прошла по лужайке и исчезла в тени на другой стороне. Сердце у меня сжалось от ужаса при виде этого безмолвного страшного часового. Никакой разбойник не испугал бы меня так...

А теперь я должна рассказать вам очень странный случай. Как вы уже знаете, я обрезала волосы в Лондоне. Уезжая, положила их на дно чемодана. Однажды вечером, уложив ребенка, я начала разглядывать мебель в своей комнате и убирать мои вещи. Между прочими вещами тут был старый комод, два верхних ящика которого были открыты и пусты, а нижний заперт. Я наполнила верхние бельем, но у меня осталось еще много вещей, и мне было неприятно, что я не могу воспользоваться третьим ящиком. Мне пришло в голову, что его заперли случайно, и потому я вынула связку ключей и попробовала открыть ящик. Первый же ключ вполне пришелся к замку, и я открыла ящик. Ни за что вам не угадать, что было там! Мои собственные волосы.

Я вынула их из комода и начала рассматривать. Волосы были того же оттенка, как мои, и так же густы. Но как могли мои волосы очутиться в этом комодe? Дрожащими руками раскрыла я чемодан, вынула из него все вещи и достала волосы. Я положила рядом обе косы и уверяю вас, что их нельзя было отличить одну от другой. Разве это не удивительно? Но как я ни ломала

голову, я ничего не могла придумать. Я положила чужие волосы обратно в комод и ничего не сказала Рюкенсталям, так как чувствовала себя неправой в том, что отперла ящик...

Может быть, вы заметили, что я довольно наблюдательна по натуре, мистер Холмс, и потому я скоро хорошо узнала план всего дома. Один флигель казался вполне необитаемым. Дверь из него шла в помещение Толлеров, но она была всегда заперта. Однако, однажды, подымаясь на лестницу, я встретила мистера Рюкенсталь, выходящего из этой двери со связкой ключей в руках. Он совсем не походил на того веселого человека, которого я привыкла видеть. Щеки у него были красные, лоб сердито нахмурен, а жилы на висках напряглись от гнева. Он захлопнул дверь и быстро прошел мимо, не взглянув на меня и не сказав ни слова.

Это возбудило мое любопытство, и когда я пошла гулять со своим воспитанником, то направилась в ту сторону, откуда могла видеть окна флигеля. Три из них были грязны, а четвертое закрыто ставнями. Очевидно, во флигеле никто не жил. Мистер Рюкенсталь, веселый и радостный, как всегда, подбежал ко мне.

– Ах, не сердитесь на меня, милая барышня, что я прошел мимо вас, не сказав ни слова, – проговорил он.

Я ответила, что нисколько не обиделась.

– Кстати, – прибавила я, – у вас тут много пустых комнат, а в одной из них закрыты ставни.

Он взглянул на меня с удивлением и, как мне показалось, с некоторым смущением.

– Я очень увлекаюсь фотографией, – сказал он, – и устроил тут мастерскую. Однако, милая барышня, как вы наблюдательны! Кто мог бы подумать!

Он говорил шутливым тоном, но во взгляде, устремленном на меня, я прочла выражение неудовольствия и подозрения.

Ну, мистер Холмс, как только я поняла, что во флигеле есть что-то, чего я не должна знать, мной овладело страстное желание попасть туда. Это было не только пустое любопытство, хотя я и любопытна по природе. Скорее, это было чувство долга – предчувствие, что из этого выйдет что-то хорошее. Говорят о женском инстинкте, может быть, он и говорил во мне. Я твердо решила воспользоваться первым удобным случаем, чтобы пройти в запретную дверь.

Случай этот представился только вчера. Следует сказать, что в пустом флигеле, кроме мистера Рюкенсталь, бывают также Толлер и его жена. Один раз я видела, как он пронес в дверь большой холщовой мешок. Последнее время он сильно пил, а вчера вечером был совершенно пьян. Подымаясь вверх, я заметила, что в двери торчит ключ. Наверно, его забыл Толлер. Мистер и миссис Рюкенсталь были внизу с ребенком. Случай благоприятствовал мне. Я тихо повернула ключ в замке, открыла дверь и вошла.

Передо мной был небольшой коридор; справа от него шел другой коридор, в который выходили три двери. Первая и третья вели в пустые комнаты с окнами, покрытыми густым слоем пыли. Средняя дверь была заперта на замок и, кроме того, прикрыта снаружи широким железным прутком, снятым, очевидно, с кровати; один конец шеста был прикреплен к кольцу в стене, а другой привязан веревкой. В замке ключа не было. Забаррикадированная дверь соответствовала как раз запертому окну, но по пробивавшемуся из-под нее свету я заметила, что в комнате не темно. Очевидно, там было окно наверху. Я стояла, смотря на дверь и думая, какая тайна скрывается тут, когда внезапно услышала шаги в комнате и при неясном свете, сквозившем из-под двери, увиделадвигающуюся там тень. Ужасный, безумный страх овладел мною. Натянутые нервы не выдержали – я повернулась и побежала, побежала, словно убегая от чьей-то страшной руки, старавшейся удержать меня. Я вылетела из двери и попала прямо в объятия мистера Рюкенсталь.

– Так это вы, – улыбаясь, проговорил он. – Я так и подумал, когда увидел, что дверь отперта.

– О, я так испугалась! – задыхаясь, сказала я.

– Ах, милая барышня, милая барышня! – если бы вы знали, как ласково говорил он. – Чего же вы так испугались, дорогая барышня?

Но он слишком уже ласково говорил, а потому я насторожилась.

– Я имела глупость войти в пустой флигель, – ответила я. – Но там так пусто и темно, что я испугалась и выбежала вон. И какая страшная тишина!

– И это все? – спросил он, смотря на меня проницательным взглядом.

– А что такое? – сказала я.

– Зачем, по-вашему, я запираю эту дверь?

– Право, не знаю.

– А для того, чтобы туда не ходили те, которым там делать нечего. Понимаете?

Он продолжал любезно улыбаться.

– Если бы я знала...

– Ну, теперь вы знаете. И если вы еще раз переступите этот порог... – в одно мгновение его улыбка перешла в гримасу бешенства, а лицо приняло дьявольское выражение, – я брошу вас Карло.

Я так испугалась, что, ничего не сознавая, пробежала к себе в комнату. Опомившись, я увидела, что лежу на кровати. Тогда я подумала о вас, мистер Холмс. Мне было необходимо посоветоваться с кем-нибудь. Я боюсь жить там, боюсь мистера Рюкенсталь, его жены, прислуги, даже ребенка. Все они наводят на меня ужас. Если же вы приедете, – думала я, – все будет хорошо. Конечно, я могла бы бежать из их дома, но любопытство боролось во мне с чувством страха. Наконец я решила послать вам телеграмму, надела шляпу и пальто, пошла на телеграф, за полмили от дома, дала вам телеграмму и вернулась домой несколько успокоенной. По мере того, как я подходила к дому, мной овладел ужас при мысли, что собака спущена с цепи, но я вспомнила, что Толлер напился до полного бесчувствия, а только он имеет влияние на свирепого Карло и решается выпускать его. Я проскользнула к себе в комнату и долго не спала от радости, что увижу вас. Сегодня утром я, без всяких затруднений, получила позволение поехать в Винчестер, но должна вернуться к трем часам, потому что Рюкенстали едут в гости, а я остаюсь с ребенком... Ну, теперь я рассказала вам все свои приключения, мистер Холмс, и буду очень рада, если вы объясните мне, что все это значит, а главное – посоветуйте, что мне делать.

Холмс и я с напряженным любопытством слушали эту странную историю. По окончании ее Холмс встал со стула и стал ходить по комнате, заложив руки в карманы. Лицо его было чрезвычайно серьезно.

– Толлер все еще пьян? – спросил он.

– Да. Я слышала, как его жена говорила миссис Рюкенсталь, что ничего не может поделать с ним.

– Это хорошо. А Рюкенстали сегодня в гостях?

– Да.

– Нет ли в доме погреба с крепким замком?

– Есть. Там держат вино.

– Вы все время действовали, как храбрая, разумная женщина, мисс Гентер. Можете ли вы совершить еще один подвиг? Я не просил бы сделать это, если бы не считал вас исключительной женщиной.

– Попробую. В чем дело?

– К семи часам я и мой друг приедем в усадьбу «Под буками». Рюкенстали уедут к этому времени, а Толлер, надеюсь, будет не в состоянии понять что-либо. Остается только миссис Толлер. Если бы вы могли послать ее за чем-нибудь в погреб, а затем запереть ее там на замок, вы бы значительно помогли делу.

– Я сделаю это.

– Превосходно! Тогда мы будем в состоянии основательно исследовать это дело. Конечно, возможно только одно объяснение: вас пригласили затем, чтобы вы изображали ту, которая заключена в известной вам комнате. Это вполне ясно. И если не ошибаюсь, узница не кто иная, как мисс Алиса Рюкенсталь, которая, как рассказывают, уехала в Америку. Без сомнения, избрали именно вас, как похожую на нее ростом, фигурой и цветом волос. Ее остригли, вероятно, после какой-нибудь болезни – вот почему и вам пришлось пожертвовать своими волосами. По странной случайности вам попала ее коса. Человек, которого вы видели на дороге, несомненно, ее друг, а может быть, и жених. Видя вас в платье Алисы и так похожей на нее, он, по вашему смеху и жестам, заключил, что мисс Рюкенсталь вполне счастлива и не нуждается более в его любви. Собаку выпускают ночью, чтобы помешать ему видиться с девушкой. До сих пор все ясно. Самым серьезным обстоятельством в деле является характер ребенка.

– Какое отношение это может иметь к делу?! – вскрикнул я.

– Дорогой мой Ватсон, вы, как врач, постоянно определяете наклонности ребенка, изучая его родителей. Разве не может быть обратно? Я часто распознавал характер родителей, наблюдая их детей. Этот ребенок неестественно жесток; унаследовал ли он эту жестокость от вечно улыбающегося отца (что, по-моему, весьма вероятно) или от матери – во всяком случае, плохо бедной девушке, попавшей в их руки.

– Я уверена, что вы правы, мистер Холмс, – сказала наша клиентка. – Теперь мне припоминаются тысячи мелочей, по которым я вижу, что ваши предположения вполне справедливы. О, не будем терять времени и поможем несчастной!

– Надо действовать осторожно, так как мы имеем дело с чрезвычайно хитрым человеком. В семь часов мы будем у вас и, вероятно, скоро выясним дело.

Ровно в семь часов мы подошли к усадьбе, оставив экипаж на постоялом дворе. По букам, темные листья которых отливали темным золотом при последних лучах заходящего солнца, мы узнали бы дом, даже если бы мисс Гентер не встретила нас на крыльце.

– Устроили? – спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился громкий стук.

– Это стучит миссис Толлер в погребе, – сказала мисс Гентер. – Муж ее храпит на полу в кухне. Вот его ключи; такие же есть и у мистера Рюкенсталь.

– Прекрасно оборудовали дело! – в восторге вскрикнул Холмс. – Теперь ведите нас, и мы скоро покончим с этой темной историей.

Мы отперли дверь, прошли коридор и очутились перед запертой дверью, которую описывала нам мисс Гентер. Холмс перерезал веревку и снял засов. Он попробовал несколько ключей, но безуспешно. Изнутри ничего не было слышно, и лицо Холмса омрачилось.

– Надеюсь, мы не опоздали, – проговорил он. – Я думаю, мисс Гентер, мы лучше войдем одни, без вас. Ну, идите сюда, Ватсон, посмотрим, не удастся ли нам сломать дверь.

Дверь была старая и сразу поддалась. Мы бросились в комнату. Она была пуста. Кроме кровати, столика и корзины белья в ней ничего не было. Окно наверху оказалось открытым, а узница исчезла.

Оружие

Охотничий хлыст Шерлока Холмса

Во времена Холмса в Англии в свободном обращении находилось около четверти миллиона револьверов. Оружие запрещалось продавать только «пьяным и сумасшедшим». Холмс и Ватсон имели оружие, но применяли его крайне редко. Полагают, что они оба были обладателями револьверов «Webley» («Уэбли»), различные модели которого были в ходу в Британской армии в 1880–1940 годах. Этот револьвер имел переломную рамку, ствол откидывался для перезарядки барабана. По мнению других «холмсоведов» легендарный сыщик был вооружен пятизарядным короткоствольным револьвером «Бульдог», появившимся в продаже в конце 1870-х годов. Это компактное оружие обычно носили без кобуры в карманах верхней одежды. Перезаряжался он через дверцу в задней части за барабаном.

Оружие в викторианской Англии продавалось совершенно свободно – как трость или зонтик. Никто не спрашивал вероисповедания, и не интересовался принадлежностью к той или иной партии. Государство и общество смирилось со свободным оборотом оружия, тем более что

многие офицеры, прибывшие после колониальных войн обратно на родину, обязательно оставляли себе личное оружие и на память, и для самообороны. Оружие в то время было достаточно дорогой вещью, и позволить его себе могли только весьма обеспеченные джентльмены. Уличная преступность предпочитала тихие и дешевые ножи и удавки, и при этом часто страдала от пуль законопослушных джентльменов, не желавших расставаться со своими кошельками и часами.

Холмс почти всегда имел при себе, как истинный джентльмен, трость. Он несколько раз использует ее как оружие, в частности, чтобы отогнать ядовитую змею в рассказе «Пестрая лента». В «Этюде в багровых тонах» Ватсон описывает своего друга как человека, прекрасно владеющего шпагой. В рассказе «Глория Скотт» Холмс упражняется в фехтовании. В некоторых ситуациях он появляется, вооруженный охотничьим хлыстом. Часто он в борьбе с противниками использует навыки рукопашные навыки и всегда выходит победителем.

Револьвер «Уэбли»

– Тут произошло нечто скверное, – сказал Холмс. – Молодец пронюхал о намерениях мисс Гентер и похитил свою жертву.

– Но как?

– Через слуховое окно. Сейчас мы увидим, как он это сделал.

Холмс влез на крышу.

– Ага! – крикнул он. – Вот тут приставлена лестница. По ней он и спустился.

– Это невозможно, – возразила мисс Гентер. – Лестницы здесь не было, когда уезжали Рюкенстали.

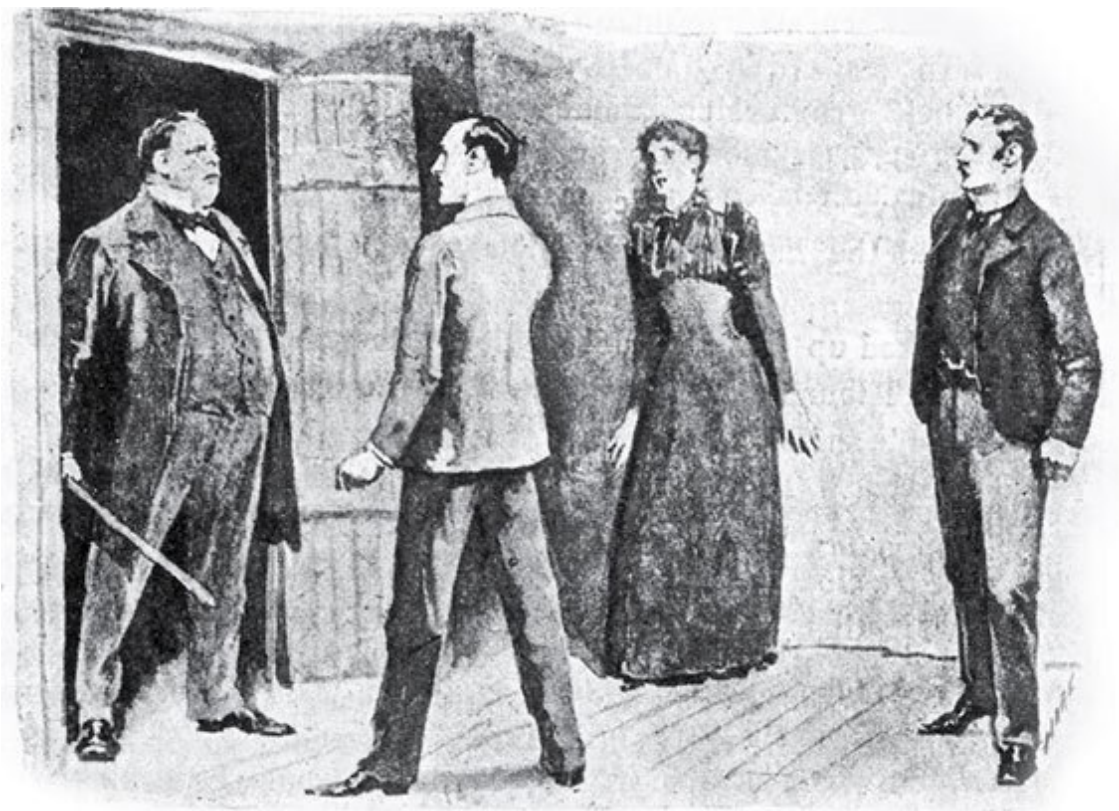
– Он вернулся домой и приставил ее. Повторяю, он умный и опасный человек. Я не удивляюсь, если он сейчас придет сюда. Смотрите, Ватсон, держите револьвер наготове.

Он только успел проговорить эти слова, как в дверях комнаты показался очень толстый мужчина с тяжелой дубиной в руках. При виде его мисс Гентер вскрикнула и прижалась к стене, Шерлок Холмс подскочил к нему и закричал:

– Негодяй! Где ваша дочь?

Толстяк оглядел всех нас, потом взглянул на открытое слуховое окно.

– Я должен вас спросить об этом! – громко крикнул он. – Негодяи, шпионы, воры! Я поймал вас! Вы в моих руках! Погодите, голубчики.

Он повернулся и быстро побежал вниз.

– Он побежал за собакой! – вскрикнула мисс Гентер.

– У меня есть револьвер, – сказал я.

– Закройте лучше входную дверь, – заметил Холмс, и мы все бросились на лестницу. Но едва мы успели добежать до передней, как на дворе послышался сначала лай собаки, а затем ужасный, раздирающий душу крик. Какой-то пожилой человек с красным лицом, шатаясь, вышел из боковой двери.

– Боже мой! – вскрикнул он. – Кто-то отвязал собаку. Ее не кормили два дня. Скорей, скорее! Не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали на двор, Толлер за нами. Громадное голодное животное вцепилось в горло Рюкенсталью, который корчился на земле и кричал от боли. Я подбежал к собаке и выстрелил в упор. Она упала, не разжимая своих острых белых зубов. С большим трудом мы разжали ей челюсти и внесли в дом Рюкенсталя, живого, но страшно изуродованного. Мы положили его в гостиной на диван и послали отрезвившагося Толлера за мисс Рюкенсталь, а я сделал, что мог, чтоб облегчить его страдания. Мы все стояли вокруг раненого, когда вдруг отворилась дверь и в комнату вошла высокая неуклюжая женщина.

– Миссис Толлер! – вскрикнула мисс Гентер.

– Да, мисс. Мистер Рюкенсталь выпустил меня, когда вернулся домой. Ах, мисс, жаль, что вы не открыли мне своих планов, Я бы сказала вам, что ваши труды напрасны.

– Ага! – сказал Холмс, пристально смотря на нее. – Очевидно, миссис Толлер знает больше всех остальных.

– Да, сэр, знаю и готова все рассказать.

– Тогда присядьте, пожалуйста; мы послушаем. Сознаюсь, что тут многое еще неясно для меня.

– Сейчас я объясню вам все, – сказала она. – Рассказала бы и раньше, если бы меня выпустили из погреба. Если дело дойдет до суда, – помните, что я ваш друг и была всегда другом мисс Алисы.

Мисс Алиса не была вообще счастлива с тех пор, как отец ее женился во второй раз. Она не имела никакого голоса в доме, и жилось ей плохо, но стало еще хуже с тех пор, как она познакомилась с мистером Фоулером. Насколько я знаю, у мисс Алисы есть свое отдельное состояние, но она так тиха и терпелива, что предоставляла мистеру Рюкенсталью распоряжаться всем. Он знал, что все изменится, когда появится жених, который потребует выдачи состояния, принадлежащего невесте. Тогда мистер Рюкенсталь начал уговаривать ее подписать бумагу, что она предоставляет ему пользоваться ее имуществом и в том случае, если выйдет замуж. Он так мучил ее этими уговорами, что у нее сделалось воспаление мозга, и в продолжение шести недель она была при смерти. Наконец, ей сделалось лучше, но от нее осталась лишь тень, – чудные ее волосы были обрезаны. Однако, молодой человек остался верен ей и любил ее по-прежнему...

– Ага! – сказал Холмс. – Теперь я все понимаю. Мистер Рюкенсталь решил прибегнуть к системе одиночного заключения?

– Да, сэр.

– И привез мисс Гентер из Лондона сюда, чтобы избавиться от неприятного постоянства мистера Фоулера?

– Да, сэр.

– Но мистер Фоулер, как настойчивый человек – каким и следует быть истому моряку, – повел осаду на дом и, встретившись с вами, убедил вас с помощью денег или иных аргументов, что ваши интересы совпадают с его интересами.

– Мистер Фоулер очень милый щедрый господин, – невозмутимо сказала миссис Толлер.

– И, таким образом, он устроил, что у вашего мужа было всегда достаточно водки, а лестница была приготовлена, как только хозяин ушел из дома.

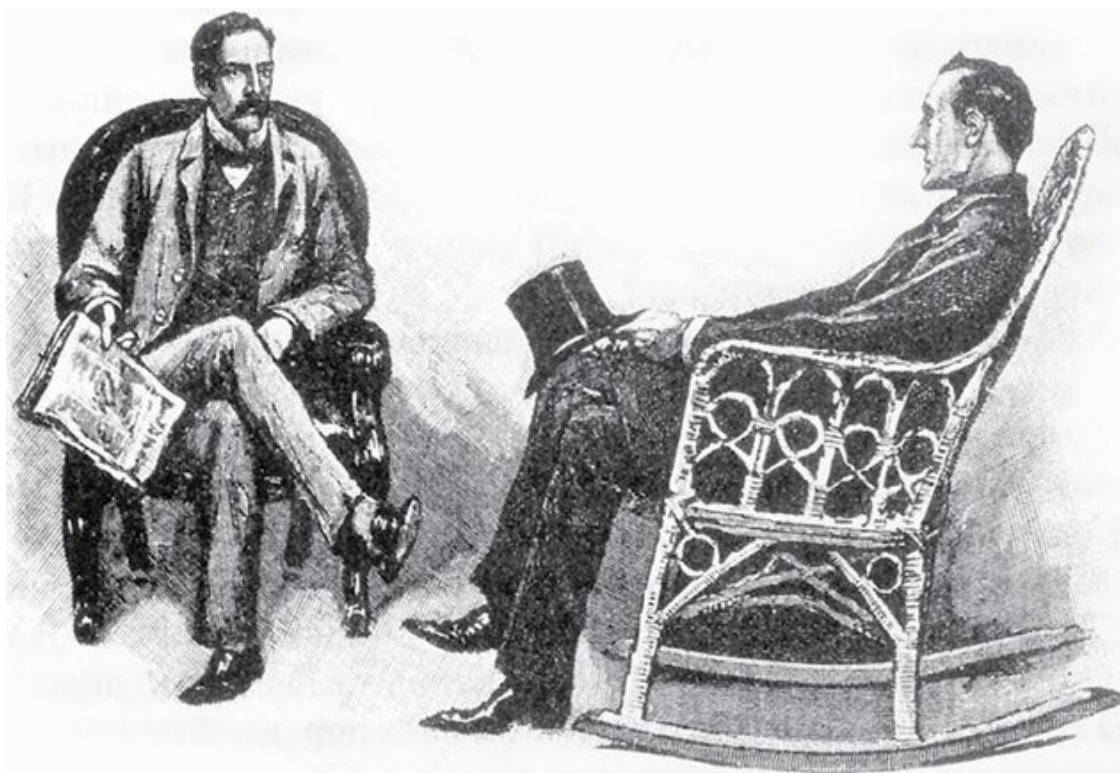
– Так точно, сэр.

– Простите нас за причиненное вам беспокойство, миссис Толлер, – сказал Холмс. – Вы, действительно, разъяснили нам все, как нельзя лучше. Вот идет врач и миссис Рюкенсталь. Я думаю, Ватсон, нам нужно проводить мисс Гентер в Винчестер. Наше присутствие здесь едва ли желательно.

Так была раскрыта тайна усадьбы «Под буками». Мистер Рюкенсталь не умер, но остался навсегда калекой, поддерживаемым заботами его преданной жены. Они все еще живут со своими старыми слугами, которые, вероятно, слишком хорошо знают их прежнюю жизнь. Мистер Фоулер и мисс Рюкенсталь повенчались на другой же день после побега. Мистер Фоулер занимает теперь какой-то пост на острове Святого Маврикия. Что касается мисс Виолетты Гентер, то, к сожалению, мой приятель Холмс перестал интересоваться ею, как только узнал, в чем состояла тайна семьи Рюкенсталь. Теперь она – начальник частного училища в Уольсалле и, кажется, ведет свое дело очень успешно.

Записки о Шерлоке Холмсе

Рассказы

Исчезновение Сильвера Блэза

– Боюсь, что мне придется ехать, Ватсон, – сказал Холмс однажды утром во время завтрака.

– Ехать! Куда?

– В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Меня это нисколько не удивило. Наоборот, мне казалось странным, что он до сих пор не принимал участия в расследовании этого необыкновенного дела, о котором в последнее время говорила вся Англия. Накануне мой приятель, нахмутив брови и низко склонив голову, целый день бродил по комнате из угла в угол, не обращая ни малейшего внимания на мои вопросы и замечания. Поминутно набивая трубку крепчайшим черным табаком, он наскоро проглядывал свежие газеты, доставляемые почтовым агентством, и тотчас же бросал их в угол. Но, несмотря на его молчание, я прекрасно догадывался, чем занята его голова. В настоящее время существовало только одно дело, способное привлечь к себе внимание Холмса и разбудить его способность к аналитическому мышлению – это внезапное исчезновение Сильвера Блэза, фаворита предстоящих скачек на кубок Уэссекса, и трагическое убийство его тренера. Поэтому, когда Холмс внезапно заговорил о предстоящей поездке в Кингс-Пайленд, где произошли указанные события, меня это не удивило: я услышал от него именно то, что ожидал и надеялся услышать.

– Я был бы очень рад поехать с вами, если только не помешаю, – сказал я.

– Дорогой Ватсон, вы сделаете мне величайшее одолжение, поехав со мной. И думаю, что не пожалеете, поскольку некоторые обстоятельства указывают на то, что этот случай в своем

роде уникальный. Если мы отправимся в Паддингтон прямо сейчас, то, думаю, успеем попасть на ближайший поезд. Во все детали я посвящу вас по дороге. Да, и еще: нам может пригодиться ваш превосходный полевой бинокль. Сделайте одолжение, захватите его с собой.

Примерно через час после этого разговора я сидел у окна в купе первого класса поезда, мчавшегося в направлении Эксете́ра. Мой приятель Шерлок Холмс, чье художавое проника- тельное лицо было наполовину скрыто козырьком дорожной шапочки с наушниками, распо- ложился напротив и поспешно пробежал глазами газеты, купленные им на Паддингтонском вокзале. Мы уже проехали Ридинг, когда он сунул под сиденье последний газетный лист и протянул мне портсигар.

– Хорошо едем, – сказал он, сперва выглянув в окно, а затем переведя взгляд на свои часы. – Делаем по пятьдесят три с половиной мили в час.

– Я не видел здесь столбиков, на которых указаны мили.

– Я тоже. Но на этой линии телеграфные столбы установлены на расстоянии шестидесяти ярдов друг от друга, следовательно, высчитать скорость поезда проще простого. Вы, вероятно, уже знакомы с делом об убийстве Джона Стрэкера и исчезновении Сильвера Блэза?

– Только по сообщениям газет.

– Это одно из тех дел, в котором все возможности логического мышления необхо- димо использовать скорее для анализа уже имеющихся в наличии фактов, чем для поиска новых улик. Случившееся настолько трагично и необыкновенно, имеет такое важное значе- ние для многих людей, что полиция буквально завалена всевозможными гипотезами, догад- ками и предположениями. Вся трудность состоит в том, чтобы выделить факты – несомнен- ные, неопровержимые факты – из этой лавины досужих измышлений теоретиков и газетных писак, создав фундамент для последующего анализа. Затем, утвердившись на прочном осно- вании этих железобетонных фактов, будем строить наши умозаключения и попытаемся уста- новить главные пункты, определяющие суть этого таинственного происшествия. Во вторник вечером я получил две телеграммы: от полковника Росса, владельца лошади, и от инспектора полиции Грегори, который занимается этим делом. Каждый из них просит меня принять уча- стие в расследовании.

– Телеграммы получены во вторник вечером, а сейчас уже утро четверга! – вскрикнул я. – Почему же вы не поехали туда вчера?

– Это была моя ошибка, дорогой Ватсон. К сожалению, подобное случается и со мной, причем намного чаще, чем могут представить те, кто знает обо мне исключительно из ваших записок. Дело в том, что я и мысли не мог допустить, чтобы можно спрятать лучшего скакуна Англии, особенно в такой безлюдной местности, как северная часть Дартмура. Вчера я с часу на час ожидал известия, что лошадь найдена, а ее похититель является убийцей Джона Стрэкера. Но когда на следующее утро стало известно, что ничего не изменилось, если не считать ареста молодого Фицроя Симпсона, я решил, что это дело требует моего участия. Но все же я не стал бы считать вчерашний день потерянным.

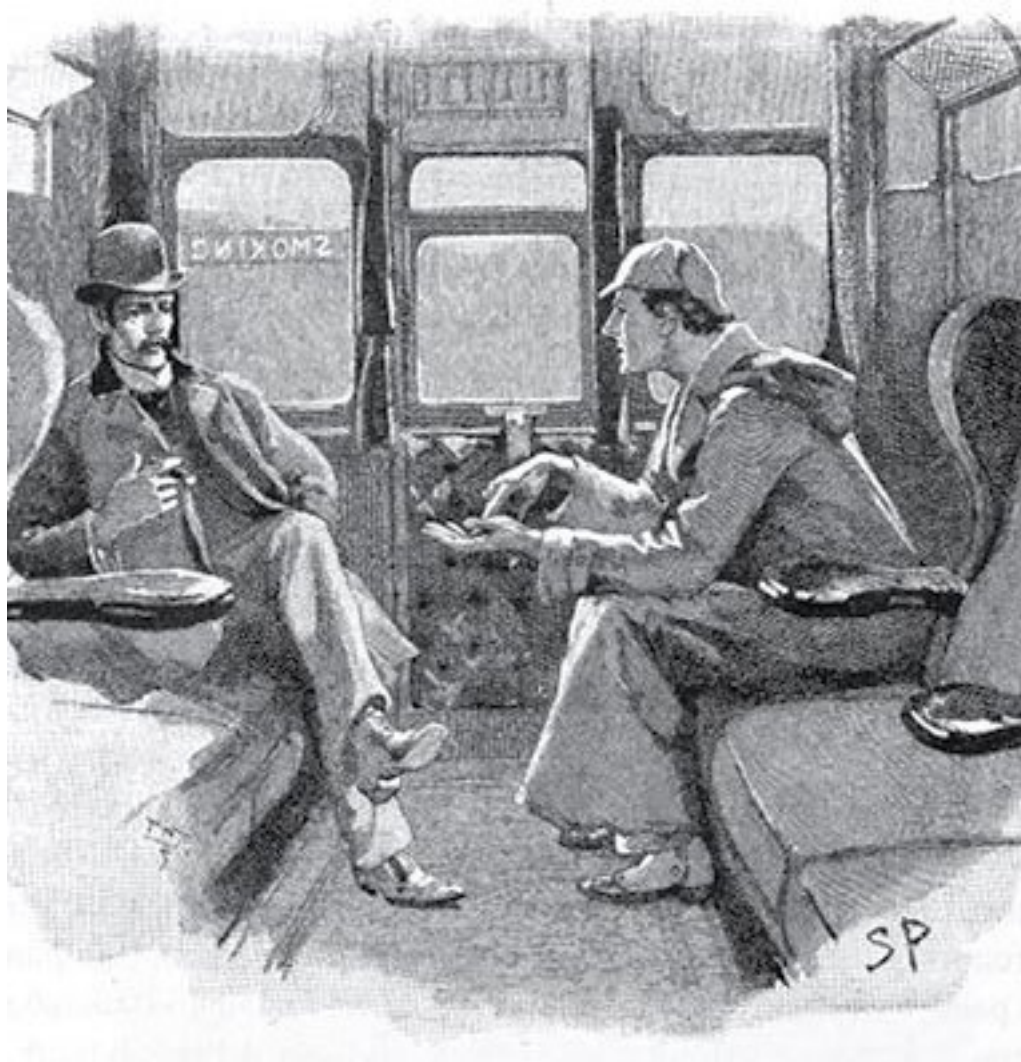
– У вас появилась какая-то версия?

– По крайней мере, я отобрал главные факты. Я перечислю их вам, поскольку не суще- ствует лучшего способа уяснить суть дела, чем поведать его подробности другому человеку. Да и вы скорее сумеете мне помочь, если я покажу вам отправную точку.

Я откинулся на подушки и закурил сигару, а Холмс, для наглядности водя длинным ука- зательным пальцем по ладони левой руки, стал описывать события, которые, собственно, и послужили поводом к данной поездке.

– Сильвер Блэз, – начал он, – потомок Самоцвета и в полной мере унаследовал блестящие качества, присущие своему отцу. Сейчас ему исполнилось пять лет; и вот уже три года подряд его счастливому обладателю, полковнику Россу, доставались все призы со скачек, в которых он участвовал. До того, как случилось несчастье, Сильвер Блэз считался основным претендентом

на победу в кубке Уэссекса. Пари на него заключались из расчета три к одному. Он всегда был главным фаворитом скаковой публики и никогда не обманывал ее ожиданий. Потому на него постоянно ставились огромные суммы, даже когда в одном забеге с ним участвовали лучшие лошади Англии. Естественно, что многие были заинтересованы в том, чтобы в будущий вторник не допустить появления Сильвера Блэза у стартового флажка.

Разумеется, с этим фактом считались в Кингс-Пайленде, где расположены тренировочные конюшни полковника Росса. Для охраны фаворита были приняты все меры предосторожности. Его тренер Джон Стрэкер – сам бывший жокей, выступавший в цветах полковника Росса пять лет, пока не стал слишком тяжелым для положенного веса. Последние семь лет он служил у полковника тренером и на этом поприще зарекомендовал себя усердным и честным слугой. Под началом у него состояло три конюха, поскольку в небольшой конюшне содержалось только четыре лошади. Один из них по ночам дежурил в конюшне, а другие спали на сеновале. Все трое – абсолютно надежные парни. Джон Стрэкер вместе со своей женой жил в небольшом коттедже, ярдах в двухстах от конюшни. Детей у них не было; они держали одну прислугу, которая готовила и убирала в доме. Стрэкер получал неплохое жалованье и пользовался известным комфортом. Местность кругом уединенная, но приблизительно в полумиле к северу находится несколько вилл, выстроенных каким-то подрядчиком из Тэвистока, для больных и для желающих пользоваться чистым дартмурским воздухом. Сам Тэвисток лежит на две мили к западу, а по другую сторону болота, также в двух милях, находится Кейплтон –

поместье, принадлежащее лорду Бэкуотеру. В нем также имеется конюшня, управляемая Сайлесом Броуном. Лошадей там побольше, чем в Кингс-Пайленде. На много миль вокруг раскинулись поросшие редким кустарником пустоши, где лишь изредка можно встретить бродячих цыган. За исключением этого, местность совершенно пустынна. Такова была обстановка на месте трагедии, происшедшей в ночь с понедельника на вторник.

В этот вечер, не позднее девяти часов, лошадей, как обычно, заперли в конюшне после тренировки и водопоя. Двое конюхов пошли ужинать на кухне у тренера; третий – Нэд Хантер

– остался дежурить на конюшне. Некоторое время спустя, в начале десятого, служанка, ее имя Эдит Бакстер, понесла ему ужин – тушеную баранину с чесночной приправой. Она не взяла с собой никакого питья, так как на конюшне имеется бочка с водой, а пить чего-либо другого дежурному не полагается. Девушка шла с фонарем, поскольку уже стемнело, а тропинка к конюшне петляла в густом кустарнике. Эдит Бакстер была ярдах в тридцати от конюшни, когда из окружающей темноты внезапно появился какой-то человек и приказал ей остановиться.

Когда он вступил в круг желтого света, бросаемого фонарем, девушка увидела перед собой мужчину, с виду джентльмена – в сером твидовом костюме и в суконной фуражке. На ногах у него были гамашы, а в руках палка с тяжелым набалдашником. Смертельная бледность его лица и нервные манеры поразили Эдит. На вид он ей показался скорее старше, чем моложе, тридцати лет.

– Можете вы сказать мне, где я нахожусь? – спросил он. – Я уже думал, что мне придется ночевать в болоте, когда вдруг увидел свет вашего фонаря.

– Вы около кингс-пайлендских конюшен, – ответила она.

– В самом деле! Вот так удача! – вскрикнул незнакомец. – Я слышал, что там каждую ночь дежурит один из конюхов. – А вы, вероятно, несете ему ужин? Ну, я думаю, вы не откажетесь заработать себе на новое платье, не правда ли?

Он вынул из кармана жилета сложенный лист белой бумаги.

– Постарайтесь передать это конюху сегодня же, и у вас будет самое красивое платье, какое только можно приобрести за деньги.

Его возбужденное состояние испугало девушку, и она пробежала мимо него к окну, через которое обычно подавала ужин. Окно было уже открыто, и Хантер сидел возле него за маленьким столом. Только служанка начала рассказывать о том, что с ней случилось, как незнакомец возник из темноты и тоже заглянул в окно.

– Добрый вечер, – сказал он, – мне нужно с вами поговорить об одном деле.

Девушка клянется, что видела уголок бумажки, сжатой в его руке, когда он произносил эти слова.

– О каком еще деле? – недружелюбно спросил конюх.

– О том, которое может быть выгодным для вашего кармана, – ответил незнакомец. – У вас две лошади заявлены на скачках за Уэссекский приз – Сильвер Блэз и Баярд. Сообщите всего лишь некоторые сведения о них и не останетесь внакладе. Правда ли взвешивание показало, что Баярд может на сто ярдов обогнать Сильвера Блэза на дистанции в две с половиной мили, и что конюшня ставит именно на него?

– Ах, так вы один из этих проклятых шпионов! – крикнул конюх. – Ну, сейчас вы увидите, как мы встречаем их в Кингс Пайленде!

Он вскочил с места и бросился на другой конец конюшни, чтобы спустить собаку. Девушка побежала к дому, но на бегу обернулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окно. Однако, когда Хантер, минуту спустя, выбежал с собакой, тот исчез, как сквозь землю провалился. Конюх обошел всю территорию, но никого не обнаружил.

– Погодите! – перебил я Холмса. – Когда конюх выбежал с собакой во двор, он закрыл за собой двери?

– Великолепно, Ватсон, просто великолепно! – проговорил мой приятель. – Я тоже обратил внимание на это важное обстоятельство и вчера отправил в Дартмур срочную телеграмму, чтобы внести ясность в этот вопрос. Так вот: выбежав во двор, конюх, тем не менее, дверь запер. А окошко, как выяснилось, достаточно узкое для обычного человека; через него не пролезть. Хантер, дождавшись возвращения своих товарищей с ужина, послал одного из них рассказать тренеру о происшествии. Получив это известие, Стрэкер хотя и встревожился, но, кажется, не вполне осознал истинное значение случившегося. Но его, видимо, не покидало чувство смутной тревоги, потому что миссис Стрэкер, проснувшись в час ночи, увидела, что

муж одевается. На ее недоуменный вопрос он ответил, что не может уснуть, поскольку беспокоится о лошадях, и хочет пройти в конюшню, дабы убедиться, что там все в порядке. Жена уговаривала его остаться, так как дождь уже начал с силой барабанить в окна, но он все-таки надел непромокаемый плащ и ушел.

Проснувшись в семь часов утра, миссис Стрэкер обнаружила, что ее муж еще не возвратился. Наскоро одевшись, она кликнула служанку и пошла в конюшню. Дверь была распахнута. Хантер, скорчившись, сидел за столом в полной прострации, стойло фаворита было пусто – и никаких следов тренера. Были немедленно разбужены двое конюхов, спавших на сеновале, но оба ночью ничего не слышали, так как спали очень крепко. Хантер находился, вероятно, под воздействием какого-то усыпляющего вещества, и добиться от него внятного разъяснения было невозможно. Потому решено было дать ему выспаться, а обе женщины вместе с другими конюхами занялись поисками пропавших. У них все еще теплилась надежда, что тренер вывел лошадь на утреннюю тренировку, но взойдя на пригорок, расположенный неподалеку от конюшни, с которого хорошо просматривалась вся окрестность, они не только не увидели фаворита, но и обнаружили нечто, указывавшее на произошедшую здесь трагедию. На кусте терновника, росшем примерно в четверти мили от конюшни, болтался под порывами ветра плащ Джона Стрэкера. Подбежав поближе, они обнаружили, что сразу за кустарником начинается небольшой овражек, на дне которого лежало тело несчастного тренера. Череп его был проломлен каким-то тяжелым предметом, а на бедре виднелась резаная рана, нанесенная, очевидно, чем-то чрезвычайно острым. Было очевидно, что Стрэкер отбивался до последнего: в его правой руке был маленький нож, по самую рукоятку перемазанный кровью, а левая сжимала красный с черным шелковый галстук – тот самый, который, как показала служанка, был повязан на незнакомце, приходившем в конюшню накануне вечером. Позже пришедший в себя Хантер подтвердил это. Он также был убежден в том, что незнакомец подсыпал ему в баранину какой-то препарат в тот момент, когда находился у окна, и таким образом лишил конюшню сторожа. Что же касается пропавшего фаворита, то многочисленные следы в грязи, в изобилии покрывавшей дно злосчастного оврага, указывали на то, что во время борьбы он находился здесь же. Но затем исчез. И хотя владелец объявил солидное вознаграждение, а всех цыган, находившихся в окрестностях Дартмура и, кстати, принявших активное участие в поисках, с пристрастием допросили, о Сильвере Блэзе не было ни слуху ни духу. И последнее: анализ остатков ужина конюха показал наличие в нем значительной дозы опиума; между тем, все остальные обитатели дома ели ту же пищу без всяких последствий. Таковы основные факты данного дела, если очистить их от примеси разного рода предположений.

Теперь я расскажу о том, что было предпринято полицией. Инспектор Грегори, которому поручено расследование этого дела, – человек очень энергичный. Ему бы еще капельку воображения, и он, несомненно, достиг бы вершин в своей профессии. Прибыв на место происшествия, он первым делом арестовал человека, на которого падало главное подозрение. Найти его было совсем несложно, поскольку он был хорошо известен в округе. Зовут его Фицрой Симпсон. Он человек знатного происхождения, получил прекрасное образование, но проиграл все свое состояние на скачках. Теперь он ведет тихий образ жизни и зарабатывает на хлеб тем, что занимается букмекерством в лондонских спортивных клубах. Изучение его записной книжки показало, что им сделаны ставки против фаворита на общую сумму около пяти тысяч фунтов стерлингов. Когда его арестовали, он признался, что прибыл в Дартмур, надеясь раздобыть некоторые сведения о лошадях из кингс-пайлендской конюшни, а также о Десборо – втором фаворите, находящемся в Кейплтоне на попечении Сайлеса Броуна. Он и не отрицал своего появления в Кингс-Пайленде накануне вечером, но заявил, что не имел никаких дурных намерений, а только хотел получить сведения из первых рук. Когда ему предъявили галстук, он сильно побледнел и совершенно не мог объяснить, каким образом тот оказался в руках убитого. Мокрая одежда Симпсона свидетельствовала, что предыдущей ночью он попал под

дождь, а его суковатая палка с тяжелым свинцовым набалдашником вполне могла быть тем самым предметом, которым проломили голову тренеру. Но с другой стороны, на нем самом не оказалось ни малейшей царапины, тогда как окровавленный нож Стрэкера неопровержимо свидетельствует, что, по меньшей мере, один из нападавших должен был получить серьезные ранения. Вот, собственно, и вся история, Ватсон, и если вы обнаружите что-либо, способное прояснить это дело, то буду вам бесконечно признателен.

Я с величайшим вниманием следил за обстоятельствами данного дела, которые в изложении Холмса, отличавшемся свойственной ему ясностью, выстраивались в последовательную цепь. Хотя большинство фактов были мне известны, но я не до конца оценил их относительную важность и связь между собой.

– Нельзя ли предположить, что Стрэкер сам нанес себе рану во время конвульсий, которые обычно возникают при повреждении головного мозга? – высказал я предположение.

– Это представляется вполне вероятным, – сказал Холмс. – Но в этом случае исчезает одно из главных свидетельств в пользу обвиняемого.

– И все же я никак не могу понять, какой версии придерживается полиция?

– В том-то и дело, что против любой нашей версии могут найтись достаточно серьезные возражения, – сказал Холмс. – Насколько я понимаю, полиция предполагает, что Фицрой Симпсон, усыпив конюха и добыв каким-то образом второй ключ от конюшни, отпер ее и вывел лошадь, очевидно, с целью ее похитить. Уздечки пока не нашли; по всей вероятности, Симпсон надел ее на лошадь. После чего, не закрывая дверь конюшни, он повел Сильвера Блэза в сторону пустоши, где его и перехватил тренер. Ясное дело, началась схватка. Маленький ножик – не лучшее средство защиты против тяжелой палки. Симпсон проломил тренеру голову, а сам не получил ни царапины. А дальше одно из двух: либо вор увел лошадь в какое-то тайное укрытие, либо она вырвалась и убежала во время схватки и блуждает теперь где-нибудь по окрестностям. Таким представляется это дело полиции, и, как ни невероятна эта гипотеза, любые другие еще менее вероятны. А принять или опровергнуть ее можно, лишь осмотрев место преступления, чем я и займусь по прибытии в Дартмур.

Был уже вечер, когда перед нами открылся маленький городишко Тэвисток, лежащий подобно яблоку на огромном блюде Дартмурской равнины. На станции нас встретили два джентльмена: один из них – высокий блондин с густой бородой, львиной гривой волос и пронзительным взглядом светло-голубых глаз; второй – гораздо ниже ростом энергичный человек, с ухоженными бакенбардами и моноклем в глазу, со вкусом одетый, в сюртуке и гетрах. Первым был инспектор Грегори, молодой, подающий большие надежды следователь; его спутник, полковник Росс, имел репутацию известного спортсмена.

– Я в восторге от вашего приезда, мистер Холмс, – сказал полковник, приветствуя моего друга. – Инспектор сделал все, что было возможно, но я готов сделать даже невозможное, чтобы отомстить за беднягу Стрэкера и вернуть Сильвера Блэза.

– Появилось что-нибудь новенькое? – спросил Холмс.

– С сожалением вынужден признать, что расследование пока топчется на месте, – ответил инспектор. – Вам, наверное, не терпится самому увидеть место происшествия. Поэтому отправимся сразу, пока не стемнело. Нас ждет экипаж. А поговорить мы можем и во время езды.

Уже через пару минут мы, удобно расположившись в изящном ландо, ехали по живописным улочкам старинного городка. Инспектор Грегори с увлечением излагал ход расследования и свое видение событий. Холмс слушал его молча, лишь изредка прерывая каким-нибудь вопросом. Полковник Росс, не принимавший участия в разговоре, откинулся на подушки, сложив руки на груди и надвинув на лоб шляпу. Я же с интересом прислушивался к беседе. Грегори развивал ту самую версию, которую еще в поезде я слышал от Холмса.

– Вокруг Фицроя растянута сеть с довольно узкими ячейками, – заметил он. – Лично я думаю, что именно он и есть тот, кого мы ищем. Хотя надо признать, что все эти улики являются косвенными, и любое новое свидетельство может перевернуть весь ход расследования.

– А как насчет ножа Стрэкера?

– Мы сделали вывод, что он себя сам ранил при падении.

– То же самое предположение высказал и мой друг, доктор Ватсон. Если это верно, то такой факт вряд ли доставит радость Симпсону.

– Абсолютно верно. У него нет ни ножа, ни даже самого мелкого ранения. Хотя улики против него все же достаточно весомые. Исчезновение фаворита имело для него большое значение; в отравлении конюха других подозреваемых, кроме него, тоже нет. Ночью он явно попал под дождь, его палка представляет собой самое подходящее оружие; и вдобавок именно его галстук сжимала рука убитого. Думаю, всего этого с лихвой хватит, чтобы усадить Симпсона на скамью подсудимых.

Холмс покачал головой.

– Хороший адвокат не оставит от этих обвинений камня на камне, – заметил он. – Для чего, например, ему понадобилось выводить лошадь во двор? Если бы он хотел нанести ей какой-то вред, то вполне мог сделать это и в конюшне. А поддельный ключ у него нашли?.. Или уже известен тот, у кого он приобрел опиум?.. Наконец, самое главное: где Симпсон – человек, не знающий окрестностей Дартмура, – мог спрятать лошадь, да еще такую? И что он говорит насчет бумажки, которую он просил служанку передать конюху?

– Утверждает, что это была десятифунтовая банкнота. Такую купюру, действительно, нашли у него в кошельке. И все остальные ваши доводы не столь сильны, как может показаться на первый взгляд. Симпсон совсем не чужой человек в этих краях: он до этого уже дважды приезжал в Тэвисток летом. Опиум он, вероятно, привез из Лондона. Ключ вполне мог куда-нибудь выбросить: сомневаюсь, что он рассчитывал воспользоваться им еще раз. А лошадь? Она, возможно, лежит мертвая на дне какой-нибудь заброшенной шахты.

– Что он говорит о галстуке?

– От галстука он не отказывается, но уверяет, что в тот вечер где-то потерял его. Однако в деле обнаружилось новое обстоятельство, которое может объяснить, почему он увел лошадь.

Холмс насторожился.

– Мы обнаружили следы, указывающее, что шайка цыган останавливалась в понедельник ночью примерно в миле от места убийства. Во вторник они снялись и ушли. И если предположить, что между Симпсоном и цыганами существовало некое соглашение, то не к ним ли он вел лошадь, когда его настиг тренер. Может быть, она и теперь находится у них?

– Разумеется, это возможно.

– Цыган сейчас разыскивают по всей округе. Я также осмотрел все конюшни и пристройки на десять миль вокруг Тэвистока.

– Кажется, где-то поблизости имеется еще одна конюшня для скаковых лошадей?

– Верно, и это факт, которым ни в коем случае не следует пренебрегать. Ведь жеребец Десборо из этой конюшни считался вторым претендентом на главный приз, следовательно, исчезновение фаворита было им на руку. Известно, что местный тренер Сайлес Броун сделал на этот забег несколько больших ставок, а кроме того, он не был другом бедняги Стрэкера. Однако осмотр этой конюшни не выявил никаких следов его участия в этом деле.

– И никаких указаний на то, что Симпсон связан какими-либо интересами с кейплтонской конюшней?

– Абсолютно никаких.

Холмс откинулся на сиденье, и разговор прекратился.

Спустя несколько минут наш экипаж остановился у хорошенькой виллы из красного кирпича, с широким карнизом, увитым плющом. Она располагалась у самой дороги. На некотором расстоянии от нее виднелась длинная постройка, крытая серой черепицей. Вокруг до самого

горизонта расстилалась болотистая равнина. Увядающие папоротники придавали ей бронзовый оттенок. И лишь далеко на юге это плоское уныние немного оживлялось колокольнями Тэвистока да группой построек на западе – судя по всему, кэйплтонскими конюшнями. Мы выскочили из коляски – все, за исключением Холмса, который по-прежнему продолжал сидеть, откинувшись на подушки и устремив взгляд куда-то перед собой, весь погруженный в свои мысли. Лишь когда я дотронулся до его руки, он сильно вздрогнул и вылез из экипажа.

– Прошу прощения, – обратился он к полковнику Россу, с удивлением воззrivшемуся на него, – я немного задумался.

Но по блеску в его глазах и по сдержанному волнению я, неплохо изучивший Холмса, понял, что он попал на след, хотя и не мог догадаться, что явилось тому причиной.

– Вы, наверное, хотели бы тотчас же осмотреть место преступления, мистер Холмс? – поинтересовался Грегори.

– Пожалуй, я лучше останусь здесь и уточню некоторые подробности. Скажите, Стрэкера принесли прямо сюда?

– Именно. Он сейчас лежит наверху. Осмотр тела назначен на завтра.

– Он служил у вас несколько лет, полковник?

– Да, и был отличным слугой.

– Полагаю, вы осмотрели его карманы, инспектор?

– Все вещи в гостиной. Если хотите, можете сами взглянуть на них.

– Непременно.

Мы перешли в гостиную и расположились вокруг стола, стоящего посредине комнаты. Инспектор отпер небольшой сейф и выложил перед нами находившиеся в нем вещи. Тут был коробок спичек, двухдюймовый огарок восковой свечи, трубка, кожаный кисет с половиной унции плиточного табаку, серебряные часы на золотой цепочке, пять золотых соверенов, алюминиевый наконечник для карандаша, какие-то бумажные записки и нож с рукояткой из слоновой кости и очень тонким негнущимся стальным лезвием, на котором виднелся штамп «Вейсс и К°, Лондон».

– Очень странный нож, – сказал Холмс, взяв его в руки и внимательно разглядывая. – Если судить по засохшим пятнам крови, то думаю, это тот самый нож, который обнаружили в руке покойного. Ну, Ватсон, что скажете? Похоже, этот нож имеет отношение к вашей профессии...

– Это хирургический нож для удаления катаракты, – ответил я.

– Я так и подумал. Очень тонкое лезвие, предназначенное для очень тонкой работы. Вам не кажется странным, что человек, знающий о возможной опасности, захватывает с собой такую вещь для самозащиты; особенно с учетом того, что нож не закрывается.

– Его кончик был защищен кусочком пробки, который мы нашли возле трупа, – пояснил инспектор. – Жена Стрэкера утверждает, что этот нож несколько дней лежал на комодe, и муж, уходя ночью, взял его с собой. Это неподходящее оружие, но, возможно, ничего лучшего под рукой у него в тот момент не оказалось.

– Что же, возможно. А это что за бумаги?

– Три оплаченных счета за сено. Письмо с указаниями от полковника Росса. Еще один счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов от портнихи, госпожи Лезюрье с Бонд-стрит, на имя Уильяма Дербишира. Миссис Стрэкер пояснила, что Дербишир – друг ее мужа, и письма на его имя время от времени адресовались сюда.

– Миссис Дербишир, вероятно, особа несколько расточительная, – заметил Холмс, просматривая счет. – Двадцать две гинеи за платье – это дороговато. Ну, здесь мы вроде бы все выяснили, и потому теперь отправимся на место преступления.

Мы уже вышли из гостиной, когда стоявшая в коридоре женщина шагнула к инспектору и дотронулась до его рукава. На ее бледном, изможденном лице лежал отпечаток недавно пережитого ужаса.

– Вы их нашли? Задержали? – взволнованно спросила она.

– Еще нет, миссис Стрэкер. Но мы делаем все, что возможно. Вот мистер Холмс; он специально приехал из Лондона, чтобы помочь нам раскрыть это преступление.

– Мне кажется, мы с вами недавно встречались, миссис Стрэкер, – сказал Холмс. – Помните, на банкете в Плимуте?

– Нет, сэр, вы ошибаетесь.

– Неужели? А мне показалось, что это вы. На вас еще было шелковое платье сизого цвета, отделанное белыми страусовыми перьями.

– У меня никогда не было такого платья, сэр, – ответила миссис Стрэкер.

– Ну, значит, я ошибся, – сказал Холмс и, извинившись, вышел из дома вслед за инспектором.

После нескольких минут ходьбы через кустарники тропинка привела нас к оврагу, где было найдено тело. На краю его рос терновый куст, на котором миссис Стрэкер и служанка обнаружили плащ убитого конюха.

– А ведь ветра в ту ночь не было! – сказал Холмс.

– Ни малейшего; зато шел очень сильный дождь.

– Но тогда выходит, что плащ не мог быть заброшен на куст ветром; его туда кто-то повесил.

– Да, он лежал достаточно аккуратно.

– Вот это уже интересно! И земля вокруг сильно утоптана; наверное, с понедельника здесь побывало много людей.

– Ничего подобного. Здесь, в стороне, была расстелена рогожа, и все мы становились только на нее.

– Превосходно.

– Тут у меня в сумке сапог Стрэкера, который был на нем в ту ночь, ботинок Фицроя Симпсона и стальная подкова Сильвера Блэза.

– Дорогой инспектор, вы превзошли себя!

Холмс взял сумку и, спустившись в яму, подвинул рогожу ближе к центру. Затем лег на нее и, подперев рукой подбородок, принялся внимательно разглядывать притоптанную грязь.

– Ага, это что? – внезапно воскликнул он.

В руках у Холмса была полу сгоревшая восковая свечка, настолько покрытая грязью, что с первого взгляда напоминала обычный сучок.

– И как это я мог проглядеть ее, – недовольно проговорил инспектор.

– Это неудивительно: она была затоптана в грязи. Я обнаружил ее только потому, что искал.

– Как! Вы рассчитывали найти здесь свечку?

– Я считал, что такая вероятность не исключена.

Холмс вынул из сумки находящуюся там обувь и стал сличать подошвы со следами, оставленными в грязи. После чего он вылез из ямы и принялся обшаривать папоротники и ближайшие кусты.

– Думаю, больше следов вы не найдете, – сказал инспектор. – Я самым внимательным образом обследовал здесь почву в радиусе ста ярдов.

– Ну, хорошо, – сказал Холмс, поднимаясь на ноги, – было бы невежливо снова осматривать это место после вашего заявления. Но мне хотелось бы прогуляться по окрестностям, пока не стемнело, чтобы завтра лучше ориентироваться на местности. А эту подкову я положу себе в карман на счастье.

Полковник Росс, не скрывавший своего нетерпения во время спокойного и методического осмотра, проводимого моим приятелем, взглянул на часы.

– Вы не проводите меня, инспектор? – сказал он. – Мне необходимо посоветоваться с вами по некоторым вопросам. В частности, о том, не должны ли мы вычеркнуть имя Сильвера Блэза из списков участников забега. Боюсь, что в противном случае публика может нас не понять.

– Ни в коем случае! – решительно возразил Холмс. – Я на вашем месте оставил бы его в числе претендентов на приз.

Полковник поклонился.

– Очень рад слышать ваше мнение, сэр. По окончании прогулки вы найдете нас в доме бедняги Стрэкера, и мы вместе возвратимся в Тэвисток.

Вместе с инспектором они двинулись к дому, а Холмс и я медленно пошли по пустоши. Солнце уже опускалось за кейплтонские конюшни, и бескрайняя золотистая равнина, раскинувшаяся перед нами к западу, приобретала роскошный красно-бурый оттенок в тех местах, где вечерние лучи падали на папоротники и терновые кусты. Однако прелесть этого роскошного пейзажа не производила ни малейшего впечатления на моего спутника, погруженного в глубокую задумчивость.

– Итак, Ватсон, – наконец промолвил он, – оставим пока вопрос, кто убил Джона Стрэкера, и поразмышляем о том, что случилось с лошадью. Предположим, что во время разыгравшейся драмы или чуть позже жеребец просто ускакал. Спрашивается, куда? Лошадь – животное домашнее. Предоставленный самому себе, Сильвер Блэз мог либо инстинктивно вернуться в Кингс-Пайленд, либо направиться в Кейплтон – с какой стати ему просто бегать по пустоши? Но даже если и так, то кто-нибудь наверняка бы уже встретил его. Что же касается цыган, то зачем им его красть? Эти люди очень не любят иметь дело с полицией, и чуть что случись – всегда стараются улизнуть от нее. К тому же они не настолько глупы, чтобы попытаться продать такую лошадь, – риск слишком велик по сравнению с выгодой. Здесь все совершенно ясно.

– Но где же тогда Сильвер Блэз?

– Как я уже сказал, он либо возвратился в Кингс-Пайленд, либо ускакал в Кейплтон. Раз в Кингс-Пайленде его нет, следовательно, он в Кейплтоне. Возьмем эту гипотезу за основу и посмотрим, что получится. Эта часть пустоши, как заметил инспектор, очень сухая и твердая как камень. Но дальше, по направлению к Кейплтону, местность понижается. Вон в той ложине, среди торфяников, в понедельник ночью наверняка было очень сыро. Если наше предположение верно, то Сильвер Блэз просто обязан был проскакать через эту ложину, и именно там нужно искать его следы.

Во время этой беседы мы быстро шли вперед и через несколько минут уже спускались в ложину. По просьбе Холмса я стал обследовать ее справа, он же двинулся по левому краю. Но не успел я сделать и полусотни шагов, как услышал громкое восклицание Холмса и заметил, что он машет мне рукой. Прямо перед ним на мягкой земле были ясно видны следы конских копыт; подкова, которую Холмс достал из кармана, пришлась точно по одному из отпечатков.

– Видите, что значит воображение, – сказал Холмс с довольным видом. – Как раз этого качества и недостает Грегори. Мы вообразили, как все могло бы происходить, стали действовать сообразно нашей гипотезе – и оказались правы. Будем следовать ей и дальше.

Мы миновали болотистое дно ложины и еще около четверти мили прошли по твердому сухому торфянику. Далее местность снова пошла под уклон, и мы опять увидели следы лошадиных копыт; затем вновь потеряли их и обнаружили только через полмили, почти у самого Кейплтона. Холмс первый заметил следы и с торжествующим видом указал на них рукой. Но теперь рядом с отпечатками лошадиных копыт ясно виднелись следы мужской обуви.

– Но ведь сперва лошадь была одна! – вскрикнул я.

– Именно. Сначала она была одна... Стоп! А это еще что?

Двойные следы человека и лошади делали резкий поворот и направлялись к Кингс-Пайленду. Холмс свистнул, и мы пошли по следу. Он двигался, не отрывая глаз от земли; я же в какой-то момент случайно взглянул в сторону и с изумлением обнаружил те же следы, но идущие в обратном направлении.

– Очко в вашу пользу, Ватсон, – сказал Холмс, когда я указал ему на них, – вы сэкономили наше время, избавив от длинной прогулки, которая привела бы нас на это же самое место. Двинемся по более позднему следу.

Но идти нам пришлось совсем недалеко. Следы заканчивались у асфальтовой дорожки, ведущей к воротам кейплтонской конюшни. При нашем появлении навстречу выбежал конюх.

– Пойдите прочь! – закричал он. – Нечего здесь шлаться!

– Я только хотел спросить вот о чем, – сказал Холмс, запуская указательный и большой пальцы в карман жилета. – Не будет ли слишком рано, если я зайду завтра в пять часов утра, чтобы повидать вашего хозяина, мистера Сайлеса Броуна?

– Да что вы, сэр; уж кто-кто, а он-то всегда встает ни свет ни заря. Кстати, вот и он; поговорите с ним сами. Нет-нет, сэр, если он увидит, что я взял деньги, он прогонит меня. Лучше после.

Шерлок Холмс едва успел положить обратно в карман вынутую им монету в полкроны, как из ворот появился немолодой уже господин свирепого вида, сжимавший в руке хлыст.

– Это что за болтовня, Даусон?! – закричал он. – Ступай, займись лучше делом!.. А вы... Какого черта вам здесь нужно?!

– Мне необходимо поговорить с вами, любезный сэр, – произнес Холмс самым ласковым тоном. – Я не отниму много времени: буквально десять минут.

– Некогда мне здесь со всякими бродягами разговаривать. Убирайтесь, пока я не спустил на вас собаку.

В этот момент Холмс наклонился к тренеру и что-то шепнул ему на ухо. Тот заметно вздрогнул и покраснел до ушей.

– Это ложь! – крикнул он. – Самая наглая ложь, какую мне доводилось слышать!

– Отлично! Мы станем обсуждать это здесь, при всех, или продолжим разговор у вас в доме?

– Хорошо, войдите, если есть охота.

Холмс улыбнулся.

– Я задержусь на пять минут, Ватсон, – сказал он. – Ну-с, я к вашим услугам, мистер Броун.

«Пять минут» – это, конечно, хорошо сказано. Прошло свыше двадцати минут ожидания; на смену вечерней заре опустились серые сумерки, когда Холмс в сопровождении тренера вышел из дома. Хотя при взгляде на Сайлеса Броуна можно было подумать, что времени прошло гораздо больше, поскольку я никогда до сих пор не видел, чтобы человек так менялся за столь короткое время. Лицо его покрылось смертельной бледностью, на лбу выступили капли пота, а руки тряслись так, что хлыст в них ходил ходуном. С него разом слетела вся его дерзость и спесь, он покорно плелся за моим приятелем, словно побитая собака.

– Все будет сделано, как вы велели, сэр, – бормотал он. – Я исполню все ваши указания.

– И смотрите, не перепутайте, – сказал Холмс, оглядываясь на него. – Вы знаете, чем это чревато.

Броун вздрогнул, прочтя угрозу в его глазах.

– О, нет, ошибки не будет. Все доставлю к сроку. Сделать изменения заранее или нет?

Холмс на какое-то мгновение задумался и потом громко рассмеялся.

– Не надо, оставьте все как есть. Я вам напишу. И смотрите, чтобы без хитростей, иначе...

– О, сэр, верьте мне!

– Берегите, как зеницу ока.

– Вы можете вполне на меня положиться, сэр.

– Думаю, что могу. Ну, все. Мои указания вы получите завтра.

С этими словами он повернулся на каблуках, не обратив внимания на протянутую ему дрожащую руку, и мы отправились назад в направлении Кинг-Пайленда.

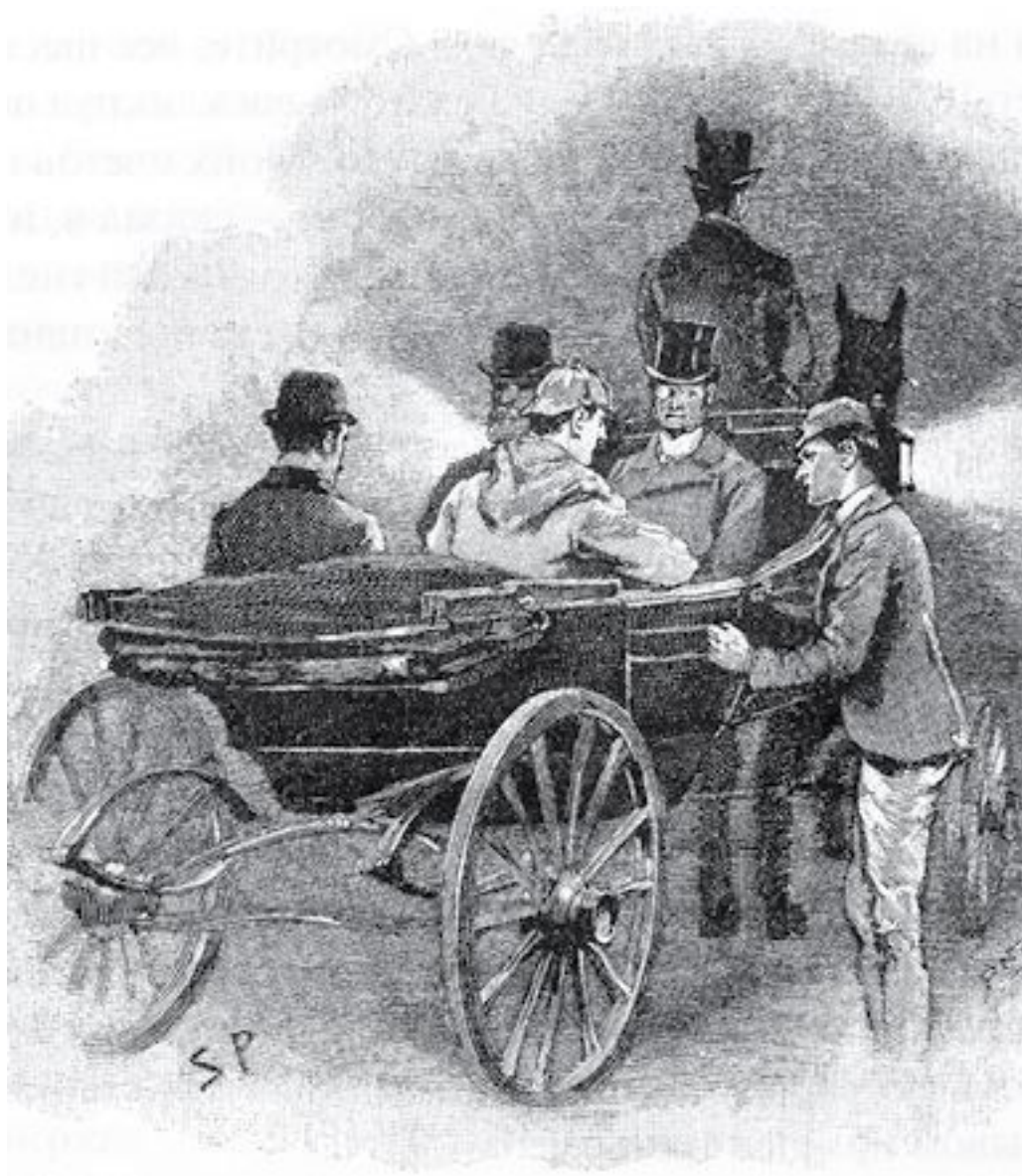
– Мне давно не приходилось встречать такое соединение заносчивости, трусости и низости, как в мистере Сайлесе Броуне, – заметил Холмс, устало поднимаясь по склону.

— Так лошадь, выходит, у него?

— Он сперва попробовал отрицать это, но я так подробно описал ему все его действия во вторник утром, что он поверил, будто я следил за ним. Вы, конечно, заметили особую, будто обрубленную форму носков сапог на следе, что шел параллельно с лошадиным? Так вот, на нем была обувь, идеально подходящая к этим следам. Да и, кроме него самого, ни один из подчиненных не осмелился бы на подобный поступок. Я описал ему, как он, встав по обыкновению раньше всех и выйдя в загон, увидел чужую лошадь, бродившую по пустоши; как, подойдя

ближе, изумился, узнав Сильвера Блэза по белому пятну на лбу, от которого он получил свое название²³; как сообразил, что случай отдает в его власть единственного соперника, способного обогнать того, на которого он поставил большие деньги. Потом я подробно рассказал, как первым его порывом было отвести лошадь в Кингс-Пайленд, но дьявол надоумил его спрятать лошадь до окончания скачек; как он повернул на полпути, привел ее обратно в Кейплтон и там спрятал. Когда он все это услышал, то все мысли его были направлены только на то, как бы спасти свою шкуру.

- Но ведь его конюшни были осмотрены?
- У этого старого барышника всегда найдется укромное местечко.
- А вы не боитесь оставлять лошадь у Броуна? Ведь в его интересах, чтобы с ней что-нибудь случилось.
- Наоборот, милый Ватсон, он будет беречь ее, как зеницу ока. Он знает, что единственная его надежда на милосердие – это сохранить лошадь в полной безопасности.

²³ Silver Blaze – серебряная отметина (англ.).

– Полковник Росс не произвел на меня впечатление человека, склонного к милосердию, особенно по отношению к врагам.

– Дело касается не только полковника Росса. Я следую моему методу и говорю ровно столько, сколько считаю нужным. Именно в этом заключается преимущество моего неофициального статуса. Не знаю, заметили ли вы, Ватсон, что полковник отнесся ко мне несколько свысока. Вот я и хочу в ответ слегка позабавиться. Не говорите ему ничего про Сильвера Блэза.

– Разумеется, не скажу без вашего позволения.

– И, конечно же, это не столь важный вопрос по сравнению с тем, кто убил Джона Стрэкера.

– Но теперь-то вы займетесь этим делом?

– Напротив, сегодня вечером мы возвращаемся в Лондон.

Я был шокирован этим заявлением моего друга. Ведь мы пробыли в Дартмуре всего несколько часов, и я не понимал, почему он поспешно бросает столь успешно начавшиеся поиски. Но за всю остальную дорогу до самого дома тренера я не сумел вытянуть из Холмса ни единого слова.

Полковник и инспектор ожидали нас в гостиной.

– Мы с моим другом возвращаемся в Лондон ночным двенадцатичасовым экспрессом, – заявил Холмс. – Приятно было подышать чудным воздухом Дартмура.

Инспектор широко раскрыл глаза, а на губах полковника появилась презрительная усмешка.

– Итак, вам не удалось распутать это дело. Значит, убийца бедняги Стрэкера останется безнаказанным, – сказал он.

Холмс пожал плечами.

– Боюсь, на пути к осуществлению этого окажутся достаточно серьезные препятствия, – сказал он. – Однако я абсолютно убежден, что ваша лошадь будет скакать во вторник, и поэтому прошу вас предупредить жокея, чтобы он был в полной готовности. Кстати, где я могу увидеть фотокарточку мистера Джона Стрэкера?

Инспектор достал из кармана конверт, извлек из него фотокарточку и подал ее Холмсу.

– Дорогой Грегори, вы предвосхищаете все мои желания! А теперь попрошу вас подождать одну минуту, пока я поговорю со служанкой.

– По правде говоря, я несколько разочарован в способностях вашего лондонского консультанта, – достаточно резко произнес полковник Росс, как только мой друг вышел из комнаты. – Со времени его приезда мы ни на шаг не подвинулись в этом деле.

– По крайней мере, вы имеете заверение, что ваша лошадь будет участвовать во вторничном забеге.

– Да, заверение-то я имею, – сказал полковник, пожимая плечами, – но предпочел бы вместо него иметь лошадь.

Только я собирался высказать что-нибудь в защиту моего приятеля, как он сам возвратился в комнату.

– Ну-с, джентльмены, – сказал он, – теперь я готов ехать в Тэвисток.

Мы уже сели в коляску, когда Холмсу неожиданно пришла в голову какая-то мысль. Он наклонился к одному из конюхов, который держал дверцу, и поинтересовался:

– Я вижу, у вас в загоне есть овцы. Кто присматривает за ними?

– Я, сэр.

– Вы не обращали внимания: не случилось ли с ними за последнее время чего-нибудь необычного?

– Да вроде ничего особенного, сэр. Разве что три из них недавно стали хромать.

Я увидел, как Холмс усмехнулся, потирая руки; чувствовалось, что он был доволен таким известием.

– Надо же, Ватсон, прямо в цель! – сказал он, незаметно подтолкнув меня локтем. – Грегори, советую обратить внимание на эту странную эпидемию у здешних овец... Кучер, трогайте!

Судя по недовольной гримасе на лице полковника Росса, можно было без труда догадаться, что его мнение о сыскных талантах моего приятеля по-прежнему оставалось невысоким. Зато я заметил, что это замечание вызвало повышенный интерес у инспектора.

– Вы считаете это важным обстоятельством? – встрепнулся он.

– Чрезвычайно важным.

– А есть ли еще какие-то моменты, на которые мне стоило бы обратить внимание?

– Например, на странное поведение собаки в ту ночь.

– Но ведь собака никак себя не вела.

– Именно это-то и странно, – заметил Шерлок Холмс.

* * *

Прошло четыре дня. Мы с Холмсом снова ехали на поезде, следующем в Винчестер, где должны были состояться скачки на кубок Уэссекса. Полковник ожидал нас, как и было условлено, на площади перед станцией. Мы отправились в его экипаже за город, на место скачек. Лицо полковника было мрачным, он держался чрезвычайно холодно.

– Я до сих пор не имею известий о своей лошади, – раздраженно заявил он.

– Надеюсь, вы сможете ее узнать, когда увидите? – спросил Холмс.

Полковник вспыхнул:

– Двадцать лет я постоянно бываю на скачках, и никто не усомнится, что я могу последовательно описать всех лошадей, которые хотя бы раз участвовали в них. Что же касается Сильвера Блэза, то даже ребенок может узнать его по белому пятну на лбу и по крапинкам на передней ноге.

– А что со ставками?

– Тут происходит что-то странное. Вчера ставки шли пятнадцать к одному, но сегодня разрыв начал подозрительно быстро уменьшаться, и теперь не факт, что ко времени старта они удержатся в пределах три к одному.

– Хм! – произнес Холмс. – Очевидно, кто-то что-то разнюхал.

Когда экипаж подъехал к ограде, окружающей главную трибуну, я заглянул в программу скачек. Там значилось:

Кубок Уэссекса для жеребцов четырех и пяти лет

Дистанция – одна мили и пять ферлонгов. 50 фунтов подписными с каждой лошади. Первый приз – 1000 фунтов. Второй приз – 300 фунтов. Третий приз – 200 фунтов.²⁴

1. Негро – владелец мистер Хит Ньютон (цвета наездника: красный шлем, коричневый камзол).

2. Пейджелист – владелец полковник Уордлоу (цвета наездника: розовый шлем, васильковый камзол, рукава черные).

3. Десборо – владелец лорд Бэкуотер (цвета наездника: желтый шлем, рукава камзола того же цвета).

²⁴ Ферлонг (*устар.*) – английская мера длины, равная одной восьмой части мили (примерно 201,17 м).

4. Сильвер Блэз – владелец полковник Росс (цвета наездника: черный шлем, красный камзол).

5. Ирис – владелец герцог Бальморал (цвета наездника: оранжевый шлем, полосатый камзол желто-черного цвета).

6. Рэспер – владелец лорд Синглфорд (цвета наездника: фиолетовый шлем, рукава камзола черные).

– Следуя вашему совету, мы сняли с забега Баярда, нашу вторую лошадь, – сказал полковник. – Но что это? Сильвер Блэз сегодня в фаворитах?

– Сильвер Блэз – пять к четырем! – доносилось с трибун. – Сильвер Блэз – пять к четырем! Десборо – пятнадцать к пяти! Все прочие – пять к четырем!

– Лошади уже на старте, все шесть? Значит, Сильвер Блэз все же бежит! – воскликнул крайне взволнованный полковник. – Но я что-то не вижу моих цветов.

– Пока проехало только пять, – заметил я. – А вот, должно быть, и он.

В ту же минуту из паддока²⁵ появился великолепный гнедой жеребец и проскакал мимо нас легким галопом. Жокей, сидящий на нем, был облачен в хорошо известные всем цвета полковника – красный с черным.

– Но это не моя лошадь! – закричал полковник. – У нее на теле нет ни одной белой отметины! Что вы сделали, мистер Холмс? Я требую объяснений!

– Давайте сперва посмотрим, как она стартует, – невозмутимо произнес мой приятель.

Несколько минут он неотрывно смотрел в бинокль, потом вдруг воскликнул:

– Отличный старт! Сейчас они покажутся из-за поворота!

С того места, где располагался наш экипаж, было прекрасно видно всех лошадей, вышедших на финишную прямую. Они шли так близко друг к другу, что их, казалось, можно было бы покрыть одной попоной, но вот на середине прямой желтый цвет лорда Бэкуотера вырвался вперед. Однако еще до того, как лошади поравнялись с нами, Десборо начал отставать, а жеребец полковника обошел его и у финишного столба был на шесть корпусов впереди своего соперника. Ирис герцога Бальморала с большим отставанием пришел третьим.

– Так или иначе, но кубок мы выиграли, – задыхаясь и проводя рукой по глазам, проговорил полковник. – Хотя разрази меня гром, если я хоть что-то понимаю. Не пора ли прекратить мистификацию, мистер Холмс?

– Пожалуй, действительно пора, полковник. Через минуту вы все узнаете. Пойдемте все вместе, взглянем на победителя... Ну вот, – продолжал он, когда мы вошли в паддок, куда допускались только владельцы лошадей и их знакомые. – Достаточно только протереть ему спиртом голову и ноги, чтобы убедиться, что перед вами Сильвер Блэз.

– Не может быть!

– Тем не менее, это так. Я обнаружил лошадь у одного барышника, когда ее уже хотели сбить с рук, и взял на себя смелость выпустить ее на соревнование, невзирая на внешний вид и нынешнюю форму.

– Дорогой сэр, вы сотворили чудо! Лошадь совершенно здорова и находится в полном порядке. Тысячу извинений за то, что позволил себе усомниться в вашем искусстве. Вы оказали мне огромную услугу, найдя и возвратив Сильвера Блэза! Но окажете еще большую, если найдете убийцу Джона Стрэкера.

– А я его уже нашел, – спокойно сказал Холмс.

Полковник и я с изумлением уставились на него.

– Нашли убийцу! Где же он?

– Здесь.

– Здесь? И где же?!

– В данную минуту он находится возле меня.

Гневный румянец окрасил щеки полковника.

– Я сознаю, что многим обязан вам, мистер Холмс, – произнес он, едва сдерживаясь, – но подобные слова не могу принять иначе, как дурную шутку или оскорбление.

Шерлок Холмс расхохотался.

– Поверьте, полковник, я и не думал считать вас преступником. Настоящий убийца стоит прямо за вами!

Он шагнул вперед и положил руку на блестящую шею породистого скакуна.

– Как?! Убийца – лошадь?! – в один голос воскликнули мы с полковником.

– Да, лошадь. Хотя здесь имеются смягчающие вину обстоятельства: Сильвер Блэз совершил убийство, действуя в целях самозащиты. Скажу вам больше: Джон Стрэкер был человеком, совершенно недостойным вашего доверия... Но я слышу колокол. Друзья мои, поскольку

²⁵ Паддок – огороженная площадка для проводки и седловки лошадей перед стартом.

на следующий забег у меня заключено небольшое пари, и я надеюсь немного выиграть, то отложим подробное объяснение до более подходящего случая.

Вечером того же дня мы снова сидели в купе поезда, мчавшегося в Лондон, и думаю, что путешествие показалось полковнику Россу таким же коротким, как мне: так интересно было слушать рассказ моего друга о том, что произошло в дартмурских конюшнях в понедельник ночью, и как ему удалось узнать все подробности этого происшествия.

– Признаюсь, что все версии, составленные мною на основании газетных сообщений, оказались ошибочными, – говорил Холмс. – А между тем, там имелись данные, которые могли бы послужить указателями верного направления к разгадке, если бы их истинное значение не было загромаждено другими подробностями. Я поехал в Дэвоншир с убеждением в виновности Фицроя Симпсона, хотя, конечно, видел, что против него не собрано достаточно улик. Только когда мы уже подъезжали к дому тренера, в моей голове внезапно возникла мысль о важном значении баранины с перцем. Вы, может быть, помните, что я был очень рассеян и остался в экипаже, когда вы все уже вышли. Я удивлялся про себя, как это я проглядел такое важное обстоятельство...

– Признаюсь, я до сих пор не вижу его важности, – сказал полковник.

– Это первое звено в цепи моих рассуждений. Опиум в порошке имеет заметный вкус. Если подсыпать его в обыкновенное блюдо, то тот, кто стал бы его кушать, заметил бы примесь и перестал есть. Перец – именно та приправа, которая может заглушить вкус опиума. Никаким образом нельзя предположить, чтобы посторонний человек, как Фицрой Симпсон, мог бы устроить так, чтобы в этот день ужин в доме тренера состоял из баранины с приправой из перца, и тем более невозможно предположение, чтобы этот человек явился с порошком опиума как раз в тот вечер, когда подавалось кушанье, способную скрыть эту примесь. Итак, Симпсон устраняется от дела, и все наше внимание сосредотачивается на Стрэкере и его жене – единственных людях, которые могли заказать на ужин баранину с перцем. Опиум применен после того, как была отложена порция для конюха, остававшегося на конюшне, так как остальные ели ужин без всяких дурных последствий. Кто же из Стрэкеров мог дотронуться до еды так, чтобы этого не заметила служанка?

Прежде чем решить этот вопрос, я обратил внимание на молчание собаки – одно верное предположение неизменно вызывает другое. Случай с Симпсоном указывал на то, что в конюшне была собака, а между тем, несмотря на то, что кто-то входил туда и увел лошадь, собака не лаяла достаточно громко для того, чтобы разбудить спавших на сеновале конюхов. Очевидно, что ночной посетитель был хорошо знаком ей. Я был уже убежден, что Джон Стрэкер вошел ночью в конюшню и увел лошадь. Зачем? Я не мог понять причины его поступка. Я надеялся, что вещи, найденные в его карманах, помогут прийти к какому-нибудь заключению, и не ошибся в этом.

Вы, вероятно, не забыли странного ножика, найденного в руке покойника, ножика, которого ни один человек в здравом уме не взял бы для самозащиты. Как сказал нам доктор Ватсон, этот нож употребляется при самых тонких операциях, известных хирургии. И в эту ночь он предназначался для очень тонкой операции. Как знатоку скакового дела, вам, полковник, наверное известно, что можно сделать легкий порез сухожилия на бедре лошади так искусно, что снаружи ничего не будет заметно. Лошадь начинает слегка прихрамывать, что приписывается или переутомлению, или приступу ревматизма, но никак не злему умыслу...

– Мошенник! Негодяй! – крикнул полковник.

– Этим и объясняется, почему Джон Стрэкер хотел увести лошадь из конюшни. При малейшем уколе такое чувствительное животное заржало бы так, что разбудило бы спавших крепким сном конюхов. Поэтому необходимо было произвести операцию на открытом воздухе...

– Как я был слеп! – вздохнул полковник. – Так вот для чего ему нужна была свечка, и почему он зажигал спичку.

– Без сомнения. Но при осмотре его вещей мне посчастливилось открыть не только способ совершения преступления, но и его мотивы. Как человеку светскому, вам известно, полковник, что люди не носят у себя в карманах чужих счетов. Большинству из нас еле под силу справиться и со своими. Я сразу понял, что Стрэкер жил двойной жизнью и имел посторонние связи. По счету ясно было видно, что существует какая-то дама, не любящая стесняться средствами. Несмотря на всю вашу щедрость к вашим служащим, едва ли возможно предположить, чтобы они могли покупать своим женам туалеты в двести гиней. Я расспросил миссис Стрэкер насчет платья, на которое был представлен счет, и, убедившись, что подобного наряда у нее никогда не было, запомнил адрес портнихи, надеясь, что с помощью фотокарточки Стрэкера мне удастся доказать, что таинственный мистер Дербишир не более чем миф. Дальнейшее развитие событий уже не представляло загадки. Стрэкер повел лошадь в овраг, откуда не был бы виден свет. Симпсон, убегая, потерял галстук, а Стрэкер поднял его, возможно, намереваясь перевязать им ногу лошади. Оказавшись в овраге, Стрэкер встал позади лошади и чиркнул спичкой, чтобы зажечь свечу. Сильвер Блэз, испуганный внезапной вспышкой, а может, инстинктивно почувствовав что-то недоброе, рванулся в сторону и угодил стальным копытом прямо в лоб своему тренеру. Несмотря на дождь, Стрэкер, приготовившийся к тонкой операции, уже успел снять плащ. При падении он случайно угодил ножом себе в бедро... Ну как? Достаточно ли убедительная картина?

– Удивительно! – воскликнул полковник. – Просто удивительно! Вы как будто присутствовали при всем этом.

– Честно говоря, я не сразу сумел восстановить всю цепочку событий. Но в какой-то момент мне пришла в голову мысль, что такой предусмотрительный человек, как Стрэкер, не предпринял бы столь тонкой операции, как надрез сухожилия, без предварительной практики. На чем он мог практиковаться в Кингс Пайленде? Мой взгляд случайно упал на овец в загоне, и я задал вопрос конюху, не случалось ли с ними в последнее время чего-то необычного. Его ответ, к моему собственному удивлению, полностью подтвердил мое предположение.

– Вы вполне доступно все разъяснили, мистер Холмс.

– Возвратившись в Лондон, я отправился к портнихе, которая по фотокарточке сразу признала Стрэкера, как своего постоянного клиента, которого зовут мистер Дербишир. Она также рассказала, что жена у него большая модница, обожающая дорогие наряды. Не сомневаюсь, что именно из-за этой женщины он по уши влез в долги и решился на подобное преступление.

– Вы объяснили все, кроме одного, – сказал полковник. – Где же была лошадь?

– А что лошадь... Лошадь просто убежала, а затем бродила по окрестностям, пока ее не приютил один из ваших соседей. Мне кажется, в этом случае мы должны быть к нему снисходительны. А сейчас, если не ошибаюсь, мы проехали Клэпхем. Следовательно, будем на вокзале Виктории минут через десять. Если вам будет угодно зайти к нам и выкурить сигару, полковник, я с удовольствием сообщу любые подробности этого дела, которые вас интересуют.

Желтое лицо

Шерлок Холмс принадлежит к тем людям, которые не любят трогаться с места и совершать какие-нибудь упражнения только ради того, чтобы упражняться. Несмотря на это он от природы обладал редкой физической силой и, кроме того, при хорошем росте и комплекции был, без сомнения, одним из лучших боксеров, каких когда-либо мне приходилось видеть. На гимнастику и другого рода бесцельные физические упражнения он смотрел, как на совершенно напрасную трату энергии, но в то же время проявлял редкий энтузиазм, когда того требовали долг службы или необходимость. Во время таких случаев он был прямо неутомим. Поразительно, откуда только брались у него такая огромная выносливость и тренированность; он был очень воздержан в пище, привычки его отличались большой простотой, и вообще он старался вести суровый образ жизни. Одно, в чем его можно было упрекнуть, это – в употреблении кокаина, к которому он прибегал только как к лекарству против однообразия земного существования.

Однажды ранней весной он сам почувствовал необходимость в отдыхе и предложил мне прогуляться в парке, где на вязах уже появились первые молодые светло-зеленые побеги и раскрывались длинные клейкие почки каштанов. В продолжение двух часов блуждали мы по парку, по большей части молча, как приличествует двум друзьям, которые отлично знают подробности жизни друг друга, и которым вследствие этого не о чем говорить. Только к пяти часам вернулись мы к себе домой на Бейкер-стрит.

– Простите, сэр, – сказал наш маленький слуга, отворяя дверь, – тут вас спрашивал какой-то господин.

Холмс взглянул на меня с упреком.

– Вот что значит гулять после обеда! – сказал он. – Давно ушел этот господин?

– Порядочно, сэр.

– Отчего же ты его не попросил подождать?

– Я просил его зайти, и он ждал.

– Как долго он ждал?

– С полчаса, сэр. Он очень беспокойный господин. Все время бегал по комнате, как сумасшедший. Я стоял в коридоре за дверью и все время наблюдал за ним. Вдруг он выскочил и закричал: «Когда же он придет, наконец?» Я попросил его подождать еще немножко. «Мне здесь душно, – продолжал он, – лучше я подожду на свежем воздухе. Я скоро вернусь», – и с этими словами он выскочил на улицу. Советую вам, сэр, не пускать его к себе больше.

– Ладно, ладно, – ответил Холмс, входя в комнату. – Жалко, что он не дождался нас, Ватсон. Судя по его нетерпению, должно быть, дело серьезное. Ба! Ведь это не ваша трубка на столе? Должно быть, он забыл ее здесь. Это очень хорошая трубка с длинным мундштуком, который на языке настоящих курильщиков называется «янтарь». Интересно знать, много ли в Лондоне мундштуков из настоящего янтаря. Говорят, что признак настоящего хорошего янтаря – это мушка, и потому торговцы нарочно фабрикуют поддельные янтарные мундштуки с такими же поддельными мушками. Должно быть, он был сильно взволнован, раз оставил свою трубку, которой очень дорожит.

– Откуда вы знаете, что он ею дорожит? – спросил я.

– Обыкновенная цена такой трубки не больше семи шиллингов, а вы видите: она в двух местах починена. Сломалась деревянная часть, затем янтарная, и оба места скреплены серебряными ободками. Починка обошлась гораздо дороже самой трубки. Из этого я заключаю, что он дорожит ею, иначе предпочел бы купить новую.

– И только? – нарочно спросил я, желая, чтобы Холмс высказал вслух и остальные наблюдения.

Мой приятель держал трубку довольно высоко, слегка постукивая по ней своим длинным тонким пальцем, как профессор, читающий перед аудиторией лекцию по анатомии и демонстрирующий перед слушателями какую-нибудь интересную кость.

– Эта трубка представляет для меня большой интересный материал для наблюдений, – сказал он, – она не менее носит отпечаток характера владельца, чем часы или шнурки от ботинок. Владелец этой трубки очень сильный человек, левша, с превосходным рядом зубов, мало обращающий внимания на свои привычки и не нуждающийся в средствах.

Затем мой приятель снова углубился в свои наблюдения, но я видел, что его правый глаз искоса поглядывал на меня, чтобы убедиться, достаточно ли внимательно я его слушаю.

– Не думаю, чтобы человек, обладающий достаточными средствами, стал курить семишillingовую трубку! – возразил я.

– Одна унция его табаку стоит восемь пенсов, – сказал Холмс, выколачивая на ладонь оставшийся в трубке пепел. – Имей он возможность курить табак даже наполовину дешевле, то и тогда ему не было бы никакой надобности соблюдать такую экономию.

– Чем же вы докажете остальные свои выводы?

– Он имеет дурную привычку зажигать трубку о лампу или о газовые рожки. Посмотрите, как она обожжена с одной стороны. Конечно, спичкой ничего подобного не сделаешь. Не может быть, чтобы он подносил спичку всегда с одной стороны трубки. Зажигая же о лампу, вы никоим образом не уберетесь, чтобы не опалить трубки. Затем, как вы видите, почему-то сожжена правая сторона трубки. Попробуйте зажечь о лампу свою трубку, и вы убедитесь на опыте, что если будете держать ее в правой руке, то поднесете к пламени непременно левую сторону, а не правую. Конечно, иногда может случиться, что вы зажжете и с правой стороны, но не всегда. Кроме того, вы видите, что мундштук довольно сильно изгрызен, а это может сделать только сильный, энергичный и обладающий очень хорошими и острыми зубами человек. Но, если не ошибаюсь, я слышу его шаги на лестнице. Надеюсь, эта персона предложит нам кое-что поинтереснее, чем исследование его трубки.

Действительно, не прошло и нескольких секунд, как открылась дверь, и в комнату вошел высокий молодой человек. Одет он был хорошо, но очень просто: на нем был темно-серый костюм, а в руке он держал коричневую широкополую фетровую шляпу. На вид ему можно было дать не больше тридцати лет, на самом же деле, похоже, он был гораздо старше.

– Простите, – сказал он с тревогой на лице, – я постучался в дверь? – Он остановился на пороге и, не дожидаясь ответа, сам себе ответил: – Да, конечно, постучался. Видите ли, я немного встревожен, так что вы, пожалуйста, простите мою невежливость.

С этими словами он провел рукой по лбу, как имеют обыкновение делать очень нервные и взволнованные люди, и затем скорее упал, чем опустился на стул.

– Вы, кажется, не спали несколько ночей подряд, – сказал Холмс своим обычным симпатичным голосом. – Бессонные ночи страшно расстраивают нервы, гораздо больше, чем самая тяжелая работа и даже кутежи. Можно спросить, чем я могу быть вам полезен?

– Я хотел бы посоветоваться с вами, сэр. Что мне делать? Я чувствую, что моя жизнь разбивается на мелкие кусочки.

– Я вас не понимаю, – возразил Холмс, – вы хотите посоветоваться со мной как с детективом-консультантом?

– Нет, я хочу знать ваше мнение как хорошего юриста и опытного в житейских делах человека. Я не знаю, что мне предпринять, и за что взяться. Вы один только можете дать мне полезный совет...

Он говорил отрывистыми, короткими фразами; его сильное нервное возбуждение ясно свидетельствовало, что этот рассказ доставляет ему нравственную пытку.

– Знаете, это очень щекотливый вопрос, – сказал он. – Трудно рассказывать чужим про свои семейные дела. Ужасно беседовать с посторонними людьми, которых никогда раньше не видел, насчет поведения своей собственной жены. Как это ужасно, ужасно! Но я не в состоянии дольше терпеть, моя нервная система напряжена до крайности, я должен с кем-нибудь посоветоваться.

– Послушайте, мой друг, мистер Грант Манро... – начал Холмс.

Посетитель вскочил со стула, точно ужаленный.

– Как! – вскричал он. – Вы знаете мое имя?

– Если вы желаете остаться неизвестным, – сказал, улыбаясь, Холмс, – то советую вам в следующий раз не писать свое имя на дне шляпы и не поворачивать ее внутренней стороной к собеседнику. Мой приятель и я выслушали в этой комнате очень много самых интимных секретов и благодаря Провидению облегчили заботы очень многих людей. Надеюсь, нам удастся облегчить и ваши страдания. Могу я просить вас, так как дело, может быть, не терпит отлагательства, сейчас же приступить к изложению фактов.

Наш посетитель еще раз провел рукой по лбу, как будто это движение могло помочь ему собраться с духом и мыслями. Каждый его жест и выражение лица свидетельствовали о том, что это был очень осторожный, сдержанный человек с большой природной гордостью, которая и заставляла его так долго скрывать свои сердечные раны. Наконец он сделал энергичный жест рукой и начал свой рассказ.

– Вот в чем дело, мистер Холмс. Я женат уже три года. В течение этого времени мы так любили друг друга и так были счастливы, как будто были созданы друг для друга. Никогда между нами не было никакого разногласия, ни тени раздора. А теперь, с последнего понедельника, между нами словно стена выросла. Я чувствую, что в ее жизни, во всех ее мыслях есть что-то такое чужое мне, как будто она не моя жена, а какая-нибудь первая попавшаяся мне на улице женщина. Одним словом, с некоторого времени мы стали совершенно чужими друг другу, и я во чтобы то ни стало хочу узнать причину такой перемены.

Прежде чем перейти к самим фактам, я должен сообщить вам, мистер Холмс, еще одну очень важную вещь. Эффи любит меня. Я не допускаю мысли, чтобы я мог ошибаться. Она любит меня всем своим сердцем, всей душой и, наверное, никого так не любила, как меня в данное время. Я чувствую это так же глубоко, как чувствует всякий человек, которого кто-нибудь любит. Но между нами существует какая-то тайна, благодаря которой мы никогда не сделаемся прежними счастливыми и любящими супругами, пока она не будет обнаружена...

– Нельзя ли перейти к фактам, мистер Манро? – прервал его Холмс с видимым нетерпением.

– Извольте, я расскажу вам все, что знаю про Эффи. Когда я встретил ее в первый раз, она была совсем молодой вдовой. Теперь ей всего только двадцать пять лет. Ее имя было миссис Эброн. Молоденькой барышней она приехала в Америку и там вышла замуж за некоего Эброна, присяжного поверенного с очень хорошей практикой. У них был один ребенок, который вскоре умер от желтой лихорадки. Та же участь постигла и ее мужа. Я сам видел свидетельство о его смерти. Это несчастье заставило ее покинуть Америку и поселиться вместе со своей теткой, старой девой, в Пиннере. Муж после смерти оставил ей порядочный капитал в четыре тысячи пятьсот фунтов стерлингов, который так хорошо был помещен им в одно дело, что давал ежегодно семь процентов. В Пиннере она успела прожить всего шесть месяцев, когда я познакомился с ней. Мы сразу влюбились друг в друга и повенчались спустя несколько недель.

Я сам торгую хмелем и получаю от семисот до восьмисот фунтов стерлингов чистого дохода. Таким образом, как вы видите, мы можем жить очень комфортабельно, и поэтому наняли прелестную виллу в Норбери за восемьдесят фунтов в год. Это небольшая деревня, но она имеет то большое преимущество, что находится недалеко от города. Поблизости от нас есть гостиница и какие-то два дома, а с другой стороны через небольшое поле есть небольшая хижина, обращенная в нашу сторону фасадом. Кроме же этих построек почти до самой станции нет жилья. Мои занятия требуют моего присутствия в городе только в известное время года, летом у меня гораздо меньше дела, и потому я вполне могу наслаждаться с женой деревенской жизнью. Как я уже говорил вам, между нами никогда не было никаких недоразумений.

Здесь я должен обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство. После свадьбы жена отдала мне все свои деньги против моей воли, потому что я отлично понимаю, что она останется ни с чем, если вдруг мои дела пошатнутся. Но она тогда настояла на своем, и я подчинился ее требованию. Вдруг шесть недель тому назад она пришла ко мне.

– Джек, – сказала она, – когда я отдавала тебе деньги, ты сказал, что я могу их взять, как только они мне понадобятся.

– Конечно, – ответил я, – ты имеешь полное право распоряжаться своей собственностью.

– В таком случае, дай мне, пожалуйста, сто фунтов.

Меня это немножко удивило, и тогда я думал, что деньги ей нужны на какую-нибудь женскую прихоть, на новое платье или что-нибудь другое в этом роде.

– На что тебе понадобилась такая сумма? – спросил я.

– Вот видишь! – ответила она игривым тоном. – Ты сказал, что будешь моим банкиром, а банкиры никогда не спрашивают своих вкладчиков, на что им нужны деньги.

– Если тебе нужны деньги, то, конечно, я их дам, – ответил я.

– О, да, они мне очень нужны.

– Но ведь ты можешь мне сказать, на что?

– Через несколько дней, может быть, но не теперь, Джек.

Заручившись таким обещанием, я, конечно, успокоился, хотя это было первый раз, что у жены оказался от меня секрет. Я выдал ей чек и с тех пор ни разу не вспоминал об этих деньгах. Быть может, этот факт не имеет ничего общего с тем, что произошло, но я все-таки предпочел рассказать вам его.

Я уже говорил вам, что недалеко от нас находится небольшая хижина. Чтобы попасть туда из нашего дома, нельзя пройти прямо по полю, а надо идти по большой дороге и потом свернуть на тропинку, ведущую через красивый лесок из шотландских елей. Я часто гулял в этом лесу, наслаждаясь прохладой и тенью больших деревьев. Этот домик стоял пустой в течение восьми месяцев; я очень часто останавливался перед ним, думая, как хорошо бы здесь устроиться. Его крытое крылечко почти совершенно утопало в зеленых кустах жимолости.

Вдруг в понедельник вечером, совершая свою обычную прогулку, я встретил пустой воз, отъезжающий, очевидно, от домика, а затем около крылечка увидел разложенные на земле еще не внесенные вещи. Очевидно, кто-нибудь снял этот домик. Проходя мимо него, я с любопытством человека, которому нечего делать, заглянул в окно, соображая, что за люди поселились по соседству от меня. Случайно взглянув наверх, я увидел в открытом окне второго этажа какое-то лицо, устремившее на меня свой взор.

Я не знаю, мистер Холмс, кому принадлежало это лицо, но от его взора у меня по всему телу пробежали мурашки. К сожалению, я стоял слишком далеко, так что не мог разобрать его черт. Во всяком случае, в нем было что-то неестественное, нечеловеческое. Таково было вынесенное мною первое впечатление. Когда же я сделал движение, чтобы подойти поближе и рассмотреть существо, смотрящее на меня, оно моментально исчезло, и притом с такой быстротой, как будто кто-нибудь его увлек в глубину комнаты. Я постоял минут пять, думая, что оно опять появится, и пробуя анализировать полученное впечатление, но напрасно – лицо больше не появлялось. Я не могу сказать, чье это было лицо – мужское или женское, хотя отлично заметил, что оно было мертвенно-желтого цвета, с холодным, неподвижным взором, какого я никогда не встречал у людей. Это обстоятельство так заинтересовало и в то же время взволновало меня, что я решил рассмотреть поближе и познакомиться, если возможно, со странными новыми обитателями домика. С этой целью я подошел и постучался в дверь, которая моментально была открыта высокой худой женщиной с неприветливым лицом.

– Чего вам надо? – спросила она с сильным северным акцентом.

– Я ваш сосед, – сказал я, указывая на мой дом, – я видел, что вы только что переехали, и потому зашел узнать, не нужно ли вам в чем-нибудь помочь.

– Чего вы лезете, когда вас не спрашивают?! – закричала она и перед самым моим носом захлопнула дверь.

Удивленный и сконфуженный, я повернулся и пошел домой. Целый вечер я старался думать о различных предметах, но мои мысли упорно возвращались к странному видению в окне и к грубому приему старой женщины. Зная нервность и суеверность жены, я решил ничего не рассказывать ей о происшедшем. Ложась спать, я мимоходом сообщил ей, что кто-то поселился в соседнем домике, на что она мне ничего не ответила.

Обыкновенно я сплю очень крепко. Все знали, что когда я засну, меня ничем нельзя разбудить. Но в ту ночь, вероятно, вследствие сильного возбуждения, я спал менее крепко. Вдруг я почувствовал сквозь сон, что кто-то ходит по комнате; просыпаясь постепенно, я увидел, что моя жена совсем одета и выходит из комнаты в накидке и шляпе. Я хотел было произнести слова удивления или протеста, но мой взгляд вдруг упал на ее лицо, освещенное горячей свечой, и я онемел от изумления. Мертвенная бледность покрывала ее лицо, сама она дрожала и тяжело дышала от волнения, причем постоянно поглядывала на мою кровать, очевидно, боясь, чтобы я не проснулся. Затем, убедившись, что я сплю, она бесшумно скользнула из комнаты, и через несколько секунд я услышал, как скрипнула парадная дверь. Я сел на кровати и ощупал свою голову, чтобы убедиться, что это не сон, и что я проснулся. Было три часа утра. Куда могла уходить в такой час моя жена?

Так просидел я минут двадцать, теряясь в догадках и стараясь найти какое-нибудь объяснение. Но чем больше я думал, тем больше все это казалось мне необъяснимым и странным. Только я собрался встать, как вдруг дверь внизу тихо отворилась, и на лестнице послышались шаги моей жены.

– Куда ты ходила, Эффи? – спросил я, когда она вошла в комнату.

При звуке моего голоса она вздрогнула всем телом, легкий крик вырвался из ее груди. Это обстоятельство еще больше обеспокоило меня, так как этим невольным движением она выдала себя и доказала свою виновность. Моя жена всегда отличалась открытым характером, и потому такое исчезновение из комнаты, украдкой, явно уличало ее.

– Ты проснулся, Джек? – почти вскрикнула она с нервным смехом. – А я думала, что тебя ничто не может разбудить.

– Где ты была? – спросил я строго.

– Я не думала, что это тебя испугает, – сказала она, снимая накидку, причем пальцы ее, когда она расстегивала пряжку, страшно дрожали. – Со мной никогда ничего подобного не случилось раньше. Мне вдруг стало так душно в комнате, что я должна была выйти немного подышать свежим воздухом. Хорошо, что я вышла на двор, а то, право, задохнулась бы здесь. Там я постояла у дверей несколько минут и теперь чувствую себя хорошо.

Все это она говорила, ни разу не взглянув мне в глаза, и в ее голосе слышались незнакомые мне ноты. Очевидно, она говорила неправду. Я ни слова не ответил и повернулся лицом к стене, делая тысячи самых ужасных догадок и подозрений. Что такое она скрывает от меня? Куда уходит по ночам? Я чувствовал, что никогда не успокоюсь, пока не узнаю истину, и в то же время боялся приставать к ней с расспросами, так как знал, что она опять станет лгать. Всю остальную часть ночи я провалился в постели, не сомкнув глаз, придумывая одно предположение невероятнее другого.

В этот день я должен был ехать в город, но был слишком расстроен, чтобы заниматься какими-нибудь делами. Жена была в таком же возбужденном состоянии, как и я, и по ее вопрошительным взглядам, которые она изредка кидала на меня, я понял, что она старается найти выход из этого глупого положения, так как чувствует, что я не поверил ее объяснению. За завтраком мы обменялись только двумя-тремя отрывистыми фразами, и потом я сейчас же пошел гулять, что обыкновенно делал и в другие дни, пользуясь утренней прохладой.

Я дошел до самого Хрустального дворца, отдохнул с часок на траве и к половине первого вернулся назад в Норбери. Случайно мне пришлось проходить мимо того же домика, и я остановился на минуту в надежде увидеть еще раз страшное лицо, которое накануне глядело на меня из верхнего окна. Но представьте себе, мистер Холмс, мое удивление, когда дверь домика отворилась и оттуда вышла моя жена!

Я так и остолбенел от удивления. Жена тоже заметила меня и задрожала как осиновый лист. Сначала она, казалось, хотела убежать обратно в домик, но потом, очевидно, сообразила бесполезность такого поступка и посмотрела на меня сконфуженными глазами, тщетно стараясь улыбнуться.

– Я пришла сюда, Джек, узнать, не нужна ли нашим соседям моя помощь. Отчего ты так на меня смотришь? Ты недоволен чем-нибудь или сердись на меня?

– Так вот куда ты ходила сегодня ночью? – сказал я.

– Что ты, что ты!

– Ты здесь была, я в этом убежден. Кто здесь живет, к кому ты ходишь по ночам?

– Я первый раз сюда пришла.

– Как ты смеешь мне лгать?! – кричал я. – Ведь тебя выдает твой голос. Разве я скрывал что-нибудь от тебя? Сейчас же пойду туда и узнаю, в чем дело!

– Нет-нет, Джек, ради Бога, не ходи! – вскричала она с неподдельным ужасом.

Когда же я сделал несколько шагов по направлению к двери, она вцепилась мне в рукав и со страшной силой потащила обратно.

– Умоляю тебя, Джек, не делай этого! – кричала она. – Клянусь тебе всеми святыми, что сама расскажу все через несколько дней. Если же ты войдешь туда сегодня, то сделаешь меня ужасно несчастной.

Несмотря на все усилия, я никак не мог освободиться от нее и подойти к двери.

– Поверь мне, Джек! Поверь мне только раз. Ты никогда не пожалеешь об этом. Я никогда не стала бы от тебя скрывать, если бы это не было необходимо. От этого зависит счастье всей нашей жизни. Пойдем со мной домой, и все будет хорошо. Если же ты насильно войдешь в этот дом, между нами все кончено.

Последние слова были произнесены с такой твердостью, такое отчаяние слышалось в ее голосе, что я был совершенно обезоружен и стоял в нерешительности у дверей.

– Хорошо, я исполню твое желание, при одном только условии, понимаешь, только при одном, – сказал я наконец. – Ты можешь сохранить при себе свою тайну, но должна обещать мне, что ночные визиты ни разу не повторятся, и что ты не станешь ничего больше от меня скрывать. Я готов забыть все прошедшее, если ты дашь мне обещание, что ничего подобного в будущем больше не повторится.

– О, обещаю тебе, Джек, – произнесла она с видимым облегчением. – Пусть будет по-твоему, только уйдем, уйдем поскорей от этого дома!

С этими словами она потащила меня прочь. Отходя от дома, я обернулся и опять увидел в окне верхнего этажа наблюдающее за нами желтое лицо. Что могло быть общего между моей женой и этим желтым лицом? Я опять задрожал от этого взгляда и чувствовал, что никогда не успокоюсь, пока не распутаю эту таинственную историю.

Два дня я никуда не выходил из дома, и жена, очевидно, исполнила свое обещание, так как, насколько мне известно, тоже никуда не отлучалась. Но на третий день мне опять пришлось разочароваться. Оказывается, никакая клятва, данная мужу, не может удержать ее от исполнения своего желания или, может быть, долга.

Я уехал по делам в город и вернулся двухчасовым поездом, а не трехчасовым, как обыкновенно делал раньше. В передней меня встретила горничная с растерянным лицом.

– Где барыня? – спросил я.

– Не знаю, должно быть, пошла на прогулку, – ответила она.

Я сразу заподозрил, что здесь что-то неладно. Пройдя к себе наверх, чтобы убедиться, что жены действительно нет дома, я случайно взглянул в окно и увидел, как моя горничная во весь дух бежала через поле по направлению к злополучному домику Тут-то я понял, в чем дело. Моя жена ушла из дома и велела горничной немедленно прибежать за ней в случае, если я раньше вернусь из города. Вне себя от гнева я сбежал вниз, решившись раз и навсегда положить конец этой комедии. Я видел, как моя жена и горничная почти бегом шли по тропинке, но не остановил их и прошел к домику, в котором думал найти развязку этого секрета. Дверь была открыта, и я, не постучавшись, вошел в коридор.

Меня никто не встретил. В кухне на плите стоял котел, а невдалеке в корзине лежал большой кот. Но старой женщины не было. Тогда я прошел в следующую, совершенно пустую комнату, отсюда поднялся наверх и обошел находящиеся там две комнаты, не встретив ни одной живой души. Вся обстановка и картины были совершенно простые и очень грубой работы, за исключением той комнаты, в окне которой я два раза видел желтое лицо. Она была обставлена уютно и с большим вкусом. Но можете себе представить, до чего я разозлился, когда увидел на камине фотографию моей жены, которая была сделана по моей же просьбе три месяца тому назад.

Долго я стоял, не двигаясь с места, чтобы убедиться, что во всем доме нет никого. Затем вернулся домой со страшной тяжестью на сердце. В передней меня встретила жена, но я был настолько зол, что, не сказав ей ни слова, прошел прямо к себе в кабинет. Она последовала за мной, так что я не успел закрыть за собой двери.

– Я ужасно страдаю, Джек, мне пришлось нарушить свое обещание, но если бы ты знал все обстоятельства, то, наверно, простил бы меня!

– Скажи мне всю правду!..

– Не могу, Джек, хоть убей меня, не могу! – вскричала она с отчаянием.

– Пока ты не скажешь, кто живет в этом домике, и кому ты дала свою фотокарточку, я не желаю иметь с тобой никакого дела, – сказал я и с этими словами ушел из дома.

Это было вчера, мистер Холмс, и с тех пор я не видел жены и ничего не знаю об этой загадочной истории. Со мной подобная история произошла первый раз в жизни, поэтому я до того растерялся, что не знал, как быть, и что предпринять. Вдруг сегодня мне пришла в голову мысль обратиться к вам за советом, и вот я пришел к вам и всецело отдаю себя в ваши руки.

Пожалуйста, если в моем рассказе что-нибудь недостаточно ясно, спросите – и я с радостью вам объясню. Только, ради Бога, скажите как можно скорее, что мне делать, потому что я не в состоянии дольше находиться в таком дурацком положении.

Холмс и я с большим интересом слушали странный рассказ этого в высшей степени возбужденного человека; мой приятель некоторое время еще сидел в раздумье, подпирая рукой свой подбородок.

– Скажите мне, пожалуйста, – произнес он, наконец, – можете ли вы поручиться, что из окна смотрело на вас человеческое лицо?

– Трудно ответить вам утвердительно, потому что я и первый, и во второй раз находился от окна на порядочном расстоянии, – ответил посетитель.

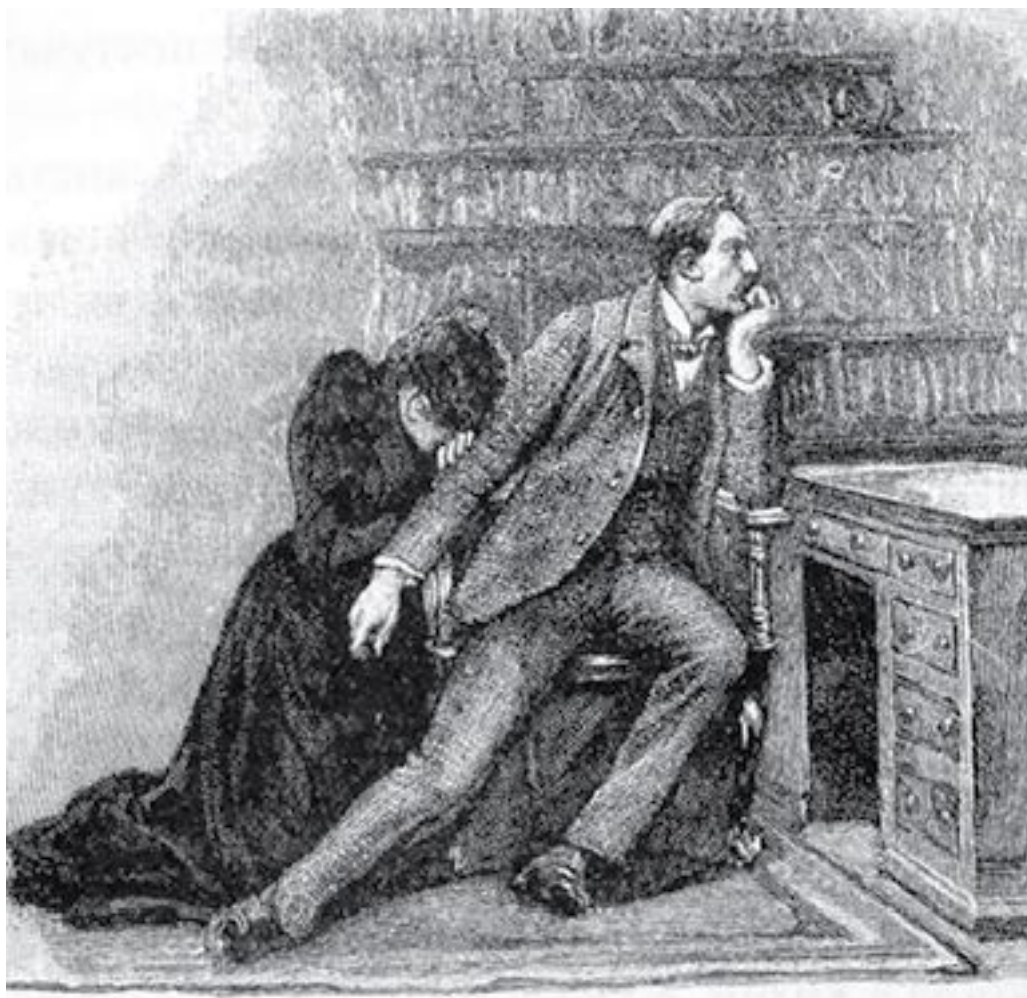
– Но на вас, кажется, оно произвело очень сильное впечатление.

– Да, потому что у него удивительно неестественный цвет лица и холодные неподвижные черты. А всякий раз, когда я хотел приблизиться, оно моментально исчезало.

– Как давно жена взяла у вас сто фунтов стерлингов?

– Почти два месяца тому назад.

– Видели ли вы когда-нибудь фотокарточку ее первого мужа?

– Нет. В Атланте вскоре после его смерти был огромный пожар, во время которого сгорели все ее бумаги.

– Каким же образом она сохранила свидетельство о его смерти? Ведь вы говорите, что видели его?

- Ей выдали после пожара копию с первого свидетельства.
- Встречали ли вы кого-нибудь, кто бы знал ее в Америке?
- Нет.
- Не предлагала ли она вам когда-нибудь съездить туда?
- Нет.
- Может быть, получала оттуда письма?
- Нет. По крайней мере, я не знаю об этом.

– Благодарю вас. Теперь я составил себе некоторое понятие об этом деле. Если в этом домике теперь никто не живет, тогда будет довольно трудно распутать дело, в противном же случае, если обитатели его, предупрежденные о вашем посещении, только на время оставили его, а потом опять вернулись, тогда мы скоро докопаемся до истины. Вот что я вам посоветую: поезжайте в Норбери и опять походите мимо окон этого домика. Если вы убедитесь, что внутри кто-нибудь есть, не старайтесь проникнуть туда, но сейчас же телеграфируйте нам. Мы приедем через час после получения вашей телеграммы и затем посмотрим, что делать.

- А если там никто не живет?

– В таком случае я завтра буду у вас и поговорю с вами. До свидания, и, пожалуйста, напрасно не волнуйтесь до тех пор, пока не убедитесь, что действительно стоит волноваться...

– Мне кажется, это очень грязная штука, Ватсон, – сказал Холмс, проводив до дверей мистера Гранта Манро. – Каково ваше мнение об этой истории?

- Я того же мнения, что и вы.

- По-моему, здесь шантаж, если я не ошибаюсь.

- Но кто же шантажист?

– Должно быть, то лицо, которое живет в прилично обставленной комнате и имеет ее фотокарточку. Меня очень интересует это желтое лицо, и я ни за что не успокоюсь, пока не узнаю, в чем здесь дело.

- Но вы лично составили себе об этом какое-нибудь мнение?

– Да, и буду очень удивлен, если мои предположения окажутся неверными. По-моему, в домике живет первый муж миссис Манро.

- Почему вам так кажется?

– Чем же объяснить ее ужас, когда господин Манро хотел войти в домик?.. Вот как, по-моему, обстоит дело. Эта женщина вышла замуж в Америке. Они не сошлись характерами, или, возможно, он совершил какой-нибудь гнусный поступок. Она убежала от него и вернулась в Англию под чужим именем с той целью, чтобы, как она думала, начать новую жизнь. Затем она вышла вторично замуж и считала себя в полной безопасности. Мужу она показала свидетельство о смерти какого-нибудь господина, чье имя приняла. И вдруг ее местопребывание было открыто первым мужем или, может быть, этой отвратительной на вид старой женщиной, которая так сурово приняла мистера Манро. Они написали ей письмо, угрожая приехать и донести в полицию. Тогда она просит сто фунтов и посылает им, чтобы откупиться. Несмотря на это, они все-таки приезжают. Она узнает от своего мужа, что кто-то поселился в соседнем домике, догадывается, что это ее преследователи, ждет случая и украдкой удирает из дома, чтобы умолить их оставить ее в покое. Потерпев фиаско, отправляется туда на следующее утро и встречает своего мужа. Она обещает ему не ходить больше туда, но через два дня надежда избавиться от этих ужасных соседей настолько сильно начинает ее мучить, что она решается сделать последнюю попытку, и отправляется туда, захватив с собой обещанную фотокарточку. Во время этого разговора прибегает горничная и сообщает ей, что приехал барин. Жена, зная, что ее муж не замедлит явиться в дом, заставляет их бежать через черный ход в лес. Вот почему Манро никого не нашел дома. Я буду страшно удивлен, если они не вернутся домой до самого вечера... Что вы думаете о моих предположениях?

- Что это одни только предположения.

– Предположения, однако объясняющие все факты. Пока мы должны делать предположения на основании тех фактов, которые находятся у нас в руках; когда будем иметь новые, тогда будет время подумать. Теперь же нам остается только ждать известий от нашего приятеля из Норбери.

Но нам недолго пришлось ждать. Не успели мы напиться чаю, как пришла телеграмма. «Опять видел в окне желтое лицо. В семь часов встречу вас на вокзале», – телеграфировал Манро.

Выйдя из поезда, мы увидели его на платформе. При свете зажженных фонарей он показался нам страшно бледным и измученным.

– Они здесь еще, мистер Холмс, – сказал он, крепко пожимая руку моего друга. – Я видел свет в окне, когда шел сюда на станцию. Надо торопиться, чтобы они не удрали.

– Каков же ваш план? – спросил Холмс, когда мы шли по темной, обсаженной большими деревьями дороге.

– Надо силой ворваться в дом и узнать, кто там живет. Я желаю, чтобы вы были только свидетелями.

– Итак, вы твердо решили поступить таким образом, несмотря на предостережение жены не делать этого и до времени не пытаться разоблачить тайну?

– Да, я совершенно твердо принял такое решение.

– По-моему, вы вправе так поступать. Всякая истина, какова бы она ни была, лучше неизвестности.

Была очень темная ночь, когда мы свернули с большой дороги и пошли по тропинке. Моросил мелкий дождь. Мистер Грант Манро нетерпеливо шагал впереди, мы же шли за ним.

– Вон там освещенные окна моего дома, – шепнул он, указывая на свет между деревьями, – а вот домик, куда мы должны войти.

Тут тропинка сделала поворот, и мы очутились перед фасадом домика. Желтая полоса света, падающая на черную землю, свидетельствовала о том, что дверь была неплотно закрыта. Наверху было ярко освещено одно окно. На спущенной шторе несколько раз промелькнула какая-то тень.

– Вот видите, он здесь! – вскричал Манро. – Кто-нибудь, наверно, есть в доме. Идемте и сейчас же все узнаем!

Но только мы приблизились к двери, как из темноты набросилась на нас какая-то женщина и загородила нам дорогу. Свет, падавший из окна, был слишком слаб, чтобы можно было разглядеть ее лицо.

– Ради Бога, Джек, не делай этого! – кричала она. – Я чувствовала, что ты придешь сегодня вечером! Подожди немного, и ты никогда не будешь жалеть об этом!

– Я довольно ждал и верил тебе, Эффи! – возразил Манро решительно. – Оставь меня! Я должен туда войти. Мои друзья и я решили вывести все на чистую воду.

С этими словами он отстранил жену, и мы последовали за ним в дом.

Не успел он открыть дверь, как в коридор выскочила старуха и попробовала было загородить нам дорогу, но Манро грубо отстранил ее и в несколько прыжков очутился наверху. Затем он вбежал в освещенную комнату, а мы остановились на пороге.

Это была чистенькая, хорошо обставленная комната, с двумя зажженными свечами на столе и двумя на камине. В углу копошилось какое-то существо, с виду похожее на девочку. Она сидела к нам спиной, но мы могли рассмотреть, что на ней было одето красное платье и длинные белые перчатки. Когда же она повернула к нам свое лицо, я невольно вскрикнул от ужаса и удивления. Меня поразила больше всего неподвижность этого лица и мертвенно-желтый цвет кожи. Но тайна сейчас же объяснилась. Холмс со смехом провел рукой за ухом ребенка и снял надетую на лицо маску. Перед нами предстала прелестная маленькая негритяночка с ослепительно белыми зубками, которая с любопытством смотрела на наши измучен-

ные лица. Я от души расхохотался, но Манро стоял, насупившись, со скрещенными на груди руками.

– Господи! – проговорил он, наконец. – Что все это значит?

– Я объясню тебе, что это значит, – произнесла вошедшая в комнату женщина с открытым гордым лицом. – Ты насильно вырвал у меня признание и теперь не имеешь права ни на что пенять. Мой первый муж умер в Атланте. Но ребенок остался жив.

– Твой ребенок?

Она вынула большой серебряный медальон, который носила на груди.

– Ты не знал, как он открывается!

Она нажала пружину, и вслед за тем сейчас же отскочила нижняя крышка медальона. Там под стеклом был портрет очень интеллигентного на вид и красивого мужчины, черты лица которого, однако, выдавали его африканское происхождение.

– Вот портрет Джона Эброна из Атланты, – сказала дама, – благороднейшего человека в мире. Я пренебрегла предрассудками белой расы и вышла за него замуж. За все время нашей супружеской жизни мне ни разу не приходилось сожалеть о совершенном самопожертвовании. Единственное несчастье, что наш ребенок пошел в отца, а не в мать. Это очень часто бывает при таких смешанных браках. Моя маленькая Люси гораздо чернее своего отца. Но какая бы она ни была, черная или белая, это моя дорогая девочка, моя гордость.

При этих словах маленькое черное создание прибежало к матери и вцепилось ручонками в ее платье...

– Я оставила ее в Атланте только потому, что она была больна и перемена климата могла бы дурно повлиять на ее слабое здоровье. За ней присматривала верная шотландка, наша старая няня. Не проходило ни одного дня, ни одного часа, чтобы я не вспомнила о своем любимом

ребенке. Потом я встретила с тобой и убедилась, что люблю тебя, Джек, но побоялась сказать тебе всю правду. Я боялась, что потеряю тебя, и потому не решалась признаться, что у меня есть ребенок. Предстоял трудный выбор, и я по слабости сделала то, чего ни в коем случае не имела права делать, то есть приняла твоё предложение. В течение трех лет меня мучили угрызения совести и съедала тоска по ребенку, но я хранила свою тайну, потому что получала благоприятные вести от няньки. Наконец во мне появилось непреодолимое желание увидеть своего ребенка. Долго я боролась против этого желания, но напрасно. Как это было ни опасно, я рискнула выписать дочку, хотя бы на несколько недель. Я послала в Америку сто фунтов стерлингов и дала подробные инструкции няне, как она должна приехать и поселиться в этом домике. Я сделала все возможное, чтобы никто в нашем околотке не знал о существовании черного ребенка, и потому приказала няньке наблюдать, чтобы Люси весь день ходила в маске и в длинных перчатках. Конечно, можно было бы придумать что-нибудь умнее, но боязнь, что ты случайно узнаешь правду, положительно лишала меня рассудка. Ты первый сообщил мне приятную новость, что в домике кто-то поселился. Весь день я прождала, сгорая от нетерпения поскорее увидеть и расцеловать свое родное дитя, и, наконец, потихоньку убежала туда ночью, зная, что ты очень крепко спишь. На следующий день ты мог бы все узнать, если бы подчинился моей просьбе подождать еще немного времени. Спустя три дня, когда ты ворвался в дом, няня с ребенком едва успели убежать в лес через черный ход. Теперь ты узнал всю правду, и мне интересно знать, что будет со мной и с моим ребенком?..

С этими словами она сжала свои красивые руки и ждала ответа.

Прошли две длинные томительные минуты, пока Грант Манро первый прервал молчание. Я с удовольствием вспоминаю эту сцену. Он поднял маленькую девочку, крепко поцеловал ее, затем взял под руку свою жену и, не говоря ни слова, повел их обеих к двери.

– Мы гораздо удобнее можем переговорить об этом у себя дома, – сказал он. – Я не считаю себя, Эффи, очень хорошим человеком, но все-таки думаю, что ты смело могла бы мне доверить свою тайну, не прибегая к подобным средствам.

Мы вышли за ним из дома. Подойдя к тропинке, Холмс дернул меня за рукав и шепнул:

– Я думаю, наше присутствие гораздо полезнее будет в Лондоне, чем здесь, в Норбери.

После этого он не проронил ни слова до самой поздней ночи, пока не взял свечу и не отправился в спальню, собираясь ложиться спать.

– Пожалуйста, Ватсон, – сказал он, обернувшись ко мне, – если вы когда-нибудь заметите, что я начинаю слишком много о себе думать, шепните мне на ухо одно только слово: «Норбери», – и я буду вам за это бесконечно благодарен.

Приключение клерка

Вскоре после женитьбы я купил у престарелого доктора Фаркера его практику в Паддингтоне. Когда-то пациентов было множество, но доктор старел и к тому же страдал чем-то вроде пляски святого Витта – и число их заметно поубавилось. Каждый человек, естественно, предпочитает лечиться у того, кто сам здоров, и если врач не в силах исцелить себя самого, то уж какое тут доверие к его медицинским познаниям и опыту. По мере того, как здоровье старого доктора ухудшалось, дела его приходили все в больший упадок, и к моменту, когда была заключена наша сделка, практика приносила ему вместо прежних тысячи двухсот всего около трехсот фунтов в год. Но я не сомневался, что мне, человеку молодому и энергичному, удастся за год-два изменить ситуацию, и пациентов будет более чем достаточно.

Первые месяцы я не выезжал за пределы Паддингтона – увы, мне было не до визитов, в том числе и на Бейкер-стрит. Поэтому все это время я не виделся с Холмсом, он сам ведь если и выходил куда-нибудь, то только по делу. Легко представить себе мою радость, когда однажды июньским утром звонок в передней, а затем резкий голос моего старого друга оторвали меня от чтения «Британского медицинского вестника».

– Рад вас видеть, дорогой Ватсон! – сказал он еще на пороге. – Как миссис Ватсон? Пришла в себя после всех наших приключений со «Знаком четырех»?

– Спасибо, сейчас она чувствует себя отлично, – отвечал я, пожимая ему руку.

– Ну, а медицина, она полностью завладела вами, или у вас сохранился еще интерес и к нашим общим загадкам? – продолжал Шерлок Холмс, усаживаясь в качалку.

– Ну, еще бы! – воскликнул я. – Вот и вчера вечером я разбирал и перечитывал свои старые заметки.

– Надеюсь, вы не считаете свою коллекцию слишком полной?

– Напротив! Я мечтаю пополнять ее и дальше.

– А если сегодня?

– Можно и сегодня.

– Даже если придется ехать в Бирмингем?

– Куда угодно.

– А практика?

– Устроится. Попрошу соседа принять моих пациентов. Я всегда подменяю его, когда он уезжает.

– Вот и отлично! – Шерлок Холмс откинулся в качалке и проницательно взглянул на меня из-под полуопущенных век. – Но что может быть противнее, чем простуда летом? Вы ведь были больны?

– Да, в самом деле, на прошлой неделе я так простудился, что три дня пришлось просидеть дома. Но сейчас-то, мне казалось, и следов болезни не осталось.

– Верно, выглядите вы вполне здоровым.

– Так как же?..

– Мой дорогой Ватсон, вы же знаете, как я это делаю.

– Дедуктивный метод?

– Ну, конечно.

– С чего же вы начали?

– С ваших шлепанцев.

Я внимательно посмотрел на свои ноги в новых кожаных домашних туфлях.

– Но что по ним?.. – начал было я, но Холмс не дал мне закончить свой вопрос.

– Туфли новые, вы их носите не больше двух недель, а подметки подгорели – вы как раз так сели, что они прекрасно видны. Сначала я подумал, что вы их промочили, а потом,

когда сушили, нечаянно сожгли. Но от сырости наверняка бы отклеились бумажные ярлычки с маркой магазина, а у вас они сохранились на обеих туфлях, ближе к пятке. Ну, станет ли здоровый человек даже таким промозглым летом, как нынешнее, чуть ли не совать ноги в камин?

Как всегда, стоило Холмсу разъяснить ход своей мысли – и все становилось очевидным. Видимо, это соображение отразилось у меня на лице, Холмс легко прочел его и грустно улыбнулся.

– Боюсь, столь подробные объяснения не очень-то полезны – они расслабляют, – заметил он. – А вот следствия без очевидных причин возбуждают воображение... Ну как, едем в Бирмингем?

– Да, конечно. А что там случилось?

– Все узнаете по дороге. Клиент ждет нас в экипаже внизу. Пошли.

– Одну минуту.

Я чиркнул записку соседу и бегом поднялся наверх сообщить жене о своем отъезде. Холмс был уже на крыльце.

– Ваш сосед давно практикует? – спросил он, кивнув на дверь с медной дощечкой.

– Он купил практику в одно время со мной.

– И давно она существует?

– Столько же, сколько моя, – с тех пор, как эти дома построили.

– Вам досталась лучшая.

– Да, я знаю, но как вы догадались?

– По ступенькам, мой дорогой Ватсон. На вашей лестнице ступеньки стерты так, что каждая на три дюйма ниже, чем у соседа. А вот и наш клиент, мистер Холл Пикрофт... Мистер Пикрофт, позвольте мне представить вам моего друга, доктора Ватсона...

Затем, когда мы сели в экипаж, Холмс обратился к кебмену:

– Погоняйте-ка, не то мы опоздаем к поезду.

Я сидел напротив Пикрофта. Молодой человек был высок, хорошо сложен, лицо открытое, добродушное, с подкрученными усиками. Блестящий цилиндр, аккуратный черный костюм – по всему было видно клерка из Сити, заботящегося о своей наружности. Людей этого сорта называют у нас «кокни»²⁶. Это сословие дает столько прекрасных солдат-волонтеров и замечательных спортсменов, как ни одно другое в королевстве. Сейчас его круглое, румяное и от природы веселое лицо выражало печаль и тревогу, и опущенные уголки губ казались настолько ему несвойственными, что производили даже слегка комический эффект.

Когда мы уселись в вагоне первого класса и поезд тронулся, я наконец узнал, что привело его к Шерлоку Холмсу.

– Ну, вот, – сказал Холмс, – в нашем распоряжении больше часа. Мистер Пикрофт, будьте добры, расскажите моему другу о своем приключении так же, как вы рассказывали мне, и даже, если удастся, подробнее. Мне тоже полезно еще раз ознакомиться с деталями... Конечно, Ватсон, все это, может быть, на поверку и яйца выеденного не стоит, но в то же время в деле есть любопытные обстоятельства, какие нам с вами нравятся. Начинайте, мистер Пикрофт. Я не буду вас прерывать.

Мода

²⁶ Кокни – пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев населения. Так же называется жаргон, на котором говорят представители социальных низов Лондона.

Артур Конан Дойл

Шерлок Холмс был модным и элегантным джентльменом, что не забыл отметить Ватсон: «Его одежда всегда отличалась не только опрятностью, но даже изысканностью». Конан Дойл не уделял пристального внимания рассказу о гардеробе своего героя, оставив это дело на долю иллюстраторов своих произведений. Лишь в «Собаке Баскервиль» он описывает внешний вид Холмса посреди болот: «Строгий спортивный костюм, кепи – ни дать ни взять турист, странствующий по болотам! Он даже остался верен своему поистине кошачьему пристрастию к чистоплотности: гладко выбритые щеки, рубашка без единого пятнышка».

Викторианская эпоха диктовала свои правила моды, и лондонцы не выходили на улицу без шляпы или берета. Без головного убора можно было встретить только нищих. Одежду меняли по несколько раз в день (хотя мылись далеко не каждый день). За завтраком появлялись в одном костюме, а на службу уходили в другом. Были специальные костюмы для курения сигар и для прогулок в парке. И, конечно, особые одежды для верховой езды, игры в теннис или для загородных прогулок.

В конце XIX века в Англии мужчины продолжали носить цилиндры и темные пальто, а дамы затягивались в корсеты. Холмс носил жилет, сюртук до

колен и зонтик. На голове – фетровый цилиндр, матерчатую кепку или котелок, начинавший сменять цилиндр.

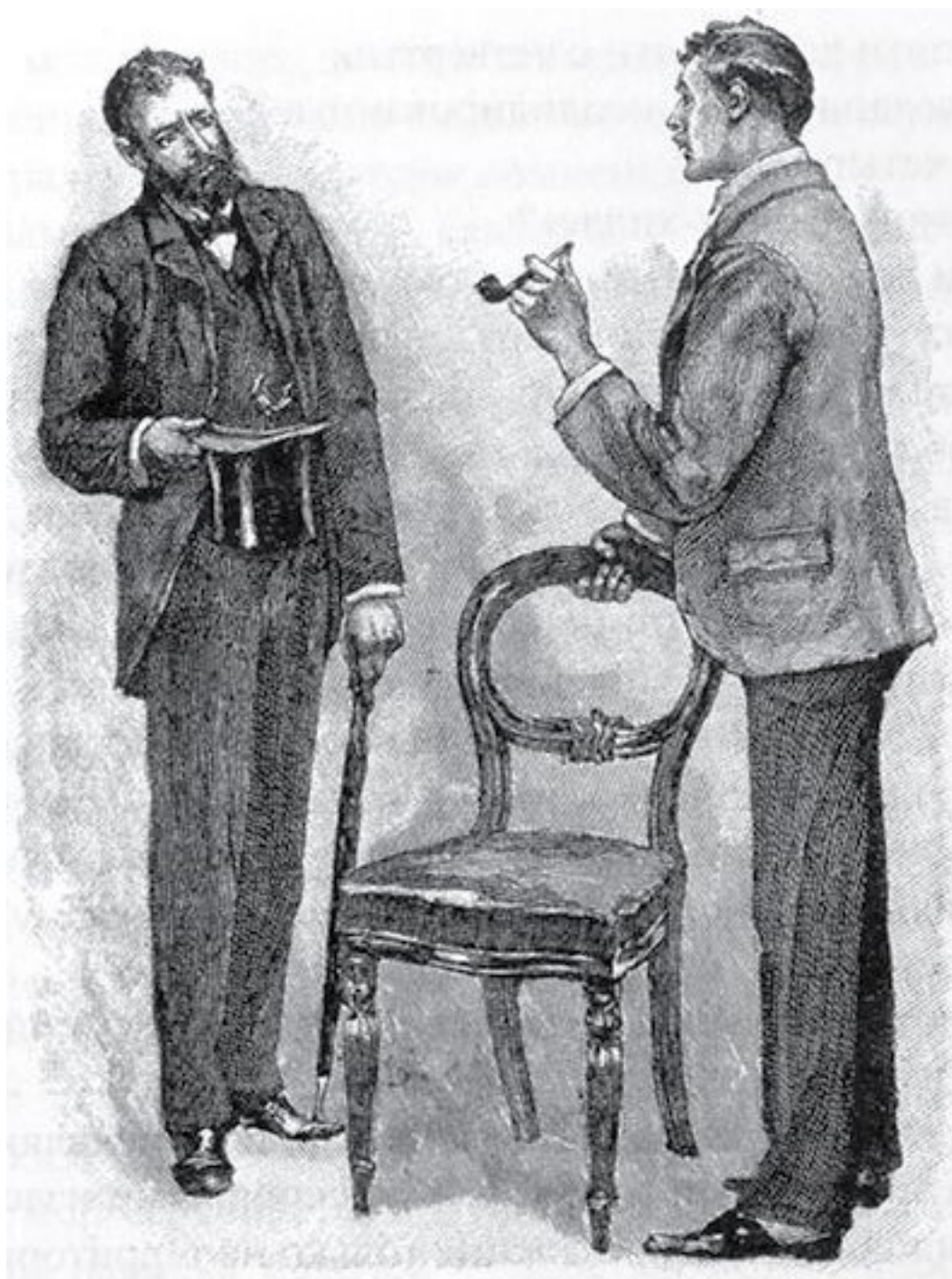
Художники любят изображать Шерлока Холмса в ольстере – длинном двубортном пальто с высоким отложным воротником и с пелериной – наплечной накидкой для защиты от непогоды. Свое имя это пальто получило по названию местности Ольстер, где производилась одноименная ткань (грубое сукно) для его пошива. Размер пелерины в соответствии с модой постоянно менялся, а в начале XX века мужчины и вовсе отказались от нее. Ольстер идеально подходил, чтобы подолгу находиться в нем под открытым небом при ветре и морозящем дожде.

Шерлок Холмс в ольстере – накидке поверх плаща

В Англии считалось, что джентльмен должен сделать все возможное, чтобы не досаждать домашним, в особенности женщинам, своей привычкой к табаку. Поэтому для курения в квартире часто отводилась отдельная комната, куда и удалялись мужчины после трапезы. Чтобы одежда и волосы не пропахли табаком, курильщик снимал фрак и облачался в специальную куртку, а на голову надевал шапочку-феску. Курительные пиджаки шили из мягкой ткани

ярких цветов, и они походили на укороченный вариант халата. Но холостой Шерлок Холмс, кажется, не соблюдал этих строгих правил. Да и в обществе женщин он находился крайне редко, за исключением хозяйки квартиры на Бейкер-стрит миссис Хадсон.

– Во всей этой истории я выгляжу совершенным дураком и чувствую себя от этого совсем мерзко. Конечно, может, все и обойдется... Да и не мог я поступить иначе. Но если я и этого места лишусь и ничего другого не получу, значит, на всем белом свете другого такого дурня, как я, нет. Рассказчик я, наверное, плохой, но все же послушайте, как все было.

Я служил у «Коксона и Вудлауза» – это маклерская фирма в Дройпер-Гарденс, но этой весной – вы, наверное, знаете – прогорел венесуэльский заем, и фирма обанкротилась. Служа-

щих, двадцать семь человек, конечно, уволили. Я проработал у них пять лет, и старик Коксон дал мне прекрасные рекомендации, но куда я с ними ни совался, они не помогали мне найти новое место – слишком много таких, как я, обивали пороги контор.

Положение было – хуже некуда. У Коксона я получал три фунта стерлингов в неделю и за пять лет скопил фунтов семьдесят. Но все на свете кончается, и наступил момент, когда не осталось денег даже на конверты и марки, чтобы писать по объявлениям. И обувь я всю истрепал, бегая в поисках работы.

Я уже совсем потерял надежду, и вдруг до меня дошел слух, что в большом банкирском доме «Мейсон и Уильямсы», что на Ламбард-стрит, есть вакантная должность. Вы, может быть, мало знакомы с Сити, но поверьте, уж я-то знаю, этот банк – из самых солидных и богатых. Предлагать свои услуги нужно было только почтой. Я послал им заявление и рекомендации просто от отчаяния, никак не рассчитывая на успех. И вдруг, представьте, обратной почтой приходит ответ: в ближайший понедельник я могу приступить к работе. Каким образом мне так повезло – Господь знает. Говорят, бывает, что управляющий наугад сует руку в кучу заявлений и вытаскивает первое попавшееся. Словом, мне наконец улыбнулась удача, и никогда в жизни я еще так не радовался. Обязанности мои были почти те же, что я исполнял у Коксона, а жалованье даже выше – на целый фунт в неделю.

Вот тут-то все и началось. Должен сказать, что живу я за Хемпстедом – снимаю квартиру на Поттерс-стрит, 17. И в тот самый день, когда я получил это счастливое известие, вечером, сижу я дома и курю трубку. Вдруг входит хозяйка и подает визитную карточку, а на ней напечатано: «Артур Пиннер, финансовый агент». Я никогда о таком и не слыхивал и понятия не имел, какое у него могло быть ко мне дело. Однако прошу хозяйку провести его ко мне. Входит среднего роста брюнет, темноглазый, с черной бородой, нос лоснится. Походка быстрая, речь отрывистая – видно, что человек привык своим временем дорожить.

– Мистер Пикрофт, если не ошибаюсь? – спрашивает.

– Да, сэр, – отвечаю я и предлагаю стул.

– Служили у Коксона?

– Да, сэр.

– А сейчас поступили в банкирский дом Мейсона?

– И это верно.

– Хорошо, – он говорит. – Видите ли, я наслышан о ваших исключительных деловых качествах. Вас очень хвалил мне Паркер, бывший управляющий у Коксона...

Наш спутник поднял голову, и глаза его заблестели.

Ну, что говорить! Конечно, лестно про себя такое слышать. Я всегда прилично справлялся со своими обязанностями у Коксона, но мне и в голову не приходило, что в Сити обо мне разговаривают.

А Пиннер спрашивает:

– У вас хорошая память?

– Неплохая.

– Вы следили за курсом бумаг последнее время?

– Я каждое утро просматриваю «Биржевые ведомости».

Он весь расплылся:

– Такое прилежание – верный источник успеха. Ну-ка, устроим небольшой экзамен, если вы не против. Каков, скажем, курс Эйширских акций?

– От ста пяти до ста пяти с четвертью.

– А Объединенных новозеландских?

– Сто четыре.

– Прекрасно. А как Брокенхиллские английские?

– От ста семи до ста семи с половиной.

– Великолепно! – кричит он. – Это просто великолепно! Это как раз то, что мне нужно! Мальчик мой, вы не для того созданы, чтобы быть простым клерком у Мейсона! Весь этот шум, сами понимаете, меня изрядно смутил.

– Может быть, оно и так, мистер Пиннер, – отвечаю, – но не все с вами согласны. Сколько я башмаков сносил, пока нашел эту вакансию. И считаю, что мне повезло.

– Да перестаньте, в самом деле. Разве это место для вас? Вы только послушайте меня... Я, правда, не в состоянии пока предложить вам место, соответствующее вашим достоинствам, но в сравнении с мейсоновским – это небо и земля. Когда вы собираетесь начать работать у Мейсона?

– В понедельник.

– Хотите пари, что вы туда не пойдете?

– Что? Не пойду к Мейсону?

– Да-да, дорогой мой. К понедельнику вы уже будете коммерческим директором Франко-Мидландской компании скобяных изделий – сто тридцать четыре отделения в разных городах и селах Франции, помимо Брюсселя и Сан-Ремо.

У меня аж дыхание сперло.

– Но я в жизни не слышал о такой компании, – а сам еле бормочу.

– Вполне возможно. Мы не кричим о себе на всех перекрестках. Капитал целиком составляют частные вклады, а в рекламе фирма просто не нуждается – дела и так идут прекрасно. Генеральный директор и основатель фирмы – мой брат Гарри Пиннер. Он попросил меня подыскать ему в Лондоне помощника помоложе, порасторопнее, способного, делового, с хорошими рекомендациями. Посоветовался с Паркером – и вот я здесь. Сейчас мы можем предложить вам только пятьсот фунтов в год, но это только начало, а...

– Пятьсот фунтов?..

Сумма меня потрясла.

– Это только для начала. К тому же вам причитается один процент комиссионных с каждого нового контракта. Поверьте мне, это удвоит ваше жалованье.

– Но я совсем не разбираюсь в скобяных изделиях.

– Зато вы разбираетесь в бухгалтерии.

Голова у меня пошла кругом, я чуть со стула не свалился. Но что-то мою душу все же точило.

– Простите за откровенность, сэр, – говорю, – у Мейсона мне положили двести фунтов в год, но «Мейсон и Уильямсы» – фирма известная, а о вас я ничегошеньки...

– Вот-вот! – кричит он, задыхаясь от восторга. – Нам как раз такой человек и нужен. Вас на мякине не проведешь! Замечательно! Даю вам сто фунтов, и если наш договор заключен, кладите их в карман – это аванс.

– Это весомый довод, – говорю я. – Когда я должен приступить к работе?

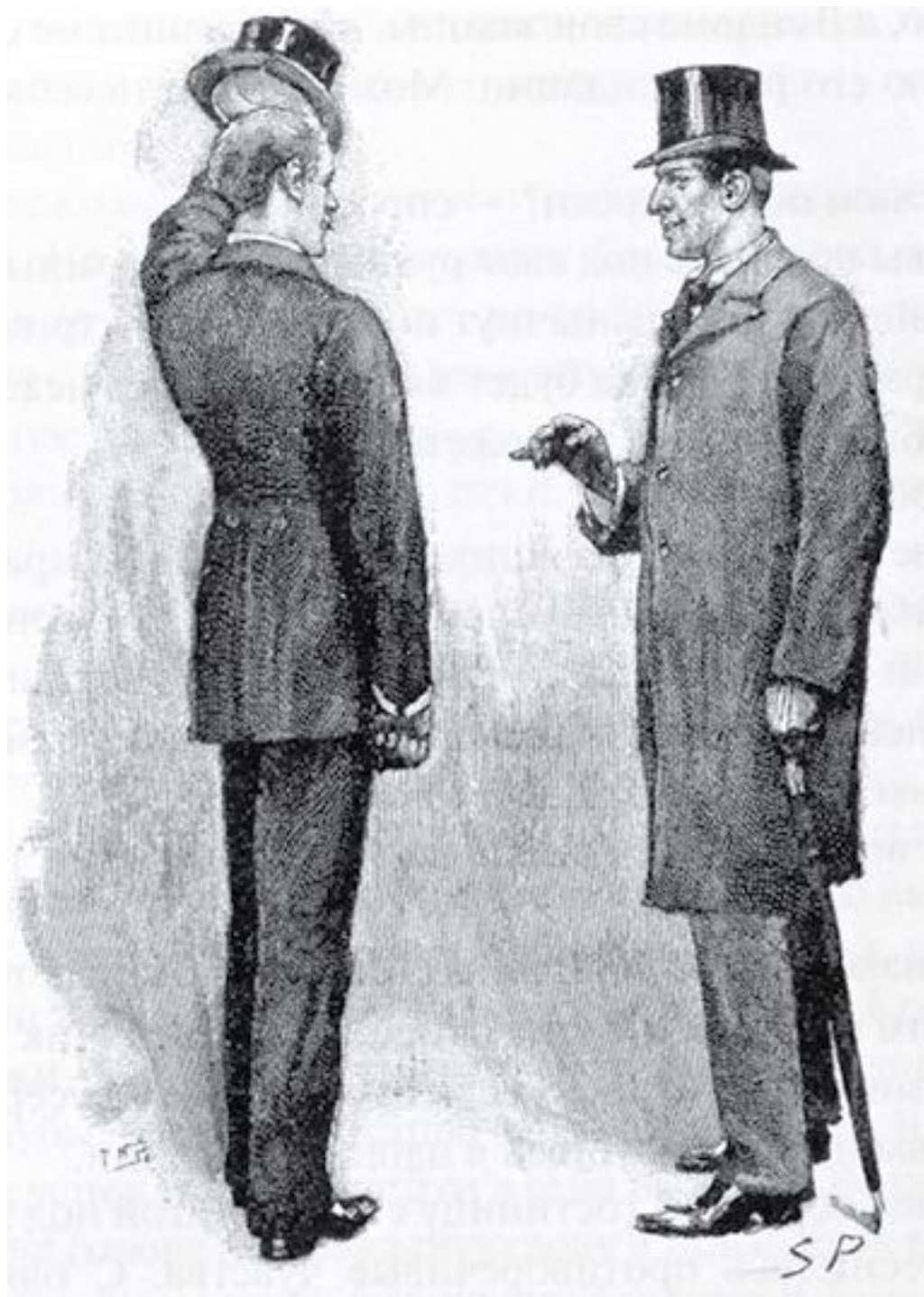
– Завтра утром отправляйтесь в Бирмингем. В час вам надо быть во временной конторе фирмы на Корпорейшн-стрит, сто двадцать шесть. Я дам вам письмо к Генри. Его согласие, конечно, необходимо, но, между нами, я считаю ваше назначение делом решенным.

– Не знаю, как и благодарить вас, мистер Пиннер, – бормочу я.

– Это пустяки, мой мальчик. Вы всем обязаны самому себе. Осталось еще несколько формальностей. Бумага у вас есть? Я продиктую, а вы, будьте любезны, напишите: «Настоящим выражаю согласие занять должность коммерческого директора Франко-Мидландской компании скобяных изделий с годовым жалованьем 500 фунтов стерлингов».

Я все это написал, он сложил бумагу и сунул ее в карман.

– И последний вопрос, – говорит он. – Как вы намерены поступить с «Мейсоном и Уильямсами»?

А я на радостях чуть о них не забыл.

– Напишу, что отказываюсь от места, – говорю.

– А может, не стоит? Я, когда был у Мейсона, из-за вас сцепился с управляющим. Я-то зашел навести о вас справки, а он начал возмущаться: мол, я людей у него сманиваю и тому подобное. Я не стерпел и в сердцах ему режу: «Хотите держать стоящих работников – платите им столько, сколько они стоят». А он заявил, что вы предпочтете их скромное жалованье нашему большому. «Держу пари на пятерку, – это я сказал, – что он даже не напишет вам об отказе, когда я предложу ему стать коммерческим директором». – «Идет! – это он восклицает. – Мы его прямо-таки из петли вынули, так что об отказе и речи быть не может»...

Буквально так и сказал. Я возмутился:

– Нет, каково? Я его и в глаза не видал, а он смеет обо мне говорить такое... Ни за что теперь не напишу им, хоть на колени станьте...

– Вот и ладно. Значит, мы договорились, – подытоживает он и встает со стула. – Я доволен. Вы будете брату хорошим помощником. Вот вам сто фунтов и письмо. Адрес не забыли? Корпорейшн-стрит, сто двадцать шесть. Завтра в час. Спокойной ночи и удачи вам во всем.

Вот такой у нас состоялся разговор. Я старался передать его поточнее. Можете себе представить, доктор Ватсон, как я был рад, как взволнован этой перспективой. Я полночи не спал и выехал в Бирмингем первым утренним поездом. Забросил вещи в гостиницу на Нью-стрит и отправился пешком во временную контору фирмы.

Когда я пришел по названному мне адресу, было без четверти час. Я решил, что ничего нет страшного в том, чтобы прийти немного раньше. Дом 126 представлял собой большой пассаж. По обе стороны его располагались магазины, а в конце – лестница, на которую выходили двери различных контор и отделений местных фирм. Внизу висел подробный указатель с названиями фирм, но напрасно я искал там Франко-Мидландскую компанию – ее не было в этом списке. У меня сердце упало, я так и стоял, тупо уставившись в указатель, и спрашивал себя, кому и зачем понадобился этот нелепый розыгрыш. И тут вдруг меня окликают. Смотрю: точная копия моего вчерашнего гостя, только без бороды и волосы посветлей немного.

– Мистер Пикрофт? – спрашивает он.

– Да.

– Вы пришли немного раньше. Утром я получил письмо от брата – он очень похвально о вас отзывается.

– Я искал в указателе Франко-Мидландскую компанию, когда вы подошли.

– Мы только неделю, как сняли это помещение, и вывески у нас пока нет. Поднимемся, пожалуйста, и переговорим наверху.

Мы взобрались, можно сказать, на чердак. Я рассчитывал увидеть шикарную контору, полированные столы и корпящих за ними клерков, а здесь была пустая, запущенная каморка с облезлым потолком, обшарпанными стенами и голым, ничем не занавешенным окном. К ней примыкала еще одна комната, ничуть не лучше первой. Стол, две сосновые табуретки, счета и корзина для бумаг составляли всю обстановку.

Должно быть, я выглядел растерянным, потому что мой новый начальник счел необходимым меня подбодрить:

– Мистер Пикрофт, по вашему вытянувшемуся лицу я вижу, вы разочарованы нашим скромным помещением. Не сразу Рим строился. Фирма наша потому и богата, что мы не швыряем деньги на ветер. Садитесь, прошу вас, и давайте письмо.

Письмо он прочел внимательнейшим образом.

– Вижу, вы произвели сильное впечатление на Артура, – сказал он. – А уж в проницательности ему не откажешь. Правда, брат мой подходит к людям со своей лондонской меркой, а я со своей – бирмингемской. Но сейчас я склонен послушаться его совета. С сегодняшнего дня вы – сотрудник нашей конторы.

– В чем будут заключаться мои обязанности? – спросил я.

– Скоро вы возглавите филиал нашей компании в Париже. Во Франции у нас сто тридцать четыре отделения, и их задача – распространять английскую керамику по всей стране. На днях мы заканчиваем оформление заказов. Пока же вам придется поработать в Бирмингеме.

– Что именно мне нужно делать?

Тут из ящика стола он достал большую книгу в красном переплете.

– Вот справочник города Парижа, – сказал он. – Здесь перечислены все жители с указанием рода занятий. Составьте отдельный список всех торговцев железоскобяными товарами. Не забудьте про адреса. Нам этот список позарез нужен.

– Но ведь есть наверняка специальные справочники – по профессиям, – возразил я.

– Ох, они такие неудобные. Эта французская система совершенно для наших нужд не подходит. Короче говоря, возьмите этот справочник домой и в следующий понедельник к двенадцати приходите со списком. До свидания, мистер Пикрофт. Я уверен, что мы сработаемся. Конечно, ваши усердия и сообразительность – непереманные условия.

Когда я со справочником под мышкой возвращался в гостиницу, на душе у меня было смутно. С одной стороны, я официально принят на службу и сто фунтов лежат в кармане. Но с другой – это жалкое помещение, без вывески; да и помимо этого было достаточно причин, чтобы искушенный в банковском деле человек усомнился в финансовой мощи фирмы. Но будь что будет – надо отрабатывать аванс. Я прокорпел над справочником все воскресенье и добрался только до буквы «З». В понедельник в той же обшарпанной конуре мой новый хозяин приказал мне продолжать учет парижских торговцев железоскобяными товарами и постараться закончить работу в среду. Но я и к среде не справился и только в пятницу, то есть вчера, принес Пиннеру готовый список.

– Спасибо, – сказал он. – Кажется, я не учел объема доставшейся вам работы. Но без этого списка мне было бы никак не обойтись.

– Да уж, я работал, не поднимая головы.

– А теперь, – распорядился он, – составьте список мебельных магазинов. Они ведь тоже торгуют керамикой.

– Хорошо.

– Встретимся в конторе завтра в семь – скажете мне, как идет работа. Но не переутомляйтесь так. Сходите хотя бы в мюзик-холл вечером. Уверен, что ни вы, ни ваша работа от этого не пострадают.

При этих словах он захохотал во весь рот, и я увидел на втором нижнем зубе слева неряшливо поставленную золотую пломбу. Представьте только себе мое смущение...

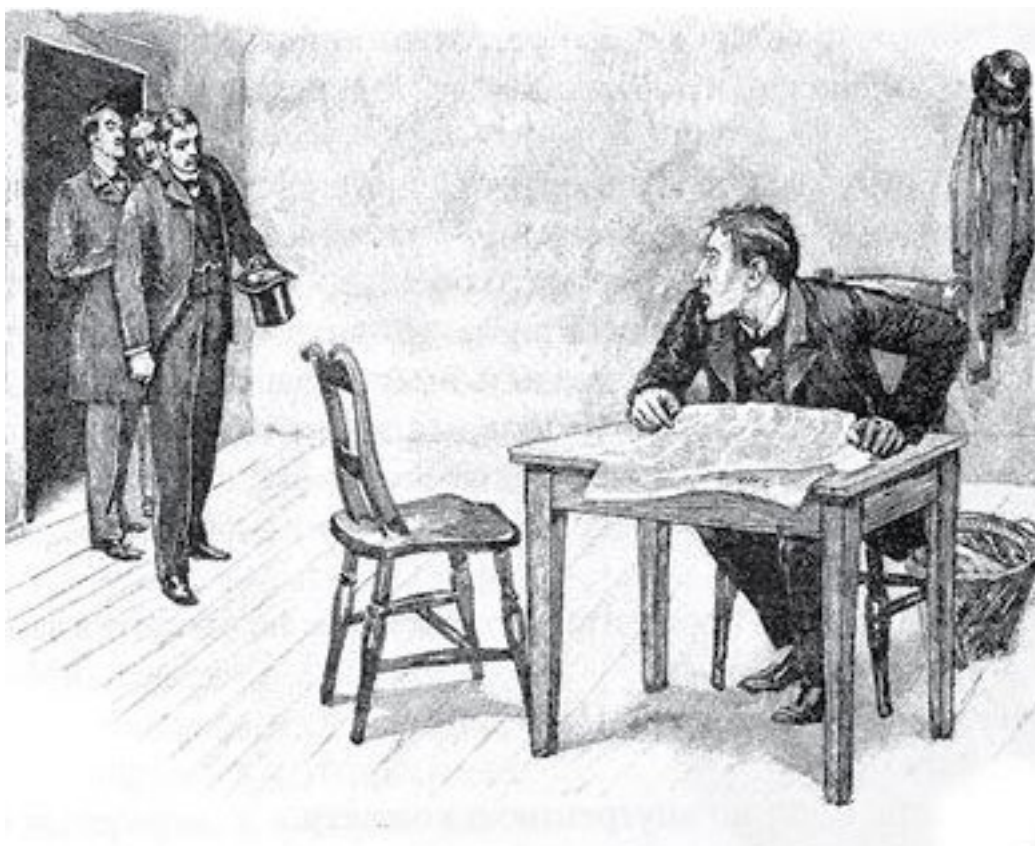
Шерлок Холмс даже руки потирал от удовольствия, а я ничего не мог понять.

– Я вижу, вы в недоумении, доктор Ватсон, – продолжал Пикрофт. – Сейчас я все объясню. Помните, в Лондоне ко мне приходил Артур Пиннер, брат моего хозяина Гарри Пиннера. Так у него в этом самом зубе была точь-в-точь такая же пломба, золотая. Она бросилась мне в глаза, когда он со смехом рассказывал о своем пари с управляющим Мейсона. Когда я мысленно поставил обоих братьев рядом, то словно прозрел: я убедился, что голос, рост, сложение совершенно одни и те же, и что отличия их друг от друга зависят от бритвы и парика. Без сомнения, это мой лондонский визитер. Конечно, братья могут быть абсолютно схожи, но не может быть, чтобы у обоих одинаково плохо был запломбирован один и тот же зуб.

Мистер Пиннер распрощался со мной у дверей, и я довольно долго приходил в себя и собирался с мыслями на улице.

У себя в гостинице я сунул голову в таз с холодной водой, чтобы хоть как-то опомниться, а потом попытался сообразить, зачем понадобилось ему посылать меня из Лондона в Бирмингем к самому себе, да еще с письмом. Хоть кол на голове теши – ничего не придумал. Но вдруг на меня как озарение снизошло: никто, кроме Шерлока Холмса, не разберется, в чем тут дело. В тот же вечер я отправился в Лондон, утром был у мистера Холмса, и вот мы едем в Бирмингем...

Удивительный этот рассказ окончился. Некоторое время все мы молчали. Холмс взглянул на меня многозначительно и откинулся на спинку сиденья. На лице его отражались одновременно удовольствие и вопрос, как у знатока, дегустирующего хорошее вино.

– Ну что, Ватсон, ловко придумано? – начал он. – Очень-очень заманчивое дельце. Полагаю, будет небезынтересно расспросить Гарри-Артура Пиннера во временной конторе Франко-Мидландской компании скобяных изделий. Надеюсь, вы не возражаете?..

– Но как это сделать? – засомневался я.

– Проще простого, – вступил в разговор Холл Пикрофт. – Вы – мои друзья и товарищи по несчастью, ищете работу. Вот я и надумал рекомендовать вас своему хозяину.

– Прекрасный вариант, его и разыграем, – сказал Холмс. – Хочу повидаться с этим джентльменом, и ничто нам не помешает выяснить, в чем заключается его игра. Почему именно вы ему понадобились, что в вас такого? Зачем такой большой аванс? А не...

Тут он замолчал, уставился отсутствующим взглядом в окно, начал грызть ногти и до самой Нью-стрит ни словечка не промолвил.

В семь часов вечера того же дня мы втроем шли по Корпорейшн-стрит. И были уже рядом с конторой Франко-Мидландской компании.

– Приходить раньше не стоит, – сказал Пикрофт. – По-моему, он туда является только, чтобы со мной встретиться. Так что до семи контора все равно будет закрыта.

– Любопытно... – заметил Холмс.

– А вот и он! – воскликнул наш клиент. – Что я вам говорил! Смотрите – идет по той стороне.

Он указал на среднего роста блондина, который быстрым шагом шел чуть впереди нас. Мы сочли за лучшее немного приотстать. Вдруг Пиннер заметил на нашей стороне улицы газетчика со свежими номерами вечерней газеты. Он кинулся к нему через улицу, лавируя между экипажами и omnibusами, купил газету и вошел в пассаж.

– Ну, вот теперь он уже в конторе! – воскликнул Пикрофт. – Пошли, и я вас представлю.

Гуськом мы поднялись по узкой лестнице на пятый этаж. Пикрофт постучал в незапертую дверь, откуда послышалось: «Войдите». Комната выглядела именно так, как нам ее описывал

наш клиент, почти без мебели, практически пустая. За единственным столом сидел, развернув газету, блондин, которого мы только сейчас видели на улице. Обращенное к нам лицо было исполнено такой мукой, таким безысходным отчаянием, что не оставалось сомнений: этого человека постигла непоправимая беда. Покрытый испариной лоб, мертвенно-бледные щеки (такого цвета бывает брюхо у дохлой рыбы), неподвижный взгляд маньяка... Казалось, он не узнавал своего клерка, а тот, несомненно, впервые видел своего хозяина таким.

– Мистер Пиннер! Что с вами? Вы нездоровы? – воскликнул он.

– Да, мне как-то не по себе, – невнятно пробормотал мистер Пиннер. – А кто эти джентльмены? – и он облизнул пересохшие губы.

– Это мистер Гаррис из Бэрмендси, а это мистер Прайс, он здешний. – Пикрофт был приветлив и доброжелателен. – Мои друзья. Оба опытни в конторском деле, но оба сейчас на мели. Вот я и подумал, может, у вас и для них найдется работа.

– Ну, как не найтись! Разумеется, найдется, я уверен, – Пиннер улыбался вымученной улыбкой. – Ваша профессия, мистер Гаррис?

– Я – бухгалтер, – отвечал Шерлок Холмс.

– Очень рад, нам нужны бухгалтеры. А вы, мистер Прайс?

– Я – простой клерк, – ответил я.

– Надеюсь, и для вас что-нибудь найдется. Я сразу вас извещу. А теперь, ради Бога, уйдите, оставьте меня одного!

Было очевидно, что он не владеет собой, и не сознает, что говорит. Мы с Холмсом обменялись взглядом, а Пикрофт сделал шаг вперед:

– Мистер Пиннер, ведь вы пригласили меня, чтобы дать дальнейшие указания.

– Да-да, разумеется, мистер Пикрофт, – голос Пиннера стал таким же бесцветным, как и его лицо. – Минуточку, прошу вас, подождите. Да и ваши друзья тоже пусть подождут. Через пять минут я весь к вашим услугам. Еще раз извините, что так злоупотребляю вашим терпением.

Он встал, поклонился с необыкновенной учтивостью и вышел в соседнюю комнату, тщательно закрыв дверь.

– Он не сбежит? – шепнул Холмс. – Что за той дверью?

– Бежать некуда, – ответил Пикрофт твердо, – там такая же точно комната.

– И нет другого выхода?

– Нет.

– И так же пусто?

– Во всяком случае, вчера было хоть шаром покати.

– Что ему там понадобилось? Что-то с ним случилось, как будто он не в своем уме. Чего он так безумно испугался?

– Может быть, он принял нас за полицейских? – предположил я.

Пикрофт согласился со мной, а Холмс покачал головой.

– Нет-нет, уже когда мы вошли, он был так бледен, что...

Он не договорил, потому что из соседней комнаты раздался отчетливый стук.

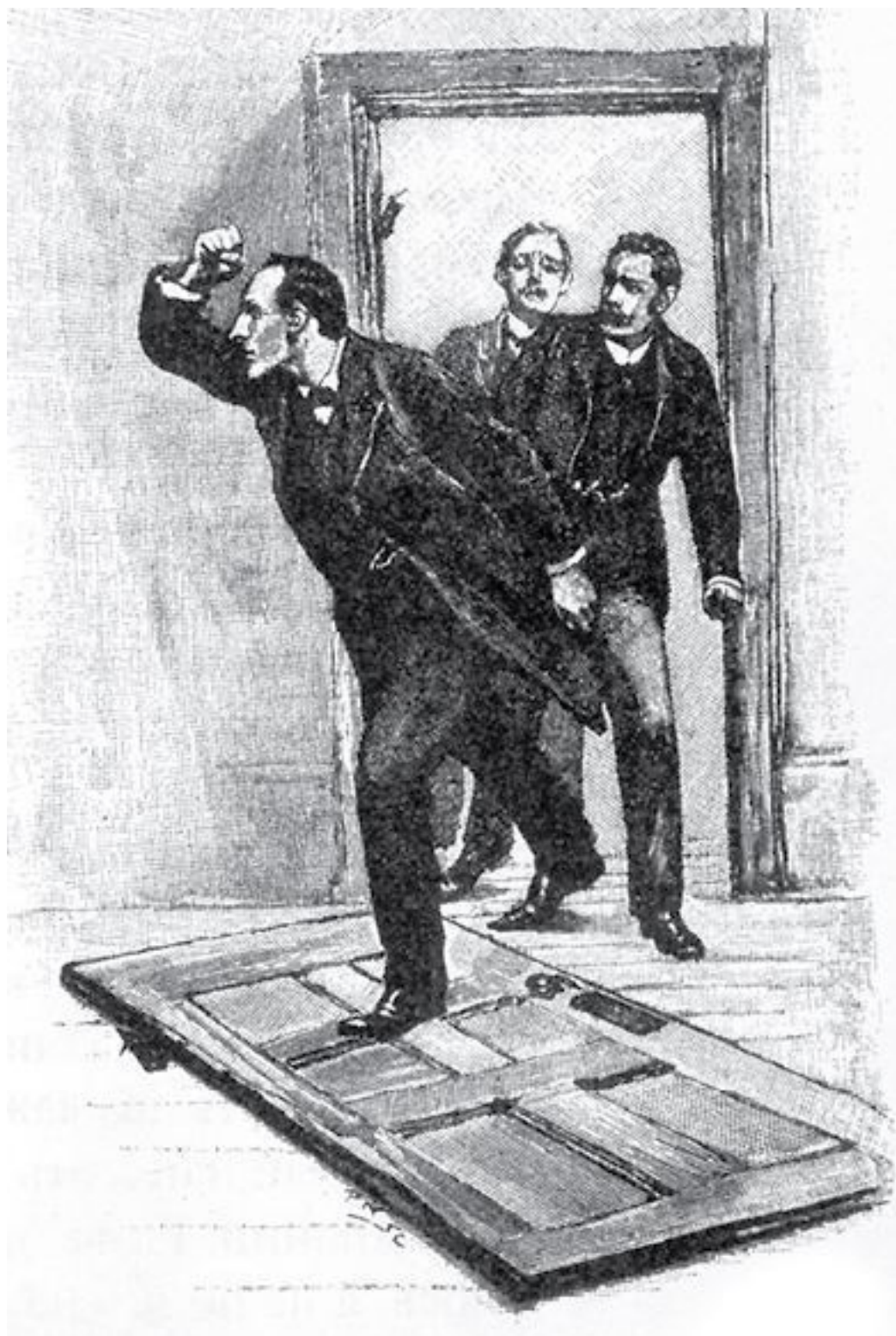
– Он что, стучит в свою собственную дверь, черт возьми?! – вскричал Пикрофт.

Мы услышали еще несколько ударов и стояли не в силах отвести глаз от закрытой двери. Холмс даже наклонился вперед; лицо у него как будто отвердело.

Тем временем из соседней комнаты стали доноситься иные звуки: сначала тихое бульканье, будто горло полощут, а потом дробь частых ударов по деревянной перегородке. Холмс одним бешеным прыжком пересек комнату и ударился всем телом в дверь. Она не поддавалась. Тогда мы налегли втроем. Петли сорвались, и мы вместе с дверью оказались в комнате. Там было пусто.

Меньше минуты мы озирались в растерянности. В углу обнаружилась еще одна дверь. Холмс рванул ее на себя.

За дверью чулана валялись на полу пиджак и жилет, а на крюке раскачивался на затянутых вокруг шеи подтяжках генеральный директор Франко-Мидландской компании скобяных изделий. Это его пятки и колени в судорогах стукались о дверь. Голова его каким-то неестественным образом свесилась на грудь. Я кинулся к несчастному, обхватил его и приподнял, а Холмс с Пикрофтом стали освобождать его шею, на которой успели взбухнуть багрово-синие рубцы от резиновой петли. Потом мы вытащили Пиннера из чулана в комнату и положили на пол. Лицо его было теперь свинцового цвета, но он был жив, синюшные губы выпячивались и опадали: вдох – выдох. А всего полчаса назад это был здоровый, цветущий мужчина.

– Как вы его сейчас находите, Ватсон? – спросил Холмс.

Я наклонился над лежащим. Пульс едва прослушивался, но дыхание хоть и очень медленно, но выравнивалось. А вот дрогнули веки, и стала видна тонкая белая полоска закатившихся глаз.

– Еще чуть-чуть и было бы поздно, – констатировал я, – но, похоже, он возвращается с того света. Откройте окно и принесите воды.

Я расстегнул на нем рубашку, смочил лицо холодной водой из графина и сделал ему искусственное дыхание, приподнимая и опуская его руки, пока он не вздохнул полной грудью.

– Ну, теперь все пойдет само собой, теперь его лекарь – время, – сказал я, поднимаясь с колен.

Холмс стоял в раздумье, с опущенной головой, руки в карманах брюк.

– Ну, что ж, – промолвил он, – пора вызывать полицию. Не скрою, мне доставит удовольствие раскрыть им подробности этого дела.

– А я все равно ничего не понимаю, – признался Пикрофт, почесывая в затылке. – На кой черт я был здесь нужен, объясните, пожалуйста?

– Тут все ясно, – Холмс даже рукой махнул. – Непонятна только заключительная сцена, – и он указал на подтяжки.

– А все остальное понятно?

– Думаю, да. Ватсон, ваше мнение?

Я пожал плечами.

– Не знаю, что и думать.

– Ну же, пройдемте с вниманием по следам событий, вывод просто сам напрашивается.

– Какой же?

– Потерпите минуту. У нас два отправных пункта. Первый – заявление Пикрофта о соглашении работать в этой дурацкой компании... Неужели, Пикрофт, вам непонятно, зачем вас заставили это заявление написать?

– Боюсь, что нет.

– Но ведь оно им было действительно нужно. Подумайте хорошенько, обычно человека берут на службу на основании устного соглашения, и в данном случае этого устного соглашения было бы вполне достаточно. Отсюда следует: им во что бы то ни стало нужен был образец вашего почерка.

– Но для чего?

– В том-то все и дело. Ответьте на этот вопрос – и вся задача будет решена. Вы спрашиваете, для чего им понадобился ваш почерк? А для того, чтобы подделывать что-то, написанное якобы вами. Теперь второй пункт. Сейчас вы убедитесь, насколько тесно он связан с первым. Помните, мистер Пикрофт, как искусно вас заставили отказаться от намерения послать «Мейсону и Уильямсам» письменный отказ от места. Уверяю вас, управляющий этого банка и сейчас уверен, что в понедельник к работе в банке приступил не кто иной, как мистер Пикрофт.

– Боже мой! – вскричал несчастный Пикрофт. – Надо же быть таким безмозглым кретинком!

– Постойте, сейчас вы окончательно все поймете. Представьте себе, что человек, явившийся под вашим именем к Мейсону, не владеет вашим почерком. Его сразу разоблачат, и он даже начать свою игру не успеет. Но если он научился подделывать ваш почерк, успех ему гарантирован. Ведь если я верно вас понял, у Мейсона вас никто в лицо не знает.

– То-то и оно, что никто! – в голосе Пикрофта слышался стон.

– Но это еще не все. Этим жуликам нужна была гарантия, что вы не передумаете и даже ненароком не узнаете, что кто-то изображает вас у Мейсона. И вот вам вручают солидный аванс, увлекают в Бирмингем и там занимают вас такой работой, которая наверняка удержит вас от поездки в Лондон хотя бы в течение недели.

– Это все так. Но зачем ему было изображать собственного брата?

– Ну, это понятно. Их, по-видимому, двое. Одному нужно было заменить вас у Мейсона, а другому – удерживать вас в Бирмингеме. Вводить в дело третьего им не хотелось, поэтому второму пришлось по возможности изменить свою внешность и выдать себя за собственного брата. При таких обстоятельствах даже полное сходство не должно было удивить вас, и если бы не злополучная пломба, вы никогда бы и не заподозрили, что ваш лондонский гость и генеральный директор фирмы – один и тот же человек.

Холл Пикрофт потрясал кулаками над головой.

– Боже мой! – стонал он. – А мой двойник в конторе Мейсона, что он там делал, пока меня тут дурачили?.. Как я теперь должен поступить, мистер Холмс?

– Во-первых, немедленно телеграфировать Мейсону.

– Сегодня суббота, банки работают до двенадцати.

– Но ведь есть там сторож или швейцар?

– Да, я слышал как-то в Сити, что они держат специального сторожа. Немудрено – ведь у них хранятся огромные ценности.

– Вот и прекрасно. Сейчас мы протелефонируем и узнаем, не случилось ли чего, и работает ли у них некто Пикрофт. С этим-то все ясно. Но вот почему этот мошенник, как только нас увидел, так сразу и повесился?

– Газета... – раздался сиплый голос за нашими спинами.

Я оглянулся. Самоубийца уже сидел на полу. Он был страшно бледен, но взгляд его стал осмысленным, и он растирал шею, на которой остался багровый след от петли.

– Газета! В самом деле! – воскликнул Холмс. – Ну, и идиот же я! Все пытался связать самоубийство с нашим появлением, а про газету и забыл. А разгадка наверняка там. Он раскрыл газету и тут же издал крик, полный торжества. Посмотрите, Ватсон! Это «Ивнинг Стандарт», лондонская. Одни заголовки чего стоят! «Ограбление в Сити», «Убийство в банке „Мейсон и Уильямсы”», «Грандиозная попытка ограбления», «Преступник пойман»... Вот тут, Ватсон. Читайте вслух. Сейчас мы все поймем...

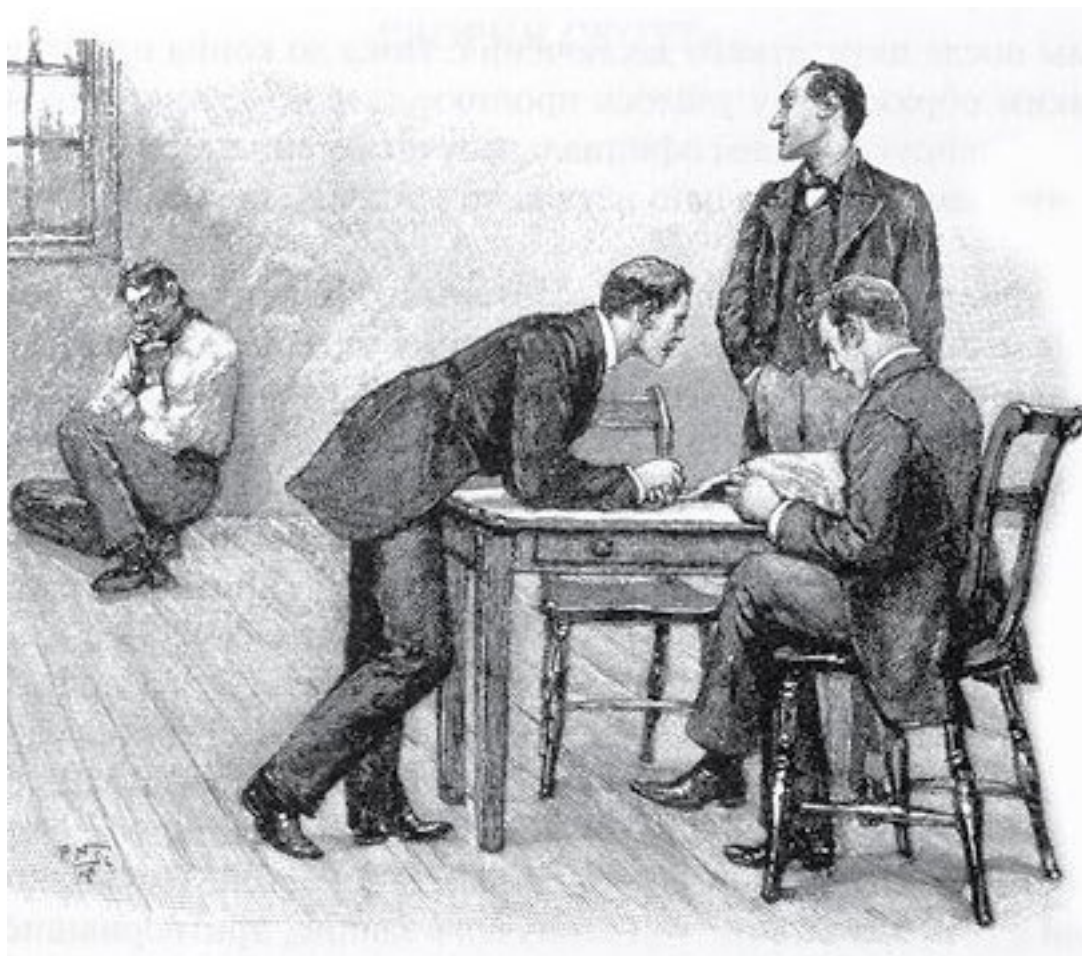
Судя по тому, сколько места занимали корреспонденции о неудавшемся ограблении на первых полосах, они были гвоздем номера.

Вот что я прочитал:

«Сегодня днем в Сити совершена попытка ограбить банк. Имеется один убитый. Преступник задержан. Недавно в известный банкирский дом “Мейсон и Уильямсы” поступили на хранение ценные бумаги на сумму свыше миллиона фунтов стерлингов. Учитывая риск, связанный с хранением столь внушительной суммы, и свою возросшую ответственность, правление банка приняло решение о круглосуточной вооруженной охране. Бумаги были помещены в сейфы, изготовленные по последнему слову техники.

В это самое время был принят на службу новый клерк по имени Холл Пикрофт. При ближайшем рассмотрении он оказался не кем иным, как одним из братьев Беддингтонов, известных грабителей. Оба брата совсем недавно вышли на свободу из каторжной тюрьмы после пятилетнего заключения. Предстоит еще выяснить, каким образом этому Беддингтону удалось получить место банковского клерка. Так или иначе, за несколько дней работы он разведал расположение сейфов в кладовой и снял слепки с ключей.

Обычно по субботам банки закрываются в полдень, и служащие уходят. Поэтому господин, выходявший с саквояжем в руке из банка «Мейсон и Уильямсы» в двенадцать минут второго, привлек пристальное внимание сержанта полиции Тьюсона, дежурившего в Сити. Тьюсон последовал за подозрительным незнакомцем и вскоре задержал его. Тот оказал бешеное сопротивление, но на помощь Тьюсону подоспел констебль Поллок. Было очевидно, что совершено грандиозное ограбление: саквояж был буквально набит ценными бумагами, в основном, акциями различных компаний на сумму более ста тысяч фунтов стерлингов.

При осмотре здания нашли труп несчастного сторожа. Злодей, зайдя сзади, раскроил ему череп кочергой и засунул труп в самый большой сейф, рассчитывая, что он пролежит там до понедельника. Так бы и вышло, если бы не служебное рвение и сообразительность сержанта Тьюсона. По-видимому, Беддингтон возвратился в контору за какой-то якобы забытой вещью, убил сторожа, поспешно очистил самый большой сейф и намеревался скрыться со своей добычей. Его брат, с которым они обычно работают на пару, в этом деле, насколько пока известно, не участвовал. Однако полиция принимает энергичные меры к его разысканию».

– Ну, пожалуй, пора избавить полицию от излишних хлопот, – сказал Холмс, мельком взглянув на жалкую фигуру, скорчившуюся на полу. – Природа человека непостижима, Ватсон. Как нужно любить своего брата, убийцу и злодея, чтобы, узнав, что ему грозит виселица, попытаться разделить его судьбу. Но довольно. Мы с доктором побудем с ним, а вы, мистер Пикрофт, сходите, пожалуйста, за полицией.

Роковая тайна

– У меня есть несколько бумаг, Ватсон, – сказал мой друг Шерлок Холмс, сидя со мной однажды зимним вечером у камина, – которые заслуживают того, чтобы вы взглянули на них. Здесь документы по чрезвычайно интересному делу о «Славе Шотландии», а вот это – послание к мировому судье старику Тревору, прочтя которое он умер от ужаса.

Сказав это, мой друг вытащил из шкафа какой-то сверток в виде цилиндра. Затем он отыскал в нем записку, написанную крайне неразборчиво на клочке бумаги, и подал ее мне.

«Спрос на дичь быстро растет. Выслежена партия фазанов. Хадсон уполномочен на все. Про векселя сказал, кому следует. Беги к Смиуту. Спасая фазаньим самкам жизнь, получишь барыш».

Я прочел записку и взглянул на Холмса, ничего не понимая. По выражению его лица я увидел, что он любит моем недоумением.

– Вы, кажется, удивлены? – спросил он.

– Я только совершенно не могу понять, каким образом это послание могло внушить такой сильный ужас. По моему мнению, эта записка просто смешна.

– Да, и все-таки результат был таким, что прочтя эту записку, сильный и здоровый старик умер так внезапно, как если бы его застрелили из револьвера.

– Вы возбуждаете мое любопытство, – сказал я. – И, очевидно, вы придаете очень большое значение этому делу, если заговорили о нем со мной?

– Да, потому что это дело было первое, которое я распутывал.

Я неоднократно старался уже вызвать на откровенность моего друга и расспросить, что именно было поводом того, что он избрал карьеру сыщика, но мне это не удавалось. Теперь же он сам уселся в кресло, закурил свою трубку и, разложив бумаги на коленях, принялся перебирать их одну за другой.

– Вы еще не слышали от меня ничего про Виктора Тревора? – начал он. – Он был моим единственным другом во время моего пребывания в колледже. Вы знаете, Ватсон, что я вообще малообщителен. Также и тогда я более любил сидеть дома один со своими мыслями, нежели ходить в гости к товарищам. Фехтование и бокс еще сближали меня с ними, но во всем остальном я совершенно отличался от них, и между нами было очень мало точек соприкосновения. Тревор был единственный из них, которого я знал, да и то благодаря только тому обстоятельству, что в одно прекрасное утро, когда я шел в часовню, его терьер укусил меня за ногу. Я согласен, что этот способ знакомства мало приятен, но зато действен.

Я тогда пролежал в постели десять дней, и Тревор навещал меня. Сначала он приходил не более как на минутку, затем его визиты начали затягиваться, и, в конце концов, мы с ним подружились самым настоящим образом. Он был сильный, здоровый парень, веселого характера и очень общительный, представляя этим полную противоположность мне. Но было у нас и нечто общее. Более всего нас сблизило то, что он точно так же, как и я, не имел друзей. Однажды во время вакаций²⁷ он пригласил меня погостить к своему отцу, который жил около Донниторпа, в Норфолке, и я с удовольствием принял это приглашение, рассчитывая пробыть там месяц.

Старик Тревор, очевидно, был состоятельный человек, мировой судья и землевладелец. Донниторп – небольшая деревушка к северу от Лангмера – расположен в открытой местности. Дом его – старинный, удобный. Выстроен он был из кирпича и обсажен дубами. От крыльца шла прекрасная липовая аллея. В имении были прекрасные места для охоты на диких уток, в доме – хороший повар и небольшая, но тщательно составленная библиотека, как я думаю,

²⁷ Вакации – то же, что каникулы.

оставшаяся после прежнего владельца этого имения. Одним словом, нужно было быть большим придирой, чтобы не провести там приятно месяц.

Тревор-старший был вдов, и мой друг – его единственный сын. Была у него и дочь, но она умерла, кажется, от дифтерита, во время своей поездки в Бирмингем. Отец моего друга чрезвычайно заинтересовал меня. Он был не очень образован, но зато имел сильный дух и здоровое тело. Он едва ли читал когда-либо книги, но много видел, много путешествовал и обладал удивительной памятью, помнил все, чему учился когда-либо. С виду он был небольшого роста, коренастый, с широкими плечами. Волосы на его голове – с сильной проседью, лицо загорелое, а голубые глаза смотрели остро и проницательно. В своем округе он пользовался репутацией человека почтенного, доброго, щедрого и всеми уважаемого. Между прочим, в качестве мирового судьи он выносил всегда очень мягкие приговоры.

Однажды, вскоре после моего приезда, мы сидели после обеда за портвейном и разговаривали. Молодой Тревор начал говорить о моей способности к наблюдениям, которую я уже тогда привел в целую систему, систему, которой впоследствии суждено было сыграть важную роль в моей жизни. Старый джентльмен, очевидно, подумал, что сын преувеличивает описание моих талантов, когда тот ему рассказал несколько ничтожных случаев, свидетелем которых он сам был.

– Слушайте, мистер Холмс, – весело сказал он, – я сам представляю великолепный пример для ваших дедуктивных умозаключений.

– Едва ли мне придется угадать многое. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что за последние двенадцать месяцев вы боитесь подвергнуться нападению.

Улыбка исчезла с его губ, и он посмотрел на меня с величайшим изумлением.

– Это правда... Помнишь ли, Виктор, – продолжал он, обращаясь к своему сыну, – ведь мы в прошлом году изловили целую шайку контрабандистов, и они пригрозили убить нас за это. На мистера Эдуарда Холли они, действительно, напали. С тех пор я принимаю некоторые меры предосторожности, хотя совершенно не понимаю, каким образом вы могли узнать это?

– У вас очень хорошая палка. Я заключил по надписи на палке, что вы купили ее не более, как с год тому назад. С другой стороны, я заметил, что ручка отвинчивается, и что палка залита внутри свинцом. В таком виде она представляет страшное оружие. Я и заключаю, что если вы принимаете такие меры предосторожности, то только потому, что боитесь какого-нибудь внезапного нападения.

– Ну, что-нибудь еще? – улыбнулся он.

– Вы много занимались боксом, когда были еще молоды.

– Правда. Как вы узнали это? Или мой нос потерял вследствие этого спорта свою первоначальную форму?

– Нет, – сказал я. – Это видно по вашим ушам. На них видны характерные утолщения, которые характеризуют только у боксеров.

– Еще что-нибудь?

– Вы много занимались физическим трудом. Это можно видеть по мозолям на ваших руках.

– Все заработанные деньги я добыл на рудниках.

– Вы были в Новой Зеландии.

– Да, правда.

– Вы посетили Японию.

– Совершенно верно.

– И находились в тесной дружбе с человеком, инициалы которого Д. Э. Но впоследствии вы старались позабыть этого человека.

Мистер Тревор встал с места и уставился на меня своими большими глазами, принявшими какое-то странное, дикое выражение. Затем он побледнел и лишился чувств, уткнув лицо в скатерть, усеянную ореховой скорлупой.

Вы можете себе представить, Ватсон, до чего мы оба перепугались. Но обморок не был продолжителен; мы подняли его, расстегнули воротник, sprysнули ему лицо холодной водой, и он скоро очнулся.

– Ах, детки! – сказал он, стараясь улыбнуться. – Надеюсь, что я не слишком перепугал вас. Но, видите ли, у меня порок сердца, и я подвержен довольно частым обморокам... Я не знаю, как вы это делаете, мистер Холмс, но по-моему, все профессиональные сыщики, если их сравнить с вами, кажутся маленькими детьми. Это – ваше жизненное призвание, сэр, следуйте ему; верьте старому человеку, который много перевидал на своем веку.

И эти его слова, в которых звучала несколько преувеличенная оценка моих талантов, в первый раз, вы можете мне в этом верить, Ватсон, навели меня на мысль обратиться в профессию занятия, которым я до этого времени предавался из любви к искусству. Но в эту минуту я был гораздо более озабочен болезнью моего хозяина и не думал ни о чем другом.

– Надеюсь, что я не сказал ничего, что могло бы опечалить вас? – спросил я.

– Вы затронули мое больное место. Могу ли я спросить, что именно и в какой степени вы знаете?

Он спросил это как будто в шутку и старался казаться спокойным, но в глазах его виднелся прежний дикий ужас.

– Это очень просто, – ответил я. – Когда вы обнажили руку, втаскивая в лодку рыбу, я успел заметить на ней инициалы Д. Э. Эти буквы все еще можно было разобрать, несмотря на то, что они были покрыты синими шрамами, доказывающими, что буквы старались вытравить. Следовательно, можно вывести из этого такое заключение: раньше инициалы были дороги вам, а впоследствии вы захотели забыть их и старались избавиться от них.

– Какие глаза у вас, однако! – воскликнул он с облегчением. – Все то, что вы сейчас сказали, – верно. Но не будем говорить об этом. Из всех привидений самые худшие – призраки нашей былой любви. Пойдемте лучше в бильярдную и выкурим там по сигаре. С этого дня мистер Тревор относился ко мне по-прежнему любезно, но в его обращении сквозила явная подозрительность. Даже его сын заметил это.

– Ты до такой степени напугал отца, – сказал он, – что он мучается постоянными сомнениями относительно того, что тебе известно, а что нет.

Я уверен, что старый джентльмен старался скрывать свои чувства, но они так и сквозили во всех его поступках. И я решил сократить свое пребывание у него, так как заметил, что мое присутствие становится ему в тягость. Но в самый день моего отъезда произошел случай, которому суждено было повлиять на будущие события. Мы сидели в саду на садовых стульях, грелись на солнце и любовались открывающимся перед нами видом.

Вдруг к нам подошла служанка и доложила, что какой-то человек желает видеть мистера Тревора.

– Как его зовут? – спросил хозяин.

– Он не говорит своего имени.

– Что ему от меня нужно?

– Он говорит, что вы знаете его, и что он должен вам сказать только два слова.

– Пусть он придет сюда.

Через минуту человек маленького роста появился перед нами. Он шел какой-то раскачивающейся странной походкой. Его пиджак с запачканными дегтем рукавами был расстегнут, из-под него виднелась полосатая, черная с красным рубашка. Кожаные брюки и сильно истоптанные башмаки довершали наряд. На его худом, хитром и загорелом лице как бы застыла злая улыбка, показывающая ряд неровных желтых зубов. Его корявые руки были сжаты жестом, отличающим моряков. Когда он еще только подходил к нам, я услышал, как мистер Тревор издал какой-то задущенный звук, затем быстро вскочил со стула и бросился к дому. Через минуту он снова вернулся к нам. Когда он проходил мимо меня, я почувствовал сильный запах бренди.

– Ну, любезный, – обратился он к незнакомцу, – что вам от меня нужно?

Моряк стоял, вытаращив на него глаза. Все та же неприятная развязная улыбка блуждала по его губам.

– Вы, значит, не узнали меня? – спросил он.

– Господи! Неужели вы в самом деле Хадсон? – как будто с изумлением спросил мистер Тревор.

– Хадсон и есть, – ответил незнакомец. – Тридцать лет я не виделся с вами. Вы успели обзавестись здесь своим домом, а я все живу по-прежнему. Часом – с квасом, порой – с водой.

– Тс-с! Я докажу, что не забыл старых времен! – воскликнул мистер Тревор и, подойдя поближе к пришельцу, проговорил ему что-то вполголоса.

– Идите в кухню, – произнес он снова громко, – вам дадут там поесть. Я не сомневаюсь, что мне удастся пристроить вас на хорошее место.

– Благодарю вас, сэр, – сказал моряк, поднося руку к фуражке. – Скоро уже два года, как я лишился места и прожил все. И я решился обратиться за помощью или к вам, или к мистеру Беддосу.

– А! Вы знаете, где находится мистер Беддос?

– Разумеется, сэр; я всегда знаю, где находятся мои старинные друзья, – ответил незнакомец, зловеще улыбаясь. Затем он отправился за служанкой на кухню.

Мистер Тревор начал быстро что-то нам пояснять относительно того, что служил вместе с этим человеком на корабле, но не договорил и, оставив нас в саду, ушел в дом. Спустя час мы вошли вслед за ним в комнаты и увидели его лежащим на софе в столовой. Он был совершенно пьян.

Все случившееся произвело на меня очень тягостное впечатление, и я был рад-радешенек, когда на другой день уехал из Донниторпа. Оставшиеся семь недель длинных вакаций я просидел дома, занимаясь органической химией.

В один прекрасный день, когда вакации уже подходили к концу, и наступила поздняя осень, я получил от моего друга телеграмму. Он умолял меня приехать в Донниторп, так как нуждается в моей помощи и совете.

Он встретил меня на станции в карете. Мне сразу же бросилось в глаза, что за эти два месяца мой друг сильно изменился. Он побледнел, похудел и даже смеялся и говорил не так громко, как прежде.

– Отец умирает! – были его первые слова, которыми он встретил меня.

– Невозможно! – воскликнул я. – В чем дело?

– Апоплексический удар. Нервное потрясение. Весь день он пролежал без сознания. Я сомневаюсь, что мы застанем его в живых.

Я был, как вы можете себе представить, Ватсон, просто поражен этой вестью.

– Что было причиной этого? – спросил я.

– Ах! В этом-то и заключается все. Садитесь в экипаж, дорогой я вам подробно все расскажу. Помните ли вы того человека, который пришел тогда вечером при вас?

– Прекрасно помню.

– Знаете ли вы, кто это был? Кого мы приняли в свой дом?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Это был сам дьявол, Холмс! – воскликнул он.

Я глядел на него в изумлении.

– Да, это был сам дьявол. Мы не имели с той поры ни единого спокойного часа. Отец так больше и не вернулся к своему прежнему расположению духа, и вот теперь он умирает, и все из-за этого проклятого Хадсона.

– В чем же заключалась его сила?

– Ах! Это именно то, что я и сам хотел бы знать. Добрый мой, бедный, гуманный отец! Кто знает, почему он попал во власть этого негодяя? Но я очень рад, что вы приехали ко мне, Холмс. Я верю в справедливость ваших суждений, в вашу скромность и знаю, что вы дадите мне хороший совет.

Мы ехали по гладкой ровной дороге. Перед нами расстилась равнина, блистающая красными лучами заходящего солнца. Из-за рощи налево были видны высокие трубы и развевался флаг. Это и было имение, куда мы ехали.

– Мой отец устроил этого человека у себя, сделав его садовником, – сказал мой спутник, – но это место ему не понравилось, и его сделали дворецким. Он делал все, что только хотел; весь дом находился в его распоряжении. У него были дурные привычки, скверный язык, и служанки скоро начали жаловаться на его приставания. Отец прибавил им жалованья за то, чтобы они не сердились на дворецкого. Он, когда только хотел, брал самое лучшее ружье моего отца, нашу лодку и уходил на охоту. И все это с таким отвратительным наглым лицом, что я охотно поколотил бы его, если бы он был так же молод, как я. Верьте мне, Холмс, все это время я сдерживался с большим трудом, а теперь мне приходит в голову, что, может быть, я поступил бы лучше, дав волю своим чувствам. Ну, дела шли все хуже и хуже. В конце концов, это животное Хадсон стал положительно невыносим и как-то раз при мне жестоко надерзил моему отцу. Я взял его за плечи и вытолкнул за дверь. Он побледнел и ушел, но в его ядовитых глазах загорелась такая угроза, какую не в состоянии был бы выразить его язык. Не знаю, что произошло после этого между ним и моим бедным отцом, но последний пришел ко мне на другой день и спросил, не желаю ли я извиниться перед Хадсоном. Как вы и можете себе представить, я отказался и спросил отца, как он мог допустить такие вольности со стороны этого негодного человека.

– Ах, мой мальчик, – сказал он, – тебе легко говорить, но если бы ты был на моем месте и знал всю правду! Но ты узнаешь все, Виктор, я расскажу тебе. Я верю, что ты не подумаешь ничего дурного о своем бедном старом отце.

Он казался сильно взволнованным, заперся на весь день в своей комнате, и через окно я видел, что он с большим усердием писал что-то.

В этот же день случилось нечто, очень обрадовавшее меня. Хадсон пришел и сказал, что собирается покинуть нас. Он объявил нам это своим осипшим от пьянства голосом в то время, когда мы сидели в столовой за обедом.

– Мне скучно в Норфолке, – сказал он. – Я отправляюсь в Хэмпшир к мистеру Беддосу. Полагаю, что он так же обрадуется мне, как и вы.

– Мы, надеюсь, расстанемся с вами добрыми друзьями, Хадсон, – сказал мой отец с кротостью, от которой вся кровь закипела во мне.

– Я еще не слышал извинений, – прохрипел он, бросив взгляд в мою сторону.

– Виктор, ведь ты признаешь, что слишком резко обошелся с этим почтенным человеком? – сказал мой отец, обращаясь ко мне.

– Напротив, я придерживаюсь того мнения, что мы оба относились к нему со слишком большим терпением, – ответил я.

– О! Вы так-то? – зарычал он. – Очень хорошо, прекрасно! Берегитесь же!

Он выбежал из комнаты и через полчаса совсем ушел из нашего дома, оставив моего отца в состоянии сильнейшего нервного возбуждения. С этого дня я слышал, как он по ночам ходил взад и вперед по своей комнате, обдумывая, наверное, средство самозащиты. Но удар разразился над ним очень скоро.

– Как это произошло? – нетерпеливо спросил я.

– Самым необыкновенным образом. Вчера вечером ему подали письмо со штемпелем Фордингбриджа. Отец прочел его, всплеснул руками и принялся кружиться по комнате, как

человек, потерявший разум. Когда мне наконец удалось его посадить на диван, я увидел, что его рот был перекошен, а глаза выкатились из орбит. Я понял, что с ним случился удар. Доктор Фордэм был тотчас же вызван мною, и мы уложили отца в постель. Но паралич стал распространяться, и отец не приходил в сознание, а теперь, вернувшись домой, мы его, наверное, уже не застанем в живых.

– Вы пугаете меня, Тревор! – воскликнул я. – Что могло заключаться в письме такого, что привело к подобному ужасному результату?

– Ничего. Письмо было самое обыкновенное и даже вздорное... Ах! Боже мой! Я так и думал!

Когда мы обогнули поворот аллеи к дому, то увидели, что все шторы в окнах были опущены. В ту минуту, когда мой друг с лицом, искаженным горем, приблизился к двери, из нее вышел какой-то господин в черном.

– Когда это случилось, доктор? – спросил Тревор.

– Тотчас же, как только вы уехали.

– Он поручил что-нибудь сказать мне?

– Только то, что бумаги лежат в заднем ящике японского комода.

Мой друг вместе с доктором пошли наверх, в комнату, где лежал мертвый, а я остался в кабинете, обдумывая это дело. На душе у меня было ужасно тяжело.

Каково было прошлое этого Тревора? Боксер, путешественник и золотоискатель, каким образом он познакомился и даже попал во власть матроса с неприятным лицом? Почему при одном только намеке на инициалы на его руке он упал в обморок и умер от ужаса, прочтя письмо из Фордингбриджа?

Тут я вспомнил, что Фордингбридж находится в Хэмпшире, и что мистер Беддос, про которого упомянул тогда Хадсон, и к которому он поехал, очевидно, с целью тоже шантажировать, жил именно в Хэмпшире. Письмо могло быть прислано или Хадсоном, извещавшим, что он исполнил угрозу и выдал тайну, по-видимому, существовавшую, или же от Беддоса, который предостерегал старого товарища об измене. Все это было почти ясно. Но как же это письмо могло быть такого обыкновенного и даже вздорного содержания, как это говорил мой друг?..

Он, наверное, плохо прочел его. Или же письмо написано каким-нибудь секретным, условным образом и понятно только тому, кому посылалось. Я должен видеть это письмо, и если только оно заключает в себе тайну, то я проникну в нее. Я просидел, обдумывая все это, часа два в темной комнате.

Но вот плачущая служанка принесла лампу, и за ней следом появился мой друг, бледный, но спокойный; он нес в руках вот эти бумаги, которые вы видите у меня на коленях.

Он сел напротив меня, придвинул лампу поближе и подал мне записку, нацарапанную на обрывке серой бумаги:

«Спрос на дичь быстро растет. Выслежена партия фазанов. Хадсон уполномочен на все. Про векселя сказал, кому следует. Беги к Смиту. Спасая фазаньим самкам жизнь, получишь барыш».

Я уверен, что мое лицо тогда выразило совершенно такое же недоумение, как и ваше в то время, когда вы читали эту записку. Я снова внимательно перечитал послание. Я был, очевидно, прав, и слова записки заключали в себе какой-нибудь скрытый тайный смысл. Какое значение могли иметь слова, намекавшие на векселя и на фазанов? Если значение этих слов условное, то, конечно, логическим путем тут ничего не сделаешь. Но все-таки у меня было внутреннее убеждение, что весь секрет заключался в этой записке. Слово «Хадсон» убедило меня, что ее писал не матрос, а мистер Беддос. Я попробовал читать с конца, но у меня ничего не вышло. Тогда я стал комбинировать слова и опять безуспешно. Разрешение загадки пришло как-то неожиданно. Я вдруг увидел, что надо читать каждое третье слово. Так вот что повергло в отчаяние старика Тревора! Послание было кратко донельзя. Я прочел его моему другу.

Вот ее содержание:

«Дичь выслежена. Хадсон все сказал. Беги, спасая жизнь».

Виктор Тревор закрыл лицо руками и прошептал:

– Я думаю, что это так и есть. Но это хуже смерти; тут скрывается что-то позорное. Но что значит фраза про дичь и про фазаньих самок?

– Это ровно ничего не значит. Слова эти написаны здесь для того, чтобы замаскировать смысл письма. Он воспользовался первыми попавшимися под руку словами, но возможно и то, что он употребил слова, касающиеся его профессии или привычек. Может быть, он занимается спортом, страстный охотник или что-нибудь в этом роде. Вы ничего не знаете про Беддоса?..

– Да, теперь, когда вы намекнули на это, я вспомнил, что каждый год, осенью, мой отец получал от него приглашение на охоту.

– В таком случае нет никакого сомнения, что письмо написал он. Теперь нам остается только узнать, в чем состоит секрет, которым владеет матрос Хадсон, и которым он грозил этим двум бравым и почтенным джентльменам.

– Увы, Холмс! – воскликнул мой друг. – Я боюсь, что тут ничего нет, кроме позора. Но я не хочу иметь тайны от вас! Вот эта бумага написана моим отцом перед смертью, когда он узнал, что ему грозит неминуемая опасность со стороны Хадсона. Я нашел ее в японском комодe, как и сказал доктор. Возьмите ее и прочтите мне, потому что у меня самого не хватает на это ни сил, ни мужества...

– Вот они, эти бумаги, Ватсон, те самые, которые он мне вручил. И я хочу теперь прочесть их вам точно так же, как читал их некогда ему там, в старом кабинете. Это вот, как видите, «Подробности о плавании судна «Слава Шотландии» со дня его выхода из Фалмута

8 октября 1855 года и до его гибели 6 ноября». Написаны эти записки в форме письма, и вот его содержание:

«Мой милый, дорогой сын. Теперь, когда близок позор, готовящийся мне, когда глаза мои готовы навеки сомкнуться, я не хочу более молчать и пишу тебе всю правду. До этого времени я не говорил этого никому не вследствие страха суда, не вследствие боязни потерять положение в обществе, не вследствие стыда перед всеми, кто знал меня, но единственно только из боязни, что ты, мой дорогой сын, будешь краснеть за своего отца, которого ты привык только любить и, надеюсь, имел достаточно причин уважать.

И если удару суждено разразиться, то я хочу, с одной стороны, чтобы ты прямо от меня узнал истину и мог судить, в какой мере я заслуживаю порицания. С другой же стороны, если гроза пронесется, и все пойдет по-старому (что, может быть, и случится по милости Божьей), то я молю тебя, в случае, если эта бумага попадет в твои руки, молю тебя всем святым для тебя, памятью твоей матери, сожги ее и никогда о ней не вспоминай потом.

Итак, в то время, когда твои глаза будут пробегать эти строки, я, вероятно, буду уже со срамом и позором изгнан из своего собственного дома, или – ведь ты знаешь, что сердце у меня больное, – буду мертв и в могиле.

Во всяком случае, теперь прошло уже время молчания. Все, что я пишу здесь, истинная правда, в этом я клянусь надеждой на спасение своей души. Мое имя, мой дорогой мальчик, не Тревор. Я звался Джеймс Эрмitedж в дни моей юности, и ты поймешь мой испуг, когда твой друг намекнул на инициалы на моей руке, и когда я подумал, что он узнал мою тайну. В качестве Эрмitedжа я поступил в один из лондонских банков служащим и нарушил законы своей страны, за что и был сослан. Не надо думать обо мне слишком дурно, мой дорогой. Это был, как говорят, долг чести, и я должен был заплатить его во что бы то ни стало. И я взял деньги, которые не принадлежали мне, но я надеялся вернуть их прежде, нежели кто-нибудь узнает об этом. Но меня преследовала неудача. Я не успел еще собрать денег, чтобы пополнить кассу, как ее проверили, и мой дефицит открылся. В наше время на подобный проступок взглянули бы, вероятно, более мягко, но тридцать лет тому назад были иные нравы. Меня судили, при- судили к каторге, и я, имеющий всего двадцать два года от роду, очутился вместе с другими каторжниками на судне «Слава Шотландии», которое направлялось в Австралию.

Это было как раз во время Крымской войны, в 1855 году, и все большие транспортные суда были на Черном море. Вследствие этого правительство было вынуждено отправлять своих ссыльных на небольших судах. «Слава Шотландии» прежде употреблялась для привоза из Китая чайных транспортов, но вследствие того, что судно это было старой конструкции и уже довольно ветхое, его заменили новыми судами. «Слава Шотландии» брала на борт 500 тонн груза и кроме тридцати восьми ссыльных имела экипаж, состоящий из двадцати шести человек команды, капитана, трех штурманов, священника, четырех стражников и восемнадцати солдат. Когда мы вышли из Фалмута, на судне было всего около ста человек.

Перегородки между камерами для заключенных на этом судне были чрезвычайно тонкие, между тем как на других судах, употребляемых специально для перевозки каторжников, они делались из твердого дуба. Налево от меня помещался один ссыльный, обративший мое внимание еще на набережной. Он был молод, лицо его было начисто выбрито, нос длинный, а челюсти крепкие и сильно развитые. Он держал голову высоко и прямо, ходил легкой и свободной поступью, но более всего отличался своим громадным ростом. Я уверен, что он был росту не менее шести с половиной футов, потому что никто из нас не доставал головой до его плеча. Странно было глядеть на его веселое, полное жизни и энергии лицо наряду с убитыми, грустными лицами остальных. Довольно было только взглянуть на него, чтобы тотчас же почувствовать бодрость. И я был очень рад, узнав, что он попал ко мне в соседи. Но радость моя еще более увеличилась, когда глубокой ночью почти над самым моим ухом я услышал шепот и, открыв глаза, увидел, что он просверлил дыру в разделяющей нас перегородке.

– Друг мой! – сказал он, – как вас зовут и за что вы очутились здесь?

Я сказал ему и, в свою очередь осведомился, кто он.

– Я – Джек Прендергаст, – сказал он, – и клянусь Богом, что вы будете благословлять тот момент, когда впервые услышали мое имя.

Я прекрасно помнил его дело, произведшее громадную сенсацию повсюду в стране незадолго до того, когда я был арестован. Он принадлежал к очень хорошей семье и был очень образован. Но, обладая в то же время крайне порочными наклонностями и привычками, он придумал какое-то гениальное мошенничество, сделал подлог и ограбил на крупную сумму лондонских купцов.

– Вы помните мое дело! – с гордостью произнес он.

– Очень хорошо помню.

– В таком случае вы должны помнить также, что один пункт в моем деле остался невыясненным.

– Какой пункт?

– У меня было около четверти миллиона, не так ли?

– Так говорили.

– А было ли что-нибудь найдено?

– Нет.

– Так. А где, вы полагаете, находятся эти деньги?

– Не имею понятия.

– То-то вот и есть! – воскликнул он с триумфом. – У меня было денег больше, чем у вас волос на голове. А если у вас есть деньги, сын мой, и вы умеете распорядиться ими, то возможно достигнуть всего. Ну, как вы можете полагать, человек, подобный мне, вовсе не намерен сидеть в тухлой норе на этом поганом старом китайском судне. Нет, сэр, такой человек пожелает, прежде всего, освободиться сам и освободить также и своих товарищей. Можете быть уверены, что это так. Верьте мне, и я не обману ваших надежд...

Он говорил таким образом, и я сначала не придавал значения его словам, считая их простой болтовней. Но он, очевидно, решил, что испытал меня в достаточной степени, и сообщил мне, что, в самом деле, существует заговор среди заключенных, чтобы овладеть судном. Двенадцать человек ссыльных задумали это еще до отплытия из порта. Прендергаст был избран вожаком партии, а его деньги должны были служить нам двигательной силой.

– У меня есть союзник, – продолжал он, – это на редкость хороший человек. Деньги мои у него, а он сам, как вы полагаете, где в данную минуту находится? Он состоит священником на нашем судне; да, он всего только священник здесь. Он пришел одетым в черное платье, его бумаги оказались в прекрасном порядке. Денег он имел также достаточно для того, чтобы приобрести симпатии. И теперь команда предана ему телом и душой. Двое стражников подкуплены им, один шкипер также. Он мог бы подкупить самого капитана, но в этом нет надобности.

– Что мы должны делать? – спросил я.

– А вы думаете – что? – ответил он. – Мы сделаем так, что куртки солдат станут еще краснее, чем были тогда, когда их сшил портной.

– Но они вооружены! – сказал я.

– И у нас будет оружие, мой мальчик. Для каждого хорошего парня найдется пара пистолетов, и если мы не перебьем команду и не овладеем судном, то нас следует послать в пансион для благородных девиц. Попробуйте еще сегодня ночью поговорить с вашим соседом, чтобы убедиться, не выйдет ли толку из него.

Я так и сделал. Моим соседом по другую сторону оказался какой-то молодой человек, совершивший преступление, сходное с моим, и сосланный за подлог. Имя его было Эванс. Впоследствии он, как и я, переменял имя и живет теперь на юге Англии богатым и всеми уважаемым человеком. Он быстро изъявил согласие принять участие в нашем заговоре. Это

был единственный шанс спасения. Прошло еще несколько дней, и о заговоре не знали всего только двое из заключенных. Один из них был полоумный, а другой тяжело больной, который не мог быть нам полезным.

Сначала казалось, что для овладения судном нам не встретится никаких препятствий. Вся команда была точно нарочно подобрана из отъявленных негодяев. Самозванный священник усердно посещал каждого из нас, радея о спасении наших душ, но каждый раз его сапоги и карманы были наполнены, так что по прошествии нескольких дней у каждого из нас под

подушкой лежало уже по пистолету, по фунту пороха и по двадцать патронов. Двое конвойных состояли агентами Прендергаста, а второй шкипер был его правой рукой. Капитан, два шкипера, лейтенант Мартин, его восемнадцать солдат, да еще доктор – вот и все наши враги.

Мы, не пренебрегая никакими предосторожностями, хотели совершить нападение ночью и внезапно. Но все произошло несколько раньше, чем мы думали, и случилось это так. Однажды вечером, в конце третьей недели нашего плавания, доктор пришел к одному из узников, который заболел, и, случайно просунув руку под изголовье, нащупал пистолет. Если бы он промолчал, то все дело обошлось бы на этот раз. Но доктор был человек нервный и от испуга вскрикнул. Больной, увидев его бледное лицо, догадался, в чем дело, и мгновенно бросился на доктора. Он был привязан к койке еще раньше, чем успел поднять тревогу. Дверь после его прихода осталась незапертой, и все мы кинулись наверх. Двое часовых возле трюма были убиты вместе с их унтер-офицером.

Возле двери кают-компания также стояли двое солдат. Но их ружья были не заряжены, и через секунду они оба уже лежали мертвыми. Когда мы бросились к каюте капитана, дверь в которую была отворена, мы услышали звук выстрела из револьвера. Капитан лежал лицом на столе, уткнувшись в карту, которую он только что рассматривал перед этим. Возле него стоял священник, держа в руке револьвер, который еще продолжал дымиться. Оба шкипера были связаны, и мы думали, что дело наше закончено. Двери кают-компания были открыты

настежь, мы все столпились в ней, шумели, кричали, точно помешанные от радости, что снова очутились на свободе. Вдоль всей комнаты стояли шкафы. Вильсон, мнимый священник, отпер один из шкафов и вытащил из него дюжину бутылок старого хереса. Мы отбили горлышки у бутылок и уже собирались выпить на радостях за успешное окончание нашего дела, как вдруг раздался ружейный залп, и комната наполнилась дымом до такой степени, что мы не могли видеть друг друга. Когда дым несколько рассеялся, комната превратилась в бойню. Вильсон и восемь других узников были убиты и ранены. Херес, пролитый на стол, смешался с кровью, и даже теперь, когда я вспоминаю эту картину, волосы поднимаются на моей голове. Это неожиданное нападение до такой степени испугало нас, что мы были бы побеждены неминуемо, если бы не Прендергаст. Он заревел как бык и ринулся в дверь, сопровождаемый всеми оставшимися в живых узниками.

На палубе стоял лейтенант, окруженный своими десятью солдатами. Последние не успели еще зарядить ружья снова, как мы бросились на них. Они сопротивлялись мужественно, но мы одолели – и через пять минут все было кончено. Боже мой! Была ли еще где-нибудь такая ужасная резня! Прендергаст был похож на дьявола. Он точно малых детей хватал солдат и швырял их за борт. Один сержант, смертельно раненный, долго держался на воде, пока его кто-то из нас из жалости не прикончил. Наконец битва окончилась; за исключением нас самих, на судне остались только конвойные и доктор.

Из-за них-то между нами вспыхнула жестокая ссора. Среди нас оказалось много таких, которые, обрадованные свободой, не желали убивать невинных людей ни за что ни про что. Одно дело – убивать солдат, которые вооруженными бросаются на вас, а другое – стоять и смотреть, как льется кровь беззащитных. Восемь человек, в числе которых находились три матроса из экипажа, объявили, что они не желают допустить это. Но Прендергаст, поддерживаемый некоторыми другими, не хотел ничего и слышать. Он говорил, что наш единственный шанс на спасение именно и заключается в том, чтобы не было свидетелей этой кровавой резни. Дело дошло до того, что мы едва не разделили участь несчастных узников. Но наконец он предложил нам сесть в лодку и уехать. Мы схватились за это предложение, потому что бойня нам уже опротивела, и можно было ожидать чего-нибудь еще худшего.

Мы взяли с собой немного матросской одежды, запаслись водой, сухарями и компасом. Прендергаст сам проводил нас до лодки, сказал нам, чтобы мы назвали себя потерпевшими крушение моряками, судно которых затонуло под 15° северной широты и 25° западной долготы, затем отрубил канат, и мы отплыли от судна.

А теперь, мой дорогой сын, я подхожу к самой удивительной части в моей истории. «Слава Шотландии» медленно удалялась от нас. Мы с Эвансом, как самые образованные из всей нашей партии люди, стали размышлять, куда нам направиться. Положение было затруднительное. Кабо-Верде²⁸ находился от нас в пятистах милях к северу, а для того, чтобы добраться до Африки, нужно было проплыть семьсот миль в восточном направлении. В конце концов, мы решили направиться в Сьерра-Леоне. В тот момент «Слава Шотландии» находилась уже на горизонте. Мы взглянули на нее и вдруг увидели черный, наподобие громадного столба, дым, поднявшийся с судна. В следующую затем секунду раздался оглушительный громовой удар. А когда дым несколько рассеялся, от «Славы Шотландии» не осталось ни малейшего следа.

В одну минуту мы повернули нашу лодку и, гребя изо всех сил, направились на место катастрофы. Вспененная и расходящаяся кругами вода указывала нам место, где находилось за минуту перед тем судно. Прошел добрый час, прежде чем мы успели доплыть туда, и мы потеряли уже всякую надежду спасти кого-нибудь. Повсюду вокруг плавали обломки мачт, деревянная посуда, пустые бочонки, но не видно было ни малейших признаков живого существа. Мы уже повернули было обратно, как вдруг услышали крик о помощи, и на некотором рассто-

²⁸ Кабо-Верде – Острова Зеленого мыса.

янии от лодки увидели человека, который держался за обломок мачты. Когда мы взяли его в лодку, то оказалось, что это молодой матрос по имени Хадсон. Он обгорел до такой степени, что только на следующее утро был в состоянии что-нибудь рассказать нам.

Оказалось, что как только мы успели отплыть, Прендергаст и его сторонники приступили к казни пятерых узников: прежде всего, пристрелили двух стражников и выбросили их за борт; точно такая же участь постигла и третьего шкипера. После этого Прендергаст спустился в нижнее помещение и собственными руками зарезал несчастного доктора. Остался только первый шкипер, который был находчивый и энергичный человек. Как только он увидел, что убийца с окровавленным ножом приближается к нему, он с силой дернул путы на руках, оборвал их и в два прыжка сбежал с палубы в трюм.

Человек двенадцать заговорщиков с пистолетами в руках сошли вслед за ним вниз и увидели его со спичечной коробкой в руках, сидящего перед открытой бочкой пороха. Всех бочек было на пароходе сто. Шкипер закричал, что он взорвет всех, если его кто тронет.

В ту же секунду раздался взрыв, хотя Хадсон полагает, что он был скорее следствием выстрела, нежели произошел от спички шкипера. Но отчего бы ни произошел взрыв, судно «Слава Шотландии» погибло вместе с той сволочью, которая им овладела.

Вот какова была, мой дорогой мальчик, та ужасная история, в которую я был невольно вовлечен. На следующий день мы встретили судно «Хотспур», шедшее в Австралию. Капитан взял нас на борт, легко поверив, что мы спасшиеся от кораблекрушения. «Слава Шотландии» была записана в адмиралтействе в число судов, пропавших без вести, и никто даже до сих пор и не подозревает, какова ее настоящая участь. После благополучного плавания «Хотспур» пришел в Сидней. Я и Эванс переменили фамилии и отправились на золотые прииски, где

собираются люди всех национальностей, и где чрезвычайно трудно установить тождество чьей-нибудь личности.

Остальное рассказывать не стоит. Мы работали, разбогатели, вернулись в Англию и сделали богатыми землевладельцами. Мы прожили мирно, спокойно более двадцати лет, думая, что прошлое кануло в вечность. Представь же себе теперь, что я должен был почувствовать, когда к нам явился неизвестный моряк, в котором я тотчас же узнал человека, некогда спасенного нами! Он, очевидно, проследил нас как-нибудь и решил использовать наш страх в свою пользу. Теперь ты легко поймешь, почему я изо всех сил стремился сохранить с ним добрые отношения. И ты пожалеешь меня, когда узнаешь, под каким я жил страхом после того, как этот человек ушел от меня с угрозами к другой своей жертве».

Внизу приписано неразборчивым почерком, который можно прочесть с трудом:

«Беддос извещает меня шифрованной запиской, что Х. рассказал все. Создатель, будь милостив к нам, грешным».

Вот и все, что я прочел в ту ночь молодому Тревору, и я думаю, Ватсон, что в обстоятельствах этого дела есть очень много драматического. Добряк Тревор был опечален всем этим до такой степени, что уехал отсюда в Терай торговать чаем, где находится и по сей день. Слышно, что он там процветает. Что же касается матроса и Беддоса, то со времени получения последнего рокового письма о них ничего не было более известно – оба они исчезли бесследно. В полицию никаких донесений не поступало, так что опасения покойного Тревора были напрасны: Хадсон только грозил. В последнее время его видел кое-кто, и полиция думала, что он, убив Беддоса, убежал. Я думаю иначе. Весьма вероятно, что Беддос, доведенный до отчаяния угрозами Хадсона, убил его и бежал из страны, захватив с собой столько денег, сколько их имел под рукой.

Вот и все факты этого дела, доктор, и если оно годится в нашу коллекцию, то вы можете воспользоваться им.

Обряд рода Масгрейвов

В характере моего друга Шерлока Холмса меня всегда поражала одна аномалия: самый аккуратный и методический человек во всем, что касалось умственных занятий, опрятный и даже, до известной степени, изысканный в одежде, он был одним из тех безалаберных людей, которые способны свести с ума того, кто живет в одной квартире с ним. Я сам не могу считать себя безупречным в этом отношении, так как жизнь в Афганистане развила мою природную склонность к бродячей жизни сильнее, чем приличествует медику. Но все-таки моей неаккуратности есть границы, и когда я вижу, что человек держит сигары в корзине для углей, табак – в носке персидской туфли, а письма, на которые не дано еще ответа, прикалывает ножом в самую середину деревянной обшивки камина, то начинаю считать себя добродетельным человеком. Я, например, всегда думал, что стрельба из пистолета – занятие, которому следует предаваться на открытом воздухе, а Холмс иногда, когда на него находит странное расположение духа, сидит себе, бывало, в своем кресле с револьвером и сотней патронов и начинает украшать противоположную стену патриотическим вензелем «VR.»²⁹ при помощи пуль, что, конечно, не служило к украшению комнаты, и не очищало ее атмосферу.

Наши комнаты всегда бывали полны разными химическими реактивами и вещественными доказательствами, которые часто попадали в совсем неподходящие места и оказывались то в масленке, то еще где-нибудь, где их еще менее можно было ожидать. Но самый мой тяжелый крест составляли бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно имевшие отношение к делам, в которых он принимал участие, а между тем, разобрать их у него хватало энергии раз в год, а иногда и в два года. Как я уже упоминал в моих заметках, набросанных без всякой связи, за вспышками страшной энергии, во время которых он занимался делами, давшими ему известность, наступала реакция, когда он лежал целыми днями на софе, погруженный в чтение и игру на скрипке, поднимаясь только для того, чтобы перейти к столу. Таким образом, бумаги копились месяц за месяцем, и все углы комнаты бывали набиты связками рукописей, которых нельзя было ни сжечь, ни убрать без разрешения их владельца.

В один зимний вечер, когда мы сидели у камина, и он только что кончил вписывать краткие заметки в свою записную книжку, я решился предложить ему употребить следующие два часа на приведение нашей комнаты в более жилой вид. Холмс не мог отрицать справедливости моей просьбы, а потому отправился с унылым лицом в свою спальню и вскоре вышел оттуда, таща за собой большой жестяной ящик. Он поставил его посреди комнаты и, тяжело опустившись на стул перед ним, открыл крышку. Я увидел, что ящик наполнен до трети пачками бумаг, перевязанных красной тесьмой.

– Тут много дел, Ватсон, – проговорил он, смотря на меня лукавым взглядом. – Я думаю, если бы вы знали, что лежит у меня в этом ящике, вы попросили бы меня вынуть отсюда некоторые бумаги, вместо того чтобы укладывать новые.

– Это, вероятно, заметки о ваших ранних работах? – спросил я. – Мне часто хотелось познакомиться с ними.

– Да, мой милый, все это дела, совершенные до появления возвеличившего меня биографа.

Нежным, ласковым движением он вынимал одну связку за другой.

– Не все здесь успехи, Ватсон, – сказал он, – но есть и хорошенькие задачки. Вот воспоминания о тарлетонском убийстве, о деле виноторговца Вамбери, о приключении русской старухи, о странном деле с алюминиевым костылем, полный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А вот – ага! Это нечто выдающееся.

²⁹ VR., или Victoria Regina (лат.) – Королева Виктория.

Он опустил руку на самое дно ящика и вытащил маленький деревянный ящичек с выдвигающейся крышкой, вроде тех, в которых держат детские игрушки. Оттуда он вынул клочок смятой бумаги, старинный медный ключ, деревянный колышек с привязанным к нему клубком веревок и три ржавых металлических кружка.

– Ну-с, мой милый, какого вы мнения насчет этого? – спросил он, улыбаясь выражению моего лица.

– Любопытная коллекция.

– Очень любопытная, а связанная с ними история и того любопытнее.

– Так у этих реликвий есть своя история?

– Они сами – история.

Шерлок Холмс вынул все вещи одну за другой и разложил их на столе. Потом сел на стул и окинул их довольным взглядом.

– Вот все, что осталось у меня, как воспоминание о масгрейвском обряде, – сказал он.

Я не раз слышал, как он упоминал об этом деле, но не знал его подробностей.

– Как бы я был рад, если бы вы рассказали мне все подробно, – сказал я.

– И оставил бы весь этот хлам неубранным? – со злорадством проговорил Холмс. – А где же ваша хваленая аккуратность, Ватсон? Впрочем, я буду очень рад, если вы внесете этот случай в ваши записки; в нем есть некоторые пункты, делающие его единственным в уголовной хронике не только нашей, но, я думаю, и всякой другой страны. Коллекция достигнутых мною пустячных успехов не была бы полна без отчета об этом странном деле.

Вы видите меня теперь, когда мое имя приобрело широкую известность, и когда общество и официальная власть признают меня высшей апелляционной инстанцией в сомнительных случаях. Даже тогда, когда вы только что познакомились со мной и описали одно из моих дел под названием «Красное по белому», у меня уже была большая, хотя не особенно прибыльная, практика. Поэтому вы и представить себе не можете, как было мне трудно пробиться в жизни.

Когда я приехал в Лондон, я поселился на Монтегю-стрит, как раз у Британского музея. Тут я жил некоторое время, заполняя свои многочисленные часы досуга учением тех отраслей науки, которые могли понадобиться мне. Временами подвергались дела, главным образом по рекомендации товарищей-студентов, так как в последние годы моего пребывания в университете там много говорили обо мне и о моем методе. Третье из этих дел было дело о масгрейвском обряде, которому я обязан первым шагом к моему теперешнему положению благодаря возбужденному им интересу и важным последствиям.

Реджинальд Масгрейв воспитывался в одном колледже со мной, и я был несколько знаком с ним. Товарищи не особенно любили его, считая гордецом, хотя мне лично казалось, что гордость его была напускная, и за ней скрывалась робость и неуверенность в своих силах. Наружность его была чисто аристократическая: тонкий прямой нос, большие глаза, небрежные и вместе с тем изящные манеры. Он был отпрыском одной из древнейших фамилий королевства, хотя и по младшей ветви, отделившейся от северных Масгрейвов в шестнадцатом столе-

тии, и поселившейся в западном Сассексе, где замок Херлстон является, быть может, древнейшим из всех обитаемых жилищ графства. На молодом человеке как будто лежал отпечаток его родины, и всякий раз, когда я глядел на его бледное умное лицо, на посадку его головы, перед моими глазами вставали потемневшие своды, решетчатые окна и все особенности феодального жилища. Иногда нам приходилось разговаривать друг с другом, и я помню, что он всегда выказывал живейший интерес к моему способу исследований и выводов.

Четыре года я не видел его, как вдруг в одно прекрасное утро он вошел в мою комнату на Монтегю-стрит. Он мало изменился, одет был по моде – всегда был франтом – и сохранил спокойные, изящные манеры, которыми отличался прежде.

– Как поживаете, Масгрейв? – спросил я, обменявшись с ним дружеским рукопожатием.

– Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца. Он умер около двух лет тому назад. С тех пор мне, само собой разумеется, пришлось взять на себя управление имением Херлстон. А так как я вместе с тем депутат от своего округа, то дел у меня много. Вы же, Холмс, как я слышал, стали применять на практике те способности, которым мы удивлялись в былое время.

– Да, – ответил я, – способности свои я употребил в дело.

– Очень приятно слышать это, так как ваш совет драгоценен для меня в настоящее время. У нас в Херлстоне случились очень странные вещи, а полиции не удалось ничего выяснить. Дело самое необыкновенное и необъяснимое.

Можете себе представить, с каким интересом я слушал его, Ватсон. Наконец-то передо мной был тот случай, которого я тщетно ожидал в продолжение долгих месяцев бездействия. В глубине души я был уверен, что могу иметь успех там, где других постигла неудача. Теперь мне представляется случай испытать себя. «Сообщите мне, пожалуйста, все подробности!» – воскликнул я.

Реджинальд Масгрейв сел напротив меня и закурил сигарету, которую я предложил ему.

– Надо вам сказать, – начал он, – что хотя я и холост, но мне приходится держать в Херлстоне значительное количество прислуги, так как это – старинное поместье, требующее постоянного присмотра. Кроме того, во время охоты на фазанов у меня обыкновенно гостят знакомые, так что нельзя обойтись малым числом прислуги. Всего у меня восемь служанок, повар, дворецкий, два лакея и мальчик. Для сада и для конюшен, понятно, есть отдельные слуги.

Изо всей этой прислуги дольше всех у нас в доме жил Брайтон, дворецкий. В молодости он был учителем, но остался без места, и отец взял его к себе. Этот человек, очень энергичный и сильного характера, скоро сделался незаменимым в нашем доме. Он был высок, красив собой, с великолепным лбом, и, хотя он служил у нас двадцать лет, на вид ему теперь не более сорока лет. Удивительно, что при подобной наружности и выдающихся способностях – он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех музыкальных инструментах – удивительно, говорю я, что он так долго довольствовался занимаемым им положением. Впрочем, я думаю, что ему жилось спокойно, и у него не хватало энергии для какой-либо перемены. Херлстонского дворецкого помнят все, кто гостил у нас.

Но у этого совершенства был, однако, один недостаток. Он изрядный донжуан, и вы, конечно, можете себе представить, что такому человеку было нетрудно разыгрывать эту роль в спокойном деревенском уголке.

Пока Брайтон был женат, все шло хорошо, но с тех пор, как овдовел, он доставлял нам много хлопот. Несколько месяцев тому назад мы надеялись было, что он остепенится, так как сделал предложение Рэйчел Хоуэлле, нашей второй горничной. Но вскоре он бросил ее и стал ухаживать за Джанет Треджелис, дочерью главного ловчего. Рэйчел – очень хорошая девушка, но вспыльчивая и впечатлительная, с истинно валлийским темпераментом, – захворала острым воспалением мозга и теперь бродит по дому, или, по крайней мере, бродила до вчерашнего дня, как черноглазая тень той девушки, какой была прежде.

Это – первая наша драма в Херлстоне, но вторая заставила нас забыть о ней. Этой второй драме предшествовало позорное изгнание дворецкого Брайтона. Вот как это случилось. Я уже говорил, что это был умный человек. Ум и погубил его, возбудив в нем ненасытное любопытство относительно вещей, совершенно его не касавшихся. Я ничего не подозревал, пока неожиданный случай не открыл мне глаза.

Однажды ночью на прошлой неделе – именно в четверг – я никак не мог заснуть, выпив, по глупости, после обеда чашку крепкого черного кофе. Не заснув до двух часов ночи и потеряв всякую надежду на сон, я встал и зажег свечу, намереваясь продолжать чтение романа, который я начал днем. Книга осталась в бильярдной, а потому я надел халат и отправился за ней.

Чтобы попасть в бильярдную, мне надо было спуститься с лестницы и затем пройти через коридор, который ведет в библиотеку и комнату, где хранится оружие. Можете себе представить мое изумление, когда, заглянув в коридор, я увидел свет, выходивший через отворенную дверь библиотеки. Я сам погасил там лампу и запер дверь, когда пошел спать. Естественно, первой моей мыслью было, что в дом забрались воры. Коридоры Херлстона в изобилии украшены всякого рода старинным оружием. Я схватил первую попавшуюся секиру, поставил свечу сзади себя, пробрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь.

В библиотеке оказался дворецкий Брайтон. Он сидел в кресле, держа на коленях какую-то бумагу, похожую на карту или план. Он наклонился над ней, очевидно, в глубоком раздумье. Я остолбенел от изумления и молча наблюдал за ним, стоя в темноте. При слабом свете маленького огарка, стоявшего на краю стола, я разглядел, что Брайтон вполне одет. Вдруг он встал с кресла, подошел к бюро, стоявшему в стороне, отпер его и выдвинул один из ящиков. Оттуда он вынул какую-то бумагу; затем, вернувшись на место, положил ее на стол рядом с огарком и стал разглядывать с величайшим вниманием. Негодование охватило меня при виде невозмутимого спокойствия, с которым он рассматривал наши фамильные документы. Я невольно сделал шаг вперед. Брайтон поднял голову и увидел, что я стою в дверях. Он вскочил на ноги с мертвенно-бледным лицом и сунул за пазуху похожую на карту бумагу, которую он так внимательно изучал.

– Так вот как вы оправдываете доверие, которое мы оказывали вам? – сказал я. – Завтра вы оставите вашу службу.

Он поклонился с видом совершенно уничтоженного человека и молча проскользнул мимо меня. Огарок был еще на столе, и при свете его я взглянул на бумагу, которую Брайтон вынул из бюро. К моему удивлению, это оказалось вовсе не важным документом, а копией вопросов и ответов, употребляющихся при странном старинном обычае, называемом «Масгрейвским обрядом». Это – вид особой церемонии, составляющей особенность нашего рода в течение многих веков, и совершаемой каждым Масгрейвом при достижении совершеннолетия. Этот обряд имеет частное значение и может быть интересен разве только для археолога, как наши гербы и девизы. Практической же пользы из него не извлечь.

– Лучше мы после поговорим об этой бумаге, – заметил я.

– Если вы считаете это необходимым, – несколько колеблясь, ответил Масгрейв.

Итак, буду продолжать свой рассказ. Я запер бюро ключом, оставленным Брайтоном, и только повернулся, чтобы выйти из комнаты, как с изумлением заметил, что дворецкий вернулся и стоял передо мной.

– Мистер Масгрейв, сэр! – воскликнул он хриплым, взволнованным голосом. – Я не могу перенести бесчестия. Я всегда был горд не по положению, и бесчестье убьет меня. Кровь моя падет на вашу голову, сэр, если вы доведете меня до отчаяния. Если вы не можете оставить меня у себя после того, что случилось, то, ради Бога, дайте мне месяц срока, как будто я сам отказался и уйду по своей доброй воле. Это я могу перенести, мистер Масгрейв, но мне не перенести, если вы выгоните меня из дома на глазах всех, кого я так хорошо знаю.

– Вы заслуживаете снисхождения, Брайтон, – ответил я. – Ваше поведение в высшей степени неблагоприятно, но так как вы долго служили в нашей семье, я не хочу порочить вас публично. Однако месяц – это слишком долгий срок. Уезжайте через неделю под каким угодно предлогом.

– Через неделю, сэр! – закричал он в отчаянии. – Хоть две недели... Дайте мне, по крайней мере, две недели!

– Неделью! – повторил я. – И то считайте, что я поступил с вами еще слишком снисходительно.

Он медленно вышел из комнаты, опустив голову на грудь, как сломленный человек, а я загасил свечу и вернулся к себе в комнату.

В продолжение двух дней после этого случая Брайтон исполнял свои обязанности особенно тщательно. Я не намекал на прошедшее и с некоторым любопытством ожидал, как ему удастся скрыть свой позор. Но на третье утро он не пришел ко мне, как обыкновенно, за приказаниями на этот день. Выходя из столовой, я случайно встретил горничную Рэйчел Хоуэлл... Я говорил вам, что она только что оправилась от болезни и теперь была так страшно бледна и худая.

– Вам следовало бы лежать в постели, – сказал я, – за работу же приметесь, когда выздоровеете.

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что у меня в голове мелькнула мысль, не сошла ли она с ума.

– Я уже достаточно окрепла, мистер Масгрейв, – сказала она.

– Посмотрим, что скажет доктор, – ответил я. – Теперь же оставьте всякую работу и, когда пойдете вниз, скажите Брайтону, что мне нужно его видеть.

– Дворецкий пропал, – сказала она.

– Пропал! Как пропал?

– Пропал. Никто не видел его. В его комнате его нет. О! Он уехал... уехал...

Она прислонилась к стене и разразилась громкими криками и резким хохотом. Испуганный этим внезапным истерическим припадком, я бросился к звонку, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Девушку, продолжавшую рыдать и хохотать, отнесли в ее комнату, а я справился о Брайтоне. Не оставалось ни малейшего сомнения, что он исчез. Постель его оказалась нетронутой; никто его не видел после того, как он ушел вечером к себе в комнату. Трудно было, однако, догадаться, как он мог выйти из дому, так как все окна и двери утром были найдены запертыми. Платье, часы и даже деньги Брайтона оказались в комнате; недоставало только черной пары, которую он обыкновенно носил. Не было также туфель, но сапоги оказались на месте. Куда же мог дворецкий Брайтон уйти ночью, и что с ним случилось?

Конечно, мы обыскали весь дом с чердака до подвала, но нигде не нашли Брайтона. Дом, как я уже говорил, представляет собой целый лабиринт, особенно первоначальная постройка, в которой, собственно, теперь никто не живет. Однако мы обыскали каждую комнату, каждую каморку и не нашли и следа пропавшего. Мне казалось невероятным, чтобы он мог уйти, оставив все свое имущество, а между тем, где же он мог быть? Я призвал местную полицию, но и это не принесло успеха. Накануне ночью шел дождь, мы осмотрели лужайку и аллеи вокруг дома, но понапрасну. Таково было положение дела, когда новое обстоятельство совершенно отвлекло наше внимание от первоначальной тайны.

Два дня Рэйчел Хоуэлл была так больна, что пришлось на ночь приставить к ней сиделку. Она то лежала в забытии, то впадала в истерику. На третью ночь после исчезновения Брайтона сиделка, видя, что больная заснула спокойно, сама задремала в кресле. Когда она проснулась рано утром, то увидела, что кровать пуста, окно открыто, а больной и следа нет. Меня тотчас же разбудили. Я взял с собой двух лакеев и отправился искать пропавшую девушку. Не трудно было определить направление, по которому она пошла. Под окном ясно были видны следы, которые шли через лужайку к пруду, где исчезали у песчаной дорожки, ведущей из имения. Пруд в этом месте имеет восемь футов глубины, и вы можете себе представить, что мы почувствовали, когда увидели, что след несчастной девушки вел прямо к краю пруда.

Мы сейчас же вооружились баграми и принялись за поиски тела, но ничего не нашли. Но зато мы вытащили совершенно уж неожиданный предмет: холщевый мешок с массой заржавленного, потерявшего цвет металла и тусклыми кусочками гальки или стекла. Эта странная находка была все, что нам удалось выловить из озера, и, несмотря на все поиски и расспросы, мы так ничего и не знаем о судьбе Рэйчел Хоуэлл и Ричарда Брайтона. Местная полиция просто теряется в догадках, и я пришел к вам, как к последней надежде...

Можете себе представить, Ватсон, с каким интересом я выслушал рассказ об этом необычайном стечении обстоятельств, как я пытался сопоставить их и найти общую связь между ними. Исчез дворецкий. Исчезла горничная. Девушка любила дворецкого, но потом имела причину возненавидеть его. Она валлийка – страстная, необузданная. Известно, что немедленно после исчезновения Брайтона она была в страшно возбужденном состоянии. Она бросила в пруд мешок с какими-то странными предметами. Все это факты, которые следовало принять

во внимание, но они не объясняли сути дела. Где исходная точка этой цепи событий? Только конец запутанной цепи лежал передо мной.

– Мне нужно взглянуть на бумаги, которые так заинтересовали вашего дворецкого, что он рискнул потерять место, – сказал я.

– В сущности, этот наш обряд – довольно большая нелепость, – ответил Масгрейв, – извинительная только благодаря своему старинному происхождению. Копия ответов и вопросов у меня с собой, так что можете взглянуть на них, если желаете.

Он подал мне бумагу, которую я держу в руках в настоящую минуту. Вот тот ряд странных вопросов, на которые должен был давать такие же странные ответы каждый из Месгрэвов по достижении совершеннолетия. Я прочту вам вопросы и ответы:

«– Чье это было?

– Того, кого нет.

– Чье это будет?

– Того, кто будет позже.

– В каком это было месяце?

– В шестом, считая с первого.

– Где было солнце?

– Над дубом.

– Где лежала тень?

– Под вязом.

– Сколько нужно сделать шагов?

– К северу десять и десять; на восток пять и пять; к югу два и два; на запад один и один, и потом вниз.

– Что мы должны отдать за это?

– Все, что наше.

– Почему мы должны отдать это?

– Во имя веры».

– На оригинале нет числа, но, судя по орфографии, он относится к середине семнадцатого столетия, – заметил Масгрейв. – Боюсь, что этот документ мало поможет вам в раскрытии тайны.

– Зато он представляет собой другую тайну, и еще более интересную, чем первая, – сказал я. – Может быть, раскрытие одной из них повлечет за собой раскрытие другой. Извините меня, Масгрейв, но должен сказать, что ваш дворецкий кажется мне очень умным человеком и более проницательным, чем десять поколений его господ.

– Я не понимаю вас. Бумага, по моему мнению, не имеет никакого практического значения.

- А, по-моему, она имеет огромное значение, и мне кажется, что Брайтон разделял мой взгляд. Вероятно, он видел ее раньше той ночи, когда вы поймали его.
- Очень возможно. Мы не прятали ее.

– Насколько я понимаю, в ту ночь, когда вы застали его, он просто хотел освежить документ в своей памяти. Вы говорили, что у него в руках была карта или план, который он сличал с рукописью, и который спрятал в карман при вашем появлении?

– Это верно. Но какое могло ему быть дело до нашего старинного обычая, и что может означать вся эта галиматья?

– Мне кажется, что нам нетрудно будет узнать это, – сказал я. – Если позволите, мы отправимся с первым поездом в Сассекс и на месте поближе познакомимся с этим делом.

В тот же день, под вечер, мы уже были в Херлстоне. Может быть, вам приходилось видеть изображение знаменитого старинного здания или читать описания его, а потому я ограничусь только упоминанием, что оно имеет форму столярного угольника, причем более длинная линия представляет собой новую часть постройки, а короткая – ядро, из которого развилось все остальное. Над низкой входной дверью в центре старого здания на камне высечено «1607». Но знатоки считают, что дом построен, судя по характеру деревянной и каменной отделки, гораздо раньше этого времени. Поразительно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили обитателей его выстроить в прошлом столетии новое крыло, а старый дом служит теперь кладовой и погребом, и то только в случае необходимости. Великолепный парк из вековых деревьев окружает все здание, а пруд, о котором упоминал мой клиент, расположен в конце аллеи, ярдах в двухстах от дома.

У меня, Ватсон, уже не было сомнения в том, что во всем этом деле была только одна тайна, а не три. Я был убежден, что, если бы мне удалось понять значение «Масгрейвского обряда», то в руках у меня оказалась бы путеводная нить, которая привела бы меня к открытию истины о дворцеком Брайтоне и горничной Хоуэлле. Поэтому-то я и решил приложить все свои старания к тому, чтобы узнать, почему Брайтон стремился изучить старинный манускрипт. Очевидно потому, что заметил то, что ускользнуло от внимания целого ряда поколений помещиков, и что обещало ему какие-то личные выгоды. Что же это было и как оно повлияло на его судьбу?

При чтении «обряда» мне стало вполне ясно, что измерения относятся к какому-нибудь месту, о котором упоминается в документе, и что если бы нам удалось найти это место, мы попали бы на след тайны, которую предки Масгрейвов нашли нужным облечь в такую странную форму. Для начала нам были даны два ориентира – дуб и вяз. Что касается дуба, то найти его было очень легко. Прямо перед домом, по левую сторону дороги, ведущей к подъезду, стоял патриарх среди дубов – одно из великолепнейших деревьев, какие мне когда-либо доводилось видеть.

– Существовал этот дуб во время составления вашего «обряда»? – спросил я, когда мы проезжали мимо.

– Он стоял здесь, вероятно, во время завоевания Англии норманнами, – ответил Масгрев. – Он имеет двадцать три фута в обхвате.

Итак, одно из моих предположений оказывалось верным.

– Есть у вас старые вязы? – спросил я.

– Вот там стоял очень старый вяз, но десять лет тому назад его разбило молнией, и мы спилили его.

– Вы можете указать место, где стояло это дерево?

– О, да.

– Других вязов нет?

– Старых нет, но много молодых.

– Мне бы хотелось видеть место, где рос этот вяз.

Мы приехали в шарабане, и мой клиент тотчас же, не заходя в дом, повел меня на опушку лужайки, где стоял прежде вяз – почти на половине пути между дубом и домом. Мои исследования, по-видимому, шли успешно.

– Я полагаю, невозможно определить высоту этого вяза? – спросил я.

– Могу сразу ответить на этот вопрос. Он был высотой в шестьдесят четыре фута.

– Каким образом вы знаете это? – с удивлением спросил я.

– Когда мой старый учитель давал мне, бывало, задачи по тригонометрии, то они всегда касались измерения высоких предметов. Мальчиком я измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Это была совершенно неожиданная удача. У меня уже оказывалось больше данных, чем я мог ожидать за такое короткое время.

– Скажите, пожалуйста, – спросил я, – ваш дворецкий не задавал вам никогда подобного вопроса?

Реджинальд Масгрейв с изумлением взглянул на меня.

– Теперь, когда вы напомнили об этом, я припоминаю, что Брайтон спрашивал меня несколько месяцев тому назад о высоте этого дерева. Они с грумом поспорили из-за этого.

Можете себе представить, Ватсон, как приятно мне было слышать эти слова. Ведь таким образом оказывалось, что я на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно стояло низко, и я рассчитывал, что менее чем через час оно будет стоять как раз над вершиной старого дуба. Тогда было бы исполнено одно из условий, упомянутых в «обряде». А тень от вяза должна была означать крайнюю точку тени, иначе говорилось бы о тени от ствола. Значит, мне следовало определить, куда падет конец тени от вяза, когда солнце станет как раз над дубом.

– Ведь это же трудно было сделать, Холмс, когда вяза уже не существовало?

– Я знал только одно: если Брайтон мог сделать это, то могу и я. К тому же это было вовсе не так трудно. Я пошел с Масгрейвом в его кабинет и сделал колышек из дерева, к которому привязал длинную веревку с узелком на каждом ярде. Затем я взял удочку в шесть футов и пошел со своим клиентом к тому месту, где прежде стоял вяз. Солнце как раз освещало вершину дуба. Я воткнул импровизированное удилице в землю, наметил направление тени и измерил ее. Она оказалась длиною в девять футов.

Теперь оставалось сделать несложное вычисление. Если удочка в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево в шестьдесят четыре фута высоты дает тень в девяносто

шесть футов, а направление обоих должно быть, понятно, одинаковое. Я измерил расстояние и дошел почти до стены дома, где воткнул в землю свой колышек. Можете себе представить мой восторг, Ватсон, когда в двух дюймах от этого места я увидел в земле воронкообразное углубление. Я понял, что это отметка, сделанная Брайтоном при его измерениях, и что, следовательно, я иду по его следам.

Я начал отсчитывать шаги от этой точки, определив предварительно стороны света с помощью компаса. Десять шагов к северу, сделанные поочередно каждой ногой, пришлось параллельно стене дома. Тут я опять отметил колышком точку, на которой остановился. Затем я тщательно отмерил пять шагов к востоку и два к югу и очутился прямо у порога старого дома. Два шага к западу означали, что мне следовало сделать два шага по выложенному плитami коридору – и я стоял на месте, указанном «обрядом».

Никогда в жизни не приходилось мне испытывать такого сильного разочарования, Ватсон. Одно мгновение мне казалось, что в мои вычисления вкралась какая-то серьезная ошибка. Лучи заходящего солнца падали прямо на коридор, и я ясно видел, что старые, вытопанные

камни, которыми он был вымощен, плотно спаяны цементом и не сдвигались с места уже много лет. Брайтон не дотрагивался до них. Я постучал по полу, но звук везде был одинаков, и нигде не было заметно ни трещины, ни вмятины. К счастью, Масгрейв, который понял смысл моих поступков и волновался не менее меня, вынул рукопись, чтобы проверить мои вычисления.

– И вниз! – закричал он. – Вы пропустили «и вниз»!

Я думал, что эти слова означали, что нам придется рыть землю, но теперь увидел, что ошибся в своих предположениях.

– Так там есть подвал?! – крикнул я.

– Да, такой же старый, как и дом. Сюда, через эту дверь.

Мы спустились по витой каменной лестнице, и мой товарищ, чиркнув спичку, зажег большой фонарь, стоявший на бочонке в углу. В ту же минуту мы убедились, что попали в нужное место, и что кто-то побывал тут раньше нас.

Подвал служил складом для дров, но поленья, очевидно, прежде покрывавшие весь пол, теперь были сложены по сторонам так, что посередине образовался свободный проход. В этом проходе лежала большая тяжелая плита с заржавленным железным кольцом, к которому был привязан толстый шерстяной шарф.

– Клянусь Юпитером, это шарф Брайтона! – воскликнул Масгрейв. – Я видел его на нем и готов поклясться в этом. Что делал тут этот негодяй?

По моему предложению вызвали двух полицейских, и в их присутствии я попытался поднять плиту, потянув за шарф. Я мог только слегка приподнять ее, и только с помощью одного из констеблей мне удалось отодвинуть ее в сторону. Перед нами зияла глубокая черная яма. Мы все смотрели на нее. Масгрейв, став на колени, опустил фонарь.

Перед нами открылось темное помещение около семи футов в глубину и футов четырех в ширину. У одной стены его стоял низкий деревянный сундук, окованный медью, с поднятой крышкой, в которой торчал ключ странной старинной формы. Снаружи ящик был покрыт толстым слоем пыли, а сырость и черви так проели дерево, что оно все было покрыто плесенью. Несколько металлических кружков, по-видимому, старинных монет – вот таких, какие вы видите у меня в руке, – валялось на дне сундука, но больше там ничего не было.

Но в это время мы совершенно забыли и думать о сундуке: наши взоры были прикованы к тому, что мы увидели рядом с ним. То была фигура одетого в черный костюм человека, который сидел на корточках, положив голову на край сундука и обхватив его обеими руками. От такой позы вся кровь прилила ему к голове, и никто не мог бы узнать этого искаженного, посиневшего лица, но когда мы приподняли тело, то мистер Масгрейв по росту, одежде и волосам признал в нем своего бывшего дворецкого. Брайтон умер уже несколько дней тому назад, но на теле не было заметно ни раны, ни какого-либо повреждения, которые могли бы указать причину его страшной смерти. Тело вынесли из погреба, а мы снова остались перед загадкой, почти такой же ужасной, как та, с которой мы встретились впервые.

Признаюсь, Ватсон, что я начал сомневаться в успехе моих розысков; я думал, что разрешу загадку, как только найду место, указанное в «обряде». Но вот я стоял на этом месте и, по-видимому, был так же далек, как прежде, от тайны, которая скрывалась так тщательно семьей Масгрейвов. Правда, что я пролил свет на судьбу Брайтона, но теперь следовало установить, каким образом эта судьба наказала его, и какую роль играла во всей этой истории исчезнувшая женщина. Я присел на бочонок в углу и стал обдумывать все, что случилось.

Вы знаете, Ватсон, мой метод: в подобного рода случаях я ставлю себя на место данного человека и, выяснив себе предварительно степень его развития, пробую представить, как бы я действовал на его месте. В данном случае дело облегчалось тем, что Брайтон был, без сомнения, человек недюжинного ума. Он знал, что дело идет о какой-то драгоценности. Он нашел место. Он увидел, что плита, закрывающая вход в подвал, слишком тяжела для того, чтобы ее мог сдвинуть один человек. Что же ему оставалось делать? Он не мог получить помощи от

посторонних. Даже в том случае, если бы ему удалось найти кого-нибудь, кто согласился бы помочь ему, и кому бы он мог вполне довериться, ему угрожала опасность попасться, когда ему пришлось бы впустить в дом своего сообщника. Лучше было найти себе помощника в доме. Но кого? К кому мог он обратиться? Та девушка любила его. Мужчине всегда трудно представить себе, что он окончательно лишился любви женщины, как бы дурно он ни поступил с ней. Вероятно, Брайтон снова полюбезничал с Хоуэлле, чтобы помириться с ней, а затем сделать ее своей сообщницей. Они, должно быть, вместе пришли ночью в погреб и соединенными усилиями подняли плиту. До этой минуты их действия так ясно представлялись мне, как будто я сам присутствовал при них.

Однако поднять плиту было делом трудным для двух лиц, из которых к тому же одна была женщина. Нелегко это было и для нас – дюжего сассекского полицейского и меня. Что же они могли выдумать, чтобы помочь себе? Вероятно, то же, что сделал бы я сам. Я встал и внимательно осмотрел разбросанные по полу поленья и почти сразу убедился в основательности моего предположения. На одном полене, длиной около трех футов, явственно виднелась выемка, а несколько других были сплющены с боков, как будто сжатые какой-то тяжестью. Очевидно, приподняв плиту, они стали совать одно полено за другим, пока не образовалось отверстие настолько большое, что они могли пролезть в него. Тогда они положили одно полено вдоль отверстия; этим и объясняется выемка на его нижнем конце, так как плита придавливала его своей тяжестью к противоположному краю щели. До сих пор все было ясно для меня.

Каким же образом восстановить ночную драму? Очевидно, в яму спустился только один человек, и именно Брайтон. Девушка должна была ожидать его наверху. Брайтон отпер сундук и, надо полагать, передал найденные им вещи сообщнице, так как в сундуке вещей не оказалось. А потом? Что случилось потом?..

Вспыхнула ли ярким огнем жажда мести, тлевшая в душе страстной валлийской женщины, когда она увидела в своей власти человека, сделавшего ей зло, может быть, большее, чем подозревали окружающие?.. Случайно ли подались поленья, и плита закрыла вход в подвал, который стал могилой Брайтона?.. Или резким движением руки она отбросила опору, и плита рухнула на свое место?.. Как бы то ни было, мне казалось, что я вижу лицо женщины, судорожно сжимающей найденное сокровище и в безумном ужасе бегущей по винтовой лестнице, как в ее ушах раздавались снизу глухие крики и яростные удары в плиту заживо погребенного неверного любовника.

Итак, вот тайна ее бледности, ее нервного состояния и истерического хохота на следующее утро. Но что же в сундуке? Куда она девала вещи? Вероятно, это те обломки металла и камней, вытащенные из озера моим клиентом. Она бросила их при первом удобном случае, чтобы скрыть последние следы своего преступления.

Минут двадцать я просидел не двигаясь, обдумывая происшедшее. Масгрейв, весь бледный, продолжал стоять на прежнем месте, раскачивая фонарь и глядя вниз, в яму.

– Это монеты Карла I, – сказал он, взяв несколько кружков, оставшихся в сундуке. – Вы видите, мы верно определили время написания «обряд».

– Может быть, мы найдем еще что-нибудь, оставшееся от Карла I! – вскрикнул я. Внезапно мне показалось, что я понял значение двух первых вопросов «обряд». – Дайте мне взглянуть на вещи в мешке, который вы вытащили из пруда.

Мы пошли в кабинет, и он разложил передо мной обломки. Я понял, почему он не передал им никакого значения: металл был почти черный, а камни тусклые и бесцветные. Я потерял один из них о рукав, и он засверкал у меня на ладони, словно искра. Один из металлических предметов имел вид двойного кольца, но сильно погнутого, так что он потерял свою первоначальную форму.

– Вам не мешает припомнить, что королевская партия существовала в Англии и после смерти короля, а когда его приверженцам пришлось наконец бежать из страны, они, вероятно,

спрятали куда-нибудь многие из своих драгоценностей, намереваясь вернуться за ними в более спокойные времена.

– Мой предок, сэр Ральф Масгрейв, был ярым приверженцем Карла II и сопровождал короля во всех его скитаниях, – сказал мой друг.

– А, в самом деле! – заметил я. – Ну, это обстоятельство дает нам последнее, недостающее звено. Я должен поздравить вас со вступлением в обладание (хотя и очень трагическим образом) реликвии, имеющей большую ценность, но еще большее историческое значение.

– Что же это такое? – задыхаясь от изумления, проговорил он.

– Ни более ни менее, как древняя корона английских королей.

– Корона?!

– Именно. Обратите внимание на слова «обряд». Что там говорится? «Чье это было?» – «Того, кого нет». Это после казни Карла. Затем: «Чье это будет?» – «Того, кто будет позже». Это говорилось о Карле II, восшествие на престол которого предвиделось заранее. По-моему, не может быть сомнения в том, что эта изломанная, потерявшая всякую форму корона украшала некогда головы королей из дома Стюартов.

– А как она попала в пруд?

– Это вопрос, для ответа на который потребуется некоторое время, – и я изложил ему всю длинную цепь предположений и доказательств, раскрытую мной. Уже стемнело, и луна ярко сияла на небе, прежде чем я окончил свой рассказ.

– Как же случилось, что Карл не получил своей короны обратно, когда вернулся? – спросил Масгрейв, кладя корону в холщовый мешок.

– Ах, это вопрос, который, вероятно, никогда не будет выяснен до конца. По-видимому, ваш предок, знавший эту тайну, умер, не объяснив почему-то своему потомку значения оставленного им документа. С того времени и до сих пор документ переходил от отца к сыну, пока, наконец, не попал в руки человека, сумевшего понять тайну и поплатившегося жизнью при попытке добыть спрятанное сокровище.

Вот история «Масгрейвского обряда», Ватсон. Корона и до сих пор в Херлстоне, хотя владельцам пришлось иметь дело с судом и уплатить значительную сумму денег для того, чтобы оставить ее у себя. Я уверен, что, если вы упомянете мое имя, они покажут вам эту корону. Об исчезнувшей девушке никто ничего не слышал. Вероятно, она бежала из Англии и унесла воспоминания о своем преступлении в далекие края.

Рейгэтские помещики

Прошло немало времени, прежде чем здоровье моего друга, мистера Шерлока Холмса, вполне поправилось после его напряженной деятельности весной 1887 года. Вопрос о Нидерландско-Суматранской компании и колоссальных планах барона Мопертюи еще слишком жив в памяти публики и слишком тесно связан с политическими и финансовыми вопросами для того, чтобы касаться его в этих очерках. Однако следствием его, косвенным образом, было появление странной и сложной задачи, разрешение которой дало моему другу возможность ввести новое оружие в число употреблявшихся им во время его продолжительной борьбы с преступлениями.

В моих заметках упоминается, что четырнадцатого апреля я получил телеграмму из Лиона, извещавшую меня, что Холмс лежит больной в гостинице «Дюлон». Спустя сутки я уже стоял у его постели и с облегчением убедился, что симптомы его болезни не представляли ничего опасного. Однако и его железное здоровье не выдержало напряженного состояния, в котором он находился во время следствия, продолжавшегося два месяца. За этот период он работал не менее пятнадцати часов в сутки, а иногда, как он признался мне, и по пять суток без отдыха. Блистательный исход дела не мог предотвратить реакции, последовавшей за крайним напряжением сил, и в то время, когда имя его гремело по всей Европе, а комната, в которой он лежал, была положительно завалена поздравительными телеграммами, я нашел его в упадочном настроении. Даже сознание, что он добился успеха в деле, с которым не могла справиться полиция трех государств, и перехитрил самого искусного мошенника Европы, не могло вывести его из состояния нервного истощения.

Через три дня мы вместе вернулись на Бейкер-стрит, но ясно было, что моему другу нужна перемена места, да и мне мысль провести недельку-другую в деревне казалась очень привлекательной. Мой старинный приятель полковник Хэйтер, которого я лечил в былое время в Афганистане, жил теперь близ Рейгэта в Суррее и не раз приглашал меня погостить у него. В последний раз он писал, что был бы рад, если бы мой друг приехал со мной. Пришлось пустить в ход разные дипломатические уловки, но когда Холмс узнал, что мой приятель – холостяк, и что гостям его предоставляется полная свобода, он согласился принять предложение. Через неделю после нашего возвращения из Лиона мы уже сидели под гостеприимной кровлей полковника. Хэйтер был славный старый солдат, много выдавший на своем веку, и, как я и ожидал, у них с Холмсом нашлось много общего.

Вечером в день нашего приезда мы все сидели в кабинете, стены которого украшены были оружием. Холмс лежал на диване, а Хэйтер и я рассматривали коллекцию оружия.

– Кстати, – вдруг сказал полковник, – возьму-ка я к себе наверх один из этих пистолетов на случай тревоги.

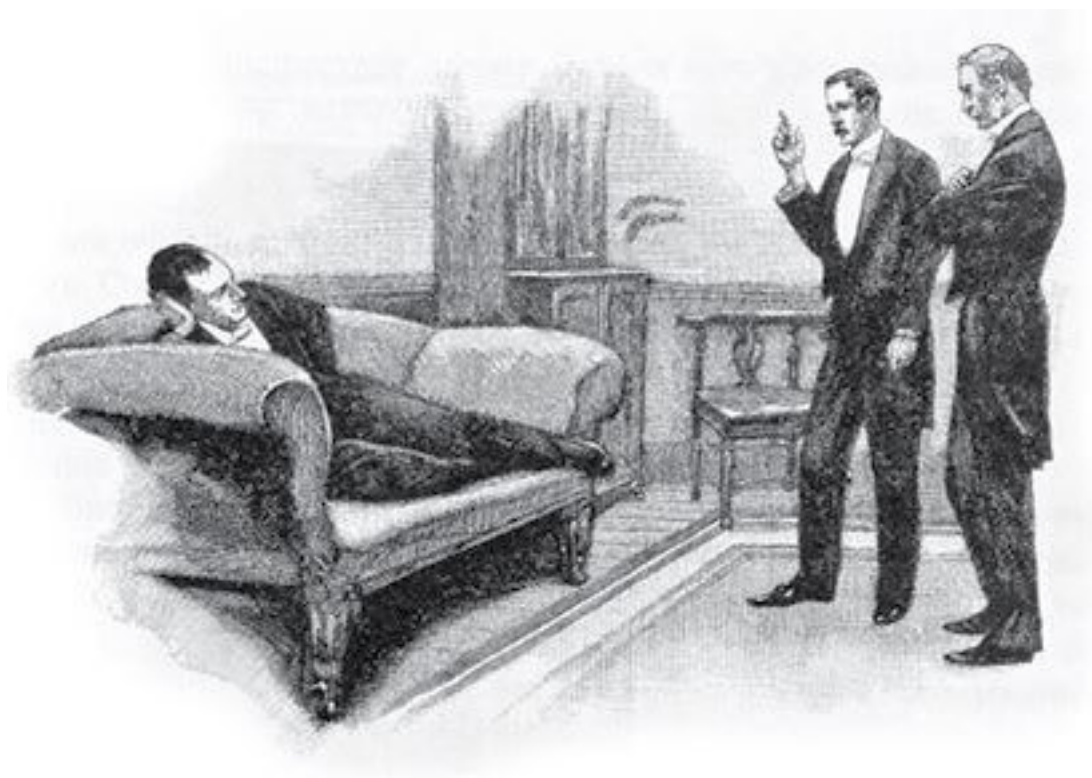
– Тревоги?! – удивился я.

– Да, недавно тут у нас был переполох. В прошлый понедельник напали на дом одного из наших местных помещиков, старого Эктона. Кража невелика, но воров еще не удалось поймать.

– А следов никаких? – спросил Холмс, взглянув на полковника.

– Никаких. Но дело это пустячное, одно из мелких преступлений, обычных в нашей местности, слишком ничтожных для того, чтобы заинтересовать вас, мистер Холмс, после знаменитого международного дела.

Холмс сделал знак рукой, как бы отмахиваясь от комплимента, но по улыбке было видно, что он доволен.

– Были в деле какие-нибудь интересные подробности?

– Кажется, нет. Воры обшарили библиотеку, но ничего ценного не нашли. Все там перевернуто вверх дном, шкафы открыты и обшарены, а исчезли только один разрозненный том Гомера в переводе Поупа, два позолоченных подсвечника, пресс-папье из слоновой кости, маленький дубовый термометр и моток веревки.

– Что за странный подбор вещей! – заметил я.

– О, молодцы, очевидно, схватили, что им попало под руку.

Холмс проворчал что-то себе под нос.

– Местная полиция должна бы заняться этим, – сказал он. – Ведь очевидно, что...

Но я погрозил ему.

– Вы здесь для отдыха, мой милый. Ради Бога, не выдумывайте себе новой работы, когда у вас нервы так издерганы.

Холмс с видом комической покорности взглянул на полковника, и разговор перешел на менее опасные темы.

Однако судьба решила, чтобы вся моя профессиональная осторожность пропала даром, потому что на следующее утро дело явилось перед нами в таком виде, что его нельзя было игнорировать, и наше посещение деревни приняло совершенно неожиданный оборот. Мы сидели за завтраком, когда в столовую вдруг вбежал дворецкий с совершенно растерянным видом.

– Вы слышали новость, сэр? – задыхаясь, проговорил он. – Слышали, что случилось у Каннингемов, сэр?

– Воровство?! – воскликнул полковник, не донеся до рта чашку с кофе.

– Убийство!

Полковник свистнул.

Лупа

Почти все англичане викторианской эпохи собирали какую-нибудь коллекцию: насекомых, растений, минералов... Для просмотра своих сокровищ они употребляли лупу. Холмс же стал использовать лупу и рулетку в работе сыщика в полевых условиях. Говорят, что лишь после появления рассказов Конан Дойла полицейские тоже стали использовать лупу при своих расследованиях. С ее помощью обнаруживали следы на месте преступления.

Одну из первых луп (выпуклое увеличительное стекло) создал и описал в 1250 году преподаватель Оксфордского университета монах францисканского ордена Роджер Бэкон. Несколькими веками позже появился более совершенный увеличительный прибор – микроскоп. Им тоже пользовался Холмс, но не в следственной практике, а при проведении в своей квартире химических опытов.

В «Этюде в багровых тонах» Холмс встречает Ватсона фразой: «Вот он, вот он, единственный во всем мире реактив, который осаждает гемоглобин! Я нашел его!»

Химики второй половины XIX века увлекались серологией – наукой о свойствах сыворотки крови. Но лишь в начале XX века ученые научились отличать кровь человека от крови животного, исследуя их под микроскопом. Управления полиции разных стран стали обзаводиться собственными химическими лабораториями.

Один из крупнейших представителей французской научной криминалистики Э. Локар неоднократно признавал, что рассказы о Холмсе небезынтересны для специалистов, и особо отмечал указание героя Конан Дойла на необходимость при расследовании преступлений изучать пыль, дорожную грязь, пепел. Американский актер и драматург Уильям Джиллетт был очарован рассказами о Шерлоке Холмсе и переделал несколько из них в пьесы. Он сам в мае 1899 года отправился в Англию, чтобы лично получить у автора разрешение на постановку спектакля. Американский актер явился к английскому писателю в костюме его героя – в длинном плаще с пелериной и

кепи с козырьком и с лупой в руке. Дойл встретил его на перроне в Хайндхед в своем обычном наряде – твидовом костюме.

– Черт возьми! – проговорил он. – Кто же убит? Сам мировой или сын?

– Ни тот, ни другой, сэр. Убит Вильям, кучер. В самое сердце... И слова сказать не успел.

– Кто же убил его?

– Разбойник, сэр. Выскочил как стрела, и след его простыл. Он только влез в окно кладовой, как Вильям бросился на него и поплатился жизнью, спасая имущество своего господина.

– Когда?

– Вчера, сэр, около полуночи.

– А! Ну, так мы сейчас отправимся туда, – сказал полковник, хладнокровно принимаясь опять за завтрак. – Скверная история, – прибавил он, когда дворецкий вышел из комнаты. – Старик Каннингем – один из самых выдающихся наших помещиков и весьма порядочный человек. Это убийство страшно поразит его, потому что кучер жил у него много лет и был хороший слуга. Очевидно, это те же негодяи, которые забрались к Эктону.

– И украли такую странную коллекцию, – задумчиво сказал Холмс.

– Вот именно.

– Гм! Может быть, дело окажется совершенно простое, но, на первый взгляд, оно все же любопытно, не правда ли? Шайка воров, действующая в известной местности, могла бы несколько разнообразить свои похождения и не нападать в течение нескольких дней на два дома в одном округе. Когда вчера вечером вы заговорили о предосторожностях, я помню, мне пришла в голову мысль, что едва ли какой-либо вор или воров обратят внимание на эту местность Англии. Оказывается, однако, что мне следует еще многому поучиться.

– Я думаю, это какой-нибудь местный профессионал, – сказал полковник. – Потому-то он выбрал поместья Эктона и Каннингема как самые большие.

– И богатые?

– Должны бы быть самыми богатыми, но в продолжение нескольких лет они вели тяжбу друг с другом, которая, как я полагаю, высосала соки из обоих. У старого Эктона есть какое-то право на половину имения Каннингема, и адвокаты ухватились за это дело обеими руками.

– Если это какой-нибудь местный негодяй, то поймать его нетрудно, – зевая, проговорил Холмс. – Хорошо, Ватсон, я не стану вмешиваться в это дело.

– Инспектор Форрестер, сэр, – проговорил дворецкий, растворяя двери.

В комнату вошел франтоватый молодой человек с умным лицом.

– Здравствуйте, полковник, – сказал он. – Извините, что помешал, но мы слышали, что здесь мистер Шерлок Холмс из Лондона.

Полковник указал на моего друга. Инспектор поклонился.

– Мы думали, что, может быть, вы согласитесь пойти с нами, мистер Холмс.

– Судьба положительно против вас, Ватсон, – со смехом сказал мой приятель. – Мы только что говорили об этом деле, инспектор. Может быть, вы сообщите нам некоторые подробности?

По тому, как он откинулся на спинку кресла, я увидел, что все мои увещания будут напрасны.

– В деле Эктона у нас не было никаких данных. В этом же их очень много, и нет сомнения, что в обоих случаях участвовала одна и та же личность. Человека этого видели.

– А!

– Да, сэр. Но он убежал с быстротой лани после того, как выстрелил в бедного Вильяма Кирвана. Мистер Каннингем видел его из окна спальни, а мистер Алек Каннингем – с черного хода. Тревога поднялась в три четверти двенадцатого. Мистер Каннингем только что лег в постель, а мистер Алек, уже в халате, курил трубку. Они оба слышали, как кучер Вильям звал на помощь, и мистер Алек бросился вниз узнать, что случилось. Дверь черного хода была отперта, и внизу он увидел двух человек, боровшихся друг с другом. Один из них выстрелил, другой упал, а убийца бросился в сад и перескочил через забор. Мистер Каннингем, выглянув из окна спальни, видел, как тот добежал до дороги, но затем потерял его из виду. Мистер Алек

нагнулся, чтобы посмотреть, нельзя ли помочь умирающему, а негодяй тем временем убежал. Мы знаем только, что это человек среднего роста, одетый в темную одежду, усердно разыскиваем его и надеемся скоро найти, так как он здесь чужой.

– Что делал там Вильям? Говорил он что-нибудь перед смертью?

– Ни слова. Он жил в сторожке с матерью, и так как был очень преданный слуга, то мы думаем, что он пришел в дом взглянуть, все ли там в порядке. Понятно, что происшествие в поместье Эктона заставило всех быть настороже. Разбойник, должно быть, только что открыл дверь – замок оказался сломанным, когда Вильям бросился на него.

– Не сказал ли Вильям чего-нибудь матери, когда уходил из дома?

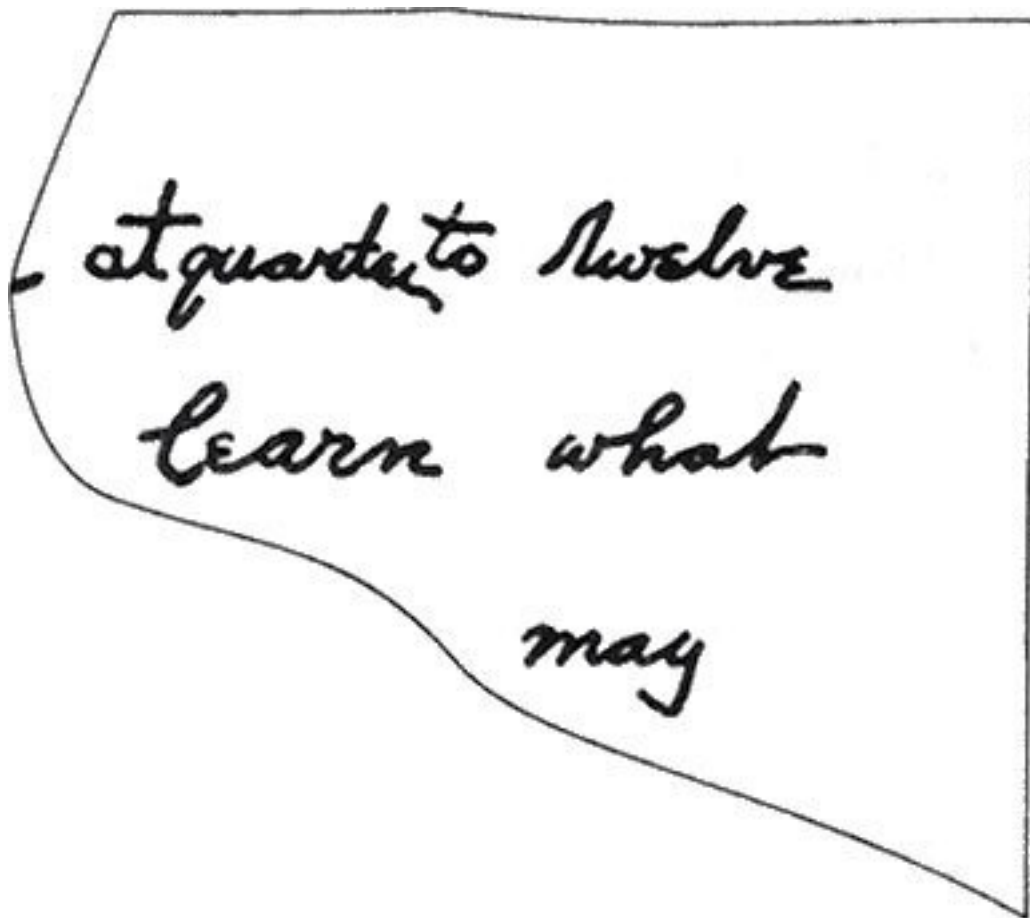
– Она очень стара и глуха, и мы ничего не можем добиться от нее. Она чуть с ума не сошла от постигшего ее удара, да и прежде, кажется, не отличалась умом. Но у нас в руках есть одна замечательная вещь. Взгляните, пожалуйста, на это!

Он вынул маленький клочок бумаги из записной книжки и разложил его на коленях.

– Вот что найдено в руке убитого. Очевидно, что это клочок, оторванный от целого листа бумаги. Заметьте, что обозначенное тут время как раз совпадает с тем, когда убили беднягу Вильяма. Вы видите, что или убийца вырвал у него остальной лист, или, наоборот, Вильям вырвал этот клочок из рук убийцы. Дело идет как будто о свидании.

Холмс взял клочок бумаги, факсимиле которого приведено здесь:

– Если признать это за назначение свидания, – продолжал инспектор, – то, конечно, можно предположить, что Вильям Кирван, хотя и пользовался репутацией честного человека, состоял в заговоре с вором. Он мог встретиться с ним, помочь ему даже взломать дверь, а затем между ними могла произойти ссора.

– Это чрезвычайно интересный обрывок, – сказал Холмс, рассматривая его с большим вниманием. – Дело-то оказывается гораздо сложнее, чем я думал, – прибавил он, опуская голову на руки.

Инспектор улыбался впечатлению, произведенному этим делом на знаменитого лондонского специалиста.

– Ваше последнее предположение о возможности соглашения между вором и кучером и о том, что этот клочок представляет собой отрывок письма одного из них, остроумно и не лишено вероятности, – заговорил, наконец, Холмс. – Но эта записка открывает...

Он снова опустил голову на руки и сидел несколько минут, погруженный в глубокое раздумье. Когда он поднял голову, я с изумлением увидел, что румянец играл у него на щеках, а глаза блестели, как до болезни. Холмс вскочил на ноги с прежней энергией.

– Знаете что! – сказал он. – Мне бы хотелось хорошенько и спокойно заняться подробностями этого дела. В нем есть что-то чрезвычайно привлекательное для меня. Если позволите, полковник, я оставлю вас с моим другом Ватсоном и пройду с инспектором, чтобы проверить правдоподобность фантазии, пришедшей мне в голову. Я вернусь через полчаса.

Прошло целых полтора часа, прежде чем инспектор вернулся один.

– Мистер Холмс рассказывает по полю взад и вперед, – сказал он. – Он приглашает нас всех отправиться в дом.

– К мистеру Каннингему?

– Да, сэр.

– Зачем?

Инспектор пожал плечами.

– Право, не знаю, сэр. Между нами, мне кажется, что мистер Холмс еще не вполне оправился от болезни. Он держит себя как-то странно и очень возбужден.

– Мне кажется, вы напрасно тревожитесь, – сказал я. – Я всегда убеждался, что в его сумасшествии есть известный метод.

– Или, наоборот, в его методе сказывается сумасшествие, – пробормотал инспектор. – Но он горит желанием отправиться к Каннингему, а потому, если вы готовы, полковник, пойдемте к нему.

Мы застали Холмса рассказывающим взад и вперед по полю, с опущенной на грудь головой и засунутыми в карманы брюк руками.

– Дело становится все более интересным, – проговорил он. – Ватсон, наша поездка в деревню удалась как нельзя лучше. Я провел чудесное утро.

– Вы были, как видно, на месте преступления? – спросил полковник.

– Да, мы с инспектором провели маленькую рекогносцировку.

– И успешно?

– Да, мы видели несколько интересных вещей. Расскажу вам дорогой. Прежде всего, мы видели тело несчастного. Он, действительно, как и говорили, умер от выстрела из револьвера.

– А разве вы сомневались в этом?

– О, во всяком случае, следовало удостовериться. Исследование наше было нелишним. Потом мы поговорили с мистером Каннингемом и с его сыном, которые точно указали нам место, где убийца перескочил через забор. Это было чрезвычайно интересно.

– Конечно.

– Потом мы заглянули к матери бедного малого, но ничего от нее не узнали, так как она очень стара и слаба.

– Ну, а результат ваших исследований?

– Убеждение, что случай совершенно особенный. Может быть, наше посещение несколько прояснит его. Мы с инспектором, кажется, сходимся во мнении, что клочок бумаги, зажатый в руке убитого и указывающий час его смерти, весьма важный документ.

– Он должен служить исходной точкой, мистер Холмс.

– Он и служит ею. Автор этой записки заставил Вильяма Кирвана встать в этот час. Но где же лист, от которого оторван этот клочок?

– Я тщательно осмотрел все место кругом, надеясь найти его, – сказал инспектор.

– Он был вырван из руки убитого. Кому было так нужно овладеть им? Тому, кого могла уличить эта записка. Что же он сделал с ней? По всей вероятности, сунул ее в карман, не заметив, что клочок от нее остался в руке убитого. Если бы нам удалось добыть остальную часть листка, то, очевидно, мы сделали бы большой шаг к открытию тайны.

– Да, но как нам добраться до кармана преступника, не поймав его самого?

– Да-да, об этом стоит подумать. Затем еще один пункт. Записка была прислана Вильяму. Человек, написавший ее, принес ее не сам, иначе он мог бы передать все на словах. Кто же принес записку? Или ее прислали по почте?

– Я навел справки, – сказал инспектор. – Вильям получил вчера после полудня письмо по почте. Конверт он уничтожил.

– Превосходно! – вскрикнул Холмс, похлопывая инспектора по спине. – Вы уже повидали почтальона. Право, приятно работать с вами. Ну, вот и сторожка; если вы пройдете со мной, полковник, я покажу вам место преступления.

Мы прошли мимо хорошенького коттеджа, где жил покойный, и по аллее, окаймленной дубами, дошли до красивого старинного дома эпохи королевы Анны. Над входной дверью стоял год битвы при Мальплаке. Холмс и инспектор повели нас кругом до бокового входа, отделенного участком сада от забора, идущего вдоль дороги. У двери в кухню стоял констебль.

– Откройте дверь, – сказал Холмс. – Ну-с, вот на этой лестнице стоял молодой мистер Каннингем и видел, как двое людей боролись как раз на том месте, где мы стоим теперь. Старый мистер Каннингем находился у второго окна налево и видел, как убийца убежал влево от куста. Видел это и сын. Их показания насчет куста сходятся. Тогда мистер Алек выбежал и встал на колени возле раненого. Земля, как вы видите, очень тверда, и тут нет следов, которые могли бы помочь нам.

В эту минуту из-за угла дома на дорожку сада вышли двое мужчин. Один из них был пожилой человек, с крупными резкими чертами лица, с тяжелым взглядом; другой – блестящий молодой человек; его сияющее, смеющееся лицо и щегольская одежда составляли странный контраст с приведшим нас сюда делом.

– Все еще возитесь с этим делом? – сказал пожилой Каннингем Холмсу. – Я думал, что вы, лондонцы, сразу схватываете суть дела. Оказывается, не так-то скоро.

– Ах, дайте нам немножко времени, – добродушно заметил Холмс.

– Да, время понадобится вам, – сказал молодой Алек Каннингем. – По-моему, нет никаких улик.

– Есть только одна, – ответил инспектор. – Мы думали, что если бы нам удалось найти... Боже мой! Что с вами, мистер Холмс?

Лицо моего друга вдруг приняло ужасное выражение. Глаза его закатились, черты исказились. С подавленным стоном он упал ничком на землю. Испуганные внезапностью и силой припадка, мы отнесли его в кухню. Несколько минут он лежал в большом кресле, откинувшись на спинку и тяжело дыша. Наконец встал и со сконфуженным видом принялся извиняться, что перепугал нас.

– Ватсон может вам сказать, что я только что оправился после серьезной болезни, – объяснил он. – Я подвержен этим внезапным нервным припадкам.

– Не отвезти ли вас домой в шарабане? – спросил старик Каннингем.

– Так как я уже здесь, то мне хотелось бы выяснить одну деталь. Это очень легко сделать.

– А именно?

– Видите ли, мне кажется, весьма возможно предположить, что бедняга Вильям пришел не до, а после того, как вор забрался в дом. Вы, по-видимому, не сомневаетесь, что хотя замок и был взломан, но убийца не входил в дверь?

– Мне кажется, это очевидно, – серьезно ответил мистер Каннингем. – Ведь мой сын Алек еще не ложился спать и, конечно, слышал бы, если бы кто-нибудь ходил внизу.

– Где он сидел?

– Я сидел и курил у себя в комнате.

– Где окно комнаты?

– Последнее слева, рядом с окном комнаты отца.

– Конечно, у вас обоих горели еще лампы?

– Без сомнения.

– Странно, – улыбаясь, проговорил Холмс. – Ну, разве не удивительно, что вор – да к тому же еще опытный вор – решается ворваться в дом, когда видит по свету, что в нем не спят еще двое людей.

– Должно быть, человек смелый.

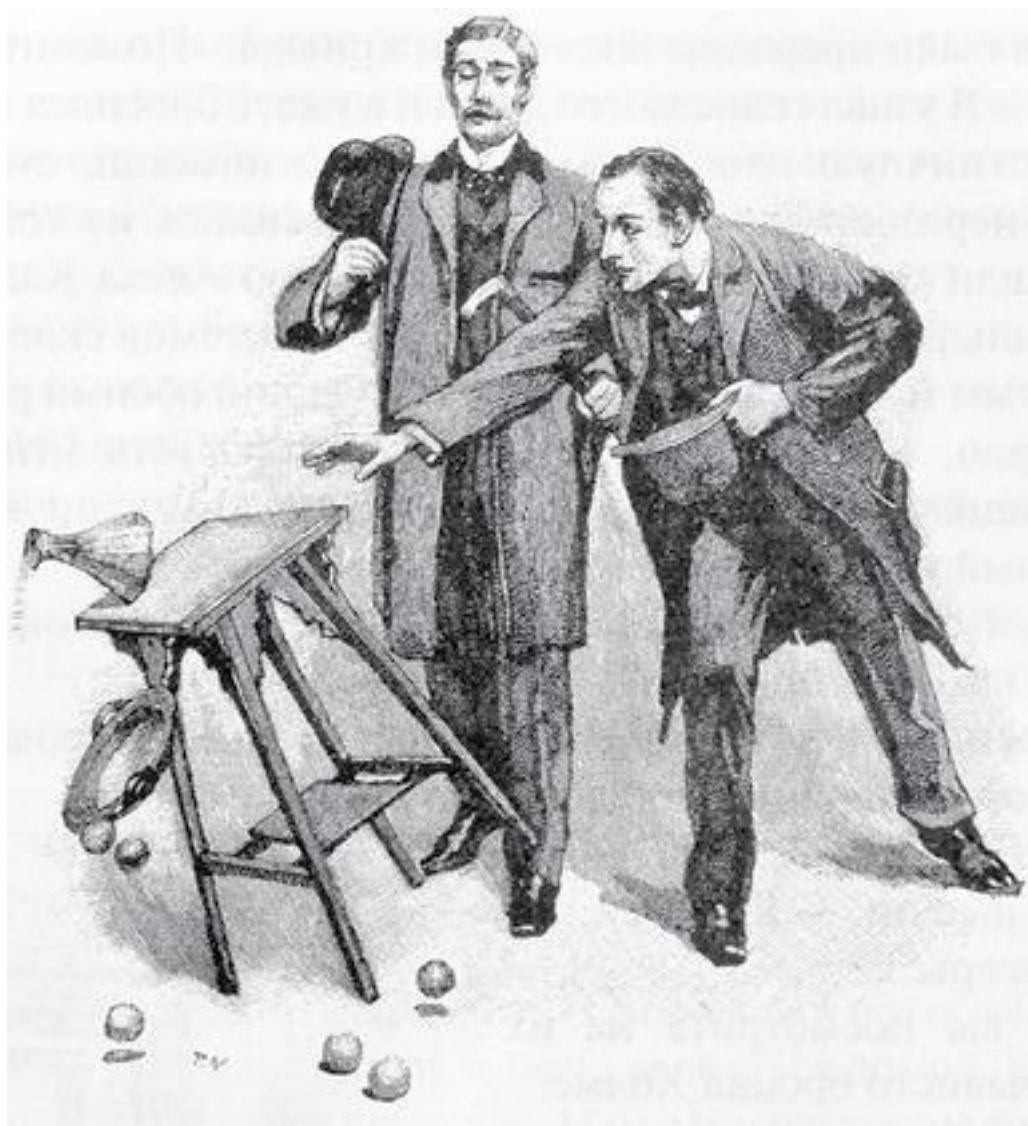
– Если бы дело не было странное, нам не пришлось бы просить вас выяснить его, – сказал мистер Алек. – Что же касается вашего предположения, что вор обокрал дом прежде, чем его накрыл Вильям, то я считаю его нелепым. Разве мы не заметили бы беспорядка в доме и не хватились бы похищенных вещей?

– Это зависит от того, какие вещи пропали, – сказал Холмс. – Вы должны помнить, что мы имеем дело с каким-то совершенно необычным вором. Например, вы помните, что он унес у Эктона?.. Моток веревки, пресс-папье и еще какие-то пустяки.

– Мы вполне отдаемся в ваше распоряжение, мистер Холмс, – сказал старик Каннингем. – Все, что укажете вы или инспектор, будет исполнено.

– Во-первых, – сказал Холмс, – мне бы хотелось, чтобы вы предложили награду лично от себя. Когда еще полиция определит сумму, а эти вещи нужно делать как можно скорее. Я набросал заявление; может быть, вы согласитесь подписать его. Я думаю, пятидесяти фунтов будет достаточно.

– Я охотно дал бы и пятьсот, – сказал Каннингем, беря лист бумаги и карандаш, поданные Холмсом. – Но здесь есть неточность, – прибавил он, взглянув на объявление.

– Я несколько торопился, когда писал.

– Видите ли, вы пишете: «Так как в среду, около трех четвертей первого, была совершена попытка...» и так далее. На самом же деле было три четверти двенадцатого.

Мне было досадно за сделанную ошибку, так как я знал, как это будет неприятно Холмсу. Он отличался точностью в передаче фактов, но только что перенесенная им болезнь, очевидно, повлияла на него, и этой маленькой случайности было для меня достаточно, чтобы видеть, что он еще не вполне оправился. Он сам сконфузился на минуту, инспектор поднял брови, а Алек Каннингем громко захохотал.

Но старый джентльмен исправил ошибку и отдал Холмсу бумагу.

– Отдайте ее напечатать как можно скорее, – сказал он. – Мне кажется, это превосходная идея.

Холмс аккуратно положил объявление в записную книжку.

– А теперь, – сказал он, – право, хорошо бы нам всем пройти по дому и убедиться, не утащил ли чего-нибудь этот полоумный грабитель.

Прежде чем войти в дом, Холмс осмотрел взломанную дверь. Очевидно, было использовано долото или крепкий нож, чтобы сломать замок.

– У вас, стало быть, нет засова? – спросил он.

– Мы не находили это нужным.

– Вы не держите собаки?

– Держим, но она на привязи по другую сторону дома.

– Когда прислуга ложится спать?

– Около десяти.

– Вероятно, и Вильям ложился в то же время?

– Да.

– Странно, что он не спал именно в эту ночь. Теперь я был бы очень рад, если бы вы оказали любезность и повели нас по дому, мистер Каннингем.

Коридор, вымощенный плитой, с выходящими в него кухнями, вел к деревянной лестнице, поднимавшейся на первый этаж. Он выходил и на противоположную площадку, с которой начиналась другая, более нарядная лестница, ведущая в парадную переднюю. На эту площадку выходили двери гостиной и нескольких спален, в том числе и спальня мистера Каннингема и его сына. Холмс шел медленно, внимательно приглядываясь к архитектуре дома. По выражению его лица я видел, что он напал на горячий след, но никак не мог себе представить, куда приведет его этот след.

– Любезный сэр, – сказал мистер Каннингем с некоторым нетерпением, – право же, все это совершенно бесполезно. Моя комната там, где заканчивается лестница, а за ней идет комната сына. Предоставляю вам судить, мог ли вор забраться сюда, не потревожив нас.

– Кажется, придется вернуться и искать новый след, – заметил сын с несколько злобной улыбкой.

– Попрошу вас потерпеть еще немного. Вот, например, мне хотелось бы знать, как далеко можно видеть из окон спальни. Это, насколько я понял, спальня вашего сына, – прибавил он, отворяя дверь. – А это гардеробная, где он сидел и курил, когда началась тревога. Куда выходит ее окно?

Он прошел через спальню, отворил дверь и окинул взглядом следующую комнату.

– Надеюсь, вы довольны теперь? – спросил мистер Каннингем с досадой в голосе.

– Благодарю вас, кажется, я видел все, что нужно.

– Тогда, если это действительно необходимо, мы можем пройти в мою комнату.

– Если это вас не затруднит.

Мировой судья пожал плечами и провел нас в свою комнату, очень просто убранную. В то время, как мы подходили к окну, Холмс отстал от остальных так, что он и я шли последними в нашей группе. В ногах у кровати стоял маленький столик, а на нем тарелка с апельсинами и графин с водой. В ту минуту, как мы подошли к нему, Холмс, к несказанному моему изумлению, нагнулся вперед и хладнокровно опрокинул столик. Графин разлетелся вдребезги, а фрукты покатались во все стороны.

– Ах, Ватсон, что вы наделали? – преспокойно заметил Холмс. – В какой вид вы привели ковер?

Я нагнулся в смущении и стал подбирать фрукты, поняв, что мой товарищ, по какой-то известной только ему причине, желал, чтобы я взял вину на себя. Другие последовали моему примеру и поставили столик на ножки.

– Ах, – крикнул инспектор. – Куда же он девался?

Холмс исчез.

– Подождите здесь минутку, – сказал Алек Каннингем. – По-моему, он спятил. Отец, пойдем, посмотрим, куда он девался.

Они выбежали из комнаты. Инспектор, полковник и я в недоумении переглядывались между собой.

– Честное слово, я склонен разделить мнение мистера Алека, – сказал инспектор. – Может быть, это следствие болезни, но мне кажется, что...

Внезапный возглас: «На помощь! На помощь! Убивают!» – прервал его речь. С ужасом я узнал голос моего друга и выбежал, как безумный, на площадку. Крики, перешедшие в хриплый стон, неслись из комнаты, в которую мы заходили раньше. Я влетел сначала в нее, а потом в смежную комнату. Оба Каннингема навалились на лежавшего на полу Холмса. Младший душил его за горло обеими руками, а старший, казалось, старался вывихнуть ему кисть руки. В одно мгновение мы трое оторвали их от Холмса, и он с трудом поднялся на ноги, весь бледный и сильно измученный.

– Арестуйте этих людей, инспектор! – задыхаясь, проговорил он.

– По обвинению в чем?

– В убийстве кучера Вильяма Кирвана.

Инспектор оглядывался вокруг в полном недоумении.

– О, мистер Холмс! – наконец проговорил он. – Я уверен, что вы вовсе не...

– Замолчите и взгляните на их лица! – отрывисто сказал Холмс.

Никогда в жизни не приходилось мне видеть на человеческом лице более полного выражения сознания вины. Старик казался совершенно пораженным; его лицо с резко обозначенными чертами приняло тяжелое, угрюмое выражение. Сын же, напротив, утратил все свое изящество; ярость опасного дикого зверя засверкала в его темных глазах и исказила красивое лицо. Инспектор ничего не сказал, но подошел к двери и свистнул в свисток. На зов явились два констебля.

– Не могу поступить иначе, мистер Каннингем, – сказал он. – Надеюсь, что все это окажется нелепым недоразумением... А! Это что? Бросьте!

Он взмахнул рукой, и на пол упал револьвер, которым молодой Каннингем собирался застрелиться.

– Сохраните эту вещь, – сказал Холмс, поспешно наступая на револьвер. – Он пригодится нам при следствии. Но вот то, что необходимо нам.

Он протянул инспектору маленький кусок смятой бумаги.

– Остальная записка? – спросил инспектор.

– Именно так.

– Где же она была?

– Там, где и следовало ожидать. Сейчас объясню вам все. Мне кажется, полковник, что вы с Ватсоном можете теперь вернуться домой; я же приду к вам самое большее через час. Мне и инспектору нужно поговорить с арестованными, но я, наверное, вернусь к обеду.

Шерлок Холмс сдержал свое слово и через час уже входил в курительную комнату полковника в сопровождении пожилого господина невысокого роста. Его представили мне как мистера Эктона, в доме которого произошел первый грабеж.

– Я желал бы, чтобы мистер Эктон присутствовал при моем объяснении этого дельца, – сказал Холмс, – так как ему вполне естественно интересоваться подробностями его. Боюсь, любезный полковник, что вы от души жалеете, что приняли в свой дом такого буревестника, как я.

– Напротив, – горячо ответил полковник, – я считаю, что мне посчастливилось наблюдать ваш метод расследования. Сознаюсь, что результаты превзошли все мои ожидания. Но я так и не понимаю, какие у вас были данные для того, чтобы выяснить это дело.

– Боюсь, что мое объяснение может разочаровать вас, но у меня привычка никогда не скрывать своего метода ни от моего друга Ватсона, ни от интеллигентных людей, интересующихся им. Прежде всего, так как я пережил небольшое потрясение, то намереваюсь подкрепиться глоточком вашего бренди, полковник. Я несколько утомился за последнее время.

– Надеюсь, у вас не было больше нервного припадка?

Шерлок Холмс от души расхохотался.

– В свое время дойдем и до этого, – сказал он. – Я расскажу вам все по порядку и покажу вам, как я дошел до моих выводов. Пожалуйста, останавливайте меня, если что-либо покажется вам неясным.

В искусстве сыска чрезвычайно важно уметь в массе фактов отличить случайные от существенных. Иначе энергия и внимание рассеиваются вместо того, чтобы сосредоточиться, как это необходимо. В данном случае с первой минуты у меня не было сомнения, что ключ ко всему происшествию следует искать в клочке бумаги, который был зажат в руке мертвеца.

Прежде чем идти дальше, я хотел бы обратить ваше внимание на то обстоятельство, что если бы рассказ Алека Каннингема был верен, и нападавший, застрелив Вильяма Кирвана, бежал моментально, то, очевидно, не он вырвал бумагу из рук убитого. А если это сделал не он, то сделал сам Алек Каннингем, потому что к тому времени, как спустился старик, на месте происшествия было уже несколько слуг. Это очень просто, но инспектор не обратил внимания на эту сторону дела, потому что точкой его отправления была невозможность участия местных помещиков в подобного рода преступлениях. Ну, а у меня нет никаких предвзятых взглядов, и я всегда иду по всякому следу, и, таким образом, в самой первой стадии следствия я уже стал подозрительно относиться к мистеру Алеку Каннингему.

Я очень тщательно изучил уголок оторванной бумаги, переданный мне инспектором. Мне сразу стало ясно, что он составляет часть весьма важного документа. Вот он. Не бросается ли вам в глаза что-либо особенное?

– Почерк очень неровный, – сказал полковник.

– Дорогой сэр! – вскрикнул Шерлок Холмс. – Не может быть ни малейшего сомнения в том, что записка написана двумя лицами по очереди. Обратите внимание на букву «т», написанную твердым почерком и с черточкой над буквой в словах «захотите», «прийти» и сравните ее с той же буквой в слове «четверть», написанном менее четким почерком. Достаточно весьма поверхностного анализа, чтобы убедиться, что слова «узнаете», «может быть» написаны более твердой рукой, а «что» – более слабой.

– Клянусь Юпитером, это ясно как день! – воскликнул полковник.

– Очевидно, задумано было скверное дело, и один из соучастников, не доверяя другому, решил, чтобы все делалось сообща. Руководителем был, конечно, тот, кто написал слова «захотите», «узнаете».

– Из чего вы заключаете это?

– Это можно вывести из одного сравнения почерков. Но у нас есть и другие, более важные основания. Если вы станете внимательно рассматривать этот клочок, то придете к заклю-

чению, что человек с более твердым почерком первый писал слова, оставляя пустые места, которые должен был заполнить другой. Оставленные между словами промежутки были иногда слишком малы, и второму пришлось писать очень сжато, чтобы вставить свои слова. Человек, написавший свои слова первым, без сомнения, и задумал это дело.

– Превосходно! – вскрикнул мистер Эктон.

– Но достаточно поверхностно, – сказал Холмс. – Теперь, однако, мы подходим к весьма существенному пункту. Может быть, вам неизвестно, что определение возраста человека по его почерку доведено экспертами до значительной точности. В нормальных случаях можно почти наверняка определить возраст данного человека. Я говорю в «нормальных», потому что болезнь и физическая слабость также изменяют почерк, хотя бы больной и был молодой человек. В данном случае, смотря на смелую твердую руку одного и несколько неуверенный, хотя еще четкий почерк другого, мы можем сказать, что один – молодой человек, а второй – пожилой, хотя еще не дряхлый.

– Превосходно! – повторил мистер Эктон.

– Но далее есть еще один пункт, более тонкий и интересный. В обоих почерках есть что-то общее, свойственное, очевидно, лицам, состоящим в кровном родстве. Вам это может быть более заметно на отдельных буквах, мне же это ясно по многим мелким чертам. Я не сомневаюсь, что в этой записке выразилась манера писать всей семьи. Конечно, я сообщаю вам только главные результаты моих исследований. Остальное интересно только для экспертов. Как бы то ни было, все способствовало подтверждению моего впечатления, что эта записка написана Каннингемами – отцом и сыном.

Дойдя до этого заключения, я, конечно, постарался вникнуть в подробности преступления и посмотреть, куда они меня поведут. Я пошел с инспектором к дому и осмотрел все, что можно было видеть там. Как я убедился, рана умершему была нанесена из револьвера на расстоянии четырех ярдов с небольшим. Платье не почернело от пороха. Очевидно, что Алек Каннингем солгал, что выстрел последовал во время борьбы кучера с вором. Затем – и отец, и сын сходились в указании того места, где убийца выскочил на дорогу. Но тут как раз оказывается низина с сырым дном. Так как в низине не оказалось никаких следов, то я пришел к убеждению, что Каннингемы не только опять солгали, но что в деле вовсе и не было никакого постороннего лица.

Оставалось отыскать мотивы этого странного преступления. Для этого я, прежде всего, попытался найти причину странной кражи в доме мистера Эктона. Из нескольких слов полковника я понял, что между вами, мистер Эктон, и Каннингемами шел какой-то процесс. Понятно, что мне тотчас же пришло в голову, что они вломились в вашу библиотеку с намерением добыть некоторые документы, которые могли бы повлиять на ход дела.

– Совершенно верно, – сказал Эктон, – не может быть ни малейшего сомнения в их намерениях. У меня неопровержимые права на половину их имения, и если бы им удалось найти одну бумагу, – к счастью, она хранится в негоряемом шкафу моего поверенного, – они, наверное, выиграли бы процесс.

– Ну, вот видите! – сказал, улыбаясь, Холмс. – Это была смелая, отчаянная попытка, в которой я вижу влияние молодого Алека. Не найдя ничего, они попытались отвести подозрение, придав нападению вид обычного грабежа, для чего унесли первые попавшиеся вещи. Это было достаточно ясно, но все же многое оставалось темным для меня. Главное было добыть недостающую часть записки. Я был уверен, что Алек вырвал ее из руки убитого, и сильно подозревал, что он спрятал ее в карман халата. Куда иначе он мог девать ее? Единственный вопрос состоял в том, там ли она еще. Стоило употребить все усилия, чтобы разъяснить это, и поэтому мы все отправились в дом.

Каннингемы подошли к нам, как, вероятно, вы помните, когда мы стояли у кухонной двери. Само собой разумеется, очень важно было не напоминать им о существовании записки, иначе они сейчас же уничтожили бы ее. Инспектор только что собирался сообщить им, какую важность мы придаем этому документу, как со мной сделался припадок, и разговор принял другое направление.

– Господи! – со смехом сказал полковник – Неужели вы хотите сказать, что мы потратили наше сочувствие на притворную болезнь?

– С профессиональной точки зрения это было проделано изумительно, – сказал я, с удивлением глядя на человека, постоянно поражавшего меня новыми проявлениями изобретательности.

– Это искусство часто бывает очень полезно, – заметил Холмс. – Оправившись, я прибежал к уловке – быть может, довольно незатейливой, – и заставил старика Каннингема написать слова «три четверти двенадцатого», чтобы иметь возможность сличить их со словами на записке.

– Какой же я был осел! – воскликнул я.

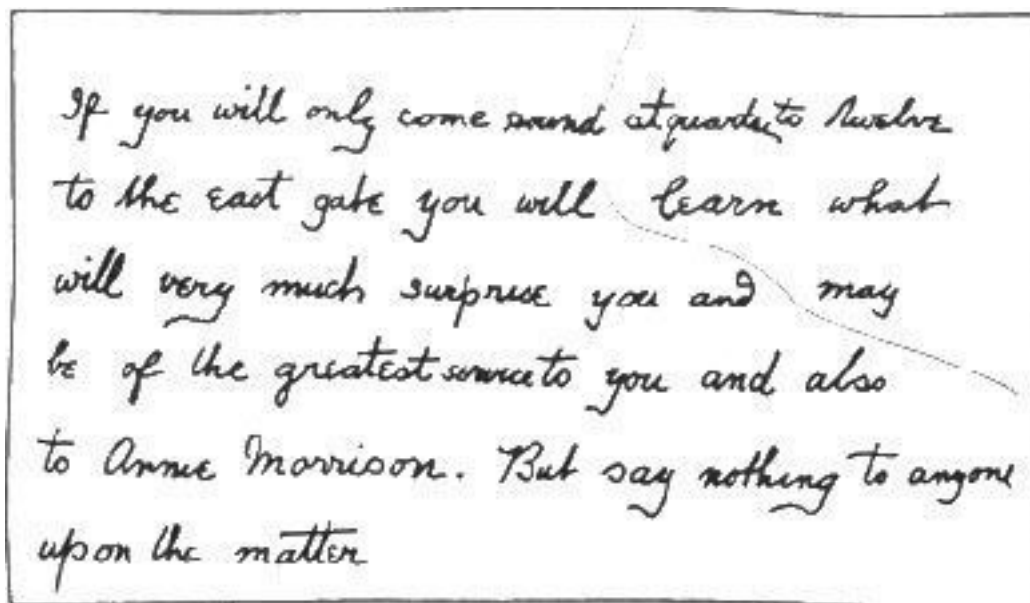
– Я видел, как вас огорчила моя слабость, – смеясь, сказал Холмс. – Мне было жаль, что приходится огорчать вас. Мы все пошли наверх. Увидав во время осмотра гардеробной, что халат висит за дверью, я опрокинул столик, чтобы отвлечь их внимание, и шмыгнул обратно

в комнату, чтобы осмотреть карманы. Но как только я нашел (как и ожидал) записку в одном из карманов, как на меня набросились оба Каннингема и, наверное, убили бы меня, если бы вы не подоспели мне на помощь. Я и теперь еще чувствую, как молодой Каннингем схватил меня за горло, а старик чуть не вывихнул мне руку, стараясь вырвать бумагу. Они, как видите, догадались, что я понял все, и внезапный переход от полной безопасности к полному отчаянию заставил их совершенно потерять голову.

У меня со стариком Каннингемом был короткий разговор о мотиве преступления. С ним можно было разговаривать, но сын его – сущий демон, готовый застрелиться или застрелить кого угодно, если бы у него в руках очутился револьвер. Когда старик Каннингем увидел, что улики против него так вески, он потерял мужество и сознался во всем. Оказывается, что Вильям тайком проследил за своими хозяевами в ночь нападения на дом мистера Эктона и, получив таким образом власть над ними, пытался путем угрозы шантажировать их. Но мистер Алек слишком опасный человек для того, чтобы с ним можно было вести подобного рода игру. С его стороны было положительно гениальной выдумкой воспользоваться недавними грабежами в здешней местности для того, чтобы отделаться от человека, которого он боялся. Вильяма заманили в ловушку и застрелили. Будь записка у них в руках и обрати они побольше внимания на некоторые подробности, весьма возможно, что подозрение никогда бы не пало на них.

– А записка? – спросил я.

Холмс положил перед нами следующую бумагу: «Если вы придете к вашей калитке, кое-что, что может очень удивить и быть очень полезно вам, а также и Энни Моррисон. Только никому не говорите об этом».

If you will only come round at quarter to twelve to the east gate you will learn what will very much surprise you and may be of the greatest service to you and also to Anne Morrison. But say nothing to anyone upon the matter

– Я именно ожидал найти что-нибудь в этом роде, – сказал Холмс. – Конечно, мы так и не знаем, какие отношения существовали между Алем Каннингемом, Вильямом Кирваном и Энни Моррисон. Результат, однако, показывает, что западня была устроена очень искусно... Ватсон, я полагаю, что наш отдых в деревне увенчался полным успехом, и завтра я вернусь на Бейкер-стрит с обновленными силами.

Увечный человек

Однажды в летнюю ночь, несколько месяцев спустя после моей свадьбы, я сидел у себя в кабинете и дремал над каким-то романом, докуривая последнюю трубку. Моя дневная работа была окончена. Жена уже ушла к себе в спальню, а внизу, в передней, прислуга запирала на ночь двери, очевидно, собираясь тоже отправиться спать. Я поднялся с места и только начал выколачивать пепел из трубки, как вдруг в передней раздался отрывистый звонок.

Я взглянул на часы: три четверти двенадцатого. Никто из гостей не мог прийти в такой поздний час. Должно быть, какой-то пациент, опять придется не спать всю ночь.

С недовольным лицом я вышел в переднюю и открыл дверь. К моему удивлению, вместо пациента на крыльце стоял Шерлок Холмс.

– Здравствуйте, Ватсон, – сказал он. – Надеюсь, вы простите меня за такой поздний визит?

– Заходите, пожалуйста, мой друг.

– У вас такое изумленное лицо, да и неудивительно! Воображаю, как вас утешило, что это я! Гм! Вижу, вы все еще не бросаете холостых привычек и продолжаете курить прежний табак! Вас, как всегда, выдает пушистый пепел на сюртуке. Посмотреть на вас, Ватсон, сразу видно, что вы привыкли к форме; никогда вы не сделаетесь настоящим штатским, пока не бросите манеру носить, как в былое время, носовой платок за рукавом сюртука. Вы меня приютите сегодня на ночь?

– С удовольствием.

– Помните, вы когда-то говорили, что для одного у вас всегда найдется убежище; на вешалке же, как я вижу, нет чужой одежды.

– Пожалуйста, я очень буду рад, если вы останетесь у меня ночевать!

– Спасибо. Я займу свободное место. Жаль, что вам пришлось иметь дело с английскими рабочими в доме. Кроме вреда, они ничего не приносят. Не правда ли, у вас водопровод испортился?

– Нет, газ.

– А! Вижу следы от гвоздей рабочих сапог на линолеуме.

– Хотите закусить?

– Нет, благодарю вас, я ужинал в Ватерлоо. А трубку, если позволите, выкурю с удовольствием.

Я подал ему кисет с табаком; он сел в кресло против меня и некоторое время курил, не произнося ни слова. Я прекрасно понимал, что только очень важное дело могло привести ко мне в такой поздний час моего друга, и потому терпеливо ждал, пока он сам не начнет рассказывать.

– Я вижу, вы сегодня были сильно заняты, – сказал он, проницательно на меня поглядывая.

– Да, у меня сегодня деловой день, – ответил я. – Конечно, вы станете смеяться надо мной, но, откровенно говоря, я не понимаю, откуда вы могли это узнать?

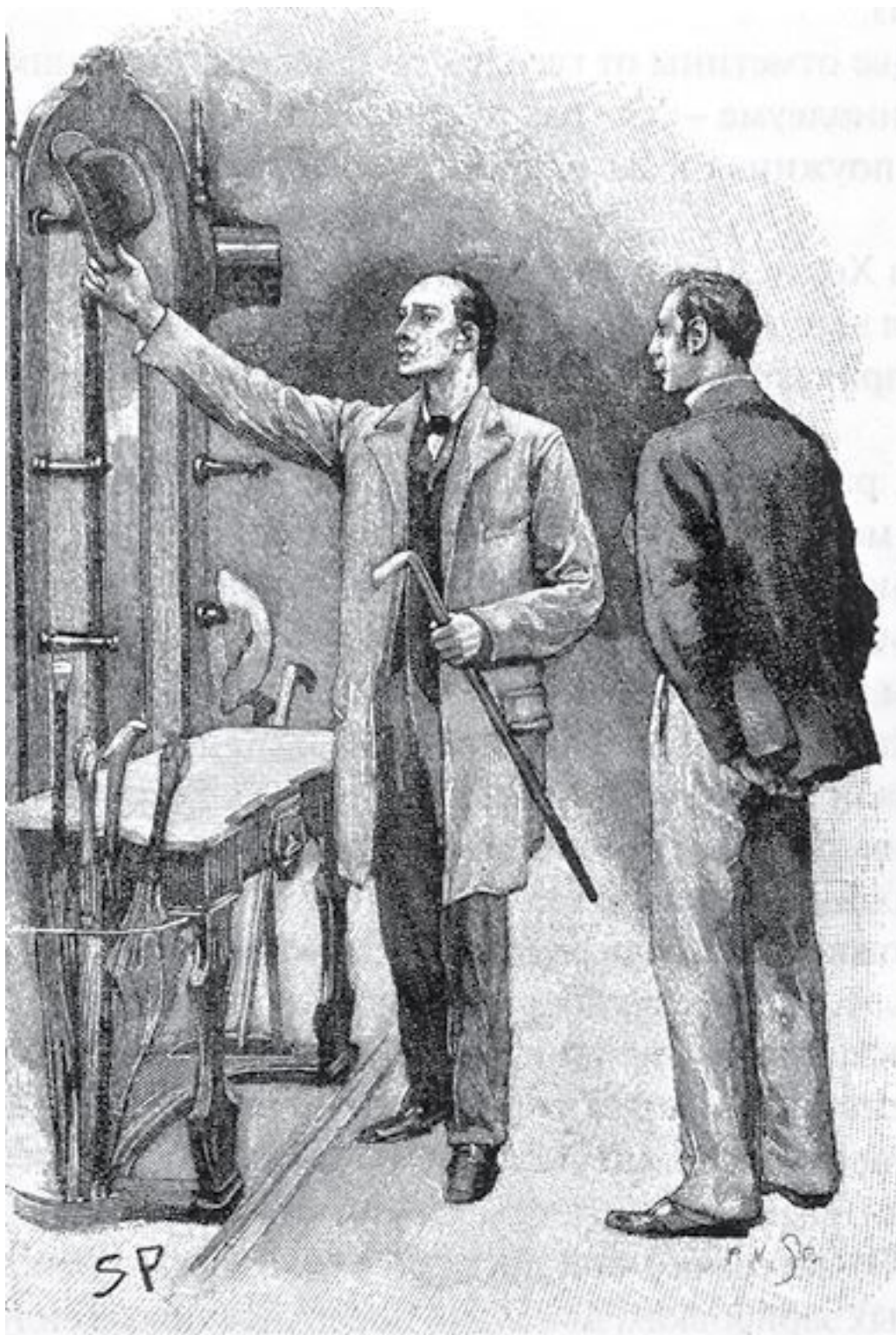
Холмс усмехнулся.

– Милый Ватсон, кажется, пора мне знать ваши привычки. Когда у вас мало пациентов, вы ходите пешком, в противном же случае берете кабриолет. Ваши сапоги чисты, и потому я понял, что ездили сегодня к больным в кебе.

– Превосходно! – воскликнул я.

– И, между тем, так просто, – заметил он. – Это один из многочисленных примеров, когда человек поражает собеседника своей проницательностью только потому, что собеседник упустил из виду маленькую подробность, которая легла в основу общего заключения. Для

наглядности приведу вам аналогичный пример. Все ваши очерки поражают своей фантазией и изобретательностью, вам же они кажутся самыми простыми и обыкновенными вещами только потому, что у вас в руках находились источники, откуда вы черпали материал, о существовании которого не знает читатель. И вот я сейчас в положении таких читателей, ибо держу в руках несколько нитей одного в высшей степени странного происшествия, взволновавшего человеческий мозг. Мне недостает еще одной или двух нитей, чтобы распутать странную историю. Но ручаюсь вам, Ватсон, я докопаюсь до нее.

При последних словах глаза Холмса заблестели, и яркий румянец покрыл его бледные щеки. На минуту поднялась завеса и открыла его пронизательную глубокую натуру, но только на одну минуту. Когда я взглянул на него еще раз, лицо моего друга уже приняло то обычное выражение абсолютного покоя, за которое так часто называли его автоматом, а не человеком.

– Предстоящая задача сулит мне много интересного, – продолжал он, – по-моему, она представляет даже исключительный интерес. Я уже ознакомился с делом и успел сделать некоторое заключение. Вы окажете мне большую услугу, если согласитесь поехать со мной.

– Вы знаете, для меня одно наслаждение сопровождать вас.

– Мне придется завтра ехать в Олдершот. Не будет ли это для вас слишком далеко?

– Надеюсь, Джексон не откажется съездить завтра за меня к моим пациентам.

– Отлично. В одиннадцать десять мы должны выехать из Ватерлоо.

– Будьте спокойны, я не опоздаю.

– А теперь, если вы не очень устали, я расскажу вам вкратце, что случилось, и что предстоит сделать.

– Я поспал до вашего прихода и теперь могу сидеть сколько угодно.

– Я расскажу вам коротко, не опуская, конечно, ничего существенно важного. Вполне возможно, что вы даже читали отчет об этом деле: предполагаемом убийстве полковника Барклея из полка «Королевской Мальвы», расквартированного в Олдершоте, которое я расследую?

– Нет, я ничего не читал.

– Ну, значит, оно пока еще не привлекло большого внимания. Факты всплыли только два дня тому назад. Дело обстоит так:

«Королевская Мальва», как вам известно, – один из главных ирландских полков в английской армии. Он отличился и в Крымскую кампанию, и во время восстания сипаев, и с тех пор при каждом удобном случае старался поддержать свою славу. Еще в понедельник до вечера полком командовал Джеймс Барклей, храбрый престарелый служака, который поступил в него добровольцем, отличился в битве при Мутине, и с тех пор блестяще подвигался по службе, пока не сделался командиром полка, в котором когда-то был простым рядовым.

Полковник Барклей женился еще сержантом на мисс Нанси Дэвой, дочери знаменщика-сержанта того же корпуса. Конечно, ее простое происхождение отчасти повредило ему и вызвало много толков среди офицеров полка. Но Барклей так себя поставил, что полковые дамы вскоре полюбили ее не менее, чем любили офицеры ее мужа. Надо заметить, она была необыкновенно красива; даже теперь, несмотря на тридцатилетнюю супружескую жизнь, ее можно назвать изящной и обаятельной дамой.

Полковник Барклей в семейной жизни был, по-видимому, счастлив. Майор Мэрфи, к которому я обратился за справками, уверял меня, что он никогда не слышал, чтобы эта супружеская пара когда-либо ссорилась. Хотя было заметно, что полковник Барклей больше был предан своей жене, чем она ему. Он не мог без нее жить ни одного дня; она же, хотя всегда была ему верна и предана, не выказывала особенно сильной привязанности. Тем не менее, в полку считали их образцовой супружеской четой. Судя по их отношениям, никто не мог ожидать такого трагического конца их счастливой на вид супружеской жизни.

У полковника Барклея всегда были кое-какие странные черты характера. Это был очень смелый и добродушный старый солдат, но бывали моменты, когда он становился вспыльчивым и мстительным, хотя это никогда не проявлялось по отношению к его жене. Кроме того, майор Мэрфи и три из пяти офицеров полка обратили мое внимание еще на одну особенность его характера – серьезную угнетенность, которая временами овладевала полковником. Когда он присоединялся за столом к общему веселью и болтовне, улыбка не сходила с его губ. А когда на него нападала меланхолия, он ходил мрачнее тучи. К необычным чертам его офицеры относили еще некоторый налет суеверия. Кроме этого, он боялся одиночества, особенно в темноте.

Последняя странность взрослого человека, известного своею храбростью старого солдата всегда служила предметом всяких толков и различных предположений.

Первый батальон полка уже много лет стоял в Олдершоте. Женатые офицеры жили на своих квартирах, а полковник Барклей все эти годы нанимал виллу, называемую Лэшайн, в полумиле от северного лагеря. Западный фасад этого дома выходил на большую дорогу, которая проходила от него на расстоянии тридцати ярдов. Весь штат прислуги полковника состоял из кучера и двух горничных. Хозяин, хозяйка и прислуга были единственные обитатели Лэшайна; детей у Барклеев не было, а гости приезжали редко и на ночь никогда не оставались.

А теперь послушайте о том, что происходило на вилле в этот злополучный понедельник между девятью и десятью часами вечера. Миссис Барклей была членом Римской католической церкви, много интересовалась делами Сент-Джорджского общества, которое было объединено с уотт-стритской часовней благотворительными целями – заботой о бедняках. В понедельник в восемь часов вечера было назначено заседание общества, и потому миссис Барклей пообещала пораньше, чтобы попасть к началу заседания. Кучер уверяет, что, уходя из дома, она как обычно попрощалась с мужем и обещала скоро вернуться. По пути зашла за мисс Моррисон, молодой леди, живущей на соседней вилле, и они вместе отправились на заседание. Заседание продолжалось сорок минут, и в четверть десятого миссис Барклей вернулась домой, проводив до дверей мисс Моррисон.

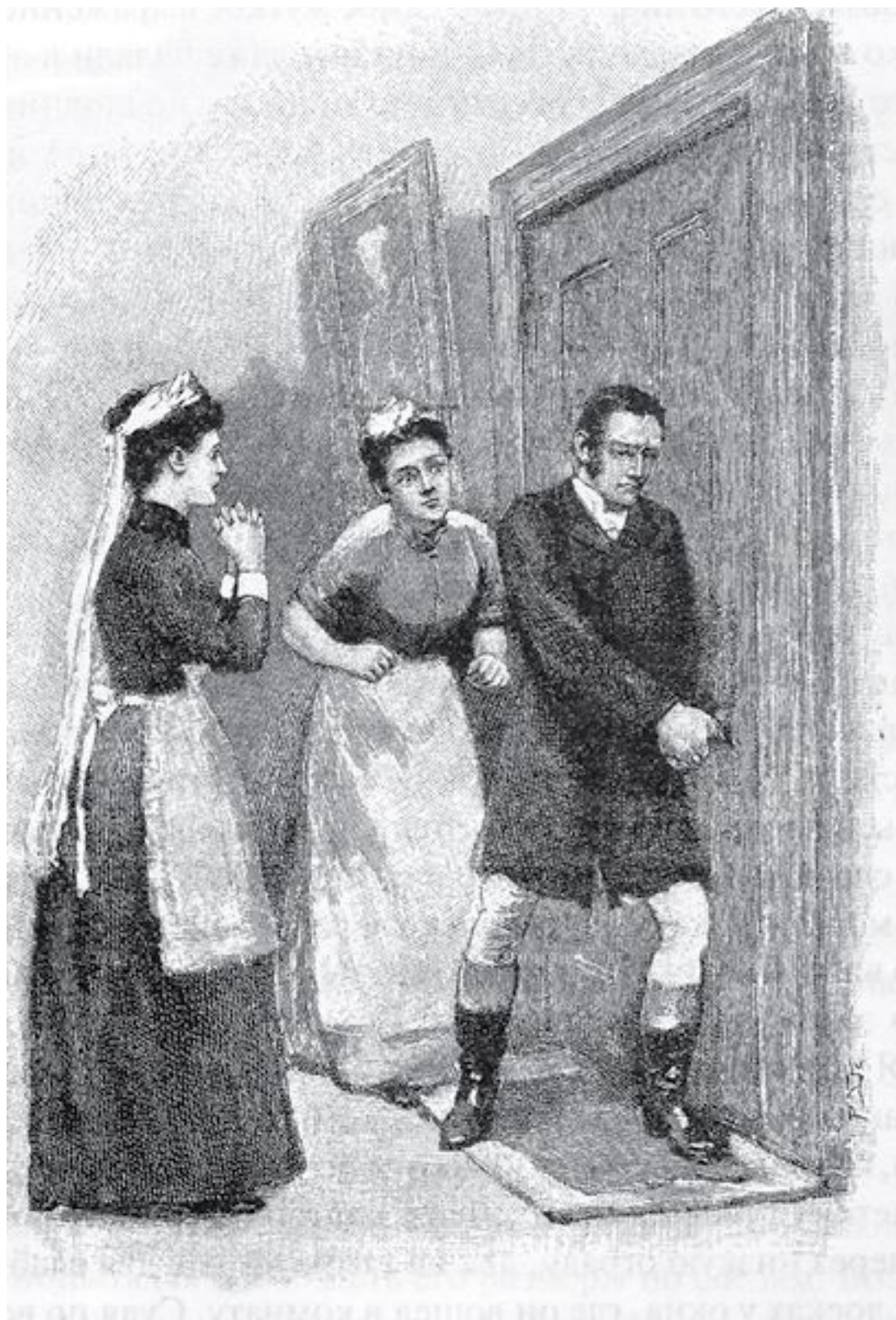
Теперь несколько слов о комнате, в которой совершено было убийство. В ней хозяйева обыкновенно сидели по утрам. Фасад дома и большие стеклянные створчатые двери выходят прямо на поляну, отделяющую дом от большой дороги. Поляна шириной не более тридцати ярдов заканчивается невысокой каменной стеной с установленной поверх нее железной оградой. Шторы в комнате никогда не опускались, потому что по вечерам здесь обычно никого не бывало. Вернувшись домой, миссис Барклей сама зажгла здесь лампу и приказала горничной Жанне Стюарт принести чашку чаю, чего раньше никогда не делала. Полковник сидел в столовой, но, услышав, что жена вернулась, вышел к ней. Кучер наблюдал, как он проходил через переднюю и зашел в комнату. Больше в живых его никто не видел.

Спустя десять минут горничная принесла чай, но, подойдя к двери, была поражена, услышав первый раз за все свое пребывание у Барклеев, что господа неистово спорят. Она постучала в дверь, ответа не последовало. Тогда она взялась за ручку, дверь оказалась закрытой на ключ изнутри.

Прибежав в кухню, она рассказала повару и двум служанкам, и они вместе с кучером кинулись в переднюю. Спор продолжался, и все они уверяют, что слышны были только два голоса, полковника и его жены. Барклей произносил слова тихо и сдержанно, так что нельзя было разобрать, что он говорил. Миссис Барклей, наоборот, очень резко, и когда она повышала голос, было ясно слышно. «Вы трус, – повторила она несколько раз. – Что теперь делать? Отдайте мне мою жизнь! Я не могу больше дышать с вами одним воздухом, жить одной жизнью! Вы трус! Подлец!» А затем раздался ужасный крик мужчины, падение тела и пронзительный крик и стон женщины. Видя, что в комнате творится что-то неладное, кучер бросился к двери и хотел было ее выломать. Но дверь не поддавалась, а горничные были так перепуганы, что не могли помочь ему. Тогда кучер решил выбежать на двор и проникнуть в комнату через открытые окна. Одна половина французского окна по обыкновению в летнюю пору была открыта. Он без затруднения проник в комнату. На диване в бессознательном состоянии лежала его госпожа, а несчастный полковник был мертв; при этом ноги его были задраны на кресло, а голова в луже крови на полу, около угла камина.

Когда кучер увидел, что ничем не может помочь своему хозяину, он хотел открыть дверь. Но тут он встретил неожиданное затруднение. Ключа в дверях не было, и, сколько он ни искал по комнате, найти его не мог. Тогда он тем же путем вышел из комнаты через окно, чтобы

дать знать полиции и позвать доктора. Миссис Барклей, которую, конечно, все подозревали в убийстве мужа, была перенесена в бессознательном состоянии в свою комнату. Тело полковника положили на диван и осмотрели место происшествия. Старый воин погиб от рваной раны, нанесенной ему в затылочную часть головы каким-то тупым предметом. Что это за предмет – определить было нетрудно: на полу около тела лежала редкая палица, сделанная из очень твердого дерева, с костяной ручкой и с гравировкой. У полковника была большая коллекция различного рода оружия, собранная им во многих странах, где ему приходилось воевать или просто находиться по делам службы. Должно быть, палица была в числе его трофеев. Опрошенные слуги уверяли, что никогда раньше не видели у полковника подобного оружия, хотя они могли и не заметить его среди массы редких вещей, находящихся в доме. Ничего особенного полиция не нашла. Одно только обстоятельство поражало всех, что ни у миссис Барклей, ни у самой жертвы, да и нигде в доме не оказалось ключа, которым была закрыта дверь изнутри до совершения преступления. Чтобы ее открыть, пришлось позвать слесаря из Олдершота.

Таково было положение дел, Ватсон, когда я по просьбе майора Мэрфи во вторник утром приехал в Олдершот, чтобы помочь полиции. Думаю, вы согласитесь со мной, что дело даже в том виде, как я его вам обрисовал, представляет большой интерес. Но наблюдения вскоре показали мне, что оно гораздо интереснее, чем кажется с первого взгляда.

До осмотра комнаты я подверг перекрестному допросу прислугу, но она ничего нового мне не рассказала. Одну только интересную подробность припомнила горничная Жанна Стюарт, которая, услышав спор, привела с собой остальную прислугу. Она рассказывала, что, когда в первый раз подошла к двери, господа говорили так глухо, что невозможно было разобрать ни одного слова. Но я стал настаивать, и она припомнила, что слышала дважды произнесенное госпожой имя «Давид». Это очень важное обстоятельство: оно может привести нас к пониманию причины ссоры. Если вы помните, полковника звали Джеймс.

Затем надо обратить внимание еще на одно обстоятельство. На полицию и даже на слуг произвело ужасное впечатление искаженное лицо полковника. Трудно себе представить, чтобы человеческое лицо могло носить отпечаток такого смертельного ужаса и страха. От одного вида его можно было упасть в обморок. Не может быть сомнения, что он предчувствовал свою судьбу и находился под впечатлением ужасного страха. В одном я согласен с предположениями полиции, что в неопиcуемый ужас его могло повергнуть сознание того, что убить его пытается собственная жена. Хотя удар и был нанесен ему в затылок, но полковник, желая его избежать, мог как раз повернуть в это время голову.

У его жены началась нервная лихорадка, и потому расспросить ее о чем-либо не представляется возможным, так как она лежит без памяти. От полиции я узнал, что мисс Моррисон, которая ходила на заседание, отказалась объяснить, почему миссис Барклей вернулась домой в дурном расположении духа.

Много трубок выкурил я, Ватсон, обдумывая факты и стараясь восстановить истину. Без сомнения, мы выйдем на следы преступления, как только выяснится, куда исчез ключ от две-

рей. В комнате его нет, следовательно, его кто-то унес. Сам полковник, как и его жена, отпадают – это понятно. Следовательно, в комнате было какое-то третье лицо. А оно, это третье лицо, могло покинуть комнату только через открытое окно. Я был уверен, что внимательное исследование комнаты и поляны около дома откроет мне следы таинственной особы. Вы знаете мой метод, Ватсон. Ни одна пядь земли не осталась неисследованной, и я отыскал следы, хотя, признаться, совсем не такие, каких ожидал. Но все-таки я установил, что в комнате был посторонний человек, прошедший через поляну со стороны дороги. Я нашел пять ясных следов человеческих ног: один на самой дороге, в том месте, где он перелезал через низкий забор, два – на пляже и два самых четких следа – на земле под окном. Было ясно, что человек быстро перебежал через поляну, потому что носки его ног гораздо больше углублялись в землю, чем пятки. Следы меня несколько не удивили, я знал, что найду их; гораздо больше поразил меня и заставил ломать голову его спутник.

– Спутник?!

Холмс вынул из кармана большой сложенный лист бумаги и осторожно развернул его на коленях.

– Что вы скажете об этом? – спросил он.

Бумага была покрыта следами какого-то маленького животного. Всего было пять отпечатков ног с длинными когтями, каждый след величиной приблизительно с десертную ложку.

– Это собака, – заметил я.

– Разве вы слышали когда-нибудь, чтобы собака бегала по занавескам? А я нашел отчетливые следы животного на занавесках.

– Что же тогда, обезьяна?

– Но это не след обезьяны.

– Что же тогда это может быть?

– Ни собака, ни обезьяна, ни кошка и никакое другое родственное им животное. Я делал попытку установить при помощи измерений. Вы видите, что расстояние между передними и задними ногами не меньше пятнадцати дюймов. Если прибавить длину шеи и головы, то животное будет в длину не больше двух футов, а может быть, и больше, если у него есть хвост. Животное двигалось, поэтому мы можем определить длину его прыжков: около трех дюймов. Теперь мы можем уже представить его, как животное с длинным туловищем и коротенькими ногами. Жаль, что оно не сообразовало оставить нам хоть маленький клочок своей шерсти. Затем прибавим еще, что оно ползает по занавескам и принадлежит к разряду плотоядных.

– Почему вы знаете, что оно плотоядное?

– Высоко на стене висела клетка с канарейкой, и животное вскарабкалось по занавеске, чтобы достать птицу.

– Что же это за животное?

– О, если бы я мог ответить на ваш вопрос, тогда я значительно продвинулся бы в решении этой задачи. Одно могу сказать, что животное похоже на ласочку или горностая и, может быть, даже немножко больше их.

– Но какое оно имеет отношение к преступлению?

– Пока это еще не ясно, хотя мы и так уже очень много знаем. Мы знаем, что какой-то человек стоял на дороге и был свидетелем ссоры между супругами Барклей, потому что шторы не были спущены и окно открыто. Знаем также, что он перебежал через поляну и проник в комнату в сопровождении странного животного, и знаем, что он либо убил полковника, либо полковник, что весьма возможно, при виде его так испугался, что упал и разбил голову об угол камина. Одно только непонятно, почему этот нахал унес с собой ключ.

– По-моему, ваши наблюдения и выводы сделали все еще более сложным и запутанным, – заметил я.

– Согласен. Вижу, что дело гораздо труднее, чем оно казалось с первого взгляда. Я пошел не в том направлении, и надо рассматривать его с другой точки зрения. Но, право, Ватсон, я задерживаю вас. Завтра по дороге в Олдершот я успею рассказать вам остальное.

– Благодарю покорно! Вы остановились на самом интересном месте.

– Миссис Барклей ушла из дому в половине восьмого в хорошем расположении духа. Она вообще никогда не была особенно нежна со своим супругом, но в этот раз, когда она покидала дом, у них ссоры не было. По возвращении она первым делом прошла в комнату, где меньше всего могла рассчитывать встретить своего мужа, и, как это обыкновенно делают взволнованные женщины, потребовала чаю. А когда в комнату к ней вошел полковник, между ними началась неистовая ссора. Очевидно, в промежуток времени между половиной восьмого и девятью что-то случилось, что настроило ее против мужа. Но все это время с ней неотступно была мисс Моррисон. Очевидно, девушка знает, но скрывает, что случилось в эти полтора часа.

Сначала я думал, что, может быть, старый солдат втихомолку приударил за молодой девушкой, а та насплетничала его жене. Этим вполне можно было бы объяснить дурное расположение миссис Барклей, а также нежелание мисс Моррисон рассказать всю правду. Но такое предположение само собою рушилось, когда я вспомнил, что миссис Барклей упоминала про какого-то Давида. К тому же полковник так любил свою жену, что наверняка ни за кем не стал бы ухаживать. Нелегко было искать новый след; тем не менее, я совершенно отбросил мысль, что между полковником и мисс Моррисон существовала какая-нибудь тайная связь, но еще больше прежнего пришел к убеждению, что мисс Моррисон должна знать, почему миссис Барклей вдруг возненавидела своего мужа. Поэтому я принялся за мисс Моррисон, посвятил ее в свои догадки и предупредил, что больше всех подозревают в преступлении миссис Барклей, и потому, если она, мисс Моррисон, не расскажет правду, ее подруга очутится на скамье подсудимых.

Мисс Моррисон – маленькое воздушное создание с робкими глазами и белокурыми волосами – оказалась, вопреки моим ожиданиям, девушкой довольно проницательной, не лишенной известной доли разума. Прежде чем ответить, она подумала некоторое время, потом повернулась ко мне с решительным видом и рассказала поистине замечательную историю:

«Я обещала своей подруге никому не говорить о том, что видела и слышала, – говорила она. – Но теперь, когда она больна, не может оправдаться, и когда, как вы говорите, я могу спасти ее или, по крайней мере, снять с нее клеймо подозрения, я считаю себя свободной от обещания. Извольте, я расскажу вам, что случилось в понедельник вечером. Заседание окончилось примерно без четверти девятого, и мы возвращались домой, проходя через довольно пустынную Гудзон-стрит, освещенную одним только фонарем с левой стороны. Поравнявшись с фонарем, я увидела какого-то сторбленного человека, который шел к нам навстречу, как мне показалось, с ящиком за плечами. Он казался безобразным, потому что шел, опустив голову и едва волоча за собою свои согнутые в коленях ноги. Когда мы проходили мимо него, он поднял голову и взглянул как раз в тот момент, когда свет от фонаря осветил наши лица. Вдруг он остановился и издал душераздирающий крик: «Боже мой, ведь это Нанси!» Миссис Барклей побелела как смерть, и, наверно, упала бы на мостовую, если бы ее не подхватило это безобразное создание. Я хотела позвать полицию, но она быстро пришла в себя и, к великому моему удивлению, стала с ним очень мирно беседовать.

«Все эти тридцать лет я думала, Генри, что тебя нет в живых», – говорила она дрожащим голосом.

«Так и есть», – отвечал он, но надо было слышать, каким ужасным тоном произнесены были эти слова.

У него очень темный цвет лица; глаза его горели таким зловещим огнем, что я до сих пор вижу их во сне. Волосы и усы его с проседью, и все лицо покрыто морщинами и как-то сморщено, словно сушеное яблоко.

«Пожалуйста, иди вперед, – сказала мне миссис Барклей, – я хочу сказать этому человеку несколько слов. Не бойся, он ничего мне не сделает».

Она старалась скрыть свое волнение, но ее выдавали смертельная бледность и дрожащие губы. Я исполнила ее просьбу, и они шли несколько минут рядом, о чем-то разговаривая. Затем она с пылающими глазами пошла рядом со мной, и я видела, как этот увечный человек остался под фонарем, неистово потрясая своим жилистым кулаком, словно в безумном исступлении. До самого дома она не проронила ни одного слова, только прощаясь со мной у дверей, взяла меня за руку и просила никому не рассказывать о случившемся.

«Это мой старый знакомый, снова вернувшийся в мир», – пояснила она.

Когда я пообещала исполнить ее просьбу, она поцеловала меня, и с тех пор я ее больше не видела. Вот и все, что мне известно; молчала я до сих пор только потому, что не подозревала, какая опасность угрожает моей подруге, и надеюсь, что мой рассказ послужит ей на пользу».

– Можете себе представить, Ватсон, рассказ девушки для меня был подобен сиянию во мраке ночи. Все, не имевшие до сего времени связи отдельные факты, сгруппировались в одно целое и дали мне ясное представление о загадочном происшествии. Естественно, прежде всего, надо было найти человека, который произвел такое впечатление на миссис Барклей, а это не трудно было сделать в Олдершоте, где всех статских весьма ограниченное количество, а также и калек, обращающих на себя внимание. Целый день я провел в поисках и к вечеру, то есть сегодня к вечеру, нашел. И даже узнал, что зовут его Генри Вудом, и что живет он на той же улице, где встретил дам. Он поселился здесь всего только пять дней тому назад. В роли агента-протоколиста я выведал от содержательницы гостиницы много интересного. По профессии этот человек фокусник и актер, расхаживающий при наступлении вечера вокруг лавок и устраивающий представления. Он всегда носит с собою в ящике какое-то существо, о котором хозяйка гостиницы не могла вспомнить без содрогания, потому что ничего подобного раньше не видела. Она рассказала мне, что Генри Вуд иногда использует эту тварь для своих трюков. Хозяйка удивлялась, как может этот человек жить на свете с такими увечьями. Иногда он говорил на каком-то странном языке, а последние ночи все время плакал и стонал в кровати. В деньгах он, кажется, не нуждается, а последний раз заплатил ей за квартиру какой-то странной монетой, похожей, по ее мнению, немного на гульден. Я попросил ее показать мне монету. Это была индийская рупия.

Теперь, мой друг, вы знаете, как обстоит дело, и что еще необходимо предпринять. Несомненно, он последовал за дамами, видел через окно, как спорил муж с женой, и влез в комнату, причем его животное выскочило из ящика. Но это не все. Нам интересно знать, что случилось в комнате, и рассказать об этом может только он один.

– И вы намерены спросить его?

– Конечно, только непременно при свидетелях.

– Хотите, чтобы я был свидетелем?

– Обязательно. Если он откровенно признается – отлично; в противном случае придется арестовать его.

– Но застанем ли мы его дома?

– Будьте уверены, я принял все меры предосторожности. Один из моих мальчишек стережет его и последует за ним, куда бы он ни пошел. Мы, наверно, найдем его завтра на Гудзон-стрит. А пока задерживать вас дольше было бы преступлением с моей стороны, идите спать.

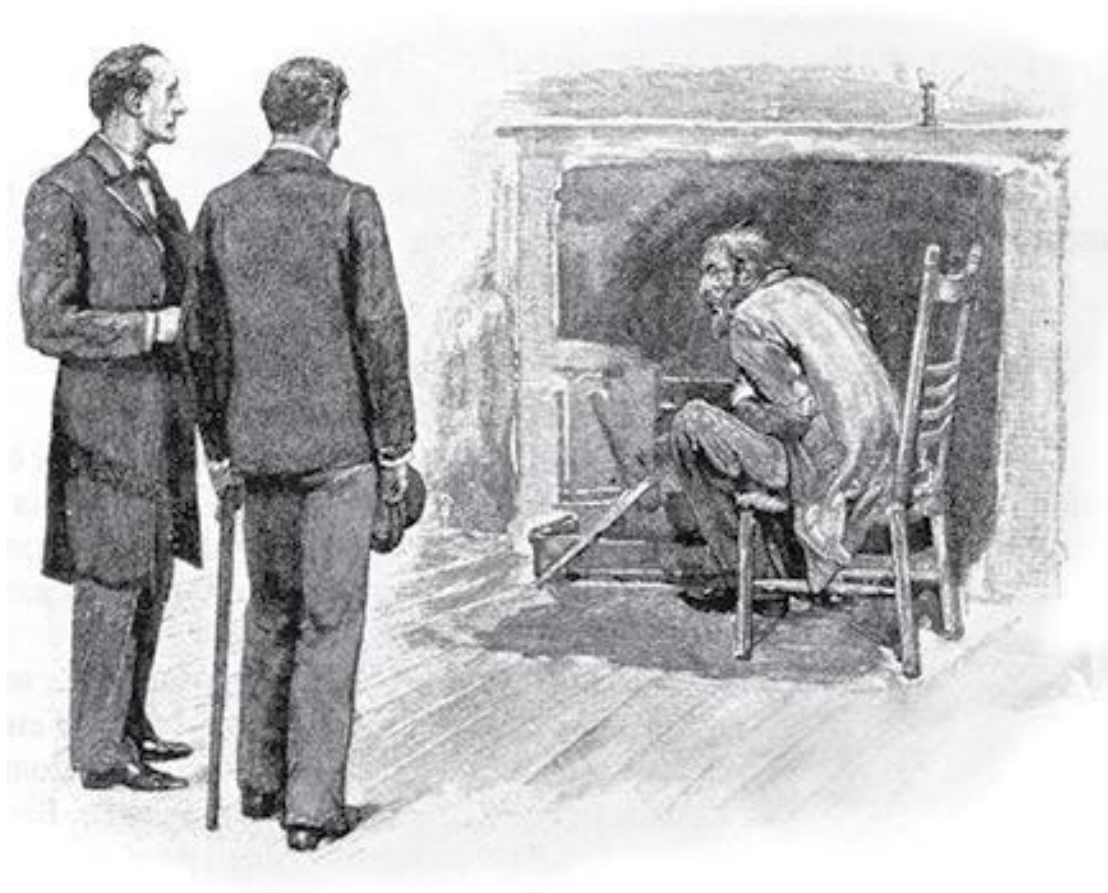
На следующий день в полдень мы с Шерлоком Холмсом шли по направлению к Гудзон-стрит. Несмотря на замечательную способность моего друга скрывать свои чувства и внутреннее волнение, от меня не укрылось его сильное возбуждение. В то же время я сам во всех подобных экскурсиях, когда мой приятель брал меня с собою, испытывал то ли спортивное, то ли нравственное удовлетворение.

– Вот здесь, – сказал он, поворачивая в переулок с ровными двухэтажными кирпичными домами. – А вот и Симеон идет с рапортом.

– Он дома, мистер Холмс! – крикнул маленький арапчонок, подбегая к нам.

– Молодец, Симеон! – сказал Холмс, поглаживая мальчика по голове. – Пойдемте, Ватсон. Он живет в этом доме.

Затем мой друг послал визитную карточку с просьбой принять его по очень важному делу. Минуту спустя мы стояли лицом к лицу перед интересовавшим нас человеком, который, несмотря на жаркую погоду, сидел у пылающего камина. В комнате было жарко и душно. Он расположился на стуле, скорчившись в позе, которая придавала ему неопишное выражение уродливости, но его лицо, обращенное к нам, изношенное и загорелое, носило следы замечательной красоты. Он подозрительно посмотрел на нас своими желтоватыми желчными глазами и, не говоря ни слова и даже не вставая, пододвинул нам два стула.

– Кажется, вы недавно приехали из Индии, мистер Генри Вуд? – приветливо спросил Холмс. – Я пришел, чтобы узнать от вас подробности смерти полковника Барклея.

– Странно, почему я должен их знать?

– Видите ли, я желал бы кое-что установить. Ваша старая приятельница миссис Барклей будет осуждена на смерть.

Человек вздрогнул.

– Кто вы?! – воскликнул он. – И откуда вы знаете то, о чем только что сказали? Можете ли вы поклясться, что это правда?

– Уверяю вас, полиция только ожидает, чтобы она пришла в сознание, и сейчас же арестует ее.

– Боже мой! И вы тоже служите в полиции?

– Нет.

– Какое же вам в таком случае до этого дело?

– Долг каждого порядочного человека – найти правду и защитить невинного.
– Даю вам слово, что она не совершила преступления.
– В таком случае виновны вы?
– Нет, и я не виновен.
– Кто же тогда, по-вашему, убил полковника Джеймса Барклея?
– Его покарало Провидение. Но откровенно вам скажу, что я шел туда с намерением уничтожить этого человека. И если бы его не убила собственная совесть, я взял бы на душу грех и сам убил его. Хотите знать, как было дело? Я не нахожу нужным скрывать, потому что не вижу ничего позорного.

Придется начать издалека. Вы видите: у меня теперь горбатая спина, переломаны все ребра, но было время, когда ефрейтор Генри Вуд был самым красивым солдатом в сто семнадцатом батальоне. Мы стояли тогда в Индии, в военном поселке возле городка Бхарти. В том же батальоне служил умерший третьего дня сержант Барклей. А у нашего знаменщика была дочь, Нанси Дэвой, красивейшая женщина в мире. Два человека были влюблены в нее, а она любила только одного из них. Взглянув на бедного калеку, греющегося у камина, вы, конечно, станете смеяться, если вам сказать, что тем человеком, в которого влюбилась эта очаровательная женщина, был я.

Но, несмотря на то, что она любила меня, отец хотел выдать ее замуж за Барклея. Я был ветреный, безрассудный парень, а он – очень воспитанный и, главное, представлен на тот момент к повышению. Но девушка была верна мне, и я добился бы ее руки, если бы не разразилось в Мьютине восстание, которое перевернуло всю страну вверх дном.

Наш полк, батарея и много простых граждан, среди них и женщины с детьми, были осаждены в Бхарти. Десять тысяч мятежников окружили нас и сторожили, как хитрые таксы клетку с крысой. Две недели мы выдерживали осаду. Наконец, запас воды истощился, и единственное средство спастись – было связаться с генералом Нейлем, который со своей колонной вел наступление. Пробраться сквозь осаду мятежников с массой женщин и детей мы не могли, и потому я предложил пробраться ночью через лагерь и дать знать генералу Нейлю о нашем бедственном положении. Конечно, мое предложение было принято, и я обратился к сержанту Барклею за советом, так как он лучше всех знал эту страну. Он начертил мне путь, по которому можно было пройти незамеченным через ряды неприятелей, и я в ту же ночь в десять часов отправился в опасную экспедицию. Удачный исход этого путешествия мог спасти тысячи жизней, но я думал только об одной, когда уходил от них в ту ночь.

Я пробирался по высохшему руслу ручья, которое должно было, как мы думали, скрыть меня от неприятельских патрулей. Но как только я преодолел первый поворот, на меня напало шесть человек, очевидно, поджидавших меня здесь. В один момент я был опрокинут на землю ловким ударом по голове и связан по рукам и ногам. Но удар в голову не был так тяжел для меня, как удар в сердце. Из разговора схвативших меня людей я понял, что меня выдал врагам через своего туземного слугу сержант Барклей. Потому-то он так любезно и начертил мне путь, по которому я должен был незаметно пройти через вражеский лагерь.

Впрочем, стоит ли продолжать? Теперь-то вы, надеюсь, понимаете, насколько подло поступил со мной Джеймс Барклей. На следующий день подоспел Нейль и освободил Бхарти. Но враги увели меня вглубь страны. Много лет я не видел белых лиц. Меня мучили и истязали; я пытался бежать, но меня поймали и опять мучили. Вы сами видите, как я теперь выгляжу... Несколько из моих мучителей потом бежали в Непал и захватили меня с собой, а затем перевезли дальше в Дарджилинг.

Вскоре какие-то горные жители напали на моих мучителей и перебили их; я освободился от одного рабства, чтобы попасть в другое. Но отсюда я скоро бежал и, вместо того, чтобы идти на юг, пошел на север, в Афганистан. Здесь я скитался много лет, а затем, наконец, вернулся в Пенджаб, где жил среди туземцев, зарабатывая деньги тем, что показывал различные фокусы. Мне, жалкому калеке, мало было радости вернуться в Англию или даже к своим товарищам! Даже жажда мести не могла заставить меня решиться на возвращение домой. Пускай, думал я, Нанси и мои товарищи по оружию считают Генри Вуда умершим с прямой спиной, но не видят его живым, ползающим и похожим на какую-то обезьяну. Они не сомневались в моей смерти, и я очень радовался этому обстоятельству. Я слышал, что Нанси вышла замуж за Барклея, и что он быстро продвинулся по службе. Но даже это печальное известие не могло подтолкнуть меня на какие-то действия. И только когда я состарился, меня потянуло на родину. Много лет я мечтал и видел даже во сне светло-зеленые поля и изгороди милой Англии. Я решил побывать перед смертью на родине. У меня были деньги на дорогу, а приехав, я поселился здесь, среди солдат. Я хотел зарабатывать деньги, показывая им разные фокусы, так как сам вышел из солдатской среды и хорошо изучил их вкусы.

– Ваш рассказ очень заинтересовал меня, – сказал Шерлок Холмс. – Как вы встретились с миссис Барклей и в каких вы были с ней отношениях, я уже знаю. Конечно, вы последовали за ней и слышали с дороги, как она спорила со своим мужем и обвинила его в подлости. Тут вы не выдержали, перебежали через поляну и ворвались в комнату.

– Совершенно верно, сэр. Он сразу узнал меня, и я никогда не думал, что лицо человека может так страшно исказиться от ужаса. Он упал и ударился головой о железную решетку камина, хотя смерть последовала еще раньше. Я увидел смерть на лице его так же ясно, как вот сейчас читаю текст на этом камине. Один мой взгляд, подобно пуле, пронзил его сердце.

– Ну, а потом?

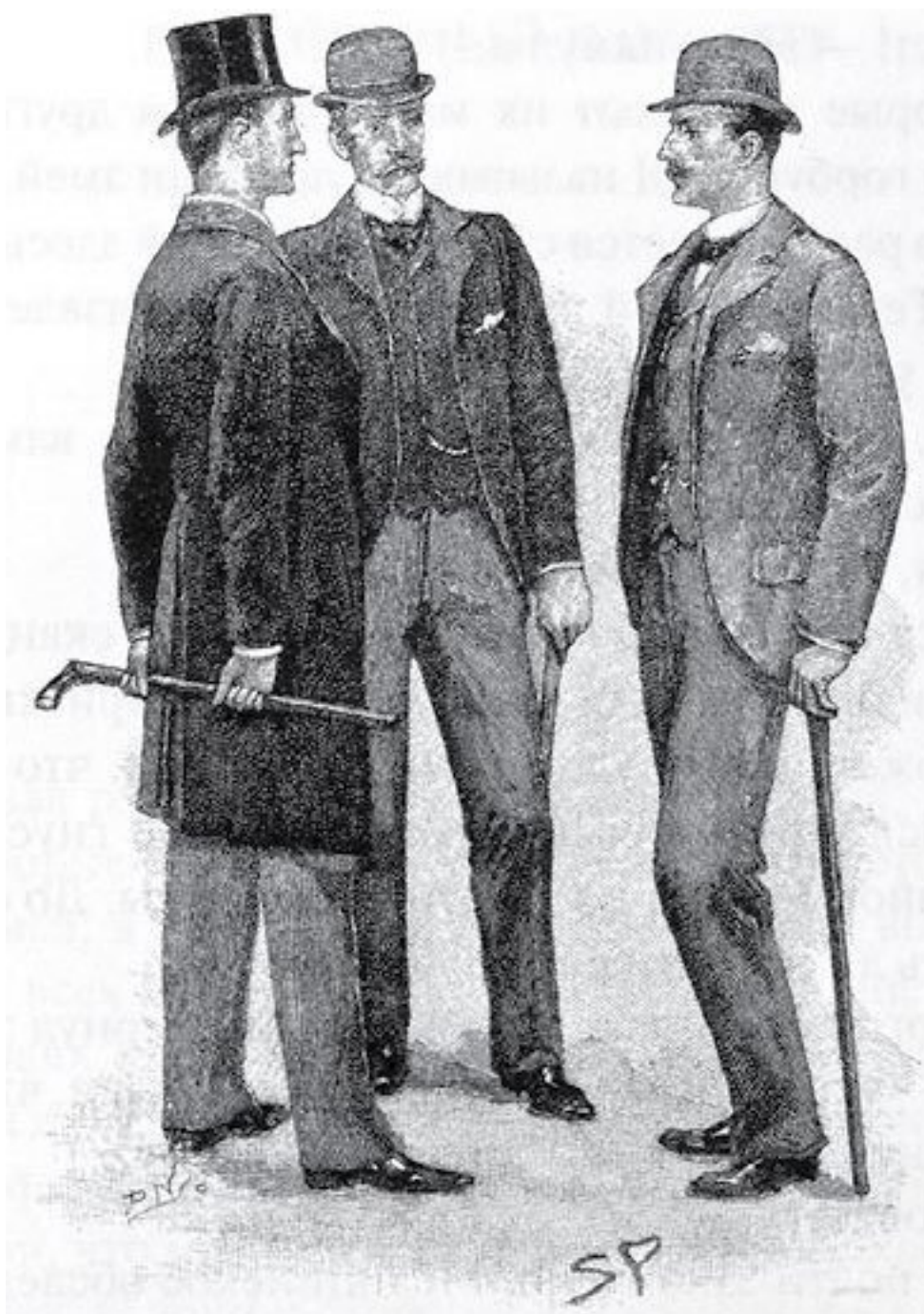
– Потом Нанси упала в обморок, я взял из ее руки ключ от двери, намереваясь открыть ее и позвать кого-нибудь на помощь. Но вовремя сообразил, что лучше уйти и оставить их одних, чтобы не возбудить против себя подозрения. Второпях я сунул ключ в карман, а когда принялся ловить выскользнувшего из ящика и бегающего по портьеру Тэдди, то уронил палку. Поймав его и усадив в ящик, я поспешил ретироваться.

– Кто такой Тэдди? – спросил Холмс.

Человек перегнулся, поднял крышку стоящей в углу клетки, и оттуда моментально выскочил прелестный темно-красный грациозный зверек, с длинным тоненьким носиком, с куньими ногами и прелестными красными глазками.

– Да это же мангуст! – воскликнул я.

– Да, одни называют его так, а другие – фараоновой мышью, – ответил человек. – Я называю его Змеелов, поскольку Тэдди удивительно ловко охотится на змей. У меня здесь есть одна кобра с вырванными ядовитыми зубами, и Тэдди помогает мне увеселять публику в ресторанах и зарабатывать деньги. Вот и вся история, сударь.

– Спасибо, мы попросим вас повторить ее еще раз, если это понадобится для оправдания миссис Барклей.

– Конечно, я приду, но только в том случае, если нужно будет для ее спасения.

– Вы правы. Хотя Барклей сломал вашу жизнь, все-таки не стоит разглашать эту скандальную историю об умершем. Вы достаточно удовлетворены сознанием, что все эти тридцать лет его мучили страшные угрызения совести... А вот и майор Мэрфи переходит через улицу. Прощайте, Вуд. Надо узнать, не случилось ли со вчерашнего дня чего-нибудь нового.

Мы догнали майора Мэрфи, когда он поворачивал за угол.

– А, Холмс, – сказал он. – Надеюсь, вы уже знаете, что мы совершенно напрасно тревожили полицию?

– Как так?

– Да очень просто. Врачи пришли к заключению, что смерть последовала от разрыва сердца. Вы видите, это было простейшее из всех дел.

– Да, проще и быть ничего не может, – сказал Холмс, улыбаясь. – Пойдемте, Ватсон, я думаю, нам нечего теперь делать в Олдершоте.

– Не понимаю одной только вещи, – заметил я, когда мы шли на станцию, – имя мужа миссис Барклей – Джеймс, другой был Генри. Почему же она произносила еще имя Давида?

– Это доказывает, Ватсон, что я не такой идеальный наблюдатель, каким вы меня считаете. А ведь одно это имя должно было подтолкнуть меня к разгадке. Ведь очевидно, что она произносила это имя в виде упрека.

– Упрека?

– Да, мой друг. Давид много грешил и в одном случае взял на душу такой же тяжкий грех, как и сержант Джеймс Барклей. Вы помните историю Урии и Вирсавии³⁰? Хотя мое знание Ветхого Завета немного и хромает, тем не менее, эту историю, насколько мне помнится, вы можете найти в первой или во второй книге Самуила.

³⁰ Одна из библейских легенд гласит, что израильско-иудейский царь Давид послал на верную гибель своего военачальника Урию, чтобы взять в жены его супругу Вирсавию.

Пациент доктора Тревелэна

Однажды, просматривая свои случайные, в какой-то степени непоследовательные записи, где я пытался поведать о некоторых дарованиях моего друга мистера Шерлока Холмса, я вдруг обнаружил, что найти примеры, всецело отвечающие моим задачам, дело довольно нелегкое. Бывали случаи, когда Холмс проявлял себя во всем блеске своего аналитического мышления и показывал эффективность своих методов, но факты сами по себе были столь незначительны или так банальны, что я не считал себя вправе обнародовать их публично. С другой стороны, часто случалось, что он участвовал в таких расследованиях, где происходили выдающиеся, полные драматизма события, но Холмс в данном деле не проявлял своего таланта в той полноте, которой я, его биограф, мог бы занести ему в актив. Незначительное дело, описанное мною под заголовком «Этюд в багровых тонах», или другое, более позднее по времени, повествующее об исчезновении «Глории Скотт», могут служить яркой иллюстрацией тех сцилл и харибд, которые постоянно угрожают историку. И вот, перелистывая свою записную книжку, я наткнулся на одно замечательное дело. Правда, аналитические способности моего друга Холмса в данном случае не были проявлены во всем блеске, однако сами обстоятельства этого дела настолько значительны, что я не считал возможным игнорировать его, и поместил в публикуемую серию.

* * *

Стоял пасмурный и душный осенний день, хотя ближе к вечеру стало немного прохладнее.

– Не хотите ли прогуляться по городу? – предложил Холмс.

Наша маленькая гостиная, признаться, изрядно мне наскучила, и потому я с радостью принял предложение моего друга. Около трех часов бродили мы по непрерывно меняющемуся, подобно приливу и отливу, калейдоскопу уличной жизни между Флит-стрит и Стрэндом. Характерная способность Холмса подмечать мельчайшие подробности и поразительная уве-

ренность, с которой он делал свои выводы, чрезвычайно занимали меня в течение всей прогулки.

Было уже десять часов вечера, когда мы вернулись на Бейкер-стрит. У подъезда нашего дома стояла карета.

– Гм! Карета доктора. Он практикует не так давно, но довольно успешно. Думаю, приехал к нам за советом, – тотчас выдал свое резюме Холмс. – Хорошо, что мы вернулись.

Я был уже довольно неплохо осведомлен о дедуктивном методе моего друга, поэтому ни на секунду не усомнился в точности его выводов. Осмотрев карету при свете уличного фонаря, можно было внутри нее разглядеть плетеную корзинку с медицинскими инструментами, висевшую на крючке, что и дало Холмсу повод для подобного заключения. А свет, горящий в одном из наших окон, показывал, что посетитель приехал именно по нашу душу.

Меня крайне интересовало, какое дело могло привести к нам моего коллегу в такой поздний час, и потому я быстро последовал за Холмсом в наше жилище. При нашем появлении со стула, стоящего возле камина, поднялся молодой человек с бледным бескровным лицом и с рыжими бакенбардами. На вид ему было лет тридцать или немногим больше, но угрюмое выражение его лица и болезненный вид свидетельствовали о том, что молодость свою он провел достаточно бурно. Движения его были нервными и быстрыми, а узкая белая рука, которой он, вставая со стула, оперся на край камина, могла принадлежать скорее артисту, нежели врачу. В одежде его преобладали темные тона: черный сюртук, темные брюки и такое же скромное темное кашне.

– Добрый вечер, доктор, – любезно приветствовал его Холмс. – Я рад, что вам пришлось нас ждать не больше пяти минут.

– Вы уже говорили с моим кучером?

– Нет, свеча на столе подсказала мне это. Пожалуйста, садитесь и расскажите, чем я могу быть вам полезен.

– Сперва позвольте представиться, – сказал наш визитер. – Доктор Перси Тревелэн; проживаю в доме номер четыреста три по Брук-стрит.

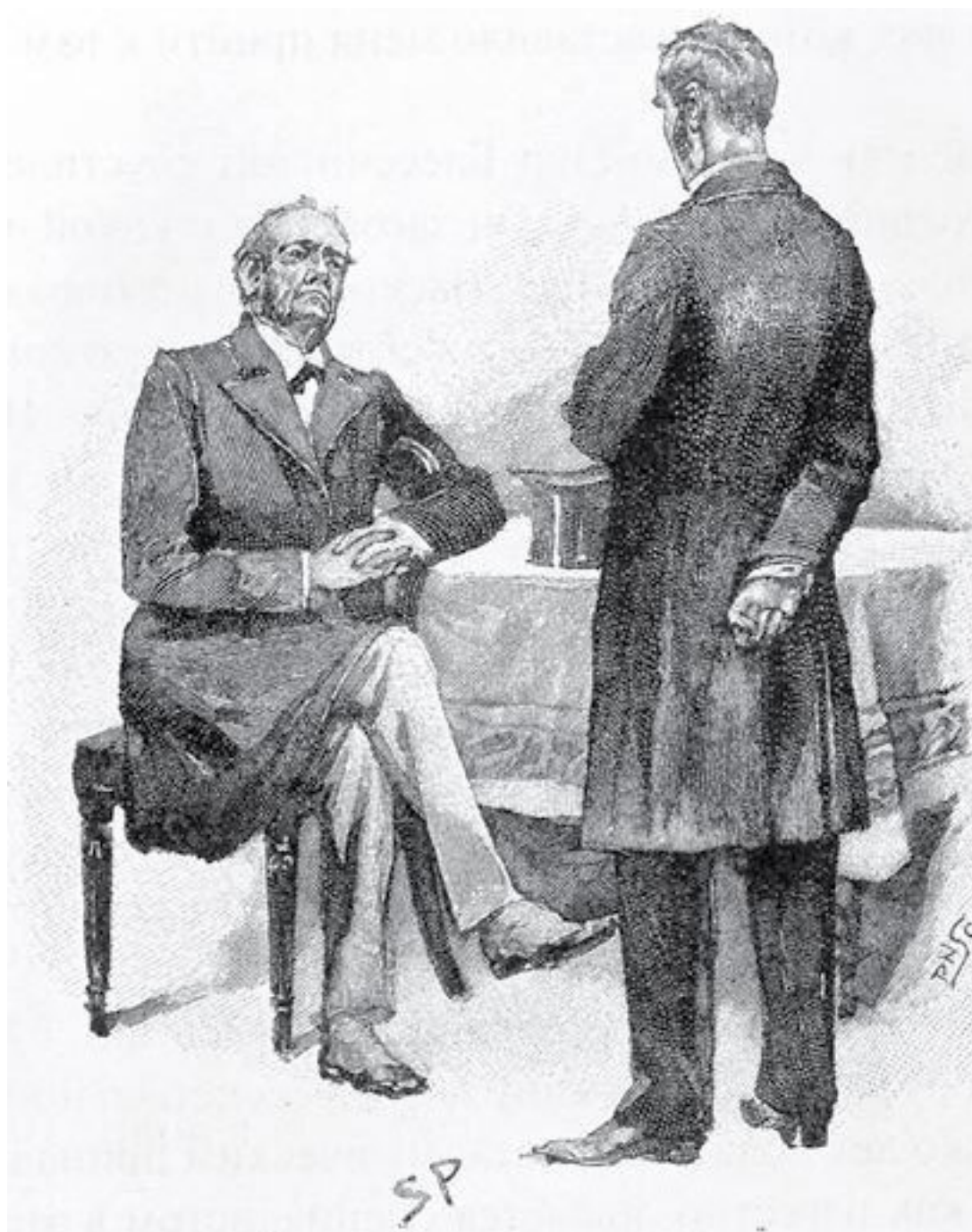
– Так это вы автор сочинения о редких нервных болезнях? – спросил я.

Когда доктор услышал, что этот труд известен мне, легкий румянец удовольствия вспыхнул на его бледных щеках.

– Я так редко слышу о своей работе; мне даже кажется, что ее никто не читал. Вот и мои издатели говорят, будто моя книга не пользуется спросом. А вы сами, вероятно, тоже врач?

– Угадали, отставной военный хирург.

– Я всегда с особенным интересом изучал нервные болезни и даже хотел избрать их своей специальностью, но, к сожалению, мне не удалось привести в исполнение свое намерение. Впрочем, это не относится к делу. Простите, мистер Холмс; я знаю, как дорога для вас каждая минута. За последнее время у меня в доме на Брук-стрит происходят странные вещи, только я до сегодняшнего вечера не придавал им особого значения. Но теперь дело стало принимать такой серьезный оборот, что ждать не представляется возможным, и потому я приехал к вам за советом и помощью.

Шерлок Холмс сел и раскурил трубку:

– С удовольствием сделаю все, что могу. Потрудитесь изложить мне подробно обстоятельства дела и скажите, что именно вас беспокоит.

И мы с моим приятелем обратились в слух.

– Видите ли, – начал доктор Тревелэн, – во всей этой странной истории есть два или три факта, на которые не стоило бы обращать внимания, но, по-моему, все они каким-то образом связаны между собой. Поэтому расскажу обо всем по порядку, чтобы вы сами решили, что существенно, а что нет.

Придется начать рассказ с того времени, когда я был еще студентом. Я учился в Лондонском университете и обратил на себя внимание профессоров, которые сулили мне блестящее будущее. Окончив университет, я принялся за научные исследования, занимая в то же время небольшую должность в Госпитале королевского колледжа. Случайно мне удалось сделать несколько довольно интересных открытий в лечении каталепсии, за что я удостоился Брукс-Пинкертонской премии и получил медаль за упомянутую монографию о нервных болезнях. Не знаю почему, но у всех сложилось мнение, что я составлю себе блестящую карьеру.

Я и в самом деле вскоре приобрел бы известность, если б не камень преткновения под названием «недостаток средств». Вы понимаете, что специалист, желающий приобрести известность, должен обязательно жить где-нибудь в районе Кавендиш-сквера и снимать хорошую квартиру с приличной обстановкой. Мало того, известность приобретается годами, а до тех пор необходимо иметь капитал, который позволил бы существовать, пока не пройдет этот самый тяжелый предварительный период. К тому же любой мало-мальски известный доктор должен иметь собственный приличный выезд. В общем, мне предстояло провести, по крайней мере, лет десять скромной и экономной жизни, откладывая деньги, чтобы затем иметь возможность открыть частную практику. Но обстоятельства почти с самого начала сложились совершенно неожиданным и странным для меня образом.

Как-то раз ко мне приехал совершенно незнакомый господин по фамилии Блессингтон. Войдя в комнату, он сразу же приступил к делу.

«Это вы и есть мистер Перси Тревелэн, недавно получивший премию за блестящее научное сочинение? Тот самый, которому все прочат блестящую карьеру, и который со временем будет зарабатывать большие деньги?» – спросил он.

Я поклонился.

«Ответьте мне прямо, потому что это в ваших же интересах: желаете ли вы получить капитал для осуществления своей мечты? Вы обладаете умом, чтобы начать дело, но обладаете ли вы в той же степени тактом?»

Вопрос показался мне настолько прямолинейным, что я не мог не улыбнуться.

«Думаю, что не лишен некоторой его доли», – ответил я.

«У вас есть какие-нибудь дурные привычки? Может быть, выпиваете?»

«Послушайте, сэр!» – воскликнул я.

«Да ладно! Все в порядке! Но позвольте, в таком случае, поинтересоваться: почему же с такими задатками вы сидите без практики?»

Я пожал плечами.

«Так я вам отвечу, – продолжал он с прежней живостью. – Это старая история: у вас в голове больше, чем в кармане, не так ли? А как вы посмотрите на то, что я для начала помогу вам обосноваться на Брук-стрит?»

Я смотрел на него с изумлением.

«Не беспокойтесь! – воскликнул он. – Я предложу вам комбинацию, которая будет так же полезна для меня, как и для вас. Будем вполне откровенны, и если подходит для вас, то для меня тем более. У меня образовалось несколько тысяч фунтов свободного капитала, которые я хочу вложить в ваше дело».

«Но почему?» – едва сумел пролепетать я.

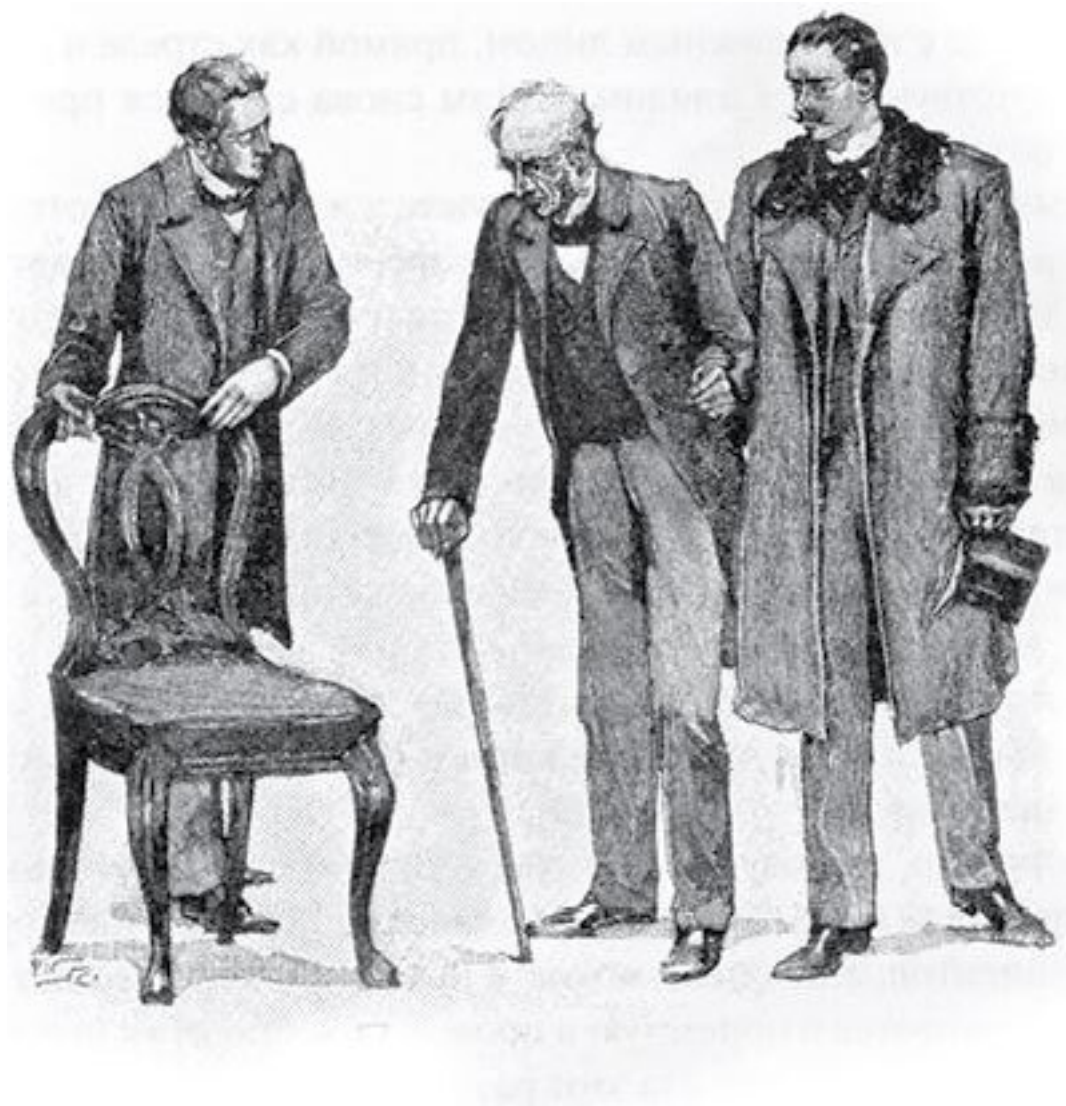
«Потому что это такой же выгодный проект, как и любая биржевая спекуляция, только более надежный и безопасный».

«И какая же роль в нем отводится мне?»

«Сейчас объясню. Я сниму дом, обставлю его, буду платить прислуге. Короче говоря, стану управлять процессом. Ваше дело – принимать пациентов. Я даже буду выдавать вам деньги на карманные расходы. Вы же, в свою очередь, должны отдавать мне три четверти своего заработка, а остальную четверть будете оставлять себе».

Вот какое странное предложение, мистер Холмс, сделал мне этот господин по фамилии Блессингтон. Не стоит занимать ваше внимание рассказами о том, как мы заключали нашу сделку, и о чем окончательно договорились. Но уже ко дню Благовещения я переселился в снятый им дом и стал принимать больных, рассчитываясь с ним практически на тех самых условиях, которые мы обговорили с самого начала. Моя практика, как он и предполагал, началась довольно удачно. Сам мистер Блессингтон поселился у меня в качестве постоянного пациента. Решено было говорить, что у него слабое сердце, и что он нуждается в постоянном медицинском наблюдении. Занимал он две лучшие комнаты в первом этаже; одну из них он сделал спальней, а другую гостиной. У него были довольно странные привычки, людей он чуждался и редко выходил из дому. Вообще он вел неправильный образ жизни, но в одном только был аккуратен до педантизма. Каждый вечер, в один и тот же час, он входил в мой кабинет, просматривал книги, отсчитывал мне из каждой заработанной мною гинеи пять шиллингов и три пенса, а остальное уносил в свою комнату и запирал в несгораемый шкаф.

Я зарабатывал достаточно, и ему никогда не пришлось жалеть о таком вложении капитала. Дело пошло успешно с первых шагов. Репутация, которой я пользовался еще в госпитале, а также несколько случаев излечения серьезных заболеваний быстро выдвинули меня в число авторитетных врачей. Это серьезно расширило мою практику, благодаря которой в течение двух лет я сделал Блессингтона богатым человеком.

Вот вкратце мое прошлое и мои отношения с мистером Блессингтоном. Теперь позвольте рассказать, что меня привело к вам.

Несколько недель тому назад мистер Блессингтон вошел в мою комнату, как мне показалось, сильно взволнованный. Он рассказал мне про какую-то кражу со взломом, совершенную в Вест-Энде, и потребовал поставить на двери и ставни окон дополнительные задвижки и болты. Причем сделать это незамедлительно. Его волнение и страхи казались мне сильно преувеличенными. Но он находился в таком взволнованном состоянии всю неделю и все время осматривал по вечерам окна и двери; перестал даже совершать свою обычную предобеденную прогулку. Он производил на меня впечатление человека, который чего-то или кого-то ужасно боится. Когда я сказал ему об этом, он так на меня рассердился, что я решил помалкивать. Затем он немного успокоился и даже вернулся к своим привычкам, пока одно событие не привело его в прямо-таки жалкое состояние. В нем он, кстати, находится до сих пор.

А произошло следующее: два дня тому назад я получил письмо. Ни обратного адреса, ни даты отправления на нем не значилось. Мне писали:

«Один русский дворянин желает воспользоваться своим временным пребыванием в Англии, чтобы посоветоваться со специалистом по нервным болезням, доктором Перси Тревелэном. Он уже несколько лет страдает каталептическими припадками и потому просит доктора Тревелэна принять его завтра у себя на квартире в четверть седьмого вечера».

Это письмо меня очень заинтересовало, ибо настоящих каталептиков вообще очень мало, а тут, как видно, представлялся случай наблюдать болезнь в полном развитии. В назначенный час я сидел в кабинете и с нетерпением ждал. Наконец слуга доложил, что меня спрашивают два господина.

Один из них был старый, худой, скромный, с простыми угловатыми манерами господин, внешностью своей совсем не похожий на русского дворянина. Но еще больше меня поразила наружность его спутника. Это был молодой человек высокого роста, довольно красивый, со смуглым злым лицом, телосложением своим напоминающий статую Геракла. Он вел первого господина под руку и усадил на кресло с такой заботливостью, которая совершенно не соответствовала его внешности.

«Простите, что потревожил вас, доктор, – сказал он по-английски с легкой картавостью. – Это мой отец, и меня очень беспокоит состояние его здоровья».

Я был сильно тронут его сыновней озабоченностью.

«Может быть, вы желаете остаться с отцом во время консультации?» – спросил я.

«Ни за что на свете! – воскликнул он, в ужасе всплеснув руками. – Я не могу выразить, как это для меня мучительно. Если бы я увидел отца в одном из этих припадков, то уверен, что сам не пережил бы. Моя нервная система слишком чувствительна. Если позволите, я посижу в приемной».

Конечно, я согласился, и молодой человек покинул комнату.

Я стал расспрашивать пациента про его болезнь и записывал все необходимое. Судя по всему, это был совсем необразованный человек; ответы его были невразумительны, что, между прочим, я тогда приписал его плохому знанию нашего языка. В какой-то момент он вообще перестал отвечать на мои вопросы; я обернулся и увидел его сидящим в кресле совершенно прямо, с бессмысленно выпученными глазами и бледным, неподвижным лицом. Очевидно, он был в когтях своей загадочной болезни.

Сначала я почувствовал жалость и страх, но потом, должен признаться, испытал чувство профессионального удовлетворения от радости – исследовать болезнь во время припадков, что удается врачам крайне редко. С этой целью я определил пульс больного, измерил температуру, испытал гибкость мускулатуры, рефлексy и не нашел ничего ненормального. Все симптомы совпадали с теми, которые я наблюдал при этой болезни и раньше. Обычно в таких случаях очень помогала процедура ингаляции азотнокислой соли, и сейчас представилась отличная возможность лишний раз испытать эффективность этого способа лечения. Но бутылка с препаратом стояла в лаборатории, поэтому я оставил больного сидеть в кресле, а сам спустился вниз за лекарством. Вернулся я в кабинет минут через пять, но представьте мое изумление – пациента в комнате не оказалось.

Конечно, я тотчас же побежал в приемную. Но и здесь не оказалось ни больного, ни его сына. Парадная дверь была притворена, но не заперта на ключ. Мальчик-слуга, который впускал больных, только что поступил ко мне на службу. Обычно он дежурил внизу и провожал больных, когда я звонил из кабинета. Но он никого не видел, и потому странное поведение моих пациентов так и осталось для меня тайной. Потом с прогулки вернулся мистер Блессингтон, но я ничего ему не сказал, потому что, откровенно говоря, старался как можно меньше с ним общаться.

Я уже и не надеялся увидеть когда-нибудь русского больного и его сына, но, к моему изумлению, сегодня вечером, в тот же час они опять вошли под руку в мой кабинет.

«Прошу меня извинить, – сказал мой пациент. – Воображаю, какие вы строили догадки насчет моего вчерашнего исчезновения?»

«Признаюсь, я очень был удивлен», – ответил я.

«Видите ли, в чем дело. Когда после припадков я прихожу в себя, то совершенно не помню, что было со мной до этого. Очнувшись, как мне показалось, в чужой комнате, я спустился вниз и в каком-то ослеплении выбежал на улицу».

«А я, – добавил его сын, – видя, что мой отец проходит через приемную, естественно, подумал, что вы отпустили его. И только придя домой, я начал понимать, что случилось».

«Ну, хорошо, – сказал я, смеясь, – особой беды не случилось, за исключением того, что вы оставили меня в недоумении. А теперь, если вы посидите в приемной, мы пойдем в кабинет и закончим прерванное обследование».

Мы занимались с пациентом около получаса, после чего я прописал ему лекарство; потом отец с сыном при мне же ушли под руку.

Я уже говорил вам, что мистер Блессингтон в эти часы обычно бывал на прогулке. Только я проводил их, он вернулся и поднялся к себе. Не прошло и двух минут, как он вбежал ко мне в кабинет с выражением панического ужаса на лице.

«Кто был в моей комнате?!» – вопил он.

«Никто», – ответил я.

«Это ложь. Поднимитесь и посмотрите сами!»

Не стану передавать вам его ругань, которой под влиянием страха, в невменяемом состоянии он осыпал меня. Решив не обращать на это внимания, я пошел за ним наверх, в его комнаты, и он показал мне на светлом ковре свежие следы чьих-то больших ног.

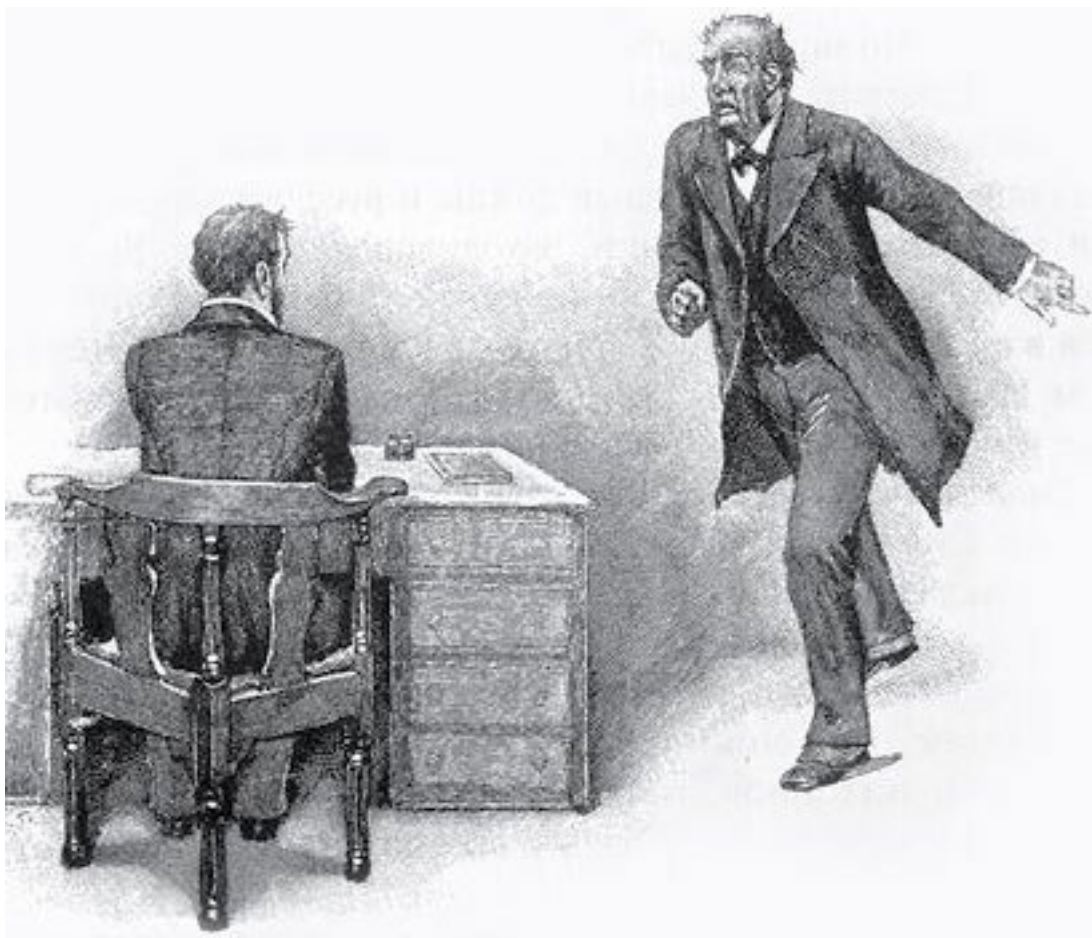
«Что же, по-вашему, это мои ноги?!» – кричал он.

Да, у него нога гораздо меньше, и следы, очевидно, были сделаны недавно. После обеда все время шел дождь, и кроме моих двух пациентов, в доме никого не было. Весьма вероятно, что молодой человек, ожидавший своего отца в приемной, по какой-то неизвестной мне причине, воспользовавшись тем, что я был занят у себя в кабинете, прошел в комнату моего постоянного пациента. Ни одна вещь не была тронута, но эти следы на ковре служили неопровержимым доказательством присутствия в комнате постороннего лица.

Тревога мистера Блессингтона показалась мне чрезмерной. Но вы себе представить не можете, что было дальше: он рухнул в кресло и буквально рыдал. Мне стоило больших усилий заставить его говорить связно. По его просьбе я приехал к вам просить содействия в разъяснении этого странного происшествия, значение которого, по-моему, немного преувеличено. Пожалуйста, не откажите съездить со мной, чтобы иметь более ясное представление о случившемся. Да и сам факт вашего приезда поможет мне успокоить его. Хотя, мне кажется, он и сам не до конца понимает причину своего странного волнения.

* * *

По напряженному вниманию, с которым Шерлок Холмс слушал этот длинный монолог, я мог заключить, что рассказ его сильно заинтересовал. Выражение лица его оставалось как всегда бесстрастным, и он выпускал более и более густые клубы дыма по мере того, как доктор пересказывал очередной странный эпизод. Когда же посетитель замолчал, Холмс, не говоря ни слова, вскочил, подал мне шляпу, взял со стола свою и последовал к двери за мистером Тревелэнгом.

Минут через пятнадцать мы подъехали к дому доктора. Это был один из тех мрачных домов с гладким фасадом, в каких часто живут врачи, практикующие в Вест-Энде. Мальчик-слуга открыл нам дверь, и мы стали подниматься по широкой, выстланной коврами лестнице.

Но нас остановило неожиданное вмешательство. Свет наверху внезапно погас, и из темноты раздался сдавленный дрожащий голос:

– У меня пистолет; даю вам слово, если вы сделаете еще шаг, я буду стрелять.

– Это уже переходит всякие границы, мистер Блессингтон! – возмутился доктор Тревелэн.

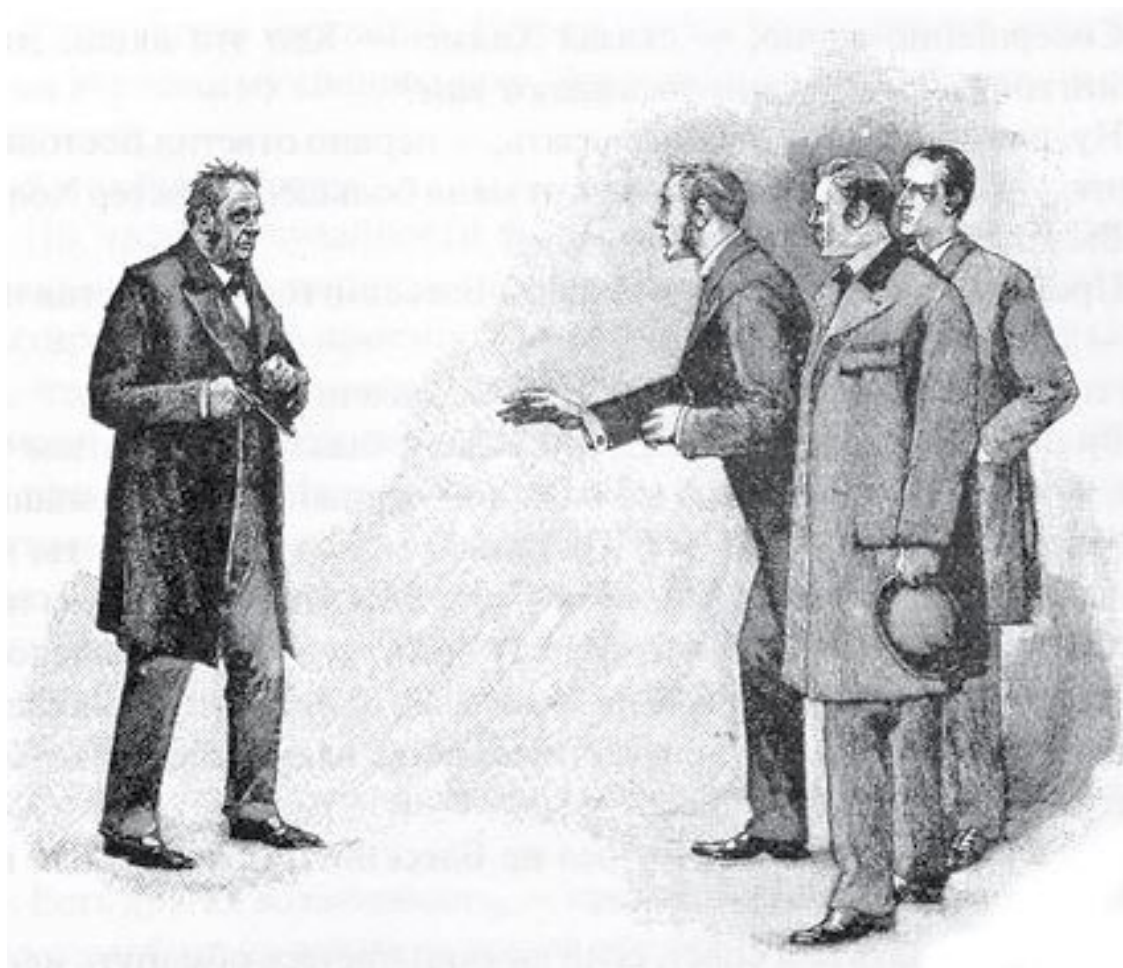
– Ах, это вы, доктор? – произнес тот же голос с видимым облегчением. – А джентльмены, которые с вами, действительно те, за кого себя выдают?

Мы чувствовали, что кто-то рассматривает нас из темноты.

– Да, это они.

– Теперь я вижу, – продолжал тот же голос. – Ладно, можете подниматься. И прошу прощения, если предпринятые мною меры предосторожности пришлось вам не по вкусу.

Произнеся это, он вновь зажег газ на лестнице, и мы узрели перед собой странного на вид человека, манеры которого, равно как и голос, свидетельствовали о его страшном нервном напряжении. Он был очень толст, хотя раньше, очевидно, был еще толще, потому что кожа на его щеках висела складками, точно у бульдога. Лицо его было бледнее мела, а редкие белокурые волосы, казалось, стояли дыбом от страха. В руках он держал пистолет, который при нашем приближении спрятал в карман.

– Здравствуйте, мистер Холмс, – сказал, он. – Я вам так благодарен за ваш приезд. Думаю, ни один человек в мире так не нуждался в вашей помощи, как я сегодня. Надеюсь, доктор Тревелэн уже рассказал вам о недопустимом вторжении в мои комнаты?

– Именно поэтому мы здесь, – ответил Холмс. – А теперь скажите, мистер Блессингтон, кто эти двое, и почему они тревожат вас?

– Ну, видите ли... Тут такое дело... – отчего-то засуетился постоянный пациент. – Мне сложно сказать что-то конкретное... Да и откуда мне знать, мистер Холмс?

– Стало быть, вы не знаете, кто эти люди?

– Ну, пожалуйста, войдите сюда, будьте так любезны.

Он пригласил нас в просторную, с комфортом обставленную спальню.

– Вот посмотрите, – продолжал он, указывая на большой черный сундук, стоявший у изголовья кровати. – Я никогда не был богатым человеком, мистер Холмс... Я один-единственный раз вложил свои деньги в дело... Вот доктор Тревелэн может подтвердить. А банкирам я не доверяю... Не хочу иметь с ними никаких дел, мистер Холмс. Все мое небольшое состояние находится в этом сундуке, поэтому как же мне не волноваться, если какой-то посторонний человек забрался ко мне в комнату.

Холмс внимательно посмотрел на Блессингтона и покачал головой.

– Если вы будете пытаться меня обмануть, я не смогу вам ничего посоветовать, – заметил он.

– Но ведь я сказал все, что знал.

Холмс резко повернулся к выходу и сказал:

– Доброй ночи, доктор Тревелэн.

- Неужели вы не дадите мне никакого совета?! – с отчаянием воскликнул Блессингтон.
- Мой вам совет, сэр, говорить правду.

Минуту спустя мы уже были на улице и шли по направлению к дому. Только миновав Оксфорд-стрит и приближаясь к Чарльз-стрит, Холмс наконец прервал молчание:

– Жаль, что пришлось вас побеспокоить понапрасну, Ватсон. Хотя, если поразмыслить, довольно интересное дело.

- Честно говоря, я в нем мало что понял, – сознался я.

– Очевидно, эти два человека... А может быть, и больше, но допустим, что двое... Они во что бы то ни стало хотят добраться до этого мистера Блессингтона. Я не сомневаюсь, что молодой человек в обоих случаях проникал в комнату Блессингтона, пользуясь тем, что доктор был занят с его товарищем.

- А каталептический припадок?

– Искусная симуляция, Ватсон. Я только не хотел говорить это при нашем специалисте. Притвориться каталептиком очень легко, я сам не раз проделывал подобные штуки.

- Ну, а потом?..

– По счастливой случайности Блессингтона оба раза не было дома. А для своего визита они очень благоразумно выбрали такое время, когда в приемной доктора наверняка не могло быть других пациентов. Правда, они все же не слишком хорошо знакомы с обычным распорядком дня хозяев, потому что иначе не приходили бы в то время, когда Блессингтон уходит на прогулку. Если бы они замыслили простое ограбление, то такие обстоятельства были бы им на руку. А по глазам Блессингтона я вижу, что он страшно боится кого-то. Да и немислимо, чтобы у человека было два таких мстительных врага, а он не знал, кто они такие. Я твердо убежден, что он прекрасно их знает, только почему-то скрывает. Впрочем, надеюсь, что завтра он будет более откровенен со мною.

– Ну, это еще вопрос. А нельзя ли предположить, что вся эта история с русским каталептиком и его сыном выдумана доктором Тревелэном, которому почему-то понадобилось самому проникнуть в комнату Блессингтона?..

Эта блестящая, на мой взгляд, версия удостоилась лишь мимолетной улыбки Холмса, которую я успел заметить при свете газового фонаря.

– Знаете, мой друг, – сказал он, – я и сам вначале думал о том же, но теперь уже не сомневаюсь в правдивости рассказа доктора. В комнате Блессингтона был именно тот молодой человек, потому что следы его ног обнаружились не только в комнате, но и на лестничном ковре. Кроме того, следы оставлены ногой, обутой в ботинок с тупыми носами, а не остроносими, какие носит Блессингтон. К тому же, по размеру они на целый дюйм с лишним длиннее, чем у доктора Тревелэна. А пока можно спать спокойно и не ломать понапрасну голову, потому что завтра утром мы будем иметь известия из Брук-стрит.

Предсказание моего друга сбылось в полной мере, только известия при этом были слишком трагические.

На следующее утро в половине восьмого, когда очередной день только вступал в свои права, Холмс уже стоял в халате около моей постели.

- Ватсон, вставайте! Надо ехать, за нами прислали карету.
- Что случилось? – спросил я.
- Зовут на Брук-стрит.
- Есть свежие новости?

– Трагические, но не совсем понятные, – ответил он, поднимая шторы. – Вот прочтите записку: «Ради Бога, приезжайте скорее. *П. Т.*» Вероятно, там случилось что-то серьезное, если наш приятель доктор пишет карандашом на листке из записной книжки. Вставайте скорее, надо срочно ехать.

Через четверть часа мы уже входили в квартиру доктора. Он сам выбежал к нам навстречу с искаженным от испуга лицом.

– Ох, какая беда! – воскликнул он, сжимая виски руками.

– Что случилось?

– Блессингтон покончил с собой.

Холмс присвистнул.

– Да-да, он сегодня ночью повесился.

Мы вошли. Доктор проводил нас в комнату, которая, очевидно, служила ему приемной. Все это время он не переставал говорить:

– Да, я так потрясен, что просто не соображаю, что делаю и говорю. Полиция наверху, уже составляют протокол.

– Когда вы узнали, что он повесился?

– Сегодня утром. Горничная в семь часов, как обычно, понесла ему чай и нашла его висящим посредине комнаты. Он привязал веревку за крюк, предназначенный для крепления люстры. Надо полагать, он надел себе на шею петлю, стоя на сундуке, который вам вчера показывал, и потом спрыгнул.

Холмс стоял некоторое время в глубоком раздумье.

– Если позволите, я пройду наверх, – наконец сказал он.

Мы вместе отправились туда в сопровождении доктора.

Когда мы вошли в спальню, нашим глазам представилось ужасное зрелище. Как я уже упоминал, мистер Блессингтон производил впечатление рыхлого человека. Теперь, вися на крючке, он совсем потерял человеческий облик. Шея была вытянута, как у ошипанного цыпленка, а все остальное туловище представляло бесформенную массу. На нем была только длинная ночная сорочка, из-под которой, как палки, торчали опухшие голые ноги. Около него стоял угрюмый полицейский инспектор и что-то заносил в записную книжку.

– А, мистер Холмс! – сказал он, обращаясь к моему приятелю, когда мы вошли в комнату. – Очень рад вас видеть.

– С добрым утром, Лэннер! – ответил Холмс. – Вы не будете возражать против моего присутствия?.. Вам уже рассказали о событиях, предшествовавших драме?

– Да, кое-что рассказали.

– И какое же у вас сложилось мнение?

– Я думаю, этот господин помешался от страха. Очевидно, спал он долго, о чем свидетельствует сильно измятая постель и порядочное углубление на матрасе, где он лежал. Как вам известно, самоубийцы, как правило, лишают себя жизни под утро, где-то около пяти часов. В это время он и повесился.

– Судя по окоченелости мышц, он умер часа три тому назад, не больше, – заметил я, ощутив тело покойника.

– А в комнате вы не обнаружили ничего особенного? – спросил Холмс.

– Вроде бы нет... Разве что отвертку и несколько винтов на умывальнике. Зато видно, что ночью он много курил: я нашел в камине четыре окурка от сигар.

– Гм, – произнес Холмс. – Его мундштук вы нашли?

– Нет, не попадался.

– А портсигар?

– Да, он был в его сюртуке.

Холмс открыл портсигар и понюхал последнюю оставшуюся там сигару.

– О, настоящая «гавана»! А те окурки в камине от низкосортных сигар, какие в большом количестве привозят голландцы из своих ост-индских колоний. Их обычно заворачивают в соломенные чехлы; они тоньше и длиннее.

С этими словами Холмс вынул из кармана свою лупу и стал внимательно рассматривать найденные окурки.

– Две сигары были выкурены через мундштук, а другие две без мундштука, – сказал он. – Две обрезаны не слишком острым ножом, а кончики у остальных откусаны превосходными зубами. Мы имеем дело, мистер Лэннер, не с самоубийством, а с тщательно продуманным и хладнокровно исполненным убийством.

– Не может быть! – воскликнул инспектор.

- Это почему же?
- А зачем прибегать к такому хлопотному способу убийства, как повешение?
- В этом-то мы и должны разобраться.
- И как же, по вашему мнению, они могли проникнуть сюда?
- Через парадную дверь.
- Но утром она была заперта на засов.
- Стало быть, ее заперли после их ухода.
- Вам-то откуда это известно?
- Я видел их следы. Подождите минутку, и возможно, я сообщу вам еще кое-что...

Он подошел к двери и стал методично осматривать ее со всех сторон. Затем вынул ключ, который торчал в замке с внутренней стороны комнаты, и точно так же подробно исследовал его. Кровать, ковер, стулья, камин, мертвое тело и даже веревка – все было внимательно осмотрено, после чего Холмс попросил меня и инспектора помочь ему снять труп. Он перерезал веревку и почтительно опустил тело Блессингтона на простыню.

– Откуда взялась эта веревка? – поинтересовался Холмс.

– Она, очевидно, отрезана от этого мотка, – пояснил доктор Тревелэн, вытаскивая из-под кровати свернутую в кольцо веревку. – Блессингтон ужасно боялся пожара и всегда держал при себе веревку, чтобы при ее помощи вылезти из окна, если загорится лестница.

– Да, эта веревка значительно облегчила их замысел, – многозначительно произнес Холмс. – А план преступления был очень простой. Рассчитываю, что после обеда мне будет ясна причина, по которой оно произошло. Я возьму с собой фотокарточку Блессингтона, которая стоит на камине; надеюсь, она поможет мне в моем расследовании.

– Но объясните хотя бы, что здесь произошло! – умоляюще воскликнул доктор.

– Извольте, – ответил Холмс. – Преступление совершали три человека: один молодой, другой пожилой, а для определения третьего у меня пока нет данных. Первые два, насколько я понимаю, те же лица, что выдавали себя за русского графа и его сына; их внешность вам хорошо известна. Войти в дом им помог сообщник. Я советую вам, инспектор, арестовать мальчишку, который, по словам доктора, недавно поступил к нему на службу.

– Этого маленького бесенка уже ищут, – ответил доктор Тревелэн, – но ни горничная, ни повар нигде не могут его найти.

Холмс только пожал плечами.

– Он играл не последнюю роль в этой драме, – сказал мой друг. – Трое людей, стараясь не создавать шума, поднялись по лестнице. Первым шел пожилой, за ним молодой человек, неизвестный замыкал процессию.

– Ну, мой дорогой друг, это уже слишком! – воскликнул я.

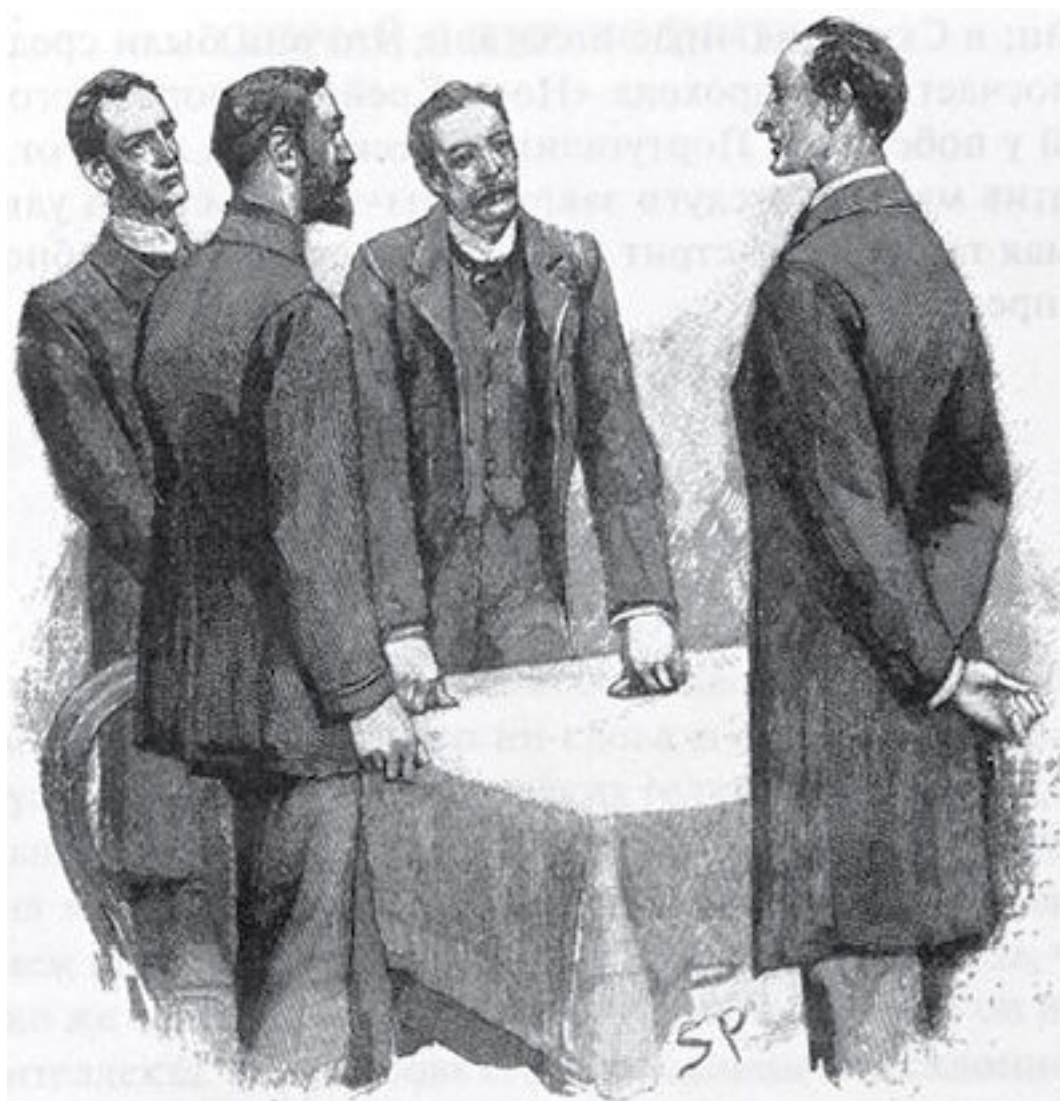
– Не удивляйтесь, нужно только повнимательнее рассмотреть следы. Они накладываются друг на друга. Я успел изучить их еще вчера вечером. Итак, когда они подошли к комнате мистера Блессингтона, то обнаружили, что дверь изнутри заперта на ключ. Но это их не остановило, они аккуратно повернули ключ в замке при помощи проволоки. Тут даже не нужно увеличительного стекла, чтобы заметить на бородке ключа царапины от этой самодельной отмычки. Войдя в комнату, они связали Блессингтона и засунули ему в рот кляп. Быть может, он не сразу проснулся, а возможно, был так поражен ужасом, что не мог кричать от испуга. В этом доме очень толстые стены, и если даже он успел крикнуть, то вряд ли кто-нибудь услышал его. Предприняв необходимые меры безопасности, они, очевидно, устроили совещание, которое, вероятнее всего, больше походило на суд. Продолжалось оно довольно долго, потому что за это время были выкурены четыре сигары. Пожилой сидел вот на этом плетеном стуле; он курил сигару через мундштук. Молодой человек сидел немного поодаль – он сбрасывал пепел на пол около комода. Третий же ходил взад-вперед по комнате. Блессингтон, я думаю, сидел прямо перед ними на кровати... Хотя насчет этого у меня нет полной уверенности. В конце концов,

они повесили Блессингтона. Дело было настолько хорошо продумано, что у них были с собою блок, а также винты и отвертка для его крепления, чтобы устроить что-то вроде виселицы. Но, заметив крюк, они, конечно, предпочли воспользоваться им для совершения казни. Покончив с этим делом, они ушли прежним путем, а сообщник запер за ними дверь.

Все мы с глубочайшим интересом слушали описание ночных событий, которое Холмс сделал на основании таких незначительных и малозаметных признаков, что мы едва могли уследить за ходом его умозаключений. Инспектор вышел, чтобы распорядиться насчет ареста мальчишки, а мы с Холмсом отправились завтракать к себе на Бейкер-стрит.

– Я вернусь к трем часам, – заявил Холмс после завтрака. – Здесь меня уже будут ждать доктор Тревелэн и инспектор. Думаю, что к этому времени мне удастся установить личность преступников.

В назначенное время они оба – и доктор, и инспектор – были у нас, но мой друг вернулся только к четырем часам. По выражению его лица я видел, что его розыски увенчались успехом.

- Есть какие-нибудь новости, инспектор?
- Мы нашли мальчишку, сэр...
- Превосходно, а я нашел преступников.
- Вы поймали их! – вскричали мы в один голос.

– Поймать – не поймал, но знаю, по крайней мере, кто они такие. Вот этот, так называемый Блессингтон, как я и предполагал, хорошо известен полиции. Впрочем, как и его убийцы. Их имена: Байдл, Хэйворд и Моффат.

– Уортингтонские налетчики! – воскликнул инспектор.

– Они самые, – ответил Холмс.

– Тогда Блессингтон не кто иной, как Сеттон.

– Совершенно верно!

– В таком случае все становится совершенно ясно, – заметил инспектор.

Но Тревелэн и я смотрели друг на друга, ничего не понимая.

– Может быть, вы помните громкое дело об ограблении Уортингтонского банка? – сказал Холмс, обращаясь к нам. – В налете принимали участие пять человек: четверо из них упомянуты выше, пятого звали Картрайт. Охранник Тобин был убит, а грабители захватили семь тысяч фунтов. Это произошло в тысяча восемьсот семьдесят пятом году. Все пятеро были арестованы, но явных улик против них не имелось. Денег тоже не нашли. Затем Блессингтон, он же Сеттон, – самый гнусный тип из всей шайки – поссорился со своими приятелями и всех их выдал. По его доносу Картрайт был повешен, а трое других приговорены к каторжным работам, сроком на пятнадцать лет каждый. Недавно они были досрочно выпущены на свободу и решили во что бы то ни стало отомстить Блессингтону за себя и за смерть своего товарища. Дважды они неудачно проникали к нему в дом и, наконец, в третий раз привели в исполнение свой замысел. Это все, что я могу рассказать вам, доктор Тревелэн.

– Теперь я понимаю, – сказал доктор, – почему он так волновался в последнее время. Очевидно, он узнал из газет, что их выпустили на свободу.

– Совершенно верно. А про воровство он говорил вам нарочно, для отвода глаз.

– Но почему же он не сказал этого вам?

– Видите ли, в чем дело: зная мстительность своих бывших сообщников, Блессингтон старался как можно дольше скрывать от всех свое истинное лицо. Во всяком случае, он совершил позорный поступок, и ему не хотелось, чтобы другие, в том числе и я, знали об этом. Однако, как бы мерзко он ни поступил – он жил под охраной британского закона, и потому, инспектор, я надеюсь, вы примете меры, чтобы покарать преступников.

* * *

Вот, собственно, и все подробности печального происшествия с постоянным пациентом доктора Тревелэна... Что касается преступников, то задержать их не удалось, и в сводках полиции они никогда больше не фигурировали. Предполагают, что они уплыли из Англии на корабле «Нора Крейна», который несколько лет тому назад потерпел крушение и затонул со всеми пассажирами у португальских берегов. Мальчика был выпущен на свободу за недостатком улик, а «Тайна Брук-стрит», как ее называли газетчики, до сих пор так и оставалась для всех тайной.

Грек-переводчик

Мне никогда не приходилось слышать за все время моего продолжительного близкого знакомства с Шерлоком Холмсом, чтобы он упомянул о своих родных. Он редко говорил и о своей молодости. Эта сдержанность с его стороны увеличивала до такой степени сверхъестественное впечатление, которое он производил на меня, что иногда я начинал смотреть на него, как на феномен в своем роде, как на ум без сердца, как на существо, настолько же лишенное всякого человеческого чувства симпатии, любви, насколько выдающееся по уму. Его равнодушие к женщинам и нелюбовь к новым знакомствам составляли типичную особенность его спокойного характера, не более, однако, чем его полное молчание относительно своих родных. Я пришел к убеждению, что он сирота, у которого умерли все родственники, как вдруг в одно прекрасное утро он, к полному моему изумлению, заговорил со мной о своем брате.

Это было летом после вечернего чая, во время отрывочного бессвязного разговора, в котором мы от клубов и причин изменения наклона эклиптики перешли, наконец, к вопросу об атавизме и наследственных способностях. Предметом нашего спора был вопрос о том, насколько каждая способность известной личности наследуется от предков и насколько зависит от воспитания в раннем возрасте.

– Что касается вас лично, – сказал я, – из всего того, что вы рассказали мне, очевидно, что вашим даром наблюдательности и замечательной способностью к быстрым выводам вы обязаны только своей систематической подготовке.

– До некоторой степени да, – задумчиво ответил Холмс. – Мои предки были помещики, которые, как мне кажется, вели образ жизни, свойственный их сословию. Но, тем не менее, эти способности у меня в крови. Может быть, я унаследовал их от бабушки, сестры французского художника Верне. Художественные задатки выливаются иногда в самые странные формы.

– Но почему вы знаете, что ваши способности вами унаследованы?

– Потому что мой брат Майкрофт одарен ими в еще большей степени, чем я.

Это было совершенной новостью для меня. Если в Англии существует еще один человек, одаренный такими необыкновенными способностями, то почему о нем не знает ни полиция, ни публика? Я задал этот вопрос моему приятелю, намекнув при этом, что он только из скромности признает брата выше себя. Холмс засмеялся.

– Дорогой Ватсон, я не разделяю мнения тех, кто считает скромность добродетелью, – сказал он. – Для логического ума все вещи должны быть такими, каковы они на самом деле, а ценить себя ниже того, что стоишь, такое же отклонение от истины, как и преувеличивать свои достоинства. Поэтому, если я говорю, что Майкрофт одарен наблюдательной способностью в большей степени, чем я, то можете быть уверены, что это точная непреложная истина.

– Он моложе вас?

– На семь лет старше.

– Как же случилось, что он неизвестен?

– О, он очень известен в своем кругу.

– В каком же?

– Например, в клубе Диогена.

Я никогда не слышал об этом учреждении, и, должно быть, это отразилось на моем лице, потому что Шерлок Холмс вынул из кармана часы и сказал:

– Клуб Диогена – страннейший из клубов Лондона, а Майкрофт самый странный из людей. Он ежедневно бывает в клубе от трех четвертей пятого до без двадцати минут восемь. Теперь шесть, и если желаете пройтись в такой прекрасный вечер, то я буду рад показать вам две лондонские диковинки.

Пять минут спустя мы уже шли по улице к Риджент-серкус.

– Вы удивляетесь, что Майкрофт не пользуется своим даром, чтобы стать сыщиком? – спросил мой приятель. – Он не способен к этому занятию.

– Но мне показалось, что вы сказали...

– Я сказал, что он обладает большей наблюдательностью и способностью делать выводы, чем я. Если бы искусство сыщика ограничивалось рассуждениями в кресле, то мой брат был бы величайшим в мире деятелем в области раскрытия преступлений. Но у него нет ни трудолюбия, ни энергии. Он не двинется с места, чтобы проверить свои рассуждения, и готов скорее признать себя неправым, чем потревожить себя, доказывая свою правоту. Много раз я обращался к нему в затруднительных случаях, и предлагаемые им объяснения всегда оказывались верными. А между тем, он совершенно неспособен выяснить практическую сторону дела, которой надо заняться, прежде чем дело попадет в суд.

– Следовательно, это не его профессия?

– Нет. То, что мне доставляет средства к жизни, для него только развлечение дилетанта. У него необыкновенная способность разбираться в цифрах, и он проверяет отчеты во многих правительственных учреждениях. Майкрофт живет в Пэлл-Мэлл и каждое утро ходит в Уайт-холл, а вечером возвращается оттуда. Из года в год он не делает иных прогулок и нигде не бывает, за исключением клуба Диогена, помещающегося как раз напротив его квартиры.

– Это название совершенно не знакомо мне.

– Весьма вероятно. В Лондоне, как вам известно, много людей, которые избегают общества или по застенчивости, или по нелюдимости. А между тем, они не против того, чтобы почитать новые журналы и газеты, сидя в удобных креслах. Вот для людей подобного рода и устроен клуб Диогена, к членам которого принадлежат самые нелюдимые и необщительные люди в Лондоне. Никто не должен обращать ни малейшего внимания на другого. Нигде, за исключением приемной комнаты, не разрешается разговаривать, трехкратное нарушение этого правила, доведенное до сведения правления, ведет к исключению виновного из числа членов. Брат был одним из основателей этого клуба, и я сам нахожу, что посещение его очень успокоительно действует на нервы...

Разговаривая, мы дошли до Пэлл-Мэлл со стороны Сент-Джеймс. Шерлок Холмс остановился у одного из подъездов и, сделав мне знак молчать, провел меня в переднюю. Через стеклянную перегородку я увидел большую роскошную комнату, где за газетами сидело много людей, каждый в своем уголке. Холмс ввел меня в маленькую комнату, где оставил меня, и через минуту вернулся с незнакомым мне человеком, в котором я сразу узнал его брата.

Джиллетт

Джиллетт и Конан Дойл подружились, и вскоре американский актер стал самым знаменитым исполнителем роли Шерлока Холмса на театральной сцене. Он также снялся в 1916 году в главной роли немого американского фильма «Шерлок Холмс», поставленного режиссером Артуром Бертелетом. Джиллетт любил фотографироваться в домашнем халате, полагая, что в нем он более всего походит на знаменитого сыщика. Конан Дойл несколько раз упоминает, что Холмс предпочитал работать над своими химическими опытами в халате. Английские джентльмены носили халат как вариант домашнего костюма, но только поверх сорочки, жилета и галстука.

В мире существует множество памятных знаков, связанных с именем Холмса. Мемориальные доски украшают бар «Критерий» на Пиккадилли, где Ватсон впервые узнал о Холмсе; химическую лабораторию больницы Святого Бартоломею, где произошла их первая встреча; окрестности Рейхенбахского водопада (Швейцария), где произошла схватка между Холмсом и Мориарти, Майванда (Афганистан), где Ватсон получил свое загадочное ранение...

Майкрофт Холмс был гораздо выше и плотнее Шерлока. Он был положительно толст, но его лицо, хотя и массивное, носило следы того же проницательного выражения, которым так отличалось лицо его брата. Глаза, особенного водянистого светло-серого цвета, казалось, всегда смотрели тем взглядом, как бы проникающим куда-то в пространство, в глубину, какой я замечал у Шерлока только тогда, когда он напрягал все свои умственные способности.

– Рад познакомиться с вами, сэр, – сказал он, протягивая широкую, плоскую, как лапа тюленя, руку. – С тех пор, как вы стали писать о Шерлоке, я со всех сторон только и слышу о нем... Между прочим, Шерлок, я думал, что ты зайдешь ко мне на той неделе, чтобы посоветоваться об истории в замке. Я думал, что, может быть, она окажется несколько трудноватой для тебя.

– Нет, я справился с ней, – улыбаясь, ответил мой приятель.

– Конечно, это Адамс?

– Да, Адамс.

– Я был уверен в этом с самого начала.

Братья сели у окна.

– Самое удобное место для каждого, кто желает изучать человечество, – сказал Майкрофт. – Взгляните, что за чудные типы! Например, вот хоть эти двое людей, направляющиеся к нам.

– Один – маркер, а другой?

– Вот именно. Как ты думаешь, кто другой?

Незнакомцы остановились перед окном. Несколько меловых пятен на кармане жилета одного из них были единственными указаниями на его близость к бильярду, насколько я мог заметить. Другой был смуглый человек в сдвинутой на затылок шляпе и с несколькими свертками под мышкой.

– Должно быть, бывший военный, – сказал Шерлок. – И только что вышедший в отставку.

– По-моему, служил в Индии. Офицер в отставке.

– Думаю – артиллерист, – сказал Шерлок.

– И вдовец.

– Но имеет ребенка.

– Ребят, мой милый, ребят.

– Ну, уж это слишком, – смеясь, заметил я.

– Несомненно, нетрудно угадать, что человек такой выправки, очевидно привыкший повелевать, с таким загорелым лицом – военный, недавно вернувшийся из Индии, – ответил Холмс.

– Что он недавно оставил службу, видно из того, что он еще носит военные сапоги, – заметил Майкрофт. – Походка у него не кавалериста, а между тем, он носил фуражку набок, что видно по более светлой коже на одной стороне лба. Для сапера он слишком тяжеловесен. Он – артиллерист... Траурный костюм указывает на то, что он потерял кого-то очень близкого. То, что он сам делает покупки, указывает на то, что он лишился жены. Вы видите, он покупает детские вещи. По погремушке можно заключить, что у него есть очень маленький ребенок. Жена, вероятно, умерла при родах. Книга с картинками под мышкой указывает на то, что ему приходится заботиться еще и о другом ребенке...

Я начал понимать, почему мой приятель говорит, что его брат обладает еще большими способностями, чем он. Шерлок взглянул на меня и улыбнулся. Майкрофт взял щепотку табака из черепаховой табакерки и смахнул крошки с сюртука большим шелковым платком.

– Между прочим, Шерлок, – сказал он, – у меня есть нечто, как раз по сердцу тебе. Очень странное дело, о котором меня просили высказать свое мнение. У меня не хватило энергии заняться им как следует, но оно дало мне основание для очень интересных предположений. Если хочешь выслушать факты...

– С удовольствием, дорогой Майкрофт.

Майкрофт написал несколько слов на листке, вырванном из записной книжки, позвонил и отдал записку вошедшему лакею.

– Я попросил мистера Меласа зайти сюда, – сказал Майкрофт. – Он живет над моей квартирой, и я немного знаком с ним. Вот почему он и обратился ко мне в своем затруднительном положении. Мистер Мелас – грек по происхождению и замечательный лингвист. Он зарабатывает себе на жизнь частично в качестве переводчика в судебных местах, а частично состоя проводником при богатых путешественниках с Востока, останавливающихся в отелях Нортумберленд-авеню.

Через несколько минут к нам вошел маленький толстый человек. Оливковое лицо и черные как уголь волосы ясно выдавали его южное происхождение, хотя по разговору его можно

было принять за образованного англичанина. Он пожал руку Шерлоку Холмсу, и его темные глаза заблестели от удовольствия, когда он узнал, что этот специалист желает выслушать его историю.

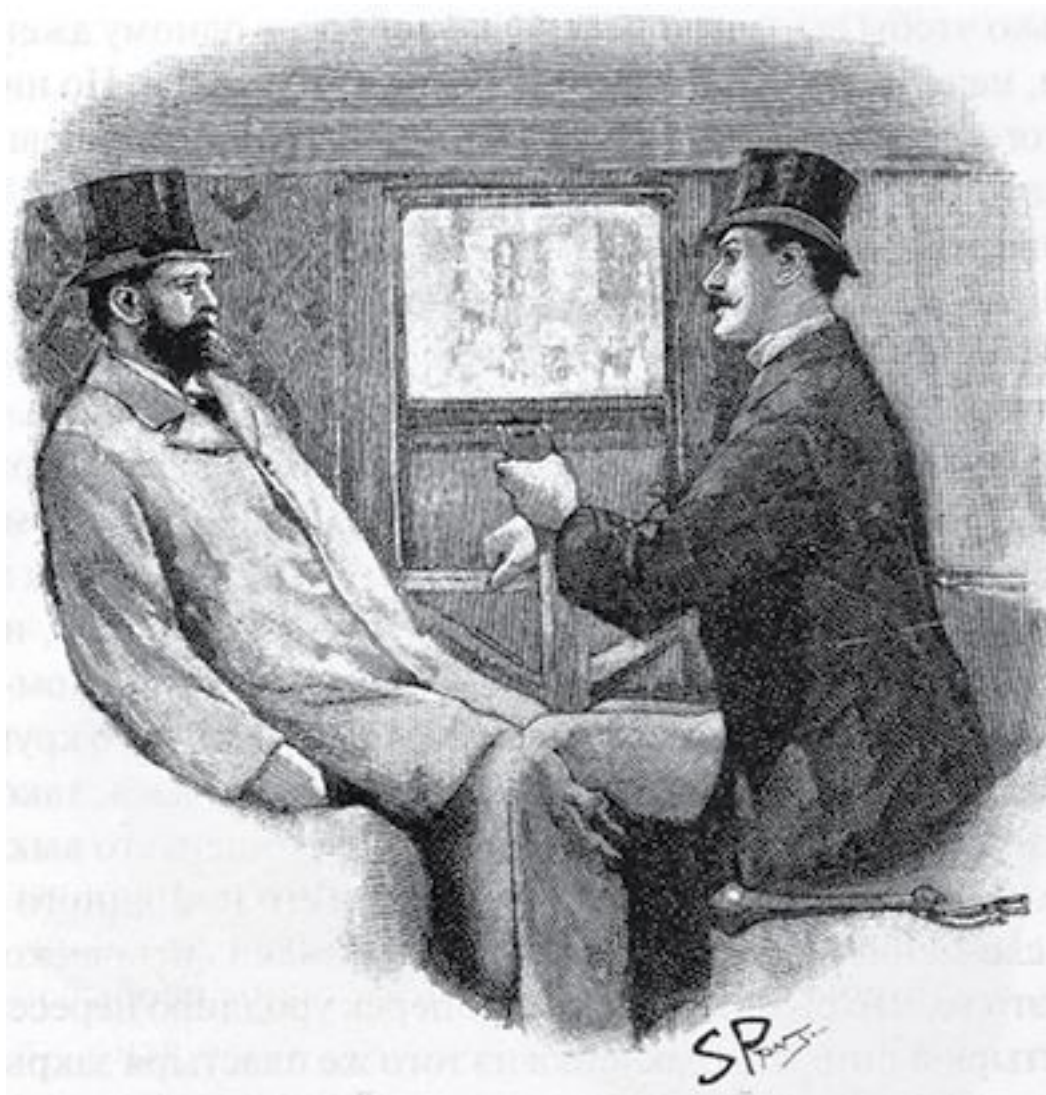
– Я не предполагаю, чтобы полиция поверила мне... Честное слово, не предполагаю, – сказал он жалобным голосом. – Только потому, что им не приходилось слышать ничего подобного, они думают, что этого и быть не может. Но я не успокоюсь, пока не узнаю, что стало с тем беднягой с пластырем на лице.

– Я вас слушаю, – проговорил Шерлок Холмс.

– Сегодня среда, – начал мистер Мелас. – Ну, так это случилось в понедельник ночью... Понимаете, только два дня тому назад. Я – переводчик, как, вероятно, уже сказал вам мой сосед. Я перевожу на разные языки, но так как я грек по происхождению и ношу греческую фамилию, то больше всего имею дело с этим языком. В продолжение многих лет я состою главным переводчиком с греческого языка в Лондоне, и мое имя хорошо известно во всех отелях.

Довольно часто случается, что за мной присылают в самое неподходящее время, в случаях каких-либо приключений с иностранцами, или когда приехавшие с поздними поездами путешественники нуждаются в моих услугах. Поэтому я нисколько не удивился, когда в понедельник ночью ко мне явился некий мистер Латимер, очень элегантный молодой человек, и попросил меня поехать с ним в ожидавшем его кебе³¹.

³¹ Кеб – одноконный экипаж в Англии.

К нему приехал по делу один приятель грек, говорил он, и так как он разговаривает только на своем языке, то и понадобились услуги переводчика. Из его слов я понял, что дом его находится недалеко, в Кенсингтоне. Казалось, он очень торопился и, как только мы вышли на улицу, поспешно втокнул меня в кеб.

Я сказал «в кеб», но скоро мне показалось, что я очутился в карете. Во всяком случае, экипаж был обширнее обыкновенного четырехколесного лондонского орудия пытки, а обивка, хотя потрепанная, была из дорогой материи. Мистер Латимер уселся напротив меня, и мы проехали по Чаринг-Кросс к Шефтсбери-авеню. Затем мы выехали на Оксфорд-стрит, и я только заговорил было о том, что мы делаем большой крюк, как речь моя была прервана необычайным поведением моего спутника. Он начал с того, что вынул из кармана страшного вида дубинку, налитую свинцом, и стал размахивать ею, как бы пробуя ее тяжесть и силу, потом, не говоря ни слова, положил ее на сиденье рядом с собой. После этого он поднял оконные шторы с обеих сторон экипажа, и я увидел, что стекла заклеены бумагой, как будто для того, чтобы помешать мне смотреть на улицу.

– Сожалею, что мешаю вам смотреть, мистер Мелас, – сказал он. – Дело в том, что я не хочу, чтобы вы видели то место, куда мы едем. Мне было бы неудобно, если бы вы могли найти дорогу туда.

Можете себе представить, как я был поражен этими словами. Мой спутник был сильный широкоплечий парень, и, даже если бы не было дубинки, я ни в коем случае не мог бороться с ним.

– Меня очень удивляет ваше поведение, мистер Латимер, – пробормотал я. – Вы должны понимать, что поступаете незаконно.

– Без сомнения, это в своем роде вольность, – ответил он, – но мы вознаградим вас за это. Однако должен предупредить вас, мистер Мелас, что если в эту ночь вы поднимете тревогу или сделаете что-либо, что будет угрожать моим интересам, вы навлечете на себя серьезные неприятности. Прошу вас помнить, что никто не знает, где вы находитесь, и в этой карете так же, как и в моем доме, вы вполне в моей власти.

Он говорил спокойно, но в тоне его голоса слышалась угроза. Я продолжал сидеть молча, недоумевая, зачем он похитил меня. Мы ехали около двух часов; я никак не мог догадаться, куда меня везут. Иногда по стуку камней можно было думать, что мы едем по шоссе, иногда по тихой, спокойной езде можно было предположить, что карета катится по асфальту. Но за исключением этой разницы в звуках не было ничего, что могло бы помочь мне догадаться, где мы. Бумага на окнах была непроницаема, а переднее окно затянуто синей занавеской. Мы выехали из Пэлл-Мэлл в четверть восьмого, а на моих часах было уже без десяти минут девять. Когда наш экипаж наконец остановился, мой спутник опустил окно, и я мельком увидел низкий свод подъезда, где горела лампа. Когда я поспешно вышел из кареты, дверь подъезда запахнулась, и я очутился в доме. У меня осталось смутное впечатление, что перед подъездом были лужайка и деревья. Не могу сказать – была ли то усадьба или просто дом в деревне.

В доме горела лампа под цветным колпаком. Огонь ее был притушен, так что я едва мог разглядеть довольно большую переднюю, увешанную картинами. В полумраке я заметил, что дверь нам отворил маленький, невзрачный, сутуловатый человек средних лет. Когда он повернул фитиль лампы и прибавил свет, я увидел, что он был в очках.

– Это мистер Мелас, Гарольд? – спросил он.

– Да.

– Отлично! Отлично! Надеюсь, вы не рассердитесь на нас, мистер Мелас, но мы не могли обойтись без вас. Если вы хорошо относитесь к нам, то не пожалеете, но если вздумаете сыграть с нами какую-нибудь штуку, то... Сохрани вас Бог.

Он говорил отрывисто, нервным тоном, хихикая между словами, но почему-то внушил мне больше страха, чем мой спутник.

– Что вам нужно от меня? – спросил я.

– Только, чтобы вы предложили несколько вопросов одному господину греку, который в гостях у нас, и передали бы нам его ответы. Но говорите только то, что вам скажут, или... – тут он опять нервно захихикал, – лучше бы вам было не родиться.

Говоря это, он отворил двери и ввел меня в комнату, как мне показалось, роскошно убранную, но также плохо освещенную одной наполовину притушенной лампой. Комната была большая и, судя по тому, как мои ноги утопали в ковре, богато меблированная. Я мимоходом заметил бархатные стулья, высокий белый мраморный камин и, как мне показалось, с одной стороны его – набор японского оружия. Как раз под лампой стоял стул; пожилой человек указал мне на него. Молодой вышел из комнаты и внезапно вернулся через другую дверь, ведя за собой джентльмена, одетого во что-то вроде халата. Джентльмен медленно приближался ко мне. Когда он вошел в круг слабого света, бросаемого лампой, я ужаснулся его виду. Он был смертельно бледен. Его выпуклые глаза сверкали, как у человека, дух которого сильнее плоти. Но что поразило меня больше всех признаков физической слабости, – это то, что все его лицо было покрыто полосами пластыря, скрещивавшимися между собой; большим куском пластыря был закрыт и рот.

– У тебя грифельная доска, Гарольд? – крикнул пожилой, когда вошедшее странное существо скорее упало, чем село на стул. – Свободны у него руки? Ну, дай ему грифель. Предложите ему вопросы, мистер Мелас, а он будет писать ответы. Прежде всего, спросите его, готов ли он подписать бумаги.

Глаза незнакомца вспыхнули.

– Никогда, – написал он по-гречески на доске.

– Ни на каких условиях? – спросил я по приказанию нашего тирана.

– Только в том случае, если я увижу, что ее будет венчать мой знакомый греческий священник.

Пожилой захихикал язвительно.

– Вы ведь знаете, что ожидает вас в таком случае?

– Лично мне все равно.

Вот несколько вопросов и ответов из нашего странного разговора, частью устного, частью письменного. Несколько раз я должен был спрашивать его, согласится ли он подписать бумагу, и несколько раз передавал его негодующий ответ. Но скоро мне пришла в голову счастливая мысль. Я стал прибавлять свои слова к каждому вопросу – сначала невинного свойства, чтобы убедиться, не понимает ли по-гречески кто-нибудь из присутствующих. Когда же я увидел, что они ничего не подозревают, я начал более опасную игру. Вот приблизительно наш разговор.

– Ваше упрямство только повредит вам. *Кто вы?*

– Мне все равно. *Я иностранец.*

– Вы сами навлекаете беду на себя. *Сколько времени вы здесь?*

– Пусть будет так. *Три недели.*

– Состояние никогда не перейдет к вам. *Чем вы больны?*

– Оно не перейдет негодяям. *Они морят меня голодом.*

– Вы будете свободны, если подпишете. *Кому принадлежит этот дом?*

– Я никогда не подпишу. *Не знаю.*

– Этим вы не окажете ей услуги. *Как ваше имя?*

– Пусть она сама скажет мне это. *Кратидес.*

– Вы увидите ее, если подпишете. *Откуда вы?*

– Так, значит, я никогда не увижу ее. *Из Афин...*

Еще пять минут, мистер Холмс, и я разузнал бы всю историю под самым носом этих господ. Мой следующий вопрос разъяснил бы мне все, но в это мгновение отворилась дверь и в комнату вошла какая-то женщина. Я разглядел только, что она была высока ростом, грациозна, с черными волосами и в каком-то свободном белом платье.

– Гарольд! – сказала она по-английски с иностранным акцентом. – Я не могу оставаться дольше, так скучно одной, без... О, Боже мой, это Пол!

Последние слова она проговорила по-гречески, и в то же мгновение незнакомец с судорожным усилием сорвал со рта пластырь и с криком: «Софи, Софи!» – бросился в объятия женщины. Объятия их длились, однако, лишь секунду. Молодой человек поспешно бросился к незнакомке и вытолкнул ее из комнаты, а пожилой легко справился со своей истощенной жертвой и вытащил его в противоположную дверь. На одно мгновение я остался один в комнате и вскочил на ноги со смутной надеждой узнать, что это за дом, в котором я находился. К счастью, однако, я не успел ничего предпринять: подняв голову, я увидел, что старший из мужчин стоит в дверях, пристально глядя на меня.

— Довольно, мистер Мелас, — сказал он. — Вы видите, что мы доверили вам принять участие в нашем конфиденциальном деле. Мы бы не стали беспокоить вас, если бы наш друг, говорящий по-гречески и начавший переговоры, не должен был вернуться на Восток. Нам необходимо было заменить его кем-нибудь, и мы очень обрадовались, узнав, что вы хорошо знаете греческий язык.

Я поклонился.

— Вот пять соверенов, — продолжал он, подходя ко мне. — Надеюсь, что вы останетесь довольны этим вознаграждением. Но помните, — прибавил он, слегка дотронувшись до моей

груди и хихикнув, – что если вы проговоритесь хоть одному человеку, то да сжалится Господь над вашей душой.

Не могу вам передать, какое отвращение, какой ужас внушал мне этот человек. Теперь, когда на него падал свет лампы, я мог лучше разглядеть его. Лицо у него было бледное, с резкими чертами, с маленькой остроконечной реденькой бородкой. Говоря, он вытягивал лицо и передергивал губами и веками, словно человек, страдающий «пляской святого Витта». Я невольно подумал, что его странный смех был также симптомом нервной болезни. Но самыми ужасными в его лице были глаза – серые, стального цвета, с холодным блеском, с выражением злобной непреклонной жестокости в глубине.

– Мы узнаем, если вы проговоритесь, – сказал он. – У нас есть свои способы добывать нужные нам сведения. Ну-с, экипаж ожидает вас, и мой друг проводит вас домой.

Меня поспешно провели по передней и втолкнули в карету так, что я опять успел увидеть только деревья и сад. Мистер Латимер следовал за мной по пятам и молча сел на свое прежнее место напротив меня. Снова, в полном безмолвии, с закрытыми окошками, мы ехали бесконечно долго, пока, наконец, карета не остановилась. Только что пробило полночь.

– Вы выйдете здесь, мистер Мелас, – сказал мой спутник. – Сожалею, что приходится оставить вас так далеко от вашего дома, но делать нечего. Всякая ваша попытка последовать за каретой послужит вам только во вред.

Говоря это, он отворил дверцу, и только я успел выпрыгнуть, как кучер ударил по лошади, и экипаж быстро помчался. Я в изумлении оглянулся вокруг. Я был на пустыре, покрытом темными островками кустарников. Вдали виднелась линия домов, в верхних этажах которых кое-где мелькали огни. С другой стороны я увидел красные сигнальные фонари железной дороги.

Экипаж, в котором я приехал, уже исчез из виду. Я продолжал стоять, оглядываясь и стараясь догадаться, где бы я мог быть, как вдруг услышал, что кто-то подходит ко мне в темноте. Когда незнакомец подошел ближе, он оказался железнодорожным сторожем.

– Можете мне сказать, что это за место? – спросил я.

– Уандсуорт-коммон, – ответил сторож.

– Могу я попасть на поезд, идущий в город?

– Если пройдете до Клапамского узла, – это с милю отсюда, то поспеете как раз к последнему поезду.

Так и окончилось мое приключение, мистер Холмс. Не знаю, где я был, с кем говорил, не знаю ничего, кроме того, что рассказал вам. Знаю только, что там происходит что-то ужасное, и что мне хотелось бы помочь этому несчастному. На следующий же день я рассказал всю историю мистеру Майкрофту Холмсу и затем полиции.

Некоторое время мы сидели молча, выслушав этот необычайный рассказ. Затем Шерлок Холмс взглянул на брата и спросил:

– Сделаны какие-нибудь шаги?

Майкрофт взял газету «Дейли ньюс», лежавшую на столе.

– «Награда тому, кто сообщит какие-либо сведения о месте нахождения джентльмена-грека, Пола Кратидеса из Афин, не умеющего говорить по-английски. Такая же награда тому, кто сообщит что-либо о даме-гречанке, по имени Софи. Х 2473». Это объявление было помещено во всех ежедневных газетах, но ответа не последовало.

– Не справлялись ли в греческом посольстве?

– Справлялся. Там ничего не знают.

– Так надо телеграфировать начальнику полиции в Афинах.

– Вся энергия нашей семьи сосредоточилась в Шерлоке, – сказал Майкрофт. – Ну, так берись за это дело и дай мне знать, если оно удастся тебе.

– Конечно, – ответил мой приятель, вставая со стула. – Я сообщу обо всем и тебе, и мистеру Меласу. А пока, мистер Мелас, будь я на вашем месте, я стал бы остерегаться, так как эти негодяи узнали по объявлениям о том, что вы выдали их.

На пути домой Холмс зашел на телеграф и послал несколько телеграмм.

– Видите, Ватсон, мы, во всяком случае, не потеряли даром вечера. Некоторые из самых интересных моих дел попали ко мне через Майкрофта. В только что слышанном нами загадочном происшествии есть несколько особенных черт, хотя, в общем, оно допускает только одно объяснение.

– Вы надеетесь выяснить это дело?

– Ну, зная столько, сколько уже известно нам, было бы странно, если бы мы не открыли всего. У вас у самого, должно быть, уже составила какая-нибудь теория насчет услышанного нами?

– В общих чертах – да.

– Ну, что же вы думаете?

– Мне кажется очевидным, что эта молодая гречанка увезена молодым англичанином, Гарольдом Латимером.

– Откуда?

– Может быть, из Афин.

Шерлок Холмс покачал головой.

– Этот молодой человек не говорит ни слова по-гречески. Барышня хорошо говорит по-английски. Из этого можно вывести заключение, что она уже некоторое время находится в Англии, а он никогда не бывал в Греции.

– Ну, хорошо. Предположим тогда, что она приехала в Англию, и этот Гарольд уговорил ее бежать с ним.

– Это более вероятно.

– Тогда брат – я думаю, она приходится ему сестрой, – приезжает в Англию, чтобы вмешаться в их отношения. По неосторожности он попадает в руки молодого человека и его пожилого товарища. Они хватают приезжего и стараются силой принудить его подписать какие-то бумаги, чтобы завладеть состоянием молодой девушки, опекуном которой он, может быть, состоит. Он отказывается. Для того, чтобы вести разговоры, им нужен был переводчик, и они напали на мистера Меласа. Раньше у них был другой переводчик. Девушке не говорили о приезде брата, и она узнала об этом совершенно случайно.

– Превосходно, Ватсон! – вскрикнул Холмс. – Я, действительно, думаю, что вы недалеки от истины. Видите, все карты в наших руках, нужно только бояться насилия со стороны этих господ. Если они дадут нам достаточно времени, мы накроем их.

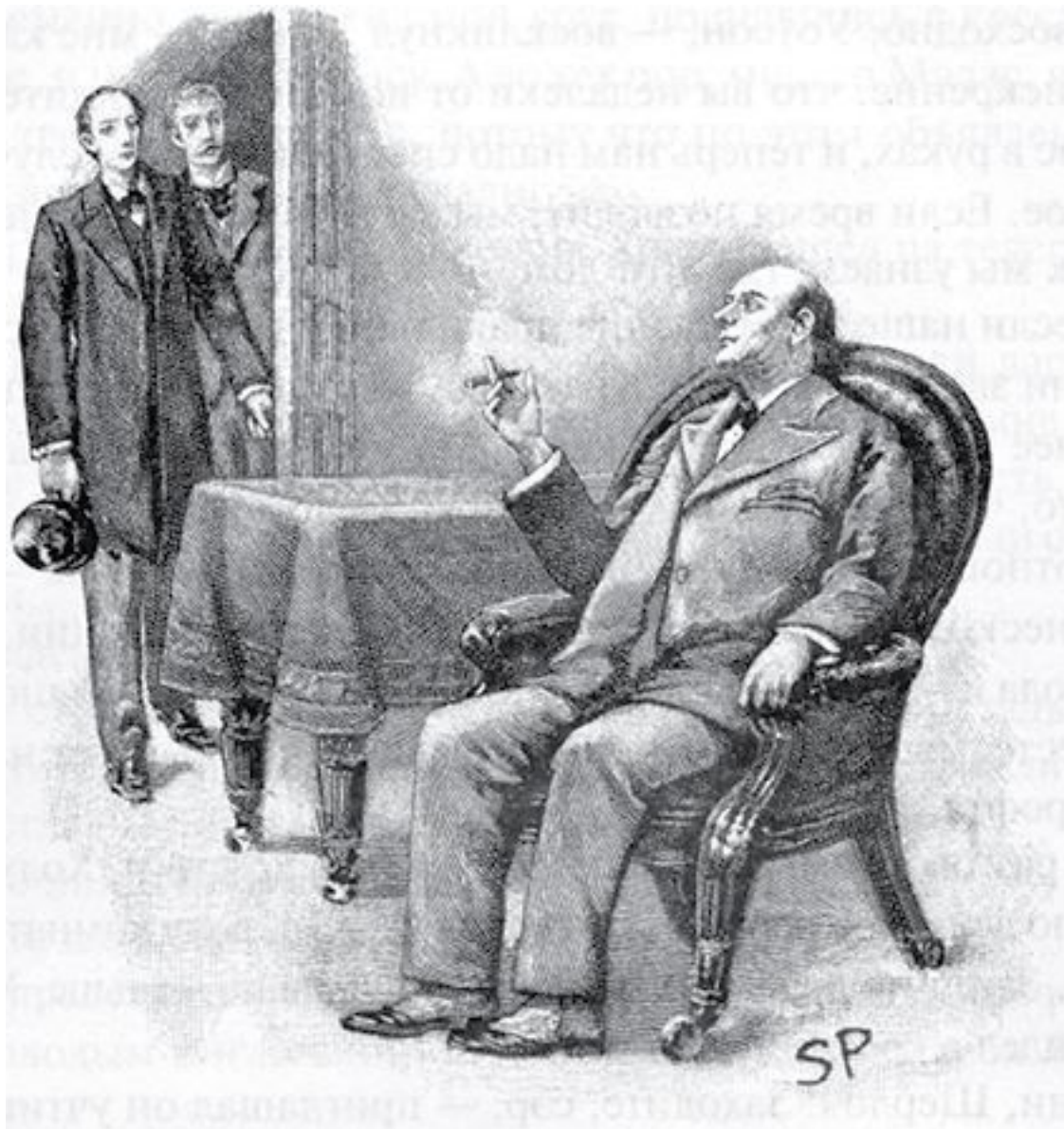
– Но как найти, где находится их дом?

– Ну, если ваши предположения правильны и имя этой девушки – Софи Кратидес (или, по крайней мере, это ее прежняя фамилия), то нетрудно будет напасть на ее след. Это наша главная надежда, так как брат, по-видимому, совершенно чужой здесь. Ясно, что прошло уже некоторое время с тех пор, как Гарольд познакомился с этой девушкой. Во всяком случае, несколько недель, так как брат успел узнать это в Греции и приехать сюда. Если они жили в одном месте все это время, то мы должны получить какой-нибудь ответ на публикацию Майкрофта.

Во время этого разговора мы дошли до нашего дома на Бейкер-стрит. Холмс первый поднялся по лестнице и, отворив дверь в нашу комнату, вздрогнул от удивления. Я заглянул ему через плечо и также изумился: Майкрофт Холмс сидел в кресле и курил трубку.

– Входи, Шерлок! Войдите, сэр! – любезно проговорил он, улыбаясь при виде наших изумленных лиц. – Ты не ожидал от меня такой прыти, Шерлок? Но это дело имеет что-то особенно привлекательное для меня.

- Как ты попал сюда?
- Я обогнал вас в кебе.
- Открылось что-нибудь новое?
- Я получил ответ на публикацию.
- А!

- Да, через несколько минут после того, как вы ушли.
- И что же?

Майкрофт Холмс вынул лист бумаги.

– Вот записка, – написанная мягким пером на дорогой бумаге кремового цвета мужчиной средних лет со слабой конституцией. Вот, что он пишет: «Сэр, в ответ на ваше объявление от сегодняшнего числа могу сообщить вам, что я очень хорошо знаю молодую девушку, о которой идет речь. Если вы потрудитесь зайти ко мне, я сообщу вам некоторые подробности ее грустной истории. В настоящее время она живет в Бекенхэме, в имении «Мирты». С почтением, Дж. Дэвенпорт».

– Он пишет нам из Нижнего Брикстона, – сказал Майкрофт Холмс. – Как думаешь, Шерлок, не съездить ли нам к нему, чтобы расспросить его?

– Жизнь брата дороже истории сестры, мой милый Майкрофт. Я думаю, мы заедем в Скотланд-Ярд за инспектором Грегсоном и оттуда проедем прямо в Бекенхэм. Мы знаем, что человек обречен на смерть, и каждый лишний час имеет громадное значение.

– Не захватить ли нам с собой мистера Меласа? – предложил я. – Нам может понадобиться переводчик.

– Превосходно, – сказал Шерлок Холмс, – пошлите за экипажем, и поедем немедленно. Говоря это, он выдвинул ящик стола, и я заметил, что он сунул револьвер в карман.

– Да, – сказал он в ответ на мой вопросительный взгляд. – Из всего слышанного я заключил, что мы имеем дело с чрезвычайно опасной шайкой.

Почти совсем стемнело, когда мы подъехали к дому на Пэлл-Мэлл, где жил мистер Мелас. Но тут выяснилось, что как раз перед нами за ним заехал какой-то господин и увез его с собой.

– Не можете ли сказать, куда? – спросил Майкрофт Холмс.

– Не знаю, – ответила женщина, которая отперла нам дверь. – Знаю только, что он уехал в карете вместе с джентльменом.

– Этот джентльмен не называл себя по фамилии?

– Нет, сэр.

– Это был высокий, красивый, молодой брюнет?

– О, нет, сэр, господин небольшого роста, в очках, с худым лицом, но очень приятными манерами; он смеялся все время, пока говорил.

– Едем скорее! – отрывисто крикнул Шерлок Холмс.

– Дело становится очень серьезным! – заметил он, когда мы ехали в Скотланд-Ярд. – Эти люди опять захватили Меласа. Он человек не храброго десятка, как они заметили в ту ночь. Этот негодяй сумел запугать его, как только явился к нему. Без сомнения, им понадобились его профессиональные услуги, но, воспользовавшись ими, они, пожалуй, захотят наказать его за то, что считают предательством с его стороны.

Мы надеялись, что по железной дороге доедем в Бекенхэм скорее, чем в экипаже. Однако когда мы доехали до Скотланд-Ярда, то вынуждены были потратить более часа на то, чтобы дожидаться инспектора Грегсона и выполнить некоторые формальности, необходимые для того, чтобы проникнуть в дом. Было уже без четверти десять, когда мы приехали на станцию, и половина одиннадцатого, когда все четверо высадились в Бекенхэме. Проехав полмили от станции, мы очутились перед «Миртами» – большим мрачным домом, стоявшим особняком вдали от дороги. Тут мы отпустили экипаж и пошли по дороге.

– В окнах темно, – заметил инспектор. – Дом, кажется, пуст.

– Наши птички улетели, и гнездышко опустело, – сказал Холмс.

– Почему вы говорите так?

– С час тому назад здесь проехала тяжело нагруженная повозка.

Инспектор рассмеялся.

– Я видел след колес при свете фонаря у ворот, но откуда вы знаете, что повозка была тяжело нагружена?

– Вы, может быть, заметили, что те же следы колес идут и в другую сторону. Но колеи, которые идут от ворот, гораздо глубже, так что можно наверняка сказать, что на повозке были тяжелые вещи.

– Вы убедили меня, – сказал, пожимая плечами, инспектор. – Да, нелегко нам будет попасть в дом. Но попробуем прежде, не услышит ли нас кто-нибудь.

Он принялся громко стучать молотком у двери и звонить в колокольчик, но совершенно безуспешно. Холмс исчез куда-то, но вернулся через несколько минут.

– Я отворил одно окно, – сказал он.

– Хорошо, что вы на нашей стороне, а не против нас, мистер Холмс, – заметил инспектор, увидев, как ловко мой друг отпер задвижку. – Ну, мне, кажется, в этом случае мы можем войти, не дожидаясь приглашения.

Один за другим мы пробрались в большую комнату, по-видимому, ту самую, в которую был приведен мистер Мелас. Инспектор зажег фонарь, и при свете его мы могли рассмотреть две двери, занавеску, лампу, японские вещи – все то, что описывал грек. На столе стояло два стакана, пустая бутылка из-под бренди и остатки еды.

– Это что? – внезапно сказал Холмс.

Мы все остановились и прислушались. Откуда-то сверху доносился тихий, жалобный звук, похожий на стон. Холмс бросился к двери и выбежал в переднюю. Печальный звук доносился все отчетливее. Холмс бросился наверх, инспектор и я за ним, а Майкрофт старался не отставать от нас, насколько ему позволяла его тучность.

На втором этаже мы увидели три двери; из средней неслись зловещие звуки, то понижавшиеся до бормотанья, то переходившие в пронзительный вой. Дверь была заперта, но ключ оказался снаружи в замке. Шерлок поспешно отворил дверь и вбежал в комнату, но через мгновение выскочил назад, схватившись рукой за горло.

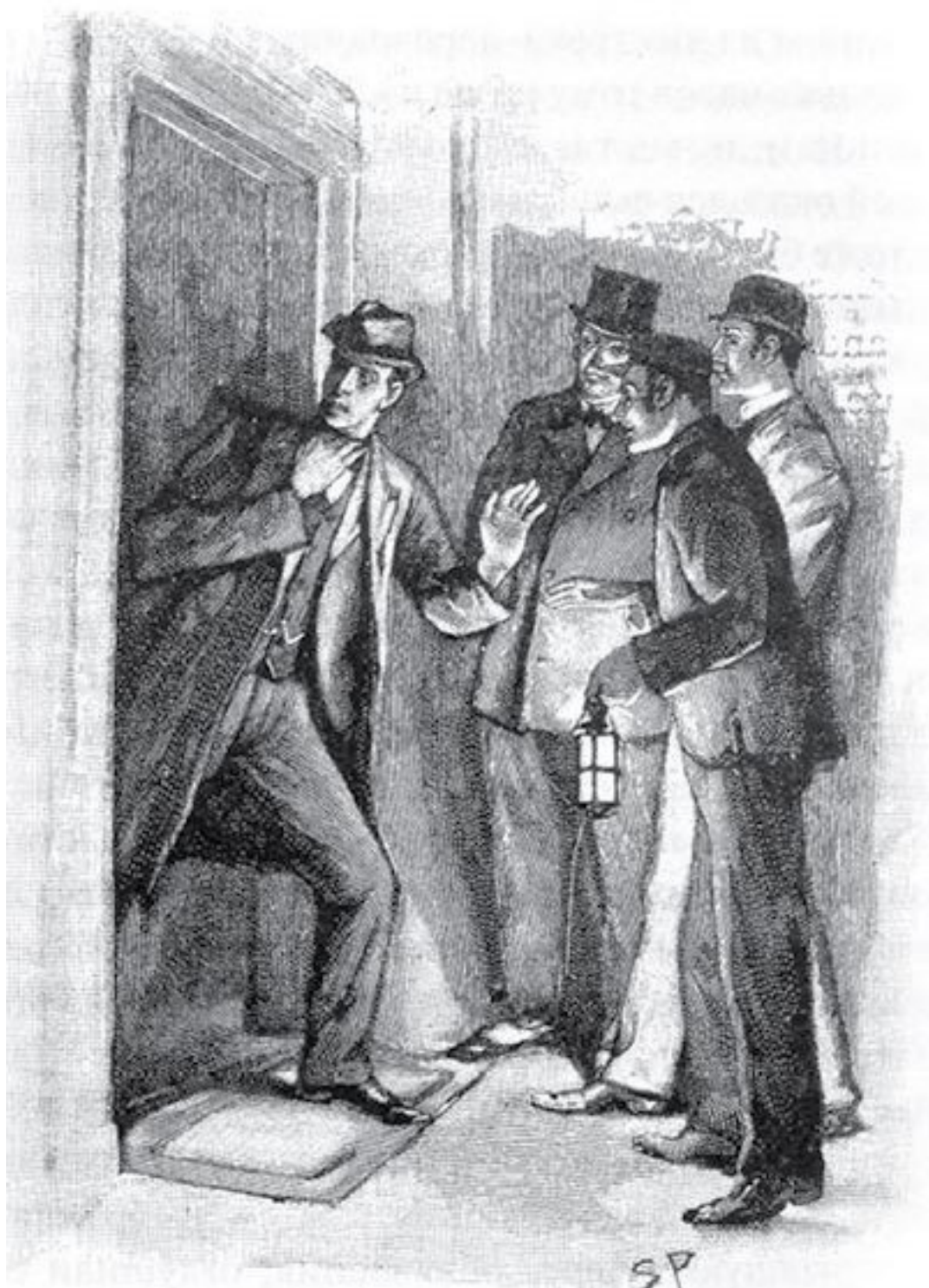
– Это отравление угаром! – вскрикнул он. – Погодите, пусть выветрится!

Заглянув в комнату, мы увидели, что она освещалась только тусклым синим пламенем, колебавшимся над небольшим медным таганом, стоявшим посреди комнаты. Пламя бросало на пол неестественно-мертвенный отсвет. В тени мы заметили неясные очертания двух людей, прижавшихся к стене. Из открытой двери пахло ужасными ядовитыми испарениями, от которых мы закашлялись и чуть не задохнулись. Холмс бросился наверх лестницы, чтобы впустить свежий воздух, потом кинулся в комнату, открыл окно и выбросил таган в сад.

– Через минуту можно будет войти, – задыхаясь, проговорил он. – Где свечка? Я думаю, в такой атмосфере нельзя зажечь спички. Подержи фонарь у двери, Майкрофт, а мы вытащим их. Ну, давайте!

Мы бросились к отравленным и вытащили их на площадку. Оба были без чувств, с посиневшими губами, распухшими, налитыми кровью лицами и вылезшими из орбит глазами. Лица их были до такой степени искажены, что только по черной бороде и коренастой фигуре мы могли узнать трека-переводчика, с которым расстались только несколько часов тому назад в клубе Диогена. Он был крепко связан по рукам и ногам, и на одном глазу виднелся след сильного удара. Другой, связанный таким же образом, был высокий, до крайности истощенный мужчина, с лицом, уродливо испещренным полосами липкого пластыря. Он перестал стонать, когда мы положили его на пол, и для меня было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться, что для него уже не нужно нашей помощи. Но мистер Мелас был еще жив, и менее чем через час с помощью нашатырного спирта и бренди, мне удалось привести его в себя. Он открыл глаза, и я имел удовольствие убедиться в том, что вытащил его из мрачной долины смерти, где сходятся все дороги.

История, которую он рассказал нам, оказалась простой и подтвердила все наши предположения. Посетитель, пришедший к мистеру Меласу, вынул из рукава нож и так напугал грека угрозой мгновенной смерти, что вторично увез его с собой. Этот хихикающий негодяй имел на несчастного лингвиста почти гипнотическое влияние. Мелас не мог даже говорить о нем без дрожи. Его поспешно увезли в Бекенхэм, и там ему пришлось быть переводчиком при свидании еще более драматическом, чем первое: англичане угрожали пленнику немедленной смертью, если он не согласится на их требования. Наконец, видя, что никакие угрозы не действуют, они втолкнули его обратно в его тюрьму и, упрекнув Меласа в предательстве, выявленном через газетное объявление, оглушили его ударом палки; он потерял сознание и опомнился только тогда, когда мы привели его в чувство.

Таково было странное приключение, случившееся с греком-переводчиком и до сих пор еще не вполне объясненное. Повидавшись с джентльменом, ответившим на публикацию, мы узнали, что несчастная молодая девушка происходила из богатой греческой семьи и приезжала в Англию к своим знакомым. Там она встретилась с молодым человеком, Гарольдом Латимером, который приобрел над ней сильное влияние и уговорил ее бежать с ним. Ее знакомые, неприятно пораженные этим случаем, ограничились тем, что известили ее брата, жившего в Афинах, и затем умыли руки. Брат, по приезде в Англию, по неосторожности попал в руки

Латимера и его сообщника, Уилсона Кемпа, человека с самым темным прошлым. Негодяи, увидев, что незнакомец, по незнанию английского языка, совершенно беспомощен в их руках, держали его пленником в своем доме и жестоким обращением и голодом пытались заставить его отречься в их пользу от своего состояния и от состояния сестры. Девушка не знала о пребывании его в доме, а пластырь на его лице был наклеен для того, чтобы было труднее узнать его в случае неожиданной встречи. Но, несмотря на эту предосторожность, она с женской наблюдательностью сразу узнала его во время первого посещения переводчика. Впрочем, бедная девушка была также пленницей, так как в доме не было никого, кроме человека, исполнявшего роль кучера, и его жены, которые оба были сообщниками заговорщиков. Убедившись, что тайна их открыта, а от пленника ничего не добьешься, негодяи бежали с девушкой из нанятого ими меблированного дома, сначала отомстив, как они думали, и тому, с кем им не удалось сладить, и тому, кто выдал их.

Через несколько месяцев мы получили из Будапешта интересную газетную вырезку. В ней сообщалось о трагической смерти двух англичан, путешествовавших с какой-то женщиной. Оба они были найдены заколотыми, и венгерская полиция предполагала, что они нанесли друг другу смертельные раны во время ссоры. Но мне кажется, что Холмс держится иного мнения, и до сих пор он предполагает, что если бы можно было отыскать гречанку, мы узнали бы, как было отомщено все зло, причиненное ей и брату.

Морской договор

Июль месяц в год моей женитьбы навсегда останется в памяти благодаря трем интересным делам, в которых мне посчастливилось принимать участие вместе с Шерлоком Холмсом и изучать его метод. Дела эти записаны у меня под названием «Второе пятно», «Морской договор» и «Усталый капитан». Но первое из них касается интересов самых знатных фамилий Англии, и поэтому не может быть опубликовано в настоящее время. А между тем, ни одно из дел, которыми занимался Холмс, не может служить лучшей иллюстрацией его аналитического метода, ни одно не произвело более сильного впечатления на близких к Холмсу сотрудников, как это. У меня до сих пор хранится доклад о свидании, во время которого Холмс раскрывает все подробности дела месье Дюбюку, начальнику парижской полиции, и Фрицу фон Вальдбауму, известному данцигскому специалисту. Оба они совершенно безрезультатно потратили немало сил при расследовании этого дела. Но рассказать все можно будет только в грядущем столетии, а пока я изложу второе из записанных мною происшествий, которое серьезно угрожало национальным интересам страны и отличалось целым рядом нюансов, придававшим ему единственный в своем роде характер.

В школе я был очень близок с одним из мальчиков – Перси Фелпсом. Ровесник мне по годам, он был старше меня на два класса. Способности у него были блестящие; он получал все награды, какие только давались в школе, а по окончании ее получил стипендию, которая дала ему возможность продолжать свою успешную карьеру в Кембридже. Насколько я помню, у него была знатная родня, и еще маленькими мальчиками мы знали, что брат его матери – лорд Холдхерст, известный консерватор. Это знатное родство не приносило ему в школе какой-либо пользы; напротив, нам казалось интересным повалить и отколотить именно его. Другое дело, когда он окончил учебу. До меня доходили слухи, что благодаря его способностям и большим связям, он получил хорошее место в Министерстве иностранных дел. Затем я совершенно забыл о нем, пока следующее письмо не напомнило мне об его существовании:

«Брайербрэ, Уокинг.

Любезный Ватсон, я не сомневаюсь, что вы помните «головастика» Фелпса, бывшего ученика пятого класса, когда вы учились в третьем. Может быть, вы слышали, что благодаря влиянию дяди я получил хорошее место в Министерстве иностранных дел и пользовался там доверием и уважением до тех пор, пока ужасное несчастье не разрушило всю мою карьеру.

Бесполезно было бы описывать вам все подробности этого несчастного случая. Если вы согласитесь исполнить мою просьбу, то я готов лично рассказать вам все. Я только что оправился от воспаления мозга, которое продолжалось девять недель, и еще очень слаб. Не можете ли вы навестить меня и привезти с собой вашего друга, мистера Холмса? Мне хотелось бы узнать его мнение насчет одного дела, хотя знатоки и уверяют меня, что больше ничего уже нельзя сделать. Попытайтесь уговорить его и приезжайте как можно скорее. В том ужасном состоянии, в котором я нахожусь, каждая минута кажется часом. Скажите ему, что если я не просил его совета раньше, то не потому, что сомневался в его таланте, а оттого, что лишился способности соображать с той самой минуты, как удар постиг меня. Теперь рассудок вернулся ко мне, но я боюсь думать слишком много, чтобы не вызвать повторения припадка. Я еще так слаб, что, как видите, вынужден диктовать письмо. Постарайтесь привезти его.

Ваш старый товарищ Перси Фелпс».

Что-то в этом письме – может быть, настойчивая мольба о приглашении Шерлока Холмса – тронуло меня, и тронуло настолько, что даже если бы мне представилась какая-нибудь сверх-трудная задача, я выполнил бы ее. А тут я хорошо знал, что Холмс любит свое искусство и всегда готов оказать помощь всякому, кто нуждается в ней. Жена согласилась со мной, что не следует терять ни минуты, и потому через час после завтрака я уже был в своей прежней квартире на Бейкер-стрит.

Холмс сидел у стола в халате, весь погруженный в какой-то химический опыт. Большая изогнутая реторта неистово кипела на голубоватом пламени бунзеновской лампы³², и дистиллированные капли собирались в двухлитровую колбу. Мой приятель лишь мельком взглянул на меня, когда я вошел в комнату. Видя, что он занят каким-то важным опытом; я уселся в кресло и стал ждать. Он погружал свою стеклянную трубочку то в один сосуд, то в другой и, наконец, поставил на стол пробирку. В правой руке у него был лоскуток лакмусовой бумаги.

– Вы пришли как раз в критическую минуту, – проговорил он. – Если эта бумажка останется синей – хорошо; если же станет красной, то дело идет о жизни человека.

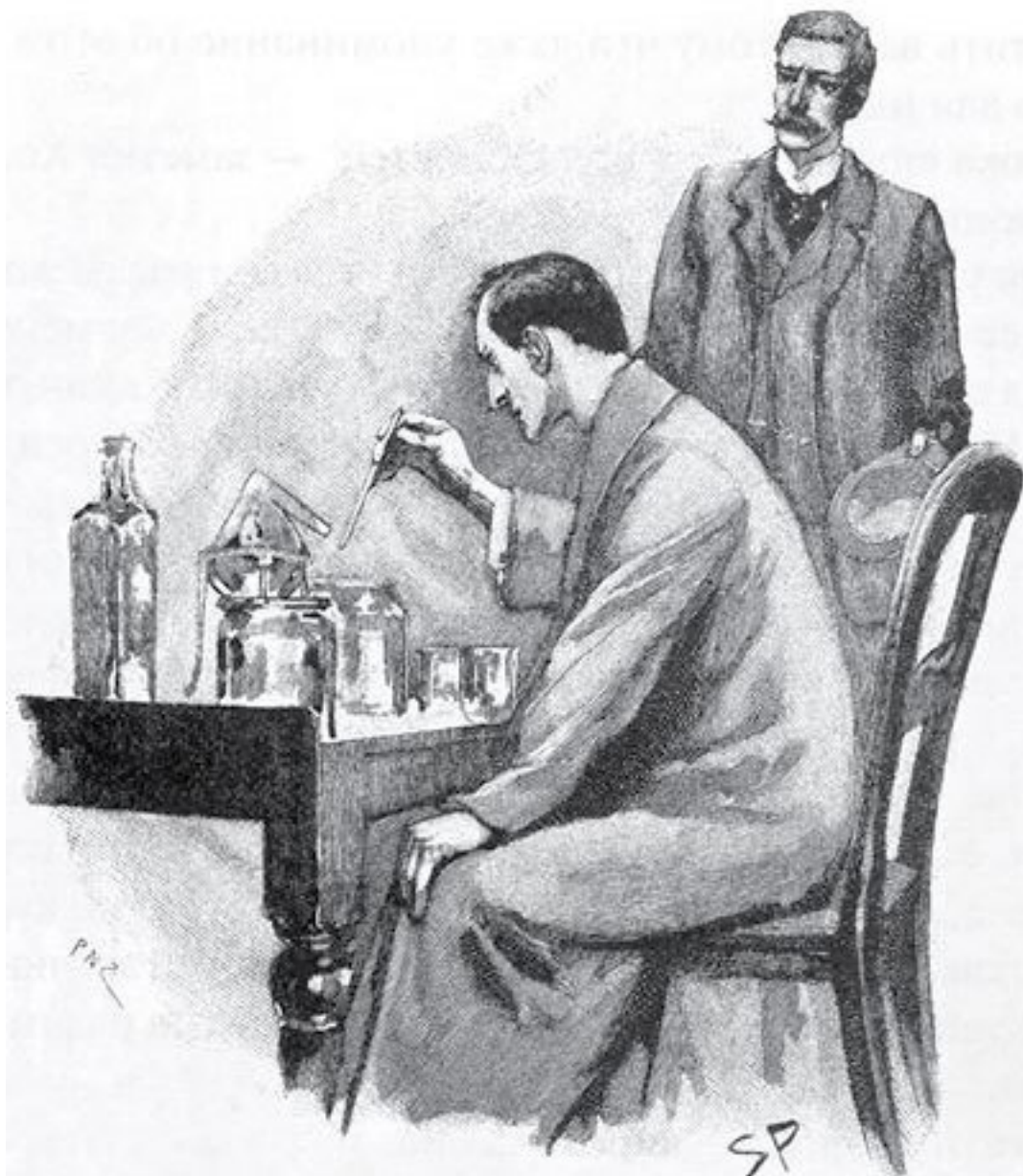
Он опустил бумажку в пробирку, и она сразу окрасилась в темно-красный цвет.

– Гм, я так и думал! – вскрикнул Холмс. – Через минуту я к вашим услугам, Ватсон. Табак вы найдете в персидской туфле.

Он подошел к письменному столу, набросал несколько телеграмм и отдал их мальчику. Потом он уселся в кресло и, подняв колени, охватил их руками.

– Самое обыкновенное убийство, – сказал он. – Мне кажется, у вас есть что-то получше. Вы прямо буревестник преступлений, Ватсон. С чем вы пожаловали?

³² Бунзеновская горелка (лампа) – устройство, имеющее инжектор, установленный в металлической трубке с отверстием для поступления в трубку атмосферного воздуха, которая закреплена на подставке с боковым вводом для подачи в трубку газа. Изобретение немецкого химика Роберта Бунзена.

Я подал ему письмо, которое он прочел с сосредоточенным вниманием.

– Немногое узнаешь из этого, не правда ли? – заметил он, отдавая письмо обратно.

– Почти ничего.

– Только почерк интересный.

– Но ведь писал не он сам.

– Вот именно. Это женский почерк.

– Наверно, все-таки мужской! – возразил я.

– Нет, женский, и почерк женщины с редким характером. Видите, для начала исследования недурно знать, что клиент состоит в близких отношениях с человеком исключительной доброты и порядочности. Это заинтересовало меня. Если вы готовы, то сейчас же отправимся в Уокинг и взглянем на дипломата, находящегося в таком печальном состоянии, и на даму, пишущую письма под его диктовку.

В Ватерлоо нам посчастливилось попасть на ранний поезд, и через час мы уже были в сосновых лесах, среди вереска Уокинга. Брайербрэ оказался большим особняком, стоявшим среди обширного парка, в нескольких минутах ходьбы от станции. Мы отдали наши визитные

карточки, и нас ввели в изящно убранную гостиную, куда вскоре вышел довольно полный господин, встретивший нас очень гостеприимно. На вид ему было около сорока лет, но щеки его были так румяны, а глаза так веселы, что он производил впечатление пухлого шаловливого ребенка.

– Как я рад, что вы приехали, – сказал он, радушно пожимая нам руки. – Перси все утро спрашивал про вас. Он, бедняга, цепляется за каждую соломинку. Его отец и мать просили меня повидаться с вами, так как им тяжело всякое упоминание об этом деле.

– Мы не знаем никаких подробностей, – заметил Холмс. – Вы, я вижу, также не член их семьи.

Наш новый знакомец сначала удивился, потом взглянул вниз и рассмеялся.

– Вы, вероятно, видели монограмму «Дж. Г.» на моем брелоке, – сказал он. – Я вижу, что вы слишком догадливы. Меня зовут Джозеф Гаррисон, и так как Перси должен жениться на моей сестре Энни, то я стану его родственником, по крайней мере, со стороны жены. Вы увидите мою сестру в его комнате; в продолжение двух месяцев она неустанно ухаживает за ним. Не пойти ли нам к нему сейчас же? Я знаю, с каким нетерпением он ожидает вас.

Комната, куда он повел нас, была на одном этаже с гостиной. Она представляла собой нечто среднее между будуаром и спальней и была вся заставлена цветами. Молодой человек, очень бледный и истощенный, лежал на кушетке у открытого окна, через которое из сада доносился чудный запах, напоенный ароматами летнего воздуха. Рядом с ним сидела женщина, которая встала при нашем появлении.

– Мне уйти, Перси? – спросила она. Он удержал ее за руку.

– Как поживаете, Ватсон? – тепло сказал он. – Я никогда не узнал бы вас с этими усами, да, я думаю, и вы не признали бы меня. Это, вероятно, ваш знаменитый друг мистер Шерлок Холмс?

Я представил их друг другу, и мы сели. Полный господин вышел из комнаты, но сестра его осталась и продолжала держать руку больного. Это была женщина поразительной внешности: небольшого роста, довольно полная, но с чудным, оливковым цветом лица, большими темными, как у итальянки, глазами и роскошными черными волосами. Яркий цвет ее лица еще более оттенял худобу и смертельную бледность молодого человека.

– Не буду отнимать у вас времени и сразу перейду к делу, – сказал он, приподнимаясь на кушетке. – Я был счастлив, мистер Холмс, успех сопутствовал мне во всем, как вдруг накануне женитьбы внезапное страшное несчастье разбило все мои надежды на будущее.

Может быть, Ватсон говорил вам, что я служил в Министерстве иностранных дел и благодаря влиянию моего дяди, лорда Холдхерста, быстро получил ответственное место. Когда дядю назначили министром иностранных дел в нынешнем кабинете, он стал давать мне конфиденциальные поручения, и так как мне удавалось всегда успешно выполнять их, он довольно высоко ценил мои способности.

Почти десять недель тому назад – именно двадцать третьего мая – он позвал меня к себе в кабинет и, похвалив за успешное выполнение очередного поручения, сказал, что хочет дать мне новое конфиденциальное задание.

– Вот, – сказал он, вынимая серый сверток из своего бюро, – оригинал секретного договора между Англией и Италией, некоторые слухи о котором, к сожалению, уже просочились в печать. Крайне важно скрыть остальное. Французское или русское посольства заплатили бы огромные деньги, чтобы узнать содержание этих бумаг. Я ни за что не выпустил бы их из своего бюро, если бы не возникла необходимость в копиях этих документов. Есть у тебя в канцелярии надежный письменный стол?

– Да, сэр.

– Ну, так возьми договор и запири его в стол. Я отдал приказание, чтобы ты мог задержаться и переписать эти бумаги без посторонних глаз. Когда закончишь, запири в стол оригинал и копию, а завтра и то и другое отдашь мне лично.

Я взял бумаги и...

– Извините, одну минутку, – сказал Холмс. – Во время этого разговора вы были одни?

– Совершенно одни.

– В большой комнате?

– Тридцать футов по каждой стене.

– В середине ее?

– Приблизительно да.

– И говорили тихо?

– Дядя всегда говорит очень тихо. Я же почти не говорил.

– Благодарю вас, – сказал Холмс, закрывая глаза, – пожалуйста, продолжайте.

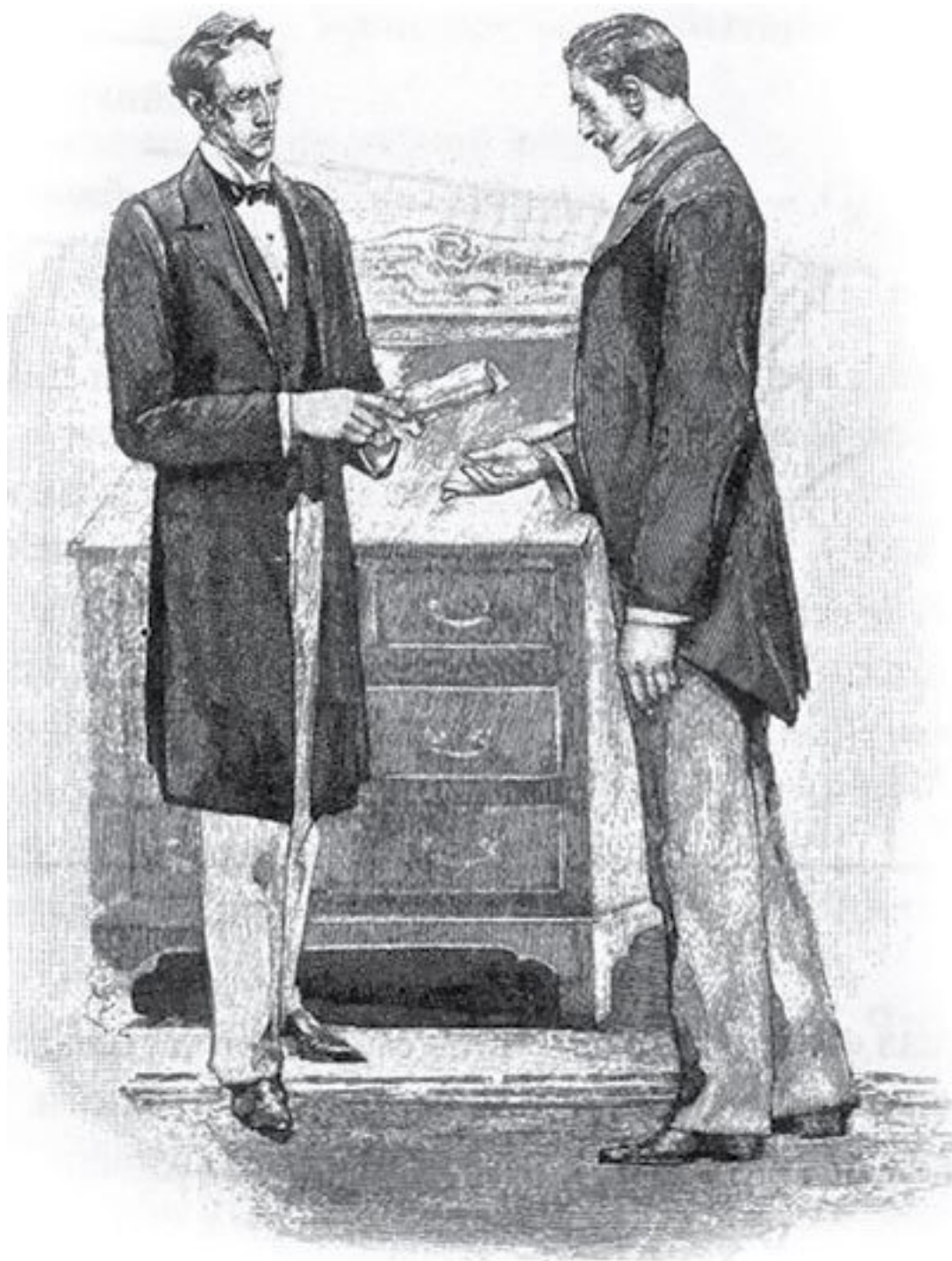
– Я сделал все, как он велел, и стал ожидать, когда уйдут другие чиновники. Одному из них, работавшему в моей комнате, Чарльзу Горо, надо было доделать какую-то работу. Я оставил его и пошел обедать. Когда я вернулся, он уже ушел. Мне очень хотелось поскорее окончить работу, так как я узнал, что Джозеф – мистер Гаррисон, которого вы только что видели, – в городе и поедет в Уокинг с одиннадцатичасовым поездом, на который я также рассчитывал попасть.

Когда я стал рассматривать договор, то убедился, что дядя несколько не преувеличивал его значения. Не буду сообщать вам подробностей, скажу только, что он оговаривал позицию Великобритании относительно Тройственного союза и предопределял будущую политику

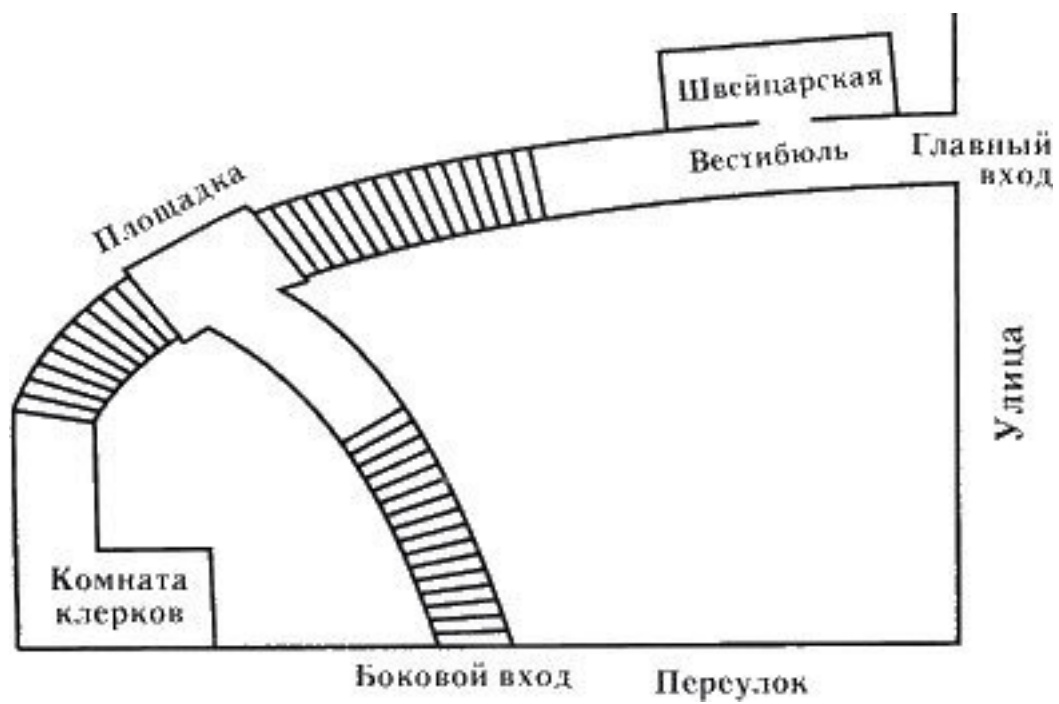
страны в случае, если французский флот получит большое преимущество над итальянским в Средиземном море. В договоре трактовались вопросы сугубо военно-морские... В конце стояли имена высокопоставленных особ, подписавших договор. Я пробежал бумагу глазами и принялся переписывать ее.

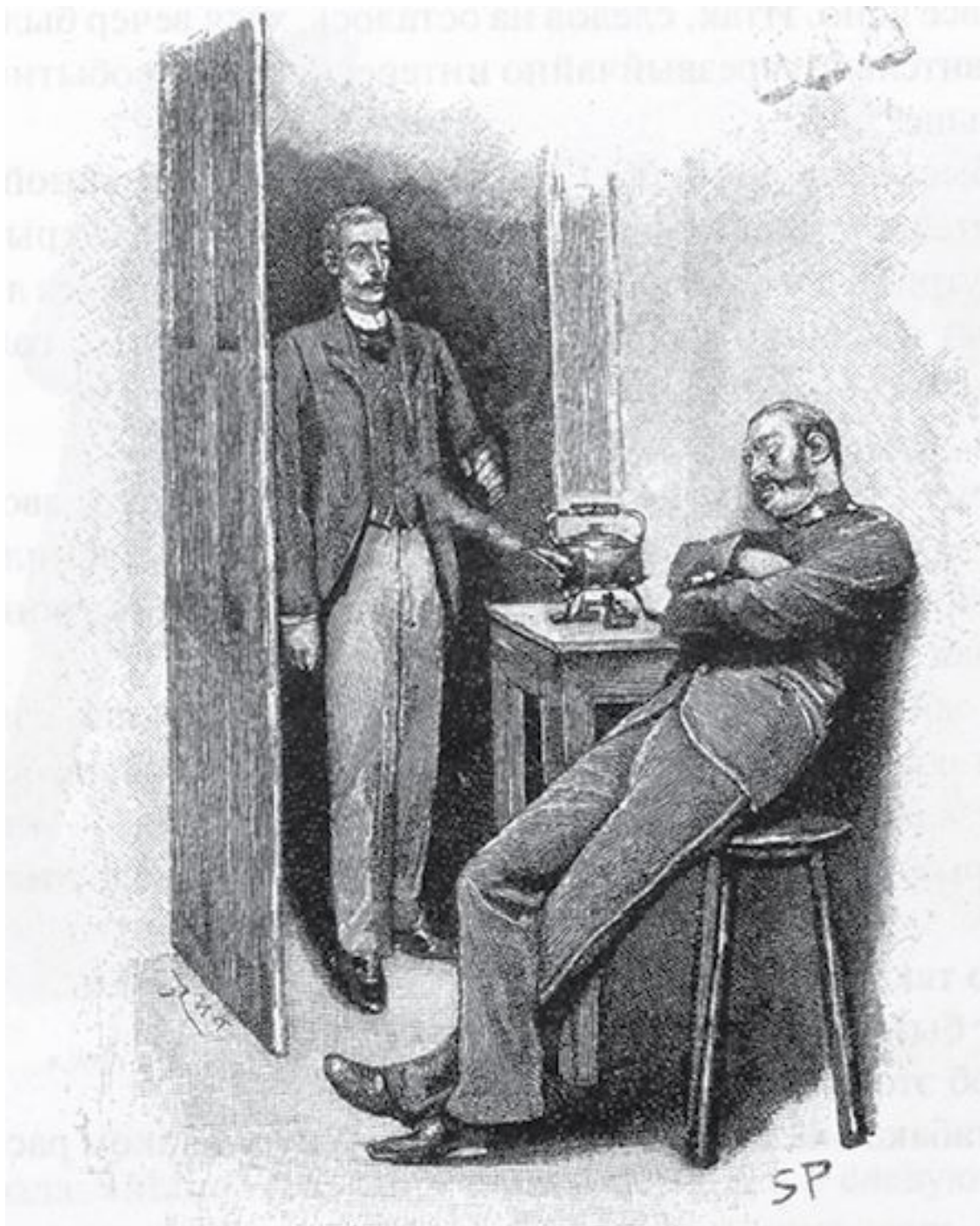
Этот длинный документ, написанный по-французски, содержал двадцать шесть отдельных статей. Я работал максимально быстро, но к девяти часам успел переписать только девять статей и потерял всякую надежду попасть на поезд. Какая-то сонливость и тупость овладели мной – частью под влиянием обеда, а частью вследствие напряженной работы в течение всего дня. Я подумал, что, может быть, чашка кофе освежит меня. В маленькой комнатке под лестницей всегда дежурит курьер, который, в случае необходимости, может сварить на спиртовой лампе кофе для заработавшихся чиновников. Я позвонил, чтобы он пришел.

К моему удивлению, на зов явилась какая-то толстая пожилая женщина с грубым лицом, в переднике. Она сказала, что она жена курьера и занимается поденной работой. Я приказал ей сварить кофе.

Переписав еще две статьи и почувствовав еще большую сонливость, я встал и принялся ходить по комнате, чтобы размять ноги. Кофе мне еще не подали. Не понимая причины задержки, я отворил дверь в коридор и пошел узнать, в чем дело. От комнаты, где я работал, идет слабо освещенный коридор. Он заканчивается извилистой лестницей, которая приводит к комнате курьера. На половине лестницы есть маленькая площадка, к ней под прямым углом выходит другой коридор. Он ведет по другой маленькой лестнице к небольшой двери, через которую ходит прислуга, а также чиновники для сокращения пути из Чарльз-стрит. Вот грубый набросок расположения комнат:

– Благодарю вас. Пока я понимаю, о чем вы говорите, – сказал Шерлок Холмс.

– Чрезвычайно важно, чтобы вы обратили внимание на этот пункт. Я спустился по лестнице в переднюю и увидел, что курьер крепко спит, сидя перед кофейником, стоявшим на спиртовой горелке. Вода в кофейнике кипела так яростно, что брызги ее падали на пол. Я только протянул руку, чтобы разбудить курьера, как над головой его раздался сильный звон колокольчика. Он проснулся, вскочил на ноги и с недоумением взглянул на меня.

– Мистер Фелпс, сэр! – проговорил он.

– Я пришел посмотреть, готов ли мой кофе.

– Я кипятил воду, да и заснул, сэр.

Он посмотрел на меня, а затем с недоумением взглянул на все еще продолжавший звонить колокольчик.

– Если вы здесь, сэр, то кто же звонит в колокольчик? – спросил он.

– Колокольчик? – спросил я. – Что это за колокольчик?

– Это колокольчик из той комнаты, в которой вы работали.

Я оцепенел от ужаса. Значит, кто-то был в комнате, где на столе лежал мой драгоценный договор. Я как безумный сбежал с лестницы и побежал по коридору. Ни в коридоре, ни в комнате никого не было, мистер Холмс. Я посчитал, что все в полном порядке, но порученных мне бумаг на столе не оказалось. Копия лежала на месте, а оригинал исчез.

Холмс сидел на кресле, потирая руки. Я видел, что это дело его очень заинтересовало.

– Скажите, пожалуйста, что же вы тогда сделали? – проговорил он.

– Я сразу понял, что вор, должно быть, пробрался на лестницу через боковую дверь, в противном случае я бы встретился с ним.

– Вы уверены, что он не мог прятаться все время в комнате или в коридоре, по вашим словам слабо освещенном?

– Это совершенно невозможно. Даже крыса не могла бы спрятаться в комнате или в коридоре. Там нет ни одного укромного местечка.

– Благодарю вас. Продолжайте.

– Курьер угадал по моему побледневшему лицу, что произошло что-то неладное, и пошел за мной наверх. Мы оба быстро пробежали по коридору и по крутой лестнице, которая ведет на Чарльз-стрит. Дверь была заперта, но не на замок. Мы распахнули ее и выбежали на улицу. Я хорошо помню, что в эту минуту на соседней церкви пробило три удара. Было без четверти десять.

– Это чрезвычайно важно, – проговорил Холмс, записывая на манжетке рукава.

– Ночь была очень темная; накрапывал теплый дождик. На Чарльз-стрит было безлюдно, но в конце Уайтхолла царил обычное оживление. Без шляп мы побежали по улице, в конце которой стоял полицейский.

– Совершена кража! – задыхаясь, проговорил я. – Из Министерства иностранных дел украден очень важный документ. Не проходил ли здесь кто-нибудь?

– Я стою здесь четверть часа, сэр, – ответил полицейский. – За это время прошла только одна пожилая высокая женщина в шали.

– Ах, это моя жена, – сказал курьер. – А больше никто не проходил?

– Никто.

– Ну, значит, вор прошел другой дорогой, – проговорил курьер, дергая меня за рукав.

Но я не согласился с ним; к тому же очевидные попытки курьера увести меня только усилили мои подозрения.

– В какую сторону пошла эта женщина?! – крикнул я.

– Не знаю, сэр. Я видел ее, но не обратил особого внимания. Мне только показалось, что она очень торопилась куда-то.

– Как давно это было?

– О, только несколько минут тому назад!

– Минут пять?

– Да, не более того.

– Сэр, вы только теряете время, когда важна каждая минута! Поверьте мне на слово: моя старуха тут не причем, и пойдемте на другой конец улицы. А если вы не пойдете, я пойду один.

И с этими словами он бросился в другую сторону. Но я догнал его и схватил за рукав.

– Где вы живете? – спросил я.

– Анви-лейн, номер шестнадцать. В Брикстоне, – ответил он. – Но вы идете по ложному следу, мистер Фелпс. Пойдемте лучше на другой конец улицы, может быть, мы там узнаем что-то.

Я ничего не терял, следуя его совету, и потому мы все втроем бросились на противоположный конец улицы. Народу там было очень много, но так как погода была сырая, то все спешили укрыться где-нибудь. Праздно гуляющих, к которым можно было бы обратиться с вопросами, не оказалось.

Затем мы вернулись в канцелярию и обыскали всю лестницу и коридор, но безуспешно. Коридор, ведущий в комнату, покрыт светлым линолеумом, на котором очень ясно отпечатывается любой след. Мы внимательно осмотрели его, но не нашли никаких следов.

– Дождь шел целый вечер?

– Начиная с семи часов.

– Как же женщина, вошедшая в комнату около девяти, не запачкала линолеума своими грязными башмаками?

– Я рад, что у вас возник этот вопрос. Он тогда и мне пришел в голову. Поденщицы обыкновенно снимают сапоги внизу у курьера и надевают туфли.

– Это очевидно. Итак, следов не было видно, несмотря на сырую погоду? Обстоятельство, действительно, очень интересное. Что же вы затем сделали?

– Мы обыскали и комнату. Потайной двери тут не могло быть, а окна находятся на высоте тридцати футов от земли; оба они были заперты изнутри. Ковер исключает всякую мысль о люке, а потолок самый простой, выбеленный клеевой краской. Я готов биться об заклад, что вор вышел через двор.

– А камин?

– Там нет его. Есть только печка. Шнурок колокольчика висит как раз направо от моего стола. Тот, кто звонил, подошел для этого прямо к столу. Но зачем было преступнику звонить в колокольчик? Это просто неразрешимая загадка.

– Действительно, случай необычайный. Что же вы предприняли потом? Вы, вероятно, осмотрели всю комнату, чтобы найти какие-то следы преступника: окурки сигары, оброненную перчатку, шпильку или какую-нибудь другую мелочь?

– Там не было ничего подобного.

– А запаха?

– Ну, мы об этом не подумали.

– Ах, запах табака имел бы для нас очень важное значение в этом случае.

– Я не курю сам и поэтому, думаю, что заметил бы запах табака. Не было положительно никаких данных. Единственным существенным фактом является то обстоятельство, что жена курьера – миссис Тэнджей – торопливо ушла отсюда. Сам курьер объяснил только, что она почти всегда уходила в это время. Мы с полицейским решили, что лучше всего было бы немедленно задержать эту женщину, пока бумаги еще у нее.

Мы тут же сообщили об этом в Скотланд-Ярд. Явился сыщик, мистер Форбс, и энергично принялся за дело. Мы наняли экипаж и через полчаса приехали к дому курьера. Нам отворила дверь какая-то молодая женщина, оказавшаяся старшей дочерью миссис Тэнджей. Она сказала, что мать еще не возвращалась, и попросила нас подождать ее в передней комнате.

Минут через десять кто-то постучался в дверь, и тут мы сделали первую серьезную ошибку, за которую я виню только себя. Вместо того, чтоб отворить дверь самим, мы позволили это сделать ее дочери и слышали, как она сказала: «Мама, тут ждут тебя двое людей». Мгновение спустя мы услышали чьи-то поспешные шаги. Форбс распахнул дверь, и мы оба вбежали в заднюю комнату, но женщина обогнала нас. Она смотрела на нас с вызывающим видом. Но тут она узнала меня, и мы увидели на ее лице неподдельное изумление.

– Да неужели это мистер Фелпс из канцелярии?! – вскрикнула она.

– Ну, а за кого же вы приняли нас, когда убежали? – спросил мой товарищ.

– Я думала, вы за долгом, – ответила она. – У нас тут вышли неприятности с одним торговцем.

– Это вы неудачно придумали, – ответил Форбс. – У нас имеются основания предполагать, что вы взяли важную бумагу из Министерства иностранных дел и убежали, чтоб отдать ее кому-то. Вам придется пройти с нами в полицию, вас там обыщут.

Напрасно она протестовала и сопротивлялась.

Подъехал кеб, и мы отправились все втроем. Но сначала мы осмотрели кухню, и особенно тщательно плиту, чтобы проверить, не сожгла ли она бумаги в ту минуту, когда осталась одна. Однако мы не нашли ни золы, ни каких-то иных остатков. Как только мы приехали в Скотланд-Ярд, Форбс поручил сотруднице немедленно обыскать ее. Я ждал с мучительной тревогой результатов обыска. Бумаг у подозреваемой не оказалось. Лишь тогда я осознал весь ужас моего положения. До сих пор я только действовал и некогда было думать о последствиях этого происшествия. Я был так уверен в том, что найду договор, что не решался даже подумать о худшем варианте. Но теперь делать было нечего, и я мог на досуге осознать свое положение. Это было ужасно! Ватсон может сказать вам, что в школе я был нервным, чувствительным мальчиком. Таков уж я по натуре. Я подумал о дяде и его товарищах по кабинету, о позоре, который я навлек на него, на себя, на всех моих родных. Что из того, что я жертва невероятного случая? Никакие случайности не допускаются там, где затронуты дипломатические интересы. Я погиб, погиб постыдно, безнадежно. Не помню, что я сделал. Думаю, со мной случилась истерика. Мне смутно припоминается, как вокруг меня собралась толпа служащих Скотланд-Ярда, старавшихся утешить меня. Один из них отвез меня на вокзал Ватерлоо и посадил в поезд, идущий в Уокинг. Наверное, он проводил бы меня до дома, если бы в том же поезде не ехал доктор Ферьер, который живет по соседству со мной. Доктор чрезвычайно любезно согласился взять

меня на свое попечение и хорошо сделал, потому что на станции у меня произошел нервный срыв, и, прежде чем мы доехали до дома, я стал буйным и неуправляемым.

Можете себе представить, каково было состояние моих близких, когда звонок доктора разбудил их, и они увидели меня в подобном положении. Бедная Энни – вот она – и моя мать были в полном отчаянии. Доктор Ферьер слышал кое-что на станции от сыщика и передал им это, что, конечно, не улучшило дела. Очевидно было, что у меня будет продолжительная болезнь. Поэтому Джозефа выгнали из его уютной спальни и поместили в ней меня. Здесь, мистер Холмс, я лежал целых девять недель, без сознания. У меня было воспаление мозга. Если бы не забота мисс Гаррисон и не лечение доктора – вы бы не говорили сегодня со мной. Энни ухаживала за мной днем, а по ночам за мной смотрела сиделка, так как в приступах безумия я был способен на все. Рассудок мой прояснялся медленно, а память вернулась только в последние три дня. Временами я осознаю, что было бы лучше, если бы она совсем ко мне не возвращалась. В первую очередь, я телеграфировал мистеру Форбсу, в руках которого находится дело. Он приехал и рассказал, что, несмотря на все усилия, ему не удалось найти нить, за которую можно было бы ухватиться. Курьера и его жену допрашивали чрезвычайно тщательно, но не смогли от них ничего добиться. Тогда подозрение полиции пало на молодого Горо, который, если помните, оставался в этот вечер на службе позже других. Единственным поводом к подозрению являлось то обстоятельство, что он остался, когда ушли другие, и, кроме того, носит французскую фамилию. Но я начал работу только после его ухода, а его родные, хоть и были гугенотами, но по своим симпатиям и традициям такие же англичане, как мы с вами. Подозрения ничем не подтвердились, и дело фактически остановилось... Обращаюсь к вам, мистер Холмс, как к по следней моей надежде. Если и вы не поможете мне, то моя честь и карьера погублены навсегда.

Больной, обессиленный долгим рассказом, опустился на подушку, и добровольная сиделка дала ему выпить какого-то подкрепляющего лекарства. Холмс молча сидел, откинув голову и закрыв глаза. Посторонний мог бы подумать, что он слушает совершенно безучастно, но я видел, что он был весь во внимании.

– Вы рассказали все так ясно, – наконец, проговорил он, – что у меня практически нет к вам вопросов, за исключением одного, но чрезвычайно важного. Вы никому не рассказывали о возложенном на вас поручении?

– Никому.

– А, например, мисс Гаррисон?

– Нет. Я не был в Уокинге в промежутке между получением поручения и его выполнением.

– И не виделись, случайно с кем-нибудь из близких?

– Нет.

– Знает ли кто-нибудь из них о расположении канцелярии?

– О, да, все.

– Впрочем, эти вопросы не имеют смысла, раз вы говорите, что никому не рассказывали про договор.

– Я ничего не говорил.

– Что вы знаете о курьере?

– Ничего, кроме того, что он отставной солдат.

– Какого полка?

– Слышал, что гвардейского... «Коулдстрим».

– Благодарю. Не сомневаюсь, что Форбс сообщит мне некоторые подробности. Сыщики Скотланд-Ярда отлично умеют собирать факты, хотя не всегда используют их... Что за прекрасный цветок – роза!..

Он прошел мимо кушетки к открытому окну и приподнял склонившийся стебель розы, любуясь на красивое сочетание пурпурного и зеленого цветов. Для меня это увлечение являлось новой чертой в характере Холмса, так как мне ни разу не приходилось видеть, чтобы он особенно интересовался такими предметами.

– Нет ничего другого, требующего точной логики, как религия, – проговорил Холмс, прислоняясь к ставням. – Человек думающий может построить тут все как в точных науках. Мне кажется, наша высшая вера в благодать Провидения основывается именно на цветах. Все другое – силы, желания, пища – насущная необходимость. А эта роза – роскошь. Ее запах и цвет – украшения жизни, но не являются главным условием ее существования. Только благодать – источник прекрасного, и потому-то я говорю, что цветы поддерживают в нас надежду...

Во время этой тирады выражение удивления и разочарования отразилось на лице Перси Фелпса и его сиделки. Холмс впал в мечтательное настроение, продолжая держать розу в руках. Мисс Гаррисон прервала молчание.

– Как вы полагаете, есть надежда разрешить эту тайну, мистер Холмс? – спросила она с оттенком колкости в голосе.

– О, тайну! – ответил он, вздрогнув и как бы возвращаясь к прозе жизни. – Было бы нелепым отрицать, что дело чрезвычайно трудное и сложное, но обещаю вам основательно заняться им и держать вас в курсе расследования.

– Видите ли вы какую-либо нить?

– Вы дали мне целых семь, но, конечно, мне нужно проверить их прежде, чем решить, какую из них выбрать.

– Вы подозреваете кого-нибудь?

– Самого себя...

– Как? Что это значит?

– Подозреваю самого себя в том, что первоначально поспешил с выводами.

– Так отправляйтесь в Лондон и проверьте ваши заключения.

– Превосходный совет, мисс Гаррисон, – сказал Холмс, вставая. – Я думаю, Ватсон, это лучшее, что мы можем сделать... Пока нет основания для оптимизма, мистер Фелпс. Дело очень запутанное.

– Я буду ожидать вас с большим нетерпением, – ответил молодой человек.

– Хорошо, я приеду завтра утром с тем же поездом, хотя, по всей вероятности, не смогу сообщить вам ничего нового.

– Да благословит вас Бог за обещание приехать! – воскликнул больной. – Я оживаю при одной мысли, что не все еще потеряно. Между прочим, я получил письмо от лорда Холдхерста.

– Ага! Что же он пишет?

– Письмо холодное, но не резкое. Я думаю, от резкости его удержала моя серьезная болезнь. Он подтверждает, что дело чрезвычайно важное, и что ничего не будет предпринято относительно меня – под этими словами он, конечно, подразумевает отставку, – пока я не поправлюсь и не найду возможность исправить это положение.

– Ну, это разумно и деликатно, – сказал Холмс. – Едем, Ватсон. В городе нам предстоит много дел.

Мистер Джозеф Гаррисон отвез нас на станцию, и скоро мы уже мчались в портсмутском поезде.

– Очень интересно въезжать в Лондон по одной из этих высоких линий, откуда открывается вид на дома, подобные этим.

Я думал, что он шутит, так как вид был довольно мрачный, но он скоро объяснил сказанное:

– Посмотрите на эти большие, отдельные группы построек, возвышающиеся над сланцевыми крышами, как кирпичные острова среди моря свинцового света.

– Школьные здания.

– Маяки, мой милый! Светильники будущего! Семенные коробочки с сотнями светлых зернышек в каждой, из которых выйдет будущее, лучшее и более умное поколение англичан. Как вы думаете, этот Фелпс не пьет?

– Думаю, что нет.

– И я полагаю то же. Но мы должны предусмотреть все. Бедняга попал в сильную передрягу, и еще вопрос, удастся ли нам выручить его. Что вы думаете о мисс Гаррисон?

– Девушка с сильным характером.

– Да, к тому же порядочная, или я сильно ошибаюсь. Она и ее брат – единственные дети железного фабриканта, живущего где-то около Нортумберленда. Фелпс сделал ей предложение, стал ее женихом во время путешествия в прошлом году, и она приехала сюда в сопровождении брата, чтобы познакомиться со своими будущими родственниками. Тут произошла катастрофа, и она осталась ухаживать за своим возлюбленным. Брату Джозефу понравилось здесь, и он также остался. Как видите, я навел уже некоторые справки, и сегодня мы продолжим эту работу.

– Моя практика... – начал я.

– О, если ваши дела интереснее моих... – возразил Холмс несколько резко.

– Я хотел только сказать, что моя практика может обойтись без меня день-другой – теперь ведь самое тихое время года.

– Превосходно, – сказал Холмс. Хорошее расположение духа вернулось к нему. – Ну, так мы вместе займемся делом. Я думаю, прежде всего, нам нужно повидаться с Форбсом. Он, вероятно, раскроет нам все необходимые подробности, так что мы будем знать, как подойти к делу.

– Вы сказали, что нашли нить.

– Даже несколько; но пригодность их мы можем проверить только расследованием. Труднее всего раскрыть преступление, цель которого неизвестна. Это преступление не бесцельно. Кому оно может быть выгодно? Французскому посланнику, русскому, тому, кто может продать бумаги одному из них или лорду Холдхерсту?..

– Лорду Холдхерсту?

– Трудно представить себе государственного деятеля, когда исчезновение подобного документа не особенно огорчило его.

– Только не человека такой безупречной репутации, как лорд Холдхерст.

– Однако мы не можем пренебречь этой версией. Сегодня мы увидимся с благородным лордом и послушаем, что он нам скажет. А пока расследование идет полным ходом.

– Уже идет?

– Да, со станции Уокинг я телеграфировал во все вечерние лондонские газеты. Вот какое объявление появится в них.

Он передал мне листок бумаги, вырванный из записной книжки. На нем было написано карандашом:

«10 фунтов награды тому, кто сообщит номер кеба, привезшего седока к подъезду Министерства иностранных дел 23 мая без четверти десять вечера. Дать знать: 221б, Бейкер-стрит».

– Вы уверены, что вор приехал в кебе?

– Даже если и не в кебе – это неважно. Но если мистер Фелпс не ошибается, говоря, что в комнате негде скрыться, то вор должен был прийти с улицы. Если он пришел в такую сырую ночь и не оставил следов на линолеуме, который осматривали через несколько минут после происшествия, то весьма вероятно, что он приехал. Да, мне кажется, что мы смело можем остановиться на том, что он приехал в кебе.

– Это возможно.

– Вот одна из тех нитей, о которых я говорил. Она может привести нас к чему-нибудь. А затем колокольчик... Главная особенность дела. Отчего зазвонил колокольчик? Может быть, это бравада преступника? Или кто-то хотел предупредить преступление. Была ли это простая случайность? Или...

Холмс снова погрузился в глубокое безмолвное раздумье, но мне, привыкшему ко всем его настроениям, показалось, что у него возникла внезапно новая догадка.

Было двадцать минут четвертого, когда мы приехали на вокзал и, наскоро позавтракав в буфете, отправились в Скотланд-Ярд. Холмс уже телеграфировал Форбсу, и он ожидал нас. Это был маленький человек с пронизательным, но нелюбезным выражением лисьего лица. Он встретил нас холодно и стал еще холоднее, когда услышал причину нашего посещения.

– Слышал я о вашем способе вести дела, мистер Холмс, – колко проговорил он. – Пользуетесь всеми данными, добытыми полицией, а потом стараетесь окончить дело сами, присваивая себе все заслуги.

– Напротив, – возразил Холмс. – Из пятидесяти трех моих последних дел мое имя упоминается только в четырех, а в сорока девяти остальных вся честь принадлежит полиции. Я не виню вас в том, что это неизвестно вам: вы молоды и неопытны. Но если желаете достигнуть успеха в вашей новой деятельности, то вам следует работать со мной, а не против меня.

– Я был бы очень рад выслушать ваш совет, – сказал сыщик, изменяя тон. – До сих пор, правда, я не имел заметных успехов.

– Какие шаги вы уже предприняли?

– Подозрение пало на курьера Тэнджея. Аттестат из полка у него прекрасный, и никаких улик против него нет. Но у его жены дурная слава. Я думаю, она знает больше, чем говорит.

– Вы проследили за ней?

– Мы приставили к ней одну из наших женщин. Миссис Тэнджей пьет; наша поверенная два раза разговаривала с ней, когда та была навеселе, но ничего не добилась.

– Насколько я слышал, у них была назначена продажа имущества с аукциона?

– Да, но долг был уплачен.

– Откуда они взяли деньги?

– Он получил свою пенсию. Но вообще незаметно, чтобы у них были деньги.

– Чем она объяснила свое появление на звонки мистера Фелпса?

– Она сказала, что муж ее очень устал, и она хотела помочь ему.

– Конечно, это подтверждается тем, что немного позднее его нашли спящим на стуле.

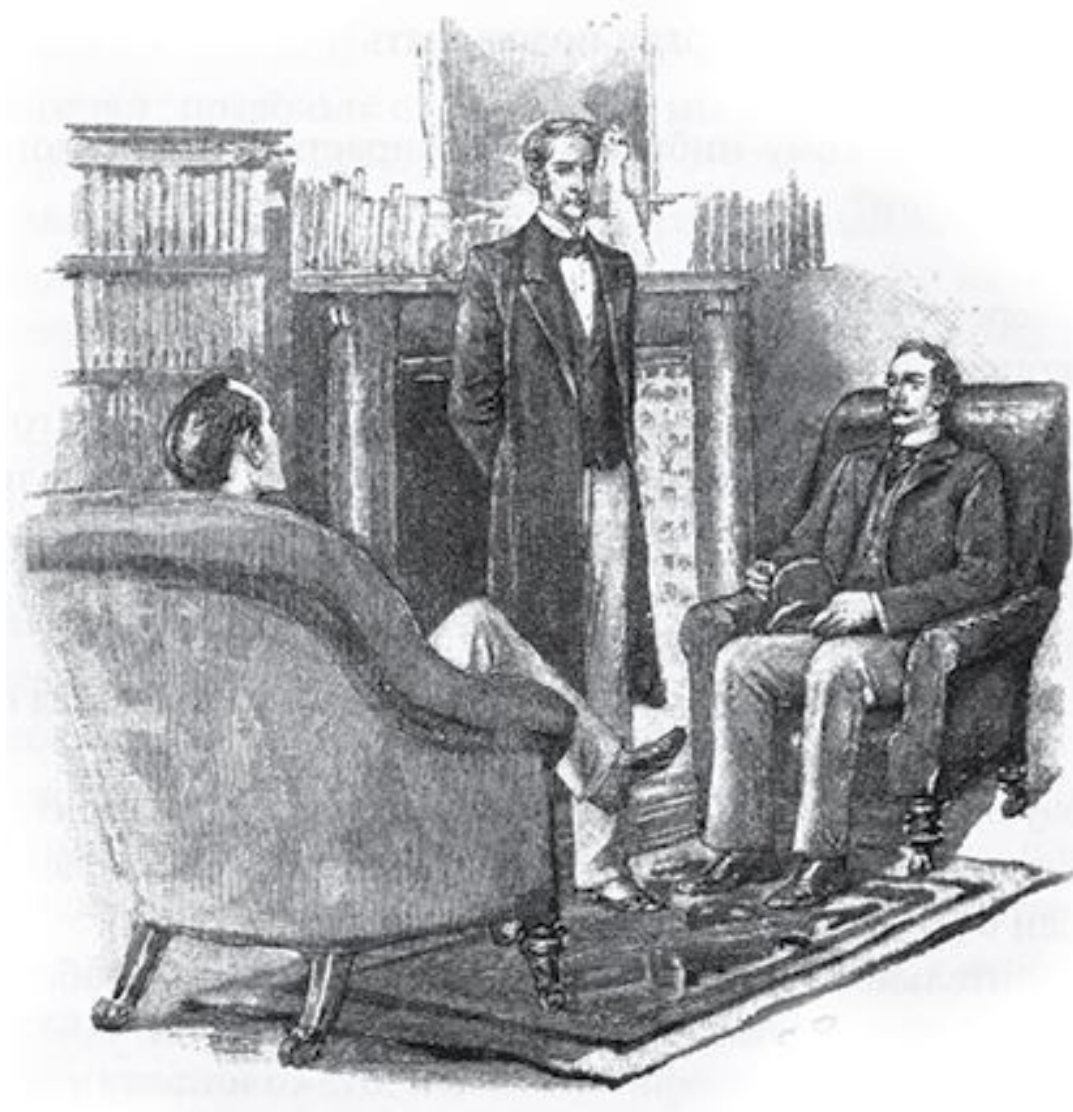
Итак, против него нет улик, кроме репутации жены. Спросили вы ее, почему она так спешила в тот вечер? Этой поспешностью она обратила на себя внимание констебля.

– Она запоздала и торопилась домой.

– Указали вы ей на то, что вы и мистер Фелпс были у нее на квартире раньше нее, хотя ушли с места события на двадцать минут позже?

– Она объясняет это разницей между омнибусом и кебом.

– Объяснила она, почему, придя домой, пробежала прямо в кухню?

- Потому что там у нее лежали деньги, которыми она должна была оплатить долг.
- Однако, у нее есть ответ на все. Спрашивали вы ее, не видела ли она кого-нибудь на Чарльз-стрит?
- Только констебля.
- Ну, вы, кажется, допросили ее достаточно подробно. Что вы еще сделали?
- В продолжение девяти недель следили за Горо, но безуспешно. Против него нет ни малейших улик.
- Еще что?
- Пока все, больше никаких следов.
- Есть у вас какое-нибудь предположение, отчего звонил колокольчик?
- Должен признаться, что теряюсь в догадках. Надо обладать большим хладнокровием, чтобы самому поднять тревогу.
- Да, очень странный поступок. Очень благодарен вам за сообщение. Дам вам знать, если удастся найти виновного. Идем, Ватсон!
- Куда же мы отправимся теперь? – спросил я, когда мы вышли на улицу.
- Поедем интервьюировать лорда Холдхерста, члена кабинета министров, а в будущем премьера Англии.

Нам посчастливилось застать лорда Холдхерста в его помещении на Даунинг-стрит. Холмс послал свою визитную карточку, и нас сейчас же проводили к нему. Государственный деятель принял нас со свойственной ему старомодной вежливостью и усадил нас в роскошные кресла, стоявшие по бокам камина. Стоя между нами на ковре, лорд Холдхерст – высокий, тонкий, с резко очерченным задумчивым лицом, с кудрявыми, преждевременно поседевшими волосами – казался олицетворением нечасто встречающегося типа истинного благородного вельможи.

– Ваша фамилия очень знакома мне, мистер Холмс, – улыбаясь, проговорил он. – И, конечно, я не сомневаюсь насчет цели вашего посещения. Только происшествие в здешнем министерстве могло привлечь ваше внимание. Можно узнать, чьи интересы вы представляете?

– Интересы мистера Перси Фелпса, – ответил Холмс.

– Ах, моего несчастного племянника! Вы понимаете, что именно наше родство не позволяет мне защитить его. Проще это было бы сделать с кем-то посторонним. Боюсь, что этот случай очень дурно отразится на его карьере.

– Но если документ будет найден?

– Тогда, конечно, дело другое.

– Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, лорд Холдхерст.

– Буду счастлив предоставить вам любые сведения, какими только располагаю.

– Наставления относительно переписки документа вы давали в этой комнате?

– Да.

– Следовательно, вряд ли кто мог подслушать вас?

– И речи не может быть об этом.

– Говорили вы кому-нибудь, что намереваетесь отдать переписать договор?

– Никому.

– Вы уверены в этом?

– Совершенно уверен.

– Ну, если ни вы, ни мистер Фелпс ничего и никому не говорили о документе, а кроме вас, никто не знал об этом, то присутствие вора в комнате является случайным. Он просто воспользовался подвернувшимся ему удобным случаем.

Лорд Холдхерст улыбнулся.

– Это уже вне моей компетенции, – сказал он.

Холмс на мгновение задумался.

– Есть один очень важный пункт, о котором я хочу поговорить с вами, – сказал он. – Насколько я знаю, вы опасались очень серьезных последствий в случае, если бы договор был предан огласке?

Тень пробежала по выразительному лицу министра.

– Да, последствия могут быть очень серьезные.

– И они уже обнаружились?

– Нет еще.

– Если договор попадет во французское или русское посольство, вы, вероятно, узнаете об этом?

– Конечно, – ответил лорд Холдхерст, и на лице его выразилось неудовольствие.

– Так как с тех пор прошло уже почти десять недель и о бумаге ничего не слышно, то нельзя ли предположить, что, по какой-либо причине, она не попала ни в одно из посольств?

Лорд Холдхерст пожал плечами.

– Нельзя же предположить, мистер Холмс, что вор украл договор только для того, чтобы вставить его в рамку и повесить на стену.

– Может быть, он поджидает, кто предложит более высокую цену?

– Если подождет еще немного, то ничего не получит. Через несколько месяцев договор перестанет быть тайной.

– Это чрезвычайно важно, – сказал Холмс. – Конечно, можно предположить внезапную болезнь вора...

– Например, воспаление мозга? – спросил министр, бросая проницательный взгляд на своего собеседника.

– Я этого не говорил, – невозмутимо ответил Холмс. – Но мы отняли у вас слишком много дорогого времени, лорд Холдхерст, а потому позвольте проститься с вами.

– Полного успеха вам, кто бы ни был виновным, – сказал Холдхерст, провожая нас до дверей.

– Прекрасный человек, – заметил Холмс, когда мы вышли на улицу. – Но трудно ему поддерживать свое положение с должным достоинством. Он далеко не богат. Вы, конечно, заметили, что на сапогах у него новые подметки? Ну, Ватсон, не стану больше отвлекать вас от работы. Сегодня я ничего не буду делать; подожду ответа на объявление насчет кеба. Но был бы очень благодарен, если бы вы поехали со мной завтра утром в Уокинг с тем же поездом, как сегодня.

На следующее утро я встретил его на станции, и мы вместе поехали в Уокинг. Он сообщил, что пока не получил ответа на объявление и не узнал никаких новых данных. Выражение лица Холмса при этом было непроницаемым, как у краснокожего, и по его виду я не мог сказать, доволен ли он положением дела, или нет. Как я помню, он вдруг завел разговор о системе измерений Бертильона и начал восторгаться французским ученым.³³

Больного мы нашли, как и раньше, на попечении его усердной сиделки. Выглядел он гораздо лучше. Когда мы вошли, он встал с кушетки и свободно пошел нам навстречу.

– Что нового? – торопливо спросил он.

– Как я и опасался, не могу рассказать вам ничего интересного, – ответил Холмс. – Видел я и Форбса, и вашего дядюшку, начал розыски по двум направлениям... Может быть, что-нибудь и выйдет из этого.

– Так вы не отчаиваетесь?

– Нисколько.

– Да благословит вас Бог за это! – воскликнула мисс Гаррисон. – Не будем только терять надежды и терпения – и правда откроется.

– Мы можем вам рассказать больше, чем вы нам, – сказал Фелпс, садясь на кушетку.

– Я надеялся на это.

– Да, сегодня ночью с нами случилось происшествие, которое могло бы иметь весьма важные последствия, – проговорил Фелпс. Выражение лица его стало очень серьезным, и нечто похожее на страх мелькнуло в его глазах. – Знаете ли, я начинаю думать, что я являюсь центром какого-то ужасного заговора, направленного против моей жизни и чести.

– Как это?! – заинтересовался Холмс.

– Это кажется невероятным, потому что, насколько я знаю, у меня нет врагов. Но после того, что произошло ночью, я не могу прийти к иному заключению.

– Пожалуйста, расскажите как можно подробнее.

– Надо вам сказать, что в эту ночь я спал в первый раз со времени моей болезни один в комнате, без сиделки. Мне стало настолько лучше, что я решил обойтись без нее, но оставил себе ночник. Около двух часов утра я заснул, но был внезапно разбужен каким-то легким шумом, как будто мышь грызла доску. Некоторое время я прислушивался к этому звуку. Звук становился все громче и громче, и, наконец, у окна послышался металлический лязг.

³³ Бертильон Альфонс (1853–1914) – французский антрополог и криминалист, предложивший систему судебной идентификации личности, включавшую 11 параметров.

Я поднялся с кровати в полном изумлении. Всякое сомнение исчезло: кто-то пытался просунуть инструмент в узкую щель между створками ставень и приподнять задвижку. Затем наступила пауза, длившаяся минут десять. Очевидно, кто-то прислушивался, не проснулся ли я от шума. Потом я услышал, как медленно, с тихим скрипом отворилось окно. Я не мог выдержать дольше, потому что нервы мои уж не те, что прежде, вскочил с кровати и распахнул ставни. У окна, на земле, притаился какой-то человек. Он вскочил и исчез с быстротой молнии, так что я не смог рассмотреть его. На нем было что-то вроде плаща, которым он прикрывал нижнюю часть лица. В одном только не сомневаюсь, что в руках у него было какое-то орудие, как будто длинный нож. Я ясно видел блеск его, когда незнакомец бросился бежать.

– Это чрезвычайно интересно, – сказал Холмс. – И что же вы сделали потом?

– Будь я сильнее, то выскочил бы в открытое окно и попытался схватить его. Но в нынешнем моем состоянии я не смог этого сделать, а только позвонил и поднял на ноги весь дом. Это заняло некоторое время, так как звонок проведен в кухню, а вся прислуга спит наверху. Но на мой крик явился Джозеф и разбудил остальных. Джозеф и грум нашли следы на цветочной клумбе под окном, но последние дни погода стояла такая сухая, что они решили, что бесполезно искать продолжение следов на траве. Они сказали мне, что на деревянной изгороди вдоль дороги остались некоторые следы, по которым было видно, что кто-то перелезал через нее, причем сломал верхушку одного из кольев. Я пока не поставил в известность местную полицию, потому что хотел раньше посоветоваться с вами.

Этот рассказ, казалось, произвел на Шерлока Холмса необычайное впечатление. Он встал со стула и с волнением принялся ходить по комнате.

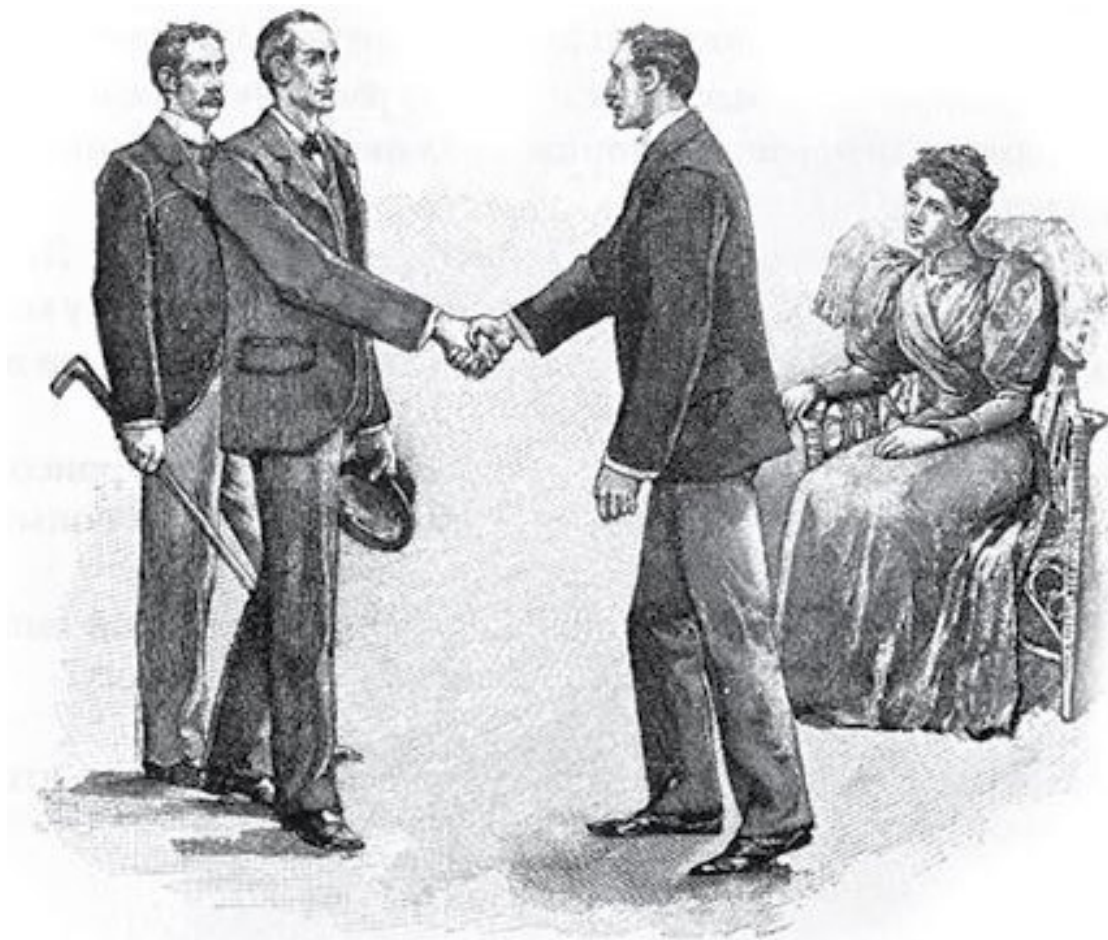
– Несчастье никогда не приходит одно, – сказал Фелпс, грустно улыбаясь, хотя было ясно, что ночное происшествие несколько потрясло его.

– Да, немало их выпало на вашу долю, – сказал Холмс. – Как вы смотрите на то, чтобы прогуляться со мной возле дома?

– О, мне бы хотелось выйти на солнце. Джозеф пойдет с нами.

– И я тоже, – сказала мисс Гаррисон.

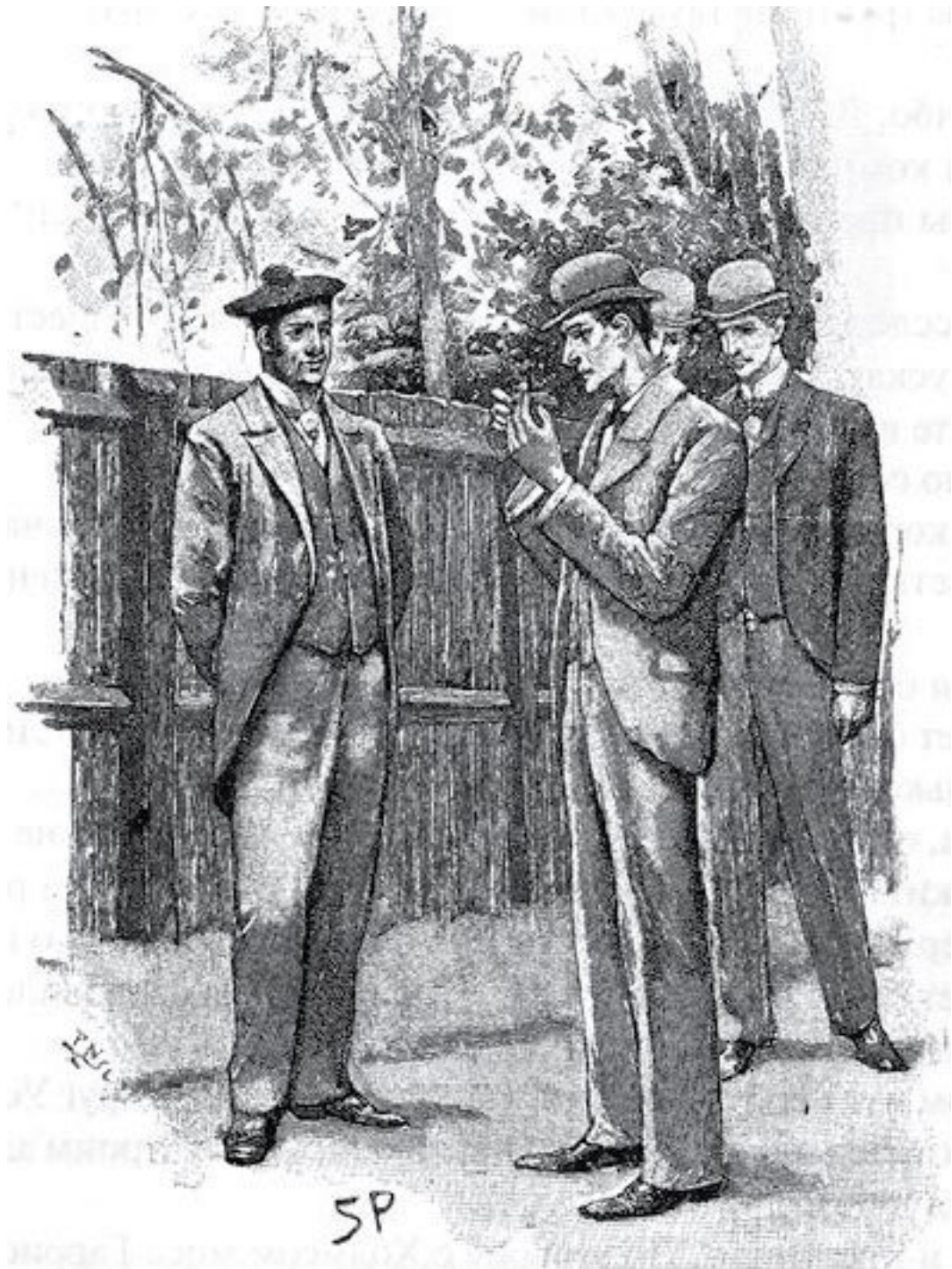
– Извините, – сказал Холмс, покачивая головой, – но я попрошу вас остаться в доме.

Молодая девушка села на стул с недовольным видом, а брат ее присоединился к нам. Вчетвером мы вышли из дома и, обогнув лужайку, подошли к окну комнаты молодого дипломата. Как он и говорил, на цветочной клумбе отпечатались следы ног, но они были очень нечеткие. Холмс нагнулся, рассматривая их, и через мгновение поднялся, пожав плечами.

– Вряд ли можно извлечь из этого какие-то улики, – сказал он. – Обойдем дом и посмотрим, почему вор выбрал именно эту комнату. По-моему, большие окна гостиной и столовой должны были, в первую очередь, привлечь его внимание.

– Они виднее с дороги, – заметил мистер Джозеф Гаррисон.

- Ах, да, конечно. Он мог попробовать пробраться через эту дверь. Куда она ведет?
 - Это – черный ход, через который ходят торговцы. Понятно, что эта дверь запирается на ночь.
 - Бывали у вас раньше подобные происшествия?
 - Никогда, – ответил наш клиент.
 - Есть у вас в доме серебро или какие-то ценности, которые могли бы привлечь внимание воров?
 - Ничего ценного.
- Холмс обошел дом, засунув руки в карман, с непривычным для него небрежным видом.

– Между прочим, – сказал он, обращаясь к Джозефу Гаррисону, – я слышал, что вы нашли место, где вор перелез через забор. Пойдем, осмотрим его.

Молодой человек подвел нас к забору, где верхушка кола была расщеплена. Холмс, оторвав кусок, посмотрел критическим взглядом.

– Вы думаете, что этот кусок отломлен только вчера? По-моему, это случилось давно.

– Может быть.

– Нет следов, которые указывали бы, что кто-то перескочил на другую сторону. Здесь, кажется, нам нечего делать. Пойдем в дом и обсудим ситуацию.

Перси Фелпс шел очень медленно, опираясь на руку своего будущего зятя. Холмс быстро прошел по лужайке, и мы с ним подошли к открытому окну раньше других.

– Мисс Гаррисон, – сказал Холмс многозначительным тоном, – вы должны находиться здесь весь день. Оставайтесь во что бы то ни стало там, где вы располагаетесь теперь. Это чрезвычайно важно.

– Конечно, я исполню ваше желание, мистер Холмс, – сказала удивленная девушка.

– Когда пойдете спать, закройте дверь снаружи и оставьте ключ у себя. Обещайте мне сделать это.

– А Перси?

– Он поедет с нами в Лондон.

– А я должна остаться здесь?

– Вы должны сделать это ради него. Этим вы ему очень поможете. Обещаете?

Она утвердительно кивнула головой как раз в ту минуту, когда остальные подошли к окну.

– Чего это ты киснешь там, Энни? – крикнул ей брат. – Выйди-ка на солнышко!

– Нет, благодарю, Джозеф. У меня немного болит голова, а здесь в комнате так прохладно и уютно.

– Что вы предполагаете делать теперь, мистер Холмс? – спросил Перси Фелпс.

– Видите ли, занимаясь этими незначительными вопросами, нам не следует упускать из виду главное. Вы могли бы очень помочь мне, поехав со мной в Лондон.

– Сейчас?

– Как можно скорее. Скажем, через час.

– Я чувствую себя достаточно здоровым для этого, если могу быть полезным вам.

– Как нельзя более.

– Может быть, вы желаете, чтобы я остался там на ночь?

– Я только что хотел предложить вам это.

– Значит, если мой ночной приятель снова навестит меня, то увидит, что птичка улетела.

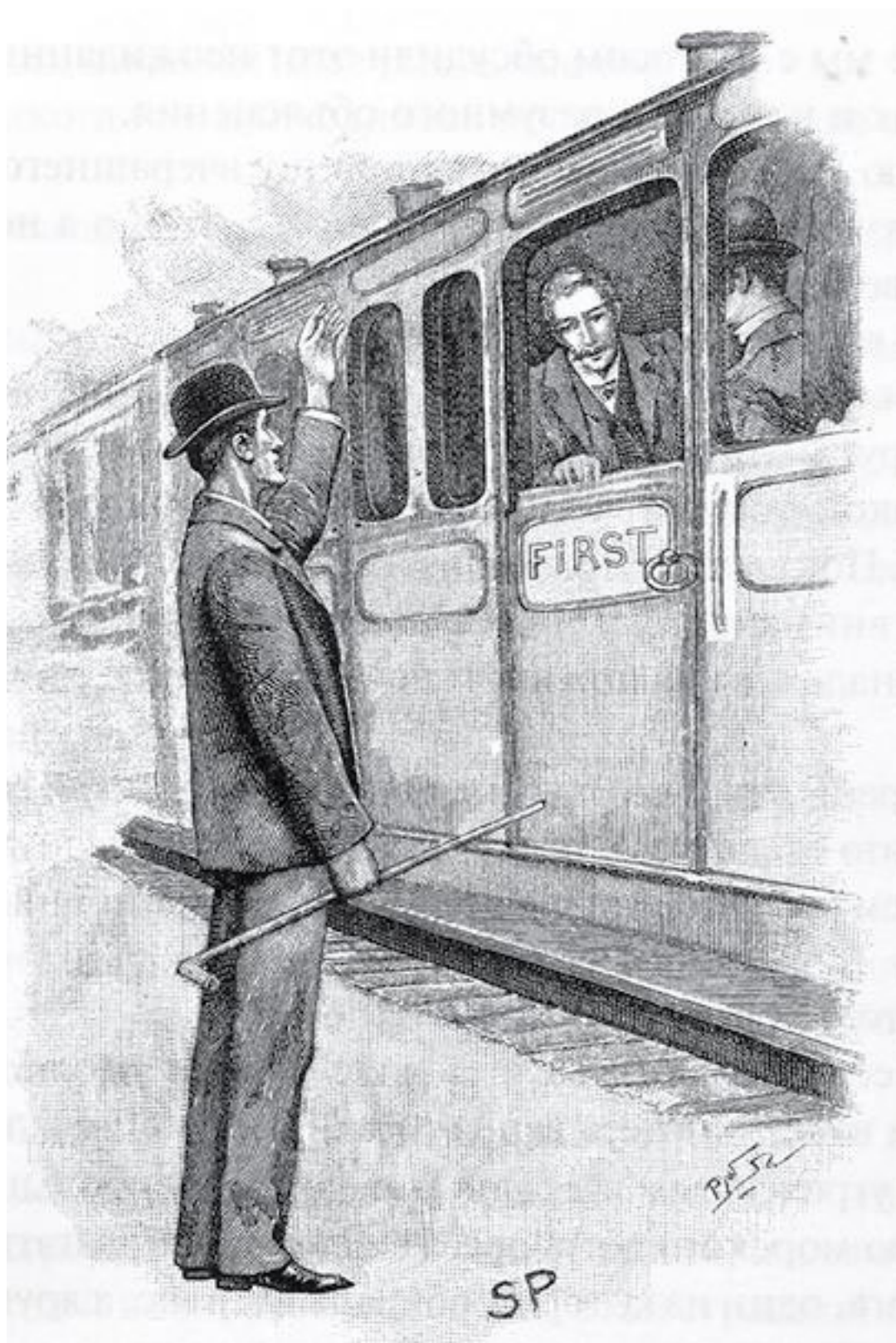
Мы в ваших руках, мистер Холмс, и готовы беспрекословно выполнять все ваши указания. Может быть, вы желаете, чтобы Джозеф поехал с нами и присматривал за мной?

– О, нет! Мой друг Ватсон – медик, как вам известно; он и присмотрит за вами. Если позволите, мы позавтракаем здесь, а потом отправимся все трое в город.

Его предложение было принято. Мисс Гаррисон, согласно совету Холмса, отказалась выйти из спальни. Я не понимал замыслов моего приятеля. Может быть, он просто хотел удержать барышню от свидания с Фелпсом. Молодой человек, ожив от прилива сил и приободрившись от возможности действовать, завтракал с нами в столовой. Холмс приготовил нам еще один сюрприз: проводив нас на станцию и посадив в вагон, он спокойно объявил, что не намерен уезжать из Уокинга.

– Тут есть два-три пункта, которые мне хотелось бы выяснить до отъезда, – сказал он. – Ваше отсутствие, мистер Фелпс, облегчит до известной степени это дело... Ватсон, будьте добры, когда приедете в Лондон, отправляйтесь прямо на Бейкер-стрит с нашим приятелем и оставайтесь там, пока я не прибуду. Вы – старые товарищи по школе, и вам есть, о чем пого-

ворить. Мистера Фелпса вы можете разместить в спальне. Я буду дома к завтраку, доберусь поездом, который приходит на вокзал Ватерлоо в восемь часов.

– А как же насчет расследования в Лондоне? – поинтересовался Фелпс.

– Мы можем заняться этим завтра. Я полагаю, что в настоящее время мое присутствие полезнее здесь.

– Скажите там, в Брайербрэ, что я надеюсь вернуться завтра к вечеру! – крикнул Фелпс, когда поезд тронулся.

– Вряд ли я попаду в Брайербрэ, – ответил Холмс и весело помахал рукой, когда мы отъехали от станции.

В дороге мы с Фелпсом долго обсуждали эти неожиданные действия Холмса, но ничего не могли понять.

– Я полагаю, он хочет выяснить что-то насчет вчерашнего происшествия. Лично я не верю, чтобы это был простой вор.

– Что же вы думаете?

– Можете, если хотите, приписать это нервному расстройству, но мне кажется, что вокруг меня идет серьезная политическая интрига, и по какой-то непонятной для меня причине, заговорщики покушаются на мою жизнь. Может быть, вам покажется, что я несколько преувеличиваю свою значимость. Но обратите внимание на факты! Зачем вору пытаться влезть в спальню, да еще с длинным ножом в руках?

– Вы уверены, что это была не отмычка?

– О, нет, это был нож! Я отчетливо видел, как сверкнуло лезвие.

– Но за что вас так настойчиво могут преследовать?

– Вот в этом-то и вопрос!

– Ну, если Холмс думает так же, как и вы, то, может быть, этим и можно объяснить его действия. Если ваше предположение верно, то, поймав того, кто покушался на вас ночью, он может легко найти и похитителя морского договора. Нелепо же предполагать, что у вас два врага, один из которых обворовывает вас, а другой покушается на вашу жизнь.

– Но мистер Холмс сказал, что он не возвратится в Брайербрэ.

– Я уже давно знаю его. Холмс ничего не делает без веских оснований, – сказал я, и наш разговор перешел на другие темы.

Денек выдался тяжелый. Фелпс был еще достаточно слабым после продолжительной болезни, нервным и раздражительным из-за перенесенных им потрясений. Напрасно я старался заинтересовать его Афганистаном, Индией, последними политическими новостями, – всем, что только могло бы отвлечь от его мыслей. Он постоянно возвращался к утерянному договору, рассуждал о том, что делает Холмс, какие шаги предпринимает лорд Холдхерст, какие новости мы получим утром. К вечеру он настолько себя измучил, что на него было просто жалко смотреть.

– Вы безусловно доверяете Холмсу? – спросил он.

– Я был свидетелем многих сложных дел, которые ему удавалось раскрыть.

– Но ему никогда еще не приходилось заниматься столь запутанным делом, как это?

– О, на моей памяти встречались задачи и потруднее вашей!

– Но не такого важного значения?

– Не знаю. Но мне достоверно известно, что ему поручали весьма важные дела три царствующих дома Европы.

– Вы хорошо его знаете, Ватсон! А для меня он абсолютно непостижим, я совершенно не понимаю его. Как вы думаете, он уверен в успехе?

– Он ничего не говорил.

– Это дурной знак.

– Напротив, я заметил, что он всегда высказывает недовольство, если не напал на след. А когда он вышел на след, но еще не вполне в этом уверен, он бывает очень молчалив. Ну, мой друг, не изводите себя, этим делу не поможешь. Ложитесь-ка спать, чтобы завтра встать на свежую голову и быть готовым ко всему, что может ожидать вас.

Наконец я уговорил его последовать моему совету, хотя, судя по возбужденному состоянию, я не надеялся, что ему удастся уснуть. Его волнение передалось и мне; я ворочался в постели полночи, размышляя о странной тайне и перебирая сотни предположений, одно невероятнее другого. Зачем Холмс остался в Уокинге? Почему он просил мисс Гаррисон не покидать комнату больного весь день? Почему он не сказал обитателям Брайербрэ, что намеревается остаться там? Я напрасно ломал голову, стараясь найти объяснения всем этим фактам, пока, наконец, не заснул.

Я проснулся в семь часов и тотчас же пошел в комнату Фелпса.

Он был очень измучен бессонной ночью и выглядел осунувшимся. Первым его вопросом было, приехал ли Холмс.

– Он будет здесь в обещанное время, ни минутой раньше или позже, – ответил я.

И я не ошибся, ровно в восемь часов к подъезду подкатил кеб, и из него вышел наш друг. Стоя у окна, мы увидели, что левая рука у него подвязана, а лицо бледное и мрачное. Он вошел в подъезд, но прошло некоторое время, прежде чем он поднялся наверх.

– У него такой вид, будто он потерпел неудачу, – потерянно промолвил Фелпс.

Мне пришлось с ним согласиться.

– В конце концов, можно предположить, что разгадка тайны находится в городе, – сказал я.

Фелпс тяжело вздохнул.

– Не знаю, какие известия он нам принес, но я так ждал его возвращения, – сказал он. – А что случилось с его рукой? Ведь вчера она не была у него подвязана?

– Вы не ранены, Холмс? – спросил я, когда мой друг вошел в комнату.

– Незначительная царапина... Получил из-за собственной неосторожности, – ответил он, раскланиваясь с нами. – Ваше дело, мистер Фелпс, действительно, одно из самых темных среди тех, что мне приходилось распутывать.

– Я боялся, что оно окажется выше ваших сил.

– Замечательно интересный случай.

– Повязка подсказывает мне, что вы побывали в какой-то переделке, – заметил я. – Не расскажете ли нам, что случилось?

– После завтрака, дорогой Ватсон. Напомню, что сегодня утром я дышал воздухом Суррея на протяжении всего тридцатимильного пути и нагулял приличный аппетит. Вероятно, на мое объявление о номере кеба никто не откликнулся? Ну, что же, нельзя ожидать удачи во всем.

Стол был уже накрыт, и только я собрался позвонить, как миссис Хадсон принесла чай и кофе. Еще через несколько минут она принесла приборы с завтраком, и мы все уселись за стол: Холмс страшно голодный, я – полный любопытства, Фелпс – в глубочайшем унынии.

– Миссис Хадсон оказалась как всегда, на высоте, – сказал Холмс, снимая крышку с блюда, на котором лежали тушеные цыплята. – Ее кулинарные способности достаточно скромны, но она, как шотландка, умеет приготовить приличный завтрак. Что там у вас, Ватсон?

– Ветчина и яйца, – ответил я.

– Хорошо. А вы что будете, мистер Фелпс? Цыпленка, яйца? Положить вам или вы сами возьмете?

– Благодарю вас, я не могу есть, – сказал Фелпс.

– Ну, полноте! Попробуйте-ка блюдо, которое перед вами.

– Благодарю вас; право, не хочу.

– Надеюсь, что, по крайней мере, вы не откажетесь поухаживать за мной, – сказал Холмс, лукаво подмигивая.

Фелпс поднял крышку, громко вскрикнул и уставился на блюдо. Лицо его стало блее тарелки, на которую он смотрел. На ней лежал сверток голубовато-серой бумаги. Фелпс схва-

тил его, жадно прочел и пустился скакать по комнате, прижимая бумагу к груди и вскрикивая от восторга. Затем он упал в кресло в полном изнеможении, так что нам пришлось дать ему бренди для успокоения.

– Ну-ну, – успокаивал его Холмс, поглаживая по плечу. – Нехорошо было с моей стороны так внезапно обрушивать на вас столь радостное известие. Но Ватсон вам подтвердит, что я люблю театральные эффекты.

Фелпс схватил его руку и поцеловал ее.

– Да благословит вас Бог! – воскликнул он. – Вы спасли мою честь.

– Ну, знаете, ведь и моя была задета, – возразил Холмс. – Уверяю вас, что не добиться успеха в деле для меня так же неприятно, как для вас не исполнить данного вам поручения!

Фелпс запрятал драгоценный документ в самый глубокий карман сюртука.

– У меня не хватает духа прервать ваш завтрак, а между тем, я умираю от нетерпения узнать, где и как вы достали договор.

Шерлок Холмс выпил чашку кофе и занялся яичницей с ветчиной. Потом он встал, зажег трубку и уселся в свое кресло.

– Расскажу все по порядку, – сказал он. – Расставшись с вами на станции, я совершил восхитительную прогулку по очаровательной местности Суррея и дошел до милой деревушки Риплей, где напился чаю в гостинице, наполнил свою фляжку и запасся сэндвичами. Я остался там до вечера, а потом отправился в Уокинг и как раз после захода солнца очутился на большой дороге у Брайербрэ. Я подождал, пока дорога не опустеет, – да, кажется, и вообще эта дорога не очень многолюдна, – и перелез через забор в парк.

– Но ведь, наверно, калитка была не заперта? – заметил Фелпс.

– Да, но у меня особые вкусы в подобных случаях. Я выбрал место, где стоят три сосны, и под их защитой перелез через забор так, чтобы никто меня не заметил. Перебравшись на другую сторону, я пополз от куста к кусту – свидетельством чему может служить плачевное

состояние моих брюк, – пока не дополз до группы рододендронов как раз напротив окна вашей спальни. Здесь я присел на корточки и стал ждать. Шторы в вашей комнате не были опущены, и я мог видеть мисс Гаррисон, сидевшую у стола за чтением. Было четверть одиннадцатого, когда она закрыла книгу, заперла ставни и вышла из комнаты. Я слышал, как она затворила дверь и повернула ключ в замке.

– Ключ? – спросил Фелпс.

– Да, я просил мисс Гаррисон запереть дверь снаружи и взять с собой ключ, когда она пойдет спать. Она строго выполнила все мои указания, и без ее содействия договор не лежал бы сейчас у вас в кармане. Итак, она ушла, огни в доме погасли, а я продолжал сидеть на корточках под рододендронами.

Ночь была чудная, но ждать было очень скучно. Правда, в этом ожидании было своего рода возбуждение, напоминавшее то, которое охватывает охотника, когда он лежит у ручья, подстерегая крупную дичь. Однако время тянулось очень медленно, почти так же медленно, как в ту ночь, когда мы с вами, Ватсон, сидели в ночной тьме, ища разрешения тайны «пестрой ленты». Церковные часы в Уокинге отбивали каждую четверть, а мне временами казалось, что они совсем остановились. Наконец, около двух часов ночи, я услышал тихий звук открываемого засова и скрип ключа. Мгновение спустя отворилась боковая дверь, и при свете луны я увидел мистера Джозефа Гаррисона, выходящего из дома.

– Джозефа! – вскрикнул Фелпс.

– Он был без шляпы, но на плечи у него был накинут черный плащ, которым он мог мгновенно закрыть себе лицо в случае нужды. Он крался в тени вдоль стены. Дойдя до окна вашей комнаты, он всунул длинный нож в щель между рамами и отодвинул задвижку. Открыв окно и просунув нож между ставнями, он отпер их. Из засады я отлично видел все, что происходит в комнате и каждое движение мистера Гаррисона. Он зажег две свечи на камине, приподнял угол ковра у двери и, наклонившись, вынул кусок паркета. Такие куски обычно оставляют для того, чтобы можно было добраться до соединения газовых труб. Эта доска как раз и прикрывала то место, где от магистрали ответвляется труба, снабжающая газом кухню, находящуюся внизу. Из тайника он вынул вот этот сверток бумаг, задвинул доску, прикрыл ее ковром, затушил свечи и... попал прямо в мои объятия, так как я поджидал его за окном. Но мистер Джозеф оказался гораздо опаснее, чем я думал. Он бросился на меня с ножом, и мне пришлось сбить его с ног и порезаться о его нож, прежде чем я справился с ним. Хотя он и сверлил меня с ненавистью взглядом единственного глаза, которым он еще мог видеть по окончании борьбы, но мои доводы подействовали, и он отдал бумаги. Получив их, я отпустил Гаррисона, а сегодня утром телеграфировал Фобсу все подробности. Если ему удастся поймать пташку, тем лучше! Но если, как я подозреваю, он найдет гнездышко опустевшим, тем лучше для правительства. Мне кажется, что как лорду Холдхерсту, так и мистеру Перси Фелпсу не очень хотелось бы, чтобы дело дошло до суда.

– Боже мой! – с трудом проговорил наш клиент. – Неужели вы хотите сказать, что в продолжение этих долгих мучительных десяти недель украденные бумаги находились в одной комнате со мной?

– Именно.

– Джозеф! Джозеф – негодяй и вор?!

– Гм! Боюсь, что Джозеф гораздо хуже и опаснее, чем можно было бы судить по его внешнему виду. Из тех слов, которые я слышал от него сегодня утром, я понял, что он много потерял на бирже, и готов на все, чтобы поправить дела. Будучи абсолютным эгоистом, он, не задумываясь, пожертвовал счастьем своей сестры и вашей репутацией, когда ему представился удобный случай решить свои проблемы.

Перси Фелпс откинулся на спинку стула.

– У меня кружится голова, – сказал он. – Ваши слова просто ошеломили меня.

– Главной трудностью в вашем деле было изобилие улик, – начал Холмс своим наставительным тоном. – Все существенное было скрыто массой ненужных мелочей. Из всего многообразия фактов нужно было выбрать только те, которые имели отношение к делу, и затем выстроить их по порядку так, чтобы восстановить всю картину событий. Я стал подозревать Джозефа еще тогда, когда узнал, что вы вместе собирались возвращаться с ним домой вечером, и, следовательно, он мог заехать за вами в министерство, хорошо известное ему. Когда я узнал, что кто-то пытался пробраться в спальню, в которой только Джозеф мог что-то спрятать (ведь вы еще вначале рассказывали, что Джозеф с трудом был выдворен из спальни, когда вы вернулись домой с доктором), мои подозрения переросли в уверенность. Тем более, что проникнуть в спальню пытались в первую же ночь, когда не было сиделки, а это значит, что непрошеному гостю были хорошо известны все домашние привычки.

– Как я был слеп!

– Я решил, что дело было так. Джозеф Гаррисон вошел в канцелярию министерства со стороны Чарльз-стрит и, хорошо зная дорогу, прошел прямо в вашу комнату, как только вы вышли оттуда. Видя, что никого нет, он позвонил, и в эту минуту ему бросилась в глаза лежащая на столе бумага. Он сразу понял, что случай дает ему в руки государственный документ чрезвычайной важности. В одно мгновение он сунул его в карман и вышел. Если припомните, прошло несколько минут, прежде чем сонный курьер обратил ваше внимание на колокольчик, и этого времени было вполне достаточно, чтобы вор успел скрыться. С первым же поездом он уехал в Уокинг, а рассмотрев свою добычу и убедившись в ее огромной ценности, спрятал документ в очень надежном месте, намереваясь вынуть его оттуда через день или два и отнести во французское посольство или в другое место, где он мог бы получить за него хорошую цену. Тут вы неожиданно вернулись. Его тотчас же выселили из его комнаты, и с этого времени в ней были постоянно, по крайней мере, двое людей, которые мешали ему достать спрятанное сокровище. Было, действительно, от чего сойти с ума. Но, наконец, ему показалось, что представился удобный случай. Он попробовал пробраться в вашу комнату, но ваш чуткий сон помешал ему. Вы помните, что в этот вечер вы не приняли своего успокоительного лекарства?

– Да, помню.

– Я думаю, что Джозеф принял меры, чтобы усилить действие лекарства, и вполне рассчитывал на ваш глубокий сон. Я понял, что он повторит эту попытку, когда это можно будет сделать с меньшим риском. Ваш отъезд давал ему этот шанс. Я продержал мисс Гаррисон в комнате весь день для того, чтоб он не мог заподозрить нас. Потом, внушив ему мысль, что путь свободен, стал караулить его. Я уже знал, что бумаги находятся в комнате, но не хотел поднимать ковер и вскрывать пол, разыскивая их. Поэтому я позволил ему вынуть документы из тайника и, таким образом, избежал дополнительных хлопот. Есть еще какие-то еще неясности для вас?

– Зачем он в первый раз пытался влезть в окно, когда мог войти в дверь? – спросил я.

– Ему пришлось бы пройти мимо семи спален. А из окна доступ был проще. Что еще?

– Ведь вы не думаете, что он хотел убить кого-нибудь? – спросил Фелпс. – Нож, вероятно, служил ему только для того, чтобы открыть окно?

– Может быть, – ответил Холмс, пожимая плечами. – Одно только могу сказать с уверенностью... Мистер Джозеф Гаррисон – джентльмен из тех, в руки которых я не хотел бы попасть.

Последнее дело

С болью сердца принимаюсь я за перо, чтобы написать последнее воспоминание о моем необыкновенно даровитом друге, мистере Шерлоке Холмсе. В бессвязных и, как я и сам сознаю, не всегда удачных очерках я пытался описать кое-что из пережитого мною вместе с ним, начиная с нашей первой случайной встречи и до того времени, когда своим вмешательством в дело о морском договоре он, несомненно, предотвратил серьезные международные осложнения. Этим очерком я хотел закончить свои воспоминания и не касаться события, оставившего пустоту в моей жизни, которой мне не удалось заполнить в течение двух лет. Но недавние письма полковника Джеймса Мориарти, в которых он защищает память своего брата, заставляют меня изложить для публики факты так, как они произошли в действительности. Лишь я один знаю всю истину и рад, что настало время, когда нечего больше скрывать ее. Насколько мне известно, о смерти моего друга появилось только три отчета: в «Журнале де Женев» 6 мая 1891 года, в телеграмме агентства Рейтер, помещенной в английских газетах 7 мая, и, наконец, в вышеупомянутых письмах. Из этих отчетов первый и второй чрезвычайно кратки, а последний, как я сейчас докажу, совершенно извращает факты. Поэтому я обязан впервые сообщить о том, что на самом деле произошло между профессором Мориарти и мистером Шерлоком Холмсом.

Следует припомнить, что после моей женитьбы и увлечения частной практикой мои отношения с Холмсом несколько изменились. Он еще иногда приходил за мной, когда желал иметь товарища в своих розысках, но это случалось все реже и реже, так что за 1890 год у меня записаны только три дела, в которых я принимал участие. В продолжение зимы этого года и ранней весны 1891 года я знал из газет, что французское правительство пригласило Холмса по очень важному делу, и получил от него две записки, по которым заключил, что он, вероятно, долго пробудет во Франции. Поэтому я несколько удивился, когда 24 апреля вечером он вошел в мой кабинет. Меня поразила его бледность и еще более усилившаяся худоба.

– Да, я несколько переутомился, – заметил он, отвечая скорее на мой взгляд, чем на мои слова. – В последнее время было много спешных дел. Вы ничего не имеете против того, что я закрою ставни?

Комната освещалась только лампой, стоявшей на столе, у которого я читал. Холмс подошел к окну и, захлопнув ставни, крепко запер их болтами.

– Вы опасаетесь чего-то? – спросил я.

– Да.

– Чего же?

– Духового ружья.

– Что вы хотите этим сказать, мой милый Холмс?

– Я думаю, что вы достаточно хорошо знаете меня, Ватсон, и не считаете меня нервным человеком. Но, по-моему, не признавать близкой опасности является скорее признаком глупости, чем храбрости. Дайте мне, пожалуйста, спичку!

Он затянулся сигаретой, как будто находя в этом некоторое успокоение.

– Я должен извиниться за такое позднее посещение, – сказал он. – Кроме того, попрошу вас позволить мне перелезть через забор сада и таким образом выбраться из вашего дома.

– Но что же все это значит? – спросил я.

Он протянул руку, и при свете лампы я увидел, что два пальца у него изранены и окровавлены.

– Как видите, это не пустяки, – улыбаясь, проговорил он. – Повреждения настолько серьезны, что из-за них можно лишиться руки. Дома миссис Ватсон?

– Нет, она гостит у знакомых.

– В самом деле? Так вы один?

– Совершенно один.

– В таком случае мне легче будет предложить вам съездить со мной на неделю на континент.

– Куда?

– О, куда-нибудь. Мне решительно все равно.

Все это было очень странно. Не в характере Холмса было предпринимать бесцельную прогулку, и к тому же что-то в его бледном истощенном лице говорило мне, что нервы его натянуты в высшей степени. Он заметил вопрос у меня в глазах и, сложив кончики пальцев и облокотившись на колени, объяснил мне положение дел.

– Вы, вероятно, никогда не слышали о профессоре Мориарти?

– Никогда.

– Вот это-то и удивительно! – воскликнул Холмс. – Человек орудует в Лондоне, и никто не слышал о нем. Это-то и позволяет ему побивать рекорды преступлений. Говорю вам совершенно серьезно, Ватсон, что если бы мне удалось поймать его и избавить от него общество, я считал бы мою карьеру завершенной и готов бы был перейти к какому-нибудь более спокойному занятию. Между нами, последние мои дела, где я оказал услуги шведскому королевскому дому и Французской республике, дают мне возможность жить тихой жизнью, согласно моим наклонностям, и сосредоточить все мое внимание на химических исследованиях. Но я не могу найти покоя, не могу сидеть спокойно на месте при мысли, что человек, подобный профессору Мориарти, может беспрепятственно разгуливать по улицам Лондона.

– Что же он сделал?

– Его жизнь совершенно необычайная. Он человек хорошего происхождения, превосходно образован и одарен от природы феноменальными математическими способностями. В двадцать один год он написал трактат о биноме Ньютона, которым приобрел себе европейскую известность. Благодаря этому он получил кафедру в одном из наших небольших университетов. По-видимому, все предсказывало ему блестящую карьеру. Но у него самые дьявольские наследственные наклонности. В его жилах текла кровь преступника, а его необычайные умственные способности не только не ослабили его наклонностей, но еще увеличили их и сделали более опасными. Темные слухи о нем распространились в университетском городке, так что ему пришлось отказаться от кафедры и переселиться в Лондон, где он занялся подготовкой молодых людей к офицерскому экзамену. Вот все, что известно о нем в обществе, все же остальное открыто лично мною.

Как вам известно, Ватсон, никто так хорошо, как я, не знаком с высшими преступными сферами Лондона. Уже несколько лет тому назад я постоянно чувствовал, что за всяким злодеянием кроется какая-то сила, серьезная организаторская сила, всегда идущая против закона и защищающая преступника. Много раз в самых разнообразных случаях – подлогах, грабежах, убийствах – я чувствовал присутствие этой силы и подозревал ее участие во многих нераскрытых преступлениях, о которых не советовались со мной. Целыми годами я старался приподнять завесу, скрывавшую эту тайну, и наконец наступило время, когда я нашел нить и проследил ее, пока она не привела меня, после тысячи причудливых изгибов, к экс-профессору Мориарти, математической знаменитости.

Он – Наполеон преступного мира, Ватсон. Он – организатор половины всех преступлений и почти всех, остающихся нераскрытыми в нашем большом городе. Он – гений, философ, абстрактный мыслитель. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук, в центре своей паутины, но эта паутина расходится тысячами нитей, и он отлично чувствует содрогание каждой из них. Сам он мало, что делает. Он только составляет планы. Но агенты у него многочисленны и превосходно организованы. Если нужно совершить какое-нибудь преступление – скажем, выкрасть бумагу, ограбить дом, удалить с дороги человека, – стоит только

сообщить профессору, и он организует и устроит все дело. Агента могут поймать. В таком случае всегда найдутся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но тот, кто стоит за всем этим и руководит агентом, никогда не попадает, он вне подозрений. Такова была организация, до существования которой я дошел путем логических выводов, и я употребил всю свою энергию, чтобы обнаружить и сломить ее.

Но профессор был окружен, словно стеной, такими хитросплетениями, что, несмотря на все мои усилия, оказалось невозможным добыть какие-либо улики, которые могли бы довести его до суда.

Вы знаете мои силы, Ватсон, однако через три месяца я должен был сознаться, что встретил, наконец, соперника, не уступавшего мне в умственном отношении. Восхищение его искусством заглушало во мне ужас перед его преступлениями. Но, наконец, он сделал промах – маленький, очень маленький промах, но которого нельзя было скрыть, тем более, что я так внимательно следил за ним. Я воспользовался случаем и, исходя из этой точки, опутал его сеть, которая теперь готова накрыть всю шайку. Через три дня, то есть в будущий понедельник, все будет кончено, и профессор с главными членами шайки очутится в руках полиции. Тогда начнется самый крупный криминальный процесс нашего века, разъяснится более сорока таинственных преступлений и все члены шайки будут повешены. Но один неловкий шаг, – и они могут ускользнуть у нас из рук даже в последнюю минуту.

Если бы мне удалось сделать все без ведома профессора Мориарти, дело кончилось бы отлично, но его трудно провести. Он видел каждый шаг, который я предпринимал против него. Несколько раз он пытался ускользнуть от меня, но я каждый раз выслеживал его. Знаете, друг мой, если бы написать подробный отчет об этой молчаливой борьбе, описание наносимых и отпарированных ударов составило бы одну из самых блестящих страниц истории сыска. Никогда еще мне не приходилось подниматься на такую высоту, и никогда еще противник не наступал на меня так сильно. Он наносил сильные удары, а я еще более сильные. Сегодня утром были сделаны последние шаги, и через три дня все должно быть кончено. Я сидел у себя в комнате, думал об этом деле, как вдруг отворилась дверь. Передо мной стоял профессор Мориарти.

Нервы у меня достаточно крепкие, Ватсон, но, должен признаться, я вздрогнул, увидев перед собой человека, который так занимал мои мысли. Наружность его хорошо знакома мне. Он очень высок и худ, у него выпуклый белый лоб, глубоко запавшие глаза. Его выбритое, бледное, аскетическое лицо сохраняет еще в себе что-то профессорское. Спина у него сутловатая от постоянных занятий, голова выступает вперед и как-то странно покачивается из стороны в сторону, точно у пресмыкающегося. Он с любопытством смотрел на меня из-под своих тяжелых век.

– У вас лоб менее развит, чем я ожидал, – наконец проговорил он. – Опасная привычка держать в кармане халата заряженный револьвер.

Дело в том, что при появлении профессора я сразу понял, какая опасность угрожает мне. Единственным спасением для него было заставить меня умолкнуть навеки. В одно мгновение я переложил револьвер из ящика в карман и ощупывал его через халат. При его замечании я вынул револьвер из кармана и положил его с взведенным курком на стол. Мориарти продолжал смотреть на меня, подмигивая и улыбаясь, но что-то в его взгляде заставило меня радоваться, что револьвер у меня под рукой.

– Вы, по-видимому, не знаете меня, – сказал он.

– Напротив, – ответил я. – Кажется, вам должно быть совершенно ясно, что знаю. Садитесь, пожалуйста, я могу уделить вам пять минут в случае, если вы желаете сказать что-нибудь.

– Все, что я хочу сказать, уже промелькнуло у вас в уме, – сказал он.

– Как, вероятно, и мой ответ, – ответил я.

– Итак, вы стоите на своем?

– Непоколебимо.

Он опустил руку в карман, а я взял со стола револьвер. Однако он вынул только записную книжку, в которой было отмечено несколько чисел.

– Вы перешли мне дорогу 4 января, – сказал он. – 23 января вы обеспокоили меня; в середине февраля вы серьезно помешали мне; в конце марта, тридцатого, совершенно расстроили мои планы; а теперь, в конце апреля, благодаря вашим постоянным преследованиям мне положительно грозит потеря свободы. Положение становится невозможным.

– Вы желаете сделать какое-нибудь предложение? – спросил я.

– Бросьте это дело, мистер Холмс, – сказал он, покачивая головой из стороны в сторону, – знаете, лучше бросьте.

– После понедельника, – сказал я.

– Ну-ну, – сказал он. – Я уверен, что человек такого ума, как вы, должен видеть, что существует только один исход этого дела. Вам нужно бросить его. Для меня было умственным наслаждением видеть, как вы возились с этим делом, и поэтому я совершенно искренне говорю, что был бы очень огорчен, если бы мне пришлось прибегнуть к крайним мерам. Вы улыбаетесь, сэр, но уверяю вас, что это правда.

– Опасность – спутница моего ремесла, – заметил я.

– Это не опасность, а неминуемая гибель, – сказал он. – Вы стоите на дороге не одного человека, а целой могучей организации, всего значения которой вы, при всем своем уме, не могли достаточно оценить. Вы должны сойти с дороги, мистер Холмс, или вас растопчут.

– Боюсь, что удовольствие, вызываемое этим разговором, не может заставить меня пренебречь важными делами, призывающими меня в другое место, – сказал я, вставая с места.

Он также встал и молча смотрел на меня, печально покачивая головой.

– Ну, что же делать? – наконец сказал он. – Очень жаль, но я сделал все, что мог. Я знаю весь ход вашей игры. Вы не можете ничего сделать до понедельника. Это поединок между вами и мной, мистер Холмс. Вы надеетесь посадить меня на скамью подсудимых. Говорю вам, я никогда не буду сидеть на скамье подсудимых. Вы надеетесь одолеть меня. Говорю вам, что это никогда не удастся вам. Если вы достаточно умны, чтобы погубить меня, будьте уверены, что и я, в свою очередь, могу погубить вас.

– Вы наговорили мне много комплиментов, мистер Мориарти, – возразил я. – Позвольте мне ответить вам одним: если бы я мог быть уверен, что исполнится первое ваше предположение, то, ради общественного блага, с радостью согласился бы на второе.

– Могу вам обещать исполнение последнего, – с насмешкой проговорил он, повернулся ко мне своей сутуловатой спиной и, несколько раз оглянувшись на меня, вышел из комнаты.

Таково было мое странное свидание с профессором Мориарти. Сознаюсь, что оно произвело на меня очень неприятное впечатление. Его мягкая точная манера выражать свои мысли производит впечатление искренности, чего не может вызвать простая угроза. Конечно, вы скажете: «Отчего же не принять полицейских мер?» Но дело в том, что удар будет нанесен его агентами. У меня есть уже доказательства, что это так будет.

– На вас уже было устроено нападение?

– Дорогой мой Ватсон, профессор Мориарти не из тех людей, что любят дремать. Около полудня я пошел по делу на Оксфорд-стрит. В ту минуту, как я завернул за угол, на меня налетел, как стрела, парный экипаж. Я вскочил на тротуар и спасся таким образом от опасности быть раздавленным насмерть. Экипаж мгновенно скрылся из виду. После того я пошел по тротуару, и на улице Вир с крыши одного из домов упал кирпич и разбился вдребезги у моих ног. Я позвал полицию, и мы осмотрели местность. На крыше были сложены кирпичи для ремонта, и полицейские хотели уверить меня, что кирпич сбросило ветром. Я, понятно, знал лучше, в чем дело, но не мог ничего доказать. После этого я взял кеб и поехал на квартиру к брату, где и провел день. Сейчас, по дороге к вам, на меня напал какой-то негодяй с дубиной. Я сбил его с ног, и полиция забрала его. Но могу с полной уверенностью сказать вам, что

никогда не будет установлено какой бы то ни было связи между джентльменом, о передние зубы которого я разбил себе руку, и бывшим преподавателем математики, который, вероятно, решает задачи за десять миль отсюда. Теперь, Ватсон, вы, конечно, не удивляетесь, что, войдя к вам, я прежде всего запер ставни и вынужден был просить у вас разрешения выйти из вашего дома менее заметным ходом, чем парадная дверь.

Часто мне приходилось восхищаться храбростью моего друга, но никогда больше, чем теперь, когда он спокойно рассказывал о всех происшествиях этого ужасного дня.

– Вы проведете ночь у меня? – спросил я.

– Нет, друг мой, я оказался бы опасным гостем. У меня уже составлены планы, и все будет хорошо. Дело продвинулось уже настолько, что может идти и без моей помощи; арест может быть произведен и без меня, хотя мое присутствие будет необходимо для показаний. Очевидно, что для меня лучше всего уехать на несколько дней, пока полиция получит возможность действовать свободно. Поэтому мне было бы очень приятно, если бы вы поехали со мной на континент.

– Теперь практики немного, – сказал я, – и у меня есть сосед, который согласится заменить меня. Охотно поеду с вами.

– И можете отправиться завтра утром?

– Если нужно.

– Да, очень нужно. Вот вам инструкция, милый Ватсон, и прошу следовать ей буквально, так как вы вместе со мною будете вести игру против самого умного мошенника и самого могущественного синдиката преступников в Европе. Слушайте внимательно! Вы отправите сегодня же свой багаж с доверенным лицом на вокзал Виктория. Утром пошлите лакея за экипажем, но велите ему не брать ни первого, ни второго кеба из тех, которые он встретит. Вы сядете в третий экипаж и поедете на Стрэнд к Лоутерскому пассажу, передав кучеру адрес на клочке бумаги и предупредив его, чтобы он не бросал адреса. Приготовьте заранее плату и, проехав к пассажу, немедленно выскакивайте из кеба и пробегите через пассаж так, чтобы в четверть десятого быть на другом его конце. За углом вас будет ожидать карета. На козлах будет сидеть человек в большом черном плаще с воротником, обшитым красным кантом. Он доведет вас до станции как раз к отходу континентального экспресса.

- Где я встречу с вами?
- На вокзале. Нам оставлено второе купе первого класса.
- Так, значит, мы встретимся в вагоне?
- Да.

Напрасно я уговаривал Холмса переночевать у меня. Я ясно видел, что он боится навлечь неприятности на приютивший его дом. Наскоро повторив мне инструкцию, он встал и вышел со мною в сад, перелез через забор на Мортимер-стрит, свистнул кеб и уехал.

Утром я в точности исполнил указания Холмса. Извозчик был нанят со всеми предосторожностями так, чтобы не мог оказаться одним из подстерегавших нас, и после завтрака я сейчас же поехал к Лоутерскому пассажи. Быстро пробежав через пассаж, я нашел ожидавшую меня карету с сидевшим на козлах человеком большого роста в темном плаще. Как только я прыгнул в экипаж, он стегнул по лошади, и мы помчались к вокзалу Виктория. Прибыв на место и выпустив меня, он поворотил лошадей и быстро отъехал, даже не взглянув в мою сторону.

Памятники

Памятник Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону в Москве

В Лондоне памятник самому известному в мире сыщику и детективу Шерлоку Холмсу был открыт 24 сентября 1999 года около станции метро «Бейкер-стрит». Холмс предстал задумчиво глядящим вдаль, одетым по дождливой лондонской погоде – в длинный плащ, кепку с двумя козырьками и с трубкой в правой руке. Автором трехметрового бронзового памятника стал известный английский скульптор Джон Даблдэй. С памятником можно поговорить. На приметной табличке рядом с памятником есть QR-код, который надо сканировать с помощью смартфона. После этого раздастся звонок – вас вызывает Шерлок Холмс. Он расскажет вам о своей внешности, о профессоре Мориарти или еще о чем-нибудь.

Первый памятник, изображающий Шерлока Холмса (ее автор тоже Джон Даблдэй), появился в 1988 году в швейцарском городе Мейрингене, неподалеку от Рейхенбахского водопада. Бронзовый Шерлок Холмс задумчиво

курит трубку, примостившись на камне в ожидании сражения с коварным злодеем Мориарти. А на весьма внушительной площади вокруг него развешаны реплики старых выпусков журнала «Стрэнд», где впервые появились заметки о сыщике с Бейкер-стрит. Невдалеке находится гостиница, где останавливался сам Артур Конан Дойл, и на котором установлена мемориальная доска с надписью на английском языке: «В этом отеле, названном сэром Артуром Конан Дойлом “Английский двор”, мистер Шерлок Холмс и доктор Ватсон провели ночь с 3 на 4 мая 1891 г. Именно отсюда мистер Холмс отправился на роковую встречу у Рейхенбахского водопада с профессором Мориарти, Наполеоном преступного мира».

Скульптурное изображение Холмса можно увидеть в японском городе Каруидзава, где жил Нобухара Кен, работавший над переводами приключений знаменитого сыщика на японский язык 30 лет: с 1923 года («Собака Баскервиль») по 1953 год (полное собрание сочинений Конан Дойла). Памятник был изготовлен известным японским скульптором Сато Йосинори и открыт 9 октября 1988 года.

В Эдинбурге памятник Холмсу открыли 24 июня 1991 года. Он примостился на улице Пикарди-плэйс, где родился знаменитый писатель (скульптор Джеральд Лэнг).

В Москве памятник примостившемуся на скамейке Ватсону и стоящему над ним с трубкой Холмсу (скульптор Андрей Орлов) открыли 27 апреля 2007 года на Смоленской набережной возле посольства Великобритании. В скульптурах угадываются лица актеров Василия Ливанова и Виталия Соломина, исполнявших в свое время роли этих героев Конан Дойла в телевизионном сериале. Есть примета, что если сесть между Холмсом и Ватсоном и дотронуться до записной книжки доктора, то решатся многие проблемы. Шерлок Холмс – умный, благородный и справедливый борец со злом, защитник обиженных. Он стал всемирной культовой фигурой и персонажем фольклора. Книга рекордов Гиннеса называет лондонского детектива-любителя «самым экранизируемым литературным героем». Он прочно вошел в жизнь и язык британцев, став чем-то вроде Санта-Клауса.

До сих пор все шло прекрасно. Мой багаж был уже на месте, и я без труда нашел купе, указанное Холмсом, тем более, что оно было единственное, на котором была надпись «Занято». Меня беспокоило только то, что Холмс еще не явился. До отхода поезда оставалось всего семь минут. Напрасно я искал тонкую фигуру моего друга среди путешественников и провожавших. Не было и следа. Несколько минут я употребил на то, чтобы помочь почтенному итальянскому

патеру, пытавшемуся объяснить носильщику на ломаном английском языке, что багаж его следует отправить через Париж. Затем, еще раз оглянувшись вокруг, я вернулся к себе в купе, где нашел своего престарелого приятеля-итальянца. Носильщик усадил его ко мне, несмотря на надпись «Занято». Бесполезно было объяснять патеру, что он не имеет права на место в купе, так как я знал по-итальянски еще менее, чем он по-английски. Поэтому я только пожал плечами и продолжал высматривать своего друга. Дрожь пробежала у меня по телу при мысли, что причиной его отсутствия могло быть какое-нибудь несчастье, случившееся с ним ночью. Кондуктор уже захлопнул дверцу купе, раздался свисток, как вдруг...

– Вы не соизволили даже поздороваться со мной, милый Ватсон, – проговорил чей-то голос.

Я обернулся в неописуемом удивлении. Старый патер повернулся лицом ко мне. На одно мгновение морщины разгладились, нос отодвинулся от подбородка, нижняя губа подтянулась, рот перестал шамкать, огонь мелькнул в тусклых глазах, сгорбленная фигура выпрямилась. Но в следующую же минуту все тело опять сгорбилось и Холмс исчез так же быстро, как появился.

– Боже мой! – воскликнул я. – Как вы поразили меня.

– Нужно соблюдать осторожность, – шепнул Холмс. – У меня есть основание предполагать, что они напали на наш след. А! Вот и сам Мориарти!

В это мгновение поезд тронулся. Выглянув из окна, я увидел высокого человека, бешено расталкивавшего толпу и махавшего рукой, как бы желая остановить поезд. Однако было уже поздно; быстрота хода все увеличивалась, и скоро мы уже отъехали от станции.

– Благодаря принятым предосторожностям нам все-таки удалось отделаться от него, – проговорил, смеясь, Холмс.

Он встал и, сбросив сутану и шляпу, спрятал их в свой ручной мешок.

– Видели вы утренние газеты, Ватсон?

– Нет.

– Значит, не знаете ничего о том, что случилось на Бейкер-стрит?

– На Бейкер-стрит?

– Ночью подожгли нашу квартиру, но большого вреда не сделали.

– Боже мой! Да ведь это невыносимо, Холмс.

– Должно быть, они совершенно потеряли мой след после ареста малого с дубиной. Иначе им не пришлось бы в голову, что я вернусь домой. Однако они, очевидно, проследили вас, и потому-то Мориарти явился на станцию. Не сделали ли вы какого-нибудь промаха?

– Я сделал все по вашим указаниям.

– Нашли карету?

– Да, экипаж ожидал меня.

– Узнали кучера?

– Нет.

– Это мой брат Майкрофт. В подобного рода случаях хорошо иметь кого-нибудь своего, чтобы не брать в доверенные наемных людей. Но надо подумать, что нам делать с Мориарти.

– Так как мы едем экспрессом, прибытие которого согласуется с отходом парохода, то, мне кажется, мы совершенно отделались от него.

– Вы, очевидно, не поняли меня, милый Ватсон, когда я говорил вам, что по уму это человек равный мне. Не можете же вы допустить, чтобы я, преследуя кого-нибудь, растерялся бы от такого ничтожного препятствия. Отчего же вы можете предположить это о нем?

– Что же он сделает?

– То, что сделал бы я.

– А что бы вы сделали?

– Заказал бы экстренный поезд.

– Но ведь это будет поздно.

– Нисколько. Наш поезд останавливается в Кентербери, а до отхода парохода остается, по крайней мере, четверть часа. Он догонит нас там.

– Можно подумать, что мы – преступники. Прикажете арестовать его сейчас же по приезде.

– Это значило бы погубить работу трех месяцев. Мы поймали бы крупную рыбу, а мелкая ушла бы из сети. В понедельник мы поймаем всех. Нет, арест немислим.

– Что же нам делать?

– Мы выйдем в Кентербери.

– А потом?

– Потом проедем по соединительной ветви в Нью-Хейвен, а оттуда в Дьепп. Мориарти опять сделает то же, что сделал бы я. Он проедет в Париж, заметит наш багаж и будет поджидать нас дня два в помещении для хранения багажа. Мы же в это время приобретаем пару ковровых мешков, поощрив таким образом промышленность тех стран, по которым путешествуем, и спокойно проедем в Швейцарию через Люксембург и Базель.

Я слишком привычный путешественник, чтобы потеря багажа могла серьезно беспокоить меня, но, признаюсь, мне было неприятно скрываться и укрываться от человека, за которым значилось столько страшных преступлений. Однако было очевидно, что Холмс понимал наше положение лучше, чем я. Поэтому мы вышли в Кентербери, где узнали, что поезд в Нью-Хейвен отходит только через час.

Я смотрел несколько печальным взглядом вслед быстро исчезающему поезду, уносившему мой багаж, когда Холмс дернул меня за рукав и указал вдаль на линию железной дороги.

– Видите! Уже! – сказал он.

Вдали, среди кентских лесов, виднелась тонкая струйка дыма. Минуту спустя мы увидели мчавшийся паровоз с одним вагоном. Мы еле успели спрятаться за грудой багажа, как он с шумом и грохотом пролетел мимо, обдав нас струей горячего пара.

– Вот он проезжает мимо, – сказал Холмс вслед вагону, покачивавшемуся и подскакивающему на рельсах. – Как видите, есть граница догадливости нашего приятеля. С его стороны была бы нужна необыкновенная проницательность для того, чтобы вывести то заключение, к которому пришел бы я, и на основании которого я стал бы действовать.

– А что бы он сделал в случае, если бы ему удалось догнать нас?

– Нет ни малейшего сомнения, что он попытался бы убить меня. Однако эту игру могут вести два игрока. Теперь вопрос в том, позавтракать ли нам здесь раньше обыкновенного или поголодать до тех пор, пока доберемся до буфета в Нью-Хейвене.

В эту ночь мы доехали до Брюсселя и провели там два дня, а на третий отправились в Страсбург. В понедельник утром Холмс телеграфировал лондонской полиции, и вечером, когда мы возвратились в гостиницу, мы нашли ожидавший нас ответ. Холмс разорвал телеграмму и с проклятием швырнул ее в камин.

– Этого и надо было ожидать! – со стоном проговорил он. – Он бежал.

– Мориарти!

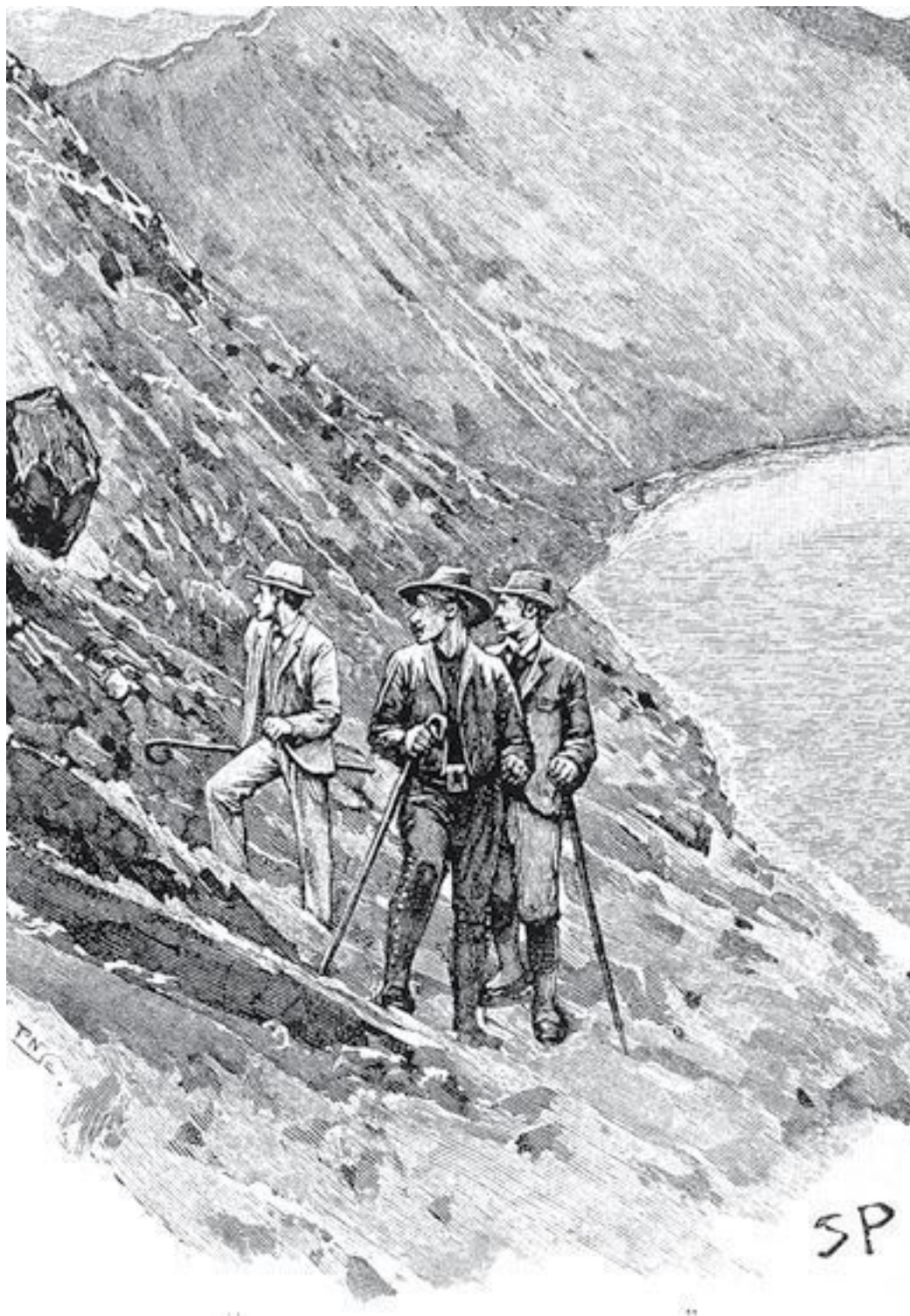
– Поймали всю шайку, за исключением его. Он ускользнул. Конечно, раз меня нет, некому было бороться с ним. Но мне казалось, что я дал им в руки все необходимое. Я думаю, вам лучше вернуться в Англию, Ватсон.

– Это почему?

– Потому что теперь я – опасный товарищ. Этот человек потерял дело всей своей жизни. Он пропал, если вернется в Лондон. Если я верно понимаю его характер, то он употребит всю свою энергию на то, чтобы отомстить мне. Он высказал это во время нашего короткого свидания, и я думаю, что он сдержит свою угрозу. Я очень советую вам возвратиться к своим обязанностям.

Конечно, старый военный и в то же время такой старинный друг, как я, не мог согласиться на подобного рода просьбу. Полчаса мы проспорили об этом вопросе в столовой гостиницы в Страсбурге и в ту же ночь поехали дальше в Женеву.

Целую неделю мы бродили по прелестной долине Роны и затем через перевал Гемми, еще покрытый глубоким снегом, пробрались в Интерлакен и Мейринген. Места были удивительно красивые; свежая весенняя зелень внизу представляла яркий контраст с девственной белизной снега вверху. Однако я ясно видел, что Холмс ни на одно мгновение не забывал о тени, омрачавшей его жизнь. В альпийских деревушках, в уединенных горных проходах, повсюду по его взглядам, пристально устремлявшимся на лицо каждого прохожего, я видел, что он убежден: где бы мы ни были, нам не избежать опасности, следовавшей за нами по пятам.

Однажды, помню, когда мы проходили через Гемми и шли вдоль края меланхолического озера, с вершины горы оторвалась громадная каменная глыба и упала в озеро позади нас. В мгновение ока Холмс подбежал к горе и, поднявшись наверх, вытянул шею и стал осматриваться во всех направлениях. Напрасно уверял проводник, что падение камней весной – обычное явление в этой местности. Холмс ничего не сказал, но посмотрел на меня взглядом человека, который все это предвидел.

Но, несмотря на постоянную бдительность, он никогда не бывал в подавленном состоянии. Напротив, я не помню, чтобы мне когда-нибудь приходилось видеть его в таком веселом

настроении. Он постоянно возвращался к разговору о том, что если бы он мог убедиться, что общество освободилось от профессора Мориарти, он с радостью закончил бы свою карьеру.

– Мне кажется, я могу сказать, что не совсем бесполезно прожил жизнь, Ватсон, – говорил он. – Если бы моя деятельность закончилась хоть сегодня, я перед этим мог бы спокойно оглянуться на нее. Из более чем тысячи случаев, в которых я принимал участие, я не помню ни одного, где бы я помогал неправой стороне. В последнее время я чаще занимался задачами, поставленными нам природой, чем более поверхностными загадочными вопросами, за которые ответствен строй нашего общества. Ваши записки, Ватсон, закончатся в тот день, когда я увенчаю свою карьеру поимкой или уничтожением самого опасного и умного преступника в Европе.

* * *

Я расскажу все остальное в коротких, но точных словах. Неохотно останавливаюсь на этом предмете, но сознаю, что долг требует, чтобы я не пропустил ни малейшей подробности.

Мы достигли маленькой деревни Мейринген 3 мая и остановились в гостинице «Инглишер Хоф», которую содержал тогда Петер Штейлер-старший. Хозяин был смышленный человек, отлично говоривший по-английски, так как он прослужил три года кельнером в отеле «Гросвенор» в Лондоне. По его совету 4 мая после полудня мы отправились на прогулку в горы, надеясь переночевать в деревушке Розенлау. Хозяин советовал нам непременно посмотреть водопад Рейхенбах, для чего понадобилось повернуть немного в сторону.

Это ужасное место. Поток, раздувшийся от таяния снегов, низвергается в страшную пропасть, из которой брызги поднимаются вверх, словно дым от горящего дома. Пропасть, в которую падает поток, находится между черными как уголь скалами. Она сужается, образуя подобие узкого колодца, где вода кипит на неизмеримой глубине, и с силой выбрасывается вновь на зубчатые края горы. У человека кружится голова от несмолкаемого грохота и движения зеленой воды, непрерывно низвергающейся в пропасть, а также и от густой завесы брызг, вечно волнующейся и поднимающейся вверх. Мы стояли у края, глядя на сверкающую воду, разбивающуюся далеко внизу о черные скалы, и прислушиваясь к жутким звукам, вылетающим из бездны вместе с брызгами.

Тропинка идет полукругом около водопада для того, чтобы лучше рассмотреть его, но она сразу обрывается, так что путешественнику приходится возвращаться по тому же пути, по которому он пришел. Мы только намеревались сделать это, как увидели молодого швейцарца, бегущего к нам навстречу с письмом в руке. На конверте был адрес отеля, из которого мы только что вышли. Письмо было от хозяина ко мне. Он писал, что через несколько минут после того, как мы ушли, в отель приехала какая-то англичанка в последней стадии чахотки. Она провела зиму в Давосе, а теперь ехала к своим друзьям в Люцерн, как вдруг у нее пошла кровь горлом. Вероятно, ей остается жить лишь несколько часов, но для нее было бы большим утешением видеть близ себя доктора-англичанина, и если я могу вернуться и т. д. Добряк Штейлер прибавлял в постскрипуме, что он счел бы мое согласие за большое одолжение, так как дама решительно отказалась принять местного доктора, и он вполне сознает, что на нем лежит большая ответственность.

Нельзя было отказать в просьбе соотечественнице, умирающей на чужбине. Но мне не хотелось оставлять Холмса одного. Наконец мы решили, что с ним останется молодой швейцарец в качестве проводника и спутника, а я вернусь в Мейринген. Мой друг намеревался пробыть еще некоторое время у водопада, а затем медленно спуститься с горы к деревушке Розенлау, куда я также должен был прийти к вечеру. Обернувшись, я увидел, что Холмс стоит, прислонясь к горе, и, сложив руки, смотрит на несущийся поток. Это было в последний раз, что мне было суждено видеть его на свете.

Спустившись с горы, я оглянулся еще раз. С этого места нельзя было видеть водопада, но я разглядел дорожку, огибающую скат горы. По ней быстро шел какой-то человек. Его темная фигура ясно вырисовывалась на зеленом фоне. Я заметил его и быстроту его хода, но скоро забыл о нем, спеша по своему делу.

Через час с небольшим я дошел до отеля в Мейрингене. Старик Штейлер стоял на крыльце.

– Ну что? Ей не хуже, надеюсь? – поспешно проговорил я.

Недоумение выразилось на лице хозяина, и при первом содрогании его бровей сердце у меня замерло.

– Вы не писали этой записки? – спросил я, вынимая письмо из кармана. – В отеле нет больной англичанки?

– И не бывало, – ответил он. – Но на конверте адрес отеля! А! Вероятно, записку написал высокий англичанин, приехавший после того, как вы ушли. Он говорил...

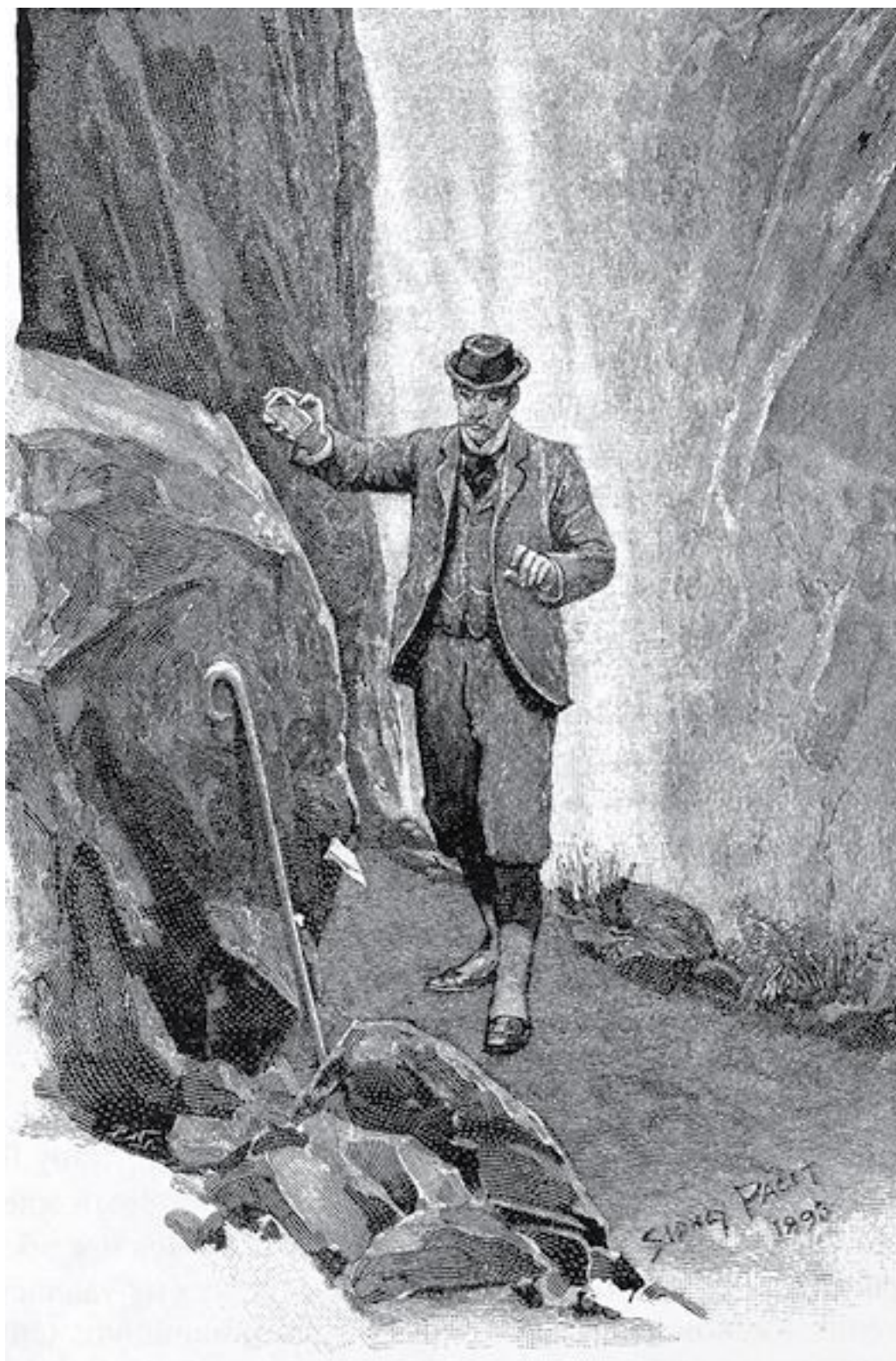
Но я уже не слушал объяснений хозяина. В паническом страхе я бежал вниз по деревенской улице к тропинке, с которой только что спустился.

Спускаться к гостинице мне пришлось целый час. Несмотря на все мои усилия, прошло часа два, прежде чем я снова очутился у водопада. Альпийская палка Холмса стояла по-прежнему у скалы, куда он поставил ее. Но самого Холмса нигде не было, и я напрасно звал его. Ответом мне был только мой собственный голос, повторяемый эхом окружающих меня скал.

При виде альпийской палки я похолодел и чуть было не лишился чувств. Итак, Холмс не ушел в Розенлау. Он оставался на этой тропинке в три фута, с одной стороны которой высились отвесные скалы, а с другой зияла бездонная пропасть до тех пор, пока не настиг его враг. Молодой швейцарец также исчез. Вероятно, он был подкуплен Мориарти и ушел, оставив врагов наедине друг с другом. Что же случилось потом? Кто мог сказать, что случилось потом?

Минуты две я не мог собраться с силами, ужас при мысли о случившемся ошеломил меня. Потом я стал припоминать метод Холмса и попытался применить его к разыгравшейся трагедии. Увы! Это было очень легко. Во время нашего разговора мы не дошли до конца тропинки, и альпийская палка указывала на место нашей остановки. Темная почва всегда сыра от брызг, и на ней был бы замечен даже след птицы. На конце тропинки были ясно видны два ряда следов человеческих ног, оба в противоположном от меня направлении. Обратных следов не было видно. На расстоянии нескольких ярдов от конца тропинки почва была вся вытоптана и превратилась в грязь, а кусты терновника и папоротника, окаймлявшие пропасть, вырваны. Я лег ничком и стал смотреть вниз. Брызги летели вокруг меня. Стемнело, и я видел только блестящие от сырости черные скалы и далеко внизу сверкающие, разлетающиеся брызги воды. Я крикнул, но в ответ до моего слуха донесся только тот же ужасный шум водопада.

Однако мне было суждено получить последний привет от моего друга и товарища. Я уже говорил, что его альпийская палка осталась прислоненной к скале, которая выступала над тропинкой. На вершине скалы я заметил что-то блестящее и, подняв руку, достал серебряный портсигар, который он всегда носил с собой. Когда я поднял его, на землю слетел маленький клочок бумаги, лежавший под ним. Развернув бумагу, я увидел, что это три странички, вырванные из записной книжки Холмса и адресованные мне. Как на характерную особенность моего друга, могу указать на то, что выражения были так же точны, а почерк так же тверд и разборчив, как будто записка была написана в его кабинете.

«Милый Ватсон, – читал я, – пишу вам эти строки благодаря любезности мистера Мориарти, который ожидает меня для окончательного решения возникших между нами вопросов. Он описал мне несколькими штрихами, как ему удалось ускользнуть от английской полиции и узнать о нашем местопребывании. Эти подробности только подтверждают мое высокое мнение о его способностях. Я рад, что буду иметь возможность освободить общество от дальнейшего пребывания Мориарти среди нас, хотя боюсь, что заплачу за это ценой, которая опечалит моих

друзей и в особенности вас, дорогой Ватсон. Но я уже говорил вам, что моя карьера достигла кульминационной точки, и что для меня не могло быть лучшего конца. Для полноты признания должен сказать вам, что был убежден: письмо из Мейрингена не что иное, как западня, и отпустил вас в уверенности, что произойдет нечто вроде случившегося теперь. Скажите следователю Паттерсону, что бумаги, нужные для уличения шайки, хранятся в ящике «М», в синем конверте с надписью «Мориарти». Перед отъездом из «Инглишер Хоф» я сделал все распоряжения насчет моего имущества и передал их моему брату Майкрофту. Прошу вас передать мой поклон миссис Ватсон и верить в искреннюю преданность вашего Шерлока Холмса».

Все остальное можно передать в нескольких словах. Осмотр экспертов не оставил никакого сомнения насчет того, что борьба кончилась так, как она должна была кончиться, то есть что оба противника упали в пропасть, обхватив друг друга. Всякая попытка найти тела была признана совершенно безнадежной, и там, на дне страшного пенящегося водоворота, нашли вечный покой тела опаснейшего из преступников своего времени и искуснейшего из борцов за закон. Молодой швейцарец исчез. Нет сомнения, что это был один из многочисленных агентов, состоявших в распоряжении Мориарти. Что касается шайки, то многие, вероятно, помнят записку, в которой Холмс подробно излагал ее организацию, и тот гнет, под которым ее держал погибший предводитель. На процессе было обнародовано мало подробностей относительно этого ужасного человека, и если мне пришлось теперь детально описать его жизнь, то это вызвано теми недобросовестными защитниками, которые старались обелить его память нападениями на того, кого я всегда буду считать лучшим и умнейшим из всех известных мне людей.

Собака Баскервильей

Повесть

I. Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс, имевший обыкновение вставать очень поздно, за исключением тех нередких случаев, когда вовсе не ложился спать, сидел за завтраком. Я стоял на коврике перед камином и держал в руках трость, которую наш посетитель забыл накануне вечером. Это была красивая, толстая палка с круглым набалдашником. Как раз под ним палку обхватывала широкая (в дюйм ширины) серебряная лента, а на этой ленте было выгравировано: «Джеймсу Мортимеру, М. R. C. S. от его друзей из С. С. Н.» и год «1884». Это была как раз такого рода трость, какую носят обыкновенно старомодные семейные доктора, – почтенная, прочная и надежная.

– Что вы с нею делаете, Ватсон?

Холмс сидел ко мне спиной, а я ничем не обнаружил своего занятия.

– Почему вы узнали, что я делаю? У вас, должно быть, есть глаза в затылке.

– У меня, по крайней мере, есть хорошо отполированный кофейник, и он стоит передо мною, – ответил он. – Но скажите мне, Ватсон, что вы делаете с тростью нашего посетителя? Так как мы, к несчастью, упустили его визит и не имеем понятия о том, зачем он приходил, то этот знак памяти приобретает известное значение. Послушаем, какое вы составили представление о человеке, рассмотрев его трость.

– Думаю, – сказал я, пользуясь, насколько мог, методом моего товарища, – что доктор Мортимер удачный пожилой врач, пользующийся уважением, раз знакомые оказали ему внимание этим подарком.

– Хорошо! – одобрил Холмс. – Прекрасно!

– Я также думаю, что он, вероятно, деревенский врач и делает много визитов пешком.

– Почему?

– Потому что эта трость, очень красивая, когда была новою, до того испарапана, что вряд ли ее мог бы употреблять городской врач. Железный наконечник до того истерт, что, очевидно, с нею совершено немалое число прогулок.

– Совершенно здраво! – заметил Холмс.

– Затем на ней выгравировано «от его друзей из С. С. Н.». Я полагаю, что эти буквы означают какую-нибудь охоту (hunt), какое-нибудь местное общество охотников, членам которого он, может быть, подавал медицинскую помощь, за что они и сделали ему этот маленький подарок.

– Право, Ватсон, вы превосходите самого себя, – сказал Холмс, отодвигая стул и закури-вая папироску. – Я должен сказать, что во всех ваших любезных рассказах о моих ничтожных действиях вы слишком низко оценивали свои собственные способности. Может быть, вы сами и не освещаете, но вы проводник света. Некоторые люди, не обладая сами гением, имеют замечательную способность вызывать его в других. Признаюсь, дорогой товарищ, что я в большом долгу у вас.

Никогда раньше не говорил он так много, и я должен сознаться, что слова его доставили мне большое удовольствие, потому что меня часто обижало его равнодушие к моему восхищению им и к моим попыткам предать гласности его метод. Я также гордился тем, что настолько усвоил его систему, что применением ее заслужил его одобрение.

Холмс взял у меня из рук трость и рассматривал ее несколько минут невооруженным глазом. Затем, с выражением возбужденного интереса на лице, он отложил папиросу и, подойдя с тростью к окну, стал ее снова рассматривать в лупу.

– Интересно, но элементарно, – произнес он, садясь в свой любимый уголок на диване. – Есть, конечно, одно или два верных указания относительно трости. Они дают нам основание для нескольких выводов.

– Разве я упустил что-нибудь из вида? – спросил я с некоторою самонадеянностью. – Полагаю, что ничего важного?

– Боюсь, дорогой Ватсон, что большинство ваших заключений ошибочно. Я совершенно искренно сказал, что вы вызываете во мне мысли, и, замечая ваши заблуждения, я случайно попал на истинный след. Я не говорю, что вы вполне ошиблись. Человек этот, без сомнения, деревенский врач, и он очень много ходит.

– Так я был прав.

– Настолько, да.

– Но это же и все.

– Нет-нет, милый Ватсон, не все, далеко не все. Я, например, сказал бы, что подарок доктору сделан скорее от госпиталя, чем от охотничьего общества, и раз перед этим госпиталем поставлены буквы С. С., то само собою напрашиваются на ум слова «Черинг-Кросс» (Charing-Cross Hospital).

– Вы, может быть, правы.

– Все говорит за такое толкование. И если мы примем его за основную гипотезу, то будем иметь новые данные для восстановления личности этого неизвестного посетителя.

– Ну, так, предполагая, что буквы С. С. Н. должны означать Черинг-Кросский госпиталь, какие же мы можем сделать дальнейшие выводы?

– Разве вы не чувствуете, как они сами напрашиваются? Вы знакомы с моею системой – применяйте ее.

– Для меня ясно только одно очевидное заключение, что человек этот практиковал в городе, прежде чем переехать в деревню.

– Мне кажется, что мы можем пойти несколько дальше. Продолжайте в том же направлении. По какому случаю, вероятнее всего, мог быть сделан этот подарок? Когда друзья его могли сговориться, чтобы доказать ему свое расположение? Очевидно, в тот момент, когда доктор Мортимер покидал госпиталь с тем, чтобы заняться частной практикой. Мы знаем, что был сделан подарок. Мы полагаем, что доктор Мортимер променял службу в городском госпитале на деревенскую практику. Так будет ли слишком смелым вывод, сделанный из этих двух посылок, что доктор получил подарок по случаю этой перемены?

– Конечно, это, по-видимому, так и было.

– Теперь заметьте, что он не мог быть в штате госпиталя, потому что только человек с прочно установившеюся практикою в Лондоне мог занимать такое место, а такой человек не ушел бы в деревню. Кем же он был? Если он занимал место в госпитале, а между тем, не входил в его штат, то он мог быть только немногим более студента старшего курса. Он ушел из госпиталя пять лет назад – год обозначен на трости. Таким образом, милый Ватсон, ваш почтенный, пожилой семейный врач улетучивается, и является молодой человек не старше тридцати лет, любезный, не честолюбивый, рассеянный и обладатель любимой собаки, про которую я в общих чертах скажу, что она больше терьера и меньше мастиффа.

Я недоверчиво засмеялся, когда Шерлок Холмс, сказав это, прислонился к дивану и стал выпускать к потолку колечки дыма.

– Что касается до вашего последнего предположения, то я не имею средств его проверить, – сказал я. – Но, по крайней мере, не трудно найти некоторые сведения о возрасте и профессиональной карьере этого человека.

С моей небольшой полки медицинских книг я взял врачебный указатель и открыл его на имени Мортимер; их было несколько, но только одно из них могло относиться к нашему посетителю. Я прочел вслух следующие сведения о нем:

– «Мортимер, Джеймс, М. R. C. L., 1882, Грпмпен, Дартмур, врач-куратор, с 1882 по 1884 в Черинг-Кросском госпитале. Получил Джаксоновскую премию за сравнительную патологию с этюдом под заглавием: «Наследственна ли болезнь?» Член-корреспондент шведского

патологического общества, автор статей: «Несколько причуд атавизма» (Ланцет, 1882), «Прогрессируем ли мы?» (Психологический журнал, март, 1883 г.). Служит в приходах Гримпен, Торелей и Гай Барро».

– Ни малейшего намека, Ватсон, на местное общество охотников, – сказал Холмс с саркастической улыбкой. – Но деревенский врач, как вы проникательно заметили. Я думаю, что мои выводы достаточно подтверждены. Что же касается до приведенных мною прилагательных, то, если не ошибаюсь, они были: любезный, нечестолобивый и рассеянный. Я по опыту знаю, что в этом мире только любезный человек получает знаки внимания, только не честолобивый покидает лондонскую карьеру для деревенской практики и только рассеянный оставляет, вместо визитной карточки, свою трость, прождав вас в вашей комнате целый час.

– А собака?

– Имела обыкновение носить за своим господином эту трость. Так как эта трость тяжела, то собака крепко держала ее за середину, где ясно видны следы ее зубов. Пространство, занимаемое этими следами, показывает, что челюсть собаки велика для терьера и мала для мастиффа. Это, должно быть... Ну да, конечно, это кудрявый спаниель.

Холмс встал с дивана и ходил по комнате, говоря это. Затем он остановился у окна. В его голосе звучала такая уверенность, что я с удивлением взглянул на него.

– Милый друг, как вы можете быть так уверены в этом?

– По той простой причине, что я вижу собаку на пороге нашей двери, а вот и звонок ее господина. Пожалуйста, не уходите, Ватсон. Он ваш коллега, и ваше присутствие может быть полезным для меня. Наступил, Ватсон, драматический момент, когда вы слышите на лестнице шаги человека, который должен внести что-то в вашу жизнь, и вы не знаете, к добру ли это или нет. Что нужно доктору Джеймсу Мортимеру, человеку науки, от Шерлока Холмса, специалиста по преступлениям?..

Вид нашего посетителя удивил меня, потому что я ожидал увидеть типичного деревенского врача. Он был очень высокого роста, тонкий, с длинным носом, похожим на клюв, выда-

вавшимся между двумя острыми, серыми глазами, близко поставленными и ярко блестящими из-за очков в золотой оправе. Он был одет в профессиональный, но неряшливый костюм: его сюртук был грязноват, а брюки потерты. Хотя он был еще молод, но спина его уже была согблена, и он шел, нагнув вперед голову, с общим выражением пытливой благосклонности.

Когда он вошел, взгляд его упал на трость в руках Холмса, и он подбежал к ней с радостным возгласом:

– Как я доволен! Я не был уверен, здесь ли я ее оставил или в пароходной конторе. Я бы не хотел ни за что на свете потерять эту трость.

– Это, как видно, подарок, – сказал Холмс.

– Да, сэр...

– От Черинг-Кросского госпиталя?

– От нескольких друзей, служащих там, по случаю моей свадьбы.

– Ай-ай, это скверно, – сказал Холмс, качая головой.

Глаза доктора Мортамера блеснули сквозь очки кротким удивлением.

– Почему же это скверно?

– Только потому, что вы разбили наши маленькие выводы. По случаю вашей свадьбы, говорите вы?

– Да, сэр. Я женился и оставил госпиталь, а вместе с ним и всякие надежды на практику консультанта. Это было необходимо для того, чтобы я мог завести свой собственный домашний очаг.

– Ага, так мы, в сущности, уже не так ошиблись, – сказал Холмс. – Итак, доктор Джеймс Мортимер...

– Мистер, сэр, мистер... Скромный врач.

– И, очевидно, человек с точным мышлением.

– Пачкун в науке, мистер Холмс, собиратель раковин на берегах великого неисследованного океана. Полагаю, что я обращаюсь к мистеру Шерлоку Холмсу...

– Нет, это мой друг, доктор Ватсон.

– Очень рад, что встретил вас, сэр. Я слышал ваше имя в связи с именем вашего друга... Вы очень интересуете меня, мистер Холмс. Я с нетерпением ожидал увидеть такой долихоцефальный череп и столь хорошо выраженное развитие надглазной кости. Вы ничего не будете иметь, если я проведу пальцем по вашему теменному шву? Снимок с вашего черепа, пока оригинал его еще деятелен, составил бы украшение всякого антропологического музея. Я вовсе не намерен быть неделикатным, но признаюсь, что жажду вашего черепа.

Шерлок Холмс указал странному посетителю на стул и сказал:

– Я вижу, сэр, что вы восторженный поклонник своей идеи, как и я своей. Я вижу по вашему указательному пальцу, что вы сами скручиваете себе папиросы. Не стесняйтесь курить.

Посетитель вынул из кармана табак и бумажку, и с поразительной ловкостью скрутил папироску. У него были длинные дрожащие пальцы, столь же подвижные и беспокойные, как щупальца насекомого.

Холмс молчал, но его быстрые взгляды доказывали мне, насколько он интересуется нашим удивительным гостем.

– Я полагаю, сэр, – сказал он, наконец, – что вы сделали мне честь прийти сюда вчера вечером и опять сегодня не с исключительной целью исследовать мой череп?

– Нет, сэр, нет, хотя я счастлив, что получил и эту возможность. Я пришел к вам, мистер Холмс, потому, что внезапно стал лицом к лицу с очень серьезной и необыкновенной задачей. Признавая вас вторым экспертом в Европе...

– Неужели, сэр! Могу я вас спросить, кто имеет честь быть первым? – спросил Холмс несколько резко.

– Но точно научный ум Бертильона будет всегда иметь сильное влияние.

– Так не лучше ли вам посоветоваться с ним?

– Я говорил, сэр, об уме точно научном. Что же касается до практически делового человека, то всеми признано, что вы в этом отношении единственный. Надеюсь, сэр, что я неумышленно не...

– Немножко, – сказал Холмс. – Я думаю, доктор Мортимер, что вы сделаете лучше, если без дальнейших разговоров будете добры просто изложить мне, в чем заключается задача, для разрешения которой требуется моя помощь.

II. Проклятие над Баскервильями

- У меня в кармане рукопись, – начал Джеймс Мортимер.
- Я это заметил, как только вы вошли в комнату, – сказал Холмс.
- Это старая рукопись.
- Не новее восемнадцатого столетия, если это только не подделка.
- Как могли вы это узнать, сэр?

– Все время, пока вы говорили, из вашего кармана выглядывало дюйма два этой рукописи. Плохим был бы я экспертом, если бы не мог указать на эпоху документа с точностью приблизительно до десяти лет. Может быть, вы читали мою небольшую монографию об этом? Я отношу этот документ к 1730 году.

– Точная его дата – 1742 год. – При этом доктор Мортимер вынул документ из кармана. – Эта фамильная бумага была мне доверена сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и загадочная смерть которого около трех месяцев назад произвела такое возбуждение в Девоншире. Я могу сказать, что был его другом и врачом. Это был человек сильного ума, строгий, практичный и со столь же малоразвитым воображением, как у меня самого. Между тем, он серьезно отнесся к этому документу, и его ум был подготовлен к постигшему его концу.

Холмс протянул руку за рукописью и разгладил ее на своем колене.

– Заметьте, Ватсон, перемежающиеся длинные и короткие «S». Это одно из нескольких указаний, давших мне возможность определить дату.

Я посмотрел из-за его плеча на желтую бумагу и поблекшее письмо. В заголовке было написано: «Баскервиль-холл», а внизу большими цифрами нацарапано: «1742».

– Это имеет вид какого-то рассказа.

– Да, это рассказ одной легенды, которая в ходу в семействе Баскервиль, – сообщил Мортимер.

– Но, насколько я понимаю, вы желаете посоветоваться со мною о чем-то более современном и практичном?

– О самом современном. О самом практическом спешном деле, которое должно быть решено в двадцать четыре часа. Но рукопись не длинная и тесно связана с делом. С вашего позволения я прочту ее вам.

Холмс прислонился к спинке кресла, сложил вместе кончики пальцев обеих рук и закрыл глаза с выражением покорности.

Доктор Мортимер повернул рукопись к свету и стал читать высоким надтреснутым голосом следующий любопытный рассказ:

— «Много говорилось о происхождении Баскервильской собаки, но так как я происхожу по прямой линии от Гюго Баскервиля, и так как я слышал эту историю от моего отца, а он от своего, то я изложил ее с полной уверенностью, что она произошла именно так, как тут изложена. И я бы желал, чтобы вы, сыновья мои, верили в то, что та же самая Справедливость, которая наказывает грех, может также милостиво простить его, и что нет того тяжелого проклятия, которое бы не могло быть снято молитвою и раскаянием. Так научитесь из этого рассказа не страшиться плодов прошлого, но скорее быть предусмотрительными на счет будущего, дабы скверные страсти, от которых так жестоко пострадал наш род, не были снова напущены на нашу погибель.

Итак, знайте, что во время великого восстания (на историю которого, написанную ученым лордом Кларендоном, я должен серьезно обратить ваше внимание) поместье Баскервиля находилось во владении Гюго Баскервиля, самого необузданного, нечестивого безбожника. Эти качества соседи простили бы и ему, потому что они никогда не видели, чтобы святые про-

цветали в этой местности, но он отличался таким жестоким развратом, что имя его сделалось притчей на всем Западе. Случилось так, что Гюго полюбил (если можно выразить столь прекрасным словом его гнусную страсть) дочь зажиточного крестьянина, арендовавшего земли близ Баскервильского поместья. Но молодая девушка, скромная и пользовавшаяся добрым именем, постоянно избегала его, страшась его дурной славы.

Однажды в день Михаила Архангела Гюго с пятью или шестью своих бездельных и злых товарищей прокрался на ферму и похитил девушку, пока отец ее и братья были в отсутствии, что ему было прекрасно известно. Девушку привезли в замок и поместили в комнате верхнего этажа, а Гюго и его друзья предались, по своему обыкновению, продолжительной ночной оргии. Между тем, бедная девушка, слыша песни, крики и страшную ругань, доходившие до нее снизу, чуть с ума не сошла, потому что, когда Гюго Баскервиль был пьян, то, говорят, употреблял такие слова, которые могли сразить человека, слышавшего их. Наконец, доведенная до крайнего ужаса, она сделала то, что устрало бы самого храброго мужчину: при помощи плюща, покрывавшего (и по ныне покрывающего) южную стену, она спустилась с карниза и побежала через болото по направлению к ферме своего отца, отстоявшей от замка на девять миль.

Немного позднее Гюго решил отнести своей гостье поесть и попить, а может быть, задумал и еще что-нибудь худшее, и нашел клетку пустой – птичка улетела. Им тогда точно овладел дьявол, и он, бросившись вниз, вбежал в столовую, вскочил на большой стол, опрокидывая бутылки и кушанья, и закричал во все горло, что он готов в эту же ночь предать свое тело и душу нечистому духу, только бы ему удалось догнать девушку. Кутилы стояли, разинув рот при виде бешенства своего хозяина, как вдруг один из них, более других злой, а может быть более пьяный, закричал, что следовало бы выпустить на нее собак. Услыхав это, Гюго выбежал из дому и, вызывая конюхов, приказал им оседлать его кобылу и выпустит собак. Когда это было сделано, он дал собакам понюхать головной платок девушки, толкнул их на след и с громким криком полетел по болоту, освещенному луной.

Кутилы продолжали стоять, вытаращив глаза, не понимая, что такое было предпринято столь поспешно. Но вдруг их отяжелевшие мозги прояснились, и они отдали себе отчет в том, что должно совершиться на болоте. Все взволновались: кто требовал свой пистолет, кто свою лошадь, а кто еще бутылку вина. Наконец, они пришли в себя и всею гурьбою (тринадцать всего человек) сели на лошадей и пустились догонять Гюго. Месяц ясно светил над ними, и они быстро скакали все рядом по тому направлению, по которому обязательно должна была бежать девушка, если она хотела вернуться домой.

Они проскакали две-три мили, когда встретили одного из ночных пастухов на болоте и спросили его, не видал ли он охоты. История гласит, что человек этот был до того поражен страхом, что еле мог говорить, но, наконец, сказал, что видел несчастную девушку и собак, бежавших по ее следам. «Но я видел еще больше этого, – прибавил он, – Гюго Баскервиль обогнал меня на своей вороной кобыле, а за ним молча бежала собака, – такое исчадие ада, какое не дай мне Бог никогда видеть за своими пятами». Пьяные помещики выругали пастуха и продолжали свой путь. Но вскоре по их коже пробежали мурашки, потому что они услышали быстрый стук копыт и тотчас же увидели на болоте скакавшую мимо них вороную кобылу, забрызганную белой пеной, с волочащимися поводьями и пустым седлом. Кутилы собрались теснее друг к другу, потому что их обуял страх, но они все-таки продолжали подвигаться по болоту, хотя каждый, будь он один, рад был бы повернуть обратно. Они ехали медленно и, наконец, добрались до собак. Хотя собаки все были знамениты своею смелостью и дрессировкой, однако же тут, собравшись в кучу, были над выемкой в болоте, некоторые отскакивали от нее, другие же, дрожа и вытаращив глаза, смотрели вниз.

Компания, протрезвившаяся, как можно думать, остановилась. Большинство всадников ни за что не хотело двигаться дальше, но трое из них, самых смелых, а может быть и самых

пьяных, спустились во впадину. Перед ними открылось широкое пространство, на котором стояли большие камни, видимые там еще и теперь, и поставленные здесь в древние времена каким-то забытым народом. Месяц ярко освещал площадку, и в центре ее лежала несчастная девушка, упавшая сюда мертвой от страха и усталости. Но волосы поднялись на головах трех дьявольски смелых бездельников не от этого вида и даже не от того, что тут же, рядом с девушкой, лежало тело Гюго Баскервиля, а потому, что над Гюго стояло, трепля его за горло, отвратительное существо, похожее на собаку, но несравненно крупнее когда-либо виденной собаки. Пока всадники смотрели на эту картину, животное вырвало горло Гюго Баскервиля и повернуло к ним голову с горящими глазами и разинутой челюстью, с которой капала кровь. Все трое вскрикнули от ужаса и усаkali, спасая жизнь, и долго крики их оглашали болото. Один из них, говорят, умер в ту же ночь, а двое остальных на всю жизнь остались больными людьми.

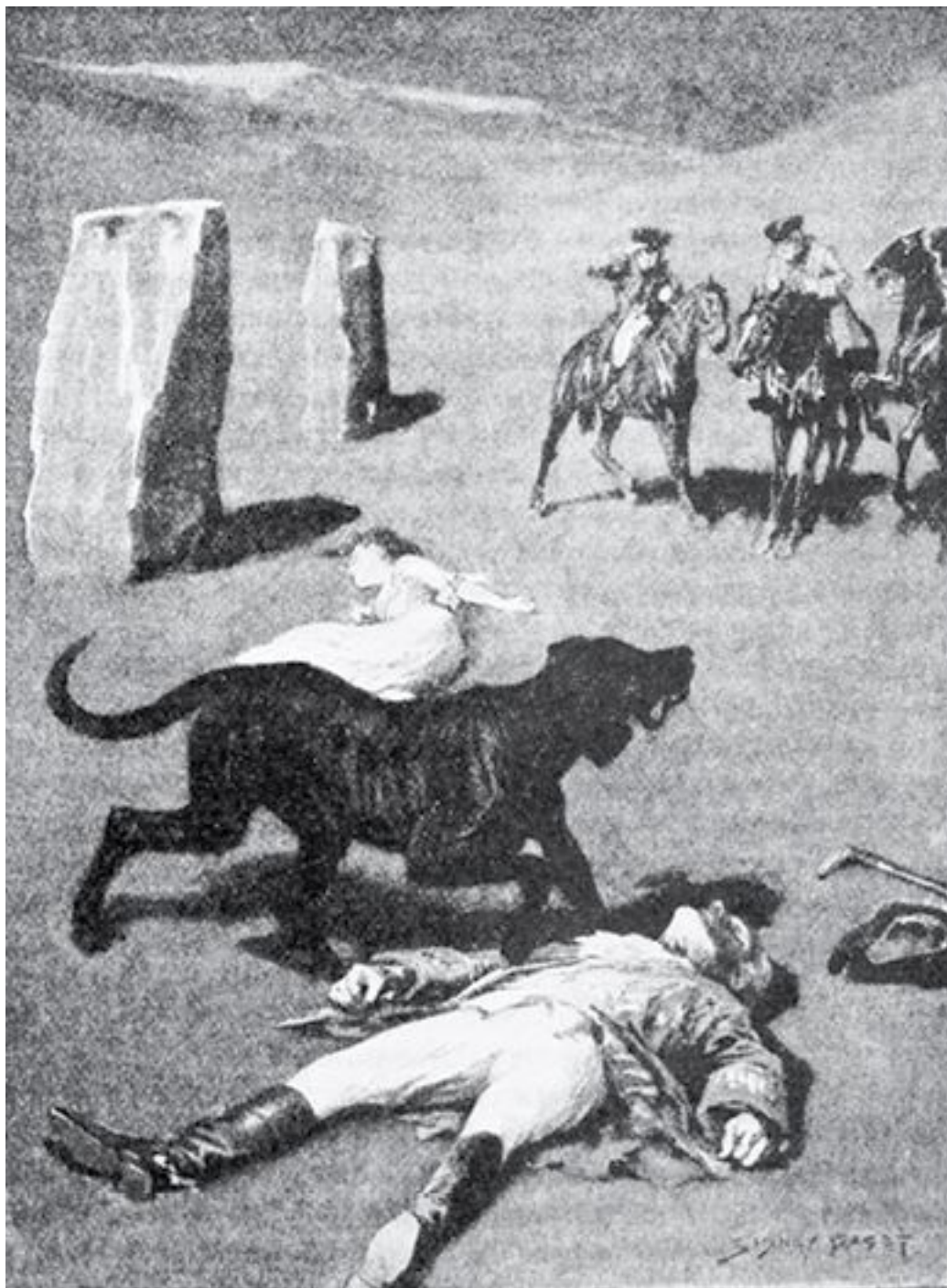
Такова, сыновья мои, легенда о появлении собаки, которая с тех пор была, говорят, бичом нашего рода. Изложил я ее, потому что известное менее внушает ужаса, чем предполагаемое и угадываемое. Нельзя также отрицать, что многие из нашего рода погибли неестественною смертью – внезапной, кровавой и таинственной. Но предадимся защите бесконечно благостного Провидения, которое не будет вечно наказывать невинного дальше третьего или четвертого поколения, как угрожает Священное Писание. А потому я поручаю вас, сыновья мои, этому Провидению и советую вам ради предосторожности не проходить по болоту в темные часы ночи, когда властвует нечистая сила.

От Гюго Баскервиля его сыновьям Роджеру и Джону, с предупреждением ничего не говорить об этом сестре своей Елизавете».

Когда доктор Мортимер окончил чтение этого странного рассказа, он сдвинул на лоб свои очки и пристально уставился в Шерлока Холмса. Последний зевнул и бросил окурок своей папироски в камин.

– Ну? – спросил он.

– Разве вы не находите это интересным?

– Для собирателя волшебных сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную газету и сказал:

– Теперь, мистер Холмс, мы вам дадим нечто более современное. Это «Хроника графства Девон» от 14 мая нынешнего года. Она включает в себе краткое сообщение о фактах, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервиля.

Мой друг нагнулся несколько вперед, и на лице его выразилось напряженное внимание. Наш посетитель поправил очки и начал читать:

– «Недавняя скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, которого называли вероятным кандидатом на ближайших выборах от Среднего Девона, набросила мрачную тень на всю страну. Хотя сэр Чарльз жил в своем поместье Баскервиль сравнительно недолго, но его любезность и крайняя щедрость привлекли к нему любовь и уважение всех, кто приходил с

ним в соприкосновение. В настоящие дни, изобилующие *nouveaux riches*, утешительно видеть, когда потомок старой фамилии графства, претерпевшей тяжелые дни, способен сам составить свое состояние и вернуть своему роду его былое величие. Известно, что сэр Чарльз приобрел большой капитал спекуляциями в Южной Африке. Благоразумнее тех, кто не останавливается, пока колесо фортуны не повернется против них, он реализовал свои барыши и вернулся с ними в Англию. Он только два года назад поселился в Баскервиле, и все говорят об его широких планах перестройки и усовершенствований, прерванных его смертью. Сам бездетный, он громко выражал желание, чтобы, еще при его жизни, вся эта часть графства получала выгоду от его благосостояния, и многие имеют личные причины оплакивать его преждевременную кончину. О его щедрых пожертвованиях на благотворительные дела местные и во всем графстве часто говорилось на столбцах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, связанные со смертью сэра Чарльза, были вполне выяснены следствием, но, по крайней мере, многое сделано для того, чтобы опровергнуть слухи, вызванные местным суеверием. Как бы то ни было, нет ни малейшего повода подозревать злодеяние, чтобы смерть произошла от чего-нибудь иного, кроме самых естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец, и можно сказать, что в некоторых отношениях он был эксцентричным человеком. Несмотря на свое богатство, он имел очень скромные вкусы, и весь его домашний штат прислуги в замке Баскервиль состоял из супругов Бэрримор – муж был дворецким, а жена экономкой. Из их показаний, подкрепленных свидетельством нескольких друзей, видно, что за последнее время здоровье сэра Чарльза стало ослабевать, и что у него была какая-то болезнь сердца, проявлявшиеся изменениями цвета лица, удушьем и острыми приступами нервного упадка сил. Доктор Джеймс Мортимер, друг и врач покойного, показал то же самое.

Обстоятельства, связанные с этим случаем, очень просты. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение перед сном прогуливаться по знаменитой тисовой аллее. Бэрриморы свидетельствовали о такой его привычке. Сэр Чарльз 14 мая объявил о своем намерении ехать на другой день в Лондон и приказал Бэрримору уложить вещи. Вечером он отправился на свою обыкновенную ночную прогулку, в продолжение которой имел привычку курить сигару. С этой прогулки ему не суждено было вернуться. В двенадцать часов ночи, видя, что дверь в переднюю все еще открыта, Бэрримор стал беспокоиться и, засветив фонарь, отправился на поиски своего господина. День был сырой, и следы сэра Чарльза были ясно видны на аллее. На полпути по этой аллее есть калитка, выходящая на болото. Видно было, что сэр Чарльз останавливался тут ненадолго, затем продолжал свою прогулку по аллее, и в самом конце ее было найдено его тело. Тут есть один только необъясненный факт, а именно показание Бэрримора о том, что, за калиткой следы шагов сэра Чарльза изменили свой характер, и казалось, будто он шел не полной ступней, а только на носках. Некто Мерфи, цыган-барышник, находился в то время на болоте, недалеко от калитки, но, по собственному его признанию, был мертвецки пьян. Он заявил, что слышал крики, но не был в состоянии определить, откуда они шли. На теле сэра Чарльза не было обнаружено никаких знаков насилия и, хотя свидетельство доктора указывало на невероятное почти искажение лица (настолько сильное, что доктор Мортимер сразу не узнал своего друга и пациента), но было выяснено, что такой симптом бывает в случаях удушья и смерти от паралича сердца. Такое объяснение было дано при вскрытии, доказавшем, что сэр Чарльз давно страдал органическим пороком сердца, и следовательно постановил свое решение на основании медицинских показаний. Хорошо, что все так объяснилось, потому что крайне важно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в замке и продолжал доброе дело, столь грустно прерванное. Если бы прозаический вывод следователя не положил конца романтическим историям, которые нашептывались по поводу этой смерти, то трудно было бы найти владельца для Баскервиля. Говорят, что ближайший родственник и наследник – сэр Генри Баскервиль, сын младшего брата сэра Чарльза. По последним известиям, молодой человек был

в Америке, и теперь собираются сведения о нем для того, чтобы иметь возможность сообщить ему о его наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и положил ее обратно в карман.

– Таковы, мистер Холмс, обнародованные факты, относящиеся к смерти сэра Чарльза Баскервиля.

– Я должен принести вам свою благодарность, – сказал Шерлок Холмс, – за то, что вы привлекли мое внимание на случай, который представляет, конечно, несколько интересных данных. Я в то время видел мельком несколько газетных сообщений об этом, но был занят маленьким делом о ватиканской камее и, в своем желании угодить папе, упустил из вида несколько интересных английских дел. В этой статье, говорите вы, заключаются все обнародованные факты?

– Да.

– Так сообщите мне интимные сведения.

С этими словами Холмс снова прислонился к спинке кресла, сложил концы пальцев и принял самое бесстрастное судейское выражение.

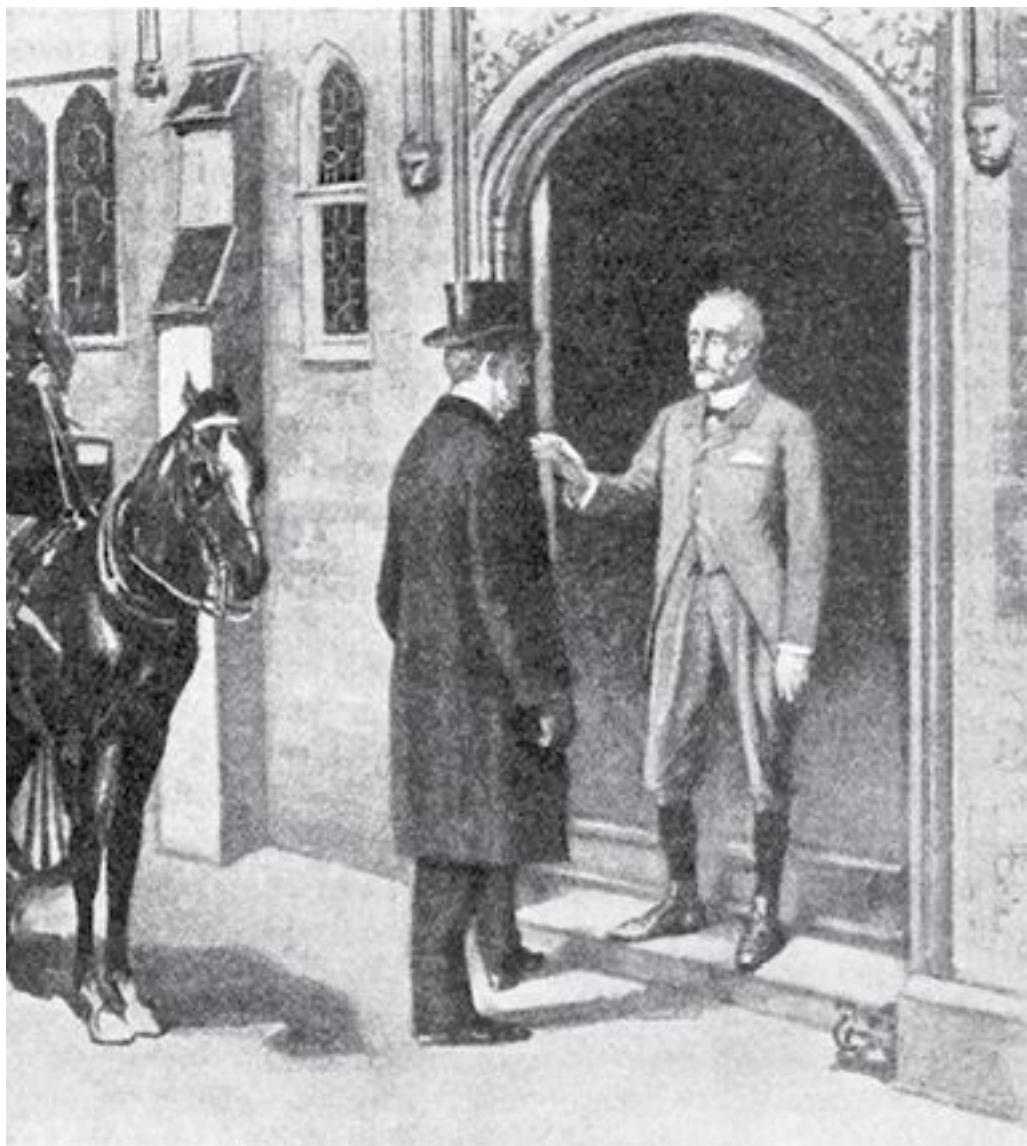
– Делая это, – сказал Мортимер, начинавший вызывать сильное волнение, – я говорю то, чего никогда никому не доверял. Один из мотивов, по которому я это скрыл от следствия, заключается в том, что человеку науки крайне неприятно быть заподозренным в том, что он разделяет народное суеверие. Вторым мотивом было то, что Баскервильское поместье, как говорит о том газета, осталось бы без владельца, если бы что-нибудь усилило его и без того мрачную репутацию. По обоим этим причинам я думал, что имел право сказать менее, чем знал, раз практически ничего хорошего не вышло бы из моей откровенности. Но от вас у меня нет никакой причины скрывать что бы то ни было.

Болото очень мало населено, и те, кто живут по соседству друг с другом, находятся в постоянном сношении. Поэтому я часто виделся с сэром Чарльзом Баскервилем. За исключением мистера Франкланда из Лафтар-холла и мистера Стэплтона – натуралиста, нет ни одного интеллигентного человека на много миль. Сэр Чарльз вел уединенную жизнь, но его болезнь свела нас, а эту связь поддерживала общность наших интересов в науке. Он привез с собою из Южной Африки много научных сведений, и мы провели немало прелестных вечеров, рассуждая о сравнительной анатомии бушмена и готтентота.

В последние месяцы для меня становилось все яснее и яснее, что нервы сэра Чарльза были до последней крайности натянуты. Прочитанная мною вам легенда настолько подействовала на него, что хотя он ходил по всему пространству своих владений, но ничто не могло бы его заставить пойти ночью на болото. Как бы это ни казалось невероятным вам, мистер Холмс, он был искренно убежден, что ужасный рок тяготеет над его родом, и, конечно, то, что он рассказывал о своих предках, не могло действовать успокоительно. Его постоянно преследовала мысль о присутствии чего-то отвратительного, и не раз спрашивал он меня, не видел ли я во время своих врачебных поездок по окрестностям какого-нибудь странного существа или не слышал ли я лая собаки. Последний вопрос задавал он мне несколько раз, и всегда голос его при этом дрожал от волнения.

– Я хорошо помню, как недели за три до рокового происшествия я приехал к нему. Он стоял у выходной двери. Я сошел с брички и, стоя напротив него, увидел, что его глаза были устремлены за мое плечо, и в них читался страшный ужас. Я оглянулся и успел только мельком заметить что-то такое, что я принял за большого черного теленка, пробежавшего сзади экипажа. Сэр Чарльз был так взволнован и испуган, что я бросился к месту, на котором видел животное, чтобы поймать его. Но оно исчезло, и это происшествие произвело, казалось, на сэра Чарльза самое тягостное впечатление. Я просидел с ним весь вечер. Чтобы объяснить свое волнение, он вручил мне на хранение рукопись с повестью, которую я вам прочитал. Я упоминаю об этом маленьком эпизоде потому, что он приобретает некоторое значение в виду

происшедшей впоследствии трагедии, но в то время я был убежден, что случай самый обыкновенный, и что волнение сэра Чарльза не имело никакого основания.

Я посоветовал ему отправиться в Лондон. Я знал, что сердце его было не в порядке, и постоянный страх, под которым он находился, как бы ни была иллюзорной его причина, очевидно, имел сильное влияние на его здоровье. Я думал, что после нескольких месяцев, проведенных в городских развлечениях, он вернется к нам обновленным человеком. Мистер Стэплтон, наш общий друг, также беспокоившийся о состоянии его здоровья, был того же мнения. В последний день перед отъездом случилась ужасная катастрофа.

В ночь смерти сэра Чарльза дворецкий Бэрримор, нашедший его тело, послал конюха Перкинса верхом за мною, и так как я еще не ложился спать, то через час после происшествия был уже в замке Баскервиль. Я проверил и подтвердил все факты, которые были упомянуты на следствии. Я проследил за отпечатками шагов по тисовой аллее, видел место у калитки, ведущей в болото, на котором, по-видимому, стоял сэр Чарльз. Я заметил изменение формы следов, начиная с этого места. Наконец, я тщательно осмотрел тело, которого не трогали до моего прибытия. Сэр Чарльз лежал ничком с распростертыми руками, пальцы его впились в землю, и черты лица были до того искажены каким-то сильным потрясением, что я бы не дал тогда клятвы в том, что вижу именно его. На теле не оказалось никаких знаков насилия. Но

одно показание Бэрримора на следствии было неправильным. Он сказал, что на земле вокруг тела не было никаких следов. Он не заметил никаких, я же заметил... На некотором расстоянии от тела, но свежие и отчетливые следы.

– Следы шагов?

– Шагов.

– Мужчины или женщины?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас, и голос его понизился почти до шепота, когда он ответил:

– Мистер Холмс, я видел следы шагов гигантской собаки.

III. Задача

Признаюсь, при этих словах я содрогнулся. Да и в голосе доктора слышалось легкое дрожание, доказывавшее, что и он глубоко взволнован тем, что нам рассказал. Холмс, возбужденный, нагнулся вперед, и глаза его блеснули тем жестким, сухим блеском, какой всегда принимал его взгляд, когда он бывал сильно заинтересован.

- Вы их видели?
- Так же ясно, как вижу вас.
- Каким образом могло случиться, что никто, кроме вас, не видел их?
- Отпечатки находились в двадцати приблизительно ярдах от тела, и никто не подумал о них. Полагаю, что и я бы не обратил на них внимания, если бы не знал легенды.
- На болоте много овчарок?
- Конечно, но то была не овчарка.
- Вы говорите, собака была большая.
- Громадная.
- Но она не подходила к телу?
- Нет.
- Какая была погода в ту ночь?
- Ночь была сырая.
- Но дождь не шел?
- Нет.
- Какой вид имеет аллея?
- Она состоит из двух линий тисовых живых непроницаемых изгородей двенадцати футов высоты. Дорожка между ними имеет приблизительно восемь футов ширины.
- Есть ли что-нибудь между изгородями и дорожкой?
- Да, между ними тянется с обеих сторон полоска травы около шести футов ширины.
- Я понял, что в аллею есть доступ через калитку, сделанную в изгороди?
- Да, через калитку, которая выходит на болото.
- Существует ли какой-нибудь другой проход в изгороди?
- Нет никакого.
- Так что, для того, чтобы войти в тисовую аллею, надо спуститься от дома или войти через калитку с болота?
- Есть еще выход – через беседку на дальнем конце.
- Дошел ли сэр Чарльз до нее?
- Нет, он лежал в пятидесяти, приблизительно, ярдах от нее.
- Теперь скажите мне, доктор Мортимер, это очень важно: виденные вами следы были отпечатаны на дорожке, а не на траве?
- На траве нельзя было видеть никаких следов.
- Они были со стороны калитки?
- Да, на краю дорожки, с той же стороны, где и калитка.
- Вы чрезвычайно заинтересовали меня. Еще вопрос. Была ли заперта калитка?
- Заперта на замок.
- Как высока она?
- Около четырех футов.
- Так что можно перелезть через нее?
- Да.
- Не видели ли вы каких-нибудь следов у самой калитки?

- Ничего особенного.
 - И никто не исследовал это место?
 - Я сам осмотрел его.
 - И ничего не нашли?
 - Я был очень смущен. Было очевидно, что сэр Чарльз стоял тут в продолжение пяти или десяти минут.
 - Почему вы это узнали?
 - Потому что пепел с его сигары успел упасть два раза.
 - Прекрасно. Но следы?
 - На всем этом маленьком кусочке гравия были видны одни только его следы. Я не видел никаких иных.
- Шерлок Холмс ударил себя по колену с выражением досады и воскликнул:
- Ах, отчего меня там не было! Это, очевидно, необыкновенно интересное дело, оно представляет обширное поле для действий научного эксперта. Эта страница гравия, на которой я мог бы прочесть так много, давно уже стерта дождем и тяжелыми сапогами любопытных

мужиков. Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Как это вы меня не позвали туда! На вас поистине лежит большая ответственность.

– Я не мог вас призвать, мистер Холмс, пока не обнаружил этих фактов во всеобщем сведении, и уже высказал вам причины, по которым не хотел этого сделать. Кроме того...

– Почему вы колеблетесь?

– Есть область, в которой самый проникательный и опытный сыщик беспомощен.

– Вы хотите сказать, что дело это сверхъестественное?

– Я этого не сказал.

– Да, но, очевидно, так думаете.

– Мистер Холмс! Со времени этой трагедии до моего сведения дошло несколько инцидентов, которые трудно примирить с естественным порядком вещей.

– Например?

– Я узнал, что до этого ужасного происшествия несколько человек видели на болоте существо, соответствующее этому Баскервильскому демону, существо, которое не может быть ни одним животным, известным науке. Все, кто видел его, говорили, что это громадное существо, светящееся, отвратительное и похожее на призрак. Я расспрашивал всех этих людей: один из них крестьянин, с крепкой головою, другой кузнец, третий фермер на болоте, и все они говорят одно и то же об этом странном привидении, и то, что они рисуют, в точности соответствует адской собаке из легенды. Уверяю вас, что в округе царит ужас, и отважен тот человек, который решится пройти ночью по болоту.

– И вы, человек науки, верите в то, что тут действует сверхъестественная сила?

– Я не знаю, что думать.

Холмс пожал плечами и сказал:

– До сих пор мои исследования ограничивались этим миром. Я в скромных размерах боролся против зла, но выступить против самого отца зла было бы, пожалуй, слишком самонадеянно с моей стороны. Однако, вы сами должны допустить, что следы ног были материальны?

– Собака-легенда была настолько материальна, что могла перегрызть человеку горло, а между тем, она была исчадием дьявола.

– Я вижу, что вы совершенно перешли на сторону сверхъестественников. Но, доктор Мортимер, вот что вы мне скажите: если вы придерживаетесь таких взглядов, зачем вы пришли ко мне за советом? Вы говорите мне, что бесполезно расследовать смерть сэра Чарльза, и одновременно просите меня это сделать.

– Я не сказал, чтобы вы произвели расследование.

– Так чем же я могу помочь вам?

– Советом, что мне делать с сэром Генри Баскервилем, который прибудет на станцию Ватерлоо, – доктор Мортимер посмотрел на свои часы, – ровно через час с четвертью.

– Наследник?

– Да. По смерти сэра Чарльза мы собрали справки об этом молодом человеке и узнали, что он занимался фермерством в Канаде. Из добытых о нем сведений оказывается, что он во всех отношениях превосходный малый. Теперь я говорю не как врач, а как душеприказчик сэра Чарльза.

– Я полагаю, что нет больше претендентов на наследство?

– Нет. Единственный еще родственник, о котором нам удалось узнать, – Роджер Баскервиль, младший из трех братьев, из которых бедный сэр Чарльз был старшим. Второй брат, давно умерший, отец молодого Генри. Третий, Роджер, был уродом семьи. В нем текла кровь древнего властного рода Баскервильей, и говорят, что он походил, как две капли воды, на фамильный портрет старого Гюго. Он так вел себя, что ему пришлось бежать из Англии, и он умер в 1876 году в Центральной Америке от желтой лихорадки. Генри – последний Баскервиль. Через час и пять минут я его встречу на Ватерлооской станции. Я получил телеграмму

о том, что он прибудет сегодня утром в Саутгэмптон. Так что же вы посоветуете мне, мистер Холмс, делать с ним?

– Почему не отправиться ему в дом своих предков?

– Да, это кажется естественным, не правда ли? А между тем, возьмите в соображение, что всех Баскервильей, живших там, постигал злой рок. Я уверен, что если бы сэр Чарльз мог говорить со мною в момент своей смерти, он попросил бы меня не привозить в это проклятое место последнего в роде и наследника крупного состояния. Однако же, нельзя отрицать, что благосостояние всей бедной, мрачной местности зависит от его присутствия. Все добро, сделанное сэром Чарльзом, пропадет даром, если не будет хозяина в Баскервиль-холле. Из боязни, что мною будет руководить мой собственный очевидный интерес в этом деле, я и пришел рассказать вам все и попросить вашего совета.

Холмс подумал некоторое время, затем сказал:

– Говоря простыми словами, вы того мнения, что какое-то дьявольское наваждение делает из Дартмура опасное место для потомка Баскервильей, не правда ли?

– По крайней мере, я утверждаю, что обстоятельства указывают на то.

– Прекрасно. Но если ваше мнение о сверхъестественном правильно, то оно может нанести зло молодому человеку также легко в Лондоне, как и в Девоншире. Черт с чисто местной властью, наподобие приходского управления, был бы слишком непостижимым явлением.

– Вы отнеслись бы к делу не так легко, мистер Холмс, если бы вам пришлось лично войти в соприкосновение с данными обстоятельствами. Так ваше мнение таково, что безопасность молодого человека будет так же обеспечена в Девоншире, как и в Лондоне? Он приедет через пятьдесят минут. Что вы посоветуете?

– Я советую вам, сэр, взять кеб, позвать вашего спаниеля, который царапается у парадной двери, и поехать на Ватерлооскую станцию навстречу сэра Генри Баскервиля.

– А затем?

– А затем вы ничего не скажете ему, пока я не обдумаю дело.

– А как долго вы будете обдумывать его?

– Двадцать четыре часа. Я буду очень обязан вам, доктор Мортимер, если завтра утром, в десять часов, вы придете сюда ко мне и приведете с собою сэра Генри Баскервиля. Это было бы полезно для моих будущих планов.

– Я это исполню, мистер Холмс.

Он записал назначенное свидание на манжетке своей рубашки и поспешно вышел своей странной походкой.

Холмс остановил его на верхней площадке лестницы словами:

– Еще один только вопрос, доктор Мортимер. Вы сказали, что перед смертью сэра Чарльза Баскервиля несколько человек видели привидение на болоте?

– Трое видели его.

– А после этого видел его кто-нибудь?

– Я ничего не слышал об этом.

– Благодарю вас. Прощайте!

Холмс вернулся к своему креслу с тем спокойным выражением внутреннего довольства, которое означало, что ему предстоит интересная работа.

– Вы уходите, Ватсон?

– Да, если я вам не нужен.

– Нет, друг мой, я только в минуту действия обращаюсь за вашей помощью. Но это роскошное дело положительно единственное с известных точек зрения. Не будете ли вы добры, когда пойдете мимо Баддлея, сказать ему, чтобы он прислал мне фунт самого крепкого табака?.. Благодарю вас. Было бы лучше, если бы вы нашли удобным зайти вечером. Тогда мне

будет очень приятно сравнить наши впечатления о крайне интересной задаче, которую предложили сегодня утром на наше решение.

Я знал, что одиночество необходимо для моего друга в часы интенсивной умственной сосредоточенности, в продолжение которых он взвешивает все частицы доказательств, строит различные заключения, взаимно их проверяет и решает, какие пункты существенно важны, и какие не имеют значения. Поэтому я провел день в клубе и только вечером вернулся на Бейкер-стрит.

Было около девяти часов, когда я входил в нашу гостиную, и первым моим впечатлением было, что у нас пожар: комната до того была полна дымом, что свет лампы, стоявшей на столе, имел вид пятна. Но когда я вошел, то успокоился, так как закашлялся от едкого табачного дыма. Сквозь туман смутно обрисовалась фигура Холмса в халате. Он сидел, скорчившись в кресле, с черною глиняною трубкой в зубах. Вокруг него лежало несколько свертков бумаг.

– Что, простудились, Ватсон? – спросил он.

– Нет, я кашляю от отравленной атмосферы.

- Да, теперь, как вы сказали, и я нахожу ее несколько тяжелой.
- Тяжелой! Она невыносима!
- Так откройте окно. Я вижу, что вы целый день были в вашем клубе.
- Милый Холмс!
- Разве я не прав?
- Конечно, правы, но как?..

Он засмеялся от моего недоумения.

– Вы распространяете вокруг себя, Ватсон, такую восхитительную свежесть, что приятно упражнять свои небольшие способности на ваш счет. Джентльмен выходит из дома в дождливую погоду и грязь; возвращается же он вечером со шляпою и сапогами, не утратившими свой лоск. Значит, он целый день не двигался. У него нет близких друзей. Где же мог он быть? Разве это не очевидно?

- Да, пожалуй, что и очевидно.
- Свет полон очевидностей, которых никто не замечает. Как вы думаете, где был я?
- Также не двигались с места.
- Напротив, я был в Девоншире.
- Мысленно?

– Именно. Мое тело оставалось в этом кресле и, как я, к сожалению, вижу, истребило в мое отсутствие две больших кружки кофе и невероятное количество табаку. Когда вы ушли, я послал к Стамфорду за артиллерийской картой этой части болота, и мой ум целый день бродил по нему. Я могу похвастать, что не заблужусь на его дорогах.

– Это карта большого масштаба, вероятно?

– Очень большого. – Он развернул часть ее на своих коленях. – Здесь вот тот участок, который нас интересует, а вот и Баскервиль Холл в середине.

– С лесом вокруг него?

– Именно. Я полагаю, что тисовая аллея, не обозначенная на карте под этим названием, идет вдоль этой линии, с болотом на правой ее стороне, как вы видите. Эта кучка строений – деревушка Гримпен, в которой живет наш друг, доктор Мортимер. На пять миль в окружности, как вы видите, находится очень немного разбросанных жилищ. Вот Лафтар-холл, о котором было упомянуто в рассказе. Тут обозначен дом, который, может быть, принадлежит натуралисту Стэплтону, если я верно припомнил его имя. Здесь две фермы на болоте – Гай-Тор и Фаульмайр. А в четырнадцати милях далее находится большая Принц-таунская тюрьма. Между и вокруг этих разбросанных пунктов лежит мрачное, безжизненное болото. Тут, наконец, находится сцена, на которой разыгралась трагедия, и на которой мы попробуем ее воспроизвести.

– Это, должно быть, дикое место.

– Да, обстановка подходящая. Если черт желал вмешаться в дела людей...

– Так, значит, и вы склоняетесь к сверхъестественному объяснению?

– А разве агентами дьявола не могут быть создания из мяса и крови? Теперь для начала нам поставлено два вопроса: первый – не совершено ли здесь преступление, второй – какого рода это преступление, и как оно совершено? Конечно, если предположение доктора Мортимера верно, и мы имеем дело с силами, не подчиненными простому закону природы, то тут и конец нашим расследованиям. Но мы обязаны исчерпать все остальные гипотезы прежде, чем отступить перед этой. Я думаю, если вам безразлично, закрыть это окно. Удивительное дело, но я нахожу, что концентрированная атмосфера способствует концентрированию мыслей. Я не дошел до того, чтобы забираться в ящик для размышлений, но это логический вывод из моих убеждений. Обдумали вы этот случай?

- Да, я много думал о нем в течение дня.
- И что вы думаете о нем?
- Это дело способно поставить в тупик.

– Оно, конечно, имеет свой особенный характер. Есть в нем отличительные признаки. Например, это изменение следов. Что вы о нем думаете?

– Мортимер сказал, что человек шел на цыпочках по этой части аллеи.

– Он только повторил то, что какой-то дурак сказал во время следствия. Ради чего стал бы человек ходить на цыпочках по аллее?

– Что же это было?

– Он бежал, Ватсон, бежал отчаянно, бежал, чтобы спасти свою жизнь, бежал, пока не сделался у него разрыв сердца, и он не упал мертвым.

– Бежал от чего?

– В этом-то и заключается наша задача. Есть указания на то, что он был поражен ужасом прежде, чем принялся бежать.

– Какие указания?

– Я полагаю, что причина его страха появилась с болота. Если это так, – а это кажется мне самым вероятным, – то только обезумевший человек мог бежать от дома вместо того, чтобы идти по направлению к нему. Если давать веру показанию цыгана, то сэр Чарльз бежал с криками о помощи по тому направлению, откуда менее всего можно было ее получить. Затем еще: кого ожидал он в эту ночь, и зачем он его ожидал в тисовой аллее, а не в собственном доме?

– Вы думаете, что он ожидал кого-нибудь?

– Сэр Чарльз был пожилой и больной человек. Мы можем допустить, что он вышел на вечернюю прогулку, но земля была сырая и погода неблагоприятная. Естественно ли, чтобы он стоял в продолжение пяти или десяти минут, как заключил по пеплу сигары с большим практическим смыслом, чем я мог предполагать в нем, доктор Мортимер.

– Но ведь он выходил каждый вечер.

– Не думаю, чтобы он каждый вечер стоял у калитки, ведущей на болото. Напротив, очевидно из рассказа, что он избегал болота. В эту же ночь он стоял там и ждал. Это было накануне дня, назначенного для его отъезда в Лондон. Дело обрисовывается, Ватсон. Является последовательность. Могу я вас попросить передать мне скрипку, и мы отложим все дальнейшие размышления об этом деле, пока не будем иметь удовольствия увидеть завтра утром доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля.

IV. Сэр Генри Баскервиль

Наш завтрак состоялся рано, и Холмс в халате ожидал обещанного свидания. Наши клиенты оказались точными: часы только что пробили десять, когда в дверях появился доктор Мортимер, а за ним молодой баронет. Последний был небольшого роста, живой, черноглазый мужчина лет тридцати, крепко сложенный, с густыми черными бровями и здоровым серьезным лицом. Он был одет в красноватый костюм и имел вид человека, проводившего большую часть своего времени на воздухе, а между тем, в его решительном взгляде и в спокойной уверенности его манер было что-то, обличающее в нем джентльмена.

– Это сэр Генри Баскервиль, – сказал доктор Мортимер.

– Верно, – подтвердил сэр Генри, – и странно то, мистер Шерлок Холмс, что, если бы мой друг не предложил мне пойти к вам сегодня утром, я сам по себе пришел бы. Я знаю, что вы занимаетесь разгадкой маленьких загадок, а сегодня утром мне попала одна загадка, которая требует большего обдумывания, чем я на то способен.

– Садитесь, пожалуйста, сэр Генри. Верно ли я понял, что с вами лично случилось нечто необыкновенное с тех пор, как вы приехали в Лондон?

– Ничего особенно важного, мистер Холмс. Нечто похожее на шутку. Сегодня утром я получил это письмо, если только можно это назвать письмом.

Он положил на стол конверт, и мы все нагнулись над ним. Конверт этот был из простой сероватой бумаги. Адрес «Сэр Генри Баскервиль, Нортумберлендский отель» был напечатан неровными буквами. На почтовом штемпеле было «Черинг-Кросс» и число вчерашнего дня.

– Кто знал, что вы остановитесь в Нортумберлендском отеле? – спросил Холмс, проницательно всматриваясь в нашего посетителя.

– Никто не мог этого знать. Мы решили вместе с доктором Мортимером остановиться в этом отеле уже после того, как я с ним встретился.

– Но, без сомнения, доктор Мортимер уже поселился там раньше?

– Нет, я остановился у одного приятеля, – сказал доктор. – Не могло быть никаких указаний на то, что мы намерены были отправиться в этот отель.

– Гм! Кто-то, по-видимому, глубоко заинтересован вашими действиями.

Холмс вынул из конверта половину листа бумаги малого формата, сложенного вчетверо. Он его развернул и расправил на столе. Посередине листа была наклеена отдельными печатными словами, вырезанными из газеты, единственная фраза: «Если вам ценна ваша жизнь или ваш разум, вы должны держаться далеко от болота». Одно только слово «болото» было написано чернилами, но также печатными буквами.

– Теперь, – сказал Генри Баскервиль, – вы, может быть, скажете мне, мистер Холмс, что это значит, и какой черт так интересуется моими делами?

– Что вы об этом думаете, доктор Мортимер? Вы должны допустить, что в этом-то уж, во всяком случае, нет ничего сверхъестественного.

– Конечно, сэр, но это письмо могло быть получено от человека, убежденного в сверхъестественности этого дела.

– Какого дела? – резко спросил сэр Генри. – Мне кажется, что вы все знаете гораздо больше, чем я, о моих собственных делах.

– Мы поделимся с вами всеми нашими сведениями, прежде чем вы уйдете из этой комнаты, сэр Генри. Обещаю вам это, – сказал Шерлок Холмс. – А пока, с вашего позволения, мы ограничимся этим весьма интересным документом, который был, по всей вероятности, составлен и сдан на почту вчера вечером. Нет ли у вас вчерашнего «Таймса», Ватсон?

– Он тут.

– Могу я вас попросить достать его и развернуть на странице с передовыми статьями?

Он быстро пробежал глазами столбцы газеты и сказал:

– Вот отменная статья о свободной торговле. Позвольте мне прочитать вам извлечение из нее: «Если вам польстят, вы вообразите, что от покровительственного тарифа должны быть поощрены ваша специальная торговля или ваш собственный промысел, но разум говорит, что от такого законодательства благосостояние будет далеко от страны, наша ввозная торговля будет менее ценна и жизнь на острове в ее общих условиях будет держаться на низком уровне»... Что вы думаете об этом, Ватсон?! – воскликнул сияющий Холмс, потирая от удовольствия руки. – Не находите ли вы, что тут выражено прекрасное чувство?..

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса с выражением профессионального интереса, а сэр Генри Баскервиль с недоумением взглянул на меня своими черными глазами и сказал:

– Я немного смыслю в тарифах и тому подобном, но мне кажется, что мы удалились от пути к объяснению письма.

– Напротив, сэр Генри, мы идем по самым горячим следам. Ватсон больше вас знаком с моим методом, но я опасаясь, что и он не вполне понял значение этой сентенции.

– Признаюсь, я не понимаю, какое она имеет отношение к письму.

– А между тем, милый мой Ватсон, между ними существует тесная связь, одно взято из другого. «Если», «вам», «вы», «от», «должны», «ваша», «ваш», «разум», «далеко», «ценна», «жизнь», «держаться». Видите ли вы теперь, откуда эти слова взяты?

– Черт возьми, вы правы! Ну, не прелесть ли это! – воскликнул сэр Генри.

– Право, мистер Холмс, это превосходит все, что я мог вообразить, – произнес доктор Мортимер, смотря с удивлением на моего друга. – Я мог бы догадаться, что слова взяты из газеты, но сказать, из какой, и прибавить, что они взяты из передовой статьи, это поистине удивительно. Как вы это узнали?

– Я полагаю, доктор, что вы отличите череп негра от черепа эскимоса?

– Конечно.

– Но каким образом?

– Потому что это моя специальность. Различие бросается в глаза. Надглазная выпуклость, личной угол, изгиб челюсти...

– Ну, а это моя специальность, и различие также бросается в глаза. На мой взгляд, такая же существует разница между разделенным шпоном шрифтом боргесом, которым печатаются статьи «Таймса», и неряшливым шрифтом дешевой вечерней газетки, какая существует между вашим негром и эскимосом. Распознавание шрифтов одно из самых элементарных знаний эксперта по преступлениям, хотя признаюсь, что однажды, когда я был еще очень молод, я смешал «Leeds Mercury» с «Western Morning News». Но передовую статью «Таймса» очень легко отличить, и эти слова не могли быть взяты ниоткуда больше. Так как это сделано вчера, то вероятность говорит за то, что слова вырезаны из вчерашнего номера.

– Насколько мне удастся следить за вашими мыслями, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – кто-то вырезал это послание ножницами?..

– Ножницами для ногтей, – добавил Холмс. – Видно, что они были очень короткими, так как слово «держаться» вырезано в два приема.

– Это верно. Итак, кто-то вырезал послание короткими ножницами и наклеил его клеем...

– Клеем, – поправил Холмс.

– Клеем на бумагу. Но мне хочется знать, почему слово «болото» написано чернилами?

– Потому что не нашли его в печати. Остальные слова очень просты и могли быть найдены в любом номере, но «болото» редко встречается.

– Да, конечно, это вполне ясно. Не узнали ли вы еще чего-нибудь из этого послания, мистер Холмс?

– Есть одно или два указания, а между тем, приняты все меры, чтобы скрыть руководящую нить. Вы заметили, что адрес напечатан неровными буквами. Но «Таймс» такая газета, которую редко можно найти в чьих бы то ни было руках, кроме высокообразованных людей. А потому мы можем признать, что письмо составлено образованным человеком, желавшим, чтобы его признали за необразованного, и его старание скрыть свой почерк наводит на мысль, что этот почерк вам знаком или может стать знакомым. Еще заметьте, что слова не наклеены аккуратно в одну линию, и что некоторые гораздо выше других. Слово «жизнь», например, совершенно не на своем месте. Это доказывает, может быть, небрежность, а может быть, волнение и поспешность со стороны составителя. Я склонен принять последнее мнение, потому что раз дело было так важно, то нельзя думать, чтобы составитель письма был небрежен. Если же он спешил, то тут является интересный вопрос, почему он спешил, так как всякое письмо, брошенное в почтовый ящик до сегодняшнего раннего утра, дошло бы до сэра Генри раньше его выхода из отеля. Не опасался ли составитель письма помехи и от кого?

– Тут мы входим уже в область догадок, – сказал доктор Мортимер.

– Вернее в область, в которой мы взвешиваем вероятности и выбираем самую возможную из них. Это научное приспособление воображения, но мы всегда имеем материальное основание, на котором строятся наши рассуждения. Вот вы, без сомнения, назовете это догадкой, а я почти уверен, что этот адрес написан в отеле.

– Скажите, Бога ради, как вы можете это утверждать?

– Если вы тщательно рассмотрите его, то увидите, что и перо, и чернила наделали автору письма много хлопот. Перо брызнуло два раза в одном слове и трижды высыхало во время писания короткого адреса, что служит доказательством того, что в чернильнице было очень мало чернил. Частное перо и чернильница редко бывают в таком плачевном состоянии, а чтобы обе эти принадлежности писания были скверные – обстоятельство, встречающееся весьма редко. Но вы знаете, каковы вообще чернила и перья в гостиницах. Да, я очень мало колеблюсь, говоря, что если бы мы могли обыскивать корзинки для ненужных бумаг во всех отелях по соседству с Черинг-Кроссом, пока бы не напали на остатки вырезанной передовой статьи «Таймса», то сразу наложили бы руки на человека, пославшего это оригинальное письмо. Эге!.. Что это такое?..

Он тщательно рассматривал бумагу, на которой были наклеены слова, держа ее не больше, как дюйма на два от своих глаз.

– В чем дело?

– Ничего, – ответил Холмс, опуская бумагу. – Это чистый полулист, даже без водяного знака. Я думаю, что мы извлекли все, что можно было, из этого любопытного письма. А теперь, сэр Генри, не случилось ли еще чего-нибудь интересного с вами с тех пор, как вы в Лондоне?

– Нет, мистер Холмс. Не думаю.

– Вы не заметили, чтобы кто-нибудь следовал за вами и караулил вас?

– Мне кажется, что я прямо попал в самый разгар дешевого романа, – ответил наш гость. – Какому черту нужно следить за мною или караулить меня?

– Мы подходим к этому вопросу. Но прежде, чем приняться за него, не имеете ли вы еще чего-нибудь сообщить нам?

– Это зависит от того, что вы считаете стоящим сообщения.

– Я считаю стоящим внимания все, что выходит из ряда жизненной рутины.

Сэр Генри улыбнулся.

– Я мало еще знаком с британскою жизнью, потому что провел почти всю свою жизнь в Штатах и в Канаде. Но надеюсь, что у вас здесь не считается делом обыденной жизни потерять один сапог.

– Вы потеряли один из ваших сапог?

– Ах, милый сэр, – воскликнул доктор Мортимер, – он просто не доставлен на место. Вы найдете его, когда вернетесь в отель. Нет надобности беспокоить мистера Холмса такими пустяками.

– Да ведь он же меня просил рассказать о том, что выходит из ряда обыденной жизни.

– Совершенно верно, – сказал Холмс, – как бы ни казался инцидент пустячным. Вы говорите, что потеряли один сапог?

– Я поставил вчера вечером оба сапога за дверь, а утром там оказался только один. Я ничего не мог добиться от служащего, который чистил их. Но самое скверное в том, что я только вчера вечером купил эту пару на Странде и ни разу не надевал ее.

– Если вы ни разу не надевали этих сапог, то зачем же вы их выставили для чистки?

– То были дубленые сапоги, и они не были покрыты ваксой. Вот почему я их и выставил.

– Так, значит, когда вы вчера приехали в Лондон, то сразу отправились покупать пару сапог?

– Я много чего накупил. Доктор Мортимер ходил со мною. Видите ли, раз мне приходится быть там владельцем, то я должен одеться соответствующим образом. А весьма возможно, что на Западе я стал несколько небрежен в этом отношении. Между прочими вещами я купил те коричневые сапоги (дал шесть долларов за них), и один из них украден прежде, чем я успел их надеть.

– Это кажется очень бесполезным воровством, – сказал Шерлок Холмс. – Признаюсь, я разделаю мнение доктора Мортимера, что пропавший сапог скоро найдется.

– А теперь, господа, – решительно произнес баронет, – я нахожу, что совершенно достаточно говорил о том немногом, что я знаю. Пора вам выполнить свое обещание и дать мне полный отчет в том, о чем мы хлопочем.

– Ваше требование вполне разумно, – сказал Холмс. – Доктор Мортимер, я думаю, что будет лучше всего, если вы расскажете свою историю так, как вы ее рассказали нам.

Поощренный этим приглашением наш ученый друг вынул бумаги из кармана и изложил все дело так, как он это сделал накануне утром. Сэр Генри Баскервиль слушал с глубочайшим вниманием, и по временам у него вырывались возгласы удивления.

– По-видимому, я получил наследство с мезьей, – сказал он, когда длинная повесть была окончена. – Я, конечно, слышал о собаке, когда еще был ребенком. Это любимая история в нашей семье, хотя раньше я никогда не относился к ней серьезно. Но со времени смерти моего дяди история эта точно бурлит у меня в голове, и я не могу еще разобраться в ней. Вы как будто еще не решили, чьей компетенции это дело: полиции или церкви?

– Совершенно верно.

– А теперь еще явилось это письмо. Я полагаю, что оно тут на месте.

– Оно доказывает, что кто-то знает больше нас о том, что происходит на болоте, – сказал доктор Мортимер.

– А также, – прибавил Холмс, – что кто-то расположен к вам, раз он предостерегает вас против опасности.

– А может быть, меня желают удалить из личных интересов?

– Конечно, и это возможно. Я весьма обязан вам, доктор Мортимер, что вы познакомили меня с задачей, которая представляет несколько интересных решений. Но мы должны теперь решить практический вопрос. Благоразумно ли будет вам, сэр Генри, отправиться сейчас в Баскервиль-холл?

– А почему бы мне не поехать туда?

– Там, по-видимому, существует опасность.

– Какую опасность разумеете вы? От нашего семейного врага или от человеческих существ?

– Это-то мы и должны узнать.

– Чтобы там ни было, мой ответ готов. Нет такого дьявола в аду, мистер Холмс, ни такого человека на земле, который помешал бы мне отправиться в страну моего народа, и вы можете это считать за мой окончательный ответ.

Его темные брови нахмурились, и лицо его стало багровым. Огненный темперамент Баскервиль, очевидно, не угас в этом последнем их потомке.

– Между тем, – заговорил он снова, – у меня и времени не было подумать о том, что вы мне рассказали. Тяжело для человека понять и решить дело в один присест. Мне бы хотелось провести спокойно час с самим собою, чтобы все обдумать. Послушайте, мистер Холмс, теперь половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо в свой отель. Что бы вы сказали, если бы я попросил вас и вашего друга, доктора Ватсона, прийти позавтракать с нами в два часа? Тогда я буду в состоянии сказать вам яснее, как подействовала на меня эта история.

– Удобно ли это вам, Ватсон?

– Совершенно.

– Так вы можете ожидать нас. Не приказать ли позвать для вас кеб?

– Я предпочитаю пройтись, потому что все это взволновало меня.

– Я с удовольствием совершу прогулку с вами, – сказал доктор Мортимер.

– Итак, мы снова увидимся в два часа. До свидания!

Мы слышали, как наши гости спустились по лестнице, и как за ними захлопнулась парадная дверь. В одно мгновение Холмс превратился из сонного мечтателя в человека действия.

– Вашу шляпу и сапоги, Ватсон, живо! Нельзя терять ни одной минуты!

С этими словами он бросился в халате в свою комнату и через несколько секунд вернулся оттуда в сюртуке. Мы побежали вниз по лестнице и вышли на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль были еще видны приблизительно в двухстах ярдах впереди нас, по направлению к Оксфордской улице.

– Не побежать ли мне остановить их?

– Ни за что на свете, мой милый Ватсон. Я вполне довольствуюсь вашим обществом, если вы переносите мое. Наши друзья – умные люди, потому что утро действительно прекрасное для прогулки.

Он ускорил шаг, пока мы не уменьшили вдвое расстояние, отделявшее нас от наших посетителей. Затем, оставаясь постоянно в ста ярдах позади их, мы последовали за ними в Оксфордскую улицу, а оттуда далее в Реджент-стрит. Один раз приятели наши остановились и стали смотреть в окно магазина. Холмс последовал их примеру. Затем он издал легкий возглас удивления и, следуя за его пронизательным взглядом, я увидел кеб с кучерским сидением сзади и в этом кебе человека. Он остановил экипаж на той же стороне улицы, а теперь снова медленно ехал вперед.

– Это наш человек, Ватсон, идем! Вы хоть всмотримся в него, если не будем в состоянии сделать ничего лучшего.

В эту минуту я отчетливо рассмотрел густую черную бороду и пару пронзительных глаз, смотревших на нас через боковое окошко кеба. Моментально открылось опускаемое окно наверху, что-то было сказано кучеру, и кеб бешено полетел вниз по Реджент-стрит. Холмс с нетерпением стал осматриваться кругом, ища другой кеб, но не было видно ни одного пустого. Тогда он бросился в неистовую погоню в самую середину движения на улице, но расстояние было слишком велико, и кеб уже исчез из виду.

– Ну, вот! – с горечью воскликнул Холмс, когда, запыхавшись и бледный от досады, вынырнул из потока экипажей. – Может же случиться такая неудача, и можно же поступить так скверно! Ватсон, если вы честный человек, вы и это расскажете и выставите, как неудачу с моей стороны!

– Кто был этот человек?

– Понятия не имею.

– Шпион?

– Из того, что мы слышали, очевидно, что кто-то очень тщательно следит за Баскервильем с тех пор, как он в городе. Иначе как же можно было узнать так быстро, что он остановился в Нортумберлендском отеле? Из того факта, что за ним следили в первый день, я вывожу заключение, что за ним будут следить и во второй день. Вы должны были заметить, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду.

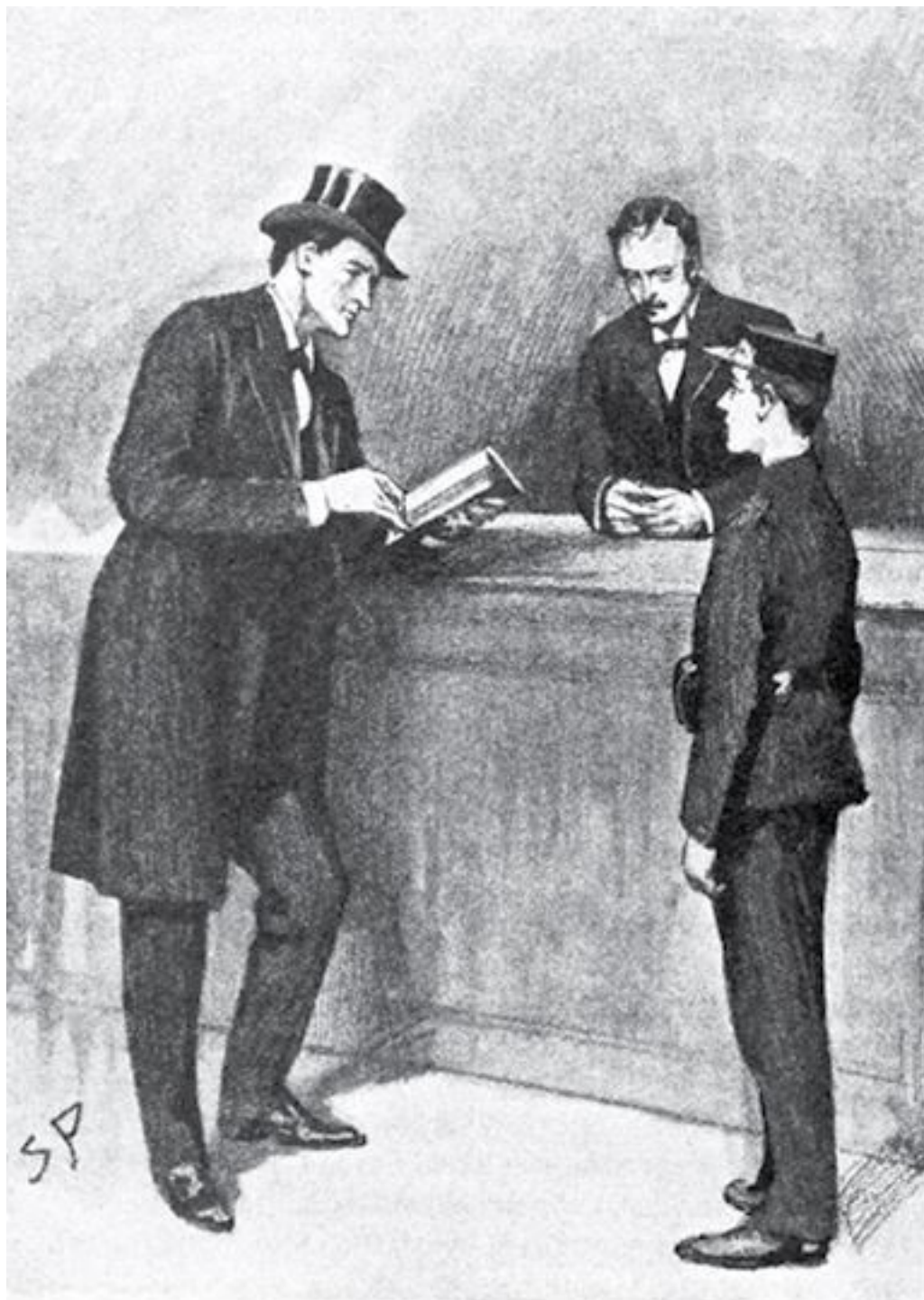
– Да, помню.

– Я смотрел, не увижу ли праздношатающихся на улице, но не увидел ни одного. Мы имеем дело с умным человеком, Ватсон. Тут все очень глубоко задумано и, хотя я еще не решил окончательно, с кем мы имеем дело – с доброжелателем или врагом, – я вижу, что тут есть сила и определенная цель. Когда наши приятели вышли, я тотчас же последовал за ними, в надежде заметить их невидимого спутника. У него хватило хитрости не идти пешком, а запастись кебом, в котором он мог или медленно следовать за ними, или же быстро пролететь, чтобы не быть ими замеченным. Он еще имел то преимущество, что, если бы они тоже взяли кеб, то он не отставал бы от них. Однако же это имеет одно большое неудобство.

- Он этим попадает во власть кебмана.
- Именно.
- Как жаль, что мы не посмотрели на номер.
- Милый мой Ватсон, как ни оказался я тут неуклюжим, все-таки, неужели, вы серьезно предполагаете, что я не обратил внимания на номер. Номер этот 2704. Но в настоящую минуту он нам бесполезен.
- Я не вижу, что вы могли сделать большего.
- Заметив кеб, я должен был немедленно повернуть назад и идти в обратную сторону. Тогда я мог бы свободно нанять другой кеб и следовать за первым на почтительном расстоянии или, еще лучше, поехать прямо в Нортумберлендский отель и там дожждаться его. Когда наш незнакомец проследил бы за Баскервилем до его дома, мы имели бы возможность повторить

на нем самом его игру и увидеть, с какою целью он ее затеял. А теперь своею необдуманною поспешностью, которою наш противник воспользовался необыкновенно быстро, мы выдали себя и потеряли след нашего человека...

Разговаривая таким образом, мы медленно подвигались по Реджент-стрит, и доктор Мортимер с своим товарищем давно исчезли из наших глаз.

— Нет никакой надобности следовать за ними, — сказал Холмс. — Тень их исчезла и не вернется. Нам теперь остается посмотреть, какие у нас остались карты в руках, и решительно играть ими. Уверены ли вы, что узнали бы человека, сидевшего в кебе?

— Я уверен только в том, что узнал бы его бороду.

– И я также, из чего вывожу заключение, что она приставная. Умному человеку, принявшему такое деликатное дело, нет иной надобности в бороде, как для того, чтобы скрыть свои черты. Войдем сюда, Ватсон!

Он повернул в одну из участковых комиссионерских контор, где его горячо приветствовал управляющий.

– А, Вильсон, я вижу, что вы не забыли еще маленького дела, в котором я имел счастье вам помочь?

– О, конечно, сэр, я его не забыл. Вы спасли мое доброе имя, а может быть, и жизнь.

– Милый мой, вы преувеличиваете... Мне помнится, Вильсон, что между вашими мальчиками был малый по имени Картрайт, который на следствии оказался довольно способным.

– Он еще у нас, сэр.

– Не можете ли вы его вызвать сюда?.. Благодарю вас! И, пожалуйста, разменяйте мне эти пять фунтов.

Юноша лет четырнадцати, красивый и с виду смывленный, явился на зов. Он неподвижно стоял и смотрел с большим уважением на знаменитого сыщика.

– Дайте мне список отелей, – сказал Холмс. – Благодарю вас! Вот вам, Картрайт, названия двадцати трех отелей, находящихся в непосредственном соседстве с Черинг-Кроссом. Видите?..

– Да, сэр.

– Вы зайдете во все эти отели.

– Да, сэр.

– В каждом из них вы начнете с того, что дадите привратнику один шиллинг. Вот двадцать три шиллинга.

– Да, сэр.

– Вы скажете ему, что желаете пересмотреть вчерашние брошенные газеты. Вы объясните свое желание тем, что затеряна очень важная телеграмма, и что вы разыскиваете ее. Понимаете?

– Да, сэр.

– Но, в действительности, вы будете разыскивать среднюю страницу «Таймса», с вырезанными в ней ножницами дырками. Вот номер «Таймса» и вот страница. Вы легко узнаете ее, не правда ли?

– Да, сэр.

– В каждом отеле привратник пошлет за швейцаром вестибюля, каждому из них вы также дадите шиллинг. Вот еще двадцать три шиллинга. Весьма вероятно, что в двадцати случаях из двадцати трех вам скажут, что вчерашние газеты сожжены или выброшены. В остальных трех случаях вам покажут кучу газет, и вы разыщите в ней эту страницу «Таймса». Много шансов против того, чтобы вы ее нашли. Вот вам еще десять шиллингов на непредвиденные случаи. Сегодня до вечера вы мне сообщите о результатах в Бейкер-стрит по телеграфу. А теперь, Ватсон, нам остается только узнать по телеграфу о личности кучера кеба № 2704, а затем мы зайдем в одну из картинных галерей Бонд-стрита, чтобы провести время до назначенного в отеле свидания.

V. Три порванные нити

Шерлок Холмс обладал в изумительной степени способностью отвлекать свои мысли по желанию. Странное дело, в которое нас вовлекли, было в продолжении двух часов как будто совершенно им забыто, и он весь был поглощен картинами новейших бельгийских мастеров. По выходе из галереи он не хотел ни о чем говорить, кроме как об искусстве (о котором мы имели самые элементарные понятия), пока мы не дошли до Нортумберлендского отеля.

– Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху, – сказал конторщик. – Он просил меня тотчас же, как вы придете, провести вас к нему.

– Вы ничего не будете иметь против того, чтобы я заглянул в вашу книгу записей? – спросил Холмс.

– Сделайте одолжение.

В книге после имени Баскервиля было занесено еще два. Одно было Теофилус Джонсон с семейством, из Ньюкэстля, а другое – миссис Ольдмар, с горничной, из Гай-Лодж, Альтон.

– Это наверное тот самый Джонсон, которого я знавал, – сказал Холмс. – Он юрист, не правда ли, седой и прихрамывает?

– Нет, сэр, этот Джонсон владелец каменноугольных копей, очень подвижный джентльмен, не старше вас.

– Вы, должно был, ошибаетесь относительно его специальности.

– Нет, сэр. Он уже много лет останавливается в нашем отеле, и мы его очень хорошо знаем.

– Это дело другое. А миссис Ольдмар? Мне что-то помнится, как будто имя ее мне знакомо. Простите мое любопытство, но часто бывает, что, навещая одного друга, находишь другого.

– Она больная дама, сэр. Ее муж был майором, и она всегда, когда бывает в городе, останавливается у нас.

– Благодарю вас. Я, кажется, не могу претендовать на знакомство с нею... Этими вопросами, Ватсон, – продолжал он тихим голосом, пока мы поднимались по лестнице, – мы установили крайне важный факт. Мы теперь знаем, что человек, интересующийся нашим приятелем, не остановился в одном с ним отеле. Это значит, что, стремясь, как мы видели, следить за ним, он вместе с тем боится быть замеченным. Ну, а это очень знаменательный факт.

– Чем?

– А тем... Эге, милый друг, в чем дело?

Огибая перила наверху лестницы, мы наткнулись на самого Генри Баскервиля. Его лицо было красно от гнева, и он держал в руке старый пыльный сапог. Он до того был взбешен, что слова не выходили у него из горла; когда же он перевел дух, то заговорил на гораздо более вольном и более западном диалекте, чем тот, каким говорил утром.

– Мне кажется, что в этом отеле меня дурачат, как молокососа! – воскликнул он. – Советую им быть осторожными, не то они увидят, что не на такого напали. Черт возьми, если этот мальчишка не найдет моего сапога, то несдобровать им! Я понимаю шутки, мистер Холмс, но на этот раз они хватили через меру.

– Вы все еще ищете свой сапог?

– Да, сэр, и намерен его найти.

– Но ведь вы же говорили, что это был новый коричневый сапог.

– Да, сэр. А теперь это старый черный.

– Что! Неужели?..

– Именно. У меня было всего три пары сапог: новые коричневые, старые черные и эти из лакированной кожи, что на мне. В прошлую ночь у меня взяли один коричневый сапог, а сегодня стибрили черный... Ну, нашли вы его? Да говорите же и не стойте так, выпучив глаза.

На сцене появился взволнованный немец-лакей.

– Нет, сэр. Я справлялся во всем отеле и ничего не мог узнать.

– Хорошо! Или сапог будет мне возвращен до захода солнца, или я пойду к хозяину и скажу ему, что моментально выезжаю из его отеля.

– Он будет найден, сэр... Обещаю вам, что если вы только потерпите, он будет найден.

– Надеюсь, иначе это будет последняя вещь, которую я теряю в этом притоне воров...

Однако, простите меня, мистер Холмс, что я беспокою вас такими пустяками.

– Я думаю, что это стоит беспокойства.

– Вы как будто серьезно смотрите на это дело.

– Чем вы это все объясняете?

– Я и не пробую объяснять этого случая. Он мне кажется крайне нелепым и странным.

– Да, странный, пожалуй, – произнес Холмс в раздумье.

– Что вы-то сами о нем думаете?

– Я не скажу, что в настоящее время понимаю его. Это очень сложная штука, сэр Генри. Если связать с этим смерть вашего дяди, то я скажу, что из пятисот дел первой важности, которыми мне приходилось заниматься, ни одно не затрагивало меня так глубоко. Но у нас в руках несколько нитей и все шансы за то, что не та, так другая из них приведет нас к истине. Мы можем потратить время, руководствуясь не той, которой следует, но рано или поздно мы нападём на верную дорогу...

Мы приятно провели время за завтраком и очень мало говорили о деле, которое нас свело. И только когда перешли в частную гостиную Генри Баскервиля, Холмс спросил его, что он намерен делать.

– Отправиться в Баскервиль-холл.

– Когда?

– В конце недели.

– В сущности, – сказал Холмс, – я нахожу ваше решение разумным. Для меня вполне очевидно, что в Лондоне следят за вами, а в миллионном населении этого громадного города трудно узнать, кто следит и какая его цель. Если его намерения злостные, то он может причинить вам несчастье, и мы бессильны его предотвратить. Вы не знали, доктор Мортимер, что сегодня утром за вами следили по пятам от моего дома?

Доктор Мортимер сильно вздрогнул.

– Следили? Кто?

– К несчастью, этого я не могу вам сказать. Нет ли между вашими соседями или знакомыми в Дартмуре кого-нибудь с густой черной бородой?

– Нет... Ах, постойте, да, у Бэрримора, дворецкого сэра Чарльза, густая, черная борода.

– А где Бэрримор?

– Ему поручен Баскервильский дом.

– Нам лучше удостовериться, действительно ли он там и не попал ли каким-нибудь образом в Лондон.

– Как же вы это узнаете?

– Дайте мне телеграфный бланк. «Все ли готово для сэра Генри?» Этого достаточно. Адресуйте мистеру Бэрримору, Баскервиль-холл. Какая ближайшая телеграфная станция? Гримпен. Прекрасно, – мы пошлем другую телеграмму почтмейстеру: «Телеграмму мистеру Бэрримору вручить в собственные руки. Если он отсутствует, прошу телеграфировать ответ

сэру Генри Баскервиль, Нортумберлендский отель». Это даст нам возможность узнать до сегодняшнего вечера, находится ли Бэрримор на своем посту в Девоншире или нет.

– Это правильно, – сказал Баскервиль. – А, кстати, доктор Мортимер, что из себя представляет этот Бэрримор?

– Он сын старого управителя, который умер. Эта семья смотрела за Баскервиль-холлом в продолжение четырех поколений. Насколько мне известно, он и жена его достойны полного уважения.

– Вместе с тем, – сказал Баскервиль, – ясно, что с тех пор, как никто из нашего семейства не жил там, они имеют великолепный дом и при этом никакой работы.

– Это правда.

– Получил ли что-нибудь Бэрримор по завещанию сэра Чарльза? – спросил Холмс.

– Он и жена его получили каждый по пятисот фунтов.

– Ага! А они знали, что получают эти деньги?

– Да, сэр Чарльз очень любил говорить о содержании своего духовного завещания.

– Это очень интересно.

– Надеюсь, – сказал доктор Мортимер, – что вы не смотрите подозрительно на всякого, кто получил наследство от сэра Чарльза, так как и мне он оставил тысячу фунтов.

– В самом деле! А еще кому?

– Он оставил много незначительных сумм отдельным лицам и большие суммы на общественную благотворительность. Все остальное досталось сэру Генри.

– А как велико это остальное?

– Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс с удивлением поднял брови и сказал:

– Я никак не ожидал, что наследство сэра Чарльза достигает таких гигантских размеров.

– Сэр Чарльз пользовался репутацией богатого человека, но мы не знали, насколько он богат, пока не рассмотрели его бумагу. Общая стоимость поместья определена приблизительно в миллион.

– Ай-ай! Из-за такого кусочка человек может сделать отчаянный шаг. Еще вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим молодым другом случится что-нибудь (простите мне такое неприятное предположение). Кому достанется тогда поместье?

– Так как Роджер Баскервиль, младший брат сэра Чарльза, умер холостым, то поместье перейдет к дальним родственникам Десмондам. Джеймс Десмонд пожилой пастор в Вестмурланде.

– Благодарю вас. Все эти подробности очень интересны. Встречались вы с мистером Джеймсом Десмондом?

– Встречался. Однажды он был с визитом у сэра Чарльза. Это человек почтенной наружности и святой жизни. Я помню, что он отказался принять от сэра Чарльза часть имущества, хотя последний и настаивал на том, чтобы определить ему что-нибудь.

– И человек с такими простыми вкусами мог бы унаследовать миллионы сэра Чарльза?

– Джеймс Десмонд унаследовал бы поместье, потому что таков порядок перехода наследства. Он получил бы также и деньги, если бы настоящий владелец не распорядился ими иначе, на что он имеет полное право.

– Вы написали свое завещание, сэр Генри?

– Нет, мистер Холмс. У меня на это не было времени, так как я узнал только вчера о положении дел. Но, во всяком случае, я нахожу, что деньги должны идти вместе с титулом и поместьем. Таковы были убеждения моего бедного дяди. Каким образом владелец восстановить великолепие Баскервильей, если у него нет денег для поддержания своей собственности. Дом, земля и деньги не могут быть разъединены.

– Это совершенно верно. Итак, сэр Генри, я согласен с вами, что вам следует немедленно отправиться в Девоншир. Только я предложу одну меру предосторожности: вам никоим образом не следует отправляться туда одному.

– Доктор Мортимер возвращается со мною.

– Но у доктора Мортимера практика, которую он не может бросить, да и дом его находится в нескольких милях от вашего. При всем своем желании, он не в состоянии будет вам помочь. Нет, сэр Генри, вы должны взять с собою надежного человека, который находился бы постоянно возле вас.

– Возможно ли, мистер Холмс, чтобы вы сами согласились поехать?

– Когда наступит кризис, я постараюсь лично явиться на место. Но вы поймете, что при моей обширной практике и при постоянных обращениях ко мне за советом по всевозможным делам, я не могу уехать из Лондона на неопределенный срок. В настоящее время на одно из самых почтенных имен в Англии наложено пятно каким-то шантажистом, и только я один могу воспрепятствовать скандалу, который может причинить большое несчастье. Поэтому вы видите, насколько мне невозможно отправиться в Дартмур.

– Кого же вы посоветуете мне взять?

Холмс положил свою руку на мою и сказал:

– Если мой друг согласится, то нет человека, который был бы достойнее находиться возле вас, когда вы почувствуете себя в затруднительном положении. Никто не знает этого лучше меня.

Предложение это застало меня совершенно врасплох, но прежде чем я успел выговорить одно слово, Баскервиль схватил меня за руку и, сердечно пожав ее, сказал:

– Какой вы добрый, доктор Ватсон. Если вы поедете в Баскервиль Холл и высвободите меня из опасности, я никогда этого не забуду.

Ожидание приключений производило всегда чарующее действие на меня, кроме того я был польщен словами Холмса и горячностью, с какою баронет приветствовал меня как своего спутника.

– Я с удовольствием поеду, – сказал я, – и не могу себе представить, как бы я мог лучше употребить свое время.

– И вы будете очень тщательно доносить мне обо всем, – сказал Холмс. – Когда наступит какой-нибудь кризис, как я непременно ожидаю, я направлю ваши действия. Полагаю, что к субботе все будет готово?

– Удобно ли это будет доктору Ватсону?

– Вполне.

– Итак, в субботу, если ничего не произойдет нового, мы встретимся к отходу поезда в 10 часов 30 минут из Паддингтона.

Мы уже встали, чтобы проститься, как Баскервиль издал возглас торжества, вытаскивая из-под шкафчика, стоявшего в одном из углов комнаты, коричневый сапог.

– Мой пропавший сапог! – воскликнул он.

– Дай Бог, чтобы все наши затруднения так же быстро уладились, – сказал Шерлок Холмс.

– Но это очень странно, – заметил доктор Мортимер. – Я перед завтраком обыскал крайне тщательно всю эту комнату.

– И я также, – сказал Баскервиль. – Я ни одного дюйма не оставил не обысканным. И тогда в ней не было этого сапога.

– В таком случае его поставил сюда лакей, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но тот ответил, что ему ничего неизвестно об этом, и никакими расследованиями мы не добились разъяснения этого случая. Прибавился новый пункт к этой беспрерывной серии бесцельных, по-видимому, мелких тайн, являвшихся так быстро одна вслед

за другою. Оставив в стороне мрачную историю смерти сэра Чарльза, мы имели перед собою ряд необъяснимых инцидентов, имевших место в продолжение двух дней, а именно получение письма из печатных слов, встреча чернобородого шпиона в кебе, пропажа нового коричневого сапога, пропажа старого черного и, наконец, находка нового коричневого сапога. Когда мы возвращались в Бейкер-стрит, Холмс молча сидел в кебе и по его сдвинутым бровям и выразительному лицу я видел, что его ум, так же, как и мой, был занят попыткой составить какой-нибудь план, в который могли бы быть помещены все эти странные эпизоды, не имеющие, по-видимому, никакой между собою связи. До позднего вечера сидел он, погруженный в табачный дым и в свои мысли.

Перед самым обедом подали две телеграммы. Первая гласила: «Только-что узнал, что Бэрримор в Баскервиль-холле». Вторая: «Был в двадцати трех отелях, но, к сожалению, не напал на след изрезанного листа «Таймса». Картрайт».

– Порвались две из моих нитей, Ватсон. Нет ничего более подстрекающего, как случай, в котором все направлено против вас.

– Нам нужно отыскать другой след.

– У нас остается еще кучер, который возил шпиона.

– Совершенно верно. Я телеграфировал, чтобы узнали из официального списка его имя и адрес. Я думаю, что вот и ответ на мой запрос.

Звон колокольчика оказался еще более удовлетворительным, чем ответ, так как отворилась дверь, и в комнату вошел грубый с виду человек, очевидно, кучер, о котором шла речь.

– Я получил извещение из главной конторы, – сказал он, – что господин, живущий здесь, требовал к себе № 2704. Я правлю своим кебом уже семь лет и никогда не жаловались на меня. Я пришел сюда прямо из двора, чтобы спросить вас лично, что вы имеете против меня.

– Я ровно ничего не имею против вас, милый человек, – сказал Холмс. – Напротив, я имею для вас полсоверена, если вы дадите мне ясные ответы на мои вопросы.

– Ладно, это будет хороший день, – сказал кучер, улыбнувшись во весь рот. – Так что же вы желаете спросить, сэр?

– Прежде всего, ваше имя и адрес на случай, если вы мне еще раз понадобится.

– Джон Клэйтон, 3, Терпэй-стрит. Мой кеб из двора Шинлей, около станции Ватерлоо. Шерлок Холмс записал эти сведения.

– А теперь, Клэйтон, расскажите мне все, что касается вашего седока, который сегодня в десять часов утра караулил этот дом, а затем ехал следом за двумя джентльменами по Реджент-стрит.

Извозчик казался удивленным и несколько смущенным, но сказал:

– Что ж, мне нечего вам сообщать, так как, по-видимому, вы уже знаете столько же, сколько и я. Дело в том, что мой седок сказал мне, что он сыщик, и что я не должен никому говорить о нем.

– Это, милый человек, очень серьезное дело, и вы можете оказаться в очень плохом положении, если вздумаете скрыть чтобы то ни было от меня. Так вы говорите, что ваш седок выдал себя за сыщика?

– Да.

– Когда он вам сказал об этом?

– Уходя от меня.

– Не сказал ли он еще чего-нибудь?

– Он назвал свое имя.

Холмс бросил на меня торжествующий взгляд.

– Он назвал свое имя? Это было неосторожностью. И какое же это было имя?

– Его имя, – ответил извозчик, – мистер Шерлок Холмс.

Никогда в жизни не видывал я, чтобы мой друг был так озадачен. Он молчал, пораженный удивлением, а затем разразился искренним смехом.

– Вот так шутник, Ватсон, несомненный шутник, – сказал он. – Я чувствую в нем столь же быструю и гибкую сообразительность, как моя собственная. Он изрядно прошелся на мой счет. Так его зовут Шерлоком Холмсом?

– Да, сэр.

– Превосходно! Расскажите мне, где вы его посадили, и все, что затем случилось.

– Он подозвал меня в половине десятого в Трафальгарском сквере. Назвал себя сыщиком и предложил две гиней, если я в продолжение всего дня буду делать все, что он потребует, не задавая ему никаких вопросов. Я охотно согласился. Сначала мы поехали в Нортумберлендский отель и ждали там, пока не вышли оттуда два джентльмена и не взяли кеб. Мы последовали за их кебом, пока он не остановился где-то тут.

– У этой самой двери, – сказал Холмс.

– Пожалуй, я не могу сказать ничего положительного, но моему седоку все было прекрасно известно. Мы отъехали немного в сторону и ждали там полтора часа. Когда двое джентльменов прошли, гуляя, мимо нас, мы последовали за ними по Бейкер-стрит и вдоль...

– Я знаю, – прервал его Холмс.

– Пока не проехали три квартала Реджент-стрита. Тогда мой седок откинул верхнее окошечко и крикнул мне, чтобы я ехал как можно быстрее прямо на Ватерлооскую станцию. Я стегнул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тогда он заплатил мне две гиней, как порядочный человек, и вошел в станцию. Но, уходя, он обернулся и сказал: «Может быть, вам интересно будет узнать, что вы возили мистера Шерлока Холмса». Таким образом я узнал его имя.

– Понимаю. А затем вы больше не видали его?

– Нет, он вошел в станцию и скрылся.

– Ну, а как бы вы описали наружность мистера Шерлока Холмса?

Извозчик почесал голову.

– Не очень-то легко описать этого джентльмена. Я бы дал ему лет сорок, роста он среднего, дюйма на два, на три ниже вас, сэр. Одет он был мешковато, и борода у него черная, подстриженная четырехугольником, лицо бледное. Ничего больше не могу сказать о нем.

– Какого цвета у него глаза?

– Не могу этого сказать.

– И вы ничего больше не припомните?

– Нет, сэр, ничего.

– Ладно, так вот вам полусоверен. Другая половина ожидает вас, если вы доставите еще какие-нибудь сведения. Покойной ночи.

– Покойной ночи, сэр, и благодарю вас.

Джон Клэйтон удалился, смеясь, а Холмс обернулся ко мне, пожимая плечами и спокойно улыбаясь.

– Оборвалась и третья наша нить, и мы кончили тем, с чего начали, – сказал он. – Хитрый мерзавец! Он знал наш дом, знал, что сэр Генри Баскервиль советовался со мною, на Реджент-стрите узнал меня, предположил, что я заметил номер кеба и примусь за кучера, а потому сделал мне этот дерзкий вызов. Говорю вам, Ватсон, что мы за это время приобрели врага, который достоин нашего оружия. Я получил шах и мат в Лондоне и могу только пожелать вам большего счастья в Девоншире. Но я не спокоен насчет этого.

– Насчет чего?

– Насчет того, что отправлю вас туда. Скверное это дело, Ватсон, скверное и опасное дело, и чем больше я знакомлюсь с ним, тем менее оно нравится мне. Да, милый друг, смей-

тесь, но даю вам слово, что я буду очень рад, когда вы вернетесь здоровым и невредимым на Бейкер-стрит.

Собака Баскервиль

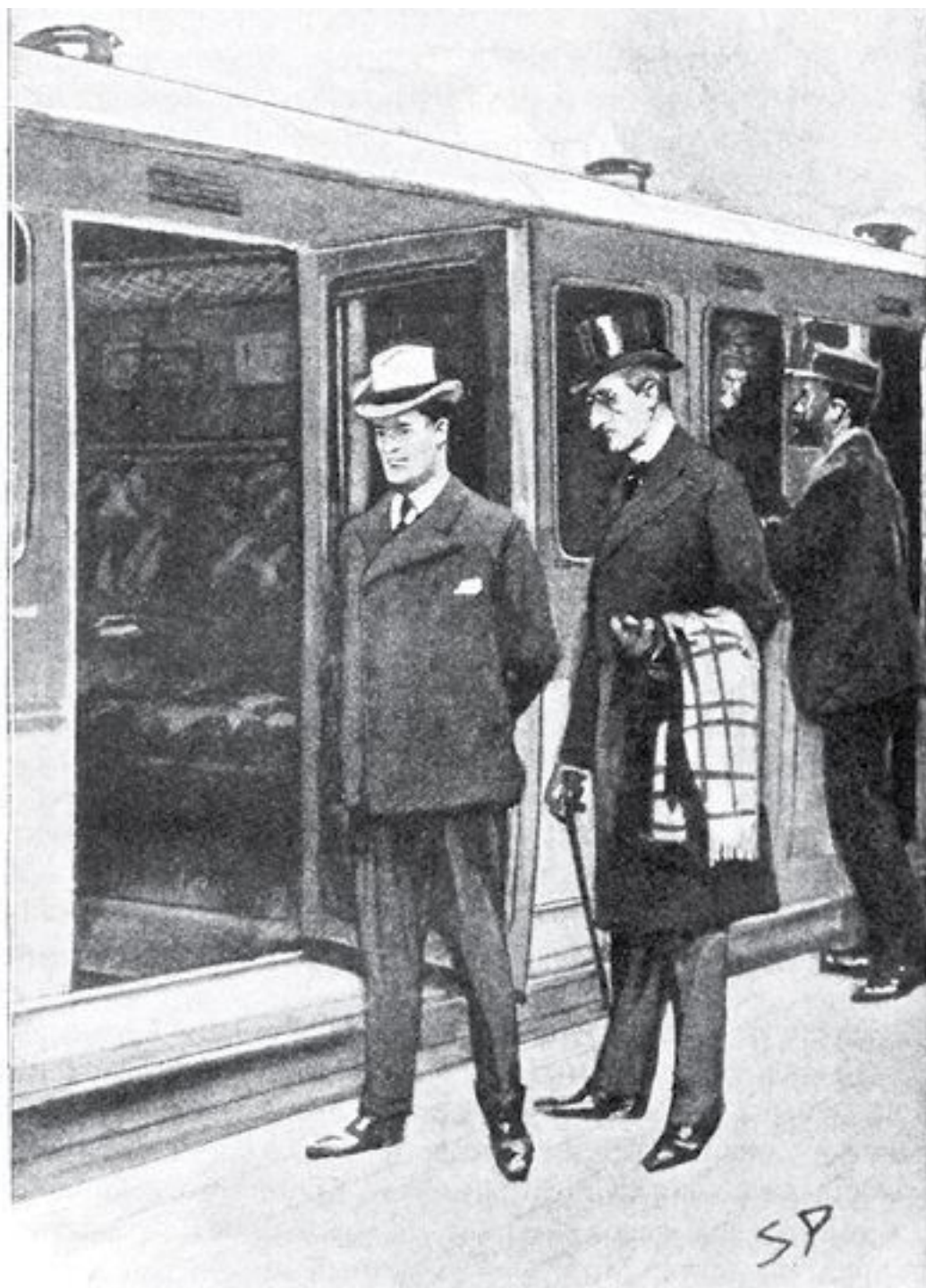
Повесть «Собака Баскервиль» впервые была опубликована частями в журнале «Стрэнд» с августа 1901 года по март 1902 года. Время ее действия – сентябрь и октябрь 1889 года. Исследователи творчества Конан Дойла

полагают, что прототипом выдуманной писателем Гримпенской трясины послужило болото Фокс Тор возле одноименного холма в центре графства Девоншир. Болотистая местность там торфяная, очень опасная, так как открытой воды и топи практически нет, а есть довольно плотный ковер мхов и сфагнумов. По этому ковру вполне можно ходить, но и провалиться он может в любую момент, и человек уйдет на дно в считанные секунды. Легенда же о «Черной собаке из Дартмура» – призрачной гончей с горящими красными глазами – издавна ходила среди народа.

«Собака Баскервиль» – самая популярная в мире из историй о Шерлоке Холмсе. Большинство литературоведов справедливо утверждают, что главное в ней не сюжет и не герой, а атмосфера жуткой трясины, которой автор пугает читателя. Об этом же говорил и английский писатель XX века Джон Фаулз: «В действительности, Черная собака – это сами болота, то есть неприрученная природа, нечеловеческая враждебность, кроющаяся в самой сердцевине такого ландшафта. В этом – всеохватывающий ужас, и Конан Дойл в тот дождливый день у камина в норфолкской гостинице, должно быть, сразу же понял, что ему, наконец, удалось отыскать “врага” гораздо более сложного и устрашающего, чем любой преступник в человеческой облике».

VI. Баскервиль-холл

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер были готовы в назначенный день, и мы отправились, как было условлено, в Девоншир. Шерлок Холмс поехал со мною на станцию и дал мне свои прощальные инструкции и советы.

— Я не стану, Ватсон, сбивать вас с толку разными предположениями и подозрениями, — сказал он. — Я просто желаю, чтобы вы доносили мне как можно подробнее о фактах и предоставляли мне строить планы.

— О каких фактах? — спросил я.

– Обо всем, что может казаться относящимся, хотя бы косвенно, к занимающему нас делу и, в особенности, об отношениях между молодым Баскервилем и его соседями, и обо всяких новых подробностях, касающихся смерти сэра Чарльза. Я сам за последние дни навел некоторые справки, но боюсь, что результаты их оказались отрицательными. Одно только кажется мне положительным, это то, что мистер Джеймс Десмонд, следующий наследник, человек очень милого характера, так что это преследование идет не с его стороны. Я думаю, что мы можем совершенно исключить его из наших предположений. Остается народ на болоте, среди которого будет жить сэр Генри Баскервиль.

– Не лучше ли было бы, прежде всего, отделаться от этой четы Бэрримор?

– Ни в каком случае. Вы бы сделали этим непозволительную ошибку. Если они невинны, это было бы жестокою несправедливостью; если же они преступны, то это отняло бы у нас всякую возможность уличить их. Нет-нет, мы сохраним их в нашем списке подозрительных лиц. Затем там есть, насколько я помню, конюх. Есть два фермера на болоте. Есть наш друг, доктор Мортимер, которого я считаю вполне честным, и его жена, о которой мы ничего не знаем. Есть ученый Стэплтон и его сестра, про которую говорят, что она привлекательная молодая девушка. Есть мистер Франкланд из Лафтар-холла, тоже неизвестная нам личность, и еще один или два соседа. Все эти люди должны составить предмет вашего специального изучения.

– Я сделаю все зависящее от меня.

– У вас есть оружие, надеюсь?

– Да я нашел благоразумным взять его с собою.

– Конечно. Не расставайтесь с своим револьвером ни днем, ни ночью и никогда не пренебрегайте предосторожностями.

Наши приятели уже заняли места в вагоне первого класса и ожидали нас на платформе.

На вопросы моего друга доктор Мортимер ответил:

– Нет, мы ничего не узнали нового. За одно я могу поручиться, что за последние два дня за нами не следили. Мы ни разу не выходили из дому без того, чтобы зорко не осматриваться, и никто не мог бы скрыться от нашего наблюдения.

– Полагаю, что вы всегда выходили вместе?

– За исключением вчерашнего дня. Когда я приезжаю в город, то имею обыкновение посвящать один день удовольствию, а потому провел вчерашний день в музее медицинского колледжа.

– А я пошел в парк поглазеть на народ, – сказал Баскервиль. – Но мы не подвергались ни малейшего рода неприятностям.

– А все-таки это было неосторожностью, – сказал Холмс, покачав очень серьезно головою. – Прошу вас, сэр Генри, никогда не ходить в одиночестве, иначе с вами может случиться большое несчастье. Нашли вы другой сапог?

– Нет, сэр, он исчез навеки.

– В самом деле? Это очень интересно... Ну, прощайте, – добавил он, когда тронулся поезд. – Никогда не забывайте, сэр Генри, одну фразу из странной старой легенды, которую нам прочел доктор Мортимер, и избегайте болота в те темные часы, когда властвуют силы зла.

Я еще смотрел на платформу, когда она уже далеко осталась позади нас, и видел высокую строгую фигуру Холмса, недвижимо стоявшего и смотревшего на нас.

Путешествие совершили мы быстро и приятно; я им воспользовался, чтобы ближе познакомиться с моими обоими спутниками, и проводил время, играя со спаниелем доктора Мортимера. В несколько часов черная земля стала красноватой, кирпич заменился гранитом, и рыжие коровы паслись в огороженных живыми изгородями полях, на которых сочная трава и роскошная растительность свидетельствовали о более щедром, хотя и более сыром климате. Молодой Баскервиль с живым интересом смотрел в окно и громко восклицал от восторга, когда узнавал родные картины Девоншира.

– С тех пор, как я, доктор Ватсон, уехал отсюда, я изъездил немалую часть света, – сказал он, – но ни разу не видел места, которое могло бы сравниться с этим.

– Я никогда не видел девонширца, который бы не клялся своею родиною, – возразил я.

– Это в одинаковой степени зависит как от расы, так и от страны, – заметил доктор Мортимер. – Стоит только взглянуть на нашего друга, и его закругленная голова обнаружит нам кельта со свойственным этой расе энтузиазмом и способностью привязываться. Голова бедного сэра Чарльза была очень редкого типа, полу-галльского, полу-иверийского... Но вы были очень молоды, когда покинули Баскервиль-холл, не правда ли?

– Я был еще юношей, когда умер мой отец, и никогда не видел Баскервиль-холла, потому что отец жил в маленьком коттедже на южном берегу. Оттуда же я прямо поехал к одному другу в Америку. Говорю вам, что все тут так же для меня ново, как и для доктора Ватсона, и я с нетерпением жажду увидеть болото.

– Разве? В таком случае ваше желание легко исполнимо, потому что оно уже видно, – сказал доктор Мортимер, указывая рукою в окно.

Над зелеными квадратами полей и кривою линией невысокого леса возвышался вдали серый печальный холм, увенчанный странно зубчатою верхушкою, производимый впечатление какого-то мрачного фантастического пейзажа, видного в отдалении, как бы во сне. Баскервиль долго сидел молча и пристально смотрел на него, а я, между тем, читал на его оживленном лице, какое значение имеет для него этот первый взгляд на странное место, где люди его крови так долго властвовали. Американец с виду, он сидел в углу прозаического вагона, а между тем, смотря на его выразительные черты, я чувствовал более, чем когда-либо, какой он истинный потомок длинного ряда чистокровных, пылких и властолюбивых людей. Его густые брови, его тонкие подвижные ноздри, его большие карие глаза выражали гордость, мужество и силу. Если на проклятом болоте нас встретит затруднение или опасность, можно, по крайней мере, быть уверенным, что он такой товарищ, для которого стоит идти на риск с уверенностью, что он разделит его.

Поезд остановился у маленькой станции, и мы все вышли. За низкою белою оградой ожидал нас шарабан, запряженный парой жеребцов. Наш приезд составлял, по-видимому, событие, потому что и начальник станции, и носильщики собрались вокруг нас, чтобы вынести наш багаж. Местечко было хорошенькое, но простое, деревенское, и я был удивлен, что у ворот стояли два солдата в темных мундирах; они опирались на короткие винтовки и пристально смотрели на нас, когда мы проходили. Кучер, человек с грубым суровым лицом, поклонился сэру Генри Баскервилю, и, усевшись в экипаж, мы быстро полетели по широкой белой дороге. С обеих сторон развевались пастбища, и старые дома с остроконечными крышами выглядели из-за густой зелени, но за этим мирным, залитым солнцем пейзажем беспрерывно выделялась пятном на вечернем небе длинная мрачная извилистая полоса болота, перерезанная зубчатыми угрюмыми холмами.

Шарабан повернул на проселочную дорогу, глубоко изрытую колеями, с высокими насыпями по обеим сторонам, поросшими мокрым мохом, жирным папоротником и терновником, многочисленные ягоды которого блестели при свете заходящего солнца. Постоянно подымаясь, мы переехали по узкому гранитному мосту и продолжали путь вдоль шумного потока, который, пенясь и бушуя, стремительно неся между серыми камнями. И дорога, и поток шли, извиваясь по долине, густо поросшей старыми дубами и елями. При каждом повороте Баскервиль издавал возглас восхищения, жадно осматривал все кругом и задавал бесчисленные вопросы. На его взгляд, все было красиво, но мне казалось, что на этой местности лежит грустная тень, и что она очень резко носит отпечаток печальной поры года. Желтые листья покрывали тропинки и осыпали нас. Шум наших колес заглушался густым слоем гниющей растительности, и я подумал, что грустные дары бросает природа под колеса возвращающегося наследника Баскервилей.

– Это что такое?! – воскликнул доктор Мортимер.

Перед нами открылась круглая возвышенность, покрытая вереском, – выдающаяся часть болота. На ее вершине резко и отчетливо, как статуя, выделялся верховой солдат, темный и мрачный, с винтовкой наготове. Он наблюдал за дорогою, по которой мы ехали.

– Что это такое, Перкинс? – спросил доктор Мортимер.

Кучер повернулся в пол-оборота и ответил:

– Из Принцтаунской тюрьмы убежал преступник, сэр. С тех пор прошло уже три дня, и стражи стерегут все дороги и все станции, но не заметили еще никаких следов его. Здешним фермерам это не нравится, сэр, могу вас уверить.

– Но я полагаю, что они получают пять фунтов, если доставят сведения о нем.

– Да, сэр, но возможность получить пять фунтов плохое утешение при возможности, что вам перережут горло. Ведь это не обыкновенный заключенный. Это человек, который ни перед чем не остановится.

– Кто же это такой?

– Это Сельден, ноттингхильский убийца.

Я помнил его дело, потому что им заинтересовался Холмс вследствие исключительного зверства преступления и бесстыдной грубости, какою были отмечены все действия убийцы. Замена смертной казни тюремным заключением произошла вследствие сомнения в здравости его рассудка, настолько поведение его было ужасно.

Наш шарабан поднялся на вершину, откуда открылось перед нашими глазами громадное пространство болота, испещренное огромными каменными глыбами и неровными вершинами. С этого болота подул на нас холодный ветер, от которого нас проняла дрожь. Где-то там, на этой мрачной равнине, прячется ужасный человек, зарывшись в нору, как дикий зверь, с сердцем, полным злобы против человечества, изгнавшего его. Недоставало только этого для полноты мрачного впечатления, производимого пустыней, пронизывающим ветром и потемневшим небом. Даже Баскервиль умолк и плотнее завернулся в свое пальто.

Мы оставили за собою плодородную местность, и теперь оглядывались на нее, а косые лучи заходящего солнца обращали ручьи в золотые нити, заставляли ярко гореть красную, вновь вспаханную землю и широкую гирлянду лесов. Впереди нас дорога становилась все более мрачною и дикою, проходя над громадными бурыми откосами, осыпанными исполинскими камнями. По временам мы проезжали мимо какого-нибудь коттеджа на болоте с каменными стенами и крышей, без всяких вьющихся растений, которые бы смягчали их резкие очертания. Вдруг мы заглянули в чашеобразное углубление с разбросанными по нему чахлыми дубами и елями, исковерканными и согнутыми многолетними свирепыми бурями. Над деревьями возвышались две узкие башни. Кучер указал на них кнутом и сказал:

– Баскервиль-холл.

Его господин привстал с сиденья: щеки его покраснелись, глаза горели. Через несколько минут мы подъехали к воротам парка – фантастической путанице из железа с изношенными непогодю столбами, покрытыми мхом и увенчанными кабаньими головами из герба Баскервелей. Сторожка представляла собою развалины из черного гранита и стропил, но против нее находилось недостроенное новое здание – первое применение южно-африканского золота, вывезенного сэром Чарльзом.

Мы въехали в аллею, где шум колес был снова заглушен слоем упавших листьев, и старые деревья сходились в виде свода над нашими головами. Баскервиль содрогнулся, когда мы проезжали вдоль длинной темной аллеи, в конце которой смутно вырисовывался как привидение дом.

– Это случилось здесь? – спросил он тихим голосом.

– Нет-нет, тисовая аллея находится с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя мрачный взгляд.

– Неудивительно, что дяде чувствовалось не по себе в подобном месте, – сказал он. – Тут всякий будет напуган. Не дальше, как через полгода, я поставлю ряд электрических фонарей, и вы не узнаете дома, когда подъезд будет освещен лампой Свана и Эдисона в тысячу свечей.

Аллея оканчивалась обширною площадкой, покрытою дерном, и мы увидели дом. При угасающем свете я заметил, что середина его представляла тяжелую мглу, из которой выделялся портик. Весь фасад был покрыт плющом, кое-где прорезанным окном или гербом, слабо

светившимся сквозь плющ. От центральной массы подымались две башни, – древние, зубчатые, с множеством бойниц. Справа и слева примыкали к башням более новые пристройки из черного гранита. Из окон с частыми переплетами шел тусклый свет, а из труб на шпиге крутой крыши подымалась единственная струйка дыма.

– Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль Холл!

Из тени портика выступил высокий мужчина и открыл дверцу шарабана. Потом вышла женщина и помогла забрать наш багаж.

– Не отпустите ли вы меня прямо домой, сэр Генри? – спросил доктор Мортимер. – Жена ожидает меня.

– Разве вы не пообедаете с нами?

– Нет, мне нужно ехать. По всей вероятности, меня дома ждет работа. Я бы остался, чтобы показать вам дом, но Бэрримор сделает это лучше меня. Прощайте и никогда не бойтесь посылать за мною днем ли, ночью ли, когда бы я ни понадобился.

Шум колес заглох вдали аллеи. Сэр Генри и я вошли в переднюю, и дверь подъезда тяжело захлопнулась за нами. Мы очутились в красивом помещении, просторном, высоком, с тяжелым потолком из старого черного дуба. В большом, старинной постройки камине трещал огонь. Сэр Генри и я протянули к нему руки, так как они у нас онемели от продолжительной езды. Затем мы осмотрелись кругом: на высокие узкие окна со старыми мутными стеклами, на дубовые стены, на кабаньи головы, на гербы. Все это было мрачно при тусклом освещении висевшей посередине комнаты лампы.

– Все здесь имеет совершенно такой вид, как я себе представлял, – сказал сэр Генри. – Не находите ли вы, что это типичный дом древнего рода? Подумать только, что в этом самом зале жили мои кровные предки пятьсот лет назад! Эта мысль порождает во мне какую-то торжественность.

Я видел, как загорелое лицо сэра Генри просияло детским восторгом. Он стоял посреди комнаты, и свет падал прямо на него, но от стен тянулись длинные тени, покрывавшие его как бы балдахин. Бэрримор, отнесший багаж в наши комнаты, вернулся. Он стоял перед нами в почтительной позе хорошо воспитанного слуги. Наружность его была замечательная; он был высок, красив, с черною бородою, ровно остриженной, и бледными тонкими чертами.

– Желаете ли вы, сэр, чтобы обед был тотчас же подан?

– Разве он готов?

– Он будет готов через несколько минут. В своих комнатах вы найдете теплую воду. Жена и я будем счастливы, сэр Генри, остаться у вас, пока вы не сделаете новых распоряжений, но вы, конечно, понимаете, что при новых условиях дом этот потребует значительного штата.

– Какие новые условия?

– Я хотел сказать, сэр, что сэр Чарльз вел очень уединенную жизнь, и мы были в состоянии исполнять его требования. Вы же, естественно, захотите видеть у себя более многочисленное общество, а потому вам потребуется иного рода домашнее хозяйство.

– Неужели вы и жена ваша хотите уйти от меня?

– Если это не причинит вам неудобства.

– Но ведь ваше семейство жило у нас в продолжение нескольких поколений, не правда ли? Мне будет очень больно начать здесь свою жизнь разрывом старой семейной связи.

Мне показалось, что бледное лицо дворецкого выразило некоторое волнение.

– И мы с женой чувствуем то же самое, сэр. Но, по правде сказать, мы оба были очень привязаны к сэру Чарльзу; смерть его нанесла нам сильный удар и сделала очень тяжелым пребывание в этих стенах. Я боюсь, что мы уже никогда не будем чувствовать себя хорошо в Баскервиль-холле.

– Что же вы намерены делать?

– Я не сомневаюсь, сэр, что нам удастся предпринять какое-нибудь дело. Щедрость сэра Чарльза дала нам на это возможность. А теперь, сэр, может быть, лучше будет показать вам ваши комнаты?

Вокруг верхней части древнего вестибюля шла галерея с перилами, и к ней примыкала двойная лестница. От этого центрального пункта во всю длину строения шли два длинных коридора, на которые выходили все спальни. Моя и сэра Генри спальни находились в одном и том же флигеле и были почти смежными. Эти комнаты казались гораздо более современными, чем центральная часть дома; светлые обои и многочисленные свечи несколько рассеяли мое первое мрачное впечатление.

Но столовая, выходящая в вестибюль, была мрачным и печальным местом. Это была длинная комната, разделенная уступом на эстраду, на которой рассаживалась семья Баскервильей, и на более низкую часть, где размещались подчиненные. На одном ее конце были хоры для музыкантов. Над нашими головами тянулись черные балки с закоптелым потолком над ними. Ряд ослепительных факелов и грубое веселье пиров старого времени, может быть, и смягчали угрюмый вид этой комнаты. Но теперь, когда двое мужчин в черном сидели при слабом освещении лампы с абажуром, поневоле хотелось говорить шепотом, и чувствовалось угнетенное состояние. Мрачный ряд предков во всевозможных одеяниях, начиная от елизаветинского рыцаря, кончая щеголем времен регентства, смотрели на нас и наводили жуткое чувство своим молчаливым сообществом. За столом говорили немного, и я был рад, когда кончился наш обед, и мы могли уйти в более современную бильярдную и выкурить там папироску.

– Поистине не очень-то это веселое место, – сказал сэр Генри. – Полагаю, что со временем можно настолько опуститься, чтобы примириться с ним, но теперь я чувствую себя неподходящим для него. Я не удивляюсь, что мой дядя немного свихнулся, если он жил в одиночестве в этом доме. Однако же, если вы ничего не имеете против, мы разойдемся пораньше сегодня. Может быть, завтра утром предметы покажутся нам более веселыми.

Я раздвинул занавес, прежде чем лечь в постель, и посмотрел в окно. Оно выходило на зеленую лужайку у подъезда. За нею две группы деревьев шумели и раскачивались поднявшимся ветром. Серп луны выглядывал из-за бегущих облаков. При его холодном свете я увидел за деревьями ломаную линию скал и длинную, низкую впадину угрюмого болота. Я спустил занавеси, почувствовав, что мое последнее впечатление было не лучше первых.

А между тем, оно было не самым последним. Я был утомлен, а спать мне не хотелось. Я ворочался с боку на бок, призывая сон, который не приходил. Где-то далеко куранты пробили четверти, и, за исключением этого звука, старый дом был погружен в гробовое молчание. И вдруг среди полной тишины я услышал звук, ясный, отчетливый и безошибочный. Это было рыдание женщины, заглушенный, подавленный стон человека, терзаемого непреодолимым горем. Я сел на постели и стал напряженно слушать. Звук этот раздался вблизи. Я ожидал в продолжение получаса, все нервы мои были натянуты, но не услышал больше ничего, кроме курантов и шелеста плюща на стене.

VII. Стэплтоны из Меррипит-гауза

Свежая красота следующего утра несколько изгладила мрачное впечатление, произведенное на нас первым знакомством с Баскервиль-холлом. Когда сэр Генри и я сидели за завтраком, солнечный свет врвался потоками через высокие окна и, проходя сквозь покрывавшие их гербы, бросал на пол разноцветные пятна. Темные стены, отражая золотистые лучи, казались бронзовыми, и трудно было представить себе, что мы сидим в той самой комнате, которая накануне вечером так угнетающе подействовала на нас.

– Я думаю, – сказал баронет, – что вина лежала в нас самих, а не в доме. Мы устали от путешествия, прозябли, и потому были склонны видеть все в мрачном свете. Теперь же мы освежились, чувствуем себя хорошо, и все стало весело вокруг нас.

– А между тем, нельзя приписать все воображению, – возразил я. – Слышали вы, например, как кто-то (женщина, полагаю я) рыдал ночью?

– Это любопытно, потому что и мне, когда я начал дремать, послышалось что-то в этом роде. Я долго прислушивался, но так как звук не повторился, то решил, что видел сон.

– А я его слышал совершенно ясно и уверен, что это рыдала женщина.

– Следует тотчас же это выяснить.

Сэр Генри позвонил и спросил Бэрримора, не может ли он объяснить слышанное нами. Мне показалось, что бледное лицо дворецкого еще более побледнело, когда он услышал вопрос своего хозяина.

– В доме, сэр Генри, только две женщины, – ответил он. – Одна – судомойка, но она спит в другом флигеле, другая – моя жена, и я отвечаю за то, что она не плакала.

А между тем, он лгал, потому что после завтрака я встретил миссис Бэрримор в длинном коридоре, причем солнце прямо освещало ее лицо. Это была большая, с виду равнодушная, тяжеловесная женщина с установившимся строгим выражением лица. Но много говорившие глаза ее были красны, и она бросила на меня взгляд из-за распухших век. Так, значит, ночью плакала она, и в таком случае муж ее должен был это знать. А он взял на себя очевидный риск скрыть это обстоятельство. Зачем? И почему она так горько плакала? Вокруг этого бледного красивого мужчины уже скопилось таинственная и мрачная атмосфера. Он первый увидел тело сэра Чарльза, и только от него одного были известны все обстоятельства, сопровождавшие смерть старика. В конце концов, возможно, что человек, которого мы видели в кебе на Реджент-стрите, был Бэрримор. Борода могла быть его собственная. Из описания извозчика выходило, что его седок был несколько ниже ростом, но это впечатление могло быть ошибочным. Как решит этот вопрос? Очевидно было, что следовало повидать гримпенского почтмейстера и узнать, была ли вручена самому Бэрримору проверочная телеграмма. Какой бы я ни получил ответ, мне будет, по крайней мере, что донести Шерлоку Холмсу.

После завтрака сэру Генри нужно было рассмотреть различные бумаги, а потому время было самое благоприятное для моей экскурсии. Мне пришлось совершить приятную прогулку в четыре мили по краю болота, и я дошел до маленькой серой деревушки, в которой возвышались над другими строениями трактир и дом доктора Мортимера. Почтмейстер, бывший одновременно и сельским лавочником, хорошо помнил телеграмму.

– Конечно, сэр, – сказал он, – я переслал телеграмму мистеру Бэрримору в точности, как было указано.

– Кто относил ее?

– Мой сын... Джеймс, ты относил на прошлой неделе телеграмму мистеру Бэрримору, не правда ли?

– Да, отец.

– И отдал ее ему в руки? – спросил я.

– Он был тогда на чердаке, и я не смог отдать телеграмму ему в руки, но миссис Бэрримор обещала тотчас же передать ее.

– Видели ли вы мистера Бэрримора?

– Нет, сэр. Говорю вам, что он был на чердаке.

– Если вы его не видели, почему же вы знаете, что он был на чердаке?

– Боже мой, да его же собственная жена должна была знать, где он находится, – сказал почтмейстер недовольным тоном. – Разве он не получил телеграммы? Если произошла какая-нибудь ошибка, то жаловаться должен сам мистер Бэрримор.

Безнадежным казалось продолжать далее мое следствие, но ясно было одно, что, несмотря на хитрость Холмса, мы не имели никаких доказательств тому, что Бэрримор не

ездил тогда в Лондон. Предположим, что он ездил, предположим, что тот же самый человек последним видел сэра Чарльза в живых и следил за новым наследником, как только он приехал в Англию. Что же из этого следует? Был ли он агентом других или же у него у самого были какие-нибудь злые умыслы? Какой ему интерес преследовать род Баскервильей? Я думал о странном предостережении, составленном из слов передовой статьи «Таймса». Было ли это его делом или, может быть, кого-нибудь другого, кто хотел противодействовать его планам? Единственным понятным мотивом для его действий было бы то, что высказал сэр Генри, а именно напугать Баскервиля так, чтобы он не приезжал в свои владения, и в таком случае Бэрриморам было бы обеспечено удобное и постоянное место жительства. Но такая точка зрения совершенно не могла объяснить, почему понадобились столь тонкие махинации, которыми, как невидимую сеть, был окружен молодой баронет. Сам Холмс сказал, что ему не случалось встречать во время своих многочисленных сенсационных расследований более сложного случая. Идя по серой пустынной дороге, я молил Бога, чтобы мой друг поскорее освободился от своих дел и приехал сюда снять со моих плеч тяжелую ответственность.

Вдруг мои думы были прерваны звуком быстрых шагов и голосом, зовущим меня по имени. Я обернулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к удивлению своему, убедился, что за мною бежит совершенно незнакомый человек. То был небольшого роста, худой, гладко выбритый мужчина, с белокурыми волосами и впалыми щеками, лет от тридцати до сорока, в сером костюме и соломенной шляпе. У него через плечо висела жестяная ботаническая коробка, а в руке была зеленая сетка для ловли бабочек.

– Я уверен, доктор Ватсон, что вы извините мне мою смелость, – сказал он, когда, запыхавшись, добежал до меня. Мы здесь на болоте люди простые и не ждем формальных представлений. Вы, может быть, слышали мое имя от нашего общего друга, доктора Мортимера. Я – Стэплтон из Меррипит-гауза.

– Я бы узнал вас по сетке и ящику, – ответил я, – потому что мне известно, что мистер Стэплтон натуралист. Но как вы узнали меня?

– Я был у Мортимера, и он указал мне на вас из окна своей операционной комнаты. Так как нам по пути, то я решил вас догнать и представиться вам. Надеюсь, что сэр Генри не чувствует себя хуже после путешествия?

– Он чувствует себя очень хорошо, благодарю вас.

– Мы все боялись, что после трагической смерти сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Нельзя требовать от богатого человека, чтобы он похоронил себя в таком месте, но нечего говорить, что если он поселится здесь, то принесет большую пользу стране. Полагаю, что сэр Генри не одержим никакими суеверными страхами?

– Не думаю, чтобы это могло быть.

– Вам, конечно, знакома легенда о вражеской собаке, преследующей род Баскервильей?

– Слышал о ней.

– Удивительно, насколько легковверны здешние крестьяне. Некоторые готовы поклясться, что видели подобную тварь на болоте.

Он говорил с улыбкой, но мне показалось по его глазам, что он смотрит на дело серьезнее, чем хочет это показать.

– История эта сильно повлияла на воображение сэра Чарльза, и я не сомневаюсь, что она была причиной его трагической смерти.

– Но каким образом?

– Его нервы были настолько напряжены, что появление какой бы то ни было собаки могло произвести роковое действие на его больное сердце. Я думаю, что он в самом деле видел что-нибудь в этом роде в тисовой аллее в последнюю свою ночь. Я опасался несчастья, потому что очень любил старика и знал, что сердце его слабо.

– Почему вы это знали?

– От друга моего Мортимера.

– Так вы думаете, что какая-нибудь собака преследовала сэра Чарльза, и что он вследствие этого умер от страха?

– А вы можете объяснить его смерть как-нибудь иначе?

– Я не пришел еще ни к какому заключению.

– А мистер Шерлок Холмс?

От этих слов дыхание остановилось у меня в груди, но, взглянув на спокойное лицо и не мигающие глаза своего спутника, я увидел, что у него не было никакого намерения заставить меня врасплох.

– Бесполезно нам, доктор Ватсон, притворяться, что мы вас не знаем, – сказал он. – Отчеты о вашем сыщике дошли до нас, и вы не могли его восхвалять без того, чтобы не сделаться самому известным. Когда Мортимер называл мне вас, он не мог отрицать подлинности вашей личности. Если вы здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересован этим делом, и естественно, что мне любопытно узнать, какого он держится мнения.

– Опасаюсь, что я не в состоянии ответить на этот вопрос.

– Смею я вас спросить, сделает ли он нам честь своим личным присутствием?

– В настоящее время он не может покинуть Лондона. Его внимание поглощено другими делами.

– Какая жалость! Он мог бы пролить некоторый свет на то, что так темно для нас. Что же касается ваших расследований, то если каким-нибудь образом я могу быть вам полезен, то, надеюсь, вы будете располагать мною. Если бы я имел некоторые указания на свойства ваших подозрений или на способ, каким вы полагаете вести свои расследования, то, может быть, я и в настоящую минуту мог бы оказать вам помощь или подать совет.

– Уверяю вас, что я здесь просто в гостях у своего друга сэра Генри и не нуждаюсь ни в какой помощи.

– Прекрасно! Вы совершенно правы, желая быть осторожным и сдержанным. Я поделом проучен за то, что непростительно навязчив, и обещаю вам больше не упоминать об этом деле.

Мы дошли до пункта, где узкая поросшая травой тропинка, отделившись от дороги, вилась по болоту. Вдали поднимался крутой холм, усыпанный валунами; с правой стороны он был в далеком прошлом изрыт каменоломнями, а передней своей стороной смотрел на нас темным утесом, поросшим по скважинам папоротником и терновником. Из-за дальней вершины вилась серая струйка дыма.

– Несколько шагов по этой болотной тропинке, и мы в Меррипит-гаузе, – сказал Стэплтон. – Не пожертвуете ли вы часом своего времени, чтобы я мог иметь удовольствие представить вас своей сестре?

Моею первою мыслью было, что я должен быть возле сэра Генри. Но я вспомнил о кипах бумаг и счетов, которыми был усеян его стол. Он не нуждался в моей помощи для их разбора. А Холмс настоятельно просил меня изучить соседей на болоте. Я принял приглашение Стэплтона, и мы свернули на тропинку.

– Удивительное место это болото, – говорил он, оглядывая кругом волнистую поверхность, длинные зеленые гряды с гребнями зубчатого гранита, подымавшимися в виде фантастических пенящихся волн. – Болото никогда не может надоесть. Вы не можете себе представить, какие удивительные тайны оно хранит. Оно так обширно, так пустынно и так таинственно.

– Так оно, значит, хорошо вам знакомо?

– Я живу здесь только два года. Местные жители назовут меня новопришельцем. Мы приехали сюда вскоре после того, как поселился здесь сэр Чарльз. Но, подчиняясь своим вкусам, я исследовал эту местность и думаю, что немногие знают ее лучше меня.

– Разве ее так трудно изучить?

- Очень трудно. Посмотрите, например, на большую плоскость на север от нас с причудливыми холмами, как бы выступающими из нея. Вы ничего не находите в ней замечательного?
- Это редкое место для хорошего галопа.

- Естественно, что вы так думаете. И такое мнение стоило многим людям жизни. Видите яркие зеленые пятна, разбросанные по ней?..
- Да, они имеют вид более плодородных мест.
- Стэплтон рассмеялся.

– Это большая Гримпенская трясина, – сказал он. – Неверный шаг, и человеку ли, животному ли грозит смерть. Еще вчера я видел, как одна из болотных лошадок пропала в ней. Я долго видел ее голову, высовывавшуюся из болота, но, в конце концов, оно засосало и ее. Даже в сухое время тут опасно ходить, а после осенних дождей это ужасное место. Между тем, я могу добраться до самой середины этой трясины и вернуться оттуда живым и невредимым. О, Боже! Вот еще одна из этих несчастных пони!

Что-то бурое каталось и подпрыгивало в зеленой осоке. Затем показалась вытянутая вверх и судорожно корчившаяся шея, и над болотом пронесся страшный предсмертный стон. Я похолодел от ужаса, но нервы моего спутника были, по-видимому, сильнее моих.

– Исчезла! – сказал он. – Трясина поглотила ее. Две лошади в два дня, а может быть, и гораздо более, потому что они в сухое время привыкают ходить туда и только тогда узнают об опасности, когда трясина завладеет ими. Да, скверное место – большая Гримпенская трясина!

– И вы говорите, что можете ходить по ней?

– Да, есть одна или две тропинки, по которым может пробежать очень ловкий человек. Я их нашел.

– Но зачем вам ходить в такое отвратительное место?

– Видите вы там вдали эти холмы? Они представляют собою острова, окруженные со всех сторон бездушной трясиной, медленно подползшей к ним в течение многих годов. На этих холмах находятся редкие растения и бабочки, и надо уметь добраться до них.

– Я когда-нибудь попробую свое счастье.

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Бога ради, выкиньте из головы такую мысль! Ваша кровь падет на мою голову. Уверяю вас, что вы не имели бы ни малейшего шанса вернуться оттуда живым. Я могу добраться туда только при помощи запоминания очень сложных примет.

– Это что такое?! – воскликнул я.

По болоту пронесся протяжный низкий стон, невыразимо печальный. Он наполнил воздух, а между тем, невозможно было сказать, откуда он исходит. Начался он грустным шепотом и возрос до низкого рева, а затем снова затих в тихом меланхолическом звуке. Стэплтон посмотрел на меня с выражением любопытства на лице.

– Странное место болото, – сказал он.

– Да что же это такое?

– Крестьяне говорят, что это Баскервильская собака требует своей добычи. Я два раза слышал этот звук, но не так громко, как сегодня.

Я с дрожью в сердце посмотрел на громадную равнину, испещренную зелеными пятнами. Ничто не шевелилось на этом обширном пространстве, за исключением двух ворон, громко каркавших на одной из вершин позади нас.

– Вы человек образованный, – сказал я. – Не верите же вы такой бессмыслице? Как вы думаете, какая причина такого странного звука?

– Болота издают иногда необычайные звуки. Происходят они или оттого, что земля садится, или оттого, что вода поднимается, а может быть, и от чего-нибудь другого.

– Нет-нет, это был живой голос.

– Может быть. Слыхали вы когда-нибудь, как ревет выпь?

– Нет, никогда.

– Это очень редкая птица, исчезнувшая ныне из Англии, но на болоте все возможно. Да, я бы не удивился, если бы оказалось, что слышанный нами звук был рев последней выпы.

– Это самый странный звук, какой я когда-либо слыхал в жизни.

– Да, во всяком случае, это необыкновенное место. Посмотрите на тот склон холма. Что вы о нем думаете?

Весь крутой склон был покрыт серыми каменными кругами; их было, по крайней мере, штук двадцать.

– Что это такое? Ограды для овец?

– Нет, это жилища наших почтенных предков. Доисторические люди густо населяли болото, и так как никто с тех пор не живет здесь, то мы находим нетронутыми все их приспособления к жизни. Это их вигвамы, с которых снесли крыши. Вы можете даже увидеть их очаги, если полюбопытствуете войти туда.

– Но ведь это целый город. Когда и кем он был населен?

– Древним человеком. Время неизвестно.

– Что он делал?

– Он пас свои стада на этих склонах и научился раскапывать олово, когда медный меч начал заменять каменную секиру. Посмотрите на эту большую выемку. Это его работа. Да, доктор Ватсон, вы найдете много любопытного на болоте. Ах, простите меня! Это, наверное, циклопиды...

Через тропинку пролетела муха или моль, и в один момент Стэплтон бросился за нею с необыкновенною энергией и быстротой. К ужасу моему, насекомое летело прямо по направлению к трясине, но мой новый знакомый, не останавливаясь, прыгал за нею с кочки на кочку, и в воздухе развевалась его зеленая сетка. Серый костюм и неправильные зигзаги прыжков делали его самого похожим на гигантскую моль. Я стоял, пристально следя за охотой с чувством восхищения перед его необыкновенной ловкостью и испытывая страх, что он может оступиться на предательской трясине, как вдруг услышал за собою шаги и, обернувшись, увидел возле себя на тропинке женщину. Она пришла с той стороны, где струйка дыма указывала на местоположение Меррипит-гауза, но неровности болота скрывали ее, пока она не подошла совсем близко.

Я не сомневался ни одной минуты в том, что это – мисс Стэплтон, о которой мне говорили, так как на болоте должно было быть немного дам, и я помнил, что кто-то описывал ее как красавицу. И действительно, подошедшая ко мне женщина была красавица самого необыкновенного типа. Нельзя себе представить большего контраста, чем тот, который существовал между братом и сестрою: Стэплтон был бесцветен, со светлыми волосами и серыми глазами, она же более темная брюнетка, чем те, которых случается встречать в Англии, стройная, изящная и высокая. У нее было гордое лицо с тонкими чертами, до того правильными, что они казались бы невыразительными, если бы не чувственный рот и чудные темные живые глаза. Эта совершенная фигурка в изящном наряде была странным явлением на пустынной болотной тропинке. Когда я обернулся, она смотрела на брата, но затем быстро подошла ко мне. Я приподнял шляпу, желая объяснить ей свое присутствие, как вдруг ее слова обратили мои мысли по совершенно иному направлению.

– Уезжайте! – сказала она. – Возвращайтесь в Лондон немедленно!

Я мог только смотреть на нее с глупым недоумением. Ея глаза горели, и она нетерпеливо ударяла ногою о землю.

– Зачем мне возвращаться? – спросил я.

– Я не могу этого объяснить. – Она говорила горячо, низким голосом и как-то оригинально картавя. – Но, Бога ради, сделайте то, о чем я прошу. Уезжайте, и чтобы никогда больше ноги вашей не было на болоте.

– Но я только что приехал.

– Мужчина! – воскликнула она. – Неужели вы не способны понять, когда предостережение делается для вашего же добра? Возвращайтесь в Лондон! Уезжайте сегодня же. Бросьте это место во что бы то ни стало! Тс!.. Мой брат возвращается. Ни слова о том, что я сказала...

Не сорвете ли вы для меня этот цветок там, в хвое? У нас на болоте очень много этого вида цветов, хотя, конечно, вы опоздали для того, чтобы любоваться красотами этой местности.

Стэплтон бросил свою охоту и вернулся к нам красный и запыхавшийся.

– А, Бериль! – произнес он, и мне показалось, что его приветствие было далеко не сердечным.

– Ах, Джек, как ты разгорячился!

– Да, я охотился за циклопидой. Они очень редки, и их трудно увидеть поздней осенью. Как жаль, что я упустил ее!

Он говорил беззаботным тоном, но его маленькие светлые глазки беспрестанно перебежали с девушки на меня.

– Я вижу, что вы уже познакомились.

– Да. Я говорила сэру Генри, что теперь уже поздно для того, чтобы любоваться истинными красотами болота.

– Что такое? За кого ты его принимаешь?

– Я думаю, что это должен быть сэр Генри Баскервиль.

– Нет-нет, – сказал я. – Я – простой смертный, доктор Ватсон, его друг.

Краска досады залила ее выразительное лицо.

– Наш разговор был сплошным недоразумением, – сказала она.

– У вас немного было времени для разговора, – заметил ее брат с тем же вопросительным выражением в глазах.

– Я говорила с доктором Ватсоном, как с постоянным жителем, а не как с приезжим, – ответила она. – Какое ему дело до того, рано или поздно он приехал для того, чтобы видеть эти цветы. Но вы пойдете с нами в Меррипит-гауз, не правда ли?..

Мы скоро дошли до мрачного дома, бывшего когда-то, в более цветущие времена, фермой, но теперь перестроенного в современное жилище. Его окружал фруктовый сад, но плодовые деревья, как и все прочие на болоте, были чахлые и малорослые. Все это место вообще производило впечатление какой-то скудости и печали. Нас принял странный, высохший, одетый по-деревенски старый слуга, совершенно подходивший своим обликом к дому. Но внутри большие комнаты были меблированы с изяществом, изобличавшим вкус хозяйки. Когда я посмотрел в окно на беспредельное болото, усеянное камнями, однообразно тянувшееся до далекого горизонта, то не мог не задать себе вопроса, что заставило этого высокообразованного мужчину и эту красавицу жить в таком месте.

– Оригинальное мы выбрали место для жизни, не правда ли? – спросил Стэплтон как бы в ответ на мои мысли. – А между тем, нам удастся чувствовать себя счастливыми. Не правда ли, Бериль?

– Совершенно счастливыми, – подтвердила она, но в словах ее не слышалось уверенности.

– У меня была школа на севере, – сказал Стэплтон. – Работа в ней была слишком механической и неинтересной для человека с моим темпераментом. Но возможность жить с молодежью, формировать юные души, класть на них отпечаток своего характера и внушать им свои идеалы была дорога для меня. Но судьба вооружилась против нас. В школе открылась серьезная эпидемическая болезнь, и трое мальчиков умерло от нее. Школа не могла снова подняться после такого удара, и большая часть моего капитала безвозвратно погибла. И все-таки, если бы только не потеря прелестного сообщества мальчиков, я мог бы радоваться своему собственному несчастью, потому что при моей сильной любви к ботанике и зоологии я нахожу здесь безграничное поле для работы; а сестра моя такая же поклонница природы, как и я. Все это вы должны были выслушать, доктор Ватсон, благодаря тому выражению, с каким вы смотрели из нашего окна на болото.

– Мне, конечно, должно было прийти в голову, что здесь немного тоскливо и не столько, может быть, для вас, сколько для вашей сестры.

– Нет-нет, я никогда не тоскую, – быстро возразила она.

– У нас книги, занятия, и мы имеем интересных соедей. Доктор Мортимер в высшей степени сведущий человек в своей специальности. Бедный сэр Чарльз также был восхитительным товарищем. Мы хорошо знали его, и нам так недостает его, что я и выразить не могу. Как вы думаете, не будет ли навязчивостью с моей стороны, если я сегодня сделаю сэру Генри визит, чтобы познакомиться с ним?

– Я уверен, что он будет в восторге.

– Так, может быть, вы предупредите его о моем намерении. При наших скромных средствах мы, может быть, в состоянии будем облегчить ему несколько жизнь, пока он не привыкнет к новой среде. Не желаете ли вы, доктор Ватсон, пойти наверх и взглянуть на мою коллекцию чешуекрылых? Я думаю, что это самая полная коллекция во всей юго-западной Англии. Пока вы будете осматривать ее, подоспеет завтрак.

Но я спешил вернуться к своим обязанностям. Меланхолический вид болота, смерть несчастного пони, сверхъестественный звук, связанный с мрачной Баскервильской легендой, все это придавало печальный оттенок моим мыслям. Затем последней каплей к этим более или менее неопределенным впечатлениям явилось определенное и ясное предостережение мисс Стэплтон, высказанное с такою серьезностью, что я не мог сомневаться в том, что она сделала это, имея очень глубокое основание. Я устоял против всех уговоров остаться завтракать и тотчас отправился домой по той же поросшей травой тропинке, по которой пришел сюда.

Но, по-видимому, была другая, более прямая дорожка, потому что не успел я дойти до дороги, как был поражен, увидев, что мисс Стэплтон сидит тут на камне. Лицо ее было еще красивее от разлившейся по нему краски, и она держала руку у сердца.

– Я всю дорогу бежала, чтобы перехватить вас, доктор Ватсон, – сказала она. – Я не имела даже времени надеть шляпку. Мне нельзя долго оставаться, не то брат хватится меня. Я хотела вам сказать, как я огорчена своею глупою ошибкой. Пожалуйста, забудьте мои слова, не имеющие никакого отношения к вам.

– Я не могу их забыть, мисс Стэплтон. Я друг сэра Генри, и его благополучие очень близко касается меня. Скажите мне, почему вам так хотелось, чтобы сэр Генри вернулся в Лондон?

– Женский каприз, доктор Ватсон. Когда вы лучше узнаете меня, то поймете, что я не всегда могу объяснить то, что говорю или делаю.

– Нет-нет. Я помню дрожание вашего голоса. Пожалуйста, прошу вас, мисс Стэплтон, будьте откровенны со мною, потому что с тех пор, как я здесь, я чувствую, что вокруг меня сгущаются тени. Жизнь стала походить на эту большую Гримпенскую трясину с зелеными пятнами повсюду, в которые можно погрузиться, не имея путеводителя, готового указать верную дорогу. Скажите же мне, что у вас было на уме, и я обещаю вам передать ваше предостережение сэру Генри.

Выражение нерешительности пробежало по ее лицу, но взгляд ее снова стал жестким, когда она мне ответила:

– Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Ватсон. Мой брат и я были очень потрясены смертью сэра Чарльза. Мы были очень близки ему, и его любимой прогулкой была дорога через болото к нашему дому. На него произвело сильное впечатление проклятие, тяготеющее над его родом, и когда произошла его трагическая смерть, я естественно почувствовала, что должны быть основания тому страху, который он выражал. Поэтому я была в отчаянии, что другой член семьи приехал, чтобы поселиться здесь, и сознавала, что его следует предостеречь против опасности, которой он подвергается. Вот и все, что я хотела сообщить.

– Но какого рода опасность?

– Вы знаете историю о собаке?

– Я не верю таким глупостям.

– А я верю. Если вы имеете какое-нибудь влияние на сэра Генри, то увезите его с места, которое было всегда роковым для его рода. Мир велик. Зачем ему жить в опасном месте?

– Потому что это опасное место. Таков характер сэра Генри. Я боюсь, что если вы не дадите мне более определенных сведений, то я не в состоянии буду увезти его отсюда.

– Я ничего не могу сказать определенного, потому что ничего определенного не знаю.

– Позвольте мне, мисс Стэплтон, предложить вам еще один вопрос. Если вы ничего иного не хотели сказать, то почему же вы не желали, чтобы ваш брат слышал вас? Тут ничего нет такого, против чего мог бы восстать он или кто бы то ни было другой.

– Мой брат страстно желает, чтобы холл был обитаем, так как он думает, что это было бы на благо бедному народу, живущему на болоте. Он очень будет недоволен, если узнает, что я сказала что-нибудь, могущее заставить сэра Генри уехать отсюда. Но теперь я исполнила свой долг и не скажу больше ничего. Мне нужно вернуться домой, иначе он хватится меня и заподозрит, что я виделась с вами. Прощайте!

Она повернулась и в несколько секунд исчезла между разбросанными камнями, пока я, угнетенный неопределенными страхами, продолжал свой путь в Баскервиль-холл.

VIII. Первое донесение доктора Ватсона

С этого времени я буду следовать за течением событий, переписывая свои же письма к мистеру Шерлоку Холмсу, которые лежат передо мною на столе. Одной страницы недостает, все же остальные точно переписаны и передают более подробно мои чувства и подозрения (имевшие место в то время), чем могла бы это сделать моя память, как она ни ясна относительно этих трагических происшествий.

* * *

Баскервиль-холл. Октября 13-го.

Дорогой Холмс, из моих прежних писем и телеграмм вы хорошо ознакомлены со всеми событиями, имевшими место в этом из всего мира самом забытом Богом уголке. Чем дольше здесь живешь, тем глубже проникает в душу дух болота, со всею его обширностью и мрачною прелестью. Раз вы попали на него, вы оставили современную Англию и видите повсюду жилища и работу доисторического человека. Со всех сторон рассеяны вокруг вас его дома, его могилы и громадные монолиты, указывающие, как предполагают, место нахождения его храмов. Смотря на серые каменные хижины, торчащие на склонах холмов, вы забываете о своем времени, и если бы из-под низкой двери выполз волосатый человек, одетый в звериные шкуры, и натянул бы на свой лук стрелы с кремневым наконечником, то вы почувствовали бы, что его присутствие здесь гораздо более естественно, чем ваше. Странно то, что столь бесплодная местность была так густо населена. Я не археолог, но думаю, что то была не воинственная разоренная раса, которая принуждена была принять то, что другие отказывались занимать.

Однако же все это не относится к моей миссии, и очень неинтересно для вашего строго практического ума. Я помню ваше полное равнодушие к тому – солнце ли движется вокруг земли или земля вокруг солнца. А потому вернемся к фактам, касающимся сэра Генри Баскервиля.

Я не посылал вам за последние дни никакого донесения, потому что до сегодняшней ночи не произошло ничего, стоящего донесения. Сегодня же случилось очень удивительное обстоятельство, о котором я вам сообщу в свое время. Но, прежде всего, я должен ознакомить вас с некоторыми другими факторами нашего положения.

Один из них, о котором я говорил очень мало, – беглый преступник. Есть полное основание полагать, что он совсем ушел из этой местности, что составляет большое облегчение для одиноких хозяев на болоте. Прошло две недели со времени его бегства из тюрьмы, и с тех пор ничего не было слышно о нем. Совершенно непостижимо, чтобы он мог так долго продержаться на болоте. Конечно, что касается до возможности скрываться, то в этом он не мог найти затруднения. Каждая каменная хижина могла служить ему убежищем. Но на болоте решительно нечего есть, разве что только он поймал и убил одну из пасущихся овец. Поэтому мы думаем, что он ушел, и фермеры стали от этого спать крепче.

В нашем доме нас четверо сильных мужчин, так что мы можем позаботиться о себе. Но признаюсь, что мне бывало жутко, когда я думал о Стэплтонах. Они живут на много миль от всякой помощи. В их доме одна девушка, один старый слуга, сестра и брат – не очень сильный мужчина. Они оказались бы беспомощными в руках всякого отчаянного молодца, как преступник, если бы ему удалось проникнуть к ним. Сэр Генри и я приняли участие в их положении и подали мысль, чтобы конюх Перкинс ходил туда ночевать, но Стэплтон и слышать не хотел об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает сильно интересоваться красивой соседкой. Этому нечего удивляться, потому что время тянется тоскливо в этом пустынном месте для

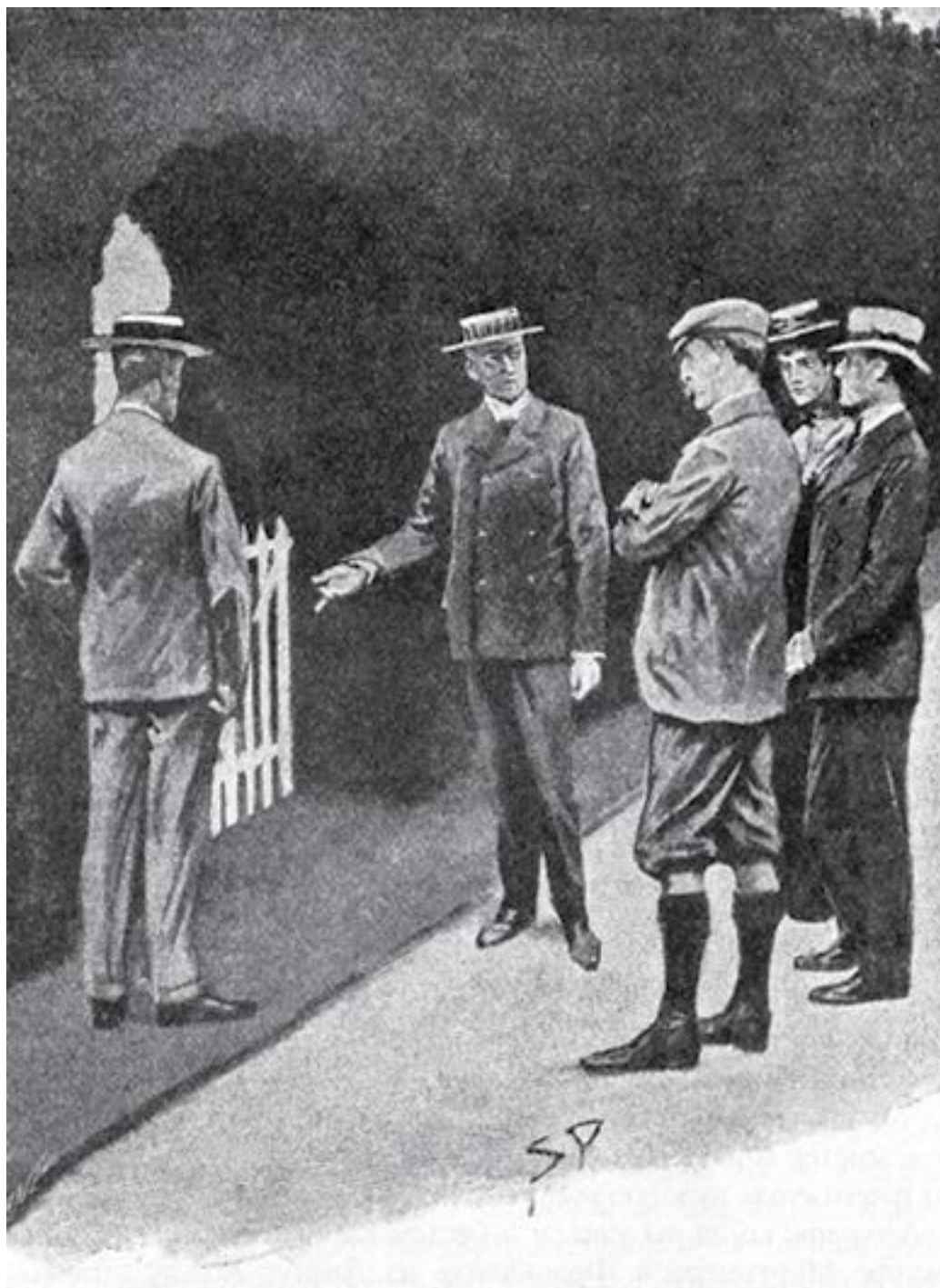
такого деятельного человека, а она обворожительная красавица. В ней есть что-то трагическое и экзотическое, что составляет удивительный контраст с ее холодным и бесчувственным братом, однако же, и в нем можно подозревать скрытый огонь. Он несомненно имеет очень заметное влияние на нее; я видел, как она, разговаривая, постоянно взглядывала на него, как бы ища его одобрения тому, что сказала. Надеюсь, что он добр к ней. Какой-то сухой блеск его глаз и твердая складка тонких губ доказывают положительный, а может быть и грубый характер. Вы бы нашли его интересным субъектом для изучения.

Он в первый же день навестил Баскервиля, а на другое утро повел нас на то место, где произошли, как предполагается, события, рассказанные легендой о злом Гюго. Мы шли несколько миль по болоту и дошли до такого мрачного места, что оно само по себе могло внушить эту историю. Мы увидели короткую долину между скалами, примыкающую к открытому зеленому пространству, покрытому белым жабником. Посредине этого пространства торчало два больших камня, обостренные кверху в виде громадных клыков какого-нибудь чудовищного животного. Как бы то ни было, это место вполне соответствовало сцене древней трагедии. Сэр Генри сильно заинтересовался и не раз допрашивал Стэплтона, верит ли он в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Он говорил как бы шутя, но очевидно было, что настроение его серьезное. Стэплтон отвечал очень сдержанно, но не трудно было заметить, что он говорит менее, чем мог бы сказать, и что он не хочет выразить вполне свое мнение из уважения к чувствам баронета. Он рассказывал о подобных же случаях, когда целые семейства страдали от какого-нибудь злого влияния, и мы сохранили от его слов такое впечатление, что он разделяет народное поверье о собаке.

На возвратном пути мы завтракали в Меррипит-гаузе, и тут сэр Генри познакомился с мисс Стэплтон. С первого же момента, как только взглянул на нее, он, по-видимому, был сильно ею увлечен и, если я не ошибаюсь, чувство это было взаимным. Он часто заговаривал о ней, когда мы возвращались домой, и с тех пор не проходило почти дня, чтобы мы не видели или брата, или сестру. Они сегодня вечером обедают у нас, а мы, кажется, соберемся к ним на будущей неделе. Можно подумать, что такой брак был бы очень желателен для Стэплтона, а между тем, я не раз ловил на его лице взгляд самого сильного неодобрения, когда сэр Генри оказывал какое-нибудь внимание его сестре. Он, без сомнения, очень к ней привязан, и ему пришлось бы вести крайне одинокую жизнь без нее, но было бы в высшей степени эгоистич-

ным с его стороны противиться такой блестящей партии. А между тем, я уверен, что он не желает, чтобы их близость перешла в любовь, и я замечал несколько раз, что он старался препятствовать их *tete-a-tete*. Кстати, вашим инструкциям относительно того, чтобы я никогда не допускал, чтобы сэр Генри выходил один, будет гораздо труднее следовать, если ко всем нашим затруднениям прибавится еще любовное дело. Моя популярность очень скоро пострадала бы, если бы мне пришлось исполнять буквально ваши приказания.

На днях, а именно в четверг, доктор Мортимер завтракал у нас. Он отрыл доисторический череп и был от этого в восторге. Я никогда не видывал такого искреннего энтузиаста. Затем пришел Стэплтон, и добрый доктор повел нас, по просьбе сэра Генри, в тисовую аллею, чтобы в точности показать нам, как все произошло в роковую ночь. Прогулка по тисовой аллее

очень длинная и мрачная: по обеим сторонам тянутся две высокие стены из подстриженной зеленой изгороди с узкою полоскою, поросшею травою по бокам. На дальнем конце стоит старая развалившаяся беседка. На половине дороги находится калитка, ведущая на болото, где старик уронил пепел с сигары. Я помнил вашу систему и старался нарисовать себе картину всего, что случилось. Пока старик стоял там, он увидел что-то, идущее к нему по болоту, что-то такое, настолько испугавшее его, что он, не помня себя, пустился бежать и бежал до тех пор, пока не умер от ужаса и истощения. Он бежал по длинной мрачной аллее. От чего? От болотной овчарки? Или же от призрачной собаки, черной, безмолвной и чудовищной? Было ли в этом деле человеческое участие? Знал ли бледный, бдителный Бэрримор более, чем хотел сказать? Все темно и неопределенно, но постоянно чувствуется за этим мрачная тень преступления.

После моего последнего письма к вам я встретил еще одного соседа, – мистера Франкланда из Лафтар-холла, который живет в четырех приблизительно милях на юг от нас. Он пожилой человек, краснолицый, седовласый и желчный. Он питает страсть к британскому закону и истратил большое состояние в тяжбах. Он судится из одной любви к судам и одинаково готов смотреть на вопрос с различных сторон; поэтому не мудрено, что эта забава оказалась дорого стоящей для него. Иногда он закрывает право проезда и предоставляет приходу тягаться с ним из-за того, чтобы его вновь открыть. Иногда он собственными руками выламывает чужую калитку и объявляет, что здесь с незапамятных времен существовала тропинка, предоставляя собственнику преследовать его за нарушение чужой собственности. Он сведущий человек в древних владельческих и общественных правах и применяет иногда свои познания в пользу Фернвортских сельчан, а иногда против них, так что его периодически то носят с триумфом на руках по деревенской улице, то заочно сжигают. Говорят, что в настоящее время у него на руках девять судебных дел, которые поглотят, вероятно, остаток его состояния и таким образом вырвут его жало, и впредь он сделается безвредным. Если исключить закон, он кажется добродушным человеком, и я упоминаю о нем только вследствие вашего настоятельного требования, чтобы я посылал вам описания людей, окружающих нас. Любопытно его настоящее времяпрепровождение: он любитель-астроном и имеет прекрасный телескоп, с которым лежит на крыше своего дома и целый день наблюдает болото, в надежде увидеть беглого преступника. Если бы он ограничивал этим свою деятельность, то все было бы хорошо, но ходят слухи, что он хочет преследовать доктора Мортимера за то, что тот отрыл неолитический череп из могилы без согласия ближайших родственников. Он разнообразил несколько нашу жизнь, внося в нее комический элемент, в котором мы очень нуждаемся.

А теперь, ознакомив вас с обстоятельствами, касающимися беглого преступника, Стэплтонов, доктора Мортимера и Франкланда из Лафтар-холла, я закончу это письмо тем, что важнее всего, рассказав вам поподробнее о Бэрриморах и, в особенности, об удивительном открытии, сделанном в прошлую ночь.

Прежде всего, напишу вам о проверочной телеграмме, которую вы послали из Лондона с целью удостовериться, что Бэрримор действительно находился дома. Я уже объяснил вам, что, по свидетельству почтмейстера, проверка ни к чему не привела, и что мы не имеем никаких доказательств. Я передал об этом сэру Генри, и он тотчас же, со свойственной ему прямолинейностью, позвал Бэрримора и спросил его, сам ли он получил телеграмму. Бэрримор ответил утвердительно.

– Передал ли ее вам мальчик в руки? – спросил сэр Генри.

Бэрримор казался удивленным и после некоторого раздумья сказал:

– Нет. Я был в то время в кладовой, и жена принесла мне телеграмму.

– Ответил вы на нее?

– Я передал жене, что надо ответить, и она спустилась, чтобы написать телеграмму.

Вечером Бэрримор сам вернулся к этому предмету.

– Я не совсем понял цель ваших утренних вопросов, сэр Генри, – сказал он. – Надеюсь, что они были сделаны вами не потому, что я как-нибудь злоупотребил вашим доверием?

Сэр Генри уверил его, что ничего подобного не имелось ввиду, и для его успокоения подарил ему значительную часть своего прежнего платья, так как прибыл лондонский заказ.

Миссис Бэрримор очень интересуется меня. Она тяжеловесная, основательная особа, очень ограниченная, крайне почтенная и склонная быть пуританкой. Едва ли можно себе представить менее чувствительного субъекта. Я передал вам, как в первую ночь она горько рыдала, и с тех пор я не раз замечал слезы на ее лице. Какое-то глубокое горе постоянно грызет ее сердце. Иногда я спрашивал себя, не мучает ли ее какое-нибудь преступное воспоминание, а иногда подозреваю, что Бэрримор – домашний тиран. Я всегда чувствовал, что в характере этого человека есть что-то особенное, таинственное. Событие же прошлой ночи обострило все мои подозрения.

Само по себе, оно может казаться незначительным. Вы знаете, что вообще я не крепко сплю, и с тех пор, как нахожусь здесь настороже, только дремлю. Прошлой ночью около двух часов я проснулся от шагов человека, прокрадывавшегося мимо моей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в нее. По коридору тянулась длинная черная тень человека, который тихо подвигался со свечкою в руке. Он был в рубашке, панталонах, босой. Я едва мог разглядеть его фигуру, но рост говорил мне, что это Бэрримор. Он шел очень медленно и осторожно, и во всем его облике было что-то невыразимо преступное и таинственное.

Я говорил вам, что коридор прерывается балконом, который окружает вестибюль, но что далее он снова начинается. Я подождал, пока Бэрримор скрылся, и затем последовал за ним. Когда я обогнул балкон, он уже дошел до конца дальнего коридора, и я видел по свету, выходящему через открытую дверь, что он вошел в одну из комнат. А надо вам сказать, что все эти комнаты необитаемы, отчего его ночноехождение принимало еще более таинственный характер. Луч света не колебался, из чего я заключил, что Бэрримор стоит, не двигаясь. Я пробрался как можно тише по коридору и заглянул в дверь.

Бэрримор приткнулся к окну, держа свечку у самого стекла. Лицо его было обращено ко мне в профиль и выражало напряженное ожидание. Так стоял он несколько минут. Затем тяжело застонал и нетерпеливым жестом потушил свечку. Я моментально вернулся в свою комнату и вскоре услышал те же прокрадывавшиеся шаги: Бэрримор направлялся обратно. Прошло много времени после того, и я уже слегка задремал, как вдруг услышал, что кто-то поворачивает ключ в замке, но не мог определить, откуда шел этот звук. Я не знаю, что все это значит, но в доме происходит что-то таинственное и мрачное, до чего мы, в конце концов, доберемся. Я не стану надоедать вам своими предположениями, потому что вы просили меня сообщать вам только факты. Сегодня утром мы долго беседовали с сэром Генри и выработали план кампании, основанный на моих ночных наблюдениях. В настоящее время не буду говорить о нем, но, благодаря ему, следующее мое донесение будет очень интересным.

IX. Второе донесение доктора Ватсона. Свет на болоте

Баскервиль-холл. Октября 15-го.

Дорогой Холмс, если вы не получали от меня особенных новостей в первые дни, то теперь вы признаете, что я наверстал потерянное время, и что события быстро следуют одно за другим. Свое последнее донесение я окончил сообщением о том, что видел Бэрримора у окна, теперь же у меня скопился такой запас сведений, который должен сильно удивить вас. Обстоятельства приняли такой оборот, какого я не мог предвидеть. С одной стороны они стали за последние сорок восемь часов гораздо яснее, а с другой стороны они сильно осложнились. Но я вам все расскажу, и вы сами рассудите.

На следующее за моими наблюдениями утро я перед завтраком осмотрел комнату, в которую ночью приходил Бэрримор. Я заметил в ней одну особенность: из западного окна, через которое он так пристально смотрел, болото видно лучше, чем из какого бы то ни было другого окна в доме. Следовательно, раз только это одно окно могло служить целям Бэрримора, значит, он что-то или кого-то высматривал на болоте. Ночь была чрезвычайно темна, а потому я не могу себе представить, как он мог надеяться увидеть кого-нибудь, и мне пришло в голову, не затеялась ли тут какая-нибудь любовная интрига. Этим можно было бы объяснить его воровскую походку и горе жены. Он сам человек замечательной наружности, способной похитить сердце деревенской девушки, так что мое предположение было правдоподобным. Звук открывшейся двери, услышанный мною после того, как я вернулся в свою комнату, мог означать то, что он вышел на какое-нибудь тайное свидание. Так рассуждал я на следующее утро и передаю вам эти подозрения, хотя оказалось, что они были неосновательными.

Но, что бы ни означали поступки Бэрримора, я чувствовал, что свыше моих сил оставлять их на одной своей ответственности. После завтрака я пошел в кабинет баронета и рассказал ему обо всем, что видел. Он был менее удивлен, чем я ожидал.

– Я знаю, что Бэрримор ходит по ночам, и намерен поговорить с ним об этом, – сказал он. – Я слышал два или три раза шаги в коридоре как раз около того часа, в который вы видели его.

– Может быть, он каждую ночь отправляется к тому самому окну, – сказал я.

– Может быть. Если это так, мы имеем возможность проследить за ним и выяснить его поведение. Интересно знать, как поступил бы ваш друг Холмс, если бы он был здесь?

– Я думаю, что он поступил бы как раз так, как вы намерены поступить, – сказал я. – Он следил бы за Бэрримором, пока не узнал бы всего.

– Так мы сделаем это вместе.

– Но он, наверное, услышит нас.

– Он несколько глуховат. Во всяком случае, нам следует попытаться. Мы сегодня ночью будем сидеть в моей комнате и ждать, пока он пройдет.

Сказав это, сэр Генри весело потер руки. Ясно было, что он приветствует это приключение как развлечение, внесенное в его чересчур спокойную жизнь на болоте.

Баронет списался с архитектором, который составлял планы для сэра Чарльза, и с лондонским подрядчиком, так что мы можем ожидать, что скоро начнутся здесь большие перемены. Из Плимута приезжали декораторы и обойщики. Очевидно, у нашего друга обширные планы, и он не постоит ни перед какими издержками и трудом, ради восстановления величия своего рода. Когда дом будет отремонтирован и вновь меблирован, то сэру Генри будет недоставать только жены. Существуют ясные признаки, что и в этом не будет недочета, если только девушка согласится, так как я редко видел человека более влюбленного, чем сэр Генри, в нашу красавицу соседку, мисс Стэплтон. Однако же его любовь не протекает так гладко, как можно

было этого ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на нее набежало совершенно неожиданное облако, повергшее нашего друга в крайнее недоумение и огорчение.

После нашего разговора о Бэрриморе сэр Генри надел шляпу с намерением выйти. Само собою разумеется, что я последовал его примеру.

– Что это, Ватсон, и вы идете? – спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

– Это зависит от того, идете ли вы на болото, – ответил я.

– Да, я иду туда.

– Ну, так вы знаете полученные мною инструкции. Мне очень неприятно быть навязчивым, но вы слышали, как серьезно настаивал Холмс на том, чтобы я не покидал вас, и особенно на том, чтобы вы не ходили один на болото.

Сэр Генри улыбнулся, положил мне руку на плечо и сказал:

– Милый друг, Холмс при всей своей мудрости не предвидел некоторых обстоятельств, случившихся с тех пор, как я живу на болоте. Понимаете вы меня? Я уверен, что вы последний человек в мире, который захотел бы испортить мне радость. Я должен идти один.

Эти слова поставили меня в крайне неловкое положение. Я не знал, что сказать, и что делать, а он, пока я стоял в недоумении, взял трость и ушел.

Когда я, наконец, обдумал дело, то совесть стала меня упрекать в том, что я, какая бы ни была тому причина, допустил, чтобы он скрылся с моих глаз. Я стал представлять себе, каковы были бы мои ощущения, если бы мне пришлось, вернувшись к вам, признаться, что случилось несчастье вследствие несоблюдения мною ваших инструкций. Уверяю вас, что кровь бросилась мне в голову при одной мысли об этом. Я решил, что, может быть, еще не поздно догнать его, и тотчас отправился по направлению к Меррипит-гаузу.

Я спешил как только мог, но не видел никаких признаков сэра Генри, пока не дошел до того места, где от дороги отделяется болотная тропинка. Тут, боясь, что я пошел не по тому направлению, я взобрался на холм, – тот самый, который изрыт каменоломней и откуда открывается обширный кругозор. Оттуда я сразу увидел сэра Генри. Он находился на болотной тропинке в четверти приблизительно мили от меня, и около него была дама, которая не могла быть никто иная, как только мисс Стэплтон. Ясно было, что между ними произошло предварительное соглашение, и что они пришли на свидание. Они медленно шли по тропинке, углубившись в разговор, причем она делала быстрые движения руками, как бы относясь очень серьезно к тому, что говорила, а он напряженно слушал и два раза покачал головою, как бы энергично опровергая ее слова. Я стоял между скалами и наблюдал за ними, недоумевая, как мне поступит. Последовать за ними и впутаться в их интимный разговор казалось мне оскорблением, а между тем, моей несомненной обязанностью было не упускать его ни на один момент из вида. Разыгрывать роль шпиона над другом было отвратительной обязанностью. Однако же я не видел другого исхода, как наблюдать за ним с холма и затем очистить свою совесть, признавшись ему впоследствии во всем. Правда, что если бы ему угрожала какая-нибудь внезапная опасность, я не мог бы, по дальности расстояния, быть ему полезным, но мне ничего не оставалось больше делать.

Наш друг сэр Генри и дама остановились на дорожке и по-прежнему были поглощены своей беседой, как вдруг я убедился, и что не я один был свидетелем их свидания. Я заметил развевавшийся в воздухе зеленый клочок, а затем увидел, что его нес на палке человек, бегущий по болоту. То был Стэплтон со своей сеткой. Он находился гораздо ближе к собеседникам, чем я, и, по-видимому, двигался по направлению к ним. В эту минуту сэр Генри порывисто привлек мисс Стальптон к себе. Он обнял ее за талию, но мне казалось, что она отклоняется от его объятий. Он приблизил свою голову к ее голове, но она в виде протеста подняла руку. Вдруг они отскочили друг от друга и поспешно обернулись. Причиной тому был Стальптон. Он дико бежал к ним, и сзади развевалась его нелепая сетка. Очутившись перед ними, он стал жестикулировать и чуть ли не плясал от возбуждения. Что все это означало, я не мог понять, но

мне показалось, что Стэплтон бранил сэра Генри, который давал объяснения, становившиеся все более и более горячими, по мере того, как первый отказывался их принять. Дама стояла в надменном безмолвии. Наконец, Стэплтон повернулся на каблуках и обратился повелительно к сестре, которая, нерешительно взглянув на сэра Генри, удалилась вместе с братом. Сердитые жесты натуралиста доказывали, что и дама подверглась его гневу. Баронет постоял, посмотрел им вслед, а затем пошел назад по той дороге, по которой пришел, повесив голову и изображая собою олицетворенное уныние.

Я не мог себе представить, что все это означало, но мне было крайне стыдно, что я был свидетелем такой интимной сцены без ведома моего друга. Поэтому я сбежал с холма и у его подножия встретил баронета. Лицо его было красно от гнева и брови сдвинуты, как у человека, окончательно не знающего, что ему делать.

– Эге, Ватсон! Откуда вы выскочили? – спросил он. – Не может быть, чтобы вы, вопреки всему, все-таки следовали за мною?..

Я все объяснил ему: как я нашел невозможным остаться дома, как последовал за ним и как был свидетелем всего происшедшего. Был момент, когда глаза его засверкали, но моя откровенность обезоружила его, и он почти спокойно рассмеялся.

– Мне казалось, что середина этого луга достаточно безопасное место для того, чтобы человек мог считать себя в уединении, – сказал он. – А между тем, черт возьми, чуть ли не все население видело мое сватовство, и притом очень печальное сватовство! Где занимали вы место?

– Я был на холме.

– В последнем ряду, значит. А ее брат был в самых первых местах. Видели вы, как он шел на нас?

– Видел.

– Не производит ли этот братец на вас впечатление помешанного?

– Не могу сказать, чтобы я когда-нибудь замечал это.

– Конечно. До сегодняшнего дня и я считал его достаточно здравомыслящим, но теперь, говорю вам, или на него, или на меня следует надеть смирительную рубашку. Во всяком случае, я не понимаю, в чем дело. Вы, Ватсон, прожили со мною несколько недель, так скажите мне теперь откровенно: какой недостаток препятствует мне быть хорошим мужем для женщины, которую бы я полюбил?

– По-моему, такого недостатка у вас нет.

– Он ничего не может иметь против моего положения в свете, значит, он имеет что-то против меня лично. Но что именно? Я в жизни своей никогда никого не обидел намеренно. А между тем, он бы не допустил, чтобы я дотронулся до кончиков ее пальцев.

– Разве он это сказал?

– Это и еще многое другое. Я знаю ее всего несколько недель, но, скажу вам, Ватсон, что с первого же момента почувствовал, что она создана для меня, и она также, могу поклясться, была счастлива, когда находилась со мною. Женские глаза говорят яснее слов. Но он никогда не допускал нас оставаться вдвоем, и только сегодня в первый раз я имел возможность поговорить с нею наедине. Она была рада встрече со мною, но не о любви хотела она говорить и, если бы могла, то и мне запретила бы говорить о ней. Она все возвращалась к старой теме об опасности этого места и о том, что она не будет счастлива, пока я не покину его. Я ответил, что с тех пор, как увидел ее, не тороплюсь уезжать отсюда, и что если она действительно хочет, чтобы я уехал, то единственное средство к тому, – устроить дела так, чтобы уехать со мною. Тут я сделал предложение, но не успела она мне ответить, как прибежал ее брат, и лицо у него было точно у сумасшедшего. Он был бледен от злости, и светлые глаза его сверкали яростью. «Что я делаю с девушкой? Как я смею оказывать ей внимание, которое ей неприятно? Неужели я воображаю, что если я баронет, то могу делать все, что пожелаю?» Если бы он не был ее братом, то я лучше сумел бы ему ответить. Я ему сказал, что мои чувства к его сестре таковы, что их нечего стыдиться, и что я просил ее сделать мне честь стать моей женою. Это, по-видимому, нисколько не улучшило дела, так что я, наконец, также вышел из терпения и ответил ему более горячо, чем, может быть, следовало, так как она стояла тут же. Кончилось все тем, что он ушел вместе с нею, как вы видели, а я остался, сбитый с толку, самым недоумевающим человеком во всем графстве. Скажите мне только, Ватсон, что это все значит, и я останусь вашим неоплатным должником?

Я попробовал было дать объяснение, но, право, я сам был совершенно сбит с толку. Все говорит за нашего друга: его титул, его состояние, его характер, его наружность, и я ничего не знаю, что могло бы говорить против него, кроме таинственного рока, преследующего его род. В высшей степени поразительно, что его предложение было так грубо отвергнуто без всякой ссылки на желание самой девушки, и что девушка допускает без протеста такое положение. Однако же, нас успокоил сам Стэплтон, явившись с визитом в тот же день. Он пришел извиниться за свою грубость, и результатом их продолжительного разговора в кабинете без свидетелей было то, что дружеские отношения снова восстановились, в доказательство чего мы будем обедать в следующую пятницу в Меррипит-гаузе.

— Я не скажу теперь, что он не помешан, — сказал сэр Генри. — Я не могу забыть его глаз, когда он подбежал ко мне сегодня утром. Но должен признаться, что нельзя было требовать более удовлетворительного извинения.

— Как он объяснил свое поведение?

— Он сказал, что сестра составляет все в его жизни. Это довольно понятно, и я рад, что он дает ей должную цену. Они всегда жили вместе, он всегда был одинок, и она единственный его товарищ, так что мысль потерять ее поистине ужасна для него. Он говорит, что не замечал, как я привязывался к ней; когда же увидел это собственными глазами и подумал, что ее могут отнять у него, то возможность такого удара повергла его в состояние невменяемости. Он очень сожалел обо всем, что случилось, и сознавал, насколько безумно и эгоистично воображать, что он может сохранить на всю жизнь для себя одного такую красавицу, как его сестра. Если суждено с нею расстаться, то он охотнее отдаст ее такому соседу, как я, чем кому бы то ни было другому. Но, во всяком случае, это для него удар, к которому нужно подготовиться. Он откажется от всякого противодействия со своей стороны, если я обещаю не говорить об этом деле в продолжение трех месяцев и удовольствуюсь дружескими отношениями с девушкой, не требуя от нее любви. Я дал это обещание, и на том дело кончилось.

Итак, одна из наших маленьких тайн выяснена. Что-нибудь да значит достать дно хоть в каком-нибудь месте той тины, в которой мы барахтаемся. Теперь мы знаем, почему Стэплтон смотрел неодобрительно на ухаживателя своей сестры, даже в таком случае, когда ухаживателем был столь достойный избрания, как сэр Генри. Перехожу к другой нити, вытянутой мною из спутанного мотка, к объяснению таинственных ночных рыданий, заплаканного лица миссис Бэрримор и воровского странствования дворецкого к западному окну. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы не разочаровались во мне, как в агенте, и что вы не жалеете об оказанном мне доверии. Все это было выяснено в одну ночь.

Впрочем, трудились мы две ночи, но в первую нас постигла полная неудача. Мы сидели с сэром Генри в его комнате до трех почти часов и не слышали ни одного звука кроме боя курантов на лестнице. Это было очень тоскливое бдение, окончившееся тем, что мы оба уснули, сидя на стульях. К счастью, это нас не обезкуражило, и мы решились сделать еще попытку. В следующую ночь мы уменьшили огонь в лампе и принялись курить папиросы, не издавая ни малейшего звука. Часы тянулись невероятно медленно, но нас поддерживал такой же терпеливый интерес, какой должен чувствовать охотник, наблюдая за капканом, в котором он надеется увидеть попавшуюся добычу. Пробило час, пробило два, и мы уже снова хотели в отчаянии отказаться от этого дела, как вдруг оба выпрямились на стульях и стали напряженно прислушиваться. Мы слышали скрип в коридоре.

Кто-то прокрадывался, пока звук шагов не умолк вдали. Тогда баронет бесшумно отпер дверь, и мы пустились в погоню. Человек обогнул уже галерею, и коридор был погружен в совершенный мрак. Мы стали тихо продвигаться, пока не перешли в другое крыло дома. Пришли как раз вовремя, чтобы увидеть, как высокий мужчина с черной бородой, сгорбив спину, пробирался на цыпочках по коридору. Он вошел в ту же дверь, как и в прошлую ночь; свет от свечки осветил ее и бросил в мрак коридора один. желтый луч. Мы осторожно двинулись

по его направлению, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Мы имели предосторожность снять сапоги, но и без них старые доски скрипели под нашими шагами. Иногда казалось немыслимым, чтобы он не услышал нашего приближения. Но Бэрримор, к счастью, несколько глух, притом он был весь поглощен тем, что делал. Когда мы, наконец, добрались до двери и заглянули в нее, то увидели, что он стоит, пригнувшись к окну, со свечкою в руке, и его напряженное лицо прижато к стеклу, точь-в-точь как я видел его за две ночи перед тем.

Мы не составили никакого плана кампании, но баронет такой человек, для которого прямой путь всегда оказывается самым естественным. Он вошел в комнату. Тогда Бэрримор отскочил от окна с каким-то отрывистым шипением в груди и встал перед нами, смертельно бледный и весь дрожа. Его темные глаза на белом лице, смотревшие то на сэра Генри, то на меня, были полны ужаса и удивления.

– Что вы тут делаете, Бэрримор?

– Ничего, сэр. – Он был так взволновал, что едва мог говорить, и тени от дрожавшей в его руке свечки прыгали вниз и вверх. – Я насчет окна, сэр. Я хожу по ночам осматривать, заперты ли они.

– На втором этаже?

– Да, сэр, все окна.

– Слушайте, Барримон, – произнес сэр Генри сурово, – мы решили добиться правды от вас, а потому, чем раньше вы ее скажете, тем будет вам легче. Ну-с, так без лжи! Что вы делали у окна?

Он смотрел на нас с беспомощным выражением и ломал руки, как человек, доведенный до крайнего горя.

– Я ничего не делал дурного, сэр. Я держал свечку у окна.

– А для чего вы держали свечку у окна?

– Не спрашивайте меня, сэр Генри... Не спрашивайте! Даю вам слово, сэр, что это не моя тайна, и что я не могу ее выдать. Если бы она не касалась никого, кроме меня, то я бы не пытался скрыть ее от вас.

Меня вдруг осенила мысль, и я взял свечу с подоконника, на который поставил ее дворецкий.

– Он, должно быть, держал ее, как сигнал, – сказал я. – Посмотрим, не последует ли ответа.

Я держал свечу так, как он это делал, всматриваясь в темноту ночи, и смутно видел черную полосу деревьев и более светлое пространство болота, потому что луна скрылась за тучи. Я издал возглас торжества, потому что сквозь покров ночи вдруг показалась тоненькая желтая точка, ровно светившая прямо против окна.

– Вот и ответ! – воскликнул я.

– Нет-нет, это ничего... совсем ничего, – вмешался дворецкий. – Уверю вас, сэр...

– Двигайте свечу вдоль окна, Ватсон! – воскликнул баронет. – Смотрите, и та также шевелится!.. Теперь будешь ли отрицать, негодяй, что это сигнал?.. Ну, говори! Кто твой союзник там и в чем заключается заговор?

Лицо дворецкого приняло смело вызывающее выражение.

– Это мое дело, а не ваше. Я ничего не скажу.

– Так вы тотчас же уйдете из моего дома.

– Очень хорошо, сэр. Уйду, если так нужно.

– И вы уйдете посрамленным. Вам следовало бы стыдиться, черт возьми! Ваше семейство жило вместе с моим более ста лет под этим кровом, а я застаю вас тут в каком-то темном заговоре против меня.

– Нет-нет, сэр, не против вас! – воскликнул женский голос, и миссис Бэрримор, более бледная, чем ее муж, и с выражением еще большего ужаса на лице, показалась в дверях. Ее

массивная фигура в юбке и шали была бы комична, если бы не сила чувства, которую выражали ее черты.

– Мы должны уходить, Элиза. Всему конец! Можешь укладывать наши вещи, – сказал дворецкий.

– О, Джон, Джон, неужели я довела тебя до этого!.. Во всем виновата я, сэр Генри, одна я. Он делал все это ради меня и потому, что я его об этом просила.

– Так говорите же! Что это все значит?

– Мой несчастный брат умирает с голода на болоте. Не можем же мы дать ему погибнуть у самых наших ворот. Свеча служит ему сигналом, что пища готова для него, а свет от него показывает место, куда ее отнести.

– Так ваш брат...

– Беглый из тюрьмы, сэр; Сельден, убийца.

– Это правда, сэр, – подтвердил Бэрримор. – Я вам сказал, что это не моя тайна, и что я не могу ее выдать вам. Теперь же вы ее узнали и видите, что если и был заговор, то не против вас.

Так вот чем объяснились воровские ночные странствования и свет у окна! Сэр Генри и я с удивлением смотрели на женщину. Возможно ли, чтобы в этой тупоумно-почтенной особе и в одном из самых выдающихся преступников текла одна и та же кровь?

– Да, сэр, моя фамилия была Сельден, и он мой младший брат. Мы слишком баловали его, когда он был мальчиком, и потакали ему во всем, а потому он стал воображать, что мир создан для его удовольствия, и он может делать все, что ему нравится. Когда он сделался старше, то попал в скверную компанию, дьявол вселился в него, и он разбил сердце моей матери, а имя наше втоптал в грязь. От преступления к преступлению он падал все ниже и ниже, пока не попал на эшафот, от которого его спасло только Божье милосердие. Но для меня, сэр, он всегда оставался маленьким кудрявым мальчиком, которого я нянчила, и с которым играла, как старшая сестра. Из-за этого-то он и бежал из тюрьмы, сэр. Он знал, что я здесь, и что мы не можем отказать ему в помощи. Когда он однажды ночью притащился сюда усталый и голодный, а сторожа бежали по его пятам, что нам было делать? Мы приняли его, кормили и заботились о нем. Когда вы приехали, сэр, моему брату казалось, что на болоте он будет в большей безопасности, чем во всяком другом месте, пока не уляжется шум и суeta по поводу его поимки, а потому он и прячется там. Через ночь мы удостоверяемся, находится ли он все еще здесь, ставя на окно свечку и, если получаем ответ, то мой муж относит ему немного хлеба и мяса. Каждый день мы надеемся, что он ушел, но пока он здесь, мы не можем его покинуть. Вот и вся правда, говорю ее, как честная христианка, и вы видите, что если следует в этом деле порицать кого-нибудь, то не моего мужа, а меня, ради которой он все это делал.

Женщина говорила с такою глубокою серьезностью, что слова ее казались убедительными.

– Правда ли это, Бэрримор?

– Да, сэр Генри. Каждое ее слово – правда.

– Ну, я не могу порицать вас за то, что вы стоите за свою жену. Забудьте то, что я сказал. Ступайте оба в свою комнату, а завтра утром мы подробнее поговорим об этом деле.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в окно. Сэр Генри открыл его настежь, и холодный ночной ветер бил нам в лицо. В мрачной дали продолжала светить маленькая желтая точка.

– Я удивляюсь его смелости, – сказал сэр Генри.

– Может быть, этот свет так поставлен, что он видим только отсюда.

– Вероятно. Как вы думаете, далеко это?

– Около вершины Клефт, полагаю.

– Не дальше мили или двух отсюда?

– Никак не больше, скорее меньше.

– Да, оно и не должно быть далеко, так как Бэрримору приходилось носить туда пищу. И этот мерзавец ждет теперь около своей свечки. Черт возьми, Ватсон, я пойду схватить этого человека!

Та же самая мысль пришла и мне в голову. Бэрриморы не веряли нам своей тайны; она была насильно вырвана у них. Преступник, закоренелый негодяй, для которого не могло быть ни жалости, ни прощения, был опасен для общества. Мы бы только исполнили свой долг, если бы вернули его туда, откуда он не мог бы наносить вред. При его грубой и жесткой натуре другие могут поплатиться, если мы не наложим на него руки. Например, наши соседи Стэплтоны каждую ночь могут подвергнуться опасности нападения с его стороны, и, может быть, эта-то мысль и заставила сэра Генри ухватиться за такое приключение.

– И я пойду, – сказал я.

– Так берите свой револьвер и наденьте сапоги. Чем скорее мы выйдем, тем лучше, потому что негодяй может потушить свою свечку и уйти.

Через пять минут мы уже были за дверью. Спешно пробирались через темный кустарник при унылом завывании осеннего ветра и шелесте падающих листьев. Ночной воздух был тяжел, в нем слышались сырость и запах разложения. Время от времени выглядывала ненадолго луна, но тучи пошли по небу, и когда мы вступили в болото, начал моросить мелкий дождь. Свет продолжал недвижно блестеть перед нами.

– Вооружены ли вы? – спросил я.

– У меня охотничий нож.

– Мы должны быстро схватить его, потому что, говорят, он отчаянный малый. Мы захватим его неожиданно, и он будет в нашей власти прежде, чем получит возможность сопротивляться.

– Я думаю, Ватсон, о том, что бы сказал на это Холмс? Об этих темных часах, когда властвуют силы зла?

Вдруг, как бы в ответ на его слова, из обширного мрачного болота раздался тот странный крик, который я уже однажды слышал на краю Гримпенской трясины. Среди тишины ночи ветер донес протяжный, низкий вой, поднявшийся до рева и снова затихший в тоскливом вздохе. И снова он раздался, и воздух дрожал от этого пронзительного, дикого, угрожающего звука. Баронет схватил меня за рукав, и лицо его было до того бледно, что оно выделялось в темноте.

– Боже мой, Ватсон, что это такое?

– Не знаю. Это какой-то болотный звук. Я однажды уже слышал его.

Звук замер, и нас окружило абсолютное безмолвие. Мы стояли, напрягая слух, но ничего не услышали больше.

– Ватсон, – сказал баронет, – это был вой собаки.

Кровь застыла в моих жилах от ужаса, который слышался в его голосе.

– Как объясняют этот звук? – спросил он.

– Кто?

– Здешний народ.

– О, народ невежествен. Какое вам дело до того, как он его объясняет?

– Скажите мне, Ватсон, что народ говорит о нем?

Я колебался, но не мог уклониться от ответа.

– Он говорит, что это кричит собака Баскервильей.

Сэр Генри простонал и умолк.

– Да, то выла собака, – сказал он, наконец. – Но казалось, что этот вой доносится изда- лека, за много миль отсюда.

Трудно было определить, откуда он доносился.

– Он поднялся и замер вместе с ветром. Ведь ветер дует от большой Гримпенской трясины?

– Да, от нее.

– Так звук шел оттуда. Ну, Ватсон, признайтесь, разве вы сами не приняли его за собачий вой? Я ведь не ребенок, и вам нечего бояться говорить мне правду.

– Стэплтон был со мною, когда я впервые услышал этот звук. Он говорит, что его, может быть, издает какая-то странная птица.

– Нет-нет, то был вой собаки. Боже мой, неужели есть доля правды во всех этих историях? Возможно ли, чтобы я подвергался опасности от такого темного предания? Вы не верите в это, Ватсон?

– Нет-нет.

– А между тем, одно дело – смеяться над этим в Лондоне и другое дело – стоять в темную ночь на болоте и слышать такой крик. А мой дядя! Ведь около его тела видели следы собачьих лап. Все идет одно к одному. Не думаю, чтобы я был трусом, Ватсон, но от этого звука кровь застыла в моих жилах. Попробуйте мою руку!

Она была холодна, как кусок мрамора.

– Завтра утром вы будете чувствовать себя хорошо.

– Не думаю, чтобы я когда-нибудь забыл этот крик. Что нам теперь предпринять, как вы думаете?

– Не вернуться ли нам домой?

– Нет, черт возьми! Мы вышли для того, чтобы добраться до молодца, и мы доберемся до него. Мы ищем преступника, адская же собака пусть ищет нас, коли хочет. Пойдем, мы достигнем своего, хотя бы все враги из преисподней были выпущены на болото.

Спотыкаясь в темноте, мы медленно подвигались среди мрачных очертаний скалистых холмов по направлению к желтой точке, все еще неподвижно светившейся перед нами. Ничто так не обманчиво, как расстояние света в темную ночь; иногда казалось, что он блестит далеко на линии горизонта, а иногда, что он находится в нескольких ярдах от нас. Наконец, мы увидели, откуда шел этот свет, и тогда убедились, что находимся очень близко от него. Свеча была вставлена в расщелину скалы, которая окружала ее со всех сторон, так что предохраняла ее от ветра и, вместе с тем, делала ее видимой только со стороны Баскервиль-холла. Мы приблизились незаметно, благодаря скрывавшему нас гранитному валуну и, скорчившись за этим прикрытием, смотрели поверх его на сигнальный свет. Страшно было видеть эту одинокую свечу, горевшую посередине болота, без всяких признаков жизни около нее. Одно только прямое желтое пламя и блеск скалы вокруг него.

– Что нам делать теперь? – шепотом спросил сэр Генри.

– Ждать на этом месте. Он должен находиться недалеко от своей свечки. Посмотрим, не удастся ли нам взглянуть на него.

Не успел я это произнести, как мы оба увидели Сельдена. Над скалою, в расщелине которой стояла свеча, показалось злое, желтое лицо, страшное, зверское лицо, все искаженное низкими страстями. Забрызганное грязью, с колючею бородою, с волосами в виде мочалки, оно, казалось, принадлежало одному из тех диких людей, которые некогда жили в норах по склонам холмов. Свет, стоявший ниже, отражался в его маленьких хитрых глазах, которые зверски вглядывались в темноту, как у хитрого и дикого животного, услышавшего шаги охотников.

Что-то, очевидно, возбудило его подозрения. Может быть, Бэрримор прибежал к какому-нибудь особенному сигналу, которого мы не подали, или же преступник имел какие-нибудь другие причины думать, что не все в порядке, но, во всяком случае, я видел выражение страха на его злом лице. Каждое мгновение он мог потушить свечу и исчезнуть в темноте. Поэтому я бросился вперед, и сэр Генри последовал моему примеру. В ту же секунду преступник прокричал проклятие по нашему адресу и швырнул камень, который рассыпался в куски, ударившись об скалу, защищавшую нас. Я успел взглянуть на его короткую, коренастую, сильную фигуру, когда он вскочил на ноги и бросился бежать. В это же время, по счастливой случайности, месяц выглянул из-за туч. Мы взбежали на вершину холма и увидели, что наш человек сбегал с него по другую сторону, прыгая через камни с быстротою и ловкостью горной козы. Удачный выстрел из револьвера мог бы покалечить его, но я взял оружие только для самозащиты в случае нападения, а не для того, чтобы стрелять в безоружного человека, убегающего прочь.

Мы оба были хорошими бегунами и находились в благоприятных условиях, однако вскоре убедились, что не имеем никакой возможности догнать его. Мы долго наблюдали его при лунном свете, пока, наконец, он стал казаться нам точкой,двигающейся между валунами на склоне отдаленного холма. Мы бежали, пока не выбились совершенно из сил, а все-таки

расстояние все росло между ним и нами. Наконец, мы остановились и, запыхавшись, сели на камни, наблюдая, как он исчезал в отдалении.

Как раз в это время случилось нечто крайне странное и неожиданное. Мы поднялись с камней и направились домой, отказавшись от безнадежной охоты. Направо от нас месяц уже низко спустился, и зубчатая вершина гранитного пика выделялась на нижнем изгибе серебристого диска. Там, на остроконечной вершине, я увидел, как черную статую на блестящем фоне, фигуру человека. Не думайте, Холмс, чтобы это было иллюзией. Уверяю вас, что я никогда в жизни не видал ничего яснее. Насколько я мог судить, то был высокий худой человек. Он стоял, расставив несколько ног, скрестив руки, нагнув голову, точно предавался размышлениям об этой громадной пустыне из торфа и гранита, лежавшей вокруг него. Он походил на духа этого ужасного места. То не был преступник. Этот человек стоял далеко от того места, где первый скрылся. Кроме того, он был гораздо выше ростом. С криком удивления я указал на него баронету, но в тот момент, когда я обернулся, чтобы схватить за руку нашего друга, человек исчез.

Я желал пойти по тому направлению и обыскать вершину, но она была очень далеко... Нервы баронета все еще были напряжены от слышанного нами воя, и он не был расположен на новые приключения. Он не видел человека на вершине, а потому и не испытывал той нервной дрожи, которая овладела мною при виде этой фигуры и ее внушительной позы.

— Это, несомненно, один из сторожей, — сказал он. — Болото переполнено ими с тех пор, как бежал этот негодяй.

Может быть, его объяснение и правильно, но мне хотелось бы иметь какое-нибудь доказательство этих слов. Сегодня мы намерены сообщить в Принцтоунскую тюрьму, где искать

беглого преступника, но нам досадно, что мы не могли его сами привести, как своего собственного пленника. Таковы наши приключения прошедшей ночи, и вы должны согласиться, дорогой Холмс, что я представил вам хорошее донесение. Много из того, что я вам написал, без сомнения, не относится к делу, но я все-таки нахожу, что лучше сообщать все факты, и предоставить вам сделать выбор тех, которые могут быть полезны для ваших умозаключений.

Мы, бесспорно, делаем успехи. Относительно Бэрриморов мы узнали мотивы их действий. Но болото со своими тайнами и странными жителями остается по-прежнему непроницаемо. В следующем своем донесении я, может быть, буду в состоянии пролить некоторый свет и на него. Лучше всего было бы, если бы вы смогли приехать к нам.

Х. Извлечение из дневника доктора Ватсона

До сих пор я был в состоянии вести рассказ по донесениям, которые посылал тогда Шерлоку Холмсу. Но теперь я дошел до пункта, принуждающего меня отбросить этот источник и снова довериться своим воспоминаниям, подкрепляя их дневником, который я вел в то время. Несколько извлечений из него перенесут меня к тем сценам, которые все, до малейшей подробности, неизгладимо запечатлелись в моей памяти. И так я начинаю с утра, последовавшего за нашею неудачною погоней и странными приключениями на болоте.

Октября 16-го. День пасмурный и туманный: моросит дождь. Над домом несутся тяжелые тучи; они по временам разрываются и открывают вид на мрачное изрытое болото с тоненькими серебряными жилками по склонам холмов и с блеском отдаленных валунов, когда луч света падает на их мокрую поверхность. Грустно снаружи, грустно и в доме. Баронетом овладела мрачная реакция после возбуждений прошлой ночи. Я сам чувствую какую-то тяжесть на сердце, а сознание угрожающей опасности, – опасности тем более страшной, что я не могу ее определить, – томит меня.

И разве у меня нет оснований для такого опасения? Надо принять в соображение целый ряд инцидентов, которые все указывают, что что-то угрожающее деятельно орудует вокруг нас. Во-первых, смерть последнего владельца усадьбы, происшедшая при условиях, замечательно точно подходящих к семейной легенде, затем многочисленные пересказы крестьян о появлении странного существа на болоте. Наконец, я собственными ушами дважды слышал звук, похожий на отдаленный собачий вой. Невероятно, невозможно, чтобы это было что-нибудь сверхъестественное, не подчиняющееся обыкновенным законам природы. Немыслимо представить себе какую-то призрачную собаку, оставляющую материальные отпечатки следов своих лап и оглашающую воздух своим воем. Стэплтон может поддаваться такому суеверию, а также и Мортимер, но если у меня есть какое-нибудь качество, то это качество – здравый смысл, и ничто не заставит меня поверить такому абсурду. Поверить ему значило бы спуститься до уровня этих бедных мужиков, которые не только допускают существование вражеской собаки, но еще и описывают ее, как чудовище, из глаз и пасти которого пылает адский огонь. Холмс не стал бы и слушать такие выдумки, а я его агент. Но фактов нельзя отрицать, а факт тот, что я дважды слышал вой на болоте. Вот если бы предположить, что на болоте действительно бродит какая-нибудь громадная собака – это многое бы объяснило. Но где такая собака может прятаться, где она добывает себе пищу, откуда она прибежала, и почему ее никто не видел никогда днем? Надо признаться, что естественное объяснение так же затруднительно, как и сверхъестественное. Да тут еще, помимо собаки, является факт человеческого вмешательства в Лондоне: человек в кебе и письмо, предостерегавшее сэра Генри против болота. Последнее, по крайней мере, было реально, но оно могло быть делом как доброжелателя, так и недруга. Где находится теперь этот доброжелатель или недруг? Остался ли он в Лондоне или последовал за нами сюда? Не его ли я видел на вершине горы?

Правда, я имел время только раз взглянуть на него, но есть некоторые данные, за которые я могу поручиться головою. Во-первых, это не был кто-либо из тех, кого я встречал тут, а я теперь видел всех соседей. Он несравненно выше Стапльтона и несравненно тоньше Франкланда. Это по фигуре мог быть Бэрримор, но последнего мы оставили в доме, и я уверен, что он не мог последовать за нами. Значит, какой-то незнакомец продолжает следить за нами и здесь. Если бы я мог наложить руки на этого человека, то мы, наконец, покончили бы со всеми своими недоумениями. К достижению этой цели я должен теперь направить всю свою энергию.

Первым моим побуждением было сообщить сэру Генри о всех моих планах. Но вторым и самым благоразумным было решение не впутывать его в свою игру и говорить как можно меньше с кем бы то ни было. Он молчалив и рассеян. Его нервы удивительно потрясены звуком,

слышанным им на болоте. Я ничего не скажу, что могло бы увеличить его опасения, и один приму меры для достижения своей цели. Сегодня утром после завтрака произошел небольшой инцидент. Бэрримор попросил у сэра Генри позволения переговорить с ним, и они заперлись вдвоем в кабинете. Сидя в бильярдной, я несколько раз слышал, что голоса их возвышались, и мог себе представить, о чем идет речь. Вскоре баронет открыл дверь и позвал меня.

– Бэрримор находит, что он обижен, – сказал сэр Генри. – Он считает, что с нашей стороны было непорядочно преследовать его шурина после того, как он сам, по доброй воле, выдал нам свою тайну.

Дворецкий стоял перед нами бледный, но спокойный.

– Я, может быть, погорячился, сэр, – сказал он, – в таком случае прошу у вас прощения. Но я был очень удивлен, когда услышал, как вы сегодня утром возвращались вдвоем, и узнал, что вы охотились за Сельденом. У бедного малого достаточно с кем бороться без того, чтобы и я еще выпускал врагов по его следам.

— Если бы вы нам все рассказали по своей доброй воле, то это было бы другое дело, — сказал баронет. — Вы же, или, вернее, ваша жена рассказала все только тогда, когда не могла поступить иначе.

— Я не думал, сэр Генри, что вы этим воспользуетесь. Право, не думал.

— Человек этот опасен для общества. На болоте разбросаны одинокие жилища, а он такой молодец, который нападет ни за что ни про что. Стоит только взглянуть на его лицо, чтобы убедиться в этом. Вот хотя бы дом мистера Стэплтона, в котором нет другого защитника, кроме него самого. Никто не может чувствовать себя в безопасности, пока Сельден не будет под замком.

– Нет, сэр, он не ворвется ни в чей дом. Даю вам в том свое честное слово. Он никого не потревожит больше в этой стране! Уверяю вас, сэр Генри, что через несколько дней будут окончены все приготовления к его отъезду в Южную Америку. Ради Бога, прошу вас, сэр, не сообщать полиции о том, что он все еще находится на болоте. Она уже отказалась разыскивать его здесь, и он может спокойно прятаться, пока не будет все готово к его отъезду. Вы не можете выдать его, не причинив моей жене и мне большого горя. Умоляю вас, сэр, ничего не говорить полиции.

– Что вы скажете, Ватсон?

Я пожал плечами и сказал:

– Если он уберется из Англии, это избавит плательщика податей от лишней тяжести.

– Ну, а что, если он перед отъездом уколошит кого-нибудь здесь?

– Нет, сэр, он не поступит так безрассудно. Мы снабдили его всем, в чем он мог нуждаться. Совершив же преступление, он выдаст место, где прячется.

– Это правда, – произнес сэр Генри. – Ладно, Бэрримор...

– Да благословит вас Бог, сэр; благодарю вас от всего сердца! Если бы его снова забрали, это убило бы мою бедную жену.

– Я полагаю, Ватсон, что мы поощряем и содействуем уголовному делу. Но после того, что мы слышали, я чувствую, что не могу выдать этого человека. Ну, так и конец всему этому. Ладно, Бэрримор, теперь можете идти.

После нескольких несвязных слов благодарности, дворецкий повернулся, чтобы уйти, но, постояв в нерешительности, вернулся и снова заговорил:

– Вы были так добры к нам, сэр, что и мне, в свою очередь, хотелось бы сделать для вас все, что в моей власти. Я знаю нечто такое, сэр Генри, о чем, может быть, сказал бы и раньше, но я узнал это спустя долгое время после следствия. Я никому ни слова не говорил об этом. Это касается смерти бедного сэра Чарльза.

Баронет и я разом вскочили на ноги.

– Вы знаете, как он умер?

– Нет, сэр, этого я не знаю.

– Так что же?

– Я знаю, для чего он пошел к калитке в такой час. Для того, чтобы встретиться с женщиной.

– Чтобы встретиться с женщиной! Он?

– Да, сэр.

– Имя этой женщины?

– Я не могу вам сказать ее имени, сэр, но могу вам сообщить его начальные буквы. Эти буквы «Л. Л.»

– Как вы это узнали, Бэрримор?

– Ваш дядя, сэр Генри, получил в то утро письмо. Обыкновенно он получал их очень много, так как был популярен и хорошо известен, как добрый человек, и всякий, кто нуждался, обращался к нему. Но в то утро случилось так, что он получил одно только это письмо, а потому я и обратил за него внимание. Оно было из Кумб-Трасей, и адрес был написан женской рукой.

– Ну?

– Я больше не думал об этом письме и никогда бы не вспомнил о нем, если бы не моя жена. Несколько недель тому назад она чистила кабинет сэра Чарльза (его не трогали со дня его смерти) и нашла за каминной решеткой остатки сожженного письма. Большая часть его превратилась в пепел, но маленькая полоска, конец страницы, еще держалась, и можно было прочесть то, что было написано на ней, хотя буквы были серые на черном фоне. Нам казалось, что это был постскриптум, и он гласил: «Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов». Под ним стояли буквы «Л. Л.»

- Сохранили вы этот клочок?
 - Нет, сэр. Когда мы дотронулись до него, он рассыпался.
 - Получал ли сэр Чарльз раньше письма, написанные этим почерком?
 - Ах, сэр, я не обращал особенного внимания на его письма. Я и этого бы не заметил, если бы оно не пришло одно.
 - И вы не догадываетесь, кто это может быть Л. Л.?
 - Нет, сэр. Но я думаю, что если бы мы могли добраться до этой дамы, то больше бы узнали о смерти сэра Чарльза.
 - Я не понимаю, Бэрримор, как вы могли скрыть такой важный факт.
 - Ах, сэр, это произошло тотчас же после того, как нас постигло наше личное горе. Кроме того, мы оба очень любили сэра Чарльза и были ему благодарны за все, что он для нас сделал. Раскапывание всего этого не могло воскресить нашего бедного господина, и следует быть осторожным, когда в дело замешана дама. Даже лучшие из нас...
 - Вы думаете, что это могло бы нанести ущерб его репутации?
 - Ах, сэр, я думал, что ничего хорошего не выйдет из этого. Но теперь вы были добры к нам, и я чувствую, что нехорошо было бы не рассказать вам все, что я знаю о деле.
 - Прекрасно, Бэрримор, можете идти.
- Когда дворецкий вышел, сэр Генри быстро обратился ко мне с вопросом:
- Ну, Ватсон, что вы думаете об этом новом свете?
 - От него стало как будто еще темнее.
 - И я тоже нахожу. Но если бы нам только удалось напасть на след Л. Л., то все дело разъяснилось бы. Мы знаем, что есть женщина знакомая с событиями, только бы нам найти ее. Как вы думаете, что нам делать?
 - Тотчас же сообщить обо всем Холмсу. Это даст ему ключ, которого он искал, и который, я уверен, приведет его сюда.

Я тотчас же отправился в свою комнату и составил донесение Холмсу об утреннем разговоре. Для меня было очевидным, что он очень занят, потому что записки, полученные мною из Бейкер-стрит, были редки, коротки, без всяких комментариев на сообщаемые мною сведения и почти без упоминания о порученной мне миссии. Он без сомнения всецело поглощен занимающим его шантажным делом. Но этот новый фактор, наверное, остановит его внимание и возбудит вновь его интерес. Мне бы хотелось, чтобы он был здесь.

Октября 17-го. Сегодня целый день лил дождь; он шумел в плюще и капал с крыш. Я думал о преступнике на мрачном, холодном, пустынном болоте. Бедный человек! Каковы бы ни были его преступления, он достаточно настрадался, чтобы несколько искупить их. Я также подумал о том другом, – о лице, которое мы видели в кебе, о фигуре, которую я видел на горе при луне. Не находится ли среди этого потока и он – невидимый наблюдатель, человек тьмы? Вечером я надел свой непромокаемый плащ и пошел далеко по бушевавшему болоту, полный мрачных картин, которые мне рисовало воображение, между тем, как дождь хлестал мне в лицо и ветер дул в уши. Да поможет Господь тем, кто бродит теперь по большой трясине, так как и твердая земля становится топью. Я попал на черную вершину, на которой заметил в ту ночь одинокого человека, и оттуда стал всматриваться в мрачное пространство, расстилавшееся подо мною. Потоки дождя омывали бурые холмы, и тяжелые свинцовые тучи низко нависли над болотом и тянулись в виде серых гирлянд по их склонам. Далеко налево, между двух холмов, наполовину скрытые туманом, поднимались над деревьями две тоненькие башенки Баскервиль-холла. Они были единственными видимыми для меня признаками человеческой жизни, помимо доисторических хижин, густо разбросанных по склонам холмов. Нигде не было видно и признаков того человека, которого я видел на этом самом месте за две ночи перед тем.

Когда я возвращался домой, меня обогнал доктор Мортимер, ехавший в кабриолете по неровной болотной дорожке, ведущей к отдаленной Фаулмайрской ферме. Доктор был очень

внимателен к нам, и не проходило дня, чтобы он не заезжал в холл узнать, как мы поживаем. Он настоял на том, чтобы я сел в его кабриолет, и довез меня до дому. Он был очень огорчен исчезновением своего спаниеля; собачка побежала на болото и не возвращалась оттуда. Я утешал его, как умел, но подумал о пони в Гримпенской трясине и подумал, что он никогда больше не увидит своей собачки.

– Кстати, Мортимер, – сказал я, пока мы тряслись по болотной дорожке, – полагаю, что немного в этой местности людей, которых бы вы не знали.

– Вряд ли найдется хоть один такой человек.

– Так не можете ли вы мне назвать женщину, имя и фамилия которой начинаются на Л.?

Он подумал и сказал:

– Нет. Тут есть несколько цыган и рабочих, имен которых я вам не могу назвать, но между фермерами и интеллигентными людьми нет ни одного, имя и фамилия которого начинались бы на Л. Впрочем, подождите, – прибавил он, помолчав, – есть Лаура Ляйонс, но она живет в Кумб-Трасей.

– Кто она такая? – спросил я.

– Дочь Франкланда.

– Что? Старого маньяка Франкланда?

– Именно. Она вышла замуж за художника Ляйонса, который приезжал рисовать эскизы на болоте. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем, говорят, что следует винить обе стороны. Отец отказался от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть, и по другим причинам. Бедной женщине плохо пришлось между старым и молодым грешниками.

– Чем она живет?

– Я думаю, что старик дает ей на пропитание, но не более, так как его дела очень плохи. Но, чего бы она ни заслужила, все таки нельзя было допустить, чтобы она плохо кончила из-за отсутствия помощи. Ее история стала тут известной, и несколько человек приняли в ней участие, желая дать ей возможность честно зарабатывать свой хлеб. То были Стэплтон и сэр Чарльз, да и я внес свою лепту, чтобы приобрести ей пишущую машинку и пристроить к делу.

Мортимер желал узнать цель моих расспросов, но мне удалось удовлетворить его любопытство, не высказав слишком много, потому что излишне нам вмешивать кого бы то ни было в наши дела. Завтра утром я доберусь до Кумб-Трасей и, если мне удастся увидеть эту сомнительной репутации Лауру Ляйонс, я сделаю крупный шаг к выяснению одного инцидента в этой цепи тайн. Я, без сомнения, приобретаю змеиную мудрость, потому что, когда Мортимер уж очень стал притеснять меня вопросами, я спросил его, к какому типу принадлежит череп Франкланда, после чего в продолжение всего остального пути слышал только о краниологии. Недаром же я прожил столько лет с Шерлоком Холмсом.

Мне остается передать еще один только инцидент, имевший место в этот ненастный печальный день, а именно разговор с Бэрримором, давший мне крупную карту в руки.

Мортимер остался обедать, а после они с баронетом сели играть в экарте. Дворецкий принес мне кофе в библиотеку, и я этим воспользовался, чтобы задать ему несколько вопросов.

– Скажите, – начал я, – ваш драгоценный родственник уехал или все еще прячется там?

– Не знаю, сэр. Я надеюсь всей душою, что он уехал, потому что он принес сюда с собою одно только горе! Я ничего не слыхал о нем с тех пор, как отнес ему в последний раз пищу, а это было три дня тому назад.

– Видели вы его тогда?

– Нет, сэр, но когда в следующий раз я пошел туда, то пища исчезла.

– Так он, наверное, там был?

– Так можно думать. Или ее взял другой человек.

Я не донес чашки до рта и уставился на Бэрримора.

– Так вы знаете, что там есть другой человек?

– Да, сэр, на болоте есть другой человек.

– Видели вы его?

– Нет, сэр.

– Так почему вы знаете о его существовании?

– Сельден сообщил мне о нем с неделю или больше тому назад. Он тоже прячется, но, насколько я понял, он не беглый преступник. Мне это не нравится, доктор Ватсон, говорю вам откровенно, не нравятся мне это.

Он выговорил это со страстной серьезностью.

– Слушайте, Бэрримор. В этом деле у меня нет другого интереса, кроме интереса вашего господина. Я приехал сюда с единственной целью ему помочь. Так скажите мне чистосердечно, что вам не нравится?

Бэрримор колебался несколько мгновений, как будто он раскаивался в своей вспышке или затруднялся словами выразить свои чувства.

– Все, что тут творится, сэр! – воскликнул он, наконец, указывая рукою по направлению к залитому дождем окну, выходящему на болото. – Где-то завелась нечистая игра, и заваривается какая-то гадость, за это я готов поручиться! Как я был бы рад, если бы сэр Генри собрался обратно в Лондон.

– Но что же так пугает вас?

– Вспомните смерть сэра Чарльза! Это было достаточно скверно, чтобы там ни говорил следователь. Вспомните о ночных шумах, происходящих на болоте! Не найдется человека, который согласился бы пройти через него после захода солнца, хотя бы ему и заплатили за это. Подумайте о незнакомце, который прячется там, караулит и ждет! Чего он ждет? Что это значит? Это не предвещает ничего хорошего для всякого, носящего фамилию Баскервиль, и я буду очень рад освободиться от всего этого, когда новые слуги сэра Генри будут готовы принять от меня заботы о холле.

– Но не можете ли вы мне сказать что-нибудь об этом незнакомце? – спросил я. – Что говорил Сельден? Узнал ли он, где он прячется и что делает?

– Сельден видел его раза два. Сперва думал, что он принадлежит к полиции, но затем увидел, что тот ведет свою собственную игру. Он нечто вроде джентльмена, но что там делает, Сельден не мог узнать.

– А где он живет?

– В развалинах на склоне холма, в каменных хижинах, которые служили жилищем древнему народу.

– Ну, а как же насчет пищи?

– Сельден узнал, что он добыл себе мальчика, который работает на него и приносит ему все, что нужно, из Кумб-Трасей.

– Прекрасно, Бэрримор. Мы сможем поговорить об этом подробнее в другой раз.

Когда дворецкий ушел, я подошел к темному окну и посмотрел через забрызганное стекло на несущиеся тучи и раскачиваемые бурей деревья. Ночь ужасная, и что должно твориться в каменной хижине на болоте? Какая страстная ненависть может заставить человека

прятаться в таком месте в такое время? Или какая глубоко серьезная цель вызывает его на такой подвиг? Там, в хижине на болоте, находится, по-видимому, самая суть задачи, столь тяжело заботящая меня. Клянусь, что не пройдет дня, как я сделаю все, что только может сделать человек для того, чтобы добраться до самого сердца тайны.

XI. Человек на горе

В извлечении из моего дневника, составившем последнюю главу, рассказ доведен до 18-го октября, когда эти странные события стали быстро двигаться к их ужасному заключению. Инциденты последующих немногих дней неизгладимо запечатлены в моей памяти, и я могу их передать, не прибегая к заметкам, сделанным в то время. Итак, я начинаю с того дня, в который мне удалось установить два важных факта: первый, что Лаура Ляйонс из Кумб-Трасей писала сэру Чарльзу Баскервиллю и назначила ему свидание на том самом месте и в тот самый час, когда его поразила смерть, и второй, что скрывающегося на болоте человека можно найти между каменными хижинами на склоне холма. Я сознавал, что если, обладая этими двумя фактами, мне не удастся пролить свет в этих темных местах, то, значит, у меня не хватает или ума, или смелости.

Мне не удалось накануне вечером передать баронету то, что я узнал о миссис Ляйонс, потому что он засиделся с доктором Мортимером за картами до поздней ночи. За завтраком же я сообщил ему о своем открытии и спросил, не желает ли он сопровождать меня в Кумб-Трасей. Сначала ему очень хотелось ехать со мною, но, по здравому обсуждению, мы оба решили, что если я поеду один, то достигну лучших результатов. Чем больше мы придадим формальности нашему визиту, тем меньше мы добудем сведений. А потому я покинул сэра Генри не без некоторого утрызения совести и отправился на свои новые изыскания.

Когда я доехал до Кумб-Трасей, то приказал Перкинсу поставить лошадей в конюшню и пошел наводить справки о даме, которую приехал допрашивать. Я без труда нашел ее квартиру, которая находилась в центре и была хорошо обставлена. Девушка ввела меня без всяких церемоний, и когда я вошел в комнату, то дама, сидевшая за машинкой «Ремингтон», вскочила с приветливой улыбкой на устах. Но лицо ее тотчас же стало серьезным, когда она увидела перед собою незнакомца и, усевшись снова перед машинкой, спросила меня о цели моего визита. Первое впечатление, производимое миссис Ляйонс, было то, что она в высшей степени красива. Глаза и волосы у нее были одного и того же каштанового цвета, а на щеках, хотя и значительно усеянных веснушками, играл прелестный румянец, свойственный брюнеткам. Повторяю, что первое впечатление, произведенное ею, было восхищение. Но по второму взгляду уже хотелось ее критиковать. В ее лице было что-то неопределенно неприятное, может быть, некоторая грубость выражения или жесткость взгляда, которые искажали совершенную красоту. Но обо всем этом я подумал впоследствии. В ту же минуту я просто сознавал, что нахожусь перед очень красивой женщиной, и что она спрашивает меня о цели моего визита. Я до тех пор не отдавал себе полного отчета в том, насколько моя миссия была деликатной.

— Я имею удовольствие быть знакомым с вашим отцом, — сказал я.

Это вступление было крайне неуместно, и дама дала мне это почувствовать.

— Ничего нет общего между моим отцом и мною, — сказала она. — Я ничем ему не обязана, и его друзья не мои друзья. Если бы не покойный сэр Чарльз Баскервиль и другие добрые сердца, я умерла бы с голода при заботах моего отца.

Письма

Многие читатели верили в реальное существование Шерлока Холмса и стали посылать письма по адресу Бейкер-стрит, 221б, который был указан в рассказах Конан Дойла. Первый текст такого рода в 1890 году написал торговец табаком из Филадельфии: он интересовался, где найти монографию Холмса о 140 видах табачного пепла, упомянутую в одном из рассказов. На Бейкер-стрит дома 221б тогда еще не было – за номером 85 начиналась площадь Йорк-плейс. Поэтому письма доставляли на квартиру Конан Дойла.

Когда в 1930-х годах Бейкер-стрит продлили, дома под нечетными числами, от 219-го до 229-го, достались банку Abbey Road. Дома 221б все еще не существовало, но письма от почитателей великого сыщика стали пачками приходить в почтовый ящик дома 221. На рубеже 1940–1950-х годов банк даже утвердил должность секретаря, который должен был разбирать корреспонденцию и отвечать на письма, написанные Холмсу школьниками, студентами, полицейскими, учеными, адвокатами и другими читателями. Многие обращались к Холмсу не только, чтобы выразить свое восхищение его талантами детектива, но за помощью и советом, полагая, что пишут реальному человеку, а не вымышленному персонажу. В ответах секретарь сообщал, что сыщик вышел на пенсию, и теперь он разводит пчел в графстве Сассекс.

В 1985 году исследователь творчества Конан Дойла Ричард Ланселин Грин опубликовал подборку писем Холмсу. Ниже приводятся некоторые из них.

Дорогой мистер Холмс! Прежде всего, я хочу сказать, что мой английский не очень хороший, я делаю много ошибок, но надеюсь, Вы все поймете. А теперь о моей проблеме: я испробовала уже все возможные способы, чтобы заполучить автограф Марка Алмонда (он солист Soft Cell, английской группы, и он очень-очень симпатичный и очень мне нравится), но все впустую. Я прошу Вас помочь мне, мистер Холмс, – молодой девушке, которая в абсолютном отчаянии и мечтает об автографе ее идеального мужчины.

Не могли бы Вы раздобыть для меня адрес, по которому можно обратиться за автографом? К сожалению, я не могу позволить себе заплатить Вам за эту услугу, но я надеюсь, что Вы все же согласитесь помочь.

С наилучшими пожеланиями Аня Гиртайт. Билефельд, Западная Германия

Дорогой мистер Холмс, какое-то время назад я начал коллекционировать свиней, нарисованных известными людьми, и недавно мне подсказали, что и Вы могли бы согласиться прислать свой рисунок. Если Вы не против, то я попросил бы Вас закрыть глаза, нарисовать свинью – и открыть их, уже чтобы поставить подпись. Надеюсь, это не слишком самонадеянная просьба. Я буду очень ждать Вашего рисунка, чтобы повесить его на стену среди всех остальных: когда-нибудь я их опубликую.

Искренне Ваш Колин Блэк. Патни, Лондон

– Я пришел к вам по поводу покойного сэра Чарльза Баскервиля.
Веснушки выступили на ее лице.

– Что могу я вам сказать о нем? – спросила она, и пальцы ее нервно задвигались по клавишам машинки.

– Вы были с ним знакомы, не правда ли?

– Я уже сказала вам, что много обязана его доброте. Если я в состоянии сама содержать себя, то этим в большей степени обязана участию, которое он принял в моем печальном положении.

– Находились ли вы с ним в переписке?

Женщина бросила вверх быстрый сердитый взгляд.

– Какая цель этих расспросов? – резко спросила она.

– Цель их – избежать публичного скандала. Лучше вам ответить на них здесь, чем допустить, чтобы дело получило огласку.

Она молчала и сильно побледнела. Наконец, подняла голову и сказала смело и вызывающе:

– Хорошо, я буду отвечать. В чем заключаются ваши вопросы?

– Переписывались вы с сэром Чарльзом?

– Я, конечно, раза два писала ему, чтобы выразить свою признательность за его деликатность и щедрость.

– Помните вы числа, в которые писали эти письма?

– Нет.

– Встречались вы когда-нибудь с ним?

– Раза два, когда он приезжал в Кумб-Трасей. Он был очень скромен и предпочитал делать добро втайне.

– Но если вы виделись с ним так редко и писали ему так редко, то как же мог он настолько быть ознакомленным с вашими делами, чтобы приходить вам на помощь, как вы это рассказываете?

Она с готовностью ответила:

– Несколько человек знали мою грустную историю, и они соединились для того, чтобы помочь мне. Один из них – мистер Стэплтон, сосед и друг сэра Чарльза. Он чрезвычайно добр, и через него сэр Чарльз узнал о моих делах...

Я знал, что сэр Чарльз Баскервиль избирал в нескольких случаях Стэплтона для роли раздавателя его милостыни, а потому слова Лауры Ляйонс показались мне правдивыми.

– Не писали ли вы когда-нибудь сэру Чарльзу, назначая ему свидание? – продолжал я. Миссис Ляйонс покраснела от гнева.

– Поистине, сэр, это крайне странный вопрос!

– Мне очень жаль, сударыня, но я должен его повторить.

– Ну, так я отвечаю: конечно, нет.

– И даже не писали в самый день смерти сэра Чарльза?

Румянец сбежал с ее лица, и его покрыла смертельная бледность. Ее засохшие губы не могли произнести того «нет», которое я скорее видел, чем слышал.

– Несомненно, память изменяет вам, – сказал я. – Я могу даже цитировать одно место вашего письма: «Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов».

Я думал, что она упадет в обморок, но она сделала над собой страшное усилие и прошептала:

– Неужели на свете не существует ни одного джентльмена?

– Вы несправедливы к сэру Чарльзу. Он сжег письмо. Но иногда можно прочесть письмо, когда оно и сожжено. Теперь вы признаете, что написали его?

– Да, я написала его! – воскликнула она, облегчая свою душу потоком слов. – Я написала его. Зачем я стала бы отрицать это? Мне нет причины стыдиться этого. Мне хотелось, чтобы он мне помог. Я верила, что если бы мне удалось повидаться с ним, то я получила бы от него помощь, а потому и просила его прийти.

– Но почему в такой час?

– Потому что я только что узнала о его намерении уехать на другой день в Лондон на несколько месяцев. Были причины, по которым я не могла пойти туда раньше.

– Но зачем же было назначать свидание в саду вместо того, чтобы идти к нему в дом?

– Неужели вы думаете, что женщина может в такой час идти одна к холостому мужчине?

– Ну, так что же случилось, когда вы пришли туда?

– Я не пошла туда.

– Миссис Ляйонс!

– Нет, клянусь вам всем, что есть для меня святого, я туда не ходила. Случилось нечто такое, что помешало мне пойти.

– Что это было?

– Это частное дело. Я не могу сказать.

– Так вы признаете, что назначили свидание сэру Чарльзу в тот самый час и на том самом месте, где поразила его смерть, но отрицаете, что пошли на это свидание?

– Это истина.

Я снова закидал ее вопросами, но больше ничего не мог добиться.

– Миссис Ляйонс, – сказал я, вставая после этой длинной и ни к чему не приведшей беседы, – вы берете на себя очень большую ответственность и ставите себя в очень фальшивое положение, не желая высказать на чистоту все, что вам известно. Если мне придется прибегнуть к помощи полиции, то вы увидите, насколько вы серьезно скомпрометированы. Если вы невиновны, то почему же первоначально отрицали, что писали в этот день сэру Чарльзу?

– Потому что боялась, что из этого будет выведено какое-нибудь превратное заключение, и что я окажусь впутанной в скандал.

– А почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

– Если вы читали письмо, то знаете почему.

– Я не сказал, что читал все письмо.

– Вы цитировали часть его.

– Я цитировал постскрипtum. Письмо, как я вам сказал, было сожжено, и его нельзя было прочесть. Я вторично спрашиваю вас, почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил это письмо, полученное им в день его смерти?

– Это очень интимное дело.

– Тем более причин для того, чтобы избежать публичной огласки.

– Ну, так я вам скажу. Если вы слышали хоть что-нибудь из моей несчастной истории, то знаете, что я опрометчиво вышла замуж и имела причины в том раскаиваться.

– Да, это я слышал.

– Жизнь моя была одним сплошным преследованием со стороны мужа, которого я ненавижу. Закон на его стороне, и каждый день я могу опасаться, что он силой заставит меня жить вместе с собою. В то время, когда я писала сэру Чарльзу, я узнала, что есть для меня возможность приобрести свободу, если будут сделаны некоторые расходы. Это значило для меня все: мир душевный, счастье, самоуважение, решительно все. Мне знакома была щедрость сэра Чарльза, и я подумала, что если сама расскажу ему, в чем дело, он поможет мне.

– Так почему же вы не пошли на свидание?

– Потому что я вдруг получила помощь из другого источника.

– Почему же вы не написали сэру Чарльзу, чтобы объяснить ему все это?

– Я бы это сделала, если бы в следующее утро не узнала из газеты о его смерти.

История была связно рассказана, и все мои вопросы не могли сбить Лауру Ляйонс. Проверить же ее я мог только, если бы узнал, что она действительно затеяла развод с мужем в то время, когда совершилась трагедия.

Невероятно, чтобы она осмелилась сказать, что не была в Баскервиль Холле, если бы она там была, потому что ее должен был доставить туда экипаж, и она не могла вернуться в Кумб-Трасей ранее следующих первых утренних часов. Такая экскурсия не могла быть сохранена в тайне. Следовательно, вероятность была за то, что она говорила правду или часть правды. Я вышел сбитый с толку и смущенный. Снова очутился я у стены, которая точно вырастала на всяком пути, по которому я пытался добраться до цели моей миссии. А между тем, чем более я думал о Лауре Ляйонс и о ее поведении, тем более чувствовал, что от меня что-то было скрыто. Почему она так поблелдела? Почему она отрицала свой поступок, пока признание не было

силою вырвано у нее? Почему она молчала в то время, когда произошла трагедия? Конечно, объяснения всему этому не могли быть столь же невинными, как она хотела заставить меня думать. Пока я ничего не мог больше сделать в этом направлении и должен был приняться за другой ключ, который приходилось искать между каменными хижинами на болоте.

А это было очень неопределенное указание. Я убедился в этом, когда ехал назад и заметил, что множество холмов сохранили следы древнего народа. Единственным указанием Бэрримора было, что незнакомец живет в одной из этих покинутых хижин, а такие хижины разбросаны сотнями вдоль и поперек болота. Но мною руководили мои собственные сведения, так как я видел самого человека, стоявшего на вершине. Эта гора и будет, следовательно, цен-

тральным пунктом моих розысков. С этого пункта я обыщу каждую хижину, пока не нападу на обитаемую. Если человек будет находиться внутри нее, то я узнаю из его собственных уст при помощи своего револьвера, если понадобится, кто он такой, и зачем он так долго выслеживает нас. Он мог ускользнуть от нас в толпе Реджент-стрит, но на пустынном болоте это окажется позамысловатее. С другой стороны, если я найду хижину, а жильца ее не будет дома, то должен остаться в ней, сколько бы ни пришлось, пока он не вернется. Холмс упустил его в Лондоне. Поистине для меня будет триумфом, если я с успехом выйду из того, что не удалось моему учителю.

В наших изысканиях счастье отвернулось от нас, но теперь, наконец, оно пришло мне навстречу в лице мистера Франкланда, который стоял за воротами своего сада, выходящими на большую дорогу, по которой я ехал.

– Здравствуйтесь, доктор Ватсон! – воскликнул он необыкновенно весело. – Право, вам следует дать отдых лошадям и войти ко мне выпить стаканчик вина и поздравить меня.

После всего, что я слышал о его поступке с дочерью, мои чувства к нему были далеко не дружественными, но мне очень хотелось отправить Перкинса с экипажем домой, и для этого представлялся случай. Я вышел из экипажа, велел кучеру передать сэру Генри, что приду домой к обеду и последовал за Франкландом в его столовую.

– Сегодня великий для меня день, сэр, один из счастливейших в моей жизни! – воскликнул он со взрывом хохота. – Я вышел победителем из двух дел. Я намерен показать им, что закон – есть закон, и что существует человек, не боящийся взывать к нему. Я установил право проезда через самую середину парка старого Мидльтона, в ста ярдах от его собственной парадной двери. Что вы думаете об этом? Мы докажем этим магнатам, черт их побери, что они не могут попираць прав общины! И я закрыл доступ в лес, в котором народ из Фернворта имел обыкновение устраивать пикники. Этот дьявольский народ воображает, что не существует никаких прав собственности, и что он может повсюду кишеть со своими бумажками и бутылками. Оба дела решены, доктор Ватсон, и оба в мою пользу. У меня не было такого дня с тех пор, как я предал суду сэра Джона Морланда за то, что он стрелял в своем собственном заповедном лесу.

– Каким образом вы могли это сделать?

– А вот взгляните в книгу, сэр. Это стоит прочитать: Франкланд против Морланда, суд королевской скамьи. Это стоило мне 200 фунтов, но я добился вердикта в свою пользу.

– А принесло это вам что-нибудь?

– Ничего, сэр, ровно ничего. Я горжусь тем, что у меня не было никакого личного интереса в деле. Я действовал исключительно из сознания общественного долга. Я не сомневаюсь, например, что народ Фернворта предаст меня заочному сожжению сегодня ночью. В прошлый раз, когда это сделали, я сказал полиции, чтобы она остановила такие гнусные зрелища. Полиция графства обретается в позорном состоянии, и она не оказала мне защиты, на которую я имею право. Дело Франкланда против правительства обратит на это внимание общества. Я сказал им, что им придется раскаться в своем обращении со мною, и слова мои уже оправдываются.

– Каким образом? – спросил я.

Лицо старика приняло многозначительное выражение.

– Я мог бы им сообщить то, что им смертельно хочется узнать, но ничто не заставит меня прийти на помощь этим мерзавцам.

До сих пор я придумывал какой-нибудь предлог для того, чтобы уйти от его болтовни, но тут мне захотелось услышать побольше. Я достаточно был знаком с противоречивым характером старого грешника для того, чтобы сознавать, что всякое сильное изъяснение интереса способно остановить его дальнейшие сообщения.

– Вероятно, какое-нибудь браконьерское дело, – произнес я равнодушным тоном.

– Ха-ха, молодой человек, нечто гораздо более важное! Что, если это касается беглого преступника на болоте?

Я вздрогнул.

– Разве вы знаете, где он находится? – спросил я.

– Я, может быть, не знаю в точности, где он находится, но я уверен, что мог бы помочь полиции наложить на него руку. Разве вам никогда не приходило в голову, что самый лучший способ поймать этого человека – это узнать, как он добывает себе пищу, и таким образом выследить его?

Без сомнения, он неприятно близко подходил к истине.

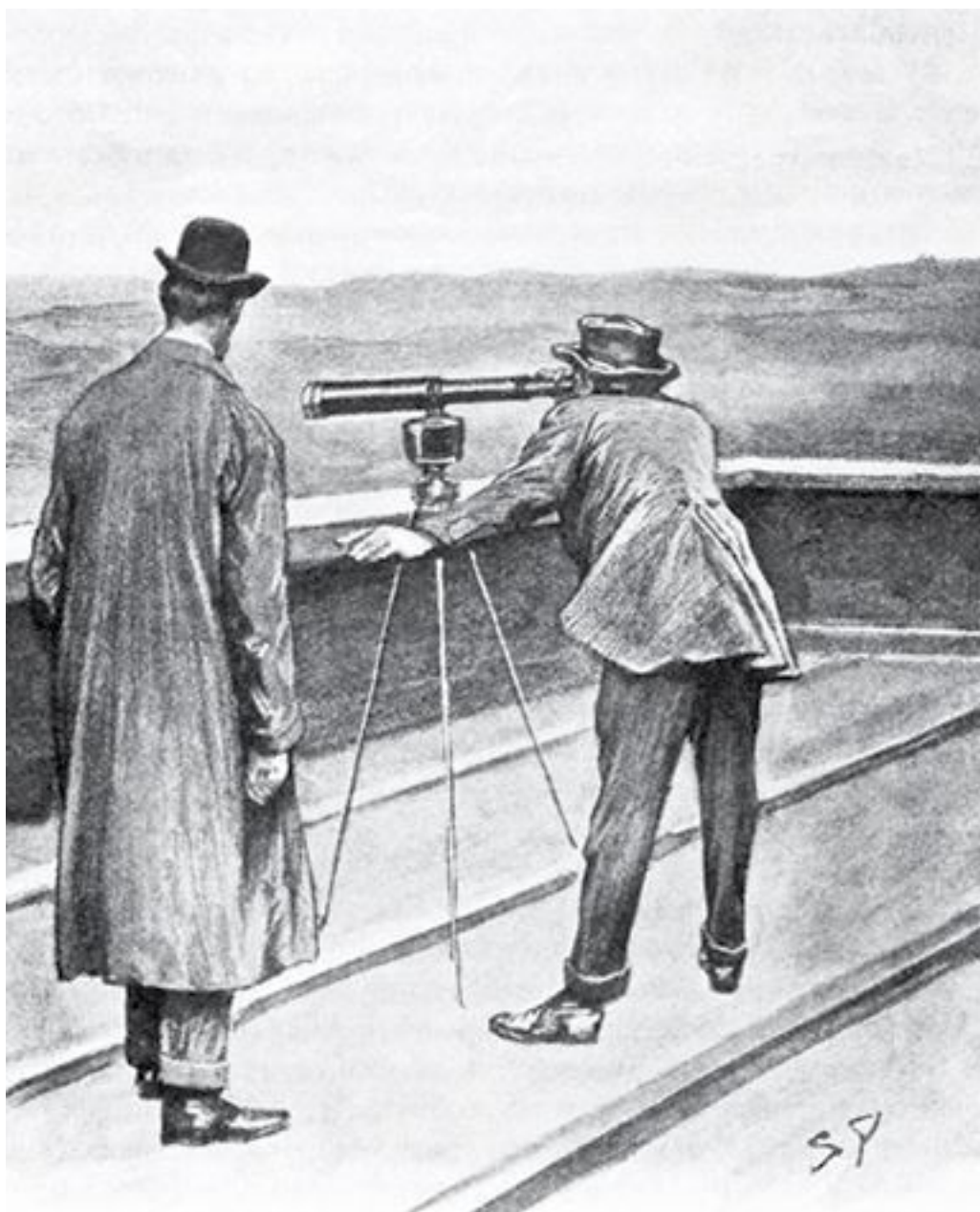
– Конечно, – сказал я. – Но почему вы знаете, что человек этот находится на болоте?

– Потому что собственными глазами видел того, кто носит ему пищу.

Сердце у меня дрогнуло за Бэрримора. Была не шутка попасть в руки этого злокозненного старого хлопотуна. Но следующие его слова облегчили мне душу.

– Вы удивитесь, когда узнаете, что пищу ему носит ребенок. Я ежедневно вижу его в телескоп с крыши своего дома. Он проходит по одной и той же тропинке в один и тот же час. А к кому же он может ходить, как не к преступнику?

Тут, действительно, мне посчастливилось! А между тем я подавил в себе всякое проявление интереса. Ребенок! Бэрримор сказал, что нашему незнакомцу служит мальчик. Итак, Франкланд напал на его след, а не на след преступника. Если бы он сообщил мне все то, что сам знает, то это избавило бы меня от продолжительной и утомительной охоты. Но недоверие и равнодушие были самыми сильными козырями в моих руках.

– Я бы сказал, что это, наверное, сын какого-нибудь пастуха на болоте носит обед своему отцу.

Малейшее противоречие воспаляло старого самодура. Он лукаво посмотрел на меня, и его седые усы ошетинились, как у разозлившейся кошки.

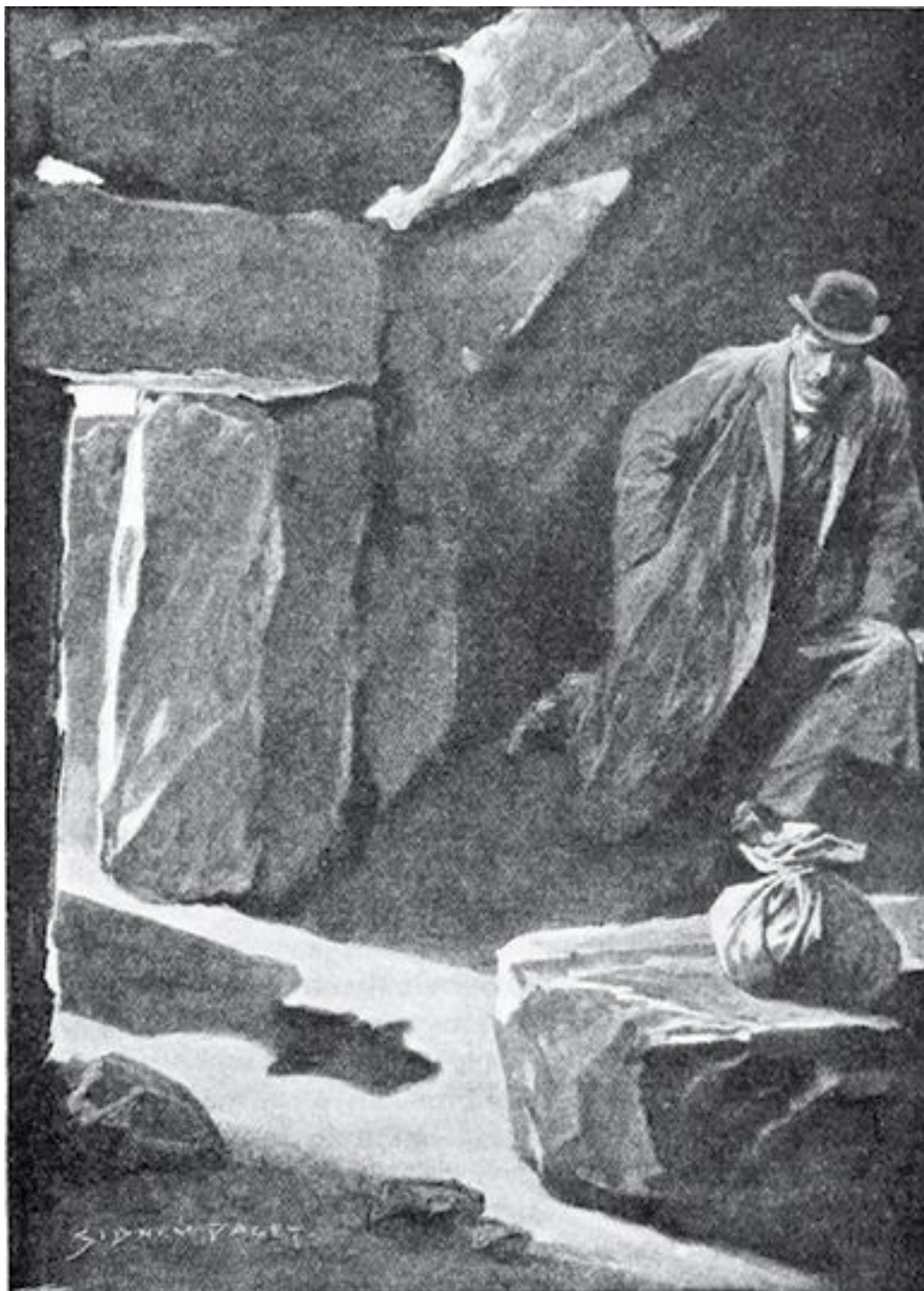
– Вы думаете, сэр! – воскликнул он, указывая на обширное пространство болота. – Видите вы низкий холм с терновыми кустами? Это самая каменистая часть на всем болоте. Неужели пастух избрал бы для себя такое место? Ваши догадки, сэр, нелепы.

Я кротко возразил, что говорил, не зная всех фактов. Моя покорность понравилась ему и заставила его больше довериться мне.

– Поверьте, сэр, что у меня всегда очень хорошие основания для вывода заключения. Я много раз видел мальчика с узелком. Каждый день, а иногда и два раза в день, я мог... Но постойте, доктор Ватсон, обманывают ли меня мои глаза или что-то шевелится на склоне холма?..

Это было в нескольких милях от нас, но я ясно видел маленькую черную точку, выделяющуюся на монотонном сером фоне.

– Идем, идем! – воскликнул Франкланд, бросаясь на лестницу. Вы увидите собственными глазами и сами рассудите.

Телескоп, громадный инструмент, поставленный на треножнике, стоял на плоской крыше. Франкланд приложил к нему глаз и издал возглас удовольствия.

– Скорее, доктор Ватсон, скорее, пока он не спустился за холм.

Без сомнения, я увидел его, мальчугана с узелком на плече, тихо карабкавшегося по холму. Когда мальчуган достиг вершины, то я увидел его растрепанную, странную фигуру,

обрисовавшуюся на одно мгновение на холодном голубом небе. Он украдкой оглянулся, как человек, страшющийся преследования, и затем исчез за холмом.

– Ну! Не прав ли я?

– Без сомнения, это мальчик, которому поручено какое-то тайное дело.

– А в чем заключается поручение, может угадать даже здешний полицейский. Но я не скажу им ни одного слова и обязываю и вас, доктор Ватсон, сохранить тайну. Ни слова! Понимаете?

– Как вы желаете.

– Они постыдно поступили со мной, говорю вам – постыдно. Когда обнаружатся факты в деле «Франкланд против правительства», то смею думать, что вся страна содрогнется от негодования. Ничто не может заставить меня помочь полиции чем бы то ни было! Ей больше всего хотелось бы, чтобы эти негодяи сожгли меня самого вместо моего изображения. Неужели вы уходите? Помогите мне опорожнить графин в честь такого великого события.

Но я устоял против всех его просьб, и мне удалось отговорить его от высказанного им намерения проводить меня домой. Я шел по дороге, пока он видел меня, а затем бросился по болоту к каменистому холму, за которым исчез мальчик. Все было в мою пользу, и я поклялся, что если упущу этот счастливый случай, то это произойдет не от недостатка энергии и настойчивости.

Солнце уже садилось, когда я достиг вершины холма, и склоны его были с одной стороны золотистыми, а с другой темно-серыми. Туман низко спускался на дальнюю линию горизонта, и из него выступали фантастические очертания Белливер-тора и Виксен-тора. Над всем обширным пространством не слышно было ни звука, не видно было никакого движения. Только большая серая птица, чайка или каравайка, парила высоко под голубым небом. Она и я казались единственными живыми существами между громадным небесным сводом и пустыней под ним. Голая местность, ощущение одиночества, таинственность и ответственность моей задачи, – все это наполняло холодом мое сердце. Мальчика нигде не было видно. Но внизу, подо мною, в ущелье между холмами находился круг древних каменных хижин, а на одной из них сохранился достаточный кусок крыши для того, чтобы служить защитой от непогоды. Сердце мое забилося от радости. Эта нора и должна быть та, в которой прячется незнакомец. Наконец-то нога моя ступила на порог его убежища; его тайна была в моих руках.

Подходя к хижине так же осторожно, как Стэплтон подходит со своею сеткой к сидящей бабочке, я с удовольствием увидел, что местом этим кто-то пользовался, как жилищем. Едва заметная тропинка, проложенная между валунами, вела к разрушенному отверстию, служившему дверью. Внутри царил безмолвие. Незнакомец, может быть, прячется здесь, а может быть, он шатается по болоту. Мои нервы были напряжены от ожидания приближающихся приключений. Бросив папиросу, я опустил руку в карман, в котором находился револьвер и, быстро подойдя к двери, заглянул в нее. Хижина была пуста.

Но в ней находилось достаточно доказательств тому, что я попал не на ложный след. Без сомнения, тут жил человек. Несколько свернутых одеял лежало на той самой каменной плите, на которой когда-то спал древний человек. В простой решетке лежала куча золы. Рядом находилось несколько кухонных принадлежностей и ведро, наполовину наполненное водою. Куча пустых жестянок доказывала, что место это было занято уже некоторое время и, когда глаза мои освоились с полусветом, я увидел в углу чашечку и бутылочку, наполовину наполненную водкой. Посреди хижины плоский камень служил столом, а на нем лежал небольшой узелок, тот самый, без сомнения, который я видел в телескоп на плече мальчика. Он содержал целый хлеб, жестянку с языком и две жестянки с консервами персиков. Когда я, осмотрев узел, положил его на место, то сердце мое вздрогнуло от радости; я увидел под узлом клочок бумаги, на котором что-то было написано. Я взял его и вот что прочел:

«Доктор Ватсон отправился в Кумб-Трасей».

Я стоял с бумажкой в руке, не понимая значения написанного на ней. Так, значит, этот таинственный человек отслеживает меня, а не сэра Генри. Он не сам следил за мною, а отрядил агента (может быть, мальчика) ходить по моим следам. Может быть, я не сделал до сих пор ни одного шага на болоте без того, чтобы за ним не проследили. Все еще чувствовалось присутствие какой-то невидимой силы, тонкой сети, протянутой вокруг нас с изумительным искусством и держащей нас так легко, что только в самые последние моменты мы чувствовали, что попались в нее.

Если нашлось одно донесение, то могли быть тут и другие, и я стал обыскивать хижину. Однако, я не нашел больше никакой бумажки, а также никаких знаков, по которым мог бы узнать характер и намерения человека, живущего в этом оригинальном месте, кроме разве того, что у него были спартанские привычки, и что он мало заботился о комфорте. Когда я подумал о проливных дождях и посмотрел на дырявую крышу, то понял, насколько должен быть силен мотив, удерживающий его в этом негостеприимном жилище. Кто он такой: наш злокозненный враг или, пожалуй, ангел-хранитель? Я поклялся, что не покину хижины, пока не узнаю этого.

Солнце было очень низко, и запад горел пурпуром и золотом. Отдаленные лужи Большой Гримпенской трясины отражали солнце большими красными пятнами. Виднелись две башни Баскервиль-холла, и отдаленная дымка указывала на селение Гримпен. Между этими двумя местностями, за холмом, был дом Стэплтона. Все было мягко, нежно и мирно при золотистом вечернем освещении, но душа моя не гармонировала с мирною природою: она трепетала от неизвестности и страха перед свиданием, которое приближалось с каждою секундою. С натянутыми нервами, но с определенным намерением, я сидел в темном уголку хижины и с мрачным терпением ожидал прихода ее хозяина.

Наконец, я услышал шаги. Издалека раздался резкий звук сапога по камню. Затем послышался другой, третий, и шаги стали приближаться. Я отклонился в самый темный угол и взялся за курок револьвера в кармане, решив не выдавать своего присутствия, пока мне не удастся увидеть незнакомца. Шаги умолкли. Значит, он остановился. Затем они снова стали приближаться, и тень упала в отверстие хижины.

– Прелестный вечер, дорогой Ватсон, – произнес хорошо знакомый голос. – Право, я думаю, что вам будет приятнее выйти на воздух, чем сидеть в хижине.

ХII. Смерть на болоте

Дыхание сперлось у меня в груди, я не доверял своим ушам. Наконец, ко мне вернулись сознание и голос, и вместе с тем я почувствовал, как будто в одно мгновение с моей души снята подавляющая тяжесть. Этот холодный, внушительный, иронический голос мог принадлежать только одному человеку на свете.

– Холмс! – воскликнул я. – Холмс!

– Выходите, – сказал он, – и, пожалуйста, поосторожнее с револьвером.

Я переступил порог и увидел его сидящим на камне, его серые глаза забавно прыгали, видя мое удивление. Умное лицо, загоревшее и обветренное, было худо и осунулось, но выглядело ясным и бодрым. В парусиновом костюме и в мягкой шляпе, он имел вид туриста на болоте и даже умудрился, благодаря своей характерной кошачьей любви к чистоплотности, иметь в совершенстве выстиранное белье и гладко выбритый подбородок, точно он не выезжал из Бейкер-стрит.

– В жизни своей не бывал я никому более рад, – сказал я, крепко сжимая ему руку.

– Или более удивлен, а?

– Признаюсь и в этом.

– Не вы одни были удивлены, уверяю вас. Пока я не очутился шагах в двадцати от этой хижины, мне и в голову не приходило, чтобы вы отыскиали мое случайное убежище, а еще менее, что вы сами сидите в нем.

– Вы узнали о моем присутствии по следам?

– Нет, Ватсон. Сомневаюсь, чтобы я мог отличить след вашей ноги от следов всех остальных людей на свете. Если вы серьезно пожелаете меня обмануть, то перемените своего поставщика папирос, потому что, когда я вижу окурки с этикеткой Брайден, Оксфорд-стрит, то знаю, что мой друг Ватсон находится поблизости. Он там лежит у тропинки. Вы его бросили в тот торжественный момент, когда пошли приступом на пустую хижину.

– Совершенно верно.

– Я так и думал, и, зная вашу удивительную настойчивость, был убежден, что вы устроились в засаде с оружием наготове в ожидании постояльца. Итак, вы в самом деле думали, что я-то и есть злодей.

– Я не знал, кто вы такой, но твердо решил все узнать.

– Чудный Ватсон! А как вы выследили меня? Может быть, вы видели меня в ночь погони за беглым каторжником, когда я имел неосторожность допустить, чтобы луна взошла позади меня?

– Да, я видел вас тогда.

– И, без сомнения, обыскиали все хижины, прежде чем добраться до этой?

– Нет, ваш мальчик был замечен, и это дало мне руководящую нить.

– Замечен, конечно, тем стариком с телескопом. Я узнал об этом только тогда, когда в первый раз увидел свет, отраженный от объектива.

Холмс встал и заглянул в хижину.

– А, я вижу, что Картрайт принес мне кое-какие запасы. Что это за бумага? Так, значит, вы были в Кумб-Трасей?

– Да.

– Чтобы повидаться с миссис Лаурой Ляйонс?

– Именно.

– Прекрасно сделали. Наши расследования шли, очевидно, параллельно, и когда мы подведем итоги достигнутых нами результатов, то, надеюсь, будем хорошо ознакомины с обстоятельствами дела.

– Что касается меня, то я от души рад, что вы здесь, потому что, право, моим нервам больше не под силу выносить эту таинственность. Но скажите, Бога ради, как вы-то сюда попали и что вы тут делали? Я думал, что вы находитесь на Бейкер-стрите, занятые тем шантажным делом.

– Я именно и хотел, чтобы вы это думали.

– Так вы даете мне ответственное поручение и вместе с тем не доверяете мне! – воскликнул я с оттенком горечи. – Я думал, Холмс, что заслужил лучшего.

– Милый друг, вы были неоценимы для меня как в этом, так и во многих других случаях, и прошу вас простить меня, если я как будто сыграл с вами штуку. Я приехал сюда, чтобы лично разобраться в деле, потому что взвесил, в какой вы находитесь здесь опасности. Если бы я жил вместе с вами и сэром Генри, то, очевидно, что у меня была бы та же точка зрения, что у вас, и мое присутствие заставило бы наших крайне опасных врагов быть настороже. Теперь же я могу свободно прохаживаться и остаюсь неизвестным фактором в деле, готовый кинуться в него всей своей тяжестью в критический момент.

– Но зачем было оставлять меня в потемках?

– Если бы вы знали о моем приезде, это не принесло бы нам пользы, а между тем, мое присутствие здесь могло бы быть открыто. Вы бы захотели сообщить мне что-нибудь или же, по своей доброте, доставить мне какое-нибудь облегчение, а это – совершенно бесполезный риск. Я привез с собою Картрайта, помните, того мальчугана из конторы комиссионеров, и он заботился об удовлетворении моих несложных потребностей: ломте хлеба и чистом воротничке. Что еще нужно человеку? Он доставил мне лишнюю пару глаз и пару очень проворных ног, и обе эти пары были неоценимы.

– Так, значит, все мои донесения пропали даром!

Мой голос задрожал, когда я припомнил труд и гордость, с какими я их составлял.

Холмс вынул из кармана сверток бумаг.

– Вот ваши донесения, дорогой друг, и они старательно перечитаны, уверяю вас. Я прекрасно устроился относительно их получения, и они запаздывали всего на один день. Должен отдать вам честь в крайнем рвении и разумности, какую вы выказали в этом необыкновенно трудном деле.

Я никак еще не мог переварить тот факт, что Холмс обманывал меня, но теплота его похвал угасила мой гнев. В глубине сердца я чувствовал, что он был прав, и что для нашей цели было лучше мне не знать об его присутствии на болоте.

– Так-то лучше, – сказал он, видя, что тень сбежала с моего лица. – А теперь расскажите мне о результате вашего визита к миссис Лауре Ляйонс. Мне не трудно было догадаться, что вы направились именно к ней, так как мне уже известно, что она единственная в Кумб-Трасей личность, которая может быть нам полезна. Дело в том, что если бы вы не поехали туда сегодня, то весьма вероятно, что завтра я сам отправился бы к ней.

Солнце село, и сумерки спустились на болото. В воздухе почувствовалась свежесть, и мы вошли погреться в хижину. Тут я рассказал Холмсу о своем разговоре с Лаурой Ляйонс. Он им так заинтересовался, что некоторые его части я должен был повторить.

– Очень важное сообщение, – сказал он, когда я кончил. – Оно заполняет в этом крайне сложном деле пробел, который я никак не мог перешагнуть. Не убедились ли вы, что между этой дамой и Стэплтоном существуют тесные отношения?

– Я ничего о них не знаю.

– В них нельзя сомневаться. Они встречаются, переписываются, между ними полное согласие. Ну, а это даст нам в руки очень сильное оружие. Если бы я мог только употребить его на то, чтобы отвлечь его жену...

– Его жену?

– Теперь я сообщаю вам новости в ответ на полученные от вас сведения. Дама, слывшая здесь за мисс Стэплтон, в действительности его жена.

– Господи, Боже мой, Холмс! Уверены ли вы в этом? Как мог он допустить, чтобы сэр Генри влюбился в нее?

– То, что сэр Генри влюбился, не могло повредить никому, кроме как сэру Генри. Вы же сами заметили, что Стэплтон всячески старался, чтобы сэр Генри не ухаживал за нею. Говорю вам, что она его жена, а не сестра.

– Но для чего такой обман?

– Потому что он предвидел, что она будет гораздо полезнее для него в роли свободной женщины.

Все мои неясные предчувствия, мои смутные подозрения внезапно облеклись в форму и сосредоточились на натуралисте. В этом бесстрастном, безцветном человеке, в соломенной шляпе и с сеткою для ловли бабочек, мне почудилось ужасное существо, одаренное бесконечным терпением и хитростью, существо с улыбающимся лицом и сердцем убийцы.

– Так, значит, это он наш враг, это он следил за нами в Лондоне?

– В этом смысле я читаю загадку.

– А предостережение исходило, вероятно, от нее?

– Именно.

Сквозь мрак, так долго окружавший меня, проглядывал полу видимый, полу отгадываемый образ какой-то чудовищной низости.

– Но уверены ли вы в этом, Холмс? Как вы узнали, что эта женщина – его жена?

– Потому, что он так увлекся, что передал вам правду об одной части своей автобиографии, когда в первый раз встретился с вами, и полагаю, что затем он не раз жалел об этом. Он был школьным учителем в Северной Англии. Ну, а нет ничего легче, как добыть сведения об учителе. Есть школьные агентства, через которые можно удостовериться в личности любого человека, когда-либо занимавшегося этой профессией. Благодаря небольшой справке, я узнал, что одна школа претерпела несчастье при ужасных обстоятельствах и что виновник их (имя было другое) исчез вместе со своей женою. Описания учителя и его жены вполне подходят к приметам Стэплтонов. Когда же я узнал, что исчезнувший человек – энтомолог, то уже не мог больше сомневаться.

Мрак рассеялся, но многое еще оставалось в тени.

– Если эта женщина его жена, то причем тут Лаура Ляйонс? – спросил я.

– Это один из пунктов, на который ваши расследования пролили свет. Ваше свидание с дамою очень выяснило положение. Я ничего не знал о проектируемом разводе между Лаурой и ее мужем. Считая Стэплтона холостым, она, без сомнения, рассчитывает выйти за него замуж.

– А когда она узнает правду?..

– Тогда дама может оказаться полезною для нас. Нужно нам обоим завтра повидаться с нею. Не находите ли вы, Ватсон, что вы уже слишком давно покинули свои обязанности? Ваше место в Баскервиль-холле.

На западе исчез последний румянец заката, и ночь воцарилась на болоте. Несколько звездочек заблестело на фиолетовом небе.

– Еще один вопрос, Холмс, – сказал я, вставая. – Между нами не может быть, конечно, секретов. Что все это значит? Что ему нужно?

Холмс ответил пониженным голосом:

– Убийство, Ватсон. Утонченное, хладнокровно обдуманное убийство. Не спрашивайте у меня подробностей. Я затягиваю его в свои сети точно так же, как он затягивает сэра Генри, и при вашей помощи он уже почти в моей власти. Тут угрожает нам одна только опасность: опасность, что он нанесет удар прежде, чем мы будем готовы нанести ему свой удар. Еще день или два, не больше, и у меня в руках будет законченное дело, а до тех пор берегите вверенного вам человека так же неотступно, как мать бережет своего больного ребенка. Сегодняшняя ваша миссия сама себя оправдала, а между тем, я почти жалею о том, что вы покинули его... Слышите!

Ужасающий крик. Среди тишины болота пронесся стон, долго не умолкавший стон предсмертного ужаса. От этого страшного крика кровь застыла в моих жилах.

– О, Боже мой! Что это такое? Что это значит? – воскликнул я, задыхаясь.

Холмс вскочил на ноги, и я увидел у входа его темную, атлетическую фигуру со сгорбленными плечами и наклоненною вперед головою, как бы стремившейся проникнуть взором в темноту ночи.

– Ш-ш! – шепнул он, – Ш-ш!

Слышанный нами крик был громкий благодаря его силе, но исходил он откуда-то издалека. Теперь же он доходил до наших ушей все ближе, громче, настоятельнее.

– Откуда это? – шептал Холмс.

И я слышал по дрожанию его голоса, что он, железный человек, был потрясен до глубины души.

– Откуда это, Ватсон?

– Кажется, оттуда, – ответил я, указывая в темноту.

– Нет, с этой стороны.

Снова предсмертный крик огласил безмолвную ночь громче и гораздо ближе, чем прежде. К этому крику присоединился другой звук, – низкое, глухое ворчание, музыкальное и вместе с тем грозное, как низкий, неумолчный рокот моря.

– Собака! – воскликнул Холмс. – Идем, Ватсон, идем! Царь Небесный, неужели мы опоздали!

Он пустился бежать по болоту, и я следовал по его пятам. Но вдруг откуда-то из-за камней, как раз впереди нас, донесся последний отчаянный стон, а затем глухой тяжелый стук. Мы остановились, прислушиваясь. Ни один звук не нарушал больше тяжелой тишины безветренной ночи.

Холмс схватился с жестом отчаяния за голову и ударял ногами о землю.

– Он побил нас, Ватсон. Мы опоздали!

– Нет-нет, наверное, нет!

– Дурак я был, что сдерживал свой размах. А вы, Ватсон, смотрите, к чему привело то, что вы покинули свой пост! Но, клянусь небесами, если случилось худшее, мы отмстим.

Ничего не видя, бежали мы по темному болоту, спотыкаясь о камни, продираясь сквозь терновник, подымаясь и спускаясь по холмам, держась того направления, откуда донеслись до нас ужасные звуки. При каждом подъеме на возвышенность Холмс жадно осматривался, но густой мрак покрывал болото, и ничто не шевелилось на его угрюмой поверхности.

– Видите ли вы что-нибудь?

– Ничего.

– Но слушайте, это что такое?

До нашего слуха донесся тихий стон.

Вот опять слева от нас. В этой стороне ряд скал заканчивался крутым утесом, подымавшимся над усыпанным камнями склоном. На его неровной поверхности лежал какой-то темный, неправильной формы предмет. Когда мы подбежали к этому предмету, он принял определенную форму распростертого ничком человека; голова его была подогнута под ужасным углом, плечи закруглены, и тело собрано, точно оно хотело перекувыркнуться. Это положение было до того нелепым, что я сразу не мог себе представить, что слышанный нами стон был прощанием души с этим телом. Ни стоны, ни жалобы не издавала больше темная фигура, над которою мы наклонились. Холмс опустил на нее руку и с возгласом ужаса отдернул ее. Свет зажженной им спички осветил окровавленные пальцы и отвратительную лужу крови, медленно стекавшей из раздробленного черепа жертвы. Свет спички осветил еще нечто, отчего у нас сердца похолодели и замерли, – он осветил... тело сэра Генри Баскервиля.

Ни Холмс, ни я не могли забыть совершенно особенный красноватый костюм, который был надет на нем в то первое утро, когда он был у нас на Бейкер-стрите. Мы сразу узнали этот костюм, а затем спичка затлела и погасла, как погасла надежда, тлевшая в наших сердцах. Холмс застонал и так побледнел, что его лицо выделилось белым пятном в темноте.

– Зверь! Зверь! – воскликнул я, ломая руки. – Ах, Холмс, я никогда не прощу себе, что покинул его.

– Я более виноват, чем вы, Ватсон. Ради того, чтобы дело было полное и закругленное, я погубил своего клиента. Это самый страшный удар, какой я когда-либо получал в продолжение всей своей карьеры. Но как мог я знать... Как мог я знать, что, вопреки всем моим предостережениям, он рискнет пойти один на болото... О, Боже, эти крики! И мы не могли его спасти! Где это животное, эта собака, загнавшая его до смерти? Может быть, она и сейчас где-нибудь в засаде между скал? А Стэплтон, где он? Он ответит за это! О, да! Я позабочусь об этом! И дядя, и племянник убиты; один был напуган до смерти одним только видом животного, которое считал сверхъестественным, другой нашел смерть в своем диком беге, спасаясь от него.

Но теперь нам нужно доказать связь между человеком и животным. Если исключить то, что слышали, мы даже не можем ручаться за существование последнего, так как сэр Генри умер, очевидно, от падения. Но, клянусь небом, как ни хитер молодец, а не пройдет суток, и он будет в моей власти!..

С болью в сердце стояли мы по обеим сторонам изувеченного тела, подавленные этим внезапным и непоправимым несчастьем, которое положило столь печальный конец нашим долгим и тяжелым трудам. Когда взошла луна, мы вскарабкались на вершину скалы, с которой упал наш бедный друг, и оттуда смотрели на болото, наполовину освещенное луною. Далеко, на много миль от нас, по направлению к Гримпену, виднелся одинокий желтый свет. Он мог исходить только из уединенного жилища Стэплтонов. С жутким проклятием погрозил я кулаком в этом направлении.

– Почему бы нам тотчас же не схватить его?

– Наше дело не закончено. Молодец этот осторожен и хитер до крайности. Важно не то, что мы знаем, а то, что мы можем доказать. Если мы сделаем один неверный шаг, мерзавец может ускользнуть из наших рук.

– Что мы можем сделать?

– Завтра у нас будет много дел. Сегодня же ночью мы можем только оказать последнюю услугу нашему другу.

Мы сошли с крутого склона и подошли к телу, ясно выделявшемуся на посеребренных луною камнях. При виде скорченных членов, я почувствовал, что мне сдавило горло, и слезы навернулись на глазах.

– Надо послать за помощью, Холмс. Мы не в состоянии донести его... Боже мой, да вы с ума сошли!..

Холмс вскрикнул и наклонился к телу. Затем принялся плясать, хохотать и трясти мою руку. Неужели это мой серьезный сдержанный друг!

– Борода! Борода! У человека борода!

– Борода?

– Это не баронет... Это... Да это мой сосед, беглый каторжник.

Мы лихорадочно перевернули тело вверх лицом: окровавленная борода торчала вверх, освещенная холодным ясным месяцем. Не могло быть никакого сомнения; тот же выдающийся лоб и впалые глаза. Это было то самое лицо, которое я видел при свечке – лицо преступника Сельдена.

Тут сразу все стало для меня ясным. Я вспомнил, как баронет говорил мне, что он подарил свое старое платье Бэрримору. Бэрримор передал его Сельдену, чтобы помочь ему бежать. Сапоги, рубашка, шапка, – все было от сэра Генри. Я рассказал обо всем Холмсу, и сердце мое трепетало от благодарности и радости.

– Значит, платье было причиной смерти бедного малого, – сказал он. – Ясно, что собака была пущена по следу после того, как ее ознакомили с какою-то принадлежностью туалета сэра Генри, по всей вероятности с сапогом, который был уташен в отеле, и таким образом человек этот был загнан. Однако же, тут есть одна очень странная вещь: каким образом Сельден узнал в темноте, что собака пущена по его следам?

– Он услышал ее.

– Столь закаленный человек, как этот беглый, неспособен оттого только, что услышал собаку на болоте, пасть в такой пароксизм страха, чтобы дико кричать о помощи, и тем рисковать быть снова пойманным. Судя по его крикам, он, должно быть, очень долго бежал после того, как узнал, что собака напала на его след. Каким образом он это узнал?.. И почему эта собака была спущена сегодня ночью. Полагаю, что она не всегда свободно бежит по болоту. Стэплтон не выпустил бы ее, если бы не имел причины думать, что сэр Генри придет сюда...

А теперь вопрос в том, что нам делать с телом этого несчастного? Нельзя же его оставить здесь на съедение лисицам и воронам?

— Я бы посоветовал положить его в одну из хижин, пока мы не дадим знать полиции.

— Верно. Не сомневаюсь, что у нас хватит сил дотащить его... Эге, Ватсон, это что такое? Да это он сам. Какова дерзость! Ни слова, могущего обнаружить наши подозрения, — ни слова, иначе все мои планы рухнут.

По болоту приближался к нам человек, и я видел тусклый красный огонь сигары. Месяц освещал его, и я мог рассмотреть ловкую фигуру и легкую быструю походку натуралиста. Он приостановился, когда увидел нас, а затем продолжал приближаться к нам.

– Доктор Ватсон, неужели это вы? Вы последний человек, которого бы я ожидал увидеть на болоте в этот час ночи. Но, Боже мой, это что такое? С кем-нибудь случилось несчастье? Нет... Не говорите мне, что это наш друг, сэр Генри!

Он пробежал мимо меня и нагнулся над мертвым телом. Я услышал хрип в его груди, и сигара выпала из его пальцев.

– Кто... Кто это? – пробормотал он.

– Это Сельден – человек, убежавший из Принцтаунской тюрьмы.

Стэплтон посмотрел на нас; лицо его было ужасное, но с невероятным усилием он овладел своим удивлением и разочарованием. Он зорко взглянул на Холмса, затем на меня.

– Боже мой! Как это ужасно! Как он умер?

– По-видимому, он сломал себе шею, упав с этих скал. Мой друг и я бродили по болоту, когда услышали крик.

– Я тоже слышал крик. Вот почему и вышел. Я беспокоился о сэре Генри.

– Почему именно о сэре Генри? – не мог я не спросить.

– Потому что я приглашал его прийти к нам. Когда он не пришел, меня это удивило, а затем я, естественно, встревожился за него, услышав крики на болоте. Кстати, – он пристально посмотрел на Холмса, – вы ничего больше не слышали?

– Нет, – ответил Холмс. – А вы?

– И я ничего.

– Так почему же вы спросили?

– Ах, вам известны, наверное, истории, которые рассказывают мужики о привидении в виде собаки. Говорят, что слышен по ночам ее вой на болоте. Вот мне и хотелось знать, не слышали ли вы чего-нибудь в этом роде сегодня ночью?

– Мы ничего подобного не слышали, – сказал я.

– А что вы думаете о смерти этого несчастного?

– Я не сомневаюсь, что жизнь в вечном страхе и в такой обстановке помутила его рассудок. Он в припадке сумасшествия бежал по болоту, случайно тут упал и переломил себе шею.

– Такое объяснение, кажется, вполне разумным, – сказал Стэплтон и при этом вздохнул, как мне показалось, с облегчением. – Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Мой друг поклонился и сказал:

– Вы быстро узнаете людей.

– Мы ожидали вас в наши края с тех пор, как приехал сюда доктор Ватсон. Вы попали как раз на трагедию.

– Да, действительно. Я не сомневаюсь, что объяснение, данное моим другом, окажется верным. Я увезу завтра с собою в Лондон неприятное воспоминание.

– Как, вы завтра уезжаете?

– Да, таково мое намерение.

– Надеюсь, что ваш приезд пролил некоторый свет на происшествия, поставившие нас в тупик?

Холмс пожал плечами.

– Не всегда достигаешь успеха, на который надеешься. Нужны факты, а не легенды и слухи. Это неудачное для меня дело.

Мой друг говорил самым искренним и спокойным тоном. Стэплтон продолжал пристально смотреть на него. Затем он обратился ко мне.

– Я бы предложил перенести ко мне этого бедного малого, но это может так напугать мою сестру, что я считаю себя не в праве это сделать. Я думаю, что если мы накроем его лицо, то он благополучно пролежит здесь до утра.

Мы так и сделали. Отклонив гостеприимные предложения Стэплтона, Холмс и я двинулись в Баскервиль Холл, предоставив натуралисту возвращаться домой в одиночестве. Огля-

нувшись, мы видели его фигуру, медленно удалявшуюся по обширному болоту, а за ней – единственное темное пятно на освещенном луною склоне, указывавшее место, на котором лежал так ужасно погибший человек.

– Наконец-то мы близки к рукопашной схватке, – сказал Холмс, пока мы шли по болоту. – Что за нервы у этого человека! Как он овладел собою, когда увидел, что жертвою его пал не тот, кого он наметил. Это должно было быть для него ошеломляющим ударом. Я говорил вам в Лондоне, Ватсон, и повторяю теперь, что никогда не было у нас врага, столь достойного нашего оружия.

– Мне досадно, что он видел вас.

– И мне также сначала было досадно. Но этого нельзя было избежать.

– Как вы думаете, какое будет иметь влияние на его планы то, что он знает о вашем присутствии здесь?

– Это может заставить его быть более осторожным или же побудить его сразу к принятию отчаянных мер. Подобно большинству смысленых преступников, он может слишком надеяться на собственный ум и воображать, что вполне провел нас.

– Почему бы нам не арестовать его тотчас же?

– Милый Ватсон, вы родились человеком действия. Вас вечно тянет совершить энергический поступок. Но предположим, что мы арестуем его сегодня ночью. К чему это подвинет нас? Мы не можем представить никаких доказательств против него. В этом-то и заключается чертовская хитрость. Имей он соучастником человека, мы могли бы добыть улики, теперь же, если бы нам и удалось вытащить собаку на дневной свет, это все-таки не помогло бы затянуть петлю на шее ее хозяина.

– Но ведь у нас в руках уголовное дело.

– Ни малейшей тени его, одни только подозрения и предположения. На суде нас бы осмеяли, если бы мы явились с такою сказкой и такими доказательствами.

– А смерть сэра Чарльза?

– Он найден мертвым без малейших знаков насилия. Мы знаем, что он умер от ужасного страха, а также, что напугало его. Но как нам заставить двенадцать глупых присяжных поверить этому? Где доказательства в том, что тут действовала собака? Где знаки ее клыков? Конечно, мы знаем, что собака не кусает мертвое тело, и что сэр Чарльз умер прежде, чем животное нагнало его. Но мы должны все это доказать, а между тем, пока не в состоянии это сделать.

– Ну, а сегодняшняя ночь?

– Сегодня ночью мы не сделали ни одного шага вперед. Опять-таки не было никакой прямой связи между собакой и смертью человека. Мы не видели собаки. Мы слышали ее, но не можем доказать, что она бежала по следам этого человека. Тут полное отсутствие мотивировки. Нет, милый друг, нам приходится примириться с фактом, что в настоящую минуту у нас нет в руках никакого уголовного дела. Но нам стоит идти на какой угодно риск, лишь бы установить таковое.

– А как вы предполагаете этого достигнуть?

– Я возлагаю большие надежды на то, что может сделать для нас миссис Лаура Ляйонс, когда она будет ознакомлена с положением дел. У меня также есть и свой план. Однако, каждому дню своя забота. Но не пройдет и суток, как я, надеюсь, возьму верх.

Ничего больше я не мог добиться от Холмса, и он, углубившись в думы, дошел вместе со мною до ворот Баскервиль-холла.

– Войдете вы со мною?

– Да. Я не вижу причин скрываться дольше. Но еще одно слово, Ватсон. Не говорите ничего сэру Генри о собаке. Пусть он верит, что смерть Сельдена произошла так, как Стэплтон хочет, чтобы мы думали. Нервы его будут крепче для испытания, которое ему придется перенести завтра, если я верно помню ваше донесение, и он отправится обедать к этим господам.

– Я тоже приглашен.

– Вы должны извиниться, и он должен идти один. Это легко устроить. Ну, а теперь, если мы опоздали к обеду, то думаю, что заслужили ужин.

ХIII. Сети стягиваются

При виде Шерлока Холмса, сэр Генри был больше обрадован, чем удивлен, так как уже несколько дней ожидал, что последние события вызовут Холмса из Лондона. Однако же он с недоумением поднял брови, когда убедился, что у моего друга нет с собою никакого багажа, и что такому обстоятельству он не дает никакого объяснения. Я снабдил Холмса всем необходимым, и за поздним ужином мы рассказали баронету о наших приключениях, насколько было желательно, чтобы он их знал. Но, прежде всего, мне выпала неприятная обязанность передать Бэрримору и его жене известие о смерти Сельдена. Ему оно должно было принести несомненное облегчение, но она горько плакала, закрыв лицо передником. Для всего мира Сельден был жестоким человеком – полу зверем, полу демоном, но для нее он всегда оставался маленьким своевольным мальчиком, каким она его помнила в своей собственной юности, цепляющимся за ее руку. Поистине злой должен быть тот человек, чью смерть ни одна женщина не будет оплакивать.

– Я сегодня с утра, с тех пор как ушел Ватсон, пропадал с тоски в этом доме, – сказал баронет. – Надеюсь, что это будет поставлено мне в заслугу, потому что я сдержал свое обещание. Если бы я поклялся не выходить один, то мог бы провести вечер более оживленно, так как Стэплтон прислал мне записку с приглашением прийти к нему.

– Не сомневаюсь, что вы провели бы вечер более оживленно, – выразительно произнес Холмс. – Кстати, полагаю, что вы оцените, как мы вас оплакивали, думая, что вы сломали себе шею.

Сэр Генри широко открыл глаза.

– Каким образом?

– Тот несчастный был одет в ваше платье. Я опасаясь, как бы ваш слуга, подаривший ему это платье, не навлек на себя неприятности со стороны полиции.

– Вряд ли. Насколько мне помнится, ни на одной части этой одежды не было никакой метки.

– Это счастье для него и, в сущности, счастье для вас всех, так как вы все в этом деле поступили противозаконно. Я даже сомневаюсь, не обязан ли я, как добросовестный сыщик, прежде всего, арестовать всех живущих в этом доме. Донесения Ватсона – крайне уличающие документы.

– Но расскажите о нашем деле, – попросил баронет. – Разобрались ли вы сколько-нибудь в этой путанице? Что касается до Ватсона и меня, то мне кажется, что мы ничего не разузнали с тех пор, как приехали.

– Я думаю, что скоро буду в состоянии объяснить ваше положение. Дело это было чрезвычайно трудное и крайне сложное. Остается еще несколько пунктов, на которые требуется пролить свет, и мы этого скоро достигнем.

– Вероятно, Ватсон сообщил вам, что мы слышали собаку на болоте, и я могу побожиться, что тут дело не в одном пустом суеверии. Я имел дело с собаками в свою бытность в Америке, и когда слышу лай, то узнаю, что это лай собаки. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и посадить его на цепь, то я скажу, что вы величайший сыщик с сотворения мира.

– Полагаю, что я надену на него намордник и посажу его на цепь, если вы не откажете мне в своей помощи.

– Я сделаю все, что бы вы ни приказали мне.

– Прекрасно. Я вас также попрошу сделать это слепо, не допрашивая о причинах.

– Как вам будет угодно.

– Если вы будете так поступать, то я полагаю, что все шансы за то, чтобы наша маленькая задача скоро разрешилась. Я не сомневаюсь...

Он вдруг замолчал и стал пристально смотреть поверх моей головы. Свет лампы прямо падал на его лицо, и оно было так напряжено и неподвижно, что его можно было принять за классическое изваяние – олицетворение энергии и ожидания.

– В чем дело?! – воскликнули мы оба.

Я понял, когда Холмс опустил глаза, что он хотел подавить в себе волновавшее его чувство. Лицо его было серьезно, но глаза сверкали радостным торжеством.

– Простите увлечение знатока, – сказал он, указывая рукою на линию портретов, покрывавших противоположную стену. – Ватсон не хочет допустить, чтобы я понимал толк в искусстве, но это просто зависть с его стороны, вследствие несходства наших взглядов на этот предмет. Ну, а эта коллекция портретов поистине великолепная.

– Я очень рад, что вы это находите, – сказал сэр Генри, смотря с некоторым удивлением на моего друга. – Я был бы лучшим судьей относительно лошади или бычка, чем относительно картины. Я не знал, что вы находите и на это время.

– Если я вижу что-нибудь хорошее, то и оцениваю его. А теперь вижу нечто хорошее. Держу пари, что та дама в голубом шелковом платье – работы Кнеллера, а толстый господин в парике – Рейнольдса. Это все, вероятно, фамильные портреты?

– Да, все без исключения.

– И вы знаете их имена?

– Бэрримор наставлял меня в них, и я думаю, что хорошо выучил свой урок.

– Кто этот господин с подзорной трубою?

– Это контр-адмирал Баскервиль, служивший при Роднэе в Вест-Индии. Человек в синем камзоле и со свертком бумаг – сэр Вильям Баскервиль, бывший председателем комитетов в палате общин при Питте.

– А этот всадник напротив меня, в черном бархатном камзоле с кружевами?

– О, с этим вы имеете право познакомиться. Это виновник всего несчастья, злой Гюго, породивший собаку Баскервильей. Вряд ли мы все забудем его.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым удивлением.

– Боже мой! – воскликнул Холмс. – Он кажется спокойным и довольно мягким человеком, но я уверен, что из глаз его проглядывал дьявол. Я представлял его себе человеком более дюжим и с более разбойнической наружностью.

– Не может быть никакого сомнения в подлинности портрета, потому что имя и 1647 год начертаны на обратной стороне полотна.

После этого Холмс очень мало говорил, но портрет старого злодея точно приковал его к себе, и в продолжение всего ужина он не отрывал от него глаз. Только позднее, когда сэр Генри удалился в свою спальню, я мог проследить за направлением мыслей своего друга. Он вернулся со мною в столовую со свечью в руке и стал держать ее у самого портрета, поблекшего от времени.

– Видите вы тут что-нибудь?

Я посмотрел на широкоую шляпу с пером, на вьющиеся локоны, на обрамленное ими узкое строгое лицо. Наружность была вовсе не грубая, но натянутая, жесткая и суровая, с резко очерченным тонкими губами, ртом и холодными непреклонными глазами.

- Похож он на кого-нибудь из ваших знакомых?
- Что-то около подбородка напоминает сэра Генри.
- Да, пожалуй, тут есть маленький намек. Но постойте!

Он встал на стул и, держа свечу в левой руке, правой закрыл на портрете широкую шляпу и длинные локоны.

- Царь Небесный! – воскликнул я пораженный.
- Из рамки выглянуло на меня лицо Стэплтона.

– Ага! Видите теперь. Глаза мои приучены рассматривать лица, а не их украшения. Первое качество расследователя преступлений – это умение узнать человека сквозь его маскарадный костюм.

– Но это поразительно. Этот портрет точно списан с него.

– Да, это интересный образчик атавизма, и тут он является как в физическом, так и в духовном отношении. Человек, изучающий фамильные портреты, может стать приверженцем доктрины переселения душ. Стэйплтон – Баскервиль, это очевидно.

– С видами на наследство.

– Именно. Этот портрет дал нам одно из самых важных недостающих звеньев. Мы держим его в руках, Ватсон, мы держим его и клянусь, что еще до завтрашнего вечера он будет так же беспомощно биться в наших сетях, как его бабочки. Булавка, пробка и карточка, и вот новый экземпляр для нашей Бейкер-стритской коллекции.

Сказав это и отходя от портрета, Холмс разразился хохотом. Не часто случалось мне слышать его смех, и всегда он предвещал недоброе кому-нибудь.

На другое утро я рано встал, но Холмс поднялся еще раньше и, одеваясь, я видел, как он шел по аллее к дому.

– Да, сегодня нам нужен весь день, – сказал он, потирая руки с радостным предвкушением деятельности. – Сети расставлены, и скоро начнется их стягивание. Не пройдет еще этот день, как мы узнаем – попалась ли в них наша большая остромордая щука или же проскользнула между петлями.

– Вы уже были на болоте?

– Я из Гримпена послал в Принц-таун донесение о смерти Сельдена. Кажется, могу обещать, что никого из вас не потревожат из-за этого дела. Я также свидетелю с моим верным Картрайтом, который, без сомнения, истосковался бы у двери моей хижины, как собака на могиле своего хозяина, если бы я не успокоил его относительно своей безопасности.

– А теперь с чего мы начнем?

– Прежде всего, надо повидать сэра Генри. А вот и он.

– Здравствуйте, Холмс, – сказал баронет. – Вы имеете вид генерала, составляющего со своим начальником штаба план сражения.

– Совершенно правильное сравнение. Ватсон спрашивал моих приказаний.

– И я явился за тем же.

– Прекрасно. Вы, насколько мне известно, приглашены сегодня вечером на обед к вашим друзьям Стэйплтонам?

– Надеюсь, что и вы поедете с нами. Они очень гостеприимны, и я уверен, что будут очень рады вас видеть.

– Нам с Ватсоном придется, пожалуй, ехать в Лондон.

– В Лондон?

– Да, при настоящих обстоятельствах, я думаю, мы будем там полезнее.

Лицо баронета выразило заметное неудовольствие.

– Я надеялся, что вы не покинете меня в этом деле. Холл и болото – невеселые места для одинокого человека.

– Милый друг, вы должны слепо довериться мне и исполнять в точности то, что я говорю. Вы можете передать вашим друзьям, что мы были бы счастливы приехать к ним вместе с вами, но что неотложное дело вызвало нас в город. Мы надеемся скоро вернуться в Девоншир. Вы не забудете передать им все это?

– Если вы настаиваете.

– Уверяю вас, что выбора нет.

Я видел по лицу баронета, что он был глубоко обижен и, по-видимому, считал наш поступок дезертирством.

– Когда желаете вы ехать? – спросил он холодно.

– Тотчас после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумб-Трасея, но Ватсон оставит у вас свои вещи в залог того, что он вернется. А вы, Ватсон, пошлите Стэплтону записку и выразите сожаление, что не можете приехать к ним лично.

– Мне сильно хочется поехать в Лондон вместе с вами, – сказал баронет. – Для чего я тут останусь один?

– Потому что это ваш долг. Потому что вы дали мне слово, что будете поступать так, как я скажу, а я вам говорю, чтобы вы оставались... Еще одно. Я хочу, чтобы вы поехали в Меррипит-гауз на лошадях. Но отошлите обратно экипаж и скажите Стэплтонам, что вы намерены вернуться домой пешком.

– Я должен идти пешком через болото?

– Да.

– Но ведь это как раз то, против чего вы меня так часто предостерегали?

– На этот раз вы безопасно можете идти, и это необходимо. Если бы я не питал полнейшего доверия к вашей силе воли и храбрости, то не дал бы вам такого совета.

– Хорошо, я пойду пешком.

– И если вы дорожите своей жизнью, то идите непременно не по какому иному направлению, как только по прямой тропинке, ведущей из Меррипит-гауза на Гримпенскую дорогу, по тропинке, которая и есть ваш естественный путь к дому.

– Я в точности исполню все, как вы приказываете.

– Прекрасно. Мне хотелось бы уехать как можно скорее после завтрака, чтобы добраться до Лондона раньше вечера.

Эта программа действий очень удивила меня, хотя я помнил, что Холмс накануне вечером говорил Стэплтону, что он на следующий день уедет. Однако, мне не приходило в голову, что он пожелает взять меня с собою, а также я не мог понять, как это мы оба можем быть в отсутствии в такой момент, который он сам же назвал критическим. Но ничего больше не оставалось делать, как слепо повиноваться. Мы простились с нашим опечаленным другом и часа через два были на станции Кумб-Трасей, откуда отослали экипаж обратно домой. На платформе ожидал нас мальчик.

– Какие будут ваши приказания, сэр?

– С ближайшим поездом, Картрайт, ты отправишься в город. Как только приедешь, тотчас же пошлешь сэру Генри Баскервилю телеграмму от моего имени, в которой напишешь, что если он найдет выроненную мною записную книжку, то я прошу послать ее заказной посылкой на Бейкер-стрит.

– Слушаю-с, сэр.

– А теперь спроси в станционном телеграфе, нет ли для меня телеграммы.

Мальчик вернулся с телеграммой, которую Холмс передал мне. Она гласила: «Получил телеграмму. Везу полномочия. Прибуду пять сорок. Лестрейд».

– Это ответ на мою утреннюю телеграмму. Я считаю Лестрейда самым искусным в нашей профессии, и его помощь может понадобиться нам. Теперь, Ватсон, я думаю, что мы полезнее всего проведем наше время, если отправимся к вашей знакомой Лауре Ляйонс.

План кампании, составленный Холмсом, начал выясняться для меня. Он воспользовался баронетом, чтобы убедить Стэплтонов в том, что мы действительно уехали, а между тем, мы вернемся к тому моменту, когда наше присутствие окажется необходимым. Телеграмма Картрайта, если сэр Генри упомянет о ней Стэплтонам, рассеет последние у них быть подозрения. Мне казалось, что я уже вижу, как наши сети затягивают эту остромордую щуку.

Миссис Лаура Ляйонс была в своей конторе, и Шерлок Холмс начал с ней беседу так откровенно и так прямо, что она была поражена.

– Мне поручено расследование обстоятельств, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервиля, – сказал он. – Мой друг, доктор Ватсон, ознакомил меня с тем, что вы ему сообщили, а также и с тем, что вы скрыли относительно этого дела.

– Что я скрыла? – спросила она с недоверием.

– Вы признались, что просили сэра Чарльза быть у калитки в десять часов. Мы знаем, что он умер как раз на этом месте и в этот час. Вы скрыли, какая существует связь между этими двумя фактами.

– Тут нет никакой связи.

– В таком случае совпадение поистине необычайное. Но мне думается, что нам удастся восстановить связь. Я желаю быть вполне искренним с вами, миссис Ляйонс. Мы считаем этот случай убийством, и очевидность его может запутать не только вашего друга – мистера Стэплтона, но и его жену.

Лаура вскочила со своего стула.

– Его жену! – воскликнула она.

– Факт этот не составляет уже больше тайны. Особа, слывшая за его сестру, в действительности его жена.

Миссис Ляйонс села опять. Пальцы ее сжимали ручки кресла с таким напряжением, что я видел, как розовые ногти стали белыми.

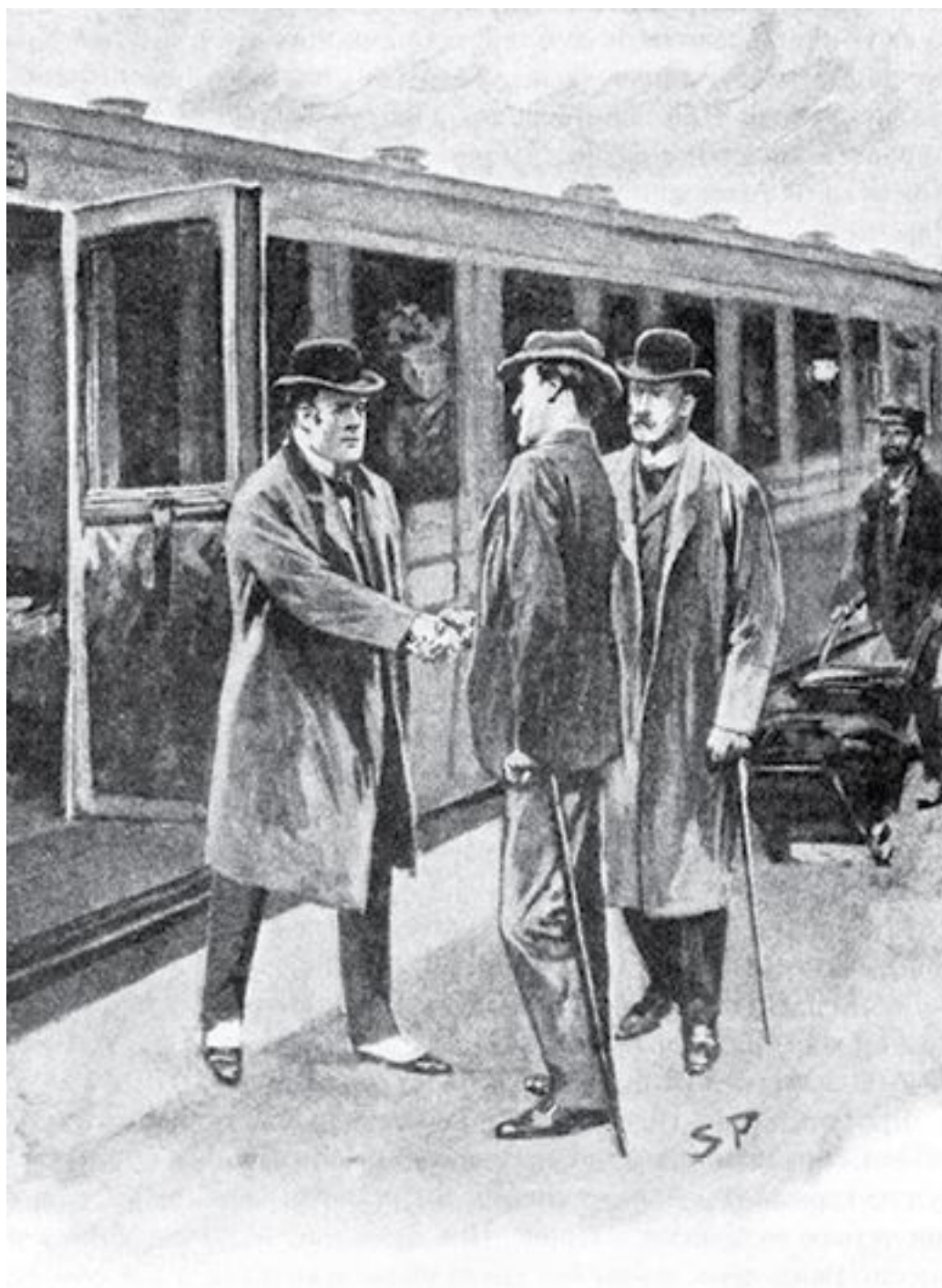
– Его жена! – повторила она. – Его жена! Он был не женат.

Шерлок Холмс пожал плечами.

– Докажите это мне! И если вы только в состоянии это сделать...

Свирепый блеск ее глаз говорил больше, чем могли выразить слова.

– Я пришел к вам с готовыми доказательствами, – сказал Холмс, вынимая из кармана несколько бумаг. – Вот фотография супружеской четы, снятая четыре года тому назад в Йорке. На ней написано, что это мистер и миссис Ванделер, но вам не трудно будет его узнать, а также и ее, если только вам приходилось ее видеть. Вот три описания, сделанные достойными доверия свидетелями, мистера и миссис Ванделер, которые в то время содержали частную школу. Прочтите их, и вы убедитесь, что не может быть сомнения в подлинности этих личностей.

Она посмотрела на документы, затем на нас с неподвижным лицом женщины в отчаянии.

– Мистер Холмс, – сказала она, – этот человек обещал жениться на мне, если я получу развод с мужем. Негодяй всячески лгал мне. Он не сказал мне ни одного слова правды. И почему – почему? Я воображала, что все делается ради меня. А теперь вижу, что я никогда не была для него ничем иным, как орудием в его руках. Ради чего мне сохранять ему верность, когда он всегда был вероломен со мною? Чего ради мне стараться ограждать его от последствий его собственных злых деяний?.. Спрашивайте у меня все, что вам угодно, и я ничего не скрою. В одном клянусь вам, что когда я писала письмо, то и во сне не желала причинить вред человеку, который был моим лучшим другом.

– Я вполне верю вам, сударыня, – сказал Шерлок Холмс. – Рассказывать эти события, должно быть, очень тяжело для вас, и, может быть, вам будет легче, если я буду рассказывать

то, что случилось, а вы остановите меня, если я сделаю какую-нибудь существенную ошибку. Отсылка вашего письма была сделана по совету Стэплтона?

– Он продиктовал мне это письмо.

– Полагаю, что выставленные им причины заключались в том, что сэр Чарльз может прийти вам на помощь при издержках, неизбежно связанных с делом о разводе?

– Совершенно верно.

– А затем, когда вы отправили письмо, он отговорил вас идти на свидание?

– Он сказал мне, что его самоуважению будет нанесен удар, если другой человек даст деньги на это дело, и что, хотя он сам бедный человек, но отдаст свой последний грош ради уничтожения препятствий, разлучающих нас.

– Он, по-видимому, очень последователен. А затем вы ничего не знали, пока не прочитали в газете сообщение о смерти?

– Ничего.

– А он взял с вас клятву, что вы ничего не скажете о назначенном вами сэру Чарльзу свидании?

– Да. Он сказал, что кончина его произошла при очень таинственных обстоятельствах, и что меня, конечно, заподозрят, если факты станут известными. Он напугал меня так, что я молчала.

– Совершенно верно. Но у вас были подозрения?

Она колебалась и опустила глаза.

– Я знала его, – сказала она. – Но если бы он оставался мне верен, то и я не выдала бы его.

– Полагаю, что, в сущности, вы счастливо отделались, – сказал Шерлок Холмс. – Он был в вашей власти и знал это, а между тем, вы еще живы. В продолжение нескольких месяцев вы находились на краю пропасти. А теперь, миссис Ляйонс, мы должны с вами проститься, но вы очень скоро снова услышите о нас.

– Наше дело закружается, и затруднения одно за другим раздвигаются перед нами, – сказал Холмс в то время, как мы стояли в ожидании экспресса из города. – Люди, изучающие уголовные преступления, вспомнят аналогичные случаи, но это дело имеет некоторые ему одному присущие черты. Даже и теперь еще нет у нас ясной улики против этого крайне коварного человека. Но я буду очень удивлен, если до сегодняшней ночи мы не получим таковую.

Лондонский экспресс подошел, пытаясь, к станции, и из вагона первого класса выскочил маленький, сухой, похожий на бульдога человек. Мы пожали ему руку, и я сразу увидел, по почтительности, с какою Лестрейд смотрел на моего товарища, что он многому научился с тех пор, как они впервые начали работать вместе. Я хорошо помнил пренебрежение, с каким практический человек относился к теориям логически мыслящего человека.

– Хорошее дело? – спросил он.

– Самое крупное, – ответил Холмс. – Мы имеем в своем распоряжении два часа, прежде чем нам придется двинуться в путь. Я думаю, что мы можем ими воспользоваться и пообедать, а затем, Лестрейд, мы прочистим ваше горло от лондонского тумана, дав вам возможность подышать чистым ночным воздухом Дартмура. Вы никогда не были там?.. О, в таком случае полагаю, что вы никогда не забудете своей первой прогулки в этой местности.

XIV. Собака Баскервилей

Один из недостатков Шерлока Холмса, если только можно назвать это недостатком, заключался в том, что он чрезвычайно неохотно сообщал свои планы другому лицу до момента их выполнения. Отчасти это происходило, несомненно, от его собственного властного характера, склонного господствовать и удивлять тех, кто его окружал. Отчасти же причиной тому была профессиональная осторожность, заставлявшая его никогда ничем не рисковать. Но как бы то ни было, в результате эта черта оказывалась очень тяжелой для тех, кто действовал в качестве его агентов и помощников. Я часто страдал от нее, но никогда она так не угнетала меня, как во время нашей продолжительной езды в темноте. Впереди нас предстояло великое испытание, мы были близки, наконец, к своему заключительному усилию, а между тем, Холмс ничего не сказал, и я мог только предполагать, какой будет ход его действий. У меня каждый нерв дрожал от ожидания, когда, наконец, холодный ветер, задувший нам навстречу, и темное пустынное пространство доказали мне, что мы очутились на болоте. Каждый шаг лошадей, каждый оборот колеса приближал нас к конечному приключению.

Нашему разговору препятствовало присутствие кучера наемного экипажа, и мы были принуждены говорить о пустяках, когда наши нервы были натянуты от волнения и ожидания. Я почувствовал облегчение от такой неестественной сдержанности, когда мы миновали дом Франкланда, и я знал, что уже близко от арены действия. Мы не доехали до подъезда, а остановились у ворот аллеи, расплатились с кучером и велели ему тотчас же ехать обратно в Тэмил-Кумб, а сами пошли по направлению к Меррипит-гаузу.

– Вооружены ли вы, Лестрейд?

Маленький сыщик улыбнулся.

– Пока на мне брюки, в них есть верхний карман, а пока в них есть верхний карман, то кое-что в нем находится.

– Хорошо. Мой друг и я приготовлены ко всяким случайностям.

– Вы, видимо, близко знакомы с этим делом, мистер Холмс? В чем теперь будет заключаться игра?

– В ожидании.

– Честное слово, я нахожу это место не очень веселым, – сказал сыщик, с дрожью осматриваясь кругом на мрачные склоны холмов и громадное озеро тумана, спустившагося над Гримпенскую трясину. – Я вижу огоньки какого-то дома впереди нас.

– Это Меррипит-гауз – конечный пункт нашего пути. Попрошу вас идти на цыпочках и говорить шепотом.

Мы осторожно двигались по дорожке по направлению к дому, но в двухстах приблизительно ярдах от него Холмс остановил нас.

– Эти камни направо могут служить прекраснейшими ширмами, – сказал он.

– Мы должны ожидать здесь?

– Да, здесь мы устроимся в засаде. Войдите в эту дыру, Лестрейд. Вы бывали в доме, Ватсон, не правда ли? Можете ли вы сообщить о расположении комнат? Что это за решетчатые окна с этого угла.

– Это, кажется, окна кухни.

– А что так ярко освещено?

– Это, конечно, столовая.

– Штора поднята. Вы лучше знакомы с местностью, подползите тихонько к окнам и посмотрите, что они там делают, но, ради самого неба, не выдайте им своего присутствия.

Я пошел на цыпочках по тропинке и остановился за низкой стеною, окружавшей жидкий фруктовый сад. Пробираясь под тенью этой стены, я дошел до места, с которого мог смотреть прямо в не завешенное окно.

В комнате находились только двое мужчин – сэр Генри и Стэплтон. Они сидели друг против друга за круглым столом и были обращены ко мне в профиль. Они оба курили сигары, и перед ними стояли кофе и вино. Стэплтон говорил с оживлением, баронет же был бледен и рассеян. Может быть, его угнетала мысль о предстоящем ему одиноком пути по зловещему болоту.

Пока я наблюдал за ними, Стэплтон встал и вышел из комнаты, а сэр Генри наполнил стакан вином и, прислонившись к спинке стула, покуривал сигару. Я услышал скрип двери и хрустящий звук шагов по гравии. Шаги направлялись вдоль тропинки по ту сторону стены, под которой я стоял, скорчившись. Заглянув поверх нее, я увидел, как натуралист остановился у двери какого-то сарая, стоявшего в углу плодового сада. Раздался звук повернутого в замке ключа, и когда Стэплтон вошел в сарай, то оттуда послышался какой-то странный шум борьбы. Он пробыл в сарае не более минуты, после чего снова раздался звук повернутого ключа, Стэплтон прошел мимо меня и вошел в дом. Я увидел, как он вернулся к своему гостю, и тогда потихоньку прополз обратно к своим товарищам и рассказал им, что видел.

– Вы говорите, Ватсон, что дамы не было с ними? – спросил Холмс, когда я закончил свое донесение.

– Нет.

– Где она может быть, раз ни одна комната, кроме кухни, не освещена?

– Не могу себе представить.

Я сказал, что над Гримпенскою трясиною висел густой белый туман. Он медленно подвигался к нам и производил впечатление стены – низкой, но плотной и ясно определенной. Луна освещала его, и он имел вид большого мерцающего ледяного поля, над которым возвышались вершины дальних пиков, как бы лежавшие на его поверхности.

– Туман движется к нам, Ватсон.

– А это важно?

– Очень важно, даже единственное, что может расстроить мои планы. Но сэр Генри не должен теперь медлить. Уже десять часов. Наш успех и даже его жизнь могут зависеть от того, выйдет ли он из дому раньше, чем туман дойдет до тропинки.

Над нами ночь была светлая и прекрасная. Звезды ярко и холодно блестели, а полная луна освещала всю местность мягким, неопределенным светом. Перед нами стоял темный остов дома, его зазубренная крыша и трубы, резко очерченные на небе, усеянном звездами. Широкие полосы золотистого света из низких окон простирались через сад на болото. Одно из них вдруг потухло. Слуги вышли из кухни. Оставалось только окно столовой, в которой двое мужчин, – хозяин-убийца и ничего не подозревавший гость, – все продолжали болтать, покуривая свои сигары.

С каждую минуту белая плоскость, покрывавшая половину болота, придвигалась все ближе и ближе к дому. Уже первые тонкие клочки ее завивались в золотистом квадрате освещенного окна. Дальняя часть стены сада стала невидимой, и деревья подымались из полосы белого пара. Пока мы наблюдали за этим, туман уже окружил, точно гирляндами, оба угла дома и медленно свертывался в плотный вал, над которым верхний этаж дома и крыша плавали, как фантастический корабль. Холмс со страстной горячностью ударил кулаком о скалу и от нетерпения топнул ногою.

– Если он не выйдет через четверть часа, тропинка будет скрыта туманом. Через полчаса мы не в состоянии будем видеть свои руки.

– Не лучше ли нам передвинуться назад, на более высокую почву?

– Да, я думаю, это будет хорошо.

По мере того, как туманный вал двигался вперед, мы отступали от него назад, пока не очутились в полумиле от дома. Густое белое море с посеребренной луною поверхностью медленно и беспощадно наступало на нас.

– Мы идем слишком далеко, – сказал Холмс. – Нам нельзя рисковать, чтобы сэра Генри догнали прежде, чем он успеет дойти до нас. Мы во что бы то ни стало должны удержать свою позицию на этом месте.

Холмс опустился на колени и приложил ухо к земле.

– Слава Богу, он, кажется, идет.

Тишину болота нарушили быстрые шаги. Схоронившись между камнями, мы пристально всматривались в туманную полосу впереди нас. Звук шагов становился слышнее, и из тумана, как сквозь занавес вышел человек, которого мы ожидали. Он с удивлением оглянулся, когда вышел в светлое пространство и увидел звездную ночь. Затем он быстро пошел по тропинке,

прошел близко мимо нашей засады и стал подниматься по длинному склону позади нас. Он беспрестанно поворачивал голову и оглядывался, как человек, которому не по себе.

– Тс! – воскликнул Холмс, и я услышал, как щелкнул взведенный курок. – Смотрите! Она бежит сюда.

Из середины этого медленно подползавшего туманного вала раздавались редкие, непрерывные хрустящие удары. Туман расстился в пятидесяти ярдах от нас, и мы все трое всматривались в него, не зная, какой ужас вынырнет оттуда. Я находился у самого локтя Холмса и взглянул на его лицо. Оно было бледное и торжествующее, а глаза ярко блестели при лунном

освещении. Но вдруг они уставились вперед неподвижным суровым взглядом, и рот его раскрылся от удивления. В тот же момент Лестрейд испустил вопль ужаса и бросился ничком на землю. Я вскочил на ноги, сжимая отяжелевшей рукой револьвер и парализованный ужаснейшей фигурой, выпрыгнувшей на нас из тумана. То была собака, громадная, черная как уголь собака, но такая, какую ни один смертный глаз никогда не видывал. Пасть ее извергала пламя, глаза горели, как раскаленные угли, морда, загривок и грудь были обведены мерцающим пламенем. Никогда свихнувшийся ум в самом беспорядочном бреде не мог бы представить себе ничего более дикого, более ужасного, более адского, чем эта темная фигура со звериной мордой, выскочившая на нас из стены тумана.

Длинными прыжками громадная черная тварь неслась по тропинке, следуя по пятам за нашим другом. Мы так были парализованы этим внезапным появлением, что не успели опомниться, как она проскакала мимо нас. Тогда Холмс и я разом выстрелили, и ужасный рев доказал нам, что один из нас, по крайней мере, попал в цель. Однако же, она продолжала нестись вперед. Мы видели, как далеко от нас на тропинке сэр Генри оглянулся. Лицо его, освещенное луною, было бледно, руки в ужасе подняты, и он беспомощно смотрел на страшное существо, преследовавшее его.

Но крик боли, изданный собакой, рассеял все наши опасения. Если она была уязвима, то, значит, она была смертна, и если мы могли ее ранить, то могли и убить. Никогда я не видел, чтобы человек мог так бежать, как Холмс в эту ночь. Я считаюсь легким на бегу, но он опередил меня настолько же, насколько я опередил маленького сыщика. Пока бежали по тропинке, мы слышали крики сэра Генри и низкий вой собаки. Я видел, как животное вскочило на свою жертву, повалило его на землю и бросилось к его горлу; но в этот самый момент Холмс выпустил пять зарядов своего револьвера в бок свирепой твари. Издав последний предсмертный рев, и злобно щелкая зубами на воздух, она повалилась на спину, неистово дергая всеми четырьмя лапами, а затем бессильно упала на бок. Задыхаясь, подбежал и я и приставил свой револьвер к страшной светящейся голове. Но уже бесполезно было спускать курок. Исполинская собака была мертва.

Сэр Генри лежал без чувств. Мы разорвали его воротник, и Холмс прошептал благодарственную молитву, когда оказалось, что на шее нет никакой раны, и что мы успели вовремя. Веки нашего друга уже начали подергиваться, и он сделал слабую попытку шевельнуться. Лестрейд влил баронету в рот немного водки из своей фляжки, и тогда на нас уставилась пара испуганных глаз.

– Боже мой! – прошептал он. – Что это было?

– Что бы оно ни было, оно теперь мертво, – ответил Холмс. – Мы навеки уложили ваше родовое привидение.

Тварь, распростертая перед нами, своими размерами и силой казалась страшна. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастифф, но помесь этих двух пород – худая, дикая и величиною с маленькую львицу. Даже теперь, в покое смерти, из громадных челюстей точно капало голубоватое пламя, и маленькие, глубоко посаженные свирепые глаза были окружены огненным сиянием. Я опустил руку на сверкавшую морду, и когда отнял ее, то мои пальцы тоже засветились в темноте.

– Фосфор! – сказал я.

– Да, хитрый препарат фосфора, – подтвердил Холмс, нюхая мертвое животное. – Он не имеет никакого запаха, который мог бы препятствовать чутью собаки. Мы очень виноваты перед вами, сэр Генри, тем, что подвергли вас такому испугу. Я ожидал встретить собаку, но не такую тварь, как эта. К тому же туман помешал нам.

– Вы спасли мне жизнь.

– Подвергнув ее сначала опасности. Чувствуете ли вы себя достаточно сильным, чтобы встать?

– Дайте мне еще глоток водки, и я буду готов на все... Так! Теперь не поможете ли вы мне встать? Что вы намерены делать?

– Оставить вас здесь. Вы не пригодны для дальнейших приключений в эту ночь. Если вы подождете, то кто-нибудь из нас вернется с вами в холл.

Сэр Генри пробовал двинуться, но он все еще был страшно бледен, и все члены его дрожали. Мы подвели его к скале, около которой он сел, закрыв лицо руками.

– Теперь мы должны вас покинуть, – сказал Холмс. – Нам следует завершить свое дело, и тут важна каждая минута. Мы установили факт преступления, остается схватить преступника.

– Тысяча шансов против одного застать его теперь дома, – продолжал Холмс, когда мы быстро шли обратно по тропинке. – Выстрелы, наверное, дали понять ему, что игра проиграна.

– Мы находились довольно далеко, и туман мог заглушить звук выстрелов.

– Можно быть уверенным, что он следовал за собакой, чтобы отозвать ее. Нет-нет, он наверняка исчез! Но мы все-таки обыщем дом, чтобы вполне удостовериться.

Парадная дверь была отперта; мы бросились в дом и перебегали из комнаты в комнату, к удивлению встретившего нас в коридоре шатавшегося от старости слуги. Нигде не было освещения, кроме столовой, но Холмс снял лампу и не оставил ни одного угла в доме неисследованным. Нигде не было признаков человека, которого мы искали. Но в верхнем этаже дверь одной из спален была заперта на ключ.

– Тут есть кто-то! – воскликнул Лестрейд. – Я слышу движение. Откройте эту дверь.

Изнутри доходили до нас слабые стоны и шуршанье. Холмс ударил ногой в дверь как раз над замком, и она открылась настежь. С револьверами наготове мы все бросились в комнату.

Но в ней не было никаких признаков отчаянного и отъявленного негодяя, которого мы ожидали увидеть. Вместо этого нашим взорам представилось нечто столь странное и столь неожиданное, что мы несколько секунд смотрели с удивлением.

Комната имела вид маленького музея, и по стенам были расставлены целые ряды ящиков с стеклянными крышками, наполненных коллекциями бабочек и молей, собрание которых составляло развлечение этого сложного и опасного человека. На середине комнаты стояло вертикально бревно, подведенное тут когда-то для поддержки поеденных червями балок, на которых держалась крыша. К этому столбу была привязана фигура, настолько тесно обернутая и закутанная с головой простынями, что на первый взгляд нельзя было разобрать, мужчина это или женщина. Одно полотенце обхватывало голову и было прикреплено к столбу. Другое

покрывало нижнюю часть лица, и над ним два черных глаза, полных выражения горя, стыда и ужасного вопроса, пристально смотрели на нас. В одно мгновение мы разорвали все узы, и миссис Стэплтон свалилась на пол. Когда ее красивая голова упала ей на грудь, я увидел вокруг ее шеи отчетливый красный знак от удара плетью.

– Животное! – воскликнул Холмс. – Лестрейд, давайте сюда свою фляжку! Посадите ее на стул! Она упала в обморок от жестокого обращения и слабости.

Она снова открыла глаза.

– Спасен ли он? – спросила она. – Убежал ли он?

– Он не может убежать от нас, сударыня.

– Нет-нет, я говорю не о муже. Сэр Генри? Спасен ли он?

– Спасен.

– А собака?

– Убита.

Она издала глубокий вздох облегчения.

– Слава Богу! О, негодяй! Посмотрите, что он сделал со мною, – воскликнула она, засучивая рукава, и мы с ужасом увидели, что руки ее были все в синяках. – Но это ничего! Ничего! Он истерзал и осквернил мою душу! Я все могла выносить: дурное обращение, одиночество, жизнь, полную разочарований; все, пока могла питать надежду, что он меня любит, но теперь я знаю, что была только его орудием, и что он обманывал меня.

– Видимо, вы не относитесь к нему доброжелательно, – сказал Холмс. – Так откройте нам, где его найти. Если вы когда-нибудь помогали ему делать зло, так теперь, ради искупления, помогите нам.

– Есть одно только место, куда он мог убежать, – ответила она. – В самом центре трясины существует на островке старый заброшенный оловянный рудник. Там держал он свою собаку, и там же он приготовил себе убежище. Туда только и мог он скрыться.

Стена тумана упиралась в самое окно. Холмс поднес к нему лампу.

– Посмотрите, – сказал он. – Никто не мог бы сегодня найти дорогу в Гримпенскую трясины.

Она рассмеялась и захлопала в ладоши. Глаза и зубы ее разгорелись свирепой радостью.

– Он мог найти дорогу туда, но оттуда никогда. Как может он сегодня ночью увидеть вехи? Мы вместе с ним расставляли их, чтобы наметить тропинку через трясины. Ах, если бы я только могла сегодня вынуть их. Тогда он был бы в ваших руках.

Для нас было очевидно, что всякое преследование будет тщетно, пока не рассеется туман. Мы оставили Лестрейда охранять дом, а сами отправились с баронетом в Баскервиль-холл. Нельзя было уже больше скрывать от него историю Стэплтонов, но он мужественно вынес удар, когда узнал истину о женщине, которую любил. Однако же, приключения этой ночи потрясли его нервы, и к утру он лежал в бреду, во власти жестокой горячки, и доктор Мортимер сидел около него. Им суждено было сделать вместе путешествие вокруг света прежде, чем сэр Генри стал снова тем здоровым, бодрым человеком, каким он был, пока не сделался хозяином несчастного поместья.

А теперь я быстро заканчиваю этот оригинальный рассказ, в котором я старался, чтобы читатель делил с нами страхи и смутные догадки, которые так долго омрачали наши жизни и окончились так трагически. К утру туман рассеялся, и миссис Стэплтон проводила нас до того места, с которого начиналась тропинка через трясины. Когда мы увидели, с какою горячностью и радостью эта женщина направляла нас по следам своего мужа, мы поняли, как ужасна была ее жизнь. Мы оставили ее на узком полуострове твердого торфа, который вдавался в трясины. От его оконечности маленькие прутья, кое-где воткнутые, указывали, где тропинка, извиваясь, проходила от одной группы тростников к другой между покрытыми зеленой плесенью пропастями трясины, непроходимой для незнающего человека. От гниющего тростника и тины шел

запах разложения, и тяжелый, полный миазмов пар ударял нам в лицо. От неверного шага мы не раз погружались по колено в черную дрожавшую трясины, которая мягкими волнами расходилась на ярды вокруг наших ног. Когда мы шли, она, как клещами, схватывала нас за пятки; когда же мы погружались в нее, то казалось, что вражеская рука силою тащит нас в эту злоеющую глубину. Один только раз увидели мы, что кто-то прошел по этому опасному пути до нас. Среди клочка болотной травы виднелся какой-то темный предмет. Холмс, сойдя с тропинки, чтобы схватить его, погрузился по пояс и, если бы тут не было нас, чтобы вытащить его, он никогда уже больше не ступил бы на твердую землю. Он держал в руке старый черный сапог. Внутри его было напечатано на коже: «Мейерс, Торонто».

– Эта находка стоит грязевой ванны, – сказал Холмс. – Это пропавший сапог нашего друга сэра Генри.

– Который Стэплтон бросил здесь, спасаясь от нас.

– Именно. Сапог остался у него в руках после того, как он воспользовался им для того, чтобы пустить собаку по следам сэра Генри. Он убежал, когда увидел, что игра его проиграна, и в этом месте швырнул сапог. Мы знаем, по крайней мере, что до этого места он благополучно добрался.

Но больше этого нам никогда не суждено было узнать, хотя о многом мы могли догадываться. Не было никакой возможности увидеть следы ног на трясины, потому что поднимающаяся тина моментально заливала их. Когда же мы достигли твердой земли и стали жадно искать эти следы, то не нашли ни малейшего признака их. Если земля не обманывала, то Стэплтону так и не удалось достигнуть своего убежища на острове, к которому он стремился сквозь туман в эту последнюю ночь.

Этот холодный и жестокий человек похоронен в центре Гримпенской трясины, в глубине зловонного ила громадного болота.

Много его следов нашли мы на острове, на котором он прятал своего дикого союзника. Громадное двигательное колесо и шахта, наполовину наполненная щебнем, указывали, что тут когда-то была копь. Около нее были разбросаны развалины хижин рудокопов, которых, вероятно, выгнали отсюда зловонные испарения окружающего болота. В одной из них скоба и цепь со множеством обглоданных костей указывали место, где помещалась собака. На полу лежал скелет с приставшим к нему пучком коричневой шерсти.

– Собака! – сказал Холмс. – Боги мои, да это кудрявый спаниель! Бедный Мортимер никогда больше не увидит своего любимца. Ну, а теперь, я думаю, это место не заключает в себе больше таких тайн, в которые мы бы уже не проникли. Стэплтон мог спрятать свою собаку, но не мог заглушить ее голоса, и вот откуда шли эти крики, которые даже и днем неприятно было слышать. В случае крайности он мог бы держать собаку в сарае, в Меррипите, но это было рискованно, и только в последний день, когда он думал, что конец всем его трудам, он рискнул это сделать. Тесто в этой жестянке, без сомнения, та светящаяся смесь, которою он мазал животное. Его, конечно, навела на эту мысль фамильная легенда об адской собаке и желание напугать до смерти старика сэра Чарльза. Неудивительно, что несчастный каторжник бежал и кричал (так же, как и наш друг, и как поступили бы и мы сами), когда он увидел, что такая тварь скачет во мраке болота по его следам. Это была хитрая выдумка, потому что никакой крестьянин не осмелится поближе познакомиться с такою тварью, увидев ее мельком на болоте. А мы знаем, что многие ее видели. Я говорил в Лондоне, Ватсон, и повторяю теперь, что никогда не приходилось нам преследовать человека более опасного, чем тот, который лежит теперь там.

Сказав это, Холмс простер руку по направлению к громадному пространству трясины, испещренной зелеными пятнами и сливающейся на горизонте с болотом.

XV. Взгляд назад

Был конец ноября, и мы с Холмсом сидели в сырой туманный вечер у пылающего камина нашей гостиной на Бейкер-стрит. Мой друг был в отличном расположении духа вследствие удачного разрешения целого ряда трудных и важных дел, а потому я мог навести его на разговор о подробностях баскервильского дела. Я терпеливо ожидал этой удобной минуты, потому что знал, что Холмс никогда не допустит смешивать дела, и что его ясный и логический ум не отвлечется от настоящей работы ради воспоминаний о прошлом. Но сэр Генри находился с доктором Мортимером в Лондоне, готовясь к длинному путешествию, которое было предписано для восстановления его пошатнувшейся нервной системы. В этот самый день они навестили нас, а потому естественно было навести разговор на этот предмет.

– Весь ход событий, – сказал Холмс, – с точки зрения человека, называвшего себя Стэплтоном, был прост и прямолинеен, хотя нам, не знавшим вначале мотивов его действий и познававшимся только с некоторыми фактами, все казалось чрезвычайно сложным. Мне удалось два раза говорить с миссис Стэплтон, и в настоящее время дело вполне выяснилось, и я не думаю, чтобы для нас оставалась тут еще какая-нибудь тайна. Вы найдете несколько заметок об этом деле под литерой Б в моем списке дел.

– Не будете ли вы добры сделать мне на словах очерк течения событий в этом деле?

– Конечно, я могу это сделать, хотя не ручаюсь, чтобы все факты сохранились у меня в памяти. Усиленная умственная сосредоточенность имеет курьезное влияние на мозг, вычеркивая из него то, что прошло. Однако же, в том, что касается случая с «собакой», я передам вам ход событий по возможности точно, а вы мне напомните, если я что позабуду.

– Мои расследования доказали без всякого сомнения, что фамильный портрет не солгал, и что этот молодец в действительности Баскервиль. Он был сыном того Роджера Баскервиля, младшего брата сэра Чарльза, который бежал с запятнанной репутацией в Южную Америку, где и умер, как полагали, холостым. В действительности же он женился и имел одного сына, того самого молодца, настоящее имя которого такое же, как и имя его отца. Этот молодец женился на Бериле Гарциа, одной из красавиц Коста-Рики и, похитив значительную сумму общественных денег, переменил свое имя на Ванделер и бежал в Англию, где основал школу в восточной части Йоркшира. Причина, вследствие которой он взялся именно за такого рода дело, заключалась в том, что во время путешествия он познакомился с одним чахоточным учителем и воспользовался опытностью этого человека для успешного ведения предприятия. Фрезер, учитель, однако же, умер, и школа, хорошая вначале, стала падать и приобрела дурную репутацию, а затем даже и позорную. Ванделер нашел удобным переменить свое имя на имя Стэплтон и перенес остатки своего состояния, свои планы на будущее и любовь к энтомологии на юг Англии. Я узнал в Британском музее, что он был признанным авторитетом в этой науке, и что одной ночной бабочке, которую он первый описал во время своего пребывания в Йоркшире, было дано название Ванделер.

Теперь мы дошли до той части его жизни, которая оказалась столь интересной для нас. Молодец этот, очевидно, навел справки и узнал, что только две жизни стоят между ним и ценным поместьем. Я думаю, что когда он отправился в Девоншир, планы его были крайне туманны, но что у него были с самого начала злые намерения, очевидно из того, что он взял с собою жену в качестве сестры. Мысль пользоваться ею, как приманкой, была уже ясно выработана у него в уме, хотя он, может быть, и не знал еще деталей, в какие выльется его замысел. Цель его была – получить поместье, и он готов был употребить всякое оружие и идти на всякий риск ради достижения этой цели. Первым его действием было поселиться как можно ближе к жилищу своих предков, а вторым – завязать дружеские отношения с сэром Чарльзом Баскервилем и с соседями.

Баронет рассказал ему легенду о семейной собаке и тем самым приговорил себя к смерти. Стэплтон, как я буду продолжать называть его, знал, что у старика было плохое сердце, и что сильное потрясение может убить его. Это он слышал от доктора Мортимера. Он слышал также, что сэр Чарльз был суеверен и придавал серьезное значение мрачной легенде. Его изобретательный ум тотчас же сообразил, каким путем можно убить баронета и так, чтобы невозможно было приписать его смерть действительному убийце.

Возымев эту идею, он принялся крайне тонко осуществлять ее. Обыкновенный человек удовольствовался бы просто свирепой собакой. Желание же придать ей вид дьявольского существа было проблеском гения с его стороны. Он купил собаку в Лондоне у Росса и Мангльса на Фульгам-роде. Это была самая сильная и самая свирепая из имевшихся у них собак. Он привез ее по северной линии и сделал с нею большой путь пешком по болоту, чтобы привести ее домой незаметно. В своей охоте на насекомых он уже научился проникать в Гримпенскую трясину и, таким образом, нашел надежное место, где спрятать свою собаку. Тут он посадил ее на цепь и ждал удобного случая.

Но время проходило, а случай не представлялся. Старика нельзя было заманить ночью за пределы его владений. Несколько раз Стэплтон подстерегал его в засаде вместе со своей собакой, но без всякого результата. Во время этих-то бесплодных поисков, его или, вернее, его союзника видели крестьяне, чем легенда о дьявольской собаке получила новое подтверждение. Он надеялся, что жена его завлечет сэра Чарльза в западню, но тут она неожиданно оказалась независимой. Она не могла согласиться вовлечь старика в сентиментальную привязанность с тем, чтобы предать его врагу. Ни угрозы, ни даже удары не могли ее убедить. Она не хотела ни во что вмешиваться, и Стэплтон стал на время в тупик.

Он нашел выход из своих затруднений в том, что сэр Чарльз, привязавшись к нему, сделал его посредником в помощи, которую оказывал несчастной Лауре Ляйонс. Выдавая себя за холостого, Стэплтон приобрел большое влияние на нее и дал ей понять, что если она получит развод от мужа, то он женится на ней. Вдруг оказалось, что его планы должны быть немедленно приведены в исполнение, потому что он узнал, что сэр Чарльз, по совету доктора Мортимера, с которым он сам, как будто, соглашался, должен был покинуть свое поместье. Ему приходилось не терять ни одной минуты, иначе жертва могла очутиться вне его власти. Поэтому он произвел давление на миссис Ляйонс, чтобы она написала письмо, в котором умоляла бы старика дать ей возможность поговорить с ним вечером накануне своего отъезда в Лондон. Затем под благовидным предлогом он отговорил ее идти на свидание и, таким образом, добился случая, которого ожидал.

Возвратившись вечером из Кумб-Трасея, он имел еще время достать свою собаку, намазать ее своим адским составом и привести ее к калитке, у которой он знал, что старик будет ждать. Собака, побуждаемая своим хозяином, перепрыгнула через калитку и преследовала несчастного баронета, который с криками бежал вниз по аллее. И, право, страшное должно было быть то зрелище, когда в мрачном туннеле громадная черная тварь с огненной пастью и пламенными глазами скакала за своей жертвой. Старик пал мертвым в конце аллеи от паралича сердца и ужаса. Собака бежала по заросшей травой полосе, а баронет по дорожке, потому что видны были только следы человеческих ног. Видя, что он лежит, собака подошла, вероятно, к нему, обнюхала его и, убедившись, что он мертвый, вернулась назад. Тогда-то она и оставила следы своих лап, замеченные доктором Мортимером. Собака была отозвана и поспешно водворена в свое логовище в центре Гримпенской трясины, и осталась тайна, над которой власти ломали голову, и которая напугала окрестных жителей и, наконец, привела дело в сферу наших наблюдений.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервиля. Вы замечаете, какая тут была употреблена дьявольская хитрость, так как почти немислимо было возбудить дело против истинного убийцы. Единственным его соучастником было существо, которое не могло его

выдать, и бессмысленность, непостижимость характера этой выдумки делала ее еще более надежной. Обе женщины, замешанные в этом деле, миссис Стаяльтон и миссис Лаура Ляйонс, имели сильные подозрения против Стэплтона. Миссис Стэплтон знала, что он имел замыслы против старика, и ей также было известно существование собаки. Миссис Ляйонс не знала ни того, ни другого, но на нее произвело впечатление смерти, случившейся как раз в минуту назначенного и неотмененного ею свидания, о котором было известно одному только Стэплтону. Но обе находились под его влиянием, и ему нечего было их бояться. Первая половина его задачи была удачно выполнена, но оставалось осуществить еще самую трудную ее часть.

Возможно, что Стэплтон сначала и не знал о существовании наследника в Канаде. Во всяком случае, он очень скоро узнал о нем от своего друга доктора Мортимера, который передал ему и все подробности, относившиеся к приезду сэра Генри Баскервиля. Прежде всего, Стэплтону пришло в голову, что с этим молодым канадцем можно, пожалуй, покончить в Лондоне, не дав ему вовсе возможности приехать в Девоншир. Он не доверял своей жене с тех пор, как она отказалась поставить ловушку старику, и вместе с тем он боялся надолго оставить ее без себя, из опасения утратить свое влияние над нею. Вот почему он взял ее с собою в Лондон. Я узнал, что они остановились в отеле Мексборо, на Кравен-стрит, вошедшем в число тех отелей, которые посетил мой агент в поисках за доказательствами. Тут Стэплтон держал свою жену взаперти, пока сам с приставной бородой следил за доктором Мортимером до Бейкер-стрит, затем до станции и до Нортумберлендского отеля. Его жена почуяла что-то из его планов. Но она питала такой страх к своему мужу, страх, основанный на жестоком обращении, что не смела написать сэру Генри, чтобы предупредить его о грозившей ему опасности. Если бы письмо попало в руки Стэплтона, то и ее жизнь оказалась бы в опасности. Наконец, она, как мы знаем, прибегла к способу вырезать из газеты слова и составить из них послание; для адреса же она подделала свой почерк. Письмо дошло до баронета, и он, таким образом, получил первое предостережение о грозившей ему опасности.

Для Стэплтона было крайне важно добыть какую-нибудь часть одежды сэра Генри, чтобы в случае, если ему придется пользоваться собакой, он мог бы всегда пустить ее по его следу. Со свойственной ему быстротою и дерзостью он сразу же устроил это дело, и мы не можем сомневаться, что горничная отеля была щедро подкуплена, если она помогла ему исполнить его намерение. Однако ж, случилось так, что первый добытый для него сапог был новый, и, следовательно, непригодный для его цели. Он вернул его и получил другой. Это был очень поучительный инцидент, так как окончательно доказал мне, что мы имеем дело с настоящей собакой, потому что никакое другое предположение не могло объяснить неперменного желания получить именно старый, а не новый сапог. Чем бессмысленнее и смешнее инцидент, тем тщательнее следует его анализировать, и то обстоятельство, которое как будто усложняет дело, оказывается самым пригодным для его разъяснения, только нужно его должным образом и научно расследовать.

Затем на следующее утро нас посетили наши друзья, и за ними продолжал следить Стэплтон, сидя в кебе. Из его знакомства с нашим помещением и с моей наружностью, а также из всего его поведения, я склонен вывести заключение, что преступная карьера Стэплтона далеко не ограничивается баскервильским делом. Многозначителен тот факт, что за последние три года на западе были совершены четыре значительные наглые кражи со взломом, и ни в одном из этих четырех случаев виновный не был арестован. Последняя из них, совершенная в мае в Фолгстон-Корте, замечательна хладнокровным убийством из револьвера полицейского, заставшего замаскированного одинокого вора. Я не могу сомневаться в том, что Стэплтон добывал таким образом недостающие ему средства к жизни, и что в течение многих лет он был отчаянным и опасным человеком.

Мы имели образчик его находчивости в то утро, когда он так удачно скрылся от нас, а также его дерзости, когда он сделал мне вызов, дав кучеру мое собственное имя. С этой минуты

он понял, что я взялся за это дело в Лондоне, и что потому здесь ему нечего ожидать успеха. Он вернулся в Дартмут и стал ожидать приезда баронета...

– Пойдите, – сказал я, – вы, бесспорно, правильно передали последовательный ход событий, но есть один пункт, который вы оставили не разъясненным.

– Что было с собакой, когда ее хозяин был в Лондоне?.. Я обратил внимание на этот вопрос, и он, конечно, имеет некоторое значение. Не может быть сомнения, что Стэплтон имел поверенного, хотя вряд ли он отдавал себя в его власть, знакомя его со всеми своими планами. В Меррипит-гаузе находился старый слуга по имени Антони. Его связь с Стэплтонами может быть прослежена за несколько лет – до самого того времени, когда они содержали школу, так что он должен был знать, что его господин и госпожа – муж и жена. Человек этот исчез. Многозначителен тот факт, что Антони – необычное имя в Англии, между тем как Антонио – имя очень распространенное во всех испанских и испано-американских странах. Этот человек так же, как и миссис Стэплтон, говорил хорошо по-английски, но с каким-то странным акцентом. Я сам видел, как этот человек шел через трясину по тропинке, отмеченной Стэплтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсутствие хозяина он заботился о собаке, хотя мог и не знать, для какой цели содержится это животное.

Затем Стэплтоны вернулись в Девоншир, куда вскоре поехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу несколько слов о том, что я делал в то время. Вы, может быть, помните, что когда я рассматривал бумагу, на которой были наклеены печатные слова, то тщательно исследовал водяной знак. Делая это, я держал бумагу близко к глазам и почувствовал легкий запах духов белого жасмина. Существует семьдесят пять сортов духов, которые эксперт по расследованию преступлений должен непременно уметь различать, и многие дела, по моим сведениям, не раз зависели от быстрого узнавания сорта духов. Запах духов заставил меня подумать об участии в этом деле дамы, и мои мысли уже направились к Стэплтонам. Я убедился в существовании собаки и догадался, кто преступник прежде, чем мы отправились на запад.

Моим делом было следить за Стэплтоном. Но, очевидно, я не мог бы этого исполнить, если бы находился с вами, так как тогда он был бы настороже. Поэтому я обманул всех, в том числе и вас, и приехал в Девоншир, между тем, как все думали, что я в Лондоне. Я не так бедствовал, как вы воображали, хотя такие пустяшные подробности никогда не должны входить в счет при расследовании дела. Большую часть времени я жил в Кумб-Трасее и только тогда пользовался хижинкой на болоте, когда необходимо было быть поблизости от места действия. Со мною приехал Картрайт и, переодетый деревенским мальчиком, был очень полезен мне. Его обязанностью было заботиться о моем пропитании и чистом белье. Пока я следил за Стэплтоном, Картрайт часто следил за вами, так что я знал обо всем.

Я уже говорил вам, что ваши донесения доходили до меня очень быстро, так как их немедленно пересылали из Бейкер-стрит в Кумб-Трасей. Они были очень полезны мне и, в особенности, случайно верный отрывок из биографии Стэплтона. Я мог восстановить подлинность как мужа, так и жены, и узнал, наконец, в точности, чего мне надо было держаться. Дело значительно усложнилось инцидентом с беглым каторжником и его родством с Бэрриморами. И это вам удалось прекрасно выяснить, хотя я уже пришел к тому же заключению, благодаря своим собственным наблюдениям.

К тому времени, когда вы нашли меня на болоте, я уже вполне был знаком со всеми обстоятельствами, только у меня не было в руках дела, которое я мог бы представить в суд присяжных. Даже покушение Стэплтона на жизнь сэра Генри в ту ночь, когда погиб несчастный каторжник, не много нам помогло для доказательства замышляемого против нашего клиента убийства. Не оставалось другого выхода, как схватить убийцу на месте преступления, а для этого нам нужно было пустить сэра Генри как приманку, одного, и по-видимому, беззащитного. Мы так и сделали и ценою сильного потрясения, нанесенного нашему клиенту, нам удалось закончить дело и довести Стэплтона до гибели. Я должен признаться, что можно поставить

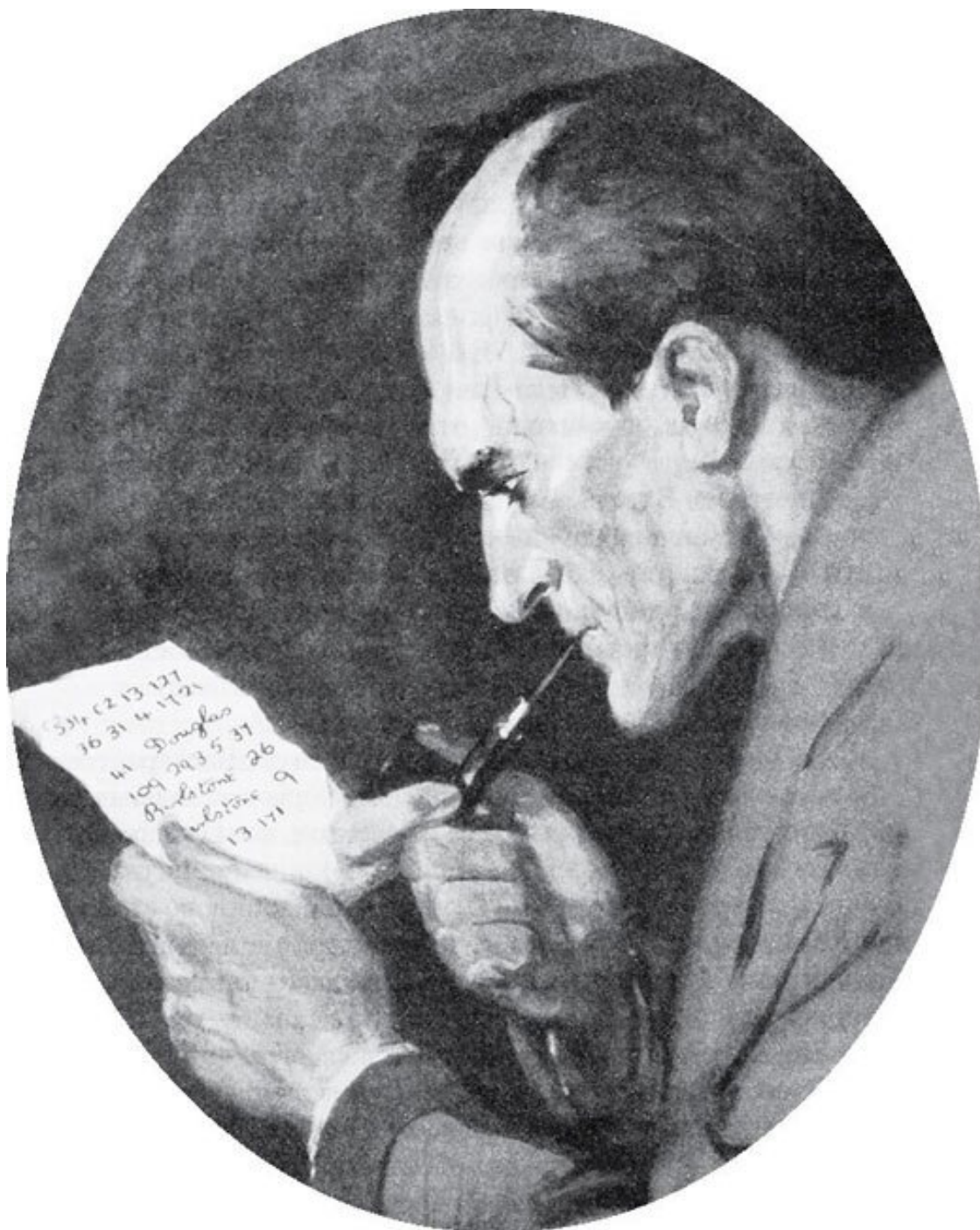
в упрек моему ведению дела то, что я подверг сэра Генри такому испытанию, но мы не имели возможности предвидеть страшного и потрясающего зрелища. которое представила собака, а также не могли предвидеть тумана, который дал ей возможность неожиданно выскочить на нас. Мы достигли своей цели ценою, которую оба врача – и специалист, и доктор Мортимер – положительно считают проходящей. Длинное путешествие даст возможность нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но излечит и сердечные раны. Его любовь к миссис Стэплтон была глубока и искренна, и для него самую печальную стороною этого мрачного дела является тот факт, что он был обманут ею.

– Остается мне только указать, какую роль она играла во всем этом деле. Не может быть сомнения, что Стэплтон имел на нее влияние, которое можно объяснить или любовью или страхом, а может быть, и тем и другим вместе, так как, эти оба чувства вполне совместимы. Во всяком случае, влияние его было вполне действительное. По его приказанию она согласилась слыть за его сестру, хотя его власти над нею были положены границы, когда он пытался сделать из нее прямую пособницу в убийстве. Она готова была предостерегать сэра Генри настолько, насколько могла, не выдавая своего мужа, и она не раз пробовала это делать. Сам Стэплтон как будто был способен ревновать, и когда увидел, что баронет ухаживает за его женою, хотя это и входило в его планы, он не мог не прервать этого ухаживания страстной вспышкой, обнаружившей пламенную душу, которую он так умело скрывал под своим самообладанием. Поощряя дружеские отношения, Стэплтон был уверен, что сэр Генри будет часто приходить в Меррипит-гауз, и что рано или поздно он дождется желаемого удобного случая. Но когда настал критический момент, жена вдруг восстала против него. Она кое-что прослышала о смерти беглого каторжника и знала, что собака будет заперта в сарай в тот вечер, когда сэр Генри должен был прийти обедать. Она обвинила мужа в замышляемом убийстве, а затем последовала дикая сцена, во время которой он впервые сказал ей, что у нее есть соперница в его любви. Ее верность сразу превратилась в сильную ненависть, и он увидел, что она непременно выдаст его. Поэтому он связал ее, чтобы лишить возможности предостеречь сэра Генри, и надеялся, конечно, что когда вся страна припишет смерть баронета родовому проклятию (что непременно должно было случиться), он снова одержит победу над женою, заставив ее примириться со свершимся фактом и хранить молчание относительно всего, что она знает. Мне кажется, что в этом отношении он ошибался в расчете, и если бы нас даже и не было на месте, его приговор все-таки был бы подписан. Женщина с испанской кровью в жилах не так легко прощает подобное оскорбление... А теперь, милый Ватсон, я не могу, не прибегая к своим заметкам, дать вам более подробный отчет об этом любопытном деле. Мне кажется, что ничего важного не осталось необъясненным.

Он не мог надеяться напугать сэра Генри до смерти своею собакой-привидением, как это сделал со стариком-дядею. Животное было свирепое и голодное. Если бы его появление и не испугало жертвы до смерти, то оно, по крайней мере, лишило бы ее всякой способности к отпору, без сомнения. Остается еще один вопрос. Если бы Стэплтону удалось получить наследство, каким образом объяснил бы он тот факт, что он, наследник, жил так близко от поместья, скрываясь под чужим именем? Каким образом мог бы он заявить свои права на наследство, не возбудив подозрения и следствия?.. Он был бы в страшном затруднении, и я боюсь, что вы слишком много требуете от меня, если ожидаете, что я разрешу этот вопрос. Прошлые и настоящее входят в область моих расследований, но как человек может поступить в будущем, на это очень трудно ответить. Миссис Стэплтон говорит, что ее муж не раз обсуждал эту дилемму. Из нее можно было бы выйти тремя способами. Стэплтон мог, удостоверив подлинность своей личности в Южной Америке, оттуда требовать свое наследство, не приезжая в Англию; или же он мог прибегнуть к искусному переряжению на короткое время, когда ему необходимо было бы пробыть в Лондоне; или же, наконец, он мог добыть себе соучастника, которому он передал бы все доказательства своей личности и бумаги и выдал бы его за наследника, выговорив себе

за это известную часть дохода. Из того, что мы знаем о нем, мы не можем сомневаться, что он, тем или иным путем, вышел бы из затруднения... А теперь, милый Ватсон, мы провели несколько недель в тяжелой работе, и я думаю, что на один вечер мы можем обратить свои мысли на более приятные предметы. У меня есть ложа в театре на «Гугенотов». Слыхали ли вы Решке? Могу я вас попросить быть готовым через полчаса, и мы, до оперы, пообедаем в ресторане Марцини.

Возвращение Шерлока Холмса Рассказы

В пустом доме

Весной 1894 года весь Лондон был охвачен любопытством, а высший свет – скорбью из-за убийства высокородного Рональда Эйдера при самых необычных и необъяснимых обстоятельствах. Публика уже знала все подробности преступления, которые установило полицейское расследование, но очень многое осталось тогда скрытым, поскольку улики были так неопро-

вержимы, что сочли излишним предавать гласности все факты. И только теперь, по истечении почти десяти лет, мне дано разрешение восполнить недостающие звенья и полностью восстановить эту поразительную цепь событий. Преступление было интересно само по себе, но для меня этот интерес не идет ни в какое сравнение с невероятным его последствием, которому я обязан самым большим потрясением и величайшим сюрпризом во всей моей богатой приключениях жизни. Даже теперь, после стольких лет, вспоминая о нем, я испытываю дрожь волнения и вновь ощущаю тот прилив радости, изумления и недоверия к собственным глазам, который совершенно меня ошеломил. Да будет мне дано заверить тех, кто проявлял некоторый интерес к кратким знакомствам с мыслями и действиями поразительного человека, что они не должны винить меня, если я не мог поделиться с ними моими сведениями, ибо я почел бы своим первейшим долгом сделать это, не услышав я прямого запрещения из его собственных уст, которое было снято только третьего числа прошлого месяца.

Легко можно понять, что моя тесная близость с Шерлоком Холмсом породила у меня глубокий интерес к преступлениям, и что после его исчезновения я всегда внимательно читал все подробности о загадках, представляемых вниманию публики, и даже не один раз пытался для собственного удовольствия прилагать его методы к их решению, хотя и без особого успеха. Однако ни одна из них не интриговала меня так, как трагедия Рональда Эйдера. Когда я прочел об уликах, которые привели к вердикту: преднамеренное убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами, – я еще глубже ощутил потерю, которую нанесла обществу смерть Шерлока Холмса. Я не сомневался, что многие особенности этого дела непременно его заинтересовали бы и усилиям полиции поспособствовали бы, а то и опередили их острый ум и несравненная наблюдательность первого борца с преступниками в Европе. Весь день, между посещениями моих пациентов, я обдумывал это дело, но не находил сколько-нибудь правдоподобного объяснения. Рискую повторить уже дважды рассказанное, я изложу факты, ставшие известными публике после расследования.

Высородный Рональд Эйдер был вторым сыном графа Мейнута, в то время губернатора одной из австралийских колоний. Мать Эйдера вернулась из Австралии для операции катаракты. Она, ее сын Рональд и дочь Хильда жили вместе в доме номер 427 на Парк-Лейн. Юноша вращался в высшем свете, не имел, насколько было известно, ни врагов, ни особых пороков. Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли, но помолвку расторгли по взаимному согласию за несколько месяцев до трагедии, и не было никаких признаков скрытой неприязни. В остальном его жизнь ограничивалась рамками условностей, так как привычки его были спокойными, а натура незмоциональной. И все-таки этого безобидного аристократа смерть настигла крайне странно и неожиданно в двадцать минут одиннадцатого часа вечера 10 марта 1894 года.

Рональд Эйдер любил играть в карты и играл постоянно, но никогда на слишком высокие для него ставки. Он состоял членом карточных клубов «Болдуин», «Кавендиш» и «Багатель». Было установлено, что в день своей смерти он после обеда сыграл роббер в вист в последнем из них. Кроме того, он играл и днем. Из показаний его партнеров – мистера Мэррея, сэра Джона Харди и полковника Морана – следовало, что играли они в вист, и что карты выпадали ровно. Эйдер, возможно, проиграл фунтов пять, но не больше. Он был обладателем солидного состояния, и такая потеря никак не могла его обременить. Он почти ежедневно играл то в одном клубе, то в другом, но игроком был осторожным и обычно покидал клуб в выигрыше. При расследовании выяснилось, что в партнерстве с полковником Мораном он несколькими неделями раньше даже выиграл 420 фунтов у Годфри Милнера и лорда Балморала. Вот и все последние события его жизни, установленные расследованием.

В вечер преступления он вернулся домой ровно в десять. Его мать и сестра были в гостях у родственников. Горничная показала, что слышала, как он вошел в комнату на третьем этаже, служившую ему гостиной. Она затопила там камин, а так как он дымил, открыла окно, выхо-

дившее на улицу. До одиннадцати двадцати оттуда не доносилось ни звука – до момента возвращения леди Мейнот и ее дочери. Мать захотела войти в комнату сына, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Дверь оказалась запертой изнутри, и он не отзывался ни на стук, ни на крики. Позвали на помощь, и дверь была взломана. Злополучный молодой человек лежал возле стола. Его голова была страшно изуродована разрывной револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не нашли. На столе лежали две десятифунтовые банкноты, а также серебряные и золотые монеты всего на 10 фунтов 17 шиллингов, уложенные столбиками на разные суммы. На листе бумаги были написаны какие-то цифры с фамилиями некоторых клубных друзей напротив них, из чего был сделан вывод, что перед смертью он подводил итоги своим карточным проигрышам или выигрышам.

Тщательное исследование всех обстоятельств только запутало дело. Во-первых, осталось непонятным, почему молодой человек запер дверь изнутри. Было предположение, что ее запер убийца, а затем вылез в окно. Однако до земли было больше двадцати футов, и на клумбе цветущих крокусов внизу цветы не были сломаны, а земля не примята. Не нашлось никаких следов и на узком газоне, отделявшем дом от улицы. Так что дверь, видимо, запер сам молодой человек. Но каким образом его постигла смерть? Никто не мог взобраться на подоконник, не оставив следов. Предположим, кто-то выстрелил в окно? Поистине, только замечательный стрелок мог бы нанести столь смертельную рану из револьвера. Опять-таки, Парк-Лейн – оживленная улица, а всего в ста ярдах от дома расположена стоянка кебов. Никто не слышал выстрела. И, тем не менее, имелся убитый и револьверная пуля, которая, пронзив череп, разорвалась, как разрывающиеся особые пули, и нанесла рану, повлекшую мгновенную смерть. Таковы были обстоятельства «Тайны Парк-Лейн», которую дополнительно осложняло полное отсутствие мотива, поскольку, как я уже упоминал, у молодого Эйдера не было никаких известных врагов, а деньги и всякие ценности в комнате тронуты не были.

Весь день я ломал голову над этими фактами, пытаюсь нащупать теорию, которая согласовала бы их, и найти ту линию наименьшего сопротивления, которая, по убеждению моего бедного друга, является исходной точкой любого расследования. Признаюсь, я нисколько не продвинулся. Вечером я прогулялся по парку и часов в шесть оказался у конца Парк-Лейн на углу Оксфорд-стрит. Кучки зевак на тротуаре, глазевших, подняв головы, на одно окно, помогли мне сразу найти дом, который я пришел посмотреть. Высокий худой мужчина в темных очках, в котором я заподозрил переодетого детектива, излагал собственную теорию, а слушатели сгрудились вокруг него. Я подошел к нему как мог ближе, однако его предположения показались мне нелепыми, а потому я попятился с некоторой брезгливостью. И толкнул пожилого скрюченного мужчину, стоявшего позади меня, так что он выронил несколько книг, которые держал. Помнится, подбирая их, я заметил заглавие «Происхождение культа деревьев» и подумал, что старик, видимо, бедный библиофил, который ради заработка либо из увлечения коллекционирует редкие книги. Я начал извиняться за свою неловкость, но было очевидно, что книги, которые я нечаянно подверг опасности, были в глазах их собственника бесценными. С сердитым бурчанием он повернулся на каблуках, и я увидел, как его согбенная спина и седые бакенбарды исчезают в толпе.

Мой осмотр снаружи номера 427 на Парк-Лейн ничего не дал для решения заботившей меня проблемы. От улицы дом отделяла низкая ограда с решеткой на ней, вместе не выше пяти футов. Следовательно, кто угодно мог без всякого труда забраться в сад. Но окно было совершенно недостижимо – ни водосточной трубы, ни чего-либо еще, что помогло бы ловкому человеку залезть туда. Озадаченный даже еще сильнее, чем раньше, я вернулся в Кенсингтон. Я и пяти минут не пробыл в своем кабинете, когда горничная пришла сказать, что меня хочет видеть какой-то человек. К моему изумлению, им оказался мой оригинальный коллекционер книг. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос, а под мышкой он зажимал не меньше десятка своих бесценных томов.

– Вы удивлены увидеть меня, – сказал он странным надтреснутым голосом.

Я не стал отрицать.

– Ну, так у меня есть совесть, сэр. И когда я увидел, как вы вошли в этот дом, пока я ковылял за вами, то подумал, дай-ка зайду повидать этого доброго джентльмена и скажу ему, что, конечно, я был резковат, но без дурного намерения, и что я весьма обязан ему, что он подобрал мои книги.

– Вы придаете слишком большое значение пустяку, – сказал я. – Могу ли я спросить, откуда вы знаете, кто я?

– Ну, сэр, если это не слишком большая вольность, так я ваш сосед. Моя книжная лавочка на углу Черч-стрит, и буду счастлив видеть вас там, позвольте вам сказать. Может быть, вы собираете книги, сэр? Так вот и «Британские птицы», и Катулл, и «Священная война» –

находка любая из них. Этими пятью вы как раз заполните пустоту на второй полке. Такой неаккуратный вид, верно, сэр?

Я повернул голову взглянуть на шкаф у меня за спиной, а когда снова посмотрел на старика, передо мной, улыбаясь мне через стол, стоял Шерлок Холмс. Я вскочил, несколько секунд смотрел на него вне себя от изумления, а затем, видимо, лишился чувств в первый и в последний раз в моей жизни. Бесспорно, перед глазами у меня клубился серый туман, а когда он рассеялся, я увидел, что мой воротничок расстегнут, и ощутил на губах щекочущее послевкусие коньяка. Надо мной наклонялся Холмс с фляжкой в руке.

– Мой дорогой Ватсон, – произнес такой знакомый голос, – примите тысячу извинений. Я даже представить себе не мог, что это так на вас подействует.

Я ухватил его за локоть.

– Холмс! – вскричал я. – Это вы? Неужели вы живы? Возможно ли, что вы выбрались из этой страшной бездны?

– Погодите, – сказал он. – Вы уверены, что у вас есть силы для разговора? Мое излишне драматичное появление вас серьезно потрясло.

– Со мной все в порядке! Но, право же, Холмс, я просто не верю своим глазам. Боже великий, подумать, что вы, именно вы у меня в кабинете! – Вновь я вцепился ему в рукав и почувствовал под ним худую жилистую руку. – Ну, во всяком случае, вы не призрак, – сказал я. – Мой дорогой, я в восторге, что вижу вас. Садитесь же и расскажите мне, как вы все-таки выбрались живым из этой страшной пропасти.

Он сел напротив меня и закурил сигарету со своей обычной небрежностью. Одет он был в потрепанный сюртук книготорговца, но остальные составные части этого субъекта лежали на столе кучкой белых волос и стопкой старых книг. Холмс выглядел даже более худым и энергичным, чем прежде, но мертвенная бледность его орлиного лица сказала мне, что последнее время он вел нездоровый образ жизни.

– Как приятно потянуться, Ватсон, – сказал он. – Совсем не шутка, когда высокий человек вынужден укорачиваться на фут по несколько часов в день. А теперь, мой дорогой, что до этих объяснений, то нам, если я могу попросить вас о помощи, предстоит тяжелая и опасная ночная работа. Пожалуй, будет лучше, если я изложу вам всю ситуацию, когда работа будет завершена.

– Я сгораю от любопытства. И предпочел бы услышать все сейчас.

– Вы пойдете со мной ночью?

– Когда скажете и куда скажете.

– Совсем как в былые дни. Мы сможем перекусить, прежде чем настанет время отправляться. Ну, так о пропасти. Мне было нетрудно выбраться из нее по той простой причине, что меня в ней никогда не было.

– Никогда не было?!

– Да, Ватсон, не было. Моя записка вам была абсолютно правдивой. Я не сомневался, что моей карьере пришел конец, когда увидел довольно-таки зловещую фигуру покойного профессора Мориарти на узкой тропке. Я прочел неумолимую решимость в его серых глазах. Поэтому я обменялся с ним несколькими словами и получил его любезное разрешение написать записку, которую вы потом получили. Я оставил ее с моим портсигаром и тростью и пошел по тропке. Мориарти шел за мной по пятам. У обрыва я остановился. Он не вытащил никакого оружия, но бросился на меня и обхватил своими длинными руками. Он знал, что его игра проиграна, и хотел только отомстить мне. Мы закачались на краю обрыва. Однако я знаком с приемами японской борьбы, которые не раз оказывались мне очень полезными. Я выскользнул из его рук, и он с ужасным воплем несколько секунд взбрыкивал ногами и обеими руками цеплялся за воздух. Но не сумел обрести равновесие и свалился с обрыва. Нагнувшись над краем,

я наблюдал его долгое падение. Затем он ударился о выступ, отлетел в сторону и с плеском исчез под водой.

Я с изумлением слушал эти объяснения, перемежавшиеся попытками закурить сигарету.

– Но следы? – вскричал я. – Две пары следов вели к обрыву, я их своими глазами видел. И никаких отпечатков обратного следа.

– Произошло это следующим образом. Едва с профессором было покончено, я сообразил, какой счастливый шанс предоставляет мне судьба. Я знал, что Мориарти был не единственным, кто поклялся разделаться со мной. По меньшей мере, еще у троих жажда отомстить мне только увеличится из-за смерти их вожака. Все они крайне опасные люди. Не один, так другой непременно доберется до меня. Однако если весь свет будет убежден в моей смерти, они пустятся во все тяжкие, эти трое. Они перестанут осторожничать, и рано или поздно, но я их уничтожу. Затем настанет время объявить, что я по-прежнему жив. Мозг работает столь стремительно, что, по-моему, я обдумал все это даже прежде, чем профессор Мориарти оказался на дне Рейхенбахского водопада.

Я выпрямился и осмотрел каменистый обрыв позади меня. В вашем живописном изложении случившегося, которое я несколько месяцев спустя прочел с живейшим интересом, вы указываете, что обрыв этот был абсолютно отвесным. Однако не буквально. Кое-где торчали камни, а выше было что-то вроде ниши. Обрыв был настолько высоким, что взобраться на него до вершины представлялось невозможным, но столь же невозможно было пройти по сырой тропке, не оставив следов. Правда, я мог бы повернуть сапоги носками назад, как поступал в подобных случаях, но три следа, ведущих в одном направлении, бесспорно, навели бы на мысль об обмане. В целом выходило, что мне следует рискнуть и полезть вверх. Не слишком большое удовольствие, Ватсон! Внизу подо мной ревел водопад. Я не склонен к фантазиям, но даю слово, что я словно слышал голос Мориарти, проклиная меня из пропасти. Малейшая ошибка оказалась бы роковой. Не раз, когда пучок травы оставался у меня в руке, вырванный с корнем, или моя ступня соскальзывала с мокрого выступа, я думал, что настал мой конец. Тем не менее, я продолжал взбираться и оказался в нише шириной в несколько футов, поросшей мягким зеленым мхом, где я мог лежать невидимым спокойно и удобно. Там-то я и притаился, мой дорогой Ватсон, когда вы и ваши спутники с такой тревогой и так неэффективно расследовали обстоятельства моей смерти.

Наконец, когда вы все пришли к неизбежному и абсолютно ошибочному выводу, то отправились назад в отель, и я остался один. Я полагал, что мои злоключения завершились, но нечто неожиданное доказало мне, что меня ожидают новые сюрпризы. Мимо меня прогрохотал большой камень, сорвавшийся сверху, ударился о тропку и слетел в пропасть. Я подумал, что это случайность, но секунду спустя, взглянув вверх, я увидел на фоне потемневшего неба мужскую голову, и еще один камень угодил в край моей ниши всего в футах от моей головы. Разумеется, напрашивалось единственно возможное объяснение: Мориарти пришел не один! Сообщник – а этого одного взгляда мне хватило, чтобы понять, как опасен этот сообщник, – стоял на страже, когда профессор набросился на меня. Невидимый мне, он в отдалении стал свидетелем смерти своего друга и моего спасения. Он выждал, а затем, кружным путем взбравшись на обрыв, попытался преуспеть в том, в чем его товарищ потерпел неудачу.

Времени на размышления, Ватсон, у меня не было. Вновь это угрюмое лицо возникло над краем обрыва, и я знал, что предвещает это еще один камень. Я кое-как спустился на тропку. Не думаю, что рискнул бы на это при других обстоятельствах. Спускаться было в сто раз труднее, чем взбираться. Но времени взвешивать опасность у меня не было, так как еще один камень просвистел мимо, когда я повис на руках, цепляясь за край ниши. На полпути я сорвался, но, по милости Божьей, весь в ссадинах и крови, оказался на ногах. Я припустил во всю прыть, покрыл десять миль по горам в темноте и через неделю был во Флоренции, не сомневаясь, что никто в мире не знает, что со мной произошло.

Доверился я единственному человеку, моему брату Майкрофту. Приношу вам тысячу извинений, мой дорогой Ватсон, но было крайне важно, чтобы меня считали мертвым, а, разумеется, вы не смогли бы написать такой убедительный рассказ о моей смерти, если бы сами в нее не верили. Несколько раз в последние три года я брался за перо, чтобы написать вам, но меня всегда одолевал страх, что ваша привязанность ко мне толкнет вас на какую-нибудь неосторожность, которая разоблачит мой секрет. По этой же причине я невежливо отвернулся от вас нынче вечером, когда вы меня толкнули, и я выронил книги. В тот момент мне угрожала опасность, и выражение удивления или какого бы то ни было чувства с вашей стороны могло бы привлечь ко мне внимание и привести к самым плачевным и непоправимым последствиям. Довериться Майкрофту я должен был ради денег, в которых нуждался. События в Лондоне складывались хуже, чем я надеялся, так как процесс над шайкой Мориарти оставил на свободе двух самых опасных ее членов, самых злобных моих личных врагов. Поэтому два года я скоротал, путешествуя по Тибету, для развлечения посетил Лхассу и провел несколько дней в гостях у главного ламы. Возможно, вы читали о замечательных исследованиях норвежца по фамилии Сигерсон, но я уверен, вам и в голову не пришло, что вы узнаете новости о своем друге. Затем я проехал через Персию, заглянул в Мекку и нанес краткий, но интересный визит халифу в Хартуме, результаты которого я сообщил Министерству иностранных дел. Вернувшись во Францию, я несколько месяцев посвятил исследованиям продуктов, получаемых из каменноугольной смолы, занимаясь ими в лаборатории в Монпелье на юге Франции. Завершив их к полному моему удовлетворению, и узнав, что в Лондоне теперь находится только один из моих врагов, я как раз намеревался вернуться, но мне пришлось поспешить из-за случившегося на Парк-Лейн. Тайна привлекала меня не только своей необычностью, но и словно предлагала особые личные шансы. Я немедленно отправился в Лондон, в собственном обличье посетил Бейкер-стрит, ввергнув миссис Хадсон в страшную истерику, и узнал, что Майкрофт сохранил мои комнаты и бумаги в неприкосновенном порядке. Вот так, мой дорогой Ватсон, в два часа сегодня я оказался в моем собственном старом кресле в моей собственной старой комнате, жалея только, что не вижу моего старого друга Ватсона в кресле напротив, которое он столь часто украшал собой...

Такова была поразительная повесть, которую я выслушал в этот апрельский вечер. Повесть, которой я бы никогда не поверил, если бы ее не подтверждала высокая художавая фигура и орлиное лицо. Каким-то образом он узнал о моей собственной горькой утрате, и его сочувствие выражалось более в тоне, нежели в словах.

– Работа – вот лучшее противоядие от печали, мой дорогой Ватсон, – сказал он. – И сегодня ночью у меня есть работка для нас обоих, которая, если мы доведем ее до успешного завершения, будет оправданием жизни человека на этой планете.

Тщетно я умолял его сообщить мне хоть что-то.

– До утра вы увидите и услышите более чем достаточно, – ответил он. – У нас для разговоров есть темы трех прошлых лет. Так удовлетворимся ими до половины десятого, когда отправимся навстречу примечательному приключению в пустом доме...

Да, действительно, будто возвратились былые времена, когда в указанный час я уже сидел рядом с ним в кебе с моим револьвером в кармане и предвкушением приключения в сердце. Холмс был холоден, суров и нем. Когда отблески уличных фонарей ложились на его аскетическое лицо, я видел, что брови нахмурены в задумчивости, а узкие губы плотно сжаты. Я не знал, на охоту за каким диким зверем мы отправились в темных джунглях преступного Лондона, но из слов великого охотника успел понять, что приключение сулит быть крайне серьезным, а сардоническая улыбка, иногда прорывавшаяся сквозь его мрачность, не обещала ничего хорошего тому, кто был объектом нашей охоты.

Я предполагал, что мы направляемся на Бейкер-стрит, но Холмс остановил кеб на углу Кавендиш-сквер. Я заметил, что он, выйдя из кеба, зорко посмотрел направо и налево, а на

следующем уличном углу он тщательно проверил, что за нами не следят. Наш путь, бесспорно, был весьма прихотливым. Холмс знал все лондонские закоулки как никто другой, и на этот раз он быстрым уверенным шагом шел через проходные дворы и мимо конюшен, о существовании которых я прежде понятия не имел. Наконец мы вышли на узкую улицу со старыми угрюмыми домами по сторонам, которая вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Бландфорл-стрит. Тут он стремительно шагнул в узкий проход, а затем через деревянную калитку вышел на пустой двор и отпер ключом заднюю дверь какого-то дома. Мы вошли вместе, и он закрыл ее за нами.

Хотя кругом царил смоляной мрак, мне было очевидно, что дом этот пуст. Под нашими подошвами поскрипывали и потрескивали голые половицы, а моя протянутая рука коснулась стены в лохмотьях обоев. На моей кисти сомкнулись холодные тонкие пальцы Холмса, и он повел меня вперед по длинному коридору, пока я не различил мутно-серый полукруг окна над дверью. Тут Холмс внезапно свернул вправо, и мы оказались в просторной квадратной пустой комнате, где углы тонули во тьме, но середина слегка освещалась огнями улицы за окном. Фонаря поблизости не было, а окно заросло густым слоем пыли, так что мы еле различали друг друга. Мой товарищ положил руку мне на плечо, и его губы приблизились к моему уху.

– Вы знаете, где мы? – шепнул он.

– Но это же Бейкер-стрит! – ответил я, вглядываясь в грязное окно.

– Совершенно верно. Мы в кэмденском доме напротив нашей старой квартиры.

– Но зачем мы здесь?

– Затем, что отсюда открывается такой превосходный вид на это живописное здание. Могу ли я, мой дорогой Ватсон, попросить вас подойти поближе к окну, соблюдая все предосторожности, чтобы не быть увиденным, а затем взглянуть вверх на наши старые комнаты, исходный пункт такого числа ваших волшебных сказочек. Проверим, не лишили ли меня три года отсутствия былой способности изумлять вас.

Я прокрался вперед и посмотрел на знакомое окно. Едва взглянув, я ахнул от удивления. Штора была опущена, но в комнате горел яркий свет. Тень человека, сидящего в кресле внутри, четким черным силуэтом вырисовывалась на светящемся экране окна. Нельзя было ошибиться в посадке головы, развороте плеч, чеканности черт. Лицо было повернуто вполоборота, и создавалось впечатление, будто я вижу один из тех черных силуэтов, которые наши дедушки и бабушки любили вставлять в рамки. Идеальное изображение Холмса! В ошеломлении я протянул руку, удостоверяясь, что сам он стоит рядом со мной. Холмс содрогался от беззвучного смеха.

– Ну? – сказал он.

– Боже мой! – вскричал я. – Подлинное чудо!

– Надеюсь, возраст не иссушил, а привычка не сковала мое бесконечное разнообразие, – сказал он, и я уловил в его голосе радость и гордость, которые художник черпает из своего творения. – Ведь, правда, вылитый я?

– Могу присягнуть, это вы!

– Честь изготовления принадлежит мсье Оскару Менье из Гренобля; он посвятил несколько дней его изготовлению. Это бюст из воска. Все остальное я добавил сам, когда посетил Бейкер-стрит сегодня днем.

– Но зачем?

– Затем, мой дорогой Ватсон, что у меня была самая веская из возможных причин внушить некоторым людям убеждение, будто я нахожусь там, хотя на самом деле я совсем в другом месте.

– Вы полагали, что за квартирой наблюдают?

– Я знал, что они за ней наблюдают.

– Но кто?

– Мои старые враги, Ватсон. Обаятельное общество, чей вожак упокоился в Рехенсбахском водопаде. Вам следует помнить, что они знали – и только они одни, – что я еще жив. Рано или поздно, полагали они, я вернусь в свою квартиру. И постоянно вели наблюдение за ней, так что нынче утром увидели, что я приехал.

– Но вы-то как узнали?

– Узнав их дозорного, когда выглянул из окна. Он довольно безобидный малый, Паркер по фамилии, душителю по ремеслу и виртуозно играет на губной гармонике. Меня он не забывает. В отличие от куда более внушительного субъекта, который стоит за ним. Закадычный друг Мориарти, тот, кто бросал камни с вершины обрыва, самый коварный и опасный преступник в Лондоне. Вот человек, Ватсон, который намерен покончить со мной нынче ночью, и который не подозревает, что мы намерены покончить с ним.

Планы моего друга мало-помалу раскрывались. Из этой удобной засады наблюдатели наблюдались, а следящие выслеживались. Угловатая тень там вверху была приманкой, а мы были охотниками. В тишине и темноте мы стояли рядом и глядели на торопливые фигуры, которые сновали перед нами туда-сюда. Холмс молчал и хранил полную неподвижность, но я знал, что он начеку, и что его глаза напряженно устремлены на поток прохожих. Вечер выдался холодный и бурный. Вдоль длинной улицы пронзительно свистел ветер. Люди не в таком уж малом числе шли в обе стороны, чаще кутаясь в пальто и шарфы. Несколько раз мне чудилось, что этого человека я уже видел, и особенно я обратил внимание на парочку, которая словно пряталась от ветра в подъезде дальше по улице. Я попробовал указать на них моему товарищу, но он только что-то буркнул, не отрывая взгляда от улицы. Иногда он переступал с ноги на ногу или быстро барабанил пальцами по стене. Мне было очевидно, что он начинает тревожиться, и все складывается не совсем так, как он предполагал. Наконец, когда приблизилась полночь и улица постепенно опустела, он прошелся по комнате, уже не подавляя волнения. Я собирался задать ему несколько вопросов, но взглянул на освещенное окно и вновь испытал почти такой же шок. Я вцепился в локоть Холмса и указал вверх.

– Тень задвигалась! – вскричал я.

И, действительно, теперь мы видели ее не в профиль, но со спины.

Три года, бесспорно, не смягчили его характер или раздражение, которое у него вызывали интеллекты не столь острые, как его собственный.

– Конечно, задвигалась, – сказал он. – Неужто я такой тупица, Ватсон, что установил бы явный манекен в чайнии, что некоторые из хитрейших людей в Европе будут введены им в заблуждение? Мы пробыли в этой комнате два часа, и миссис Хадсон восемь раз чуть изменяла позу фигуры, то есть один раз каждые четверть часа. Она приближается к манекену так, чтобы ее тень не падала на штору... А! – Он с всхлипом втянул воздух в легкие.

В мутном свете я увидел, как он наклонился вперед в напряженном внимании. Улица снаружи была абсолютно безлюдной. Те двое, возможно, все еще прятались в подъезде, но я их больше не различал. Все было погружено в безмолвие и мрак, кроме этого яркого желтого экрана перед нами с черным силуэтом в его центре. Вновь в полной тишине я различил слабый

пронзительный посвист, свидетельство величайшего подавляемого возбуждения. Мгновение спустя Холмс увлек меня в темный угол комнаты, и я почувствовал на своих губах его предостерегающую ладонь. Сжимавшие меня пальцы подрагивали. Никогда еще я не знал моего друга в таком неистовом волнении, однако безлюдность темной улицы перед нами не нарушало ни единое движение.

Внезапно я уловил звуки, которые уже различил более острый слух Холмса. Тихий, крадущийся шорох донесся не со стороны Бейкер-стрит, но из глубины дома, в котором мы притаились. Открылась и закрылась дверь. Секунду спустя по коридору прошуршали крадущиеся шаги – шаги, которые старались сделать бесшумными, но которые отдавались эхом в пустом доме. Холмс прижался к стене, как и я. Мои пальцы стиснули рукоятку пистолета. Прищурившись в темноту, я различил смутный абрис мужчины, чуть чернее черноты открывшейся двери. На секунду он замер, затем, пригнувшись, полный угроз, проскользнул в комнату. Он был в трех ярдах от нас, этот зловеющий силуэт, и я весь подобрался, чтобы парировать его прыжок, но тут же сообразил, что он понятия не имеет о нашем присутствии здесь. Он прошел вплотную к нам, прокрался к окну и очень осторожно и бесшумно открыл его, подняв раму на полфута. Когда он нагнулся над подоконником, свет улицы, более не затеняемый пыльным стеклом, упал на его лицо. Он, казалось, был вне себя от возбуждения. Его глаза сверкали, как звезды, а лицо искажала судорога. Он выглядел пожилым, с тонким изогнутым носом, высоким лысым лбом и густыми седыми усами. Сдвинутый на затылок цилиндр, манишка смокинга, белеющая под расстегнутым пальто. Худое смуглое лицо, рассеченное глубокими жестокими морщинами. В руке он держал что-то вроде палки, но, когда он положил ее на пол, она металлически лязгнула. Затем из кармана пальто он извлек объемистый предмет и начал что-то с ним проделывать, пока не раздался громкий резкий щелчок, будто пружина или задвижка встала на место. Все еще на коленях, он наклонился вперед и всем весом с силой налег на какой-то рычаг, после чего раздался длинный жужжащий скрежещущий звук, вновь завершившийся громким щелчком. Тогда он выпрямился, и я увидел у него в руке что-то вроде ружья, но со странным уродливым прикладом. Он открыл затвор, вложил в него что-то и защелкнул его. Затем, пригнувшись, положил конец ствола на подоконник под открытой рамой, и я увидел, как его длинные усы упали на приклад, а глядящийся в прицел глаз блеснул. Я услышал легкий вздох удовлетворения, когда он прижал приклад к плечу, и увидел, что замечательная мишень, черный человек на желтом фоне, находится точно на линии прицела. Мгновение он застыл в неподвижности. Затем его палец на спусковом крючке напрягся. Раздалось странное громкое жужжание, и долгий серебристый звон бьющегося стекла.

И тут же Холмс, тигром прыгнув на спину стрелка, повалил его ничком на пол. Однако он сразу вскочил и с судорожной силой сжал горло Холмса. Тут я ударил его по голове рукояткой моего револьвера, и он вновь рухнул на пол. Я упал на него и держал, а мой товарищ пронзительно свистнул в свисток. Раздался топот бегущих по тротуару ног, и через парадную дверь в комнату ворвались двое полицейских в форме во главе с детективом в штатском.

– Это вы, Лестрейд? – спросил Холмс.

– Да, мистер Холмс. Взял работу на себя. Приятно снова видеть вас в Лондоне, сэр.

– Я подумал, что вам не помешает некоторая неофициальная помощь. Три нераскрытых убийства за год – это чересчур, Лестрейд. Однако с «Тайной Моулси» вы справились без вашей обычной... То есть вы справились с ней очень неплохо.

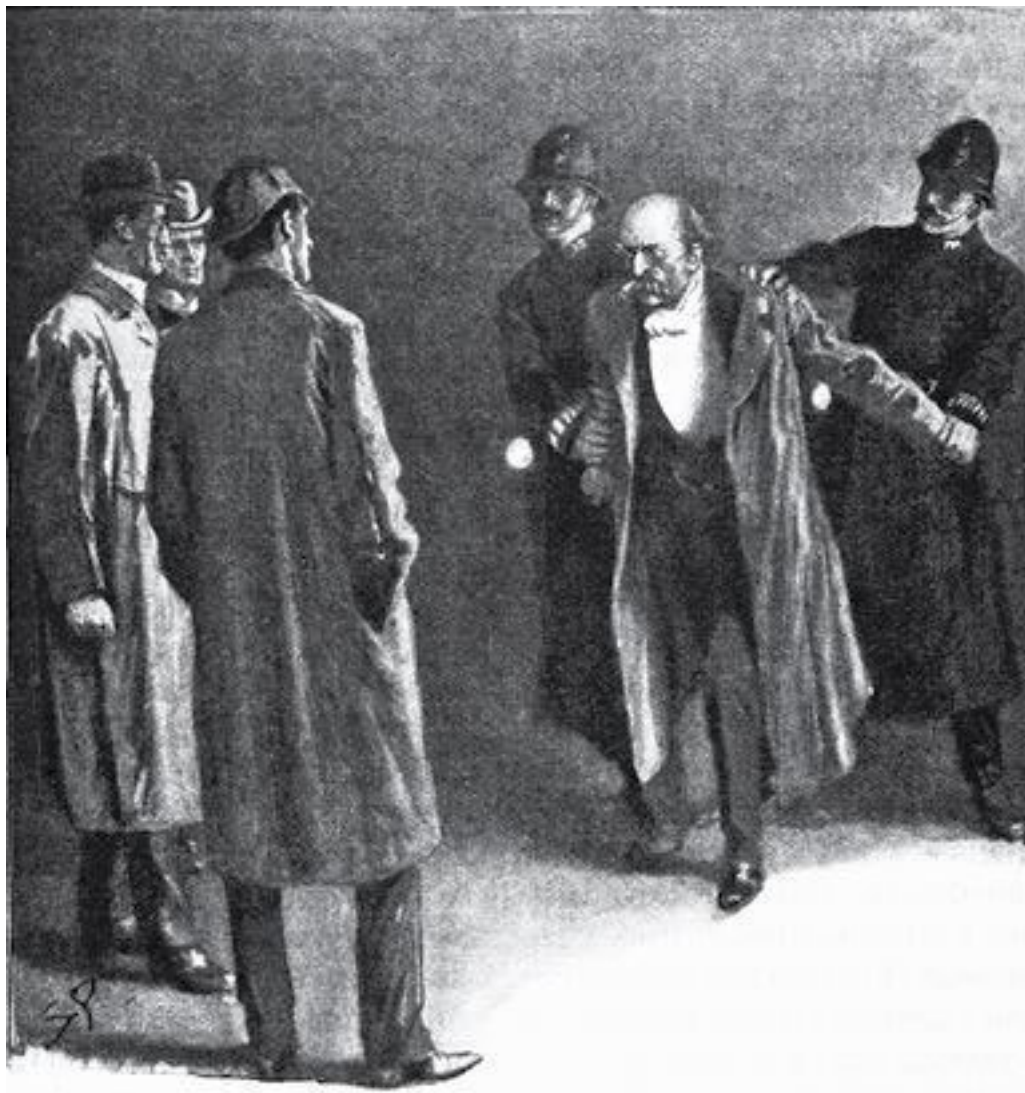
Тут мы все поднялись на ноги. Наш пленник тяжело дышал между двумя могучими констеблями. А на улице уже начали скапливаться кучки зевак. Холмс шагнул к окну, закрыл его и опустил штору. Лестрейд достал и зажег две свечи, а полицейские открыли свои фонари. Наконец я смог как следует разглядеть нашего пленника.

На редкость мужественное и все же зловещее, отталкивающее лицо было повернуто к нам. Вверху лоб философа – и подбородок сластолюбца внизу. Наверное, он вступил в жизнь, наделенный большими способностями для добра или зла. Но невозможно было взглянуть на его жестокие голубые глаза с набрякшими циничными веками или на свирепо торчащий агрессивный нос, на угрожающий, изрезанный морщинами лоб и не узнать предостерегающие сиг-

налы Природы. Он не обращал внимания ни на кого из нас, его глаза были прикованы к лицу Холмса с выражением, в котором равно смешивались ненависть и изумление.

– Дьявол! – бормотал он. – Умный, умный дьявол!

– А, полковник! – сказал Холмс, расправляя свой смятый воротник. – «Пути кончаются встречей влюбленных», как говорится в старинной пьесе. Я не думал, что буду иметь удовольствие вновь увидеть вас, после того как вы одарили меня этими знаками внимания, пока я лежал в нише над Рейхенбахским водопадом.

Полковник все еще смотрел на моего друга, будто в трансе. «Хитрый, хитрый дьявол!» – только и мог он повторять.

– Но я же еще не представил вас, – сказал Холмс. – Это, джентльмены, полковник Себастьян Моран, прежде служивший в Индийской армии ее величества, и самый меткий охотник на крупную дичь, какого только видела наша Восточная империя. По-моему, я не ошибусь, полковник, если скажу, что никто еще не превзошел вас по числу убитых тигров?

Снедаемый яростью старик ничего не сказал и только с ненавистью глядел на моего товарища; его свирепые глаза и торчащие усы придавали ему поразительное сходство как раз с тигром.

– Меня удивляет, как моя простенькая уловка могла обмануть такого опытного охотника, – сказал Холмс. – Она же должна быть вам хорошо знакома. Разве вы никогда не привя-

звали под деревом козленка, растянувшись на суку над ним с ружьем, ожидая, чтобы ваша приманка привлекла тигра? Пустой дом – вот мое дерево, а вы – мой тигр. Вполне возможно, что у вас в резерве были другие стрелки на случай, если козленок подманит несколько тигров или, против всякой вероятности, вы промахнулись бы. И это, – он указал на нас, – мои резервные стрелки. Параллель абсолютно точная.

Зарывав от ярости, полковник Моран рванулся вперед, но констебли успели его схватить. Бешенство на его лице ввергало в ужас.

– Признаюсь, вы все-таки устроили мне небольшой сюрприз, – продолжал Холмс. – Я не ожидал, что вы тоже используете пустой дом и это удобное окно на улицу. Я полагал, вы будете действовать с улицы, где мой друг Лестрейд и его веселые молодцы поджидали вас. За этим исключением все прошло, как я и ожидал.

Полковник Моран повернулся к шотланд-ярдовскому детективу.

– Есть ли у вас законный повод арестовать меня или нет, – сказал он, – в любом случае нет причин, почему я должен терпеть издевательства этого субъекта. Если я в руках представителей закона, то пусть все будет по закону.

– Ну, это разумно, – сказал Лестрейд. – Вам есть еще что-либо сказать, мистер Холмс, прежде чем мы уйдем?

Холмс, подняв с пола мощное духовое пневматическое ружье, разглядывал его механизм.

– Превосходное и уникальное оружие, – сказал он. – Бесшумное и огромной убойной силы. Я знал фон Хердера, слепого немецкого механика, который сконструировал его по заказу покойного профессора Мориарти. Я много лет знал о его существовании, хотя никогда прежде не имел случая подержать его в руках. Рекомендую это ружье вашему особому вниманию, Лестрейд, а также пули, которыми оно стреляет.

– Можете не сомневаться, мистер Холмс, – сказал Лестрейд, когда они все направились к двери. – Что-нибудь еще?

– Только один вопрос: какое обвинение вы предпочтете предъявить?

– Какое обвинение, сэр? Ну, разумеется, покушение на убийство мистера Шерлока Холмса.

– Ну, нет, Лестрейд. Я вообще не намерен как-либо фигурировать в этом деле. Вам, и только вам, принадлежит честь сенсационного ареста, вами осуществленного. Да, Лестрейд, поздравляю вас! С обычным вашим счастливым сочетанием проникательности и смелости вы поймали его.

– Поймал его! Кого поймал, мистер Холмс?

– Того, кого все полицейские силы тщетно разыскивали, – полковника Себастьяна Морана, который тридцатого прошлого месяца застрелил высокородного Рональда Эйдера разрывной пулей из духового ружья через открытое окно третьего этажа номера 427 на Парк-Лейн. Вот обвинение, Лестрейд. А теперь, Ватсон, если вы не опасаетесь сквозняка из разбитого окна, думается, полчаса в моем кабинете за сигарой могут обеспечить вас полезным развлечением.

Наша старая квартира сохранялась в полном порядке благодаря надзору Майкрофта Холмса и заботам миссис Хадсон. Впрочем, войдя, я заметил непривычную чистоту, но все старые предметы были на положенных местах. Химический угол и весь в пятнах кислоты сосновый стол. На книжной полке – ряд внушительных тетрадей с газетными вырезками и справочники-индексы, которые многие наши сограждане с наслаждением сожгли бы. Диаграммы, футляр со скрипкой и стойка с трубками – даже персидская туфля с табаком – встречали мой взгляд, пока я оглядывался по сторонам.

В комнате нас встретили двое – во-первых, миссис Хадсон, просиявшая на нас улыбкой, когда мы вошли, во-вторых, своеобразный манекен, сыгравший столь важную роль в приключениях этой ночи. Восковой раскрашенный бюст моего друга, вылепленный столь искусно, что

сходство было безупречным. Он стоял на консоли, задрапированной старым халатом Холмса таким образом, что смотрящий с улицы никогда бы не догадался, что это иллюзия.

– Надеюсь, вы соблюдали все предосторожности, миссис Хадсон? – сказал Холмс.

– Я подползала к нему на коленях, сэр, как вы велели.

– Превосходно. Вы отлично все проделали. А вы заметили, куда попала пуля?

– Да, сэр. Боюсь, она испортила ваш красивый бюст, потому что прошла сквозь голову и расплющилась о стену. Я подобрала ее с ковра. Вот она, сэр.

Холмс протянул ее мне.

– Разрывная револьверная пуля, как видите, Ватсон. Гениально! Кто мог бы вообразить, что выпущена она из духового ружья? Ну, хорошо, миссис Хадсон. Премного обязан вам за помощь. А теперь, Ватсон, разрешите мне вновь увидеть вас в вашем старом кресле, так как есть кое-какие моменты, которые мне бы хотелось обсудить с вами.

Он сбросил потертый сюртук, и теперь был прежним Холмсом в мышинного цвета халате, который снял со своего изображения.

– Нервы старого шикари остались железными, а его глаза зоркими, – сказал он со смехом, рассматривая развороченный лоб своего бюста. – Точно в середину затылка и прямо сквозь мозг. Он был лучшим стрелком в Индии, и сомневаюсь, что в Лондоне найдутся более меткие. Вы слышали о нем прежде?

– Нет.

– Ну-ну, такова слава! Но опять-таки, если память мне не изменяет, вы ничего не слышали и о профессоре Джеймсе Мориарти, обладателе величайшего мозга этого века. Передайте мне с полки индекс биографий.

Он лениво перелистывал страницы, откинувшись в кресле и дымя сигарой.

– Моя коллекция «М» очень недурна, – сказал он. – Одного Мориарти хватило бы, чтобы прибавить блеску любой букве, а здесь еще Морган, отравитель, и Мерридю, омерзительной памяти, и Мэтьюс, который вышиб мой левый клык в зале ожидания вокзала Чаринг-кросс, и наш нынешний вечерний приятель.

Он протянул мне тетрадь, и я прочел:

«Моран Себастьян, полковник. Отставной. Прежде 1-й полк Бангалорских Пионеров. Родился в Лондоне (1840). Сын сэра Огастеса О.Б., прежде британского посла в Персии. Образование: Итон, Оксфорд. Служил в Джовакийской кампании, Афганской, Чарасьябской (курьером по доставке депеш), Шерпурской и Кабульской. Автор «Крупной дичи в Западных Гималаях» (1881), «Трех месяцев в джунглях» (1884). Адрес: Кондуит-стрит. Клубы: «Англо-Индийский», «Танкервиль», карточный клуб «Багатель».

На полях четким почерком Холмса была заметка:

«Второй самый опасный человек в Лондоне».

– Поразительно! – сказал я, возвращая тетрадь. – Это же карьера достойного солдата.

– Совершенно верно, – сказал Холмс. – До определенного момента так и было. Он всегда отличался железными нервами, и в Индии все еще рассказывают, как он полз по трубе за раненым тигром-людоедом. Существуют деревья, Ватсон, которые достигают определенной высоты, а затем внезапно уродливо искривляются. То же самое часто происходит и с людьми. У меня есть теория, что каждый индивид в своем развитии повторяет всю череду своих предков и что подобное внезапное обращение к добру или злу означает какое-то сильное влияние, однажды воздействовавшее на его родословную. Человек, так сказать, становится олицетворением истории собственной семьи.

– Ну, это несколько фантастично.

– Что же, я не настаиваю. Но, какой бы ни была причина, полковник Моран сбился с пути. Хотя обошлось без открытого скандала, но в Индии ему стало слишком жарко. Он вышел в отставку, приехал в Лондон и вновь приобрел дурную репутацию. Именно тогда его и прибрал к

рукам профессор Мориарти, при котором он одно время играл роль начальника штаба. Мориарти щедро снабжал его деньгами и прямо использовал лишь для одной-двух работ высшего класса, за которые не взялся бы ни один заурядный преступник. Возможно, вы что-то помните о смерти миссис Стюарт из Лодера в 1887 году. Нет? Ну, я убежден, что руку тут приложил Моран, но ничего доказать было нельзя. До того умело полковник Моран маскировался, что даже когда с шайкой Мориарти было покончено, мы не смогли изобличить его. Вы помните, я тогда навел на вас и закрыл ставни, опасаясь выстрелов из духового ружья? Несомненно, вы сочли меня мнительным. Но я точно знал, что делаю, так как знал о существовании этого редкостного оружия, и еще я знал, что целиться будет один из лучших стрелков в мире. Когда мы были в Швейцарии, он последовал за нами с Мориарти, и, без всякого сомнения, это ему я был обязан пятью страшными минутами над Рейхенбахским водопадом.

Вы, конечно, понимаете, что во время моего пребывания во Франции я внимательно читал газеты, высматривая шанс разделаться с ним. Пока он был на свободе, в Лондоне я влачил бы самую жалкую жизнь. Ночью и днем его тень падала бы на меня, и рано или поздно ему представился бы удобный случай. Что мне оставалось делать? Я не мог застрелить его, едва увидев, так как оказался бы сразу на скамье подсудимых. Обращаться в полицейский суд не имело смысла. Судья не мог бы вмешаться на основании, как ему представилось бы, подозрений, взятых с потолка. Итак, сделать я ничего не мог. Но я следил за сообщениями о любых преступлениях, зная, что рано или поздно я до него доберусь. Затем – смерть Рональда Эйдера. Наконец-то мой шанс! Исходя из того, что я знал, разве можно было сомневаться, что к ней причастен полковник Моран? Он играл в карты с юношей и из клуба последовал за ним до его дома; он выстрелил в него через открытое окно. Никаких сомнений быть не могло. Одних пуль хватило бы, чтобы накинуть ему на шею петлю. Я сразу приехал. Меня увидел дозорный, который, я знал, тут же известит полковника о моем возвращении. Он, конечно, свяжет мой неожиданный приезд со своим преступлением и перепугается. Я не сомневался, что он попытается убрать меня со своей дороги *немедленно*, и для этого прибегнет к своему смертоносному ружью. Я устроил для него отличнейшую мишень перед окном и предупредил полицию, что может потребоваться их вмешательство (кстати, Ватсон, вы с безошибочной точностью определили их присутствие в этом подъезде). Я занял, как мне казалось, удобный пост для наблюдения, не подозревая, что он выберет тот же дом, чтобы атаковать. Ну, а теперь, дорогой Ватсон, надо ли мне объяснить еще что-то?

– Да, – ответил я. – Вы же не упомянули, по какой причине полковнику Морану понадобилось убить высокородного Рональда Эйдера.

– А! Но тут, мой дорогой Ватсон, мы вступаем в сферу предположений, где способен ошибиться и самый логичный ум. Исходя из имеющихся фактов, любой человек может создать собственную гипотезу. И почему бы вашей не оказаться не менее верной, чем моя?

– Так гипотеза у вас есть?

– Полагаю, что объяснить факты несложно. Согласно расследованию, полковник Моран и юный Эйдер незадолго до убийства выиграли, будучи партнерами, значительную сумму. Ну, а Моран, конечно, передергивал – я уже давно знал, что он шулер. По моему мнению, в день убийства Эйдер заметил, что Моран шулерничает. Вероятнее всего, он поговорил с ним с глазу на глаз, пригрозив ему изобличением, если он добровольно не откажется от своего членства в клубе и не обещает никогда больше в карты не играть. Маловероятно, что юнец вроде Эйдера сразу же учинил бы грандиозный и грязный скандал, тут же разоблачив столь известного человека много его старше. Скорее всего, он действовал примерно так, как предполагаю я. Для Морана же исключение из клуба означало полный крах, так как он жил на свои подтасованные выигрыши. А потому он и убил Эйдера, который в ту минуту подсчитывал, сколько денег и кому он должен возратить, так как не желал получить выгоду от мошенничества своего парт-

нера. А дверь он запер, чтобы мать и сестра не застали бы его врасплох и не пожелали узнать, что означают эти столбики монет и список. Достаточно логично?

– Не сомневаюсь, что вы добрались до истины.

– Это подтвердится или будет опровергнуто в ходе процесса. Но, так или иначе, полковник Моран больше не будет нас беспокоить, знаменитое духовое ружье фон Хердера украсит музей Скотланд-Ярда, а мистер Шерлок Холмс вновь будет свободен посвящать себя разгадыванию тех интересных маленьких проблем, которые сложная жизнь Лондона поставляет в изобилии.

Норвудский подрядчик

– С точки зрения человека, следящего за хроникой преступлений, Лондон стал абсолютно неинтересным городом со времени смерти почтенного профессора Мориарти, – сказал Шерлок Холмс.

– Не думаю, что с вами согласится большинство порядочных обывателей, – возразил я.

– Хорошо, хорошо; не следует быть эгоистом, – ответил он, отодвигая свой стул от стола, за которым мы завтракали. – Конечно, обыватель в выигрыше, а в проигрыше только бедный специалист, оставшийся без занятия. Пока этот человек был на горизонте, каждая утренняя газета могла принести что-нибудь неожиданное. Часто только слабого следа, самого незначительного намека для меня было достаточно, чтобы догадаться об участии этого гениального злодея, точно так же, как легкое колебание паутинных нитей напоминает о хитром пауке, притаившемся в центре. Мелкие кражи, дерзкие покушения, бесцельные нападения – все это человек осведомленный мог соединить в одно. Для изучающего в научных целях преступный мир ни одна европейская столица не представляла столько преимуществ, как Лондон, но теперь...

Он пожал плечами, и на его лице можно было прочесть заметную иронию в отношении ситуации, созданию которой он сам так много поспособствовал.

К тому времени, о котором я говорю, уже прошло несколько месяцев со дня возвращения Холмса, и я, передав по его просьбе свою практику, снова поселился вместе с ним на Бейкер-стрит. Молодой доктор по фамилии Вернер купил мою небольшую кенсингтонскую практику, заплатив мне с удивительной щедростью самую высокую цену, какую я решился запросить. Обстоятельство это выяснилось только несколько лет спустя, когда я узнал, что Вернер был дальним родственником Холмса, и что деньги шли, в сущности, от моего друга.

Однако наше сотрудничество в эти месяцы не было столь скучно, как высказал Холмс: просматривая свои заметки за это время, я увидел в них материалы дела экс-президента Мурильо, а также возмутительное дело голландского парохода «Фрисленд», в котором мы оба чуть было не лишились жизни. Но по своей холодной и сдержанной натуре Холмс всегда был противником каких бы то ни было публичных восхвалений и самым серьезным образом просил меня воздерживаться от разговоров о нем, о его методе и о его успехах. Это запрещение, как я уже сказал, было нарушено мною только теперь.

После своего необычного протеста Шерлок Холмс откинулся на спинку стула и принялся небрежно развешивать газету, как вдруг наше внимание привлек неожиданный звон колокольчика, за которым последовал град глухих ударов, будто стучались в дверь кулаками. Когда дверь открыли, кто-то с шумом ворвался в переднюю, на лестнице послышались поспешные шаги, и в следующую минуту перед нами предстал бледный, растрепанный, дрожащий от волнения молодой человек с дико блуждающими глазами. Он смотрел поочередно на нас и, встретив наши вопросительные взгляды, сообразил, что должен извиниться за свое бесцеремонное вторжение.

– Мне очень жаль, мистер Холмс, – начал он. – Не сердитесь на меня. Я просто схожу с ума. Мистер Холмс, я несчастный Джон Гектор Мак-Фарлейн.

Он сообщил это так, будто одного его имени было совершенно достаточно для объяснения цели его визита и его манер. Но по бесстрастному лицу моего друга я видел, что имя говорило ему не больше, чем мне.

– Выкурите папиросу, мистер Мак-Фарлейн, – сказал он, подвигая молодому человеку ящичек с папиросами. – Я уверен, что мой друг Ватсон пропишет вам, судя по симптомам, успокоительное. Такая стояла жара в эти последние дни! Теперь, если вы пришли в себя, я попросил бы вас присесть и спокойно, не спеша, рассказать нам, кто вы, и что вас привело к

нам. Вы называли свою фамилию, как будто по ней я должен узнать вас, но, уверяю, кроме того, что вы холостяк, адвокат, франкмасон и страдаете астмой, я ничего больше о вас не знаю.

Я достаточно хорошо знаю моего друга, и мне не трудно было следить за его выводами: я, как и он, заметил и небрежность в наряде посетителя, и сверток актов, и брелок на часах, и тяжелое дыхание. Но наш клиент был просто поражен.

– Все это совершенно верно, мистер Холмс, а кроме того, в настоящую минуту я – несчастнейший человек в Лондоне. Ради Бога, не оставьте меня, мистер Холмс! Если меня попытаются арестовать прежде, чем я закончу свой рассказ, заставьте их дать мне время сообщить вам всю правду. Я с радостью пойду в тюрьму, если буду знать, что вы работаете для меня.

– Вас арестуют? – спросил Холмс. – Действительно, это очень интересно. По какому же обвинению?

– По обвинению в убийстве Джонаса Олдейкра из Нижнего Норвуда.

На лице моего товарища отразилось сочувствие, с долей, как мне показалось, некоторого удовольствия.

– А я только сегодня за завтраком жаловался своему другу доктору Ватсону, что сенсационные дела исчезли со страниц газет, – сказал он.

Наш посетитель протянул дрожащую руку к номеру «Дейли телеграф», все еще лежавшему на коленях у Холмса.

– Если бы вы просмотрели этот номер, вы сразу поняли бы, что привело меня к вам. Мне кажется, будто моя фамилия и постигшее меня несчастье сейчас находятся в центре внимания всех лондонцев.

Он развернул газету и указал на первую страницу.

– Вот сообщение, и с вашего разрешения я прочту его. Выслушайте это, мистер Холмс. Заглавные строки таковы: «Загадочное происшествие в Нижнем Норвуде. Исчезновение местного подрядчика. Подозревается убийство и поджог. След преступника уже обнаружен». Они теперь работают над этим следом, мистер Холмс, и он непременно приведет их ко мне. За мной следили от самого вокзала, и я уверен, что теперь только ждут распоряжения, чтобы арестовать меня. Это убьет мою мать! – Он в отчаянии заламывал руки, раскачиваясь назад и вперед на стуле.

Я с любопытством смотрел на человека, обвиняемого в таком страшном преступлении. Он был блондин, недурен собой при всей своей как бы выцветшей наружности. Испуганные глаза его были достаточно выразительные, на гладком выбритом лице выделялся чувственный рот. Ему можно было дать лет двадцать семь, костюм и манеры говорили, что это – джентльмен. Из кармана легкого пальто высовывался сверток деловых бумаг, указывавших на его профессию.

– Надо воспользоваться имеющимся у нас временем, – заговорил Холмс. – Ватсон, будьте так любезны, возьмите газету и прочтите заметку.

Под жирным заголовком, приведенным нашим посетителем, я прочел следующее:

«Поздней ночью, а скорее ранним утром, в Нижнем Норвуде случилось происшествие, указывающее, как опасаются, на тяжкое преступление. Мистер Джонас Олдейкр, старожил этой местности, много лет занимался профессией подрядчика-строителя. Он холостяк пятидесяти двух лет и жил в усадьбе Дип-Дин-хаус в районе Сайденхэма. Олдейкр слыл человеком со странностями, необщительным, и жил совершенно уединенно. Несколько лет назад он оставил свое ремесло, которое помогло ему скопить, как говорят, порядочное состояние. Однако позади дома до сих пор еще существует небольшой лесной склад, и вчера около полуночи в пожарную часть пришло сообщение, что один из штабелей горит. Пожарные прибыли быстро, но сухое дерево пылало как порох, огонь невозможно было остановить, и весь штабель сгорел. Вначале казалось, что происшествие вполне рядовое, но более внимательное изучение подтвердило, что это серьезное преступление.

Всех удивило отсутствие хозяина заведения, он попросту исчез из дому. При осмотре комнаты увидели, что постель не смята, сейф раскрыт, множество важных бумаг разбросано по комнате и, наконец, обнаружены следы борьбы: местами найдены небольшие кровяные следы, а в углу дубовая трость с пятнами крови на набалдашнике. Известно, что вечером у мистера Джонаса Олдейкра был гость, и найденная трость, как выяснено, принадлежит ему – молодому лондонскому адвокату по фамилии Джон Гектор Мак-Фарлейн, младшему компаньону юридической конторы «Грехем и Мак-Фарлейн», находящейся в Сити по адресу Грехембилдингс, 426. Имеются сведения, что полиция располагает уликами, указывающими на мотив преступления. В скором времени мы надеемся сообщить о новых сенсационных подробностях.

Последнее сообщение. Появились слухи, что мистер Джон Гектор Мак-Фарлейн задержан по обвинению в убийстве мистера Джонаса Олдейкра. По крайней мере, известно, что отдан приказ об его аресте. Дальнейшее следствие выявило новые улики, подтверждающие самые мрачные предположения. Кроме следов борьбы в комнате несчастного подрядчика обнаружено, что большое окно в спальне (находящейся в нижнем этаже) оказалось открытым, во дворе видны следы от круглого предмета, ведущие к лесному складу, и, наконец, в золе найдены остатки обгоревших костей. Полиция предполагает, что совершено чудовищное преступление: подрядчик был убит в своей спальне ударом трости, бумаги изъяты из сейфа, а тело оттащили на лесной склад и подожгли, чтобы скрыть следы преступления. Следствие поручено опытному агенту тайной полиции Лестрейду, который взялся за расследование со свойственными ему мастерством и энергией».

Шерлок Холмс слушал это интригующее сообщение, закрыв глаза и сложив кончики пальцев.

– Без сомнения, в деле есть интересные пункты, – сказал он задумчиво. – Прежде всего, позвольте спросить вас, мистер Мак-Фарлейн, почему вы все еще на свободе, когда улики дают все основания для вашего ареста?

– Я живу в Торрингтон-лодж, в Блэкхите, с отцом и матерью, мистер Холмс; но вчера, допоздна пробыв у мистера Олдейкра, я заночевал в гостинице в Норвуде и оттуда уже отправился по своим делам. Я ничего не подозревал, пока не сел в поезд и не прочел то, что вы сейчас слышали. Сразу понял, какая опасность мне грозит, и поспешил к вам. Я не сомневаюсь, что меня арестуют, как только я появлюсь в своей конторе или возвращусь домой. За мной следили от станции Лондон-бридж, и нет сомнения... Боже мой! Что это?

Это был звонок, за которым на лестнице послышались тяжелые шаги. Через минуту в дверях показался наш старый знакомый Лестрейд, а за ним я рассмотрел мундиры двух полисменов, оставшихся в коридоре.

– Мистер Джон Гектор Мак-Фарлейн? – спросил Лестрейд.

Наш несчастный клиент поднялся бледный как полотно.

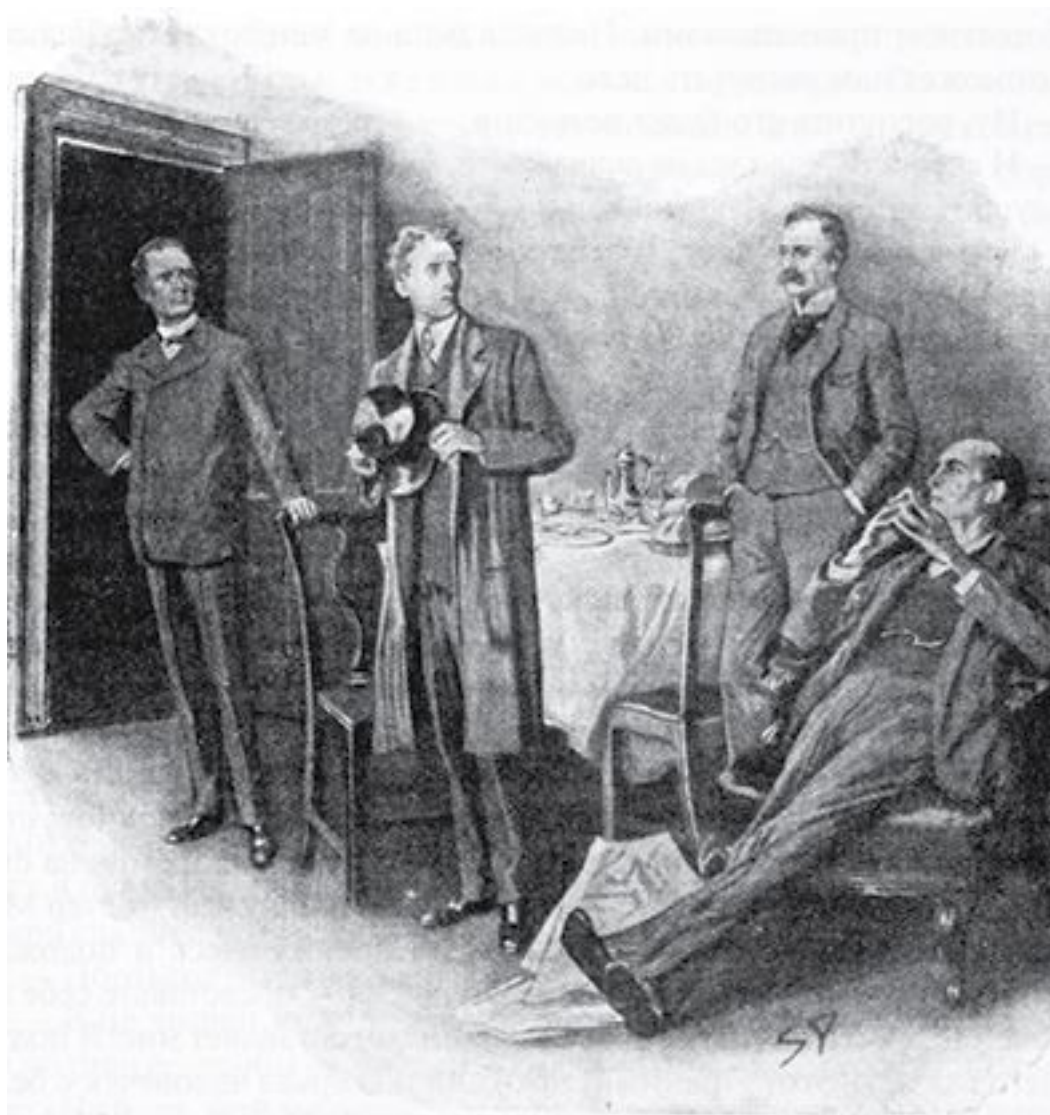
– Вы арестованы по обвинению в убийстве мистера Джонаса Олдейкра в Нижнем Норвуде.

Мак-Фарлейн обернулся к нам с отчаянием, затем бессильно опустился на стул.

– Одну минуту, Лестрейд, – сказал Холмс. – Полчаса не будут иметь для вас решающего значения, а этот джентльмен успеет досказать нам об этом, весьма интересном, деле, что вполне может помочь нам распутать его.

– Кажется, особенных затруднений в раскрытии этого дела нет, – мрачно заметил Лестрейд.

– Тем не менее, если вы разрешите, я хотел бы дослушать этот интересный рассказ.

– Мне трудно отказать вам в чем-нибудь, мистер Холмс: вы не раз оказывали полиции услуги, и Скотланд-Ярд в долгу перед вами, – ответил Лестрейд. – Но я не могу отлучаться от арестованного и должен предупредить его, что все сказанное им может быть использовано против него.

– Большого мне и не требуется, – заявил наш клиент. – Все, что я прошу, это – только выслушать меня и узнать правду.

Лестрейд посмотрел на часы.

– Я даю вам полчаса, – сказал он.

– Прежде всего, я должен объяснить, что до вчерашнего дня я ничего не знал о мистере Джонасе Олдейкре, – начал Мак-Фарлейн. – Правда, имя его было мне знакомо, много лет тому назад мои родители знали его, но потом долгие годы они не виделись. Поэтому я был очень удивлен вчера, когда около трех часов он явился ко мне в контору в Сити. Еще больше я удивился, узнав причину его посещения. У него в руках было несколько листов записной книжки, исписанных неразборчивым почерком, и он положил их передо мной на стол. «Это мое завещание, – сказал он. – Я попрошу вас, мистер Мак-Фарлейн, оформить его по закону. Я подожду, пока вы сделаете это». Я принялся за переписку завещания, и можете себе представить мое изумление, когда я увидел, что, за немногими исключениями, он оставляет все свое состояние мне. Это был странной наружности маленький старичок с белесыми ресницами,

похожий на хорька. Когда я взглянул на него, я увидел, что его старые пронизательные глаза устремлены на меня с насмешливым выражением. Читая завещание, я не верил своим глазам, но мистер Олдейкр объяснил, что он холостяк, практически не имеет родных, что он знал моих родителей в молодости, а обо мне слышал, как о достойном молодом человеке, и уверен, что его деньги попадут в хорошие руки. Мне оставалось только благодарить его. Завещание было переписано, подписано и засвидетельствовано моим клерком. Вот оно, на синей бумаге, а эти обрывки, как я уже сказал, – оригинал; ну, то есть черновики. Затем мистер Джонас Олдейкр сообщил мне, что у него есть масса документов – разрешений на постройки, купчих актов, закладных и тому подобное – различных бумаг, с которыми мне необходимо ознакомиться. Он говорил, что не успокоится, пока не устроит все, и просил меня приехать к нему в Нижний Норвуд вечером, захватив с собой завещание. «Помните, мой милый, – говорил он, – ни слова вашим родителям, пока дело не будет сделано. Мы им приготовим маленький сюрприз». Он настаивал на этом пункте, и я пообещал, что исполню его желание. Как вы понимаете, мистер Холмс, я не мог отказать ему ни в чем. Он был моим благодетелем, и я стремился в точности исполнить его желание. Я послал телеграмму домой с извещением о том, что занят важным делом и не могу точно сообщить, как поздно вернусь. Мистер Олдейкр пригласил меня поужинать с ним около девяти часов, так как не рассчитывал попасть домой раньше этого времени. Не без труда я разыскал его дом, и, когда позвонил в дверь, было уже около половины десятого. Я застал мистера Олдейкра...

– Одну минуту! – перебил Холмс. – Кто открыл дверь?

– Женщина средних лет, его экономка, как я думаю.

– И она назвала вашу фамилию?

– Именно так, – ответил Мак-Фарлейн.

– Прошу вас, продолжайте.

Мак-Фарлейн вытер влажный лоб и продолжал рассказ:

– Женщина ввела меня в гостиную, где был приготовлен легкий ужин. После того мистер Джонас Олдейкр повел меня к себе в спальню, где стоял тяжелый сейф. Старик отпер его и вынул массу документов, которые мы стали просматривать. Было уже около двенадцати часов, когда мы закончили. Он сказал, что не хочет беспокоить экономку, и предложил мне выйти через большое окно в спальне, остававшееся все время открытым.

– Штора была спущена? – спросил Холмс.

– Не могу сказать наверняка, но, кажется, наполовину спущена. Да, теперь припоминаю: он поднял ее, чтобы пошире открыть окно. Я не мог найти своей трости, и он сказал: «Пустяки. Надеюсь, мы теперь будем часто видеться; я поберегу вашу трость, пока вы не придете за ней». Я простился с ним; сейф оставался открытым, а бумаги разложенными по столу. Было уже так поздно, что я решил не ехать домой, и провел ночь в гостинице. О том, что случилось после моего ухода, я узнал только в поезде, когда прочел утреннюю газету.

– У вас нет больше никаких вопросов, мистер Холмс? – спросил Лестрейд, брови которого пару раз удивленно приподнялись во время этого интригующего рассказа.

– Пока не побываю в Блэкхите.

– То есть в Норвуде, – поправил Лестрейд.

– Да, конечно, я именно это хотел сказать, – улыбнулся Холмс своей загадочной улыбкой.

Лестрейд неоднократно убеждался, хотя это ему, конечно же, не хотелось признавать, что со своим острым как бритва умом Холмс часто видит гораздо глубже его, и поэтому он с любопытством взглянул на моего друга.

– Мне хотелось бы переговорить с вами, мистер Холмс, – сказал он. – Мистер Мак-Фарлейн, вас ожидают два моих констебля, а у крыльца – кеб.

Несчастный молодой человек встал и, бросив на нас последний умоляющий взгляд, вышел из комнаты. Констебли проводили его до кареты, а Лестрейд остался с нами.

Холмс поднял со стола черновик завещания и стал рассматривать его с глубочайшим интересом.

– Вы хотели сказать что-нибудь об этом документе, Лестрейд, не так ли? – спросил он, протягивая ему бумаги.

Лестрейд взглянул на него с изумлением.

– Я разобрал первые строки, затем несколько посередине второй страницы и еще пару строк в конце. Они написаны четко, – сказал он. – Но посередине почерк очень неразборчивый, и есть три места, которые я вообще не в состоянии разобрать.

– Как вы объясняете это?

– А вы?

– Это написано в поезде; четкий почерк соответствует остановкам, а очень неразборчивый – во время движения поезда, особенно на стрелках. Эксперт-специалист сразу сделал бы заключение, что документ написан на пригородной линии, так как именно на подъезде к городу поезд особенно часто переходит с одного пути на другой. Если допустить, что завещание писалось на протяжении всего пути, значит, это был экспресс, имевший одну только остановку между Норвудом и конечным пунктом назначения в Лондоне.

Лестрейд засмеялся.

– Я не успеваю за вами, когда вы начинаете развивать свои теории, мистер Холмс, – сказал он. – Как это отразилось на нашем деле?

– Это подтверждает заявление молодого человека о завещании в том отношении, что оно было написано Джоном Олдейкром во время его вчерашней поездки. Не правда ли, странно, что человек составляет столь важный документ в такой несоответствующей обстановке? Я начинаю думать, что он не придавал ему большого практического значения. Так можно было поступить, составляя завещание, которое не предполагалось выполнить.

– Он вместе с тем подписал свой смертный приговор, – сказал Лестрейд.

– Вы так думаете?

– А вы нет?

– Может быть; но пока этот вопрос для меня еще неясен.

– Неясен? Если уж *это* неясно, что же после того ясно! Молодой человек неожиданно узнаёт, что в случае смерти некоего старика он получает состояние. Что он делает? Никому не говорит ни слова и устраивает так, чтобы под каким-нибудь предлогом зайти к своему клиенту вечером, ждет, пока единственная служанка засыпает, и затем убивает старика в его спальне, сжигает его тело на лесном складе, а сам отправляется в ближайшую гостиницу. Следы крови в комнате и на палке очень незначительные. Весьма вероятно, он посчитал, будто все обошлось без кровопролития, и решил, что если сожжет труп, то скроет следы преступления. Это все абсолютно очевидно!

– Мне, кажется, *чересчур* очевидно, – возразил Холмс. – Среди ваших многочисленных достоинств отсутствует одно – воображение. Если бы вы могли на минуту представить себя на месте этого молодого человека, то разве избрали бы для совершения убийства ночь того самого дня, когда узнали о завещании? Не показалась ли бы вам опасной подобная последовательность этих двух событий? Кроме того, решились бы вы на исполнение своего замысла, зная, что о вашем присутствии в доме будет известно прислуге? И наконец, стали бы вы так стараться скрыть тело, оставив в то же время собственную палку, свидетельствующую, что преступление совершено вами? Согласитесь, Лестрейд, что все это весьма неправдоподобно.

– Что касается палки, мистер Холмс, то вы знаете, что преступник часто в спешке делает такие ошибки, которых в обычной ситуации любой человек мог бы избежать. Очень может быть, что он попросту побоялся вернуться в комнату. Найдите другую версию, которая соответствовала бы имеющимся фактам.

– Не трудно составить их целую дюжину, – ответил Холмс. – Вот вам, например, вполне возможный вариант: старик показывает документы, имеющие явную ценность. Бродяга, проходя мимо, видит это через окно, штора которого только на половину спущена. Адвокат уходит, входит бродяга, хватая палку, которую заметил уже раньше, убивает Олдейкра, поджигает труп и скрывается.

– Зачем бродяге сжигать тело?

– А зачем это было делать Мак-Фарлейну?

– Чтобы скрыть улики.

– Может быть, бродяга хотел скрыть, что вообще было совершено убийство.

– А почему бродяга не взял ничего?

– Потому что бумаги оказались таковы, что ими невозможно было воспользоваться.

Лестрейд покачал головой, хотя мне показалось, что самоуверенности у него прибавилось.

– Хорошо, мистер Шерлок Холмс, отыскивайте себе бродягу, а мы пока придержим нашего молодчика. Будущее покажет, кто прав. Заметьте только одно: насколько нам известно, ни одна из бумаг не пропала, а арестованный – единственный человек, у которого не было причины уносить их, так как он наследник, и они, в любом случае, должны были достаться ему.

Это замечание было воспринято моим другом достаточно серьезно.

– Я не стану отрицать, что некоторые факты подтверждают вашу версию, – сказал он. – Только хочу заметить, что могут существовать и другие. Будущее покажет, как вы говорите. До свидания! Я думаю, что в течение дня еще загляну в Норвуд, чтобы узнать, как продвигается дело.

Когда полицейский ушел, мой друг стал собираться на дневную работу с видом человека, у которого есть определенный план.

– Как я уже сказал вам, Ватсон, первой целью моей поездки будет Блэкхит, где живут родители Мак-Фарлейна.

– Почему не Норвуд?

– Потому что в этом деле два странных события последовали одно за другим. Полиция делает ошибку, сконцентрировав свое внимание на втором из них, потому что это – преступление. Для меня же очевидно: чтобы подойти ко второму происшествию, необходимо разобраться с первым – с любопытным завещанием, сделанным в пользу человека, который совершенно не ожидал ничего подобного. Тогда это нам даст ключ к раскрытию преступления. Я

думаю, вы, мой друг, вряд ли сможете сегодня помочь мне. Опасности не предвидится никакой, иначе я бы обязательно взял вас с собой. Надеюсь, вечером я смогу сообщить, что мне удалось что-нибудь сделать для несчастного молодого человека, доверившего мне свою судьбу.

Было уже поздно, когда мой друг вернулся, и по его измученному и расстроенному виду я понял, что его надежды не сбылись. Целый час он играл на скрипке, пытаясь успокоиться. Наконец он отложил инструмент и подробно рассказал о своих неудачах.

– Все идет скверно, так скверно, как только возможно, дорогой Ватсон. Я не показал вида Лестрейду, но, право, мне кажется, что в этот раз он попал на настоящий след, а мы идем по ложному. Меня мое чутье ведет в одну сторону, а факты указывают в другую, и я очень боюсь, что интеллект присяжных еще не достиг того уровня, чтобы отдать предпочтение моим предположениям перед фактами Лестрейда.

– Вы были в Блэкхите?

– Да, был и очень скоро убедился, что покойный Олдейкр был порядочная скотина. Отца Мак-Фарлейна не было дома – он отправился разыскивать сына. Дома оказалась мать – маленькая, кругленькая голубоглазая особа, вся взбудораженная от страха и негодования. Она, конечно, даже не допускала предположения о виновности сына. Судьба же Олдейкра не вызвала с ее стороны ни удивления, ни сожаления. Напротив, она говорила о нем с такою горечью, что бессознательно поддерживала подозрения полиции. Потому что если бы сын слышал ее отзывы о покойном, они вполне могли подтолкнуть его к насилию. «Он больше походил на злобную, хитрую обезьяну, чем на человека, – говорила она, – и всегда был таким, еще с молодости». – «Вы знали его в то время?» – спросил я. «Да, знала хорошо; он даже сватался за меня. Слава богу, у меня хватило благоразумия отвернуться от него и выйти за человека более порядочного и доброго, хотя менее состоятельного. Я была его невестой, когда однажды услышала, как он впустил кошку в птичник; его жестокость так поразила меня, что я не захотела больше и слышать о нем». Она порылась в письменном столе и вынула женский портрет, страшно обезображенный и изрезанный ножом. «Это мой собственный портрет, – сказала она. – Он прислал мне его в день моей свадьбы вместе со своим проклятием».

«Но теперь он, видимо, простил вас, оставив все свое состояние вашему сыну», – возразил я. «Ни мне, ни сыну моему не надо ничего от Джонаса Олдейкра, живого или мертвого! – категорически отрезала она. – На небе есть Бог, мистер Холмс, тот самый Бог, который наказал этого злого человека, и докажет, когда наступит время, что сын мой не повинен в его крови». Я пробовал подойти к вопросу с разных точек зрения и не мог добиться ничего, что подтвердило бы наше предположение; наоборот, многое говорило против него. Наконец я смирился и отправился в Норвуд. Усадьба Дип-Дин-хаус – это большая кирпичная вилла в новом стиле, стоящая в глубине двора, который обсажен лавровыми деревьями. Направо, в некотором удалении от дороги, находился лесной склад, где произошел пожар. Вот наскоро набросанный план в моей записной книжке. Окно налево – из спальни Олдейкра. Как видите, в него можно заглянуть с дороги. Это единственное утешительное обстоятельство, добытое мною сегодня. Лестрейда там не было, всем управлял его первый помощник, старший констебль. Они сделали перед этим драгоценную находку. Разгребая все утро золу от сгоревшего штабеля леса, они вместе с обуглившимися костями нашли несколько почерневших круглых металлических бляшек. Я внимательно осмотрел их и убедился, что то были пуговицы от панталон. Я даже увидел на одной клеймо: «Хаймс» – фамилия портного Олдейкра. Потом я самым тщательным образом осмотрел площадку, стараясь найти следы, но при нынешней засухе земля тверда как железо. Ничего нельзя было рассмотреть, кроме того, что через живую изгородь, отделявшую склад, – как раз напротив сгоревшего штабеля – протащили какое-то тело или узел. Все это, разумеется, подтверждает предположения полиции. Я целый час ползал по площадке под палящим августовским солнцем, но ни на йоту не приблизился к разгадке.

Холмс на мгновение замолчал, словно заново переживая неудачу, затем продолжил:

– После этого я прошел в спальню и осмотрел ее тоже. Следы крови были очень незначительны, в виде небольших пятен, но без сомнения свежие. Палку унесли, но и на ней следы были слабые. Принадлежность палки нашему клиенту несомненна, он и сам признает это. На ковре удалось найти следы двух человек, но не трех, что опять оборачивается против нас. Полиция находила все больше и больше улик, а мы топтались на месте. И все-таки небольшой луч надежды блеснул для меня. Я рассматривал бумаги, хранившиеся в шкафу, большинство из которых осталось на столе. Бумаги находились в запечатанных пакетах, некоторые из них были вскрыты полицией. Насколько я мог судить, они не представляли большой ценности, и чековая книжка тоже не указывала на особенно блестящее положение дел Олдейкра. Но мне показалось, что не все бумаги налицо. Были ссылки на некоторые акты – может быть, наиболее ценные, – которых я не мог найти. Это, конечно, могло бы опровергнуть доводы Лестрейда, если бы нам удалось доказать их исчезновение. Кто стал бы красть вещь, зная, что скоро унаследует ее? Наконец, осмотрев все пакеты и не найдя каких-либо следов, я попытал счастья с экономкой. Миссис Лексингтон – маленькая, смуглая, молчаливая особа с недоверчивыми, искоса смотрящими глазами. Я уверен, что она могла бы сказать нам кое-что, если бы захотела. Но из нее почти ничего не удалось вытянуть. Она подтвердила, что впустила мистера Мак-Ферлейна в половине десятого, добавив, что «лучше бы ее руке отсохнуть, прежде чем сделать это». В половине одиннадцатого она ушла спать. Ее комната находилась на противоположном конце дома, и она ничего не слышала. Мак-Ферлейн оставил свою шляпу и трость, насколько помнит экономка, в передней. Позже ее разбудили крики «Пожар! Пожар!». Ее бедного дорожного хозяина, наверное, убили... Были ли у него враги? Конечно, у каждого человека они есть, но мистер Олдейкр держался совершенно особняком, встречаясь с людьми только по делам. Она видела пуговицы и признала, что они от костюма, который был на нем в последнюю ночь. Лес на складе был очень сух, так как за целый месяц не выпало ни капли дождя. Доски горели как порох, и к тому времени, как все прибежали, весь штабель был объят пламенем. И она, и пожарные чувствовали запах горелого мяса. О бумагах и делах мистера Олдейкра она ничего не знала.

– Вот вам отчет о моей неудаче, дорогой Ватсон. А все-таки, все-таки... – Он сжал свои нервные руки и продолжал с глубокой убежденностью: – Я *знаю*, что все не так. Я чувствую это в глубине души. Есть что-то, что не обнаружено, и экономке это известно. В ее глазах есть какая-то коварная подозрительность и угрюмость, которые характерны для людей с нечистой совестью. Но что толку говорить теперь об этом, Ватсон? Боюсь только, что если нам не поможет какая-нибудь счастливая случайность, дело об исчезновении норвудского подрядчика не займет место в хронике наших успехов, которую, как я предвижу, мы рано или поздно преподнесем терпеливой публике.

– Я уверен, что подозреваемый должен произвести хорошее впечатление на присяжных, – сказал я.

– Этому предположению опасно доверять, дорогой Ватсон. Помните вы жестокого убийцу Берта Стивенса, рассчитывавшего на нашу защиту в восемьдесят седьмом году? Можно ли было представить себе более мягкого и безгрешного молодого человека?

– И то правда!

– Если нам не удастся предоставить другой версии, наш клиент пропал. Практически все улики против него, и дальнейшее следствие еще больше усложняет его положение. Кстати, относительно этих бумаг есть один небольшой пункт, который может служить отправной точкой для нашего расследования. Просматривая чековую книжку, я увидел, что Олдейкр в течение последнего года выплатил довольно крупную сумму мистеру Корнелиусу. Признаюсь, мне было бы интересно узнать, кто такой этот Корнелиус, с которым неработающий подрядчик мог заключить столь крупные сделки? Возможно, что и он причастен к делу! Корнелиус может быть ростовщиком, но мы не нашли никаких бумаг, которые подтвердили бы сей факт. Мне

придется навести справки в банке об этом джентльмене. Но все же я боюсь, мой милый, что дело кончится для нас неудачей! Лестрейд добьется того, что нашего клиента повесят, и Скотланд-Ярд, конечно же, будет торжествовать.

Не знаю, сколько спал Шерлок Холмс в эту ночь, но, когда я сошел вниз к завтраку, я нашел его бледным и измученным бессонницей, о чем свидетельствовали темные круги под глазами. Ковер был усеян папиросными окурками и ворохом утренних газет.

– Что вы думаете об этом, Ватсон? – спросил он, пододвигая мне телеграмму, лежавшую на столе.

Я прочел:

«Новые важные улики. Виновность Мак-Ферлейна окончательно установлена. Советую отказаться от дальнейшего участия в деле. *Лестрейд*».

– Дело принимает серьезный оборот, – заметил я.

– Лестрейд, как петух, возвещает о своей победе громким криком, – ответил Холмс с горькой усмешкой. – Но, может быть, еще рано бросать дело. Во всяком случае, «важные улики» могут быть о двух концах и вполне способны привести к результатам, совершенно противоположным тем, какие ожидает Лестрейд. Позавтракайте, Ватсон, а потом мы отправимся вместе и посмотрим, что можно будет сделать. Я чувствую, что ваша поддержка будет сегодня мне нужна.

Мой друг не стал завтракать: одной из его особенностей было отказываться от еды в минуты нервного напряжения. И мне случалось видеть, как он, рассчитывая на свои крепкие силы, падал с ног от истощения. «В настоящую минуту я не могу тратить энергию и нервную силу на пищеварение», – отвечал он на мои медицинские увещевания. Поэтому я не удивился, видя, что он не прикоснулся к завтраку перед поездкой в Норвуд.

Толпа зевак все еще окружала жилище подрядчика, представлявшее из себя, как описал его Холмс, пригородную усадьбу. На дворе нас встретил Лестрейд, сияя победой и выражая торжество в каждом жесте.

– Ну что, мистер Холмс, доказали вы нам нашу неправоту? Нашли своего бродягу? – с улыбкой поинтересовался он.

– Я еще не пришел к окончательному заключению, – отвечал мой товарищ.

– А вот мы вчера пришли к такому заключению, и сегодня оно еще раз подтвердилось. Вам придется признать, что на этот раз мы несколько опередили вас, мистер Холмс.

– Действительно, судя по вашему тону, случилось что-то необычайное, – сказал Холмс. Лестрейд громко захохотал.

– Вы, как и мы, грешные, не любите проигрывать, – сказал он. – Но ведь не может же человек быть всегда прав. Не правда ли, мистер Ватсон? Пожалуйте сюда, господа, надеюсь, что я раз и навсегда докажу вам, что преступление совершено Гектором Мак-Фарлейном.

Он провел нас коридором в темную переднюю.

– Сюда, вероятно, заходил Мак-Фарлейн за шляпой после совершения преступления, – сказал он. – Взгляните.

Театральным жестом он неожиданно зажег спичку, и мы увидели кровавое пятно на выбеленной стенке. Когда же он поднес спичку поближе, я увидел, что это было не просто пятно, а отпечаток пальца.

– Взгляните сюда через ваше увеличительное стекло, мистер Холмс.

– Смотрю.

– Известно ли вам, что никогда отпечатки двух больших пальцев не бывают одинаковы?

– Я слышал об этом.

– Вот, не угодно ли сравнить этот след с отпечатком на воске, сделанным большим пальцем Мак-Фарлейна сегодня утром по моему приказанию.

Он поднес восковой отпечаток к кровавому пятну, и не было надобности прибегать к увеличительному стеклу, чтобы убедиться, что оба отпечатка, несомненно, сделаны одним пальцем. Для нас стало очевидно, что наш несчастный клиент погиб.

– Это окончательная улика, – сказал Лестрейд.

– Да, окончательная, – невольно вырвалось у меня.

– Окончательная, – повторил и Холмс.

Что-то в его тоне поразило мой слух. Я обернулся и взглянул на него. В лице его произошла резкая перемена. Оно все дрожало от сдерживаемого смеха, а глаза его сверкали. Мне показалось, что он делает отчаянные усилия, чтобы сдержать приступ хохота.

– Бог ты мой! – проговорил он, наконец. – Кто бы мог это подумать! И как обманчива бывает наружность! Какой милый молодой человек с виду! Наука нам – не доверяться впредь первому впечатлению, не правда ли, Лестрейд?

– Да, некоторые из нас иногда склонны к излишней самонадеянности, мистер Холмс, – сказал Лестрейд.

Нахальство этого молодого человека переходило всякие пределы, но мы не могли ему ничем возразить.

– Какое счастливое обстоятельство, что молодой человек коснулся пальцем стены, снимая с вешалки шляпу! Какое естественное движение, как подумаешь!

Холмс внешне был спокоен, но все тело его дрожало от сдерживаемого волнения.

– А кто сделал это замечательное открытие, Лестрейд?

– Экономка, миссис Лексингтон, обратила на пятно внимание констебля, дежурившего ночью.

– Где находился констебль?

– Он дежурил в спальне, где было совершено убийство, наблюдая, чтобы никто ничего не тронул.

– Почему же полиция не заметила этого пятна вчера?

– У нас не было особых причин тщательно осматривать переднюю. Да и место, как видите, не сразу бросается в глаза.

– Да, конечно. Я думаю, нет сомнения, что пятно было здесь уже вчера.

Лестрейд взглянул на Холмса, как на ненормального. Признаюсь, я сам был удивлен как этим нелепым вопросом, так и самим неожиданно веселым видом моего друга.

– Или вы думаете, что Мак-Фарлейн ночью выходил из тюрьмы, чтобы прибавить еще одну улику против себя, – сказал Лестрейд. – Ни один эксперт в мире не станет сомневаться, что это отпечаток большого пальца Мак-Фарлейна.

— Да, в этом нет сомнения.

— Этого достаточно, — сказал Лестрейд. — Я практик, мистер Холмс, и, получив несомненное доказательство, тотчас же делаю выводы. Если вам что-то понадобится, вы найдете меня в гостиной, где я буду писать свой отчет.

Холмс уже овладел собой, хотя в глазах у него по-прежнему вспыхивали веселые искорки.

– Не правда ли, очень грустная дополнительная подробность, – заметил, обращаясь ко мне, Холмс. – А между тем, именно из нее я извлекаю некоторую надежду для нашего клиента.

– Я очень рад слышать это, – высказал я от всего сердца. – Я боялся, что для него все кончено.

– Такой вывод был бы преждевременным, дорогой Ватсон. Дело в том, что в улике, которой наш приятель приписывает такую важность, есть одно весьма слабое место.

– Неужели! Что же именно?

– Я точно знаю, что отпечатка на стене вчера не было. А теперь, Ватсон, пройдемтесь немного по солнышку.

Несколько сбитый с толку, но в тоже время с некоторой надеждой, я последовал за моим другом на прогулку по саду. Холмс обошел дом, внимательно осматривая его со всех сторон. Затем он направился внутрь и обошел все здание с подвала до чердака. Большинство комнат не были меблированы; тем не менее, Холмс тщательно осмотрел их. Наконец, в коридоре, в который выходили двери трех незанятых спален, на него вновь напал приступ веселья.

– Действительно, в этом деле есть совершенно особенные обстоятельства, – сказал он. – Мне кажется, пора приоткрыть нашу тайну приятелю Лестрейду. Он немного позабавился на наш счет, и мы вправе ответить ему тем же, если мое решение задачи верно. Да-да, мне кажется, я придумал, с какой стороны следует подойти к ней.

Инспектор сыскной полиции все еще писал в гостиной, когда Холмс прервал его.

– Вы, кажется, пишете отчет по этому делу? – спросил он.

– Да.

– Вы не думаете, что это несколько преждевременно? Как хотите, но, по-моему, добытых вами доказательств недостаточно.

Лестрейд слишком хорошо знал моего друга, чтобы оставить его слова без внимания. Он отложил перо и с любопытством взглянул на Холмса.

– Что вы хотите этим сказать?

– Есть один важный свидетель, которого вы еще не видели.

– Вы можете представить его нам?

– Думаю, что могу.

– Тогда, пожалуйста, приведите его.

– Постараюсь. Сколько констеблей у вас.

– Здесь трое.

– Прекрасно! – заявил Холмс. – Позвольте узнать, крупный это народ, с сильными головами?

– Думаю, что да, хотя решительно не понимаю, причем тут их голоса.

– Может быть, я скоро объясню вам это вместе с некоторыми другими вещами, – ответил Холмс. – Будьте любезны позвать ваших людей, – и я попробую.

Через пять минут трое полисменов собрались в передней.

– В сарае вы найдете много соломы, – сказал Холмс. – Попрошу вас принести сюда две охапки. Надеюсь, что это окажет мне большую помощь в вызове моего свидетеля... Очень вам благодарен. Ватсон, есть у вас спички? Теперь, мистер Лестрейд, я попрошу вас пройти со мной наверх.

Как я уже сказал, там был широкий коридор, в который выходили двери трех пустых спален. Сюда-то и привел всех Шерлок Холмс. Констебли шли, посмеиваясь, а Лестрейд смотрел на моего друга с изумлением, ожиданием и насмешкой. Холмс стоял перед нами с видом чародея, собирающегося показать фокус.

– Не потрудитесь ли вы приказать одному из ваших констеблей принести два ведра воды? Положите солому здесь на пол, посередине. Теперь, мне кажется, у нас все готово.

Лицо Лестрейда начало краснеть от возмущения.

– Вы смеетесь над нами, мистер Шерлок Холмс, – заговорил он, – Если вам известно что-нибудь, то вы могли бы сообщить нам это без своего шутовства.

– Заверяю вас, любезнейший Лестрейд, что у меня есть основательная причина для всего того, что я делаю. Вы, может быть, помните, что подняли меня на смех несколько часов тому назад, когда удача, казалось, была на вашей стороне; так что не сердитесь теперь за некоторую театральность моих действий. Ватсон, отворите, пожалуйста, окно и подожгите солому.

Я исполнил его желание. Открытое окно создавало сквозняк, поэтому солома быстро вспыхнула и затрещала, а по коридору поползли клубы белесого дыма.

– Теперь постараемся вызвать свидетеля к вам, Лестрейд. Прошу вас всех, крикните: «Горим!» Ну, раз, два, три...

– Горим! – во все горло закричали мы все.

– Благодарю. Побеспокою вас еще раз.

– Горим!

– Теперь в последний раз! Только все вместе!

– Горим! Пожар!

Я думаю, крик разнесся по всему Норвуду. Едва он смолк, как произошла поразительная вещь. В дальнем конце коридора, в стене, казавшейся вполне сплошной, вдруг отворилась дверь, и из нее выскочил, как кролик из своей норы, маленький морщинистый человечек.

– Великолепно! – произнес Холмс. – Ватсон, вылейте ведро воды на солому. Хорошо. Лестрейд, позвольте представить вам главного, не фигурировавшего до сих пор свидетеля, мистера Джонаса Олдейкра.

Инспектор смотрел на старика в полнейшем изумлении. Тот, в свою очередь, щурился от яркого света в коридоре, переводя взгляд то на нас, то на потухавший огонь. У него было отвратительное лицо: хитрое, злое, порочное, с коварными светло-серыми глазами под белыми ресницами.

– Что все это значит?! – наконец спросил Лестрейд громовым голосом. – Где вы были все это время?

Олдейкр вымученно захихикал, отступая под возмущенным взглядом полицейского.

– Я никому не навредил.

– Не навредили? Из-за вас чуть не повесили ни в чем не повинного человека. Если бы не этот джентльмен, я уверен, вам это удалось бы.

Негодяй завизжал:

– Я только пошутил!

– Пошутили? Зато мы не собираемся с вами шутить. Возьмите его и держите в гостинной, пока я не приду... Мистер Холмс, – продолжил он, когда старика увели, – я не мог говорить в присутствии констеблей, но при мистере Ватсоне могу сказать, что это – самое блестящее ваше расследование. Хотя для меня до сих пор тайна, как вам это удалось. Вы спасли жизнь невинному человеку и предотвратили большой скандал, который подорвал бы мою репутацию в Скотланд-Ярде.

Холмс улыбнулся и потрепал Лестрейда по плечу.

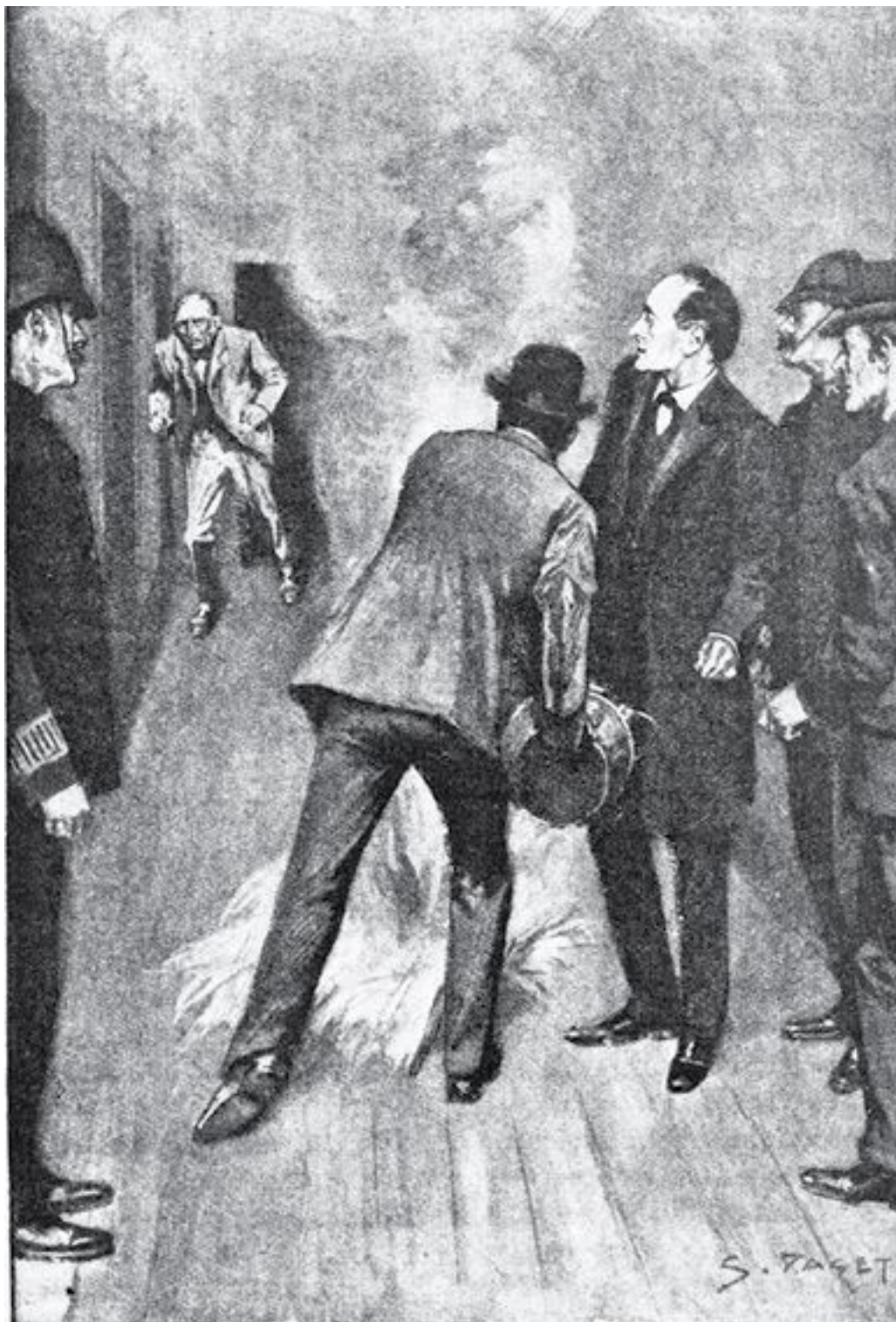
– Теперь ваша репутация не только не пострадает, напротив, поднимется на новую высоту. Сделайте несколько изменений в отчете, который вы только что составляли, и они увидят, как трудно сбить с верного пути инспектора Лестрейда.

– Вы не желаете, чтобы ваше имя фигурировало?

– Не имею ни малейшего желания. Само дело служит наградой. Может быть, меня оценят со временем, если я разрешу своему усердному историку опубликовать свои записки. Так, Ватсон?.. А теперь посмотрим, где пряталась эта крыса?

В шести футах от конца коридора находилась оштукатуренная перегородка с искусно скрытой в ней дверью. Помещение за ней освещалось узкими окошечками, расположенными под водосточной трубой. В комнате было немного мебели, запас хлеба и воды, вместе с несколькими книгами и бумагами.

– Вот что значит быть строителем, – заметил Холмс, когда мы вышли. – Он устроил себе потайное убежище, не прибегая к чужой помощи, за исключением, конечно, этой драгоценной экономки, которую я бы на вашем месте, Лестрейд, не теряя времени, присоединил к ее хозяйину.

– Я последую вашему совету. Но как вы узнали о существовании этого помещения, мистер Холмс!

– Я был уверен, что этот господин скрывается в доме. Проходя коридором, я заметил, что он на шесть футов короче соответствующего ему нижнего коридора, и мне стало ясно, где Олдейкр. Я был уверен, что он не выдержит, услышав крики «Пожар!». Мы, конечно, могли бы войти к нему и арестовать его, но мне хотелось немного позабавиться, заставить его обнаружить себя. Кроме того, мне и вас хотелось слегка мистифицировать в отместку за вашу утреннюю иронию.

– Ну что же, мы теперь поквитались с вами, мистер Холмс. Но как вы вообще узнали, что он в доме?

– По отпечатку пальца, Лестрейд. Вы сказали, что это была решающая улика. И я согласен с вами, хотя она была решающая в прямо противоположном смысле. Я *знал*, что этого пятна накануне не было на стене. Для меня, как вы, может быть, заметили, любые мелочи всегда имеют большое значение. Я осматривал переднюю и видел, что стена была чиста. Стало быть, пятно появилось ночью.

– Каким образом?

– Очень просто. Когда пакеты запечатывались, Олдейкр мог подсунуть Мак-Фарлейну конверты так, чтобы тот прижал мягкий сургуч на одном из них пальцем. Это было сделано настолько быстро и естественно, что, вероятно, сам молодой человек позабыл об этом. А может быть, это была чистая случайность, и сам Олдейкр не рассчитывал воспользоваться отпечатком. Но когда он раздумывал обо всем случившемся в своей норе, ему вдруг пришло в голову, какой великолепной уликой может стать против Мак-Фарлейна этот след его пальца. Для него ничего не стоило снять восковой оттиск с печати, смочить его каплей крови, добытой от булавочного укола, и сделать отпечаток на стене самому или поручив это экономке. Готов побиться об заклад, что, рассматривая запечатанные пакеты, которые старик унес с собой в комнату, вы найдете один с отпечатком большого пальца.

– Удивительно! Изумительно! – воскликнул Лестрейд. – Когда вы объясняете – все становится абсолютно ясным. Но в чем причина всего этого обмана, мистер Холмс?

Меня очень забавлял переход полицейского от его прежней высокомерной манеры к тону любознательного ученика, почтительно и робко задающего вопросы учителю.

– Это особенно трудно объяснить. Джентльмен, ожидающий нас внизу, – скрытная, злобная, мстительная натура. Вам известно, что мать Мак-Фарлейна отказалась выйти за него замуж? Ах, вы не знаете этого? Я ведь говорил вам, что прежде надо побывать в Блэкхите, а потом уже отправляться в Норвуд. Это оскорбление, на его взгляд, глубоко засело в его коварном, злопамятном уме. Всю свою жизнь он жаждал мести, но не находил случая осуществить ее. В последние годы ему не везло – думаю, что он занялся темными спекуляциями – и ему грозило разорение. Он решил обмануть своих кредиторов и для этого стал выдавать крупные чеки некоему мистеру Корнелиусу, то есть, как я полагаю, самому себе. Я еще не проследил эти чеки, но не сомневаюсь, что они выдавались на какой-нибудь провинциальный город, где время от времени появлялся двойник Олдейкра. Он намеревался, переменяв фамилию, выбрать все деньги, скрыться и продолжать жить где-нибудь в другом месте.

– Это правдоподобно.

– Он решил, что, исчезнув, он избавится от всякого преследования. Вместе с тем он намеревался жестоко отомстить своей бывшей возлюбленной, устроив все таким образом, чтобы подозрение в убийстве падало бы на ее единственного сына. Это была образцово задуманная и мастерски исполненная подлость. Мысль составить завешание, которое могло бы служить очевидным мотивом к преступлению, посещение, о котором ничего не знали бы родители молодого человека, «забытая» палка, кровь, остатки сгоревшего животного и пуговицы в петлице –

все великолепно придумано. Была сплетена сеть, из которой, как мне казалось еще несколько часов тому назад, молодому человеку невозможно было выбраться. Но Олдейкр не обладает высшим даром артиста – знанием, когда надо остановиться. Он желал улучшить то, что и так уже было совершенно, еще туже затянуть веревку на шее несчастной жертвы. Этим он все и разрушил. Пойдемте теперь вниз, Лестрейд, я хотел бы задать ему пару вопросов.

Зловредное существо сидело в собственной гостиной между двумя полисменами.

– Все это была шутка, сэр, шутка и больше ничего, – не переставал повторять он плаксиво. – Уверяю вас, я спрятался только для того, чтобы видеть, какой эффект произведет на друзей мое исчезновение. Вы понимаете прекрасно, что я не допустил бы того, чтобы с молодым Мак-Фарлейном что-нибудь случилось.

– Это должны решить присяжные, – сказал Лестрейд. – Мы же задерживаем вас по обвинению в заговоре и в покушении на убийство.

– А ваши кредиторы, вероятно, наложат арест на ваш банковый счет с мистером Корнелиусом, – прибавил Холмс.

Маленький человек вздрогнул и впился злобным взглядом в моего друга.

– Вероятно, всем этим, в первую очередь, я обязан вам? – прошипел он. – Может быть, когда-то и я найду способ заплатить вам свой долг.

Холмс улыбнулся снисходительно.

– Я думаю, что вы в течение нескольких последующих лет будете очень заняты, – сказал он. – Лучше скажите-ка, что вы сунули в горящие доски кроме своих старых брюк? Околевшую собаку или кролика? Не хотите сказать? Очень нелюбезно с вашей стороны! Я думаю, что пары кроликов хватило. Ватсон, если вы когда-нибудь надумаете описать этот случай, то не забудьте упомянуть именно кроликов.

Пляшущие фигурки

Холмс несколько часов просидел молча, согнув свою длинную тонкую спину над химическим прибором, в котором он варил что-то особенно вонючее. Голова его опустилась на грудь, и мне он казался какой-то странной тощей птицей с тусклым серым опереньем и черным хохолком.

– Итак, Ватсон, – произнес он вдруг, – вы не намерены поместить свой капитал в южно-африканские акции?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к удивительным способностям Холмса, однако же это вторжение в самые сокровенные мои мысли было совершенно необъяснимо.

– Откуда вы это можете знать? – спросил я.

Он повернулся на стуле с дымящейся пробиркой в руке, и его глубоко посаженные глаза как-то забавно засверкали.

– Ну, Ватсон, признайтесь, что вы окончательно ошеломлены, – сказал он.

– Признаюсь.

– Мне следовало бы потребовать от вас расписку в этом.

– Почему?

– Потому что через пять минут вы скажете, что это было до нелепости просто.

– Я, наверное, ничего подобного не скажу.

– Видите ли, милый Ватсон... – Холмс всунул пробирку в штатив и говорил тоном профессора, читающего перед аудиторией лекцию. – В сущности, вовсе не трудно построить цепь выводов, вытекающих один из другого и очень простых, если их взять в отдельности. Если, сделав это, выбросить все средние выводы и преподнести слушателям только начальный пункт и заключение, то можно произвести поразительный, хотя, может быть, и фальшивый эффект. Ну-с, в сущности, было не трудно, осмотрев впадину между указательным и большим пальцем на вашей левой руке, убедиться в том, что вы не намерены поместить свой маленький капитал в золотые россыпи.

– Не вижу тут никакой связи.

– Весьма вероятно, но я могу мигом показать вам очень тесную связь. Вот недостающие звенья очень простой цепи: во-первых, когда вы вчера вечером вернулись из клуба, то впадина между указательным и большим пальцем вашей левой руки была запачкана мелом. Во-вторых, вы натираете это место мелом, когда играете на бильярде, чтобы скользил кий. В-третьих, если вы играете на бильярде, то исключительно только с Терстоном. В-четвертых, четыре недели тому назад вы мне сказали, что у Терстона заключено условие на какую-то собственность в Южной Африке, срок которому истекает через месяц, и что он желает взять вас в компанию. В-пятых, ваша чековая книга заперта в ящик моего письменного стола, а вы не спрашивали у меня ключа от него. В-шестых, вы не намерены поместить в это дело свои деньги.

– Это до нелепости просто! – воскликнул я.

– Совершенно верно, – согласился Холмс несколько язвительно. – Всякая задача становится ребячески простой, когда ее объяснить... А вот тут необъясненная задача. Посмотрите, Ватсон, и скажите: как вы это понимаете?

Холмс бросил на стол листок бумаги и снова принялся за свой химический опыт.

Я с удивлением взглянул на нелепые иероглифы, начертанные на бумаге.

– Да ведь это, Холмс, каракули ребенка! – воскликнул я.

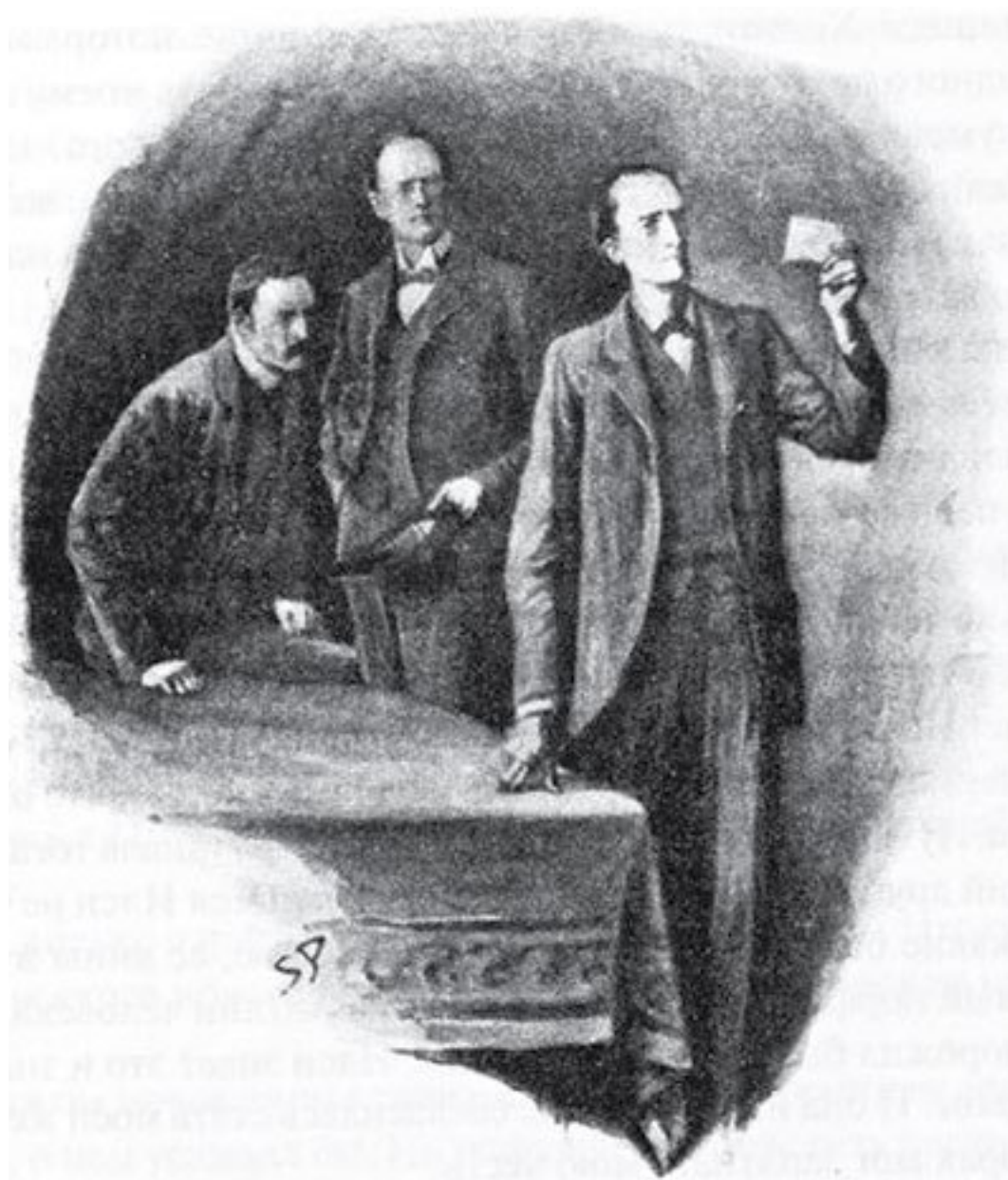
– А, вы так думаете!

– А чем же другим это может быть?

– Вот это-то страстно желает узнать мистер Гильтон Кебитт из замка Ридлинг-Торп в Норфольке. Эта маленькая загадка пришла с первой почтой, а он сам должен приехать с ближайшим поездом... Вот и звонят, Ватсон. Весьма возможно, что это он и есть.

По лестнице раздались тяжелые шаги, и в комнату вошел высокий, румяный, гладко выбритый господин, светлые глаза и цветущий вид которого говорили о том, что он живет далеко от туманов Бейкер-стрит. Он точно внес с собой струю здорового, свежего морского воздуха. Пожав нам руки, он собирался сесть, когда глаза его упали на бумагу с курьезными значками, которую я только что рассматривал.

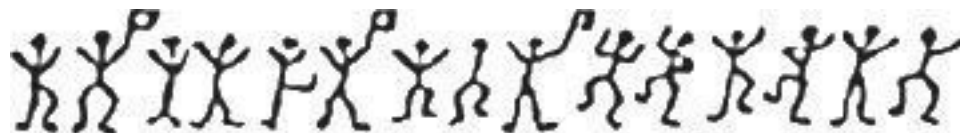
– Ну-с, мистер Холмс, как вы это понимаете? – спросил он. – Мне сказали, что вы большой охотник до оригинальных тайн, а вряд ли можно найти тайну более оригинальную, чем эта. Я послал вам заранее бумагу для того, чтобы вы успели проштудировать ее до моего приезда.

– Это действительно курьезное произведение, – сказал Холмс. – На первый взгляд оно кажется ребяческой забавой. Тут нарисовано несколько нелепых пляшущих человечков. Почему вы придаете значение такой забаве?

– Я бы не стал придавать этому значения, мистер Холмс. Но моя жена отнеслась к этому иначе. Это смертельно напугало ее. Она ничего не говорит, но я вижу ужас в ее глазах. Вот почему я хочу расследовать дело до конца.

Холмс поднял бумагу так, чтобы она вся была освещена солнцем. Это была страница, вырванная из записной книжки. Знаки были сделаны карандашом и имели такой вид:

Холмс рассматривал их некоторое время, а затем тщательно сложил бумагу и вложил ее в свою записную книжку.

– Это обещает быть крайне интересным и необыкновенным случаем, – сказал он. – В своем письме, мистер Гильтон Кебитт, вы сообщили мне некоторые подробности, но я буду вам весьма обязан, если вы повторите их для моего друга, доктора Ватсона.

– Я неважный рассказчик, – возразил наш посетитель, нервно сжимая и разжимая руки. – Спрашивайте меня, если что покажется неясным. Я начну с того времени, когда я женился в прошлом году, но, прежде всего, должен сказать, что, хотя я не богатый человек, но мой род владеет Ридлинг-Торпом около пяти веков, и во всем Норфолькском графстве нет фамилии более известной, чем моя. В прошлом году я приехал в Лондон на юбилей и остановился в пансионе на Руссель-сквер, потому что Паркер, викарий нашего прихода, останавливался в этом пансионе. Там же жила молодая американка по имени Эльзи Патрик. Мы как-то подружились, и не прошло месяца, как я был в нее влюблен так, как только может влюбиться человек. Мы тихо обвенчались и вернулись в Норфольк. Вы сочтете, мистер Холмс, безумием, чтобы мужчина из хорошего древнего рода женился, ничего не зная о прошлом женщины и о ее родных. Но если бы вы видели и знали ее, то поняли бы меня. Эльзи поступила со мной вполне честно. Я не могу сказать, чтобы она не дала мне возможность освободиться от данного мною слова, если бы я этого пожелал. «Мне пришлось в своей жизни находиться в очень неприятном общении, – сказала она, – я желаю совершенно забыть о нем. Мне бы хотелось никогда не вспоминать о прошлом, потому что это для меня крайне тяжело. Если вы возьмете меня, Гильтон, то возьмете женщину, которой лично не приходится стыдиться ничего; но вам придется удовольствоваться одним только моим словом и позволить мне хранить молчание относительно всего, что произошло до того времени, когда я стала вашей. Если эти условия слишком тяжелы для вас, то возвращайтесь в Норфольк и предоставьте меня моей прежней одинокой жизни». Эти слова сказала она мне накануне нашей свадьбы. Я ответил ей, что согласен ее взять на ее условиях, и сдержал свое слово. Итак, прошел год, как мы поженились и были очень счастливы. Но месяц тому назад, в конце июня, появились первые признаки тревоги. Однажды моя жена получила письмо из Америки. Я видел американский штемпель. Она смертельно побледнела, прочла письмо и бросила его в огонь. Затем она ни разу не упоминала о нем, и я также, потому что я дал обещание и свято хранил его. Но с этого момента она не знала покоя. Ее лицо всегда выражает страх, точно она чего-то ожидает. Она бы лучше сделала, если бы доверилась мне. Она увидела бы тогда, что я ее лучший друг. Но пока она сама не заговорит, я ничего не могу сказать. Верьте мне, мистер Холмс, что она честная женщина, и какие бы ни были у нее в прошлом трагедии, она не виновата в них. Я простой норфолькский сквайр, но нет человека в Англии, который ценил бы так высоко, как я, честь своего рода. Ей это хорошо известно и было хорошо известно до нашей свадьбы. Она никогда не запятнает моего имени – в этом я убежден. Теперь я дошел до главной части своей истории. Около недели тому назад, в прошлый вторник, я увидел на одном из подоконников несколько нелепых пляшущих фигурок,

подобных этим. Они были нацарапаны мелом. Я подумал, что их нарисовал мальчик-конюх, но он клялся, что даже не видел их. Как бы то ни было, они появились на подоконнике ночью. Я приказал их смыть и только позднее упомянул о них жене. К моему удивлению, она отнеслась к этому очень серьезно и попросила меня, в случае появления таких фигурок, показать их ей. В продолжение недели ничего не появлялось. Вчера же утром я нашел эту бумагу на солнечных часах в саду. Я показал ее Эльзи, и она вдруг упала как мертвая. С тех пор она ходит как во сне, точно ослепленная, и глаза ее выражают ужас. Тогда я написал вам, мистер Холмс, и послал вам эту бумагу. Я не мог пойти с ней в полицию, потому что там осмеяли бы меня. Вы же скажете мне, что делать. Я не богат, но если какая-нибудь опасность грозит моей жене, то я истрачу последний грош, чтобы ее защитить...

Какая это была симпатичная личность – этот англичанин древнего рода – простой, прямодушный и кроткий, с большими голубыми глазами и широким, красивым лицом! В его чертах проглядывала любовь к жене и доверие к ней. Холмс, выслушав с напряженным вниманием его историю, погрузился в безмолвное размышление.

– Не думаете ли вы, мистер Кебитт, – сказал он, наконец, – что лучше всего было бы вам прямо обратиться к своей жене и попросить ее поделиться с вами ее тайной?

Гильтон Кебитт покачал своей массивной головой.

– Что обещано, то свято, мистер Холмс. Если бы Эльзи хотела говорить, то она сама сказала бы мне все. Если же нет, то не мне насиловать ее доверие. Но я имею право принять свои меры и приму их.

– А я от всей души помогу вам. Во-первых, не слышали ли вы, что кто-нибудь чужой появился у вас по соседству?

– Нет.

– Ваше место, должно быть, очень тихое. И всякое новое лицо вызвало бы толки.

– В непосредственном соседстве – да. Но недалеко от нас расположено несколько маленьких курортов. И фермеры принимают к себе жильцов.

– Эти иероглифы, очевидно, имеют смысл. Если они чисто произвольны, то мы не в состоянии будем их разобрать. Если же они составляют часть системы, то мы, несомненно, доберемся до их смысла. Но этот образчик так короток, что я ничего не могу сделать, а факты, переданные вами, так неопределенны, что у нас нет основания для следствия. Я бы посоветовал вам вернуться в Норфольк, зорко высматривать и сделать точную копию с первых пляшущих фигурок, какие появятся. Ужасно обидно, что у нас нет копии тех, что были нарисованы мелом на подоконнике. Наведите также осторожные справки о посторонних людях, появившихся по соседству. Когда добудете какую-нибудь новую улику, то возвращайтесь ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать, мистер Гильтон Кебитт. Если будет что-нибудь новенькое и спешное, я всегда буду готов съездить к вам в Норфольк.

После этой беседы Шерлок Холмс был очень задумчив, и в течение следующих дней несколько раз видел, как он вынимал из карманной книжки бумагу и долго, пристально вглядывался в начертанные на ней фигуры. Однако же он ни разу не упоминал об этом деле в течение почти двух недель. Наконец он окликнул меня в тот момент, когда я собирался выйти.

– Лучше останьтесь дома, Ватсон.

– Почему?

– Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Кебитта – господина с пляшущими человечками. Он должен был прибыть на станцию Ливерпуль-стрит в час двенадцать минут. Я каждую минуту ожидаю его. Из его телеграммы видно, что случилось что-то новое и важное.

Нам недолго пришлось ждать: наш норфолькский сквайр приехал прямо со станции так быстро, как только мог везти его извозчик. Он казался измученным и удрученным, в глазах его сказывалось утомление, и на лбу прорезались морщины.

– Это дело действует мне на нервы, мистер Холмс, – сказал он, устало опускаясь на стул. – Достаточно скверно чувствовать, что вас окружают невидимые, неизвестные люди, замышляющие что-то против вас, но когда вдобавок еще вам известно, что постепенно убивают вашу жену, тогда это становится не по силам для человека. Она истерзана и положительно чахнет на моих глазах.

– Она ничего еще не сказала вам?

– Нет, мистер Холмс, ничего. А между тем, несколько раз хотелось бедняжке высказаться, но не хватало у нее на это духа. Я пытался ей помочь, но, вероятно, сделал это очень неуклюже и отбил у нее охоту открыть свою душу. Она говорила о моем древнем роде, о нашей репутации в графстве, о нашей гордости незапятнанной честью, и мне всегда казалось, что это только предисловие, но почему-то мы никогда не добирались до сути.

– Но вы сами по себе что-то нашли?

– И очень много, мистер Холмс. У меня набралось несколько новых картинок пляшущих фигурок, а что еще важнее – я видел человека.

– Как? Того, кто рисует их?

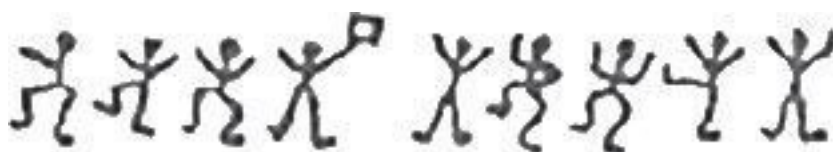
– Да, я видел его за работой. Но расскажу все по порядку. Когда я вернулся от вас, то первое, что увидел на другое утро, – это новая группа пляшущих фигурок. Они были нарисованы мелом на черной двери сарая с садовыми инструментами, который стоит у лужайки и весь виден из окон дома. Я снял точную копию с этого рисунка, вот она.

Гильтон развернул бумагу и положил ее на стол. Копия с иероглифов имела такой вид:

– Прекрасно! – воскликнул Холмс. – Прекрасно! Пожалуйста, продолжайте.

– Когда я снял копию, то стер с двери рисунок, но через два дня появилась новая надпись. Вот и ее копия:

Холмс потер руки и захохотал от восторга.

– Наш материал быстро увеличивается, – сказал он.

– Через три дня бумажка с такими же каракулями была положена под камешек, на солнечные часы. Вот она. Как видите, фигурки на ней совершенно такие же, как и на последней. После этого я решил караулить; с этой целью я достал свой револьвер и уселся у окна в кабинете, из которого видна лужайка и сад. Около двух часов ночи, когда было еще темно, и только луна освещала сад, я услышал позади себя шаги и увидел жену в утреннем капоте. Она умоляла меня лечь. Я откровенно сказал ей, что желаю видеть, кто дурачит нас такими нелепыми проделками. Она возразила, что это какая-нибудь бессмысленная шутка, и что мне нечего обращать внимание на нее: «Если это так тревожит тебя, Гильтон, то ты мог бы поехать путешествовать вместе со мной, и таким образом мы избежали бы этого». «Как! Допустить, чтобы нелепая шутка выгнала нас из нашего дома?! – воскликнул я. – Да все графство будет смеяться над нами».

«Ну, хорошо, пойдем спать, – сказала она, – мы поговорим об этом завтра утром». Не успела она это произнести, как я увидел при лунном свете, что ее бледное лицо еще больше побледнело, и рука ее сжала мое плечо. Что-то шевелилось в тени сарая. Я разглядел темную согнувшуюся фигуру, которая пробиравась из-за угла и присела на корточки перед дверью. Схватив револьвер, я хотел выбежать в сад, но жена обхватила меня обеими руками и с судорожной силой удержала меня. Я пытался отбросить ее, но она с отчаянием уцепилась за меня. Наконец я освободился, но пока успел открыть дверь и добежать до сарая, человек скрылся. Однако он оставил след своего пребывания в виде такого же расположения пляшущих фигурок на двери, которое уже два раза появлялось, и которое я перенес на эту бумагу. Нигде не было никакого другого признака этого негодяя, хотя я обежал весь сад. А между тем, удивительно то, что он, должно быть, все время был тут, потому что, когда я утром снова осмотрел дверь, на ней, под строчкой, которую я уже видел, были еще начертаны фигурки.

– Имеете ли вы этот рисунок?

– Имею; он очень короткий, но я снял копию и с него. Вот она.

Снова Кебитт вынул бумажку. Этот новый танец имел такой вид:

– Скажите мне, – произнес Холмс, и я видел по его глазам, что он был очень возбужден, – был ли этот рисунок продолжением первого или же имел вид совершенно отдельного?

– Он был начертан на другой дверной панели.

– Прекрасно! Для нашей цели это важнее всего остального. Это дает мне надежду. А теперь, мистер Гильтон Кебитт, продолжайте, пожалуйста, ваши крайне интересные показания.

– Мне ничего не остается больше сказать, мистер Холмс, кроме того, что в эту ночь я был сердит на жену за то, что она меня удержала, когда я мог поймать прятавшегося мерзавца. Она объяснила это тем, что боялась за меня. В один момент у меня промелькнуло подозрение – не за него ли она боится, так как я не мог сомневаться в том, что она знает, кто этот человек, и что означают его странные сигналы. Но, мистер Холмс, в голосе и глазах моей жены есть что-то такое, что не допускает никаких сомнений, и я убежден в том, что она действительно думала о моей безопасности. Вот вам и все, а теперь дайте совет, что я должен делать. Я склонен засадить в кустах с полдюжины моих рабочих, и когда негодяй снова появится, то так его отколотить, чтобы у него пропала охота тревожить нас.

– Боюсь, что дело слишком сложное для таких простых средств, – возразил Холмс. – Как долго можете вы пробыть в Лондоне?

– Я должен вернуться домой сегодня. Я ни за что не могу оставить жену ночью одну. Она крайне нервна и просила меня вернуться.

– Вы правы. Но если бы вам можно было остаться, то я, вероятно, нашел бы возможность дня через два поехать вместе с вами. Пока оставьте мне эти бумаги, и я думаю, что скоро буду в состоянии пролить на ваше дело некоторый свет.

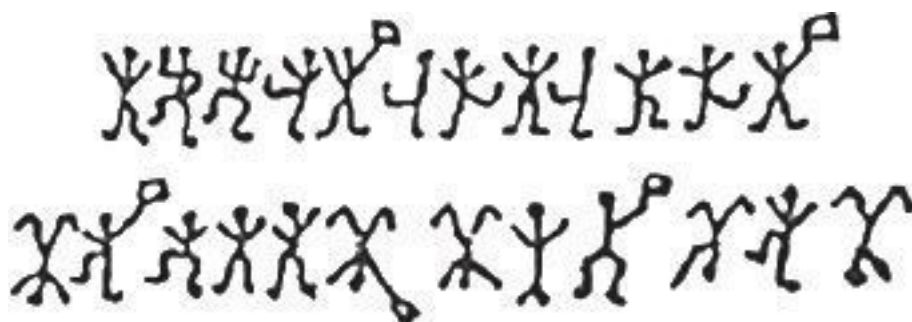
Шерлок Холмс выдерживал свой спокойный профессиональный тон, пока не ушел гость, хотя мне, хорошо знавшему его, ясно было, что он глубоко взволнован. В тот момент, когда широкая спина Гильтона Кебитта исчезла за дверью, мой друг бросился к столу, разложил на нем все бумажки с пляшущими фигурками и углубился в сложные соображения. Два часа наблюдал я, как он покрывал лист за листом фибрами и буквами, так сильно поглощенный своей работой, что, очевидно, забыл о моем присутствии. Иногда работа его продвигалась, и тогда он насвистывал и напевал; иногда же становился в тупик и долго сидел, нахмутив брови и

рассеянно смотря вдаль. Наконец, вскрикнув от удовольствия, он соскочил со стула и заходил по комнате, потирая руки. Затем написал длинную телеграмму.

– Если я получу на это ответ такой, какой надеюсь, то вы прибавите, Ватсон, очень маленькое дело к своей коллекции, – сказал он. – Думаю, что нам можно будет поехать завтра в Норфольк и отвезти нашему приятелю несколько очень определенных сведений о тайне, которая тревожит его.

Признаюсь, что я сгорал от любопытства, но мне хорошо было известно, что Холмс любил давать свои объяснения в свое время и своим особым способом, а потому я ждал, пока он захочет довериться мне.

Но ответ на телеграмму не приходил, и прошло два дня нетерпеливого ожидания, в течение которых Холмс напрягал слух при каждом звонке. Вечером второго дня пришло письмо от Гильтона Кебитта. Все у него было спокойно, за исключением только того, что в это утро на столбе солнечных часов появились две строчки пляшущих фигурок. Он приложил следующую их копию:

Холмс нагнулся над этим странным рисунком и через несколько минут вскочил на ноги с восклицанием удивления и отчаяния. Лицо его выражало страшную тревогу.

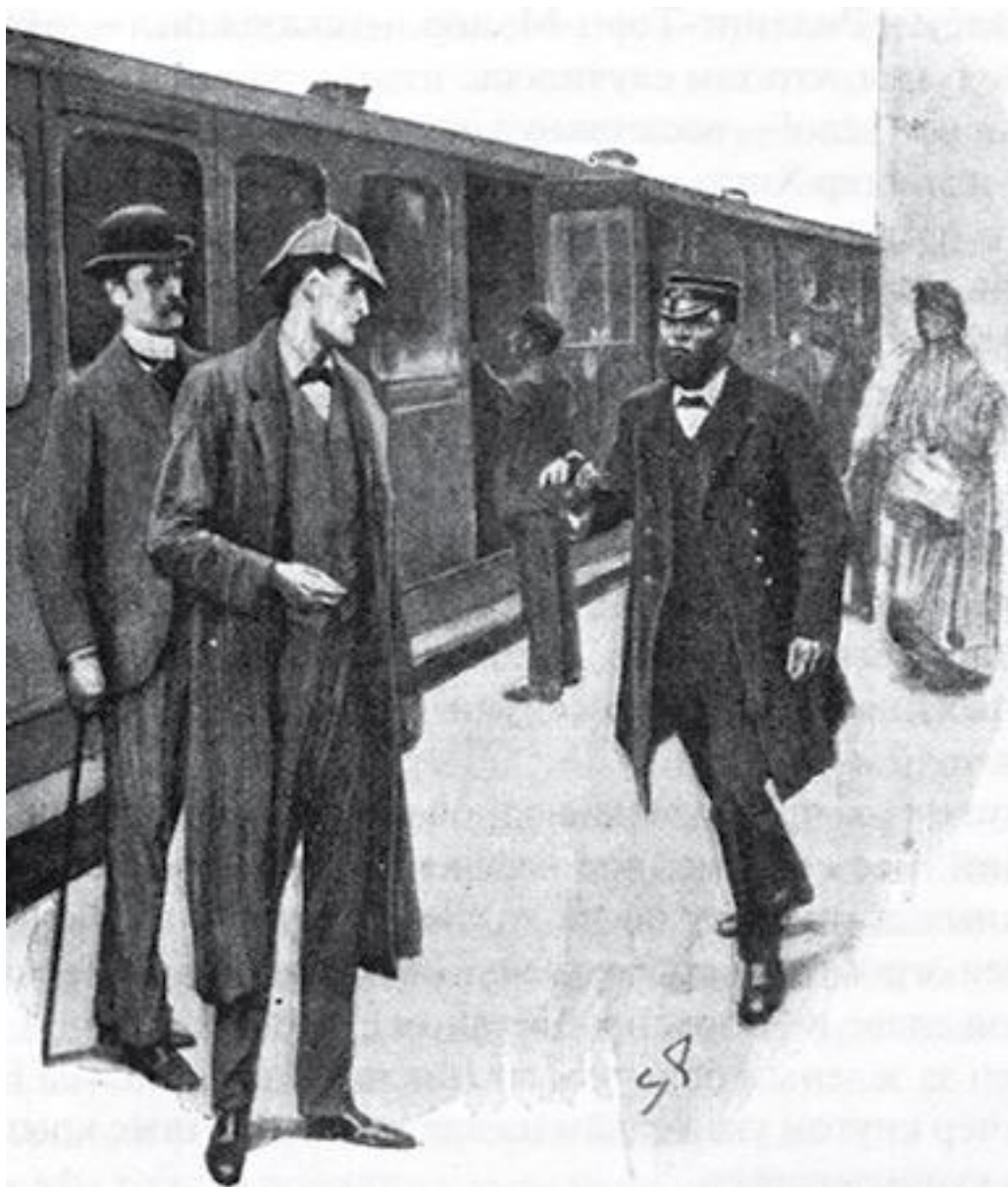
– Мы допустили, чтобы это дело зашло слишком далеко, – сказал он. – Нет ли еще поезда сегодня в Северный Вальшам?

Я заглянул в путеводитель. Последний поезд только что ушел.

– Ну, так мы завтра позавтракаем пораньше и отправимся с первым поездом: наше присутствие там крайне необходимо. А! Вот и ожидаемая телеграмма. Одну минутку, миссис Хадсон: может быть, понадобится ответ. Нет, – телеграмма такая, какую я ожидал. Она еще более требует, чтобы мы не теряли ни одного часа, и чтобы Гильтон Кебитт немедленно узнал, как обстоят дела, потому что наш простак норфолькский сквайр запутался в страшной и опасной паутине.

Так это и оказалось, и когда я дошел до мрачного заключения истории, которая казалась мне ребяческой и чудною, я снова испытываю горе и ужас, которые тогда наполнили мое сердце. Хотелось бы мне порадовать читателей благоприятным окончанием этого дела, но я пишу хронику фактов и обязан довести странную цепь происшествий до их мрачного финала, благодаря которому замок Ридлинг-Торп был в течение нескольких дней на устах у всех жителей Англии.

Едва мы успели выйти из вагона на станции Северный Вальшам и назвать место своего назначения, как к нам подбежал начальник станции и спросил:

– Вы, вероятно, сыщик из Лондона?

Выражение досады пробежало по лицу Холмса.

– Почему вы это думаете?

– Потому что инспектор Мартин из Норфолька только что проехал. А может быть, вы доктора? Она не умерла, или, по крайней мере, по последним известиям, была еще жива. Вам, может быть, удастся ее спасти... Хотя бы для виселицы.

Лицо Холмса омрачилось.

– Мы едем в замок Ридлинг-Торп, – сказал он, – но мы ничего не слышали о том, что там произошло.

– Страшное дело, – ответил начальник станции. – Они оба застрелены – мистер Гильтон Кебитт и его жена. Она застрелила его, а потом сама застрелилась, так говорит прислуга. Он умер, а она при смерти. Боже мой, Боже мой, одна из древнейших фамилий в Норфолькском графстве и одна из самых почитаемых!

Не говоря ни слова, Холмс поспешил к экипажу и в продолжение долгих семи миль пути не открыл рта. Редко видел я его столь безнадежно удрученным. Ему было не по себе еще во время нашего путешествия из города, и он с жутким опасением просматривал утренние

газеты; теперь же это внезапное осуществление худших ожиданий погрузило его в неопишную меланхолию. Он прислонился к спинке экипажа и отдался мрачным размышлениям. А между тем, многое вокруг могло возбудить наш интерес: мы проезжали по самой оригинальной в Англии местности, где несколько разбросанных коттеджей составляли все население этого края, а по сторонам громадные церкви с квадратными башнями возвышались над плоским зеленым ландшафтом, говоря о великолепии и благоденствии старой восточной Англии. Наконец фиолетовая полоса Немецкого моря показалась из-за зеленого края норфолькского побережья, и кучер указал бичом на две старые крыши из черепицы и дерева, выглядывавшие из-за группы деревьев.

– Это замок Ридлинг-Торп, – сказал он.

Когда мы подъезжали к парадной двери с портиком, я заметил стоящий против нее, около площадки для тенниса, черный сарай для инструментов и солнечные часы, с которыми мы уже так странно познакомились. Проворный человек, с живыми быстрыми манерами и нафабранными усами, выходил из высокого кабриолета. Он представился как инспектор Мартин из норфолькской полиции и очень удивился, когда услышал имя моего товарища.

– Но, мистер Холмс, ведь преступление было совершено только сегодня в три часа ночи. Как могли вы узнать о нем в Лондоне и приехать на место одновременно со мной?

– Я предвидел его. Я приехал в надежде его предупредить.

– Значит, у вас должны быть важные улики, о которых мы ничего не знаем, так как говорят, что они были очень дружными супругами.

– У меня только свидетельские показания пляшущих фигурок, – ответил Холмс. – Я потом объясню вам, в чем дело. А пока, раз мы не смогли помешать преступлению, то мне очень хотелось бы употребить то, что я знаю, на благо правосудия. Желаете вы моей помощи при своем расследовании, или же предпочитаете, чтобы я действовал независимо от вас?

– Я мог бы только гордиться тем, что мы работаем вместе, мистер Холмс, – серьезно ответил инспектор.

– В таком случае, я бы желал, не теряя времени, услышать свидетельские показания и осмотреть местность.

Инспектор Мартин имел достаточно здравого смысла, чтобы предоставить моему другу действовать по-своему, и только тщательно записывал результаты. Местный доктор, седой старик, только что спустился из комнаты миссис Гильтон Кебитт и сообщил, что полученная ею рана серьезна, но не обязательно смертельна. Пуля коснулась передней части мозга, и, вероятно, потребуется еще некоторое время, чтобы раненая пришла в себя. На вопрос, была ли она застрелена кем-нибудь или сама застрелилась, он не рисковал выразить определенное мнение. Несомненно, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате найден был один только револьвер, в котором не доставало двух пуль. Мистер Гильтон Кебитт получил пулю в сердце. Одинаково возможно, что он стрелял в нее, а затем сам застрелился, или же, что она преступница, так как револьвер найден лежащим между ними на равном расстоянии.

– Подняли его? – спросил Холмс.

– Мы ничего не трогали, кроме дамы. Мы не могли оставить ее, раненую, лежать на полу.

– С каких пор вы здесь, доктор?

– С четырех часов.

– А есть еще кто-нибудь?

– Констебль здесь.

– И вы ничего не передвигали?

– Ничего.

– Вы поступили очень осмотрительно. Кто послал за вами?

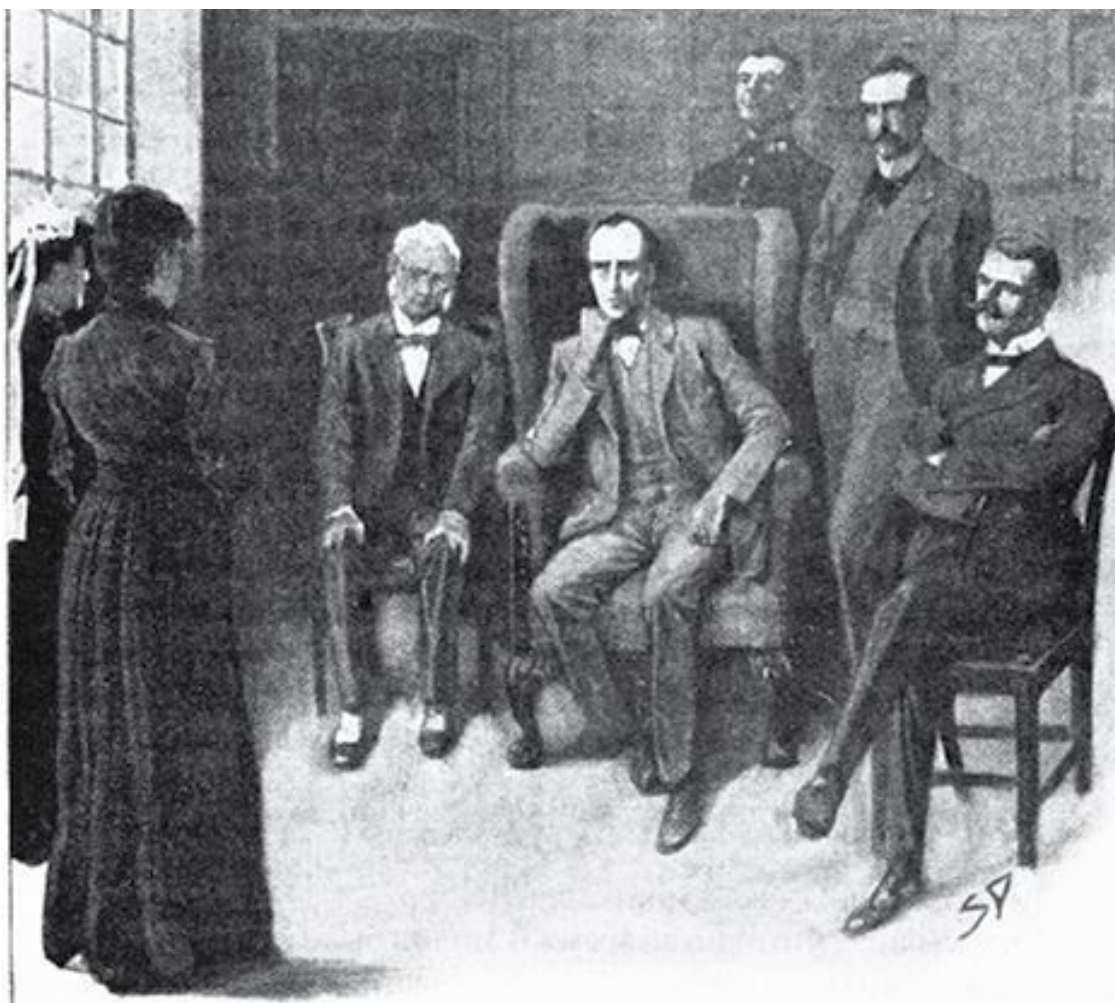
– Служанка Саундерс.

– Она подняла тревогу?

- Она и кухарка миссис Кинг.
- Где они теперь?
- Вероятно, на кухне.
- Так, я думаю, лучше всего сразу выслушать их.

Старый вестибюль с дубовыми панелями и высокими окнами был превращен в следственную камеру. Холмс уселся в большое старомодное кресло, и неумолимые глаза его сверкали на угрюмом лице. Я читал в них решимость посвятить свою жизнь этому делу, пока его клиент, которого он не мог спасти, не будет отомщен. Щеголеватый инспектор Мартин, старый седой деревенский доктор, я и тупоумный сельский полисмен – вот и весь состав этой странной компании.

Обе женщины довольно толково дали свои показания. Они были разбужены звуком выстрела, за которым через минуту последовал другой. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась в комнату Саундерс. Они вместе побежали вниз. Дверь в кабинет была открыта, и на столе горела свечка. Их хозяин лежал ничком посередине комнаты. Он был мертв. У окна скорчилась его жена, прислонив голову к стене. Она была тяжело ранена, и одна сторона лица была вся в крови. Она тяжело дышала, но не в состоянии была произнести ни одного слова. Как коридор, так и комната были полны дыма и запаха пороха. Окно, несомненно, было заперто на задвижку изнутри. Обе женщины были уверены в этом. Они тотчас же послали за доктором и за констеблем. Затем с помощью лакея и конюха отнесли свою раненую хозяйку в спальню. Видно было, что она и муж лежали на постели в эту ночь. Она была одета в платье, а он в халат, накинутый на ночное белье. Ничего не было тронут в кабинете. Насколько им известно, между мужем и женой никогда не происходило ссор, их всегда считали очень дружными супругами.

Таковы были главные пункты показаний служанок. На вопрос инспектора Мартина они ответили, что убеждены в том, что все двери были заперты изнутри, и что никто не мог убежать из дома. На вопрос Холмса обе ответили, что слышали запах пороха с того момента, когда выбежали из своих комнат в верхнем этаже.

— Обращаю ваше внимание на этот факт, — сказал Холмс своему коллеге по профессии. — А теперь, я думаю, мы можем приняться за тщательный осмотр комнаты.

Кабинет был маленькой комнатой, три стены которой были заняты книгами; письменный стол стоял у окна, которое выходило в сад. Мы, прежде всего, занялись несчастным сквайром, громадное тело которого растянулось поперек всей комнаты. Беспорядок в его костюме свидетельствовал о том, что он был внезапно поднят с постели. Выстрел был сделан в него спереди, и пуля, пройдя через сердце, осталась в теле. Его смерть, несомненно, была моментальной и безболезненной. Ни халат, ни руки не были запачканы порохом. По словам доктора, у дамы были пороховые пятна на лице, но их не было на руках.

— Отсутствие последних ничего не доказывает, хотя их присутствие доказывает все, — сказал Холмс. — Если только порох случайно не прорвется назад из плохо пригнанного патрона, то можно сделать несколько выстрелов и не иметь на руке ни малейших следов. Я бы думал, что теперь можно перенести тело мистера Кебитта. Полагаю, доктор, что вы не извлекли пули, ранившей даму?

— Для этого потребовалась бы серьезная операция. Но в револьвере осталось четыре заряда. Сделано два выстрела и нанесено две раны, следовательно, все ясно.

– Так кажется, – сказал Холмс. – Может быть, вы также объясните, где и та пуля, которая ударила в край окна?

Он быстро обернулся и своим длинным тонким пальцем показывал дыру, которая была пробита в нижней части оконного переплета, приблизительно на один дюйм ниже подоконника.

– Боже мой! – воскликнул инспектор. – Каким образом вы увидели эту дыру?

– Потому что я ее искал.

– Удивительно! – произнес деревенский врач. – Вы, конечно, правы, сэр. Так, значит, был сделан третий выстрел, следовательно, тут должно было быть третье лицо. Но кто же это мог быть, и каким образом он ушел?

– Решением этой задачи мы и заняты теперь, – ответил Шерлок Холмс. – Помните, инспектор Мартин, когда служанки сказали, что выйдя из своих комнат, они тотчас же услышали запах пороха, то я заметил, что это показание очень важно?

– Помню, сэр, но признаюсь, что я не вполне понял вас.

– Этот факт свидетельствует о том, что в то время, когда произведены были выстрелы, как окно, так и дверь комнаты были открыты настежь. Иначе запах пороха не мог разнестись так быстро на весь дом. Для этого необходим был сквозной ветер в комнате. Однако же дверь и окно были открыты очень короткое время.

– Чем вы это докажете?

– А тем, что свечка не потекла.

– Бесподобно! – воскликнул инспектор, – бесподобно!

– Убежденный, что окно было открыто в то время, когда происходила трагедия, я подумал, что в это дело может быть замешано третье лицо, стоявшее за окном и стрелявшее через него. Всякий выстрел, направленный в это лицо, мог попасть в эту часть переплета. Я посмотрел и увидел несомненный знак, оставленный пулей.

– Но каким образом окно было заперто на задвижку?

– Женщина инстинктивно, прежде всего, заперла окно... Эге, а это что такое?

То был стоявший на письменном столе дамский мешочек – щегольской мешочек из кожи крокодила с серебряной оправой. Холмс открыл его и вытряхнул из него все содержимое. Оно состояло из двадцати пяти фунтовых кредиток, перетянутых резинкой.

– Это надо сохранить, потому что оно будет фигурировать на суде, – сказал Холмс, передвигая инспектору мешочек с его содержимым. – Теперь необходимо попытаться пролить некоторый свет на эту третью пулю, которая была выпущена изнутри комнаты, о чем свидетельствует расщепившееся дерево. Мне хотелось бы снова повидать кухарку, миссис Кинг...

– Вы сказали, миссис Кинг, что были разбужены громким выстрелом. Говоря это, не подразумевали ли вы, что этот выстрел был громче второго?

– Видите ли, сэр, он меня разбудил, когда я крепко спала, а потому трудно судить. Но он показался мне очень громким.

– Не думаете ли вы, что это мог быть звук от двух выстрелов, произведенных одновременно?

– Право, не могу это сказать, сэр.

– Думаю, что это было несомненно так. Полагаю, инспектор Мартин, что мы теперь использовали все, что могла дать нам эта комната. Не будете ли вы добры пойти со мною, и мы поищем, не даст ли нам что-нибудь сад.

Под самым окном кабинета находилась цветочная клумба, и, подойдя к ней, мы все издали возглас удивления. Цветы были растоптаны, и на мягкой почве было множество следов больших мужских ног с особенно длинными, тонкими носками. Холмс зашнырял по траве и листьям, как охотничья собака, отыскивающая раненую птицу. Затем, вскрикнув от удовольствия, нагнулся и поднял медный цилиндр.

– Я так и думал, – сказал он, – револьвер был с экстрактором, и вот третья гильза. Право, инспектор Мартин, я думаю, что наше следствие почти окончено.

Лицо провинциального инспектора выражало крайнее удивление при виде быстрого и мастерского успеха расследования, производимого Холмсом. Сначала он попытался было предъявить свои права, но теперь был подавлен восхищением и готов был следовать без возражений за Холмсом, куда бы он его ни повел.

– Кого вы подозреваете? – спросил он.

– Об этом я скажу немного позже. В этой задаче есть несколько пунктов, которые я не в состоянии был до сих пор объяснить вам. Теперь, раз я зашел так далеко, то уж лучше буду продолжать по-своему, а затем объясню все дело сразу и всем.

– Как вам будет угодно, мистер Холмс, пока мы не получим нашего человека...

– Я не имею никакого желания делать тайны, но в минуту действия невысказанно входило в длинные и сложные объяснения. У меня в руках все нити этого дела. Если даже эта дама никогда не придет в себя, мы все-таки можем восстановить происшествие прошлой ночи и обеспечить торжество правосудия. Прежде всего: нет ли по соседству гостиницы под названием «Эльриж»?

Допросили всех слуг, но никто не слышал такого названия. Конюх же припомнил, что фермер, носящий такое имя, живет в нескольких милях отсюда по направлению к Ист-Рестону.

– Эта ферма уединенная?

– Очень уединенная, сэр.

– Может быть, там ничего не слышали о происшедшем здесь в эту ночь?

– Может быть, сэр.

– Оседлай-ка лошадь, малец, и отвези записку на ферму Эльрижа.

Холмс вынул из кармана полоски с пляшущими фигурами и положил их перед собою на письменный стол, за которым некоторое время писал. Наконец он протянул мальчику записку и сделал ему указания, чтобы он вручил ее лично тому, кому она адресована, и чтобы не отвечал ни на какие вопросы. Я взглянул на записку и увидел, что адрес написан отдельными неправильными буквами, совершенно не похожими на твердый почерк Холмса. Она была адресована:

“M-r Abe Slaney, Elrihe’s Farm, East Ruslon, Norfolk”.

– Мне кажется, господин инспектор, – заметил Холмс, – что вы бы хорошо сделали, если бы потребовали по телеграфу конвой, так как, если мои расчеты верны, то вам придется отправить в тюрьму графства особенно опасного преступника. Мальчик может заодно отправить и вашу телеграмму... Если есть, Ватсон, поздний поезд в город, то полагаю, что нам следует ехать с ним, так как мне нужно кончить интересный химический анализ, а наше расследование здесь быстро подходит к концу.

Когда мальчик отправился с запиской, Шерлок Холмс дал свои инструкции прислуге: если какой-нибудь посетитель спросит миссис Гильтон Кебитт, то, не сообщая ему ничего о ее состоянии, следует пригласить его в гостиную. Относительно этого он сделал крайне строгие внушения прислуге. Наконец, он прошел впереди нас в гостиную, заметив, что, так как теперь нам остается только ждать, то мы должны постараться как можно лучше провести время, пока не узнаем, что нас ожидает впереди. Доктор уехал к своим пациентам, и остались с Холмсом только инспектор да я.

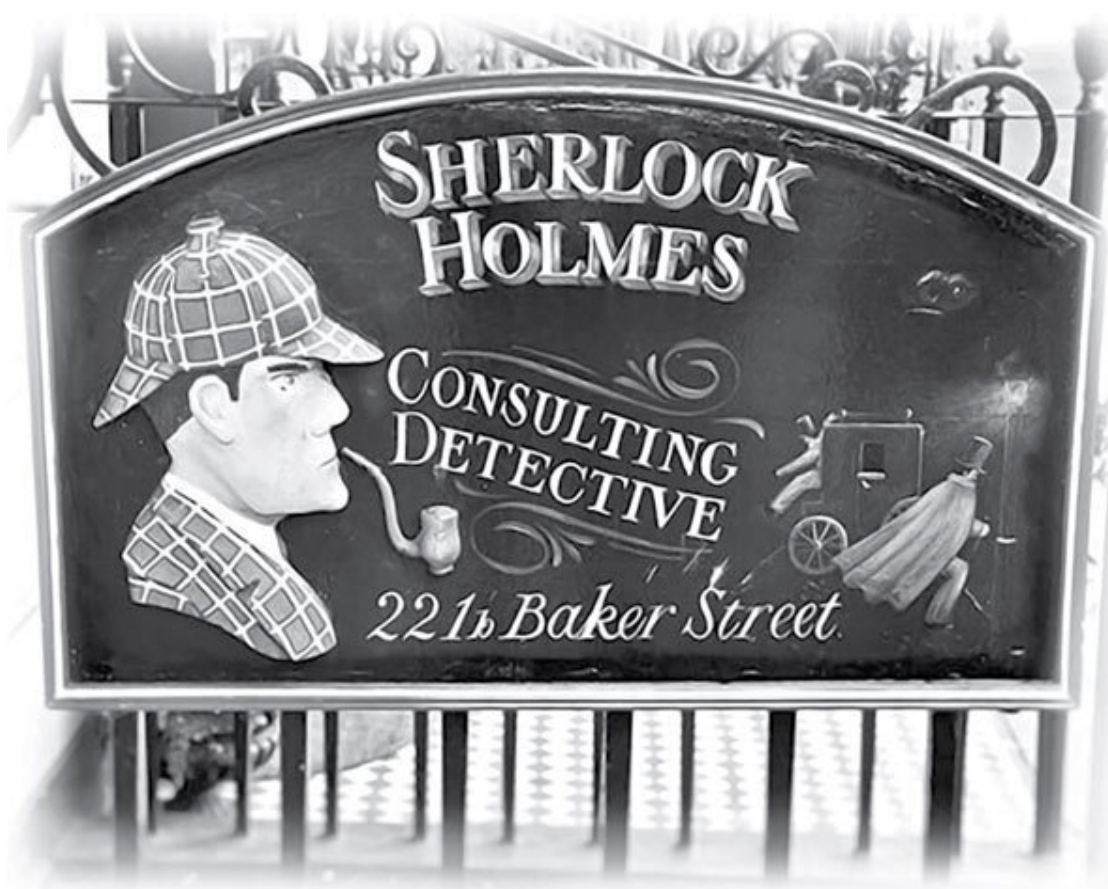
– Думаю, что я могу вам помочь провести интересно и полезно этот час, – сказал Холмс, придвигая стул к столу и раскладывая перед собою все бумажки с забавными изображениями пляшущих фигурок. – Что же касается вас, друг Ватсон, то я у вас в долгу за то, что так долго не удовлетворял ваше естественное любопытство. Вас, господин инспектор, весь этот инцидент может заинтересовать, как замечательный профессиональный этюд. Прежде всего, я должен

вам передать интересные обстоятельства, связанные с предварительными переговорами, которые вел со мною мистер Гильтон Кебитт на Бейкер-стрит.

И Холмс вкратце передал уже известные читателям факты.

– Тут у меня эти оригинальные произведения, которые могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками такой страшной трагедии. Я хорошо знаком со всевозможными формами тайного письма, и сам являюсь автором небольшой брошюры на эту тему, в которой я разбираю сто шестьдесят различных шифров, но признаюсь, что этот шифр совершенно для меня новый. Цель тех, кто выдумал эту систему, заключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти знаки обозначают письмо, и заставить считать их за бесцельное детское рисование.

Бейкер-стрит

Скромная квартира, которую занимали Шерлок Холмс и доктор Ватсон, имела вымышленный адрес: 221Б на Бейкер-стрит. Это улица длиной два с половиной километра находится в лондонском районе Мэрилебон (северная часть Вестминстера) и является частью шоссе А41. Она получила свое название в честь строителя Уильяма Бейкера, проложившего ее в XVIII веке. Улицу тогда начали застраивать фешенебельными домами, и в XIX века она стала одним из самых престижных районов города. В 1835 году здесь появился первый музей мадам Тюссо, который спустя тридцать лет владельцы перевезли на Мэрилебон-роуд. В 1863 году на улице открылась первая в мире станция метро, названная «Бейкер-стрит». Рядом со станцией метро находится бюро

находок лондонского транспорта, где хранятся забытые пассажирами личные вещи, больше всего – зонтиков.

Во времена Конан Дойла нумерация домов на этой улице доходила только до 100. Часть улицы была уничтожена бомбардировками во время Второй мировой войны. Позже она была продлена.

В 1954 году в Лондоне состоялась торжественная церемония: на доме № 109 по Бейкер-стрит появилась мемориальная табличка с надписью, что здесь в 1881–1903 годах жил и работал Шерлок Холмс. В наши дни на этой улице расположены, главным образом, коммерческие учреждения и торговые предприятия, дом-музей Шерлока Холмса.

Улица известна не только как место проживания знаменитого сыщика, но как место дерзкого ограбления 11 сентября 1971 года в здании отделения «Ллойд-банка» было. Преступники арендовали дом недалеко от банка, прорыли туннель, взорвали сейф и похитили 3 тысячи фунтов стерлингов.

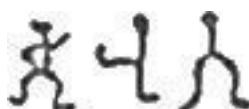
Однако же, убедившись в том, что эти фигурки имеют значение букв, и, применив к ним правила, которыми мы руководствуемся во всех секретных шифрах, мне нетрудно было разрешить задачу. Первое переданное мне послание было настолько коротко, что я мог сказать лишь, что фигурка:

означает нечто иное, как букву Е. Как вам известно, в английском языке чаще всего встречается буква Е, и она настолько чаще всех остальных попадает, что в короткой даже фразе можно ожидать, что встретишь ее несколько раз. Одна из пятнадцати фигурок первого послания повторялась четыре раза, и потому естественно было заменить ее буквой Е. Правда, что в некоторых случаях к этой фигурке был приделан флаг, а в других нет, но по тому, как эти флаги были распределены, казалось вероятным, что они служили для разделения фразы на слова. Я принял это как гипотезу и отметил, что Е изображается фигуркой:

Но затем появилось препятствие в расследовании. После буквы Е порядок повторяемости остальных букв алфавита вовсе не определен и среднее преобладание какой-нибудь буквы в печатном листе может оказаться совершенно обратным в короткой фразе. В общем, буквы по их преобладанию стоят в следующем порядке: Т, А, О, I, N, S, H, R, D и L; но Т, А, О и I почти одинаково часты, и пробовать всевозможные их комбинации, пока не добьешься смысла, было бы бесконечной задачей. Поэтому я стал ожидать нового материала. Во второй свой визит мистер Гильтон Кебитт передал мне еще две короткие фразы и одно извещение, которое казалось одним словом, так как в нем не было ни одного флага. Вот эти фигурки. В единственном слове мне уже известны были два Е на втором и четвертом месте слова в пять букв. Это слово могло быть «sever», «lever» или «vever». Не может быть и вопроса в том, что самое верное слово как ответ на послание было «never» (никогда), и обстоятельства указывали на то, что это был ответ, написанный дамой. Признав это правильным, мы можем сказать, что фигурки

обозначают N, V и R. А все-таки я еще находился в большом затруднении, но счастливая мысль навела меня еще на несколько букв. Мне пришло в голову, что, если эти послания идут, как я ожидал, от кого-нибудь, кто был близок даме в прежней ее жизни, то комбинация из двух Е, между которыми стоят три буквы, может прекрасно сойти за имя «Elsie» (Эльзи). Рассмотрев все послания, я увидел, что такая комбинация составляет окончание послания, которое три раза повторено. Это, конечно, было какое-нибудь воззвание к «Elsie». Таким образом, я получил буквы L, S и I. Но что же это было за воззвание? В слове, предшествовавшем «Elsie», было всего четыре буквы, и оно оканчивалось на Е. Слово это наверное должно быть «Cote» (приходи). Я подбирал все остальные слова из четырех букв, оканчивающиеся на Е, и не нашел ни одного подходящего к обстоятельствам. Итак, я еще узнал буквы С, О и М и был в состоянии снова приняться за первое послание; я разделил его на слова и поставил точки вместо неизвестных еще мне фигурок. Получилось следующее:

M.ERE..E SL, NE.

Первая буква может быть только А (am – есть), что было очень полезным открытием, так как она встречается в этой короткой фразе три раза; также очевиден Н во втором слове (here – здесь). Когда я вставил эти буквы, вышло:

AM HERE A. E SLANE.

Или же, заполнив очевидно недостающие буквы в имени, получается:

AM HERE ABE SLANEY.

(Я здесь Абэ Сленей).

После этого мне стало известно так много букв, что я уже мог с большей уверенностью приняться за второе послание, которое приняло у меня такой вид:

A. ELRI. ES.

Тут мог быть смысл только в том случае, если на пустые места поставить Т и G (at Elriges – в Эльриж) и предположить, что это название дома или гостиницы, в которой остановился пишущий.

Инспектор Мартин и я выслушали с напряженным вниманием и интересом полный и ясный отчет о результатах, каких добился мой друг, и благодаря которым преодолевались все затруднения.

– Что же вы сделали затем? – спросил инспектор.

– Я имел полное основание предполагать, что этот Абэ Сленей американец, так как Абэ американское уменьшительное имя, и так как письмо из Америки положило начало всем тревогам. Я также имел полное основание подозревать, что в деле замешана преступная тайна. Намеки женщины на ее прошлое и ее нежелание довериться мужу указывали на это. Поэтому я телеграфировал своему приятелю Вильсону Харгэву из Нью-Йоркского полицейского управления, который не раз пользовался моим знакомством с лондонскими преступлениями. Я спросил его, знакомо ли ему имя Абэ Сленей. Вот его ответ: «Самый опасный злодей в Чикаго». В тот же вечер, когда я получил этот ответ, Гильтон Кебитт прислал мне последнее послание от Сленей. Подставив под известные мне значки буквы, я получил:

ELSIE.RE.ARE TO MEETTHVGO.

Прибавка Р и D дополнили послание, доказавшее мне, что мерзавец перешел к угрозам (Эльзи, приготовься встретить своего Бога), а мое знакомство с чикагскими разбойниками заставило меня опасаться, что он очень быстро приведет свои слова в действие. Я тотчас же приехал со своим другом и товарищем, доктором Ватсоном, в Норфольк, но, к несчастью, опоздал: случилось самое худшее.

– Большое счастье быть вашим товарищем при ведении дела, – от души произнес инспектор. – Но извините меня, если я буду с вами откровенен. Вы ответственны только перед самим собою, я же должен дать ответ своему начальству. Если этот Абэ Сленей, живущий на Эльрижской ферме, действительно убийца, и если он бежал, пока я тут сижу, то меня ожидают серьезные неприятности.

– Вам нечего беспокоиться. Он не станет делать попыток к побегу.

– Откуда вы это знаете?

– Бегство значило бы признание.

– Так отправимся арестовать его.

– Я с минуты на минуту ожидаю его сюда.

– С какой стати он придет сюда?

– Потому что я ему написал, чтобы он пришел.

– Но это невероятно, мистер Холмс! Почему он явится на ваше приглашение? Оно скорее может возбудить его подозрения и заставить бежать.

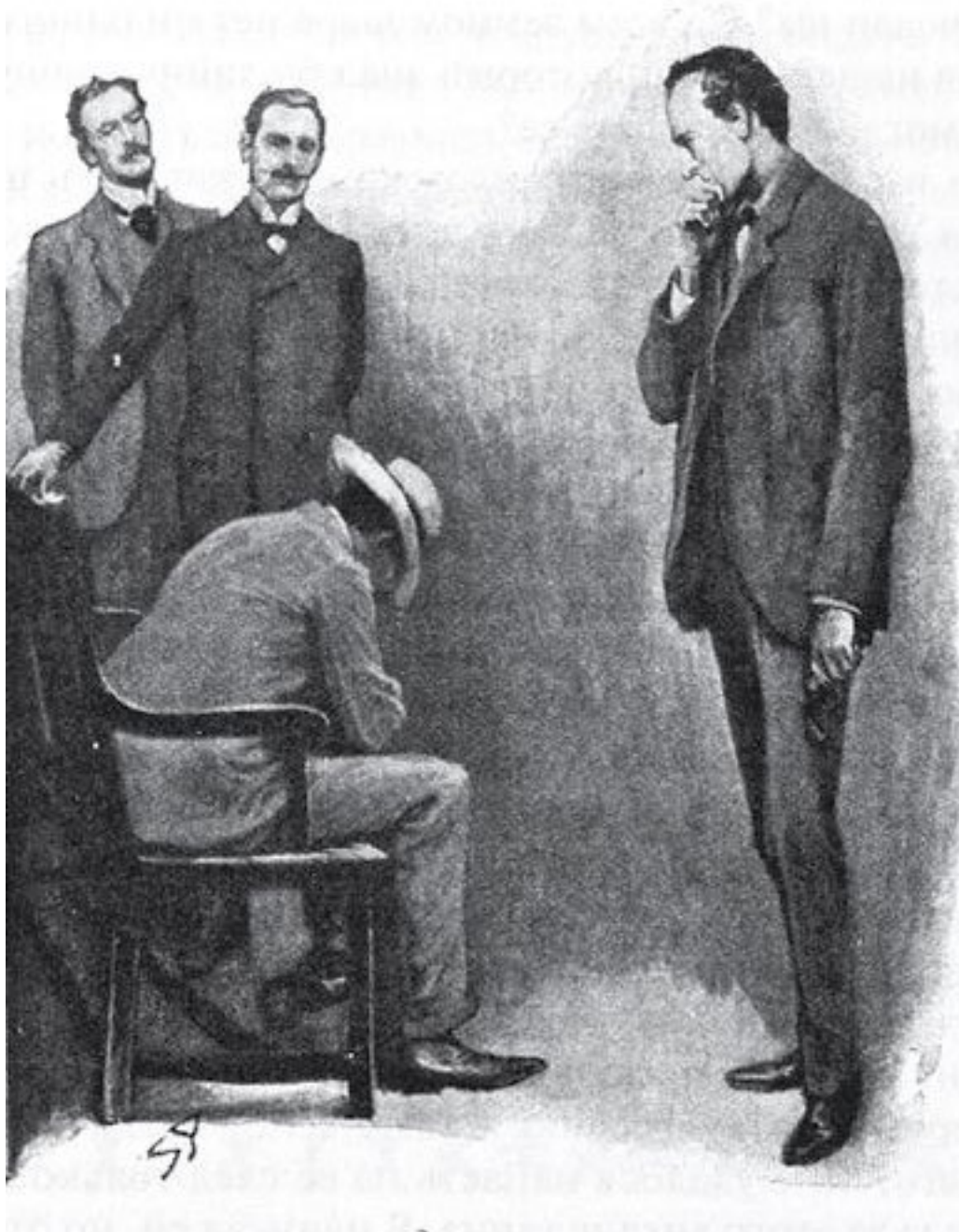

– Мне кажется, что я сумел дать письму должную редакцию, – ответил Шерлок Холмс. – А вот, если не ошибаюсь, и сам этот господин идет по дороге.

Действительно, какой-то человек шел по дорожке, ведущей к подъезду. Это был высокий, красивый, смуглый брюнет, одетый в костюм из серой фланели, в широкополой соломенной шляпе, с щетинистой черной бородой и большим, характерным орлиным носом; он на ходу размахивал тростью. Он развязно шел по дорожке, точно место это принадлежало ему, и мы услышали его громкий, уверенный звонок.

– Полагаю, господа, – спокойно произнес Холмс, – что нам лучше занять свои позиции за дверью. Имея дело с таким молодчиком, необходимо принять всевозможные предосторожности. Вам, господин инспектор, понадобятся ваши наручники. Вести разговор предоставьте мне.

Мы молча ждали с минуту, одну из таких минут, которую никогда не забыть. Затем дверь отворилась, и человек этот вошел в комнату. В тот же момент Холмс приложил револьвер к его виску, а Мартин надел ему наручники. Все это было сделано так быстро и так ловко, что преступник оказался беспомощным прежде, чем успел догадаться, что на него напали. Он взглянул на нас по очереди своими огненными черными глазами, а затем разразился горьким смехом.

– Ну-с, господа, на этот раз я сам попался. Нашла коса на камень. Но ведь я явился сюда по приглашению миссис Гильтон Кебитт. Не говорите, что она замешана в этом деле! Не говорите, что она помогла расставить мне ловушку!

– Миссис Гильтон Кебитт серьезно ранена и находится на пороге смерти.

Сленей издал хриплый отчаянный крик, который раздался по всему дому.

– Вы с ума сошли! – свирепо воскликнул он. – Он ранен, а не она. Кто бы осмелился поднять руку на крошку Эльзи? Я мог, прости Господи, ей угрожать, но не покусился бы ни на единый волос ее прелестной головки. Возьмите свои слова назад! Скажите, что она невредима!

– Ее нашли опасно раненою возле мертвого мужа.

Сленей с тяжелым стоном сел на скамейку и опустил лицо на закованные руки. Он пять минут просидел молча. Затем поднял голову и заговорил с холодным спокойствием отчаяния:

– Мне нечего скрывать от вас, господа. Если я выстрелил в мужа, то ведь и он стрелял в меня, а потому это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я мог поднять руку на эту женщину, то, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Говорю вам, что на свете не было мужчины, который бы так любил, как я люблю эту женщину. Я имел на нее права. Она была отдана мне много лет тому назад. Кто такой этот англичанин, что он осмелился встать между нами? Повторяю, что мне принадлежит первенство в правах на нее, и я требовал только своей собственности.

– Она вырвалась из-под вашего влияния, когда узнала, что вы за человек, – сурово возразил Холмс. – Она бежала из Америки, чтобы избавиться от вас, и вышла замуж за почитаемого всеми англичанина. Вы преследовали ее и превратили ее жизнь в муку с целью заставить ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами, которого она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили благородного человека и заставили его жену пойти на самоубийство. Вот ваша роль в этом деле, мистер Абэ Сленей, и вы ответите за нее перед законом.

– Если Эльзи умрет, мне все равно, что бы ни случилось со мною, – ответил американец.

Он разжал одну руку и взглянул на скомканную записку, которая была зажата в ней.

– Послушайте, господин! – воскликнул он с внезапно вспыхнувшим в глазах подозрением. – Не пытаетесь ли вы запугать меня? Если она так опасно ранена, как вы говорите, то кто же написал эту записку?

Сленей бросил ее на стол.

– Я написал ее, чтобы вы пришли сюда.

– Вы ее написали? Нет никого на свете, помимо членов Союза, кто бы знал секрет пляшущих фигурок. Каким образом вы могли ее написать?

– То, что может выдумать один человек, может разгадать другой, – ответил Холмс. – А вот подъезжает кеб, чтобы доставить вас в Норвич, мистер Сленей. А пока вы имеете еще время несколько исправить причиненное вами зло. Известно ли вам, что миссис Гильтон Кебитт сама находилась под сильным подозрением в убийстве своего мужа, и что только мое присутствие здесь и некоторое знакомство мое с делом спасли ее от обвинения? Ваш долг относительно нее сделать ясным для всего света, что она никоим образом, ни прямо, ни косвенно, не ответственна за трагический конец своего мужа.

– Я и не желаю ничего лучшего, – сказал американец. – Да мне кажется, что и для меня выгоднее всего будет рассказать абсолютную истину.

– Мой долг предупредить, что эта истина послужит против вас! – воскликнул инспектор с великолепной честностью, в духе британского уголовного закона.

Сленей пожал плечами и проговорил:

– Рискну этим! Прежде всего, господа, я бы хотел вам сообщить, что я знал эту женщину с ее детства. Нас было семеро в чикагской шайке, и отец Эльзи был главой Союза. Умный был человек старый Патрик. Это он изобрел шифр, который всякому, кто не имеет к нему

ключа, покажется детскими каракулями. Ну-с, так Эльзи кое-чему научилась у нас; но наши дела вызывали у нее отвращение и, так как у нее были собственные небольшие, честно приобретенные деньги, то она бросила нас и уехала в Лондон. Она была обещана мне и, вероятно, вышла бы за меня замуж, если бы я выбрал другую профессию. Я узнал, где она находится, только после свадьбы с этим англичанином. Я написал ей, но не получил ответа. Тогда я приехал сюда и, так как письма ни к чему не вели, то писал свои послания на таких местах, где она могла их прочесть. Прошел месяц. Я жил на ферме, из которой мог выходить днем и ночью никем не замеченный. Я все испробовал, чтобы заманить Эльзи. Я знал, что она читает мои послания, потому что однажды она написала ответ под одним из них. Наконец я вышел из терпения и принялся ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла уехать и говорила, что, если случится какой-нибудь скандал с ее мужем, то это разобьет ей сердце. Она писала, что в три часа ночи, когда ее муж будет спать, она спустится вниз и переговорит со мною через окно, если я соглашусь затем уехать и оставить ее в покое. Она пришла и принесла с собою деньги, пытаясь подкупить меня. Я от этого обезумел и, схватив ее за руку, хотел вытащить через окно. В этот момент в комнату вбежал муж с револьвером в руках. Эльзи упала на пол, и мы очутились лицом к лицу с англичанином. Я тоже был вооружен и поднял свое ружье, думая запугать его, чтобы он дал мне уйти. Он выстрелил в меня и промахнулся; почти в тот же момент я спустил курок, и он упал. Я убежал прочь через сад и слышал, как за мною запирали окно. Вот вся истинная правда, как перед Богом, господа, и я ничего больше не слышал об этой истории, пока не приехал ко мне верхом мальчик с запиской, которая заставила меня, как ворону, прийти сюда и попасть в ваши руки.

Пока американец говорил, кеб остановился у подъезда. В нем сидели два полисмена в мундирах. Инспектор Мартин встал и дотронулся до плеча своего пленника.

– Пора ехать.

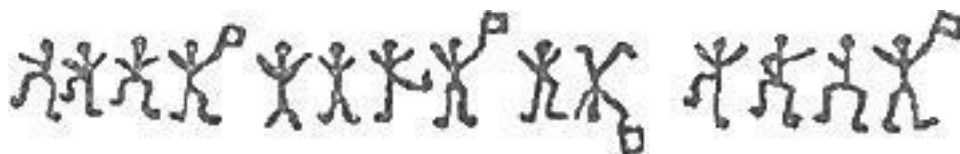
– Нельзя ли сначала мне повидать ее?

– Нет, она в бессознательном состоянии... Мистер Шерлок Холмс, я позволяю себе выразить надежду, что если когда-нибудь попадется мне в руки важное дело, то я буду надеяться на счастье работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели, как удалялся кеб. Когда я обернулся, то увидел скомканную бумажку, которую преступник бросил на стол. Это была записка, которой Холмс заманил его.

– Попробуйте, Ватсон, не прочтете ли вы ее, – сказал с улыбкой мой друг.

Она заключала в себе только следующую строчку пляшущих фигурок:

– Если вы примените правила, которые я вам объяснил, – сказал Холмс, – то увидите, что эта записка значит: «Приходите сюда сейчас». Я был убежден, что он не может не отозваться на такое приглашение, так как ему никогда и в голову бы не пришло, что эту записку написал кто-нибудь другой, а не миссис Кебитт. Итак, милый Ватсон, нам удалось, в конце концов, употребить на доброе дело этих пляшущих человечков, которые так часто причиняли зло, и я думаю, что выполнил данное вам обещание прибавить кое-что необычайное в вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три часа сорок минут, и я бы хотел быть к обеду дома.

Скажу еще несколько слов в виде эпилога.

Американец Абэ Сленей был приговорен на зимней сессии суда в Норвиче к смертной казни, но она была заменена каторжными работами ввиду смягчающих обстоятельств и уверенности, что первым выстрелил Гильтон Кебитт. О миссис Кебитт мне известно только, что она вполне оправилась от раны, и что до сих пор вдовствует, отдавшись всецело попечению о бедных и управлению имением своего мужа.

Одинокая велосипедистка

С 1894 по 1901 год включительно Шерлок Холмс был чрезвычайно занят. Можно без преувеличения сказать, что почти не было какого-нибудь более или менее трудного случая, имевшего общественный интерес, к которому он не был привлечен за эти годы. Кроме того, он играл выдающуюся роль в сотнях часто очень щекотливых и необыкновенных дел частного характера.

Целый ряд поразительных успехов и только несколько неизбежных неудач были результатом этого продолжительного периода трудной и непрерывной деятельности.

Так как у меня записаны все случаи, во многих же я лично принимал участие, то мне, конечно, нелегко сделать выбор из дел, наиболее интересных для публики. Буду, во всяком случае, верен своему всегдашнему принципу – давать предпочтение таким делам, которые интересны не столько по важности или жестокости самого преступления, сколько вследствие остроумного или трагического их разрешения.

Исходя из этой точки зрения, я хочу рассказать историю мисс Виолетты Смит, одинокой велосипедистки из Чарлингтона. В этом деле, благодаря нашим расследованиям, выяснились особые побочные обстоятельства, приведшие к совершенно неожиданному трагическому концу. Хотя мой друг, в силу условий самого дела, не мог проявить в полном блеске те способности, благодаря которым он прославился, тем не менее, этот случай, по сопровождающим его обстоятельствам, принадлежит к числу наиболее замечательных.

Согласно записям в моем дневнике, мисс Виолетта посетила нас впервые в субботу, 23 апреля 1895 года. Холмсу, насколько мне помнится, этот визит был крайне неприятен, потому что он в то время был всецело поглощен очень запутанным делом о странном преследовании известного табачного короля Джона Винсента Гардена.

Мой друг, ставивший выше всего сосредоточение мыслей, терпеть не мог, когда его отвлекали чем-нибудь посторонним от предмета, который в данное время его занимал. Но, тем не менее, он должен был, не желая поступить невежливо, что было противно его натуре, выслушать рассказ молодой красивой девушки, которая явилась к нам на Бейкер-стрит поздно вечером за советом и помощью. Напрасно Холмс уверял ее, что не имеет ни одной свободной минуты; она пришла с твердым намерением рассказать свою историю, и видно было, что без этого ее можно было выпроводить лишь силой. Таким образом, Холмсу оставалось предложить нашей прелестной посетительнице стул и выслушать то, что ее удручало.

– Во всяком случае, дело, как я вижу, идет не о вашем здоровье, – сказал он, внимательно посмотрев на девушку. – При столь усиленной езде на велосипеде не может быть физической слабости.

Она с удивлением посмотрела на свои ноги; взглянув на ее сапоги, я заметил, что подошвы с одной стороны немного стерлись, по-видимому, от постоянного трения о педали.

– Да, я много езжу на велосипеде, и это имеет даже некоторую связь с моим сегодняшним визитом.

Мой друг взял руку молодой девушки, которая была без перчатки, и некоторое время рассматривал ее с таким вниманием и так же бесстрастно, как специалист осматривает образец товара.

– Извините, пожалуйста, – сказал он, выпуская ее руку, – но в моей профессии нельзя оставлять без внимания ни единой мелочи. Я был почти склонен думать, что вы печатаете на машинке, но, очевидно, это происходит от игры на рояле... Вы видите, Ватсон, приплюснутые кончики пальцев, характерные для обеих профессий? Но в лице мисс, – прибавил он, нежно повернув его к свету, – есть особое одухотворенное выражение, какого обыкновенно не бывает у машинисток. Следовательно – она учительница музыки.

– Да, мистер Холмс, я даю уроки игры на рояле.

– В деревне, судя по вашему цвету лица?

– Да, сэр; я живу вблизи Фарнгэма, на границе Сёррея.

– Прелестная местность, о которой у меня сохранились интересные воспоминания. Ватсон, вы ведь помните, как мы там поймали кузнеца Стамфорда?.. Ну-с, мисс Виолетта, что же с вами случилось близ Фарнгэма?

Молодая девушка спокойно и толково рассказала следующее:

– Моего отца уже нет в живых, мистер Холмс. Его звали Джеймс Смит; он был дирижером в Старом Королевском театре. После смерти отца мы с матерью остались совершенно одни. Единственный брат отца, Ральф Смит, переселился двадцать пять лет тому назад в Африку, и с тех пор мы не имеем никаких сведений о нем. Мы остались без всяких средств и вот как-то узнали, что в газете появилось объявление, касающееся нас. Можете себе представить наше волнение: мы думали, что кто-нибудь оставил нам наследство, и тотчас же отправились к разыскивавшему нас адвокату. Так мы познакомились с двумя джентльменами, Каррютсером и Вудлеем, приехавшими из Африки на родину. Они сообщили нам, что были в тесной дружбе с моим дядей, который умер несколько месяцев тому назад в Йоганнесбурге в страшной бедности. Незадолго до смерти он просил их разыскать родных и позаботиться, чтобы они не терпели нужды. Нас удивило, что дядя Ральф, никогда не заботившийся о нас при жизни и не интересовавшийся нашими делами, проявил такое участие перед смертью. Но мистер Каррютсер объяснил нам, что дядя лишь недавно узнал о смерти отца, и поэтому почувствовал известные обязательства по отношению к нам.

– Виноват, – сказал Холмс, – когда происходил этот разговор?

– В декабре прошлого года, четыре месяца тому назад.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Мистер Вудлей произвел на меня чрезвычайно неприятное впечатление. Этот человек с грубым одутловатым лицом, с рыжими усами и прилизанной прической все время нахально глядел на меня. Он мне казался очень противным, и я положительно чувствовала, что Кирилл не одобрит этого знакомства.

– Ага! Его зовут Кириллом! – с улыбкой сказал Холмс.

Молодая девушка покраснела и засмеялась.

– Да, мистер Холмс, Кирилл Мортон, инженер; мы предполагаем в конце лета обвенчаться. Ах, Боже мой, почему я заговорила о нем?.. Итак, я хотела сказать, что мистер Вудлей показался мне очень несимпатичным, зато мистер Каррютсер, хотя и более пожилой, мне понравился. Это бледный брюнет с гладко выбритым лицом, спокойного характера, с хорошими манерами и приятной улыбкой. Он спросил о наших средствах и, когда узнал, что у нас ничего не осталось, предложил мне давать уроки музыки его единственной десятилетней дочери. Я сказала ему, что не хотела бы оставлять мать одну. На это он возразил, что я могу видаться с ней каждое воскресенье, и предложил мне отличное вознаграждение – сто фунтов в год. В конце концов, я согласилась и переехала в Чильтерн-Грэндж, приблизительно в шести милях от Фарнгэма. Мистер Каррютсер – вдовец и у него заведует хозяйством очень почтенная дама – миссис Диксон. Девочка сказалась очень милым ребенком, и все, казалось, шло у нас хорошо. Мистер Каррютсер очень хорошо относился ко мне, он тоже очень любит музыку, и мы проводили вместе приятные вечера. А по воскресеньям я уезжала в город, к матери.

Но вскоре моя счастливая жизнь омрачилась приездом мистера Вудлея. Он приехал погостить на неделю, но мне это время показалось тремя месяцами. Этот противный человек непрерывно хвастался перед всеми, и в особенности передо мной. Он делал мне отвратительные признания в любви, бахвалился своим богатством и говорил, что если я выйду за него замуж, то у меня будут лучшие бриллианты во всем Лондоне. Наконец, когда я ему сказала, что не желаю иметь с ним ничего общего, он обнял меня (он очень силен) и поклялся, что не выпустит, пока я его не поцелую. В это время в комнату вошел Каррютсер и вырвал меня из рук негодяя. Тогда Вудлей кинулся на него и швырнул на пол. Затем, как вы сами понимаете, уехал. На следующий день мистер Каррютсер извинился передо мной и уверял, что я никогда больше не подвергнусь такому оскорблению. С тех пор я больше не видала мистера Вудлея.

Теперь, мистер Холмс, я перехожу к тому, что послужило причиной моего приезда к вам. Каждую субботу перед обедом я уезжаю на велосипеде на станцию Фарнгэм к поезду, отходящему в город в двадцать две минуты первого. Дорога из Чильтерн-Грэнджа очень глухая, в особенности в той части, которая на протяжении мили тянется между Чарлингтонской степью с одной стороны и огромным лесом Чарлингтон-холла – с другой. Большая редкость встретить здесь телегу или прохожего; только поднявшись до Круксбери, дорога делается оживленнее.

Две недели тому назад я ехала по этому месту и, случайно обернувшись, заметила велосипедиста, ехавшего позади. Это был, как мне казалось, мужчина средних лет, с коротко остриженной черной бородой. Подъезжая к станции, я еще раз оглянулась, но его уже не было, и я больше не думала об этом. К моему крайнему удивлению, возвращаясь в понедельник домой, я на том же месте опять увидела этого господина; то же самое повторилось в следующие субботу и понедельник. Он оставался на порядочном от меня расстоянии и вообще ничем меня не беспокоил, но его появление казалось очень странным, мне становилось жутко. Я рассказала обо

всем мистеру Каррютсеру, которому эти встречи также показались странными. Он успокоил меня, сказав, что заказал экипаж и лошадь, так что мне не придется ездить по этой пустынной дороге одной.

Экипаж должен был прибыть на этой неделе, но его почему-то не доставили, и мне снова пришлось поехать на станцию на велосипеде. Это было сегодня утром. Понятно, доехав до Чарлингтонской степи, я оглянулась назад, и действительно велосипедист оказался на том же месте. Он никогда не приближался ко мне настолько, чтобы я могла отчетливо рассмотреть его лицо, но, несомненно, я его раньше никогда не видела. На нем был темный костюм и велосипедная суконная шапка. Единственно, что я хорошо запомнила, это черную бороду. Сегодня я почему-то почти не испугалась и твердо решила узнать, кто он, и что ему от меня нужно. Я поехала медленнее, он сделал то же, затем я совсем остановилась, остановился и он. Тогда я решила устроить ему ловушку. Дорога в этом месте круто сворачивает, я, быстро обогнув угол, соскочила и стала ждать. Он непременно должен был проехать мимо меня, не успев остановиться. Но он не показывался. Я поехала обратно и заглянула за угол. Дорога была мне видна на целую милю, но его нигде не было. Внезапное исчезновение было тем загадочнее, что в этом месте не было другой дороги, которой он мог бы воспользоваться.

Холмс потер от удовольствия руки.

– Это случай совсем особого рода, – сказал он. – Сколько времени прошло между тем, как вы завернули за угол и вернулись?

– Две-три минуты.

– Следовательно, за это время он не мог скрыться из виду, а другой дороги, как вы говорите, там нет?

– Нет.

– Значит, он поехал по какой-нибудь тропинке по той или другой стороне.

– В сторону степи он не мог свернуть, иначе я бы его увидела.

– Если все это невозможно, то остается только Чарлингтон-холл. Можете вы еще что-нибудь добавить?

– Нет, мистер Холмс. Я хотела бы еще заметить, что была очень расстроена, и не успокоюсь, пока не получу вашего совета и помощи.

Холмс несколько времени сидел молча.

– Где живет ваш жених? – наконец спросил он.

– В Ковентри, он служит в Майдлэнском электрическом обществе.

– Быть может, он хотел приехать неожиданно?

– Что вы, мистер Холмс! Неужели я бы его не узнала.

– Были у вас другие поклонники?

– Да, за мной ухаживали до моего знакомства с Кириллом.

– А с тех пор?

– Если не считать ужасного Вудлея, то никто.

– Значит, вы больше ни о ком не знаете?

Наша прекрасная клиентка немного смутилась.

– Сознайтесь мисс Смит, кто еще был к вам неравнодушен?

– Ах, быть может, я ошибаюсь, но иногда мне кажется, что мой наниматель мистер Каррютсер интересуется мною больше, чем следует. Мы часто проводим вместе время, а по вечерам играем в четыре руки. И он никогда не заговаривал об этом, но девушка всегда чувствует, когда кому-то нравится.

– Ага! – сказал Холмс с серьезным видом. – Какую он ведет жизнь?

– Он богатый человек.

– И не держит выезда?

– Тем не менее, он живет как человек с большими средствами. Два или три раза в неделю он ездит в город. Он акционер южноафриканских рудников.

– Сообщите мне немедленно, мисс Смит, если случится что-нибудь новое. Я теперь очень занят, тем не менее, найду время для расследования вашего дела. А пока не предпринимайте ничего, не предупредив меня. До свидания, надеюсь, что мы получим от вас хорошие известия.

– Вполне естественно, что у такой девушки есть поклонники, – сказал после отъезда мисс Виолетты Холмс, задумчиво потягивая трубку. – Но чтобы ухаживание происходило на велосипеде на пустынной сельской дороге – это уже странно. Без сомнения, это какой-нибудь тайный обожатель. История сама по себе кажется мне не очень интересной, но сопровождающие ее побочные обстоятельства заслуживают внимания.

– Самое замечательное то, что этот господин появляется исключительно одним и тем же месте, не правда ли?

– Конечно. Мы, прежде всего, должны узнать арендаторов Чарлингтон-холла. Затем нужно расследовать, откуда происходит дружба между Каррютсером и Вудлеем; они, по-видимому, люди совершенно противоположного характера. И почему они вздумали заботиться о родных Ральфа Смита? Еще один пункт. Что это за странный господин, который платит двойное жалованье учительнице и не держит лошадей, несмотря на то, что живет в шести милях от станции? Это странно, Ватсон, очень странно!

– Вы хотите туда поехать?

– Нет, милый мой, это можете сделать вы. Быть может, это все-таки пустячное дело, и я не могу ради него прерывать других важных расследований. В понедельник утром вы можете быть в Фарнгэме, спрячетесь поблизости от Чарлингтонской степи и посмотрите, что там происходит, а затем поступите по своему усмотрению. Но обязательно справитесь о владельцах Чарлингтона и, вернувшись домой, представите мне отчет. А теперь об этом ни слова больше, пока мы не найдем основы, на которых можно будет построить наши выводы.

Мы знали, что девушка поедет с вокзала Ватерлоо в понедельник утром поездом, отбывающим в девять пятьдесят, поэтому я отправился поездом, отходящим на полчаса раньше. От Фарнгэма я без труда добрался до Чарлингтонской степи и тотчас же нашел то место, где произошло приключение с молодой девушкой. С одной стороны дороги тянулась степь, с другой – лесок с высокими деревьями, окруженный кустарниками. В этот обширный парк вели каменные ворота. Камни поросли мхом, а на колоннах еще заметны были гербы и геральдические украшения. Кроме этого главного входа, в изгороди было несколько проходов, от которых тянулись к лесу узенькие тропинки. Самого здания с дороги не было видно, но вся окрестность говорила об упадке этого поместья.

Обширная степь была сплошь покрыта золотистыми цветами дрока, блестевшими под лучами чудного весеннего солнца. Я спрятался за одним из кустов так, что мне был виден вход в замок и большое пространство дороги с обеих сторон. Сначала на ней не было ни души, но вскоре я заметил велосипедиста. Он ехал по направлению к станции и был в темном костюме и с черной бородой. Доехав до Чарлингтона, он соскочил с велосипеда, провел его в отверстие между кустами и исчез.

Через четверть часа снова появился велосипед. Я узнал молодую девушку, ехавшую со станции. Подъезжая к степи, она оглянулась. Через минуту показался незнакомец; он вскочил на велосипед и пустился вслед за девушкой. На далеком пространстве видны были только эти две фигуры. Грациозная девушка сидела прямо, а следовавший за ней мужчина пригнулся к самому рулю и ехал весьма неуверенно. Вдруг она неожиданно повернула назад и помчалась прямо на него. Но он также быстро повернул и быстро понесся от нее. Тогда она снова вернулась, и, гордо подняв голову, поехала своей дорогой, не заботясь более о своем провожатом, который снова ехал за девушкой на порядочном расстоянии. Наконец они оба исчезли за поворотом. Я еще оставался за кустами и хорошо сделал, потому что вскоре снова появился вело-

сипедист, возвращавшийся к замку. Он повернул в ворота и сошел с велосипеда. Я его видел еще около двух минут. Он поднял руки, как бы поправляя галстук; затем снова сел на велосипед, поехал к замку и исчез среди густого кустарника, за которым совсем вдали виднелось старинное здание с почерневшими трубами.

Я решил, что успешно провел день, и в хорошем расположении духа вернулся в Фарнгэм. Местный агент не смог мне дать каких-либо сведений о Чарлингтон-холле, но указал адрес известной фирмы в Палл-Мелл.

По возвращении в город я зашел туда и был очень любезно принят поверенным фирмы. Но, к сожалению, я не мог снять на это лето Чарлингтон-холла, так как он около месяца тому назад был взят одним пожилым почтенным джентльменом по фамилии Вилльямсон. Других сведений об этом господине поверенный не считал возможным мне дать, ссылаясь на то, что не имеет права говорить с посторонними о частных делах своих клиентов.

Вечером Холмс с вниманием выслушал длинный отчет, представленный мною, но ожидаемой похвалы я не получил. Напротив, его строгое лицо сделалось еще строже, когда он по пунктам разобрал, что я сделал, и что упустил.

– Вы избрали очень плохой пункт для наблюдения, мой милый Ватсон. Следовало стать за живой изгородью, тогда вы увидели бы эту интересную личность вблизи. А так, находясь более чем в ста метрах от него, вы можете мне сказать еще меньше, чем мисс Смит... Она думает, что это незнакомец, я же твердо уверен, что они знают друг друга. Иначе, зачем бы он так боялся столкнуться с нею нос к носу. Вы говорите, что он сильно пригнулся к рулю, это тоже с целью, чтобы его не узнали. Да, ваше расследование совсем не годится. Вы хотите узнать, кто он, и даете ему возможность спокойно вернуться домой, а сами отправляетесь в посредническую контору в Лондоне!

– Что же мне оставалось делать? – раздраженно воскликнул я.

– Зайти в ближайший трактир, где легче всего узнаются такие вещи. Там вам рассказали бы обо всех, живущих в Чарлингтон-холле, начиная с хозяина и кончая судомойкой. Вилльямсон! Это мне ровно ничего не говорит. Если он пожилой человек, то не может так ловко садиться и соскакивать с велосипеда, и удирать от сильной здоровой девушки. Какой же, собственно говоря, толк в вашей экспедиции?.. Уверенность, что девушка говорила правду? В этом я и раньше не сомневался. Что между велосипедистом и замком существует какая-то связь? И это для меня не новость. Что фамилия жильца Вилльямсон? Какая нам от этого польза?.. Ну-ну, мой милый, не обижайтесь. До следующей субботы мы все равно не можем многого предпринять, а за это время я сам кое-что поразнюхаю.

На следующее утро мы получили от мисс Смит письмо, в котором она кратко, но толково сообщала все, что я видел. Но главная суть письма заключалась в следующей приписке:

«Будучи вполне уверена в вашей скромности, мистер Холмс, должна сообщить вам что мое положение сделалось весьма затруднительным. Мистер Каррютсер сделал мне формальное предложение. Я убеждена, что им руководит глубокое и искреннее чувство. Мой ответ вам ясен. Он послушно, хотя и с большим огорчением, принял мой отказ. Вы сами понимаете, что наши отношения стали после этого несколько натянутыми».

– А наша молоденькая приятельница находится в незавидном положении, – сказал Холмс, дочитав письмо до конца. – Ее дело становится интереснее и развивается интенсивнее, чем я ожидал. Я с удовольствием проведу спокойный денек на чистом воздухе: сегодня после обеда поеду туда и посмотрю, не подтвердится ли то или иное из моих предположений.

Приятный денек за городом закончился весьма замечательно. Холмс вернулся домой ночью с опухшей губой и синяком на лбу и вообще имел такой вид, что сам мог бы возбудить подозрение полиции. Однако он был очень доволен своим приключением и от души хохотал, рассказывая про него.

– Маленькое телесное упражнение всегда доставляет мне большое удовольствие, – начал он. – Вы знаете, что я кое-что смыслю в добром старом английском боксе. Иногда, это бывает очень кстати, например, сегодня. Без этого искусства моя роль была бы сегодня весьма плачевна.

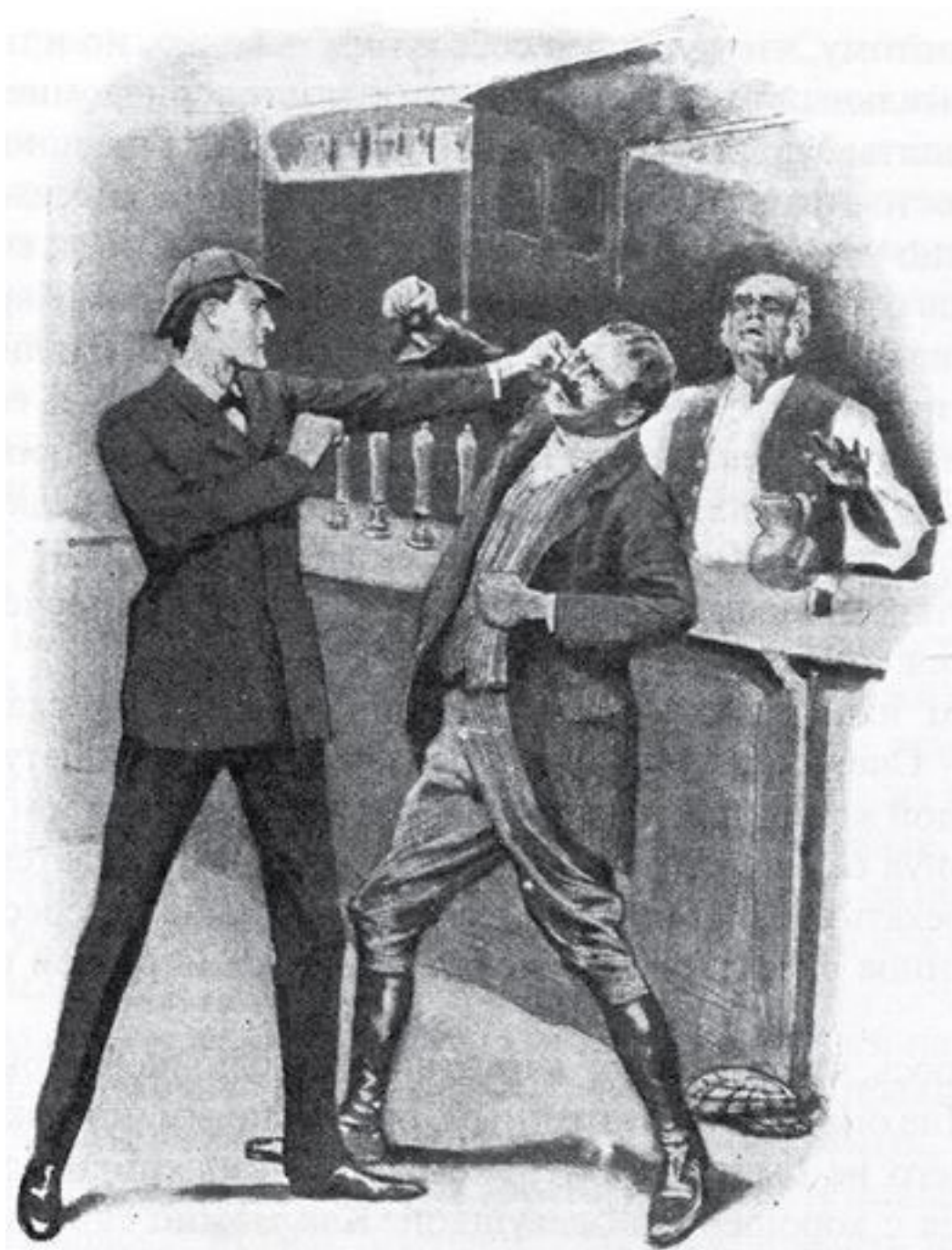
Я попросил его рассказать, что с ним случилось.

– Я разыскал кабачок, который уже рекомендовал вашему вниманию, и начал там осторожно собирать интересующие меня сведения. Хозяин оказался разговорчивым малым и охотно отвечал на все мои вопросы. Вилльямсон – старик с седой бородой, он живет один с небольшим штатом прислуги. Говорят, что он пастор или, по крайней мере, был им. Однако два случая за его кратковременное пребывание в замке кажутся мне не совсем подходящими для духовного лица. Я уже справлялся в консистории и получил сведения, что господин по фамилии Вилльямсон был пастором, но карьера его закончилась какой-то темной историей. Затем трактирщик рассказал мне, что по субботам в замок приезжают гости – «очень хорошее общество, сэр,» – а один джентльмен с рыжими усами, некто Вудлей, постоянно бывает у Вилльямсона. Во время нашей мирной беседы вошел этот самый джентльмен; он сидел в соседней комнате за кружкой пива и слышал весь наш разговор. «Кто я такой, что мне нужно? С какой целью эти расспросы?» Слова так и сыпались из его уст и сопровождались довольно сильными эпитетами, перешедшими в сплошную ругань, и, в конце концов, он нанес мне удар кулаком, который я не успел парировать. Но зато нескольких следующих минут были великолепны. Это была настоящая схватка. Вы видите, каким я из нее вышел. Что касается мистера Вудлея, то его пришлось отправить домой в карете, так хорошо я с ним расправился. Этим закончилась моя загородная прогулка, и должен сознаться, что как ни приятно я провел этот день, он принес не больше пользы, чем ваш.

В четверг мы опять получили письмо от нашей клиентки:

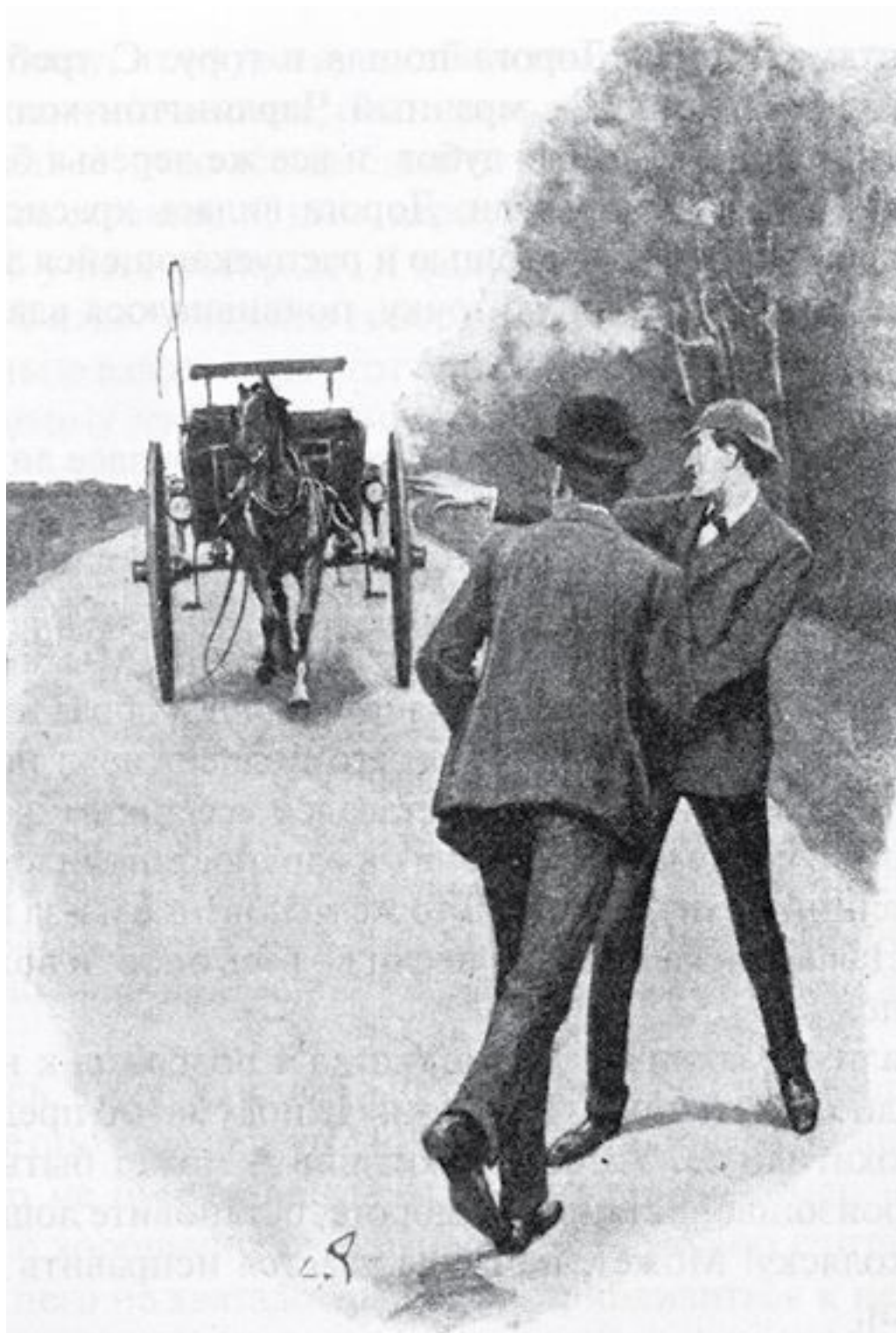
«Вас, наверное, не удивит, мистер Холмс, – писала она, – если я вам сообщу, что оставляю место у мистера Каррютсера. Даже большое жалованье не может вознаградить меня за переживаемые неприятности. В субботу я еду в Лондон, и уже больше не вернусь к нему. Мистеру Каррютсеру уже прислали выезд, и потому опасности, грозившие мне на безлюдной дороге, миновали, если вообще таковые существовали.

Главная причина моего отказа от службы – не только натянутые отношения с мистером Каррютсером; дело в том, что снова появился этот ненавистный субъект, Вудлей. Он всегда был противен, но теперь еще безобразнее; он, по-видимому, упал и сильно расшибся. Я увидела его из окна, но, к счастью, с ним не встретила. Он долго о чем-то говорил с мистером Каррютсером, который после этого казался очень взволнованным. Вудлей, по-видимому, живет где-нибудь по соседству, потому что он у нас не ночевал, и, тем не менее, сегодня утром я видела, как он пробирался по саду. Он для меня отвратительнее ядовитого гада, и я не могу даже выразить словами того чувства ненависти и страха, которое мне внушает этот человек. Не понимаю, как может мистер Каррютсер выносить его присутствие даже одну минуту? Но в субботу все мои тревоги закончатся».

– Хочу надеяться, Ватсон! – сказал с серьезным лицом Холмс. – Негодяи со всех сторон подстерегают бедную девушку, и мы обязаны позаботиться, чтобы с ней ничего дурного не случилось во время ее последней поездки. Полагаю, нам необходимо освободиться от всех дел в субботу утром и вместе отправиться туда, дабы эта странная история не закончилась, чего доброго, трагически. Должен сознаться, что я все еще не придавал серьезного значения этому делу, оно мне казалось скорее смешным и глупым, чем опасным. Нет ничего удивительного в том, что мужчина поджидает хорошенькую девушку и следит за ней, но если он настолько робок, что даже не смел с нею заговорить, и убегал при ее приближении, то вряд ли его можно считать опасным. Правда, негодяй Вудлей – человек другого сорта, однако и он за исключением одного раза не беспокоил девушку, а во время последнего визита к Каррютсеру даже не обратил на нее внимания. Велосипедист принадлежит, без сомнения, к той компании, о кото-

рой говорил трактирщик, но о его личности и отношениях к прочим лицам мы знаем так же мало, как и раньше.

Только по серьезному лицу Холмса и по тому, что, уходя, он взял с собою револьвер, я почувствовал, что за этим странным происшествием может скрываться опасность.

После дождливой ночи наступило прекрасное утро. Степь, покрытая пестрыми цветами, ласкала наши взоры, утомленные лондонскими грязными улицами и серыми домами. Мы бодро шагали по широкой песчаной дороге, вдыхая свежий утренний воздух, и наслаждались

пением птиц и ароматом весны. С одного холма мы увидели запущенный замок, возвышавшийся над старыми дубами, которые, несмотря на свой почтенный возраст, все же были моложе находящегося за ними здания. Холмс показал на дорогу, извивавшуюся между бурой степью и зеленым лесом. Совсем вдали мы заметили темное пятно. Это был экипаж, ехавший по направлению к нам. Холмс был очень недоволен.

– Я хотел приехать получасом раньше, чем она! – воскликнул он. – Если это ее экипаж, то, значит, она решила выехать более ранним поездом. Боюсь, Ватсон, что она проедет мимо Чарлингтона раньше, чем там будем мы.

Спустившись с холма, мы уже не могли видеть экипажа. Мы ускорили шаги, так что мои ноги, привыкшие к сидячему образу жизни; запротестовали, и я стал отставать. Холмс же продолжал идти с прежней быстротой, как вдруг, опередив меня приблизительно на сто метров, он остановился и с отчаянием поднял руки. В эту минуту из-за поворота показался пустой экипаж, быстро катившийся нам навстречу; лошадь скакала галопом, вожжи тащились по земле.

– Поздно, Ватсон, слишком поздно! – крикнул Холмс, когда я, задыхаясь, подбежал к нему. – Какой я осел, что не подумал о предыдущем поезде! Это похищение, Ватсон, безусловно, похищение! Или убийство! Бог знает, что!.. Загородите дорогу! Остановите лошадь! Хорошо! Садитесь скорее! Посмотрим, смогу ли я еще исправить результаты собственной глупости.

Когда мы вскочили в экипаж, Холмс повернул лошадь, ударил ее хлыстом, и мы понеслись назад. Когда мы повернули за угол, я схватил Холмса за руку.

– Вот он! – крикнул я.

Одиноким велосипедист ехал нам навстречу. Голова его была опущена, а спина изогнута, как будто он изо всей силы нажимал на педали.

Он мчался как на гонках. Заметив нас на сравнительно близком расстоянии, он соскочил с велосипеда и остановился на месте. Черная, как смоль, борода представляла собой странный контраст с мертвенной бледностью лица, а его глаза горели лихорадочным огнем. Он пристально смотрел то на нас, то на экипаж. Вдруг на его лице появилось выражение крайнего изумления.

– Эй, кто там?! Стой! – воскликнул он, преграждая нам путь велосипедом. – Откуда у вас этот экипаж? Остановитесь! – крикнул он, выхватив револьвер. – Остановитесь, не то, клянусь честью, я застрелю лошадь!

Холмс бросил вожжи мне на колени и соскочил.

– Вас-то мы и ищем! Где мисс Виолетта Смит? – прямо и спокойно спросил он.

– Это я у вас спрашиваю. Вы в ее экипаже и должны знать, где она.

– Экипаж попался нам на дороге. В нем никого не было. Мы поехали назад, чтобы оказать помощь молодой девушке.

– Милосердный Боже! Что же мне делать?! – кричал в страшном отчаянии незнакомец. – Они ее похитили, проклятый Вудлей и негодяй-пастор. Идите, идите скорее за мной, если вы действительно ее друг. Помогите мне, мы спасем ее, хотя бы мне это стоило жизни.

Он бросился, как безумный, с револьвером в руке через один из проходов в живой изгороди. Холмс побежал вслед за ним, а я за Холмсом, оставив лошадь, которая щипала траву у дороги.

– Вот здесь они прошли, – сказал мой друг, указывая на многочисленные следы на влажной тропинке. – Эй! Стойте! Кто-то лежит там в кустах?

Это был парень лет семнадцати, в костюме конюха, в кожаных штанах и штиблетах. Он лежал на спине, согнув колени, с открытой раной на голове. Я осмотрел рану и нашел, что кости не повреждены.

– Это мой конюх, Петр, – воскликнул незнакомец. – Он вез ее на станцию. Негодяи сбросили его с козел и ранили. Оставим его здесь, ему мы все равно сейчас не можем помочь, но, быть может, нам удастся спасти ее от самого худшего, что только может случиться с женщиной.

Мы пустились бегом вдоль лесной тропинки и достигли уже кустарников перед домом, когда Холмс резко остановился.

– Они не вошли в дом. Вот их следы налево – вдоль кустов! Я так и думал!

В эту минуту из-за густого зеленого кустарника напротив нас раздались пронзительные женские крики – крики бешенства и ужаса. Вдруг крик смолк и сменился захлебывающимся храпом, как будто от удушения.

– Сюда! Сюда! – крикнул нам незнакомец. – Они в кегельбане! Он бросился через кусты.

– А, трусливые собаки! За мной, господа, за мной! Поздно! Слишком поздно! О, Господи!

Мы неожиданно очутились на красивой зеленой лужайке, окаймленной старыми деревьями. На противоположном конце ее, под мощным дубом, мы заметили странную группу из трех человек: женщину, едва державшуюся на ногах, почти без чувств; рот ее был завязан носовым платком. Против нее стоял молодой человек с жестоким лицом и рыжими усами. Широко расставив ноги и подбоченившись, он с торжествующим видом размахивал хлыстом. Между ними находился пожилой господин с седой бородой, в темном стихаре поверх светлого летнего костюма. Он, по-видимому, только что окончил обряд венчания, потому что, когда мы появились, как раз закрыл молитвенник и, похлопывая новобрачного по плечу, с веселым видом поздравлял его.

– Они обвенчаны! – вскрикнул я.

– Идите! – кричал наш проводник. – Идите же скорее!

Он побежал по лужайке, а за ним Холмс и я. Когда мы приблизились, мисс Виолетта пошатнулась и оперлась о дерево, чтобы не упасть. Бывший пастор насмешливо поклонился, а Вудлей с торжествующим видом пошел нам навстречу.

– Ты можешь снять бороду, Боб, – обратился он к нашему союзнику. – Я тебя хорошо знаю. Ну-с, ты пришел со своими приятелями как раз вовремя. Позвольте вам представить мисс Вудлей.

Наш проводник сорвал накладную бороду, посредством которой хотел оставаться неузнанным, и бросил ее на землю; мы увидели длинное, бледное, гладко выбритое лицо. Потом он поднял револьвер и направил его на молодого негодяя, который шел к нему, грозно размахивая хлыстом.

– Да, – сказал он, – я Боб Каррютсер, и спасу эту женщину, хотя бы попал за это на виселицу. Я тебя предупреждал, что я сделаю, если ты прибегнешь к насилию, и, клянусь Богом, сдержу свое слово!

– Ты опоздал. Она моя жена!

– Нет, твоя вдова.

Раздался выстрел, и сквозь жилет Вудлея брызнула кровь. Он описал круг на месте и с громким криком упал на землю; его красное лицо внезапно покрылось страшной бледностью. Старик в стихаре разразился потоком таких ругательств и проклятий, каких я еще никогда не слышал. Он тоже достал револьвер, но, прежде чем успел поднять его на высоту прицела, увидел дуло револьвера, направленное на него Холмсом.

– Довольно! – совершенно хладнокровно сказал мой друг. – Бросьте револьвер!.. Ватсон, поднимите оружие и приставьте ему ко лбу! Спасибо!.. И вы, Каррютсер, отдайте мне свое оружие. Не нужно больше насилия. Идите сюда и отдайте его!

– Да кто же вы такой?

– Меня зовут Шерлок Холмс.

– О, Господи!

– Как я вижу, вы слышали уже обо мне. До прибытия полиции я займу ее место... Эй, вы! – крикнул он слуге, прибежавшему в испуге на выстрел. – Идите сюда... Поезжайте, как можно скорее, во Фарнхэм. – Он написал несколько слов на листке из записной книжки. – Передайте эту записку полицейскому инспектору. До его прибытия вы все останетесь под моим надзором.

Своим решительным энергичным вмешательством Холмс подчинил всех присутствующих. По его распоряжению Вильямсон и Каррютсер понесли раненного Вудлея в дом, а я подал руку перепуганной девушке. Раненого положили в постель, и Холмс попросил меня обследовать его. Когда я вернулся сообщить о результатах осмотра, Холмс уже был в старинной столовой, а оба пленника сидели перед ним.

– Он поправится, – сказал я.

– Что! – крикнул Каррютсер, вскочив со стула. – Так я дам ему вторую порцию! Чтобы эта девушка, этот ангел была на всю жизнь связана с таким негодяем?! Никогда!

– Об этом вам нечего беспокоиться, – сказал Холмс. – По двум основательным причинам этот брак ни в коем случае не может быть действительным. Во-первых, мы можем усомниться в законном праве мистера Вильямсона...

– Я был посвящен, – крикнул старый негодяй.

– Да, но потом лишены сана.

– Все равно, пастор всегда остается пастором.

– Вряд ли. А как обстоит дело со свидетельством о согласии?

– Оно у меня в кармане.

– Значит, вы получили его хитростью. Но, во всяком случае, насильственное бракосочетание недействительно, и вы совершили серьезное преступление, в чем скоро убедитесь. Если не ошибаюсь, у вас будет около десяти лет поразмыслить об этом. Что касается вас, Каррютсер, то лучше было бы, если бы вы оставили свой револьвер в кармане.

– Теперь и я вижу, что вы правы, мистер Холмс. Но когда я подумал обо всех мерах предосторожности, принятых мною для ограждения этой девушки, то мысль, что она попала во власть такого человека, затемнила мой рассудок. Ведь я любил ее, мистер Холмс, и только теперь впервые почувствовал, что значит любовь. Да, я обезумел, потому что знаю, что Вудлей – самый наглый хвастун во всей Южной Африке, человек, имя которого приводит в ужас всех от Йоганнесбурга до Кимберли. Поверите ли, мистер Холмс, с тех пор, как эта девушка поступила ко мне, я ни разу не допустил, чтобы она одна проезжала мимо этого дома, где ее подстерегали эти негодяи, и всегда сопровождал ее на велосипеде. Я всегда держался на некотором расстоянии и надевал бороду, чтобы она не узнала меня, потому что эта порядочная и вполне приличная девушка ни за что не осталась бы у меня на службе, если бы узнала, что я езжу вслед за ней.

– Почему вы не предупредили ее об опасности?

– Потому что в таком случае она отказалась бы от места, а мне казалось, что я этого не перенесу. Хотя она и не могла меня полюбить, но все-таки для меня было утешением видеть ее милый образ и слышать звонкий голос.

– И вы называете это любовью, мистер Каррютсер? – сказал я. А, по-моему, это эгоизм.

– Быть может, но эти понятия так связаны, что не знаешь, где кончается любовь и начинается эгоизм. Как бы то ни было, я был не в силах с ней расстаться. Кроме того, при таком

соседстве ей же было лучше иметь человека, который о ней заботится. Когда пришла телеграмма, я понял, что они начнут действовать энергично.

– Какая телеграмма?

Каррютсер вынул из кармана телеграмму.

– Вот она, – сказал он, передавая ее Холмсу.

В телеграмме было только два слова: «Старик умер».

– Гм! Теперь я вижу, – сказал Холмс, – где раки зимуют, и понимаю, почему после этой телеграммы они начали энергично действовать. Но пока мы здесь ждем, расскажите мне, что вы еще знаете.

Старый плут в стихаре снова начал ужасно ругаться.

– Клянусь Богом, – крикнул он, – если ты нас выдашь, Каррютсер, я поступлю с тобой так же, как ты поступил с Вудлеем. Относительно девушки можешь болтать, сколько тебе угодно, это твое личное дело, но если ты начнешь слишком откровенничать насчет твоих сообщников, то тебе придется очень плохо.

– Вашему преподобию нечего так волноваться, – сказал Холмс, закуривая папиросу. – Дело вполне ясное, и я спрашиваю вас из простого любопытства, желая узнать некоторые подробности. Если же вам неприятно мне отвечать, то я вам сам все расскажу, и вы тогда увидите, что еще осталось скрытым в вашей тайне. Во-первых, вы втроем, господин пастор, Каррютсер и Вудлей приехали из Африки...

– Первая ложь! – воскликнул старик. – Два месяца тому назад я еще никого из них не знал, а в Африке не был никогда в жизни. Значит, введение уже неверно, сверх хитрый джентльмен!

– Он говорит правду, – заметил Каррютсер.

– Ну, ладно. Вы двое приехали, а его преподобие возрос на родной ниве. Вы оба были знакомы с Ральфом Смитом и знали, что он недолго проживет, и что его племянница останется единственной наследницей его состояния. Не так ли, а?

Каррютсер кивнул головой, а Вилльямсон пробормотал проклятие.

– Она была, несомненно, его ближайшей родственницей, и вы знали, что он не оставит завещания.

– Он ведь не умел ни читать, ни писать, – заметил Каррютсер.

– Итак, вы приехали в Англию и разыскали девушку, условившись, что один из вас на ней женится, а другой получит свою часть из наследства. Не знаю, каким образом Вудлей был назначен ее мужем. Как это случилось?

– Мы играли во время пути на нее в карты, и он выиграл.

– Понимаю. Вы пригласили девушку в качестве учительницы к себе в дом, а Вудлей должен был за ней ухаживать. Она узнала, что он грубиян и пьяница, и не хотела с ним знаться. Тем временем вы сами влюбились в молодую девушку и этим расстроили ваше соглашение. Вы не могли более выносить мысли, что этот негодяй будет ее мужем.

– Да, клянусь Богом, не мог!

– Вы поссорились. Он в бешенстве оставил ваш дом и решил обойтись собственными силами.

– Это поразительно, Вилльямсон! – воскликнул Каррютсер с горькой усмешкой. – Нам придется немного добавить к рассказу мистера Холмса. Да, мы поссорились, и он сбил меня с ног, но и я не остался в долгу. Затем я потерял его из вида; в это время он раскопал где-то этого выгнанного пастора. Я узнал, что они вместе поселились в этом доме подле дороги, по которой девушка ездила на станцию. Поэтому я оберегал ее, понимая, откуда ветер дует. Время от времени я их посещал, пытаюсь выведать, что они замышляют. Два дня тому назад Вудлей принес мне телеграмму, извещающую о смерти Ральфа Смита. Он спросил меня, желаю ли я еще участвовать в нашем деле. Я отказался. Тогда он спросил, не согласен ли я сам жениться

на мисс Виолетте и отдать ему обусловленную часть ее состояния. Я ответил, что охотно сделал бы это, но она мне отказала. «Дай нам только возможность жениться на ней – сказал он, – через две недели она станет смотреть на дело совсем другими глазами». Я возражал, что ни за что не допущу насилия. После этого презренный плут ушел, осыпав меня проклятиями и покаявшись, что он все-таки завладеет девушкой... Она уехала от меня сегодня в моем экипаже, но, несмотря на это, я чувствовал такое внутреннее беспокойство, что поехал за ней на велосипеде. К сожалению, экипаж значительно опередил меня, и несчастье случилось, прежде чем я успел догнать ее. Я узнал об этом только тогда, когда увидел вас едущих в моем экипаже в обратном направлении.

Холмс встал и бросил окурок в камин.

– Я был просто глуп, – сказал он. – Ты сообщил мне тогда, что видел, как велосипедист, по твоему мнению, поправлял галстук за кустами; это одно должно было мне все сказать. Во всяком случае, мы можем поздравить себя с замечательным и, в известном отношении, исключительным случаем. А вот идут полицейские, очень рад, что с ними идет и раненый кучер. Значит, можно надеяться, что он, как и наш жених, скоро оправится от сегодняшнего приключения. Я полагаю, Ватсон, что вам в качестве врача следует пойти к мисс Смит. Скажите ей, что, если она оправилась, мы охотно проводим ее к матери. Если же она еще чувствует себя слишком слабой, мы будем телеграфировать молодому электротехнику в Майдлэнд, и вы увидите, как быстро она после этого выздоровеет. Что касается вас, мистер Каррютсер, то я полагаю, вы сделали все, что было в ваших силах, чтобы искупить свою вину по участию в этом гнусном заговоре. Вот вам моя визитная карточка. Если мое показание на суде может быть вам полезным, я всегда охотно к вашим услугам.

* * *

В водовороте нашей кипучей жизни мне много раз бывало трудно дополнить свой рассказ необходимыми сведениями о дальнейшей судьбе действующих в нем лиц. К сожалению, из-за множества дел, лица эти быстро исчезали из моей памяти, как только миновала развязка.

Впрочем, в конце моей рукописи по данному делу, я нашел следующую приписку:

Мисс Смит получила большое наследство и вышла замуж за Кирилла Мортон, главного акционера известного электрического общества «Мортон и Кеннеди» в Вестминстере. Вилльямсон и Вудлей были осуждены за нанесение увечья и похищение первый – к семи, а второй – к десяти годам тюремного заключения.

О судьбе Каррютсера у меня нет никакой заметки, но я уверен, что суд милостиво отнесся к его проступку и нашел, что несколько месяцев тюрьмы в достаточной степени искупят его вину.

Пансионат для мальчиков

Мы были свидетелями нескольких драматических выходов на нашу маленькую сцену на Бейкер-стрит. Но я не припомню ничего более неожиданного и потрясающего, чем первое появление доктора Торнекрафта Гюкстебля, магистра искусств, доктора философии и т. д. Его карточка, казавшаяся слишком маленькой, чтобы вместить вес его академические отличия, была нам вручена за несколько секунд до появления его самого. А затем предстала и его фигура, столь крупная, помпезная и запечатленная чувством собственного достоинства, что казалась воплощением самообладания и солидности. Между тем, не успела дверь закрыться за ним, как он пошатнулся и, пытаясь удержаться за стол, сполз по его краю и упал на пол.

Мы вскочили на ноги и несколько секунд смотрели в безмолвном удивлении на этот увесистый обломок кораблекрушения, говоривший о какой-то неожиданной и роковой буре, постигшей его в океане жизни. Затем Холмс побежал за подушкой ему под голову, а я за водкой. Бледное лицо его было с горестными морщинами, отвисшие мешки под глазами были свинцового цвета, углы открытого рта были страдальчески опущены, лицо было небрито. Воротничок и рубашка носили следы долгого странствования, а нечесанные волосы торчали во все стороны.

– Что это такое, Ватсон? – спросил Холмс.

– Полное истощение, может быть, просто голод и усталость, – ответил я, нащупав слабый пульс, в котором жизненный поток струился тонкой скудной струей.

– Обратный билет из Макльтона, на севере Англии, – заметил Холмс, доставая билет из карманного жилета нашего бесчувственного гостя. – Еще нет двенадцати часов. Рано же он выехал.

Сморщенные веки задрожали, и пара серых глаз бессмысленно взглянула на нас. Но вслед затем обладатель их с трудом встал на ноги, и лицо его покраснело от стыда.

– Простите мне эту слабость, мистер Холмс, я несколько переутомился. Благодарю вас; если вы будете так добры, дать мне стакан молока и бисквит, то я, без сомнения, оправлюсь. Мистер Холмс, я приехал лично для того, чтобы вернуться непременно вместе с вами. Я боялся, что телеграмма не убедит вас в абсолютной неотложности дела.

– Когда вы вполне оправитесь...

– Теперь я чувствую себя вполне хорошо. Не могу себе представить, почему я так ослабел. Я хочу, мистер Холмс, чтобы вы поехали со мною в Макльтон со следующим же поездом.

Друг мой покачал головою.

– Мой коллега доктор Ватсон может засвидетельствовать, что мы очень заняты в настоящее время. Меня удерживает дело о Феррерских документах, да еще начинается суд по делу об убийстве Абергавенни. Только очень важные обстоятельства могут вызвать меня в настоящую минуту из Лондона.

– Важные! – воскликнул посетитель, вскинув вверх руки. – Неужели вы ничего не слышали о похищении единственного сына герцога Гольдернесского?

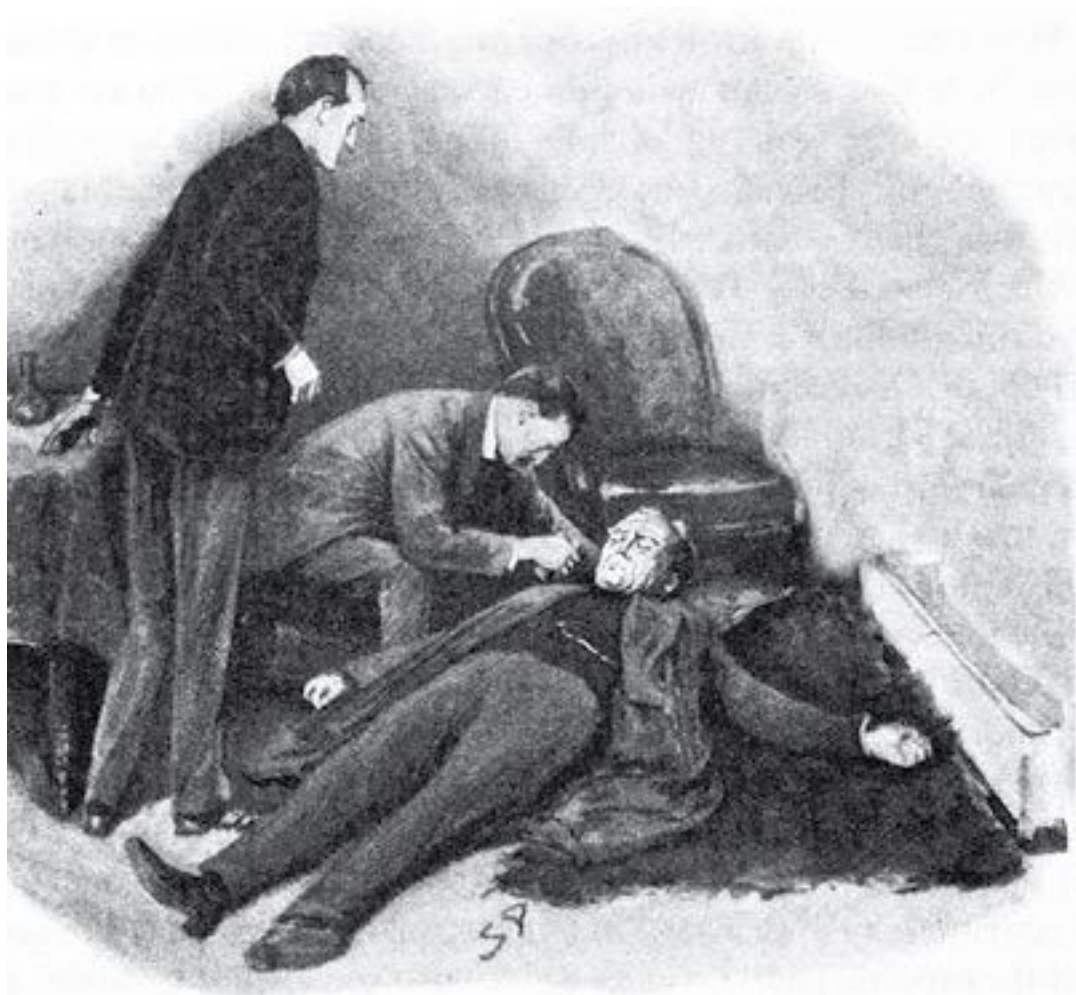
– Что! Бывшего министра?

– Именно. Мы старались не допустить, чтобы это дело попало в газеты, но вчера вечером появился намек на него в газете «Глоб». Я думал, что и вы слышали об этом.

Холмс протянул свою длинную, тонкую руку и достал из своей справочной энциклопедии том на букву «Г».

– «Гольдернесс, шестой герцог К. Г. (кавалер ордена Подвязки), Р. С. (тайный советник)... Барон Беверлейский, герцог Карстонский...», Боже, какой список! «Лорд-наместник Галамширский с 1890 года. Женат на Эдит, дочери сэра Чарльза Апиль-дора, с 1888 года. Наследник и единственный сын – лорд Сальтайр. Владеет приблизительно двумястами пятью-

десятью тысячами акров земли. Копи в Ланкашире и Уэльсе. Адрес: Карльтон-Хауз-Террас; Гольдернесс-холл, Галамшир; Карстонский замок, в Бангоре-Уэльс. Лорд Адмиралтейства с 1872 года; первый государственный секретарь...» Ну, довольно. Этот человек, конечно, один из самых значительных в королевстве!

– Самый значительный и, пожалуй, самый богатый. Я знаю, мистер Холмс, что у вас очень возвышенный взгляд на вашу профессию, и что вы готовы работать ради самой работы. Однако же могу вам сказать, что его светлость уже заявил, что чек в пять тысяч фунтов будет вручен тому, кто скажет, где находится его сын, и еще тысяча фунтов тому, кто назовет человека или людей, похитивших мальчика.

– Это чисто княжеские условия, – сказал Холмс. – Я думаю, Ватсон, что мы поедем с доктором Гюкстеблем на север Англии... А теперь, доктор Гюкстебль, когда вы выпьете это молоко, будьте добры рассказать мне, что случилось, когда это случилось, как оно случилось и какое отношение имеет доктор Торнекрафт Гюкстебль, начальник пансиона близ Макльтона, ко всему этому, и почему он является через три дня после происшествия (состояние вашего подбородка указывает время) просить моих скромных услуг.

Наш гость выпил молоко и съел бисквиты. Глаза его снова заблестели, исчезла бледность со щек, когда он принялся очень энергично и ясно излагать обстоятельства.

– Надо вам сказать, господа, что я основатель и директор подготовительной школы. Может быть, «Комментарии Горакия» Гюкстебля напомнят вам мое имя. Мой пансион – самая лучшая подготовительная школа в Англии. Лорд Леверсток, герцог Блекуатер, сэр Каткерт Соме поручили мне своих сыновей. Но я почувствовал, что моя школа достигла своего зенита,

когда три недели тому назад герцог Гольдернесский прислал своего секретаря мистера Джемса Уайльдера с заявлением, что юный лорд Сальтайр, десяти лет, единственный сын и наследник герцога, будет поручен моему попечению. Не думал я тогда, что это будет прелюдией к самому разрушительному несчастью в моей жизни.

Мальчик прибыл первого мая, так как с этого дня начинается летний семестр. Это был прелестный юноша, и он скоро освоился у нас. Я могу вам сказать (надеюсь, что это не будет излишней болтливостью, и, думаю, что половинное доверие будет нелепым в данном случае), что он был не совсем счастлив дома. Ни для кого не тайна, что супружеская жизнь герцога была не из безмятежных; она окончилась тем, что супруги разошлись по взаимному соглашению, и герцогиня поселилась на юге Франции. Это случилось незадолго до поступления ко мне ее сына, а всем известно было, что все его симпатии были на стороне матери. После ее отъезда из Гольдернесс-холла мальчик стал задумываться, а потому герцог пожелал поместить его в мое заведение. Через две недели мальчик почувствовал себя у нас как дома и, по-видимому, был совершенно счастлив.

В последний раз его видели ночью 13 мая, то есть в ночь прошлого понедельника. Его комната находилась на втором этаже, и для того, чтобы войти в нее, надо было проходить через большую комнату, в которой спали два мальчика. Эти мальчики ничего не видели и не слышали, так что можно сказать, что юный лорд Сальтайр прошел не этим путем. Окно его комнаты было открыто, а до него поднимается от земли здоровый толстый плющ. Мы не заметили никаких следов внизу, но это, наверное, был единственный путь, возможный для побега.

Отсутствие мальчика было замечено во вторник, в семь часов утра. Видно было по постели, что он спал в ней. Прежде чем выйти, он оделся в полный школьный костюм, состоящий из черной итонской куртки и темно-серых брюк. Не было никаких признаков, чтобы кто-нибудь входил в комнату, и достоверно то, что малейший крик или борьба были бы слышны, так как Каунтер, один из мальчиков в соседней комнате, очень чутко спит.

Когда обнаружилось исчезновение лорда Сальтайра, я созвал весь персонал своего заведения, мальчиков, учителей и прислугу. Тогда выяснилось, что лорд Сальтайр убежал не один. Отсутствовал учитель немецкого языка Гейдеггер. Его комната помещается на втором этаже, на дальнем конце строения, и окно ее выходит туда же, куда выходит окно комнаты лорда Сальтайра. Его постель тоже была измята; но он, очевидно, ушел полуодетый, так как его крахмальная рубашка и носки валялись на полу. Он, несомненно, спустился по плющу, так как мы видели следы его ног в том месте, где он ступил на лужайку. Его велосипед хранился в сарайчике рядом с лужайкой и тоже исчез.

Гейдеггер поступил ко мне с самыми лучшими рекомендациями и прослужил у меня два года. Он был молчаливый и угрюмый человек и не пользовался популярностью ни между учителями, ни между мальчиками. Мы не напали ни на малейший след беглецов и сегодня, в четверг утром, столь же мало знаем, как и во вторник. Мы, конечно, немедленно навели справки в Гольдернесс-холле. Последний находится всего в нескольких милях от школы, и мы подумали, что мальчик под влиянием какого-нибудь внезапного припадка тоски вернулся к отцу; но там ничего не слышали о нем. Герцог сильно взволнован. Что же касается меня, то вы сами видели, до какого состояния нервной протрации довела меня неизвестность. Мистер Холмс, если вы когда-нибудь пускали в ход все свои силы, то умоляю вас, сделайте это теперь, так как вряд ли вам попадется в жизни дело, столь достойное их!

Шерлок Холмс выслушал крайне внимательно показания несчастного учителя. Его сдвинутые брови и складка между ними показывали, что он не нуждается в мольбах для того, чтобы сосредоточить все свое внимание на задаче, которая, помимо заключающегося в ней громадного интереса, удовлетворяла его любовь ко всему сложному и необыкновенному. Он вынул свою записную книжку и набросал в ней две или три заметки.

– Это непростительно, что вы не обратились ко мне раньше, – строго произнес он. – Вы наложили этим с самого начала моих исследований очень большую излишнюю тяжесть на меня. Невозможно, например, чтобы плющ и лужайка не дали каких-нибудь указаний опытному наблюдателю,

– Не меня вините в этом, мистер Холмс. Его светлость страстно желал избежать всякого публичного скандала. Он боялся мысли, что его семейное горе станет достоянием света. Он питает глубокое отвращение к подобного рода огласкам.

– Но было же произведено какое-нибудь официальное следствие?

– Было, сэр, но оно оказалось крайне досадным. Сразу же был как будто найден ключ к разгадке, так как получили сведения, что с соседней станции выехали с первым поездом мальчик и мужчина. И только вчера вечером мы узнали, что за этой парой было прослежено до Ливерпуля, и что они оказались совершенно не причастными к делу лицами. И вот тогда-то я, разочарованный и доведенный до отчаяния, прямо после бессонной ночи, отправился с первым поездом к вам.

– Вероятно, расследование на месте было приостановлено, когда пустились по фальшивому следу?

– Оно было совершенно остановлено.

– Так что пропало три дня. Дело это велось из рук вон плохо.

– Чувствую это и сознаюсь.

– А между тем, задача должна была быть разрешена. Я очень рад буду ознакомиться с ней. Не восстановили ли вы какой-нибудь связи между отсутствующим мальчиком и учителем немецкого?

– Никакой.

– В его ли классе находился мальчик?

– Нет, насколько мне известно, они ни разу не обменялись ни одним словом.

– Это, действительно, очень странно. Был ли у мальчика велосипед?

– Нет.

– Исчез ли еще какой-нибудь велосипед?

– Нет.

– Вы уверены в этом?

– Вполне.

– Так неужели вы серьезно предполагаете, что немец уехал среди ночи на велосипеде, держа мальчика на руках?

– Конечно, нет.

– Так что же вы думаете?

– Велосипед мог служить только для отвода глаз. Его могли спрятать где-нибудь, и они пошли вместе пешком.

– Так, но это кажется довольно нелепым поступком для отвода глаз, не правда ли? Хранились в сарайчике другие велосипеды?

– Их там несколько.

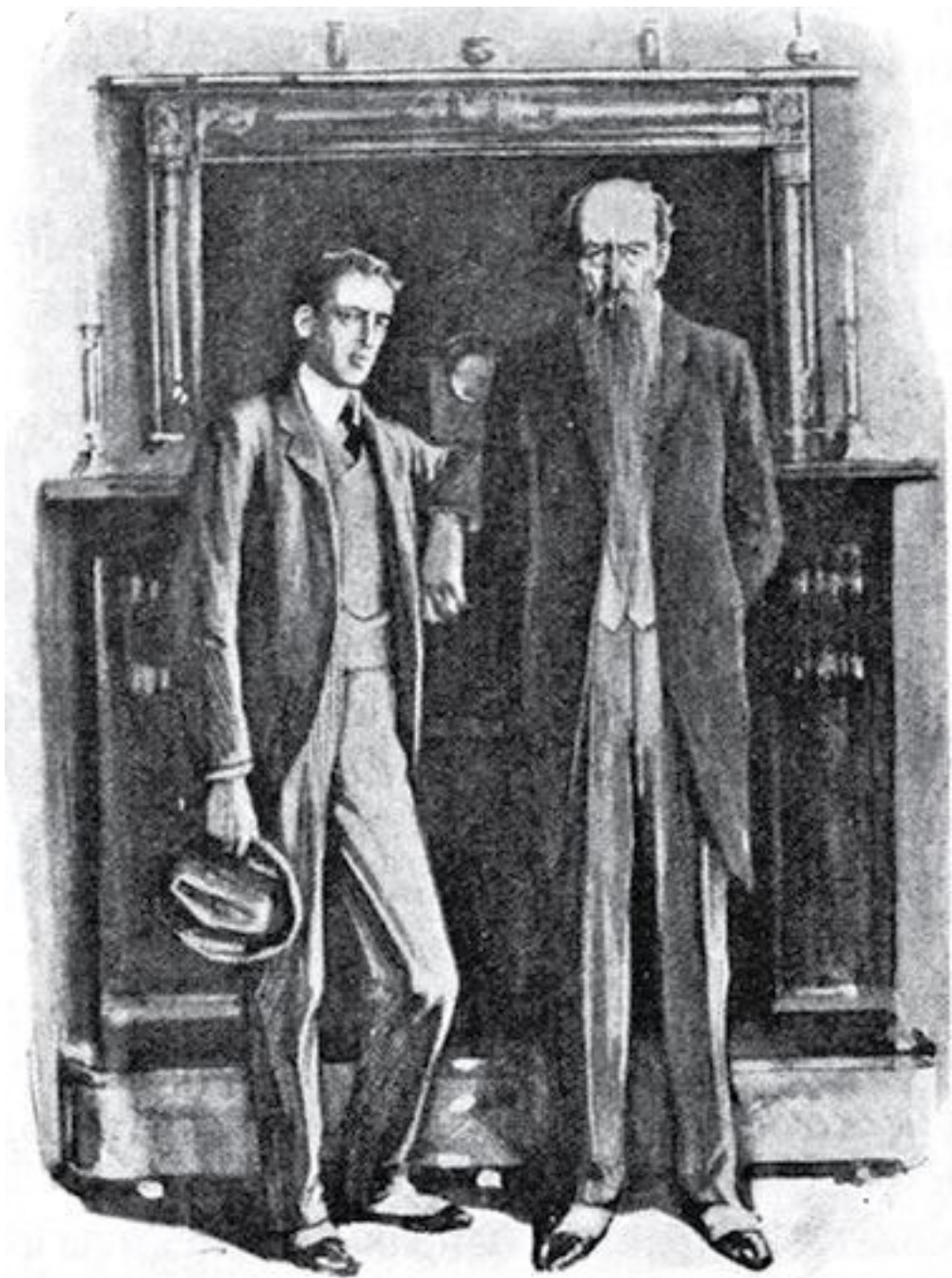
– Разве учитель не смог бы взять пару велосипедов, если бы он захотел заставить думать, что они уехали на них?

– Вероятно.

– Конечно, он поступил бы так. Теория отвода глаз никуда не годится. Но этот инцидент – великолепная точка отправления для расследования. Ведь велосипед такой предмет, который не очень-то легко спрятать или уничтожить. Еще один вопрос. Приходил ли кто-нибудь навещать мальчика перед его исчезновением?

- Нет, никто.
- Получал ли он письма?
- Да, одно.
- От кого?
- От отца.
- Вскрываете ли вы письма мальчиков?
- Нет.
- Почему же вы знаете, что письмо было от отца?
- Потому что на конверте был его герб, и адрес был написан знакомым твердым почерком герцога. Кроме того, герцог припомнил, что писал сыну.
- А перед тем мальчик давно не получал писем?
- Несколько дней.
- Получал ли он когда-нибудь письма из Франции?
- Нет, никогда.
- Вы, конечно, видите, к чему ведут мои вопросы. Или мальчик был увезен силой, или же он отправился по собственной воле. В последнем случае следовало бы ожидать, что что-то послужило толчком для того, чтобы такой маленький мальчик решился на побег. Если никто его не навещал, то побуждение это должно было быть письменное. Поэтому я пытаюсь узнать, с кем переписывался он.
- Боюсь, что я не в состоянии помочь вам в этом. Насколько мне известно, он переписывался с одним только отцом, который написал ему в самый день его исчезновения.

- Очень ли дружественные были отношения между отцом и сыном?
- Его светлость никогда не бывает в дружественных отношениях ни с кем. Он весь погружен в обширные общественные вопросы, и ему, пожалуй, недоступны никакие обыкновенные чувства. Но он всегда был по-своему добр к мальчику.
- Симпатии же последнего на стороне матери?
- Да.
- Он сказал вам об этом?
- Нет.
- Так, значит, герцог?
- О, Боже мой, нет!
- Так откуда вы знаете?

– Я имел несколько конфиденциальных разговоров с мистером Джемсом Уайльдером, секретарем его светлости. Это он сообщил мне о чувствах лорда Сальтайра.

– Понимаю. Кстати, нашли вы последнее письмо графа в комнате мальчика после его исчезновения?

– Нет, он взял его с собой. Полагаю, мистер Холмс, что нам пора ехать.

– Я пошлю за каретой. Через четверть часа мы будем к вашим услугам. Если вы хотите телеграфировать домой, мистер Гюкстебль, то хорошо было бы предоставить людям по соседству с вами воображать, что расследование все еще продолжается в Ливерпуле, или где бы то ни было в другом месте. А пока я потихоньку поработаю у ваших собственных дверей, и, может быть, след еще не настолько остыл, чтобы такие старые собаки, как Ватсон и я, не почуяли его.

Вечером мы очутились в холодной бодрящей атмосфере горной страны, в которой расположена знаменитая школа доктора Гюкстебля. Было уже темно, когда мы добрались до нее. В передней на столе лежала карточка. Лакей что-то шепнул своему господину, и последний повернул к нам свое лицо, каждая черта которого выражала волнение.

– Герцог здесь, – произнес он. – Герцог и мистер Уайльдер ждут в кабинете. Пойдемте, господа, я представлю вас.

Я, конечно, был знаком с портретами знаменитого государственного деятеля, но сам человек был совершенно не похож на его изображение. Он был высок и величествен, безукоризненно одет, с худым продолговатым лицом и носом комично загнутым и длинным. Он был мертвенно бледен, что произвело еще более сильное впечатление от контраста этой бледности с длинной, суживающейся ярко-красной бородой, которая ниспадала на белый жилет, и сквозь которую блестела цепочка от часов. Такова была величественная особа, стоявшая на предкаминном ковре и смотревшая на нас окаменелым взглядом. Рядом с ним стоял совсем молодой человек, который не мог быть никем иным, как Уайльдером, личным секретарем герцога. Это был небольшого роста, нервный живой человек со смысленными светло-голубыми глазами и подвижными чертами. Он сразу приступил колким уверенным тоном к переговорам.

– Я не успел, доктор Гюкстебль, сегодня утром помешать вашей поездке в Лондон. Я узнал, что вы имели в виду предложить мистеру Шерлоку Холмсу взять на себя ведение этого дела. Его светлость удивлен, доктор Гюкстебль, что вы сделали такой шаг, не посоветовавшись с ним.

– Когда я узнал, что полиция ошиблась...

– Его светлость вовсе не убежден в том, что полиция ошиблась.

– Но, мистер Уайльдер...

– Вам прекрасно известно, доктор Гюкстебль, что его светлость особенно заботится о том, чтобы избежать всякого публичного скандала. Он предпочитает посвятить в свои личные дела возможно меньшее число людей.

– Дело легко поправимо, – произнес запуганный доктор. – Мистер Шерлок Холмс может вернуться в Лондон с утренним поездом.

– Вряд ли так, доктор, вряд ли так, – возразил Холмс самым ласковым тоном. – Этот северный воздух так приятен, он так бодрит, что я намерен провести несколько дней в ваших зарослях и заняться в это время с возможно большей пользой для своего ума. Вам решать, буду ли я пользоваться гостеприимством под вашим кровом, или же под кровом деревенской харчевни.

Я видел, что несчастный доктор находился в крайнем недоумении, из которого его вывел низкий звучный голос рыжебородого герцога, который заревел, как обеденный гонг:

– Я согласен, доктор Гюкстебль, с мистером Уайльдером в том, что вы поступили бы гораздо разумнее, посоветовавшись со мною. Но раз вы уже доверились мистеру Холмсу, то было бы, в сущности, нелепо не воспользоваться его услугами... Я не только не допускаю мысли о том,

чтобы вы перешли в гостиницу, но вы доставили бы мне удовольствие, если бы остановились у меня в Гольдернесс-холле.

– Благодарю вас, герцог. Мне кажется, что в интересах следствия я поступлю умнее, если останусь на месте происшествия.

– Как вам будет угодно, мистер Холмс. Само собой разумеется, что к вашим услугам все справки, какие мистер Уайльдер и я будем в состоянии дать.

– Мне, вероятно, будет необходимо повидаться с вами позже, – сказал Холмс. – А теперь я только позволю себе спросить вас, сэр, составили вы в своем уме какое-нибудь объяснение таинственного исчезновения вашего сына?

– Нет, сэр, никакого.

– Простите, если я заговорю о том, что для вас тяжело, но у меня нет выбора. Думаете ли вы, что герцогиня имела какое-нибудь отношение к этому делу?

Великий министр, видимо, колебался.

– Не думаю, – ответил он, наконец.

– Другое, самое вероятное объяснение, то, что ребенок был, может быть, похищен ради получения выкупа. К вам никто не обращался с подобного рода требованием?

– Никто, сэр.

– Еще один вопрос, ваша светлость. Я слышал, что вы написали своему сыну в самый день происшествия?

– Нет, я написал ему накануне.

– Совершенно верно. Но он получил письмо в тот самый день?

– Да.

– Было ли что-нибудь в вашем письме, что могло нарушить его спокойствие или побудить к такому поступку?

– Нет, сэр, конечно, нет.

– Сами ли вы отправили это письмо?

Секретарь не дал вельможе ответить и горячо вмешался в разговор.

– Его светлость не имеет обыкновения сам отправлять письма. Это письмо лежало, вместе с другими, на письменном столе, и я положил их в почтовую сумку.

– Вы уверены в том, что между ними было и это письмо?

– Да, я заметил его.

– Сколько писем ваша светлость написали в этот день?

– Двадцать или тридцать. У меня обширная корреспонденция. Но это уже, кажется, не относится к делу?

– Не совсем, – ответил Холмс.

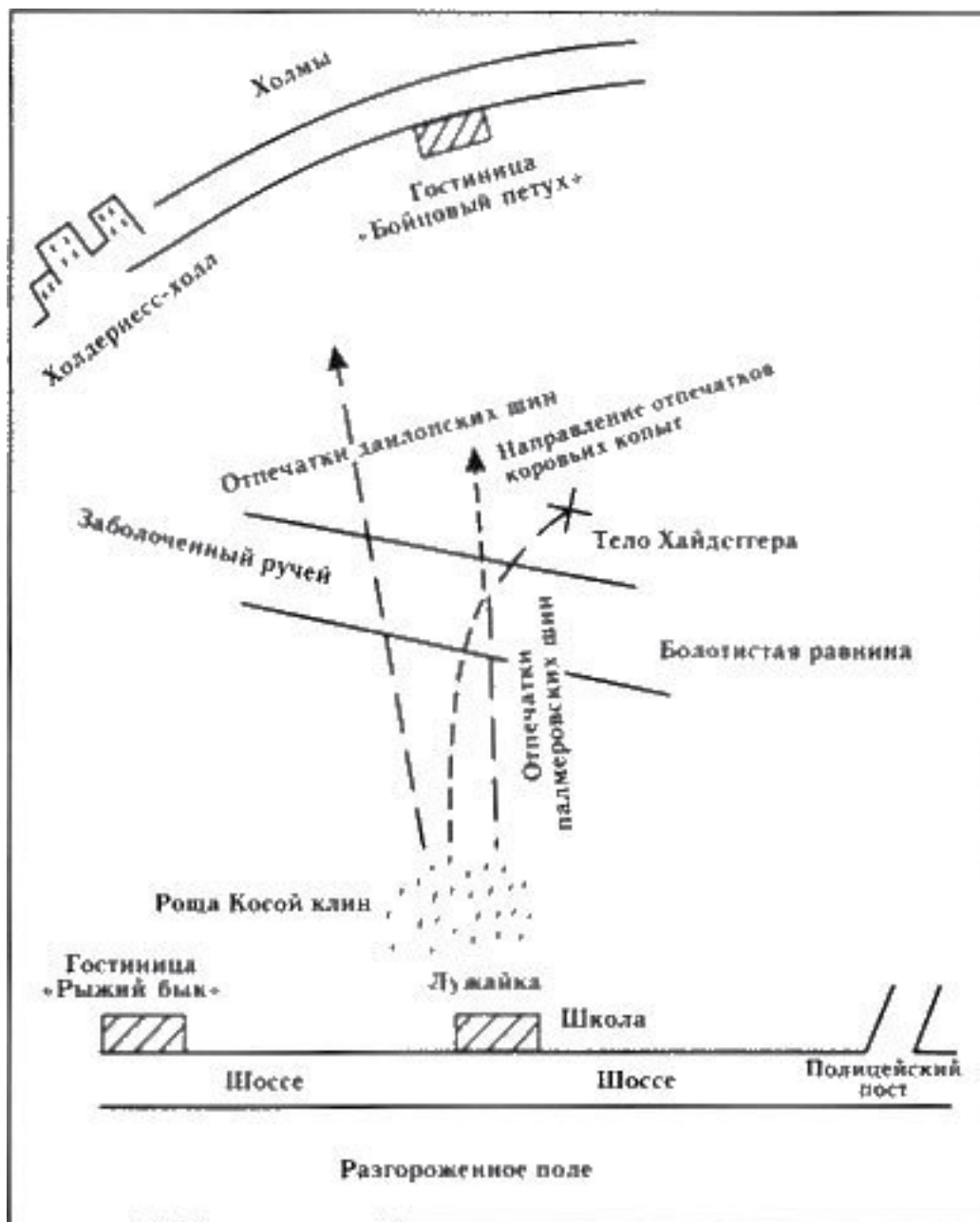
– Со своей стороны, – продолжал герцог, – я посоветовал полиции обратить свое внимание на юг Франции. Я уже сказал, что не считаю герцогиню способной поощрить такой чудовищный поступок, но у мальчика были самые ложные убеждения, и, возможно, что он бежал к ней при помощи этого немца и подстрекаемый им... Теперь, доктор Гюкстебль, я полагаю, что нам пора вернуться в Гольдернесс-холл.

Я видел, что Холмсу хотелось бы задать еще несколько вопросов, но резкое обращение вельможи показывало, что аудиенция окончена. Очевидно, что его в высшей степени аристократической натуре крайне претило обсуждение интимных семейных дел с посторонним, и что он опасался, как бы с каждым новым вопросом не осветились более ярким светом темные уголки его герцогской истории.

Когда вельможа и его секретарь уехали, мой друг сразу погрузился со свойственной ему горячностью в расследование.

Комната мальчика была тщательно исследована, но это ничего не дало, кроме абсолютного убеждения в том, что ребенок мог исчезнуть только через окно. Комната и вещи немец-

кого учителя не дали никакой дальнейшей нити. Один побег плюща надломился под его тяжестью, и мы увидели при свете фонаря след от каблуков в том месте, где он опустился на землю. Неясный отпечаток на короткой зеленой траве служил единственным материальным свидетельством, оставленным этим необъяснимым ночным бегством.

Шерлок Холмс вышел из дому один и вернулся только после одиннадцати. Он добыл большую подробную карту этой местности, принес ее в мою комнату, где разложил ее на постели и, прицепив лампу над серединой ее, принялся над ней курить, иногда указывая янтарем своей трубки на некоторые интересные точки.

— Это дело поглотило меня, Ватсон, — сказал он. — В связи с ним возникают положительно интересные пункты. Я бы хотел, чтобы в начале нашего следствия вы освоились с теми географическими пунктами, которые будут иметь тесное отношение к нему. Взгляните на эту карту. Этот темный квадрат — пансион. Я воткну в него булавку. Эта линия — большая дорога. Вы

видите, что она идет мимо школы с востока на запад, и вы также видите, что нет ближе мили ни одной боковой дороги. Если двое беглецов пустились по дороге, то только по этой дороге.

– Совершенно верно.

– Благодаря странному и счастливому случаю, мы можем до некоторой степени восстановить то, что происходило на этой дороге в интересующую нас ночь. На том месте, где покоится теперь кончик моей трубки, сельский констебль стоял на посту от полуночи до шести часов утра. Это, как видите, первая дорога, пересекающая большую с восточной стороны. Констебль утверждает, что он не покидал своего поста ни на одну секунду и что, положительно, ни мальчик, ни мужчина не могли бы пройти этим путем так, чтобы он их не заметил. Я говорил сегодня с этим полисменом, и он показался мне вполне надежной личностью. Этим исчерпывается восточный конец дороги. Займемся теперь западным. Тут есть харчевня «Красный Бык», хозяйка которой была в ту ночь больна. Она послала в Макльтон за доктором, который не появлялся до утра, так как был занят в другом месте. Живущие в харчевне не спали всю ночь в ожидании прибытия доктора, и то тот, то другой из них беспрерывно смотрели на дорогу. Они заявляют, что никто по ней не проходил. Если свидетельство их правильно, то мы, к своему благополучию, можем покончить и с этой частью дороги и вывести заключение, что беглецы вовсе не воспользовались дорогой.

– Но велосипед? – возразил я.

– Совершенно верно. Мы сейчас поговорим о нем. Теперь будем продолжать наше рассуждение. Если они не отправились по дороге, то должны были направиться на север или на юг от дома. Это несомненно. Взвесим одну вероятность против другой. На юг от дома простирается, как вы видите, большой участок пахотной земли, разделенный каменными изгородями на небольшие поля. Я не допускаю, чтобы там мог проехать велосипед. Мы можем это отбросить. Обратимся к местности на север от дома. Тут находится рощица, помеченная на карте под названием «Мохнатой Рощицы», а дальше простирается на десять миль большая бесплодная местность Нижний Джиль-Мур, которая постепенно легкою покатостью поднимается вверх. Здесь, по одну сторону пустыря, стоит Гольдернесс-холл, в десяти милях по дороге, но всего в шести напрямик. Это исключительно пустынная равнина. Небольшое число фермеров арендуют маленькие клочки ее, на которых они разводят овец и рогатый скот. Помимо последних, единственными обитателями этой местности являются кулик и каравайка до самой Честерфильдской большой дороги. Там, как видите, есть церковь, несколько коттеджей и харчевня. Дальше холмы становятся крутыми. Несомненно, что мы должны направить свое следствие сюда, на север.

– Но велосипед? – настаивал я.

– Ну, так что же! – нетерпеливо воскликнул Холмс. – Хорошему велосипедисту не нужна непременно большая дорога. Заросли вереска перерезаны тропинками, и в ту ночь светила луна... Эге! А это что?

Раздался возбужденный стук в дверь и вслед затем в комнату вошел доктор Гюкстебль. Он держал в руке голубую шапочку с белой нашивкой.

– Наконец-то мы имеем ключ! – воскликнул он. – Благодарение небу, мы напали, наконец, на след мальчика! Это его шапка.

– Где она найдена?

– В повозке цыган, которые расположили свой табор в зарослях вереска. Они уехали во вторник. Сегодня полиция догнала их, обыскала их табор и вот что нашла.

– Как они объясняют это?

– Они вилили и лгали, говорили, что нашли шапку в вереске во вторник утром. Они знают, эти мерзавцы, где находится мальчик! Они, слава Богу, все сидят благополучно под замком. И страх перед законом или кошелек герцога выманят у них все, что они знают.

– До сих пор все идет хорошо, – сказал Холмс, когда доктор ушел наконец из комнаты. – Это, во всяком случае, подтверждает нашу теорию, что нам следует надеяться на результаты со стороны Нижнего Джиль-Мура. Полиция, в сущности, ничего не сделала, кроме ареста этих цыган. Взгляните сюда, Ватсон! Заросль прорезана ручьем. Вот он показан на карте. В некоторых местах он расширяется, образуя болото, особенно в местности между Гольдернесс-холлом и школой. Напрасно мы стали бы в такую сухую погоду отыскивать следы в ином месте; тут же мы имеем шанс напасть на какой-нибудь оставленный след. Я завтра рано приду к вам, и мы попробуем пролить немного света на эту тайну.

Начинало только рассветать, когда я проснулся и увидел у своей постели длинную тонкую фигуру Холмса. Он был вполне одет и, по-видимому, уже выходил.

– Я осмотрел лужок и сарайчик с велосипедами, – сказал он. – А также прогулялся по «Мохнатой Рощице». Теперь, Ватсон, в соседней комнате подано какао, и я попрошу вас поспешить, так как нам предстоит большая работа.

Глаза его блестели и щеки покраснелись от возбуждения мастера, видящего перед собой работу. Этот деятельный бодрый человек был совсем иным Холмсом, чем сосредоточенный бледный мечтатель Бейкер-стрит. Я чувствовал при виде этой гибкой фигуры, воспламенной энергией, что нас ожидает действительно день усиленного труда.

Однако же он начался самым мрачным разочарованием. Окрыленные надеждой, мы шли по торфяной рыжевато-бурой заросли, перерезанной бесчисленными овечьими тропинками, пока не дошли до широкого светло-зеленого пояса, обозначающего болото, лежащее между нами и Гольдернессом.

Если бы мальчик направился к своему дому, то он, несомненно, должен был бы пройти здесь, а пройдя, не мог бы не оставить следов. Но мы не увидели ни малейших признаков следов ни его, ни немца. С потускневшим лицом мой друг шел по краю болота, неотступно следя за каждым пятнышком грязи на мшистой поверхности. Овечьих следов было в изобилии, а на одном месте, на несколько миль ниже, оставили следы своих ног коровы. И ничего больше.

– Неудача номер один, – сказал Холмс, мрачно оглядывая развертывавшуюся перед нами заросль. – Там дальше есть другое болото, отделенное от этого узким перешейком... Э-ге-ге, а это что такое?

Мы подошли к маленькой черной тропинке. Посреди ее, на мягкой почве, ясно был виден след велосипеда.

– Ура! – воскликнул я. – Мы напали на след!

Но Холмс покачал головой, и лицо его носило выражение скорее недоумения и ожидания, чем радости.

– Какого-то велосипеда, да, но не нашего, – сказал он. – Мне известны сорок два различных следа, оставляемых шинами. Эти шины, как видите, денлопские с заплатой на внешней стороне. Шины же велосипеда Гейдеггера были пальмерские, оставляющие следы продольных лент. Эвелин, учитель математики, положительно утверждал это. Следовательно, это не след Гейдеггера.

– Так, значит, мальчика?

– Это могло быть, если бы мы имели доказательство, что у него был велосипед. Но этого доказательства мы окончательно не могли добиться. Этот след, как вы видите, оставлен велосипедистом, ехавшим по направлению от школы.

– Или к ней?

– Нет-нет, милый Ватсон. Наиболее сильно вдавленный отпечаток сделан, конечно, задним колесом, которое выдерживает всю тяжесть тела. Замечаете вы несколько мест, где оно стерло более мягкий след переднего колеса? Он, несомненно, ехал от школы. Он, может быть, имеет, а может быть, и нет, отношение к нашим поискам, но, во всяком случае, прежде чем идти дальше, проследим за ним назад.

Мы так и сделали, и через несколько сотен ярдов, выбравшись из болотной части зарослей, потеряли след. Идя по тропинке назад, мы попали на другое место, где ручей перерезал ее. Здесь мы снова увидели след от велосипеда, хотя он был почти стерт коровьими копытами. После того не было уже никаких следов, но тропинка входила прямо в «Мохнатую Рошицу», находившуюся позади школы. Из этого-то леса и должен был выехать велосипедист. Холмс сел на камень и опустил подбородок на руки. Я успел выкурить две папиросы, прежде чем он шевельнулся.

– Ну, что ж, – сказал он, наконец. – Конечно, возможно, что хитрый человек переменит шины своего велосипеда, чтобы оставить после себя неясный след. Я бы гордился, что имею дело с преступником, способным принять такую предосторожность. Мы оставим этот вопрос неразрешенным и поспешим обратно к своему болоту, где у нас многое еще осталось не расследованным.

Мы продолжали свой систематический обзор северной части зарослей, и вскоре наше усердие было блистательно вознаграждено. По нижней части болота шла грязная тропинка. Холмс вскрикнул от восторга, когда подошел к ней. Как раз посередине ее виден был отпечаток как бы от тонкой связки телеграфных проволок. То была пальмерская шина.

– Это уж, наверное, Гейдеггер! – воскликнул ликующий Холмс. – Мои рассуждения были, кажется, довольно здравы, Ватсон.

– Поздравляю вас.

– Но нам предстоит еще длинный путь. Пожалуйста, не ступайте по тропинке. А теперь пойдем вдоль этого следа. Боюсь, что он недалеко поведет нас.

Однако по мере нашего движения вперед по этой части зарослей мы увидели, что след прерван в некоторых местах и, хотя мы часто теряли его, но нам всегда удавалось снова напасть на него.

– Замечаете вы, – спросил Холмс, – что тут велосипедист, несомненно, ускорил ход? Это – очевидно. Взгляните на этот отпечаток, где следы обеих шин ясно видны. Как тот, так и другой одинаковой глубины. Это может означать только то, что велосипедист перенес всю свою тяжесть вперед на руль, как это делается во время гонок. Боже мой! Он упал.

Тут было на тропинке большое, в несколько ярдов неправильное пятно, затем несколько следов ног и снова след шины.

– Он упал на бок, – подумал я вслух.

Холмс поднял смятую ветку дрока в цвету. К ужасу своему я заметил, что желтые цветы были обрызганы красным. На тропинке и между вереском тоже были темные пятна запекшейся крови.

– Плохо! – произнес Холмс. – Плохо! Сойдите с тропинки, Ватсон! Ни одного лишнего шага! Что я здесь читаю? Он упал раненый, встал, снова сел на велосипед и продолжал свой путь. Но нет другого следа. На этой боковой тропинке только следы коров. Не может быть, чтобы его забодал бык. Это немыслимо! Но я не вижу больше ничьих следов. Надо идти дальше, Ватсон. Эти пятна и след, наверное, доведут нас до него.

Мы недолго искали. Следы шин стали фантастично извиваться по сырой блестящей тропинке. Вдруг, смотря вперед, я увидел сквозь густые кусты дрока блеск металла. Мы вытащили из них велосипед с пальмерскими шинами; одна из педалей была согнута, и вся передняя его часть была ужасно перепачкана кровью. По ту сторону кустов виднелся кончик башмака. Мы обожали кругом и увидели там распростертого несчастного велосипедиста. Это был высокий мужчина, с бородой и в очках, из которых одно стекло было вышиблено. Причиной его смерти был страшный удар, нанесенный ему по голове и раздробивший ему череп. Что он некоторое время мог продолжать путь после того, как получил такой удар, доказывает только, как много в этом человеке было жизненных сил и мужества. На нем были надеты башмаки без носков,

и из-под расстегнутого сюртука видна была ночная сорочка. Это, без сомнения, был учитель немецкого языка.

Холмс благоговейно перевернул тело и очень внимательно осмотрел его. Затем он сел, погрузившись в глубокую думу, и я увидел по его нахмуренным бровям, что это мрачное открытие ненамного, по его мнению, продвинуло наше следствие.

– Я несколько затрудняюсь решить, что мне делать, Ватсон. Мне лично хотелось бы продолжать расследование, потому что мы и так уж много потеряли времени и не можем располагать больше ни одним часом. С другой же стороны, мы обязаны уведомить полицию о нашем открытии и позаботиться о том, чтобы кто-нибудь присмотрел за телом этого бедняги.

– Я могу отнести записку.

– Но ваша помощь мне нужна. Пойдите! Там какой-то человек нарезает торф. Приведите-ка его сюда, и он уведомит полицию.

Я привел крестьянина, и Холмс отправил испуганного малого с запиской к доктору Гюкстеблю.

– Ну, Ватсон, – сказал Холмс, – мы сегодня утром нашли два ключа. Один из них – велосипед с пальмерскими шинами, и мы видим, к чему это привело. Другой ключ – велосипед с денлопскими шинами. Прежде чем нам отправиться на розыски его, попробуем отдать себе отчет в том, что нам известно, для того, чтобы отделить существенное от случайного. Прежде всего, я хотел бы убедить вас в том, что мальчик несомненно ушел по собственной доброй воле. Он спустился через окно своей комнаты и ушел, или один, или с кем-нибудь. Это неоспоримо.

Я согласился.

– Теперь вернемся к этому несчастному учителю. Мальчик, когда убежал, был нормально одет. Следовательно, он знал заранее то, что будет делать. Немец же ушел без носков. Он, несомненно, очень спешил.

– Несомненно.

– Почему он ушел? Потому что видел из окна своей спальни бегство мальчика. Потому что хотел его догнать и вернуть. Он схватил свой велосипед, преследовал мальчика и, преследуя его, встретил свою смерть.

– Так, по крайней мере, должно быть.

– Теперь я дошел до самого критического пункта своей аргументации. Со стороны мужчины, пускающегося в погоню за мальчиком, естественнее было бы просто побежать за ним. Он бы знал, что догонит его. Но немец поступает не так. Он хватает свой велосипед. Мне сказали, что он был превосходным велосипедистом. Он бы не сделал этого, если бы не видел, что мальчик имеет в своем распоряжении быстрый способ передвижения...

– Другой велосипед.

– Продолжим восстановление фактов. Немец встречает свою смерть в пяти милях от школы и, заметьте, не от пули, которую даже мальчик мог бы выпустить, а от дикого удара, нанесенного сильной рукой. Значит, мальчик был не один. И бегство было поспешное, так как они сделали пять миль, прежде чем успел их догнать искусный велосипедист. Сейчас мы осматривали почву на месте трагедии. И что же находим? Несколько коровьих следов и больше ничего. Я сделал тут большой круг и не видел ни одной тропинки на пятьдесят ярдов в окружности. Другой велосипедист не мог иметь никакого прямого отношения к самому совершению убийства. И нет тут никаких следов человеческих ног.

– Холмс, – воскликнул я, – это невозможно!

– Восхитительно! – произнес он. – Это замечание бросает свет на дело. Это невозможно при моем описании дела, следовательно, я в чем-то ошибся. Между тем, вы сами видели. Можете ли вы указать на какой-нибудь ложный вывод?

– Он не мог при падении разбить себе голову?

– На болоте, Ватсон?

– Я становлюсь в тупик.

– Ну-ну, мы решали задачи и посложнее. Во всяком случае, у нас материала в избытке, лишь бы только нам удалось воспользоваться им. Пойдем же и, используя пальмерские шины, посмотрим, что дадут нам денлопские.

Мы вернулись на след и продолжали идти вперед вдоль него; но вскоре болото поднялось в виде покрытого вереском пригорка, и ручей остался позади нас. Нельзя было ожидать больше никакой помощи от дальнейших следов.

От той точки, на которой мы видели последние следы денлопских шин, они могли бы одинаково привести как к Гольдернесс-холлу, стройные башни которого поднимались в нескольких милях налево от нас, так и к низкому серому селу, расположенному впереди и указывавшему на расположение Честерфильдской большой дороги.

Когда мы подходили к отвратительной и грязной харчевне с нарисованным на вывеске над дверью боевым петухом, Холмс вдруг застонал и ухватился за мое плечо, чтобы не упасть.

Он, видимо, оступился и получил то растяжение сухожилия в щиколотке, от которого человек делается беспомощным.

Он с трудом доковылял до двери, у которой толстый, смуглый, пожилой человек курил черную глиняную трубку.

– Как поживаете, мистер Реубен Гейс? – произнес Холмс.

– Кто вы такой, и почему вам так хорошо известно мое имя? – спросил крестьянин с подозрительным блеском в хитрых глазах.

– Да ведь оно написано над вашей головой. И нетрудно узнать человека, который хозяин в своем доме. Не найдется ли в ваших конюшнях что-нибудь вроде экипажа?

– Нет, у меня нет никакого экипажа.

– Я еле могу опустить ногу на землю.

– Так не опускайте ее.

– Но я не могу ходить.

– Ну, так что ж? Скачите.

Обращение Реубена Гейса было далеко не любезным, но Холмс отнесся к нему с восхитительным добродушием.

– Послушайте, приятель, – сказал он. – Я, право, попал в затруднительное положение. Мне все равно, как бы я ни поехал.

– И мне тоже, – произнес угрюмый хозяин.

– У меня очень важное дело. Я бы предложил вам соверен за прокат велосипеда.

Хозяин наострил уши.

– Куда вам нужно ехать?

– В Гольдернесс-холл.

– Приятели герцога, а? – спросил кабатчик, иронически посматривая на наши перепачканные грязью костюмы.

Холмс добродушно засмеялся.

– Кто бы там ни были, он, во всяком случае, будет рад нас видеть.

– Почему?

– Потому что мы принесем ему вести о его пропавшем сыне.

Хозяин очень заметно вздрогнул.

– Что? Вы напали на его след?

– О нем слышали в Ливерпуле. С часа на час ожидают найти его.

Снова произошла быстрая перемена в тяжелом небритом лице. Обращение крестьянина сразу стало простым.

– Я менее, чем кто-либо, имею основание желать добра герцогу, – сказал он, – потому что я был когда-то его главным кучером, и он жестоко поступил со мною. Ни слова не говоря, он рассчитал меня, поверив клевете одного лживого торговца хлебом. Но я очень рад, что о молодом лорде слышали в Ливерпуле, и помогу вам отвезти эти сведения в Гольдернесс.

– Благодарю вас, – ответил Холмс. – Сначала мы немного посидим, а затем вы можете привести сюда велосипед.

– У меня нет велосипеда.

Холмс протянул ему соверен.

– Говорю вам, что у меня нет велосипеда. Я достану вам пару лошадей.

– Ладно-ладно, мы поговорим об этом, когда немного подкрепимся.

Когда мы остались одни в кухне с каменным полом, удивительно быстро излечилось растянутое сухожилие. Вечер был близок, а мы с утра ничего еще не ели, так что потратили некоторое время на свое подкрепление. Холмс, погружившись в размышления, раза два подходил к окну и серьезно что-то высматривал из него. Оно выходило на грязный двор. В дальнем углу последнего находилась кузница, в которой работал перепачканный парень. По другую сторону

были расположены конюшни. Осмотрев все это из окна, Холмс сел, но тотчас снова вскочил с громким возгласом:

– Клянусь небом, Ватсон, я, кажется, нашел решение! Да-да, это должно быть так! Помните, Ватсон, что мы видели сегодня несколько следов коровьих копыт?

– Помню.

– Где?

– Да повсюду. Они были и на болоте, и на тропинке, и возле того места, где бедный Гейдеггер встретил свою смерть.

– Совершенно так. Ну, а теперь, Ватсон, скажите, сколько вы видали коров в зарослях?

– Не припомню, чтобы видел хоть одну.

– Странно, Ватсон, что мы видели следы коров вдоль всего нашего пути и ни одной коровы в зарослях. Очень странно, Ватсон, не правда ли?

– Да, странно.

– Теперь, Ватсон, напрягите-ка свою память; вернитесь назад. Видите ли вы эти следы на тропинке?

– Вижу.

– Можете ли вы припомнить, что они имели иногда другой вид. Припоминаете ли вы это?

– Нет, не припоминаю,

– А я помню. Я мог бы поклясться, что это так. Впрочем, мы на досуге вернемся к этим следам и проверим их. Как это я мог быть настолько слеп, чтобы не вывести из этого заключение!

– А какое ваше заключение?

– Только то, что оригинальна та корова, которая движется шагом, легким галопом и в карьер. Черт возьми, Ватсон, такой хитрый ход не мог зародиться в мозгу деревенского кабатчика. А здесь никого нет, кроме парня в кузнице. Выйдем-ка, не заметим ли мы чего-нибудь.

В полуразвалившейся конюшне стояла пара мохнатых, нечищенных лошадок. Холмс поднял заднюю ногу одной из них и громко рассмеялся.

– Старые подковы, но вновь подкованные: старые подковы, но новые гвозди. Этот случай достоин названия классического. Войдем в кузницу.

Парень продолжал работать, не обращая на нас никакого внимания. Я видел, что глаза Холмса бегали справа налево, разыскивая что-то в железном и древесном мусоре, разбросанном на полу. Но мы вдруг услышали шаги; позади нас стоял хозяин; его тяжелые брови нахмурились над свирепыми глазами, смуглое лицо было искажено злобой. Он держал в руке короткую палку с металлическим набалдашником и направился к нам с таким угрожающим видом, что я невольно нащупал в своем кармане револьвер.

– Эй, вы, чертовы шпионы! – воскликнул он. – Что вы тут делаете?

– Что с вами, мистер Реубен Гейс? – спокойно возразил Холмс. – Можно подумать, вы боитесь, что мы откроем что-нибудь.

Крестьянин с усилием овладел собою, и угрюмое выражение сменилось фальшивым смехом, который казался более опасным, чем насуупленные брови.

– Сделайте одолжение, находите все, что вам угодно, в моей кузнице. Только послушайте, я не желаю, чтобы люди без моего позволения совали свой нос в мои владения, а потому, чем скорее вы расплатитесь и уйдете, тем мне будет приятнее.

– Прекрасно, мистер Гейс. У нас не было никаких дурных намерений, – сказал Холмс. – Мы пошли взглянуть на ваших лошадей, но, в конце концов, я думаю, что лучше пройтись пешком. Кажется, недалеко.

– Не более двух миль до ворот дома. По этой дороге налево.

Хозяин мрачными глазами следил за нами, пока мы не вышли из его владений. Но мы недалеко ушли, так как при первом же повороте дороги, скрывшем нас от его глаз, Холмс остановился.

– В этой харчевне было горячо, как говорится в детской игре, – сказал он. – Я чувствую, что с удалением от нее с каждым шагом становится холоднее. Нет-нет, я никак не могу ее покинуть.

– Я убежден, – заметил я, – что этому Реубену Гейсу все известно. Я не видывал более очевидного негодея.

– А! Он произвел такое впечатление на вас? Тут лошади, тут кузница. Да, интересное место, этот «Боевой Петух». Полагаю, что мы еще раз взглянем на него.

Позади нас простирался длинный отлогий скат холма, испещренный валунами серого известняка. Мы сошли с дороги и поднимались по холму, как вдруг, взглянув по направлению к Гольдернесс-холлу, я увидел быстро катившего по дороге велосипедиста.

– Ложитесь, Ватсон! – воскликнул Холмс, тяжело опустив руку на мое плечо.

Едва успели мы броситься на землю, как мимо нас пролетел мужчина на велосипеде. Сквозь облако пыли я уловил бледное взволнованное лицо, все черты которого выражали ужас – с открытым ртом и дико смотревшими вперед глазами. Он походил на странную карикатуру резвого Джемса Уайльдера, которого мы видели накануне вечером.

– Секретарь герцога! – воскликнул Холмс. – Пойдемте, Ватсон, посмотрим, что он делает.

Мы принялись перескакивать с валуна на валун, пока не добрались до такого места, откуда видна была дверь харчевни. Велосипед Уайльдера был прислонен к стене рядом с нею. В доме не заметно было ни малейшего движения, и мы не видели никого в окнах. Солнце опускалось за башнями Гольдернесс-холла, и медленно надвигались сумерки. Затем мы увидели свет

двух боковых ламп во дворе харчевни, и вскоре услышали топот копыт, шум колес, выехавших на дорогу, и бешеную скачку по направлению к Честерфильду.

– Что вы думаете на этот счет, Ватсон? – шепнул мне Холмс.

– Это похоже на бегство.

– Насколько я мог разобрать – это был кабриолет с одним человеком в нем. Без сомнения, не мистер Джеймс Уайльдер, так как вот он и сам у дверей.

В темноте выступил красный квадрат света. Посреди стояла темная фигура секретаря, напряженно вглядывавшегося в темноту. Очевидно, что он ожидал кого-то. Наконец послышались шаги по дороге, в пятне света показалась другая фигура, но тотчас же закрылась дверь, и все снова погрузилось во мрак. Через пять минут в одной комнате второго этажа была зажжена лампа.

– Странные обычаи существуют в «Боевом Петухе», – заметил Холмс.

– Распивочная расположена по ту сторону дома.

– Совершенно верно. А этих можно назвать личными гостями. Но какого черта нужно мистеру Джеймсу Уайльдеру в этом притоне в такой поздний час, и что это за товарищ, пришедший к нему сюда на свидание? Пойдем, Ватсон, нам положительно нужно рискнуть и попробовать посмотреть на это немного ближе.

Мы пошли потихоньку по дороге и подкрались к двери харчевни. Велосипед продолжал стоять прислоненный к стене. Холмс чиркнул спичку, поднес ее к заднему колесу, и я услышал, как он хихикнул, когда свет ее упал на след денлопской шины. Над нами было освещенное окно. Тотчас же ноги Холмса очутились на моих плечах, но не успел он взобраться на них, как был снова на земле.

– Пойдем, друг мой, – сказал он. – Достаточно мы сегодня поработали. Думается мне, что мы собрали все, что можно было. До школы далеко, и чем раньше мы выступим, тем лучше.

Холмс почти не открывал рта в продолжение всего утомительного пути по зарослям, а когда мы дошли до школы, то он не вошел в нее, а отправился на Макльтонскую станцию, чтобы отослать несколько телеграмм. Поздно ночью я слышал, как он утешал доктора Гюкстебля, удрученного трагической смертью учителя немецкого языка, а еще позднее Холмс вошел в мою комнату, такой же бодрый и энергичный, каким он был утром.

– Все идет хорошо, мой друг, – сказал он. – Обещаю, что к завтрашнему вечеру мы доберемся до разгадки тайны.

На следующее утро в одиннадцать часов мой друг и я шли по знаменитой тисовой аллее Гольдернесс-холла. Нас ввели через великолепную Елизаветинских времен дверь в кабинет его светлости. Там мы застали мистера Джеймса Уайльдера, скромного и вежливого, но с легкими следами дикого ужаса прошлой ночи, проглядывавшего в его бегающих глазах и искаженных чертах.

– Вы пришли к его светлости? Мне очень жаль, но дело в том, что герцог чувствует себя нехорошо. Его очень потрясли трагические вести. Мы получили вчера телеграмму от доктора Гюкстебля, извещавшую нас о вашем открытии.

– Мне нужно, мистер Уайльдер, видеть герцога.

– Но он в своей спальне.

– Так я вынужден войти в его спальню.

– Он, кажется, в постели.

– Я увижусь с ним, если он и в постели.

Холодный и непреклонный тон Холмса показал секретарю, что напрасно будет спорить с ним.

– Хорошо, мистер Холмс, я ему скажу, что вы здесь.

Через полчаса появился вельможа. Его лицо было еще более мертвенное, плечи округлились, и он мне показался состарившимся со вчерашнего утра. Он приветствовал нас с над-

менной вежливостью и сел у своего письменного стола, опустив на него свою длинную красную бороду.

– Ну-с, мистер Холмс? – произнес он.

Но глаза моего друга были устремлены на секретаря, стоявшего возле стула своего господина.

– Полагаю, ваша светлость, что я мог бы говорить свободнее в отсутствие мистера Уайльдера.

Секретарь слегка побледнел и бросил злобный взгляд на Холмса.

– Если ваша светлость желает...

– Да-да, лучше уйдите... Ну-с, мистер Холмс, что вы имеете сказать?

Друг мой подождал, пока не закрылась дверь за секретарем.

– Дело в том, ваша светлость, – сказал он, – что мой коллега, доктор Ватсон, и я слышали от доктора Гюкстебля, что за это дело обещано вознаграждение. Я бы желал услышать подтверждение этого из ваших уст.

– Конечно, мистер Холмс.

– Размер этого вознаграждения, если я правильно осведомлен, пять тысяч фунтов тому, кто скажет, где находится ваш сын?

– Совершенно верно.

– И еще тысяча фунтов тому, кто назовет лицо или лиц, держащих его в заточении?

– Верно.

– В последнюю категорию включаются, несомненно, не только тот, кто похитил его, но и те, которые помогают держать его.

– Да-да! – нетерпеливо воскликнул герцог. – Если вы хорошо исполните свое дело, мистер Холмс, то вам не придется жаловаться на мою скупость.

Друг мой потерял свои тонкие руки с выражением алчности, что очень меня удивило, так как мне известны были его скромные вкусы.

– Мне кажется, что я вижу чековую книжку вашей светлости на столе, – продолжал он. – Я был бы очень доволен, если бы вы написали чек в шесть тысяч фунтов. Может быть, не худо было бы вам, кстати, написать на нем и название моего банка: Столичный и графский банк, отделение Оксфордской улицы.

Его светлость грозно выпрямился на своем стуле и посмотрел на моего друга жестким взглядом.

– Это шутка, что ли, мистер Холмс? Тут вряд ли найдется повод для шутки...

– Вовсе не шутка, ваша светлость. Я никогда в жизни не говорил серьезнее.

– Так что означают ваши слова?

– Они означают, что я заслужил вознаграждение. Я знаю, где находится ваш сын, и знаю, по крайней мере, некоторых из тех, кто его держит.

Борода герцога стала как бы еще более красной на его мертвенно-бледном лице.

– Где он? – произнес он, задыхаясь.

– Он находится, или находился прошлой ночью, в харчевне «Боевой Петух», всего в двух милях от ворот вашего парка.

Герцог откинулся на спинку стула.

– И кого обвиняете вы?

Ответ Шерлока Холмса был ошеломляющий. Он живо выступил вперед и дотронулся до плеча герцога.

– Я обвиняю вас, – сказал он. – А теперь, ваша светлость, я попрошу вас побеспокоиться дать мне чек.

Никогда не забуду я лица герцога, когда он вскочил и протянул руки, точно падает в бездну. Затем, сделав неимоверное усилие овладеть собой, этот аристократ сел и закрыл лицо руками. Прошло несколько минут в молчании.

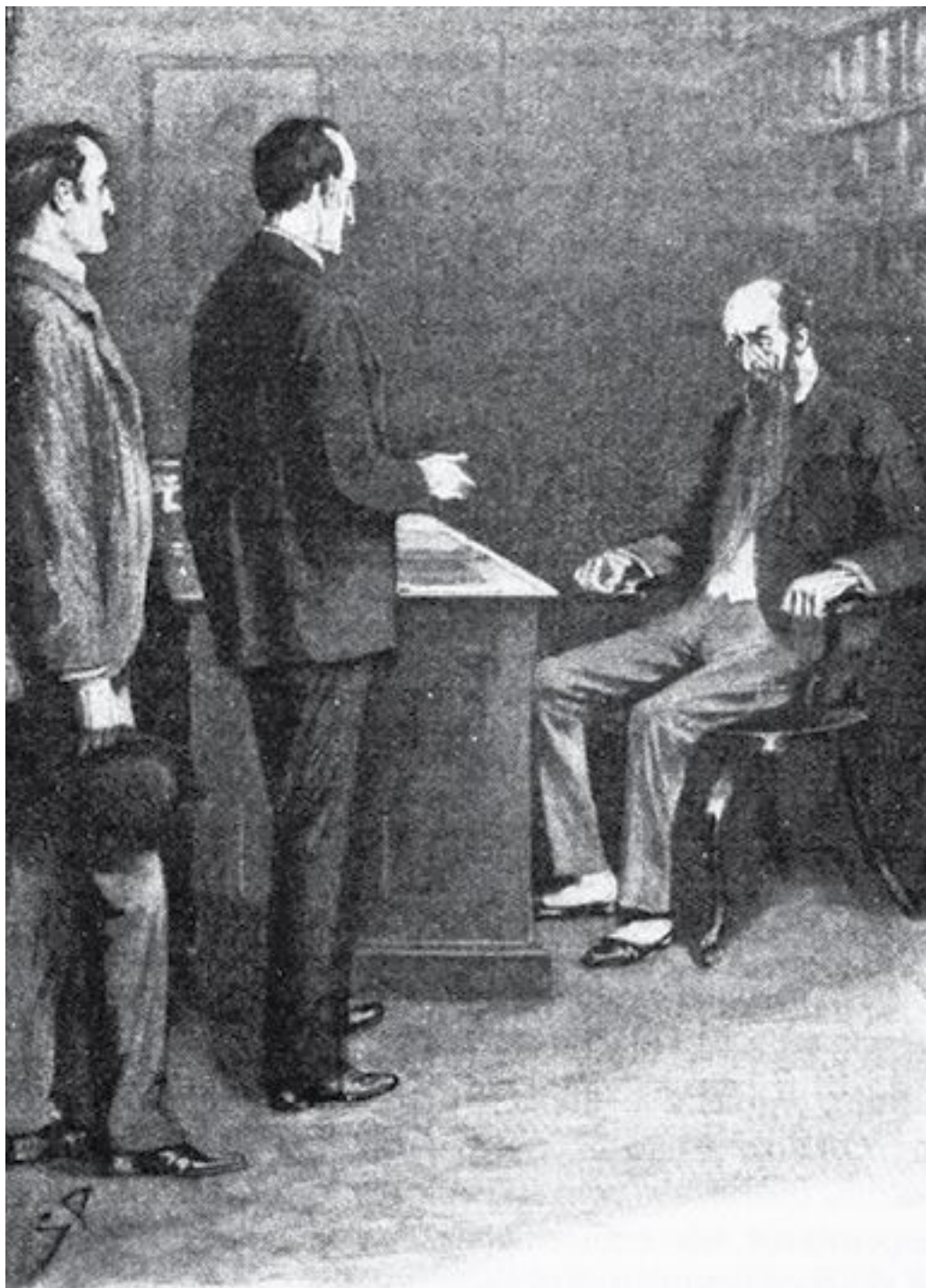
– Насколько вам все известно? – спросил он, наконец, не поднимая головы.

– Я видел вас вместе вчера вечером.

– Знает ли это еще кто-нибудь, кроме вашего друга?

– Я никому не сказал ни слова.

Герцог взял дрожащей рукой перо и открыл чековую книжку.

– Я буду верен своему слову, мистер Холмс. Как ни неприятны мне доставленные вами сведения, я сейчас напишу чек. Когда я впервые предложил такое вознаграждение, то не вообразал, что события примут такой оборот. Но вы и ваш друг, мистер Холмс, скромные люди?

– Вряд ли я понимаю вашу светлость.

– Придется мне объясниться, мистер Холмс. Если этот инцидент известен только вам двоим, то нет никакого основания, чтобы он был разглашен. Я, кажется, должен вам двенадцать тысяч фунтов, не так ли?

Холмс улыбнулся и покачал головой.

– Боюсь, ваша светлость, что дело едва ли может быть так легко улажено. Приходится считаться со смертью учителя.

– Но Джемс ничего не знал об этом. Вы не можете считать его ответственным за это. Это было дело грубого разбойника, которому он имел несчастье довериться.

– Я должен держаться того взгляда, ваша светлость, что, когда человек решается на какое-нибудь преступление, то он становится нравственно ответственным за всякое другое преступление, могущее возникнуть из него.

– Нравственно, мистер Холмс. Вы, конечно, правы. Но не в глазах закона. Нельзя осудить человека за убийство, при котором он не присутствовал, и которое ему столь же ненавистно и омерзительно, как и вам. Тотчас, как только Джемс услышал о нем, им овладел такой ужас и такие угрызения совести, что он во всем признался мне. Он, не медля ни одного часа, окончательно порвал с убийцей. О, мистер Холмс, вы должны спасти его... Вы должны спасти его! Говорю вам, что вы должны его спасти!

Герцог лишился последнего самообладания и шагал по комнате с конвульсивно подергивающимся лицом и размахивая судорожно сжатыми руками. Наконец он овладел собой и снова сел за письменный стол.

– Я ценю то, что вы пришли ко мне прежде, чем заговорить с кем бы то ни было другим об этом деле, – сказал он. – По крайней мере, мы можем обсудить, как свести до минимума этот отвратительный скандал.

– Конечно, – ответил Холмс. – Я думаю, ваша светлость, что это возможно будет только при абсолютной и полной откровенности между нами. Я готов предоставить в помощь вашей светлости свои способности; но для этого я должен знать до малейших подробностей, как обстоит дело. Я понял, что ваши слова относились к мистеру Джемсу Уайльдеру, и что он не убийца.

– Нет, не он. Убийца скрылся.

Шерлок Холмс слабо улыбнулся.

– До вашей светлости, вероятно, не дошел слух о моей скромной репутации, иначе вы не воображали бы, что так легко скрыться от меня. Мистер Реубен Гейс был арестован, по моему донесению, в Честерфильде вчера, в одиннадцать часов вечера. Сегодня утром, перед выходом из школы, я получил телеграмму об этом от начальника сыскной полиции.

Герцог прислонился к спинке стула и с удивлением уставился на моего друга.

– Вы, по-видимому, обладаете почти нечеловеческими способностями, – сказал он. – Так, значит, Реубен Гейс взят? Я очень этому рад, если только это не отразится на судьбе Джемса.

– Вашего секретаря?

– Нет, сэр, моего сына.

Теперь Холмс, в свою очередь, был удивлен.

– Признаюсь, ваша светлость, что это совершенная новость для меня. Я вынужден просить вас объяснить точнее.

– Я ничего не скрою от вас. Я согласен с вами, что полная откровенность, как бы она ни была тяжела для меня, – лучшая политика в этом отчаянном положении, до которого нас довели безумие и ревность Джемса. Когда я был еще очень молод, мистер Холмс, я любил той

любовью, которая бывает один только раз в жизни. Я сделал предложение, но мне отказали на том основании, что такая женитьба могла бы испортить мне карьеру. Если бы она осталась в живых, то я, конечно, ни на ком бы другом не женился. Но она умерла и оставила единственного ребенка, которого я любил и берег ради нее. Я не мог признать его за сына перед светом, но дал ему лучшее воспитание и, как только он возмужал, держал его при себе. Он нечаянно узнал мою тайну, и с тех пор всегда рассчитывал на свои права на меня и на возможность поднять скандал, который был бы мне ненавистен. Отчасти из-за него мой брак не удался. Больше всего он с самого начала упорно ненавидел моего юного законного наследника. Вы, конечно, спросите меня, почему при таких обстоятельствах я продолжал держать Джемса под своей кровлей. А потому, что в его лице я видел лицо его матери, что ради ее дорогой для меня памяти не могло быть предела моему долготерпению. Он также умел вызывать в моей памяти все ее милые привычки. Я не мог его удалить. Но я так боялся, чтобы он не причинил зла Артуру – лорду Сальтайру, что, для безопасности, отдал последнего в пансион доктора Гюкстебля.

Джемс вошел в качестве агента в сношение с Гейсом, так как последний был моим фермером. Он с самого начала был мерзавцем, но каким-то странным образом Джемс близко сошелся с ним. У него всегда была склонность к людям низшего сорта. Когда Джемс решил похитить лорда Сальтайра, он обеспечил себе услуги этого человека. Вы помните, что я писал Артуру. Ну, так Джемс вскрыл письмо и вложил в него записку, в которой просил Артура прийти к нему на свидание в лесок у школы, называющийся «Мохнатой Рощицей». Он злоупотребил именем герцогини, и тем заставил мальчика прийти. В тот вечер Джемс поехал туда на велосипеде (передаю вам то, в чем он сам признался мне) и сказал Артуру, которого встретил в рощице, что мать жаждет увидеть его, что она ждет его в зарослях, и если он снова придет в полночь в рощицу, то найдет там человека с лошастью, который отвезет его к ней. Бедный Артур попался в ловушку. Он пришел на место свидания и застал там этого Гейса с двумя лошадьми. Артур сел на одну из них, и они поехали вместе. Оказывается (хотя Джемс узнал об этом только вчера), что их преследовали, что Гейс ударил преследователя своей палкой, и что последний умер от нанесенного удара. Гейс привез Артура в свой кабак «Боевой Петух», где его заперли в комнате верхнего этажа, вверив попечению миссис Гейс, – женщины доброй, бывшей в полном подчинении у своего грубого мужа...

Ну-с, мистер Холмс, таково было положение вещей, когда я впервые увидел вас два дня тому назад. Я не больше вашего имел понятия об истине. Вы спросите: какими Джемс руководствовался мотивами для совершения такого поступка? Я отвечу вам, что в его ненависти к моему наследнику было много безрассудства и фанатизма. По его мнению, он сам должен был бы быть наследником всех моих владений, и он питал сильнейшую злобу против общественных законов, которые возбраняли ему это. Вместе с тем, у него был и определенный мотив. Ему страстно хотелось, чтобы я нарушил право наследования, и он полагал, что это в моей власти. Он намерен был войти со мной в сделку – вернуть мне Артура, если я нарушу право наследства и сделаю так, чтобы он получил имение по духовному завещанию. Ему было хорошо известно, что я никогда добровольно не призову на помощь против него полицию. Я говорю, что он намерен был предложить мне такую сделку, но не сделал этого потому, что события следовали слишком быстро одно за другим, и он не имел времени осуществить свои планы.

Он пришел в себя, как только вы обнаружили тело Гейдеггера. Узнав об этом, Джемс был поражен. Известие это пришло к нам вчера, когда мы сидели вместе в этом кабинете. Доктор Гюкстебель прислал телеграмму. Джемс так был ошеломлен и взволнован, что мои подзрения, никогда не исчезавшие вполне, моментально превратились в уверенность, и я обвинил его в этом преступлении. Тогда он сделал мне полное добровольное признание, после которого умолял меня сохранить тайну еще три дня, чтобы дать возможность его подлому соучастнику спасти свою преступную жизнь. Я уступил, как и всегда уступал его мольбам, и тотчас же Джемс поспешил в «Боевой Петух», чтобы предупредить Гейса и предоставить ему возмож-

ность побега. Я не мог идти туда днем, боясь возбудить толки, но, как только наступила ночь, я поспешил увидеться с моим дорогим Артуром. Я застал его здоровым и невредимым, но пораженным невыразимым ужасом. Помня о данном слове, я, скрипя сердцем, оставил Артура в гостинице еще на три дня. Ведь сообщить об этом в полицию, не выдав убийцы, было нельзя.

Музей

Очень часто музеи посвящают известным деятелям, художникам, писателям. Но случается и так, что литературные персонажи начинают «жить» своей жизнью. В Лондоне 27 марта 1990 года был открыт музей Шерлока Холмса. Туристы со всего света с охотой направляются в дом-музей, где якобы жил знаменитый сыщик. У входа – колоритный полицейский, в передней – девушки-кассириши в платьях с белыми передниками. Туристы безропотно выстаивают длинные очереди, лишь бы окунуться в мир любимого литературного персонажа.

Музей находится в доме под номером 239 на Бейкер-стрит, но получил право прикрепить к дому вывеску номера 221б. Основатели музея постарались обставить дом так, чтобы он хотя бы частично соответствовал описаниям Артура Конан Дойля. Первый этаж занимает сувенирная лавка. На втором этаже расположена гостиная, выходящая окнами на Бейкер-стрит, и смежная с ней комната Шерлока Холмса с окном во двор. Здесь великий сыщик размышлял, окутанный табачный дымом, с 1881 по 1904 год. Третий этаж занимают комнаты Ватсона и Хадсон. В комнате доктора Ватсона можно ознакомиться с газетами, картинами, фотографиями конца викторианской эпохи. Посередине комнаты миссис Хадсон стоит бронзовый бюст ее знаменитого квартиранта и собраны некоторые письма, которые присылают на его адрес. Четвертый этаж заполнен восковыми фигурами персонажей из произведений о знаменитом сыщике.

Вы настаивали на взаимной откровенности, мистер Холмс, и разрешите мне поймать вас на слове. Я рассказал вам все, ничего не утаивая, ничего не смягчая. Будьте и вы откровенны со мной до конца.

— Хорошо, ваша светлость, — ответил Холмс. — Прежде всего, я должен сказать вам, что перед лицом закона ваше положение чрезвычайно серьезно. Вы покрыли уголовное преступление, вы помогли убийце бежать, ибо, по всей вероятности, деньги на его побег Джеймс Уайлдер взял у вас из кармана.

Герцог молча склонил голову.

— Да, дело крайне серьезное. Но, на мой взгляд, то, как вы поступили со своим младшим сыном, ваша светлость, заслуживает еще большего осуждения. Оставить его на три дня в этом притоне!

— Меня клятвенно заверили...

— Разве можно полагаться на клятвы этих людей! Вы уверены, что его не упрячут куда-нибудь подальше? В угоду преступному старшему сыну вы без всякой нужды подвергаете опасности ни в чем не повинного ребенка! Нет, ваш поступок нельзя оправдать!

Гордый вельможа не привык выслушивать такие отповеди. Кровь бросилась ему в лицо, но совесть заставила его смолчать.

– Я помогу вам, но при одном условии: вызовите слугу, и пусть он исполнит мое распоряжение.

Не говоря ни слова, герцог нажал кнопку электрического звонка. В кабинет вошел лакей.

– Вам, наверно, будет приятно услышать, – сказал ему Холмс, – что лорд Сальтайр нашелся. Герцог приказывает немедленно выслать за ним экипаж в гостиницу «Боевой петух»... А теперь, – сказал Холмс, когда просиявший от радости лакей выбежал из кабинета, – обеспечив ближайшее будущее, мы можем более снисходительно отнестись к недавнему прошлому. Поскольку справедливость будет восстановлена, я, как лицо неофициальное, не вижу необходимости доводить до сведения властей обо всем, что мне известно. Гейс – дело другое. Его ждет виселица, и я палец о палец не ударю, чтобы спасти ему жизнь. Разгласит он вашу тайну или нет – не знаю, не берусь предсказывать, но вы, несомненно, можете внушить ему, что говорить лишнее не в его интересах. В полиции Гейса обвинят в похищении мальчика в расчете на выкуп. Если там не копнут поглубже, я не вижу оснований наталкивать их на это. Однако мне хочется сказать вашей светлости, что дальнейшее пребывание мистера Джеймса Уайлдера у вас в доме к добру не приведет.

– Это я знаю сам, мистер Холмс, и у нас с ним решено: он навсегда покинет Холдернесс-холл и отправится искать счастья в Австралию.

– Ваша светлость, вы говорили, что Джеймс Уайлдер был яблоком раздора между вами и вашей женой. А не попробовать ли вам теперь примириться с герцогиней и снова наладить свою семейную жизнь?

– Об этом я тоже подумал, мистер Холмс, и сегодня утром написал герцогине.

– В таком случае, – сказал Холмс, вставая, – и я, и мой друг можем поздравить себя с тем, что наше недолгое пребывание в ваших местах принесло неплохие плоды. Мне осталось выяснить только один вопрос. Лошади Гейса было подкованы так, что их следы можно было принять за отпечатки коровьих копыт. Кто его надоумил сделать это – уж не мистер ли Уайлдер?

Минуту герцог молчал, сосредоточенно сдвинув брови. Потом он открыл дверь в соседнюю комнату, представляющую собой настоящий музей, подвел нас к витрине в дальнем ее углу и показал на надпись под стеклом.

«Эти подковы, – прочитали мы, – найдены при раскопках крепостного рва в Холдернесс-холле. Они предназначались для лошадей, но их выковывали в форме раздвоенного коровьего копыта. По-видимому, магнаты Холдернесс-холла, занимавшиеся разбоем в средние века, применяли этот способ, чтобы сбивать погоню со следа».

Холмс поднял стеклянную крышку и, посплюнявив палец, провел им по одной из подков. На пальце осталось темное пятно – болотная тина еще не успела засохнуть.

– Благодарю вас, – сказал мой друг. – Вот второе, что чрезвычайно заинтересовало меня в ваших местах. – А первое?

Холмс перегнул чек пополам и бережно вложил его в записную книжку.

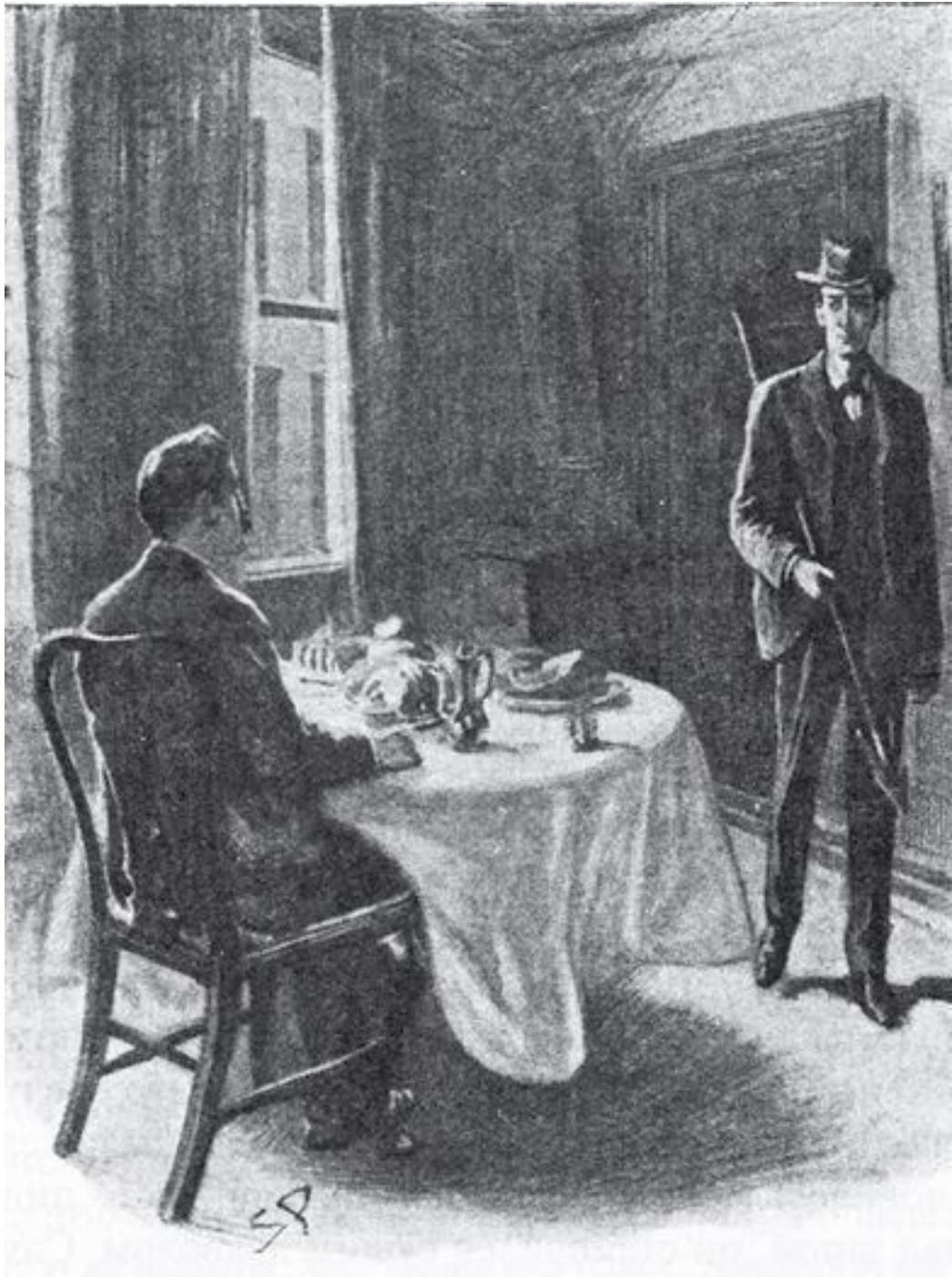
– Я человек небогатый, – сказал он и засунул книжку поглубже во внутренний карман пиджака.

Черный Питер

Я никогда не видел своего друга в лучшем состоянии, как душевном, так и физическом, чем в 95-м году. Его все возрастающая слава доставляла ему громадную практику, но я совершил бы непростительную нескромность, если бы позволил себе только намекнуть на подлинную личность хотя бы одного из именитых клиентов, переступавших наш скромный порог на Бейкер-стрит. Однако же Холмс, подобно всем великим художникам, работал ради своего искусства, и, за исключением случая с герцогом Гольдернессом, мне редко приходилось видеть, чтобы он требовал мало-мальски крупное вознаграждение за свои ценные услуги. Он был настолько, что называется, не от мира сего (или настолько капризен), что часто отказывал в своей помощи сильным и богатым, когда предлагаемая ему задача не вызывала его симпатии, и посвящал целые недели самого упорного труда делу какого-нибудь скромного клиента, если происшествие с этим последним обладало теми странными и драматическими свойствами, которые пленяли его воображение и вызвали к его искусству.

В этот памятный 95-й год внимание его было занято целой серией самых разнородных дел, начиная от знаменитого расследования дела о скоропостижной смерти кардинала Тоска (следствие, которое он вел по настоятельному желанию его святейшества папы) и кончая произведенным им арестом Лильсона, прославленного воспитателя канареек, арестом, уничтожавшим язву Лондонского Ист-Энда. Непосредственно вслед за этими двумя знаменитыми случаями, произошла трагедия в Вудманс-Ли. Крайне темные обстоятельства окружали смерть капитана Питера Карея. Отчет о деятельности Шерлока Холмса будет неполон, если не включить в него повесть об этом весьма необычном деле.

В течение первой недели июля мой друг так часто и так подолгу отлучался из дома, что можно было догадаться, что он занят каким-то очередным делом. Тот факт, что за это время приходило несколько грубых на вид мужчин, спрашивавших капитана Базиля, пояснил мне, что Холмс работает где-то под одной из многочисленных личин, под которыми он скрывал свою устрашающую для преступников подлинную личность. У него было, по крайней мере, пять мелких убежищ в различных частях Лондона, в которых он мог преображаться. Он ничего не говорил мне об этом деле, а я не имею обыкновения расспрашивать. Первый положительного свойства намек, какой он мне сделал относительно направления, принятого им в его расследованиях, был совершенно необыкновенный. Он вышел из дома до завтрака, я же сидел за стол, когда он вошел в комнату в шляпе на голове и громадной острогой под мышкой.

– Боже мой, Холмс! – воскликнул я. – Неужели вы прохаживались по Лондону с этой штукой?

– Я съездил только к мяснику и обратно.

– К мяснику?

– И возвращаюсь с превосходным аппетитом. Польза физических упражнений перед завтраком бесспорна, милый Ватсон. Но я готов держать пари, что вы не угадаете, какого рода упражнению я предавался.

– Я и пробовать не стану.

Холмс рассмеялся и принялся наливать себе кофе.

– Если бы вы заглянули в заднюю комнату мясной лавки Алардайса, то увидели бы там свиную тушу, висевшую на крючке, ввинченном в потолок, и джентльмена без сюртука, бешено

нападавшего на эту тушу с этим оружием. Этой энергичной личностью был я, и я убедился, что, как бы ни напрягал свои силы, мне невозможно проткнуть свинью с одного удара. Может быть, вы желаете попробовать?

– Ни за что на свете. Но ради чего вы это делали?

– А потому, что, как мне кажется, это имеет прямое отношение к тайне Вудманс-Ли... А, Гопкинс, я получил вчера вечером телеграмму и ожидал вас. Присаживайтесь-ка с нами.

Наш гость был чрезвычайно живой мужчина лет тридцати, одетый в обыкновенный костюм, но сохранявший прямую осанку человека, привыкшего носить служебный мундир. Я сразу же признал в нем Стэнлея Гопкинса, молодого полицейского инспектора, на будущую карьеру которого Холмс возлагал большие надежды, а Гопкинс, со своей стороны, почитал как ученик знаменитого любителя и восхищался его научными методами. Чело Гопкинса было омрачено, и он сел с выражением глубокого уныния.

– Нет, благодарю вас, сэр. Я позавтракал перед тем, как прийти к вам. Я провел ночь в городе, так как приехал вчера для донесения.

– И о чем вам пришлось донести?

– О неудаче, сэр, об абсолютной неудаче.

– Вы нисколько не продвинулись?

– Нисколько.

– Боже мой! Придется мне приняться за дело.

– Ах, как бы мне этого хотелось, мистер Холмс! Это первый крупный шанс для меня, а я совсем стал в тупик. Бога ради, приезжайте и помогите мне.

– Ладно-ладно, я как раз случайно довольно внимательно прочитал все имеющие силу показания, до отчета о следствии включительно. Кстати, какого вы мнения о табачном кисете, найденном на месте преступления? Не найдется ли в нем ключа?

Гопкинс выразил удивление.

– Да ведь это кисет убитого, сэр. На нем его вензель. Притом кисет сделан из тюленьей кожи, а он был старым тюленщиком.

– Но у него не было трубки.

– Да, мы не нашли ни одной трубки; он, действительно, очень мало курил. Но ведь он мог держать немного табака для своих друзей.

– Без сомнения. Я упомянул об этом только потому, что, если бы мне пришлось вести дело, то я был бы склонен принять этот кисет за точку отправления своего следствия. Однако же мой друг, доктор Ватсон, совершенно не знаком с этим делом, а мне не вредно будет еще раз прослушать рассказ о последовательном ходе событий. Сделайте нам только краткий очерк самых существенных фактов.

Стэнлей Гопкинс вынул из кармана листок бумаги.

– Тут у меня записано несколько дат, которые ознакомят вас с карьерой покойного капитана Питера Карея. Он родился в 45-м году, ему было пятьдесят лет. Он был самый смелый и удачный тюленщик и китолов. В 1883 году он командовал тюленьим пароходом «Морской Носорог» из Денди. Он тогда уже совершил подряд несколько удачных поездок и в 1884 году удалился от дел. Несколько лет путешествовал и наконец купил именице, называющееся Вудманс-Ли, близ леса Ро в Суссексе. Там прожил он шесть лет, и там же умер ровно неделю тому назад.

С именем этого человека было связано несколько крайне странных обстоятельств. В обыкновенной жизни он был строгий пуританин, молчаливый и мрачный. Его окружение в доме составляли жена, двадцатилетняя дочь и две служанки. Последние постоянно менялись, так как место было невеселое и подчас становилось совсем невыносимым. Питер Карей пил запоем, и когда он запивал, то делался истинным сатаной. Известно, что ему случалось выго-

нять жену и дочь из дома среди ночи и преследовать их с кулаками по всему парку, так что вся деревня просыпалась от их криков.

Однажды он был привлечен к суду за дикое нападение на старика викария, который пришел к нему для увещаний по поводу его поведения. Одним словом, мистер Холмс, трудно было бы найти человека более опасного, чем этот Питер Карей, и я слышал, что он отличался этими же свойствами и тогда, когда командовал пароходом. В тюленьем и китоловном промысле он был известен как Черный Питер, и это прозвище было ему дано не только из-за его смуглого лица и громадной черной бороды, но и благодаря его характеру, который был устрашением для всех окружавших. Нечего и говорить, что его ненавидели и избегали все соседи, и что я не слышал ни одного слова сожаления по поводу его ужасной смерти.

Вы прочли, конечно, мистер Холмс, в отчете следствия о каюте этого человека; но, может быть, ваш друг не слышал о ней. Он сам выстроил деревянный домик (он всегда называл его «каютой») в нескольких сотнях шагов от дома, и в нем всегда ночевал. Это была хибарка в одну комнату, шестнадцати футов длины при десяти футах ширины. Ключ от нее он держал в кармане, сам стелил себе постель, сам убирал комнату, и никому не было дозволено переступать ее порога. С двух сторон были проделаны маленькие окна, всегда задернутые занавесками и никогда не открывавшиеся. Одно из этих окон выходило на большую дорогу, и когда оно по ночам светилось, люди указывали друг другу на него, спрашивая себя, что может там делать Черный Питер. Это-то окно, мистер Холмс, дало нам одну из немногих ничтожных улики, вытекающих из следствия.

Вы помните, что один каменщик по имени Слэтер, идя от леса Ро около часа ночи (за два дня до убийства), остановился и посмотрел на квадрат света, все еще видневшийся из-за деревьев. Он клянется, что ясно видел на шторе тень мужской головы, обращенной в профиль, и что это, наверное, не было тенью головы Питера Карей, которого он хорошо знал. Это была тень тоже бородатого человека, но эта борода была короткая и выдавалась вперед совсем не так, как борода капитана. Так говорит каменщик, но он перед тем просидел два часа в кабаке, да и дорога проходит на некотором расстоянии от окна. Кроме того, это было в понедельник, а преступление совершено в среду.

Во вторник Питер Карей находился в одном из своих самых мрачных настроений, был пьян и свиреп, как самый опасный дикий зверь. Поздно вечером он отправился в свою хибару. Около двух часов ночи его дочь, спавшая с открытым окном, услышала оттуда страшный крик. Но для нее было делом обыкновенным, что отец ревет и орет, когда пьян, и потому она не обратила на это внимания. Одна из служанок, встав в семь часов, заметила, что дверь домика открыта, но хозяин внушал всем такой ужас, что до полудня никто не осмелился пойти посмотреть, что с ним случилось. Заглянув в открытую дверь, они увидели зрелище, от которого с помертвевшими лицами бросились в деревню. Через час я был на месте и принялся за дело.

Ну-с, мистер Холмс, вы знаете, что у меня крепкие нервы, но даю вам слово, что, когда я просунул голову в эту хибарку, то содрогнулся. Она вся гудела от жужжания мух, а пол и стены придавали ей вид бойни. Черный Питер называл ее каютой, и действительно, это была каюта. На одном конце ее стоял столик; тут был корабельный сундук, карты, фотография «Морского Носорога», ряд шканечных журналов на полке, одним словом, в точности все, что можно увидеть в капитанской каюте. В комнате находился сам капитан с лицом, искаженным как у грешника, испытывающего муки ада, и с большой окровавленной бородой, поднявшейся дыбом от предсмертных мучений. Его широкая грудь была проткнута острой, которая глубоко воткнулась в стену позади. Он был пришпилен, как жук на картон. Он, конечно, был мертв с того момента, когда издал свой последний предсмертный крик.

Я знаком с вашими методами, сэр, и применил их. Не позволив ничего трогать, я тщательно осмотрел землю вокруг дома и пол в комнате. На них не было никаких следов.

— То есть, вы не видели никаких следов?

– Уверяю вас, сэр, что их не было.

– Мой добрый Гопкинс, много я в своей жизни расследовал преступлений, но до сих пор не знаю ни одного, совершенного крылатым существом. Пока преступник стоит на двух ногах, должна остаться от них какая-нибудь зарубка, ссадина, какое-нибудь ничтожное перемещение, которое может быть открыто строгим исследователем. Невероятно, чтобы эта обрызганная кровью комната не сохранила какого-нибудь следа, который бы пришел нам на помощь. Однако же я понял из следствия, что вы кое-чего не заметили.

Молодой инспектор насупился от иронических замечаний моего товарища.

– Какой я был дурак, что не призвал вас вовремя, мистер Холмс. Ну, да этого не вернешь. Да, в комнате было несколько предметов, которые требовали специального внимания. Одним из них была острога, которой было совершено убийство. Она была схвачена с полки на стене. Там их осталось еще две, и заметно было пустое место, где раньше лежала третья. На ручке ее было выгравировано: «Пароход Морской Носорог, Денди». Это, по-видимому, указывало на то, что преступление было совершено в припадке бешенства, и что убийца схватил первое попавшееся ему под руку оружие. Тот факт, что преступление было совершено в два часа ночи, а между тем Питер Карей был вполне одет, указывает на то, что у капитана было назначено свидание с убийцей, тем более, что на столе стояла бутылка рома и два грязных стакана.

– Да, – произнес Холмс, – полагаю, что можно допустить оба эти предположения. Не нашлось ли в комнате еще каких-нибудь спиртных напитков, кроме рома?

– Да, на корабельном сундуке стояли еще графины с водкой и виски. Но это не имеет для нас значения, так как графины были полны, следовательно, содержимое их не употреблялось.

– И, несмотря на это, их присутствие имеет некоторое значение, – возразил Холмс. – Однако послушаем еще, что вы можете сказать о предметах, которые, по вашему мнению, имеют отношение к делу.

– На столе лежал упомянутый кисет.

– На которой части стола?

– Посередине. Он сделан из грубой тюленьей кожи и перевязан ремнем. На внутренней стороне клапана стоят буквы П. К. В кисете с пол-унции крепкого матросского табака.

– Прекрасно! Что еще?

Стэнлей Гопкинс вынул из кармана записную книжку в темном переплете. На вид она была грубая и потрепанная, а листки перепачканы. На первой странице стояли буквы: Д. Х. Н. и год 1883. Холмс положил ее на стол и осматривал со свойственным ему педантизмом, между тем, как Гопкинс и я смотрели с каждой стороны из-за его плеча. На второй странице были выведены буквы: «К. Т. Ж.», а затем шло несколько листов с цифрами. После этих цифр шел листок с заголовком: Аргентина; еще был листок с заголовком Коста-Рика и третий с заголовком Сан-Пауло, и вслед за каждым из этих листов – несколько страниц с цифрами.

– Что вы думаете об этом? – спросил Холмс.

– Это, по-видимому, списки биржевых ценных бумаг. Я думал, что буквы Д. Х. Н. обозначают имя какого-нибудь маклера, а буквы К. Т. Ж. имя его клиента.

– Попробуйте-ка подвести под эти буквы: Канадская Тихоокеанская железная дорога, – сказал Холмс.

Стэнлей Гопкинс произнес сквозь зубы проклятие, потер себя сжатым кулаком по ноге и воскликнул:

– Какой я был дурак! Конечно, это так, как вы говорите. Значит, нам остается только решить, что обозначают буквы Д. Х. Н. Я уже просмотрел старые биржевые списки и не нашел за 1883 год ни одного маклера ни на самой бирже, ни вне ее, имя которого совпадало бы с этими буквами. А между тем, я чувствую, что это самый важный из всех имеющихся у меня ключей. Вы должны допустить, мистер Холмс, возможность, что это начальные буквы имени второго присутствовавшего в комнате лица, другими словами – убийцы. Я бы также сказал,

что присутствие в этом деле документа, относящегося к большому количеству ценностей, дает нам впервые некоторое указание на мотив преступления.

Шерлок Холмс выразил на своем лице, что он положительно поражен этим новым открытием.

– Я должен допустить оба ваших предположения, – сказал он. – Признаюсь, что эта записная книжка, не фигурировавшая на следствии, изменяет все мои взгляды. В том суждении, которое я составил себе о преступлении, она не может занимать никакого места. Пробовали вы проследить за некоторыми ценностями, упомянутыми здесь?

– В настоящее время наводятся справки в конторах, но боюсь, что полный список владельцев этих бумаг находится в Южной Америке, и что пройдет несколько недель, прежде чем мы проследим за акциями.

Холмс осмотрел переплет записной книжки через свое увеличительное стекло.

– Тут есть пятно, – сказал он.

– Да, сэр, это кровавое пятно. Я вам сказал, что поднял книжку с пола.

– Пятно было сверху или снизу?

– На стороне, лежавшей на полу.

– Это, конечно, доказывает, что книжку уронили после того, как было совершено преступление.

– Совершенно верно, мистер Холмс. Я принял в соображение это обстоятельство и вывел из него заключение, что книжка была уронена убийцей при его поспешном бегстве. Она лежала у двери.

– Вероятно, ни одна из этих ценностей не была найдена среди имущества покойника?

– Нет, сэр.

– Имеете ли вы какое-нибудь основание подозревать воровство?

– Нет, сэр. По-видимому, ничего не было тронут.

– Вот так штука! Это, конечно, очень интересный случай. Ну, так там был нож, не правда ли?

– Нож в футляре, так и оставшийся не вынутым. Он лежал у ног покойника. Миссис Карей подтвердила, что это нож мужа.

Холмс задумался.

– Ну, – сказал он, наконец, – я думаю, что поеду с вами туда.

Стэнлей Гопкинс вскрикнул от радости.

– Благодарю вас, сэр! Это поистине снимет тяжесть с моей души.

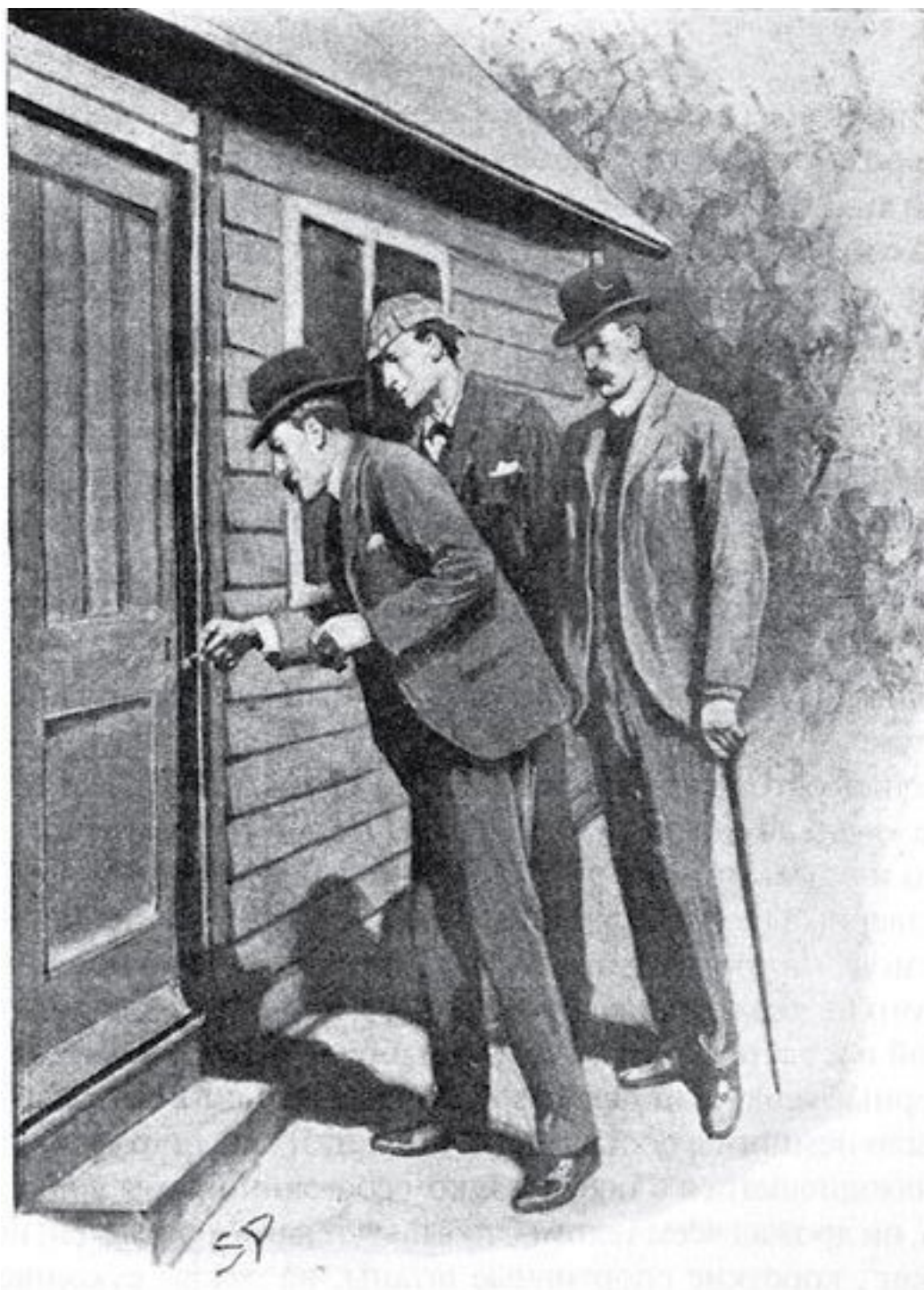
Холмс погрозил инспектору пальцем и сказал:

– Неделию тому назад все было бы проще. Но даже и теперь поездка моя, может быть, будет и не совсем бесплодной... Ватсон, если вы можете пожертвовать временем, то я буду очень рад иметь вас своим спутником... Если вы потрудитесь, Гопкинс, позвать четырехместную карету, то через четверть часа мы будем готовы отправиться в путь.

Выйдя из поезда на маленьком полустанке, мы ехали несколько миль сквозь остатки обширных лесов, когда-то составлявших часть громадного леса, который так долго не давал ходу саксонским завоевателям, – непроницаемого «вильда», бывшего в течение шестидесяти лет бастионом Великобритании. Обширные пространства леса были вырублены, потому что в этом месте впервые начали добывать железо и для плавления руды валили деревья. В настоящее время этим промыслом занята более богатая северная область, и только истребленные рощи и глубокие шрамы в земле свидетельствуют о прошлом. Тут, среди прогалин, на зеленом склоне холма стоял длинный, низкий каменный дом, к которому поворачивала проселочная дорога. Ближе к дороге, окруженный с трех сторон кустами, стоял маленький отдельный домик, дверь которого и одно окно были обращены к нам. Это было место совершения убийства.

Стэнлей Гопкинс повел нас сначала в дом, где представил нас угрюмой седой женщине – вдове убитого, худое, морщинистое лицо которой и испуганный взгляд глаз с красными веками говорили о многих годах горя и дурного обращения. С ней была дочь – бледная белокурая девушка, глаза которой вызывающе сверкали, когда она говорила нам, что рада смерти отца и благословляет руку, нанесшую ему смертельный удар. Страшную домашнюю обстановку создал Питер Карей, и мы почувствовали облегчение, когда снова вышли на солнечный свет и пошли по тропинке, протоптанной через поля покойником.

Домик был очень простой – деревянный, крытый дранкой, с одним окном близ двери и другим на противоположной стороне. Стэнлей Гопкинс вынул из кармана ключ и нагнулся к замку, но остановился, и лицо его выразило удивление.

– Кто-то пробовал взломать замок, – сказал он.

В этом не могло быть сомнения. Дерево было порезано, и на краске виднелись свежие белые царапины. Холмс осмотрел окно.

– Кто-то пробовал взломать и окно. Кто бы это ни был, во всяком случае, ему не удалось войти. Он, должно быть, плохой вор.

– Это крайне необыкновенное обстоятельство, – сказал инспектор. – Я могу поклясться, что вчера вечером не было этих царапин.

– Может быть, кто-нибудь из деревенских жителей полюбопытствовал, – сказал я.

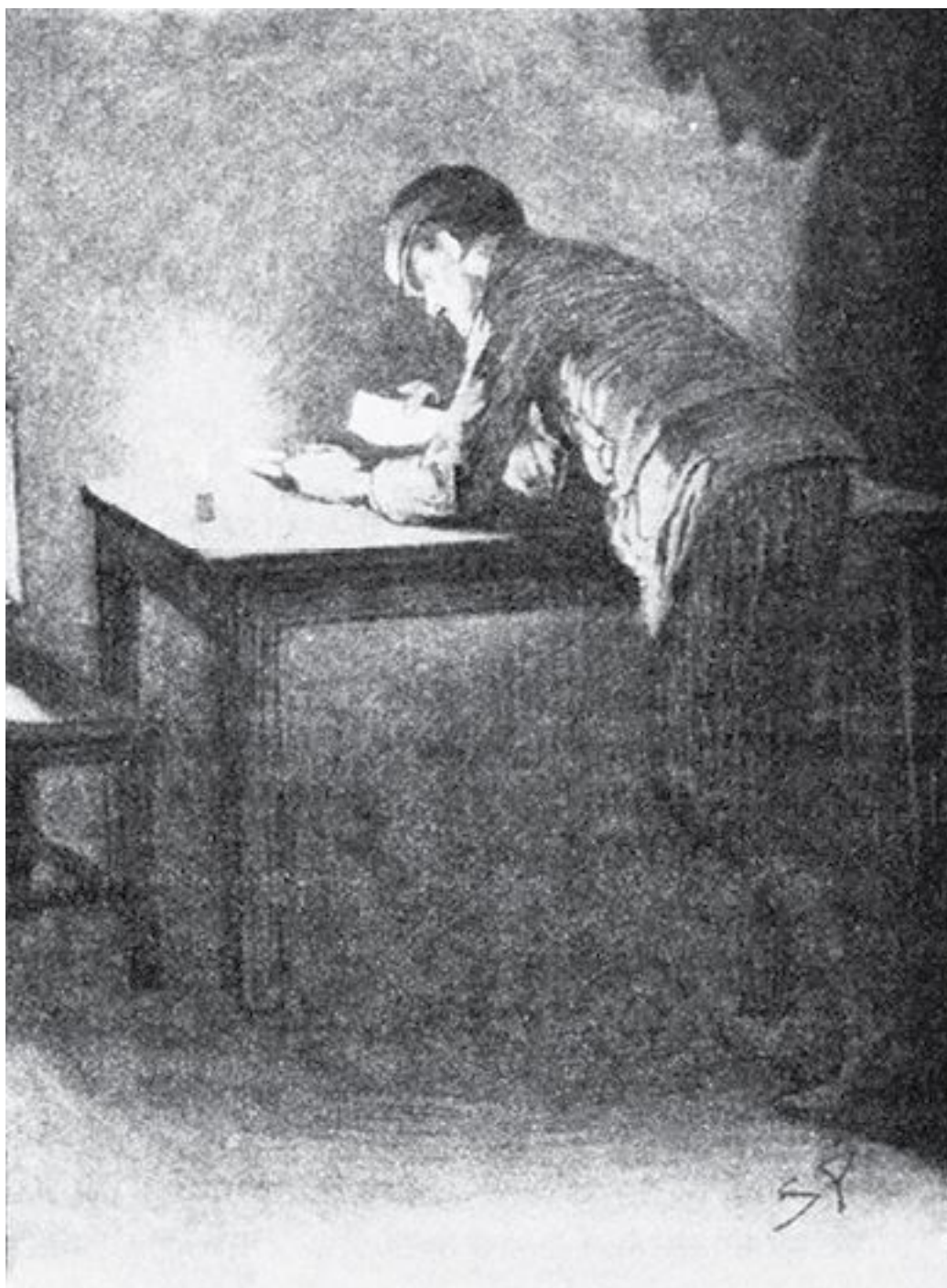
– Вряд ли. Очень немногие из них осмелились бы ступить в эти владения, а тем более, не дерзнули бы попробовать проникнуть в каюту... Что вы думаете об этом, мистер Холмс?

– Я думаю, что судьба очень благоприятствует нам.

– Вы хотите сказать, что этот человек вернется сюда?

– Весьма вероятно. Он ожидал найти дверь открытой. Он попробовал войти при помощи лезвия очень маленького перочинного ножа. Ему это не удалось... Что ему остается делать?

– Прийти в следующую ночь с более подходящим инструментом.

– Так бы и я сказал. Мы будем виноваты, если не окажемся здесь, чтобы его принять. А пока осмотрим внутренность каюты.

Следы трагедии были уничтожены, но мебель маленькой комнаты была расставлена в том же порядке, в каком она находилась в ночь преступления. В течение двух часов Холмс осматривал с крайней сосредоточенностью каждый предмет в отдельности, но по лицу его видно было, что его исследование не имело успеха. Он только один раз прервал свои терпеливые поиски.

– Взяли вы что-нибудь с этой полки, Гопкинс?

– Нет, я ничего не трогал.

– Что-то взято. В этом углу полки меньше пыли. Тут или лежала книга, или стояла шкатулка. Ну, я ничего больше не могу сделать. Пойдемте, Ватсон, погуляем в этих чудных лесах и отдадимся на несколько часов птицам и цветам... Мы позднее встретимся здесь с вами, Гоп-

кинс, и тогда посмотрим, не познакомимся ли поближе с господином, сделавшим ночью визит в эту каюту.

В двенадцатом часу ночи мы устроили свою маленькую засаду. Гопкинс стоял за то, чтобы оставить дверь в домик открытой, Холмс же был того мнения, что это возбудит подозрения незнакомца. Замок был совершенно простой, и для того, чтобы его открыть, нужно было только крепкое лезвие ножа. Холмс также сказал, что лучше нам ждать не внутри домика, а снаружи, в кустах, растущих у дальнего окна. Таким образом, мы в состоянии будем наблюдать за человеком, если он зажжет огонь в комнате, и узнать цель его тайного ночного посещения.

Наша бдительная засада была долгая и тоскливая, но она все-таки сообщала нам то возбуждение, которое испытывает охотник, когда лежит у пруда в ожидании прихода своей добычи на водопой. Какое дикое существо подкрадется к нам из темноты? Будет ли то свирепый тигр, которого можно взять только после жестокой схватки, или же укрывающийся шакал, опасный только для слабых и беззащитных?

В абсолютном молчании мы притаились в кустах в ожидании событий. Сначала шаги нескольких запоздавших сельчан и голоса, доносившиеся из деревни, облегчали наш караул, но мало-помалу затихли все звуки, и слышен был только звон далекой церкви, возвещавший нам о времени, и шелест мелкого дождя, падавшего на листья, прикрывавшие нас.

Часы на колокольне пробили половину третьего, самый темный час перед рассветом, и мы все вздрогнули, услышав тихий скрип со стороны ворот. Кто-то шел по аллее. Снова наступила тишина, и я уже начинал думать, что то была ложная тревога, как вдруг по ту сторону домика послышались осторожные шаги, а вслед затем металлический скрип. Человек старался взломать замок. На этот раз он оказался более ловким, или же инструмент его был лучше, потому что мы услышали внезапный треск и скрип петель. Затем чиркнула спичка, и домик осветился изнутри пламенем свечи. Сквозь кисейные занавески мы увидели происходившую в комнате сцену.

Ночной посетитель был молодой человек, нежный и тонкий, с черными усами, еще больше оттенявшими смертельную бледность его лица. Ему было на вид немногим более двадцати лет. Я никогда не видывал существа в таком жалком страхе: он стучал зубами и дрожал всем телом. Он был хорошо одет, в норфолькский жакет и шаровары, на голове была суконная фуражка. Мы видели, как он осмотрелся кругом испуганными глазами. Затем, поставив огарок на стол, исчез в одном из углов комнаты. Он вернулся с большой книгой, одним из шканечных журналов, которые стояли в ряд на полке. Облокотившись на стол, стал перелистывать книгу, пока не нашел запись, которую искал. Затем сердитым жестом захлопнул книгу, поставил ее на место в углу и потушил свечку. Не успел он повернуться, чтобы выйти из комнаты, как рука Гопкинса схватила его за шиворот, и я услышал громкий крик ужаса, когда человек понял, что пойман. Свеча была снова зажжена, и мы увидели своего несчастного пленника, присевшего и дрожавшего в руках сыщика. Он опустился на корабельный сундук и беспомощно смотрел то на одного, то на другого из нас.

– Ну-с, молодчик мой, – сказал Стэнлей Гопкинс, – кто вы такой, и что вам здесь нужно?

Молодой человек сделал над собой усилие и посмотрел на нас, стараясь казаться спокойным.

– Вы, вероятно, сыщики? Вы воображаете, что я имею отношение к смерти капитана Питера Карея? Уверяю вас, что я невинен.

– Мы это увидим, – возразил Гопкинс. – Прежде всего, как вас зовут?

– Джон Хоплей Неличан.

Холмс и Гопкинс обменялись быстрым взглядом.

– Что вы тут делаете?

– Могу я говорить конфиденциально?

– Конечно, нет.

– А почему я обязан вам отвечать?

– Если у вас нет другого ответа, то вам придется плохо на суде.

Молодой человек насутился.

– Хорошо, я вам скажу, – проговорил он. – Почему и не сказать?.. А между тем, мне ненавистна мысль о том, что этот старый скандал снова оживет. Слышали вы когда-нибудь о Даусоне и Неличане?

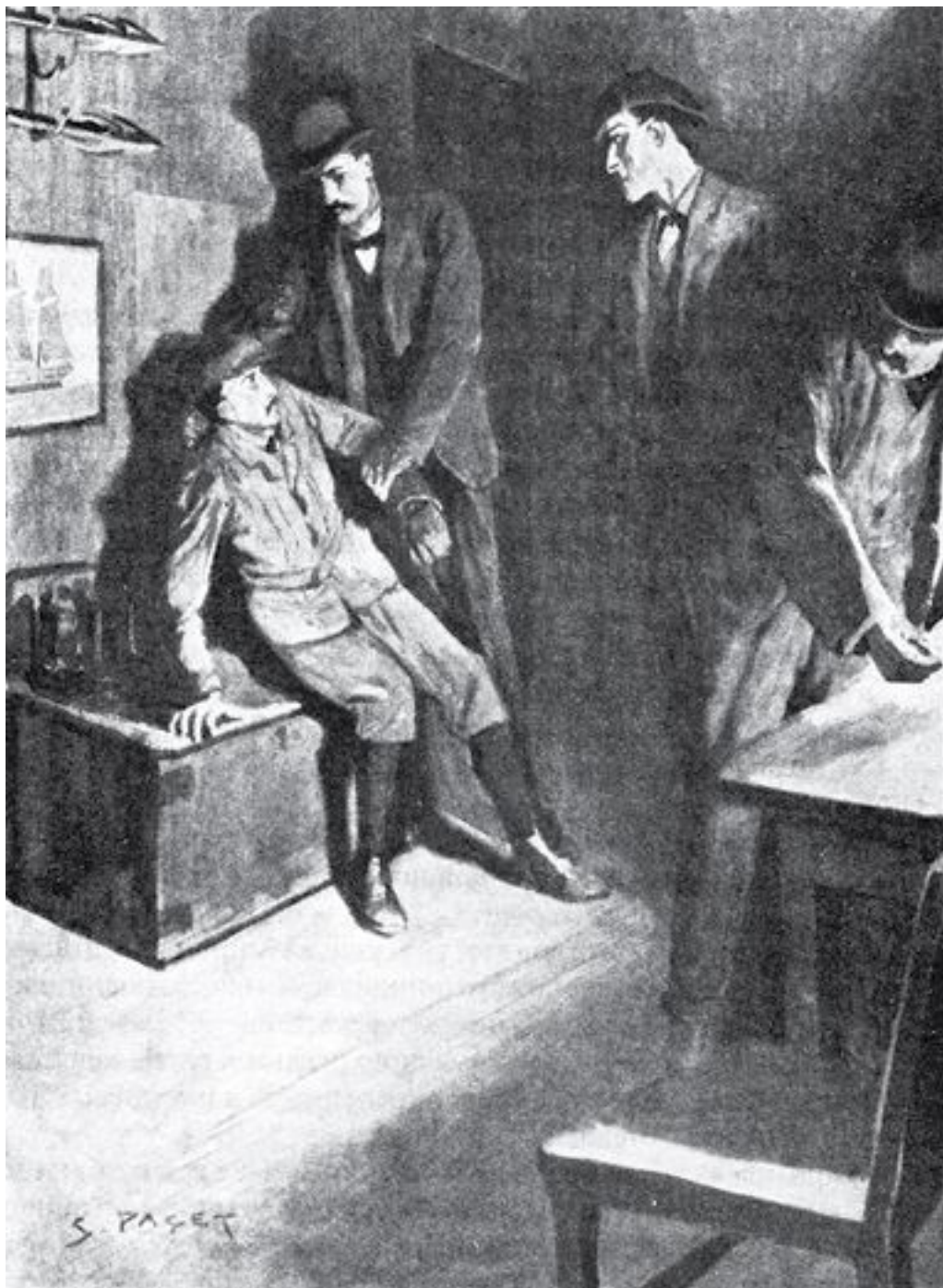
Я видел по лицу Гопкинса, что он никогда не слышал о таковых, Холмс же казался очень заинтересованным.

– Вы разумнее западных банкиров, – сказал он. – Они обанкротились на миллион, разорили половину Корнаваллийского графства, и Неличан исчез.

– Именно. Неличан был мой отец.

Наконец-то мы получили в руки нечто определенное, а между тем, казалось, широкая бездна отделяла скрывающегося банкира от капитана Питера Карея, пришпиленного к стене его собственной острогой. Мы все напряженно слушали молодого человека.

– Это дело касалось, в действительности, только моего отца. Даусон удалился от дел. Мне в то время было всего десять лет, но я был достаточно взрослый, чтобы чувствовать срам и ужас всего этого. Говорили, что мой отец украл все ценности и бежал. Это неправда. Он верил в то, что, если бы ему дали время реализовать их, то все было бы хорошо, и всем кредиторам было бы уплачено полностью. Он отправился на своей яхте в Норвегию как раз перед тем, как был отдан приказ о его аресте. Я помню ту последнюю ночь, когда он простился с моей матерью. Он оставил нам список ценностей, которые взял с собой, и поклялся, что вернется с восстановленной честью, и что никто из доверившихся ему людей не пострадает. Ну, а после того мы уже больше не слышали о нем. И яхта и он исчезли бесследно. Моя мать и я думали, что и она и он находятся на дне океана. Однако же у нас был верный друг – делец, и он некоторое время тому назад выяснил, что некоторые из ценностей, которые отец взял с собой, снова появились на Лондонском биржевом рынке. Вы можете себе представить наше удивление. Я потратил месяцы на то, чтобы напасть на их след, и наконец, после многих уловок и трудов, я узнал, что человек, продававший их из первых рук, был капитан Питер Карей, собственник этого домика. Естественно, что я навел справки об этом человеке и узнал, что он командовал китоловным судном, которое должно было вернуться из Арктических морей как раз в то время, когда мой отец переправлялся в Норвегию. Осень того года была бурная и сопровождалась штормами с юга. Весьма возможно, что яхта моего отца была загнана ими на север и там встретилась с судном капитана Питера Карея. Если это так, то что случилось с моим отцом? Во всяком случае, если бы я мог выяснить, при помощи свидетельства Питера Карея, каким образом ценности попали на биржевой рынок, то это послужило бы доказательством, что отец не продал их и что, когда он брал их с собой, то не имел в виду никакой личной выгоды.

Я приехал в Суссекс с намерением повидать капитана, но именно в этот момент произошла его ужасная смерть. Я прочел в отчете следствия описание его каюты, согласно которому в ней сохранялись старые шканечные журналы. Мне пришло в голову, что если бы я узнал, что произошло в августе 1883 года на «Морском Носороге», то я мог бы проникнуть в тайну судьбы моего отца. Прошлой ночью я попытался добраться до этих шканечных журналов, но не мог открыть дверь. Сегодня я возобновил свою попытку, и она мне удалась, но я увидел, что страницы, относящиеся к этому месяцу, вырваны из книги. В этот-то момент я и очутился в ваших руках.

— И это все? — спросил Гопкинс.

— Да, все. — При этом молодой человек отвел глаза.

— Вы ничего больше не хотите сказать нам?

Он колебался.

– Нет, ничего.

– Вы не были здесь до вчерашней ночи?

– Нет.

– В таком случае, как вы объясните это? – воскликнул Гопкинс, показывая помятую записную книжку с начальными буквами имени нашего пленника на первом листке и кровавым пятном на переплете.

Несчастный молодой человек обессилел. Он опустил лицо на ладони и задрожал.

– Где вы ее нашли? – простонал он. – Я не знал. Я думал, что потерял ее в гостинице.

– Довольно, – сурово произнес Гопкинс. – Все, что вы имеете еще сказать, вы скажете на суде. Теперь вы пойдете со мной до полицейского пункта. . . Ну-с, мистер Холмс, я очень обязан вам и вашему другу, что вы приехали помочь мне. Как теперь оказывается, присутствие ваше было не нужно, я и без вас довел бы дело до такого удачного исхода; тем не менее, я очень вам благодарен. Для вас оставлены комнаты в гостинице, так что мы можем идти вместе до села.

– Ну, Ватсон, что вы думаете об этом? – спросил Холмс, когда мы на следующее утро возвращались домой.

– Я вижу, что вы недовольны.

– О, нет, милый Ватсон, я вполне доволен. Вместе с тем, я не одобряю метода Стэнлея Гопкинса. Я разочарован в нем. Я ожидал от него чего-нибудь лучшего. Во всяком деле, следует принимать соответствующие меры. Это первое правило уголовного следствия.

– В чем же заключается правильный метод в данном случае?

– В том пути, который я принял в расследовании этого дела. Может быть, он нам и не даст ничего. Я не знаю. Но, во всяком случае, я пойду по этому пути до конца.

На Бейкер-стрит Холмса ожидало несколько писем. Он схватил одно из них, распечатал его и разразился торжествующим смехом.

– Превосходно, Ватсон. Выбранный мной путь, кажется, верный. Есть у вас телеграфные бланки? Пожалуйста, напишите две телеграммы: «Семнеру, пароходному агенту, Ратклифская дорога. Примите троих завтра десять часов утра. Базиль». Это мое имя в тех местах. Теперь другую телеграмму: «Инспектору Стэнлею Гопкинсу, 46 Лорд-стрит, Брикстон. Приезжайте завтра девять тридцать завтракать. Важно. Телеграфируйте, если не приедете. Шерлок Холмс». Ах, Ватсон, это проклятое дело преследует меня целых десять дней. Теперь покончу с ним раз и навсегда. Надеюсь, что завтра мы в последний раз услышим о нем.

Точный инспектор Стэнлей Гопкинс появился в назначенный час, и мы сели за превосходный завтрак, приготовленный миссис Хадсон. Молодой сыщик находился в повышенном настроении под влиянием своего успеха.

– Вы на самом деле думаете, что ваше решение задачи правильное? – спросил Холмс.

– Я не могу себе представить более законченного дела.

– Мне оно показалось не законченным.

– Вы удивляете меня, мистер Холмс. Чего еще можно требовать?

– Дает ли ваше объяснение ответы на все пункты?

– Несомненно. Я узнал, что молодой Неличан прибыл в Брамблетайскую гостиницу в самый день преступления. Он приехал под предлогом игры в гольф. Комната его была на нижнем этаже, и он мог уходить, когда ему вздумается. В эту самую ночь он отправился в Вудманс-Ли, виделся с Питером Кареем в его домике, поссорился с ним и убил его острогой. Затем, ужаснувшись того, что сделал, бросился вон, выронив записную книжку, которую принес с собой для того, чтобы расспросить Питера Карея об этих акциях. Вы, может быть, заметили, что некоторые цифры были отмечены знаками, а другие – большинство из них – нет. Те, что отмечены, найдены на Лондонском биржевом рынке; другие же оставались, вероятно, в руках Карея, и молодой Неличан, по собственным его словам, страстно желал их получить, чтобы

честно расплатиться с кредиторами отца. После своего бегства из домика он не отваживался некоторое время появляться здесь, но, наконец, принудил себя это сделать для того, чтобы добыть нужные ему сведения. Кажется, это все просто и очевидно?

Холмс улыбнулся и покачал головой.

– Мне кажется, что на это существует одно только возражение, именно: такое объяснение физически нелепо. Пробовали ли вы проткнуть какое-нибудь тело острой? Нет?.. Фи, дорогой сэр, вам, право, следует обратить внимание на эти детали. Мой друг Ватсон может вам сказать, что я потратил целое утро на такого рода упражнение. Это нелегкое дело и требует сильной привычной руки. Удар Черному Питеру был нанесен с такой силой, что острие оружия глубоко воткнулось в стену. Неужели вы воображаете, что этот малокровный юноша способен на такое страшное нападение? Такой ли он человек, чтобы напиваться ромом в обществе Черного Питера среди ночи? Его ли профиль был виден на занавеси за две ночи до убийства? Нет-нет, Гопкинс; мы должны искать другого, более страшного человека...

По мере того, как говорил Холмс, лицо сыщика все вытягивалось и вытягивалось. Все его надежды и вожделения рушились. Но он не хотел уступить без борьбы.

– Вы не можете отрицать, мистер Холмс, что Неличан был в домике в эту ночь. Записная книжка свидетельствует об этом. Кроме того, мистер Холмс, я схватил за руку своего человека. Что же касается вашего страшного человека, то где он?

– Мне кажется, что он на лестнице, – весело ответил Холмс. – Я думаю, Ватсон, что вы хорошо сделаете, если будете держать этот револьвер у себя под рукой.

Холмс встал, положил на другой стол исписанный лист бумаги и сказал: «Теперь мы готовы».

За дверью слышны были какие-то грубые голоса, после чего в комнату вошла миссис Хадсон и доложила, что три человека спрашивают капитана Базиля.

– Впустите их по одному, – попросил Холмс.

Первый вошедший был маленький человечек, как яблочко румяный и с мягкими белыми бакенбардами. Холмс вынул из кармана письмо.

– Ваше имя? – спросил он.

– Джемс Ланкастер.

– Мне очень жаль, Ланкастер, но матросская каюта полна. Вот вам полсоверена за беспокойство. Войдите в эту комнату и подождите там несколько минут.

Второй человек был длинное, высохшее создание с прямыми волосами и впалыми щеками. Его звали Гюгом Паттинсом. Он тоже получил отказ, полусоверен и приказание подождать. Третий кандидат был человек замечательной наружности. Свиное лицо бульдога было обрамлено вклокоченными волосами и бородой, а бойкие черные глаза сверкали из-под густых, мохнатых, нависших бровей. Он поклонился и стоял в позе матроса, теребя свою шапку.

– Ваше имя? – спросил Холмс.

– Патрик Кэрнс.

– Китобой?

– Да, сэр. Двадцать шесть путешествий.

– Из Денди, кажется?

– Да, сэр.

– И вы готовы отправиться на судне экспедиции?

– Да, сэр.

– Какое жалованье?

– Восемь фунтов в месяц.

– Можете вы ехать сейчас?

– Как только получу свою амуницию.

– С вами ли бумаги?

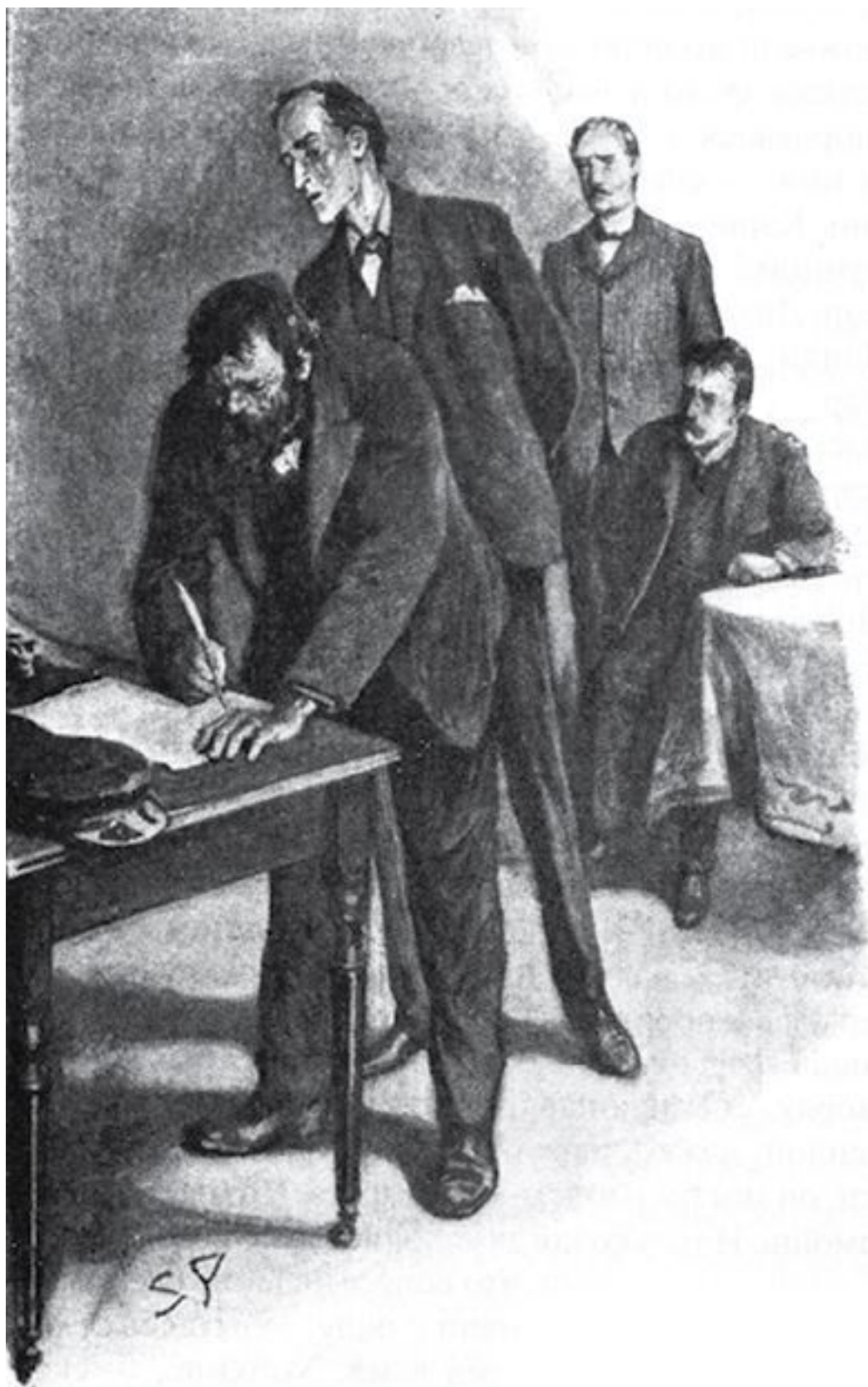
– Со мной, сэр.

Он вынул из кармана связку грязных и порванных бумаг. Холмс, пересмотрев, вернул их владельцу.

– Вы как раз такой человек, какой мне нужен, – сказал он. – На том столе лежит условие. Если вы его подпишите, дело решено.

Матрос заковылял через комнату и взял в руки перо.

– Тут подписать? – спросил он, нагнувшись к столу.

Холмс встал за его спиной и протянул обе руки поверх его плеч.

– Так будет хорошо, – сказал он.

Я услышал лязг железа и рев точно взбесившегося быка. Вслед затем Холмс и матрос, сцепившись, катились по полу.

Последний обладал такой гигантской силой, что даже с наручниками, которые Холмс проворно надел ему на руки, очень быстро осилил бы моего друга, если бы Гопкинс и я не бросились к нему на помощь. Только тогда, когда я приложил холодное дуло револьвера к его виску, он понял, что всякое сопротивление будет напрасным. Мы связали ему ноги и запыхались от борьбы.

– Я должен извиниться перед вами, Гопкинс, – сказал Шерлок Холмс. – Боюсь, что яичница остыла. Но вы, не правда ли, с большим еще удовольствием позавтракаете при мысли, что довели дело до победоносного конца?

Стэнлей Гопкинс был безмолвен от удивления.

– Я не знаю, что сказать, мистер Холмс, – проговорил он, наконец, сильно покраснев. – Мне кажется, что я с самого начала разыгрывал дурака. Я понимаю теперь то, чего не должен был бы никогда забывать, а именно, что я ученик, а вы учитель. Уже теперь я вижу, что вы сделали, но я не знаю, как вы это сделали, и что это значит.

– Ну-ну, – произнес добродушно Холмс. – Нас всех учит опыт, а ваш урок на этот раз состоит в том, что никогда не следует терять из виду возможности выбора между двумя исходами. Вы так были поглощены молодым Неличаном, что не могли уделить ни одной мысли Патрику Кэрнсу, истинному преступнику, убившему Питера Карея.

Грубый голос матроса прервал наш разговор.

– Послушайте, господин, – сказал он. – Я не жалею о том, что со мной так поступили, но я бы желал, чтобы вы давали вещам их настоящее название. Вы говорите, что я преступник, убивший Питера Карея, а я говорю, что я не преступник, а случайно убил Питера Карея. В этом вся разница. Может быть, вы не верите тому, что я говорю? Может быть, вы думаете, что я рассказываю сказки?

– Совсем нет, – возразил Холмс. – Послушаем, что вы хотите сказать.

– Мне недолго рассказывать, и, клянусь Богом, каждое мое слово – правда. Я хорошо знаю Черного Питера, и когда он вынул свой нож, то я схватил острогу и заколол его, так как знал, что тут выбор один – он или я. Вот как он умер. Вы можете называть это убийством. Как бы там ни было, я бы все равно умер, если не от веревки, то от ножа Черного Питера.

– Каким образом вы попали туда? – спросил Холмс.

– Расскажу вам по порядку. Только посадите меня, чтобы я мог свободнее говорить... Это случилось в 83 году, в августе. Питер Карей был хозяином «Морского Носорога», а я простым гарпунщиком. Мы на обратном пути домой выбрались из льдов при встречном ветре и целой неделе шторма с юга, как вдруг увидели суденышко, которое было отнесено на север. На нем был всего один человек – и тот не моряк. Экипаж думал, что судно пойдет ко дну, и ушел к норвежским берегам в шлюпке. Я думаю, что все они утонули. Итак, мы взяли человека к себе на пароход, и он имел с капитаном длинный разговор в каюте. Единственный его багаж состоял из жестяной шкатулки. Насколько мне известно, имя этого человека никогда не упоминалось, и на вторую ночь он исчез, точно никогда его не существовало. Говорили, что он бросился за борт или же упал за борт во время бурной погоды, которую мы претерпели. Один только человек знал, что с ним случилось, и этот человек был я, видевший собственными глазами, как капитан поднял его за пятки и перебросил через перила среди темной ночи, за два дня до того, как мы увидели Шотландские маяки.

То, что я узнал, я оставил при себе и ждал, что из этого выйдет. Когда мы вернулись в Шотландию, легко было умолчать об этом деле, и никто не задавал вопросов. Неизвестный человек умер от несчастного случая, и никто не расспрашивал о нем. Вскоре после того Питер Карей бросил море, и только много лет спустя я узнал, где он находится. Я догадывался, что он совершил преступление ради содержимого жестяной шкатулки, и что он может теперь хорошо уплатить мне за молчание.

Я узнал, где он живет, от матроса, который встретил его в Лондоне, и отправился к нему, чтобы прижать его. Первую ночь он был довольно благоразумен и готов был дать мне такую сумму, которая освободила бы меня на всю жизнь от моря. Мы должны были окончательно решить это на третью ночь. Когда я пришел, то застал его на три четверти пьяным и в подлом настроении. Мы сели, пили и болтали о старине, но чем больше он пил, тем меньше нравилось мне выражение его лица. Я наметил себе острогу на стене и подумал, что она может мне пригодиться. Наконец он набросился на меня с проклятиями и плевками, со смертоубийственным выражением в глазах и большим складным ножом в руке. Он не успел вынуть его из ножен, как я проткнул его острой. Боже мой, какой он испустил рев; лицо его до сих пор мешает мне спать! Я стоял там, кровь его лилась вокруг меня, и я ждал, но все было тихо, и я снова расхрабился. Я окинул взглядом комнату и увидел на полке жестяную шкатулку. Я, во всяком случае, имел на нее столько же прав, сколько Питер Карей, а потому взял ее с собой и покинул домик. Но я, как болван, оставил на столе свой кисет.

Теперь я вам расскажу самое странное из всей истории. Не успел я выйти из домика, как услышал чьи-то шаги и спрятался в кусты. Человек, крадучись, вошел в домик, вскрикнул, точно увидел привидение, и, давай Бог ноги, быстро скрылся из моих глаз. Кто он был такой, и что ему было нужно – этого я не знаю. Что же касается меня, то я прошел десять миль пешком, сел на поезд на станции Тенбридж Уэллс и достиг Лондона, никем не замеченный.

Ну-с, когда я осмотрел шкатулку, то не нашел в ней никаких денег, а только бумаги, которые я бы не дерзнул продать. Я лишился своей власти над Черным Питером и очутился на мели в Лондоне без единого шиллинга в кармане. Оставался только мой промысел. Я увидел ваши объявления о гарпунщиках и большом жалованье и отправился к агентам, которые и прислали меня к вам. Вот все, что я знаю, и снова скажу, что, если я убил Черного Питера, то закон должен меня благодарить за это, потому что я избавил его от расхода на веревку.

– Очень ясное показание, – заметил Холмс, вставая и закуривая трубку. – Я думаю, Гопкинс, что вам нечего терять времени, и следует тотчас же препроводить вашего пленника в надежное место. Эта комната не приспособлена для тюремной камеры, и мистер Патрик Кэрнс занимает слишком большую часть нашего ковра.

– Мистер Холмс, – сказал Гопкинс. – Не знаю, как выразить вам свою благодарность. Я даже и теперь не понимаю, как вы достигли такого результата.

– Просто благодаря тому, что я имел счастье с самого начала напасть на верный след. Весьма возможно, что, если бы мне было известно существование записной книжки, то она отвлекла бы в сторону мои мысли, как это случилось с вами. Но все, что я слышал, указывало по одному направлению. Поразительная сила, ловкое обращение с острой, ром, кисет из тюленьей кожи с низкого сорта табаком, – все это указывало на матроса, да к тому же на китобоя. Я был убежден, что буквы П. К. на кисете простое совпадение, и что они относились не к Питеру Карею, так как он редко курил, и в его каюте не было найдено трубки. Помните, я спрашивал, не было ли в каюте водки и виски. Вы ответили, что было. Много ли людей, не моряков, стали бы пить ром, когда есть эти спиртные напитки? Да, я был убежден, что это был матрос.

– А как вы его нашли?

– Милый мой сэр, задача стала очень простой. Если это матрос, то это может быть только матрос, бывший вместе с Черным Питером на «Морском Носороге». Насколько мне стало известно, Питер никогда не плавал ни на каком другом судне. У меня ушло три дня на телеграфирование в Денди, и в эти три дня я узнал имена матросов, составлявших в 1883 году экипаж «Морского Носорога». Когда я увидел, что между гарпунщиками есть некто Патрик Кэрнс, то мое расследование подходило к концу. Я рассудил, что человек этот, вероятно, в Лондоне, и что он пожелает покинуть на некоторое время страну. Поэтому я провел несколько дней в Ист-Энде, придумал северную экспедицию, предложил соблазнительные условия гарпунщикам, которые пожелали бы служить под командой капитана Базиля. И вот результат!

– Удивительно! – воскликнул Гопкинс. – Превосходно!

– Вы обязаны добиться как можно скорее освобождения молодого Неличана, – сказал Холмс. – Полагаю, что вы у него в долгу. Жестяная шкатулка должна быть возвращена ему, но, конечно, ценные бумаги, которые продал Питер Карей, потеряны навсегда. Вот кеб, Гопкинс, и вы можете увезти своего пленника. Если я буду вам нужен на суде, то мы с Ватсоном собираемся в Норвегию, и наш точный адрес я сообщу Вам позднее.

Конец Чарльза Огустуса Мильвертона

Прошли года после событий, о которых я собираюсь рассказать, а все-таки описывать их приходится с большой осторожностью. Долго нельзя было, даже с крайней сдержанностью и недомолвками, обнародовать эти факты, но теперь главное действующее лицо отошло в мир иной, и с надлежащими сокращениями история эта может быть рассказана так, чтобы никому не повредить. Она заключает в себе положительно единственный в своем роде случай из деятельности как Шерлока Холмса, так и моей.

Читатель извинит меня, если я скрою дату или какой-нибудь факт, по которому он мог бы добраться до действительного происшествия.

Холмс и я совершили одну из своих вечерних прогулок и вернулись домой около шести часов холодного, морозного зимнего вечера. Когда Холмс зажег лампу, свет упал на лежавшую на столе карточку. Взглянув на нее, он с возгласом отвращения бросил ее на пол. Я поднял ее и прочел:

*«Чарльз Огустус Мильвертон,
Апльдор-Тауэрс Агент Гампстэд»*

– Кто это такой? – спросил я.

– Худший человек в Лондоне, – ответил Холмс, садясь и протягивая ноги к огню. – Не написано ли чего-нибудь на обратной стороне карточки?

Я перевернул ее.

«Зайду в 6.30. Ч. О. М.» – прочел я.

– Гм! Он сейчас будет здесь. Не испытывали ли вы, Ватсон, стоя перед змеями в зоологическом саду, отталкивающего, гадливого чувства при виде этих скользких, ядовитых тварей с их неумолимыми глазами и злыми приплюснутыми мордами? Так вот такое именно чувство заставляет меня испытывать Мильвертон. За время своей деятельности я общался с пятьюдесятью убийцами, и худший из них никогда не отталкивал меня так, как этот молодчик. А между тем, я не могу не иметь с ним дела... Впрочем, он явится по моему приглашению.

– Но кто же он такой?

– Я вам скажу, Ватсон. Это царь всех шантажистов. Да поможет небо мужчине, а еще больше женщине, тайна и репутация которых попадет во власть Мильвертона. С улыбающимся лицом и каменным сердцем он будет их жать и жать, пока не выжмет досуха. Он в своем роде гений, и он прославился бы, занимаясь более достойным делом. Его метод следующий: он распространяет слух, что готов уплатить очень высокие суммы за письма, компрометирующие людей богатых или с положением. Он получает этот товар не только от предателей – лакеев и горничных, но часто и от благородных мерзавцев, которые добились доверия и расположения женщин. Он ведет дела, не скупясь. Мне известно, что он заплатил семьсот фунтов одному лакею за записку в две строчки, и что результатом этого было разорение знатной фамилии. Все, что есть на рынке, идет к Мильвертону, и в этой большой столице найдутся сотни людей, которые бледнеют, услышав его имя. Никто не знает, куда он может запустить свою лапу, потому что он слишком богат и слишком хитер, чтобы осуществлять свои коварные замыслы изо дня в день. Он будет держать несколько лет про запас карту, чтобы сделать ею ход в тот момент, когда ставка будет наиболее высока. Я сказал, что он худший человек в Лондоне. И в самом деле, спрашиваю вас, как можно сравнить разбойника, сторяча уложившего дубиной своего товарища, с этим человеком, который методически и не спеша терзает душу и выматывает нервы для того, чтобы умножить свои уже набитые золотом мешки?..

Я редко слышал, чтобы мой друг говорил с такой горячностью.

– Но, – возразил я, – ведь и на этого человека найдется закон?

– Теоретически – несомненно, практически же – нет. Какая была бы, например, польза для женщины заключить его на несколько месяцев в тюрьму, если за этим тотчас же последует ее погибель? Его жертвы не смеют парировать его удары. Если бы он когда-нибудь занялся шантажом против невинной особы, тогда, действительно, мы поймали бы его. Но он хитер, как злой дух. Нет-нет, надо найти другие пути для борьбы с ним.

– А для чего он явится сюда?

– Потому что знатная клиентка поручила мне свое печальное дело. Это леди Ева Браквель, самая красивая из девушек, вступивших в прошлый сезон в свет. Ее свадьба с герцогом Доверкортом назначена через две недели. Этот враг имеет несколько неосторожных писем, – только неосторожных, Ватсон, – которые были написаны одному бедному эсквайру в деревне. Достаточно этих писем, чтобы помешать свадьбе. Мильвертон пошлет эти письма герцогу, если ему не будет уплачена крупная сумма. Мне поручено повидаться с ним и прийти к возможно лучшему соглашению.

В эту минуту послышался на улице лошадиный топот и шум колес. Выглянув в окно, я увидел великолепную карету, запряженную парой, и яркий свет от ее фонарей отражался на блестящих крупах великолепных гнедых коней. Лакей открыл дверцы, и из кареты вышел низкого роста толстый мужчина в барашковом пальто. Через минуту он был в нашей комнате.

Чарльз Огустус Мильвертон был человек лет пятидесяти, с большой умной головой, с круглым, пухлым, бритым лицом, с застывшей вечной улыбкой и парой острых серых глаз, которые сверкали за большими очками в золотой оправе. В его наружности было какое-то пиквикское добродушие, только искаженное неискренностью застывшей улыбки и холодным блеском беспокойных пронизательных глаз. Голос его был мягок и приятен, как и его наружность, когда он, подходя с протянутой пухлой рукой, тихо выражал сожаление, что не застал нас в первый свой визит. Холмс не обратил внимания на протянутую руку и повернул к нему лицо, твердое и холодное, как гранит. Улыбка Мильвертона стала еще шире; он пожал плечами, снял пальто, тщательно сложил его и, положив на спинку стула, сел.

– Этот джентльмен? – спросил он, делая плавный жест в мою сторону. – Не будет ли тут нескромности? Хорошо ли это будет?

– Доктор Ватсон, мой друг и коллега.

– Прекрасно, мистер Холмс. Я протестую только в интересах нашей клиентки. Дело такое щекотливое...

– Доктор Ватсон уже слышал о нем.

– Значит, мы можем приступить к делу. Вы говорите, что действуете от имени леди Евы. Уполномочила ли она вас принять мои условия?

– Какие ваши условия?

– Семь тысяч фунтов.

– А в случае несогласия?

– Дорогой сэр, мне тяжело обсуждать этот вопрос, но, если деньги не будут уплачены четырнадцатого, то, конечно, свадьбы не будет восемнадцатого.

Его нестерпимая улыбка стала еще любезнее.

Холмс немного подумал.

– Мне кажется, – сказал он, наконец, – что в ваших расчетах слишком много уверенности. Я, конечно, знаком с содержанием этих писем. Моя клиентка поступит, конечно, так, как я ей посоветую. А я посоветую ей, чтобы она рассказала всю историю своему будущему мужу и положила бы на его великодушие.

Мильвертон рассмеялся.

– Вы, очевидно, не знаете герцога, – сказал он.

Бросив украдкой взгляд на Холмса, я убедился, что он знает герцога.

– Что дурного в этих письмах? – спросил он.

– Они бойки... Очень бойки, – ответил Мильвертон. – Леди писала прелестно. Но уверяю вас, что герцог Доверкортский не сумеет этого оценить. Впрочем, раз вы думаете иначе, то покончим на этом. Это вопрос чисто деловой. Если вы находите, что интерес вашей клиентки заключается в том, чтобы эти письма были вручены герцогу, то с вашей стороны поистине будет безумием выкупать их за такую большую сумму.

Мильвертон встал и схватил пальто.

Холмс посерел от злости и досады.

– Постойте, – сказал он. – Вы уж слишком торопитесь. Мы, конечно, сделаем все, чтобы избежать скандала в таком щекотливом деле.

Мильвертон снова сел.

– Я был уверен, что вы взглянете на дело в этом свете, – замурлыкал он.

– Вместе с тем, – продолжал Холмс, – леди Ева небогатая женщина. Уверяю вас, что две тысячи фунтов истощат ее средства, а сумма, которую вы назвали, положительно ей не по силам. Поэтому я прошу вас умерить свои требования и вернуть письма по цене, которую я упомянул, и которая, уверяю вас, составляет все, что вы можете получить от нее.

Улыбка Мильвертона стала еще более широкой, и глаза засветились юмором.

– Я знаю, что то, что вы говорите о средствах леди, правда, – сказал он. – Вместе с тем, вы должны допустить, что ее брак очень подходящий случай для ее друзей и родных постараться ради нее. Они могут колебаться в выборе свадебного подарка. Позвольте мне их убедить, что эта связка писем доставит ей больше радости, чем все лондонские канделябры и вазы.

– Это невозможно, – возразил Холмс.

– Боже мой, Боже мой, как это печально! – воскликнул Мильвертон, вынимая из кармана толстую записную книжку. – Мне поневоле думается, что дамы поступают необдуманно, не прилагая старания к своему делу. Взгляните на это!

Он вынул записочку с гербом на конверте.

– Это принадлежит... Ну, может быть, нехорошо называть имя до завтрашнего утра, когда это будет находиться в руках мужа дамы. И все это только потому, что она не хочет найти нищенскую сумму, которую достала бы в полчаса, обменяв бриллианты на стразы. Такая жалость. Ну-с, а вы помните внезапный разрыв между мисс Майльс и полковником Доркингом? За два всего дня до свадьбы в «Morning Post» появилась заметка, извещавшая о том, что она не состоится. А почему? Это почти невероятно, но нелепая сумма в тысячу двести фунтов уладила бы все дело. Разве это не печально? А тут я нахожу вас, человека здравомыслящего, торгующегося об условиях, когда на карту поставлена будущность и честь вашей клиентки. Вы удивляете меня, мистер Холмс.

– То, что я говорю, правда, – возразил Холмс. – Деньги не могут быть найдены. Несомненно, для вас лучше взять солидную сумму, которую я предлагаю, чем губить карьеру женщины. Последнее вам никоим образом не принесет барыша.

– В этом вы ошибаетесь, мистер Холмс. Огласка принесет мне косвенным путем значительную пользу. У меня назревают восемь-десять подобных случаев. Если распространится слух, что я строго проучил леди Еву, то другие окажутся гораздо более благоразумными. Понимаете?

Холмс вскочил со стула.

– Становитесь позади него, Ватсон! Не выпускайте его из комнаты! Ну-с, сэр, рассмотрим содержимое этой книжки.

Мильвертон быстро, как мышь, проскользнул в сторону и встал спиной к стене.

– Мистер Холмс, мистер Холмс, – проговорил он, отворачивая борт сюртука и показывая дуло большого револьвера, торчавшего из внутреннего кармана. – Я ожидал, что вы сделаете что-нибудь более оригинальное. Это так часто проделывалось. И какая из этого выходила польза? Уверяю вас, что я вполне вооружен и готов воспользоваться своим оружием, зная, что закон будет за меня. Кроме того, ваше предположение, что я мог принести письма сюда в записной книжке, совершенно ошибочно. Я бы не сделал подобной глупости. А теперь, джентльмены, мне предстоят еще два свидания сегодня вечером, а до Гампстэда далеко.

Мильвертон сделал несколько шагов вперед, взял свое пальто, положил руку на револьвер и повернулся к двери. Я схватился за стул, но Холмс покачал головой, и я опустил его. С поклоном, улыбкой и подмигиваниями Мильвертон вышел из комнаты, и через несколько секунд мы услышали, как стукнула дверца кареты.

Холмс сидел неподвижно возле огня, глубоко засунув руки в карманы брюк, опустив подбородок на грудь и пристально устремив глаза на раскаленный уголь. Так просидел он безмолвно с полчаса. Затем с жестом, выражавшим, что решение принято, он вскочил на ноги и прошел в свою спальню. Вскоре беспутный молодой рабочий с козлиной бородкой и нахальной развязностью закурил у лампы глиняную трубку, перед тем как спуститься на улицу.

– Я когда-нибудь вернусь, Ватсон, – сказал он и исчез во мраке ночи.

Я понял, что он открыл кампанию против Чарльза Огустуса Мильвертона, но и во сне не видел того оборота, который суждено было принять этой кампании.

Несколько дней подряд Холмс входил и выходил во всякие часы в этом наряде, но помимо беглого замечания, что он проводит время в Гампстэде и не теряет его зря, я ничего не знал о его деятельности. Наконец, в один ненастный вечер, когда неистовствовала буря, стучась в окна, он вернулся домой и, сняв свой костюм, сел перед огнем и от души рассмеялся своим тихим внутренним смехом.

– Вы бы не сочли меня, Ватсон, за женатого человека?

– Конечно, нет.

– Вам интересно будет узнать, что я помолвлен.

– Дорогой друг! Поздра...

– С горничной Мильвертона.

- Холмс?!
- Мне нужно было собрать сведения, Ватсон.
- И вы, наверное, зашли слишком далеко?
- Это был крайне необходимый шаг. Я лудильщик по имени Эскот, и дела мои идут в гору. Я каждый вечер выходил с ней на прогулку и беседовал. О, Боже! Эти беседы! Однако же я добился всего, чего хотел. Я теперь знаком с домом Мильвертона, как со своей ладонью.
- Но девушка, Холмс!
- Он пожал плечами.

- Ничего не поделаешь, милый Ватсон. Приходится играть, как можешь, когда на карте такая ставка. Однако я с удовольствием могу вам сообщить, что у меня есть ненавистный соперник, который, несомненно, займет мое место, как только я покажу спину. Какая роскошная ночь!
- Вам нравится эта погода?!
- Она отвечает моим намерениям. Ватсон, я намерен сегодня ночью ограбить дом Мильвертона.

От этих слов, произнесенных тоном сосредоточенной решимости, у меня захватило дыхание, и мороз пробежал по телу. Подобно тому, как молния среди ночи освещает на один момент малейшие детали обширного ландшафта, я одним умственным взглядом окинул все результаты, могущие произойти от такого поступка, – поимка, арест, почтенная карьера, оканчивающаяся непоправимой ошибкой и позором, лучший мой друг, попавший в руки отвратительного Мильвертона.

– Ради самого неба, Холмс, подумайте о том, что вы делаете! – воскликнул я.

– Дорогой друг, я обдумал это со всех сторон. Я никогда не бываю поспешен в своих действиях, и никогда бы не принял такой энергичной и действительно опасной меры, если бы была возможна другая. Посмотрим на дело ясно и спокойно. Полагаю, что вы допускаете, что с нравственной точки зрения поступок законен, хотя технически он и преступен. Ограбить дом Мильвертона – это не более, как взять насильно его записную книжку. Действие, в котором вы готовы были прийти мне на помощь.

Я подумал.

– Да, – сказал я, – поступок нравственно законен, раз наша цель взять только то, чем Мильвертон пользуется для незаконных целей.

– Именно. А раз поступок с нравственной точки зрения законен, то мне остается только обсудить вопрос о личном риске. Во всяком случае, истинный джентльмен не должен придавать последнему слишком большого значения, когда женщина так отчаянно нуждается в его помощи.

– Вы очутитесь в таком ложном положении!..

– Что ж, это часть риска. Нет никакого иного способа получить эти письма. У несчастной леди нет денег, и между ее родными нет ни одного человека, которому она могла бы довериться. Завтра последний день, и, если мы не добудем сегодня ночью писем, этот негодяй исполнит свое слово и погубит ее. Поэтому я должен или предоставить свою клиентку ее року, или сделать этот последний ход. Между нами будет сказано, Ватсон, что это спорт – дуэль между Мильвертоном и мною. При первом обмене ударами он, как вы видели, имел перевес, и мое чувство собственного достоинства, и моя репутация требуют, чтобы дело было доведено до конца.

– Ну, мне это не нравится, но полагаю, что так должно быть, – сказал я. – Когда мы отправляемся?

– Вы не идете со мной.

– В таком случае и вы не пойдете, – возразил я. – Даю вам свое честное слово (а я никогда в жизни не нарушал его), что я найму кэб, отправлюсь прямо в полицейский пост и выдам вас, если вы не допустите, чтобы я разделил с вами участие в этом приключении.

– Вы не можете мне помочь.

– Откуда вы знаете? Вы не можете предвидеть, что случится. Как бы там ни было, мое решение неизменно. Не вы один обладаете чувством собственного достоинства.

Холмс казался раздосадованным, но его лицо прояснилось, и он хлопнул меня по плечу.

– Ну-ну, дорогой друг, пусть будет так. Мы несколько лет делили одну комнату, и забавно будет, если мы кончим тем, что будем делить одну камеру. Знаете, Ватсон, признаюсь вам, я всегда думал, что из меня вышел бы в высшей степени удачный преступник. Теперь представляется случай отличиться в этом направлении. Смотрите!

Холмс вынул из ящика аккуратный кожаный футлярчик и, открыв его, показал мне несколько блестящих инструментов.

– Это первоклассный, последнего изобретения воровской набор, состоящий из никелированной фомки, стеклянного алмаза, отмычек и всех новейших приспособлений, требуемых прогрессом цивилизации. Вот также потайной фонарь. Все в порядке. Есть у вас бесшумные башмаки?

– У меня есть башмаки для тенниса с резиновыми подошвами.

– Прекрасно. А маска?

– Я могу их сделать две из шелковой материи.

– Вижу, что у вас есть сильная врожденная склонность к подобного рода вещам. Очень хорошо, сделайте маски. Мы перед уходом поужинаем чем-нибудь холодным. Теперь половина девятого. В одиннадцать мы доедем до Черч-Ро. Оттуда четверть часа ходьбы до Аплъдор-Тау-эрс. До полуночи мы будем уже за работой. Мильвертон очень крепко спит и пунктуально ложится в половине одиннадцатого. При удаче мы будем дома в два часа, с письмами леди Евы в кармане.

Мы надели фраки для того, чтобы иметь вид людей, возвращающихся из театра. На Оксфордской улице наняли кеб и доехали до Гампстэда. Там мы рассчитались с извозчиком и, застегнув доверху пальто, потому что было очень холодно, и ветер пронизывал нас, пошли вдоль зарослей вереска.

– Это дело требует деликатного обращения, – сказал Холмс. – Документы заперты в несгораемом шкафу в кабинете молодчика, а кабинет предшествует его спальне. Но он, как все такие толстые маленькие люди, чувствующие себя хорошо, одарен здоровым сном. Агата (так зовут мою невесту) говорит, что постоянной темой для шуток прислуги служит невозможность разбудить их господина. У него есть секретарь, преданный интересам своего хозяина, и он целый день не выходит из кабинета. Вот почему мы двинулись ночью. Затем у него злющая собака, бродящая по саду. Я в последние два вечера приходил поздно к Агате, и она запирает животное, чтобы я мог беспрепятственно проходить. Вот этот дом, тот богатый, окруженный садом. Пройдем в ворота, теперь направо между лавровыми деревьями. Тут мы можем, я думаю, надеть маски. Видите, нет ни малейшего света ни в одном окне, все идет превосходно.

Надев маски, превратившие нас в самых страшных людей в Лондоне, мы прокрались к безмолвному мрачному дому. Вдоль одной его стороны тянулось нечто вроде крытой веранды с несколькими окнами и двумя дверьми.

– Вот его спальня, – шепнул Холмс. – Эта дверь выходит прямо в кабинет. Она была бы для нас сподручнее, но заперта на засов и на замок, и мы бы произвели слишком много шума, отпирая ее. Пойдем кругом. Там есть оранжерея, в которую выходит гостиная.

Оранжерея была заперта, но Холмс вырезал стекло и повернул ключ изнутри. В следующий момент он запер за нами дверь, и мы в глазах закона стали преступниками. Тяжелый жаркий воздух зимнего сада и густые, одуряющие ароматы экзотических растений охватили нас. Холмс взял меня в темноте за руку и быстро повел мимо клумб с кустами, ветки которых били нас по лицу. Мой друг обладал замечательной способностью, тщательно развиваемой, видеть в темноте. Не выпуская моей руки, он открыл дверь, и я смутно понял, что мы вошли в большую комнату, в которой недавно была выкурена сигара. Холмс прокладывал путь между мебелью, открыл другую дверь и запер ее за нами. Протянув руку, я ощупал несколько пальто, висевших на стене, и понял, что мы находимся в коридоре. Мы двинулись вдоль него, и Холмс отворил очень тихо дверь с правой стороны. Что-то прыгнуло нам навстречу, у меня душа ушла в пятки, но я готов был расхохотаться, когда убедился, что это была кошка. В этой комнате горел огонь в камине, и тут также воздух был пропитан табачным дымом. Холмс вошел на цыпочках, подождал меня и затем очень тихо запер дверь. Мы находились в кабинете Мильвертона, и портьера на противоположном конце скрывала вход в его спальню.

Огонь в камине ярко горел и освещал комнату. Возле дверей я увидел электрическую кнопку, но не было надобности, даже в том случае, если бы это было безопасно, повертывать ее. С одной стороны камина тяжелая занавесь закрывала окно с выступом, которое мы видели снаружи. С другой стороны была дверь, через которую комната сообщалась с верандой. Посреди комнаты стояла конторка с вертящимся креслом, обитым яркой красной кожей. Напротив находился большой книжный шкаф с мраморным бюстом Афины наверху.

В углу, между каминным шкафом и стеной, стоял большой зеленый несгораемый шкаф, и огонь камина ярко отражался на его полированных медных украшениях. Холмс тихо подошел к нему и осмотрел. Затем он подкрался к двери спальни и, наклонив набок голову, стал пристально прислушиваться. Изнутри не доносилось никакого звука. Между тем, мне пришло в голову, что благоразумно будет обеспечить себе отступление через наружную дверь, и я осмотрел ее. К моему удивлению, она не была заперта ни на замок, ни на засов. Я дотронулся до руки Холмса, и он повернул свое замаскированное лицо в сторону двери. Я видел, как он вздрогнул, очевидно, он так же был удивлен, как и я.

– Мне это не нравится, – шепнул он мне прямо в ухо. – Не могу этого объяснить себе. Во всяком случае, мы не должны терять времени.

– Могу я быть чем-нибудь полезен?

– Да, стойте у двери. Если вы услышите, что кто-нибудь идет, заложите засов, и мы уйдем тем путем, каким пришли. Если в комнату войдут со стороны зимнего сада, мы можем уйти через дверь, если наша работа будет окончена, если же нет, то сумеем спрятаться за оконными портьерами. Понимаете?

Я кивнул головой и встал у двери. Мое первое чувство страха прошло, и я трепетал от такого острого наслаждения, которого никогда не испытывал, когда мы являлись на защиту закона, а не бросали ему вызов, как теперь. Высокая цель нашей миссии, сознание, что она не эгоистичная и рыцарская, низость характера нашего противника – все это умножало охотничий интерес приключения. Далеко не чувствуя себя виновным, я испытал радость и возбуждение от опасности, которой мы подвергались. Я с восхищением наблюдал за Холмсом, который разворачивал свой набор и выбирал нужный инструмент со спокойной научной тщательностью хирурга, приступающего к сложной операции. Я знал, что открывание несгораемых шкафов – его конек, и понимал радость, которую он испытывал, очутившись лицом к лицу с зеленым позолоченным чудовищем, с драконом, держащим в своей пасти репутацию многих прекрасных дам. Завернув рукава фрака (пальто свое он положил на стул), Холмс вынул два сверла, ломик и несколько отмычек. Я стоял у центральной двери, не спуская глаз с других, готовый ко всякой случайности, хотя, в сущности, у меня были несколько смутные планы относительно того, что я сделаю, если нас прервут в нашем занятии. С пол часа Холмс работал с сосредоточенной энергией, откладывая один инструмент, выбирая другой, манипулируя ими с силой и тонкостью специалиста-механика. Наконец я услышал, как что-то щелкнуло, широкая зеленая дверца открылась, и я мельком увидел внутри шкафа несколько пакетов, каждый из них перевязанный, запечатанный и с надписью. Холмс взял один из них, но трудно было читать при мерцающем свете камина, и он вынул свой маленький потайной фонарь, так как было слишком опасно, находясь рядом со спальней Мильвертона, повернуть электрическую кнопку.

Вдруг я увидел, что Холмс остановился, стал внимательно прислушиваться, затем в одно мгновение ока толкнул дверцу несгораемого шкафа, взял свое пальто, сунул инструменты в карманы и бросился за оконную портьеру, сделав мне знак, чтобы я последовал его примеру.

Только тогда, когда я присоединился к нему, услышал я то, что встревожило его более тонкий слух. Где-то в доме раздавался шум. Вдали хлопнула дверь. Затем смутный глухой звук превратился в мерный тяжелый топот шагов, быстро приближавшихся. Они раздавались в коридоре. У двери они остановились. Дверь открылась. Резко щелкнул выключатель. Дверь снова закрылась, и до нашего обоняния донесся едкий дым крепкой сигары. Затем шаги снова стали раздаваться в нескольких ярдах от нас, двигались они взад и вперед по комнате. Наконец звук их прекратился и послышался скрип стула. Затем щелкнул ключ в каком-то замке, и я услышал шелест бумаги.

До сих пор я не осмеливался выглянуть, но тут я тихонечко раздвинул занавеси и заглянул сквозь узкое отверстие. Я знал, по тому, как Холмс прижался ко мне, что и он наблюдает. Прямо перед собой и почти на расстоянии руки от нас, мы увидели широкую, круглую спину Мильвертона. Очевидно было, что наши расчеты относительно его действий были совершенно ошибочны, что он и не входил в спальню, а сидел в какой-нибудь курительной комнате или бильярдной в дальнем флигеле дома, окна которого мы не видели. Его широкая сидящая голова с блестящей плешью находилась прямо перед нами. Он сидел, прислонившись к спинке красного кожаного кресла, ноги его были вытянуты, и длинная черная сигара виднелась у него изо рта. На нем была надета полувоенная тужурка, цвета красного вина, с черным бархатным воротником. Он держал в руках длинный юридический документ, который лениво читал,

выпуская изо рта кольца дыма. Его спокойные манеры и удобная поза не обещали быстрого ухода.

Я почувствовал, как рука Холмса проскользнула в мою и пожала ее ободряюще, как бы говоря мне, что положение находится в сфере его компетентности, и что он спокоен. Я не был уверен в том, видел ли он то, что мне бросалось в глаза, а именно, что дверца нестораемого шкафа была неплотно заперта, и что Мильвертон может в любой момент легко заметить это. Я про себя решил, что, если по его пристальному взгляду я приду к убеждению, что он уловил это обстоятельство, я тотчас выскочу из своей засады, наброшу ему на голову свое пальто, свяжу его и остальное предоставлю Холмсу. Но Мильвертон ни разу не поднял глаз. Он вяло прочитывал бумаги, которые держал в руках, и медленно переворачивал страницу за страницей. Я думал, что он пойдет в спальню, по крайней мере тогда, когда окончит чтение документа и докурит сигару, но не успел он дойти до конца ни того, ни другого, как произошло замечательное осложнение, давшее совершенно иное направление нашим мыслям.

Я заметил, что Мильвертон несколько раз смотрел на часы, встал и снова сел с признаками нетерпения. Однако, мне и в голову не приходила мысль, что у него могло быть назначено свидание в такой неурочный час, пока до слуха моего не дошел слабый звук со стороны веранды. Мильвертон бросил бумаги и вытянулся на стуле. Звук повторился, затем послышался легкий стук в дверь. Мильвертон встал и открыл ее.

– Ну, – произнес он отрывисто, – вы опоздали на полчаса.

Так вот объяснение открытой двери и ночного бдения Мильвертона! Мы услышали нежное шуршание женского платья. Я сдвинул было занавеску, так как лицо Мильвертона было обращено по направлению к нам, а теперь рискнул снова чуть-чуть раздвинуть ее.

Он опять сидел на стуле, и сигара его продолжала торчать над нахальным ртом. Перед ним, освещенная электрической лампой, стояла высокая, тонкая, темная женская фигура с лицом, покрытым вуалью, и капюшоном, стянутым у подбородка. Женщина быстро и прерывисто дышала, и вся ее гибкая фигура дрожала от сильного волнения.

– Вы, милая, лишили меня доброго ночного отдыха, – сказал Мильвертон. – Надеюсь, что вы окажетесь заслуживающей этого. Вы не могли прийти в другое время, а?

Женщина покачала головой.

– Ну, не могли, так не могли. Если графиня – немилостивая для вас госпожа, то теперь вы имеете шанс рассчитаться с ней. Да что с вами, девушка? Чего вы так дрожите? Вот так. Подбодритесь! А теперь приступим к делу. – Он вынул из ящика записку. – Вы говорите, что имеете в руках пять писем, компрометирующих графиню д'Альбер. Вы желаете их продать, я желаю их купить. Пока хорошо. Остается только определить цену. Я, конечно, должен посмотреть письма, действительно ли это хорошие образцы... Царь небесный, вы ли это?

Женщина, не говоря ни слова, подняла вуаль и спустила с головы капюшон. Я увидел красивую брюнетку с тонкими правильными чертами лица, густыми черными бровями, оттенявшими сверкавшие жестким пламенем глаза, и тонкими прямыми губами, зловеще улыбающимися.

– Это я, – ответила она, – женщина, которую вы погубили.

Мильвертон рассмеялся, но в голосе его слышался страх.

– Вы были так упрямы, – сказал он. – Зачем было доводить меня до такой крайности? Уверяю вас, что я, по собственному желанию, не убил бы и мухи, но всякий человек имеет свой заработок... И что же мне оставалось делать? Я назначил цену вполне вам по средствам. Вы не хотели заплатить.

– И вы послали письма моему мужу; это надорвало сердце благороднейшему из людей, башмака которого я не достойна была развязать, и он умер. Вы помните ту ночь, когда я вошла в эту дверь и просила, молила вас о милосердии, а вы расхохотались мне в лицо, как пытаетесь хохотать теперь, только вы боитесь и не можете удержать ваших губ от дрожания! Да, вы никогда не думали, что снова увидите меня, но именно, в ту ночь я узнала, как проникнуть к вам, чтобы встретиться с вами лицом к лицу и наедине. Ну-с, Чарльз Мильвертон, что хотите вы сказать?

– Не воображайте, что можете меня напугать, – возразил он, поднимаясь на ноги. – Мне стоит только повысить голос, явятся мои слуги, и вас арестуют. Но я согласен отнестись снисходительно к вашему естественному гневу. Уходите сейчас, как вы пришли, и я ничего больше не скажу.

Женщина стояла, держа руку под плащом и с той же зловещей улыбкой на устах.

– Вы больше не погубите ни одной жизни, как погубили мою. Вы не истерзаете больше сердец, как истерзали мое. Я освобожу мир от ядовитой гадины. Получи же, собака, и это!.. И это!.. И это!..

Она вынула из-под плаща маленький блестящий револьвер и разряжала заряд за зарядом в тело Мильвертона, держа дуло в двух футах от пластрона его рубашки. Он отшатнулся, затем упал вперед на стол, неистово кашляя и цепляясь за бумаги. Затем он, шатаясь, поднялся, получил шестой заряд и повалился на пол.

— Вы покончили со мной, — воскликнул он и стал неподвижен.

Женщина пристально посмотрела на него и ткнула каблуком в его физиономию. Она снова посмотрела, но не было больше ни звука, ни движения. Я услышал резкое шуршанье, ночной воздух ворвался в жаркую комнату, и мстительница удалилась.

Никакое вмешательство с нашей стороны не могло бы спасти этого человека от его судьбы, но, когда женщина пускала пулю за пулей в шатавшееся тело Мильвертона, я высочил бы, если бы Холмс с силой не схватил меня за руку. Я понял все назначение этого твердого, удерживавшего пожатия, а именно, что это было не наше дело, что правосудие настигло мерзавца, что у нас свои обязанности и своя цель, которую мы не должны терять из виду. Но не успела женщина броситься вон из комнаты, как Холмс быстрыми неслышными шагами подошел к другой двери. Он повернул ключ в замке. В тот же момент мы услышали в доме голоса и поспешные шаги. Выстрелы разбудили весь дом. С невозмутимым хладнокровием Холмс проскользнул к несгораемому шкафу, обеими руками загреб связки писем и бросил их все в огонь; он повторял это несколько раз, пока не опустошил шкафа. Кто-то нажал ручку и стал колотить в дверь. Холмс быстро осмотрелся. Письмо, послужившее вестником смерти для Мильвертона, лежало, все перепачканное кровью, на столе. Холмс бросил и его в кучу пылавших бумаг. Затем он вынул ключ из замка наружной двери, прошел в нее позади меня и запер ее снаружи.

– Сюда, Ватсон, – сказал он, – мы можем там перелезть через стену сада.

Я бы не поверил, чтобы тревога могла быть произведена так быстро. Оглянувшись, я увидел, что весь большой дом сверкает огнями. Парадная дверь была отперта, и по аллее бежали люди. Весь сад кишел народом, и один человек завопил, когда мы выбежали из веранды, и начал преследовать нас. Холмс, по-видимому, был в совершенстве знаком с местностью и быстро прокладывал себе путь сквозь питомник мелких деревьев, я бежал по его пятам, а наш преследователь мчался, запыхавшись, позади нас. Путь нам преградила стена шести футов высоты, но Холмс перескочил через нее. Следуя его примеру, я вдруг почувствовал, как чья-то рука схватила меня за ногу, но я выдернул ее и вскарабкался на верхушку, усыпанную стеклом; я упал лицом в кусты, но Холмс в одно мгновение ока поставил меня на ноги, и вместе мы бросились по громадному пространству гампстэдских вересков. Мы пробежали приблизительно две мили, когда Холмс, наконец, остановился и стал пристально прислушиваться.

Позади нас царствовало абсолютное безмолвие. Мы избавились от преследователей и были спасены.

На следующее утро, после этого замечательного приключения, мы, позавтракав, курили свои трубки, когда к нам в комнату был введен Лестрейд из Скотланд-Ярда, торжественный и многозначительный.

– Доброго утра, мистер Холмс, – произнес он, – доброго утра. Смею я вас спросить, очень ли вы сейчас заняты?

– Не так занят, чтобы не выслушать вас.

– Я подумал, что если у вас нет на руках ничего особенного, то, может быть, вы будете не прочь помочь нам при расследовании крайне замечательного дела, случившегося прошлой ночью в Гампстэде.

– Господи! – воскликнул Холмс. – Что такое случилось?

Убийство... крайне драматическое и замечательное убийство. Я знаю, как вы живо интересуетесь подобными делами, и я бы счел за большую милость с вашей стороны, если бы вы доехали до Аплдор-Тауэrsa и помогли бы нам своим советом. Это не обыденное преступление. Мы с некоторых пор следили за этим Мильвертоном. Между нами будет сказано, он был изрядным негодяем. Известно, что он владел бумагами, которыми пользовался для шантажа. Все эти бумаги сожжены убийцами. Не похищено ни одного ценного предмета, и надо полагать, что преступники были люди из общества, единственной целью которых было воспрепятствовать общественной огласке.

– Преступники! – воскликнул Холмс. – Во множественном числе!

– Да, было двое мужчин. Их чуть-чуть не поймали на месте преступления. Мы имеем отпечатки их следов, мы имеем их описание, десять шансов против одного, что мы доберемся до них. Первый молодец был чересчур проворен, второго же поймал помощник садовника, и

преступник вырвался только после борьбы. Это был мужчина среднего роста, крепкого сложения, с широким лицом, толстой шеей, усами и в маске.

– Это несколько неопределенные приметы, – возразил Шерлок Холмс. – Да ведь они, пожалуй, подходят для Ватсона.

– А, правда, – сказал инспектор, которому это показалось очень забавным, – это могло бы быть описанием доктора Ватсона.

– Ну, боюсь, что я не в состоянии вам помочь, Лестрейд, – заговорил Холмс. – Дело в том, что я знал этого молодца Мильвертона и считал его одним из опаснейших людей в Лондоне, но, по моему мнению, существуют известные преступления, которых не может касаться закон, и которые, следовательно, оправдывают до известной степени личное мщение. Нет, не стоит со мной спорить. Я составил себе убеждения. Моя симпатия на стороне преступников, а не их жертвы, и я не возьмусь за это дело...

Холмс не говорил со мной ни слова о трагедии, которой мы были свидетелями, но я все утро замечал, что он был крайне задумчив и производил на меня впечатление, судя по рассеянности его взгляда и манер, человека, пытающегося что-то припомнить. Вдруг он вскочил со стула.

– Клянусь Юпитером, Ватсон, – воскликнул он, – я вспомнил! Берите шляпу! Пойдемте со мной!

Он поспешно пошел по Бейкер-стрит, затем по Оксфордской улице почти до самого Режент-Сиркуса. Тут, налево, находится окно магазина, в котором были выставлены фотографии знаменитостей и красавиц дня. Глаза Холмса устремились на одну из них, и, следуя за его взглядом, я увидел портрет царственной и стройной женщины в придворном костюме, с высокой бриллиантовой диадемой на благородной голове. Я посмотрел на тонко очерченный нос, на густые брови, на прямой рот и сильный маленький подбородок. Затем дыхание сперлось у меня в груди, когда я прочел веками почитаемое имя великого сановника и государственного человека, чьей женой она была. Мои глаза встретились с глазами Холмса, и он приложил палец к губам, когда мы отошли от окна.

Шесть Наполеонов

Посещение инспектора сыскной полиции Лестрейда были нам не в диковину, и когда он заглядывал по вечерам в наше скромное жилище, то всегда являлся желанным гостем для Шерлока Холмса, который, таким образом, имел возможность следить за тем, что происходило в главной полицейской квартире. В благодарность за новости, приносимые Лестрейдом, Холмс был всегда готов внимательно выслушивать подробности дел, поручаемых сыщику, и мог по временам, помимо личного вмешательства, давать полезные указания и советы, основанные на его собственном обширном знании и опыте.

В тот вечер, о котором идет речь, зашедший к нам Лестрейд болтал о погоде и газетных новостях. Потом он примолк, задумчиво попыхивая сигарой. Холмс пристально смотрел на него.

– У вас есть в запасе что-нибудь замечательное? – спросил, наконец, мой приятель.

– О, нет, мистер Холмс, ничего особенного.

– Расскажите нам, однако!

– Ладно, мистер Холмс; не стану отрицать, что у меня есть кое-что... Впрочем, это такая нелепая история, что я не решаюсь докучать вам ею. С другой же стороны, при всей нелепости, она пристрастная, а я знаю, что вы любите все, выходящее из ряда. Но, по-моему, это будет скорее по части доктора Ватсона, чем по нашей.

– Какая-нибудь болезнь? – любопытствовал я.

– Во всяком случае, безумие, и весьма диковинное. Вы едва ли поверите, чтоб в наше время кто-нибудь мог питать непримиримую ненависть к Наполеону I и разбивать вдребезги каждое его изображение, подвернувшееся под руку.

Шерлок откинулся на спинку кресла.

– Это, в самом деле, не по моей части, – согласился он.

– Совершенно верно. Я так и говорю. Но когда человек совершает кражу со взломом, с целью уничтожения не принадлежащих ему бюстов, тут уж требуется не доктор, а полицейский.

Холмс снова выпрямился.

– Кражу со взломом! Это становится интереснее. Расскажите-ка мне подробнее.

Лестрейд вынул из кармана свою официальную записную книжку и заглянул в нее, чтоб освежить память.

– Первый случай, донесенный полиции, произошел три дня назад, – начал он. – Дело было в магазине Морза Гудсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-Роде.

Приказчик, отлучившийся на минуту из лавки, услышал в ней грохот и, вбежав обратно в магазин, увидел гипсовый бюст Наполеона, стоявший со многими другими скульптурными произведениями на прилавке, расколотым на мелкие куски. Он выбежал на дорогу, но хотя прохожие заметили человека, выскочившего из магазина, но того негодяя и след простыл. По-видимому, это было одно из проявлений хулиганства, какие встречаются сплошь и рядом. В таком именно свете случившееся было представлено констеблю, стоявшему на посту. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело казалось слишком ребяческим для того, чтобы подать повод к судебному следствию.

Второй случай вышел, однако, серьезнее и вместе с тем удивительнее.

На Кеннингтон-Роде, на расстояние нескольких шагов от магазина Морза Гудсона, живет известный практикующий врач доктор Барнико, который имеет чрезвычайно обширную практику на южном берегу Темзы. Его жилище и главный приемный кабинет помещаются на Кеннингтон-Роде, но он имеет еще отделение для консультаций с постоянными кроватями на Лауэр-Брикстон-Роде, в двух милях расстояния. Этот доктор Барнико – пламенный поклонник Наполеона, и его дом наполнен книгами, картинами и реликвиями французского императора. Недавно он приобрел от Морза Гудсона две одинаковых гипсовых копии знаменитого бюста Наполеона работы французского скульптора Девина. Одну из них он поставил в вестибюле дома на Кеннингтон-Роде, а другой украсил камин в лечебнице на Лауэр-Брикстоне. И вот, когда доктор Барнико вернулся к себе домой сегодня поутру, то с удивлением увидел, что в его доме ночью побывали воры. Между тем, все имущество оказалось в целости, исключая гипсового бюста, который исчез из прихожей. Он был похищен и разбит вдребезги о садовую ограду, у подножия которой нашли его осколки.

Холмс принялся потирать руки.

– Это бесспорно нечто небывалое, – сказал он.

– Я так и думал, что вы заинтересуетесь моей историей, – продолжал Лестрейд. – Постойте, однако, это еще не все. Доктор Барнико должен был явиться к себе в лечебницу к двенадцати часам. Каково же было его изумление, когда, по приезде туда, он убедился, что одно из окон дома было отворено ночью, и осколки другого бюста валялись на полу комнаты. Он был раздроблен вдребезги там, где стоял. Как в том, так и в другом случае не было ровно никаких указаний, по которым можно было бы заключить, действовал ли здесь преступник или помешанный. Ну вот, мистер Холмс, теперь я изложил вам важнейшие факты.

– Они удивительны, если не сказать, что нелепы, – отвечал мой приятель. – Позвольте вас спросить: два бюста, разбитых в доме и в лечебнице доктора Барнико, были точными дубликатами первого бюста, уничтоженного в магазине Морза Гудсона?

– Они были отлиты в одной и той же форме.

– Этот факт опровергает догадку, будто человек, разбивающий их, воодушевлен какой-то ненавистью к Наполеону. Взяв во внимание, сколько сотен скульптурных изображений великого императора должно существовать в Лондоне, было бы слишком наивно предположить подобное совпадение, чтобы неразборчивый ненавистник случайно напал на три образца того же самого бюста, и начал с них замышленное им дело истребления.

– Позвольте, раньше я думал точно так же, – заметил Лестрейд. – Но, с другой стороны, этот Морз Гудсон служить поставщиком бюстов в той части Лондона, а уничтоженные три экземпляра были единственными, находившимися у него в магазине в продолжение нескольких лет. Таким образом, хотя, как вы говорите, в Лондоне существует несколько сот скульптурных изображений Наполеона, но весьма вероятно, что эти три бюста были единственными в тамошней местности. По этой причине местный фанатик, естественно, должен был начать с них. Как вы полагаете, доктор Ватсон?

– Возможностям мономании нет границ, – отвечал я. – Существует болезненное состояние, известное у современных французских физиологов под названием «*idee fixe*». Человек

может быть расположен к этой форме безумия в слабой степени, отличаясь во всех других отношениях полным здравомыслием. Лицо, зачитавшееся биографией Наполеона, или разоренное вследствие наполеоновских войн, способно усвоить себе такую неотвязчивую идею и под ее влиянием совершать фанатические проступки.

– Нет, ваше объяснение не годится, милейший Ватсон, – возразил Шерлок, отрицательно качая головой. – Самая упорная *idée fixe* не могла бы внушить вашему интересному маньяку, где именно находятся ненавистные ему бюсты.

– Хорошо, как же вы объясняете такую странность?

– Я не пытаюсь делать это. Я заметил бы только, что в эксцентричных действиях того джентльмена обнаруживается некоторая последовательность. Так, например, в прихожей доктора Барнико, где грохот мог поднять на ноги семью, бюст не был сразу разбит, но предварительно вынесен вон, тогда как в лечебнице, где представлялось меньше опасности вызвать тревогу, он был раздроблен на том же месте, где стоял. Вся эта штука представляется пустой до нелепости, а между тем, я не осмеливаюсь назвать ничего ничтожным, едва только вспомню, что некоторые из моих наиболее классических дел имели самое не обещающее начало. Может быть, вы не забыли еще, Ватсон, каким образом страшное происшествие в семействе Эбернети было сначала замечено мною на глубине, на какую опустилась петрушка в масло, растаявшее в жаркие день. Поэтому я не могу улыбаться, слушая о ваших трех раздробленных бюстах, Лестрейд, и буду весьма вам благодарен, если вы сообщите мне еще какие-нибудь свежие добавления к такой странной цепи обстоятельств.

Добавление, которого желал мой приятель, последовало быстрее и в бесконечно более трагической форме, чем он мог себе вообразить. На следующее утро я еще одевался в своей спальне, когда в мою дверь постучались, и ко мне вошел Холмс с телеграммой в руке. Он громко прочел ее:

– «Приезжайте немедленно, 131, Питт-стрит, Кенсингтон. Лестрейд».

– Что же это такое? – спросил я.

– Не знаю. Мало ли что может быть! Но я подозреваю, что это продолжение истории разбитых бюстов. В данном случае сокрушитель изображений Наполеона начал свои операции в другом квартале Лондона. На столе готов кофе, Ватсон, а у крыльца меня ждет кеб.

Через полчаса мы достигли Питт-стрит, мирного затишья, как раз позади одного из самых стремительных потоков лондонской жизни. Номер 131 представлял собою одно из ряда плоских, почтенных и самых неромантических жилищ. Когда мы подъехали к нему, то увидели, что заборы на противоположной стороне улицы окаймлены любопытной толпой. Холмс свистнул.

– Клянусь Георгием, – воскликнул он, – тут, по меньшей мере, покушение на убийство! Только это одно может удержать лондонского посыльного. Какое-нибудь злодейство явно читается в согнутой спине и вытянутой шее этого малого. Что это значит, Ватсон? Верхние ступени крыльца окачены водою, тогда как остальные сухи. Но, во всяком случае, следов имеется достаточно! Да вот и сам Лестрейд у окна на улицу; сейчас мы разузнаем все.

Инспектор встретил нас с весьма серьезным видом и провел в гостиную, где мы нашли крайне взволнованного пожилого господина в фланелевом халате. Взъерошенный, немытый, он прохаживался нервными шагами взад и вперед. Этот субъект был представлен нам в качестве владельца дома мистера Гораса Гаркера, одного из сотрудников «Центрального Синдиката Печати».

— Новая история с наполеоновским бюстом, — сказал Лестрейд. — Вчера вечером это дело, по-видимому, заинтересовало вас, мистер Холмс, и я подумал, что, может быть, вы пожелаете присутствовать здесь, когда странное приключение приняло несравненно более серьезный оборот.

— А к чему оно привело на этот раз?

— К убийству. Мистер Гаркер, не расскажете ли вы в точности этим джентльменам, что у вас произошло?

Человек в халате повернулся к нам с самой унылой миной.

– Необычайная вещь! – заговорил он. – Всю свою жизнь собирал я новости о других людях, а теперь, когда настоящая новость повстречалась мне самому, я до того сбит с толку и расстроен, что не способен связать двух слов. Если бы я пришел в качестве журналиста, то интервьюировал бы самого себя, после чего напечатал бы по два столбца в каждой вечерней газете. Но в теперешнем настроении я бросаю на ветер ценный материал, по несколько раз повторяя мою историю целому ряду посторонних лиц, и не могу воспользоваться ею сам! Впрочем, ваше имя мне знакомо, мистер Шерлок Холмс, и если вы только объясните это странное происшествие, я буду вознагражден за свой непроизводительный труд.

Холмс опустил в кресло и стал слушать.

– Все это, по-видимому, концентрируется вокруг бюста Наполеона, купленного мною вот для этой самой комнаты месяца четыре назад. Он приобретен мною за бесценок у братьев Гардинг, через два дома от станции Гай-стрит. Большую часть моей журнальной работы я исполняю ночью и зачастую пишу до утра. Так было и сегодня. Я сидел у себя в спальне, в верхнем этаже дома, окнами во двор; около трех часов меня встревожил какой-то шум внизу. Я прислушался, но шум не повторился, и мне пришло в голову, что он донесся с улицы. Вдруг несколько минут спустя раздался ужасный вопль, страшнее которого я ничего не слышивал, мистер Холмс. Он будет отдаваться у меня в ушах, пока я жив. Минуту или две сидел я, оледенев от ужаса, потом схватил кочергу и спустился вниз. Войдя в комнату, я увидел, что окно распахнуто настежь, и заметил исчезновение бюста с камина. Зачем понадобилось ночному вору стащить подобный предмет, остается для меня совершенно непонятным, потому что это был гипсовый слепок, не имевший никакой ценности.

Вы можете убедиться сами, что из этого отворенного окна удобно шагнуть на крыльцо. Так, вероятно, и поступил грабитель. Поэтому я обошел кругом и отворил дверь. Выйдя из нее в темноту, я чуть не упал, споткнувшись о труп, распростертый у моих ног. Сбегав за свечой, я увидел несчастного человека с зияющей раной в горле, который плавал в крови. Зарезанный лежал навзничь с согнутыми коленями и ужасно разинутым ртом. Его лицо будет пугать меня во сне. Я только успел свистнуть в мой полицейский свисток, как, должно быть, лишился чувств, потому что не помнил ничего более до той минуты, когда очнулся и увидел полисмена, стоявшего надо мной в сенях.

– Но кто же убитый человек? – спросил Холмс.

– На это нет никаких указаний, – отвечал Лестрейд. – Вы увидите труп в покойницкой, но до сих пор мы не сделали ничего для открытия личности убитого. Это высокий загорелый мужчина, очень сильного сложения, не старше тридцати лет. Одет бедно, однако, не по-крестьянски. Нож с роговой рукояткой валялся возле него в луже крови. Послужил ли он орудием убийства или принадлежал убитому, я не знаю. На его одежде не было имени, а в его карманах не нашлось ничего, кроме яблока, бечевки, карты Лондона в шиллинг и фотографической карточки. Вот она.

То был, очевидно, моментальный снимок малой камеры. Он представлял бойкого, похожего на обезьяну человека, с резкими чертами. Густые нависшие брови и сильно выдававшаяся вперед нижняя часть лица придавали ему сходство с бабуином.

– А что стало с бюстом? – спросил Холмс, тщательно всмотревшись в карточку.

– Мы получили сведения о нем как раз перед вашим приходом. Он был найден в палисаднике одного необитаемого дома на Кемпден-Гоуз-Роде и оказался разбитым в куски. Я сейчас иду взглянуть на него. Не желаете ли и вы пойти со мною?

– Конечно. Я только осмотрюсь немного здесь.

И Холмс принялся за осмотр ковра перед камином и окошка.

– Преступник должен обладать или необычайно длинными ногами, или замечательным проворством, – сказал он. – Немалый фокус, повиснув над пустым пространством, ухватиться

за оконный карниз и отворить раму. Вылезти из окна было сравнительно проще. Вы пойдете с нами посмотреть осколки вашего бюста, мистер Гаркер?

Неутешный журналист подсел, между тем, к письменному столу.

– Мне все-таки надо попытаться написать что-нибудь об этом происшествии, – отвечал он. – Хотя я уверен, что первые издания вечерних газет успели выйти со всеми подробностями. Такое уж мое счастье! Помните, как однажды в Донкастере рухнули подмостки? Представьте же себе, я был единственным журналистом на этих подмостках, и моя газета оказалась единственной, где не был напечатан отчет о случившемся, так как я был слишком потрясен, чтобы описать это происшествие. Теперь же я опаздываю с известием об убийстве, которое совершилось на крыльце моего собственного дома!

Когда мы выходили из комнаты, то услышали скрип пера, проворно бегавшего по бумаге.

Место, где были найдены осколки бюста, отстояло всего на несколько сот ярдов от жилища Гаркера. Изображение великого императора, внушавшего, по-видимому, такую фанатическую и разрушительную ненависть незнакомцу, валялось на земле, раздробленное в мелкие кусочки. Гипсовые черепки усыпали зеленую траву, побелевшую от известковой пыли. Холмс поднял некоторые из них и тщательно разглядывал.

По этой пристальности и сосредоточенному виду моего приятеля я стал догадываться, что он напал, наконец, на руководящую нить.

– Ну, что же? – спросил Лестрейд.

– Мы далеки еще от истины, – отвечал Шерлок. – А между тем... Между тем перед нами несколько внушительных фактов, на которые можно опереться. Обладание этим ничтожным бюстом было для странного преступника дороже человеческой жизни. Вот уже один пункт. Затем есть другое, не менее удивительное обстоятельство. Почему он не разбил этой вещи в доме или у самого дома, если его единственной целью было истребить изображены Наполеона?

– Он растерялся и был испуган, неожиданно наткнувшись на свидетеля. Вероятнее всего, что убийца действовал бессознательно.

– Допустим; это отчасти правдоподобно. Но я хочу обратить ваше особое внимание на положение этого дома, в саду которого был расколот бюст.

Лестрейд осмотрелся кругом.

– То был необитаемый дом; таким образом преступник знал, что ему не помешают в саду, – сказал он.

– Прекрасно, но немного ближе есть другой необитаемый дом, который он должен был миновать, чтобы дойти до этого. Почему не разбил он бюста именно там, тогда как с каждым шагом для него, очевидно, возрастала опасность наткнуться опять на кого-нибудь.

– Решительно не берусь объяснить, – отвечал инспектор.

Холмс указал на уличный фонарь над нашими головами.

– Здесь он мог видеть, что делает, а там не мог. Вот что руководило им.

– Клянусь Юпитером, это верно! – воскликнул сыщик. – Как я теперь припоминаю, – прибавил он, – и бюст, принадлежавший доктору Барнико, был раздроблен неподалеку от его красного фонаря. Итак, мистер Холмс, что же нам делать с этим фактом?

– Запомнить его и вывести из него заключение. Мы можем придти потом к чему-нибудь, имеющему с ним прямую связь. Какие меры собираетесь вы принять теперь, Лестрейд?

– Всего нужнее, по-моему, удостовериться личность убитого. Это будет немудрено. Когда же мы узнаем, кто он, и кто его товарищи, то значительно продвинемся в вопросе о том, что он делал на Питт-стрит прошедшей ночью, кто с ним встретился и кто убил его. Как вы полагаете?

– Это несомненно. Однако, я подошел бы к делу несколько иным путем.

– А с какой же стороны взялись бы вы за него?

– О, вы не должны поддаваться моему влиянию в каком бы то ни было отношении! Лучше будем действовать каждый по-своему. Потом мы сравним наши заметки, и каждый из нас пополнит сделанное другим.

– Очень хорошо, – согласился Лестрейд.

– Если вы вернетесь назад на Питт-стрит, то, может быть, увидите мистера Гораса Гаркера. Передайте ему от меня, что я уже вывел свое заключение, и что опасный кровожадный безумец, помешанный на ненависти к Наполеону, забрался прошлой ночью к нему в дом. Это будет полезно для его статьи.

Инспектор остановился, как вкопанный.

– Не может быть, чтобы вы серьезно думали так!

Холмс усмехнулся.

– Почему же нет?.. Но допустим, что я не думаю так. Тем не менее, я уверен, что это заинтересует мистера Гораса Гаркера, а вместе с ним и подписчиков «Центрального Синдиката Печати»... Ну, теперь, Ватсон, я полагаю, нам придется много поработать и поломать голову над сложной задачей. Мне было бы очень приятно, Лестрейд, если бы вы заглянули к нам на Бейкер-стрит в шесть часов вечера. А до тех пор я удержу при себе фотографическую карточку, найденную в кармане убитого. Возможно, что я попрошу вашей помощи и содействия в маленькой экспедиции, которую намерен предпринять сегодня ночью, если ряд моих выводов окажется правильным. А пока до свиданья и желаю вам удачи!

Мы с Шерлоком пошли вдвоем на Гай-стрит; здесь он остановился у магазина братьев Гардинг, где был приобретен бюст. Молодой приказчик сообщил нам, что хозяин вернется лишь после полудня, а сам он новичок и не может дать нам нужных сведений. Лицо Холмса выразило досаду и неудовольствие.

– Ну, что ж делать, Ватсон, – сказал, наконец, мой приятель после минутного раздумья, – невозможно требовать, чтобы все шло, как мы хотим! Придется зайти сюда еще раз вечером, если мистер Гардинг не будет дома до этого времени. Я, как вы, несомненно, догадываетесь, стараюсь выследить бюсты до их источника, чтобы узнать, нет ли тут чего-нибудь особенного, что могло бы иметь связь с их замечательным жребием. Поедемте к мистеру Морзу Гудсону в Кеннингтон-Род и посмотрим, не может ли он пролить какой-нибудь свет на эту загадку.

После часа езды мы добрались до магазина художественных вещей. Хозяин его был полный мужчина невысокого роста с красным лицом и раздражительным характером. На вопросы Холмса он заговорил, постепенно разгораясь:

– Как же, сэр, это произошло на моем собственном прилавке! С какой стати платим мы подати и налоги, я решительно не понимаю, если каждый нахал смеет ворваться к нам в дом и безнаказанно портить наше добро! Да, сэр, это я продал доктору Барнико те два бюста. Это гнусно, сэр! Тут какой-нибудь заговор нигилистов, не иначе. Кому, кроме анархиста, придет в голову крошить статуэтки? Красные республиканцы, вот как я их называю. От кого приобрел я те бюсты? Не все ли вам равно? Я не вижу тут ничего общего! Впрочем, если вы непременно желаете знать, я готов сообщить вам, что купил их от Гельдера и К° на Черч-стрите, Стэпней. Это известная торговая фирма, которая отлично держится вот уже двадцать лет... Сколько было у меня бюстов? Три. Два да один составят три. Два проданы доктору Барнико, один же раздроблен среди бела дня на моем собственном прилавке. Знакома ли мне эта фотография? Нет, не знакома. Впрочем, позвольте. Ай, да это же Беппо! Жил у меня этот итальянец, мастер-штучник, малый на все руки. Он понемножку и скульптор, и позолотчик; смастерит и раму для картины, и справит вам какую угодно работу. Только он ушел от меня на прошлой неделе, и с тех пор о нем ни слуху ни духу... Нет, я не знаю, откуда он взялся и куда пропал. Я не имел ничего против этого парня, когда он был тут. Он исчез за два дня до того, как разбили бюст.

– Больше этого нельзя было и ожидать от Морза Гудсона, – сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. – Этот Беппо является, несомненно, общим фактором как в Кеннингтоне, так и в Кенсингтоне. А ведь это сведение, право, стоит того, чтоб проехать ради него десять миль! Теперь, Ватсон, отправимся к Гельдеру и К° в Стэпней, к источнику и месту происхождения бюстов. Я буду удивлен, если мы не получим там кой-какого подкрепления.

В быстрой последовательности миновали мы фешенебельный Лондон, отельный Лондон, театральный Лондон, литературный Лондон, коммерческий Лондон и, наконец, морской Лондон, после чего достигли берегового города с населением в сто тысяч душ, где наемные дома кишат отверженцами Европы. Здесь на широкой проезжей улице, окаймленной некогда жилищами богатых купцов Сити, мы нашли мастерскую скульптурных изделий, которую искали. К ней примыкал обширный двор, покрытый строящимися монументами. Миновав его, мы вступили в громадную комнату, где пятьдесят мастеровых занимались – кто обработкою мрамора, кто лепкой. Управляющий, высокий белокурый немец, принял нас вежливо и дал ясный ответ на все расспросы Холмса. По справке в его книге оказалось, что с мраморной копии наполеоновского бюста работы Девина было сделано несколько сот гипсовых снимков. Но три из них, посланные Морзу Гудсону год или больше тому назад, составляли половину отдельной партии из шести штук, изготовленных одновременно, тогда как остальные были доставлены братьям Гардинг в Кенсингтон. В этих шести бюстах не было решительно ничего особенного, чем они отличались бы от слепков других партий. Немец не мог указать никакой вероятной причины, которая требовала бы их насильственного уничтожения. Эта идея даже заставила его расхохотаться. Оптовая цена бюстов была шесть шиллингов, но розничный торговец мог выручить за них двенадцать шиллингов и более. Снимок изготовлялся в двух формах, каждая сторона лица отдельно, после чего эти два готовых профиля из парижского гипса соединялись вместе, чтобы составить полный бюст. Работа исполнялась обыкновенно итальянцами в той самой комнате, где мы находились. Готовые бюсты ставили в коридоре на стол для просушки, а потом уносили в кладовую. Это было все, что управляющие мог нам сообщить.

Но предъявленная ему фотография оказала на него совершенно неожиданное действие. Он побагровел от гнева и насупил брови над своими голубыми тевтонскими глазами.

– Ах, негодяй! – воскликнул немец. – Действительно, я знаю очень хорошо этого человека. Здешняя мастерская всегда была почтенным заведением, и единственный раз, когда приходила сюда полиция, это случилось из-за него. Больше года тому назад он ударил ножом на улице другого итальянца, своего земляка, а потом пришел сюда как ни в чем не бывало. Но по его пятам нагрянули полицейские. Звали его Беппо, а фамилии головореза я так и не узнал. Поделом мне! Зачем было нанимать субъекта с такой физиономией. Впрочем, Беппо был хорошие работник, один из лучших.

– К чему же его приговорили?

– Раненый земляк остался в живых, поэтому Беппо отделался одним годом заключения. Я уверен, что теперь он вышел из тюрьмы, но буян не посмел показать сюда нос. Впрочем, у нас здесь живет его двоюродный брат. Пожалуй, он сообщит вам, где найти этого малого.

– Нет-нет! – воскликнул Холмс. – Ни слова брату, ни слова, прошу вас! Это дело очень серьезное, и чем дальше я подвигаюсь в его расследование, тем серьезнее оно, по-видимому, становится. Когда вы справлялись в большой счетной книге о времени продажи тех гипсовых копий, я заметил, что она помечена у вас 3 июня прошлого года. Можете ли вы сообщить мне число, когда Беппо был арестован?

– Я могу указать вам его приблизительно по платежному списку, – отвечал управляющий. – Да, – продолжал он, перевернув несколько страниц, – последняя плата была ему выдана 20 мая прошлого года.

– Весьма благодарен, – сказал Холмс. – Не думаю, чтобы мне понадобилось утруждать вас еще, злоупотребляя вашим временем и терпением.

Повторив лишний раз предостережение управляющему, чтобы он не разглашал о наших розысках, мы снова повернули в западную сторону.

Время перевалило далеко за полдень, прежде чем нам удалось наскоро позавтракать в ресторане. Газетное объявление у входа гласило: «Наглое нападение в Кенсингтоне. Убийство, совершенное помешанным». И содержание газеты доказывало, что мистер Горас Гаркер успел-таки напечатать свою корреспонденцию. Два столбца были заняты крайне сенсационным и цветистым описанием случившегося. Холмс пробежал глазами этот отчет, утоляя свой голод. Раз или два у него вырывался сдержанный смех.

– Превосходно, Ватсон! – воскликнул, наконец, мой приятель. – Послушайте-ка: «Утешительно узнать, что о настоящем происшествии не может быть разноречивых мнение, так как мистер Лестрейд, один из опытейших чиновников сыскной полиции, и мистер Шерлок Холмс, известный эксперт-консультант, пришли к одинаковому заключению, что ряд диких инцидентов, закончившихся так трагически, следует скорее приписать помешательству, чем видеть в нем обдуманное преступление». Печать, любезный Ватсон, есть самое драгоценное учреждение, если только пользоваться ею умело. Кончили вы завтракать?.. Тогда пойдемте скорее назад в Кенсингтон и посмотрим, что-то скажет нам заведующий торговлей братьев Гардинг.

Хозяин этого обширного склада оказался бойким сморщенным человечком небольшого роста, чрезвычайно живым и проворным, с сообразительной головой и большою словоохотливостью.

– Как же, сэр, я уже читал о происшествии в вечерних газетах. Мистер Горас Гаркер наш покупатель. Мы продали ему тот гипсовый бюст несколько месяцев назад. Мы заказали три таких экземпляра Гельдеру и К°, в Стэпнее. Все они теперь уже распроданы. Кому?.. О, я надеюсь, что, заглянув в торговый книги, мы без труда удовлетворим ваше любопытство. Так и есть! Вот наши записи. Один бюст продан, как видите, мистеру Гаркеру, другой – мистеру Джозия Брауну из Лэберном-вилла, Чизвик, а третий – мистеру Сэндфорду с Лауэр-Гров-Рода, Ридинг... Нет, я никогда не видал лица, которое вы мне показываете на фотографии. Его было бы трудно забыть. Неправда ли, сэр? Потому что редко можно встретить человека безобразнее... Есть ли у нас итальянцы среди служащих? Да, сэр, у нас их много между мастеровыми и чистильщиками. Это точно, они имеют возможность заглянуть в торговую книгу, если захотят. Нет особенной причины держать ее под ключом. Ваша правда, это престранная история, и я надеюсь, что вы сообщите мне о дальнейшем, если из ваших разведок выйдет какой-нибудь прок.

Холмс сделал несколько заметок в своей записной книжке во время показаний мистера Гардинга. По его лицу можно было видеть, что он вполне доволен оборотом, который принимали дела. Впрочем, мой товарищ хранил молчание и сказал только, что если мы не поторопимся, то опоздаем к приходу Лестрейда. Само собой разумеется, что сыщик явился на Бейкер-стрит раньше нас, и мы нашли его в лихорадочном нетерпении, шагающим из угла в угол. По важному виду инспектора можно было заключить, что его хлопоты в этот день не пропали даром.

– Ну что? – спросил он. – Повезло вам, мистер Холмс?

– Мы много потрудились сегодня, – отвечал Шерлок, – и не совсем напрасно. Мы повидали обоих розничных торговцев, а также оптовых фабрикантов. Теперь я могу проследить каждый из бюстов с самого начала.

– Бюсты! – с оттенком презрения подхватил Лестрейд. – Ну да, конечно, у вас свои приемы, мистер Холмс, и не мне возражать что-либо против них. Тем не менее, я полагаю, что мною сделано кое-что поважнее: я удостоверил личность убитого.

– Да не может быть!

– И открыл повод к преступлению.

– Великолепно!

– У нас есть инспектор, который специально наблюдает за Саффрон-Гиллем и итальянским кварталом. Так вот, видите ли, на шее убитого была надета какая-то католическая эмблема, а это, заодно с его смуглой кожей, подало мне мысль, что он южанин. Инспектор Гилль признал этого молодца с первого же взгляда. Его звали Пьетро Венуччи. Он родом из Неаполя и был самым отчаянным злодеем в Лондоне. Венуччи причастен к мафии; этим именем, как вам известно, называется тайное политическое общество, подкрепляющее свои распоряжения убийством. Теперь вы понимаете, как начинается дело? Человек, разбиравший изображения Наполеона, вероятно, также итальянец и член мафии. Он в чем-нибудь нарушил правила союза. Пьетро был послан выследить его. Должно быть, на фотографии, которую мы нашли в кармане жертвы, изображен сам преступник. Венуччи снабдили ею для того, чтобы он не зарезал по ошибке кого-нибудь другого. Он подстерег указанного ему человека, видел, как тот вошел в дом, выждал его на крыльце, но сам получил смертельную рану во время схватки. Ну, что вы скажете на это, мистер Холмс?

Мой товарищ в знак одобрения захлопал в ладоши.

– Превосходно, Лестрейд, превосходно! – воскликнул он. – Только я плохо вникнул в то, чем объясняете вы истребление бюстов.

– Бюсты! Вы никак не можете выкинуть их из головы! В сущности, это пустяки, мелкая кража, за которую полагается самое большее шесть месяцев тюремного заключения. Мы расследуем убийство, и говорю вам, что скоро все нити преступления будут у меня в руках.

– Ну, а следующая стадия?

– Она очень проста. Я отправлюсь с Гиллем в итальянский квартал, отыщу человека, фотографию которого мы достали, и арестую его по обвинению в убийстве. Вы пойдете с нами?

– Едва ли. Мне кажется, что мы сумеем достичь цели гораздо проще. Конечно, я не могу ручаться за успех, потому что все это зависит... Все это зависит от фактора, совершенно недоступного нашему контролю. Однако, есть большие шансы – на самом деле можно поставить два против одного, – что если вы согласитесь отправиться с нами сегодня ночью, то я помогу вам накрыть преступника.

– В итальянском квартале?

– Нет; я полагаю, что Чизвик – более подходящий адрес для его поимки. Если вы поедете со мною сегодняшней ночью в Чизвик, Лестрейд, то я обещаю вам пойти с вами завтра в итальянский квартал, и от этой отсрочки не произойдет никакой беды. Теперь же всем нам не мешало бы хорошенько выспаться, так как я не рассчитываю выйти из дому до одиннадцати часов, и нельзя надеяться, чтобы мы вернулись раньше утра. Вы отобедаете с нами, Лестрейд, а потом добро пожаловать на диван, пока не наступит время тронуться с места! Тем временем, Ватсон, я буду вам весьма признателен, если вы позвоните и потребуете нарочного; мне надо отправить письмо, и его отсылка не терпит отлагательства.

Холмс провел вечер, роясь в кипах старых газет, которыми был набит один из наших чуланов. Когда он, наконец, спустился вниз, его глаза горели торжеством; однако, мой товарищ не обмолвился ни словом о результате своих поисков. Со своей стороны я выслеживал шаг за шагом приемы, которые он применял, подвигаясь вперед в лабиринте этого сложного дела. И хотя я не мог догадаться, к чему приведет его план, но ясно понимал, что, по расчету Холмса, нелепый преступник должен произвести нападение на два уцелевших бюста, один из которых, как мне помнилось, находился в Чизвике. Несомненно, целью нашей поездки было захватить виновного на месте преступления, и я невольно восхищался той хитростью, с которой Шерлок поместил ложное указание в вечерней газете с целью внушить преступнику мысль, что он может безнаказанно продолжать задуманное им. Меня несколько не удивило, когда Холмс посоветовал мне запастись револьвером. Сам он взял заряженный охотничий пистолет, свое любимое оружие.

Наемный экипаж подкатил к крыльцу в одиннадцать ночи, и мы доехали до одного места по ту сторону Геммерсмитского моста. Здесь извозчику было приказано дожидаться. Пройдя немного пешком, мы достигли уединенной дороги, окаймленной красивыми домиками, стоявшими в садах. При свете уличного фонаря на воротах одного из них можно было прочесть «Лэберном-вилла». Обитатели дома, очевидно, спали. Все окна были темны, за исключением слухового окошка над входной дверью, которое отбрасывало единственный тусклый круг света на садовую дорожку. Деревянный забор, отделявший сад от дороги, отбрасывал от себя густую черную тень на внутреннюю сторону, и здесь-то мы притаились втроем.

– Боюсь, что нам придется долго ждать, – прошептал Холмс. – Мы должны еще благодарить судьбу, что нет дождя. Едва ли можно даже закурить сигару от скуки. Но все-таки у нас есть два шанса против одного, что мы добьемся кое-чего в награду за труды.

Между тем, наше ожидание оказалось не таким продолжительным, как опасался Холмс, и окончилось весьма внезапным и необычайным образом. В одну минуту, без малейшего звука, который предупредил бы нас о приближении человеческого существа, садовая калитка распахнулась, и гибкая темная фигура, юркнув в нее с проворством и живостью обезьяны, помчалась стрелой по дорожке сада. Мы видели, как она мелькнула в полосе света, выходившего из полукруглого окна над крыльцом, и скрылась опять в густой тьме около дома. Наступила долгая пауза, в продолжение которой мы не двигались с места, затаив дыхание; потом до нас донесся еле слышный треск. Окно отворилось. Слабый шум прекратился, и все окружающее снова застыло в жутком безмолвии. Ночной пришелец пробирался в дом. Мы увидели внезапную вспышку потайного фонаря в темной комнате. То, чего искал вор, очевидно, не попадалось ему под руку, потому что мы заметили новое мелькание огня сквозь другую штору, а потом сквозь третью.

Джентельмены

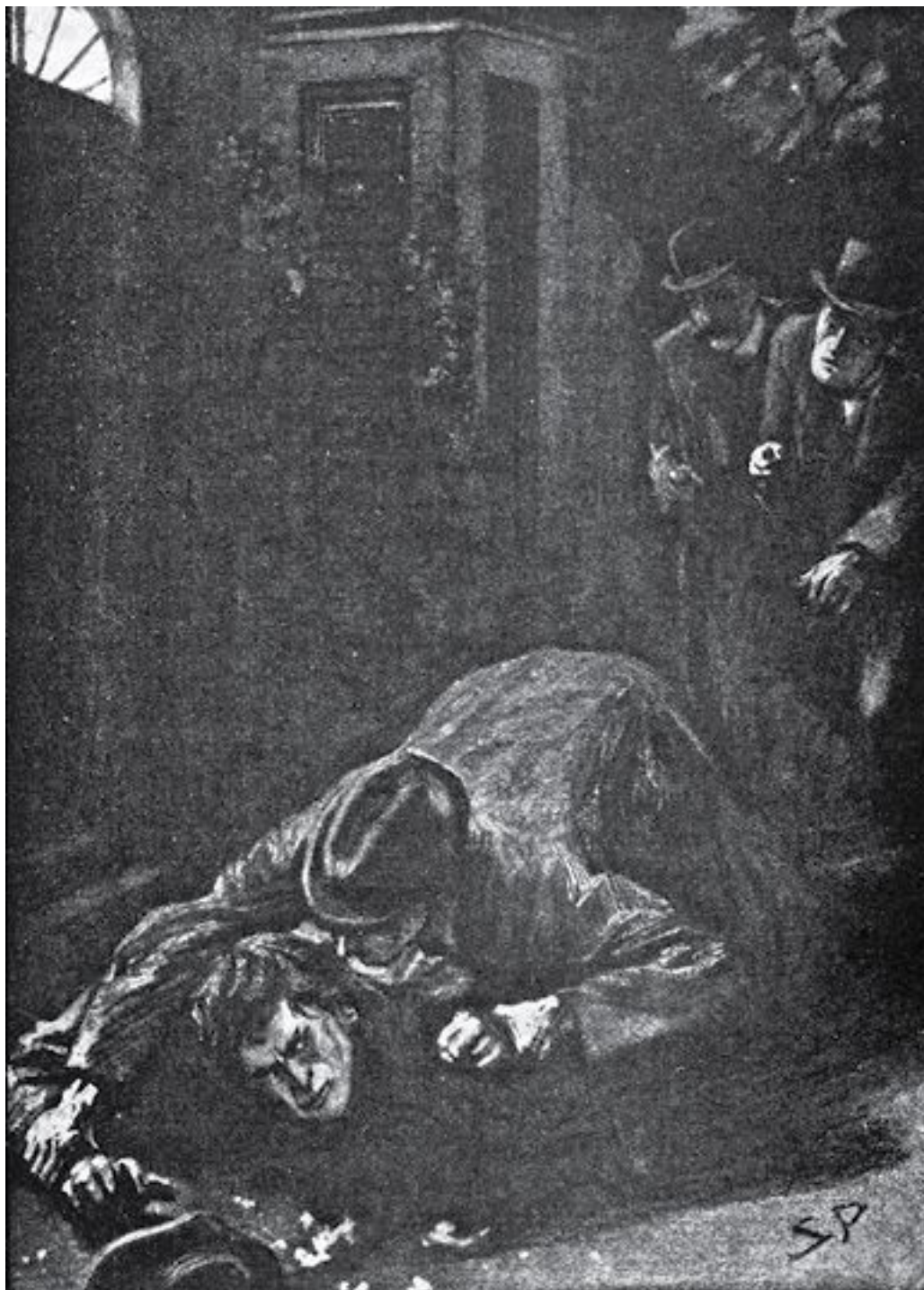

В поведении Шерлока Холмса есть задатки джентльмена, хотя его образ не совсем соответствует этому типу привилегированного слоя английского общества. Джентльмен строго следует традициям и нормам поведения. Холмс руководствуется собственным кодексом чести, который нередко не соответствует понятию о традиционном джентльмене. Хотя он достаточно обеспечен, чтобы не зарабатывать хлеб в поте лица, достаточно образован, но он в состоянии нарушить этикет – быть грубым, говорить неправду, находиться в состоянии крайнего возбуждения.

Истинный викторианский джентльмен иной. Он трезвыми глазами, без детских иллюзий, но и без излишнего пессимизма смотрит на окружающих его людей и обстановку. Этот человек безукоризненно владеет всеми своими

чувствами и порывами. К себе он предъявляет строгие правила, зато, как истинно культурный человек, снисходителен к другим. Джентльмен должен всегда, как наружно, так и духовно, сохранять корректность, никогда не переходить известных границ. Умение владеть собой – это фундамент его воспитания. Благодаря этому качеству он и является всегда приятным и желанным в благородном обществе. У Шерлока Холмса несколько иное отношение к людям, с которыми ему приходится сталкиваться: «Каждому воздастся по деяниям его».

– Пойдемте к отворенному окну. Мы сцапаем его, когда он будет вылезать вон, – прошептал Лестрейд.

Но не успели мы пошевелиться, как незнакомец появился вновь. Когда он вступил на освещенное пространство, мы увидели, что негодяй тащит под мышкой какой-то белый предмет. Он огляделся украдкой вокруг себя. Тишина безлюдной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он положил на землю свою ногу; вслед за тем раздался громкий стук, сопровождаемый треском и звяканьем разлетевшихся осколков. Злоумышленник был до такой степени поглощен своим делом, что не расслышал наших шагов, когда мы осторожно подкрадывались по траве, покрывавшей лужайку. Стремительным прыжком тигра Холмс кинулся ему на спину, а секунду спустя Лестрейд и я овладели его руками, чтобы застегнуть на них ручные

кандалы. Когда мы перевернули барахтавшегося арестанта навзничь, то я увидел перед собою отвратительное бледно-желтое лицо с искаженными свирепыми чертами и яростным взглядом, обращенным на нас. Это был, несомненно, оригинал фотографии, найденной в кармане убитого.

Но внимание Холмса было устремлено совсем не на пойманного человека. Присев на корточки на ступенях крыльца, он тщательно рассматривал предмет, вынесенный вором из дома. То был гипсовый бюст Наполеона, подобный тому, который мы видели поутру, и раздробленный на такие же осколки. Шерлок с озабоченным лицом подносил каждый черепок к свету, но ни один из них ничем не отличался от всякого другого обломка гипса. Мой приятель только что окончил свой осмотр, как вдруг огонь в сенях вспыхнул ярче, дверь отворилась, и хозяин дома, веселый толстяк в одних брюках и рубашке, показался на пороге.

– Мистер Джозия Браун, если не ошибаюсь? – спросил Холмс.

– Да, сэр. А вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Я получил записку, посланную вами с нарочным, и сделал в точности то, что вы мне велели. Мы заперли все двери изнутри, после чего стали дожидаться вора. Ну, я очень рад поимке негодяя! Надеюсь, джентльмены, что вы зайдете ко мне закусить и подкрепиться.

Однако, Лестрейд торопился доставить преступника в безопасное место, поэтому несколько минут спустя был вызван наш кеб, и мы вчетвером покатали обратно в Лондон. Наш узник не проронил дорогой ни слова, он только свирепо смотрел на нас из-под нависших на лоб всклокоченных волос. Когда моя рука очутилась вблизи его лица, он впился в нее зубами, как голодный волк. Мы пробыли достаточно долго в полицейском участке, чтобы узнать, что при обыске платья у арестанта не найдено ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала в ножнах, рукоятка которого носила многочисленные следы свежей крови.

– Скоро все откроется, – сказал, прощаясь с нами, Лестрейд. – Гиллю хорошо известен весь этот честной народец, и он сейчас назовет имя нашего молодца. Вы увидите, что моя догадка насчет мафии подтвердится. Тем не менее, я весьма обязан вам, мистер Холмс, за искусную поимку злодея. Очень уж ловко подстроили вы это, хотя, собственно, я не вполне понимаю, что навело вас на такую счастливую мысль.

– Боюсь, что теперь слишком поздний час для разъяснений, – отвечал Шерлок. – Кроме того, здесь не определились еще кое-какие подробности, а это одно из дел, которые стоит разобрать до конца. Если вы пожелаете зайти ко мне опять завтра вечером около шести часов, то, пожалуй, я буду в состоянии показать вам, что даже и теперь вы не проникли вполне в самую суть происшествия, представляющего некоторые черты, которые ставят его особняком от прочих преступлений... Если когда-нибудь я разрешу вам, любезный Ватсон, занести в вашу летопись еще кое-какие из моих маленьких проблем, то предвижу заранее, что вы оживите страницы своих записок рассказом об удивительном приключении с наполеоновскими бюстами.

Когда мы сошлись втроем в назначенное время на другой день, Лестрейд был более осведомлен о нашем арестанте. Зовут его Беппо, фамилия неизвестна. Среди итальянской колонии он слыл неисправимым бездельником. В былое время он был искусным скульптором и содержал себя честным трудом, но потом свернул на другую дорогу и уже два раза сидел в тюрьме: за мелкую кражу, а второй раз, как мы уже слышали, за вооруженное нападение на своего земляка. По-английски он объяснялся совершенно правильно. Причины, заставлявшая его истреблять бюсты французского императора, оставались пока невыясненными, и преступник отказывался отвечать на все вопросы по этому предмету; но полиция дозналась, что эти гипсовые слепки могли быть сделаны его собственными руками. Ко всем этим сообщениям, большая часть которых не представляла для нас новизны, Холмс прислушивался с вежливым вниманием, но мне, знавшему его так хорошо, было ясно, что его мысли витали далеко отсюда, и я угадывал смесь беспокойства и нетерпеливого ожидания под обычной маской хладнокровной сдержанности, которую он носил. Наконец Шерлок выпрямился в кресле; его глаза проси-

яли. Внизу раздался звонок. Минуту спустя мы услышали на лестнице приближающиеся шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый мужчина с седеющими бакенбардами. В правой руке у него был старомодный ковровый саквояж, который он поставил на стол.

– Дома ли мистер Шерлок Холмс? – спросил вошедший.

Мой друг поклонился с улыбкой, говоря:

– Мистер Сэндфорд из Ридинга, я полагаю?

– Да, сэр. Боюсь, что я немного опоздал, но тому виною неаккуратность поездов. Вы писали мне насчет бюста, находящегося в моем владении.

– Совершенно верно.

– Ваше письмо у меня с собой. Вы пишете: «Я желаю приобрести копию с девиновского Наполеона и готов заплатить десять фунтов за ту, которая находится в вашем владении». Так ли это?

– Конечно.

– Я был весьма удивлен вашим письмом, потому что не мог представить себе, каким образом узнали вы, что у меня есть такая вещь.

– Конечно, вы должны были удивиться, но объяснение очень просто. Мистер Гардинг из магазина сообщил мне, что их фирма продала свою последнюю копию вам, и дал мне ваш адрес.

– Так вот что! Неужели? А он сказал вам, сколько я заплатил за нее?

– Нет, не сказал.

– Послушайте, я честный человек, хоть и небогатый. За бюст заплачено мною всего пятнадцать шиллингов. По-моему, вы должны это знать прежде, чем я возьму от вас те десять фунтов.

– Позвольте вам сказать, что такая добросовестность делает вам честь, мистер Сэндфорд. Но я назначил цену и намерен ее держаться.

– Это очень мило с вашей стороны, мистер Холмс. Я привез с собою бюст, как вы просили. Вот он!

Посетитель открыл саквояж, и мы увидели на столе цельный экземпляр бюста, виденного нами уже не раз в обломках.

Холмс вынул из кармана бумагу и положил на стол билет в десять фунтов.

– Вы потрудитесь подписать составленный мною документ, мистер Сэндфорд, в присутствие этих свидетелей. В нем сказано просто, что вы передаете мне все права, которые когда-либо имели на этот бюст. Я человек методический, как видите, а вы не можете знать, какой поворот могут принять впоследствии события... Благодарю вас, мистер Сэндфорд; вот ваши деньги и позвольте пожелать вам доброго вечера!

Когда наш гость скрылся за дверью, действие Шерлока Холмса возбудили в нас сильнейшее любопытство. Он начал с того, что вынул из комода чистую белую скатерть и постлал ее на стол. Потом он поставил только что купленный бюст посредине этой скатерти. В заключении мой приятель взял молоток и с размаху ударил Наполеона в самое темя. Гипсовая голова разлетелась вдребезги, а Холмс поспешно наклонился над рассыпавшимися осколками. В ту же минуту мы услышали громкие возглас торжества, и он показал нам один из черепков, в котором сидел какой-то круглый темный предмет, точно чернослив в пудинге.

— Джентльмены! — воскликнул мой товарищ. — Позвольте представить вам знаменитую черную жемчужину Борджиа.

Лестрейд и я с минуту сидели молча, ошеломленные такой неожиданностью, а потом разразились дружными аплодисментами в порыве неподдельного восхищения. Яркая краска ударила в бледное лицо Холмса; он раскланялся нам, как драматург, принимающей чествования публики. В такие моменты он переставал быть рассуждающей машиной, обнаруживая свою человеческую любовь к поклонению и похвалам. Эта необычайно гордая и скрытная натура, которая презрительно отворачивалась от общественной известности, была способна глубоко умиляться непритворным восторгом и одобрением друга.

– Да, джентльмены, – сказал Шерлок, – это самая знаменитая жемчужина, существующая теперь на свете, и мне посчастливилось с помощью связной цепи индуктивного рассуждения выследить ее от спальни князя Колонна в отеле Дакр, где она потерялась, до внутренности этого последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных Гельдером и К° в Стэпнее. Вспомните, Лестрейд, переполох, вызванный пропажей этой крупной драгоценности, и напрасные усилия лондонской полиции отыскать ее. Со мной советовались по этому делу, но я не мог пролить на него никакого света. Подозрение пало на горничную княгини, итальянку родом, и было доказано, что у нее есть в Лондоне брат, но нам так и не удалось открыть каких бы то ни было сношений между ними. Горничную звали Лукреция Венуччи, и теперь для меня несомненно, что этот Пьетро, зарезанный прошлой ночью, был ее брат. Я справился по старым газетам о числах и нашел, что пропажа жемчужины произошла как раз за два дня до ареста Беппо, схваченного полицией за какое-то насилие, – событие, случившееся в мастерской Гельдер и К° в то самое время, когда в ней изготовлялись те бюсты. Теперь вы ясно видите последовательность события, хотя видите их, конечно, в порядке, противоположном тому, в котором они представлялись мне. Беппо имел жемчужину у себя в руках. Он мог украсть ее у Пьетро, мог быть сообщником Пьетро или посредником между Пьетро и его сестрой. Для нас не столь важно знать, которое из этих предположений верно. Важно то, что Беппо обладал жемчужиной, и в тот момент, когда она была при нем, его разыскивала полиция. Он кинулся в мастерскую, где работал, и знал, что у него в распоряжении только несколько минут, которые надо употребить на то, чтобы спрятать эту вещь громадной ценности, иначе ее нашли бы при нем во время обыска. Шесть гипсовых бюстов Наполеона просушивались в коридоре. Один из них был еще мягок. В одну минуту Беппо, искусный мастер, сделал маленькое отверстие в сыром гипсе, опустил в него жемчужину и ловко заделал отверстие снаружи, сгладив поверхность. Это было превосходное хранилище. Едва ли кто мог бы открыть его. Между тем Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем шесть бюстов рассеялись по всему Лондону. Он не мог сказать, в каком именно из них заключалось его сокровище; только разбив их, можно было убедиться в этом. Даже встряхивание не сказало бы ему ничего, потому что при сырости гипса было вероятно, что жемчужина пристанет к нему, как на самом деле и вышло. Беппо не отчаивался; он направил свои поиски со значительной изобретательностью и настойчивостью. Через двоюродного брата, который работает у Гельдера, ему удалось узнать фамилии розничных торговцев, купивших бюсты. Он устроил так, чтобы найти занятие у Морза Гудсона, и этим путем выследил три из них. Жемчужины в них не оказалось. Тогда с помощью одного итальянца, служащего в этом торговом доме, Беппо успел дознаться, куда попали три остальные бюста. Первый был у Гаркера. Тут его выследил сообщник, обвинявший Беппо в потере жемчужины, и Беппо зарезал его в последовавшей драке.

– Но если он был его сообщником, с какой стати тот носил в кармане его фотографию? – спросил я.

– С целью выследить его на тот случай, если бы он захотел осведомиться о нем у третьего лица. Это была очевидная причина. И я рассчитал, что после убийства Беппо, вероятно, примется действовать скорее поспешно, чем станет откладывать свои замыслы. Он побоится, чтобы полиция не разгадала его тайны, и потому поспешит исполнить свой замысел прежде, чем сыщики пустятся по его следам. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Гаркеру. Я даже не знал наверняка, что то была жемчужина, но мне было ясно, что преступник чего-то ищет, раз он протащил украденный бюст мимо нескольких домов с целью разбить его в саду, над которым горел уличный фонарь. Так как бюст Гаркера был одним из трех, то шансы представлялись совершенно в том виде, как я вам говорил: два против одного, что жемчужина скрывалась в них. Оставалось два бюста, и было очевидно, что преступник раньше возьмется за лондонский. Я предостерег обитателей дома, во избежание второй трагедии, и все обошлось как нельзя более благополучно. Тем временем,

разумеется, я убедился, что мы отслеживаем жемчужину Борджиа. Имя убийцы послужило соединительным звеном между одним происшествием и другим. Теперь оставался в целости только единственный бюст в Ридинге, и жемчужина должна была находиться в нем. Я купил его в вашем присутствии у владельца, и вот он лежит перед вами.

С минуту мы сидели в молчании.

– Ну, я видел, как вы распоряжались многими следствиями, мистер Холмс, – сказал Лестрейд, – но не помню, видел ли что-нибудь искуснее этого. Мы не завидуем вам в сыскной полиции. Нет, сэр, мы очень гордимся вами, и если вы придете к нам завтра, то не найдется ни одного человека, от самого старого инспектора до самого молодого констебля, кто не был бы рад пожать вам руку.

– Благодарю вас! – ответил Холмс. – Благодарю вас!

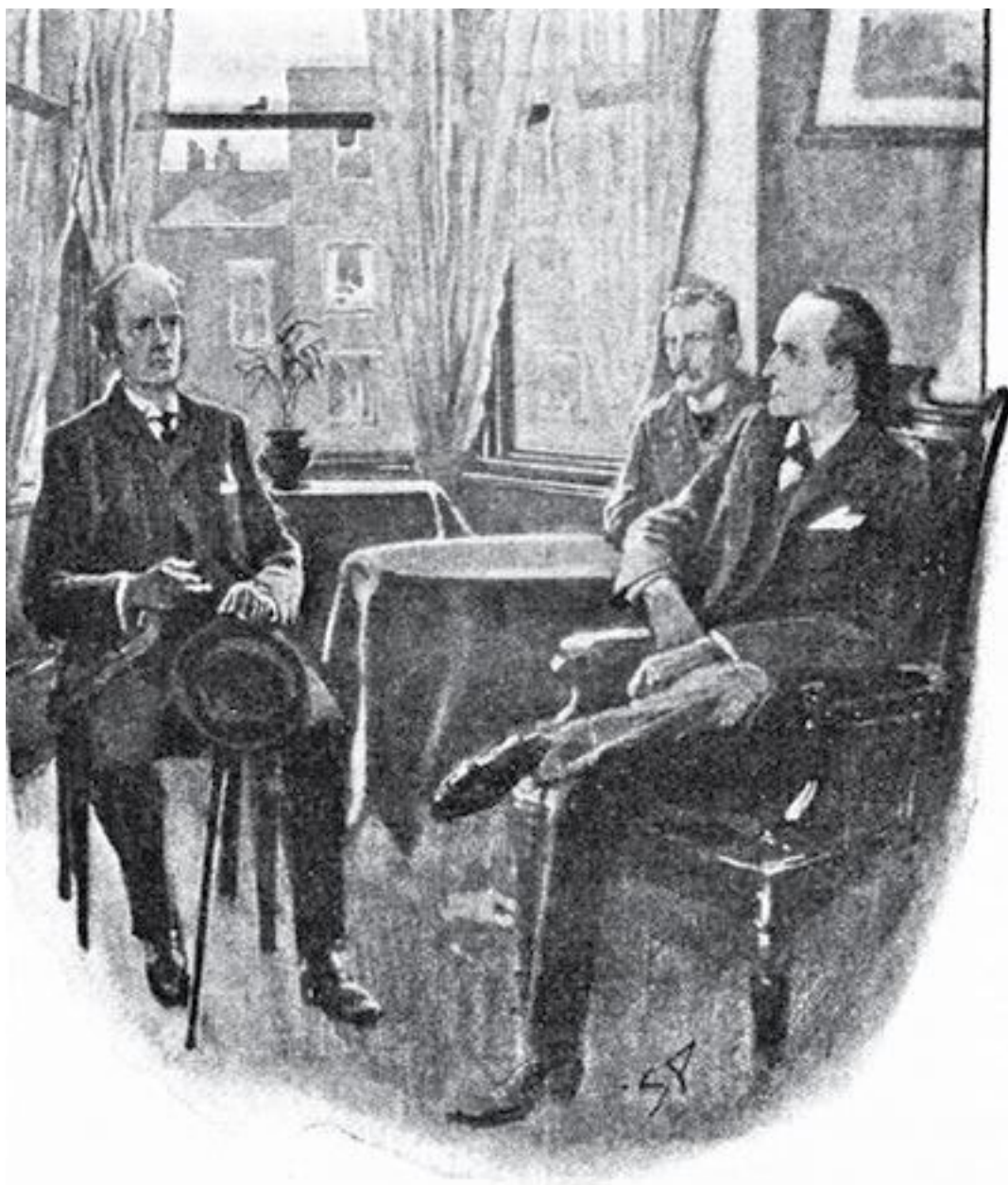
И когда он отвернулся, мне показалось, что мой товарищ сильнее взволнован мягким человеческим чувством, чем когда-нибудь. Минуту спустя он был уже опять холодным практическим мыслителем.

– Уберите жемчужину в несгораемый шкаф, Ватсон, – сказал Шерлок, – да достаньте бумаги по делу о Конг-Синглетонской кузнице... Прощайте, Лестрейд. Когда вам попадется опять какая-нибудь маленькая задача, я буду очень счастлив, если мне удастся дать вам два или три полезных указания для ее решения.

Три студента

Благодаря стечению обстоятельств, о которых нет надобности распространяться, Шерлоку Холмсу и мне пришлось провести несколько недель в одном из больших университетских городов, и в это-то время имело место маленькое, но поучительное приключение, о котором я собираюсь рассказать. Очевидно, что было бы неблагоприятно с моей стороны, если бы я дал подробности, которые помогли бы читателю в точности узнать колледж или преступника. Такой тяжелый скандал следует дать возможность забыть. Однако же при должной сдержанности сам инцидент может быть описан, так как он служит иллюстрацией тех некоторых качеств, которыми прославился мой друг. Я попытаюсь избежать в своих показаниях таких определенных выражений, которые бы ограничивали события каким-нибудь отдельным местом или дали бы ключ к распознаванию заинтересованных лиц.

Мы жили в то время в меблированных комнатах по соседству с библиотекой, в которой Шерлок Холмс занимался сложными изысканиями в древних английских хартиях, – изысканиями, приведшими к таким поразительным результатам, что они могут послужить сюжетом для одного из моих будущих рассказов. В этих-то меблированных комнатах нас однажды вечером посетил наш знакомый мистер Гильтон Сомс, воспитатель и лектор колледжа Святого Луки. Мистер Сомс был высокий худощавый мужчина, нервный и легко возбуждавшийся. Я всегда знал его как очень беспокойного в манерах, но в этот раз он находился в состоянии крайнего возбуждения, ясно указывавшего на то, что случилось нечто совершенно необыкновенное.

– Надеюсь, мистер Холмс, что вы сможете уделить мне несколько часов вашего драгоценного времени. У нас в колледже случился очень печальный инцидент, и, право, если бы не счастливая случайность, что вы находитесь у нас в городе, я бы не знал, что делать.

– Я сейчас очень занят и не желаю, чтобы меня отвлекали от дела, – ответил мой друг. – Я бы предпочел, чтобы вы обратились за помощью в полицию.

– Нет-нет, дорогой сэр; это положительно невозможно. Раз в дело вмешается полиция, то ее уже нельзя будет остановить, а наш случай такого рода, что ради чести колледжа крайне существенно избежать скандала. Ваша скромность так же хорошо известна, как ваши таланты, и вы единственный в мире человек, который в состоянии мне помочь. Прошу вас, мистер Холмс, сделать все, что можете.

Характер моего друга не улучшился оттого, что он был лишен родной ему обстановки Бейкер-стрит. Без своих альбомов, химических препаратов и уютного беспорядка он чувствовал себя несчастным человеком. Он пожал плечами в знак нелюбезного согласия, и наш посетитель торопливо и с массой возбужденных жестов выложил свою историю.

– Надо вам сказать, мистер Холмс, что завтра первый день экзамена на получение Форте-скьюской стипендии. Я один из экзаменаторов. Мой предмет греческий язык, и первое испытание состоит из большого греческого перевода, которого кандидат не видел. Этот перевод напечатан на экзаменационной бумаге, и естественно, что для кандидата было бы громадным преимуществом, если бы он мог подготовиться к нему заранее. Поэтому принимаются всевозможные предосторожности, чтобы сохранить эту бумагу в тайне. Сегодня около трех часов принесли из типографии корректуру упражнения, заключающего в себе полглавы из Фукидида. Мне нужно было тщательно прочесть корректуру, чтобы в тексте не встретилось абсолютно ни одной ошибки. В четыре часа я еще не окончил этой работы, между тем я обещал одному приятелю прийти к нему пить чай, а потому и отправился, оставив корректуру на своем письменном столе. Я отсутствовал больше часа. Вы знаете, мистер Холмс, что двери нашего колледжа двойные: внутри дверь, обитая зеленым сукном, а снаружи тяжелая дубовая дверь. Подойдя к наружной двери, я был удивлен, увидев в ней ключ. В первый момент я вообразил, что сам забыл в двери свой собственный ключ, но, ощупав карман, я увидел, что ключ при мне. Единственный дубликат ключа находится у моего слуги Банистера, человека, убиравшего мои комнаты в течение десяти лет, честность которого стоит абсолютно выше всякого подозрения. Я узнал, что, действительно, ключ был его, что он вошел в мои комнаты, чтобы узнать, не хочу ли я чего, и что, выйдя из комнаты, он поступил очень небрежно, оставив ключ в дверях. Он, должно быть, входил туда спустя несколько минут после моего ухода. Его забывчивость относительно ключа не имела бы никакого значения при других обстоятельствах, но именно в этот день она имела самые плачевные последствия. Как только я взглянул на свой письменный стол, то убедился, что кто-то рылся в моих бумагах. Корректуре состояла из трех длинных полос. Я оставил их сложенными вместе. Когда же я вошел, то увидел одну полосу на полу, другую на столике у окна, а третью на том месте, где я ее оставил.

На одно мгновение мне пришло в голову, что Банистер позволил себе непростительную вольность рассматривать мои бумаги, но он серьезно отрицал это, и я убежден в том, что он не лжет. Оставалось только предположить, что кто-нибудь, проходя мимо, заметил ключ в дверях, и, зная, что меня нет дома, вошел, чтобы взглянуть на бумаги. На карту поставлена очень крупная сумма денег, потому что стипендия очень большая, и человек без совести легко мог бы пойти на риск, чтобы получить преимущество над своими товарищами. Банистер был сильно расстроен этим инцидентом. С ним чуть не сделалось дурно, когда мы увидели, что, без всякого сомнения, кто-то пользовался бумагами. Я дал ему немного водки, и, пока он сидел в полном упадке духа на стуле, я принялся тщательно исследовать свою комнату. Вскоре я заметил, что непрошенный гость оставил помимо смятых бумаг еще и другие следы своего пребывания. На столе у окна было несколько стружек от очиненного карандаша. Тут же лежал отломанный кусочек графита. Очевидно, негодяй, очень спешно переписывая бумагу, обломил карандаш, и ему пришлось очинить его.

– Превосходно! – воскликнул Холмс, к которому вернулось его хорошее расположение духа, когда происшествие овладело его вниманием. – Счастье улыбнулось мне.

– Это не все. Мой письменный стол – новый, обтянутый красивой красной кожей. Я могу поклясться, так же как и Банистер, что кожа эта была совершенно гладкая и без пятнышка. А тут я увидел на ней свежий разрез длиной приблизительно в три дюйма, не просто царапину, а настоящий надрез. И это не все: на столе я увидел комочек черной грязи с точками, похожими на опилки. Я убежден в том, что все эти следы оставлены человеком, который воспользовался бумагами. Не было следов от ног и никаких иных признаков, которые могли изобличить его личность. Я совершенно встал в тупик, как вдруг мне, к счастью, пришло на память, что вы находитесь в городе, и я тотчас же отправился, чтобы отдать дело в ваши руки. Помогите мне, мистер Холмс! Вы видите, в каком я затруднительном положении. Или я должен найти этого человека, или же экзамен должен быть отложен, пока не будут заготовлены другие бумаги, а так

как последнее не может быть сделано без объяснения причины, то произойдет отвратительный скандал, который бросит тень не только на колледж, но и на университет. Я больше всего хочу, чтобы дело уладилось тихо и без огласки.

– Я буду очень рад рассмотреть его и дать вам совет по своим силам, – сказал Холмс, вставая и надевая пальто. – Случай этот вовсе не лишен интереса. Приходил кто-нибудь к вам в комнату после того, как вы получили бумаги?

– Да, молодой Даулат Рас – студент-индеец, живущий на той же лестнице, приходил ко мне спрашивать о некоторых подробностях экзамена.

– На который он был допущен?..

– Да.

– И бумаги лежали на вашем столе?

– Насколько мне помнится, они были скатаны тогда в трубку.

– Но можно было узнать, что это корректура?

– Может быть.

– Никто больше не приходил?

– Никто.

– Знал ли кто-нибудь, что эти корректурные листы будут у вас?

– Никто, кроме типографии.

– А Банистер знал?

– Нет, конечно, нет. Никто не знал.

– Где находится Банистер в настоящее время?

– Он, бедняга, был очень болен. Я оставил его в удрученном состоянии на стуле. Я так спешил к вам.

– Вы оставили свою дверь отпертой?

– Сначала я запер бумаги.

– Из всего этого следует, мистер Сомс, что если только студент-индеец не признал свитка за корректурные листы, то кто-нибудь увидел их случайно, не зная раньше, что они находятся в вашей комнате.

– И мне так кажется.

Холмс загадочно улыбнулся.

– Ну, – сказал он, – пойдем к вам... Это случай не из ваших, Ватсон, – психологический, а не физический. Но если желаете, пойдемте с нами. К вашим услугам, мистер Сомс.

Гостиная нашего клиента выходила длинным узким окном с мелким переплетом на заросший мхом двор древнего колледжа. Готическая дверь аркой открывалась на каменную лестницу с истертыми ступеньками. Квартира воспитателя была на нижнем этаже. Над ней помещались три студента, по одному на каждом этаже. Когда мы пришли на место происшествия, наступили уже сумерки. Холмс остановился и серьезно посмотрел на окно. Затем подошел к нему и, приподнявшись на цыпочки, заглянул в комнату.

– Он должен был войти через дверь. Единственное отверстие в окне – форточка, – сказал наш ученый проводник.

– Ох! – воскликнул Холмс и со странной улыбкой взглянул на него. – Что ж, если мы ничего не можем узнать здесь, то лучше войдем в дом.

Профессор открыл наружную дверь и пригласил нас войти в свою квартиру. Мы стояли у входа, пока Холмс осматривал ковер.

– К сожалению, тут, кажется, не видно никаких следов, – сказал он. – Да нельзя было и надеяться найти их в такую сухую погоду. Ваш слуга, по-видимому, совсем пришел в себя. Вы сказали, что оставили его сидящим на стуле. На каком стуле?

– Там, у окна.

– Вижу. Возле того столика. Можете теперь войти. Я закончил с ковром. Займемся сначала столиком. Очень ясно то, что случилось. Человек вошел и брал с письменного стола листы один за другим. Он переносил их на столик у окна, потому что оттуда он мог увидеть вас, когда вы перейдете через двор, и тогда скрыться.

– Дело в том, что он не мог меня видеть, потому что я вошел через боковую дверь.

– А, хорошо! В таком случае намерения его были таковы. Покажите-ка корректурные листы. На них нет никаких знаков от пальцев – нет! Ну-с, так он перенес сначала этот лист и списал его. Сколько потребовалось на это времени при возможных сокращениях? Четверть часа, не меньше. Затем он отбросил его и схватил второй. Он списывал этот второй лист, когда ваше возвращение заставило его совершить очень поспешное отступление, очень поспешное, так как он не успел положить на место бумаги и тем скрыть следы своего пребывания здесь. Вы не слышали никаких поспешных шагов, когда входили в наружную дверь?

– Нет, не припомню, чтобы слышал таковые.

– Ну-с, он так неистово писал, что сломал карандаш, и ему пришлось, как вы замечаете, очинить его. Это интересно, Ватсон. Карандаш был необыкновенный. Это был карандаш большего размера, чем широко употребляемые, и с мягким графитом; дерево его было темно-синего цвета, имя фабриканта было напечатано на нем серебряными буквами, и оставшийся кусочек карандаша был не более полутора дюймов длины. Отыщите такой карандаш, мистер Сомс, и вы найдете человека. В помощь вам могу еще добавить, что у этого человека есть большой и очень тупой нож.

Мистер Сомс был несколько ошеломлен этим потоком сведений.

– Я могу принять остальные пункты, – сказал он, – но, право, что касается длины...

Холмс поднял кусочек стружки с буквами NN.

– Видите?

– К сожалению, даже и теперь...

– Ватсон, я всегда был несправедлив к вам. Есть и другие. Что могут означать эти NN? Это в конце слова. Вы знаете, что Iohann Faber – марка наиболее распространенная. Разве не ясно, что от карандаша осталось как раз столько, сколько его обыкновенно остается за словом Iohann?

Холмс нагнул столик к электрической лампе.

– Я надеялся, – сказал он, – что если бумага, на которой он писал, была тонка, то, может быть, остались какие-нибудь следы на этой гладко отполированной поверхности. Нет, я ничего не вижу. Думаю, что здесь мы ничего больше не узнаем. Обратимся теперь к письменному столу. Этот комочек, вероятно, та черная вязкая масса, о которой вы говорили. Он приблизительно пирамидальной формы и, как я вижу, с углублением. На нем, как вы сказали, заметны следы опилок. Боже мой, это очень интересно. А разрез – он начинается с тонкой царапины и оканчивается настоящей рваной дырой. Я очень вам обязан, мистер Сомс, за то, что вы обратили мое внимание на этот случай. Куда ведет эта дверь?

– В мою спальню.

– Входили вы в нее после происшествия?

– Нет, я прямо пошел к вам.

– Мне хотелось бы заглянуть в нее... Что за прелестная старая комната. Будьте добры подождать минутку, пока я осмотрю пол. Нет, я ничего не вижу. А что это за занавес? Вы вешаете позади него платье. Если бы кто-нибудь был вынужден спрятаться в этой комнате, то

ему пришлось бы это сделать именно за занавесью, так как кровать слишком низка, платяной шкаф слишком мелок. Никого там нет, полагаю.

Когда Холмс отдергивал занавес, я видел по его несколько напряженному и бдительному лицу, что он был готов встретить всякую неожиданность. За занавесью ничего не оказалось, кроме трех-четырех пар платья, висевших на крючках вешалки. Холмс отвернулся и вдруг нагнулся к полу.

– Эге! Это что такое?! – воскликнул он.

То была пирамидка черного вязкого вещества, совершенно такая, какую мы видели на столе кабинета. Холмс держал ее на ладони под ярким светом электрической лампы.

– Ваш посетитель, мистер Сомс, оставил следы не только в кабинете, но и в спальне.

– Что ему тут было нужно?

– Мне кажется, что это довольно ясно. Вы вернулись с неожиданной для него стороны, и, таким образом, он не мог получить никакого предостережения, пока вы не очутились у самой двери. Что ему оставалось делать? Он наскоро подобрал все, что могло его выдать, и бросился в вашу спальню, чтобы спрятаться.

– Боже мой, мистер Холмс, неужели вы хотите сказать, что все время, пока я говорил с Банистером в кабинете, человек находился в заточении в спальне?

– Так я понимаю то, что произошло.

– Но есть другое объяснение, мистер Холмс. Не знаю, заметили ли вы окно спальни?

– Свинцовый мелкий переплет, три отдельные окна, из которых одно достаточно большое, чтобы через него пролез человек, открывается на петли.

– Совершенно верно. И оно выходит на угол двора так, что часть его не видна. Человек мог войти в это окно, проходя через спальню, оставить следы и, в конце концов, увидев, что дверь открыта, убежать через нее.

Холмс нетерпеливо закачал головой.

– Будем практичны в наших рассуждениях, – сказал он. – Я понял из ваших слов, что по этой лестнице, мимо вашей двери, ходят три студента.

– Да.

– И они все трое допущены к экзамену?

– Да.

– Имеете ли вы повод подозревать какого-нибудь из них больше остальных?

Сомс колебался.

– Это очень щекотливый вопрос, – сказал он. – Неприятно бросать подозрения, когда нет доказательств.

– Послушаем ваши подозрения. Я поищу доказательств.

– Так я сообщу вам в нескольких словах сведения о характере трех молодых людей, живущих в этих комнатах. Нижнюю из них занимает Гильхрист, красивый атлет; он играет в регбийской партии и в партии крикета колледжа, получил приз за перескакивание через плетни и за прыжок в длину. Он мужественный молодец. Отец его был известный сэр Джобес Гильхрист, разорившийся на скачках. Мой ученик остался беден, но прилежен и усиленно работает. Из него выйдет прок. На втором этаже живет Дуалат Рас – индеец. Он тихий неразговорчивый малый, как большинство индейцев. Он идет хорошо, хотя греческий язык – его слабый предмет, прилежен и методичен. Комната верхнего этажа принадлежит Майльсу Макларисту. Это блистательный малый, когда он желает работать – один из самых светлых умов в университете, но он своевольный, чуть не был исключен с первого курса из-за карточного скандала. Он ленился весь последний семестр и должен со страхом ожидать экзамена.

– Так, значит, вы подозреваете именно его?

– Я не рискую идти так далеко. Но из трех он, может быть, был более способен сделать это.

– Так. Теперь, мистер Сомс, посмотрим на вашего слугу Банистера.

Это был маленький, лет пятидесяти человек, белолицый, гладко выбритый и седой. Он до сих пор еще не оправился от внезапной бури, внесенной в тихую рутину его жизни. Его полное лицо подергивалось от нервности, и пальцы не могли оставаться в покое.

– Мы расследуем это несчастное дело, Банистер, – сообщил ему хозяин.

– Да, сэр.

– Я понял, – сказал Холмс, – что вы оставили свой ключ в дверях?

– Да, сэр.

– Не может ли казаться очень странным, что вы это сделали в тот самый день, когда экзаменационная бумага была в комнате?

– Чистое несчастье, сэр. Но мне случалось и раньше оставлять ключ.

– Когда вы вошли в комнату?

– Около половины пятого – время, когда мистер Сомс пьет чай.

– Как долго вы оставались в комнате?

– Когда я увидел, что мистера Сомса нет дома, то я тотчас же ушел.

– Пересматривали ли вы эти бумаги на столе?

– Нет, сэр, конечно, нет. У меня был в руках поднос с чайным прибором. Я подумал, что скоро вернусь за ключом, а потом забыл.

- Имеет ли наружная дверь наружный замок?
- Нет, сэр.
- Значит, она была все время заперта?
- Да, сэр.
- И если кто-нибудь находился в комнате, то он мог выйти?
- Да, сэр.
- Когда мистер Сомс вернулся и позвал нас, вы были очень расстроены?
- Да, сэр. Ничего подобного никогда не случилось за многие годы моей службы здесь. Я чуть не упал в обморок, сэр.
- Да, я это слышал. На каком месте вы стояли, когда почувствовали себя дурно?
- Где я стоял, сэр?.. Да здесь, возле двери.
- Странно... Ведь вы сидели на том стуле в углу. Почему вы миновали эти стулья?
- Не знаю, сэр. Мне все равно было, где сесть.
- Я, действительно, думаю, мистер Холмс, что он ничего не сознавал. У него был очень скверный вид положительно страшный, – добавил мистер Сомс.
- Вы остались здесь, когда ушел ваш господин?
- Не больше двух минут. Затем я запер дверь на ключ и ушел к себе.
- Кого вы подозреваете?
- О, сэр, я не рискну ничего сказать. Не думаю, чтобы в университете был джентльмен, способный совершить такой поступок. Нет, сэр, я этого не думаю.
- Благодарю вас, этого достаточно, – сказал Холмс. – Ах, нет, еще одно слово. Вы не говорили никому из трех джентльменов, которым вы прислуживаете, что случилось нечто неладное?
- Нет, сэр, ни одного слова.
- Вы не видели никого из них?
- Нет, сэр.
- Прекрасно. Теперь, мистер Сомс, мы пройдемся по двору флигеля, если желаете. Три освещенных окна блестели над нами в сгущавшейся темноте.
- Ваши три птички все в своих гнездах, – заметил Холмс, взглянув наверх. – Эге! Это что такое? Одна из них кажется очень беспокойной.
- То был индеец, черный силуэт которого вдруг выступил на шторе. Он быстро шагнул назад и вперед по комнате.
- Мне хотелось бы заглянуть к каждому из них, – сказал Холмс. – Возможно это?
- Вполне возможно, – ответил Сомс. – Эти комнаты самые древние в колледже, и довольно часто их осматривают посетители. Пойдемте, я сам проведу вас.
- Прошу вас не называть нас по именам! – сказал Холмс, когда мы постучались в дверь Гильхриста.

Нам отворил ее высокий худощавый молодой человек с льняными волосами и, узнав о цели нашего посещения, пригласил нас войти. В комнате было несколько любопытных образчиков средневековой архитектуры. Один из них так восхищал Холмса, что он захотел непременно срисовать его в свою записную книжку, причем, сломав свой карандаш, попросил хозяина комнаты одолжить ему другой и, наконец, попросил ножик для починки своего карандаша. Такой же курьезный случай приключился с ним и в комнате индейца, молчаливого маленького человека с крючковатым носом, вопросительно смотревшего на нас и, очевидно, обрадовавшегося, когда Холмс окончил свои архитектурные исследования. Я не заметил, чтобы Холмс в какой-нибудь из этих комнат пришел к интересующему нас выводу. В третьей комнате наше посещение не имело успеха. На наш стук дверь не отворилась, и мы услышали из-за нее лишь поток сквернословия.

– Мне наплевать, кто бы вы там ни были. Можете идти к черту! – вопил сердитый голос. – Завтра экзамен, и я не желаю, чтобы мне мешали.

– Грубый малый, – заметил наш провожатый, краснея от негодования, когда мы спускались с лестницы. – Он, конечно, не знал, что стучу я, тем не менее, его поведение было крайне нелюбезное и, право, при настоящих обстоятельствах даже подозрительное.

На это Холмс отреагировал очень странно.

– Не можете ли вы мне сказать в точности, какого роста этот студент? – спросил он.

– Право, мистер Холмс, не берусь вам ответить в точности. Он выше индейца и ниже Гильхриста. Полагаю, что рост его приблизительно пять футов шесть дюймов.

– Это очень важно знать, – сказал Холмс. – А теперь, мистер Сомс, желаю вам спокойной ночи.

Наш провожатый громко вскрикнул от удивления и отчаяния.

– Боже мой, мистер Холмс, неужели вы покинете меня так внезапно! Вы как будто не отдаете себе отчета о моем положении. Завтра экзамен. Я должен сегодня ночью предпринять решительные меры. Я не могу допустить, чтобы экзамен состоялся, если кто-то заглядывал в бумаги. Приходится взглянуть в лицо фактам.

– Оставьте все, как есть. Я зайду завтра рано утром, и мы решим это дело. Возможно, что я тогда буду в состоянии указать вам способ действий. А пока ничего не меняйте, ровно ничего.

– Хорошо, мистер Холмс.

– Вы можете быть совершенно спокойны. Мы обязательно найдем средство вывести вас из затруднения. Я возьму с собой черную глину, а также обломки и стружку карандаша. Прощайте.

Когда мы очутились снова в квадрате двора, то опять взглянули на окна. Индеец продолжал ходить по комнате. Остальные двое были невидимы.

– Ну, Ватсон, что вы об этом думаете? – спросил Холмс, когда мы вышли на главную улицу. – Чисто маленькая гостиная игра, нечто вроде фокуса с тремя картами, не правда ли? Мы имеем трех молодых людей. Проступок совершил один из них. Выбирайте. Который из них ваш?

– Сквернослов верхнего этажа. Он имеет худшую из троих репутацию. Но и индеец – это хитрый малый. Почему это он все время шагает по комнате?..

– В этом ничего нет особенного. Многие так делают, когда учат что-нибудь наизусть.

– Он как-то странно смотрел на нас.

– И вы бы так смотрели, если бы шайка незнакомцев ворвалась к вам, когда вы готовитесь к экзамену, который должен быть на следующий день, и когда каждая минута дорога. Нет, я ничего не вижу тут освоенного. Также карандаши и ножи – все было в порядке. Но меня смущает этот человек.

– Кто?

– Банистер, слуга. Какая его роль в этом деле?

– Он произвел на меня впечатление вполне честного человека.

– И на меня также. Это-то и смущает меня. Чем объяснить, что вполне честный человек...

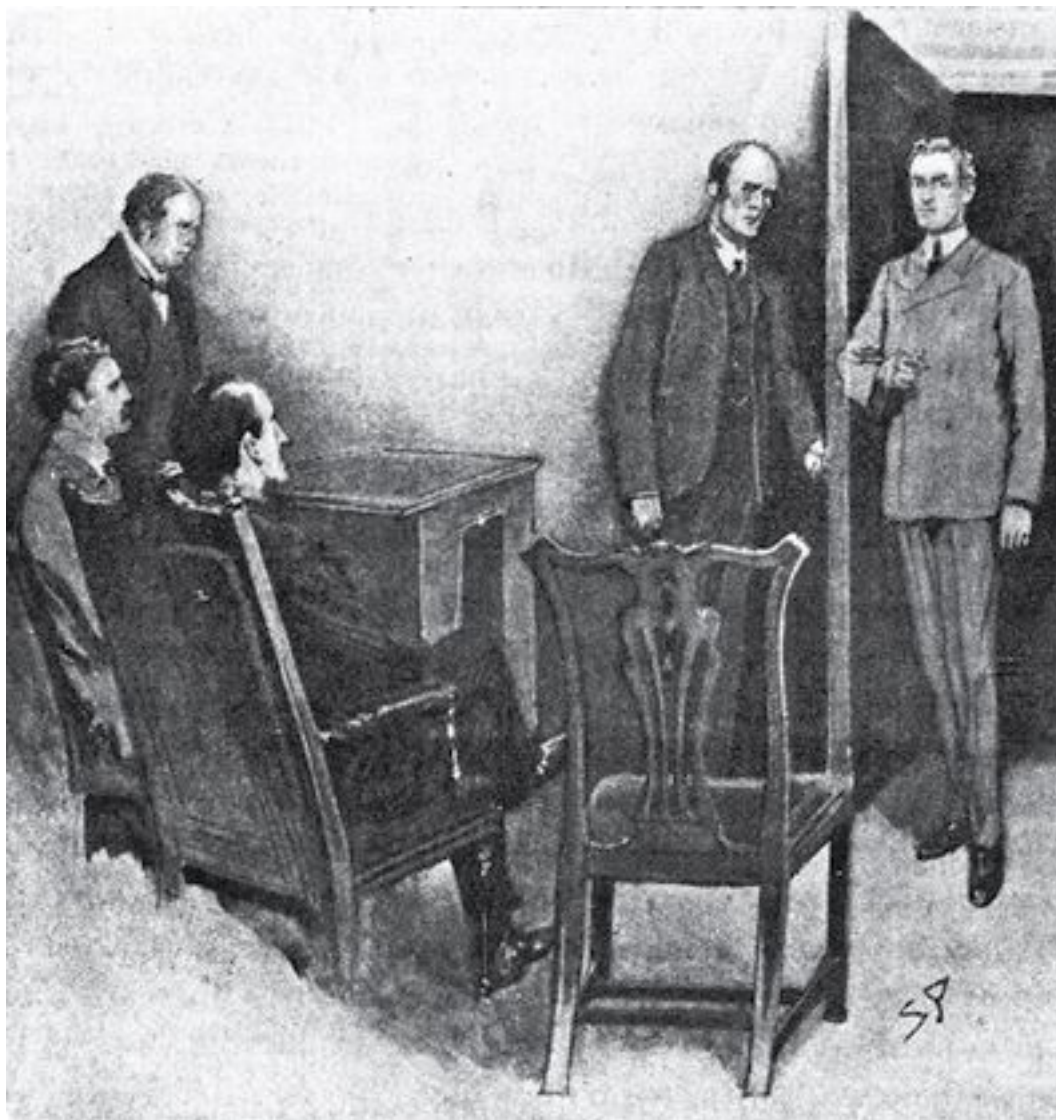
А вот большой магазин канцелярских принадлежностей. Начнем свои изыскания с него.

В городе было всего четыре магазина канцелярских принадлежностей, и в каждом из них Холмс показывал обломки карандаша и дорого предлагал за дубликат. Все были согласны, что можно заказать такой карандаш, но что размер его не общеупотребительный, и что такой редко имеется в продаже. Мой друг, видимо, не был угнетен этой неудачей и только пожал плечами с юмористической покорностью.

– Дело неладно, милый Ватсон. Этот лучший способ и единственный решительный ключ ни к чему не привел. Но все-таки я не сомневаюсь в том, что нам удастся найти удовлетворительный выход и без него. Ах, милый друг, уже почти девять часов, а хозяйка что-то говорила о

зеленом горошке к половине восьмого?.. Я ожидаю, Ватсон, что вы бросите свой вечный табак и поужинаете, а я разделю с вами эту участь. Не раньше, однако, чем мы решим задачу с нервным воспитателем, небрежным слугой и тремя предприимчивыми студентами.

Холмс за вечер не сказал больше ни одного слова об этом деле, хотя сам долго сидел после нашего запоздалого обеда, углубленный в размышления. Утром в восемь часов он вошел ко мне в комнату, когда я окончил свой туалет.

– Ну, Ватсон, – сказал он, – пора нам идти в колледж Святого Луки. Можете вы обойтись без завтрака?

– Конечно.

– Сомс будет в страшной тревоге, пока мы не в состоянии будем сказать ему что-нибудь положительное.

– А вы можете сообщить ему что-нибудь положительное?

– Думаю, что да.

– Вы пришли к какому-нибудь заключению?

– Да, милый Ватсон, я разрешил задачу.

– Но какие вы могли получить новые доказательства?

– Ага! Недаром же я встал в шесть часов. В продолжение двух часов я хорошо поработал и сделал, по крайней мере, пять миль, зато у меня есть, что показать. Взгляните-ка на это!

Он протянул руку. На его ладони лежали три пирамидки черной вязкой глины.

– Но вчера у вас их было всего две, Холмс!

– А сегодня я добыл третью. Рассуждение будет правильным, если мы скажем, что место, из которого получен номер третий, есть вместе с тем источник номер один и номер два. Что скажете, Ватсон? Ну, пойдем выручать из беды нашего приятеля Сомса.

Несчастный воспитатель находился, конечно, в состоянии жалкой тревоги, когда мы вошли в его квартиру. Через несколько часов начнется экзамен, а перед ним все еще стояла дилемма: огласить факты или допустить виновного явиться на состязание ради крупной стипендии. Сомс был так сильно взволнован, что не мог стоять спокойно и с вытянутыми вперед руками бросился к Холмсу.

– Слава Богу, что вы пришли! Я боялся, что вы отказались от дела, отчаявшись распутать его. Что мне делать? Должен ли экзамен состояться?

– Конечно, пусть обязательно будет.

– Но негодяй?

– Он не явится на экзамен.

– Вы знаете его?

– Думаю, что знаю. Если вы не хотите оглашать это дело, то мы должны присвоить себе некоторую власть и составить из себя маленький частный военный суд. Сядьте, пожалуйста, туда, Сомс! Вы, Ватсон, сюда. Я займу кресло между вами. Думаю, что у нас теперь достаточно внушительный вид, чтобы нагнать ужас на преступную душу. Позвоните, пожалуйста!

Вошел Банистер и попятился от удивления и страха при виде нашего судилища.

– Будьте добры запереть дверь, – попросил Холмс. – Теперь, Банистер, скажите нам, пожалуйста, всю правду о вчерашнем инциденте.

Слуга побледнел до корней волос.

– Я сказал вам все, сэр.

– Ничего не имеете прибавить?

– Ничего, сэр.

– Ну, так я должен высказать вам несколько предположений. Когда вы вчера сели на этот стул, то не сделали ли вы это для того, чтобы скрыть предмет, который изобличил бы того, кто приходил в комнату?

Лицо Банистера стало страшным.

– Нет, сэр, конечно, нет.

– Это только предположение, – сказал Холмс ласковым тоном. – Откровенно признаюсь, что я не в состоянии доказать это. Но мне оно кажется довольно вероятным, потому что не успел мистер Сомс повернуться к вам спиной, как вы освободили человека, спрятавшегося в спальне.

Банистер смочил язычком запекшиеся губы.

– Там не было никакого человека, сэр.

– Ах, Банистер, вот это жалко. До сих пор, может быть, вы говорили правду, теперь же я знаю, что вы солгали.

Лицо слуги приняло мрачно вызывающее выражение.

– Там не было никакого человека, сэр.

– Полно-полно, Банистер.

– Нет, сэр, там никого не было.

– В таком случае вы ничего больше не можете сообщить нам. Оставайтесь, пожалуйста, в комнате. Встаньте у двери в спальню... Теперь, Сомс, я попрошу вас быть любезным подняться в комнату молодого Гильхриста и попросить его спуститься в вашу комнату.

Вскоре явился воспитатель вместе со студентом. Это был красивый, высокий, гибкий, ловкий молодой человек с легкой походкой и приятным открытым лицом. Его смущенные голубые глаза взглянули на каждого из нас, а затем остановились с выражением горькой печали на Банистере, стоявшем в дальнем углу.

– Заприте дверь, – сказал Холмс. – Теперь, мистер Гильхрист, мы совершенно одни, и никто никогда не узнает ни слова о том, что произойдет между нами. Мы можем быть вполне откровенными друг с другом. Нам нужно знать, мистер Гильхрист, что заставило вас, честного человека, совершить вчера такой поступок?

Несчастный молодой человек отшатнулся и бросил взгляд, полный ужаса и упрека, на Банистера.

– Нет-нет, мистер Гильхрист, я не сказал ни слова, ни одного слова! – воскликнул слуга.

– Да, но теперь вы сказали, – возразил Холмс. – Ну, сэр, вы видите, что после слов Банистера ваше положение безнадежное, и что единственный ваш шанс – чистосердечное признание.

В первый момент Гильхрист, подняв руки, пытался справиться с судорожными подергиваниями своего лица. Затем он бросился на колени возле стола, опустил лицо на руки и разрылся страстными рыданиями.

– Полно-полно, – ласково проговорил Холмс, – человеку свойственно заблуждаться, и, по крайней мере, никто не назовет вас закоренелым преступником. Может быть, вам будет легче, если я расскажу мистеру Сомсу о том, что случилось, а вы меня остановите, когда окажется, что я ошибаюсь. Согласны? Хорошо-хорошо, не старайтесь отвечать. Слушайте и следите, чтобы я не оказал вам какой-нибудь несправедливости.

– С того момента, мистер Сомс, как вы сказали мне, что никто, даже Банистер, не мог сообщить о том, что бумаги находятся в вашей квартире, дело это начало вырисовываться в моем мозгу. Типографию можно было, разумеется, исключить из соображений. Индейца я тоже не подозревал. Раз корректурные листки были скатаны в свиток, то он никак не мог их узнать. С другой же стороны казалось немыслимым совпадение, чтобы человек осмелился войти в комнату, и чтобы случайно как раз в этот день бумаги лежали на столе. Я исключил и это. Человек, вошедший в комнату, знал, что бумаги там. Каким образом он это узнал? Когда я подошел снаружи к вашей комнате, то я осмотрел окно. Мне показалось забавным ваше предположение, будто я соображаю, не мог ли кто-нибудь среди бела дня, на виду окон всех противоположных комнат, забраться через него. Такая мысль была бы нелепа. Я соображал, какого роста должен быть человек, чтобы увидеть, проходя мимо окна, какие бумаги лежат на столе. Во мне шесть футов, и я увидел их, встав на цыпочки. Никто ниже меня не мог бы заглянуть в окно. Вы уже видите, что я имел причины думать, что если один из ваших студентов необыкновенно высокого роста, то именно за этим студентом следует наблюдать тщательнее всего. Я вошел и поведал вам свои предположения относительно столика у окна. Насчет письменного стола я не мог вывести никакого заключения, пока в своем описании Гильхриста вы не упомянули о том, что он отличается своими прыжками на большое расстояние. Тогда я мигом все сообразил, и мне нужны были только некоторые вспомогательные доказательства, которые я быстро добыл. Вот что случилось. Этот молодой человек провел слепополуденное время в месте атлетических упражнений и практиковался в прыжках. Он вернулся, неся в руках башмаки для прыжков, которые, как вам известно, имеют несколько острых гвоздей. Проходя мимо вашего окна, он увидел, благодаря своему высокому росту, эти корректурные листы на вашем столе, и догадался, что это такое. Ничего бы не случилось, если бы, проходя мимо вашей двери, он не увидел бы в ней ключа, оставленного по небрежности вашим слугой. Он импульсивно вошел, чтобы взглянуть, действительно ли это корректура. Это было делом не рискованным, так как он мог всегда сказать, что пришел спросить что-нибудь. Ну-с, когда он увидел, что это была

действительно корректура, тогда-то он и поддался искушению. Он поставил башмаки на стол. А что вы положили на тот стул у окна?..

– Перчатки, – ответил молодой человек.

Холмс победоносно взглянул на Банистера.

– Он положил перчатки на стул и начал брать один за другим корректурные листы, чтобы списать их. Он думал, что воспитатель вернется через главные ворота, и что он увидит его. Вдруг он услышал его шаги у самой двери. Немыслимо было убежать. Он забыл перчатки, но, захватив башмаки, бросился в спальню. Вы замечаете, что царапина на этом столе, слабая с одной стороны, углубляется по направлению к двери спальни. Этого одного достаточно, чтобы убедить нас в том, что виновный скрылся в этом направлении. Глина, приставшая к гвоздю, осталась на столе, и второй кусочек ее отделился и упал в спальне. Могу добавить, что я ходил сегодня утром на место атлетических упражнений, увидел, что арена для прыжков покрыта плотной черной глиной, и унес с собой образчик от нее вместе со щепоткой мелких опилок, которыми посыпается глина, чтобы атлет не поскользнулся. Сказал ли я правду, мистер Гильхрист?

Студент выпрямился.

– Да, сэр, это правда, – сказал он.

– Неужели вы ничего не имеете добавить?! – воскликнул Сомс.

– Имею, сэр, но потрясение от этого позора ошеломило меня. У меня тут, мистер Сомс, письмо, которое я вам написал после бессонной ночи. Я написал его раньше, чем узнал, что мой грех обнаружен. Вот оно, сэр. Вы увидите, что я написал:

«Я решил не являться на экзамен. Мне предложили место в полиции Родезии, и я тотчас же отправляюсь в Южную Африку».

– Как я рад слышать, что вы не намерены были воспользоваться своим некрасивым преимуществом, – сказал Соме. – Но почему вы изменили намерение?

Гильхрист показал на Банистера.

– Вот человек, наставивший меня на путь истинный, – ответил он.

– Ну, Банистер, – заговорил Холмс. – Вам стало ясно из того, что я сказал, что только вы могли выпустить этого молодого человека, так как вы оставались в комнате и заперли дверь на ключ, когда вошли. Что же касается того, что он мог выпрыгнуть в окно, то это неправдоподобно. Не можете ли вы разъяснить последний пункт тайны и сказать нам, что было причиной ваших действий?

– Если бы вы только знали, сэр, то это показалось бы вам очень простым, но, при всем вашем уме, вы не могли этого знать. Было время, сэр, когда я служил дворецким у старика сэра Джобеса Гильхриста, отца этого молодого человека. Когда он разорился, я поступил в колледж, но никогда не забывал своего старого господина из-за того, что он претерпел неудачи в жизни. Я заботился, насколько мог, о его сыне ради былых дней. Ну, сэр, когда вчера, после поднятой тревоги, я вошел в комнату, то первое, что я увидел, были перчатки мистера Гильхриста, лежавшие на этом стуле.

Я хорошо знал эти перчатки и понял, что они означают. Если бы мистер Сомс увидел их, все бы пропало. Я грохнулся на стул, и ничто не могло бы заставить меня сдвинуться с места, пока мистер Сомс не ушел за вами. Тогда вышел мой бедный молодой господин, который прыгал, бывало, у меня на коленях, и признался мне во всем. Не естественно ли было, сэр, мне спасти его, и не естественно ли было также, чтобы я попытался заговорить с ним, как бы это сделал его отец, и заставить его понять, что он не может воспользоваться своим дурным поступком? Можете ли вы осудить меня за это, сэр?

– Конечно, нет, – сердечно ответил Холмс, вскочив на ноги. – Ну, Сомс, мне кажется, что мы разрешили вашу маленькую задачу, а дома нас ждет завтрак. Пойдемте, Ватсон! Что же касается вас, сэр, то я надеюсь, что блестящее будущее ожидает вас в Родезии. Один раз вы низко пали. Дай Бог нам увидеть, как вы со временем сможете высоко подняться.

Золотое пенсне

Когда я смотрю на три массивные рукописные книги, содержащие в себе нашу работу за 1894 год, то, признаюсь, мне очень трудно бывает выбрать из такого обилия материала случаи наиболее интересные сами по себе, и вместе с тем наиболее рельефно иллюстрирующие те особенные способности, которыми отличался мой друг. Перелистывая эти книги, я вижу свои заметки относительно отталкивающей истории красной пиявки и ужасной смерти банкира Кросби. Я нахожу тут также отчет Аддльтонской трагедии и странном содержанием древнего британского кургана. Знаменитое дело о Смит-Мортимерском наследстве тоже относится к этому периоду, также как выслеживание и арест Гюреса – бульварного убийцы – подвиг, которым Холмс заслужил собственноручное благодарственное письмо от французского президента и орден Почетного Легиона. Каждое из этих дел могло бы послужить темой для рассказа. Но ни одно из них не соединяет в себе так много странных и интересных пунктов, как эпизод в старом Иокслейском поместье, заключающий в себе не только печальную смерть молодого Виллугби Смита, но также и последующие события, бросившие такой любопытный свет на причины преступления.

Была ненастная, бурная ночь конца ноября. Холмс и я просидели молча весь вечер – он, занятый при помощи сильной лупы разбором остатков надписи на палимпсесте, я углубленный в новейший трактат по хирургии. Ветер завывал на Бейкер-стрит, и дождь яростно хлестал в окна. Странно было в самом центре огромного промышленного города чувствовать мощь природы и сознавать, что для ее элементов весь Лондон не более как норы крота, покрывающие поля. Я подошел к окну и выглянул на улицу. Редкие фонари освещали грязную дорогу и блескшие от дождя тротуары. Один-единственный кеб катил по воде со стороны Оксфордской улицы.

– Хорошо, Ватсон, что мы не должны выходить на улицу сегодня ночью, – сказал Холмс, откладывая в сторону свою лупу и свертывая палимпсест. – Довольно я потрудился! Это тяжелая работа для глаз. Насколько я разобрал, это не более чем отчет аббата второй половины пятнадцатого века... Эге! Что это такое?

Среди порывов ветра до нашего слуха донесся топот лошадиных копыт и протяжный скрип колеса, задевшего тумбу. Виденный мною кеб остановился у нашего подъезда.

– Что такое ему нужно?! – воскликнул я, видя, что из кеба вышел мужчина.

– Что ему нужно? Ему нужны мы. А нам, мой бедный Ватсон, нужны пальто, шарфы и галоши и всякие вспомогательные средства, какие только человек выдумал для борьбы с непогодой. Но постойте! Кеб уехал! Есть еще надежда. Человек задержал бы его, если бы он хотел, чтобы мы ехали с ним. Спуститесь-ка, дорогой друг, и откройте дверь, так как все порядочные люди давно уже спят.

Когда свет от лампы в передней упал на нашего ночного посетителя, мне нетрудно было узнать его. Это был молодой Стэнлей Гопкинс, многообещающий сыщик, к карьере которого Холмс не раз обнаруживал практический интерес.

– Дома он? – стремительно спросил Гопкинс.

– Войдите, дорогой сэр, – послышался голос Холмса сверху. – Надеюсь, что у вас нет никаких видов на нас в такую ночь.

Сыщик поднялся наверх, и наша лампа осветила его блестящий от дождя непромокаемый плащ. Я помог ему снять его, между тем как Холмс поправлял огонь в камине.

– Теперь, милый Гопкинс, устраивайтесь поудобнее и грейте ноги, – сказал он. – Вот вам сигара, а у доктора есть рецепт лекарства, заключающего в себе горячую воду и лимон, – очень хорошее лекарство в такую ночь. Должно быть, важное дело заставило вас выйти из дома в такую бурю?

– Действительно, важное, мистер Холмс.хлопотливый денек достался на мою долю, уверяю вас. Читали вы что-нибудь о Иокслейском деле в последних выпусках?

– Сегодня я ничего не читал из написанного позднее пятнадцатого века.

– Ну, да это был только один столбец, и к тому же факты совершенно искажены. Так что вы ничего не потеряли. А я не терял времени. Это в Кентском графстве, в семи милях от Чатама и в трех от железной дороги. Мне телеграфировали в три часа пятнадцать минут, и я был в старом поместье Иокслей в пять часов, произвел следствие, вернулся на Чэринг-Кросскую станцию с последним поездом и оттуда поехал прямо к вам.

– Что означает, полагаю, что дело для вас не совсем ясно?

– Это означает, что я не вижу в нем ни начала, ни конца. Насколько мне кажется, это самое запутанное дело, которое мне когда-либо приходилось вести, а между тем сначала оно казалось таким простым, что немыслимо было сделать ошибку. Нет никаких поводов, мистер Холмс. Вот что меня смущает – я не могу найти повод. Налицо мертвый человек – этого нельзя отрицать, но, насколько я вижу, нет ни малейшей причины, чтобы кто-нибудь захотел сделать ему зло.

Холмс закурил сигару и прислонился к спинке кресла.

– Послушаем, в чем дело, – произнес он.

– Добытые мною факты ясны, – начал Стэнлей Гопкинс. – Теперь мне остается только узнать, что они все означают. История, насколько мне кажется, заключается в следующем. Несколько лет тому назад этот деревенский дом – старое поместье Иокслей – был снят пожилым человеком, который назвал себя профессором Корамом. Он был больной и половину своего времени проводил в постели, а другую – бродил вокруг дома с палочкой, или же садовник катал его в кресле. Его очень любили немногие соседи, навещавшие его, и он пользовался репутацией весьма ученого человека. Его прислуга состояла из экономки – миссис Маркер, и горничной – Сусанны Тарльтон. Они обе состояли при нем со дня его переезда, и, по-видимому, обе женщины с прекрасным характером. Профессор пишет научный труд и потому нашел нужным год тому назад пригласить секретаря. Первые два, пробовавшие у него работать, были неудачны, но третий, мистер Виллугби Смит, очень молодой человек, прямо с университетской скамьи, оказался как раз тем, что требовалось профессору. Его работа заключалась в том, что он все утро писал под диктовку профессора, вечера же он обыкновенно проводил в отыскании источников для работы на следующее утро. В прошлом этого Виллугби Смита нет ничего, говорящего против него, ни когда он был мальчиком в Уппингхаме, ни юношей в Кембриджском университете. Я видел его аттестаты, и по ним оказывается, что он всегда был приличным, спокойным, работающим малым без единой слабости. А между тем, этого мальчика настигла смерть сегодня утром в кабинете профессора при обстоятельствах, которые могут указывать только на убийство.

Ветер завывал под окнами. Холмс и я придвинулись ближе к огню, между тем как молодой инспектор медленно, пункт за пунктом, развивал свой странный рассказ.

– Обыщите всю Англию, – сказал он, – и вы не найдете хозяйства, в котором прислуга была бы более сдержанна и не подвержена влиянию извне. Целыми неделями никто не выходит за пределы поместья. Профессор был поглощен своей работой, и его не существовало ни для чего, кроме нее. Молодой Смит не был знаком ни с кем по соседству и жил почти так же, как его хозяин. Обе женщины ничего не имели такого, что бы отвлекало их от дома. Садовник Мортимер, катающий профессора, – пенсионер армии, старый крымский солдат с прекрасным характером. Он живет не в доме, а в коттедже, состоящем из трех комнат и находящемся в противоположном конце сада. Вот и все люди в старом поместье Иокслей. Вместе с тем калитка сада находится в ста ярдах от большой дороги, идущей из Лондона в Чатам. Она закрывается щеколдой, и всякий может беспрепятственно войти в нее.

Теперь я передам вам показания Сусанны Тарльтон, единственного человека, имевшего сказать что-либо положительное об этом деле. Это было перед полуднем, между одиннадцатью и двенадцатью часами. Она в это время была занята развешиванием занавесей в верхней спальне, выходящей окнами в сад. Профессор Корам был еще в постели, потому что в плохую

погоду он редко вставал раньше двенадцати. Экономка была чем-то занята в задней части дома. Виллугби Смит находился в своей спальне, которая служила ему и кабинетом. В эту минуту горничная услышала, как он прошел по коридору и спустился в кабинет, как раз под той комнатой, в которой находилась она. Она не видела его, но говорит, что не могла не узнать его быстрой, твердой походки. Она не слышала, чтобы он запер дверь кабинета, но приблизительно через минуту услышала страшный крик, раздавшийся в комнате внизу. То был дикий хриплый крик, столь странный и неестественный, что нельзя было разобрать, кто его издал, – мужчина или женщина. В то же самое время послышался тяжелый стук, потрясший весь дом, и наступила тишина. Девушка с минуту простояла как окаменелая, затем, набравшись храбрости, побежала вниз. Дверь кабинета была заперта, и она открыла ее. На полу лежал распростертый молодой Виллугби Смит. Сначала она не заметила никаких признаков насилия, но когда попробовала поднять его, то увидела кровь, хлынувшую из нижней части шеи. В ней была сделана очень маленькая, но очень глубокая рана, и задета сонная артерия. Орудие, которым была нанесена рана, лежало тут же на полу. То был один из тех маленьких ножичков, которые встречаются на старомодных письменных столах, с ручкой из слоновой кости и не сгибающимся лезвием. Это была одна из принадлежностей письменного стола профессора. Сначала девушка подумала, что молодой Смит уже умер, но когда она полила его лоб водой из графина, он на мгновение открыл глаза. «Профессор, – пробормотал он, – это была она». Девушка готова поклясться, что таковы были в точности его слова. Он отчаянно пытался сказать еще что-то и поднял правую руку. Затем упал мертвым. Между тем явилась и экономка, но она уже не слышала последних предсмертных слов молодого человека. Оставив Сусанну возле его тела, она поспешила в комнату профессора. Он, страшно взволнованный, сидел на постели, потому что достаточно слышал, чтобы убедиться в том, что случилось нечто ужасное. Миссис Маркер готова поклясться, что профессор был еще в ночном костюме, да и, действительно, для него невыносимо было одеться без помощи Мортимера, который должен был прийти в двенадцать часов. Профессор заявил, что он слышал только отдаленный крик, и ничего больше не знает. Он не может дать никакого объяснения последним словам молодого человека: «Профессор, это была она», но думает, что это был бред. Ему кажется, что у Виллугби Смита не было никаких врагов, и он не может ничем объяснить преступление. Он первым делом послал садовника Мортимера за местной полицией. Немного позднее старший констебль послал за мною. Ничто не было тронuto до моего приезда, и были даны строгие указания, чтобы никто не смел ходить по дорожкам, ведущим к дому. Представляется роскошный случай испытать на практике вашу теорию, мистер Шерлок Холмс. В сущности, не было недостатка ни в чем.

– За исключением мистера Шерлока Холмса, – добавил мой товарищ с несколько горькой улыбкой. – Ну, послушаем. Какого рода работу исполнили вы?

– Прежде всего, я должен попросить вас, мистер Холмс, взглянуть на этот набросок, который даст вам общее понятие о расположении кабинета профессора и о плане дома и местности вокруг него. Он поможет вам следить за произведенным мною следствием.

Гопкинс развернул лист бумаги и положил его на колени Холмса. Я встал и, поверх плеча Холмса, изучал план.

– Это, конечно, очень грубо набросанный план, и на нем нанесены только пункты, которые я нахожу существенными. Все остальное вы сами увидите впоследствии. Прежде всего, если предположить, что убийца вошел в дом, то каким образом она или он вышел? Несомненно, по садовой дорожке через заднюю дверь, из которой легко попасть в кабинет. Всякий иной путь был бы крайне сложен. Скрылся преступник, должно быть, тем же путем, так как из двух других выходов из кабинета один был блокирован Сусанной, сбегавшей с лестницы, а другой ведет прямо в спальню профессора. Поэтому я сразу обратил свое внимание на садовую дорожку, которая промокла от недавнего дождя и, конечно, обнаружил бы следы ног.

Мое расследование доказало мне, что я имею дело с осторожным и опытным преступником. На дорожке не было никаких следов. Однако же не могло быть сомнения в том, что кто-то прошел по траве, окаймляющей дорожку, для того, чтобы не оставить после себя следов. Я не нашел ничего похожего на отчетливый отпечаток ноги, но трава была утоптана, и кто-то несомненно прошел по ней. Пройти же мог только убийца, так как ни садовник, ни другие обитатели дома не приходили сюда сегодня утром, а дождь начался только с ночи.

- Постойте, – прервал его Холмс. – Куда ведет эта дорожка?
- На большую дорогу.
- Какой она длины?
- Приблизительно сто ярдов.
- В том месте, где дорожка переходит калитку, вы, наверное, могли обнаружить следы?
- К несчастью, дорожка вымощена в этом месте кирпичом.
- Ну, а на дороге?
- Она вся была превращена в жидкую грязь.
- Досадно! Ну, а следы на траве какое имели направление?
- Невозможно было определить. Не было ни одной ясной линии.
- Большая или маленькая нога?
- Нельзя было разобрать.

Холмс издал возглас нетерпения.

– С тех пор все время лил дождь и свирепствовала буря, – сказал он. – Это труднее будет прочесть, чем палимпсест. Ничего не поделаешь! Что вы предприняли, Гопкинс, когда убедились в том, что ни в чем не можете убедиться?

– Мне кажется, мистер Холмс, что я убедился во многом. Я знал, что кто-то осторожно вошел в дом. Затем я осмотрел коридор, устланный циновками, на которых не могло остаться никаких следов. Он привел меня в сам кабинет. Это скудно меблированная комната. Главная вещь в ней – большой письменный стол с прикрепленным бюро. Последнее состоит из двух рядов ящиков с небольшим шкафчиком между ними. Ящики были открыты, шкафчик заперт на ключ. Оказывается, что ящики всегда бывали открытыми, и в них не хранилось никаких ценностей. В шкафчике находилось несколько важных бумаг, но незаметно было никаких признаков, чтобы его пытались открыть, и профессор уверил меня, что там все цело. Достоверно известно, что не было совершено никакого воровства. Теперь обратимся к телу молодого человека. Оно было найдено возле письменного стола, слева от него, как показано на плане. Рана была нанесена с правой стороны шеи и сзади, так что почти невозможно предположить, чтобы он сам нанес ее себе.

– Разве что он упал на ножичек, – заметил Холмс.

– Именно. Эта мысль пришла мне в голову. Но мы нашли ножик в нескольких футах от тела, так что это немыслимо. К тому же существует показание о его предсмертных словах. И, наконец, есть вот это очень важное вещественное доказательство, которое найдено зажатым в руке покойника.

Стэнлей Гопкинс вынул из кармана маленький пакетик, завернутый в бумагу. Он развернул ее и вынул золотое пенсне с двумя висевшими на нем оборванными концами черного шелкового шнура.

– Виллугби Смит обладал прекрасным зрением, – добавил он. – Не может быть никакого сомнения в том, что это было сорвано с лица или с шеи убийцы.

Шерлок Холмс взял в руки пенсне и рассматривал его с крайним вниманием и интересом. Он надел его на нос, пытался читать через него, подошел к окну, посмотрел через это пенсне на улицу, крайне тщательно осмотрел под лампой и, наконец, хихикнув, сел к столу и написал несколько строчек на листе бумаги, который перебросил Стэнлею Гопкинсу.

– Больше этого я ничего не могу сделать для вас, – сказал он. – Может быть, это сослужит службу.

Удивленный сыщик прочел записку вслух. Она гласила:

«Разыскивается женщина с хорошими манерами, одетая как леди. У нее замечательный толстый нос и близко поставленные глаза. У нее морщинистый лоб, пристальный взгляд и, вероятно, округлые плечи. Есть указания на то, что она обращалась к оптику, по крайней мере, два раза за последние несколько месяцев. Так как ее очки очень сильны, а оптики не очень многочисленны, то нетрудно будет выследить ее».

Холмс улыбнулся при виде удивления Гопкинса, которое, должно быть, отразилось и на моем лице.

– Уверяю вас, что мои выводы – сама простота, – сказал он. – Трудно найти предметы, которые представляли бы лучшее поле для заключений, чем очки, особенно такие замечательные, как это пенсне. Что оно принадлежит женщине, я заключаю из тонкости его работы и также, конечно, из предсмертных слов Смита. Относительно же ее изящества и костюма, то это пенсне, как вы видите, имеет великолепную, литого золота оправу, и нельзя вообразить, чтобы женщина, носящая такое пенсне, была неряшлива в других отношениях. Вы видите, что зажим слишком широк для вашего носа, что указывает на большую ширину основания носа у дамы. Такого рода носы бывают обыкновенно коротки и грубы, но существует достаточно много исключений, чтобы я настаивал на этом пункте. Мое лицо узкое, а между тем я не могу попасть своими глазами в фокус этих стекол. Следовательно, глаза дамы близко посажены. Вы

видите, Ватсон, что стекла вогнутые и необычной силы. Женщина, бывшая до такой степени близорука в течение всей своей жизни, должна отличаться физическими чертами, свойственными лицам с таким зрением, – опущенными плечами, морщинами около глаз и на лбу.

– Да, – сказал я, – я могу проследить за всеми вашими аргументами. Признаюсь, однако же, что не в состоянии понять, каким путем вы добрались до повторного посещения оптика.

Холмс взял пенсне в руки.

– Заметьте, – сказал он, – что с обеих сторон зажима приделаны тонкие полоски из пробки для смягчения давления на нос. Одна из них потеряла цвет и до известной степени изношена, другая же новая. Очевидно, что одна из них отпала и была заменена новой. Я того мнения, что старая полоска была в употреблении не более нескольких месяцев. Обе полоски

совершенно одинаковые, и я вывожу из этого заключение, что дама обратилась за второй полоской к тому же оптику.

– Боже мой, это волшебство! – воскликнул Гопкинс в экстазе восхищения, – Подумать только, что я имел в руках все эти доказательства и ничего не знал о них! Однако же я намерен обойти всех лондонских оптиков.

– Конечно, это следует сделать. А пока имеете вы еще что-нибудь рассказать нам об этом деле?

– Ничего, мистер Холмс. Думаю, что вы теперь знаете столько же, сколько и я, вероятно, даже больше. Мы наводили справки, не видел ли кто-нибудь незнакомой личности по сельским дорогам или на станции, но ничего не узнали. Что волнует меня, это полное отсутствие цели преступления. Никто не в состоянии наметнуть хотя бы на тень мотива его.

– А! Тут я не в состоянии вам помочь. Но полагаю, что вы желаете, чтобы мы завтра поехали туда?

– Если это не будет слишком большой смелостью с моей стороны. В шесть часов утра отходит поезд от Чэринг-Кросской станции в Чатам, и мы приехали бы в Иокслейское поместье между восемью и девятью часами.

– Ну, так мы отправимся с этим поездом. Ваше дело имеет, конечно, несколько очень интересных пунктов, и я с наслаждением займусь им. А теперь уже почти час, и нам хорошо бы поспать немного. Полагаю, что вы можете удобно устроиться на диване перед камином. Перед отъездом я зажгу спиртовую лампочку и угощу вас чашкой кофе.

На следующее утро буря унялась, но когда мы двинулись в путь, только-только занимался ненастный день. Мы видели, как поднималось холодное зимнее солнце над угрюмыми болотами Темзы и над длинной мрачной лентой реки. После продолжительного и томительного путешествия мы вышли на маленькой станции в нескольких милях от Чатама. Пока запрягали лошадь в харчевне, наскоро проглотили завтрак и были совершенно готовы приняться за дело, когда наконец добрались до Иокслейского поместья. У калитки сада нас встретил констебль.

– Что нового, Вильсон?

– Ничего, сэр.

– Никаких донесений о виденном незнакомце?

– Никаких, сэр. На станции убеждены в том, что вчера не приезжала и не уезжала никакая незнакомая личность.

– Справлялись в харчевнях и в меблированных комнатах?

– Да, сэр; нет ни одного человека, о котором мы не могли бы дать отчета.

– Что ж, прогулка до Чатама возможная вещь. Там всякий может остановиться никем незамеченный или уехать поездом... Вот это садовая дорожка, о которой я говорил, мистер Холмс. Даю вам слово, что вчера на ней не было никаких следов.

– С какой стороны были следы на траве?

– С этой стороны, сэр. На этой узкой полоске травы между дорожкой и клумбой. В настоящее время я не вижу следов, но вчера они были ясны для меня.

– Да-да, кто-то прошел тут, – сказал Холмс, нагнувшись над травой. – Наша дама, должно быть, очень осторожно ступала, не правда ли, так как иначе она оставила бы следы с одной стороны на дорожке, а с другой – еще более ясные следы на мягкой клумбе.

– Да, сэр, она, должно быть, хладнокровная преступница.

– Вы говорите, что она должна была вернуться этим путем?

– Да, сэр, другого нет.

– По этой полоске травы?

– Конечно, мистер Холмс.

– Гм! Это было замечательное исполнение, очень замечательное. Ну, я думаю, что на дорожке нам больше нечего делать. Пойдем дальше. Эта дверь в сад, должно быть, обычно-

венно отперта? Значит, посетительнице ничего больше не оставалось, как войти в нее. У нее в голове не было мысли об убийстве, иначе она бы запаслась каким-нибудь оружием вместо того, чтобы взять ножичек со стола. Она шла по этому коридору, не оставив никаких следов на кокосовом половике. Затем она очутилась в этом кабинете. Как долго находилась она там? Мы не имеем данных, чтобы судить об этом.

– Не больше пяти минут, сэр. Я забыл вам сказать, что экономка, миссис Маркер, незадолго перед тем, приблизительно за четверть часа, как она говорит, убирала кабинет.

– Хорошо, это дает нам определение времени. Наша дама входит в эту комнату, и что она делает? Она подходит к письменному столу. Для чего? Не ради содержимого ящиков. Если бы в них было что-нибудь ценное, то они были бы заперты. Нет; она подошла ради чего-нибудь, заключающегося в этом бюро. Эге! Что это за царапина на его поверхности? Отчего вы не сказали мне о ней, Гопкинс?

Царапина, которую Холмс рассматривал, начиналась от бронзового украшения с правой стороны замочной скважины и тянулась в длину приблизительно на четыре дюйма, стерев полировку.

– Я заметил ее, мистер Холмс. Но возле замочных скважин всегда есть царапины.

– Это свежая царапина, совершенно свежая. Посмотрите, как бронза блестит там, где она поцарапана. Старая царапина была бы одного цвета с остальными. Взгляните на нее через мою лупу. Тут и полировка в виде порошка по обеим сторонам борозды. Здесь ли миссис Маркер?

Пожилая женщина с грустным лицом вошла в комнату.

– Стирали вы пыль с этого бюро вчера утром?

– Да, сэр.

– Заметили вы эту царапину?

– Нет, сэр, не заметила.

– Я уверен в этом, иначе вы смели бы эти следы полировки. У кого ключ от этого бюро?

– Профессор носит его на цепочке с часами.

– Ключ простой?

– Нет, сэр, это патентованный ключ системы Чоба.

– Прекрасно. Можете идти, миссис Маркер. Мы начинаем двигаться вперед. Наша дама входит в комнату, подходит к бюро и или открывает его, или пытается его открыть. В это время входит молодой Виллугби Смит. При поспешности, с какой она выдергивает ключ, она делает царапину на дверце. Он нападает на нее, и она хватает первый попавшийся под руку предмет, случайно оказавшийся этим ножичком, и наносит ему удар, чтобы освободиться от него. Удар оказывается роковым. Он падает, и она убегает без того, за чем приходила. Тут ли горничная Сусанна? Сусанна, мог кто-нибудь уйти в дверь после того, как вы услышали крик?

– Нет, сэр, это невозможно. Пока я спускалась, я увидела бы человека в коридоре. Кроме того, дверь никем не была отперта, иначе я бы услышала это.

– Следовательно, этот выход можно исключить. Значит, дама, несомненно, ушла тем же путем, каким пришла. Я понял так, что другой коридор ведет только в спальню профессора. Оттуда нет выхода?

– Нет, сэр.

– Мы пойдем туда и познакомимся с профессором... Эге, Гопкинс! Это очень важно, право, очень важно. Коридор профессора тоже устлан кокосовыми циновками.

– Так что же, сэр?

– Разве вы не видите тут никакого отношения к делу? Ладно-ладно, я не настаиваю на этом. Я, несомненно, ошибаюсь. А между тем, мне кажется, что это наводит на некоторые мысли. Пойдемте со мной, вы представите меня.

Мы пошли по коридору, который был такой же длины, как коридор, ведущий в сад. В конце его было несколько ступенек, наверху которых была дверь. Наш проводник постучался и пропустил нас в спальню профессора.

Это была очень большая комната, стены которой были покрыты книгами в таком изобилии, что они падали с полок и лежали кучей в углах или были уложены на полу. Кровать стояла посреди комнаты, и в ней, обложенный подушками, лежал хозяин дома. Я редко видел столь замечательную физиономию. На нас смотрело худое орлиное лицо с пронзительными черными глазами, выглядывавшими из глубоких впадин, на которые нависли густые брови. Волосы и борода его были белы, и только последняя была курьезно покрыта желтизной вокруг рта. Среди массы белых волос блестел огонек папиросы, и воздух комнаты был пропитан зловонием от застаревшего табачного дыма. Когда старик протянул Холмсу руку, я заметил, что и она была желта от никотина.

– Вы курите, мистер Холмс? – спросил он, говоря прекрасным языком с курьезным, чуть-чуть жеманным акцентом. – Прошу вас взять папиросу... А вы, сэр? Могу рекомендовать их, так как я специально заказываю эти папиросы у Ионидеса в Александрии. Он присылает их мне по одной тысяче, и, к сожалению, я должен сказать, что мне приходится заботиться о новом запасе каждые две недели. Плохо, сэр, очень плохо, но старики пользуются столь незначительными удовольствиями. Табак и моя работа – вот все, что у меня осталось.

Холмс закурил папиросу и бросал короткие пронизательные взгляды по комнате.

– Табак и моя работа... А теперь только табак! – воскликнул старик. – Увы. Какой роковой перерыв! Кто мог предвидеть такую ужасную катастрофу? Такой почтенный молодой человек! Уверяю вас, что после нескольких месяцев стажировки он стал великолепным помощником. Что вы думаете об этом деле, мистер Холмс? Я буду вам обязан, если вы прольете свет там, где все для нас так темно. На такого бедного книжного червя и инвалида, как я, такой удар способен подействовать парализующим образом. Я как будто утратил способность мыслить. Но вы человек действий, вы деловой человек. Это составляет часть ежедневной рутины вашей жизни. Вы можете сохранить свое равновесие перед лицом всякой случайности. Мы истинно счастливы, что имеем вас на своей стороне.

Холмс ходил взад и вперед по одной стороне комнаты, пока профессор говорил. Я заметил, что он курил с необыкновенной быстротой. Очевидно, он разделял с хозяином вкус к свежим александрийским папиросам.

– Да, сэр, это парализующий удар, – повторил старик. – Эта куча бумаг, там, на боковом столе, мой магnum opus. Это мой анализ документов, найденных в коптских монастырях Сирии и Египта, – труд, который затронет глубоко самое основание разоблаченной религии. При своем слабом здоровье не знаю, буду ли я когда-нибудь в состоянии закончить его теперь, когда у меня отняли моего помощника. Боже мой, мистер Холмс, вы еще более ярый курильщик, чем я.

Холмс улыбнулся.

– Я знаток, – сказал он, беря из ящика четвертую папироску и закуривая ее старым окурком. – Не стану тревожить вас, профессор Корам, дальнейшими расспросами, так как я узнал, что вы были в постели в момент совершения преступления и ничего не могли знать о нем. Мне хочется только спросить вас, что, вы думаете, хотел сказать бедный малый своими последними словами: «Профессор... это она»?

Профессор покачал головой.

– Сусанна – деревенская девушка, – ответил он, – а вы знаете, как невероятно глуп этот народ. Я полагаю, что бедный малый пробормотал в бреду несколько бессвязных слов, а она составила из них эту бессмысленную фразу.

– Понимаю. Вы сами ничем не можете объяснить эту трагедию?

– Возможно, что это несчастный случай; может быть (говорю это только шепотом между нами), это самоубийство. У молодых людей есть свои тайные горести... Может быть, какая-нибудь любовная история, которая была нам совершенно неизвестна. Это более вероятное предположение, чем убийство.

– А пенсне?

– О! Я только ученый, человек мечтаний. Я не умею объяснить того, что касается практической жизни. А все-таки нам известно, друг мой, что залогом любви принимают иногда странные формы. (Пожалуйста, возьмите еще папироску. Мне доставляет истинное удовольствие видеть, что вы так оценили их.) Веер, перчатка, пенсне, почему знать, какой предмет может быть унесен как залог любви, а затем лелеян, когда человек собирается покончить со своей жизнью. Этот господин говорит о следах на траве, но, в сущности, тут легко ошибиться. Что же касается ножа, то он легко мог отлететь от несчастного молодого человека при его падении. Возможно, что я говорю как ребенок, но мне кажется, что Виллугби Смит пошел навстречу своему року.

Холмс казался пораженным таким предположением и продолжал некоторое время шагать по комнате, углубившись в думы и истребляя папиросу за папиросой.

– Скажите мне, профессор Корам, – заговорил он, наконец, – что заключает в себе шкафчик в бюро?

– Ничего, что было бы полезно для вора. Семейные бумаги, письма от моей бедной жены, университетские дипломы, которыми почтили меня. Вот ключ. Можете сами посмотреть.

Холмс взял ключ и, осмотрев его, вернул старику.

– Нет, это вряд ли поможет мне, – сказал он. – Я предпочитаю спокойно пройтись по вашему саду и обдумать все дело. Есть кое-что, говорящее в пользу вашей теории о самоубийстве. Однако простите нас, профессор Корам, что мы ворвались к вам, но я обещаю, что мы не будем беспокоить вас до завтрака. В два часа мы вернемся и сообщим вам обо всем, что может случиться в этот промежуток времени.

Холмс был необыкновенно рассеян, и мы некоторое время молча ходили по садовой дорожке.

– Напали вы на какой-нибудь след? – спросил я его, наконец.

– Это зависит от папирос, которые я выкурил, – ответил он. – Возможно, что я совершенно ошибаюсь. Папиросы докажут мне это.

– Милый Холмс! – воскликнул я. – Ради самого неба, каким...

– Ладно-ладно, сами увидите. А если нет, так и не беда. Конечно, у нас все же остается оптик, к которому мы можем вернуться, но я всегда иду кратчайшим путем, если могу найти таковой. А, вот и милая миссис Маркер! Воспользуемся пятью минутами поучительного разговора с ней.

Я и раньше замечал, что Холмс, когда хотел, мог быть обходительным с женщинами и очень быстро входил в их доверие. Менее чем за пять минут он овладел расположением экономки и болтал с ней, как старый приятель.

– Да, мистер Холмс, это так, как вы говорите. Он ужасно курил. Весь день и всю ночь, сэр. Я видела эту комнату утром. Ну, сэр, вы бы подумали, что это лондонский туман. Бедный молодой мистер Смит был тоже курильщик, но не такой, как профессор. Его здоровье... Право, не знаю, лучше ли оно или хуже от курения.

– А ведь это убивает аппетит, – произнес Холмс.

– Право, ничего не знаю об этом, сэр.

– Полагаю, вряд ли профессор ест много?

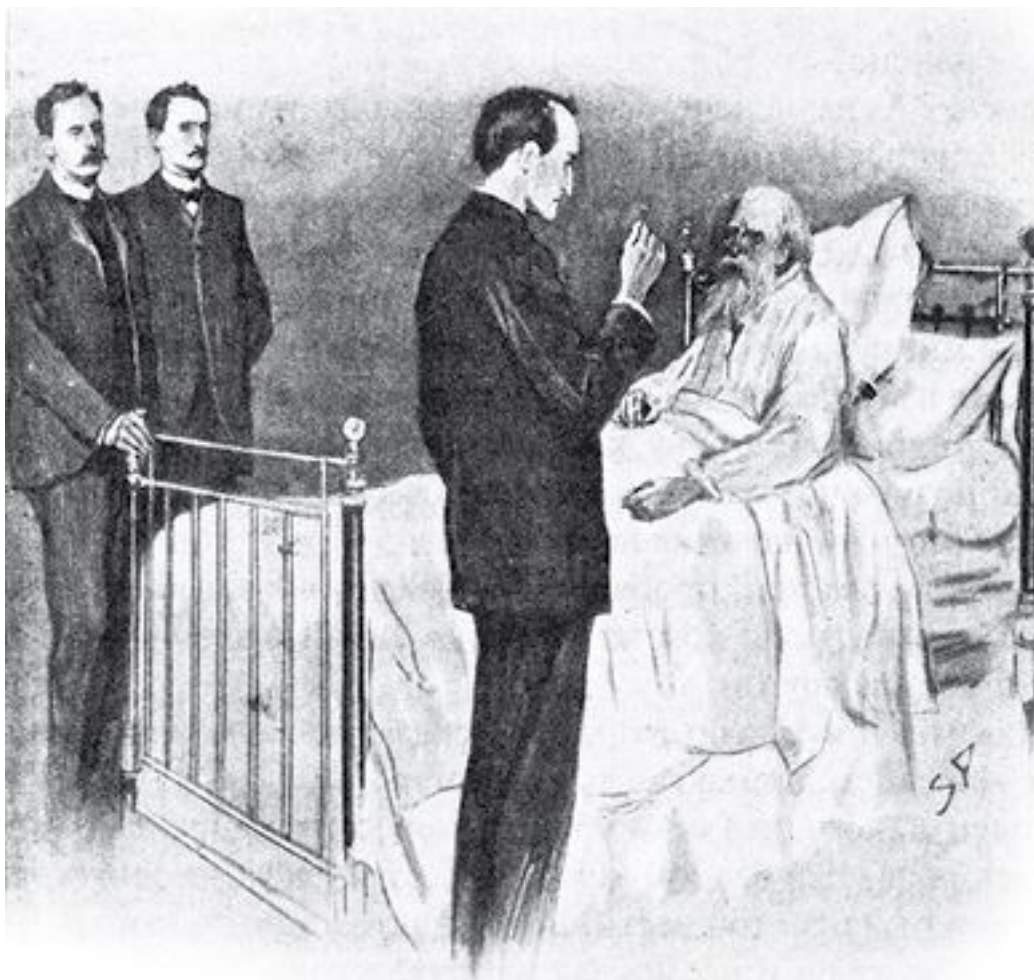
– По-разному бывает.

– Держу пари, что он сегодня утром ничего не ел и не станет завтракать после всех тех папирос, которые он истребил.

– На этот раз вы ошиблись, сэр, так как он очень много ел сегодня. Я не помню, чтобы он когда-нибудь так много ел, да еще заказал котлеты к завтраку. Я сама удивляюсь, потому что с тех пор, как я вчера вошла в кабинет и увидела молодого мистера Смита распростертым на полу, я не могу смотреть на еду. Ну, да всякие люди бывают на свете, и наш профессор не лишился аппетита из-за этой ужасной истории...

Мы все утро провели в саду. Стэнлей Гопкинс отправился в ближайшую деревню, чтобы навести справки относительно слухов о странной женщине, которую дети видели на Чатамской дороге накануне утром. Что же касается моего друга, то его как будто покинула вся присущая ему энергия. Я никогда не видел, чтобы он вел дело так неохотно. Даже известие, принесенное Гопкинсом, что он нашел детей, и что они видели женщину, в точности отвечающую описанию Холмса и носящую очки или пенсне, не возбудило в нем никакого видимого интереса. Он стал более внимателен, когда Сусанна, прислуживавшая нам за завтраком, сообщила, что, как ей кажется, мистер Смит выходил вчера утром на прогулку, и что он вернулся только за полчаса до происшедшей трагедии. Я сам не видел, какое значение имеет этот инцидент, но ясно заметил,

что Холмс положил его на весы общего плана, составившегося в его голове. Вдруг он вскочил со стула и, посмотрев на часы, сказал:

– Два часа, господа, пора идти наверх и покончить дело с нашим другом профессором.

Старик только что позавтракал и, несомненно, пустое блюдо служило доказательством его хорошего аппетита, о котором говорила экономка. Поистине странную фигуру увидели мы, когда он повернул к нам свою белую гриву и свои горящие глаза. Вечная папироса дымилась у него во рту. Он был одет и сидел в кресле у камина.

– Ну, мистер Холмс, открыли вы тайну?

Он придвинул большой ящик с папиросами, стоящий возле него, к моему товарищу. Холмс протянул руку, и его неловким движением ящик был опрокинут. В продолжение одной или двух минут мы все были на коленях, подбирая рассыпавшиеся папиросы. Когда мы поднялись, я заметил, что глаза Холмса заблестели, и на щеках его появился румянец. Только в критические моменты я видел эти боевые сигналы.

– Да, – ответил он, – я ее открыл.

Стэнлей Гопкинс и я смотрели на него с удивлением. Нечто похожее на насмешливую улыбку пробежало по чертам старого профессора.

– В самом деле? В саду?

– Нет, здесь.

– Здесь? Когда?

– Сейчас.

– Вы, конечно, шутите, мистер Шерлок Холмс. Вы вынуждаете меня сказать вам, что это слишком серьезное дело, чтобы так относиться к нему.

– Я сковал и испытал каждое звено своей цепи, профессор Корам, и уверен в ее прочности. Каковы ваши мотивы, и какую роль вы играете в этом странном деле – я не могу еще сказать. Через несколько минут я, вероятно, узнаю это из ваших собственных уст, а пока я воспроизведу для вас то, что случилось, для того, чтобы вы знали, какие мне еще нужны сведения. Вчера дама вошла в ваш кабинет. Она пришла с намерением завладеть некоторыми документами, которые были заперты в вашем бюро. У нее был свой ключ от него. Я имел случай осмотреть ваш ключ и не увидел на нем того следа, который бы произвела царапина, сделанная им по полировке. Следовательно, вы не помогали ей. И, насколько я сужу по имеющимся у меня доказательствам, вы не знали, что она придет обкрадывать вас.

Профессор выпустил изо рта облако дыма.

– Это крайне интересно и поучительно, – сказал он. – Не имеете ли вы еще что-нибудь добавить? Конечно, проследив за дамой до кабинета, вы также можете сказать, что стало с ней.

– Попытаюсь это сделать. Во-первых, ее схватил ваш секретарь, а она зарезала его, чтобы освободиться. На эту катастрофу я склонен смотреть, как на несчастный случай, так как убежден, что дама не имела намерения причинить столь ужасное зло. Убийца не приходит невооруженным. Придя в ужас оттого, что сделала, она бросилась бежать с места трагедии. К несчастью для нее, она потеряла в борьбе свое пенсне и, благодаря своей крайней близорукости, оказалась совершенно беспомощной без него. Она побежала по коридору, приняв его за тот, по которому вошла (оба были устланы кокосовыми циновками), и слишком поздно поняла, что ошиблась, и что всякий путь к отступлению для нее отрезан. Что оставалось ей делать? Она не могла идти назад. Не могла оставаться и там, где находилась. Она должна была идти вперед. Она пошла вперед, поднялась наверх, толкнула дверь и очутилась в вашей спальне.

Старик сидел с открытым ртом, дико смотря на Холмса. На его выразительных чертах были написаны изумление и страх. Он с усилием пожал плечами и разразился театральным смехом.

– Все это прекрасно, мистер Холмс, – сказал он, – но в вашей роскошной теории есть один маленький изъян: я сам находился в своей спальне и не покидал ее целый день.

– Мне это известно, профессор Корам.

– Так вы хотите сказать, что я мог лежать на этой постели и не видеть, как женщина вошла в эту комнату?

– Я этого не говорил. Вы видели ее. Вы разговаривали с ней. Вы узнали ее. Вы помогли ей скрыться.

Профессор снова разразился громким смехом. Он встал на ноги; глаза его горели как уголья.

– Вы с ума сошли! – воскликнул он. – Вы говорите бессмыслицу. Я помог ей скрыться! Где же она теперь?

– Там, – сказал Холмс, указывая на высокий книжный шкаф, стоявший в углу комнаты.

Старик вскинул руки вверх, ужасная конвульсия пробежала по его искаженному лицу, и он упал в свое кресло. В тот же момент дверца шкафа, на который указывал Холмс, повернулась на петлях и из него показалась женщина.

– Вы правы, – воскликнула она с каким-то странным иностранным акцентом. – Вы правы! Я здесь.

Она была перепачкана пылью и покрыта паутиной. Ее лицо было тоже запачкано, но и в нормальном виде она, вероятно, никогда не была красива, так как имела те физические отличительные черты, которые угадал в ней Холмс, и вдобавок еще длинный упрямый подбородок. Благодаря отчасти своей близорукости и отчасти переходу из темноты на свет, она стояла точно ослепленная и моргала глазами, стараясь рассмотреть, кто мы такие. И все-таки, невзирая на

все эти невыгодные для нее стороны, в манерах этой женщины было что-то благородное; в ее вызывающем подбородке и поднятой голове была известная смелость, которая вызывала уважение и восхищение.

Стэнлей Гопкинс дотронулся до ее руки и объявил, что она арестована, но она отстранила его мягко, хотя и с властным достоинством, которое принуждало к покорности. Старик полулежал в своем кресле с искаженным лицом и пристально смотрел на нее.

– Да, сэр, я ваша пленница, – сказала она. – Я слышала каждое ваше слово и знаю, что вам все известно. Признаюсь во всем. Я убила молодого человека. Но вы правы, сказав, что это был несчастный случай. Я даже не знала, что держала в руке нож, так как в отчаянии своем схватила то, что попало под руку, чтобы заставить его выпустить меня из своих рук. Я говорю правду.

– Мадам, – сказал Холмс, – я уверен, что вы говорите правду. Что это?! Вам дурно?

Ее лицо покрылось смертельной бледностью, тем более ужасной, что оно было перепачкано пылью. Она села на край постели и продолжала:

– В моем распоряжении немного времени, но я хочу, чтобы вы узнали всю правду. Я жена этого человека. Он не англичанин. Он – русский. Его имени я не скажу.

Впервые старик зашевелился.

– Господь с тобой, Анна! – воскликнул он.

Она бросила на него взгляд глубочайшего презрения.

– К чему ты так цепляешься за свою несчастную жизнь, Сергей? – спросила она. – Ты многим причинил зло и никому не принес добра, даже самому себе. Но не мне, однако, обрывать тонкую нить до назначенного Богом времени. И так уже достаточно накопилось у меня на душе с тех пор, как я переступила порог этого проклятого дома. Но я должна говорить, пока не поздно...

Я сказала, господа, что я жена этого человека. Я была глупой двадцатилетней девочкой, а ему было пятьдесят лет, когда он женился на мне. Это было в русском университетском городе, я не назову его...

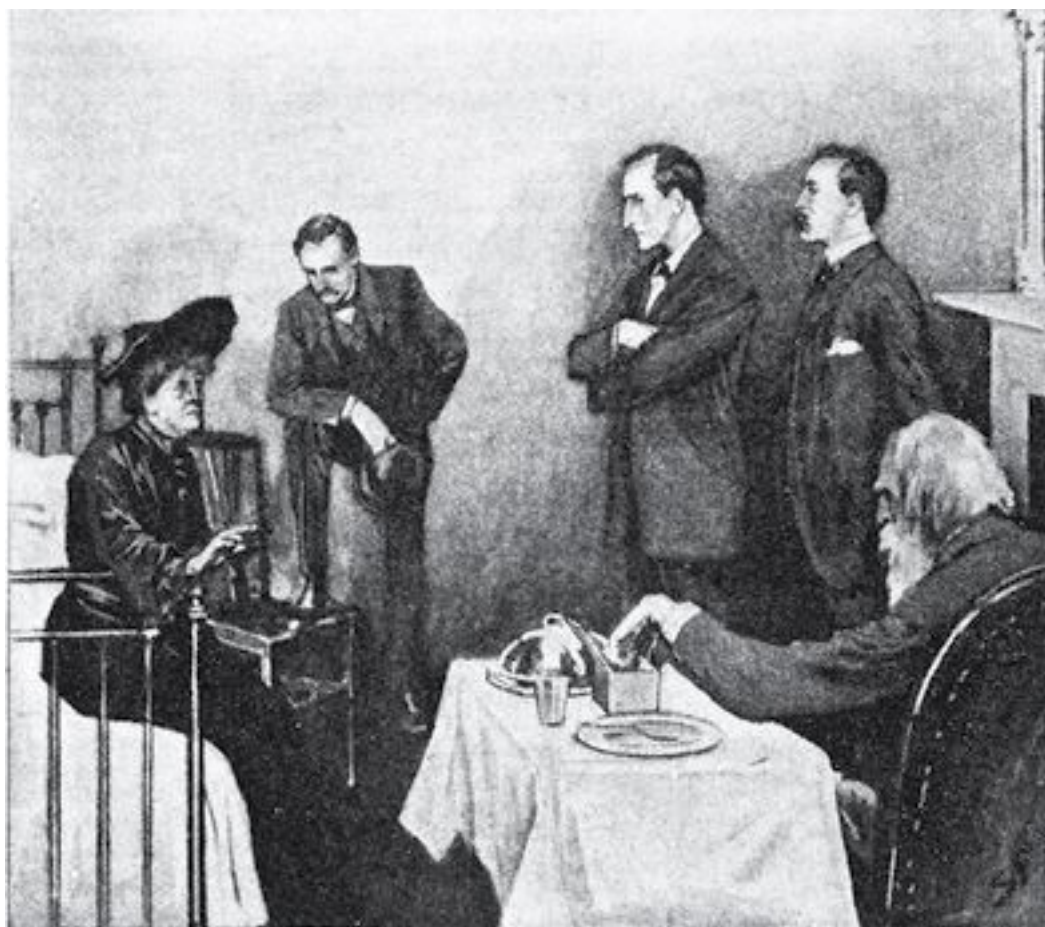
– Господь с тобой, Анна, – пробормотал снова старик.

– Мы были революционерами, нигилистами, понимаете? Он, я и многие другие. Затем наступило беспокойное время; многие были арестованы; и для того, чтобы спасти свою жизнь и получить большое вознаграждение, он выдал свою собственную жену и своих товарищей. Да, мы все были арестованы благодаря его доносам и осуждены. Я была в числе последних из них, но я не получила пожизненного заключения. Мой муж приехал в Англию со своим дурно приобретенным богатством и жил с тех пор спокойно, хорошо зная притом, что если бы члены нашего общества узнали, где он находится, то не прошло бы и недели, как его настигло бы правосудие.

Старик протянул дрожащую руку за папиросой.

– Я в твоих руках, Анна, – сказал он. – Ты всегда была добра ко мне.

– Я еще не сообщила о пределе его низости. Между нашими товарищами был один, ставший другом моего сердца. Он был благороден, самоотвержен, любил меня, словом, полная противоположность моему мужу. Он ненавидел насилие. Мы все были преступны, а он нет. Он постоянно нам писал, отговаривая нас от наших намерений. Эти письма могли бы спасти его, так же, как и мой дневник, в котором я записывала день за днем. Дело было не в том, что я хотела жить ради себя самой, но ради того, чтобы достигнуть цели. Он знал, что я сдержу слово, что его судьба связана с моей. По этой причине и только по этой он скрыл меня. Он втолкнул меня в это темное убежище, известное ему одному, где я чуть не задохнулась. Он ел в своей спальне, и потому мог уделять мне часть своей пищи. Мы решили, что когда полиция покинет дом, я ночью выскользну из него и больше не вернусь. Но вы каким-то образом узнали наши планы.

Она вынула из-за лифа небольшой пакет.

– Вот мои последние слова: этот пакет спасет Алексея; я доверяю его вашей чести и вашей любви к правосудию. Возьмите его! Вы отдадите его в русское посольство! Теперь я исполнила свой долг и...

– Остановите ее! – воскликнул Холмс.

Он сделал прыжок и вырвал у нее из рук маленькую склянку.

– Слишком поздно! – сказала она, падая на кровать. – Слишком поздно! Я приняла яд прежде, чем покинула свое убежище. Голова кружится! Я умираю. Поручаю вам, сэр, не забыть пакета...

* * *

– Простой случай, а между тем в некоторых отношениях поучительный, – заметил Холмс, когда мы возвращались в город. – Все дело зависело от пенсне. И если бы не счастливый случай, что умирающий человек схватил его, то я сомневаюсь, пришли бы мы к правильному решению. Сила стекол сделала для меня ясным, что носящая их должна быть близорука и совершенно беспомощна без них. Когда вы просили поверить вам, что она прошла по длинной узкой полосе травы, ни разу не сбившись в сторону, то я заметил, как вы помните, что это было замечательным подвигом. Про себя же я решил, что это невозможный подвиг, разве что у нее были в запасе другие очки, а это вряд ли вероятно. Поэтому я был вынужден серьезно обдумать гипотезу, что она не выходила из дома. Заметив сходство обоих коридоров, я решил, что она очень легко могла ошибиться, и в таком случае, она должна была попасть в спальню

профессора. Поэтому я был настороже во всем, что могло относиться к этому предположению, и тщательно осмотрел комнату, отыскивая что-нибудь похожее на убежище. Ковер казался цельным и туго натянутым, так что я отказался от мысли о люке в полу. Могло быть убежище позади книг. Вам известно, что такие штуки часто встречаются в старых библиотеках. Я заметил, что книги были навалены на полу повсюду, только не перед этим шкафом, значит тут-то и могла быть потайная дверь. Я не видел никаких знаков, подтверждающих мое предположение, но ковер был одноцветный, его легко было исследовать, поэтому я выкурил большое число этих прекрасных папирос и бросал пепел на пол перед заподозренным шкафом. Это было простой уловкой, но оказавшейся чрезвычайно действенной. Затем мы пошли вниз, и я в вашем присутствии, Ватсон, удостоверился (причем вы не поняли, куда клонят мои вопросы), что употребление пищи профессором Корамом увеличилось, что и следовало ожидать, раз он кормит еще одного человека. Затем мы снова поднялись в спальню, где я, рассыпав коробку с папиросами, прекрасно рассмотрел пол и был в состоянии заключить по следам, оставленным на пепле, что в наше отсутствие пленница выходила из своего убежища... Ну, Гопкинс, мы приехали в Чэринг-Кросс, и я поздравляю вас с тем, что вы довели дело до удачного конца. Вы, несомненно, идете в Скотланд-Ярд... А мы с вами, Ватсон, поедem, пожалуй, в русское посольство.

Пропавший футболист

Мы достаточно привыкли получать на Бейкер-стрит странные телеграммы. Я в особенности помню одну, полученную в мрачное февральское утро семь или восемь лет тому назад, поставившую Шерлока Холмса в тупик на добрые четверть часа.

Телеграмма была адресована ему и гласила:

«Прошу подождать меня. Страшное несчастье. Правое крыло без три четверти: необходим завтра. *Овертон*».

– Штемпель Странда, и отправлена в десять часов тридцать шесть минут, – сказал Холмс, несколько раз перечитывая телеграмму. – Мистер Овертон, посылая ее, был, очевидно, сильно возбужден, а потому непоследователен. Ну, да он сам будет здесь, пока я просмотрю «Таймс», и тогда мы все узнаем. Даже самая незначительная задача будет мне приятна в эти дни застоя.

Действительно, время было для нас очень тихое, и я научился побаиваться таких периодов бездействия, потому что по опыту знал, как опасно оставлять необыкновенно деятельный мозг моего товарища без материала для деятельности. В течение нескольких лет я постепенно избавлял Холмса от той мании к зелью, которая однажды угрожала нарушить его замечательную карьеру. Теперь я знал, что при обыкновенных условиях он больше не стремится к этому искусственному стимулу. Но мне было также известно и то, что враг не умер, а только спит, что сон у него чуткий, и что пробуждение его близко всякий раз, когда в периоды праздности аскетическое лицо Холмса, бывало, осунется, а его глубоко посаженные, непроницаемые глаза что-то замышляют. И вот я благословлял мистера Овертона, кто бы он ни был, так как его загадочное послание нарушило это опасное затишье, которое грозило моему другу большей гибелью, чем все штормы его бурной жизни.

Как мы и ожидали, вскоре вслед за телеграммой явился и пославший ее. Карточка Сервиля Овертона из Тринити-колледжа, Кембридж, известила о прибытии громадного молодого человека, шести пудов веса, с солидными костями и мускулами, который закрыл пролет двери своими широкими плечами и обращал то к одному из нас, то к другому свое красивое лицо, искаженное беспокойством.

– Мистер Шерлок Холмс?

Товарищ мой поклонился.

– Я ходил в Скотланд-Ярд, мистер Холмс. Я видел инспектора Стэнлея Гопкинса. Он посоветовал мне идти к вам. Он сказал, что мое дело больше подходит к вашей сфере деятельности, чем настоящей полиции.

– Пожалуйста, садитесь и расскажите, в чем дело?

– Это ужасно, мистер Холмс, положительно ужасно! Я удивляюсь, что волосы у меня не поседели. Годфрей Стаунтон... Вы, конечно, слышали о нем? Он стержень, на котором держится вся команда. Я бы скорее пожертвовал двумя другими, лишь бы иметь Годфрея на линии трех четвертей. Никто не может сравниться с ним ни в нападении, ни в отражении, ни в постепенном движении; затем у него голова, и он всех нас держит дружно вместе. Что мне делать? Вот что я вас спрашиваю, мистер Холмс. Есть у нас Мурхауз, первый резерв, но он тренирован на половинную дистанцию, он всегда пробивается прямо в середину, вместо того, чтобы держаться вне круга на линии прикосновения. Он, правда, очень хорош для удара на месте, но ведь у него нет рассудительности, и он не годен на короткое расстояние. Да что – Мартон и Джонсон – оксфордские игроки, и те лучше его. Стевенсон довольно быстрый, но он не мог сбить с двадцать пятой линии, а три четверти, который не может ни толкнуть, ни сбить, не достоин занять этого места. Нет, мистер Холмс, мы пропали, если вы не поможете мне найти Годфрея Стаунтона...

Мой друг выслушал с забавным удивлением эту длинную речь, которую молодой человек выпалил с необыкновенной силой и серьезностью, подчеркивая каждый пункт ударом загорелой руки по колену. Когда он замолчал, Холмс протянул руку и взял из своей коллекции книгу с литерой С. Впервые он напрасно рылся в этом руднике разнообразнейших сведений.

– Тут есть Артур Стаунтон, приобретающий известность молодой подделыватель, – сказал он. – Был еще Генри Стаунтон, которого я помог повесить, но Годфрей Стаунтон новое для меня имя.

Настала очередь нашему посетителю удивиться.

– Как, мистер Холмс?.. Я думал, что вы сведущий человек, – сказал он. – Значит, если вы никогда не слышали о Годфрее Стаунтоне, то полагаю, что вы не знаете и Сервиля Овертона?

Холмс добродушно покачал головой.

– Вот так штука! – воскликнул атлет. – Да ведь я был первым резервом Англии против Уэльса, в продолжение всего этого года я был капитаном команды университета. Но это ничего! Я не думал, чтобы в Англии могла быть хоть одна душа, которая бы не знала Годфрея Стаунтона, незаменимого игрока на три четверти, Кембридж, Блекхит и пять международных. Боже мой! Мистер Холмс, где вы жили?

Холмс рассмеялся над наивным удивлением молодого гиганта.

– Вы живете в ином мире, чем я, мистер Овертон, в более приятном и более здоровом. Моя деятельность пускает ветви во многие слои общества, но никогда, к счастью, она не касалась любительского спорта, что составляет лучшее и самое здоровое в Англии. Однако же ваш сегодняшний неожиданный визит показывает мне, что даже в этом мире свежего воздуха и честной игры есть для меня работа. Итак, дорогой сэр, прошу вас сесть и рассказать мне тихо и спокойно, что случилось, и чем я могу вам помочь.

Лицо молодого Овертона приняло удрученное выражение человека, более привыкшего пользоваться своими мускулами, чем мозгами. Но постепенно, с повторениями и неясностями, которые я могу исключить из его рассказа, он изложил нам свою странную историю.

– Вот как это было, мистер Холмс. Как я вам уже сказал, я капитан Рюгерской команды Кембриджского университета, а Годфрей Стаунтон – мой лучший игрок. Завтра мы играем с Оксфордом. Вчера мы все приехали и разместились в частной гостинице Бентлея. В десять часов я сделал обход и увидел, что все молодцы уже на насесте, потому что я верю в строгую тренировку и в достаточное количество сна для того, чтобы партия была хороша. Я поговорил немного с Годфреем. Он показался мне бледным и озабоченным. Я спросил его, что с ним. Он ответил, что все в порядке, что у него только чуть-чуть болит голова. Я пожелал ему спокойной ночи и ушел. Оказывается, что через полчаса, как говорил мне швейцар, какой-то грубый с виду человек с бородой пришел с запиской к Годфрею. Так как он еще не ложился, записку отнесли к нему в комнату. Годфрей прочел ее и упал на стул, точно его хвятили обухом по голове. Швейцар так испугался, что хотел идти за мной, но Годфрей остановил его, выпил воды и собрался с духом. Затем он спустился вниз, сказал несколько слов человеку, ожидавшему в передней, и они вместе вышли. Швейцар видел, как они почти бежали по улице по направлению к Странду. Сегодня утром комната Годфрея была пуста, постель его не смята, и все вещи были в том порядке, в каком я видел их вчера вечером. Он в одно мгновение ушел с незнакомцем, и с тех пор мы ничего не слышали о нем. Я не думаю, чтобы он когда-нибудь вернулся. Годфрей был спортсменом до мозга костей, и он не прервал бы своей тренировки и не подвел бы своего капитана, если бы на то не было причины сильнее его. Нет, я чувствую, что он совсем ушел, и мы никогда больше не увидим его...

Шерлок Холмс выслушал с глубочайшим вниманием это необыкновенное повествование.

– Что вы предприняли? – спросил он.

– Я телеграфировал в Кембридж, чтобы узнать, не слышали ли там чего-нибудь о нем. Я получил ответ. Никто его не видел.

– А мог он вернуться в Кембридж?

– Да, есть ночной поезд, отходящий в четверть двенадцатого.

– Но, насколько вы могли удостовериться, он не поехал на нем?

– Нет, его не видели.

– Что вы затем сделали?

– Я телеграфировал лорду Маунт-Джемсу.

– Почему лорду Маунт-Джемсу?

– Годфрей сирота, а лорд Маунт-Джемс – его ближайший родственник, кажется, дядя.

– Да? Это бросает новый свет на дело. Лорд Маунт-Джемс один из богатейших людей в Англии.

– Так и я слышал от Годфрея.

– И ваш друг его близкий родственник?

– Да, он его наследник, а старику около восьмидесяти лет, и он болен подагрой. Говорят, что он может натирать бильярдный кий вместо мела своими суставами. Он ни разу в жизни не дал Годфрею ни одного шиллинга, потому что он сущий скряга. Но все равно его богатство по праву перейдет к нему.

– Получили вы ответ от лорда Маунт-Джемса?

– Нет.

– Какая причина могла заставить вашего друга отправиться к лорду Маунт-Джемсу?

– Что-то его заботило вчера вечером, и если это касалось денег, то возможно, что он обратился к своему ближайшему родственнику, у которого их так много. Хотя по всему, что я слышал, вряд ли ему удалось бы получить что-нибудь от него. Годфрей недолюбливал старика. Он бы не обратился к нему, если бы не крайность.

– Ну, мы скоро определим это. Если ваш друг пошел к своему родственнику, лорду Маунт-Джемсу, то как вы объясните посещение этого грубого с виду человека в такой поздний час и волнение, которое произвел его приход?

Сервиль Овертон сжал голову руками.

– Я ничем не могу объяснить этого, – сказал он.

– Ладно-ладно, у меня сегодня свободный день, и я буду рад заняться этим делом, – сказал Холмс. – Я настоятельно прошу вас сделать все ваши приготовления для матча, не упоминая об этом молодом человеке. Должно быть, как вы говорите, дело чрезвычайной важности заставило его так поступить. Пойдемте вместе в гостиницу и посмотрим, не в состоянии ли будет швейцар бросить новый свет на дело.

Шерлок Холмс был мастер в искусстве ободрить смиренного свидетеля, и очень скоро в уединении покинутой комнаты Годфрея Стаунтона он извлек из швейцара все, что тот мог сообщить. Ночной посетитель был не господин и не рабочий. Он просто был, как описал его швейцар, чем-то средним: человек лет пятидесяти, с седой бородой и бледным лицом, скромно одетый. Он сам казался взволнованным. Швейцар заметил, что у него дрожала рука, когда он протянул записку. Годфрей Стаунтон смял записку и сунул ее в карман. Он не пожал руки человеку в передней. Они обменялись несколькими фразами, из которых швейцар уловил одно только слово «время». Затем они поспешно вышли. Было ровно половина одиннадцатого на часах в передней.

– Посмотрим, – сказал Холмс, садясь на постель Стаунтона. – Вы дневной швейцар, не так ли?

– Да, сэр, я сменяюсь в одиннадцать часов.

– Ночной швейцар ничего не видел?

– Нет, сэр, одна компания вернулась поздно из театра. Никто больше не приходил.

– Вы дежурили вчера целый день?

– Да, сэр.

– Относили ли вы какие-нибудь послания мистеру Стаунтону?

– Да, сэр, одну телеграмму.

– А! Это интересно. В каком часу?

– Около шести.

– Где находился мистер Стаунтон, когда он ее получил?

– Здесь, в своей комнате.

– Видели вы, как он ее читал?

– Да, сэр, я дожидался, не будет ли ответа.

– Ну и что же?

– Он написал ответ.

– Вы отнесли этот ответ?

– Нет, он сам его отнес.

– Но писал он в вашем присутствии?

– Да, сэр. Я стоял у дверей, а он сидел у этого стола, повернувшись ко мне спиной. Когда он написал телеграмму, то сказал: «Можете идти, швейцар, я сам отправлю ее».

– Чем он писал ее?

– Пером, сэр.

– На одном из этих телеграфных бланков?

– Да, сэр, на верхнем.

Холмс встал. Взяв бланки, он поднес их к окну и тщательно осмотрел верхний из них.

– Как жаль, что он не написал телеграмму карандашом, – сказал он, с досадой бросая бланки на стол. – Вы, без сомнения, часто замечали, Ватсон, что след от карандаша проходит насквозь. Этот факт расторг немало счастливых браков. Но здесь я не вижу никаких следов. Однако же я рад заметить, что он писал мягким тупым пером, и не сомневаюсь, что мы найдем какой-нибудь отпечаток на этом промокательном прессе. Ага! Вот и он.

Холмс оторвал полоску промокательной бумаги и показал нам какие-то иероглифы. Сервиль Овертон был очень взволнован.

– Поднесите к зеркалу! – воскликнул он.

– В этом нет надобности, – возразил Холмс. – Бумага тонкая, и на обратной стороне мы прочтем послание. Вот оно.

Холмс повернул полоску, и мы прочитали: «Не покидайте нас, Бога ради».

– Это конец телеграммы, которую Годфрей Стаунтон отправил за несколько часов до своего исчезновения. Недостает, по меньшей мере, шести слов, но то, что осталось: «Не покидайте нас, Бога ради», доказывает, что молодой человек видел приближение страшной опасности, от которой кто-то мог его спасти. «Нас», заметьте! Тут замешана еще одна личность. Кто бы мог это быть, как не бледнолицый бородатый мужчина, который сам, казалось, был в таком нервном состоянии? Какая же может существовать связь между Годфреем Стаунтоном и бородатым мужчиной? И что это за третий источник, из которого оба ожидали помощи в надвигающейся опасности? Наше расследование уже свелось к этим вопросам.

– Нам остается только узнать, кому была адресована телеграмма, – вставил я.

– Именно, милый Ватсон. Ваша мысль, хоть и глубокая, пришла уже мне в голову. Но вы, вероятно, знаете, что если пойдете на почту и попросите показать вам копию телеграммы, посланной не вами, то встретите со стороны чиновников нежелание оказать вам эту любезность. В этих делах так много канцелярского формализма! Однако же я не сомневаюсь, что с известной тонкостью и деликатностью мы достигнем цели. А пока я бы хотел в вашем присутствии, мистер Овертон, просмотреть эти бумаги, оставленные на столе.

Тут было несколько писем, счетов и записных книжек, которые Холмс перелистывал нервными пальцами и рассматривал острыми проницательными глазами.

– Ничего тут нет, – сказал он, наконец. – Кстати, полагаю, ваш друг был здоров? Ничего с ним не было неладного?

– Здоров как бык.

– Видели ли вы его когда-нибудь больным?

– Ни одного дня. Однажды он слег от полученного удара и один раз вывихнул себе коленную чашечку, но это были пустяки.

– Может быть, он в действительности не был так крепок здоровьем, как вы полагаете. Я склонен думать, что он страдает каким-нибудь недугом, который скрывает от вас. С вашего позволения я положу себе в карман парочку этих бумаг, на всякий случай, может, они пригодятся в нашем будущем расследовании.

– Постойте! Постойте! – воскликнул сварливый голос, и мы увидели на пороге какого-то странного маленького старичка, размахивающего руками.

Он был одет в порыжелый черный сюртук, с развязанным белым галстуком, а на голове у него был цилиндр с широкими полями. Он производил впечатление пастора захолустной деревни или факельщика. Однако же, невзирая на потрепанный и даже смешной вид, обладал голосом столь повелительным и манерами столь энергичными, что приковывал к себе внимание.

– Кто вы такой, сэр, и по какому праву трогаете вы бумаги этого джентльмена? – спросил он.

– Я частный сыщик и пытаюсь выяснить его исчезновение.

– А, неужели? А кто призвал вас?

– Этого господина, друга мистера Стаунтона, послали ко мне из Скотланд-Ярда.

– А вы кто такой, сэр?

– Сервиль Овертон.

– Так это вы прислали мне телеграмму. Я лорд Маунт-Джемс. Я явился, как только довез меня сюда бейсватерский омнибус. Так вы, значит, пригласили сыщика?

– Да, сэр.

– И вы готовы покрыть издержки?

– Я не сомневаюсь, сэр, в том, что мой друг Годфрей, когда мы его найдем, будет готов это сделать.

– А если он никогда не будет найден, а? Ответьте-ка мне на это.

– В таком случае его родные, без сомнения...

– Ничего подобного не будет, сэр! – воскликнул старикашка. – Не ожидайте от меня ни копейки... Ни одной копейки!.. Понимаете вы это, господин сыщик? Я единственный родственник этого молодого человека, и я вам говорю, что не беру на себя ответственности. Если он имеет какие-нибудь надежды, то только потому, что я никогда не сорил деньгами и не намерен начинать это делать теперь. Что же касается бумаг, с которыми вы так свободно обращаетесь, то могу вам сказать, что в случае, если в них окажется что-нибудь ценное, вы должны будете дать строгий отчет.

– Очень хорошо, сэр, – сказал Шерлок Холмс. – А пока смею я вас спросить, не можете ли вы как-нибудь объяснить исчезновение молодого человека?

– Нет, сэр, не могу. Он достаточно взрослый, чтобы самому заботиться о себе. И если он настолько глуп, что заблудился, то я совершенно отказываюсь разыскивать его.

– Я вполне понимаю ваше положение, – сказал Холмс с лукавым блеском в глазах. – Но, может быть, вы не совсем понимаете меня. Оказывается, что Годфрей Стаунтон был беден. Если его похитили, то, конечно, не из-за того, что он лично мог иметь. Слава о вашем богатстве разнеслась далеко, лорд Маунт-Джемс, и весьма возможно, что шайка воров завладела вашим племянником с целью извлечь из него сведения о вашем доме, ваших привычках и о ваших сокровищах.

Лицо нашего нелюбезного старичка сделалось бело, как его галстук.

– Боже, сэр, какая мысль! Мне и в голову не приходила такая подлость! Какие есть на свете бесчеловечные мошенники! Но Годфрей – славный малый, твердый малый. Ничто не заставит его выдать своего дядю. Я сегодня же вечером перевезу в банк серебро. А пока, господин сыщик, не жалейте трудов! Прошу вас не оставить камня на камне, пока вы не вернете его. Что же касается денег, то вы всегда можете ожидать от меня пятерку, даже десятку...

Даже в спокойном состоянии духа благородный скряга не мог нам дать никаких полезных сведений, так как очень мало знал о частной жизни своего племянника. Единственным ключом, имевшимся у нас в руках, был обрывок телеграммы, и с копией его Холмс отправился разыскивать второе звено своей цепи. Мы отделались от лорда Маунт-Джемса, а Овертон отправился посоветоваться с другими членами своей команды насчет случившегося с ними несчастья.

Недалеко от отеля была телеграфная контора. Мы остановились у входа в нее.

– Стоит попробовать, Ватсон, – сказал Холмс. – С предписанием в руках мы, конечно, могли бы потребовать, чтобы нам дали на просмотр копии, но его у нас нет. Не думаю, чтобы служащие помнили лица в таком людном месте.

– Простите, что беспокою вас, – обратился он своим самым ласковым тоном к молодой женщине. – Должно быть, вкралась какая-нибудь ошибка в телеграмму, отправленную мною вчера. Я не получил ответа и очень боюсь, что я забыл подписать свою фамилию. Не можете ли вы мне дать справочку.

Молодая женщина повернулась к кипе копий.

– В котором часу отправили вы телеграмму? – спросила она.

– В начале седьмого.

– Кому она была адресована?

Холмс приложил палец к губам и посмотрел на меня.

– Телеграмма оканчивалась словами: «Бога ради», – шепнул он конфиденциально. – Я очень беспокоюсь, не получая ответа.

Молодая женщина отделила одну копию.

– Вот она. Тут нет подписи, – сказала она, разглаживая бумагу на прилавке.

– Этим, конечно, и объясняется то, что я не получил ответа! – воскликнул Холмс. – Боже мой, какой я глупый! Прощайте, мисс, очень вам благодарен за то, что вы успокоили меня.

Когда мы снова очутились на улице, Холмс хихикнул, потирая руки.

– Ну? – спросил я.

– Мы делаем успехи, милый Ватсон, мы делаем успехи. У меня было семь различных способов, как взглянуть на телеграмму, и я не мог ожидать, что удастся первый из них.

– И что вы выиграли?

– Точку отправления для нашего расследования. – Он подозвал кеб. – На Кинчекрасскую станцию! – крикнул он.

– Значит, мы отправляемся в путешествие?

– Да. Мне кажется, что нам нужно вместе съездить в Кембридж. Все данные указывают на это направление.

– Скажите мне, – спросил я, когда кеб загромыхал по дороге, – имеется ли у вас какое-нибудь подозрение относительно причины исчезновения? Кажется, не было у нас ни одного дела, в котором мотивы были бы так темны. Не думаете же вы, конечно, что его похитили с целью получить сведения о его богатом дяде?

– Признаюсь, милый Ватсон, что это не кажется мне вероятным объяснением. Однако же мне пришло в голову, что только оно одно могло заинтересовать эту крайне неприятную личность.

– Оно, несомненно, и заинтересовало ее. Но какие имеются у вас другие объяснения?

– Я мог бы назвать их несколько. Вы должны согласиться, что довольно интересен и многозначителен тот факт, что инцидент случился как раз накануне этого важного матча и коснулся именно того человека, присутствие которого оказывается существенно необходимым для успеха команды. Это может быть, бесспорно, только простым совпадением, но все-таки это интересно. Любительский спорт свободен от пари, но среди публики это практикуется, и возможно, что для кого-нибудь было выгодным захватить игрока, как мошенники скачек завладевают лошадью. Это одно объяснение. Другое, очень возможное, заключается в том, что молодой человек действительно наследник большого состояния, как ни малы его настоящие средства, и потому мог составиться заговор похищения его ради выкупа.

– Эти предположения не объясняют телеграммы.

– Совершенно верно, Ватсон. Телеграмма все-таки остается единственным основательным предметом, с которым нам приходится иметь дело, и нельзя допускать, чтобы наше внимание отвлекалось от нее. Мы едем теперь в Кембридж именно для того, чтобы пролить свет на нее. В настоящее время путь наших расследований темен, но будет удивительно, если к вечеру мы не осветим его и не сделаем значительного шага вперед.

Анекдоты

Не только в Великобритании, но и в России Шерлок Холмс и его друг доктор Ватсон стали мифическими народными героями. Это подтверждает и большое количество анекдотов, некоторые из которых приведены ниже.

* * *

- Слышали вы, Холмс, про кота Баскервилей?
- Нет.
- Это ужасный зверь, Холмс. В пять раз больше собаки, полосатый, с огромными когтями и клыками, невероятно прыгучий.
- Этот зверь называется тигр, Ватсон.

* * *

- Послушайте, Холмс, там кто-то кричит, просит о помощи. Может, выйдем и выясним, в чем дело?..
- Зачем, Ватсон? Узнаем все из утренних газет.

* * *

Однажды инспектор Лестрейд был в гостях у Шерлока Холмса и доктора Ватсона. В ходе разговора Ватсон спросил:

– Скажите, инспектор, какую фразу вам приходилось в жизни чаще всего произносить?

– Это требование: «Именем королевы, откройте!»

Тогда спросил Холмс:

– А какую самую запоминающуюся фразу вы произнесли только один, но незабываемый раз?

– Когда однажды на девонском пляже почтенная леди расстегнула купальник, – ответил Лестрейд, – я потребовал: «Именем королевы, закройте!»

* * *

Ватсон спрашивает у Холмса:

– Я понимаю, почему вор взял из сейфа деньги и драгоценности. Но зачем он забрал жену лорда?

– Элементарно, Ватсон! Чтобы лорд его не искал!

* * *

– Ватсон, дружище, вы приготовили большую клетку, как я вас просил?

– Приготовил. Но, Холмс, объясните мне, зачем нам эта клетка?

– Помилуйте, Ватсон, мы же джентльмены! Сэр Генри Баскервиль с нами расплатился?

– Расплатился!

– Значит, пора перевозить собаку на другое болото, к другому сэру.

* * *

Холмс пришел в гости к доктору Ватсону:

– Боже! Ватсон, вы изучаете химию?

– Нет, это туалетный столик моей жены!

* * *

Холмс, сидя с трубкой и читая газету:

– Ватсон, вы можете себе представить, что для изготовления кисточек ежегодно требуется две тысячи верблюдов.

– Это просто поразительно, Холмс. Чему только не научат животных в наши дни!

* * *

– Скажите, Холмс, почему в России на пасхальных яйцах пишут буквы «Х» и «В»?

– Элементарно: Холмс и Ватсон.

* * *

– Скажите, Холмс, почему в США так боятся русских?

– Элементарно, Ватсон. Русские разгромили Третий рейх, уничтожили СССР. Теперь всех волнует вопрос: кто следующий?

* * *

– Холмс, как вы угадали – какая партия победит на выборах в России?

– Опять издеваетесь, Ватсон.

Было уже темно, когда мы приехали в старый университетский город. Холмс нанял на станции кеб и приказал ехать к доктору Лесли Армстронгу. Через несколько минут мы остановились у большого дома на самой людной улице. Нас впустили, и после долгого ожидания мы были, наконец, приняты в кабинете доктора, который сидел за столом.

Тот факт, что мне было неизвестно имя Лесли Армстронга, доказывает, до какой степени я порвал со своей профессией. Теперь я знаю, что он не только считается главой медицинской школы университета, но что он вместе с тем мыслитель, пользующийся европейской известностью в нескольких отраслях науки. Но даже, не зная этого, достаточно было одного взгляда, чтобы его широкое массивное лицо, вдумчивые глаза под густыми бровями и гранитной твердости подбородок произвели сильное впечатление. Человек с глубоким характером, с живым умом, суровый аскет, сдержанный, странный – вот каким представился мне доктор Лесли Армстронг. Он держал в руке карточку моего друга и взглянул на нас не очень любезно.

– Я слышал ваше имя, мистер Шерлок Холмс, и мне известна ваша профессия, которую я никоим образом не могу одобрить.

– В этом, доктор, вы сходитесь во мнении со всеми преступниками Англии, – спокойно возразил мой друг.

– Поскольку ваши труды направлены на подавление преступлений, они должны встречать поддержку со стороны всякого разумного члена общества, хотя я не могу сомневаться в том, что официальная машина вполне достаточна для этой цели. Ваше призвание больше поддается критике там, где вы проникаете в тайны частных лиц, когда вы раскапываете наилучшие скрытые семейные дела, и когда отнимаете время у людей более занятых, чем вы. В настоящую минуту, например, я бы писал трактат, вместо того, чтобы разговаривать с вами.

– Не сомневаюсь, доктор, а все-таки разговор может оказаться более важным, чем трактат. Я могу вам, между прочим, сказать, что мы делаем как раз обратное тому, что вы очень справедливо осуждаете, и что мы стараемся предупредить оглашение частных дел, которое по

необходимости должно иметь место, раз дело попадает в руки официальной полиции. Меня вы просто можете считать партизанским отрядом, идущим впереди регулярных сил страны. Я пришел спросить вас о мистере Годфрее Стаунтоне.

– Что вам нужно от него?

– Вы знакомы с ним, не правда ли?

– Он мой близкий друг.

– Вам известно, что он исчез?

– В самом деле?

Выражение сурового лица доктора нисколько не изменилось.

– Он вышел вчера вечером из гостиницы, в которой остановился, и с тех пор о нем нет никаких известий.

– Он, без сомнения, вернется.

– Завтра будет футбольный матч университета.

– Я не симпатизирую этим ребяческим играм. Судьба молодого человека сильно интересует меня, так как я его знаю и люблю. Футбольный матч меня не касается.

– Так я взываю к вашей симпатии к делу расследования исчезновения мистера Стаунтона.

Знаете ли вы, где он находится?

– Конечно, нет.

– Вы не видели его со вчерашнего дня?

– Нет.

– Здоров ли был мистер Стаунтон?

– Абсолютно.

– Бывал ли он болен?

– Никогда.

Холмс быстро развернул бумагу перед глазами доктора.

– Так, может быть, вы объясните мне происхождение этого счета в тридцать гиней, уплаченных в прошлом месяце мистером Годфреем Стаунтоном доктору Лесли Армстронгу из Кембриджа? Я нашел его между бумагами на столе молодого человека.

Доктор покраснел от злости.

– Не вижу причины, почему я обязан давать вам объяснение, мистер Холмс.

Холмс вложил снова счет в свою записную книжку.

– Если вы предпочитаете публичное объяснение, то оно может рано или поздно иметь место, – сказал он. – Я уже сказал вам, что могу умолчать о том, что другие обязаны будут предать гласности, и, право, вы поступите разумнее, если доверитесь мне.

– Я ничего не знаю.

– Имели вы известия от мистера Стаунтона из Лондона?

– Конечно, нет.

– Ах! Опять эта почтовая контора! – вздохнул Холмс. – Крайне нужная телеграмма была послана вам вчера Годфреем Стаунтоном из Лондона в шесть часов пятнадцать минут вечера, телеграмма, имеющая несомненно связь с его исчезновением, а между тем, вы не получили ее. Это возмутительно! Я обязательно пойду в здешнюю контору и подам жалобу.

Доктор Лесли Армстронг выскочил из-за стола, и его темное лицо побагровело от бешенства.

– Я прошу вас выйти из моего дома, сэр, – сказал он. – Вы можете сказать нанявшему вас лорду Маунт-Джемсу, что я не желаю иметь никакого дела ни с ним, ни с его агентами. Нет, сэр, ни слова больше! – он яростно позвонил. – Джон, покажите этим господам дверь.

Торжественный дворецкий строго указал нам на дверь, и мы очутились на улице. Холмс расхохотался.

– Доктор Лесли Армстронг – человек, без сомнения, энергичный и с характером, – сказал он. – Я не видывал человека, который, если бы он обратил свои таланты в известную сторону, мог бы удачнее заполнить пустое место, оставленное знаменитым Мориарти. А теперь, мой бедный Ватсон, мы выброшены одинокими на улицу этого негостеприимного города, который мы не можем покинуть, не оставив своего дела. Эта маленькая гостиница напротив дома Армстронга замечательно подходит для нас. Пока вы наймете комнату, выходящую на улицу, и купите все необходимое для ночи, я успею собрать кое-какие сведения.

Однако на соби́рание этих сведений понадобилось больше времени, чем полагал Холмс, так как он вернулся в гостиницу только в девять часов. Он был бледен и удручен, покрыт пылью и истощен усталостью и голодом. На столе был приготовлен холодный ужин, и когда Холмс поел и закурил трубку, то был готов смотреть на дело с полу комической и вполне философской точки зрения, столь свойственной ему в тех случаях, когда дела шли вкривь и вкось. Перед подъездом докторского дома стояла освещенная газовым фонарем карета, запряженная парой серых лошадей.

– Ее не было в течение трех часов, – сказал Холмс, – она выехала в половине седьмого и вот теперь только вернулась. Это дает по расчетам путь в десять-двенадцать миль, и доктор совершает его ежедневно, а иногда и два раза в день.

– Вещь очень обыкновенная для практикующего врача.

– В том-то и дело, что Армстронг, в сущности, не практикующий врач. Он профессор и консультант, и не дорожит практикой, которая отвлекает его от научных работ. Почему же он совершает эти длинные путешествия, которые должны чрезвычайно утомлять его? И кого он посещает?

– Его кучер...

– Милый Ватсон, можете ли вы сомневаться в том, что я, прежде всего, обратился к нему? Не знаю, благодаря ли собственной своей извращенности, или побуждению со стороны своего хозяина, но он имел жестокость спустить на меня собаку. Ни человеку, ни собаке не понравилась моя палка, и дело не удалось. После этого отношения сделались натянутыми, и не могло быть и речи о дальнейших расспросах. Все, что мне известно, я узнал от дружественно расположенного местного жителя во дворе нашей гостиницы. Он рассказал мне о привычках доктора и его ежедневных поездках.

– Разве вы не могли последовать за каретой?

– Превосходно, Ватсон! Вы сегодня гениальны! Эта мысль пришла мне в голову. Вы, может быть, заметили, что рядом с нашей гостиницей есть магазин велосипедов. Я бросился в него, взял напрокат велосипед, и мне удалось выехать, пока карета еще не скрылась из виду. Я быстро догнал ее и, держась на почтительном расстоянии, ориентировался по ее фонарям, пока мы не выехали из города. Мы прекрасно совершали свой путь по проселочной дороге, как вдруг случился досадный инцидент. Карета остановилась, доктор вышел из нее, быстро вернулся к тому месту, где и я тоже остановился, и сказал мне саркастическим тоном, что он боится за узость дороги, но надеется, что его карета не помешает проехать моему велосипеду. Ничто не могло быть восхитительнее его манер при этом. Я тотчас опередил карету и, держась большой дороги, проехал несколько миль, а затем остановился в удобном месте, чтобы посмотреть, не проедет ли мимо карета. Но ее и след простыл. Для меня стало ясно, что она свернула на одну из многих боковых дорог, которые я заметил. Я вернулся, но опять-таки не увидел никакого следа кареты, а теперь, как вы видите, она вернулась после меня. Я, конечно, вначале не имел особенной причины видеть связь между этими поездками с исчезновением Годфрея Стаунтона. Я только склонен был расследовать их на том общем основании, что все, касающееся доктора Армстронга, в настоящее время нам интересно. Но теперь, когда я вижу, что он так зорко следил за тем, чтобы его не преследовали во время этих поездок, дело кажется мне более важным, и я не успокоюсь, пока не выясню его.

– Мы можем выследить его завтра.

– Можем ли? Это не так легко, как вы думаете. Вы не знакомы с окрестностями Кембриджа? Местность не способствует тому, чтобы скрываться. Все пространство, по которому я проехал сегодня вечером, так же плоско и голо, как моя ладонь, и человек, за которым мы следим, не дурак, как он это ясно доказал сегодня. Я телеграфировал Овертону, чтобы он извещал нас по адресу этой гостиницы обо всем, что может произойти нового в Лондоне, а пока мы можем только сосредоточить свое внимание на докторе Армстронге, имя которого любезная молодая телеграфистка позволила мне прочитать на копии срочной депеши Стаунтона. Он знает, где молодой человек находится, – в этом я готов поклясться. А если он знает, то наша будет вина, если и мы этого не узнаем. Надо признаться, что теперь он превзошел нас. А, как вам хорошо известно, Ватсон, не в моих привычках бросать игру в таком положении.

Однако и на следующий день мы были не ближе к разгадке тайны. После завтрака подали записку, которую Холмс с улыбкой протянул мне. Она гласила:

«Сэр, уверяю вас, что вы теряете время, преследуя меня. В задке моей кареты есть окно, как вы могли заметить вчера, и если вы желаете совершить прогулку в двадцать миль только для того, чтобы вернуться на то место, с которого выехали, то вам стоит последовать за мной. А пока могу вам сообщить, что никакое шпионство за мной не может никоим образом помочь мистеру Годфрею Стаунтону, и я убежден в том, что лучшая услуга, какую вы можете оказать этому джентльмену, заключается в том, чтобы вернуться в Лондон и доложить нанявшему вас, что вы не в состоянии напасть на его след. В Кембридже вы, несомненно, даром потратите время.

Преданный вам Лесли Армстронг».

– Доктор – откровенный, честный противник, – сказал Холмс. – Он возбуждает мое любопытство, и я положительно должен, прежде чем расстаться с ним, узнать о нем больше.

– Карета подана к подъезду, – сказал я. – Вот он садится в нее. Я видел, как он, садясь, взглянул на наше окно. Не попытаться ли мне счастья на велосипеде?

– Нет-нет, милый Ватсон! При всем моем уважении к вашей природной сообразительности, я не думаю, чтобы вы могли состязаться с почтенным доктором. Мне кажется, что я могу достигнуть нашей цели своим собственным, независимым расследованием. Боюсь, что мне придется вас покинуть, так как появление двух любопытных незнакомцев в сонной провинциальной стороне возбудит больше толков, чем мне это желательно. Вы, без сомнения, найдете, что посмотреть и чем развлечься в этом почтенном городе, и я надеюсь сделать вам до вечера более благоприятный доклад.

Однако же и на этот раз моему другу пришлось разочароваться. Он вернулся к ночи усталый и расстроенный бесплодными поисками.

– Печальный вышел день, Ватсон. Узнав общее направление поездок доктора, я потратил время на осмотр всех сел, расположенных на этой стороне Кембриджа, и на сравнение сведений, полученных от кабатчиков и прочих местных агентов по собиранию новостей. Я был в Честертоне, в Гистоне, в Ватербиче и в Окингтоне, и все мои расследования ни к чему не привели. Ежедневное появление кареты, запряженной парой серых лошадей, вряд ли могло остаться незамеченным в этих сонных ямах. Доктор опять выиграл. Нет ли мне телеграммы?

– Есть, я распечатал ее. Вот она: «Спросите Помпея Джерели Диксона, Тринити-колледж». Я не понимаю ее.

– О, она достаточно ясна. Это от нашего друга Овертона, и она служит ответом на заданный мною вопрос. Я сейчас пошлю записку мистеру Джерели Диксону, и тогда я не сомневаюсь, что нам улыбнется счастье. Кстати, нет ли чего о матче?

– Есть. В местной вечерней газете помещен прекрасный отчет о нем. Выиграл Оксфорд. Описание оканчивается так: «Поражение Голубых должно быть всецело приписано печальному отсутствию международного чемпиона Годфрея Стаунтона, которое чувствовалось во всех перипетиях игры. Недостаток соображения на линии трех четвертей и слабость как в нападении, так и в отражении, более чем нейтрализовали усилия опытной и усердно работавшей команды».

– Итак, предсказания нашего приятеля Овертона оправдались, – сказал Холмс. – Лично я согласен с доктором Армстронгом, и спорт не входит в сферу моих интересов. Сегодня ляжем пораньше, Ватсон, потому что я предвижу завтра день, полный событий.

На следующее утро, взглянув на Холмса, я ужаснулся, так как он сидел перед камином, держа в руках свой маленький шприц для подкожных инъекций. Этот инструмент связывался в моем уме с единственной слабостью моего друга, и я боялся худшего, когда увидел его с этим инструментом в руках. Он рассмеялся при виде моего отчаяния и положил шприц на стол.

– Нет-нет, дорогой друг, не волнуйтесь. На этот раз шприц не будет орудием зла, а скорее послужит ключом, который откроет нам тайну. На этот шприц я возлагаю все свои надежды. Я только что вернулся с разведывательной экспедиции, и все благоприятно. Позавтракайте хорошенько, Ватсон, потому что сегодня я намерен напасть на след Армстронга, а раз я нападу на него, то не остановлюсь ни для отдыха, ни для еды, пока не доберусь до его норы.

– В таком случае, – сказал я, – лучше нам взять с собой завтрак, потому что он сегодня рано выезжает. Карета уже подана.

– Ничего. Пусть едет. Умен он будет, если проедет так, чтобы я не выследил его. Когда кончите, спуститесь со мною, и я познакомлю вас с сыщиком, который отменный специалист в предстоящем нам деле.

Когда мы спустились, я последовал за Холмсом во двор, где он открыл дверь сарайчика и вывел коротконогую, вислоухую, пегую собаку, нечто вроде коротконогой гончей.

– Позвольте вам представить Помпея, – сказал он. – Помпей – гордость местных охотников. Она не очень быстрая, но надежная собака, когда попадет на след. Ну, Помпей, ты, может быть, и не скороход, а все-таки ходишь, вероятно, слишком быстро для двух средних лет джентльменов из Лондона, поэтому я позволяю себе вольность прицепить этот ремень к твоему ошейнику. Ну, мальчик, вперед, и покажи свое искусство.

Холмс подвел собаку к подъезду дома доктора. Она понюхала, затем с резким визгом бросилась по улице, натягивая ремень в своем стремлении идти быстрее. Через полчаса мы были за городом и шли по проселочной дороге.

– Что вы сделали, Холмс? – спросил я.

– Пустил в ход избитую, почтенную, но подчас полезную выдумку. Я сегодня утром пробрался во двор к доктору и выпустил на заднее колесо полный шприц анисового масла. Гончая собака пойдет по следу анисового масла до бесконечности, и нашему приятелю Армстронгу придется ехать по воде, чтобы сбить Помпея со следа...

Вдруг собака повернула на заросшую травой тропинку. Через полмили тропинка выходила на другую широкую дорогу, и след поворачивал круто направо по направлению к городу, который мы только что покинули. Дорога шла на юг от города в противоположном направлении от того, по которому мы вышли.

– О, хитрый плут!.. Значит, этот объезд доктор сделал исключительно ради нас. Неудивительно после этого, что все мои расследования в тех селах ни к чему не привели. Доктор пошел, конечно, ва-банк, и хотелось бы мне знать причину такого сложного обмана. Это село, направо от нас, должно быть, Термпингтон. А, черт возьми, вот и карета выезжает из-за угла. Живо, Ватсон, живо, не то мы пропали!

Холмс перескочил через калитку в поле, таща за собою упиравшегося Помпея. Едва мы успели скрыться за изгородью, как карета загромыхала мимо нас. Я успел бросить взгляд на доктора Армстронга, сидевшего с согнутыми плечами, с головою, опущенной на руки, в позе истинного отчаяния. По серьезному лицу своего товарища я убедился, что и он видел доктора.

– Боюсь, что наши розыски будут иметь мрачное окончание. Но мы скоро узнаем. Пойдем, Помпей! А, это коттедж в поле!

Не могло быть сомнения в том, что мы достигли цели своего путешествия. Помпей бегал кругом и визжал у ворот, у которых все еще были видны следы колес кареты. Тропинка вела к уединенному коттеджу. Холмс привязал собаку к изгороди, и мы быстро двинулись по тропинке. Друг мой постучался в маленькую деревянную дверь и снова постучался, не получая ответа. А между тем, коттедж не был пуст, так как до нашего слуха донеслись тихие звуки – какой-то гул горя и отчаяния, невыразимо печальный. Холмс был в нерешительности и оглянулся на дорогу, по которой мы только что пришли. По ней ехала карета, и нельзя было не узнать серых лошадей.

– Боже мой! Доктор возвращается! – воскликнул Холмс. – Это решает дело. Мы обязаны узнать до его появления, что все это значит.

Он открыл дверь, и мы вошли в переднюю. Звуки донеслись до нас яснее и превратились в долгий глубокий вопль отчаяния. Он раздавался наверху. Холмс бросился по лестнице, и я

последовал за ним. Он толкнул полуоткрытую дверь, и мы оба остановились как вкопанные, потрясенные представившимся нам зрелищем.

Женщина, молодая и прекрасная, лежала мертвая на постели. Ее спокойное бледное лицо с тусклыми широко открытыми глазами, обрамленное золотистыми волосами, было обращено вверх. У ног ее, не то сидя, не то стоя на коленях, молодой человек погрузил лицо в покрывало постели, и фигура его сотрясалась от рыданий. Он так ушел в свое ужасное горе, что не поднимал головы, пока Холмс не дотронулся до его плеча.

– Вы мистер Годфрей Стаунтон?

– Да-да... Но вы опоздали. Она умерла.

Молодой человек был так ошеломлен, что не мог понять, что мы не доктора, присланные к нему на помощь. Холмс пытался произнести несколько слов утешения и объяснить, какую тревогу произвело среди его друзей его внезапное исчезновение, как на лестнице послышались шаги, и в дверях показалось тяжелое, суровое, вопрошающее лицо доктора Армстронга.

– Итак, господа, вы достигли своей цели, и, конечно, выбрали особенно подходящий момент для своей навязчивости. Я не стану кричать перед лицом смерти, но могу вас уверить, что будь я помоложе, ваше чудовищное поведение не осталось бы безнаказанным.

– Извините меня, доктор Армстронг, – произнес с достоинством мой друг, – но, кажется, между нами возникло маленькое недоразумение. Если бы вы спустились вниз, мы смогли бы объяснить друг другу это печальное дело.

Минуту спустя мрачный доктор и мы сидели в гостиной.

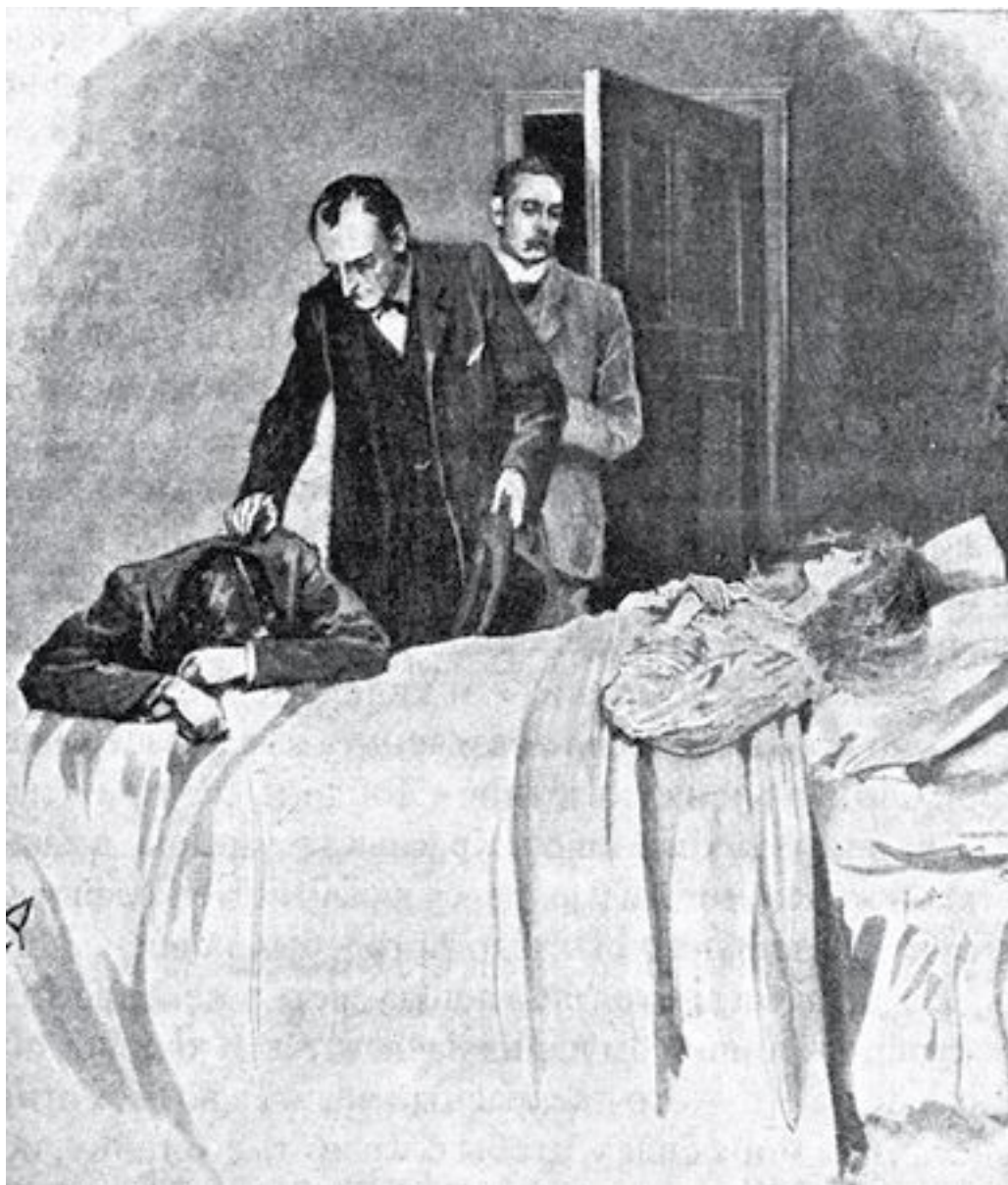
– Ну-с? – произнес он.

– Во-первых, я бы желал, чтобы вы поняли, что я не имею никакого отношения к лорду Маунту-Джемсу, и что моя симпатия в этом деле не на стороне этого вельможи. Когда пропадает человек, моя обязанность установить, где он, а раз я этого достиг, то тут кончаются мои обязанности. И если нет налицо никакого преступления, то я более забочусь о том, чтобы затушить скандал, чем огласить его. Если, как я полагаю, в этом деле не нарушен закон, то вы вполне можете положиться на мою скромность и на содействие, чтобы факты не попали в газеты.

Доктор Армстронг сделал быстрый шаг вперед и пожал Холмсу руку.

– Вы добрый малый, – сказал он. – Я неправильно судил о вас. Благодарю небо, что я вернулся, раскаявшись в том, что оставил бедного Стаунтона одного в таком состоянии, и таким образом познакомился с вами. Так как вы многое знаете, то положение легко объяснить. Год тому назад Годфрей Стаунтон жил некоторое время в Лондоне, и там страстно привязался к дочери своей хозяйки, на которой и женился. Она была так же добра, как хороша собой, и так же умна, как добра. Ни один мужчина не мог бы устыдиться такой жены. Но Годфрей – наследник этого сварливого вельможи, и, конечно, если бы последний узнал о его браке, то лишил бы его наследства. Я хорошо знаю юношу и люблю за многие его прекрасные качества. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы уладить дело. Мы всячески старались скрыть брак от всех, потому что, если только пустить слух, то он быстро распространится. Благодаря этому уединенному коттеджу и своей сдержанности, Годфрею удалось сохранить свою тайну. Ее знали только я и превосходная служанка, которая в настоящую минуту пошла в Термпингтон за помощью. Но бедного юношу постиг страшный удар в образе смертельной болезни его жены. Это была чахотка в злокачественной форме. Бедный мальчик с ума сходил от горя, а между тем он должен был ехать в Лондон на этот матч, потому что не мог отделаться от него без объяснений, которые могли бы открыть его тайну. Я пытался подбодрить его телеграммой, и он ответил мне, умоляя меня сделать все, что в моих силах. Это и была та телеграмма, которую вам каким-то образом удалось увидеть. Я не сообщал ему, как велика была опасность, потому что знал, что он не принесет здесь пользы, но написал правду отцу ее, а он очень нерассудительно передал ее Годфрею. Результатом было то, что он приехал прямо сюда в состоянии, близком к сума-

сшествию, и оставался в таком положении на коленях у ее ног, пока сегодня утром смерть не прекратила ее страданий. Вот и все, мистер Холмс, и я уверен в том, что могу рассчитывать на вашу скромность и скромность вашего друга.

Холмс схватил руку доктора и горячо пожал ее.

– Пойдемте, Ватсон, – сказал он, и мы вышли из этого дома скорби на дорогу, освещенную бледным светом зимнего дня.

Красный шнурок

В холодное морозное утро зимы 1897 года я проснулся оттого, что меня кто-то тряс за плечо. То был Холмс. Свечка в его руке освещала его взволнованное лицо, и я с одного взгляда увидел: что-то неладно.

– Вставайте, вставайте, Ватсон! – воскликнул он. – Игра началась. Ни слова! Живо одевайтесь и едем!

Через десять минут мы оба сидели в кебе, который гремел по безмолвным улицам по направлению к Чэринг-Кросской станции. Забрел бледный зимний рассвет, и мы смутно различали случайную фигуру раннего работника, проходившего мимо нас, как неясное пятно в опаловом лондонском тумане. Холмс сидел молча, закутавшись в свою большую шубу, и я был рад последовать его примеру, потому что воздух был крайне холодный, и мы выехали натошак. Только выпив горячего чая на станции и усевшись в кентский поезд, мы настолько оттаяли, что Холмс мог говорить, а я слушать. Он вынул из кармана записку:

«Аббэй-Грэнж, Марташ, Кент. 3 ч. 30 м. утра.

Дорогой мистер Холмс, я был бы очень рад, если бы вы оказали мне свою немедленную помощь в том, что обещает быть крайне замечательным делом. Это нечто вполне по вашей части. За исключением освобождения дамы, я позабочусь, чтобы все осталось точно в таком виде, в каком я застал дело, но прошу не терять ни одной секунды, так как трудно оставить там сэра Эстаса. Преданный вам *Гопкинс*».

– Гопкинс семь раз призывал меня, и каждый раз приглашение его вполне оправдывалось, – сказал Холмс. – Полагаю, что все его дела попали в нашу коллекцию, и я должен согласиться, Ватсон, что вы обладаете известным даром выбора, который искупает многое, что не нравится мне в ваших повествованиях. Ваша несчастная привычка смотреть на все с точки зрения повести, а не как на научное упражнение, погубила то, что могло бы быть поучительной и даже классической серией наглядных опытов. Вы только слегка касаетесь крайне тонкой и деликатной работы и останавливаетесь на сенсационных деталях, которые могут волновать читателя, но никак не быть для него поучительными.

– Почему же вы сами не пишете? – спросил я с некоторой горечью.

– Напишу, милый Ватсон, напишу. В настоящее время я, как вам известно, изрядно занят, но я намерен посвятить закат своей жизни составлению руководства, в котором сосредоточится, в одном томе, все искусство сыскного труда... Нам предстоит расследовать, по-видимому, убийство.

– Так вы думаете, что этот сэр Эстас умер?

– Полагаю, что да. Письмо Гопкинса свидетельствует о значительном возбуждении, а он не принадлежит к людям, поддающимся эмоциям. Да, я думаю, что произошло насилие, и что тело оставлено до нашего освидетельствования. Из-за простого самоубийства он не послал бы за мною. Что же касается освобождения дамы, то, по-видимому, ее заперли в ее комнате во время трагедии. Мы переносимся в высший свет, Ватсон: толстая бумага, монограмма Э. Б., герб, живописный адрес. Я думаю, что Гопкинс не посрамит своей репутации, и что нас ожидает интересное утро. Преступление было совершено до полуночи.

– Откуда вы это знаете?

– По расписанию поездов и расчету времени. Обратились к местной полиции, ей надо было снестись со Скотланд-Ярдом, Гопкинс должен был поехать туда и, в свою очередь, послать за мною. На все это потребовалась добрая часть ночи. Ну, вот мы и приехали на Чизльхерстскую станцию, и скоро выяснятся все наши сомнения.

Сделав мили две по узким деревенским тропинкам, мы добрались до ворот парка, которые открыл нам старый привратник с искаженным лицом, носившим отпечаток большого волнения. Аллея шла по величественному парку между двумя рядами старых вязов и оканчивалась у низкого обширного дома с колоннами у фасада в стиле Палладио. Центральная часть дома, вся покрытая плющом, была, очевидно, очень древняя, но большие окна доказывали, что были произведены новейшие переделки, а одно крыло дома казалось совершенно новым.

На пороге нас встретила юная фигура и бодрое оживленное лицо инспектора Стэнлея Гопкинса.

– Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс. И вам также, доктор Ватсон, я очень рад! Но, право, если бы мне пришлось начинать сначала, то я не стал бы вас беспокоить, потому что с тех пор, как дама пришла в себя, она дала такие ясные показания по этому делу, что нам немного остается работы. Помните Левптамскую тайну?

– Как, трое Рандлей?

– Именно: отец и два сына. Это дело их рук. Я в этом не сомневаюсь. Они две недели тому назад поработали в Сайденгаме, их видели, и мы имеем описание их наружности. Несколько смело – отважиться на второе дело столь быстро и столь близко, но совершили его они, в этом не может быть сомнения. И на этот раз дело пахнет виселицей.

– Так сэр Эстас, значит, умер?

– Умер, ему проломили голову кочергой от его же собственного камина. Сэр Эстас Бракенстоль – один из богатейших людей в Кенте. Леди Бракенстоль в будуаре. Какой она, бедняга, испытала ужас. Когда я впервые увидел ее, она показалась мне почти мертвою. Я думаю, что вам лучше повидать ее и выслушать ее рассказ о происшедшем. Затем мы вместе осмотрим столовую.

Леди Бракенстоль нельзя было назвать обыкновенной женщиной. Редко приходилось мне видеть такую грациозную женственную фигуру и такое красивое лицо. Она была блондинка с золотистыми волосами, голубыми глазами, и цвет ее лица, вероятно, был бы изумительным, что свойственно такого рода блондинкам, если бы от только что испытанного ею ужаса не осунулись и не исказились ее черты. Она страдала не только душевно, но и физически, так как над правым ее глазом была безобразная синяя опухоль, которую ее горничная, высокая суровая женщина, усердно смачивала уксусом с водой. Дама лежала обессиленная на кушетке, но ее быстрый наблюдательный взгляд, брошенный на нас, когда мы вошли, и бдительное выражение красивых черт ее лица доказывали, что ужас, испытанный ею, не повлиял ни на ее умственные способности, ни на присутствие духа. На ней был надет широкий голубой капот, вышитый серебром, но на кушетке рядом с нею висело черное вечернее платье, отделанное цехинами.

– Я передала вам обо всем, что случилось, мистер Гопкинс, – сказала она утомленным голосом. – Разве вы не можете это повторить за меня? Впрочем, если вы находите нужным, я расскажу этим господам, что случилось. Были они в столовой?

– Я нашел лучшим, чтобы они сначала выслушали вашу милость.

– Я рада буду, когда вы распорядитесь обо всем. Ужасно подумать, что он все еще лежит там.

Она вздрогнула и на один момент закрыла лицо руками. Когда она сделала этот жест, широкие рукава капота опустились и обнажили ее руки до локтей. Холмс вскрикнул:

– Вы получили еще и другие ушибы, мадам! Что это такое?

На белой округлой руке выделялись два ярко-красных пятна. Она поспешно спустила на них рукав.

– Это ничего. Это не имеет отношения к отвратительному происшествию прошлой ночи. Садитесь, пожалуйста, и я расскажу вам все, что знаю. Я жена сэра Эстаса Бракенстоля, замужем около года. Полагаю, что бесполезно мне пытаться скрывать, что наше супружеское счастье было не из завидных. Боюсь, что все наши соседи скажут вам это, если бы я и попыталась

утверждать противное. Может быть, отчасти и я виновата. Я была воспитана в более свободной, менее условной атмосфере Южной Австралии, и мне непривычна эта английская жизнь с ее приличиями и натянутостью. Но главная причина заключается в факте, очевидном для всех, а именно, что сэр Эстас был закоренелый пьяница. Неприятно провести и один час с таким человеком. Можете ли вы себе представить, что значит для уважающей себя женщины быть связанной с таким человеком день и ночь? Утверждать, что такой брак связывает, – это кощунство, преступление, низость. Я говорю, что эти ваши чудовищные законы навлекут проклятие на страну, небо не потерпит, чтобы вечно совершалось такое злодеяние...

Она выпрямилась, щеки ее покраснелись, и глаза метали искры из-под страшного пятна на брови. Но сильная ласковая рука горничной снова уложила ее голову на подушку, и леди разразилась страстными рыданиями. Наконец она снова заговорила:

– Расскажу вам то, что произошло прошлой ночью. Вам, может быть, известно, что вся прислуга спит в новом флигеле. В этом центральном строении помещаются жилые комнаты, с кухней позади и нашей спальней наверху. Моя горничная Тереза спит над моей комнатой. Никого тут больше нет, и ни один звук не может возбудить тревогу у спящих в дальнем флигеле. Это, должно быть, хорошо было известно вора, иначе они не поступили бы так, как оказалось. Сэр Эстас удалился к себе в половине одиннадцатого. Прислуга уже разошлась по своим комнатам. Одна только моя горничная еще не легла и дожидалась в своей комнате, на самом верху, – не понадобятся ли мне ее услуги. Я просидела до начала двенадцатого в этой комнате, углубившись в чтение. Затем я прошлась по комнатам, чтобы посмотреть, все ли в порядке, прежде чем идти наверх. Я имела привычку делать это сама, так как не всегда можно было положиться на сэра Эстаса. Я вошла в кухню, затем в буфетную, в оружейную, в бильярдную, в гостиную и, наконец, в столовую. Подойдя к окну, которое завешено толстыми занавесками, я вдруг почувствовала, что на меня подул, и заключила из этого, что окно открыто. Я отдернула занавес и очутилась лицом к лицу с широкоплечим пожилым человеком, только что вошедшим в комнату. Окно – большое, французское, образующее, в сущности, дверь, выходящую на лужайку. У меня в руках была свечка, при свете которой я увидела за первым человеком двух других, тоже собиравшихся войти в окно. Я отшатнулась, но человек в ту же секунду напал на меня. Сначала он схватил меня за запястье, а затем за горло. Я открыла рот, чтобы крикнуть, но он нанес мне страшный удар кулаком в лицо, и я упала. Я, должно быть, была несколько минут без сознания, потому что, когда пришла в себя, то увидела, что они сорвали шнурок со звонка и крепко привязали меня им к дубовому креслу, которое стоит в конце обеденного стола. Я была так крепко связана, что не могла пошевелиться, а платок, которым был завязан мой рот, не давал мне возможности издать ни одного звука. В этот-то момент в комнату вошел мой несчастный муж. До него, очевидно, долетели подозрительные звуки, и он явился подготовленным к какой-нибудь сцене подобного рода. Он был в рубашке и брюках, со своей любимой палкой из терновника в руке. Он бросился на одного из разбойников, но другой – пожилой человек – нагнулся, схватил с каминной решетки кочергу и нанес ему страшный удар. Он упал, не издав ни одного стога, и больше не шевелился. Мне снова сделалось дурно, но опять-таки я, должно быть, была без чувств всего несколько минут. Когда я открыла глаза, то увидела, что они собрали серебро из буфета и откупорили стоявшую там бутылку вина. У каждого из разбойников было по рюмке в руках. Сказала ли я вам, что один из них был пожилой человек с бородой, а двое остальных – молодые, безусые парни? То мог быть отец с двумя сыновьями. Они разговаривали между собою шепотом. Затем они подошли ко мне и убедились, что я все еще крепко связана. Наконец они ушли, заперев за собою окно. Прошло не менее четверти часа, прежде чем мне удалось освободить свой рот. На мои крики явилась ко мне на помощь горничная. Вскоре и остальные слуги забили тревогу, и мы послали за местной полицией, которая связалась с Лондоном. Вот, господа, положительно все, что я могу сказать, и надеюсь, что меня больше не заставят повторять эту тяжелую историю.

– Не предложите ли вы какие-нибудь вопросы, мистер Холмс? – спросил Гопкинс.

– Я не стану больше испытывать терпение леди Бракенстоль и отнимать у нее время, – ответил Холмс. – Прежде чем перейти в столовую, я бы хотел услышать, что вам известно? – обратился он к горничной.

– Я заметила этих людей прежде даже, чем они вошли в дом, – сказала она. – Сидя у окна своей комнаты, я увидела при лунном свете трех мужчин, стоявших у ворот, но в то время мне ничего не пришло в голову. Час или больше спустя я услышала крики своей госпожи, сбежала вниз и увидела ее, бедную овечку, как раз так, как она говорит, а его на полу, испачканном его кровью и мозгом. Этого достаточно было, чтобы лишить рассудка женщину, привязанную там, и с платьем, испачканным в его крови. Но мисс Мэри Фрезер из Аделаиды никогда не была лишена мужества, и леди Бракен-столь из Аббэй-Грэнжа не изменила своего характера. Вы достаточно долго допрашивали ее, господа, а теперь она отправится в свою спальню со своей Терезой для отдыха, в котором она сильно нуждается.

С материнскою нежностью сухоощавая женщина обняла свою госпожу и вывела ее из комнаты.

– Она при леди Бракенстоль в течение всей ее жизни, – пояснил Гопкинс. – Была ее кормилицей и приехала с нею из Австралии в Англию восемнадцать месяцев тому назад. Ее зовут Терезой Райт, и она такая прислуга, какую вы не каждый день найдете на большой дороге... В эту дверь, пожалуйста, мистер Холмс!

С лица Холмса сошло выражение живого интереса, и я знал, что вместе с исчезновением таинственности исчезла для него и вся прелесть дела. Оставалось еще совершить арест, но кто такие эти обыкновенные мошенники, чтобы он пачкал свои руки о них? Я прочел в глазах своего друга нечто похожее на досаду, которую должен испытывать ученый специалист, видящий, что его пригласили лечить корь. Однако же зрелище в столовой Аббэй-Грэнжа было достаточно любопытным, чтобы привлечь его внимание и снова вызвать неподдельный интерес.

Это была очень большая и высокая комната, с резным дубовым потолком, дубовыми панелями и изящными украшениями из оленьих голов и старинного оружия по стенам. На дальнем от дверей конце – французское окно, о котором мы слышали. Через три меньших окна с правой стороны вся комната была освещена холодным зимним солнцем. Налево находился большой глубокий камин с массивной нависшей дубовой доской. Возле камина стояло тяжелое дубовое кресло с ручками и перекладинами крест-накрест внизу. Через резьбу проходил красный шнур, прикрепленный обоими концами к нижним перекладинам. При освобождении дамы шнур был спущен с нее, узлы же оставались не развязанными. Эти детали только впоследствии обратили на себя наше внимание, потому что в данную минуту все мысли наши были всецело поглощены страшной фигурой, распростертой на тигровой шкуре, служившей ковром у камина.

Это было тело высокого, хорошо сложенного мужчины лет сорока. Он лежал на спине, с лицом, обращенным вверх, и белыми зубами, оскаленными над короткой черной бородкой. Его обе сжатые в кулаки руки были закинута над головой, и на них лежала тяжелая палка из терновника. Смуглые, красивые, орлиные черты его лица были искажены судорогой мстительной ненависти, которая придавала его мертвому лицу ужасно враждебное выражение. Он, очевидно, лежал в постели, когда произошла тревога, так как на нем была щегольская вышитая ночная рубашка, а из брюк высывались голые ноги. Его голова была страшно разбита, и вся комната свидетельствовала о неистово свирепом ударе, уложившем его. Рядом с ним лежала тяжелая кочерга, согнутая от удара. Холмс осмотрел ее и страшную рану, которая была ею нанесена.

– Могучий должен быть этот старший Рандль, – заметил Холмс.

– Да, – подтвердил Гопкинс. – У меня есть некоторые сведения о молодце, он – хладнокровный и жестокий негодяй.

– Вам не представится затруднения поймать его?

– Ни малейшего. Мы уже раньше искали его и получили сведения, что он будто бы уехал в Америку. Теперь же, когда нам известно, что шайка здесь, то не вижу, каким образом она может ускользнуть от нас. Мы уже сообщили во все порты, и до сегодняшнего вечера будет предложено вознаграждение за их поимку. Что смущает меня – это то, что они могли совершить такой сумасшедший поступок, зная, что дама может сообщить их приметы, и что мы не преминем узнать их по ее описанию.

– Совершенно верно. Можно было бы ожидать, что они заставят также и леди Бракен-столь замолчать навеки.

– Они, может быть, не видели, – подал я мысль, – что она пришла в себя.

– Весьма вероятно. Если она казалась им в обмороке, то им незачем было лишать ее жизни... А как насчет этого бедняги, Гопкинс? Я, кажется, слышал о нем кое-какие странные истории.

– В трезвом виде он был добрый человек, но чистый дьявол в пьяном или, вернее, в полупьяном виде, так как он редко доходил до конца. В таких случаях казалось, что черт поселился в нем, и он был способен на все. Я узнал, что он, невзирая на свое богатство и титул, два раза чуть не попался в наши руки. С большим трудом замят был скандал, возбужденный тем, что он смочил собаку керосином и поджег ее, и дело еще тем было сквернее, что эта собака принадлежала миледи. Затем он бросил графин в горничную – Терезу Райт, тут также вышли

неприятности. В сущности, между нами будет сказано, в доме будет приятнее без него. Что вы теперь рассматриваете?

Холмс стоял на коленях и очень внимательно рассматривал узлы красного шнура, которым была связана миледи. Затем он тщательно исследовал потертый конец шнура, оборвавшийся, когда ночной вор потянул за него.

— Когда этот шнурок был сорван, звонок должен был громко раздаться в кухне, — заметил Холмс.

– Никто не мог услышать его. Кухня находится в самом заднем конце дома.

– Каким образом вор мог знать, что никто не услышит звонка? Как отважился он так легкомысленно дернуть за шнурок звонка?

– Вот-вот, мистер Холмс. Вы ставите именно тот вопрос, который я несколько раз задавал себе. Не может быть никакого сомнения в том, что вору был хорошо известен дом и его обычаи. Он, должно быть, прекрасно знал, что вся прислуга спит, несмотря на такой сравнительно ранний час, и что никто не мог услышать звонка в кухне. Следовательно, он должен был находиться в сговоре с одним из слуг. Это очевидно. Но тут восемь слуг, и все они добропорядочные.

– Если все одинаково хороши, – сказал Холмс, – то можно подозревать горничную, в голову которой хозяин бросил графин. Но это значило бы допустить измену госпоже, которой эта женщина, по-видимому, предана. Ну, да это второстепенный пункт, и, когда захватите Рандля, то вам нетрудно будет найти его соучастника. Рассказ миледи, по-видимому, вполне подтверждается (если он нуждается в подтверждении) каждой подробностью, которые мы видим теперь.

Холмс подошел к французскому окну и открыл его настежь.

– Тут нет никаких следов, но почва тверда как железо и нельзя было их ожидать. Я вижу, что эти свечи на камине горели.

– Да, при их свете и со свечкой миледи воры разыскивали добычу.

– Что они взяли?

– Взяли-то они немного, всего с полдюжины серебряных вещей из буфета. Леди Бракен-столь полагает, что они сами были так смущены смертью сэра Эстаса, что не ограбили дом, как, наверное, намеревались сделать.

– Это, несомненно, так. А между тем, оказывается, что они пили вино.

– Чтобы укрепить свои нервы.

– Именно. Полагаю, что эти три стакана на буфете не трогали?

– Нет. И бутылка стоит так, как они оставили ее.

– Посмотрим. Эге! Это что такое?

Три рюмки стояли вместе, и все были запачканы вином, в одной же из них был осадок винной гущи. Рядом стояла бутылка на две трети полная и тут же лежала длинная, пропитанная вином пробка. Ее вид и пыль на бутылке доказывали, что убийцы наслаждались не простым вином.

Манеры Холмса изменились. Исчезло равнодушное выражение, и снова засветился в его острых глубоко посаженных глазах живой луч интереса. Он взял пробку и внимательно рассматривал ее.

– Чем вытащили они ее? – спросил он.

Гопкинс указал на полуоткрытый ящик. В нем лежало немного столового белья и большой пробочник.

– Говорила ли леди Бракенстоль, что воры воспользовались этим пробочником?

– Нет, вы помните, что она была без чувств в тот момент, когда они откупоривали бутылку.

– Совершенно верно. Само собою разумеется, что этот пробочник не был в употреблении. Бутылка была откупорена карманным пробочником, находившимся, вероятно, в ноже длиной не больше полутора дюймов. Если вы взглянете на верхнюю часть пробки, то заметите, что пробочник втыкался три раза, прежде чем была извлечена пробка. Она не просверлена насквозь. Этот длинный пробочник просверлил бы ее всю и сразу вытащил бы ее. Когда вы поймаете вора, то найдете у него один из таких многопредметных ножей.

– Превосходно! – воскликнул Гопкинс.

– Но, признаюсь, что эти рюмки приводят меня в недоумение. Леди Бракенстоль действительно видела, как трое мужчин пили, не правда ли?

– Да, это она ясно помнит.

– Ну, так нечего больше говорить об этом. Однако же согласитесь, Гопкинс, что эти три рюмки очень замечательны. Что, вы ничего не видите замечательного?.. Ладно-ладно, пусть будет так. Может быть, когда обладаешь специальными знаниями и специальными дарованиями, как я, то склонен отыскивать сложное объяснение, когда под рукою находится более простое. Конечно, обстоятельства с рюмками, должно быть, чисто случайные, и для вас дело, по-видимому, совершенно ясно. Дайте мне знать, когда Рандль будет арестован, а также, если произойдет что-нибудь новое. Надеюсь, что я скоро буду в состоянии поздравить вас с успешным окончанием дела... Пойдем, Ватсон, мне думается, что дома мы можем лучше использовать свое время.

На обратном пути я заметил по лицу Холмса, что он недоумевал над чем-то. Время от времени он делал над собою усилие, чтобы сбросить впечатление, затем его снова одолевали сомнения, и его нахмуренные брови и рассеянный взор доказывали, что он мысленно возвращался в большую столовую Аббэй-Грэнжа, в которой совершилась полуночная трагедия. Наконец в тот момент, когда наш поезд медленно отходил от одной из станций предместья, он, послушный внезапному импульсу, соскочил на платформу и потащил меня за собою.

– Простите меня, дорогой друг, – сказал он, когда мы, стоя на платформе, наблюдали за последними вагонами нашего поезда, исчезавшего за поворотом дороги. – Простите меня, что я делаю вас жертвою того, что может показаться простым капризом. Но, честное слово, Ватсон, я просто не могу оставить дело в таком положении. Все мои инстинкты восстают против этого. Тут все ложно... Все ложно... Я готов поклясться, что все ложно... Рассказ миледи был полный, подтверждение горничной было достаточное, подробности довольно точны. Что могу я поставить против этого? Три рюмки – не больше того. Но если бы я не принял все, как дело решенное, если бы исследовал каждую подробность с тщательностью, которую я бы приложил,

если бы мы подошли к делу со свежей головою, и мой ум не был бы затемнен преподнесенной нам готовой историей!.. Тогда разве я не нашел бы чего-нибудь более определенного для своих умозаключений?.. Конечно, нашел бы. Сядем на эту скамейку, Ватсон, до прихода поезда на Чизльхерст, и позвольте мне изложить перед вами мои сомнения. Умоляю вас выбросить из своей головы убеждение, что все сказанное горничной и ее госпожой должно быть обязательно верным. Очаровательная личность миледи не должна затемнять нашего рассудка. Несомненно, в их рассказе есть детали, которые, если мы спокойно взглянем на них, возбуждают наши подозрения. Эти ночные воры совершили две недели тому назад в Сайденгаме крупную кражу. В газетах было помещено сообщение об этом и некоторые сведения об их наружности, и, естественно, все это мог вспомнить всякий, кто пожелал бы сочинить историю, в которой должны были бы играть роль воображаемые воры. Само собой разумеется, что мошенники, совершившие какое-нибудь удачное воровство, обычно не пускаются на новое рискованное предприятие. Кроме того, ночным ворам не свойственно действовать в такой ранний час. Им не свойственно ударить даму, чтобы помешать ей кричать, так как это самый верный способ заставить ее кричать. Им не свойственно совершать убийство, когда их достаточно для того, чтобы одолеть одного человека. Им не свойственно удовольствоваться ограниченным грабежом, когда для них доступно гораздо большее. И, наконец, я бы сказал, что таким людям совсем не свойственно оставлять наполовину недопитую бутылку. Какое впечатление производят на вас, Ватсон, все эти несообразности?

– Конечно, это производит странное впечатление. Но каждое из этих действий в отдельности возможно. Самым странным кажется мне то, что дама была привязана к креслу.

– Ну, это, Ватсон, не так поражает меня. Очевидно, что они должны были или убить ее, или же поставить в невозможность тотчас же сообщить другим об их бегстве. Но, во всяком случае, я доказал вам, не правда ли, что в рассказе дамы есть известный элемент невероятности. И тут-то, в заключение, является инцидент с рюмками.

– В чем же дело?

– Можете ли вы взглянуть на них своим умственным взором?

– Я вижу их совершенно ясно.

– Нам сказали, что трое пили из них. Кажется ли это вам вероятным?

– Почему же нет? Вино было во всех рюмках.

– Верно, но в одной только рюмке был осадок. Вы должны были заметить этот факт. Что говорит он вашему уму?

– Налитая последняя рюмка, вероятнее всего, должна иметь осадок.

– Вовсе нет. Бутылка была полна осадка, и невероятно, чтобы две рюмки были чисты, а третья содержала его так много. Тут возможны два объяснения, и только два. Одно заключается в том, что после того, как была налита вторая рюмка, бутылку сильно встряхнули и таким образом в третью рюмку попал осадок. Это не кажется правдоподобным. Нет-нет, уверен, что я прав.

– Так что же вы предполагаете?

– Пили только из двух рюмок, а в третью были слиты остатки их, чтобы произвести впечатление, будто бы трое людей находились в комнате. Таким образом, весь осадок должен был очутиться в третьей рюмке... Не правда ли?.. Да, я убежден, что это так. Но если я правильно объяснил это незначительное явление, то дело переходит из обыкновенного в крайне замечательное, потому что это означает только одно, а именно, что леди Бракенстоль и ее горничная умышленно солгали нам, что нельзя верить ни одному слову их рассказа, что у них есть важная причина скрывать истинного преступника, и что мы должны сами, без их помощи, восстановить истинную картину этого дела. Эта миссия и лежит теперь перед нами. А вот, Ватсон, и чизльхерстский поезд.

Обитатели Аббэй-Грэнжа были очень удивлены нашим возвращением, но Шерлок Холмс, узнав, что Гопкинс уехал с докладом в полицейское управление, завладел столовой, запер изнутри дверь и отдался в течение двух часов тем точным и старательным расследованиям, которые составляли прочный фундамент для возведения блистательных зданий его выводов. Сидя в углу, как студент, заинтересованный демонстрациями профессора, я следил за каждым шагом этого замечательного исследования. Окно, портьера, ковер, кресло, шнур – все было поочередно тщательно рассмотрено. Тело несчастного баронета унесли, но во всем остальном комната была в том виде, в каком мы ее застали утром. Затем, к моему удивлению, Холмс вскарабкался на каминную доску. Высоко над его головой висел обрывок красного шнура в несколько дюймов, который был привязан к проволоке. Он долго смотрел на него вверх, затем, пробуя подойти ближе к нему, положил колено на деревянную планку в стене. Он протянул руку и всего на несколько дюймов не доставал до конца обрывка шнура, но, казалось не столько это, сколько сама планка привлекла его внимание. Наконец он спрыгнул с довольным восклицанием.

– Все в порядке, Ватсон, – сказал он. – Дело наше закончено, и оно будет самое замечательное во всей вашей коллекции. Но, Боже мой, до чего я был тупоумен и чуть не сделал крупнейшего в своей жизни промаха! Теперь я думаю, что с прибавкой нескольких недостающих звеньев цепь моих умозаключений будет полная,

– Вы нашли людей, которых искали?

– Человека, Ватсон, одного человека. Только одного, но страшного. Сильного, как лев. Доказательство – нанесенный им удар, от которого согнулась кочерга. Ростом в шесть футов три дюйма, подвижный как белка и ловко владеющий пальцами. Наконец, замечательнообразительный, так как весь слышанный нами рассказ – его сочинение. Да, Ватсон, здесь поработала очень замечательная личность. Однако, он оставил на этом шнуре след, который, без малейшего сомнения, приведет нас к нему.

– В чем же заключается след?

– Если бы вы, Ватсон, дернули шнур от звонка, в каком месте ожидали бы вы, что он оборвется? Несомненно, в том месте, где он привязан к проволоке. Почему бы ему было оборваться на три дюйма от нее, как это случилось с данным шнуром?

– Потому что он в этом месте потерт.

– Совершенно верно. Конец, который мы в состоянии расследовать, потерт. Преступник был настолько хитер, что сделал это с помощью своего ножа. Вы не можете этого заметить отсюда, но, если бы вы забрались на каминную доску, то увидели бы, что шнур чисто отрезан, без всяких признаков, что он был где-либо потерт. Можно восстановить то, что произошло. Человеку нужна была веревка. Он не рискнул оборвать шнур из боязни произвести звонком тревогу. Что же он сделал? Он вспрыгнул на каминную доску, не мог достать до самого верха, положил колено на планку (вы увидите отпечаток на пыльной планке) и отрезал ножом шнур. Я не достал дюйма на три до конца обрывка, из чего заключаю, что он на три, по крайней мере, дюйма выше меня. Взгляните на это пятно на дубовом кресле! Что это такое?

– Кровь.

– Несомненно, это кровь. Это одно уже лишает всякого правдоподобия рассказ миледи. Если бы она сидела в кресле в то время, когда совершалось убийство, то откуда явилось это пятно? Нет-нет, ее посадили в кресло после смерти мужа. Я держу пари, что на черном платье окажется соответствующее пятно. Мы еще не достигли Ватерлоо, Ватсон, но это наше Маренго, потому что дело началось с поражения и оканчивается победой. Теперь мне хотелось бы побеседовать с кормилицей Терезой. Надо нам быть пока осторожными, если мы хотим добыть необходимые нам сведения.

Интересная была особа эта суровая австралийская кормилица. Угрюмая, подозрительная, нелюбезная, она не скоро оттаяла от любезного обращения Холмса и его открытой веры

всему, что она говорила. Но, в конце концов, и она стала любезнее. Она не пыталась скрывать своей ненависти к покойному господину.

– Да, сэр, это правда, что он бросил в меня графином. Он при мне ужасным словом выругал мою госпожу, и я ему сказала, что он не осмелился бы так говорить, если бы ее брат был тут. Тогда он и бросил в меня графин. Да пусть бы он хоть дюжину их бросил в меня, лишь бы оставил в покое мою красивую пташку. Он вечно жестоко обращался с ней, а она была слишком горда, чтобы жаловаться. Она даже мне не говорит всего, что он делал с нею. Она не рассказывала мне о пятнах на ее руке, которые вы заметили сегодня утром, но я прекрасно знаю, что это следы от укусов длинной шпилькой для шляпки. Хитрый черт, – да простит мне небо, что я так говорю о нем теперь, когда он умер, – но он был чертом, если таковой ходил когда-нибудь по земле. Он был медовый, когда мы впервые встретились с ним полтора года тому назад. Она только что тогда приехала в Лондон. Да, это было первое ее путешествие, она никогда раньше не покидала своего дома. Он прельстил ее своим титулом, своими деньгами и своим фальшивым лондонским обращением. Если она сделала ошибку, то ни одна женщина так дорого не поплатилась за нее... В каком месяце мы встретились с ним? Ведь я вам сказала, что это было вскоре после нашего приезда. Мы приехали в июне, а это было в июле. Они обвенчались в январе прошлого года... Да, она снова спустилась в свой будуар, и я не сомневаюсь, что она согласна будет вас принять, но не требуйте от нее слишком много, потому что она вынесла больше, чем может выдержать человек из плоти и крови.

Леди Бракенстоль лежала на той же кушетке, но вид у нее был более ясный. Горничная вошла вместе с нами и снова принялась делать примочки над бровью своей госпожи.

– Надеюсь, – сказала леди Бракенстоль, – что вы пришли не с тем, чтобы снова допрашивать меня?

– Нет, – ответил Холмс своим самым кротким голосом, – я не намерен причинять вам никакой излишней неприятности, леди Бракенстоль. Все, что я желаю, – это облегчить ваше положение, потому что я убежден в том, что вы много претерпели. Если вы пожелаете отнестись ко мне как к другу и довериться мне, то можете увидеть, что я оправдаю ваше доверие.

– Чего вы требуете от меня?

– Сказать мне правду.

– Мистер Холмс!

– Нет-нет, леди Бракенстоль, это совершенно бесполезно. Вы, может быть, слышали о скромной репутации, которой я пользуюсь. Я ставлю ее всю на карту, говоря, что весь ваш рассказ – чистый вымысел.

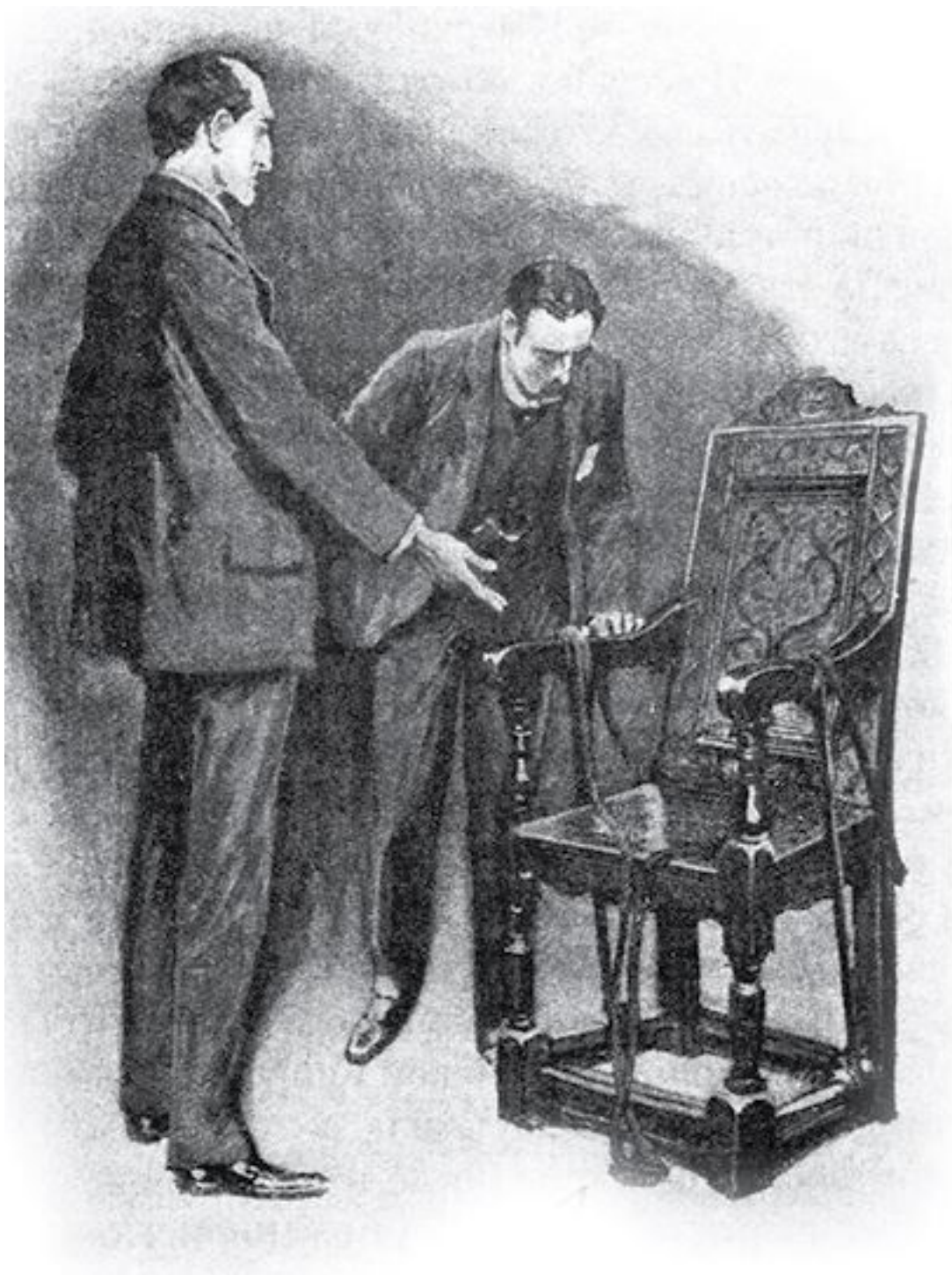
И госпожа, и горничная, обе с бледными лицами, уставились на Холмса испуганными глазами.

– Вы наглый человек! – воскликнула Тереза. – Вы хотите сказать, что моя госпожа солгала?

Холмс встал.

– Вы ничего не имеете мне сказать?

– Я все сказала вам.

– Подумайте еще, леди Бракенстоль. Не лучше ли будет для вас быть откровенной?

На одно мгновение ее красивое лицо выразило колебание. Затем, под влиянием какой-то новой сильной мысли, оно снова стало похожим на маску.

– Я сказала вам все, что мне известно.

Холмс взялся за шляпу и пожал плечами.

– Очень жаль, – сказал он и, не прибавив ни слова, вышел из комнаты и из дому.

В парке был пруд, и мой друг направился к нему. Пруд был замерзший, но во льду была проделана небольшая полынья для единственного лебедя. Холмс посмотрел на нее и пошел дальше, к сторожке у ворот. Тут он написал короткую записку Стэнлею Гопкинсу и оставил ее у привратника.

– Может быть, я верно угадал, а может быть и нет, но мы обязаны сделать что-нибудь для нашего приятеля Гопкинса, хотя бы для того, чтобы оправдать свое второе посещение, – сказал Холмс. – Я не намерен быть с ним вполне откровенным. Полагаю, что следующей арендой для наших операций должна стать пароходная контора линии Аделаида – Саутгэмптон, которая, насколько мне помнится, находится в конце улицы Пэлл-Мэлл. Есть другая линия, соединяющая Южную Австралию с Англией, но мы обратимся сначала к главной компании.

Карточка Холмса, посланная директору, обеспечила нам немедленный прием, и Холмс очень скоро получил все нужные сведения. В июне 1895 года только один пароход компании прибыл в английский порт. Это был «Гибралтарский Утес», самый крупный и лучший из ее пароходов. Справка в списке пассажиров показала, что на нем прибыла мисс Фрезер из Аделаиды со своей горничной. Пароход этот находится в настоящее время на пути в Австралию, где-то на юг от Суэцкого канала. Служащие на нем те же, что в 1895 году, за исключением только одного. Старший офицер, мистер Джек Крокер, был произведен в капитаны и принимает теперь новый пароход компании «Басс-Рок», отправляющийся через два дня в Саутгэмптон. Он живет в Сандегаме, но, вероятно, придет сегодня за инструкциями, и мы можем, если пожелаем, подождать его.

Нет, Холмс не имел желания его видеть, но хотел бы узнать больше о его репутации и характере.

Репутация его была великолепная. Ни один офицер во флоте не мог быть приравнен к нему. Что же касается характера, то он был благонадежен при исполнении своих обязанностей, но когда сойдет со своего судна, то бывает безумно отчаянным малым, горячим, раздражительным, но он честен и добр. Вот суть сведений, с которыми Холмс покинул контору Аделаида-Саутгэмптонской компании. Оттуда он поехал в Скотланд-Ярд, но вместо того, чтобы войти туда, продолжал сидеть в кебе, глубоко погружившись в размышления. В конце концов, он отправился на Черинг-Кросский телеграф, послал телеграмму, и наконец-то мы вернулись на Бейкер-стрит.

– Нет, я не мог этого сделать, Ватсон, – сказал Холмс, когда мы вошли в свою комнату. – Был бы подписан приказ о его аресте, и ничто на свете не могло бы его спасти. Раз два в своей жизни я чувствовал, что причинил больше зла, открыв преступника, чем он причинил его своим преступлением. Я теперь научился осмотрительности и согласен лучше сыграть шутку с английским законом, чем со своей совестью. Прежде чем действовать, надо еще кое-что узнать.

Вечером к нам пришел Стэнлей Гопкинс. Дела у него шли неладно.

– Я думаю, что вы колдун, мистер Холмс. Право, мне иногда кажется, что вы обладаете сверхъестественными способностями. Каким чудом, например, узнали вы, что украденное серебро находится на дне пруда?

– Я этого не знал.

– Но вы написали мне, чтобы я осмотрел пруд.

– Так вы, значит, нашли серебро?

– Нашел.

– Я очень рад, что помог вам.

– Но вы не помогли мне. Вы еще больше запутали дело. Что это за воры, которые крадут серебро, а затем бросают его в ближайший пруд?

– Это, конечно, несколько эксцентричный поступок. Мне просто пришло в голову, что серебро могло быть взято людьми, которым оно не нужно, которые взяли его только для отвода глаз. А в таком случае естественно было им желать отделаться от него как можно скорее.

– Но почему такая мысль пришла вам в голову?

– Я просто думал, что это возможно. Когда они вышли через французское окно, то увидели как раз перед своим носом пруд с маленькой соблазнительной полыньей. Можно ли было желать лучшего тайника?

– Ах! Тайник – вот это лучше! – воскликнул Стэнлей Гопкинс. – Да-да, теперь я все понимаю! Было еще рано, народ ходил по дорогам, они боялись, что их увидят с серебром, а потому опустили его в пруд, намереваясь вернуться за ним, когда пруд очистится ото льда. Прекрасно, мистер Холмс, это лучше вашего предположения об отводе глаз.

– Совершенно так, вы попали на восхитительную мысль. Я не сомневаюсь в том, что мои идеи были совсем дики, но вы должны согласиться, что серебро, в конце концов, найдено.

– Да, сэр, да. Это все дело ваших рук. Но меня прескверно осадили.

– Осадили?

– Да, мистер Холмс. Шайка Рандлей арестована сегодня утром в Нью-Йорке.

– Боже мой, Гопкинс! Это, конечно, несколько противоречит вашему предположению, что они прошлой ночью совершили убийство в Кенте.

– Это чистый рок, мистер Холмс, настоящий злой рок. А все-таки есть и кроме Рандлей шайка в три человека, или, может быть, образовалась новая шайка, о которой полиция не имеет еще сведений.

– Совершенно верно, это вполне возможно. Как, вы уходите?

– Да, мистер Холмс, я не успокоюсь, пока не доведу этого дела до конца. Вы не можете дать мне какой-нибудь намек?

– Я же дал вам один.

– Какой?

– Да об отводе глаз.

– Но для чего, мистер Холмс, для чего?

– Это, конечно, вопрос. Но я рекомендую вам поразмыслить над ним... Вы не хотите остаться обедать?..

Когда мы пообедали вдвоем, Холмс снова заговорил о деле. Он закурил трубку и протянул свои ноги в туфлях к веселому огню камина. Вдруг он посмотрел на часы.

– Я ожидаю дальнейших сведений, Ватсон.

– Когда?

– Сейчас, через несколько минут. Вы, вероятно, находите, что я сейчас дурно поступил со Стэнлеем Гопкинсом?

– Я полагаюсь на вашу рассудительность.

– Очень трогательный ответ, Ватсон. Смотрите на дело так: то, что мне известно, то неофициальное, а что ему известно – то официальное. Я имею право выводить свои личные заключения, а он не имеет этого права. Он должен все обнаруживать, иначе он будет изменником долгу службы. В сомнительном деле я бы не хотел подставить его в такое тяжелое положение. Итак, я оставляю при себе свои сведения, пока не выясню до конца этого дела.

– Когда же это будет?

– Время настало. Вы сейчас будете зрителем последней сцены замечательной драмы.

Послышался шум на лестнице, затем открылась наша дверь, и в комнату вошел красивый человек, настоящее олицетворение мужества. То был высокий молодой мужчина с золотистыми усами, голубыми глазами, загорелый от тропического солнца и с мягкой походкой, доказывавшей, что эта громадная фигура столь же ловка, как сильна. Он запер за собою дверь, и теперь стоял перед нами со сжатыми кулаками, тяжело дыша от старания подавить овладевшее им волнение.

– Садитесь, капитан Крокер. Вы получили мою телеграмму?

Посетитель опустился в кресло и вопросительно смотрел то на одного из нас, то на другого.

– Я получил вашу телеграмму и пришел в назначенный вами час. Я слышал, что вы были в конторе. От вас нельзя убежать. Я готов выслушать самое худшее. Что вы намерены делать со мною? Арестовать меня? Ну, говорите! Вы не можете, сидя тут, играть со мною как кошка с мышью.

– Дайте ему сигару, Ватсон, – сказал Холмс. – Возьмите-ка ее в рот, капитан Крокер, и не позволяйте своим нервам овладеть вами. Я бы не стал тут сидеть и курить с вами, если бы думал, что вы обыкновенный преступник, вы можете быть вполне уверены в этом. Будьте со мною откровенны, и мы в состоянии будем сделать кое-что хорошее. Будете хитрить со мною, я вас раздавлю.

– Чего вы от меня хотите?

– Правдивого отчета обо всем, что случилось прошлой ночью в Аббэй-Грэнже. Правдивого отчета, понимаете, без всяких добавлений и без всякой утайки. Мне так много уже известно, что, если вы хоть на один дюйм отклонитесь от прямого пути, то я свистну в окно в этот полицейский свисток, и тогда дело навсегда выскользнет из моих рук.

Моряк подумал немного. Затем он ударил себя по ноге своей большой загорелой рукой.

– Пойду на риск! – воскликнул он. – Я верю, что вы человек, способный сдержать свое слово, притом белый человек, и я расскажу вам все. Но сначала я вот что скажу. Поскольку дело касается меня, то я ни о чем не сожалею и ничего не боюсь. Я бы повторил все снова и гордился делом своих рук. Да будет проклята эта скотина: если бы у него было столько жизней, сколько у кошки, то и тогда они все были бы в моих руках! Но дело в леди, в Мэри... Мэри Фрезер (никогда не назову я ее тем проклятым именем). Когда я подумаю, что навлек на нее неприятность, я, который готов отдать свою жизнь, чтобы вызвать улыбку на ее дорогом лице, то это превращает мою душу в ад. А между тем... Как мог я иначе поступить? Я расскажу вам все, господа, а затем спрошу вас, как мужчина у мужчин, мог ли я поступить иначе.

Я должен вернуться немножко назад. Вам, по-видимому, все известно, а потому вы, вероятно, знаете, что когда я встретился с нею, она была пассажиркой, а я старшим офицером на «Гибралтарском Утесе». С первого же дня, когда я увидел ее, она стала для меня единственной женщиной в мире. В течение этого плавания я с каждым днем все более и более любил ее, и с тех пор я много раз во мраке ночной вахты становился на колени и целовал палубу этого парохода, потому что знал, что ее милая ножка ступала по ней. Она никогда не была моей невестой. Она вполне честно обращалась со мною. Я не имею права жаловаться. Вся любовь была только с моей стороны. От нее же я видел только товарищеское отношение и дружбу. Когда мы расстались, она была свободна, я же никогда больше не буду свободен.

Когда я в следующий раз вернулся из плавания, то услышал о ее замужестве. Что ж, почему бы ей было не выйти замуж за того, кто ей нравится? Титул и деньги – кому они лучше пристали, как не ей? Она рождена для всего прекрасного и изящного. Я не горевал о ее замужестве. Я не такая эгоистичная собака. Я рад был, что она нашла свое счастье и не связала своей судьбы с моряком без гроша. Вот как я любил Мэри Фрезер.

Ну-с, так я никогда не думал, что снова увижу ее. Но в последнее плавание я получил повышение и, так как новый пароход не был еще спущен на воду, то мне пришлось прождать месяца два со своим экипажем в Сайденгаме. Однажды, гуляя, я встретил Терезу Райт, ее старую горничную. Она рассказала мне о ней, о нем, обо всем. Говорю вам, господа, что это чуть не свело меня с ума. Как смела эта пьяная собака поднять руку на ту, башмаки которой он не достоин был лизать! Я опять встретил Терезу. Затем я встретил саму Мэри, и снова встретил ее. А потом она не хотела больше встречаться со мною. Но на днях я получил уведомление, что через неделю должен отправиться в плавание, и решил, что увижусь с нею в последний раз перед уходом в море. Тереза всегда была мне другом, она любила Мэри и ненавидела мерзавца почти так же сильно, как и я. От нее я узнал обычаи дома. Мэри имела обыкновение сидеть за книгой в своем маленьком будуаре внизу. Я пробрался ночью туда и постучался в окно. Она не хотела впускать меня, но я знал, что она в глубине своего сердца любит меня и не может оставить меня стоять на дворе в морозную ночь. Она шепнула мне, чтобы я обошел кругом и подошел к большому окну фасада. Я нашел его открытым и вошел в столовую. Снова услышал я из ее уст такие вещи, от которых кровь закипела у меня в жилах, и снова я проклинал животное, которое грубо обращалось с любимой мною женщиной. Ну-с, господа, я стоял с нею у окна, даже не прикоснувшись к ней, беру небо в свидетели. Вдруг он, точно сумасшедший, ворвался в комнату, обругал ее самыми грязными словами, какими только может мужчина обругать женщину, и ударил ее по лицу палкой, которую держал в руке. Я схватил кочергу, и между нами завязался честный бой. Взгляните на мою руку, куда попал его первый удар. Тогда настал мой черед, и я с ним разделался как с гнилой тыквой. Вы думаете, что я раскаиваюсь? О, нет! Тут был вопрос жизни – не его или моей, но гораздо больше: ее жизни или его, ибо как мог я оставить ее во власти этого сумасшедшего?.. Вот каким образом я убил его. Поступил ли я дурно? Ну-с, господа, скажите, как поступили бы вы на моем месте?

Она закричала, когда он ударил ее, и на этот крик прибежала вниз старая Тереза. На буфете стояла бутылка вина; я откупорил ее и влил несколько капель в рот Мэри, так как она

была полумертвая от потрясения. Затем я сам выпил немного. Тереза была холодна как лед, и план был составлен ею и мною. Мы должны были устроить так, чтобы казалось, будто убийство совершено ночными ворами. Тереза повторяла сочиненную нами историю своей госпоже, а я вскарабкался наверх и отрезал шнур от звонка. Затем я привязал ее к стулу и растрепал конец шнура, чтобы он казался естественно оборванным, иначе стали бы удивляться, каким образом вор мог взобраться туда, чтобы отрезать его. Сделав это, я собрал кое-что из столового серебра, чтобы убедить других в совершенном воровстве, и покинул женщин, приказав им произвести тревогу через четверть часа после моего ухода. Я бросил серебро в пруд и отправился в Сайденгам, чувствуя в первый раз в своей жизни, что я сделал действительно доброе дело. Вот истина, мистер Холмс, полная истина, хотя бы она стоила мне жизни...

Холмс некоторое время молча курил. Затем он подошел к нашему посетителю и пожал ему руку.

– Вот какого я мнения, – сказал он. – Я знаю, что каждое слово ваше – правда, так как вы вряд ли произнесли хоть одно слово, которое было бы мне неизвестно. Только акробат или моряк мог достать с планки шнур, и никто, кроме моряка, не мог сделать узлы, которым шнур был привязан к креслу. Только один раз в своей жизни эта леди вступала в контакт с моряками. Это было во время ее путешествия из Австралии в Англию, и мужчина, совершивший убийство, должен был принадлежать к ее обществу, так как она всячески старалась выгородить его и тем доказать, что любит его. Видите, как легко было мне найти вас, раз я попал на верный след.

– Я думал, что полиция никогда не будет в состоянии проникнуть в нашу хитрость.

– Полиция и не проникла в нее, и, по моему убеждению, никогда и не проникнет. Теперь слушайте, капитан Крокер. Дело очень серьезное, хотя я охотно допускаю, что вы действовали под влиянием сильнейшего раздражения, до которого может быть доведен человек. Может быть даже, что ваш поступок будет признан законным, как вызванный самозащитой. Однако же это надлежит решить британскому суду присяжных. Между тем, я так симпатизирую вам, что если вы согласитесь исчезнуть в двадцать четыре часа, то обещаю, что никто этому не помешает.

– А затем все выйдет наружу?

– Конечно.

Моряк побагровел от гнева.

– Что это за предложение вы, мужчина, делаете мужчине? Я достаточно сведущ в законах, чтобы знать, что Мэри будет взята как соучастница. Неужели вы думаете, что я брошу ее одну терпеть всю эту муку, а сам увильну? Нет, сэр, пусть делают со мною самое худшее, но ради самого неба, мистер Холмс, найдите какой-нибудь способ, чтобы Мэри не была привлечена к суду.

Холмс вторично протянул свою руку моряку.

– Я только испытывал вас. Я беру на себя большую ответственность, но я сделал Гопкинсу намек и, если он не способен им воспользоваться, я ничего не могу больше сделать. Послушайте, капитан Крокер, мы поступим по закону. Вы – подсудимый. Вы, Ватсон, британский суд присяжных, и я никогда не встречал человека более достойного быть его представителем. Я – судья. Теперь, господа присяжные, вы слышали показания. Находите ли вы подсудимого виновным или невиновным?

– Не виновен, милорд, – ответил я.

– Глас народа – глас Божий. Вы оправданы, капитан Крокер. Я не опасен для вас, пока официальное следствие не отыщет какого-нибудь другого «преступника». Вернитесь через год к миледи, и да оправдает ваша жизнь с нею приговор, произнесенный вами сегодня.

Кровавое пятно

Историей о красном шнуре я намеревался закончить ряд рассказов о подвигах моего друга Шерлока Холмса. Таково было мое намерение. Объяснялось оно не недостатком материала. О недостатке не может быть и речи: у меня есть целая груда не напечатанных еще дел, которые расследовал мой друг. Равным образом и читатели продолжают по-прежнему интересоваться подвигами знаменитого криминалиста.

Если я собирался прекратить эпопею о Холмсе, то меня побуждала к этому совершенно другая причина. Дело в том, что сам Холмс не желает, чтобы я теперь знакомил публику с его деятельностью. Пока он занимался расследованием преступлений, ему было приятно видеть мои рассказы в печати. Теперь же он покинул Лондон и свое любимое дело и живет на собственной ферме в Суссексе. Он страшно увлекся пчеловодством, весь ушел в него, и слава стала ему ненавистна. Он не раз предъявлял ко мне настоятельные требования, чтобы я прекратил публикации рассказов о его подвигах. И мне насилу удалось добиться у него разрешения напечатать предлагаемый теперь вниманию читателей рассказ.

Холмс долго со мной не соглашался, но я напомнил ему его собственные слова, некогда сказанные им. Он сказал, что позволит мне опубликовать эту историю только тогда, когда действующие лица сойдут со сцены. Это время теперь настало. Кроме того, нужно закончить этой историей серию рассказов потому, что это выдающаяся история, имеющая международный характер. Хотя со времени описанного мною события и прошло уже много дней, но я все-таки должен быть тактичным. О многих подробностях я умалчиваю по весьма понятным для читателя причинам.

Случилось это не скажу в каком году, но осенью, во вторник. В нашей скромной квартире на Бейкер-стрит появились два лица, пользующиеся европейской известностью. Один из этих господ имел суровую внешность. Нос у него был крючковатый, глаза орлиные, выражение глаз повелительное. Это был не кто иной, как знаменитый лорд Беллингер, бывший дважды министром-президентом. Его спутник, брюнет с бритым лицом, изящный, красивый и еще довольно молодой, был тоже не последним человеком в Англии. Это был Трелонэй Гопп, министр иностранных дел. Гоппа считали восходящей звездой британской политики.

Наши гости сели рядом на маленьком диванчике. По их измученным и беспокойным лицам было видно, что они пришли к нам по важному делу. Министр-президент тонкими, нервными руками сжимал ручку из слоновой кости зонтика. Его худое аскетическое лицо угрюмо глядело то на Холмса, то на меня. Министр иностранных дел одной рукой дергал себя за ус, а другой конвульсивно перебирал брелки на часовой цепочке. Первым заговорил он.

– Сегодня в восемь часов я обнаружил пропажу, мистер Шерлок Холмс, и сейчас же уведомил об этом министра-президента. И по его совету мы отправились к вам.

– А в полицию вы дали знать об этом?

– О, нет, сэр! – быстро и решительно воскликнул министр-президент. – Полиции мы ничего не сообщали и, конечно, ничего не сообщим. Уведомить полицию – это значит предать дело гласности, а этого-то мы хотим избежать.

– Но почему же, сэр?..

– Потому, что пропавший документ имеет громадное значение. Опубликование этого документа может легко привести – я так предполагаю, по крайней мере, – к серьезнейшим осложнениям международного характера. Я не преувеличу, если скажу, что от опубликования этого документа зависит дело европейского мира. Розыски должны вестись в величайшей тайне. А если тайна не может быть соблюдена, то лучше совсем не производить розысков. Люди, похитившие это письмо, и похитили-то его затем, чтобы объявить во всеуслышание его содержание.

– Понимаю. А теперь, мистер Трелонэй Гопп, вы меня чрезвычайно обяжете, если, по возможности, подробнее расскажете, при каких обстоятельствах исчез этот важный документ.

– Сделать это нетрудно, мистер Холмс. Письмо – это было письмо от одного иностранного государя – было получено несколько дней тому назад. Оно было настолько важно, что я не оставлял его на ночь в несгораемом шкафу в здании министерства, а увозил его к себе домой в Уайтголл-Террас. Ночью я хранил письмо в запертой шкатулке в своей спальне. Прошлой ночью письмо было еще там, в этом я уверен. Одеваясь к обеду, я нарочно отпер шкатулку и видел, что документ лежит там. Но утром письмо исчезло. Шкатулка стояла всю ночь на туалетном столе возле зеркала. Сплю я чутко; жена моя также спит чутко. Оба мы готовы принести присягу в том, что никто к нам в спальню не входил. И, однако, сэр, письмо пропало!

– В котором часу вы обедали?

– В половине восьмого.

– А когда вы легли спать?

– Жена моя уезжала в театр, я дожидался ее. Спать мы легли в половине одиннадцатого.

– Таким образом, в течение четырех часов шкатулку никто не охранял?

– Да, но только в спальню никому не позволено входить, кроме горничной и моего камердинера. Оба они надежные люди, служат у нас давно, и мы им доверяем. К тому же, откуда они могли знать, что в шкатулке хранится важный документ?

– Кто же знал о существовании этого письма?

– Решительно никто.

– Но ваша жена-то, конечно, знала?

– О, нет, сэр! Я сказал жене про письмо только сегодня утром, после того как оно исчезло. Холмс одобрительно кивнул головой.

– Я давно знал, сэр, – сказал он, – что вы серьезно относитесь к вашим обязанностям. Вы, сэр, совершенно правы: важные государственные тайны нельзя сообщать даже самым близким своим родственникам.

Министр иностранных дел поклонился и сказал:

– Я считаю, что заслужил эту похвалу. Жене я не говорил ни полслова.

– Ну, а догадываться о существовании письма она могла?

– Ни под каким видом, да и никто не мог догадаться, мистер Холмс.

– Кто же в Англии знал о существовании этого письма?

– Вчера о нем было сообщено всем членам кабинета. Но ведь вы знаете, какой тайной окружены заседания кабинета министров. А вчера министр-президент специально предупредил министров, что они должны сохранить эту тайну.

Трелонэй Гопп старался говорить спокойно, но не выдержал, на лице его отразилось отчаяние, он схватился за голову руками и воскликнул:

– Боже мой, Боже мой! И только подумать, что это письмо пропало!

На один только момент обнаружился его характер: страстный, порывистый, чувствительный. Но он быстро овладел собою, на лице снова появилась прежняя аристократическая маска, и он мягким голосом продолжал:

– Кроме членов кабинета, о существовании письма знают только двое или трое департаментских чиновников. Кроме этих лиц, никто в Англии ничего не слышал о нем.

– Ну, а за границей?

– За границей, разумеется, никто о нем не знает, кроме разве того, кто его написал. Я уверен даже, что его министры... Я хотел сказать, что это письмо было отправлено неофициальным путем.

Холмс подумал немного и сказал:

– Ну, а теперь, сэр, я желал бы знать, что это за документ, и почему это исчезновение может повести к таким важным последствиям?

Министры быстро переглянулись, густые брови министра-президента нахмурились.

– Мистер Холмс, – сказал он, – конверт письма был длинный, узкий, светло-голубого цвета. На конверте печати из красного сургуча, на которых изображен лежащий лев. Адрес написан крупным смелым почерком...

– Эти подробности, – прервал Холмс, – несомненно, очень важны и существенны. Но я не о них вас спрашивал. Я желал бы знать содержание письма.

– Это государственная тайна величайшей важности, и я, к сожалению, не могу ею с вами поделиться. Да к этому, кажется, не представляется необходимости. Мне сказали, что вы обладаете необычайными талантами в деле розыска. Если это правда, то вы разыщете описываемый мною конверт с содержащимся в нем письмом. Правительство сумеет вас отблагодарить. Вы получите такое вознаграждение, какое вам будет угодно назначить самим.

Шерлок Холмс, улыбаясь, встал.

– Вы, господа, – сказал он, – принадлежите к числу самых занятых людей в стране. Но и я тоже не располагаю досугом. У меня очень много дел. Крайне сожалею, что не могу быть полезным в этом деле. Продолжать разговор, по-моему, бесполезно. Это будет напрасная трата времени.

Министр-президент вскочил с дивана. В его глубоко сидящих голубых глазах загорелся гневный огонек.

– Я не привык, сэр!.. – начал он, но сразу же овладел собою и снова сел на диван.

С минуту или более мы все сидели и молчали, а затем старый государственный деятель пожал плечами и произнес:

– Что же, мы должны подчиниться вашим условиям, мистер Холмс. Неблагодарно, если мы будем требовать от вас помощи, а сами не станем доверять вам.

– Я совершенно согласен с вами, сэр, – сказал молодой министр.

Лорд Беллингер продолжал:

– Я надеюсь на вашу скромность, мистер Холмс, а также на вашу, доктор Ватсон. Я вызываю, кроме того, к чувству вашего патриотизма. Знайте, что наше отечество подвергнется величайшим бедам, если эта тайна разгласится.

– Вы можете нам вполне довериться, – сказал Шерлок Холмс.

– Письмо это получено от одного иностранного государя, – сказал премьер. – Этому государю не понравилось территориальное приобретение, сделанное нами в одной колонии. Он написал это письмо лично, под влиянием порыва, не посоветовавшись со своими министрами. Мы наводили справки – министры ничего не знают. И написано письмо очень неудачно. Некоторые фразы имеют характер вызова. Если это письмо будет опубликовано, общественное мнение Англии будет взволновано, сэр... Едва ли я преувеличиваю, утверждая, что обнародование этого письма может втянуть нас в очень неприятную войну.

Холмс написал какое-то слово на листе бумаги и показал его министру-президенту.

– Совершенно верно. Письмо писал он. Письмо это, сэр, может повлечь за собой много-миллионные траты и гибель сотен тысяч человеческих жизней. И вот это-то письмо и пропало столь загадочным образом.

– Уведомили вы о пропаже автора письма?

– Да, сэр, я послал зашифрованную телеграмму.

– Но, может быть, он сам хочет, чтобы это письмо было опубликовано?

– О, нет! Мы имеем серьезные основания предполагать, что он раскаивается в своем поступке! Он видит сам, что поступил необдуманно. Как для него, так и для нас открытие тайны будет неприятно.

– Но кому же, в таком случае, может понадобиться опубликование этого письма? Ведь его и украли, конечно, чтобы опубликовать.

– Здесь, мистер Холмс, мы переходим в область тонкостей международной политики. Взгляните на взаимные отношения держав, и вы без труда поймете мотив преступления. Европа представляет вооруженный лагерь. Два союза равной силы стоят друг против друга. Великобритания поддерживает нейтралитет. Представьте себе, что Великобритания вовлечена в войну с одной из этих политических сторон. Этим самым другая сторона получает преобладание. Вы меня понимаете?

– Понимаю очень хорошо. Противники автора письма похитили этот документ для того, чтобы его поссорить с Англией?

– Совершенно верно.

– И кому могло быть доставлено это письмо?

– Конечно, правительству, в интересах которого действовал вор. В то время, как мы с вами тут разговариваем, письмо, наверное, несется на океанском пароходе по назначению.

Трелонэй Гопп опустил голову и громко застонал. Министр-президент положил ему на плечо руку.

– Что делать, дорогой мой, с вами случилось несчастье! Осуждать вас никто не будет. Вы приняли все меры предосторожности... Итак, мистер Холмс, я сообщил вам все факты. Что вы нам посоветуете?

Холмс печально покачал головой.

– Вы сказали, сэр, что война неизбежна, если это письмо будет опубликовано?

– Да, я так думаю.

– В таком случае готовьтесь к войне, сэр.

– О, это очень жестоко, мистер Холмс!

– Но рассмотрите сами факты, сэр. Немыслимо предположить, чтобы письмо было похищено после половины одиннадцатого вечера, в то время, как мистер Трелонэй Гопп уже находился в спальне. Стало быть, письмо было похищено вчера между половиной седьмого и половиной одиннадцатого, ближе к половине седьмого. Похититель отлично знал, где лежит письмо, и постарался захватить его как можно скорее. Итак, вот когда был захвачен, сэр, этот важный документ. Где он может находиться теперь? У похитителя? Конечно, нет! Похититель передал немедленно письмо тем, кому оно было нужно. Как же мы можем овладеть этим письмом? Никак. Оно вне нашего влияния.

Министр-президент встал с диванчика.

– Ваша логика неумолима, мистер Холмс. Теперь я и сам вижу, что все потеряно, – сказал он.

– Предположим, – продолжал Холмс, – что письмо было похищено лакеем или горничной.

– Но они оба старые испытанные слуги.

– Из вашего рассказа я понял, что спальня ваша находится на втором этаже. Пробраться с улицы в нее невозможно. Стало быть, вор проник в нее изнутри. Письмо взял кто-нибудь из домашних. Теперь спрашивается, кому отдал вор похищенное письмо? Разумеется, какому-нибудь международному шпиону. Эту компанию я знаю. Главных шпионов в этом роде в Лондоне есть трое. С них я начну свои поиски. Если кто-нибудь из этих господ окажется отсутствующим, то мы будем знать, куда делось письмо.

– Но позвольте, с какой стати шпион исчезнет? – воскликнул Трелонэй Гопп. – Он просто отнесет письмо в посольство, здесь же в Лондоне, а затем вернется домой.

– Не думаю; эти шпионы работают самостоятельно, и с посольствами у них всегда натянутые отношения.

Первый министр кивнул головой в знак согласия.

– Вы правы, мистер Холмс. Конечно, вор должен отвезти собственноручно этот драгоценный документ по назначению. Вы придумали прекраснейший план действий. Нам, Гопп, пора ехать. Положим, несчастье очень велико, но из-за него нельзя забывать о других обязанностях. Надеюсь, мистер Холмс, вы уведомите нас немедленно, если вам удастся узнать что-нибудь важное.

И государственные деятели, важно раскланявшись, удалились.

Холмс закурил трубку и глубоко задумался. Я развернул утреннюю газету и погрузился в чтение. Все газеты только и говорили, что о сенсационном преступлении, совершенном накануне ночью.

Холмс вдруг издал громкое восклицание и, вскочив с кресла, положил трубку на камин.

– Да, здесь есть только один путь! – сказал он. – Положение отчаянное, но не безнадежное. Только бы выяснить личность похитителя, а что касается самого письма, то есть серьезные основания предполагать, что он не успел передать его, кому следует. В конце концов, весь вопрос, когда имеем дело с этим народом, в деньгах, а у меня в распоряжении все британское казначейство. Если письмо можно купить, я его куплю... Даже в том случае, если бы для этого пришлось увеличить на пенс подоходный налог. Может быть, шпион и держит то письмо при себе потому, что ожидает покупателей. Но у кого может находиться письмо? В Лондоне имеются только три человека, способные на такое смелое предприятие. Это – Оберштейн, Ларотьер и Эдуард Лукас. Я повидаю их всех.

Я заглянул в газету и спросил:

– Это тот Эдуард Лукас, который живет на Годольфин-стрит?

– Да.

– Ну, так вы его не увидите.

– Почему не увижу?

– Вчера ночью он был убит в собственной квартире.

Мой приятель так часто меня изумлял за время нашего с ним знакомства, что я искренно порадовался, увидев, как сильно изумило его мое сообщение. Он долго глядел на меня в полном недоумении, а затем вырвал у меня из рук газету.

Холмс начал быстро пробегать отчет, который я перед этим читал. В заголовке значились напечатанные жирным шрифтом слова:

«Убийство в Вестминстере»

Вчера ночью, на Годольфин-стрит, в доме № 16 совершено таинственное убийство. Преступление совершено в старинном, выстроенном более ста лет тому назад доме, на тихой улице между рекой и аббатством, рядом со зданием парламента. Небольшое аристократическое здание это было нанято

несколько лет тому назад мистером Эдуардом Лукасом, имя которого хорошо известно в обществе Лондона. Мистер Эдуард Лукас был очаровательным в обращении человеком; кроме того, он был известен как любитель пения и обладал чудным тенором. Мистеру Лукасу было 34 года, он не был женат. Прислуга его состояла из немолодой домоправительницы, мистрис Прингель, и лакея Миттона. Первая уходила из квартиры рано и ночевала в верхнем этаже дома. Лакей же был в роковую ночь в Гаммерсмите, в гостях у приятеля. С десяти часов вечера мистер Лукас оставался в доме один. Что именно произошло в это время, пока не выяснено. Но в четверть двенадцатого полицейский констебль Беретт, проходя по Годольфин-стрит, увидел, что входная дверь дома № 16 открыта настежь. Он позвонил, но ответа никакого не получил. Констебль, видя, что передняя освещена, вошел в коридорчик и снова позвонил. Ответа опять не получил. Тогда он отворил дверь и вошел. В комнате господствовал полный беспорядок, мебель оказалась сдвинутой в одну кучу, а один из стульев лежал опрокинутый посередине помещения. Около стула, сжимая в руке его ножку, лежал несчастный хозяин квартиры. Мистер Эдуард Лукас был поражен ножом или кинжалом прямо в сердце и умер, надо полагать, мгновенно. Затем выяснилось, что Лукас был убит изогнутым индийским кинжалом, украшавшим вместе с другим старинным оружием стены комнаты. Кинжал был найден лежащим на полу и в крови. Насколько можно полагать, убийство совершено не с целью грабежа. В комнате было много ценных вещей, и все они остались нетронутыми. Мистера Эдуарда Лукаса знали и любили многие, и известие о его несчастной смерти будет встречено людьми с искренним сожалением».

– Ну, что вы скажете по этому поводу, Ватсон? – спросил Холмс после длинной паузы.

– Это – удивительное совпадение.

– Совпадение?! Да ведь это – один из трех человек во всем Лондоне, которые могли похитить письмо. И вот этот человек умирает насильственной смертью как раз в тот вечер, когда произошла драма. О, нет, почти все данные говорят за то, что это – не совпадение. Вы меня не убедите в противном. Дорогой Ватсон, эти два события находятся в тесной связи. Они должны быть в связи. Мы должны уяснить себе эту связь.

– Но теперь все уже узнано официальной полицией.

– Совсем нет. Официальная полиция знает только то, что произошло на Годольфин-стрит. Того же, что случилось в Уайтголл-Террас, полиция не знает и знать не может. Только мы знаем об этих событиях, и только мы, стало быть, можем проследить ту связь, которая между ними существует. Лукаса я, конечно, должен подозревать сильнее, чем двух других. Он жил в Вестминстере, на Годольфинской улице, а оттуда всего два шага до Уайтголл-Террас. Другие два – Оберштейн и Ларотьер – живут на другом конце Вестэнда. Лукасу было легче, чем им, завязать сношения с прислужкой министра иностранных дел и добыть нужные сведения. Имейте в виду, Ватсон, что совпадение обоих событий во времени означает очень многое... Эге, кто это звонит?..

Вошла миссис Хадсон и подала карточку. Холмс взглянул на карточку, поднял брови и подал карточку мне.

– Попросите леди Трелонэй Гопп пожаловать сюда, – сказал он.

И через мгновение наше скромное помещение, уже раз осчастливленное высокими посетителями, было осчастливлено во второй раз. В нем появилась самая красивая женщина во всем Лондоне. Мне и прежде приходилось слышать о необычайной красоте младшей дочери герцога Бельминстера, но ни одно описание не могло сравниться с действительностью. Мне

приходилось видеть портреты этой женщины, но они не давали надлежащего представления об этой грации, об этом очаровании, об этих неподражаемо классических очертаниях фигуры.

Но в это осеннее утро нас поразила не красота нашей посетительницы. Лицо леди Тильды было бледно и взволнованно; глаза блистали, но этот блеск был лихорадочный. Чувственные губы были крепко сжаты. Очевидно, красавица сдерживала себя изо всех сил. Во взоре ее был ясно виден ужас; с минуту она стояла в дверях.

– Мой муж был здесь, мистер Холмс?

– Да, сударыня, был.

– Мистер Холмс, я умоляю вас не говорить ему о том, что я была здесь.

Холмс холодно поклонился и знаком руки попросил гостью сесть.

– Вы ставите меня, миледи, в очень щекотливое положение. Прошу вас, сядьте и объясните мне, чем я вам могу служить. Но, к сожалению, никаких обещаний я вам дать вперед, ничего не зная, не могу.

Леди Тильда прошла через комнату и села спиной к окну. Это была царственной наружности женщина – высокая, грациозная, женственная.

– Мистер Холмс, – заговорила леди Тильда, – я буду с вами вполне откровенна. Я надеюсь, что и вы мне оплатите тем же. Между мною и мужем господствует полное взаимное доверие. Единственное, что он от меня скрывает, это политика. Тут он вечно отмалчивается. Он мне ничего не говорит о своей политической деятельности. Но вчера я узнала, что у нас в доме случилось очень печальное событие. Пропала какая-то бумага. Но какая? Дело касается политики, и поэтому муж отказался объяснить мне, в чем дело. Но мне это необходимо, понимаете ли, необходимо знать. Кроме этих политиков, только вы один знаете, в чем дело. Я вас умоляю, мистер Холмс, объясните мне, что случилось, и к каким последствиям это может повести. Скажите мне все, мистер Холмс, не скрывайте ничего в интересах ваших клиентов. Я действую в интересах моего мужа. Если бы он только мог это понять, он сказал бы мне все сам. Что это за бумага?

– Сударыня, вы требуете от меня невозможного.

Женщина глубоко вздохнула и закрыла лицо руками.

– Уверяю вас, сударыня, что вы требуете невозможного. Ваш муж не находит нужным посвящать вас в эту тайну. Как же могу это сделать я, его поверенный? Вы даже и требовать от меня такой откровенности не имеете права. Спрашивайте об этом у вашего мужа.

– Я его спрашивала, и пришла к вам сделать последнюю попытку. Я, к сожалению, не могу говорить определенно, мистер Холмс, но вы мне сделали бы большое одолжение, если бы ответили на один мой вопрос.

– На какой вопрос, сударыня?

– Скажите, может ли от этой истории пострадать политическая карьера моего мужа?

– Да, сударыня, если эта история не будет улажена, то могут произойти весьма прискорбные последствия.

– Ах! – воскликнула леди Тильда и с трудом перевела дух.

У нее был такой вид, точно она разрешила, наконец, долго мучившее ее сомнение.

– Еще один вопрос, мистер Холмс. Узнав о пропаже, мой муж позволил себе одно неосторожное восклицание. Я поняла, что потеря этого письма может привести к неприятным последствиям для всей страны.

– Что же, если он вам это сказал, то и я могу сказать, что это правда.

– В чем же могут заключаться эти неприятные последствия?

– На этот вопрос, сударыня, я опять-таки не могу ответить.

– Ну, в таком случае я более не буду вас беспокоить. Я на вас не сержусь, мистер Холмс, я понимаю, что вы не могли быть со мною откровенным. Но будьте справедливы и вы ко мне,

не осуждайте меня за то, что я равнодушна к неприятностям моего мужа. Еще раз прошу вас не говорить ему о том, что я у вас была.

Она остановилась на пороге двери и еще раз оглянулась на нас. Опять я увидел красивое взволнованное лицо, испуганные глаза и крепко сжатые губы.

Затем она исчезла.

Холмс слушал, как по лестнице шуршали, удаляясь, шелковые юбки. Когда наружная дверь, наконец, захлопнулась, он улыбнулся и, обращаясь ко мне, сказал:

– Ну, Ватсон, прекрасный пол – это по вашему ведомству. Зачем объявилась эта прекрасная леди? Что ей было нужно?

– Ведь она же вам объяснила цель своего визита. А то, что она беспокоится, это вполне естественно...

– Гм... Ну, а что вы скажете, Ватсон, о внешнем ее виде? Вы заметили, как она себя держала? Она с величайшим трудом сдерживала волнение. А как она вопросы-то задавала! Какая настойчивость! А ведь эта дама принадлежит к касте, которая умеет скрывать свои чувства.

– Да, она была очень взволнована.

– Заметьте, что она сразу заявила, что, желая знать правду, она действует в интересах своего мужа. Заявление это было сделано замечательно серьезным тоном. Что она хотела сказать этим? А вы заметили ее маневр? Она нарочно села спиной к окну. Она не хотела, чтобы я следил за выражением ее лица.

– Да ведь она же села на единственное свободное кресло, стоявшее в комнате, – попробовал возразить я.

– Однако, – продолжал Холмс, – мотивы, которыми руководствуются женщины, остаются по большей части необъяснимыми. Вспомните ту женщину в Маргэте. Я заподозрил ее потому, что она волновалась. И что же потом оказалось? Все ее волнение проистекало оттого, что она забыла напудрить себе нос. И вот извольте строить теории на такой зыбкой почве, как женская душа. Иногда какой-нибудь пустяковый поступок женщины указывает на серьезнейшие вещи, в то время как их горе и плач ровно ничего не означают. Женщина способна плакать о том, что потеряла какую-нибудь шпильку или булавку... До свидания, Ватсон.

– Как? Вы уходите?

– Да, хочу провести утро на Годольфин-стрит с нашими друзьями из Скотланд-Ярда. Очевидно, решение задачи надо искать в квартире Эдуарда Лукаса, хотя я пока и не понимаю, что это все может означать. Нельзя делать выводы, не имея на руках фактов. А вы побудьте здесь на страже, дорогой Ватсон. Может быть, будут посетители. Завтракать, вероятно, будем вместе.

Весь этот день и два последующих Холмс был очень молчалив. Его недоброжелатели сказали бы, что он находился в кислом настроении. Он все время только и делал, что приходил и уходил. Сидя дома, беспрестанно курил, играл на скрипке и погружался в задумчивость. Питался он, преимущественно, сэндвичами и на мои вопросы не отвечал. Мне было совершенно очевидно, что дела моего приятеля идут неладно. О деле он со мной ничего не говорил, и я только из газет узнавал о ходе следствия. Полиция арестовала лакея Лукаса, Джона Миттона, но затем его освободили. Коронер признал наличие преступления, но убийца так и оставался неизвестен. Мотивы преступления были также неизвестны. Комната, в которой имело место убийство, была переполнена ценными вещами, но ни одна из них не была украдена. Бумаги покойного также остались нетронутыми. Полиция очень тщательно исследовала эти бумаги. Из этого исследования выяснилось, что покойный очень усердно занимался международной политикой и собирал всевозможные политические сплетни и слухи. Он оказался также замечательным лингвистом, ведшим огромную переписку. Лукас – это опять было видно по бумагам – был в отличных отношениях с политическими деятелями разных стран. Но в ящиках его письменного стола не было найдено ничего сенсационного.

Покойный Эдуард Лукас был знаком со многими женщинами. У него были интрижки, но все – крайне беспорядочно и поверхностно. Друзей среди женщин у него не было, не было и прочной привязанности.

Полиция установила, что покойный вел спокойную жизнь, поведение его было безупречно. За что же его убили? Это была тайна, и, по-видимому, неразрешимая.

Как уже известно, полиция арестовала было лакея Джона Миттона, но это было сделано от отчаяния. Надо же было что-нибудь предпринять. Но обвинять этого человека было невозможно. В ночь преступления он был у своего приятеля в Гаммерсмите. Алиби было налицо. Правда, Миттон уехал из Гаммерсмита рано, настолько рано, что мог быть в Вестминстере гораздо ранее, чем совершилось убийство, но обвиненный слуга объяснил эту сторону дела. Во-первых, он прошел часть пути пешком. Вечер был прекрасный, и он хотел прогуляться. В Вестминстер прибыл в полночь и был поражен неожиданной трагедией. Миттон очень любил своего хозяина. У него в чемодане было найдено несколько бритв, принадлежавших Лукасу, но оказалось, что эти бритвы он получил от хозяина в подарок. Это показание было подтверждено и экономкой.

Миттон служил у Лукаса три года, но Лукас, уезжая в Европу, никогда не брал его с собою. Иногда Лукас жил во Франции по три месяца, но Миттон всегда оставался в Лондоне и охранял квартиру на Годольфин-стрит.

Что касается экономки, то она в ночь убийства никакого шума не слышала. Если у хозяина был кто-нибудь, то, значит, его выпустил сам хозяин. Вообще, насколько можно было судить по газетным отчетам, преступление в течение первых трех дней оставалось нераскрытым. Холмс, может быть, знал больше полиции, но он хранил свои знания.

Холмс сообщил мне, что инспектор Лестрейд, ведущий следствие, уведомляет его обо всех подробностях. Я понял из этого, что Холмс внимательно наблюдает за ходом дела.

На четвертый день в газетах появилась длинная телеграмма из Парижа, объяснявшая тайну.

«Парижская полиция сделала важное открытие – писала «Дейли Телеграф». – Это открытие приподнимает завесу, окутывавшую доселе трагическую судьбу мистера Эдуарда Лукаса, погибшего насильственной смертью в понедельник на Годольфин-стрит в Вестминстере. Наши читатели помнят, что покойный джентльмен был найден заколотым в своем кабинете, и что подозрение пало на слугу, которому, однако, удалось доказать свое алиби. Вчера в парижскую полицию явилась прислуга дамы, живущей на небольшой вилле на улице Аустерлиц, и заявила, что эта дама, известная под именем госпожи Анри-Фурнэ, сошла с ума. Медицинское исследование показало, что госпожа Анри-Фурнэ больна опасной формой мании. Эта особа во вторник вернулась из поездки в Лондон, и есть основания подозревать, что она замешана в деле в Вестминстере. Из сличения фотографических карточек выяснилось, что господин Анри-Фурнэ и мистер Эдуард Лукас – одно и то же лицо, и что покойный вел двойную жизнь – в Париже и Лондоне. Госпожа Фурнэ, по происхождению креолка, имеет крайне раздражительный характер и легко возбуждается. В прошлом она страдала припадками ревности, доводившей ее до неистовства. Предполагают, что в припадке ревности и совершено преступление, взволновавшее весь Лондон. До сих пор не выяснено, что делала госпожа Фурнэ в понедельник, но уже теперь известно, что женщина, очень похожая на нее, обращала на себя всеобщее внимание в этот день на станции Чэринг-Кросс. Было это во вторник утром, и публика с любопытством следила за эксцентричным поведением незнакомки. Можно предполагать, что, совершив преступление в припадке внезапного безумия, женщина устранилась от того, что она сделала, и сошла с ума. Теперь она совершенно не помнит того, что было, и даже забыла все свое прошлое. Врачи дают мало надежд на ее выздоровление. Есть также данные, что женщина, похожая на госпожу Фурнэ, стояла в понедельник вечером на Годольфин-стрит около квартиры мистера Эдуарда Лукаса».

Холмс завтракал, а я читал ему вслух эту телеграмму. Окончив чтение, я спросил:

– Что вы скажете по этому поводу, Холмс?

Холмс встал из-за стола и стал шагать взад и вперед по комнате.

– Дорогой Ватсон, – сказал он, – вы долготерпеливый человек. В течение этих трех дней я вам ничего не говорил. И знаете почему?.. Нечего было говорить. Эта парижская телеграмма тоже ничего не объясняет.

– Но дело об убийстве Лукаса выяснено окончательно.

– Это убийство – только эпизод, пустяковый эпизод в сравнении с нашей главной задачей. Ведь мы должны, Ватсон, найти письмо и спасти Европу от войны. За эти три дня случилось только одно важное событие, и оно заключается в том, что за эти три дня ровно ничего не случилось. Я получаю от правительства извещения почти ежечасно, из них видно, что повсюду в Европе тишь и гладь. Этого спокойствия не было бы, если бы письмо дошло по назначению. Спрашивается, где же это письмо? У кого оно? Почему его прячут? Эти вопросы бьют по моему мозгу точно молотки. Неужели же смерть Лукаса и исчезновение письма – только совпадение? Получил ли он это письмо? Если получил, то почему оно не нашлось в его бумагах? Неужели его унесла сумасшедшая? Но если так, то письмо находится в Париже, в ее доме, не так ли? Как я стану искать там это письмо? Ведь это же сразу возбудит подозрительность парижской полиции! Это такое дело, Ватсон, в котором закон не на нашей стороне. Все – против нас, и, однако, надо продолжать. Тут ведь приходится спасать целую страну. Если я доведу это дело до благополучного конца, то смогу считать свою карьеру блестяще законченной. Да, это будет мое последнее дело.

Вошла миссис Хадсон и подала Холмсу записку. Он прочитал ее и воскликнул:

– Вот так раз! Лестрейд нашел что-то интересное. Надевайте шляпу, Ватсон, мы отправимся в Вестминстер вместе.

Место, где произошло преступление, я увидел в первый раз. Это был высокий, грязный, с узкими окнами дом, построенный казенно и солидно. Типичный дом XVIII столетия. Из одного окна на нас глядела физиономия любезно улыбающегося бульдога. Это был Лестрейд. Дверь нам отворил высокого роста констебль, а Лестрейд нас радушно встретил в передней. Мы вошли в комнату, где было совершено преступление. Следов происшествия не оставалось теперь никаких, только на ковре виднелось безобразное неправильных очертаний пятно.

Ковер этот был не велик и покрывал только середину паркетного пола. Паркет был чудный, старинный и состоял из отполированных четырехугольников. Над камином висела очень красивая коллекция оружия. Отсюда-то и был взят кинжал, послуживший орудием преступления. Напротив окна стоял великолепный письменный стол. Вся обстановка – картины, ковры, обои – свидетельствовала об изящном вкусе, пожалуй, даже об изнеженности покойного владельца.

– Читали телеграмму из Парижа? – спросил Лестрейд.

Холмс утвердительно кивнул головой.

– Наши французские собраты попали в самую точку, – сказал Лестрейд. – Все именно так и произошло, как они говорят. Она позвонила, явилась неожиданно, а иначе он ее бы не впустил. Это был осторожный и малодоступный человек. Ну, вот он и впустил ее, нельзя же ведь человека на улице держать. Она ему объявила, что выследила его, наконец, стала упрекать. Ну, слово за слово, а затем она схватила кинжал – и готово дело. Положим, она его ухлопала не сразу. Все стулья оказались сбитыми в одну кучу, а один стул он держал за ножку, очевидно, отмахивался от нее. Да, мистер Холмс, теперь мне это дело до такой степени ясно, будто я сам здесь присутствовал и был свидетелем преступления.

Холмс поднял брови.

– Так зачем же вы послали за мной?

– О, это совсем другое дело. Пустячок, которым вы так интересуетесь. Ну, прямо вздор, безделица, можно сказать! К главному факту это никакого отношения не имеет.

– В чем же дело?

– Видите ли, после того, как было совершено преступление, все вещи в этой комнате сохранились в таком же порядке, в каком они были найдены. Тут ничего не трогали, все оставалось на своих местах. Дежурный полицейский оставался здесь и ночью, и днем. Тело похоронили сегодня утром, после того, как следствие было объявлено законченным. Мы и решили по этому случаю покопаться хорошенько в этой комнате. Видите ли вы этот ковер? Он не прибит к полу. Мы подняли этот ковер и нашли...

– Ну? И что же вы нашли?

Лицо у Холмса вдруг сделалось тревожным.

– Вы сто лет будете думать и не угадаете, что мы нашли, – сказал Лестрейд. – Видите ли, вот на ковре кровавое пятно. Крови ведь было очень много, и она должна просочиться насквозь. Не правда ли?

– Конечно.

– Ну, и как же вы удивитесь, если я вам скажу, что на полу под пятном пол совершенно чистый. Никаких следов крови там нет.

– Как это так пол чистый? Может ли это быть?

– Да, это верно, что этого быть не может, но факт остается фактом. Пол чистый.

Он приподнял кончик ковра, и мы увидели, что под пятном паркет был совершенно чист.

– И поглядите-ка, кромка ковра вся измазана. Следы крови должны были остаться на полу.

И, видя изумление Холмса, Лестрейд захихикал. Ему было приятно, что он удивил знаменитого криминалиста.

– Ну-с, а теперь я вам объясню этот феномен. На полу есть кровавое пятно, но совсем не под пятном на ковре. Взгляните-ка!

Он приподнял ковер с другой стороны и, действительно, на белом квадрате пола мы увидели большое красное пятно.

– Что вы на это скажете, мистер Холмс?

– Что же, это очень просто. Пятно на полу находилось под пятном на ковре, но потом ковер перевернули. Коврик невелик, и это очень легко сделать.

– Официальная полиция, мистер Холмс, не нуждается в таких объяснениях. Мы и сами знаем, что ковер был перевернут. Это ясно, ибо пятна на полу и ковре не совпадают. Я вот спрашиваю, кто поднимал ковер и зачем?

Холмс был сух и непроницаем, но для меня было ясно, что он с трудом сдерживает сильное волнение.

– Послушайте, Лестрейд, все ли время констебль дежурил в этой комнате? – спросил он.

– Да, он никуда не отлучался.

– Послушайтесь моего совета. Исследуйте это дело хорошенько, но только не допрашивайте констебля при нас. Если вы допросите его наедине, он скорее признается. Спросите его, как это он посмел пускать сюда посторонних и оставить их здесь без присмотра. Вы не спрашивайте его, признает ли он себя виновным, а говорите с ним так, как будто его виновность уже доказана. Скажите ему, что вы знаете о том, что в этой комнате кто-то побывал, прижмите его в угол. Скажите ему, что он может заслужить прощение только в том случае, если чисто-сердечно во всем покается. Делайте то, что я вам говорю.

– Клянусь святым Георгием, что я выдам из него все, что он знает! – воскликнул Лестрейд, бросился вон из комнаты, а через минуту из дальних комнат стали доноситься до нас звуки его громкого голоса.

– Живее, Ватсон, живее! – воскликнул Холмс в каком-то неистовстве.

В этом возгласе обнаружилась вся демоническая энергия этого человека – энергия, искусно скрытая видом рассеянной небрежности.

Он сорвал ковер и, став на колени, начал лихорадочно ощупывать квадраты пола. Один из квадратиков, когда он нажал его, отскочил вверх, как крышка шкатулки. Под ним оказалось небольшое углубление. Холмс запустил туда руку, а затем зарычал от злобы и обиды.

В углублении ничего не было.

– Живее, Ватсон, кладите ковер на место!

Мы успели закрыть крышку и застлать ковром пол. Голос Лестрейда послышался в коридоре. В момент его появления Холмс стоял, небрежно прислонясь к камину, спокойный и скупающий, едва сдерживая одолевавшую его зевоту.

– Простите, что я вас задержал, мистер Холмс. Я и сам вижу, что вам это дело до смерти надоело. Вы правы, он во всем признался. Пойдите-ка сюда, Макферсон. Расскажите этим джентльменам о вашем не заслуживающем никакого извинения поведении.

Высокий констебль, красный как рак и с выражением раскаяния в лице, вошел в комнату.

– Уверяю вас, сэр, что у меня худого и на уме не было. Вчера вечером сюда зашла молодая особа, она сказала, что ошиблась домом. Ну, я с нею малость поговорил. Знаете, все один и один сидишь – скука возьмет.

– И что же было дальше?

– Ну, она в газетах про убийство прочитала и заинтересовалась этим делом. Очень важная дама была, сэр, так говорила хорошо и складно, я и подумал поэтому, что ничего худого не выйдет, если я пущу ее в комнату поглядеть. Вошла она в комнату, увидела кровь на ковре и упала в обморок. Лежит точно мертвая, я бросился в кухню за водой, стал ее поить, она хоть бы что, тогда я пошел на угол в таверну «Тисовое дерево» за водкой, но покуда ходил, барыня

пришла в себя и ушла. Ей, наверное, стало стыдно своей слабости, и она боялась мне в лицо взглянуть.

– Ну, а в каком виде был после ее ухода ковер?

– Он был маленько измят, сэр. Она ведь прямо на него упала, а ковер-то гвоздями к полу не прибит. Он и помялся, я его расправил.

– Это вам урок, констебль Макферсон! – с достоинством произнес Лестрейд. – Теперь вы видите, что меня нельзя обмануть. Я только взглянул на ковер и сразу увидел, что кто-то здесь побывал. Счастье для вас, Макферсон, что все здесь благополучно, и что эта дама ничего важного не унесла, а то бы я показал вам, где раки зимуют... Мне очень жаль, мистер Холмс, что я побеспокоил вас по такому пустяковому делу. Я думал, что это вас заинтересует.

– Да, это интересно. А скажите-ка мне, Макферсон, эта дама была здесь один раз?

– Точно так, сэр, один раз.

– А кто она такая?

– Не знаю ее фамилию, сэр. Говорила, что занимается перепиской и ищет работу по объявлению. Ошиблась номером и забрела сюда. Очень красивая дама, сэр.

– Высокая, красивая?

– Точно так, сэр, рослая дама. И красивой ее тоже, пожалуй, можно назвать. Пожалуй, даже и очень красивая. Пришла да и говорит: «Констебль, дайте мне взглянуть на комнату». И просила она меня очень уж умильно, и отказать ей я не мог, думал, что греха тут не будет. Пускай, думал, поглядит.

– А как она была одета?

– Одетая она была просто, сэр, в длинном плаще до самых пят.

– А в каком часу она приходила?

– В сумерки, сэр. Когда я шел назад с водкой, начали зажигать фонари.

– Очень хорошо, – сказал Холмс. – Идемте, Ватсон, нам предстоит важное дело.

Мы двинулись в путь. Лестрейд остался в комнате, а кающийся констебль бросился отворять нам дверь. На пороге Холмс приостановился, вынул что-то из кармана и показал полицейскому.

Тот так и ахнул.

– Боже мой!

Холмс приложил палец к губам, положил обратно в карман изумившую полицейского вещь, и мы вышли на улицу.

– Великолепно! – воскликнул он. – Идите скорее, Ватсон. Занавес поднят, и начался пятый, последний акт драмы. Можете быть спокойны, Ватсон, европейской войны не будет, блестящая карьера высокочтимого сэра Трелонэя Гоппа не пострадает, неосторожный государь не понесет наказания за свою неосторожность, нашему министру-президенту не придется иметь дело с международными осложнениями... Теперь от нас требуется такт и ловкость, и история, грозившая бедой всему миру, кончится пустяками.

Я был преисполнен в эту минуту восхищением перед талантами моего друга.

– Вы разрешили задачу! – воскликнул я.

– Ну, это едва ли, Ватсон. В деле есть пункты, оставшиеся невыясненными. Но мы знаем так много, что должны будем винить самих себя, если не узнаем остального. Теперь же мы должны идти прямо в Уайтголл-Террас и решить затруднение.

Через несколько минут мы были в резиденции министра иностранных дел. Шерлок Холмс попросил доложить о нашем приходе леди Тильде. Нас ввели в изящно убранную приемную.

Лицо леди Тильды было все розовое от негодования.

– Мистер Холмс, – воскликнула она, – это недостойно, нехорошо с вашей стороны! Я ведь просила вас сохранить мой визит к вам в секрете. Я не желаю, чтобы он знал о том, что я вмешиваюсь в его дела. И, однако, вы меня компрометируете. Вы пришли сюда, и теперь все будут знать, что у нас с вами есть какие-то дела.

– Извините, сударыня, но я должен был прийти. Мне поручили вернуть это важное письмо, и поэтому-то я явился к вам. Я прошу вас, сударыня, вернуть мне этот документ.

Леди Тильда вскочила с места. Румянец, игравший на ее лице, исчез. Она стала бледна как смерть. Глаза ее блестели, она зашаталась. Одно время я думал, что она упадет в обморок. Она сделала усилие над собой и оправилась. В чертах ее лица попеременно отражались то негодование, то изумление.

– Вы меня оскорбляете, мистер Холмс!

– Ну, нет, сударыня, этот тон бесполезен. Отдайте мне письмо.

Леди Тильда бросилась к сонетке.

– Дворецкий вас проводит, – сказала она.

– Не звоните, леди Тильда. Если вы позвоните, я буду не в состоянии, несмотря на мое искреннее желание, покончить дело без скандала. Отдайте письмо – и все уладится. Если вы доверитесь мне, я все устрою, но если вы хотите идти против меня, вам же будет хуже.

Леди Тильда стояла перед нами – гордая, величественная, с выражением вызова на лице. Она пристально глядела на Холмса, как бы стараясь прочесть его мысли. Рука ее была на сонетке, но она так и не позвонила.

– Вы стараетесь меня запугать; это некрасиво, мистер Холмс. Вы приходите сюда для того, чтобы оскорбить женщину. Вы что-то такое узнали. Ну, что же это такое, скажите?

– Пожалуйста, сядьте, сударыня. Если вы упадете в обморок стоя, вы можете ушибиться. Я не стану говорить, пока вы не сядете. Вот теперь вы сели, благодарю вас.

– Мистер Холмс, я вам даю пять минут.

– Леди Тильда, мне довольно одной минуты. Я знаю о вашем посещении Эдуарда Лукаса и о том, что вы ему отдали это письмо. Я знаю также, как вы хитро проникли на квартиру убитого вчера вечером, и как достали обратно письмо из-под пола, закрытого ковром.

Помертвевшая от страха, едва переводя дух, женщина глядела на моего приятеля.

– Да вы с ума сошли, мистер Холмс, вы прямо с ума сошли! – воскликнула она, наконец.

Холмс вынул из кармана ту же вещь, которую он показывал полицейскому: это была фотография леди Тильды.

– Я нарочно захватил это с собою туда, – сказал он, – и я оказался прав: констебль узнал это лицо.

Леди Тильда тяжело вздохнула. Ее голова откинулась назад на спинку кресла.

– Не волнуйтесь, миледи. Дело может быть исправлено. Письмо у вас, а я вовсе не хочу делать вам неприятности. Я должен вернуть письмо вашему мужу – этим моя миссия кончается. Послушайтесь моего совета и будьте со мною откровенны. В этом – ваше спасение.

Но храбрость молодой женщины была изумительна. Даже теперь она не хотела признать себя побежденной.

– Я вам повторяю, мистер Холмс, что вы заблуждаетесь самым странным образом, – сказала она.

Холмс встал и прошелся.

– Мне очень жаль вас, леди Тильда. Я сделал для вас все, что мог, и вижу теперь, что трудился напрасно.

Он позвонил. Вошел дворецкий.

– Мистер Тредонэй Гопп у себя?

– Он будет дома в четверть первого, сэр, – ответил дворецкий.

Холмс взглянул на часы.

– Еще четверть часа, – сказал он. – Ну, что же, я подожду.

Но едва затворилась дверь за дворецким, как леди Тильда уже стояла на коленях перед Холмсом. Ее хорошенькое личико было мокро от слез.

– О, пощадите меня, мистер Холмс! Пощадите меня! – молила она в каком-то безумии отчаяния. – Ради всего святого, не говорите об этом ему! Я его так люблю! Мне больно причинить ему малейшую неприятность, а это разобьет его благородное сердце.

Холмс поднял леди Гильду и усадил ее.

– Я рад, сударыня, что вы наконец образумились. Времени теперь терять нельзя. Где письмо?

Она бросилась к столу, отперла его и вынула оттуда длинный синеватый конверт.

– Вот оно, мистер Холмс! О, как я была бы рада, если бы никогда не видела этого письма!

– Мы должны его вернуть, – произнес Холмс. – Но как это сделать? Живее-живее, надо что-нибудь придумать! Где шкатулка?

– В его спальне.

– О, какое счастье! Скорее, сударыня, несите шкатулку сюда.

Мгновение спустя леди Тильда снова была с нами. В руках ее был чистенький красного дерева ящик.

– Как вы его открыли? У вас есть второй ключ? Ну, конечно, есть! Открывайте шкатулку.

Леди Тильда вынула из кармана маленький ключик и открыла шкатулку. Она была набита письмами доверху. Холмс засунул голубой конверт в самый низ, затем шкатулка была снова заперта и водворена в спальню.

– Теперь мы готовы, – сказал Холмс, – у нас остается еще десять минут. Я, леди Тильда, беру на себя очень многое, чтобы выгородить вас. Вы должны мне заплатить за это полной откровенностью. Скажите, что означает это странное дело?

– О, мистер Холмс, я расскажу вам все! – воскликнула леди Тильда. – Уверяю вас, мистер Холмс, что я согласилась бы скорее позволить отрубить себе правую руку, чем причинить горе моему мужу. Я уверена, что во всем Лондоне нет такой любящей жены, как я. Однако я знаю, что он ни за что не простил бы меня, если бы узнал, как я была вынуждена себя вести в этой несчастной истории. Он сам – человек безупречно честный и ни за что не простит тому, кто погрешил против чести. Помогите мне, мистер Холмс, все поставлено на карту – и счастье, и жизнь.

– Скорее, сударыня, время идет!

– Когда я была еще не замужем, я написала одно письмо, нескромное глупое письмо. В этом письме не было ничего дурного, но мой муж, я знаю, непременно взглянул бы на него иными глазами и счел бы меня преступницей. Наше взаимное доверие было бы погублено навсегда. Это письмо было написано давно, несколько лет тому назад. Я считала эту историю поконченной, и вдруг этот господин Лукас заявляет мне, что мое письмо у него, и что он намерен передать его моему мужу. Я стала умолять его пощадить меня. Он сказал мне, что отдаст мне это письмо, если я ему принесу голубой конверт, хранящийся в шкатулке моего мужа. Как он узнал об этом письме – я не знаю, мне кажется, что у него в министерстве есть свои шпионы. При этом Лукас уверял меня, что от этого мужу никакого вреда не будет. Поставьте себя в мое положение, мистер Холмс! Что я должна была делать?

– Рассказать обо всем вашему мужу.

– Я не смела сделать этого, мистер Холмс, не могла! Беды мне грозили отовсюду. Откажись я от предложения Лукаса, и мое счастье погибло. А исполнить его требование – значило обмануть мужа. Я предпочла второе, потому что не понимаю ничего в политике. Я не понимала, что мои поступки могут повести к серьезным последствиям. И вот я сняла восковой слепок с замка. Лукас мне доставил второй ключ. Я отперла шкатулку, достала письмо и отнесла его Лукасу, на Годольфин-стрит.

– И что же там произошло, миледи?

– Я, как было условлено, постучала в дверь. Лукас открыл сам. Я вошла в кабинет, но оставила дверь передней открытой, так как боялась остаться с ним вдвоем. Я очень хорошо помню, что около двери, когда я входила в дом, стояла какая-то женщина. Дело мы окончили очень скоро. Мое письмо уже лежало на столе. Он получил от меня голубой конверт и отдал мне письмо. В эту минуту в дверях раздался шум. Кто-то шел к нам. Лукас быстро поднял ковер, спрятал под пол письмо и снова закрыл паркет ковром. А затем произошло нечто ужасное! Это точно какой-то кошмар. Я помню темное, безумное лицо, женский голос. Она закричала по-французски: «О, я ждала не напрасно! Наконец-то я застала тебя с нею!» Последовала дикая борьба. Он держал в руках стул, у нее в кулаке сверкал нож. Я бросилась в ужасе вон и убежала домой. Только на следующий день из газет я узнала об убийстве. Всю ночь я чувствовала себя счастливой. Мое письмо вернулось ко мне. Я не знала еще, что ожидает меня в будущем.

Только утром я поняла, что избавилась от одной беды, но накликала на себя другую. Мой муж, узнав о пропаже письма, пришел в странное отчаяние. И я почувствовала себя глубоко

несчастной, едва сдерживала себя. Мне хотелось упасть перед ним на колени и рассказать ему о том, что я сделала. Но ведь признаться в этом грехе я не могла, не признавшись в том... в прошлом. И я пошла к вам, мне хотелось, чтобы вы мне растолковали, что такое я сделала, как велик мой грех. И когда я поняла, в чем дело, то решила вернуть это письмо. Ведь Лукас успел спрятать его прежде, чем в комнату вошла эта ужасная женщина. Но как проникнуть в комнату? Два дня я подстерегала на улице удобного случая, но дверь дома не отворялась. Вчера вечером я сделала последнюю попытку. Вы знаете, что я предприняла, и что мой план оказался удачным. Я принесла письмо домой и хотела его уничтожить, так как не видела возможности вернуть его мужу без соответствующей исповеди. Боже мой! Я слышу его шаги!..

Министр иностранных дел, взволнованный, вбежал в комнату.

– Что, мистер Холмс, есть новости?! – воскликнул он.

– Да, некоторую надежду я питаю...

– О, благодарение Богу!

И министр засиял.

– У меня завтракает министр-президент. Я рад, что и он может надеяться. Знаете, у этого человека стальные нервы, но мне хорошо известно, что он все эти дни не спал ни минуты... Джекобс, попросите господина министра-президента пожаловать сюда... Что касается вас, моя дорогая, то вам эти политические дела едва ли интересны. Мы придем к вам через несколько минут в столовую.

Министр-президент был сдержан, но по блеску его глаз и по нервному подергиванию костлявых рук я видел, что он взволнован не менее своего младшего товарища.

– Насколько я понял, вы можете что-то сообщить нам, мистер Холмс?

– Мои новости вполне обнадеживающие, – ответил Холмс. – Я наводил справки повсюду и теперь убежден вполне, что опасаться вам нечего.

– Но этого мало, мистер Холмс. Мы живем на вулкане, а это невозможно. Нам нужно что-либо более определенное.

– О, я надеюсь найти это письмо! Я затем и пришел сюда. Чем больше я думаю над этим делом, тем больше я убеждаюсь в том, что письмо не выходило из этого дома.

– Мистер Холмс!

– Чего же вы удивляетесь? Если бы это было не так, то письмо давным-давно было бы обнаружено.

– Но с какой стати вор стал бы скрывать письмо в моем доме?

– Да я убежден в том, что и вора-то никакого не было. Письмо никто не похищал.

– Но как оно исчезло из шкатулки?

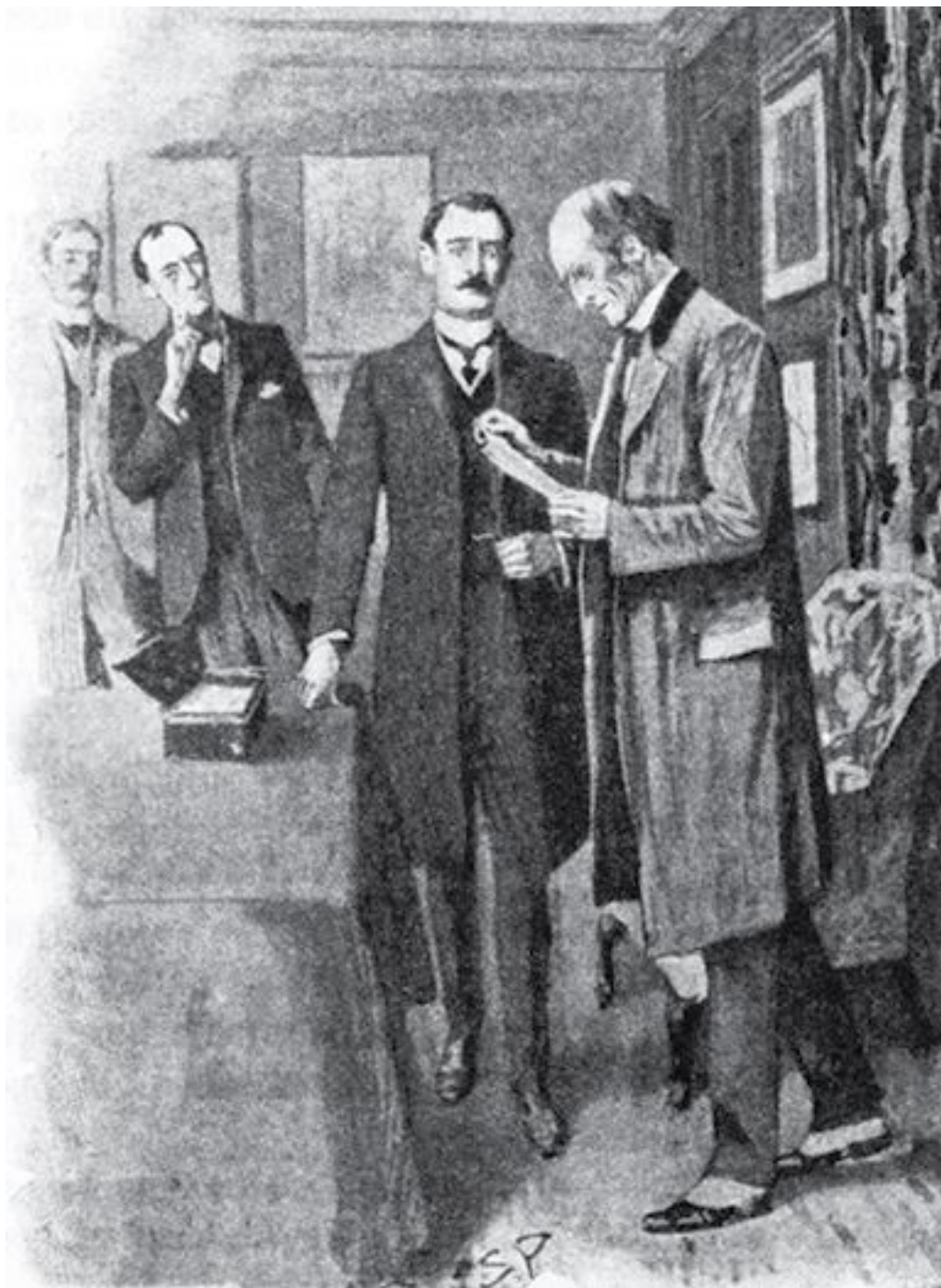
– Я убежден, что оно из шкатулки не исчезало.

– Мистер Холмс, вы неудачно выбрали время для шуток! Я же вам сказал, что в шкатулке письма нет.

– А вы со вторника в шкатулку так и не заглядывали?

– Нет, да это и не к чему.

– Ну, значит, вы просто проглядели письмо там.

- То, что вы говорите, невозможно.
- Но я не убежден в том, что это невозможно. Такие истории случаются. Ведь в шкатулке, наверное, еще много бумаг?... Ну, вот письмо как-нибудь и завалилось между ними.
- Но письмо было на самом верху.
- Мало ли что. Шкатулку могли встряхнуть, и письма перепутались.
- Уверяю же вас, что я тщательнейшим образом пересмотрел все письма.
- Этот спор очень легко решить, – произнес премьер. – Велите принести шкатулку. Министр иностранных дел позвонил.
- Джекобс, принесите шкатулку! Простите меня, я считаю эту выходку неуместной, но я должен вас удовлетворить... Благодарю вас, Джекобс, поставьте шкатулку на стол. Ключ у меня всегда на часовой цепочке. Вот те бумаги, видите ли вы? Вот письмо от лорда Мерроу, вот

доклад сэра Чарльза Гарди. Это вот меморандум из Белграда, вот записка о русско-германском торговом договоре, это – письмо из Мадрида, письмо от лорда Флауэрс... Боже мой! Что же это такое?! Лорд Беллингер! Лорд Беллингер!..

Премьер вырвал у него из рук письмо.

– Да, это оно! Письмо на месте. Гопп, поздравляю вас!

– Спасибо! Спасибо! О, какая тяжесть свалилась у меня с души! Но это прямо поразительно... Мистер Холмс, вы волшебник, вы колдун! Как вы узнали, что письмо находится здесь?

– Я знал, что письмо не может находиться в другом месте.

– Я прямо глазам не верю!

И министр иностранных дел выбежал из комнаты.

– Где моя жена? Я должен сказать ей, что все благополучно. Тильда! Тильда!

Министр-президент поглядел на Холмса. Его глаза блеснули.

– Ну, сэр, этому я ни за что не поверю, – сказал он. – Скажите, как письмо попало обратно в шкатулку?

Холмс, улыбаясь, уклонился от пронизательного взгляда этих удивительных глаз.

– У нас, сэр, тоже есть свои дипломатические тайны, – сказал он и, взяв шляпу, удалился из комнаты.

Я последовал за ним.

Долина Ужаса

Часть первая Трагедия в Бирльстоне

Глава I. Предупреждение

– Я склонен думать...

– Что же, похвальное намерение, – язвительно заметил Холмс.

Я искренне считал, что отношусь к числу достаточно терпеливых людей, но это насмешливое замечание изрядно меня задело.

– Послушайте, Холмс, – сказал я сухо, – вы порой чересчур испытываете мое терпение.

Но Холмс был слишком занят собственными мыслями, чтобы отвечать мне. Не обращая внимания на нетронутый завтрак, стоявший перед ним, он всецело занялся листком бумаги, вынутым из конверта. Затем он взял и сам конверт, поднял его и стал внимательно изучать.

– Это почерк Порлока, – задумчиво сказал он. – Я не сомневаюсь, что это почерк Порлока, хотя видел его всего дважды. Греческое «е» с особенной верхушкой – чрезвычайно характерно. Но если это послание Порлока, то оно должно сообщать о чем-то чрезвычайно важном.

Он говорил скорее сам с собой, чем обращаясь ко мне, но все мое прежнее недовольство исчезло под влиянием интереса, вызванного его последними словами.

– Но кто же этот Порлок? – спросил я.

– Порлок, Ватсон, это только кличка, псевдоним, но за ним стоит чрезвычайно хитрая и изворотливая личность. В предыдущем письме Порлок извещал меня, что его имя – вымышленное, и просил не разыскивать его. Порлок важен не сам по себе, а потому, что находится в соприкосновении с одним значительным лицом. Вообразите рыбу-лоцмана, сопровождающую акулу, шакала, следующего за львом, – что-либо ничтожное в обществе действительно грозного. Не только грозного, Ватсон, но и таинственного – в высшей степени таинственного. Вот в этом-то отношении Порлок и интересует меня. Вы слышали от меня о профессоре Мориарти?

– Знаменитый преступник, столь великий в своих хитрых замыслах, что...

– Что я и теперь вспоминаю о своих поражениях, – закончил Холмс вполголоса.

– Я, собственно, хотел сказать, что он остается совершенно неизвестным обществу с этой стороны.

– Намек, явный намек! – воскликнул Холмс. – В вас, Ватсон, открывается совершенно неожиданная жилка едкого юмора. Я должен остерегаться вас в этом отношении. Но, назвав Мориарти преступником, вы сами совершаете проступок: с точки зрения закона это – клевета, как ни удивительно. Один из величайших злоумышленников всех времен, организатор едва ли не всех преступлений, руководящий ум всего подпольного мира, ум, который мог бы двигать судьбами народов, – таков в действительности этот человек. Но он настолько неуязвим, настолько выше подозрений, так изумительно владеет собой и так ведет себя, что за слова, только произнесенные вами, он мог бы привлечь вас к суду и отнять вашу годовичную пенсию в качестве вознаграждения за необоснованное обвинение. Разве он не прославленный автор «Движения астероидов» – книги, затрагивающей такие высоты чистой математики, что, как говорят в научной прессе, не нашлось никого, кто мог бы написать критический отзыв о ней? Можно ли безнаказанно клеветать на такого человека? Клеветник-доктор и оскорбленный профессор – таково было бы соотношение ваших ролей. Это гений, Ватсон. Но если я буду жив, то придет и наш черед торжествовать.

– Если бы мне удалось присутствовать, увидеть все это! – воскликнул я с увлечением.

– Но мы говорили о Порлоке... Так называемый Порлок – не только одно из звеньев в длинной цепи, созданной Мориарти. И, между нами говоря, звено довольно второстепенное. Даже более. Насколько я представляю себе, – звено, давшее трещину, прорыв в этой цепи.

– Но ведь, как говорят, не существует цепи более крепкой, чем самое слабое из ее звеньев.

– Именно, дорогой Ватсон. В этом-то и кроется важность этого Порлока. Отчасти влекомый зачатками тяготения к справедливости, а главным образом, поощряемый посылками чеков в десять фунтов, он два раза доставлял мне ценные сведения, настолько ценные, что удавалось предотвратить преступления. Если мы будем иметь ключ к шифру, то я не сомневаюсь, что и это сообщение окажется именно такого рода.

Холмс снова развернул письмо и положил его на стол. Я поднялся, склонился над ним и стал разглядывать загадочное послание. На листке бумаги было написано следующее:

534 Г2 13 127 36 31 4 19 21 41

Дуглас 109 293 5 37 Бирльстонский

26 Бирльстон 9 13 171

– Что вы думаете об этом, Холмс?

– Очевидно – попытка сообщить какие-то секретные сведения.

– Но если нет ключа, то какова же польза шифрованного послания?

– В настоящую минуту – ровно никакой.

– Почему вы говорите – «в настоящую минуту»?

– Потому что существует немало шифровок, которые я могу прочесть с такой же легкостью, как акrostих по первым буквам каждой строки. Такие несложные задачи только развлекают ум, ничуть не утомляя его. Но в данном случае – совсем иное дело. Ясно, что это ссылка на слова из какой-то книги. Пока я не буду знать название книги и страницу – я бессилен.

- А что могут означать слова «Дуглас» и «Бирльстон»?
- Очевидно, этих слов не оказалось на взятой странице.
- Но почему же он не указывает название книги?
- Дорогой Ватсон, ваш природный ум и догадливость, доставляющие столько удовольствия вашим друзьям, подскажут вам в подобном случае, что не следует посылать шифрованное письмо и ключ в одном конверте. Иначе вас могут постигнуть большие неприятности. Однако

сейчас нам принесут вторую почту, и я буду очень удивлен, если не получу письма с объяснением или самой книги, на которую эти цифры ссылаются.

Дальнейшие предположения Холмса были прерваны через несколько минут появлением Билли, принесшего ожидаемое письмо.

– Тот же почерк, – заметил Холмс, вскрывая конверт. – И подписано на этот раз, – торжествующим голосом прибавил он, развернув письмо.

Однако, когда Холмс просмотрел содержание письма, он нахмурился.

– Ну, это сильно разочаровывает. Я боюсь, Ватсон, что все наши ожидания не привели ни к чему. «Многоуважаемый мистер Холмс, – пишет Порлок, – я больше не могу заниматься этим делом. Это слишком опасно. Я чувствую, что он подозревает меня. Только что я написал на конверте адрес, собираясь послать вам ключ к шифру, как он зашел ко мне совершенно неожиданно. Я успел прикрыть конверт, но прочел в его глазах подозрение. Сожгите, пожалуйста, шифрованное письмо, оно теперь совершенно бесполезно для вас. Фред Порлок».

Некоторое время Холмс сидел молча, сжав письмо в руке и хмуро глядя на пламя в камине.

– В сущности, – сказал он наконец, – что его так испугало? Возможно, что это только голос его беспокойной совести. Сознывая, что он предатель, он прочел обвинение в глазах другого.

– Этот другой, я полагаю, профессор Мориарти?

– И никто иной. Когда кто-либо из этой компании говорит о «нем», вы должны догадаться, кого они подразумевают. У них имеется один «он», возвышающийся над всеми остальными.

– Но что этот «он» может затевать?

– Гм! Это сложный вопрос. Когда ваш противник один из лучших умов во всей Европе, причем за его спиной стоит целое полчище темных сил, то допустимы всякие возможности. Как бы то ни было, наш друг Порлок, по-видимому, оказался расстроенным очень сильно. Сравните, пожалуйста, письмо с конвертом, который был надписан, как он говорит, до неприятного визита. Один почерк тверд и ясен, другой – едва можно разобрать.

– Зачем же он продолжал писать? Почему он попросту не бросил это дело?

– Потому что он опасался, что я буду добиваться разъяснений, и навлеку на него неприятности.

Я взял шифрованное письмо и стал с напряжением всматриваться в него. Можно с ума сойти от мысли, что в этом клочке бумаги заключена какая-то важная тайна, и что выше человеческих сил проникнуть в ее содержание.

Шерлок Холмс отодвинул в сторону свой нетронутый завтрак и раскурил трубку – постоянную спутницу его размышлений.

– Я удивляюсь! – сказал он, откинувшись на спинку и уставившись в потолок. – Может быть, здесь имеются пункты, ускользающие от вашего макиавеллиевского ума? Давайте рассмотрим проблему при свете чистого разума. Этот человек делает ссылку на какую-то книгу. Это наш исходный пункт.

– Нечто весьма неопределенное, надо сознаться.

– Посмотрим, далее, не можем ли мы немного прояснить его. Наша проблема, когда я вдумываюсь в нее, кажется мне менее неразрешимой. Какие указания имеются у нас относительно этой книги?

– Никаких.

– Ну-ну, наверное, это не совсем так. Шифрованное послание начинается большим числом 534, не так ли? Мы можем принять в качестве вспомогательной гипотезы, что 534 – это та самая страница, к которой нас отсылают как к ключу шифра. Таким образом, наша книга уже становится большой книгой, что, конечно, представляет собой некоторое достижение. Какие

еще указания имеются у нас относительно этой большой книги? Следующий знак это – Г2. Что вы скажете о нем, Ватсон?

– Без сомнения, – «глава вторая».

– Едва ли так, Ватсон. Я уверен, вы согласитесь со мной, раз дана страница, то номер главы роли не играет. Кроме того, если страница 534 застает нас только на второй главе, то размеры первой главы должны быть положительно невыносимы.

– Графа! – воскликнул я.

– Великолепно, Ватсон. Если это не графа или столбец, то я сильно ошибаюсь. Итак, теперь мы начинаем исследовать большую книгу, напечатанную в два столбца значительной длины, так как одно из слов в документе обозначено номером двести девяносто третьим. Достигнуты ли пределы, в которых разум может оказать нам помощь?

– Я боюсь, что это так.

– Положительно, вы к себе несправедливы. Блесните еще раз, мой дорогой Ватсон. Теперь такое соображение. Если бы эта книга была из редко встречающихся, он прислал бы ее мне. В действительности же он собирался, пока его планы не были расстроены, прислать мне в этом конверте ключ к шифру. Так он говорит в своем письме. А это походит на указание, что книгу эту я без труда найду у себя. Он имеет ее и полагает, по-видимому, что и у меня она есть. Короче говоря, Ватсон, это какая-то очень распространенная книга.

– Весьма правдоподобно.

– Итак, мы должны несколько ограничить поле наших поисков: наш корреспондент ссылается на большую и очень распространенную книгу, отпечатанную в два столбца.

– Библия! – воскликнул я с торжеством.

– Отлично, Ватсон! Впрочем, если позволите, то с некоторой оговоркой. Именно относительно этой книги труднее всего предположить, чтобы она находилась под рукой у кого-нибудь из сподвижников Мориарти. Кроме того, различных изданий Священного Писания существует такое множество, что он едва ли мог рассчитывать на второй экземпляр с одинаковой нумерацией страниц. Нет, он ссылается на нечто более определенное в этом отношении, он знает наверняка, что его страница 534-я окажется вполне тождественна с моей 534-й.

– Но ведь книг, отвечающих всем этим условиям, очень немного?

– Верно. Но именно в этом наше спасение. Наши поиски должны быть теперь ограничены книгами с постоянной нумерацией страниц, которые предполагаются имеющимися у всех.

– «Брэдшо»!

– Едва ли, Ватсон. Язык «Брэдшо» очень точен и выразителен. Но запаса слов на одной странице не хватит даже для обыкновенного письма. «Брэдшо» придется исключить. Словарь не подходит по той же причине. Что же остается в таком случае?

– Какой-нибудь ежемесячник.

– Великолепно, Ватсон! Если вы не угадали, то, значит, я сильно заблуждаюсь. Ежемесячник! Возьмем номер «Ежемесячника Уайтэкера». Он очень распространен. В нем имеется нужное число страниц. И отпечатан в два столбца. – Он взял томик с письменного стола. – Вот страница 534, столбец второй, порядочная уйма мелкого шрифта, по-видимому, относительно бюджета и торговли Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон. Номер тринадцатый – «Махратта». Начало, я боюсь, не особенно благоприятное. Сто двадцать седьмое слово – «Правительство». Это все-таки имеет смысл, хотя имеет мало отношения к нам и профессору Мориарти. Теперь посмотрим далее. Что же делает правительство Махратты? Увы! Следующее слово – «перья». Неудача, милый Ватсон. Приходится поставить точку.

Холмс говорил шутливым тоном, но подергивание его густых бровей свидетельствовало, что он разочарован и раздражен. Я сидел, глядя на огонь в камине, огорченный и смущенный. Продолжительное молчание было нарушено неожиданным возгласом Холмса, вынырнувшего из-за дверцы книжного шкафа со вторым желтым томиком в руке.

– Мы заплатились, Ватсон, за свою поспешность. Сегодня седьмое января, и мы взяли новый номер ежемесячника. Но более чем вероятно, что Порлок взял для своего послания старый номер.

Без сомнения, он сообщил бы нам об этом, если бы его пояснительное письмо было им написано. Теперь посмотрим, что нам расскажет страница 534. Тринадцатое слово – «имею». Сто двадцать семь – «сведения» – это сулит нам многое. – Глаза Холмса сверкали, а тонкие длинные пальцы при отсчитывании слов нервно подергивались. – «Опасность». Ха! Ха! Отлично! Запишите это, Ватсон: имею сведения опасность – может – угрожать – очень – скоро – некий. – Дальше у нас имеется имя – Дуглас. – Богатый – помещик – теперь – в – Бирльстонский – замок – Бирльстон – уверять – она – настоящая. – Все, Ватсон! Что вы скажете о методе чистого разума и его результатах? Если бы у зеленщика имелась такая штука, как лавровый венок, я бы немедленно послал Билли за ним!

Я пристально всматривался в лежавший у меня на коленях листок бумаги, на котором записывал под диктовку Холмса странное послание.

– Что за причудливый и туманный способ выражать свои мысли! – сказал я.

– Наоборот, он прекрасно это выполняет, – возразил Холмс. – Когда вы пользуетесь одним книжным столбцом для выражения наших мыслей, то вы едва ли рассчитываете найти все, что вам нужно. Кое-что приходится оставлять догадливости вашего корреспондента. В данном случае содержание совершенно ясно. Какая-то дьявольщина затевается против некоего Дугласа, богатого джентльмена, живущего, по-видимому, в своем поместье, что и указывает нам Порлок. Он убежден – «уверять» это самое близкое, что ему удалось найти, к слову «уверен», – что опасность очень близка. Таков результат нашей работы, и я могу смело вас уверить, что здесь имелся кое-какой материал для анализа.

Холмс испытывал удовольствие истинного артиста, любующегося своим лучшим произведением. Он еще продолжал наслаждаться достигнутым успехом, когда Билли распахнул дверь и инспектор Макдональд из Скотланд-Ярда вошел в комнату.

Макдональд и Холмс познакомились в конце восьмидесятых годов, когда Алек Макдональд был еще далек от достигнутой им теперь национальной славы. Молодой, но надежный представитель сыскной полиции, обнаруживший недюжинные способности во многих случаях, когда ему было доверено расследование. Его высокая стройная фигура свидетельствовала об исключительной физической силе, а открытый высокий лоб и глубоко посаженные глаза, блестящие из-под густых бровей, не менее ясно говорили о проницательности и уме. Он был человеком молчаливым, очень точным в выражениях, с несколько суровым характером и сильным абердинским акцентом. Холмс уже дважды выручал его и помогал добиться успеха, ограничиваясь со своей стороны только удовлетворением мыслителя, разрешившего трудную проблему. Шотландец отвечал на это глубокой признательностью и уважением своему коллеге-любителю, советуясь с Холмсом со свойственным ему прямотушием в каждом затруднительном случае. Посредственность не признает ничего выше себя, но талант всегда оценивает гений по достоинству, и Макдональд был достаточно талантлив, чтобы понимать, что для него вовсе не было унижением искать помощи того, кто был единственным во всей Европе по дарованию и опыту. Холмс не был склонен к дружбе, но относился к шотландцу с симпатией и весело улыбнулся при виде его.

– Вы ранняя птичка, – сказал он. – Я боюсь, что ваш визит означает известие о каком-нибудь новом необычном происшествии.

– Если бы вы, мистер Холмс, сказали вместо «я боюсь» – «я надеюсь», то были бы, мне кажется, ближе к истине, – ответил Макдональд с многозначительной усмешкой. – Я выбрался так рано, потому что первые часы после совершения преступления – самые драгоценные для расследования, что, впрочем, вы и сами знаете лучше кого бы то ни было. Но...

Молодой инспектор внезапно остановился и с величайшим изумлением стал вглядываться в клочок бумаги, лежащий на столе. Это был листок, на котором я написал под диктовку Холмса загадочное послание.

– Дуглас... – пробормотал он. – Бирльстон! Что это, мистер Холмс! Господа, ведь это же чертовщина! Где вы взяли эти имена?

– Это шифр, который доктор Ватсон и я только что разгадали. Но в чем дело? Что случилось с этими именами?

Инспектор продолжал изумленно смотреть на нас обоих.

– Только то, господа, что мистер Дуглас из Бирльстонской усадьбы зверски убит сегодня ночью.

Глава II. Шерлок Холмс и Макдональд

Это был один из тех драматических моментов, которые составляли для моего друга самое главное в жизни, ради которых, можно сказать, он существовал. Положительно было бы преувеличением сказать, что он потрясен или хотя бы возбужден этим неожиданным известием. В его странном характере не было и тени жестокости, но нервы его были закалены постоянно напряженной и совершенно исключительной по свойству работой. В данном случае на лице Холмса не было и следа тихого ужаса, который испытал я при этом заявлении Макдональда: оно, скорее, выражало спокойный интерес, с которым химик наблюдает причудливую группу кристаллов на дне пробирки, наполненной насыщенным раствором.

– Замечательно! – промолвил Холмс после некоторой паузы. – Замечательно!

– Вы, кажется, нисколько не удивлены.

– Заинтересован, мистер Мак. Почему я должен быть удивлен? Я получил известие, которому можно было придавать серьезное значение: оно извещало меня, что одному лицу грозит большая опасность. Спустя час я узнаю, что замысел был осуществлен, и что это лицо убито. Я заинтересован, это верно, но, как видите, ничуть не удивлен.

Холмс кратко рассказал инспектору о шифрованном письме и найденном к нему ключе. Макдональд сидел, опершись подбородком на обе руки. Он слушал очень внимательно, его густые брови соединились в одну прямую линию.

– Я хотел ехать в Бирльстон прямо сейчас, – сказал он, – и зашел попросить вас и вашего друга составить мне компанию. Но из того, что вы сообщили, следует, что мы могли бы более успешно действовать в Лондоне.

– Едва ли так, мистер Мак, – заметил Холмс.

– Взвесьте все, мистер Холмс! – воскликнул инспектор. – Дня два все газеты будут заполнены «Бирльстонской тайной», но что это за тайна, если в Лондоне находится человек, который сумел заранее предсказать это преступление? Остается только добраться до этого человека, и все будет выяснено.

– Несомненно, мистер Мак. Но каким образом вы предполагаете взяться за Порлока?

Макдональд посмотрел с обеих сторон письмо, переданное ему Холмсом.

– Штемпель поставлен в Кэмбервеле. Это не особенно может помочь нам. Имя, вы говорите, вымышленное. Тоже, конечно, не слишком благоприятно. Вы сказали, что посылали ему деньги?

– Два раза.

– Как именно?

– В Кэмбервельское почтовое отделение чеками одного из банков.

– И вы ни разу не поинтересовались узнать, кто приходил за ними?

– Нет.

Инспектор был, по-видимому, удивлен и несколько смущен.

– Почему?

– Потому что я всегда исполняю данное слово. После первого же его письма я обещал ему, что не буду разыскивать его.

– Вы думаете, что он только маленькая птишка, и за ним стоит какая-то более крупная личность?

– Я знаю, что это так.

– Профессор, о котором я слышал от вас?

– Именно.

– Я не скрою от вас, мистер Холмс, у нас в Скотланд-Ярде думают, что вы недаром имеете зуб на этого профессора. Я лично собрал кое-какие сведения по этому поводу: он выглядит очень почтенным, ученым и талантливым человеком.

– Я рад, что ваши расследования дали вам возможность признать его талантливость.

– Послушайте, можно не желать и все-таки признать это. После того, как я узнал ваше мнение, я счел нужным увидеть его. Разговор у нас шел о солнечных затмениях – как он принял это направление, я не понимаю до сих пор, – но профессор притащил глобус, лампу с рефлектором и моментально разъяснил мне этот вопрос всесторонне. Потом он предложил мне какую-то книгу, но, хотя во мне и сидит недурная абердинская закваска, я все-таки решил, что это будет немного чересчур для моей головы. У него, с его тонким лицом, седыми волосами и какой-то особенно торжественной манерой говорить, – вид настоящего министра. Когда он при прощании положил мне руку на плечо, это выглядело, будто отец благословляет вас, отпуская во взрослую жизнь.

Холмс усмехался и потирал руки.

– Великолепно! – воскликнул он. – Положительно великолепно! Скажите мне, дорогой Макдональд, эта приятная и интимная беседа происходила в кабинете профессора?

– Да.

– Красивая комната, не правда ли?

– Очень красивая – прекрасная комната, мистер Холмс.

– Вы сидели напротив письменного стола?

– Совершенно верно.

– И вы оказались напротив источника света, а его лицо было в тени?

– Это, видите ли, происходило вечером, но свет лампы был направлен в мою сторону.

– Этого можно было ожидать. Обратили ли вы внимание на картину на стене позади кресла профессора?

– Для меня очень немного остается незамеченным. Это, по-видимому, я перенял от вас. Да, я заметил эту картину.

– Это картина Жана Батиста Греза.

Инспектор выглядел заинтересованным.

– Жан Батист Грез, – продолжал Холмс, сплетая кончики пальцев и откидываясь на спинку стула, – был знаменитым французским художником, писавшим между тысяча семьсот пятьдесят восьмым и тысяча восьмисотым годами. Новейшая художественная критика ставит его еще выше, чем его современники.

Теперь инспектор слушал совершенно безучастно.

– Не лучше ли нам... – начал он.

– Мы именно это и делаем, – прервал его Холмс. – Все, что я говорю, имеет прямое отношение к тому, что вы называете Бирльстонской тайной. В известном смысле, это можно назвать даже самым центром, средоточием ее.

Макдональд улыбнулся и вопросительно взглянул на меня.

– Вы мыслите чересчур быстро для меня, мистер Холмс. Вы отбрасываете одно или два звена, а для меня это уже препятствие, я не могу поспевать за вами. Что может быть на свете общего между давно умершим художником и Бирльстонским делом?

– Всякое знание полезно для человека, занимающегося расследованием преступлений, – заметил Холмс. – Даже такой незначительный факт, что в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году знаменитая картина Греза «La Jeune Fille» на аукционе у Порталиса была оценена в миллион двести тысяч франков, может навести вас на кое-какие соображения.

Он оказался прав. Лицо инспектора выражало живейший интерес.

– Я могу напомнить вам, – продолжал Холмс, – что размеры жалованья профессора Мориарти можно узнать из любого справочника. Он получает семьсот фунтов в год.

– В таком случае как же он смог приобрести...

– Вот именно. Как он смог?

– Все это прямо изумительно, – заметил инспектор задумчиво. – Продолжайте, мистер Холмс. Меня это чрезвычайно заинтересовало. Любопытнейшая история.

Холмс улыбнулся. Искреннее удивление всегда радовало его – характерная черта истинного артиста.

– А что же относительно Бирльстона? – спросил он.

– У нас еще есть время, – ответил инспектор, взглянув на часы. – У ваших дверей меня ждет кеб, за двадцать минут он доставит нас на вокзал Виктория. Но относительно этой картины... Вы, мистер Холмс, кажется, однажды говорили мне, что никогда не встречались с профессором Мориарти?

– Совершенно верно, никогда.

– Каким же образом вы знакомы с его квартирой и обстановкой?

– Ах, это другое дело. Я три раза побывал в его квартире, два раза я под разными предлогами ожидал его и уходил до его возвращения. А один раз... Ну, об этом визите я положительно не решаюсь рассказывать официальному представителю сыскной полиции. Словом, в тот раз я позволил себе просмотреть его бумаги. Нужно добавить, что результаты оказались совершенно неожиданные.

– Вы нашли что-то компрометирующее профессора?

– Абсолютно ничего. Это-то и поразило меня. Впрочем, есть один пункт, о котором вы теперь знаете, – картина. Следует полагать, что он очень богатый человек. Как же, однако, он приобрел это богатство? Он не женат. Его младший брат служит начальником станции где-то на западе Англии. Его кафедра дает ему жалованье в семьсот фунтов в год. И у него имеется подлинный Грез.

– Итак?

– Разумеется, вывод совершенно ясен.

– Вы думаете, что его богатство создается незаконным путем?

– Именно. Конечно, я имею и другие основания для такого вывода: десятки тончайших нитей извилистыми путями ведут к центру паутины, где скрывается это ядовитое существо. Я упомянул о Грезе только потому, что это освещало вопрос данными ваших собственных наблюдений.

– Все это так, мистер Холмс, я признаю, что рассказанное вами очень интересно. Более чем интересно: прямо поразительно! Но укажите нам, если это возможно, на что-либо более определенное. В чем его следует обвинять: в подлогах, в изготовлении фальшивых монет, в убийствах? Откуда у него берутся деньги?

– Читали вы когда-либо о Джонатане Уайльде?

– Имя как будто знакомое. Из какого-нибудь романа, не правда ли? Я, признаться, недолюбливаю сыщиков в романах: эти герои совершают подвиги, но никогда не рассказывают, как именно их совершают. Чистый вымысел, мало похожий на действительность.

– Джонатан Уайльд не был ни сыщиком, ни героем романа. Это был выдающийся преступник, жил он в прошлом столетии, приблизительно около тысячи семьсот пятидесятого года.

– В таком случае мне до него нет дела. Меня интересует только современная жизнь, я человек практики.

– Мистер Мак, самым практичным делом, которое вы когда-либо совершали, было бы взять трехмесячный отпуск и начать читать по двенадцати часов в день уголовные хроники. В жизни решительно все повторяется, даже профессор Мориарти. Джонатан Уайльд был как бы невидимой пружинкой, тайной силой лондонских преступников, которым он ссужал за пятнадцать процентов комиссионных с добычи свой исключительный ум и организаторский талант. Старое колесо поворачивается, и спицы возвращаются на прежние места. Все, что мы видим, уже когда-то было и снова когда-нибудь будет. Я расскажу вам кое-что о Мориарти, это, вероятно, заинтересует вас.

– Пожалуйста, это крайне интересно.

– Я имел случай узнать, кто служит первым звеном в созданной им цепи, – цепи, на одном конце которой находится человек с наполеоновским, но направленным в другую сторону умом, а на другом – сотня жалких свихнувшихся людей, мелких жуликов, карманников и шулеров. Что касается средней части этой цепи, то ее вы можете заполнить, без боязни ошибиться, едва ли не всеми видами уголовных преступлений. Начальник его штаба, находящийся также вне всяких подозрений и столь же недоступный карающей руке закона, – это полковник Себастьян Моран. Как вы думаете, сколько он ему платит?

– Я, право, затрудняюсь что-либо сказать.

– Шесть тысяч фунтов в год. Это оценка ума, сделанная, как видите, в духе американских дельцов. Я совершенно случайно узнал эту подробность. Сумма эта превышает оклад премьер-министра. Такая деталь дает вам представление о доходах Мориарти и масштабах его деятельности. Теперь другой пункт. Я счел нужным поинтересоваться несколькими последними чеками Мориарти, – самые обыкновенные и невинные чеки, которыми он оплачивает свои счета по хозяйству. Они оказались выданными на шесть различных банков. Что вы скажете об этом?

– Странно, конечно. Но какой вывод вы делаете из этого?

– Ясно, что он не желает лишних разговоров о своем богатстве. Ни один человек не должен знать, сколько именно у него денег. Я не сомневаюсь, что у него не менее двадцати счетов в различных банках, – большая часть размещена, вероятно, за границей, в Германском банке или в Лионском Кредите. Если у вас окажутся свободные год или два, то я очень советую заняться профессором Мориарти.

В течение всего разговора инспектор Макдональд проявлял живейший интерес. Он был всецело поглощен и самой темой, и любопытными фактами, сообщенными Холмсом. Но теперь прирожденная шотландская практичность заставила его вернуться к первоначальному вопросу.

– Приму к сведению, – сказал он. – Но этим интересным рассказом, мистер Холмс, вы несколько отвлекли нас в сторону. Пока нам известно только, что имеется какая-то связь между профессором и преступлением в Бирльстоне. Такой вывод вы делаете из предупреждения, полученного вами от Порлока. Какие еще предположения мы можем сделать относительно Бирльстонского дела?

– Несколько предположений о мотивах этого преступления. Судя по вашему сообщению, это убийство совершенно необъяснимое, по крайней мере, пока. Теперь, предполагая, что узел этого преступления кроется там, где мы подозреваем, можно говорить о двух возможных мотивах. Во-первых, скажу вам, что Мориарти держит свой народ в железных тисках. Введенная им дисциплина – ужасна. Единственное наказание в его кодексе – смерть. Мы можем предпо-

ложить, что убитый Дуглас в каком-либо отношении изменил своему начальнику. Он понес наказание. Когда это станет известно остальным, то страх смерти еще сильнее укрепит в них дисциплину.

– Это первое предположение, мистер Холмс.

– Другое – что это одна из обычных махинаций Мориарти. Был там грабеж?

– Я не слышал об этом.

– Если был, то это говорит против первой гипотезы и в пользу второй. Мориарти мог быть привлечен к преступлению обещанием доли в добыче или руководить за определенную плату наличными деньгами. И то и другое одинаково возможно. Но как бы дело ни происходило, а решение всех вопросов и сомнений мы должны искать в Бирльстоне. Я слишком хорошо знаю этого человека, чтобы предполагать, что он оставил здесь какой-либо след, который может привести нас к нему.

– В таком случае – едем в Бирльстон! – воскликнул Макдональд, вскакивая со стула. – Черт возьми! Мы уже опаздываем. Господа, на сборы я могу вам дать не более пяти минут.

– Этого вполне достаточно, – ответил Холмс, подымаясь со стула и приступая к переодеванию. – Мистер Мак, в дороге вы расскажете мне обо всем подробнее.

Это «обо всем подробнее» оказалось сведениями, довольно краткими и скудными. Но все же выяснилось, что ожидавшая нас проблема была совершенно исключительной. Выслушивая сухие и с виду незначительные подробности, Холмс оживился и время от времени, с удовольствием останавливаясь на некоторых деталях, потирал руки, похрустывая тонкими пальцами. Длинному ряду недель, полных бездеятельности, пришел конец, и теперь, наконец, его замечательному дарованию был предложен объект, заслуживающий полного внимания. Его острый

ум, как и всякий специальный талант, остающийся без применения, томился бездейтельностью. Теперь, найдя интересную работу, Холмс совершенно переменился: глаза его блестели, бледные щеки приняли более жизненный оттенок, и все тонкое нервное лицо точно озарилось внутренним светом. С напряженным вниманием слушал он краткий рассказ Макдональда о том, что ожидало нас в Сассексе. Письменное сообщение о происшедшем было получено им с первым утренним поездом, доставляющим в Лондон молоко с пригородных ферм. Местный полицейский офицер Уайт Мэзон – его личный друг, этим объясняется, что он получил извещение быстрее, чем обычно происходит, когда кто-либо из Скотланд-Ярда вызывается в провинцию.

«Дорогой инспектор Макдональд, – говорилось в письме, – официальное приглашение – в отдельном конверте. Это я пишу вам частным образом. Телеграфируйте мне, с каким утренним поездом вы можете приехать в Бирльстон, и я вас встречу или, если буду занят, поручу кому-либо встретить вас. Случай очень странный. Приезжайте, не теряя ни минуты. Пожалуйста, привезите, если можно, мистера Холмса, – он найдет здесь немало интересного. Можно было бы подумать, что вся картина рассчитана на театральный эффект, если бы в самой середине не лежал убитый человек. Даю вам слово, этот случай – чрезвычайно странный».

– Ваш приятель, кажется, не глуп, – заметил Холмс.

– Насколько я могу судить, Уайт Мэзон очень дельный человек.

– Хорошо, что еще вы можете сказать?

– Только то, что он расскажет нам при встрече все подробности.

– Как же вы узнали имя мистера Дугласа и то, что он убит каким-то зверским образом?

– Об этом говорилось в официальном сообщении. В нем не упоминается слово «зверски».

Это – не официальный термин. Там указано имя – Джон Дуглас. Указано, что рана нанесена в голову, и что орудие убийства – охотничье двустольное ружье. Сообщается также и время преступления: вскоре после полуночи. Далее добавляется, что это, несомненно, убийство, но пока никто не арестован. В заключение сказано, что случай совершенно незаурядный, и вся обстановка его дает возможность делать самые различные предположения. Это все, мистер Холмс, что у нас пока имеется.

– В таком случае, мистер Мак, с вашего позволения, мы на этом и остановимся. Стремление преждевременно создавать теории, не имея достаточных данных, – совершенно недопустимо в нашей профессии. Для меня в настоящую минуту только две вещи вполне ясны и несомненны: существование большого и злого ума – в Лондоне и убитый человек – в Сассексе. Это – концы цепи, а средние звенья ее мы должны найти.

Глава III. Бирльстонская трагедия

Теперь я постараюсь описать события. Деревушка Бирльстон – это группа ветхих полуразвалившихся домиков на северной границе графства Сассекс. Целые века пребывала она в запущенном состоянии, но за последние годы ее живописное местоположение привлекло множество зажиточных горожан, виллы которых находятся теперь в окрестных лесах. Масса мелких лавок возникла в Бирльстоне для нужд увеличивающегося населения, указывая на то, что в скором времени Бирльстон из древней деревушки превратится в современный город. Он будет служить центром значительной площади графства, так как Тенбридж-Уэльс, крупнейший город поблизости, находится в десяти или двенадцати милях.

В полумиле от города, в старом парке, славящемся своими огромными буками, находится старинная Бирльстонская усадьба. Часть этой почтенной постройки относится ко времени первых крестовых походов, когда Гуго Капет построил замок посреди поместья, пожалованного ему Красным Королем. Здание сильно пострадало от огня в 1543 году, но некоторые из его закопченных камней были пущены в дело, и вскоре на месте руин феодального замка появи-

лась кирпичная усадьба. Усадьба эта со своими черепицами и узкими окнами и сейчас выглядит так же, как создал ее архитектор в начале семнадцатого века. Из двух ровов, которые когда-то охраняли воинственных феодалов, внешний предназначен теперь под огороды. Внутренний же ров, имея сорок футов в ширину и в настоящее время лишь несколько футов в глубину, окружает весь дом. Небольшой ключ наполняет его водой, и хотя вода немного мутновата, но все же не застаивается и годна для питья. Окна первого этажа находятся на расстоянии фута от поверхности воды. Единственный доступ к дому через подъемный мост, цепи которого давно уже заржавели и распаялись. Предпоследние обитатели усадьбы, однако же, с большой энергией привели мост в порядок настолько, что могли поднимать его каждую ночь и опускать каждое утро. Таким образом, с возобновлением обычая старого феодального времени усадьба еженощно превращалась в остров – факт, имевший прямое отношение к тайне, которая вскоре привлекла внимание всей Англии.

Дом оставался незанятым долго и грозил уже превратиться в живописную развалину, когда Дугласы приобрели его. Их семья состояла только из двух членов: Джона Дугласа и его жены. Дуглас был замечательным человеком, как по характеру, так и по внешности: ему было около пятидесяти лет, у него было красное лицо с сильными челюстями, седые усы, пронизывающие серые глаза и тонкая рослая фигура с выправкой молодого человека. Он был всегда весел и приветлив со всеми, но что-то в его манере держаться производило такое впечатление, как будто ему в свое время приходилось вращаться в кругах более низких, чем деревенское общество Сассекса. Однако, несмотря на то, что наиболее культурные соседи Дугласа относились к нему с известного рода сдержанным любопытством, он вскоре приобрел большую популярность среди крестьян, интересуясь их проблемами и посещая их незатейливые концерты, в которых и сам нередко исполнял вокальные номера, обладая очень недурным тенором. Карманы его всегда были набиты золотом, о котором говорили, что Дуглас добыл его на калифорнийских приисках. Этот вывод сделали исходя из его собственных рассказов о их с женой жизни в Америке. То хорошее впечатление, какое он произвел своим великодушием и демократическим образом жизни, увеличилось и от укоренившейся за ним репутации отчаянного храбреца. Будучи очень неважным наездником, Дуглас, тем не менее, ездил всюду верхом и часто сильно расшибался, но все же продолжал стоять на своем и не расставался с привычкой к верховой езде. Во время пожара в викариате Дуглас изумил всех бесстрашием, с которым он бросился в горящий дом спасать имущество викария, после того как местная пожарная команда сочла это уже невозможным. Всем этим Джон Дуглас за пять лет пребывания в усадьбе завоевал себе прочную репутацию в Бирльстоне.

Жена его тоже была популярна среди своих новых знакомых, хотя англичане, к тому же провинциалы, неохотно вступают в дружбу с чужеземцами. Поэтому миссис Дуглас вела довольно замкнутый образ жизни и казалась всецело поглощенной заботами о муже и хозяйстве. Было известно, что она – англичанка и познакомилась с Дугласом в Лондоне, когда он овдовел. Она была красивой женщиной, высокой, стройной и смуглой, лет на двадцать моложе своего супруга, – разница, совершенно не отражавшаяся на их семейном счастье. Однако наиболее близкие знакомые замечали, что между супругами не существовало взаимного доверия, по-видимому, после того, как жена начала догадываться о прошлом мужа. Кроме того, у миссис Дуглас можно было заметить нервное напряжение, когда ее супруг возвращался домой слишком поздно. В глухой провинции, где сплетники не переводятся, эта слабость хозяйки усадьбы не могла остаться незамеченной, и сплетни о ней разрослись до невероятных размеров, когда произошло преступление.

Имелось еще одно лицо, пребывание которого под кровлей Дугласов хотя и было непостоянным, но, тем не менее, совпало с моментом преступления, и поэтому должно быть представлено читателям. Это – Сесиль Баркер из Гемпстеда. Этого смуглого плотного человека часто можно было встретить на главной улице Бирльстона, ибо он был желанным гостем в

усадьбе. Считали, что он один знал таинственное прошлое мистера Дугласа. Сам Баркер был англичанином, но из его слов следовало, что впервые он познакомился с Дугласом в Америке и перенес с ним там трудные времена. Баркер казался очень богатым и имел звание бакалавра. Он был моложе Дугласа, не более сорока пяти лет, стройный, прямой, широкогрудый человек, с гладко выбритым лицом профессионального боксера, густыми черными бровями и с глазами, которые могли даже без помощи сильных рук проложить путь через враждебную толпу. Баркер не интересовался ни верховой ездой, ни охотой и проводил время в прогулках по деревне с трубкой во рту или же разъезжая по очаровательным окрестностям с Дугласом или его женой. «Добрый, щедрый джентльмен, – отзывался о нем Эмс, бирльстонский дворецкий, – но, клянусь честью, я не хотел бы быть человеком, вздумавшим ему перечить».

Баркер был в очень хороших отношениях с Дугласом и не менее дружен с его женой, – дружба, которая, казалось, причиняла огорчение самому Дугласу настолько, что даже прислуга замечала его недовольство. Это практически и все, что можно сказать о Баркере, оказавшемся в семье Дугласов, когда произошла катастрофа.

Что же касается других обитателей старого замка, то достаточно из всей многочисленной прислуги упомянуть о почтенном, услужливом Эмсе и миссис Аллен, веселой и приветливой особе, помогавшей миссис Дуглас в ее заботах по хозяйству. Остальные шесть слуг не имели никакого отношения к происшествию в ночь на шестое января.

Было без четверти двенадцать, когда первое известие о преступлении достигло маленького местного полицейского поста, находившегося в ведении сержанта Вильсона из Сассекской бригады. Мистер Баркер, страшно взволнованный, ломился в дверь и с оглушительным шумом дергал колокольчик. Ужасная трагедия разыгралась в усадьбе: мистера Дугласа нашли убитым. Все это он пробормотал, не переводя дыхания, а затем помчался обратно в усадьбу, куда вскоре явился и полицейский сержант, успевший предупредить местные власти о том, что произошло что-то очень серьезное. Достигнув усадьбы, сержант нашел подъемный мост опущенным, окна освещенными, а весь штат прислуги в волнении и тревоге. Слуги с бледными лицами толпились в передней; в дверях стоял перепуганный дворецкий и в отчаянии ломал руки. Только Сесиль Баркер, казалось, вполне владел собой. Он предложил сержанту следовать за ним.

В это время прибыл и доктор Вуд, постоянно живущий в деревне практикующий врач. Трое мужчин вошли в роковую залу, а дворецкий, следовавший за ними, прикрыл дверь, чтобы скрыть ужасное зрелище от служанок.

Мертвый Дуглас лежал на спине, раскинув руки. На нем был надет розовый шлафрок поверх ночного белья, на босых ногах были ковриковые туфли. Доктор опустился перед ним на колени, взяв со стола ручную лампу. Одного взгляда на жертву было достаточно, чтобы понять, что присутствие врача было излишне...

Убитый был страшно обезображен. Поперек его груди лежало странное оружие – охотничье ружье со стволом, спиленным на фут от курков. Было явно, что выстрел произвели с очень близкого расстояния, и весь заряд, разнесший голову почти в куски, попал Дугласу прямо в лицо. Курки были проволокой связаны вместе, чтобы сделать выстрел еще более разрушительным.

Полисмен был расстроен и смущен мыслью о свалившейся на него ответственности.

– Мы ничего не будем трогать до прибытия моего начальника, – произнес он вполголоса, в ужасе уставившись на труп.

– Ничего и не было тронут, – сказал Сесиль Баркер. – Я отвечаю за это. Все это осталось в том виде, в каком я нашел.

– Как же все это случилось? – Сержант вытащил записную книжку.

– Было ровно половина двенадцатого. Я еще не раздевался и сидел у камина в своей спальне, как вдруг услышал выстрел, не громкий, а как будто чем-то заглушенный. Я бросился вниз. Думаю, прошло не более тридцати секунд, как я был в комнате Дугласа.

– Дверь была открыта?

– Да. Бедняга Дуглас лежал так, как вы его сейчас видите. На столе горел ночник. Потом я зажег лампу.

– Вы никого не видели?

– Нет. Я услышал, как миссис Дуглас спускается за мной по лестнице, и бросился к ней, чтобы не дать ей увидеть это ужасное зрелище. Затем миссис Аллен, экономка, увела ее. Когда пришел Эмс, мы с ним вернулись сюда.

– Но я слышал, что мост в усадьбе поднимается на всю ночь?

– Да, он и в эту ночь был поднят, пока я его не опустил.

– Тогда каким же образом убийца мог скрыться? Вот в чем вопрос. Мистер Дуглас, вероятно, покончил с собой, – предположил сержант.

– Я тоже сначала так думал. Но посмотрите, – Баркер отдернул занавеску: окно оказалось раскрытым настежь. – А вот еще! – Он взял лампу и осветил на деревянном косяке окна кровавое пятно, похожее на след сапога. – Кто-то вставал сюда, когда вылезал.

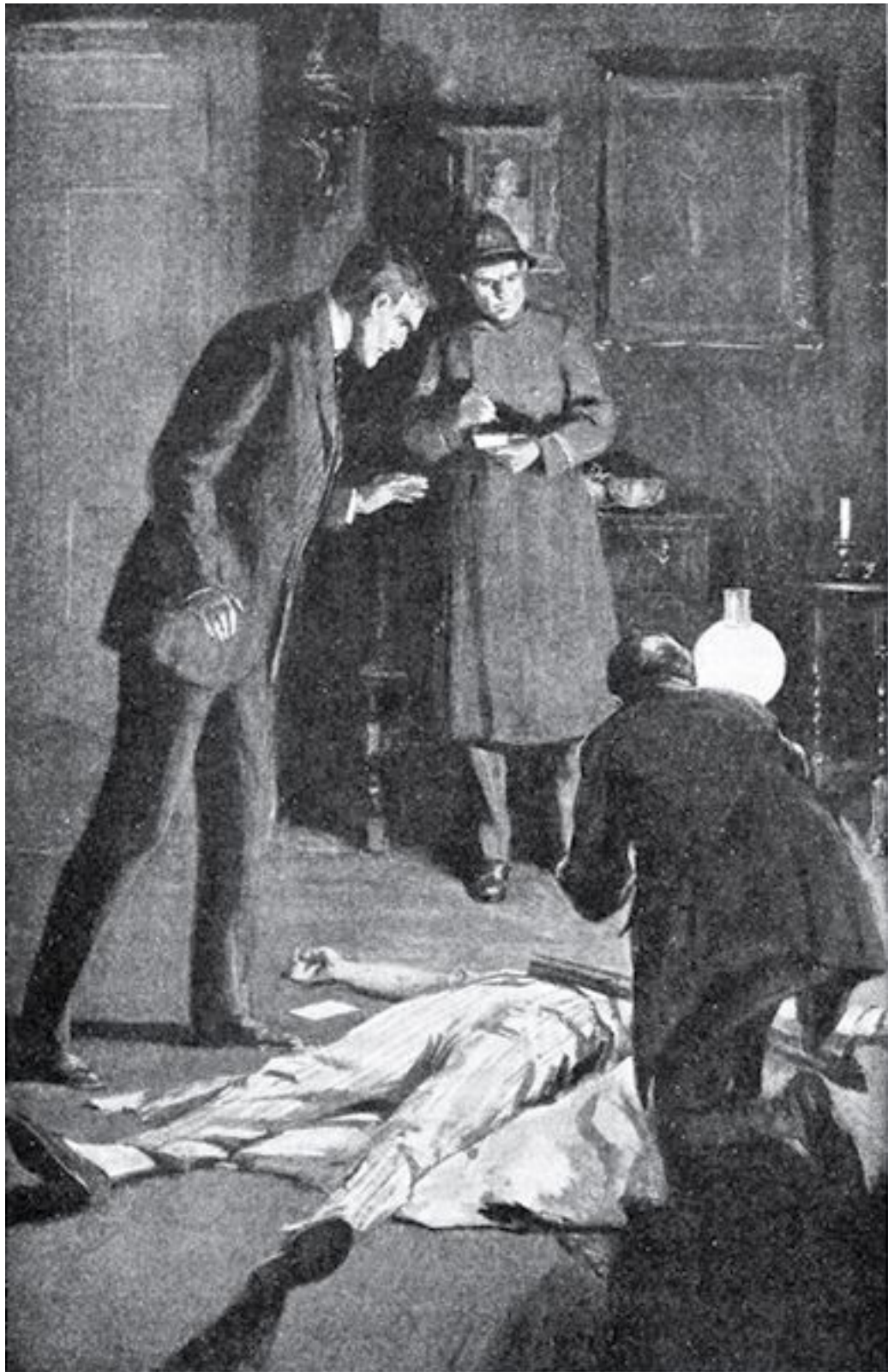
– Вы думаете, что он перебрался через ров?

– Непременно.

– Таким образом, если вы были в комнате через полминуты после убийства, то убийца должен был в это время находиться в воде.

– Я в этом не сомневаюсь, и благодарил бы небо, если бы догадался подбежать к окну. Но его прикрывала штора, и мне не пришлось в голову ее поднять. Потом я услышал шаги миссис Дуглас и не мог допустить, чтобы она вошла сюда.

– Я никогда не встречал подобных ран, разве только после крушения поезда в Бирль-стоне, – сказал доктор, рассматривая раздробленную голову и ужасные следы вокруг нее.

– Но все-таки, – заметил сержант. – Даже если допустить, что молодчик удрал через ров, то, позвольте вас спросить, как он мог попасть в дом, если мост был поднят?

– Ах, это другой вопрос, – сказал Баркер.

– В котором часу мост был поднят?

– Около шести часов, – ответил дворецкий Эмс.

– Я слышал, – сказал полисмен, – что его обычно поднимают сразу после захода солнца. В это время года, однако, оно заходит в половине пятого, а не в шесть.

– У мистера Дугласа были гости к чаю, – сказал Эмс. – Я не мог поднять мост раньше, чем они ушли. Потом я сам его поднял.

– Итак, сделаем вывод, – сказал сержант. – Раз убийца пришел извне – если это так, – то он должен был перейти мост до шести часов и сидеть в засаде до тех пор, пока мистер Дуглас не вернулся к себе после одиннадцати.

– Это так. Мистер Дуглас, прежде чем лечь, всегда обходит дом, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Потому-то он и зашел в залу. Тут его и убили. Потом, убегая через окно, убийца оставил ружье. Это мое мнение, конечно, следствие все выяснит.

Сержант поднял карточку, лежавшую около убитого на полу. На ней были неумело нацарапаны инициалы – «Д. В.», а под ними число «341».

– Что это? – спросил он.

Баркер с любопытством взглянул на карточку.

– Я этого не заметил, – сказал он. – Убийца, вероятно, обронил ее.

– «Д. В. 341». Совершенно не понимаю. – Сержант вертел карточку в своих неуклюжих пальцах. – Что значит «Д. В.»? Вероятно, чьи-нибудь инициалы... Что вы там такое нашли, доктор?

Находкой оказался увесистый молоток, лежавший на ковре перед камином, – тяжелый рабочий молоток. Сесиль Баркер указал на ящик гвоздей с медными головками на мраморной каминной доске.

– Мистер Дуглас вчера перевешивал картины, – сказал он. – Я видел, как он стоял на стуле, стараясь укрепить повыше какую-то большую картину. Вот почему здесь молоток.

– Вы его лучше положите на ковер, откуда взяли, – сказал сержант, почесывая в раздумье голову. – Как бы мы ни шевелили мозгами, мы никогда не доберемся до сути дела. Будет еще большая работа в Лондоне, прежде чем эта история разъяснится. – Он взял ручную лампу и медленно обошел комнату. – Эге! – взволнованно вскрикнул он, отдергивая одну из занавесок. – В котором часу были спущены занавески?

– Когда зажгли лампы, – отвечал дворецкий. – Сразу после четырех часов.

– Ясно, что кто-то здесь выжидал. – Он приблизил лампу к полу и показал на следы грязных сапог. – Теперь я стану делать выводы по вашей теории, мистер Баркер. Выходит, что убийца вошел в дом с четырех до шести часов, когда шторы уже были опущены, а мост еще не поднят. Он проскользнул в залу, потому что она оказалась ближайшей комнатой. Тут не было места, куда бы он мог спрятаться, и он затаился за занавеской. Все это совершенно ясно. Думаю, что он намеревался обокрасть дом, но мистер Дуглас заметил его, и произошло убийство.

– Я полностью с вами согласен, – сказал Баркер. – Но не теряем ли мы драгоценного времени? Может быть, лучше объехать местность, пока молодец не сбежал далеко.

Сержант раздумывал с минуту.

– Отсюда нет поездов до шести утра, так что он не мог уехать поездом. Если же он пойдет по дороге, то всякий обратит внимание на его грязные сапожищи и заметит его. Как бы то ни было, я не могу уйти отсюда, пока меня не сменят.

Доктор взял лампу и внимательно осмотрел мертвое тело.

– Что это за знак? – спросил он. – Имеет ли это какую-нибудь связь с преступлением?

Правая рука убитого была обнажена до локтя. Посредине руки виднелся странный коричневый знак – треугольник в кружке, – ярко выделяясь на светлом фоне кожи.

– Это не татуировка, – сказал доктор, глядя поверх очков. – Это похоже на давно выжженный знак, вроде тех, которыми клеймят скот. Что вы думаете на этот счет?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Сесиль Баркер, – но этот знак я видел у Дугласа в течение последних десяти лет.

– И я тоже, – заявил дворецкий. – Всякий раз, как барину приходилось засучивать рукава, я видел эту странную метку.

– Я полагаю, что это не имеет ничего общего с убийством, – сказал сержант Вильсон. – Но все-таки это очень странно. Что еще?

Дворецкий в изумлении указывал на руку убитого.

– Сняли его обручальное кольцо! – задышавшись, произнес он.

– Что?!

– Да-да! Барин всегда носил обручальное кольцо из золота на мизинце левой руки. Вот это кольцо из золотого самородка хозяин надевал после обручального, а кольцо змейкой на третьем пальце. Вот кольцо из самородного золота, вот змейка, а обручального кольца нет.

– Он прав, – подтвердил Баркер.

– Скажите, мистер Дуглас носил обручальное кольцо под самородком? – спросил сержант,

– Всегда!

– Значит, убийца, или кто там был, снял сначала кольцо, которое вы называете самородком, потом обручальное кольцо, а затем надел кольцо из самородка обратно?

– Да, так.

Вильсон покачал головой.

– Сдается мне, что чем скорее мы передадим это дело в Лондон, тем лучше, – сказал он. – Уайт Мэзон – ловкий человек. Еще ни одно провинциальное дело не устояло перед ним. Во всяком случае, я не стыжусь признаться, что это дело не по силам нашему брату.

Глава IV. Потемки

В три часа утра начальник сыскной полиции в Сассексе, в ответ на спешное приглашение сержанта Вильсона из Бирльстона, прибыл в легком кебе, запряженном быстроногим пони. С утренним поездом в 5 часов 40 минут он послал сообщение в Скотланд-Ярд и в двенадцать часов приветствовал нас на Бирльстонской станции. Мистер Уайт Мэзон был спокойный и, по-видимому, симпатичный человек, в широком сюртуке, с гладко выбритым загорелым лицом, мужественной фигурой и сильными, слегка кривыми ногами в гетрах. Он походил на мелкого фермера, на жокея, только не на видного специалиста по провинциальным уголовным делам.

– Ну, мистер Макдональд, это каверзный случай, – повторял он. – На наше дело газетчики слетятся, как мухи, лишь только узнают о нем. Но я надеюсь, что мы его закончим раньше, чем они успеют сунуть свои носы. Здесь, если память мне не изменяет, никогда еще не происходило ничего подобного. Тут найдется много лакомых кусочков вам по вкусу, мистер Холмс. И для вас также, доктор Ватсон, так как и медику придется высказать свое мнение. Вам отведены помещения в отеле Вествилль. Это единственная гостиница, и я слышал, что там довольно прилично.

Уайт Мэзон оказался большим хлопотуном и умницей. Через десять минут мы расположились в отеле, как у себя дома, а еще через десять сидели в гостиной и составляли схему событий, о которых было рассказано в предыдущей главе.

Макдональд делал письменные заметки, между тем как Холмс задумчиво сидел, и лицо его выражало то изумление, то нескрываемое восхищение, с которым ботаник рассматривает редкий драгоценный цветок.

– Замечательно! – сказал он, когда ход событий был изложен. – В высшей степени замечательно! Я, право, не могу припомнить ни одного дела из своей практики с таким количеством странностей.

– Я так и думал, что вы это скажете, мистер Холмс! – воскликнул Мэзон. – Можете себе представить, как я взволновался, получив известие от сержанта Вильсона! Ей Богу, я чуть не

загнал свою старую лошадку! Но все-таки я не думал, что это так спешно, и к тому же я ничего не мог начать один. У Вильсона все факты. Я сличил их и рассмотрел. Быть может, это немного поможет делу.

– Какие же? – с живостью осведомился Холмс.

– Во-первых, я осмотрел молоток. Вуд помогал мне. Мы не нашли на нем следов насилия. Я думаю, что если бы мистер Дуглас защищался молотком, то, прежде чем бросить его на ковер, он должен был нанести убийце какое-нибудь ранение. Но пятен крови на нем не оказалось.

– Это, положим, еще ничего не доказывает, – заметил инспектор Макдональд. – Часто встречаются убийства, совершенные с помощью молотка, и на последних, между тем, не находят никаких следов.

– Допустим. Потом я осмотрел ружье. Оно было заряжено крупной дробью и, как указал сержант Вильсон, курки были связаны вместе, так что, если вы потянете за спуск, то оба ствола разрядятся сразу. Вероятно, это рассчитано на случай промаха. Спиленное ружье было длиною не более двух футов, его можно было легко пронести под одеждой. На нем не было полного имени фабриканта, имелись только печатные буквы «Реп», на планке между стволами, а остаток названия оказался спиленным.

– Большое «Р» с украшением над ним, а «е» и «п» поменьше? – спросил Холмс.

– Совершенно верно.

– «Пенсильванское оружейное товарищество» – очень известная американская фирма, – сказал Холмс.

Мэзон с изумлением уставился на моего друга. Так деревенский лакей смотрит на специалиста с Гарлей-стрит, который одним словом может разрешить все трудности консилиума.

– Это очень кстати, мистер Холмс. Несомненно, вы правы. Удивительно, удивительно! Неужели вы можете вместить в своей памяти имена всех оружейных фабрикантов?

Холмс не пытался прервать поток красноречия.

– Без сомнения, это американское охотничье ружье, – продолжал Мэзон. – Я, кажется, где-то читал, что укороченные ружья употребляются в некоторых частях Америки. Теперь очевидно, что человек, прокравшийся в дом и убивший его хозяина, был американец.

Макдональд покачал головою.

– Вы, вероятно, заработались до переутомления, – сказал он. – Я до сих пор не уверен, что кто-нибудь чужой был в доме.

– А открытое окно, кровь на косяке, странная карточка, следы сапог в углу, ружье?..

– Все это могло быть подстроено нарочно. Мистер Дуглас был американцем или долго жил в Америке, так же как и мистер Баркер. Вам совершенно не нужно вводить в дом американца, чтобы приписать ему все эти штуки.

– Эмс, дворецкий...

– На него можно положиться?

– Он десять лет служил у сэра Чарльза Чандоса и надежен, как скала. Он жил у Дугласа еще до того, как тот снял эту усадьбу. Так вот, этот самый Эмс никогда еще не видел подобного ружья в этом доме.

– Ружье старались скрыть. Поэтому и спилили его ствол. Такое ружье легко можно спрятать в любой коробке. Как он может поклясться, что подобного оружия не было в доме?

– Все же он никогда не видел ничего подобного.

Макдональд покачал своей упрямой шотландской головой.

– Я все-таки далеко не убежден, что такого ружья никогда не было в этом доме, – сказал он. – Я прошу вас рассудить, что будет, если мы предположим, что это ружье было кем-то принесено в дом, и что все эти странные штуки устроены человеком со стороны. О, господа, как это неубедительно! Это явно противоречит здравому смыслу! Я предлагаю вам, мистер Холмс, разобраться в том, что вы слышали.

– Хорошо, расскажите о ваших предположениях, мистер Мак, – сказал Холмс судейским тоном.

– Этот человек – не вор, если он вообще когда-либо существовал. История с кольцом и карточка указывают на преднамеренное убийство из-за личных счетов. Прекрасно. Человек прокрадывался в дом с обдуманном намерением совершить убийство. Он знает, что, удирая, столкнется с трудностями, так как дом окружен водой. Какое же оружие он должен выбрать? Конечно, самое бесшумное. Тогда бы он мог надеяться, совершив убийство, проскользнуть в окошко, перейти ров и благополучно скрыться. Это понятно. Но непонятно, почему он принес с собой самое шумное оружие, какое только мог выбрать, прекрасно зная, что каждый человек в доме бросится на шум со всех ног, и это даст возможность увидеть его прежде, чем он переберется через ров. Не так ли?

– Да, вы основательно разобрали положение вещей, – задумчиво ответил Холмс. – Необходимы очень веские доказательства обратного. Скажите, Мэзон, когда вы исследовали внешнюю сторону рва, вы нашли какие-нибудь следы?

– Никаких следов, мистер Холмс. Там каменная облицовка, которую можно хорошенько осмотреть.

– Ни следов, ни знаков?

– Ничего.

– Гм! Мистер Мэзон, вы ничего не имеете против того, чтобы сейчас же отправиться на место происшествия? Новая улика, найденная там, пусть и незначительная, может оказаться очень важной впоследствии.

– Я хотел предложить это, мистер Холмс, но рассчитывал познакомить вас со всеми фактами еще здесь. Я полагаю, что если вас что-нибудь поразит... – Мэзон с сомнением взглянул на своего коллегу-любителя.

– Мне уже приходилось работать с мистером Холмсом, – сказал инспектор Макдональд. – Он понимает эту игру.

– Во всяком случае, у меня собственная система этой игры, – сказал Холмс, улыбаясь. – Я вхожу в дело, чтобы добиться справедливости и помочь полиции. Если когда-либо я отделялся от официальной полиции, то лишь потому, что она отделялась от меня первая. Теперь, мистер Мэзон, я буду работать, как я хочу, и представлю свои выводы тогда, когда захочу.

– Мы очень благодарны, что вы почтили нас своим присутствием, и покажем вам все, что можем, – сердечно произнес Мэзон. – Вперед, доктор Ватсон, и, когда дело за кончится, мы рассчитываем на страничку в вашей книге.

Мы начали спускаться по живописной сельской дороге, окаймленной с обеих сторон рядами подрезанных вязов. По ту сторону возвышались два каменных столба, поврежденные непогодой и поросшие мхом, наверху которых виднелись бесформенные обломки скульптур, изображавших когда-то прыгающих львов. Аллея эта, по краям которой виднелись ухоженные полянки и старые дубы, представляла собой один из характерных пейзажей сельской Англии. Потом внезапный поворот, и перед нами предстал большой низкий дом из темно-коричневого кирпича со старинным садом, заполненным тисовыми деревьями. Когда мы подошли поближе, то увидели и деревянный подъемный мост, и великолепный широкий ров, блестящий, как ртуть, на холодном зимнем солнце. Три столетия пронесли над домом – рождений и кончин, сельских праздников и псовых охот. Странно, что и теперь это мрачное здание бросало тень на веселые долины.

Эти причудливо заостренные кровли и нелепые слуховые окна казались созданными для того, чтобы затаить в себе страшную и гибельную тайну. Когда же я взглянул на глубоко посаженные окна и на угрюмый, омываемый водой фасад, я почувствовал, что нельзя было и придумать лучшей сцены для разыгравшейся трагедии.

– Вот окно, – сказал Мэзон, – ближайшее от подъемного моста. Оно открыто точно так же, как его нашли ночью.

– Оно слишком узкое, чтобы человек мог в него пролезть.

– Во всяком случае, убийца был не слишком толст. Для такого простого вывода не нужно иметь ваших мозгов, мистер Холмс. Вы или я могли бы протиснуться через него.

Холмс подошел к краю рва и заглянул в него. Затем он исследовал каменную облицовку и траву, граничившую с ней.

– У меня хорошее зрение, мистер Холмс, – сказал Мэзон. – Тут никаких следов нет... Но разве он должен был оставить след?

– Обязательно. Иначе быть не могло... Вода всегда мутная?

– Почти всегда такого цвета. Поток уносит тину.

– Какой глубины поток?

– Около двух футов по бокам и три посередине.

– Так что можно отбросить мысль, что убийца утонул, пересекая ров?

– Даже ребенок не мог в нем утонуть.

Мы перешли подъемный мост и были встречены длинной, сухой, с некоторыми следами былой чопорности фигурой. Это был дворецкий Эмс. Бедный старик был страшно бледен и все еще дрожал от нервного потрясения. Бирльстонский полисмен – рослый меланхолический человек с солдатской выправкой – стоял на страже у роковой комнаты. Доктора уже не было.

– Ничего нового, Вильсон? – спросил Мэзон.

– Ничего, сэр.

– Теперь вы можете идти. Мы пошлем за вами, когда вы понадобится. Дворецкий может ждать в стороне. Скажите ему, чтобы он предупредил мистера Баркера, миссис Дуглас и экономку, что нам, возможно, понадобится переговорить с ними. Теперь, господа, может быть, вы разрешите мне поделиться с вами своими сведениями, а потом я буду счастлив выслушать ваш взгляд на положение дел...

Он нравился мне, этот провинциальный сыщик. Он быстро схватывал факты, обладал холодным и ясным здравым смыслом, который, несомненно, поможет ему когда-нибудь сделать карьеру. Холмс слушал его внимательно, без тени нетерпения, так часто проявляемого специалистами по отношению к своим младшим коллегам.

– Самоубийство здесь или убийство – это первый вопрос, господа, не так ли? Если это было самоубийство, то мы должны допустить, что покойный снял обручальное кольцо и спрята-тал его, потом пришел сюда, сырой обувью натоптал в углу за гардиной, чтобы показать, что кто-то его подстерегал, потом открыл окно, затем кровью...

– Мы можем это отбросить, – сказал Макдональд.

– Я тоже так думаю. Итак, самоубийство отпадает. Остается убийство. Теперь нам надо определить, совершено оно забравшимся сюда неизвестным или кем-нибудь, живущим в доме.

– Мы слушаем ваши аргументы.

– И с той, и с другой версией имеются значительные затруднения. Предположим, что некоторые лица, живущие в доме, совершили преступление. Они прислали одного из шайки сюда, когда все было тихо, но еще никто не спал. Затем они прикончили Дугласа из самого шумного оружия в мире, и так как им посчастливилось, то этого оружия никто раньше в доме не замечал. Все это, само собою разумеется, должно было вызвать во всем доме переполох, не правда ли?

– Да, несомненно.

– Все знают, что после выстрела прошла минимум одна минута, прежде чем все живущие – не только мистер Баркер, хотя он это и утверждает, но и Эмс, и все другие были на месте убийства. Скажите, каким образом за это время преступник успел наделать следов в

углу, открыть окно, вымазать косяк кровью, стащить обручальное кольцо с пальца убитого и все прочее? Это невозможно!

– Вы очень ясно все это разобрали, – сказал Холмс. – Я начинаю с вами соглашаться.

– Теперь мы вернемся к теории, что этот некто явился извне. Человек попал в дом между половиной пятого и шестью. Тут были гости, дверь была открыта, и поэтому ничто ему не помешало. Он мог быть простым вором или явиться сюда с личной мстостью к мистеру Дугласу. Так как мистер Дуглас провел большую часть своей жизни в Америке, и это охотничье ружье оказалось американского производства, то надо думать, что наиболее вероятным является убийство из мести. Он проскользнул в эту комнату, потому что она первая попала ему на глаза, и притаился за гардиной. Здесь он пробыл приблизительно до одиннадцати часов ночи. В это время мистер Дуглас вошел в комнату. Произошел краткий разговор, если он вообще произошел, ибо миссис Дуглас утверждает, что с того момента, как супруг оставил ее, и выстрелом прошло не более пяти минут...

– Свеча это подтверждает, – сказал Холмс.

– Верно. Взята была новая свеча, и сгорела она не более чем на полдюйма. Он, вероятно, поставил ее на стол перед тем, как произошло нападение, иначе она должна была упасть вместе с ним. Это показывает, что на него напали не сразу, как он вошел в комнату. Когда явился мистер Баркер, лампа была зажжена, а свеча погашена.

– Все это достаточно ясно.

– Теперь из этих предположений постараемся воспроизвести сцену убийства. Мистер Дуглас входит в комнату. Ставит свечу. Человек показывается из-за гардин. Он вооружен вот этим самым ружьем. Он требует обручальное кольцо – неизвестно зачем, но это, вероятно, было так. Мистер Дуглас отдает его. Тогда – или хладнокровно, или в борьбе Дуглас мог схватить молоток, найденный на ковре, и пришлый человек застрелил его. Убийца бросает ружье, а также эту странную карточку «Д. В. 341» и убегает через окно, пересекая ров как раз в тот момент, когда Сесиль Баркер появляется на месте преступления. Как вы это находите, мистер Холмс?

– Очень интересно, только не очень убедительно.

– Господа, все это было бы абсолютной бессмыслицей, если бы не было чем-нибудь еще более нелепым! – вскричал Макдональд. – Кто-то убил человека, и кто бы это ни был, я берусь доказать вам, что убийство он совершил другим путем. На что он рассчитывал, отрезая себе путь к отступлению? На что он рассчитывал, употребляя охотничье ружье, когда тишина была для него единственным шансом для бегства? Пожалуйста, мистер Холмс, может быть, вы нам все это объясните, раз вы находите теорию мистера Мэзона малоубедительной?

Все это продолжительное совещание Холмс просидел молча, не пропустив ни одного сказанного слова, изредка поглядывая внимательно по сторонам, всецело погруженный в размышления.

– Я хотел бы иметь побольше фактов, прежде чем делать выводы, мистер Мак, – сказал он, опускаясь на колени перед трупом. – Боже, эти повреждения действительно ужасны. Можно вызвать дворецкого на минутку?.. Эмс, я полагаю, вы часто видели этот странный знак – выжженный треугольник посередине круга – на руке мистера Дугласа?

– Очень часто, сэр.

– Вы никогда не слышали каких-нибудь объяснений на этот счет?

– Нет, сэр.

– Это, должно быть, вызвало страшную боль, когда выжигалось. Это, несомненно, выжженное клеймо. Так... Я вижу, Эмс, маленький кусочек пластыря в углу рта мистера Дугласа. Вы когда-нибудь замечали это у него?

– Да, сэр. Бреясь вчера утром, он порезался.

– А вы не можете припомнить, случалось ему прежде порезаться при бритье?

– Не так давно, сэр...

– Так-так!... – сказал Холмс. – Это может быть простым стечением обстоятельств или, наоборот, некоторой нервозностью, указывающей на то, что он имел основание чего-то бояться. Вы заметили вчера что-нибудь необычное в его поведении, Эмс?

– Мне показалось, сэр, что он был немного рассеян и чем-то обеспокоен.

– Гм! Нападение, значит, было не совсем неожиданным. Мы, кажется, понемногу продвигаемся вперед, не так ли? Быть может, вы хотели бы продолжать расследование, мистер Мак?

– Нет, мистер Холмс, оно в лучших руках.

– Хорошо, тогда мы перейдем к карточке «Д. В. 341»... Она с неровным обрезом. У вас нет такого сорта бумаги в доме?

– Не думаю.

Холмс подошел к письменному столу и накапал немного чернил из каждой чернильницы на промокательную бумагу.

– Это было написано не в этой комнате, – сказал он. – Здесь черные чернила, а те – красные. На карточке написано толстым пером, а эти перья – тонкие. Нет, это было написано в другом месте. Это ясно. Вы понимаете что-нибудь в этой надписи, Эмс?

– Нет, сэр, ничего.

– Что вы думаете, мистер Мак?

– Все это производит впечатление чего-то, похожего на какое-то тайное общество. На эту мысль наводит и знак на руке.

– Я тоже так думаю, – сказал Мэзон.

– Тогда мы можем принять это как гипотезу и посмотреть, насколько прояснится наше затруднительное положение. Член тайного общества пробирается в дом, дожидается мистера Дугласа, разносит ему голову этим оружием и удирает через ров, оставив возле убитого карточку, которая, будучи впоследствии упомянута в газетах, сообщит другим членам общества, что мщение совершено. Все это имеет связь. Но почему из всех видов оружия выбрано именно это ружье?

– Непонятно...

– И почему исчезло обручальное кольцо?

– Тоже странно.

– И почему никто не арестован до сих пор? Теперь уже более двух часов дня. Я полагаю, что с самого утра каждый констебль на сорок миль в округности разыскивает подозрительных субъектов в промокшем платье?

– Это так, мистер Холмс.

– Они могли бы его упустить, только если он забился в какую-нибудь нору или переменял одежду.

Холмс подошел к окну и стал рассматривать через лупу кровавый знак на косяке.

– Совершенно ясно, след сапога. Замечательно большой – плоская нога, я бы сказал. Любопытно... Судя по мокрым следам в углу, можно было думать, что у него более изящные ноги. Однако следы довольно слабые. Что это такое под столом?

– Гимнастические гири мистера Дугласа, – сказал Эмс.

– Тут всего одна гимнастическая гиря. Где же другая?

– Не знаю, мистер Холмс. Тут, может быть, и была всего одна. Я не обращал на них внимания месяцами.

– Одна гимнастическая гиря, – произнес Холмс задумчиво, но его замечание было прервано резким стуком в дверь.

В комнату вошел высокий, загорелый, гладко выбритый джентльмен. Было нетрудно догадаться, что это – Сесиль Баркер, о котором я уже слышал. Его энергичные блестящие глаза смотрели вопрошающе, когда он переводил их с одного лица на другое.

— Извиняюсь, что помешал вам, — сказал он, — но я должен сообщить вам последнюю новость.

— Арест?

— Увы, нет. Но только что нашли велосипед. Парень бросил его. Пройдите и взгляните на него. Он находится в ста шагах от входной двери.

Мы увидели трех или четырех грумов и несколько зевак, рассматривающих велосипед, вытасканный из кустов, в которых он оказался спрятанным. Велосипед, очень распространенной системы Рэдж-Витворта, был забрызган, точно после долгого путешествия. При нем находилась седельная сумка с ключом для гаек и масленкой, но ничто не указывало на его владельца.

– Для полиции будет очень полезно, – сказал инспектор, – если эти вещи перечислят к уликам и занесут в список. Нам следует быть благодарными и за это. Если мы не узнали, куда он скрылся, то, по крайней мере, мы постараемся выяснить, откуда он явился. Но, ради всего святого, почему молодчик оставил велосипед здесь?.. Мистер Холмс, мы, кажется, никогда не увидим луч света в этих потемках.

– Вы думаете? – задумчиво отвечал мой друг. – Посмотрим...

Глава V. Свидетели драмы

– Осмотрели ли вы в кабинете все, что вас интересовало? – спросил Уайт Мэзон, когда мы вернулись в дом.

– Пока все, – отвечал инспектор.

Холмс ограничился утвердительным кивком головы.

– Тогда, может быть, вы желаете выслушать показания кого-нибудь из домашних? Для этого мы перейдем в столовую. Эмс, пожалуйста, вы первый расскажите нам все, что знаете.

Рассказ дворецкого был прост и ясен, и показался вполне искренним. Мистер Дуглас произвел на него впечатление богатого джентльмена, составившего свое состояние в Америке. Он был добрым и снисходительным баринном, – правда, не совсем по вкусу Эмса, но не может же человек быть совершенно без недостатков. Каких бы то ни было признаков трусости в мистере Дугласе ему замечать не приходилось. Напротив, он был самым смелым человеком из всех людей, с какими только приходилось дворецкому сталкиваться. Он издал распоряжение, чтобы подъемный мост поднимался каждый вечер, потому что это являлось старинным обычаем усадьбы, а мистер Дуглас любил обычаи старины. Он выезжал из дому очень редко, но за день до убийства ездил в Тенбридж за покупками. В этот день Эмс заметил какое-то беспокойство и возбуждение в мистере Дугласе, он казался нетерпеливым и раздражительным, что было для него совершенно необычно. В ту ночь дворецкий еще не ложился спать, а находился в кладовой и убирал столовое серебро, как вдруг услышал резкий звонок. Выстрела он не слышал, что было вполне естественным, так как кладовые и кухни находятся в самом конце дома и отделены от парадных комнат целым рядом плотно затворенных дверей и длинным коридором. Экономка тоже выбежала из своей комнаты, встревоженная резким звонком. Они вместе направились в переднюю половину дома. Когда они дошли до лестницы, то увидели спускающуюся по ней миссис Дуглас. Она не выглядела испуганной. Как только она дошла до конца лестницы, из кабинета выбежал мистер Баркер. Он остановил миссис Дуглас и стал убеждать ее возвратиться.

– Ради Бога, вернитесь в свою комнату! – закричал он. – Бедный Джек мертв! Вы ничем не можете помочь. Ради Бога, идите к себе!

После уговоров миссис Дуглас пошла обратно. Миссис Аллен, экономка, прошла со своей госпожой в ее спальню. Эмс и мистер Баркер направились в кабинет, где они нашли все в том же порядке, в каком застала все полиция. Свеча тогда не была зажжена, но лампа горела. Они выглянули из окошка, но ночь была очень темной, и они ничего не увидели и не услышали. Тогда они бросились в залу, где Эмс принялся поворачивать ворот, опускающий подъемный мост. Мистер Баркер тотчас же кинулся за полицией.

Таково, в главных чертах, было показание дворецкого.

Рассказ миссис Аллен в общих чертах подтвердил показания дворецкого. Комната экономки помещалась ближе к передним покоям, чем кладовая, в которой работал Эмс. Она уже совсем было приготовилась ко сну, как резкий звонок привлек ее внимание. Она немного глуховата, может быть, поэтому-то и не слышала выстрела. Но, во всяком случае, кабинет от нее очень далеко. Она вспомнила, что слышала какие-то звуки, похожие на хлопанье двери, это было много раньше – с полчаса до звонка.

Когда мистер Эмс бросился в передние комнаты, она последовала за ним и увидела мистера Баркера, бледного и взволнованного, выходящего из кабинета. Он загородил дорогу миссис Дуглас, спускающейся по лестнице. Он умолял ее вернуться, она что-то отвечала ему, но что, экономка не расслышала.

– Уведите ее. Останьтесь с ней! – сказал Баркер миссис Аллен.

Она увела ее в спальню и старалась утешить. Миссис Дуглас, страшно взволнованная, вся дрожала, но не делала попыток сойти вниз. Она села у камина, подперев голову обеими руками. Миссис Аллен пробыла с ней всю ночь. Что же касается других слуг, то все они спали и ничего не знали о случившемся до тех пор, пока не прибыла полиция. Они спят в самом отдаленном конце дома и, конечно, не могли ничего слышать.

Это все, что сказала экономка, она ничего не добавила и при перекрестном допросе.

После миссис Аллен был допрошен мистер Баркер. Он мало что прибавил к происшедшему, кроме того, что уже рассказал полиции. Лично он был убежден, что убийца скрылся

через окно. Об этом свидетельствовал, по его мнению, кровавый след. Притом, раз мост был поднят, другого пути к бегству не оставалось.

Он не мог понять, что случилось с убийцей, и почему он не взял с собой велосипед, так как последний, несомненно, принадлежал ему. Также ему казалось немыслимым, что преступник утонул во рву глубиной в три фута.

Мистер Баркер выдвигал очень определенную теорию насчет причины убийства. Дуглас был скрытным человеком, и в книге его жизни попадались страницы, о которых он никогда не рассказывал. Совсем молодым человеком Дуглас эмигрировал из Ирландии в Америку. Там ему, по-видимому, повезло. Впервые Баркер встретился с ним в Калифорнии, где они стали компаньонами по эксплуатации богатой рудничной жилы в местечке Бенито-Каньон. Они там неплохо обосновались, но затем Дуглас вдруг неожиданно ликвидировал свои дела и уехал в Англию. В то время он был вдовцом. Вскоре после этого Баркер тоже закончил дела и поселился в Лондоне. Там они возобновили дружбу. На Баркера Дуглас производил впечатление человека, над головой которого постоянно витала какая-то опасность, это Баркер заключил и из его внезапного отъезда из Калифорнии, и из того, что он снял дом в одном из самых тихих уголков Англии. Баркер полагал, что какое-то тайное общество, какая-то неумолимая организация следила за Дугласом и хотела во что бы то ни стало с ним покончить. Некоторые замечания покойного вывели его на эту мысль, хотя Дуглас никогда не говорил ему ни о том, что это было за общество, ни о том, в чем он провинился перед ним. Баркер предполагал, что таинственная карточка имела какое-то отношение к этому тайному обществу.

– Как долго вы жили с Дугласом в Калифорнии? – спросил инспектор Макдональд.

– Пять лет.

– Он был холост, вы говорите?

– Вдовец.

– Вы не слышали, откуда была родом его первая жена?

– Нет, но Дуглас говорил, что она шведка, и я видел ее портрет. Она была очень красивая женщина и умерла от тифа за год до нашего знакомства.

– Вы не можете связать ее прошлое с какой-нибудь отдельной местностью в Америке?

– Мне приходилось слышать, как он рассказывал о Чикаго. Он там работал и знал этот город хорошо. Дуглас много путешествовал в свое время.

– Он не занимался политикой? Не имеет ли это тайное общество какую-нибудь связь с политикой?

– Нет, к политике он относился безразлично.

– Не был ли он преступником?

– Напротив, я не встречал человека честнее его.

– Было ли что-нибудь странное в его жизни в Калифорнии?

– Он любил уходить в горы и трудиться там над разработкой нашего месторождения. Никогда не ходил туда, где собирались другие люди, если мог этого избежать. Вот почему я еще тогда подумал, что он кого-то избегает и опасается. Потом, когда он неожиданно уехал в Европу, я убедился, что это именно так. Я уверен, что Дуглас получил нечто вроде предостережения. Через неделю после его отъезда шестеро человек спрашивали о нем.

– Как они выглядели?

– Грубоватые на вид парни. Они пришли в рудник и пожелали узнать, где находится Дуглас. Я сказал им, что он уехал в Европу, и что не знаю, где его искать.

– Эти люди были калифорнийцами?

– Не думаю, что это были калифорнийцы. Но, несомненно, – это были американцы. Я не знаю, кто они были, но был рад, когда они ушли.

– Это произошло шесть лет тому назад?

– Около семи.

– А до того вы с Дугласом провели в Калифорнии пять лет, так что эта тайная история произошла не менее одиннадцати лет тому назад?

– Да.

– Это, должно быть, была очень сильная вражда, если она сохранилась до сих пор и вылилась в такую печальную форму. По-видимому, это довольно темное дело.

– Я думаю, оно бросило тень на всю его жизнь. Мысль о нем никогда не выходила из его головы.

– Но раз человек знает, что над его головой висит опасность, и знает, что это за опасность, не находите ли вы, что он мог обратиться за защитой к полиции?

– Вероятно, это была опасность, от которой никто не мог его защитить. Да, вот еще одна деталь – он всюду ходил вооруженным, никогда не убирая револьвер из кармана. Но в эту ночь, к несчастью, он был в халате и оставил револьвер в спальне. Раз мост был поднят – он считал себя в безопасности.

– Я хотел бы более четко разобраться в этих сроках, – сказал Макдональд. – Шесть лет прошло с тех пор, как Дуглас оставил Калифорнию. Вы последовали за ним в следующем году, не так ли?

– Совершенно верно.

– И он был пять лет женат. Значит, вы вернулись в Англию ко времени его свадьбы.

– За месяц перед венчанием. Я был его шафером.

– Знали ли вы миссис Дуглас до свадьбы?

– Нет, не знал. Я не был в Англии десять лет.

– Но после этого вы часто ее видели?

Баркер холодно взглянул на сыщика.

– Я часто видел ее после этого, – ответил он, – только потому, что невозможно посещать человека, не будучи знакомым с его женой. Если же вы предполагаете, что это...

– Я ничего не предполагаю, мистер Баркер. Я обязан задавать вопросы, какие нужны для выяснения дела. Но я не хотел вас оскорблять.

– Некоторые вопросы оскорбительны, – гневно ответил Баркер.

– Это только факты, которые мы желаем знать. В наших общих интересах, чтобы они были выяснены... Мистер Дуглас одобрял вашу дружбу с его женой?

Баркер побледнел, его большие сильные руки конвульсивно сжимали одна другую.

– Вы не имеете права задавать подобные вопросы! – крикнул он. – Что общего это имеет с делом, которое вы расследуете?

– Я должен повторить свой вопрос.

– Тогда я отказываюсь отвечать, – отрезал Баркер.

– Вы можете отказаться от ответа, но знайте, что ваш отказ является сам по себе ответом, так как вы не отказались бы отвечать, если бы не хотели скрыть что-либо.

Баркер постоял с минуту с нахмуренным лицом, его властные черные глаза выражали сильное напряжение мысли. Потом он улыбнулся и взглянул на нас.

– Хорошо, я вижу, джентльмены, что вы только исполняете свою обязанность, и я не имею права становиться вам поперек дороги. Я только прошу вас не мучить миссис Дуглас подобными расспросами, так как ей пришлось и без того много пережить. Я должен сказать вам, что бедный Дуглас имел только один недостаток – ревность. Он любил меня, ни один человек не мог сильнее любить своего друга. И он обожал свою жену. Он любил, когда я приходил сюда, и очень часто посылал за мной. А когда он видел, что мы с его женой болтали и, казалось, симпатизировали друг другу, на него точно налетала волна ревности, он терял всякое самообладание и говорил в такие минуты ужаснейшие вещи. Из-за этого я часто давал себе клятву никогда больше не приходить сюда, но он писал мне такие покаянные письма, что я

изменял своему слову. Но вы должны поверить мне, джентльмены, что никто в мире не имел более любящей и верной жены и – я смело могу сказать, – друга, более преданного, чем я.

Это было произнесено горячо и с чувством, но и после этого инспектор Макдональд не сразу отпустил свидетеля.

– Вы знаете, – сказал он, – что обручальное кольцо убитого было кем-то снято с его пальца?

– По-видимому, так, – сказал Баркер.

– Что вы хотите сказать этим «по-видимому»? Вы же знаете, что это – факт.

Баркер казался растерянным и смущенным.

– Когда я сказал «по-видимому», я хотел сказать, что вполне допускаю, что Дуглас сам снял кольцо.

– Тот факт, что кольцо исчезло, кто бы его ни снял, наводит на мысль, что между браком Дугласа и преступлением имеется какая-то связь?

Баркер пожал плечами.

– Не могу сказать, на какие мысли это наводит, – отвечал он. – Но если вы намекаете, что это может бросить тень на репутацию миссис Дуглас, то... – глаза его засверкали, но затем он видимым усилием сдержал свое волнение, – то тогда вы на ложном пути.

– У меня нет больше вопросов, – холодно сказал Макдональд.

– Только один маленький вопрос, – заметил Холмс. – Когда вы вошли в комнату, там горела только свеча на столе, не так ли?

– Да.

– И при ее свете вы увидели, что произошло что-то ужасное?

– Совершенно верно.

– Вы тотчас позвонили за помощью?

– Да.

– И она прибыла очень скоро?

– Через минуту или около того.

– Когда люди прибежали, они увидели, что свеча затушена и зажжена лампа. Это очень удивительно.

Баркер опять стал проявлять признаки смущения.

– Я в этом не вижу ничего удивительного, мистер Холмс, – отвечал он после некоторой паузы. – Свеча давала очень слабый свет. Моей первой мыслью было заменить ее чем-либо получше. На столе была лампа, и я ее зажег.

– И задули свечу?

– Конечно.

Холмс больше вопросов не задавал. Баркер, осторожно взглянув на каждого из нас, причем в его взгляде я заметил какое-то недоверие, он повернулся и вышел из комнаты.

Инспектор Макдональд послал миссис Дуглас записку, в которой говорил, что может подняться в ее комнату, но она отвечала, что спустится к нам в столовую. Почти сразу после слуги в столовую вошла стройная и красивая женщина лет тридцати, сдержанная и владеющая собой в высшей степени, очень непохожая на трагически растерянную женщину, какой я ее себе рисовал. Правда, бледное лицо ее осунулось, как у человека, перенесшего тяжелый удар, но держалась она спокойно, и прекрасная тонкая рука, которой она оперлась об угол стола, была так же тверда, как моя собственная. Ее грустные вопрошающие глаза переходили с одного из нас на другого. Этот вопрошающий взгляд молодой женщины вскоре сменился отрывистой речью.

– Вы узнали что-нибудь? – спросила она.

Было ли это игрой моего воображения, но в вопросе послышался скорее страх, чем надежда. Не могу сказать этого с полной уверенностью.

– Мы делаем все зависящее от нас, миссис Дуглас, – сказал инспектор.

– Не стесняйтесь в расходах, – сказала она холодным бесстрастным тоном. – Я хочу, чтобы было сделано все возможное.

– Быть может, вы расскажете нам что-нибудь, что придаст делу новое освещение?

– Боюсь, что нет, но все, что я знаю, к вашим услугам.

– Мы слышали от мистера Сесилия Баркера, что вы не видели... что вы не были в комнате, в которой свершилось преступление?

– Нет, он задержал меня на лестнице. Он упросил меня вернуться к себе.

– Так. Вы услышали выстрел и спустились вниз?

– Я накинула халат и хотела спуститься вниз.

– Через какое время после выстрела вы были задержаны мистером Баркером?

– Это могло быть через несколько минут. Трудно считать время в такой момент. Он умолял меня не входить туда. Он уверял, что я ничем не могу помочь. Тогда миссис Аллен, наша экономка, проводила меня обратно в спальню. Все это походило на кошмар.

– Не можете ли вы нам сказать, сколько времени ваш супруг находился внизу, пока вы не услышали выстрел?

– Нет, не могу. Он вышел из гардеробной, и я не слышала его шагов. Он каждую ночь обходил дом, потому что боялся пожара, – единственное, чего он вообще когда-либо боялся.

– Это как раз то, из-за чего я вас побеспокоил, миссис Дуглас. Вы впервые познакомились с вашим супругом в Англии, не так ли?

– Да.

– Вам не приходилось слышать, чтобы мистер Дуглас рассказывал о чем-нибудь, происшедшем с ним в Америке, что навлекло бы на него опасность?

Миссис Дуглас серьезно задумалась, прежде чем ответить.

– Да, – сказала она, наконец. – Я всегда чувствовала, что над ним витает какая-то опасность. Он отказывался говорить о ней со мной. Это происходило не от недоверия – между нами всегда царили полнейшая любовь и доверие, – просто он желал оградить меня от любого огорчения. Он думал, что я буду нервничать и беспокоиться, если все узнаю, и поэтому молчал.

– Как же тогда вы узнали о грозящей ему опасности?

Лицо миссис Дуглас осветилось спокойной улыбкой.

– Разве может мужчина скрыть что-либо от любящей женщины? Я почувствовала это по многим признакам. Я поняла это по его отказу рассказать мне некоторые эпизоды из его жизни в Америке, по некоторым предосторожностям, принятым им, по некоторым словам, которые у него вырывались иной раз. Я поняла это по той манере держаться, какую он проявлял по отношению к незнакомым людям. Я была вполне уверена, что у него есть сильные враги, что они могли напасть на его след, и что он всегда был настороже. Я была так уверена в этом, что находилась в постоянном страхе, когда он задерживался где-нибудь.

– Могу я спросить, – сказал Холмс, – какие слова вашего мужа привлекли ваше внимание?

– Долина Ужаса, – ответила леди. – Таким было выражение, употребляемое им, когда я расспрашивала о его прошлом. «Я был в Долине Ужаса и еще не совсем из нее вышел». – «Неужели мы никогда не выберемся из этой Долины Ужаса?» – спрашивала я, когда видела его серьезнее обыкновенного. – «Временами я думаю, что никогда», – отвечал он.

– Конечно, вы спрашивали его, что он подразумевал под «Долиной Ужаса»?

– Да, но его лицо становилось очень мрачным, и он покачивал головой. «Достаточно плохо уже то, что один из нас побывал в ее тени, – говорил он. – Дай Бог, чтобы она никогда не упала на тебя». Это была какая-то существующая долина, в которой он жил, и в которой с ним произошло что-то ужасное, в этом я уверена, но больше ничего не могу сказать.

– Он не называл никаких имен?

– Нет. Однажды у него был лихорадочный бред, происшедший после несчастного случая на охоте три года тому назад. Тогда я запомнила имя, беспрестанно им повторяемое. Он проносил его с гневом и ужасом: это имя «Макгинти». Мастер Макгинти. Я спросила, когда он выздоровел, кто такой Мастер Макгинти, и чье тела он властитель. «Слава Богу, не моего!» – ответил он, смеясь, и это было все, что я смогла от него узнать. Но, по-видимому, имеется какая-то связь между Макгинти и Долиной Ужаса.

– Еще один вопрос, – сказал инспектор Макдональд. – Вы встретились с мистером Дугласом в пансионате в Лондоне, и там он сделал вам предложение, не так ли? Был ли какой-то роман, что-нибудь секретное или таинственное в вашем обручении?

– Роман – был. В таких случаях всегда бывают романы. Но не было ничего таинственного.

– У него не было соперника?

– Нет, я была свободна.

– Вы, несомненно, слышали, что его обручальное кольцо пропало. Не наводит ли это вас на размышление? Предположим, что его старый враг выследил его и совершил преступление. Какие он имел основания, чтобы снять обручальное кольцо?

На мгновение я готов был поклясться, легкая улыбка заиграла на ее губах.

– Право, не могу сказать, – отвечала она.

– Хорошо, мы вас больше задерживать не будем и очень сожалеем, что причинили вам беспокойство, – сказал инспектор. – Осталось выяснить еще немало пунктов, но обратимся к вам потом.

Она поднялась, и я опять увидел быстрый вопрошающий взгляд, которым она нас окинула: «Какое впечатление произвело на вас мое покаяние?» Вопрос был почти произнесен глазами. Потом, поклонившись, она удалилась из комнаты.

– Она очень красивая женщина, – сказал задумчиво Макдональд, после того как за ней закрылась дверь. – Этот Баркер, вероятно, принимал немалое участие здесь, внизу. Он – тип человека, сильно привязывающегося к женщине. Он признавал, что покойный был ревнив и, может быть, он более, чем кто-либо, знал причины его ревности. Потом, это обручальное кольцо. Человек, стаскивающий с мертвеца обручальное кольцо... Что вы на это скажете, мистер Холмс?

Мой друг сидел, опустив голову на руки, погруженный в глубокое раздумье. Потом он встал и позвонил.

– Эмс, – сказал он, когда вошел дворецкий, – где теперь мистер Сесиль Баркер?

– Сейчас посмотрю, сэр.

Через минуту он вернулся и сказал, что мистер Баркер находится в саду.

– Вы не припомните, Эмс, что было на ногах у мистера Баркера в ту ночь, когда вы застали его в кабинете?

– Он был в ночных туфлях. Я принес ему сапоги, когда он отправился в полицию.

– Где теперь эти туфли?

– Они стоят под стулом в зале.

– Хорошо, Эмс. Для нас очень важно знать, какие следы оставлены мистером Баркером, а какие преступником.

– Да, сэр. Я должен сказать, что его туфли запятнаны кровью так же, как и мои собственные, конечно.

– Все это вполне естественно, принимая во внимание состояние комнаты. Спасибо, Эмс. Мы позвоним, когда вы нам понадобится.

Через несколько минут мы были в кабинете. Холмс принес с собой туфли из залы. Как уже заметил Эмс, подошвы их были черны от крови.

– Странно! – пробормотал Холмс, стоя у окна и рассматривая туфли. – Очень странно!

Затем одним из своих быстрых резких движений он поставил туфлю на след на подоконник. След вполне соответствовал туфле. Он молча улыбнулся своим коллегам.

Инспектор от волнения переменялся в лице.

– Господа, – закричал он, – тут не приходится сомневаться! Баркер сам указал нам это окно. Пятно это много больше, чем след сапога. Я помню, что вы сказали, что то была плоская нога, и вот объяснение. Но что все это значит, мистер Холмс, что все это значит?

– Да, что все это значит? – задумчиво повторил мой друг.

Уайт Мэзон хихикнул и потер руки в профессиональном удовлетворении.

– Я говорил, что это замечательный случай! – воскликнул он. – И это действительно – замечательный случай!

Глава VI. Проблески света

Три сыщика остались в усадьбе, чтобы еще раз подробно во всем разобраться, а я решил вернуться в наше скромное помещение в деревенской гостинице, но, прежде чем это сделать, мне захотелось прогуляться в старинном саду, окружавшем усадьбу, между рядами старых, причудливо подстриженных тисов. В глубине сада раскинулся красивый лужок со старыми солнечными часами посередине; все это создавало мирное и успокаивающее настроение, желанное для моих немного натянутых нервов. В этой спокойной атмосфере забывался мрачный кабинет с окровавленным телом на полу, а если и вспоминался, то только в виде фантастического ночного кошмара. Но за то время, пока я бродил по саду, стараясь отдохнуть душой в этом тихом уголке, произошел инцидент, вернувший мои мысли к месту преступления и оставивший в моей душе очень тягостный отпечаток. Я сказал уже, что ряды тисовых деревьев окружали дом. В самом дальнем ряду от дома тисы сгущались и переходили в длинную изгородь. По другую сторону изгороди, скрытая от взора человека, идущего от дома, стояла каменная скамья. Когда я приблизился к этому месту, я услышал голоса, какую-то фразу, произнесенную низким мужским голосом, и тихий женский смех в ответ на нее. Через минуту я обошел изгородь и увидел миссис Дуглас и Баркера раньше, чем они заметили мое присутствие. Выражение ее лица меня чрезвычайно поразило. В столовой она казалась серьезной и грустной. Теперь же все следы горя куда-то исчезли. Глаза ее горели радостью жизни, а лицо сияло удовольствием от какого-то замечания ее собеседника. Баркер сидел, сложив руки на коленях, с ответной улыбкой на красивом смелом лице. Через мгновение – они опоздали лишь на мгновение – они меня увидели и надели торжественно-сумрачные маски. Два-три быстрых слова между собой, а затем Баркер встал и пошел мне навстречу.

– Извините, сэр, – сказал он, – но я имею честь обращаться к доктору Ватсону?

Я поклонился с холодностью, являющейся вполне естественным следствием тягостного впечатления, произведенного на меня этой внезапной встречей.

– Мы так и думали, что это вы; ведь ваша дружба с мистером Шерлоком Холмсом всем известна. Не подойдете ли вы на минуту, чтобы поговорить с миссис Дуглас?

Я последовал за ним с угрюмым лицом. Сейчас я ясно видел своим мысленным оком растерзанное тело в кабинете. А здесь, спустя несколько часов после преступления, сидят его жена и лучший друг и смеются над чем-то. Я сдержанно поклонился миссис Дуглас. Я пережи-

вал с нею ее горе на следствии, теперь же ее вопрошающий взгляд не вызвал во мне никакого отклика.

– Я боюсь, что вы сочли меня пустой и бессердечной? – спросила она.

Я пожал плечами и ответил:

– Это меня не касается.

– После, может быть, вы воздадите мне должное. Если бы вы только исполнили...

– Совершенно не нужно, чтобы доктор Ватсон что-либо исполнял, – быстро произнес Баркер. – Как он сам сказал, это его не касается.

– Совершенно верно, – сказал я. – Теперь прошу разрешения продолжить мою прогулку.

– Одну минуту, доктор Ватсон! – воскликнула молодая женщина умоляющим голосом. – Я задам всего один вопрос, на который вы можете ответить наиболее точно, чем кто-либо другой. Это имеет для меня очень большое значение. Вы знаете мистера Холмса и его отношение к полиции лучше, чем кто-либо. Предположим, что разгадка дела будет ему конфиденциально сообщена, должен ли он будет непременно поделиться ею с официальными сыщиками?

– Да, вот именно, – резко сказал Баркер. – Самостоятелен ли он или работает с ними и для них?

– Я, право, не знаю, могу ли я обсуждать такой вопрос.

– Я прошу... Я умоляю вас об этом, доктор Ватсон, и уверяю вас, что вы очень нам поможете... очень мне поможете, если ответите на этот вопрос.

В ее голосе звучала такая искренность, что я на мгновение позабыл про все ее легкомыслие и подчинился ее воле.

– Мистер Холмс не зависит ни от кого, – сказал я, – он вполне самостоятелен и будет действовать так, как ему подсказывает его собственное мнение. Но в то же время вполне естественное чувство лояльности по отношению к официальным следователям, работающим над этим же делом, мешает ему скрыть от них то, что могло бы помочь предать преступников в руки правосудия. Кроме этого, я ничего не могу сказать и советую обратиться к самому мистеру Холмсу, если вы желаете более точных сведений.

Сказав это, я приподнял шляпу и пошел своей дорогой, оставив их за изгородью.

– Мне не нужно их откровенности, – сказал Холмс, когда я сообщил ему о случившемся.

Он провел все последнее время в усадьбе, совещаясь со своими коллегами, и вернулся около пяти часов, с огромным аппетитом принявшись за вечернюю закуску, которую я распорядился для него приготовить. – Без откровенностей, Ватсон, так как они будут очень неуместны, когда дело дойдет до их ареста за сообщничество и убийство.

– Вы думаете, дело идет к этому?

Холмс был в очень добродушном и веселом настроении.

– Мой милый Ватсон, когда я покончу с этим четвертым яйцом, я буду в состоянии ознакомить вас с положением вещей. Я не скажу, что мы уже во всем разобрались – до этого еще далеко, – но когда мы нападём на след пропавшей гимнастической гири...

– Гимнастической гири?

– Боже мой, Ватсон, неужели вы еще не вникли в тот факт, что все дело в пропавшей гире? Ну-ну, не стоит смущаться, так как – говоря между нами – я думаю, что ни инспектор Мак, ни этот превосходный местный сыщик не придали никакого значения этому поразительному исчезновению. Одна гиря, Ватсон! Представьте себе атлета с одной гимнастической гирей. Нарисуйте самому себе однобокое развитие – опасность искривления позвоночника. Ужасно, Ватсон!

Он сидел, старательно поглощая закуски, а глаза его лукаво блестели, следя за моим смущением. Его превосходный аппетит служил полной гарантией успеха, ибо у меня в уме сохранялись воспоминания о многих днях и ночах, проведенных Холмсом без мысли о пище, когда его ум разбирался в загадках, когда его тонкие резкие черты дышали аскетизмом и напряжен-

ной умственной сосредоточенностью. Наконец, он закурил трубку и, сидя в углу старой деревенской гостиницы, начал говорить об этом деле медленно и небрежно, скорее размышляя вслух, чем делая важные умозаключения и излагая их своему собеседнику.

– Ложь, Ватсон, огромная, наглая, преступная ложь – вот что мы должны взять за исходную точку. Вся история, рассказанная Баркером, – ложь. Но его рассказ подтверждает миссис Дуглас. Следовательно, она тоже лжет. Они лгут оба, договорившись предварительно. Теперь перед нами задача: почему они лгут, и в чем заключается истина, которую они так тщательно стараются скрыть? Постараемся, Ватсон, вы и я, обнаружить эту ложь и восстановить истину. Почему я знаю, что они лгут? Потому что все это – неловкая выдумка, которая не может быть правдой. Внимание! Согласно рассказу, убийца менее чем за минуту после совершенного убийства снял с пальца убитого кольцо, находившееся под другим кольцом, надел последнее на прежнее место – вещь, которую он никогда бы не сделал, – и положил эту странную карточку около своей жертвы. Я говорю, что все это совершенно невероятно. Вы будете доказывать, хотя я слишком хорошего мнения о вашем рассудке, Ватсон, чтобы подумать, что вы это делаете, что кольцо могло быть снято, прежде чем Дуглас был убит. Тот факт, что свеча сторела совсем немного, показывает, что тут происходило недолгое свидание. Согласился ли Дуглас, о бесстрашном характере которого мы столько слышали, отдать свое обручальное кольцо после первого требования, или мы будем думать, что он его отдать не захотел? Нет, Ватсон, убийца был с Дугласом некоторое время наедине, с зажженной лампой. В этом я не сомневаюсь ни минуты. Но причиной смерти был ружейный выстрел. Следовательно, он должен был произойти немного раньше, чем мы говорили. Но насчет этого ошибки быть не может. Следовательно, мы очутились лицом к лицу с обдуманым заговором со стороны двух людей, слышавших выстрел, – Баркера и миссис Дуглас. Когда же, в довершение всего, я смогу доказать, что кровавое пятно на оконном косяке было намеренно сделано Баркером, дабы навести полицию на ложный след, то нам придется признать, что против него в этом деле появились очень веские улики.

Он помолчал.

– Теперь мы спросим самих себя, в каком часу произошло убийство. До половины одиннадцатого слуги еще не разошлись, так что до этого времени произойти оно не могло. Около одиннадцати они ушли по своим комнатам, за исключением Эмса, бывшего в кладовой. После того, как вы нас оставили сегодня днем, я произвел несколько экспериментов и узнал, что никакой шум, произведенный Макдональдом в кабинете, не может проникнуть в кладовую, когда все двери затворены. С комнатой экономки Аллен дело, однако, обстоит иначе. Она находится недалеко по коридору, и из нее я слышал голос, если его сильно повысить. Шум ружья заглушается, если стреляют в упор, как это было в данном случае. Выстрел был негромким, но в ночной тишине шум его свободно мог проникнуть в комнату миссис Аллен. Она немного туга на ухо, но, тем не менее, упомянула в своих показаниях, что слышала что-то похожее на шум захлопывающейся двери за полчаса до того, как подняли тревогу. Полчаса до тревоги – это как раз должно было быть без четверти одиннадцать. Я не сомневаюсь, что то, что она слышала, было ружейным выстрелом, и что именно в тот момент произошло убийство. Если это так, то теперь мы должны установить, что делали мистер Баркер и миссис Дуглас, – предположив, что они не являлись активными убийцами, – от без четверти одиннадцать, когда шум от выстрела заставил их сойти вниз, до четверти двенадцатого, когда они позвонили и собрали слуг. Что они делали и почему они сразу не подняли тревоги? Вот вопрос, который перед нами стоит, и когда мы на него ответим, то наверняка найдем путь к разрешению нашей задачи.

– Убежден, – сказал я, – что между этими людьми существует соглашение. Она должна быть бессердечным существом, чтобы смеяться и шутить через несколько часов после такой ужасной смерти мужа.

– Совершенно верно. Даже в ее собственном рассказе о происшедшем она оставляет невыгодное впечатление. Я далеко не восторженный поклонник женского пола, как вы, должно быть, уже успели заметить, Ватсон, но на моем жизненном пути мне почти не приходилось встречать женщин, которые – каково бы ни было их отношение к своим мужьям – по первому слову постороннего мужчины позволили бы себе отвлечься от трупа мужа. Если я когда-нибудь женюсь, Ватсон, я надеюсь, что мне удастся внушить своей жене такие чувства, которые удержат ее от того, чтобы она позволила себя увести своей экономке, когда мое тело будет находиться в нескольких шагах. Это – постыдное явление, и самый поверхностный исследователь будет удивлен, наблюдая у женщины такое полное отсутствие чувств. Если бы даже тут не было ничего, то один этот инцидент, по-моему, способен вызвать подозрение в заговоре и сообщничестве.

– Итак, вы думаете, что Баркер и миссис Дуглас виновны в убийстве?

– Какая утрашающая прямота в ваших вопросах, Ватсон, – сказал Холмс. – Если вы предположите, что миссис Дуглас и Баркер знают истину об убийстве и сообщая ее скрывают, тогда я могу дать вам чистосердечный ответ. Что до меня, то я уверен, что они поступают именно так. Но ваше более суровое предположение не столь обоснованно. Давайте разберемся в затруднениях, стоящих на нашем пути.

Предположим, что эта пара связана узами преступной любви, и они решили избавиться от человека, стоящего между ними. Довольно смелое предположение, так как негласное следствие, произведенное слугами, не подтверждает этого. Наоборот, многие показали, что Дугласы были очень привязаны друг к другу.

– Не могу допустить, что показание верно, – сказал я, вспомнив встречу в саду и прекрасное улыбающееся лицо молодой женщины.

– Ну, во всяком случае, они производили такое впечатление. Как бы то ни было, мы можем предположить, что миссис Дуглас и Баркер – замечательно хитрая парочка, сумевшая обмануть в этом пункте всех и замыслившая убить Дугласа, а он как раз был человеком, над головой которого висела опасность...

– Об этом мы знаем только с их слов.

Холмс задумчиво посмотрел на меня.

– Вижу, вижу, Ватсон. Вы составили теорию, из которой следует, что все, что бы они ни сказали, – ложь с начала до конца. По вашей теории, никогда не существовало никаких тайных угроз или тайного общества, ни Долины Ужаса, ни мистера Мак (забыл, как дальше), ни чего другого в таком роде. Это – хорошее, широкое обобщение. Посмотрим, к чему оно нас приведет. Они изобрели эту теорию относительно преступления. Потом они, по той же теории, оставили велосипед в парке, как доказательство присутствия кого-то извне. Пятно на подоконнике подтверждает эту мысль так же, как и карточка у трупа, приготовленная, вероятно, кем-нибудь в доме. Все это подходит к вашей гипотезе, Ватсон. Но теперь мы подходим к тем странным и неясным фактам, которые никак не могут попасть на свои места. Почему из всех видов оружия была выбрана спиленная двустволка, и вдобавок американская? Как могли они быть настолько уверены, что шум ее выстрела никто не услышит? Ведь было слепым счастьем, что миссис Аллен не пошла справиться насчет захлопнувшейся двери. Почему наша преступная парочка поступила именно таким образом, Ватсон?

– Признаюсь, что не могу объяснить это.

– Далее, если женщина и ее любовник сговорились убить мужа, зачем им было афишировать преступление, так дерзко сняв обручальное кольцо убитого после его смерти? Кажется ли это вам вероятным, Ватсон?

– Нет, не кажется.

– И опять-таки, если бы мысль оставить велосипед, спрятанный снаружи, пришла бы вам в голову, то вы тотчас же, вероятно, отказались бы от такой уловки, так как совершенно ясно, что велосипед – самая нужная вещь для человека, вынужденного спасаться бегством.

– Я не могу найти никаких объяснений.

– И все же не должно существовать такой комбинации случайных или неслучайных событий, для которой человеческий ум не может найти объяснения. Я постараюсь указать возможный ход умозаключений, не утверждая, что они верны, а просто в виде умственного упражнения. Тут встретится немало предположений, но как часто они являются матерью истины? Предположим, что в жизни этого Дугласа была какая-то преступная или позорная тайна.

Эта тайна вызывает появление убийцы или мстителя – кого-то постороннего, не из домашних. Этот мститель по какой-то причине, которую, признаюсь, я никак не могу пока объяснить, снимает с пальца обручальное кольцо. Мщение может относиться ко времени первого брака Дугласа, и кольцо было снято по одной из причин, относящихся к тому браку. Прежде чем убийца ушел, в кабинет вбежали Баркер и миссис Дуглас. Убийца убедил их, что попытка арестовать его повлечет за собой огласку какого-то позорного происшествия. Они прониклись этой мыслью и предпочли его отпустить. Для этого они, вероятно, опустили мост, который опускается совершенно бесшумно, а затем подняли его. Преступник убежал и по какой-то причине рассудил, что ему безопаснее скрыться пешком. Поэтому он оставил велосипед там, где его не могли найти, по крайней мере, до тех пор, пока он благополучно не скроется. До сих пор мы не выходим из границ возможного. Не так ли?

– Да, все это возможно, конечно, – отвечал я довольно сдержанно.

– Мы должны помнить, Ватсон, что все, здесь происшедшее, очень необычно. Теперь продолжим наш построенный на предположениях рассказ: намеченная нами пара – не обязательно преступная пара – после ухода убийцы соображает, что они поставили самих себя в положение, в котором им будет трудно доказать, что они не только не совершали убийства, но и не причастны к нему. Они быстро, хотя и немного неудачно, обдумывают положение. Пятно на подоконнике было сделано окровавленной туфлей Баркера, чтобы показать, каким образом преступник скрылся. Ясно, что оба должны были слышать выстрел, поэтому они подняли тревогу, но на добрых полчаса позже происшествия.

– И как вы думаете все это доказать?

– Ну, если бы тут был кто-либо со стороны, можно было бы его выследить и схватить. Но раз его нет... Ресурсы моей находчивости еще далеко не исчерпаны. Я думаю, что вечер, проведенный мною наедине с самим собой в том кабинете, очень мне поможет...

– Вечер... Там... Одному?..

– Я собираюсь сегодня же туда отправиться. Я договорился насчет этого с почтенным Эмсом, который никак не является поклонником Баркера. Посижу в той комнате и посмотрю, не вдохновит ли меня ее атмосфера. Я верю в *genius loci*... Вы улыбаетесь, друг Ватсон. Хорошо, увидим. Между прочим, вы привезли с собой наш большой зонтик?

– Он здесь.

– Я взял бы его, если можно.

– Конечно... Но что за странное оружие вы выбираете? Если там встретится опасность...

– Ничего серьезного, дорогой Ватсон, иначе я попросил бы вас меня сопровождать. Итак, я беру зонтик. Сейчас я дожидаюсь только возвращения наших коллег из Тенбриджа, где они, вероятно, заняты розысками владельца велосипеда.

Спустилась ночь, прежде чем инспектор Макдональд и Уайт Мэзон вернулись из своей экспедиции. Они пришли явно торжествующие, внеся большое оживление в наши исследования.

– Господа, я признаюсь, что сомневался, был ли тут кто-либо посторонний, – сказал Макдональд, – но теперь все ясно. Мы узнали про велосипед, и у нас есть описание велосипедиста, так что мы многое извлекли из этой поездки.

– Это звучит как начало конца, – сказал Холмс. – Поздравляю вас от всего сердца.

– Я начал с того факта, что мистер Дуглас казался встревоженным после поездки в Тенбридж. Именно в Тенбридже он почувствовал какую-то опасность. Следовательно, ясно, что человека с велосипедом можно было ожидать только из Тенбриджа. Мы захватили велосипед с собой и показывали его в гостиницах. Управляющий «Коммерческой гостиницы» признал, что велосипед принадлежит человеку по имени Харгрэв, снимавшему у них комнату два дня тому назад. Весь его багаж заключался в этом велосипеде и в маленьком чемодане. Он записался приезжим из Лондона, но адреса не оставил. Чемодан был лондонского производства, как и его содержимое, но сам приезжий был, несомненно, американцем.

– Хорошо, хорошо, – весело сказал Холмс. – Вы там основательно поработали, пока я сидел здесь с моим другом и развивал теории. Это нам урок практики, мистер Мак.

– Это и в самом деле так, мистер Холмс, – самодовольно сказал инспектор.

– Но все это может подойти к теориям, – заметил я.

– Может подойти, а может и не подойти. Но расскажите нам дальше, мистер Мак. Там не было ничего, по чему можно было бы узнать этого человека?

– Насколько об этом можно судить, он сам всячески старался, чтобы его не узнали. При нем не было ни бумаг, ни писем, на одежде не было отметок фирмы. Карта шоссежных дорог графства лежала на его ночном столике. Вчера утром после завтрака он уехал из отеля на велосипеде, и больше о нем ничего не слышали.

– Вот это-то и смущает меня, мистер Холмс, – сказал Уайт Мэзон. – Если бы парень не хотел вызвать подозрений, то он вернулся бы и остался в отеле, как безобидный турист. Он должен был сообразить, что управляющий отелем донесет полиции, и его исчезновение будет связано с убийством.

– Не будем судить о его сообразительности, пока его не поймали. Ну, а как он выглядит, что вы узнали об этом?

Макдональд заглянул в свою записную книжку.

– Мы записали все, что смогли узнать о его внешности. Они не могли дать точное описание его наружности, но швейцар, клерк и горничная показали одинаково относительно нескольких пунктов. Это был человек ростом около пяти футов и девяти дюймов, лет пятидесяти или около того, волосы у него слегка с проседью, седеющие усы, крючковатый нос и жесткое и даже отталкивающее лицо.

– Ну, за исключением выражения лица, это может быть и описанием самого Дугласа, – сказал Холмс. – Ему как раз было за пятьдесят, у него были седеющие волосы и усы, и он был приблизительно этого же роста. Что же вы еще узнали?

– На нем были надеты толстый серый пиджак, клетчатый жилет, короткое желтое пальто и мягкое кепи.

– А что насчет двустволки?

– Она менее двух футов в длину и свободно могла уместиться в чемодане. Он мог без затруднений пронести ее под пальто.

– А как вы думаете, все это относится к нашему главному делу?

– Ну, мистер Холмс, – сказал Макдональд, – когда мы поймаем этого человека, а вы можете быть в этом уверены, потому что я сообщил по телеграфу описание его примет через пять минут после того, как услышал о них, тогда нам будет легче судить об этом. Но и при таком положении дел нам предстоит еще много работы. Мы знаем, что американец, назвавший себя Харгрэвом, приехал в Тенбридж два дня тому назад с велосипедом и чемоданом. В последнем находилась спиленная двустволка, следовательно, он приехал с обдуманном намерением.

Вчера утром он отправился на велосипеде с ружьем, спрятанным под пальто. Никто не видал его приезда, но ему и не надо было проезжать через деревушку, чтобы достичь ворот парка, а на шоссе встречается много велосипедистов. Вероятно, он сразу же спрятал свой велосипед между кустами, где тот и был найден, и, возможно, сам притаился там же, следя за домом и ожидая выхода мистера Дугласа. Двустволка – странное оружие для применения внутри дома, но ведь он намеревался использовать ее вне дома, и, кроме того, она имеет очевидные преимущества: стреляя из нее, невозможно промахнуться, а звук выстрелов настолько обычен в Англии среди соседей-спортсменов, что это не привлекло бы внимания.

– Все это ясно! – сказал Холмс.

– Но мистер Дуглас не появлялся. Что остается делать преступнику? Он оставляет велосипед и в сумерках приближается к дому. Мост оказался опущенным. Проскользнув в первую попавшуюся комнату, он притаился за гардиной, откуда мог видеть, как поднимали мост, и знал, что единственный путь, ему оставшийся, был через ров. Он ждал до четверти двенадцатого, когда мистер Дуглас, делая свой обычный ночной обход, вошел в комнату, застрелил его и убежал, как и рассчитывал. Убийца предвидел, что велосипед будет опознан служащими отеля и явится уликой против него, поэтому бросил его и отправился каким-то иным способом в Лондон или в какое-нибудь иное безопасное место, предусмотренное заранее... Как вы это находите, мистер Холмс?

– Хорошо, мистер Мак, очень хорошо и очень ясно. Это ваше окончание истории. Мое окончание истории несколько иное: преступление было совершено на полчаса раньше, чем вы рассказали; миссис Дуглас и мистер Баркер находятся в сговоре и что-то скрывают. Они помогли бегству преступника – или, по крайней мере, вошли в комнату прежде, чем он успел скрыться. Они сфабриковали доказательство его бегства через окно, потому что, по всей вероятности, сами дали ему уйти, опустив мост. Таково мое толкование.

Оба сыщика покачали головами.

– Но, мистер Холмс, если это так, то мы просто попадем из одной тайны в другую, – сказал лондонский инспектор.

– И, некоторым образом, в худшую, – прибавил Уайт Мэзон. – Миссис Дуглас никогда в жизни не была в Америке. Что же общего она могла иметь с американским убийцей? Что заставило ее укрыть его?

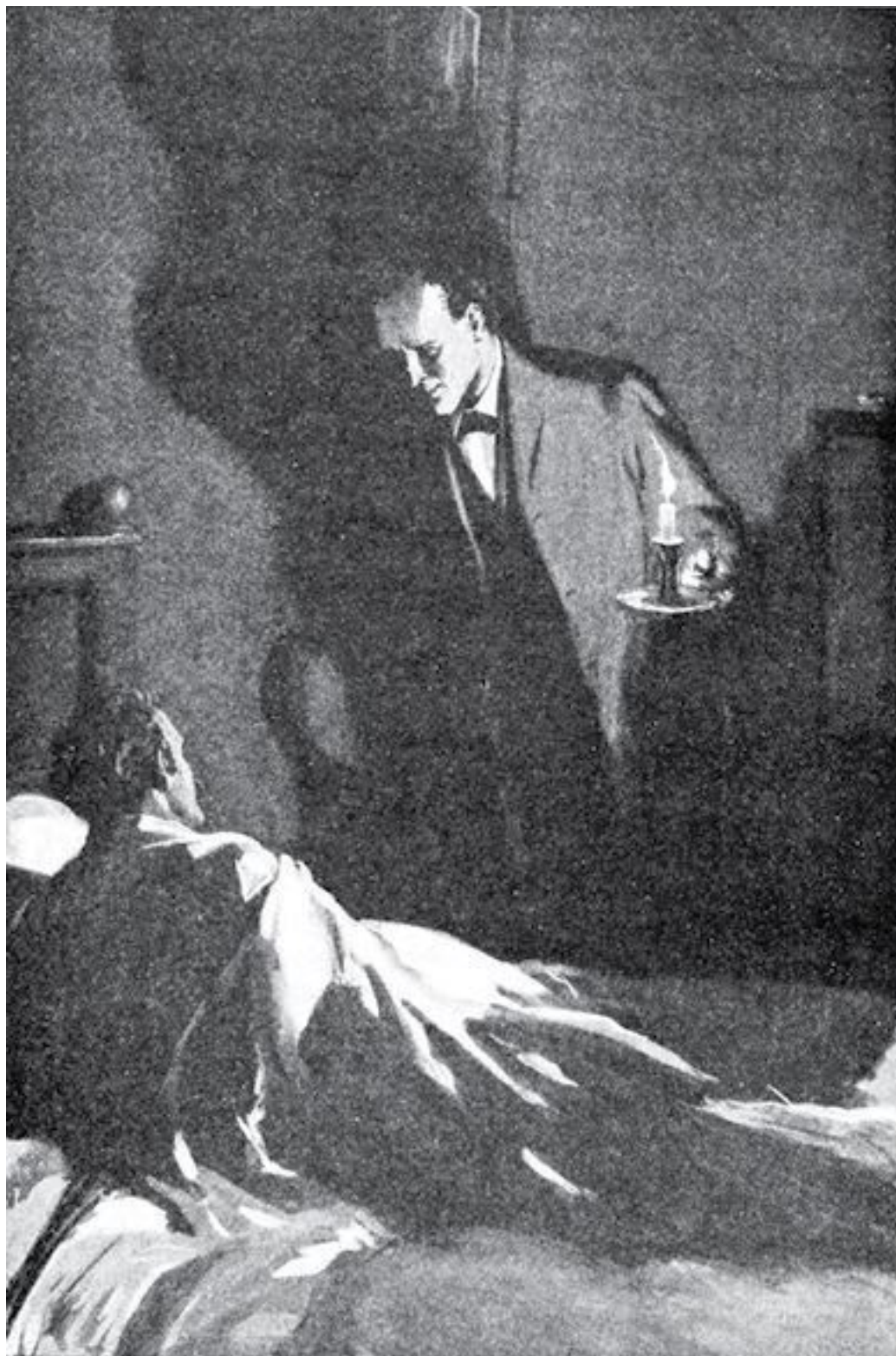
– Я охотно признаю все неясности, – сказал Холмс. – И надеюсь произвести маленькое исследование этой ночью, весьма вероятно, что оно поможет чему-нибудь в вашем деле.

– Мы не можем вам помочь, мистер Холмс?

– Нет-нет! Темнота и зонтик доктора Ватсона. Мои требования скромны. И Эмс, верный Эмс без сомнения обо мне позаботится. Все мои размышления неизменно приводят меня обратно к основному вопросу: как мог человек атлетического сложения развивать свои мышцы при помощи одной гимнастической гири?..

Была поздняя ночь, когда мистер Холмс возвратился со своей экскурсии. Мы спали в комнате, лучшей из того, что можно было получить в маленькой деревенской гостинице. Я уже почти заснул, когда сквозь одолевавшую меня дремоту заметил вернувшегося Холмса.

– Ну, Холмс, – пробормотал я, – узнали вы что-нибудь?

Он молча стоял подле меня со свечой в руке. Потом его худощавая высокая фигура склонилась ко мне.

– Ватсон, – прошептал он, – вы бы побоялись спать в одной комнате с лунатиком, с человеком, у которого размягчение мозгов, с идиотом, которого оставил рассудок?

– Нисколько, – ответил я в изумлении.

– Это хорошо, – сказал он и не произнес в эту ночь больше ни слова.

Глава VII. Разгадка

На следующее утро, после завтрака, мы нашли инспектора Макдональда и мистера Уайта Мэзона совещающимися в маленькой приемной местного полицейского сержанта. На столе перед ними лежало множество писем и телеграмм, которые они старательно сортировали и помечали. Три из них были отложены в сторону.

– Все еще отслеживаете скрывшегося велосипедиста? – весело спросил Холмс. – Какие новости о злодее?

Макдональд грустно указал на груды корреспонденции.

– В настоящее время о нем пришли известия из Лейчестера, Ноттингема, Саутгемптона, Дерби, Ист-Гэма, Ричмонда и еще четырнадцати мест. В трех из них – Ист-Гэме, Лейчестере и Ливерпуле – он был выслежен и арестован. Вся страна, кажется, полна беглецами в желтых пальто.

– Ну, дела! – сочувственно произнес Холмс. – Теперь, господа, я хочу дать вам очень серьезный совет. Когда мы с вами приступили к расследованию этого дела, я сказал, что не буду предлагать вам непроверенных теорий, и буду работать над своими выводами до тех пор, пока сам не стану уверен в их безошибочности. По этой причине до настоящего момента я не говорил, что думаю об этом деле. Итак, я пришел, чтобы дать вам совет, заключающийся в трех словах: «Бросьте это дело».

Макдональд и Уайт Мэзон в изумлении уставились на своего знаменитого коллегу.

– Вы считаете его безнадежным?! – воскликнул инспектор.

– Я считаю ваше дело безнадежным. Но не думаю, что оно безнадежно в смысле достижения истины.

– Но этот велосипедист... Ведь он-то не воображение. У нас есть его описание, его чемодан, его велосипед. Парень должен где-нибудь быть. Разве мы не сможем его поймать?

– Да-да, без сомнения, он есть, и, без сомнения, вы его поймаете, но я не хочу, чтобы вы расточали свою энергию в Ист-Гэме или Ливерпуле. Я уверен, что мы можем найти более короткий путь к разгадке.

– Вы что-то скрываете от нас? Это нехорошо с вашей стороны, мистер Холмс. – Инспектор был раздосадован.

– Вы знаете мои приемы в работе, мистер Мак. Я только хочу проверить добытые мной детали одним путем, который вскоре станет вам понятен, а затем раскланяюсь и вернусь в Лондон, оставив все полученные результаты в вашем распоряжении. Я слишком вам обязан, чтобы поступить иначе, ибо во всей моей практике не могу припомнить более странного и интересного дела.

– Это выше моего понимания, мистер Холмс. Мы видели вас вчера вечером, когда вернулись из Тенбриджа, и вы были согласны с нашими выводами. Что могло произойти с тех пор?

– Ну, раз вы меня спрашиваете... Этой ночью я провел, как и собирался, несколько часов в усадьбе.

– Ну, и что случилось?

– В настоящее время я могу вам дать на это лишь очень общий ответ. Между прочим, я прочел краткое, но ясное и интересное описание этого старинного здания, купленное за одно пенни в местной табачной лавочке. – Холмс вынул из жилетного кармана маленькую книжечку, украшенную грубым изображением старинной усадьбы. – Это придает особенную прелесть следствию, мой дорогой мистер Мак, когда сознательно приобщаешься к исторической атмосфере, его окружающей. Не будьте нетерпеливым, уверяю вас, что описание, даже такое краткое, вызывает в воображении каждого образы старины. Позвольте привести пример: «Построенная в пятый год царствования Иакова Первого и стоящая на частично уцелев-

шем фундаменте еще более старого замка, Бирльстонская усадьба представляет собою один из прекраснейших, теперь уже забытых, образцов жилищ времен Иакова Первого, окруженного рвами...»

– Вы потешаетесь над нами, мистер Холмс.

– Тише, тише, мистер Мак! Вы опять проявляете ваш темперамент. Хорошо, я не буду это читать, если на вас это так действует. Но если я скажу, что здесь встречается описание взятия поместья парламентскими войсками в тысяча шестьсот сорок четвертом году, что эта усадьба служила временным убежищем для Карла во время гражданской войны, и наконец, что ее посещал Георг Второй, то вы признаете, что в книжечке имеется много разнообразных и интересных мелочей, связанных с этой старинной усадьбой.

– Я в этом не сомневаюсь, мистер Холмс, но все это нас не касается.

– Не касается? Широта кругозора, мой милый мистер Мак, чрезвычайно ценна в нашей профессии. Сопоставление ряда теорий и удачное применение знаний часто играют важную роль. Вы, конечно, извините подобного рода замечания со стороны человека, который, будучи лишь скромным любителем в области криминалистики, все-таки старше и, может быть, немного опытнее вас.

– О, я первый признаю это, – чистосердечно сказал сыщик. – Конечно, вы идете своим путем, но избрали для этого такой дьявольски окольный путь...

– Ну-ну, забудем эту историю и перейдем к фактам. Как я уже говорил, я посетил этой ночью усадьбу. Я не встречал ни мистера Баркера, ни миссис Дуглас, не видел необходимости беспокоить их, но имел удовольствие слышать, что леди, по-видимому, не тосковала и принимала участие в превосходном обеде. Визит мой был сделан исключительно доброму мистеру Эмсу, с которым я обменялся несколькими любезностями, повлиявшими на него в смысле разрешения мне посидеть некоторое время одному в кабинете, не ставя в известность об этом никого из домашних.

– Как! Один с этим... – воскликнул я.

– Нет-нет, там уже все в порядке. Комната была в нормальном состоянии, и я провел в ней весьма поучительные четверть часа.

– Что же вы там делали?

– Ну, чтобы не делать тайны из такого пустяка, я скажу, что отыскивал пропавшую гирю. Я придавал ей очень важное значение в этом деле. Кончилось тем, что я ее нашел.

– Где?

– Тут мы подходим к границе неисследованного. Дайте мне подойти к этому делу чуточку ближе, и обещаю, что поделюсь с вами всем, что знаю.

– Хорошо, мы должны считаться с вашими условиями, – сказал инспектор. – Но почему, ради Бога, должны мы оставить это дело?

– По той простой причине, мой дорогой мистер Мак, что вы не уяснили себе, что расследуете.

– Мы расследуем убийство мистера Джона Дугласа в Бирльстонской усадьбе.

– Да-да, вы правы. Но не надо преследовать таинственного джентльмена на велосипеде. Уверяю вас, что это не поможет.

– Тогда скажите, что нам делать?

– Я скажу, что нужно делать, если вы это сделаете.

– Могу сказать, что всегда считал, что за всеми вашими окольными речами что-нибудь да кроется. Я сделаю все, что вы предложите.

– А вы, мистер Уайт Мэзон?

Провинциальный сыщик беспомощно посмотрел на одного, потом на другого. Мистер Холмс и его приемы были для него новы.

– Ну, если это хорошо для инспектора, то хорошо и для меня, – сказал он наконец.

– Прекрасно, – сказал Холмс. – Тогда я предложу вам совершить маленькую приятную прогулку по окрестностям. Мне говорили, что вид с Бирльстонской возвышенности замечателен. Позавтракать вы можете где-нибудь по дороге, хотя мое незнание местности не позволяет мне что-либо рекомендовать вам. Вечером усталые, но довольные...

– Эта шутка переходит все границы! – воскликнул Макдональд, гневно поднимаясь со стула.

– Ну, хорошо, проведите день, как хотите, – сказал Холмс, ласково похлопав его по плечу. – Делайте, что хотите, и идите, куда хотите, но ждите меня вечером здесь. Непременно ждите, мистер Макдональд.

– Это звучит более здраво.

– А теперь, прежде чем мы уйдем, я попрошу вас написать записку мистеру Баркеру.

– Да?

– Я продиктую ее, если позволите. Готовы? «Дорогой сэръ, я нашел нужным осушить ров вокруг усадьбы, в надежде, что мы можем найти там...»

– Это невозможно, – сказал инспектор. – Я исследовал его.

– Тише, тише, дорогой мой! Пишите, пожалуйста, то, что я прошу.

– Хорошо, продолжайте.

– «...что-нибудь, что может помочь нашему расследованию. Я сделал распоряжение, и рабочие придут завтра рано утром, чтобы отвести поток. Ввиду этого я счел необходимым сообщить вам об этом заранее»... Теперь подпишите это и пошлите, чтобы вручили лично Баркеру часа в четыре. В это же время мы вновь соберемся в этой комнате.

Мы собрались, когда уже надвигался вечер. Холмс был серьезен, меня пожирало любопытство, сыщики, очевидно, чувствовали досаду и были склонны критически отнестись ко всем выводам моего друга.

– Теперь, джентльмены, – сказал он, – я прошу вас подвергнуть испытанию собранные мной факты и решить, подтверждают ли они те умозаключения, которые я вывел на их основании... Холодно, и не знаю, сколько времени займет наша экспедиция, а потому советую вам одеться потеплее. Нам важно прийти на место раньше, чем окончательно стемнеет. Итак, если вы согласны, то отправляемся немедленно.

Мы шли вдоль наружной стороны ограды парка. Через первый же пролом мы пробрались под сень вековых деревьев, окружавших старинный дом, и под защитой сгущавшегося сумрака стали бесшумно красться вслед за Холмсом. Так мы достигли густых кустов рядом с подъемным мостом, в ту минуту опущенным.

Холмс застыл за чащей лавровых ветвей, все остальные – тоже.

– Что теперь? – спросил Макдональд.

– Вооружимся терпением и не будем шуметь, – ответил Холмс.

– Зачем мы вообще пришли сюда? Право, я нахожу, что вы могли бы быть откровеннее. Шерлок усмехнулся.

– Ватсон, – сказал он, – уверяет, что в действительной жизни я – драматург. Во мне живут художественные инстинкты, которые настоятельно требуют хорошей режиссерской постановки сцен. Уверяю вас, мистер Мак, что наше дело было бы скучным, если бы мы время от времени не скрашивали его драматическими подробностями, которые придают блеск добытым нами результатам. Простое обвинение, удар по плечу виновного... Ну, что это за развязка? Но хитрая западня, умная подготовка, предчувствие грядущих событий, триумфальное подтверждение смелых предположений... Скажите, разве это не оправдание нашей работы?.. В настоящую минуту положение вещей заставляет вас трепетать, и вы испытываете напряжение ожидающего охотника. Немного терпения, мистер Мак, и все станет для нас ясно.

— Надеюсь, все произойдет раньше, чем мы перемрем здесь от холода, — с комической покорностью судьбе произнес лондонский сыщик.

Всем нам следовало пожелать того же, потому что ожидание было продолжительным. На фасаде старого дома медленно густели тени. Холодный, пропитанный сыростью туман, тянувшийся со стороны рва, пронизывал нас до костей. Над воротами висел одинокий фонарь, в

роковом кабинете старого дома мерцал желтый свет. Все остальное окутывала темнота. Было тихо.

– Долго ли еще ждать? – спросил, наконец, инспектор. – И чего же мы ждем?

– Я не знаю, сколько времени нам придется караулить, – строгим тоном ответил Холмс. – Конечно, было бы удобнее, если бы преступники всегда действовали по расписанию. Что же касается... Смотрите, вот кого мы ждали!

Желтый свет в кабинете стал мигать, кто-то двигался, на время заслоняя его. Наши лавровые кусты находились как раз против освещенного окна всего футах в ста от него. Петли скрипнули, оконная рама открылась. Мы различали неясный абрис головы и плеч человека, который, как видно, всматривался в темноту. Несколько минут он окидывал взглядом все окружающее, точно желал убедиться, что поблизости никого нет, наконец, нагнулся, и среди глубокой тишины мы услышали легкий плеск; казалось, человек в окне чем-то волновал поверхность воды. Вдруг он из глубины вытащил что-то, как рыбак выуживает рыбу. Это большое, круглое «что-то», проходя через окно, совершенно затмило свет.

– Пора, – крикнул Холмс. – Пора!

Мы все мгновенно вскочили и бросились за ним, с трудом двигая окоченевшими ногами. А Холмс, охваченный одним из тех внезапных приливов энергии, которые превращали его в самого деятельного и сильного человека в мире, быстро перебежал через мост и резко позвонил у входа в старый дом. Заскрипели засовы, на пороге открывшейся двери появился изумленный Эмс. Холмс, не говоря ни слова, отодвинул его в сторону и бросился в комнату, где был человек, за которым мы наблюдали. Мы все вбежали за ним.

Свет, который мы видели снаружи, лился из керосиновой лампы, теперь Сесиль Баркер держал ее в руке, и она освещала его решительное лицо с резкими чертами и грозными глазами.

– Что все это значит, черт возьми? – гневно спросил он. – Что вам нужно?

Холмс быстро оглянулся и тотчас же кинулся за скрученный веревкой и брошенный под письменный стол промокший сверток.

– Мы пришли за этим, мистер Баркер. Нам нужен сверток, потопленный с помощью гимнастической гири и только что вытащенный вами.

Баркер с изумлением смотрел на Шерлока.

– Как вы можете знать что-нибудь об этом? – спросил он.

– Немудрено, я положил его туда.

– Вы? Вы?

– Может быть, следовало сказать «снова положил», – поправился Холмс. – Я думаю, вы помните, Макдональд, что меня поразило отсутствие одной гири? Я обращал ваше внимание на это, но вам было некогда принять в соображение упомянутое обстоятельство, не то вы, конечно, на этом основании вывели бы некоторые заключения. Когда вблизи есть вода и недостает одной из тяжелых вещей, нетрудно догадаться, что с ее помощью в воду был погружен какой-то предмет. Во всяком случае, стоило проверить эту мысль. Итак, благодаря Эмсу, впустившему меня в кабинет, и крючку на рукоятке зонтика Ватсона я в прошедшую ночь выудил этот узел и осмотрел его. Однако осталось узнать, кто бросил его в воду. Этого мы достигли, сообщив, что ров будет завтра осушен. Конечно, следовало ожидать, что лицо, скрывшее сверток, вытащит его, когда стемнеет. Мы, четверо свидетелей, видели, кто воспользовался темной ночью. А теперь, мистер Баркер, мне кажется, слово за вами.

Шерлок положил мокрый узел возле лампы, развязал стягивавшую его веревку, достал изнутри гимнастическую гирю, которую кинул в угол, и пару ботинок, указав на их носки, и, бросив замечание «как видите, американские», – он поставил их на пол, а на стол положил длинный нож в ножнах. Наконец, мой друг развернул сам сверток, состоявший из полного набора белья, пары носков, серого твидового костюма и короткого коричневого пальто.

– Платье самое обыкновенное, – заметил Холмс, – только пальто вызывает много предположений. – Шерлок поднес его к свету, и длинные худые пальцы моего друга замелькали над коричневой материей. – Тут, как видите, внутренний карман, и в нем может поместиться отпиленное ружье, на воротнике ярлык портного «Пиль, портной верхнего платья. Вермиса. США». Я провел очень полезный день в библиотеке и пополнил свое образование, узнав, что Вермиса – процветающий городок, расположенный в одной из очень известных угольных и рудных долин Соединенных Штатов. Также нетрудно предположить, что буквы «Д. В.» на карточке, брошенной возле трупа, обозначали «Долина Вермисы» и что эта долина, высылающая убийц, может быть «Долиной Ужаса», о которой нередко упоминалось. Все это ясно, и теперь, мистер Баркер, мне кажется, вы дадите нам объяснения.

Стоило посмотреть на лицо Баркера во время речи великого сыщика. Гнев, изумление, страх и нерешительность поочередно промелькнули на нем. Наконец, он попытался укрыться за довольно едкой иронией.

– Вы уже знаете столько, мистер Холмс, – с усмешкой бросил он, – что, может быть, лучше, если вы прибавите еще что-нибудь.

– Без сомнения, я мог бы сказать кое-что еще, мистер Баркер, но будет лучше, если это сделаете вы.

– Вы так думаете? Хорошо, я скажу: если во всем этом кроется тайна, то это не моя тайна и не в моем характере выдавать чужие секреты.

– Раз вы желаете держаться такой тактики, мистер Баркер, – спокойно произнес инспектор, – нам придется наблюдать за вами до получения приказа о вашем аресте.

– Делайте, что угодно, – вызывающим тоном сказал Баркер.

Стоило только посмотреть на его каменное лицо, и всякий мог понять, что никакая пытка не заставит его говорить по своей воле. Однако оковы были разбиты женским голосом. Миссис Дуглас, стоявшая возле полуоткрытой двери, вошла в кабинет.

– Довольно, Сесиль, – сказала она, – что бы ни вышло из этого, довольно. Вы сделали для нас достаточно.

– Более чем достаточно, – почти торжественно заметил Шерлок. – Я глубоко сочувствую вам, моя леди, и прошу положиться на наш здравый смысл. Может быть, я совершил ошибку, не исполнив вашего желания, которое передал мне мой друг, доктор Ватсон, но в то время у меня еще были причины предполагать, что вы замешаны в преступлении. Теперь я убежден в противном. Однако осталось еще много непонятного, и я советовал бы вам попросить мистера Дугласа рассказать свою историю.

Миссис Дуглас вскрикнула от изумления. Сыщики и я повторили ее возглас, заметив человека, который как бы выступил из стены и теперь подвигался к нам из темного угла. Миссис Дуглас повернулась и обняла его. Баркер пожал его руку.

– Так будет лучше, Джек, – сказала жена Дугласа, – я уверена, так будет лучше.

– Да, мистер Дуглас, – подтвердил Холмс, – гораздо лучше.

Появившийся стоял, глядя на нас и мигая с видом человека, попавшего из тьмы на свет. Дуглас обвел нас всех взглядом и, к моему удивлению, подошел ко мне, протягивая в мою сторону связку бумаг.

– Я слышал о вас, – сказал он, не вполне с английским и не вполне с американским акцентом, но мягким и приятным. – Вы писатель. Ну, доктор Ватсон, готов держать пари, что еще никогда через ваши руки не проходили такие рассказы. Изложите все, как знаете. Я даю вам факты. Описав их, вы заинтересуете читателей. Два дня я провел взаперти и в течение дневных часов, пользуясь тем слабым светом, который проникал в мою крысиную нору, набрасывал свои воспоминания. Отдаю их вам и вашим читателям. Это история Долины Ужаса.

– Долина Ужаса – прошлое, мистер Дуглас, – спокойно сказал Шерлок. – А нам хочется услышать о настоящем.

– Услышите, сэр, – ответил Дуглас. – Вы позволите мне курить? Благодарю вас, мистер Холмс, помнится, вы сами курите и поймете, что значит для любителя табака не курить два дня, имея под рукой все необходимое, но опасаясь, что запах дыма выдаст тебя. – Он прислонился к камину и втянул в себя аромат сигары, предложенной ему моим другом. – Я слышал о вас, мистер Холмс, не подозревая, что мне придется встретиться с вами.

Макдональд смотрел на появившегося человека.

– Я в недоумении, – произнес он, наконец. – Если вы мистер Дуглас из Бирльстонского замка, то чью же смерть мы расследовали эти два дня? И откуда вы теперь выскочили, точно черт из коробки?

– Ах, мистер Мак, – заметил Холмс, с укоризной грозя ему пальцем. – Вы не прочитали великолепной монографии с описанием приюта короля Карла! В те дни люди всегда прятались в отличные тайники, а тайник, послуживший однажды, может пригодиться и в другой раз. Я был убежден, что мы отыщем мистера Дугласа под этой крышей.

– Сколько же времени вы морочили нас таким образом, мистер Холмс? – сердито спросил инспектор. – Заставляли тратить силы и время на совершенно нелепые розыски.

– Ни одного мгновения, дорогой мистер Мак. Только в прошедшую ночь у меня появились новые взгляды, а так как их можно было доказать только сегодня вечером, я предложил вам и вашему коллеге днем отдохнуть. Скажите, пожалуйста, что мог я сделать еще? Увидев платье, вытасченное из рва, я сразу понял, что убитый не мистер Дуглас, и, вероятнее всего, мы нашли тело велосипедиста. Другого заключения вывести нельзя было. Поэтому мне следовало определить, где мог скрываться мистер Дуглас, и я нашел, что, вероятнее всего, он, при содействии жены и друга, спрятался в доме, предоставлявшем такие удобства, а позднее собирался бежать.

– Вы были совершенно правы, – с одобрением сказал Дуглас. – Мне хотелось ускользнуть от вашего британского правосудия, так как я не знал, какое наказание оно наложит на меня. В то же время мне казалось, что этот маскарад заставит преследующих меня злобных псов потерять мой след. Знайте, что с начала до конца я не сделал ничего постыдного, ничего, что не готов был бы совершить снова. Впрочем, вы сами увидите это, когда я закончу рассказ.

Я начну не с самого начала. Оно здесь – он указал на переданные мне бумаги, – и вы найдете мой рассказ очень странным. В общих чертах дело сводится к следующему: на земле есть люди, имеющие основательные причины меня ненавидеть. Они отдали бы последний доллар за то, чтобы я попал в их руки. Пока жив я и живы они, в этом мире нет для меня безопасного угла. Они вытеснили меня из Чикаго в Калифорнию, потом совсем прогнали из Америки, однако, когда я после свадьбы поселился в английском графстве, мне показалось, что последние годы моей жизни протекут мирно.

Я не объяснял моей жене положения вещей. Зачем было вмешивать ее в это? Ведь в таком случае она не имела бы ни минуты покоя. Тем не менее, она, кажется, кое-что подозревала, вероятно, я время от времени проговаривался, но до вчерашнего дня ей не были известны все обстоятельства дела; она узнала их после того, как вы, джентльмены, поговорили с ней. Она сказала вам все, что знала; Баркер тоже. Ведь в ночь памятных событий у нас было мало времени для объяснений. Теперь жена знает мою историю, и я поступил бы умнее, раньше сказав ей об опасности, грозившей мне. Только, дорогая, – он взял ее за руку, – было тяжело касаться прошлого, и я хотел сделать как лучше.

Накануне роковых событий я был в Тенбридже и мельком увидел на улице одного человека, только мельком, но не мог не узнать его, моего злейшего врага, который преследовал меня, как голодный волк дикую козу. Мне стало ясно, что подходит беда, я вернулся и приготовился встретить ее, зная, что мне придется защищаться. В былое время о моих успехах ходила молва по всем Соединенным Штатам, и я был уверен, что счастье по-прежнему улыбнется мне.

Целый день я был настороже, не выходил в парк и поступил правильно: он пустил бы в меня заряд картечи раньше, чем я успел бы заметить его. Когда мост подняли (я всегда чувствовал себя спокойнее после этого), я прогнал мысль об опасности, не представляя себе, что враг мог пробраться в дом и спрятаться, выжидая меня. Делая ежевечерний обход дома, как всегда, одетый в халат, я вошел в кабинет и почуял беду. Видимо, человек, многократно подвергавшийся опасностям, обладает шестым чувством, которое вывешивает для него красный флаг. В следующее мгновение я заметил, что из-под оконной драпировки выглядывает ботинок, и

понял причину опасности. Только принесенная мной свеча освещала кабинет, но в открытую дверь вливалось достаточно света от лампы в холле. Я поставил подсвечник и кинулся за молотком, оставленным мной днем на камине. В то же мгновение убийца прыгнул, блеснул нож, я отбил удар молотком и выбил оружие из рук моего противника. Нападающий с быстротой угря обогнул стол и вытащил из-под пальто ружье. Щелкнул курок, но я успел схватиться за ствол ружья раньше выстрела. Сжимая его руками, мы в течение двух минут боролись. Выпустившему оружие грозила смерть. Мой враг ни на минуту не разжал рук, но вот приклад оказался направленным вниз, а дуло в лицо моего противника.

Не знаю, может быть, я дернул пружину, а может быть, мы оба потянули за собачку, во всяком случае, два заряда попали в его лицо; взглянув вниз, я увидел то, что осталось от Теда Бальдвина.

Я узнал этого человека в городе, узнал его во мраке комнаты, но при виде трупа даже его собственная мать не сказала бы, кто перед ней. Я привычен к жестоким зрелищам, но не выдержал и отвернулся.

Прибежал Баркер, до меня долетел звук шагов моей жены, но я остановил ее. Эта картина была не для женщины. Обещав ей в самом скором времени прийти в ее комнату, я шепнул Баркеру два слова (он понял все с первого взгляда). Теперь оставалось только ждать остальных. Никто не пришел, и мы сообразили, что никто не мог услышать шума, и все случившееся известно только нам. Именно в это мгновение в моей голове мелькнула идея, показавшаяся мне великолепной. На руке Теда я заметил знак ложи...

Человек, кого мы знали под именем Дугласа, завернул рукав и показал нам коричневый треугольник в круге, – совершенно такой же знак, как и на руке убитого.

– Именно клеймо навело меня на мысль выдать убитого за себя. Мы с ним были одинакового роста и телосложения, его волосы походили на мои, а лицо было полностью обезображено. Через час мы с Баркером сняли с него костюм, накинули мой халат и положили труп в той позе, в которой вы его нашли. Связав вещи Бальдвина в узел, я положил в них единственную тяжесть, которую смог найти. Все было выброшено из окошка. Карточку, которую он хотел положить на мой труп, я поместил возле его тела. Мы надели мои кольца ему на пальцы, но, когда дело дошло до обручального...

Он вытянул свою мускулистую руку.

– Вы сами видите, что я ничего не мог сделать. Со дня свадьбы это кольцо не покидало своего места, и, чтобы снять его теперь, потребовалась бы пила. Кроме того, я вряд ли бы решился расстаться с ним. Итак, мы предоставили эту подробность судьбе. Зато я принес кусочек пластыря и наклеил его на уцелевшую часть лица убитого в том самом месте, где он наклеен у меня. В этом случае, мистер Холмс, вы совершили оплошность, не сняв пластырь. Под ним не было пореза.

Таково было положение вещей. Если бы я затаился на некоторое время, а затем куда-нибудь уехал, где через некоторое время ко мне присоединилась бы моя жена, остаток дней наших, вероятно, прошел бы спокойно. Увидев в газетах, что Бальдвин убил своего врага, эти дьяволы прекратили бы преследование.

Теперь, джентльмены, делайте, что считаете нужным, но верьте, что я сказал правду, всю правду. Позвольте только задать один вопрос: как поступит со мной английское правосудие?

Наступило молчание, которое прервал Шерлок:

– В основных чертах английские законы справедливы, и наказание будет не тяжелее вашего проступка. Но скажите, откуда Бальдвин узнал, что вы живете здесь, а также как можно пробраться в дом, и где удобнее всего спрятаться, чтобы напасть?

– Мне самому это интересно.

Лицо Холмса было серьезным.

– Боюсь, что проблема еще далеко не решена, – сказал он. – На вашем пути могут встретиться опасности похуже английского закона или ваших американских врагов. Я предвижу для вас беды, мистер Дуглас, и советую вам остерегаться...

А теперь, мои терпеливые читатели, я попрошу вас на время удалиться из Сассекса и вернуться лет на двадцать назад. Я разверну перед вами необыкновенную и ужасную историю, настолько необыкновенную и ужасную, что, быть может, вы с трудом поверите в ее достоверность. Не подумайте, что я начинаю новый рассказ, когда первый еще не закончен. Читая, вы увидите, что это не так. Когда я подробно перечислю прошлые события, мы снова встретимся с вами в квартире на Бейкер-стрит, где эти, как и многие другие, события придут к концу.

Часть вторая Чистильщики

Глава I. Действующее лицо

Дело происходило 4 февраля 1875 года. Стояла студеная зима, густой снег покрывал ущелья гор Джильмертон. Тем не менее, паровая машина освобождала от снега железнодорожный путь, и вечерний поезд медленно, с пыхтением полз по линии, соединяющей множество угольных и железнодорожных поселков. Он поднимался по крутому откосу, который ведет от Стэгвилля, расположенного на низменности, к Вермисе, центральному городу, стоящему в верхней части одноименной долины. От этого пункта путь направляется к Бартену, к Хельмделе и к чисто земледельческой области Мертон. Тянулась только одна пара рельс, но на каждом запасном пути (а их было видимо-невидимо) длинные вереницы платформ, нагруженных углем и железной рудой, говорили о скрытом богатстве, которое привлекло в долину Вермисы людей и породило кипучую жизнь в этом унылом уголке Соединенных Штатов.

Действительно, унылое место! Вряд ли первый пионер, пересекший его, представлял себе, что самые прекрасные прерии, самые роскошные пастбища не имеют цены в сравнении с мрачной областью, покрытой черными утесами и лесом. Над темным, нередко труднопроходимым бором, одевавшим откосы гор, поднимались высокие обнаженные вершины и вечные снега; между скалами извивалась долина, по которой полз маленький поезд.

В переднем пассажирском вагоне, вмещавшем всего человек двадцать-тридцать, только что зажгли лампы. Они слабо освещали пассажиров, в основном рабочих, закончивших свой дневной труд в более низкой части долины и возвращавшихся домой.

Судя по их внешнему виду, по крайней мере, человек двадцать были шахтерами. Они сидели вместе, курили и тихо разговаривали, время от времени поглядывая в противоположную сторону вагона, где помещалось двое людей в полицейских мундирах. Еще в вагоне было несколько женщин, двое-трое путешественников и довершали компанию местные мелкие лавочники. В углу же, поодаль ото всех, сидел молодой человек. Он-то нас и интересует. Присмотритесь к нему хорошенько – стоит. Он среднего роста, со свежим цветом лица, и ему нельзя дать больше двадцати девяти лет. Его пронизательные, полные жизни серые глаза поблескивают, когда он через очки осматривает окружающих. Сразу видно, что у молодого путешественника общительный характер и ему хочется дружить со всеми людьми. Каждый бы подумал, что это простой малый, всегда готовый ответить заговорившему с ним и посмеяться. Между тем, взглядевшись в него пристальнее, наблюдатель различит выражение силы в очертаниях его подбородка и мрачную складку сжатых губ, говорившую, что под внешним добродушием этого молодого ирландца кроется неведомая глубина, что он неминуемо оставит хороший или дурной след в каждом обществе, в которое его занесет судьба.

Молодой человек дважды попробовал заговорить с ближайшим к нему шахтером, но, получив краткие, неприветливые ответы, умолк и стал хмуро смотреть из окна на мелькающий мимо пейзаж. Невеселые картины: сквозь собирающийся сумрак пробивался красный отсвет горнов, раскиданных по откосам гор; большие груды шлака и золы громоздились по обеим сторонам железнодорожной линии, а над ними поднимались вышки угольных шахт; тесные группы жалких деревянных домиков, окна которых начали освещаться, размещались там и сям по пути; на частых станциях толпились их закопченные обитатели. Рудные и угольные долины области Вермисы не привлекали культурных или праздных людей. Повсюду виднелись следы жестокой борьбы за существование, необходимости тяжелого труда и присутствия грубых сильных людей, которые исполняли нелегкое дело.

На лице молодого путешественника, который смотрел на мелькавшую мимо унылую местность, выразилось смешанное чувство отвращения и любопытства, и это доказывало, что он впервые видит ее. Несколько раз, достав из кармана письмо, ирландец пробежал его глазами и что-то писал сбоку; однажды он вынул из-за пояса вещь, которая, казалось, не отвечала характеру человека с добродушным видом, а именно – крупный револьвер. Он повернул его к свету, и блики на краях медных патронов в барабане показали, что оружие заряжено. Ирландец быстро спрятал револьвер в карман, однако рабочий, севший на соседнюю скамью, успел заметить его.

– Ага, друг, – бросил он, – вы, по-видимому, наготове?

Молодой ирландец улыбнулся с некоторым замешательством.

– Да, – сказал он, – там, откуда я еду, оружие иногда бывает нужно.

– Где же это место?

– В Чикаго.

– Вы не были здесь?

– Нет.

– Может быть, вы узнаете, что оружие пригодится вам и у нас, – сказал рабочий.

– Да? – спросил путешественник заинтересованно.

– Разве вы не слышали, что здесь делается?

– Ничего, кроме самых обыкновенных вещей.

– А я думал, что повсюду говорят о нас. Но вы услышите скоро многое. Что заставило вас приехать сюда?

– Я слышал, что здесь всякий находит себе работу.

– Вы принадлежите к Рабочему Союзу?

– Конечно.

– В таком случае, я думаю, вы получите работу. У вас здесь есть друзья?

– Еще нет, но я могу приобрести их.

– Каким образом?

– Я принадлежу к старинному ордену масонов. В каждом городе есть ложа, а где есть наша ложа, там у меня есть друзья.

Замечание ирландца произвело странное действие на его собеседника. Рабочий подозрительно осмотрел остальных пассажиров. Шахтеры по-прежнему шептались между собой. Полицейские дремали. Рабочий поднялся со своего места и, сев рядом с молодым ирландцем, протянул ему руку.

– Сюда, – сказал он.

Они обменялись рукопожатием.

– Я вижу, вы сказали правду, но лучше удостовериться.

Правой рукой он дотронулся до своей правой брови. Ирландец тотчас же поднес левую руку к левой брови.

– Темные ночи неприятны, – сказал рабочий.

– Да, для странствующих иностранцев, – ответил молодой человек.

– Этого достаточно. Я брат Сканлен, триста сорок первая ложа, долина Вермисы. Я рад видеть вас в нашей местности.

– Спасибо. Я брат Джон Макмурдо, ложа двадцать девятая, Чикаго. Мастер Скотт. Я рад, что встретился с братом.

– В округе нас много. Нигде в Штатах так не процветает орден, как здесь. Но молодцы вроде вас нам нужны. Одного не понимаю, как здоровый человек из Рабочего Союза не нашел себе дела в Чикаго.

– У меня было много возможностей получить заработок, – сказал Макмурдо.

– Так почему же вы уехали?

Макмурдо кивнул головой в сторону полицейских и улыбнулся.

– Эти двое, вероятно, с удовольствием бы узнали о причине моего переселения, – сказал он.

Сканлен сочувственно крикнул, глядя на полицейских.

– Были неприятности? – шепотом спросил он.

– Большие.

– Исправительная тюрьма?

– И остальное.

– Ведь не убийство же?

– Еще рано толковать о таких вещах, – ответил Макмурдо с видом человека, невольно сказавшего больше, чем хотел. – У меня имелись собственные причины для отъезда из Чикаго. Кто вы такой, чтобы задавать подобные вопросы?

Серые глаза ирландца внезапно загорелись опасным гневом, блестя за стеклами очков.

– Полно, друг. Я не хотел вас обидеть. Наши ребята не будут относиться к вам хуже, чтобы вы ни сделали. Куда вы теперь?

– В Вермису.

– Третья остановка. Где вы поселились?

Макмурдо вынул письмо и поднес его к тусклой коптящей лампе.

– Вот адрес: Джекоб Шефтер, улица Шеридана. Этот меблированный дом мне рекомендовал один мой знакомый в Чикаго.

– Я не знаю этот дом, так как живу в Хобсоне. Кстати, мы подходим к моей станции. На прощанье я хочу дать вам один совет. Если у вас будут какие-нибудь неприятности в Вермисе, идите прямо в Дом Союза и спросите хозяина Макгинти. Он мастер Вермисской ложи, и в этой округе все делается так, как хочет Черный Джек Макгинти. Вот и все. Может быть, мы встретимся в ложе. Только запомните мои слова; в случае беды – идите к Макгинти.

Сканлен вышел из вагона, и Макмурдо снова остался один со своими мыслями. Уже совсем стемнело; пламя горнов крутилось среди мрака. На этом кровавом фоне то сгибались, то выпрямлялись темные силуэты, они кривились, поворачивались, как винты, под ритм несмолкаемого лязга железа, грохота и рева пламени.

– Вероятно, таков ад, – произнес чей-то голос.

Макмурдо оглянулся и увидел, что один из полицейских всматривался в эту огненную пустыню.

– Верно, – сказал второй, – я думаю, что ад должен быть именно таким... Полагаю, вы только что приехали, молодой человек?

– Вам-то что до этого? – мрачно ответил Макмурдо.

– А вот что, мистер, я посоветовал бы вам осторожнее выбирать себе друзей. На вашем месте я не связывался бы на первых порах со Сканленом или с кем-нибудь из его шайки.

– Вам-то что за дело, кто мои друзья? – прогремел Джон таким голосом, что головы всех пассажиров повернулись в их сторону. – Я что – просил вашего совета? Или вы считаете меня молокососом, который не может шагу ступить без помочей?..

Он, глядя на констеблей, вытянул шею и широко оскалится, точно злая собака. Тяжеловесных добродушных полицейских ошеломило необыкновенное ожесточение, вызванное их дружеским обращением.

– Не обижайтесь, – сказал один из них. – Мы говорили для вашего же блага. Ведь вы новичок в долине Вермисы.

– Да, это место я не знаю, но мне знакомы вы и вам подобные, – с холодным бешенством произнес Макмурдо. – Я думаю, вы повсюду одинаковы и везде лезете с советами, которых никто не просит.

Полицейский улыбнулся.

– Может статься, мы скоро познакомимся с вами ближе.

– Я вас не боюсь, – произнес ирландец. – Меня зовут Джек Макмурдо. Слышали? И если я вам понадоблюсь, вы найдете меня в Вермисе, на улице Шеридана у Шефтера. Видите, я не прячусь от вас.

Бесстрашное заявление новенького вызвало ропот сочувствия и восхищения в группе рудокопов. Двое полицейских, пожав плечами, продолжили разговор между собой. Прошло несколько минут, поезд вошел в плохо освещенный вокзал, и пассажиры высыпали из вагонов. Город Вермиса являлся главным пунктом на всей линии. Макмурдо поднял свой кожаный ручной саквояж и уже двинулся в темноту, когда один из шахтеров подошел к нему.

– Ей Богу, вы умеете разговаривать с этими молодчиками, – уважительным тоном сказал он. – Было приятно вас слушать. Давайте я покажу вам дорогу. Мне все равно идти мимо дома Шефтера.

Они вместе спустились с платформы.

– Спокойной ночи, – послышалось из группы остальных рабочих.

Еще не ступив на почву Вермисы, буйный Макмурдо приобрел известность. Окрестности города казались обителью ужаса, а сама Вермиса была унылым местом. В длинной долине чувствовалось, по крайней мере, мрачное величие, оно сказывалось в огромных пылающих горнах и клубах дыма; деятельность человека воздвигала себе памятники в виде туннелей в горах. Город же служил воплощением безобразия и нищеты. Широкая улица была покрыта грязным снегом, превращенным в непривлекательную кашу. По ее краям тянулись узкие, неровные тротуары. Многочисленные газовые фонари только яснее показывали длинные ряды деревянных домов с неуклюжими, плохо содержащимися верандами. Ближе к центру города картину скрашивало множество ярко освещенных магазинов, распивочных, игорных домов и других пристанищ, в которых рудокопы тратили свои заработки.

– Вот Дом Союза, – сказал проводник Джона, указывая на один «бар», почти достойный названия отеля. – Здесь хозяин Джек Макгинти.

– Что он за человек? – спросил Макмурдо.

– Как! Неужели вы не слышали о нем?

– Я никогда не бывал в вашем городе.

– Я думал, что его имя известно повсюду. Оно достаточно часто появлялось в газетах.

– Почему?

– Конечно, о нем пишут, – шахтер понизил голос, – по поводу громких дел...

– Каких дел?

– Чудак вы, мистер, говоря без обиды. Только об одного рода делах вы услышите у нас, а именно о деяниях Чистильщиков...

– Помнится, я читал что-то о Чистильщиках. Это шайка убийц. Ведь так?

– Тише, тише, если вам дорога жизнь, – произнес рабочий. Он положил руку на плечо своего спутника и остановился, с изумлением глядя на него. – Если вы на улице будете открыто говорить такие вещи, вам недолго оставаться в живых. Многие из-за меньшего расставались с жизнью.

– Я ничего не знаю о них и говорю только то, что читал.

– Не стану уверять вас, что вы не читали правды! – Рабочий нервно вглядывался в тень, точно опасаясь, что там кроется беда. – Если убивать значит совершать убийство, видит Бог,

здесь было много убийств. Только смотрите, не произносите имени Макгинти в связи с преступлениями; всякий шепот доходит до него, и он не такой человек, чтобы пропускать это мимо ушей... А вот и дом, в который вы идете. Вы скоро узнаете, что старый Джекоб Шефтер самый честный человек в городе.

– Благодарю вас, – сказал Макмурдо, пожав руку своему новому знакомому, и двинулся к дому, а подойдя к нему, громко постучал во входную дверь.

Ему отворило существо, какого он не ожидал увидеть. Перед ним была молодая и необыкновенно красивая девушка, белокурая, с прекрасными темными глазами, составлявшими контраст с цветом ее волос. С некоторым замешательством и любопытством она взглянула на Макмурдо, и краска залила ее бледное лицо. Молодая девушка чудесно выглядела в ярком свете, лившемся из дома, и Макмурдо мысленно сказал себе, что никогда не видел картины прекраснее. Прелестная фиалка, выросшая на одной из черных груд шлака, не могла удивить его больше. Очарованный, он стоял и смотрел на нее.

– Я думала, это отец, – сказала красавица с приятным шведским акцентом. – Вы хотите видеть его? Он в городе, и я жду его с минуты на минуту.

Макмурдо продолжал смотреть на нее, не скрывая своего восхищения. Под властным взглядом незнакомого человека она опустила глаза.

– Я не тороплюсь, – наконец сказал Джон. – Мне рекомендовали ваш дом, и я думал, что условия жизни в нем годятся для меня. Теперь я в этом уверен.

– Вы быстро приходите к заключениям, – с улыбкой сказала она.

– Только слепой не поступил бы так же, – ответил Макмурдо.

Эта любезность заставила ее засмеяться.

– Входите, сэр, – сказала она. – Я – мисс Этти, дочь мистера Шефтера. Моей матери нет в живых, и хозяйством заведу я. Посидите возле печки в первой комнате и дождитесь отца... Да вот и он, вы можете условиться с ним.

По дорожке шел коренастый старик. В нескольких словах Макмурдо сказал ему, в чем дело. Знакомый Джона Мерфи дал ему адрес Шефтера, сам узнав его еще от кого-то. Старый швед согласился принять нового жильца. Макмурдо не торговался и сразу принял все условия, по-видимому, располагая большими деньгами.

За двенадцать долларов в неделю (внесенных вперед) хозяин дома обещал ему предоставить комнату и полное содержание. Вот таким образом Макмурдо, по собственному признанию, бежавший от суда, поселился под крышей Шефтеров. Это был первый шаг, которому предстояло повлечь за собой длинный ряд событий, нашедших свой конец в далекой стране.

Глава II. Глава ложи Вермисы

Где бы ни появлялся Макмурдо, окружающие быстро запоминали его. Через неделю он стал самым видным лицом в доме Шефтера. В меблированных комнатах старого шведа было еще десять-двенадцать жильцов – честные старосты рабочих или приказчики из местных лавок, словом, люди другого калибра, нежели молодой ирландец. Когда они собирались по вечерам, Джон первый находил удачную шутку, прекрасно рассказывал, отлично пел, вообще, казался человеком, рожденным для общества. От него веяло магической силой, которая поднимала настроение у окружающих. Тем не менее, ирландец порой проявлял способность впадать в неудержимый гнев, и это породило в его соседях по дому Шефтера уважение и даже страх. Он не скрывал своего глубокого презрения к закону и ко всем его служителям, что восхищало одних из его слушателей и приводило в трепет других.

С самого первого дня Макмурдо стал ухаживать за прелестной мисс Этти, не скрывая, что она покорила его сердце с первого взгляда. Медлить Джон не любил. На второй день моло-

дой ирландец признался в любви и потом постоянно твердил красавице о своем чувстве, не обращая никакого внимания на ее ответы, которыми девушка старалась лишить его надежды.

– Нашелся другой? – говорил он. – Тем хуже для него. Пусть остерегается. Неужели я из-за какого-то другого упусти свое счастье? Говорите «нет» сколько вам угодно, Этти; наступит день, когда вы скажете «да». Я достаточно молод, чтобы ждать.

Он был опасным человеком с увлекательными речами и ласковым обращением. Кроме того, его окружал ореол таинственности и неведомых приключений, а это возбуждает в женщине сперва любопытство, а потом – любовь. Он хорошо описывал область Манагана, далекий красивый остров, низкие холмы и зеленые луга, все, что издалека, в месте, занесенном снегом, казалось особенно прекрасным. Потом Макмурдо переходил к рассказам о жизни северных поселений, о мичиганских лесных лагерях, о Буффало и, наконец, о Чикаго, где он работал на заводе. Дальше чувствовался намек на что-то романтическое, на события, пережитые им в этом большом городе и настолько странные, что о них он не мог говорить открыто. С сожалением упоминал Джон, что ему пришлось порвать прежние знакомства, покинуть все привычное, уйти в незнакомый мир и закончить свои скитания в этой безрадостной долине. Этти всегда слушала его, затаив дыхание, и в ее темных глазах блестело сострадание и жалость... А ведь то и другое часто переходит в любовь.

Как хорошо образованный человек, Макмурдо быстро получил временное место в одной конторе. Благодаря своим занятиям он большую часть дня проводил вне дома и потому не нашел времени представиться главе местной масонской ложи. Но ему напомнили о его упущении. Однажды вечером в комнате Джона появился его железнодорожный знакомый, Мик Сканлен, человек с резкими чертами лица, черноглазый и нервный. Казалось, он был рад увидеться с Макмурдо. Выпив два стакана виски, Мик объяснил хозяину комнаты цель своего посещения.

– Я помнил ваш адрес, Макмурдо, и решил навестить вас. Знаете, меня крайне удивляет, что вы еще не представились мастеру. Что помешало вам зайти к нему?

– Я искал заработок... был занят.

– Если даже у вас нет времени, вы должны отыскать минуту, чтобы представиться ему. Боже мой, вы поступили очень неразумно, не побывав в Доме Союза в первое же утро после приезда. Если вы обидите его... Вы не должны этого делать!

Макмурдо слегка удивился.

– Я более двух лет принадлежу к ордену, Сканлен, но никогда не слышал о подобных строгостях.

– В Чикаго, может быть, их нет.

– Но ведь здесь то же самое общество?

– Вы полагаете?

Сканлен долго и пристально смотрел на Джона, и в этом взгляде было что-то зловещее.

– Разве я ошибаюсь?

– Через месяц вы ответите мне сами. Знаете, я слышал, что в вагоне вы толковали с полицейскими.

– Как вы узнали о моем разговоре с ними?

– В нашей местности быстро узнают все хорошее и дурное.

– Да, я высказал этим собакам мое мнение о них.

– Ей Богу, вы придетесь по сердцу нашему Макгинти.

– А он тоже ненавидит полицию?

Сканлен захохотал.

– Не полицию, а вас он возненавидит, если вы не явитесь к нему. Примите дружеский совет: немедленно идите в Дом Союза, – сказал Сканлен и простился с Джоном.

В тот же вечер другой разговор повлиял на Макмурдо в том же направлении. Неизвестно, заметил ли, наконец, старый Шефтер внимание Джона к Этти, или его новый жилец стал очевиднее ухаживать за ней, во всяком случае, хозяин меблированного дома позвал молодого ирландца в свою комнату и без предисловий приступил к делу.

– Мне сдается, мистер, – сказал он, – что вам приглянулась моя Этти. Это так или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – ответил Джон.

– Ну, теперь же скажу, что вам не стоит свататься к ней. Вы опоздали.

– Она говорила об этом.

– И не обманула вас. А фамилию другого вы знаете?

– Нет, я спрашивал, но она отказалась ответить.

– Наверное, она не хотела вас пугать.

– Пугать? – Макмурдо так весь и загорелся.

– Да-да, мой друг. Совсем не стыдно бояться Теда Бальдвина.

– А кто он такой, черт возьми?

– Он начальник Чистильщиков.

– Опять Чистильщики! Только о них и говорят здесь, и всегда шепотом. Чего вы боитесь?

Кто эти Чистильщики?

Шефтер инстинктивно понизил голос, как и все, начинавшие говорить об этой шайке.

– Чистильщики – старинный масонский орден.

Молодой человек широко открыл глаза.

– Да ведь я и сам масон.

– Вы? Зная это, я ни за что не принял бы вас к себе в дом.

– Почему вы так не любите орден? Это общество образовалось во имя дел милосердия и добра.

– Может быть где-нибудь, но не у нас.

– А здесь?

– Это общество убийц.

Макмурдо недоверчиво засмеялся.

– Где доказательства? – спросил он.

– Доказательства? А вам мало пятидесяти убийств? Что вы скажете о Мильмене Ван-Шорсте, о семье Пикльсон, о старике Айм, о маленьком Билле Джемсе и других? Доказательства! Точно в долине найдется хоть кто-нибудь, мужчина или женщина, кто не знал бы о делах этих людей.

– Послушайте, – проговорил Макмурдо, – или возьмите обратно ваши слова, или докажите их справедливость. Раньше, чем я выйду из вашей комнаты, вы обязаны сделать то или другое. Поставьте себя на мое место. Я чужой в долине и принадлежу к обществу, которое считаю совершенно безобидным. Наши логи вы найдете повсюду в Америке, и никто не скажет о них ни одного дурного слова. Теперь же, когда я собираюсь присоединиться к вермисскому братству, вы мне говорите, что масоны Вермисы – шайка убийц, называющих себя Чистильщиками. Вы должны извиниться передо мной или дать необходимые пояснения, мистер Шефтер.

– Я могу сказать только то, о чем говорят все. Если вы обидите кого-нибудь из масонов, вам оплатят Чистильщики. Это было доказано многократно.

– Вы повторяете сплетни. Мне нужны доказательства.

– Прожив в нашем городе подольше, вы получите достаточно доказательств. Впрочем, я забываю: вы тоже из них и скоро станете таким же дурным, как и остальные. Прошу вас подыскать себе другое жилье, мистер, я не стану держать вас у себя. Хватит и того, что один из этих господ приходит к нам ухаживать за Этти, и я не смею выгнать его. Зачем же иметь жильцом второго? Нет, следующую ночь вы должны провести под другой крышей.

Над Макмурдо был произнесен приговор: его изгоняли из удобной комнаты, отдаляли от девушки, которую он страстно любил. Немного позже он застал Этти в гостиной и рассказал ей о постигших его неприятностях.

– Я не печалился бы, потеряв удобное помещение, – сказал Джон, – но, право, Этти, хотя я знаю вас только неделю, вы для меня – вся жизнь, и без вас я не могу жить!

– Ах, молчите, мистер Макмурдо, не говорите так, – прервала его молодая девушка. – Правда, я не обещала выйти за него замуж, но все же не могу стать невестой другого.

– А что, если бы я явился раньше? Вы бы дали мне надежду?

Этти закрыла лицо руками.

– Видит Бог, как бы я хотела этого... – прошептала она, заливаясь слезами.

Макмурдо опустил перед ней на колени.

– Ради Бога, Этти, пусть так и будет, – произнес он. – Неужели из-за полу обещания вы погубите свое и мое счастье?

Его смуглые пальцы сжали белые руки Этти.

– Скажите, что будете моей женой, и мы вместе пойдем навстречу судьбе.

– Но мы уедем отсюда?

– Нет, останемся здесь.

– Нет, нет, Джек. Здесь оставаться нельзя. Вы можете увезти меня?

На мгновение в чертах Макмурдо отразилась борьба, а затем его лицо стало неподвижно, как гранит.

– Нет, – сказал он. – Я буду бороться за вас против всего мира, Этти, и сохраню, оставаясь здесь.

– Почему бы нам не уехать вместе?

– Я не могу уехать, Этти.

– Почему?

– Я никогда снова не подниму головы, зная, что меня выгнали отсюда. Кроме того, чего нам бояться? Разве мы не свободные люди в свободной стране? Если мы любим друг друга, кто осмелится стать между нами?

– Вы не знаете, Джек... Вы пробыли здесь слишком мало времени... Вы не знаете этого Бальдвина, этого Макгинти с его Чистильщиками.

– Не знаю, не боюсь и даже не верю в них, – ответил Макмурдо. – Я жил среди грубых людей, моя дорогая, и никогда никого не боялся; напротив, кончалось тем, что окружающие начинали бояться меня. Но скажите, если Чистильщики, как говорит ваш отец, совершали в долине Вермисы одно преступление за другим, и все знают их имена, почему никто не предал преступников правосудию?

– Никто не решается выступить против них свидетелем. Всякий, кто осмелится дать неблагоприятное для них показание, не проживет и месяца... Кроме того, всегда находится кто-нибудь из той же шайки, кто под присягой показывает, что во время преступления обвиняемый был совершенно в другой стороне долины. Вы, конечно, читали об этом? Мне казалось, что каждая газета в Штатах пишет о них.

– Я читал кое-что о Чистильщиках, но считал такие статьи выдумками. Может быть, Этти, у них есть причины поступать так, как они поступают, может быть, их обижают, и они не в состоянии защищаться другим путем?

– О, Джек, не говорите так. Именно это я слышу от того, другого...

– От Бальдвина? Да?

– Да, и поэтому презираю его. О, Джек, теперь я могу сказать вам правду, я всем сердцем ненавижу его и в то же время боюсь. Боюсь за себя, за отца. Я знаю, что, если мне вздумается показать ему мои истинные чувства, на нас обрушится беда. Вот почему мне пришлось отде-

латься от него полу обещанием. Но если бы вы согласились бежать со мной, Джек, мы взяли бы с собой отца и зажили где-нибудь вдали от власти страшной шайки.

На лице Макмурдо снова выразилась борьба, и снова оно окаменело.

– Ничего дурного не случится ни с вами, Этти, ни с вашим отцом. Что же касается страшных людей, мне кажется, наступит время, когда вы поймете, что я не лучше самого дурного из них.

– Нет, нет, Джек, я всегда буду доверять вам.

Макмурдо с горечью засмеялся.

– Боже мой, как мало вы знаете обо мне! Ваша невинная душа, моя дорогая, не подозревает, что происходит во мне. Но что это за гость?

Дверь резко распахнулась, и в комнату развязно, с видом хозяина, вошел красивый молодой человек, ровесник Макмурдо, похожий на него ростом и сложением. Из-под широкополой черной фетровой шляпы, которую вошедший не потрудился снять, виднелось лицо со свирепыми, властными глазами и орлиным носом. Он сердито взглянул на парочку подле печки.

Смущенная и испуганная Этти быстро встала со стула.

– Я рада видеть вас, мистер Бальдвин, – сказала она. – Вы пришли раньше, чем я думала. Пожалуйста, садитесь.

Упершись руками в бока, Бальдвин стоял и смотрел на Джона.

– Кто это? – коротко спросил он.

– Мой друг, мистер Бальдвин, новый жилец. Мистер Макмурдо, позвольте представить вас мистеру Бальдвину.

Молодые люди мрачно поклонились друг другу.

– Полагаю, мисс Этти сообщила вам, как у нас с нею обстоят дела? – спросил Бальдвин.

– Насколько я понял, вас с нею ничего не связывает.

– Да? Ну, теперь вы можете узнать другое. Я говорю вам, что эта молодая леди – моя невеста, и вам лучше пойти прогуляться, так как вечер очень хорош.

– Благодарю вас, я не расположен гулять.

– Нет? – Свирепые глаза Бальдвина загорелись гневом. – Может быть, вы расположены подражаться, мистер жилец?

– С удовольствием! – воскликнул Макмурдо, поднимаясь на ноги. – Вы не могли сказать ничего более приятного.

– Ради Бога, Джек, ради Бога, – задыхаясь, произнесла бледная, растерявшаяся Этти. – О, Джек, он сделает что-нибудь ужасное...

– Ага, он для вас «Джек»? – с проклятием произнес Бальдвин.

– Ах, Тед, будьте благоразумны! Ради меня, Тед, если вы когда-нибудь меня любили, будьте великодушны и не мстите.

– Мне кажется, Этти, если вы оставите нас вдвоем, мы покончим дело, – спокойно произнес Макмурдо. – Или, может быть, вам, мистер Бальдвин, угодно прогуляться со мной по улице? Отличная погода, и за первым поворотом есть удобный пустырь.

– Я расправлюсь с вами, не пачкая своих рук, – бросил Джону его враг. – В скором времени вы пожалеете, что вошли в этот дом.

– Сейчас подходящее время, – сказал Макмурдо.

– Я сам выберу время, мистер. Смотрите. – Он неожиданно поднял свой рукав и показал на руке странный знак: выжженный круг с крестом внутри. – Вы знаете, что это значит?

– Не знаю и знать не хочу.

– Обещаю, что вы это узнаете, не успев сильно постареть. Может быть, мисс Этти расскажет вам что-нибудь о клейме? А вы, мисс Этти, вернетесь ко мне на коленях. Слышите? На коленях. И тогда я скажу вам, в чем будет заключаться ваша кара. Вы посеяли бурю, и я позабочусь, чтобы вы убрали посеянный урожай.

Бальдвин с бешенством посмотрел на них обоих, внезапно повернулся на каблуках, и в следующую секунду наружная дверь с шумом закрылась за ним.

Несколько мгновений Джон и молодая девушка стояли молча; наконец она обняла его и сказала:

– О, Джек, какой вы смелый! Но все равно – бегите, бегите сегодня же! Это последняя надежда. Он убьет вас, я прочла это в его ужасных глазах. Что вы можете сделать против двенадцати людей, за которыми стоит Макгинти и все могущество логи?

Джон высвободился из объятий Этти, поцеловал молодую шведку и осторожно заставил ее опуститься на стул.

– Полно, милочка, полно, не беспокойтесь обо мне, я тоже масон и только что сказал об этом вашему отцу. Вероятно, я не лучше остальных, а потому не делайте из меня святого. Может быть, услышав сказанное мной, вы уже ненавидите меня.

– Ненавидеть вас, Джек! До конца жизни этого не будет. Я слышала, что быть масоном совсем недурно повсюду, кроме нашей округи. Почему же я должна думать о вас плохо из-за того, что вы принадлежите к братству? Но если вы масон, Джек, почему вы не пойдете в Дом Союза и не постараетесь заслужить расположение Макгинти? Торопитесь, Джек, торопитесь! Поговорите с ним раньше Бальдина, а то эти собаки бросятся по вашему следу.

– Я сам думаю также, – сказал Макмурдо, – и отправлюсь тотчас. Скажите вашему отцу, что сегодня мне придется переночевать у него в доме, но утром я найду себе новое помещение.

Зал бара Дома Союза, по обыкновению, наполняла толпа, это было любимое место наиболее грубых элементов города. Хозяин таверны, Макгинти, пользовался популярностью и носил маску веселости. Но помимо популярности к его бару многих привлекал страх – в городе хозяина таверны боялись. Кроме тайной силы, которую, по всеобщему мнению, Макгинти проявлял безжалостно, он занимал высокие общественные должности, был муниципальным советником и инспектором дорог. Эти посты он получал с помощью мошенников-выборщиков, которые, в свою очередь, надеялись на милости из его рук. Взимались огромные пошлины и налоги; все общественные работы были запущены; отчеты переписывались благодаря подкупам, а уважающие себя граждане, повинувшись угрозам шантажа, вносили громадные суммы и помалкивали, боясь худшего. Вот почему бриллианты в булавках хозяина год от года становились крупнее, и все более и более тяжелые золотые цепочки красовались на постепенно становившихся наряднее жилетах. В то же время его бар ширился и разрастался, грозя проглотить половину рыночной площади.

Макмурдо зашел в зал и очутился в толпе; его сразу охватила потемневшая от табачного дыма и тяжелая от запаха алкоголя атмосфера. Множество ламп освещали зал. За многочисленными прилавками усиленно работали продавцы в жилетах и без сюртуков, они смешивали ликеры для посетителей, которые ожидали своей очереди. В глубине комнаты стоял высокий, по-видимому, сильный человек, опираясь на прилавок; сигара под острым углом торчала из уголка его рта, и Джек догадался, что перед ним знаменитый Макгинти. Голову этого исполина покрывала грива, спускавшаяся до воротника; его лицо заросло бородой. У хозяина бара было темное, как у итальянца, лицо и странно мертвые черные глаза. Отсутствие в них блеска придавало его лицу необыкновенно зловещий вид.

Все остальное в этом человеке – прекрасные пропорции тела, тонкие черты, открытые манеры – соответствовало маске веселого задушевного малого. Каждый сказал бы, что Макгинти удачливый, честный деятель с добрым сердцем. Только в то мгновение, когда его мертвенные темные глаза, глубокие и безжалостные, смотрели на человека, тот внутренне содрогался, чувствуя, что перед ним целая бездна скрытого зла, соединенного с силой, мужеством и хитростью, которые только усиливали возможность беды.

Джон внимательно разглядел этого человека и со свойственной ему небрежной смелостью принялся локтями расчищать дорогу к нему. Джон протолкался через группу льстецов,

вившихся вокруг могущественного хозяина таверны и заливавшихся хохотом при любой его шутке. Смелые серые глаза бесстрашно посмотрели сквозь стекла в черные матовые зрачки.

– Что-то я не припомню вашего лица, молодой человек, – сказал глава ложи Вермисы.

– Я еще недавно здесь, мистер Макгинти.

– Не настолько недавно, чтобы не знать, как следует меня именовать.

– Он – советник Макгинти, – произнес голос из группы.

– Извините, советник. Я не знаю здешних обычаев, но мне посоветовали повидать вас.

– Прекрасно, вы видите меня. Я весь тут. Что же вы думаете обо мне?

– Трудно ответить. Скажу только одно: если ваше сердце так же велико, как тело, а душа так же прекрасна, как лицо, – ничего лучшего я не могу желать, – ответил Макмурдо.

– Клянусь, у вас настоящий ирландский язык! – произнес хозяин таверны, еще не решив, говорить ли в тон с этим отважным посетителем или проявить высокомерие. – Итак, вы любезно одобряете мою наружность?

– Конечно, сэр, – сказал Макмурдо.

– И вам посоветовали идти ко мне?

– Да.

– Кто посоветовал?

– Брат Сканлен из триста сорок первой ложи Вермисы. А теперь я пью за ваше здоровье, советник, и за наше дальнейшее знакомство.

Он поднес к губам поданный ему стакан и, осушая его, отставил мизинец.

Пристально следивший за ним Макгинти приподнял свои густые черные брови.

– Ах, вот как? – заметил он. – Мне придется получше исследовать дело, мистер...

– Макмурдо.

– Пожалуйте за конторку, мистер Макмурдо.

Они прошли в маленькую комнатку, уставленную бочками. Макгинти старательно запер за собой дверь, уселся на одну из бочек, задумчиво покусывая свою сигару и вглядываясь в Джона своими мрачными глазами. Несколько минут он не произносил ни слова.

Макмурдо, не смущаясь, вынес осмотр. Вдруг Макгинти наклонился и вытащил револьвер.

– Вот что, шутник, – сказал он, – если я увижу, что вы играете с нами шутки, вам не придется долго продолжать их.

– Странное приветствие, – с достоинством ответил Макмурдо, – со стороны мастера ложи приезжему брату.

– Но ведь именно это вы и должны доказать, – ответил Макгинти, – и если не докажете, помощи вам Бог. Где вы были посвящены?

– В двадцать девятой ложе, в Чикаго.

– Когда?

– Двадцать четвертого июня тысяча восемьсот семьдесят второго года.

– Кто был мастер?

– Джем Скотт.

– Кто управляет вашей областью?

– Бартоломью Вильсон.

– Гм, вы отвечаете довольно бегло. Что вы здесь делаете?

– Работаю.

– Вы не задумываетесь в ответах.

– Да, у меня всегда найдется готовое слово.

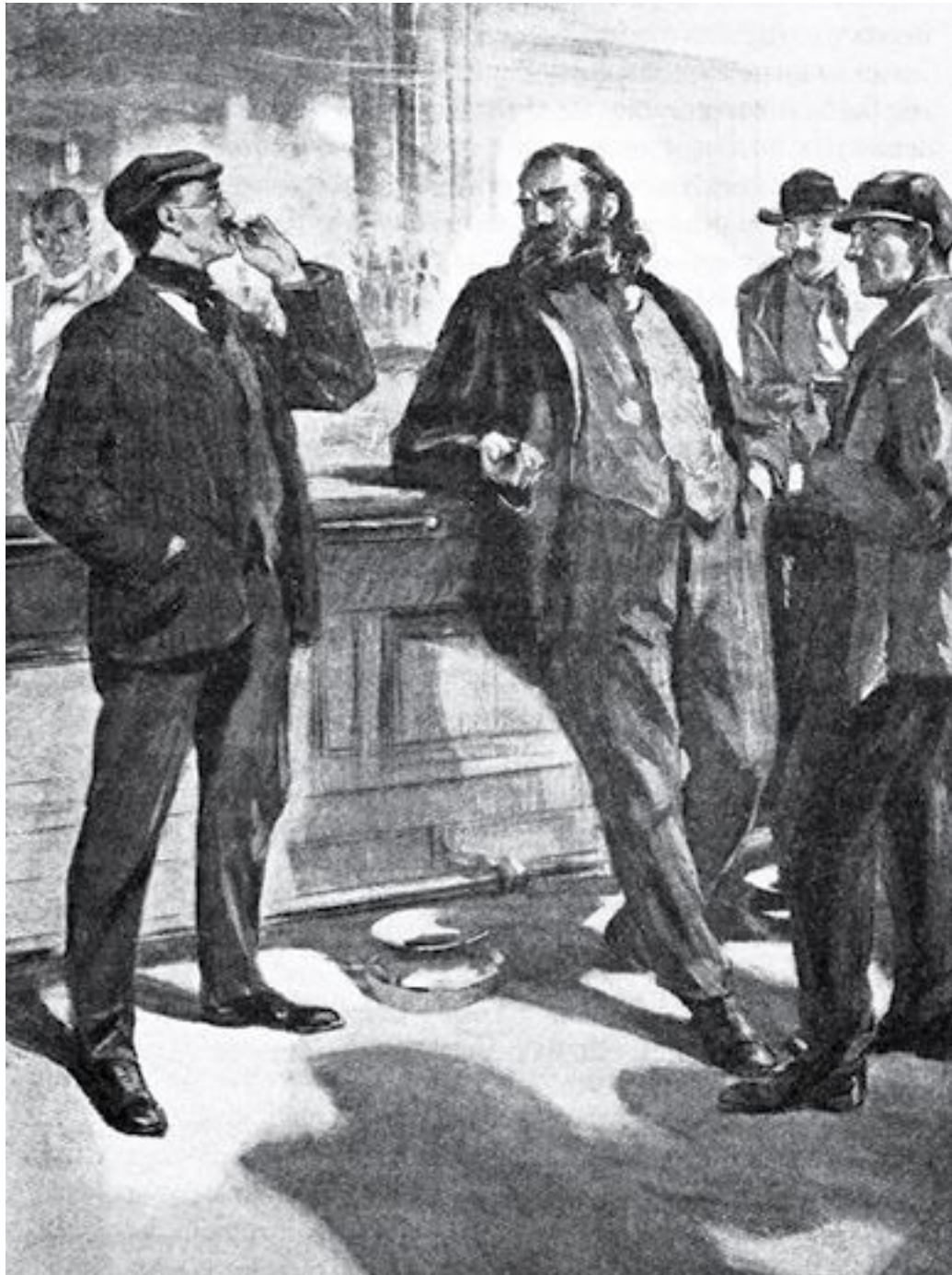
– Так же ли скоро вы действуете?

– Люди, знавшие меня хорошо, утверждали это.

– Ну, может быть, мы испытаем вас скорее, чем вы думаете. Вы что-нибудь слышали о нашей ложе?

– Я слышал, что в ваше братство может вступить только мужественный человек.

– Правильно, мистер Макмурдо. Почему вы уехали из Чикаго?

– Повесьте меня раньше, чем я скажу вам это.

Глаза Макгинти широко открылись. Он не привык к таким ответам, и слова Джона удивили его.

– Почему вы не хотите сказать?

– Потому что брат не может лгать брату.

– Значит, правда до того дурна, что о ней нельзя говорить?

– Пожалуй, да.

– Послушайте, не ждите, чтобы я, как мастер, ввел в ложу человека, за прошлое которого не могу отвечать.

На лице Макмурдо отразилось изумление. Подумав, он из внутреннего кармана вынул измятый лоскут газеты.

– Надеюсь, вы не донесете? – спросил он.

– Если вы еще раз скажете мне что-нибудь подобное, ждите пощечины, – запальчиво произнес Макгинти.

– Вы правы, советник, – мягко заметил Макмурдо. – Извиняюсь, я сказал не подумав. Уверен, что без опасения могу отдать себя в ваши руки. Прочитайте эту вырезку из газеты.

Глаза мастера пробежали отчет об убийстве в таверне «Озеро» на рыночной улице Чикаго. После Нового года (семьдесят четвертого) там был застрелен какой-то Джонас Пинто.

– Ваше дело? – спросил он, отдавая назад вырезанный столбец.

Макмурдо кивнул головой.

– Почему вы застрелили его?

– Я помогал Дяде Сэму делать доллары. Может быть, мои монетки не были из такого чистого золота, как его, но походили на них и обходились дешевле. Этот Пинто катал их...

– Что он делал?

– Пускал в обращение, а потом сказал, что наябедничает. Может быть, он и сделал это. Я не стал долго ждать, убил его и отправился в угольную область.

– Почему в угольную?

– Потому что в газетах пишут, что люди здесь не особенно разборчивы.

Макгинти засмеялся.

– Сначала вы были фальшивомонетчиком, потом стали убийцей и решили, что здесь вас охотно примут?

– Приблизительно так, – ответил Джон.

– Полагаю, вы далеко пойдете. Скажите, вы все еще умеете делать доллары?

Макмурдо вынул из кармана шесть-семь монет.

– Их не делали на вашингтонском монетном дворе, – заметил он.

– Неужели? – Своей огромной, волосатой, как у гориллы, рукой Макгинти поднес фальшивые доллары к свету. – Не вижу никакой разницы. Мне думается, вы сделаетесь очень полезным братом. Мы можем терпеть в нашей среде двух-трех плохих людей, друг Макмурдо, так как временами нам приходится защищаться собственными средствами.

– Полагаю, я буду действовать заодно с остальными братьями.

– У вас, кажется, много смелости, вы даже не моргнули, когда я навел на вас дуло револьвера.

– Но ведь не я был в опасности.

– Кто же?

– Вы, советник. – Из кармана своего пиджака Макмурдо вытащил револьвер со взведенным курком. – Я все время целился в вас, и, думаю, мой выстрел не опоздал бы.

Краска гнева залила лицо хозяина таверны, но потом он разразился хохотом и сказал:

– Уже много лет мы не встречали такого воплощенного ужаса. Я уверен, ложа будет гордиться вами. Черт возьми, – внезапно закричал он, – что вам нужно?! Неужели я не могу минуту поговорить наедине с джентльменом без того, чтобы кто-нибудь не ворвался!

Вошедший приказчик в смущении молчал.

– Извините, советник, – наконец сказал он, – но мистер Тед Бальдвин желает немедленно поговорить с вами.

Напрасно приказчик пытался что-то объяснить: жестокое напряженное лицо Теда выглядывало из-за его плеча. Он вытолкнул приказчика за порог, вошел в маленькую комнату и запер за собою дверь.

– Итак, – произнес Бальдвин, бросая свирепый взгляд на Джона, – вы первый прибежали сюда!.. Советник, мне необходимо сказать вам два слова об этом человеке.

– Так говорите при мне, – сказал Макмурдо.

– Скажу, когда и как захочу.

– Тише, тише, – остановил его Макгинти, поднимаясь с бочки. – Так не годится, Бальдвин, у нас новый брат, и мы не должны таким образом встречать его. Пожмите друг другу руки.

– Никогда! – в бешенстве закричал Бальдвин.

– Я предлагал ему честную драку, если он полагает, что я оскорбил его, – произнес Макмурдо. – Я буду биться с ним на кулаках, если же ему этого недостаточно, на каком угодно оружии. Предоставляю вам, советник, рассудить нас.

– В чем причина ссоры? – с недовольством спросил Макгинти.

– Молодая девушка должна иметь право выбора, ответил Макмурдо.

– Разве?! – закричал Бальдвин.

– Между двумя членами ложи – да, – сказал Макгинти.

– Это ваше решение?

– Да, Тед Бальдвин, – сказал Макгинти и посмотрел на него недобрый взглядом. – А вы собираетесь оспаривать?

– Вы отталкиваете человека, который помогал вам целых пять лет, ради молодчика, которого вы впервые видите? Мак, ведь вы не пожизненный мастер, и при будущих выборах...

Советник прыгнул на него, как тигр. Сильная рука сжала шею Теда и отбросила его на одну из бочек. В порыве безумного гнева мастер задушил бы Бальдвина, если бы в дело не вмешался Джон.

– Тише, советник, ради Бога, тише, – сказал Макмурдо, отгаскивая хозяина таверны от его жертвы.

Пальцы советника разжались, укрощенный Бальдвин, хватая ртом воздух, дрожал всем телом, как человек, только что заглянувший в лицо смерти.

– Вы давно хотели этого, Тед Бальдвин. Теперь получили, – сказал Макгинти. – Может быть, вы считаете, что меня забаллотировали, и хотите занять мое место? Это решит ложа. Но пока я стою во главе, я никому не позволю противиться мне или моим постановлениям.

– Я ничего не имею против вас, – пробормотал Бальдвин, ощупывая свое горло.

– В таком случае, – произнес Макгинти, стараясь казаться добродушно-веселым, – мы снова друзья, и дело с концом.

Он взял с полки бутылку шампанского и откупорил ее.

– Вот что, – продолжал Макгинти, налив три высоких бокала, – выпьем примирительный тост ложи. После этого, как вы знаете, не может остаться затаенной вражды. Ну, теперь левую руку на мою шею. Говорю вам, Тед Бальдвин: в чем обида, сэр?

– Тучи тяжелые, – ответил Бальдвин.

– Но они рассеются навеки.

– Клянусь!

Они выпили вино, и та же церемония повторилась относительно Джона.

– Готово, – произнес Макгинти, потирая руки, – конец вражде, если злоба не утихнет, ложа расстанется с вами. Это известно брату Бальдвину, и вы, Макмурдо, узнаете, что я говорю правду, если пожелаете мутить воду.

– Даю слово, что не хочу ссор, – ответил Макмурдо, протягивая руку Бальдвину. – Я легко могу рассердиться, но быстро прощаю. Говорят, во мне сказывается горячая ирландская кровь.

Бальдвину пришлось взять протянутую руку Джона, потому что гневный взгляд главы ложи был устремлен на него. Тем не менее, его мрачное лицо показывало, что приветливые слова Макмурдо не тронули его.

– Ах, эти девушки, девушки! – заметил Макгинти. – Только подумать, что одна и та же красотка оказалась между двумя моими молодцами. Это козни дьявола. Пусть красавица сама решит этот вопрос; подобные вещи не входят в круг обязанностей мастера. У нас и без женщин достаточно дел. Брат Макмурдо, вы будете введены в нашу ложу; у нас свои обычаи, не похожие на чикагские. Собрание братства состоится вечером в субботу, и если вы придете, то станете братом в долине Вермисы.

Глава III. Ложь 341

На следующий день Макмурдо переселился из дома старого Джейкоба Шефтера в помещавшиеся на краю города меблированные комнаты вдовы Макнамара. Его первый железнодорожный знакомый, Сканлен, вскоре переехал в Вермису и поселился там же. У старой ирландки не было других жильцов, и она предоставляла двоих приятелей самим себе. Они могли говорить и действовать как им угодно, а это было крайне удобно для людей, имевших общие тайны. Шефтер смягчился и позволил Джону приходить к нему обедать; таким образом, свидания молодого ирландца с Этти не прекратились. Напротив, с течением времени их отношения становились все нежнее.

Макмурдо чувствовал себя в полной безопасности в доме старой ирландки и достал свои инструменты для изготовления фальшивых монет. Взяв слово не разглашать тайну, он часто показывал их некоторым братьям ложы, после чего каждый Чистильщик уносил с собою несколько монет, сделанных Джоном так искусно, что они могли не опасаясь пускать их в обращение. Товарищи Джона удивлялись, почему, обладая таким искусством, он снисходил до какой-то другой работы, но всем, кто задавал подобные вопросы, Макмурдо объяснял, что, живя без видимого заработка, он привлечет к себе внимание полиции.

Скоро у него вышло столкновение с одним полицейским, но, на счастье искателя приключений, оно принесло ему больше добра, чем зла. После знакомства с главой ложы Макмурдо стал регулярно заходить в таверну Дома Союза, чтобы поближе познакомиться с «ребятами», как в шутку называли друг друга участники шайки, которая наводняла долину. Смелые манеры и речи сделали Макмурдо всеобщим любимцем и заставили этих грубых людей уважать его.

Однажды вечером, когда в баре собралось особенно много посетителей, в открывшуюся дверь вошел человек в синем мундире «угольной и железной полиции». Этот корпус был составлен владельцами железных дорог и угольных копей для поддержки гражданской полиции, совершенно беспомощной в борьбе с организацией мошенников, которые наводили ужас на всю область. Все затихло, и на вошедшего устремилось множество любопытных взглядов. Но в Штатах существуют странные отношения между полицейскими и преступниками, а потому Макгинти не выказал удивления, когда инспектор подошел к его прилавку.

– Дайте виски без примеси, – сказал полицейский. – Кажется, мы еще не знакомы с вами, советник?

– Вы новый инспектор? – вопросом на вопрос ответил Макгинти.

– Да. Мы надеемся, что вы, советник, и другие граждане помогут нам поддерживать закон и порядок в городе. Я – капитан Мервиль.

– Нам было бы лучше без вас, капитан, – холодно заметил Макгинти. – У нас своя городская полиция, и мы не нуждаемся в «привозном добре». Ведь вы только наемное орудие капиталистов и получаете жалованье за то, чтобы бить или убивать ваших бедных сограждан.

– Мы не будем спорить об этом, – добродушно заметил инспектор. – Мне кажется, мы все исполняем свои обязанности так, как понимаем их, только у нас различные взгляды. – Он допил виски, повернулся, чтобы уйти, и в эту минуту увидел лицо Джона, который хмуро стоял рядом с ним. – Э! – произнес Мервиль, оглядывая ирландца с ног до головы. – Старый знакомый!

Макмурдо отшатнулся от него.

– Я никогда не был дружен ни с кем из ищеек, – сказал он.

– Знакомый – не всегда друг, – с широкой улыбкой ответил полицейский капитан. – Вы Джон Макмурдо из Чикаго, не отрицайте этого.

Молодой ирландец пожал плечами.

– И не думаю отрицать, – ответил он. – Надеюсь, вы не считаете, что я стыжусь своего имени?

– Могли бы стыдиться.

– Черт возьми, что вы хотите этим сказать? – прогремел Макмурдо, сжимая кулаки.

– Полно, полно, Джон, это со мной не годится. Перед тем, как приехать в эту угольную яму, я служил в Чикаго и с первого взгляда узнаю чикагского мошенника.

Лицо Джона омрачилось.

– Неужели вы Мервиль из Чикагского центрального управления? – произнес он.

– Именно, и мы не забыли застреленного Джонаса Пинто.

– Не я его убил.

– Нет? Это беспристрастное показание? Да? Но его смерть оказалась вам необыкновенно на руку, в противном случае вам пришлось бы плохо за кругляки. Однако оставим прошлое, потому что, скажу по секрету, против вас не нашлось прямых улик, и вы спокойно можете возвращаться в Чикаго.

– Мне и здесь хорошо.

– Во всяком случае, я оказал вам услугу, но не вижу благодарности.

– Пожалуй, у вас действительно были хорошие намерения, спасибо, – неприветливо проговорил Макмурдо.

– Пока вы живете честно, я молчу, – сказал капитан. – Если же приметесь за старое – будет другой разговор.

Мервиль ушел из бара, создав местного героя. О делах Макмурдо в Чикаго давно шептались, но он отделялся от вопросов улыбкой. Теперь же все было подтверждено официально. Посетители окружили Джона и пожимали ему руку. Обычно Джон мог пить очень много, не пьянея, однако, если бы в этот вечер с ним не было Сканлена, прославленный герой провел бы ночь под конторкой.

Вечером в субботу Макмурдо был введен в ложу. Ему казалось, что, как чикагский масон, он вступит в братство Вермисы безо всяких церемоний, но в долине существовали свои обряды, которыми вермисские масоны очень гордились, и каждый вступающий в ложу был обязан пройти определенный ритуал.

Братство собралось в большой комнате Дома Союза, предназначенной именно для таких заседаний. В Вермисе было человек шестьдесят масонов, однако не они составляли основные силы организации, в долине существовало еще много других лож. В случае «серьезного дела» посылали братьев из отдаленной ложи, и, таким образом, преступление иногда совершалось людьми, живущими далеко от места, где оно происходило. В общем, в угольной области насчитывалось не менее пятисот братьев.

В комнате стояло два длинных стола. Чистильщики собрались около одного из них, другой был заставлен бутылками, и многие из общества уже поглядывали в его сторону. На главном месте – Макгинти, черная плоская бархатная шапочка прикрывала его черную гриву, на груди мастера висел кусок красной материи. Это придавало ему вид жреца, совершающего какой-то сатанинский ритуал. Справа и слева от него помещались братья высших степеней, между которыми находился и Тед Бальдвин. Шарфы или медали украшали всех старших Чистильщиков, являясь эмблемами должностей. В основном, это были люди, достигшие полного расцвета лет, остальное же общество состояло из молодежи.

Младшие братья исполняли приказания старших.

Полные беззакония, кровожадные, как у тигров, души отражались в лицах многих старших Чистильщиков, но, глядя на открытые физиономии молодежи, наблюдателю трудно было бы поверить, что они – опасная шайка убийц и гордятся своими делами, что они смотрят с глубоким уважением на человека, который, как они выражаются, «чисто делает дело». После совершения убийства молодые люди спорили между собой, кто из них нанес роковой удар, и

забавляли все общество, описывая вопли и судороги умирающего человека. На первых порах Чистильщики старались действовать тайно, но в то время, к которому относится этот рассказ, их поступки стали необыкновенно открыты. Во-первых, так как постоянные неудачи полиции доказали им, что никто не смеет давать показаний против них, а во-вторых, у них было неограниченное количество свидетелей, к которым они могли обратиться за поддержкой, и полная казна, дававшая возможность приглашать для своей защиты самых талантливых людей в Штатах. За десять лет, полных преступлениями, никто не был осужден. Единственная опасность для Чистильщиков заключалась в самой жертве, которая, защищаясь, могла ранить или убить кого-нибудь из них.

Макмурдо уже знал, что его ждет какое-то испытание, но никто не говорил ему, в чем оно состоит. Двое братьев торжественно провели Джона в соседнюю комнату. Из-за дощатой перегородки до него долетал гул голосов. Он несколько раз слышал свое имя и понял, что обсуждается его кандидатура. Наконец, дверь отворилась, и к ирландцу подошел страж с зеленым, вышитым золотом шарфом через плечо.

– Мастер приказал засучить рукав, завязать глаза и войти в зал собрания, – сказал он и вместе с двумя братьями, сторожившими Джона, снял с него пиджак, завернул до локтя правый

рукав рубашки, чуть выше локтей стянул веревкой его руки и, наконец, надел ему на голову черный капюшон. Надвинув этот колпак на глаза нового брата, Джона ввели в зал.

Макмурдо казалось, что он в полной тьме, ему было душно, и голос заговорившего с ним Макгинти звучал слабо.

– Джон Макмурдо, – сказал глухой голос, – вы уже принадлежите к старинному ордену масонов?

В знак утверждения Макмурдо поклонился.

– Ваша ложа в Чикаго номер двадцать девять?

Новый поклон.

– Темные ночи неприятны.

– Да, для странствующих иностранцев.

– Тучи тяжелы.

– Да, подходит буря.

– Довольны ли братья? – спросил мастер.

Ему ответил утвердительный ропот.

– По вашим ответам, брат, мы видим, что вы действительно принадлежите к братству.

Однако в нашей области имеется особый ритуал. Готовы ли вы подвергнуться испытанию?

– Да, готов.

– Твердое ли у вас сердце?

– Твердое.

– В доказательство сделайте шаг вперед.

В то же мгновение Джон ощутил давление на глаза и понял, что их касаются два острия. Казалось, что, ступив вперед, он потеряет зрение. Тем не менее, ирландец заставил себя двинуться и мгновенно перестал ощущать давление. Послышались одобрительные восклицания.

– У него твердое сердце, – произнес голос. – Умеете ли вы переносить боль?

– Не хуже других.

– Испытайте его.

Джон едва удержался от восклицания – жгучая боль пронзила его руку; он чуть не потерял сознание, но сжал кулаки и закусил губу, чтобы скрыть муку.

– Я мог бы перенести и большее, – заметил молодой человек.

На этот раз раздались крики восхищения. Руки похлопывали его по спине, с него сняли капюшон. Макмурдо стоял и, улыбаясь, принимал поздравления остальных братьев.

– Последнее слово, брат Макмурдо, – сказал Макгинти. – Вы уже принесли клятву хранить тайну и не нарушать верности. Знаете ли вы, что за нарушение того или другого последует немедленная неизбежная смерть?

– Да, – сказал Джон.

– И вы подчиняетесь власти мастера при любых обстоятельствах?

– Подчиняюсь.

– Итак, от имени триста сорок первой ложи Вермисы я даю вам все права и привилегии братства. Поставьте настойку на стол, брат Сканлен, мы выпьем за здоровье нашего достойного брата.

Джону принесли пиджак, но, не надев его, он посмотрел на свою сильно болевшую руку. На предплечье краснело глубокое, выжженное железом клеймо: круг и в нем треугольник. Двое-трое его соседей показали ему такие же знаки ложи.

– Нас всех клеймили, – сказал один, – но не все мы так храбро вынесли это, как вы.

– Пустяки, – ответил Макмурдо.

Тем не менее, его рука сильно болела.

Когда были выпиты напитки, братья перешли к очередным делам ложи. Макмурдо, привыкший к простым обычаям Чикаго, внимательно слушал, сильно удивляясь, но не показывая этого.

– Следующим вопросом, – сказал Макгинти, – стоит чтение письма участкового мастера Виндля из Мертонской области, из двести сорок девятой ложи. Он пишет:

«Дорогой сэр, необходимо сделать одно дело относительно Эндрю Рэ из фирмы «Рэ и Стермиш», владельцев угольных копей поблизости от нас. Вспомните, что ваша ложа обязана нам помочь, так как вы воспользовались услугами наших братьев прошлой осенью во время дела с полицейским. Если вы пришлете двух способных людей, они поступят в ведение казначея Хиггинса, адрес которого вам известен. Он им покажет, когда и где надо действовать. Ваш в свободе *Д.В. Виндль*».

– Виндль никогда не отказывает нам в помощи, поэтому мы тоже не можем отказать ему. – Замолчав, Макгинти обвел комнату своими тусклыми, недобрыми глазами. – Кто пойдет на дело?

Многие молодые люди подняли руки. Мастер посмотрел на них и одобрительно улыбнулся.

– Вы годитесь, Тигр Кормак. Если вы будете действовать так же хорошо, как в прошлый раз, то окажетесь хорошим подспорьем. Вы тоже, Вильсон?

– Только у меня нет револьвера, – сказал юноша, не достигший двадцати лет.

– Ваше первое дело? Правда? Ну что же, вам надо когда-нибудь получить крещение кровью. Отличное начало для вас. А револьвер, конечно, будет. По возвращении мы хорошо вас примем.

– Получим награду? – спросил Кормак, коренастый смуглый молодой человек, получивший за свою лютость прозвище Тигр.

– Не думайте о награде, работайте ради чести. Впрочем, может быть, в шкатулке найдется и несколько лишних долларов для вас.

– А что сделал этот человек? – спросил Вильсон.

– Не таким, как вы, спрашивать, в чем он виноват. Его осудили, и его проступок – не наше дело. Мы должны только помочь им исполнить приговор. Кстати, на будущей неделе к нам придут два брата из Мертонской ложи, чтобы поработать у нас.

– Кто именно? – спросил кто-то из толпы.

– Лучше не задавать лишних вопросов. Ничего не зная, вы ничего не можете сказать, а следовательно, причинить вред другим или себе. Скажу одно, эти братья хорошо делают дело, за которое берутся.

– Давно пора начать, – произнес Тед Бальдвин. – У нас люди совсем отбились от рук. На прошлой неделе десятник Блекер выгнал троих наших. Ему пора отплатить за это.

– Чем отплатить? – шепотом спросил Макмурдо своего соседа.

– Зарядом свинца, – с громким смехом ответил тот. – Что вы скажете о наших порядках, брат?

По-видимому, преступная душа ирландца уже пропиталась духом общества, в которое он вступил.

– Они мне очень нравятся, – сказал он. – У вас как раз место для смельчака.

Несколько Чистильщиков, сидевших рядом с Джоном, услышали его слова и зааплодировали.

– Что там? – крикнул мастер с противоположного конца стола.

– Новый брат, сэр, находит наши обычаи по своему вкусу.

Макмурдо на мгновение поднялся с места.

– Почтенный мастер, я хотел сказать, что когда вам понадобится человек, я почту за честь помочь ложе.

Раздались громкие одобрения. Чувствовалось, что над горизонтом показался краешек нового солнца. Некоторые из старших нашли, что светило поднимается слишком быстро.

– Позвольте заметить, – сказал сидевший рядом с председателем секретарь Гаравей, седобородый человек с лицом коршуна, – что брат Макмурдо должен подождать, пока сам мастер найдет нужным послать его на работу.

– Именно это я и подразумевал, – проговорил Джон.

– Ваша очередь наступит, брат, – сказал председатель. – Мы отметили вашу готовность и полагаем, что вы будете хорошо действовать. Если хотите, вы можете принять участие в маленьком деле сегодня ночью.

– Я готов.

– Во всяком случае, вы можете сегодня поработать, это покажет вам, какое место мы занимаем в округе.

– Теперь же, – Макгинти заглянул в список, – я передаю на рассмотрение собрания следующий пункт. Прежде всего, прошу казначея сообщить, в каком состоянии наш баланс. Необходимо дать пенсию вдове Джима Карнавэ. Он погиб, работая для ложи, и мы обязаны позаботиться о вдове.

– Джима застрелили в прошлом месяце, когда братья собирались убить Честера Вилькокса, – сообщил Джону его сосед.

– В данное время фонды в порядке, – сказал казначей, державший перед собой отчетную книгу. – В последнее время фирмы не скупилась. «Мак-Миндер и К°» заплатили пятьсот, чтобы мы не тревожили их. Братья Вокер прислали сотенную бумажку, но я самолично вернул ее и потребовал пятисотенную. Если я не получу денег к среде, их мельничный привод может испортиться. Нам пришлось сжечь их плотину в прошлом году, чтобы они стали благоразумными. Затем Западная угольная компания прислала свой ежегодный взнос. В кассе достаточно денег, и мы можем исполнить все наши обязанности.

– А как обстоит дело с Арчи Свиндоном? – спросил один брат.

– Он продал все и уехал. Старый дьявол оставил нам записку, в которой написал, что охотнее станет нищим дворником в Нью-Йорке, чем останется крупным владельцем копеек под властью шантажистов. Он хорошо сделал, что улизнул раньше, чем записка попала к нам в руки, и думаю, что он не осмелится снова показаться в долине.

Старый человек с бритым лицом и высоким лбом поднялся с противоположного председательскому месту конца стола.

– Казначей, – начал он, – позвольте вас спросить, кто купил собственность человека, которого мы вытеснили из этой области?

– Ее купила железнодорожная компания Мертонской области.

– А кто купил копи Тодмена и Ли, которые в прошлом году появились на рынке?

– Та же компания, мистер Моррис.

– Кто купил железопрокатный завод Манса и Шумана, а также Ван Дегера и Этвуда?

– Они куплены западной Джильмертонской инженерной компанией.

– Я не считаю, брат Моррис, – сказал Макгинти, – что нам было важно знать, кто купил эти участки и заводы, раз новые владельцы не могут увезти с собой свою собственность.

– С глубоким почтением к вам, достопочтенный мастер, я полагаю, это может иметь для нас большое значение. Процесс совершается вот уже десять лет. Мы постепенно отесняем мелких людей от ремесла. Какие же последствия? На их местах мы видим крупные компании, директора которых живут в Нью-Йорке и Филадельфии, нисколько не заботясь о наших угрозах. Мы можем брать дань с их местных представителей или прогонять их, но изгнанных будут заменять другими. В то же время мы навлекаем на себя опасность, так как мелкие владельцы не могли вредить нам, не имея для этого ни денег, ни власти. Но если крупные компании заметят,

что мы мешаем им наживаться, они не пожалеют ни трудов, ни издержек, чтобы выследить нас и отдать в руки правосудия.

Когда прозвучали эти зловещие слова, собрание затихло, лица омрачились. Чистильщики были до того всемогущи и действовали до того нагло, что мысль о каре никогда не появлялась в их умах. А теперь, предвидя возможность наказания, похолодели даже самые удалые из них.

– Советую, – продолжал Моррис, – меньше прижимать мелочь. В тот день, когда все мелкие владельцы будут изгнаны отсюда, могущество нашего общества сломится.

Неприятные истины не нравятся. Едва говоривший опустил на свое место, раздались гневные восклицания.

Макгинти выпрямился, лицо его было мрачным.

– Вы всегда каркали, брат Моррис, – сказал он. – Пока участники ложи сплочены, никакие силы в Соединенных Штатах не коснутся их. Разве мы уже не доказывали это? Я полагаю, что крупные компании найдут более удобным платить нам, нежели бороться. Однако, братья, – говоря это, Макгинти снял с себя бархатную шапочку и красный лоскут, – ложа окончила очередные дела. Правда, остается еще один маленький вопрос, о котором можно упомянуть перед расставанием. Теперь наступило время для братской закуски и пения.

Удивительна человеческая природа! Зал наполняли люди, привыкшие к убийству, действующие не задумываясь, не испытывая сострадания к рыдающей вдове или беспомощным детям, а между тем, нежная или трогательная мелодия волновала их до слез.

У Макмурдо был прекрасный тенор, и если бы он раньше не заслужил расположения ложи, в братьях пробудились бы добрые чувства к нему после того, как он спел песни «Я сижу на изгороди, Мэри» и «На мелях алландских вод». В первый же вечер новый брат стал одним из самых популярных Чистильщиков. Однако для того, чтобы человек стал достойным деятелем ассоциации, требовались и другие качества, кроме умения занимать общество. И еще до конца вечера Джон обнаружил их. Бутылка с виски несколько раз обошла вокруг стола, лица братьев покраснелись, их умы были готовы на злодеяния. И именно в это время глава ложи снова обратился к ним, сказав:

– Ребята, в городе живет человек, которого следует укротить, и это должны сделать вы. Я говорю о Джемсе Стенджере, редакторе «Герольда». Читали, что он опять написал о вас?

В зале послышались проклятия. Макгинти вынул из жилетного кармана газету.

– «Закон и порядок» – это заглавие статьи. Дальше идет:

«В угольной и железной области царит террор. Со времени первых убийств прошло двенадцать лет, и это время доказало существование у нас преступной организации. Преступления не прекращаются, и теперь дошли до такой степени, что делают нас отвратительными для всего цивилизованного мира. Разве ради таких результатов наша великая родина принимает в свое лоно чужестранцев, бегущих от европейского деспотизма? Разве гостеприимство им оказывается для того, чтобы они превращались в тиранов для людей, давших им пристанище? Имена преступников известны. Их организация существует открыто. Долго еще мы будем терпеть такое положение вещей? Неужели нам вечно предстоит жить...»

Пожалуй, хватит читать эту дрянь, – произнес председатель, бросая бумагу на стол. – Вот как он говорит о нас, и я спрашиваю: как мы должны поступить с ним?

– Убить его! – раздалось несколько восклицаний.

– Я протестую, – сказал брат Моррис. – Повторяю, братья, наша рука слишком сильно давит долину, и наступит время, когда отдельные люди соединятся во имя самообороны и раздавят нас. Джемс Стенджер – старик. Его уважают в городе и округе. Если он будет убит, весь штат взволнуется.

– Стоит мне поднять палец, – сказал Макгинти, – и я соберу двести человек, которые очистят весь город. – И вдруг, усилив голос и грозно сдвинув свои черные густые брови, он

произнес: – Смотрите, брат Моррис, я слежу за вами уже не первый день. У вас самого нет смелости, и вы стараетесь лишить мужества других. Плохо вам придется, когда ваше имя появится в моих списках, а мне начинает казаться, что я скоро внесу его в мою памятную книгу.

Моррис смертельно побледнел, его колени стали подгибаться, и он бессильно опустился на стул. Его дрожащая рука подняла стакан, и прежде, чем ответить, он сделал несколько глотков.

– Прошу прощения у вас, почтенный мастер, и у всех братьев, если я сказал больше, чем следовало. Вы все знаете, что я верный брат и боюсь только, чтобы с ложей не случилось чего-нибудь дурного. Именно этот страх заставил меня произнести неосторожные слова. Однако я больше доверяю вашим суждениям, достопочтенный мастер, нежели своим собственным, и обещаю, что никогда больше не погрешу в этом смысле.

Слушая смиренные слова Морриса, Макгинти перестал хмуриться.

– Отлично, брат. Мне самому было бы грустно, если бы пришлось дать вам урок. Но пока я занимаю свое место, мы должны хранить единство как в словах, так и в делах. А теперь, ребята, – продолжал он, оглядывая общество, – вот что я скажу вам: если мы накажем Стенджера в полной мере, это навлечет на нас большие неприятности. Издатели и редакторы держатся друг за друга, и в случае его смерти все газеты в штате поднимут крик, взывая к полиции и войскам. Тем не менее, вы можете хорошо проучить его. Вы согласны взять это на себя, брат Бальдвин?

– Конечно, – охотно вызвался молодой человек.

– Сколько товарищей вы возьмете с собой?

– Пятерых. Пойдут Гойер, Менсель, Сканлен и двое Вильбайев.

– Я обещал новому брату, что он тоже пойдет, – заметил председатель.

Тед Бальдвин посмотрел на Макмурдо, и его взгляд показал, что он не простил и не забыл.

– Пусть идет, если хочет, – мрачно сказал Тед. – Этого довольно. И чем скорее мы начнем дело, тем лучше.

Общество разошлось. В баре было еще много гуляк, и некоторые братья остались в Доме Союза. Маленькая шайка, выбранная для исполнения приговора, двинулась по двое, по трое по маленьким улицам, чтобы не привлекать к себе внимания. Стоял сильный мороз. На усеянном звездами небе ярко блестел полумесяц. Чистильщики собрались на площадке против высокого здания. Напечатанные золотыми буквами слова «Герольд Вермисы» блестели между ярко освещенными окнами. Из дома доносился стук печатной машинки.

– Эй, вы, – сказал Бальдвин Джону, – стойте внизу у дверей и наблюдайте, чтобы путь для нас был чист. С вами останется Артур Вильбай. Остальные – за мной. Не бойтесь, ребята, около двенадцати свидетелей покажут, что в данную минуту вы в Доме Союза.

Подходила полночь, по улице брели редкие гуляки, возвращавшиеся домой. Открыв дверь редакции газеты, Бальдвин и выбранные им люди вошли в дом и побежали по лестнице. Макмурдо и Вильбай остались внизу. Из комнаты сверху слышались крики, призыв на помощь, топот, звуки падающих стульев. На площадку лестницы выбежал седой человек, но его схватили, очки несчастного со звоном упали к ногам Макмурдо. Раздался глухой стук и стон. Старик лежал ничком, шесть палок застучали по его спине. Он корчился, его худые длинные ноги и руки вздрагивали под ударами. Наконец, все, кроме Бальдина, прекратили истязание, но Тед, с лицом, искаженным адской улыбкой, продолжал бить старика по голове. Седые волосы усеялись кровавыми пятнами. Бальдвин склонялся над своей жертвой, нанося

короткие, злые удары каждый раз, когда видел незащищенную часть головы. Джон быстро поднялся по лестнице и оттащил Теда от редактора.

– Вы убьете его, – сказал Макмурдо, – довольно!

Бальдвин с изумлением посмотрел на него:

– Будьте вы прокляты! Кто вы такой, чтобы вмешиваться! Вы новичок в ложе! Прочь!

Он поднял палку, но Макмурдо вынул револьвер из своего кармана.

– Нет, это вы уходите прочь, – произнес он. – Если вам вздумается поднять на меня руку, пуля разmozжит вам лицо. Что же касается ложи, скажите, разве мастер не за претил убивать этого человека? А что вы делаете, как не убиваете его?

– Он говорит правду, – заметил один из шайки.

– Скорее разбегаемся! – закричал снизу Вильбай. – Окна освещаются, и через пять минут сюда соберется весь город.

Действительно, на улице загудели голоса, маленькая группа наборщиков и несколько метранпажей собрались, готовясь к действию. Преступники оставили ослабевшего неподвижного редактора на верхней площадке, выбежали из здания газеты и двинулись по улице. Некоторые, дойдя до Дома Союза, смешались с толпой и шепнули хозяину бара, что дело сделано; другие же, в их числе и Макмурдо, рассыпались по маленьким улицам и кружными путями направились к себе домой.

Глава IV. Долина Ужаса

Проснувшись на следующее утро, Макмурдо тотчас вспомнил о церемонии своего вступления в ложе. От выпитого у него болела голова, а заклеянная рука сильно распухла и воспалилась. Так как молодой ирландец имел особые доходы, он не очень усердно занимался в конторе, а потому в этот день поздно позавтракал и все утро писал письмо одному своему другу. Окончив его, он развернул «Герольд». В добавочном столбце он прочитал заглавие: «Преступление в редакции. Редактор серьезно пострадал». Дальше шел короткий отчет о случившемся, но, конечно, Джон знал об этом гораздо лучше, нежели писавший. Статья кончалась такими словами: «Дело находится в руках полиции, однако вряд ли можно надеяться, что расследование приведет к каким-либо результатам. Тем не менее, нескольких преступников узнали, и следует предполагать, что они будут осуждены. Вряд ли следует говорить, что преступление было совершено по приказу бесчестного общества, столько лет терзающего нашу долину. Многочисленные друзья мистера Стенджера с удовлетворением узнают, что, хотя он был жестоко, безжалостно избит и получил несколько сильных повреждений головы, его жизни не грозит опасность».

Ниже говорилось, что для защиты редакции газеты вытребован патруль полиции, вооруженный ружьями.

Джон положил газету. Он дрожавшей от излишеств предыдущей ночи рукой зажигал табак в трубке, когда в дверь его комнаты постучались и вошла вдова Макнамара, передавшая ему записку, которую только что принес мальчик. В конце записки не было подписи.

«Я хочу поговорить с вами, – было в ней, – но не у вас в доме. Вы можете встретить меня возле флагштока на Мельничном холме. Если вы туда придете тотчас, я вам скажу кое-что важное и для вас, и для меня».

Макмурдо дважды и с большим удивлением прочитал эти строки, он не мог понять, что они значили, и кто их написал. Если бы почерк был женский, он предположил бы, что записка является началом одного из любовных приключений, которыми изобиловала его прошедшая жизнь. Но он не сомневался, что перед ним почерк мужчины, и мужчины образованного. Подумав немного, Джон решил узнать, в чем дело.

«Мельничный холм» – название плохо содержавшегося общественного парка в самом центре города. Летом его наполняли гуляющие, но зимой парк выглядел довольно уныло.

Макмурдо двинулся вверх по выющейся дорожке, окаймленной елочками, и, наконец, дошел до пустого ресторана, являющегося центральным местом летних сборищ. Рядом с домом торчал пустой флагшток, а под этим высоким столбом стоял человек, опустивший на лицо поля шляпы и поднявший воротник своего пальто. Человек повернул голову, и Макмурдо узнал брата Морриса, который накануне так рассердил мастера. Вместо приветствия они обменялись сигналами ложи.

– Я хотел поговорить с вами, мистер Макмурдо, – сказал Моррис с неуверенностью, которая доказывала, что он коснется щекотливой темы. – С вашей стороны было правильно принять мое приглашение.

– Почему вы не подписались?

– Необходима осторожность, мистер. В наше время не знаешь, что выйдет из того или другого, не знаешь, можно доверять человеку или нет.

– Братьям своей ложи следует доверять.

– Не всегда, – с жаром возразил Моррис. – Все, что мы говорим, даже то, что мы думаем, по-видимому, передается этому Макгинти.

– Послушайте, – строго сказал Макмурдо, – как вам известно, вчера вечером я клялся в верности нашему мастеру. Неужели вы хотите, чтобы я нарушил клятву?

– Если вы смотрите на дело с такой точки зрения, – печально произнес Моррис, – я сожалею, что потревожил вас, вызвав сюда. Плохо, когда двое свободных граждан боятся свободно высказывать свои мысли, разговаривая с глазу на глаз.

Джон, пристально наблюдавший за своим собеседником, смягчился.

– Я говорю только о себе, – сказал Макмурдо. – Как вам известно, я здесь недавно и плохо знаю местные обычаи. Не мне начинать говорить, мистер Моррис. Если же вы считаете нужным поговорить со мной о чем-нибудь, я выслушаю вас.

– Тогда скажите: когда вы вступали в общество масонов в Чикаго и произнесли обеты верности и милосердия, приходила ли в вашу голову мысль, что это поведет вас к преступлению?

– Если вы называете это преступлением, – ответил Макмурдо.

– Называю ли! – произнес Моррис голосом, дрожавшим от гнева. – Вы мало видели наших дел, если можете назвать их чем-нибудь другим! Было ли совершено преступление прошедшей ночью, когда избили старого человека? Как вы назовете это деяние?

– Некоторые сказали бы, что это война, – ответил Макмурдо, – война между двумя классами, война, во время которой каждая сторона борется так, как может.

– Но скажите, думали вы о чем-либо подобном, когда присоединялись к обществу чикагских масонов?

– Должен сознаться, нет.

– Не думал об этом и я, примкнув к ордену в Филадельфии. Там это был клуб и место встречи братства. Потом я услышал о Вермисе и приехал сюда для поправки дел. Боже мой, только подумать: со мной приехали жена и трое детей. На Рыночной площади я открыл торговую лавку, и мои дела пошли отлично. Когда узнали, что я масон, мне пришлось присоединиться к местной ложе. На своей руке я ношу клеймо позора. Я очутился под властью злодея и запутался в сетях преступлений. Что мне оставалось делать? Каждое слово, которым я старался исправить положение вещей, считалось изменой. Я не могу уехать, потому что все мое состояние – магазин. Если я откажусь от братства, то буду убит, и один Господь ведает, как поступят с моей женой и детьми. О, это ужасно, ужасно!

Моррис закрыл лицо руками, и все его тело задрожало от судорожных рыданий.

Макмурдо пожал плечами.

– Вы слишком мягкий для этих дел, – сказал он, – вы не годитесь для такой работы.

– Во мне жили совесть и религиозное чувство, а они превратили меня в преступника. Мне дали поручение. Если бы я отказался исполнить его, меня бы постигла смерть. Может быть, я трус; может быть, мысль о моей жене и малютках отнимает у меня смелость. Как бы то ни было, воспоминание о случившемся вечно будет преследовать меня...

Стоял уединенный дом, в двадцати милях от города, вон там, за грядой гор... Мне приказали караулить двери. Поручить мне более серьезное дело они не решались. Остальные вошли в комнату, и, когда они снова появились из дверей, на их руках была кровь... Мы повернулись, чтобы уйти, но в это время в доме закричал ребенок, мальчик лет пяти, видевший, как убили его отца. Я чуть не потерял сознание от ужаса! Но приходилось улыбаться, так как я знал, что в противном случае в следующий раз они выйдут с окровавленными руками из моего дома, и мой маленький Фред будет кричать над трупом своего отца. Я сделался преступником, участником убийства. Я верующий католик, но паптер не захотел говорить со мной, узнав, что я Чистильщик... Меня отлучили от церкви. Вот в каком положении я нахожусь! Мне ясно, что вы идете по той же дороге, и спрашиваю вас: куда приведет она? Готовы ли вы сделаться хладнокровным убийцей, или мы можем какими-нибудь средствами остановить это?

– Что же вы думаете делать? – резко спросил Макмурдо. – Ведь не доносить же?

– Боже сохрани, – произнес Моррис. – Одна мысль об этом стоила бы мне жизни.

– Это хорошо, – заметил Джон. – Лично я считаю вас слабохарактерным человеком и думаю, что вы придаете делу слишком много значения.

– Слишком много! Поживите здесь подольше, тогда увидите сами. Посмотрите в долину, видите: клубы дыма, выходящие из труб, насылают на нее темную тень. Поверьте, мрак преступлений мрачнее и все ниже опускается над головами здешнего населения. Это Долина Ужаса, Долина Смерти. С заката до утренней зари сердца мирных жителей трепещут от страха. Погодите, молодой человек, вы сами поймете это.

– Хорошо, я скажу вам, что я думаю, – беспечно бросил ему Джон. – Сейчас же ясно только одно – вы не годитесь для жизни в долине, и чем скорее вам удастся продать свою лавку, тем будет лучше для вас. Я не выдам вас. Но если бы я узнал, что вы сплетник...

– Нет-нет, – жалобно простонал Моррис.

– На этом закончим беседу. Я не забуду сказанного вами и, может статься, когда-нибудь ваши слова пригодятся мне. Надеюсь, что вы говорили с добрыми намерениями. А теперь до свидания.

– Еще одно слово, – остановил его Моррис, – нас могли заметить вместе, и кто знает, не пожелают ли «там» узнать, о чем мы разговаривали.

– С вашей стороны благоразумно подумать об этом.

– Условимся: я предлагал вам место в моем магазине...

– А я отказался. Прощайте, и надеюсь, что в будущем вам будет легче жить, брат Моррис.

В тот же вечер Макмурдо задумчиво сидел в своем жилище возле печки и курил. Неожиданно дверь в комнату распахнулась, в ней показалась крупная фигура мастера логи. Он сделал обычный знак и, сев против молодого человека, некоторое время всматривался в него взглядом, который Джон вынес совершенно спокойно. Наконец, Макгинти сказал:

– Я редко хожу в гости, брат Макмурдо, так как у меня мало свободного времени. Тем не менее, я решил поговорить с вами у вас в доме.

– Я горжусь тем, что вижу вас у себя, – приветливо ответил ирландец, доставая бутылку виски. – Я не ожидал такой чести.

– Как рука?

Макмурдо скривил рот.

– Она дает знать о себе, но ничего страшного.

– Да, – ответил Макгинти, – не страшно для людей, преданных ложе и готовых работать для нее. О чем вы толковали с братом Моррисом на Мельничном холме?

Вопрос прозвучал неожиданно, и молодой ирландец мог порадоваться, что у него был готовый ответ.

– Моррис не знал, что я могу получать деньги, не выходя из дома, и не узнает этого, потому что у него слишком много совести, чтобы понимать поступки людей вроде меня. Но он добрый малый, и, решив, что у меня денежные затруднения, он предложил мне место в своем магазине.

– Да?

– Да.

– И вы отказались?

– Конечно. Разве я не могу получить в течение четырех часов, не выходя из моей спальни, больше, чем он даст мне за месяц?

– Нечего и говорить, вы странная карта в игре, – заметил Макгинти. – Если вам нужны объяснения, извольте. Скажите, Моррис не говорил дурно о ложе?

– Нет.

– А обо мне?

– Нет.

– Понимаю. Он не решился сделать этого, так как не доверяет вам. Но в душе он плохой брат. Мы это знаем и только ждем случая наказать его. В нашем загоне нет места для паршивой овцы. А если вы будете вести знакомство с неверным человеком, мы будем подозревать и вас. Понимаете?

– Я не могу с ним подружиться, потому что он мне не нравится, – ответил Макмурдо. – Что же касается предательства, то если бы не вы, а кто-нибудь другой заговорил со мной об этом, он не повторил бы своих слов.

– Хорошо, сказано достаточно, – заметил Макгинти. – Я пришел, чтобы предупредить вас, и предупредил.

– Только одно мне хотелось бы понять: как вы узнали о моем свидании с Моррисом?

Макгинти засмеялся.

– Я должен знать все происходящее в этом городе, – сказал он, – и мне кажется, вам следует это помнить. Но мне пора идти, я только прибавлю...

Его прощальные слова были прерваны самым неожиданным образом. Дверь скрипнула, отворилась, и нахмуренные внимательные лица трех полицейских глянули на собеседников. Макмурдо соскочил со стула и взялся было за револьвер, но снова спрятал его в карман, заметив наведенные на себя винчестеры.

Человек в мундире вошел в комнату с шестизарядным револьвером в руке. Макмурдо узнал капитана Мервина, бывшего офицера Центрального полицейского управления Чикаго. С полуулыбкой он укоризненно покачал головой Джону.

– Я так и думал, что вы, мистер мошенник Макмурдо из Чикаго, попадете в беду, – сказал молодой инспектор. – Не можете удержаться? Да? Берите-ка шляпу и ступайте с нами.

– В чем меня обвиняют? – спросил Макмурдо.

– В том, что вы участвовали в нападении на редактора Стенджера в здании «Герольда». И благодаря вашим стараниям на вас не легло обвинение в убийстве.

В лице и позе капитана сказывалась такая решительность, что Джону и Макгинти осталось только подчиниться. Тем не менее, мастер на прощание шепнул несколько слов арестованному.

– До свидания, – сказал Макгинти, пожимая ему руку. – Я поговорю с адвокатом Реллайем и все издержки возьму на себя. Поверьте мне, вас скоро освободят.

Окончив осмотр, Мервин и солдаты повели Макмурдо к главному зданию полиции. Стемнело, дул резкий, пропитанный снегом ветер, на улицах царило почти полное безлюдье. Однако несколько зевак провожали маленькую процессию и, ободренные темнотой, осыпали узника оскорблениями.

– Судите проклятого Чистильщика судом Линча! – кричали они. – Линчуйте его!

Когда Джона втокнули в здание полиции, зеваки захохотали. После короткого допроса, произведенного дежурным инспектором, Макмурдо поместили в общую камеру. Там он увидел Бальвина и еще троих участников преступления. Они были арестованы днем и ожидали суда на следующее утро.

Но длинная рука масонов могла проникнуть даже в эту твердыню закона. Поздно ночью в камеру вошел тюремщик с охапкой соломы, которая должна была служить им постелью, и вынул из нее две бутылки виски, несколько стаканов и колоду карт. Арестованные провели ночь весело, нисколько не страшась суда.

Им действительно нечего было опасаться. Судья не имел достаточно данных для приговора, в силу которого дело передали бы в высшую судебную инстанцию. С одной стороны, метранпажи и наборщики признали, что освещение было плохое, что они очень волновались и вследствие этого не могли клятвенно удостоверить личности нападавших, хотя, по их мнению, четверо обвиняемых находились в шайке. Отвечая на вопросы ловкого юриста, приглашенного мастером Макгинти, они стали давать еще более туманные показания. Пострадавший же еще раньше заявил, что, потрясенный неожиданностью нападения, он помнит лишь, что первый человек, ударивший его, был с усами. Стенджер прибавил, что на него, конечно, напали Чистильщики, потому что из всех окрестных жителей только они могли чувствовать к нему вражду, и еще задолго до ночного нападения он получал угрожающие письма, вызванные его заметками. С другой стороны, шестеро граждан, в том числе и муниципальный советник Макгинти, ясно, твердо и единогласно показали, что обвиняемые играли в карты в Доме Союза и ушли из таверны очень поздно. Бесполезно прибавлять, что обвиняемых отпустили, сказав им несколько слов, очень похожих на извинение, а капитану Мервину и всей полиции было сделано замечание за неуместное усердие. После приговора публика в зале громко одобрила его. И немудрено: Макмурдо увидел много знакомых лиц. Братья ложу улыбались и махали шляпами. Остальные присутствующие, сжав губы и сдвинув брови, зло смотрели на оправданных. Один малорослый, чернобородый решительный малый выразил свои чувства и мысли своих товарищей, бросив недавним арестантам:

– Вы, проклятые убийцы!.. Мы все же поймаем вас!

Глава V. Самый темный час

Если что-нибудь могло увеличить популярность Макмурдо среди братьев, то это его арест и оправдание. В летописях общества еще не было случая, чтобы в первую ночь после вступления в ложу человек совершил такой поступок, из-за которого ему пришлось бы предстать перед судьей. Макмурдо уже заслужил репутацию веселого гуляки, человека гордого и вспыльчивого, не способного снести оскорбление даже со стороны всемогущего мастера. Вдобавок к этому Чистильщики начали считать, что среди них нет другого брата, готового так охотно составить кровавый план и более способного выполнить его. «Он малый для чистой работы», – говорили между собой старшие братья и искали случая дать Джону серьезное поручение. У мастера было достаточно людей, но он признавал, что Макмурдо – лучший из них.

Однако, если Макмурдо приобрел расположение товарищей, то в другом месте он сильно проиграл, что было очень чувствительно для него. Шефтер не хотел иметь с ним никакого дела, не позволял ему даже входить в свой дом. Влюбленная Этти не могла совсем отказаться от Джона, но, тем не менее, здравый смысл подсказывал ей, к чему приведет ее брак с человеком, по слухам, преступным.

Однажды утром после бессонной ночи Этти решила повидаться с Джоном, может быть, в последний раз и употребить все свои возможности, чтобы отстранить его от злых влияний. Она подошла к дому старой ирландки и проскользнула в комнату, считавшуюся гостиной Макмурдо. Джон сидел за столом спиной к двери, перед ним лежало письмо. Внезапно Этти охватил порыв шаловливости – ведь ей было только девятнадцать лет. Она на цыпочках подкралась к нему и нежно положила руку на его плечо.

Если Этти надеялась испугать его, то она добилась этого, но, в свою очередь, была испугана и поражена. Макмурдо мгновенно повернулся и, как тигр, прыгнул к ней, правой рукой схватив ее за горло, левой же смял бумагу, лежавшую перед ним. Одно мгновение он смотрел на нее пылающим взглядом, а потом радость и удивление сменили на лице Джона выражение ужаса, которое заставило красавицу отшатнуться от него.

– Это вы? – сказал Джон, вытирая свой влажный лоб. – Подумать только, вы пришли ко мне, а я не нашел ничего лучше, как попытаться задушить вас. Подойдите, дорогая, – он протянул к ней свои руки, – позвольте загладить мой поступок.

Но она еще не отделалась от воспоминания о преступном страхе, который прочитала на его лице. Ее подозрения превратились в уверенность.

– Вы писали другой, – произнесла она. – Я знаю это. В противном случае вы не стали бы скрывать от меня письмо. Может быть, вы писали вашей жене? Могу ли я быть уверенной, что вы холостяк, ведь вас здесь никто не знает.

– Я не женат, Этти, клянусь вам. Вы для меня единственная женщина в мире! Крестом нашего Господа клянусь вам.

От волнения он так побледнел, что она не могла больше сомневаться.

– Так почему же, – спросила молодая девушка, – почему вы не хотите показать мне письмо?

– Я скажу вам почему, милочка, – ответил он. – Я дал клятву не показывать его и, как не нарушил бы слова, данного вам, так сдержу и обещание, взятое с меня другими. Дело касается логи, и оно тайна даже для вас.

Этти обняла своего друга.

– Бросьте их, Джек! Ради меня, бросьте!.. Я пришла к вам, чтобы просить вас об этом. О, Джек, смотрите, я на коленях прошу вас, умоляю, бросьте Чистильщиков...

Он поднял молодую красавицу и, прижав ее голову к своей груди, постарался ее успокоить.

– Право, моя дорогая, вы сами не знаете, что просите. Могу ли я бросить начатое? Ведь это равнялось бы нарушению торжественной клятвы, измене! Если бы вы ясно видели обстоятельства, в которых я нахожусь, вы не просили бы этого. Кроме того, могу ли я бежать? Не предполагаете же вы, что ложа отпустит человека, знающего все ее тайны?

– Я уже все обдумала, Джек, и составила план. У отца есть кое-какие деньги, и ему надоел город, в котором страх омрачает нашу жизнь. Он готов уехать. Мы вместе уедем в Филадельфию или в Нью-Йорк и спрячемся там.

Макмурдо засмеялся.

– У логи длинные руки. Вы думаете, что они не могут протянуться отсюда в Филадельфию или в Нью-Йорк?

– Тогда уедем на Запад, или в Англию, или в Швецию, из которой переселился отец. Уедем, когда хотите, только бы оказаться далеко от этой Долины Ужаса.

Макмурдо вспомнил о брате Моррисе.

– Уже второй раз при мне дают такое имя долине, – сказал он. – Действительно, многих из нас давит тяжелый страх.

– Да, каждая минута нашей жизни омрачена. Может быть, вы думаете, Бальдвин простил? Он просто боится вас. Если бы вы видели, какими глазами он смотрит на меня...

– Если поймаю его на этом, я его хорошенько проучу. Но поймите, моя милая, я не могу уехать. Зато, если вы предоставите мне действовать, я постараюсь подготовить такой путь, чтобы с честью выйти по нему из запутанных дел.

– В таких делах нет чести.

– Да-да, с вашей точки зрения. Но дайте мне шесть месяцев, и я употреблю их на то, чтобы иметь право, не стыдясь ничьих взглядов, уйти из долины.

Молодая девушка весело засмеялась.

– Шесть месяцев? – произнесла она. – Вы обещаете?

– Ну, может быть, мне понадобится семь или восемь, самое большее через год мы расстанемся с долиной.

Больше Этти ничего не добила, но все же это был прогресс. Теперь слабый свет рассеивал мрак будущего. Этти вернулась домой с более легким сердцем, нежели когда-либо с тех пор, как в ее жизнь вошел Макмурдо.

Может быть, из-за того, что Джон сделался братом, и теперь все дела общества сообщались ему, он скоро узнал, что организация оказалась гораздо обширнее и сложнее. Даже Макгинти многого не знал, так как брат высшей степени, называвшийся областным делегатом и живший в Гобсоне, ведал многими отдельными ложами и самовластно распоряжался ими. Макмурдо только однажды видел его, маленького, хитрого седого человека, похожего на крысу, который не ходил, а скользил, бросая направо и налево взгляды, полные лукавства. Его звали Иванс Потт. Сам мастер ложи № 341 чувствовал к этому человеку что-то похожее на отвращение и страх.

Однажды Сканлен, живший в одном доме с Джоном, получил от Мака-Гинти письмо, к которому была приложена записка, набросанная рукой Иванса Потта. Этот человек сообщал главе ложи Вермисы, что он присылает к нему двух хороших ребят, Лоулера и Эндрюса, которым предстоит поработать в окрестностях города. Дальше в записке Потта говорилось, что он

считает благоразумнее не объяснять подробностей дела, порученного прибывшим в Вермису братьям. Не потрудится ли мастер хорошенько спрятать их и позаботиться о них до наступления времени действий? Со своей стороны, Макгинти писал Сканлену, что никого не может спрятать в Доме Союза, а потому просил его и Джона на несколько дней приютить у себя приезжих.

В тот же вечер явились Лоулер и Эндрюс. Лоулер, человек пожилой, как видно, наблюдательный и замкнутый, одетый в черный сюртук, с мягкой фетровой шляпой на голове и с седой растрепанной бородой, походил на странствующего священника. Его спутник, Эндрюс, почти мальчик, веселый, с открытым лицом и резкими манерами, казался школьником, который наслаждается каникулами и боится истратить даром хоть одну минуту. Они оба не пили спиртного и во всех отношениях вели себя как примерные граждане. Между тем, оба успели доказать, что они прекрасные орудия преступной ассоциации. Лоулер выполнил четырнадцать поручений общества, Эндрюс – три.

Макмурдо скоро убедился, что они охотно говорили о своих прошлых делах, отзываясь о них со скромной гордостью людей, бескорыстно служивших обществу. О предстоящей же задаче упоминали очень сдержанно.

– Нас выбрали, потому что ни я, ни этот мальчик не пьем, – объяснил Джону Лоулер, – и, значит, не скажем ничего лишнего. Не обижайтесь, но таковы распоряжения областного делегата.

– Всем нам одинаково близко дело, – сказал Сканлен, когда все четверо сели за стол ужинать.

– Правильно, и мы охотно будем толковать с вами хоть до утра о том, как был убит Чарли Вилльямс или Симон Берд, или вообще о чем-либо прошлом, но до окончания предстоящего дела о нем не обмолвимся ни словом.

Несмотря на скрытность гостей, Сканлен и Макмурдо решили присутствовать при «потехе». Поэтому, когда ночью Макмурдо услышал на лестнице тихие шаги, он разбудил Сканлена, и оба быстро оделись. Внизу они увидели отворенную дверь. Их гости уже выскользнули из передней. Еще не рассвело, однако при свете уличных фонарей Джон и его товарищ разглядели две удалявшиеся фигуры и, бесшумно ступая, двинулись вслед за ними.

Меблированный дом старой ирландки стоял на самом краю города, благодаря этому Джон и Мик скоро очутились на перекрестке за городской чертой. Там Лоулера и Эндрюса ждало еще трое приезжих братьев. Очевидно, предстояло важное дело, которое требовало нескольких участников. От перекрестка приезжие выбрали дорогу к Вороньей горе, где помещались копи, находившиеся в руках энергичного и бесстрашного директора, уроженца Новой Англии. Тот даже в течение этого долгого периода умел поддерживать порядок и дисциплину среди рабочих и служащих.

Светало. По черной тропинке шли шахтеры, кто поодиночке, кто с группой товарищей. Макмурдо и Сканлен влились в поток рабочих, не теряя из виду людей, за которыми следили. Над землей висел густой туман.

И вдруг раздался резкий свисток. Это был сигнал, который обозначал, что через пятьдесят минут в шахту станут спускать платформы и начнется дневная смена. Когда Сканлен и Джон дошли до открытой площадки около шахты, там толпилось с сотню шахтеров, ожидавших своей очереди спуститься. Они топали ногами и дыханием согревали пальцы.

Приезжие Чистильщики стояли в тени машинного отделения, а Сканлен с Макмурдо взобрались на груды шлака, с которой все хорошо просматривалось. Из машинного отделения вышел горный инженер, рослый бородатый шотландец Мензис, и засвистел в свисток, давая сигнал для спуска платформы. В то же мгновение директор – высокий худощавый молодой человек с чисто выбритым лицом – быстро пошел к шахте. Сделав несколько шагов, он заметил группу молчаливых людей под крышей машинного отделения. Все они надвинули на лбы

шляпы и подняли воротники, чтобы, по возможности, скрыть свои лица. На мгновение предчувствие смерти холодной рукой сжало сердце директора, однако он отделался от него, думая только о причинах появления незнакомых людей.

– Кто вы? – спросил он, подходя к ним. – И что делаете здесь?

Вместо ответа молодой Эндрю шагнул вперед и выстрелил ему в живот. Сотня ожидающих шахтеров застыла как парализованная. Директор обеими руками зажал рану, поднялся с земли и, шатаясь, побрел прочь, но выстрелил второй убийца. Директор упал на бок.

При виде этого из груди Мензиса вырвался вопль ярости. Он с болтом в руках кинулся на убийц, но две пули ударили его в лицо, и он упал к ногам преступников. Несколько шахтеров кинулись вперед, послышались крики сострадания и гнева, но двое пришедших выпустили еще двенадцать зарядов, пули просвистели над головами рабочих, и шахтеры разбежались. Когда некоторые, наиболее храбрые, снова собрались к копиям, шайка убийц затерялась в утреннем тумане, и ни один свидетель не мог клятвенно сказать, что за люди на глазах ста зрителей совершили убийство.

Сканлен и Макмурдо пошли домой. Сканлен притих, он в первый раз видел убийство, и дело показалось ему менее приятным и забавным, чем его уверяли. Горестные крики жены убитого директора преследовали их, пока они двигались к дому. Джон молчал, погруженный в свои мысли, однако не выказывал сочувствия к слабости своего товарища.

– Конечно, это походит на войну, – твердил он, – это и есть война, и мы наносим удары, когда можем.

В эту ночь в Доме Союза пировали братья ложи: они не только радовались смерти директора и инженера копей Вороньего холма, гибель которых должна была обречь это предприятие на страх в череде других компаний, поддавшихся террору и шантажу, но и победе братьев вермисской ложи. Оказалось, что, посылая пятерых молодцев нанести удар, Потт потребовал, чтобы Вермиса, в свою очередь, тайно избрала троих братьев для убийства Вильяма Хальса, одного из самых известных и популярных владельцев копей в Джильмертонском участке. У этого Хальса, как предполагалось, не было врагов во всем мире, так как он во всех отношениях был образцовым хозяином предприятия. Тем не менее, владелец копей требовал от своих подчиненных производительности труда и выгнал несколько ленивых и вечно пьяных служащих, принадлежавших к масонам. На его двери вывешивались бумажки с изображением гробов, но это не поколебало его решимости. Чистильщики приговорили его к смерти.

Казнь привели в исполнение. Тед Бальдвин, красовавшийся на почетном месте рядом с мастером, был главой шайки. Его налившееся кровью лицо и остекленевшие, покрасневшие глаза говорили о бессоннице и пьянстве. Он и двое его товарищей провели предыдущую ночь в горах и вернулись обратно грязные, с обветренными лицами. Тем не менее, никакие герои, явившиеся домой после невероятно трудных подвигов, не могли ждать более горячего приема со стороны своих товарищей. Они несколько раз повторили рассказ об убийстве, вызывая восклицания восторга и взрывы хохота.

Это был великий день Чистильщиков. Мрачная туча над долиной сгустилась еще больше. И как мудрый генерал выбирает для победы такое время, в которое он может удвоить свои силы, а враги еще не успели оправиться после поражения, так и Макгинти, глядя на арену своих действий злобным взглядом, задумал новое нападение на противников. В эту ночь разгула, когда полупьяные Чистильщики расходились, он дотронулся до плеча Джона и провел его во внутреннюю комнату, в которой произошел их разговор.

– Вот что, милейший, – сказал он, – у меня есть дело, достойное вас. Отдаю его всецело в ваши руки.

– Я горжусь этим, – ответил Макмурдо.

– Вы можете взять с собою Мендерса и Рейлля. Они уже предупреждены. Пока мы не разделаемся с Честером Вилькоксом, у нас не будет покоя, а если вам удастся покончить с ним, вы заслужите благодарность всей угольной области.

– Постараюсь сделать все возможное. Кто он, и где я могу его застать?

Макгинти вынул из уголка рта сигару, наполовину изжеванную, наполовину выкуренную, и стал рисовать чертеж на листочке, вырванном из записной книжки.

– Он старый боевой сержант, седой, весь покрытый шрамами. Мы дважды пытались покончить с ним, но нам не повезло. Во время последней попытки Джим Карнавэ погиб. Теперь ваш черед. Вот дом, видите, он стоит одиноко на перекрестке дороги в Дайк. Рядом с ним нет жилищ, где бы могли услышать крики. Учтите, Вилькокс всегда при оружии и, не задавая вопросов, стреляет быстро и метко. Лучше все проделать ночью. Правда, с ним в доме трое детей, жена и служанка, но выбирать нам не приходится. Или всех, или никого! Если бы вы могли положить мешок со взрывчатым веществом под порог входной двери и приделать к нему медленно горящий фитиль...

– А что сделал этот человек?

– Разве я не сказал вам, что он застрелил Джима Карнавэ?

– А почему застрелил?

– Вам-то что за дело? Карнавэ бродил вокруг его дома, и он застрелил его. Этого достаточно для меня и для вас.

– Там две женщины и дети. Их тоже надо уничтожить?

– Необходимо. Как иначе мы доберемся до него?

– Тяжела их участь, ведь они же ничего не сделали.

– Что это за речи? Не отказываетесь ли вы от поручения?

– Дайте мне две ночи, чтобы я мог осмотреть дом и составить план. Потом...

– Отлично, – сказал Макгинти, пожимая Джону руку. – Великий день будет для нас, когда вы принесете нам приятное известие. После этого удара все встанут на колени.

Макмурдо долго и серьезно думал о данном ему поручении. В следующую ночь он отправился на разведку и вернулся, когда уже рассвело, а днем повидался с двумя своими подчиненными, Мендерсом и Рейллем, беспечными юношами, которые с таким восторгом думали о предстоящем преступлении, точно дело шло об охоте на оленя.

На третью ночь трое братьев встретились за чертой города, каждый был вооружен, один из молодых людей принес мешок с взрывчаткой, которую употребляли в каменоломнях. В два часа ночи Чистильщики подошли к одинокому дому. Им посоветовали остерегаться собак-ищеек, и потому они шли осторожно, держа револьверы наготове.

Макмурдо послушал возле двери, но внутри дома все было тихо. Тогда он приставил к стене мешок и зажег фитиль. Когда все было готово, Джон и его товарищи отбежали на безопасное расстояние и спрятались в канаве.

Наконец, оглушающий гром взрыва и стук обломков разрушающегося дома поведали им, что их задача выполнена. Кровавые летописи общества еще никогда не упоминали о деле, сделанном так чисто. Но, увы, хорошо организованный и смело выполненный план пропал даром! Вероятно, судьба многих жертв и угрозы шайки встревожили Честера Вилькокса! Накануне он с семьей перебрался в более безопасное и менее известное жилище, к тому же под охраной полицейской стражи. Взрыв разрушил пустой дом, и суровый старый сержант продолжал учить дисциплине шахтеров Дайка.

– Предоставьте его мне, – сказал Макмурдо. – Он моя жертва, и я доберусь до него, даже если придется ждать целый год.

Собрание ложи выразило Джону благодарность и доверие. Так на время окончилось дело Вилькокса. Когда через несколько недель газеты объявили, что он застрелен из засады, никто не усомнился, что Макмурдо, наконец, завершил свое, не доведенное до конца дело...

Таковы были приемы общества вермисских масонов, таковы были деяния Чистильщиков, благодаря которым они распространяли террор в обширной и богатой области. Зачем пятнать страницы отчетом о дальнейших преступлениях? Разве я недостаточно обрисовал этих людей и их поступки? Злодеяния Чистильщиков записаны историей, и о них можно прочитать.

Из мемуаров желающий узнает, что безоружные полицейские Иванс и Хент были застрелены за то, что они решились арестовать двоих Чистильщиков. Там же можно прочитать, как застрелили миссис Лербей, сидевшую возле постели своего мужа, до полусмерти избитого по приказанию мастера Макгинти. Как убили старшего Дженкинса, а потом его брата. Как изуродовали Джемса Мердока, взрывом уничтожили целую семью Степхоузов и предали смерти Стендальса. Все это в течение одной зимы. Темная тень скрыла Долину Ужаса.

Пришла весна, зажурчали ручьи. Для природы, так долго сжатой железными оковами, явилась надежда, но не было просвета для людей, живших под ярмом террора. Никогда над ними не висела такая безнадежно темная, тяжелая туча, как в ранний период лета 1875 года.

Глава VI. Опасность

Макмурдо, уже получивший звание дьякона братства, с надеждой когда-нибудь, после Макгинти, сделаться мастером, стал теперь необходим в совете братьев. При каждом возникшем вопросе спрашивали его мнения, при каждом новом деле просили у него помощи. Но чем популярнее становился он среди масонов, тем более мрачные взгляды встречали его, когда он проходил по улицам Вермисы. Несмотря на ужас, царивший в сердцах горожан, они набирались смелости, чтобы начать объединяться против своих притеснителей. До логи дошли слухи о тайных собраниях в редакции «Герольда» и о раздаче огнестрельного оружия сторонникам закона и порядка. Тем не менее, Макгинти и его подчиненные не беспокоились, их было много, они обладали решительностью и хорошим оружием, противники же братства были достаточно разрознены.

Дело, как и раньше, должно было окончиться беспцельными толками, может быть, несколькими пустыми арестами. Так считали Макгинти, Макмурдо и большинство Чистильщиков.

Стоял май. Наступил вечер. Подходил час еженедельного субботнего заседания масонов, и Макмурдо уже собирался отправиться в Дом Союза, когда к нему зашел Моррис.

– Можно мне откровенно поговорить с вами, мистер Макмурдо? – спросил он.

– Конечно.

– Я не могу забыть, что однажды излил перед вами сердце, и вы не выдали меня, хотя сам мастер пришел расспрашивать вас о нашей беседе.

– Разве я мог поступить иначе, раз вы доверились мне! Тем не менее, я не согласился с вашими словами.

– Мне это хорошо известно. Только с вами я могу говорить, зная, что меня не предадут. Моррис выпил виски, и его бледное лицо слегка порозовело.

– Я могу одной фразой объяснить вам все, – сказал он. – На наш след напал сыщик.

Макмурдо с удивлением посмотрел на него.

– Да вы с ума сошли! – произнес он. – Разве вся округа не кишит полицейскими и сыщиками? А какой вред причинили они нам?

– Нет-нет, это не местный сыщик. Как вы говорите, здешних ищек мы знаем. Но слышали вы о компании Пинкертон?

– Я читал об этих людях.

– Поверьте, когда они нападают на след человека, ему нет спасения. Для них не существует вопроса «поймаю или не поймаю», как для правительственных полицейских. Они дей-

ствуют упорно, настойчиво и не прекращают деятельности, пока, тем или другим путем, не достигнут своей цели. Если один из Пинкертонов начнет преследовать нас, мы все погибли.

– Мы должны его убить!

– Вот ваша первая мысль! То же скажет ложа. Не говорил ли я вам, что дело кончится убийством!

– Что такое убийство? Разве это не обычная вещь в здешних местах?

– Конечно, но не мне указывать на человека, которого убьют. После этого я не буду знать ни минуты покоя. А между тем, вопрос идет о наших собственных жизнях. Скажите, что мне делать?

Охваченный муками нерешительности, Моррис покачивался из стороны в сторону. Его слова встревожили Макмурдо. Казалось, он почувствовал опасность и необходимость выступить ей навстречу. Схватив Морриса за плечо, Джон сильно потрянул его.

– Послушайте, вы, – произнес он хриплым от волнения голосом. – Вы не поправите дела, заывая, как женщина на похоронах. Перечислите факты. Кто он? Где он? Как вы узнали о нем? Почему пришли ко мне?

– Я пришел к вам, как к единственному человеку, который согласится дать мне совет. Помните, я говорил, что до приезда сюда я держал лавку на востоке? В той местности у меня остались друзья, и один из них служит на телеграфе. Вчера я получил от него письмо. Читайте. Вот что узнал Макмурдо.

«Как поживают там у вас Чистильщики? Мы здесь часто читаем о них в газетах. Между нами, я надеюсь скоро узнать от вас о важных событиях. Пять больших корпораций и две железнодорожные компании серьезно взялись за дело. Можете быть уверены, что они доберутся до вас, так как приняли непоколебимые решения. Действует Пинкертон, и его лучший сыщик Бэрди Эдвардс ведет расследование. Собираются покончить с шайкой».

– Теперь прочтите постскриптум.

«Конечно, обо всем этом я узнал по секрету во время службы, а потому сохраняйте тайну. Странно было бы, если бы через руки человека ежедневно проходили зашифрованные депеши и он не научился бы разбирать шифр».

Некоторое время Макмурдо сидел молча, беспокойно перебирая пальцами письмо. На мгновение он увидел перед собой бездну.

– Кто-нибудь еще знает о письме? – спросил он.

– Нет.

– А как вы думаете, ваш друг напишет еще кому-нибудь?

– Мне кажется, у него есть двое-трое приятелей.

– Принадлежащих к ложе?

– Может быть.

– Я спрашиваю, потому что он мог описать кому-нибудь наружность Бэрди Эдвардса. Ведь тогда нам было бы легко напасть на след сыщика Пинкертона.

– Это возможно. Однако я не думаю, чтобы он видел его. Ведь он пишет, что узнал о сыщике из зашифрованной депеши. Мог ли он видеть его?

Макмурдо выпрямился.

– Я придумал! – произнес он. – Как глупо, что я не сообразил раньше! Да ведь нам везет! Мы поймем его прежде, чем он успеет повредить нам. Вот что, Моррис, согласны ли вы отдать дело в мои руки?

– Конечно, только бы вы избавили меня от него.

– Избавлю! Вы будете в стороне. Не придется даже упоминать вашего имени.

Уходя, Моррис печально покачал головой.

– Я чувствую на себе его кровь, – простонал он.

– Самооборона – не убийство, – с мрачной улыбкой заметил Макмурдо. – Или он погибнет, или мы! Если мы надолго оставим его в Долине, он уничтожит всех нас, я это чувствую. Ах, брат Моррис, нам скоро придется избрать вас мастером, потому что вы спасли ложу!

А между тем, из поступков Джона было ясно, что он гораздо серьезнее относится к вмешательству нового сыщика, нежели выразил словами. На него что-то повлияло: или собственная совесть, или слава организации Пинкертона, или известие о том, что крупные богатые корпорации решили рассеять Чистильщиков, – во всяком случае, что-то заставляло его действовать, как действовал бы человек, готовый к самому худшему. Он уничтожил решительно все бумаги, которые могли скомпрометировать его.

Покончив с этим делом, он с удовлетворением вздохнул, ему казалось, что теперь безопасность обеспечена.

И все же что-то тревожило Джона по дороге к ложе. Он остановился возле дома Шефтера. Ему не разрешалось входить в комнаты, но, постучав в окошко, он вызвал Этти. Лукавая ирландская веселость исчезла из глаз Макмурдо.

– Что-то случилось, – произнесла Этти. – Джек, вам грозит беда?

– Право, ничего особенно дурного, моя прелесть. Тем не менее, может быть, лучше исчезнуть раньше, чем положение ухудшится.

– Исчезнуть?

– Однажды я обещал вам, что наступит день, когда я уеду. Теперь, мне кажется, он подходит. Сегодня я получил известие. Нехорошее известие, и вижу, что приближается беда.

– Полиция?

– Один из Пинкертонов. Но, конечно, вы не знаете, что это такое и что это значит для людей, подобных мне. Я слишком запутан, и мне придется поспешно бежать. Помните, вы сказали, что, если я уеду, вы поедете со мной?

– О, Джек, в этом наше спасение.

– В некоторых вещах я честный человек, Этти. Ни за что в мире я не дал бы упасть ни одному волоску с вашей прелестной головки. Вы доверитесь мне?

И, не говоря ни слова, она положила свои пальчики на его руку.

– Выслушайте меня и исполните все, что я вам скажу, потому что это единственное спасение для нас. Я чувствую, что в этой долине произойдет много событий. Многим из нас придется позаботиться о себе. Мне, во всяком случае. Вы должны уехать со мной.

– Я отправлюсь за вами, Джек.

– Нет-нет, вы убежите со мной. Может быть, долина Вермисы навсегда закроется для меня, и я никогда не вернусь в нее. Могу ли я оставить вас здесь? Может статься, мне придется прятаться от полиции, не имея случая дать вам знать о себе. Вы должны бежать со мной! Там, откуда я приехал, я знаю одну хорошую женщину и оставляю вас у нее до тех пор, пока не получу возможности обвенчаться с вами. Вы поедете со мной?

– Да, Джек.

– Благословит вас Бог за доверие. Негодяем был бы я, если бы употребил его во зло. Теперь, Этти, по одному моему слову вы должны бросить все, прийти в зал для пассажиров на станции и остаться там, пока я не явлюсь за вами.

– Днем ли, ночью ли, я приду по первому вашему слову, Джек.

Начав подготовку к бегству и несколько успокоенный этим, Макмурдо направился к ложе. Чистильщики уже собрались, и только путем сложных условных знаков он мог пройти мимо наружных и внутренних сторожевых постов, которые охраняли зал. Гул приветствий встретил ирландца, когда он появился в комнате собраний.

– Достопочтенный мастер, – торжественным тоном произнес он. – Прошу слова ради дела особой важности.

– По правилам ложи нужно отложить все остальное, – произнес председатель. – Мы слушаем вас, брат Макмурдо.

Ирландец вынул из кармана письмо.

– Достопочтенный мастер и брат, – сказал он, – сегодня я принес дурные вести, и нам лучше немедленно обсудить это дело, нежели дожидаться неожиданного удара. Меня известили, что самые сильные и богатые промышленники соединились с целью погубить нас и что в данную минуту сыщик компании Пинкертон Бэрди Эдвардс действует в долине. Он собирает показания, которые, может быть, набросят петли на шеи многих из нас. Вот что я прошу немедленно обсудить.

Стояла мертвая тишина. Ее прервал председатель.

– Какие доказательства имеете вы, брат Макмурдо? – спросил он.

– Это написано в письме, попавшем в мои руки, – ответил Джон и вслух прочитал роковые для братьев строки. – Честь не позволяет мне сообщить дальнейшие подробности, касающиеся письма, или отдать его вам, однако уверяю, в нем нет больше ничего, что могло бы касаться интересов ложи. Я сообщил вам все, что сам узнал.

– Позвольте мне сказать, председатель, – заметил один из старших братьев, – что мне случилось слышать имя Бэрди Эдвардса. Он лучший сыщик Пинкертон.

– Где же он? И как мы его узнаем? – спросил Макгинти.

– Достопочтенный мастер, – серьезно произнес ирландец, – позвольте заметить, что это такой животрепещущий вопрос, о котором не следует толковать в ложе открыто. Боже сохрани, чтобы я заподозрил кого-либо из присутствующих, однако если этот человек услышит хоть тень слуха – конец всему. Нам не удастся добраться до него. Я попросил бы ложу избрать особый комитет и предложил бы в кандидаты вас, мистер председатель, брата Бальдвина и еще пятерых. Там я мог бы свободно говорить о том, что знаю, и высказать свои дальнейшие предположения.

Мысль Джона понравилась. Кроме председателя в совет избрали Бальдина, похожего на коршуна секретаря Гаравея, грубого убийцу Тигра Кормака, казначея и бесстрашных, отчаянных, ни перед чем не останавливающихся братьев Вильбайев.

Обыкновенный пир ложи на этот раз не затянулся и прошел без обычного разгула. Опасения омрачали умы братьев, и многие из них впервые увидели грозную тучу правосудия.

– Говорите, Макмурдо, – сказал мастер, когда в зале остались только выбранные в комитет братья.

Все семеро замерли на своих местах.

– Я знаю Бэрди Эдвардса, – заявил молодой ирландец, – но здесь он, конечно, носит другую фамилию. Это храбрец, а не безумец. Он живет в Гобсоне под именем Стива Вильсона.

– Откуда вы знаете?

– Я видел его и говорил с ним. Эта встреча не занимала меня в то время, и без письма я не вспомнил бы о ней даже теперь. Тем не менее, я положительно уверен, что Стив Вильсон – Эдвардс. Я встретился с ним в вагоне, когда в среду ездил по линии. Он назвал себя журналистом, и тогда я верил ему. Ему хотелось выведать все о Чистильщиках и о том, что он называл их преступлениями, для газеты «Нью-Йоркская пресса». Этот человек засыпал меня вопросами, но я ничего не сказал ему.

«Я заплачу и заплачу хорошо, если только мне дадут материал, годный для моего редактора», – убеждал меня он. Тогда я рассказал любопытному несколько выдумок, которые, как мне казалось, могли ему понравиться, и он передал мне бумажку в двадцать долларов. «Вы получите в десять раз больше, если узнаете что-нибудь еще», – прибавил он.

– Что вы ему сказали?

– Все, что мог придумать.

– А почему вы уверены, что он сыщик?

– Сейчас объясню. Он вышел из вагона в Гобсоне и зашел в телеграфное отделение.

«Мне кажется, – заметил телеграфист, едва за моим спутником затворилась дверь, – нам следовало бы брать двойную плату за такие вещи». Я посмотрел и подтвердил: «Мне тоже кажется».

Действительно, телеграфный бланк был заполнен непонятным шифром. «И каждый день он отправляет такой листок», – продолжал телеграфист. «Это корреспонденции в его газету, – объяснил ему я, – и журналист боится, чтобы другие не перехватывали их». Телеграфист разделял мое тогдашнее убеждение, но теперь оно изменилось.

– Мне кажется, вы правы, – произнес Макгинти. – Но что делать?

– Почему бы теперь же и не покончить с ним? – предложил один Чистильщик.

– И чем скорее, тем лучше.

– Если бы знать, где можно захватить его, я поехал бы немедленно, – сказал Макмурдо. – Конечно, он в Гобсоне, но я не знаю, где его дом. Тем не менее, у меня есть план.

– Какой?

– Завтра утром я отправлюсь в Гобсон и с помощью телеграфиста разыщу его. Эдвардсу я скажу, что сам масон, и предложу за известную цену открыть ему все тайны ложи. Можете быть уверены, что он попадется на удочку. Дальше я говорю ему, что все бумаги в моем доме, что если бы я привел его к себе, когда кругом много народа, это стоило бы мне жизни. Я предложу ему прийти в десять часов вечера и пообещаю, что тогда он увидит все. Так мы его поймем.

– А дальше?

– Остальное придумайте сами. Дом, где я живу, стоит уединенно. Ирландка верна, как сталь, и глуха, как колода. Кроме меня и Сканлена, в доме нет ни души. Если я выманю у него обещание побывать здесь, вы соберетесь у меня к десяти часам. Мы его впустим и, если сыщик живым выйдет из дома ирландки, он будет иметь право весь остаток жизни хвалиться своим необыкновенным счастьем.

– Полагаю, в компании «Пинкертон» появится вакансия, – заметил Макгинти. – На этом и порешим, Макмурдо. Завтра в десять часов мы соберемся в вашем доме.

Глава VII. Бэрди Эдвардс в западне

Макмурдо сказал правду. Дом, в котором он жил, стоял очень уединенно и был удобен для задуманного преступления. Он помещался на самой окраине города. В обыкновенном случае заговорщики просто выпустили бы заряды своих револьверов в тело осужденного, теперь же они считали необходимым выпытать у жертвы, многое ли известно агенту Пинкертона, откуда он получил сведения и какие факты сообщил своим начальникам. Могло случиться, что они опоздали, и Эдвардс уже успел написать о них, но все же Чистильщики надеялись, что ничего особенно важного он не разведал.

Во всяком случае, они решили все узнать от него лично. Захватив Бэрди Эдвардса в свои руки, они придумают способ заставить его говорить.

Макмурдо поехал в Гобсон. По-видимому, в это утро полиция очень интересовалась Джоном. Капитан Мервин, который в самом начале заявил, что он помнит его еще по Чикаго, сам подошел к нему на станции. Макмурдо отвернулся и отказался разговаривать с ним. Вернувшись из поездки, Джон зашел в Дом Союза и сказал мастеру:

– Он придет.

– Отлично, – кивнул Макгинти. – А как вы думаете, он много знает? – тревожно спросил мастер.

Макмурдо мрачно покачал головой.

– Он довольно долго прожил здесь. По крайней мере, недель шесть, и я не думаю, что он приехал с целью любоваться природой. Если все это время сыщик работал с помощью железнодорожных денег, он, вероятно, добился известных результатов и уже сообщил их по назначению. Мне кажется, я нащупал его слабость. По-видимому, если бы он мог напасть на хороший след Чистильщиков, он пошел бы в их собрание. Я взял его деньги. – Джон с усмешкой вынул из кармана пачку кредитных бумажек. – Он обещал мне дать столько же, когда я покажу ему бумаги.

– Какие бумаги?

– Никаких. Но я наговорил ему разных разностей о постановлениях, книгах, правилах и формах братства. Он надеется решительно все разузнать раньше, чем выйдет из моего дома.

– В этом отношении он прав, – мрачно произнес Макгинти. – А не спросил он вас, почему вы не принесли к нему бумаг?

– Разве я мог взять их с собой, когда меня подозревают? И еще сегодня капитан Мервин разговаривал со мной на станции.

– Я слышал об этом, – заметил Макгинти. – Сдается мне, что вся тяжесть этого дела ляжет на вас. Конечно, покончив с Эдвардсом, мы можем бросить его в старую шахту, но как бы то ни было, нельзя будет отрицать, что он жил в Гобсоне и что вы сегодня ездили туда.

Макмурдо пожал плечами.

– Если мы будем действовать правильно, убийства не докажут, – заметил он. – В темноте никто не заметит, как он войдет в мой дом, и никто не увидит, как он выйдет из моих дверей. Вот что, советник! Я объясню вам мой план и попрошу вас сообщить его остальным. Вы все придете в девять. Он явится в десять и три раза постучит в дверь. Я впущу его, потом стану позади и закрою дверь. Тогда он наш.

– Легко и просто.

– Да, но следующий шаг требует осмотрительности. Бэрди Эдвардс не из слабых, хорошо вооружен и, вероятно, будет настороже. Подумайте, он войдет в комнату, в которой он ждет одного, а увидит семерых. Будут выстрелы, кто-нибудь может быть ранен.

– Конечно.

– А шум привлечет к нам всех ищущих города.

– Думаю, вы правы.

– Вот что я предлагаю сделать. Вы все соберетесь в большой комнате, в той самой, где однажды разговаривали со мной. Я открою ему дверь, проведу в маленькую комнату, а сам отправлюсь якобы за бумагами. Это даст мне возможность сказать вам, как обстоит дело. Потом вернусь к нему с какими-нибудь фальшивыми документами. Он станет просматривать их, а я кинусь на него и обезоружу. Когда вы услышите мой зов, торопитесь. Чем скорее придете вы, тем лучше. Он силен, и, может быть, мне не совладать с ним.

– Это хороший план, – заметил Макгинти. – Ложа будет у вас в долгу. Я думаю, когда я покину кафедру председателя, у меня будет хороший преемник.

– Советник, я только новичок, – ответил Макмурдо, но на его лице отразилось, что комплимент великого человека обрадовал его.

Вернувшись домой, Джон приготовился к страшному вечеру. Прежде всего, вычистил, смазал и зарядил свой револьвер, потом внимательно осмотрел комнату, предназначенную для ловушки.

Макмурдо потолковал со Сканленом о предстоящем событии. Хотя Мик принадлежал к страшному братству, но был безобидным человеком, по слабости характера не способным противиться мнению товарищей, но в душе возмущенный кровавыми деяниями.

Макмурдо вкратце рассказал ему о задуманном и прибавил:

– На вашем месте, Мик Сканлен, я ушел бы и не принимал участия в этом деле.

– Конечно, Мак, – ответил Сканлен. – Но знаете, у меня не хватает только смелости, а не желания действовать. Когда я увидел, как убили директора Денна, там, подле угольных копей, я еле вынес это. Я не создан для подобного, как вы или Макгинти.

Избранные в комитет Чистильщики пришли вовремя. Внешне они походили на почтенных, прилично одетых граждан, но физиономист прочитал бы мало надежды для Бэрди Эдвардса в линиях этих жестких губ и безжалостных глазах. В комнату не вошло ни одного человека, руки которого не были бы окрашены кровью.

Они так же привыкли убивать людей, как мясники резать овец. Конечно, самым заметным как по наружности, так и по жестокости был мастер. Секретарь Гаравей, худой желчный человек с длинной морщинистой шеей и нервными дергающимися руками и ногами, безупречно честный по отношению к финансам ордена, не имел ни малейшего понятия о справедливости или порядочности во всех других вопросах. На лице казначея Картера, человека средних лет, всегда лежало бесстрастно-мрачное выражение, а его желтоватая кожа напоминала пергамент. Он был отличным организатором, и механизм почти всех преступлений рождался в его мозгу. Братья Вильбай, высокие, стройные юноши, с лицами, полными энергии, давно доказали, что они принадлежат к числу людей дела, а не слова. Их товарищ, Тигр Кормак, плотный смуглый молодой человек, своей свирепостью и жестокостью вселял страх даже в Чистильщиков.

Вот какие «братья» собрались в этот вечер под крышей Макмурдо с надеждой убить сыщика Пинкертона.

Джон поставил на стол виски, и все поспешили подкрепить свои силы для предстоящей работы. Бальдвин и Кормак скоро слегка опьянели, и это пробудило всю их жестокость. Кормак дотронулся рукой до печи. Она топилась, потому что стояли еще холодные весенние ночи.

– Годится, – сказал он с проклятием.

– Да-да, – согласился Бальдвин, уловив скрытое значение этого слова. – Если мы притянем к ней молодчика, нам быстро удастся выудить из него всю правду.

– Не бойтесь, мы узнаем правду, – сказал Макмурдо.

У этого человека были положительно стальные нервы. Вся тяжесть дела лежала на его плечах, а между тем он держался хладнокровно и спокойно.

– Вы покончите с ним, – сказал Макгинти. – Никто не двинется раньше, чем вы схватите его за горло. Только жалко, что здесь нет ставен.

– Никто не станет следить за нами. Время приближается.

– Может быть, он не придет? Может быть, он почувствовал опасность? – заметил секретарь.

– Не бойтесь, придет, – ответил Макмурдо. – Он так же жаждет прийти, как вы увидите его. Слушайте.

Все застыли, как восковые фигуры. Послышалось три громких удара в дверь.

– Тише!

Во всех глазах блеснуло ликование. Руки легли на спрятанное оружие.

– Ни звука! – шепнул Макмурдо, вышел из комнаты и запер за собою дверь.

Напряженно вслушиваясь, убийцы ждали.

Они считали шаги. Вот он отпер наружную дверь. Прозвучало несколько слов, вероятно, приветственных. Послышались чужие шаги и звук незнакомого голоса. Дверь стукнула, и ключ, лязгнув, повернулся в замке. Жертва вошла в ловушку. Тигр Кормак было засмеялся, но Макгинти прижал свою большую руку к его рту.

– Тише, безумный, – шепнул мастер, – вы погубите всех нас.

Из соседней комнаты слышался разговор. Наконец дверь отворилась, и появился Макмурдо, прижимающий палец к губам.

Джон подошел к концу стола, остановился и каким-то странным взглядом обвел всех присутствующих. В нем произошла легкая перемена. Его осанка и манеры говорили, что ему предстоит выполнение важной задачи, лицо приняло твердость гранита. Глаза горели волнением. Он превратился в вожака. Все с любопытством смотрели на него, но он молчал, только снова окинул общество странным взглядом.

– Ну, – наконец не выдержал Макгинти. – Здесь он? Здесь Бэрди Эдвардс?

– Да, – медленно произнес Макмурдо. – Бэрди Эдвардс здесь. Это я.

Около десяти секунд можно было бы подумать, что в комнате нет ни души – воцарилось глубокое молчание. Шипение котелка на плите казалось резким и пронзительным. Семь бледных лиц, поднятых к человеку, который господствовал над ними, окаменели от ужаса.

Внезапно зазвенели разбитые стекла, и блестящие ружейные стволы проникли в окна. Занавески были сорваны.

При виде этого Макгинти заревел, как раненый медведь, и кинулся к полуоткрытой двери. Там его встретил револьвер и суровый взгляд синих глаз капитана Мервина. Исполин отступил и снова упал в кресло.

– Здесь безопаснее, советник, – сказал человек, которого они знали под именем Макмурдо. – А если вы, Бальдвин, не уберете револьвера, то лишитесь жизни. Вокруг этого дома сорок вооруженных людей. Судите сами, есть ли у вас возможность спасения. Возьмите их револьверы, Мервин.

Под угрозой винчестеров возможности сопротивляться не было. Чистильщиков обезоружили. В мрачном тупом недоумении они по-прежнему сидели вокруг стола.

– На прощанье мне хочется сказать вам два слова, – обратился к Чистильщикам поймавший их человек. – Вероятно, мы встретимся до суда и я дам вам тему для размышлений. Вы теперь знаете, кто я такой, и я могу положить карты на стол. Я Бэрди Эдвардс из агентства Пинкертон, и меня послали, чтобы уничтожить вашу шайку. Мне предстояло сыграть опасную игру. Ни одна душа, никто, даже самые близкие, самые любимые мной люди, не знали правды. Никто не знал, кроме капитана Мервина и моих начальников. Но, слава Богу, теперь все кончено, и я выиграл.

Семь бледных лиц были обращены к нему, во всех глазах горела ненависть, и он читал в них угрозу.

– Может быть, вы думаете, что игра еще не окончена? Что делать, я учитываю и это. Во всяком случае, некоторым из вас не придется больше действовать. Шестьдесят человек сегодня вечером увидит тюрьма. Сознаюсь, когда в мои руки передали это дело, я не верил в существование вашего общества. Мне казалось, что это газетная болтовня, и я докажу ее несостоятельность. Мне было сказано, что ваше общество связано с масонами, и я поехал в Чикаго и вступил в братство.

Скоро я еще тверже решил, что все это газетные басни, потому что в масонских ложах не увидел ничего дурного, напротив, они делали много добра. Тем не менее я должен был выполнить мою задачу и отправился в угольные долины. Приехав в Вермису, я понял, что рассказы о Чистильщиках – не бульварные романы.

Я никого не убил в Чикаго, никогда не подделал ни одного доллара. Монеты, которые я давал вам, – настоящие, тем не менее, эти деньги мной были истрачены самым полезным образом. Зная, каким путем можно приобрести ваше расположение, я делал вид, будто меня преследует правосудие. Это подействовало.

Я присоединился к вашей адской ложе и стал принимать участие в советах. Может быть, скажут, что я был не лучше вас? Пусть говорят, что желают, раз мне удалось выследить вас. Но что было в действительности? В ночь моего вступления в ложу вы избили старика Стенджера. Я не успел предупредить его, но остановил вас, Бальдвин, когда вы хотели убить его. Если я предлагал что-нибудь с целью поддержать мой вес в вашей среде, то лишь такие вещи, которые мог предотвратить. Не было возможности спасти Денна и Мензиса, так как я знал слишком мало, зато я постараюсь, чтобы их убийцы были повешены. Я предупредил Честера Вилькокса, когда взорвал его дом, и он с семьей был в безопасности.

Многих преступлений мне не удалось остановить, но если вы оглянетесь на прошлое и вспомните, как часто намеченная вами жертва возвращалась домой другой дорогой, или оказывалась в городе, когда вы отправлялись за ней за город, или сидела взаперти, когда вы предполагали, что она выйдет наружу, – вы увидите дело моих рук.

– Проклятый предатель, – сквозь зубы прошипел Макгинти.

– Называйте меня так, если это вам приятно, Макгинти. Вы и вам подобные были врагами Бога и человека в этих долинах.

Кому-нибудь надлежало стать между вами и бедными людьми, которых вы терзали. Существовал только один способ, и я воспользовался им. Вы называете меня предателем, но многие тысячи человеческих существ дадут мне имя «избавитель», который погрузился в ад, чтобы спасти их. Три месяца я жил этой жизнью и не согласился бы провести еще три таких месяца, даже если бы мне отдали все казначейство Вашингтона. Я видел необходимость оставаться с вами, пока не заполучу в свои руки сведения о каждом из вас и все ваши секреты. Я выждал бы еще немного, если бы мне не удалось узнать, что моя тайна начинает обнаруживаться.

В город пришло письмо, которое открыло бы вам все. Значит, мне следовало действовать, и действовать быстро. Прибавлю только, что, когда наступит время моей смерти, я умру спокойнее, думая о деле, сделанном в этой долине. Ну, Мервин, я не буду больше задерживать вас. Берите их, и конец...

Остается рассказать немного. Днем Джон поручил Сканлену доставить в дом мисс Этти Шефтер записку, и Мик согласился отнести ее, подмигивая и многозначительно улыбаясь. На следующее утро очень красивая девушка и закутанный в плащ мужчина вошли в вагон экстренного поезда, присланного железнодорожной компанией, который быстро унес их из долины, полной опасностей. Через десять дней они обвенчались в Чикаго. Чистильщиков судили далеко от того места, в котором их сторонники могли терроризировать служителей закона. Напрасно

деньги ложи – деньги, выжатые шантажом из округа Вермисы, – лились, как вода, во имя их спасения. Холодных, ясных, бесстрастных показаний человека, который знал все подробности жизни «братьев», не могли поколебать никакие уловки защитников. После долгих лет шайка, наконец, была рассеяна. Туча перестала давить долину. Макгинти перед казнью хныкал и унижался. Восемь главных последователей мастера разделили его участь, около пятидесяти бывших масонов получили различные сроки тюремного заключения.

Однако, как и предвидел Эдвардс, игра еще не окончилась. Ему предстояло кочевать с места на место. Тед Бальдвин избежал виселицы, и с ним братья Вильбайи и еще несколько неукротимых из шайки. На десять лет они были скрыты от мира, но потом их освободили, и наступил конец мирной жизни Эдвардса. Убийцы поклялись всем, что считали для себя святым, пролить его кровь.

Эдвардса вынудили покинуть Чикаго после двух покушений, до того близких к удаче, что третье, конечно, повлекло бы его смерть. Под новым именем он отправился в Калифорнию. Когда умерла Этти, его снова чуть не убили. Под именем Дугласа он работал в затерянном горном каньоне и там вместе со своим компаньоном англичанином Баркером приобрел состояние. Узнав, что кроважадные убийцы снова напали на его след, он бежал в Англию. В Англии Джон Дуглас вторично женился на достойной девушке, прожил пять лет в Сассексе как помещик, и это пребывание окончилось уже известными событиями.

Эпилог

Состоялось полицейское расследование, и дело Джона Дугласа было передано в высшую инстанцию. Суд оправдал его как человека, действовавшего ради самозащиты.

«Во что бы то ни стало увезите его из Англии, – написал Холмс жене Дугласа. – Здесь пущены в ход силы, может быть, более опасные, чем те, от которых он ускользнул. В Англии ваш муж в опасности».

Прошло два месяца, и мы немного забыли о недавних событиях. Но вот однажды утром в нашем ящике оказалась загадочная записка. «Боже мой, мистер Холмс! Боже мой!» – гласило странное послание. Мы не нашли ни адреса, ни подписи. Странное письмо меня рассмешило, но Холмс отнесся к непонятному посланию необычайно серьезно.

– Дьявольские шутки, Ватсон, – заметил он и долго сидел с мрачным лицом.

Довольно поздно в этот вечер наша квартирная хозяйка, миссис Хадсон, сказала нам, что какой-то джентльмен желает видеть мистера Холмса по очень важному делу. Тотчас вслед за нею вошел Сесиль Баркер с осунувшимся помертвевшим лицом.

– Я получил дурные, ужасные вести, мистер Холмс, – сказал он.

– Я этого боялся, – ответил Холмс.

– Вы не получили телеграммы?

– Ко мне пришла странная записка.

– Бедный Дуглас! Мне говорят, его фамилия Эдвардс, но для меня он навсегда останется Джеком Дугласом из каньона Бенито. Три недели тому назад он с женой отправился в Южную Африку на пароходе «Пальмира». Вчера вечером пароход дошел до Капштадта, а сегодня утром я получил вот эту телеграмму.

«Джек упал за борт и погиб во время бури близ острова Святой Елены. Никто не знает, как случилось несчастье. Иви Дуглас».

– Ага! – задумчиво протянул Холмс. – Конечно, сцену хорошо обставили.

– Вы полагаете, что это не случайность?

– Конечно.

– Убийство?

– Без сомнения.

– Я тоже так думаю. Эти адские Чистильщики, это проклятое гнездо мстительных преступников...

– Нет-нет, дорогой сэр, – заметил Холмс. – В данном случае действовала более искусная рука. Теперь вы не услышите о спиленных двустволках или неуклюжих револьверах. Опытного художника узнают по мазкам. Я узнаю Мориарти по его методам. Это преступление совершено из Лондона, а не из Америки.

– Но во имя чего?

– Оно совершено человеком, который не может терпеть неудачи, человеком с положением, зависящим от прочности успеха. Великий ум и огромная организация ополчились на одного человека.

– Но как этот человек мог стать помощником американских убийц?

– Могу только сказать, что первое известие пришло к нам от одного из его помощников. Американцам дали хороший совет. Желая совершить дело в Англии, они обратились к искусному консультанту по преступлениям, и с этой минуты их жертва была обречена. Сначала он удовольствовался тем, что с помощью своих осведомителей отыскал намеченную личность, затем указал, как следует поступать. В конце концов, узнав о неудаче своего агента, он выступил сам. Помните, я предупреждал Дугласа в Бирльстоне, что предстоящая опасность страшнее прошедшей?

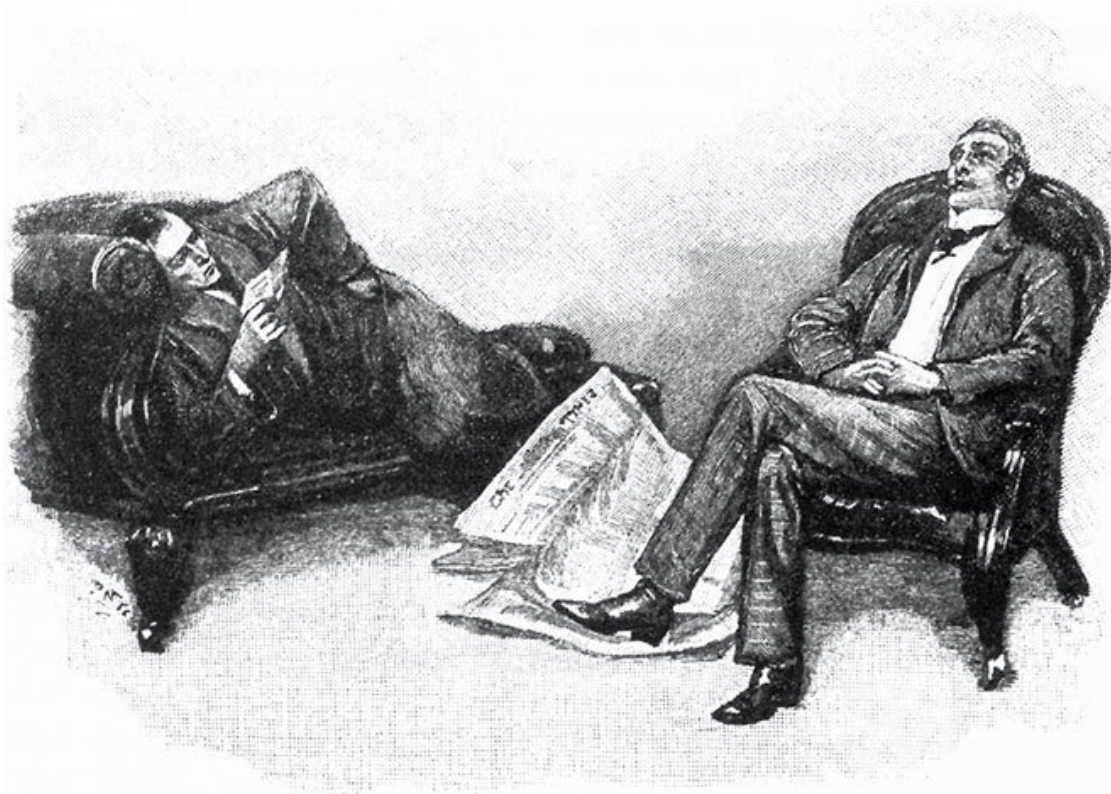
В порыве бессильной злобы Баркер ударил кулаком по столу.

– И вы хотите сказать, что мы должны спокойно сидеть? Что никто не может справиться с этим дьяволом?

– Я не говорю этого, – задумчиво ответил Холмс, и глаза его словно устремились куда-то вдаль. – Но на это требуется время, дайте мне только время!..

Мы несколько минут молчали, а эти глаза, казалось, все силились пронзить густую завесу будущего...

Его прощальный поклон

Убийство в Окзотте

I. Загадка ночи

В моей памятной книжке записано, что это произошло в ненастный туманный день, в марте месяце 1892 года. Мы сидели за завтраком, когда Холмс получил телеграмму, на которую сейчас же написал ответ. Он не обмолвился ни словом по поводу ее, хотя все время думал о ней, так как после завтрака стоял задумчиво перед камином, покуривая трубку и изредка поглядывая на телеграмму. Вдруг он повернулся ко мне, и в глазах его сверкнул лукавый огонек.

– Ватсон, – сказал он, – вас, кажется, можно считать в некотором роде литератором? Не объясните ли вы мне значение слова «необычайный»?

– Удивительный, необыкновенный, – заметил я.

Но он отрицательно покачал головой и сказал:

– Нет, слово это имеет другое значение; оно включает в себе нечто трагическое, страшное. Если вы вспомните некоторые из ваших рассказов, которыми вы так долго испытывали терпение читающей публики, вы должны будете сознаться, что часто из необычайных случаев возникали уголовные дела. Слово «необычайный» всегда возбуждает во мне живой интерес, я чувствую, что надо быть очень осторожным.

– Вы разве встретили теперь это слово? – спросил я.

Он прочел вслух содержание телеграммы: «Произошел удивительный, необычайный случай. Можно посоветоваться с вами? Скотт Эклс. Почтовое отделение. Чаринг-Кросс».

– Кто же это: мужчина или женщина? – спросил я.

– Конечно, мужчина. Никогда женщина не пошлет телеграмму с оплаченным ответом. Скорее, она сама приедет.

– Вы думаете принять его?

– Дорогой Ватсон, вы ведь знаете, как я скучал с тех пор, как нам удалось передать в руки правосудия полковника Каррутера. Жизнь стала такой серой, газеты лишены всякого интереса; в мире преступников точно забыли, что существуют мужество и благородный риск. Неужели, после этого, вы можете еще спрашивать, возьмусь ли я за эту новую проблему, как бы легка она ни была?.. Но, если не ошибаюсь, вот и наш клиент.

На лестнице послышались спокойные, уверенные шаги, и минуту спустя в комнату вошел полный господин высокого роста с седыми усами, очень солидной наружности. По его лицу и манере держать себя, нетрудно было угадать в нем консерватора, члена англиканской церкви, человека, пользующегося всеобщим уважением. Но какой-нибудь необычайный случай нарушил его обычное самообладание. Об этом говорили его растрепанные волосы, красные, пылающие щеки, весь его возбужденный вид. Он сразу приступил к делу.

– Со мной случилось крайне неприятное и необыкновенное приключение, мистер Холмс, – начал он. – Никогда еще в жизни мне не приходилось бывать в подобном положении. Я непременно должен найти разъяснение этой загадки.

Он почти задыхался от ярости.

– Пожалуйста, присядьте, мистер Скотт Эклс, – мягко сказал Холмс. – Прежде всего, позвольте спросить, что вас побудило обратиться именно ко мне?

– Видите ли, по некоторым причинам мне не хотелось вмешивать в это дело полицию, а оставить его так, как оно есть, я не мог. Я не особенно люблю сыщиков, но вы пользуетесь такой громкой славой...

– Прекрасно, но в таком случае, почему вы сразу не обратились ко мне?

– Что вы хотите этим сказать?

Холмс посмотрел на свои часы.

– Теперь четверть третьего, – сказал он, – телеграмму же вы послали ровно в час. Однако, стоит только посмотреть на ваш туалет, чтобы убедиться в том, что неприятный случай произошел с вами рано утром, в то время, когда вы вставали с постели.

Наш клиент невольно провел рукой по своему небритому подбородку и растрепанным волосам.

– Вы правы, мистер Холмс. Я так торопился как можно скорее выбраться из этого дома, что даже забыл о своем туалете. Затем я все утро бегал по городу и наводил разные справки. Я посетил домовую контору и узнал, что мистер Гарсия заплатил за свою квартиру вперед, и что все дела его в порядке.

– Подождите, подождите, – перебил его Холмс, смеясь. – Вы похожи в эту минуту на моего друга Ватсона, который всегда начинает свои рассказы с конца. Пожалуйста, соберитесь с мыслями и последовательно расскажите мне, как произошли события, заставившие вас покинуть дом непричесанным и небритым, с криво застегнутыми пуговицами, в поисках за помощью и советом.

Наш клиент в смущении оглянул свой небрежный туалет и сказал:

– Вы опять правы, мистер Холмс. Мой вид не вполне приличен, но смею уверить вас, что это случилось со мною первый раз в жизни. Когда я расскажу вам все по порядку, вы согласитесь со мной, что испытанное мной волнение оправдывает мою рассеянность.

Но в самом начале рассказ его был прерван раздавшимся на лестнице шумом. Миссис Хадсон отворила дверь и ввела в комнату двух представителей полицейской власти атлетического сложения. Один из них оказался инспектором Грегсоном из Скотланд-Ярда, которого

мы знали за очень энергичного, вежливого и опытного сыщика. Он поздоровался с Холмсом и представил ему своего товарища, инспектора Байнеса.

– Мы преследовали вместе с ним одну дичь, – сказал Грегсон, – и она привела нас к вам...

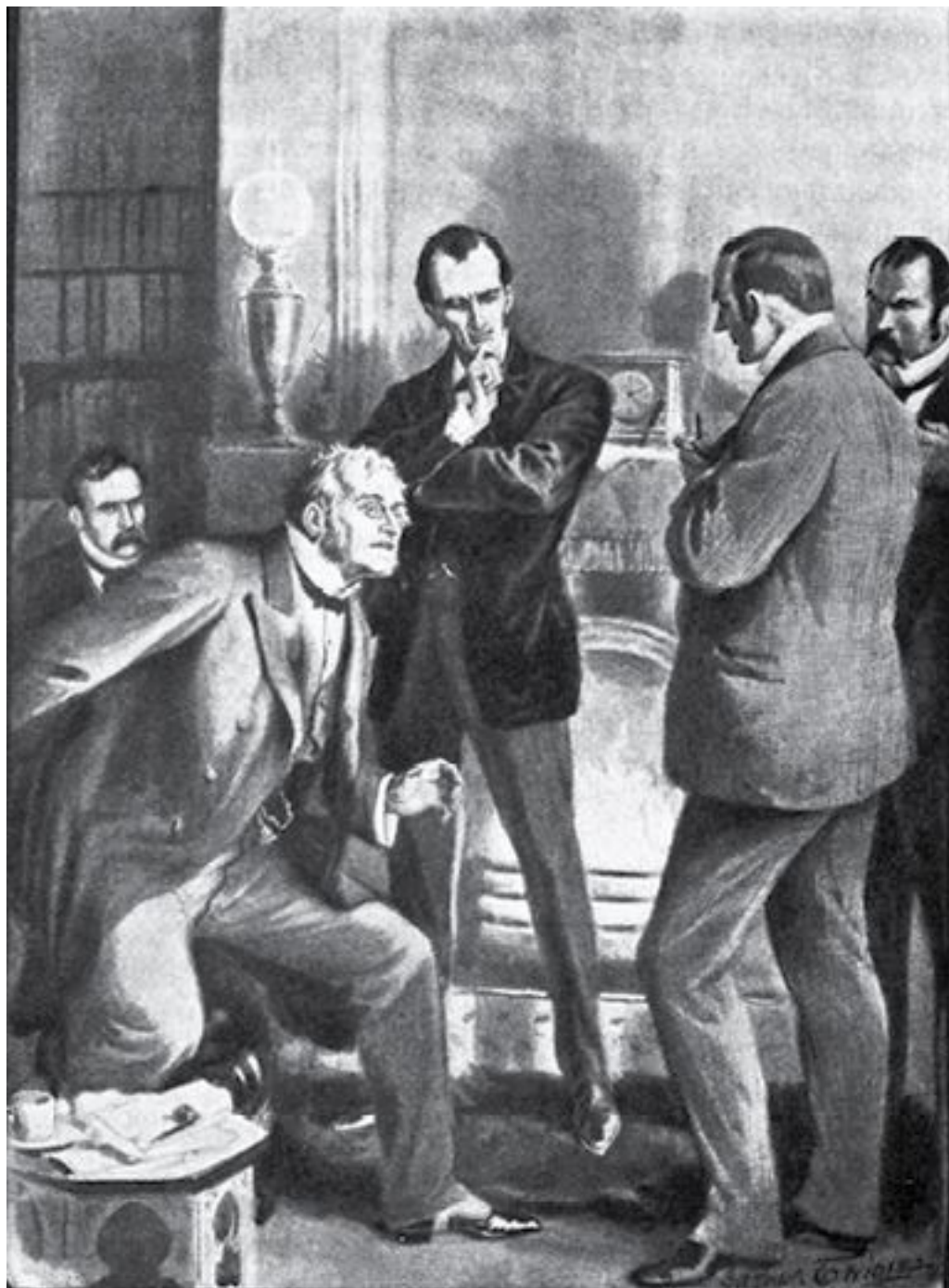
При этих словах его большие круглые глаза остановились на нашем посетителе.

– Вы – мистер Джон Скотт Эклс из Потем Гуаза Ли?

– Да, это я.

– Мы ищем вас все это утро.

– Вероятно, вы попали на след этого господина, благодаря его телеграмме? – спросил Холмс.

– Совершенно верно. Сведения о нем мы получили в почтовом отделении Чаринг-Кросса и сейчас же поехали к вам.

– Но почему вы искали меня, и что вам угодно от меня?

– Вы единственный человек, мистер Скотт Эклс, который может сообщить нам подробности относительно смерти мистера Гарсиа из Вистариа-Лоджа, близ Эшера.

Наш клиент смертельно побледнел и удивленными глазами взглянул на полицейского.

– Какой смерти? Разве он умер?

– Да, он умер.

– Так, значит, с ним случилось какое-нибудь несчастье?

– Его убили. В том, что это убийство, не может быть никаких сомнений.

– Боже мой! Это ужасно!.. Но не хотите же вы сказать, что считаете меня убийцей?..

– В одном из карманов убитого найдено ваше письмо, из которого мы узнали, что вы имели намерение провести эту ночь у него.

– Так и было на самом деле, я остался у него на ночь.

– Да? Вы, действительно, ночевали там?!

И, говоря это, Грегсон вынул свою записную книжку.

– Не торопитесь, Грегсон, – остановил его Холмс. – Если не ошибаюсь, вы хотите узнать от мистера Скотта только, как было дело?

– Да, но я должен предупредить мистера Скотта, что его слова могут впоследствии служить против него уликой.

– Мистер Эклс собирался сам рассказать нам все перед тем, как вы вошли в комнату. Как вы думаете, Ватсон, было бы хорошо дать нашему клиенту стакан содовой воды?.. А теперь, сударь, постарайтесь забыть, что здесь есть еще свидетели вашего рассказа, и продолжайте его, как будто вас никто не прерывал.

Наш гость отпил немного воды, и краска снова вернулась к нему. Он бросил подозрительный взгляд на записную книжку сыщика и затем приступил к своему рассказу.

– Я холост, – начал он, – люблю общество, имею очень много друзей и знакомых. В числе их есть семья Мельвиль, которая живет в Кенсингтоне. Несколько недель тому назад, обедая у них, я познакомился с одним молодым человеком по фамилии Гарсиа, испанцем по происхождению, имевшим какое-то отношение к испанскому посольству. Он был очень красив собой, обладал прекрасными манерами и отлично говорил по-английски.

Вышло как-то так, что мы очень скоро подружились друг с другом. По-видимому, он с первого раза почувствовал ко мне какое-то особенное влечение, и дня через два после нашей встречи навестил меня в моем доме в Ли. Затем он пригласил меня на несколько дней к себе, в Вистариа-Лодж, где-то между Этером и Окзоттом. Я дал слово и вчера вечером отправился к нему. Раньше он говорил мне, как живет, и я знал, что у него есть слуга, говорящий по-английски, и вполне ему преданный. Он ведет все хозяйство и заботится обо всех его удобствах. Кроме того, в доме есть повар, вывезенный им из тропических стран, что, однако, не мешает ему превосходно готовить. Я помню еще, как сам Гарсиа при этом рассмеялся и заметил, что странно видеть подобных слуг в самом сердце Сюррея. Тогда я вполне согласился с ним, но, увидев вблизи, нашел их еще более странными, чем думал. Гарсиа жил в двух милях от Эшера, в довольно большом доме, который стоял немного в стороне от дороги. Широкая аллея, обсаженная высоким кустарником, вела к старому зданию, давно уже нуждавшемуся в ремонте. Когда мой экипаж подъехал по заросшей травой дороге к грязной старой двери, я невольно подумал, удобно ли с моей стороны ехать в гости к человеку, которого я почти совсем не знаю. Но он сам встретил меня в дверях и, видимо, очень обрадовался моему приезду. Он сдал меня на руки своему слуге, смуглому мрачному человеку, и тот проводил меня в мою комнату. Все кругом производило удручающее впечатление. Мы обедали вдвоем, и хотя хозяин дома всячески старался занимать меня, было ясно видно, что мысли его витают где-

то далеко; он говорил так отрывисто и рассеяннo, что понимать его можно было с большим трудом. Он поминутно барабанил пальцами по столу, кусал себе ногти и вообще казался очень озабоченным. Обед был сервирован очень плохо и еще хуже приготовлен, а присутствие молчаливого угрюмого слуги действовало на меня прямо угнетающим образом. Уверю вас, что я несколько раз поднимался под каким-нибудь предлогом распрощаться с хозяином и в тот же вечер вернуться к себе домой. Теперь я припоминаю еще одно обстоятельство, которое, быть может, прольет свет на темное дело, которое вам предстоит разобрать, господа. К концу обеда слуга подал своему господину какую-то записку, и я заметил, что, прочитав ее, Гарсиа сделался еще более рассеянным и странным, чем прежде. Он перестал вовсе занимать меня и весь ушел в свои мысли, выкуривая папироску за папироской. Я был рад, когда, наконец, в одиннадцать часов мог уйти к себе в комнату. Несколько времени спустя, когда в комнате у меня было темно, Гарсиа заглянул ко мне и спросил, не я ли звонил? Я сказал, что нет, и он извинился, что беспокоит меня так поздно, так как уже час ночи. Вскоре после этого я заснул и крепко проспал всю ночь.

Теперь я перехожу к самой странной части своего рассказа. Я проснулся, когда было уже совсем светло и, взглянув на часы, увидел, что уже девять часов. Накануне я просил разбудить меня непременно в восемь часов и очень удивился подобной небрежности. Вскочив, я позвонил слуге, но ответа не было. Я позвонил еще раз и, так как никто не являлся, решил, что звонок испорчен. Я поспешно оделся и в самом скверном настроении духа спустился вниз, чтобы приказать подать мне горячей воды. Представьте мое удивление, когда внизу я никого не нашел. Я вышел в переднюю и стал кричать, но опять безуспешно. Тогда я принялся осматривать комнату за комнатой. Дом был пуст. Гарсиа накануне указал мне свою спальню и, думая, что он там, я направился к нему. Я постучал в дверь, но ответа не было. Я открыл дверь и вошел в комнату. В ней никого не было, и постель была не смята. По-видимому, он исчез вместе со всеми остальными: сам хозяин, его слуга и его повар пропали бесследно за ночь. Так окончился мой визит в Вистария-Лодж.

Шерлок Холмс в волнении потирал руки и радостно улыбался, слушая этот странный рассказ, который должен был увеличить число его удивительных приключений.

– Действительно, очень странный случай, – сказал он. – Однако, что же вы предприняли дальше?

– Я был вне себя. Мне казалось, что надо мной просто зло посмеялись. Я собрал вещи, захлопнул за собою двери и с чемоданом в руке отправился пешком в Эшер. В местной домовой конторе на мой вопрос мне сообщили, что вилла, в которой жил Гарсиа, принадлежала именно ему. Тогда я подумал, что едва ли Гарсиа хотел пошутить надо мной. Вернее было предположить, что он просто удрал совсем, чтобы не заплатить за наем виллы. Был уже март, и срок платежа за вторую треть приближался. Но, оказалось, что я ошибся. Агент заявил мне, что плата за виллу получена вперед за целую треть. Оттуда я поехал в Лондон и зашел в испанское посольство, но там даже не подозревали о существовании Гарсиа и не могли сообщить о нем никаких сведений. Тогда я направился к Мельвилю, в доме которого мне представляли Гарсиа, но оказалось, что он знал о нем еще меньше, чем я. Наконец, получив от вас ответ на свою телеграмму, я поспешил к вам, зная от других, что вы всегда сумеете подать совет в трудную минуту жизни. Но, как оказывается, эти господа знают более меня, и им известно продолжение истории, которую я только что рассказал вам, и которая закончилась драмой. Это все, что я знаю; но я готов всеми силами помогать вам в раскрытии этого таинственного дела.

– Я не сомневаюсь в этом, мистер Скотт, – любезно заявил Грегсон. – Я должен вам сказать, что ваш рассказ почти во всем отвечает тем фактам, которые нам пока удалось установить. Так, например, вы сказали правду относительно этой записки. Но не знаете ли вы, какая участь постигла ее?

– Знаю, мистер Гарсиа скомкал ее и бросил в огонь,

– Что вам известно по этому поводу, мистер Байнес?

Местный агент сыскной полиции – полный краснощекий господин с обыкновенным лицом и большими проницательными глазами, почти скрытыми заплывшими жиром щеками – слегка улыбнулся и достал из кармана измятый, обуглившийся клочок бумаги.

– Он бросил записку так неловко, что она упала не в огонь, а за каминную решетку, мистер Холмс, – сказал он как бы в объяснение.

– Я вижу, что вы тщательно осмотрели весь дом, Байнес. От вашего внимания не ускользнул даже этот клочок бумаги.

– Это мое правило, мистер Холмс... Прикажете прочесть, мистер Грегсон?

Инспектор кивнул головой.

– Записка написана на четвертушке белой почтовой бумаги без всяких водяных знаков и украшений и с двух сторон обрезана маленькими ножницами. Она была сложена три раза и наскоро запечатана красным воском, который сверху прижали каким-то плоским овальным предметом. Она адресована мистеру Гарсиа, в Вистария-Лодж, и заключает в себе следующее: «Наши собственные цвета: зеленый и белый. Зеленый открыт, белый скрыт. Главная лестница, первый коридор, седьмая налево, зеленая байка. Бог в помощь. Д.» Почерк женский, писано

заостренным на конце пером, но адрес написан другим пером или другой рукой. Это видно из того, что почерк на нем тверже и смелее.

– Замечательная записка, – заметил Холмс после внимательного осмотра. – Я должен признаться, что вы изучили ее во всех подробностях, мистер Байнес, так что я, с своей стороны, могу прибавить самые пустяки. Печатью послужила обратная сторона запонки: какой другой предмет может иметь подобную форму? Что же касается ножниц, то они были кривые. какие обыкновенно употребляются для ногтей. Вы видите, что бумага отрезана с обеих сторон чуть-чуть округло.

– Я был уверен, что изучил эту записку в совершенстве, – заметил Байнес, – но, оказывается, что ошибся. Во всяком случае, по моему мнению, записка эта доказывает, что затевалось какое-то дело, и в него, как всегда, была замешана женщина.

Мистер Скотт Эклс, видимо, с нетерпением слушал весь этот разговор; наконец, он не выдержал и сказал:

– Я очень рад, что вы нашли эту записку, так как она подтверждает мои слова, но, тем не менее, я должен напомнить вам, что вы ничего еще не сказали о несчастье, которое постигло мистера Гарсиа и его слуг.

– Я уже говорил вам, – начал Грегсон, – что он убит. Сегодня утром его нашли мертвым на дороге, ведущей в Окзотт, в расстоянии одной мили от его дома. Голова его была раздроблена каким-то тяжелым орудием и представляла одну неопределенную массу. Место, где произошло убийство, очень пустынно, ближайший дом отстоит от него не менее, как на четверть мили. По моим предположениям, первый удар был нанесен сзади, но затем убийца продолжал наносить удары еще некоторое время после того, как тот был уже мертв. По-видимому, убийца нападал с большой яростью. Кругом не оказалось никаких следов и никаких улик.

– Он был ограблен?

– Насколько я мог заметить, нет.

– Все это ужасно грустно, – заметил мистер Скотт недовольным тоном, – но еще ужаснее то, что я замешан в это дело. Чем я виноват, что человек, к которому я приехал в гости, вздумал отправиться в какое-то ночное путешествие и там найти свою смерть? Почему я должен фигурировать в этом деле?

– По очень простой причине, – ответил Байнес. – Единственный документ, найденный на покойном, ваше письмо, в котором вы его уведомляете о том, что приедете к нему ночевать именно в ту ночь, когда он был убит. Только благодаря этому письму, мы узнали имя и адрес вашего знакомого. Около девяти часов мы отправились к нему в дом, но не нашли там ни вас, ни его слуг. Я дал телеграмму мистеру Грегсону, чтобы он задержал вас, пока я не окончу осмотра Вистариа-Лоджа. Затем я приехал в город, встретился с мистером Грегсоном и вместе с ним отправился сюда.

– Я думаю, – заметил Грегсон, – что теперь самое лучшее нам всем прямо ехать в полицейское управление, чтобы мистер Скотт Эклс мог дать письменные показания относительно этого дела.

– Я охотно поеду с вами, но только попрошу вас, мистер Холмс, принять дальнейшее участие в этом деле. Я не остановлюсь ни перед какими затратами, чтобы только добиться истины.

Мой друг повернулся к Байнесу и сказал:

– Надеюсь, вы ничего не будете иметь против моего содействия?

– Наоборот, буду очень рад.

– Мне кажется, что вы вели следствие как нельзя более внимательно. Не можете ли вы мне сказать, удалось ли вам точно установить час, когда произошло убийство?

– Я предполагаю, что это было ровно в час ночи. Вскоре после этого пошел дождь, но он, во всяком случае, был убит до дождя.

– Но ведь это невозможно, мистер Байнес! – воскликнул наш клиент. – Я могу поклясться, что ровно в час он говорил со мною в дверях моей спальни. Я прекрасно слышал его голос.

– Правда, это странно, но вовсе не так невозможно, – с улыбкой заметил Холмс.

– Вы составили уже какое-нибудь мнение по этому делу? – спросил его Грегсон.

– По-моему, на первый взгляд дело вовсе не так сложно, хотя в нем есть и необычайно интересные подробности. Но, прежде чем высказать вам свои догадки, я должен выяснить еще некоторые подробности. Между прочим, мистер Байнес, осматривая дом, вы ничего не нашли интересного, кроме этой записки?

Сыщик как-то странно переглянулся с моим другом и заметил нерешительно:

– Пожалуй, там было кое-что странное, но об этом мы поговорим после. Может быть, когда мы покончим с допросом в полицейском управлении, вы не откажетесь проехаться в Вистария-Лодж, чтобы я мог показать вам все на месте.

– Я к вашим услугам, – ответил Холмс и позвонил.

– Вы проводите этих господ, миссис Хадсон, и затем отправите с мальчиком вот эту телеграмму, с оплаченным ответом на сумму пять шиллингов.

Некоторое время после ухода наших посетителей мы сидели молча. Холмс сосредоточенно курил, сдвинув брови над своими пронизательными глазами и слегка наклонив вперед голову с особенным, ему одному свойственным видом.

– Ну, Ватсон, – сказал он вдруг, оборачиваясь ко мне, – что вы думаете обо всем этом?

– Я отказываюсь понимать что-либо в шутке, сыгранной со Скотт Эклсом.

– А как вы смотрите на само преступление? Если иметь в виду таинственное исчезновение слуг убитого, то, пожалуй, можно предположить, что они принимали участие в этом деле.

– Ваше предположение вполне вероятно. Но в таком случае, скажите, почему слугам, бывшим, очевидно, в заговоре, понадобилось совершить преступление именно в ту ночь, когда в доме гость? Ведь они могли это сделать всегда, так как он вполне находился в их власти?

– Прекрасно, но тогда чем вы объясните их бегство?

– В этом весь вопрос: зачем они бежали? Это первый важный факт. Другой еще более важный факт – приключение с нашим клиентом Скотт Эклсом. Однако, Ватсон, я не думаю, чтобы разум человеческий не мог найти объяснение, которое сразу осветило бы оба эти факта. Если к тому же это объяснение прольет еще свет и на факт, касающийся таинственной записки, то мы смело можем утверждать, что наша гипотеза не лишена некоторой достоверности. Если же и новые факты, с которыми нам предстоит познакомиться, не будут противоречить нашему предположению, то ясно, что наша гипотеза в данном случае и есть решение задачи.

– Это логично, но в чем же состоит эта гипотеза?

Холмс закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

– Нельзя не признать, Ватсон, – и вы должны согласиться со мною, – что мысль о шутке в этом случае не допустима. Следствие установило, что последующие события были настолько серьезны, что мы едва ли ошибемся, предположив, что приглашение погостить, исходившее от Гарсиа и касавшееся Скотта, имело связь с этими событиями.

– В чем же вы видите эту связь?

– Разберем подробно все дело. Прежде всего, есть что-то странное в этой непонятной и внезапной дружбе между Гарсиа и Скотт Эклсом. Начало этой дружбы положил испанец. Он первый явился к Эклсу через день после знакомства с ним, и все время поддерживал с ним близкие отношения, пока, наконец, ему не удалось заманить его к себе в дом. Но для чего ему понадобился Эклс? На что тот мог ему пригодиться? Это человек довольно таки обыкновенный, не обладающий свойством очаровывать людей. Насколько я заметил, он не особенно умен и едва ли является интересным собеседником для живого, умного испанца. Почему же Гарсиа остановил свой выбор именно на нем среди всех тех, с кем ему приходилось сталкиваться? Нет

ли у него какого-нибудь особенного, отличающего его качества? По-моему, оно у него есть. Он является типичным представителем чисто английской порядочности. Вы сами видели, как полицейские отнеслись к его довольно странному рассказу. Они ни на минуту не усомнились в его истине.

– Но в чем его порядочность могла пригодиться Гарсиа?

– Ни в чем, в виду того, как сложились обстоятельства. Но она могла сыграть важную роль в деле, если бы они сложились иначе.

– Я, кажется, понимаю вас. Вы думаете, что он мог невольно содействовать алиби, так как его показание ни в ком не возбудило бы сомнения.

– Вы угадали, дорогой Ватсон, он послужил бы для алиби. Допустим, что все обитатели Вистариа-Лоджа являлись членами одной шайки. Дело, задуманное ими, должно было произойти около часа ночи. Весьма вероятно, что, благодаря какой-нибудь хитрости, им удалось отделаться от Скотта Эклса несколько ранее, чем он сам думал, и что когда Гарсиа окликнул его в дверях спальни только затем, чтобы объявить ему, что теперь час ночи, на самом деле часу еще не было. Таким образом, если бы Гарсиа удалось исполнить свое преступное намерение вовремя, он вернулся бы домой как раз в час ночи, и даже тень подозрения не могла бы коснуться его. Безупречный в своей репутации Скотт Эклс принес бы на суде присягу в том, что Гарсиа в эту ночь все время находился дома. Как видите, если бы дело для него разыгралось плохо, он приготовил себе такое алиби, против которого никто ничего не мог бы сказать.

– Все это я понимаю очень хорошо, но чем вы объясните исчезновение остальных?

– Пока я не знаю еще всех подробностей дела, но я думаю, что и остальное можно будет объяснить также легко, как это.

– А что вы скажете насчет записки?

– Вы помните, что в ней было написано?

– «Наши собственные цвета: зеленый и белый».

– Можно предположить, что дело идет о каком-то спорте. «Зеленый открыт, белый скрыт». Это не более, как условный знак «Главная лестница, первый коридор, седьмая направо, зеленая байка». Несомненно, здесь идет речь о свидании. Быть может, в дело был замешан ревнивый муж, да и самое предприятие было рискованное, иначе она не написала бы «Бог в помощь». Буква Д со временем может послужить ключом к разгадке.

– Гарсиа был испанец, и я думаю, что буква Д обозначала «Долорес», – имя, которое чаще других встречается в Испании.

– Очень хорошо, Ватсон, но совершенно недопустимо. Испанка писала бы испанцу на своем языке, а между тем, записка написана англичанкой. Нам остается теперь только спокойно ждать, пока за нами заедет Байнес. Но прежде поблагодарим Бога за то, что мы хоть на несколько часов избавлены от скуки и бездействия, которые убивали меня.

* * *

Ответ на телеграмму, отправленную Холмсом, пришел раньше, чем приехал Байнес. Мой друг пробежал его и собирался уже спрятать в записную книжку, но в эту минуту встретился с моим вопросительным взглядом. Он улыбнулся и протянул телеграмму мне.

Я нашел в ней целый ряд имен и адресов.

– Это самый простой способ ограничить насколько возможно поле наших действий, – сказал Холмс. – Я уверен, что Байнес, отличающийся строго обдуманном образом действий, тоже воспользовался этим же средством.

– Я ничего не понимаю...

– Видите ли, дорогой друг, я уже сказал вам, что в записке, несомненно, назначалось свидание. Если же это так, то дом, имеющий несколько коридоров, и в котором надо найти

седьмую дверь направо, не может быть маленьким. Итак, мы должны искать большой дом в расстоянии приблизительно двух миль от Окзотта, так как Гарсиа, если только верны мои предположения, надеялся уже в час ночи быть дома, чтобы доказать свое алиби. Едва ли вблизи от Окзота может быть много больших домов, и я решил навести справки в местной домоводной конторе, как это сделал Скотт Эклс, откуда мне и прислали этот список. В нем, как мне кажется, и должна заключаться часть разгадки этого интересного дела.

Только к шести часам вечера этого дня мы добрались до Эшера вместе с Байнесом, который служил нам спутником. Холмс и я захватили с собой все необходимое и заняли на ночь уютный номер в гостинице, а затем вместе с Байнесом отправились в Вистария-Лодж. Был темный мартовский вечер с дождем и холодным, пронизывающим ветром. Все это как нельзя более гармонировало с окружающей нас унылой местностью и с предстоящей нам трагической задачей.

II. Тигр из Сан-Педро

Почти две мили мы шли под дождем, пока, наконец, достигли высоких деревянных ворот, за которыми тянулась мрачная каштановая аллея. По тенистой извилистой дороге мы дошли до самого дома, выделявшегося темной массой на сером свинцовом небе. Только в одном из окон нижнего этажа, налево от дверей, виднелся чуть заметный огонек.

– На всякий случай я оставил там полисмена, – сказал инспектор Байнес, – надо будет постучать в окно.

Он двинулся прямо через газон и постучал в окно. Сквозь затуманенное стекло я увидел, как какой-то человек быстро вскочил, с громким криком, со стула, стоявшего около пылавшего камина. Почти сейчас же отворилась дверь, и на пороге показался бледный, как полотно, полисмен, в дрожащей руке он держал свечу.

– Что с вами, Вальтерс? – резко спросил его Байнес.

Полисмен провел платком по влажному лбу и с облегчением вздохнул.

– Я рад, что вы вернулись, время тянулось бесконечно, и мои нервы оказались не достаточно крепкими.

– Ваши нервы, Вальтерс? Я не думал, что у вас могут быть нервы.

– Всему виной этот мрачный дом и какое-то странное существо внизу на кухне. Когда вы постучались, я подумал, что оно вернулось опять.

– Кто такой вернулся?

– Сам дьявол, я видел его за окном.

– Когда и что вы видели за окном?

– Это случилось часа два назад, когда уже начало темнеть. Я сидел на этом стуле и читал. Не знаю почему, мне вдруг вздумалось посмотреть в окно. Я взглянул и увидел, что сквозь нижнее стекло на меня кто-то смотрит. Боже мой, если бы вы видели это лицо! Наверное, оно будет мне сниться.

– Тише, Вальтерс, полисмен не должен говорить подобных вещей.

– Да, конечно, но я так потрясен, что не знаю, что говорю. Лицо это не было черное, но оно не было и белое; скорее всего, имело цвет глины, смешанной с молоком. А, главное, меня поразили его размеры, оно казалось вдвое больше, чем ваше. И какое ужасное выражение! Громадные выпуклые глаза и целый ряд оскаленных белых зубов, как у голодного волка. Уверяю вас, что я боялся пошевелинуть пальцем и сидел, затаив дыхание, до тех пор, пока оно не скрылось. Я сейчас же бросился сюда и обежал все кусты поблизости, но, слава Богу, чудовище скрылось.

– Если бы я не знал, что вы порядочный человек, Вальтерс, я наложил бы на вас за эти слова штраф. Если бы даже это был сам дьявол, полисмен никогда не должен благодарить Бога

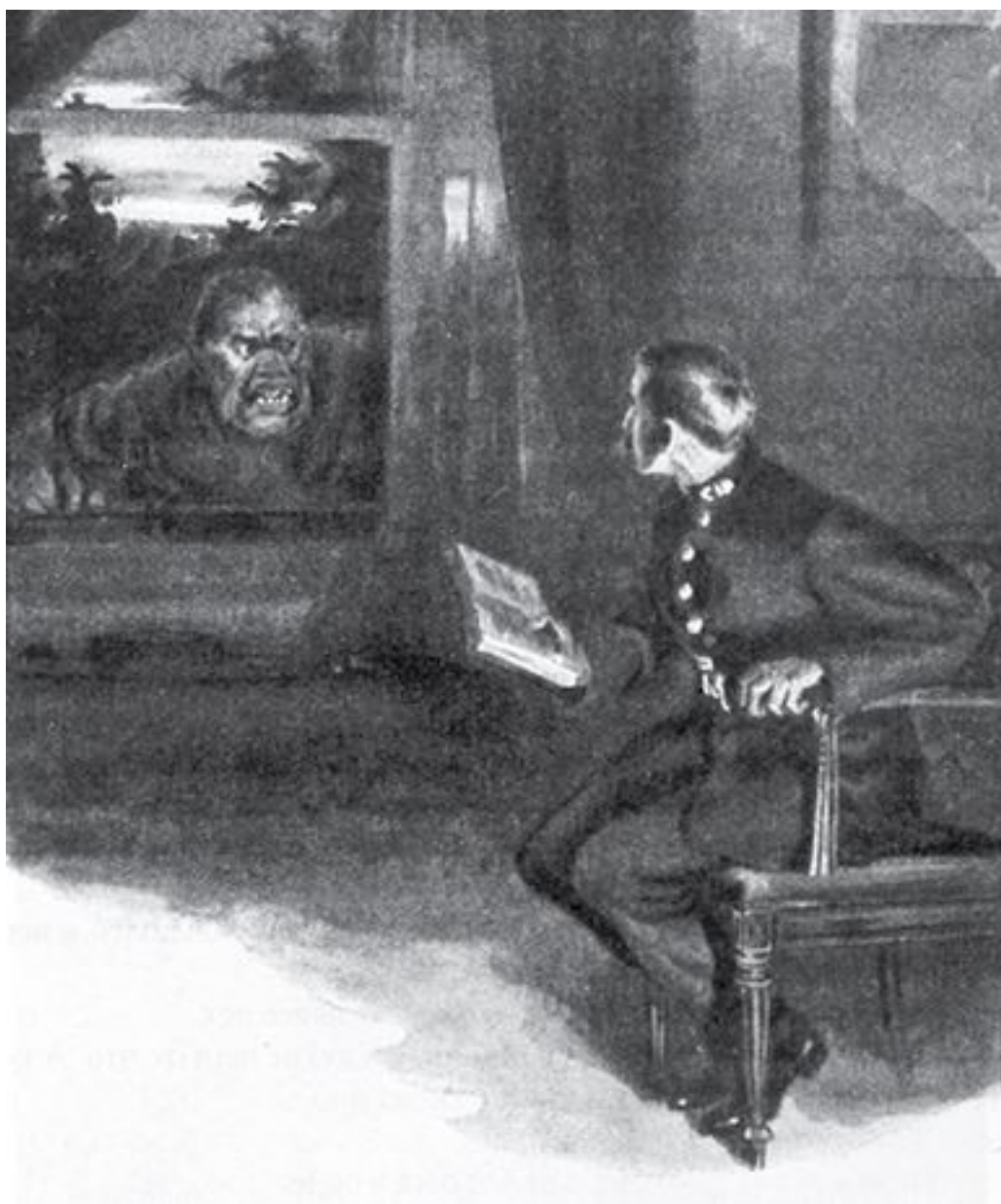
за то, что ему не удалось схватить его. Едва ли это было видение. Или обман зрения, вы как думаете?

– Этот вопрос решить не так трудно, – вмешался в разговор Холмс, освещая вокруг нас землю своим маленьким карманным фонарем. – Да, – сказал он через некоторое время, – сапоги на этом человеке были исполинского размера, и если вся фигура такая же, то он должен быть великаном.

– Но что с ним стало?

– Я думаю, что он пробрался через эти кусты и затем выбежал на дорогу.

– Ну, все равно, – сказал инспектор с серьезным и задумчивым лицом, – кто бы он ни был и зачем бы не приходил сюда, теперь его здесь нет. Между тем, у нас есть более важные вопросы, которые мы должны решить сейчас. Мистер Холмс, если вы не против, я покажу вам весь дом.

Мы осмотрели все жилые помещения, но нигде не нашли ничего особенного. Очевидно, последние жильцы привезли с собой очень мало вещей; дом был снят с полной обстановкой.

В шкафах находилось много платья торгового дома Маркс и К°. По телеграфному запросу, сделанному раньше, оказалось, что торговый дом ничего не знал про своего клиента, кроме того, что он платил всегда аккуратно. Из личных вещей хозяина мы нашли только гитару и несколько трубок и книг, из которых одна была на испанском языке.

– Как вы видите, пока нет ничего особенного, – сказал Байнес, переходя из комнаты в комнату со свечей в руках. – Но теперь, мистер Холмс, попрошу вас спуститься в кухню; там есть кое-что, достойное внимания.

Кухня представляла из себя большую мрачную комнату с высоким потолком. В одном углу ее лежал соломенный матрас; на нем, очевидно, спал повар. На столе грудами стояли грязные тарелки и блюда, без сомнения, остатки вчерашнего ужина.

– Посмотрите сюда, – сказал Байнес. – Что вы об этом думаете?..

Он поднял свечу и осветил необыкновенный предмет, стоявший под полкой, на которой помещалась посуда. Это была какая-то черная, покрытая кожей, старая и высохшая фигура, напоминавшая собою сморщенного карлика. Сначала я подумал, что это мумия маленького негртенка, но потом мне показалось, что это старая высохшая обезьяна. В общем, довольно трудно было решить, на что она больше похожа, на человека или на животное. Вместо пояса на фигуре было одето ожерелье из раковин.

– Очень интересно, – сказал Холмс, со вниманием рассматривая эту удивительную реликвию. – Есть еще что-нибудь?

Байнес молча поднес свечу к помойному ведру, в котором лежала целая груда перьев и костей какой-то большой белой птицы, очевидно, разорванной на куски. Холмс указал на гребешок, уцелевший на голове птицы.

– По-видимому, это белый петух, – сказал он. – Чрезвычайно интересный случай!

Но Байнес оставил на конец нечто более ужасное.

Он переставил помойное ведро и вытащил из-под него цинковую чашку, наполненную кровью, а со стола снял небольшой поднос, на котором лежало несколько обгорелых костей.

– Ясно, что кто-то здесь был убит и затем кости его сожжены, – сказал он. – Все это мы нашли под плитой. Я показывал их доктору, но он сказал, что эти кости не человеческие.

Холмс улыбнулся и потер себе руки.

– Я положительно должен вас поздравить, Байнес! Вы так находчивы и предусмотрительны в своих поступках! И мне остается только пожалеть, что поле ваших действий слишком ограничено для такого даровитого человека, как вы.

В маленьких глазках инспектора Байнеса отразилось удовольствие.

– Вы правы, мистер Холмс, мы пропадаем здесь в провинции. Случай, подобный настоящему, дает возможность выдвинуться. Я надеюсь, что сумею воспользоваться им. Что вы думаете об этих костях?

– По-моему, это кости ягненка или козочки. Вообще, это чрезвычайно интересный случай, Байнес.

– Да, я с вами согласен. В этом доме жили довольно-таки странные люди со странными обычаями. Один из них умер. Быть может, его убили компаньоны, жившие вместе с ним? Если это так, то они далеко не уйдут, так как мною посланы телеграммы во все порта. Но если говорить правду, у меня сложилось совсем особое мнение по этому делу... Да, совсем особое.

– Вы составили уже план действий?

– Да, мистер Холмс, и я надеюсь, что мне удастся довести его до конца. Это моя обязанность! Вы уже составили себе имя, теперь очередь за мной. Как я буду гордиться впоследствии, если мне удастся обойтись в этом деле без вашей помощи!

Холмс добродушно рассмеялся.

– Прекрасно, мистер Байнес, каждый из нас пойдет своей дорогой. Помните только, что я всегда к вашим услугам, если вам понадобится какое-нибудь указание. А пока, мне кажется,

что здесь я осмотрел все и могу употребить свое время с большой пользой в другом месте. До свидания! Желаю вам успеха.

По некоторым, понятным мне одному признакам, я мог сказать, наверное, что Холмс напал на горячий след. Спокойный и бесстрастный, как всегда, для всякого постороннего наблюдателя, Холмс не мог скрыть от меня той особой живости и блеска своих глаз, которые без слов говорили мне о том, что дело налаживается. Однако, по свойственной ему привычке, Холмс ничего не говорил мне, а я ни о чем его не расспрашивал. Я ограничился тем, что принимал пассивное участие в этом деле, стараясь не отвлекать от размышления гениальный ум моего друга. Я знал, что когда придет время, он сам расскажет мне все.

Поэтому я ждал совершенно спокойно, хотя и видел, что напрасно. День проходил за днем; и друг мой, по-видимому, ничего не предпринимал. Только один раз он съездил в Лондон и из мимолетной фразы, сказанной им, я понял, что он провел этот день в Британском музее. Все остальное время он совершал длинные одинокие прогулки или беседовал с местными жителями, с которыми очень быстро сошелся.

– Мне кажется, Ватсон, – сказал он, – что неделя, проведенная на свежем воздухе, действует на вас благотворно. Не правда ли, как приятно наблюдать весною первое пробуждение природы, особенно, если вы запаслись книгой по ботанике и гербарием?

Он всегда теперь носил с собою эти предметы, но я не могу сказать, чтобы его коллекция трав за эти дни особенно обогатилась.

Иногда в своих прогулках мы встречались с Байнесом, его лицо при виде нас принимало хитрое выражение и, хотя он мало говорил о своем деле, мы могли заключить из его слов, что он вполне доволен ходом событий. Однако, несмотря на это, я должен сознаться, что был удивлен, когда через несколько дней после преступления нашел в утреннем номере газеты следующие строки:

«Убийство в Окзотте».

«Раскрытие тайны».

«Арест убийцы».

Холмс от неожиданности даже привскочил на месте, когда я прочел ему вслух это известие.

– Как, неужели Байнес, действительно, арестовал его?

– По-видимому, – сказал я и стал читать дальше:

«Огромную сенсацию произвело в Эшере известие о том, что произведен арест, находящийся в связи с таинственным преступлением в Окзотте. Наши читатели, вероятно, еще не забыли всех подробностей этого дела. Мистер Гарсия, из Вистариа-Лоджа, был найден убитым близ Окзотта. Найденные на его теле следы насильственной смерти не оставляли в этом никакого сомнения. Ни для кого не было тайной и то обстоятельство, что его повар и лакей исчезли бесследно в ночь убийства, что ясно показывает на их участие в этом деле. Есть основание предполагать, хотя это еще и не доказано, что покойный хранил большие ценности у себя дома. Весьма вероятно, что они и явились главной причиной убийства. Инспектор Байнес, в руках которого это дело находится, был убежден с самого начала в том, что убийцы скрываются где-нибудь по близости в надежном месте. Поимка их не могла представлять особой трудности, так как повар, например, отличался необыкновенной наружностью, которая сразу бросалась всем в глаза: это – исполинского роста мулат с ярко выраженными чертами лица негритянского происхождения. Человека этого видели на другой день убийства. Он подходил к самому дому и даже заглядывал в окна, так что был замечен охранявшим дом убитого полисменом, который пытался его преследовать, но, к сожалению, безуспешно. Инспектор Байнес, считая появление мулата вблизи дома не простой случайностью, нарочно официально оставил этот дом, но в кустах, под окнами, устроил засаду из своих людей. Мулат попался в западню, но при

этом оказал сильное сопротивление, жестоко искував полисмена Доунинга. Мы надеемся, что теперь, наконец, раскроются все подробности этой загадочной драмы».

– Мы должны немедленно повидать Байнеса! – воскликнул Холмс, хватаясь за свою шляпу. – Вероятно, он не успел еще уехать.

Мы поспешили к инспектору; нам удалось захватить его в самую последнюю минуту.

– Вы прочли газетную заметку, мистер Холмс? – спросил он, едва мы вошли в дом.

– Вы угадали, Байнес. Не считайте это с моей стороны нескромностью и позвольте дать вам добрый совет, Байнес.

– Добрый совет, мистер Холмс?

– Да, Байнес, я тщательно изучил все это дело и далеко не уверен в правильности вашего заключения. А мне бы очень не хотелось, чтобы ваша ошибка обнаружилась перед публикой.

– Вы чересчур добры, мистер Холмс.

– Уверяю вас, что я желаю вам только добра.

Мне показалось, что в глазах мистера Байнеса мелькнула лукавая улыбка.

– Мы, кажется, условились, что каждый из нас пойдет своей дорогой, мистер Холмс. Я выполнил свою часть договора.

– Прекрасно! – воскликнул Холмс. – Только потом не пеняйте на меня.

– Нет, я верю, что вы желаете мне добра, но каждый из нас действует по своей системе, мистер Холмс: у вас – одна, а у меня – другая.

– Если так, то оставим этот разговор.

– Я всегда готов делиться с вами своими новостями. Этот мулат оказался настоящим дьяволом, сильным, как бык, и свирепым, как черт. Он едва не откусил Доунингу палец, пока мы не справились с ним. Он почти совсем не говорит по-английски и на все вопросы отвечает рычанием.

– Вы уверены в том, что это он убил своего господина?

– Я этого не говорил, мистер Холмс: у каждого из нас свои уловки. Кажется, таково наше условие.

Холмс пожал плечами, и мы вместе оставили дом.

– Я отказываюсь понимать этого человека, – сказал он. – Конечно, он прав, и каждый из нас должен идти своей дорогой, но в нем есть что-то для меня неясное.

Когда мы вернулись в гостиницу, Холмс сказал мне:

– Сядьте в кресло, Ватсон, я хочу посвятить вас во все подробности этого дела, так как сегодня ночью мне, вероятно, понадобится ваша помощь. Прежде всего, я расскажу вам свои догадки; на первый взгляд они покажутся вам в высшей степени простыми, хотя доказать их достоверность оказалось не так-то легко. В этом отношении у меня имеются еще кое-какие пробелы, которые мы и должны заполнить.

Итак, остановимся еще раз на записке, которую Гарсиа получил за обедом в день убийства. Оставим в стороне мысль, что его слуги замешаны в это дело. Мы не должны забывать, что он сам пригласил к себе мистера Эклса, который был ему нужен для удостоверения алиби. Значит, никто иной, как сам Гарсиа собирался в эту ночь совершить какое-то преступление, только в таком случае человек думает об алиби. Но, допустив это, является вопрос: кто же, вероятнее всего, покушался на его жизнь? На это может быть только один ответ: то лицо, против которого он сам замышлял недоброе. До сих пор, как мне кажется, все мои рассуждения совершенно логичны. Теперь для нас становится вполне ясным и исчезновение слуг испанца: все трое должны были быть участниками какого-то темного дела. Если бы Гарсиа вернулся невредимым, присутствие англичанина служило бы для него прекрасным алиби, и все было бы улажено. Но преступление, по-видимому, было рискованное и грозило даже смертью самому Гарсиа. Если бы это случилось, оба его соучастника должны были, не дождавшись его возвращения к определенному часу, скрыться с таким расчетом, чтобы впоследствии продолжать дело, в котором он потерпел поражение. Не правда ли, до сих пор все мои предположения вполне логичны?..

Я невольно удивился, как все это не пришло мне в голову раньше, до того ясными казались мне его доводы.

– Но почему один из слуг снова вернулся в дом?

– Видите ли, бегство было так поспешно, что он мог забыть в доме какую-нибудь вещь, которая была для него очень дорога, с которой он никак не мог расстаться... Вы допускаете эту возможность?

– Ну, а что же дальше?

– Перейдем теперь к записке, полученной Гарсиа во время обеда. Она прямо указывает на то, что был еще какой-то соучастник вне дома, но где именно? Я уже говорил вам, что разгадку необходимо искать в одном из больших домов по близости, число которых должно быть крайне ограничено. В первые дни своего пребывания здесь, вместе с ботаническими исследованиями, я наводил справки о таких домах и о лицах, живущих в них, интересуясь больше всего их биографиями. Должен вам сказать, что только один из этих домов остановил на себе мое внимание. Это знаменитый старинный дом под названием Гай-Гебль, в полумиле расстояния от того места, где произошла катастрофа. Все остальные дома принадлежат мирным гражданам, не представляющим собою ничего интересного. Но мистер Гендерсон из Гай-Гебля оказался человеком довольно-таки загадочным, с которым легко могли произойти разные странные случаи. Я занялся этим домом и стал наблюдать за его домашними.

Странные это люди, Ватсон, но страннее всех сам хозяин дома. Под благовидным предлогом мне удалось проникнуть в его дом и увидеть его, и мне показалось, что в его глазах я прочел, что он ясно сознает, зачем именно я обратился к нему. На вид ему можно дать лет пятьдесят. Это сильный, деятельный и мужественный человек, с седыми волосами, большими черными бровями, с легкой походкой и гордой королевской осанкой; под его спокойной внешностью, видимо, скрывается пламенная натура. Он, скорее, иностранец, а, может быть, долгое время жил в тропиках, так как имеет смуглый, почти желтый цвет кожи. Его друг и секретарь, мистер Лукас, – тот, вне всякого сомнения, иностранец; он ловок и гибок, как кошка, имеет вкрадчивые манеры и цвет кожи у него шоколадный. Таким образом, Ватсон, нам приходится иметь дело с двумя группами иностранцев, в Вистариа-Лодж и в Гай-Гебли, и пробелы наши, как видите, заполняются.

Эти два человека неразлучны друг с другом и составляют ядро этого дома. Но среди его домашних есть лицо, которое для нас, пожалуй, еще важнее, в виду наших целей. У Гендерсона, вместе с его двумя дочерьми одиннадцати и тринадцати лет, живет гувернантка, мисс Бернет, англичанка лет сорока. Кроме того, есть еще один доверенный слуга, замыкающий эту группу людей, которая собственно и составляет семью, так как они путешествуют всегда вместе. Гендерсон же любитель путешествий и всегда в разъездах. Только несколько недель назад он вернулся в Гай-Гебль, находясь в отсутствии целый год. Я могу еще прибавить, что он настолько богат, что может позволить себе какую угодно прихоть. Кроме перечисленных лиц, в доме много лакеев, горничных и всевозможной другой прислуги, которой обыкновенно так богаты все большие дома в Англии.

Все это я выяснил путем наблюдений и расспросов. Трудно найти более достоверных свидетелей, чем прислуга, которой почему-либо отказано от места. Счастливый случай помог мне, и я напал, или, вернее, отыскал именно такое лицо. Байнес вполне прав, говоря, что у каждого из нас своя метода. Мне удалось познакомиться с бывшим садовником Гендерсона, получившим отказ от места просто по прихоти хозяина. Он имеет много друзей среди остальной прислуги, которая почти вся разделяет с ним ненависть к их общему господину. С помощью садовника мне и удалось узнать все эти подробности домашнего быта.

Загадочные люди, Ватсон! И хотя я не вполне ясно отдаю себе отчет во всем, тем не менее, для меня они являются именно такими людьми. Дом состоит из двух флигелей; господа помещаются в одном, а слуги занимают другой. Между ними нет никакой связи, так как за столом прислуживает только доверенный лакей Гендерсона. Все обыкновенно приносится к одной двери, которая и служит связующим звеном между флигелями. Гувернантка и дети гуляют только в саду. Гендерсон же никогда не гуляет один. Его смуглый секретарь следует за

ним, как тень. Среди прислуги ходит слух, что господин их чего-то смертельно боится. Между прочим, про него говорят, что он, вероятно, продал свою душу черту и боится, что его кредитор явится и потребует свою часть. Откуда эта семья явилась, и кто она такая, никто не знает. Сам Гендерсон человек в высшей степени вспыльчивый; раза два он замахивался на своих людей кнутом, и только его громадные средства спасли его от неприятностей.

Теперь, Ватсон, разберем все дело, считаясь с этими новыми сведениями. Мы вполне можем предположить, что письмо было написано в этом доме кем-нибудь из домашних, с целью уведомить Гарсиа о том, что настало время действовать, как это было заранее условлено. Но кто написал записку? Почерк, несомненно, женский, а в доме только одна женщина, мисс Бернет. Все приводит нас к тому выводу, что письмо могла написать именно она. Во всяком случае, примем это за гипотезу и посмотрим, куда это нас приведет. Кстати, я должен прибавить, что годы и наружность гувернантки совершенно исключают мою первоначальную мысль о романтической подкладке дела.

Итак, если записка написана ею, значит, она была в дружбе с Гарсиа и была его сообщницей. Что же она должна была сделать, узнав о его смерти? Весьма возможно, что, в силу необходимости, она должна была молчать, затаив на время в сердце ненависть и жажду мести к тем, кто его убил. Нельзя ли было бы увидеть ее и воспользоваться ее помощью? Эта мысль пришла мне в голову. Но тут мы сталкиваемся с весьма подозрительным фактом. Никто не видал мисс Бернет после той роковой ночи, когда произошло убийство. Она бесследно исчезла. Жива ли еще она? Может быть, она погибла в ту же ночь, как и ее друг, которого она призывала на помощь? Или она находится только в плену? Вот пункт, который мы непременно должны теперь выяснить.

Но тут возникает новая трудность, Ватсон. Вы понимаете, что идти законным путем мы не можем; улик у нас нет никаких, и нас только поднимут на смех. Все это может показаться плодом нашей фантазии. Опираясь на то, что эта женщина исчезла, мы не можем, так как в этом странном доме прислуга иногда по неделям не видит своих господ. Между тем, может быть, именно теперь она находится в смертельной опасности. Я могу только внимательно наблюдать за этим домом и больше ничего. С этой целью я оставил там своего агента, Варнера, и он караулит около дома. Но, ведь, если закон здесь ничего не может поделать, мы должны действовать сами.

– Вы составили какой-нибудь план?

– Я знаю, где находится ее комната; по крыше соседнего здания добраться до нее будет нетрудно. Я решил отправиться туда вместе с вами сегодня ночью, чтобы попробовать решить эту загадку...

Я не могу сказать, чтобы эта мысль показалась мне привлекательной. Таинственный, старинный дом, его странные обитатели, глухая местность и тот факт, что мы ставили себя в очень щекотливое положение, с точки зрения правосудия, все это значительно охладило мой пыл. Но сила и логика убеждений Холмса были настолько велики, что делали невозможным отказ участвовать в его предприятии. Я был уверен, что только действуя таким путем, мы можем разрешить эту загадку. Я молча пожал ему руку, как бы скрепляя наш договор.

Но, видно, судьбе было угодно, чтобы наши похождения закончились менее оригинальным образом. Было около пяти часов, и начинались уже весенние сумерки, когда в комнату вдруг вбежал какой-то, видимо, сильно взволнованный рабочий.

– Они уехали, мистер Холмс! Они уехали с последним поездом! Но даме этой удалось бежать от них. Она внизу в коляске.

– Прекрасно! – воскликнул Холмс. – Как видите, Ватсон, наши пробелы заполняются.

В коляске мы нашли женщину, почти бесчувственную от перенесенных волнений. Тонкие черты ее лица еще носили следы пережитой драмы. Голова ее беспомощно свесилась на грудь, но когда она повернула к нам лицо, и я увидел ее глаза, мне сделалось как-то не по

себе. Лишенные всякого выражения, с неестественно узкими зрачками, они, казалось, ничего не различали перед собой. Ее, видимо, опоили опиумом.

– Я сторожил у ворот, как вы мне приказывали, мистер Холмс, – сказал бывший садовник. – Как только коляска выехала из ворот, я последовал за ней до самого вокзала. Эта дама казалась мертвой, но когда они втолкнули ее в вагон, она вдруг пришла в себя и стала вырываться. Они хотели запереть ее в купе, но она вторично вырвалась. Я помог ей добраться до коляски, посадил ее и привез сюда. Я никогда не забуду его лица в ту минуту, как уводил ее прочь от вагона; если бы эти черные глаза могли убивать своим взглядом людей, я был бы уже мертв.

Мы внесли ее наверх, уложили в постель и дали ей несколько чашек крепкого кофе, благодаря которому она скоро почти совершенно пришла в себя.

Между тем, Холмс послал за Байнесом и рассказал ему, в чем дело.

– Вы предупредили меня, мистер Холмс. Я вижу, что вы заручились именно той свидетельницей, которая была мне так необходима, – сказал инспектор, дружески пожимая моему другу руку. – Ведь я с самого начала шел по тому же следу, как и вы.

– Неужели и вы следили за Гендерсоном?

– Да, мистер Холмс, я видел, как вы крались по парку Гай-Гебля; я сидел в это время на дереве.

– Но, в таком случае, для чего вы арестовали мулата?

Байнес хитро улыбнулся.

– Я был уверен, что Гендерсон подозревает, что за ним следят, и пока не найден убийца, будет скрываться у себя, как мышь, пока не пройдет опасность. Я нарочно арестовал мулата, который вовсе неповинен в убийстве своего хозяина. Мне надо было обмануть Гендерсона, или человека, который себя так называл, по крайней мере. Я знал, что он после этого постарается скрыться, и тем самым даст нам возможность овладеть мисс Бернет.

Холмс положил руку на плечо сыщика и сказал:

– Вы далеко пойдете в деле сыска, у вас есть чутье!..

Байнес покраснел от удовольствия.

– На вокзале у меня все время находился человек в штатском платье. Он должен был тотчас уведомить меня в случае отъезда Гендерсона, но, вероятно, упустил его из виду в ту минуту, как мисс Бернет удалось освободиться. К счастью, ваш помощник поспел вовремя, и теперь она в наших руках. Без нее мы не могли бы арестовать убийцу, но раз она здесь, я надеюсь, что вскоре мне удастся допросить ее.

– С каждой минутой силы все более возвращаются к ней, и она становится бодрее, – сказал Холмс, смотря на гувернантку. – А пока, Байнес, скажите нам, кто этот человек, которого здесь знают под фамилией Гендерсона?

– Гендерсон никто иной, как Мурильо. Когда-то его звали Тигр из Сан-Педро.

Тигр из Сан-Педро? Я сразу вспомнил всю историю этого человека. Он вполне заслужил это прозвище, как самый кровожадный и лютый правитель, прикрываясь именем цивилизации. Энергичный и бесстрашный, он сумел силой своей воли в продолжении двенадцати лет удержать за собой власть над трусливым беспомощным народом. Имя его наводило панический ужас на всю Центральную Америку. Но, наконец, народ возмутился и восстал против него. Столь же хитрый, как и жестокий, он, однако, постарался немедленно перенести все свои сокровища на судно, уверенный в преданности команды. И когда на следующий день восставшие штурмом взяли его дворец, тиран был уже далеко, вместе со своими дочерьми, секретарем и богатством. С этой минуты он словно исчез с лица земли, так что об его исчезновении говорили по всей Европе.

– Да, сэр, это дон Мурильо, Тигр из Сан-Педро, – сказал Байнес, – и если вы видели записку, посланную Гарсиа, то без сомнения обратили внимание на зеленые и белые цвета; это,

так сказать, государственные цвета Сан-Педро. Хотя он называл себя здесь Гендерсоном, но я следил за ним в Париже, в Риме, в Мадриде и Барселоне, где он и высадился в 1886 году. Из Сан-Педро давно уже разыскивали его, но только теперь открыли его настоящее местопребывание.

– Они напали на его след год тому назад, – сказала мисс Барнет, совершенно уже оправившаяся, жадно прислушиваясь к нашему разговору. – Один раз жизнь его уже была в опасности, но его точно хранит какой-то злой гений. И вот опять новая жертва. Бедный благородный Гарсиа убит, а этот злодей жив. Но на место Гарсиа явится другой, а за ним третий, пока не свершится правосудие. Это так же верно, как то, что каждый день восходит солнце.

Она нервно сжала свои тонкие руки, и бледное ее лицо исказилось от сдержанной ненависти.

– Но каким образом вы оказались замешанной в эту историю, мисс Бернет? – спросил Холмс. – Как англичанка могла участвовать в подобном заговоре?

– Я согласилась на это, так как другим путем правосудие не могло свершиться. Какое дело англичанке до потоков крови, пролитой несколько лет тому назад в Сан-Педро, или до тех богатств, которые он там наградил, чтобы затем вместе с ними скрыться на корабле и спастись от наказания? Вы смотрите на эти преступления, как на что-то отдаленное, как будто они были совершены на другой планете. Но я на себе испытала, что нет преступника, более ужасного, чем Хуан Мурильо, и не могла жить спокойно, пока кровь всех его жертв не получила отмщения.

– Я вполне верю вам, что он именно таков, каким вы его рисуете, так как сам слышал про его жестокость, – сказал Холмс. – Но я хотел бы знать, благодаря чему вы сюда замешаны?

– Я все вам расскажу. Политика этого негодяя состояла в том, чтобы убивать, под каким-либо предлогом, всякого, кто впоследствии мог явиться его соперником. Мой муж (настоящее мое имя – синьора Витторио Дурандо) был представителем Сан-Педро в Лондоне. Там он познакомился со мной, и мы обвенчались. Никогда я не встречала более благородного человека, чем он. К несчастью, Мурильо скоро стал бояться его превосходства над собой и решил покончить с ним. Под благовидным предлогом он вызвал его в Сан-Педро, где мой муж и был убит. Он сам точно предвидел опасность и, уезжая, не решился взять меня с собой. Имущество его было конфисковано, а мне назначена ничтожная пенсия. Сердце мое было разбито.

Вскоре после этого, как вы знаете, в Сан-Педро вспыхнуло народное восстание. Тиран бежал, но те, кому он причинил непоправимое зло, чьи близкие пострадали от его жестокости, поклялись свести с ним счеты. Между собою они образовали тайное общество, на обязанности которого лежало выполнение клятвы. Как только было открыто, что он принял имя Гендерсона, и скрывается здесь, меня отправили следить за всеми его действиями и сообщить о них членам комитета. Я могла исполнить это, только поселившись в его доме, и с этой целью приняла место гувернантки к его детям. Он даже не подозревал, что женщина, сидевшая за одним с ним столом, вдова того человека, с которым он обошелся так предательски. Я улыбалась ему и добросовестно относилась к своим занятиям, выжидая только удобного момента, чтобы покончить с ним. Одна попытка была уже сделана в Париже, но оказалась неудачной. Мы изъездили всю Европу, чтобы сбить с толку наших преследователей, и опять вернулись в этот дом, купленный им еще в первый свой приезд в Англию. Но и здесь его ждало божеское правосудие в лице Гарсиа, одного из аристократов Сан-Педро, и двух простолюдинов, затаивших в себе жажду мести. Днем Мурильо был недосыгаем, так как его всегда сопровождал ближайший друг и приверженец Лукас, или Лопец, как его звали в дни прежнего величия. Но ночью его никто не охранял, и он спал один. В заранее определенный день я послала своему другу Гарсиа записку с указанием, где будет спать тиран, так как он каждую ночь менял комнату. Я должна была наблюдать за тем, чтобы двери на ночь были открыты и зажжен зеленый или белый огонь в окне, выходившем на дорогу, на случай, если бы ему угрожала опасность. Но с самого начала все шло не так, как надо. Бог знает чем, но я возбудила подозрение в Лукасе. Тихо подкрав-

пись ко мне, он схватил меня за руку как раз в ту минуту, как я кончала свою записку. Он и Мурильо силой привели меня в мою комнату и, без сомнения, покончили бы со мной ударом ножа, если бы были уверены, что избегнут наказания. Но это было слишком опасно для них, и тогда они решили навсегда отделаться от Гарсиа. Они крепко связали меня, и Мурильо до тех пор ломал мне руки, пока я не сказала ему адреса Гарсиа. Лукас написал адрес на моей записке, наложил сургучную печать, прижав ее своей запонкой, и затем отослал ее, вероятно, с Хозе, доверенным слугою Мурильо. Я не знаю, как Гарсиа был убит, но в убийстве принимал участие только один Мурильо, так как Лопец ни на минуту не отходил от меня. Вероятно, он подстерег его в кустах около дороги и, когда тот проходил, бросился на него сзади. Сначала они хотели впустить его в дом и затем уже убить, как вора, пойманного на месте преступления, но они знали, что в таком случае их привлекут к суду в качестве свидетелей, а тогда им пришлось бы раскрыть свое инкогнито, чего им вовсе не хотелось. Смерть Гарсиа, по их предположениям, так напугает остальных, что больше уже никто не осмелится их преследовать. Все кончилось бы благополучно, если бы я не знала ни о чем. Пять дней я находилась в томительном заключении, получая так мало пищи, что только с трудом поддерживала свое существование. Сегодня утром мне подали прекрасный завтрак, подложив в него что-то, чтобы усыпить меня. Воспользовавшись моим полусонным состоянием, они меня одели, усадили в коляску и повезли на вокзал. Только тогда, когда поезд уже готов был тронуться, я сообразила, что упускаю единственный шанс к своему спасению. Я выпрыгнула из купе, но они втолкнули меня обратно. В эту минуту подоспел ваш человек, и с его помощью мне удалось спастись. Слава Богу, теперь я уже не в их власти.

Мы молча выслушали этот удивительный рассказ. Потом Холмс сказал:

– Наша задача еще не кончена, с нас только снята обязанность следователя. Но как люди частные, мы должны действовать.

– Несомненно, – сказал я, – ведь с точки зрения правосудия он будет оправдан, как действовавший только в силу самообороны. И хотя бы за ним числились миллионы других преступлений, доказано будет лишь это одно.

– Однако, – сказал Байнес, – какое у вас плохое мнение о правосудии вообще. Здесь не было самозащиты, он убил человека совершенно хладнокровно, с преднамеренною целью, когда тот и не думал еще нападать на него. Нет-нет, я уверен, что на нас не ляжет пятна, если эти достойные обитатели Гай-Гебля когда-нибудь появятся пред судом.

* * *

Остается прибавить, что прошло очень немного времени, когда Тигр из Сан-Педро окончил, наконец, свою жизнь. Благодаря хитрости и ловкости, ему удалось обмануть своих преследователей, скрывшись в одном из домов Эдмон-сквера и выбравшись из него незаметно через черный ход на другую улицу. С тех пор его не видели уже больше в Англии. Только спустя шесть месяцев маркиз Монтальва и его секретарь, синьор Рулли, были найдены убитыми в одном из отелей Мадрида. Преступление было приписано нигилистам, и убийцы так и остались не разысканными. Инспектор Байнес явился к нам на Бейкер-стрит с портретами убитых, в которых мы тотчас признали Мурильо и Лопеца. Для нас не оставалось сомнений, что месть, хотя и поздно, но настигла виновных.

– Довольно запутанный случай, милый Ватсон, – сказал в один из вечеров Холмс, сидя за трубкой, – и вам нелегко будет передать его в сжатой литературной форме, которой вы так любите пользоваться. Ведь вся история происходит на двух континентах, в ней действуют две группы очень таинственных людей и, кроме того, принимает еще участие наш почтенный друг, мистер Скотт Эклс. Это последнее обстоятельство рисует нам покойного Гарсиа очень тонким и предусмотрительным человеком. Надо удивляться только тому, что при содействии нашего милого инспектора, нам не пришлось сбиться с пути и довести до конца главную цель, не уклоняясь в сторону разных случайностей. Но, быть может, вам не все ясно в этом деле, Ватсон?

– Я не могу понять, почему вернулся назад мулат?

– Я уверен, что он вернулся из-за странного существа, которое мы нашли в кухне. Человек этот был дикарь и даже, вероятно, идолопоклонник. В ту минуту, как они покидали дом, чтобы укрыться в надежном убежище, где их ждали уже другие заговорщики, его товарищ, по всей вероятности, уговорил его не брать с собою божка, который легко мог их выдать. Но мулату настолько было дорого его сокровище, что он вернулся за ним на следующий день, в тот вечер, когда его видел в окне полисмен. Он подождал три дня, а затем суеверие или любовь к идолу взяли верх, и он снова вернулся за ним в дом. Все это прекрасно понял инспектор Байнес, устроивший ему западню, в которую тот и попался. Что еще, Ватсон?

– Разорванная в клочья птица, ведро с кровью, обгорелые кости... Как вы объясняете их присутствие в кухне?

Холмс улыбнулся, открыл свою памятную книжку и сказал:

– Я нарочно провел целое утро в Британском музее, чтобы сделать вот эту выписку; слушайте: «Ни один идолопоклонник не начнет ни одного важного дела, пока не принесет жертву своему идолу, которого он должен умиловить. В очень редких случаях жертвы эти бывают человеческие (каннибализм), большею же частью приносятся в жертву белые петухи, разорванные на части еще живыми, или черные козы, которым перерезают горло, а кровь выпускают, после чего они сжигаются». Из этого вы можете видеть, что наш мулат в точности исполнил обряды своей страны. Конечно, это смешно, Ватсон, – заключил Холмс, медленно закрывая памятную книжку. – Но я, кажется, уже говорил вам, что от смешного до ужасного только один шаг.

Страшная посылка

Выбирая некоторые наиболее типичные дела, демонстрирующие замечательные свойства ума моего друга Шерлока Холмса, я старался по возможности отыскивать среди них не столько сенсационные, сколько открывающие широкое поле для применения его талантов. К сожалению, совершенно невозможно отделить сенсационное от уголовного, и летописец оказывается перед выбором: он должен либо пожертвовать подробностями, необходимыми для его отчета, и, следовательно, дать неполное представление о деле, либо использовать случайные, а не выбранные материалы. После этого краткого вступления я перехожу к моим запискам о странных и в некотором роде даже ужасных событиях.

Стоял один из тех жарких и душливых дней в августе, когда Бейкер-стрит походила на раскаленную сковороду, а дома, расположенные на ней, выглядевшие сырыми и мрачными в любое другое время года, буквально слепили глаза под ярким солнцем, отражавшимся от их крыш и окон. Шторы в нашей комнате были наполовину спущены. Холмс, свернувшись, лежал на кушетке, читая и перечитывая письмо, полученное им с утренней почтой. А я, живя долгое время в Индии, привык больше переносить жару, чем холод, так что мне не страшны были 30°. В газете не было ничего интересного; парламент был распущен на каникулы. Все, кто мог, уехали из города, и я грустил об аллеях Нью-Фореста и о галечных берегах Южного моря. Но понижение курса ценных бумаг на бирже заставило меня отложить свою поездку, что весьма огорчало меня, между тем, как мой товарищ был равнодушен, так как ни деревья, ни голубое море не имели для него никакой привлекательности. Ему нравилась сутолока пятимиллионного населения, нравилось расставлять сети, бродить, чутко прислушиваясь к малейшему шуму или слуху о нераскрытом преступлении. Восхваление природы не входило в круг его интересов, и единственное разнообразие, которое он позволял себе, это – следовать по пятам злодея из одного города в другой или вглубь страны, в деревню.

Видя, что Холмс не расположен беседовать, я отложил в сторону газету и, растянувшись в кресле, впал в задумчивое настроение. Вдруг мои мысли были прерваны голосом моего друга.

– Вы правы, Ватсон, – сказал он, – это, действительно, страшно нелепая манера решать спор.

– Поистине нелепая! – воскликнул я и сразу подумал: «Каким образом он мог проникнуть в глубину моего сознания и так верно схватить мои мысли?» Я выпрямился на стуле и с явным смущением смотрел на него во все глаза.

– Как это возможно, Холмс?! – воскликнул я. – Это выходит за пределы моих представлений.

Тот от души расхохотался, видя мое замешательство.

– Помните, – ответил он, – на днях я читал рассказ Эдгара По, в котором один тонкий наблюдатель угадывал мысли другого человека, и вы тогда не поверили, назвали рассказ плодом буйной фантазии автора. А когда я стал уверять вас, что и сам могу угадывать чужие мысли, вы скептически отнеслись к моему заявлению.

– О, нет!

– Да, вы ничего не ответили, но я узнал по вашим глазам. Поэтому, когда вы отложили газету и задумались, я очень обрадовался возможности узнать ваши мысли и, как видите, все время участвовал с вами в ваших думках.

– В том рассказе, – возразил я, все еще не удовлетворенный, – наблюдатель выводит свои заключения по действиям человека, за которым он следит. Насколько мне помнится, он спотыкался о камни, смотрел на звезды и так далее. Но я совершенно спокойно сидел в кресле, поэтому для меня непонятно, каким образом вы могли прочесть мои мысли.

– Вы не правы. Выражение лица человека служит верным отблеском его сознания. Когда вы думали, черты лица у вас были верными слугами для выражения ваших чувств.

– Значит, вы проследили за ходом моих мыслей по выражению моего лица?

– Да, по выражению лица, а еще больше по выражению глаз. Не можете ли вы мне сказать, с чего вы начали свои размышления?

– Нет, вряд ли вспомню.

– Ну, в таком случае я вам скажу. Откинув газету, этим вы привлекли мое внимание к себе. Вы устроились поудобнее в кресле, и около минуты сидели с отсутствующим видом. Затем ваш взгляд остановился на портрете генерала Гордона³⁴ в новой рамке, и по выражению вашего лица я тут заметил, что вы начали думать. Потом посмотрели на портрет Генри Уорда Бичера³⁵, стоящий наверху этажерки с книгами и еще не вставленный в рамку. И ваша мысль стала совсем ясной. Вы посмотрели на стену, нашли там пустое место и подумали, что надо вставить этот портрет в рамку и повесить здесь, симметрично с портретом генерала Гордона.

– До сих пор вы поразительно верно угадали мои мысли! – воскликнул я.

– А дальше было уже нетрудно. Вы опять взглянули на Бичера и стали в него пристально всматриваться, как будто изучая характер по чертам лица. Затем ваши глаза перестали шуриться, но вы продолжали смотреть, и лицо у вас приняло сосредоточенное выражение. Вы вспоминали отдельные моменты карьеры Бичера. Я уверен, что вы вспомнили о той миссии, которую он выполнял во время Гражданской войны, ради пользы и благосостояния Севера. Помнится, в свое время подобный факт так задел вас за живое, что вы не можете думать о Бичере, не вспоминая об этом. Минуту спустя вы отвели свой взор от портрета, я подумал, что вы погрузились в картины Гражданской войны, в чем я скоро и убедился, когда заметил, как шевелятся ваши губы, как блестят ваши глаза и как крепко сжимаются ваши руки. Вы вдохновлялись храбростью и отвагой, проявленными с обеих сторон в этой отчаянной борьбе. Но потом ваше лицо стало скучным, вы покачали головой. Бесплезная гибель стольких человеческих жизней наполнила вашу душу ужасом и содроганием. Вы растравили свои старые сердечные раны, и горькая усмешка появилась на ваших губах. Вас возмущало, что люди применяют такой глупый, нелепый метод при разрешении великих международных вопросов, в чем я вполне согласен с вами, и поэтому высказал свое одобрение вслух. Я же очень доволен, что мои наблюдения оказались верными.

– Вполне верными, – ответил я. – И теперь, хотя вы мне объяснили фокус, я все-таки остаюсь поражен и удивлен вашей поразительной наблюдательностью.

– Уверяю вас, Ватсон, что ничего не может быть проще этого. Я бы не стал терять на это время, если бы вы накануне не выразили такого недоверия к рассказу талантливого писателя. Но вот сейчас у меня есть задача, решение которой может оказаться труднее, чем этот небольшой опыт чтения мыслей. Вы видели в газете короткую заметку о странном содержании пакета, присланного по почте некоей мисс Кушинг на Кросс-стрит, в Кройдоне?

– Нет, не видел.

– Так, значит, вы ее не заметили. Бросьте-ка мне газету. Посмотрите, вот здесь, под финансовым обзором. Не будете ли вы любезны прочесть ее?

Я поднял газету, которую он бросил мне обратно, и прочел заметку. Она была озаглавлена «Страшная посылка».

«Мисс Сьюзен Кушинг, проживающая на Кросс-стрит, в Кройдоне, стала жертвой возмутительной шутки, если только это происшествие не имеет более зловещего смысла. Вчера в два часа дня почтальон принес ей небольшой пакет, завернутый в бумагу. Это была картонная

³⁴ Гордон Чарльз Джордж (1833–1885) – английский генерал. В начале 1884 г. был послан английским правительством для подавления махдистского освободительного восстания в Судане и в январе 1885 г. был убит при взятии повстанцами Хартума.

³⁵ Бичер Генри Уорд (1813–1887) – американский священник, брат Г. Бичер-Стоу – автора «Хижины дяди Тома». Сторонник женского равноправия, противник рабства. В 1863 г. приезжал в Англию.

коробка с крупной солью. Высыпав соль, мисс Кушинг с ужасом обнаружила два человеческих уха, отрезанных, по-видимому, совсем недавно. Коробка была отправлена накануне утром из Белфаста по почте. Отправитель не указан, и таинственность дела усугубляется тем, что мисс Кушинг, незамужняя особа пятидесяти лет, ведет самый уединенный образ жизни. У нее так мало знакомых и корреспондентов, что она очень редко получает что-либо по почте. Однако несколько лет назад, живя в Пендже³⁶, она сдавала комнаты трем студентам-медикам и вынуждена была избавиться от них из-за их шумного и распущенного поведения. Полиция считает, что безобразная шутка, возможно, является делом рук этих молодых людей, которые имели зуб на мисс Кушинг и хотели напугать ее, послав ей подарок из анатомического театра. Некоторое правдоподобие этой версии придает тот факт, что один из студентов раньше жил в Северной Ирландии, насколько известно мисс Кушинг, – в Белфасте. А пока что нашей сыскной полицией ведется энергичное расследование, порученное мистеру Лестрейду, одному из лучших агентов».

– В «Дейли кроникл» больше ничего нет, – сказал Холмс, когда я дочитал статью. – Теперь послушайте нашего друга Лестрейда. Утром я получил от него записку. Вот что он пишет:

«Я думаю, это дело придется Вам очень по вкусу. Мы надеемся довести его до конца, но у нас возникли некоторые трудности из-за отсутствия материала. Мы телеграфировали на белфастский почтамт, но в тот день было отправлено много посылок, и про эту они там ничего не могут сказать и не помнят ее отправителя. Коробка полуфунтовая, из-под паточного табака, и не дает никакого ключа к разгадке. Предположение насчет студента-медика кажется мне наи-

³⁶ Пригород Лондона.

более вероятным, но если у Вас есть немного свободного времени, я буду очень рад видеть Вас здесь. Я весь день либо в этом доме, либо в полицейском участке».

– Что вы на это скажете, Ватсон? Можете ли вы презреть жару и поехать со мной в Кройдон с надеждой на новое дело для ваших записок?

– Я как раз думал, чем бы мне заняться.

– Тогда занятие у вас будет. Позвоните, чтобы нам принесли ботинки, и пошлите за кебом. Я буду готов через минуту, только сниму халат и возьму портсигар.

Пока мы ехали в поезде, прошел дождь, и в Кройдоне жара была не такой гнетущей, как в Лондоне. Перед отъездом Холмс отправил телеграмму, и Лестрейд, как всегда быстрый, щегольски одетый и похожий на хорька, встретил нас на станции. Через пять минут мы были на Уросс-стрит, где жила мисс Кушинг.

Это была длинная улица с чистенькими и немного чопорными двухэтажными кирпичными домами; на каменных крылечках судачили женщины в передниках. Пройдя примерно половину улицы, Лестрейд остановился и постучал в дверь. На стук вышла девочка-служанка. Нас провели в гостиную, где сидела мисс Кушинг. У нее было спокойное лицо с большими кроткими глазами, седеющие волосы прикрывали виски. Она вышивала накидку на кресло. Рядом стояла корзинка с разноцветными нитками.

– Я приказала унести эту гадость в сарай, – сказала она, когда мы с Лестрейдом вошли в комнату. – Забрали бы вы их отсюда!

– Обязательно, мисс Кушинг. Я держал их здесь только для того, чтобы мой друг мистер Холмс взглянул на них в вашем присутствии.

– Зачем же в моем присутствии, сэр?

– Ну, вдруг он захочет вас о чем-нибудь спросить.

– Что тут еще спрашивать? Я же сказала вам, что ничего об этом не знаю.

– Совершенно верно, сударыня, – успокоительно сказал Холмс. – Думаю, вам ужасно надоели с этим делом.

– Еще бы, сэр. Я человек скромный, живу тихо. Мне никогда не доводилось читать свое имя в газетах, и полиция у меня никогда не бывала. Я не позволю, чтобы эту гадость принесли сюда, мистер Лестрейд. Если вы хотите посмотреть на них, вам придется пойти в сарай.

Маленький сарай находился в саду за домом. Лестрейд сходил туда и вынес желтую картонную коробку, кусок оберточной бумаги и веревку. Мы сели на скамейку в конце дорожки, и Холмс принялся рассматривать предметы, которые Лестрейд передавал ему по очереди один за другим.

– Любопытная веревка, – заметил он, поднимая ее к свету и обнюхивая. – Что вы скажете о ней, Лестрейд?

– Она просмолена.

– Правильно. Это кусок просмоленного шпагата. Несомненно, вы также заметили, что мисс Кушинг разрежала веревку ножницами. Это видно по срезам с двух сторон. Это очень важно.

– Не понимаю, что тут важного?

– Важно, что узел остался цел, и что это особенный узел.

– Он завязан очень аккуратно. Я уже обратил на это внимание, – самодовольно сказал Лестрейд.

– Ну, с веревкой все ясно, – улыбаясь, сказал Холмс. – Теперь займемся упаковкой. Оберточная бумага еще сохраняет запах кофе. Как, разве вы этого не заметили? Не может быть никакого сомнения. Адрес написан довольно коряво, печатными буквами: «Мисс С. Кушинг, Кросс-стрит, Кройдон», толстым пером, возможно, «рондо», и очень плохими чернилами. Слово «Кройдон» вначале было написано через «е», которое затем изменили на «о». Итак, посылку отправил мужчина – почерк явно мужской, – не очень образованный и не знающий

Кройдона. Далее, коробка желтая, полуфунтовая, из-под паточного табака, ничем не примечательная, если не считать, что в левом нижнем углу имеются отпечатки двух больших пальцев. Наполнена крупной солью, которая применяется при хранении кож и в других случаях, связанных с промышленным сырьем. И в соль положено нечто весьма своеобразное.

С этими словами он вытащил из коробки уши и, подложив доску, стал их внимательно изучать, а мы с Лестрейдом, наклонившись над ним с обеих сторон, смотрели на эти страшные подарки и на серьезное, сосредоточенное лицо Холмса. Наконец он положил их обратно в коробку и некоторое время сидел, глубоко задумавшись.

– Вы, конечно, заметили, – сказал он, наконец, – что это непарные уши?

– Да, я это заметил. Но если это шутка студентов-медиков, им ничего не стоило послать и парные и непарные уши.

– Совершенно верно. Но это отнюдь не шутка.

– Вы уверены в этом?

– Меня уверяет в этом многое. В анатомическом театре в трупы вводят консервирующий раствор. На этих ушах его не заметно. Кроме того, они отрезаны недавно и тупым инструментом, что едва ли бы случилось, если бы это сделал студент. Далее, для консервирующего раствора медик выбрал бы карболку или спирт, но, уж конечно, не крупную соль. Повторяю: это не розыгрыш, перед нами серьезное преступление.

Дрожь пробежала по моему телу, когда я услышал слова Холмса и увидел его помрачневшее лицо. За этим решительным вступлением таилось нечто страшное и необъяснимое. Однако Лестрейд покачал головой, как человек, которого убедили только наполовину.

– Конечно, кое-что есть против этой версии с розыгрышем, – сказал он, – но против другой аргументы гораздо сильнее. Эта женщина последние двадцать лет и в Пендже, и здесь жила тихой добропорядочной жизнью. За эти годы она едва ли хоть один день провела вне дома. Зачем же преступник станет посылать ей доказательства своей вины, ведь она, если только она не превосходная актриса, знает об этом так же мало, как и мы?

– Вот это и есть задача, которую мы должны решить, – ответил Холмс, – и я, со своей стороны, могу предположить, что мои рассуждения правильны, и что было совершено двойное убийство. Одно ухо маленькое, красивой формы, с проколом для серьги – женское. Второе, загорелое и также с проколом для серьги – мужское. Эти два человека, видимо, мертвы, иначе мы бы уже узнали о них. Сегодня пятница. Посылка отправлена в четверг утром. Следовательно, трагедия произошла в среду или во вторник, а может быть, еще раньше. Если эти два человека убиты, то кто, кроме самого убийцы, мог послать мисс Кушинг это свидетельство преступления? Будем считать, что отправитель посылки – тот самый человек, которого мы ищем. Но у него должны были быть веские причины для отправления этого пакета мисс Кушинг. Какие же это причины? Должно быть, он хотел сообщить ей, что дело сделано! А возможно, он желал причинить ей боль. Но в таком случае она должна знать этого человека. Знает ли она? Сомневаюсь. Если знает, то зачем вызвала полицию? Она могла закопать уши, и никто ничего бы не узнал. Так она поступила бы, если бы хотела скрыть имя преступника. А если она не хотела скрывать, то назвала бы его. Вот головоломка, которую нужно решить.

Он говорил резким высоким голосом, глядя поверх садовой ограды, потом быстро вскочил и пошел к дому.

– Мне нужно задать несколько вопросов мисс Кушинг, – сказал он.

– В таком случае я вас покину, – сказал Лестрейд, – потому что у меня здесь есть еще одно дельце. Я думаю, что мисс Кушинг мне больше не нужна. Вы найдете меня в полицейском участке.

– Мы зайдем туда по дороге на станцию, – ответил Холмс.

Через мгновение мы снова были в гостиной, где мисс Кушинг продолжала спокойно вышивать свою накидку. Когда мы вошли, она положила ее на колени и устремила на нас открытый вопрошающий взор голубых глаз.

– Я убеждена, сэр, – сказала она, – что это ошибка: посылка предназначалась не мне. Я несколько раз говорила это инспектору из Скотланд-Ярда, но он только посмеялся надо мной. По-моему, у меня нет ни одного врага, так для чего же кто-то сыграл бы со мной такую шутку?

– Мне тоже так кажется, мисс Кушинг, – сказал Холмс, садясь рядом с ней. – По-моему, более чем вероятно... – Он умолк, и я, посмотрев на него, с удивлением заметил, что он впился глазами в ее профиль. Удивление, а затем удовлетворение мелькнули на его худом энергичном лице, но, когда она взглянула на него, чтобы узнать, почему он вдруг замолк, он уже совершенно овладел собой. Теперь и я в свою очередь пристально посмотрел на ее гладко причесанные седеющие волосы, опрятный чепец, маленькие позолоченные серьги, спокойное лицо, но не увидел ничего, что объяснило бы мне волнение моего друга.

– Я хочу задать вам несколько вопросов...

– Ах, как надоели мне вопросы! – раздраженно воскликнула мисс Кушинг.

– По-моему, у вас есть две сестры.

– Почему вы знаете?

– Войдя в комнату, я увидел на камине фотографическую карточку трех женщин. Одна из них – вы сами, а две другие так похожи на вас, что родство не подлежит сомнению.

– Да, вы правы. Это мои сестры – Сара и Мэри.

– А вот здесь висит другая фотография, сделанная в Ливерпуле, – портрет вашей младшей сестры с каким-то мужчиной, судя по одежде, стюардом. Я вижу, что тогда она была не замужем.

– Как это вы все заметили?

– У меня такая профессия.

– Что ж, вы совершенно правы. Она вышла замуж за мистера Браунера через несколько дней после того, как был сделан снимок. Он в то время служил на Южноамериканской линии, но так любил мою сестру, что не мог перенести долгой разлуки с ней и перевелся на пароходы, которые ходят между Ливерпулем и Лондоном.

– Случайно не на «Победитель»?

– Нет, насколько мне известно, на «Майский день». Джим как-то раз был здесь у меня в гостях, еще до того, как он нарушил свое обещание не пить. Потом-то он всегда пил на берегу и сходил с ума уже от первой рюмки. Это был черный день, когда его снова потянуло к бутылке. Сначала он поссорился со мной, потом с Сарой. Теперь вот Мэри перестала нам писать, и мы не знаем, что с ними...

Тема эта явно волновала мисс Кушинг. Как и большинство одиноких людей, она поначалу стеснялась, но потом разговорилась. Она многое рассказала нам о своем зяте-стюарде, а затем, перейдя к бывшим своим постояльцам – студентам-медикам, долго рассказывала обо всех их провинностях, назвала их имена и сообщила, в каких больницах они работали. Холмс внимательно слушал, иногда задавая ей вопросы.

– Расскажите о вашей средней сестре Саре, – попросил он. – Почему вы не живете с нею одним домом, ведь обе вы не замужем?

– О! Вы не удивлялись бы, если бы знали, что у нее за характер. Когда я переехала в Кройдон, мы жили некоторое время вместе. Мы разъехались только месяца два назад. Не хотелось бы говорить плохо о родной сестре, но Сара всегда лезет не в свое дело и вечно привередничает.

– Вы говорите, что она поссорилась и с вашими ливерпульскими родственниками?

– Да, а какое-то время они были лучшими друзьями. Она даже поселилась в Ливерпуле, чтобы быть рядом с ними. А теперь только и знает, что ругать Джима. Последние полгода,

которые она жила здесь, она только и говорила о его пьянстве и дурных привычках. Наверно, он поймал ее на какой-нибудь сплетне и высказал ей все, что о ней думает. И пошло-поехало!

– Благодарю вас, мисс Кушинг, – сказал Холмс, вставая и откланиваясь. – Ваша сестра Сара живет, кажется, в Уоллингтоне на Нью-стрит? Всего хорошего, мне очень жаль, что пришлось побеспокоить вас по делу, о котором вы, как вы нам и сказали, ничего не знаете.

На улице Холмс подождал кеб.

– Далеко ли до Уоллингтона? – спросил он.

– Нет, сэр, всего около мили.

– Отлично. Садитесь, Ватсон. Надо поторопиться. Дело хотя и простое, но есть кое-какие интересные детали... Кебмен, когда будем проезжать мимо телеграфа, остановитесь.

Холмс отправил короткую телеграмму, и все остальное время сидел, развалившись и надвинув шляпу на глаза, защищаясь от солнца. Кеб остановился у дома, похожего на тот, из которого мы только что уехали. Холмс попросил кебмена подождать. Как только он взялся за дверной молоток, дверь отворилась. На пороге появился серьезный молодой человек в черном, с блестящим цилиндром в руке.

– Дома ли мисс Кушинг? – спросил Холмс.

– Мисс Кушинг серьезно больна. У нее появились симптомы тяжелого заболевания мозга. Я, как ее врач, не могу взять на себя ответственность и впустить вас к ней. Зайдите дней через десять.

Сказав это, доктор надел перчатки, закрыл дверь и ушел.

– Ну, что ж, нельзя так нельзя, – бодро сказал Холмс.

– Она, верно, не смогла бы, а может, и не захотела ничего сказать вам.

– Мне и не нужно ничего говорить. Я хотел только посмотреть на нее. Впрочем, у меня итак есть все, что мне надо... Кебмен, отвезите нас в какую-нибудь приличную гостиницу, где можно позавтракать. А потом мы поедем к нашему другу Лестрейду в полицейский участок.

Мы отлично позавтракали. За столом Холмс говорил только о скрипках и с большим одушевлением рассказывал, как он купил у одного еврея-старьевщика на Тоттенхем-Корт-роуд за пятьдесят пять шиллингов скрипку Страдивариуса, которая стоила не менее пятисот гиней. От скрипок он перешел к Паганини, и почти час мы просидели за бутылкой кларета, пока он рассказывал одну за другой истории об этом необыкновенном человеке.

Было далеко за полдень, жаркий блеск солнца уже сменился приятным мягким светом, когда мы приехали в полицейский участок. Лестрейд ждал нас.

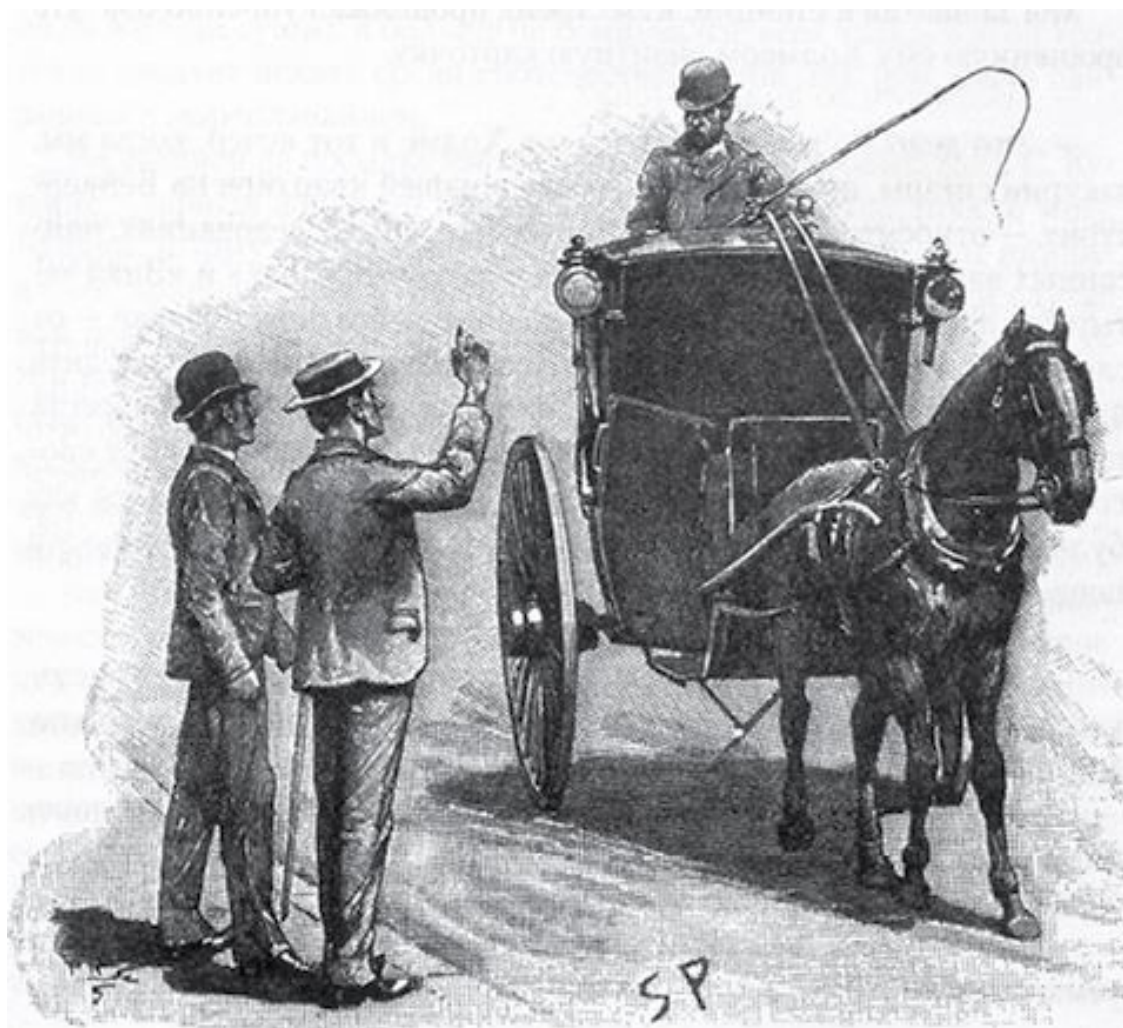
– Вам телеграмма, мистер Холмс, – сказал он.

– А, это ответ! – Он распечатал ее, пробежал глазами и сунул в карман. – Все в порядке!

– Вы что-нибудь выяснили?

– Я выяснил все!

– Что? – Лестрейд посмотрел на него с изумлением. – Вы шутите?

– Никогда в жизни не был так серьезен. Совершенно ужасное преступление, и теперь, мне кажется, я раскрыл все его детали.

– И кто же преступник?

Холмс написал несколько слов на обороте своей визитной карточки и отдал ее Лестрейду.

– Вот кто это, – сказал он. – Произвести арест можно будет только завтра вечером. Я прошу вас не упоминать обо мне в связи с этим делом, ибо я хочу, чтобы мое имя называли, только когда разгадка преступления представляет известную трудность. Идемте, Ватсон.

Мы зашагали к станции, а Лестрейд так и остался стоять, с восхищением глядя на карточку, которую подал ему Холмс.

* * *

– В этом деле, – сказал Шерлок Холмс, когда мы, закулив сигары, сидели вечером в нашей квартире на Бейкер-стрит, – так же, как и в расследованиях, которые вы озаглавили в своих записках «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех», нам пришлось рассуждать в обратном порядке, идя от следствий к причинам. Я послал Лестрейду записку с просьбой сообщить нам недостающие подробности, которые он узнает, только когда арестует преступника. Мы можем об этом не беспокоиться. Несмотря на то что он глуп, хватка у него, как у бульдога, когда он знает, что должен делать. Эта хватка и дала ему возможность сделать карьеру в Скотланд-Ярде.

– Значит, вам еще не все ясно? – спросил я.

– Ясно почти все. Я знаю, кто совершил это ужасное преступление. Правда, одна из жертв мне еще неизвестна. Вы уже пришли к какому-то выводу, Ватсон?

– Очевидно, вы подозреваете этого Джима Браунера, стюарда с ливерпульского парохода?

– Ну, это больше, чем подозрение.

– И все же я не вижу ничего, кроме весьма неопределенных указаний.

– Наоборот, по-моему, ничего не может быть яснее. Давайте еще раз пройдемся по нашему расследованию. У нас было огромное преимущество: как вы помните, мы подошли к делу совершенно непредвзято. Заранее мы не строили никакой теории. Мы просто отправились наблюдать и делать выводы. И что же мы увидели? Весьма почтенную женщину, у которой, судя по всему, нет никаких тайн, и фотографическую карточку, из которой мы узнали, что у нее есть две младшие сестры. Тогда же у меня возникла мысль, что посылка могла предназначаться не мисс Сьюзен Кушинг, а другой сестре. Но я решил, что еще успею подтвердить или опровергнуть эту мысль. Затем, как вы помните, мы прошли в сад и увидели необыкновенное содержимое желтой коробки. Такой веревкой, как была на коробке, обыкновенно шьют паруса, и в нашем расследовании сразу же потянуло морем. Я увидел, что она завязана морским узлом, что посылка отправлена из порта, и что в мужском ухе сделан прокол для серьги, а это часто бывает у моряков, и мне стало совершенно ясно, что всех участников этой трагедии надо искать на кораблях и у моря.

Я обнаружил, что посылка адресована мисс С. Кушинг. Старшая сестра была бы, разумеется, просто мисс Кушинг, но с буквы «С» могло начинаться имя и другой сестры. В подобном случае мы бы вынуждены были начать расследование заново, с другого конца. Чтобы выяснить это, я вернулся в дом. Я уже собирался сообщить мисс Кушинг, что произошла ошибка, как вдруг – вы, вероятно, помните это – я умолк. Дело в том, что я заметил нечто удивительное, что значительно сужало поле нашего расследования.

Как медик, вы знаете, Ватсон, что нет другой такой разнообразной части человеческого тела, как ухо. Каждое ухо чрезвычайно индивидуально и отличается от всех остальных. В «Антропологическом журнале» за прошлый год вы можете найти две мои статейки на эту тему. Поэтому я посмотрел на уши в посылке глазами специалиста и отметил их анатомические особенности. Вообразите мое удивление, когда, взглянув на мисс Кушинг, я понял, что ее ухо в точности повторяет женское ухо в коробке. О случайном совпадении не может быть и речи. Здесь была такая же немного укороченная ушная раковина, с таким же изгибом в верхней части и с той же формой внутреннего хряща. По всем признакам, это было точно такое же ухо.

Конечно, я сразу же понял огромную важность этого открытия. Ясно, что жертва находилась в кровном и, по-видимому, очень близком родстве с мисс Кушинг. Я заговорил с ней о семье, и вы помните, что она сразу сообщила нам ценнейшие подробности.

Во-первых, имя ее сестры Сара, и адрес ее до недавнего времени был тот же самый, так что понятно, как произошла ошибка, и кому могла предназначаться посылка. Затем мы узнали о стюарде, женатом на младшей сестре, и выяснили, что какое-то время он был дружен с мисс Сарой, и та даже переехала в Ливерпуль, чтобы жить поближе к Браунерам, однако позднее они поссорились. После этой ссоры все сношения между ними прервались на несколько месяцев, и если бы Браунер решил отправить посылку мисс Саре, то, конечно, послал бы ее по старому адресу.

Дело начало проясняться. Мы узнали о существовании этого стюарда – неуравновешенного, импульсивного человека (помните, он бросил хорошее место, чтобы надолго не расставаться с женой), и к тому же пьянчужки. У нас были основания полагать, что его жена убита, и что тогда же был убит какой-то мужчина – возможно, моряк. Мы сразу же подумали, что мотивом преступления является ревность. Но почему доказательство совершенного преступления должна была получить Сара Кушинг? Может быть, потому, что во время проживания

в Ливерпуле она сыграла какую-то роль в событиях, закончившихся трагедией. Мы знаем, что пароходы этой линии заходят в Белфаст, Дублин и Уотерфорд. Итак, если этих людей убил Браунер, и если он сразу же сел на свой пароход «Майский день», тогда Белфаст первый порт, откуда он мог отправить свою страшную посылку.

Но, возможно, было и другое решение, и, хотя я считал его маловероятным, я решил уточнить, прежде чем расследовать дело дальше. Ведь могло оказаться, что какой-то неудачливый влюбленный убил мистера и миссис Браунер, и мужское ухо принадлежит мужу. Против этой версии было много серьезных возражений, но все же она не была невозможной. Поэтому я послал телеграмму Элгару, моему приятелю из ливерпульской полиции, и попросил его узнать, дома ли миссис Браунер и отплыл ли мистер Браунер на «Майском дне». А потом мы с вами направились к мисс Саре Кушинг.

Прежде всего, мне любопытно было посмотреть, повторяется ли у нее семейное ухо. Кроме того, она могла сообщить нам важные сведения, но я не слишком надеялся на то, что она это сделает. Она наверняка знала о том, что произошло, ведь об этом шумит весь Кройдон. И только она могла понять, кому предназначается посылка. Если бы она хотела помочь правосудию, она уже обратилась бы в полицию. Во всяком случае, мы обязаны были встретиться с ней, и мы попытались. Мы узнали, что известие о получении посылки (а ее болезнь началась именно с этого момента) произвело на нее такое впечатление, что она слегла. Так окончательно выяснилось, что она все поняла, но не менее ясно стало и то, что нам придется подождать, пока она сможет нам чем-либо помочь.

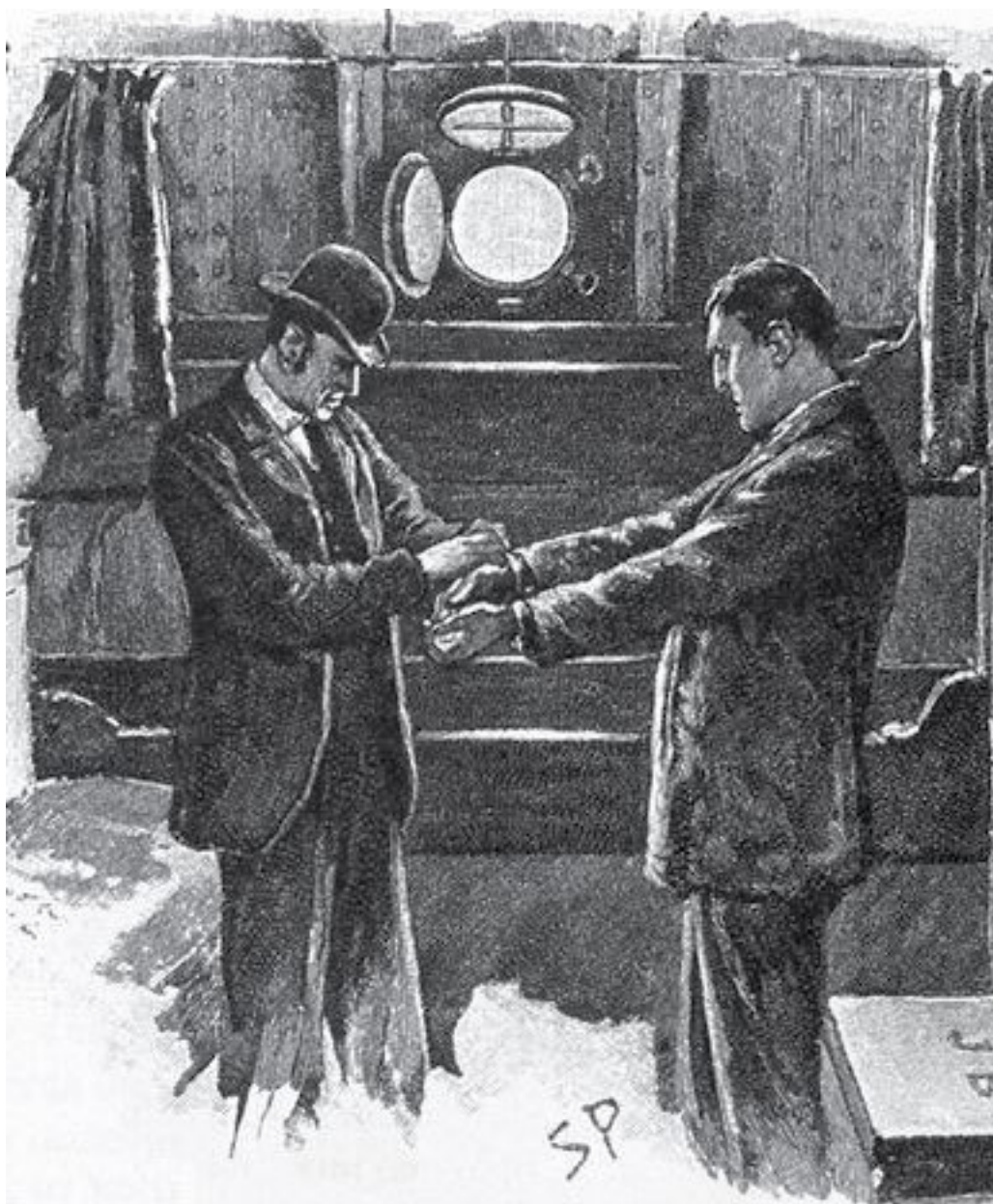
Но целиком мы не зависели от помощи мисс Сары. Ответы уже лежали в полицейском участке, куда Элгар послал их по моей просьбе. Все было весьма убедительно. Дом стоял закрытый уже три дня, и соседи считали, что миссис Браунер уехала к родственникам. В пароходном агентстве нам сообщили, что мистер Браунер отплыл на «Майском дне», который, по моим расчетам, должен появиться в Лондоне завтра вечером. Когда он прибудет, его встретит глуховатый, но хваткий Лестрейд, и думаю, мы узнаем все недостающие подробности.

Шерлок Холмс оказался прав. Через два дня он получил толстый пакет, в котором была короткая записка от Лестрейда и напечатанный на машинке отчет на нескольких страницах большого формата.

– Лестрейд его взял, – сказал Холмс, поглядев на меня. – Вам, наверное, будет интересно послушать, что он пишет.

«Дорогой мистер Холмс!

Согласно плану, выработанному нами с целью проверки наших предположений (это «нами» великолепно, не правда ли, Ватсон?), я отправился вчера в шесть часов вечера в Альберт-док и поднялся на борт «Майского дня», курсирующего на линии Ливерпуль – Дублин – Лондон. Наведя справки, я узнал, что стюард по имени Джеймс Браунер находится на борту, и что во время рейса он вел себя так странно, что капитан вынужден был отстранить его от его обязанностей. Сойдя вниз в каюту, где находится его койка, я увидел его сидящим на сундуке. Он раскачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками. Это высокий крепкий мужчина, бритый, очень смуглый (он немного похож на Олдриджа, который помогал нам в деле с мнимой прачечной). Когда он узнал, для чего я здесь, он вскочил, и я уже хотел свистнуть в свисток и позвать двух человек из речной полиции, стоящих за дверью. Но он вдруг обессилел и без сопротивления дал надеть на себя наручники. Мы отправили его в участок и забрали его сундук, в надежде обнаружить в нем какие-нибудь вещественные доказательства; но, кроме большого ножа, какой есть у каждого моряка, мы не нашли ничего, что вознаградило бы наши старания. Однако выяснилось, что доказательства никакие не нужны, потому что, приведенный в участок к инспектору, он пожелал сделать заявление, которое наш стенографист и записал. Мы напечатали три экземпляра. Один я посылаю Вам. Дело оказалось, как я и думал, очень простым, но я благодарен Вам за то, что Вы помогли мне его расследовать.

С сердечным приветом искренне Ваш *Дж. Лестрейд*».

– Расследование, действительно, было очень простое, – заметил Холмс. – Но сначала, когда он обратился ко мне, оно не казалось ему таким. Но давайте посмотрим, что сказал сам Джим Браунер. Вот его заявление, сделанное инспектору Монтгомери в Шедуэллском полицейском участке. К счастью, запись стенографическая:

«Хочу ли я что-нибудь сказать? Да, много чего. Хочу выложить все начистоту. Можете повесить меня или отпустить – мне все равно. Ведь с тех пор я ни минуты не спал. Если я и засну теперь, то, наверное, вечным сном. Иногда передо мной стоит его лицо, а ее – постоянно. Он смотрит на меня зло и хмуро, а у нее такое удивленное лицо. Бедная овечка, как же ей не удивляться, если на лице, которое всегда выражало любовь к ней, она прочла решение убить ее!

Это Сара виновата, и пусть проклятие человека, которому она сломала жизнь, падет на ее голову, и пусть кровь свернется в ее жилах! Не думайте, я не оправдываюсь. Да, я снова начал пить и вел себя как скотина. Но она простила бы меня, она льнула бы ко мне, как веревка к блоку, если бы ее сестра не переступила порога нашего дома. Ведь дело все в том, что Сара

Кушинг в меня влюбилась. Сначала она любила меня, а потом, когда узнала, что след ножки моей жены в грязи значит для меня больше, чем тело и душа Сары Кушинг, ее любовь перешла в смертельную ненависть.

Их было три сестры. Старшая – обычная женщина, вторая – дьявол, а третья – ангел. Когда я женился на Мэри, ей было двадцать девять, а Саре – тридцать три. Мы зажили своим домом и были счастливы. Во всем Ливерпуле не было женщины лучше моей Мэри. А потом мы на неделю пригласили Сару, а неделя превратилась в месяц, а потом она стала как бы членом нашей семьи.

Тогда я не пил, мы понемногу откладывали деньги и были счастливы. Боже мой, кто бы подумал, что все так кончится! Кому бы это пришло в голову!

Обычно я приезжал домой на субботу и воскресенье, а иногда, если пароход вставал на погрузку, я бывал свободен целую неделю, а потому часто виделся со свояченицей. Она была интересная, высокая, черноволосая, живая, с гордо закинутой головой, а глаза у нее горели огнем. Но я совсем не думал о ней – рядом была моя малютка Мэри. Бог мне свидетель.

Я замечал, что ей нравится посидеть со мной или вытащить меня прогуляться, но я не придавал этому значения. Но однажды вечером глаза мои открылись. Я пришел из рейса; жены моей не было, но дома была Сара. «Где Мэри?» – спросил я. «Пошла заплатить по каким-то счетам». Я в нетерпении принялся шагать по комнате. «Джим, неужели ты и пяти минут не можешь быть счастлив без Мэри?» – спросила она. – Плохо же мое дело, если моя компания не устраивает тебя даже на несколько минут». – «Да полно тебе, сестрица», – сказал я и ласково протянул ей руку. Она схватила ее обеими руками так горячо, точно в жару. Я посмотрел ей в глаза и все увидел в них. Мы могли ни о чем не говорить, все было ясно. Я нахмурился и выдернул руку. Она помолчала, стоя рядом со мной, а потом похлопала меня по плечу. «Верный старый Джим!» – сказала она, засмеялась, как будто издеваясь надо мной, и выбежала из комнаты.

И с этого времени Сара всей душой возненавидела меня, а эта женщина умеет ненавидеть. Я был дураком, когда позволил ей остаться у нас, – пьяным дураком. Но я ни слова не сказал Мэри, потому что она огорчилась бы. Все осталось так же, как раньше, но через какое-то время я стал замечать, что Мэри как-то изменилась. Она всегда была такой простодушной и доверчивой, а теперь стала такая чудная и подозрительная: все допытывалась, где я бываю, что делаю, от кого получаю письма, что у меня в карманах и все такое. Она становилась все более странной и раздражительной, и мы начали ссориться из-за пустяков. Я не знал, что и думать. Сара теперь избегала меня, но с Мэри они были неразлучны. Сейчас-то я понимаю, что она настраивала мою жену против меня, но тогда я был слеп как крот. А потом я опять запил. Но этого не случилось бы, если б Мэри не изменилась ко мне. Теперь же у нее была причина чувствовать отвращение ко мне, и разрыв между нами стал увеличиваться. А потом появился этот Алек Фэрберн, и все полетело к черту.

Сначала он пришел в наш дом к Саре, но потом стал ходить к нам. Он умел расположить к себе, и везде у него были друзья. Это был красивый, кудрявый молодой человек, к тому же большой щеголь. Он объездил полсвета и любил порассказать о том, что видел. Конечно, он был парень что надо – обходительный, учтивый. Видно было, что он не простой матрос и чаще бывал на мостике, чем на баке. Он стал заходить к нам, но за все это время мне ни разу не пришло в голову, что его учтивость и обходительность могут довести нас до беды. Наконец я что-то заподозрил и с той поры не знал ни минуты покоя.

Началось это с мелочи. Я неожиданно вернулся домой и, входя в гостиную, заметил, как оживилось лицо моей жены. Но когда она увидела, что это я, радость исчезла с ее лица, и она разочарованно отвернулась. Для меня этого было довольно. Мои шаги она могла спутать только с шагами Алека Фэрберна. Если бы он попался мне в ту минуту, я убил бы его на месте, потому что, когда я выхожу из себя, меня уже не остановить. Мэри увидела сумасшедший огонь

в моих глазах, бросилась ко мне, схватила за руку и закричала: «Не надо, Джим, не надо!» – «Где Сара?» – спросил я. «На кухне», – ответила она. Я пошел на кухню и сказал Саре: «Чтоб ноги этого человека здесь больше не было». – «Почему?» – спросила она. «Потому что я этого не хочу». – «Вот как! – сказала она. – Если мои друзья недостаточно хороши для тебя, тогда и я недостаточно хороша». – «Ты можешь делать что хочешь», – сказал я, – но если Фэрберн еще раз явится сюда, я пришлю тебе в подарок его ухо». Наверное, у меня было такое лицо, что она испугалась. Не говоря ни слова, она собралась и в тот же вечер уехала от нас.

Не знаю, со злости она делала это или подбивала жену на измену, чтобы поссорить нас. Как бы то ни было, она ушла от нас, сняла дом через две улицы от нашего и стала сдавать комнаты морякам. Фэрберн обычно жил там, а Мэри ходила туда к сестре пить с ними чай. Как часто она там бывала, не знаю, но однажды я выследил ее, и, когда я ломился в дверь, Фэрберн, как подлый трус, удрал, перепрыгнув через стену сада. Я пригрозил жене, что убью ее, если еще раз увижу их вместе, и повел ее домой, а она дрожала и плакала, вся бледная как бумага. Между нами теперь не было и следа любви. Я видел, что она боится и ненавидит меня. Эта мысль снова толкала меня к бутылке, и Мэри начинала презирать меня за это.

Тем временем Сара убедилась, что в Ливерпуле ей на жизнь не заработать, и уехала в Кройдон к своей сестре. А у нас дома все шло по-прежнему. И вот наступила эта последняя неделя, когда случилось несчастье, и пришла моя гибель.

Дело было так. Мы ушли в рейс на «Майском дне» на семь дней, но в пути у нас отвязалась большая бочка с грузом и пробила переборку. Пришлось вернуться в порт на несколько часов. Я сошел на берег и отправился домой, размышляя, какой это будет сюрприз для моей жены, надеясь, что, увидев меня так скоро, она, может быть, обрадуется. С такими мечтами я свернул на нашу улицу и увидел кеб, в котором сидели они с Фэрберном, направляясь куда-то. Они смеялись и не думали обо мне, а я стоял и глядел на них с тротуара.

Даю вам слово, с этого мгновения я стал сам не свой и вспоминаю все, что случилось, как туманный сон. Последнее время я много пил и от всего этого совсем сошел с ума. В голове и сейчас что-то стучит, как молот, а в тот день у меня в ушах гремел целый Ниагарский водопад.

Я погнался за кебом. Говорю же, я сразу потерял голову. В руке у меня была тяжелая дубовая палка, но пока бежал, я решил схитрить и немного отстал, чтобы их видеть, а самому им на глаза не попадаться. Они остановились у вокзала. Возле кассы было много народу, и я смог подойти к ним совсем близко. Но они меня не увидели. Они взяли билеты до Нью-Брайтона. Я сел через три вагона от них. Когда мы приехали, они пошли по набережной, а я – в какой-нибудь сотне ярдов за ними. Наконец я увидел, что они взяли лодку и собираются ехать кататься. День был очень жаркий, и они, конечно, решили, что на воде будет прохладнее.

Теперь они были у меня в руках. Стояла легкая дымка, видимость не превышала нескольких сот ярдов. Я тоже взял лодку и поплыл за ними. Сквозь дымку я видел их впереди, но они плыли почти с такой же скоростью, как и я, и успели отъехать от берега, верно, на добрую милю, прежде чем я догнал их. Дымка окружала нас, словно завеса. Господи, я никогда не забуду их лица, когда они увидели, кто сидит в лодке, которая подплывает к ним. Она закричала не своим голосом, а он стал ругаться как бешеный и норовил ударить меня веслом. Видно, в моих глазах он увидел свою смерть. Я увернулся и ударил его палкой. Голова его раскололась, как яйцо. Мэри я пощадил бы, несмотря ни на что, но она заплакала, обняла его и стала звать: «Алек, Алек!» Я ударил ее, и она упала. Я был похож на дикого зверя, почуявшего кровь. Клянусь Богом, если бы Сара была там, я убил бы и ее. Я вытащил нож и... Впрочем, довольно... Мне доставляло какую-то жестокую радость представлять, что подумает Сара, когда получит это и увидит, чего она добилась. Потом я привязал их к лодке, выломил доску в дне и подождал, пока они не утонули. Я был уверен, что хозяин лодки решит, что они заблудились в тумане, и их унесло в море. Я привел себя в порядок, подплыл к берегу и вернулся на свой корабль. Никто не догадался о том, что произошло. Ночью я приготовил посылку для Сары Кушинг, а наутро отправил ее из Белфаста.

Теперь вы все знаете. Вы можете сделать со мной, что хотите, но вы не сможете наказать меня больше, чем я сам себя наказал. Закрою глаза – и вижу эти лица. Они смотрят на меня, как тогда, когда моя лодка подходила к ним из тумана. Я убил их мгновенно, они же убивают меня медленно. Еще одна такая ночь, и я либо сойду с ума, либо умру. Не сажайте меня в одиночку, сэр! Умоляю вас, не делайте этого, и пусть в ваш последний день с вами поступят так же, как вы сейчас поступите со мной».

– Что же все это значит, Ватсон? – мрачно спросил Холмс, откладывая отчет. – В чем смысл этого круга несчастий, насилия и ужаса? Ведь должен же быть во всем этом какой-то смысл, иначе выходит, что миром управляет случай, а это немыслимо. Так в чем же смысл? Это вечный вопрос, на который человеческий разум так до сих пор и не дал ответа.

Приключение «Красного Круга»

Часть I

– Ну-с, миссис Уоррен, не вижу, что у вас есть особый повод беспокоиться, и не понимаю, с какой стати я, чье время имеет некоторую ценность, должен вмешиваться в это дело. Право же, мне есть, чем заняться.

Так сказал Шерлок Холмс и вернулся к толстой тетради, в которой размещал и индексировал сведения о своих недавних делах.

Однако квартирная хозяйка была с избытком наделена упорством и хитростью, свойственными ее полу, и твердо стояла на своем.

– В прошлом году вы уладили дело одного моего жильца, – сказала она. – Мистера Фердейла Хоббса.

– А, да! Очень простое.

– Да он-то только и говорил про вашу доброту и как вы осветили мрак. Вот мне и припомнились его слова, как меня саму одолели сомнения и мрак. Я знаю, вы бы его осветили, если бы захотели.

Тщеславность иногда делала Холмса уступчивым, как, надо отдать ему справедливость, и его доброта. Две эти силы понудили его отложить со вздохом липкую от клея кисточку и отодвинуть кресло назад.

– Ну, что же, миссис Уоррен, расскажите, что вас тревожит. Вы, полагаю, не против табачного дыма?.. Благодарю вас. Ватсон, спички!.. Как я понял, вас тревожит, что ваш новый жилец никуда не выходит из своих комнат, и вы вообще его не видите. Ну, миссис Уоррен, будь вашим жильцом я, вы очень часто меня неделями бы не видели.

– Оно конечно, сэр, да только тут совсем другое. Я боюсь, мистер Холмс, ночами не сплю от страха. Слышать его быстрые шаги то туда, то сюда с раннего утра до поздней ночи и ни разочка его не увидеть – у меня сил нет терпеть. Мой муж нервничает не хуже меня, только он ведь весь день отсутствует на своей работе, а у меня никакой передышки нет. Из-за чего он прячется? Что он натворил? Я ж в доме совсем с ним одна, если не считать девушки, и тут никакие нервы не выдержат...

Холмс наклонился и положил тонкие длинные пальцы на ее плечо. Он обладал почти гипнотической силой утешать, если считал нужным. Испуг исчез из ее глаз, а расстроенное лицо вновь обрело обычное благодушие. Она села в кресло, на которое он указал.

– Если я займусь этим, мне необходимо знать все подробности, – сказал он. – Не торопитесь, подумайте. Малейший пустяк может оказаться наиважнейшим. Вы говорите, что он пришел к вам десять дней назад и заплатил за две недели вперед, включая стол?

– Спросил про мои условия, сэр. Я сказала: пятьдесят шиллингов в неделю. У меня на верхнем этаже есть обособленная маленькая гостиная и спальня со всем прочим.

– Ну, и?

– Он сказал: «Я буду платить вам пять фунтов в неделю, но на своих условиях». Я женщина небогатая, сэр, а мистер Уоррен зарабатывает мало, и деньги для меня очень даже важны. Он достал десятифунтовую бумажку и протянул ее мне: «Вы сможете получать столько же каждые две недели долгое время, если будете соблюдать мои условия. Если вы не согласны, то разговор окончен».

– В чем заключались эти условия?

– Ну, чтоб у него был ключ от входной двери. Да это ничего. Жильцы часто их берут. И еще чтобы никто к нему не входил, и чтоб его ни по какой причине не беспокоили.

– Но ведь ничего необычного в этом нет?

– Если в меру, сэр. Только это уж сверх всякой меры. Он живет у нас уже десять дней, а ни мистер Уоррен, ни я, ни девушка ни разу его не видели. Слышим эго быстрые шаги – туда-сюда, туда-сюда – ночью, утром и весь день напролет, но, если не считать первого вечера, он ни разу из дома не выходил.

– Так, значит, в первый вечер он уходил?

– Да, сэр, и вернулся очень поздно, когда мы все уже спать легли. Когда он снял комнаты, он меня об этом предупредил, попросил, чтоб я дверь на засов не запираюла. Я слышала, как он поднимался по лестнице уже после полуночи.

– Но как же он ест?

– Он особо потребовал, чтоб мы всегда, когда он позвонит, оставляли бы еду на стуле у его двери. А потом он опять звонит, и мы забираем посуду с того же стула. Если ему что-нибудь требуется, он печатными буквами пишет это на листке бумаги и оставляет на стуле.

– Печатными буквами?

– Да, сэр, печатными буквами карандашом. Одно слово, и только. Вот я захватила показать вам – МЫЛО. Вот еще – СПИЧКА. А этот он оставил в первое утро – «ДЕЙЛИ ГАЗЕТТ». Эту газету я каждое утро кладу рядом с его завтраком.

– Боже мой, Ватсон, – сказал Холмс, с большим любопытством глядя на листки, которые вручила ему квартирная хозяйка, – это, бесспорно, крайне необычно. Затворничество я могу понять, но почему печатные буквы? Это же такой утомительный процесс! Почему не писать? На что это указывает, Ватсон?

– Что он маскирует свой почерк.

– Но почему? Ну, увидит квартирная хозяйка слово, написанное его рукой, так что? Хотя, возможно, вы и правы. И почему такая лаконичность?

– Не нахожу объяснения.

– Это открывает приятные возможности для аналитических предположений. Слова, написанные самым обычным фиолетовым химическим карандашом с широким кончиком. Заметьте, листок оторван после того, как написано слово, так что от «М» в «МЫЛЕ» осталась только половинка. На что это указывает, Ватсон?

– На осторожность?

– Вот именно. Очевидно, остался какой-то след, отпечаток большого пальца. Словом, что-то, что могло бы выдать его личность. Миссис Уоррен, вы сказали, что он среднего роста, темноволос и бородат. А его возраст?

– Он молод, сэр. Никак не больше тридцати.

– И больше вам нечего мне сказать?

– По-английски он говорил правильно, сэр, и все-таки я подумала, что он иностранец.

По выговору.

– И хорошо одет?

– Даже очень щегольски, сэр, как джентльмен. Темный костюм, ничего такого заметного.

– Никакой фамилии не назвал?

– Нет, сэр.

– И писем не получал, и никто его не спрашивал?

– Нет.

– Разве вы или ваша девушка не входите в его комнаты утром?

– Нет, сэр. Он сам за собой прибирает.

– Бог мой! Вот это, правда, поразительно. Ну, а его багаж?

– При нем был большой коричневый саквояж, а больше ничего.

– Ну, не слишком много материала, чтобы помочь нам. И вы говорите, из этих комнат ничего не выбрасывалось, абсолютно ничего?

Она достала из сумки конверт и вытряхнула на стол две обгорелые спички и окурок сигареты.

– Лежали на его подносе нынче утром. Я их прихватила, потому как слышала, что вы умеете очень много прочесть по самым мелочам.

Холмс пожал плечами.

– Тут ничего нет, – сказал он. – Спички, естественно, зажигались, чтобы зажечь сигарету. На это указывает малая длина сгоревшего конца. На то, чтобы раскурить трубку или сигару, уходит половина спички. Но вот окурок, правда, примечателен! Вы сказали, что он носит бороду и усы?

– Да, сэр.

– Не понимаю. Я бы сказал, что курил эту сигарету совершенно бритый человек. Ватсон, ведь даже ваши относительно скромные усы были бы опалены.

– Мундштук? – предположил я.

– Нет-нет, кончик примят... А их там не двое, в ваших комнатах, миссис Уоррен?

– Нет, сэр. Он ест до того мало, что я часто думаю: и как это у него душа в теле держится? А уж на двоих, так и говорить нечего.

– Ну, полагаю, нам придется подождать, пока не добавятся еще факты. В конце концов, жаловаться вам не на что. Плату за квартиру вы получили; как жилец, он вам никаких хлопот не доставляет, хотя, бесспорно, жилец необычный. Платит он вам хорошо, а если хочет прятаться, вас это не касается. У нас нет повода вмешаться, пока у нас не появится причина предположить, что тут кроется нечто нечистое. Я взялся за это дело и буду иметь его в виду. Сообщите мне, если обнаружится что-нибудь новое, и рассчитывайте на мою помощь, если она понадобится...

– В этом деле, Ватсон, бесспорно, есть некоторые интересные моменты, – заметил он, когда миссис Уоррен ушла. – Конечно, это может оказаться чем-нибудь банальным, вроде простой эксцентричности, или же чем-то куда более глубоким, чем выглядит на поверхности. Первой в голову приходит очевидная возможность, что человек, теперь занимающий эти комнаты, вовсе не тот, кто их снял.

– Что навело вас на эту мысль?

– Ну, помимо сигаретного окурка, разве не многозначительно, что единственный раз жилец вышел из дома немедленно после того, как снял комнаты? Он вернулся – или кто-то вернулся, – когда все свидетели уже не могли его увидеть. У нас нет никаких доказательств, что за полночь в дом вошел тот же самый человек, который вышел из него. И опять-таки, человек, снимавший комнаты, хорошо говорил по-английски. Этот другой, однако, печатает «спичка» вместо «спички». Думается, слово это взято из словаря, где оно значится как существительное, но не во множественном числе. Лаконичность может скрывать отсутствие знания английского. Да, Ватсон, есть веские причины полагать, что произошла подмена жильцов.

– Но ради чего?

– Тут-то и кроется наша проблема! Есть одна очевидная линия расследования. – Он взял толстую тетрадь, в которую день за днем клеивал колонки личных объявлений из разных лондонских газет. – Бог мой! Что за хор стонов, воплей и блеяния! Какой мешок необыкновенных происшествий. Но, бесспорно, ценнейшие охотничьи угодья для исследования неожиданного! Этот человек совсем один, и с ним нельзя связаться письмом, не нарушив желаемой абсолютной секретности. Так как же он может получать сведения или известия извне? Очевидно, с помощью газетных объявлений. Иного способа как будто нет, и, к счастью, мы можем ограничиться только одной газетой. Вот вырезки из «Дейли газетт» за последние две недели. «Дама с черным боа в Конькобежном клубе принца...» – это мы можем пропустить. «Неужели Джимми разобьет сердце своей матери?» – не подходит. «Если дама, упавшая в обморок в брикстонском омнибусе...» – она меня не интересует. «Каждый день мое сердце в томлении» – блеяние, Ватсон, блеяние чистой воды! А вот это теплее. Послушайте-ка! «Наберись терпе-

ния. Найду верный способ связываться. Пока эта колонка. Д.». Два дня после того, как жилец миссис Уоррен водворился у нее. Звучит правдоподобно, не так ли? Таинственный субъект понимает по-английски, хотя и путается, печатая слова. Поглядим, не сумеем ли мы снова найти след. Ну, вот, три дня спустя. «Успешно продвигаюсь. Терпение и осторожность. Тучи рассеются». После этого в течение недели – ничего. Затем следует что-то более определенное. «Путь расчищается. Если будет шанс просигнализировать известие, помни код: А – один, В – два и так далее. Уже скоро. Д.». Это было во вчерашней газете, а в сегодняшней нет ничего. Все это явно адресовано жильцу миссис Уоррен. Если мы чуточку подождем, Ватсон, не сомневаюсь, что тайна станет более понятной.

Так и оказалось. Утром я нашел моего друга стоящим на каминном коврикe спиной к огню и с улыбкой величайшего удовлетворения на лице.

– Что скажете, Ватсон? – воскликнул он, хватая со стола газету. – «Высокий красный дом, отделанный белым камнем по фасаду. Четвертый этаж. Второе окно слева. Когда стемнеет. Д.». Достаточно конкретно. Думаю, после завтрака мы проведем небольшую рекогносцировку вблизи дома миссис Уоррен... А! Миссис Уоррен! Какие новости вы нам сообщите нынче утром?

Наша клиентка внезапно влетела в комнату с бурной энергией, свидетельствующей о каком-то новом и важнейшем обороте дела.

– Тут полиция нужна, мистер Холмс! – вскричала она. – Я больше этого не потерплю. Пусть убирается со всем своим багажом. Я бы прямо поднялась туда и выложила бы ему все это, да только подумала, что по-честному будет сначала спросить вашего совета. Но мое терпение кончилось, и когда моего муженька колотят...

– Колотить мистера Уоррена?

– Ну, обходиться с ним не по-человечески.

– Но кто с ним так обошелся?

– Это-то мы и хотим узнать! Утречком это случилось, сэр. Мистер Уоррен, он табельщик у Мортонa и Уэйлайта на Тоттенхем-Корт-роуд. Из дома уходит еще до семи. Ну, так нынче утром он и десяти шагов не прошел по улице, как двое молодчиков наскочили на него сзади, набросили ему плащ на голову и затолкали в кеб у тротуара. Возили его целый час, а потом открыли дверцу и выкинули вон. Он растянулся на дороге, а мозги ему так тряхануло, что он даже не заметил, куда подевался кеб. А когда на ноги поднялся, то увидел, что он вовсе посреди Хэмпстед-Хита, так что домой поехал на омнибусе и сейчас отлеживается на диване. А я прямехонько к вам рассказать, что приключилось.

– Крайне интересно, – сказал Холмс. – А он разглядел внешность этих людей, слышал, как они говорили?

– Да нет, он совсем ошалел. Знает только, что его, как по волшебству, подняли и, как по волшебству, бросили наземь. Было их, по меньшей мере, двое, а может, и трое.

– И вы связываете это нападение с вашим жильцом?

– Ну, мы там живем пятнадцать лет, и ничего такого прежде не случалось. Я им сыта по горло. Деньги деньгами, но есть вещи и поважнее. Я его еще до вечера выставлю из моего дома.

– Погодите немного, миссис Уоррен. Ничего второпях не делайте. Я начинаю думать, что это дело, пожалуй, куда более серьезно, чем казалось на первый взгляд. Теперь уже ясно, что вашему жильцу угрожает какая-то опасность. Столь же ясно, что его враги, устроив на него засаду вблизи от вашей двери, в утреннем тумане приняли за него вашего мужа. Обнаружив свою ошибку, они его отпустили. Как они поступили бы, не будь это ошибкой, мы можем только гадать.

– Так что мне делать, мистер Холмс?

– Я бы очень желал посмотреть на этого вашего жильца, миссис Уоррен.

– Не знаю, как это устроить, разве что вы его дверь взломаете. Я слышу, как он ее отпирает, всякий раз, когда спускаюсь по лестнице, чуть поставлю поднос.

– Но он же забирает поднос? Разве мы не можем спрятаться и подглядеть за ним?

Миссис Уоррен призадумалась.

– Ну, сэр, напротив его двери есть дверца в кладовку. Если я поставлю зеркало, а вы спрячетесь там...

– Превосходно! – сказал Холмс. – Когда вы подаете ему второй завтрак?

– Около часа, сэр.

– Ну, так мы с доктором Ватсоном приедем заблаговременно. А пока, миссис Уоррен, всего хорошего.

В половине первого мы поднялись на крыльцо дома миссис Уоррен – высокого узкого здания из желтого кирпича на Грей-Орм-стрит, неширокой улице к северо-востоку от Британского музея. Дом стоит почти на углу, и из него открывается вид на Хоу-стрит и ее более внушительные дома. Холмс со смешком указал на один из них с дорогими квартирами, с эркерами, который не мог не привлечь внимания.

– Видите, Ватсон! – сказал он. – Высокий красный дом с белой каменной облицовкой. Сигнал будет подан оттуда, можно не сомневаться. Нам известно место, нам известен код, следовательно, наша задача не сложна. Вон в том окне карточка «Сдается». Очевидно, пустующая квартира, куда у сообщника есть доступ... Ну-с, миссис Уоррен, что теперь?

– Я для вас все приготовила. Входите. Обувь оставьте у лестницы, а я вас туда провожу.

Она отлично все подготовила. Зеркало было поставлено так, что, сидя в темноте, мы прекрасно видели дверь напротив. Едва мы устроились и миссис Уоррен покинула нас, как дальнейшее позвякивание возвестило, что наш таинственный сосед потребовал свой завтрак. Вскоре миссис Уоррен поднялась по лестнице с подносом, поставила его на стул рядом с закрытой дверью и, тяжело ступая, удалилась. Притаившись под углом к двери, мы не спускали глаз с зеркала. Внезапно, когда шаги квартирной хозяйки затихли, раздался скрип ключа, поворачивающегося в замке, ручка двери повернулась, и две тонкие руки сняли поднос со стула. Секунду спустя он был возвращен на стул, и я на миг увидел смуглое, красивое, полное ужаса лицо, сверкнувшее глазами на приоткрытую дверь кладовой. Затем дверь захлопнулась, опять скрипнул ключ, и наступила тишина. Холмс дернул меня за рукав, и мы прокрались вниз по лестнице.

– Я снова зайду вечером, – сказал он миссис Уоррен, квартирной хозяйке, нетерпеливо ожидавшей внизу. – Полагаю, Ватсон, нам лучше будет обсудить это дело у себя.

– Мое предположение, как вы видели, оказалось верным, – сказал Холмс из глубины своего покойного кресла. – Произошла подмена жильцов. Но я не предвидел, что мы найдем женщину, и очень необычную женщину, Ватсон.

– Она нас увидела.

– Ну, она увидела что-то, что ее встревожило, несомненно. Общая последовательность событий достаточно ясна, не так ли? Пара укрывается в Лондоне от очень грозной и неотвратимой угрозы.

тимой опасности. На такую опасность указывает строгость их предосторожностей. Мужчина, которому необходимо что-то сделать, хочет обеспечить женщине полную безопасность, пока он будет этим заниматься. Задача не из легких, но он решает ее крайне оригинальным способом и настолько эффективно, что о ее присутствии там не подозревала даже квартирная хозяйка, готовившая ей еду. Печатание слов, как теперь стало ясно, должно было помешать почерку выдать ее пол. Мужчина не смеет к ней приблизиться, чтобы не навести на нее врагов. Поскольку он не может связаться с ней напрямую, он прибегает к помещению объявлений в газетной колонке. Пока все ясно.

– Но в чем причина?

– Да, Ватсон, вы неумолимо практичны, как всегда. В чем причина всего этого? Причудливая проблема миссис Уоррен в процессе ее исследования становится все более сложной и обретает все более зловеший аспект. Во всяком случае, мы можем заключить, что это отнюдь не тривиальная любовная эскапада. Вы видели лицо этой женщины, когда ей почудилась опасность? Кроме того, нам известно про нападение на квартирного хозяина, без сомнения, перепутанного с жильцом. Эта тревога и отчаянные попытки сохранять секретность указывают, что речь идет о жизни и смерти. Кроме того, нападение на мистера Уоррена свидетельствует, что враги, кем бы они ни были, не знают, что жильца подменили на жилищу. Это дело крайне любопытно и запутано, Ватсон.

– Но вам к чему в него углубляться? Что вам это даст?

– Действительно, что? Это искусство для искусства, Ватсон. Полагаю, когда вы лечите, то не думаете о гонораре, пополняя свои сведения о болезни пациента?

– Я просто пополняю свое образование, Холмс.

– Образование никогда не прерывается, Ватсон. Оно складывается из серии уроков, и важнейший из них в конце. Это очень поучительное дело. Оно не обещает ни денег, ни славы, и все-таки требует разобраться в нем. Когда стемнеет, мы, надо полагать, продвинемся в нашем расследовании.

Когда мы вернулись в комнаты миссис Уоррен, сумрак лондонского зимнего вечера сгустился в сплошную серую завесу, мертвую монотонность серости, нарушаемую только четкими желтыми квадратами окон и расплывчатыми ореолами газовых фонарей. Пока мы шурились из темной гостиной миссис Уоррен, высоко во тьме замерцал еще один тусклый свет.

– Кто-то движется в той комнате, – сказал Холмс шепотом, почти прижав к оконному стеклу худое оживившееся лицо. – Да, я вижу его тень. Вот он опять появился! У него в руке свеча. А теперь он вглядывается через улицу, проверяет, готова ли она. Теперь он начал сигнализировать. Вы тоже записывайте, Ватсон, чтобы мы могли свериться. Единственный проблеск, то есть, конечно, «А». А теперь? Сколько вы насчитали? Двадцать? Как и я. Это должно быть «Т». АТ... Что же, вполне осмысленно! Еще «Т». Видимо, начало второго слова. Ну-ка... ТЕНТА. Конец. Это не может быть все, Ватсон. И если разбить на три слова, ничего не получится: АТ, ТЕН, ТА, разве что «ТА» чьи-то инициалы. Вот опять. Что это? АТТЕ... Опять тоже самое. Любопытно, Ватсон, очень любопытно! Он опять сигнализирует АТ... повторяет в третий раз. «АТТЕНТА» – три раза! Сколько раз еще он будет это повторять? Нет, видимо, это конец. Он отошел от окна. Как вы это толкуете, Ватсон?

– Зашифрованное послание, Холмс.

Мой друг внезапно испустил одобрительный смешок.

– И не так уж хитро зашифрованное, Ватсон, – сказал он. – Это же итальянский. «А» в конце означает, что слово это обращено к женщине. «Берегись! Берегись! Берегись!» Что скажете, Ватсон?

– По-моему, вы попали в точку.

– Вне всяких сомнений. Неотложная весть, повторенная трижды. Но беречься чего?.. Погодите-ка, он снова подошел к окну.

Опять мы увидели силуэт пригнувшегося мужчины и быстрое мелькание огонька поперек окна. Сигналы возобновились. Они подавались даже быстрее, чем прежде, настолько быстро, что следить за ними было трудно.

– «PERICOLO»... «Периколо». Что это, Ватсон? «Опасность» – так ведь? Да, черт побери, сигнал об опасности! Вот опять! «PERI...» Что еще за?..

Огонек внезапно погас, мерцающий квадрат окна исчез, и четвертый этаж образовал темную полосу поперек высокого здания с ярусами светящихся окон. Этот последний крик предостережения внезапно был оборван. Как и кем? Одна и та же мысль мелькнула у нас обоих. Холмс выпрямился и отпрянул от окна.

– Это серьезно, Ватсон! – вскричал он. – Там творится какая-то чертовщина! Почему сигнал вдруг оборвался? Я бы связался со Скотланд-Ярдом, но решают минуты, и мы не можем остаться в стороне.

– Мне отправиться в полицию?

– Нам необходимо точнее разобраться в ситуации. У нее могут быть и более невинные объяснения. Идемте, Ватсон! Давайте сами перейдем улицу и посмотрим, что к чему.

Часть II

Пока мы быстро шли по Хоу-стрит, я оглянулся на дом, из которого мы вышли. И увидел тень головы женщины, напряженно вглядывающейся в ночь, затаив дыхание, напряженно ждущей возобновления оборвавшегося сигнала. У дверей многоквартирного дома на Хоу-стрит стоял, опираясь на перила, мужчина, кутаясь в пальто и с шарфом на шее. Он вздрогнул, когда свет из передней упал на наши лица.

– Холмс! – вскричал он.

– Здравствуйте, Грегсон, – сказал мой друг, обмениваясь рукопожатием с инспектором Скотланд-Ярда. – «Кончен путь влюбленных встречей». Что привело вас сюда?

– Полагаю, то же самое, что и вас, – сказал Грегсон. – Но ума не приложу, что вас привело сюда сейчас?

– Разные нити, но ведут к одному клубку. Я фиксировал сигналы.

– Сигналы?

– Да. Вон из того окна. Они оборвались на полуслове. Мы пришли выяснить почему. Но поскольку дело в ваших надежных руках, я не вижу смысла заниматься им дальше.

– Погодите минутку! – с настойчивостью воскликнул Грегсон. – Честно сказать, мистер Холмс, еще не случалось дела, когда бы я не чувствовал себя увереннее, если рядом со мной были вы. Из этих квартир на улицу только один выход, и ему от нас никуда не деться.

– Кому ему?

– Ну-ну, против обыкновения мы вас опередили, мистер Холмс. Уж признавайтесь! – Он сильно ударил тростью по тротуару, и извозчик с кнутом в руке неторопливо прошествовал к нам от четырехколесного экипажа, стоящего на той стороне улицы.

– Разрешите познакомить вас с мистером Шерлоком Холмсом, – сказал Грегсон извозчику. – А это мистер Левертон из агентства Пинкертона.

– Герой тайны погребя на Лонг-Айленде, – сказал Холмс. – Сэр, очень рад познакомиться с вами.

Американец, спокойный, деловитого вида молодой человек с рублеными чертами лица без усов и бороды, густо покраснел от этой похвалы.

– Я участвую в деле, какой выпадает раз в жизни, мистер Холмс, – сказал он. – Если я сумею схватить Горджано...

– Как, Горджано из «Красного Круга»?

– А, так его слава достигла Европы? Ну, в Америке мы узнали о нем все. Нам известно, что он причастен к пятидесяти убийствам. И, тем не менее, нам нечего ему предъявить. Я выслеживал его из самого Нью-Йорка и неделю шел за ним по пятам в Лондоне, надеясь, что мне представится случай ухватить его за ворот. Мы с мистером Грегсоном проследили его до этого многоквартирного дома, а поскольку выход тут только один, ему от нас не ускользнуть. После того, как он вошел, вышли трое мужчин, но я хоть клятву дам, что его среди них не было.

– Мистер Холмс упомянул какие-то сигналы, – сказал Грегсон. – Думается, как обычно, он знает много больше, чем мы.

В нескольких исчерпывающих словах Холмс объяснил положение, каким оно представлялось нам. Американец раздраженно стиснул руки.

– Он пронюхал про нас! – вырвалось у него.

– Почему вы так полагаете?

– Но ведь это яснее ясного, разве нет? Он отсюда посылает извещение приспешнику – в Лондоне находится кое-кто из его шайки. Затем внезапно, когда, по вашим же собственным словам, он предупреждал их об опасности, сигналы вдруг прекращаются. Что это может означать, как не то, что он либо из окна увидел нас на улице, либо как-то иначе понял, насколько опасность близка, и ему надо немедленно принять меры, чтобы избежать ее? Что вы посоветуете, мистер Холмс?

– Немедленно подняться туда и посмотреть.

– Но у нас нет ордера на его арест.

– Он находится в пустующей квартире при подозрительных обстоятельствах, – сказал Грегсон. – Пока этого достаточно. Когда мы его сцапаем, тогда и выясним, обеспечит ли нас Нью-Йорк причинами, чтобы оставить его под замком. Беру на себя ответственность арестовать его немедленно.

Наши официальные детективы могут не блистать интеллектом, но в храбрости им никак не откажешь. Грегсон поднялся по лестнице, чтобы арестовать загнанного в угол отпетого убийцу, с той же спокойной деловитостью, с какой поднялся бы по парадной лестнице Скотланд-Ярда. Пинкертоновец попытался проскочить мимо, но Грегсон локтем оттолкнул его назад. Лондонские опасности принадлежат лондонской полиции.

Дверь квартиры слева на четвертой площадке была приоткрыта. И Грегсон распахнул ее. Внутри царили абсолютная тишина и мрак. Я чиркнул спичкой и зажег фонарь детектива. Едва пламя разгорелось, мы все удивленно ахнули. На не застеленных ковром половицах были видны пятна свежей крови. Багровые отпечатки следов, обращенные носками в нашу сторону, вели от закрытой двери внутренней комнаты. Грегсон распахнул ее, выставил перед собой свой пылающий фонарь, а мы все торопливо заглянули туда через его плечи.

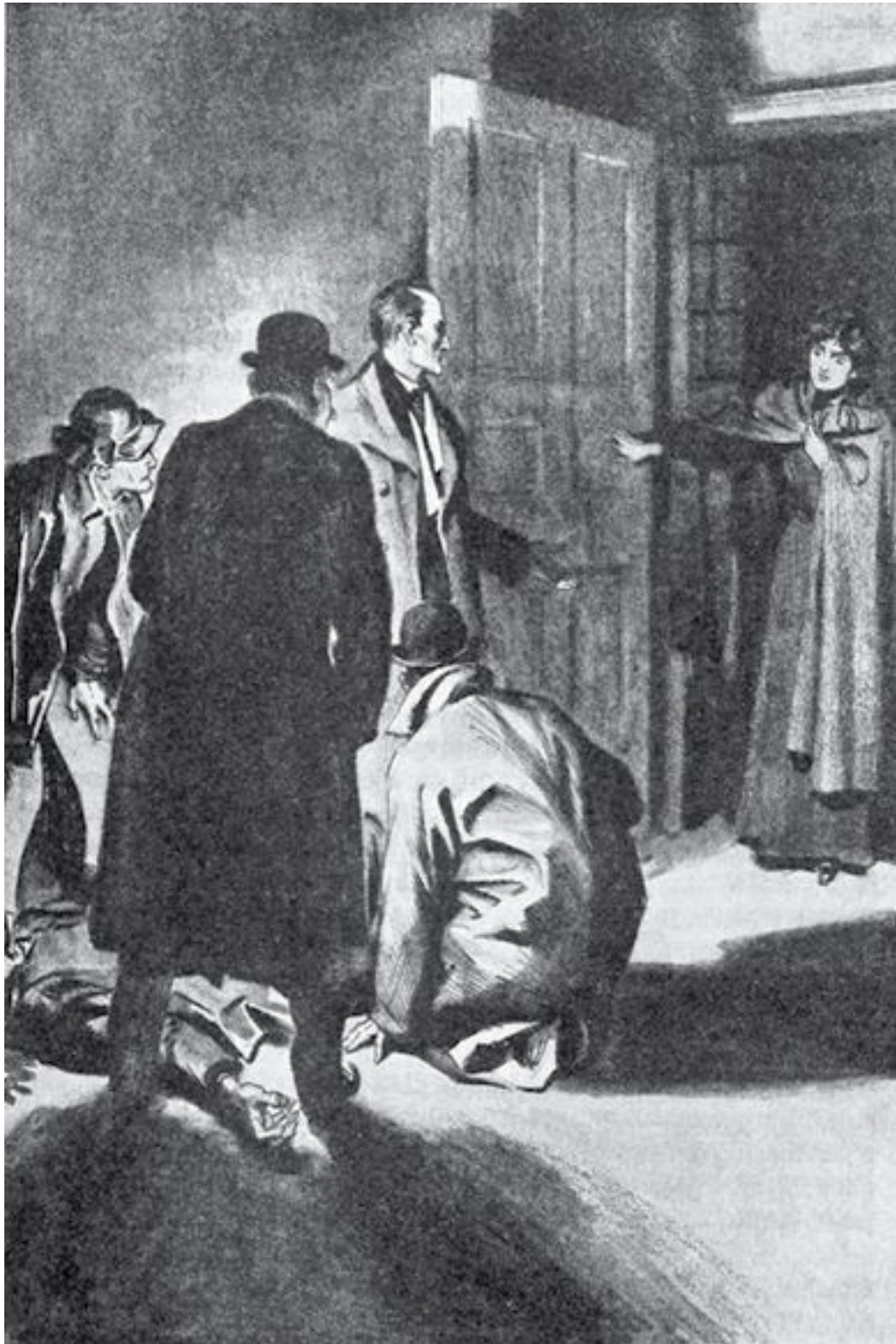
На середине пола пустой комнаты скорчилось тело великана, чье бритое смуглое лицо было искажено гротескно-жуткой гримасой, а голову окружал пугающе багряный ореол крови. Он лежал на белых половицах в липком влажном овале, его колени торчали вверх, его руки раскинулись в агонии, а из центра широкого коричневого горла торчала белая рукоятка глубоко вонзенного ножа. Хотя он и был исполином, но рухнул, будто бык под обухом. Возле его правой руки лежал внушительный обоюдоострый кинжал с роговой рукояткой, а рядом с кинжалом черная лайковая перчатка.

– Черт подери! Да это же сам Черный Горджано! – вскричал американский детектив. – На этот раз кто-то нас опередил.

– На подоконнике стоит свеча, мистер Холмс, – сказал Грегсон. – Что это вы делаете?

Холмс прошел к окну, зажег свечу и теперь водил ее взад-вперед перед стеклами. Затем он прищурился в темноту за ними, задул свечу и бросил ее на пол.

– Думаю, это нам поможет, – сказал он, отошел от окна и погрузился в глубокое размышление, а оба сыщика осматривали труп.

– Вы упомянули, что пока вы ждали внизу, из дома вышли три человека, – сказал он, наконец. – Вы внимательно в них взгляделись?

– Да, очень.

– Был ли среди них субъект лет тридцати, чернобородый, смуглый, среднего роста?

– Да, он прошел мимо меня последним.

– Сдается, это был тот, кто вам нужен. Могу дать вам его описание, и у нас имеется превосходный отпечаток его следа. Думаю, для вас этого будет достаточно.

– Не так-то много, мистер Холмс, чтобы искать среди лондонских миллионов.

– Пожалуй, да. Вот почему я счел нужным пригласить вас на помощь эту даму.

При этих словах мы все обернулись. В дверном проеме стояла высокая красивая женщина – таинственная жилища Блумсбери. Она медленно шагнула через порог с лицом, побелевшим и напряженным от страшного предчувствия. Взгляд ее остекленевших глаз застыл на темном теле на полу.

– Вы его убили! – пробормотала она. – Ах, Dio mio³⁷, вы его убили!

Затем я услышал ее внезапный судорожный вздох, она подпрыгнула с воплем радости и закружилась по комнате, хлопая в ладоши, а ее темные глаза блестели от восторженного изумления, и сотни очаровательных итальянских восклицаний срывались с ее губ. Было и страшно, и удивительно наблюдать, как подобная женщина настолько обезумела от радости при таком зрелище. Внезапно она остановилась и обвела нас всех вопросительным взглядом.

– Но вы! Вы же полиция, правда? Вы убили Джузеппе Горджано. Разве не так?

– Мы из полиции, сударыня.

Она оглядела темные углы комнаты.

– Но где Дженнаро? – спросила она. – Он мой муж, Дженнаро Лукка. А я – Эмилия Лукка. И мы с ним из Нью-Йорка. Где Дженнаро? Он всего минуту назад позвал меня из этого окна, и я прибежала со всей быстротой.

– Позвал я, – сказал Холмс.

– Вы? Но как вы могли позвать?

– Ваш шифр не сложен, сударыня. Ваше присутствие здесь было желательно. Я знал, что стоит мне просигналить «vieni»³⁸, и вы поспешите сюда.

Красавица итальянка посмотрела на моего друга с благоговейным ужасом.

– Я не понимаю, откуда вы все это знаете, – сказала она. – Джузеппе Горджано, как он... – Внезапно она смолкла, ее лицо вспыхнуло от гордости и восторга. – Теперь я поняла. Мой Дженнаро! Мой чудесный красивый Дженнаро, он оберегал меня от всех опасностей, и он это сделал. Собственной сильной рукой он убил чудовище. Ах, Дженнаро, как ты прекрасен! Какая женщина может быть достойна такого мужчины?

– Ну, миссис Лукка, – сказал прозаичный Грегсон, кладя руку на ее локоть с полной невозмутимостью, словно она была хулиганом с Ноттинг-Хилла, – я еще не совсем понял, кто вы, и что вы, но, судя по вашим словам, вполне ясно, что вы потребуетесь нам в Ярде.

– Минутку, Грегсон, – сказал Холмс. – Сдается мне, эта леди, возможно, столь же готова поделиться с нами тем, что ей известно, как мы выслушать ее. Вы понимаете, сударыня, что вашего мужа арестуют, и будут судить за смерть человека, лежащего перед нами. То, что вы говорите, может быть использовано как улики. Но если вы полагаете, что действовал он из побуждений, которые не были преступными, и которые он хотел бы предать гласности, в таком случае вы ему поможете, рассказав нам всю историю.

³⁷ Бог мой (*ит.*).

³⁸ Приди (*ит.*).

– Теперь, когда Горджано мертв, мы ничего не боимся, – сказала итальянка. – Он был дьяволом и чудовищем, и в мире не найдется судьи, который покарал бы моего мужа за то, что он его убил.

– В таком случае, – сказал Холмс, – я предлагаю запереть эту комнату, оставив все, как есть, и пойти с этой дамой к ней на квартиру, а мнение составим, выслушав ее.

Через полчаса мы все четверо сидели в маленькой гостиной синьоры Лукки и слушали ее поразительный рассказ о зловещих событиях, развязке которых мы оказались свидетелями. Говорила она свободно и быстро, но настолько своеобразно, что ясности ради я позволю себе необходимые поправки.

– Я родилась в Позилиппо под Неаполем, – начала она, – и была дочерью Аугусто Барелли, главного адвоката и одно время депутата этого края. Дженнаро служил у моего отца, и я его полюбила, как всякая женщина на моем месте. У него не было ни денег, ни положения в обществе, ничего, кроме его красоты, силы и энергии, а потому мой отец не разрешил мне выйти за него замуж. Мы убежали, поженились в Бари и продали мои драгоценности, чтобы уехать в Америку. Было это четыре года назад, и все это время мы жили в Нью-Йорке.

Сначала счастье нам улыбалось. Дженнаро оказал услугу итальянскому джентльмену, спас его от хулиганов в месте, которое называется Бауэри, и он стал нашим влиятельным другом. Звали его Тито Касталотте, и он был старшим партнером большой фирмы «Касталотте и Дзамба», главной из доставляющих фрукты в Нью-Йорк. Синьор Дзамба – инвалид, и наш новый друг Касталотте распоряжался в фирме всем, а там было служащих около трехсот человек. Он взял моего мужа в фирму, сделал его главой отдела и всячески выражал свое доброе к нему расположение. Синьор Касталотте был холост, и, по-моему, он чувствовал, будто Дженнаро ему сын. А мой муж и я любили его, будто он был нашим отцом. Мы сняли и меблировали домик в Бруклине, и наше будущее казалось устроенным, но тут появилась эта черная туча, которая так скоро заволокла наше небо.

Как-то вечером, когда Дженнаро вернулся с работы, он привел с собой земляка. Фамилия его была Горджано, и он был родом из Позилиппо. Он был очень дюжим человеком, как вы можете подтвердить, ведь вы видели его труп. И не только тело у него было как у гиганта, но все в нем было до жути пугающим и гигантским. Его голос раскатывался, как гром, по нашему домику. Когда он разговаривал, для его размахивающих ручищ едва хватало места. Его мысли, его страсти, его чувства – все было преувеличенным и чудовищным. Он говорил, а вернее, ревел с такой энергией, что всем остальным оставалось только сидеть и слушать этот сокрушающий водопад слов. Его глаза обжигали вас без пощады и милосердия. Он был ужасным и поразительным человеком. Благодарю Бога, что он мертв! Он приходил снова и снова. И все-таки я знала, что Дженнаро рад ему не больше, чем я. Мой бедный муж сидел бледный, безжизненный, слушая нескончаемые злобные рассуждения о политике, о социальных вопросах – вечных темах нашего гостя. Дженнаро ничего не говорил, но я слишком хорошо его знала и читала на его лице чувства, каких прежде не видела. Вначале я полагала, что это неприязнь. Но потом мало-помалу поняла, что это была не только неприязнь, это был страх, глубокий, тайный, все подавляющий страх. В тот вечер, когда я угадала его ужас, я обняла его и умоляла ради его любви ко мне, ради всего ему дорогого, не скрывать от меня ничего, рассказать мне, почему этот великан так его подавляет.

Он рассказал мне, и мое сердце леденело, пока я слушала. Мой бедный Дженнаро в дни своей юности, дни необузданности и отчаяния, когда, казалось, весь мир ополчился на него, и он почти помешался от несправедливостей жизни, вступил в неаполитанское тайное общество «Красный Круг», которое восходило к старым карбонариям. Клятвы и тайны этого братства были ужасными, и, раз став членом, уйти из-под его власти было невозможно. Когда мы бежали в Америку, Дженнаро думал, что он все это навсегда оставил позади. Каков же был его ужас, когда однажды вечером он встретил на улице того самого человека, который руководил этим

братством в Неаполе, великана Горджано, злодея, который на юге Италии получил прозвище Смерть. У него же руки по локти в крови от убийств! Он перебрался в Нью-Йорк, спасаясь от итальянской полиции, и уже взрастил ветвь этого страшного общества здесь. Все это Дженнаро рассказал мне и показал лист, который получил в этот самый день, с нарисованным на нем Красным Кругом и сообщением, что тогда-то соберется ложа, и его присутствие желательно и обязательно.

Этого было достаточно, но худшее ждало еще впереди. Я некоторое время замечала, что Горджано, когда приходил к нам, а он почти ни одного дня не пропускал, разговаривал больше со мной, и даже когда обращался к моему мужу, эти жуткие свирепые его глаза, глаза дикого зверя, всегда были устремлены на меня. Как-то вечером его секрет раскрылся. Я пробудила в нем то, что он называл «любовью», – любовь животного, дикаря. Когда он пришел, Дженнаро еще не вернулся. Он ворвался в дверь, обхватил меня своими могучими руками, сжал в медвежьих объятиях, осыпал поцелуями и умолял бежать с ним. Я вырывалась, кричала, и тут вошел Дженнаро и кинулся на него. Он оглушил Дженнаро и бежал из дома, теперь закрытого для него навсегда. В этот вечер мы приобрели смертельного врага.

Несколько дней спустя состоялось собрание. Когда Дженнаро вернулся с него, его лицо сказала мне, что произошло нечто ужасное. Хуже, чем мы могли бы себе вообразить. Денежные средства общество пополняет, шантажируя богатых итальянцев, угрожая расправой, если они откажутся платить. Оказалось, что они принялись за Касталотте, нашего друга и благодетеля. Он не поддался на угрозы и передал их письма в полицию. И теперь было решено разделаться с ним так, чтобы остальным жертвам неповадно было бунтовать. На собрании было постановлено взорвать его динамитом вместе с его домом. Кому предстояло это сделать, решалось жребием. Дженнаро, когда опустил руку в мешок, увидел улыбку на жестоком лице нашего врага, без сомнения, это было подстроено, потому что роковой диск с Красным Кругом на нем, мандат на убийство, лежал у него на ладони. Он должен был убить своего лучшего друга или навлечь на себя и на меня месть своих товарищей. Частью их дьявольской системы было карать тех, кого они боялись или ненавидели, разделяваясь не только с ними самими, но и с их близкими и любимыми. И мысль об этом нависла ужасом над моим бедным Дженнаро и чуть не свела его с ума. Всю ночь мы просидели, обнимая друг друга, подбадривая перед грядущими бедами. Взрыв был назначен на следующий же вечер. После полудня мы с мужем были уже на пути в Лондон, но не прежде, чем он предостерег нашего благодетеля, а также сообщил ему для полиции все сведения, которые могли сберечь его жизнь в будущем.

Остальное, джентльмены, вы знаете сами. Мы не сомневались, что наши враги следуют за нами, как наши собственные тени. У Горджано были собственные причины для мести, но в любом случае мы знали, как он беспощаден, хитер и неутомим. И Италия, и Америка полны историй о его дьявольских способностях. И, конечно, теперь он пустит их в ход все. Мой милый использовал несколько безопасных дней, дарованных нам нашим внезапным отъездом, чтобы обеспечить мне такой приют, где никакая опасность мне не угрожала бы. Сам он хотел быть свободным, чтобы иметь возможность связываться и с американской, и с итальянской полицией. Я не знаю, где он жил или как, и узнавала что-то только по объявлениям в газете. Но однажды, выглянув в окно, я увидела двух итальянцев, следящих за домом, и поняла, что каким-то образом Горджано нашел наше убежище. Под конец Дженнаро сообщил мне через объявление, что будет сигнализировать из такого-то окна. Но сигналы состояли только из предостережений, а затем оборвались внезапно. Он понимал, что Горджано совсем близко, это было мне ясно, и, слава Богу, он был готов к встрече с ним. А теперь, джентльмены, я спрошу вас: надо ли нам чего-либо опасаться от правосудия, и найдется ли в мире судья, который осудит моего Дженнаро за то, что он сделал?

– Ну, мистер Грегсон, – сказал американец, – не знаю, какой может быть ваша британская точка зрения, но, думается, в Нью-Йорке муж этой дамы заслужит только почти всеобщую благодарность.

– Ей придется поехать со мной к начальству, – ответил Грегсон. – Если ее слова получат подтверждение, не думаю, что ей и ее мужу надо чего-либо опасаться... Но вот чего я вчистую не понимаю, мистер Холмс, каким образом вы-то занялись этим делом?

– Образования ради, Грегсон, образования ради. Все еще ишу знаний в старейшем университете... Что же, Ватсон, вы получили еще один образчик трагического и гротескного приключения для вашей коллекции. Да, кстати, еще нет восьми, а в Ковент-Гардене – вагнеровский вечер. Если поторопимся, то успеем ко второму действию.

Чертежи Брюса Партингтона

В предпоследнюю неделю ноября 1895 года на Лондон спустился такой густой желтый туман, что с понедельника до четверга из окон нашей квартиры на Бейкер-стрит невозможно было различить силуэты зданий на противоположной стороне. В первый день Холмс приво-
дил в порядок свой толстенный справочник, снабжая его перекрестными ссылками и указате-
лем. Второй и третий день были им посвящены музыке средневековья – предмету, в недавнее
время ставшему его коньком. Но когда на четвертый день мы после завтрака, отодвинув сту-
лья, встали из-за стола и увидели, что за окном плывет все та же непроглядная бурая мгла,
маслянистыми каплями оседающая на стеклах, нетерпеливая и деятельная натура моего друга
решительно отказалась влачить дольше столь унылое существование. Досадуя на бездействие,
с трудом подавляя свою энергию, он расхаживал по комнате, кусал ногти и постукивал паль-
цами по мебели, попадавшейся на пути.

– Есть в газетах что-либо достойное внимания? – спросил он меня.

Я знал, что под «достойным внимания» Холмс имеет в виду происшествия в мире пре-
ступлений. В газетах были сообщения о революции, о возможности войны, о предстоящей
смене правительства, но все это находилось вне сферы интересов моего компаньона. Ника-
ких сенсаций уголовного характера я не обнаружил – ничего, кроме обычных, незначительных
нарушений законности. Холмс издал стон и возобновил свои беспокойные блуждания.

– Лондонский преступник – бездарный тупица, – сказал он ворчливо, словно охотник,
упустивший добычу. – Гляньте-ка в окно, Ватсон. Видите, как вдруг возникают и снова тонут
в клубах тумана смутные фигуры? В такой день вор или убийца может невидимкой рыскать
по городу, как тигр в джунглях, готовясь к прыжку. И только тогда... И даже тогда его увидит
лишь сама жертва.

– Зарегистрировано множество мелких краж, – заметил я.

Холмс презрительно фыркнул.

– На такой величественной мрачной сцене надлежит разыгрываться более глубоким дра-
мам, – сказал он. – Счастье для лондонцев, что я не преступник.

– Еще бы! – сказал я с чувством.

– Вообразите, что я – любой из полусотни тех, что имеют достаточно оснований поку-
шаться на мою жизнь. Как вы думаете, долго бы я оставался в живых, ускользая от собственного
преследования? Неожиданный звонок, приглашение встретиться – и все кончено. Хорошо, что
не бывает туманных дней в южных странах, где убивают, не задумываясь... Ого! Наконец-то
нечто такое, что, быть может, нарушит нестерпимое однообразие нашей жизни.

Это вошла горничная с телеграммой. Холмс вскрыл телеграфный бланк и расхохотался.

– Нет, вы только послушайте. К нам жалует Майкрофт, мой брат!

– И что же тут особенного?

– Что особенного? Это все равно, как если бы трамвай вдруг свернул с рельсов и покати-
л по проселочной дороге. Майкрофт движется по замкнутому кругу: квартира на Пэл-Мэл, клуб
«Диоген» – вот его неизменный маршрут. Сюда он заходил всего один раз. Какая катастрофа
заставила его сойти с рельсов?

– Он не дает объяснений?

Холмс протянул мне телеграмму. Я прочел:

«Необходимо повидаться по поводу Кадогена Уэста. Прибуду немедленно. *Майкрофт*».

– Кадоген Уэст? Я где-то слышал это имя.

– Мне оно ничего не говорит. Но чтобы Майкрофт вдруг выкинул такой номер... Непос-
стижимо! Легче планете покинуть свою орбиту. Между прочим, вам известно, кто такой Май-
крофт?

Мне смутно помнилось, что Холмс рассказывал что-то о своем брате в ту пору, когда мы расследовали случай с греком-переводчиком.

– Вы, кажется, говорили, что он занимает какой-то небольшой правительственный пост. Холмс коротко рассмеялся.

– В то время я знал вас недостаточно близко. Приходится держать язык за зубами, когда речь заходит о делах государственного масштаба. Да, верно. Он состоит на службе у британского правительства. И так же верно то, что подчас он и есть само британское правительство.

– Но, Холмс, помилуйте...

– Я ожидал, что вы удивитесь. Майкрофт получает четыреста пятьдесят фунтов в год, занимает подчиненное положение, не обладает ни малейшим честолюбием, отказывается от титулов и званий, и, однако, это самый незаменимый человек во всей Англии.

– Но каким образом?

– Видите ли, у него совершенно особое амплуа, и создал его себе он сам. Никогда доселе не было и никогда не будет подобной должности. У него великолепный, как нельзя более четко работающий мозг, наделенный величайшей, неслыханной способностью хранить в себе несметное количество фактов. Ту колоссальную энергию, какую я направил на раскрытие преступлений, он поставил на службу государству. Ему вручают заключения всех департаментов, он тот центр, та расчетная палата, где подводится общий баланс. Остальные являются специалистами в той или иной области, его специальность – знать все. Предположим, какому-то министру требуются некоторые сведения касательно военного флота, Индии, Канады и проблемы биметаллизма. Запрашивая поочередно соответствующие департаменты, он может получить все необходимые факты, но только Майкрофт способен тут же дать им правильное освещение и установить их взаимосвязь. Сперва его расценивали как определенного рода удобство, кратчайший путь к цели. Постепенно он сделал себя центральной фигурой. В его мощном мозгу все разложено по полочкам и может быть предъявлено в любой момент. Не раз одно его слово решало вопрос государственной политики – он живет в ней, все его мысли тем только и поглощены. И лишь когда я иной раз обращаюсь к нему за советом, он снисходит до того, чтобы помочь мне разобраться в какой-либо из моих проблем, почитая это для себя гимнастикой ума. Но что заставило сегодня Юпитера спуститься с Олимпа? Кто такой Кадоген Уэст, и какое отношение имеет он к Майкрофту?

– Вспомнил! – воскликнул я и принялся рыться в ворохе газет, валявшихся на диване. – Конечно, вот он! Кадоген Уэст – это тот молодой человек, которого во вторник утром нашли мертвым на линии метрополитена.

Холмс выпрямился в кресле, весь обратившись в слух: рука его, державшая трубку, так и застыла в воздухе, не добравшись до рта.

– Тут, должно быть, произошло что-то очень серьезное, Ватсон. Смерть человека, заставившая моего брата изменить своим привычкам, не может быть заурядной. Но какое отношение имеет к ней Майкрофт, черт возьми? Случай, насколько мне помнится, совершенно банальный. Молодой человек, очевидно, выпал из вагона и разбился насмерть. Ни признаков ограбления, ни особых оснований подозревать насилие – так ведь, кажется?

– Дознание обнаружило много новых фактов, – ответил я. – Случай, если присмотреться к нему ближе, чрезвычайно странный.

– Судя по действию, какое он оказал на моего брата, это, вероятно, и в самом деле что-то из ряда вон выходящее. – Холмс поудобнее уселся в кресле. – Ну-ка, Ватсон, выкладывайте факты.

– Полное имя молодого человека – Артур Кадоген Уэст. Двадцати семи лет от роду, холост, младший клерк в конторе Арсенала в Вулидже.

– На государственной службе? Вот и звено, связывающее его с Майкрофтом!

– В понедельник вечером он неожиданно уехал из Вулиджа. Последней его видела мисс Вайолет Уэстбери, его невеста: в тот вечер в половине восьмого он внезапно оставил ее прямо на улице, в тумане. Ссоры между ними не было, и девушка ничем не может объяснить его поведение. Следующее известие о нем принес дорожный рабочий Мэйсон, обнаруживший его труп неподалеку от станций метрополитена Олдгет.

– Когда?

– Во вторник в шесть часов утра. Тело лежало почти у самой остановки, как раз там, где рельсы выходят из тоннеля, слева от них, если смотреть с запада на восток, и несколько в стороне. Череп оказался расколотым, вероятно, во время падения из вагона. Собственно, ничего другого и нельзя предположить, ведь труп мог попасть в тоннель только таким образом. Его не могли притащить с какой-либо из соседних улиц: было бы совершенно невозможно пронести его мимо контролеров. Следовательно, эта сторона дела не вызывает сомнений.

– Превосходно. Да, случай отменно прост. Человек, живой или мертвый, упал или был сброшен с поезда. Пока все ясно. Продолжайте.

– На линии, где нашли Кадогена Уэста, идет движение с запада на восток. Здесь ходят и поезда метро, и загородные поезда, выходящие из Уилсдена и других пунктов. Можно с уверенностью утверждать, что молодой человек ехал ночным поездом, но где именно он сел, выяснить не удалось.

– Разве нельзя было узнать по его билету?

– Билета у него не нашли.

– Вот как! Позвольте, но это очень странно! Я по собственному опыту знаю, что пройти на платформу метро, не предъявив билета, невозможно. Значит, надо предположить, что билет у молодого человека имелся, но кто-то его взял, быть может, для того, чтобы скрыть место посадки. А не обронил ли он билет в вагоне? Тоже вполне вероятно. Но самый факт отсутствия билета чрезвычайно любопытен. Убийство с целью ограбления исключается?

– По-видимому. В газетах дана опись всего, что обнаружили в карманах Кадогена Уэста. В кошельке у него было два фунта и пятнадцать шиллингов. А также чековая книжка Вулиджского отделения одного крупного банка – по ней и установили личность погибшего. Еще при нем нашли два билета в бенуар театра в Вулидже на тот самый понедельник. И небольшую пачку каких-то документов технического характера.

Холмс воскликнул удовлетворенно:

– Ну, наконец-то! Теперь все понятно. Британское правительство – Вулидж – технические документы – брат Майкрофт. Все звенья цепи налицо. Но вот, если не ошибаюсь, и сам Майкрофт, он нам пояснит остальное.

Через минуту мы увидели рослую, представительную фигуру Майкрофта Холмса. Дородный, даже грузный, он казался воплощением огромной потенциальной физической силы, но над этим массивным телом возвышалась голова с таким великолепным лбом мыслителя, с такими пронизательными, глубоко посаженными глазами цвета стали, с таким твердо очерченным ртом и такой тонкой игрой выражения лица, что вы тут же забывали о неуклюжем теле и отчетливо ощущали только доминирующий над ним мощный интеллект.

Следом за Майкрофтом Холмсом показалась сухопарая, аскетическая фигура нашего старого приятеля Лестрейда, сыщика из Скотланд-Ярда. Озабоченное выражение их лиц ясно говорило, что разговор предстоит серьезный. Сыщик молча пожал нам руки. Майкрофт Холмс стянул с себя пальто и опустился в кресло.

– Очень неприятная история, Шерлок, – сказал он. – Терпеть не могу ломать свои привычки, но власти предрежащие и слышать не пожелали о моем отказе. При конфликте, какой в настоящее время наблюдается в Сиаме, мое отсутствие в министерстве крайне нежелательно. Но положение напряженное, прямо-таки критическое. Никогда еще не видел премьер-министра до такой степени расстроенным. А в адмиралтействе все гудит, как в опрокинутом улье. Ты ознакомился с делом?

– Именно этим мы сейчас и занимались. Какие у Кадогена Уэста нашли документы?

– В них-то все и дело. По счастью, главное не вышло наружу, не то пресса подняла бы шум на весь мир. Бумаги, которые этот несчастный молодой человек держал у себя в кармане, – чертежи подводной лодки конструкции Брюса-Партиingtonа.

Произнесено это было столь торжественно, что мы сразу поняли, какое значение придавал Майкрофт случившемуся. Мы с моим другом ждали, что он скажет дальше.

– Вы, конечно, знаете о лодке Брюса-Партиingtonа? Я думал, всем о ней известно.

– Только понаслышке.

– Трудно переоценить ее военное значение. Из всех государственных тайн эта охранялась особенно ревностно. Можете поверить мне на слово: в радиусе действия лодки Брюса-

Партингтона невозможно никакое нападение с моря. За право монополии на это изобретение два года тому назад была выплачена громадная сумма. Делалось все, чтобы сохранить его в тайне. Чертежи чрезвычайно сложны, включают в себя около тридцати отдельных патентов, из которых каждый является существенно необходимым для конструкции в целом. Хранятся они в надежном сейфе секретного отдела – в помещении, смежном с Арсеналом. На дверях и окнах запоры, гарантирующие от грабителей. Выносить документы не разрешалось ни под каким видом. Пожелай главный конструктор флота свериться по ним, даже ему пришлось бы самому ехать в Вулидж. И вдруг мы находим их в кармане мертвого мелкого чиновника, в центре города! С политической точки зрения это просто ужасно.

– Но ведь вы получили чертежи обратно!

– Да нет же! В том-то и дело, что нет. Из сейфа похищены все десять чертежей, а в кармане у Кадогена Уэста их оказалось только семь. Три остальных, самые важные, исчезли – украдены, пропали. Шерлок, брось все, забудь на время свои пустяковые полицейские ребусы. Ты должен разрешить проблему, имеющую колоссальное международное, значение. С какой целью Уэст взял документы? При каких обстоятельствах он умер? Как попал труп туда, где он был найден? Где три недостающих чертежа? Как исправить содеянное зло?.. Найди ответы на эти вопросы, и ты окажешь родине немаловажную услугу.

– Почему бы тебе самому не заняться расследованием? Твои способности к анализу не хуже моих.

– Возможно, Шерлок, но ведь тут понадобится выяснять множество подробностей. Дай мне эти подробности, и я, не вставая с кресла, вручу тебе точное заключение эксперта. Но бегать туда и сюда, допрашивать железнодорожных служащих, лежать на животе, глядя в лупу, – нет, уволь, это не по мне. Ты и только ты в состоянии раскрыть это преступление. И если у тебя есть желание увидеть свое имя в очередном списке награжденных...

Мой друг улыбнулся и покачал головой.

– Я веду игру ради удовольствия, – сказал он. – Но дело не лишено интереса, я не прочь за него взяться. Дай мне, пожалуйста, еще факты.

– Я записал вкратце все основное. И добавил несколько адресов – могут тебе пригодиться. Официально ответственным за документы является известный правительственный эксперт сэр Джеймс Уолтер, его награды, титулы и звания занимают в справочном словаре две строки. Он поседел на государственной службе, это настоящий английский дворянин, почетный гость в самых высокопоставленных домах, и, главное, патриотизм его не вызывает сомнений. Он один из двоих, имеющих ключ от сейфа. Могу еще сообщить, что в понедельник в течение всего служебного дня документы, безусловно, были на месте, и сэр Джеймс Уолтер уехал в Лондон около трех часов, взяв ключ от сейфа с собой. Весь тот вечер он провел в доме адмирала Синклера на Баркли-сквер.

– Это проверено?

– Да. Его брат, полковник Валентайн Уолтер, показал, что сэр Джеймс действительно уехал из Вулиджа, и адмирал Синклер подтвердил, что вечер понедельника он пробыл у него. Таким образом, сэр Джеймс Уолтер в случившемся непосредственной роли не играет.

– У кого хранится второй ключ?

– У старшего клерка конторы техника Сиднея Джонсона. Ему сорок лет, женат, пятеро детей. Человек молчаливый, суровый. Отзывы по службе отличные. Коллеги не слишком его жалуют, но работник он превосходный. Согласно показаниям Джонсона, засвидетельствованным только его женой, в понедельник после службы он весь вечер был дома, и ключ все время оставался у него на обычном месте, на цепочке от часов.

– Расскажи нам о Кадогене Уэсте.

– Служил у нас десять лет, работал безупречно. У него репутация горячей головы, человека несдержанного, но прямого и честного. Ничего плохого мы о нем сказать не можем. Он

числился младшим клерком, был под началом у Сиднея Джонсона. По долгу службы ежедневно имел дело с этими чертежами. Кроме него, никто не имел права брать их в руки.

– Кто в последний раз запер сейф?

– Сидней Джонсон.

– Ну, а кто взял документы, известно. Они найдены в кармане у младшего клерка Кадогена Уэста. Относительно этого и раздумывать больше нечего, все ясно.

– Только на первый взгляд, Шерлок. На самом деле многое остается непонятным. Прежде всего, зачем он их взял?

– Я полагаю, они представляют собой немалую ценность?

– Он мог легко получить за них несколько тысяч.

– Ты можешь предположить иной мотив, кроме намерения продать эти бумаги?

– Нет.

– В таком случае примем это в качестве рабочей гипотезы. Итак, чертежи взял молодой Кадоген Уэст. Прodelать это он мог только с помощью поддельного ключа.

– Нескольких поддельных ключей. Ведь ему надо сначала войти в здание, затем в комнату.

– Следовательно, у него имелось несколько поддельных ключей. Он повез документы в Лондон, чтобы продать военную тайну, и, несомненно, рассчитывал вернуть оригиналы до того, как их хватятся. Приехав в Лондон с этой целью, изменник нашел там свой конец.

– Но как это случилось?

– На обратном пути в Вулидж был убит и выброшен из вагона.

– Олдгет, где было найдено тело, намного дальше станции Лондонский мост, где он должен был бы сойти, если бы действительно ехал в Вулидж.

– Можно представить себе сколько угодно обстоятельств, заставивших его проехать мимо своей станции. Ну, например, он вел с кем-то разговор, закончившийся бурной ссорой и убийством изменника. Может быть, и так: Кадоген Уэст хотел выйти из вагона, упал на рельсы и разбился, а тот, другой, закрыл за ним дверь. В таком густом тумане никто ничего не мог увидеть.

– За неимением лучших будем пока довольствоваться этими гипотезами. Но, обрати внимание, Шерлок, сколько остается неясного. Допустим, Кадоген Уэст задумал переправить бумаги в Лондон. Естественно далее предположить, что у него там была назначена встреча с иностранным агентом, а для этого ему было бы необходимо высвободить себе вечер. Вместо этого он берет два билета в театр, отправляется туда с невестой и на полдороге внезапно исчезает.

– Для отвода глаз, – сказал Лестрейд, уже давно выдававший признаки нетерпения.

– Прием весьма оригинальный. Это возражение первое. Теперь второе возражение. Предположим, Уэст прибыл в Лондон и встретился с агентом. До наступления утра ему надо было во что бы то ни стало успеть положить документы на место. Взял он десять чертежей. При нем нашли только семь. Что случилось с остальными тремя? Вряд ли он расстался бы с ними добровольно. И, далее, где деньги, полученные за раскрытие военной тайны? Логично было бы ожидать, что в кармане у него найдут крупную сумму.

– По-моему, тут все абсолютно ясно, – сказал Лестрейд. – Я отлично понимаю, как все произошло. Уэст выкрал чертежи, чтобы продать их. Встретился в Лондоне с агентом. Не сошлись в цене. Уэст отправляется домой, агент за ним. В вагоне агент его приканчивает, забирает самые ценные из документов, выталкивает труп из вагона. Все сходится, как, по-вашему?

– Почему при нем не оказалось билета?

– По билету можно было бы догадаться, какая из станций ближе всего к местонахождению агента. Поэтому он и вытащил билет из кармана убитого.

– Bravo, Лестрейд, bravo, – сказал Холмс. – В ваших рассуждениях есть логика. Но если так, розыски можно прекратить. С одной стороны, изменник мертв, с другой стороны, чертежи подводной лодки Брюса-Партиingtonа, вероятно, уже на континенте. Что же нам остается?

– Действовать, Шерлок, действовать! – воскликнул Майкрофт, вскакивая с кресла. – Интуиция подсказывает мне, что тут кроется нечто другое. Напряги свои мыслительные способности, Шерлок. Посети место преступления, поймай людей, замешанных в деле, – все переверни вверх дном! Еще никогда не выпадало тебе случая оказать родине столь большую услугу.

– Ну, что же, – сказал Холмс, пожав плечами. – Пойдемте, Ватсон. И вы, Лестрейд, не откажите в любезности на часок-другой разделить наше общество. Мы начнем со станции Олдгет. Всего хорошего, Майкрофт. Думаю, к вечеру ты уже получишь от нас сообщение о ходе дела, но, предупреждаю заранее, многого не жди.

Час спустя мы втроем – Холмс, Лестрейд и я – стояли с метро как раз там, где поезд, приближаясь к остановке, выходит из тоннеля. Сопровождавший нас краснолицый и весьма услужливый старый джентльмен представлял в своем лице железнодорожную компанию.

– Тело молодого человека лежало вот здесь, – сказал он нам, указывая на место футах в трех от рельсов. – Сверху он ниоткуда упасть не мог – видите, всюду глухие стены. Значит, свалился с поезда, и, по всем данным, именно с того, который проходил здесь в понедельник около полуночи.

– В вагонах не обнаружено никаких следов борьбы, насилия?

– Никаких. И билета тоже не нашли.

– И никто не заметил ни в одном из вагонов открытой двери?

– Нет.

– Сегодня утром мы получили кое-какие новые данные, – сказал Лестрейд. – Пассажир поезда метро, проезжавший мимо станции Олдгет в понедельник ночью, приблизительно в 11.40, показал, что перед самой остановкой ему почудилось, будто на пути упало что-то тяжелое. Но из-за густого тумана он ничего не разглядел. Тогда он об этом не заявил. Но что это с мистером Холмсом?..

Глаза моего друга были прикованы к тому месту, где рельсы, изгибаясь, выползают из тоннеля. Станция Олдгет – узловая, и потому здесь много стрелок. На них-то и был устремлен острый, ищущий взгляд Холмса, и на его вдумчивом подвижном лице я заметил так хорошо знакомое мне выражение: плотно сжатые губы, трепещущие ноздри, сведенные в одну линию тяжелые густые брови.

– Стрелки... – бормотал он. – Стрелки...

– Стрелки? Что вы хотите сказать?

– На этой дороге стрелок, я полагаю, не так уж много?

– Совсем мало.

– Стрелки и поворот... Нет, клянусь... Если бы это действительно было так...

– Да что такое, мистер Холмс? Вам пришла в голову какая-то идея?

– Пока только догадки, намеки, не более. Но дело, безусловно, приобретает все больший интерес. Поразительно, поразительно... А впрочем, почему бы и нет?.. Я нигде не заметил следов крови.

– Их почти и не было.

– Но ведь, кажется, рана на голове была очень большая?

– Череп расколен, но внешние повреждения незначительны.

– Все-таки странно – не могло же вовсе обойтись без кровотечения! Скажите, нельзя ли мне обследовать поезд, в котором ехал пассажир, слышавший падение чего-то тяжелого?

– Боюсь, что нет, мистер Холмс. Тот поезд давно расформирован, вагоны попали в новые составы.

– Могу заверить вас, мистер Холмс, что все до единого вагоны были тщательно осмотрены, – вставил Лестрейд. – Я проследил за этим самолично.

К явным недостаткам моего друга следует отнести его нетерпимость в отношении людей, не обладающих интеллектом столь же подвижным и гибким, как его собственный.

– Надо полагать, – сказал он и отвернулся. – Но я, между прочим, собирался осматривать не вагоны. Ватсон, дольше нам здесь оставаться незачем, все, что было нужно, уже сделано. Мы не будем вас более задерживать, мистер Лестрейд. Теперь наш путь лежит в Вулидж.

На станции Лондонский мост Холмс составил телеграмму и, прежде чем отправить, показал ее мне. Текст гласил:

«В темноте забрезжил свет, но он может померкнуть. Прошу к нашему возвращению прислать с нарочным на Бейкер-стрит полный список иностранных шпионов и международных агентов, в настоящее время находящихся в Англии, с подробными их адресами. *Шерлок*».

– Это может нам пригодиться, – заметил Холмс, когда мы сели в поезд, направляющийся в Вулидж. – Мы должны быть признательны Майкрофту – он привлек нас к расследованию дела, которое обещает быть на редкость интересным.

Его живое умное лицо все еще хранило выражение сосредоточенного внимания и напряженной энергии, и я понял, что какой-то новый красноречивый факт заставил его мозг работать особенно интенсивно. Представьте себе гончую, когда она лежит на псарне, опустив уши и хвост, и затем ее же, бегущую по горячему следу, – точно такая перемена произошла с Холмсом. Теперь я видел перед собой совсем другого человека. Как не похож он был на ту вялую, развинченную фигуру в халате мышиного цвета, всего несколько часов назад бесцельно шагавшую по комнате, в плену у тумана!

– Увлекательный материал, широкое поле действия, – сказал он. – Я проявил тупость, не сообразив сразу, какие тут открываются возможности.

– А мне и теперь еще ничего не ясно.

– Конец не ясен и мне, но у меня есть одна догадка, она может продвинуть нас далеко вперед. Я уверен, что Кадоген Уэст был убит где-то в другом месте, и тело его находилось не внутри, а на крыше вагона.

– На крыше?!

– Невероятно, правда? Но давайте проанализируем факты. Можно ли считать простой случайностью то обстоятельство, что труп найден именно там, где поезд подбрасывает и раскачивает, когда он проходит через стрелку? Не тут ли должен упасть предмет, лежащий на крыше вагона? На предметы, находящиеся внутри вагона, стрелка никакого действия не окажет. Либо тело действительно упало сверху, либо это какое-то необыкновенное совпадение. Теперь обратите внимание на отсутствие следов крови. Конечно, их и не могло оказаться на путях, если убийство совершено в ином месте. Каждый из этих фактов подтверждает мою догадку, а взятые вместе, они уже являются совокупностью улик.

– А еще билет! – воскликнул я.

– Совершенно верно. Мы не могли это объяснить. Моя гипотеза дает объяснение. Все сходится.

– Допустим, так. И все же мы по-прежнему далеки от раскрытия таинственных обстоятельств смерти Уэста. Я бы сказал, дело не стало проще, оно еще более запутывается.

– Возможно, – проговорил Холмс задумчиво, – возможно...

Он умолк и сидел, погруженный в свои мысли, до момента, когда поезд подполз, наконец, к станции Вулидж. Мы сели в кеб, и Холмс извлек из кармана оставленный ему Майкрофтом листок.

– Нам предстоит нанести ряд визитов, – сказал он. – Первым нашего внимания требует, я полагаю, сэр Джеймс Уолтер.

Дом этого известного государственного деятеля оказался роскошной виллой – зеленые газоны перед ним тянулись до самой Темзы. Туман начал рассеиваться, сквозь него пробивался слабый, жидкий свет. На наш звонок вышел дворецкий.

– Сэр Джеймс? – переспросил он, и лицо его приняло строго торжественное выражение. – Сэр Джеймс скончался сегодня утром, сэр.

– Боже ты мой! – воскликнул Холмс в изумлении. – Как, отчего он умер?

– Быть может, сэр, вы соблаговолите войти в дом и повидаете его брата, полковника Валентайна?

– Да, вы правы, так мы и сделаем.

Нас провели в слабо освещенную гостиную, и минуту спустя туда вошел очень высокий красивый мужчина лет пятидесяти, с белокурой бородой – младший брат покойного сэра Джеймса. Смятение в глазах, щеки, мокрые от слез, волосы в беспорядке – все говорило о том, какой удар обрушился на семью. Рассказывая, как это случилось, полковник с трудом выговаривал слова.

– Все из-за этого ужасного скандала, – сказал он. – Мой брат был человеком высокой чести, он не мог пережить такого позора. Это его потрясло. Он всегда гордился безупречным порядком в своем департаменте, и вдруг такой удар...

– Мы надеялись получить от него некоторые пояснения, которые могли бы содействовать раскрытию дела.

– Уверяю вас, то, что произошло, для него было так же непостижимо, как для вас и для всех прочих. Он уже заявил полиции обо всем, что было ему известно. Разумеется, он не сомневался в виновности Кадогена Уэста. Но все остальное – полная тайна.

– А лично вы не могли бы еще что-либо добавить?

– Я знаю только то, что слышал от других и прочел в газетах. Я бы не хотел показаться нелюбезным, мистер Холмс, но вы должны понять, мы сейчас в большом горе, и я вынужден просить вас поскорее закончить разговор.

– Вот действительно неожиданный поворот событий, – сказал мой друг, когда мы снова сели в кеб. Бедный старик. Как же он умер – естественной смертью или покончил с собой? Если это самоубийство, не вызвано ли оно терзаниями совести за невыполненный перед родиной долг? Но этот вопрос мы отложим на будущее. А теперь займемся Кадогеном Уэстом.

Осиротелая мать жила на окраине в маленьком доме, где царил образцовый порядок. Старушка была совершенно убита горем и не могла ничем нам помочь, но рядом с ней оказалась молодая девушка с очень бледным лицом. Она представилась нам как мисс Вайолет Уэстбери, невеста покойного и последняя, кто видел его в тот роковой вечер.

– Я ничего не понимаю, мистер Холмс, – сказала она. – С тех пор, как стало известно о несчастье, я не сомкнула глаз, день и ночь я думаю, доискиваюсь правды. Артур был человеком благородным, прямодушным, преданным своему делу, истинным патриотом. Он скорее отрубил бы себе правую руку, чем продал доверенную ему государственную тайну. Для всех, кто его знал, сама эта мысль недопустима, нелепа.

– Но, факты, мисс Уэстбери...

– Да-да. Я не могу их объяснить, признаюсь.

– Не было ли у него денежных затруднений?

– Нет. Потребности у него были очень скромные, а жалованье он получал большое. У него имелись сбережения, несколько сотен фунтов, и на Новый год мы собирались обвенчаться.

– Вы не замечали, чтоб он был взволнован, нервничал? Прошу вас, мисс Уэстбери, будьте с нами абсолютно откровенны.

Быстрый глаз моего друга уловил какую-то перемену в девушке – она колебалась, покраснела.

– Да, мне казалось, его что-то тревожит.

– И давно это началось?

– С неделю назад. Он иногда задумывался, вид у него становился озабоченным. Однажды я стала допытываться, спросила, не случилось ли чего. Он признался, что обеспокоен, и что это касается служебных дел. «Создалось такое положение, что даже тебе не могу о том рассказать», – ответил он мне. Больше я ничего не могла добиться.

Лицо Холмса приняло очень серьезное выражение.

– Продолжайте, мисс Уэстбери. Даже если, на первый взгляд, ваши показания не в его пользу, говорите только правду, – никогда не знаешь наперед, куда это может привести.

– Поверьте, мне больше нечего сказать. Раз два я думала, что он уже готов поделиться ею мной своими заботами. Как-то вечером разговор зашел о том, какое необычайно важное значение имеют хранящиеся в сейфе документы, и, помню, он добавил, что, конечно, иностранные шпионы дорого дали бы за эту военную тайну.

Выражение лица Холмса стало еще серьезнее.

– И больше он ничего не сказал?

– Заметил только, что мы несколько небрежны с хранением военных документов, что изменнику не составило бы труда до них добраться.

– Он начал заговаривать на такие темы только недавно?

– Да, лишь в последние дни.

– Расскажите, что произошло в тот вечер.

– Мы собрались идти в театр. Стоял такой густой туман, что нанимать кеб было бессмысленно. Мы пошли пешком. Дорога наша проходила недалеко от Арсенала. Вдруг Артур бросился от меня в сторону и скрылся в тумане.

– Не сказав ни слова?

– Только крикнул что-то, и все. Я стояла, ждала, но он не появился. Тогда я вернулась домой. На следующее утро из департамента пришли сюда справляться о нем. Около двенадцати часов до нас дошли ужасные вести. Мистер Холмс, заклинаю вас: если это в ваших силах, спасите его честное имя. Он им так дорожил!

Холмс печально покачал головой.

– Ну, Ватсон, нам пора двигаться дальше, – сказал он. – Теперь отправимся к месту, откуда были похищены документы.

– С самого начала против молодого человека было много улик. После допросов их стало еще больше, – заметил он, когда кеб тронулся. – Предстоящая женитьба – достаточный мотив для преступления. Кадогену Уэсту, естественно, требовались деньги. Мысль о похищении чертежей в голову ему приходила, раз он заводил о том разговор с невестой. И чуть не сделал ее сообщницей, уже хотел было поделиться с ней своим планом. Скверная история.

– Но послушайте, Холмс, неужели репутация человека вовсе не идет в счет? И потом, зачем было оставлять невесту одну на улице и сломя голову кидаться воровать документы?

– Вы рассуждаете здраво, Ватсон. Возражение весьма существенное. Но опровергнуть обвинение будет очень трудно.

Мистер Сидней Джонсон встретил нас с тем почтением, какое у всех неизменно вызывала визитная карточка моего компаньона. Старший клерк оказался худощавым хмурым мужчиной среднего возраста, в очках; от пережитого потрясения он осунулся, руки у него дрожали.

– Неприятная история, мистер Холмс, очень неприятная. Вы слышали о смерти шефа?

– Мы только что из его дома.

– У нас тут такая неразбериха. Глава департамента умер, Кадоген Уэст умер, бумаги похищены. А ведь в понедельник вечером, когда мы запирали помещение, все было в порядке – департамент как департамент. Боже мой, Боже мой!.. Подумать страшно. Чтобы именно Уэст совершил такой поступок!

– Вы, значит, убеждены в его виновности?

– Больше подозревать некого. А я доверял ему, как самому себе!

– В котором часу в понедельник заперли помещение?

– В пять часов.

– Где хранились документы?

– Вон в том сейфе. Я их сам туда положил.

– Сторожа при здании не имеется?

– Сторож есть, но он охраняет не только наш отдел. Это старый солдат, человек абсолютно надежный. Он ничего не видел. В тот вечер, правда, был ужасный туман, невероятно густой.

– Предположим, Кадоген Уэст вздумал бы пройти в помещение не в служебное время. Ему понадобилось бы три ключа, чтобы добраться до бумаг, не так ли?

– Именно так. Ключ от входной двери, ключ от конторы и ключ от сейфа.

– Ключи имелись только у вас и у сэра Джеймса Уолтера?

– От помещений у меня ключей нет, только от сейфа.

– Сэр Джеймс отличался аккуратностью?

– Полагаю, что да. Знаю только, что все три ключа он носил на одном кольце. Я их часто у него видел.

– И это кольцо с ключами он брал с собой, когда уезжал в Лондон?

– Он говорил, что они всегда при нем.

– И вы тоже никогда не расстаетесь со своим ключом?

– Никогда.

– Значит, Уэст, если преступник действительно он, сделал вторые ключи. Но у него никаких ключей не обнаружили. Еще один вопрос: если бы кто из сотрудников, работающих в этом помещении, задумал продать военную тайну, не проще ли было бы для него скопировать чертежи, чем похищать оригиналы, как это было проделано?

– Чтобы скопировать их как следует, нужны большие технические познания.

– Они, очевидно, имелись и у сэра Джеймса и у Кадогена Уэста. Они есть и у вас.

– Разумеется, но я прошу не впутывать меня в эту историю, мистер Холмс. И что попусту гадать, как оно могло быть, когда известно, что чертежи нашлись в кармане Уэста?

– Но, право, все же очень странно, что он пошел на такой риск и захватил с собой оригиналы, когда мог преспокойно их скопировать и продать копии.

– Конечно, странно, однако взяты именно оригиналы.

– Чем больше ищешь, тем больше вскрывается в этом деле загадочного. Недостающие три документа все еще не найдены. Насколько я понимаю, они-то и являются основными?

– Да.

– Значит ли это, что тот, к кому эти три чертежа попали, получил возможность построить подводную лодку Брюса-Партиingtonа, обойдясь без остальных семи чертежей?

– Я как раз об этом и докладывал в адмиралтействе. Но сегодня я опять просмотрел чертежи и усомнился. На одном из вернувшихся документов имеются чертежи клапанов и автоматических затворов. Пока они там, за границей, сами их не изобретут, они не смогут построить лодку Брюса-Партиingtonа. Впрочем, обойти такое препятствие не составит особого труда.

– Итак, три отсутствующие чертежа – самые главные?

– Несомненно.

– Если не возражаете, я произведу небольшой осмотр помещения. Больше у меня вопросов к вам нет.

Холмс обследовал замок сейфа, обошел всю комнату и, наконец, проверил железные ставни на окнах. Только когда мы уже очутились на газоне перед домом, интерес его снова ожил. Под окном росло лавровое дерево, некоторые из его веток оказались согнуты, другие

сломаны. Холмс тщательно исследовал их с помощью лупы, осмотрел также еле приметные следы на земле. И, наконец, попросив старшего клерка закрыть железные ставни, обратил мое внимание на то, что створки посередине чуть-чуть не сходятся и с улицы можно разглядеть, что делается внутри.

– Следы, конечно, почти исчезли, утратили свою ценность из-за трех дней промедления. Они могут что-то означать, могут и не иметь никакого значения. Ну, Ватсон, я думаю, с Вулиджем пока все. Улов наш здесь невелик. Посмотрим, не добьемся ли мы большего в Лондоне.

И, однако, мы поймали еще кое-что в наши сети, прежде чем покинули Вулидж. Кассир на станции, не колеблясь, заявил, что в понедельник вечером видел Кадогена Уэста, которого хорошо знал в лицо. Молодой человек взял билет третьего класса на поезд 8.15 до станции Лондонский мост. Уэст был один, и кассира поразило его крайне нервное, встревоженное состояние. Он был до такой степени взволнован, что никак не мог собрать сдачу, кассиру пришлось ему помочь. Справившись по расписанию, мы убедились, что поезд, отходивший в 8.15, был фактически первым поездом, каким Уэст мог уехать в Лондон, после того как в половине восьмого оставил невесту на улице.

– Попробуем восстановить события, – сказал мне Холмс, помолчав минут тридцать. – Нет, честное слово, мы с вами еще не сталкивались с делом до такой степени трудным. С каждым шагом натыкаешься на новый подводный камень. И все же мы заметно продвинулись вперед. Результаты допроса в Вулидже, в основном, говорят против Уэста, но кое-что, замеченное нами под окном конторы, позволяет строить более благоприятную для него гипотезу. Допустим, что к нему обратился иностранный агент. Он мог связать Уэста такими клятвами, что тот был вынужден молчать. Но эта мысль его занимала, на что указывают те отрывочные замечания и намеки, о которых рассказала нам его невеста. Отлично. Предположим далее, что в то время, как они шли в театр, он различил в тумане этого самого агента, направляющегося к зданию Арсенала. Уэст был импульсивным молодым человеком, действовал не задумываясь. Когда дело касалось его гражданского долга, все остальное для него уже теряло значение. Он пошел за агентом, встал под окном, видел, как вор похищает документы, и бросился за ним в погоню. Таким образом, снимается вопрос, почему взяты оригиналы, а не сняты копии, для постороннего лица сделать это было невозможно. Видите, как будто логично.

– Ну, а дальше?

– Тут сразу возникает затруднение. Казалось бы, первое, что следовало сделать молодому человеку, это схватить негодяя и поднять тревогу. Почему он поступил иначе? Быть может, похититель – лицо выше его стоящее, его начальник? Тогда поведение Уэста понятно. Или же так: вору удалось ускользнуть в тумане, и Уэст тут же кинулся к нему домой, в Лондон, чтобы как-то помешать, если предположить, что адрес Уэсту был известен. Во всяком случае, только что-то чрезвычайно важное, требующее безотлагательного решения, могло заставить его бросить девушку одну на улице. И не дать позже знать о себе. Дальше след теряется, и до момента, когда тело Уэста с семью чертежами в кармане оказалось на крыше вагона, получается провал, неизвестность. Начнем теперь поиски с другого конца. Если Майкрофт уже прислал список имен и адресов, быть может, среди них найдется тот, кто нам нужен, и мы пустимся сразу по двум следам.

На Бейкер-стрит нас и в самом деле ожидал список, доставленный специальным курьером. Холмс пробежал его глазами, перекинул мне. Я стал читать:

«Известно множество мелких мошенников, но мало таких, кто рискнул бы пойти на столь крупную авантюру. Достойны внимания трое: Адольф Мейер – Грейт-Джордж-стрит, 13, Вестминстер; Луи ла Ротьер – Кэмден-Мэншенз, Ноттинг Хилл; Гуго Оберштейн – Колфилд-Гарденс, 13, Кенсингтон. Относительно последнего известно, что в понедельник он был в Лондоне, по новому донесению – выбыл. Рад слышать, что “в темноте забрезжил свет”. Кабинет мини-

стров с величайшим волнением ожидает твоего заключительного доклада. Получены указания из самых высоких сфер. Если понадобится, вся полиция Англии к твоим услугам. *Майкрофт*».

– Боюсь, что «вся королевская конница и вся королевская рать»³⁹ не смогут помочь мне в этом деле, – сказал Холмс, улыбаясь.

Он раскрыл свой большой план Лондона и склонился над ним с живейшим интересом.

– Ого! – воскликнул он удовлетворенно. – Кажется, нам начинает сопутствовать удача. Знаете, Ватсон, я уже думаю, что, в конце концов, мы с вами это дело осилим. – В неожиданном порыве веселья он хлопнул меня по плечу. – Сейчас я отправляюсь всего-навсего в разведку, ничего серьезного я предпринимать не стану, пока рядом со мной нет моего верного компаньона и биографа. Вы оставайтесь здесь, и, весьма вероятно, через час-другой мы увидимся снова. Если соскучитесь, вот вам стопа бумаги и перо: принимайтесь писать о том, как мы выручили государство.

Меня в какой-то степени заразило его приподнятое настроение, я знал, что без достаточных на то оснований Холмс не скинет с себя маски сдержанности. Весь долгий ноябрьский вечер я провел в нетерпеливом ожидании моего друга. Наконец в самом начале десятого посыльный принес мне от него такую записку:

«Обедаю в ресторане Гольдини на Глостер-роуд, Кенсингтон. Прошу вас немедленно прийти туда. Захватите с собой ломик, закрытый фонарь, стамеску и револьвер. *Ш. Х.*».

Нечего сказать, подходящее снаряжение предлагалось почтенному гражданину таскать с собой по темным, окутанным туманом улицам! Все указанные предметы я старательно расставил по карманам пальто и направился по данному Холмсом адресу. Мой друг сидел в этом крикливо нарядном итальянском ресторане за круглым столиком неподалеку от входа.

– Хотите перекусить? Нет? Тогда выпейте за компанию со мной кофе с кюрасо. И попробуйте одну из сигар владельца заведения, они не так гнусны, как можно было ожидать. Все с собой захватили?

– Все. Спрятано у меня под пальто.

– Отлично. Давайте в двух словах изложу вам, что я за это время проделал, и что нам предстоит делать дальше. Я думаю, Ватсон, для вас совершенно очевидно, что труп молодого человека был положен на крышу. Мне это стало ясно, едва я убедился, что он упал не из вагона.

– А не могли его бросить на крышу с какого-нибудь моста?

– По-моему, это невозможно. Крыши вагонов покаты, и никаких поручней или перил нет: он бы не удержался. Значит, можно с уверенностью сказать, что его туда положили.

– Но каким образом?

– Это вопрос, на который нам надлежит ответить. Есть только одна правдоподобная версия. Вам известно, что поезда метро в некоторых пунктах Вест-Энда выходят из тоннеля наружу. Мне смутно помнится, что, проезжая там, я иногда видел окна домов как раз у себя над головой. Теперь представьте себе, что поезд остановился под одним из таких окон. Разве так уж трудно положить из окна труп на крышу вагона?

– По-моему, это совершенно неправдоподобно.

– Следует вспомнить старую аксиому: когда исключаются все возможности, кроме одной, эта последняя, сколь ни кажется она невероятной, и есть неоспоримый факт. Все другие возможности нами исключены. Когда я выяснил, что крупный международный шпион, только что выбывший из Лондона, проживал в одном из домов, выходящих прямо на линию метро, я до того обрадовался, что даже удивил вас некоторой фамильярностью поведения.

– А, так вот, оказывается, в чем дело!

– Да! Гуго Оберштейн, занимавший квартиру на Колфилд-Гарденс в доме тринадцать, стал моей мишенью. Я начал со станции Глостер-роуд. Там очень любезный железнодорожный

³⁹ Строка из английской детской песенки. Перевод С. Маршака.

служащий прошелся со мной по путям, и я не только удостоверился, что окна лестниц черного входа в домах по Колфилд-Гарденс выходят прямо на линию, но и узнал еще кое-что поважнее. Именно там пути пересекаются с другой, более крупной железнодорожной веткой, и поезда метро часто по несколько минут стоят как раз на этом самом месте.

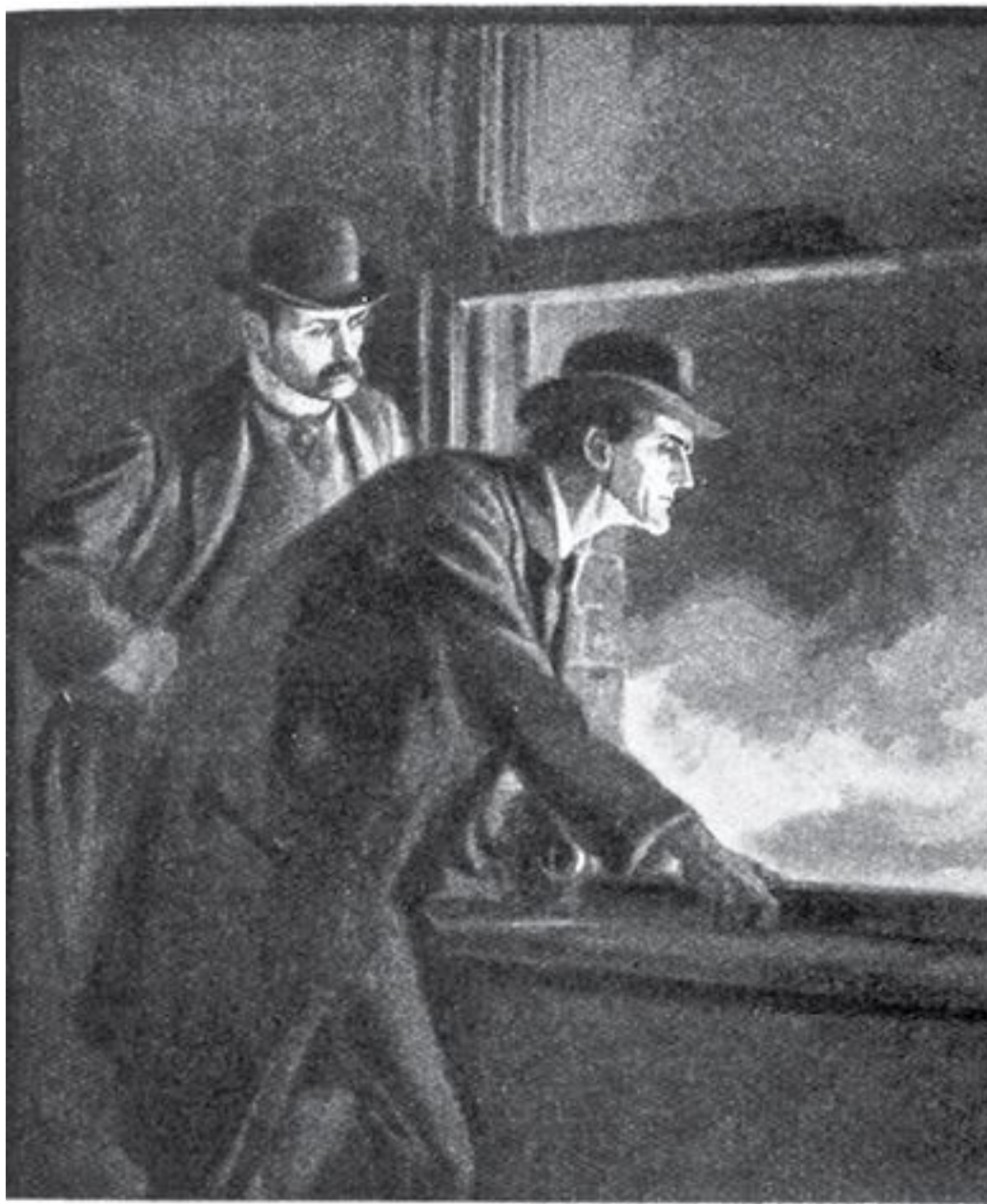
– Браво, Холмс! Вы все-таки докопались до сути!

– Не совсем, Ватсон, не совсем. Мы продвигаемся вперед, но цель еще далека. Итак, проверив заднюю стену дома номер тринадцать на Колфилд-Гарденс, я обследовал затем его фасад и убедился в том, что птичка действительно упорхнула. Дом большой, на верхнем этаже отдельные квартиры. Оберштейн проживал именно там, и с ним всего лишь один лакей, очевидно, его сообщник, которому он полностью доверял. Итак, Оберштейн отправился на континент, чтобы сбыть с рук добычу, но это отнюдь не бегство – у него не было причин бояться ареста. А то, что ему могут нанести частный визит, этому джентльмену и в голову не приходило. Но мы с вами как раз это и сделаем.

- А нельзя ли получить официальный ордер на обыск, чтобы все было по закону?
 - На основании имеющихся у нас данных – едва ли.
 - Но что может дать нам обыск?
 - Например, какую-нибудь корреспонденцию.
 - Холмс, мне это не нравится.
 - Дорогой мой, вам надо будет постоять на улице, посторожить, только и всего. Вся противозаконную деятельность беру на себя. Сейчас не время отступать из-за пустяков. Помните, что писал Майкрофт, вспомните встревоженное адмиралтейство и кабинет министров, высокую особу, ожидающую от нас новостей. Мы обязаны это сделать.
- Вместо ответа я встал из-за стола.

– Вы правы, Холмс. Это наш долг.

Он тоже вскочил и пожал мне руку.

– Я знал, что вы не подведете в последнюю минуту, – сказал Холмс, и в глазах его я прочел что-то очень похожее на нежность. В следующее мгновение он был снова самим собой – уверенный, трезвый, властный. – Туда с полмили, но спешить нам незачем, пойдемте пешком, – продолжал он. – Не растеряйте ваше снаряжение, прошу вас. Если вас арестуют как подозрительную личность, это весьма осложнит дело.

Колфилд-Гарденс – это ряд домов с ровными фасадами, с колоннами и портиками, весьма типичный продукт середины викторианской эпохи в лондонском Вест-Энде. В соседней квартире звенели веселые молодые голоса, и брэнчало в ночной тишине пианино. По-видимому, там был в разгаре детский праздник. Туман еще держался и укрывал нас своей завесой. Холмс зажег фонарик и направил его луч на массивную входную дверь.

– Да, солидно, – сказал он. – Тут, видимо, не только замок, но и засовы. Попробуем черный ход – через дверь в подвал. В случае, если появится какой-нибудь слишком рьяный блюститель порядка, вон там внизу к нашим услугам великолепный темный уголок. Дайте мне руку, Ватсон, придется лезть через ограду, а потом я помогу вам.

Через минуту мы были внизу у входа в подвал. Едва мы укрылись в спасительной тени, как где-то над нами в тумане послышались шаги полицейского. Когда их негромкий размеренный стук затих вдали, Холмс принялся за работу. Я видел, как он нагнулся, поднатужился, и дверь с треском распахнулась. Мы проскользнули в темный коридор, прикрыв за собой дверь. Холмс шел впереди по голым ступеням изогнутой лестницы. Желтая полоска света от его фонарика упала на низкое лестничное окно.

– Вот оно. Должно быть, то самое.

Холмс распахнул раму, и в ту же минуту послышался негромкий тягучий гул, все нараставший и, наконец, перешедший в рев, – мимо дома в темноте промчался поезд. Холмс провел лучом фонарика по подоконнику – он был покрыт густым слоем сажи, выпавшей из паровозных труб. В некоторых местах она оказалась слегка смазана.

– Потому что здесь лежало тело. Эге! Смотрите-ка, Ватсон, что это? Ну, конечно, следы крови. – Он указал на темные, мутные пятна внизу рамы. – Я их заметил и на ступенях лестницы. Картина ясна. Подождем, пока тут остановится поезд.

Ждать пришлось недолго. Следующий состав, с таким же ревом вынырнувший из тоннеля, постепенно замедлил ход и, скрежеща тормозами, стал под самым окном. От подоконника до крыши вагона было не больше четырех футов. Холмс тихо притворил раму.

– Пока все подтверждается, – проговорил он. – Ну, что скажете, Ватсон?

– Гениально! Вы превзошли самого себя.

– Тут я с вами не согласен. Требовалось только сообразить, что тело находилось на крыше вагона, и это было не Бог весть какой гениальной догадкой, а все остальное неизбежно вытекало из того факта. Если бы на карту не были поставлены серьезные государственные интересы, вся эта история, насколько она нам пока известна, ничего особенно значительного собой не представляла бы. Трудности у нас, Ватсон, все еще впереди. Но, как знать, быть может, здесь мы найдем какие-нибудь новые указания.

Мы поднялись по черной лестнице и очутились в квартире второго этажа. Скупой обставленной столовая не заключала в себе ничего для нас интересного. В спальне мы тоже ничего не обнаружили. Третья комната сулила больше, и мой друг принялся за систематический обыск. Комната, очевидно, служила кабинетом – повсюду валялись книги и бумаги. Быстро и ловко Холмс выворачивал одно за другим содержимое ящиков письменного стола, полок шкафа, но его суровое лицо не озарилось радостью успеха. Прошел час, и все никакого результата.

– Хитрая лисица, замел все следы, – сказал Холмс. – Никаких улик. Компрометирующая переписка либо увезена, либо уничтожена. Вот наш последний шанс.

Он взял стоявшую на письменном столе небольшую металлическую шкатулку и вскрыл ее с помощью стамески. В ней лежало несколько свернутых в трубку бумажных листков, покрытых цифрами и расчетами, но угадать их смысл и значение было невозможно. Лишь повторяющиеся слова «давление воды» и «давление на квадратный дюйм» позволяли предполагать, что все это имеет какое-то отношение к подводной лодке. Холмс нетерпеливо отшвырнул листки в сторону. Оставался еще конверт с какими-то газетными вырезками. Холмс разложил их на столе, и по его загоревшимся глазам я понял, что появилась надежда.

– Что это такое, Ватсон, а? Газетные объявления и, судя по шрифту и бумаге, из «Дейли телеграф» – из верхнего угла правой полосы. Даты не указаны, но вот это, по-видимому, первое:

«Надеялся услышать раньше. Условия приняты. Пишите подробно по адресу, указанному на карточке. *Пьерро*».

А вот второе:

«Слишком сложно для описания. Должен иметь полный отчет. Оплата по вручении товара. *Пьерро*».

И третье:

«Поторопитесь. Предложение снимается, если не будут выполнены условия договора. В письме укажите дату встречи. Подтвердим через объявление. *Пьерро*».

И, наконец, последнее:

«В понедельник вечером после девяти. Стучать два раза. Будем одни. Оставьте подозрительность. Оплата наличными по вручении товара. *Пьерро*».

Собрано все – вполне исчерпывающий отчет о ходе переговоров! Теперь добраться бы до того, кому это адресовано.

Холмс сидел, крепко задумавшись, постукивая пальцем по столу. И вдруг вскочил на ноги.

– А, пожалуй, это не так уж трудно. Здесь, Ватсон, нам делать больше нечего. Отправимся в редакцию «Дейли телеграф», и тем завершим наш плодотворный день.

Майкрофт Холмс и Лестрейд, как было условленно, явились на следующий день после завтрака, и Холмс поведал им о наших похождениях накануне вечером. Полицейский сыщик покачал головой, услышав исповедь о краже со взломом.

– У нас в Скотланд-Ярде такие вещи делать не полагается, мистер Холмс, – сказал он. – Не удивительно, что вы достигаете того, что нам не под силу. Но в один прекрасный день вы с вашим приятелем хватите через край, и тогда вам не миновать неприятностей.

– Погибнем «за Англию, за дом родной и за красу»⁴⁰. А, Ватсон? Мученики, сложившие головы на алтарь отечества. Но что скажешь ты, Майкрофт?

– Превосходно, Шерлок! Великолепно! Но что это нам дает?

Шерлок взял лежавший на столе свежий номер «Дейли телеграф».

– Ты видел сегодняшнее сообщение «Пьерро»?

– Как? Еще?

– Да. Вот оно:

«Сегодня вечером. То же место, тот же час. Стучать два раза. Дело чрезвычайно важное. На карте ваша собственная безопасность. *Пьерро*».

– Ах, шут возьми! – воскликнул Лестрейд. – Ведь если он откликнется, мы его схватим!

– С этой целью я и поместил это послание. Если вас обоих не затруднит часов в восемь отправиться с нами на Колфилд-Гарденс, мы приблизимся к разрешению нашей проблемы.

Одной из замечательных черт Шерлока Холмса была его способность давать отдых голове и переключаться на более легковесные темы, когда он полагал, что не может продолжать работу с пользой для дела. И весь тот памятный день он целиком посвятил задуманной им монографии «Полифонические мотеты Лассуса»⁴¹. Я не обладал этой счастливой способностью отрешаться, и день тянулся для меня бесконечно. Огромное государственное значение итогов нашего расследования, напряженное ожидание в высших правительственных сферах, предстоящий опасный эксперимент – все способствовало моей нервозности. Поэтому я почувствовал облегчение, когда после легкого обеда мы, наконец, отправились на Колфилд-Гарденс, Лестрейд и Майкрофт, как мы договорились, встретили нас возле станции Глостер-роуд. Подвальная дверь дома, где жил Оберштейн оставалась открытой с прошлой ночи, но так как Майкрофт Холмс наотрез отказался лезть через ограду, мне пришлось пройти вперед и открыть парадную дверь. К девяти часам мы все четверо уже сидели в кабинете, терпеливо дожидаясь нужного нам лица.

⁴⁰ Вошедший в поговорку отрывок из песни «Смерть Нельсона», сочиненной и исполнявшейся знаменитым английским тенором Джоном Брамом (1774–1836).

⁴¹ Орландо де Лассо (Лассус) – фламандский композитор эпохи Возрождения, автор мотетов – вокальных многоголосых произведений.

Прошел час, другой. Когда пробило одиннадцать, бой часов на церковной башне прозвучал для нас как погребальный звон по нашим надеждам. Лестрейд и Майкрофт ерзали на стульях и поминутно смотрели на часы. Шерлок Холмс сидел спокойно, закрыв веки, но внутренне настороженный. Вдруг он вскинул голову.

– Идет, – проговорил он.

Кто-то осторожно прошел мимо двери. Шаги удалились и снова приблизились. Послышалось шарканье ног, и дважды стукнул дверной молоток. Холмс встал, сделав нам знак оставаться на месте. Газовый рожок в холле почти не давал света. Холмс открыл входную дверь и, когда темная фигура скользнула мимо, запер дверь на ключ.

– Прошу сюда, – услышали мы его голос, и в следующее мгновение тот, кого мы поджидали, стоял перед нами.

Холмс шел за ним по пятам, и, когда вошедший с возгласом удивления и тревоги отпрянул было назад, мой друг схватил его за шиворот и втолкнул обратно в комнату. Пока наш пленник вновь обрел равновесие, дверь в комнату была уже заперта, и Холмс стоял к ней спиной. Пойманный испуганно обвел глазами комнату, пошатнулся и упал замертво. При падении широкополая шляпа свалилась у него с головы, шарф, закрывавший лицо, сполз, и мы увидели длинную белокурую бороду и мягкие, изящные черты лица полковника Валентайна Уолтера.

Холмс от удивления свистнул.

– Ватсон, – сказал он, – на этот раз можете написать в своем рассказе, что я полный осел. Попалась совсем не та птица, для которой я расставлял силки.

– Кто это? – спросил Майкрофт с живостью.

– Младший брат покойного сэра Джеймса Уолтера, главы департамента субмарин. Да-да, теперь я вижу, как легли карты. Полковник приходит в себя. Допрос этого джентльмена прошу предоставить мне.

Мы положили неподвижное тело на диван. Но вот наш пленник привстал, огляделся – лицо его выразило ужас. Он провел рукой по лбу, словно не веря своим глазам.

– Что это значит? – проговорил он. – Я пришел к мистеру Оберштейну,

– Все раскрыто, полковник Уолтер, – сказал Холмс. – Как мог английский дворянин поступить подобным образом, это решительно не укладывается в моем сознании. Но нам известно все о вашей переписке и отношениях с Оберштейном. А также и об обстоятельствах, связанных с убийством Кадогена Уэста. Однако некоторые подробности мы сможем узнать только от вас. Советую вам чистосердечным признанием хоть немного облегчить свою вину.

Полковник со стоном уронил голову на грудь и закрыл лицо руками. Мы ждали, но он молчал.

– Могу вас уверить, что основные факты для нас ясны, – сказал Холмс. – Мы знаем, что у вас были серьезные денежные затруднения, что вы изготовили слепки с ключей, находившихся у вашего брата, и вступили в переписку с Оберштейном, который отвечал на ваши письма в разделе объявлений в «Дейли телеграф». Мы знаем также, что в тот туманный вечер в понедельник вы проникли в помещение, где стоял сейф, и Кадоген Уэст вас выследил. Очевидно, у него уже были основания подозревать вас. Он был свидетелем похищения чертежей, но не решился поднять тревогу, быть может, предполагая, что вы достаете документы по поручению брата. Забыв про личные дела, Кадоген Уэст, как истинный патриот, преследовал вас, скрытый туманом, до самого этого дома. Тут он к вам подошел, и вы, полковник Уолтер, к государственной измене прибавили еще одно, более ужасное преступление – убийство.

– Нет-нет! Клянусь Богом, я не убивал! – закричал несчастный пленник.

– В таком случае, объясните, каким образом он погиб, что произошло до того, как вы положили его труп на крышу вагона.

– Я расскажу. Клянусь, я вам все расскажу. Все остальное, действительно, было именно так, как вы сказали. Я признаюсь. На мне висел долг – я запутался, играя на бирже. Деньги

нужны были позарез. Оберштейн предложил мне пять тысяч. Я хотел спастись от разорения. Но я не убивал, в этом я не повинен.

– Что же в таком случае произошло?

– Уэст меня подозревал и выследил – все так, как вы сказали. Я обнаружил его только у входа в дом. Туман был такой, что в трех шагах ничего не было видно. Я постучал дважды, и Оберштейн открыл мне дверь. Молодой человек ворвался в квартиру, бросился к нам, стал требовать, чтобы мы ему объяснили, зачем нам понадобились чертежи. Оберштейн всегда имеет при себе свинцовый кистень. Он ударил им Кадогена Уэста по голове. Удар оказался смертельным, Уэст умер через пять минут. Он лежал на полу в холле, и мы совершенно растерялись, не зная, что делать. И тут Оберштейну пришла в голову мысль относительно поездов, которые останавливаются под окном на черном ходу. Но сначала он просмотрел чертежи, отобрал три самых важных и сказал, что возьмет их.

«Я не могу отдать чертежи, – сказал я, – если к утру их не окажется на месте, в Вулидже поднимется страшный переполох».

«Нет, я должен их забрать, – настаивал Оберштейн, – они настолько сложны, что я не успею до утра снять с них копии».

«В таком случае, я немедленно увезу чертежи обратно», – сказал я.

Он немного подумал, потом ответил: «Три я оставлю у себя, остальные семь засунем в карман этому молодому человеку. Когда его обнаружат, похищение, конечно, припишут ему».

Я не видел другого выхода и согласился. С полчаса мы ждали, пока под окном не остановился поезд. Туман скрывал нас, и мы без труда опустили тело Уэста на крышу вагона. И это все, что произошло и что мне известно.

– А ваш брат?

– Он не говорил ни слова, но однажды застал меня с ключами, и я думаю, он меня стал подозревать. Я читал это в его взгляде. Он не мог больше смотреть людям в глаза и...

Воцарилось молчание. Его нарушил Майкрофт Холмс.

– Хотите в какой-то мере искупить свою вину? Чтобы облегчить совесть и, возможно, кару.

– Чем могу я ее искупить?..

– Где сейчас Оберштейн, куда он повез похищенные чертежи?

– Не знаю.

– Он не оставил адреса?

– Сказал лишь, что письма, отправленные на его имя в Париж, отель «Лувр», в конце концов, дойдут до него.

– Значит, для вас есть еще возможность исправить содеянное, – сказал Шерлок Холмс.

– Я готов сделать все, что вы сочтете нужным. Мне этого субъекта щадить нечего. Он причина моего падения и гибели.

– Вот перо и бумага. Садитесь за стол, будете писать под мою диктовку. На конверте поставьте данный вам парижский адрес. Так. Теперь пишите:

«Дорогой сэръ!

Пишу Вам по поводу нашей сделки.

Вы, несомненно, заметили, что недостает одной существенной детали. Я добыл необходимую копию. Это потребовало много лишних хлопот и усилий, и я рассчитываю на дополнительное вознаграждение в пятьсот фунтов. Почте доверять опасно. И я не приму ничего, кроме золота или ассигнаций. Я мог бы приехать к Вам за границу, но боюсь навлечь на себя подозрение, если именно теперь выеду из Англии. Поэтому надеюсь встретиться с Вами в курительной комнате отеля «Чаринг-Кросс» в субботу в двенадцать часов дня. Повторяю, я согласен только на английские ассигнации или золото».

– Вот и отлично, – сказал Холмс. – Буду очень удивлен, если он не ответит на такое письмо.

И он отозвался! Но все дальнейшее относится уже к области истории, к тем тайным ее анналам, которые часто оказываются значительно интереснее официальной хроники. Оберштейн, жаждавший завершить так блестяще начатую и самую крупную свою аферу, попался в ловушку и был на пятнадцать лет надежно упрятан за решетку английской тюрьмы. В его чемодане были найдены бесценные чертежи Брюса-Партиingtonа, которые он уже предлагал продать с аукциона во всех военно-морских центрах Европы.

Полковник Уолтер умер в тюрьме к концу второго года заключения. А что касается Холмса, он со свежими силами принялся за свою монографию «Полифонические мотеты Лассуса». Впоследствии она была напечатана для узкого круга читателей, и специалисты оценили ее как последнее слово науки по данному вопросу. Несколько недель спустя после описанных событий я случайно узнал, что мой друг провел день в Виндзорском дворце и вернулся оттуда с великолепной изумрудной булавкой для галстука. Когда я спросил, где он ее купил, Холмс ответил, что это подарок одной очень любезной высокопоставленной особы, которой ему посчастливилось оказать небольшую услугу. Он ничего к этому не добавил, но, мне кажется, я угадал августейшее имя и почти не сомневаюсь в том, что изумрудная булавка всегда будет напоминать моему другу историю с похищенными чертежами подводной лодки Брюса-Партиingtonа.

Детектив на смертном одре

Миссис Хадсон, квартирная хозяйка Холмса, была многострадальной женщиной. Не только ее квартиру на втором этаже во все часы дня и ночи наводняли странные, а частенько и весьма темные субъекты, но и ее замечательный жилец вел такую эксцентричную и беспорядочную жизнь, что ее терпение, несомненно, подвергалось тяжким испытаниям.

Его невероятное неряшество, его пристрастие к музицированию в неположенное время, его манера порой упражняться в стрельбе из револьвера в стенах дома, его непонятные, а нередко и не благоуханные научные опыты, вся окружавшая его атмосфера насилия и опасностей делали его наихудшим из всех лондонских квартирантов. С другой стороны, за квартиру он платил по-княжески. Не сомневаюсь, что общая сумма платы, внесенной Холмсом за годы моего с ним знакомства, намного превысила цену дома целиком.

Миссис Хадсон питала к нему благоговейное почтение и ни разу не осмелилась попенять ему, каким бы нестерпимым ни было его поведение. К тому же она чувствовала к нему неподдельную привязанность, ведь с женщинами он держался с поразительной мягкостью и обходительностью. Правда, слабый пол внушал ему неприязнь и недоверие, но противником он был по-рыцарски благородным. Зная искренность ее доброго отношения к нему, я с большим вниманием слушал ее рассказ, когда на второй год моей женитьбы она явилась ко мне в приемную и поведала о печальном состоянии моего бедного друга.

– Он умирает, доктор Ватсон, – сказала она. – Вот уже три дня ему становится все хуже и хуже, и не знаю, дотянет ли он до завтра. Не позволяет мне позвать к нему врача. Сегодня утром, когда я увидела, как кости у него на лице выпирают из-под кожи, а глаза, такие огромные, сверкают на меня, я не стерпела. «С вашего разрешения, мистер Холмс, или без него, я сейчас же иду за доктором», – сказала я. «Ну, так, по крайней мере, за Ватсоном», – сказал он. Я не стала бы и на час откладывать, сэр, не то вы можете не застать его в живых.

Я пришел в ужас, ведь я ничего не слышал про его болезнь. Незачем говорить, что я бросился за пальто и шляпой. Пока мы ехали, я расспрашивал миссис Хадсон о подробностях.

– Я мало что могу сказать вам, сэр. Он расследовал дело в Роттерхите, в прогулке над рекой, и подхватил болезнь там. Слег в постель в среду и больше не вставал. Все эти три дня не съел ни крошки и не выпил ни глотка.

– Боже великий, почему вы не позвали врача?

– Он не пожелал, сэр. Вы же знаете, какой он властный. Я не посмела послушаться. Но ему уже недолго осталось, как вы сами увидите, чуть к нему войдете.

Он, правда, выглядел ужасно. В тусклом свете пасмурного ноябрьского дня спальня была достаточно мрачным местом, но похолодел я, когда увидел на подушке его исхудалое лицо с запавшими щеками. Его глаза неестественно блестели от жара. Я разглядел красные лихорадочные пятна на скулах, запекшиеся темные корочки на губах. Худые руки поверх одеяла непрерывно подергивались. Голос был хриплым, прерывистым. Когда я входил в комнату, он лежал неподвижно, но при виде меня в его глазах появилась искра сознания.

– Ну, Ватсон, кажется, для нас настали скверные дни, – сказал он слабым голосом, но с некоторым оттенком прежней небрежной манеры.

– Мой дорогой! – вскричал я, кидаясь к нему.

– Назад! Стойте в стороне! – приказал он с той резкой категоричностью, которую я наблюдал у него только в критические минуты. – Если вы подойдете ко мне, я потребую, чтобы вы ушли.

– Но почему?

– Потому что я так хочу. Или этого недостаточно?

Да, миссис Хадсон была права. Властность его осталась прежней. Но больно было смотреть на его изможденность.

– Я только хотел помочь, – объяснил я.

– Вот именно! Но помочь вы сможете, только если будете делать то, что вам говорят.

– Да, конечно, Холмс.

Его суровость смягчилась.

– Вы не рассердились? – спросил он, ловя ртом воздух.

Бедняга! Как я мог на него рассердиться, когда он лежал передо мной в таких страданиях!

– Это ради вас же, Ватсон, – прохрипел он.

– Ради меня?

– Я знаю, что со мной. Болезнь кули с Суматры – напасть, о которой голландцы знают больше нас, хотя и они все еще знают прискорбно мало. Но одно известно точно. Она всегда смертельна и крайне заразна.

Теперь он говорил с горячечной энергией: его длинные пальцы дрожали и дергались, когда он сделал мне знак отойти подальше.

– Заразна через соприкосновение, Ватсон, только через соприкосновение. Держитесь на расстоянии, и все будет в порядке.

– Боже мой, Холмс! Неужели вы думаете, что такое соображение может меня остановить? Даже если бы речь шла о постороннем человеке. Неужели вы воображаете, что оно помешает мне исполнить мой долг по отношению к старому другу?

Вновь я шагнул вперед, но ярость в его взгляде вынудила меня остановиться.

– Если вы останетесь стоять, где стоите, я буду разговаривать с вами, если нет, то вы должны покинуть комнату.

Я питал такое глубокое уважение к необычайным талантам Холмса, что всегда подчинялся его настояниям, даже когда совершенно не понимал их. Но теперь во мне пробудились все мои профессиональные инстинкты. Пусть он превосходит меня во всем другом, но у одра болезни превосходство принадлежало мне.

– Холмс, – сказал я, – вы не в себе. Больной человек – всего лишь ребенок, и я обойдусь с вами как с ребенком. Хотите вы или нет, я исследую ваши симптомы и начну вас лечить в соответствии с ними.

Он ответил мне взглядом, полным яда.

– Если уж меня должен осмотреть врач, хочу я того или нет, пусть, по крайней мере, это будет тот, на кого я мог бы положиться, – сказал он.

– Значит, на меня вы не полагаетесь?

– На вашу дружбу, безусловно. Но факт остается фактом, Ватсон, в конце-то концов, вы всего лишь практикующий врач с очень ограниченным опытом и не слишком высокой квалификацией. Больно говорить так, но вы не оставили мне выбора.

Я был горько обижен.

– Подобное утверждение недостойно вас, Холмс. Оно мне ясно показывает, в каком состоянии ваши нервы. Но раз вы мне не доверяете, я не стану навязывать свои услуги. Разрешите мне привезти к вам сэра Джаспера Мийка, или Пенроза Фишера, или любого из лучших специалистов в Лондоне. Но кого-то вы должны выбрать. И это мое окончательное слово. Если вы думаете, что я буду стоять тут и смотреть, как вы умрете, не оказав вам помощи сам или не привезя кого-нибудь позаботиться о вас, то вы плохо меня знаете.

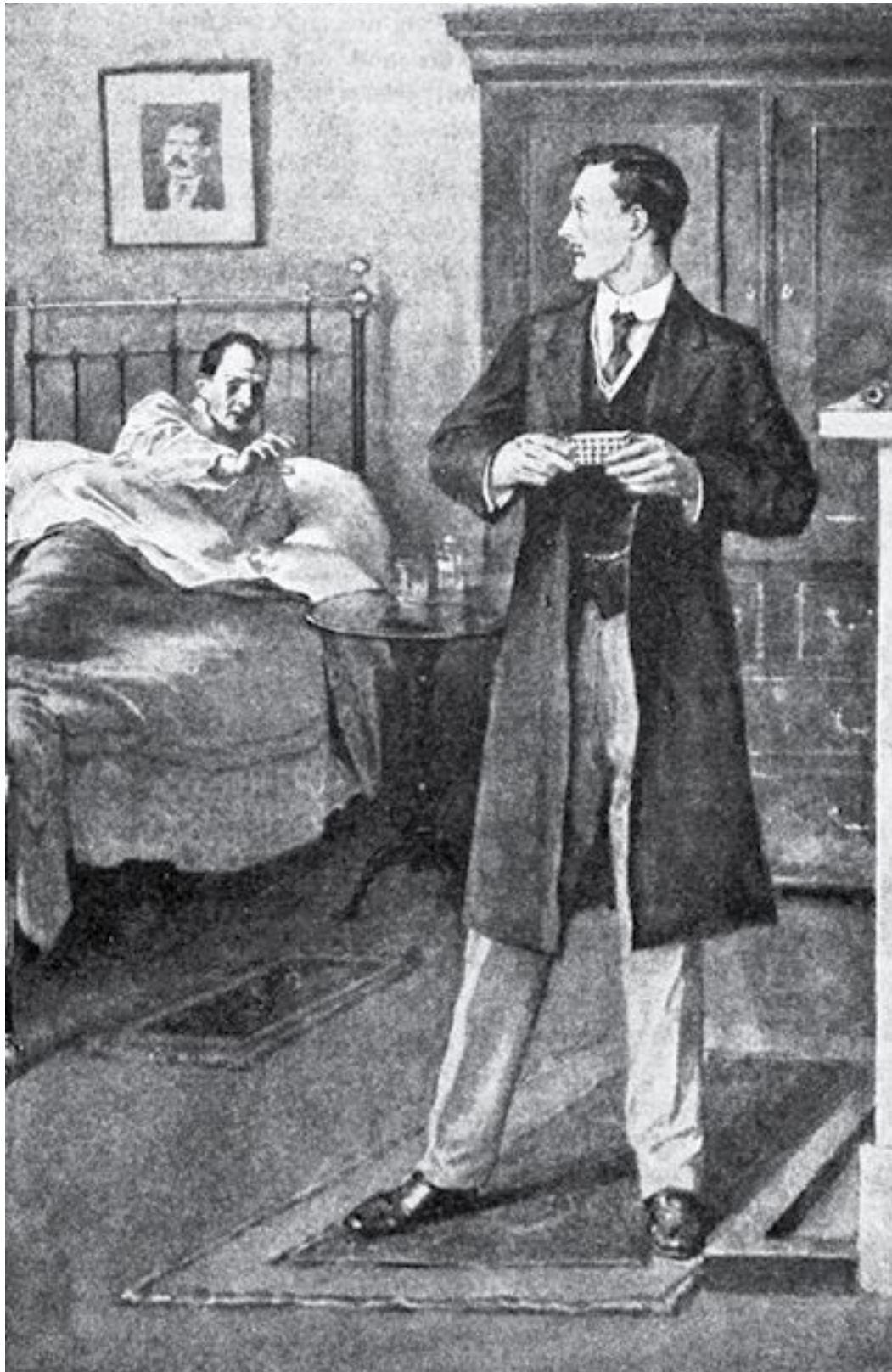
– Намерения у вас наилучшие, Ватсон, – сказал больной с чем-то вроде всхлипывания или стога. – Доказать ли мне вашу неосведомленность? Что вы знаете, например, о тапанулийской лихорадке? Что вы знаете о черной формозской гангрене?

– Ни о той, ни о другой я никогда не слышал.

– На Востоке, Ватсон, есть много проблем с заболеваниями, много странных патологических неожиданностей. – Через каждые несколько слов он умолкал, собирая угасающие силы. –

Я многому научился за время недавних своих исследований медицинского и криминального порядка. Вот тогда-то я и подцепил эту болезнь. Сделать что-либо не в ваших силах.

– Вполне возможно. Но я слышал, что доктор Эйнстри, величайший авторитет по тропическим болезням, сейчас в Лондоне. Любые возражения бесполезны, Холмс, я немедленно отправляюсь за ним. – И я решительно повернулся к двери.

В жизни я не испытывал подобного шока! Умиравший молниеносным тигриным прыжком проскочил мимо меня. Я услышал щелчок повернувшегося в замке ключа. В следующую секунду Холмс, пошатываясь, вернулся в постель, измученный, задыхающийся после невероятной вспышки энергии.

– Не станете же вы отбирать у меня ключ силой, Ватсон. Попались, друг мой. Вы здесь, и здесь останетесь, пока я не решу иначе. Но я пойду вам навстречу. – Все это было сказано с прерывистыми придыханиями, со страшными усилиями сделать вдох в паузах. – Вы думаете только о моем благополучии. Конечно, я прекрасно это знаю. И вы сможете поступить по-вашему, но дайте мне время собраться с силами. Не теперь, Ватсон, не теперь. Сейчас четыре, в шесть вы сможете уйти.

– Холмс, это безумие.

– Всего два часа, Ватсон. Обещаю, в шесть вы уйдете. Вы согласны подождать?

– А у меня есть выбор?

– Ни малейшего, Ватсон. Ни малейшего. Благодарю вас, мне не нужна помощь, чтобы поправить простыни. Будьте добры, держитесь на расстоянии. А теперь, Ватсон, еще одно мое условие. Помощь вы будете искать не у тех, кого упомянули, но у того, кого выберу я.

– Да ради Бога!

– Вот первые три разумных слова, Ватсон, которые вы произнесли с той минуты, как вошли сюда. Вон там вы найдете кое-какие книги. Я немного утомился. Интересно, как себя чувствует электробатарея, когда изливает электричество не в проводник. В шесть, Ватсон, мы возобновим наш разговор...

Но по велению судьбы возобновился он много раньше и при обстоятельствах, вызвавших у меня шок, мало чем уступавший тому, в который мне обошелся его прыжок к двери. Несколько минут я постоял, глядя на безмолвно лежащего в постели Холмса. Лицо его было почти укрыто простыней, казалось, он уснул. Затем, не испытывая никакого желания расположиться с книгой, я медленно обошел комнату, рассматривая портреты знаменитых преступников, которые украшали все четыре стены. Наконец эти бесцельные блуждания привели меня к каминной полке. Ее загромождали курительные трубки, табачные кисеты, шприцы, перочинные ножи, револьверные патроны и прочая такая же дребедень. Мне в глаза бросилась чернобелая коробочка из слоновой кости со скользящей крышкой. Красивая вещица! Я протянул руку, чтобы рассмотреть ее поближе, и тут...

Крик, который он издал, был страшен – вопль, который, возможно, разнесся по всей улице. Меня мороз подрал по коже, а волосы встали дыбом от этого ужасного звука. Обернувшись, я увидел искаженное лицо и обезумевшие глаза. Я застыл как парализованный, держа коробочку в руке.

– Положите ее! Сию секунду, Ватсон, сию секунду, говорят вам!

Его голова упала назад на подушку, едва я поставил коробочку на каминную полку, и он испустил вздох облегчения.

– Не терплю, чтобы к моим вещам прикасались, Ватсон. Вы знаете, что я этого не терплю. Ваше мельтешение невыносимо. Вы, доктор, своим поведением можете загнать пациента в приют для умалишенных. Сядьте же и дайте мне передохнуть.

На меня случившееся произвело самое тягостное впечатление. Бурная и беспричинная вспышка, а затем эта грубая тирада, столь не похожая на его обычный учтивый тон, показали мне, насколько помутилось его сознание. Разрушение благородного ума наиболее плачевное из всех разрушений! Я сидел в безмолвном унынии, пока не миновали обусловленные два часа. Видимо, он тоже следил за часами, как и я, потому что вновь заговорил почти ровно в шесть, с тем же лихорадочным возбуждением, что и прежде.

– Вот что, Ватсон, – сказал он, – у вас есть в кармане какая-нибудь мелочь?

– Да.

– Серебряные монеты?

– В большом количестве.

– Сколько полукрон?

– Пять.

– А! Слишком мало! Слишком мало! Как неудачно, Ватсон! Однако вы можете переложить их в часовой кармашек. А все остальные монеты в левый карман брюк. Благодарю вас. Так вы сбалансированы более надежно.

Это был бред безумия. Он весь сотрясся и снова испустил звук, средний между кашлем и всхлипыванием.

– Теперь вы зажжете газ, Ватсон, но будьте очень внимательны, чтобы пламя ни на миг не поднялось выше половины. Умоляю, Ватсон, будьте внимательны. Благодарю вас. Именно так. Нет, занавеску задерживать не надо. А теперь будьте так добры, положите кое-какие письма и бумаги на этот столик у меня под рукой. Благодарю вас. Теперь кое-что из хлама на каминной полке. Превосходно, Ватсон. Там есть сахарные щипчики. Будьте добры, поднимите с их помощью эту коробочку из слоновой кости. Положите ее здесь среди бумаг. Отлично! А теперь вы можете отправиться за мистером Калвертоном Смитом в дом тринадцать по Лоуэр-Берк-стрит.

Сказать правду, мое желание привезти врача несколько угаšlo. Холмс явно был в горячечном бреду, и оставлять его одного казалось опасным. Однако теперь он с такой же настойчивостью посылал меня за названным человеком, с какой раньше отказывался допустить к себе кого бы то ни было.

– Никогда прежде не слышал этой фамилии, – сказал я.

– Вполне понятно, мой добрый Ватсон. Возможно, вас удивит, что человек, больше всех в мире осведомленный об этой болезни, вовсе не медик, а плантатор. Мистер Калвертон Смит, живущий на Суматре, где он широко известен, сейчас находится с визитом в Лондоне. Вспышка этой болезни на его плантации, слишком удаленной, чтобы получать медицинскую помощь извне, понудила его заняться ее изучением, что привело к далеко идущим последствиям. Он человек с крайне методичными привычками, и я не хотел, чтобы вы отправились к нему раньше шести, так как мне хорошо известно, что вы не застали бы его в кабинете. Если вы сумеете уговорить его приехать сюда и уделить нам долю его уникальных познаний об этой болезни, исследование которой было любимейшим его занятием, не сомневаюсь, что он сможет помочь мне.

Я излагаю слова Холмса в связной последовательности и не пытаюсь передавать, как его речь прерывалась задыханиями и судорожными движениями рук, указывающими на мучительную боль, которую он испытывал. За часы, которые я провел с ним, его внешность изменилась к худшему. Красные лихорадочные пятна на скулах стали еще заметнее, глаза в темных провалах глазниц блестели ярче, а лоб лоснился от холодной испарины. Однако он все еще сохранял небрежную изысканность речи. До последнего вздоха он останется хозяином положения.

– Вы точно опишете ему, каким оставили меня, – сказал он. – Вы сообщите ему со всей точностью свое впечатление: умирающий больной, умирающий, бредящий. Право же, не понимаю, почему все океанское дно не состоит из сплошной массы устриц, ведь они так обильно размножаются. А! Мысли у меня блуждают! Странно, как мозг управляет мозгом! О чем я говорил, Ватсон?

– Давали мне указания касательно мистера Калвертона Смита.

– А, да, помню! От них зависит моя жизнь. Умоляйте его, Ватсон. Он питает ко мне враждебность. Взаимную. Его племянник, Ватсон... Я заподозрил преступление и позволил ему заметить это. Юноша умер ужасной смертью. И у него на меня зуб. Вы смягчите его, Ватсон. Просите его, умоляйте, но любой ценой привезите его сюда. Только он один может спасти меня. Только он один!

– Я доставлю его в кебе, даже если мне придется нести его на руках.

– Ни в коем случае! Вы убедите его приехать, а затем вернетесь прежде него. Сошлитесь на любой предлог, чтобы не ехать вместе с ним. Не забудьте, Ватсон. Вы меня не подведете. Вы никогда меня не подводили. Без сомнения, какие-то естественные враги препятствуют их неумному размножению. Мы с вами, Ватсон, оказали тут свое содействие. Так будет мир заполнен устрицами? Нет-нет, какой ужас! Все это вам следует держать в уме.

Я покинул его, подавленный тем, как обладатель такого могучего интеллекта бормотал чушь, подобно глупому ребенку. Он отдал мне ключ, и, повинувшись счастливой мысли, я захватил ключ с собой, чтобы он вдруг не заперся изнутри. Миссис Хадсон стояла в коридоре, дрожа, вся в слезах. Когда я выходил из квартиры, вслед мне донесся высокий пронзительный голос Холмса, затянувшего в бреду какое-то песнопение. Внизу, когда я остановился свистнуть кебу, из тумана ко мне вышел какой-то мужчина.

– Как себя чувствует мистер Холмс, сэр? – спросил он.

Это был наш старый знакомый, инспектор Мортон из Скотланд-Ярда, но в штатском.

– Он очень болен, – ответил я.

Инспектор бросил на меня крайне странный взгляд. Не будь такая мысль слишком уж дьявольской, я бы подумал, что его лицо просияло радостью.

– Да, я что-то такое слышал, – сказал он.

Кеб остановился, и я покинул инспектора.

Лоуер-Берк-стрит, застроенная прекрасными особняками, тянулась примерно где-то между Ноттинг-Хиллом и Кенсингтоном. Дом, перед которым остановился мой извозчик, дышал чопорной старомодной респектабельностью – чугунная решетка, массивная двустворчатая дверь и начищенные до блеска медные ручки и прочее. Все это вполне соответствовало чинно-торжественному дворецкому, который возник в ореоле розового света от цветной электрической лампы позади него.

– Да, мистер Калвертон Смит дома. Доктор Ватсон? С вашего разрешения, сэр, я отнесу ему вашу карточку.

Моя скромная фамилия и звание, видимо, не произвели впечатления на мистера Калвертона Смита. Из-за полуоткрытой двери до меня донесся пискливый, раздраженный, въедливый голос:

– Кто этот субъект? Что ему надо? Бог мой, Стэплс, как часто мне повторять, что я не желаю, чтобы меня тревожили в часы моих занятий?

Послышалось журчание мягких объяснений дворецкого.

– Я его не приму, Стэплс. Не могу допустить, чтобы мою работу прерывали подобным образом. Меня нет дома. Так и скажите. Пусть придет утром, если уж ему надо меня увидеть.

Вновь мягкое журчание.

– Ну-ну, так ему и передайте. Пусть приходит утром или вообще не приходит. Помехи в моей работе неприемлемы.

Я подумал о Холмсе в муках на одре болезни, быть может считающем минуты, пока я не обеспечу ему помощь. Сейчас было не до церемоний. Его жизнь зависела от того, выполню ли я его поручение без промедления. Прежде чем дворецкий успел с извиняющимся видом передать мне слова своего хозяина, я прошел мимо него в комнату.

Из покойного кресла возле камина с пронзительным воплем возник какой-то человек. Я увидел огромное желтое лицо с грубой сальной кожей, тяжелый двойной подбородок и два мрачных, злобных серых глаза, которые свирепо уставились на меня из-под кустистых светлорыжих бровей. На розовом изгибе высокого лысого черепа кокетливо примостилась бархатная шапочка. Голова была огромной вместимости, однако когда я поглядел ниже, то, к моему вящему удивлению, обнаружил, что человек этот был низкорослым, щуплым, с перекошенными плечами и спиной, видимо, вследствие детского рахита.

– Что такое?! – вскричал он высоким визгливым голосом. – Что означает это вторжение?! Разве дворецкий не сказал вам, что я приму вас завтра утром?!

– Простите, – сказал я, – но дело не терпит отлагательств. Мистер Шерлок Холмс...

Имя моего друга подействовало на этого худосочную фитюльку поразительным образом. В мгновение ока гневное выражение исчезло с его лица, сменившись напряженной настороженностью.

– Вы от Холмса? – спросил он.

– Я только что был у него.

– Ну, так что с Холмсом? Как он?

– Он страшно болен. Потому я и потревожил вас.

Он указал мне на кресло и опустился в свое. В этот миг я на мгновение увидел отражение его лица в зеркале над каминной полкой. И готов был поклясться, что оно расплылось в злорадной и отвратительной улыбке. Однако я постарался внушить себе, что это был всего лишь какой-то нервный спазм, так как он почти сразу же обернулся ко мне с видом искреннего сочувствия.

– Грустно слышать это, – сказал он. – Мое знакомство с мистером Холмсом было чисто деловым и кратким, но я глубоко уважаю его таланты и репутацию. Он дилетант, изучающий преступления, как я болезни. Он ищет преступника, я – микроба. Вот и мои тюрьмы, – продолжал он, кивнув на ряд флаконов и баночек, занимавших боковой столик. – На этих желатиновых подстилках сейчас отбывают срок некоторые из самых опасных злодеев в мире.

– Именно из-за ваших особых познаний мистер Холмс и желал бы вас увидеть. Он крайне высокого мнения о вас и полагает, что вы единственный человек в Лондоне, кто способен ему помочь.

Плюгавчик вздрогнул, и кокетливая шапочка соскользнула на пол.

– Почему? – спросил он. – Почему мистер Холмс полагает, что я смогу помочь ему в его несчастье?

– Потому что вы знаток восточных болезней.

– Но почему он считает, что болезнь, которой он заразился, восточная?

– Потому что в связи с профессиональным расследованием он имел дело с китайскими матрасами в доках.

Мистер Калвертон приятно улыбнулся и подобрал свою шапочку.

– Ах, вот как? – сказал он. – Уповаю, положение не так серьезно, как вам кажется. Давно ли он болен?

– Около трех дней.

– Бредит?

– Иногда.

– Гм-гм! Выглядит серьезно. Было бы бесчеловечным не отозваться на его призыв. Я весьма не люблю, чтобы меня отрывали от моей работы, доктор Ватсон, но это, бесспорно, исключительный случай. Я без промедления поеду с вами к нему.

Я вспомнил настойчивое требование Холмса.

– Мне еще надо навестить пациента, – сказал я.

– Хорошо. Я отправлюсь один. Адрес мистера Холмса у меня записан. Можете положить, что я буду у него не более, чем через полчаса.

Снова в спальню Холмса я вошел со щемящим сердцем. Вдруг худшее произошло в мое отсутствие? К моему неизмеримому облегчению, ему за этот промежуток времени очень полегчало. Выглядел он столь же ужасно, но ни намек на горячечный бред: заговорил он, правда, слабым голосом, но даже более чем с обычной своей четкой логичностью.

– Ну, вы его видели, Ватсон?

– Да, он сейчас приедет.

– Чудесно, Ватсон! Чудесно! Вы лучший из гонцов.

– Он хотел поехать со мной.

– Об этом и речи быть не могло, Ватсон. Ни в коем случае. Он спросил, что со мной?

– Я сказал ему про китайцев в Ист-Энде.

– Превосходно! Ну, Ватсон, вы сделали все, чего можно требовать от друга. И вам теперь пора исчезнуть со сцены.

– Я должен дождаться его заключения, Холмс.

– Разумеется. Но у меня есть причины полагать, что заключение это будет куда более откровенным и ценным, если он будет думать, будто мы с ним одни. За изголовьем моей кровати места как раз хватит.

– Мой дорогой Холмс!

– Боюсь, альтернативы не существует, Ватсон. В этой комнате укрыться практически нигде, что и к лучшему – меньше шансов вызвать подозрение. Но вот тут, думаю, местечко найдется. – Внезапно он сел прямо с неколебимой решимостью на изможденном лице. – Стук колес, Ватсон. Поторопитесь, если любите меня! И не шевелитесь. Что бы ни происходило, слышите? Ни единого звука! Ни единого движения! Только слушайте во все уши.

Затем мгновенно вспышка энергии угасла, его властные, целеустремленные фразы перешли в бессвязное бормотание бредящего больного. Из тайника, куда меня с такой поспешностью водворили, я услышал поднимающиеся по лестнице шаги, скрип открывшейся и закрывшейся двери. Затем, к моему удивлению, наступила долгая тишина, нарушавшаяся только тяжелым дыханием и хрипом больного. Я представлял себе, как наш посетитель стоит у кровати и смотрит сверху вниз на страдальца. Наконец это непонятное безмолвие было нарушено.

– Холмс! – воскликнул он. – Холмс! – настойчивым тоном, каким будят спящих. – Вы способны меня слышать, Холмс? – Раздалось шуршание, будто он грубо потряс больного за плечо.

– Это вы, мистер Смит? – прошептал Холмс. – Я не решался надеяться, что вы придете. Тот засмеялся.

– Легко могу понять, – сказал он. – И все же, как видите, я здесь. Плачу добром за зло, Холмс, добром за зло.

– Это так достойно с вашей стороны, так благородно. Я знаю цену вашим особым познаниям.

Наш посетитель хихикнул.

– Несомненно. К счастью, вы единственный человек в Лондоне, кто осведомлен о них. Вы знаете, что вас скрутило?

– То же самое, – сказал Холмс.

– А! Узнаете симптомы?

– Более чем.

– Ну, не удивлюсь, Холмс, я совершенно не удивлюсь, если это то же самое. Ничего хорошего вас не ждет, если так. Бедняга Виктор умер на четвертый день – крепкий, пышущий здоровьем молодой человек. Безусловно, как вы и говорили, было крайне удивительно, что он подхватил никому не известную азиатскую болезнь в самом сердце Лондона – к тому же болезнь, изучению которой я посвятил столько времени и сил. Редкостное совпадение, Холмс. Так проникательно с вашей стороны уловить его, но не слишком добросердечно выдвинуть идею причины и следствия.

– Я знал, что это ваших рук дело.

– Ах, так вы знали? Но доказать-то никак не могли. Но что вы себе думаете? Сначала распускаете обо мне такие слухи, а затем ползете ко мне за помощью, едва попались? Какую игру вы ведете?

Я услышал прерывистое судорожное дыхание больного.

– Дайте мне воды! – еле выдохнул он.

– Вы на самом краю могилы, друг мой, но я не хочу, чтобы вы испустили дух прежде, чем я с вами поговорю. Вот почему я даю вам воды... Не расплескивайте ее. Так-то лучше. Вы понимаете, что я говорю?

Холмс застонал.

– Сделайте для меня, что можете, – прошептал он. – Забудем прошлое. Я выкину эту мысль из головы, клянусь. Только излечите меня, и я все забуду.

– Что забудете?

– Ну, про смерть Виктора Сэвиджа. Вы же сейчас чуть ли не прямо сказали, что ее причина – вы. Но я забуду.

– Можете забыть или помнить, как вам угодно. Я что-то не представляю вас на скамье свидетелей. Нет-нет, не на ней, а в совсем ином месте, мой милый Холмс, уверяю вас. И меня несколько не трогает, что вы знаете, как умер мой племянник. И говорим мы не о нем, а о вас.

– Да-да.

– Субъект, приехавший за мной – забыл его фамилию, – сказал, что заразились вы в доках Ист-Энда от матросов?

– Только так я могу объяснить...

– Вы гордитесь вашим умом, Холмс, так? Считаете себя невесть каким проницательным? И встали на этот раз поперек дороги тому, кто поумнее. Пошевелите-ка своими хваленными мозгами, Холмс. Вы не представляете иного способа, как вы могли заразиться?

– Я не способен думать. Мой рассудок угас. Во имя всего святого, помогите мне!

– Да, я вам помогу. Я помогу вам понять ваше положение, и как вы в нем оказались. Мне бы хотелось, чтобы вы это узнали перед смертью.

– Дайте мне что-нибудь облегчить боль.

– Больно? Да, кули к концу сильно визжали. Спазмы, я полагаю?

– Да-да, спазмы.

– Ну, в любом случае вы способны слышать, что я говорю. Так слушайте! Не вспомните ли вы что-либо необычное, приключившееся с вами до начала симптомов?

– Нет-нет, ничего.

– А вы подумайте.

– Мне слишком плохо, чтобы думать.

– Ну, так я вам помогу. Что-нибудь пришло по почте?

– По почте?

– Может быть, коробочка?

– Я слабею... Мне конец.

– Слушайте, Холмс! – Судя по звукам, он встряхнул умирающего, и мне стоило невероятных усилий не выскочить из тайника. – Вы должны слышать меня. И вы услышите! Вспомните коробочку... Коробочку из слоновой кости. Ее доставили в среду. Вы ее открыли... Ну, вспомнили?

– Да-да, я ее открыл. Внутри была пружинка с острием. Глупая шутка...

– Это была не шутка, как вы скоро окончательно убедитесь. Глупец: вы напрашивались и напросились. Кто вас заставлял встать у меня на дороге? Оставьте меня в покое, я бы не причинил вам вреда.

– Я вспомнил, – ахнул Холмс. – Пружинка! Уколола до крови. Эта коробочка... Вон та, на столе.

– Та самая, черт возьми! И лучше будет, если она покинет комнату в моем кармане. Прощайтесь с последней своей уликой. Но теперь вы знаете правду, Холмс, и можете умереть, сознавая, что убил вас я. Вы знали слишком много об участии Виктора Сэвиджа, и я помог вам разделить ее. Ваш конец очень близок, Холмс. Я посижу здесь и понаблюдаю, как вы умираете.

Голос Холмса затих до почти неслышного шепота.

– Что-что? – спросил Смит. – Включить газовый рожок в полную силу? А, тени начинают сгущаться? Да, я прибавлю света, чтобы лучше вас видеть. – Он прошел через комнату, и

внезапно стало светло. – Не могу ли я оказать вам какую-нибудь еще маленькую услугу, друг мой?

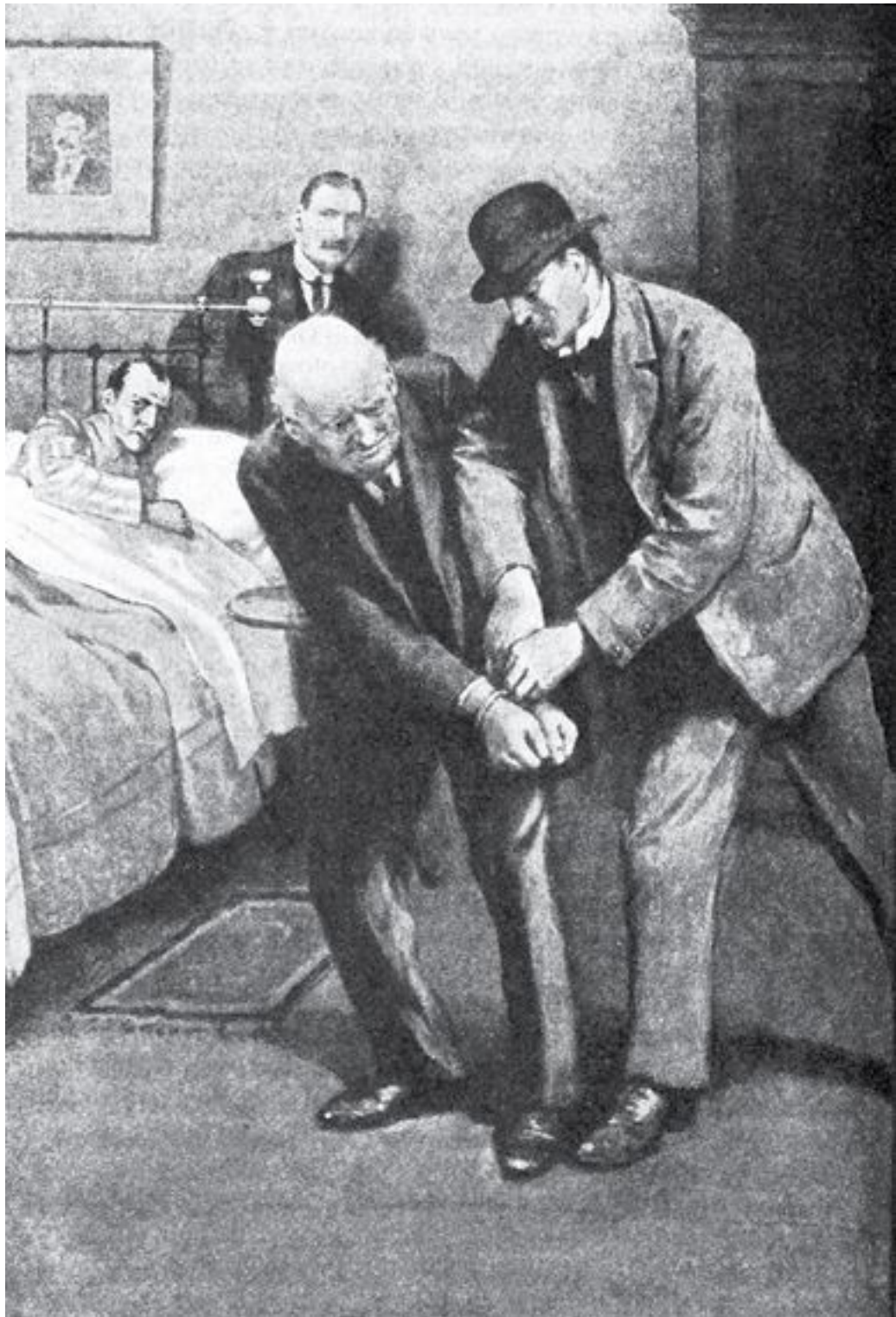
– Пожалуйста, спичку и сигарету.

Я чуть не завопил от радости и потрясенного изумления. Он заговорил своим естественным голосом, может быть, чуть слабым, но голосом, так хорошо мне знакомым. Наступила долгая пауза, и я почувствовал, что Калвертон Смит стоит и в безмолвном потрясении смотрит сверху вниз на лежащего Холмса.

– Что это значит? – спросил Смит осипшим голосом.

– Лучший способ успешно сыграть роль – это вжиться в нее, – сказал Холмс. – Даю вам слово, что три дня я не ел и не пил, пока вы столь любезно не налили мне стакан воды. Однако особенно мне досаждал отказ от табака. А! Вот сигареты. – Я услышал чирканье спички. – Так-то лучше... Эге! Я, кажется, слышу шаги друга.

Шаги замерли у двери, она отворилась, и вошел инспектор Мортон.

– Все в полном порядке, и вот ваш преступник, – сказал Холмс.

Инспектор произнес обычное предупреждение.

– Я арестую вас по обвинению в убийстве Виктора Сэвиджа, – закончил он.

– И можете добавить: за покушение на убийство Шерлока Холмса, – заметил с усмешкой мой друг. – Чтобы избавить больного от лишних движений, мистер Калвертон любезно подал наш условленный сигнал, прибавив света в комнате. Кстати, у арестованного в правом кармане пальто лежит коробочка, которую лучше оттуда забрать. Благодарю вас. На вашем месте я обращался бы с ней очень бережно. Положите ее сюда. Она может сыграть немалую роль в суде.

Раздались топот бегущих ног, шум схватки, лязг железа и вопль боли.

– Вы только себе сделаете хуже, – сказал инспектор. – Стойте спокойно, вам говорят.

Щелкнули наручники.

– Отличная ловушка! – вскричал пронзительный, полный злобы голос. – И на скамью подсудимых она приведет вас, Холмс, а не меня. Он упросил меня приехать сюда вылечить его. Мне было его жаль, и я приехал. А теперь, без сомнения, он будет утверждать, будто слышал от меня всякие собственные измышления в поддержку своих сумасшедших подозрений. Можете лгать, сколько хотите, Холмс. Мое слово не менее весомо, чем ваше.

– Боже великий! – воскликнул Холмс. – Я совершенно про него забыл... Мой дорогой Ватсон, приношу вам тысячу извинений. Только подумать, что я не сразу о вас вспомнил! Мне незачем представлять вас мистеру Калвертону Смиту, так как, насколько я понимаю, вы уже познакомились с ним сегодня вечером, только несколько раньше. Инспектор, у вас есть внизу кеб? Я последую за вами, как только оденусь. Я ведь могу понадобиться вам в участке...

Холмс подкрепился стаканом кларета с сухариками.

– В жизни не нуждался в этом больше, – сказал Холмс, одеваясь. – Однако, как вам известно, я веду нерегулярный образ жизни, и подобное воздержание мне перенести легче, чем большинству людей. Было исключительно важно внушить миссис Хадсон, будто я действительно очень плох, так как она должна была передать это убеждение вам, а вы, в свою очередь, ему. Вы не обидитесь, Ватсон? Согласитесь, умение притворяться не входит в число ваших многих талантов, и, разделяя вы мой секрет, вам никогда не удалось бы убедить Смита безотлагательно приехать сюда, а это было ключевым моментом всего плана. Зная его мстительность, я не сомневался, что он явится посмотреть на дело рук своих.

– Но ваша внешность, Холмс? Ваше жуткое лицо?

– Три дня абсолютного поста – не лучшее средство стать красавцем, Ватсон. А что до прочего, то мокрая губка принесет полное исцеление. Намазанный вазелином лоб, капля белладонны в глазах, румяна на скулах и корочки воска на губах дают весьма эффектный результат. Симуляция – это тема, которую я не раз подумывал избрать для монографии. Дополнительные беспорядочные и неуместные упоминания о полукронах, устрицах или каких-либо других взятых с потолка слов создают желанный эффект бреда.

– Но почему вы не подпускали меня к себе, раз никакой инфекции не было и в помине?

– Неужели вам нужно спрашивать, дорогой Ватсон? Или вы воображаете, будто я не уважаю ваши медицинские таланты? Мог ли я подумать, что вы, столь искусный в диагнозах, примете за умирающего пусть и ослабевшего человека, но у которого и пульс, и температура нормальные? На расстоянии четырех ярдов я мог вас обмануть. Если бы мне это не удалось, кто бы доставил Смита в мои когти?.. Нет, Ватсон, я не стал бы трогать эту коробочку. Если вы поглядите на нее сбоку, то разглядите, откуда заостренная пружинка выскочит, будто зуб гадюки, чуть вы ее откроете. Полагаю, именно так был убит бедный Сэвидж, стоявший между этим чудовищем и правами на семейное имущество. Впрочем, почту я, как вам известно, получаю самую разнообразную, и всегда остерегаюсь приходящих по моему адресу пакетов. Однако мне стало ясно, что, создав у него впечатление, будто его план удался, я сумею спровоцировать его на признание. И этот спектакль я разыграл с убедительностью истинного артиста. Благодарю вас, Ватсон. Вам придется помочь мне надеть пальто. Когда мы закончим дела в полицейском участке, какой-нибудь питательный ужин «У Симпсона» не будет излишним.

Несостоявшееся погребение

Я расположился в широком плетеном кресле, и мои вытянутые ноги, видимо, привлекли внимание Шерлока Холмса.

– А почему турецкие? – спросил он, разглядывая мои ботинки.

– Да нет, английские, – с недоумением возразил я. – Я купил их на Оксфорд-стрит в магазине Латимера.

Холмс обреченно вздохнул:

– Я имел в виду бани, а не ботинки! Почему расслабляющие и довольно дорогие турецкие бани, а не бодрящая домашняя ванна?

– Да потому, что дает о себе знать застарелый ревматизм, я стал чувствовать себя полной развалиной. А турецкие бани – именно то, что рекомендуется в таких случаях: хорошая встряска, после которой ты как будто заново рождаешься... Кстати, Холмс, – продолжал я, – для вас, человека, мыслящего логически, связь между моими ботинками и турецкими банями, наверное, легко объяснима, но я буду очень признателен, если вы мне раскроете эту связь.

– Все довольно элементарно, дорогой Ватсон, – насмешливо произнес Холмс. – Основой моих несложных умозаключений может послужить вопрос: с кем вы сегодня утром ехали в кебе?

– Но это еще один вопрос, а не объяснение, – уверенно парировал я.

– Браво, Ватсон! Ваше возражение вполне логично. Однако ближе к делу Давайте сперва разберемся все-таки с кебом. На левом плече и рукаве вашего пальто видны брызги. Если бы вы сидели посередине сиденья, вас не забрызгало бы вовсе или забрызгало бы с обеих сторон. А это значит, что вы сидели слева и, следовательно, ехали не один. До смешного просто, да?

– Но причем здесь бани и ботинки?

– Ну, это еще примитивнее. У вас всегда шнурки завязаны одинаково. А сейчас я вижу какой-то необычный двойной узор, совсем не ваш. Значит, вы снимали ботинки. И кто мог завязать вам шнурки? Или сапожник, или банщик. Сапожника исключаем, ботинки почти новые. Следовательно, остаются бани. Элементарно, правда? Ну и, завершая эту тему, я должен признаться, Ватсон, что турецкие бани сослужили определенную службу.

– Что вы имеете в виду?

– Вы сознались, что поехали туда, так как вам нужна была встряска. Поэтому я хотел бы предоставить вам возможность встряхнуться. Как вы смотрите на то, чтобы поехать в Лозанну, дорогой Ватсон? Разумеется, первым классом, все расходы оплачиваются по-королевски. Ну, как?

– Великолепно! Но с какой целью?

Холмс достал из кармана записную книжку.

– Вы согласитесь, Ватсон, что из всех представителей человеческого рода самый беззащитный – одинокая женщина. Этот безобиднейший и, я бы сказал, полезнейший член общества – объект очень многих преступлений. Они зачастую располагают достаточными средствами, чтобы кочевать из страны в страну, переезжать из гостиницы в гостиницу: сегодня они здесь, завтра там... И вот в каком-нибудь очередном пансионе или отеле ее след внезапно обрывается. А так как у нее ни дома, ни друзей, то ее никто и не хватится. Боюсь, что именно в такую беду попала леди Фрэнсис Карфэкс.

Я одобрил этот переход от общих рассуждений к частным, а Холмс, перелистав странички, продолжил:

– Леди Фрэнсис – единственный потомок графа Рафтона по прямой линии. Наследство леди Фрэнсис получила небольшое, но ей достались чрезвычайно редкие драгоценности старинной испанской работы: бриллианты необычной огранки, оправленные в серебро. Она их

настолько любила, что никогда не оставляла у своего банкира, а всегда возила с собой. Грустные мысли вызывает леди Фрэнсис: судьба распорядилась так, что этой красивой, далеко не старой женщине суждено было стать последним звеном в цепи некогда богатого и могущественного рода.

– А что же с ней случилось?

– Что случилось с леди Фрэнсис Карфэкс? Жива она или нет? Именно это мы и должны с вами выяснить. Она человек строгих привычек, и многие годы она неизменно два раза в месяц писала своей старой гувернантке мисс Добни, которая уже давно не работает и живет в Камберуэлле. Но уже пять недель, как сообщила мне мисс Добни, от леди Фрэнсис нет ни строчки. Последнее письмо было отправлено из Лозанны, из отеля «Националь», откуда она съехала, не оставив адреса. Родные леди Фрэнсис волнуются. Люди они чрезвычайно состоятельные и готовы понести любые расходы, если мы выясним, что же произошло.

– И эта мисс Добни – единственный источник сведений? Неужели больше не было никого, с кем леди Фрэнсис поддерживала бы связь?

– Были, Ватсон, вернее, был еще один источник, от которого я узнал немало любопытного. Это банк. В каком-то смысле это дневник одинокой женщины, повествующий о ее жизни. Деньги леди Фрэнсис лежат в банке Сильвестра. Я проверил ее счет. Предпоследний раз она брала деньги, чтобы расплатиться в лозаннском отеле. Но сумму она сняла довольно большую, и у нее должны были еще остаться наличные. Однако за прошедшее время к оплате был предъявлен всего один чек.

– Кем и где?

– Мадемуазель Мари Девин, а вот где он был выписан, неизвестно. Случилось это две с половиной недели назад. Сумма – пятьдесят фунтов. Его погасил филиал банка «Лионский кредит» в Монпелье.

– А кто такая мадемуазель Мари Девин?

– Мне удалось это установить. Она служила у леди Фрэнсис горничной. Но для каких целей леди Фрэнсис выдала этот чек своей горничной, я пока не выяснил. Впрочем, я ни на минуту не сомневаюсь, дорогой Ватсон, что ваши поиски позволят прояснить эту ситуацию.

– Мои поиски?

– Конечно. Вы же едете в Лозанну, чтобы встряхнуться. Сам я по целому ряду причин не могу покинуть Лондон, и вообще мне следует держаться в пределах Англии. Скотланд-Ярд без меня обычно скучает, да и в уголовном мире сегодня заметно нездоровое оживление. Поезжайте, дорогой Ватсон, и если готовы хотя бы двумя пенсами оценить мои скромные советы, то я в любое время суток к вашим услугам в пределах досягаемости континентального телеграфа.

* * *

В лозаннский отель «Националь» я прибыл через два дня. Знаменитый управляющий отеля мсье Мозер мне любезно рассказал, что леди Фрэнсис прожила у них несколько недель. Она буквально очаровала всех. В свои сорок лет мадам по-прежнему хороша собой. Можно только представить себе, какой красавицей она была в молодости. О фамильных драгоценностях леди Фрэнсис мсье Мозер ничего не мог сказать, но от слуг он слышал, что тяжелый чемодан мадам был постоянно заперт. Горничная Мари Девин, как и ее хозяйка, была любимицей служащих отеля. Она даже была помолвлена с одним из старших официантов отеля, и мне легко удалось узнать ее адрес. «Монпелье, улица Траян, 11», – пометил я в своей записной книжке и с гордостью подумал, что сам Холмс мог бы позавидовать оперативности, с которой я раздобыл эти сведения.

И все-таки одну загадку я пока не сумел разгадать: чем был вызван поспешный отъезд леди Фрэнсис из Лозанны? Время она здесь проводила довольно приятно, и вполне обосно-

ванно можно было рассчитывать, что она задержится здесь до конца сезона. Но совершенно неожиданно она вдруг в один день собралась и уехала, несмотря на потерю недельной оплаты за свой шикарный номер, выходящий окнами на озеро. Никто ничего не понимал. Только жених горничной Жюль Вибар высказал предположение, что внезапный отъезд леди Фрэнсис связан с высоким смуглым бородачом, явившимся к ней в отель накануне. «*Unsauvage, unveritablesauvag!*»⁴² – восклицал Жюль Вибар. Этот незнакомец снимал комнаты где-то в городе. Однажды во время прогулки мадам по набережной – этому имелось немало свидетелей – он подошел к ней и стал взволнованно что-то говорить. Через некоторое время он пришел уже в отель, однако мадам отказалась принять его. Кроме того, что незнакомей был англичанин, никто ничего не мог о нем сказать, даже назвать его имя. Мадам спешно съехала на другой день. И Жюль Вибар, и его невеста считали появление этого человека причиной случившегося, а отъезд мадам – следствием. Но сообщить, почему при этом Мари ушла от леди Фрэнсис, Жюль Вибар отказался. То ли он не знал, то ли почему-то не хотел говорить. На все мои попытки выяснить это неизменно твердил: «Езжайте в Монпелье и сами спросите ее, если вас это интересует».

Этим завершился первый этап моих поисков. Теперь предстояло выяснить, куда направилась леди Фрэнсис Карфэкс из Лозанны. Она это тщательно скрывала, и это наводит на мысль, что, уезжая, она пыталась сбить кого-то со следа. А иначе как объяснить то, что на ее багаже не было наклеек с указанием пункта назначения – города Бадена? Кроме того, и она, и ее багаж отправились на этот рейнский курорт не напрямую, а круглым путем. Получив эту информацию в местном отделении агентства Кука, я отправился в Баден. При этом я не забыл отправить Холмсу по телеграфу предварительный отчет и получил в ответ шутливо-добродушную похвалу за выполненную работу.

В Бадене я довольно легко отыскал потерянный было след. Леди Фрэнсис остановилась в гостинице «Альбион», в которой прожила две недели. Там она познакомилась с неким миссионером из Южной Африки доктором Шлезингером и с его супругой. Много времени леди Фрэнсис уделяла религии, как и большинство одиноких женщин, именно в ней она искала утешение. А потому страстная вера доктора Шлезингера произвела на нее необычайно глубокое впечатление. Он страдал от недуга, поразившего его в годы работы в Африке, и леди Фрэнсис помогала миссис Шлезингер ухаживать за выздоравливающим. Как рассказал мне управляющий отеля, доктор весь день проводил в глубоком кресле на веранде в обществе обеих дам, работая над составлением карты Святой земли. Наибольший интерес у него вызывало племя мадианитов, о которых он писал монографию. После того, как здоровье доктора заметно улучшилось, он с женой вернулся в Лондон. С ними поехала и леди Фрэнсис. Случилось это три недели тому назад, и больше ни о ком из них управляющий не слышал.

Некоторую информацию я получил от управляющего и от горничной Мари. За несколько дней до отъезда мадам она вышла от нее в слезах и заявила, что больше служить не будет, после чего уехала в серьезном расстройстве. Доктор Шлезингер уплатил по счету за себя и за леди Фрэнсис.

И в заключение управляющий «Альбиона» сообщил мне, что я не единственный из друзей леди Фрэнсис, кто ее разыскивает. Не далее как неделю назад о ней наводил справки какой-то мужчина.

– Он назвал себя?

– Нет. Он англичанин, но внешность у него совершенно нетипичная для англичанина.

– Он похож на дикаря? – спросил я, сопоставив факты по методу моего прославленного друга.

⁴² «Дикарь, настоящий дикарь!» (фр.)

– Точно, именно на дикаря! Я так бы и охарактеризовал его внешность. Высоченный, загорелый, бородатый – его было бы уместней видеть в трактире, а не в фешенебельном отеле. Человек бандитского вида, я бы с таким поостерегся иметь дело.

И вот, наконец, картина начала вырисовываться – так более четко проступают фигуры пешеходов на улице, когда постепенно рассеивается туман. Стало понятным то, что за доверчивой, набожной женщиной по пятам следует зловещая тень. Мадам, несомненно, боится своего преследователя. Иначе, почему она так поспешно бежала из Лозанны? Он снова преследует ее и рано или поздно настигнет. А может быть, уже настиг? Не в этом ли кроется причина ее долгого молчания? Неужели эти славные люди, с которыми она подружилась в Бадене, не сумели защитить ее от преследователя? Какая страшная тайна, какой коварный замысел заставляют этого негодяя настойчиво преследовать леди Фрэнсис? Пока у меня не было ответов на эти вопросы.

О проделанной работе я написал Холмсу, довольный достигнутыми результатами. В ответ получил телеграмму с просьбой описать левое ухо доктора Шлезингера. У Холмса, надо заметить, очень своеобразное чувство юмора. Я, конечно же, не отреагировал на его неуместную шутку. Кстати, послание от него я получил уже в Монпелье, куда поехал повидаться с Мари Девин.

Дом бывшей горничной я нашел без труда и выведал у нее все, что она знала. Она очень любила свою хозяйку и рассталась с ней только тогда, когда убедилась, что та находится в окружении друзей. Кроме того, приближался день ее свадьбы, и службу она все равно вынуждена была бы оставить. Она с большим сожалением призналась, что, когда они жили в Бадене, леди Фрэнсис часто и необоснованно сердилась на нее. А однажды даже устроила ей допрос, как будто подозревала ее в нечестности. Эта обида помогла Мари легче пережить расставание.

Мари сообщила также, что леди Фрэнсис дала ей в виде свадебного подарка пятьдесят фунтов. Девушке так же, как и мне, внушал серьезные опасения незнакомец, из-за которого ее хозяйка уехала из Лозанны. Она была свидетелем, как он у всех на виду грубо схватил леди Фрэнсис за руку. Ужасный человек, взрывной какой-то. Леди Фрэнсис, возможно, потому

и уехала в Лондон с Шлезингерами, что боялась его. И хотя она никогда не говорила о нем с Мари, но по всему было видно, что ее хозяйку постоянно терзает мучительный страх.

– Вот он, смотрите! – вдруг прервала свой рассказ девушка, в страхе вскочив со стула. – Этот негодяй опять ее выслеживает!

Я выглянул в окно гостиной и увидел очень высокого смуглого человека с черной курчавой бородой, который неторопливо двигался по мостовой, внимательно разглядывая номера домов. Несомненно, он, как и я, разыскивал горничную. Не задумываясь ни на секунду, я выбежал на улицу и остановил его.

– Вы англичанин? – спросил я.

– А если и англичанин, что из этого? – огрызнулся он.

– Позвольте узнать ваше имя?

– Не позволю, – отрезал он.

Напряжение нарастало. Я решил идти напрямую, считая этот путь самым коротким, и жестко спросил:

– Где леди Фрэнсис Карфэкс?

Он ошарашено уставился на меня.

– Почему вы ее преследуете? Что вы с ней сделали? Я требую ответа немедленно!

Вместо ответа он с яростным воплем, как тигр, ринулся на меня. Я достаточно тренирован и не раз одерживал верх в драках, но у этого дикаря оказалась просто железная хватка и сила взбесившегося быка. В одно мгновение он схватил меня за горло, и я уже начал было терять сознание, как из кабака напротив выскочил какой-то небритый француз-мастерской и обрушил на плечо моего противника такой удар дубинкой, что тому пришлось выпустить меня. Трясаясь от бешенства, он вначале на мгновение остановился, раздумывая, не продолжить ли схватку, но затем, злобно выругавшись, зашагал к дому, из которого я только что вышел. Я повернулся к моему спасителю, чтобы поблагодарить его, он все еще стоял рядом на мостовой, и вдруг услышал:

– Поздравляю, Ватсон, вы умудрились одним необдуманным действием все испортить! Видно, придется нам вместе возвращаться ночным экспрессом в Лондон.

Уже через час Шерлок Холмс, обретя свое обычное обличие, как всегда, элегантный, сидел в моей комнате в отеле. Его неожиданное и счастливое для меня появление объяснялось очень просто: у него появилась возможность выехать из Лондона, и он решил пересечься со мной в том месте, где я, по его расчетам, должен был в это время находиться. Переодевшись в рабочего, он стал дожидаться меня в кабаке напротив.

– Вы были удивительно последовательны в своих действиях, дорогой Ватсон! За последние дни у вас была масса возможностей для совершения ошибок, и вы не упустили ни одной из них. В результате вы вспугнули всех, кого можно, и практически ничего не выяснили.

– Не уверен, что вам удалось бы добиться большего, – с обидой возразил я.

– Напрасно сомневаетесь, Ватсон, мне удалось больше. А вот и distinguished Филипп Грин, ваш сосед по гостинице. Возможно, с его помощью расследование пойдет более успешно.

Лакей подал на подносе визитную карточку, и в комнату вошел тот самый бородатый тип, с которым у меня произошла стычка на улице. Увидев меня, он изменился в лице.

– Что это значит, мистер Холмс? – возмутился он. – Я пришел, получив вашу записку. Но что делает здесь этот человек?

– Этот человек – мой старый друг и коллега, доктор Ватсон. Он тоже участвует в наших поисках.

Такой ответ, видимо, удовлетворил посетителя. Смущенно протянув мне коричневую от загара ручищу, незнакомец стал извиняться:

– Я искренне сожалею и надеюсь, что вы не сильно пострадали. Я не смог сдержаться, когда вы стали обвинять меня в каком-то проступке против нее. Прошу меня простить, я

вообще сейчас живу как в лихорадке. Нервы, сами понимаете... Но объясните мне ради Бога, мистер Холмс, откуда у вас вообще информация о моем существовании?

– У меня был разговор с гувернанткой леди Фрэнсис, с мисс Добни.

– А, это милая старушенция Сьюзен Добни в своем вечном чепце! Я ее хорошо помню.

– И она помнит вас. Помнит, каким вы были много лет назад, еще до отъезда в Африку.

– Вам и это известно! Ну, тогда мне не придется ничего скрывать от вас, мистер Холмс.

Вы не поверите, не было в мире человека, который любил бы женщину сильнее, чем я любил Фрэнсис. К сожалению, в юности я вел далеко не праведный образ жизни, и на моем счету, как и многих молодых людей нашего круга, немало такого, о чем теперь стыдно вспоминать. И когда она узнала правду обо мне, то не желала больше меня видеть, потому что душа ее была чиста как снег и не переносила ничего низменного. А ведь эта святая женщина любила меня, и любила так, что, отвергнув меня, решила на всю жизнь остаться одна. Я уехал в Барбертон. Много лет работал, нажил состояние, но не смог забыть ее и, наконец, решился разыскать Фрэнсис и попытаться смягчить ее сердце. Мне было известно, что она осталась одинокой. Я нашел ее в Лозанне и стал умолять быть великодушной и простить меня. Мне показалось, что сердце ее не осталось глухо к моей мольбе, но воля была непреклонна. И когда я пришел к ней на следующий день, ее уже не было в городе. Мне удалось узнать, что она поехала в Баден, а через некоторое время я услышал, что здесь живет ее горничная. Человек я вспыльчивый, да и жил к тому же все эти годы среди людей, которые были далеко не ангелы, вот и взорвался, когда столкнулся с доктором Ватсоном... Но ради Бога, скажите, что случилось с леди Фрэнсис?..

– Вот это мы и должны узнать, – сказал Холмс очень серьезно. – Где вы остановились в Лондоне?

– В отеле «Лангхем».

– Я попрошу вас немедленно выехать в Лондон и ждать нашего сигнала. Мне не хочется вас обнадеживать, мистер Грин, но одно скажу: вы можете быть уверены, что спасению леди Фрэнсис будут отданы все силы. На этом пока все. Вот моя визитная карточка, поддерживайте со мной постоянную связь. А вы, Ватсон, начинайте укладываться. Я пойду отправить телеграмму миссис Хадсон. Надеюсь, что завтра в половине восьмого она продемонстрирует нам, двум голодным путешественникам, свое кулинарное искусство.

На Бейкер-стрит нас ждала телеграмма, отправленная из Бадена. Холмс нетерпеливо прочел ее и протянул мне. Там было всего одно слово: «Разорванное».

– Что это значит? – удивился я.

– В этом слове огромный смысл, – сказал Холмс. – Вы, надеюсь, не забыли о просьбе, с которой я к вам обращался, – описать левое ухо почтенного миссионера? Она наверняка показалась вам несерьезной, и вы ее оставили без внимания.

– Да, это так. К тому же я не мог навести справки, меня в это время в Бадене уже не было.

– Я так и понял, поэтому послал телеграмму с подобной же просьбой управляющему «Альбиона». Это и есть его ответ.

– И о чем говорит этот ответ?

– Да о том, дорогой Ватсон, что мы имеем дело с чрезвычайно хитрым и опасным негодяем. За именем доктора Шлезингера, миссионера из Южной Африки, скрывается не кто иной, как Питерс-Праведник, один из самых хитрых и коварных преступников из тех, что дала миру Австралия, а из этой молодой страны разбросано по свету уже немало отпетых негодяев. Специализация Питерса – одинокие женщины, которых он заманивает в ловушку, играя на их религиозных чувствах. А работает он в паре с некой англичанкой по имени Фрейзер, выступающей под видом его жены. В нашем случае тактика доктора Шлезингера дала мне основания заподозрить, что под этим именем орудует Питерс-Праведник, а телеграмма с описанием его левого уха, прокушенного в пьяной драке в Аделаиде в 1889 году, окончательно подтвердила мои подозрения. Бедная леди Фрэнсис в руках страшных людей, Ватсон, которых ничто не

остановит. Я даже допускаю мысль, что ее уже нет в живых. Ну, а если и жива, то содержится под строгой охраной и не может сообщить о себе ни мисс Добни, ни вообще кому-либо. Вариант, что она не доехала до Лондона, маловероятен: с континентальной полицией шутки плохи, при их системе регистрации иностранцам ее не провести. Не думаю, что она проехала дальше, потому что Лондон – единственное место в Англии, где негодяям удалось бы упрятать человека так, чтобы его никто не обнаружил. Шестое чувство подсказывает мне, что она в Лондоне, но где ее искать, мы пока не знаем. Поэтому необходимо набраться терпения и последовательно работать. А сейчас давайте обедать. Попозже, вечером, я навещу Скотланд-Ярд и побеседую с нашим приятелем Лестрейдом.

Прошло уже изрядное количество времени, но ни полиция, ни собственная сыскная служба Холмса – небольшая, но очень эффективно работающая организация – не сумели найти никаких подходов к раскрытию этой тайны. Люди, которых мы искали, буквально растворились в многолюдном Лондоне. Во многих газетах были помещены объявления, организована круглосуточная слежка за всеми притонами, где мог появиться Питерс, под контроль взяты все люди, с которыми он когда-либо имел дело, но все безрезультатно: мы постоянно оказывались в тупике.

Надежда появилась оттуда, где ее меньше всего ждали, – из ломбарда Бевингтона на Вестминстер-роуд. Туда принесли серебряную подвеску с бриллиантами старинной испанской работы, а заложил ее высокого роста человек, без бороды и усов, по виду священник. Он указал вымышленный адрес и имя, а какое у него ухо, мистер Бевингтон не заметил. Однако, судя по описанию, это был Шлезингер.

Наш бородатый друг из отеля «Лангхем» трижды наведывался к нам. Причем в третий раз он зашел буквально через несколько минут после того, как мы получили сообщение о проданной драгоценности. В считанные дни горе состарило его до неузнаваемости: одежда висела на нем, как на вешалке. «Ах, если бы я хоть чем-нибудь оказался полезным в ваших поисках!» – в отчаянии твердил он каждый раз. Но наконец-то у Холмса и для него нашлось дело.

– Теперь мы его поймем! Он начал продавать драгоценности.

– Но ведь это подтверждает, что с леди Фрэнсис что-то случилось?

Холмс нахмурился:

– По всей видимости, эти люди до сих пор держат ее под замком, считая, что, освободив ее сейчас, они погубят себя. Мы должны быть готовы к худшему, мистер Грин.

– Что я могу сделать?

– Эти негодяи вас не знают?

– Нет.

– Боюсь, что в следующий раз он пойдет к другому ювелиру, и тогда нам придется начинать все заново. Но, с другой стороны, у Бевингтона он получил хорошую цену, и ему там не задали ни одного вопроса. Поэтому можно ожидать, что он вновь придет туда, когда ему понадобятся деньги. Я сейчас напишу Бевингтону записку, что вы постоянно будете находиться в его магазине. Если Питерс придет, вы проследите, куда он затем направится, и где его дом. Но прошу вас: никаких опрометчивых шагов и, главное, никакого насилия. Дайте слово, что ничего не предпримете без согласования со мной.

В течение двух дней от почтенного Филиппа Грина (к слову сказать, он был сыном прославленного адмирала Грина, командовавшего нашим Азовским флотом во время Крымской кампании) не было никаких вестей, а на третий день вечером он примчался к нам на Бейкер-стрит бледный, дрожа как в лихорадке.

– Попался! Теперь он не уйдет от нас! – закричал он.

От волнения Грин не мог больше ничего внятно сказать. Холмс усадил его в кресло и постарался успокоить.

– Расскажите нам все по порядку, – попросил он его, наконец.

– На этот раз пришла женщина, принесла подвеску, в точности такую, как первая. Женщина высокая, бледная, глаза как у хорька...

– Это она, его жена, – подтвердил Холмс.

– Я пошел за ней, не отставая ни на шаг. Она свернула на Кеннингтон-роуд и вдруг вошла в какую-то лавку... Мистер Холмс, это оказалась лавка гробовщика!

Холмс изменился в лице.

– Дальше! – Чувствовалось, что под маской ледяного спокойствия он скрывал полыхавший в его душе гнев.

– Я вошел за ней, – продолжил Грин. – Она разговаривала с женщиной за прилавком, и до меня долетели ее слова: «Почему вы так долго?!» Та стала оправдываться перед посетительницей: «Мы все немедленно доставим по адресу. Ведь работа выполнялась по особому заказу, вот и произошла задержка...» Увидев меня, они сразу замолчали. Я задал какой-то незначительный вопрос и вышел на улицу.

– Вы все правильно сделали! Что дальше?

– Вслед за мной вышла и женщина. Я наблюдал за ней, спрятавшись в соседнем подъезде. Она явно опасалась слежки, потому что постоянно оглядывалась. Подозвав кеб, она уехала. К счастью, мне сразу же удалось поймать другой кеб, и я поехал за ней. Она вышла в Брикстоне⁴³, адрес: Полтни-сквер, тридцать шесть. Я вышел чуть подальше и стал наблюдать за домом.

– И что вам удалось увидеть?

– В одном из окон на первом этаже горел свет, но опущенная штора не давала возможности что-то увидеть. Пока я раздумывал, что бы такое предпринять, к дому подъехал закрытый фургон. Из него выпрыгнули двое мужчин, затем они вытащили что-то из фургона и понесли на крыльцо... Это был гроб, мистер Холмс.

– Вот оно что...

– Мне с трудом удалось сдержаться. В это время дверь отворилась, чтобы впустить прибывших. И отворила ее та самая женщина. Но она заметила меня и, по-моему, узнала, потому что, явно заволновавшись, поспешно захлопнула дверь. Я вспомнил о данном вам обещании и поспешил сюда.

– Вы все правильно сделали. – Взяв со стола клочок бумаги, Холмс стал что-то писать. – К сожалению, не имея ордера на арест, мы не можем что-либо предпринимать. Я буду вам очень признателен, мистер Грин, если вы отнесете мою записку в полицию и получите ордер. Не думаю, что там возникнут затруднения, потому что продажа драгоценностей – достаточный повод. Скорее всего, дело будет вести инспектор Лестрейд.

– Но ее тем временем могут убить! – воскликнул Грин. – Что значит этот гроб? Он явно предназначается для Фрэнсис!

– Не надо так нервничать, мистер Грин. Мы не потеряем ни минуты и сделаем все возможное. Положитесь на нас... Ну вот, Ватсон, – продолжал Холмс, когда наш гость спешно удалился, – сейчас он заручится поддержкой закона, а нам, как всегда, придется действовать в обход того же закона. Боюсь, ситуация настолько осложнилась, что, даже если мы примем самые крайние меры, они будут оправданны. Скорей на Полтни-сквер!..

– Картина, на мой взгляд, такова, – начал Холмс, когда наш кеб катился мимо парламента и по Вестминстерскому мосту. – Негодяям удалось заманить несчастную женщину в Лондон, предварительно сделав все, чтобы она рассталась с преданной Мари. Ни одно из писем леди Фрэнсис не доходило до адресата, так как они перехватывали их. А когда она переступила порог этого дома в Лондоне, снятого одним из сообщников Питерса, то сразу превратилась в пленницу, и драгоценности, которые были основной целью этих людей, стали их добычей. Они уверены, что их жертвой никто не интересуется, и поэтому уже распродают понемножку

⁴³ Южный пригород Лондона.

бриллианты, не видя в этом никакой для себя опасности. Понимая, что она их разоблачит, если ее отпустить, на подобный шаг они не пойдут. Но и держать ее всю жизнь под замком эти негодяи тоже не могут. Значит, остается единственный выход – убийство.

– Все предельно ясно.

– А теперь взглянем на дело с другой стороны. Возьмем за отправную точку не леди Фрэнсис, а гроб и пойдем назад. Боюсь, что гроб – еще одно подтверждение того, что леди Фрэнсис мертва. Но подобное обстоятельство ставит перед этими людьми еще ряд проблем: официальные похороны, свидетельство врача, разрешение полиции на захоронение. Если бы они убили леди Фрэнсис каким-нибудь примитивным способом, то просто зарыли бы труп во дворе. Но они все делают открыто и гласно. Почему? Да потому, что, скорее всего, ее умертвили настолько необычным способом, что даже врач не заподозрил насильственной смерти. Думаю, что ее отравили каким-то редким ядом. Не представляю, как они рискнули позволить врачу освидетельствовать ее, разве только подкупили его... Но это очень маловероятно.

– А подделать свидетельство они не могли?

– Это очень опасно, Ватсон. Не думаю, чтобы они на это решились... Эй, стойте!.. Это лавка гробовщика. Ватсон, ваше лицо внушает доверие, зайдите и выясните, на какое время назначены завтра похороны клиента с Полтни-сквер.

Холмс оказался, как всегда, прав. Женщина за прилавком доверчиво рассказала мне, что похороны состоятся завтра в восемь утра.

– Вот видите, Ватсон, эти люди действуют абсолютно открыто: никаких тайн и уловок. Им как-то удалось оформить все официально, и они теперь уверены, что им ничто не угрожает. Что ж, у нас остается один выход: идти ва-банк. Вы вооружены?

– Вот трость!

– Ну, ничего, как-нибудь пробьемся: «Ведь трижды тот вооружен, кто прав»⁴⁴. Положение настолько сложное, что мы просто не можем сидеть и дожидаться полиции. Это не тот случай, чтобы педантично блюсти букву закона... Попробуем, Ватсон. Нам ведь не впервой.

Холмс резко дернул за шнурок у двери большого темного дома. Дверь мгновенно распахнулась, на пороге полутемного холла мы увидели высокую женскую фигуру.

– Что вам угодно? – сухо спросила женщина, вглядываясь в наши лица.

– Мне нужен доктор Шлезингер, – ответил Холмс.

– Здесь нет никакого доктора Шлезингера! – резко возразила она и попыталась захлопнуть дверь. Но мой друг придержал дверь ботинком.

– В таком случае пригласите человека, который живет в этом доме, как бы он себя ни называл! – потребовал Холмс.

Помедлив мгновение, она все-таки впустила нас.

– Что ж, входите, мой муж никого не боится.

Заперев парадную дверь, она ввела нас в гостиную, зажгла свет и вышла, попросив минутку подождать.

Но не пришлось ждать и полминуты; мы даже не успели осмотреться в комнате, которая была обставлена выдавшей виды мебелью, как дверь отворилась, и в гостиную неслышным шагом вошел высокий лысый человек. На его широком багровом лице с обвисшими щеками читалось явно преувеличенное добродушие. Оно никак не вязалось с жестким выражением напряженного рта.

– Вы явно ошиблись, господа! – непринужденно обратился он к нам самым елейным тоном. – Вам, по-видимому, дали неправильный адрес. Если вы попытаетесь пройти немного дальше и повернуть налево...

⁴⁴ Шекспир. Генрих VI. Ч. II. Акт III, 2.

– Мы никуда не пойдем, – жестко возразил мой друг. – У нас нет времени, мистер Генри Питерс из Аделаиды, выдающий себя за доктора Шлезингера из Бадена и Южной Африки. И это абсолютно неоспоримо, как и то, что меня зовут Шерлок Холмс.

Питерс – теперь я буду называть его так – с ненавистью взглянул на своего грозного противника.

– Я слышал ваше имя, мистер Холмс, но оно меня не испугало, – сказал он. – Когда совесть у человека чиста, ему нечего бояться. Что вам нужно в моем доме?

– Мы здесь, чтобы узнать, что вы сделали с леди Фрэнсис Карфэкс, которую привезли с собой из Бадена.

– Я буду вам чрезвычайно признателен, если сообщите, где она сейчас находится, – спокойно возразил Питерс. – Она задолжала мне около ста фунтов, а в задаток оставила пару безвкусных подвесок с поддельными камнями, которые в ломбарде отказались принять даже по минимуму. Я действительно жил в Бадене под другим именем. Леди Фрэнсис привязалась к нам с миссис Питерс и решила ехать с нами в Лондон. А здесь она неожиданно исчезла, оставив в счет долга – за то, что я оплатил ее счет в гостинице и ее проезд, – какие-то старомодные украшения. Поэтому, как я вам уже говорил, мистер Холмс, если вы ее найдете, вы меня чрезвычайно обяжете.

– Непременно, – сказал Холмс. – Я буду искать ее в этом доме до тех пор, пока не найду.

– У вас есть на это ордер?

Холмс показал Питерсу пистолет и снова сунул его в карман.

– Придется вам пока удовлетвориться этим!

– Да вы просто бандит!

– Пусть будет так, – рассмеялся Холмс. – И учтите, мой спутник не менее опасный головорез. Мы с ним начинаем обыск.

Питерс выглянул в прихожую.

– Энни, вызывай полицию!

За дверью раздалось шуршание юбок, парадная дверь отворилась и вновь захлопнулась.

– Не будем медлить, Ватсон, – сказал Холмс. – Начнем! И не вздумайте нам мешать, Питерс, иначе пожалеете. Где гроб, который вам сегодня доставили?

– Зачем вам гроб? Он занят! В нем покойница.

– Мы должны его осмотреть.

– Ни за что! Я не позволю!

– Что же, обойдемся без вашего позволения. – Холмс резко оттолкнул Питерса и вышел в холл. Прямо перед нами была приоткрытая дверь, ведущая в столовую. Мы вошли в нее и увидели, что под тускло горящими рождками газовой люстры на столе стоит гроб. Холмс прибавил света и поднял крышку. На дне глубокого гроба покоилось жалкое, иссохшее существо со старым сморщенным лицом. Ни болезнь, ни голод, никакие самые жестокие истязания не могли бы превратить все еще красивую и яркую женщину, какой была леди Фрэнсис, в эту старую развалину. Изумление на лице Холмса сменилось радостью.

– Слава Богу! – воскликнул он. – Это не она!

– Да, вы жестоко ошиблись, мистер Холмс, – удовлетворенно произнес Питерс, который вошел в столовую следом за нами.

– Кто эта женщина?

– Могу рассказать, если вам интересно. Это Роза Спенсер, старая няня моей жены. Мы взяли ее из Бригстонской богадельни, привезли сюда, пригласили доктора Хорсома. Он живет на Фирбэнк-Виллас, тринадцать; кстати, не забудьте записать, мистер Холмс, – ехидно заметил он. – Мы окружили ее заботой, как велел нам наш христианский долг. Но, к сожалению, на третий день она скончалась. В свидетельстве о смерти написано: от «старческого маразма», но ведь это всего лишь мнение врача. Вам, великий мистер Холмс, – продолжал он с издевкой, –

разумеется, истинная причина ее смерти известна лучше, чем кому бы то ни было! Мы обратились в фирму «Стимсон и К°» на Кеннингтон-роуд, похороны состоятся завтра в восемь часов утра. И попробуйте придраться хоть к чему-нибудь! Вам ничего не остается, мистер Холмс, как признать, что вы оказались в дураках. Я с большим удовольствием сфотографировал бы вашу физиономию, когда вы так яростно ринулись к гробу и вместо леди Фрэнсис нашли в нем убогую девяностолетнюю старушку!

Холмс сохранил свое обычное спокойствие под градом насмешек, которые обрушил на него Питерс. Но кулаки его гневно сжались.

– Я продолжаю обыск.

– Ну, это мы еще посмотрим! – прорычал Питерс.

В это время в прихожей послышался женский голос, и раздались тяжелые шаги.

– Сюда, господа! – позвал Питерс. – Эти люди силой ворвались в мой дом, и я никак не могу заставить их покинуть его. Прошу вас, помогите мне!

Сержант и констебль появились на пороге столовой. Холмс достал из бумажника визитную карточку.

– Вот мое имя и адрес. А это мой друг – доктор Ватсон.

– Что вы, сэр, зачем нам ваша карточка, мы достаточно хорошо вас знаем! – сказал сержант. – Но все-таки без ордера вы оставаться здесь не можете.

– Знаю, что нельзя.

– Арестуйте его! – потребовал Питерс.

– Мы знаем, где найти этого джентльмена, если он нам понадобится, – ответил на это сержант. – Но все-таки мы вынуждены просить вас, мистер Холмс, покинуть этот дом.

– Да, Ватсон, нам придется уйти.

Через минуту мы снова были на улице. Я весь пылал от гнева и унижения, а Холмс казался, как всегда, спокоен. Следом вышел сержант.

– Вы уж извините, мистер Холмс. Ничего не поделаешь – закон.

– Все правильно, сержант, вы не могли поступить иначе.

– Я понимаю, конечно, вы туда не пришли бы без веских оснований. Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

– Пропала женщина, сержант, и есть подозрение, что ее скрывают в этом доме. С минуты на минуту мне должны доставить ордер.

– Не волнуйтесь, мистер Холмс, я с них глаз не спущу и, если что, сразу же дам вам знать.

Было только девять часов, и мы с Холмсом, не теряя ни минуты, продолжили поиск. Первым делом мы направились в Брикстонскую богадельню. Здесь нам сообщили, что несколько дней назад к ним пришла супружеская пара, пожелавшая взять к себе впадшую в детство старуху, которая, по их словам, когда-то была у них в услужении. Получив разрешение, они увезли ее домой. Когда мы сообщили, что старуха умерла, никто в богадельне не удивился.

Следующий наш визит мы нанесли доктору Хорсому. Он рассказал, что накануне днем его вызвали к больной. Как он установил, она умирала от старческой слабости, и случилось это буквально у него на глазах. Он составил свидетельство о смерти по всей форме и подписал.

– Я уверяю вас, смерть этой женщины была абсолютно естественной, и оснований для каких-либо подозрений просто не существует, – заверил он.

Ничего необычного в том доме он не заметил; единственное, что показалось немного странным, это отсутствие прислуги у людей с довольно высоким достатком. И это все, что удалось нам узнать от доктора Хорсома.

День поисков мы завершили в Скотланд-Ярде. Оказалось, что при оформлении ордера возникли какие-то трудности, дело затянулось, и подпись судьи можно будет получить только утром. Холмсу было предложено зайти завтра к девяти, а затем уже поехать с инспектором Лестрейдом и присутствовать при аресте.

На этом и закончился насыщенный событиями день. Правда, около полуночи зашел наш приятель-сержант, который сообщил, что в темных окнах дома на Полтни-сквер несколько раз мелькал какой-то свет, но ни кто в него не входил и не выходил. Мы решили набраться терпения и ждать утра.

Шерлок Холмс был настолько расстроен и взволнован, что не пожелал ни вести беседу, ни лечь спать. Я ушел к себе, а он остался в гостиной. Сдвинув темные густые брови, он сидел в своем кресле, нервно барабанил по его ручке длинными пальцами, курил одну сигарету за другой и искал, мучительно искал разгадку страшной тайны. Ночью я периодически слышал его шаги. Утром, когда я уже умывался, он ворвался ко мне в комнату бледный, с ввалившимися щеками. Весь его вид говорил о том, что он ни на миг не сомкнул глаз.

– Как я мог упустить из виду, что похороны в восемь! Сейчас двадцать минут восьмого! – вскричал он. – Куда девался разум, который Господь вложил в мою голову? Скорей, Ватсон, нам нужно спешить! Ведь в эти минуты решается – жизнь или смерть; и сто против одного за смерть! Мы не имеем права опаздывать, иначе я никогда себе этого не прощу!

Уже через пять минут мы мчались в кебе по Бейкер-стрит. Когда мы подъезжали к парламенту, Биг-Бен показывал без двадцати пяти минут восемь, а на углу Брикстон-роуд стрелка вообще подошла к цифре восемь! Однако мы оказались не единственными опоздавшими. В восемь часов десять минут кебмен осадил взмыленную лошадь возле крыльца, у которого все еще стоял, видимо, опоздавший катафалк, а из двери трое рабочих выносили гроб. Холмс кинулся вперед и преградил им путь.

– Стойте! – закричал он, упершись рукой в грудь одного из носильщиков. – Немедленно занесите гроб обратно в дом!

– Какого дьявола вам здесь нужно?! Сейчас же предъявите ваш ордер! – взревел из холла багровый от злости Питерс.

– Ордер подписан, и пока его не доставят сюда, гроб останется в доме!

Властный голос и грозный вид Холмса произвел на людей впечатление. Питерс незаметно юркнул в какую-то дверь, а рабочие понесли гроб обратно.

– Скорей, Ватсон! Мы не должны терять время! Вот отвертка! – возбужденно командовал Холмс. – Вы тоже берите отвертки, – обратился он к рабочим. – Если через минуту крышка будет сорвана, получите соверен, друзья. Никаких вопросов! Быстрее, быстрее! Так, хорошо! Выкручивайте последний шуруп. Теперь все вместе – взяли! Еще чуть-чуть... Ну, наконец-то!

Мы с трудом сорвали крышку, и в тот же миг почувствовали резкий, тяжелый запах хлороформа. Там, где находилась голова покойницы, лежал толстый слой ваты, пропитанной наркотиком. Холмс сбросил ее, и нам открылось прекрасное тонкое лицо еще довольно молодой женщины, которой на вид было не больше сорока лет. Холмс обхватил ее за плечи и посадил.

– Она жива, Ватсон? Неужели мы опоздали?! – в отчаянии вскричал он. – Неужели все кончено?!

В течение получаса мне казалось, что все действительно кончено, все наши усилия напрасны, а недостаток воздуха и ядовитые пары хлороформа задушили последнюю искру жизни. Мы впрыскивали ей эфир, делали искусственное дыхание и вообще все то, что предписывает в подобных случаях современная медицина. И вдруг – о, чудо! – веки ее слабо дрогнули, а поднесенное к губам зеркало засвидетельствовало, что жизнь возвращалась!

У крыльца остановился кеб. Приподняв штору, Холмс выглянул из окна.

– Прибыл Лестрейд с ордером, – сказал он. – Только негодяи уже ускользнули... А вот, – продолжал он, прислушиваясь к быстрым шагам по коридору, – явившийся с ним человек, несомненно, поможет леди Фрэнсис больше, чем мы. Здравствуйтесь, мистер Грин! Чем быстрее мы увезем отсюда леди Фрэнсис, тем лучше. А похороны пусть идут своим чередом, только теперь эта бедная старушка, которая все еще лежит на дне гроба, совершит свой последний путь в одиночестве.

* * *

– Мой дорогой Ватсон, – говорил мне в тот вечер Холмс, – если вы захотите включить этот эпизод в свою хронику, приведите его, как пример того, что даже самый трезвый ум может поразить временное затмение. Ни один смертный не застрахован от подобных промахов, но уважения достоин тот, кто способен вовремя понять и исправить эти промахи. Мне кажется, я вправе отнести себя к их числу. Всю ночь мне не давала покоя мысль, что я упускаю какую-то деталь, которой не придавал первоначально должного значения, что-то не совсем обычное, какое-то слово или действие... И только перед самым рассветом я вспомнил – ответ жены гробовщика! Она сказала: «Ведь работа выполнялась по особому заказу, вот и произошла задержка». Ведь это она говорила о гробе, который делали по особому заказу. И мы видели, что у него особые размеры. Но зачем? Какая в этом необходимость? И тогда я как будто снова увидел высокие стенки гроба и на самом дне его маленькую жалкую фигурку старушки. Зачем для такого маленького трупа заказали такой большой гроб? И тут я понял: да чтобы в нем хватило места еще для одного покойника! И обоих похоронят по одному свидетельству. Все это я должен был понять сразу же, как только увидел этот гроб, но я как будто ослеп! В восемь часов леди Фрэнсис в гробу положат на катафалк – и все будет кончено. Остается единственная надежда – задержать гроб, пока его не вынесли из дому. Предположение, что она еще жива, было почти нереальным, но именно оно и спасло ее. Насколько мне известно, эти мошенники никогда не совершали убийства. Я чувствовал, что и сейчас они не решатся на него. Они похоронят леди Фрэнсис и не оставят никаких улик, по которым можно было бы установить истинную причину ее смерти. И даже если впоследствии будет проведена эксгумация, у них все-таки будет шанс уйти от ответственности. Я надеялся, что именно этими соображениями они руководствовались. Ну, а что было дальше, вы знаете, и видели тот страшный чердак, где негодяи держали бедняжку. Сегодня утром они ворвались к ней, усыпили хлороформом, отнесли вниз и уложили в гроб. А сверху на голову положили пропитанную хлороформом вату, чтобы она не проснулась, и завинтили крышку. Гениальный план! Ничего подобного не только в своей практике, но и вообще в истории преступлений я еще не встречал. Если нашим приятелям – экс-миссионеру и его супруге – удалось ускользнуть от Лестрейда, мы еще не раз услышим о новых, совершенных ими виртуозных преступлениях.

Нога дьявола

Запечатлевая время от времени кое-какие любопытные случаи и интересные воспоминания, касающиеся моей долгой и тесной дружбы с мистером Шерлоком Холмсом, я постоянно сталкиваюсь с трудностями из-за его отвращения к газетной шумихе. Его мрачный и саркастичный дух всегда чурался всеобщей хвалы, и после успешного завершения дела его особенно забавляло предоставить разоблачение преступника какому-нибудь официальному блюстителю закона и с насмешливой улыбкой следить за восторженными поздравлениями не по тому адресу.

Именно эта позиция моего друга, а вовсе не отсутствие интересного материала, вынуждала меня в последние годы предлагать вниманию публики лишь самую скудную часть моих воспоминаний. Мое участие в некоторых его приключениях было привилегией, обязывавшей меня к сдержанности и тактичности.

И потому я был крайне удивлен, получив в прошлый четверг телеграмму от Холмса следующего содержания: «Почему бы не рассказать им про «Корнуэльский ужас», самое странное из моих дел?»

Я понятия не имею, какой спазм памяти обратил его мысли к этому делу, и какой каприз заставил его пожелать, чтобы я о нем поведал. Но до того, как может прийти новая, теперь запрещающая телеграмма, я спешу отыскать заметки, которые обеспечат точность деталей этого дела, чтобы незамедлительно предложить моим читателям рассказ о нем.

Весной 1897 года железный организм Холмса словно бы надломился из-за непрерывной напряженной работы, забиравшей все его силы, а также, возможно, из-за некоторых уступок кое-каким его слабостям. В марте того года доктор Мур Эйгар с Гарвей-стрит, о чьем драматичном знакомстве с Холмсом я, быть может, расскажу в другой раз, категорически потребовал, чтобы знаменитый частный детектив, отложив свои розыски, обрек себя на полный покой и отдых, если он хочет избежать окончательного нервного расстройства. Состояние своего здоровья никогда Холмса не заботило, так как умственная деятельность была для него абсолютной, однако под угрозой навсегда лишиться работоспособности он согласился полностью переменить обстановку. Вот почему в начале весны того года мы оказались в маленьком коттедже вблизи бухты Полди на самой оконечности Корнуэльского полуострова.

Это необычное место удивительно отвечало гнетущей мрачности моего пациента. Из окон нашего беленого домика наверху заросшего травой мыса открывался вид на весь зловещий полукруг Маунтс-Бэй, в старину смертельной ловушки для парусных судов, обрамленной черными обрывами над рифами в кипящих бурунах, где нашло свой конец несчетное количество моряков. При северном ветре бухта выглядит маняще тихой и укрытой, привлекая гонимый бурей корабль свернуть в нее для отдыха и защиты.

И тут – перемена направления ветра, ураган с юго-запада, сорванный якорь, подветренный берег, и последний бой в клокочущей пене бурунов. Опытный моряк обходит далеко стороной это гиблое место.

Со стороны суши окрестности выглядели не менее угрюмо, чем море. Это край вересковых холмов, пустынный, бурых оттенков, и лишь редкие колокольни кое-где указывают местоположение патриархальных деревушек. Повсюду верески хранят следы давно исчезнувшего племени, которое кануло в небытие, оставив в качестве единственной своей летописи странные каменные сооружения, прихотливые насыпи, укрывающие пепел мертвецов, и еще любопытнейшие земляные валы, наводящие на мысль о доисторических неурядицах. Магическая таинственность этих мест, зловещие отголоски забытых народов дразнили воображение моего друга, и большую часть времени он проводил в одиноких прогулках по верескам, предаваясь размышлениям. Древний корнуэльский язык также занимал его внимание, и, помню, он при-

шел к выводу, что язык этот родственен халдейскому и был, по сути, заимствован у финикийских торговцев, приплывавших сюда за оловом. Он выписал из библиотек ряд филологических книг и занялся развитием этой идеи. Вдруг, к моему огорчению и к его нескрываемому восторгу, мы даже в этом приюте грез оказались втянутыми в решение проблемы более острой, более интригующей и, несомненно, куда более таинственной, чем любая из тех, что понудили нас покинуть Лондон. Наша простая жизнь и мирный здоровый распорядок дня были беспощадно нарушены, мы оказались ввергнуты в самую гущу череды событий, которые взбудоражили не только Корнуэлл, но и всю Западную Англию. Многие мои читатели, быть может, сохранили воспоминания о том, что тогда называли «Корнуэльским ужасом», хотя сведения, публиковавшиеся лондонской прессой, оставляли желать много лучшего. Теперь, тринадцать лет спустя, я сообщу публике истинные подробности этого невообразимого дела.

Я уже упомянул, что высившиеся там и сям колокольни указывали местоположение деревень, разбросанных в этой части Корнуэлла. Ближайшей из них была Треданник-Уоллес, где коттеджи двухсот ее обитателей лепились вокруг древней замшелой церкви. Приходской священник мистер Раундхэй был чем-то вроде археолога-любителя, и по этой причине Холмс свел с ним знакомство. Он был человеком в годах, дородным, благодушным и обладал большим запасом местного фольклора. Мистер Раундхэй пригласил нас на чай, и так мы познакомились еще и с мистером Мортимером Тридженнисом, состоятельным джентльменом, который пополнял скудный доход священника, сняв комнаты в его обширном доме довольно нелепой планировки. Священник, холостяк, был очень доволен таким положением вещей, хотя у него было очень мало общего с его жильцом, худым, смуглым, в очках и настолько сгорбленным, что сутулость эта смахивала на горб. Помнится, во время нашего краткого визита священник говорил, почти не умолкая, но его жилец выглядел странно замкнутым в себе, угнетенным. Он сидел, отведя глаза в сторону, будто тоскливо раздумывал о собственных делах.

Вот эти два человека во вторник 16 марта внезапно вошли в нашу маленькую гостиную, когда мы только-только кончили завтракать и покуривали, готовясь к нашей обычной прогулке по верескам.

– Мистер Холмс, – сказал священник взволнованным голосом, – ночью произошло нечто необычайное и трагическое. Нечто неслыханное. Поистине, это рука Провидения, что вы оказались здесь именно сейчас, единственный, кто во всей Англии способен нам помочь.

Я просверлил настырного священника не слишком дружественным взглядом, но Холмс вынул трубку из рта и выпрямился в кресле, будто старый гончий пес, услышавший сигнал, что лисица вспугнута. Он указал на диван, и наш задыхающийся визитер и его взволнованный спутник опустились на диван бок о бок. Мистер Мортимер Тридженнис сохранял власть над собой больше, чем священник, но подергивание его худых рук и блеск в его темных глазах доказывали, что его булбурют такие же чувства.

– Я расскажу или вы? – спросил он священника.

– Ну, поскольку открытие, в чем бы оно ни заключалось, сделали вы, а его преподобию оно известно, так сказать, понаслышке, пожалуй, рассказывать лучше вам, – сказал Холмс.

Я перевел взгляд с кое-как одетого священника на элегантный костюм его жильца, и меня позабавило отразившееся на их лицах изумление, вызванное такой простенькой дедукцией моего друга.

– Быть может, мне следует сначала кое-что объяснить, – сказал священник, – и тогда вы сможете решить, выслушаете ли вы подробности из уст мистера Тридженниса, или же нам необходимо поспешить к месту этого загадочного происшествия. Так вот, наш присутствующий здесь друг провел прошлый вечер в обществе двух своих братьев Оуэна и Джорджа и своей сестры Бренды в Треданник-Уоллес, их доме неподалеку от старого каменного креста на пустоши. Он оставил их вскоре после десяти часов за игрой в карты вокруг обеденного стола в полном здравии и отличном расположении духа. Нынче утром, привыкнув вставать

рано, он до завтрака отправился прогуляться в том направлении, и его нагнал экипаж доктора Ричардса, и тот объяснил, что едет в Треданник-Уоллес по срочнейшему вызову. Мистер Мортимер Тридженнис, разумеется, поехал с ним. На месте он обнаружил нечто страшное и необъяснимое. Два его брата и сестра сидели вокруг стола совершенно так, как когда он с ними расстался. Карты все так же были разложены перед ними, а свечи в подсвечниках полностью сгорели. Сестра, бездыханная, откинулась на спинку кресла, а братья сидели справа и слева от нее, хохоча, вопя и распевая, несомненно, лишившись рассудка. Все трое, покойница и двое безумцев, хранили на лицах выражение невероятного ужаса – застывшая гримаса страха, на которую было жутко смотреть. В доме не было признаков присутствия кого-либо, кроме миссис Поттер, старой кухарки, она же экономка, которая объяснила, что всю ночь крепко спала и не слышала ни звука. Ничего не украдено, ни малейшего беспорядка и ни малейшего намека на то, какой ужас мог убить женщину, а двух крепких мужчин свести с ума.

Таково вкратце положение вещей, мистер Холмс, и если вы поможете нам разобраться в нем, то совершите поистине благое дело.

До этой минуты я еще надеялся, что каким-то образом мне удастся убедить моего друга не отказываться от тихой упорядоченной жизни, ради которой мы и поселились тут. Однако одного взгляда на его сосредоточенное лицо и сдвинутые брови было достаточно, чтобы понять тщету этой надежды. Некоторое время он сидел молча, поглощенный этой загадочной драмой, которая смутила наш покой.

– Я займусь этим случаем, – сказал он наконец. – На первый взгляд дело выглядит исключительным. Вы сами побывали там, мистер Раундхей?

– Нет, мистер Холмс. Мистер Тридженнис рассказал мне о случившемся, вернувшись в мой дом, и я сразу поспешил посоветоваться с вами.

– Как далеко до дома, где произошла эта необычная трагедия?

– Примерно миля от берега.

– Ну, так мы пойдем туда вместе. Но прежде я должен задать вам несколько вопросов, мистер Мортимер Тридженнис.

Тот все это время хранил молчание, но я заметил, что его лучше контролируемое волнение превосходило нескрываемое возбуждение священника. Он сидел, устремив тревожный взгляд на Холмса, его бледные щеки опали, худые пальцы были судорожно переплетены. Побелевшие губы вздрагивали, пока он слушал жуткие подробности страшного несчастья, постигшего его близких, а его темные глаза словно хранили отражение ужаса произошедшего.

– Спрашивайте, о чем хотите, мистер Холмс, – сказал он торопливо. – Тягостно говорить об этом, но я скажу вам всю правду.

– Расскажите мне про вчерашний вечер.

– Что же, мистер Холмс, я поужинал там, как упомянул преподобный, и мой старший брат Джордж предложил затем партию в вист. Мы сели играть примерно в девять часов. Я ушел в четверть одиннадцатого, оставив их весело играть.

– Кто вас проводил?

– Миссис Поттер уже легла, а потому я сам открыл входную дверь и закрыл ее за собой. Окно комнаты, где они сидели, было закрыто, но штора не опущена. Утром дверь и окно были по-прежнему закрыты, и нет причин полагать, что в дом проник кто-то посторонний. Тем не менее, они сидели там, помешавшись от ужаса, а Бренда лежала мертвая, ее голова свешивалась с ручки кресла. То, что я увидел там, будет жить в моей памяти до конца моих дней.

– Факты, вами изложенные, бесспорно, поразительны, – сказал Холмс. – Насколько понимаю, у вас нет никакой теории, объясняющей случившееся?

– Нечто дьявольское, мистер Холмс, дьявольское! – вскричал Мортимер Тридженнис. – Нечто потустороннее. Что-то проникло в эту комнату и погасило свет их разума. Какое человеческое средство могло бы сотворить подобное?

– Боюсь, – сказал Холмс, – если действовало нечеловеческое начало, то дело не по силам и мне. Тем не менее, мы должны перебрать и отбросить все естественные объяснения, прежде чем принять подобную теорию. Что до вас, мистер Тридженнис, я полагаю, вы были в каком-то разладе с вашими братьями и сестрой, раз они жили вместе, а вы снимаете комнаты?

– Именно так, мистер Холмс, хотя дело прошлое, и все уладилось. Мы владели семейным оловянным рудником в Редруте, но продали его одной компании и могли жить в полном достатке. Не отрицаю, возникли разногласия, как поделить деньги, что привело к некоторому отчуждению. Но все было прощено и забыто, и мы вновь стали наилучшими друзьями.

– Вспоминая проведенный с ними вечер, вы не находите ничего, что могло бы пролить свет на эту трагедию? Подумайте хорошенько, мистер Тридженнис, нет ли подробности, которая могла бы помочь мне.

– Абсолютно ничего, сэр.

– Ваши родные были в обычном настроении?

– Превосходнейшем.

– Они не были склонны к нервозности? Никогда не проявляли страха перед воображаемой опасностью?

– Ничего подобного.

– Следовательно, полезного мне добавить вы ничего не можете?

Мортимер Тридженнис на минуту серьезно задумался.

– Пожалуй, кое-что мне припомнилось, – сказал он наконец. – За столом я сидел спиной к окну, а Джордж, мой партнер, лицом к нему. Я заметил, что он сосредоточенно смотрит через мое плечо. А потому обернулся и тоже поглядел. Штора была поднята, окно закрыто, но я различил кусты по ту сторону газона, и на миг мне почудилось, будто между ними что-то движется. Я даже не мог бы сказать, человек это был или животное, но у меня мелькнула мысль, что там кто-то есть. Я спросил Джорджа, на что он смотрит, а он ответил, что у него возникло такое же ощущение, как у меня. Вот и все, что я могу добавить.

– Вы не пошли посмотреть?

– Нет. Сочли это не стоящим внимания пустяком.

– Следовательно, вы расстались с ними без каких-либо дурных предчувствий?

– Без малейших.

– Мне не вполне ясно, каким образом вы узнали о случившемся так рано поутру.

– Я просыпаюсь очень рано и обычно прогуливаюсь перед завтраком. Нынче утром я только-только вышел из дома, когда меня нагнал доктор в своем экипаже. Он сказал мне, что старая миссис Поттер прислала за ним мальчишку с просьбой приехать незамедлительно. Я прыгнул на сиденье рядом с ним, и мы покатались. Там мы заглянули в эту жуткую комнату.

Свечи и огонь в камине, видимо, догорели и погасли сами собой уже давно, и они сидели в темноте, пока не занялся рассвет. Доктор сказал, что Бренда умерла, по меньшей мере, шесть часов назад. Никаких признаков насилия. Она просто лежала поперек ручки кресла с этим выражением на лице. Джордж и Оуэн распевали отрывки песен и бормотали невнятицу, точно пара больших обезьян. Смотреть на это было ужасно! Не знаю, как я выдержал, а доктор стал белее полотна. Он прямо-таки рухнул в кресло почти в обмороке. Мы уж подумали, не пришел ли конец и ему.

– Поразительно, просто поразительно! – сказал Холмс, вставая и беря шляпу. – Пожалуй, Ватсон, нам лучше пойти в Треданник-Уоллес без промедления. Признаюсь, мне редко выпадали дела, которые сразу же ставили передо мной столь необычную проблему.

В это первое утро наши розыски не сдвинулись с места, но с самого начала его отметило происшествие, произведшее на меня самое злое впечатление. К месту трагедии вел узкий извилистый проселок. Пока мы шли по нему, слышался стук приближающейся кареты, и мы остановились, чтобы пропустить ее. Когда она проезжала мимо, я увидел за плотно закрытым окошком жутко искаженное, ухмыляющееся лицо, злобно пялящееся на нас. Эти выпученные глаза и скрежещущие зубы промелькнули мимо нас, будто в кошмаре.

– Мои братья! – вскричал Мортимер Тридженнис, побелев до самых губ. – Их увозят в Хелстон!

Мы с ужасом уставились вслед черной карете, продолжающей, гроыхая, свой путь. Затем мы направили наши стопы к злополучному дому. Он оказался большим и светлым, более походил на виллу, чем на коттедж, с обширным садом, благодаря корнуэльскому климату уже полному распустившимися весенними цветами. Окно гостиной было обращено на этот сад, и из него, согласно словам Мортимера Тридженниса, вышло воплощение зла и силой ужаса в мгновение ока помutilо рассудки братьев. Прежде чем мы поднялись на крыльцо, Холмс неторопливо и задумчиво прошел между клумбами и по дорожке. Помнится, он был так поглощен своими мыслями, что споткнулся о лейку, выплеснул ее содержимое и облил как наши ноги, так и дорожку. В доме нас встретила пожилая экономка, уроженка здешнего края миссис Поттер, которая с помощью молоденькой девушки заботилась обо всех нуждах семьи. Она с готовностью отвечала на все вопросы Холмса. Ночью она ничего не слышала. Хозяева последние время были в самом хорошем настроении, такими бодрыми и всем довольными миссис Поттер их еще никогда не видела. Она упала в обморок от ужаса, когда утром вошла в гостиную и увидела это жуткое общество за столом. Очнувшись, сразу распахнула окно, чтобы впустить свежий утренний воздух, побежала к проселку и послала мальчишку с фермы за доктором. Четверо мужчин еле усадили братьев в приютскую карету. А сама она тут больше ни одного дня не останется и еще до вечера уедет к родным в Сент-Айвс.

Мы поднялись вверх и осмотрели покойницу. Мисс Бренда Тридженнис, несомненно, была очень красивой девушкой, хотя теперь уже и не первой молодости. Ее смуглое, с правильными чертами лицо оставалось прекрасным даже после смерти, но все еще в нем сохранялось что-то от судороги ужаса – ее последнего живого чувства. Из ее спальни мы спустились в гостиную и, собственно, увидели сцену этой загадочной трагедии. Каминную решетку усыпала зола вчерашнего огня. На столе – четыре подсвечника с остатками расплавленных огарков и разбросанные карты. Кресла отодвинуты к стенам, но все остальное оставалось таким же, каким было накануне вечером. Холмс прошелся по комнате быстрым легким шагом; посидел в разных креслах, придвинул их к столу, воссоздав их прежнее расположение. Он проверил, какая часть сада была видна из окна, обследовал пол, потолок и камин; однако я ни разу не заметил внезапного блеска в его глазах и крепкого сжатия губ – свидетельства, что он заметил лучик света в этой полной тьме.

– Почему топили камин? – задал он вопрос. – Они всегда топили камин в этой маленькой комнате в весенние вечера?

Мортимер Тридженнис объяснил, что вечер был холодный и сырой. По этой причине после его прихода затопили камин.

– Что вы намерены делать теперь, мистер Холмс? – спросил он.

Мой друг улыбнулся и положил руку мне на локоть.

– Думаю, Ватсон, что я уступлю пристрастию к самоотравлению табаком, которое вы так часто и так справедливо осуждаете, – сказал он. – С вашего разрешения, джентльмены, мы теперь вернемся в наш коттедж, так как, полагаю, здесь вряд ли можно найти что-либо еще. Я обдумываю факты, мистер Тридженнис, и если приду к какому-то выводу, то, разумеется, свяжусь с вами и с его преподобием. А пока позвольте пожелать вам доброго утра.

После того как мы вернулись в коттедж Полду, прошло еще много времени, прежде чем Холмс нарушил свое абсолютное и сосредоточенное молчание. Он сидел, свернувшись в кресле, его худое аскетическое лицо было еле различимо за сизыми клубами табачного дыма. Черные брови были сдвинуты, лоб нахмурен, глаза ничего не выражали и смотрели в никуда. Наконец он положил трубку и вскочил на ноги.

– Так не годится, Ватсон, – сказал он со смехом. – Лучше прогуляемся над обрывами и поищем кремневые наконечники для стрел. Куда вероятнее, что мы найдем их, чем ключ к этой загадке. Позволить мозгу трудиться без достаточной пищи равносильно тому, чтобы разогнать машину до сверхоборотов. Она разнесет тебя в куски. Морской воздух, солнечный свет и терпение, Ватсон. Все остальное приложится...

– Теперь давайте спокойно определим нашу позицию, Ватсон, – продолжал он, когда мы зашагали рядом вдоль обрыва. – Давайте подтвержде ухватим то, что у нас есть, чтобы, когда появятся новые факты, мы могли бы для каждого найти его место. Думаю, во-первых, мы отбросим вмешательство дьявола в людские дела, и начнем с того, что исключим эту гипотезу из наших мыслей. Отлично. Остаются трое трагически пострадавших от какого-то сознательного или лишенного сознания, но человеческого фактора. Тут мы прочно стоим на земле. Теперь... Когда это произошло? Очевидно, если исходить из того, что его рассказ правдив, сразу же после того, как мистер Мортимер Тридженнис покинул комнату. Это крайне важный пункт. Предположительно произошло это на протяжении нескольких последующих минут. Карты все еще лежали на столе. Час был более поздний, чем они обычно отправлялись спать. И все-таки они не изменили поз, не отодвинули кресла. И я повторяю: произошло это немедленно после его ухода и не позднее одиннадцати часов прошлой ночи.

– Следующий наш очевидный шаг, – продолжал Холмс, – проверить, насколько возможно, дальнейшее поведение Мортимера Тридженниса после того, как он покинул гостиную. Тут как будто никаких трудностей нет, и оно выглядит выше всяких подозрений. Прекрасно зная мои методы, вы, конечно, обратили внимание на несколько неуклюжее опрокидывание лейки, позволившее мне получить более четкий отпечаток его подошв, – ведь иного способа не было. Мокрый песок дорожки превосходно их запечатлел. К тому же, не забудьте, вчерашняя ночь была сырой, и было несложно, заручившись образчиком его следов, проследить его передвижения. Он, видимо, быстрым шагом удалился к дому священника.

Если, следовательно, Мортимер Тридженнис сошел со сцены и все-таки некто посторонний погубил игравших в карты, как мне восстановить облик этого некто, и каким образом ему удалось внушить подобный ужас? Миссис Поттер можно исключить. Она явно совершенно безобидна. Есть ли какие-либо признаки, что кто-то подкрался из сада к окну и сумел создать эффект столь ужасающий, что зрелище ввергло в безумие увидевших его? Единственный намек в этом направлении исходит от самого Мортимера Тридженниса, по словам которого, его брат упомянул про какое-то движение в саду. Это, бесспорно, примечательно, поскольку ночь была дождливая, пасмурная и темная. Всякий, кто хотел бы напугать этих людей, был бы вынужден прижать лицо к оконному стеклу, чтобы его увидели. Под окном цветочный бордюр шириной в три фута, но никаких следов на нем нет. И трудно вообразить, каким образом кто-

то снаружи мог бы произвести столь жуткое впечатление на сидящих внутри. И мы не нашли никакого возможного мотива для столь необычного и тщательного покушения. Я определил наши трудности, Ватсон?

– Они более чем ясны, – убежденно ответил я.

– И все же, будь у нас чуть больше данных, мы могли бы доказать, что они не непреодолимы, – продолжал Холмс. – Думается, в вашем обширнейшем архиве, Ватсон, найдутся дела почти столь же загадочные. А теперь отложим это, пока не получим в свое распоряжение более точные факты, и посвятим остатки утра погоне за неолитическим человеком.

Возможно, я упоминал про способность моего друга умственно отключаться, но никогда еще я не удивлялся ей сильнее, чем в то весеннее утро в Корнуэлле, когда на протяжении двух часов он рассуждал о кельтах, о наконечниках для стрел и черепках с такой беззаботностью, словно зловещая тайна не ожидала своей разгадки. И только, когда мы вернулись днем в наш коттедж и нашли ожидавшего нас там посетителя, он быстро возвратил наши мысли к неразгаданному делу. Ни моего друга, ни меня не было нужды осведомлять, кто был наш неожиданный гость. Крупная фигура, рубленое лицо в глубоких морщинах, с яростными глазами и орлиным носом, седая шевелюра, почти задевавшая потолок нашего коттеджа, борода – золотистая по краям, а вокруг губ совсем белая, если не считать никотиновых пятен от неизменной сигары... Эта внешность была не менее известна в Лондоне, чем в Африке, и принадлежать она могла только доктору Леону Стерндейлу, знаменитому охотнику на львов и путешественнику.

Мы слышали, что он живет где-то в округе, и порой видели на пустошах его высокую фигуру. Однако он не искал знакомства с нами, поскольку было известно, что любовь к одиночеству побуждала его большую часть времени между путешествиями проводить в маленьком бунгало в лесу Бичем-Арриенса. Там среди своих книг он вел строго затворническую жизнь, сам заботясь о своих скромных нуждах и, видимо, не проявляя ни малейшего интереса к делам своих соседей. Поэтому я очень удивился, когда он с настойчивостью в голосе спросил Холмса, продвинулся ли он в объяснении этого таинственного случая.

– Полиция графства в полном тупике, – сказал он. – Но, быть может, вы с вашим более широким опытом нашли какое-либо приемлемое объяснение? Мое единственное право задать вам такой доверительный вопрос заключается в том, что за время моих наездов сюда я близко сошелся с Тридженнисами. Собственно говоря, по линии моей матери, уроженки Корнуэлла, я даже могу считать их родственниками. Их странная судьба, естественно, явилась для меня большим ударом. Скажу даже, что я был уже в Плимуте, на пути в Африку, но, получив сегодня утром это известие, тут же вернулся, чтобы помочь расследованию.

Холмс поднял брови.

– И вы пропустили свой пароход?

– Отправляюсь следующим.

– Бог мой, вот это истинная дружба!

– Я же сказал вам, что они мои родственники.

– Да-да, со стороны вашей матери. А ваш багаж уже погружен на пароход?

– Частично. Но самое важное еще в отеле.

– Так-так. Но ведь эта новость никак не могла попасть в утренние плимутские газеты?

– Да, сэр. Я получил телеграмму.

– Могу я спросить, от кого?

По худому лицу путешественника скользнула тень.

– Вы очень любопытны, мистер Холмс.

– Это моя профессия.

С трудом доктор Стерндейл взял себя в руки.

– Собственно, у меня нет никаких возражений, – сказал он. – От мистера Раундхэя, здешнего священника. Телеграмму, вызвавшую меня назад, прислал он.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – На ваш первоначальный вопрос отвечаю, что я еще не составил полного мнения касательно этого дела, но у меня есть все основания полагать, что я сумею сделать необходимые выводы. Сказать что-либо еще было бы преждевременным.

– Может быть, вы не откажетесь ответить мне, есть ли у вас какие-либо подозрения?

– Нет, на этот вопрос я ответить не могу.

– Значит, я напрасно потратил мое время, и затягивать мой визит нет смысла.

Прославленный путешественник негодуя покинул наш коттедж, и не прошло и пяти минут, как Холмс последовал за ним. Я увидел его лишь вечером, когда он вернулся медленным шагом с усталым лицом, и я понял, что он не преуспел в своих розысках. Он пробежал глазами ожидавшую его телеграмму и бросил ее в камин.

– Из плимутского отеля, Ватсон, – сказал он. – Название я узнал от преподобного и про- телеграфировал проверить, что доктор Леон Стерндейл говорил правду. Видимо, он действительно прошлую ночь провел там и позволил части своего багажа уплыть в Африку, а сам вернулся, чтобы присутствовать при расследовании. Как вы это толкуете, Ватсон?

– Он заинтересован очень глубоко.

– Глубоко заинтересован – да. Тут есть ниточка, которую мы еще не ухватили, а она может помочь нам распутать весь клубок. Не унывайте, Ватсон, я совершенно уверен, что раздобыт еще не весь материал. А когда это произойдет, наши трудности, скорее всего, останутся позади.

Я никак не предполагал, что слова Холмса сбудутся так скоро или каким неожиданным и зловещим окажется новый поворот дела, который натолкнет нас на новое направление расследования. Утром я брился у своего окна, как вдруг услышал стук копыт, а поглядев, увидел мчащуюся по дороге двуколку. Она остановилась перед нашей дверью, с нее спрыгнул наш друг священник и во весь дух побежал через сад. Холмс был уже одет, и мы поспешили ему навстречу.

Наш гость был до того взволнован, что почти лишился дара речи, но затем, задыхаясь, он прерывисто изложил всю трагическую историю.

– Мы в лапах дьявола, мистер Холмс! Мой злополучный приход в лапах дьявола! – вскричал он. – Сам сатана бесчинствует тут! Мы преданы в его руки!

От волнения он дергался и подпрыгивал, и выглядел бы смешно, если бы не пепельно-бледное лицо и не испуганные глаза. Наконец он выкрикнул свою жуткую новость:

– Мистер Мортимер Тридженнис умер ночью с теми же симптомами, как у его братьев и сестры.

Холмс вскочил на ноги, мгновенно преобразившись в воплощение энергии.

– Уместимся мы все в вашей двуколке?

– Да, конечно.

– В таком случае, Ватсон, завтрак откладывается... Мистер Раундхэй, мы целиком в вашем распоряжении. Поторопимся, чтобы застать все как было.

Жилец занимал в доме священника две угловые комнаты, одну над другой. Нижняя была обширной гостиной, верхняя – его спальней. Окна выходили на травянистую крокетную площадку, граница которой находилась прямо под ними. Мы добрались туда прежде врача и полиции, так что все оставалось абсолютно нетронутым. Позвольте, я точно опишу представшее перед нами зрелище в то туманное мартовское утро. Зрелище это никогда не изгладится из моей памяти.

Воздух в комнате был ужасным и гнетуще душным. Служанка, первой вошедшая туда, открыла окно, не то дышать было бы вообще нечем. Отчасти это могло объясняться тем, что лампа на центральном столе горела неровным пламенем и чадила. Возле нее сидел мертвец, откинувшийся в кресле; его жидкая бородка торчала, очки были сдвинуты на лоб, а обращенное к окну лицо уродовало тот же спазм ужаса, что искажал в смерти черты его сестры. Руки застыли в судороге, а пальцы скрючились, словно умер он в пароксизме страха. Он был полностью одет, хотя возникало впечатление, что одевался он в большой спешке. Мы уже знали, что постель его была смята, и что трагический конец настиг его рано утром.

Кто угодно понял бы, какой вулкан энергии прячет флегматичная внешность Холмса, увидев, как он преобразился, едва войдя в роковую комнату. В мгновение ока он весь подбравшись, глаза сверкали, тело напряжилось. Он метнулся на газон, вернулся через окно, обошел комнату и взбежал в спальню... Ну, совсем будто гончая, напавшая на лисий след! В спальне он произвел быстрый осмотр и в заключение распахнул окно, которое словно дало ему новый повод для волнения, так как он наполовину высунулся наружу с громким возбужденным и радостным восклицанием. Затем ринулся вниз по лестнице и наружу через открытую дверь. Бросился ничком на лужайку, взвился на ноги и – снова назад в гостиную. Все это с азартом охотника, настигающего добычу. Лампу, обычную керосиновую, на высокой ножке, он исследовал с величайшим тщанием и сделал какие-то замеры ее резервуара. Он пристально рассматривал в лупу слюдяной экран над узким концом лампового стекла и соскоблил сажу, приставшую к нему, ссыпал ее в конверт, а конверт положил в свой бумажник. Наконец, как раз когда появились врач и полицейский чин, он сделал знак священнику, и мы втроем вышли на газон.

– Рад сказать, что мои розыски не оказались совсем бесплодными, – сказал он. – Не могу остаться, чтобы обсудить их с полицией, но я был бы чрезвычайно обязан, мистер Раундхэй, если бы вы передали инспектору мой поклон и обратили бы его внимание на окно спальни и лампу в гостиной. Они наводят на мысли, а вместе на практически неопровержимый вывод. Если полиция пожелает получить дополнительные сведения, я буду счастлив увидеть любого из них в нашем коттедже. А теперь, Ватсон, полагаю, что, пожалуй, нам следует заняться чем-либо другим где-нибудь еще.

То ли полиция была против вмешательства дилетанта, то ли они воображали, будто нашли собственные улики, но точно одно: следующие два дня мы ничего о них не слышали. В течение этого срока Холмс проводил время, покуривая и размышляя в коттедже, но чаще уходил на пустоши и гулял в одиночестве, а вернувшись через несколько часов, не упоминал, где был. Один его эксперимент открыл мне направление его розысков. Он купил лампу, точно такую же, как та, что горела в комнате Мортимера Тридженнеса в утро трагедии. Наполнил ее таким же керосином, каким пользовались в доме священника, и тщательно выверил время, которое требовалось, чтобы керосин сгорел целиком. Другой его эксперимент был куда менее безобидным и вдобавок таким, что я навряд ли когда-нибудь его забуду.

– Заметьте, Ватсон, – как-то днем сказал он, – что во всех различных дошедших до нас версиях есть один общий момент. А именно, описание воздуха в комнате всеми, входившими туда первыми. Вы, конечно, помните, что Мортимер Тридженнис, рассказывая о своем последнем посещении дома братьев, упомянул, что врач, войдя в гостиную, рухнул в кресло? Вы забыли? Ну, во всяком случае, было именно так. Кроме того, вспомните, что миссис Поттер, экономка, сказала нам, как сама потеряла сознание, войдя туда, и затем открыла окно. Во втором случае – с самим Мортимером Тридженнисом – вы вряд ли забыли страшную духоту в комнате, когда мы приехали, хотя служанка открыла окно настежь. Служанке этой, узнал я, расспросив ее, стало так дурно, что она слегла. Признайте, Ватсон, эти факты говорят об очень многом. Каждый случай указывает на ядовитость воздуха. В обоих случаях в комнате что-то горело – камин в первом, лампа – во втором. Камин топился по необходимости, но лампу, судя по количеству сгоревшего керосина, зажгли, когда уже давно рассвело. Зачем? Несомненно, потому, что есть какая-то связь между тремя моментами – горением, спертым воздухом и, наконец, безумием или смертью этих несчастных. Ведь так, не правда ли?

– Как будто так.

– По крайней мере, мы можем взять это за рабочую гипотезу. Тогда предположим, что в обоих случаях горело что-то, оказывая необычайно токсичное воздействие. Очень хорошо. В первом случае, с семьей Тридженнисов, – это вещество поместили в огонь камина. Конечно, окно было закрыто, но пламя, естественно, направило часть испарений в трубу. Из чего сле-

дует, что воздействие паров должно было оказаться слабее, чем во втором случае, где пары заполнили комнату всю целиком. Результаты как будто подтверждают это, поскольку в первом случае погибла только женщина, чей организм, предположительно, был более чувствительным, а двое мужчин впали во временное или неизлечимое безумие, которое яд, очевидно, вызывает в первую очередь. Во втором случае воздействие оказалось полным. Таким образом, факты как будто свидетельствуют в пользу теории яда, который начинает действовать, если его зажигают. Эти мысленные рассуждения, естественно, заставили меня поискать в комнате Мортимера Тридженниса какие-либо остатки этого вещества. Очевидно, искать следовало на слюде экрана лампы. И, действительно, я увидел маленькие хлопья сажи, а по краю – ободок бурого порошка, который еще не сгорел. Половину, как вы видели, я соскоблил в конверт.

– Но Холмс, почему только половину?

– Не мне, дорогой Ватсон, ставить палки в колеса официальной полиции. Я сохранил для них все улики, которые обнаружил. Яд все еще остается на крае экрана, если у них достанет ума найти его. Теперь, Ватсон, мы зажжем нашу лампу: однако из предосторожности мы откроем окно, чтобы воспрепятствовать преждевременной кончине двух достойных членов общества, а вы сядете в кресло возле открытого окна, если только, как благоразумный человек, не решите вообще в этом не участвовать... Так вы не прочь довести дело до конца? Как я и думал, я знаю моего Ватсона. Это кресло я поставлю напротив вашего так, чтобы мы находились на равном расстоянии от яда и лицом друг к другу. Дверь мы оставим приоткрытой. Теперь каждый занял положение, позволяющее следить за другим и положить конец эксперименту, если появятся тревожные признаки. Вам все ясно? Ну, так я достаю порошок – вернее, то, что от него осталось, – из конверта и помещаю над горящей лампой. Вот так! Теперь, Ватсон, давайте сядем и подождем, что последует дальше.

Ждать пришлось недолго. Не успел я устроиться в своем кресле, как почувствовал густой мускусный запах, всепроникающий и тошнотворный. Едва я его вдохнул, как мой мозг и мое воображение вырвались из-под контроля. Непроницаемая черная туча за клубилась перед моими глазами, и мое сознание подсказало мне, что в этой туче, пока еще не видимое, но готовое кинуться на меня, скрывается все смутно жуткое, все чудовищное, все невыразимо гнусное, что только есть во Вселенной. Неясные силуэты свивались и плавали в смоляной тьме, и каждый был угрозой и предвестием чего-то грядущего, приближение не поддающегося описанию нечто, и оно уже совсем на пороге, и даже тень его уничтожит мою душу. Мной овладел леденящий ужас. Я ощутил, что мои волосы встают дыбом, что мои глаза выпучиваются, что мой рот открылся и язык в нем – будто лоскут шершавой кожи. Напряжение моего мозга достигло предела, и что-то должно было вот-вот лопнуть. Я попытался закричать и уловил глухой хрип – это был мой собственный голос, но какой-то далекий, отъединенный от меня. В тот же миг в непроизвольной попытке спастись я прорвался сквозь эту тучу отчаяния и увидел лицо Холмса, белое, окостеневшее в гримасе ужаса – то самое выражение, какое я видел на лицах умерших. Вот это-то почти бредовое видение на мгновение вернуло мне здравость рассудка и силы. Я вскочил с кресла, обхватил Холмса обеими руками и секунду спустя упал с ним на траву, и мы лежали бок о бок, чувствуя только великолепие солнечного сияния, которое прорывалось сквозь адскую тучу ужаса, чуть не засосавшую нас. Медленно она рассеивалась, будто туманы над лугами, пока к нам не вернулись душевный покой и рассудок. Мы приподнялись и сели в траве, утирая наши потные лбы, со страхом глядели друг на друга: не сохранились ли следы этого жуткого эксперимента, которому мы себя подвергли.

– Боже мой, Ватсон! – наконец сказал Холмс прерывающимся голосом. – Примите мою благодарность и мои извинения. Это был недопустимый эксперимент даже над самим собой и вдвойне – над другом. Я, правда, крайне сожалею.

– Вы же знаете, – ответил я с чувством, так как никогда еще Холмс не открывал свое сердце, – для меня величайшая радость и честь помогать вам.

Он немедленно вернулся к полушутливой и саркастической манере, обычно свойственной ему в общении с теми, кто его окружал.

– Было совершенно излишне ввергать нас в безумие, мой милый Ватсон, – сказал он. – Беспристрастный наблюдатель, вне всяких сомнений, объявил бы, что мы были совершенно

сумасшедшими еще до того, как устроили такой дикий эксперимент. Признаюсь, мне и в голову не приходило, что результат может оказаться таким внезапным и сокрушительным. — Он кинулся в коттедж, вернулся, держа в вытянутой руке горящую лампу, и тут же бросил ее в куст ежевики. — Надо дать комнате время немного проветриться. Полагаю, Ватсон, то, как были устроены эти трагедии, у вас не вызывает и тени сомнения?

— Ни малейшей.

— Но причина остается столь же темной, как и раньше. Пойдемте и вместе обсудим ее в беседке. Это омерзительное снадобье все еще першит у меня в горле. Полагаю, мы должны признать, что согласно всем уликам преступником, подстроившим первую трагедию, был сам Мортимер Тридженнис, хотя он и жертва второй. Во-первых, нам следует помнить про семейную ссору с последовавшим примирением. Какой ожесточенной могла быть эта ссора, или каким притворным примирение, мы установить не можем. Когда я думаю о Мортимере Тридженнисе, его лисьей физиономии и хитрых глазках-бусинках за стеклами очков, он не кажется мне человеком, склонным прощать. Ну, а затем, как вы помните, предположение, будто в саду кто-то рыскал, которое отвлекло наше внимание от истинной причины трагедии, исходило от него. Значит, у него был мотив сбить нас с толку. И наконец, если не он, выходя из комнаты, бросил это вещество в огонь, так кто? Все совершилось сразу же после его ухода. Войди в комнату кто-либо еще, сидевшие за столом, несомненно, встали бы. К тому же в патриархальном Корнуэлле после десяти вечера никто с визитами не ходит. Следовательно, мы можем сделать вывод, что все улики указывают на Мортимера Тридженниса как виновника.

— Значит, его собственная смерть была самоубийством?

— Что же, Ватсон, на первый взгляд такое предположение не исключается. Совесть может замучить человека, обрекшего своих близких подобной участи, и в припадке отчаяния он может покончить с собой тем же способом. Однако против имеются убедительные доводы. К счастью, в Англии есть человек, который знает об этом все, и я устроил так, что сегодня же днем мы услышим все факты из его собственных уст. А! Он пришел чуть раньше. Не будете ли вы так любезны пройти сюда, доктор Леон Стерндейл? Мы проводили в доме химический эксперимент, и наша маленькая комната никак не подходит для приема столь именитого гостя.

Я услышал стук калитки, и теперь на дорожке появилась внушительная фигура великого исследователя внутренних областей Африки. С некоторым изумлением он обернулся к скромной беседке, где мы сидели.

— Вы послали за мной, мистер Холмс. Я получил вашу записку примерно час назад и пришел, хотя я, право, не понимаю, с какой стати я послушался вас.

— Может быть, мы разберемся с этим, прежде чем расстанемся, — сказал Холмс. — А пока я весьма благодарен вам за любезность, с какой вы откликнулись на мое предложение. Приношу извинения за такой скромный прием, но мой друг Ватсон и я чуть было не пополнили еще одной главой то, что газеты окрестили «Корнуэльским ужасом», и пока мы предпочитаем свежий воздух. Поскольку говорить нам придется о вещах, касающихся вас сугубо лично, пожалуй, к лучшему, что обсуждать их мы будем тут, где нас не могут подслушать.

Путешественник вынул сигару изо рта и смерил моего товарища суровым взглядом.

— Не понимаю, сэр, — сказал он, — какие вещи вы намерены обсуждать, которые касались бы меня сугубо лично.

— Убийство Мортимера Тридженниса, — ответил Холмс.

На секунду я пожалел, что не вооружен. Разгневанное лицо Стерндейла побагровело, глаза налились яростью, на лбу вздулись узлы вен, и, сжав кулаки, он кинулся на моего товарища. Затем остановился и с невероятным усилием вновь обрел холодную суровую невозмутимость, которая, пожалуй, была более опасной, нежели его бешеная вспышка.

– Я так долго жил среди дикарей за пределами достижения закона, – сказал он, – что стал сам для себя законом. Будьте разумны и не забывайте этого, мистер Холмс, так как у меня нет желания причинить вам вреда.

– И у меня нет желания причинить вреда вам, доктор Стерндейл. И вот вернейшее тому доказательство: я послал за вами, а не за полицией.

Стерндейл ахнул и сел, быть может, впервые за свою полную приключений жизнь подавленный превосходством противника. В манере Холмса была спокойная уверенность в своей силе, и не уступить ей было невозможно. Наш гость бормотал что-то невнятное, в волнении сжимая и разжимая свои внушительные кулаки.

– О чем вы? – спросил он, наконец. – Если это провокация с вашей стороны, мистер Холмс, вы избрали для своего эксперимента неподходящего человека. Довольно ходить вокруг да около. Так о чем вы?

– Я объясню, – сказал Холмс, – так как надеюсь, откровенность может вызвать откровенность. Мой следующий шаг будет зависеть исключительно от ваших оправданий.

– Оправданий?

– Да, сэр.

– Моих оправданий в чем?

– В убийстве Мортимера Тридженниса.

Стерндейл утер лоб носовым платком.

– Честное слово, вы превосходите все вероятное. Или все ваши успехи зависели от умения втирать очки?

– Очки, – сурово сказал Холмс, – втираете вы, доктор Стерндейл, а не я. В доказательство я сообщу вам некоторые факты, на которых основано мое заключение. О вашем возвращении из Плимута, хотя значительная часть вашего багажа уплыла в Африку, скажу только, что именно это навело меня на мысль, что вы – один из факторов, которые требовалось принять во внимание, восстанавливая трагедию...

– Я вернулся...

– Я уже слышал ваши объяснения и считаю их неубедительными и неадекватными. Оставим это. Затем вы пришли сюда спросить меня, кого я подозреваю. Я отказался ответить вам. Тогда вы направились к дому священника, некоторое время простояли снаружи, а затем наконец вернулись в свой коттедж.

– Откуда вы знаете?

– Я следил за вами.

– Я никого не видел.

– А чего еще вы можете ожидать, если за вами слежу я? Вы провели беспокойную ночь у себя в коттедже и составили некий план, который на рассвете начали приводить в исполнение. Выйдя из дома, когда только-только занялась заря, вы насыпали в карман несколько горстей рыжеватых камешков из кучи у ваших ворот.

Стерндейл подскочил и в изумлении уставился на Холмса.

– Затем вы быстро прошли милю до дома священника. Вы были обуты, могу я добавить, в теннисные туфли, которые сейчас на ваших ногах. У дома священника вы прошли через яблоневый сад, миновали боковую живую изгородь и вышли под окно жилья, Тридженниса. Теперь уже рассвело, но в доме все спали. Вы достали из кармана камешки и бросили их в окно над вами.

Стерндейл вскочил на ноги.

– Да вы сам дьявол! – вскричал он.

Холмс улыбнулся этому комплименту.

– Потребовалось две или три горсти, прежде чем жилец подошел к окну. Вы сделали ему знак спуститься. Он торопливо оделся и сошел в гостиную. Вы воспользовались окном.

Последовал короткий разговор, во время которого вы ходили взад-вперед по комнате. Затем вы вышли, закрыли окно и стояли на траве снаружи, куря и наблюдая за происходящим. После смерти Тридженниса вы удалились тем же путем, которым пришли. Теперь, доктор Стерндейл, как вы оправдываете подобное поведение, и какие причины крылись за вашими действиями? Если вы прибегнете к отговоркам или начнете хитрить со мной, уверяю вас, дело навсегда уйдет из моих рук.

Пока наш гость слушал своего обвинителя, его лицо стало пепельно-серым. Теперь он некоторое время просидел, задумавшись, уткнув лицо в ладони. Затем внезапным импульсивным жестом извлек из нагрудного кармана фотографию и бросил ее на грубо сколоченный стол перед нами.

– Вот почему я сделал это, – сказал он.

Фотография запечатлела бюст и лицо очень красивой женщины. Холмс наклонился над фотографией.

– Бренда Тридженнис, – сказал он.

– Да, Бренда Тридженнис, – повторил наш гость. – Годы и годы я любил ее. Годы и годы она любила меня. В этом секрет моего корнуэльского затворничества, которому все так удивлялись. Оно обеспечивало мне близость к единственной, кто был мне дорог в этом мире. Я не мог жениться на ней, так как был женат. Но жена давным-давно меня бросила, однако при-
скажбные английские законы не позволяли мне развестись с ней. Годы и годы Бренда ждала. Годы и годы я ждал. И вот чего мы дождались.

Жуткое рыдание сотрясло его могучую фигуру, и он стиснул горло под двухцветной бородой. Затем с усилием овладел собой и продолжал:

– Священник знал о нас. Мы ему доверились. Он вам скажет, что она была ангелом во плоти. Вот почему он протелеграфировал мне, и я вернулся. Какое значение имели для меня багаж и Африка, когда я узнал, какая судьба постигла мою милую? Вот не достававшее вам звено в моих поступках, мистер Холмс.

– Продолжайте, – сказал мой друг.

Доктор Стерндейл достал из кармана бумажный пакет и положил его на стол. Снаружи была надпись «*Radix pedis diaboli*»⁴⁵ с красной наклейкой «яд» под ней.

Он придвинул пакет ко мне.

– Насколько я понял, вы врач, сэр. Вы когда-нибудь слышали об этом препарате?

– Ноге дьявола? Нет, никогда!

– Это не бросает ни малейшей тени на ваши профессиональные знания, – сказал он, – так как, насколько мне известно, в Европе не найдется его образчиков, кроме единственного в одной из лабораторий Буды. О нем нет упоминаний ни в фармакопее, ни в литературе, касающейся токсикологии. Корень этот имеет форму ноги – получеловеческой, полукозлиной, отсюда и фантастичное название, данное ему миссионером-ботаником. Его используют в обрядах колдунов в некоторых областях Западной Африки, и они держат его в строжайшем секрете. Этот образчик я добыл при исключительных обстоятельствах в Убанги.

При этих словах он раскрыл пакет и показал кучку красновато-бурых хлопьев, напоминавших нюхательный табак.

– Итак, сэр? – сурово спросил Холмс.

– Я намерен, мистер Холмс, рассказать вам все, что произошло на самом деле, поскольку вы уже знаете так много, и совершенно ясно, что в моих интересах, чтобы вы узнали все. Я уже объяснил, в каких отношениях состоял с семьей Тридженнисов. Ради сестры я поддерживал дружбу с братьями. Семейная ссора из-за денег привела к отчуждению этого человека, Мортимера, но все как будто уладилось, и я встречался с ним, как и с остальными. Это был

⁴⁵ «Корень дьявольской ноги» (лат.).

хитрый, коварный, изобретательный интриган, и кое-что настораживало меня против него, но я не находил достаточных оснований, чтобы положить конец знакомству с ним.

Как-то раз, всего недели две назад, он зашел в мой коттедж, и я показал ему некоторые мои африканские раритеты. В том числе этот порошок, упомянув о странных свойствах корня – как он стимулирует центры мозга, контролирующие ощущение страха, и как либо безумие, либо смерть постигает злополучного туземца, которого колдун племени подвергнул испытанию. Вдобавок я сказал ему, насколько европейская наука была бы бессильна обнаружить его следы. Каким образом он украл порошок, сказать точно не могу, так как я ни на минуту не выходил из комнаты, однако, очевидно, он воспользовался моментом, пока я открывал шкафы и рылся в ящиках, и похитил горстку порошка дьявольской ноги. Я прекрасно помню, как он засыпал меня вопросами о дозе порошка и времени, когда его пары начинают действовать, но мне и в голову не пришло, что у него есть своя причина для таких расспросов.

Я совсем забыл об этом, пока не получил в Плимуте телеграмму священника. Злодей полагал, что я буду уже в море, прежде чем известие успеет достичь меня, и что я на годы вновь исчезну в дебрях Африки. Но я сразу же вернулся. Разумеется, стоило мне узнать подробности, как я уже твердо знал, что был использован мой яд. Я посетил вас на случай, если вы нашли какое-то иное объяснение. Но иного быть не могло. Я не сомневался, что убийцей был Мортимер Тридженнис, что ради денег и, быть может, в убеждении, что он получит единоличное право распоряжаться собственностью семьи, если остальные сойдут с ума, он подверг их действию ноги дьявола, ввергнув в безумие братьев и убив свою сестру Бренду. Единственную, кого я любил в мире, и кто любил меня. Таково было его преступление. Каким должно было стать наказание? Прибегнуть к закону? Какими я располагал доказательствами? Я-то знал факты, но сумею ли я убедить присяжных из сельского захолустья в реальности столь фантастической истории? Может быть – да, может быть – нет. Но я не мог рисковать неудачей. Моя душа молила о мести. Я уже говорил вам, мистер Холмс, что большую часть своей жизни провел за пределами достижения закона, и что стал сам для себя законом. Так было и теперь. Я решил, что он разделит участь, на которую обрек других. Либо это, либо я свершу правосудие над ним собственными руками. Во всей Англии не найдется человека, который так мало ценил бы свою жизнь, как я теперь.

Ну, я рассказал вам все. Остальное вы установили сами. Я, как вы и сказали, после бессонной ночи ушел из дома очень рано. Я предвидел, что разбудить его будет непросто, а потому взял горсть камешков из кучи, которую вы упомянули, и швырял их в его окно. Он спустился и впустил меня через стеклянную дверь гостиной. Я обличил его в преступлении. Я сказал ему, что пришел и как судья, и как палач. При виде моего револьвера негодяй рухнул в кресло, парализованный страхом. Я зажег лампу, поместил порошок над ней и стоял за окном, готовый привести в исполнение мою угрозу застрелить его, если он попытается убежать из комнаты. Через пять минут он умер. Бог мой! Как он умирал! Но мое сердце не дрогнуло, ведь испытывал он не больше того, что чувствовала ни в чем не повинная моя любовь. Вот моя история, мистер Холмс. Может быть, если вы когда-нибудь любили женщину, вы поступили бы так же. В любом случае я в ваших руках. Вы можете принять меры, какие сочтете нужными. Как я уже говорил, на свете нет человека, который боялся бы смерти меньше, чем я.

Холмс некоторое время сидел в молчании.

– Каковы ваши планы? – спросил он затем.

– Я думал уехать навсегда в Центральную Африку. Моя работа там и наполовину не завершена.

– Ну, так поезжайте и завершите вторую половину, – сказал Холмс. – Я, во всяком случае, не намерен воспрепятствовать вам.

Доктор Стерндейл встал во весь свой гигантский рост, с чувством поклонился и вышел из беседки. Холмс закурил трубку и протянул мне кисет.

– Кое-какие неядовитые пары будут приятной переменной, – сказал он. – Полагаю, вы согласитесь, Ватсон, что это не тот случай, который требует нашего вмешательства. Расследование мы вели независимо и поступать можем независимо. Вы ведь не донесете на него?

– Разумеется, нет, – ответил я.

– Я никогда не любил, Ватсон. Но, если бы случилось так, и мою любимую женщину постигнул такой конец, я мог бы поступить точно так же, как наш не признающий законов охотник на львов... Толчком для моего расследования, разумеется, послужили камешки на подоконнике. В саду священника ничего похожего не было. И такие же я обнаружил, только, когда мое внимание было привлечено к коттеджу доктора Стерндейла. Лампа, горящая при ярком дневном свете, и остатки порошка на слюде экрана оказались звеньями достаточно очевидной цепи. А теперь, мой дорогой Ватсон, полагаю, мы можем выбросить это дело из головы и с чистой совестью вернуться к изучению халдейских корней, которые, несомненно, могут быть прослежены в великом кельтском языке.

Новое дело Шерлока Холмса

Было девять часов вечера 2 августа – самого грозного и страшного из всех августов в истории мира⁴⁶. Казалось, Божье проклятие тяготело над грешной землей: какая-то жуткая тишина стояла в безветренном и душном воздухе, какое-то смутное ожидание. Солнце давно уже зашло, но кровавая полоса, как открытая свежая рана, тянулась над западной стороной горизонта. На небе ярко сияли звезды; внизу мерцали огоньки судов, стоявших в бухте. Два прославленных немца стояли у каменного парапета террасы, нависшей над бухтой, прилегавшей к длинному, низкому, с тяжелой крышей дому, и смотрели вниз на море. Пригнувшись друг к другу, так что головы их почти соприкасались, они вели тихую беседу. Снизу два горевших во тьме кончика их сигар можно было принять за горящие во мраке глаза притаившегося врага или хищного зверя.

Один из них был фон Борк – человек, которому не было равного среди верноподданных кайзера. Недаром его прикомандировали к германскому посольству в Англии, самому важному из всех. С тех пор, как он жил в Лондоне, его таланты с каждым днем все больше восхищали и дивили тех немногих, кто знал о нем всю правду и имел возможность оценить его. Один из этих немногих был его теперешний собеседник, барон фон Герлинг, старший секретарь посольства, чей огромный, в сто лошадиных сил автомобиль системы Бенца ждал за оградой сада, чтобы доставить своего хозяина обратно в Лондон.

– Ну-с, теперь дело пошло быстро, и все разыгрывается, как по нотам, – говорил секретарь. – Насколько я могу судить, не пройдет и недели, как вы уж будете в Берлине. И там, мой дорогой фон Борк, вас ждет такой прием, какого вы даже не ожидаете. Я случайно знаю, как смотрят в высших сферах на вашу деятельность здесь.

Секретарь был высокий, плотный мужчина, широкоплечий и увесистый, с медлительной и веской речью – его главным козырем в политической карьере.

Фон Борк засмеялся, как бы оправдываясь.

– Их не трудно дурачить, этих англичан. Простой народ, податливый – надо бы лучше, да нельзя.

– Ну, насчет этого не знаю, – задумчиво возразил секретарь. – Они умеют иной раз поразить вас неожиданностью, и с этим надобно считаться. И простодушны они только с виду, а иностранцы легко ловятся на эту удочку. На первый взгляд, они страшно уступчивы. А вдруг, глядишь, наткнулся на предел, которого уже не переступишь. У них, например, свои правила приличия, которые прямо-таки необходимо соблюдать.

– Вы это насчет «добросовестности в игре» и прочее? – Фон Борк вздохнул, как будто сам он много натерпелся от требовательности в этом отношении англичан.

– Я говорю о странностях британцев, о свойственных им предрассудках и условностях. Со мной, например, однажды вышел случай выше... Я могу говорить о своих промахах, так как вы знаете мою работу, знаете и мои удачи. Это было еще в первый мой приезд. Меня пригласили провести воскресенье на даче у одного из министров. Разговоры там велись удивительно нескромные.

Фон Борк кивнул головой.

– Я знаю. Я, ведь, тоже был там.

– Да-да, конечно. Ну, я, понятно, послал «краткое изложение» в Берлин. К несчастью, наш добрый канцлер на этот счет немножко неуклюж; он обмолвился замечанием, из которого стало ясно, что он все знает. Понятно, заподозрили меня. Вы не можете себе представить, как мне это повредило. Смею вас уверить, на этот раз наши британские хозяева выказали себя

⁴⁶ В августе 1914 г. началась 1-я мировая война.

далеко не покладистыми хозяевами. Мне два года пришлось расхлебывать эту кашу... Вот вы, очень кстати выдумавший прикинуться спортсменом...

– Я вовсе не прикидываюсь. Поза – это всегда искусственно. А я рожден спортсменом. Мне это доставляет удовольствие.

– Тем лучше, оттого это и выходит у вас естественно. Вы вместе с ними ездите на яхте, охотитесь, играете в лото и в гольф, и во всех играх не уступите любому здешнему. Ваша четверка взяла приз на Олимпийских играх. Мне даже говорили, будто вы боксируете с молодыми офицерами. А в результате, никто не принимает вас всерьез. Находят, что вы «славный товарищ», «для немца, право, добрый малый», мастер и поволочиться, и покутить. Словом, молодец на все руки. А, между тем, из вашего тихого загородного домика идет в Англию всяческая смута, и славный малый, беспечный спортсмен – в действительности, самый ловкий тайный агент в Европе. Вы гений, дорогой фон Борк, вы прямо гений.

– Вы льстите мне, барон. Но, разумеется, я вправе сказать, что четыре года моей работы здесь не прошли бесследно. Я вам никогда не показывал моего маленького музея. Хотите войти в комнаты?

Дверь кабинета открывалась прямо на террасу. Фон Борк толкнул ее, прошел вперед, пропустил грозную фигуру гостя, затворил за ним дверь и тщательно задернул тяжелую занавесь на венецианском окне. Только приняв все эти меры предосторожности, он повернул к гостю свое загорелое лицо с орлиным профилем.

– Часть бумаг я отправил с женою в Флюшинг. Остальные придется, разумеется, отдать под защиту посольства.

– Все это мы уже устроили. Вы уже числитесь в списках личного состава посольства. Так что вашего багажа осматривать не станут. Но, может быть, нам и не придется уезжать. Англия ведь может и предоставить Францию ее судьбе. Нам известно, что формального договора между ними нет.

– А Бельгия?

– И Бельгию тоже.

Фон Борк покачал головой.

– Не представляю себе, могла бы это сделать Англия. Во-первых, тут есть уговор. Во-вторых, это был бы такой позор, от которого бы Англия вовеки не оправилась.

– Зато избегла бы войны.

– А честь?

– Ну, дорогой мой, мы живем в утилитарный век. А честь – понятие, заимствованное у средневековья. Притом Англия не готова к войне. Это непостижимо, но даже когда мы установили специальный военный налог в 50 миллионов – казалось бы, это так ясно говорило о наших намерениях, как если б мы публиковали о них на первой странице «Таймса», – но даже это не смутило англичан, не пробудило их от спячки. Правда, иной раз кто-нибудь задаст вопрос. Мое дело найти ответ. Кое-где подметишь раздражение. Мое дело – ослабить его и смягчить. Но смею вас уверить, что никаких существенных приготовлений не сделано: не запасено ни снарядов, ни станков для изготовления снарядов... Ну, словом, ничего. Как же может при таких условиях Англия начать войну, особенно теперь, когда мы заварили такую чертову кашу в Ирландии, подняли суфражисток, которые, как фурии, бьют стекла?.. Вообще, когда у нее и дома полны руки хлопот?

– Она должна думать о своем будущем.

– Это другое дело. Насчет будущего у нас планы вполне определенные, и ваша информация, милейший фон Борк, очень и очень пригодится нам. Джон Буль пусть выбирает сам: сегодня или завтра. Если он предпочтет сегодня, мы готовы. Если – завтра, мы еще лучше подготовимся. Мне думается, что для него выгоднее было бы драться вместе с союзниками,

чем без них, но это – его дело. Эта неделя решит его судьбу. Однако, оставим отвлеченные соображения и перейдем к реальной политике. Вы хотели показать мне бумаги.

Он уселся в кресло, так, что свет падал прямо на его лысину, и, попыхивая сигарой, следил за каждым движением своего собеседника.

Комната была большая, с дубовыми панелями; дальний угол был отгорожен от остальной комнаты тяжелой занавесью. Когда фон Борк отдернул занавесь, обнаружился большой железный шкаф, окованный медью.

Фон Борк снял с цепочки у часов маленький ключик и, проделав какие-то сложные манипуляции, отпер тяжелую железную дверь.

– Смотрите! – сказал он, отстраняясь и указывая рукой внутрь шкафа.

Свет лампы ярко освещал внутренность шкафа, и секретарь посольства с захватывающим интересом разглядывал туго набитые бумагами отделения. На каждой ячейке была наклеена этикетка; одно за другим читал заглавия: «Переправы», «Береговая защита», «Аэропланы», «Ирландия», «Египет», «Ламанш»...

– Великолечно, – сказал секретарь. И, отложив сигару, мягко зааплодировал пухлыми ладонями.

– Все это за четыре года, барон. Не так уж плохо для кутилы и спортсмена. Но лучшей жемчужины здесь еще нет – только оправка для нее готова. Он указал на ячейку, над которой значилось: «Сигнализация во флоте».

– Но, ведь, тут у вас уж собрано порядочно бумаг.

– Это все старый хлам. Адмиралтейство, должно быть, пронюхало что-нибудь, и все шифры изменены. Это был для меня большой удар, барон, – единственный раз за все время мне так не повезло. Но, благодаря моей чековой книжке и милейшему Ольтамонту, сегодня вечером моя коллекция будет пополнена.

Барон посмотрел на часы и недовольно проворчал:

– Жалко, но больше я здесь оставаться не могу. Время горячее – каждый из нас должен быть на посту. А я надеялся принести от вас добрую весточку. Ольтамонт не назначил вам часа?

Фон Борк показал ему телеграмму:

«Буду вечером непременно, привезу новые аккумуляторы».

– Аккумуляторы? Что это значит?

– Видите ли, Ольтамонт фигурирует в качестве эксперта по части двигателей, а у меня полный гараж автомобилей. Мы условились называть каждую вещь по имени ее отдельной части. Радиатор – это у него значит броненосец, масленка – крейсер и т. д. Аккумуляторы – значит морские сигналы.

– Из Портсмута, полдень, – говорил секретарь, приглядываясь к телеграмме. – Кстати, сколько вы ему платите?

– За это дело одновременно пятьсот фунтов. Конечно, он получает и жалование.

– Жадный какой, мерзавец! Без таких предателей, нам, разумеется, не обойтись, но, все-таки, мне жалко тратить на них столько денег.

– А мне для Ольтамонта ничего не жалко. Он удивительный работник. Ему только хорошо надо платить, а уж товар он поставляет добросовестно, по его собственному выражению. И, притом же, он не предатель. Уверяю вас, самый завзятый немецкий юнкер меньше ненавидит Англию, чем этот ирландец из Америки.

– Ах, он ирландец из Америки?

– Стоит с ним поговорить две минуты, чтобы не сомневаться в этом. Я иной раз с трудом разбираю его слова. Он, как будто, объявил беспощадную войну не только английскому королю, но и английскому языку... Да что вы так торопитесь? Он может быть здесь каждую минуту.

– Нет, к сожалению, я и так чересчур уж засиделся. Ну, так мы ждем вас завтра, пожалуйста, пораньше. Когда сигнальная книжка будет у вас в руках, вы можете поставить: «Finis» и подвести итог своей работе в Англии... Что это? Токайское?

Он указал на пузатую пылью покрытую бутылку, стоявшую на подносе рядом с двумя стаканами.

– Может быть, выпьете стаканчик на дорожку?

– Нет, спасибо. Однако, тут у вас пиры!

– Ольтамонт знаток в винах, и ему очень полюбилось мое токайское. Он, вообще, малый с причудами, и в мелочах приходится к нему подлаживаться. Для моих замыслов он, безусловно, мне необходим, волей-неволей я должен считаться с ним.

Гость и хозяин снова вышли на террасу, под которой пыхтел большой мотор.

– Это, должно быть, Гарвич виден? – спросил барон, натягивая свой дорожный плащ. – Как тихо, мирно все кругом! Через неделю здесь будет уже не так тихо, и огни будут поярче. Да и на небесах будет не так уж мирно, если наш добрый Цеппелин сдержит свои обещания... Кстати, кто это?

Внизу, под ними, только одно окно было освещено. На подоконнике стояла лампа, а у окна сидела в кресле старушка в деревенском чепце, с морщинистым добрым лицом. На коленях у нее лежало вязанье. По временам она отрывалась от работы и гладила кошку, сидевшую на скамеечке возле нее.

– Это Марта – единственная служанка, которую я себе оставил.

Секретарь усмехнулся.

– Настоящее воплощение Британии! Поглощена собой, уселась поуютнее и дремлет. Итак, au revoir, фон Борк.

Он послал прощальный привет рукой, сел в автомобиль, и во мраке задрожали удалявшиеся огоньки фонарей. Секретарь лежал на мягких подушках своего роскошного лимузина, думал о готовившейся европейской трагедии и даже не заметил, что, огибая угол, его автомобиль едва не наехал на маленький двухместный форд, ехавший навстречу.

Когда свет фонарей погас вдаль, фон Борк, не торопясь, вернулся в свою комнату. Проходя мимо террасы, он заметил, что старуха экономка убрала с окна лампу и, очевидно, пошла спать. Для него новы были эта тишина и тьма в огромном доме, откуда вчера только уехала его семья. А семья у фон Борка была большая. Это лучше, что близкие его уже в безопасности. Он один здесь, и никто ему не мешает. Ведь, у него еще много работы... Он начал убирать свой стол и жечь бумаги, пока красивое лицо его не покраснелось от огня в камине. Затем вытащил из-под стола кожаный чемодан и аккуратно, тщательно принялся укладывать в него драгоценное содержимое шкафа. Но, едва он приступил к этой работе, как чуткий слух его уловил звук приближающегося автомобиля. Фон Борк радостно свистнул, спрятал чемодан, запер шкаф, и вышел снова на террасу. Как раз вовремя, чтоб увидеть, что у ворот остановился небольшой автомобиль. Из него выпрыгнул пассажир и быстрыми шагами направился к нему; шофер же, плотный пожилой мужчина с седыми усами, уселся внутри, как человек, знающий, что ему придется долго ждать.

– Ну? – нетерпеливо спрашивал фон Борк, спеша навстречу гостю.

Вместо ответа тот замахал над головой коричневым пакетиком.

– Сегодня вам есть, за что поблагодарить меня, мистер. Я привез хорошенький подарок.

– Сигналы?

– Как обещал. Все до единого – для фонарей, для семафоров, для беспроволочного телеграфа... Конечно, копию, а не оригинал. Дурачок, который мне продал ее, продал бы и оригинал. Но я не взял. Слишком опасно. Но товар не фальшивый, можете быть спокойны.

Он похлопал германца по плечу с грубой фамильярностью, от которой тот внутренне поморщился.

– Входите. Я один во всем доме. Я только вас и ждал. Конечно, копия лучше оригинала. Если бы оригинал пропал, они опять все изменили бы. А копия, вы думаете, точная?

Ирландец из Америки вошел в кабинет и уселся в кресло, вытянув длинные журавлиные ноги. То был высокий худошавый мужчина лет шестидесяти, с резкими чертами и небольшой козлиною бородкой, придававшей ему сходство с карикатурами на американцев. Из рта у него торчал окурок сигары. Он чиркнул спичкой и зажег его.

– Что, собираетесь в дорогу? – спросил он, оглядевшись.

Когда взгляд его упал на шкаф, теперь видимый, так как фон Борк не задернул занавеси, он вдруг ахнул:

– Мистер, да неужели вы держите секретные бумаги в этом шкафу?

– А почему же нет?

– Этак-то на виду? А еще шпионом называется! Да любой янки-вор без труда вскрыл бы этот шкаф простой отмычкой. Знай, что мои письма будут валяться в этом шкафу, я бы ни одной строчки вам не написал.

– Ну, вряд ли бы ваши взломщики сумели отпереть этот шкаф, – усмехнулся фон Борк. – Этот металл и топор не возьмет.

– А замок?

– Замок с двойной комбинацией. Вы знаете, что это значит?

– Откуда же мне знать?

– Замок откроется только, когда вы сопоставите известное слово и определенную комбинацию чисел. – Он встал и показал двойной кружок вокруг замочной скважины. – Этот снаружи – для букв, а внутренний – для цифр.

– Хитро придумано.

– Да, не так просто, как вам кажется. Этот шкаф я заказывал еще четыре года тому назад. Как вы думаете: какое слово и какое число я выбрал?

– Где же мне угадать.

– Август 1914.

Лицо американца выразило восторг и изумление.

– Вот это здорово! Однако, вы мастер предсказывать.

– Да, немногие из нас могли бы угадать так верно срок. А я вот угадал, и завтра утром закрываю лавочку.

– Ну, так вы и меня с собой возьмите, или устройте где-нибудь. Не останусь я здесь один. Через неделю, может, даже меньше Джон Буль встанет на задние ноги и заревет так, что я предпочитаю слушать этот рев из-за моря.

– Но, ведь, вы – американский гражданин.

– Что ж из того? Джек Джонсон тоже был американский гражданин, однако он сидит в тюрьме в Портланде. Британцы с этим не считаются. У вас там, говорят, одни порядки, а у нас другие... Кстати, мистер, насчет Джек Джемсона. Сдается мне, не очень-то вы покрываете тех, кто работает для вас.

– Что вы хотите сказать этим? – резко спросил фон Брок.

– Да, ведь, вы же работодатель. Значит, ваше дело – оберегать своих работников. А вы как их оберегаете? Если провалятся, вы в стороне, и не подумаете вступить за них. Взять, хотя бы Джемсона...

– Джемсон сам виноват. Вы это знаете. Он был чересчур своеволен.

– Упрямый, что и говорить. А Холлис?

– Сумасшедший.

– Да, под конец, он, правда, чуточку свихнулся. И то сказать, это ведь не шутка: изо дня в день и с утра до ночи человеку изображать из себя не то, что он есть на самом деле, зная, что за ним следят сотни глаз, и сотни рук готовы заковать его в кандалы. А вот о Штейнере что вы мне скажете?

Фон Брок вздрогнул, и раскрасневшееся лицо его слегка побледнело.

– А что такое с Штейнером?

– Как что? Поймали его! Вчера вечером у него был обыск, и он теперь вместе с бумагами уже в Портсмутской тюрьме. Вы вот уедете, а он, бедняга, здорово засел. Хорошо, если отделается только каторгой. Вот почему я предпочитаю убраться из Англии вместе с вами.

Фон Брок был выдержанный человек, но видно было, что эта новость потрясла его.

– Как они добрались до Штейнера? Нехорошо! Очень плохо!

– И еще хуже может быть. Сдается мне, они и ко мне подбираются.

– Что вы такое говорите?!

– Верно говорю. Мою хозяйку в Фреттоне уже выпытывали, кто я такой и чем живу, и, когда она мне про это рассказала, я решил, что мне пора уезжать. Мне только хотелось бы знать: как полиция узнает про нас? Штейнер уже пятый человек, который проваливается на моих глазах. И если я не успею вовремя наострить лыжи, то шестым буду я. Как вы мне это объясните? И не стыдно ли вам, что ваши работники гниют в тюрьме?

Фон Брок побагровел:

– Как вы смеете говорить со мной таким тоном!

– Если б я не был смелым, мистер, то не оказался бы у вас на службе. Но я – человек прямой, у меня что на уме, то и на языке. Я слышал, что у вас, у немецких политиков, ежели агент сделал свое дело, вы не прочь упрятать его в такое место, где особенно не заговоришь.

Фон Брок вскочил со стула.

– Вы осмеливаетесь мне намекать, что я сам выдаю своих агентов?..

– Я этого не говорю, но, несомненно, мистер, кто-то их выдает, и ваше дело узнать, кто. Как бы то ни было, я лично рисковать не имею желания. Вы меня отправьте в Голландию, и чем скорее, тем лучше.

Фон Брок уже овладел собой.

– Мы слишком долго работали вместе, чтобы в последний момент поссориться, и при том в тот момент, когда мы можем торжествовать победу. Вы хорошо поработали и рисковали многим; я не забуду этого. Отлично: поезжайте в Голландию, а оттуда в Берлин, или же морем, через Роттердам в Нью-Йорк. По другой линии через неделю будет уже не безопасно, когда фон Триппиц примется за работу. Однако, кончим этот разговор. Давайте сюда книжечку. Я уложу ее вместе с другими.

Американец держал в руке пакетик, но не сделал движения, чтобы вручить его Броку.

– А как же фарт-то?

– Что такое?

– Ну, жир. Ну, деньги, значит. Пятьсот фунтов? Пушкарь-то мой в последнюю минуту закапризничал, едва его уломал лишней сотней долларов. А то бы мы с вами ни с чем отъехали. «Не желаю, говорит, ни за какие деньги». Однако, когда я накинул сотню, – взял. Это мне стоило двести фунтов как один пенни, так что книжечки я вам не намерен отдавать, пока вы мне не отдадите денег. Из рук в руки, значит.

Фон Брок усмехнулся, не без горечи.

– Не высокого же вы мнения о моей честности. Без денег даже книжки не хотите дать?

– Что же, мистер, в делах надо быть аккуратным.

– Ну, будь по-вашему. – Он сел за стол и, оторвав от чековой книжки листок, написал на нем свое имя и проставил цифру, но чека все-таки не отдал. – Позвольте, раз уже мы так с вами разговариваем, мистер Ольтамонт, я не вижу, почему бы мне следовало доверять вам

больше, чем вы доверяете мне. Вы поняли? – Он оглянулся через плечо на американца. – Чек на столе, но я хочу посмотреть книжку, а затем уже дать вам деньги.

Американец молча подал ему книжку, перевязанную шнурком. Фон Брок развязал шнурок, снял двойную бумажную обложку. И с минуту в безмолвном изумлении глядел на голубую книжечку, лежавшую перед ним. На обложке поперек золотыми буквами было напечатано: «Практическое руководство к разведению пчел»... Но не успел заведующий шпионажем задуматься над этой странной надписью, как человек, стоящий сзади, железною рукой схватил его за шиворот, а другою рукой зажал ему рот губкой, пропитанной хлороформом.

* * *

– Еще стаканчик, Ватсон? – сказал Шерлок Холмс, придвигая к своему верному другу запыленную бутылку токайского. – Выпьем за радостную встречу.

Шофер с седыми усами, сидевший за столом, торопливо подставил свой стакан.

– Доброе вино, Холмс, – сказал он, выпив.

– Замечательное вино, Ватсон. Говорят, из императорского погреба в Шенбрунне. Я попросил бы вас открыть окно – запах хлороформа, мне думается, портит букет вина.

Шкаф стоял раскрытый настежь, и теперь уже Холмс торопливо вынимал из него пачку за пачкой аккуратно уложенные бумаги и, рассмотрев их, также аккуратно складывал в чемодан фон Брока. Немец, лежавший на софе, громко храпел, связанный по рукам и по ногам.

– Нам торопиться некуда, Ватсон. Здесь нам никто не мешает. Будьте любезны, позвольте. В доме никого нет, кроме старухи Марты, которая отлично разыграла свою роль. Она с самого начала была моей помощницей. – А, Марта! очень рад. И вы будете рады, когда я сообщу вам, что все идет отлично.

Старушка, с приветливым добрым лицом, стоявшая в дверях, улыбаясь, присела к Холмсу, но в то же время покосилась не без тревоги на лежавшего на диване немца.

– Не бойтесь, Марта. Выспится – встанет, как встрепанный.

– Это хорошо, мистер Холмс. Я рада. По-своему, ведь он был добрый господин. Как он давеча уговаривал меня ехать с его женой в Германию! Но это, пожалуй, помешало бы осуществлению ваших планов, так ведь?

– Конечно, Марта. Пока вы были здесь, я мог быть вполне спокоен. Сегодня мы долго ждали вашего сигнала.

– Тут был тот толстый господин из Лондона, кажется, секретарь посольства.

– Я знаю. Мы с ним встретились... Если бы вы не умели так чудесно управлять автомобилем, Ватсон, мы изобразили бы собой Европу, гибнущую под колесницей Ягтернаута. Еще что, Марта?

– Я думала, он так и не уедет. Я знала, сэр, вы не очень-то обрадуетесь, застав его здесь.

– Он и так заставил нас прождать напрасно больше получаса. Только, когда вы погасили лампу, в знак того, что путь свободен, мы двинулись сюда. Зайдите ко мне завтра, Марта, в Отель Кларидж.

– Слушаюсь, сэр.

– Надеюсь, у вас все готово?

– Да, сэр. Вчерашний день он отправил семь писем. Адреса я, по обыкновению, записала. И девять писем пришли на его имя. Эти я спрятала.

– Отлично. Я посмотрю их завтра. Спокойной ночи.

– Эти бумаги, – продолжал он, обращаясь к Ватсону, когда старушка скрылась за дверьми, – теперь уже не имеют значения. Информация, которую они заключают в себе, давно уже отослана в Германию. А это все – оригиналы, которые не безопасно было увозить из Англии.

– Значит, теперь они уже не нужны?

– На вашем месте я бы не сказал этого, Ватсон. По крайней мере, теперь мы можем знать, что там известно, что нет. Изрядная часть этих документов добыта мною, и вы понимаете, что большой достоверностью они не отличаются. Поглядел бы, как это немецкий крейсер пройдет через минные заграждения в проливе по карте, составленной мною. Но погодите, Ватсон, – он взял старого друга за плечи, – дайте посмотреть на вас при свете. Постарели вы?.. Да нет, все тот же славный малый. И румяный...

– Я сегодня помолодел на двадцать лет, Холмс, когда получил вашу телеграмму с просьбой выехать вам навстречу в Гарвич на автомобиле. Да и вы, Холмс, почти не изменились, только эта козлиная бородка – она совсем вам не идет.

– Это одна из жертв, которые я принес новой родине, Ватсон, – сказал с улыбкой Холмс, дернув себя за козлиную бороденку. – Завтра от нее не останется и следа. Я сниму бороду,

несколько изменю костюм, и снова стану таким, каким я был до этого американского превращения.

– Но, Холмс, ведь вы удалились на покой. Мы слышали здесь, что вы живете, как отшельник, посвятив себя всецело пчелам и своим книгам где-то в глуши, на юге.

– Так оно и было. И вот вам плод моих досугов, *magnus opus* моих последних лет. – Он взял со стола голубую книжечку и вслух прочел заглавие: – «Практическое руководство к разведению пчел и некоторые наблюдения над отсаживанием матки». Это я сам и сочинил, результат моих трудовых дней и ночей раздумья. Ведь я изучал пчел, как прежде изучал преступников, следил за ними с таким же неослабным вниманием и могу сказать: хорошо их знаю.

– Но как же вышло, что вы снова взялись за работу?

– Я сам этому удивляюсь. От министра иностранных дел я бы еще как-нибудь отговорился, но когда под моим скромным кровом появился сам премьер... Дело в том, Ватсон, что с этим вот, который лежит на диване, полиции справиться было не под силу. Он ловкий человек. Все видели, что тут кто-то мутит, а кто – невозможно было дознаться. Заподозрили одного, другого агента, арестовывали их, но видно было, что тут суть не в них, что за ними стоит кто-то другой, посерьезней. И его надо было вывести на чистую воду. Ну, и пришлось мне самому взяться за дело... На это у меня, Ватсон, ушло почти два года. Пришлось ехать в Чикаго, оттуда в Буффало, примкнуть к ирландскому тайному обществу, там выдвинуться, устроить беспорядки в Скибберине, обратить на себя внимание полиции и вместе с тем одного из агентов фон Брока, который отрекомендовал меня, как самого подходящего человека... Вы понимаете, какое это было сложное дело... Ну, потом я сумел войти к нему в доверие, что не помешало мне очень ловко проваливать его затеи и сплавить на каторгу уже пятерых его агентов. Я все время следил за ними, Ватсон, и сажал их в тюрьму в последнюю минуту, когда у них уже все было готово... Что, сэр, надеюсь, вы не очень плохо себя чувствуете?

Последние слова были обращены к фон Броку, который уже успел очнуться и, растерянно озираясь, слушал рассказ Холмса. В ответ он разразился потоком площадной немецкой ругани и весь побагровел от гнева. Но Холмс, нимало не смущаясь, продолжал просматривать бумаги, длинными нервными пальцами развертывая документы, собранные его клиентом.

– А знаете, Ватсон, немецкий язык хоть и не музыкален, а очень выразителен, – заметил он, когда фон Брок умолк, окончательно, выбившись из сил.

Холмс присмотрелся к одному из чертежей.

– Это поможет мне засадить в клетку еще одну вредную птицу. Я и не знал, что милый мой работодатель такой, в сущности, жулик, хоть и давно следил за ним... Ох, мистер фон Брок, серьезный вам придется держать ответ.

Пленник с трудом приподнялся на локте и глядел на своего врага со смесью изумления и ненависти.

– Мы еще сведем счеты, Ольтамонт, – медленно прошипел он, – я вам этого до конца дней не забуду. Мы еще сведем счеты.

– Старая песня, – усмехнулся Холмс.

Фон Брок с отчаянием заметался на диване.

– И еще есть кое-какие неверные сведения, которые, конечно, в свое время будут проверены на практике. Но все-таки, мистер фон Брок, у вас есть одно качество, для немца очень ценное и редкое. Вы – спортсмен, и вы не обидитесь на меня за то, что я перехитрил вас после того, как вы одурачили многих. В конечном счете, оба мы добросовестно работали, каждый на благо своей родины. Что может быть естественнее? Притом же, – добавил Холмс почти ласково, коснувшись рукой плеча поверженного немца, – лучше быть побежденным мною, чем какой-нибудь мелкой сошкой... Ну, Ватсон, бумаги я все уложил. Если вы мне поможете перетаскать нашего пленника, я думаю, мы можем ехать обратно в Лондон.

* * *

Не легкое дело было перетащить фон Брока; он был силен и упирался изо всех сил. Но, в конце концов, два друга все-таки довели его через сад до автомобиля и втиснули внутрь. А рядом поставили его чемодан с драгоценными документами.

– Надеюсь, вам сидеть удобно, насколько это возможно, когда связаны руки и ноги? – спросил Холмс. – Может быть, вы позволите мне вложить вам в рот сигару?

Но немец лишь сердито буркнул:

– Я полагаю, вам известно, мистер Шерлок Холмс, что, если ваше правительство не покарает вас за этот акт насилия, это может быть поводом к войне.

– А что скажет ваше правительство насчет вот этого? – Холмс постучал пальцем по чемодану.

– Вы частный человек. Вы не можете предъявить приказа о моем аресте. Все это совершенно незаконно и в высшей мере оскорбительно.

– Безусловно.

– Арестовать без всякого приказа германского подданного!..

– И сделать выемку его бумаг...

– Словом, вы сами понимаете, что и вы, и ваш сообщник поступаете незаконно. Стоит мне позвать на помощь, когда мы будем проезжать через деревню...

– Не советую вам этого делать. Англичане – мирный народ и терпеливый, но в данный момент они несколько возбуждены, поэтому испытывать их долготерпение не рекомендуется. Нет, мистер фон Брок, мы с вами тихо, мирно и без всяких скандалов поедем в Скотланд-Ярд, а оттуда вы можете дать знать обо всем случившемся вашему другу, барону фон Герлингу. Может быть, он сумеет так устроить, что вы уедете вместе с вашим посольством... А вам, Ватсон, все равно, нужно в Лондон, ведь вы возвращаетесь на военную службу. Выйдем на минутку – может быть, больше нам с вами и не придется уже беседовать так, по душе...

Два друга несколько минут ходили по террасе, беседуя о прошлых временах, в то время, как их пленник вертелся в автомобиле, напрасно силясь развязать веревки. Когда они вернулись, Холмс указал на залитое лунным светом море и задумчиво покачал головой.

– Ветер дует с востока, Ватсон.

– Едва ли, Холмс. По-моему, очень тепло.

– Ах, вы! Все тот же добрый старый Ватсон. Все меняется, только он один неизменен. А я вам говорю, скоро задует восточный ветер – и такой сильный, какого еще не бывало в Англии. Холодный ветер, Ватсон, и жестокий, и многих из нас он сметет с лица земли. И, все же, это Божий ветер, Ватсон, и, когда пройдет буря, засветит снова солнышко и озарит очищенную обновленную страну сильнее и лучше прежнего. Ну, а теперь беритесь за руль, Ватсон, пора нам в путь. У меня тут есть чек в пятьсот фунтов, по которому надо бы получить пораньше, ибо выдавший его весьма способен дать знать в свой банк, чтобы по нему не выдавали.

Архив Шерлока Холмса Рассказы

Архив Шерлока Холмса

Высокородный клиент

– Теперь это вреда не принесет, – был ответ мистера Шерлока Холмса, когда в десятый раз за столько же лет я попросил его разрешения представить публике следующий рассказ. Вот так я, наконец, получил его согласие сделать достоянием гласности дело, которое в некоторых отношениях было высшим моментом в карьере моего друга.

Мы оба, и Холмс, и я, питали слабость к турецким баням. И, когда в приятной истоме мы покуривали в сушильне, я находил его менее сдержанным и более человеческим, чем где-нибудь еще. В верхнем этаже этого заведения на Нортумберленд-авеню есть укромный уголок, где рядом стоят две кушетки, и на них-то мы и лежали 3 сентября 1902 года, когда начинается мой рассказ. Я спросил его, не намечается ли что-либо, и в ответ он высвободил из окутывавших его простынь длинную худую нервную руку и вытащил конверт из внутреннего кармана своего висящего рядом пиджака.

– Возможно, это мелочная озабоченность самодовольного дурака, но, возможно, это вопрос жизни и смерти, – сказал он, отдавая мне письмо. – Я знаю не более того, что сообщается тут.

Письмо было послано из клуба «Карлтон» и датировано прошлым вечером. Вот что я прочел:

«Сэр Джеймс Деймери выражает свое уважение мистеру Шерлоку Холмсу и нанесет ему визит в 4.30 завтра. Сэр Джеймс позволит себе сказать, что дело, о котором он желает посоветоваться с мистером Холмсом, очень щекотливое, также крайне важное. Посему он уповает, что мистер Холмс приложит все усилия, чтобы эта встреча состоялась, и подтвердит это, протелефонировав в клуб Карлтон».

– Вряд ли стоит говорить, что я подтвердил, – сказал Холмс, когда я вернул ему записку. – Вам что-нибудь известно про этого Деймери?

– Только, что эта фамилия давно стала присловьем в высшем свете.

– Ну, я могу сказать вам чуть больше. Он приобрел репутацию специалиста улаживать щекотливые дела, которым лучше не попадать в газеты. Вы, возможно, помните о его переговорах с сэром Джорджем Льюисом касательно дела о завещании Хэммерфорда. Он светский человек с природным дипломатическим талантом. А потому есть основания надеяться, что это не ложная тревога, и что он действительно нуждается в нашей помощи.

– Нашей?

– Ну, если вы будете так добры, Ватсон.

– Я буду польщен.

– Что же, вы знаете время – четыре тридцать. А до тех пор мы можем выкинуть это из головы.

* * *

В то время я жил в собственной квартире на Куин-Энн-стрит, но был на Бейкер-стрит даже раньше назначенного времени. Точно в указанную половину пятого доложили о полковнике сэре Джеймсе Деймери. Вряд ли есть необходимость его описывать, так как многие, без сомнения, помнят этого дородного грубоватого субъекта с душой нараспашку, это широкое

бритое лицо, а главное – этот приятный мягкий голос. Его серые ирландские глаза светились откровенностью, а его подвижные улыбающиеся губы дышали теплым юмором. Глянцевый цилиндр, темный сюртук, словом, все до последних мелочей – от жемчужной булавки в черном атласном галстуке до бледно-зеленых гетр поверх лакированных штиблет – говорило о безупречной манере одеваться, которой он славился. В небольшой комнате этот крупный импозантный аристократ стал неоспоримым центром.

– Разумеется, я ожидал встретить тут доктора Ватсона, – сказал он с учтивым поклоном. – Его сотрудничество может оказаться даже необходимым, ибо, мистер Холмс, мы имеем дело с человеком, который привык прибегать к насилию и, в буквальном смысле слова, ни перед чем не остановится. Я бы сказал, что в Европе не найдется более опасной личности.

– У меня было несколько противников, к которым прилагалось это лестное определение, – сказал Холмс с улыбкой. – Вы не курите? Но, разрешите, я закурю мою трубку? Если ваш человек опаснее покойного профессора Мориарти или ныне живущего полковника Себастьяна Морана, то с ним, поистине, стоит познакомиться. Могу я узнать его имя?

– Вы что-нибудь слышали о бароне Грюнере?

– Вы имеете в виду австрийского убийцу?

Полковник Деймери со смехом поднял руки в лайковых перчатках.

– Вас в тупик не поставить, мистер Холмс! Значит, вы уже определили его как убийцу?

– Следить за подробностями преступлений на Континенте входит в мои обязанности. Да и у кого, кто читал о случившемся в Праге, может возникнуть сомнение в его виновности? Спасли его чисто формальная юридическая зацепка и подозрительная смерть свидетеля. В том, что он убил свою жену, когда на Шплюгенском перевале произошел несчастный случай, я уверен так, будто собственными глазами видел, как он это проделал. Я знал, кроме того, что он приехал в Англию, и предчувствовал, что рано или поздно он снабдит меня работой. Ну, так и что же затеял барон Грюнер? Полагаю, речь идет не о той трагедии?

– Нет, это даже еще более серьезно. Покарать преступление важно, но еще важнее предотвратить его. Ужасно, мистер Холмс, наблюдать, как у вас на глазах назревает нечто жуткое, готовится гнусная ловушка, ясно понимать, к чему это приведет, и, тем не менее, не иметь возможности что-либо предотвратить. Может ли человек оказаться в более ужасном положении?

– Пожалуй, нет.

– Тогда вы посочувствуете клиенту, в чьих интересах я действую?

– Я не понял, что вы лишь посредник. А кто заинтересованное лицо?

– Мистер Холмс, я вынужден просить вас не настаивать на этом вопросе. Крайне важно, чтобы я мог заверить его, что его благородное имя никоим образом не будет приплетено к делу. Его мотивы в высшей степени благородны и рыцарственны, но он предпочитает оставаться анонимным. Мне незачем упоминать, что ваш гонорар гарантирован, и что вам будет предоставлена полная свобода действий. Полагаю, настоящее имя вашего клиента значения не имеет?

– Мне очень жаль, – сказал Холмс. – Я привык к тайнам в конце моих дел, но тайны с обоих концов, это чересчур. Боюсь, сэр Джеймс, я должен воздержаться от участия.

Наш посетитель пришел в сильнейшее замешательство. Его большое выразительное лицо потемнело от волнения и разочарования.

– Вряд ли вы отдаете себе отчет, мистер Холмс, в последствиях вашего отказа, – сказал он. – Вы ставите меня перед крайне серьезной дилеммой, так как я абсолютно убежден, что вы были бы горды взяться за это дело, если бы я мог изложить вам факты. Однако обещание не позволяет мне изложить их все. Могу ли я, по крайней мере, ознакомить вас хотя бы с тем, на что у меня есть право?

– Разумеется. При условии, что это меня ни к чему не обязывает.

– Согласен. Во-первых, вы, без сомнения, слышали о генерале де Мервилле?

– Де Мервилль? Герой Кибера? Да, я о нем слышал.

– У него есть дочь, Вайлет де Мервилль, молодая, богатая, красивая, наделенная талантами – чудо-женщина, одним словом. Вот эту дочь, эту прелестную невинную девушку, мы и пытаемся вырвать из когтей дьявола.

– Следовательно, барон Грюнер приобрел над ней какую-то власть?

– Самую сильную власть, когда речь идет о женщине, власть любви. Он, как, возможно, вы слышали, необыкновенно красив, с обаятельными манерами, чарующим голосом и той романтической загадочностью, столь много значащей для женщин. Говорят, для прекрасного пола он неотразим, и в полной мере использует этот факт.

– Но каким образом подобный человек мог познакомиться с аристократической барышней вроде мисс Вайлет де Мервилль?

– В плавании по Средиземноморью. Пассажиры, хотя и принадлежащие к избранному обществу, платили за себя. Несомненно, об истинной репутации барона организаторы плавания узнали, когда было уже поздно. Негодяй не отходил от нашей барышни и безвозвратно покорила ее сердце. Просто сказать, что она его любит, – значит не сказать ничего. Она его обожает, она им заворожена. В мире для нее существует только он один. Она не желает слушать ни единого слова против него. Было сделано все, чтобы излечить ее от этого безумия, но тщетно. Короче говоря, она намерена выйти за него замуж в будущем месяце. Поскольку она совершеннолетняя и наделена железной волей, трудно придумать способ помешать ей.

– А про австрийский эпизод она знает?

– Хитрый дьявол рассказал ей про все непотребные скандалы в своем прошлом, но всякий раз представляя себя святым мучеником. Она категорически доверяет его версиям и никаких опровержений слушать не желает.

– Бог мой! Но ведь вы случайно назвали вашего клиента? Генерал де Мервилль, не так ли?

Наш посетитель заерзал в кресле.

– Я мог бы обмануть вас, мистер Холмс, подтвердив ваше предположение, но это было бы ложью. Де Мервилль совершенно разбит. Бравый воин полностью деморализован. Он поддался растерянности, чего на поле брани с ним никогда не случалось, и превратился в обессиленного дряхлого старика, никак не способного противостоять такому умному и волевому негодяю, как австриец. Однако мой клиент – близкий друг генерала, знающий его много лет и питающий отеческий интерес к этой девушке еще с тех пор, когда она ходила в коротких платьицах. Он не может допустить завершения этой трагедии, не попытавшись предотвратить ее. У Скотланд-Ярда нет никакого предлога вмешаться. И это он предложил обратиться к вам, но, как я уже говорил, с неколебимым условием, что лично он останется непричастным к этому делу. Я не сомневаюсь, мистер Холмс, что вы с вашими талантами можете без труда установить через меня, кто мой клиент, но я должен во имя чести просить вас этого не делать и не нарушать его инкогнито.

Холмс улыбнулся не без лукавства.

– Думаю, я могу спокойно обещать это, – сказал он. – Добавлю, что ваша проблема меня заинтересовала, и я готов взяться за нее. Как мне поддерживать связь с вами?

– Через клуб «Карлтон». Но в случае неотложной необходимости вот мой личный телефонный номер: три римские десятки, тридцать один.

Холмс записал номер с той же улыбкой, но блокнот не закрыл.

– Адрес барона, будьте добры.

– «Вернон-Лодж» вблизи Кингстона. Дом большой. Он нажил на некоторых довольно темных сделках и очень богат, что, натурально, делает его еще более опасным противником.

– В настоящее время он там?

– Да.

– Можете ли вы сообщить мне про него что-либо еще сверх того, что уже сказали?

– У него дорогостоящие вкусы, и он заядлый лошади. Короткое время играл в поло за «Хэрлингем», но затем прошумело пражское дело, и ему пришлось уйти из клуба. Коллекционирует книги и картины. Его натуре свойственна немалая артистичность. Он, если не ошибаюсь, признанный знаток китайского фарфора и написал о нем книгу.

– Сложный характер, – заметил Холмс. – Как и все великие преступники. Мой старый друг Чарли Пис виртуозно играл на скрипке. Уэйнрайт был недурным художником. Я мог бы назвать еще многих. Итак, сэр Джеймс, сообщите своему клиенту, что я займусь бароном Грюнером. Больше я ничего обещать не могу. У меня есть кое-какие собственные источники информации, и, полагаю, нам удастся найти подход к этому делу.

Когда наш посетитель попрощался с нами, Холмс так надолго погрузился в задумчивость, что у меня возникло ощущение, будто он забыл о моем присутствии. Но затем он бодро вернулся на землю.

– Ну-с, Ватсон, какие-нибудь соображения? – спросил он.

– Думаю, вам лучше самому поговорить с барышней.

– Мой дорогой Ватсон, если старый отец не способен повлиять на нее, как мне, человеку постороннему, переубедить ее? Тем не менее, эта идея может пригодиться, если все остальное не даст ничего. Но, полагаю, начать нам следует под другим углом. Думаю, тут сможет помочь Шинуэлл Джонсон.

Прежде у меня не было случая упомянуть Шинуэлла Джонсона в этих воспоминаниях, так как я редко выбирал случаи из поздних этапов карьеры моего друга. В первые годы нового века Джонсон стал ему полезным помощником. С сожалением должен сказать, что сначала Джонсон заслужил репутацию крайне опасного злодея и отбыл два срока в Паркхерсте. В конце концов, он раскаялся и предложил свои услуги Холмсу, став его агентом в колоссальном преступном подполье Лондона, добывая сведения решающей важности. Будь Джонсон полицейским осведомителем, его скоро разоблачили бы, но, поскольку поставляемая им информация никогда прямо на суде не фигурировала, его товарищи не подозревали о двойной игре, которую он вел. ореол двух его сроков открывал ему *entrée*⁴⁷ во все ночные клубы, ночлежки и игорные притоны столицы, а его острая наблюдательность и цепкий ум делали его идеальным агентом для сбора информации. Вот к нему-то и решил прибегнуть Шерлок Холмс.

Мои неотложные профессиональные обязанности воспрепятствовали мне следить за немедленными действиями моего друга, но вечером я договорился встретиться с ним «У Симпсона», и там, сидя за столиком у окна и глядя вниз на потоки жизни, заполняющие Стрэнд, он рассказал мне кое-что из предпринятого им.

– Джонсон уже рыскает, – сказал он. – И возможно, соберет кое-какой полезный мусор в самых темных клоаках криминального подполья, поскольку разыскивать секреты этого человека приходится среди черных корней преступности.

– Но если барышня не верит в то, что уже известно, каким образом новые ваши открытия вдруг поколеблют ее решимость?

– Кто знает, Ватсон? Для мужчин сердце и ум женщины всегда неразрешимая загадка. Убийство может быть оправдано или объяснено, а проступок, куда менее значительный, может причинить жгучую обиду. Барон Грюнер сказал мне...

– Сказал вам?!

– Ах да, конечно, я же не рассказывал вам о своих намерениях. Что же, Ватсон, я ведь люблю сходиться с моим противником поближе. Люблю встретиться с ним лицом к лицу и самому сделать вывод, из чего он скроен. Так что, отдав распоряжение Джонсону, я отправился в кебе в Кингстон и нашел барона в самом благодушном настроении.

– Он вас узнал?

– Это не составило никакой трудности, поскольку я просто вручил лакею мою карточку. Противник он превосходный – холодный как лед, говорит шелковым убаюкивающим голосом нынешних модных консультантов и ядовит как кобра. В нем есть порода, подлинный аристо-

⁴⁷ Здесь – доступ (фр.).

крат преступлений, любезно предлагающий чай и все жестокости могилы затем. Да, я рад, что мое внимание обратили на барона Адельберта Грюнера.

– Вы сказали, что он был благодушен?

– Мурлыкающий кот, который думает, будто завидел многообещающих мышей. Благодушие некоторых людей куда смертоноснее злобного насилия более загрубелых душ. То, как он поздоровался со мной, было очень характерно. «Я так и полагал, что рано или поздно увижу вас, мистер Холмс, – сказал он. – Вас, без сомнения, нанял генерал де Мервилль в попытке воспрепятствовать моему браку с его дочерью Вайолет, не так ли?»

Я не отрицал.

«Милейший, – сказал он, – вы только погубите свою столь заслуженную репутацию. Не тот случай, чтобы вы могли преуспеть. Вы будете трудиться понапрасну, не говоря уж о том, что подвергнетесь некоторой опасности».

«Любопытно, – сказал я, – что именно такой совет я намеревался дать вам. Я уважаю ваш ум, барон, и эта краткая личная встреча моего уважения отнюдь не уменьшила. Разрешите мне говорить с вами как мужчина с женщиной. Никто не хочет копаться в вашем прошлом и причинять вам лишние неудобства. Оно позади, и вы теперь плывете в спокойных водах, но если вы не откажетесь от этого брака, то обретете множество врагов, которые не оставят вас в покое, пока Англия не станет для вас слишком жаркой. Стоит ли игра таких свеч? Несомненно, благоразумнее было бы оставить леди в покое. Вряд ли вам будет приятно, если факты вашего прошлого будут ей представлены».

У барона под носом торчат волоски, точно короткие усики насекомых. И пока он слушал, они дрожали от внутреннего хохота, а затем он испустил легкий смешок.

«Простите, что я засмеялся, мистер Холмс, – но, право же, смешно наблюдать, как вы пытаетесь разыграть сдачу без единой старшей карты. Не думаю, что кто-либо мог бы сделать это искуснее, но зрелище, тем не менее, жалкое».

«Вы так думаете?»

«Так я знаю. Разрешите, я поясню. Мои собственные карты настолько беспроигрышны, что я могу позволить себе открыть их. По счастью, я завоевал безоговорочную привязанность этой леди. Она подарила ее мне, несмотря на то что я откровенно рассказал ей о всех при- скорбных зловключениях, выпавших на мою долю в прошлом. И еще я предупредил ее, что некие бессовестные и своекорыстные интриганы – надеюсь, вы узнаете себя? – явятся к ней с клеветническими рассказами, и объяснил, как ей следует обойтись с ними. Вы слышали о гипнотических внушениях, мистер Холмс? Ну, вы сможете увидеть, как они действуют, ведь человек, обладающий сильной личностью, способен использовать гипноз без вульгарных пас- сов и прочей ерунды. Так что она подготовлена к вашему появлению и, не сомневаюсь, примет вас, поскольку всегда готова пойти навстречу желаниям своего отца... За исключением одного небольшого дельца».

Ну, Ватсон, говорить больше было как будто не о чем, а потому я откланялся со всем холодным достоинством, на какое способен, однако, едва я взялся за ручку двери, он меня остановил.

«Кстати, мистер Холмс, – сказал он, – вы, кажется, знакомы с Ле Брюном, французским агентом?»

«Да», – сказал я.

«Вы знаете, что с ним приключилось?»

«Я слышал, что его избили и искалечили какие-то апаши на Монмартре».

«Совершенно верно, мистер Холмс. По странному стечению обстоятельств всего лишь за неделю до этого он наводил справки о моих делах. Не поступайте так, мистер Холмс, это приносит несчастье. Несколько человек убедились в этом на опыте. Мое последнее слово вам в заключение: идите своей дорогой, а я пойду своей. Всего хорошего!»

Вот так, Ватсон. Теперь вы осведомлены обо всем по нынешний день.

– Этот субъект выглядит опасным.

– Крайне опасным. Я не обращаю внимания на пустобрехов, но этот человек говорит меньше, чем подразумевает.

– А надо ли вам вмешиваться? Какая важность, если он и женится на ней?

– Учитывая, что он, вне всяких сомнений, убил свою последнюю жену, это довольно большая важность. К тому же клиент! Ну-ну, не будем говорить об этом. Когда допьете кофе, нам лучше вернуться ко мне домой, так как жизнерадостный Шинуэлл, наверное, уже ждет там с отчетом.

Да, он ждал – дюжий краснолицый мужлан со щербатым ртом и парой живых черных глаз, единственного внешнего признака на редкость хитрого ума, таящегося внутри. Видимо, он порыскал в том, что было его особым царством, так как рядом с ним на кушетке сидела пылающая головня в образе тонкой, горящей пламенем молодой женщины с бледным напряженным лицом, почти юным, но настолько истерзанным грехами и горестями, что легко было прочесть летопись страшных лет, оставивших на ней свою чумную печать.

– Это мисс Китти Уинтер, – сказал Шинуэлл Джонсон, взмахом жирной руки указав на нее, словно представляя. – Чего она не знает... Ну, да пусть сама за себя говорит. Отыскал ее меньше чем за час, мистер Холмс, после вашей весточки.

– Меня отыскать не трудно, – сказала она. – Преисподняя, Лондон, и вся недолга. Тот же адрес, как у Жирняги Шинуэлла. Мы старые знакомые. Но, черт дер! Кто-то еще должен гореть в аду ниже нашего, если в мире есть справедливость! Тот, на кого вы охотитесь, мистер Холмс.

Холмс улыбнулся.

– Насколько понимаю, вы желаете нам удачи, мисс Уинтер.

– Если я могу помочь отправить его туда, где ему самое место, я с вами до последнего вздоха! – воскликнула наша посетительница в яростном запале.

В ее побелевшем напряженном лице и в ее сверкающих глазах была такая исступленная ненависть, какую редко можно увидеть у женщины, а у мужчины – никогда.

– Вам незачем заглядывать в мое прошлое, мистер Холмс. Обойдемся без него. Но я то, чем меня сделал Адельберт Грюнер. Если бы я могла свалить его! – Она судорожно вскинула руки. – Ах, если бы я могла низвергнуть его в ад, куда он толкнул столь многих!

– Вам известно, как обстоит дело?

– Жирняга Шинуэлл мне рассказал. Адельберт нацелился еще на какую-то несчастную дурочку и решил жениться на ней. Вы хотите этому помешать. Ну, вы же, конечно, знаете предостаточно про этого дьявола, чтобы любая девушка в здравом уме закаялась переступить с ним церковный порог.

– Но она не в здравом уме. Она влюблена безумно. Ей все о нем рассказали. Ее ничто не трогает.

– Ей и про убийство говорили?

– Да.

– Господи! Ну и храбра она!

– Считает все это клеветой.

– Вы не могли бы представить доказательства ее глупым глазам?

– Ну, а помочь нам в этом вы не могли бы?

– Да разве ж я сама не доказательство? Если я встану перед ней и расскажу, как он со мной обошелся!

– А вы бы это сделали?

– Сделала бы? Еще как!

– Ну, стоит попробовать. Но он поведал ей большинство своих грехов и получил отпущение, и, насколько понимаю, для нее все решено.

– Спорю, всего он ей не сказал, – объявила мисс Уинтер. – Я краешком глаза видела одно-два убийства, кроме того, которое наделало столько шума. Он упомянет кого-нибудь в этой своей бархатной манере, а потом уставится на меня и скажет: «Месяца не прошло, как он умер». И это были не пустые слова. Только я в голову не брала. Понимаете, я же тогда сама его любила. Что бы он там ни творил, мне было все равно, вот как этой несчастной дурехе! Но вот одно меня встряхнуло. Да, черт дери, если бы не его ядовитый лживый язык, который объясняет и убаюкивает, я бы бросила его в ту же ночь. Его книжечка – книжечка в коричневом кожаном переплете с замочком и его золотым тисненым гербом снаружи. Думается, он в ту ночь перепил, не то он бы мне ее не показал.

– Так что же в ней было?

– Говорю вам, мистер Холмс, этот человек коллекционирует женщин и очень своей коллекцией гордится. Ну, как те, кто собирает марки или бабочек. У него в этой книжке все. Снимки, имена, подробные описания, словом, все о них. Мерзкая книжка, какую ни один мужчина, родись он хоть в сточной канаве, никогда бы не состряпал. А вот у Адельберта Грюнера есть такая книжка. «Души, которые я погубил». Он мог бы вытиснить это на переплете, если бы захотел. Книжка вам не поможет, а если бы и так, добраться вы до нее не доберетесь.

– Где она?

– Как, сэр, я могу сказать, где она сейчас? Я ушла от него больше года назад. А где он тогда ее прятал, я знаю. Он жутко аккуратен в некоторых своих привычках. Ну, прямо кот! Так что, может быть, она все еще в ячейке старого бюро во внутреннем кабинете. Вы его дом знаете?

– Я был в кабинете, – ответил Холмс.

– Неужто? Ну, вы времени не теряли, раз взялись за дело только нынче утром. Может, милый Адельберт повстречал ровню? Кабинет для приемов, он с китайской посудой – в большом стеклянном шкафу между окнами. А позади его стола есть дверь во внутренний кабинет, маленькую комнату, где он хранит бумаги и все такое.

– И он не боится грабителей?

– Адельберт не трус. Этого про него и злейший враг не скажет. Он умеет о себе позаботиться. На ночь включается сигнализация против взломщиков. Да там ничего ценного для взломщиков нет. Разве что он утащит всю эту шикарную посуду!

– А что от нее толку? – сказал Шинуэлл Джонсон тоном эксперта. – Никакой скупщик не польстится на то, чего ни переплавить, ни продать нельзя.

– Совершенно верно, – сказал Холмс. – Так вот, мисс Уинтер, если вы заглянете сюда завтра вечером в пять, я тем временем проверю, нельзя ли будет осуществить вашу мысль о том, чтобы вам лично повидать эту леди. Я крайне обязан вам за вашу помощь. Незачем говорить, что мои клиенты щедро...

– А вот этого не надо, мистер Холмс! – вскричала она. – Я же не ради денег. Дайте мне увидеть, как он тонет в грязи, и я получу все, чего добивалась. В грязи и с моей ногой на его проклятом лице. Вот моя цена. Я буду у вас завтра или в любой другой день, пока вы идете по его следу. Жирняга всегда вам скажет, где меня найти.

Я снова увидел Холмса только на следующий вечер, когда мы опять пообедали в одном из ресторанов на Стрэнде. Когда я спросил его, удалось ли ему устроить эту встречу, он пожал плечами. Затем рассказал мне всю историю, которую я изложу ниже следующим образом. Его жесткие лаконичные фразы нуждаются в небольшом редактировании, чтобы смягчить их в соответствии с правилами реальной жизни.

– Получить согласие на встречу было совсем нетрудно, – начал Холмс, – так как барышня упивается, выказывая безоговорочное дочернее послушание во всех второстепенных делах,

стараясь искупить то, как она вопиюще нарушила его покой своей помолвкой. Генерал позволил, что все готово, а яростная мисс Уинтер явилась к условленному часу, так что в половине шестого кеб высадил нас перед номером сто четыре на Беркли-сквер, где проживает старый воин, – одним из тех ужасных серых лондонских дворцов, в сравнении с которым даже церковь выглядит фривольной. Лакей проводил нас в большую с желтыми шторами гостиную, где ожидала барышня: чинная, бледная, сдержанная, застывшая и далекая, как горные снега.

Не знаю, Ватсон, как мне сделать ее понятнее вам. Возможно, вы познакомитесь с ней, прежде чем мы покончим с этим делом, и вы сможете пустить в ход ваш дар слова. Она красива, но это эфемерная красота иного мира, красота фанатички, чьи мысли витают в эмпиреях. Похожие лица я видел на картинах старых мастеров Средневековья. Понять не могу, как подобный зверь сумел наложить лапы на это создание не от мира сего. Возможно, вы замечали, как противоположности притягиваются друг к другу – духовное к животному, пещерный дикарь к ангелу. Но хуже случая, чем этот, еще не бывало.

Она знала, для чего мы пришли, – ведь, конечно, негодяй не терял времени, чтобы настроить ее против нас. Появление мисс Уинтер, думаю, очень ее удивило, но она указала нам на кресла, будто благочестивая аббатиса, принимающая двух нищих, пораженных проказой. Если, мой дорогой Ватсон, вы заболаете сомнением, пройдите курс лечения мисс Вайлет де Мервиля.

«Итак, сэр, – сказала она голосом, точно ветер с айсберга, – ваше имя мне известно. Вы явились, как я поняла, чтобы очернить моего жениха барона Грюнера. Я приняла вас только по просьбе моего отца и предупреждаю вас заранее: что бы вы ни сказали, это никак на меня не повлияет».

Мне было жаль ее, Ватсон. У меня возникло такое чувство, словно она была моей собственной дочерью. Я не красноречив. Я подчиняюсь моей голове, а не сердцу. Но я просто умолял ее, вкладывая в слова всю теплоту, какая есть в моей натуре. Я рисовал ей страшное положение, в котором оказывается женщина, которая, очнувшись от грез, узнает истинный характер мужчины, только став его женой. Женщины, которой приходится подчиняться, когда он ласкает ее окровавленными руками и целует похотливыми губами. Я ничего не смягчил – стыд, страх, мучения, безнадежность, неотъемлемые от этого брака. Все мои горячие слова не вызвали и легчайшей краски на этих матово-бледных щеках или проблеска эмоции в этих невидящих глазах. Я вспомнил слова негодяя о гипнотическом воздействии. Действительно, можно было поверить, что она обитает где-то над землей в экстатическом сне. Однако ничего неопределенного в ее ответах не было.

«Я выслушала вас с терпением, мистер Холмс, – сказала она, – воздействия это на меня, как и предполагалось, не оказало ни малейшего. Мне известно, что Адельберт... что мой жених вел бурную жизнь и навлек на себя злобную ненависть многих людей и самую несправедливую клевету. Вы всего лишь последний из тех, кто чернил его передо мной. Возможно, вы действуете из лучших побуждений, хотя я узнала, что вы – платный агент, который столь же охотно служил бы барону, как и против него. Но в любом случае я хочу, чтобы вы поняли раз и навсегда, что я люблю его, и что он любит меня, и что мнение всего мира для меня значит не более, чем щебет воробьев за окном. Если его благородная натура когда-либо на мгновение пала, возможно, я была ниспослана, чтобы помочь ей вновь обрести ее истинную благороднейшую высоту. Я не вполне понимаю, – тут она обратила взгляд на мою спутницу, – кто, собственно, эта молодая леди?»

Я хотел ответить, но тут ураганом в разговор ворвалась девушка. Пламя и лед лицом к лицу, если вам когда-либо доводилось увидеть такое, вот чем были эти две женщины.

«Я тебе скажу, кто я! – вскричала она, вскакивая с кресла. Ее лицо искажала ярость. – Я его последняя любовница. Я одна из сотни, которых он соблазнил, и использовал, и погубил, и выбросил на помойку, как выбросит и тебя. Твоей помойкой скорее станет могила, да оно,

пожалуй, и к лучшему. Говорят тебе, глупая женщина, если ты выйдешь за него, то найдешь свою смерть. Может, от разбитого сердца, может, от сломанной шеи, но так или иначе он с тобой разделается. Я говорю не из любви к тебе, мне наплевать, будешь ты жить или умрешь. А из ненависти к нему, чтобы помешать ему и поквитаться с ним за то, что он сделал со мной. Да все равно, и не смотри на меня вот так, моя прекрасная леди, потому что можешь упасть пониже, чем я, когда это кончится».

«Я предпочту не обсуждать подобное, – холодно произнесла мисс де Мервилль. – Скажу только раз и навсегда, что мне известны три случая в жизни моего жениха, когда он оказывался связанным с корыстными женщинами, и что я убеждена в его искреннем раскаянии за то зло, которое он мог причинить».

«Три случая! – возопила моя спутница. – Дура! Дура набитая!»

«Мистер Холмс, прошу вас закончить этот разговор, – прозвучал ледяной голос. – Я исполнила желание моего отца и приняла вас, но я не обязана выслушивать бредни этой особы».

С ругательством мисс Уинтер метнулась вперед, и, если бы я не схватил ее за запястья, она вцепилась бы в волосы этой невыносимой девицы. Я потащил ее к двери, и мне очень повезло, что я сумел усадить ее в кеб без публичного скандала, в такой ярости она была. Да и самого меня, Ватсон, охватило холодное бешенство. Было что-то неописуемо оскорбительное в невозмутимой надменности и предельной самоуверенности женщины, которую мы пытались спасти. Так что теперь вы опять полностью осведомлены о нашем положении, и совершенно ясно, что я должен обдумать новый ход, так как этот гамбит не сработал. Я буду держать вас в курсе, Ватсон, ведь более чем вероятно, что вам тоже придется принять участие в игре, хотя не исключено, что следующий ход за ними, а не за нами.

Так и оказалось. Их удар был нанесен – вернее, его удар, так как я никогда не поверю, что леди была соучастницей. Думается, я могу точно указать вам тот самый булыжник, на котором я стоял, когда мой взгляд упал на тот плакат, и ледяной ужас сковал мне душу. Да, между Гранд-Отелем и Чаринг-Кроссом, где одноногий газетчик продавал вечернюю газету. После нашего последнего разговора прошло ровно два дня. Меня ошеломила жуткая новость:

СМЕРТОНОСНОЕ НАПАДЕНИЕ НА ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Думаю, я простоял так в потрясении несколько минут. Затем смутно помню, как схватил газету, как закричал продавец, которому я не заплатил, как я, наконец, остановился у дверей аптеки и начал читать роковую заметку. Вот что в ней сообщалось:

«Мы с сожалением узнали, что мистер Шерлок Холмс, известный частный детектив, сегодня утром стал жертвой смертоносного нападения, оставившего его в опасном состоянии. Точные подробности пока не известны, но случилось это, видимо, около двенадцати часов на Риджент-стрит перед «Кафе Ройал». В нападении участвовали два человека, вооруженные палками, и мистер Холмс получил повреждения головы и тела, по мнению врачей, крайне серьезные. Его отнесли в больницу на Чаринг-Кроссе, а затем он настоял, чтобы его отвезли домой на Бейкер-стрит. Напавшие на него преступники были прилично одеты и ускользнули через “Кафе Ройал” на Глассхаус-стрит позади него. Без сомнения, они принадлежат к тому криминальному братству, которому столь часто приходилось страдать от деятельности пострадавшего».

Нет нужды говорить, что я, едва пробежав заметку глазами, уже вскочил в кеб и помчался на Бейкер-стрит. В передней я столкнулся с сэром Лесли Оукшоттом, знаменитым хирургом. У тротуара его ждала коляска.

– Непосредственной опасности нет, – сообщил он. – Кожа на голове в двух местах рассечена, на теле несколько порядочных синяков. Пришлось наложить несколько швов. Был сделан

укол морфия, и необходим полный покой, но разговор не долее нескольких минут не возбуждается.

Получив это разрешение, я проскользнул в затемненную комнату. Страдалец не спал, и я услышал свое имя, произнесенное хриплым шепотом. Шторы были на три четверти опущены, но луч солнца под косым углом падал на забинтованную голову раненого. Белизну повязки нарушало багряное пятно. Я сел рядом, поникнув головой.

– Все в порядке, Ватсон. К чему такой унылый вид? – пробормотал он слабым голосом. – Все не так плохо, как кажется.

– Благодарение Богу!

– Я немного эксперт в драке на палках, как вы знаете. И большинство ударов принял на свою трость. Только вот со вторым из них я не совсем совладал.

– Что я могу сделать, Холмс? Конечно, подослал их этот проклятый мерзавец. Только скажите слово, и я спущу с него чертову шкуру!

– Добрый старый Ватсон! Нет, тут мы ничего сделать не сможем, разве что полиция их схватит. Но они хорошо подготовили себе путь к отступлению. В этом мы можем не сомневаться. Погодите немного. У меня есть свой план. В первую очередь, надо преувеличить мои раны и травмы. У вас будут наводить справки. Не жалеете красок, Ватсон. Скажите, что вряд ли я протяну больше недели, сотрясение мозга, бред... Ну, словом, что хотите! Не бойтесь переборщить.

– Но сэр Лесли Оукшотт?

– Все в порядке. Я позабочусь, чтобы он видел меня с самой худшей моей стороны.

– Что-нибудь еще?

– Скажите Шинуэллу Джонсону, чтобы он хорошенько припрятал девушку. Эти красавчики теперь займутся ею. Они, конечно, знают, что она помогала мне. Раз уж они посмели напасть на меня, то маловероятно, что они позабудут про нее. Медлить нельзя. Займитесь этим сегодня же вечером.

– Отправляюсь сейчас же. Еще что-нибудь?

– Положите мою трубку на тумбочку. И туфлю с табаком. Отлично! Приходите каждое утро, и мы будем планировать нашу кампанию.

В этот вечер я договорился с Джонсоном, что он поселит мисс Уинтер в каком-нибудь тихом предместье и проследит, чтобы она никуда не выходила, пока опасность не минует.

На протяжении шести дней публика оставалась под впечатлением, что Холмс пребывает на пороге смерти. Сообщения о его состоянии были крайне мрачными, и газетные заметки выглядели более чем зловещими. Мои постоянные визиты убеждали меня, что все обстоит далеко не так плохо. Его крепкий организм и целеустремленная воля творили чудеса. Он поправлялся стремительно, и порой я подозревал, что на самом деле он чувствует себя гораздо лучше, чем показывает даже мне. В его характере была особая секретность, которая содействовала множеству драматических эффектов, но даже его ближайшего друга заставляла гадать, каковы его планы на самом деле. Он доводил до крайности аксиому, что опасность не угрожает только тому, чьих замыслов не знает никто, кроме него самого. Я был самым близким ему человеком, и все же я всегда сознавал недоговоренность между нами.

На седьмой день швы были сняты, что не помешало вечерним газетам известить о серьезном воспалении. В тот же вечер в газетах появилось сообщение, которое я должен был тут же доставить моему другу, больному или выздоровевшему. Сообщалось, что среди пассажиров парохода «Руритания» судоходной компании «Кунард», отплывающим из Ливерпуля в пятницу, числится барон Адельберт Грюнер. Ему необходимо было завершить важную финансовую операцию в Штатах до его приближающейся свадьбы с мисс Вайлет де Мервилль, единственной дочерью... И так далее.

Холмс выслушал эту новость с холодной сосредоточенностью на бледном лице, которая сказала мне, что это для него удар.

– В пятницу! – вскричал он. – Всего три полных дня. Думаю, негодяй хочет обезопаситься. Но это ему не удастся, Ватсон! Нет, черт побери, не удастся! А теперь, Ватсон, я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали.

– Я в вашем распоряжении, Холмс. Для того я тут.

– В таком случае посвятите ближайшие двадцать четыре часа напряженному изучению китайского фарфора.

Он не предложил никаких объяснений, а я их не попросил. Долгий опыт научил меня мудрости беспрекословного послушания. Но, покинув его комнату и шагая по Бейкер-стрит, я ломал голову, каким образом выполнить столь странное распоряжение. Наконец я отправился в Лондонскую библиотеку на Сент-Джеймс-сквер, обратился за помощью к моему другу Ломаксу, библиотекарю, и вернулся домой с увесистым томом под мышкой.

Говорят, будто адвокат, который готовит дело с таким тщанием, что в понедельник способен успешно допрашивать свидетеля-специалиста, успевает забыть все волей-неволей приобретенные знания к субботе. Бесспорно, мне бы не хотелось сейчас рекомендовать себя как специалиста по фарфору. Однако весь этот вечер, и всю ночь с кратким перерывом для отдыха, и все следующее утро я всасывал сведения и запоминал имена и названия. Так я узнал о клеймах великих художников-декораторов, о тайне циклических дат, о клеймах Хун-ву и красавицах Юн-ло, письменах Тан-йин и блеске примитивного периода Сун и Юань. Я был заряжен всей этой информацией, когда пришел к Холмсу на следующий вечер. Он уже встал с постели (хотя вы ни за что не догадались бы об этом, исходя из газетных сообщений) и сидел, подпирая рукой плотно забинтованную голову, в глубине своего любимого кресла.

– Но, Холмс, – сказал я, – если верить газетам, вы при смерти.

– Именно это впечатление, – ответил он, – я и хотел создать. А теперь, Ватсон, вы свои уроки выучили?

– По крайней мере, попытался.

– Отлично. Вы способны поддержать умный разговор на эту тему?

– Думаю, что да.

– В таком случае передайте мне вон ту коробочку с каминной полки.

Он открыл крышку и достал маленький предмет, тщательно завернутый в тонкий восточный шелк. Шелк он снял, и я увидел хрупкое блюдечко самого чудесного синего цвета.

– С ним надо обходиться очень бережно, Ватсон. Это подлинный тончайший фарфор эпохи династии Мин. В «Кристи» никогда не выставлялось на аукцион образчика лучше. Полный сервиз стоил бы несметной суммы, хотя сомнительно, что где-либо найдется полный сервиз, если не считать императорского дворца в Пекине. Настоящий знаток сойдет с ума при одном взгляде на него.

– Что я должен с ним сделать?

Холмс вручил мне визитную карточку, на которой было напечатано: «Доктор Хилл Бартон, 369, Хаф-Мун-стрит».

– Это, Ватсон, ваше имя на сегодняшний вечер. Вы нанесете визит барону Грюнеру. Я кое-что знаю о его привычках, и в половине восьмого он, вероятно, ничем занят не будет. Письмо заранее известит его о вашем визите и о том, что с вами будет предмет из абсолютно уникального сервиза эпохи Мин. Вам лучше представиться врачом, поскольку эту роль вы можете играть без притворства. Вы коллекционер, вы узнали про этот сервиз. Вы слышали про интерес барона к китайскому фарфору, и вы не прочь расстаться с ним за подобающую цену.

– Какую именно цену?

– Отличный вопрос, Ватсон. Вы, безусловно, сильно споткнетесь, если не будете знать цены собственного товара. Блюдечко привез мне сэр Джеймс. Оно, насколько я понимаю, из коллекции нашего клиента. Вы не преувеличите, если скажете, что ему едва ли найдется равное в мире.

– Может быть, мне предложить, чтобы его оценил эксперт?

– Превосходно, Ватсон! Вы сегодня просто блистаете. Эксперт «Кристи» или «Сотсби». Ваша деликатность мешает вам назначить цену самому.

– Но что, если он меня не примет?

– Нет-нет, он вас примет. Он страдает манией коллекционирования в самой острой форме, и особенно это касается фарфора, признанным знатоком которого он является. Садитесь, Ватсон, и я продиктую вам ваше письмо. Ответа не потребуется. Вы просто сообщите, что придете и почему.

Это был восхитительный документ – короткий, вежливый и щекочущий любопытство коллекционера. Письмо было отправлено с посыльным. В тот же вечер с бесценным блюдечком в руке и визитной карточкой доктора Хилла Бартона в кармане я отправился навстречу моему собственному приключению.

Прекрасный дом и сад указывали, что барон Грюнер, как и сказал сэр Джеймс, человек весьма богатый. Длинная подъездная аллея, обсаженная по обеим сторонам лавровыми кустами, выводила на широкое, усыпанное гравием квадратное пространство, украшенное статуями. Дом был построен южноафриканским золотопромышленником в дни великого бума, и длинное низкое здание с башенками по углам, хотя и было архитектурным кошмаром, выглядело внушительно благодаря своим размерам и солидности постройки. Дворецкий, который мог бы украсить скамью епископов в Палате лордов, впустил меня и передал заботам облаченного в плюш лакея, который проводил меня к барону.

Он стоял перед большим стеклянным шкафом, помещенным между окнами, содержащим часть его китайской коллекции. Дверцы шкафа были открыты. Когда я вошел, барон обернулся, держа в руке коричневую вазочку.

– Прошу, садитесь, доктор, – сказал он. – Я разглядывал свои сокровища и прикидывал, в состоянии ли я их пополнить. Этот маленький образчик времен Тан, датируемый семнадцатым веком, возможно, вас заинтересует. Уверен, вы никогда не видели более изящной работы или более чудесной глазури. Минское блюдечко, которое вы упомянули, у вас с собой?

Я бережно распаковал блюдечко и вручил ему. Он сел за письменный стол, пододвинул лампу и начал рассматривать блюдечко. Желтый свет озарял и черты его лица, так что я мог не спеша их изучить.

Он, бесспорно, был поразительно красивым мужчиной. Красота его славилась по всей Европе вполне заслуженно. Роста он, правда, был среднего, но прекрасно сложен и грациозен. Лицо смуглое, почти восточное, с большими темными томными глазами, бесспорно способными неотразимо чаровать женщин. Волосы и усы цвета воронова крыла, причем усы короткие, с тщательно закрученными кончиками. Черты лица – правильные и приятные, если не

считать прямой линии узких губ рта. Если мне когда-либо доводилось увидеть рот убийцы, то я видел его теперь перед собой: жестокий, неумолимый разрез над подбородком, крепко сжатый, свирепый и ужасный. Ему не следовало отделять губы от усиков, ведь рот этот был сигналом об опасности, которым его снабдила природа в предостережение его жертвам. Его голос ласкал слух, а манеры были безупречными. По его виду я дал бы ему немногим больше тридцати, хотя впоследствии выяснилось, что ему было сорок два года.

– Замечательно, поистине замечательно, – сказал он, наконец. – И вы говорите, что у вас их шесть в наборе? Меня, однако, озадачивает, что я ничего не слышал о столь великолепных образчиках. В Англии мне известно только одно такое, а оно никак не может быть выставлено на продажу. Будет ли нетактичным, доктор Хилл Бартон, если я спрошу, откуда оно у вас?

– А это так уж важно? – спросил я с самым беззаботным видом, какой только сумел себе придать. – Вы видите, что оно подлинное, а что до цены, я удовлетворюсь оценкой эксперта.

– Такая таинственность! – сказал он, и на миг в его темных глазах вспыхнуло подозрение. – Имея дело со столь ценными предметами, естественно, хочешь знать о покупке все. Оно, бесспорно, подлинное, в этом у меня никаких сомнений нет. Но предположим... Я обязан принять во внимание любую возможность. Предположим, потом выяснится, что у вас не было права его продавать?

– Я гарантирую вам, что ничего подобного случиться не может.

– В таком случае возникает вопрос: чего стоит ваша гарантия?

– Ее подтвердят мои банкиры.

– Ах, так! И, тем не менее, вся эта сделка кажется мне крайне необычной.

– Вы можете согласиться или нет, – сказал я равнодушно. – Я сделал предложение вам первому, так как полагал, что вы знаток. Но мне будет нетрудно обратиться к кому-нибудь еще.

– Кто вам сказал, что я знаток?

– Мне известно, что вы написали книгу на эту тему.

– Вы ее читали?

– Нет.

– Бог мой! Мне становится все труднее что-либо понимать! Вы знаток и коллекционер с очень ценным предметом в вашей коллекции, и все же вы не потрудились ознакомиться с единственной книгой, из которой узнали бы истинное значение и ценность того, чем обладаете! Как вы это объясните?

– Я очень занятой человек. Я врач с большой практикой.

– Это не ответ. Если у человека есть увлечение, он ставит его на первое место, какими бы ни были его другие занятия. В своем письме вы указали, что вы знаток.

– Так и есть.

– Можно ли мне задать вам несколько вопросов, чтобы проверить вас? Я обязан сказать вам, доктор – если вы и правда доктор, – что ваш визит выглядит все более и более подозрительным. Я бы спросил вас, что вы знаете об императоре Шому, и как вы соотносите его с Шосо-ин вблизи Нары... Бог мой, это ставит вас в тупик? Скажите мне что-нибудь о северной династии Вей и ее месте в истории керамики?

Я вскочил с кресла в притворном гневе.

– Это нестерпимо, сэр, – сказал я. – Я пришел сюда сделать вам одолжение, а не подвергаться экзамену, будто школьник. Мои познания в этом предмете, возможно, уступают вашим, но, разумеется, я не стану отвечать на вопросы, задаваемые в столь оскорбительной форме.

Он вперил в меня взгляд. Томность исчезла из его глаз. Внезапно в них запылала ярость. Между жестокими губами блеснули зубы.

– Что это за игра? Вы тут как шпион. Вы приспешник Холмса. Вы устроили мне какую-то ловушку. Этот проходимец умирает, как я слышал, так он подсылает ко мне свои орудия,

чтобы следить за мной! Вы явились сюда незванным, и, черт возьми, возможно, выйти вам будет труднее, чем войти.

Он взвился на ноги, и я попятился, готовясь обороняться, так как он был вне себя от бешенства. Возможно, он заподозрил меня с самого начала, и, конечно, этот допрос открыл ему правду. Было ясно, что мне не следовало надеяться обмануть его. Он сунул руку в боковой ящичек и начал яростно там шарить. Затем его уши что-то уловили, так как он замер, напряженно прислушиваясь.

– А! – закричал он и кинулся в заднюю комнату.

В два шага я оказался перед распахнутой дверью, и в моей памяти навеки запечатлелась сцена внутри. Выходящее в сад окно было полностью открыто. Возле него, точно какой-то жуткий призрак, стоял Шерлок Холмс с головой в окровавленных бинтах, с осунувшимся побелевшим лицом. В следующую секунду он выпрыгнул в окно, и я услышал, как лавровые кусты снаружи затрещали под тяжестью его тела. С бешеным рычанием хозяин дома ринулся следом за ним к окну.

И тут! Произошло это в мгновение ока, но, тем не менее, я увидел все с полной ясностью. Рука, женская рука, высунулась из листвы. В тот же миг барон испустил ужасный вопль – крик, который всегда будет звучать в моей памяти. Он прижал обе ладони к лицу и начал метаться по комнате, страшным образом ударяясь головой в стены. Затем упал на ковер, катаясь, извиваясь, и дом оглашали все новые и новые вопли.

– Воды! Бога ради, воды! – кричал он.

Я схватил графин со столика и бросился к нему на помощь. В ту же секунду в комнату из передней вбежали дворецкий и несколько лакеев. Помнится, кто-то из них упал в обморок, когда, опустившись на колени, я повернул это ужасное лицо к свету лампы. Его повсюду разъедала серная кислота, капая с ушей и подбородка. Один глаз уже побелел и остекленел. Другой был багрово-воспаленным. Черты лица, восхитившие меня несколько минут назад, напоминали чудесный портрет, по которому художник провел мокрой и смердящей губкой. Они были смазанными, все в пятнах, нечеловеческими, ужасающими.

В нескольких словах я точно сообщил о том, что произошло, но только про серную кислоту. Одни попрыгали из окна, другие бросились наружу на газон, но было очень темно, и начинался дождь. Вопли жертвы перемежались проклятиями и поношениями по адресу мстительницы.

– Это адская кошка, Китти Уинтер! – кричал он. – Дьяволица! Ну, она поплатится! Поплатится! О, Господи, эта боль непереносима!

Я обмыл его лицо растительным маслом, наложил ватные тампоны на ожоги и сделал укол морфия. Под воздействием шока он забыл свои подозрения и цеплялся за мои руки так, будто у меня была власть исцелить эти уставленные на меня глаза, белесые, как у дохлой рыбы. Я чуть было не заплакал, глядя на его погубленное лицо, если бы не помнил со всей четкостью, какая гнусная жизнь привела к этому безобразному преображению. Было отвратительно ощущать прикосновение его обожженных ладоней, и я испытал облегчение, когда в комнату вошли его домашний врач и специалист по ожогам и занялись им. Прибыл и полицейский инспектор. Ему я вручил мою настоящую карточку. Было бы не только глупо, но и бесполезно поступить иначе, ведь в Скотланд-Ярде меня знали в лицо, почти как самого Холмса. Затем я покинул этот дом мрака и ужаса. Менее чем через час я был уже на Бейкер-стрит.

Холмс сидел в своем таком привычном кресле, очень бледный и измученный. Вдобавок к последствиям избиения события этого вечера не выдержали даже его железные нервы, и он с ужасом выслушал мой рассказ о преображении барона.

– Возмездие за грех, Ватсон, возмездие за грех! – сказал он. – Рано или поздно оно сбывается. А грехов, Бог свидетель, было предостаточно, – добавил он, беря со стола коричневый том. – Вот дневник, о котором она говорила. Если он не положит конец помолвке, значит, она нерасторжима. Но дневник сработает, Ватсон. Иначе быть не может. Ни одна уважающая себя женщина не стерпит подобного!

– Его любовный дневник?

– Или дневник его похоти. Называйте, как хотите. Едва мисс Уинтер рассказала нам о нем, я понял, какое грозное оружие мы обретем, если нам удастся его заполучить. Тогда я скрыл свои мысли, так как она могла проболтаться. Но я все время о нем думал. Затем нападение на меня дало шанс внушить барону, будто против меня не нужно принимать никаких предосторожностей. Все сложилось к лучшему. Я выждал бы подольше, но его путешествие в Америку не оставило мне выбора. Он не расстался бы с таким компрометирующим документом. Поэтому действовать надо было безотлагательно. О ночном взломе не могло быть и речи, он принял все предосторожности. Но вечер давал шанс, если бы я мог рассчитывать, что его внимание будет отвлечено. Вот тут-то нашлось дело для вас и вашего синего блюдечка. Но мне требовалось знать точно, где искать дневник, а я знал, что в моем распоряжении будет лишь несколько минут, поскольку время мне гарантировали только ваши познания в китайском фар-

форе. Вот почему я в последний момент прихватил с собой эту девушку. Как я мог догадаться, что скрывает пакетик, который она столь бережно несла под накидкой? Я полагал, что везу ее туда для выполнения моих намерений. Но оказалось, что у нее имелись собственные планы.

– Он догадался, что меня подослали вы.

– Этого я и опасался. Но вы сумели занять его достаточно, чтобы я забрал дневник. Хотя и не настолько, чтобы я успел скрыться незамеченным... А! Сэр Джеймс! Очень рад, что вы пришли.

Наш обходительный друг явился в ответ на приглашение, посланное раньше. Он с величайшим вниманием выслушал отчет Холмса о произошедших событиях.

– Вы сотворили чудеса! – вскричал он затем. – Но если эти ожоги так ужасны, как говорит доктор Ватсон, то наша цель воспрепятствовать этому браку достигнута, и нет надобности прибегать к этому омерзительному дневнику.

Холмс покачал головой.

– Женщины склада де Мервилль так не поступают. Она будет любить его даже больше, как изуродованного мученика. Мы должны уничтожить его внутреннее обаяние, а не физическое. Дневник заставит ее спуститься с небес на землю, как ничто другое, насколько я могу судить. Почерк его, и через это ей не переступить.

Сэр Джеймс унес и дневник, и бесценное блюдечко. Поскольку я опаздывал, то спустился на улицу вместе с ним. Его ожидала двухместная карета. Он вскочил в нее, торопливо отдал распоряжение кучеру в ливрее и укатил прочь. Хотя он наполовину спустил за окошко свое пальто, закрывая герб на дверце, но не прежде, чем я увидел этот герб в пятне света, падавшего из фрамуги над дверью. Я охнул от изумления. Затем повернулся и взбежал по лестнице в комнату Холмса.

– Я знаю, кто наш клиент! – вскричал я, врываясь туда с моей великой новостью. – Холмс, да это же...

– ...Верный друг и рыцарственный джентльмен, – сказал Холмс, подняв протестующую ладонь. – Пусть нам навсегда будет этого достаточно.

Не знаю, как был использован разоблачительный дневник. Возможно, этим занялся сэр Джеймс. Но куда более вероятно, что столь деликатную миссию взял на себя отец барышни. В любом случае, результат оказался таким, какого только можно было пожелать. Три дня спустя в «Морнинг пост» появилась заметка, сообщавшая, что брак между бароном Адельбертом Грюнером и мисс Вайолет де Мервилль не состоится. В той же газете был отчет о разбирательстве в полицейском суде дела мисс Китти Уинтер, обвиняемой в серьезном преступлении – обливании серной кислотой. Разбирательство выявило такие смягчающие обстоятельства, что приговор, как, вероятно, еще не забыто, был самым мягким, допускаемым такой статьей. Шерлоку Холмсу угрожали привлечением к суду за грабеж со взломом, но, когда цель благородна, а клиент достаточно высокороден, даже несгибаемые английские законы становятся эластичными. Мой друг пока еще никогда не сидел на скамье подсудимых.

Человек с побелевшим лицом

Мой друг Ватсон не отличается глубиной ума, зато упрямства ему не занимать. Вот уже сколько времени он уговаривает меня описать одно из моих дел. Впрочем, я сам, пожалуй, дал ему повод докучать мне этой просьбой, ибо не раз говорил, что его рассказы поверхностны, и что он потворствует вкусам публики вместо того, чтобы строго придерживаться истины. «Попробуйте сами, Холмс!» – обычно отвечал он, и, должен признаться, едва взяв в руки перо, я уже испытываю желание изложить эту историю так, чтобы она понравилась читателю. Дело, о котором пойдет речь, безусловно, заинтересует публику – это одно из самых необычных дел в моей практике, хотя Ватсон даже не упоминает о нем в своих заметках. Заговорив о моем старом друге и биографе, я воспользуюсь случаем и объясню, пожалуй, зачем я обременяю себя партнером, распутывая ту или иную загадку. Я делаю это не из прихоти и не из дружеского расположения к Ватсону, а потому, что он обладает присущими только ему особенностями, о которых обычно умалчивает, когда с неумеренным пылом описывает мои таланты. Партнер, пытающийся предугадать ваши выводы и способ действия, может лишь испортить дело, но человек, который удивляется каждому новому обстоятельству, вскрытому в ходе расследования, и считает загадку неразрешимой, является идеальным помощником.

Судя по заметкам в моей записной книжке, мистер Джеймс М. Додд посетил меня в январе 1903 года, сразу же, как только закончилась война с бурами. Это был высокий, энергичный, обожженный солнцем англичанин. Старина Ватсон в то время покинул меня ради жены – единственный эгоистический поступок, совершенный им за все время, что мы знали друг друга. Я остался один.

У меня есть привычка садиться спиной к окну, а посетителя усаживать в кресло напротив, так, чтобы свет падал на него. Мистер Джеймс М. Додд, видимо, испытывал некоторое затруднение, не зная, с чего начать беседу. Я же не торопился прийти ему на помощь, предпочитая молча наблюдать за ним. Однако я не раз убеждался, как важно поразить клиентов своей осведомленностью, и потому решил, наконец, сообщить кое-какие выводы.

- Из Южной Африки, сэр, я полагаю
- Да, сэр, – ответил он с некоторым удивлением.
- Имперский, кавалерийский полк территориальной армии, разумеется.
- Совершенно правильно.
- Мидлсекский корпус, несомненно?
- Так точно, мистер Холме. Да вы чародей.

Видя его изумление, я улыбнулся.

– Когда ко мне приходит столь энергичный на вид джентльмен, с лицом, загоревшим явно не под английским солнцем, и с носовым платком в рукаве, а не в кармане, совсем не трудно определить, кто он. У вас небольшая бородка, а это значит, что вы не из регулярной армии. Выправка заправского кавалериста. Из вашей визитной карточки видно, что вы биржевой маклер с Трогмортон-стрит. Поэтому я и упомянул Мидлсекс. В каком же еще полку вы могли служить?

- Вы все видите!

Не больше, чем вы, но я приучил себя анализировать все, что замечаю. Однако, мистер Додд, вы зашли ко мне сегодня утром не ради того, чтобы побеседовать об искусстве наблюдения, Так что же происходит в Таксбери-олд-парк?

- Мистер Холмс!..

– Мой дорогой сэр, я не делаю никакого открытия. Именно это место указано на бланке вашего письма, а из вашей настоятельной просьбы о свидании вытекает, что произошло нечто неожиданное и серьезное.

– Да-да, конечно. Но письмо написано в полдень, и с тех пор произошло многое. Если бы полковник Эмеворт не выгнал меня...

– Выгнал?!

– По существу, да. Суровый человек этот полковник Эмеворт. Трудно было сыскать в свое время более исправного армейского служаку, к тому же в армии в те годы грубость вообще считалась чем-то само собой разумеющимся. Я бы не стал связываться с полковником, если бы не Годфри.

Я закурил трубку и откинулся на спинку кресла.

– Может быть, вы объясните, о чем идет речь?

Мистер Додд усмехнулся.

– Я уже привык, что вы сами все знаете. Хорошо, я сообщу вам факты и надеюсь, что вы найдете им объяснение. Я не спал всю ночь, но чем больше ломал голову, тем невероятнее казалась мне вся эта история.

На военную службу я поступил в январе 1901 года, как раз два года назад, и попал в тот же эскадрон, где служил молодой Годфри Эмеворт. Он был единственным сыном полковника Эмеворта, того самого, что получил «Крест Виктории» в Крымской войне. В жилах у Годфри текла солдатская кровь, и неудивительно, что он пошел добровольцем в армию. Лучшего парня не было во всем полку. Мы подружились, как могут подружиться только люди, которые ведут одинаковый образ жизни. делят одни и те же радости и печали. Он стал моим другом, а в армии это много значит. Целый год мы участвовали в ожесточенных боях, вместе переживали и поражения, и победы. Затем в сражении у Брильянт-хилл, близ Претории, он был ранен пулей из крупнокалиберной винтовки. Я получил от него два письма – одно из госпиталя в Кейптауне, другое из Саутгемптона. После этого, мистер Холме, за шесть с лишним месяцев он не написал мне ни слова, не единого слова, а ведь он был моим ближайшим другом.

Ну вот. Как только кончилась война, и мы вернулись по домам, я написал его отцу и попросил сообщить, что ему известно о Годфри. Никакого отпета. Через некоторое время я написал снова. На этот раз пришел короткий и грубый ответ. Годфри, говорилось в нем, отправился в кругосветное путешествие и вряд ли вернется раньше, чем через год. Вот и все.

Такой ответ не удовлетворил меня, мистер Холме. Вся эта история показалась мне чертовски неправдоподобной. Такой парень, как Годфри, не мог забыть так быстро своего друга. Нет, это совсем на него не походило. Кроме того, случайно я узнал, что ему предстояло получить большое наследство, и что он не всегда жил в согласии со своим отцом. Старик бывал очень груб, и самолюбивый юноша не хотел покорно переносить его выходки. Нет-нет, ответ отца меня не удовлетворил, и я решил разобраться, что произошло. К сожалению, в результате двухлетнего отсутствия дела мои пришли в расстройство, и только на этой неделе я смог вновь вернуться к истории с Годфри. Но уж если я вернулся, то теперь брошу все, а дело до конца доведу.

Мистер Джеймс М. Додд выглядел человеком, которого предпочтительнее иметь в числе друзей, нежели врагов. Его голубые глаза выражали непреклонность, а квадратный подбородок свидетельствовал о настойчивом и твердом характере.

– Ну, и что же вы сделали? – поинтересовался я.

– Прежде всего я решил побывать у него в доме, в Таксбери-олд-парк, и выяснить обстановку на месте. Я предпринял лобовую атаку и написал его матери (с грубияном отцом я уже столкнулся и больше не хотел с ним связываться), что Годфри был моим приятелем, я мог бы рассказать много интересного о наших совместных переживаниях, и, так как скоро должен побывать в соседних с имением местах, не будет ли она возражать, если я... и т. д. и т. п. В ответ я получил вполне любезное приглашение остановиться на ночь у них. Вот почему я и отправился туда в понедельник.

Не так-то просто оказалось попасть в Тансбери-олд-парк: от ближайшего населенного пункта нужно было добираться до него миль пять. На станцию за мной никто не приехал, и мне пришлось отправиться пешком, с чемоданом в руке, так что, когда я пришел на место, уже почти стемнело. Дом – огромный и какой-то несуразный – стоял посреди большого парка. Я бы сказал, что в нем сочеталась архитектура разных эпох и стилей, начиная с деревянных сооружений елизаветинских времен и кончая портиком в викторианском стиле. Комнаты дома, где, казалось, блуждают тени прошлого и скрыты какие-то тайны, были обшиты панелями и украшены многочисленными гобеленами и выцветшими картинами. Старик дворецкий, по имени Ральф, был, наверно, не моложе самого дома, а его жена еще дряхлее. Несмотря на ее странный вид, я сразу почувствовал к ней расположение: она была нянькой Годфри, и я не раз слышал, как он называл ее своей второй матерью. Мать Годфри – маленькая, ласковая, седенькая, как белая мышь, старушка – тоже мне понравилась. Зато сам полковник никакой симпатии у меня не вызвал.

Мы поссорились с ним в первые же минуты, и я бы немедленно вернулся на станцию, если бы не мысль о том, что именно этого он, возможно, и добивается.

Едва я появился в доме, как меня сразу провели к нему в кабинет, где я увидел огромного сутулого человека с прокопченной – так мне показалось – кожей и седой растрепанной бородой. Он сидел за письменным столом, заваленным бумагами. Покрытый красными жилками нос торчал, как клюв грифа, а из-под косматых бровей свирепо смотрели серые глаза. Теперь я понял, почему Годфри так неохотно говорил об отце.

– Ну-с, сэр, – пронзительным голосом начал он. – Хотелось бы мне знать истинные причины вашего визита?

Я ответил, что уже объяснил их в письме его жене.

– Да-да, вы утверждаете, что знали Годфри в Африке. Но почему, собственно, мы должны верить вам на слово?

– У меня с собой его письма.

– Позвольте взглянуть.

Он быстро просмотрел два письма, которые я вручил, потом бросил их мне обратно.

– Ну и что же? – спросил он.

– Я привязался к вашему сыну Годфри, сэр. Нас связывала большая дружба, мы с ним много пережили. Меня, естественно, удивляет, почему он вдруг перестал писать мне. Я хочу знать, что с ним произошло.

– Насколько мне помнится, я уже писал вам и все объяснил. Он отправился в кругосветное путешествие. Служба в Африке отрицательно сказалась на его здоровье, и мы с его матерью решили, что ему необходимы полный отдых и перемена обстановки. Не откажите в любезности поставить об этом в известность всех других его друзей.

– Разумеется, – ответил я. – Но будьте добры, назовите, пожалуйста, пароходную линию и корабль, на котором он отплыл, а также дату отплытия. Уверен, что мне удастся переслать ему письмо.

Моя просьба одновременно и озадачила, и привела в раздражение хозяина. Его мохнатые брови нахмурились, он нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Наконец он взглянул на меня, и на его лице появилось то же самое выражение, какое бывает у шахматиста, оценившего все коварство очередного хода противника и решившего достойно его парировать.

– Мистер Додд, – сказал он, – многие на моем месте нашли бы вашу настойчивость возмутительной, переходящей в откровенную наглость.

– Моя настойчивость только доказывает, как искренне я привязан к вашему сыну, сэр.

– Не спорю. Именно поэтому я проявляю такую снисходительность. И, тем не менее, я вынужден просить вас отказаться от дальнейшего наведения всяких справок. У каждой семьи есть свои сугубо семейные дела, и не всегда уместно посвящать в них посторонних, какими бы

добрыми побуждениями те ни руководствовались. Моей жене очень бы хотелось услышать все, что вы знаете о военной жизни Годфри, но я прошу вас не задавать вопросов, относящихся к настоящему или будущему. Это ни к чему не приведет, а только поставит нас в щекотливое и даже трудное положение...

Я понял, мистер Холмс, что из расспросов ничего не выйдет. Мне оставалось лишь принять условия старика, но в душе я дал клятву не успокаиваться до тех пор, пока не выясню судьбу друга. Вечер прошел скучно. Мы втроем мирно поужинали в мрачной и какой-то поблекшей комнате. Старушка нетерпеливо расспрашивала меня о своем сыне, старик был угрюм и подавлен. Церемония ужина производила на меня столь тягостное впечатление, что под первым же благовидным предлогом я извинился и ушел в отведенную мне комнату. Это была большая, скудно обставленная комната на первом этаже, такая же мрачная, как и весь дом, но если в течение целого года единственным ложем человеку служила южноафриканская степь, мистер Холмс, он перестает быть чересчур разборчивым в отношении ночлега. Я раздвинул занавеси и выглянул в парк; вечер выдался великолепный, яркий лунный свет заливал все вокруг. Я уселся перед пылающим камином, поставил лампу на столик и попытался занять себя чтением романа. Дверь вдруг отворилась, и вошел старик дворецкий Ральф с корзиной угля в руках.

– Я подумал, сэр, что вам может не хватить угля на ночь. Комнаты эти сырые, а погода холодная.

Старик явно не спешил уходить, и, оглянувшись, я увидел, что он все еще топчется на месте с каким-то тоскливым выражением на морщинистом лице.

– Прошу прощения, сэр, но я нечаянно услышал, как вы рассказывали во время ужина о нашем молодом господине Годфри. Вы знаете, сэр, моя жена нянчила его, а я люблю его, как отец. Нам тоже интересно о нем послушать. Так вы говорите, сэр, он был хорошим солдатом?

– В полку не было человека храбрее его. Если бы не Годфри, я, возможно, не сидел бы сейчас здесь. Однажды он вытащил меня из-под обстрела.

Старик дворецкий потер костлявые руки.

– Да, сэр, да, узнаю нашего молодого господина Годфри! В смелости ему не откажешь. В нашем парке, сэр, нет ни одного дерева, на которое бы он не взбирался. Ничто не могло его остановить. Какой был замечательный мальчик, сэр, какой был замечательный молодой человек!

Я вскочил.

– Послушайте! – воскликнул я. – Вы сказали «был», словно речь идет о мертвом. Что-то вы все скрываете! Что случилось с Годфри Эмсвортом?

Я схватил старика за плечо, но он отшатнулся.

– Не понимаю, сэр, о чем вы толкуете. Спросите о молодом господине у хозяина. Он знает. А мне запрещено вмешиваться.

Он хотел уйти, но я задержал его руку.

– Или вы ответите мне на один вопрос, или я продержу вас здесь всю ночь. Годфри мертв?

Старик не мог поднять на меня глаз. Он стоял, словно загипнотизированный, а когда собрался с силами и ответил, я услышал нечто ужасное и совершенно неожиданное.

– Уж лучше бы он был мертв! – воскликнул старик и, вырвавшись из моих рук, выбежал из комнаты.

Вы понимаете, мистер Холмс, в каком настроении я снова опустился в кресло. Слова старика могли означать только одно: либо мой бедный друг замешан в каком-то преступлении, либо, в лучшем случае, совершил недостойный поступок, затрагивающий честь семьи. Непреклонный старик услал куда-то сына, укрыл его от глаз людских, опасаясь, как бы скандал не выплыл наружу. Годфри был сорвиголова и легко поддавался влиянию окружающих. Несомненно, он попал в чьи-то дурные руки, его обманули и погубили. Жаль, конечно, если это

так, но и сейчас мой долг состоял в том, чтобы найти его и выяснить, чем можно ему помочь. Погруженный в эти размышления, я машинально поднял глаза и увидел перед собой... Годфри Эмсворта!..

Мой клиент умолк, вновь охваченный волнением.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал я. – История и в самом деле не совсем обычная.

– Он стоял за окном, мистер Холмс, прижимаясь лицом к стеклу. Я уже говорил вам, что незадолго до этого любовался парком, освещенным луной, и, очевидно, неплотно задвинул занавески на окне. В образовавшемся между ними просвете и стоял мой друг. Окно начиналось от самого пола, и я видел Годфри во весь рост, но прежде всего мне бросилось в глаза его лицо. Оно было мертвенно-бледное – ни у кого никогда я не видел такого бледного лица. Так, наверное, выглядят привидения, но когда наши взгляды встретились, я понял, что передо мной живой человек. Он заметил, что я смотрю на него, отскочил от окна и скрылся в темноте.

Вид Годфри, мистер Холмс, поразил меня. Не только это лицо, блевшее в темноте, словно ломоть сыра, но еще больше его жалкое, виноватое, какое-то приниженное выражение. Оно было так несвойственно прямодушному и мужественному юноше, каким я знал Годфри. Я содрогнулся от ужаса.

Но тот, кто провоевал год-другой, приучается сохранять хладнокровие и мгновенно принимать решения. Едва Годфри исчез, как я оказался у окна. Мне пришлось потратить некоторое время, чтобы справиться с замысловатым шпингалетом и распахнуть окно. Я выскочил в парк и побежал по тропинке, по которой мог скрыться Годфри.

Тропинка, казалось, не имела конца, среди деревьев царил полумрак, но все же – или зрение обманывало меня? – я заметил впереди что-то движущееся. Несколько раз на бегу я окликнул Годфри по имени. Добравшись до конца тропинки, я обнаружил еще несколько дорожек, разбегавшихся в разных направлениях к каким-то постройкам. Я в нерешительности остановился и тут же услышал стук закрывающейся двери. Звук долетел не из дома, оставшегося у меня за спиной, а откуда-то из темноты, впереди меня. Этого было достаточно, мистер Холмс, чтобы рассеять мои сомнения в реальности происходящего. Это был Годфри, и, скрываясь от меня в доме, он захлопнул за собой дверь. Я был твердо в этом убежден. Мне не оставалось ничего другого, как вернуться в свою комнату, где я провел бессонную ночь, размышляя и пытаясь найти какое-то объяснение случившемуся.

На следующий день полковник разговаривал со мной более дружелюбным тоном, а когда его жена вскользь заметила, что места вокруг очень живописные, я воспользовался случаем и спросил, не очень ли помешаю им, если останусь еще на ночь. Старик, хотя и не очень охотно, ответил согласием, и я получил для своих наблюдений еще день. Я уже не сомневался, что Годфри скрывается где-то поблизости, но где и почему – эту загадку мне предстояло решить.

Дом был такой большой и так беспорядочно построен, что в нем мог бы укрыться целый полк, и никто бы об этом не узнал. Если разгадка тайны скрывалась в самом доме, мне нечего было и надеяться на успех. Но дверь, стук которой я слышал, находилась, безусловно, не в доме. Мне предстояло обследовать парк и выяснить, какие строения в нем расположены. Задача не представляла собой трудности, поскольку хозяева занимались своими делами и предоставили меня самому себе.

Усадьба состояла из нескольких надворных построек, а в конце парка находился изолированный флигель, предназначенный, видимо, для садовника или егеря. Не здесь ли и хлопнула дверь накануне ночью? С небрежным видом, будто прогуливаясь по саду, я приблизился к флигелю. Как раз в это время невысокий энергичный человек с бородкой, в черном пальто и в шляпе-котелке, вышел из двери. Он совсем не походил на садовника. Выйдя из домика, он, к моему изумлению, закрыл дверь на замок и положил ключ в карман. Потом он с некоторым удивлением посмотрел на меня.

– Вы здесь в гостях? – спросил он.

Я объяснил причины своего приезда и подчеркнул, что являюсь другом Годфри.

– Какая жалость, что ему пришлось отправиться в путешествие, – продолжал я, – наша встреча доставила бы ему удовольствие.

– Вот именно, – ответил он несколько сконфуженно. – Но ничего, вы еще побываете здесь в более подходящее время.

Неизвестный ушел, но, обернувшись через некоторое время, я заметил, что он стоит за лавровыми кустами и наблюдает за мной.

Продолжая прогуливаться, я внимательно осмотрел домик. Тяжелые шторы на окнах не позволяли заглянуть внутрь, но во флигеле, видимо, никого не было. Я чувствовал, что за мной по-прежнему наблюдают, и понял, что испорчу себе всю игру, если буду действовать

слишком уж дерзко. Мне просто-напросто предложат убраться из поместья. Я решил отложить дальнейшие поиски до наступления вечера и не спеша вернулся в свою комнату. Как только стемнело и все кругом затихло, я выскользнул в окно и, соблюдая величайшую осторожность, прокрался к таинственному домику.

Я уже говорил, что тяжелые шторы не позволяли заглянуть внутрь, а теперь окна были закрыты еще и ставнями. Однако в одном месте сквозь них пробивалась полоска света, и я прильнул к окну. Мне повезло: шторы оказались задернутыми небрежно, в ставне нашлась узенькая щель, и я смог разглядеть все внутри. Это была довольно уютная, освещенная яркой лампой комната с пылающим камином. Напротив меня сидел невысокий человек – с ним я разговаривал сегодня утром. Он покурил трубку и читал газету...

– Какую? – поинтересовался я.

Мне показалось, что мой клиент несколько раздражен тем, что я перебил его.

– Разве это имеет значение? – спросил он.

– Имеет, и очень важное.

– Я не обратил внимания.

– Но, возможно, вы заметили, какого формата была газета – большая или размера еженедельника?

– Теперь, после вашего вопроса, припоминаю, что небольшого. Возможно, это был журнал «Спектейтор». Но у меня не было времени интересоваться подобными деталями, я увидел в комнате второго человека. Он сидел спиной к окну, и я готов был поклясться, что это Годфри. Его лица я не видел, но узнал своего друга по знакомой покатоности плеч. Он сидел, повернувшись к камину и опираясь на руку, и вся его поза выражала величайшую меланхолию. Пока я раздумывал, как поступить дальше, кто-то сильно толкнул меня в спину, и я увидел рядом полковника Эмсворта.

– Идите за мной, сэр, – тихо проговорил он и направился к дому.

Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним в отведенную мне комнату. В вестибюле он захватил с собой железнодорожное расписание.

– Поезд в Лондон отправляется в восемь тридцать, – сказал он. – Двухолка будет ждать у подъезда в восемь.

Полковник даже побелел от ярости, а я испытывал такой стыд, что мог пролепетать в свое оправдание лишь несколько бессвязных фраз, объясняя свой поступок беспокойством за друга.

– Вопрос не подлежит обсуждению, – резко ответил полковник. – Вы нагло вмешались в частные дела нашей семьи. Вы приехали сюда как гость, а оказались шпионом. Нам не о чем больше говорить, хочу только добавить, что не имею ни малейшего желания еще раз встречаться с вами.

Я не сдержался, мистер Холмс, и заговорил со стариком с некоторой горячностью:

– Я видел вашего сына и убежден, что по каким-то причинам вы прячете его от всех. Не знаю, чем это вызвано, что он лишен возможности действовать по собственной воле. Предупреждаю вас, полковник Эмсворт, что до тех пор, пока я не получу доказательств, что жизни моего друга ничто не угрожает, я не откажусь от попыток до конца разобраться в этой тайне. Я не позволю себя запугать, что бы вы ни говорили и ни делали.

Я опасался, что взбешенный старик вот-вот бросится на меня. Я уже сказал, что он был высоченный и энергичный старина-великан, и, хотя я и сам не из числа слабых, мне пришлось бы туго, если бы мы с ним схватились. Он долго с гневом смотрел на меня, потом резко повернулся и вышел.

В поезд я сел, полный решимости немедленно обратиться к вам за советом и помощью. Письмо с просьбой о свидании я направил вам несколько раньше...

Такова была загадка, которую мне предложил мой посетитель. Проницательный читатель, вероятно, уже понял, что она не представляла особых трудностей, поскольку существо-

вало всего два-три варианта ее решений. И все же, несмотря на простоту, она содержала несколько интересных и необычных деталей, что, собственно, и заставило меня выбрать ее, когда я взялся за перо. Применяя свой обычный метод, я продолжал сокращать количество возможных решений.

– Сколько всего слуг в доме? – спросил я.

– Если не ошибаюсь, только старик дворецкий и его жена. Эмсворты живут очень просто.

– Следовательно, во флигеле слуги не было?

– Нет, если только его обязанности не выполняет маленький человек с бородой. Однако он совсем не похож на слугу.

– Очень важное обстоятельство. Вы не замечали, пища доставляется во флигель из дома?

– Сейчас припоминаю, что однажды я видел, как Ральф шел по дорожке парка к флигелю с корзиной в руках. Но тогда мне и в голову не пришло, что он нес еду.

– Ну, а на месте вы наводили какие-нибудь справки?

– Да, я разговаривал с начальником станции и с хозяином деревенской таверны. Я интересовался, известно ли им что-нибудь о моем старом товарище Годфри Эмсворте. Они оба утверждали, что он отправился в кругосветное путешествие. По их словам, он вернулся домой из армии, но почти сразу отправился путешествовать. Очевидно, это общее мнение.

– Вы ничего не говорили о своих подозрениях?

– Ни слова.

– Похвально. Дело, безусловно, нужно расследовать. Я поеду вместе с вами в Такс-бери-олд-парк.

– Сегодня?

Случилось так, что я в то время заканчивал дело, названное моим другом Ватсоном «Приключением в школе аббатства», – в нем был серьезно замешан герцог Грейминстерский. Кроме того, я получил одно поручение от султана Турции, что требовало от меня немедленных действий, ибо в противном случае могли возникнуть самые неприятные политические последствия. Вот почему, судя по записям в моем дневнике, я только в начале следующей недели смог поехать в Бедфордшир вместе с мистером Джемсом М. Доддом. По пути на вокзал Юстон мы прихватили с собой седого джентльмена – сурового и молчаливого; с ним я договорился заранее.

– Это мой старый приятель, – объяснил я Додду. – Возможно, его присутствия и не потребуется, но возможно, оно окажется необходимым. Пока нет смысла вдаваться в детали.

Из рассказов Ватсона читатели, несомненно, знают, что я обычно не трачу слов впустую и не люблю раньше времени делиться своими мыслями. Додда удивляло мое поведение, но он молчал, и мы продолжали поездку. В поезде я задал Додду еще один вопрос: мне хотелось, чтобы его ответ услышал наш спутник.

– Вы, как мне помнится, сказали, что успели хорошо рассмотреть лицо вашего друга в окне, настолько хорошо, что сразу узнали его. Это так?

– Никаких сомнений! Он прижался к стеклу вплотную, и свет лампы падал как раз на его лицо.

– Но, возможно, это был кто-нибудь другой, похожий на вашего друга?

– Нет и нет.

– Однако вы утверждали, что он изменился?

– Изменился только цвет его лица. Оно было – как бы вам сказать? – такого же белого цвета, как, скажем, живот рыбы. Словно выбеленное.

– Все или частично?

– Пожалуй, частично. Особенно мне бросился в глаза его лоб, когда он прижимался к стеклу.

– Вы окликнули Годфри?

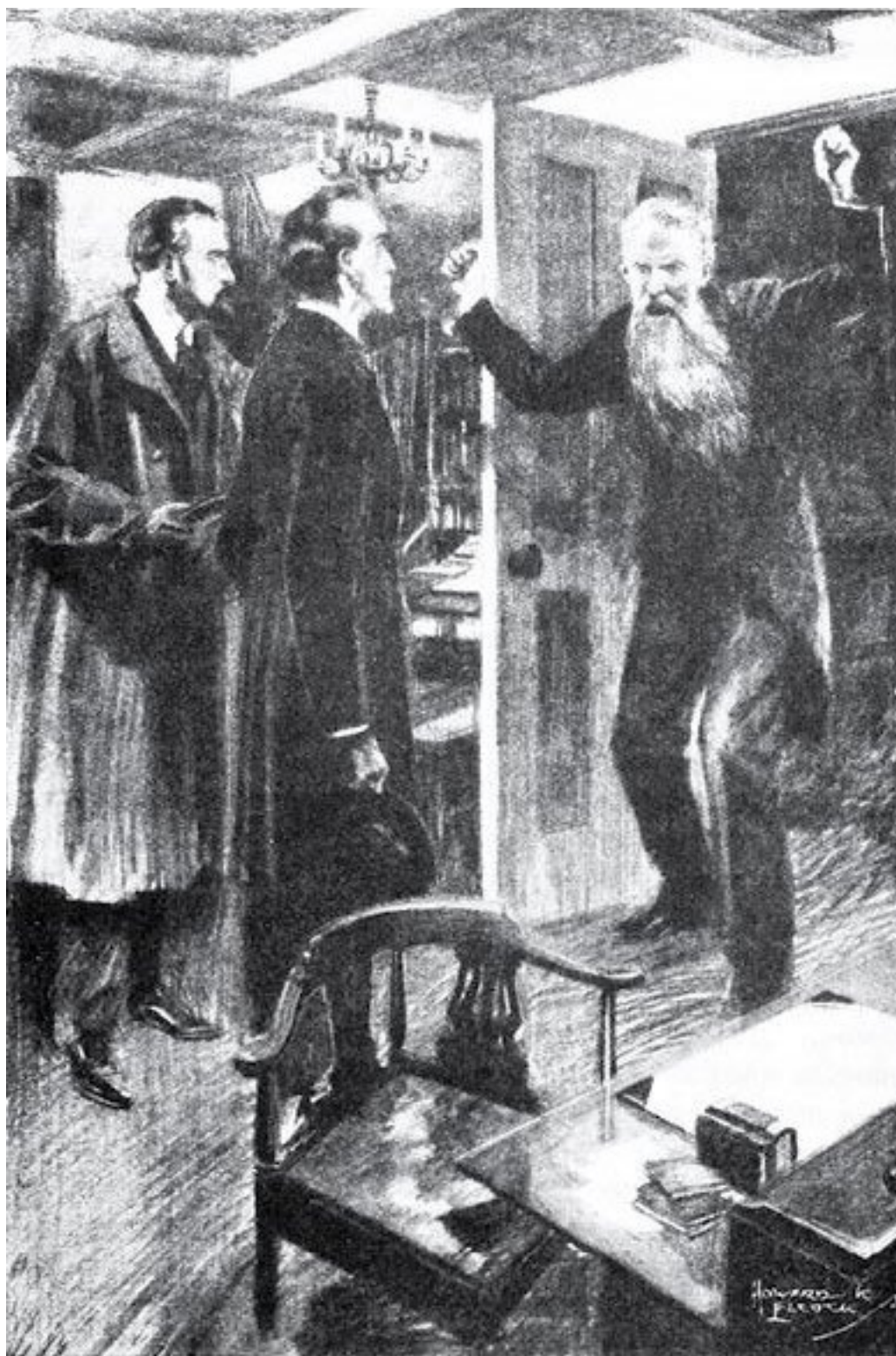
– В ту минуту я был страшно удивлен и даже потрясен. Потом, как я уже рассказывал, я бросился за ним вдогонку, но безуспешно.

По существу, мне уже было все ясно, оставалось лишь уточнить одну небольшую деталь. После довольно продолжительной поездки мы добрались, наконец, до странного, беспорядочно построенного дома. Дверь нам открыл старик дворецкий Ральф. Коляску я нанял на весь день и попросил моего старого друга побыть в ней, пока мы его не позовем. На Ральфе, маленьком морщинистом старичке, был обычный костюм – черный пиджак и брюки в полоску, но с одним курьезным дополнением. На руках у него я увидел коричневые кожаные перчатки. При нашем появлении он торопливо стянул их и положил на столик в вестибюле. Как уже, очевидно, отмечал мой друг Ватсон, я наделен отличным обонянием, и поэтому сразу ощутил хотя и слабый, но характерный запах, исходивший, насколько я мог определить, от этого столика. Я повернулся, положил на него шляпу, как бы нечаянно столкнул ее на пол и, нагнувшись за ней, принюхался. Да, странный дегтярный запах исходил, несомненно, от перчаток, оставшихся, благодаря моей уловке, не больше чем в футах от моего носа. Направляясь в кабинет хозяина, я уже считал расследование законченным. Какая жалость, что мне приходится самому выступать в роли рассказчика и раскрывать свои карты! Ведь только умалчивая до поры до времени о самых важных звеньях цепи, Ватсон умел так эффектно заканчивать свои истории.

Полковника Эмсворта в кабинете не оказалось, но, извещенный Ральфом, он вскоре предстал перед нами. Сначала мы услышали в коридоре быстрые тяжелые шаги. Потом распахнулась дверь, и в комнату ворвался ужасного вида старик. В руках он держал наши визитные карточки, которые тут же изорвал в мелкие клочки и, бросив на пол, принялся топтать.

– Разве я не советовал вам не совать свой проклятый нос в чужие дела?! Разве не предупреждал, что не желаю вас больше видеть?! Не вздумайте еще хоть раз показать мне свою гнусную физиономию! Если вы осмелитесь снова появиться здесь без моего разрешения, я пристрелю вас, сэр! Такое же предупреждение, – он повернулся ко мне, – я делаю и вам. Мне известна ваша подлая профессия, но применяйте свои так называемые таланты где-нибудь в другом месте, только не здесь.

– Я никуда отсюда не уйду, – решительно заявил мой клиент, – пока не услышу от самого Годфри, что он в безопасности.

Наш нелюбезный хозяин звонком вызвал дворецкого.

– Ральф, – распорядился он, – позвоните в полицию и попросите инспектора прислать двух полицейских. Объясните, что у меня в доме воры.

– Минуточку, – сказал я. – Вы должны понять, мистер Додд, что полковник Эмсворт поступает справедливо. Мы не имеем права вторгаться в его дом. Вместе с тем и ему надо понять, что наши действия вызваны только беспокойством о его сыне. Позволю себе выразить

надежду, что если я получу возможность поговорить с полковником Эмсвортом минут пять, мне, безусловно, удастся изменить его настроение.

– Не так легко меня переубедить, – отрезал старый вояка. – Ральф, выполняйте приказание. Какого дьявола вы ждете? Звоните в полицию!

– Ничего подобного, – сказал я и встал в дверях. – Вмешательство полиции приведет к той самой катастрофе, которой вы так опасаетесь. – Я вынул блокнот, написал на нем всего лишь одно слово и передал вырванный листок полковнику Эмсворту. – Вот поэтому-то мы и приехали сюда, – пояснил я.

– Как вы узнали? – с трудом проговорил он, опускаясь в кресло.

– Я обязан был узнать. Такова у меня профессия.

Наш хозяин погрузился в глубокое раздумье. Он сидел и молча теребил свою растрепанную бороду, потом махнул худой рукой, и этот жест означал, что старик вынужден покориться обстоятельствам.

– Ну что ж, если вы желаете повидать Годфри, – пожалуйста. Я не хотел этого, но бессилён помешать. Ральф, скажите Годфри и мистеру Кенту, что мы зайдем к ним минут через пять.

Когда истекло это время, мы прошли по дорожке через парк и очутились перед таинственным флигелем. У двери стоял невысокий бородатый человек и с удивлением смотрел на нас.

– Как все неожиданно, полковник Эмсворт! – воскликнул он. – Это расстраивает все наши планы.

– Ничего не могу поделать, мистер Кент. Нас вынудили. Как мистер Годфри?

– Он ждет.

Кент повернулся и провел нас в большую, просто обставленную гостиную. Спинной к камину стоял человек. Мой клиент бросился к нему с протянутой рукой.

– Годфри, старина!

Однако человек у камина знаком остановил его.

– Не прикасайся ко мне, Джимми, не подходи. Да-да, смотри на меня во все глаза. Я теперь не очень похож на бравого капрала Эмсворта из эскадрона «Б», не так ли?

Действительно, выглядел капрал Годфри Эмсворт, по меньшей мере, странно. Еще совсем недавно это был красивый, загоревший под африканским солнцем юноша, а сейчас его лицо покрывали беловатые пятна, кожа казалась как бы выбеленной.

– Вот почему я неприветлив с гостями, – заметил он. – Тебя-то я рад видеть, Джимми, однако не могу сказать того же о твоём знакомом. Он, вероятно, не случайно оказался здесь, но не знаю, что привело его сюда.

– Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке, Годфри. Я видел, как ты вчера вечером заглядывал в мое окно, и решил во что бы то ни стало узнать, что у вас происходит.

– О твоём приезде мне рассказал старина Ральф, и я не мог удержаться, чтобы не взглянуть на тебя. Я надеялся, что ты не заметишь меня, и бросился со всех ног в свою нору, когда ты подошел к окну.

– Боже, но что с тобой?

– Ну, объяснение не займет много времени, – ответил он, закуривая сигарету. – Ты помнишь утренний бой в Буффелсприте, около Претории, на Восточной железной дороге? Ты слышал, что я был тогда ранен?

– Да, слышал, но подробностей не знаю.

– Я и еще двое наших отстали от своей части. Если ты помнишь, местность там холмистая. Со мной были Симпсон, тот самый парень, которого мы называли Лысым Симпсоном, и Андерсон. Мы прочесывали участок, но солдаты противника хорошо укрылись и внезапно напали на нас. Симпсон и Андерсон были убиты, а я был ранен в плечо. Правда, мне удалось

удержаться на лошади, и она проскакала несколько миль, прежде чем я потерял сознание и свалился с седла.

Когда я пришел в себя, уже наступила ночь, и хотя я ослаб и чувствовал себя очень плохо, все же сумел приподняться и осмотреться. С удивлением я обнаружил, что нахожусь недалеко от большого здания с широкой верандой и множеством окон. Было очень холодно. Ты помнишь этот отвратительный холод – он всегда вызывал какое-то болезненное состояние и не имел ничего общего с бодрящей здоровой прохладой. Так вот, я очень замерз, и мне казалось, что я выживу только в том случае, если доберусь до какого-нибудь крова. С трудом поднялся и потащился, почти не сознавая того, что делаю. Мне смутно помнится, как я медленно поднялся по ступеням крыльца, вошел через распахнутую дверь в большую комнату, где стояло несколько кроватей, и со вздохом облегчения бросился на одну из них. Постель не была заправлена, но меня это вовсе не беспокоило. Я дрожал и, натянув на себя простыни и одеяло, мгновенно погрузился в глубокий сон.

Проснулся я утром, и мне сразу же показалось, что какая-то сила перенесла меня из реального мира в царство кошмаров. В огромные, без занавесок окна вливались лучи африканского солнца и ярко освещали большую голую спальню с выбеленными стенами. Передо мною стоял низенький, похожий на гнома человек с головой-луковицей; он размахивал обезображенными, напоминавшими коричневые губки руками и что-то возбужденно трещал по-голландски. За ним я увидел группу людей, которых, видимо, очень забавляла эта сцена. У меня же при взгляде на них стала стынуть кровь. Ни одного из них нельзя было назвать нормальным человеческим существом: изуродованные, искривленные, распухшие. Жуткое впечатление производил смех этих уродов.

Никто из них, кажется, не знал английского языка, но обстановка вскоре прояснилась, ибо существо с головой-луковицей уже пришло в ярость, с какими-то звериными возгласами ухватило за меня своими изуродованными руками и принялось стаскивать меня с кровати, не обращая внимания на то, что из моей раны снова хлынула кровь. Маленькое чудовище обладало звериной силой, и не знаю, что оно сделало бы со мной, не появившись в комнате какой-то пожилой человек, привлеченный шумом и, судя по манере держаться, обладавший определенной властью. Он бросил несколько сердитых слов по-голландски, и мой мучитель оставил меня в покое. Потом человек повернулся и с величайшим изумлением уставился на меня.

«Каким образом вы оказались здесь? – не скрывая удивления, спросил он. – Одну минуту! Я вижу, вы утомлены и ранены. Я врач и сейчас перевяжу вас. Но, Боже мой, здесь вам угрожает еще большая опасность, чем на поле боя. Вы попали в больницу для прокаженных и провели ночь в постели больного проказы».

Нужно ли рассказывать дальше, Джимми? Оказывается, в связи с приближением фронта все эти несчастные были накануне эвакуированы. После того, как англичане продвинулись вперед, доктор – он оказался заведующим больницей – доставил своих пациентов обратно. Он сказал, что хотя и считает себя невосприимчивым к проказе, все же не осмелился бы сделать то, что сделал я. Он поместил меня в отдельную палату, внимательно ухаживал за мной, а через неделю отправил в военный госпиталь в Преторию.

Вот и вся моя трагическая история. Вопреки всему, я еще на что-то надеялся, но уже после возвращения домой ужасные знаки, которые ты видишь у меня на лице, дали знать, что болезнь не пощадила меня. Что мне оставалось делать? Наша усадьба расположена в уединенной местности. Нас обслуживают двое слуг, на которых мы могли бы положиться. У нас есть флигель, где я мог жить. Врач, мистер Кент, согласился разделить со мной уединение и обещался хранить тайну. Казалось, все очень просто. А что ожидало меня, если бы мы открыли тайну моего заболевания? Пожизненная изоляция вместе с совершенно чужими людьми, без всякой надежды на освобождение. Нам оставалось только одно: соблюдать строжайшую тайну, иначе разразился бы скандал, и ничто не спасло бы меня от ужасной участи. Даже тебя,

Джимми, даже тебя пришлось держать в неведении! Ума не приложу, почему вдруг отец смягчился.

Полковник Эмсворт показал на меня.

– Вот господин, вынудивший меня сделать это. – Он развернул листок бумаги, на котором я написал слово «проказа». – Я решил, что если уж он знает так много, то будет безопаснее, если узнает все.

– Правильно, – ответил я. – Возможно, именно поэтому все закончится очень хорошо. Насколько я понимаю, пока мистер Кент лишь наблюдал своего пациента. Позвольте спросить, сэр: вы специалист по таким заболеваниям?

– Я просто врач, – несколько сухо ответил мистер Кент.

– Не сомневаюсь, сэр, что вы вполне компетентный врач, но уверен, что вы не станете возражать, если вам предложат выслушать еще чье-то мнение. Если не ошибаюсь, вы пока не сделали этого из опасения, что вас заставят изолировать вашего пациента.

– Именно так, – подтвердил полковник Эмсворт.

– Я предвидел, что возникнет подобная ситуация, – продолжал я, – и привез с собой друга, на чье молчание можно положиться. В свое время я оказал ему профессиональную услугу. И он готов дать совет скорее как друг, чем как специалист. Я говорю о сэре Джемсе Саундерсе.

Перспектива побеседовать со своим главнокомандующим не вызвала бы у младшего офицера такого энтузиазма, какой отразился на лице мистера Кента при моих словах.

– Буду весьма польщен, – пробормотал он.

– В таком случае, я приглашу сюда сэра Джемса. Он ждет в коляске у ворот. Мы же, полковник Эмсворт, пройдем в ваш кабинет, где я сочту своим долгом дать вам необходимые разъяснения.

Именно сейчас я и почувствовал, как недостает моего Ватсона. Уж он-то всякими интригующими вопросами и возгласами удивления умеет возвысить мое несложное искусство до уровня чуда, хотя в действительности оно представляет собой не что иное, как систематизированный здравый смысл. Я же, выступая в качестве рассказчика, лишен возможности прибегать к подобным методам. Поэтому ограничусь тем, что изложу здесь ход моих рассуждений, как изложил его маленькой аудитории в кабинете полковника Эмсворта.

– Размышляя над всей этой историей, я исходил из предпосылки, что истиной, какой бы невероятной она ни казалась, является то, что останется, если отбросить все невозможное. Не исключено, что это оставшееся допускает несколько объяснений. В таком случае необходимо проанализировать каждый вариант, пока не останется один, достаточно убедительный. Применим сейчас этот метод к нашему случаю. В том виде, в каком дело было изложено мне впервые, оно допускало только три возможных ответа на вопрос, чем вызвано добровольное уединение или принудительное заключение этого джентльмена в имении отца. Либо он скрывался от привлечения к ответственности за какое-то преступление, либо сошел с ума и родители не хотели посылать его в сумасшедший дом, либо у него обнаружили болезнь, требующую изоляции. Иных приемлемых объяснений я придумать не мог. Таким образом, предстояло сравнить и проанализировать каждый из этих трех вариантов.

Версия о преступлении не выдерживала серьезной проверки. Нераскрытых преступлений в этом районе не было. Я это твердо знал. Если же речь шла о нераскрытом пока преступлении, интересы семьи, несомненно, потребовали бы поскорее отделаться от виновника и отправить его за границу, а не прятать в доме. Поведение семьи казалось мне необъяснимым.

Более правдоподобной выглядела версия о сумасшествии. Присутствие второго человека во флигеле давало повод предполагать, что вместе с Годфри живет санитар. Тот факт, что, выходя, он закрыл за собой дверь на замок, лишь подтверждало подобную возможность и свидетельствовало о каких-то ограничениях, наложенных на больного. Вместе с тем эти ограниче-

ния, видимо, не носили слишком строгий характер, иначе молодой человек не мог бы выйти из флигеля, чтобы взглянуть на своего приятеля. Вы помните, мистер Додд, меня интересовало, какую газету или журнал читал мистер Кент. Я утвердился бы в своем предположении, если бы это оказался «Ланцет» или «Британский медицинский журнал». Душевнобольной может оставаться в частном доме, если за ним присматривает медицинский работник и предупреждены соответствующие власти. Но тогда к чему вся эта таинственность в поведении Эмсвортов? Объяснения я не находил.

Оставалась третья версия, почти невероятная, но все ставившая на свои места. Проказа в Южной Африке очень распространена, и вполне возможно, что в результате какой-то нелепой случайности юноша заразился страшной болезнью. Это поставило его родителей в исключительно трудное положение, так как они, естественно, не хотели, чтобы их сына изолировали. Оставался один выход: постараться сохранить постигшее семью несчастье в тайне, не допустить возникновения слухов и избежать вмешательства властей. Не представляло трудности найти надежного медицинского работника, готового за соответствующее вознаграждение взять на себя уход за больным. Наконец, не было никаких оснований отказывать больному в некоторой свободе передвижения с наступлением темноты. Что касается белого лица юноши, то именно побеление кожи является одним из последствий заболевания проказой.

Это предположение показалось мне настолько убедительным, что я решил действовать так, словно оно уже подтвердилось. Мои последние сомнения рассеялись, когда я заметил, что Ральф носил еду в перчатках, пропитанных дезинфицирующим средством. Всего лишь одним словом, сэр, я дал вам понять, что ваш секрет раскрыт. Я мог бы произнести это слово, но предпочел написать, так как хотел показать вам, что мне можно довериться.

Я уже заканчивал свое краткое сообщение, когда раскрылась дверь и в ней появилась аскетическая фигура великого дерматолога. На этот раз черты его лица, напоминавшего в обычное время лик сфинкса, не казались суровыми, а глаза светились теплотой. Он не спеша подошел к полковнику Эмсворту и пожал ему руку.

– Чаще всего я приношу плохие вести, – сказал он, – но на этот раз пришел с хорошей вестью. Это не проказа.

– Что?

– Бесспорный случай псевдопроказы, или ихтиоза, иногда еще называемого «рыбьей чешуей». Это вызывающее отвращение и с трудом поддающееся излечению заболевание кожи, к счастью, не заразно. Да, мистер Холмс, сходство поразительное! Но можно ли его назвать случайным? Разве нельзя предположить, что нервное потрясение, которое пережил молодой человек после соприкосновения с прокаженными, как раз и вызвало подобие того, чего он так боялся? Во всяком случае, гарантирую своей профессиональной репутацией... Что это? Дама в обмороке! Побудьте с ней, мистер Кент, пока она не придет в себя. Это от радости.

Камень Мазарини

Доктору Ватсону было очень приятно вновь оказаться в неприбранной комнате на втором этаже дома на Бейкер-стрит, в комнате, где начиналось так много поразительных приключений. Он оглядывал изъеденный кислотами стол с химикалиями, прислоненный в углу скрипичный футляр, угольный совок, всегда хранивший трубки и табак. Наконец его взгляд остановился на свежей улыбающейся физиономии Билли, юного, но весьма разумного и тактичного мальчика на посылках, чье присутствие чуть-чуть заполнило пропасть одиночества и изолированности, которые обособляли мрачную фигуру великого сыщика.

– Здесь все выглядит по-прежнему, Билли. Ты тоже не изменился. Надеюсь, это же можно сказать и о нем?

Билли с некоторой опаской покосился на закрытую дверь спальни.

– Думаю, он в кровати. Спит, – сказал он.

Было семь часов вечера погожего дня, но доктор Ватсон прекрасно знал, что его старый друг не соблюдает никакого режима, и несколько не удивился этим словам.

– Полагаю, за этим кроется новое дело?

– Да, сэр. Он сейчас занят им по горло. Я боюсь за его здоровье. Он все больше худеет и бледнеет и ничего не ест. «Когда подать обед, мистер Холмс?» – спрашивает миссис Хадсон. «В семь тридцать послезавтра», – отвечает он. Вы же знаете, что новое дело завладевает им целиком.

– Да, Билли, знаю.

– Он кого-то выслеживает. Вчера был безработным, ищущим работу. А сегодня старухой. Даже меня провел, а уж я-то теперь должен бы знать его приемчики!

Билли с ухмылкой кивнул на солнечный, выдавший виды зонтик, прислоненный к дивану.

– Часть старухино костюма, – добавил он.

– Но, Билли, что все это означает?

Билли понизил голос, будто человек, сообщающий важнейшую государственную тайну:

– Вам-то я могу сказать, сэр. Но чтоб дальше ни-ни. Дело о королевском бриллианте.

– Что! О похищении в сто тысяч фунтов?

– Да, сэр. Им надо заполучить его обратно, сэр. Премьер-министр и министр внутренних дел сидели вот на этом самом диване. Мистер Холмс был с ними очень обходителен, успокоил их и пообещал сделать все, что сможет. Ну, и лорд Квантлмир...

– А-а!

– Да, сэр. Вы знаете, что это означает. Ему пальца в рот не клади, если позволено так сказать. С премьер-министром поладить можно, и против министра внутренних дел я тоже ничего не имею, он вроде бы вежливый, обязательный человек. А вот его милость я не терплю. И мистер Холмс тоже, сэр. Понимаете, он не верит в мистера Холмса и был против того, чтобы пригласить его. И рад был бы, чтобы он обмишулился.

– И мистер Холмс это знает?

– Мистер Холмс всегда знает, если есть, что знать.

– Ну, будем надеяться, что он не промахнется, и лорд Квантлмир останется с носом. Но, послушай, Билли, почему на этом окне занавеска?

– Мистер Холмс распорядился повесить ее три дня назад. У нас за ней сюрприз.

Билли подошел и отдернул занавеску, закрывавшую окно в эркере.

Доктор Ватсон не смог сдержать изумленного восклицания при виде точного подобия своего старого друга – халат и все прочее. Лицо было на три четверти повернуто к окну и наклонено, будто он читал книгу, глубоко сидя в удобном кресле.

Билли отделил голову и подбросил ее.

– Мы меняем ее наклоны, чтобы придать больше естественности. Я бы к ней не притронулся, не будь жалюзи закрыты. А когда они открыты, сюда можно заглянуть вон с той стороны.

– Один раз прежде мы прибегли к такому приему.

– Ну, это было еще до меня, – сказал Билли, чуть раздвинул занавески и посмотрел на улицу. – Вон те, что подглядывают. Один парень торчит в окошке. Вот, сами поглядите.

Ватсон шагнул к нему, но тут дверь спальни отворилась, и на пороге возникла высокая худая фигура Холмса. Лицо его было землисто-бледным, щеки запали, но двигался и действовал он с обычной своей энергией. Он молниеносно оказался у окна и вновь плотно задернул занавески.

– Достаточно, Билли, – сказал он. – Ты подверг свою жизнь опасности, мой мальчик, а я пока еще не могу обходиться без тебя. Ну-с, Ватсон, приятно видеть вас снова в вашей старой квартире. И оказались вы тут в критическую минуту.

– Я так и понял.

– Можешь идти, Билли. Этот мальчишка – настоящая проблема, Ватсон. Не знаю, насколько я вправе подвергать его опасности.

– Какой опасности, Холмс?

– Внезапной смерти. Я кое-чего ожидаю сегодня вечером.

– Ожидаете? Но чего?

– Быть убитым, Ватсон.

– Нет-нет! Вы шутите, Холмс!

– Даже мое ущербное чувство юмора способно сотворить шутку получше. Но пока мы можем провести время приятнее, верно? Алкоголь допускается? Сигары и сифон на прежних местах. Позвольте мне снова увидеть вас в привычном кресле. Надеюсь, вы не начали питать презрение к моей трубке и непотребному табаку? В эти дни ему приходится служить заменой пищи.

– Но почему вы не едите?

– Потому что голодание обостряет способности. И ведь как врач, мой дорогой Ватсон, вы должны признать, что пищеварение требует доли крови, отнимая ее у мозга. А я целиком мозг, Ватсон. Все прочее всего лишь придаток. Посему я должен оберегать мозг.

– Но эта опасность, Холмс?

– Ах, да. На случай, если это произойдет, пожалуй, будет неплохо, если вы обремените свою память именем и адресом убийцы. Вы сможете передать их Скотланд-Ярду с моей любовью и прощальным благословением. Сильвиус – вот его имя. Граф Негретто Сильвиус. Запишите его, дорогой мой, запишите! Сто тридцать шесть, Мунслайд-Гарденс, С.З. Записали?

Честное лицо Ватсона исказила тревога. Слишком хорошо он знал, какому огромному риску подвергает себя Холмс, и не сомневался, что он скорее преуменьшает его, чем преувеличивает. Ватсон всегда был человеком действия и сейчас приготовился сделать все, что мог.

– Рассчитывайте на меня, Холмс. В ближайшие два дня я совершенно свободен.

– Ваша мораль по-прежнему оставляет желать лучшего, Ватсон. Теперь вы добавили к своим порокам сочинение небылиц. Вы ведь являете все признаки предельно занятого врача, чьи услуги требуются ежеминутно.

– Ничего сколько-нибудь важного. Но не могли бы вы устроить арест этого субъекта?

– Да, Ватсон, мог бы. Оттого-то он и встревожен до такой степени.

– Так почему же вы медлите?

– Потому что не знаю, где находится брильянт.

– А! Билли же сказал мне... Пропавший королевский брильянт?

– Да, великий желтый камень Мазарини. Я забросил свою сеть и поймал рыбешек. Но камня у меня нет. Что нам толку от них? Мы можем сделать мир чище, избавив его от них. Но это не моя задача. Мне надо вернуть камень.

– И этот граф Сильвиус одна из ваших рыбешек?

– Да. Только он акула. У него есть зубы. Второй – Сэм Мертон, боксер. Неплохой человек, Сэм. Но граф его использовал. Сэм – не акула. Он на редкость большой, глупый, бычеголовый пескарь. Но он все равно барахтается в моей сети.

– А где сейчас граф Сильвиус?

– Все утро я провел у самого его локтя. Вы ведь видели меня почтенной старой дамой, Ватсон? Никогда еще я не был столь убедителен. Он даже один раз поднял мой зонтик, сказав: «С вашего позволения, мадам». Он ведь наполовину итальянец, с южным изяществом манер, когда в настроении. А в другом настроении – воплощенный дьявол. Жизнь, Ватсон, полна таких маленьких причуд.

– Это ведь могло обернуться трагедией.

– Ну, возможно, и могло. Я следовал за ним до мастерской старого Штраубензее в Минориз. Штраубензее сделал духовое ружье, прелестную вещицу, насколько я понимаю, и в данную минуту, сдается мне, оно находится в окне напротив. Вы видели чучело? Ну, конечно, Билли его вам показал. Ну, так в любую секунду оно может получить пулю в свою красивую голову. А, Билли! В чем дело?

Паренек появился в комнате с визитной карточкой на подносе. Холмс взглянул на нее, подняв брови, и улыбнулся.

– Собственной персоной. Этого я практически не ожидал. Все насмарку, Ватсон. Ну, и нервы же! Возможно, вы слышали о его репутации охотника на крупную дичь? Безусловно, его репутация меткого стрелка приобретет дополнительный блеск, если в свой ягдташ он уложит и меня. Вот доказательство, как остро он ощущает близость моего носка от его пятки.

– Пошлите за полицией.

– Не исключено. Но пока еще нет. Не выгляните ли вы в окно, только очень осторожно, и не посмотрите, не болтается ли кто-нибудь на улице?

Ватсон осторожно выглянул из-за края занавески.

– Да, дюжий детина маячит почти около двери.

– Без сомнения, Сэм Мертон, верный, но довольно-таки глупый Сэм. А где джентльмен, Билли?

– В приемной, сэр.

– Проводи его наверх, когда я позвоню.

– Да, сэр.

– Даже если меня в комнате не будет.

– Да, сэр.

Ватсон подождал, пока дверь не закрылась, а затем с ужасом обратился к своему другу:

– Послушайте, Холмс, так нельзя. Он ведь в отчаянном положении, человек, ни перед чем не останавливающийся. Возможно, он пришел убить вас.

– Меня это не удивило бы.

– Я остаюсь с вами, и никаких возражений!

– Вы жутко помешаете.

– Ему?

– Нет, мой дорогой, мне.

– Ну, оставить вас я никак не могу.

– Нет, можете, Ватсон, и оставьте. Вы никогда не отказывались играть в мою игру и сейчас сыграете до конца. Явился он со своей целью, но вот останется, возможно, ради моей. – Холмс достал свою записную книжку и нацарапал несколько строк. – Возьмите кеб, поезжайте

в Скотланд-Ярд и передайте это Югелу из отдела уголовных расследований. Вернитесь с полицейскими. И его арестуют.

– Вот это я выполню с радостью.

– До вашего возвращения времени мне может как раз хватить, чтобы выяснить, где находится камень. – Он позвонил. – Думаю, мы выйдем через спальню. Этот второй выход очень полезен. Я предпочту взглянуть на мою акулу без того, чтобы она видела меня, а, как вы помните, у меня есть свой метод, каким образом устроить это.

Поэтому минуту спустя Билли привел графа Сильвиуса в пустую комнату. Знаменитый стрелок крупной дичи, спортсмен и светский прожигатель жизни был крупным смуглым мужчиной с внушительными усами, затеняющими жестокий рот и подпирающими длинный нос, крючковатый, как орлиный клюв. Одет он был с претензией на элегантность, но сверкающий бриллиант его галстучной булавки и искрящиеся перстни выглядели слишком уж эффектно. Едва дверь за ним закрылась, он посмотрел вокруг свирепыми беспокойными глазами, точно ожидая ловушки на каждом шагу. Затем почти подпрыгнул, заметив неподвижную голову и воротник халата, которые виднелись над спинкой кресла в эркере. В первую секунду на его лице отразилось только изумление. Но тут же луч гнусной надежды вспыхнул в его темных глазах убийцы. Он еще раз огляделся, убеждаясь, что свидетелей нет, а затем на цыпочках, приподняв толстую трость, подкрался к безмолвной фигуре. Он уже пригнулся для последнего прыжка и удара, когда невозмутимый голос приветствовал его из открытой двери спальни:

– Не повредите его, граф. Не повредите.

Убийца отшатнулся, его искаженное лицо выражало полную растерянность. На мгновение он вновь приподнял свою утяжеленную трость, точно намереваясь обрушить свою ярость не на манекен, а на оригинал, но что-то в этих спокойных серых глазах и усмешке заставило его руку бессильно опуститься.

– Такая милая вещица, – сказал Холмс, подходя к манекену. – Работа Тавернье, французского модельера. Восковые фигуры он творит не менее искусно, чем ваш друг Штраубензее – духовые ружья.

– Духовые ружья, сэр? О чем вы говорите?

– Положите вашу шляпу и трость на боковой стол, граф. Благодарю вас. Прошу, садитесь. Вы не против избавиться также от вашего револьвера? А! Очень хорошо, если вы предпочли сесть на него. Ваш визит, право, весьма удачен, так как у меня было большое желание побеседовать с вами несколько минут.

Граф сдвинул мохнатые брови с неумолимой угрозой.

– Я тоже желал поговорить с вами, Холмс, поэтому я и здесь. Не стану отрицать, что намеревался напасть на вас.

Холмс сел и закинул ноги на край стола.

– У меня сложилось именно такое впечатление, – сказал он. – Но почему столь личное внимание?

– Потому что вы принялись досаждать мне, навели своих подручных на мой след.

– Моих подручных? Уверяю вас, ничего подобного!

– Ложь! По моему указанию за ними следили. В одну игру могут играть и двое, Холмс.

– Это, конечно, мелочь, граф Сильвиус, но, может быть, обращаясь ко мне, вы будете употреблять именование, положенное мне. Вы понимаете, что по характеру моей работы я оказался бы на короткой ноге с половиной субъектов, чьи физиономии украшают полицейские участки. И вы согласитесь, что исключения оскорбительны.

– Ну, в таком случае, *мистер* Холмс.

– Превосходно! Но, уверяю вас, вы заблуждаетесь относительно моих так называемых агентов.

Граф Сильвиус презрительно усмехнулся.

– Наблюдать способны и другие люди, не только вы. Вчера был старик, сегодня – старуха. Они ходили за мной по пятам весь день.

– Право, сэр, вы мне льстите. Старый барон Даусон сказал вчера вечером, что в моем случае правосудие обогатилось ровно настолько, насколько обеднела сцена. А теперь вы любезно похвалили мои маленькие актерские роли.

– Так это были вы? Вы сами?

Холмс пожал плечами.

– Вон там в углу зонтик, который вы столь учтиво помогли мне поднять в Минориз до того, как начали подозревать.

– Знай я, вам бы никогда...

– ...больше не увидеть это скромное жилище. Я прекрасно понимал такую возможность. У нас у всех есть для сожалений упущенные шансы. Вы не знали, и вот, пожалуйста.

Нахмуренные брови графа еще больше сдвинулись над его свирепо сверкающими глазами.

– То, что вам удалось увидеть, только ухудшает положение. Не ваши агенты, а вы сами – скоморошничая ищейка! Вы признались, что преследовали меня. Почему?

– Право, граф! Вы ведь стреляли львов в Алжире.

– Ну, и?

– Но почему?

– Почему? Охота, азарт, опасность!

– И, конечно, избавление страны от хищников?

– Вот именно.

– Мои побуждения в двух словах!

Граф вскочил на ноги, и его рука непроизвольно рванулась к заднему карману.

– Сядьте, сэр! Сядьте! Имелась еще одна, более конкретная причина. Мне нужен желтый бриллиант!

Граф Сильвиус откинулся на спинку кресла с ехидной усмешкой.

– Только подумать! – сказал он.

– Вы знали, что я преследую вас из-за него. Подлинная причина, почему вы сейчас здесь, – это необходимость узнать, насколько я осведомлен и до какой степени необходимо убрать меня с вашего пути. Должен сказать, что, с вашей точки зрения, это абсолютно необходимо, поскольку я знаю об этом все, кроме одной детали, и сейчас вы мне ее сообщите.

– Ах, так? И какой же детали вам не хватает?

– Где сейчас находится Королевский бриллиант.

Граф бросил на своего собеседника проницательный взгляд.

– Ах, вот что вы хотите узнать? Почему, черт побери, я мог бы сказать вам, где он?

– И можете, и скажете.

– Неужели!

– Вам не удастся обмануть меня, граф Сильвиус! – Устремленные на него глаза Холмса сужались и светлели, пока не уподобились двум грозным стальным остриям. – Вы прозрачнее стекла. Я вижу все ваши мысли до последней.

– В таком случае вы видите, где находится бриллиант.

Холмс весело хлопнул в ладоши, а затем насмешливо ткнул пальцем:

– Вы признаетесь?

– Я ни в чем не признаюсь.

– Послушайте, граф, будьте разумны, и мы сможем поладить. Если же нет, то для вас это кончится плохо.

Граф Сильвиус возвел глаза к потолку.

Холмс посмотрел на него, как шахматный гроссмейстер, который обдумывает свой триумфальный ход. Затем он резко выдвинул ящик стола и достал квадратный блокнот.

– Вы знаете, что у меня в нем?

– Нет, не знаю.

– Вы!

– Я?

– Да, сэр. Вы тут весь. Каждый поступок в вашей гнусной и вредоносной жизни.

– Черт вас побери, Холмс! – крикнул граф. Его глаза пылали яростью. – Моему терпению есть предел!

– Все тут, граф. Реальные факты о смерти миссис Гарольд, завещавшей вам поместье Блаймер, которое вы быстро проиграли в карты.

– Вы бредите!

– И полное жизнеописание мисс Мини Уорренден.

– Ха! Из него вы ничего не наковыряете.

– Здесь найдется еще очень много, граф. Вот ограбление в поезде на Ривьеру 13 февраля 1892 года. Вот подделка чека на «Кредит Лионез» в том же году.

– Нет, тут вы ошиблись.

– Значит, в прочем я не ошибся?! Так вот, граф, вы же карточный игрок. Когда у вашего противника все козыри, разумнее сдаться и сэкономить время.

– Какое отношение вся эта болтовня имеет к камню, про который вы упомянули?

– Полегче, граф. Укротите нетерпеливый ум! Дайте мне перейти к сути в моей собственной монотонной манере. У меня против вас есть все это, но главное, у меня есть неопровержимые доказательства против вас и боксера в деле о Королевском бриллианте.

– Да неужели!

– Имеется кебмен, который отвез вас к Уайт-холлу, и кебмен, увезший вас оттуда. Затем смотритель, видевший вас возле витрины. Затем Ики Сэндерс, который отказался разрезать для вас бриллиант на части. Игра окончена!

На лбу графа вздулись жилы, пальцы в неимоверном усилии сдерживать безумные чувства сжались в кулаки. Он попытался заговорить, но ничего не смог произнести.

– Вот мои карты, – сказал Холмс. – Я открыл их и положил на стол. Но одной карты не хватает. Короля бриллиантовой масти. Я не знаю, где камень.

– И никогда не узнаете.

– Нет? Будьте же благоразумны, граф. Взвесьте ситуацию. Вы проведете за решеткой двадцать лет. Как и Сэм Мертон. Какой толк будет вам от вашего бриллианта? Ни малейшего. Но если вы вернете его... Ну, я пойду на компромисс. Ни вы, ни Сэм нам не нужны. Нам нужен камень. Отдайте его, и, насколько это зависит от меня, вы останетесь свободны, если в будущем постараетесь держаться в границах. Но если снова оступитесь, то в последний раз. Однако сейчас моя цель – камень, а не вы.

– Ну, а если я откажусь?

– Ну, тогда, увы, мне придется довольствоваться вами.

В ответ на звонок появился Билли.

– Полагаю, граф, имеет смысл пригласить на это совещание вашего друга Сэма. Ведь и его интересы должны быть учтены. Билли, ты увидишь у входной двери дюжего безобразного джентльмена. Пригласи его подняться к нам.

– А если он не пойдет, сэр?

– Никакого применения силы, Билли. Будь с ним помягче. Если ты скажешь ему, что его требует граф Сильвиус, он, безусловно, не станет упираться.

– Ну, и что вы намерены делать теперь? – спросил граф, едва Билли исчез.

– Мой друг Ватсон был у меня перед вашим приходом. Я сказал ему, что в мою сеть попали акула и пескарь. Теперь я затяну сеть и вытащу их обоих.

Граф поднялся с кресла, держа руки за спиной. Одна рука Холмса была опущена в карман халата, из которого что-то высывалось.

– Вам не умереть в своей постели, Холмс.

– Мне нередко приходила такая же мысль. А это так уж важно? В конце-то концов, граф, ваш собственный уход из жизни обещает скорее быть вертикальным, чем горизонтальным. Но эти предвкушения будущего слишком мрачны. Почему бы нам не предаться безудержно радостям настоящего?

Внезапно темные свирепые глаза мастера преступлений засверкали, как у дикого зверя. Фигура Холмса словно бы стала выше – он напрягся и приготовился.

– Нет смысла сжимать револьвер, друг мой, – сказал Холмс негромко. – Вы прекрасно знаете, что не посмеете воспользоваться им, даже если я дам вам секунду вытащить его. Омерзительные грохочущие приспособления эти револьверы, граф. Лучше держитесь духовых ружей. А! Мне кажется, я слышу легкую поступь вашего уважаемого партнера. Добрый день, мистер Мертон. Довольно скучно томиться на улице, не правда ли?

Боксер, дюжий молодой человек с глупым упрямым лицом, неуклюже остановился у двери, недоуменно глядя перед собой. Благодушная приветливость Холмса была для него чем-то совершенно новым, и, хотя он смутно ощущал скрытую в ней угрозу, он не знал, как ее отразить, и обернулся за помощью к своему более умудренному товарищу.

– Теперь-то какая игра, граф? Чего нужно этому парню? Что стряслось?

Его голос был басистым и хриплым. Граф пожал плечами, и ответил Холмс:

– Если мне можно ограничиться двумя словами, то я сказал бы, что стряслось все.

Боксер все еще обращался к своему сообщнику:

– Он чего, шутит, что ли? Только мне-то не до шуток.

– Согласен, – сказал Холмс. – И, думается, я могу обещать, что дальше вам станет уже совсем не до шуток. Но послушайте, граф Сильвиус, я занятой человек и не могу тратить время попусту. Я пойду вон туда, в спальню. Прошу, в мое отсутствие чувствуйте себя здесь как

дома. Вы сможете объяснить вашему другу положение дел, не стесненный моим присутствием. Хочу испробовать «Баркаролу» из «Сказок Гофмана» на моей скрипке. Через пять минут я вернусь за вашим окончательным ответом. Альтернатива вам ясна, не так ли? Заберем мы вас или заберем камень.

Холмс ушел, захватив свою скрипку. Несколько секунд спустя сквозь закрытую дверь донеслись долгие звуки завораживающего мотива.

– Так чего? – испуганно спросил Мертон, когда его товарищ обернулся к нему. – Он что, знает про камень?

– Он про него знает дьявольски больше, чем следовало бы. А может быть, даже и вообще все.

– Господи Боже! – Землистое лицо боксера заметно побелело.

– Айки Сэндерс навел на нас.

– А? Ну, я из него отбивную сделаю за такое, пусть меня повесят!

– Нам это не слишком поможет. Надо решить, что делать.

– Минуточку! – сказал боксер, подозрительно косясь на дверь спальни. – Ему пальца в рот не клади. Может, он подслушивает?

– Как он может подслушивать под такую музыку?

– И то верно. А может, кто-нибудь за занавеской? Что-то много занавесок для такой комнаты.

Оглядываясь по сторонам, он в первый раз увидел манекен в эркере и ткнул в него пальцем, онемев от изумления.

– Ха! Просто чучело, – сказал граф.

– Чучело? Разрази меня гром! Куда тут мадам Тюссо! Прямо как живой! И халат, и все. Только вот занавески-то, граф?

– К черту занавески! Мы тратим время попусту, а его у нас мало. Он может в порошок нас стереть из-за этого камня.

– Черт те что!

– Но он даст нам смутья, если мы ему скажем, где камень.

– Чего! Отдать его? Отдать сто тысяч фунтов?

– Либо то, либо другое.

Мертон поскреб затылок.

– Так он же там один? Прикончим его, и концы. Если заткнем ему пасть, бояться нам уже будет нечего.

Граф покачал головой.

– Он вооружен и наготове. Если мы пристрелим его, нам в таком месте не сбежать. К тому же полиция наверняка получила все улики, которые он наскреб... Это еще что такое?

Какой-то смутный звук словно бы донесся от окна. Оба молниеносно обернулись. Но ничего не изменилось. Если не считать причудливой фигуры в кресле, комната была, бесспорно, пуста.

– Чего-то на улице, – сказал Мертон. – Вот что, хозяин, вы из нас умнее. Ну, так придумайте чего-нибудь. Раз его прибить нельзя, значит, ваш черед.

– Я обводил вокруг пальца людей и получше его, – ответил граф. – Камень здесь, в моем потайном кармане. Я не рискую оставлять его без присмотра. Вечером его можно увезти из Англии и распилить в Амстердаме на четыре камня еще до воскресенья. Про Ван Седдера ему ничего не известно.

– Я думал, Ван Седдер поедет на следующей неделе.

– Так и было бы. Но теперь ему надо отплыть следующим же пароходом. Кто-то из нас должен пробраться с камнем на Лайм-стрит и предупредить его.

– Так потайное дно еще не готово.

– Придется рискнуть. И нельзя терять ни минуты.

Вновь ощущение опасности, инстинкт, обязательный для охотника, заставило его умолкнуть и взглянуть на окно. Да, несомненно, неясный звук донесся с улицы.

– Ну, а Холмса, – продолжал он, – мы надеемся без особого труда. Понимаешь, этот чертов дурень нас не арестует, если заполучит камень. Ну, так мы пообещаем ему камень, пошлем по ложному следу. Когда он поймет, что след ложный, камушек уже будет в Голландии, а мы уже не в Англии.

– Похоже, самое оно! – воскликнул Сэм Мертон с ухмылкой.

– Ты предупредишь голландца, чтобы он приготовился. А я займусь этим идиотом и заморочу его притворным признанием. Скажу ему, будто камешек в Ливерпуле. Черт бы побрал эту музыку, она действует мне на нервы! Когда он обнаружит, что камня в Ливерпуле нет, он уже будет распилен на четвертушки, а мы – качаться на синих волнах. Попытаться назад, чтобы тебя не было видно вон в ту замочную скважину. Вот камень.

– Не понимаю, как у тебя хватает духа таскать его на себе!

– А где еще он был бы в безопасности? Если уж мы сумели забрать его из Уайт-холла, кто-нибудь еще мог бы забрать его из моего номера.

– Дайте взглянуть на него.

Граф Сильвиус бросил на своего собеседника не слишком лестный взгляд и проигнорировал протянувшуюся к нему невытую руку.

– Или ты думаешь, что я его заберу?.. Вот что, мистер, мне ваши замашки не нравятся!

– Ну-ну, Сэм. Еще нам не хватало ссориться между собой! Подойди к окну, если хочешь рассмотреть брильянт как следует. Теперь подними его к свету. Вот так!

Одним прыжком Холмс взвился из кресла манекена и схватил бесценный бриллиант. Теперь он сжимал его в одной руке, а другой целился из револьвера в голову графа. Оба негодяя отпрянули в полном изумлении. Не давая им опомниться, Холмс нажал кнопку электрического звонка.

– Потише, джентльмены! Обойдемся без буйства, прошу вас. Подумайте о мебели. Вам должно быть ясно, что ваше положение безвыходно. Внизу ждет полиция.

Недоумение графа взяло верх над его яростью и страхом.

– Но как, черт побери? – ахнул он.

– Ваше удивление вполне понятно. Вы же не знали, что у меня в спальне есть вторая дверь, позволяющая выйти за занавески. По-моему, вы услышали, как я убрал манекен, но удача была на моей стороне. Мне представился шанс спокойно слушать вашу примечательную беседу, хотя она была бы наверняка более сдержанной, подозревая вы о моем присутствии.

Граф пожал плечами, покоряясь неизбежности.

– Отдаем вам должное, Холмс. Думаю, вы – сам дьявол.

– Во всяком случае, не так уж далек от него, – ответил Холмс с вежливой улыбкой.

Тупой мозг Сэма Мертона очень медленно осознал положение вещей.

– Ловко! – сказал он. – Только скрипка как же? Я же и сейчас ее слышу.

– Да-да, – сказал Холмс. – Вы совершенно правы. Но пусть себе играет. Современные граммофоны поистине замечательное изобретение.

Влетели полицейские, защелкнулись наручники, и преступников сопроводили в ожидавший кеб. Ватсон остался, поздравляя Холмса с новой победой, добавившейся к его прошлым лаврам. Вновь их разговор прервал невозмутимый Билли с визитной карточкой на подносе.

– Лорд Квантлмир, сэр.

– Проводи его сюда, Билли. Это же влиятельнейший пэр, представляющий самые высокие интересы, – сказал Холмс. – Превосходный и патриотичный человек, но несколько старорежимный. Попробуем смягчить его? Осмелимся на маленькую вольность? Он может полагать, что мы не сделали из происшедшего никаких выводов.

Дверь открылась, чтобы впустить худую аскетическую фигуру с лицом как лезвие топора и обвислыми викторианскими бакенбардами глянцевого черноты, которые никак не гармонировали со сгорбленными плечами и старческой походкой. Холмс гостеприимно шагнул навстречу и пожал бесчувственную руку.

– Здравствуйте, лорд Квантлмир! Холодно для времени года, но тут тепло. Могу ли я взять ваше пальто?

– Нет, благодарю вас. Я не стану его снимать.

Холмс настойчиво прижал ладонь к его локтю.

– Прошу, позвольте мне. Мой друг доктор Ватсон подтвердит, что такие перепады температуры крайне вредоносны.

– Мне так удобнее, сэр. У меня нет причин задерживаться. Я просто заехал узнать, как продвигается расследование, самовольно взятое вами на себя.

– Оно трудно, крайне трудно.

– Я опасался, что вы найдете его таким.

В словах и манере старого придворного была явная презрительная насмешка.

– Каждый человек убеждается в пределах своих возможностей, но, во всяком случае, это излечивает нас от такой слабости, как самодовольство.

– Да, сэр, я был в большом недоумении.

– Без сомнения.

– Особенно касательно одного момента. Возможно, вы могли бы помочь мне с этим?

– Вы слишком поздно обращаетесь ко мне за советом. Я полагал, что у вас есть собственные всеобъемлющие методы. Тем не менее, я готов оказать вам помощь.

– Видите ли, лорд Квантлмир, мы без сомнения можем предъявить улики подлинным похитителям.

– Когда изловите их.

– Совершенно верно. Но вопрос в том, как мы поступим с получателем?

– Не слишком ли преждевременно его задавать?

– Всегда хорошо иметь готовый план. Так что вы сочтете исчерпывающе неопровержимой уликой против получателя?

– Наличие у него камня.

– И вы арестуете его на этом основании?

– Вне всяких сомнений.

Холмс редко смеялся, но сейчас был настолько близок к грани смеха, что его старый друг Ватсон не мог вспомнить ничего подобного.

– В таком случае, любезный сэр, я оказываюсь перед тягостной необходимостью рекомендовать ваш арест.

Лорд Квантлмир был разгневан. Отблески былого огня подкрасили землистые щеки.

– Вы позволяете себе непростительную вольность, мистер Холмс. За пятьдесят лет моей службы я не сталкивался ни с чем подобным. Я занятой человек, сэр. У меня на руках дела особой важности. У меня нет ни времени, ни вкуса для глупых шуток. Скажу вам откровенно, сэр, что я никогда не верил в ваши таланты и всегда придерживался мнения, что было бы куда надежнее поручить это расследование полиции. Ваше поведение подтвердило все мои выводы. Имею честь, сэр, пожелать вам доброго вечера.

Холмс мгновенно оказался между пэром и дверью.

– Одну минутку, сэр. Уйти с камнем Мазарини будет куда более серьезным делом, чем побывать лишь временным его обладателем.

– Сэр, это нестерпимо! Дайте мне пройти!

– Опустите руку в правый карман вашего пальто.

– Что это значит, сэр?

– Просто исполните мою просьбу.

Мгновение спустя потрясенный пэр стоял, моргая и заикаясь, а на его дрожащей ладони лежал огромный желтый бриллиант.

– Что! Как! Каким образом, мистер Холмс?

– Как может сказать вам присутствующий здесь мой старый друг Ватсон, это всего лишь склонность к розыгрышам. К тому же я никогда не мог устоять перед мелодраматической ситуацией, и позволил себе вольность опустить бриллиант в ваш карман в самом начале нашей беседы.

Старый пэр переводил взгляд с камня на улыбающееся лицо перед собой.

– Сэр, я в полном недоумении... Это действительно камень Мазарини. Мы ваши должники, мистер Холмс. Ваше чувство юмора, как вы сами признаете, пожалуй, несколько извращенно, а его проявления поразительно несвоевременны, однако я беру назад всякую тень сомнения, которую мог бросить на замечательные профессиональные дарования. Но каким образом...

– Дело завершено лишь наполовину, с подробностями можно повременить. Уповаю, лорд Квантлмир, удовольствие, которое доставит вам возможность сообщить про этот успешный результат в высоком кругу, куда вы возвратитесь, хоть немного искупит мой розыгрыш. Билли, проводи его милость и скажи миссис Хадсон, что я буду рад, если она как можно скорее подаст обед на двоих.

Дом с тремя башенками

Мне кажется, что ни одно из моих приключений с мистером Шерлоком Холмсом не началось так неожиданно и так драматически, как история, связанная с «Домом с тремя башенками».

Я уже несколько дней не видел Холмса и не имел понятия о том, в какую сторону была направлена его деятельность. Это утро он был в болтливом настроении и, усадив меня в старое кресло у камина, сам уютно устроился в кресле напротив и закурил трубку. В это самое время и явился наш посетитель. Правильнее было бы сказать, что к нам ворвался бешеный бык. Дверь раскрылась настежь, и в комнату вбежал огромный негр. Он был бы комической фигурой, если бы не был так страшен. На нем был серый костюм в очень крупную клетку и развевающийся галстук цвета лосося. Он как-то вытянул вперед широкое лицо с плоским носом, и черные глаза его, горевшие злым огнем, перебегали с Холмса на меня.

– Кто из вас мистер Холмс? – спросил он,

Холмс, лениво улыбаясь, вынул изо рта трубку.

– Ах, это вы, да? – сказал наш посетитель, обходя стол крадущимися шагами. – Послушайте-ка, мистер Холмс, не вмешивайтесь вы в чужие дела и оставьте других людей в покое. Поняли, мистер Холмс?

– Продолжайте, – сказал Холмс, – это великолепно!

– Ах, вы говорите, что это великолепно? – зарычал негр. – Это не будет уж так чертовски великолепно, если мне придется заняться вами. С такими, как вы, я справлялся и раньше. Уж не слишком-то великолепно они выглядели, когда я, бывало, посчитаюсь с ними. Взгляните-ка на это, мистер Холмс!

Он поднес к самому носу моего друга огромный узловатый кулак. Холмс с большим интересом разглядывал этот кулак.

– Вы так и родились? – спросил он. – Или он у вас со временем стал таким?

Может быть, подействовала ледяная холодность Холмса, а, может быть, и легкий стук кочерги, которую я взял в руки. Во всяком случае, манеры нашего посетителя стали менее порывисты.

– Так имейте в виду, что я вас предупредил, – сказал он. – Один мой приятель заинтересован в Харроуильдском деле, вы знаете, о чем я говорю, и он не желает, чтобы вы совались. Поняли? Вы – мне не закон, и я вам – тоже, но если вы вмешаетесь, так будете иметь дело со мной. Помните это!

– Я давно хотел с вами встретиться, – сказал Холмс. – Я не попрошу вас садиться, потому что мне не нравится ваш запах. Ведь вы, кажется, кулачный боец Стив Дикси?

– Да, так меня зовут, мистер Холмс, и вы убедитесь в этом, если дадите мне повод.

– Вам совершенно не нужно убеждать меня в этом, – сказал Холмс, пристально глядя на отвратительный рот нашего посетителя. – Но убийство молодого Перкинса у входа в Холаборн-бар... Как! Вы уже собираетесь уходить?

Негр отскочил назад, и лицо его стало серым.

– Я и слушать не хочу, – сказал он. – Что мне до какого-то Перкинса, мистер Холмс? Я тренировался в Бирмингеме, когда этот мальчишка попал в беду.

– Да, вам придется рассказать про это судье, Стив, – заметил Холмс. – Я следил за вами и за Барнеем Стокдэлем...

– Мистер Холмс...

– Довольно. Убирайтесь вон. Я найду вас, когда вы мне понадобится.

– Прощайте, мистер Холмс. Надеюсь, вы не сердитесь на меня за мой визит?

– Буду сердиться, если вы не скажете, кто вас прислал.

– Да тут нет никакого секрета, мистер Холмс. Это тот самый господин, о котором вы только что упомянули.

– А кто его подослал к вам?

– Поверьте мне, мистер Холмс, что я не знаю этого. Он только всего и сказал: «Стив, отправляйтесь к мистеру Холмсу и скажите ему, что жизнь его не в безопасности, если он отправится в Харроу»... Вот вам вся правда.

Не дожидаясь дальнейших расспросов, наш посетитель выскочил из комнаты почти так же стремительно, как и ворвался. Холмс со спокойной улыбкой вытряхнул пепел из трубки.

– Я рад, что вам не пришлось разбить его бестолковую голову, Ватсон. Я следил за вашими движениями с кочергой. Но на самом деле он весьма безобидное существо, большой, мускулистый, глупый ребенок, и его легко укротить, как вы сами видели. Он из шайки Спенсера Джона и недавно принял участие в одном грязном деле, которое я могу разоблачить, когда у меня будет время. Его ближайшее начальство, Барней, существо более опасное. Они специализируются на нападениях, запугивании и тому подобном. Я только хотел бы знать, кто прячется на этот раз за их спиной.

– Но почему они хотят запугать вас?

– Причина – случай в Харроуильде. Придется мне взяться за это дело. Если кто-то считает нужным так беспокоиться, значит, тут что-то есть,

– Но что это может быть?

– Я собирался рассказать вам, когда произошла эта комическая интермедия. Вот письмо миссис Маберлей. Если бы вы захотели поехать со мной, мы бы телеграфировали ей и могли сейчас же отправиться.

Я прочел:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс. Со мной, в связи с этим домом, произошел ряд странных случаев. Мне очень дорог был бы ваш совет. Вы меня можете застать завтра в любое время. Мой дом находится неподалеку от станции Уильд. Мне кажется, что мой покойный муж, Мортимер Маберлей, был одним из ваших первых клиентов.

Преданная вам Мэри Маберлей».

Обратный адрес: «Три башенки», Харроуильд».

– Ну вот, – сказал Холмс. – А теперь, если вы свободны, Ватсон, мы можем отправиться в путь.

Короткое железнодорожное путешествие и еще более короткий путь в экипаже привели нас к вилле, выстроенной из бревен и кирпича. Дом стоял на запущенном участке земли. Три небольших выступа над верхними окнами были слабой попыткой оправдать название дома. За ним был унылый лесок невысоких сосен, и вся усадьба производила впечатление грусти и бедности. Несмотря на это, дом оказался хорошо обставленным, и принявшая нас леди была очень приветливой пожилой особой. Во всех ее движениях и словах чувствовались утонченность и культура.

– Я хорошо помню вашего супруга, мадам, – сказал Холмс, – хотя прошло и много лет с тех пор, как он в каком-то незначительном случае воспользовался моими услугами.

– Вам, вероятно, больше знакомо имя моего сына, Дугласа?

Холмс посмотрел на нее с большим интересом.

– Да неужели вы мать Дугласа Маберлея? Я знал его. Но его, ведь, знал весь Лондон. Что это за выдающийся человек! Где он теперь?

– Он умер, мистер Холмс, умер. Он был атташе в Риме и умер там месяц назад от воспаления легких.

– Как мне жаль его. Представление о смерти как-то не вязалось с ним. Я никогда не видел такого полного сил человека. Он жил напряженно, всеми фибрами своего существа.

– Слишком напряженно, мистер Холмс. Это было его гибелью. Вы помните его таким, каким он был – беззаботным и блестящим. Вы не видели раздражительного, мрачного, задумчивого человека, в какого он превратился. Его сердце было разбито. В течение одного месяца мой чистый мальчик превратился в измученного циника.

– Любовная история?.. Женщина?

– Или враг. Но я пригласила вас не для того, чтобы говорить о моем бедном мальчике, мистер Холмс.

– Доктор Ватсон и я к вашим услугам.

– Тут было несколько очень странных происшествий. Я живу в этом доме уже больше года. Мне больше по душе уединенный образ жизни, и я мало встречалась с соседями. Три дня тому назад меня посетил человек, назвавшийся агентом по продаже домов. Он сказал мне, что этот дом как раз подошел бы для одного из его клиентов, и что, если я захочу расстаться с ним, за деньгами дело не станет. Мне это показалось очень странным, так как в продаже находилось несколько домов не хуже этого. Но меня, конечно, заинтересовали его слова. Я назвала ему цену на пятьсот фунтов стерлингов – большую, чем заплатила сама. Часть мебели здесь из моего прежнего дома; как вы видите, она очень хорошая, и поэтому я назначила крупную сумму. Он на это сразу согласился. Я всегда мечтала о путешествиях, и эта продажа была такой выгодной, что могла бы обеспечить меня до конца моих дней.

Вчера этот человек снова приехал и привез готовый договор. К счастью, я показала его мистеру Сутро, моему адвокату, живущему в Харроуильде. Он сказал мне: «Это очень странный документ. Вы не обратили внимания на то, что, если вы его подпишите, вы не имеете права вынести что бы то ни было из дому, даже ваши личные вещи?» Когда этот человек вернулся вечером, я указала ему на это и сказала, что собиралась продать только мебель.

«Нет-нет. Именно все», – заявил он.

«Но мои платья? Мои драгоценности?»

«Ну, что ж, некоторые уступки могли бы быть вам сделаны, если говорить о ваших личных вещах. Но ничто не будет вынесено из этого дома без разрешения. Мой клиент – очень щедрый человек, но у него есть свои капризы, а в делах – известные привычки. Он желает получать все или ничего».

«Тогда лучше пусть будет ничего», – сказала я. На этом было покончено. Но вся эта история показалась мне такой необычайной, что я думала...

Тут рассказ ее был прерван странным происшествием.

Холмс поднял руку, давая этим знак, чтобы все замолчали. Потом он пересек комнату, распахнул дверь и втащил внутрь высокую худую женщину, которую схватил за плечо. Она вырывалась неловкими движениями, точно неуклюжий цыпленок, выхваченный из курятника.

– Оставьте меня! Что вы делаете?! – кричала она.

– Что такое, Сюзанна, в чем дело? – удивилась хозяйка.

– Да что же это, мадам! Я шла, чтобы спросить, останутся ли гости на завтрак, а этот человек бросился на меня.

– Я уже минут пять слышал ее за дверью, но не хотел прерывать ваш в высшей степени интересный рассказ. У вас одышка, Сюзанна, правда? Вы дышите слишком тяжело, чтобы исполнять такого рода работу?

Сюзанна повернулась к все еще державшему ее в плену Холмсу. Лицо ее было озлоблено, но в тоже время растеряно.

– Кто вы такой, что смеее так меня хватать?

– Мне только нужно было задать в вашем присутствии вопрос. Говорили вы кому-нибудь, миссис Маберлей, что вы хотите мне написать и посоветоваться со мной?

– Нет, мистер Холмс, не говорила.

– Кто опускал ваше письмо?

– Сюзанна.

– Отлично. Теперь скажите, Сюзанна, кому вы написали или дали знать, что ваша хозяйка просила моего совета?

– Это ложь. Я никому не давала знать.

– Послушайте, Сюзанна, люди, страдающие одышкой, имеют шанс скоропостижно умереть. А лгать грешно, можно не успеть покаяться. Так кому же вы сообщили?

– Сюзанна! – воскликнула ее хозяйка. – Вы продажное создание и обманщица. Я вспоминаю, что видела, как вы разговаривали с кем-то, стоявшим за изгородью.

– Это мое дело, – сердито ответила женщина.

– А если я вам скажу, что вы разговаривали тогда с Барнеем Стокдэлем? – спросил ее Холмс.

– Так что же вы спрашиваете, если знаете сами?

– Я не был уверен, но теперь знаю. Послушайте, Сюзанна, вы получите десять фунтов, если скажете, кто стоит за спиной Барнея.

– Кто-то такой, кто мог бы выложить тысячу фунтов за каждые ваши десять.

– Так? Значит, богатый человек? Нет. Вы улыбнулись? Значит, богатая женщина. Теперь, когда мы зашли так далеко, вы можете назвать имя и заработать десятку.

– Я раньше увижу вас в аду.

– О, Сюзанна! Как вы разговариваете!

– Я выметаюсь отсюда. Довольно с меня вас всех! Я завтра пришлю за своими вещами.

Она шумно пошла к двери.

– Прощайте, Сюзанна. Советую вам принять успокоительное. А теперь, – продолжал Холмс, сразу меняя тон и становясь серьезным, когда дверь закрылась за рассерженной и раскрасневшейся женщиной. – Теперь вы видите, что эта шайка основательно взялась за работу. Они вплотную подходят к делу. На штемпеле вашего письма ко мне значилось десять часов вечера. А Сюзанна успевает еще дать знать Барнею. Тот, в свою очередь, находит время побывать у того, кто его нанял, и получить инструкции. Он или она, я склоняюсь к последнему, – судя по смешку Сюзанны, когда она подумала, что я делаю промах, – придумывает план действий. Призывают на помощь чернокожего Стива, и уже на следующий день, в одиннадцать часов утра, меня пытаются запугать. Это, знаете, быстрая работа!

– Но им нужно?

– Да, вот в чем вопрос. Кому принадлежал до вас этот дом?

– Моряку, капитану в отставке Фергюсону.

– Он был чем-нибудь замечателен?

– Я, по крайней мере, ни о чем таком не слышала.

– Я уж думал, не скрыл ли он здесь какое-нибудь сокровище. Но в наши дни сокровища скрывают в банках. Конечно, всегда находятся безумцы. Без них мир был бы скучен. Я сначала и подумал, что здесь скрыты какие-нибудь ценности. Но зачем им, в таком случае, нужна была бы ваша мебель? Может быть, вы случайно сами не знаете, что у вас есть Рафаэль или первое издание Шекспира?

– Нет, я сомневаюсь, чтобы у меня могли быть какие-нибудь редкости.

– Да и отчего бы им тогда не сказать прямо, чего они хотят? Они могли бы вам предложить определенную цену. Нет, теперь я понимаю, что вы обладаете чем-то таким, что вам самой неизвестно, и что вы не продали бы, если бы знали, что это у вас есть.

– Я тоже так думаю, – сказал я.

– Доктор Ватсон соглашается со мной, значит, мое предположение не может быть ошибочным.

– Но что же их интересует, мистер Холмс?

– Попробуем, не дойдем ли мы до чего-нибудь чисто логическим анализом. Вы живете в этом доме год?

– Почти два.

– Тем лучше. В течение этого долгого времени никому ничего от вас не было нужно. Вдруг теперь, за последние три-четыре дня вам делают спешные предложения. К какому выводу можете вы прийти?

– Это может только означать, что каков бы ни был предмет, но он попал в дом недавно.

– Доктор Ватсон опять прав, – сказал Холмс. – Скажите, миссис Маберлей, есть ли у вас какой-нибудь предмет, появившийся недавно?

– Нет. Я ничего не покупала в этом году.

– Правда? Это любопытный факт. Что ж, я думаю, что прежде, чем добиться сути дела, нам следует дать событиям разворачиваться дальше. Ваш адвокат – надежный человек?

– О, на мистера Сутро можно положиться.

– Есть у вас еще прислуга, или же прекрасная Сюзанна, только что хлопнувшая входной дверью, была у вас одна?

– У меня есть еще молодая девушка.

– Попросите Сутро, чтобы он провел в вашем доме ночь или две. Вам может понадобиться защита.

– Против кого?

– Кто знает? Это, без сомнения, темное дело. Если я не могу найти, зачем они здесь охотятся, я должен подойти к делу с другого конца и попробовать так добраться до сути. Агент по продаже домов дал вам свой адрес?

– Только карточку, на которой было обозначено его имя и профессия: «Хэнс-Джонсон, комиссионер и оценщик».

– Честные деловые люди не скрывают своего места службы. Ну, что ж, вы дадите мне знать о дальнейшем ходе событий. Я взялся за ваше дело, и вы можете рассчитывать, что я его проведу.

Когда мы проходили через зал, взгляд Холмса, не пропускавший ничего, остановился на нескольких чемоданах и сундуках, составленных в углу. На них бросались в глаза ярлыки: «Милан», «Люцерн».

– Они из Италии!

– Это вещи бедного Дугласа.

– Вы не распаковывали их? Когда же вы их получили?

– На прошлой неделе.

– Но вы, ведь, говорили... Да это как раз и может быть звено, которого мы не могли найти. Почему мы знаем, что в них нет ничего ценного?

– Нет, в них не может быть ничего дорогого, мистер Холмс. У бедного Дугласа было только жалованье и небольшой годовой доход. Что могло у него быть ценного?

Холмс углубился в размышления.

– Не откладывайте дальше, миссис Маберлей, – сказал он, наконец. – Пусть внесут эти вещи наверх, к вам в спальню. Осмотрите их возможно скорее и узнайте, что в них. Я приеду завтра и выслушаю ваше сообщение.

Было совершенно ясно, что дом миссис Маберлей находился под наблюдением. Обогнув высокую изгородь, окружавшую усадьбу, мы увидели стоявшего в тени уже знакомого черно-кожего боксера. Он вырос перед нами внезапно, словно из-под земли. В этом пустынном месте он казался мрачной и угрожающей фигурой. Холмс поспешно опустил руку в карман.

– Ищете вашу пушку, мистер Холмс?

– Нет, мою бутылочку с нюхательной солью, Стив.

– Вы шутник, мистер Холмс!

– Вам не будет смешно, Стив, если я займусь вами. Я ведь предупреждал вас сегодня утром.

– Я вам вот что скажу, мистер Холмс. Я обдумал все, что вы мне говорили, и не хочу больше разговоров про это дело... мистера Перкинса. Если я могу вам помочь, мистер Холмс, я это сделаю с удовольствием.

– Ну, так скажите мне, кто стоит за вами в этом деле?

– Помогите мне Бог, мистер Холмс, но я уже вам сказал правду. Я не знаю. Мой хозяин Барней дает мне приказания, вот и все.

– Так помните только одно, Стив, что дама, живущая в этом доме, и все, что есть под этой крышей, находится под моей защитой. Не забудьте этого.

– Хорошо, мистер Холмс. Я запомню.

– Он здорово теперь перепугался за свою собственную шкуру, Ватсон, – сказал мне Холмс, когда мы пошли дальше. – Я уверен, что он не задумался бы выдать нанявшего его, если бы знал, кто это. Очень удачно, что я был слегка осведомлен о шайке Спенсера Джона, и что Стив один из них. Ну, Ватсон, это дело для Лангдэля Пайка, и я теперь повидаюсь с ним. Когда я вернусь сюда, дело, может быть, станет для меня уж более ясным.

В течение дня я не видел больше Холмса, но мог себе представить, как он проводит этот день. Лангдэль Пайк был его живой книгой со сведениями на все темы и обо всех общественных скандалах. Это странное, вялое существо проводило все часы бодрствования у окна клуба на улице Сент-Джемс, и было как приемником, так и широкоэвещательной станцией всех сплетен столицы. Говорят, что он сколачивал себе четырехзначный доход своими еженедельными статьями в плохих газетках, которыми пробавляется любопытная до всяких скандалов публика. Если где-нибудь далеко в глубинах лондонской жизни происходил какой-нибудь странный водоворот, он с автоматической точностью отмечался на поверхности стрелкой этого человеческого циферблата. Холмс деликатно помогал Лангдэлю в его сведениях и, в свою очередь, получал помощь и от него.

Увидев на следующий день утром моего друга в его комнате, я понял, что все идет хорошо. Но, тем не менее, нас ожидал неприятный сюрприз в виде следующей телеграммы:

«Пожалуйста, выезжайте сейчас же. Ночью был налет на дом моей клиентки. Полиция извещена. *Сутро*».

Холмс присвистнул.

– Наступила кульминация драмы и скорей, чем я думал. За этим делом, Ватсон, скрывается какая-то большая сила, но это не удивляет меня после того, что я слышал. Этот Сутро, конечно, и есть ее адвокат. Боюсь, что я сделал ошибку, не попросив вас остаться там на ночь. Этот парень, юрист, показал себя никуда негодным. Ну, все, что теперь осталось делать, это съездить в Харроуильд.

На этот раз «Три башенки» совсем не были похожи на тот дом, который мы видели накануне. У ворот собралась группа зевак, и несколько полицейских осматривали окна и клумбы с геранью. В доме мы встретили старого седого джентльмена, который представился нам, как адвокат. С ним был шумный, румяный полицейский инспектор, поздоровавшийся с Холмсом, как со старым приятелем.

– Ну, как, мистер Холмс? Боюсь, что в этом деле для вас не будет случая отличиться. Самое обыкновенное ограбление, с которым легко сможет справиться бедная старая полиция. Тут уж не требуется экспертов.

– Я уверен, что дело в очень хороших руках, – сказал Холмс. – Вы говорите, что это простое ограбление?

– Совершенно верно. Мы отлично знаем, кто грабители, и где их найти. Это шайка Барнея Стокдэля, в которой участвует этот огромный негр. Их видели в этих местах.

– Великолепно! Что же они похитили?

– Да поживились-то они, кажется, немногим. Миссис Маберлей они усыпили хлороформом, а дом... Да вот и сама хозяйка.

Миссис Маберлей шла, опираясь на молоденькую служанку. Она была очень бледна и казалась больной.

– Вы дали мне хороший совет, мистер Холмс, – сказала она, виновато улыбаясь. – Увы! Я не послушалась вас. Я не хотела беспокоить мистера Сутро и осталась без всякой защиты.

– Я услышал про вас только сегодня утром, – пояснил адвокат.

– Мистер Холмс советовал мне, чтобы в эту ночь кто-нибудь из друзей ночевал у меня. Я не обратила внимания на его совет и поплатилась за это.

– Вы выглядите совершенно больной, – заметил Холмс. – Может быть, вы не в состоянии рассказать мне, что произошло?

– Все записано здесь, – заявил инспектор, похлопывая по толстой записной книжке.

– Но все-таки, если миссис Маберлей не слишком измучена...

– Да, право, мало, что есть рассказывать. Я не сомневаюсь, что это злодейка Сюзанна научила их, как войти в дом. Они, очевидно, великолепно знали расположение комнат. Я одно только мгновение сознавала, что они накинута мне на рот тряпку с хлороформом, но понятия не имела, сколько времени я была без сознания. Когда я очнулась, у кровати моей стоял человек, а другой, с узлом в руке, выбирался из груды багажа моего сына. Все вещи были открыты и разбросаны по комнате. Прежде, чем он успел скрыться, я вскочила и схватила его.

– Вы очень рисковали, – сказал инспектор.

– Я повисла на нем, но он оттолкнул меня, а другой, вероятно, ударил меня, потому что я больше ничего не помню. Мэри, моя служанка, услышала шум и стала кричать в окно. Прибежала полиция, но негодяи уже скрылись.

– Что они унесли?

– Да я думаю, что ничего ценного не пропало. Я уверена, что ничего такого не было в багаже моего сына.

– Эти люди не оставили никаких улик?

– Остался лист бумаги, который я, вероятно, вырвала у грабителя. Лист, исписанный рукой моего сына, лежал весь смятый на полу.

– Это означает, что он не многого стоит, как улика, – заметил инспектор. – Вот, если бы он был исписан рукой вора...

– Именно! – воскликнул Холмс. – Какой у вас ясный ум! Но я, тем не менее, хотел бы взглянуть на этот лист.

Инспектор вынул из своей записной книжки сложенный лист бумаги.

– Я никогда не пренебрегаю никакой мелочью, – сказал он с некоторой торжественностью. – Это мой вам совет, мистер Холмс. Я твердо усвоил это за мой двадцатипятилетний опыт. Всегда можно найти отпечатки пальцев или что-нибудь в этом роде на этих мелких вещах.

Холмс осмотрел лист.

– Что это такое, по-вашему, инспектор?

– Мне кажется, что это конец какой-то странной повести.

– Конечно, это может быть окончание какой-то странной истории, – сказал Холмс. – Вы заметили цифру наверху страницы? Это – двести сорок пять. Где же остальные двести сорок четыре страницы?

– Да, верно, их унес вор. На что-нибудь они ему понадобились!

– Очень странно, что врываються в дом для похищения таких бумаг. Говорит это вам что-нибудь, инспектор?

– Да, сэр, мне это говорит, что негодяи просто схватили первое, что попало им под руку. Желаю им радоваться своей добычей!

– Зачем они рылись в вещах моего сына? – спросила миссис Маберлей.

– Да они просто не нашли ничего ценного внизу и решили попытать счастья наверху. Вот, как я это понимаю. Как, по-вашему, мистер Холмс?

– Я должен обдумать это, инспектор. Подойдем к окну, Ватсон.

Мы оба стояли у окна, и он стал читать вслух то, что было написано на оборванном листе. Начиналось с середины фразы и дальше шло следующее: «... от нанесенных ран и ударов по лицу текла кровь, но это было ничто по сравнению с тем, как истекало кровью его сердце, когда он видел, как прелестное лицо, за которое он готов был отдать жизнь, смотрело на его страдания и унижения. Она улыбалась, – да, клянусь, она улыбалась, – эта бессердечная женщина, когда я взглянул на нее. В это-то мгновение умерла его любовь и родилась ненависть. Мужчина должен ради чего-то жить. Если не ради ваших объятий, миледи, то это будет ради моей мести, несущей вам погибель».

– Очень странно в смысле грамматическом, – сказал Холмс, с улыбкой передавая бумагу инспектору. – Вы заметили, как «он» неожиданно переходит в «я». Пишущий был так увлечен своим повествованием, что в последний момент вообразил себя героем своего произведения.

– Это какая-то ерунда, – сказал инспектор, снова пряча бумагу в записную книжку. – Как! Вы уходите, мистер Холмс?

– Мне кажется, что мне тут уже нечего делать. Ведь, все теперь в ваших опытных руках. Между прочим, миссис Маберлей, вы, кажется, говорили, что хотели бы путешествовать?

– Это всегда было моей мечтой.

– Куда бы вам хотелось поехать – в Каир, на остров Мадейру или на Ривьеру?

– Ах, если бы у меня были деньги, я отправилась бы в кругосветное путешествие...

– Отлично. В кругосветное путешествие. Ну, прощайте. Я, может быть, пришлю вам вечером записку.

Когда мы проходили мимо окна, я увидел, как инспектор улыбался и качал головой.

«Эти умники всегда немножко сумасшедшие», – прочел я в этой улыбке.

– Теперь, Ватсон, мы у последнего перегона нашего маленького путешествия, – сказал Холмс, когда мы снова очутились в центре лондонского шума. – Я думаю, что; нам лучше сразу выяснить это дело, и было бы хорошо, если бы вы отправились со мной. Спокойнее идти со свидетелем, когда имеешь дело с такой особой, как Айседора Клейн.

Мы сели на извозчика и поехали по адресу в Гросвэнор-сквер. Холмс был погружен в свои думы, но вдруг очнулся.

– Между прочим, Ватсон, я думаю, что вам все ясно?

– Нет, не могу этого сказать: я только соображаю, что мы едем к особе, которая скрывается за всеми этими проделками.

– Совершенно верно. Но разве имя Айседоры Клейн ничего вам не говорит? Ведь она была знаменитой красавицей. С ней никогда не могла соперничать ни одна женщина. Она настоящая испанка, с кровью победителей-конквистадоров в жилах, и семья ее имела из поколения в поколение большое значение в Пернамбуко. Она вышла замуж за старого сахарного короля Клейна и стала потом самой богатой и очаровательной вдовой во всем мире. Затем следовал период приключений, когда она удовлетворяла свои вкусы. У нее было много любовников и в том числе Дуглас Маберлей, самый заметный в Лондоне человек. С ним-то у нее, во всяком случае, было больше, чем приключение. Это ведь не был светский мотылек, а сильный гордый мужчина, отдававший все и столько же ожидавший взамен. Но она – «прекрасная дама без сердца», как их описывают в романах. Все кончено, когда ее каприз удовлетворен. А если другая сторона не покоряется ее желанию, она знает, как заставить покориться.

– Так это была его собственная история...

– А, вы теперь поняли. Я слышал, что она собирается выйти замуж за молодого герцога Ломана, который годится ей в сыновья. Мамаша его светлости может не обращать внимания на возраст, но большой скандал – это другое дело... Поэтому необходимо... А, вот мы и приехали!

Это был один из красивейших домов Вест-Энда. Похожий на некий механизм лакей понес наши визитные карточки и, вернувшись, сообщил, что леди нет дома.

– Так мы подождем, пока она будет дома, – спокойно сказал Шерлок Холмс.

Отлаженный механизм прорвало:

– Нет дома, это значит, что нет дома для вас, – произнес он.

– Отлично, – ответил Холмс, – это значит, что нам не придется ждать. Будьте добры, передайте вашей хозяйке эту записку.

Он написал несколько слов на листке своего блокнота, сложил листок и передал его лакею.

– Что вы написали, Холмс? – спросил я.

– Всего только: «Значит, вы предпочитаете полицию?» Я думаю, что это послужит нам пропуском.

Записка, действительно, оказалась пропуском и притом удивительно быстрым. Минуту спустя, мы уже стояли в огромной великолепной гостиной, точно со страниц «Тысячи и одной ночи». В ней был полумрак и горела только одна розовая лампа. Хозяйка комнаты, очевидно, дожила до того возраста, когда и самая гордая красота предпочитает полумрак. При нашем входе она приподнялась с дивана. У нее была высокая прекрасная фигура, лицо, похожее на очаровательную маску, и удивительные испанские глаза, со смертельной ненавистью смотревшие на нас.

– Что значит это вторжение и эта оскорбительная записка? – спросила она, держа в руке листок бумаги.

– Мне незачем вам объяснять, мадам. Я слишком высокого мнения о вашем уме, хотя и должен признаться, что последнее время ум этот делал очень странные промахи...

– Как так, сэр?

– Вы думали, что нанятые вами негодяи могут меня запугать. Ни один человек, вероятно, не взялся бы за мою профессию, если бы его не привлекала опасность. Так это, значит, вы заставили меня заняться делом молодого Маберлея?

– Я понятия не имею, о чем вы говорите. Что у меня общего с какими-то наемными негодяями?

Холмс повернулся с усталым видом.

– Да, я переоценивал ваш ум. Ну, тогда прощайте!

– Стойте! Куда вы?

– В Скотланд-Ярд.

Мы не прошли и половины расстояния до двери, как она догнала нас и схватила Холмса за руку. Она в одно мгновение переродилась, и стала превратилась в бархат.

– Пожалуйста, присядьте, джентльмены. Давайте поговорим об этом. Я чувствую, что могу быть откровенна с вами, мистер Холмс. Вы – настоящий джентльмен. Как быстро это чувствует женский инстинкт! Я буду держать себя с вами, как с другом.

– Я не обещаю, что буду вам отвечать взаимностью, мадам. Я не представитель закона, но зато представитель справедливости, насколько мне это позволяют мои слабые силы. Я готов выслушать вас, а потом скажу вам, как я поступлю.

– Конечно, было очень глупо с моей стороны грозить такому смелому человеку, как вы.

– Что было действительно глупо, мадам, это то, что вы отдали себя во власть шайки негодяев, которые могут вас выдать или шантажировать.

– Нет-нет! Я не так проста. Раз я уж обещала быть откровенной, я могу сказать, что никто, кроме Барнея Стокдэля и Сюзанны, его жены, не имеет ни малейшего понятия о том, кто их нанял. Что касается этих двух, то я уже не в первый раз...

Она улыбнулась и кивнула головой с очаровательной кокетливой интимностью.

– Понимаю. Вы уже прибегали к их услугам раньше.

– Они хорошие гончие собаки, всегда молча бегущие по следу.

– Такие гончие обычно рано или поздно кусают кормящую руку. Полиция уже ищет их.

– Они перенесут то, что преподнесет судьба. За это им и заплачено. Я не появлюсь в этом деле.

– Если только я вас не втяну в него.

– Нет-нет, вы этого не сделаете. Вы джентльмен, а это тайна женщины.

– Прежде всего, вы должны отдать рукопись.

Она звонко расхохоталась и подошла к камину. Там была обуглившаяся масса, которую она развевала каминными щипцами,

– Отдать вам это? – спросила она.

Женщина была в эту минуту так задорна и очаровательна, что я почувствовал, что из всех преступников Шерлока Холмса с этой женщиной ему труднее всего будет выдержать характер. Но он был застрахован от романтических чувств.

– Это решает вашу судьбу, – холодно сказал он. – Вы очень быстры в своих действиях, сударыня, но на этот раз вы сильно хватили через край.

Она со стуком бросила на пол каминные щипцы.

– Как вы неумолимы! – воскликнула она. – Позвольте мне рассказать вам всю историю.

– Я думаю, что я мог бы рассказать ее вам.

– Но вы должны взглянуть на все моими глазами, мистер Холмс. Встаньте на точку зрения женщины, перед которой в последний момент рушатся мечты всей ее жизни. Разве можно осуждать такую женщину, если она пытается защищаться?

– Но вина, ведь, была ваша.

– Да-да, я согласна с этим. Дуглас был милый мальчик, но обстоятельства сложились так, что наши с ним планы совершенно расходились. Он хотел, чтобы я вышла за него замуж, мистер Холмс, замуж за него, человека без гроша и без имени. Меньшим он не желал удовлетвориться. Он не давал мне покоя. Он воображал, что я должна вечно принадлежать ему, и только ему. Это было невыносимо. В конце концов, я должна была дать ему это понять.

– Наняв негодяев, которые избили его под вашими окнами?

– Вы, действительно, знаете все, мистер Холмс. Да, это правда. Барней и его молодцы прогнали его отсюда, и я должна признаться, что они при этом были с ним немножко грубы. Но что же он тогда сделал? Могла ли я подумать, что так поступит джентльмен? Он написал книгу, в которой рассказывал свою историю. В ней я, конечно, была представлена волком, а себе он отвел роль ягненка. Там было описано все, и только имена героев были, конечно, другие. Но кто в Лондоне не узнал бы их? Что вы скажете, мистер Холмс?

– Что ж, он был в своем праве.

– Точно воздух Италии вошел ему в кровь, а с ним вместе и старая итальянская жестокая душа. Он написал мне, и прислал копию своей книги, чтобы заставить меня мучиться, предвкусывая скандал. Он сказал, что существуют два экземпляра рукописи: один у меня и второй – у издателя.

– Как же вы узнали, что экземпляр остался у Дугласа?

– Я знала, кто его издатель. Это ведь не первая его повесть. Я узнала, что издатель не получал рукописи из Италии. Потом Дуглас неожиданно умер. Пока второй экземпляр рукописи гулял по свету, для меня не могло быть спокойствия. Этот экземпляр, конечно, должен был быть среди его вещей, а их вернут его матери. Я прибегла к помощи шайки Барнея. Его жена поступила в дом миссис Маберлей прислугой. Я хотела честно провести это дело. И, действительно, поступила честно. Я готова была купить дом и все, что в нем было. Я предложила ей любую цену. Я попробовала действовать иным путем, когда ничего другого сделать не удалось. Теперь, мистер Холмс, допустив, что я была слишком сурова с Дугласом, скажите, что могла я сделать, когда все мое будущее было поставлено на карту?

Шерлок Холмс пожал плечами.

– Что ж, – сказал он, – мне, верно, по обыкновению, придется пойти на уступки, отказавшись от судебного преследования. Сколько стоит путешествие вокруг света со всеми удобствами?

Айседора Клейн взглянула на моего друга с удивлением.

– Ну, наверное, можно будет уложиться в пять тысяч фунтов стерлингов...

– Думаю, что этого будет вполне достаточно, – подтвердил я.

– Отлично, – добавил Холмс. – Вы подпишете мне чек на эту сумму, и я позабочусь, чтобы его получила миссис Маберлей. Она заслужила того, чтобы на некоторое время сменить

обстановку. Но вам, леди, – и он предостерегающе погрозил ей пальцем, – советую: будьте осторожны. Будьте осторожны! Нельзя вечно играть острым оружием, не порезав себе руки.

Вампир в Суссексе

Холмс внимательно прочел небольшую, в несколько строк записку, доставленную вечерней почтой, и с коротким, сухим смешком, означавшим у него веселый смех, перекинул ее мне.

– Право, трудно себе представить более нелепую мешанину из современности и средневековья, трезвейшей прозы и дикой фантазии. Что вы на это скажете, Ватсон?

Я прочитал:

«Олд-Джюри. 46 19 ноября. Касательно вампиров.»

Сэр! Наш клиент мистер Роберт Фергюсон, компаньон торгового дома «Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая» на Минсинг-лейн, запросил нас касательно вампиров. Поскольку наша фирма занимается исключительно оценкой и налогообложением машинного оборудования, вопрос этот едва ли относится к нашей компетенции, и мы рекомендовали мистеру Фергюсону

обратиться и Вам. У нас свежо в памяти Ваше успешное расследование дела Матильды Бригс.

С почтением Моррисон, Моррисон и Додд».

– Матильда Бригс, друг мой Ватсон, отнюдь не имя молоденькой девушки, – проговорил Холмс задумчиво. – Так назывался корабль. В истории с ним немалую роль сыграла гигантская крыса, обитающая на Суматре. Но еще не пришло время поведать миру те события... Так что же нам известно о вампирах? Или и к нашей компетенции это не относится? Конечно, все лучше скуки и безделья, но, право, нас, кажется, приглашают в сказку Гримма. Протяните-ка руку, Ватсон, посмотрим, что мы найдем под буквой «В».

Откинувшись назад, я достал с полки за спиной толстый справочник. Кое-как приладив его у себя на колене, Холмс любовно, смакуя каждое слово, проглядывал собственные записи своих подвигов и сведений, накопленных им за долгую жизнь.

– «Глория Скотт»... – читал он. – Скверная была история с этим кораблем. Мне припоминается, что вы, Ватсон, запечатлели ее на бумаге, хотя результат ваших трудов не дал мне основания поздравить вас с успехом... «Гиля, или ядовитая ящерица»... Поразительно интересное дело. «Гадюки»... «Виктория, цирковая прима»... «Виктор Линч, подделыватель подписей»... «Вигор, Хаммерсмитское чудо»... «Вандербильт и медвежатник»... Ага! Как раз то, что нам требуется. Спасибо старику – не подвел. Другого такого справочника не сыщешь. Слушайте, Ватсон: «Вампиры в Венгрии». А вот еще: «Вампиры в Трансильвании».

С выражением живейшего интереса он листал страницу за страницей, читая с большим вниманием, но вскоре отшвырнул книгу и сказал разочарованно:

– Чепуха, Ватсон, сушая чепуха. Какое нам дело до разгуливающих по земле мертвецов, которых можно загнать обратно в могилу, только вбив им кол в сердце? Абсолютная ерунда.

– Но, позвольте, вампир не обязательно мертвец, – запротестовал я. – Такими делами занимаются и живые люди. Я, например, читал о стариках, сосавших кровь младенцев в надежде вернуть себе молодость.

– Совершенно правильно. Здесь эти сказки тоже упоминаются. Но можно ли относиться к подобным вещам серьезно? Наше агентство частного сыска обеими ногами стоит на земле и будет стоять так и впредь. Реальная действительность – достаточно широкое поле для нашей деятельности, с привидениями к нам пусть не адресуются. Полагаю, что мистера Роберта Фергюсона не следует принимать всерьез. Не исключено, что вот это письмо писано им самим, быть может, оно прольет свет на обстоятельства, явившиеся причиной его беспокойства.

Холмс взял конверт, пришедший с той же почтой и пролежавший на столе незамеченным, пока шло чтение первого письма. Он принялся за второе послание с веселой иронической усмешкой, но постепенно она уступила место выражению глубочайшего интереса и сосредоточенности. Дочитав до конца, он некоторое время сидел молча, погруженный в свои мысли; исписанный листок свободно повис у него в пальцах. Наконец, вздрогнув, Холмс разом очнулся от задумчивости.

– Чизмен, Лемберли. Где находится Лемберли?

– В Суссексе, к югу от Хоршема.

– Не так уж далеко, а? Ну, а что такое Чизмен?

– Я знаю Лемберли – провинциальный уголок. Сплошь старые, многовековой давности дома, носящие имена первых хозяев. Чизмен, Одли, Харви, Карритон – сами люди давно забыты, но имена их живут в построенных ими домах.

– Совершенно верно, – ответил Холмс сухо. Одной из странностей этой гордой, независимой натуры была способность с необычайной быстротой запечатлевать в своем мозгу всякое новое сведение, но редко признавать заслугу того, кто его этим сведением обогатил. – К концу расследования мы, вероятно, узнаем очень многое об этом Чизмене в Лемберли. Письмо, как я и предполагал, от Роберта Фергюсона. Кстати, он уверяет, что знаком с вами.

– Со мной?

– Прочтите сами.

Он протянул мне письмо через стол. Адрес отправителя гласил: «Чизмен, Лемберли». Я стал читать:

«Уважаемый мистер Холмс! Мне посоветовали обратиться к Вам, но дело мое столь деликатного свойства, что я затрудняюсь изложить его на бумаге. Я выступаю от имени моего друга. Лет пять тому назад он женился на молодой девушке, уроженке Перу, дочери перуанского коммерсанта, с которым познакомился в ходе переговоров относительно импорта нитратов. Молодая перуанка очень хороша собой, но ее иноземное происхождение и чуждая религия привели к расхождению интересов и чувств между мужем и женой, и любовь моего друга к жене стала несколько остывать. Он даже готов был считать их союз ошибкой. Он видел, что некоторые черты ее характера навсегда останутся для него непостижимыми. Все это было особенно мучительно потому, что эта женщина, по-видимому, необычайно любящая и преданная ему супруга.

Перехожу к событиям, которые надеюсь наложить точнее при встрече. Цель этого письма лишь дать общее о них представление и выяснить, согласны ли Вы заняться этим делом. Последнее время жена моего друга стала вести себя очень странно, поступки ее шли совершенно вразрез с ее обычно мягким и кротким нравом. Друг мой женат вторично, и от первого брака у него есть пятнадцатилетний сын – очаровательный мальчик с нежным любящим сердцем, несмотря на то, что несчастный случай еще в детстве сделал его калекой. Теперешняя жена моего друга дважды и без малейшего повода набрасывалась на бедного ребенка с побоями. Один раз ударила его палкой по руке с такой силой, что от удара остался большой рубец.

Но все это не столь существенно по сравнению с ее отношением к собственному ребенку, прелестному мальчугану, которому не исполнилось и года. Как-то кормилица на несколько минут оставила его в детской одного. Громкий отчаянный крик младенца заставил ее бегом вернуться назад. И тут она увидела, что молодая мать, прильнув к шейке сына, впилась в нее зубами: на шейке виднелась ранка, из нее текла струйка крови. Кормилица пришла в неопишуемый ужас и хотела тотчас позвать хозяина, но женщина умолила ее никому ничего не говорить и даже заплатила пять фунтов за ее молчание. Никаких объяснений засим не последовало, и дело так и оставили.

Но случай этот произвел страшное впечатление на кормилицу. Она стала пристально наблюдать за хозяйкой и не спускала глаз со своего питомца, к которому испытывала искреннюю привязанность. При этом ей казалось, что и хозяйка, в свою очередь, непрерывно за ней следит. Стоило кормилице отойти от ребенка, как мать немедленно к нему кидалась. День и ночь кормилица стерегла дитя, день и ночь его мать сидела в засаде, как волк, подстерегающий ягненка. Конечно, мои слова кажутся Вам совершенно невероятными, но, прошу Вас, отнеситесь к ним серьезно, быть может, от того зависят и жизнь ребенка и рассудок его отца.

Наконец наступил тот ужасный день, когда стало невозможно что-либо скрывать от хозяина. Нервы кормилицы сдали, она чувствовала, что не в силах выдержать напряжение, и во всем ему призналась. Отцу ребенка ее рассказ показался таким же бредом, каким он, вероятно, кажется и Вам. Мой друг никогда не сомневался, что жена искренне и нежно его любит, и что, если не

считать этих двух нападения на пасынка, она такая же нежная любящая мать. Разве могла она нанести рану своему собственному любимому дитяти? Мой друг заявил кормилице, что все это ей померещилось, что ее подозрения – плод больного воображения, и что он не потерпит столь злостных поклепов на свою жену. Во время их разговора раздался пронзительный детский крик. Кормилица вместе с хозяином кинулась в детскую. Представьте себе чувства мужа и отца, когда он увидел, что жена, отпрянув от кровати, поднимается с колен, а на шее ребенка и на простынке – кровь. С криком ужаса он повернул лицо жены к свету – губы ее были окровавлены. Сомнений не оставалось: она пила кровь младенца.

Таково положение дел. Сейчас несчастная сидит, запершись в своей комнате. Объяснения между супругами не произошло. Муж едва ли не потерял рассудок. Он, как и я, плохо осведомлен о вампирах, собственно, кроме самого слова, нам ровно ничего не известно. Мы полагали, что это всего-навсего нелепое, дикое суеверие, не имеющее места в нашей стране. И вдруг в самом сердце Англии, в Суссексе... Все эти происшествия мы могли бы обсудить завтра утром. Согласны ли Вы меня принять? Согласны ли употребить свои необычайные способности в помощь человеку, на которого свалилась такая беда? Если согласны, то, прошу Вас, пошлите телеграмму на имя Фергюсона (Чизмен, Лемберли), и к десяти часам я буду у Вас.

С уважением Роберт Фергюсон.

Р. S. Если не ошибаюсь, Ваш друг Ватсон и я однажды встретились в матче регби: он играл в команде Блэкхита, я – в команде Ричмонда. Это единственная рекомендация, которой я располагаю».

– Отлично помню, – сказал я, откладывая письмо в сторону. – Верзила Боб Фергюсон, лучший трехчетвертной, каким могла похвастать команда Ричмонда. Славный добродушный малый. Как это похоже на него – так близко принимать к сердцу неприятности друга.

Холмс посмотрел на меня пристально и покачал головой.

– Никогда не знаешь, чего от вас ожидать, Ватсон, – сказал он. – В вас залежи еще не исследованных возможностей. Будьте добры, запишите текст телеграммы: «Охотно беремся расследование вашего дела».

– *Вашего дела?*

– Пусть не воображает, что наше агентство – приют слабоумных. Разумеется, речь идет о нем самом. Пошлите ему телеграмму, и до завтрашнего дня оставим все это в покое.

На следующее утро ровно в десять часов Фергюсон вошел к нам в комнату. Я помнил его высоким и поджарым, руки и ноги как на шарнирах, и поразительное проворство, не раз помогавшее ему обставлять коллег из команды противника. Да, грустно встретить жалкое подобие того, кто когда-то был великолепным спортсменом, которого ты знавал в расцвете сил. Могучее, крепко сбитое тело как будто усохло, льняные волосы поредели, плечи ссутулились. Боюсь, я своим видом вызвал в нем те же чувства.

– Рад вас видеть, Ватсон, – сказал он. Голос у него остался прежний – густой и добродушный. – Вы не совсем похожи на того молодца, которого я перебросил за канат прямо в публику в «Старом Оленьем Парке»⁴⁸. Думаю, и я порядком изменился. Но меня состарили последние несколько дней. Из телеграммы я понял, мистер Холмс, что мне нечего прикидываться, будто я выступаю от имени другого лица.

– Всегда лучше действовать напрямик, – заметил Холмс.

⁴⁸ Спортивный клуб в Ричмонде, около Лондона.

– Согласен. Но поймите, каково это – говорить такие вещи о своей жене, о женщине, которой долг твой велит оказывать помощь и покровительство! Что мне предпринять? Неужели отправиться в полицию, и все им выложить? Ведь и дети нуждаются в защите! Что же это с ней такое, мистер Холмс? Безумие? Или это у нее в крови? Сталкивались ли вы с подобными случаями? Ради всего святого, подайте совет. Я просто голову потерял.

– Вполне вас понимаю, мистер Фергюсон. А теперь сядьте, возьмите себя в руки и ясно отвечайте на мои вопросы. Могу вас заверить, что я далек от того, чтобы терять голову, и очень надеюсь, что мы найдем способ разрешить ваши трудности. Прежде всего, скажите, какие меры вы приняли? Ваша жена все еще имеет доступ к детям?

– Между нами произошла ужасная сцена. Поймите, жена моя человек добрый, сердечный – на свете не сыщешь более любящей, преданной жены. Для нее было тяжким ударом, когда я раскрыл ее страшную, невероятную тайну. Она даже ничего не пожелала сказать. Ни слова не ответила мне на мои упреки – только глядит, и в глазах дикое отчаяние. Потом бросилась к себе в комнату и заперлась. И с тех пор отказывается меня видеть. У нее есть горничная по имени Долорес, служила у нее еще до нашего брака, скорее подруга, чем служанка. Она и носит жене еду.

– Значит, ребенку не грозит опасность?

– Миссис Мэйсон, кормилица, поклялась, что не оставит его без надзора ни днем, ни ночью. Я ей полностью доверяю. Я больше тревожусь за Джека, я вам писал, что на него дважды было совершено настоящее нападение.

– Однако никаких увечий не нанесено?

– Нет. Но ударила она его очень сильно. Поступок вдвойне жестокий, ведь мальчик – жалкий, несчастный калека. – Обострившиеся черты лица Фергюсона как будто стали мягче, едва он заговорил о старшем сыне. – Казалось бы, несчастье этого ребенка должно смягчить сердце любого: Джек в детстве упал и повредил себе позвоночник. Но сердце у мальчика просто золотое.

Холмс взял письмо Фергюсона и стал его перечитывать.

– Кроме тех, кого вы назвали, кто еще живет с вами в доме?

– Две служанки, они у нас недавно. В доме еще ночует конюх Майкл. Остальные – это жена, я, старший мой сын Джек, потом малыш, горничная Долорес и кормилица миссис Мэйсон. Больше никого.

– Насколько я понял, вы мало знали вашу жену до свадьбы?

– Мы были знакомы всего несколько недель.

– А Долорес давно у нее служит?

– Несколько лет.

– Значит, характер вашей жены лучше известен горничной, чем вам?

– Да, пожалуй.

Холмс что-то записал в свою книжку.

– Полагаю, в Лемберли я смогу оказаться более полезным, чем здесь. Дело это, безусловно, требует расследования на месте. Если жена ваша не покидает своей комнаты, наше присутствие в доме не причинит ей никакого беспокойства и неудобств. Разумеется, мы остановимся в гостинице.

Фергюсон издал вздох облегчения.

– Именно на это я и надеялся, мистер Холмс. С вокзала Виктория в два часа отходит очень удобный поезд – если это вас устраивает.

– Вполне. Сейчас в делах у нас затишье. Я могу целиком посвятить себя вашей проблеме. Ватсон, конечно, поедет тоже. Но, прежде всего, я хотел бы уточнить некоторые факты. Итак, несчастная ваша супруга нападала на обоих мальчиков – и на своего собственного ребенка, и на вашего старшего сынишку?

– Да.
– Но по-разному. Вашего сына она только избила.
– Да, один раз палкой, другой раз била прямо руками.
– Она вам объяснила свое поведение в отношении пасынка?
– Нет. Сказала только, что ненавидит его. Все повторяла: «Ненавижу, ненавижу...»
– Ну, с мачехами это случается. Ревность задним числом, если можно так выразиться. А как она по натуре – ревнивая?

– Очень. Она южанка, ревность у нее такая же яростная, как и любовь.
– Но мальчик, ведь ему, вы сказали, пятнадцать лет? И если физически он неполноценен, тем более, вероятно, высоко его умственное развитие. Разве он не дал вам никаких объяснений?

– Нет. Сказал, что это без всякой причины.
– А какие отношения у них были прежде?
– Они всегда друг друга недолюбливали.
– Вы говорили, что мальчик ласковый, любящий.
– Да, трудно найти более преданного сына. Он буквально живет моей жизнью, целиком поглощен тем, чем я занят, ловит каждое мое слово.

Холмс снова что-то записал себе в книжку. Некоторое время он сосредоточенно молчал.

– Вероятно, вы были очень близки с сыном до вашей второй женитьбы – постоянно вместе, все делили?

– Мы почти не разлучались.
– Ребенок с такой чувствительной душой, конечно, свято хранит память матери?
– Да, он ее не забыл.
– Должно быть, очень интересный, занятый мальчуган. Еще один вопрос касательно побоев. Нападение на младенца и на старшего мальчика произошло в один и тот же день?
– В первый раз да. Ее словно охватило безумие, и она обратила свою ярость на обоих. Второй раз пострадал только Джек, со стороны миссис Мэйсон никаких жалоб относительно малыша не поступало.

– Это несколько осложняет дело.
– Не совсем вас понимаю, мистер Холмс.
– Возможно. Видите ли, обычно сочиняешь себе временную гипотезу и выжидаешь, пока полное знание положения вещей не разобьет ее вдребезги. Дурная привычка, мистер Фергюсон, что и говорить, но слабости присущи человеку. Боюсь, ваш старый приятель Ватсон внушил вам преувеличенное представление о моих научных методах. Пока я могу вам только сказать, что ваша проблема не кажется мне неразрешимой, и что к двум часам мы будем на вокзале Виктория.

Был тусклый туманный ноябрьский вечер, когда, оставив наши чемоданы в гостинице «Шахматная Доска» в Лемберли, мы пробирались через суссекский глинозем по длинной извилистой дороге, приведшей нас, в конце концов, к старинной ферме, владению Фергюсона, – широкому, расползшемуся во все стороны дому, с очень древней средней частью и новехонькими боковыми пристройками. На остроконечной крыше, сложенной из хоршемского горбыля и покрытой пятнами лишайника, поднимались старые тюдоровские трубы. Ступени крыльца покривились, на старинных плитках, которыми оно было вымощено, красовалось изображение человека и сыра – «герб» первого строителя дома⁴⁹. Внутри под потолками тянулись тяжелые дубовые балки, пол во многих местах осел, образуя глубокие кривые впадины. Всю эту старую развалину пронизывали запахи сырости и гнили.

⁴⁹ Чизмен (англ. – cheeseman) – сыровар.

Фергюсон провел нас в большую просторную комнату, помещавшуюся в центре дома. Здесь в огромном старомодном камине с железной решеткой, на которой стояла дата «1670», полыхали толстые поленья.

Осмотревшись, я увидел, что в комнате царит смесь различных эпох и мест. Стены, обшитые дубовой панелью, относились, вероятно, к временам фермера-иомена, построившего этот дом в семнадцатом веке. Но по верхнему краю панели висело собрание со вкусом подобранных современных акварелей, а выше, там, где желтая штукатурка вытеснила дуб, располагалась отличная коллекция южноамериканской утвари и оружия – ее, несомненно, привезла с собой перуанка, что сейчас заперлась наверху, в своей спальне. Холмс быстро встал и с живейшим любопытством, присущим его необыкновенно острому уму, внимательно рассмотрел всю коллекцию. Когда он снова вернулся к нам, выражение лица у него было серьезное.

– Эге, а это что такое? – воскликнул он вдруг.

В углу в корзине лежал спаниель. Теперь собака с трудом поднялась и медленно подошла к хозяину. Задние ее ноги двигались как-то судорожно, хвост волочился по полу. Она лизнула хозяину руку.

– В чем дело, мистер Холмс?

– Что с собакой?

– Ветеринар ничего не мог понять. Что-то похожее на паралич. Предполагает менингит. Но пес поправляется, скоро будет совсем здоров, правда, Карло?

Опущенный хвост спаниеля дрогнул в знак согласия. Печальные собачьи глаза глядели то на хозяина, то на нас. Карло понимал, что разговор идет о нем.

– Это произошло внезапно?

– В одну ночь.

– И давно?

– Месяца четыре назад.

– Чрезвычайно интересно. Наталкивает на определенные выводы.

– Что вы тут усмотрели, мистер Холмс?

– Подтверждение моим догадкам.

– Ради Бога, мистер Холмс, скажите, что у вас на уме? Для вас наши дела, быть может, всего лишь занятная головоломка, но для меня это вопрос жизни и смерти. Жена в роли убийцы, ребенок в опасности... Не играйте со мной в прятки, мистер Холмс. Для меня это слишком важно.

Высоченный регбист дрожал всем телом. Холмс мягко положил ему на плечо руку.

– Боюсь, мистер Фергюсон, при любом исходе дела вас ждут впереди новые страдания, – сказал он. – Я постараюсь щадить вас, насколько это в моих силах. Пока больше ничего не могу добавить. Но надеюсь, прежде чем покинуть этот дом, сообщить вам что-то определенное.

– Дай-то Бог! Извините меня, джентльмены, я поднимусь наверх, узнаю, нет ли каких перемен.

Он отсутствовал несколько минут, и за это время Холмс возобновил свое изучение коллекции на стене. Когда наш хозяин вернулся, по выражению его лица было ясно видно, что все осталось в прежнем положении. Он привел с собой высокую, тоненькую, смуглую девушку.

– Чай готов, Долорес, – сказал Фергюсон. – Последи, чтобы твоя хозяйка получила все, что пожелает.

– Хозяйка больная, сильно больная! – выкрикнула девушка, негодуя сверкая глазами на своего господина. – Еда не ест, сильно больная. Надо доктор. Долорес боится быть одна с хозяйкой, без доктор.

Фергюсон посмотрел на меня вопросительно.

– Очень рад быть полезным.

– Узнай, пожелает ли твоя хозяйка принять доктора Ватсона.

- Долорес поведет доктор. Не спрашивает можно. Хозяйка надо доктор.
- В таком случае я готов идти немедленно.

Я последовал за дрожащей от волнения девушкой по лестнице и дальше, в конец ветхого коридора. Там находилась массивная, окованная железом дверь. Мне пришло в голову, что если бы Фергюсон вздумал силой проникнуть к жене, это было бы ему не так легко. Долорес вынула из кармана ключ, и тяжелые дубовые створки скрипнули на старых петлях. Я вошел в комнату, девушка быстро последовала за мной и тотчас повернула ключ в замочной скважине.

На кровати лежала женщина, несомненно, в сильном жару. Она была в забытии, но при моем появлении вскинула на меня свои прекрасные глаза и смотрела, не отрываясь, со страхом. Увидев, что это посторонний, она как будто успокоилась и со вздохом снова опустила голову на подушку. Я подошел ближе, сказал несколько успокаивающих слов. Она лежала, не шевелясь, пока я проверял пульс и температуру. Пульс оказался частым, температура высокой, однако у меня сложилось впечатление, что состояние женщины вызвано не какой-либо болезнью, а нервным потрясением.

– Хозяйка лежит так один день, два дня. Долорес боится, хозяйка умрет, – сказала девушка.

Женщина повернула ко мне красивое пылающее лицо.

– Где мой муж?

– Он внизу и хотел бы вас видеть.

– Не хочу его видеть, не хочу... – Тут она как будто начала бредить: – Дьявол! Дьявол!.. О, что мне делать с этим исчадием ада!..

– Чем я могу помочь вам?

– Ничем. Никто не может помочь мне. Все кончено. Все погибло... И я не в силах ничего сделать, все, все погибло!..

Она явно находилась в каком-то непонятном заблуждении; я никак не мог себе представить милого Боба Фергюсона в роли дьявола и исчадия ада.

– Сударыня, ваш супруг горячо вас любит, – сказал я. – Он глубоко скорбит о случившемся.

Она снова обратила на меня свои чудесные глаза.

– Да, он любит меня. А я, разве я его не люблю? Разве не люблю я его так сильно, что готова пожертвовать собой, лишь бы не разбить ему сердца?.. Вот как я его люблю... А он мог подумать обо мне такое... Мог так говорить со мной...

– Он преисполнен горя, но он не понимает.

– Да, он не в состоянии понять. Но он должен верить!

– Быть может, вы все же повидаетесь с ним?

– Нет-нет! Я не могу забыть те жестокие слова, тот взгляд... Я не желаю его видеть. Уходите. Вы ничем не можете мне помочь. Скажите ему только одно: я хочу, чтобы мне принесли ребенка. Он мой, у меня есть на него права. Только это и передайте мужу.

Она повернулась лицом к стене и больше не произнесла ни слова.

Я спустился вниз. Фергюсон и Холмс молча сидели у огня. Фергюсон угрюмо выслушал мой рассказ о визите к больной.

– Ну, разве могу я доверить ей ребенка? – сказал он. – Разве можно поручиться, что ее вдруг не охватит опять то ужасное, неудержимое желание... Разве могу я забыть, как она тогда поднялась с колен и вокруг ее губ – кровь?

Он вздрогнул, вспоминая страшную сцену.

– Ребенок с миссис Мэйсон, там он в безопасности, там он и останется.

Элегантная горничная, самое современное явление, какое мы доселе наблюдали в этом доме, внесла чай. Пока она хлопотала у стола, дверь распахнулась, и в комнату вошел подросток весьма примечательной внешности – бледнолицый, белокурый, со светло-голубыми беспокойными глазами, которые так и вспыхнули от волнения и радости, едва он увидел отца. Мальчик кинулся к нему, с девичьей нежностью обвил его шею руками.

– Папочка, дорогой! – воскликнул он. – Я и не знал, что ты уже приехал! Я бы вышел тебя встретить. Как я рад, что ты вернулся!

Фергюсон мягко высвободился из объятий сына; он был несколько смущен.

– Здравствуй, мой дружок, – сказал он ласково, глядя льняные волосы мальчика. – Я приехал раньше потому, что мои друзья, мистер Холмс и мистер Ватсон, согласились поехать со мной и провести у нас вечер.

– Мистер Холмс? Сыщик?

– Да.

Мальчик поглядел на нас испытующе и, как мне показалось, не очень дружелюбно.

– А где второй ваш сын, мистер Фергюсон? – спросил Холмс. – Нельзя ли нам познакомиться и с младшим?

– Попроси миссис Мэйсон принести сюда малыша, – обратился Фергюсон к сыну. Тот пошел к двери странной, ковыляющей походкой, и мой взгляд хирурга тотчас определил повреждение позвоночника. Вскоре мальчик вернулся, за ним следом шла высокая сухопарая женщина, неся на руках очаровательного младенца, черноглазого, золотоволосого – чудесное скрещенное рас, саксонской и латинской. Фергюсон, как видно, обожал и этого сынишку, он взял его на руки и нежно приласкал.

– Только представить себе, что у кого-то может хватить злобы обидеть такое существо, – пробормотал он, глядя на небольшой ярко-красный бугорок на шейке этого амура.

И тут я случайно взглянул на моего друга и подивился напряженному выражению его лица – оно словно окаменело, словно было вырезано из слоновой кости. Взгляд Холмса, на мгновение задержавшись на отце с младенцем, был прикован к чему-то, находящемуся в другом конце комнаты. Проследив за направлением этого пристального взгляда, я увидел только, что он обращен на окно, за которым стоял печальный, поникший под дождем сад. Наружная ставня была наполовину прикрыта и почти заслоняла собой вид, и, тем не менее, глаза Холмса неотрывно глядели именно в сторону окна. И тут он улыбнулся и снова посмотрел на младенца. Он наклонился над ним и внимательно исследовал взглядом красный бугорок на мягкой детской шейке. Затем схватил и потряс махавший перед его лицом пухлый, в ямочках кулачок.

– До свидания, молодой человек. Вы начали свою жизнь несколько бурно. Миссис Мэйсон, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Они встали поодаль и несколько минут о чем-то серьезно беседовали. До меня долетели только последние слова: «Надеюсь, всем вашим тревогам скоро придет конец». Кормилица, особа, как видно, не слишком приветливая и разговорчивая, ушла, унеся ребенка.

– Что представляет собой миссис Мэйсон? – спросил Холмс.

– Внешне она, как видите, не очень привлекательна, но сердце золотое, и так привязана к ребенку.

– А тебе, Джек, она нравится?

И Холмс круто к нему повернулся.

Выразительное лицо подростка как будто потемнело. Он затряс отрицательно головой.

– У Джека очень сильны и симпатии, и антипатии, – сказал Фергюсон, обнимая сына за плечи. – По счастью, я отношусь к первой категории.

Мальчик что-то нежно заворковал, прильнув головой к отцовской груди. Фергюсон мягко его отстранил.

– Ну, беги, Джекки, – сказал он и проводил сына любящим взглядом, пока тот не скрылся за дверью. – Мистер Холмс, – обратился он к моему другу, – я, кажется, заставил вас проехаться попусту. В самом деле, что вы можете тут поделать, кроме как выразить сочувствие? Вы, конечно, считаете всю ситуацию слишком сложной и деликатной.

– Деликатной? Безусловно, – ответил мой друг, чуть улыбнувшись. – Но не могу сказать, что поражен ее сложностью. Я решил эту проблему методом дедукции. Когда первоначальные результаты дедукции стали пункт за пунктом подтверждаться целым рядом не связанных между собой фактов, тогда субъективное ощущение стало объективной истиной. И теперь можно с уверенностью заявить, что цель достигнута. По правде говоря, я решил задачу еще до того, как мы покинули Бейкер-стрит. Здесь, на месте, оставалось только наблюдать и получать подтверждение.

Фергюсон провел рукой по нахмуренному лбу.

– Ради Бога, Холмс, – сказал он хрипло, – если вы в чем-то разобрались, не томите меня. Как обстоит дело? Как следует поступить? Мне безразлично, каким путем вы добились истины, мне важны сами результаты.

– Конечно, мне надлежит дать вам объяснение, и вы его получите. Но позвольте мне вести дело, согласно собственным моим методам. Скажите, Ватсон, в состоянии ли миссис Фергюсон выдержать наше посещение?

– Она больна, но в полном сознании.

– Прекрасно. Окончательно все выяснить мы сможем только в ее присутствии. Поднимемся вверх.

– Но ведь она не хочет меня видеть! – воскликнул Фергюсон.

– Не беспокойтесь, захочет, – сказал Холмс. Он начеркал несколько слов на листке бумаги. – Во всяком случае, у вас, Ватсон, есть официальное право на визит к больной. Будьте так любезны, передайте мадам эту записку.

Я вновь поднялся по лестнице и вручил записку Долорес, осторожно открывшей дверь на мой голос. Через минуту я услышал за дверью возгласы, одновременно радостные и удивленные. Долорес выглянула из-за двери и сообщила:

– Она хочет видеть. Она будет слушать.

По моему знаку Фергюсон и Холмс поднялись наверх. Все трое мы вошли в спальню. Фергюсон шагнул было к жене, приподнявшейся в постели, но она вытянула руку вперед, словно отталкивая его. Он опустился в кресло. Холмс сел рядом с ним, предварительно отведя поклон женщине, глядевшей на него широко раскрытыми, изумленными глазами.

– Долорес, я думаю, мы можем отпустить... – начал Холмс. – О, сударыня, конечно, если желаете, она останется, возражений нет. Ну-с, мистер Фергюсон, должен сказать, что человек я занятой, а посему предпочитаю зря время не тратить. Чем быстрее хирург делает разрез, тем меньше боли. Прежде всего, хочу вас успокоить. Ваша жена прекрасная, любящая вас женщина, несправедливо обиженная.

С радостным криком Фергюсон вскочил с кресла.

– Докажите мне это, мистер Холмс, докажите, и я ваш должник по гроб жизни!

– Докажу, но при этом буду вынужден причинить вам новые страдания.

– Все остальное безразлично, лишь бы была оправдана моя жена. По сравнению с этим ничто не имеет значения.

– В таком случае разрешите мне изложить вам ход моих умозаключений еще там, на Бейкер-стрит. Мысль о вампирах я счел абсурдной. В практике английской криминалистики подобные случаи места не имели. И в то же время, Фергюсон, вы действительно видели, как ваша жена отпрянула от кровати сына, видели кровь на ее губах.

– Да-да.

– А вам не пришло в голову, что из ранки высасывают кровь не только для того, чтобы ее пить? Вам не вспоминается некая английская королева, которая высасывала кровь из раны для того, чтобы извлечь из нее яд?

– Яд?

– В доме, где хозяйство ведется на южноамериканский лад, должна быть коллекция оружия – инстинкт подсказал мне это прежде, чем я увидел ее собственными глазами. Мог быть использован, конечно, и какой-либо другой яд, но это первое, что пришло мне на ум. Когда я заметил пустой колчан возле небольшого охотничьего лука, я увидел именно то, что ожидал увидеть. Если младенец был ранен одной из его стрел, смоченных соком кураге или каким-либо другим дьявольским зельем, ему грозила неминуемая смерть, если не высосать яд из ранки.

И потом собака. Тот, кто задумал пустить в ход такой яд, сначала непременно испытал бы его, чтобы проверить, не утратил ли он свою силу. Случая с собакой я не предвидел, но смысл его разгадал, и этот факт занял свое место в моем логическом построении.

Ну, теперь-то вы поняли? Ваша жена страшилась за младенца. Нападение произошло при ней, и она спасла своему ребенку жизнь. Но она не захотела открыть вам правду, зная, как сильно вы любите мальчика, зная, что это разобьет вам сердце.

– Джекки!..

– Я наблюдал за ним, когда вы ласкали младшего. Его лицо ясно отражалось в оконном стекле там, где закрытая ставня создавала темный фон. Я прочел на этом лице выражение такой ревности, такой жгучей ненависти, какую мне редко доводилось видеть.

– Мой Джекки!

– Отнеситесь к этому мужественно, Фергюсон. Особенно печально, что причина, толкнувшая мальчика на такой поступок, кроется в чрезмерной, нездоровой, маниакальной любви к вам и, возможно, к покойной матери. Душу его пожирает ненависть к этому великолепному ребенку, чье здоровье и красота – прямой контраст с его собственной немощностью.

– Боже правый! Просто невозможно поверить!

– Я сказал правду, сударыня?

Женщина рыдала, зарывшись лицом в подушки. Но вот она повернулась к мужу.

– Как могла я рассказать тебе это, Боб? Нанести тебе такой удар! Я предпочла ждать, пока чьи-нибудь другие уста, но не мои, откроют тебе истину. Когда этот джентльмен – он настоящий маг и волшебник, – написал, что все знает, я так обрадовалась!

– Мой рецепт для юного Джекки – год путешествия по морю, – сказал Холмс, поднимаясь со стула. – Одно мне не совсем ясно, сударыня. Ваш гнев, обрушившийся на Джекки, вполне понятен. И материнскому терпению есть предел. Но как вы решились оставить младенца на эти два дня без своего надзора?

– Я надеялась на миссис Майсон. Она знает правду, я ей все сказала.

– Так я и предполагал.

Фергюсон стоял возле кровати, дыхание у него прерывалось, протянутые к жене руки дрожали.

– Теперь, Ватсон, я полагаю, нам пора удалиться со сцены, – шепнул мне Холмс. – Если вы возьмете не в меру преданную Долорес за один локоток, я возьму ее за другой. Ну-с, – продолжал он, когда дверь за нами закрылась, – я думаю, мы можем предоставить им время улаживать свои отношения.

Мне осталось лишь познакомить читателя с еще одной запиской – Холмс отправил ее в ответ на то послание, с которого этот рассказ начался. Вот она:

«Бейкер-стрит 21 ноября. Касательно вампиров

Сэр! В ответ на Ваше письмо от 19 ноября сообщаю, что я взял на себя ведение дела мистера Роберта Фергюсона из торгового дома «Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая» на Минсинг-лейн, и расследование дало удовлетворительные результаты.

С благодарностью за рекомендацию остаюсь Ваш покорный слуга *Шерлок Холмс*».

Три Гарридеба

Историю эту можно в равной мере назвать как трагедией, так и комедией. В результате ее один человек лишился рассудка, второму – вашему покорному слуге – досталось небольшое «кровопускание», третий угодил за решетку. И все же у нее есть и комическая сторона. Впрочем, судите сами.

Я могу указать точную дату случившегося, ибо все это произошло в тот месяц, когда Холмс отказался от дворянского звания, пожалованного ему за услуги, которые, быть может, еще будут описаны. Пока я об этом упоминаю лишь вскользь: положение партнера и доверенного лица вынуждает меня остерегаться малейшей нескромности. Но, повторяю, именно этот факт позволяет мне установить дату: самый конец июня 1902 года, вскоре после окончания Бурской войны. Холмс несколько дней не вставал с постели – с ним это часто бывало. Однако в то утро он вышел из спальни, держа в руке большой исписанный лист бумаги; в строгих серых глазах Холмса плясали веселые искорки.

– Ватсон, вам предоставляется возможность недурно заработать, – сказал он. – Слыхали вы такую фамилию – Гарридеб?

Я ответил, что не слыхал.

– Ну, так вот, если сумеете откопать одного-единственного Гарридеба, положите в карман кругленькую сумму.

– Каким образом?

– Это длинная история, к тому же весьма любопытная. Мы с вами ломали головы над множеством сложных, путаных задач, но такой оригинальной нам, кажется, еще не попадалось. С минуты на минуту должен явиться тот, кого нам с вами предстоит подвергнуть допросу. До его прихода не стану ничего рассказывать. Пока займемся самим именем.

Телефонная книга лежала на столе у меня под рукой. Я полистал страницы, не слишком надеясь на успех, и, к своему удивлению, тут же нашел в соответствующем месте эту странную фамилию.

– Есть! – воскликнул я торжествуя. – Вот, пожалуйста, получайте!

Холмс взял книгу у меня из рук.

– «Н. Гарридеб, Вест-Энд, Литл-Райдер-стрит, 136», – прочел он вслух. – Должен вас разочаровать, Ватсон, но это уже известный мне Гарридеб. Видите, вот его адрес на письме. Нам нужен второй Гарридеб, под пару первому, понимаете?

Вошла миссис Хадсон, неся на подносе визитную карточку. Я заглянул в нее.

– Смотрите-ка, вот и второй! – воскликнул я в изумлении.

– Все данные другие: «Джон Гарридеб, адвокат. США, Канзас, Мурвилл». – Пробежав глазами карточку, Холмс улыбнулся. – Боюсь, Ватсон, вам придется сделать еще одну попытку. Этот джентльмен уже участвует в игре, хотя, признаться, я не рассчитывал увидеть его так скоро. Надеюсь, нам удастся кое-что от него выведать.

В следующую минуту мистер Джон Гарридеб, адвокат, стоял у нас в комнате – коренастый, мощного сложения мужчина с гладко выбритым круглым свежим лицом, какие часто встречаешь у американских дельцов. Особенно примечательна была необыкновенная, почти детская пухлость этого лица, с которого не сходила широкая улыбка. Создавалось впечатление, что это еще совсем молодой человек. Но глаза у него были поразительные. Редко случалось мне видеть пару человеческих глаз, столь явно свидетельствующих о необычайно напряженной внутренней жизни их обладателя, – так они были ярки, так настороженны, так мгновенно отражали малейшее движение мысли. Выговор у мистера Джона Гарридеба был американский, но речь правильная, без развязных американизмов.

– Мистер Холмс? – проговорил он, поочередно обводя нас взглядом. – Да, конечно. Вас нетрудно узнать по фотографиям, сэр, если разрешите заметить. Вы, надо полагать, уже получили письмо от моего тезки, мистера Натана Гарридеба?

– Садитесь, прошу вас, – сказал Шерлок Холмс. – Нам предстоит кое-что обсудить. – Он взял со стола исписанный лист. – Вы, разумеется, мистер Джон Гарридеб, упоминаемый в письме, – мистер Джон Гарридеб из Америки. Но, позвольте, вы ведь уже давно живете в Англии?

– С чего вы взяли?

Мне показалось, что в выразительных глазах американца я прочел подозрение.

– Все, что на вас надето, – английского производства.

Мистер Гарридеб принужденно рассмеялся.

– Я читал про ваши фокусы, мистер Холмс, но никак не думал, что вы станете проделывать их на мне. Как это вы сообразили?

– Покрой плеч вашего пиджака, носки ботинок – разве тут можно ошибиться?

– Вот уж не знал, что выгляжу таким заправским англичанином. Да, верно. Не так давно дела вынудили меня перебраться сюда, потому-то почти все, что на мне, куплено в Лондоне, как вы подметили. Но время ваше, надо полагать, дорого стоит, и мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать фасон моей обуви. Как насчет того, чтобы перейти к бумаге, что у вас в руках?

Холмс чем-то вызвал раздражение у нашего посетителя, и пухлое его лицо в значительной степени утратило свою приветливость.

– Терпение, терпение, мистер Гарридеб, – проговорил мой друг успокаивающим тоном. – Доктор Ватсон может вас заверить, что мои небольшие отклонения от главного, в конце концов, часто оказываются в прямой с ним связи. Но почему мистер Натан Гарридеб не пришел вместе с вами?

– И какого дьявола втянул он вас в наши дела? – неожиданно вскипел американский адвокат. – Какое, черт возьми, имеете вы к ним касательство? Два джентльмена обсуждают личные свои отношения, и, нате, одному из них вдруг зачем-то понадобилось приглашать сыщика! Сегодня утром захожу к старику и узнаю, какую дурацкую шутку он со мной сыграл. По этой причине я и явился сюда. В общем, его затея мне очень не по нутру.

– Она не бросает никакой тени на вас, мистер Гарридеб. Мистер Натан Гарридеб всего лишь проявил усердие для достижения цели, одинаково важной для вас обоих, насколько я понял. Зная, что я располагаю средствами добывать нужные сведения, он, естественно, обратился именно ко мне.

Рассерженное лицо нашего посетителя постепенно прояснилось.

– Тогда дело другое, – сказал он. – Я, как только узнал, что старый чудак вздумал просить подмоги у сыщика, сразу взял у него адрес и прямо к вам. Не желаю, чтобы полиция совала нос в наши частные дела. Но если вы беретесь разыскать необходимого нам человека, я не возражаю.

– Все именно так и обстоит, – сказал Холмс. – А теперь, сэр, раз уж вы здесь, мы бы хотели услышать из ваших собственных уст перечень основных фактов. Моему другу совершенно неизвестны подробности.

Мистер Гарридеб окинул меня не слишком дружелюбным взглядом.

– А зачем ему знать? – спросил он.

– Обычно мы работаем вместе.

– Ну что ж, у меня нет причины держать мои дела в секрете. Выложу вам все и как можно короче. Будь вы родом из Канзаса, мне было бы незачем объяснять, кто такой Александр Гамильтон Гарридеб. Он сколотил себе состояние на недвижимом имуществе и еще спекулировал пшеницей на чикагской бирже. А деньги тратил на одно: скупал земли по берегам Арканзас-ривер, к западу от Форт-Доджа. Столько их накопил, что хватило бы на любое ваше графство, – пастбища, строевой лес, пашни, рудники – все, что способно приносить доллары их владельцу.

Ни родни, ни близких у Александра Гарридеба не было, я, во всяком случае, ни об одном не слышал. Но старика прямо-таки распирала гордость оттого, что у него такая диковинная фамилия. Это-то нас и свело. Я тогда адвокатствовал в Топеке, и как-то раз старик является ко мне. До чего же он обрадовался, что встретил однофамильца! У него это стало настоящим пунктиком, и он решил во что бы то ни стало разузнать, существуют ли еще где-нибудь другие Гарридебы. «Отыщите мне хоть одного!» – упрасивал он меня. Я сказал, что я человек занятой, некогда мне рыскать по белу свету, охотиться за Гарридебами. «Ничего, ничего, – сказал он, – именно этим вы и займетесь, если выгорит у меня то, что я затеял». Я, конечно, подумал, что старик просто дурачится, но оказалось, в словах его скрывался очень и очень большой смысл, в чем я скоро убедился.

Года не прошло, как он, видите ли, умер и оставил завешание такое чудное, каких в Канзасе регистрировать еще не приходилось. Все свое состояние старик разделил на три части и одну завещал мне на том условии, что я раздобуду еще пару Гарридебов, – они тоже получают наследство, каждый свою долю. Это выходит ровнехонько по пяти миллионов на брата! Но ни один из нас не увидит ни гроша, пока не соберется вся наша тройка вместе.

Это было так заманчиво, что я забросил свою адвокатуру и принялся за поиски Гарридебов. В Соединенных Штатах их нет. Я прочесал страну, сэр, можно сказать, самым частым гребнем, но не нашел ни одного. Тогда я двинулся в Англию. И что же? В лондонской телефонной книге стоит это имя, Натан Гарридеб! Два дня тому назад я зашел к нему, рассказал, как обстоит дело. Старик один-одинешенек, вроде меня, то есть родня у него где-то есть, но все только женщины, ни одного мужчины. А по завещанию требуется трое мужчин. Так что, как видите, одно место еще свободно, и если вы поможете нам его заполнить, мы готовы оплатить ваши услуги.

– Ну как, Ватсон, – обратился ко мне Холмс, улыбаясь, – не говорил ли я, что это любопытная история? Я полагаю, сэр, вам первым долгом следует поместить в газетах объявление о розысках.

– Уже проделано, мистер Холмс. Все попусту.

– Нет, в самом деле, история весьма курьезная. Пожалуй, займусь ею на досуге. Кстати, это интересно, что вы из Топеки. Я когда-то вел переписку с одним из тамошних жителей – его звали доктор Лизандер Старр. В 1890 году он был мэром.

– Славный был старик, доктор Старр. Его имя и сейчас у нас в почете... Так вот, мистер Холмс, сдается мне, нам нужно держать с вами связь. Что ж, будем сообщать, как подвигаются наши поиски. Думаю, через день-два дадим о себе знать.

Заверив нас в этом, наш американский знакомец поклонился и вышел.

Холмс раскурил трубку и некоторое время сидел молча. На лице его блуждала странная улыбка.

– Ну? – спросил я, наконец.

– Любопытно, Ватсон, чрезвычайно любопытно.

– Что именно?

Холмс вынул трубку изо рта.

– А вот что: с какой целью этот джентльмен наплел нам столько небылиц? Я чуть не спросил его об этом прямо: иной раз грубая атака – наилучшая тактика. Но потом решил оставить его в приятном заблуждении, пусть думает, что одурачил нас. Человек в пиджаке английского покроя да еще с протертыми локтями и в брюках, которые от годовалой носки лежат на коленях мешком, оказывается, если верить письму и собственному его заявлению, американским провинциалом, только что прибывшим в Англию. Никаких объявлений о розысках в газетах не появлялось. Вы знаете, я никогда их не пропускаю, они служат мне прикрытием, когда требуется поднять дичь. Неужели я прозевал бы подобного фазана? И никакого доктора Лизандера Старра из Топеки я не знаю. В общем, куда ни поверни, все сплошная фальшь. Вероятно, он действительно американец, но почти утратил акцент, прожив несколько лет в Лондоне. Что за всем этим скрывается, каковы подлинные мотивы нелепых розысков людей с фамилией Гарридеб? Да, этим субъектом следует заняться. Если он мошенник, то, безусловно, весьма изобретательный и хитроумный. Необходимо выяснить, может быть, и автор письма такая же дутая личность. Позвоните-ка ему, Ватсон.

Я позвонил. На другом конце провода послышался жидкий дрожащий голос:

– Да-да, говорит Натан Гарридеб. Нет ли поблизости мистера Холмса? Я бы очень хотел с ним поговорить.

Холмс взял трубку, и я услышал обычные обрывки разговора:

– Да, он заходил к нам. Кажется, вы не слишком хорошо его знаете? Знакомы недавно? Всего два дня?.. Да-да, конечно, перспективы заманчивые... Вы сегодня вечером дома? А ваш однофамилец не обещал зайти?.. Нет? Отлично, мы придем, я как раз хотел поболтать с вами не в его присутствии... Со мной будет доктор Ватсон... Из вашего письма я понял, что вы редко отлучаетесь из дому... Так, значит, мы будем у вас около шести. Американского адвоката оповещать об этом не стоит. Всего хорошего, до скорой встречи.

Спускались чудесные весенние сумерки, и даже Литл-Райдер-стрит, крохотная улочка, отходящая от Эджуэр-роуд неподалеку от недоброй памяти Тайберн-Три⁵⁰, дышала прелестью и казалась совсем золотой от косых лучей заходящего солнца. Мы нашли нужный нам дом – приземистое старомодное здание времени первых Георгов; ровный кирпичный фасад его украшали лишь два окна-фонаря на первом этаже, выступавшие глубоко вперед. Именно на этом этаже и жил наш клиент, оба эти окна, как выяснилось, принадлежали огромной комнате, где он проводил свои дни. Мы подошли к двери, и Холмс обратил мое внимание на небольшую медную дощечку, на которой стояло знакомое нам странное имя: Гарридеб.

– Находится здесь уже несколько лет, – заметил Холмс, указывая на потускневшую медь. – Во всяком случае, этот не самозванец. Следует учесть.

Лестница в доме была одна, общая, и на стенах холла мы увидели немалое количество писанных краской названий контор и фамилий жильцов. Квартир для семейных в доме не имелось. Он, скорее, служил кровом для холостяков божьего образа жизни. Наш клиент сам открыл дверь, в чем и принес извинения, объяснив, что прислуга уходит домой в четыре часа. Мистер Натан Гарридеб оказался долговязым, тощим, сутулым и лысым джентльменом лет шестидесяти. Кожа на его изможденном лице была тусклая, будто неживая, – как это часто встречается у людей, ведущих сидячий, неподвижный образ жизни. Большие круглые очки, узкая козлиная борода, согбенные плечи – все это, вместе взятое, сразу наводило на мысль, что перед вами человек крайне пытливый и любознательный.

Впрочем, общее впечатление создавалось приятное: чудак, конечно, но чудак симпатичный.

Комната выглядела такой же оригинальной, как ее владелец. Она походила на мини-атюрный музей. Большая, квадратная, а по стенам – полки, шкафы и шкафчики, уставленные всевозможными предметами, имеющими отношение к геологии и анатомии. По бокам двери висели ящики с коллекциями мотыльков и бабочек. Посреди комнаты на широком столе лежала груда образцов различных горных пород, торчала высокая медная трубка мощного микроскопа. Я оглядел все вокруг и подивился разносторонности интересов старика: здесь ящик со старинными монетами, там собрание древних кремневых орудий. У стены, по другую сторону стола, помещался большой шкаф, где хранились какие-то окаменелости, а наверху его выстроились в ряд гипсовые черепа с подписями: «неандерталец», «гейдельбергский человек», «кроманьонец» и тому подобное. Как видно, мистер Натан Гарридеб посвятил себя не одной, а нескольким отраслям науки. Стоя перед нами, он протирал куском замши какую-то монету.

– Сиракузская, лучшего периода, – пояснил он, указывая на монету. – Позже они очень деградировали. Лучшие их образцы я считаю непревзойденными, хотя некоторые специалисты отдадут предпочтение александрийской школе. Мистер Холмс, для вас найдется стул. Разрешите мне снять с него эти кости... А вы, сэр... доктор Ватсон. Будьте так любезны, доктор Ватсон, отодвиньте японскую вазу подальше. В этой комнате сосредоточены все мои жизненные интересы. Доктор бранит меня за то, что я не бываю на воздухе, но зачем уходить от того, что так к себе тянет? Смею вас уверить, подробная классификация содержимого любого из этих шкафов потребует от меня не меньше трех месяцев.

⁵⁰ Тайберн-Три («Тайбернское дерево») – виселица в приходе Тайберн, где до конца XVIII века совершались публичные казни.

Холмс с любопытством осмотрелся.

– Правильно ли я вас понял, сэр, что вы действительно никогда не выходите из дому?

– Время от времени я совершаю поездку к Сатеби или Кристи⁵¹. А вообще-то я очень редко покидаю свою комнату. Здоровье у меня не из крепких. Научные исследования поглощают все мои силы. Можете себе представить, мистер Холмс, каким потрясением – радостным, и все же потрясением – явилось для меня известие о столь невероятно счастливом повороте судьбы! Чтобы довести дело до конца, необходим еще один Гарридеб. Уж, конечно, мы его разыщем. У меня был брат, он умер, а женская родня в счет не идет. Но, безусловно, на свете есть и другие Гарридебы. Я слышал, что вы брались за очень сложные, трудные проблемы, и решил прибегнуть к вашей помощи. Мой американский тезка, конечно, совершенно прав, мне следовало сначала посоветоваться с ним, но я действовал из лучших побуждений.

– Вы поступили весьма осмотрительно, – сказал Холмс. – А вам и в самом деле не терпится стать американским землевладельцем?

– Разумеется, нет, сэр. Ничто не заставит меня расстаться с моими коллекциями. Но этот американский адвокат обещал выкупить мою долю, как только мы утвердимся в правах наследства. Сумма, предназначенная каждому из нас, – пять миллионов долларов. Как раз в настоящее время имеется возможность сделать несколько ценных приобретений. Как это восполнило бы пробелы в моих коллекциях! Сейчас я ничего не могу приобрести, у меня нет необходимых для этого нескольких сотен фунтов. Подумайте, сколько я накуплю на пять миллионов! Мое собрание ляжет в основу нового национального музея, я стану Гансом Слоуном⁵² нашего века!

Глаза его за стеклами очков блеснули. Было ясно, что мистер Натан Гарридеб не пожалеет усилий, чтобы раздобыть недостающего однофамильца.

– Я зашел только, чтобы познакомиться, ни в коем случае не хочу мешать вашим занятиям, – сказал Холмс. – Когда я вступаю с человеком в деловые отношения, всегда предпочитаю личное с ним знакомство. Мне почти не о чем вас спрашивать, мистер Гарридеб, в кармане у меня ваше письмо с очень толковым изложением основных фактов, и кое-что я еще уточнил во время визита американского джентльмена. Насколько я понял, до этой недели вы и не подозревали о его существовании?

– Абсолютно. Он явился ко мне в прошлый вторник.

– Он вам уже рассказал о нашей встрече?

– Да. Он пришел сюда прямо от вас. Как он тогда на меня рассердился, когда узнал о моем письме!

– За что ему, собственно, было сердиться?

– Он почему-то воспринял это как личное оскорбление. Но от вас он вернулся повеселевшим.

– Он предлагал какой-нибудь план действий?

– Нет, сэр.

– Получал он от вас деньги или, может, просил их?

– Нет, сэр, ни разу!

– Вы не заметили, не преследует ли он каких-либо особых целей?

– Никаких, кроме той, о которой он мне сообщил.

– Вы сказали ему, что мы с вами договорились по телефону о встрече?

– Да, сэр, я поставил его в известность.

Холмс глубоко задумался. Я видел, что он недоумевает, что-то ускользает от его понимания.

⁵¹ Сатеби, Кристи – лондонские аукционные залы.

⁵² Слоун, Ганс (1660–1753) – английский врач, натуралист и коллекционер. Собранные им рукописи, картины, книги и пр. легли в основу Британского музея.

– Нет ли в ваших коллекциях каких-либо особо ценных предметов?

– Нет, сэр, я человек небогатый. Коллекции мои хороши, но большой материальной ценности собой не представляют.

– И грабителей вы не опасаетесь?

– Нисколько!

– Давно вы занимаете эту квартиру?

– Почти пять лет.

Разговор был прерван повелительным стуком в дверь. Наш хозяин едва успел отодвинуть задвижку, как в комнату буквально влетел американский адвокат.

– Вот, смотрите! – воскликнул он, размахивая над головой сложенной газетой. – Я так и думал, что застану вас здесь. Мистер Натан Гарридеб, примите мои поздравления. Вы богаты, сэр. Наши хлопоты счастливо завершились, все улажено. А вы, мистер Холмс... Нам остается лишь выразить сожаление, что вас потревожили попусту.

Он передал газету нашему клиенту. Не отрывая изумленного взгляда, старик читал отмеченное в ней объявление. Мы с Холмсом наклонились вперед и, заглядывая через плечо мистера Натана Гарридеба, прочли:

«Говард Гарридеб. Конструктор сельскохозяйственных машин. Сноповязалки, жнейки, ручные и паровые плуги, сеялки, бороны, фургоны, дровяные козлы и пр. Расчеты по артазианским колодцам. Бирмингем, Астон, Гровнер-билдинг».

– Великолепно! – воскликнул наш хозяин, задыхаясь от волнения. – Найден третий!

– Я наводил справки в Бирмингеме, – сказал американец, – и мой тамошний агент прислал это объявление, вырезав его из местной газеты. Надо, не мешкая, доводить дело до конца. Я написал этому конструктору, что завтра в четыре часа вы будете у него в конторе.

– Я? Вы хотите, чтобы поехал именно я?

– А вы как считаете, мистер Холмс? Вам не кажется, что так оно разумнее? Представьте себе, являюсь я, никому не известный американец, и рассказываю волшебные сказки. С чего

это вдруг станет он мне верить? А вы, мистер Натан Гарридеб, вы англичанин, человек солидный, вас он, уж конечно, выслушает. Если желаете, я могу вас сопровождать, но, признаться, завтра у меня куча дел. Знаете что, если возникнут какие-нибудь осложнения, я мигом примчусь туда следом за вами.

– Понимаете, я уже многие годы не совершал таких длительных поездок...

– А, пустяки, мистер Гарридеб. Я все для вас выяснил. Вы едете двенадцатичасовым поездом, в начале третьего будете на месте. К вечеру успеете вернуться обратно. И все, что от вас требуется, это повидать нашего однофамильца, изложить ему суть дела и получить письменное подтверждение того, что он действительно существует. Боже ты мой, – добавил он с горячностью, – если вспомнить, что я ехал в такую даль, добирался сюда из самого сердца Америки, то, право, с вас спрашивают не так уж много, проехать сотню миль, чтобы все, наконец, счастливо устроилось.

– Безусловно, – сказал Холмс. – Я считаю, что этот джентльмен рассуждает резонно.

Мистер Натан Гарридеб уныло пожал плечами.

– Ну, раз вы настаиваете, хорошо, я поеду, – сказал он. – Конечно, мне трудно отказать вам, принесшему в мою жизнь радость надежды.

– Значит, решено, – сказал Холмс. – И при первой возможности известите меня о ходе дела.

– Я об этом позабочусь, – сказал американец. – Ну, мне пора, – добавил он, глянув на свои часы. – Завтра, мистер Натан, я зайду за вами и посажу вас на поезд до Бирмингема... Нам не по пути, мистер Холмс? Нет? В таком случае позвольте распрощаться. Завтра к вечеру вы, вероятно, уже получите от нас хорошие вести.

Я заметил, что едва американец вышел из комнаты, как лицо моего друга просветлело, недоуменное выражение на нем исчезло.

– Мне бы очень хотелось взглянуть на ваши коллекции, мистер Гарридеб, – сказал Холмс. – При моей профессии мне могут пригодиться самые неожиданные сведения, а ваша комната – неистощимый их кладезь.

Наш клиент просиял от удовольствия, глаза его за стеклами больших очков заблестели.

– Я много слышал, сэр, о вашей высокой интеллектуальности, – сказал он. – Могу хоть сейчас показать все, что угодно.

– К сожалению, сейчас я не располагаю временем. Но все экспонаты снабжены ярлыками и отлично классифицированы, едва ли требуются еще и личные ваши пояснения. Что если я загляну к вам завтра? Вы ничего не имеете против, если я в ваше отсутствие полюбуюсь на эти сокровища?

– Разумеется, прошу вас. Квартира будет, конечно, заперта, но я оставлю ключ у миссис Сандерс. До четырех часов она не уйдет, вы разыщите ее внизу. Она вам отопрет.

– Завтра днем я как раз свободен. Будет очень хорошо, если вы поговорите с миссис Сандерс относительно ключа. Кстати, где помещается контора ваших квартирных агентов?

Неожиданный вопрос явно удивил нашего клиента.

– На Эджуэр-роуд. А в чем дело?

– Видите ли, по части архитектуры я сам немного специалист, – сказал Холмс, смеясь. – И вот никак не могу решить, к какому периоду относится ваш дом: царствование королевы Анны? Или уже более позднее время, Георг I?

– Георг, безусловно.

– Вы так думаете? А я бы отнес его к несколько более раннему времени. Впрочем, это легко уточнить. Итак, мистер Гарридеб, до свидания. Позвольте пожелать вам удачной поездки.

Контора жилищного агентства была рядом, но оказалась уже закрытой, и мы с Холмсом отправились к себе на Бейкер-стрит. Только после обеда Холмс вернулся к нашей теме.

– Эта маленькая история движется к развязке, – сказал он. – Вы, конечно, уже мысленно начертали себе ход ее развития.

– Не вижу в ней ни конца, ни начала.

– Ну, начало ее уже достаточно хорошо обрисовано, а конец увидим завтра. Вы не заметили ничего странного в этом газетном объявлении?

– Заметил. В слово «артезианский» вкралась орфографическая ошибка.

– Ага, значит, заметили? Поздравляю, Ватсон, вы делаете успехи. Но это не типографская ошибка, слово напечатали так, как оно было написано тем, кто давал объявление. И, кстати, артезианские колодцы более характерны для Америки, чем для Англии. И фургоны тоже. В общем, типичное американское объявление, но якобы исходящее от английской фирмы. Ваше мнение по этому поводу, Ватсон?

– Мне кажется, американский адвокат составил и поместил его сам. Но с какой целью, решительно не догадываюсь.

– Возможны различные мотивы. Но ясно одно, ему надо было спровадить в Бирмингем нашего симпатичного старичка. Это вне сомнений. Я мог бы сказать бедняге, что его гонят искать ветра в поле, но рассудил, что лучше очистить место действия. Пусть едет. Завтра, Ватсон, все станет ясно.

Холмс встал рано и куда-то ушел. К завтраку он вернулся, и я увидел, что лицо у него хмурое и сосредоточенное.

– Дело серьезнее, чем я предполагал, – сказал он. – Я должен предупредить вас об этом, Ватсон, хотя наперед знаю, это только подстрекнет ваше стремление лезть туда, где есть шанс сломать себе шею. Мне ли не знать моего друга Ватсона? Но опасность существует, предупреждаю.

– Она будет не первой, которую мы с вами разделяем, и, надеюсь, не последней. В чем же она заключается на сей раз?

– Дело очень не простое, рискованное. Я установил личность адвоката из Америки. Он не кто иной, как «Убийца Эванс» – опаснейший преступник.

– Боюсь, я по-прежнему плохо понимаю, что к чему.

– Ну да, людям вашей профессии не свойственно держать в памяти «Ньюгетский календарь»⁵³. Я заходил в Скотланд-Ярд к нашему приятелю Лестрейду. У них там иной раз, быть может, недостает воображения и интуиции, но что касается тщательности и методичности, то им нет равных. Мне пришло в голову порыться в их «Галерее мошенников» – вдруг набреду на след нашего американского молодчика? И что же, я и в самом деле наткнулся на его пухлую улыбающуюся физиономию. Под фотографией я прочел: «Джеймс Уингер, он же Маркрофт, он же „Убийца Эванс“».

Холмс вынул из кармана конверт:

– Я кое-что выписал из его досье. «Возраст 46 лет, уроженец Чикаго. Известно, что совершил три убийства в Соединенных Штатах. Бежал из тюрьмы с помощью влиятельных лиц. В 1893 году появился в Лондоне. В январе 1895 года в игорном доме на Ватерлоо-роуд стрелял в своего партнера. Тот скончался, но свидетели показали, что именно убитый был зачинщиком ссоры. Труп был опознан, оказалось, что это Роджер Прескотт, знаменитый чикагский фальшивомонетчик. В 1901 году „Убийца Эванс“ вышел из тюрьмы. Состоит под надзором полиции и, насколько это известно, ведет честный образ жизни. Очень опасный преступник, обычно имеет при себе оружие и, не задумываясь, пускает его в ход». Вот какова наша птичка, Ватсон, довольно бедовая, надо признать.

– Но что он затевает?

⁵³ Издававшийся с XVIII века справочник о заключенных Ньюгетской тюрьмы (Лондон) с биографическими данными о них и описанием совершенных ими преступлений.

– План его постепенно становится ясен. Я заходил в контору жилищного агентства. Там мне подтвердили, что наш клиент живет в данной квартире пять лет. До него она год стояла пустая. Предыдущий жилец был некий джентльмен по имени Уолдрон. Внезапно он исчез, и больше о нем не было ни слуху, ни духу. Внешность Уолдрона в конторе хорошо запомнили: высокий, бородатый, смуглый мужчина. Так вот, Ватсон, согласно описаниям Скотланд-Ярда, человек, застреленный «Убийцей Эвансом», был высокий, смуглый и с бородой. В качестве рабочей гипотезы предположим, что именно Прескотт, американский преступник, проживал в той комнате, которую мистер Натан Гарридеб, невинная душа, отвел под свой музей. Таким образом, мы, как видите, первое звено уже имеем.

– А следующее?

– Отправимся на его поиски.

Холмс вытащил из ящика стола револьвер и протянул его мне.

– Берите. Мой всегдашний спутник при мне. Если наш приятель с Дикого Запада попытается оправдать свою кличку, нам надо быть наготове. Сосните часок, Ватсон, а затем, я думаю, пора нам будет отправиться на Райдер-стрит. Посмотрим, что нас там ждет.

Было ровно четыре часа, когда мы снова очутились в любопытной квартире Натана Гарридеба. Миссис Сандерс, поденная уборщица, собиралась уже уходить, но впустила нас, не колеблясь: замок в двери защелкивался автоматически, и Холмс обещал, что перед уходом проверит дверь и все будет в порядке. Вскоре затем мы услышали, как хлопнула входная дверь, за окном проплыла шляпка миссис Сандерс. Теперь на первом этаже никого, кроме нас, не оставалось. Холмс быстро осмотрел помещение. В темном углу, несколько отступя от стены, стоял шкаф. За ним мы и спрятались. Холмс шепотом изложил мне план действий.

– Совершенно ясно, что ему было необходимо выпроводить нашего уважаемого клиента, но так как старик никогда не выходит из дому, «американскому адвокату» пришлось сочинить повод. Вся эта сказка про трех Гарридебов, очевидно, только эту цель и преследует. Должен сказать, Ватсон, в ней чувствуется прямо-таки дьявольская изобретательность, пусть даже необычная фамилия жильца дала ему в руки неожиданный козырь. План свой он разработал чрезвычайно хитроумно.

– Но зачем все это ему нужно?

– Для того мы и сидим здесь, чтобы это узнать. Насколько я разобрался в ситуации, к нашему клиенту это не имеет никакого отношения. Тут что-то связано с человеком, которого Эванс застрелил. Возможно, что они были сообщниками. Эта комната хранит какую-то преступную тайну. Сначала я заподозрил, что у нашего почтенного друга имеется в коллекции что-нибудь очень значительное, чему он сам не знает цены, нечто достойное внимания мошенника. Но тот факт, что недоброй памяти Роджер Прескотт занимал когда-то это самое поме-

щение, указывает на иные, более глубокие причины. А сейчас, Ватсон, наберемся терпения, подождем, пока пробьет решительный час.

Ждать пришлось недолго. Мы замерли, услышав, как открылась и тут же захлопнулась входная дверь. Щелкнул ключ в двери, ведущей в комнату, и появился наш американец. Тихо притворив за собой дверь, он острым взглядом окинул все вокруг и, убедившись, что опасности нет, сбросил пальто и пошел прямо к столу, стоявшему посреди комнаты. Шел он уверенно, как человек, точно знающий, что и как ему надо делать. Отодвинув стол и сдернув лежавший под ним ковер, он вытащил из кармана ломик, опустился на колени и стал энергично действовать этим ломиком. Вскоре мы услышали, как стукнули доски, и тут же в полу образовалась квадратная дыра. «Убийца Эванс» чиркнул спичкой, зажег огарок свечи и скрылся из виду.

Теперь пришло время действовать нам. Холмс подал знак, слегка коснувшись моей руки, и мы подкрались к открытому подполу. Как ни осторожно мы двигались, старые доски, очевидно, все же издали скрип у нас под ногами. Из черной дыры неожиданно показалась голова американца. Он повернулся в нашу сторону, и лицо его исказилось бессильной яростью. Но постепенно оно смягчилось, на нем даже появилось подобие сконфуженной улыбки, когда он увидел два револьверных дула, нацеленных ему в голову.

– Ну, ладно-ладно, – сказал он с полным хладнокровием и стал вылезать вверх. – Видно, с вами, мистер Холмс, мне не тягаться. Сразу разгадали всю мою махинацию и оставили меня в дураках. Ну, признаю, сэр, ваша взяла, а раз так...

В мгновение ока он выхватил из-за пазухи револьвер и дважды выстрелил. Я почувствовал, как мне обожгло бедро, словно к нему приложили раскаленный утюг. Послышался глухой удар – это Холмс обрушил свой револьвер на череп бандита. Я смутно видел, что Эванс лежит, распростершись на полу, и с лица у него стекает кровь. Затем я почувствовал, как крепкие, словно стальные, руки моего друга подхватили меня, он оттащил меня к стулу.

– Вы не ранены, Ватсон? Скажите, ради Бога, вы не ранены? Да, стоило получить рану, и даже не одну, чтобы узнать глубину заботливости и любви, скрывавшейся за холодной маской моего друга. Ясный, жесткий взгляд его на мгновение затуманился, твердые губы задрожали. На один-единственный миг я ощутил, что это не только великий мозг, но и великое сердце... Этот момент душевного раскрытия вознаградил меня за долгие годы смиренного и преданного служения.

– Пустяки, Холмс. Простая царапина.

Перочинным ножом он разрезал на мне брюки сверху донизу.

– Да, правда, слава Богу! – воскликнул он с глубоким вздохом облегчения. – Только кожу задело. – Потом лицо его ожесточилось. Он бросил гневный взгляд на нашего пленника, который приподнялся и ошарашено смотрел перед собой. – Счастье твое, негодяй, не то, клянусь... Если бы ты убил Ватсона, ты бы живым отсюда не вышел. Ну, сэр, что вы можете сказать в свое оправдание?

Но тому нечего было сказать в свое оправдание. Он лежал и хмурил физиономию. Я оперся о плечо Холмса, и вместе с ним мы заглянули в подпол, скрывавшийся за подъемной крышкой. В подполе еще горела свеча, которую прихватил с собой Эванс. Взгляд наш упал на какую-то проржавевшую машину, толстые рулоны бумаги, целую кучу бутылок. А на небольшом столе мы увидели несколько аккуратно разложенных маленьких пачек.

– Печатный станок... Весь арсенал фальшивомонетчика, – сказал Холмс.

– Да, сэр, – проговорил наш пленник. Медленно, пошатываясь, он поднялся на ноги и тут же опустился на стул. – Здесь работал величайший артист, какого только знал Лондон. Вон его станок, а пачки на столе – две тысячи ассигнаций работы Прескотта. Каждая стоимостью в сотню и пригодна к обращению в любом месте. Ну, что ж, забирайте, джентльмены, все ваше. А меня отпустите...

Холмс рассмеялся.

– Мы такими делами не занимаемся. Нет, мистер Эванс, в Англии вам укрыться негде. Убийство Прескотта чьих рук дело?

– Да, сэр, это я его прихлопнул, верно. Ну, что ж, я за то отсидел пять лет, а свару-то затеял он сам. Пять лет! А меня следовало бы наградить медалью размером с тарелку! Ни одна живая душа не могла отличить ассигнацию работы Прескотта от тех, что выпускает Английский банк. Не прикончи я парня, он наводнил бы своими бумажками весь Лондон. Кроме меня, никто на свете не знал, где он их фабрикует. И что ж удивительного, что меня тянуло добраться до этого местечка? А когда я проведал, что этот выживший из ума собиратель козявок, можно сказать, сидит на самом тайнике и никогда носа из комнаты не высовывает, что ж удивительного, что я стал из кожи вон лезть, придумывать, как бы выпихнуть его из дому. Может, было бы умнее прихлопнуть старика – и все, и труда бы никакого. Но такой уж я человек, сердце у меня мягкое, не могу стрелять в безоружного. А скажите-ка, мистер Холмс, на каком основании вы думаете отдать меня под суд? Что я совершил преступного?.. Денег не брал, старикана пальцем не тронул. Прицепиться не к чему!

– Не к чему? Конечно! Всего-навсего вооруженное покушение на жизнь, – сказал Холмс. – Но мы вас, Эванс, судить не собираемся, это – дело не наше, этим займутся другие. Пока нам требуется только сама ваша очаровательная особа. Ватсон, позвоните-ка в Скотланд-Ярд. Наш звонок, я полагаю, не будет для них сюрпризом.

Таковы факты, связанные с делом «Убийцы Эванса» и его замечательной выдумкой о трех Гарридебах. Позже мы узнали, что бедный старичок ученый не вынес удара: мечты его оказались развеяны, воздушный замок рухнул, и он пал под его обломками. Последние вести о бедняге были из психиатрической лечебницы в Брикстоне. А в Скотланд-Ярде был радостный день, когда извлекли, наконец, всю аппаратуру Прескотта. Хотя полиции было известно, что она где-то существует, однако после смерти фальшивомонетчика, сколько ее ни искали, найти не могли. Эванс, в самом деле, оказал немалую услугу и многим почтенным особам из уголовного розыска дал возможность спать спокойнее. Ведь фальшивомонетчик – это особая опасность для общества. В Скотланд-Ярде все охотно сложились бы на медаль размером с тарелку, о которой говорил «американский адвокат», но неблагодарные судьи придерживались менее

желательной для него точки зрения, и «Убийца Эванс» вновь ушел в мир теней, откуда недавно вынырнул.

Загадка Торского моста

В подвальных кладовых акционерного банка «Кац и К^о» на Черинг-кросс хранится заслуженного вида дорожная сумка с надписью:

«Дж. Г. Ватсон, доктор медицины, офицер Индийской армии в отставке». Она битком набита моими записками, главным образом с описанием казусов и загадок, которые в свое время достались на долю Шерлока Холмса. О некоторых из них, как это ни обидно, рассказывать не придется, расследование закончилось неудачей, а кого заинтересует загадка без разгадки – разве что узкого специалиста, реакцией же любого нормального человека будет лишь досада. А жаль! Чего стоит, например, к сожалению, не имеющая конца история Джеймса Филлимора. Этот человек забыл зонтик, вернулся за ним домой, и с тех пор ни одна живая душа его не видела. А тендер «Алисия», который бесследно растворился в узкой полосе речного тумана вместе со всем экипажем! Чисто академический интерес представляет и досье известного журналиста и бретера Исидора Персано – жертвы загадочной мании: он ни при каких условиях не расставался со спичечным коробком, в котором якобы заключался экземпляр червя, еще не описанного в биологической литературе.

Есть в сумке и совсем другого рода дела, которые также никогда не попадут в печать. Это дела, связанные с личными и семейными тайнами. От одной мысли, что они могут выплыть на свет, многих высокопоставленных особ пробирает дрожь. Но все записки, относящиеся к этой категории, будут уничтожены, как только у моего друга Шерлока Холмса найдется время отобрать их.

Тем не менее, остается немало дел, которые я мог бы опубликовать и раньше, если бы не боязнь показаться читателю навязчивым. Это могло бы бросить тень и на репутацию человека, которого я уважаю безгранично. В распутывании некоторых узлов я участвовал лично и могу быть рассказчиком-очевидцем, о других делах я имею право говорить только в третьем лице, потому что не принимал в них участия или оно было ничтожно малым.

Этот рассказ я по праву веду от первого лица.

В это октябрьское утро ветер неистовствовал, и на единственном платане, видимом из моего окна, оставались считанные листики. Спускаясь завтракать, я заранее рисовал себе депрессию, в которую погружен Холмс. Будучи натурой артистичной, он чутко и даже болезненно реагировал на подобные капризы погоды. Но на этот раз я ошибся. К моему приходу он уже успел позавтракать и пребывал в состоянии очевидного душевного подъема: веселость с небольшой примесью зловещего воодушевления.

– Новое дело, Холмс? – спросил я.

– Склонность к дедуктивным умозаключениям – заразительная штука, Ватсон, – усмехнулся Холмс. – Вы легко разгадали мое состояние. В самом деле, после целого месяца скучных пустяков у меня появилось настоящее дело.

– А меня вы к нему привлечете?

– Почему бы и нет? Но мы еще успеем все обсудить, сначала позавтракайте. Наша новая кухарка решила сегодня побаловать нас крутыми яйцами. Однако вчера на столе в прихожей я видел журнал «Семейное чтение». Боюсь, что роман, опубликованный в этом, без сомнения, почтенном еженедельнике, отвлек ее внимание и, таким образом, был нарушен режим, необходимый даже в таком незначительном деле, как варка яиц. Впрочем, о степени их пригодности к употреблению судите сами.

Уже через пятнадцать минут со стола было убрано, и мы с Холмсом остались вдвоем. Вытаскивая из кармана письмо, он спросил:

– Вам знакомо имя Нейла Гибсона, по прозвищу Золотой Король?

– Это американский сенатор?

– Вот именно. Он, в самом деле, когда-то был сенатором от одного из западных штатов, но это в прошлом, а сейчас он самый крупный золотопромышленник в мире.

– А, теперь вспомнил! Он ведь уже несколько лет живет в Англии? Кажется, он довольно известен и здесь?

– Все верно. Он обзавелся большим имением в Хэмпшире, это было пять лет назад. А широкую известность он приобрел после того, как трагически погибла его жена.

– Вот оно что! Конечно, я встречал это имя в газетах. Но никаких подробностей я не помню.

Только сейчас я заметил, что одно из кресел погребено под грудой газет. Холмс кивнул в ту сторону и сказал:

– Знал бы я, что это дело мне достанется, так разобрался бы в газетных статьях, пока они были свежими, и даже выписки мог сделать. Вся сложность в том, что дело, хотя и сенсационное, выглядит совсем простым. Доказательства ясны, и даже личность обвиняемой не может их поколебать. Таково решение и присяжных при коронерском расследовании, и полицейского суда. А теперь им будет заниматься суд присяжных – выездная сессия в Винчестере. Честно говоря, Ватсон, сейчас положение обвиняемой кажется мне безнадежным. Я нахожу факты, но бессилён их изменить. Так вот, если не обнаружатся какие-то дотоле неизвестные факты, которые позволили бы рассматривать происшедшее под новым углом зрения, похоже, моему клиенту не на что надеяться.

– Вашему клиенту?

– Черт возьми, Ватсон, я же вам ничего не сказал! Тут уж я от вас заразился – ведь это вы обычно начинаете с конца и при этом умудряетесь все перепутать. Начните лучше с этого.

И он протянул мне письмо. Мое внимание привлёк твердый, отчетливый почерк:

«3 октября. ОТЕЛЬ “Клэридж”.

Дорогой мистер Холмс! Невозможно видеть лучшее из божьих созданий, обреченным на гибель, и не предпринять все возможные попытки к спасению. Не пускаюсь ни в какие объяснения и ничего не могу сделать конкретного, но заявляю твердо и искренне: я знаю, мисс Данбар невиновна.

Факты общеизвестны, стало быть, и вы их знаете. Шум в свое время стоял повсюду, и ниоткуда ни словечка в ее защиту. Это бесконечно несправедливо – взвести такую напраслину на женщину, которая по природе своей не способна кого-либо обидеть. Я рассчитываю быть у Вас в одиннадцать, в надежде, что Вам удастся найти хоть какой-нибудь просвет в этом страшном тумане. Вы можете распоряжаться по своему усмотрению всем, что я знаю, и всем, чем владею, и моей собственной персоной. Спасите ее, и я буду Вашим вечным должником. Не щадите, прошу Вас, своих сил и способностей.

Остаюсь искренне ваш Дж. Нейл Гибсон».

Пока я читал, Холмс успел выколотить трубку и снова набить ее.

– Прочитали? – спросил он. – Теперь мы с вами ждем этого джентльмена. Ну, а о самом деле... Вы все равно не успеете прочесть всю эту груду, вот вам краткое резюме. Гибсон – человек незаурядного характера и необузданных страстей. О его жене, которой суждено было стать в этой трагедии жертвой, я знаю только, что она была уже не очень молода и глубоко страдала после появления в доме весьма привлекательной гувернантки. У Гибсонов двое детей. Вот вам список действующих лиц, а сцена – большая старинная усадьба и ее окрестности.

Миссис Гибсон в одиннадцать часов вечера нашли мертвой в полумиле от дома. Покойную увидел лесник, труп осмотрели полицейский и врач, который и засвидетельствовал смерть от огнестрельного ранения в голову. Затем ее перевезли в дом. Она была в вечернем туалете, на плечи накинута шаль. Ни при ней, ни вокруг нее не нашли никакого оружия, никакого, подчеркиваю, Ватсон. Следов убийцы также не обнаружили. Судя по всему, трагедия произошла поздно вечером. Я достаточно ясно говорю или нужны подробности?

– Да нет, пока ясно. Но причем здесь гувернантка?

– К сожалению, в деле имеются прямые доказательства. Во-первых, из черепа погибшей извлекли револьверную пулю, а револьвер этого самого калибра, без одного патрона, нашли на дне чемодана мисс Данбар, под бельем...

Тут взгляд Холмса остановился и как бы обратился вовнутрь, а сам он несколько раз медленно и раздельно повторил: «Да, на дне чемодана... чемодана». Затем его лицо приобрело и вовсе отсутствующее выражение, и я почувствовал, что не надо задавать ему вопросов, чтобы

не помешать ненароком этому напряженно работающему мозгу. Внезапно он взглянул прояснившимися глазами и продолжал:

– Итак, Ватсон, в ее белье нашли револьвер. Оба состава присяжных сочли это неопровержимой уликой. Вы согласны? Во-вторых, в руке у покойной миссис Гибсон была записка, в которой гувернантка назначила ей свидание – в том самом месте, где все и случилось. Ну как, вам этого достаточно? Если нет, вот вам третий довод – мотив преступления. Мистер Гибсон завидный кандидат в мужья. По слухам, он был равнодушен к этой молодой особе и не скрывал этого. Если бы он овдовел, какие возможности открылись бы перед ней: любовь, богатство, власть. И на пути к ним стоит рано постаревшая женщина, которую давно не любят. Некуда податься, Ватсон.

– В самом деле, некуда.

– И алиби у нее нет. Напротив, она сама призналась, что, примерно в то самое время, когда погибла миссис Гибсон, она была у Торского моста. К тому же ее видел там какой-то прохожий.

– Ну, если так, то дела ее плохи.

– Хуже, Ватсон, еще хуже... Слушайте дальше. По мосту идет дорога к усадьбе. Мост однопролетный, каменная арка, перекинутая через самую узкую, совершенно заболоченную часть Торского озера. По краям довольно высокий гранитный парапет. Покойная лежала прямо на въезде... А вот, кажется, и наш клиент. Приехал даже немного раньше одиннадцати.

Однако, когда наш рассыльный Билл отворил посетителю дверь и доложил о нем, его имя – мистер Мэрлоу Бейтс – оказалось нам обоим совершенно неизвестным.

Мы увидели небольшого человека с испуганными глазами и робкими манерами. Лицо его время от времени передергивало – типичный пример того, что обыватель называет «комком нервов», а профессионал – «человеком, находящимся на грани полного нервного истощения».

– Садитесь, прошу вас, мистер Бейтс. – Холмс старался придать своему голосу успокаивающую интонацию. – Чем вы так взволнованы? Боюсь, что в нашем распоряжении всего несколько минут, в одиннадцать у меня деловое свидание.

– Знаю я! Мистер Гибсон явится. Хозяин мой. – Слова вылетали короткими отрывистыми залпами, будто его душили. – Я у него управляющий. Это ужасный тип, мистер Холмс. Негодяй! Мерзавец!

– Сильно вы выражаетесь, мистер Бейтс.

– Вынужден, мистер Холмс. Поторопимся, чтобы он ни в коем случае не застал меня у вас. А он сию минуту явится. Я только нынче утром узнал, что он к вам собирается. Фергюсон мне сказал – его секретарь. А раньше мне было не вырваться. Я человек подневольный...

– Вы его управляющий, я правильно понял?

– Я уже заявил об уходе. Две недели осталось мне терпеть его грубость. Это рабство! Он груб со всеми. Вся его хваленая благотворительность – это маска. Лишь бы скрыть, что творится в доме. И миссис Гибсон – первая жертва. Уж не знаю, как она погибла, но что жизнь ее была мученьем – это точно. Она из Бразилии. Нежное и хрупкое тропическое растение. Орхидея. Вы это знали?

– Нет, об этом мне ничего не известно.

– Южанка – этим все сказано. Южное происхождение, южная натура. Любила его, как только такие женщины и любят. Но южные женщины и блекнут рано. И ей уже было его не удержать. А говорят, она была необычайно хороша. Мы все ее любили. А его ненавидели. Он позорно с ней обращался. А мы сочувствовали. Но я не это хотел сказать. Я хотел предупредить. Он лицемер. Он умеет завоевывать доверие. Не дайте себя обмануть, не верьте ему! Все. Мне пора. И не удерживайте меня. Он уже близко.

Взглянув в последний раз на часы, наш странный посетитель испарился.

– Что за преданные слуги у этого бедняги Гибсона! – Холмс покрутил головой. – Ну что ж, всякая информация полезна. Посмотрим теперь на хозяина.

Ровно в одиннадцать мы услышали уверенные шаги на лестнице, а мгновением позже увидели воочию миллионера Нейла Гибсона. При одном взгляде на него многое становилось понятным: и нервные подергивания управляющего Бейтса, и нелестные отзывы конкурентов-бизнесменов. Скульптору, который пожелал бы изваять воплощение духа делового мира, обладателя стальных нервов, лишенного при этом признаков совести, невозможно было бы найти лучшую модель, чем Нейл Гибсон. Высокорослый, угловатый, с длинными руками и ногами, с сухим удлинённым лицом, он был бы похож на Авраама Линкольна, если не было бы очевидно, что этот человек преследует низменные цели. Лицо как гранитная скульптура, жесткое, беспощадное, не знающее сомнений и колебаний, иссеченное морщинами – следами житейских бурь. Из холодных, стального цвета глаз богача до сих пор не исчезло выражение голода и неутоленной алчности. Он скользнул по нашим лицам пронизательным взглядом и, когда Холмс представил меня, слегка кивнул. Затем, не обращая более на меня внимания, придвинул стул и уселся напротив Холмса, почти касаясь его колен своими мослами.

– Я буду прям, мистер Холмс, – заявил он. – Деньги для меня в этом деле не имеют значения. Если нужно делать из них факелы, чтобы осветить путь в тумане, – пожалуйста. Девушка невиновна, и я готов на все ради ее спасения. Вся моя надежда на вас. Назовите сумму вашего гонорара.

Лицо Холмса стало холоднее обычного.

– У меня постоянная ставка, – сказал он. – Бывают, правда, случаи, когда я ничего не беру.

– А слава? В случае удачи ваши портреты будут на первых полосах всех английских и американских газет. О вас долго будут говорить и в Старом и в Новом Свете.

– Должен вам заметить, мистер Гибсон, что я не любитель всей этой суеты и предпочитаю выступать инкогнито. А к вашей задаче у меня чисто спортивный интерес. Не будем же тратить время зря и пересмотрим заново факты.

– Но основные факты вы, безусловно, знаете из газет. Ума не приложу, что бы еще я мог добавить. Впрочем, я здесь для того, чтобы ответить на ваши вопросы. Я вам уже писал, что полностью нахожусь в вашем распоряжении.

– Пока я хочу задать вам только один вопрос.

– Какой?

– Каковы ваши подлинные отношения с мисс Данбар?

Золотой Король почти подскочил на стуле, но взял себя в руки.

– Допускаю, что я дал вам право задавать такие вопросы, мистер Холмс, а может быть, это даже ваша обязанность?

– Будем считать, что так, – обронил Холмс.

– Тогда я отвечаю вам официально, что это чисто деловые отношения между хозяином и наемной служащей. Они никогда не выходили за эти рамки. Я даже никогда не разговаривал и не виделся с мисс Данбар иначе, как в присутствии детей, ее воспитанников.

Холмс встал и выпрямился.

– Мистер Гибсон, – сказал он, – мне дорого мое время, и я никогда не трачу его на пустые разговоры. Будьте здоровы.

Собеседник тоже встал. Он был много выше Холмса и склонился над ним, как Пизанская башня. Из-под густых нависших бровей вылетели маленькие молнии гнева, а на желтоватых впалых щеках появились пятна румянца.

– Черт побери, мистер Холмс, вы что – отказываетесь от дела?

– Да, отказываюсь, мистер Гибсон. Если не от дела, то, во всяком случае, от клиента. Надеюсь, вы поняли?

– Не совсем. Я не понял, в чем дело? Цену вы себе набиваете или боитесь не справиться и испортить свою репутацию? А может, еще что-нибудь? Я плачу и вправе требовать объяснений.

– Ну что ж, – сказал Холмс, – я вам объясню понятнее. Во-первых, дело и так бесконечно запутано, и дополнительные ложные сведения могут только...

– Вы хотите сказать, что я лгу?

– Я старался довести это до вас как можно более вежливо, но вы сами сформулировали иначе. Я не возражаю.

Я вскочил со стула и стал рядом с Холмсом, над головой которого любезный собеседник занес свой внушительный кулак. На скулах Гибсона играли твердые желваки. Но Холмс только улыбнулся и взялся за трубку.

– Успокойтесь, мистер Гибсон. После завтрака люди становятся необычайно вспыльчивыми. Моцион на свежем воздухе и спокойные размышления в этом случае необычайно полезны.

Нелегко было Гибсону совладать со своим гневом. У меня вызвало невольное восхищение то, как он мгновенным усилием воли подавил приступ бешенства. Спокойным и высоким тоном он сказал:

– Вам, мистер Холмс, конечно, виднее, как вести свои дела. Не собираюсь принуждать вас браться за это расследование, если вы этого не хотите. Но предупреждаю, что вам это может дорого обойтись. Я подчинял людей и покрепче вас. Никто, из вставших поперек моей дороги, не выходил победителем.

– Я не раз такое слышал, но пока жив и здоров, – в голосе Холмса звучала ирония. – Прощайте, мистер Гибсон. Желаю вам всего лучшего. Жизнь без конца преподносит нам свои уроки.

Дверь за Золотым Королем захлопнулась с такой силой, что, казалось, весь дом вздрогнул. Затем наступила полная тишина. Холмс, раскурив свою трубку, невозмутимо разглядывал потолок.

– Как вам это все показалось, Ватсон? – вымолвил он, наконец.

– По-моему, он сметет любое препятствие у себя на пути, а жена именно таким препятствием и была, если верить Бейтсу... И когда я все это сопоставил, то подумал, что...

– Я тоже.

– А что же было между ним и гувернанткой, и откуда вы об этом узнали?

– Я просто захватил его врасплох, Ватсон. Вы же читали его письмо. Когда я сопоставил его удивительно неофициальный, страстный тон со сдержанностью и властностью его облика, я понял, что обвиняемая для него отнюдь не только жертва судебной ошибки. Нет, его чувства к ней гораздо глубже. Но нам и шагу не сделать, если мы не будем знать истинных отношений в этом треугольнике. Вы видели, как невозмутимо он воспринял мою лобовую атаку. И тогда я дал понять, будто мне все известно. Это-то и повергло его в растерянность. А ведь на самом деле у меня были только подозрения.

– Вы думаете, он еще вернется?

– Конечно, вернется. У него нет выбора. Не бросит же он это дело. А, вот и он. Слышите, звонок? А теперь шаги на лестнице. Вот и вы, мистер Гибсон. Я как раз говорил доктору Ватсону, что вы запаздываете.

Наш клиент был настроен более миролюбиво, хотя признаки возмущения и уязвленной гордости были заметны. Безусловно, возобладали здравый смысл, который учит в важных делах идти на компромисс.

– Я погорячился, мистер Холмс, я не так вас понял. Теперь я все спокойно обдумал и убедился, что вы вправе знать все, каковы бы ни были факты. Поверьте, после этого инцидента мое уважение к вам только возросло. Но, честное слово, я не понимаю, причем тут мои взаимоотношения?..

– А это уж мне виднее.

– Наверное, вы правы. Я перед вами, как перед врачом. Уточняйте все симптомы и ставьте диагноз.

– Ну что ж, это удачное сравнение. Но ведь есть больные, которые и про свою болезнь не все расскажут. А как быть обманутому врачу?

– Скорее всего, это так. Но, мистер Холмс, не будете же вы спорить, что у любого мужчины внезапный вопрос о его отношениях с женщиной вызовет внутренний протест. Особенно, если чувство существует, и оно серьезно. Я привык думать, что у каждого в душе есть святое святых, недоступное посторонним. А вы с ходу, без предупреждения – прямо туда. Но я вас ни в коем случае не осуждаю, вы преследовали благородную цель – спасти близкого мне человека, близкую душу. Ну, что ж, я все ставлю на кон, открываю вам свою душу – можете исследовать ее любым инструментом. Что же мне рассказать вам?

– Правду.

С минуту Гибсон собирался с мыслями. Решение далось ему нелегко. Его глубокие морщины как будто отвердели, суровое лицо еще посуровело.

– Я буду краток, мистер Холмс, – проговорил он, наконец, задумчиво. – Расскажу только то, что необходимо для дела. Даже это бесконечно тяжело. Когда в молодости я искал золото в Бразилии, то познакомился с Марией Пинто Порто, которой суждено было стать моей женой. Она была дочь чиновника высокого ранга в Манаусе и необычайно хороша собой. В то время во мне кипела горячая кровь, но и сейчас, когда я умудрен годами, я не могу забыть ее редкостную красоту. По сравнению с американками – а только этих женщин я до тех пор знал – она поражала глубиной и страстностью своей натуры, искренняя, причудливая, чуть капризная... Словом, южанка, женщина до мозга костей. Мы поженились по любви, но моей любви хватило на несколько лет, и тут я понял: ничто больше не привязывает меня к этой женщине. Все было бы гораздо проще, если бы и она ко мне охладела. Но знаете ли вы женщин, созданных для единственной любви?! Я пытался помочь ей избавиться от этого чувства; даже если бы она вспылала ненавистью ко мне, нам обоим было бы легче. Именно поэтому я был груб и даже иногда жесток с ней. Однако, несмотря на это, в туманной Англии ее любовь оставалась такой же пылкой, какой была двадцать лет назад на знойных берегах Амазонки. Мои выходки не производили на нее впечатления.

Тут на нашем горизонте появилась мисс Грейс Данбар. Мы искали гувернантку для детей и дали объявление. По объявлению пришла девушка удивительной красоты – вы, конечно, видели ее фотографии в газетах. Не буду лицемерить: невозможно жить под одной крышей с таким созданием и оставаться равнодушным. Новая любовь захватила меня. Вы смотрите на меня с осуждением?..

– Любовь неподсудна. Вот если бы вы стали навязывать ее лицу, находящемуся от вас в зависимости!..

В ответ на этот невысказанный упрек Гибсон, метнув на собеседника недобрый взгляд, взволнованно продолжал:

– А хоть бы и так! Я такой, какой я есть, и никогда не притворялся паинькой. Я привык добиваться, чего хотел, а сейчас больше всего на свете я хочу быть с этой женщиной. И она это знает.

– Вы ей сказали? Как вы могли?

Холмс и не пытался скрыть овладевший им гнев.

– Да, я сказал ей, что если бы был свободен, то немедленно просил бы ее руки. Но я не был свободен. И я предложил ей все остальное, что только можно сделать для счастья и спокойствия любимой женщины, не считаясь при этом с деньгами.

– Вы полагаете, что вели себя как благородный человек? – интонация Холмса была очевидно саркастическая.

– Мне казалось, мистер Холмс, что вы собирались задавать мне вопросы, а не читать нравоучения. Поверьте, я в них не нуждаюсь!

– Я взялся за ваше дело не ради вас, а ради мисс Данбар. Преступление, в котором ее сейчас обвиняют, не многим тяжелее того, к чему вы ее, по собственному вашему признанию, склоняли. И как, по-вашему, я должен оценивать вашу попытку обесчестить женщину, которая живет в вашем доме и полностью от вас зависит?

Поведение Золотого Короля было поистине непредсказуемым: этот резкий упрек оставил его совершенно спокойным.

– Так, как оно того заслуживает, мистер Холмс, – ответил он. – Теперь и я смотрю на это другими глазами. Мои намерения, слава Богу, не осуществились. Она отказалась и потребовала расчет.

– Почему же она не уехала?

– Прежде всего, потому, что на свое жалованье она содержит мать и двух младших сестер. Если бы она отказалась от этого места, они остались бы без всяких средств к существованию. Мы объяснились, и я торжественно пообещал никогда не обнаруживать свое к ней чувство. Тогда она согласилась остаться. Но было еще одно соображение: мисс Данбар к этому времени убедилась, что ее предназначение в том, чтобы использовать свое на меня влияние (а оно было огромным) во благо людям.

– Что вы имеете в виду?

– Она помогала мне в моих делах и неплохо в них разбиралась. А дела у меня, честно говоря, незаурядные. Обычному человеку даже трудно представить себе этот масштаб. Я могу строить и разрушать, и чаще разрушаю. От меня зависят не только отдельные люди, но и компании, а значит, города и даже страны. В бизнесе никого не жалеют, слабого – давят. Меня эта игра всегда захватывала. И я никогда не жалел ни себя, ни других. Она же смотрела на это иначе, и теперь я думаю, что она была права. Она была убеждена, что человек, потребности которого удовлетворены, не должен приумножать свое богатство, оставляя без хлеба и крова десятки тысяч других людей. Она верила, что на свете есть более надежные ценности, чем деньги. Она видела, что я начал меняться, и надеялась, что с ее помощью я буду служить миру. Словом, она осталась в нашем доме, и тут-то все и произошло...

– Что же это было, по-вашему?

Золотой Король отвечал не сразу. Все это время он сидел, спрятав лицо в ладони.

– Что я могу сказать? По-моему, это тупик. Уму непостижимо, что могут натворить женщины, – их внутренняя жизнь скрыта от нас. Происшедшее так меня ошарашило, что я сначала допустил мысль, что кто-то вовлек ее в это страшное дело, заставив, уж не знаю как, изменить самой себе. Но потом мысли мои пошли по другому руслу. И над этим стоит подумать, мистер Холмс. Буду откровенным, жена моя сгорала от ревности. Думаю, она понимала, что для физической ревности оснований нет. Но ведь духовная ревность ничуть не менее жестока. Она не могла не видеть, насколько я нахожусь под влиянием мисс Данбар. Она такого влияния на меня не имела даже в лучшие наши годы. И впереди ее ничто подобное не ожидало. И как бы ни было благотворно влияние другой женщины, ей от этого было не легче. Вся ее южная кровь клокотала от ненависти. Она вполне могла решиться убить соперницу, или хотя бы угрозами вынудить ее уехать. В таком положении недалеко и до драки, а в драке выстрел не всегда достается тому, кому предназначался.

– Я об этом тоже думал. – Холмс был очень серьезен. – На данный момент это единственная версия, исключаящая умышленное убийство.

– Но мисс Данбар эту версию категорически отрицает.

– Давайте пока не будем принимать эти ее показания в расчет. Представьте себе женщину, попавшую в такое кошмарное положение. Куда она бежит? Домой, в растерянности даже не избавившись от револьвера. Дома она видит его у себя в руке и прячет в белье. Скорее

всего, она не думает в этот момент, что делает. А когда револьвер находят, она уже опомнилась и понимает, что любые ее объяснения будут выглядеть неправдоподобно, и поэтому все отрицает. Ей этот путь кажется единственным шансом на спасение. Разве не логично? У кого есть возражения?

– У мисс Данбар.

– Да, возможно.

Холмс взглянул на часы:

– Сейчас мы позаботимся о разрешении на свидание с мисс Данбар в тюрьме и немедленно выедем в Винчестер. Хотелось бы думать, что после этого свидания от меня будет больше пользы. Но не буду вас обнадеживать: быть может, выводы, к которым я приду, вас совсем не устроят.

Нам не удалось получить пропуск сразу, поэтому вместо Винчестера мы отправились в Торн-Плейс – хэмпширскую усадьбу Гибсона. Он с нами не поехал, но адресовал нас к сержанту Ковентри, местному участковому инспектору полиции. Именно он вместе с врачом освидетельствовал труп миссис Гибсон и предпринял первые следственные шаги.

Он был высок и невероятно худ, просто живой труп. В разговоре напускал легкого тумана, создавая впечатление, что рассказывает далеко не обо всем, что знает или подозревает. Да еще вдруг переходил на шепот, и только вы настраивались узнать что-нибудь важное и очень секретное, как тут же слышали очередной пустяк. Но, несмотря на все эти провинциальные ухищрения, человек он был честный и порядочный. Он даже не пытался скрыть, как рад нашей помощи в этом непосильном для него деле.

– Я очень рад сотрудничать с вами, мистер Холмс, а не со скотланд-ярдскими всезнайками. Когда в дело вмешиваются эти столичные штучки, на нас, провинциалов, сыплются все шишки. Поневоле попадаешь в апатию. А вы, говорят, надежный партнер.

– Я предпочел бы не фигурировать в отчетах, – заявил Холмс. Наш новый знакомец явно повеселел, а Холмс продолжил: – Если истина нам, в конце концов, откроется, то имя мое прошу нигде не упоминать.

– Это очень великодушно, честное слово! Ну, а доктор Ватсон, я уверен, умеет хранить секреты. Так вот, мистер Холмс, я хотел бы обсудить с вами один вопрос, пока нас никто не слышит. Но только с вами! – шептал он, оглядываясь. – Не приходило ли вам в голову, что дело надо возбуждать против самого Гибсона?

– Я рассматривал такую возможность.

– Вы еще не видели мисс Данбар! Она настоящая красавица. Ради такой женщины можно пожелать избавиться от жены. Особенно если ты американец – они ведь, чуть что, сразу хватаются за оружие. Револьвер-то был его!

– Вы это точно знаете?

– Да, сэр. Понимаете, у него была пара...

– То есть два одинаковых револьвера? А где второй?

– У Гибсона полно оружия, не дом, а арсенал. Ужас! Любое, какое хотите. Но мы все перерыли, а второго точно такого же не нашли, хотя ящик изготовлен для пары одинаковых револьверов.

– Вы уверены, что если бы он там был, вы бы его определили?

– Конечно. Впрочем, может быть, вы сами хотите взглянуть? Сейчас все оружие сложено в одном месте.

– Это лучше отложим на потом, а сейчас пройдем на место происшествия.

От скромного коттеджа, где помещался полицейский участок сержанта Ковентри, до боковых ворот Торского парка надо было идти около полумили через продуваемую всеми ветрами вересковую пустошь. За воротами находился вольер для фазанов, и с этого места уже был виден большой дом, деревянный, на каменном фундаменте, широко раскинувший два крыла

по гребню холма. Холм плавно переходил в поляну, и от этой поляны нас отделял длинный, весь заросший камышом водоем. Он резко сужался посередине, именно здесь был каменный мост, по которому проходила подъездная аллея. По обе стороны от моста водоем вновь расширялся, образуя как бы два небольших озера.

У самого въезда на мост сержант ткнул пальцем вниз:

– Этим камнем я отметил место, где лежала убитая.

– Труп унесли при вас?

– Да. За мной послали сразу же, как поднялась тревога.

– Кто послал?

– Мистер Гибсон. Он прибежал сюда вместе с остальными, приказал ничего не трогать до прихода полиции и послал за мной и врачом.

– Ну что ж, разумно. В газетах писали, что стреляли в упор.

– Да, сэр.

– В правый висок?

– Чуть позади.

– Как она лежала?

– На спине, сэр. И никаких следов борьбы, ни отпечатков, ни орудия убийства. Только в левой руке записочка от мисс Данбар.

– И она не выпала из руки убитой?

– Что вы, сэр! Она была крепко зажата. Мы еле разжали пальцы, чтобы забрать ее.

– Вы представляете себе, как это важно? Значит, никто не мог сунуть записку в руку покойной, чтобы пустить следствие по ложному пути. Эта версия исключена. Так, прекрасно! Правильно ли я запомнил записку? Она была весьма краткой: «Буду у Торского моста в девять вечера. Г. Данбар».

– Все так, сэр.

– Мисс Данбар не отрицала своего авторства?

– Нет, она его подтвердила.

– Как она этот факт объясняет?

– Никак. Она заявила, что все объяснения даст суду присяжных во время выездной сессии.

– Да, чем дальше, тем любопытнее. Смысл записки не очень-то понятен. Что вы скажете, сержант?

– Наверное, вы правы, сэр. А впрочем, не знаю, – отвечал полицейский. – Осмелюсь доложить, мне эта записка представляется единственным ясным моментом во всей этой неразберихе.

– Предположим, мисс Данбар действительно написала это письмо, а миссис Гибсон получила его примерно за час до смерти. Ну, подумайте, почему она не выпускала его из рук? С какой стати ей понадобилось брать его с собой и так крепко держать? Даже если бы она вздумала сослаться на него при объяснении... Вас это нестораживает?

– Теперь, сэр, после ваших слов, и мне это кажется странным и непонятным.

Сержант в недоумении пожимал плечами.

– Я немножко тут посижу и подумаю, – сказал Холмс.

Я отошел и со стороны смотрел, как, сидя на каменном парапете, он бросает по сторонам внимательные взгляды. Вдруг серые глаза его оживились, он соскочил со своего парапета, перебежал к противоположному, извлек из кармана брюк свою неразлучную лупу и стал тщательнейшим образом изучать каменную кладку.

– Очень интересно, – молвил он.

– Да нет там ничего интересного, – заметил сержант. – Думаете, мы не обратили внимания на этот скол? Какой-нибудь мальчишка набезобразничал.

Камни парапета давно потемнели от старости и были ровного серого цвета; свежее белое пятно чуть больше шестипенсовой монеты было хорошо заметно. Приглядевшись, я убедился, что каменная поверхность выщерблена одним резким и сильным ударом.

– Чтобы так набезобразничать, нужно было приложить немалое усилие. – Холмс говорил задумчиво и одновременно с силой ударял своей палкой по парапету. Тот оставался невредимым. – Удар был очень резкий, и направление у него странное – снизу вверх. Поглядите, скол на нижнем краю парапета.

– Но убитую нашли в пятнадцати футах отсюда.

– Да, конечно. Очень может быть, что это чистая случайность, и к делу никак не относится. Так вы сказали, что никаких следов не было?

– Какие тут могут быть следы, сэр? Земля утоптанная и укатанная, твердая как камень.

– Ну, попробуем зайти с другой стороны. Для начала посетим дом и полюбуемся на оружие. А уже потом поедem в Винчестер. Думаю, мне необходимо поговорить с мисс Данбар, прежде чем продолжать расследование.

Хозяина Торн-Плейса еще не было дома, но нервный мистер Бейтс, управляющий, с которым мы познакомились утром, находился на месте. Он со злорадством продемонстрировал нам огромную коллекцию огнестрельного оружия разных типов, изготовленного разными фирмами в разное время. Можно было смело заключить, что жизнь владельца этой коллекции была весьма насыщена приключениями.

– У мистера Гибсона всюду враги. Да и как иначе, с его-то характером и стилем работы, – болтал управляющий. – Перед сном он всегда кладет заряженный пистолет в ночной столик. Это страшная фигура, сэр, мы все его боимся. А покойную хозяйку он просто терроризировал.

– Он бил ее? Вы можете засвидетельствовать?

– До этого не дошло. Но я не раз слышал, как он оскорблял ее словесно, и даже при слугах.

* * *

– Похоже, наш клиент не блещет благородством и хорошими манерами, – так начал разговор Холмс, когда мы вдвоем шли на станцию. – В нашем распоряжении, Ватсон, немало интересных фактов, в том числе и совсем новых. Но не будем спешить с выводами. Как ни ненавидит Бейтс своего хозяина, однако он, безусловно, подтвердил, что, когда поднялась тревога, тот был у себя в библиотеке. Из-за стола встали в половине девятого, все было как обычно. Хотя о несчастье узнали поздно вечером, трагедия разыгралась, скорее всего, в девять, как указано в записке. Гибсон вернулся из города в пять часов, и никто не видел, чтобы он после этого выходил из дома. Ну, а мисс Данбар, как вы слышали, подтверждает, что это ее записка. Дальнейшие объяснения и показания она, по совету адвоката, приберегает до судебной сессии. Есть несколько очень существенных вопросов, на которые, кроме нее, никто нам не ответит. Был момент, когда я совершенно отчаялся, но одна деталь вселяет надежду.

– Что за деталь?

– Револьвер, который обнаружился в ее чемодане под бельем.

– Помилуйте, Холмс! – вскричал я. – Разве это не самая серьезная улика, не основание для обвинения?

– Как раз нет, Ватсон. С самого начала это обстоятельство показалось мне чудовищно нелепым, необъяснимым. Теперь, когда я уже многое знаю, я смотрю на этот факт, вернее на его нелогичность, как на единственный якорь надежды. Где не хватает логики – ищи ложь.

– Вы говорите загадками.

– Ну, попробуйте себе представить, Ватсон, что бы вы делали, будь вы женщиной, которая спокойно и обдуманно решила устранить соперницу. План ваш составлен заранее, подчеркиваю: расчетливо и хладнокровно. Вы посылаете жертве записку, и она приходит туда, где вы ждете ее с оружием. Вот она уже убита, все прошло гладко, и никто ничего не видел и не слышал. Неужели, так тщательно обдумав и подготовив преступление, вы вдруг ни с того ни с сего поставите себя под удар и понесете орудие убийства к себе домой, в свою комнату, и спрячете в собственном чемодане? Ведь всякому понятно, что обыск начнется оттуда. Когда проще всего и логичнее всего было бы бросить револьвер с моста в камыши – там он был бы похоронен гораздо надежнее. Конечно, никто из ваших друзей, в том числе и я, не считает вас, Ватсон, опытным преступником, но все равно я убежден, что вы не могли бы наделать таких глупостей.

– Но вы не принимаете в расчет естественного волнения.

– Это чепуха, Ватсон! Когда преступление тщательно и хладнокровно разрабатывают, поверьте, не менее тщательно обдумывают, как уйти от преследования. Вот эта логическая неувязка и дарит мне надежду.

– Очень уж многое нуждается в объяснении.

– Попробую объяснить. Не забудьте: наша точка зрения изменилась. В этом новом освещении по-новому видятся факты, хотя бы этот револьвер. Обвиняемая утверждает, что не знала о нем. Мы теперь считаем, что она говорит правду. Что это означает? Револьвер подброшен. Кем? Скорее всего, самим убийцей, который стремился отвести подозрения от себя и направить их по ложному пути. Видите, версия кажется многообещающей.

В тот вечер вопрос о пропуске в тюрьму еще не разрешился, и мы были вынуждены провести ночь в Винчестере. Но на следующее утро с формальностями было покончено, и в сопровождении мистера Джойса Каммингса, барристера⁵⁴, блестящего молодого адвоката, взявшего на себя защиту мисс Данбар, мы вошли в следственную камеру винчестерской тюрьмы. Я знал, что меня ждет встреча с очень красивой девушкой, но действительность превзошла все мои ожидания. Теперь я понял, почему даже Гибсон – человек, чья природная властность поддерживалась огромным богатством, почему он готов был признать за ней право направлять его действия и подчиниться ее руководству. Ее черты выражали волю и нежность одновременно, и, глядя на нее, вы были уверены, что любой ее шаг, даже необдуманный, все равно будет направлен к добру, – столько в ней было врожденного благородства.

Белокурая, высокая, с превосходной фигурой; злключения не отразились на ее манере держаться, но синие глаза смотрели с такой отчаянной беспомощностью, какую можно увидеть во взгляде безнадежно запутавшегося в сетях животного. Когда Холмс представился, и она поняла, что может рассчитывать на его помощь, ее щеки чуть порозовели, а глаза оживила надежда.

⁵⁴ Барристер – адвокат в Англии.

– Я думаю, мистер Гибсон рассказал вам о наших с ним отношениях? – голос ее звучал глуховато и взволнованно.

– Разумеется, – отвечал Холмс необычайно мягко. – Но сейчас мы будем говорить не об этом. Зачем сыпать соль на раны? Как только я вас увидел, мои последние сомнения в чистоте ваших отношений с мистером Гибсоном отпали. И я верю ему, когда он говорил о благотворности вашего на него влияния. Но почему вы молчали на следствии?

– Обвинение казалось мне таким нелепым! Я и подумать не могла, что его можно подтвердить. Надеялась переждать, пока все само собой разъяснится, чтобы не пришлось раскрывать перед чужими людьми неприглядные стороны жизни семьи. Но ничего не разъяснилось, наоборот, положение мое только ухудшается.

– Сударыня, – воскликнул Холмс, – дорогая моя! Прошу вас, не обольщайтесь относительно своего положения. Мистер Каммингс подтвердит мое мнение: сейчас у нас нет доводов в вашу пользу, и чего только нам не придется еще сделать, чтобы выиграть ваше дело в суде. Думать иначе – значит отдаваться во власть опасной иллюзии. Но если вы решитесь во всем помогать мне, быть может, нам вместе удастся установить, что случилось на самом деле.

– Хорошо, мистер Холмс, обещаю ничего от вас не скрывать.

– Прежде всего, мне нужно знать, каковы были ваши истинные отношения с миссис Гибсон.

– Она меня ненавидела, мистер Холмс. Вы знаете, она была южанка, необузданная и пылкая натура. Любой своей страсти она отдавалась целиком и ненавидела меня с такой же точно силой, с какой обожала своего мужа. Скорее всего, наши отношения рисовались ей в ложном свете. Не хочу плохо о ней говорить, но она была так ослеплена своей физической любовью к мужу, что была не в состоянии представить себе ту интеллектуальную и духовную связь, которая была между нами. Вполне возможно, она вообразила, что себялюбивые и корыстные соображения, а вовсе не стремление направлять его силы на добрые дела, заставляют меня оставаться в доме. Теперь-то я понимаю, какую страшную ошибку совершила. Я не имела права оставаться там, где стала причиной семейных ссор, хотя разлад начался до моего появления и, без сомнения, продолжался бы и после моего отъезда.

– Теперь, мисс Данбар, по возможности точно опишите весь тот горестный вечер.

– Я правдиво расскажу вам все, что знаю, но многого я из-за своего положения не могу доказать, а многое кажется мне необъяснимым.

– Не придавайте этому значения и излагайте факты. Будем надеяться, кто-нибудь их истолкует.

– Вас, наверное, интересует, зачем я пошла в тот вечер к Торскому мосту. Утром я нашла на своем столе в классной комнате собственноручную записку от миссис Гибсон. Она просила меня прийти туда после обеда: ей необходимо было сообщить мне нечто важное. Ответ я должна была оставить на солнечных часах в саду, а ее записку уничтожить, чтобы наша встреча осталась в полном секрете. Я подивилась такой таинственности, но исполнила ее просьбы: свою записку положила в условленном месте, а ее кинула в камин. Я объяснила себе все эти предосторожности ее безумным страхом перед мужем. Он бывал невозможно груб с ней, я не раз его упрекала. Вот я и решила, что она боится, как бы он не узнал о нашем свидании.

– А между тем, вашу записку она сберегла.

– Я была поражена, когда узнала, что она скончалась с моей запиской в руке.

– Ну, продолжайте.

– Когда я пришла на мост, она была уже там. Я знала, что она меня ненавидит, но до той минуты не представляла себе всей силы этой ненависти. Она показалась мне тогда одержимой. Может быть, и вправду рассудок ее был слегка помрачен? Откуда иначе такая способность к лжи, такое коварство, какими только маньяки и наделены? Как могла она, с таким зарядом ненависти, ежедневно встречаться со мной? Слов ее я повторить не могу. Они были отвратительны, жгли меня! И выглядела она ужасно. Сначала я просто онемела, а потом зажала уши и кинулась бежать, а вслед мне неслись оскорбления и угрозы.

– Она осталась стоять на том самом месте, где ее потом нашли?

– В двух-трех ярдах оттуда.

– Если она погибла вскоре после вашего ухода, как же случилось, что вы не слышали выстрела?

– Не слышала, мистер Холмс. Я была в таком ужасе, что мной владело только одно стремление – скорее оказаться дома, в тишине, успокоиться. Я не была способна что-нибудь услышать.

– Итак, вы вернулись в свою комнату и до утра ее не покидали?

– Нет, когда поднялась тревога и сказали, что бедную миссис Гибсон нашли убитой, я побежала туда вместе с остальными.

– Мистер Гибсон там был?

– Я встретила его, когда он уже шел от моста к дому. Он послал за врачом и полицией.

– Он был взволнован?

– У мистера Гибсона, что называется, стальные нервы, и он очень сдержан во внешнем проявлении своих чувств. Но, зная его достаточно близко, я поняла, как глубоко он потрясен.

– А теперь нам нужно выяснить очень важный вопрос. Этот револьвер, который у вас обнаружили, вы его раньше когда-нибудь видели?

– Никогда, даю вам слово.

– Когда его нашли у вас?

– На завтра, при обыске.

– В вашем чемодане?

– Да, под бельем, на самом дне.

– Можете вы хотя бы предположить, сколько дней он там пролежал?

– Накануне его там не было.

– Почему вы говорите так уверенно?

– Я перекладывала все содержимое чемодана в тот день.

– Так. Остается только одна версия: кто-то вошел к вам в ваше отсутствие и сунул револьвер в чемодан, чтобы навлечь на вас подозрение в убийстве.

– Наверное, так.

– А когда, по вашему мнению, это легче всего было сделать?

– Только во время ленча или когда я была в классной комнате с детьми.

– После того, как вы получили записку, проводили ли вы время у себя в комнате?

– Я почти весь день туда не заходила.

– Большое спасибо, мисс Данбар. Может быть, вы хотите сообщить еще что-нибудь, что могло бы оказаться полезным следствию?

– По-моему, я все сказала.

– Да, еще один вопрос! Там, на парапете моста, как раз напротив места, где обнаружили покойную, есть совсем свежий скол, видимо, след от удара. Что вы думаете о его происхождении?

– Что я могу думать? Совпадение, наверное.

– Разве вас не удивляет, мисс Данбар, что скол появился как раз в том самом месте, где произошло убийство, и примерно в тоже самое время?

– Я не могу даже предположить, отчего он мог появиться. Ведь нужен очень сильный удар...

Но Холмс уже не поддерживал диалог. Его бледное энергичное лицо стало неподвижным, и на нем появилось хорошо мне знакомое отсутствующее выражение – свидетельство напряженной работы мысли и предчувствия счастливого озарения. Эта внутренняя концентрированность была так очевидна, что ни один из нас не решался произнести хоть слово. И барристер, и мисс Данбар, и я – все трое мы не сводили с него глаз. Вдруг Холмс вскочил, весь наэлектризованный нервным возбуждением и полный жажды немедленно действовать.

– Идем, Ватсон, идем! – воскликнул он.

– Куда вы, мистер Холмс?

– Не волнуйтесь, вы все узнаете, моя юная леди. Мистер Каммингс, вас я тоже немедленно извещу. Вы получите такое дело, которое взбудоражит всю Англию. Мисс Данбар, потерпите до завтрашнего утра и поверьте мне, тучи, собравшиеся над вашей головой, рассеются. Я уже вижу, как сквозь них пробивается светлый луч правды.

От Винчестера до Торского моста вроде бы недалеко, но мне, изнывавшему от любопытства и нетерпения, путь показался невыносимо длинным, а уж Холмсу просто бесконечным. Клокотавшая в нем внутренняя энергия не давала ему и минуты усидеть на месте, он расхаживал взад-вперед или выбивал пальцами дробь на вагонном сиденье. Но на последнем перегоне он вдруг уселся напротив меня, положил обе руки мне на колени, а в глазах у него прыгали бесенята – мне уже не раз случалось наблюдать его в таком настроении.

– Ватсон, – произнес он вкрадчиво, – вы ведь не ходите на дело безоружным?

Конечно, отправляясь с Холмсом по его делам, я всегда брал с собой револьвер, и делал это, главным образом, ради него: если он захвачен задачей, соображения безопасности перестают для него существовать. Бывали случаи, когда мой револьвер оказывался совсем не лишним, и я ему об этом напомнил.

– Да, конечно. Простите, дорогой друг. Ну, а сейчас он у вас с собой?

Небольшой, короткоствольный и потому очень удобный для ношения в заднем кармане брюк, но при этом абсолютно надежный револьвер был и сейчас при мне.

Холмс взвесил его на ладони.

– Увесистый предмет, что и говорить, – заметил он.

– Солидное изделие.

Тут Холмс вынул барабан и высыпал патроны, на минуту призадумался, а затем весело улыбнулся и сказал:

– Похоже, Ватсон, что именно ваш револьвер поможет нам разгадать эту загадку.

– Полно, Холмс, что за шутки!

– Все вполне серьезно, дорогой друг. Вскоре мы с вами проведем так называемый следственный эксперимент. Я надеюсь, что он все поставит на свои места. Впрочем, это зависит от поведения вашего револьвера. Пять патронов вставим на место, а один для нашего эксперимента лишний. Вот он сразу и потяжелел. Прекрасно – так мы довольно точно воспроизведем обстоятельства гибели миссис Гибсон.

Как ни ломал я голову, но не догадался, что он имеет в виду. Сам он молчал, погруженный в раздумье. Приехав, наконец, на станцию Хэмпшир, мы наняли какой-то разваливающийся от старости экипаж, и через четверть часа он остановился у дома сержанта Ковентри.

– Вы говорите, вы нашли ключ к разгадке, мистер Холмс? – спросил наш знакомец. – Но каким образом?

– Сначала посмотрим, как поведет себя вот этот револьвер доктора Ватсона, – ответил Холмс. – От этого очень многое зависит. А пока, сержант, раздобудьте шпагат, метров десять.

Моток шпагата мы купили в сельской лавке.

– Этого вполне достаточно, – заметил Холмс. – Теперь вперед. Думаю, что перед нами будет разыгран последний акт трагедии.

Солнце потихоньку катилось вниз, и в его мягком свете поросшие вереском хэмпширские холмы сияли сочными красками осени. Сержант Ковентри плелся рядом с нами, всем своим видом демонстрируя недоверие не только к идее, но и к умственным способностям моего друга. Чем ближе мы были к нашей цели, тем труднее было Холмсу скрывать под напускным спокойствием обуревавшее его волнение.

– Еще бы, – сказал он, когда я дал ему понять, что вижу его состояние, – вы ведь свидетель моей первоначальной ошибки, Ватсон. Обычно я интуитивно чувствую подобные штуки, а на

этот раз чутье меня подвело. Эта идея осенила меня во время свидания в тюрьме, и тогда я был готов считать предположение фактом. Но что поделаешь с собственным умом, который не может успокоиться и подсовывает новые объяснения, а они могут привести и на ложный след. Однако, Ватсон, попробуем, игра стоит свеч.

Еще на ходу Холмс закрепил конец шпагата на рукоятке револьвера.

Когда мы пришли к мосту, он необычайно тщательно с помощью сержанта Ковентри уточнил место, где лежала миссис Гибсон. Другим концом шпагата он обвязал подобранный тут же камень и перекинул веревку через парашют так, что камень висел над водой. Потом, держа в руке револьвер, привязанный к другому концу веревки, он ступил на роковое место и крикнул: «Внимание!», поднес револьвер к виску, а потом разжал пальцы.

Не удерживаемый более натянутой веревкой камень увлек вырвавшийся из руки Холмса пистолет, и тот, стукнувшись сначала о парашют, перелетел через него и исчез в воде. Не прошло и мгновения, как Холмс уже обследовал, стоя на коленях, кладку парашюта и тут же обнаружил то, что ожидал увидеть. Мы услышали его торжествующий крик:

– Теперь вы видите, как оно было на самом деле?! Ну, как демонстрация – достаточно убедительная? Я говорил вам, Ватсон, что вашему револьверу предстоит решить загадку?

Тут уже и мы с сержантом увидели на нижнем краю парашюта второй скол, по форме и размеру совпадающий с первым. Холмс встал и сказал сержанту, который никак не мог опомниться:

– Уже темнеет. Нам придется переночевать в гостинице, а вам с утра следует пошарить стальной «кошкой» в этих камышах и извлечь оттуда два револьвера с веревками и камнями. Эта несчастная хотела не только свести счеты с жизнью, но и обвинить бедную девушку в убийстве. Мистеру Гибсону передайте, что я зайду к нему завтра, и мы займемся освобождением мисс Данбар.

* * *

А вот резюме, которое сделал Холмс, когда мы с ним вдвоем уже совсем поздним вечером курили у камина в сельской гостинице:

– В этом деле, Ватсон, я проявил себя далеко не лучшим образом. Если вы намерены включить его в свои записки, знайте, оно не принесет мне славы. Воображения не хватило, а ведь именно переплетение воображаемого с реальным составляет основу моего искусства. Мне следовало сразу ухватиться за ту нить, которую предоставлял нам скол на каменной кладке. Мне стыдно, что, имея такую нить, я не сразу пришел к правильному решению. И то сказать, эта несчастная все продумала и разыграла с редкостным коварством, так что разобраться в этой головоломке было нелегко. Я не помню, чтобы нам с вами в наших предыдущих делах приходилось сталкиваться с подобными последствиями патологической любви. Будь мисс Данбар связана с Гибсоном физическими узами или только духовными, она не могла стерпеть этого соперничества ни в том, ни в другом случае. К тому же эта чистая девушка была невольной свидетельницей грубостей и оскорблений, которыми осыпал ее муж, стремясь «излечить» ее от безумной к нему любви.

И вот приходит решение – покончить с собой. Потом она эту мысль развивает: заодно подстроить сопернице такую ловушку, что та будет жизни не рада.

Теперь мы можем по этапам проследить этот замысел во всем его коварстве. Очень хитро она выманивает у мисс Данбар записку, которая должна стать главной уликой. Но миссис Гибсон так заботилась, чтобы записка непременно была обнаружена, что допустила перебор. То обстоятельство, что она не выпускала ее даже в момент смерти, должно было насторожить меня с самого начала.

Вы видели, сколько оружия в этом доме. Но из всего этого она выбирает парные револьверы, один берет себе, а другой в первой половине дня подбрасывает мисс Данбар, предварительно избавившись от одного патрона. Если выстрелить утром в лесу, никто не обратит особого внимания. Вечером мисс Данбар отправляется в назначенное место. Она попадает под яростный залп угроз и проклятий и убегает. Когда она уже ничего не может слышать, миссис Гибсон выполняет последний пункт своего кошмарного плана. Смотрите, как встало на свое место каждое звено в этой цепи улик.

Конечно, найдутся, особенно среди пишущей братии, охотники спросить, почему сразу не прошлись драгой по дну озера. Но все эти умники, они умные на следующий день, а кроме того, поди-ка обыщи сплошь заросшее камышом озеро, не имея представления, что ты ищешь.

Ну вот, Ватсон. Мы с вами помогли двум незаурядным людям. Если в будущем они будут действовать сообща (а я думаю, это вполне возможно), то станет ясно, что и такой финансовый воротила, как Нейл Гибсон, может кое-чему научиться в той школе скорби и печали, где уроки дает сама жизнь.

Человек на четвереньках

Шерлок Холмс был всегда того мнения, что мне давно уже следовало опубликовать необыкновенные факты, связанные с именем профессора Пресбэри, хотя бы с целью рассеять все те темные слухи, которые лет двадцать тому назад волновали университет и даже докатились до ученых кругов Лондона. Однако, были некоторые обстоятельства, препятствовавшие этому до самого последнего времени, вследствие чего истинная история так и оставалась погребенной в недрах жестяного ящика, вместе с другими отчетами о приключениях моего друга.

Теперь мы, наконец, получили разрешение всесторонне осветить этот случай, являющийся одним из самых последних в практике Холмса перед его удалением от дел. Но даже и теперь приходится соблюдать некоторую осторожность и сдержанность в оглашении известных нам фактов во всеобщее сведение.

* * *

Это было в один из воскресных вечеров, в самом начале сентября 1902 года. Я получил характерную лаконичную записку от Холмса: «Приходите немедленно, если свободны, если нет – все равно приходите. *Ш. Х.*»

В последние дни наши взаимоотношения были очень своеобразны. У него был свой замкнутый круг привычек, одной из которых сделался и я, наравне с его скрипкой, с его старой трубкой, крепким табаком, алфавитными справочниками и другими, быть может, менее простительными привычками. Когда какое-нибудь дело требовало напряженной работы, и он нуждался в товарище, на которого можно было до известной степени положиться, моя роль была очевидна. Но и помимо этого он пользовался мною для других целей. Я был чем-то вроде точильного камня для его ума, я возбуждал его к деятельности. Он любил размышлять вслух в моем присутствии, и в таких случаях я должен сознаться, что многие его замечания отнюдь не предназначались для меня: с не меньшим успехом он мог бы обращаться с ними к своей собственной кровати. Тем не менее, в силу укоренившейся привычки, мои вопросы и реплики приносили ему известную пользу. Если я иногда раздражал его своей медлительностью и методичностью, то самое это раздражение разжигало в еще большей степени его пламенную восприимчивость и вдохновенную силу мысли. Такова была моя скромная роль в нашем содружестве.

Явившись в квартиру на Бейкер-стрит, я застал его развалившимся в кресле, с высоко поднятыми коленями и с неизменною трубкою во рту. Глубокие морщины на его лбу свидетельствовали о том, что он был занят разрешением какой-то трудной задачи.

Легким движением руки он указал мне на мое обычное место в моем старом кресле и затем в течение получаса не проявил больше ни одним знаком, что мое присутствие было ему заметно. Наконец, точно спохватившись, он сразу пробудился от своих грез и со своей обычной лукавой улыбкой приветствовал мое возвращение туда, где когда-то я был у себя дома.

– Простите мою рассеянность, дорогой Ватсон, – сказал он. – В течение этого дня я получил кое-какие интересные сведения, а они, в свою очередь, привели меня к некоторым соображениям более общего характера. Я имею серьезное намерение написать маленькую монографию об использовании собак для сыска.

– Послушайте, Холмс, но ведь это же давно известно! – воскликнул я. – Есть много пород собак...

– Нет-нет, Ватсон! Эта сторона дела слишком очевидна. Я имею в виду другую, более деликатную сторону. Вы, может быть, припомните тот случай, когда я имел возможность,

путем наблюдения за ребенком, вывести заключение о преступных привычках его отца, очень уважаемого и почтенного с виду человека.

– Да, конечно, я это хорошо помню.

– Так вот, относительно собак я рассуждаю по аналогии. Собака отражает образ жизни своих хозяев. Кто когда-либо видел веселую собаку в мрачной семье, или, наоборот, угрюмую, злую собаку в обстановке семейного счастья и довольства? У ворчунов собаки ворчливы, у опасных людей они опасны. И смена настроения у одних вызывает такую же смену настроения у других.

Я покачал головой,

– В самом деле, Холмс, не слишком ли вы далеко заходите!

Он снова набил свою трубку и продолжал, не обращая внимания на мое замечание:

– Практическое применение того, что я сейчас высказал, очень близко касается той задачи, над разрешением которой мне теперь приходится работать. Есть некий запутанный клубок, а в таких случаях, как вы знаете, я всегда ищу конец нити. Одним из вероятных концов является ответ на вопрос: почему Рой, верный волкодав, принадлежащий профессору Пресбэри, был доведен до того, что укусил своего хозяина?

Я почувствовал разочарование. Неужели ради такого пустяжного вопроса я должен был оторваться от моей работы! Холмс одним взглядом уловил мое настроение.

– Узнаю старого Ватсона! Вы неисправимы, друг мой. Вы так и не научились тому, чтобы в малом находить значительное. Ну, разве не странно, что серьезный престарелый ученый, – вы, конечно, слышали о Пресбэри, знаменитом кэмфордском физиологе? – что такой человек дважды подвергся нападению своей собаки, которая раньше была его преданным другом? Что вы на это скажете?

– Собака заболела, вот и все.

– Хорошо, я имею в виду и это. Но она больше ни на кого не нападает и, по-видимому, не питает никакой вражды к своему хозяину, за исключением совершенно особых случаев. Странно, дорогой Ватсон, очень странно. Но я слышу звонок. Если это молодой Беннет пришел раньше условленного времени, то я очень сожалею, что мне не удалось с вами переговорить еще кое о чем до его прихода.

Послышались быстрые шаги вверх по лестнице, затем короткий стук в дверь, и перед моими глазами предстал новый клиент Холмса. Это был высокий, красивый молодой человек, лет около тридцати, изысканно одетый и изящный. Но в его манерах было что-то, скорее напоминавшее застенчивость студента, чем самоуверенность светского человека. Он поздоровался с Холмсом и с некоторым недоумением посмотрел на меня.

– Дело очень щепетильное, мистер Холмс. Примите во внимание мои отношения с профессором Пресбэри, как в частной жизни, так и с официальной стороны. Я, положительно, не мог бы себе позволить говорить об этом в присутствии кого-либо постороннего.

– Не бойтесь, мистер Беннет. На скромность доктора Ватсона можно вполне рассчитывать. Позволю себе вас заверить, что в таком деле мне необходима его помощь.

– Как вам угодно, мистер Холмс. Но вы, я убежден, сами понимаете, что вынуждает меня к особенной сдержанности.

– Для вас, Ватсон, – обратился ко мне Холмс, – все станет ясным, если я вам скажу, что этот молодой человек, мистер Тревор Беннет, состоит ассистентом знаменитого ученого, живет с ним под одной крышей и, к тому же, обручен с его единственной дочерью. Мы с вами, конечно, должны согласиться, что профессор имеет полное право рассчитывать на его преданность и скромность. Однако, я думаю, что эта преданность лучше всего может быть доказана всемерным содействием выяснению тайны.

– Совершенно верно, мистер Холмс. В этом моя главная цель. Но знает ли доктор Ватсон все обстоятельства дела?

– Я еще не имел времени посвятить его.

– Тогда, быть может, вы пожелаете, чтобы я снова рассказал всю историю, прежде чем перейти к новым подробностям?

– Я сделаю это сам, – сказал Холмс, – в доказательство того, что хорошо помню всю цепь событий

И, обернувшись ко мне, он начал свой рассказ.

– Профессор Пресбэри – человек, известный всей Европе. Его жизнь протекала в замкнутом академическом мире. В ней никогда не было ни малейшего намека на возможность чего-либо скандального. Он – вдовец, и имеет единственную дочь, Эдит. Насколько я себе представляю, он человек твердого и решительного, пожалуй, даже воинственного характера. Таково было положение дела всего лишь несколько месяцев тому назад. Затем, мирное течение его жизни было прервано. Ему шестьдесят один год, но это не помешало ему ухаживать за дочерью профессора Морфи, его коллеги по кафедре сравнительной анатомии. При этом, как ни странно, в его поступках было заметно отнюдь не ухаживание пожилого человека, но, скорее, настоящее юношеское увлечение. Вряд ли кто-либо мог показать себя более влюбленным и преданным. Впрочем, дама его сердца, Алиса Морфи, девушка весьма привлекательная как по уму, так и по наружности, и увлечение профессора вполне простительно. Тем не менее, оно не встретило полного сочувствия в его собственной семье.

Нам оно казалось немного чрезмерным, – заметил Беннет.

Совершенно верно. Чрезмерным и даже, пожалуй, не вполне естественным. Как бы то ни было, но профессор Пресбэри богат, и со стороны отца невесты не было сделано никаких возражений, хотя сама она, быть может, имела другие виды. На ее руку было немало претендентов, менее значительных, но зато более соответствующих ей по возрасту. Профессор, видимо, ей нравился, несмотря на некоторую его эксцентричность. Единственной помехой могла быть разница в возрасте.

Около этого времени какая-то маленькая тайна внезапно омрачила обычный уклад жизни профессора. С ним случилось то, чего никогда еще не случалось раньше. Он покинул свой дом, не оставив никаких указаний, никаких сведений о том, куда именно он направился. Его отсутствие продолжалось две недели, а по возвращении он выглядел так, как будто проделал целое путешествие. Он, отличавшийся всегда своей откровенностью, даже не намекнул о том, где и зачем он был. Совершенно случайно присутствующий здесь мистер Беннет получил письмо из Праги от своего товарища по университету, в котором тот, между прочим, сообщал о своей неожиданной встрече с профессором Пресбэри, хотя почему-то не имел возможности с ним беседовать. Только таким путем семья профессора узнала о том, где он побывал.

Теперь мы подошли к самому главному. Со времени этого путешествия в характере профессора произошла странная перемена. Он сделался скрытным и подозрительным. Окружающие стали чувствовать, что перед ними совсем другой человек, чем тот, которого они знали раньше, что какая-то тень легла на его личную жизнь. Его ум не был затронут. Его лекции по-прежнему были блестящими. Но во всем его облике и в его поведении было что-то новое, загадочное и неожиданное. Дочь, обожающая его, всячески старалась возобновить прежние теплые отношения с отцом, заставить его снять ту маску, которую он, казалось, надел на себя. Ее жених также, я уверен, приложил свои усилия к этому, но все было напрасно. А теперь, мистер Беннет, расскажите сами о случае с письмами.

– Должен вам сказать, доктор Ватсон, – обратился ко мне Беннет, – что у профессора не было от меня никаких тайн. Если бы даже я был его сыном или младшим братом, я бы не мог рассчитывать на большее доверие с его стороны. В качестве его секретаря я имел в руках все его бумаги, вскрывал и прочитывал все письма, адресованные к нему. Вскоре после его возвращения все это изменилось. Он мне сказал, что к нему могут придти некоторые письма из Лондона, отмеченные крестом под маркой, и что эти письма нужно откладывать и переда-

вать ему нераспечатанными. Таких писем прошло через мои руки несколько. Все они были со штампом Е. С.⁵⁵ и написаны, по-видимому, малограмотным человеком. Если, вообще, он на них отвечал когда-нибудь, то, во всяком случае, его ответные письма не проходили через мои руки и не попадали в ящик, в котором собиралась вся наша корреспонденция.

– Ну, а шкатулка? – заметил Холмс.

– Ах да, шкатулка! Профессор привез из своего путешествия маленькую деревянную шкатулку. Это была единственная вещь, которая могла бы служить доказательством его пребывания на континенте – оригинальная резная вещица из тех, которые выделяются только в Германии. Он поместил ее в свой лабораторный шкаф. Однажды, разыскивая кое-какие инструменты, я приподнял эту шкатулку. К моему удивлению, он страшно рассердился и стал упрекать меня самым грубым образом за излишнее любопытство. В наших отношениях это был первый случай, и я, конечно, был глубоко оскорблен. Я пытался ему объяснить, что совершенно непреднамеренно дотронулся до его шкатулки, но, тем не менее, весь тот вечер я ловил на себе его сердитый взгляд и чувствовал, что он не мог забыть этого случая...

Беннет вынул из кармана маленькую записную книжку и добавил:

– Это было второго июля.

– Вы превосходный свидетель, – заметил Холмс. – Мне, вероятно, понадобятся некоторые из дат, отмеченных в вашей книжке.

– Я научился методичности, как и, вообще, многому, от моего великого учителя. С того момента, как я заметил ненормальность в его поведении, я считал своим долгом всесторонне исследовать этот факт. Здесь у меня отмечено, что в тот же день, второго июля, Рой напал на профессора, когда он выходил из лаборатории в гостиную. Одиннадцатого июля повторилась та же история, затем у меня есть отметка, против даты двадцатого июля, еще об одном нападении Роя. После этого, нам ничего не оставалось, как изгнать Роя в конюшню. Прекрасное ласковое животное... Впрочем, мне кажется, я вас утомляю.

Последнее было сказано не без упрека по адресу Холмса, который, самым очевидным образом, перестал слушать рассказчика, уставившись отсутствующим взглядом в потолок. Он сделал над собою усилие и вернулся к действительности.

– Странно, очень странно! Эти детали для меня совершенно новы, мистер Беннет. Я думаю, что мы уже достаточно освежили в памяти то, что было раньше, не правда ли? Но вы, кажется, упоминали о каких-то ваших новых наблюдениях.

Открытое приятное лицо молодого человека сразу омрачилось, как будто под влиянием тяжелого воспоминания.

– То, о чем я упомянул вам, случилось в позапрошлую ночь. Было около двух часов пополудни, и я лежал в постели, но еще не спал, когда вдруг мне послышались какие-то заглушенные, мягкие звуки со стороны коридора. Я приоткрыл дверь и выглянул. Нужно вам пояснить, что спальня профессора находится как раз в конце коридора...

– Какого это было числа? – спросил Холмс.

Наш гость, очевидно, возмущенный, что его так бесцеремонно прервали, ответил сухо:

– Я уже сказал, что это было позапрошлой ночью, то есть четвертого сентября.

Холмс кивнул головой и улыбнулся.

– Будьте добры, продолжайте.

– Профессор спит в самом конце коридора, и для того, чтобы выйти на лестницу, ему необходимо пройти мимо моей двери. Мистер Холмс, это было, действительно, нечто страшное! Мои нервы достаточно крепки, но я был совершенно потрясен тем, что увидел. В коридоре царил полный мрак, и только против окна, на полдороге, виднелось серое световое пятно. Я мог лишь различить что-то продвигавшееся вдоль коридора, что-то темное и ползучее. Когда

⁵⁵ Е. С. – восточно-центральный почтовый округ Лондона.

оно вдруг попало на свет, я увидел, что это был он – профессор. Он полз, мистер Холмс, уверяю вас, – полз! Не на коленях, как можно было бы предположить, а, я бы сказал скорее, на руках и чуть согнутых ногах, с лицом, низко опущенным между руками. При всем том, он, казалось, двигался без затруднения. Я был так ошеломлен этим зрелищем, что только тогда, когда он уже поравнялся с моей дверью, оказался в силах выступить вперед и предложить ему свою помощь. Его ответ был прямо невероятен. Он сразу вскочил и, бросив мне в лицо несколько диких непонятных слов, промчался мимо меня вниз по лестнице, Я прождал его около часа, но он не возвращался. Думаю, что было уже совсем светло, когда он снова очутился в своей комнате.

– Ну, Ватсон, что вы на этот счет скажете? – спросил меня Холмс с видом коллекционера, показывающего какую-нибудь редкость.

– Вероятно, люмбаго. Я знал случай, когда человек ходил именно таким образом, и никакая другая боль не могла бы хуже действовать на настроение.

– Отлично, Ватсон! Вы всегда ставите нас прямо на землю. Но мы вряд ли можем допустить люмбаго, раз он был способен выпрямиться.

– Он никогда еще не выглядел более здоровым, – заметил Беннет. – В самом деле, он теперь крепче и сильнее, чем я его знал в течение многих лет. Таковы факты, мистер Холмс. Это не такое дело, чтобы мы могли вмешивать в него полицию, но мы совершенно теряемся в догадках, что делать дальше, и чувствуем, что назревает какая-то катастрофа. Эдит согласна со мною, что мы больше не имеем права ждать, сложа руки.

– Все это очень странно и заставляет подозревать многое, – сказал Холмс. – Ваше мнение, Ватсон?

– В качестве врача я могу здесь предположить раздвоение личности. Мозговые функции старика были расстроены его любовной историей. Он предпринял путешествие за границу с целью развлечься и отделаться от своей навязчивой страсти. Его письма и шкатулка могут быть связаны с совершенно другим личным делом, например, денежным. В шкатулке могут храниться какие-нибудь закладные листы или акции.

– А верный волкодав, без сомнения, не одобряет его финансовых предприятий? – добавил Холмс, с усмешкой. – Нет-нет, Ватсон, дело гораздо сложнее, чем вы думаете. Я могу пока только подозревать...

Что именно подозревал Шерлок Холмс, так и осталось невыясненным, потому что в этот момент открылась дверь, и на пороге появилась молодая дама. При виде ее, Беннет вскочил и бросился к ней с протянутыми руками.

– Эдит, дорогая моя! Надеюсь, ничего не случилось?

– Я чувствовала, что мне нужно быть с тобою. О, Джек! Я была так напугана! Так ужасно оставаться дома одной!

– Мистер Холмс, это та молодая дама, о которой я вам говорил, моя невеста.

– Мы сами уже пришли к этому заключению. Не правда ли, Ватсон? – заметил Холмс, улыбаясь. – Я полагаю, мисс Пресбэри, что вы имеете новые данные по нашему делу, которые вы бы хотели нам сообщить.

Наша гостья, красивая, светловолосая девушка, характерный тип англичанки, присела в кресло рядом со своим женихом и обратилась к Холмсу с милой ответной улыбкой:

– Я была почти уверена, что найду мистера Беннета здесь, когда не застала его в гостинице. Конечно, он мне и раньше говорил, что предполагает посоветоваться с вами. Впрочем... О, мистер Холмс, неужели ничего нельзя сделать для моего бедного отца?

– Я имею надежду, мисс Пресбэри, но дело еще неясно. Быть может, то, что вы нам сообщите, прольет некоторый свет.

– Это случилось прошлой ночью, мистер Холмс. Весь день он был в очень странном настроении. Я уверена, что временами он не вполне сознает свои поступки, живет точно во сне. Вчера был именно такой день. Это не был мой отец, к которому я привыкла. Его внешняя оболочка осталась, но, все-таки, это был не он...

– Расскажите же, что случилось, – прервал ее Холмс.

– Ночью меня разбудил отчаянный лай нашей собаки. Бедный Рой, он теперь посажен на цепь у конюшни. Должна вам сказать, что я всегда закрываю на ключ дверь моей комнаты, когда ложусь спать. Это потому, что мы все чувствуем страх какой-то неведомой опасности. Джек – мистер Беннет – может вам это подтвердить. Моя комната находится во втором этаже. Случилось так, что штора на моем окне не была опущена, а луна ярко светила в эту ночь. Пока я лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к яростному лаю собаки, я вдруг увидела лицо моего отца, заглянувшее в мое окно. Мистер Холмс, я чуть не умерла от неожиданности и ужаса! Там оно было, прижатое к стеклу, с уставившимися на меня глазами, а рука была поднята кверху, как будто для того, чтобы открыть окно. Если бы окно, действительно, открылось, я думаю, я бы сошла с ума. Это не было галлюцинацией, мистер Холмс. Я была в полном сознании, уверяю вас. Могу сказать, что это продолжалось полминуты или около того. Я лежала, точно парализованная, и смотрела на него. Затем лицо исчезло, но я не могла решиться встать и подойти к окну. Так и пролежала до самого утра, дрожа, как в лихорадке. За завтраком отец был очень сух и резок со мною, но ничем не обмолвился о ночном приключении. Я, конечно, промолчала, а потом сказала ему, что еду в город. И вот я здесь.

Рассказ мисс Пресбэри, видимо, произвел впечатление на Холмса.

– Вы говорите, что ваша комната находится во втором этаже. Разве у вас есть лестница со стороны сада?

– Нет, мистер Холмс. В этом-то и заключается странность. Совершенно невероятно, каким образом можно было пробраться к окну. И, тем не менее, он был там.

– Четвертого сентября, – задумчиво сказал Холмс. – Это, конечно, восполняет пробел.

Молодая девушка, в свою очередь, взглянула на него с удивлением, а Беннет заметил:

– Вот уже второй раз, мистер Холмс, как вы почему-то подчеркиваете это число. Имеет ли это какое-нибудь отношение к делу?

– Возможно, очень возможно, я еще не имею полной картины.

– Быть может, вы предполагаете какую-нибудь связь между его нездоровьем и фазами луны?

– Нет, уверяю вас. У меня были совершенно иные соображения. Не можете ли вы оставить мне вашу записную книжку? Я отмечу себе все даты. Теперь, Ватсон, я думаю, план наших действий достаточно выяснился. Мисс Пресбэри сообщила нам – я вполне полагаюсь на ее наблюдательность, – что ее отец плохо или даже совсем ничего не помнит о том, что случается с ним в некоторые дни. Таким образом, мы сможем посетить его, под предлогом, что такого-то числа он якобы вызвал нас по неизвестному нам делу. Он может объяснить это себе одним из таких пробелов в собственной памяти. Благодаря этому мы будем иметь возможность вступить с ним в непосредственное общение, что очень важно для начала кампании.

– План великолепен, – заметил Беннет. – Но я вас должен предупредить, что профессор временами бывает очень вспыльчив и неистов.

Холмс только улыбнулся.

– Есть основание, почему мы должны сделать это безотлагательно, очень существенное основание, если только мои предположения верны. Завтра же, мистер Беннет, вы увидите нас в Кэмфорде. Там, насколько я помню, есть одна гостиница, довольно приличная. Я думаю, Ватсон, что нам придется за эти несколько дней побывать и в менее приятных местах.

* * *

В понедельник утром мы были уже на пути к знаменитому университетскому городку. Для Холмса, который, вообще, был легок на подъем, это не представило никаких затруднений, но зато мне стоило больших хлопот, так как моя практика в это время была довольно значительной. Холмс ни одним словом не обмолвился о деле, пока мы, наконец, не очутились в допотопной гостинице, о которой он упоминал раньше.

– Я думаю, Ватсон, что нам лучше всего застать профессора перед самым завтраком, во время дневного перерыва между его лекциями.

– Чем же мы объясним наше посещение?

Холмс заглянул в записную книжку.

– Один из периодов его странного поведения относится к двадцать шестому августа. Мы будем исходить из допущения, что он в это время не вполне отдает себе отчет в своих поступках, поэтому, я думаю, вряд ли решится прямо отрицать наше утверждение. Хватит ли только у вас нахальства?

– Попробуем, – ответил я с невольной улыбкой.

– Великолепно, Ватсон! Попробуем – девиз нашей фирмы. Теперь остается только, чтобы кто-нибудь из дружественных туземцев показал нам дорогу.

Скоро мы нашли нужного нам человека, восседавшего на козлах отличного экипажа, и покатали по пустынным улицам городка мимо ряда старинных колледжей. Наконец, свернув в тенистую аллею, остановились у подъезда прелестного дома, окруженного лужайками и покрытого вьющимися растениями. По всему было видно, что профессор Пресбэри пользовался хорошим достатком и даже не отказывал себе в роскоши.

В тот момент, когда мы выходили из экипажа, в большом окне на фасаде появилась седая голова, и чей-то испытующий взгляд из-под нависших бровей рассматривал нас сквозь зеркальное стекло. Минутой позже мы уже находились в самом святилище таинственного ученого, причуды которого привели нас сюда из Лондона, и сам он стоял перед нами. В его облике и манерах не было и тени эксцентричности, которую можно было бы предположить. Это был высокий осанистый человек с крупными чертами лица, немного сухой и державший себя с тем достоинством, которое соответствовало его профессии и имени. Взгляд его серых глаз являлся

наиболее характерной чертой во всем его облике: острый, пронизательный и умный, с оттенком лукавства.

Он посмотрел на наши карточки.

– Господа, прошу садиться. Чем я могу вам служить?

Холмс любезно улыбнулся.

– Это как раз тот вопрос, с которым я полагал обратиться к вам, господин профессор.

– Ко мне?

– Может быть, тут какая-нибудь ошибка, но я слышал от одного лица, что профессор Пресбэри из Кэмфорда нуждается в моих услугах.

– А, в самом деле! – В серых глазах профессора показался какой-то злобный огонек. – Могу я спросить имя вашего осведомителя?

– Я очень сожалею, профессор, но это имело конфиденциальный характер. Если я ошибся, мне остается только извиниться за причиненное беспокойство.

– Ни в коем случае! Я бы хотел выяснить это дело. Вы меня заинтересовали. Может быть, у вас есть какая-нибудь записка, письмо или телеграмма в подтверждение ваших слов?

– Нет, у меня нет ничего подобного.

– Я полагаю, вы не зайдете так далеко, чтобы утверждать, что я вас приглашал к себе?

– Я предпочел бы не отвечать на эти вопросы, – сказал Холмс.

– Нет? Вы не хотите? – заметил профессор с жаром. – Тем не менее, я легко могу получить ответ без вашей помощи.

Он прошелся по комнате к звонку. Знакомый уже нам молодой ассистент явился на призыв.

– Войдите, мистер Беннет. Эти два господина прибыли ко мне из Лондона в предположении, что я их к себе пригласил. Вы ведете всю мою корреспонденцию. Скажите, отмечено ли у вас какое-нибудь отправление на имя некоего Холмса?

– Нет, сэр, – ответил Беннет, краснея.

– Это решает дело, – сказал профессор, гневно взглянув на моего спутника. – Теперь, сэр, – он нагнулся к нам, опершись обеими руками на стол, – я позволю себе заметить, что ваше положение весьма двусмысленно.

Холмс пожал плечами.

– Я могу только повторить, что крайне сожалею о нашем бесполезном вторжении.

– Этого мало, мистер Холмс! – вскричал старик с непостижимой злобой в голосе и в лице. Он встал между нами и выходной дверью, ожесточенно потрясая обеими руками. – Вряд ли вы уйдете отсюда так просто!

Его лицо было совершенно искажено; он трясся и гримасничал в бессмысленной ярости, и я уверен, что нам пришлось бы силой пролагать себе дорогу из комнаты, если бы не вмешался Беннет.

– Дорогой профессор! – воскликнул он. – Подумайте о вашем положении! Подумайте, какой скандал для университета! Мистер Холмс – человек известный и уважаемый. Вы не можете допустить по отношению к нему такой невежливости.

Профессор угрюмо отошел от двери, и мы были рады очутиться вне этого дома, в тиши тенистой аллеи. Холмс казался очень смущенным.

– Нервы нашего ученого друга не совсем в порядке, – заметил он. – Быть может, наше вторжение было, действительно, немного грубым, но, так или иначе, мы добились личного общения с ним, что мне и хотелось. Однако, дорогой Ватсон, он, кажется, преследует нас по пятам!

Позади нас слышались чьи-то быстрые шаги, но, к моему облегчению, нашим преследователем оказался не этот ужасный профессор, а его ассистент, который показался из-за поворота аллеи. Он подбежал, тяжело дыша, к нам.

– Мистер Холмс, я очень сожалею о случившемся и должен перед вами извиниться...

– Это совершенно излишне, мистер Беннет. Такие испытания входят в круг моих профессиональных обязанностей.

– Я еще никогда раньше не видел его в таком опасном настроении. Он прямо делается зловещим. Вы теперь поймете, почему его дочь и я так обеспокоены. И все-таки его ум вполне ясен.

– Слишком ясен! – подтвердил Холмс. – В этом заключается ошибка в моих расчетах. Очевидно, он способен в большей степени положиться на свою память, чем я ожидал. Кстати, не можем ли мы, прежде чем уйти, взглянуть на окно комнаты, в которой спит мисс Пресбэри?

Беннет проложил нам дорогу сквозь кусты к месту, откуда была видна одна сторона дома.

– Вон там. Второе окно слева.

– Однако, оно кажется мало доступным снизу. Но вы можете заметить, что под ним находятся вьющиеся растения, а немного повыше водосточный жолоб, который может дать некоторый упор для ноги.

– Мне, во всяком случае, не забраться туда, – сказал Беннет.

– Очень возможно. Это довольно рискованное предприятие для всякого нормального человека.

– Есть еще кое-что, о чем я хотел вам сообщить, мистер Холмс. Я раздобыл адрес человека из Лондона, с которым профессор переписывается. Он, видимо, написал ему сегодня утром, и мне удалось разобрать адрес на его пресс-папье. Это не очень благородный поступок со стороны доверенного секретаря, но что же делать!

Холмс посмотрел на бумагу и спрятал ее в карман.

– Дорак – странное имя! Славянское, как я себе представляю. Очень хорошо, это весьма существенное звено в нашей цепи. Сегодня мы возвращаемся в Лондон, мистер Беннет. Я не вижу смысла оставаться нам здесь. Мы не можем арестовать профессора, так как он не совершил никакого преступления, не можем и поместить его под надзор, так как нет доказательств его сумасшествия. Словом, пока еще нельзя действовать.

– Так что же, в таком случае, остается?

– Немного терпения, мистер Беннет! Дело в самом скором времени выяснится. Если я не ошибаюсь, во вторник на следующей неделе должен наступить кризис. Разумеется, что в этот день мы будем в Кэмфорде. А тем временем, так как общее положение, безусловно, весьма неприятно, я думаю, что, если мисс Пресбэри может продлить свое пребывание в Лондоне...

– Это очень легко устроить.

– Тогда пусть она останется там, пока мы не сообщим ей, что всякая опасность миновала. Вы же предоставьте ему делать, что он хочет, и старайтесь его не раздражать. Нужно, чтобы он был в хорошем настроении, тогда все обойдется.

– А вот и он сам! – испуганным шепотом произнес Беннет.

Посмотрев между ветвями кустарника, мы увидели в дверях дома высокую статную фигуру профессора. Он стоял, слегка нагнувшись вперед и поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, как будто что-то разыскивая. Его секретарь с прощальным жестом скользнул за деревья, и скоро мы его увидели присоединившимся к своему хозяину. Оба вошли в дом, видимо, о чем-то оживленно беседуя.

– Мне думается, что старый профессор сообразил, в чем дело, – заметил Холмс на обратном пути в гостиницу. – Как ни мало я его видел, он поразил меня своим на редкость ясным и логичным умом. Конечно, он вспыльчив, но, со своей точки зрения, он имеет некоторое основание для этого, обнаружив какой-то сыск в своем собственном доме. Боюсь, что наш друг Беннет переживает неприятные минуты.

По пути Холмс зашел в почтовую контору и послал телеграмму. Ответ на нее был получен вечером, и он показал его мне.

«Посетил Коммерческую улицу и видел Дорака. Приветливая внешность, чех, пожилой. Содержит большой универсальный магазин. *Мерсер*».

– Мерсер служит у меня, – сказал Холмс. – Он мастер на все руки, исполняет разные простые поручения. Мне было важно узнать, с кем профессор ведет секретную переписку. Национальность этого человека имеет связь с поездкой в Прагу.

– Радуюсь за вас, что «нечто» имеет связь с «чем-то», – заметил я. – Пока еще мы стоим перед длинным рядом необъяснимых явлений, вне всякой зависимости одно от другого. Например, какое может иметь отношение разозленный волкодав к поездке профессора в Чехию, или и то, и другое вместе взятое, к его странным ночным прогулкам на четвереньках? Что же касается ваших дат, то здесь, по-моему, самая большая мистификация.

Холмс улыбнулся и потер руки. Мы восседали в это время в невзрачном «салоне» старинной гостиницы за бутылкою того знаменитого напитка, о котором так хорошо отзывался мой спутник.

– Ладно, посмотрим сначала, что говорят эти даты, – сказал он тоном учителя, обращающегося к своему классу. – Дневник этого милого молодого человека показывает, что некоторое волнение было второго июля и, начиная с этого срока, повторялось с правильными девятидневными промежутками, насколько я помню, за одним только исключением. Последняя вспышка была в пятницу, 3 сентября, предшествующая ей – 26 августа, и так далее. Тут не может быть простого совпадения.

Я был вынужден согласиться.

– Позволим себе, – продолжал Холмс, – остановиться пока на предположении, что профессор каждые девять дней принимает какое-то сильнодействующее средство, с быстро проходящим, но в высшей степени ядовитым эффектом. Его характер, стремительный от природы, становится от этого еще более бурным. Он научился принимать это лекарство во время своего пребывания в Праге, а в настоящее время его снабжает им чех, живущий в Лондоне. Все это вполне вяжется одно с другим, Ватсон!

– А собака? А лицо в окне? Человек, ползающий на четвереньках по коридору?

– Хорошо, но ведь мы еще только начали распутывать клубок. Я не ожидаю ничего нового до следующего вторника. Тем временем, нам остается только поддерживать связь с нашим приятелем Беннетом и наслаждаться гостеприимством этого очаровательного города.

Утром Беннет принес нам последние известия. Как и предполагал Холмс, бедняге пришлось пережить не очень приятные минуты. Хотя профессор прямо не обвинял его в нашем визите, но был с ним очень резок и груб и, видимо, весь день не мог успокоиться. Впрочем, к утру он совершенно пришел в себя и был в состоянии прочесть блестящую, как всегда, лекцию в переполненной аудитории.

– Если не считать его странностей, – добавил Беннет, – в нем теперь больше сил и энергии, чем когда-либо, насколько я его помню, а ум его никогда еще не был яснее. Но это не тот человек, которого мы до сих пор знали.

– Я не думаю, – отвечал Холмс, – чтобы вы имели какой-нибудь особый повод для беспокойства в течение, по крайней мере, ближайшей недели. Я – человек занятой, а доктора Ватсона ждут его пациенты. Давайте условимся встретиться здесь в будущий вторник около этого часа. И я буду несколько удивлен, если раньше, чем мы снова расстанемся, не будем в состоянии найти объяснение, а может быть, и положить конец вашим тревогам. Во всяком случае, пишите, что будет здесь происходить.

В течение ближайших нескольких дней мне так и не пришлось увидеть моего друга, но вечером в понедельник я уже получил от него короткую записку, назначавшую мне свидание на следующий день в поезде.

По пути в Кэмфорд я узнал от него, что все обстояло благополучно, мир профессорского дома ничем не нарушался, и поведение его владельца было вполне нормальным. Таков же был и личный отчет Беннета, когда он посетил нас в тот вечер в нашей древней гостинице

– Сегодня профессор получил письмо от своего лондонского корреспондента, кроме того, еще маленький пакет. Оба имели условные знаки под марками, вследствие чего я не мог их распечатать. Больше ничего не было.

– Это может служить достаточным доказательством, – усмехаясь, ответил Холмс. – Теперь мистер Беннет, я думаю, что эта ночь приведет нас к некоторым выводам. Если я не обманываюсь, мы даже получим возможность довести дело до конца. Для этого, прежде всего, необходимо установить наблюдение за профессором. Я бы хотел, чтобы вы отнюдь не спали и были настороже. Если вы услышите, что он будет проходить мимо вашей двери, не останавливайте его, но следуйте за ним так, чтобы он этого не мог заметить. Доктор Ватсон и я будем поблизости. Кстати, где находится ключ от маленькой шкатулки, о которой вы говорили?

– На его часовой цепочке.

– Мне думается, что наши розыски должны идти в этом направлении. На худой конец, замок не может быть слишком внушительным. Есть у вас еще какой-нибудь достаточно крепкий человек в усадьбе?

– Есть. Кучер Макфейль.

– Где он спит?

– Над конюшней.

– Он может нам понадобиться. Хорошо, больше нам нечего делать, пока мы не увидим, как развернутся события. До свидания! Я все-таки, надеюсь с вами увижусь в эту ночь.

Было около полуночи, когда мы заняли свою позицию в кустах, непосредственно против двери профессорского дома. Ночь выдалась прекрасная, но холодная, и мы были довольны, что захватили с собою пальто. Дул слабый ветерок, и небольшие облака блуждали по небу, время от времени закрывая луну.

Наше ожидание в этой обстановке было бы весьма унылым, если бы не некоторое возбуждение, которое нас поддерживало, и уверенность моего друга в том, что теперь мы подошли к самой развязке странного сцепления событий, привлечшего наше внимание.

– Если девятидневный срок будет соблюден и на этот раз, то сегодня мы застанем профессора в его самом худшем состоянии, – заметил Холмс. – Тот факт, что его странности начались непосредственно после путешествия в Прагу, что он находится в загадочных сношениях с чехом-торговцем, проживающим в Лондоне, и что, наконец, как раз сегодня он получил от него какую-то посылку, все указывает в одном направлении. Что именно за лекарство, и почему он его принимает, остается пока вне нашего понимания, но какая-то связь этого с Прагой очевидна. Он принимает его, согласно каким-то вполне определенным предписаниям, систематически, с девятидневными промежутками, что сразу и бросилось мне в глаза. Но симптомы совершенно необычайны. Вы обратили внимание на суставы его пальцев?

Я должен был сознаться, что ничего не заметил.

– Толстые и затвердевшие, как роговая масса, чего я никогда еще не встречал раньше. Взгляните, прежде всего, на его руки, Ватсон. Затем на его колени, на его сапоги. Такие удивительные суставы можно объяснить его способом ходьбы, замеченным нашим... – Холмс приостановился и вдруг хлопнул себя по лбу. – О, Ватсон, Ватсон, как я был глуп! Невероятно, но все это так! Все сходится в одном направлении. Как я мог упустить из виду связь идей! А эти суставы? Как я мог пройти мимо них! А собака! А плющ у окна! Это в то время, когда я забылся в моих грезах. Взгляните, Ватсон, взгляните! Вот и он сам! Теперь мы будем иметь случай убедиться.

Дверь медленно отворилась, и на фоне слабого светового пятна мы увидели высокую фигуру профессора. На нем был его домашний костюм. Он стоял на пороге, слегка нагнувшись, с висящими впереди руками, как тогда, когда мы его видели издалека в последний раз.

Он сделал несколько шагов вперед, и вдруг произошло совершенно необычайное превращение. Он опустился на четвереньки и в таком положении стал быстро двигаться, подпрыгивая, как будто от избытка энергии и жизненной силы. Так он прошелся вдоль всего фасада и скрылся за углом. Вслед за этим из двери выскочил Беннет и, крадучись, последовал за ним.

– Идем, Ватсон, идем! – торопил меня Холмс, и мы стали, как можно тише, пробираться сквозь кусты, пока не остановились в виду противоположной стороны дома, ярко освещенной луною.

Профессор, все еще на четвереньках, двигался вдоль стены, покрытой плющем. И вдруг с невероятным проворством, он начал взбираться вверх. Он прыгал с ветки на ветку, крепко и уверенно держась за них руками и ногами, и проделывая все это как будто без всякой определенной цели, а просто от радости существования и своей жизненной силы. Фалды его сюртука, развевавшиеся при каждом его движении, придавали ему вид чудовищной летучей мыши, прилепившейся к дому как большое темное пятно на стене, облитой лунным сиянием.

Наконец, это развлечение, видимо, его утомило, и он опять, с ветки на ветку, спустился на землю и в прежнем странном положении пополз по направлению к конюшне. Волкодав был снаружи и заливался отчаянным лаем, придя в полное неистовство, лишь только увидел своего хозяина. Он рвал свою цепь, метался и дрожал от бессильной злобы, меж тем, как профессор преднамеренно дополз почти до него и стал всякими способами его дразнить. Он поднимал камешки с дороги и бросал их горстями в раскрытую пасть собаки, тыкая в нее поднятой с земли палкой, махал рукою перед самой мордой, стараясь усилить злобу животного, превосходящую всякие границы.

Во всех наших приключениях я еще ни разу не видел более странного зрелища, чем то, которое представляла эта невозмутимая и все еще не лишенная некоторого достоинства фигура, скорчившаяся наподобие лягушки, фигура великого ученого, с расчетливой изобретательной жестокостью занимавшегося доведением прыгавшей перед ним собаки до высших пределов ярости и отчаяния.

И затем все произошло в один миг! Цепь не оборвалась, но ошейник, сделанный для более толстой шеи ньюфаундленда, внезапно соскользнул через голову волкодава. Мы услышали звон падающего железа, и в тот же момент собака и человек покатались по земле, одна – с торжествующим яростным рычанием, другой – с тонким пронзительным криком ужаса.

Жизнь профессора висела на волоске. Взбешенное животное глубоко вонзило клыки в его горло, и он уже был без сознания, когда мы подоспели и растащили их друг от друга. Эта задача и для нас была бы небезопасна, если бы не голос Беннета и его прикосновение, сразу же умирившие ярость громадного волкодава.

Кучер, разбуженный шумом, появился на пороге своей комнаты над конюшней с заспанным и недоумевающим видом. Потом, рассмотрев, в чем дело, он покачал головой.

– Ага, я этому не удивляюсь! Я видел это и раньше и знал, что собака расправится с ним рано или поздно.

Волкодав был заперт в сарай, а мы, общими силами перенесли профессора в комнату, где Беннет, имевший медицинский опыт, помог мне сделать перевязку. Острые зубы собаки прошили около самой сонной артерии, и кровоизлияние было очень значительным. Через полчаса непосредственная опасность миновала, я впрыснул моему пациенту морфия, и он погрузился в глубокий сон.

Тогда, и только тогда, мы получили возможность взглянуть друг на друга и обсудить положение.

– Я думаю, что следовало бы пригласить какого-нибудь первоклассного хирурга, – заметил я.

– Боже сохрани! – вскричал Беннет. – Пока еще этот скандал не вышел из пределов нашего дома, но если он получит огласку, его ничем не погасить. Подумайте только о положении профессора в университете, об его европейской известности, наконец, о чувствах его дочери!

– Совершенно верно, – сказал Холмс. – Я думаю, что мы вполне можем сохранить это между нами, но нужно предупредить раз и навсегда возможность повторения подобной истории. Теперь, когда у нас руки развязаны... Мистер Беннет, ключ с часовой цепочки! Макфэйль подежурит около больного и даст нам знать, если будет нужно. Посмотрим, что находится в таинственной шкатулке профессора.

Там было немного, но для нас вполне достаточно: один пустой флакон, другой почти полный, шприц для подкожного впрыскивания, несколько писем, написанных неряшливо и явно рукою иностранца. Знаки на конвертах указывали, что это были те самые письма, которые однажды нарушили порядок секретарской работы, и каждое из них носило подпись торговца-чеха с Коммерческой улицы. Но все они заключали в себе простые уведомления или об отправке профессору свежей бутылки снадобья, или о получении денег по счету.

Однако, среди них нашелся один конверт, надписанный более культурной рукою и снабженный австрийской маркой с почтовым штемпелем Праги.

– Вот наш главный материал! – вскричал Холмс, вытаскивая письмо.

«Уважаемый, коллега, со времени вашего визита я много раздумывал о вашем случае, и, хотя, при подобных обстоятельствах, у вас могут быть особые основания для продолжения курса, я, тем не менее, рекомендовал бы

вам осторожность, так как результаты моих работ показали, что он не лишен некоторой опасности.

Возможно, что сыворотка от одной из антропоидных обезьян была бы лучше. Как я вам уже объяснял раньше, мне пришлось воспользоваться черным лангуром, экземпляр которого был мне доступен. Лангур, конечно, более принадлежит к числу четвероногих и лазающих животных, чем антропоид, который ходит прямо и во всех отношениях к нам ближе.

Очень прошу вас принять все возможные предосторожности во избежание преждевременной огласки действия препарата. У меня есть еще один клиент в Англии, и Дорак состоит моим агентом для вас обоих.

Чрезвычайно обяжете, если будете осведомлять еженедельно.

Уважающий вас Г. Лауэнштейн».

Лауэнштейн! Это имя сразу напомнило мне газетную заметку, гласившую о таинственных исследованиях в области омолаживания организмов и приготовления жизненного эликсира. Лауэнштейн из Праги! Изобретатель чудодейственной сыворотки, бойкотируемый ученым миром за отказ открыть ее секрет.

В нескольких словах я рассказал обо всем, что припомнил. Беннет снял с полки руководство по зоологии.

– «Лангур, – прочел он, – большая черная, обезьяна, живущая на склонах Гималайских гор, самая крупная и наиболее близкая к человеку из лазающих пород обезьян»... Далее идет подробное описание. Ну, мистер Холмс, благодаря вам, мы проследили зло до самого его источника.

– Действительный источник, – сказал Холмс, – надо искать, конечно, в этой запоздалой любви, которая внушила нашему пылкому профессору мысль, что для достижения своей цели ему необходима молодость. Тот, кто пытается восставать против природы, неизбежно падает вниз. Высший тип человека может превратиться в низшее животное, если он сойдет со своей прямой дороги. – Он помолчал немного, размышляя о чем-то и держа перед глазами флакон с прозрачной жидкостью. – Если бы я написал этому человеку, что я предаю его уголовной ответственности за тот яд, который он распространяет, мы бы не имели больше никаких волнений. Но это может повториться. Другие могут найти лучшие источники. В этом кроется настоящая опасность для всего человечества. Подумайте, Ватсон, что будет, если все низменное будет продолжать свою бесполезную жизнь? А высшее будет, по-прежнему, стремиться к высшему и умирать? В какое зловонное место превратится тогда наш бедный мир!

Но грезы исчезли, и Холмс, деятельный Холмс, вскочил со стула.

– Я думаю, что нам больше не о чем размышлять, мистер Беннет. Разнообразные случаи укладываются теперь легко в одну общую схему. Собака, конечно, раньше нас почувствовала перемену. Ее чутье не обмануло ее. Это была обезьяна, на которую нападал Рой, а отнюдь не профессор, так же, как не он, а обезьяна дразнила Роя у конюшни. Этому странному существу доставляло удовольствие лазать по стенам, и простая случайность привела его к окну молодой девушки. Ватсон, я думаю, мы еще успеем выпить по чашке чая в нашей гостинице до отхода поезда...

Тайна «Львиной гривы»

В высшей степени странно, что именно тогда, когда я отошел от дел, мне представилась задача, не менее необычайная и таинственная, чем те, которые мне приходилось разрешать за свою долгую профессиональную деятельность. И притом все произошло, можно сказать, у самых моих дверей.

Я только что переселился в мой домик в Суссексе и предался укрепляющей жизни на лоне природы, о которой долгие годы мечтал среди туманов Лондона. В этот период моей жизни дорогой мой Ватсон почти совсем исчез с моего горизонта. Он только изредка приезжал ко мне провести воскресный день. Поэтому я должен сделаться сам своим собственным хроникером. Ах, если бы он был со мной, что бы он сделал из такого удивительного происшествия и из моего случайного торжества над всеми затруднениями! Теперь же я должен сам, бесхитростными простыми словами, рассказать эту историю и отметить каждый мой шаг на трудном пути, который лежал передо мной, когда я пытался разгадать тайну «Львиной гривы».

Моя вилла расположена на южных склонах дюн, с которых открывается широкий вид на море. В этой части береговая линия состоит почти из одних меловых скал, с которых можно спуститься по одной только длинной, извилистой тропинке, крутой и скользкой.

Внизу тропинки на сотню ярдов тянется покрытый гальками берег, который не залива-ется даже приливом. Но в разных местах есть изгибы берега и заливчики, великолепные бас-сейны для купанья, наполняющиеся свежей водой после каждого прилива. Этот прекрасный берег тянется на несколько миль в обе стороны и прерывается только в одном месте маленькой бухточкой, где расположена деревня Фулверс.

Мой дом стоит одиноко. Мне, моей старой экономке и моим пчелам – нам одним при-надлежит вся усадьба. Но в полумиле расстояния находится учебное заведение Гарольда Сток-херста, прозванное из-за своей крыши «Коньками». Это – школа, где молодые люди под руководством нескольких учителей готовятся к различным профессиям. Мы с Стокхерстом подружились со дня моего приезда, и у нас установились такие отношения, что мы без преду-преждения могли по вечерам заходить друг к другу.

В конце июля 1925 года поднялась сильная буря. Море гнало волны к самым скалам и оставляло при отливе целые озера на берегу. Наутро того дня, о котором я говорю, ветер утих, и вся природа точно заново вымылась и освежилась. В такой прекрасный день невозможно было работать, и я вышел побродить перед завтраком, чтобы насладиться чудным воздухом. Я шел по скалистой тропинке, ведущей к крутому спуску к берегу. За моей спиной кто-то окликнул меня, и я увидел Гарольда Стокхерста, приветливо махавшего мне рукой.

– Что за утро, мистер Холмс! Я был уверен, что встречу вас на прогулке.

– Я вижу, вы идете купаться.

– Вы опять за старую привычку, – засмеялся тот, похлопывая себя по оттопырившемуся карману. – Да, Макферсон вышел рано, и я надеюсь застать его там.

Фитцрой Макферсон был преподаватель истории искусств. Он был атлет по природе и отличался во всех играх, не требовавших особого напряжения. Жизнь ему отравляла сердечная болезнь, как следствие ревматизма. Но и лето, и зиму он купался, и я, сам пловец, составлял ему часто компанию.

В это мгновение мы увидели самого Макферсона. Его голова показалась над скалой в том месте, где кончалась тропинка. Потом наверху вырисовалась и вся его фигура. Он качался, как пьяный. В следующее мгновение он взмахнул руками и с ужасным криком упал ничком.

Мы со Стокхерстом бросились к нему – он лежал в каких-нибудь пятидесяти ярдах от нас – и повернули его на спину. Было совершенно очевидно, что он умирал. Глаза его стали стеклянными, а щеки мертвенно-бледными. На мгновение лицо его ожило, и он произнес два или три слова, точно желая нас предостеречь. Слова были неясны, но я уловил последние, вырвавшиеся криком с его губ:

– ...Львиная грива!

Это были совершенно бессмысленные, непонятные слова, но я услышал именно их. Макферсон приподнялся, взмахнул руками и упал на бок. Он умер.

Мой спутник онемел от неожиданности и ужаса. Но я, конечно, был уже весь настороже: перед нами был какой-то необыкновенный случай.

Макферсон был одет только в пальто, брюки и не зашнурованные полотняные туфли. Когда он упал, пальто, накинутое им на плечи, соскользнуло и обнаружило его спину. Мы были поражены. Вся спина его была покрыта темно-красными полосами, точно его исполосовали проволоочной плетью. Орудие, которым производили эту экзекуцию, очевидно, было гибким, так как ребра и плечи Макферсона были охвачены длинными, извивающимися полосами. С подбородка его текла кровь. В мучительной агонии он прокусил нижнюю губу. Его искаженное лицо говорило, что агония эта была ужасна.

Я встал на колени, а Стокхерст стоял возле меня, когда на нас упала тень, и мы увидели возле нас Яна Мурдоха. Это был математик учебного заведения Стокхерста, высокий худощавый брюнет, такого сдержанного и мрачного характера, что никто не мог назвать себя его другом. Казалось, что он жил в каких-то абстрактных областях, далеких от жизни. Ученики смотрели на него, как на оригинала, и он стал бы для них мишенью насмешек, если бы в нем не текла какая-то чужеземная кровь, проявлявшаяся не только в его смуглом лице и черных глазах, но и в странных вспышках, когда он становился положительно свиреп. Как-то раз ему надоела собачка Макферсона. Он схватил ее и выбросил в окно. За такой поступок Стокхерст, конечно, мог дать ему отставку, но он был очень ценным преподавателем, и это спасло его. Таков был странный человек, появившийся возле нас. Он казался искренно пораженным несчастным случаем, хотя по происшествию с собачкой можно было судить, что между ним и умершим не было особой симпатии.

– Бедняга! Чем бы я мог помочь ему?

– Вы были с ним? Можете вы рассказать, что произошло?

– Нет. Я опоздал сегодня утром. Я еще не был на берегу. Я шел сюда прямо из «Коньков».

Чем бы я мог помочь?

– Вы можете поспешить в полицию в Фулверсе. Надо сейчас же сообщить о происшедшем.

Он, не говоря ни слова, побежал в деревню, а я тотчас же взялся за дело, пока растерянный Стокхерст оставался возле трупа. Первой моей задачей было отметить, кто находился на берегу. С высоты тропинки я мог видеть весь берег: он был совершенно пуст, если не считать две-три темные фигуры, двигавшиеся вдали к деревне Фулверс. Удовлетворившись в этом отношении, я медленно пошел вниз по тропинке. С мелом была смешана глина, и там и сям я видел одни и те же следы, опускавшиеся и поднимающиеся. Этим путем никто больше не спускался сегодня к морю. В одном месте я заметил отпечаток растопыренной ладони. Это могло только означать, что бедный Макферсон упал, поднимаясь по тропинке. Были и круглые следы, указывавшие на то, что он не раз падал на колени. Внизу тропинки было порядочное озеро, образованное отливом. У этого озера Макферсон разделся, потому что там лежало на скале его полотенце. Оно было сложено и сухо, так что можно было думать, что он и не входил в воду. Пару раз я нашел на песке среди гальки отпечатки его туфель, а также голых ног. Этот последний факт указывал на то, что Макферсон приготовился к купанью, а полотенце свидетельствовало, что он не успел искупаться.

Передо мной была задача не менее таинственная, чем любая из встречавшихся мне прежде.

Макферсон пробыл на берегу не больше четверти часа. Он разделся и собрался купаться. Потом вдруг кое-как накинул на себя платье, – все на нем было расстегнуто, – и побежал назад, не искупавшись или, во всяком случае, не вытерся полотенцем. Причиной же этого было то, что на него напали диким бесчеловечным способом, терзали, пока он не прокусил от страданий

губу, и бросили затем полутрупом, едва имевшим силы уползти и умереть. Кто совершил это варварское преступление? На берегу были, конечно, гроты в скалах, но солнце ярко освещало их, и в них негде было скрыться. Были еще и те отдаленные фигуры на берегу, но они казались слишком отдаленными, чтобы иметь что-нибудь общее с только что совершенным преступлением. Между ними и Макферсоном лежало озеро, подходившее к самым скалам. Невдалеке на море виднелись две-три рыбацьи лодки. Мы могли опросить рыбаков. Было несколько путей для следствия, но ни один из них не вел к верной цели.

Когда я вернулся к телу Макферсона, там уже собралась небольшая группа зевак. Стокхерст все еще был там, пришел и Ян Мэрдок, которого сопровождал Андерсон, сельский констебль. Это был большой, внушительного вида человек, скрывавший под молчаливой внешностью разумную голову. Он все выслушал, все записал и, наконец, отозвал меня в сторону.

– Я рад буду вашему совету, мистер Холмс. Это серьезная история, и мне здорово нагорит от начальства, если я не справлюсь с ней.

Я посоветовал ему послать за его непосредственным начальником и за доктором. Кроме того, я сказал, чтобы он не позволял ничего трогать на месте несчастного случая, и чтобы не оставлять свежих следов. В то же время я осмотрел карманы погибшего. Там был его носовой платок, перочинный нож и маленький бумажник. Из него выглядывал листок бумаги, который я развернул и передал полицейскому чиновнику. На нем было нацарапано женской рукой:

«Я буду там, можешь быть уверен. Модии».

Это было похоже на любовное свидание, но когда и где – оставалось неизвестным. Констебль положил записку в бумажник, а затем и все остальные вещи в карман пальто. Я не находил больше ничего достойным внимания и решил вернуться домой позавтракать.

Приблизительно через час ко мне зашел Стокхерст и сообщил, что тело Макферсона перенесли в «Коньки», где будет вестись следствие. Он принес с собой и кое-какие серьезные новости. Он нашел в столе Макферсона некоторые бумаги, говорившие о его интимной переписке с некоей мисс Беллами из Фулверса.

– Письма я не мог взять с собою, – сказал Стокхерст, – но нет сомнения, что тут была серьезная любовная история. Я не вижу только, что тут общего с этим ужасным случаем.

– Да, я не думаю, чтобы ему назначали запиской свидание на берегу, где все мы, обыкновенно, купаемся, – заметил я.

– По странному случаю, – сказал Стокхерст, – никто из учеников не был с Макферсоном.

– Случайно ли это?

Стокхерст нахмурил лоб.

– Ян Мэрдок задержал их, – сказал он. – Он настоял на занятиях по алгебре перед завтраком. Бедняга страшно подавлен этим.

– Но мне кажется, что они не были друзьями?

– Одно время – нет. Но уже с год Мэрдок настолько сблизился с Макферсоном, насколько он вообще способен близко с кем-нибудь сойтись. Он ведь не очень общителен.

– Я это знаю. Помните, вы рассказывали мне про какую-то историю с собачкой?

– Это кончилось вполне миролюбиво.

– Но, быть может, оставило какие-нибудь враждебные чувства?

– Нет-нет. Я уверен, что они были искренние друзья.

– Тогда нам нужно исследовать, как обстоят дела с этой девушкой. Вы ее знаете?

– Ее все знают. Она местная красавица – настоящая красавица, Холмс, которая везде обратила бы на себя внимание.

Я знал, что Макферсон увлекался ею, но я и не подозревал, что дело зашло так далеко.

– Но кто же она?

– Она дочь старого Тома Беллами, которому принадлежат все лодки и купальные кабинки в Фулверсе. В былые времена он был рыбаком, теперь же он человек с весом. Он ведет дело вместе со своим сыном Вильямом.

– Не пойти ли нам к ним в Фулверс?

– Под каким предлогом?

– О, мы легко найдем предлог. У бедного Макферсона был ограниченный круг знакомых. Проследим по всем направлениям, и мы, в конце концов, нападём на верный путь.

Дорога по дюнам, благоухавшим тмином, была бы очень приятной, если бы наши мысли не отравляла происшедшая трагедия.

Деревня Фулверс расположена полукругом по заливу. Позади старых хижин в гору поднимались новые дома. К одному из них меня и повел Стокхерст.

– Вот «Гавань», как называет свой дом Беллами. Вон тот, с башней на углу и черепичной крышей. Не плохо для человека, начавшего с... Взгляните-ка! Это что ещё такое?

Ворота «Гавани» раскрылись, и из сада вышел человек. Нельзя было не узнать высокую угловатую фигуру Яна Мэрдока. Минуту спустя мы встретились с ним на дороге.

– А, это вы! – воскликнул Стокхерст.

Ян Мэрдок кивнул головой, искоса посмотрел на нас своими странными темными глазами и прошел бы мимо, если бы директор не остановил его.

– Что вы там делали? – спросил он Яна.

Лицо Мэрдока покраснело от раздражения.

– Я подчинен вам в вашей школе, сэр. Но я не нахожу нужным отдавать вам отчет в своих личных делах.

После всего пережитого нервы Стокхерста были напряжены. Иначе он, может быть, воздержался бы. Но тут он окончательно потерял самообладание.

– При настоящих обстоятельствах ваш ответ является дерзостью, мистер Мердок.

– Ваш собственный вопрос можно было бы счесть тем же самым.

– Я не впервые наталкиваюсь на ваше непочтительное отношение. И этот раз будет последним. Вы потрудитесь как можно скорее найти себе новые занятия на будущее.

– Я уже намеревался это сделать. Сегодня я потерял единственного человека, который делал для меня возможной жизнь в «Коньках».

Он пошел своей дорогой, а Стокхерст смотрел ему вслед рассерженным взглядом.
— Что за невозможный, невыносимый человек! — воскликнул он.

На меня произвело сильное впечатление, что Ян Мэрдок воспользовался первым случаем, чтобы исчезнуть с места преступления. Неясное туманное подозрение начинало принимать в моей голове более определенные формы. Может быть, посещение семьи Беллами бросит луч света на события. Стокхерст взял себя в руки, и мы подошли к дому.

Мистер Беллами оказался человеком средних лет с огненно-красной бородой. Он был в очень раздраженном состоянии духа, и лицо его скоро сделалось таким же красным, как волосы.

– Нет, сэр, я не желаю слушать никаких подробностей. Мой сын, – он указал на крепко сколоченного молодого человека с упрямым неприветливым лицом, – такого же мнения, как и я, что внимание мистера Макферсона к Мод было оскорбительно. Да, сэр, слово «брак» никогда не произносилось, и все-таки были письма, свидания и многое другое, чего мы не могли одобрять. У нее нет матери, и мы ее единственные заступники. Мы решили...

Но слова его были прерваны появлением самой Мод. Не было сомнения, что эта девушка украсила бы собой любое общество. Кто бы подумал, что такой редкий цветок вырос от такого корня и под такой крышей? Женщины меня редко увлекали. Мой разум всегда главенствовал над сердцем. Но, глядя на ее правильные черты лица, на нежную свежесть ее кожи, я понял, что ни один молодой человек не смог бы остаться равнодушным при встрече с ней.

Такова была девушка, стоявшая теперь перед Гарольдом Стокхерстом.

– Я уже знаю, что Фитцрой умер, – сказала она. – Не бойтесь рассказать мне подробности.

– Нет никаких оснований вмешивать мою сестру в это дело, – проворчал молодой Беллами.

Сестра окинула его угрожающим строгим взглядом.

– Это мое дело, Вильям. Будь добр, не вмешивайся. По всем сведениям, тут совершено преступление. Если я могу помочь найти убийцу, это самое меньшее, что я могу сделать для умершего.

Она выслушала короткий рассказ моего спутника с таким спокойным вниманием, что я понял, что вместе с красотой она обладает и сильным характером. Она, очевидно, уже знала меня потому, что под конец обратилась ко мне.

– Приведите преступников к ответу, мистер Холмс, – сказала она. – Вся моя симпатия и помощь на вашей стороне, кто бы они ни были.

Мне показалось, что она с вызовом взглянула на отца и брата.

– Благодарю вас, – сказал я. – Но вы говорите – «они». Вы думаете, что тут замешан больше, чем один человек?

– Я хорошо знала мистера Макферсона и знаю, что он был смелым и сильным. Один человек не мог бы так легко расправиться с ним.

– Не могу ли я поговорить с вами наедине?

– Говорю же тебе, Мод, не вмешивайся ты в это дело! – сердито крикнул отец.

– Как же мне быть? – Она беспомощно взглянула на меня.

– Весь мир скоро узнает эту историю. Значит, не может быть ничего плохого в том, что мы публично обсуждаем здесь факты, – сказал я. – Если ваш отец не желает, чтобы мы говорили наедине, мне придется покориться этому.

Я упомянул про записку, найденную в кармане умершего.

– Я не вижу тут никакой тайны, – сказала девушка. – Мы были обручены, но держали это в секрете, так как боялись, что дряхлый дядя Фитцроя лишит его перед смертью наследства. Других причин не было.

– Ты могла бы сообщить нам, – пробурчал Беллами.

– Я бы и сделала это, отец, если бы ты когда-нибудь выражал нам симпатию.

– Я против того, чтобы дочь моя имела что-нибудь общее с мужчинами другого круга.

– Мы не говорили тебе про наши отношения потому, что ты был предубежден против него. Записочка же была ответом на это...

Она вынула из кармана смятый листок бумаги.

«Дорогая, – гласило письмо, – в пятницу, на старом месте на берегу. Я только в это время могу освободиться. *Ф. М.*»

– Пятница – сегодня, и мы должны были встретиться сегодня вечером.

– Но эта записка, конечно, была получена вами не по почте. Как вы ее получили?

– Я бы не хотела отвечать на этот вопрос. Это совсем не касается совершенного преступления. На все, что нужно, я отвечу тотчас же.

Она, действительно, отвечала на все вопросы, но это нам ничего не разъяснило. Она не допускала мысли, что у ее жениха были тайные враги, однако признала, что пламенных поклонников у нее было несколько.

– Разрешите спросить, не был ли мистер Ян Мэрдок врагом Макферсона? – задал я вопрос.

Она покраснела.

– Одно время я так думала. Но все изменилось, когда он понял, какие отношения между Фитцроем и мною.

Снова стала сгущаться тень, окружавшая в моих глазах этого странного человека. Необходимо обыскать его комнаты. Стокхерст охотно согласился помогать мне, так как и у него возникли сомнения. Мы вернулись домой с надеждой, что один конец нити этой трагедии уже в наших руках.

Прошла неделя. Следствие не бросило на дело и луча света. Стокхерст секретно навел справки о своем подчиненном, после чего был произведен обыск в его комнатах, но безрезультатно. Даже мое воображение отказывалось найти разгадку тайны,

Но тут произошел случай с собакой.

Первой услышала про него моя старая экономка по тому удивительному беспроволочному телеграфу, который сообщает новости деревенским жителям.

– Какая грустная история с собакой мистера Макферсона, сэр, – сказала она мне как-то раз вечером.

– Что это за история?

– Собачка подохла, сэр. Подохла с тоски по хозяину.

– Кто вам это сказал?

– Да об этом все говорят, сэр. Она всю неделю ничего не хотела есть. А сегодня двое молодых людей из «Коньков» нашли ее мертвой. И на том самом месте, где умер ее хозяин.

«На том самом месте». Эти слова произвели на меня сильное впечатление. Что-то подсказывало мне, что этот случай имеет большое значение. Почему пустынный берег стал роковым и для собаки? Возможно ли, что и она пала жертвой какой-то мести?

Несколько минут спустя я уже шел по дороге к «Конькам», где попросил Стокхерста дать мне возможность переговорить со студентами, видевшими труп собаки.

– Да, собака лежала на самом берегу, – сказал один из них. – Она, должно быть, искала след своего хозяина.

Я осмотрел труп маленького преданного эрдельтерьера, лежавший на подстилке в холле. Он одеревенел, застыл, глаза были выпучены, конечности скрючены. Весь его облик выдавал страшную муку, перенесённую в последние мгновения жизни.

Из «Коньков» я отправился на берег. Солнце зашло, и черная тень скалы падала на воду. Место было пустынное, и оживляли его только две чайки, с криками кружившиеся над головой. Я задумчиво стоял у воды, а сумрак все сгущался. Голова моя была полна разнообразных мыслей. Наконец, я повернулся и пошел домой.

Я поднялся по тропинке вверх, когда меня вдруг осенило.

Пришедшая мне в голову мысль была невероятна, и все же тут могла быть истина.

В моем домике есть большой чулан, полный книг. Я засел в нем на целый час. К концу этого времени я вышел с маленькой книгой в коричневом с серебром переплете, нетерпеливо переворачивая листы и отыскивая то, что меня интересовало. Я лег спать поздно, с нетерпением ожидая завтрашнего дня;

Но моей работе встретила неприятная помеха. Не успел я напиться кофе, как мне нанес визит инспектор суссекской полиции. Это был солидный уравновешенный человек с задумчивыми глазами, которые смотрели на меня теперь с некоторым смущением.

– Я знаю ваш огромный опыт, сэр, и пришел к вам совершенно частным образом. Дело в том, нужно ли произвести арест или нет?

– Вы подразумеваете мистера Яна Мэрдока?

– Да, сэр. Больше не на кого думать. Кто же, если не он?

– Какие у вас улики?

Он шел по тому же пути, что и я. Характер Мэрдока внушал подозрения. Кроме того, он мог ревновать Макферсона к мисс Беллами и ссорился в прошлом с Макферсоном.

– Каково будет мое положение, если я дам ему скрыться? – Флегматичный человек переживал большое смущение.

– Проследите, – сказал я ему, – какие ошибки могут быть в ваших подозрениях. Утром в день преступления Мэрдок был со своими учениками. Кроме того, он один не мог так запросто расправиться с сильным Макферсоном. Наконец, представляется неясным вопрос, каким орудием было совершено преступление.

– Это могла быть только какая-то плеть.

– Вы рассмотрели раны? – спросил я.

– Мы оба с доктором видели их.

– А вы не обратили внимания на некоторые их особенности?

– Какие, мистер Холмс?

Я вынул из своего бюро увеличенную фотографию.

– Вот рассмотрим эту полосу, охватывающую плечо Макферсона.

– Я не вижу ничего особенного.

– Нет сомнения, что полоса эта не везде ровная. Вот тут и тут выступают капельки крови, как от укола. Такие же капельки выступают и на другой полосе.

– Что же это значит?

– У меня есть свои соображения, но я буду молчать до поры до времени, пока у нас не будет более серьезных оснований для обсуждения.

– Когда же это будет?

– Через час, а может быть и скорее.

– Не имеете ли вы в виду мистера Беллами и его сына?

– Нет-нет, я ничего не скажу, пока у меня не будет все подготовлено, – сказал я улыбаясь. – Может быть, вы придете ко мне в полдень?..

Слова мои были прерваны, и этим было положено начало концу всего следствия. Дверь моя распахнулась настежь, в коридоре послышались спотыкающиеся шаги, и в комнату вбежал бледный растрепанный Мэрдок. Одежда его была в беспорядке, он хватался руками за мебель и кричал:

– Виски, виски!

Потом он со стоном упал на диван.

Следом за ним, задыхаясь, вбежал Стокхерст. Он был почти так же растрепан, как и Мэрдок.

– Да-да, виски! – крикнул он. – Мэрдок умирает. Я едва его дотащил сюда. Он дорогой два раза падал в обморок.

Спиртное произвело чудесное действие. Мэрдок приподнялся и сорвал с плеч пальто.

– Умоляю, дайте морфия или опиума! – закричал он. – Дайте чего-нибудь, что избавит меня от этих адских мук.

Мы с инспектором невольно вскрикнули. На обнаженных плечах Мэрдок были те же огненные полосы, которые отпечатались и на спине Макферсона.

Боль была, очевидно, ужасна. Мэрдок по временам переставал дышать, лицо его чернело. Он мог умереть каждую минуту. Ему вливали в рот водку еще и еще, и приложили к плечам компрессы с оливковым маслом. Голова его, наконец, тяжело опустилась на подушку. Это был полусон-полуобморок, но он все же облегчал его страдания.

– Где вы нашли его? – спросил я Стокхерста.

– На берегу. На том же самом месте, где умер Макферсон. До «Коньков» было далеко, и я привел его к вам.

– Вы видели его у воды?

– Да, он шатался из стороны в сторону, как пьяный. Я побежал вниз, накинул на него пальто и кое-как дотащил сюда.

– Я думаю, что мы, наконец, напали на убийцу. Идемте, Стокхерст, и вы тоже, инспектор.

Оставив несчастного Мэрдока на попечении экономки, мы втроем отправились на берег моря. На камнях лежала одежда Мэрдока. Я медленно пошел по берегу, а мои спутники гуськом следовали за мной. У берега было совсем мелко, но у скалы – фута четыре глубины. Конечно, сюда должен был направиться пловец. У подножия скалы висела тропинка, и я пошел по ней, внимательно заглядывая в кристально-прозрачную глубину. Я дошел до самого глубокого и тихого места заливчика, когда увидел то, что искали мои глаза.

– Цианея! – воскликнул я. – Цианея! Смотрите на «Львиную гриву».⁵⁶

Странный предмет, на который я указывал, был действительно похож на спутанный пучок волос, вырванный из львиной гривы. Он лежал на выступе скалы фута на три под водой. Это было странное, развевающееся, волосатое существо с серебряными нитями в желтых космах. Оно пульсировало медленным и тяжелым сжиманием и разжиманием.

– Оно причинило достаточно вреда, – крикнул я. – Дни его кончены. Помогите мне расчитать с убийцей.

На самом краю тропинки лежал большой камень. Мы столкнули его в воду и, когда поверхность воды успокоилась, мы увидели, что камень упал на выступ внизу. Желтые щупальца, торчавшие из-под камня, указывали на то, что наша жертва под ним. Маслянистая густая жидкость выдавилась из-под камня и медленно поднялась на поверхность, мутя воду.

– Что это такое, мистер Холмс? – спросил инспектор. – Я местный уроженец, но никогда не видал здесь ничего подобного.

– Юго-западный шторм занес сюда это чудовище. Пойдемте ко мне домой, и я познакомлю вас с ужасными переживаниями человека, имеющего основания помнить встречу с таким же ужасом морей.

– Когда мы вернулись домой, Мэрдок уже сидел в кресле. Но по временам от боли его сводили судороги. Он сказал нам, что не имеет понятия, что с ним случилось. Купаясь, он вдруг испытал невыносимые муки и бросился из воды на берег.

– Вот книга, – сказал я, – которая внесла свет в то, что навеки могло остаться во мраке. Это – «Встречи на суше и на море» знаменитого Дж. Вуда. Автор сам едва не погиб от встречи с отвратительным существом – *Syanea capillata*. Это чудовище не менее опасно, чем кобра, но причиняет гораздо более мучительную смерть. Вот вкратце, что пишет автор книги: «Если пловец увидит круглую массу, похожую на спутанную львиную гриву, с вплетенными полосками серебряной бумаги, то пусть он остерегается – это страшная *Syanea capillata*». Вуд говорит, что всякий, находящийся не дальше пятидесяти футов от смертоносного морского чудовища, рискует жизнью. Даже на расстоянии Вуд испытал ужасную силу его. Множество нитей оставили на коже тонкие багровые линии, которые при ближайшем рассмотрении оказались

⁵⁶ *Syanea capillata* (волосатая цианея) – самая большая медуза в мире. Ее размеры колеблются от 75 сантиметров до 2 метров. На внешней поверхности толстого «диска» расположены пучками чрезвычайно длинные щупальца, достигающие в длину 14 метров. В парящем состоянии в воде цианея напоминает львиную гриву. Очень ядовита. Ее ожог представляет опасность для человека.

усеянными кровавыми точками. В каждой такой точке была точно раскаленная иголка, жалящая нерв. Местная боль все же была, по его словам, наименьшим страданием. Страшная боль пронизала ему грудь, и он упал точно подкошенный пулей. Пульс остановился, и сердце сделало несколько таких скачков, точно хотело выскочить из груди. Это чуть не убило его, хотя он и повстречался с чудищем в волнующемся океане, а не в тесных водах тихого заливчика. Вуд рассказывает, что с трудом узнавал себя потом. Лицо его было искажено и совершенно бескровно. Он опорожнил целую бутылку виски, и это спасло его. Вот книга, инспектор. Вы не станете сомневаться, что она разъясняет трагедию бедного Макферсона.

– И оправдывает меня, – с измученной улыбкой сказал Мэрдок. – Я никого не осуждаю, но чувствую, что меня спасло от ареста только то, что я разделил участь своего друга.

– Нет, мистер Мэрдок, – сказал я. – Я уже напал на следы настоящего убийцы и спас бы вас от испытанных вами страданий, если бы вышел раньше из дому.

– Но как же вы узнали, мистер Холмс?

– Я очень люблю читать, и у меня удивительная память на мелочи. Я все раздумывал над словами «львиная грива». Я помнил, что где-то слышал нечто подобное. Как видите, слова «львиная грива» характеризуют ужасное морское чудовище. Я не сомневаюсь, что оно плыло в воде, когда Макферсон увидел его, и он только этими словами успел предупредить нас о том, что убило его.

– Так как я, во всяком случае, оправдан, – сказал Мэрдок, медленно вставая, – то я хочу дать вам некоторые пояснения, ибо знаю, по какому направлению велось следствие. Это правда, что я любил мисс Беллами, но с того дня, как она избрала Макферсона, моим желанием было помочь их счастью. Я довольствовался ролью посредника между ними. Я часто носил ей от него записки и поторопился сам сообщить ей о смерти Макферсона, чтобы другой не сделал это более грубо. Она не хотела вам говорить про наши отношения, боясь как-нибудь повредить мне. Теперь я должен с вашей помощью вернуться в «Коньки» и лечь в постель.

Стокхерст протянул ему руку.

– Простите меня, Мэрдок. Надеюсь, впредь мы лучше будем понимать друг друга.

Они вышли, дружески взявшись под руку. Инспектор остался со мной и молча смотрел на меня своими воловьими глазами.

– Я читал про вас, – воскликнул он, – но никогда не верил! Вы удивительный человек!

Я отрицательно покачал головой.

– Нет, инспектор, я был преступно медлителен в этом деле. Если бы труп нашли в воде, я бы скорее открыл истину. Меня смутило полотенце. Бедняга не мог и думать о вытирании, а я решил, что он не купался. Поэтому мне и не пришло в голову нападение какого-нибудь морского животного. Вот где была ошибка. Что ж, инспектор, я частенько смеялся над вами, полицейскими, а теперь волосатая медуза чуть не отомстила за вас.

Старый фабрикант красок

В это утро Шерлок Холмс был в меланхолическом и философском настроении. Его живой деятельной натуре была свойственна такая реакция.

– Видели вы его? – спросил он.

– Вы говорите про этого старика, который только что вышел от вас?

– Именно.

– Да, я встретил его у дверей.

– Что вы о нем подумали?

– Жалкое, ничтожное, разбитое существо!

– Вы правы, Ватсон. Жалкое и ничтожное. Но не все ли в жизни жалко и ничтожно? Не есть ли его история микрокосмос всего? Мы достигаем цели. Мы ловим успех. А что, в конце концов, остается в наших руках? Тень. Или хуже тени – страдание.

– Он один из ваших клиентов?

– Да, мне кажется, что я могу его так назвать. Его прислали ко мне из Скотланд-Ярда. Точно так, как врачи посылают своих неизлечимых пациентов к шарлатанам. Они рассуждают, что больше ничего не могут сделать, и чтобы ни случилось, пациенту не может стать хуже.

– В чем же тут дело?

Холмс взял со стола весьма грязную визитную карточку.

– Джошуа Эмберлей. Он говорит, что был младшим компаньоном фирмы Брикфоль и Эмберлей, фабрикантов художественных материалов. Вы можете увидеть их имена на ящиках с красками. Он составил себе капитал, вышел из дела в возрасте шестидесяти одного года, купил в Льюишеме дом и поселился на покое после жизни, полной забот. Казалось, что будущее его достаточно обеспечено.

– Без сомнения.

Холмс взглянул на заметки, нацарапанные им на обратной стороне конверта.

– Он вышел из дела в 1896 году, Ватсон. В начале 1897 года он женился на женщине, которая была моложе его на двадцать лет. Если фотография не льстит, эта женщина была хороша собою. Обеспеченная жизнь, жена, свобода и досуг – казалось, перед ним лежала ровная дорога. И, несмотря на это, он, как вы сами видели, через два года превратился в разбитого и несчастнейшего человека, который когда-либо ползал под солнцем.

– Но что же случилось?

– Старая история, Ватсон. Коварный друг и легкомысленная жена. Оказывается, что у Эмберлея есть одна страсть в жизни – игра в шахматы. Недалеко от него в Льюишеме живет доктор, тоже шахматист. Я записал его имя: доктор Рей Эрнест. Доктор часто бывал в доме у Эмберлея, и миссис Эмберлей была естественной причиной этого. Вы, конечно, должны согласиться, что наш несчастный клиент не отличается внешней привлекательностью, каковы бы ни были его внутренние качества. Парочка бежала на прошлой неделе – и неизвестно куда. В довершение всего, вероломная супруга унесла в качестве личного багажа ящик с бумагами старика. Там хранилась большая часть его сбережений. Можем ли мы найти эту особу? Можем ли мы спасти деньги? Самая обыкновенная задача, судя по ее развитию, но задача жизни для Джошуа Эмберлея.

– Что же вы предпримете?

– Да, главный вопрос, мой дорогой Ватсон, именно в этом: что вы предпримете, если будете так добры и замените меня? Вы знаете, что я занят делом двух коптских патриархов и мне, действительно, некогда ехать в Льюишем. А следствие на месте имеет особенное значение. Старик очень настаивал, чтобы я поехал, но я ему объяснил мои затруднения. Он готов встретить моего представителя.

– Откровенно говоря, – ответил я, – не вижу, как я могу здесь пригодиться, но я готов сделать все, что в моих силах.

Таким-то образом и случилось, что летним днем я выехал в Льюишем, мало думая о том, что через неделю вся Англия будет обсуждать дело, в которое я вмешался.

Был уже поздний вечер, когда я вернулся на Бейкер-стрит и дал отчет о своей поездке. Холмс лежал в глубоком кресле, вытянув свою сухошавую фигуру, из его трубки медленно поднимались кольца крепкого табаку. Веки его лениво прикрывали глаза. Можно было подумать, что он дремлет. Но в недоуменных местах моего рассказа веки поднимались наполовину, и острые, как рапиры, серые глаза пронизывали меня пытливым взглядом.

– Дом мистера Джошуа Эмберлея называется «Тихая пристань», – рассказывал я. – Думаю, что этот человек заинтересовал бы вас. Он похож на обнищавшего патриция, опустившегося до общества людей низшего состояния. Вы знаете особенности этого местечка: монотонные улицы с кирпичными домами, скучные пригородные дороги. Как раз в центре – этот старый дом, маленький островок былой культуры и комфорта, окруженный высокой каменной оградой, заросшей мхом...

– Бросьте поэзию, Ватсон, – строго сказал Холмс. – Я представляю себе, что это была высокая кирпичная стена.

– Совершенно верно. Я не узнал бы, который из домов здесь «Тихая пристань», если бы не спросил зеваку, курившего на улице. Это был высокий человек с большими усами и военной выправкой. Он сделал в ответ на мой вопрос знак головой и окинул меня вопросительным взглядом. Я только позднее вспомнил этот взгляд.

Не успел я войти в ворота, как увидел мистера Эмберлея, шедшего мне навстречу. Я видел его сегодня утром только мимоходом, и он, конечно, произвел на меня впечатление странного человека. Но при ярком свете он показался мне еще уродливее.

– Я, конечно, изучал его внешность, но мне интересно было бы услышать о ваших впечатлениях, – сказал Холмс.

– Он показался мне человеком, в буквальном смысле пришибленным несчастьем. Спина его была так сгорблена, точно он нес большую тяжесть. Но он не так слаб, как это мне показалось с первого взгляда. У него грудь и плечи гиганта, хотя туловище его и переходит в паучьи ноги.

– Левый башмак сморщенный, правый – гладкий.

– Этого я не заметил.

– Да, вы бы не заметили. Я увидел, что у него искусственная нога. Но продолжайте.

– Мне бросились в глаза выбивавшиеся из-под его старой соломенной шляпы змеистые завитки поседевших волос, глубокие морщины на лице и выражение одновременно злобное и вопросительное.

– Очень хорошо, Ватсон. Что он сказал?

– Он начал излияниями о своем горе. Мы вместе пошли к дому, и я, конечно, внимательно разглядывал все вокруг. Я никогда не видел более небрежного хозяйства. Весь сад зарос сорной травой, производя впечатление полной заброшенности, когда растениям давали пробиваться более естественным, чем искусственным путем. Не знаю, как могла приличная женщина выносить такое положение вещей. У дома был в высшей степени неряшливый вид, и бедный старик, видимо, сознавал это. Он старался привести его в порядок, так как посреди зала стояло большое ведро с зеленой краской. Он ввел меня в свое пыльное святое святых, и мы долго беседовали. Старик, конечно, был разочарован, что приехали не вы сами. «Я не смел надеяться, – сказал он, – что такой ничтожный человек, как я, особенно после моих тяжелых финансовых потерь, заслужит полное внимание такого знаменитого человека, как мистер Шерлок Холмс».

Я уверил его, что финансовый вопрос и не возникал. «Нет, конечно, тут искусство ради искусства, – сказал он, – но даже с артистической точки зрения он мог бы найти в этом преступлении материал для изучения. А человеческая натура, доктор Ватсон, – это черная неблагодарность! Отказывал ли я когда-нибудь в ее просьбах? Лелеял кто-нибудь женщину, как я? А этот молодой человек – я относился к нему как к собственному сыну! Он был хозяином в моем доме. И вы видите, как они поступили со мной. Ах, доктор Ватсон, как ужасен, как ужасен мир»!

Это было темой его причитаний в течение часа или дольше. Он, как кажется, не подозревал ни о какой интриге. Они жили одни, и к ним только каждое утро являлась служанка, уходившая затем в шесть часов вечера. В этот самый вечер старый Эмберлей хотел доставить своей жене развлечение и взял два билета на балконе в Хеймаркетском театре. В последнюю минуту она сослалась на головную боль и отказалась идти. Он пошел один. Сомнения в этом факте как будто не могло быть, так как он показал мне неиспользованный билет, взятый им для жены.

– Это замечательно, весьма замечательно, – сказал Холмс. Его интерес к делу, казалось, возростал. – Пожалуйста, продолжайте, Ватсон. Я нахожу ваш рассказ очень любопытным. Вы рассмотрели этот билет? Не заметили случайно номера?

– Да, я заметил, – ответил я с некоторой гордостью. – Это случайно был мой старый школьный номер – тридцать один, и поэтому застрял у меня в памяти,

– Великолепно, Ватсон. Его место, значит, тридцатое или тридцать второе?

– Совершенно верно, – ответил я заинтригованный, – и в ряду Б.

– Очень хорошо. Что он вам еще сказал?

– Он показал мне свою, как он назвал, несгораемую комнату. Это, действительно, несгораемая комната, точно в банке, с железной дверью и ставнями, вполне защищенная от воров, как он уверял. Оказалось, что у жены был второй ключ, и они унесли около семи тысяч фунтов, стерлингов в деньгах и ценных бумагах.

– В ценных бумагах? Как же они могли воспользоваться ими?

– Он сказал, что дал полиции список и надеется, что на продажу их будет наложен запрет. Около полуночи он вернулся домой и нашел дома разгром. Окна и двери были раскрыты, а беглецы исчезли. Они не оставили никаких писем, и он с тех пор ничего не слышал о них,

Холмс помолчал несколько минут.

– Вы говорите, что он красил. Но что он красил?

– Коридор, и уже покрасил дверь и рамы комнаты, о которой я вам говорил.

– Вам не кажется странным это занятие при таких обстоятельствах?

– Надо же делать что-нибудь, чтобы заглушить боль сердца. Это было его собственное объяснение. Конечно, это странно, но он, без сомнения, странный человек. Он в моем присутствии разорвал фотографию своей жены. Разорвал ее в порыве исступленной ярости. «Я не хочу видеть ее проклятого лица», – кричал он.

– Еще что-нибудь, Ватсон?

– Да, одна вещь поразила меня больше, чем все остальное. Я доехал до станции Блэкхис и попал там на нужный мне поезд. Когда поезд трогался, я увидел, как в соседний вагон вскочил человек. Вы знаете, Холмс, что я хорошо запоминаю лица. Это, без сомнения, был высокий черноволосый человек, к которому я обратился на улице. Я еще раз видел его у Лондонского моста и потом потерял его в толпе. Но я убежден, что он следил за мной.

– Несомненно! – сказал Холмс. – Высокий черноволосый человек, говорите вы, с пышными усами и в дымчатых очках?

– Холмс, вы колдун. Я не говорил этого, но на нем были дымчатые очки.

– И масонская булавка в галстuke?

– Холмс!

– Очень просто, дорогой мой Ватсон... Но вернемся к практической стороне дела. Должен сознаться вам, что случай, казавшийся мне простым до смешного и едва ли достойным моего внимания, очень быстро принимает совершенно иные очертания. Надо правду сказать, вы пропустили в данном поручении все важное, но даже и то, что было замечено вами, дает повод к серьезным подозрениям.

– Что же я пропустил?

– Не обижайтесь, мой дорогой. Вы знаете, что я совершенно беспристрастен. Никто не исполнил бы лучше моего поручения. Другие бы не сделали этого так хорошо, как вы. Но, все же, вы пропустили несколько важных пунктов. Каково мнение соседей об этом Эмберлее и его жене? Это, безусловно, очень важно. Что это за доктор Эрнст? Действительно ли он такой веселый парень, каким его себе представляешь? При ваших природных качествах, Ватсон, каждая дама будет вам помощницей и соучастницей. Что вы сказали бы про барышню в почтовом отделении или про жену зеленщика? Я представляю себе вас, болтающим о милых пустяках с молодой особой в «Синем Якорь», и получающим взамен нечто серьезное. Всего этого вы не проделали.

– Но это еще может быть сделано.

– Это было сделано. Благодаря телефону и помощи Скотланд-Ярда, я обычно могу получать нужные мне сведения, не выходя из этой комнаты. Наведенные мною справки подтверждают рассказ старика. Он пользуется в округе репутацией скряги и грубого, очень требовательного мужа. Достоверно то, что в его несгораемой комнате хранилась крупная сумма денег. Так же достоверно, что этот молодой доктор Эрнст, человек холостой, играл в шахматы с Эмберлеем и, вероятно, выиграл... его жену. Все это кажется совершенно ясным, и можно думать, что тут больше не о чем говорить... И все же!

– В чем же затруднение?

– Может быть, в моем воображении. Но оставим это пока, Ватсон. Бежим из этого скучного мира будничной работы боковым ходом – к музыке. Сегодня в Альберт-холле поет Карина, и у нас еще есть время одеться, пообедать и развлечься.

На следующий день утром я встал вовремя, но две яичные скорлупы и крошки хлеба сказали мне, что мой приятель встал еще раньше. Я нашел на столе нацарапанную записку:

«Дорогой Ватсон. Есть два или три вопроса, по которым я хочу связаться с мистером Джошуа Эмберлеем. После этого мы можем решить, оставить это дело или нет. Я только просил бы вас быть готовым в три часа, так как возможно, что вы мне будете нужны.

Ш. Х.»

Я весь день не видел Холмса, но в назначенный час он вернулся серьезный, озабоченный и рассеянный. В такие часы было благоразумнее его не трогать.

– Эмберлей уже приходил?

– Нет.

– А! Я его жду.

Он не был обманут в своих ожиданиях, так как вскоре старик явился. Его суровое лицо было очень озабочено и выражало недоумение.

– Я получил телеграмму, мистер Холмс. Я ничего не понимаю, – он передал ее Холмсу, и тот прочел вслух:

«Приезжайте сейчас же без задержки. Могу дать вам сведения по поводу вашей недавней потери. *Эльман. Дом приходского священника*».

– Отправлено в два часа десять минут из Литль-Перлингтона, – сказал Холмс. – Литль-Перлингтон в Эссексе, кажется, недалеко от Фринтона. Вы, конечно, сейчас же поедете. Теле-

грамма, очевидно, от ответственного лица, местного священника. Посмотрите, Ватсон, когда отходят поезда?

– Один с Ливерпуль-стрита отходит в пять двадцать.

– Великолепно. Вам лучше всего будет ехать с этим поездом, Ватсон. Ему может понадобиться помощь или совет. Ясно, что мы подошли в этом деле к кризису.

Но наш клиент вовсе не торопился ехать.

– Это просто бессмысленно, мистер Холмс, – сказал он. – Что может этот человек знать о происшедшем? Это только трата времени и денег.

– Он не телеграфировал бы вам, если бы ничего не знал. Сейчас же телеграфируйте, что вы едете.

– Я не собираюсь ехать.

Холмс принял свой самый суровый вид.

– Это произвело бы весьма плохое впечатление на полицию и на меня самого, мистер Эмберлей, если бы вы отказались проследить дающуюся вам в руки нить. Мы сочли бы, что вы не относитесь серьезно к следствию.

Наш клиент, видимо, пришел в ужас от этих слов.

– Да, конечно, я поеду, если вы так смотрите на это, – сказал он, – Кажется нелепым, чтобы этот священник мог что-нибудь знать, но если вы думаете...

– Да, я *думаю*, – с горячностью сказал Холмс, и таким образом мы были отправлены в это путешествие.

Прежде, чем мы вышли из комнаты, Холмс отвел меня в сторону и дал мне указания, которые доказывали, что он считал дело важным.

– Чем бы вы ни были заняты, смотрите, чтобы он непременно ехал, – сказал он. – Если бы он скрылся или вернулся домой, найдите ближайший телефон и передайте только одно слово: «Сбежал». Я устрою здесь так, что мне его передадут, где бы я ни был.

До Литль-Перлингтона нелегко добраться, так как эта станция находится на боковой ветке. Мои воспоминания о путешествии не из приятных. День был жаркий, поезд двигался медленно, а спутник мой был угрюм и молчалив. Он едва разговаривал и только изредка делал иронические замечания по поводу бессмысленности нашей поездки. Когда мы, наконец, добрались до маленькой станции, нам пришлось еще ехать две мили до дома священника, где нас принял в своем кабинете высокий, полный и очень сановитый священнослужитель. Перед ним лежала наша телеграмма.

– Итак, господа, – спросил он, – что я могу для вас сделать?

– Мы приехали, – объяснил я, – в ответ на вашу телеграмму.

– Мою телеграмму?! Я не посылал никакой телеграммы.

– Я говорю про телеграмму, которую вы послали мистеру Джошуа Эмберлею относительно его жены и денег.

– Если это шутка, сэр, то это очень подозрительная шутка, – сердито сказал священник. – Я никогда не слышал про упоминаемого вами джентльмена, и я никому не посылал телеграммы.

Мы с нашим клиентом удивленно переглядывались.

– Может быть, тут какая-нибудь ошибка, – сказал я. – Нет ли тут двух священников? Вот телеграмма, подписанная Эльманом, и в ней дан адрес священника.

– Тут только один священник, сэр, и эта телеграмма – скандальная подделка, происхождение которой, конечно, будет расследовано полицией. Пока же я не вижу обстоятельств, которые могли бы продлить нашу встречу.

И вот мы с мистером Эмберлеем очутились на улице самой захудалой, как мне показалось, деревни в Англии. Мы отправились в телеграфную контору, но она была уже закрыта. Но

на маленькой железнодорожной станции был телефон, и с помощью его я соединился с Холмсом, который разделил наше недоумение по поводу результата путешествия.

– В высшей степени странно, – говорил далекий голос. – В высшей степени странно! Я очень боюсь, Ватсон, что сегодня нет обратного поезда. Я легкомысленно обрек вас на ужасы деревенской гостиницы. Но у вас есть природа, Ватсон, природа и Джошуа Эмберлей. Вы можете быть в близком общении с одним и с другим.

Я услышал его сухой смешок, когда он кончил разговор.

Я скоро убедился, что репутация скряги была заслужена моим спутником. Он ворчал на расходы, вызванные путешествием, настоял на том, чтобы ехать третьим классом, и громко протестовал теперь против счета гостиницы. На следующий день утром, когда мы, наконец, вернулись в Лондон, трудно было сказать, кто из нас был в худшем настроении.

– Вам следовало бы зайти мимоходом на Бейкер-стрит, – посоветовал ему я. – Мистер Холмс, может быть, имеет вам дать какие-нибудь новые указания.

– Если они такие же, как последние, то они немногого стоят, – сказал Эмберлей со злобной гримасой.

Но он все-таки пошел со мной. Я уже предупредил Холмса телеграммой о часе нашего возвращения, но мы нашли записку от него, что он в Льишеме и ждет нас там. Это было неожиданностью, но еще большей неожиданностью было увидеть его сидящим в гостиной нашего клиента в обществе другого человека. Рядом с ним сидел брюнет невозмутимого вида. На нем были дымчатые очки, и в галстук выдавалась большая масонская булавка.

– Это мой друг, мистер Баркер, – сказал Холмс. – Он также заинтересовался вашим делом, мистер Джошуа Эмберлей, хотя мы и работаем независимо друг от друга. Но мы оба должны вам задать один вопрос.

Мистер Эмберлей тяжело опустился на стул. Он чувал надвигающуюся опасность. Я прочел это в его напряженном взгляде и подергивавшемся лице.

– Какой же это вопрос, мистер Холмс?

– Только один. Что вы сделали с трупами?

Человек вскочил на ноги с хриплым криком. Он царапал воздух костлявыми руками. Рот его был открыт, и он походил в это мгновение на какую-то страшную хищную птицу. Перед нами очутился настоящий Джошуа Эмберлей, дьявол в оболочке человека, с душой такой же безобразной, как и его тело. Он снова упал на стул и прижал руку к губам, точно подавляя кашель. Холмс подскочил к нему, как тигр, схватил его за горло и наклонил к земле голову. Из раскрывшихся губ Эмберлея выскочила белая таблетка.

– Не торопитесь, Джошуа Эмберлей. Все надо проделать аккуратно и по порядку. Что вы скажете, Баркер?

– Мой извозчик ждет у дверей, – ответил мрачный человек в дымчатых очках.

– До станции всего несколько сот ярдов. Мы отправимся вместе. Вы можете остаться здесь, Ватсон. Я вернусь через полчаса.

Старый фабрикант красок обладал львиной силой, заключенной в огромном туловище, но в руках двух опытных людей он был беспомощен. Он вырывался и упирался, но его дотащили до поджидавшего у дверей извозчика, а я остался один на страже жуткого дома. Но Холмс вернулся скорее, чем обещал, и с ним был молодой франтоватый полицейский инспектор.

– Я предоставил Баркеру заняться формальностями, – сказал Холмс. – Баркер мой ненавистный соперник на Шеррейском побережье, Ватсон. Когда вы мне рассказывали про высокого черноволосого человека, мне нетрудно было докончить картину. В его пользу говорят несколько хорошо проведенных дел, не правда ли, инспектор?

– Он, без сомнения, принимал несколько раз в них участие, – сдержанно ответил инспектор.

– Его методы не похожи на общепринятые, как и мои. Но такие методы могут иной раз очень пригодиться.

– Быть может, мистер Холмс. Но мы достигаем того же результата, что и вы. Не думайте, что у нас не было собственного мнения об этом деле, и что мы не наложили бы рук на этого человека. Вы извините нас, но нам обидно, когда вы вмешиваетесь с вашими методами, к которым мы не можем прибегать, и подрываете, таким образом, доверие к нам.

– На этот раз не будет подрыва доверия, Мак-Киннан. Уверяю вас, что я в этом деле совершенно ступешиваюсь, а Баркер тут не причем, так как он делал только то, что говорил ему я.

Уверения эти успокоили инспектора.

– Это очень хорошо с вашей стороны, мистер Холмс. Для вас имеют мало значения похвалы или осуждения, но нам неприятно, когда газетчики начинают задавать вопросы.

– Совершенно верно. Но они непременно будут задавать вопросы, и поэтому лучше подготовиться к ответам. Что вы скажете, например, когда сообразительный и предприимчивый репортер спросит вас, что именно возбудило ваши подозрения и убедило вас, в конце концов, в наличии преступления?

Инспектор имел смущенный вид.

– Мне кажется, мистер Холмс, что мы еще не имеем настоящих улик. Вы говорите, что арестованный в присутствии трех свидетелей как бы признается в убийстве своей жены и ее любовника тем, что пытался покончить с собой. А какие же у вас имеются другие улики?

– Вы подготовили обыск?

– Сюда направилось трое полицейских.

– Так вы скоро будете иметь в руках самую главную улику. Трупы не могут быть далеко отсюда. Обыщите сад и погреб. Этот дом построен еще до канализации. Где-нибудь должен быть заброшенный колодец. Попытайте там удачи.

– Но как вы узнали про преступление, и как оно было совершено?

– Я сначала покажу вам, как оно было совершено, а потом объясню. Я считаю это своим долгом перед вами и, в особенности, перед моим многострадальным другом, который оказался совершенно бесполезным в этом деле. Но прежде всего я дам вам заглянуть в мозг убийцы. Ум его более подходит средневековому итальянцу, чем современному британцу. Он был отвратительным скрягой, и так измучил своей мелочностью жену, что она была готовой добычей для любого искателя приключений. Такой человек и явился в лице доктора-шахматиста. Эмберлей был искусным шахматным игроком – признак, Ватсон, тонкого, склонного к интригам ума. Как и все скряги, он был ревнивцем, и ревность превратилась у него в манию. Правильно или ошибочно, но он заподозрил измену. Он решил отомстить и придумал дьявольски хитрый план. Идемте со мной!

Холмс повел нас по коридору с такой уверенностью, как будто сам жил в этом доме. Он остановился у открытой двери в несгораемую комнату.

– Ух! Какой ужасный запах краски! – воскликнул инспектор.

– Это было нашей первой уликой, – сказал Холмс. – Вы можете за это благодарить доктора Ватсона, хоть он и не вывел отсюда никакого заключения. Это дало мне возможность напасть на след. Зачем нужно было этому человеку наполнять в такое время дом сильными запахами? Очевидно, чтобы заглушить другой запах, который он хотел скрыть, какой-то опасный запах, который навел бы на подозрение. Потом – эта комната с железными ставнями и дверью, герметически закрывающаяся комната. Сопоставьте эти два факта, и куда они нас приведут? Я мог решить это, только осмотрев дом. Я уже пришел к убеждению, что дело это серьезное, так как навел справки в кассе Хеймаркетского театра и нашел, что в ряду Б в тот вечер не было занято ни место тридцать второе, ни тридцатое. Отсюда видно, что Эмберлей не был в театре и алиби его рушилось. Он сделал промах, позволив моему проницательному другу заметить

номер билета, взятого для его жены. Теперь возникал вопрос, как бы мне осмотреть дом. Я послал Эмберлея в далекую деревню, и послал в такой час, что он никак не мог вернуться в тот же день. Чтобы предупредить неудачу моего плана, я послал с ним Ватсона. Имя добродетельного священника я взял из своего справочника – Крокфорда. Все ли вам ясно в моем рассказе?

– Это мастерски сделано, – с уважением в голосе сказал инспектор.

– После этого, не боясь помехи, я решил произвести нападение на дом. Слушайте же внимательно, что я нашел. Видите вы эту газовую трубку? Отлично. Она поднимается по углу стены, и вон там вы видите кран. Труба затем проходит в негорючую комнату и кончается в гипсовой розетке посреди потолка. Этот конец широко открыт. В любой момент вы можете повернуть кран и наполнить комнату газом. При закупоренных ставнях и закрытой двери и при отвернутом кране человек минуты через две потеряет в этой маленькой комнате сознание. Какой дьявольской хитростью он их заманил в эту комнату, я не знаю, но, попав туда, они были в его власти.

Инспектор с интересом рассматривал трубу.

– Один из наших людей почувствовал запах газа, – сказал он, – но двери и окна были тогда открыты, а свежая краска уже появилась в комнате. Судя по рассказу преступника, он начал работу уже накануне. Но что дальше, мистер Холмс?

– Потом произошло нечто весьма неожиданное для меня. Я пробирался на рассвете из окна чулана, как чья-то рука схватила меня за ворот и голос произнес:

– Слушай ты, мерзавец, что ты здесь делаешь?!

Когда я смог повернуть голову, то увидел перед собой дымчатые очки моего друга и соперника мистера Баркера. Это было забавное совпадение, и мы оба рассмеялись. Оказалось, что его пригласила семья доктора Рея Эрнста, чтобы произвести следствие, и он пришел к тому же заключению, как и я, что здесь ведут фальшивую игру. Он несколько дней уже наблюдал за домом и отметил доктора Ватсона как субъекта явно подозрительного. Он, конечно, не мог задержать Ватсона, но когда увидел, что из окна чулана лезет человек, выдержке его наступил предел. Я ему, само собой, рассказал, как обстоят дела, и мы продолжали работу вместе.

– Почему же вы пожелали работать с ним, а не с нами?

– Потому что я хотел проделать маленькую пробу, которая и привела к таким великолепным результатам. Боюсь, что вы бы не зашли так далеко.

Инспектор улыбнулся.

– Что ж, может быть, вы правы. Мне кажется, что вы говорили, мистер Холмс, что теперь отступаете и передаете все результаты нам.

– Конечно, у меня всегда такая привычка.

– Так благодарю вас от имени полиции. После ваших объяснений дело кажется ясным, и найти трупы теперь уже будет легко.

– Я покажу вам маленькую, но страшную улику, – сказал Холмс. – Я уверен, что сам Эмберлей не заметил ее. Вы достигнете желаемых результатов, инспектор, если все время будете ставить себя на место другого и представлять себе, что бы вы тогда делали. Для этого необходимо некоторое воображение, но зато результаты получаются хорошие. Теперь представим себе, что вы заперты в этой маленькой комнате, что вам осталось всего две минуты жить, но вы хотите расквитаться с врагом, который, вероятно, издевался над вами за дверью. Что бы вы стали, делать?

– Постарался бы оставить след, сообщить, что со мной произошло.

– Правильно. Вы бы захотели сообщить людям, как вы умерли. На бумаге писать не имело смысла. Это убийца увидел бы. Написанное на стене тоже могло бы остановить его внимание. Теперь вот взгляните! Как раз над плинтусом нацарапано карандашом: «Нас уби...» Вот и все.

– Какой же вы делаете из этого вывод?

– Это написано на высоте фута над полом. Несчастный лежал, умирая, на полу. Он потерял сознание прежде, чем успел дописать.

– Он писал: «Нас убили».

– Я так и прочел это. Если вы найдете на трупе химический карандаш...

– Мы будем искать, можете быть спокойны. Но ценные бумаги? Ясно, что никакого ограбления не было. Но у него ведь были эти бумаги. Мы проверяли.

– Будьте уверены, что он спрятал их в надежном месте. Когда все случившееся перешло бы в область истории, он неожиданно нашел бы эти бумаги, объявил, что виновные раскаялись и вернули похищенное или бросили бумаги где-нибудь по пути.

– Вы, действительно, разрешили все трудности, – сказал инспектор. – Но я не понимаю, почему он обратился к вам?

– Простое молодечество! – ответил Холмс – Он считал себя таким умным и так был уверен в себе, что воображал, что никто ничего не сможет ему сделать. Каждому соседу, заподозрившему его, он мог бы сказать: «Смотрите, какие шаги я предпринял. Я обратился не только к полиции, но даже к Шерлоку Холмсу».

Инспектор рассмеялся.

– Мы должны простить вам это «даже», мистер Холмс, – сказал он. – Я давно не запомню так мастерски проведенного дела.

Несколько дней спустя мой друг протянул мне номер еженедельного «Северо-Шеррейского наблюдателя». Среди ряда бросавшихся в глаза заголовков, начиная с «Ужасов Тихой пристани» и кончая «Блестящим полицейским следствием», шел столбец убористой печати, впервые дававшей последовательный отчет дела. Заключительный абзац типичен для всего отчета. Он гласил:

«Замечательная проницательность, с которой инспектор Мак-Киннан заключил, что запах краски может заглушать какой-нибудь другой запах, например газа; смелый вывод, что несгораемая комната может быть и комнатой, в которой умерли люди, и последовавший затем допрос, который привел к находке трупов в заброшенном колодце, должны жить в истории преступлений, как неизменный пример проницательности наших профессиональных сыщиков».

– Что ж, Мак-Киннан хороший парень, – с добродушной улыбкой сказал Холмс. – Вы можете сложить это в наш архив, Ватсон. Может настать день, когда будет рассказана правда об этом деле.

Женщина с закутанным лицом

Если принять во внимание, что мистер Шерлок Холмс деятельно занимался практикой в течение двадцати трех лет, и что семнадцать из них мне было разрешено работать вместе с ним и вести запись его работ, станет ясно, что в моем распоряжении множество материалов. И задачей для меня было всегда не найти, а выбрать эти материалы. На полке – длинный ряд годовых отчетов, ящики – полны документов. Все это ценности для желающего не только изучать преступления, но и общественные скандалы. Что касается этих последних, я могу сказать, что авторы отчаянных писем, умоляющие о том, чтобы не касались чести их семьи или репутации прославленных родственников, могут быть совершенно спокойны. Холмс всегда отличался скромностью и чувством профессиональной чести. И теперь при выборе записок, ничье доверие не будет нарушено. Но я очень сильно порицаю недавно сделанные попытки уничтожить этот архив. Источник этой дерзости известен, и мистер Холмс уполномочил меня, в случае повторения таких попыток, обнародовать всю историю, касающуюся политического деятеля, маяка и дрессированного баклана. Один из читателей, во всяком случае, поймет меня...

Было бы нелепо предполагать, что каждый из представлявшихся случаев давал Холмсу возможность выказать его удивительный дар наблюдательности, который я старался выдвинуть в этих записках. Иногда ему требовалось много усилий, чтобы сорвать плод, иной раз плод сам падал к нему на колени. Но самые ужасные человеческие трагедии часто скрывались в таких делах, которые давали Холмсу меньше возможностей проявить свой талант. Один из таких случаев я и хочу теперь рассказать. Я только слегка изменил имена и названия местностей, но все факты верны.

Однажды в предобеденный час – это было в начале 1896 года – я получил от Холмса спешную записку, в которой он просил моего содействия. Когда я приехал к нему, я застал Холмса в переполненной табачным дымом комнате. Напротив него, на стуле, сидела пожилая добродушная женщина, тип энергичной хозяйки меблированных комнат.

– Это миссис Меррилау из Саус-Брикстона, – сказал мой друг, указывая на нее рукой. – Миссис Меррилау ничего не имеет против табаку, Ватсон, если вы пожелаете отдаться своим скверным привычкам. Она расскажет вам интересную историю, которая может повести к тому, что ваше присутствие окажется полезным.

– Все, что я могу...

– Вы поймете, миссис Меррилау, что если я приеду к миссис Рондер, я предпочту иметь свидетеля. Вы объясните ей это до нашего приезда.

– Вы очень добры, мистер Холмс, – сказала наша посетительница, – она так желает вас видеть, что вы могли бы привести с собой всю округу.

– Так мы приедем вскоре после обеда. Но давайте проверим имеющиеся у нас факты. Это поможет доктору Ватсону понять положение дел. Вы говорите, что миссис Рондер – ваша жилища в течение семи лет, и что вы за все это время только раз видели ее лицо?

– И как я жалею, что видела его! – воскликнула миссис Меррилау.

– Я понял из ваших слов, что оно было страшно изувечено.

– Да, мистер Холмс, вы едва ли сказали бы, что это лицо. Вот как оно выглядело... Наш молочник случайно увидал ее, когда она смотрела из верхнего окна. Он уронил свой бидон и разлил молоко по всему саду. Вот какое это лицо! Когда я увидела ее, – я неожиданно вошла к ней, – она сейчас же закрылась и сказала: «Теперь вы, наконец, понимаете, миссис Меррилау, почему я никогда не поднимаю вуали».

– Вам известно что-нибудь о ней?

– Ничего.

– Назвала ли она кого-нибудь, у кого вы могли бы справиться о ней?

– Нет, сэр, но она хорошо платила. Не спорила о цене и платила вперед. В наше время такая бедная женщина, как я, не может позволить себе упустить подобный случай.

– Она не говорила, почему именно выбрала ваш дом?

– Он стоит в стороне от дороги и уединеннее других. Кроме того, я беру только одиноких жильцов, и у меня нет своей семьи. Я думаю, что она пробовала селиться в других местах, и у меня оказалось удобнее всего. Она ищет уединения и готова платить за это.

– Вы говорите, что она никогда за все это время не показывала своего лица, и что вы только раз случайно увидели его? Да, это очень странная история, и я не удивляюсь, что вы хотите, чтобы ею занялись.

– Не я хочу, мистер Холмс. Я вполне довольна, пока получаю свои деньги. Я не могла бы найти более спокойной жилицы, с которой было бы так мало хлопот.

– Так что же привело вас ко мне?

– Ее здоровье, мистер Холмс. Она тает на глазах. И в мыслях у нее страшное. «Убийца! – кричит она, – убийца!» – А раз я слышала, как она кричала: «Жестокое животное! Чудовище! Зверь!» – Это было ночью, и крик раздавался по всему дому. Меня трясло от страха. Вот я и пошла к ней утром. «Миссис Рондер, – говорю я, – если что-нибудь смущает вашу душу, так ведь на это есть священник, – говорю я, – и полиция есть. Кто-нибудь из них да помог бы вам». – «Ради Бога, только не полицию! – говорит она. – А священники не могут изменить того, что было. И все же, – говорит она, – меня бы облегчило, если бы кто-нибудь узнал всю правду прежде, чем я умру». – «Что ж, – говорю я, – если вы хотите привести все в исправность, так есть еще этот сыщик, про которого мы читали...» А она так и схватила за это. «Вот кого мне нужно, – говорит она, – как это я никогда не думала о нем? Привезите его сюда, миссис Меррилау, а если он не захочет ехать, скажите ему, что я жена Рондера, у которого был бродячий цирк. Скажите ему это и назовите: Аббас-Парва...» – Вот, она тут и написала: А-б-б-а-с – П-а-р-в-а... – «Это приведет его сюда, если он такой человек, каким я себе его представляю».

– Это меня, действительно, приведет, – сказал Холмс. – Отлично, миссис Меррилау. Я хотел бы перекинуться словечком с доктором Ватсоном. Это займет у нас время до завтрака. Часа в три вы можете ждать нас у себя в Брикстоне.

Не успела наша посетительница проковылять за дверь, – другого выражения нельзя употребить для способа передвижения миссис Меррилау, – как Шерлок Холмс с невероятной энергией набросился на лежавшую в углу груду книг с его записями. В продолжение нескольких минут было слышно только шуршание перелистываемых страниц. Потом он нашел то, что искал, и вскрикнул от удовольствия. Он был так взволнован, что не встал на ноги, а продолжал сидеть на полу, скрестив ноги, точно какой-то странный Будда. Кругом него и на коленях у него лежали огромные регистраторы.

– Этот случай смущал меня уже в те времена, Ватсон. Вот в доказательство мои заметки на полях. Сознаюсь, что я тогда не смог сделать никаких выводов. И все-таки я был убежден, что следователь ошибается. Вы ничего не вспоминаете о трагедии в Аббас-Парве?

– Ничего, Холмс.

– А вы, ведь, были тогда со мной. Но и мое впечатление было очень поверхностное. Не за что было зацепиться, и ни одна из сторон не попросила моих услуг. Может быть, вы бы захотели прочитать бумаги?

– А не могли бы вы сами ввести меня в это дело?

– Это очень легко. Вы наверно все вспомните, когда я начну рассказывать. Рондера, конечно, знали все. Он соперничал с Вомбвелем и Сангером, владельцами лучших в то время бродячих цирков. Но было известно, что он стал пить, и его дело быстро покатилося под уклон. Тогда-то и произошла трагедия. Трупна остановилась на ночь в Аббас-Парве, неболь-

шой деревне в Беркшире. Они были на пути в Вимблдон и просто раскинулись лагерем, не предполагая давать представления. Местечко было так мало, что расходы не окупились бы.

Среди зверей в цирке был великолепный североафриканский лев. Звали его «Королем Сахары», сам Рондер и его жена давали обыкновенно представления внутри клетки. Вот тут фотография, изображающая это представление. Вы здесь видите, что Рондер был огромный мужчина, напоминавший борова, а жена его была роскошной женщиной. На следствии было установлено, что по некоторым признакам льва можно было считать опасным, но, как обычно, привычка делает людей небрежными, и на опасность не обращают внимания.

Рондер и его жена обыкновенно кормили льва ночью. Иногда шел один из них, иногда оба, но они никогда не допускали никого другого, уверенные, что пока они сами кормят дикого зверя, он будет считать их благодетелями и не тронет их. В ту ночь, семь лет тому назад, они пошли вдвоем, и произошел ужасный случай, подробностей которого никогда не удалось узнать.

Кажется, около полуночи весь лагерь был поднят на ноги ревом животного и криками женщины. Артисты и служащие выбежали из палаток с фонарями, и при свете их представилось ужасное зрелище. Рондер лежал ядрах в десяти от клетки. Затылок его был продавлен, и на голове были глубокие следы когтей. Клетка была открыта, и у самой дверцы ее лежала на спине миссис Рондер. Над ней склонялся рычащий зверь. Он так растерзал ей лицо, что не думали, что она выживет. Некоторые из цирковых артистов во главе с силачом Леонардо и клоуном Григсом загнали зверя в клетку прутьями и заперли. Предполагали, что супруги хотели войти в клетку, но когда открылась дверь, зверь бросился на них. Во всем этом случае, интересно то, что когда женщину несли обратно в ее палатку, она кричала в бреду: «Трус, трус!» Она могла дать показания только шесть месяцев спустя, и следствие пришло к выводу, что смерть последовала от несчастного случая.

– Но что можно было допустить другое?

– Вы правы по-своему. Но все же было несколько обстоятельств, волновавших молодого Эдмундса, служившего в беркширской полиции. Это был смекалистый малый! Потом его послали в Аллахабад, в Индию. Он меня и познакомил с этим делом. Зашел как-то ко мне и вынул за рассказом трубку-другую.

- Худощавый белокурый человек?
- Совершенно верно. Я так и знал, что сейчас же наведу вас на след.
- Что же смущало его?
- Да мы с ним оба были смущены. Чертовски трудно было восстановить все происшедшее. Взгляните на это с точки зрения льва. Его освобождают. Что же он делает? Несколькими прыжками приближается к Рондери. Тот поворачивается, чтобы бежать, – следы когтей были у

него на затылке, – но лев бросает его наземь. Затем, вместо того чтобы убежать, лев возвращается к женщине, стоящей у самой клетки, опрокидывает ее на землю и уродует ей лицо. Потом эти крики женщины наводят на мысль, что ее муж покинул ее в опасную минуту. Но что мог несчастный сделать, чтобы помочь ей? Вы видите, в чем здесь странность?

– Вполне!

– Потом еще одно. Я вспомнил эту подробность сейчас. Были показания, говорившие, что в то время, как лев ревел, а женщина кричала, закричал в ужасе и мужчина.

– Это был, конечно, Рондер?

– Но если его череп был размозжен, вряд ли можно было еще услышать его голос. Было, по крайней мере, двое свидетелей, говоривших, что крики мужчины смешивались с криками женщины.

– Я думаю, что в то время кричал уже весь лагерь. Что касается остальных пунктов, то я полагаю, что мог бы найти разгадку их.

– Я рад был бы услышать.

– Муж и жена были вместе в десяти ярдах от клетки, когда лев вырвался на волю. Мужчина повернулся, и лев свалил его наземь. Женщине пришлось в голову прыгнуть в клетку и закрыть за собой дверцу. Это было ее единственным спасением. Она бросилась к клетке, и когда уже добежала до нее, зверь кинулся за ней и опрокинул ее наземь. Она была рассержена на мужа, что он раздражил льва тем, что повернулся. Если бы они встретили опасность лицом к лицу, они могли бы умиротворить льва. Вот что значат ее крики: «Трус!».

– Блестяще, Ватсон! Только одно пятнышко в вашем бриллианте.

– Что же это за пятнышко, Холмс?

– Как мог лев вырваться на волю, если они оба были в десяти ярдах от клетки?

– Нельзя ли допустить, что у них был какой-то враг, выпустивший льва на волю?

– Но почему лев злобно накинулся на них, когда он привык играть с ними и проделывать внутри клетки всякие штуки?

– Возможно, что тот же самый враг нарочно разозлил льва.

Холмс задумался и помолчал несколько минут.

– Ну, что ж, Ватсон... Про вашу теорию можно сказать, что она достаточно правдоподобна. У Рондера было много врагов. Эдмундс говорил мне, что в пьяном виде он был ужасен. Это был какой-то огромный бык, изрыгавший проклятия и бывший всякого, кто попадался ему на пути. Я думаю, что эти крики про чудовище, о которых говорила наша посетительница, были ночными воспоминаниями о дорогом умершем. И все же наши предположения неосновательны, пока у нас не будет всех фактов... На буфете есть холодная куропатка, Ватсон, и бутылка Монтраша. Обновим нашу энергию, прежде чем нам снова придется прибегнуть к ней.

* * *

Когда мы подъехали к дому миссис Меррилау, то нашли толстенькую леди в дверях ее скромного и уединенного жилища. Дверь была совершенно закупорена ее фигурой. Ясно, что главной ее заботой было не потерять хорошего жилища, и прежде, чем провести нас наверх, она стала умолять нас не делать ничего, что могло бы привести к такому нежеланному концу. Успокоив ее, мы последовали за ней по прямой лестнице, покрытой потертым ковром, и вошли в комнату таинственной жилицы.

Комната была небольшая, с затхлым воздухом. Очевидно, ее не проветривали, что и следовало ожидать ввиду того, что обитательница редко покидала ее. Эта женщина, когда-то державшая в клетке зверей, теперь сама, по какому-то странному возмездию судьбы, точно превратилась в зверя, запертого в клетке.

Она сидела в поломанном кресле в углу комнаты. Долгие годы бездействия испортили линии ее фигуры, но когда-то она должна была быть прекрасна. Еще и сейчас в ней оставалась привлекательность. Плотная черная вуаль закрывала ее лицо, но была срезана над самой верхней губой и открывала рот безукоризненной формы и нежный подбородок. Я видел, что это была когда-то замечательно красивая женщина. Голос ее также был очень благозвучен и приятен.

– Мое имя не чуждо вам, мистер Холмс, – сказала она. – Я думала, что оно приведет вас сюда.

– Это так, мадам, но я не знаю, почему вам известно, что я интересовался вашим делом?

– Я узнала это, когда выздоровела, и меня допрашивал мистер Эдмундс, сыщик графства. Боюсь, что я лгала ему. Может быть, было умнее говорить правду.

– Всегда умнее говорить правду. Но зачем вы ему лгали?

– Потому что от этого зависела судьба еще одного человека. Я знаю, что он был негодяем, но все-таки не могла взять на свою совесть погубить его. Мы были так близки, так близки!

– Разве это препятствие теперь удалено?

– Да, сэр. Человек, о котором я упоминала, умер.

– Так почему же вы теперь не расскажете полиции все, что вам известно!?

– Потому что тут нужно считаться еще с одним лицом. Это лицо – я. Я не могла бы вынести скандала и огласки, которые были бы вызваны следствием. Мне недолго осталось жить, но я хочу умереть спокойно. И все же мне хотелось найти здравомыслящего человека, которому я могла бы рассказать свою ужасную историю, чтобы после моей смерти все было бы разъяснено.

– Вы слишком любезны, мадам. Я в то же самое время и ответственное лицо. Я не обещаю вам, что, выслушав вас, не сочту своим долгом изложить это дело полиции.

– Я этого не думаю, мистер Холмс. Я слишком хорошо знаю ваш характер и методы. Ведь, я уже несколько лет слежу за вашей работой. Чтение – единственное удовольствие, оставленное мне судьбой, и я не пропускаю почти ничего из того, что делается на свете. Но, во всяком случае, я решила рассказать вам мою трагедию. Мне станет легче, когда я это сделаю.

– Мы с моим другом будем рады услышать ваш рассказ.

Женщина встала и вынула из ящика стола фотографическую карточку мужчины. Это, без сомнения, был профессиональный акробат, человек великолепно сложенный, снятый со скрещенными на выпуклой груди руками. Губы под пышными усами слегка улыбались. Это была самоуверенная улыбка человека, привыкшего к победам.

– Это Леонардо, – сказала она.

– Леонардо, мадам, который давал показания?

– Тот самый. А это... это мой муж.

Ужасное лицо. Полу человек, полусвинья или, вернее, человек-кабан, потому что зверский вид его был страшен. Можно было представить себе, как этот отвратительный рот рычал и плевался в исступлении, и понятным становилось, что эти маленькие злобные глаза с ненавистью смотрели на мир. Грубость, сварливость, жестокость – все было написано на этом лице с тяжелой нижней челюстью.

– Эти два портрета помогут вам, джентльмены, понять мою историю. Я была бедной цирковой девочкой, выросшей среди опилок арены и прыгавшей сквозь обруч, когда мне еще не исполнилось десяти лет. Когда я стала взрослой девушкой, этот человек полюбил меня, если его грубую чувственность можно было назвать любовью, и в несчастную минуту я стала его женой. С этого дня я очутилась в аду, а он был дьяволом, мучившим меня. Не было ни одного человека в нашем цирке, который не знал бы про его обращение со мной. Потом он покинул меня для других. И когда я жаловалась, он связывал меня и бил хлыстом. Все наши ненавидели его и жалели меня, но что могли они сделать? Все до одного боялись его. Он всегда был ужасен, а когда напивался, способен был убить любого. Его постоянно судили за драки и за жестокое

обращение со зверями, но у него было много денег, и штрафы ничего не значили для него. Все лучшие люди уходили от нас, и цирк стал терять популярность. Поддерживали его только Леонардо и я вместе с маленьким Джимми Григсом – клоуном. Бедняге было мало причин для смеха, но он делал, что мог, чтобы наше предприятие не лопнуло.

Леонардо стал все больше и больше входить в мою жизнь. Вы видите, какой он был? Теперь я знаю, что за ничтожество скрывалось в этом великолепном теле, но, по сравнению с мужем, он казался ангелом. Он жалел меня и помогал мне, пока, наконец, наша близость не превратилась в любовь. Это была глубокая и страстная любовь, о какой я мечтала, но никогда не надеялась сама испытать. Мой муж подозревал нас, но я думаю, что он был не только драчуном, но и трусом, и Леонардо был единственный человек, которого он боялся. Он мстил мне по-своему, истязал меня больше прежнего. Однажды ночью мои крики привели Леонардо к дверям повозки, в которой мы с мужем жили. В эту ночь мы были близки к трагедии, и скоро и я, и любимый мною человек поняли, что она неизбежна. Мой муж не умел жить с людьми. Мы решили, что он должен умереть.

У Леонардо была умная изворотливая голова. План был придуман им. Я говорю это не для того, чтобы осудить его, потому что я сама готова была идти с ним нога в ногу по избранному пути. Но у меня никогда не хватило бы сообразительности придумать такой план. Мы сделали палку – Леонардо сделал ее, и к свинцовой ее головке он прикрепил пять длинных стальных ногтей с загнутыми концами, вытянутыми совершенно, как когти льва. Это оружие должно было нанести моему мужу смертельный удар, оставив доказательство, что это сделал лев, которого мы выпустили бы из клетки.

Ночь была очень темная, когда мы с мужем по обыкновению пошли кормить зверя. Мы несли с собой сырое мясо в цинковом ведре. Леонардо ждал нас за углом большой повозки, мимо которой мы должны были проходить, направляясь к клетке. Он почему-то пропустил момент, и мы прошли мимо него прежде, чем он успел нанести удар. Но он двинулся за нами на цыпочках, и я услышала удар, которым палка разбила череп моего мужа. Сердце мое затрепетало от радости при этом звуке. Я бросилась вперед и раскрыла дверцу большой львиной клетки.

И тут случилось ужасное. Вы, вероятно, слышали, как дикие звери быстро чуют человеческую кровь, и как она их возбуждает. Какой-то странный инстинкт мгновенно подсказал льву, что сейчас убили человека. Когда я отодвинула в сторону решетку, лев выскочил и в то же мгновение бросился на меня. Леонардо мог меня спасти – мог бы усмирить зверя, если бы кинулся на него со своей палкой. Но он вдруг потерял присутствие духа. Я услышала, как он в ужасе закричал, повернулся и убежал. В то же мгновение зубы льва впелись в мое лицо. Его горячее тяжелое дыхание уже отравило меня, и я почти не сознавала боли. Ладонями рук старалась я оттолкнуть пышущие жаром, вымазанные кровью челюсти и звала на помощь. Я поняла, что лагерь заволновался, и смутно вспоминаю, как Леонардо, Григс и другие люди вытащили меня из лап зверя. Это были последние проблески сознания, мистер Холмс, за которыми следуют долгие мучительные месяцы. Когда я пришла в себя и взглянула в зеркало, я прокляла льва... О, как я проклинала его! Не за то, что он погубил мою красоту, а за то, что не погубил и мою жизнь. У меня было только одно желание, мистер Холмс, и на это у меня хватало денег. Я хотела скрыть свое бедное лицо так, чтобы его никто не видел, и жить там, где никто из знавших меня прежде не мог бы меня найти. Это все, что я могла еще сделать, и я так сделала. Несчастное раненое животное, заползшее в нору, чтобы умереть, – вот конец Эжени Рондер.

Некоторое время мы сидели молча после того, как несчастная женщина окончила свою историю. Потом Холмс погладил ее руку с выражением такой симпатии, какую он редко проявлял при мне.

– Бедняжка! – сказал он. – Бедняжка! Но что было дальше с этим Леонардо?

– Я никогда больше не видела его и не слышала о нем. Может быть, я была неправа, что так возмущалась им. Так же невероятно, чтобы он мог любить то, что осталось после льва, как и уродцев, которых мы возили напоказ. Но женщина не так легко забывает свою любовь. Он покинул меня под когтями льва, он бросил меня в несчастии, и все же я не могла заставить

себя отправить его на каторгу. Мне было все равно, чтобы ни произошло со мной. Что могло быть ужаснее моей настоящей жизни? Но я стояла между Леонардо и его судьбой.

– И он умер?

– Он утонул в прошлом месяце, купаясь вблизи Маргейта. Я прочла в газетах о его смерти.

– А что же он сделал со своей палкой с пятью крючками? Эта самая странная и остроумная часть всей вашей истории.

– Не могу вам сказать, мистер Холмс. Вблизи лагеря была меловая яма, а в конце ее глубокий зеленый пруд. Может быть, на дне этого пруда...

– Хорошо-хорошо... Теперь это не имеет особого значения. Дело-то уже закрыто.

– Да, – сказала женщина, – теперь с этим делом покончено.

Мы встали, чтобы идти, но в голосе женщины было что-то, остановившее внимание Холмса. Он быстро обернулся к ней.

– Помните, мисс Рондер: жизнь, какой бы она ни была, прекрасна, – сказал он. – Это ваша судьба, от которой нельзя отречься.

– Кому она нужна, такая жизнь? Или, как вы говорите, судьба.

– Ну, как вам сказать? Пример терпения сам по себе – ценнейший урок для нашего нетерпеливого мира.

Ответ женщины был ужасен. Она подняла вуаль и выступила вперед к свету.

– Я хотела бы знать, перенесли бы вы это?! – сказала она.

Это было ужасно. Слова не могут описать то, что должно было бы быть лицом, когда лица нет. Грустно смотрели два живых и прекрасных карих глаза, и от этого еще страшнее казалось ужасное растерзанное нечто на месте некогда прекрасного лица. Холмс поднял руку с жестом протеста и сострадания, и мы оба вышли из комнаты.

* * *

Когда я два дня спустя пришел к своему другу, он с некоторой гордостью указал мне на маленький синий флакон, стоявший на камине. Я взял его в руки и увидел красную этикетку, какие обычно клеят на яды. Когда я открыл пробку, из флакона донесся приятный запах миндаля.

– Синильная кислота, – определил я.

– Верно. Я получил ее по почте вместе с запиской: «Я посылаю вам свой соблазн. Я последую вашему совету». Вот и все, что было в письме. Думаю, Ватсон, вы легко сможете угадать имя отправителя.

Загадка Шоскомбской усадьбы

Шерлок Холмс долгое время склонялся над микроскопом. Затем он выпрямился и с торжествующим видом оглянулся на меня.

– Это клей, Ватсон, – сказал он. – Без сомнения – клей. Взгляните-ка на все, что в поле зрения на предметном стекле.

Я склонился над прибором и установил фокус для своего зрения.

– Эти волоски – нитки из суконной куртки. Серые массы неправильной формы – пыль. Налево клеточки эпидермы – верхнего слоя кожи. А коричневые шарики посередине – без сомнения, клей.

– Ну, что ж, – ответил я, смеясь. – Я заранее полагаюсь на ваши слова. А разве что-нибудь следует из всего этого?

– Да, это очень тонкая улика, – ответил он. – Вы, может быть, помните, что тогда, в Сент-Панкресе, рядом с мертвым полицейским найдена была кепка. Обвиняемый отрицает, что она принадлежит ему. Но он рамочник, а при этой работе всегда употребляется клей.

– Вы взялись за это дело?

– Нет, мой друг Мэриуэлл из Скотланд-Ярда просил меня поинтересоваться этой историей. Они, кажется, поняли значение микроскопа с тех пор, как я нашел фальшивомонетчика по цинковым и медным опилкам, которые оказались в шве на его манжетах. – Холмс нетерпеливо взглянул на свои часы. – Я поджидаю одного нового клиента, но он запаздывает. Между прочим, Ватсон, вы что-нибудь смыслите в скачках?

– Мне бы следовало знать толк. За эту науку я расплачиваюсь половиной своей инвалидной пенсии.

– Тогда вы будете моим «карманным путеводителем на скачках». Что вы скажете про сэра Роберта Норбертона? Знакомо вам это имя?

– Да, конечно. Он живет в старой Шоскомбской усадьбе. Я это знаю хорошо, потому что одно лето жил в тех местах. Норбертон однажды едва не попал в ваше поле зрения.

– Как так?

– Да когда он избил кнутом и чуть не убил Сэма Брювера, известного ростовщика с Керзон-стрит.

– А, это интересно! Он часто проделывает такие штуки?

– Да, его все называют опасным человеком. Он один из самых отчаянных наездников в Англии. Про таких людей, как он, говорят, что они пережили свой век. Ему бы жить в дни Регентства. Он кулачный боец, атлет, по уши увлечен скачками, любитель красивых женщин, и ему уже нет возврата со скользкого пути.

– Великолепно, Ватсон! Вы дали отличный портрет. Мне кажется, что я знаю этого человека. Можете вы мне что-нибудь рассказать про старую Шоскомбскую усадьбу?

– Только то, что она стоит в центре Шоскомбского парка, и что там находится знаменитый Шоскомбский конный завод, где тренируют лошадей для скачек.

– А главный инструктор там, – сказал Холмс, – Джон Мазон. Не удивляйтесь моей осведомленности, Ватсон. Вот письмо от него. Но поговори еще о Шоскомбе. Мне кажется, что я напал на богатую жилу.

– Могу вам еще рассказать про шоскомбских болонок, – продолжал я. – Про них можно услышать на каждой собачьей выставке. Самая замечательная порода в Англии. Это гордость самой хозяйки старой Шоскомбской усадьбы.

– Вероятно, жены сэра Роберта Норбертона?

– Сэр Роберт никогда не был женат. Это, конечно, к лучшему, принимая во внимание его наклонности. Он живет со своей сестрой – вдовой, леди Беатрисой Фольдер.

– Вы хотите сказать, что она живет с ним?

– Нет-нет. Усадьба принадлежала ее умершему мужу, сэру Джемсу. Норбертон не имеет на нее никаких прав. Это только пожизненное владение и переходит после ее смерти к брату ее мужа. Пока же она пользуется ежегодно доходами.

– И, вероятно, братец Роберт тратит эти доходы?

– Это, должно быть, так и есть. Он просто какой-то бешеный человек и устраивает ей, вероятно, очень беспокойную жизнь. Но я слышал, что она все же любит его. Однако, что же случилось в Шоскомбе?

– Вот это-то я и хочу узнать... А вот, надеюсь, и человек, который может нам все рассказать.

Дверь открылась, и молодой слуга ввел высокого, гладко выбритого человека. Выражение лица его было суровое и властное, какое бывает у людей, которым приходится укрощать буйных мальчишек или лошадей. И тех, и других было достаточно в ведении мистера Джона Мазона, и это оказалось ему по плечу. Он поклонился с холодным спокойствием и сел на стул, на который ему указал мистер Холмс.

– Вы получили мое письмо, мистер Холмс?

– Да, но оно мне ничего не объяснило.

– Это для меня слишком важное дело, чтобы я мог излагать подробности на бумаге. И слишком сложное. Я могу это сделать только лицом к лицу.

– Мы в вашем распоряжении.

– Прежде всего, мистер Холмс, я должен сказать вам, что мой хозяин, как мне кажется, сошел с ума.

Холмс поднял брови.

– Почему же вы это думаете? – спросил он.

– Знаете, сэр, если человек делает одну странную вещь, потом еще другую – это можно чем-нибудь объяснить. Но невольно начинаешь задумываться, когда странно все, что он делает. Я думаю, что ему завертели голову шоскомбский Принц и Дерби.⁵⁷

– У вас в работе жеребец?

– Лучший в Англии, мистер Холмс. Я-то уж знаю в этом толк. Я буду откровенен с вами, мистер Холмс, потому что знаю, что вы человек чести, и все, что я скажу, не уйдет дальше этой комнаты. Сэру Роберту необходимо взять на Дерби приз. Он по горло в долгах, и это для него последний случай выпутаться. Он поставит на эту лошадь все, что смог достать, а это кругленькая сумма. Он только об этой лошади и думает. Вся его жизнь зависит от нее. Если Принц изменит, – он пропал.

– Мне это кажется очень безнадежной игрой. Но в чем же выражаются странности вашего хозяина?

– Да вам стоит только взглянуть на него. Я думаю, что он и ночей-то не спит. Он постоянно в конюшне. Глаза его бегают. Всей этой истории было слишком много для его нервов. А потом его поведение с леди Беатрисой!

– А что же в этом странного?

– Они всегда были лучшими друзьями. У них были одни и те же вкусы, и она любила лошадей не меньше, чем он. Она каждый день в определенный час ездила смотреть на них и больше всех любила Принца. А он всегда поднимал уши, когда слышал скрип колес по песку, и подбегал каждое утро к экипажу, чтобы получить кусок сахара. Но теперь всему этому пришел конец.

– Почему же?

– Да она точно потеряла всякий интерес к лошадям. Уже целую неделю, проезжая мимо конюшен, даже ни разу не сказала «С добрым утром».

– Вы думаете, что между ними произошла ссора?

– Да, и притом какая-то дикая ссора, которая озлобила их. Разве он бы иначе отдал ее болонку, которую она любила, как своего ребенка?.. Он отдал собаку несколько дней тому назад старому Бернсу, который содержит в Крэндоле «Зеленого дракона». Это в трех милях от нас.

– Да, это действительно кажется странным.

– Конечно, при ее слабом сердце и водянке нельзя было ожидать, что она будет его всюду сопровождать. Но зато он каждый вечер проводил в ее комнате два часа. Он, конечно, должен был делать для нее все, что мог, потому что она была для него редким другом. Но теперь и этому пришел конец. Он больше уже не ходит к ней. И она этим очень огорчается. Она задумчива, сердится и пьет, мистер Холмс, пьет как рыба.

– Она пила и раньше, до этой ссоры?

– Да, по стаканчику выпивала, но теперь пьет по бутылке в вечер. Так говорил мне Стеффенс, их дворецкий. Все переменялось, мистер Холмс, точно все у нас пошло прахом. И вот еще: что делает хозяин по ночам в склепе старой часовни? И что это за человек встречается с ним там?

Холмс потирал руки.

– Продолжайте, мистер Мазон. Ваш рассказ становится все интереснее.

– Сам дворецкий видел, как хозяин ходил туда ночью. Было двенадцать часов, и шел дождь. На следующий день вечером я не ложился спать, и хозяин опять ушел. Мы со Стеффенсом пошли за ним следом. Это было нелегко, потому что нам плохо бы пришлось, если бы он нас увидал. Он ужасный человек, когда рассердится, пускает в ход кулаки и никого знать не

⁵⁷ Дерби – знаменитые скачки в предместье Лондона.

хочет. Поэтому-то мы и не решались подходить близко, но все-таки хорошо видели его. Он шел в склеп, а в этом склепе нечисто, сэр. Мы видели, что его там поджидал какой-то человек.

– Что это за склеп?

– Да, в парке, сэр... Там стоит старая полуразрушенная часовня. Она такая старая, что никто не может сказать, когда она построена. А под часовней склеп, сэр, про который ходит у нас плохая слава. Днем там темно, сыро и пусто, и мало найдется людей в наших местах, которые решатся пойти туда ночью. Но хозяин не боится. Он никогда в жизни ничего не боялся. Но что он там делает по ночам?..

– Подождите немножко, – сказал Холмс. – Вы говорите, что там бывает еще один человек? Это, вероятно, один из ваших конюхов или кто-нибудь из домашних. Вам только нужно проследить, кто это, и потом расспросить его.

– Нет, этот человек мне совершенно незнаком.

– Почему вы так уверенно говорите?

– Потому что я видел его, мистер Холмс. Это было в позапрошлую ночь. Сэр Роберт возвращался назад и прошел мимо меня и Стефенса. Мы, как кролики, прятались в кустах, потому что в ту ночь слегка светила луна. Но мы услышали, как тот, другой, шел позади. Его мы не боялись, и когда сэр Роберт ушел, притворились, что просто прогуливаемся при луне, и с самым невинным видом налетели на него. «Эй, приятель, кто вы такой?» – говорю я. Он, думается мне, не слышал, как мы подошли, и оглянувшись на нас с таким лицом, точно увидел самого дьявола, вышедшего из ада. Он закричал и побежал так скоро, как только мог бежать в темноте. А бегать он умеет! Это я признаю. Он исчез в одну минуту, и мы так и не узнали, кто он был.

– Но вы хорошо его разглядели при лунном свете?

– Да. Я бы отделал эту желтую рожу, если бы опять увидел ее. Подлая собака, надо правду сказать. Но что у него может быть общего с сэром Робертом?

Холмс погрузился в думы и молчал. Потом спросил:

– С кем проводит время леди Беатриса Фольдер?

– С ней всегда ее горничная, Карри Иване. Она у нее уже пять лет.

– И, конечно, предана ей?

– Она предана, – ответил он, – только я не скажу, кому.

– А! – произнес Холмс. – Я не могу заниматься сплетнями, как мальчишка. Я прекрасно понимаю вас, мистер Мазон. Положение, конечно, вполне ясно. Из описаний доктора Ватсона я могу заключить, что ни одна женщина не в безопасности возле сэра Роберта. Вы не думаете, что тут и кроется причина ссоры сестры и брата?

– Да, ведь, скандал-то этот стал известен давно.

– Но она могла не замечать этого раньше. Допустим, что она узнала неожиданно. Она хочет отделаться от этой женщины. Брат ей не позволяет. Калека со слабым сердцем, не владеющая ногами, не имеет возможности заставить покоряться своей воле. Ненавистная горничная по-прежнему связана с ней. Леди Беатриса сердится, не желая разговаривать, начинает пить. Сэр Роберт в злобе отнимает у нее ее болонку. Не в связи ли все это одно с другим?

– Да, может быть это и так.

– Но как все это совместить с ночными посещениями старого склепа? Это не имеет ничего общего с нашими предположениями.

– Да. И есть еще обстоятельство, которое не сходится с нашими предположениями. Зачем нужно сэру Роберту выкапывать мертвое тело?

Холмс выпрямился резким движением.

– Мы узнали это только вчера, после того как я написал вам. Сэр Роберт уехал вчера в Лондон, и мы со Стефенсом отправились к склепу. Там все было в порядке, только в одном углу были части трупа.

– Вы, конечно, сообщили в полицию?

Наш посетитель угрюмо усмехнулся.

– Знаете, сэр, я не думаю, чтобы полиции это было интересно. Это всего только была голова мумии и какие-то кости. Им, может быть, тысяча лет. Но их там раньше не было. В этом мы оба со Стефенсом можем поклясться. Кости были сложены в угол и прикрыты доской, но этот угол был всегда пустой.

– Что же вы сделали с этими костями?

– Да мы их просто оставили там.

– Это было умно. Вы говорите, что сэр Роберт уехал вчера? Он уже вернулся?

– Мы ожидаем его сегодня.

– Когда отдал сэр Роберт собаку своей сестры?

– Сегодня как раз неделя. Собака была за старой водокачкой, а сэр Роберт был в это утро не в духе. Он схватил ее, и я думал, что он ее убьет. Потом он отдал ее жокею Санди Бэну и сказал, чтобы он отнес ее старому Бернсу в «Зеленый дракон», потому что не хочет ее больше видеть.

Холмс сидел некоторое время молча, погруженный в думы. Он зажег свою самую старую и прокуренную трубку.

– Я еще не могу себе уяснить, что же вы хотите, чтобы я предпринял в этом случае, мистер Мазон, – сказал он, наконец. – Вы не можете точнее выразить ваше желание?

– Может быть, вот это выразит его точнее, – сказал наш посетитель.

Он вынул из кармана бумагу, развернул ее и показал нам обуглившийся кусок кости.

Холмс стал с интересом рассматривать его.

– Где вы это нашли?

– Под комнатой леди Беатрисы помещается печь центрального отопления. Ее не топили некоторое время, но сэр Роберт стал жаловаться на холод и пожелал, чтобы ее снова растопили. Печью заведует Гарвей, один из моих молодцов. Сегодня утром он принес мне эту кость. Он нашел ее, когда выгребал золу. Кость показалась ему подозрительной.

– И мне тоже, – сказал Холмс. – А вы что скажете, Ватсон?

Кость вся почернела, но не потеряла своей анатомической формы.

– Это часть берцовой кости, – сказал я.

– Совершенно верно. – Холмс стал очень серьезен. – В какое время дня присматривает ваш молодец за печью?

– Он растапливает ее каждый вечер и потом уходит.

– Так что кто-нибудь мог войти туда ночью и потом выйти?

– Да, сэр.

– Туда можно войти снаружи?

– Снаружи есть одна дверь. Есть и другая, она открывается на лестницу, которая ведет в коридор. А в коридоре – комната леди Беатрисы.

Холмс задумался.

– Вы говорите, что сэр Роберт не был сегодня ночью дома?

– Да, сэр.

– Так, значит, если кто-то и сжигал кости, то не он?

– Совершенно верно, сэр.

– Как называется эта гостиница, про которую вы говорили?

– «Зеленый дракон».

– В этой части Беркшира хорошая рыбная ловля?

На лице честного бережтора отразилось недоумение. Он подумал, что в его полную тревог жизнь вошел еще один сумасшедший.

– Да, сэр, я слышал, что в реке водится форель, а в Хольском озере щука.

– Этого вполне достаточно. Мы с Ватсоном замечательные рыболовы, не правда ли, Ватсон? Вы можете искать нас в «Зеленом драконе». Мы будем там, вероятно, сегодня же вечером. Мне не нужно вам говорить, мистер Мазон, что мы не хотим вас там видеть. Но письмо дойдет до вас, и нет сомнения, что я найду вас, если вы мне понадобится. Когда мы углубимся в это дело, я сообщу вам свое мнение.

Вот почему я и Холмс в ясный майский вечер сидели одни в купе и ехали на маленькую станцию Шоскомб. На сетке над нашими головами были нагромождены в невероятном количестве корзинки и разного вида удочки.

От станции Шоскомб мы скоро доехали до старой гостиницы. Хозяин ее Джошуа Бернс сам оказался спортсменом и с увлечением принял участие в наших планах ловли рыбы, водившейся в этих местах.

– Что бы вы сказали про Хольское озеро? Не половить ли нам там щук? – сказал Холмс. Хозяин гостиницы нахмурился.

– Это не годится, сэр. Вы могли бы сами попасть в озеро прежде, чем опомнились бы.

– Как это так?

– Да ведь сэр Роберт никого не подпускает близко к своим конюшням. Он сейчас же погонится за вами. Да, сэр Роберт не стесняется.

– Я слышал, что в Дерби принимает участие его лошадь?

– Да. Это отличный жеребец. А вы сами-то, – он задумчиво посмотрел на нас, – пожалуй, скачками и не интересуетесь?

– Нет, мы просто усталые лондонские жители, которым необходимо подышать чуждым воздухом Беркшира.

– Что же, для этого вы нашли подходящее место. Воздуху тут сколько угодно. Только помните, что я вам говорил про сэра Роберта. Он из тех, что сначала бьет, а потом разговаривает. Держитесь подальше от парка.

– Не беспокойтесь, мистер Бернс. Мы, конечно, будем осторожны. Между прочим, какая замечательно красивая болонка скулит у вас в зале.

– Да, она очень красивая. Это настоящая шоскомбская порода. В Англии нет лучше ее.

– Я сам любитель собак, – сказал Холмс. – Если это не нескромный вопрос, сколько может стоять такая собака?

– Дороже, чем я мог бы заплатить, сэр. Эту собаку мне подарил сам сэр Роберт. Вот почему я и должен держать ее на привязи. Она мигом бы умчалась домой, если бы я дал ей свободу.

– Мы заполучили кое-какие карты в руки, – сказал Холмс, когда хозяин гостиницы вышел. – Наша игра не из легких, но через день или два положение, думаю, может выясниться. Между прочим, я слышал, что сэр Роберт все еще в Лондоне. Может быть, еще этой ночью нам удастся войти в священные места без риска подвергнуться нападению. Есть два или три пункта, в которых я желал бы убедиться.

– Вы уже составили себе известное представление, Холмс?

– Только одно, Ватсон. С неделю тому назад случилось нечто такое, что пробило большую брешь в жизни Шоскомба. Но что это такое? Пока мы можем только догадываться, основываясь на странных и путанных данных. Но они нам помогут. Безнадежны только бесцветные дела... Давайте, вспомним все, что мы знаем. Брат уже не навещает свою любимую больную сестру. Он отдает ее собаку. Ее собаку, Ватсон! Это вам ничего не говорит?

– Только то, что у брата злобный характер.

– Да, может быть, это и так. Или... Можно допустить и другое. Но продолжим обзор с того времени, как ссора, – если тут имеет место ссора, – началась. Леди Беатриса не выходит из своей комнаты, меняет свои привычки. Ее видят только, когда она выезжает на прогулки со

своей горничной; она не останавливается у конюшен, чтобы поздороваться с любимой лошадью, начинает пить. Этим кончается все, что мы знаем.

– Остается еще история со склепом.

– Это другая часть дела. Тут есть две части, и прошу их не смешивать. Часть А, касающаяся леди Беатрисы, отзывается чем-то жутким, правда?

– Я тут ничего не понимаю.

– Теперь возьмем часть Б, касающуюся сэра Роберта. Он так желает выиграть Дерби, что положительно сходить с ума. Он – в руках кредиторов. Его имущество в любой момент могут продать с молотка, и конюшни могут забрать за долги. Он – смелый и отчаянный человек. Средства к жизни ему дает сестра. Ее горничная – покорное орудие в его руках. Пока что, мы, кажется, идем по верному пути?

– Склеп?

– Ах, да, склеп. Допустим, Ватсон, – это просто сумасшедшее предположение, гипотеза, допущенная для обсуждения дела, – допустим, что сэр Робертс покончил со своей сестрой.

– Дорогой мой Холмс, это совершенно недопустимо.

– Очень может быть, Ватсон. Сэр Роберт из приличного круга. Но бывает, что среди орлов случайно находишь стервятника. Давайте же остановимся на минуту на этом предположении. Он не может бежать из этих мест, пока не получит денег денег, а деньги ему принесет только выигрыш на скачках его Принца. Поэтому ему пока приходится оставаться здесь. Ему нужно как-нибудь скрыть труп своей жертвы и найти ей заместительницу, которая бы играла ее роль. Имея сообщницу в лице горничной, это не трудно. Труп женщины могли перенести в склеп, куда редко заглядывали люди, и затем понемногу сжигать в печи. От этого остались бы такие следы, как кость, которую мы уже видели. Что вы на это скажете, Ватсон?

– Да, все это возможно, если допустить основное чудовищное предположение.

– Мне кажется, что мы можем сделать завтра один опыт, который отчасти осветит все это дело. Но пока нам необходимо выдержать роли, и я предлагаю пригласить нашего хозяина на стаканчик его собственного вина. Поговорим о плотве и угрях. Это, кажется, прямая дорога к сердцу нашего хозяина. За беседой мы можем случайно узнать какую-нибудь полезную нам местную сплетню.

Утром Холмс обнаружил, что у нас нет приманок для щуки, и это заставило нас отказаться на этот день от ловли. Часов в одиннадцать мы отправились на прогулку, и Холмс получил разрешение взять с собой черную болонку.

Мы пришли к высоким воротам парка с парящими над ними геральдическими грифами.

– Мистер Бернс сказал мне, – объяснил Холмс, – что леди Беатриса проезжает здесь каждое утро. Экипаж должен задерживаться здесь, пока ворота раскрываются. Когда экипаж будет проезжать через ворота, и прежде чем он поедет быстрее, я хочу, чтобы вы, Ватсон, обратились с каким-нибудь вопросом к кучеру. На меня не обращайтесь внимания, я встану за этим кустом и увижу то, что мне надо.

Нам пришлось недолго ждать. Четверть часа спустя мы увидели вдали большую открытую коляску. Ее везли две великолепные серые лошади. Холмс присел за кустом вместе со своей собакой. Я стоял на дороге, беспечно помахивая тросточкой. Выбежал сторож и раскрыл ворота.

Экипаж ехал теперь шагом, и я мог хорошо разглядеть седоков. Слева сидела очень румяная молодая женщина с льняными волосами и дерзкими глазами. Справа от нее – пожилая особа с круглой спиной, с головой; закутанной в какие-то шали. Было ясно, что это больная старуха. Когда экипаж доехал до меня, я поднял руку повелительным жестом. Кучер остановил лошадей, и я спросил дома ли сэр Роберт.

В ту же минуту Холмс вышел из-за кустов и выпустил собаку. Она с радостным лаем бросилась к коляске и прыгнула на подножку. И в то же мгновение ее радостное приветствие перешло в злобу, и она стала рвать черную юбку старухи.

– Поезжай! Поезжай! – крикнул резкий голос. Кучер хлестнул лошадей, и мы остались одни на дороге.

– Ну, Ватсон, это вышло удачно, – сказал Холмс, надевая на взволнованную собаку ошейник. – Она подумала, что это ее хозяйка, оказалось же, что это кто-то чужой. Собаки не ошибаются.

– Но, ведь, это был мужской голос, – воскликнул я.

– Совершенно верно! Мы приобрели еще одну карту, Ватсон. Но играть нужно все-таки с большой осторожностью.

У моего спутника, очевидно, не было на этот день никаких планов, и мы, действительно, отправились на рыбную ловлю. В результате мы ели за ужином форель, которую сами поймали.

Только после ужина Холмс снова стал действовать. Мы снова очутились на дороге, которая вела к воротам парка. У ворот нас ждала высокая темная фигура, которая оказалась мистером Мазоном, нашим лондонским знакомым.

– Добрый вечер, господа, – сказал он. – Я получил ваше письмо, мистер Холмс. Сэр Роберт еще не вернулся, но я слышал, что его ждут сегодня ночью.

– Как далеко от дома этот склеп?

– С добрую четверть мили.

– Тогда, мне кажется, мы можем не считаться с его приездом.

– Я не могу себе этого позволить, мистер Холмс. Он в первую же минуту после приезда захочет узнать от меня все последние новости про Принца.

– Понимаю! В таком случае, мы должны работать без вас, мистер Мазон. Вы можете показать нам склеп и потом уходите.

Ночь была совершенно темная и безлунная, когда Мазон по лужайкам повел нас к склепу. Мы вошли через обвалившийся вход, и наш проводник, спотыкаясь о груды камней, прошел до угла строения, где крутая лесенка вела в склеп. Он зажег спичку и осветил место печали. Старые стены из грубо обтесанных камней были полуразрушены, в воздухе стоял тяжелый запах. Ряд гробов – некоторые из свинца, другие каменные – высился с одной стороны до самого сводчатого потолка, терявшегося в тени над нашими головами. Холмс зажег свой фонарь, и желтая полоска осветила мрачную картину. Лучи света отражались от крышек гробов, из которых многие были украшены грифами и коронами старого рода, несшего свою гордость даже к вратам смерти.

– Вы говорили о каких-то костях, мистер Мазон. Можете вы их показать, прежде чем уйдете

– Они в этом углу.

Берейтор прошел по склепу и остановился в недоумении. Мы осветили угол.

– Костей больше нет, – сказал он.

– Я так и знал, – усмехнулся Холмс. – Пепел от них, вероятно, и сейчас еще можно найти в печи, которая уже поглотила часть костей.

– Но кому нужно сжигать кости человека, умершего тысячу лет тому назад? – спросил Джон Мазон.

– Вот мы и пришли сюда, чтобы узнать это, – сказал Холмс. – Придется, может быть, долго искать, и нам не нужно терять времени. Я думаю, что к утру вопрос этот будет разрешен.

Когда Джон Мазон покинул нас, Холмс принялся тщательно осматривать гробы. Он начал с очень древнего, оказавшегося гробом саксонца, и через длинный ряд всяких Гуго и Одо дошел до сэра Вильяма и сэра Дэниса Фольдеров, относившихся уже к восемнадцатому столетию. Прошло не меньше часа, пока Холмс добрался до свинцового гроба, стоямя постав-

ленного у входа в склеп. Я услышал довольное восклицание и убедился по торопливым, но уверенным движениям Холмса, что тот достиг цели. Он старательно рассматривал через увеличительное стекло края тяжелой крышки. Потом вынул из кармана долото и поднял им всю крышку, которая придерживалась только несколькими железными скрепами. Раздался режущий ухо звук, когда крышка подалась, но она еще только отчасти открыла содержимое гроба, когда нас неожиданно прервали.

Кто-то ходил в часовне над нашими головами. Это были твердые торопливые шаги человека, пришедшего с определенной целью и хорошо знавшего место, по которому он шел. На лестнице появился свет, и минуту спустя человек, несший этот свет, вырисовался под готическим сводом, как в рамке. Он был огромного роста и производил страшное впечатление. Большой конюшенный фонарь, который он держал в руках, освещал снизу суровое лицо с большими усами и злыми глазами. Глаза эти ошупали каждый уголок склепа и, наконец, зловещим взглядом уставились на меня и моего спутника.

– Кто вы, черт побери?! – грозно раскатился его голос. – Что вы делаете в моих владениях?!

Холмс не отвечал, и человек сделал несколько шагов вперед, подняв свою массивную палку.

– Слышите вы меня?! – крикнул он. – Кто вы? Что вы здесь делаете?

Он замахнулся палкой. Холмс не отшатнулся, а пошел ему навстречу.

– Я тоже хочу вам задать вопрос, сэр Роберт, – сказал он внушительным тоном. – Что это такое? И почему это здесь?

Он повернулся и резким движением открыл гроб за своей спиной. В свете фонаря я увидел труп, завернутый с ног до головы в простыню. Черты лица этого трупа были ужасны. Это было лицо ведьмы со сходящимся носом и подбородком. Мутные глаза пристально смотрели с этого бесцветного и разрушавшегося лица.

Баронет с криком отскочил назад и оперся о каменный саркофаг.

– Как вы узнали про это? – воскликнул он, а затем вызывающе спросил: – И какое вам, собственно, до этого дело?

– Мое имя Шерлок Холмс, – сказал мой спутник. – Может быть, оно вам знакомо. Во всяком случае, мое дело, как и всякого честного гражданина, защищать закон. Мне кажется, что вам придется за многое ответить.

Глаза сэра Роберта засверкали злобой, но спокойный голос Холмса и его холодные уверенные манеры возымели свое действие.

– Клянусь вам, мистер Холмс, – сказал он, – тут все в порядке. Сознаюсь, что этот гроб говорит против меня, но я не мог иначе поступить.

– Я был бы счастлив поверить вам, но боюсь, что вам придется дать объяснения полиции.

Сэр Роберт пожал широкими плечами.

– Что же делать, если это нужно. Пойдемте в дом, и вы сами увидите, как обстоят дела.

Четверть часа спустя мы сидели в комнате старого дома, где хранилась коллекция оружия. Комната была уютно обставлена. Сэр Роберт ненадолго вышел. Когда он вернулся, с ним было еще двое: цветущая молодая женщина, которую мы видели в экипаже, и маленький человек с крысиной мордочкой и неприятными лисьими движениями. Оба были в полном недоумении. Очевидно, баронет не успел им еще рассказать, какой оборот приняли дела.

– Вот, – сказал сэр Роберт, указывая рукой, – миссис и мистер Норлетт. Миссис Норлетт, под девичьей фамилией Ивенс, служила пять лет горничной у моей сестры. Я привел их, потому что чувствую, что мне лучше всего рассказать вам всю правду, и что только эти два человека могут подтвердить то, что я скажу.

– Нужно ли это, сэр Роберт? Подумали вы, что вы делаете? – воскликнула женщина.

– Что касается меня, то я снимаю с себя всякую ответственность, – заявил ее муж.

Сэр Роберт с презрением взглянул на него.

– Я беру всю ответственность на себя, – сказал он. – Теперь, мистер Холмс, выслушайте точный отчет об этом деле. Вы, конечно, далеко забрались в мои дела, иначе я не встретил бы вас там, где вы были. Поэтому вы, вероятно, знаете, что я тренирую для Дерби вороную лошадь, и что все для меня зависит от ее успеха. Все будет хорошо, если я выиграю. Если я проиграю... Но я не решаюсь об этом даже думать.

– Я уясняю себе положение, – сказал Холмс.

– Я в полной зависимости от моей сестры, леди Беатрисы. Но всем очень хорошо известно, что она владеет своими поместьями только пожизненно. Я же весь в лапах у кредиторов. Я всегда знал, что если моя сестра умрет, мои кредиторы налетят сюда, как стая ястребов. Они захватят тогда все: мои конюшни, лошадей! И что ж, мистер Холмс, моя сестра действительно умерла неделю назад.

– И вы никому не сообщили об этом?

– Что же мне было делать? Мне грозило полнейшее разорение. Но все могло еще устроиться, если бы я мог отодвинуть события на три недели. Муж ее горничной, вот этот человек, актер. Нам пришлось в голову... мне пришлось в голову, что он мог бы на такой короткий срок взять на себя роль моей сестры. Нужно было только ежедневно показываться в экипаже, ведь в комнату ее не входил никто, кроме ее горничной. Все это было не трудно устроить. Сестра моя умерла от водянки, которой страдала давно.

– Это определит следствие.

– Ее доктор удостоверит, что у нее уже несколько месяцев были угрожающие симптомы.

– Ну, и что же вы сделали?

– Труп не мог здесь оставаться. В первую же ночь Норлетт и я вынесли его в старую водокачку, которая теперь совсем заброшена. Но за нами побежала ее любимая болонка, и она все время выла у дверей. Я понял, что нужно найти для собаки место поспокойнее. Я отделался от собаки, и мы унесли труп в склеп под часовней. Мы ничем не оскорбляли трупа, мистер Холмс, и я не чувствую себя виноватым перед умершей сестрой.

– Ваше поведение кажется мне непростительным, сэр Роберт.

Баронет нетерпеливо мотнул головой.

– Легко проповедовать, – сказал он. – Может быть, вы оба думали бы иначе, если бы были на моем месте. Разве человек может видеть, как все его планы рушатся в последнюю минуту и не делать попыток спасти их? Мне казалось, что это не будет недостойным ее местом упокоения, если мы временно положим ее в один из гробов предков ее мужа. Мы открыли такой гроб, вынули содержимое и положили ее в него. Это вы и видели. Старые кости, вынутые нами, мы, конечно, не могли бросить в склеп. Норлетт и я взяли их, и он ночью спустился и сжег их в печи. Вот моя история, мистер Холмс, хоть я и сам не понимаю, как случилось, что мне пришлось рассказать ее вам.

Холмс сидел некоторое время молча, углубившись в свои думы.

– В вашем рассказе есть одно темное пятнышко, – сказал он, наконец. – Ваша игра на скачках – и поэтому ваши надежды на будущее – не потерпели бы ущерба от того, что кредиторы забрали бы ваше имущество.

– Так ведь лошадь была бы частью этого имущества. А что им до моей игры? Они, вероятно, совсем бы не пустили лошадь на ипподром. Мой главный кредитор, к несчастью, мой смертельный враг – большой негодяй, Сэм Брювер, которого мне однажды пришлось избить кнутом. Неужели вы думаете, что он захотел бы меня спасти?

– Что ж, сэр Роберт, – сказал Холмс, вставая. – Об этом деле надо, конечно, сообщить в полицию. Моим долгом было осветить все факты, и теперь я принужден дело передать законной власти. Не мне, конечно, судить о нравственности вашего поступка. Уже скоро полночь, Ватсон, и я думаю, что нам пора отправляться назад в наше скромное пристанище.

* * *

Все уже знают теперь, что этот странный случай кончился для сэра Роберта лучше, чем заслуживали его поступки. Принц выиграл Дерби, владелец его получил восемьдесят тысяч фунтов, и кредиторы молчали до конца скачек. Им было уплачено полностью, и сэр Роберт имел еще достаточно средств, чтобы устроить свою жизнь. И полиция, и следователь снисходительно отнеслись к этому делу, и сэру Роберту был только сделан выговор за то, что он вовремя не заявил о смерти сестры. Счастливый владелец Принца вышел невредимым из этого странного дела, и темные стороны его жизни давно затушеваны уважением, которое обычно внушает старость.